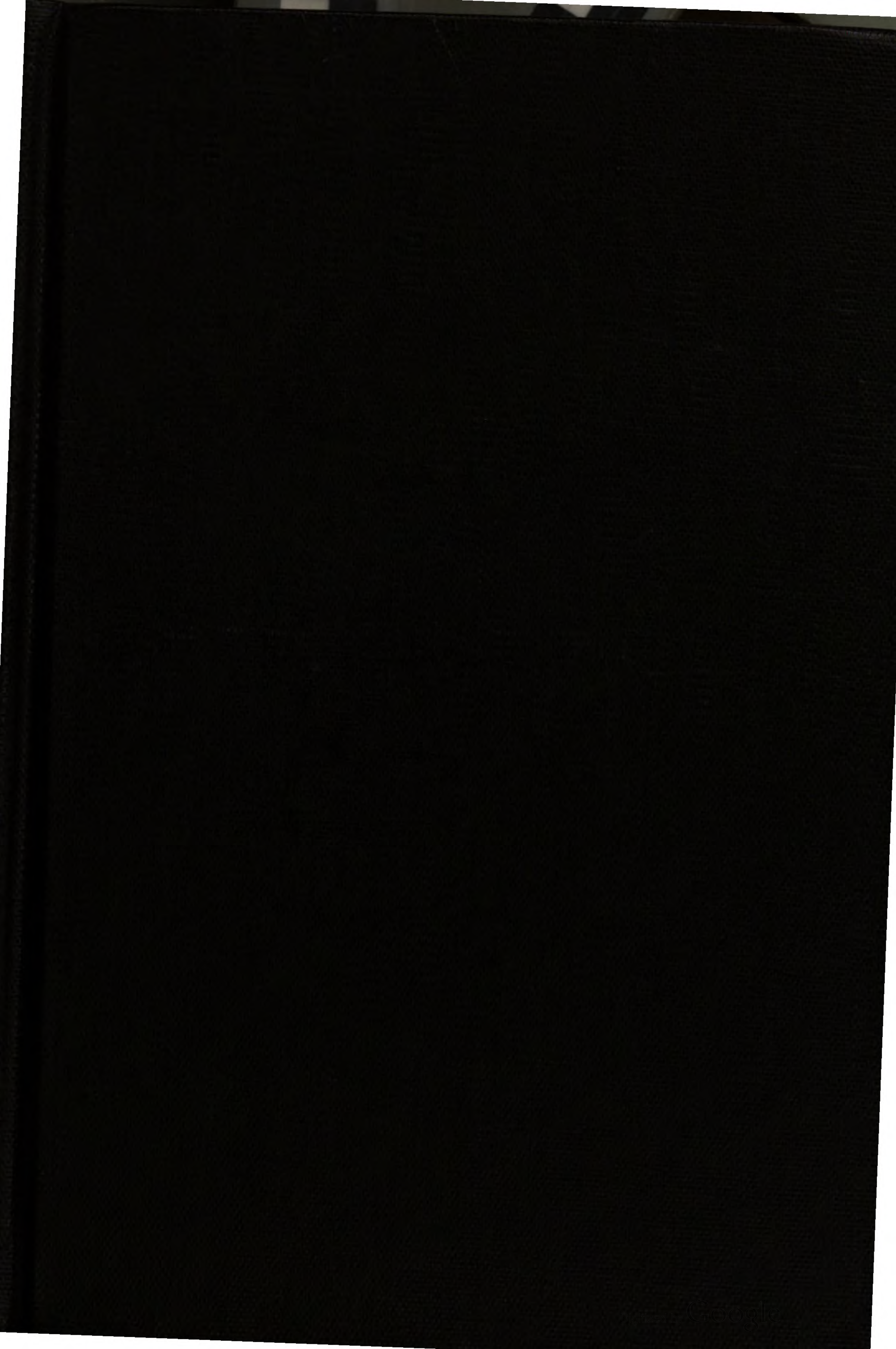


РУССКІЙ АРХИВЪ.

ПОСВЯЩЕННЫЙ

ИЗУЧЕНІЮ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

ИЗДАНЪ ПРИ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ШЕСТЫЙ.

(1868.)

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ВОЕЙКОВА.
1869.

ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ, ВЪ МОСКВѢ, НА МЯСНИЦКОЙ, ДОМЪ № 7-й, МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ

въ 1833 году.

Записки Н. Н. Муравьева-Карсскаго. Изданіе Чертковской библіотеки. 8°. 8 нен., 462, 092, VII и 2 нен. стр. съ рисункомъ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.

СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО,

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. М. 1868 въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 руб.

Выписывающіе прямо изъ Чертковской библіотеки за пересылку ничего не прилагаютъ.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867. (8°. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

изъ собранія Г. Н. Геннади.

Изданіе Русской Фотографіи. Фотографическіе снимки съ пяти рѣдкихъ гравюръ: Императоръ Іоаннъ Антоновичъ, Арсеній Мицкевичъ (въ заточеніи). Княгиня Дашкова (въ ссылкѣ). В. А. Жуковскій (работы Кипренскаго) и Петръ Потемкинъ.

Цѣна 3 руб., съ пересылкой 4 руб.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ШЕСТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

БИБЛІОТЕКАРЕМЪ ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

ГОДЪ ШЕСТЫЙ.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.
1869.

1385. 1386. 1395. 1400. 1403 преслѣдуетъ ректора Пбургской Семинаріи Иннокентія 1384. покровительствуетъ иностраннымъ проповѣдникамъ въ Пбургѣ 1404. 1405. дѣло о книгѣ Госнера 1408. 1409 статья А. Я Булгакова объ его кончинѣ 1451 Жуковскій съ сочувствіемъ о немъ воспоминаетъ 1451 называлъ Сперанскаго «le revenant» 1648. упом. въ пис. Сперанскаго 1734 1753. упом. 1332. 1411. 1836. 1645.

Голицынъ, кн. Дав. Ѳед. 1124.

Голицынъ, кн. Дм. Влад. его столкновенія и неудовольствія съ гр. М. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ 98. 963 письмо къ нему сего послѣдняго 964—967. ходатайствуетъ объ освобожденіи Чаадаева изъ подъ ареста 987 одинъ изъ основателей итальянской оперы въ Москвѣ 1441. 1442 военное поприще 181. 1840. 1846? Свиданіе съ Жуковскимъ въ Дюссельдорфѣ 1147. 1148. уп. 1991.

Голицынъ Младшій, кн. Мих. Мих. фельдмаршалъ, пис. къ нему Петра Великаго 106.

Голицынъ, кн. Серг. Павл. Черниговскій губернаторъ, купилъ принадлежавшій Завадовскому памятникъ гр. Румянцова Задунайскаго и подарилъ его гор. Глухову 1075.

Голицынъ, кн. Серг. Ѳед. упом. въ пис М. Ѳ. Каменскаго 1506. 1512? въ его домѣ жилъ Крыловъ 241.

Голицынъ, кн. Ѳед. Серг. егермейстеръ (262?) 1124.

Голицынъ, князь. Взятъ въ плѣнъ въ Бородинск. сраженіи; бѣгство и спасеніе полковника 1987. 1988.

Голландъ, бар. 466.

Головина, М. I. 1058.

Головинъ, гр. Ник. Ник., уп. 1888. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина. 1892. 1893. 1901, 1902. 1915. 1919. 1922. Супруга его уп. 1922.

Головкинъ, графъ Гавр. Ив. великій канцлеръ 1555.

Головкинъ, гр. Н. Н. 856.

Головлевъ, упом. въ Зап. А. Ѳ. Брокера 1421.

Голохвастовъ, (Дм. Пав.), монографъ 991.

Голубцовъ, Ѳед. Александ. госуд. казначей 1527.

Гольтцъ, г-жа 35. 40.

Гольтцъ, дипломатъ 74. 82.

Гомеръ, Жуковскій его переводитъ 443. 444. Дашковъ—изучаетъ 590 уп. 1524.

Гопъ, голландецъ 1059.

Горбуновъ, уѣздн. стряпч. 1042

Горѣново, село 4—6. 9. 10. 22.

Горсъ, капит., уп. въ донес. гр. Бальмена 1946 1948. 1975. 1977.

Горчаковъ, кн. Андр. Ив. 77. 84. 172 181. 227. 1840.

Госкони, Англичан., 1418. 1419.

Госнеръ, патеръ, 1333. 1349. 1350. 1368—1377. 1387. 1388. Записки Греча 1403—1413.

Гофильдъ, капитанъ, уп. въ донесеніи гр. Бальмена 1943. 1944.

Граббе, убитый во время Польск. возмущенія 1305.

Граве, чиновникъ Кремлевской экспедиціи 899.

Граммонъ, герцогъ 33. 34. 37. 39.

Гревенцъ, губерн. 1423.

Грейгъ, адмир. 1416. 1417.

Грейгъ, (младшій), адмир. 387. 755.

Греки, отзывъ о нихъ Стефана, митрополита Сербскаго 115.

Гречъ, Ник. Ив. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 616. 619. Жуковскаго 843 его Записки 1403—1413 уп. 1819.

Гречъ, Александра Никол., 1407.

Гречъ, Евг. Ив. 1403.

Гречъ, Ольга Никол. 1407.

Грибоѣдова, Нина Александров. 1030.

Грибоѣдовъ, Александръ Серг., его кончина 606.

Григорьевъ, Тимоѳ. Мих., 1515.

Гриммъ, 621.

Гриммъ, упом. въ Зап. А. Ѳ. Брокера 1414. 1415. 1416.

Гринвальдъ, 1435.

Гротъ, Як. Карл., Академикъ, его изданіе Державина 1419. 1491. 1816. его розысканіе о товари-

щахъ Радищева 1815 статья о журнальной дѣятельности Крылова 1818.
Грузино, село 283. 289. Сперанскій называетъ его «святою обителью» 1647. по письмамъ наперсницы гр Аракчеева 1656—1661. 1664. 1666—1673. уп. въ пис. г. Ростопч. 1874.
Грузинскій, кн. 1062.
Груши, 703.
Гугертъ, докторъ 1478. 1481. 1483.
Гудовичъ, гр. Ив. Вас. главнокомандующій въ Москвѣ 94. 95.
Гудсонъ-Лоу, губер. остр. св. Елены 468. 470. 474. 674. 676. 678. 679. 693. 696. 697. 700. 702. 713. 716. 717. 720. 724. 725. 729. 731. 732 734, 1924 — 1931. 1934 — 1939. 1941. 1943—1984.
Гумбольдтъ, 379. 842.
Гунибъ, аулъ 1304.
Гурго генер., уп. въ донес. гр. Бальмена 675. 698—701. 715. 1937. 1940. 1941. 1942. 1946. 1948. 1953—1955. 1957. 1960. 1962. 1966. 1970. 1971. 1974. 1976.
Гурка, А. О. офицеръ Семеновск. п. сообщилъ разсказъ о фельдмаршалѣ Кутузовѣ 2000.
Гурьевъ, гр. Дмитрій Александровичъ, министръ финансовъ 61. 62. 1625.
Гурьевъ, ассесоръ военнаго суда надъ Семеновцами 1826.
Гуслицы, село, имѣніе г-жи Жеребцовой, уп. 1984.
Густавъ IV, кор. Шведск. 1853.
Гуфландъ, докторъ, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1881. 1882.
Гюденъ, ген. 1846. 1860.
Гюббенетъ, профес. хирургіи 402.

*

Даву 919. 929. 1850
Давыдовъ, Влад. Ден. дѣдъ по матери гр. А. А. Орловой-Чесменской 1504. 1524 1525.
Давыдовъ, Ден. Вас. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 656. его встрѣча съ гр. М. Ѳ. Каменскимъ. Сообщилъ подробности внезапнаго удаленія Каменскаго отъ арміи 1492. пис. его къ Жуковскому 975. его свидѣтельства 1852 уп. 1999.
Давыдовъ, управляющій Ливенск. имѣніями гр. Ростопчина 1884. 1896. 1906. 1908.
Давыдовъ, Ив. Ив. проф. Моск. Унив. 1872.
Дадіановскій домъ, въ Москвѣ 902.
Дадьянъ, кн. Екатер. Александр., 1030.
Дазеръ, банкиръ, Сперанскій имѣлъ съ нимъ денежныя дѣла 1696. 1709. 1710. 1712. 1713. 1715. 1729. 1732. 1733. 1744. 1755. 1756. 1762. 1782.
Даламбертъ, 1342.
Даль, Влад. Ив. его словарь 1415.
Даненбергъ, ген., 1032.
Даниловъ, Семенъ, 1047.
Даниловъ, Петръ Андреевичъ 1424.
Даниловъ, маіоръ, его Записки 1560.
Даниловъ, приставъ городск. части въ Москвѣ, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1875.
Данцигъ, осада; подвигъ Фигнера 1998. 1999.
Д'Артуа, графъ 983.
Дахновичи, село 1075.
Дашкова, мать Дмитр. Васильевича ур. Кашинцова 592. 598. 599.
Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ, его письма изъ Буюкдере къ И. И. Дмитріеву 583 — 596 къ нему же изъ с. Тонина 596 — 598. изъ Петербурга 598 — 602. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 607, 611. 614. 615. 617. 620, 624. 626. свиданіе съ нимъ Н. Н. Муравьева передъ отправленіемъ въ Константинополь 752. 753. письмо къ нему Жуковскаго по поводу предполагаемаго ими изданія «Аонидъ» 837—843. его друзья 1436. арзамасское прозвище 1832. упом. 1834.
Деболи, Польскій повѣренный при Петербургскомъ дворѣ 825.
Девель, упом. въ Зап. Инсарскаго 1305.
Деви, капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1944.
Деволанъ, Фр. Павл. 1865.
Девонъ, Капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1924. 1927. 1930. 1931.
Де-Гаве, герцогъ 34. 39
Де-Дука, 66. 70.

Декроа, упом. въ Зап. Инсарскаго 1277.

Делиль, 1128.

Дельвигъ, бар. Антонъ Антоновичъ 143. 145. 146.

Дельсаль (урожден. Салькова), Варвара Егоровна, воспитывалась въ домѣ гр. Ѳ. В. Ростопчина 1901.

Дельсаль, французъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1890.

Демандръ, Антоній, коновалъ, уп. 1436.

Демидовъ, въ 1812 году вооружилъ на свой счетъ полкъ 87.

Деневъ, измѣнникъ 1434.

Депрерадовичъ, генералъ 1034.

Деревково, сельцо 871.

Державина, Екатер. Яковлевна 126.

Державинъ, Д. Б. Мертваго говоритъ о немъ съ признательностью 125. уп. въ Зап. В. И. Панаева 142. памятникъ ему 633. зап. Дмитріева 649. 652. уп. 656. въ пис. И. И. Дмитріева 1098 воспѣваетъ гр. М. Ѳ. Каменскаго 1492 его государственная дѣятельность 1543. 1580. 1581. 1585. 1586. 1589. его мнимый доносъ 1815 сочиненія 1419. 1491. 1816. Запис. 1559. 1576. 1580. 1581. 1586.

Десангленъ, Як. Ив. 1426.

Джанотти, полк. преподавалъ инженерную часть В. кн. Николаю и Михаилу Павловичамъ 340. 364.

Джемсонъ, капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1932. 1933.

Джонсонъ, англ. полковн., 470.

Джонъ, капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1971. 1972.

Дибичь, гр. фельдм. 600.

Дивовъ, Андреянъ Ивановичъ, нижегородск. помѣщикъ; любовь къ нему крестьянъ 1992. 1993. уп. Супруга его 1992. 1993

Дивовъ, д. ст. сов., кавалеръ В. Князей Николая и Михаила Павловичей 340.

Дивовъ, Николай Андреянов., 1676.

Дилаверъ-паша, изъ плѣнныхъ грузинъ 787.

Димитрій (Сулима), преосв. Кишиневскій 942.

Діаконовъ, капит. 802

Д'Эонъ, его Mémoires 319.

Дмитріевъ, Иванъ Гаврил. 589.

Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, пис. къ нему Дашкова 583—602 князя Вяземскаго 602—658 гр. М. А. Дмитріева-Мамонова 962—964. былъ первымъ посѣтителемъ Чаадаева въ самый первый день его опалы 987. его пис. къ Д. И. Языкову 1081.—1102. намекъ Сперанскаго на его стихотворную сказку 1805 «кровный и всецѣлый классикъ» 1836. его басни 1818, посланіе къ нему кн. Вяземскаго 1819.

Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ, Дашковъ поздравляетъ его съ камеръ-юнкерствомъ 597.

Дмитріевъ, Н. Д. 475.

Дмитріевъ, Ѳедоръ Михайловичъ, бывшій професс. Москов. Университета, сообщилъ: пис. Дашкова 583, кн. Вяземскаго 602 и графа М. А. Дмитріева-Мамонова 963. его статья о Сперанскомъ 1527—1656.

Дмитріева - Мамонова, (урожд. кн. Щербатова) гр. Дарья Ѳедоровна 92.

Дмитріева - Мамонова, граф. Марья Александровна 101.

Дмитріева - Мамонова, Прасковья Матв., фрейлина 96. 98

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александръ Матвѣевичъ, 87. 90—92.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Матвѣй Александровичъ, существуютъ ли его Записки? 87—91 очеркъ его жизни 91—102. его письма 962—967 болѣзнь 967—969.

Дмитріевъ - Мамоновъ, Матвѣй Васильевичъ, сенаторъ 92. 93. 96.

Долгорукая, (урожд. гр. Бутурлина), кн. Варвара Александровна 54. 58.

Долгорукая, (урожд. гр. Бутурлина), кн. Екатерина Александровна 54. 58.

Долгорукая, (урожд. Делицына) княгиня Екатерина Александровна, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1878.

Долгорукая, (урожд. Булгакова) Ольга Александр. 1450—1452.
Долгорукіе, князья 1861.
Долгорукій, князь Александръ Николаевичъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1878.
Долгорукій, кн. Вас. Влад. 54. 58.
Долгорукій, кн. Василій Юрьевичъ, 58.
Долгорукій, кн. Ив. Мих. 642.
Долгорукій, кн. (Михаилъ Петровичъ) убитъ въ Финляндіи 1519.
Долгорукій, кн. П. В. ссылки на его Родословную Книгу 1489.
Долгорукій, кн. Юрій Владимір. 54. 58. 1420. одинъ изъ основателей итальянской оперы въ Москвѣ 1441.
Доноровичь, Христофоръ 897. 902.
Дохтуровъ, (Дм. Серг.) ген. 1840, 1846, 1850.
Дретъ, ресторатор, 1434.
Дро, Гумбертъ 898.
Дроновъ, Ив. Петр. Моск. купецъ 899.
Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ, 1432.
Дубенскій, Николай Порфирьевичъ, сенаторъ упом. въ пис. Сперанскаго 1199. 1204. 1696. 1719. 1732. 1765.
Дубровицы, подмосковная гр. Мамонова 88. 92. 97—99.
Думбельтонъ, капит. 720. 723.
Дунашевъ, должникъ гр. Ѳ. В. Ростопчина 1877. 1879. 1881. 1884. 1886—1889. 1891. 1893. 1901.
Дункеръ, докторъ 226. 237.
Дункеръ, 323.
Дурасовъ, Егоръ Александровичъ, сенаторъ 1433 уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопч. 1895. 1898.
Дурова, упом. въ пис. Сперанскаго 1810.
Духоносцы, секта 940. 1345. 1348. 1355.
Дэ (Day) его The Russian Government in Poland 320.
Дювернуа, измѣнникъ 1434.
Дюгазонъ, актеръ, 701.
Дюгамель, гвард. ген. штаба полковникъ назначенъ состоять при Н. Н. Муравьевѣ; порученія на него возложенныя 743; отзывъ о немъ 744. уп. 792.
Дюлонъ, Московскій купецъ, 893. 896.
Дюмануаръ, 382.
Дюпонъ, измѣнникъ, 1434.
Дюронель, губерн. 852.
Дюрокъ, 203. оберъ-гофмаршалъ 220.
Дюссо (Dussault), фр. критикъ 604.
Дюфуръ, 61. 62.

*

Евангеліе, въ русскомъ переводѣ, замѣчаніе Сперанскаго, 1701.
Евгеній, митр. Кіевскій, вызывается въ Петербургъ 941. 942.
Евгеній, принцъ. 1502.
Евдокимовъ, графъ, упом. въ Зап. Инсарскаго 1255. 1269. 1274. 1277. 1286. 1290. 1300.
Евдокія Ѳеодоровна, царица 1060.
Евреевъ, Матвѣй 1044. 1045. 1047.
Евреинова, Марія, уп. въ пис. Сперанскаго 1196.
Едлинскій, командиръ казачьей бригады 1253. 1254.
Екатерина I, импер. 1059, 1566.
Екатерина Великая, импер. 23. 87. путешествіе въ полуденную Россію 90. 91. самозванцы въ ея царствованіе 274. 275. 278—280 (уп. 323. 330. 373). церковныя дѣла 427. одариваетъ семейство де Бальмена 462. 463. свидѣтельства дипломатовъ 824—828. ея комнаты въ Зимнемъ Дворцѣ 849. гр. Ростопчинъ описалъ послѣдній день ея жизни 855. поправляетъ планъ дома Завадовскаго. постр. въ его селѣ Ляличахъ 1075. выводитъ въ люди Безбородка. 1077 увеличиваетъ прогонные платежи 1078 опредѣляетъ Потемкина въ Сvнодъ и даетъ ему инструкцію 1329—1331 «покушенія враговъ Россіи» въ ея царствованіе 1335—1336 указъ о запрещенныхъ книгахъ 1343. 1337; ссылаетъ дѣда Пушкина 1415 покровительствуетъ англичанину Госкони 1418. 1419 (уп. 1421) не расположена къ масонамъ 1328. 1812; по словамъ Жуковскаго съ кн. А. Н. Голицынымъ исчезъ ея вѣкъ 1451; тяготилась бе.

сѣдою съ гр. М. Ѳ. Каменкимъ 1490 ея государственная дѣятельность 1533—1535. 1539—1543. Ея внѣшняя политика 1541. 1551. 1553. 1561. 1562. 1564. 1565. 1567. 1569. 1571 — 1574. 1576 — 1578. 1581—1585. 1598. 1618. 1625. 1631. Радищевъ изъ рукъ ея получаетъ Владиміра въ петлицу. 1814. уп. 1816.

Екатерина Іоанновна, герц. Мекленбурская 107.

Екатерина Медичи, письма ея хранятся въ Импер. Публичной библіот. 321.

Екатерина Павловна, в. кн. упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 28. 31. 32. 36. 40—42. 47. 48. 53—60. 62. 63. 67. 70. 176. 190. 196. 206. 207. 214. 221. 227. 230. 233. 240 пис. къ ней гр. М. А. Дмитріева-Мамонова 103. 104. для нея Карамзинъ написалъ свою политическую записку о Россіи 644. 1643 ея могила 1461. трауръ по ней 1193 уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1875; празднованіе свадьбы ея 1888 уп. 1905.

Екатерины Св. костелъ, см. Санктъ-Петербургъ.

Екатеринодаръ, с. 1075.

Елагина, (Авдотья Петровна), упом. въ пис. Жуковскаго 1460.

Елены Св., островъ 673—675 1924—1984.

Елизавета Алексѣевна, импер. 1114. 1662. Оказываетъ благосклонность гр. Ѳ. В. Ростопчину 1875.

Елизавета Петровна, импер. 272. 274. 276. за нее сватался пр. де-Конти 319. ея мнимая дочь 323 упом. 1061. ея благочестіе 1329 ея указы Лифляндскому вице-губернатору Еропкину 1391. 1392—1394 ея государственная дѣятельность 1539. 1551. 1563. 1564. 1571.

Елизавета Валуа, жена Филиппа II, 321.

Енгіенскій герцогъ 705.

Ермакъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1735.

Ермолаевъ, Иванъ вольноотпущенный, 898.

Ермолаева, 1181 выходитъ замужъ за Бахметева 1187.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, 742. 802, Записки 855 слова, сказанныя ему и. Александромъ I-мъ 1856. 1857.

Еропкинъ, ген. лейт., Лифляндскій вице-губернат., 1391—1393.

*

Жандръ, его сочиненіе 394.

Жезіопре, учитель 1434.

Жерве, (урожд. Амбургеръ), 1127.

Жерве, Андрей Андреевичъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1127. 1132. 1134. 1148. 1157. 1171. 1184. 1192. 1200. 1201. 1203. 1205. 1210. 1727. 1728. 1732.

Жеребцова, уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1984.

Жеребцовъ, П. Н. ген. м. 1847.

Жихаревъ, С. П., его арзамасское прозвище 829. 838.

Жомини, воен. писатель, пользовал. расположеніемъ Александра I-го 1923.

Жуковская, Александра Васильевна, 1480.

Жуковская (урожд. Рейтернъ), супр. Василія Андреев. 1446. 1450. 1451. 1453. 1454. 1456. 1457. 1461. 1462. 1465. 1466. 1467. 1468. 1472.

Жуковскій, Василій Андреевичъ, пис. къ нему В. Кн. Александры Николаевны 107. 108 принимаетъ участіе въ судьбѣ Баратынскаго 146. Письмо къ нему Баратынскаго 147—156 два письма къ кн. А. Н. Голицыну о Баратынскомъ 156—160. отзывъ объ его сочиненіяхъ брата Крылова 260 о пис. его къ В. Кн. Константину Николаевичу 334. отзывъ о немъ кн. Вяземскаго 437. 438. пис. къ кн. Вяземскому 440—444. упом. въ пис. Серг. Льв. Пушкина 456. 457. его грамматическія таблицы 593. уп. въ пис. кн. Вяземскаго 612. 617. 618. 621. 624. 625. 629—631. 634—636. 642. 646. 648. 656 его Бородинская годовщина 733 его пріятельскія отношен. къ Муравьевымъ 810 его сочиненія съ «жадностью» читались воспитанниками Школы Колонново-

жатыхъ 810. 811. его протоколъ 20-го засѣданія Арзамасск. общества 830 — 838. упом. 866 принимаетъ участіе въ судьбѣ стихотворца Мещевскаго 938 упом. въ пис. Каченовскаго 970 пис. къ нему Д. В. Давыдова 975. его замѣчаніе на знаменитое письмо Чаадаева 986. 987. его друзья 1436 съ «особеннымъ пристрастіемъ» сочувствовалъ «сценическимъ выходкамъ» А. Я. Булгакова 1441. письма его къ А. Я. Булгакову 1443 — 1483. свиданіе его съ дочерью Сперанскаго 1699. замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1699. 1700. 1702. Черта его характера 1871. 1872. письма къ нему Карамзина 1827 — 1836 комната въ Николаевскомъ Московскомъ дворцѣ, гдѣ онъ давалъ уроки в. кн. Александрѣ Θеодоровнѣ 1830 всегда былъ озабоченъ мыслію и желаніемъ жениться 1832; о его произведеніяхъ 1837. упом. 1207.

Жуковскій, Павелъ Васильев., 1450. 1451. 1464. 1480.

Жулковскій, Никол. Дмит. 1405.

Журавлевъ, Иванъ Θедоровичъ, умеръ сенаторомъ 1106. 1732.

*

Завадовскій, гр. Петръ Васильев., его село въ Черниговской губерніи 1074. 1075 разсказъ о немъ 1075. 1076 уп. 1586.

Завальное Хаkенѣвка тожъ, Пензенская деревня Сперанскаго 1122.

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ, пис. къ нему Пушкина 973 Жуковскаго 973. 974.

Загряжская, Наталія Кириловна, 1159.

Загряжскій, отставн. шталмейст., 895. 901.

Законодательныя Коммиссіи, въ Россіи, 1629 — 1635.

Закревскій, гр. Арсеній Андреевичъ, принималъ участіе въ судьбѣ Баратынскаго 146 уп. въ Воспоминаніяхъ о Чаадаевѣ 977. 984. 998. 1320. 1328 праздникъ въ маскахъ, устроенный въ его домѣ 1475. Жуковскій поручаетъ А. Я. Булгакову сообщить ему свою мысль по этому поводу 1476. въ перепискѣ съ А. Я. Булгаковымъ 1437. упом. въ пис. гр. М. Θ. Каменскаго 1512. въ пис. о Семеновской исторіи 1824. 1825 г. Уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1920.

Залетовъ, Сергѣй, тит. сов., 898.

Запольская, упом. въ пис. Сперанск. 1798. 1799.

Запольскій, упом. въ Зап. А. Θ. Брокера 1420.

Заремба, докторъ 507.

Захаржевскій, Яковъ Васильевичъ, ген. м. 876. 877.

Захаровъ, частный приставъ 966.

Зееръ, упом. въ пис. Сперанск. 1752.

Зейдель, упом. въ пис. Сперанскаго 1799.

Зейманъ, докторъ 405.

Зенеръ, граверъ 843.

Зенфъ-де-Пильсакъ, бар. 45, 46. 51. 74. 82.

Зиссерманъ, полковн. упом. въ Записк. Инсарск. 1249. 1250. 1255. 1260. 1264. 1278. 1296. 1297. 1298.

Злобина, Маріанна, вышла за мужъ за Имберха 1169.

Злобинъ, Василій Алексѣевичъ, 126.

Зотовъ, графъ 1555.

Зубковъ, прапорщикъ 802.

Зубова (урожден. кн. Суворова), Наталья Александровна, уп. въ пис. отца 1865.

Зубовъ, кн. Платонъ Александровичъ 75. 83. 1857.

Зыкова, упом въ пис. Сперанскаго 1191.

*

Ибрагимъ паша, сынъ Мегмедъ-Али паши, предводительствуетъ войскомъ отца противъ султана Махмуда II-го 735. 749. 754. 792.

Иваницкій, Семенъ 276.

Иванчинъ-Писаревъ, кн. Вяземскій проситъ И. И. Дмитрева заказать ему некрологическтю статью о В. В. Измайловѣ 611.

Ивашкинъ, Петръ Александровичъ оберъ-полицейм. Московскій, 1431—1433. уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1877. 1890. уп.

въ пис. Брокера 1913. 1914.
Иващенцовъ, начальникъ съемки Каспійскаго моря, упом. въ Зап. Инсарскаго 502. 504. 506. 508.
Иванъ Родіоновичъ, камердинеръ гр. Ростопчина 1904.
Игнатій (Смола), членъ св. Сѵнода 1060.
Игнатьевъ, Иванъ Яковлевичъ, секундъ-маіоръ 1864.
Игнатьевъ, Яковъ Васильевичъ, надв. сов. 1864.
Измайловъ, Александръ Ефимовичъ, 144. 145 отзывъ брата Крылова о его басняхъ 260.
Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ, сочувственный отзывъ о немъ кн. Вяземскаго 607. 610. 611. упом. въ пис. И. И. Дмитріева 1086.
Измайловъ, Сергѣй Васильевичъ, 1864.
Измайловъ, комендантъ 1044.
Изралевичъ, Еврей 901.
Изъѣдиновы, дѣло ихъ съ гр. М. Ѳ. Каменскимъ о деревнѣ 1521. 1522.
Иловайскій, Дм. Ив. 882 сообщ. «Изъ диплом. корресп. XVIII в.» 822.
Иловайскій, ген. 885. 887. 890.
Иловайскій, казачій офицеръ, уп. 1996.
Ильинъ, В. Ф. 1671.
Иннокентій, митр. Московскій 374.
Иннокентій, еп. Пензенскій, 932 письмо его къ архим. Фотію 945 упом 1384. 1385.
Иннокентій, архіеп. Херсонскій, его служеніе и проповѣданіе во время крымской войны 399 Записка 412—435.
Инсарскій, Василій Антоновичъ, его Записки 475—514; 1003—1031; 1245—1318.
Ипсиланти, кн., его воззваніе къ Грекамъ 293. 294.
Исаевъ, Иванъ Петровичъ, Московскій купецъ 899.
И—ръ, 1812, 1813.
Исландія, упом. съ пис. Сперанскаго 1758.
Истоминъ, Владиміръ Ивановичъ, адмиралъ, 386. 405. 410. 411. 412.
Ичнеринскіе лѣса, на Кавказѣ 1273. 1274.

*

Іакинѳъ Бичуринъ, 1745.
Іаковъ II кор., 462.
Іелачичь, банъ 122.
Іеронимъ, пр. 220.
Іоаннъ Антоновичъ, импер. 1061.
Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, пожаловалъ предку гр. Ѳ. В. Ростопчина дер. Овечну 1923. Сперанскій совѣтуетъ своей дочери прочитать его Царствованіе, описанное Карамзинымъ 1702.
Іоаннъ, митр. 1059.
Іоаннъ, протоіерей Семіоновскій, въ Петербургѣ духовникъ Сперанскаго 1134.
Іоасафъ, еп. Смоленскій, 1396. 1400.
Іовичъ, бар. 122.
Іовскій, докторъ 460.
Іовъ, мон. Новгородскій 1049. 1050.
Іогель, секр. кн. А. Б. Куракина 222.
Іона, преосв. Тверскій 942.
Іосифъ II, Импер. 90. 330.
Іосифъ, Раячичъ, патр. Сербско-Австрійскій, пис. его къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ 120—123.
Іосифъ, палатинъ, супр. В. К. Александры Павловны 113. 214. 242 уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 55. 59. 60.
Іосифъ, кармелитъ, 1044.

*

К. генералъ, 284. 286.
К... въ, И. П. 1071.
Кабардинскій, полкъ, 1288. 1289. 1293.
Каблуковъ, генералъ, командовавшій отрядомъ кавалергардовъ, во время возмущенія въ Петербургѣ 1820 года, 1823. 1824.
Кавелина (родомъ англичанка), упом. въ пис. Сперанскаго 1172.
Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ, Директоръ Педагогическаго Института, членъ Арзамасскаго общества, 830. 838. Упом. въ пис. Жуковскаго 841. Упом. въ пис. Сперанскаго 1167. 1169. 1172. Упом. въ Запискахъ Греча 1404. Упом. въ пис. Жуковскаго 1466.
Кавелинъ, генералъ, директоръ Пажескаго корпуса 626.

Кавосъ, учитель музыки 1138.

Каджоры, загородное мѣсто подъ Тифлисомъ, 1003. 1009.

Казаки; ихъ значенiе; самозванцы—ихъ орудiе въ борьбѣ съ государствомъ 269—272. Наполеонъ I предполагалъ сформировать отрядъ въ 30.000 казаковъ 1995.

Казаки Донскiе. Мнѣнiе объ нихъ Кавказцевъ 1260. 1261. 1262. 1263. Скачка ихъ, на смотру Турецкаго Султана Махмуда II го, приводитъ всѣхъ въ восхищенiе 790.

Казаки Линейные, въ сравненiи съ казаками Донскими 1260.

Казаки Сунженскiе; ихъ пѣсни 1269. Благоговѣнiе ихъ предъ именемъ Слѣпцова 1270.

Казамажоръ, англiйс. дипломатъ; уп. въ пис. Сперанскаго 1714.

Казимiръ Патеръ, уп. 1435.

Кайсаровъ, Паисiй Сергѣевичь, генералъ 1838.

Калачовъ, Николай Васильевичъ. Ссылка на его «Архивъ историческихъ и «практическихъ свѣдѣнiй, «относящихся до Россiи». 1527. 1559.

Калмыки, нар. 128—132. 1848.

Калуновъ, Иванъ. Упом. въ письм. графа М. Ѳ. Каменскаго 1496. 1497.

Калининъ, Николай Игнатьевичъ, Петербургскiй почтдиректоръ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1882. 1883. 1904. 1915. 1919.

Калькрейтъ, графъ; фельдмаршалъ, Прусскихъ войскъ 61. 63. 65. 69. 73. 74. 77. 81. 82. 85. 183.

Каменка, орловск. имѣнiе гр. Ѳ. В. Ростопчина, уп. 1885. Стеклянный заводъ 1906—1908.

Каменный Островъ, См. С. Петербургъ.

Каменская (бывшая Левшина) графиня Екатерина Ѳеодоровна уп. 1516. 1524.

Каменская, (урожден. Щербатова) графиня Анна Павловна, супруга фельдмаршала М. Ѳ. Каменскаго. 1498. 1502. 1508. 1509. 1511. 1524. 1525. 1526.

Каменская, Палагея Ѳедотовна, сестра фельдмаршала М. Ѳ. Каменскаго 1509. 1524.

Каменскiй, графъ Михаилъ Ѳедотовичь фельдмаршалъ. Письма его къ сыну его графу Н. М. Каменскому: 1489—1528. упом. внучка его 1484. очеркъ его жизни составленъ Бантышъ-Каменскимъ; воспитывался въ сухопут. Шляхетн. корпусѣ; съ отличiемъ участвов. въ Семилѣтней войнѣ; въ сношенiяхъ съ людьми былъ заносчивъ 1489. Екатерина II тяготилась его бесѣдой. Павлу I выражалъ особенную приверженность. Уп. въ запискахъ Энгельгардта, который обвиняетъ его въ лукавствѣ къ Потемкину 1490. Уп. въ Записк. Храповицкаго. По смерти Потемкина произвольно принялъ на себя команд. армiей, за что удаленъ Екатериной отъ службы. Павелъ I произвелъ его въ фельдмаршалы. Впалъ въ немилость и поселился въ своей орловской дер. занимался тамъ хозяйствомъ, математикой, а иногда стихотворствомъ. 1491. Вызванъ въ Петербургъ для войны съ Наполеономъ. Аракчеевъ уважалъ его. Стихи Державина. Внезапно уѣхалъ изъ армiи 1492. Въ супружеской жизни былъ несчастливъ. Насильствен. смерть 1493. 1494. Упом. въ статьѣ «Генералъ графъ Леонтiй Леонтьевичъ Бенигсенъ» 1840. 1843. 1844. 1845.

Каменскiй, графъ Николай Михайловичъ. Упом. въ письмѣ кн. А. Б. Куракина къ Императрицѣ Марiи Ѳеодоровнѣ 35. 40. Письма отъ отца его фельдмаршала М. Ѳ. Каменскаго 1489—1528. Таинственная смерть 1494.

Каменскiй, графъ Сергѣй Михайловичъ. Онъ не былъ любимъ отцемъ своимъ, фельдмаршаломъ Каменскимъ 1493. Умом въ письмахъ фельдмаршала Каменскаго 1503. 1510. 1521.

Каменскiй, графъ Михаилъ Сергѣевичъ, внукъ фельдмаршала 1516. 1518. 1521.

Кампiони, домовладѣлецъ Московскiй 98.

Кампорези. архитекторъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1885. 1889.

Канашевскій, Андрей, причастный къ дѣлу «о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежденнаго французами въ 1812 году» 892. 902.

Канкрина, графиня Екатерина Захарьевна. Письмо къ ней графа Аракчеева 281. 283.

Канкринъ, графъ Ег. Фр. Его мѣткая и живописная рѣчь 609. 610. Упом. въ Запискахъ Н. И. Греча 1410. 1412.

Канроберъ, главнокомандующій французскихъ войскъ подъ Севастополемъ 1677.

Канштатъ, гор. 1461.

Капнистъ, пародіи на его стихи 1092. 1094.

Капо д' Истріа, графъ Августинъ. 302.

Капо д' Истріа, гр. Іоаннъ Антоновичъ. Упом. въ запискѣ Н. А. Райко 302—305. Упом. въ письмѣ Райко 311—313. Письмо его къ графу Бенкендорфу 315—317. Упом. въ письмѣ Д. Дашкова 592. Отрывокъ изъ его депеши къ Государю 982. Упом. 1438.

Капустинъ, Московскій купецъ 892.

Капцевичъ (Петръ Михайловичъ) воспитанникъ 2-го Кадетскаго Корпуса 1072.

Карамзина (урожд. Шернваль, въ первомъ бракѣ за Демидовымъ), Аврора Карловна, уп. въ пис. Жуковскаго 1464.

Карамзина, Екатерина Андреевна. Упом. въ письм.: Жуковскаго 440. 441. Д. Дашкова 594, Карамзина къ Жуковскому 1827. 1831. кн. П. А. Вяземскаго 618. 623. 630 641. 648. 653.

Карамзина, Софья Николаевна. Пожалована фрейлиною 597.

Карамзина, Наталья Николаевна, упом. въ письмѣ Карамзина къ Жуковскому 1827.

Карамзина, Наталья Николаевна, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.

Карамзинъ, Александръ Николаевичъ, студентъ Дерпт. Ун. 623, его служба въ гвардейской артиллеріи 646.

Карамзинъ, Андрей Николаевичъ. Студентъ Дерптскаго Универс. 623. Опасно болѣнъ 641. 646. Уп. въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго 653.

Карамзинъ, Владиміръ Николаевичъ. упом въ письмѣ Жуковскаго 1466.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ. Жилъ въ домѣ кн. А. И. Вяземскаго въ Москвѣ 100. Упом. въ пис. Л. А Крылова 259. О письмахъ его къ Константину Павловичу 290. Письма его къ Константину Павловичу 290—292. Упом. 336. Упом. въ письмахъ: Жуковскаго 440. 839. Д. Дашкова 589—594. 597. 601. кн. П. А. Вяземскаго 603. 606. 609. 611. 612. 623. 624. 628. 629. 644. 649. Его Исторія съ жадностію читалась воспитанниками Школы Колонновожатыхъ 810. Упом. въ протоколѣ 20-го Арзамас. засѣданія 831. Упом. 937. Отзывъ о немъ М. Каченовскаго 972. Ходатайствуетъ предъ Александромъ I-мъ за Пушкина 977. 978. Вліяніе его на современную ему литературу 987. 989. Упом. въ письмахъ. И. И. Дмитріева 1086. 1089. 1091—1093. 1101. 1102. Двѣ записки его къ Д. Языкову 1103. 1104. Уп. 1531. Его записка «о старой и новой Россіи» 1617. 1638. 1642. 1643. Упом. въ пис. Сперанскаго 1702. Его письма къ Жуковскому 1827—1836. Строгъ къ стихотворцамъ и къ стихамъ 1836. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.

Карамзины, упом. въ письмахъ: Д. Дашкова 597. 599. 601; кн. П. А. Вяземскаго 608. 611. 614. 618. 622. 623. 626. 629. 630. 633—635. 646. 648. 658. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.

Карамышевъ, Модестъ Дмитріевичъ, воспитанникъ Царскосельскаго Лицея 875.

Карезинъ, Иванъ Ивановичъ, штабсъкапит. Упом. въ письмѣ фельдмарш. Каменскаго 1502.

Кареховъ, Алекс. Упом. въ письмѣ къ графу Аракчееву 1665.

Карлъ, князь мекленбургскій; уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина, 66. 70.

Карлъ VI, король французскій 269.

Карлъ VII, король французскій 269.

Карлъ X, король французскій 746. 983.

Карлъ XIII, кор. шведскій, прислалъ гр. С. Ѳ. Ростопчину орденъ Меча 1875.

Карлъ, эрцъ-герцогъ австрійскій уп. 1991.

Карльсбадъ. гр. Ѳ. В. Ростопчинъ засталъ здѣсь нѣсколько Русскихъ, пользующихся водами 1884.

Карнѣевъ, Михаилъ, московскій купецъ 901.

Каролина (урожд. принцесса баварская), супруга австрійскаго. Импер. Франца I-го. 47.

Кастельчикалла, князь, неаполитанскій посл. при Людовикѣ XVIII-мъ 1819.

Каховскій, (графъ Михаилъ Васильевичъ); назначеніе его главнокомандующимъ 1491.

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ. Его «Вѣстникъ Европы» съ жадностію читался воспитанник. Школы Колонновожатыхъ 810. Два письма его 970—972.

Кашкинъ, Д. Е. Упом. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 652.

Квакеры, въ Петербургѣ; ихъ ученіе 1349.

Келимъ-эффенди, провіантмейстеръ 772. 773.

Келлеръ, Андрей (Генрихъ), иностранецъ, проживавшій въ Москвѣ 897.

Кеневичъ, В. Ѳ. его біографическіе очерки: Льва Андреевича Крылова 239 — 266 и Ивана Андреевича Крылова 860, 1816. «Библіографическ. примѣчанія къ баснямъ Крылова» 1817.

Кенжинъ, суконщикъ, соучастникъ Батуринскаго заговора. 276—278.

Кенигсбергъ, гор. 35. 40. 72—74. 77—82. 85. 86.

Кенигъ, ссылка на его «Literarische Bilder aus Russland.» 147. 870.

Кетовъ, гренадеръ, соучастникъ Батуринскаго заговора 276—278.

Кингстонъ, герцогиня 824.

Кинглекъ, членъ англійск. парламента, его «Исторія Крымской войны» 1676—1680.

Кингъ, капитанъ англійск. корабля «Корнвалисъ» 693. 706.

Киннерслёй, старинная англійская фамилія 1448.

Кикинъ, ссылка на его разсказъ 1858.

Киргизы, нар. 1689.

Кирьяковъ, А. А. его домъ въ Москвѣ 100.

Кирѣевскій, Ив. Васильевичъ, замѣчаніе кн. Вяземскаго по поводу запрещенія его «Европейца» 616. 617. Упом. въ пис. Жуковскаго 1477.

Киселевъ, Н. С. его замѣтка: «существуютъ-ли Записки графа М. А. Мамонова?» 87 – 91. Сообщилъ «Дѣло о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежден. французами въ 1812 году» 881—903.

Киселевъ, Дмитрій Ивановичъ. Письма къ нему гр. Ростопчина 855. Ссылка на эти письма 1873. уп. 1895.

Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ 821.

Кисловка, деревня 11. 18. 20. 21.

Китай, страна 1747.

Китайская торгов. 1702.

Кичеевъ, Г. М. учитель Россійской словесности гр. Мамонова 91—93.

Кичеевъ, П. Г. его разсказъ «Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ» 91—102. 962. 963. Его статья о Баратынскомъ 860—872.

Кишинскій, упом. въ пис. Сперанскаго 1715.

Кишинскіе, упом. въ пис. Сперанскаго 1180.

Кіевъ, гор. Екатерина II нашла, что улицы его грязны и постройки неизящны 90.

Клаверингъ, француженка 724.

Классенъ, коммерціантъ въ Архангельскѣ; въ его домѣ останавливался Александръ I-й 1414.

Классенъ (урожден. Брокеръ) Дарья Ѳоминишна 1414.

Клеверингъ леди, уп. въ донес. гр. Бальмена 1964. 1969.

Клейнмихель, гр. Петръ Андреевичъ; ген.-адъют.

Присутствуетъ на похоронахъ Аракчеева 956. 957. Уп. въ письмахъ къ Аракчееву 1672. 1673.
Клермонъ, измѣнн. 1434.
Клингспорнъ, поручикъ; упом. въ пис. фельдмаршала Каменскаго 1514. 1517.
Клодель, учитель 1435.
Клоповъ, управитель г.г. Лазаревыхъ: упом. въ пис. Сперанскаго 1185.
Клопштокъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1152. 1185. 1189.
Клушинъ, Александръ Ивановичъ; участвовав. въ изданіи журн. «Зритель» 240. Упом. въ письм. къ И. А. Крылову 243. 245. Участ. въ изд. журн. «С. Петербургскій Меркурій» 862.
Ключаревъ, Андрей, комисаріатскаго штата комисаръ 901.
Ключаревъ, Ѳедоръ Петровичъ, почтдиректоръ въ Москвѣ; масонъ. 887. 1427. Удаленъ Ростопчинымъ изъ Москвы 1428. 1430. Уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1876.
Ключаревъ, сынъ почтдиректора 887. Подозрѣвается въ масонствѣ 1430. Сосланъ въ Воронежъ 1431.
Кничанинъ, сербскій полковникъ 121.
Кноррингъ, Богданъ Ѳедоровичъ, ген. отъ-инф. Упрашиваетъ фельдм. Каменскаго возвратиться къ арміи 1844. 1845. 1850. 1851. Его авторитетъ въ войскѣ 1855. Замѣчанія его о Кутузовѣ и Румянцовѣ 1857.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ уп. 1815.
Княжнинъ, генералъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1707.
Кобылина, упом. въ пис. фельдм Каменскаго 1501.
Кожина, упом. въ пис. Сперанскаго 1178.
Кожинъ, генералъ; упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 66. 70.
Козакова, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1889.
Козловскій, совѣт. Пушкину перевесть Ювеналову сатиру «Желанія» 655.
Козловскій, Алексѣй Семеновичъ, оберъ-прокуроръ Сунода 1331.
Козловъ, Иванъ Козьминъ, московскій купецъ 894. 896.
Козодавлева, (рожден. кн. Голицына) Анна Петровна. Упом. въ письмахъ Сперанскаго 1134. 1135.
Козодавлевъ Осипъ Петровичъ. Уп. въ письмахъ Сперанскаго 1134. 1686. Аракчеевъ относился къ нему очень неуважительно 1874. Уп. въ пис. гр. Ѳ В. Ростопчина 1879. 1886. 1899.
Кокбурнъ, англійскій адмиралъ. Упом. въ донесеніяхъ и друг. бумагахъ гр. де Бальмена 669. 676. 694. 697 699. 1956. 1959. 1963. 1967. 1968. 1970. 1971.
Кокошкинъ ген.-адъют. Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ 846.
Кокошкинъ. Его статья: «Уніатская оппозиція въ Подлясьи» 108.
Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, директоръ Московскаго театра. Кн. Н. Б. Юсуповъ не любилъ его и преслѣдовалъ насмѣшками 1442.
Коледино, село. уп. въ пис. митроп. Филарета Моск. 137.
Коленкуръ, француз. дипломатъ. Упом. въ письмахъ. кн. Куракина 203. 208; кн. П. А. Вяземскаго 658. Былъ друженъ съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ 895.
Колингвудъ, англійскій адмиралъ 382. 395.
Коллегіи, характеръ и значеніе ихъ въ Россіи 1552—1553. 1555. 1558. 1559—1561.
Коллоредо, князь, австрійскій дипломатъ 1321.
Кологривовъ, Петръ Александровичъ 602. Упом. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 606.
Колонновожатыхъ Школа. Воспоминанія о ней Н. В. Басаргина 794—822.
Колосовскій, интендантъ Кавказской арміи 1311.
Колошинъ, Петръ Ивановичъ, гвардіи подпоручикъ, преподаватель въ Школѣ Колонновожатыхъ 802.
Колтовской, маіоръ. Письмо его И. А. Крылову 263.
Колычевъ, посланникъ при Французск. Дворѣ 928.
Коль, упом въ пис. Сперанскаго 1127.
Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ; письма къ кн. П. А. Вяземскому 458. 459. 460, 461. Его стихотво-

реніе переведено на нѣмецкій языкъ 634.
Кольчугинъ, Григорій Никитинъ, Московскій купецъ 897.
Колюбякинъ, офицеръ Семеновскаго полка 1420.
Комаровскій графъ Евграфъ Ѳедотовичъ, 259. 260 ссылка на его Записки 59. 1038—1040.
Комидасъ, испанецъ 780.
Комненъ, состоялъ при послѣ Татищевѣ въ Испаніи 301.
Коновницынъ, гр. Петръ Петровичъ, упом. въ пис. Имп. Маріи Ѳеодор. 356. 362. 363. 364. 1857. 1858. упом. въ пис. фелдм. Каменскаго 1516.
Конради, упом, въ пис. Сперанскаго 1730.
Константинова, Анна Алексѣевна; въ нее б. влюб. И. А. Крыловъ и безуспѣшно просилъ ея руки 860—866.
Константинова, (урожд. Ломоносова) Елена Михайловна 863.
Константинова, Елена Михайловна 863.
Константиновъ, придворный библіотекарь 863.
Константиновъ, Михаилъ Васильевичъ, орловскій помѣщикъ 863.
Константантиновы, гордятся родствомъ своимъ съ Ломоносовымъ 864.
Константинополь, гор. блокада адмирала Сенявина 51. Убійства христіан. 596.
Константинъ Николаевичъ, В. Кн. Ген.-Адмиралъ; рекриптъ адмиралу Нахимову 396. Уп. 878 Уп. въ пис. Жуковскаго 1463.
Константинъ Павловичъ В. Кн. упом. въ пис. Кн. А. Б. Куракина 46. 52. 70. 75—77. 83—85. 169. 189. 230. 240. Письма Карамзина и гр. Аракчеева, отвѣты на нихъ 290—293, принимаетъ участіе въ судьбѣ Грековъ; письмо Шульгина съ приложеніемъ «воззванія къ Грекамъ князя Ипсиланти 293. уп. 306. Принялъ отъ Наполеона I орд. Почетнаго Легіона 220. Бумаги его расхищены въ Варшавѣ, во время возмущенія 648. Его портретъ въ Зим. Дворцѣ 849. Проектъ русской конституціи, найден. въ его бумагахъ 982. «Замѣтки» о немъ Ульянова 1031 — 1038 упом. 1069. 1991. Передъ Кульмскимъ сраженіемъ воодушевляетъ гвардейскихъ солдатъ 1997.
Констанъ, Веньяминъ; публицистъ; ненависть къ нему гр. Ѳ. В. Ростопчина 1674. 1675.
Конти, французск. принцъ 319.
Контъ, Огюстъ 324.
Коншъ, Московскій купецъ 1435.
Конюховъ, Андрей, чиновникъ Московск. оберъ-егермейстердк. вѣс. 897.
Коняевъ. Василій Ѳедоровъ, Московск. купецъ 897.
Коппъ, докторъ, упом. въ письмахъ Жуковск. 1454. 1467. 1468. 1481.
Копьевъ, авторъ комедіи «Лебедянская ярмарка» 1818.
Корбелецкій, кол. ассес. 901.
Корниловъ, Владиміръ Алексѣевичъ, адмиралъ; его оцѣнка Синопскаго сраженія 387, 388; поручена оборона сѣверной стороны Севастополя, потомъ—южной 394. уп. 405. упом. въ пис. адмирала Нахимова 410. Желаніе быть похороненнымъ около Лазарева, что̀ и было исполнено 412. упом. въ пис. Н. Краббе 878. упом. 1676 скорбь по случаю приказанія затопить часть судовъ Черноморск. флота 1678. Вліяніе на подчиненныхъ 1679. Разница между имъ и Тотлебеномъ 1680.
Коробовъ, Петръ Московс. купецъ 894. 896.
Коробовъ, Павелъ Петровъ, купеческій сынъ 899.
Короткой, упом. въ пис. къ гр. И. А. Мусину-Пушкину 1047.
Корсуновъ, его «Александръ Николаевичъ Радищевъ» 1816.
Корфъ, баронъ Модестъ Андреевичъ, директоръ имп. публичн. библіотеки въ Петербургѣ, уп. 337. Его «Жизнь гр. Сперанскаго» 1103. 1528. 1532. 1536. 1633. 1642.
Костыревъ, морской офицеръ, уп. 400.

Котельниковъ, Евлампій, есаулъ, основатель секты *Духоносцевъ*, на Дону, 1345; его «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи «внутреннему влеченію духа Христова». 1345. 1358—1367. бесѣды съ Аракчеевымъ и Фотіемъ 1346. 1347. Его ученіе 1346—1349. Рукописи 1355. уп. въ запискахъ Фотія 1391.
Котлубицкій, Никол. Осиповичъ, генер.-адъютантъ Павла I-го, упом. въ «Разсказахъ о старинѣ» Ханенки 1069—1072.
Котлы Верхн. и Нижніе, подмосковныя деревни, уп. 810.
Кохрэнъ, Джонъ, англичанинъ-путешественникъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1779.
Кочранъ, морякъ, уп. 729. 732.
Кочубей, (урожден. Васильчикова) графиня Марья Васильевна, уп. въ пис. Сперанскаго 1159.
Кочубей, графиня Марія Васильевна, лестные отзывы о ней Сперанскаго 1164. 1165. 1195. 1196. 1751. 1797.
Кочубей, графъ Викторъ Павловичъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 627. Уп. въ пис. Сперанскаго 1159. 1188. Покровительствуетъ Сперанскому 1538. Письмо Александра I о безпорядкахъ въ Россіи 1541. 1542. Пользуется особымъ довѣріемъ Алексан. I-го 1544. Упом. въ пис. Сперанскаго 1720. 1734. 1753.
Кочубей, Семенъ Михайловичъ, Полтавскій губерн. предв. дворянства, извѣст. своею расточительностью 1072—1074.
Кочубей, графъ жилъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ лордомъ Пемброкомъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1912.
Кошелевъ, Родіонъ Александровичъ, масонъ, уп. въ пис. А. Б. Куракина 46. 51.
Кошкаровъ, капитаръ Семеновскаго полка, уп. 1820.
Краббе, Н. К., управляющ. морск. министерствомъ, его письмо по поводу ст. «Изъ Записокъ Севастопольца» 877. 878.
Край, содержатель типографіи, уп. въ Запискахъ Греча 1410.
Краковская г-жа см. Браницкая.
Кракъ, измѣнникъ, уп. 1436.
Красновичи, село, упом. 1075.
Красовскій, ценсоръ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 599.
Крейтонъ, лейбъ-медикъ, упом. въ письмахъ кн. А. Б. Куракина 66. 70. 213. 221.
Кремеръ (урожденная фонъ-Фокъ), уп. 1112.
Кремеръ, Петербургскій негоціантъ, уп. въ пис. Сперанск. 1112. 1140. 1171. 1184.
Кремлевскій дворецъ, см. Москва.
Кремневъ, Гаврила, самозванецъ 275.
Крестьяне помѣщичьи, *Нижегородск. губерніи*; ихъ преданность и любовь къ своему помѣщику (г. Дивову) 1992. 1993.
Московской губерніи: энергически защищались отъ французовъ въ 1812 году, за что съ нѣкоторыхъ содрана кожа, 1984. Крестьяне д. Гуслицъ (г-жи Жеребцовой) убив. купцовъ, пришедшихъ къ нимъ изъ Москвы для закупки припасовъ для французовъ 1984. Крестьяне с. Бунькова (г-на Рюмина) убили 18 своихъ товарищей за то, что они торговали съ французами 1984.
Смоленской губ. Порѣцкой волости, ихъ замѣчаніе объ убит. въ 1812-мъ году французахъ 1922.
Орловской губ.: крестьяне с. Воронова (гр. Ростопчина), лѣнивы, неблагодарны и занимались разбоемъ въ 1812 году, 1886.
Новгородской губ. крестьяне с. Грузина, вступали въ браки не иначе какъ по приказанію владѣльца, гр. Аракчеева, отчего въ семействахъ были ссоры и развратъ 289.
Кривская, упом. въ пис. Сперанскаго 1178.
Кривцовъ, Николай Ивановичъ, уп. 602.
Криднеръ (урожден. Фитингофъ) баронесса Юлія; ея духовныя бредни 1349. 1350.

Крокъ, измѣнникъ, уп. 902.
Крокъ, Николай Николаевъ, москов. купеческій сынъ, уп. 896.
Кроликъ, Θеофилъ, уп. въ пис. къ гр. Мусину-Пушкину 1043.
Кропотова, Марья, уп. 275.
Крузенштернъ, уп. 1028.
Крутицкій, Александръ Московск. купецъ 898.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, уп. 239. Издаетъ журн. «Зритель»; постоянный другъ и покровитель своего брата 240. Переписка съ братомъ 241—262. Портретъ 247. Смерть брата сильно дѣйствуетъ на него 264. 265. (Вигель и Плетневъ) 265. 266. Его басни переведены на французск. языкъ 322. 323. Уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 616. Жуковскаго 840. Его первая и единственная любовь 860—866. Отзывъ о немъ Сперанскаго 1190. Статья Пыпина 1817. «Замѣтка» Лонгинова 1817—1819. Фельдмаршалъ Кутузовъ читаетъ его басню *Волкв напсарнѣ* 2000.
Крыловъ, Левъ Андреевичъ, братъ баснописца: біографическій очеркъ его, Кеневича 239—266.
Крюднеръ, баронъ, художникъ 400.
Крюковъ, прапорщикъ корпуса Колоновожатыхъ, уп. 802.
Крюковъ, Нижегород. вицегубернаторъ, уп. 855.
Кузнецовъ, московскій книгопродавецъ, уп. въ пис. А. Кольцова 460. кн. П. А. Вяземскаго 649. 652. 655.
Кузовлевъ, Степанъ Петровичъ, гвардіи прапорщикъ, уп. 1864.
Кузьминскій, маіоръ, обратившій на себя вниманіе Махмуда II-го 789.
Кузьминъ, Григорій, разбойникъ, уп. 1067.
Кузьминъ, Харитонъ, питомецъ Воспит. Дома, уп. въ пис. Им-цы Маріи Θеодоровны 22.
Кулешъ, капит. уп. 1843.
Кулибинъ, механикъ-самоучка, уп. пис. Сперанскаго 1739.
Кулибинъ, сынъ механика, уп. въ пис. Сперанспаго 1739.
Кульманъ Иванъ, штабъ лѣкарь, уп. 897.
Кульмъ, побѣда 1997. 1998.
Кундуховъ, полковникъ, уп. 1250.
Куницынъ, профес. естеств. права; его свободомысліе; его лекціи слушаютъ гвардейскіе офиц. стихи Пушкина 1379.
Куракина (урожд. Лопухина), княгиня Ксенія Θеодоровна, уп. 23.
Куракинъ, князь Алексан. Борисовичъ; другъ Царей; родство съ гр. Н. И. Панинымъ; воспитывался вмѣстѣ съ Павломъ 1-мъ; приверженность къ Павлу; помогаетъ ему деньгами; жизнь въ с. Надеждинѣ 23. Обильно награжденъ Императоромъ Павломъ 1-мъ; Александръ I поручаетъ ему разобрать бумаги Павла; дѣлаетъ для себя выписки изъ бумагъ, которыя хранятся нынѣ въ Архивѣ барона Сердобина; окончилъ курсъ въ Лейденскомъ Университетѣ, путешествіе по Голандіи и Англіи; его журналъ путешествія 24. Отношенія къ крестьянамъ; назнач. посломъ въ Вѣну. Еженедѣльно присылалъ Маріи Θедоровнѣ донесенія о путешествіи въ Вѣну 25—86. 161—240. Поправки вкравшихся въ донесенія ошибокъ 334. 335. Ссылка на его пис. 1932. Его балы посѣщалъ Дворъ 1874.
Куракинъ, князь Алексѣй Борисовичъ. ген.-Прокур. при Павлѣ I-мъ. уп. 1423. уп. 1428. 1526. Покровительство его своему бывшему домашнему учителю Сперанскому 1533—1535.
Куракинъ, князь Борисъ Ивановичъ, своякъ Петра I-го 23.
Куракинъ, князь, (Новороссійскій) ген.-губернаторъ, отличался роскошью 1072.
Курляндія, по мнѣнію князя А. Б. Куракина составляетъ одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній Россіи 35, 39, 40.
Кусова (урожд. Тухачевская), Елисавета Николаевна, уп. 1411.
Кустъ, Карлъ Карловъ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ 892. 897.

Кутайсовъ, камердинеръ Павла I. уп. 1535.
Кутузовъ См. Голенищевъ-Кутузовъ.
Кушниковъ, почетный опекунъ, упом. въ пис. Имп-цы Маріи Ѳеодоровны 13.
Кушниковъ, С. С., уп. 1844.
Кюмель, берейторъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1171. 1682.
Кюстинъ, уп. 995. упом. въ пис. Жуковскаго 1447.
Кюхельбекеръ, упом. 143.

Лаваль, графиня, упом. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 642.
Лаваль, французск. генералъ упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 204.
Лавизонъ, консулъ въ Александріи 738. 739. 754.
Лавровъ, уп. 2000.
Лагарпъ, воспитатель Александра I, упом. 981.
Ладыженскій, дворянинъ, поступ. въ іезуитск. орденъ 1334.
Лазарева, Екатерина Тимоѳѣевна; пис. къ ней адмирала Нахимова 410. 411.
Лазаревъ, Михаилъ Петровичъ, адмир. упом. 374—376. 378. Упом. въ пис. адмиралъ Нахимова 410. 411. Сооруженіе Храма Св. Владиміра въ Севастополѣ б. его любимою мечтою 411. Нахимовъ и Корниловъ желаютъ быть похороненными возлѣ него 412. Упом. въ пис. Н. Краббе 878.
Лазаревъ, Христофоръ Іоакимов, находился въ дружествен. отношеніяхъ съ Сперанскимъ 1108. Упом. въ пис. Сперанскаго 1112. 1149. 1169. 1784.
Лакроа, квартальный поручикъ уп. 896.
Лакроа, Павелъ, кол. рег. уп. 901.
Лалансъ, Егоръ, иностранецъ прожив. въ Москвѣ 898.
Ламбертъ, писательница, упом. въ пис. Сперанскаго 1717. 1721.
Ламенне, его ученіе объ отдѣленіи церкви отъ государства 432.
Ламираль, иностр. проживающая въ Москвѣ 1435.
Ламсдорфъ, графъ Матвѣй Ивановичъ, воспит. Вел. князей Николая и Михаила Павловичей, уп. 339. 340. Уп. въ пис. Имп. Маріи Ѳеодоровны 348. 363.
Ланжеронъ, графъ, командиръ дивизіи 1841.
Ланской, Василій Сергѣевичъ, упом. въ Запискахъ Греча 1406.
Ланской, Сергѣй Сергѣевичъ, посѣщаетъ село Грузино 1657. 1658.
Ланъ, французскій маршалъ 1846. 1860.
Лардье, московс. кондиторъ, уп. 1435.
Ласказъ, графъ, состоялъ при Наполеонѣ I на ос. Еленѣ 675. 694. 698—701. 715. 716. 723—725. 729. 731—733. 1930. 1931. 1963. 1964. 1967. 1968. 1969. 1975. 1977.
Ласказъ. гр. (сынъ) 723—725. 729—732.
Лассанъ, Карлъ иностранецъ, прожив. въ Москвѣ уп. 898.
Ласси, Морицъ, Петровичъ, уп. въ пис. фельдмаршала Каменскаго 1501. 1502.
Ласси, графъ Петръ Петровичъ, фельдмаршалъ; два именныхъ указа Им-цы Елисаветы и отношеніе государств. Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1393—1395.
Лафитъ (Парижскій банкиръ). уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1901. 1908. 1911. 1921.
Лачиновъ, Колоновожатый уп. 802. 821, адъютантъ. кн. И. В. Васильчикова 1317. 1319. Сошелъ съ ума 1326.
Лебедевъ, лѣкарь уп. 274.
Лебедевъ, Маркитантъ Кавказск. войс. 1285. 1311.
Левашовъ, (графъ Василій Васильевичъ), ген. адъютантъ; посѣщалъ, с. Грузино 1657. Назнач. презус. военнаго суда надъ соучастниками Семеновск. возмущенія 1826.
Левашовъ, Николай Петровичъ, поручикъ, уп. 1864.
Левенштернъ, баронъ В. И. полковникъ уп. 904. 916. 925.
Левенштернъ (баронесса) упом. въ пис. Карамзина 1831.
Левицкій, домашній врачь Аракчеева 285. 954.

Левъ Евдокимовъ, священникъ, уп. 275.

Левъ Юрловъ, епископъ, біографич. свѣдѣнія о немъ. 1058—1062. Его письмо 1062—1064.

Лежипъ, отецъ и сынъ, измѣнники, уп. 1434.

Лейбницъ, бесѣдовалъ съ Петромъ I и сообщилъ ему проэктъ центральной администраціи, 1545.

Лейбъ-Кампанцы, уп. 277.

Лекокъ, житель г. Авена, требовавшій сдачи сего города Русскимъ войскамъ 923.

Леонтьевъ, Николай Васильевичъ, сенаторъ, уп. въ пис. фельдмарш. Каменскаго 1522.

Леопольдъ вел. герцогъ Тосканскій (братъ австр. Импер. Іосифа II) упом. 330.

Лепцельтернъ, баронъ, австр. посланникъ въ Петербургѣ уп. 1320.

Лербасъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1695. 1702.

Лескюръ, его Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette, la cour et la ville. (1777—1792). 321.

Лесли, Павелъ Дмитріевичъ, ген.-маіоръ. Собственноручный указъ Павла I-го 1866.

Лестокъ, прусск. ген.-лейт. упом. 73. 74. 81. 1841. 1842. 1843. 1848. 1850. 1851. 1855.

Лестокъ, воен.-губернатор. уп. 1423.

Летеманъ, учитель, упом. 1435.

Ливенъ, (урожден. Поссе) княгиня Шарлота Карловна; другъ Имп-цы Маріи Өеодоровны и воспитательница дочерей ея. Помѣстье въ Курляндіи 35. 39. 40. упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 176. 240.

Ливенъ, баронъ (Вильгел. Карловичъ), уп. въ пис. Жуковскаго 1466.

Ливенъ, князь Карлъ Андреевичъ, мин. нар. просв.; покровитель и усердный почитатель пастора Госнера 1404.

Ливенъ, князь Христофоръ Андреевичъ, б. посломъ въ Берлинѣ и Лондонѣ. Уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 45. 50. 182. 214. 220. Уп. 662. 663. Его инструкція графу Бальмену 665—667. уп. въ донес. гр. Бальмена 1973.

Ливенскія деревни гр. Ө. В. Ростопчина, доставляли полотна 1876. 1884.

Ливерпуль, лордъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1973.

Ливерпуль, гор.; нов. площади дано имя гр. Ө. В. Ростопчина 1873.

Ливны, гор. Орловс. губ. уп. въ пис. гр. Ө. В. Ростопчина 1877. 1924.

Ливонія, неурожай, дороговизна на хлѣбъ 27. 31. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 40.

Лимановскій, дежурн. генералъ кавказской арміи 1279.

Лингъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1743.

Линдель, пасторъ уп. 1349. 1350. уп. въ Запискахъ Греча 1403. 1404.

Листъ, уп. 995. уп. въ пис. Жуковскаго 1446.

Литва, стр. въ пис. кн. А. Б. Куракина 67. 71.

Литта (урожд. Энгельгар.), графиня Екатерина Васильевна, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 175. 176.

Литта, графъ, упом. въ пис. кн. А. Н. Голицына 873.

Лихудій (монахъ), уп. въ пис. гр. Мусина-Пушкина 1055.

Лобанова, уп. въ пис. фельдмаршала Каменскаго 1509.

Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ уп. въ пис. Каченовскаго 971; Дмитріева 1102.

Лобановъ-Ростовскій, князь Алексѣй Яковлевичъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 176.

Лобановъ-Елецкій, уп. въ пис. къ гр. Мусину-Пушкину 1043.

Лобановъ-Ростовскій, князь Дмитрій Ивановичъ (мин.-юстиціи), уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 71. 77. 80. 84. Велъ переговоры съ Наполеономъ о заключеніи мира (тильзитскаго) 172. Уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 173. 187—190. 203. 207, 219. уп. 1840.

Лобановъ-Ростовскій, князь Яковъ Ивановичъ,

уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 176.
Ловопьеръ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ упом. 1434.
Лоде, управляющій имѣніями, уп. въ пис. им--ы Маріи Θедоровны 5. 19. 24.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, Шишковъ уважаетъ память его 633. уп. 863. 864. Уп. въ пис. фелд. Каменскаго 1524.
Лонгвудъ, гор. (на ост. С. Елены) мѣстопребываніе Наполеона I-го, уп. въ донесен. гр. Бальмена 674—733. 1924—1984.
Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ, ссылки на его стат. о Баратынскомъ 147, на книгу о Новиковѣ 825. 1427. сообщилъ матеріалы для біографіи гр. Ростопчина 851 — 859. на статью о Чаадаевѣ 976. «Эпизодъ изъ жизни Чаадаева» 1317 — 1328. Его отзывъ о новомъ изд. «Путешествія Радищева» 1811—1816.
Лопухинъ, Дмитрій Николаевичъ уп. въ пис. фелдм. Каменскаго 1504.
Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ, (мартинистъ); его «Записки» 825; въ пріязни и свойствѣ съ граф. А. Г. Орловымъ 826. за принадлежность къ масонск. обществу отданъ подъ надзоръ полиціи 1337. Пользовался милостивымъ вниманіемъ Павла I-го 1338. «Черты внутренней церкви» 1348. уп. 1427.
Лопухинъ, князь Петръ Васильевичъ,(мин.-юстиціи), интриги противъ него камердинера Павла I-го Кутайсова 1535. Его докладъ Александру I-му о обязанностяхъ, имѣющихъ быть возложенными на коммиссію составленія законовъ 1633.
Лорберъ, московск. купецъ, уп. 1436.
Лошевскій, камердинеръ графа Салтыкова, 1421.
Лубяновскій, Θедоръ Петровичъ, Пензенскій губернаторъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1207. 1209.
Лужинъ, уп. въ пис. Жуковскаго 1460.
Луиза, принцесса Прусская, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 35. 36. 40.
Луканъ, лордъ, англійскій кавалерійскій генер. 1677.
Лукинъ, Ефимъ, москов. купецъ, уп. 278.
Лунина (урожд. Муравьева), Θедосья Никитична, уп. 1035.
Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, отношенія къ нему В. Кн. Константина Павловича 1033—1036. Обвиненъ въ участіи съ декабристами 1036. Констант. Павловичъ ходатайствуетъ за него 1037. арестъ и ссылка въ Сибирь 1037. 1038. (уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1893?).
Лысково, село князя Грузинскаго, уп. 1061.
Львова, упом. въ пис. Сперанскаго 1111.
Львовъ, Алексѣй Θеодоровичъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1795.
Львовъ, Павелъ Юрьевичъ; отзывъ Сперанскаго объ его одѣ 1118. уп. 1141.
Львовъ, С., издатель Московскаго Курьера, уп. въ пис. Дмитріева 1096.
Любичи, село, уп. 602.
Людовикъ, герцогъ, братъ им-цы Маріи Θеодоровны, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 229.
Людовикъ XIV, кор. французскій, уп. 918.
Людовикъ XV, кор. французскій уп. 1994.
Людовикъ XVI, кор. французскій, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина, 34. 39. Секретная переписка о немъ, хранящ. въ Имп. Публич. Библіот. 321.
Людовикъ XVIII, кор. французс. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 33. 34. 37—39. Уп. 983. 1819. уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1883; замѣчаніе о немъ Ростопчина 1897. уп. 1909. Его болѣзненность 1916. уп. въ донес. гр. Бальмена 1975. 1977. уп. въ пис. А. А. Волкова 1888.
Люневичь, офицеръ, приставленный къ графу Мамонову, уп. 100.
Люцероде, баронъ, сакс. посланникъ въ Петербургъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 634.
Лялич и, село Чернигов. губ. подарокъ Екатерины II-й графу Завадовскому;

дворецъ, паркъ, статуя гр. Румянцова. Позднѣйш. владѣтели села 1074—1076.

Маврино, село, принад. Сперанскому, уп. 1687. 1691. 1693. 1766.
Мавромихали, Геор. убійца гр. Капо д'Истріи, уп. 304.
Мавромихали, Констант. убійца гр. Капо д'Истріи, уп. 304.
Магницкій, Мих. Леонт. воспоминанія о немъ Стурдзы 926—938. уп. въ пис. Сперанскаго 1161. 1162. 1163. 1164. 1167. 1168. 1170. 1172. 1176. 1179. 1183. 1194. 1211. Сокрушается о гибельномъ направленіи умовъ въ учебн. заведеніяхъ 1379. 1380. Интригуетъ противъ мин. нар. просвѣщ. кн. Голицына 1390. 1405; усердный слушатель и почитатель пастора Госнера 1404. 1406. 1408. уп. 1409; арестованъ и сосланъ 1644 уп. 1688. Его жена уп. 1167; сынъ, служивш. въ гвардіи уп. 930. 936.
Мадьяры, нар.. уп. 120—122.
Мазадъ, Шарль, французскій публицистъ, уп. 322.
Мазарини, кардиналъ; его пис. хранящіяся въ Импер. Публич. Библіотекѣ 321.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, сообщилъ біографическій очеркъ епископа Льва Юрлова и письмо его: 1058—1064.
Маймадчины, Китайская торговая слобода, уп. въ пис. Сперанскаго 1738. 1739.
Майнъ, капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1934. 1937.
Макаровъ, Петръ Ивановичъ, издат. Московскаго Меркурія уп. 1088.
Макаровъ, М. Н., издатель Журнала для милыхъ, уп. 642. 1088. 1089.
Макаровъ, адмиралъ, уп. 1417.
(Максимиліанъ) принцъ Баварскій. Совѣтъ кн. А. Б. Куракина избрать его въ супруги В. Кн. Екатерины Павловны 207. онъ-же описываетъ его наружность и характеръ 221. уп. 233.
Малезе, подпоручикъ архангелородскаго полка 1501.
Малиновскій, А. И. сообщилъ записку митр. Стратимировича, о возстановленіе Славяносербскаго государства 111.
Малиновскій П, докторъ, уп. 963; его статья «о помѣшательствѣ» 967—969.
Малоярославецъ, гор., оскверненіе Храма Божія французами въ 1812 году, 1983.
Малькольмъ, леди, уп. въ донес. гр. Бальмена 1932. 1933. 1947. 1949.
Малькольмъ, англійск. адмиралъ, упомин. въ донесеніяхъ графа Бальмена 669. 675. 676. 694. 695. 697. 699. 700. 702—704. 713. 715. 717. 721. 730. 731. 733. 1931—1933. 1935. 1939. 1941—1945. 1947. 1949. 1951. 1953. 1957. 1960.
Мальмезонъ(-де), фамилія, ее принять хотѣлъ Наполеонъ I, сдѣлавшись частн. человѣкомъ 1963. 1967.
Мальтицъ, нидерландскій министръ, уп. въ пис. Жуковскаго 441.
Мальтійскій орденъ, въ Россіи 1338.
Мальтійская церковь, См. Санк.-Петербургъ.
Мамоновскій казачій полкъ (Мамоновцы), сформированный на свой счетъ графомъ Мамоновымъ, отличался своеволіемъ 96. 97.
Мамыкинъ, самозванецъ, уп. 276.
Мандевиль, англ. повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ 781. 786.
Мансуровъ, статсъ-секретарь; его донесеніе о кончинѣ адмирала Пахимова 405. 406.
Мантейфель, графъ, адют. графа Милорадовича, уп. въ Запискахъ Греча 1408.
Маргарита Валуа, королева Наваррская, ея письма хранящіяся въ Импер. Публич. Библіотекѣ 321.
Марія Александровна, Императрица Всерос. уп. въ пис. Жуковскаго 1467. 1468.
Марія Антуанета, секретная переписка о ней, хранящаяся въ Импер. Публич. Библіотекѣ 321. 322.
Марія Луиза, Эрцгерцогиня Австрійская (супруга

Наполеона I-го) уп. въ донесеніи гр. Бальмена 1925. 1928.
Марія Павловна, Вел. Княгиня, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 36. 40.
Марія Терезія, уп. 47. Письма къ ней 329. 330.
Марія Өеодоровна, Императрица Всероссійская, отличалась неутомимою благотворительностью; ея рабочій кабинетъ — источникъ блага для бѣдныхъ. 1. Отмѣнно удачный выборъ людей для благотворительныхъ учрежденій; стихъ Жуковскаго 2. Шницлеръ до сихъ поръ единственный біографъ ея. 3. Ѣздила въ Москву на коронацію Николая I и жила въ д. гр. Разумовскаго на Гороховомъ полѣ. 4. Путешествовала по Европѣ, вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ, подъ именемъ графовъ Сѣверныхъ 38. Письма къ кн. С. И. Гагарину 3 — 24. Письма кн. А. Б. Куракина съ дороги 23—86; 161—240. 334. 335, оказываетъ благосклонность Крылову 258. 263. Заботливой попечительности ея Крыловъ обязанъ освобожденіемъ отъ тяжкаго недуга и написалъ по этому поводу басню Василекъ 261. Письма Вел. Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, по случаю отправленія ихъ въ армію 337 — 355; 356 — 366. Письмо Вел. кн. Николаю Павловичу, по случаю отправленія его въ путешествіе по Россіи 367—373. Уп. 849. Благоговѣйное отношеніе къ ней Духоносцевъ 1348. Празднованіе дня рожденія ея Сперанскимъ въ Сибири 1789. Упом. въ пис. Карамзина 1829. 1830. Уп. въ пис. гр. Ө. В. Ростопчина 1922. Разсказывала, со словъ адмирала Чичагова, о цинизмѣ французовъ, пользовавшихся въ Минской больницѣ въ 1812 году 1988.
Марія, принцесса (Виртембергская), уп. въ пис. А. Б. Куракина 26. 30.
Маркевичь, Б. М. сообщилъ біографическій очеркъ «Н. А. Райко» 297—308.
Маркусъ, докторъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 614.
Маркъ, Михаилъ, учитель Екатерининск. Института въ Москвѣ, уп. 892. 898.
Мармье, уп. 995.
Мартираки, армянинъ, 782.
Мартыновъ, переводчикъ Трактата о высокомъ или величественномъ, отзывъ его о И. И. Дмитріевѣ 1083.
Мартыновъ, Андрей Сергѣичь, управляющій имѣніями Сперанскаго 1205. 1773.
Маршалъ, лифляндскій уроженецъ, уп. въ пис. Дашкова 593.
Маршанъ, служанка эрцгерцогини Маріи Луизы, уп. въ донес. гр. Бальмена 1925—1930. 1941. 1942.
Маршанъ, камердинеръ Наполеона I въ Лонгвудѣ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1925. 1928.
Марөа Матвѣевна, царица, уп. 1058. 1059. 1063.
Марөино, подмосковная графа Салтыкова, уп. 1422.
Масальскій, Петръ Григорьевичъ, упоминается въ письмахъ Сперанскаго: 1112. 1115. 1117. 1129. 1132. 1153. 1159—1161. 1182. 1183. 1185. 1186. 1696. 1732. 1763. 1766. 1784.
Маскле, переводчикъ басень Крылова, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 622.
Масловъ, шт. кап. 19 егерс. полка при взятіи крѣп. Ротенбурга лишился ноги; дамы г. Бремена поднесли ему, заказанную ими, поддѣльную ногу 920. 921.
Масонскія ложи въ Россіи 1350.
Масоны въ Россіи 1336. 1337. 1338. 1350.
Матвѣевъ, Семенъ, разбойникъ, уп. 1066.
Матьюсъ, капитанъ англійск. морской службы 673. 678.
Матюшкинъ, морской офицеръ, уп. въ пис. Сперанскаго 1758.
Махмудъ II, султанъ; возмущеніе Египетскаго паши 735. Николай I находитъ выгоднымъ его поддержать 737 — 741. 745. Замѣчаніе о немъ Николая 746. уп. 748. 750. 754. 767. 770. производитъ смотръ десантному отряду 782 — 793.

Мацневъ, М. Н., полковникъ уп. 909.
Мацневъ, Василій Осиповичъ, уп. въ пис. фелдм. Каменскаго 1520.
Машковъ, Петръ И., указъ Петра I-го. Письма Анны Петровны и камерфрау ея Юшковой 1861—1863.
Машковъ переулокъ, въ Петербургѣ уп. 1861.
Меара, О., докторъ Наполеона I-го 688. 702. 713. 1946. 1948. 1970—1974. 1976. 1979—1984.
Мегмедъ-Али, паша Египетскій, 735—741. 743. 745—755. 774. 788.
Медаль въ память 1812 года, замѣчаніе солдатъ о изображенномъ на ней всевидящемъ окѣ и о надписи 1996. 1997.
Межерица, дер. кн. Конст. Чарторижскаго, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 232.
Мезонъ, графъ, французскій генералъ 922. 923.
Мейендорфъ, генер. 1841.
Мейеръ, пасторъ въ Ревелѣ 1414.
Мекленбургъ-шверинское герцогство, уп. 204.
Меласъ, австрійск. генералъ, уп. 1844.
Мелиссино, Иванъ Ивановичъ кураторъ Московс. универс. уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 644 Антагонистъ масоновъ 1331.
Мелиссино, Петръ Ивановичъ, артиллерійск. генералъ, уп. 1072.
Меллеръ-Закомельскій, генералъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 227.
Мельниковъ, казацкій полковникъ, уп. 910.
Мемель, гор. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 32. 35. 37. 40. 41. 47. 61. 63. 73. 74. 81. 82.
Мендъ, подполковн. генер. штаба 768.
Менкаскій, Петръ Михайловичъ, незаконнорожд. сынъ фельдм. Каменскаго, который упом. объ немъ въ письмахъ 1513. 1514. 1515. 1516. 1517 1518. 1519. 1521.
Меньенъ, Егоръ, Виртембергскій уроженецъ, уп. 892. 896. 902.
Меншиковъ, князь Александръ Даниловичъ, генералиссимусъ уп. 105.
Меншиковъ, князь Александръ Сергѣевичъ, адмиралъ; главнокомандующ. войсками въ Крыму, уп. въ «Запискахъ Севастопольца 380. уп. 381. Донесеніе Государю о морской побѣдѣ Нахимова 389. Отвѣтный рескриптъ Государя 389. 390. Знаменитое фланговое движеніе 393. уп. 394. уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 755. 756. Управлялъ походн. канцеляріею Александра I-го 1320. Уп. 1321. У него останавливался Чаадаевъ по пріѣздѣ въ Троппау съ извѣстіемъ о Семеновск. исторіи 1323. Ссылка на его разсказы о Чаадаевѣ 1328. Его ошибка, дозволившая англичанамъ совершить фланговое движеніе къ Балаклавѣ 1677. Отдаетъ приказаніе затопить часть судовъ черноморск. флота 1678.
Меранвиль, часовой мастеръ въ Москвѣ, уп. 1436.
Мериловка, село, уп. 1075.
Мердеръ, (Карлъ Карловичъ), генералъ, состоявшій при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ (нынѣ благополучно царствующ. Государѣ) Александрѣ Николаевичѣ; пользовался общимъ уваженіемъ; опасно боленъ 626.
Мерзляковъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ; отзывъ Жуковскаго о его стихотворствѣ 642. уп. полное собраніе его стихотвореній, издан. Общ. Любит. Рус. Словесн. 1487.
Мериме, уп. 995.
Мерленъ, докторъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1180.
Мерлинъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1885.
Мерлинъ, артиллерійс. генералъ, уп. 910.
Мерманъ, Егоръ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ уп. 897.
Меровичъ, поставщикъ провіанта въ армію ген. Бенигсена уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 182.
Мертваго, (урожден. Полторацкая), Варвара Марковна, уп. 132. Письмо къ ней Митроп. Филарета Московск. 141.
Мертваго, Дмитрій Борисовичъ; дополненія къ его Запискамъ 123—132; духовное завѣщаніе 132—136. Письмо Митроп. Филарета Московскаго 140.

Мерцъ, докторъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1153. 1802.

Мессіада Клопштока, отзывъ о ней Сперанскаго 1185.

Местръ, графиня, родственница жены Пушкина, уп. 439.

Местръ, графъ Іосифъ; его способность неожиданно засыпать; стихъ Карамзина 1834 уп. его переписка 1637. Александръ I благосклонно слушалъ его совѣты 1643.

Местръ, графъ Ксаверій, занимался живописью, его сочиненія на франц. языкѣ: «Путешествіе вокругъ моей комнаты» и друг. 439. 593. Онъ приходился дядей Пушкину 439.

Меттернихъ, князь, австрійс. дипломатъ; уп. въ донесеніи графа Бальмена 718. На Троппаусскомъ конгрессѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ Александра I 979. Узналъ о Семеновск. Исторіи въ Спб. раньше Александра I и разсказалъ ее въ полномъ собраніи конгресса 980. Поселяетъ въ Александрѣ I недовѣріе къ либерализму 981. Опровергается мнѣніе, что семеновскую исторію онъ узналъ прежде Александра 1-го 1320. 1321. 1322 уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1945.

Мещевскій, А., уп. 840. Замѣтка о немъ 938. 939.

Мещерская (урожден. Карамзина) княгиня Екатерина Николаевна, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 630.

Мещерская (урожден. Всеволожская) княгиня Софья Сергѣевна; принимала живое участіе въ дѣлахъ библейскихъ обществъ и нѣкоторое время пользовалась особеннымъ благоволеніемъ Александра I-го. Переводила мелкія стихотворенія съ англійс. яз. 1113.

Мещерскій, князь Николай Петровичъ, умеръ въ Дерптѣ 630.

Мещерскій, князь Петръ Ивановичъ, (женатъ на доч. Карамзина), уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 630. 633.

Мещерскій, князь Петръ Сергѣевичъ, засѣдалъ въ библейскомъ обществѣ 932. Былъ Оберъ-Прокуроромъ синода 1329. 1333.

Мещерское, село, Саратовс. губ. уп. 602

Микльджонъ, англійск. писатель, передѣлавшій «Записки Охотника Тургенева и издавшій ихъ подъ названіемъ: Russian life in the interior, уп. 324.

Миллеръ, уп. въ пис. Жуковскаго 842. Сперанскаго 1184. 1652. 1693.

Миллеръ, докторъ, пользовавшій Аракчеева 954. 955.

Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ; воен. ген. губернаторъ въ Петербургѣ, уп. 896; уговариваетъ Семеновцевъ къ повиновенію 978. членъ комитета для разбора Семеновской исторіи 1406. 1320. Уп. въ Записк. Греча 1407. 1408. Допрашиваетъ Греча по дѣлу о напечатаніи книги Госнера 1409. 1410. Любимъ солдатами 1822. Его искусство говорить съ солдатами 1824. 1825. уп. 1827. 1841. 1850.

Мильтонъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 651.

Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, начальникъ главн. штаба Кавказской арміи, уп. 1276.

Министерства учреждены указомъ 8 Ноября 1802 г., 1586. указъ произвелъ сильное впечатлѣніе: опасались министерскаго произвола. Манифестъ о учрежденіи министерствъ 1587. 1588. Внутрен. устройство министерствъ не имѣло въ себѣ ничего новаго 1588. Неопредѣленность отношенія министерствъ къ остаткамъ прежняго управленія 1590.

Минкина, Настасья Ѳедоровна, любовница Аракчеева; ея письма 1656—1673.

Минскъ, гор., цинизмъ французовъ, пользовавшихся въ здѣшней больницѣ въ 1812 году, 1988.

Минутъ, подрядчикъ, уп. 1666. 1669.

Мирзоевъ, Гавріилъ Минаевичъ, уп. 1027. 1028.

Мирзоевъ, Иванъ Минаевичъ извѣст. тифлисскій богачъ, уп. 1023—1028.

Мироновъ, Иванъ отстав. унт.-офицеръ, уп. 900.

Мироновъ, Иванъ, разбойникъ, уп. 1066.

Митава, гор. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 26. 29. 32. 37.

Миттонъ, учитель, уп. 1435.

Михайловскій-Данилевскій, воен. историкъ, присутствуетъ на экзаменахъ въ школѣ колоновожатыхъ 815. упом. 903. 904. 909. 910. 913—916. 918.

Михаилъ, митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій; умеръ, какъ говорятъ, отъ огорченій, причиненныхъ ему кн. А. Голицынымъ. Его письмо къ Александру I-му, незадолго до кончины 1389.

Михаилъ Николаевичъ, вел. кн., уп. въ пис. Жуковскаго 1462.

Михаилъ Павловичъ, вел. кн., уп. 284. Письмо имп-цы Маріи Θеодоровны по случаю отправленія его въ армію 337—355. 356—366. уп. 473. уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 600. уп. 844. уп. въ пис. Жуковск. 1446. 1447. 1479. уп. 1821. уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1886. 1918.

Михей, уп. въ пис. епископа Льва Юрлова, 1062.

Михельсонъ, (Иванъ Ивановичъ), ген. отъ кавалеріи, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 204. 222. уп. 1841.

Мишель, поваръ уп. 1435.

Мнишекъ, (урожден. Замойская), графиня Урсула-Марія уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 237. 238.

Мнишекъ, графиня Паулина-Констанція, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 238.

Мобежъ, гор., сборъ войскъ для маневровъ, по случаю пріѣзда В. К. Николая Павловича 1900, уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1918. Порядки заведен. здѣсь гр. Воронцовымъ 1919. уп. 1920.

Могень, уп. 995.

Могилянскій, Матвѣй Васильевичъ, уп. въ пис. Сперанскаго, 1197. 1199.

Моденъ, графъ, уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1899.

Модерахъ, сенаторъ, уп. 887.

Мойра, лэди, путешественница, уп. 696. 698.

Мокрая Елань, рѣка, уп. въ пис. имп-цы Маріи Θеодоровны 15.

Молинари, (кондиторъ), уп. въ пис. Баратынскаго 152.

Моллеръ, ген.-лейтен. уп. 394.

Моллеръ, уп. въ Запискахъ Греча, 1410.

Монголы, уп. въ пис. Сперанскаго 1722.

Монлюкъ, уп. его письма, хранящіяся въ имп. пуб. библіот. 321.

Монтескье, уп. 439. уп. въ пис. Сперанскаго 1128.

Монтолонъ, графъ одинъ изъ приближен. Наполеона I, въ бытность его на остр. Св. Елены, уп. въ донесеніяхъ гр. Бальмена 469. 675. 697—702. 715. 717. 718. 720. 725. 1931. 1957. 1958. 1960—1963. 1965—1967. 1969—1971. 1974—1976.

Монферранъ, рисовал., уп. въ пис. Жуковскаго 839.

Монфоръ, баронъ, частный приставъ въ Тифлисѣ. уп. 490.

Моншеню, маркизъ, уп. въ донесеніяхъ графа Бальмена, 679. 713. 715. 716. 717. 734. 1935. 1937. 1938. 1940. 1943. 1945. 1946. 1948. 1975. 1977.

Морганъ, операторъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 213.

Мордвиновъ, Н. С. уп. 1109.

Морли, профессоръ, упом. издан. имъ Sketches of Russian Life before and after the Emancipation of the Serfs. 320.

Моро, французск. генералъ, комендантъ крѣп. Соассона 916. 925; уп. 1860.

Морошкинъ, Михаилъ Яковлевичъ, священникъ Казанскаго Собора въ Петербургѣ, издалъ Записки Шишкова 938. Сообщилъ записку о крамолахъ враговъ Россіи 1329—1391. Ссылка на соч. его объ іезуитахъ 1338.

Мортье, французскій маршалъ, уп. 885. 886.

Москва, гор. заботы имп-цы Маріи Θеодоровны о малолѣтнихъ сиротахъ 5. 11. 22. Александръ I посѣщаетъ благородное собраніе 94. Въ *Донскомъ монастырь* похороненъ гр. М. А. Дмит.-Мамоновъ 102. Англійскій путешеств. Диси очарованъ Кремлемъ и кремлевскими видами 317.

Холера 612. Москов. бюллетени Погодина 613. 614. газети. комната англійск. клуба 614. Дѣло о должн. лицахъ Московскаго правленія, учрежден. французами въ 1812 году 883—903; университету отказано въ просьбѣ получать научные журналы безъ цензуры 1430. Празднованіе свѣтлаго праздника въ Москвѣ 1452. Величавый гулъ Ивановскаго колок. 1453. Исконная любовь Москвы къ царямъ 1462.

Кремлевскій Дворецъ отдѣлывается для пріѣзда царской фамиліи 1892.

Новгородское подворье, библіотека нѣмецкихъ, еврейскихъ и французскихъ книгъ 1056.

Поклонная гора, на ней 1 го Сент. 1812 г. Кутузовъ увѣрялъ Ростопчина, что отстоитъ Москву 884.

Прозоровскаго садъ, славился яблоками 1046.

Слободскій Дворецъ, знаменитое собраніе дворянства въ 1812-мъ г. 1674. Ложные слухи о болѣзни гр. Ѳ. В. Ростопчина 1876. Уп. въ письм. гр. Ростопчина 1879. 1880. 1889. 1890. 1892. 1895. 1902. 1910. 1912. Замѣчаніе солдата о значеніи Москвы 1985. Подвиги Фигнера 1998.

Моцартъ, композ. уп. 1441.

Мудровъ, докторъ. уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1992. 1993.

Муравьевъ - Апостолъ, Иванъ Матвѣевичъ, сенаторъ; написалъ безпристрастное мнѣніе о невинности лицъ, обвиненныхъ за изданіе книги Госнера, 1410. 1411.

Муравьевъ-Карскій, Николай Николаевичъ, ген.-адъют. по повелѣнію Николая I-го ѣздилъ въ Царьградъ и Александрію; его сочиненіе *«Турція и Египетъ въ 1833 году.»* Его поѣзд. имѣла результатомъ Ункіаръ-Скелессійскій договоръ, о которомъ есть намекъ въ стихахъ Жуковскаго *Бородинская годовщина* 733. До самой кончины онъ велъ непрерывныя записки; *путешествіе въ Туркменію и Хиву* перев. на иностранные языки 734. Его Записки 734—794. уп. въ разсказѣ Оленина о 1812 годѣ 1988.

Муравьевъ (графъ) Михаилъ Николаевичъ, инспекторъ классовъ въ школѣ Колоновожатыхъ 799; уп. 800. 802. уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1988. Разсказъ его о плѣнн. французахъ 1989. 1990.

Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ, попечитель Моск. Унив. уп. въ пис. И. И. Дмитріева 1098. 1099.

Муравьевъ, Никита Михайловичъ (декабристъ) уп. въ пис. Дашкова 592. уп. въ пис. Жуковскаго 840. 841.

Муравьевъ, Николай Николаевичъ; уп. въ Запискахъ его сына Н. Н. Муравьева-Карскаго 747. учредилъ школу колоновожатыхъ; уп. біографія его написанная Путятой 793; читалъ въ шк. колоновож. воен. исторію и тактику; его лекціи особенно нравятся колоновожатымъ 798. общая любовь къ нему 801; каждое лѣто онъ собираетъ всѣхъ колоновожатыхъ въ своей подмосковной Осташовѣ, гдѣ обучаетъ ихъ фронту и съемкѣ 803; его справедливость 806. 807; благоразумный взглядъ на дѣтскія шалости 807. Находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ 810. Воспоминанія о немъ Басаргина 794—822.

Мурзакевичъ, Н. Н., сообщилъ письмо Суворова, 1866.

Муромцевъ, Н. С., уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1883.

Муррей, уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1944.

Мусатовскій, П. А., сообщилъ ст. «Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева» 283—289.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Иванъ Алексѣевичъ, начальникъ Монастырскаго Приказа; письма къ нему директора Московс. Сѵнод. типографіи Ѳ. Поликарпова 1041—1050. 1051—1053 Отвѣтъ 1050. 1051. Письмо къ архіепископу

пу Θеофилакту Лопатинскому 1053. 1054. Еще письма Поликарпова 1054 — 1057.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Алексѣй Ивановичъ, собиратель древностей, замѣчаніе гр. М. Θ. Каменскаго объ его обществѣ 1506.

Мѣшковскій, Александръ Яковлевичъ, Воронежскій вице-губернаторъ, уп. въ пис. Кольцова 458.

Мюралтъ, пасторъ, содерж. пансіона въ Петербургѣ, уп. въ пис. Сперанскаго 1751.

Мюратъ, вел. герц. Бергскій, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 203. 207. 220. уп. въ донес. гр. Бальмена 705. уп. 899. 1850 уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1879. 1881.

Мюрронъ, полковникъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1963. 1967.

Мясоѣдовъ, І-й, маіоръ, уп. въ указѣ Павла І го, 1866.

Мятлевъ, И. П., его шуточная пригласительная записка 461. уп. 620.

*

Надеждино, (Саратовской губерн. Сердобскаго уѣзда) деревня, въ которой проживалъ князь Александръ Борис. Куракинъ 23. 25.

Надеждинъ, Николай Ив. уп. въ пис. кн. Вяземскаго 646 шутка И. И. Дмитріева 646. печатаетъ въ «Телескопѣ» статью Чаадаева 976. 985. его оправданіе и ссылка 986

Наполеонъ I, имп. упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 25. 44. 50. 65. 67. 69. 71. 73. 76 — 79. 81. 83. 86. 183. 188. 189. 203 — 205. 207. 213. 219 — 221. вторженіе въ Россію 95. 96. 881. 889. 891. 899. 1340. 1342. 1431. 1437. оборонитель грековосточнаго исповѣданія 108 — 112. на остр. Св. Елены 466. 468. 469. 473. 659. 661. 666 — 668. 673 675. 676. 678. 679. 693. — 699. 701—706. 713. 714. 718. 721. 723. 725. 729 —731. 733. 1924. 1925. 1927. 1928. 1930—1984. упом. 114. 119. 906. 921. 924. 928. 1343. 1542. 1642. 1645. 1819. 1840. 1842. 1846. 1847. 1848. 1849. 1852. 1853. 1854. 1856. 1860. 1867. 1868. Бѣгство съ о. Эльбы и вторичное вооруженіе противъ него всей Европы 1878. Пораженіе роялистовъ и союзъ съ Якобинцами 1879 — 1881. Разбитъ при Ватерлоо и вторично свергнутъ съ престола 1882. уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1883. 1914. Безъ него Франція не опасна для Европы 1885. уп. въ пис. А. А. Волкова 1885. уп. въ разсказахъ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1986. 1994. 1995. 1996. 1999.

Наполеонъ II, Францъ-Іосифъ, «Король Римскій» (сынъ Наполеона I и Маріи Луизы), уп. въ донес. гр. Бальмена 1925 — 1929. 1943. 1945.

Нарбонъ, графиня, 34. 39.

Нарышкина, (урожд. гр. Ростопчина) Наталья Θеодоровна, представлена ко Двору 1886. приданое 1891; болѣзнь 1915.

Нарышкинъ, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 66. 70.

Нарышкинъ, Василій Дмитріевичъ, гвардіи полковникъ (былъ Симферопольскимъ губернаторомъ) 1891.

Нарышкинъ, упом. въ пис. о Семеновской исторіи 1826.

Насакинъ, подполк. ген. штаба, 908.

Нахимовъ, Павелъ Степановичъ, адмир. біогр. очеркъ 373 — 410. пис. его къ М. П. Лазаревой 410 — 411. его могила 412. упом. 878.

Находкинъ, Петр. Ив. Моск. купецъ 885. 886. 888. 896.

Находкинъ, Пав. Петр. купеческій сынъ 897.

Нащокинъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 632.

Небольсина, Авдотья Селиверстовна, истрачиваетъ на свадьбу своего племянника 80.000 руб. 1889; уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1922. уп. о болѣзни и смерти ея внучка 1923.

Небольсинъ, Николай Ивановичъ (Московскій гражд. губернаторъ), уп. 1889.

Неводчиковъ, Н. В., священникъ сообщилъ статью Стурдзы о Магницкомъ 938.

Невѣровъ, послѣдователь Чаадаева 987.
Негри, Московскій купецъ 98.
Неджибъ-паша, бригадный генералъ 771—773. 777.
Ней, маршалъ. 705. 890. 1847. 1848. уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1996.
Неккеръ, 1675.
Неклюдовъ, В. С., о М. П. Полуденскомъ 1488.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, его кончина 606. кн. Вяземскій имѣлъ намѣреніе написать его біографію и издать стихотворенія 606. Мерзляковъ въ его домѣ не былъ короткимъ знакомымъ 642. переводч. басней 1818.
Нелидова, (Екатер. Ивановна, камеръ-фрейлина И-цы Маріи Θеодоровны), упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 37. 41. 46, 52, 70, 176. 215, 230. 240.
Нельсонъ, адмир. 382. 392.
Нессельроде, гр. Карлъ Васильевичъ, его инструкціи гр. де Бальмену 659—663. 667—669; его нерѣшительность 736. 737. уп. 738. 741—743. 745 749—752, разсѣянность 753 уп. 754. 755. и донесенія ему гр. де Бальмена 669—734. 1924—1984. упом. въ Зап. Греча 1410. въ перепискѣ съ А. Я. Булгаковымъ 1437. близокъ съ К. Я. Булгаковымъ 1438. упом. 1735. пис. къ нему Сперанскаго 1756.
Нестеровъ, Сергѣй Михайловичъ, 1864.
Нестеровы, 1864.
Неупокоевъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1793.
Нефедьева, Ал. Ил., родственница А. И. Тургенева 1458.
Нечаевъ, Павелъ, 898.
Нивельтъ (фонъ), подполковн., адъют. Наполеона I 889.
Николаевъ, Иванъ, коллежск. регистр. 900.
Николай Александровичъ, Цесаревичъ, о его рожденіи Жуковскій узнаетъ отъ В. Кн. Михаила Павловича 1447.
Николай Николаевичъ, Великій Князь, упом. въ пис. Жуковскаго 1462.
Николай I Павловичъ, (в. кн.) по его представленію Баратынскій произведенъ былъ въ унт. офиц. 155. письма къ нему и-цы Маріи Θеодоровны 337—373. уп. 1832. Карамзинъ представляетъ ему свою исторію 1835. Уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1886. Въ Мобежѣ его ожидаютъ для маневровъ 1900. (Императоръ) коронація 4. 1327. возваніе къ нему Сербовъ 122. Аракчеевъ сходитъ съ своего поприща 284. Его указъ адмир. Грейгу о Фрегатѣ «Рафаилъ» 387. донесенія кн. Меньшикова 389. рескриптъ Меньшикову 389. 390. Награждаетъ Нахимова 397. дѣла церковныя 428. 432. обезпечиваетъ графиню Бальменъ пенсіономъ 467. принимаетъ на свой счетъ издержки на предполагаемое путешест. Карамзина 601. депутація изъ Москвы 622. упом. 612. 626. предсѣдательствовалъ на «знаменитомъ Законодательномъ» засѣданіи государственнаго совѣта 627. 628. остается доволенъ трагедіею бар. Розена «Россія и Баторій» 636. угощаетъ во Дворцѣ обѣдомъ фабрикантовъ и промышленниковъ 630. выѣзжаетъ изъ Пбурга осмотрѣть войска въ Ригѣ 630; Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣнія, увидѣлъ необходимость совершенно измѣнить относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра І-го 733. 735. 736. 737—743. Его бесѣда съ Н. Н Муравьевымъ, по поводу отправленія сего послѣдняго въ Константинополь 744—749. упом. 750—754 763. 764. 774. 789. 791. пожаръ въ Зимнемъ Дворцѣ 844. 845. 847 850. 851. посылаетъ лейбъ-медика Вилье къ умирающему Аракчееву 954. назначаетъ оставшееся послѣ Аракчеева имущества въ Новгродскій Кадетскій корпусъ 957. холерное возмущеніе въ Петербургѣ 962. кн. Д. В. Голицынъ ходатайствуетъ о Чаадаевѣ 987. вступленіе на престолъ 1038. 1039 (упом. 1332) пріостанавливаетъ дѣйст-

вія библейскихъ обществъ 1388. 1389. Сравненіе его царствованія съ предъидущимъ царствованіемъ 1411. 1412. упом. въ пис. Жуковскаго 1446. 1462. 1463. 1465. 1475. 1478—1480. въ его царствованіе снова началась государственная дѣятельность Сперанскаго 1650. 1651 упом 1660.
Николай, справщикъ, 1047. 1049.
Николаи, бар., 1003. генералъ-адъютантъ 1292.
Никонъ, патр. 991.
Новгородская губер. 1569.
Новгородскій Кадетскій корпусъ 288. 957.
Новгородское подворье, см. Москва.
Новиковъ, Николай Ивановичъ, 825. 886. 1337. 1427.
Новосильскій, контр. адмир. 383.
Нивосильцовъ, Николай Николаевичъ, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 44. 45. 50. 64. 68. 74—76 82—84. 195. 1544.
Новосильцовъ, Петръ Петровичъ, 1040.
Нортики, прозваніе данное крестьянами французскимъ мародерамъ 1986
Постицъ, графъ, командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка 1256.
Нѣманъ, рѣка, проэктъ гр. Сиверса соединить ее съ Зап. Двиною 27. 30.
Ньютонъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1771.
Оболенская (урожд. Нелединская-Мелецкая), кн. Аграоена Юрьевна 606.
Оболенскій, кн. А. П., калужскій губерн. 606.
Оболенскій, кн. Михаилъ Андреевичъ, сообщ. «генер. Бонапартъ — оборонитель греко-восточнаго исповѣданія» 108—112.
Оболенскій, кн. П. С. 25.
Обольяниновъ, Петръ Хрисаноовичъ, ген. прок. 1535. 1536.
Обри, Парижскій книгопродавецъ, издатель Bulletin du Bouquiniste 1487
Обрѣзковъ, Александръ Александровичъ, полицеймейстеръ Московскій, 1915.
Обрѣзковъ, Михаилъ Алексѣевичъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1498. 1499. 1500. 1501. 1509.
Обрѣзковъ, Николай Васильевичъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1915.
Обрѣзковъ(?) упом. въ пис. о Семеновскомъ возмущеніи 1826.
Обрѣзковы, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.
Овечно, деревня графа Ѳ. В. Ростопчина, пожалованная его предку царемъ Іоанномъ Грознымъ 1923.
Огинскій, гетм. 1072.
Огородниковъ уп. въ Зап. А. Ѳ. Брокера 1420. 1424.
Оде-де-Сіонъ, прапорщ. лейбъ-гвардіи Литовскаго полка 901.
Одоевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ, собиралъ третью книжку Пушкинскаго Современника 658.
Ожеро, маршалъ 1848. 1850. 1860.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ, его трагедіи читались «съ жадностью воспитанниками» Школы колоновожатыхъ 810 отзывъ Сперанскаго объ его талантѣ 1730 1731.
Озеровъ, (Петръ Ив.), адъют. В. К. Константина Павл. 180.
Оленина, Варвара Алексѣевна 264. 1983.
Оленина (урожд. Полторацкая), Елизавета Марковна 264. 265.
Оленинъ, Алексѣй Николаев. 258. 261. 262. упом. въ пис. Дашкова 592. Его разсказы изъ исторіи 1812 года 1983—2000.
Оленинъ, Николай Алексѣевичъ, убит. въ Бородинск. сраженіи 1983.
Оленинъ, Петръ Алексѣевичъ тяжело раненъ въ Бородинск. сраженіи 1983.
Оленины, 261.
Олсуфьева (урожд. де-Лицына) Дарья Александровна, уп. 1878.
Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ, 280.
Олсуфьевъ, Дмитрій Адамовичъ, уп. 1878.
Олсуфьевъ, упом. въ пис. гр. Н. М. Каменскаго 1519.
Ольга Николаевна, В. Кн. оказываетъ вниманіе Листу 1446.
Омеръ-Ага, бѣглый австрійск. офицеръ, принявшій мусульманство 768.
Опочининъ, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 76, 84.

Опочининъ, (?) 274. 275.
Опошня, село Полтавской губ. Зеньковскаго уѣзда 1071, 1073.
Орбеліани, кн. Дмит. 1028
Орбеліани, кн. Марія Ивановна 1018. 1029. 1030. 1304? ея дочь 1030.
Орбеліяни, князья 1003. 1017
Орлова-Чесменская, графиня Анна Алексѣевна, присутствовала при заключеніи союза архимандр. Фотія съ Магницкимъ противъ кн. А. Н. Голицына 932. подкрѣпляетъ митр. Серафима въ его борьбѣ съ кн. Голицынымъ 1390. на ней думалъ жениться гр. Н. М. Камен. 1525. упом. 1332.
Орловъ-Чесменскій, граф. Алексѣй Григорьевичъ, ссора съ кн. Прозоровскимъ и «странное» письмо къ Екатеринѣ 825. 826. упом. въ пис. гр. Н. М. Каменскаго 1503. 1504. 1506.
Орловъ (кн.) Алексѣй Ѳедоровичъ, 736., его вліяніе на дѣла государственныя 741. 742. 743. 751-753 1412. 1823. 1826
Орловъ, Григорій (Ѳедоровичъ?), уп. въ пис. гр. О. В. Ростопчина 1900.
Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, его Арзамасское прозвище 829. 835. 838.
Орловъ, канцеляристъ 895. 901.
Орловы, 274.
Орловскіе купцы. Замѣчаніе о нихъ гр. Ѳ. В. Ростопчина 1901.
Орорь-Бюри, «указательница и сводня» 1435.
Оссіанъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1706.
Остафьево, подмосковная кн. Вяземскаго 620.
Осташево, село, школа колоновожатыхъ 803 811. 812. 818—820
Остенъ-Сакенъ, графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ 467. 1840. судъ надъ нимъ 1855. 1856. упом. 1857.
Остенъ-Сакенъ, графъ, ген адьют., начальникъ Севастопольскаго гарнизона 398.
Остерманъ-(Толстой, гр. Александръ Ивановичъ) уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 74 82 упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1524.; уп. 1840. 1843. 1857. При Кульмскомъ дѣлѣ командовалъ гвардіей; былъ жестоко раненъ и во время операціи приказалъ пѣсельникамъ пѣть пѣсни 1997. 1998.
Остерманъ, графъ, Иванъ Андреевичъ, вице канцлеръ 827.
Остзейскія провинціи, 1545.
Осѣкъ, гор. 122.
Отишанъ, маркизъ 35, 39.
Отрепьевъ (Луба), первый Лжедмитрій, 272.
Оттонъ, король Греческій 304.
Охотниковъ, Орловскій помѣщикъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго. 1507.

*

Павелъ I Петров. (импер.) его дружба съ кн. А. Б. Куракинымъ 23. 24. отставляетъ гр. Сиверса 30. путешествовалъ по Европѣ подъ именемъ гр Сѣвернаго 38. къ нему былъ близокъ Р. А. Кошелевъ 51. намѣреніе возвести его на престолъ при жизни матери 274. его крестная дочь 238. преданность къ его памяти гр. Аракчеева 282. Его политика относительно Турціи 735 прискорбныя недоразумѣнія между нимъ и матерью 826. 827. гнѣвъ его на гр. Литту 873. присутствуетъ въ засѣданіяхъ Капитула Малт. Ордена и строго слѣдитъ за исполненіемъ орденскихъ формальностей 873. остается доволенъ докладомъ в. кн. Александра Павловича 873. 874 разсказы о немъ 1069. 1070—1076. 1079. 1080. мѣры его противъ «замысловъ масоновъ и софистовъ нечестія» 1338. упом. въ Зап. А. Ѳ. Брокера 1423. 1425, 1426. 1428. разсказы о немъ кн. П. М. Волконскаго 1440. приверженность къ нему гр. М. Ѳ. Каменскаго 1490. производитъ его въ фельдмаршалы и жалуетъ графомъ 1491. даетъ сыну его деньщика 1515. государственная дѣятельн. 1534. 1535. 1577. 1579. 1581. 1583. 1632. производитъ Бенигсена въ генералъ-лейтенаты 1837. 1838. указъ его Д. Е. Лесли 1866 упом. 29. 1514. 1517. уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1997.

П—въ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 609.
Павловъ, Алексѣй Александровичъ, свѣдѣнія о немъ 1329. 1332. 1333. былъ у митр. Серафима, когда онъ собирался ѣхать во дворецъ 1930
Паглиновскій, упом. въ пис. Сперанскаго 1182.
Паланжъ, прапорщикъ 889. 898.
Паленъ, графъ Петръ Алексѣевичъ, Петербургс. генер. губерн. 1074. 1839.
Паленъ, графъ ген. м. 1846.
Паленъ, бар., офицеръ лейбъ гвардіи, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 234.
Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ, замѣтки на его Записки 141—147. ссылки на нихъ 930.
Пангалъ, Николай, уп. его письмо 293.
Панинъ, графъ Викторъ Никитичъ, предсѣдат. Редакціонныхъ Коммиссій 1214. Высочайшій рескриптъ на его имя 1214. 1215
Панинъ, графъ Никита Ивановичъ, его родство съ кн. Куракиными 23.
Панова (урожд. Улыбышева) къ ней писалъ Чаадаевъ свои философскія письма 985. 1328.
Парижъ, грабежи 1878; всеобщее уваженіе и почтеніе къ гр. Ѳ. В. Ростопчину 1897. Раздражительность и безтолковость жителей; дешевизна рисунковъ 1902. Страшная бѣдность жителей, дороговизна, голодъ 1903; удобства квартиръ 1909; приливъ иностранцевъ и невозможность найдти квартиру 1912. Съѣздъ многихъ знаменитыхъ особъ 1923.
Парротъ, профес. 1645.
Паскевичъ, князь Эриванскій, писалъ къ Николаю 1-му, что уже настало время Турецкой имперіи раздѣлиться на два царства 749.
Паскевичъ, отецъ фельдмаршала 1073.
Пассекъ, генер. 66. 70.
Пато д' Орфланъ, французскій консулъ 893.
Патрикѣевъ, маіоръ 275.
Пашковъ, вице-губернаторъ Воронежскій 1059. 1060.
Пашковъ, ген. м. Александръ Васильевичъ 903.
Пащенко, Петръ Петровичъ, разсказы о немъ 1071—1073.
Пезаровіусъ, основатель Инвалида 1404
Пейкеръ, упом. въ пис. Сперанск. 1732. 1734.
Пекарскій, Петръ Петровичъ, Академикъ, 1862.
Пекронъ, музыкальн. мастеръ, 1434.
Пелль, Петръ, Петербургскій купеческій сынъ 900.
Пемброкъ, графъ уп. въ пис. кн. А. Б. Куракинъ 61. 63. 64. 68. 74. 82. (зять гр. Воронцова), уп. въ пис. Гр. Ѳ. В. Ростопчина 1912. 1921.
Пенза, гор. 1105. 1116. 1122. 1147. 1150.
Перевощиковъ, Казанскій, а потомъ Дерптскій профессоръ 628.
Переполовъ, Иванъ, приказчикъ 1864.
Периго, (французскій банкиръ?), уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1901. 1908.
Пероты, уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 762.
Перру, измѣнникъ 1434.
Персіяне, уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 745.
Перфильевъ, Енисейскій купецъ 1730.
Пестель, Иванъ Борисовичъ, 1425. 1427. замѣч. о немъ Ѳ. М. Дмитріева 1649; уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1894.
Петергофъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1143.
Петерсонъ, miss. 1132.
Пети, измѣнникъ. 1435.
Петиньякъ, измѣн. 1435.
Петровъ, Александръ, чиновникъ Московской казенной палаты 900.
Петровъ, Алексѣй, слуга гр. Ѳ. В. Ростопчина 1902.
Петровъ, (Василій Петровичъ), лирикъ, кн. Вяземскій предполагалъ издать выборныя мѣста изъ его произведеній и приложить къ нимъ замѣчанія и біографическое извѣстіе 650. 651. его переводъ «Потереннаго Рая» 651.
Переплетчиковъ, Иванъ, Московскій купецъ 896. 1524?
Петрушевичь, 1076.
Петръ Великій, его родство по первой супругѣ съ кн. Куракиными 23. его указъ 105. пис. къ кн. М. М. Голицыну 106. казацкіе бунты 271. Его политика относительно Турціи 735. уп. въ Запискахъ Н. Н. Му-

равьева 746. Петровская зала въ Зимнемъ Дворцѣ 849. (упом. 994.) книжное просвѣщеніе 1042—1057. присутствовалъ на ассамблеѣ у голландца Гоппа 1059. мысли его о восточномъ вопросѣ 1063. 1064. «покушеніе» въ его царствованіе «враговъ Россіи ослабить ея могущество» 1334. мѣры къ искорененію расколовъ 1341. (упом. 1413) регламентъ 1415. государственная дѣятельность 1539. 1540. 1545. —1547. 1549 — 1555. 1562. 1564—1566. 1569. 1570. 1574. 1584. 1623. пис. къ П. И. Машкову. 1861.

Петръ III имп., 1329. 1345. 1425.

Петти, вліятельный домовладѣлецъ въ гор. Авнѣ 923.

Пигулевскій, Бакинскій уѣздный начальникъ; упом. въ Зап. Инсарск. 484—514.

Пиль, Иванъ Алферьевичъ, Иркутскій генер. губерн. 124.

Пиль, Елизавета Ивановна 124.

Питтъ, М-мъ, лектрисса при в-цѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ 1114, 1122, 1140.

Піонтовскій, находился при Наполеонѣ на остр. Св. Елены 701. 725. 730. 731. 1958. 1961.

Плампинъ, англ. адмиралъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1944. 1947. 1949. 1971. 1972.

Планта, дядя жены Сперанскаго 1147.

Платовъ, Матвѣй Ивановичъ Донской атаманъ 1848.

Платоновъ, упом. въ Запискахъ Греча 1405, 1407.

Платонъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1731 его изучаетъ Дашковъ 590.

Плетневъ, Петръ Александровичъ, 146. 261. 266.

Плецъ, ген. лейт., 1843.

Плещеевъ, упом. въ пис. Поликарпова 1048.

Плохова, поруч. 1067.

Плюскова, Наталья Александровна 1425.

Плюскова, Наталья Яковлевна, фрейлина Высочайшаго двора 587. 589. 593. 594. 597. 599. 601.

Плюшаръ, 653.

Пнинъ, И. П. его стихи на смерть Радищева 1817.

Поггенполь, (урожд. Вейкардтъ), Софья Карловна, упом. въ пис. Сперанскаго 1106. 1110. 1113. 1121. 1124. 1129. 1131. 1136. 1142. 1144. 1146. 1151. 1155. 1157. 1163. 1164. 1166. 1168. 1176. 1195. 1210. 1211. 1710. 1770. 1776. 1784—1787. 1795.

Поггенполь, Николай Васильевичъ, 1106. 1748. 1750. 1756. 1765. 1783. 1785. 1786.

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, историкъ, издавалъ во время холеры 1830 года *«Вѣдомости о состояніи города Москвы»* 613, которыя князь Вяземскій называлъ *«убійственною литературою Маркуса и Погодина»* 614. упом. въ Воспоминаніи о Чаадаевѣ 993. замѣчаніе Жуковскаго о его *«Воспоминаніи объ А. И. Тургеневѣ»* 1458.

Погодинъ, Петръ Моусѣевичъ, свѣдѣнія о немъ 1422. упом. въ Зап. А. Ѳ. Брокера 1422.

Подгоричанинъ, графъ, уп. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1500.

Поджіо, Преображенскій капитанъ 144.

Пожарскій, кн. его грамота къ Австрійскому эрцъгерцогу 991.

Позе, докторъ, 1153.

Позняковъ, Иванъ Гавриловъ, Московскій купецъ 895. 901.

Позняковъ, Яковъ Андреевичъ, Орловскій помѣщикъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1507.

Поклонная гора, см. Москва.

Покровскій, И. Г. 99. 101.

Покровское, Сердобская деревня Сперанскаго 1205.

Полевой, Николай Алексѣевичъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 605. 616. 627.

Поленскій, участковый засѣдатель, упом. въ Записк. Инсарск. 490. 493. 494. 498. 499. 503. 504.

Полетика, Петръ Ивановичъ, (1?) его Арзамасское прозвище 1453. 1466.

Поливановъ, Ив. Игн., ген. пор. 1847.

Поликарпова, (урожд. кн. Щербатова) Елизавета Павловна 1507. 1527.

Поликарповъ, Александръ Васильевичъ, 1507. 1527.

Поликарповъ, Өедоръ, директоръ Московской Сунодальной типографіи, его переписка съ гр. И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ 1041—1057.

Политковскій 1404.

Полоцкъ, гор., оскверненіе католическихъ храмовъ Французами въ 1812-мъ году 1983.

Полтава, гор., ея прошлое 1073.

Полтарацкая, (урож. Шишкова) Агаөоклея Александр. пис. къ ней Московскаго митр. Филарета 137—140.

Полтарацкая, (урожд. Госкони), Марья Карловна 1419.

Полтарацкій, Александръ Марковичъ, 1418. 1419.

Полтарацкій, Дмитрій Марковичъ, пис. къ нему гр. Ө. В. Ростопчина 854.

Полтарацкій, Константинъ Марковичъ, 923.

Полуденская, (урожден. Ржевская) Марья Михайловна, правнучка фельдм. гр. М. Ө. Каменскаго 1484.

Полуденскій, Михаилъ Петровичъ, библіографъ, біографическія о немъ извѣстія 1483—1488.

Полуденскій, Николай Петровичъ 1485.

Полуденскій, Сергѣй Петровичъ, 1485.

Полуденскій, Петръ Семевичъ, 1484.

Полухинъ, офиц. 909.

Поль (фонъ), Карлъ Карловичъ, 1404. 1410.

Польша и Поляки, 76. 77. 84. 115. 1079. 1307. Николаю I-му предлагали постороннее участіе къ усмиренію бунта 1831 года, но онъ отказался 748. По мнѣнію Наполеона I-го, его война съ Россіей, повела только къ возстановленію Польши 1941. 1942. Послѣ бѣгства изъ Москвы, Наполеонъ I хотѣлъ снаряжать новую армію въ Польшѣ 1995. 1996. Въ десантномъ отрядѣ Н. Н. Муравьева, между матросами, было много *Поляковъ*: никто изъ нихъ не бѣжалъ; съ русскими не сходились; чистоплотны 759. Они просили не назначать ихъ въ полевыя войска и оставить въ инвалидной ротѣ 760. По замѣчанію гр. Ө. В. Ростопчина, они не любятъ русскихъ и заняты возстановленіемъ своего королевства 1884. Самые жестокіе въ войскѣ Наполеона I 1985.

Помпадуръ, 319.

Пономарева, Соф. Дм. 144. 146.

Поповъ, Василій Михаиловичъ, секретарь Библейскаго Общества, 1400. 1404. 1405. 1409. 1410. 1411.

Поповъ, Василій Степановичъ, Потемкинскій дѣлецъ, 61. 63. 78. 79. 86. 1491.

Поповъ, Петръ Петровичъ, управлялъ Новгородскимъ имѣніемъ Сперанск. 1150. 1159. 1718, 1770.

Поппльтонъ, капит., приставленный къ особѣ Наполеона и отвѣчающій за цѣлость его въ Лонгвудѣ 702. 704. 705. 1948. 1950.

Поскочинъ, морякъ, 504.

Поспѣловъ, Иванъ, чиновн. 900.

Поспѣловъ, Академикъ 592.

Потаповъ, Кипріянъ 1066.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григорій Александровичъ, его замѣчаніе о Рахмановѣ, съ которымъ онъ любилъ препираться въ вопросахъ отвлеченныхъ и богословскихъ 89. 90. свидѣтельство о немъ дипломатической корреспонденц. 823—826. праздникъ 873. служба въ Сунодѣ 1329—1332. отношенія къ гр. М. Ө. Каменскому 1490. 1491. дружба съ Б. Ө. Кнорингомъ 1855.

Потемкинъ, упом. въ пис. о Семеновской. ист. 1825.

Потѣхины, старшій и младшій, литераторы 490. 497.

Похвисневъ, упом. въ пис. Жуковскаго 1455.

Поццо де-Борго, дипломатъ 619. 648. 983.

Прадтъ, 633.

Пребышевская, Анна 274.

Прево, ламповщикъ 893. 898. 1436.

Прейсишъ-Эйлау 44. 49. 50. 1849. 1855.

Присъ, капитанъ, упом. въ донес. гр. Бальмена, 1979.

Приссъ, меръ гор. Авена 923.

Прозоровскаго, садъ, см. *Москва*.

Прозоровскій, кн. Александръ Александр. Московск. главнокомандующій, гонитель мартинистовъ 825. ссора съ гр. А. Г. Орловымъ 825. 826. его дочь 1509.

Прокоповичъ - Антонскій, Антонъ Антоновичъ, 1475.

Прокоповичъ, докторъ 261.

Протасова, Анна Степановна, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1890. 1905.

Протасовъ, граф. Николай Александровичъ, впослѣдствіи Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, товарищъ Чаадаева по лейбъ-гвардіи гусарскому полку и по адъютанству у Ил. Вас. Васильчикова 1318. 1319.

Пруссаки, мнѣніе о нихъ Наполеона, выраженное на остр. Св. Елены 703.

Псковская губернія, 27. 31.

Публичное мнѣніе въ Россіи, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1735. 1754.

Пугачевъ, 1340. 1864.

Пузыревъ, Филиппъ, подлѣкарь 902.

Пуколовъ, приближенный Аракчеева, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1894.

Пукъ, придворный музыкан. 1436.

Пулавы, 238.

Путята, Николай Васильевичъ, его замѣтка на Воспоминанія В. И. Панаева 141—146 написалъ біографію Н. Н. Муравьева отца 793. упом. 869.

Пушкина (урожд. кн. Волконская), Наталья Абрамовна 9.

Пушкина (урожд. Ганнибалъ). Надежда Осиповна, ея болѣзнь и кончина 646. 647.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, въ воспоминніяхъ В. И. Панаева 142—144. его дружба съ Баратынскимъ 146. Бакчисарайскій фонтанъ 600. замѣчаніе о немъ Д. В. Дашкова 600. подарокъ И. И. Дмитріеву 615. собирается въ Москву 633. поэтическая производительность 635. осень есть пора оной 641. его журнальное поприще 623. 623. 644. пребываніе въ Москвѣ 623. бесѣдовалъ съ кн. Вяземскимъ о необходим. жизнеописанія Карамзина 623. «печально озабоченъ» болѣзнію матери своей 646. отправился въ Псковскую деревню для погреб. скончавшейся матери 647. доставляетъ И. И. Дмитріеву даровой билетъ на полученіе *Современника* 646. 647. 648. 649. поэтическая шутка И. И. Дмитріева на путешествіе его дяди 649. замѣчаніе кн. Вяземскаго на его Капитанскую дочку 650. совѣтуетъ кн. Вяземскому назвать свой Сборникъ «Старина и *Новина*», а не *Новизна* 652. не задолго до кончины перечитывалъ сочиненія И. И. Дмитріева и говорилъ о нихъ съ живѣйшимъ участіемъ и уваженіемъ 655. приготовлялся къ переводу Ювеналовой сатиры Желанія 655 много «начинаній» найдено въ его бумагахъ 655. Современникъ издается въ пользу его семейства 655. біографическая о немъ статья въ Revue des deux mondes 658. Жуковскій расчитываетъ на его сотрудничество въ предполагаемомъ имъ вмѣстѣ съ Дашковымъ изданіи Аонидъ 840. 841. пис. къ М. Н. Загоскину 973. отношенія къ Чаадаеву 976. 978. воспоминаніе о проф. Куницынѣ 1379. его дѣдъ 1415, замѣчаніе о немъ Сперанск. по поводу «Руслана» 1790. о Радищевѣ 1812—1814. 1817. «безцеремонный и рѣшительный» о немъ отзывъ послѣдняго издателя «Путешествія» Радищ. (1868 г.) 1815. замѣчаніе кн. Вяземскаго объ его стихѣ 1836. уп. 617. 1409. его родство съ гр. де Местромъ 439. Брюни нарисовалъ его въ гробу. 455. упом. въ пис. отца къ кн. Вяземскому 454—457.

Пушкинъ. Алексѣй Михайловичъ, 9. (уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1885?)

Пушкинъ, Василій Львовичъ, упом. въ пис. Дашкова 586. кн. Вяземскаго 605. 639. 649. 651. его Арзамасское прозвище 840.

Пушкинъ, Михаилъ Алексѣевичъ 9.

Пушкинъ, Сергѣй Львов. его пис. къ кн Вяземскому по поводу смерти сына 454—457. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 651. 655. 656.

Пущинъ, И. И. его Записки 873.

Пшеницынъ. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.

Пыпинъ, А. Н., его статья «Крыловъ и Радищевъ» 1817.

Пюжо, иностр. 897. 901.

*

Рагланъ, лордъ, главнокомандующій англійск. войс. въ Крыму, уп. 1677.

Радзивилъ, (урожд. Мнишекъ), княгиня Изабелла, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 238.

Радзивилъ, князь Доминикъ, камергеръ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 238.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ, замѣтка о немъ и о его «Путешествіи» 1811—1817.

Раевскій, Николай Никол. генералъ, уп. въ пис. фельдмаршала Каменскаго 1512. уп. 1850. 1857.

Раевскій, Александръ Николаевичъ, адъютантъ кн. И. В. Васильчикова, уп. 1318. 1319.

Разумовскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ, уп. 277.

Разумовскій, графъ Алексѣй Кириловичъ, уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812-мъ годѣ 1984.

Разумовскій, Графъ Кирила Григорьевичъ, упом. домъ его въ Москвѣ 4; уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 228.

Райко (урожденная Антропова), Алек. Ник., уп. 305.

Райко, Алексѣй Николаевичъ, офицеръ Семеновск. полка уп. 297.

Райко, Николай Алексѣевичъ, біографическій очерк. 297—308; письмо къ гр. Бенкендорфу 308—313; уп. въ пис. гр. Капо д'Истріи 313—317.

Равичь, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 605

Раичь, отзывъ кн. П. А. Вяземскаго объ его журналѣ «Галатея» 605.

Раль, Петербургск. банкиръ. уп. въ пис. Сперанскаго 1119.

Рамзай де Бальменъ, старинная Шотландская фамилія, 462.

Раппъ, уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1999.

Расинъ отзывъ о его сочиненіяхъ Сперанскаго 1771.

Расколъ, въ Россіи; безуспѣшность мѣръ правительства къ искорененію его 1341. 1342.

Раскольники, уп. 1339.

Раубе, Франсуа, предатель, 1436.

Рахмановъ, генералъ, съ которымъ князь Таврическій любилъ спорить о вопросахъ богословскихъ 89. 90.

Рачъ, В. Ѳ. артиллерійс. генералъ. уп. 955.

Рейманъ, докторъ въ Баденѣ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1904. 1905.

Реймскій, герцогъ, архіепископъ, дядя Талейрана, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 34. 39.

Рейнъ, р. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 53. 57.

Рейтъ, капит., уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1944.

Рембекъ, баронъ, учитель математики, уп. 1435.

Реми, Францъ, учитель моск. гимназіи и Александровс. Института, уп. 889. 898.

Ренне, ген. маіоръ, уп. 909.

Реутъ, переводчикъ на польскій яз. нѣкотор. стихотвореній Дмитріева, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 622.

Ржевская, (урожд. графиня Каменская), Марія Михайловна; письмо къ ней фельдм. Каменскаго 1508.

Ржевскій, Григорій Павловичъ, камергеръ, женатъ на доч. фельдм. Каменскаго, уп. 1508.

Ржевскій, Тимоѳей, прапорщикъ; уч. въ заговорѣ Батурина, уп. 276.

Ржевскій, офицеръ Павлогр. Гусарс. полка, адъютантъ ген. Винценгероде, уп. 909.

Рибопьеръ (урожден. Бибикова), графиня Аграфена Александровна, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго, 1496.

Рибопьеръ, графъ Александръ Ивановичъ, оберъ-камергеръ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1466. 1499. 1500. 1501.

Рига, гор. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 26. 29. 37.

Рикордъ, вице-адмиралъ, командиръ Балтійской эскарды, находившейся въ Греческихъ водахъ, 747. 755.

Ричардсонъ, англійс. писатель; отзывъ Сперанскаго объ его романахъ 1144.

Ричь, капит., упом. въ донес. гр. Бальмена, 1944. 1946. 1948. 1950. 1951. 1953. 1954.

Ришелье, наставница гр. Мамоновыхъ, уп. 92.

Ришелье дюкъ де-, дивизіон. командиръ въ Молдавской арміи, 1841.

Ровандъ (Парижскій банкиръ), уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1903.

Роде, уп. въ пис. Сперанскаго 1790.

Родіоновъ, Михаилъ, дьякъ посольскаго приказа, уп. въ пис. къ гр. Мусину-Пушкину 1048. 1050.

Розенкампфъ, баронъ, коммиссія 1804 года, для составленія законовъ возникла по его плану, неодобриваемому юристами 1632. 1633. Сперанскій не довѣрялъ ему. Свои проэкты онъ составлялъ по французски. 1635. Его записка о реформахъ 1810 года 1642.

Розенъ, баронъ, издатель Альціоны, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 627. Николай I-й очень доволенъ его трагедіей «Россія и Баторій» 636. Отзывъ кн. П. А. Вяземскаго о его дарованіи ibid.

Ромадинъ, Егоръ, сенатск. регистраторъ, уп. 900.

Романовичъ, Евгеній Михайловичъ, его разсказъ о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ Аракчеева 283—289. Опроверженіе этого разсказа 951—958.

Ростовцовъ, графъ Михаилъ Яковлевичъ, уп. 1213.

Ростовцовъ, графъ Яковъ Ивановичъ; выписка изъ статьи: *«Болѣзнь и кончина ген. Ростовцова»* 1213. Его образъ дѣйствій, какъ предсѣдателя Редакціон. коммиссій по крестьянскому дѣлу; ссылки на статью: *«Дѣятельность Я. И. Ростовцова въ редакц. ком. по крест. дѣлу»*. Преемникомъ ему назначенъ гр. В. Н. Панинъ 1214, съ условіемъ не отступать отъ главн. основаній, указанныхъ въ *«Послѣдней запискѣ по крестьянскому дѣлу генерала Я. И. Ростовцова»* 1215—1246.

Ростокъ, гор. уп. въ пис. Петра I-го 106.

Ростопчина (урожден. Сушкова), графиня Евдокія Петровна, въ пис. кн. П. А. Вяземскаго названа *Московск. Сафо* 653. Въ Спб. она принята очень хорошо 654. уп. 854. Жуковскій о ея талантѣ 1467.

Ростопчина (урожден. Протасова), графиня Екатерина Петровна, уп. 854, уп. въ пис. ея мужа гр. Ѳ. В. Ростопчина 1873—1875. 1877. 1879. 1881. 1888. 1890. 1892—1894. 1896. 1897. 1901. 1903—1905. 1907—1909. 1911. 1914. 1920. 1921. 1923.

Ростопчина, Елисавета Ѳедоровна, гр. умер. въ дѣвицахъ, уп. 854. уп. въ пис. отца гр. Ѳ. В. Ростопчина 1892. 1911.

Ростопчина (урожд. принцесса Marie de Solge), граф. Марья Игнатьевна, 1875.

Ростопчина (урожд. Крюкова), мать графа Ѳ. В. Ростопчина, уп. 852.

Ростопчинъ, Василій Ѳедоровичъ, отстав. маіоръ, уп. 852. Доброта его 1425—1426.

Ростопчинъ, графъ Андрей Ѳедоровичъ, (женатъ на писательницѣ Е. П. Р.) уп. 854. 1429. уп. въ пис. отца 1896. 1902. 1909. 1911.

Ростопчинъ, графъ Сергѣй Ѳедоровичъ, уп. 854. уп. въ пис. отца 1875. 1877. 1886. 1888. 1894. 1896. 1898. 1900. 1902. 1905—1907. 1909. 1915. 1922.

Ростопчинъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ; отзывъ о немъ Лонгинова; его сочиненія изданы очень небрежно 851. Біографическія данныя и его послужной списокъ 852—854. Перечень его сочиненіямъ, не помѣщеннымъ въ Смирдинск. изданіи 854. 855. Перечень сочиненіямъ, вовсе не изданнымъ у насъ и написаннымъ по французски 855. 856. Перечень произведеніямъ, неосновательно приписывае-

мымъ ему 856. Перечень афишамъ 1812 года 857. 858. Его надписи къ своему портрету 858. Эпитафія самому себѣ 859. Заявляется желаніе имѣть новое изданіе его сочиненій 858. Отношеніе Кутузову, объ числѣ оставшихся въ Москвѣ жителей 881. 882. Выписки изъ рапорта Сенату 884. 885. Пылкость и безпощадность его въ дѣлѣ патріотизма 886. Назначенъ членомъ Коммиссіи по дѣлу, о должност. лицахъ правленія, учрежденнаго французами 887. 888. Его имѣніями управляютъ, сначала А. Ѳ. Брокеръ, а потомъ П. М. Погодинъ 1422. Пользовался особен. расположеніемъ Павла I-го; отзывъ отца о его прилежаніи и умѣ; по смерти Павла больше жилъ въ своихъ деревняхъ. Обратилъ на себя вниманіе Александра I — 1426. Не любилъ масоновъ 1428. Строго наказываетъ Верещагина, задержаннаго съ прокламаціей Наполеона 1431. 1432; уп. о его разговорѣ съ Карамзинымъ, занѣск. дней до вступленія французовъ въ Москву 1436. 1437. Сначала покровительствуетъ Сперанскому, а потомъ его непримиримый врагъ 1537. Мнимое письмо его къ Александру I. 1642. Александръ I дружески цѣлуетъ его, что поселяетъ въ Аракчеевѣ чувство зависти 1674. Ненависть къ французск. публицисту Б. Констану 1674. Споръ съ M-me Сталь; замѣчаніе его по поводу полученнаго имъ извѣстія о возмущеніи въ Петербургѣ 1675. уп. 1819. Шутливый анекдотъ на счетъ сонливости графа де Местра 1834. Его письма къ А. Ѳ. Брокеру 1873 — 1924.

Ротенбергъ, гора съ Русскою церковью, надъ прахомъ Виртембергской королевы Екатерины Павловны, въ которой вѣнчался Жуковскій 1460. 1461.

Ротинъ, купецъ-арендаторъ, уп. въ пис. Им-цы Маріи Ѳеодоровны 14.

Ротъ, генералъ уп. 122.

Ртищевъ, генералъ, уп. 1840.

Рубанъ, приказный служитель, уп. 1094.

Рудинъ, П. М. уп. 871.

Рудинъ, Павелъ, кол. регис. уп. 895.

Рудинъ, Петръ, кол. секр. уп. 895.

Рудольфъ, почтовый чиновникъ, уп. 1427. 1428.

Румянцовъ графъ Николай Петровичъ; Державинъ обвинялъ его за указъ о вольн. хлѣбопашцахъ 1543. Уп. въ пис. Сперанскаго 1766.

Румянцовъ, графъ Петр. Александроввчъ, фельдм., Екатерина II, во время путешествія въ Крымъ, была поражена внѣшнимъ безпорядкомъ въ губерніяхъ, состоящихъ подъ его вѣдѣніемъ. Отвѣтъ его на сдѣланное по этому поводу замѣчаніе 90. 91. Непріязнь его къ Потемкину 91. Завадовскій поставилъ въ своему саду его бронзовую статую, которая была потомъ подарена гор. Глухову 1075. Покровительствуетъ Завадовскому и Безбородкѣ 1076. Въ супружеской жизни онъ несчастливъ 1493 Ссылка на его поговорку 1847. уп. 1857.

Румянцовъ, графъ Сергѣй Петровичъ; уп. въ письмѣ Дашкова 601, его страсть къ картежной игрѣ 617.

Руничъ, уп. въ Запискахъ Греча 1404. 1409.

Русановъ, полковникъ, уп. 1843.

Руска, французск. генералъ уп. 907. 912. 924.

Русло, Карлъ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ 899.

Руссенъ, вице-адмиралъ, французс. посолъ въ Константинополѣ, 786.

Руссо, Жанъ Жакъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1506.

Рутковскій, чиновникъ упом. 1247. 1248.

Руфимскій, Николай, титул. совѣт., уп. 895.

Рындинъ, Кирила Степановичъ, сенаторъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1522.

Рѣпинскій, Г. К., сообщилъ дѣло объ открывающемся въ Смоленскѣ отдѣленіи Библейскаго общества 1395 — 1402.

Рѣпинскій, Косьма Григорьевичъ, студентъ (нынѣ сенаторъ), уп. въ пис. Сперанскаго 1210.

Рѣпниковъ, Николай, воспитан. военно-сиротск. отдѣленія, уп. 900.
Рѣпнинъ, кн. Николай Васильевичъ, фельдмаршалъ, уп. 1072.
Рѣтькинъ, гусаръ, уп. въ пис. Сперанскаго 1187.
Рэбэ, Францъ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ 892. 898.

*

С-ъ, А. И., уп. 962.
Саблинъ, почетн. опекунъ, уп. въ пис. Им-цы Маріи Ѳеодоровны, 3. 4. 13.
Саблуковъ, Александръ Александровичъ, сенаторъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1522.
Сабурово, Орловское имѣніе фельдм. Каменскаго, 1491. 1493.
Савельевъ, К. С., уп. 240.
Савельевъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1193.
Садовскій, московскій актеръ, его комическіе разсказы 1444.
Сакенъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1494.
Салтыкова, (урожд. гр. Чернышова), графиня Дарья Петровна, уп. 1421.
Салтыкова, князь (Александръ Николаевичъ?), уп. въ Запискахъ Греча 1405.
Салтыковъ, графъ Иванъ Петров. (фельдмаршалъ), уп. 1420. 1421. 1422.
Салтыковъ, кн. Николай Ивановичъ, ген.-фельдм., его кончина 1892. Великолѣпное погребеніе; Александръ I шелъ пѣшкомъ за его гробомъ 1893.
Салтыковъ, Борисъ, жившій въ Женевѣ въ дружескихъ отнош. съ Вольтеромъ и служившій посредникомъ между нимъ и Шуваловымъ, особенно въ то время, когда тотъ писалъ исторію Петра I-го, 643.
Сальванди, французск. писат.; его сочиненіе la Révolution et les Révolutionnaires одобривается кн. П. А. Вяземскимъ, 617.
Сальватори, докторъ; дѣло о пропажѣ его шкатулки 1913. 1914.
Сальватори, уп. въ пис. Сперанскаго 1692.
Самборскій, А. А., протоіерей, уп. 111. 112. Выписки изъ писемъ его къ кн. Чарторижскому и Александру I-му 113. 114.
Самойловичь, колоновожатый, уп. 811. 813.
Самойловъ, Семенъ, поручикъ, уп. 1065. 1066. 1068.
Сандуновъ, журналистъ, уп. въ пис. Дмитріева 1096.
Санктъ Петербургъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 25. 45. 50. 74. 82. Впечатлѣніе, произведенное имъ на Англійск. путешественника Диси 317. уп. 1349. гр. Ѳ. В. Ростопчинъ не могъ долго жить здѣсь, вслѣдствіе дороговизны, скуки и сплетень 1892. Онъ же замѣтилъ, что служащія лица дѣйствуютъ здѣсь смѣлѣе, чѣмъ въ Москвѣ 1915. Наполеонъ I раскаевается въ томъ, что не пошелъ прямо на Петербургъ 1941. 1942.
Каменный островъ любимая аллея Александра I 1411.
Мальтійская церковь, проповѣди Линдля 1404.
Костелъ Св. Екатерины (на Невскомъ Просп.), проповѣди Госнера 1404.
Солодовникова домъ, въ которомъ собирались скопцы 1349.
Саранча, насѣком., суевѣрное отношеніе къ ней жителей Закавказья 1257. 1258. Появленіе ея надъ крѣпостью Грозною 1258. наблюденія надъ нею фельд. кн. Баратинскаго 1258. 1259.
Сатаръ, Персіянинъ-пѣвецъ, уп. 1019—1021.
Сафоновъ, уп. 241.
Свербеева, Е. А. уп. въ пис. Жуковскаго 1463.
Свербеевъ. Д. Н. Его «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ» 976—1001. 1317. Замѣчанія на нихъ Лонгинова 1327.
Свиньинъ, Пав. Петровичъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 631; ссылка на издаваем. имъ Отечествен. Записки 914.
Сводъ законовъ, уп. 627. 1653. 1654. 1655. 1656.
Свѣчина (урожден. Соймонова) Софья Петровна, ея салонъ, 1834.
Свѣчинъ, уп. въ Запискахъ Инсарскаго 1026.
Себастьяни уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 45. 51. 204.

Себастьяни, французск. генералъ, уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 754.
Севастополь, гор. статья Андреева: «Еще о Севастополѣ» 1676—1680.
Севинье,, уп. въ пис. Сперанскаго 1108. 1796.
Севрюковъ, Борисъ, уп. 1054. 1055.
Сегюръ (урожд. гр. Ростопчина), графиня Софья Өеодоровна, уп. 854.
Сегюръ, уп. въ пис. Сперанскаго 1761.
Седьморацкій, ген.-маіоръ, уп. 1840.
Селивановскій, Н. С. уп. его «Записки» 1817.
Селивановъ, Андрей, скопецъ, уп. 1349.
Селивановъ В. В. уп. 1864.
Селисъ, уп. въ пис. Дашкова 597.
Семенова, актриса, уп. въ пис. Сперанскаго 1180
Семеновская Исторія въ Петербургѣ, ссылка на ст. въ Чтен. Общ. ист. и др. 1319. 1320.
Семеновскій полкъ; всѣ роты размѣщены по приморск. крѣпостямъ Финляндіи 1320. Возмущеніе 1820, 1821. 1822. 1823. 1824. 1825. Военный судъ 1826.
Семеновъ, Николай Петровичъ сенаторъ, сообщилъ «послѣднюю записку Я. И. Ростовцова» 1215.
Семенъ, зеленщикъ-креет. крестный отецъ гр. М. А. Мамонова 92.
Семенъ, курьеръ уп. въ пис. къ гр. Мусину-Пушкину 1051.
Семипалатинскъ, гор., впечатлѣніе произведенное имъ на Сперанскаго 1780.
Семово, село, уп. 1062. 1064.
Сенатъ, при Петрѣ I-мъ 1550; при Елисаветѣ, Екатеринѣ II и Александрѣ I 1551; при Аннѣ Іоанновнѣ 1552. Организація Сената 1554 —1558.
Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Осипъ Ивановичъ; Его «Путешествіе» покупается и превозносится на расхватъ 635. 636. Уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 645. 656.
Сентъ-Арно, французск. маршалъ, уп. 1677.
Сентъ-Жоржъ, мать и дочь, уп. 1435.
Сенъ-Илеръ, французъ. генералъ уп. 1850.
Сенъ-При, (старшій), уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 66. 70.
Сенъ-При, (младшій), уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 66. 70.
Сенявинъ, адмиралъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 45. 51. уп. 1842.
Серафимъ, митроп. Новгородскій и С. Петербургскій; письма къ Александру I, по поводу дѣла о Духоносцахъ 940—944. Послѣдствіемъ ихъ было закрытіе Библейскихъ Обществъ 945. уп. въ пис. Фотія 946. Письмо къ Аракчееву о награжденіи Фотія 947—949. Отвѣтъ Аракчеева 949. 950. уп. 1332. 1333. 1346. 1347. Докладываетъ Александру I-му о зловредности книги Госнера; слова Александра 1387. уп. 1388. 1389. Избранъ въ митрополиты по совѣту Аракчеева, Засѣдаетъ въ Библейскомъ обществѣ; борьба съ кн. Голицынымъ, кончившаяся паденіемъ послѣдняго; Аракчеевъ, Фотій, Орловъ и Магницкій настаиваютъ, чтобы онъ доложилъ Александру о вредной дѣятельности кн. Голицына 1390.
Сербиновичъ, Костантинъ Степановичъ, пользовался довѣріемъ и уваженіемъ Карамзина 629. Издаетъ журналъ Министер. Народн. Просвѣщенія 633. 635. уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 648. 652.
Сербы, ихъ любовь къ Россіи и царямъ ея; ихъ территорія 115. Проэктъ возстановленія Славяносербскаго государства 116 — 120. уп. 121. 122.
Сергіевскій, Николай Александров. протоіерей проф. богословія въ Московс. Унив., духовникъ П. Я. Чаадаева 1000. 1001. Его погребальное слово 1002.
Сердобинъ, баронъ М. Н., влад. архиза кн. А. Б. Куракина 24.
Серебряковъ, капит. лейт., родомъ крымск. Армянинъ, 755. 756.
Серпинè перев. на французс. яз. рѣчи и проповѣди митроп. Московскаго Филарета 322.

Серранъ, герцогиня, уп. въ пис.кн. А. Б. Куракина 34. 39.

къ сердцу вопросы о водяныхъ сообщеніяхъ; доказывалъ выгоду для торговли

Сленинъ, книгопродавецъ, уп. 263.
Слободскій Дворецъ, *См.*

921. О значеніи его въ кампанію 1814 года 921—925.

Соболевскій, Сергѣй Александровичъ. Его замѣтка о *вліяніи Смоленск. бульвара на Португальскій парламентъ* 330—334. уп. въ пис. Пушкина 973.

Соковнинъ, полковникъ, взятый въ плѣнъ французами и избавленный отъ онаго к. Голицынымъ 1987.

Соловецкій монастырь, уп. 1417.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ, историкъ, его замѣтки о Самозванцахъ 265 281, ссылка на его *Исторію России* 1058.

Солодовникова домъ, См. *Санктъ Петербургъ*.

Сонцевъ, Матвѣй Михайловичъ, 456.

Сонцева (урожд. Мацнева) княгиня, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1520.

Сонцовъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1520.

Сорокинъ, солдатъ, уп. 278. 279.

Сорокинъ, капитанъ морской службы, уп. 1415.

Софроній, уп. въ пис. къ гр. Мусину Пушкину 1043.

Сохацкій, Павелъ Аѳонасьевичъ, профессоръ Москов. Университета, издавалъ *Минерву* 1096.

Спаѳаріевъ, командиръ Ревельскаго порта, извѣстн. своимъ хлѣбосольствомъ 262.

Сперанскій, А. А., студентъ уп. 960.

Сперанскій, Козьма Михайвичъ, уп. 1108. 1203. 1709. 1772. 1794.

Сперанскій, графъ Михаилъ Михайловичъ; рескриптъ Никол. I, составленный Блудовымъ 627. Во время засѣданія Государс. Совѣта, предъ выпускомъ въ свѣтъ Свода Законовъ, Николай I надѣлъ на него свою андреевск. звѣзду 628. Уп. 927. 929. Посѣщаетъ Одессу; письмо Магницкаго 933. 934. Свиданія съ нимъ 934. уп. *Дума на гробѣ* его, соч. Магницкимъ 937 его *Жизнь*, соч. барона Корфа 1103. Выписки изъ предисловія Корфа 1104. Его письма къ дочери 1104—1212. уп. 1395. Его. *Государственная дѣятельность*, соч. проф. Дмитріева 1527 — 1656. Его письма къ дочери изъ Сибири 1681—1811.

Спиридовъ, Григорій Григорьевичъ, сынъ Екатерининскаго адмирала, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1873. 1878. 1880. 1886. 1898.

Споль, иностр. прожив. въ Москвѣ, уп. 1434,

Стакельбергъ, графъ Густавъ Оттоновичъ, чрезвыч. послан. въ Неаполѣ. Замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1783.

Сталлибрасъ, англійск. миссіонеръ въ Сибири, уп. въ пис. Сперанскаго 1711. 1713.

Сталь, писательница, уп. въ пис. Сперанскаго 1192; ея салонъ 1411; споръ съ гр. Ростопчинымъ 1675. Замѣчаніе о ней Сперанскаго 1796.

Станиславъ - Августъ (Понятовскій), кор. Польскій, уп. 90.

Станевичь, Евстафій, уп. его *«Бесѣда на гробѣ младенца»* 1384.

Старовъ, команд. егерск. роты, уп. 909.

Стенфильдъ, капит., уп. въ донес. гр. Бальмена 1981. 1982.

Степановъ, чинови., уп. въ Запискахъ Греча 1406.

Стефанъ Яворскій, митроп. Рязанскій, уп его *Камень вѣры* 937. 1335. уп. 1059.

Стивенсъ, Францисъ, братъ жены Сперанскаго, уп. 1126. 1127. 1132.

Столыпина (урожд. Мордвинова), Вѣра Николаевна, уп. въ пис. Сперанскаго 1109. 1134. 1144. 1791. 1210.

Столыпина, Вѣра Яковлевна, уп. въ пис. Сперанскаго 1811.

Столыпина (урожд. Устинова) Марія Александровна, уп. 1117. 1727.

Столыпина, Наталья Алексѣевна, уп. въ пис. Сперанскаго 1165. 1209. 1210.

Столыпина (супр. Дмитр. Алексѣев. Стол.) уп. въ пис. Сперанскаго 1118.

Столыпинъ, Александръ Алексѣевичъ, уп. 1211.

Столыпинъ, Аркадій Алексѣевичъ (сенаторъ), уп. въ пис. Сперанскаго 1109. 1124. 1127. 1128. 1133.

1150—1153. 1188. 1199. 1204. 1210. 1686. 1696. 1709. 1712. 1716. 1718. 1719. 1720. 1723. 1761. 1762. 1763. 1765. 1791. 1798. 1806.

Столыпинъ, Аѳанасій Алексѣевичъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1108. 1117. 1178. 1180. 1188. 1191. 1727. 1755.

Столыпинъ, Григорій Даниловичъ (Пензенск. губерне. предводитель дворянства) уп. въ пис. Сперанскаго 1160. 1208. 1209. 1810.

Столыпинъ, Дмитрій Алексѣевич., (ген.-лейт.), уп. въ пис. Сперанскаго, 1108. 1117.

Столыпинъ, Николай Алексѣевичъ, воен. ген. губернаторъ; растерзанъ народомъ въ Севастополѣ, во время холеры, уп. 1108.

Столыпины, уп. въ пис. Сперанскаго 100. 128. 1107. 1109. 1117. 1168.

Столыпино, село, уп. въ пис. Сперанскаго 1205.

Стольное, село Черниговс. губ. имѣніе Безбородки, уп. 1078.

Столяровъ, Иванъ Семеновъ, конюхъ фельдм. Каменскаго, уп. 1496. 1497.

Стратимировичъ, митрополитъ Славяно-Сербскій, его *Записка* 111. 113. 114—120.

Страховъ, Николай Ивановичъ, главн. приставъ въ Калмыцкой ордѣ, его намѣреніе написать Исторію о Калмыкахъ 128. Посѣщеніе Калмыцк. владѣтеля Чучея 129. 132.

Стренкевичъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1900.

Стриневскій, Николай Ѳедоровичъ, тамбовскій помѣщикъ. пріятель Баратынскаго 866—868. 872.

Строгонова (урожд. гр. Кочубей), графиня Наталья Викторовна, уп. въ пис. Сперанскаго 1165.

Строгоновъ, графъ Александръ Григорьевичъ, ген.-адьют. уп. 1165.

Строгоновъ, графъ Григорій Александровичъ (былъ посланникомъ въ Мадритѣ и Константинои.), уп. въ пис. Дашкова 584. 588. 590. 591. 594.

Строгоновъ, графъ Павелъ Александровичъ, пользовался особеннымъ довѣріемъ Александра 1544. (упом. въ пис. кн. Куракина 74, 82.?)

Строгоновъ, графъ Сергій Григорьевичъ, (ген. адьют.) участвовалъ при взятіи *Соассона* 903. 909. 922—924.

Стройновскій, графъ, уп. 856.

Ступикова, Марья Михайловна, уп. 264.

Ступинъ, книгопродавецъ, уп. въ пис. Баратынскаго 150.

Стурдза, Александръ Скарлатовичъ, уп. 303. Его *Воспоминанія о Магницкомъ* 926—938.

Стюартъ, англичанинъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 61. 63.

Суворовъ, князь Александръ Васильевичъ (генералиссимусъ), уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 182. уп. 1070. былъ несчастливъ въ супружеской жизни 1493. уп. 1837. уп. его побѣды 1799-го года 1842. Хотѣлъ застрѣлить австрійск. генер. Мелаcа за ослушаніе 1844. уп. 1847. 1850. 1860. Его письмо къ Д. И. Хвостову 1865. 1866.

Суворовъ, князь Аркадій Александровичъ, (ген. лейт). уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 227.

Суворовъ, князь Николай Александровичъ, уп. въ Записк. Инсарскаго 1251. 1306.

Суворовъ ген.-маіоръ, главн. начальникъ Нерчинскихъ Заводовъ, уп. 276.

Суворовъ, авторъ Похвальнаго Слова Екатеринѣ II-й 1088.

Сумароковъ, Александръ Петровичъ, замѣчаніе о немъ кн. П. А. Вяземскаго 613. кн. Н. Б. Юсуповъ былъ пламеннымъ почитателемъ его и зналъ наизусть многія мѣста изъ его трагедій 1442.

Сумароковъ, Панкратій Богдановичъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 636.

Сумароковъ, Петръ Панкратьевичъ; Жуковскій очень хвалилъ его повѣсти 636.

Сумароковъ (графъ,) Сергій Павловичъ, уп. 1676.

Сумбатова, княгиня, уп. въ Запискахъ Инсарскаго 1016.

Сумбатовъ, князь, уп. въ Запискахъ Инсарскаго 1302 1303.
Супруновъ, актеръ уп. въ пис. Сперанскаго 1164.
Сутерландъ, банкиръ, уп. 824. 825.
Сухтеленъ, графъ Павелъ Петровичъ, участв. при взятіи Соассона 910. 911. 914. (назнач. ассесоромъ военнаго суда, по дѣлу о Семеновскомъ возмущеніи 1826. ?)
Сушковъ, Николай Васильевичъ, 1038.
Сущовъ, Андрей, чиновникъ вѣдомства Московс. Универс. 894. 897.
Сѣверинъ, Дмитрій Петровичъ, уп. въ пис. Дашкова 585. 589. Его скорбь по случаю кончины жены 590. уп. 596. Замѣчаніе о немъ кн. П. А. Вяземскаго, 630. Уп. въ письмахъ: Вяземскаго 653; Жуковскаго 840. 841.
Сѣровъ, уп. въ Запискахъ Греча 1404.

*

Т-ъ, А. А. 795.
Тагиръ-Паша, адмиралъ, уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 787.
Тайныя общества въ Россіи, 1350.
Талейранъ, князь Беневентскій 34. 39. 65. 69. 203. 205. 212. 219. 220. 617. Александръ I. пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея 220.
Танкокъ, капит., уп. въ донес. гр. Бальмена 1961. 1965. 1970—1973.
Тараканова, княжна 272.
Татаринова, сектаторша 1349. 1350.
Татариновъ, дворовый человѣкъ 892. 899.
Татары (Кавказскіе) 1266. 1267.
Татары Крымскіе, волненіе и пророчества о скоромъ прибытіи Египетскаго Паши «Заступника православныхъ мусульманъ» 747.
Татищевъ, Дмитрій Павловичъ, дипломатъ 301. 1430. 1437.
Тесье, его книга Les délices de la convalescence 610.
Тикъ, писатель 842. 843.
Тильзитъ, 161.
Тимковскій, Егоръ Θедоровичъ, его «Путешествіе въ Китай» 1750.
Тимковскій, цензоръ 1351. 1352. 1403.
Тифлисъ, гор., вьюки 1264, торжественный въѣздъ въ него кн. А. И. Барятинскаго 1313. 1318.
Тихонравовъ, Никол. Сав., проф., его статьи о гр. Ростопчинѣ 859.
Толстая (урожденная кн. Хилкова, въ первомъ бракѣ за кн. С. Г. Щербатовымъ), графиня Анна Михайловна. Замѣчаніе о ней Сперанскаго 1134. 1135., о ея дѣтскомъ вечерѣ 1790. 1791.
Толстой, графъ Александръ Николаевичъ, оберъ-гофмейстеръ 1135.
Толстой, Алексѣй Петровичъ, упом. въ пис. гр. Н. М. Каменскаго 1498.
Толстой, Василій Алексѣевичъ, упом. тамъ же 1498.
Толстой, графъ Николай Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ, при имп. Алекс. 1-мъ 45. 50. 175. 182.
Толстой, граф. Левъ Никол. его нѣсколько объяснительныхъ словъ по поводу сочиненія его «Война Миръ» 515—528.
Толстой, Павелъ Алексѣевичъ, упом. въ пис. гр. М. Θ. Каменскаго 1498.
Толстой, графъ (Петръ Александровичъ?) 79. 86. 172. 227. 814. 1414. 1497. 1840. 1851. 1855.
Толстой, граф. Θедоръ Ивановичъ, замѣчаніе о немъ Жуковскаго 1464.
Толстой, графъ, слухъ о назначеніи его главнокомандующимъ Москвы, на мѣсто Тормасова, уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1918.
Толь, (граф. Карлъ Θедоровичъ), 1824. 1825.
Томпсонъ, капит., уп. въ донес. Бальмена 1955. 1958.
Томская губернія, замѣчаніе о ней Сперанскаго 1691.
Тончи, уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1874. 1875.
Торіакъ, донощикъ 1434.
Тормасовъ, графъ Александръ Петровичъ ген. 28. 31. Московскій главнокомандующій 814. Поговорка, сложившаяся по случаю назначенія его главнокомандующимъ Москвы 1876. Замѣченіе о немъ Ростопчина 1877. уп. 1885. 1889.

1890. 1892—1894. 1913. слухъ о смѣнѣ его 1918.
Тосканская великая герцогиня 827
Тотлебенъ инженеръ, 1676 — 1678. 1680.
Трамповскій, ген., состоящій при кн. А. И. Барятинскомъ упом. въ Зап. Инсарскаго 1010. 1253. 1256. 1268. 1272. 1276.
Трапезниковъ, Иркутскій к. 1709. 1720. 1743 1756.
Траппъ, Прусскій вице-консулъ въ Руанѣ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1919.
Треборнъ, Иванъ, метрдотель и любимецъ Петра III 1425.
Треборнъ, Яковъ Ивановичъ, изъ Гатчинскихъ офицеровъ, впослѣдствіи почт-директоръ Тамбовскій, свѣдѣнія о немъ 1424. 1425.
Тредьяковскій Василій Кирилловичъ 1099. 1814.
Трескинскій, чиновникъ V класса 1404. 1409. 1410.
Трескинъ, Николай Ивановичъ, губернаторъ Восточной Сибири 1425.
Троекуровъ, кн. Иванъ Борисовичъ, 1058.
Трощинскій, (Дмитрій Прокофьевичъ) 1538. 1583. опасно боленъ 1892.
Трубецкой, кн. (Василій (Сергѣевичъ?) 66. 70. 1494.
Трубецкой, кн. Николай Ивановичъ, президентъ Московской Дворцовой Конторы, 1488.
Трюбнеръ, издатель 1812.
Тургенева, Екатерина Семеновна 1828.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, отправился вмѣстѣ съ Жуковск. за границу 621. 629 прозвище данное ему И. И. Дмитріевымъ и друзьями 621 письмо изъ Венеціи 625 подарокъ И. И. Дмитріеву 631 его «академическія тетрадки» 642 парижская хроника 646 сравненіе съ Надеждинскою хроникою 646 «борзописецъ» 651 архивная котомка» 653 Арзамазское прозвище 829. его друзья 1436 кончина 1456—1460. Воспоминаніе о немъ Погодина 1458. Жуковскій изъявляетъ желаніе, чтобы кн. Вяземскій «посвятилъ памяти его перо свое» 1458. 1459. принималъ участіе въ изданіи «О подражаніи Христу» 1715. 1716. упом. въ пис. Карамзина 1832. Жуковскаго 1449. 1453 кн. Вяземскаго 627. 652. 655. замѣчаніе о немъ кн. Вяземскаго 1833
Тургеневъ, Николай Ивановичъ, его Арзамазское прозвище 829. Жуковскій извѣщаетъ его о кончинѣ брата 1457.
Туссенъ-ле-Прево д'Ирэ, смотритель лазарета въ Екатерининскомъ институтѣ 899.
Тутолминъ, Тимоѳей Ивановичъ, Архангельской и Олонецкой генер. губернаторъ, 1418. его пышность 1419 Московскій главнокомандующій? упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1507. 1524. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.
Тучковъ, (Николай Алексѣевичъ) упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 79. 86. 227 замѣчаніе о немъ гр. М. Ѳ. Каменскаго 1512 упом. 1840.
Тучковъ (Павелъ Алексѣевичъ), почетн. опекунъ 13.
Тыртовъ, Новгородск. уѣздный предводитель дворянства 288. А. Д. Тыртовъ 956.
Тыртовъ, подпор. 276-278.
Тюммель, его Reisen in Frankreich 842.
Тюменевъ, Дмитрій Іевлевъ 1864.
Тюрень, гр. М. Ѳ. Каменскій приводитъ его въ примѣръ 1502.
Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, сообщилъ разсказъ К. Х. Бенкендорфа изъ исторіи 1812 года 1676.
Тяпугинъ, Василій, 900.

*

Убриль, (П. Як. посланникъ при Германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ) упом. въ пис. Жуковскаго 1463.
Уваровъ, графъ, Алексѣй Сергѣевичъ, сообщ. указъ импер. Павла І-го 1866.
Уваровъ, (графъ) Сергѣй Семеновичъ, слухи о назначеніи его товарищемъ министра 617. просилъ Шишкова дать отъ лица Академіи 10 т. р. на памятники Державина и Карамзина 633. на его дачѣ, подъ Петербургомъ, Карповкѣ, построена бесѣдка, посвященная Штейну 829

Арзамазское прозвище 829. Православіе, самодержавіе и народность 989. упом. въ пис. Сперанскаго 1174. 1702.
Уваровъ, Өедоръ Петровичъ, генер., упом. въ пис. гр. М. А. Мамонова 103. 104. кн. А. Б. Куракина 181.
Уваровъ, Өедоръ Семеновичъ, сообщалъ А. Н. Оленину разсказы изъ 12-го года 1996. 1997.
Указы о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменѣ на гражданскіе чины 1637—1639.
Ульяновъ, И. С., его замѣтки 1038.
Университеты Россійскіе 1378. 1379.
Уральскія горы, замѣчаніе о нихъ Сперанскаго 1684.
Урнежевскій, Александръ, вахмистръ 276. 277.
Урусовъ, кн. (Александръ Васильевичъ?) 803.
Усатовъ, унт. оф. 264.
Ушакова, 262.
Ушаковъ, А. А. 912.
Ушаковъ, Егоръ, дворовый человѣкъ 898.
Ушаковъ, Өедотъ, 1055.
Ушаковъ, солдатъ, 278.

*

Фадѣевъ, А. М. 1004.
Фадѣевъ, военный писатель, 1004. упом. въ Зап. Инсарскаго 1248. 1252. 1273. 1283. 1314.
Фарнгагенъ фонъ Энзе, его статья о гр. Ростопчинѣ 859.
Фе, упом. въ пис. Сперанскаго 1706.
Фенелонъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1771. 1772.
Феньшау, (сенаторъ) 1031. 1032. 1988?
Феньшъ, 1032.
Фергюсонъ, капит. морск. 1974. 1975.
Фердинандъ, импер. Австрійскій 120.
Фердинандъ VII, кор. Испанскій 983.
Ферзенъ, графъ, упом. въ Зап. Инсарскаго 1255.
Ферьеръ (le comte Hector de la Ferrière), его розысканія въ И. Публ. Библіотекѣ по исторіи Франціи 321.
Фигнеръ, полковникъ-партизанъ 1998. 1999.
Филаретъ, митр. Московскій, 123 его письма 137—141. переводъ на французскій языкъ его проповѣдей 322. статья Мазада по поводу нихъ въ Revue de deux Mondes 322 замѣтка 1038. 1039. Замѣчаніе Сперанскаго о его сочиненіи *„Начерт. церк. библ. истор.“* 1112. 1113.
Филанджерій, 1101.
Фитингофъ, г-жа 26. 28. 29. 31.
Фихте, 842.
Фихтнеръ, архитекторъ 895. 1432.
Фишеръ, m-me упом. въ пис. Сперанскаго 1146. 1151. 1171.
Фишеръ, докторъ, 1435.
Флетчеръ, 991.
Флоріо, упом. въ пис. Сперанскаго 1132. 1138. 1146. 1713.
Фогель, упом. въ Зап. Греча 1409.
Фокіонъ, 936.
Фокнеръ, его разговоръ съ Екатериною Великою 828.
Фокъ, (фонъ), упом. въ Зап. Греча 1412.
Фолдезенъ, флагманъ 1414. 1415.
Фёлькерзамъ, Саксонскій дипломатъ, въ Петербургѣ, его донесенія 823—825.
Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ, его біографіею занимается кн. Вяземскій 613. 615. его слова 615. Запросы о немъ у И. И. Дмитріева 643. 644. 645.
Фонъ-Визинъ, Павелъ Ивановичъ 644.
Форжъ, измѣнникъ 1434.
Фоссъ, г-жа 35. 40.
Фотій, архимандр. Юрьевскій съ особенною торжественностью заключаетъ союзъ съ Магницкимъ 932. письмо къ Симоновскому архимандр. Герасиму 944. 946. 947. пис. къ нему еписк. Пензенскаго Иннокентія 945. митр. Серафимъ черезъ Аракчеева хлопочетъ о его награжденіи 947—950 письмо къ нему Аракчеева 950. 951. аудіенція у имп. Александра Павловича во дворцѣ на Каменномъ островѣ 948. дѣлаетъ увѣщанія Котельникову 1346. 1347. поддерживаетъ м. Серафима въ его борьбѣ съ кн. А. Н. Голицынымъ 1390 его За-

писки 1391. отзывъ его о Гречѣ и Тимковскомъ 1403 упом. въ пис. кн. Вяземскаго 615. въ Зап. Греча 1412 упом. 1332.

Фракманъ, Московскій именитый гражданинъ 896.

Франкъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 608.

Францъ, I (II), импер. Австр. свѣдѣнія о немъ 47. сватовство за в. кн. Екатерину Павловну 47. 48. 56. 57. 58. 59. низкое мнѣніе о немъ импер. Александра I 47. 57. 58 неудовольствіе съ братомъ 60 упом. 25, 230. 233. 980. 1932. 1934. Наполеонъ I говорилъ, что онъ моритъ своихъ женъ, какъ Рауль Синяя Борода 1932. 1934.

Фрезе, докторъ, 1524.

Фрейгангъ, надв. сов. 222. 228.

Фрейгангъ, начальн. морской станціи въ Баку, уп. въ Зап. Инсарск., 485. 489. 495. 496. 497. 498. 499. 502. 503. 513.

Фридландъ, 72. 73. 78—81. 85. 173. 194. 204. 214. 1851.

Фридрихъ II, кор. Прусск. 1491. 1502. 1839. 1842.

Фридрихъ Вильгельмъ III, кор. Прусскій, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина (1807 г.) 35. 40. 42. 48. 61. 62. 72. 73. 74. 81. 82. 173. 175. 183. 188. 204. 207. 219 гр. М. Ѳ. Каменскаго 1502 гр. Ростопчина 1884 упом. 980. 1841. 1844. 1847.

Фридрихъ, пр. Гессенскій 108.

Фридрихъ, адъют. гр. Милорадовича 1825.

Фрикенъ (фонъ), ген. 954. 955.

Фролова-Багреева (урож. гр. Сперанская), Елизавета Михайловна, приноситъ въ даръ Имп. Публ. библіотеки письма своего отца съ условіемъ издать ихъ въ свѣтъ безъ пропусковъ 1103. ея біографія 328. пис. къ ней (гр.) М. М. Сперанскаго 1103—1212. 1681—1811.

Фуке, писатель 842. 843.

Фэ, Христіанъ, Дерптскій купецъ 897.

*

Х., пажъ, 145. 151. 152.

Ханенко, А. И. разсказы о старинѣ 1069—1080.

Ханенко, Н. Д., его дневникъ 1073.

Ханыковъ, Николай Владиміровичъ, принималъ участіе въ Кавказскихъ праздникахъ 1004. 1005.

Харитоновъ, А. А. 1006.

Хатовъ, ген. лейт. 1845.

Хвостовъ, А. С. его посланіе къ Фонъ-Визину 644. 645. 647.

Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 610. 620. 622. 623. 639. въ Арзамазскомъ протоколѣ 835. въ пис. И. И. Дмитріева 1087. 1097. 1098. пис. къ нему Суворова 1865.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, 644. 928.

Хилкова (урожд. кн. Голицына). Елизавета Петровна 1135.

Хилковъ, князь Дмитрій Александровичъ, секретарь и-цы Маріи Ѳеодоровны 1. 5. 19.

Хилковъ, кн. Михаилъ Яковлевичъ, 1135.

Хмельницкій, Н. И. 1406.

Хмыровъ, М. Д. сообщилъ указъ Петра Великаго 105.

Ховрина, Екатерина, упом. въ пис. Сперанскаго 1810. ея мать 1187.

Хозревъ-Мегмедъ-паша, сераскиръ, 763. 764. 768. 770. 772. 774 — 779. 781 — 784. 786. 787. 789. 791. 792.

Холодковскій, Петръ Ѳедоровичъ, Смоленскій губ. прокуроръ 1395. 1400. 1402.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, его дружба съ Баратынскимъ 146. Замѣчаніе кн. Вяземскаго о его трагедіи «Дмитрій Самозванецъ» 617. его бѣгство изъ родительскаго дома 301. его бесѣды съ гр. С. С. Уваровымъ 989 свиданіе съ Жуковскимъ въ Эмсѣ 1467.

Хотьковъ монастырь, его посѣщаетъ Баратын. 871.

Храповицкій (Александръ Васильевичъ), его Записки 1490. 1491.

Храповицкій, Смоленскій помѣщ. 1079. 1080

Храповицкій, Михаилъ, похвальное слово Екатеринѣ 1089.

Христіяни, подпор., преподавалъ въ школѣ колоновожатыхъ 802. 810.

Хрусталевъ, его библіотека 1485.

Хрущовъ, упом. въ пис. и-цы Маріи Феодоровны къ кн. С. И. Гагарину 5. 6 8. 8. 9. 19. 20.

Хрущовы, упом. въ пис. Сперанскаго изъ Пензы 1187.

Худышкинъ, гренад. 276—278

*

Цейеръ, Францъ Ивановичъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1106. 1113. 1128. 1149. 1151. 1156. 1166. 1168. 1170 1174. 1176. 1203. 1207. 1209. 1210. 1710. 1733.

Цейнеръ, упом. въ пис. Сперанск. 1171. 1175. 1179. 1713.

Цимерманъ, Густавъ Өеодоровичъ (Екатеринин. генер.) 1878.

Цимерманъ (урожд. Спиридова) Александра Григорьевна 1878.

Циннеръ, 213.

Цицiановъ, кн. Михаилъ Дмитріевичъ, сенаторъ, опекунъ гр. М. А Мамонова 99—101. упом. въ пис. гр. Ростопчина 1880. 1889. 1892. 1895.

Цицiановъ, кн. П. Д. пис. къ нему гр. Ростопчина 854. 1856.

*

Ч-въ, упом. въ Зап. Инсарс. 1294.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, воспоминанія о немъ 976—1002. 1317—1328. 1826.

Чавчавадзе, княгиня, уп. въ Зап. Инсарскаго 1304.

Чарторыжская, княгиня, жена князя Адама 238.

Чарторыжскій, кн. Адамъ упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 44. 45. 50. 64. 68. 75. 76. 78. 82. 84. 85. 173. 195. 238. упом. 112. 113. 1544.

Чарторыжскій, кн. Константинъ, 232.

Черкасскій, кн. Владиміръ Александровичъ, бывшій главный директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ 108.

Черкутино, старинное село Владимірской губерніи, имѣніе князей Салтыковыхъ, мѣсторожденіе Сперанскаго 1529.

Чернышовъ, (кн.) Александръ Ивановичъ, участвовалъ во взятіи Соассона 905—909. 911—915. 917. 918. военный министръ 736. 743. 747. 754. 774.

Чернышовъ, гр. Петръ Григор. 1422.

Чернышовъ, Петръ, бѣглый солдатъ Брянскаго полка 276.

Чертковъ, Григорій Александровичъ, владѣлецъ Записокъ ген. ад. Н. Н. Муравьева (Карскаго) 733.

Чертковъ, Михаилъ Ивановичъ, командиръ Куринскаго полка, на Кавказѣ 1275.

Чемесова, Марөа Ефимовна, упом. въ пис. Сперанскаго 1175. 1178.

Черницына, упом. въ пис. Сперанскаго 1803.

Чижовъ, Өедоръ Васильевичъ, его замѣчаніе о шелководствѣ 306.

Чимарозе, 1441.

Чирковъ, Никол. Александровичъ, 124.

Чистяковъ, приставъ сыскной полиц. въ Москвѣ 1899.

Чичаговъ, Василій Яковлевичъ, 1416?

Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, анекдотъ о немъ 1819 его разсказъ 1988.

Чичеринъ, Олонецкій вице-губернаторъ, его дочь 1419.

Чучей, Калмыцкій владѣлецъ, 128. 130.

*

Шабо, ген. 112.

Шаденъ, дипломатъ, 74. 82.

Шаликовъ, кн. Петръ Ивановичъ, издатель Московскаго Зрителя 1096, за него вступился И. И. Дмитріевъ противъ нападокъ на него Московскихъ университетскихъ цензоровъ 1097—1100. онъ же укорялъ Дашкова въ холодности къ нему 597; издатель «Аглаи», который выписывалъ гр. М. О. Каменскій 1526.

Шальме, секретарь 1435.

Шальме, мадамъ 1435.

Шамиль, упом. въ Зап. Инсарскаго 1010. 1269. 1274. 1275. 1292. 1295. 1299—1301. 1303. 1304. 1307. 1309. 1313.

Шатобріанъ, упом. въ пис. Дашкова 601 кн. Вяземскаго 651. на Веронскомъ конгрессѣ убѣдилъ И-ра Александра Павловича отправить войска въ Испанію на защиту кор. Фердинанда VII, 983. Импер. Александръ Павловичъ дорожилъ его мнѣніемъ 1411. замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1771.
Шафировъ, бар. (Петръ Павловичъ), подканцлеръ 1555.
Шаховской, кн. А. А., 12 окт. 1812 г. вступилъ въ Москву и приступилъ къ водворенію порядка 885.
Шаховскій, кн. (Александ. Александровичъ) писатель, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 605. 621. Жуковскаго 838. 938.. мнѣніе о немъ Сперанскаго 1179.
Шаховской, кн. (Валентинъ Михайловичъ?), питомецъ школы колоновожат. 802.
Шварцъ, масонъ 1427.
Шварцъ, командиръ Семеновскаго полка, былъ причиною возмущенія онаго въ 1820 году 1020—1822. 1826. 1827.
Шведскій, кронъ-принцъ, 919. 920. 922. 924.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, его статьи о Данте помѣщались въ Ученыхъ Запискахъ М. Унив. 633. замѣчаніе о немъ кн. Вяземскаго 642 упом. въ Воспоминаніяхъ о Чадаевѣ 993 въ пис. Жуковскаго 1451 по его мысли устроенъ былъ у гр. А. А. Закревскаго праздн. въ маскахъ 1475. замѣчаніе о томъ Жуковскаго 1475. 1476.
Шекспиръ, 826. 843 сравненіе съ Шиллеромъ 1131 замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1190.
Шеметовъ, Васил. Ром. Московск. купецъ 900.
Шёнигъ, А. Н., сообщилъ пис. кн. А. Б. Куракина 25.
Шеншинъ, Петръ Алексѣевичъ, Орловскій помѣщикъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1507.
Шереметевъ, графъ (Борисъ Петровичъ), ген. фел. 1555.
Шереметевъ, графъ (Дмитрій Николаевичъ?) опредѣленіе въ Царско-сельскій лицей 875. 876.
Шереметевъ, графъ (Николай Петровичъ?), 1427.
Шереметевъ, С. А. начальникъ конвоя кн. А. И. Барятинскаго 1254, посланъ курьеромъ къ Государю съ извѣстіемъ о покореніи Аваріи 1305. 1306.
Шиллеръ, вліяніе его на Баратынскаго 150. сравненіе его съ Шекспиромъ 1131 замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1131. 1184. 1189. 1699. 1789.
Шиловъ, его разсказы о 12-мъ годѣ 1998.
Шильдбахъ, измѣн. 1435.
Шипова домъ, въ Москвѣ 1432.
Шиповъ, Николай Павловичъ, 803.
Ширинскій-Шихматовъ, кн. (Платонъ Александровичъ?) 615. 1332. 1333.
Ширяевъ, книгопродавецъ 656.
Шитенъ, учитель 1435.
Шишкова, упом. въ пис. Сперанскаго 1120.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ, подноситъ Крылову золотую медаль 259. упом. въ пис. Дашкова 592. кн. Вяземскаго 633. 635. въ Арзамазскомъ протоколѣ 836. 838. пис. его къ имп. Александру Павловичу 938. 939. Записки 938. 941. 1333. 1345—1347. 1385. воспоминаніе о немъ Моск. Славянофиловъ 989 его академическая рѣчь о заслугахъ Карамзина 1102 отзывъ о немъ Греча 1406. 1410 хлопочетъ о закрытіи Библейскихъ Обществъ 1388. 1390. участвовалъ въ совѣтѣ, на которомъ въ 1812 году избрали Кутузова въ главнокомандующіе 1857. замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1702.
Шкаринъ, Яковъ, купецъ 901.
Шлегель, 842. 843 его читалъ Сперанскій въ Сибири 1651. 1652.
Шлецеръ, Августъ, историкъ 1088.
Шлюттеръ (урожд. Канкрина) 1412.
Шнейдеръ, перчаточникъ, 1436.
Шницлеръ, историкъ, 3.
Шомбергъ, Саксон., былъ вызванъ въ Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ для лучшаго устройства горнаго дѣла 1566.

Шопенгееръ, управл. гр. Ростопчина 1884. 1896. 1906. 1908.

Шпаковскій, исправникъ, ему поручено было наблюдать за жившимъ, въ царствованіе Павла, въ деревнѣ гр. Завадовскимъ 1076.

Шпоръ, капит. 1977. 1978.

Шрамъ, управл. гр. Ростопчина 1880, 1886, 1891, 1892, 1908. 1923.

Штанниковъ, Московскій мѣщанинъ 901.

Штейнгель, ген. 78. 85. 86.

Штейнъ, Пр. минист. близкія отношенія къ (гр.) С. С. Уварову 829.

Штейнъ, упом. въ разсказахъ А. Н. Оленина о 12-мъ годѣ, 1988.

Штельцеръ, (Христіанъ Юлій Людвикъ) професс. М. Унив. 890. 891 896.

Штенгель. упом. въ пис. гр. Ростопчина 1892. 1913.

Штиллингъ, его «Побѣдная Повѣсть» 1352—1358.

Штрассеръ, часовщ. 1891.

Штраусъ, музыкантъ 1021.

Струве, бунтовщикъ 1473. 1478.

Штюрмеръ, бар. Австр. приставъ при Наполеонѣ I на остр. Св. Елены 679. 714—718. 1924—1930. 1932. 1934. 1935. 1937. 1939. 1940. 1943. 1945. 1946. 1948. 1971. 1975. 1977 баронесса 1946—1949. 1962. 1966. 1970. 1975. 1977.

Шубертъ, 842.

Шубертъ, директоръ Петр. школы 1404.

Шувалова, (урожд. кн. Щебатова) Софія Григорьевна 1135.

Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, 643. 644.

Шуваловъ, графъ Петръ Андреевичъ (1106?) 1135.

Шуваловъ, графъ Петръ Ивановичъ 1560.

Шулепниковъ, пріятель брата Крылова 260.

Шульгинъ, Александ. ген. м. препровождаетъ къ цес. Константину Павлов. воззваніе къ Грекамъ кн. Ипсиланти 293. 294.

Шульгинъ, Александр. Сергѣевичъ, оберъ-полицейм. Московскій 1877. 1922.

Шумскій, Михаилъ, мнимый сынъ Аракчеева, упом. въ пис. матери 1660—1665. 1669.

Шупликцъ, полковн. 120.

*

Щепкинъ, Н. М. 1486.

Щербатова, кн. Антонина Воиновна, теща гр. Д. Н. Блудова, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1518.

Щербатовъ, кн. Алексѣй Григорьевичъ, Московскій градоначальникъ, упом. въ пис. Жуковскаго 1459. 1460.

Щербатовъ, кн. Андрей Николаевичъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1515 1519. 1521.

Щербатовъ, кн. Сергѣй Григорьевичъ, 1134. 1135.

Щербачевъ, Иванъ, архитекторскій помощникъ при штатѣ Московской управы благочинія 891. 892. 894. 899.

*

Эджевортъ, аббатъ, послѣдній духовникъ Людовика XVI-го 39.

Эзоповы книжицы 1052.

Эйнаръ, его Сборникъ 303.

Эльмптъ, г-жа 29.

Эминъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 613. 614.

Энгель, 842.

Энгельгартъ, Владиміръ Егоровичъ, сообщилъ пис. кн. А. Н. Голицына 873.

Энгельгартъ, Егоръ Антоновичъ, директоръ Царско-сельскаго лицея, свѣдѣніе о немъ 873. 874. письма къ нему А. Н. Голицына 874—877 его примѣчан. на одномъ изъ этихъ писемъ 876.

Энгельгартъ, Левъ Николаевичъ, 92. 146. 868. 1320. 1490.

Энгельгартъ, которому были проданы Лялечи Завадовскаго 1075.

Эртель, Московскій оберъполицеймест. 1420.

Эскаръ, герцогъ, въ его домѣ гр. Ѳ. В. Ростопчинъ жарко спорилъ съ г-жею Сталь 1675.

Эссенъ, (Петръ Кириловичъ) упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 78. 85. 86. 169? С.петерб. ген. губ. во время холеры 1831 года 959 (упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1494. 1495?) 1840?

*

Юрбургъ, гор. 170.
Юрковскій, полковн. 1843.
Юрловъ, В. П., Симбирскій землевладѣлецъ, 1061.
Юрловъ, Иванъ Петровичъ, 1062.
Юрловъ, Михаилъ Матв., 1058.
Юрьевскій прудъ, въ имѣніи гр. Ростопчина 1892. 1908.
Юсуповъ, Николай Борисовичъ, директоръ театровъ, по показанію Гельбига запретилъ представл. Гамлета 826. одинъ изъ основателей Итальянской оперы въ Москвѣ 1441 почитатель Сумарокова 1442. Остроты 1442. упом. въ пис. гр. Ростопчина 1892.
Юшкова, Анна Ѳедоровна, камерфрау, свѣдѣніе о ней 1863. песьмо къ П. И. Машкову 1863.
Юшковъ, упом. въ гр. М. Ѳ. Каменскаго 1504.

*

Я-въ, Лукьянъ Як. 1424. 1427.
Яго, адъютантъ, Прусск. кор. Фридриха Вильгельма III 175. 183.
Ягушэ, пророкъ Мусульманскій 757.
Языковъ, Дмитрій Ивановичъ, пис. къ нему И. И. Дмитріева 1081—1102. двѣ зап. Карамзина 1103. 1104.
Языковъ, Николай Михайловичъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 623. (его посланіе къ С. П. Шевыреву 992. 993. 994.) кончина 1464.
Якоби, писатель 842. 843.
Яковкинъ, Казанскій професс. 1404. 1409. 1410.
Яковлевъ, литераторъ 145.
Яковлевъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 614.
Яковлевъ. П. С. упом. въ пис. Каченовскаго 970.
Яковлевъ, приставъ сыскной пол. въ Москвѣ 1899. 1913. 1914.
Янковичъ, командовалъ конною гвардіею 173.
Ярославль, гор., пожаръ 25 Іюня 1768 г. 1064.
Ясинскій, факторъ 1435.
Ястребцевъ, Иванъ, правитель дѣлъ бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ 1358. 1359.
Яхонтовъ, его полкъ 920.
Яценко, цензоръ 837.

*

Ѳеодоритскій, Христіанъ 902.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, 1058. 1060.
Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверскій и Кашинскій упом. въ пис. Поликарпова 1042. 1044. пис. къ нему гр. И. А. Мусина-Пушкина 1053 уп. въ пис. сего послѣдняго 1054. членъ Сѵнода 1060 пострадалъ 1335.
Ѳеофилъ, архимандр. 942.
Ѳукидидъ, 972.

Типографія Грачева и комп., у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

ПИСЬМА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ КНЯЗЮ СЕРГІЮ ИВАНОВИЧУ ГАГАРИНУ.

1826 годъ.

Письменныя сношенія императрицы Маріи Ѳеодоровны съ извѣстнымъ Русскимъ агрономомъ (предсѣдателемъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства) княземъ Сергіемъ Ивановичемъ Гагаринымъ начались въ августѣ мѣсяца 1826 года и продолжались по самую кончину государыни, т. е. по октябрь 1828. Всѣхъ писемъ сохранилось около 300; но эти письма составляютъ лишь самомалѣйшую часть обширной, почти ежедневной переписки, которую императрица Марія Ѳеодоровна вела, въ теченіи не одного десятка лѣтъ, съ главнѣйшими пособниками своими по неутомимымъ подвигамъ милосердія. Эта необыкновенная женщина, три царствованія съ ряду, была истиннымъ *министромъ благотворительности*, какъ выразился о ней одинъ изъ ея современниковъ. Ея секретари (кн. Д. А. Хилковъ, Г. И. Вилламовъ, Н. П. Новосильцовъ, Полетика и др.) работали неутомимо. Она умѣла сдѣлать, что рабочій кабинетъ ея, гдѣ, окруженная бумагами, просиживала она цѣлые часы на простомъ плетеномъ стулѣ, былъ настоящимъ присутственнымъ мѣстомъ, и отъ пера ея, отъ ея утреннихъ письменныхъ занятій, разливалось благо на тысячи и десятки тысячъ людей. Нельзя довольно надивиться ея дѣятельности въ этомъ отношеніи, ея чрезвычайной, доходящей до самыхъ незначительныхъ подробностей заботливости. И эта заботливость не переходила въ мелочность: свидѣтельствомъ тому служитъ отмѣнно удачный выборъ людей, коимъ императрица поручала свои благотворительныя учрежденія. Въ ея больницахъ, поселеніяхъ и училищахъ водворенъ былъ святой порядокъ и та незатѣйливая простота, которая достигается лишь искренностью побужденій и которой нельзя добиться никакими канцелярскими предписаніями. Московское общество помнитъ достопочтеннѣйшаго кн. С. И. Гагарина, человѣка въ высокой степени просвѣщеннаго, дѣятельнаго и одушевленнаго самыми благими намѣреніями на пользу общественную († 4 Дек. 1862 на 86 г. отъ роду). Императрица умѣла оцѣнить его высокія нравственныя качества и воспользовалась ими.

Читатели поблагодарятъ вмѣстѣ съ нами *Марію Сергѣевну Бутурлину* за дозволеніе напечатать эти письма, писанныя къ ея родителю. Величавый и въ тоже время утѣшительный для человѣчества образъ царицы, матери императоровъ, посреди окружавшаго ее царственнаго великолѣпія попечительно слѣдящей за нуждами и бѣднымъ бытомъ Смоленскихъ и Саратовскихъ поселенцевъ, наглядно выступаетъ изъ этихъ бумагъ, не блестящихъ по содержанію, но исполненныхъ глубокой мысли, и оправдывающихъ стихи Жуковскаго:

Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь твою межъ нами!

Мы увѣрены, что когда написана будетъ полная біографія императрицы Ма-

ріи Ѳеодоровны (а ея мы не имѣемъ, ибо книжка Шницлера есть только легкій очеркъ), тогда выставлено будетъ значеніе тѣхъ 20 лѣтъ, которыя довелось ей прожить великою княгинею, въ качествѣ близкой свидѣтельницы свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ Екатерининскаго царствованія. Наглядный, завлекательный примѣръ женщины, столь дѣятельной въ смыслѣ государственномъ, не могъ не вызывать на благодѣтельное подражаніе въ отведенномъ судьбою царствѣ милосердія; а зрѣлище разслабленныхъ нравовъ порождало противодѣйствіе въ чистой душѣ и наводило на мысли о болѣе строгомъ общественномъ воспитаніи. Исторія не знаетъ другой порфироносной вдовы, которая бы такъ достойно, такъ величаво пользовалась своимъ досугомъ и своимъ положеніемъ, какъ императрица Марія Ѳеодоровна.

То что̀ писано собственноручно въ нижеслѣдующихъ письмахъ, означено у насъ *курсивомъ*. *П. Б.*

I.

Князь Сергій Ивановичъ! Въ сходствіе личнаго моего съ вами объясненія и готовности вашей принять на себя управленіе дѣлъ о поселеніи питомцевъ Воспитательнаго Дома и пріобрѣтеннаго для того имѣнія, я дала повелѣніе Опекунскому Совѣту о препорученіи вамъ сей части, которая имѣетъ быть отдѣлена отъ экспедиціи о воспитанникахъ обоего пола. Въ слѣдствіе сего я прошу васъ принять оную отъ почетнаго опекуна Саблина, со всѣми къ тому принадлежащими свѣдѣніями. Для завѣдыванія же бумагъ и письмоводства по сей части, вамъ безъ сомнѣнія удобнѣе будетъ употребить одного изъ чиновниковъ помянутой экспедиціи, которой, упражнявшись уже въ сихъ дѣлахъ, безъ затрудненія, при помощи одного писаря, заниматься можетъ оными и подъ вашимъ управленіемъ, при соблюденіи такожде обязанностей своихъ по экспедиціи о воспитанникахъ. Впрочемъ, по сношеніи съ почетнымъ опекуномъ Саблинымъ, вы безъ сомнѣнія найдете легчайшее и удобнѣйшее устройство для теченія дѣлъ, и я, полагаясь съ полнымъ довѣріемъ на ваше усердіе и ревностное стараніе, ввѣряю вашему отеческому попеченію судьбу питомцевъ, въ благосостояніи которыхъ я принимаю живѣйшее участіе. Я увѣрена, что вы будете доставлять мнѣ неоднократные пріятнѣйшіе случаи присовокуплять выраженіе моей признательности къ изъявленію доброжелательства, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною. *Марія.*

въ Москвѣ (1)
Августа 18-го дня
1826 года.

II.

Князь Сергій Ивановичъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣла изъ донесенія вашего отъ 12-го сего мѣсяца о бывшей по пріѣздѣ вашемо въ село Горѣново мірской сходкѣ, что̀ всѣ поселяне, какъ старожилы такъ и питомцы, объявили себя столь довольными управляющимъ и прошу васъ увѣдомить его, что таковой объ немъ отзывъ, подкрѣпленный и вашимъ свидѣтельствомъ, мнѣ весьма пріятенъ, оправдывая въ полной мѣрѣ мое объ немъ доброе мнѣніе и мою къ нему довѣренность. Я увѣрена, что онъ всегда усердно стараться будетъ заслужить ваше одобреніе. Въ разсужденіи дерзкаго поступка Бѣховскаго старожила, при нарѣзкѣ полей, я ожидаю пред-

(1) Императрица прибыла тогда въ Москву на коронованіе импер. Николая Павловича и жила на Гороховомъ полѣ въ домѣ гр. Разумовскаго, гдѣ теперь Малолѣтное Отдѣленіе Восп. Дома. Кн. С. И. Гагаринъ призванъ былъ туда письмомъ секретаря государыни, Г. И. Вилламова.

ставленія Опекунскаго Совѣта по особливому вашему о семъ донесенію. Разсмотрѣвъ замѣчанія ваши и князя Хилкова (*) на разныя статьи рапорта управляющаго имѣніемъ Лоде отъ 15 августа, я нахожу согласно съ вашимъ мнѣніемъ, что полѣсовщикамъ паёкъ производить слѣдуетъ по объясненнымъ вами причинамъ. О размѣщеніи пожарныхъ инструментовъ по деревнямъ, я прошу васъ представить мнѣ ваше предположеніе для полученія моего разрѣшенія, равно какъ и объ отправленіи въ селеніе недостающихъ еще двухъ паръ питомцевъ съ малолѣтками и двухъ малолѣтковъ на мѣсто отлучившихся изъ имѣнія, которыхъ предоставить распоряженію Хозяйственной Экспедиціи и не возвращать уже въ селеніе. Вамъ извѣстно, что доктору Пербанту былъ уже разрѣшенъ пріѣздъ въ Москву для покупки разныхъ потребностей для лазарета, и я охотно позволяю также управляющему пріѣхать въ то же время сюда для другихъ заготовленій, тѣмъ паче, что личное съ вами свиданіе и объясненіе полезно будетъ для дѣлъ нашего поселенія. Желая между тѣмъ въ теченіи кратковременнаго еще моего здѣсь пребыванія воспользоваться вашимъ усерднымъ попеченіемъ, знаніями и опытностію, я прошу васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе заняться нижеслѣдующими предметами для полученія, если возможно, моего разрѣшенія до моего отъѣзда отсюда. Во первыхъ: изъ дѣлъ по Горѣновскому имѣнію видѣли вы, что были жалобы со стороны питомцевъ на счетъ недостаточнаго и худаго снабженія ихъ разными потребностями при обзаведеніи и что прежній управляющій Хрущовъ обязался ихъ удовлетворить: я прошу васъ разсмотрѣть сіе дѣло со вниманіемъ и представить ваше мнѣніе, до какой степени требовать отъ Хрущова исполненія по сему важному предмету и какія принять къ тому мѣры; словомъ, какъ привести сіе непріятное дѣло къ окончанію. Во вторыхъ: представить мнѣ ваши мысли на счетъ самаго образа управленія имѣніемъ, не нужно ли въ ономъ сдѣлать какія перемѣны и какія имянно. Въ третьихъ: сдѣлать примѣрное исчисленіе потребныхъ еще на сей годъ расходовъ по имѣнію, равно какъ и примѣрное же положеніе денежныхъ отъ Воспитательнаго Дома издержекъ, которыя на будущій годъ предвидятся для имѣнія; если для сего предмета нужно вамъ еще ближайшее соображеніе и объясненіе съ управляющимъ, и потому прежде моего отъѣзда сего послѣдняго изчисленія представить не можете, то прошу васъ прислать оное, коль скоро возможно будетъ. И въ четвертыхъ: представить мнѣ ваши мысли на счетъ ремесленныхъ занятій, которыя бы по недостатку произведеній земледѣлія, могли доставить крестьянамъ, какъ старожиламъ такъ и питомцамъ, пропитаніе и такимъ образомъ дополнить недостающіе теперь къ тому способы. Въ заключеніе я прошу васъ всякіе получаемые изъ Горѣновскаго имѣнія извѣстія и отчеты доводить немедленно до моего свѣдѣнія прямо донесеніями на мое имя съ изображеніемъ въ оныхъ мнѣнія вашего по тѣмъ статьямъ, которыя требуютъ разрѣшенія, и вы видѣли уже на опытѣ, что въ отношеніи къ учрежденіямъ, состоящимъ подъ моимъ начальствомъ, никакія подробности не почитаются мною слишкомъ маловажными и что вниманіе мое на все простирается. Пре-

(*) Князя Дмитрія Александровича, бывшаго секретаремъ государыни.

поручая все сіе вашему старанію и опытности, я ожидать буду вашихъ представленій и съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною. *Марія.*

въ Москвѣ
25-го сентября
1826-го

III.

Князь Сергій Ивановичъ. Вскорѣ удаляюсь я отсюда, но напередъ удовольствіемъ себѣ поставляю изъявить вамъ, что сколь ни коротко наше ближайшее знакомство, я однако уже имѣла случай удостовѣриться, колико довѣріе мое оправдано вашимъ рвеніемъ и попечительностію. Я желаю, чтобы приложенный здѣсь перстень напоминалъ вамъ объ оной и о твердой надеждѣ, которую я и впредь полагать буду на ваше усердіе, равно какъ о совершенномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною. *Марія.*

въ Москвѣ
3-го октября 1826.

IV.

Князь Сергій Ивановичъ. Я имѣла удовольствіе получить донесенія ваши отъ 16-го и 17-го сего мѣсяца и поспѣшаю отвѣтствовать вамъ на всѣ статьи оныхъ, дабы въ дѣятельности вашихъ распоряженій съ моей стороны не происходило ни малѣйшей медленности, въ чемъ я надѣюсь, что вы не только теперь уже успѣли удостовѣриться, но и впредь болѣе и болѣе удосторѣритесь. Изъ перваго донесенія отъ 16-го числа усматриваю я, что по трехъ-этажному дому употреблено на штукатурку 550 пудъ алебастру болѣе нежели по смѣтѣ положено было; но какъ тутъ же объясняется, что причиною тому было стараніе о прочнѣйшей и лучшей отдѣлкѣ и при всемъ томъ управляющій надѣется сохранить большую экономію, то полагаюсь въ томъ на усердное его, при руководствѣ вашемъ, попеченіе. Весьма пріятно мнѣ при томъ видѣть, что постройка постоялаго двора въ Руднѣ обойдется дешевле нежели предполагалось, и такъ замедленіе оказалось полезнымъ. Я совершенно одобряю сдѣланныя вами распоряженія о поврежденныхъ столбахъ ограды каменнаго дома, о сдѣланіи пожарныхъ ведръ изъ оставшагося листоваго желѣза, о казенныхъ податяхъ за 64 убылыя души, о фундаментахъ подъ клѣти питомцевъ, о покупкѣ лекарствъ изъ Рославльской аптеки съ уступкою 20 процентовъ противъ таксы; но съ тѣмъ чтобы докторъ Пербантъ имѣлъ точнѣйшее наблюденіе за добротою лекарствъ. Что же касается до малолѣтка, который явился самъ изъ бѣговъ, то, одобряя совершенно оставленіе его у того хозяина, гдѣ онъ прежде находился, на счетъ отправленія его въ Москву, о которомъ вы упоминаете, прошу васъ сказать мнѣ ваше мнѣніе: не лучше ли оставить его въ селеніи, если тотъ же хозяинъ согласенъ имѣть его у себя по прежнему, какъ онъ самъ добровольно явился, о чемъ и буду ожидать вашего отзыва. Въ разсужденіи удовлетворенія питомцевъ за дурное снабженіе потребностями при обзаведеніи, обѣщаннаго прежнимъ управляющимъ Хрущовымъ, мнѣ кажется, что во первыхъ надобно знать, имѣется ли о семъ обѣщаніи какой либо письменный отъ Хрущова актъ или отзывъ, а потомъ изслѣдовать должно въ возможной точности: до какой степени жалоба питомцевъ основательна; быть мо-

жетъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи не всѣмъ такое вознагражденіе по справедливости слѣдуетъ; что у иныхъ лошади были хорошія, а отъ времени и небрежнаго употребленія или содержанія испорчены и т. п, а по симъ причинамъ можетъ оказаться и не равно всѣмъ причитающееся удовлетвореніе. Вотъ что я препоручаю вашему ревностному попеченію, для представленія потомъ всего на сужденіе Совѣта, желая весьма, чтобы сіе непріятное дѣло было приведено къ концу въ скорѣйшемъ по возможности времени, и на правилахъ строгаго правосудія опредѣлено было, сколько дѣйствительно съ Хрущова взыскать должно. Надѣясь совершенно на вашу дѣятельность и заботливость, я съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
22 октября
1826.

Какова супруга ваша (²)?

V.

Князь Сергій Ивановичъ! Я имѣла удовольствіе получить ваше донесеніе отъ 25-го октября и одобряя совершенно распоряженія, вами сдѣланныя по представленіямъ управляющаго Горѣновскимъ имѣніемъ, прошу васъ увѣдомить объ оныхъ и Опекунскій Совѣтъ. Что касается до стекла для оконъ каменнаго дома, то какъ вы согласно съ управляющимъ почитаете простое стекло довольно хорошимъ для сельскаго заведенія, и я охотно на употребленіе онаго изъявляю мое согласіе; а красивость вида должна уступать пользѣ хозяйства, когда разность въ цѣнѣ такъ значительна. Усердно желая вамъ наилучшаго успѣха въ заведеніи магазейныхъ полей и для сего потребнаго хутора, я съ удовольствіемъ повторяю здѣсь изъявленіе искренняго доброжелательства, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

въ С. Петербургѣ
2-го ноября 1826

VI.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 29-го октября съ вѣдомостію о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба по Горѣновскому имѣнію и съ крайнимъ сожалѣніемъ усматриваю бывшій опять въ ономъ неурожай, принуждающій еще къ покупкѣ хлѣба. Если на то потребно прибавленіе денегъ къ отпущенной уже суммѣ, то предоставляю вамъ представить о томъ Опекунскому Совѣту и одобряю впрочемъ ваши распоряженія. Что же касается до замѣчанія вашего, что поселенцы, которымъ наступилъ срокъ платить часть податей, должны быть отъ платежа свободны, пока употребляются въ работу, то какъ въ немъ заключается отмѣна утвержденнаго блаженныя памяти императоромъ любезнѣйшимъ моимъ сыномъ постановленія, то прошу васъ представить о томъ Опекунскому Совѣту на внимательное разсмотрѣніе и сужденіе для поднесенія потомъ мнѣ его заключенія, тѣмъ болѣе, что я уже слышала здѣсь противное сему мнѣніе. Упоминаемое же вами постановленіе о прекращеніи дачи провіанта малолѣткамъ, при тѣхъ же поселенцахъ находящимся, не измѣняется, но по причинѣ неурожая надобно будетъ оказывать пособіе въ прокормленіи ихъ, также какъ и са-

(²) Кн. Варвара Михайловна, урожд. Пушкина, дочь Мих. Алексѣевича и Натальи Абрамовны (ур. княжны Волконской) Пушкиныхъ и сестра памятнаго Московскому обществу и литераторамъ Алексѣя Михайловича Пушкина.

михъ хозяевъ. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною. *Марія.*

Въ С.-Петербургѣ
5-го ноября
1826.

VII.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 2-го ноября съ краткою вѣдомостью Вспомогательной Кассы. На счетъ малолѣтка, явившагося добровольно изъ бѣговъ, я, какъ уже вамъ написано, совершенно съ вами согласна, чтобы склонить прежняго хозяина на принятіе его обратно въ домъ, ожидая, что̀ впредь окажетъ онъ своимъ поведеніемъ. О назначеніи третьей пары питомцевъ въ деревню Бѣхово: ежели имѣется въ поселеніи малолѣтки обоего пола, пришедшіе въ совершеннолѣтіе и желающіе сочетаться бракомъ, то таковую пару можно будетъ водворить на вакантное мѣсто въ Бѣхово, а ихъ замѣнятъ новые малолѣтки изъ Москвы. Въ деревнѣ Кисловкѣ назначенные два дома подъ старожиловъ, не полезнѣе ли будетъ, вмѣсто переселенія сихъ старожиловъ, кои имѣютъ уже заведенные дома и унавоженные издавна огороды и полевую землю, помѣстить въ сіи дома новыхъ поселенцевъ, тоже изъ достигшихъ надлежащаго возраста, о чемъ ожидать буду вашего мнѣнія.

Желательно мнѣ знать, какой заведенъ порядокъ по части Вспомогательной Кассы, какіе положены сроки возвратамъ и какъ основано обращеніе сего капитала?

Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

въ С.-Петербургѣ
12 ноября
1826-го года.

VIII.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 5-го ноября и полагаю, что экспедиторскій помощчикъ титулярный совѣтникъ Быстряковъ, когда будетъ отдѣленъ отъ Хозяйственной Экспедиціи, успѣетъ по обѣимъ должностямъ, письменной и счетной; въ слѣдствіи чего я согласна буду на опредѣленіе его при письмоводствѣ и вести кассу, повѣряя всѣ вообще счеты по имѣнію поселенныхъ питомцевъ съ жалованіемъ по 700 руб. въ годъ, квартирою, освѣщеніемъ и прибавкою пятилѣтій на основаніи повелѣнія моего отъ 11-го іюня 1818 года. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Я очень рада, узнавъ, что супругъ вашей лучше.

въ С.-Петербургѣ
12 ноября 1826.

IX.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 5-го ноября и одобряю мнѣніе ваше раздавать награжденіе за отличіе по хозяйству и по нравственности 2-мъ питомцамъ и 2-мъ питомкамъ; но согласиться не могу назначать сіи награжденія деньгами. Напротивъ того, изъ опыту извѣстно мнѣ по здѣшнимъ деревнямъ, какую пользу и сколь много цѣнятъ крестьяне награжденія сіи вещами, коихъ утратить они не властны и которыя остаются навсегда въ семействахъ лестнымъ памятникомъ трудолюбія и отличной нравственности. На оныхъ надписывается имя удостоившагося таковаго отличія и буде получившій подпадетъ по важному преступленію уголовному суду, въ такомъ случаѣ подарокъ сей отбирается изъ

его дома и поступаетъ въ церковь. На сей предметъ я буду доставлять къ вамъ ежегодно по 150 р. и снабжу васъ образцами такова роду подарковъ для обоего пола. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною. *Марія.*

Я вамъ доставлю правила на раздачу сихъ награжденій.

въ С.-Петербургѣ
12-го ноября 1826.

X.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 9 сего мѣсяца съ сообщенными вамъ отъ Саратовскаго губернскаго предводителя дворянства свѣдѣніями объ имѣніи графа Румянцова сельцѣ Аннинѣ и планомъ онаго, которые разсмотрѣла со всевозможнымъ вниманіемъ. Я вижу, что главная причина, по которой вы и почетный опекунъ Тучковъ почитаете покупку сего имѣнія невыгодною, заключается въ совершенномъ недостаткѣ строевыхъ матеріаловъ и происходящихъ отъ того чрезмѣрныхъ расходахъ на разное строеніе. Почетный опекунъ Кушниковъ полагаетъ, что для благосостоянія водворяемыхъ на хлѣбородной землѣ питомцевъ, не должно останавливаться сими издержками, а почетный опекунъ Саблинъ, что если сего пріобрѣтенія не почитать выгоднымъ, то негдѣ будетъ искать таковыхъ мѣстъ. Каждое изъ сихъ мнѣній имѣетъ свое основаніе. Правда, что издержки предвидятся великія; правда, что для благосостоянія питомцевъ (сего главнаго предмета нашихъ заботъ) надобно рѣшиться и на потребные расходы; правда наконецъ, что весьма трудно найти удобныя мѣста для поселенія; но чтобы изъ всего онаго вывести основательное, рѣшительное заключеніе, надобно бы съ одной стороны знать точнѣе, до какой суммы примѣрно простираться могутъ окончательные расходы всего потребнаго для обзаведенія и водворенія питомцевъ и сколько надѣяться можно поселить въ имѣніи семъ питомскихъ семей, а съ другой, какія выгоды доставитъ имѣніе для питомцевъ въ отношеніи къ хлѣбопашеству и скотоводству; и вслѣдствіе сего, соразмѣрны ли тѣ расходы симъ выгодамъ. Для такого заключенія доставленныя свѣдѣнія и планъ весьма недостаточны; а надобно бы на счетъ расходовъ сдѣлать примѣрное изчисленіе, во что имянно обойдется всякаго рода потребное строеніе, вами упоминаемое, полагая оное либо деревянное изъ покупнаго лѣса, или каменное изъ необозженаго кирпича, или обозженаго соломою (какъ въ тѣхъ странахъ дѣлается), а не дровами; избы же поселенцевъ изъ такого же кирпича, если дешевле деревянныхъ, крытыя соломою, но съ полами. А на счетъ выгодъ достать точный планъ и описаніе, сколько имянно въ отданныхъ крестьянамъ 5365 десятинахъ земли пахатной, сѣнокосной, солонцевъ и пр; тоже сколько таковыхъ разныхъ родовъ въ 20 т. десятинахъ, отданныхъ въ аренду купцу Ротину; сколько изъ солонцовъ удобныхъ къ хлѣбопашеству, ибо въ описаніи сказано, что изъ нихъ засѣваются хлѣбомъ? Сверхъ того, какіе способы и удобности поселенцы имѣть могутъ сбывать излишній свой хлѣбъ и скотъ? Словомъ, собрать такія точныя свѣдѣнія, изъ которыхъ бы съ вѣроятіемъ усмотрѣть можно, имѣется ли основательная надежда видѣть нашихъ поселенцовъ со временемъ въ такомъ избыточномъ состояніи, чтобы стоило употребить на покупку имѣнія и на постройки и водвореніе весьма значительные расходы? И наконецъ, послѣ

всѣхъ сихъ соображеній, если оныя удовлетворительны, — какую сумму можно предложить за сіе имѣніе? Для полученія таковыхъ нужныхъ свѣдѣній, я прошу васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе употребить ваше усердное стараніе. Между доставленными же планомъ и описаніемъ встрѣчаются нѣкоторыя несходства, напримѣръ: вмѣсто трехъ рѣчекъ показаны на планѣ четыре; въ описаніи сказано, что всѣ отданныя крестьянамъ 5365 десятинъ находятся по правой сторонѣ рѣчки Мокрой Елани, а по плану рѣчка Елань составляетъ границу, и по правую сторону ея земля чужая и т. п. — Препоручая все сіе вашему ревностному попеченію, я ожидать буду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ подробнѣйшихъ свѣдѣній, необходимо нужныхъ для сужденія о выгодности или невыгодности сего пріобрѣтенія и возвращая вамъ при семъ планъ, который можетъ быть вамъ нуженъ, я съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

въ С.-Петербургѣ
22-го ноября
1826.

XI.

Князь Сергій Ивановичъ! Я имѣла удовольствіе получить ваши донесенія отъ 18-го до 27-го ноября, и мнѣ весьма пріятно было видѣть, что теперь домы для поселенцовъ кончены и они всѣ уже будутъ водворены. Я прошу васъ сказать мнѣ, довольны ли они, что перешли въ свои свои собственные дворы и чувствуютъ ли себя счастливыми. Въ разсужденіи снабженія ихъ достальными еще скотомъ и потребностями я совершенно одобряю ваше предположеніе и увѣрена, что при вашемъ попеченіи и стараніемъ управляющаго соблюдена будетъ въ покупкѣ оныхъ какъ доброта, такъ и хозяйственная бережливость. Что касается до раздачи наградъ отличающимся хозяйствомъ и нравственностію, то вскорѣ я пришлю вамъ правила, предполагаемыя для наблюденія при семъ случаѣ и нѣкоторые образцы вещей для раздачи назначаемыхъ. Я нахожу разсужденіе ваше на счетъ поселенія взросшихъ изъ малолѣтковъ на убылыя мѣста поселенцовъ, вмѣсто перевоза новыхъ изъ деревень Московской губерніи, весьма справедливымъ и въ слѣдствіе сего занятіе таковыми четами изъ малолѣтковъ имѣющихся трехъ вакантныхъ мѣстъ. Равномѣрно кажется мнѣ полезнымъ, чтобы посреди молодыхъ поселенцовъ были семьи старожиловъ благонадежныхъ, могущихъ имѣть нѣкоторое надъ ними вліяніе и быть достойными ихъ довѣрія, и коль скоро вы получите ожидаемыя вами дополнительныя свѣдѣнія, я прошу васъ обо всемъ ономъ представить Опекунскому Совѣту для поднесенія мнѣ его мнѣнія и полученія моего утвержденія. Я признаюсь, что, видя въ вѣдомостяхъ о больныхъ одну воспитанницу показанною съ раною отъ укушенія бѣшеною собакою, я не мало встревожилась; но къ удовольствію вижу изъ донесенія вашего отъ 27 ноября, что она поправляется и вредныхъ послѣдствій не предвидится. Весьма пріятно мнѣ, что нарѣзка полей приводится къ концу, и будущаго года можно будетъ довершить размежеваніе совершенно и составить спеціальный планъ имѣнію. Я желаю, чтобы Руднянскій постоялый дворъ, нынѣ исправленный, доходами не только вознаградилъ издержки, но и оказался выгоднымъ для экономіи. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

Марія.

Что касается до Вспомогательной Кассы, то по первой почтѣ вы получите мое разрѣшеніе.

въ С.-Петербургѣ
Декабря 2-го дня
1826 года.

XII.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 24-го ноября. Отдавая справедливость заведенному порядку по части Вспомогательной Кассы, въ коемъ положено: необходимо нужные для крестьянъ припасы и вещи (какъ то, соль, деготь, колеса и тому подобные) покупать съ утвержденія управляющаго и оныя вещи хранить при хозяйствѣ для снабженія ими крестьянъ заимообразно по мѣрѣ ихъ нуждъ, я нахожу покупку сихъ припасовъ отмѣнно благоразумною и совершенно-полезнымъ для крестьянъ снабжать ихъ сими припасами, чрезъ что они не отлучаются отъ домовъ своихъ, не проживаются въ городахъ и на дорогахъ и отклоняются отъ пьянства и мотовства нерѣдко бывающихъ при таковыхъ поѣздкахъ, а еще же и покупка въ большемъ количествѣ выгоднѣе частной и мелочной. Но за симъ усматриваю, что можно увеличить кругъ дѣйствій Вспомогательной Кассы, дабы вспоможеніе ея могло простираться на нужды всякаго рода, и благодѣянія для крестьянъ были бы ощутительнѣе, а вмѣстѣ и капиталъ имѣлъ бы надлежащее приращеніе. По симъ причинамъ я полагаю, что можно опредѣлить въ годъ со ста по шести процентовъ, а на мѣсяцъ полъ проц. для удобнѣйшаго сбора. Ссуды можно производить денежныя по мѣрѣ всякаго рода нуждъ и благонадежности заемщика, срокомъ не болѣе одного года и не менѣе одного мѣсяца. Ссуды же, отпускаемыя припасами, зачислять по цѣнѣ деньгами съ такими же сроками, но безъ вышеозначенныхъ 6-ти процентовъ, а только съ придачею сверхъ купленной цѣны двухъ процентовъ въ замѣнъ усушки и траты при мелочныхъ отпускахъ, какъ уже заведено. Такимъ образомъ капиталъ сей возъимѣетъ должное приращеніе, крестьяне получатъ вспомоществованіе во всякомъ случаѣ, а правленіе поселянъ распространитъ кругъ благодѣяній и извлечетъ всю пользу, предназначенную при заведеніи Вспомогательной Кассы. Естьли вы съ таковымъ мнѣніемъ согласны, то препоручаю вамъ представить оное Опекунскому Совѣту на разсмотрѣніе и сужденіе и для поднесенія мнѣ его заключенія. Въ случаѣ же и его на то согласія, я прошу васъ заняться дополненіемъ правилъ для руководства управляющему на сей предметъ и представить мнѣ оныя на утвержденіе. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною. ***Марія.***

Въ С.-Петербургѣ
3 декабря 1826.

XIII.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 3-го декабря и совершенно одобряю вырытіе пруда въ деревнѣ Кисловкѣ на сбереженную сумму отъ значительнаго пониженія подряда (учиненнаго управляющимъ) на 6-ть колодезей для вновь отстроенныхъ кварталовъ въ Творожковѣ и Кисловкѣ. Весьма пріятно мнѣ знать, что воспитанница, укушенная бѣшенной собакою, выпользована, весела и никакой въ ней и на будущее время опасности не предвидится. Желая продолженія вся-

каго благосостоянія нашимъ поселянамъ, съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною. *Марія.*

Въ С.-Петербургѣ
10 декабря 1826.

XIV.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 3-го декабря на счетъ претензіи на бывшаго управляющаго Хрущова за дурное снабженіе питомцевъ разными потребностями при обзаведеніи, а наипаче дурной покупки лошадей и коровъ, не соотвѣтствующей плаченой цѣнѣ, за что Хрущовъ при братѣ своемъ и шуринѣ (какъ доноситъ г. Лоде) словесно обѣщался удовлетворить недовольныхъ питомцевъ; а равно и князю Хилкову, въ бытность его въ поселеніи, далъ Хрущовъ обѣщаніе всѣ его упущенія вполнѣ исправить, какъ только отъ болѣзни получитъ облегченіе, упрашивая, дабы только мнѣ не было представлено формальнаго рапорта, на каковое его убѣдительнѣйшее прошеніе князь Хилковъ и согласился, снисходя на болѣзненное его въ то время состояніе, поручивъ г-ну Лоде представить о принятіи имѣнія во всей исправности подробный рапортъ. Впослѣдствіи же сего при сдачѣ имѣнія г. Хрущовъ отъ должнаго удовольствія питомцевъ отказался. Тогда г. Лоде подалъ формальный рапортъ о дурномъ снабженіи питомцевъ и покупкѣ лошадей и коровъ не соотвѣтствующихъ плаченой цѣнѣ, а вмѣстѣ и объ отказѣ Хрущова исправить платежемъ сіи предметы. Отъ г. Хрущова письменныхъ актовъ или обязательствъ въ удовлетвореніи деньгами и не нужно было, а ему Хрущову необходимо слѣдовало и по нынѣ слѣдуетъ отъ г. Лоде получить квитанцію въ исправной сдачѣ имѣнія, обезпечивающей его отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Таковою квитанціею я полагаю, что онъ и по нынѣ не снабженъ, то и остается подъ справедливой отвѣтственностью, по законамъ. Какъ же не видно во первыхъ, чтобы по объявленіи питомцами неудовольствія сдѣлано было формальное изслѣдованіе и доказательство, если Хрущовымъ розданы были имъ лошади и коровы, не соотвѣтствующія плаченой цѣнѣ, а во вторыхъ никакихъ письменныхъ актовъ въ принятіи имъ обязательства въ удовлетвореніи деньгами нѣту, а по сему и взысканіе учинить не почему. Ежели вы полагаете, что сіи причины достаточны для уничтоженія сей претензіи, то поручаю вамъ представить все сіе на сужденіе Опекунскому Совѣту, отъ котораго и буду я ожидать о семъ представленія. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С. Петербургѣ
Декабря 12 дня
1826 года.

XV.

Князь Сергій Ивановичъ! Изъ донесенія вашего отъ 13 сего мѣсяца я съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣла, что при водвореніи остальныхъ питомцевъ нашихъ въ деревнѣ Кисловкѣ каждый изъ нихъ снабженъ всѣмъ для хозяйства нужнымъ. Да благословитъ ихъ Всевышній и одаритъ миромъ и благоденствіемъ! — Естьли не имѣется въ поселеніи питомцевъ выше 16 лѣтъ (ибо сіи года недостаточны для управленія хозяйствомъ и семействомъ) то для укомплектованія трехъ убылыхъ паръ поручаю вамъ избранныхъ изъ Москов-

скихъ деревень отправить въ февралѣ мѣсяцѣ (какъ вы весьма удобно придумали) вмѣстѣ съ обозомъ, имѣющимъ отправиться въ поселеніе съ искупленными управляющимъ вещами. Старожилы по прежнему расположенію остаются въ Кисловкѣ между поселенцами. О производствѣ межеванія не имѣю я донесенія, что по натурѣ оказалось въ отношеніи числа десятинъ противъ числа, означеннаго въ бумагахъ, доставленныхъ ко мнѣ при покупкѣ сего имѣнія. Когда же малолѣтки въ поселеніи достигнутъ совершеннолѣтія и время сіе близко, то оженившихся потребно будетъ снабдить землею наравнѣ съ прочими, то есть по двѣ десятины въ каждомъ полѣ. Я полагаю, важная сія статья изъ виду упущена не была и что по сему при надѣленіи питомцевъ землею по разнымъ деревнямъ, землемѣръ имѣлъ въ виду будущее надѣленіе и малолѣтковъ, а равно и старожиловъ на прирастающія тягла, и для сего оставалось въ поляхъ по нѣскольку лишнихъ десятинъ, которыя до того времяни служить могутъ магазейными полями. Дабы совершенно опредѣлить сіе обстоятельство, потребно имѣть свѣдѣніе отъ землемѣра, оказалось ли понынѣ достаточно распашной земли во всѣхъ клинахъ для питомцевъ, малолѣтковъ и старожиловъ на умноженіе ихъ тяглъ? Ожидая о семъ донесеній, пребываю впрочемъ съ совершеннымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С. Петербургѣ.
Декабря 20 дня
1826 года.

XVI.

Князь Сергій Ивановичъ! Сходственно донесенію вашему я согласна на дѣланіе хорошихъ волосяныхъ тюфяковъ къ штатнымъ тридцати кроватямъ, вмѣсто набивныхъ сѣномъ, если новая сія постройка не превзойдетъ назначенной на сей предметъ по штату суммы; но прошу васъ прежде осмотрѣть тюфяки, которые я видѣла въ бытность мою въ Москвѣ въ военносиротскомъ отдѣленіи набитые мочалкою, которая весьма прочна, не жестка и только переваливается и перебивается разъ въ годъ какъ волосъ. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С. Петербургѣ.
Декабря 20 дня
1826 года.

XVII.

Князь Сергій Ивановичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію усмотрѣла я изъ донесенія вашего, что опять въ Горѣновѣ приключился пожаръ, отъ котораго питомецъ Харитонъ Кузьминъ значительно потерпѣлъ. Я одобряю совершенно разрѣшеніе, вами данное, на вспомоществованіе его 50 рублями для покупки взамѣнъ потерянной пеньки и корму, а на постройку гумна экономическимъ образомъ сдѣлать ему въ семъ пособіе. Но вмѣстѣ съ симъ сообщаю вамъ, какъ я слышала, что пеньку никогда мять не должно при огнѣ, ибо въ томъ нужды не настоитъ, а пенька чрезвычайно легко и скоро загорается. Въ случаяхъ же, когда требуется на гумнѣ огонь, то необходимо имѣть его въ фонарѣ, о чемъ вы не упустите дать предписаніе ваше управляющему. Встрѣчается, что въ крестьянскомъ быту не всегда имѣются свѣчи, въ такомъ случаѣ огонь должно приносить въ

горшкѣ, или тому подобной посудѣ. Съ совершеннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

Марія.

Надобно приказать Лоде имѣть большую осторожность въ разсужденіи огня.

Въ С. Петербургѣ
27 декабря 1826 года.

1807 ГОДЪ.

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ ОТЪ КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА КЪ ГОСУДАРЫНѢ-ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Канцлеръ Россійскихъ орденовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Александръ Борисов. Куракинъ (род. 1752 ум. 1818), правнукъ того князя Бориса Ивановича, который былъ своякомъ Петру Великому (жены ихъ, Лопухины—родныя сестры) по происхожденію, связямъ и воспитанію былъ настоящій другъ царей. Приходясь внучатнымъ племянникомъ графу Никитѣ Ивановичу Панину, онъ учился подъ его надзоромъ вмѣстѣ съ императоромъ Павломъ, и съ раннихъ лѣтъ возымѣлъ горячую, искреннюю приверженность къ своему царственному соученику—правнуку Петра Великаго. Эта благородная преданность составляетъ главную черту въ политической дѣятельности князя Куракина. Извѣстно по преданію, что въ царствованіе Екатерины, когда Павлу Петровичу случилась нужда въ деньгахъ, кн. Куракинъ закладывалъ свои деревни для того, чтобы доставить помощь великому князю. Извѣстно также, что онъ долженъ былъ долго проживать вдали отъ двора, въ одной изъ Саратовскихъ деревень своихъ (Сердобскаго уѣзда), которую онъ назвалъ знаменательнымъ именемъ ***Надеждино***. Извѣстно, наконецъ, что надежда не обманула кн. Куранина и что по возшествіи своемъ на престолъ Павелъ Петровичъ удивилъ современниковъ обиліемъ и разнообразіемъ наградъ, излившихся на преданнаго, благороднаго друга.

Когда скончался Павелъ Петровичъ, кн. Куракину поручено было императоромъ Александромъ разобрать и привести въ порядокъ всѣ оставшіяся послѣ него бумаги. Въ сердечной приверженности своей къ покойному государю (съ коимъ онъ былъ связанъ по раннему товариществу, позднѣе дружеству и наконецъ по масонству) кн. Куракинъ не только сдѣлалъ описи этимъ бумагамъ, но и списывалъ для себя нѣкоторыя изъ нихъ (см. Вѣстникъ Европы, 1867, т. I, стр. 302). Оставшійся послѣ него архивъ, нынѣ принадлежащій барону М. Н. Сердобину, содержитъ въ себѣ важнѣйшія бумаги.

Это открываетъ намъ любопытную, своеобразную черту въ князѣ Александрѣ Борисовичѣ: при всей роскоши и изнѣженности, коими обставлена была его жизнь, онъ былъ человѣкъ письменный. Такъ, еще только кончивши ученіе въ Лейденскомъ университетѣ, онъ велъ журналъ своему путешествію по Голландіи и Англіи и въ старости напечаталъ его: Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre 1770—1772. St. Pétersb. 1815. 8°. 221 стр. Такъ точно свои благотворительно-хозяйственныя распо-

ряженія по селу Надеждину, крестьяне коего были имъ отпущены на волю, онъ издалъ особою книгою. (Утвержденное положеніе князя А. Б. Куракина. Спб. 1807. 4°. 107 стр.). Обѣ эти весьма дѣльныя книги были напечатаны, разумѣется, не для публики, и потому рѣдки. Онѣ имѣются въ Чертковской библіотекѣ.

Этой же письменности кн. А. Б. Куракина обязана наша историческая литература нижеслѣдующими важными показаніями. Въ 1807 году кн. Куракинъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Вѣнскому двору, съ коимъ до того времени (послѣ Аустерлицкой неудачи) мы находились въ нѣкоторой остудѣ. Весною 1807 года, въ самый разгаръ второй войны нашей съ Наполеономъ за угнетаемую Пруссію, было нужно привлекать Австрію на свою сторону, и назначеніе князя Куракина, сановитѣйшаго человѣка въ имперіи, должно было свидѣтельствовать императору Францу о добромъ расположеніи Россіи. Князь Куракинъ собирался на свой постъ весьма медленно; ибо, въ тѣ мѣсяцы 1807 г., война управляла политикою, и вопросъ, какъ обращаться съ сосѣдомъ зависѣлъ отъ того, кто одолѣетъ на войнѣ. Императоръ Александръ Павловичь самъ находился на театрѣ военныхъ дѣйствій (хотя на этотъ разъ и не принималъ въ нихъ личнаго участія). Князь Куракинъ на пути изъ Петербурга въ Вѣну долженъ былъ повидаться съ государемъ. Почти еженедѣльно доносилъ онъ о своемъ путешествіе вдовствовавшей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и по своему обычаю сохранялъ у себя тщательно переписанныя копіи своихъ писемъ. Копіи эти впослѣдствіи достались по наслѣдству А. Н. Шёнигу, а отъ него получены нами при обязательномъ посредствѣ кн. Н. С. Оболенскаго. *П. Б.*

I.

à Riga, le 14 de mai 1807.

Madame,

Pour abréger le tems de mon voyage, je n'ai pas couché cette nuit, mais comme mes pieds en ont été enflés, je ne crois pas que je le fasse souvent. Je suis arrivé ici ce soir; les sables de la Livonie ne m'ont pas permis de venir à Riga plutôt. N'ayant pas trouvé m-r de Beklechew, qui est allé inspecter la milice courlandaise, je ne suis resté içi qu'autant de temps qu'il m'a fallu pour aller porter les lettres dont j'étais chargé pour m-me la duchesse Aléxandre de Wurtemberg, et pour faire mes visites au gouverneur militaire et à m-me d'Elmpt et de Fietinghow, et quoiqu'il soit près de minuit, je repars dans cet instant pour m'arrêter le reste de la nuit à deux lieues d'ici, à la poste qui est à mi-chemin entre Riga et Mitau. Demain je ferai aussi mon possible pour ne rester également que quelques heures dans la dernière de ces villes.

Monseigneur le duc Aléxandre est retourné de sa campagne pour y conduire ces jours-ci sa famille, et m-me la duchesse son épouse compte y rester jusqu'à l'époque de sa delivrance. L'un et l'autre se portent très-bien et m'ont parlé avec une grande sensibilité des bontés dont v. m-té les a comblés pendant leur dernier séjour près d'elle. J'ai désiré voir leurs enfants; la petite princesse Marie n'est plus aussi vive et gentille, comme elle l'étoit à Gatchina, il y a cinq ans; mais le fils est charmant.

Le vieux c-te Sievers, que j'avais instruit de mon passage, est venu m'attendre à la poste de Wolmarshoff. Une conversation de deux heures, portée sur différens objets et toujours également animée, m'a fait voir, que malgré son âge de soixante seize ans, il a conservé toute sa mémoire et tout le feu de son imagination. Il est bien à regretter que des circonstances imprévues l'ont souvent arraché aux moyens

de rendre des services utiles à son pays. Les communications d'eau continuent à avoir sa plus tendre affection; il ne cesse de s'en occuper dans sa retraite. Il m'a prouvé avec beaucoup de chaleur la grande utilité que retireroit notre commerce d'un canal de réunion entre le Nëmen et la Dwina, qu'il avoit projeté autrefois, et qui alloit être confirmé par feu l'empereur, quand il a dû prendre sa démission. Je crois que son successeur dans cette administration ne pourroit faire mieux que de le consulter souvent, non seulement sur les travaux qui s'y éxécutent actuellement, mais aussi sur ceux qu'il avoit conçus, pour les faire éxécuter les uns après les autres. M-r de Sievers n'a pas changé aussi éxtérieurement; il me paroit même plus frais et mieux portant qu'il ne l'étoit il y a neuf ans; et ce qui m'a fait beaucoup de plaisir, c'est qu'il est toujours pénétré envers v. m-té impériale de cette vénération, qu'elle inspire généralement à tous ceux qui ont le bonheur de connaître et d'apprécier ses vertus.

Je ne puis taire à v. m-té que l'état actuel de la Livonie n'est pas dutout agréable. Deux années de mauvaise récolte avoient déjà entamé ses ressources; a présent on peut dire qu'elles sont entièrement épuisées. Les bleds y manquent tout-à-fait; leurs prix sont éxorbitants et tels qu'ils n'ont jamais éxistés: partout où j'ai passé on vend les trois lofs ou le tschetwert de seigle à 15 et 18 roubles et les trois lofs ou le tschetwert d'avoine à 9 ou à 11 roubles. Les grains ensementés ne donnent aucun éspoir. Les embarras et les inquiétudes des habitans sont augmentés par la defense qui doit éxister dans le gouvernement de Pleskow, où ils avoient l'habitude de faire des achats de grains, d'en faire sortir ceux qu'ils y ont maintenant achettés et payés: je les sais de m-r de Fietinghow et d'autres; et pour dernière nuance de ce tableau qui est si sombre j'ai à ajouter qu'il n'y a presque pas de propriétaire ou de campagne, qui n'ayent perdu quantité de chevaux crevés de la fatigue ou par manque de fourage, quand ils ont été requis, l'hiver passé, pour le transport des troupes.

Je présente mon hommage à madame la grande duchesse Cathérine, et je suis avec le plus profond respect etc.

P. S. Je me trouve en possession de cette information de votre majesté impériale que j'attendais avec tant d'impatience. Sa lettre qui me la donne, je l'ai recuë au moment que j'entrais chez m-r de Tormazoff. Il me semble que la chose en question prend une très bonne tournure, puisque l'empereur l'abandonne finalement à la volonté et à la décision de votre majesté, et que m-me la grande duchesse Cathérine continue à reconnaître les grands avantages qu'elle lui offre. V. majesté a parfaitement bien fait de n'avoir pas différé d'écrire la lettre qui contient la proposition directe qu'elle fait par amitié et confiance, et de l'avoir envoyée ouverte à l'empereur son fils. Ie suis persuadé qu'en l'approuvant il lui donnera cours. Je me trouverai fort heureux d'en être le porteur; car personne certainement ne peut la souhaiter plus vivement et ne pourra mettre à la réussite plus de zéle et d'activité que moi! Votre majesté et madame la grande duchesse ne peuvent pas en douter! Il est impossible que s. m-té l'empereur ne me parle pas de cette affaire. J'ai au contraire la ferme conviction qu'il daignera m'en entretenir de propre mouvement, qu'il me chargera de soigner le succés de la lettre de votre majesté, et qu'en même tems il me munira aus-

si de ses ordres sur tous les objets de son contenu. Mais s'il arrivait, ce que je n'attends pas et ne me permet pas même du supposer, qu'il ne m'en dise pas le mot, alors ce ne sera certainement pas moi à en parler le premier; à cet égard je l'observerai strictement à l'instruction de votre majesté, et dès que je le pourrai je ne lui laisserai rien ignorer de ce que j'aurai fait et de tout ce qui me sera arrivé au quartier-general.

I.

Рига 14 мая 1807.

Государыня!

Чтобы сократить время путешествія моего, я ѣхалъ всю послѣднюю ночь; но какъ отъ того у меня распухли ноги, то я не надѣюсь повторять это часто. Я пріѣхалъ въ Ригу нынче вечеромъ: ливонскіе пески помѣшали мнѣ прибыть ранѣе. Не найдя г. Беклешова[1], который отправился осматривать Курляндскую милицію, я здѣсь пробылъ лишь столько времени, сколько понадобилось для передачи писемъ герцогинѣ Александрѣ Виртембергской и для визитовъ военному губернатору и госпожамъ Эльмптъ и Фитингофъ, и хотя уже скоро полночь, но я все таки сейчасъ ѣду, располагая ночевать въ двухъ миляхъ отсюда на средней станціи между Ригою и Митавою. Завтра я также употреблю всѣ старанія, чтобы остановиться въ Митавѣ лишь на нѣсколько часовъ.

Его высочество герцогъ Александръ возвратился изъ деревни съ тѣмъ, чтобы на дняхъ отвезти туда свое семейство, и герцогиня его супруга предполагаетъ тамъ прожить до времени разрѣшенія отъ своего бремени. Оба они въ самомъ лучшемъ здоровьѣ. Съ большимъ чувствомъ говорили они мнѣ о милостяхъ, которыми ваше величество ихъ осыпали во время послѣдняго пребыванія у васъ. Я пожелалъ видѣть ихъ дѣтей: маленькая принцесса Марія уже не такъ жива и мила, какъ была въ Гатчинѣ назадъ тому 5 лѣтъ, но сынокъ восхитителенъ.

Старикъ графъ Сиверсъ, котораго я увѣдомилъ о моемъ проѣздѣ, явился на станцію Вольмарсгофъ ожидать меня. Двухчасовая бесѣда о разныхъ предметахъ, постоянно одинаково-живая, доказала мнѣ, что, не смотря на свои 76 лѣтъ, графъ сохранилъ свѣжесть памяти и живость воображенія. Жаль, что непредвидѣнныя обстоятельства поставили его внѣ возможности оказывать полезныя услуги государству[2]. Водяныя сообщенія по прежнему очень близки его сердцу: онъ не перестаетъ заниматься ими и въ своемъ удаленіи. Онъ съ жаромъ доказывалъ мнѣ пользу для нашей торговли отъ канала между Нѣманомъ и Двиною, проэктъ котораго онъ нѣкогда составилъ и представилъ на утвержденіе покойнаго императора предъ самымъ выходомъ въ отставку. Я полагаю, что преемнику графа въ этомъ управленіи[3] остается лишь слѣдовать по стопамъ своего предшественника, не только въ работахъ, которыя уже исполняются теперь, но и въ работахъ только еще задуманныхъ, и вести ихъ одну за другой. Гр. Сиверсъ не перемѣнился и по наружности; онъ мнѣ показался даже моложе и здоровѣе, чѣмъ 9 лѣтъ назадъ; но особенную радость доставило мнѣ то, что онъ проникутъ къ вашему императорскому величеству глубочайшимъ уваженіемъ, которое вы внушаете всѣмъ, кто имѣлъ счастіе узнать и оцѣнить ваши свойства.

Не могу умолчать предъ вашимъ величествомъ, что настоящее положеніе Ливоніи вовсе не утѣшительно. Двух-

---

[1] Александръ Андр. Беклешовъ (1743—1808), генералъ-прокуроръ при импер. Павлѣ, былъ въ это время главнокомандующимъ второю областью земскаго войска или тогдашней милиціи.

[2] Весною 1800 года по неудовольствію имп. Павла гр. Сиверсъ получилъ отставку отъ управленія водяными комуникаціями и опекунства въ Спб. Воспитательномъ домѣ. (См. Блума, Ein russischer Staatsmann, Leipzig. 1858, ч. 4-я, стр. 538—544.)

[3] Де Воланту.

лѣтній неурожай поглощаетъ запасы прежнихъ лѣтъ: можно сказать, что въ настоящее время они уже совершенно истощены. Хлѣба нѣтъ нигдѣ; цѣны на него непомѣрныя, никогда небывалыя: повсюду, гдѣ я проѣзжалъ, три лофа, т. е. четверть ржи продается по 15—18 рублей, а четверть овса по 9—11 рублей. Всходы посѣяннаго хлѣба ничего хорошаго не обѣщаютъ; безпокойство жителей увеличивается еще запрещеніемъ вывозить хлѣбъ изъ Псковской губерніи, гдѣ они обыкновенно его покупаютъ, почему они не могутъ вывезти даже и тотъ, который ими уже купленъ и оплаченъ: я это знаю отъ г. Фитингофа и другихъ. Къ довершенію этой столь мрачной картины прибавлю, что почти нѣтъ помѣщика или деревни, у которыхъ бы не погибло множества лошадей отъ утомленія или недостатка корма, когда ихъ забирали прошлую зиму для перевозки войскъ.

Свидѣтельствую почтеніе ея высочеству великой княжнѣ Екатеринѣ и имѣю счастье съ глубочайшимъ уваженіемъ быть......

P. S.

Я получилъ теперь отъ вашего императорскаго величества письменное наставленіе, котораго ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Ваше письмо съ этимъ наставленіемъ получено мною въ ту минуту, когда я шелъ къ Тормасову. Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, кажется мнѣ, принимаетъ очень хорошій оборотъ. Государь оставляетъ его окончательно на волю и рѣшеніе вашего величества, и великая княжна Екатерина по прежнему сознаетъ большія выгоды, ей представляющіяся; ваше величество сдѣлали весьма хорошо, что безотлагательно написали письмо съ прямымъ предложеніемъ, по дружбѣ и довѣренности, и что вы послали это письмо незапечатанное своему сыну-государю. Я убѣжденъ, что онъ его одобритъ и дастъ ему ходъ. Я былъ бы очень счастливъ, еслибъ мнѣ поручили его передать; ибо ужъ конечно никто не можетъ желать этого дѣла сильнѣе чѣмъ я, и никто не употребитъ для его успѣха больше ревности и усердія. Ваше величество и ея высочество великая княгиня не можете въ этомъ сомнѣваться! Государь непремѣнно будетъ со мною говорить объ этомъ дѣлѣ. Я имѣю твердую увѣренность, что онъ по собственному побужденію удостоитъ меня бесѣды объ этомъ, поручитъ мнѣ постараться объ успѣхѣ письма вашего величества и снабдитъ подобными приказаніями по всѣмъ пунктамъ письма; но въ случаѣ, котораго я не ожидаю и не позволяю себѣ даже предполагать, если онъ мнѣ не скажетъ объ этомъ ни слова, разумѣется я первый не начну; вообще поступлю во всей точности согласно наставленію вашего величества, и при первой возможности дамъ вамъ подробный отчетъ обо всемъ, что̀ я сдѣлаю и что̀ случится въ главной квартирѣ.

II.

A Memel, le $\frac{18}{30}$ de mai 1807.

Madame,

Avant de parler de Memel à v. m-té i-le, j'ai encore à lui rendre compte de mon séjour à Mitau.

Au lieu de m'arrêter à la première poste après Riga, comme je le voulais, j'ai voyagé une seconde nuit pour ne pas perdre une journée entière à Mitau. J'y suis arrivé à 9 heures du matin. Apprenant que m-r de Beklecheff étoit sur le point d'en partir, j'ai été d'abord le voir; je l'ai trouvé bien portant et très satisfait de sa milice courlandaise. Il m'a beaucoup parlé de sa grande vénération pour v. m-té; il ne m'a pas caché aussi les inquiétudes que lui donne sa nouvelle maladie. J'ai été éffrayé, quand il m'a fait toucher cette coupe qui s'est formée à son sein gauche et qui le remplit déjà en entier; cette coupe est dure et tout-à fait cartilagineuse, elle croit à vue-d'oeil et est déjà si grande, qu'il n'est

plus possible de l'enlever par une opération; son poids l'incommode beaucoup et engourdit toujours davantage son bras gauche.

Le roi de France m'ayant envoyé le duc de Grammont pour m'engager à diner chez lui, plutôt que de venir pour le voir seulement, je n'ai pu m'y refuser; et j'ai employé une heure de la matinée pour faire ma visite à m-me la duchesse de Courlande, qui ne se plait nullement dans son pays natal et attend avec impatience le moment de son retour en Allemagne. Le roi m'a reçu avec les plus grandes bontés. Il a causé avec moi à différentes reprises. Il parle fort bien, ses malheurs intéressent encore davantage quand on le voit, et qu'on l'entend; mais il est bien heureux pour lui, que le sentiment de ce qu'il est et l'éspérance de recouvrer l'héritage de ses pères, ne l'abandonnent pas d'un instant, et on le remarque à chacune de ses paroles. Il m'a prié d'éxprimer à v. m-té impériale que rien ne lui étoit plus précieux que la conservation de son amitié et de son souvenir; il m'a chargé en même tems de lui rappeler, qu'il se reconnaissoit être son chevalier depuis qu'il avoit eu le bonheur de lui baiser sa main en France, et qu'il se flattoit qu'elle ne l'avoit pas oubliée. La reine a éxtrémement vieillie et semble avoir renoncé à toute éspèce de prétentions: le costume de son habillement dans toutes ses parties est celui qu'avoit autrefois la défunte Cathérine Iwanowna Werre. Je n'ai pu approcher sans émotion de m-me la duchesse d'Angoulême. Le Ciel lui auroit tout accordé, si sa fortune eut été égale à sa naissance; sa beauté, son ésprit, ses graces, la rendent une personne accomplie. Très touchée de tout ce que je lui ai dit de la part de v. m-té, elle la prie d'etre persuadée qu'elle s'empressera de mériter toujours son suffrage et ses bontés. Elle se souvient parfaitement de v. m-té et ne désire rien tant, que de renouveller sa connaissance. Le duc d'Angoulême est d'une figure assez agréable et paroit être fort bon; la reine et lui m'ont aussi prié de les rappeller au souvenir de v. m-té. La cour du roi est peu nombreuse; j'y ai vu l'archevêque duc de Reims, oncle de Tallayrand qu'il a sacré evèque d'Autin, et qui ne peut pas entendre proférer le nom de son neveu-apostat; les ducs de Haveé et de Grammont, les c-tes d'Avarey et d'Agôut, la duchesse de Serrent, la comtesse Narbonne sa fille, et deux autres dames, dont je n'ai pu demander les noms. La veille de mon arrivée le roi et sa famille ont été vivement afíligés par la mort de l'abbé Edgévort, dernier confesseur de Louis XVI: il possédoit toute leur confiance et en été reveré comme un saint. Il n'y a pas de gentilhomme campagnard, dont la table ne soit mieux servie que celle du roi: il n'y avoit que six grands plats de fayance, point de plateau, point d'argenterie, point de dessert, point de vins fins. Le roi m'a souvent répété: «quand vous m'avez vu à Versailles, je pouvais vous recevoir mieux qu'à prèsent»; mais ce qui m'a surpris et ne manquera pas d'étonner v. m-té, c'est que toute l'etiquette de l'ancienne cour de Versailles se trouve strictement observée à la cour infortunée de Mittau. Le roi est devenu plus gros, mais au reste n'a pas changé, il est comme v. m-té l'a connu. Il est enchanté de l'empereur et m'en a parlé avec attendrissement. Il occupe la moitié du château de Mitau, tandis que l'autre moitié y sert de caserne; il seroit assez bien logé, mais ses appartemens sont si sâles, si noirs, si dégar-

nis de meubles, que l'empereur n'a pu s'empêcher de le remarquer, et comme on dit qu'il a ordonné de les remeubler, il est à désirer que cet ordre de sa part s'éxécute bientôt.

Le marquis d'Autichamp et sa femme que j'ai aussi vû à Mittau, se mettent aux pieds de v. m-té avec l'assurance qu'ils n'oublieront jamais ses bienfaits.

La Courlande est une des plus belles acquisitions de la Russie. Tout y a un air d'ordre et d'aisance; les chemins, les ponts, les forêts, les bâtimens, l'agriculture, l'industrie, y sont en beaucoup meilleurs état encore qu'en Livonie. Je supplie v. m-té de dire à m-me la comtesse de Lieven que c'est là l'impression que mon passage par cette province a produit en moi, et que je la félicite véritablement d'y avoir sa principale propriété.

Quoique je suis arrivé ici ce soir à sept heures, cependant j'ai été faire ma cour à m-es les princesses Guillaume et Louise de Prusse. J'avais entendu parler trop souvent à l'empereur de m-me de Voss, pour me refuser le désir de la connoître; j'ai aussi été chez elle. M-me de Goltz s'y trouvait, elle n'est pas sortie de Memel depuis son départ de Pétersbourg, et ne semble pas avoir ici ce qu'elle a quitté chez nous. M-me la princesce Guillaume n'est que belle, m-me la princesse Louise est on ne peut pas plus aimable. J'ai passé chez cette dernière près de deux heures, et sa conversation a été toujours intéressante et soutenue. Ses enfans sont charmans; son mari est allé depuis peu pour ses affaires en Galicie. La reine est attendue ici demain de Koenisberg, et vient par le Haf. Le roi est dit-on à prèsent à Pilau, pour y voir les troupes commandées par le général-major comte Kamensky, qui y retournent par mer. On est ici fort affecté du sort et de la capitulation de Danzick, et on prétend, sans le savoir positivement, que l'aile gauche de notre grande armée a fait un mouvement en avant vers Mohrungen.

Demain matin je repars, mais ce n'est pas pour aller à Bartenstein. Je vais droit à Tilsit. Le bonheur d'y revoir après demain l'empereur calme déjà d'avance les inquiètudes que j'ai eues, en apprenant d'hasard en route qu'il avoit quitté Bartenstein pour s'y transporter. Je désire vivement qu'il y reçoive en ma présence la nouvelle d'une grande victoire remporteé par ses armes, car en vérité elle est plus nécésssire que jamais.

M-me la grande duchesse Marie écrit à m-me le princesse Louise, qu'elle va s'embarquer incéssament pour la Russie, et je me permets de souhaiter que v. m-té la revoye avant de recevoir cette lettre.

Ce soir les attraits et les belles qualités de m-me le grande duchesse Cathèrine ont occupé tout le monde chez m-me la princesse Louise; c'étoit pour moi une bien grande jouissance d'être temoin de cette justice méritée, qu'on lui rend même loin d'elle, et j'ose prier v. m-té de daigner l'en instruire en lui demandant qu'elle me continue sa bienveillance.

Je soutiens très bien la fatigue du voyage; je n'ai qu'a me plaindre de l'enflure de mes deux pieds. Celle-la m'incommode et s'augmente chaque soir, au point que j'ai été obligé d'ôter mes bottes de cuir. Jusqu'à prèsent je ne sens pas de douleurs, et je me croirai fort heureux si je n'aurai que cette seule icommodité pendant les quatre ou cinq semaines, que j'ai encore à être en route. Les infirmités ordinaires de l'âge viennent m'assaillir malgré moi, et je suis forcé de voir à regrèt qu'il ne

m est plus possible de m'abuser sur le compte de ma santé. Il est donc vrai que, quand on a vecu cinquante cinq ans, on ne peut plus être toujours ce qu'on a été!

Je suis avec un attachement sans bornes et le respect le plus profond etc.

P. S. V. m-té me fera une grace en daignant répéter à m. de Nélidoff l'expression de mon amitié constante pour elle, et mes voeux pour son prompt et parfait rétablissement.

II.

Мемель $^{18}/_{30}$ мая 1807.

Государыня!

Прежде чѣмъ писать в. и. в—ву о Мемелѣ, я долженъ отдать вамъ отчетъ о моемъ пребываніи въ Митавѣ.

Въ противность прежнему намѣренію остановиться на первой станціи за Ригой, я ѣхалъ опять всю ночь, чтобы не потерять цѣлый день въ Митавѣ. Я прибылъ туда въ 9 часовъ утра. Узнавши, что Беклешовъ собирается сейчасъ уѣхать, я отправился прежде всего къ нему. Я нашелъ его здоровымъ и очень довольнымъ Курляндскою милиціею. Онъ мнѣ много говорилъ о своемъ глубокомъ уваженіи къ в. в—ву. Онъ также не скрылъ отъ меня своего безпокойства о новой его болѣзни: я ужаснулся, когда онъ мнѣ далъ ощупать наростъ, образовавшійся на его лѣвой груди и занимающій уже почти всю ея поверхность. Этотъ наростъ твердъ какъ хрящъ, замѣтно растетъ и уже сталъ такъ великъ, что его невозможно снять операціей. Его объемъ очень безпокоитъ Беклешова; съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе нѣмѣетъ у него и лѣвая рука.

Французскій король (4) чрезъ герцога Граммона просилъ меня вмѣсто того, чтобы только явиться къ нему, придти лучше обѣдать, и я не могъ отказаться отъ этого приглашенія; утреннимъ же временемъ я воспользовался, чтобы посѣтить герцогиню Курляндскую, которую совсѣмъ не любятъ въ ея странѣ и которая съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего возвращенія въ Германію. Король принялъ меня чрезвычайно ласково и много разъ вступалъ со мной въ разговоръ. Онъ говоритъ очень хорошо; его несчастія еще больше вызываютъ участіе, когда его видишь и слушаешь; но онъ счастливъ по своему тѣмъ, что сознаніе своего королевскаго достоинства и надежда возвратить наслѣдственный престолъ не оставляютъ его ни на минуту и проглядываютъ въ каждомъ словѣ. Онъ просилъ меня передать в. императорскому в—ву, что для него всего дороже неизмѣнность вашей дружбы и памяти о немъ; онъ также поручилъ мнѣ напомнить, что считаетъ себя вашимъ кавалеромъ съ тѣхъ поръ какъ имѣлъ счастіе цѣловать вашу руку во Франціи и льститъ себя надеждою, что ваше в—во его не забыли (5). Королева очень постарѣла и по видимому оставила всевозможныя притязанія; одѣвается она во всѣхъ подробностяхъ совершенно такъ, какъ покойная Екатерина Ивановна Верре(6). Я не могъ подойти безъ душевнаго волненія къ герцогинѣ Ангулемской. Судьба дала бы ей все возможное, еслибъ ея счастіе равнялось ея происхожденію; красота, умъ, привлекательность дѣлаетъ ее особою совершенною. Весьма тронутая всѣмъ, что я передалъ ей отъ имени в. в—ва, она проситъ васъ вѣрить, что постарается заслужить ваше доброе мнѣніе и расположеніе. Она очень помнитъ в. в—во и ничего такъ не желаетъ, какъ возобновить съ вами знакомство. Герцогъ Ангулемскій имѣетъ довольно пріятную наружность и, кажется, очень добръ. Королева и онъ также меня просили напомнить о нихъ в. в—ву. Дворъ коро-

---

(4) Лудовикъ XVIII.

(5) Они видѣлись, когда Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна путешествовали по Европѣ подъ именемъ графовъ Сѣверныхъ.

(6) Каммерфрау Маріи Ѳеодоровны еще въ царствованіе Екатерины и позднѣе.

ля немногочисленъ; я тамъ видѣлъ архіепископа герцога Реймскаго, дядю Талейрану, котораго онъ поставилъ епископомъ Отенскимъ; дядя не можетъ равнодушно слышать имя своего племянника-отступника. Еще тамъ были герцоги Де-Гаве и Граммонъ, графъ Аварей и Агу, герцогиня Серранъ, ея дочь графиня Нарбонъ и еще двѣ дамы, именъ которыхъ я не могъ спросить. Наканунѣ моего пріѣзда король и его семейство были сильно огорчены смертью аббата Эджеворта, послѣдняго духовника Людовика XVI: королевское семейство имѣло къ нему полную довѣренность и чтило его какъ святаго. Не найдется ни одного дворянина-помѣщика, у котораго бы столъ былъ хуже сервированъ, чѣмъ у короля: все его убранство состояло изъ 6 большихъ фаянсовыхъ блюдъ; не было ни плато, ни серебра, ни десерта, ни хорошихъ винъ. Король часто повторялъ мнѣ: „когда вы меня видѣли въ Версали, я могъ принять васъ лучше, чѣмъ теперь"; но что удивило меня и непремѣнно удивитъ и в. в—во, это соблюденіе при несчастномъ Митавскомъ дворѣ придворнаго Версальскаго этикета во всей строгости. Король пополнѣлъ, но въ прочемъ не перемѣнился и остался такимъ, какъ вы его знаете; онъ въ восторгѣ отъ нашего государя и говорилъ мнѣ объ этомъ съ чувствомъ. Онъ занимаетъ половину Митавскаго дворца, а другая служитъ казармами. Помѣщеніе короля было бы недурно; но комнаты грязны и закопчены; а мебель такъ безобразна, что государь невольно это замѣтилъ и, какъ говорятъ, приказалъ ее перемѣнить; желательно, чтобъ это приказаніе исполнилось поскорѣе.

Маркизъ Отишанъ и его супруга, которыхъ я также видѣлъ въ Митавѣ, припадаютъ къ стопамъ в. в—ва съ увѣреніемъ, что они никогда не забудутъ вашихъ благодѣяній.

Курляндія есть одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній Россіи. Тутъ все имѣетъ видъ порядка и довольства: дороги, мосты, лѣса, строенія, земледѣліе, промышленность, все здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ Ливоніи. Усерднѣйше прошу в. в—во сказать графинѣ Ливенъ(7), что такое впечатлѣніе вынесъ я изъ своего путешествія по Курляндіи и что я поистинѣ поздравляю съ этимъ графиню, имѣющую тамъ главное свое помѣстье.

Хотя я пріѣхалъ сюда сегодня въ 7 часовъ вечера, однако жъ успѣлъ представиться принцессамъ Вильгельминѣ и Луизѣ Прусскимъ. Императоръ такъ часто говорилъ о г-жѣ Фоссъ, что я не могъ преодолѣть желанія съ нею познакомиться, поэтому побывалъ и у нея. Тамъ была г. Гольтцъ: она не выѣзжала изъ Мемеля со времени своего возвращенія изъ Петербурга и, кажется, не имѣетъ уже того, что оставила у насъ. Принцесса Вильгельмина прекрасна и только; но принцесса Луиза мила какъ нельзя болѣе. Я провелъ у послѣдней около двухъ часовъ, и у насъ не прерывалась постоянно-занимательная бесѣда. Ея дѣти прелестны; мужъ ея отправился по своимъ дѣламъ въ Галицію. Завтра ожидаютъ сюда изъ Кенигсберга королеву, которая пріѣдетъ по Гафу. Король, говорятъ, теперь въ Пилау, для осмотра войскъ, состоящихъ подъ командою генералъ-маіора Каменскаго, которыя туда возвращаются моремъ. Здѣсь очень озабочены сдачею Данцига и утверждаютъ, не выдавая за несомнѣнное, что лѣвое крыло нашей арміи подвинулось впередъ, къ Морунгену.

Великая княгиня Марія пишетъ принцессѣ Луизѣ, что она сейчасъ отправляется въ Россію; и я позволяю себѣ пожелать, чтобы в. в-во увидѣли ея высочество прежде полученія этого письма.

Нынѣшній вечеръ все общество у принцессы Луизы говорило о прелестяхъ и достоинствахъ великой княжны Екатерины; для меня было великимъ наслажденіемъ видѣть, что ей воздаютъ должную справедливость даже на чужбинѣ, и я осмѣливаюсь просить в. в-во со-

---

(7) Графиня, позднѣе княгиня Шарлота Карловна Ливенъ, другъ имп. Маріи Ѳеодоровны и воспитательница дочерей ея.

общить ей объ этомъ вмѣстѣ съ просьбою не измѣнять своего расположенія ко мнѣ.

Я очень хорошо выношу дорожную усталость, могу только пожаловаться на опухоль обѣихъ ногъ. Она меня безпокоитъ и каждый вечеръ прибавляется, такъ что я принужденъ снимать кожаные сапоги. Но никакой болѣзни я до сихъ поръ не чувствую, и счелъ бы себя счастливымъ, еслибъ впродолженіи четырехъ-пяти недѣль, которыя мнѣ остается еще провести въ разъѣздахъ, я испытывалъ бы только это безпокойство. Обыкновенныя недуги преклонныхъ лѣтъ начинаютъ осаждать меня, и я принужденъ съ сожалѣніемъ сознаться, что мнѣ уже становится невозможнымъ не беречь своего здоровья. Справедливо, что проживши 55 лѣтъ, не можешь всегда быть тѣмъ, чѣмъ былъ.

Съ безпредѣльною преданностію и глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр....

P. S. В. в-во сдѣлаете мнѣ милость, удостоивъ передать г. Нелидовой выраженіе моей постоянной дружбы къ ней и душевное желаніе ей скораго и совершеннаго выздоровленія

III.

à Tilsit, le $\frac{22 \text{ de mai}}{3 \text{ de juin}}$ 1807.

Madame,

J'ai de nouveau voyagé la nuit entre Memel et Tilsit et j'ai déjà été ici avant hier de grand matin. L'enflure de mes pieds ne m'a pas arretée, mais n'en a pas été mieux; quand je suis stimulé pas des devoirs, la considération de ma santé est toujours la dernière à agir sur moi; et je me flatte que v. m-té me connoit trop bien pour ne pas en être parfaitement persuadée. S. m-té l'empereur a été fort étonné en me voyant arriver si vite. Je l'ai trouvé, graces à Dieu, très bien portant, tranquille et gai. Il a daigné m'accueillir avec la plus grande bonté, et m'a ordonné de rester ici quelques jours jusqu'à ce qu'il ait recu la reponse cathégorique, qu'il vient de demander à la cour de Vienne.

Je n'ai rien de positif à dire encore à v. m-té sur l'affaire qui regarde m-e la grande duchésse Cathèrine. L'Empereur m'a prevenu, dans l'entretien particulier qu'il m'a accordé, qu'il avoit à me remettre une lettre que v. m-té lui avoit envoyée pour moi avec une autre qui l'accompagnait, et qu'il me parlera avec détail de l'objet dont il y est question; mais par le peu qu'il m'en a dit, je puis voir déjà clairement qu'il n'est pas du tout de l'opinion que l'établissement projeté puisse convenir à m-me sa soeur. Il croit que le personnel de l'individu, au quel son sort auroit à être lié, étant peu agréable, ne pourra jamais lui plaire et la rendre heureuse; mais il m'a témoigné aussi qu'il abandonnoit entièrement ses affaires de famille à la décision de v. m-té. J'ai pris la liberté de lui repondre, que selon moi aucun autre parti ne pourroit offrir d'aussi grands avantages, et que m-me la grande duchesse m'avoit paru en être convaincue et le désirer beaucoup elle même.

L'empereur ne pouvoit faire mieux que de quitter son armée, puisqu'il n'a pas jugé à propos de la commander en personne, et qu'il ne voulait pas que sa présence put gêner le général en chef dans ses opérations, ou lui servir de prétexte pour les lui attribuer en cas de non-réussite. Il est venu à Tilsit pour être à portée de donner promptement tous les ordres qu'exigeront les circonstances. Le roi de Prusse et son ministre Hardenberg sont attendus ici, mais il y a des personnes qui croyent qu'ils chercheront différer leur arrivée ayant plus de gêne, que de véritable satisfaction à être ensemble avec

l'empereur. Comme il n'y a pas un seul de nos soldats à Tilsit et dans ses environs, j'ose croire que l'empereur au lieu d'être ici seroit beaucoup plus à sa place et d'une manière plus conforme à sa dignité dans son propre pays; et puisque pour rester dans le voisinage du théatre de la guerre il n'est pas encore intentionné de retourner dans sa capitale, où il est désiré avec tant d'impatience, il me parait qu'il pourroit aller à Grodno ou à Wilna, et plutôt encore à Grodno, qui est entièrement sur la frontière. M-r de Budberg m'a allegué entr'autres comme une des raisons du séjour de Tilsit l'attente où l'on est d'y voir arriver incessament le lord Gower, qui doit être revétu de pouvoirs illimités de sa cour. La conduite de l'Angleterre envers nous et la nullité de son assistance jusqu'à présent, ne peuvent être interpretés favorablement par ses partisans les plus zelés, et on en est mécontent avec justice.

L'empereur me semble revenu de l'idée qu'il avoit des grands talents de Beningsen; cependant il ne le fait pas paroitre, et le conservera sans doute dans le commandement qu'il lui a confié par la difficulté de le bien remplacer. Il le trouve rempli d'astuce, et m'a avoué qu'il lui a été fort pénible d'être avec lui à cause des souvenirs du passé. Il m'a dit que ses inferieurs ne le respectoient et ne l'éstimoient pas unanimement, que les soldats ne pouroient pas avoir pour lui beaucoup d'attachement et de confiance, parcequ'il n'est pas en état de parler avec eux leur langue, qu'il faisoit observer une très mauvaise discipline, et qu'il la relachoit par des vues à lui personnelles, voulant se faire aimer par là davantage. Le plus grand des reproches qu'on peut lui faire c'est de n'avoir pas songé à se pourvoir des magazins mobiles, qui doivent toujours former la première sollicitude du général. C'est le manque de vivres qui a dû la paraliser depuis la bataille de Preussich-Eylau, et qui probablement sera une grande entrave pour elle dans les opérations futures. Les dispositions de Beningsen pour cette bataille doivent avoir été vicieuses, et elle n'a été gagnée que par l'immobilité et la bravoure de nos éxcellentes troupes. L'ésprit qui règne parmi celles-la est parfait; elles ont un sentiment intérieur de supériorité sur l'ennemi, qui à chaque combat leur présage la victoire. Que Dieu les benisse et les assiste! Maintenant Bennigsen est livré à son propre genie; rien ne l'empeche d'agir comme il pourra le vouloir, mais pourvu qu'il agisse et qu'il batte! Une victoire encore est indispensable pour nous mener à une paix honorable. Il n'y a personne ici qui ne la désire, mais il n'est pas si facile de l'obtenir telle, qu'elle soit conforme à notre gloire et à nos intérêts. La prise de Dantzig, et le moyen qu'elle donne à Bonaparte de renforcer sa grande armée des trois divisions qui en faisoient le siège, va l'éxalter dans ses prétentions. Czartorysky et Novossiltzow m'en ont parlés avec une franchise, qui m'a surprise; ils pretendent que le bon moment d'entamer avec lui une négociation a été perdu, qu'il falloit le faire d'abord après la bataille d'Eylau, quand il n'avoit pas reçu tous ses renforts, quand il manquoit de vivres, et que la résistance que nous lui avions opposée l'avait étourdi; qu'ils l'avoit représentés alors à l'empereur verbalement et par écrit, mais que leurs representations étoient restées sans effet. Ils désirent tous les deux vivement la paix, et n'augurent pas bien de la continuation de la guerre. Ils regrettent notre grande intimité avec la Prusse, et craignent avec raison que la

reponse attendue de Vienne ne sera qu'évasive, parcequ'on y verra que nous en sommes influencés et que ce que nous y demandons servira beaucoup moins nos intérêts que ceux de la Prusse. Il est très vrai que quand même nous obtiendrons au prix de tous nos sacrifices le rétablissement de la Prusse dans son intégrité, jamais nous ne pourrons compter sur la durée d'un entier dévouëment de sa part: la paix une fois faite, elle se remplacera toujours par faiblesse et habitude sous la domination de la France.

M-r de Budberg, les c-tes Tolstoy et de Liewen, Czartorysky et Nowossiltzow sont ici avec l'empereur. Ils souhaitent tous qu'il parte au plutôt de Tilsit, pour retourner à Pétersbourg, ou au moins pour aller s'etablir pendant quelque tems dans une des villes de ses propres états; chacun d'eux doit lui en avoir fait ses representations. Czartorysky et Nowossiltzow m'ont même instamment prié de les lui renouveller de mon chef, et comme je les trouve entièrement analogues à ma propre conviction, je ne manquerai pas de saisir la première occasion où je pourrai les lui adresser avec convénance.

On a reçu ici la bonne nouvelle que l'amiral Seniawin s'est emparé du fort de Tenedos, et que son éscadre, stationnée à l'entrée des Dardannelles, gêne et inquiètte beaucoup Constantinople.

J'ai rencontré hier au diner de l'empereur le b. de Senf de Pilsach, qui avoit été nommé envoyé de Prusse près de la Porte. Il n'y a pas été admis et vient de retourner de Constantinople par Bucharest, Jassi et nos gouvernements méridionaux. Il m'a dit, que le divan et tous les Turcs en général, même dans les provinces, sont fort animés contre la Russie et fort contents de nous faire la guerre, que Sébastiani à force d'argent et de bassesses s'est emparé de tous les esprits à Constantinople et qu'il y jouit de la permission, innouie jusqu'à présent, de venir dans le serail et d'y voir le sultan toutes les fois qu'il le veut. M-r de Senf est un homme de beaucoup de mérite, et ancien collegue de Koscheleff à Copenhague, qui y a été fort lié avec lui.

Venant d'informer v. m-té i-le de tout ce que j'ai appris et pû juger par moi-même pendant les deux jours que je suis ici, j'ai suivi l'impulsion de mon coeur qui ne lui a j'amais rien caché, mais je la supplie de le garder pour elle seule et de n'en faire aucun usage où elle auroit à me nommer.

Hier j'ai reçu la lettre de v. m-té du 16 de mai. J'y ai appris avec chagrin la maladie douloureuse qui l'a fait souffrir pendant quelques jours; mais je remercie aussi le Ciel en même tems qu'elle en est rétablie. Le premier de mes voeux est qu'elle jouit toujours d'une santé inaltérable et que tout contribue constament à sa tranquillité et à sa satisfaction. Je suppose qu'elle habite déjà le Palais Taurique, et qu'elle a commencé à s'y promener tous les matins à cheval. La convalescence de m-lle de Nélidoff me fait le plus grand plaisir car je l'aime et l'éstime sincérement.

Hier j'ai écrit à monseigneur le grand duc Constantin, avec un courier qui partoit pour l'armée, en lui envoyant les lettres que j'avais à lui remettre de la part de v. m-té et de m-me la grande duchesse.

J'embrasse les genoux de v. m-té et en la suppliant de me rappeller au souvenir de m-me la grande duchesse Cathérine, je suis avec le plus profond respect etc.

III.

Тильзитъ. 22 мая / 3 іюня 1807.

Государыня!

Я опять ѣхалъ ночью отъ Мемеля до Тильзита и прибылъ сюда третьяго дня рано утромъ. Опухоль ногъ меня не остановила, но впрочемъ и не уменьшилась отъ того. Когда меня побуждаетъ чувство долга, тогда соображенія о здоровьѣ составляютъ для меня послѣдній вопросъ; и я льщу себя надеждою, что в. имп. в-во знаете меня довольно хорошо, чтобы въ этомъ не сомнѣваться. Его в-во государь императоръ былъ очень удивленъ моимъ столь скорымъ пріѣздомъ. Я нашелъ государя, благодаря Бога, совершенно здоровымъ, покойнымъ и веселымъ. Онъ удостоилъ принять меня чрезвычайно милостиво и приказалъ мнѣ остаться здѣсь нѣсколько дней, пока получится отъ Вѣнскаго двора рѣшительный отвѣтъ, за которымъ только что послано.

Я еще ничего положительнаго не могу сказать в. в-ву о дѣлѣ, касающемся великой княжны Екатерины. Государь въ особой бесѣдѣ, которой онъ меня удостоилъ, предупредилъ, что онъ имѣетъ передать мнѣ письмо, присланное ему в. в-вомъ и другое, къ нему приложенное, и что онъ будетъ говорить мнѣ подробно о предметѣ, составляющемъ содержаніе этого письма; но изъ немногихъ словъ, сказанныхъ государемъ, я вижу ясно, что онъ не находитъ предполагаемое положеніе приличнымъ для ея высочества своей сестры. Онъ думаетъ, что личность человѣка, съ которымъ ей предстоитъ соединиться, довольно непріятна, что человѣкъ этотъ никакъ не можетъ ей понравиться и сдѣлать ее счастливою ([8]); но онъ прибавилъ также, что оставляетъ семейныя дѣла вполнѣ на рѣшеніе в. в-ва. Я осмѣлился отвѣчать, что по моему мнѣнію никакой другой союзъ не представляетъ такихъ выгодъ и что великая княжна, мнѣ кажется, въ этомъ убѣждена и сама того очень желаетъ.

Государь ничего не могъ сдѣлать лучше, какъ оставить свою армію, такъ какъ онъ не счелъ умѣстнымъ командовать ею лично и своимъ присутствіемъ не хотѣлъ стѣснять главнокомандующаго въ его распоряженіяхъ, или дать ему предлогъ—въ случаѣ неудачъ приписывать ихъ присутствію государя. Онъ переѣхалъ съ Тильзитъ, чтобъ имѣть возможность дѣлать быстрыя распоряженія, когда ихъ потребуютъ обстоятельства. Короля Прусскаго и его министра Гарденберга ожидаютъ сюда; но иные думаютъ, что они постараются замедлить свой пріѣздъ, потому что быть вмѣстѣ съ нашимъ императоромъ они находятъ для себя болѣе стѣснительнымъ, чѣмъ пріятнымъ. Такъ какъ въ Тильзитѣ и окрестностяхъ нѣтъ ни одного нашего солдата, то я смѣю думать, что государю былобы гораздо умѣстнѣй и сообразнѣе съ его достоинствомъ быть не здѣсь, а въ своемъ государствѣ; а какъ, желая оставаться вблизи театра войны, онъ еще не намѣренъ возвратиться въ столицу, гдѣ его ждутъ съ такимъ нетерпѣніемъ: то онъ могъ бы, какъ мнѣ кажется, переѣхать въ Гродну или Вильну, и лучше въ Гродну, лежащую совсѣмъ на границѣ. Г. Будбергъ([9]) мнѣ выставлялъ въ числѣ причинъ пребыванія государя въ Тильзитѣ между прочимъ ожиданіе лорда Гауера, который долженъ прибыть въ Тильзитъ, облеченный безграничнымъ полномочіемъ отъ своего двора. Даже самые ревностные защитники Англіи не могутъ объяснить въ хорошую сторону ея поведеніе въ отношеніи насъ и ничтожность

([8]) Императоръ Австрійскій Францъ 1-й род. 12 февр. 1768, ум. 2 марта 1835 и былъ женатъ четыре раза. Вторая супруга его, Марія Терезія, принцесса обѣихъ Сицилій, скончалась 13 Апрѣля этого 1807 года. 6 іюня 1808 года онъ женился въ третій разъ на принцессѣ Моденской Беатрисѣ. Четвертая же его супруга Каролина, принцесса Баварская, вышла за него, разведшись съ Виртембергскимъ королемъ Вильгельмомъ I-мъ, за котораго потомъ вышла за мужъ въ 1815 году великая княгиня Екатерина Павловна.

([9]) Тогдашній нашъ министръ иностран. дѣлъ.

пособій которыя она до сихъ поръ выставила, и ею по справедливости всѣ недовольны.

Государь, кажется, перемѣнилъ мнѣніе, которое онъ имѣлъ, о великихъ способностяхъ Бенигсена; покрайней мѣрѣ онъ его не принимаетъ къ себѣ и оставляетъ при ввѣренномъ ему командованіи безъ сомнѣнія только вслѣдствіе трудности его замѣстить съ выгодою. Онъ его считаетъ весьма коварнымъ и сознался, что ему очень непріятно съ нимъ видѣться вслѣдствіе воспоминаній о прошломъ. Государь сказалъ еще, что подчиненные всѣ единодушно его не уважаютъ, солдаты не могутъ имѣть къ нему много привязанности и довѣрія, потому что онъ не въ состояніи говорить съ ними на ихъ языкѣ; что у него въ войскѣ очень плохая дисциплина и что онъ ослабляетъ ее изъ личныхъ видовъ, думая тѣмъ заслужить больше любви. Величайшій же упрекъ, какой можно ему сдѣлать, это тотъ, что онъ не подумалъ о хорошемъ снабженіи подвижныхъ магазиновъ, которые должны составлять всегда первую заботу командующаго. Послѣ битвы подъ Прейсишъ-Эйлау наша армія пришла въ разстройство отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, и это вѣроятно сильно стѣснитъ ее въ будущихъ дѣйствіяхъ. Распоряженія Бенигсена въ этой битвѣ были дурны, и она выиграна только вслѣдствіе стойкости и доблести нашихъ превосходныхъ войскъ. Духъ въ войскахъ господствуетъ прекрасный: они одушевлены сознаніемъ своего превосходства надъ непріятелемъ, и всякая битва имъ предвѣщаетъ побѣду. Помоги имъ Боже и буди съ ними! Теперь Бенигсенъ предоставленъ самому себѣ; никто не помѣшаетъ ему дѣйствовать, какъ только ему угодно; но дай лишь Богъ, чтобъ онъ дѣйствовалъ и сражался! Еще одна побѣда необходима, чтобы доставить намъ честный миръ. Здѣсь нѣтъ человѣка, который бы не желалъ мира, но его не такъ легко заключить сообразно съ нашей славой и нашими выгодами. Взятіе Данцига и открывшаяся чрезъ то возможность усилить свою большую армію тремя дивизіями, занимавшимися осадою этого города, необыкновенно усилили притязанія Бонапарта. Чарторижскій и Новосильцевъ говорили мнѣ объ этомъ съ откровенностью, удивившею меня; они утверждаютъ, что благопріятное время для вступленія въ переговоры съ Бонапартомъ упущено: это слѣдовало сдѣлать тотчасъ послѣ битвы при Эйлау, когда онъ не получилъ еще всѣхъ своихъ покрѣпленій, нуждался въ съѣстныхъ припасахъ и не успѣлъ еще опомниться отъ оказаннаго нами сопротивленія; что они представляли тогда объ этомъ государю словесно и письменно, но что ихъ представленія оставались безъ всякаго дѣйствія. Оба они горячо желаютъ мира и не очень утѣшительно гадаютъ о продолженіи войны. Они жалѣютъ о нашей тѣсной дружбѣ съ Пруссіей и не безъ основанія опасаются, что ожидаемый изъ Вѣны отвѣтъ будетъ уклончивъ: ибо ясно видно, что мы находимся подъ чужимъ вліяніемъ и что условія, которыхъ мы требуемъ, гораздо меньше принесутъ пользы намъ, чѣмъ Пруссіи. Наконецъ, если мы цѣною всѣхъ нашихъ пожертвованій достигнемъ возстановленія Пруссіи во всей ея цѣлости, все таки мы не можемъ расчитывать на продолжительную полную ея къ намъ приверженность: какъ скоро миръ состоится, приверженность Пруссіи смѣнится слабостью и наклонностью подчиняться французскому вліянію.

Г. Будбергъ и графы Толстой и Ливенъ, Чарторижскій и Новосильцевъ находятся здѣсь при государѣ. Всѣ они желаютъ, чтобъ онъ уѣхалъ какъ можно скорѣе изъ Тильзита и возвратился въ Петербургъ, или по крайней мѣрѣ поселился въ какомъ нибудь изъ городовъ своего государства; каждый изъ нихъ, должно быть, дѣлалъ ему объ этомъ представленія. Чарторижскій и Новосильцевъ даже просили меня убѣдительно повторить эти представленія отъ имени моего собственно, и какъ мое личное убѣжденіе совершенно такое же,

то я не премину воспользоваться первымъ удобнымъ къ тому случаемъ.

Я узналъ здѣсь пріятную новость, что адмиралъ Сенявинъ овладѣлъ Тенедосскою гаванью и что его эскадра, стоящая при входѣ въ Дарданеллы, очень безпокоитъ Константинополь.

Вчера на обѣдѣ у государя я встрѣтилъ барона Зенфъ-де-Пильсака, который назначался прусскимъ посланникомъ при Портѣ. Онъ не былъ принятъ турецкимъ правительствомъ и теперь только что вернулся изъ Константинополя чрезъ Бухарестъ, Яссы и наши южныя губерніи. Онъ мнѣ сказалъ, что диванъ и вообще всѣ Турки, даже въ областяхъ, сильно раздражены противъ Россіи и рады войнѣ съ нами: что Себастіани помощью денегъ и низостей овладѣлъ всѣми въ Константинополѣ и получилъ позволеніе, до сихъ поръ неслыханное, входитъ въ сераль и тамъ видѣться съ султаномъ всякій разъ, какъ пожелаетъ. Г. Зенфъ человѣкъ весьма достойный и по Копенгагену старый товарищъ Кошелева([10]), который былъ очень друженъ съ нимъ.

Отдавая отчетъ в. и. в-ву обо всемъ, что̀ я узналъ и что̀ могъ самъ замѣтить въ теченіи моего двухдневнаго здѣсь пребыванія, я слѣдовалъ внушенію моего сердца, которое никогда ничего отъ васъ не скрывало; но я умоляю васъ сохранить все сообщенное единственно для себя и не дѣлать изъ него такого употребленія, которое заставило бы наименовать меня.

Вчера я получилъ письмо отъ в. в-ва отъ 16 мая. Изъ него я съ прискорбіемъ узналъ о тяжкой болѣзни, которою вы страдали нѣсколько дней; но вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю Небо за ваше выздоровленіе. Первая моя молитва о томъ, чтобъ вы всегда наслаждались неизмѣннымъ здоровьемъ и чтобы вы всегда устроивались къ вашему успокоенію и удовольствію. Полагаю, что вы живете уже въ Таврическомъ Дворцѣ и начали ваши прогулки верхомъ по утрамъ. Выздоровленіе г. Нелидовой доставило мнѣ величайшую радость, потому что я ее искренно люблю и уважаю.

Вчера я писалъ его выс-ву великому князю Константину съ курьеромъ, который отправился въ армію, причемъ послалъ письма отъ вашего в-ва и великой княжны, присланныя мнѣ для передачи великому князю.

Припадаю къ стопамъ в. в-ва, прося при этомъ напомнить обо мнѣ великой княжнѣ Екатеринѣ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть....

IV.

à Tilsit, le $\frac{23 \text{ de mai}}{4 \text{ de juin}}$ 1807, à minuit.

Madame,

Je viens de quitter s. m. l'empereur, qui a eu la bonté de me garder tête-à tête chez lui pendant deux heures. Il m'avoit fait appeller pour m'entretenir sur les deux lettres ouvertes que v. m-té lui avoit envoyée pour moi. Il a daigné me lire et me remettre l'une et l'autre. Je serai déjà le dépositaire de celle que je dois présenter en mains propres à l'empereur François, et pour que je puisse être muni, d'après la manière dont s'eclairciront les circonstances qui intéressent le plus à présent l'empereur, d'une pleine direction sur tout ce que j'aurai à remplir à Vienne, je resterai ici jusqu'à l'arrivée, non seulement de la réponse cathégorique attendue instantanement de l'Autriche, mais aussi des deux reponses de v. m-té, désirées par l'empereur. La 1-re sur ce que lui diront le metropolite et le sinode quand elle les fera sonder pour savoir d'avance si les rites de la religion grecque peuvent permettre que deux frères épousent deux soeurs, car l'empereur est de l'opinion que v. m-té doit le faire de-

([10]) Родіона Александровича Кошелева, близкаго къ императору Павлу по связямъ масонскимъ.

mander et l'apprendre d'eux avant tout, et principalement avant que la lettre dont j'ai à être le porteur ne soit remise, pour que, si elle produit l'effet désiré, notre clergé ne soit plus en état de faire des objections et des remontrances qui alors seroient déplacées et hors de saison; et la 2-de sur ce que v. m-té pourra penser si la reponse de l'Autriche ne sera qu'évasive, ou positivement négative, et si elle ne trouvera pas que ce cas éxistant suffit pour arrêter la proposition directe qu'elle fait par abandon d'amitié et de confiance à l'empereur François. Puisque continuant à resister aux préssentes invitations de la Russie, si favorables à ses véritables intérêts, il l'abandonnera à ses seules forces dans la guerre pénible où elle s'est engagée uniquement pour rétablir le repos et l'équilibre en Europe, et renoncera à la possibilité qu'il a d'y cooperer et de finir promptement, comme nous avons à le désirer, notre lutte actuelle, en forçant l'ennemi commun d'evacuer le Berlin, de repasser la Vistule et peutêtre le Rhin. Il est certainement nécéssaire à l'empereur d'être instruit de la façon de penser de v. m-té sur ces deux articles, et pressé autant que je le suis de continuer mon voyage, pour le lieu de ma déstination, j'ose la supplier de la lui faire connoître avec le moins de delai possible.

L'empereur croit toujours que la personne de l'empereur François ne pourra plaire et convenir à m-me la grande duchesse Cathérine; il le peint comme étant laid, chauve, d'une constitution débile, sans volonté, denué de toute énergie de l'âme et affaissé de corps et d'ésprit par tous les malheurs qu'il a essayé, comme étant accéssible à la peur au point de craindre de monter à cheval, de galloper, et de faire mener son cheval à la lizière. A ce dernier trait je n'ai pû m'empêcher de rire; je me suis écrié: ce ne sont pas là les qualités de m-me la g-de duchesse: elle a un esprit et une âme dignes de sa naissance, elle a de l'énergie dans sa volonté, elle n'est pas faite pour un cercle retreçi, aucune pusillanimité ne trouve accès en elle; le courage et la perfection avec lesquels elle monte à cheval doivent lui être enviés même par les hommes. L'empereur me contredit en ce que ce mariage peut-être utile à nos intérêts politiques; il prétend malgré tout ce que j'ai pû alleguer, que madame sa soeur et la Russie n'ont rien à y gagner et qu'au contraire les égards que celle-là conservera pour elle, la gêneront dans les éffets de son ressentiment, toutes les fois que l'Autriche se conduira mal, ainsi qu'elle a si souvent fait Il soutient aussi que m-me la grande duchesse éprouvera seulement l'ennui et le regret d'être unie à un époux d'un physique et d'un moral aussi nuls que l'empereur François, dès qu'elle l'aura connu, et que jamais elle ne l'influencera dans ses déterminations publiques, parcequ'il est persuadé qu'elle ne voudra pas se servir des moyens qu'employait feue l'impératrice sa femme pour y parvenir.

J'ai pris la liberté de repliquer que le p-ce Georges Dolgorouky et le defunt p-ce Basile son frère ont épousés deux soeurs c-sses Boutourlin, et que le mariage et les enfans du premier sont reconnus comme légitimes; que l'histoire de tous les siècles nous apprenoit que les considérations de famille cédoient toujours chez les souverains au bien et à la cause de leurs empires; qu'il ne pourroit jamais éxister d'établissement plus convenable, plus brillant et plus avantageux pour madame la grande duchesse Cathérine

que celui de devenir impératrice, reine de Hongrie et de Bohême; qu'elle en étoit parfaitement persuadée elle-même, et qu'elle étoit la première à le souhaiter. Enfin, non obstant tout ce que je rapporte à v. m-té de ma conversation avec l'empereur, comptant qu'il est de mon devoir de ne lui en rien taire, je crois que dans cette affaire tout est fini au mieux près de lui: il est si bon, il aime si tendrement sa soeur, il respecte tant les droits maternels de v. m-té que quelques soyent ses propres sentimens il ne s'opposera certainement pas à son voeu et à celui de m-me la grande duchesse, pourvu qu'il ne change pas, et que v. m-té le satisfasse sur les deux questions qu'il lui fait. Le p-ce Galitzin, premier procureur du sinode, pourra le sonder par ordre de v. m-té sans perte de tems, et en observant le mistère qu'elle lui imposera. Quant à la reponse sur le cas à prevoir que l'Autriche refusera d'acceder à la convention de Bartenstein, celle là me paroit encore plus facile. Je ne sais si v. m-té pensera comme moi, mais j'ai osé dire à l'empereur que, même dans ce cas, nous ferions bien d'entretenir toujours notre intimité avec cette puissance du premier ordre, et que le mariage dont il est question pourra efficacement nous l'attacher davantage en l'empêchant de se jetter dans les bras de la France.

Je dirai sous le secret à v. m-té que les Hongrois opposent dans l'assemblée de leurs états de la résistance, et qu'ils y sont encouragés par l'archiduc Palatin, qui, constamment contraire aux vues de la cour, a déjà empeché que l'insurrection proposée en 1805 se soit formée. L'empereur François doit-être très mécontent de son frère, et cette circonstance est d'autant plus facheuse dans ce moment-ci, qu'elle augmentera sans doute les motifs qui l'engagent à persister dans son sistême de neutralité.

J'ai tenté aujourd'hui mes representations pour porter l'empereur à préférer le séjour d'une des villes voisines de ses propres états. Il m'a répondu, qu'il alloit faire des courses d'inspection dans ses provinces du voisinage, mais qu'il avoit choisi Tilsit pour sa principale résidence par l'avantage combiné qu'il y avoit de surveiller de près la Prusse, et en même tems les opérations de l'armée.

Cette lettre concernant particulièrement m-me la grande duchesse Cathérine, je prie v. m-té de vouloir bien la lui communiquer comme un faible essai du zèle qu'a pour elle le plus devoué de ses serviteurs.

IV.

Тильзитъ, $\frac{23 \text{ мая}}{4 \text{ іюня}}$ 1807, полночь.

Государыня!

Я сейчасъ только отъ государя, который удостоилъ меня двухчасовой бесѣды съ глазу на глазъ. Онъ призвалъ меня, чтобы переговорить о двухъ открытыхъ письмахъ, которыя в. в—во ему прислали для меня. Онъ соблаговолилъ прочесть ихъ и передать мнѣ оба. Мнѣ уже поручено доставить то изъ нихъ, которое адресовано въ собственныя руки императора Франца; при этомъ я также буду снабженъ полнымъ руководствомъ касательно всего, что̀ я долженъ сдѣлать въ Вѣнѣ для разъясненія обстоятельствъ, наиболѣе занимающихъ теперь государя. Я останусь здѣсь не только до полученія положительнаго отвѣта, ежеминутно ожидаемаго отъ Австріи, но также до полученія двухъ отвѣтовъ в. в—ва, ожидаемыхъ государемъ. Первый о томъ, что̀ вамъ скажутъ митрополитъ и сунодъ, когда прикажете имъ рѣшить, могутъ ли уставы Греческой церкви допу-

стить, чтобы два брата женились на двухъ сестрахъ: государь полагаетъ, что в. в—во должны это вывѣдать отъ нихъ всего прежде, и въ особенности прежде передачи письма, которое поручено мнѣ, дабы въ случаѣ, если оно будетъ имѣть желаемое дѣйствіе, наше духовенство не могло дѣлать возраженій и представленій о неудобствѣ, которыя тогда уже будутъ не у мѣста и не въ пору. Второй вопросъ о томъ, что̀ полагаете в. в—во сдѣлать въ случаѣ, если отвѣтъ Австріи будутъ только уклончивый или даже совсѣмъ отрицательный, и не найдете ли вы такого случая достаточнымъ, чтобъ остановить прямое предложеніе, которое вы дѣлаете, полагаясь совершенно на дружбу и благородство императора Франца. Продолжая уклоняться отъ настоятельныхъ приглашеній Россіи, столь необходимыхъ для дѣйствительныхъ его выгодъ, онъ предоставитъ ее собственнымъ силамъ въ трудной войнѣ, въ которую она вовлеклась единственно для возстановленія въ Европѣ мира и политическаго равновѣсія, и откажется отъ представляющагося случая помочь намъ и согласно съ нашимъ справедливымъ желаніемъ скорѣе кончить настоящую войну, принудивъ общаго врага оставить Берлинъ и отступить за Вислу и можетъ быть даже за Рейнъ. Государю конечно необходимо знать образъ мыслей в. в—ва объ этихъ двухъ пунктахъ, а какъ я долженъ безотлагательно продолжать мое путешествіе къ мѣсту назначенія, то осмѣливаюсь умолять в. в—во сообщить отвѣтъ сколь возможно скорѣе.

Государь все-таки думаетъ, что личность императора Франца не можетъ понравиться и быть подъ пару великой княжнѣ Екатеринѣ. Государь его описываетъ какъ дурнаго, плѣшиваго, тщедушнаго, безъ воли, лишеннаго всякой энергіи духа и разслабленнаго тѣломъ и умомъ отъ всѣхъ несчастій, которыя онъ испыталъ, трусливаго до такой степени, что онъ боится ѣздить верхомъ въ галопъ и приказываетъ вести свою лошадь на поводу[11]. При этой послѣдней чертѣ я не удержался отъ смѣха и воскликнулъ, что это вовсе не похоже на качества великой княжны: она обладаетъ умомъ и духомъ, сооотвѣтствующими ея роду, имѣетъ силу воли; она создана не для тѣснаго круга; робость совершенно ей несвойственна; смѣлость и совершенство, съ которыми она ѣздитъ верхомъ. способны возбудить завистъ даже въ мущинахъ. Государь несогласенъ со мной и въ томъ, что этотъ бракъ можетъ быть для насъ полезенъ въ политическомъ отношеніи; несмотря на всѣ мои доводы, онъ утверждаетъ, что ея высочество-его сестра и Россія ничего этимъ не выиграютъ, и что напротивъ отношенія, которыя начнутся тогда между Россіей и Австріей, будутъ мѣшать намъ выражать какъ слѣдуетъ наше неудовольствіе Австріи всякій разъ, когда она поступитъ дурно, а такъ она часто поступала. Онъ утверждаетъ еще, что великая княжна испытаетъ только скуку и раскаяніе, соединившись съ супругомъ столь ничтожнымъ физически и морально, какъ императоръ Францъ, что она скоро это увидитъ, и что никогда не будетъ имѣть вліяніе на государственныя дѣла Австріи, потому что для достиженія этого не захочетъ, какъ онъ убѣжденъ, прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя употребляла покойная императрица, супруга Франца.

Я осмѣлился возразить, что князь Юрій Долгорукій[12] и покойный Василій его братъ были женаты на двухъ сестрахъ графиняхъ Бутурлиныхъ и что бракъ и дѣти перваго были признаны

---

(11) Все это черты, которыя императоръ Александръ Павловичь наблюдалъ лично, полтора года назадъ, во время Аустерлицкаго похода.

(12) Знаменитый Юрій Владиміровичь (1740 — 1830) женатъ на гр. Екатер. Александр. Бутурлиной. Старшій братъ его, генералъ-поручикъ Василій (1738 — 1782) женатъ на гр. Варварѣ Александр. Бутурлиной, — обѣ дочери извѣстнаго Елизаветинскаго фельдмаршала. Сынъ перваго, князь Василій Юрьевичь (1776 — 1810), пока жива была тетка его, носилъ имя Козловскаго. У князя Василія Владиміровича дѣтей не было.

законными; что семейныя соображенія, какъ показываетъ намъ исторія всѣхъ вѣковъ, у государей всегда уступали мѣсто благу и нуждамъ ихъ государствъ; что для ея высочества великой княжны Екатерины не можетъ быть положенія приличнѣе, блистательнѣе и выгоднѣе какъ быть императрицею, королевою Венгріи и Богеміи, и что ея высочество первая этого пожелала. Наконецъ, не смотря на всѣ возраженія государя, которыя я сообщилъ вашему в—ву, считая своимъ долгомъ ни о чемъ предъ вами не умалчивать, я все таки полагаю, что въ этомъ дѣлѣ съ государемъ улажено наилучшимъ образомъ: онъ такъ добръ, такъ нѣжно любитъ свою сестру, такъ почитаетъ материнскія права в. в—ва, что, какія бы ни были его собственныя мнѣнія, онъ конечно не станетъ противиться желанію вашему и великой княжны, если только оно не измѣнится и если в. в—во дадите ему удовлетворительный отвѣтъ на его два вопроса. Князь Голицынъ, оберъ-прокуроръ сvнода, можетъ испытать его по приказанію в. в—ва, не теряя времени и сохраняя ввѣренную ему тайну. Что касается отвѣта на тотъ случай, что Австрія откажется принять участіе въ Бартенштейнской конвенціи, онъ мнѣ кажется еще проще. Я не знаю, раздѣляете ли ваше в—во мое мнѣніе, но я осмѣлился сказать государю, что даже въ этомъ случаѣ намъ хорошо поддерживать дружбу съ этою первостепенною державою и что предполагаемый бракъ можетъ дѣйствительно болѣе привязать ее къ намъ, помѣшавъ сблизиться съ Франціею.

Скажу по секрету в. в—ву, что Венгры въ своемъ государственномъ собраніи рѣшили сопротивляться, и ихъ въ этомъ ободряетъ эрцгерцогъ Палатинъ([13]), постоянно дѣйствующій вопреки видовъ двора и уже помѣшавшій осуществиться ополченію, задуманному въ 1805 году. Императоръ Францъ долженъ быть очень недоволенъ своимъ братомъ, и это обстоятельство тѣмъ непріятнѣе, что оно усилитъ еще основанія, которыя побуждаютъ Франца упорно оставаться нейтральнымъ.

Сегодня я попробовалъ сдѣлать государю представленіе—избрать мѣстопребываніемъ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ собственнаго государства. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что отправится на время осматривать сосѣднія губерніи, но что онъ выбралъ Тильзитъ главною своею резиденціею, потому что отсюда ему удобно наблюдать вблизи и за Пруссіею и за дѣйствіями армій.

Говоривъ въ этомъ письмѣ всего больше о ея вы—вѣ великой княжнѣ Екатеринѣ, я прошу в. в—во не отказать сообщить ей оное, какъ слабый опытъ ревности, которою одушевленъ преданнѣйшій изъ вашихъ слугъ......

V.

à Tilsit, le $\frac{\text{30 de mai}}{\text{11 de iuin}}$ 1807.

Madame,

Je suis privé du bonheur d'avoir des nouvelles directes de v. m-té i-le depuis sa lettre du 16 de mai, qui m'est parvenue le lendemain de mon arrivée ici. Quatre de ses couriers sont venus à Tilsit depuis les dix jours que je m'y trouve, et ne m'ont rien apportés de sa part; je ne lui en parle, que pour lui éxprimer la peine que j'en ai, et ce désir que je nourris en moi sans cesse de recevoir aussi souvent que possible des témoignages de son souvenir et de ses bontés. J'ai écrit à v. m-té de Riga, de Memel, et déjà deux fois d'ici, en date du 22 et du 23 de mai. C'est sur ces deux dernières lettres que je lui ai adressés, que j'attends à prèsent sa réponse avec la plus vive impatience, puisque j'ai à en in-

([13]) Братъ императора Франца, вдовецъ по смерти супруги своей, великой княжны Александры Павловны. Онъ уже вдовцомъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1803 г. (см. Записки гр. Комаровскаго въ Р. Архивѣ 1867 г. стр. 750 и далѣе).

struire s. m-té l'empereur, et qu'elle devra influer sur le jour et la manière dont j'aurai à continuer mon voyage pour le lieu de ma déstination, ne trouvant aucun attrait quelconque dans le séjour de Tilsit: j'avoue que je ne serai pas faché de le quitter.

Sa m-té l'empereur a daigné signer aujourd'hui l'oukase au cabinet pour y lever la deffense qui y avoit arretée le payement de la pension de Dufour. En envoyant cet oukase à m-r de Gourieff, je me fais un devoir d'en informer v. m-té, car ce n'est que par sa protection que cet ancien serviteur de feu l'empereur obtient ce bienfait, et pourra dorénavant achever le reste de sa vie tranquillement et hors de l'indigence.

Le roi de Prusse est ici depuis quatre jours. Le diner des deux souverains, auquel nous assistons, se donne alternativement chez sa m-té l'empereur et chez lui.

Le c-te de Kalkreuth, arrivé avant-hier, a été nommé feld-marechal pour la belle deffense de Dantzig. C'est un militaire fort considéré, qui a beaucoup d'esprit, et au quel le bien des choses et celui de l'humanité tient fortement à coeur.

Le conseiller privé Popoff qui a été pendant un jour ici est reparti hier au soir pour l'armée.

Une frégatte anglaise vient d'amener à Memel le lord Gower, accompagné de m-r Stuart, et le comte de Pembrock déstiné pour l'ambassade de Vienne. On attend ici le premier, aujourd'hui et le second demain. Le lord Gower va donc finir nos incertitudes sur la coopération, si urgente, de l'Angleterre. Beaucoup de temps précieux est perdu, et il est bien à souhaiter que les déclarations, dont il est chargé, soyent satisfaisantes et conformes à la nécéssité des circonstances du moment.

Je supplie v. m-té de réitérer l'hommage de mon sincère attachement à madame la grande duchesse Cathérine, et d'agréer l'assurance du profond respect avec le quel je suis etc.

V.

Тильзитъ $\frac{30 \text{ мая}}{11 \text{ іюня}}$ 1807.

Государыня!

Я лишенъ счастья получать прямыя извѣстія отъ в. и. в—ва съ самаго письма отъ 16 мая, полученнаго мною наканунѣ моего пріѣзда сюда. Впродолженіе 10 дней, которые я здѣсь живу, четыре нашихъ курьера пріѣзжали въ Тильзитъ, но ничего не привезли мнѣ отъ в. в—ва. Я пишу объ этомъ для того только, чтобы упомянуть вамъ о моемъ душевномъ страданіи и моемъ постоянномъ желаніи получать отъ в. в—ва какъ возможно чаще свидѣтельства вашей памяти о мнѣ и вашей милости. Я писалъ в. в—ву изъ Риги, изъ Мемеля, и уже два раза отсюда, 22 и 23 мая. На послѣднія два письма я ожидаю теперь отвѣта в. в—ва съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, потому что долженъ о содержаніи его дать отчетъ его в—ву государю императору, и отъ этого отвѣта будетъ зависѣть время и способъ продолженія моего путешествія къ мѣсту назначенія; не находя ни съ которой стороны пребываніе въ Тильзитѣ привлекательнымъ, признаюсь я не очень огорчусь выѣздомъ изъ него.

Его в—во государь изволилъ подписать сегодня кабинету указъ, которымъ снимается запрещеніе выдавать пансіонъ Дюфуру. Посылая этотъ указъ г. Гурьеву, долгомъ считаю увѣдомить о томъ в. в—во, потому что этотъ старый слуга покойнаго императора получаетъ такое благодѣяніе лишь по вашей протекціи, и отнынѣ можетъ провести остатокъ своей жизни покойно и безбѣдно.

Король Прусскій уже пятый день здѣсь. Обѣдъ обоихъ государей, на которомъ и мы присутствуемъ, бываетъ попеременно у императора и у короля.

Графъ Калькрейтъ, пріѣхавшій третьяго дня, сдѣланъ фельдмаршаломъ за хорошую защиту Данцига. Это воинъ весьма опытный, обладающій большимъ умомъ и отъ души заботящійся о хорошемъ положеніи дѣлъ и о благѣ человѣчества.

Тайный совѣтникъ Поповъ ([14]) былъ здѣсь на одинъ день и вчера вечеромъ возвратился въ армію.

Сейчасъ Англійскій фрегатъ привезъ въ Мемель лорда Гауера, сопровождаемаго г. Стюартомъ, и графа Пемброка, назначеннаго посланникомъ въ Вѣну. Перваго ожидаютъ сюда сегодня, втораго завтра. И такъ лордъ Гауеръ разрѣшитъ наше недоумѣніе касательно содѣйствія Англіи, столь для насъ необходимаго. Много драгоцѣннаго времени упущено: желательно, чтобы порученныя лорду объясненія были удовлетворительны и сообразны съ требованіями настоящихъ обстоятельствъ.

Почтительно прошу в. в—во повторить ея высочеству княжнѣ Екатеринѣ выраженіе моей искренней преданности и принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть...

VI.

à Tilsit, le 1/13 de iuin 1807.

Madame,

Enfin je suis en possession de la lettre de v. m-té i-le du 28 de mai, et j'ai le bonheur d'avoir de ses nouvelles! J'attends avec une grande impatience les ordres que j'éspère recevoir de sa part après demain, pour la reponse que j'aurai à dire à s. m-té l'empereur sur ces deux articles, relatifs au projet en question sur lesquels il désire connoître sa façon de penser; v. m-té puisse lui resoudre avant tout. D'après ma conviction il me parroit qu'elle ne sera pas embarassée à le faire et à lever ses doutes.

J'ai déjà vû le lord Gower; il a rajeuni et est fort content de retourner en Russie. Il a du rendre hier dans l'après-diner sa première visite à m-r de Budberg, ainsi nous ignorons encore le poids de plus qu'il est venu apporter dans la balance de nos calculs. On peut préjuger par les évenements de ces derniers mois, qu'il y aura beaucoup d'assurances et de promesses et que ce sera l'enfantement de la montagne. Le comte de Pembrock doit venir aujourd'hui.

Le courier avec la réponse cathégorique de la cour de Vienne n'arrive pas; il est toujours désiré, mais on croit généralement que le sistême pacifique, soutenu par les deux archiducs ainés, et le désir dominant les états de Hongrie, devront rendre cette reponse très négative. Comme c'est aussi de mon opinion, je ne cesse de repeter, que, sans perdre le tems, il faut s'occuper des mesures que les circonstances rendent si nécéssaires à nos véritables intérêts. Il n'y a ici qu'un sentiment, qu'un voeu pour la paix. Ceux dont j'ai eu l'honneur de parler à v. m-té, Novosiltzof et Czartorisky, continuent à soutenir que plus on différera, moins on pourra la conclure avantageuse, et je le pense avec eux. La Prusse ne continue la guerre que parceque nous le voulons, et qu'elle nous craint. Les Prussiens, ministres et généraux, diplomates et militaires, désirent unanimement la paix, et s'exhaltent en plaintes de ce que la continuation de la guerre ruine et dévaste de plus en plus, sans aucun but à ce qu'ils disent, les états du roi, et le peu de provinces qu'il a conservées intactes. On se bat, on se livre de nouveau à toutes les chançes du sort journalier des armes, on est convenu vaguement d'un congrès, et on ne cherche pas

---

[14] Василій Степановичъ, знаменитый Потемкинскій дѣлецъ; онъ завѣдывалъ въ это время продовольствіемъ войскъ, но неудачно.

jusqu'à présent à s'entendre sur les bases qu'il doit avoir. Le maréchal de Kalckreuth assure que Bonaparte désire lui-même de sortir au-plutôt de la lutte où il s'est engagé, et prétend avec raison qu'on ne peut la finir promptement que par un négociateur militaire, chargé de pleins pouvoirs suffisants, et envoyé sous quelque prétexte à Bonaparte, pour en poser directement avec lui les principales conditions. Cette voie seroit certainement à préférer à celle des negociations ordinaires, qui ne peuvent être que très lentes et incertaines par la mauvaise foi reconnuë de Talleyrand et de son maître et par la complication des intérêts et des vuës de tant de puissances qui ont à y participer.

V. m-té est déjà informée sans doute de l'offensive qu'avoit repris notre armée, et des deux combats près de Gûtstadt, où nos troupes se sont couvertes de gloire. L'ennemi se renforcant, le général Benigsen a dû se replier sur Heilsberg, et hier son fils a apporté la nouvelle qu'il vient de repousser les François, qui ayant à ce qu'on suppose Bonaparte à leur tête, l'avoient attaqués avec des forces supérieures pour le déloger de la position forte qu'il y avoit prise. Comme leur retraite s'est faite avec beaucoup d'ordre, on s'attend à apprendre aujourd'hui l'issuë de la seconde attaque à laquelle ils se sont immanquablement décidés. On s'est battu près de Heilsberg avec acharnement et presque toujours à l'arme blanche, depuis trois heures de l'après midi jusqu'à onze heures du soir. Deux aigles et deux canons sont les fruits de notre victoire. La perte des François doit être plus considérable que la notre, mais notre perte aussi n'est pas indifférente; elle doit être a ce qu'on dit, tant en tués, qu'en blessés, de douze mille hommes. A cette journée, à celle de Gûtstadt, et dans les autres combats de cette campagne-ci, tandis qu'elle est encore à peine commencée, nous devons avoir déjà perdu, d'après le compte le plus moderé, vingt cinq à trente mille hommes, sans avoir obtenu aucun grand resultat, et quand même nous gagnerions encore une victoire plus décisive, le manque de subsistances et la difficulté de nous en procurer, nous empêchera toujours de suivre l'ennemi et d'avancer beaucoup. Ce que j'en dis, est dit et répété par tout le monde, et par nos militaires les plus versés dans leur matière. Comment donc ne pas souhaiter la fin d'une guerre aussi opiniatre et aussi sanglante, qui ne peut qu'augmenter les embarras et les sacrifices de toute éspèce et ne produire que des pertes et des désastres!

Je donne des regréts particuliers à la mort du général Kogin, de Doukà, du capitaine des chasseurs de la garde Wolff et du jeune St. Priest. On a du couper la jambe à St. Priest l'ainé, et on ne sait pas encore s'il se retablira. A la batàille de Heilsberg le p-ce Charles de Meklenbourg a reçu une contusion à la poitrine, les généraux Kogin et Werneck ont été tués, le premier par un boulet de canon au moment où il chargeoit l'ennemi avec son régiment, et le général Passeck, le colonel Borosdin, le p-ce Troubezkoy, le fils du grand chambellan Narichkin, et plusieurs autres sont parmi les blessés. Les régiments des gardes, commandés par m-gr le grand duc, y ont assistés, mais n'ont pas combattus, ainsi qu'une autre division.

J'apprends avec chagrin que la santé de m-lle Nélidoff donne toujours des inquiètudes à Crighton. C'est agraver vivement les miennes sur son compte, car

personne ne peut s'interesser à sa conservation autant que moi; et je supplie v. m-té de vouloir bien l'en assurer de ma part en me rappelant à son ancienne amitié.

Je renouvelle à m. me la grande duchesse Cathérine l'hommage de mon inviolable attachement pour elle, et je suis avec le plus profond respect etc.

Samedi 1/13 de juin, au soir.

P. S.

On dit qu'un chasseur est arrivé cette nuit de Benigsen, avec l'information peu attenduë, que son aîle droite ayant été tournée il avoit dû prendre le parti de retourner à Bartenstein, où il a pris poste avec son armée pour y attendre celle de l'ennemi et l'y engager au combat; mais il se peut fort bien que Bonaparte voudra y éviter tout engagement et continuera autrement ses opérations agressives. Cette nouvelle n'est pas du tout agréable, et comme on n'en parle pas ici, je supplie v. m-té de n'en pas parler aussi à personne. J'ai encore un autre objet d'inquiètude, c'est que me trouvant retenu par l'attente de l'arrivée du courier de Vienne, et l'empereur voulant partir pour une course d'inspection en Lithuanie, il se pourra que cette course durera dix à quinze jours, que peut-être l'empereur ne reviendra plus à Tilsit et qu'a présent il partira sans m'avoir donné ses derniers ordres pour la continuation de mon voyage. Il en resultera pour moi le grand désagrement de me morfondre ici seul, et ensuite de rester très longtemps sans savoir que faire et où m'adresser.

VI.

Тильзитъ, 1/13 іюня 1807.

Государыня!

Наконецъ я получилъ письмо в. и. в—ва отъ 28 мая и имѣю счастье читать извѣстіе отъ васъ! Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю приказаній в. в—ва и надѣюсь получить ихъ послѣ завтра, для отвѣта его в—ву императору, касательно двухъ пунктовъ, относящихся къ извѣстному предположенію, о которыхъ государь прежде всего желаетъ знать мнѣніе в. в—ва. По моему убѣжденію вы не затруднитесь его высказать и разсѣять сомнѣнія государя.

Я уже видѣлъ лорда Гауера; онъ помолодѣлъ и очень доволенъ возвращеніемъ въ Россію. Онъ долженъ былъ сдѣлать свой первый визитъ г. Будбергу вчера послѣ обѣда; такимъ образомъ мы еще не знаемъ, много ли тяжести онъ прибавилъ на вѣсы нашихъ расчетовъ. По ходу событій послѣднихъ мѣсяцевъ можно предвидѣть, что будетъ много увѣреній и обѣщаній и что гора родитъ мышь. Графъ Пемброкъ долженъ пріѣхать сегодня.

Курьеръ съ положительнымъ отвѣтомъ Вѣнскаго двора не ѣдетъ; его продолжаютъ ожидать, но вообще думаютъ, что мирное расположеніе, поддерживаемое обоими старшими эрц-герцогами и господствующее желаніе Венгріи поведутъ къ совершенно-отрицательному отвѣту. Такъ какъ и я того же мнѣнія, то постоянно говорю, что не теряя времени въ (убаюкиваніи) себѣ пустыми надеждами, должно прибѣгнуть къ мѣрамъ, какія необходимы для нашихъ дѣйствительныхъ выгодъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Здѣсь у всѣхъ одно чувство, одно желаніе — желаніе мира. Новосильцевъ и Чарторижскій, о которыхъ я имѣлъ честь писать в. в—ву, продолжаютъ говорить, что чѣмъ болѣе будутъ откладывать, тѣмъ менѣе возможенъ выгодный миръ, и я думаю тоже. Пруссія продолжаетъ войну потому только, что мы этого хотимъ, а она насъ боится. Всѣ Пруссаки — министры и генералы, дипломаты и военные — единодушно желаютъ мира и разражаются жалобами, что продолженіе войны болѣе и болѣе разоряетъ и опустошаетъ, безъ всякой цѣли, какъ они говорятъ, королевство и немногія

провинціи, которыя еще остались цѣлыми. Сражаются, подвергають себя ежедневно всѣмъ случайностямъ битвъ, толкують въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ о конгрессѣ, но до сихъ поръ не стараются войти въ соглашеніе объ основаніяхъ, на которыхъ онъ долженъ быть созванъ. Маршалъ Калькрейтъ увѣряетъ, что Бонапартъ и самъ желаетъ какъ можно скорѣе выйти изъ борьбы, въ которую онъ вдался, и справедливо замѣчаетъ, что ее нельзя скоро окончить иначе, какъ чрезъ военнаго посланника, облеченнаго достаточнымъ полномочіемъ, котораго слѣдуетъ подъ какимъ либо предлогомъ отправить къ Бонапарту, чтобы прямо съ нимъ опредѣлить главныя условія мира. Этотъ способъ конечно лучше способа обыкновенныхъ переговоровъ, который непремѣнно будетъ медленъ и невѣренъ, какъ по признанной всѣми недобросовѣстности Талейрана и его государя, такъ и по сложности интересовъ и видовъ столькихъ державъ, участвующихъ въ дѣлѣ.

В. в—во безъ сомнѣнія уже извѣщены о наступательномъ положеніи, которое приняла наша армія и о двухъ сраженіяхъ близь Гутштадта, въ которыхъ наши войска покрылись славою. Вслѣдствіе усиленія непріятеля генералъ Бенигсенъ долженъ былъ отступить къ Гейльсбергу, и вчера сынъ Бенигсена привезъ извѣстіе, что онъ только что отразилъ Французовъ, которые, подъ начальствомъ, какъ полагаютъ, Бонапарта, атаковали его съ превосходными силами, чтобы сбить съ занятой имъ крѣпкой позиціи. Такъ какъ Французы отступили въ большомъ порядкѣ, то сегодня ожидается извѣстіе объ исходѣ вторичной атаки, которую они не преминутъ сдѣлать. У Гейльсберга бились съ ожесточеніемъ почти постоянно холоднымъ оружіемъ, съ 3 часовъ по полудни до 11 часовъ вечера. Два орла и двѣ пушки были плодами побѣды. Потеря Французовъ должна быть значительнѣй нашей, но и наша не маловажна: мы потеряли убитыми и ранеными, какъ говорятъ, 12000 человѣкъ. Въ этомъ сраженіи, въ битвѣ при Гутштадтѣ и въ другихъ битвахъ этой кампаніи, которая только еще начинается, мы уже потеряли по самому умѣренному счету отъ 25000 до 30000 людей, не достигши никакого важнаго результата; и если бы даже мы одержали побѣду еще болѣе рѣшительную, и тогда недостатокъ продовольствія и трудность его добыванія помѣшали бы намъ преслѣдовать непріятеля и подвинуться далеко впередъ. Что̀ я говорю, то говорятъ и повторяютъ всѣ, не исключая военныхъ, наиболѣе свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ. Какъ же не желать конца войны столь упорной и столь кровавой, которая притомъ лишь увеличиваетъ затрудненія и лишенія всякаго рода и приноситъ только гибель и несчастье!

Я особенно жалѣю о смерти генерала Кожина, Де-Дука, капитана гвардейскихъ стрѣлковъ Вольфа, и младшаго Сенъ-При. Старшему Сенъ-При найдено нужнымъ отрѣзать ногу, и неизвѣстно еще, выздоровѣетъ ли онъ. Въ сраженіи при Гейльсбергѣ князь Карлъ Мекленбургскій былъ контуженъ въ грудь, генералы Кожинъ и Вернекъ убиты; первый убитъ ядромъ въ ту минуту, какъ онъ ударилъ на непріятеля съ своимъ полкомъ. Ранены генералъ Пассекъ, полковникъ Бороздинъ, князь Трубецкой, сынъ камергера, Нарышкинъ, и много другихъ. Гвардейскіе полки, командуемые его величествомъ великимъ княземъ, присутствовали при сраженіи, но не вступали въ бой, равно какъ и другая дивизія.

Я съ прискорбіемъ узналъ, что здоровье г. Нелидовой все еще озабочиваетъ Крейтона. Это меня сильно огорчаетъ, ибо никто такъ не желаетъ ей добраго здоровья, какъ я, и я усерднѣйше прошу в. в—во не отказать передать ей мое увѣреніе въ этомъ и напомнить о старинной дружбѣ.

Вновь приношу ея величеству великой княжнѣ Екатеринѣ дань моей неизмѣнной преданности и имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ.....

Суббота, $^{1}/_{13}$ іюня, вечеромъ.

P. S.

Нынѣшнюю ночь, говорятъ, отъ Бенигсена прибылъ курьеръ съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что правое его крыло принуждено къ отступленію, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Бартенштейнъ, гдѣ онъ остановился съ арміею, ожидая непріятеля, чтобы вовлечь его въ битву; но очень можетъ быть, что Бонапартъ захочетъ избѣжать битвы и продолжитъ инымъ способомъ свои наступательныя дѣйствія. Это извѣстіе вовсе непріятно и какъ здѣсь о немъ не говорятъ, то усерднѣйше прошу в. в—во также никому не говорить объ этомъ. У меня есть еще другой предметъ безпокойства: ожиданіе курьера изъ Вѣны задерживаетъ меня здѣсь. Между тѣмъ государь отправляется на инспекторскій смотръ въ Литву, гдѣ пробудетъ, пожалуй, дней 10, 15, и можетъ быть не воротится больше въ Тильзитъ; теперь же уѣдетъ, не давъ мнѣ послѣднихъ приказаній о продолженіи моего путешествія. Изъ этого выйдетъ для меня большая непріятность — сидѣть здѣсь одному безъ дѣла и потомъ оставаться долго въ невѣдѣніи, чтò дѣлать и къ кому обращаться.

VII.

à Tilsit, le $^{3}/_{15}$ de juin, 1807.

Madame,

S. m–té l'empereur étant parti avant-hier au soir pour inspecter à Olitta (petite ville sur notre frontière entre Kowno et Grodno) la division formée par le p-ce Labanoff, qui devoit y passer en se rendant à la grande armée, le courier de Pétersbourg attendu aujourd'hui, et qui probablement étoit chargé pour moi de la réponse de v. m–té i–le à ma seconde lettre d'ici est arrivé ce matin comme je le croyois; mais j'ai à regretter vivement qu'il a passé outre, sans s'informer si j'étois encore ici et sans m'envoyer cette lettre, qui m'est de la plus haute importance, puisque sans doute elle doit me mettre en état de rendre compte à l'empereur de ce que v. m-té pense au sujet des deux questions qu'il m'a commandé de soumettre à son éxamen. A prèsent je serai très longtems sans la recevoir, ou peut être qu'elle ne me parviendra pas du tout à cause des grands embarras du moment. Comme aussi beaucoup de tems va s'écouler certainement avant que je puisse me retrouver près de s. m–té l'empereur, je lui ai demandé la permission de me rendre d'abord à Wilna pour être à même d'y obtenir plutôt ses derniers ordres sur l'objet qui m'a été confié par v. m–té et sur la continuation de mon voyage à Vienne; mais en daignant me répondre qu'il n'alloit qu'à Olitta, et pas à Wilna, qu'il retourneroit ici en six ou sept jours, il m'a ordonné dans le cas que des circonstances facheuses m'obligeroient de m'éloigner de Tilsit, de me rendre à Yourbourg, qui est à 7 milles de distance d'ici et l'avertir quand j'y serai arrivé. Malheureusement ces circonstances ne se sont que trop réalisées. Hier nons avions seulement la peine et l'inquiètude que nous donnoit la nouvelle de la retraite du général Bennigsen de Heilsberg à Bartenstein et de Bartenstein à Friedland, et de la possibilité qui se présentoit à l'ennemi de s'emparer de Koenigsberg, qui indépendamment du prix qui est à y attacher, comme à la capitale de la Prusse, doit contenir aussi, à ce qu'on dit, nos principaux magasins et plus de neuf mille de nos blessés. Hier au soir les mauvaises nouvelles se sont succedés les unes aux autres, et sans être justement officielles à cause du départ d'ici de l'empereur et du roi à qui elles étoient adressées, elles ont cependant

allarmé tout le monde. On disoit que l'ennemi étoit déjà à Wehlau, que Koenigsberg étoit déjà en son pouvoir, qu'il entouroit l'armée de Bennigsen et que Tilsit pouvoit tomber aussi bientôt entre ses mains. On a appris dans la suite que Wehlau et la Pregel sont encore à nous, qu'un détachement de 4 à 5 cent Francois étoient entrés à Friedland, mais que le régiment d'houlans de m-gr le grand duc les en a chassés; on parle de plusieurs combats de nos troupes sur differents points, où il y a eu de nouveau beucoup de sang repandu, mais ces bruits ne sont pas avérés et se contredisent. Ce qu'il y a de sûr, c'est que nous avons déjà perdu plusieurs de nos magasins, ce qui en diminuant nos moyens peu abondants de subsistance, n'a fait qu'augmenter ceux de l'ennemi; que Lestock est entré à Koenigsberg avec le corps qu'il commande sans pouvoir cependant servir à sa défense, que les faubourgs de Koenigsberg ont été brulés, que tout y est en fuite et que ceux qui ne peuvent pas y avoir de chevaux en sortent à pied, tant la consternation et la terreur y sont grandes, et Koenigsberg une fois pris il ne sera guère possible que Memel continue à être l'asile du roi de Prusse avec sa famille et sa cour. On prétend que Bonaparte en fixant l'attention et les forces de Bennigsen dans les environs de Friedland a détaché 25 mille hommes sur Koenigsberg qui ne peut plus être secouru et sauvée, à moins que la bataille générale qui est immanquable ces jours-çi entre les deux armées ne se décide entièrement en notre faveur. Le maréchal Kalckreuth et tous les militaires auxquels j'ai parlé critiquent Bennigsen d'avoir tenté hors de propos l'éxpedition de Gûtstadt, qui a produit l'inutile et sanglante bataille de Heilsberg, d'avoir attiré à lui le corps de nos troupes qui remplissoit notre ligne entre Heilsberg et Braunsberg, où Lestock formait notre aile droite, ce qui fait une lacune dont les François ont profités dès le lendemain de la bataille pour y pénétrer et se placer entre notre armée et Koenigsberg. Bennigsen est généralement blamé d'avoir fait répandre tant de sang sans nécéssité et sans avantage, et de se retirer chaque fois au lieu d'avancer après avoir combattu l'ennemi.

Une partie de la maison de l'empereur est encore ici; mais tous nos Russes et les Prussiens s'empressent de quitter Tilsit. Le roi a rejoint sa famille à Memel; Hardenberg avec tout ses diplomates, Goltz, Senf et Schaden l'y ont suivis. Le maréchal Kalckreuth est allé dans sa terre de Gallicie. M-r de Budberg qui devoit attendre ici le retour de l'empereur s'est décidé subitement par les nouvelles d'hier de partir déjà hier au soir; il va à Tauroggen, l'endroit le plus voisin de notre frontière, et a écrit à l'empereur pour lui demander ses ordres sur l'endroit où il doit se rendre avec sa chancellerie, en proposant de sa part que ce soit à Wilna. Le lord Pembrock est parti cette nuit pour Vienne. Le lord Gower part ce matin par Memel pour Pétersbourg. Nos généraux blessés, le c-te Osterman et Werdelemovsky se sont fait transporter à Memel. M-me de Bennigsen, à qui son mari avoit éxpédié un éxprès pour qu'elle se mette en lieu de sureté et quitte Koenigsberg en toute hâte, et m-me de Manteuffel qui l'a accompagnée, partent ce matin pour rentrer aussi en Russie. Novossiltzow est allé hier au soir en courier à l'armée pour connoitre sans doute par ses yeux l'état des choses et pour en ramener Strogonoff. Il doit en revenir

dans deux jours; Czartorisky l'attendra ici, pour aller ensuite avec lui là, où sera l'empereur. Je pars dans quelques heures pour Yourbourg, ainsi que l'empereur me l'a ordonné. C'est une petite ville, appartenante au p-ce Zouboff, qui n'est habitée que par des Juifs assez pauvres et où l'on dit qu'on ne peut pas trouver une seule chambre propre. J'ignore combien j'aurai à y rester; mais que v. m-té daigne m'y suivre avec sa pensée, qu'elle aye la bonté de se répresenter tout ce que j'ai à sentir, à éprouver et à supporter depuis quelque tems! L'idée seule qu'elle peut y prendre quelque part me console déjà! Ces deux derniers jours ont veritablement offert ici l'image de la tour de Babel. C'étoit une confusion de langues et de sentimens; on se livroit à la fois à la crainte et à l'éspérance; on s'agitoit, on parloit, on se questionnoit, on ne s'entendoit pas, et personne ne savoit que dire, qu'attendre et où aller!

L'arrivée inopinée de m-gr le grand duc a fait une grande sensation. On ne s'est pas trompé en supposant qu'il n'étoit venu que pour tracer avec vérité et énergie le tableau de l'état actuel de notre armée et des ressources qui lui restoient encore, et il n'y a eu qu'un voeu pour le succès de ses représentations, quand on a su les regréts qu'il donnoit à la perte inutile de tant de nos braves tant generaux, qu'officiers et soldats, et le désir prononcé qu'il avoit pour le retablissement de la paix. Il a bien voulu m'en parler lui-même. Il est resté une nuit après le départ de l'empereur ayant envoyé un chasseur que les François n'occupent pas le chemin qui conduit d'ici à l'armée et qu'il peut la rejoindre en sureté. Il est parti hier après diner. Il m'a fait l'honneur et à Novossiltzov de nous fair diner avec lui. Il croit, qu'en conservant l'armée dans l'attitude d'agir du premier instant qui l'éxigeroit, on feroit fort bien d'envoyer un parlamentaire à Bonaparte pour le sonder sur ses intentions ultérieures, de même que sur les conditions auxquelles on pourroit s'arranger avec lui, et que cette démarche seroit aussi utile à nos intérêts qu'encourageante pour notre armée qui y verroit une preuve de sollicitude pour sa conservation. Il sait que m-r de Budberg est le seul à persister dans l'opinion de continuer la guerre; il regrette beaucoup qu'il peut contribuer à y persuader aussi s. m-té l'empereur. Il m'a conté et a désiré que j'en informe de sa part v. m-té, que m-r de Budberg étant venu hier matin chez lui, qu'il lui a éxpliqué sa façon de penser sans aucun détour, que Czartorisky, Novossiltzow et Apatchinin étoient présents à cette conversation; que m-r de Budberg pour soutenir ses principes lui a repondu avec chaleur que notre armée n'étoit pas encore battue, que nous avions en outre une grande armée de réserve, que nous pouvions nous reposer sur la fidélité de nos provinces polonaises, que l'empereur avait à compter sur sa nation; et ils se sont séparés à ce qu'il paroit assez mécontents l'un de l'autre et sans se convaincre mutuellement. Czartorisky doit être intervenu en assurant m-r de Budberg qu'il s'abusoit fortement sur les dispositions de nos sujets polonais, que le germe de l'insurrection couroit parmi eux, et que certainement ils ne manqueroient pas de s'insurger tous dès que Bonaparte auroit franchi nos frontières. M-gr le grand duc a ajouté qu'il n'étoit pas vrai que nous eussions une grande armée de réserve, que tout notre espoir et notre salut reposoient sur la conservation et les succès incertains de

l'armée de Bennigsen, que nous n'avions pas dans ce moment-ci d'autre réserve éffective que les deux divisions de Labanoff et de Gortchakoff, qui composoient à peine 35 mille hommes, que nous manquions d'armes, de munitions, d'argent; que quand à notre nation, elle étoit connue par sa bravoure et son entier dévouement pour ses souverains, qu'elle venoit de le prouver de la manière la plus brillante, mais qu'elle devoit-être defendue par des forces militaires reglées et qu'elle ne pouvoit resister à une armée victorieuse, quand celle-là viendroit l'assaillir. Ce n'est que très en raccourçi que je rends compte à v. m-té de tout ce que m'a dit m-gr le grand duc; je n'ai pas le tems de le faire avec plus de détail. Les secours promis par l'Angleterre ne peuvent pas s'effectuer avant cinq ou six semaines, par conséquent ils sont très tardifs et tout à fait hors de saison. Le maréchal de Kalckreuth qui a vu beaucoup de généraux françois assure que le projet de Bonaparte, si nous ne pouvions plus le contenir, se borne à atteindre la Dvina, de longer ensuite ce fleuve pour opérer la regénération de la Pologne et donner la main aux Turcs, afin de leur faire recouvrer aussi les provinces que nous leur avons enlevées. Mais s'il pousse jusqu'à la Dvina, ce qu'à Dieu ne plaise, qui peut garantir que son imagination éxaltée n'enfante pas alors d'autres idées et d'autres desirs? — D'autres prétendent qu'il doit avoir promis à son armée de s'arrêter à la prise de Koenigsberg, et que ce sera de là qu'il veut dicter les conditions qu'il offrira pour la paix, mais ces conditions ne pourront être que dures et peu acceptables. Je n'ai rien à dire de ma conviction personelle, elle est connue depuis longtems à v. m-té. Elle connoit également l'attachement personnel que j'ai pour l'empereur son fils. J'aime sa personne, je chéris et je vénére la bonté de son coeur. Je m'afflige et je gémis du peu de bonheur qu'il a dans ses vues loyales et magnanimes; enfin j'implore le Très-haut du fond de mon âme, qu'Il ne l'abandonne pas dans cette époque de calamités, qu' Il veille sur sa tranquillité et sur l'intégrité de sa puissance et de son empire.

Au moment où je finissais cette lettre, Czartorisky et Albedil sont éntrés chez moi, pour me communiquer qu'un commissaire de cercle Prussien mandoit que Bonaparte avoit attaqué Bennigsen à Friedland, que la bataille avoit été meurtrière, que nous avions eu pendant quelques heures le dessus, mais que de troupes fraiches venues de l'armée françoise, avoient décidé le combat, et que notre armée étoit en déroute; qu'on avoit rencontré sur le chemin d'Insterbourg le régiment des gardes du corps et d'autres régimens en pleine retraite, que les généraux Essen et Steinhel avoient été blessés, que le g. Essen étoit déjà arrivé ici, ayant eu une forte contusion à la tête, mais qu'il avoit dû quitter l'armée au commencement de la bataille et qu'il ignoroit quelle avoit été l'issue; qu'un corps de l'ennemi s'étoit déjà avancé jusqu'à une demi-lieue de Koenigsberg, qu'il y jettoit des bombes qui n'y faisoient pas effet, et que la ville tenoit encore. Peu de tems après eux Popow qui revenoit de l'armée est venu aussi me voir. Il m'a confirmé la bataille de Friedland; il m'a dit que nous avons fait une grande perte en hommes et beaucoup plus considérable qu'à la journée de Heilsberg. Nous devons avoir à regretter le tiers de nos regiments des gardes; il y a quantité de tués et de blessés parmi les généraux et les offi-

ciers; parmi eux il y en a beaucoup que nous connaissions. Le coeur m'en saigne, et je n'ai pas la force de répéter à v. m-té les noms de ceux d'entre eux, dont je me rappelle. Elle les connoitra en son tems d'une manière plus circonstantiée. Après la battaille de Friedland le quartier général de notre armée est à Wehlau, Bennigsen ayant deux buts: celui de couvrir s'il le peut Koenigsberg, ce qui est très douteux, et de se rapprocher de nos frontières, et c'est la direction qu'il a donnée au corps de Tutschkow, commandé à présent par Tolstoy. Popow m'a rassuré sur m-gr le grand duc; il est bien portant à Insterbourg, et il parroit qu'il y attendera les évenemens. Popow dit que la paix est généralement souhaitée par notre armée, et que généraux, officiers et soldats, tout en se battant comme des lions, et affrontant la mort comme des héros, sont las de la guerre qu'ils font. Il dit que Bonaparte semble décidé par ses attaques sans relache de détruire notre armée et que Bennigsen a presque perdu la tête. Je supplie v. m-té de garder un profond silence sur toutes ces nouvelles, si peut-être je suis le premier à les lui apprendre: car il est possible qu'elles soyent longtems sans lui parvenir par la voie officielle. Popow va trouver l'empereur, et je l'ai prié bien instamment qu'il ne lui cache rien de la situation désastreuse où sont nos affaires, et de tout ce qu'il a vu, entendu et remarqué à l'armée. Je suis inconsolable. Le présent me désole, et l'effet qu'il doit produire sur l'avenir me fait fremir.

VII.

Тильзитъ, $^{3}/_{15}$ іюня 1807.

Государыня!

Его величество императоръ уѣхалъ третьяго дня вечеромъ въ Олитту, маленькій пограничный нашъ городъ между Ковны и Гродны, для осмотра дивизіи, составленной княземъ Лобановымъ, которая должна тамъ проходить на пути къ главной арміи. Курьеръ изъ Петербурга, ожиданный сегодня и вѣроятно везшій мнѣ отвѣтъ в. и. в—ва на мое второе письмо отсюда, дѣйствительно пріѣхалъ это утро, какъ я и ожидалъ; но къ величайшему сожалѣнію онъ уѣхалъ далѣе, не освѣдомившись, здѣсь ли еще я, и не доставивъ мнѣ этого письма, которое для меня въ высшей степени важно, потому что оно безъ сомнѣнія должно поставить меня въ возможность дать отчетъ государю о мнѣніи в. в—ва касательно двухъ вопросовъ, которые онъ приказалъ представить на ваше разсмотрѣніе. Теперь я не скоро получу это письмо, а можетъ быть оно и совсѣмъ не дойдетъ до меня по причинѣ большихъ затрудненій настоящей поры. Такъ какъ я не надѣялся въ скоромъ времени быть близь его в—ва государя; то при отъѣздѣ его я просилъ дозволенія сперва пріѣхать въ Вильну, чтобы тамъ получить поскорѣе его послѣднія приказанія о дѣлѣ, ввѣренномъ мнѣ в. в—вомъ и о продолженіи моего путешествія въ Вѣну. Государь изволилъ отвѣтить, что онъ поѣдетъ только въ Олитту, а не въ Вильну, и что возвратится чрезъ 6 или 7 дней; при этомъ онъ приказалъ, если неблагопріятныя обстоятельства заставятъ меня удалиться изъ Тильзита, переѣхать въ Юрбургъ, лежащій въ 7 миляхъ отсюда и извѣстить, когда я туда пріѣду. Къ несчастію эти обстоятельства осуществились слишкомъ сильно. Вчера утромъ мы были опечалены и озабочены извѣстіемъ объ отступленіи генерала Бенигсена отъ Гейльсберга къ Бартенштейну, а отъ Бартенштейна къ Фридланду, и представившеюся такимъ образомъ непріятелю возможностію овладѣть Кенигсбергомъ, который дорогъ самъ по себѣ какъ столица Пруссіи и кромѣ того, какъ говорятъ, содержитъ въ себѣ главные наши магазины и бо-

лѣе 9000 нашихъ раненыхъ. Вчера же вечеромъ дурныя извѣстія получались одно за другимъ, и не будучи офиціальными по причинѣ отсутствія императора и короля, которымъ они были присылаемы, онѣ однакожъ встревожили всѣхъ насъ. Говорили, что непріятель уже въ Велау, что Кенигсбергъ въ его рукахъ, что армія Бенигсена окружена и что Тильзитъ можетъ быть также скоро взятъ; впослѣдствіи узнали, что Велау и Прегель еще въ нашихъ рукахъ, что отрядъ изъ 4 или 5 сотенъ Французовъ вошелъ въ Фридландъ, что уланскій полкъ его высочества великаго князя прогналъ ихъ. Говорятъ о многихъ сраженіяхъ нашихъ войскъ на различныхъ пунктахъ, гдѣ снова пролито много крови; но эти слухи не доказаны и противорѣчатъ одинъ другому. Вѣрно только то, что мы уже потеряли многіе наши магазины, отчего наши и безъ того небогатыя средства продовольствія еще уменьшились, а непріятельскія увеличились; что Лестокъ вошелъ въ Кенигсбергъ съ своимъ корпусомъ, но не могъ защитить этотъ городъ. Предмѣстья Кенигсберга сожжены, всѣ бѣгутъ оттуда, у кого нѣтъ лошадей, тѣ уходятъ пѣшкомъ: такъ велики ужасъ и опасность. По взятіи Кенигсберга и Мемель не можетъ продолжать служить убѣжищемъ для короля, его семейства и сестры. Говорятъ, что Бонапартъ, привлекши вниманіе и всѣ силы Бенигсена къ окрестностямъ Фридланда, отрядилъ 25000 человѣкъ на Кенигсбергъ, который нельзя уже защитить и спасти иначе, какъ рѣшительною побѣдой въ генеральномъ сраженіи обѣихъ армій, которое неминуемо послѣдуетъ на дняхъ. Маршалъ Калькрейтъ и всѣ военные, съ которыми я говорилъ, осуждаютъ Бенигсена за то, что онъ предпринялъ неумѣстное движеніе къ Гутштадту, вызвавшее безполезную и кровавую битву при Гейльсбергѣ; стянулъ къ нему нашъ корпусъ, занимавшій линію между Гейльсбергомъ и Браунсбергомъ, гдѣ Лестокъ составлялъ наше правое крыло, и такимъ образомъ открылъ проходъ, чрезъ который Французы на другой день послѣ битвы и прошли, чтобы стать между нашей арміей и Кенигсбергомъ. Бенигсена вообще порицаютъ, что онъ пролилъ столько крови безъ всякой необходимости и пользы, и что всякій разъ послѣ побѣды надъ непріятелемъ онъ отступаетъ, вмѣсто того, чтобъ итти впередъ.

Часть царскаго двора еще здѣсь; но всѣ наши Русскіе и Прусаки спѣшатъ оставить Тильзитъ. Король уѣхалъ къ своему семейству въ Мемель; Гарденбергъ со всѣми дипломатами, Гольцомъ, Зенфомъ и Шаденомъ уѣхали за королемъ туда же. Маршалъ Калькрейтъ отправился въ свое имѣніе въ Галицію. Будбергъ, который долженъ былъ здѣсь дожидаться возвращенія государя, вслѣдствіе вчерашнихъ извѣстій, рѣшился уѣхать вчера же вечеромъ; онъ отправился въ Таурогенъ, самый близкій городъ къ нашей границѣ, и оттуда послалъ императору письмо, прося указать мѣсто, гдѣ должно помѣстить его канцелярію и предлагая съ своей стороны для этого Вильну. Лордъ Пемброкъ уѣхалъ этой ночью въ Вѣну. Лордъ Гауеръ отправился нынче утромъ въ Петербургъ чрезъ Мемель. Наши раненые генералы, графъ Остерманъ и Верделемовскій приказали перевезти себя въ Мемель. Г-жу Бенигсенъ мужъ извѣстилъ чрезъ нарочнаго, чтобъ она отправилась въ безопасное мѣсто и оставила Кенигсбергъ какъ можно скорѣе; она ѣдетъ сегодня утромъ въ Россію, въ сопутствіи госпожи Мантейфель, которая при ней. Новосильцевъ вчерашній вечеръ отправился курьеромъ въ армію, вѣроятно чтобы собственными глазами увидѣть положеніе дѣлъ и привезти изъ арміи Строганова ([15]). Онъ долженъ возратиться чрезъ два дня. Чарторижскій будетъ ожидать его здѣсь, чтобы потомъ вмѣстѣ отправиться къ государю. Я чрезъ нѣсколько часовъ ѣду въ Юрбургъ, согласно приказанію государя.

([15]) Они были двоюродные братья.

Это маленькій городъ, принадлежащій князю Зубову и населенный исключительно довольно бѣдными Евреями; во всемъ городѣ нельзя найти ни одной чистой комнаты. Не знаю, сколько мнѣ придется тамъ прожить; но удостойте, в. в—во, мысленно послѣдовать туда за мной и представьте все, что я долженъ чувствовать, испытывать и переносить въ послѣднее время! Мысль, что вы не откажете мнѣ въ нѣкоторомъ участіи, уже утѣшаетъ меня. Въ эти два дня здѣсь было настоящее вавилонское столпотвореніе; это было смѣшеніе языковъ и чувствъ: въ одно время и страшились и надѣялись, волновались, говорили, расспрашивали, не понимали другъ друга, и никто не зналъ, что говорить, чего ожидать, и куда итти!

Внезапный пріѣздъ его выс-ва великаго князя ([16]) произвелъ сильное впечатлѣніе. Предположили и не ошиблись, что онъ прибылъ, чтобъ энергически и вѣрно представить государю картину настоящаго положенія нашей арміи и ея оставшихся ресурсовъ. Мысли всѣхъ соединились въ одно общее желаніе успѣха представленіямъ великаго князя, когда узнали, какъ онъ жалѣетъ о безполезной потерѣ столькихъ храбрыхъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ и когда услыхали высказанное имъ желаніе мира. Онъ остался одну ночь по отъѣздѣ императора, пославъ ему курьера съ извѣстіемъ, что Французы не занимаютъ дорогу отсюда до арміи и что онъ можетъ безопасно къ ней присоединиться. Великій князь уѣхалъ вчера послѣ обѣда. Онъ удостоилъ меня и Новосильцева пригласить къ своему обѣду. Онъ думаетъ, что было бы очень хорошо, поставивъ армію въ готовность тотчасъ дѣйствовать по первому требованію, послать къ Бонапарту парламентера вывѣдать его дальнѣйшія намѣренія, равно какъ и условія, на которыхъ можно съ нимъ войти въ соглашеніе, и что такое дѣйствіе было бы какъ полезно нашимъ выгодамъ, такъ и ободрительно для арміи, которая въ этомъ увидѣла бы доказательства заботливости о ея сбереженіи. Онъ знаетъ, что г. Будбергъ есть единственный человѣкъ, настаивающій на продолженіе войны, и очень жалѣетъ, что онъ можетъ содѣйствовать къ убѣжденію въ этомъ и е. в—ва государя. Его высочество расказывалъ, что вчера утромъ г. Будбергъ пришелъ къ нему и безъ всякихъ околичностей изложилъ свой образъ мыслей въ присутствіи Чарторижскаго, Новосильцева и Опочинина; для поддержанія своего мнѣнія г. Будбергъ говорилъ съ жаромъ, что наша армія еще не разбита, что у насъ сверхъ того есть большая резервная армія, что мы можемъ опираться на вѣрность нашихъ Польскихъ провинцій, что государь можетъ разсчитывать на свой народъ; они разстались, какъ кажется, недовольные другъ другомъ и каждый при своемъ мнѣніи. Чарторижскій вмѣшался въ разговоръ, увѣряя г. Будберга, что онъ сильно заблуждается касательно настроенія нашихъ польскихъ подданныхъ, что сѣмя возстанія прозябаетъ между ними, и что они безъ сомѣнія возстанутъ всѣ, какъ только Бонапартъ перейдетъ наши границы. Великій князь прибавилъ, что и то неправда, будто у насъ есть большая резервная армія; что вся наша надежда и все наше спасеніе основывались на цѣлости и на нерѣшительныхъ успѣхахъ арміи Бенигсена; что въ настоящее время резервы состоятъ только изъ двухъ дивизій Лобанова и Горчакова, въ которыхъ едва будетъ 35 т., что у насъ недостатокъ въ оружіи, припасахъ, деньгахъ; что касается до нашего народа, онъ извѣстенъ своею доблестію и безпредѣльною преданностію своимъ государямъ; онъ это доказалъ еще весьма недавно самымъ блистательнымъ образомъ, но его должно защищать регулярными военными силами; противиться же побѣдоносной арміи, когда она на него нападетъ, народъ не въ состояніи.

([16]) Константина Павловича.

Я передаю в. в—ву весьма сокращенно все, что мнѣ говорилъ его в—во великій князь: писать это подробнѣе нѣтъ времени. Вспоможенія, обѣщанныя Англіею, не могутъ подоспѣть прежде какъ недѣль чрезъ 5 или 6, слѣд. они будутъ слишкомъ запоздалыми и совершенно несвоевременными. Маршалъ Калькрейтъ, видѣвшій много французскихъ генераловъ, говоритъ, что намѣреніе Бонапарта, если мы его не остановимъ, состоитъ только въ томъ, чтобы достигнуть Двины; пройти потомъ вдоль этой рѣки, чтобы совершить возстановленіе Польши; подать помощь Туркамъ и возвратить имъ провинціи, которыми мы овладѣли. Но если Бонапартъ дойдетъ до Двины, отъ чего Боже избави, кто поручится, что его пылкое воображеніе не родитъ тогда другихъ мыслей и другихъ желаній? Другіе говорятъ, что онъ обѣщалъ своей арміи ограничиться взятіемъ Кенигсберга, и что онъ оттуда хочетъ продиктовать условія мира, но эти условія будутъ тяжелы и неудобопріемлемы. Мнѣ нечего говорить о своемъ личномъ мнѣніи, оно давно извѣстно в. в—ву. Вы знаете также личную мою преданность государю, вашему сыну. Я люблю его лично, обожаю доброту его сердца, огорчаюсь и страдаю душою, что ему не достаетъ счастья въ его здравыхъ и великодушныхъ предпріятіяхъ; наконецъ я въ глубинѣ души молю Всевышняго, чтобъ Онъ не оставилъ его въ эту эпоху бѣдствій и сохранилъ спокойствіе и цѣлость его владычества и его имперіи!

Когда я дописывалъ это письмо, ко мнѣ пришли Чарторижскій и Альбедиль и сообщили, что одинъ коммисаръ Прусскаго округа привезъ извѣстіе, что Бонапартъ атаковалъ Бенигсена въ Фридландѣ, что произошла кровопролитная битва; сначала впродолженіи нѣсколькихъ часовъ мы одерживали верхъ, но свѣжія подкрѣпленія французской арміи рѣшили участь битвы. Наша армія въ бѣгствѣ; на Инстербургской дорогѣ встрѣтили нѣкоторые полки гвардейскаго корпуса и другіе въ полномъ отступленіи; генералы Эссенъ и Штейнгель ранены; первый изъ нихъ уже пріѣхалъ сюда. Онъ получилъ въ голову сильную контузію, которая заставила его оставить армію въ началѣ битвы, такъ что онъ не знаетъ ея исхода. Непріятельскій корпусъ подошелъ уже на разстояніе ½ мили къ Кенигсбергу и бросаетъ туда бомбы, которыя впрочемъ не производятъ дѣйствія, и городъ еще держится. Немного послѣ нихъ пришелъ ко мнѣ Поповъ, возвратившійся изъ арміи и подтвердилъ извѣстіе о Фридландской битвѣ: мы потеряли очень много людей, гораздо больше, чѣмъ при Гейльсбергѣ. Цѣлой трети нашихъ гвардейскихъ полковъ не стало; множество генераловъ и офицеровъ убито и ранено; въ числѣ ихъ много нашихъ знакомыхъ. Сердце мое обливается кровью, и я не въ силахъ повторить в. в—ву имена тѣхъ, которыхъ помню. Вы о нихъ узнаете въ свое время гораздо обстоятельнѣе. Послѣ Фридланской битвы главную квартиру нашей арміи Бенигсенъ помѣстилъ въ Велау, имѣя двѣ цѣли: прикрывать, если возможно, Кенигсбергъ, что весьма сомнительно, и приблизиться къ нашимъ границамъ. Это же направленіе онъ далъ и корпусу Тучкова, командуемому нынѣ Толстымъ. Поповъ говоритъ, что мира желаетъ вообще вся наша армія, и что генералы, офицеры и солдаты, сражаясь какъ львы и встрѣчая смерть, какъ герои, утомились войною, которую они ведутъ: что Бонапартъ, кажется, рѣшился безпрерывными атаками разстроить нашу армію, и Бенигсенъ почти потерялъ голову. Умоляю в. в—во сохранить глубокое молчаніе объ этихъ извѣстіяхъ, на случай, если я первый ихъ сообщилъ, ибо оффиціальнымъ путемъ они еще можетъ быть не скоро до васъ достигнутъ. Поповъ ѣдетъ къ государю, и я убѣдительно просилъ Попова не скрывать отъ государя несчастнаго положенія нашихъ дѣлъ и нечего изъ видѣннаго, слышаннаго и замѣченнаго въ арміи. Я безутѣшенъ: настоящее меня приводитъ въ отчаяніе и вліяніе его на будущее заставляетъ содрогаться!

Продолженіе будетъ.

СУЩЕСТВУЮТЪ-ЛИ ЗАПИСКИ ГРАФА М. А. МАМОНОВА?

Года три-четыре тому назадъ, на своей Васильевской дачѣ, близъ Москвы, на Воробьевыхъ Горахъ, умеръ, въ глубокой старости, второй и послѣднiй изъ графовъ Дмитрiевыхъ - Мамоновыхъ, гр. Матвѣй Александровичь. Несчастный страдалецъ, лишенный разсудка, прожилъ десятки лѣтъ, въ совершенномъ отчужденiи отъ остальнаго мiра, возбуждая своей странной судьбой любопытство московскихъ жителей. Разные ходили о немъ слухи, толки и разсказы, поводъ къ которымъ давала въ особенности мрачная таинственность, окружавшая этого невольнаго затворника. Говорили о его огромномъ богатствѣ, которымъ онъ не пользовался, о безпредѣльномъ честолюбiи, главной причинѣ его нравственной гибели, о способностяхъ, убитыхъ этимъ честолюбiемъ, о его красотѣ, о богатырской силѣ, опыты которой въ семидесятилѣтнемъ старикѣ удивляли и поражали окружавшихъ его приставниковъ. Говорили и о многомъ другомъ, что̀ возбуждало и участiе и сожалѣнiе къ судьбѣ умалишеннаго графа. Нѣкоторые даже подвергали сомнѣнiю его сумашествiе и искали объясненiя его домашнему заточенiю въ какихъ-то темныхъ и злыхъ интригахъ.

Сынъ извѣстнаго любимца императрицы Екатерины II, считавшагося однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ вельможъ своего времени, онъ получилъ прекрасное образованiе. 21-го года онъ уже занималъ важную должность оберъ-прокурора въ сенатѣ, но не долго. Наступилъ 12-й годъ! Богачь Мамоновъ, долго не думая, оставилъ сенатъ и, по примѣру Демидова и Гагарина, вооружилъ на свой счетъ цѣлый гусарскiй полкъ, принявъ на себя и полное содержанiе его. Намъ неизвѣстно, какое участiе принималъ въ незабвенныхъ подвигахъ отечественной войны сформированной Мамоновымъ полкъ; но знаемъ, что самъ Мамоновъ съ отличiемъ прослужилъ это славное для Россiи время. Оскорбленный чѣмъ-то въ своемъ самолюбiи, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маiора, и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ присталъ къ обширному кружку недовольныхъ: порицалъ, фрондировалъ, бранилъ. Но эта пассивная роль не удовлетворяла жаждущаго дѣятельности честолюбца: онъ сталъ искать этой дѣятельности въ обществахъ масоновъ и мистиковъ, и наконецъ кончилъ тѣмъ, что, признанный въ нездравомъ умѣ, попалъ подъ какую-то полуадминистративную, полуродственную опеку.

Повторяя эти отрывочныя извѣстiя со слуховъ, мы имѣли въ виду лишь одно: указать на то обстоятельство, что графъ М. А. Мамоновъ, и по рожденiю, и по воспитанiю, и по общественному положенiю, и по семейнымъ воспоминанiямъ, и по участiю въ событiяхъ, отмѣченныхъ исторiей, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, Записки которыхъ достойны стать общественнымъ достоянiемъ. Но скажутъ намъ, забывая, что, прежде чѣмъ заболѣть, люди пользуются здоровьемъ: какiя Записки могли остаться послѣ сумасшедшаго? И, можетъ быть, съ усмѣшкой укажутъ на вороха исписанныхъ и исчерченныхъ листовъ, на которыхъ несчастный больной ежедневно оставлялъ явныя свидѣтельства своего нравственнаго недуга. Мы имѣли случай видѣть такiе листы и конечно не о нихъ ведемъ рѣчь.

Случайно попались намъ въ руки небольшiя выписки изъ журнала, веденнаго графомъ Мамоновымъ въ Дубровицахъ (1). Выписки эти, сдѣланныя однимъ изъ многихъ опекуновъ покойнаго графа (2), свидѣтельствуютъ какъ о здравомъ умѣ писавшаго журналъ, такъ и и о томъ, что самый журналъ дѣйствительно не лишенъ интереса. Судя по имѣющимся у насъ отрывкамъ, многiя мѣста Записокъ, по крайней рѣзкости

(1) Великолѣпное подмосковное имѣнье гр. Мамонова, въ Подольскомъ уѣздѣ.

(2) Александромъ Яковлевичемъ Булгаковымъ.

сужденій, не могутъ явиться въ печати; но для насъ важны не столько личные взгляды *заточеннаго отшельника* (*solitaire banni*), какъ онъ самъ себя называетъ, сколько его разсказы о прошломъ. Надежда, что эти разсказы не погибли, а сохранились въ просвѣщенныхъ рукахъ, побуждаетъ насъ спросить печатно: гдѣ же находятся Записки графа М. А. Мамонова? и кто можетъ познакомить насъ съ ними, хотя въ отрывкахъ, и тѣмъ увеличить запасъ нашихъ свѣдѣній о дѣлахъ и лицахъ ближайшей къ намъ старины?

Въ ожиданіи отзыва, приводимъ изъ нашихъ выписокъ два разсказа гр. Мамонова, приводимъ ихъ въ переводѣ, такъ какъ журналъ писанъ на французскомъ языкѣ:

......„Мнѣ наконецъ надоѣло читать всѣ эти трактаты, писанные въ разныя времена, чтобы доказать бытіе Бога. Къ несчастію, эти писанія въ пользу Бога сдѣлали болѣе невѣрующихъ, чѣмъ нечестивыя творенія безбожниковъ. Не разумнѣе ли было бы меньше говорить и писать, а больше чувствовать, мыслить и главное дѣйствовать такъ, какъ бы мы готовились предстать предъ Бога..........! Но дѣло въ томъ, что вѣдь такъ легко пачкать бумагу........ и такъ трудно быть добродѣтельнымъ........ ради одной добродѣтели! Есть даже что-то неловкое, смѣшное въ тѣхъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ эти непрошенные защитники Божества, когда они берутся объяснять предвѣчныя тайны и оправдывать существованіе нравственнаго и физическаго зла. Почти всегда они придаютъ Божеству мелочность своихъ собственныхъ воззрѣній. — Это приводитъ мнѣ на память остроумное замѣчаніе князя Потемкина о Рахмановѣ, съ которымъ онъ любилъ препираться въ вопросахъ отвлеченныхъ и богословскихъ: это была его слабость! — Рахмановъ принадлежалъ къ разряду умовъ узкихъ, тщеславныхъ и своевольныхъ: онъ охотно нападалъ на Божество, когда ему казалось, что земныя дѣла не такъ творятся, какъ бы слѣдовало; а когда ему случалось говорить въ пользу Бога, онъ принималъ какой-то покровительственный тонъ, безъ сомнѣнія крайне смѣшной. Поэтому Потемкинъ и говорилъ о немъ: — „Когда Рахмановъ былъ бригадиромъ, то Богъ былъ въ его глазахъ „не выше полковника; а съ тѣхъ поръ „какъ, по моему представленію, его произвели въ генералъ-маіоры, онъ говоритъ „о Богѣ, какъ о бригадирѣ. Увидите, что „онъ только тогда дастъ Богу имя генералъ-маіора, когда императрица сдѣлаетъ его генералиссимусомъ своихъ „армій“............

......„Во время путешествія своего въ Крымъ, императрица была поражена невзрачнымъ видомъ зданій въ губерніяхъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи фельдмаршала графа Румянцева. Въ особенности въ Кіевѣ нашла она, что улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще — въ плохомъ состояніи и лишены всякаго изящества. Ей досадно было видѣть, что въ Кіевѣ не заботились объ украшеніяхъ, которыя она встрѣчала проѣздомъ въ другихъ, менѣе значительныхъ, городахъ. Сама она не захотѣла говорить объ этомъ съ фельдмаршаломъ и поручила моему отцу дать почувствовать ея неудовольствіе (8). Отецъ мой исполнилъ щекотливое порученіе съ возможной осторожностью и намекнулъ фельдмаршалу, что государыня ожидала найдти такой городъ, какъ Кіевъ, въ лучшемъ состояніи. Герой Кагула почтительно и терпѣливо выслушалъ замѣча-

(8) Со времени этого достопамятнаго путешествія, Мамоновъ сталъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, чему не мало способствовали ежедневные разговоры съ посланниками, участіе въ бесѣдахъ императрицы съ Потемкинымъ и наконецъ присутствіе его при свиданіяхъ Екатерины съ императоромъ Іосифомъ и королемъ Станиславомъ. Въ дорогѣ, онъ постоянно сидѣлъ въ одной каретѣ съ государыней, между тѣмъ какъ остальные ея спутники чередовались. — Существуютъ гравированные портреты Екатерины и Мамонова въ дорожномъ платьѣ, оригиналы которыхъ были писаны, по повелѣнію императрицы, въ память этого путешествія. Оригиналъ портрета Екатерины находился у гр. Мамонова. Н. К.

нія отца моего и отвѣчалъ: „Скажите „ея величеству, что я фельдмаршалъ ея „войскъ, что мое дѣло брать города, а „не строить ихъ, а еще менѣе ихъ укра„шать!“ — Этотъ прекрасный, но грубый отвѣтъ былъ отголоскомъ непріязненнаго чувства, которое онъ питалъ къ князю Потемкину, вредившему ему во мнѣніи государыни. Въ тотъ же вечеръ, слова Румянцева были въ точности переданы императрицѣ. Эта великая монархиня, сначала пораженная смѣлостью отвѣта, пріостановилась, на мгновеніе задумалась и сказала своему любимцу: „Онъ правъ! — Но пусть же Румянцевъ „продолжаетъ брать города, а мое дѣло „будетъ ихъ строить!“ — Не будь пословица такъ тривіальна, можно было бы сказать: tel valet—tel maitre“.........

Собственно пословица говоритъ наоборотъ, т. е.: каковъ баринъ—таковъ и слуга, и въ этомъ видѣ, примѣненная къ настоящему случаю, она была бы вѣрнѣе.

Н. Киселевъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ.

Разсказъ второй.

Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ(*).

Отецъ мой, Г. М. Кичеевъ, былъ учителемъ графа Матвѣя Александровича Дмитріева-Мамонова, по предмету Россійской словесности.

Вмѣстѣ съ графомъ училась у отца моего и сестра его, графиня Марія Александровна.

Отецъ мой сдѣлался учителемъ гр. Мамоновыхъ еще при жизни отца ихъ, генералъ-адъютанта графа Александра Матвѣевича.

Графъ Александръ Матвѣевичъ имѣлъ характеръ очень гордый. Такъ, напримѣръ, изъ множества учителей при его дѣтяхъ, онъ приглашалъ садиться въ присутствіи своемъ только моего отца, да madame Ришелье (гувернантку и наставницу молодой графини, нарочно выписанную изъ Франціи). Ришелье получала огромное жалованье, и такая же выговорена была пенсія, по окончаніи воспитанія (¹).

Къ гордости графа относили и то, что во время сельскихъ праздниковъ, въ селѣ Дубровицахъ, Подольскаго уѣзда Московской губ., графъ надѣвалъ парадный мундиръ съ брилліантовыми эполетами и всѣ имѣвшіяся у него регаліи.

Графъ Матвѣй Александровичъ былъ единственный сынъ у родителей и первенецъ (род. 14 сент. 1790). Странно, что еще не испытавъ несчастія терять дѣтей, молодые супруги, по рожденіи перваго сына, чтобъ онъ, какъ говорилось, устоялъ, прибѣгли къ предразсудку. Его крестилъ первый встрѣтившійся на улицѣ. Это былъ никто иной, какъ горбатый зеленщикъ-крестьянинъ, по имени Семенъ, который долго жилъ и нерѣдко навѣщалъ своего крестника, получая по золотому за свой визитъ и подносимые незатѣйливые гостинцы.

Отецъ мой засталъ гр. Александра Матвѣевича уже вдовымъ. Но графъ недолго нажилъ, скончавшись не болѣе 45 лѣтъ отъ роду. (Род. 19 сент. 1758 г. ум. 29 сент. 1803 г.) Онъ былъ женатъ на фрейлинѣ княжнѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой (1762—1801). Бракомъ сочетались они 1 іюля 1789 г. Вліяніе его при дворѣ началось въ 1786 году.

Малолѣтніе графъ и графиня по смерти отца поступили подъ опеку и попечительство роднаго своего дѣда, сенатора Матвѣя Васильевича Дмитріева-Мамонова, человѣка очень ску-

(*) См. Р. Архивъ 1866, 185.

(¹) О гордости гр. А. М. Мамонова свидѣтельствуетъ Л. Н. Энгельгардтъ. см. его Записки, изд. Русскаго Архива М. 1867 г. стр 64.

наго, что видно даже изъ слѣдующаго примѣра. Вскорѣ по кончинѣ своего сына, онъ присылаетъ къ моему отцу управляющаго съ предложеніемъ, что по круглому-де сиротству его внуковъ ([2]), не согласится ли отецъ мой брать за урокъ вмѣсто 10, по 5 рублей.

Отецъ отвѣчалъ, что и за эти деньги учитъ только по старинному знакомству. Тогда Матвѣй Васильевичъ убѣдилъ отца моего пріѣхать къ нему. И что же? сдѣланное отъ него предложеніе онъ назвалъ выдумкой посланнаго отъ него человѣка, будто желавшаго ихъ разсорить.

Такимъ образомъ, отецъ мой оставался учителемъ гр. Мамоновыхъ почти до отъѣзда своего въ Ярославль директоромъ тамошнихъ училищъ. Это было въ январѣ 1808 г.

Молодой графъ Матвѣй Александровичъ, произведенный въ камеръ-юнкеры, не болѣе 18 лѣтъ отъ роду, опредѣленъ былъ совѣтникомъ Московскаго губернскаго правленія, а вскорѣ переведенъ въ оберъ-прокуроры 6-го уголовнаго департамента правительствующаго сената.

Тутъ во всемъ блескѣ явились способности графа. Въ первый же пріѣздъ его въ сенатъ, ему подали на просмотрѣніе приговоръ по весьма важному уголовному дѣлу. Графъ, прочитавъ приговоръ, не согласился съ резолюціей сената и прямо, на бѣло, написалъ предложеніе, которое и приказалъ оберъ-секретарю прочесть гг. сенаторамъ. Старики-сенаторы съ удивленіемъ выслушали предложеніе молодаго оберъ-прокурора, и всѣ одногласно съ нимъ согласились.

Графъ собой былъ красивый мужчина, высокій, стройный и большой щеголь. Напримѣръ, его бобровую шубу тогда цѣнили въ 15.000 рублей. Характера графъ былъ добраго, но важнаго, сосредоточеннаго и, видно по наслѣдству, гордаго. въ особенности передъ знатными.

Несмотря на молодыя свои лѣта, графъ не принималъ участія въ танцахъ. Такъ, это замѣтилъ даже государь императоръ Александръ Павловичъ, во время бытности въ Московскомъ благородномъ собраніи (декаб. 1809) и когда на вопросъ, почему онъ не танцуетъ, графъ только откланивался, государь изволилъ сказать: «да, я знаю, графъ, вы любите заниматься болѣе дѣлами».

Но самолюбивый и неуступчивый нравъ молодаго графа вскорѣ былъ причиною гнѣва на него покойнаго государя императора Александра Павловича, вотъ чрезъ какой случай.

Нѣкто молодой человѣкъ, г. М-новъ, служившій въ сенатѣ подъ начальствомъ графа, въ 1811 году написалъ пасквильные стихи на бульваръ ([3]). А какъ въ этихъ стихахъ были задѣты почтенныя личности, то бывшій тогда въ Москвѣ главнокомандующимъ, графъ И. В. Гудовичъ и вѣлѣлъ посадить чиновника М-нова подъ арестъ, не снесясь о томъ съ его начальникомъ.

Это взорвало графа Мамонова. Дождавшись первой пятницы, т. е. общаго собранія сената, гдѣ присутствовалъ и главнокомандующій,—графъ Мамоновъ, противъ обыкновенія, и самъ пріѣхалъ въ общее собраніе. По окончаніи доклада дѣлъ, когда гр. Гудовичъ всталъ и хотѣлъ выдти изъ собранія, гр. Мамоновъ загородилъ ему собой дорогу у дверей и

([2]) Имѣвшихъ 8000 душъ крестьянъ и покрайней мѣрѣ на милліонъ домовъ и движимости.

([3]) Тогда въ Москвѣ существовалъ только одинъ Тверской бульваръ, насаженный березами; ихъ замѣнили липами и устроили другіе бульвары уже послѣ непріятеля.

сталъ громко требовать отвѣта: какъ онъ могъ, не снесясь съ нимъ, арестовать его чиновника?

Такой поступокъ гр. Мамонова, въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ, страшно огорчилъ старика графа Гудовича, и онъ жаловался государю, который, изволивъ сдѣлать гр. Мамонову письменный выговоръ, выразилъ свое мнѣніе, что, достигнувъ лѣтъ гр. Гудовича, онъ, графъ Мамоновъ, и самъ, вѣроятно, захочетъ имѣть къ себѣ болѣе уваженія отъ молодыхъ людей, подобныхъ ему.

Исторія автора пасквильныхъ стиховъ, г. М-нова, окончилась ничѣмъ; онъ отрекся отъ своего сочиненія; уликъ не было, а заступничество такаго энергическаго начальника, каковъ, былъ гр. Мамоновъ, вскорѣ освободило его и отъ ареста (*).

Наступилъ 1812 годъ.

Наполеонъ, со всѣми полчищами своими, уже двинулся въ Россію. Вотъ, 10 іюня, онъ издалъ въ Вильковишкахъ извѣстное хвастливое воззваніе о будущихъ своихъ побѣдахъ и грозилъ принудить Россію къ унизительному миру.

Напротивъ, Александръ I кротко и благочестиво обращался съ воззваніемъ къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ о защитѣ отечества.

Безсмертное его воззваніе, 13 іюня, о коварномъ вторженіи Наполеона въ Россію, потомъ рескриптъ къ гр. Салтыкову и наконецъ манифестъ 6 іюля, коимъ приглашались всѣ сословія къ благородному соревнованію для спасенія отечества, воспламенили сердца Россіянъ. Московскіе дворяне сказали: все, что имѣемъ, принадлежитъ государю и отечеству! Надо отдать все, предлагаемъ въ ополченіе изъ десяти душъ — одного, обязавшись, кромѣ того, снабдить новобранныхъ ратниковъ одеждою, провіантомъ и по возможности оружіемъ. Купечество же Московское назначило соразмѣрную съ капиталомъ каждаго сумму въ пожертвованіе, и сдѣлало тотчасъ же подписку на полтора милліона рублей.

Государь императоръ изволилъ отозваться, что такія пожертвованія превзошли его ожиданія.

Но гр. Мамонову и эти жертвы казались какъ бы недостаточными. Онъ вызвался сформировать на свой коштъ цѣлый конный полкъ, который бы состоялъ подъ его начальствомъ.

Прежде чѣмъ объявить это намѣреніе, графъ совѣтовался съ своею теткою, фрейлиною Прасковьею Матвѣевною Дмитріевою-Мамоновою (Дѣда графа Мамонова, Матвѣя Васильевича, тогда уже въ живыхъ не было. Онъ род. 1724, а умеръ въ 1810.)

Прасковья Матвѣевна не совсѣмъ одобряла патріотическое намѣреніе племянника. Она говорила, что его воспитывали быть не военачальникомъ, а министромъ, и совѣтовала принести на алтарь отечества милліонъ рублей и даже болѣе.

Однакожъ, гр. Матвѣй Александровичъ остался при своемъ намѣреніи: полкъ сформированъ, подъ названіемъ Мамоновскаго казачьяго, и онъ сдѣлался его командиромъ. Изъ камеръ-юнкеровъ его переименовали въ генералъ-маіоры. Ему было тогда отъ роду 22 года.

Всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончился походъ Наполеона въ Россію. Наши войска, поражавшія его на ретирадѣ,

(*) Странно, почти чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, а именно въ апрѣлѣ 1850 г., когда я встрѣтился съ г. М-новымъ на одной изъ Петербургскихъ станцій, и напомнивъ ему, что онъ пріятель и сослуживецъ по сенату моего дяди, спрашивалъ его: онъ ли авторъ извѣстныхъ стиховъ, 1811 года, на бульваръ, М-новъ, къ удивленію моему, отрекся отъ пресловутаго этого произведенія.

покрыли себя безсмертною славою. Но казацкій полкъ гр. Мамонова не былъ въ дѣйствіи; Мамоновцы отличались только своеволіемъ, слѣдствіемъ котораго было сожженіе одного селенія, гдѣ они стояли.

Не смотря на то, что командиръ полка заплатилъ жителямъ всѣ убытки, происшедшіе отъ пожара, главнокомандующій арміею сдѣлалъ Мамонову столь строгій выговоръ, что гордая душа этого вельможи никакъ не могла перенести того. Онъ по болѣзни просился въ отставку и былъ уволенъ высочайшимъ приказомъ, 19 февраля 1816 г., за границу до излѣченія болѣзни.

Между тѣмъ, Мамоновскій полкъ расформированъ; а графъ въ помянутомъ приказѣ названъ состоящимъ при дивизіонномъ начальникѣ 2-ой конноегерской дивизіи, въ чинѣ генералъ-маіора. О состояніи въ это время духа гр. М. А. Мамонова можно заключать изъ проектовъ его писемъ къ государю императору Александру Павловичу и великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, помѣщаемыхъ здѣсь въ приложеніи.

По возвращеніи изъ за границы, начинается странная жизнь гр. Матвѣя Александровича. Будучи отъ роду не болѣе 26 лѣтъ, онъ поселился въ подмосковномъ своемъ селѣ Дубровицахъ, и сдѣлался нетолько совершеннымъ затворникомъ, но даже невидимкой. По отданному одинъ разъ на всегда приказу, въ извѣстные часы, ему подавались чай, завтракъ, обѣдъ и ужинъ; также подавались ему и платье и бѣлье, и все это въ отсутствіи графа убиралось или перемѣнялось. Такой образъ жизни продолжался нѣсколько лѣтъ, безо всякой перемѣны. Управленіе имѣніями и всѣ распоряженія по дому дѣлались по письменнымъ его приказамъ и запискамъ. Только въ 1823 г. заявилъ онъ о своемъ существованіи: по кончинѣ Прасковьи Матвѣевны Дмитріевой-Мамоновой въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 4-го апрѣля 1823 года, графъ, объявивъ себя единственнымъ послѣ нея наслѣдникомъ, просилъ относиться по сему случаю къ уполномоченному отъ него Московск. купцу Негри, въ д. Кампіони, на Кузнецкомъ мосту.

Около этого времени умеръ камердинеръ графскій. На его мѣсто изъ своихъ никого способныхъ не оказалось; наняли вольнаго. Нѣсколько мѣсяцевъ новый камердинеръ исправлялъ свою должность какъ слѣдуетъ; но наконецъ соскучился служить невидимкѣ, и ему захотѣлось посмотрѣть на графа. Для исполненія своего намѣренія, камердинеръ выбралъ обѣденное время и спрятался въ столовой за колонну или за тумбу. Но къ несчастію графъ увидѣлъ его и страшно исколотилъ. Весь избитый, въ крови, камердинеръ бросился въ Москву и явился къ генералъ-губернатору, кн. Дм. Вл. Голицыну, съ жалобой на графа.

Для произведенія по этой жалобѣ дознанія, генералъ-губернаторъ отправилъ въ Дубровицы одного изъ своихъ адъютантовъ, снабдивъ его предписаніемъ.

Адъютантъ пріѣхалъ въ Дубровицы въ самый обѣдъ графа, безъ доклада прямо явился къ нему и предъявилъ генералъ-губернаторское предписаніе.

Графъ пробѣжалъ предписаніе, изодралъ его и бросилъ въ чашу съ супомъ, а адъютанта не очень учтиво просилъ удалиться.

Этотъ поступокъ графа отнесли къ сумасшествію, и поэтому распорядились взять его въ Москву для изле-

ченія; помѣстили его въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ Практической Коммерческой Академіи, около Покровскихъ казармъ.

Однакожъ. перемѣщеніе графа изъ Дубровицъ въ Москву сопровождалось слѣдующимъ происшествіемъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на нравственное состояніе больнаго. Когда за нимъ пріѣхали, чтобы везти его въ Москву, графъ нисколько тому не противился; но вышедши уже на крыльцо и увидя тысячи своихъ крестьянъ, онъ обратился къ нимъ со словами: «Неужели, православные, вы меня выдадите?» Крестьяне тотчасъ окружили графа и хотѣли остановить поѣздъ. Но графъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ пошутилъ и что ему надо ѣхать въ Москву.

Леченіе началось обливаніемъ головы холодною водой, что конечно приводило графа въ изступленіе. Имѣніе его взяли въ опеку. Опредѣленный къ нему опекуномъ сенаторъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Циціановъ нашелъ, что помѣщеніе для графа неудобно отъ близости казармъ, такъ какъ барабанный бой и военная музыка производили въ больномъ восторженное состояніе. Мнѣніе князя Циціанова раздѣляли и медики; поэтому рѣшились перемѣнить квартиру. Это было въ 1830 году.

Въ то время я завѣдывалъ и управлялъ домомъ шурина моего, по первой женѣ, И. Г. Покровскаго, служившаго тогда въ гвардіи. Домъ г. Покровскаго находился у Колымажнаго двора, между тремя малопроѣзжими переулками, но не выходилъ ни въ одинъ изъ нихъ, и вмѣщалъ въ себѣ всѣ удобства для больнаго. Кромѣ обширности, отдѣланный наилучшимъ образомъ и отлично обмеблированный, онъ примыкалъ однимъ фасомъ къ огромному тѣнистому саду. Этотъ-то домъ и нанялъ у меня кн. Циціановъ для графа Мамонова по контракту, цѣною въ годъ по шести тысячъ рублей ассигнаціями ([5]).

Графъ Мамоновъ прожилъ въ домѣ г. Покровскаго полтора года.

Отъ приставленнаго къ нему офицера, г. Люневича, я слышалъ, что графъ занимался чтеніемъ и что-то писалъ; я видѣлъ нѣкоторыя прочтенныя имъ книги съ собственноручными его замѣтками, и онѣ не показывали отсутствія ума, но видно было раздраженіе. Графъ велъ жизнь совершенно уединенную; кромѣ доктора, кн. М. Д. Циціанова и вышепомянутаго купца Негри,—его никто не посѣщалъ. Къ обѣду своему онъ иногда приглашалъ только сынка г. Люневича, мальчика лѣтъ 6—7, да забавлялся кормленіемъ конфектами мышей. На вопросъ мой: не дѣлаетъ ли графъ какихъ нибудь странностей, г. Люневичъ отвѣчалъ, что только одинъ разъ онъ засталъ графа сидящимъ на шкафу, а иногда-де приходитъ въ ражъ; но довольно показать ему длинную рубашку съ такими же рукавами, и онъ утихалъ. Князь же М. Д. Циціановъ говорилъ мнѣ, что во время его посѣщеній, онъ не находилъ никакихъ странностей въ графѣ; но разговоры его обращались всегда къ важнымъ предметамъ. Князь Циціановъ игрывалъ съ графомъ на билліардѣ и замѣчалъ, что графъ сердился при проигрышѣ, хотя игра была безденежная. Лѣтомъ графъ нерѣдко выходилъ въ садъ и по словамъ садовника дѣлалъ правильныя заклю-

---

([5]) Домъ этотъ когда-то принадлежалъ кн. А. И. Вяземскому, отцу писателя; въ немъ жилъ Карамзинъ, впослѣдствіи онъ достался А. А. Кирьякову. Г. Покровскій продалъ его г. Абазѣ, а нынѣ принадлежитъ онъ г. Столыпину.

ченія въ разсужденіи садоводства. Разъ какъ-то, поздно вечеромъ, полагая, что графъ уже спитъ, я съ семействомъ гг. Покровскихъ вошли въ садъ; но вдругъ явился графъ и страшно на насъ закричалъ. Разумѣется, мы пустились бѣжать со всѣхъ, что называется, ногъ.

Послѣ отказа кн. Циціанова отъ опекунства, новые опекуны перевезли графа на дачу Васильевское, что за Калужской заставой (⁶).

Здѣсь, въ Васильевскомъ, графъ Мамоновъ прожилъ слишкомъ тридцать лѣтъ, до самой своей кончины. Жизнь его, по прежнему, была уединенная. Обѣдалъ и ужиналъ онъ въ 3 часа, т. е. пополудни и пополуночи. Ночью весь домъ освѣщался. Чужіе опекуны болѣе старались о пріумноженіи капиталовъ, и графъ имѣлъ нѣкоторыя лишенія. Доказательствомъ тому можетъ служить вотъ какой случай. Разъ какъ-то я заѣхалъ въ одинъ магазинъ и спросилъ десятокъ сигаръ въ 40 коп. Тогда сидѣвшій въ магазинѣ неизвѣстный мнѣ господинъ сказалъ: дайте-ка и мнѣ такихъ же сигаръ для графа. На вопросъ мой: для какаго графа, неизвѣстный отвѣчалъ: для гр. М. А. Мамонова. Я не утерпѣлъ и замѣтилъ, что для графа Матвѣя Александровича можно бы покупать сигары по 40 коп. и за штуку. Но неизвѣстный возразилъ, что къ этимъ-де сигарамъ графъ привыкъ. «Жаль же, что его пріучили къ такимъ дешевымъ сигарамъ», сказалъ я эконому.

Но когда графъ поступилъ подъ опекунство своихъ родственниковъ и наслѣдниковъ, то уже не имѣлъ ни въ чемъ недостатка. Малѣйшія его желанія и даже прихоти исполнялись немедленно. Наприм. графъ иногда заказывалъ очень дорогія блюда, или требовалъ въ дорогую пору фруктовъ и тому п., и все это являлось тотчасъ. Даже носились слухи, что родственники - опекуны предлагали снять съ него опеку; но графъ самъ на это не согласился.

*

Кончина графа Матвѣя Александровича послѣдовала преждевременно отъ собственной его неосторожности. Онъ намочилъ на себѣ сорочку одеколономъ, и вѣроятно уронилъ на нее искру отъ сигары или папиросы. Сорочка вспыхнула, и онъ страшно обжегся. Никакія медицинскія средства не могли спасти его. Онъ скончался 11-го іюня 1863 г., на 73 году отъ рожденія.

Чувствуя приближеніе кончины, графъ Матвѣй Александровичъ сказалъ: «Вотъ я и умираю; ну чтожъ, я довольно пожилъ!»

*

Конечно, настоящій очеркъ жизни графа Матвѣя Александровича Дмитріева-Мамонова слишкомъ слабъ и не полонъ, а, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и несовсѣмъ вѣренъ; но, считая его благодѣтелемъ отца моего, я рѣшился сказать все, что знаю объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Миръ праху его!(⁷)

П. Кичеевъ.

(⁶) Нѣкоторое время была опекуншею сестра графа, дѣвица Марья Александровна; но она скончалась задолго до смерти графа, живя постоянно въ С. Петербургѣ.

(⁷) Прахъ его покоится въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Собственноручные проекты писемъ покойнаго графа М. А. Дмитріева-Мамонова къ государю-императору Александру Павловичу и великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ([8]).

I.

отъ 20 февраля (1816?)

Всемилостивѣйшій государь!

Генералъ-адъютантъ Уваровъ, который будетъ имѣть счастіе поднести вашему императорскому величеству сіе всеподданнѣйшее писаніе мое, донесетъ вмѣстѣ вашему императорскому величеству о болѣзненномъ и разстроенномъ состояніи здоровья моего, пострадавшаго сіи послѣднія времена отъ оскорбляющей меня мысли, что я и служеніе мое престали быть угодными вашему императорскому величеству.

Лишенный по одержащей меня болѣзни возможности не токмо находиться при войскахъ, но нести какую-либо службу, я умоляю ваше императорское величество уволить меня отъ оной, съ ношеніемъ мундира, лишенія коего я, кажется, не заслужилъ.

Будьте увѣрены, всеавгустѣйшій и премилосердый монархъ, что я поспѣшу посвятить себя паки службѣ вашего императорскаго величества, коль скоро получу облегченіе.

Въ милліонахъ подвластныхъ отеческому скипетру вашего императорскаго величества находятся всеконечно тысячи и тысячи преизобилующіе предо мною познаніями и знаменитыми и полезными качествами, но не единъ всеконечно не можетъ похвалиться превосходить меня пламенною любовію къ отечеству, благодарностію и приверженностію къ особѣ вашего императорскаго величества. Есмь по гробъ в. и. в. вѣрно подданный.

II.

Милостивѣйшая государыня, пресвѣтлѣйшая государыня великая княгиня!

Господинъ генералъ-адъютантъ Уваровъ обрадовательнымъ письмомъ своимъ извѣстилъ меня, что ваше императорское высочество удостоили принять участіе въ судьбѣ моей, подверженной, я самъ не знаю за что, толикимъ гоненіямъ и оскорбленіямъ, и что даже ваше императорское высочество неоднократно изволили напоминать обо мнѣ государю-императору и поручить г. Уварову отдать мнѣ поклонъ.

Таковыя неожиданныя вашего императорскаго высочества милости дороже мнѣ всего и паче укрѣпляютъ духъ мой сносить все терпѣливо и не колебаться въ приверженности къ августѣйшему императорскому дому. Самъ Богъ свидѣтель, что я не знаю, за что по сіе время не удостоился быть въ числѣ приближенныхъ монаршихъ, и позвольте милостивѣйшая государыня довершить сіе начертаніе нещастнаго моего положенія тѣмъ, что съ отбытіемъ в. и. в-а навсегда въ чуждыя страны лишаюсь я единственной заступницы.

Но такъ какъ Богъ вездѣ присутствуетъ благодѣяніями Своими и печется о усердствующихъ Ему, тако и ваше императорское высочество не престаньте осѣнять меня своимъ покровительствомъ, ибо я отдѣленъ отъ государя толпою злобствующихъ мнѣ и повергающихъ меня въ жестокую грусть и болѣзнь.

([8]) Великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ гр. Мамоновъ могъ сдѣлаться лично извѣстнымъ въ 1812 году, стоя съ полкомъ своимъ въ Ярославской губерніи. *П. Б.*

ОДИНЪ ИЗЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ УКАЗОВЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Дѣла Арт. Арх. кн. № 108 стр. 11).

„Понеже въ битьѣ зорь великое въ войнѣ дѣло зависитъ, а имянно цѣлость всего войска, понеже, когда пробьютъ вечернюю зорю, тогда запрутъ ходъ и караулы умножатъ и опасно ночь облюдутъ, за которыми все войско опочиваетъ безопасно, а когда утреннюю бить станутъ, повинны всѣ встать и не спать, понеже входъ отопрется, что̀ уже господамъ офицерамъ въ коллегіи воинской, яко практикомъ, доволно вѣдо̀мо есть. Но нынѣ у насъ оное дѣло въ комплементъ вмѣнено, и яко старые бояря и воеводы и стрѣльцы употребляемъ: бьютъ въ такихъ городахъ, гдѣ воротъ не затворяютъ во всю ночь по дворамъ и слободамъ. И такъ людей извадимъ, что и у прямова дѣла, ќакъ и безъ дѣла, ни во что оной обычай придетъ. Ибо Отче Нашъ, хотя и лутчая молитва во христіанствѣ есть, понеже самимъ Христомъ предана, однакожъ ради частаго употребленія въ обычай вошло не такъ почестью, какъ другія, которыя одинова въ годъ читаются, хотя и человѣческаго сложенія суть. Того рода надлежитъ твердо о семъ уставить указомъ и въ Регламентъ внесть, дабы туне не чинили“.

Подлинной Его Імператорскаго Величества указъ писанъ собственною Его Величества рукою.

У тогожъ указу Его Величества собственною рукою приписано тако:

Петръ.

Въ Преображенскомъ въ 11 день генваря 1722.

Отдано отъ свѣтлѣйшаго Князя (*) генваря 15 день 1722.

(Сообщено М. Д. Хмыровымъ).

(*) Меньшикова.

ПИСЬМО ПЕТРА ВЕЛИКАГО КЪ КНЯЗЮ (ПОСЛѢ ФЕЛЬДМАРШАЛУ) МИХАЙЛУ МИХАЙЛОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ-МЛАДШЕМУ.

Господинъ подполковникъ.

Писали мы къ Герцоху съ симъ посланнымъ куріеромъ, дабы онъ далъ вамъ позволеніе около Ростока или гдѣ въ другихъ мѣстахъ не далеко отъ Ростока накопать буковыхъ молодыхъ деревьевъ съ кореньями для посылки въ Питербурхъ, о чемъ проси и ты, дабы отвели вамъ мѣста немедленно. И какъ вамъ отведутъ мѣста гдѣ копать, то велите накопать деревьевъ молодыхъ буковыхъ, которыя бы были вышиною футовъ по семи и по восьми, отрубая верхушки, а толщиною противъ приложеннаго при семъ рисунка, тысячь пять. Да сверхъ того велите накопать буковыхъ же кустовъ до тысячи, и для того сыщи на то время какого нибудь садовника, который бы могъ указать, какъ лутче тѣ деревья изъ земли выкапывать и отрубать верхушки. Между тѣмъ же старайся, чтобъ для посылки тѣхъ деревъ до Питербурха нанять тебѣ въ Любекѣ или въ Ростокѣ галіонъ или другое какое морское судно побольше, на которое бъ могли тѣ деревья уложиться; а за провозъ уговаривайся ш(к)ипору заплатить въ Питербурхѣ товарами, какими онъ хочетъ кромѣ только двухъ, юфти и смолы.

(собственноручно) *Петръ.*

Изъ Амстердама
Марта въ 5 день 1717.

Было сложено и надписано: «Господину подполковнику отъ гвардіи князю Голицыну въ Ростокѣ». Печатано съ подлинника, хранящагося въ Москвѣ, въ Голицынскомъ Музеѣ Получивъ подобное заботливое о благѣ общемъ письмо, современникъ Петра Великаго, какъ бы ни терпѣлъ онъ лично отъ его жестокости, невольно исполнялся къ нему уваженіемъ и нѣкотораго рода сочувствіемъ. Съ другой стороны и жители Балтійскаго

побережья, гдѣ такъ долго хозяйничалъ Петръ Великій, должны были съ чувствомъ страха передъ сѣвернымъ варваромъ соединять чувство почтительнаго удивленія: и въ этомъ разгадка Петрова величія.—Герцогъ, о которомъ говорится въ письмѣ, есть конечно герцогъ Мекленбурскій, не задолго передъ тѣмъ женившійся на племянницѣ государя, Екатеринѣ Ивановнѣ. Приложеннаго къ письму рисунка не сохранилось. *П. Б.*

ПИСЬМО ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Милый, любезный мой Василій Андреевичь!

Возможно ли, чтобъ прекрасный сонъ мой однажды получить отъ васъ поэму, точно исполнился! Могла ли я думать, что вы точно еще вспомнили обо мнѣ въ вашемъ мирномъ уголкѣ на берегу Рейна, въ первомъ счастіи семейной жизни! Но въ исполненіи вашего обѣщанія узнала я вашу всегдашнюю привязанность къ нашему семейству, и ваше русское сердце. Потому благодарю васъ именемъ Россіи за то, что не забыли насъ и почитаю себя счастливой, что мое радостное восклицаніе, при слухѣ о намѣреніи вашемъ писать эту поэму, могло доставить моей милой родинѣ еще произведеніе ею любимой лиры. Хотя я далека отъ идеала, поразившаго ваши взоры на паланкинѣ, но я постараюсь идти въ слѣдъ ему и постараюсь достигнуть его чистоты сердца, смиренія и получить вмѣстѣ съ тѣмъ удивительный его даръ распространять счастіе вокругъ себя. Ничто не могло быть мнѣ пріятнѣе, какъ увидѣть образъ этого небеснаго существа во главѣ мнѣ посвященной поэмы. Съ неизъяснимою жадностью начала я читать вашу Дамаянти, и въ каждой строкѣ о васъ думала и мысленно благодарила.

Жаль только то, что не могу словесно васъ благодарить, изустно сказать вамъ, какъ мнѣ лестно имѣть отъ Василія Андреевича поэму. Но, надѣюсь, будетъ время, когда желаніе мое исполнится, когда васъ опять увидимъ въ кругу нашемъ съ вашимъ семействомъ.

Что вамъ сказать про насъ? Мы живемъ въ томъ же блаженномъ счастіи, въ которомъ вы насъ оставили. Семья увеличивается, и вмѣстѣ съ ней и семейныя радости. Надѣюсь, что всегда будемъ жить также, т. е. вѣря въ Бога и въ любви между собою. Чего намъ желать больше?

За сообщеніе этого письма мы обязаны князю Петру Андреевичу Вяземскому. На письмѣ не означено времени; но оно писано, какъ надо полагать, весною 1843 года, ибо посвященіе поэмы Наль и Дамаянти помѣчено Жуковскимъ (въ печатномъ текстѣ): Дюссельдорфъ 16 (28) февраля 1843 года. Въ посвященіи этомъ, принадлежащемъ къ лучшимъ призведеніямъ Жуковскаго, поэтъ вспоминаетъ Берлинскіе маскарады и живыя картины 1821 г., въ которыхъ императрица Александра Θеодоровна, тогда еще великая княгиня, являлась въ сценахъ изъ поэмы Томаса Мура: Лалла-Рукъ, индѣйскою царевною, проносимою на паланкинѣ.

Великая княгиня Александра Николаевна род. 12 іюня 1825 года, вступила въ супружество съ принцемъ Фридрихомъ Гессенскимъ 16 января 1844 и того же года 29 іюля скончалась въ Царскомъ Селѣ отъ продолжительной грудной болѣзни и преждевременныхъ родовъ. Въ этомъ письмѣ отражается плѣнительный образъ рано увянувшей царской дочери, и оно показываетъ наглядно, за что такъ любили и почему такъ горько оплакивали эту женщину. *П. Б.*

ГЕНЕРАЛЪ БОНАПАРТЪ — ОБОРОПИТЕЛЬ ГРЕКО-ВОСТОЧНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

Въ газетѣ „Москва“ № 166(*), въ любопытной статьѣ г. Кокошкина: *Уніатская оппозиція на Подлясьи*, въ выдержкахъ, приведенныхъ изъ циркуляра бывшаго г. главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, кн. Черкасскаго, отъ 11 (23) мая 1866 г., за № 74, между прочимъ сказано: „Предписать Холмскому епископу о сдѣланіи имъ распоряженія по своей епархіи, чтобы греко-уніатское духовенство не

(*) 1867 года.

допускало вмѣшательства латинскаго духовенства въ своихъ церквахъ и приходахъ; чтобы между прочимъ греко-уніатскіе священники ни въ какомъ случаѣ не дозволяли себѣ давать разрѣшенія латинскимъ ксендзамъ отправлять богослуженіе и совершать таинства въ греко-уніатскихъ церквахъ."

Подобно многимъ другимъ мѣропріятіямъ, вызваннымъ со стороны Русскаго правительства недавними событіями въ царствѣ Польскомъ, это распоряженіе, чтобъ католическіе ксендзы не служили въ греко-уніатскихъ церквахъ,—встрѣчено было враждебнымъ намъ Западомъ, какъ явленіе новое, небывалое и варварское. Но дѣйствительно ли такое распоряженіе есть распоряженіе новое и небывалое въ Европѣ? Конечно нѣтъ.

Еще вь 1798 г. знаменитый родоначальникъ династіи Наполеонидовъ, главнокомандующій итальянской арміи генералъ-Бонапартъ, покоривъ Италію, завоевавъ Венецію и завладѣвъ Мальтою, руководимый мудрою политикою и вмѣстѣ съ тѣмъ высокою справедливостью, призналъ необходимымъ оградить греко-восточныя церкви отъ посягательствъ на нихъ латинскаго клира. Приказомъ своимъ изъ главной квартиры въ Мальтѣ, отъ 25 преріаля (13 іюня) 1798 г., онъ формально запретилъ латинскимъ священникамъ отправлять богослуженіе и совершать литургіи въ церквахъ греко-восточнаго исповѣданія.

Приказъ этотъ хранится въ Парижѣ въ депо военнаго министерства, и напечатанъ въ Correspondance de Napoleon I-er, см. т. IV, стр. 168, № 2687, и значится подѣ 23 преріаля VI года (17 іюня 1798 г.). У насъ въ Москвѣ, въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, отыскался современный экземпляръ этого приказа, напечатанный въ національной типографіи въ Корцирѣ; онъ отъ 25 преріаля (13 іюня), слѣдственно четырьмя днями ранѣе приказа, хранящагося въ депо французскаго военнаго министерства, и отличается нѣкоторыми варіантами въ текстѣ; а потому мы и приводимъ здѣсь этотъ любопытный приказъ по нашему экземпляру.

Кн. М. Оболенскій.

ПРИКАЗЪ

Генерала Бонапарта, отданный въ Мальтѣ 25 преріаля въ VI годъ Французской республики (13 іюня 1798 г.).

Liberté. Egalité.

Armée d'Angleterre.

Au quartier-général de Malte le 25 prairial, an 6 de la République Française.

Etat-major-général.

Ordre du général en chef.

Article premier.

Dans l'eglise qui appartient aux Grecs, les prêtres Latins ne pourront pas y officier.

II.

Les messes que les prêtres latins ont coutume de dire dans les eglises Grecques, seront dites dans les autres eglises de la Place.

III.

Il sera accordé protection aux Juifs qui voudraient y établir leur synagogues.

IV.

Le général-commandant remerciera les Grecs de la bonne conduite qu'ils ont tenue pendant le siège.

V.

Tous les Grecs des isles de Malte et de Gozo, et ceux des départemens d'Ithaque, Corcyre et de la Mer-Egée, qui conserveraient des relations quelconques avec la Russie, seront condamnés à mort.

VI.

Tous les navires Grecs qui naviguent sous le pavillon Russe, s'ils sont

Pris par les bâtimens Français, seront coulés bas.

Signé: Bonaparte.

Pour copie conforme.

Le général de division Chef de l'etat-major-général

Signé: Alexandre Berthier.

Pour copie conforme.

Le général de division

Signé: Chabot.

De l'Imprimerie Nationale de Corcyre.

Переводъ:

Свобода. Равенство.

Англійская армія.

Въ главной квартирѣ, въ Мальтѣ, 25-го преріаля, въ 6-й годъ Французской республики.

Главный штабъ.

Приказъ главнокомандующаго.

Статья первая.

Латинскіе священники не должны совершать богослуженія въ церкви, принадлежащей Грекамъ.

II.

Литургіи, которыя латинскіе священники имѣютъ обыкновеніе совершать въ греческихъ церквахъ, должны быть совершаемы въ другихъ церквахъ острова.

III.

Евреямъ, которые пожелали бы основать синагогу на островѣ, должно быть оказываемо покровительство.

IV.

Генералъ-коммендантъ долженъ объявить Грекамъ благодарность за хорошее поведеніе во время осады.

V.

Всѣ Греки, жители островов Мальты, Гоцо, Итаки, Корциры и Эгейскаго моря, сохранившіе какія бы то ни было сношенія съ Россіею, должны быть приговорены къ смерти.

VI.

Всѣ греческія суда подъ русскимъ флагомъ, взятыя французскими кораблями, должно опускать ко дну.

Подписалъ Бонапартъ.

Свѣрялъ копію:

Дивизіонный генералъ, начальникъ главнаго штаба

Подписалъ Александръ Бертье.

Свѣрялъ копію:

Дивизіонный генералъ

Подписалъ Шабо.

Національная типографія въ Корцирѣ.

О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ НОВАГО СЛАВЯНОСЕРБСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Записка митрополита Стратимировича, составленная для поднесенія императору Александру Павловичу. Въ Іюнѣ 1804 года.

Записка эта сохранилась въ бумагахъ знаменитаго протоіерея А. А. Самборскаго и обязательно сообщена въ Русскій Архивъ правнукомъ его А. И. Малиновскимъ. Мы печатаемъ здѣсь собственно не самую записку въ ея сербскомъ подлинникѣ, а современное русское сокращеніе ея, сдѣланное вѣроятно въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, коимъ тогда завѣдывалъ князь Адамъ Чарторижскій. Какъ подлинная записка, такъ и сокращеніе ея вмѣстѣ съ нижеслѣдующими выписками, были возвращены протоіерею Самборскому, такъ что остается неизвѣстнымъ, до-

стигъ ли на этотъ разъ до Русскаго государя этотъ голосъ Сербскаго митрополита. Историческимъ подтвержденіемъ его запискѣ послужило вспыхнувшее черезъ годъ возстаніе Георгія Чернаго, коимъ положено начало нынѣшнему Сербскому княжеству. Извѣстно, что русская дѣятельная помощь и русское заступленіе поддержали Сербовъ въ ихъ героической борьбѣ и даровали имъ въ Бухарештскомъ трактатѣ первыя условія политической самостоятельности. Нѣтъ также сомнѣнія, что, возвратившись въ Россію, протоіерей Самборскій, въ личныхъ бесѣдахъ съ государемъ (бывшимъ ученикомъ своимъ) раскрылъ передъ нимъ положеніе Славянскихъ дѣлъ.

П. Б.

Выписки изъ писемъ протоіерея Самборскаго изъ Вѣны отъ 14 Іюня 1804.

Въ письмѣ къ его сіятельству князю Чарторижскому проситъ о поднесеніи его императорскому величеству письма своего купно съ приложеннымъ начертаніемъ, которое принялъ онъ, г. Самборскій, отъ Славено-Сербскаго митрополита.

Въ письмѣ къ его императорск. величеству. Совершивъ послѣдній долгъ священнослуженія при августѣйшемъ гробѣ безсмертныя Александры, удостоился получить отъ его королевскаго величества палатина Іосифа благосклоннѣйшее писаніе, которое прилагаетъ вмѣстѣ съ національною газетой, свидѣтельствующей удовольствіе и почтеніе всей публики, равно какъ и эрцъ-герцога, о священнослуженіи и образѣ жизни г-на Самборскаго. Препровождаетъ начертаніе митрополита Сербскаго народа, Стефана Стратимировича, который, повергая себя къ стопамъ императорскаго величества, слезно молитъ, да не поставится въ вину, что онъ не подписалъ имени своего, опасаясь лишенія головы. Г-нъ Самбарскій, зная лично сего митрополита, свидѣтельствуетъ, что онъ есть истинный и ревностный пастырь церкви и совершенно преданъ его императоскому величеству.

Сокращеніе начертанія о возстановленіи новаго Славено-Сербскаго государства.

Нѣкоторые недостатки со времени установленія Россійской имперіи исправлены были и исправляются, а именно: 1. Ненадежность въ наслѣдіи престола; 2. Несоразмѣрное населеніе разныхъ частей имперіи и двѣ столицы; 3. Величина и пространство, и разнообразіе языковъ и религій; 4. Неимѣніе вѣрнаго союзника.

Россія—одна во всѣхъ державахъ міра по своему языку и религіи. Лишаются государи ея, въ случаѣ личныхъ несчастій, по примѣру предковъ, надежнаго прибѣжища безопасности и искренняго сопоборствованія въ напастяхъ. Лишаются они радости и утѣшенія—имѣть своего языка, своея религіи, своего образа мыслей и склонностей равныхъ сообщниковъ и взаимныхъ защитителей, съ которыми союзы родства и крови болѣе нежели съ иноязычными творимые превосходствуютъ по неописуемому, но крѣпко ощущаемому утѣшенія увеселенію.

Всякій Европейскій государь имѣетъ себѣ равнаго сообщника въ религіи или единородіи, которые имъ полезны бываютъ въ свое время. Самъ Бонапартъ, сколь ни силенъ, сколь ни великъ, привязанъ по своему рожденію къ Итальянцамъ и Римской религіи. Единъ токмо Россійскій великій и добродѣтельный государь не имѣетъ народомъ и благочестіемъ себѣ равнаго и самымъ подданнымъ его союзнаго, ни друга, ни пріятеля, ни

даже по облагодѣтельствованіи почитателя. Разновѣрные и иноплеменные союзники и други Россіи ненадежны. Поляки единаго съ Россіянами языка, если бы они были единаго исповѣданія, то бы государство ихъ существовало до нынѣ. Греки единой религіи, Россія оказала наклонность къ возобновленію ихъ государства въ Константинополѣ; но сіе не соотвѣтствовало бы намѣреніямъ Россіи— достать себѣ вѣрныхъ и искреннихъ союзниковъ; ибо народъ сей гордъ и подлъ вмѣстѣ, дружба его ненадежна: во всѣхъ войнахъ Россіи съ Оттоманской Портой, Греки не показывались вѣрными. Они за малую временную корысть Туркамъ болѣе нежели Христіанскимъ государямъ благопріятствуютъ.

Нѣтъ народа въ поднебесной, который бы имѣлъ толикую любовь и наклоненіе къ Руссамъ и Россійскимъ государямъ, какъ Сербы. Единые языкомъ, благочестіемъ, равные Слявяне! Простота ихъ простотѣ Русской подобна; повсюду уважаемы, кромѣ Россіи, они, при всемъ отдаленіи, единую надежду на Россію имѣютъ. Нѣтъ ли способа и не стоитъ ли того, чтобы Россійскіе государи отечески попеклися сей добрый Словенскій народъ, всякому своему государю вѣрный, Россію и Россіянъ всегда любящій, въ политическое бытіе привести, а со временемъ въ желаемое политическое содружество?

Сербы обитаютъ въ Венгріи на обоихъ берегахъ Дуная, въ Славоніи, Кроаціи, Далмаціи и Приморіи; такъ же отъ сихъ предѣловъ въ Турецкихъ земляхъ до Адріатическаго моря; весь народъ между рѣкой Салы отъ границъ Валахіи до Скутари въ Албаніи, между рѣкою Савою и Унною, есть Славено-Сербскій съ малѣйшимъ нарѣчія различіемъ, такъ что и всѣ находящіеся тамъ Турки суть рода и языка Славено-Сербскаго.

Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно часть сего народа, подъ игомъ и утѣсненіемъ Турецкимъ стонающаго, въ самобытное политическое состояніе привести.

Еслибъ Всероссійскій великій императоръ изволилъ сдѣлать представленіе султану, чтобъ онъ, удержавъ за собою нѣкую умѣренную дань и свободу религіи для обитающихъ тамъ Турокъ, весь Сербами обитаемый предѣлъ, по примѣру Рагузинскія или новыя Греческія Седми Острововъ республики, въ независимость и подъ защищеніемъ Россіи отпустилъ съ такимъ условіемъ, чтобъ Россійскій государь провинціи Турецкія въ Азіи, отъ султана нынѣ отторгающіяся, ему гарантировалъ да еще и къ пріобрѣтенію новыхъ всяческое вспомоществованіе и содѣйствіе обѣщалъ: то вѣроятно, что султанъ таковому желанію Россіи соотвѣтствовать бы не отрекся, потому что кромѣ вышепомянутой онъ получилъ бы еще и ту знатную пользу, что такимъ образомъ всѣ прочіе свои предѣлы,оному пограничныя провинціи, противъ нападенія прочихъ государей безопасными содѣлалъ. Да и такъ, если бы Сербскія оныя провинціи, сами по себѣ отъ султана противъ воли его отторгнувшись, ближайшему христіанскому государству предались (что и легко и скоро послѣдовать можетъ), то султанъ не токмо провинцій своихъ совсѣмъ бы лишился, но и умножилъ бы силы своего сосѣда, а тѣмъ большую бы содѣлалъ себѣ пагубу.

Что касается до Австріи, она долженствовала бы уступить Боку Катарскую и часть Далмаціи; за то бы

можно ей дать часть нынѣшней Турецкой Кроаціи. А когда бы Австрія и Сирмію уступила Сербской землѣ, то ей въ замѣну предѣлъ Валахійскій до рѣки Олты отдаться бы могъ. Здѣсь представляется Турецкія имперіи паденіе? Но сіе весьма скоро и само по себѣ имѣетъ послѣдовать.

Прочіе Европейскіе государи могутъ успокоены быть тѣмъ: 1-ое, что возстановленіе сея новыя державы Сербскія не было бы совершенное предѣла ея отторженіе отъ Турецкой имперіи, но Сербы платили бы дань и, отъ Турецкой Порты считаясь зависимы, относительно къ прочимъ государямъ, какъ въ одномъ и томъ же прежнемъ состояніи находились бы. 2-е, въ той же прогрессіи, въ которой съ таковымъ заведеніемъ слѣдовало бы Турецкія державы униженіе, возрастала бы новая Сербская держава и награждала безсиліемъ Турецкой имперіи приключенную потерю въ общемъ равновѣсіи Европы.

И такъ, если бы можно было упомянутымъ образомъ предѣлъ оный въ самостоятельную область привести, то для большаго безопасія и вѣчнаго утвержденія таковой державы не недостойно быти видится, дабы Россійскій императорскій домъ отъ своихъ великихъ князей единаго опредѣлилъ государемъ таковыя державы. Простота, глупость или крайнее суровство подъ Турецкою областью онаго живущаго народа не имѣли бы устрашити или осуетити таковое намѣреніе за то, что Далматическіе Сербы добрые и кроткіе суть, тако жъ и Герцеговинскіе отчасти, а въ Бокѣ находящіеся стоятъ уже на нѣкоемъ образованія степени; природою же весьма благоувѣтливъ есть весь народъ сей, какъ и оный въ Сирміи. А кромѣ сего имѣлъ бы таковый новый обладатель привести нѣсколько Россійскаго войска, и если бы не хотѣлъ самъ туда прійти, то посредствомъ намѣстниковъ своихъ съ тремя или четырьмя тысячами войска можно бы было все управлять и въ благоустройство привести. По грубости народа, республиканская конституція въ самомъ началѣ полезна быть не можетъ, но предпочтительно монархическое правленіе.

Но еслибъ Россійскій государь не хотѣлъ ни единаго отъ своего дома князей къ тому намѣренію и произведенію опредѣлить, или еслибъ противъ того отъ прочихъ Европейскихъ государей дѣлаемо было препятствіе, въ таковомъ случаѣ нужно бъ было кого нибудь изъ Нѣмецкихъ зятей или шуриновъ, или иныхъ союзныхъ пріятелей своихъ, но нарочито таковаго протестанта опредѣлить, который бы вѣру и благочестіе восточное православное, хотя въ потомствѣ, воспріялъ. И сіе нужно потому, что римско-католикъ не хотѣлъ бы благочестія восточнаго пріяти, развѣ притворно и съ смѣшеніемъ папства и уніятства, и подъ владѣніемъ римско-католическаго государя христіане восточнаго исповѣданія никогда спокойны и отъ утѣсненія и презрѣнія свободны и въ своемъ исповѣданіи безопасны жити не могутъ. Сіе есть явная по исторіи и въ самомъ существѣ папскія іерархіи основанная истина.

Таковое о воздвиженіи новаго Словено-Сербскаго государства понятіе толь живо представляется моему уму и сердцу, такъ полезно Россійскому императорскому дому, толь славно всему Словенскому роду, что никакой величайшій трудъ и никакое величайшее иждивеніе не можетъ быть для пріобрѣтенія того слишкомъ велико; но всякъ истинный, истиннаго

Словенскаго рода и ревности Россіянинъ и своего государя искренній любитель о осуществованіи того всѣми силами подвизатися бы долженствовалъ, которое осуществованіе въ нынѣшнія времена возможнѣе быть кажется. Ибо если Бонапартъ самъ противъ толикихъ политическихъ чиноначалій, противъ интереса Европы, иногда и самой Франціи—одного короля уничтожить, другаго тамъ же почти воздвигнуть, одну республику потеряти, а другую установити, одинъ предѣлъ сему, другой иному отняти, прибавить, промѣнять, все сіе безъ повода, безъ причины, безъ правды содѣлати могъ, если, говорю, одинъ, такъ сказать, вчерашній Итальянецъ Бонапартъ, безъ союзниковъ и противу всѣхъ почти государей, сіе содѣлать могъ, могъ изнуряти силы и своея и прочихъ державъ за таковыя своелюбныя токмо намѣренія: то развѣ не можетъ добродѣтельный, мудрый и у цѣлыя Европы, по великому сердца и духа своего характеру, возлюбленный императоръ Всероссійскій за народъ своего исповѣданія, подъ игомъ тиранскимъ толико сотъ лѣтъ стенящій, за народъ своего языка, своего Славянскаго рода и крови или невинно угнетенный, или забвенный, а непрестанно съ внутреннимъ воздыханіемъ и горящимъ усердіемъ Ему Единому возвышающій руки и плачущій о осуществованіи своемъ и освобожденіи — при всей Европѣ, съ откровеннымъ лицемъ и намѣреніемъ, дѣлати? Развѣ не можетъ и не хощетъ онъ дѣло явныя правды, дѣло человѣчества многочисленнаго и толиками отношеніями къ себѣ сопрягнутаго, мужественно предъ лицемъ неба и земли защищати? Еда ли ужь забвенна есть любовь Славенскаго рода и языка въ Россіи, и бѣдные Сербы даже отчаяти и подъ Турецкимъ тиранствомъ вѣчно потерятися имутъ?

И Волохи уже, и Молдавцы, и отдаленная Семи Острововъ Греческая область, по единому токмо благочестію и политическому притворному, можетъ, призрѣнію, ощутили уже, ощутили предъ лицемъ цѣлаго свѣта мужества и мудрости Россійскихъ государей оживотворяющую ихъ мышцу; а бѣдные Сербы, и благочестіемъ и языкомъ, и кровію, и усердіемъ, и всемъ, что̀ златой любви составляетъ союзъ, ближае всѣхъ прочихъ, и—забвены совсѣмъ!!! Ты, Который сіи союзы и силы имъ внушилъ еси, Ты ли попустиши и забвеннымъ имъ, быти у Александра Великаго и потеряннымъ до конца? Или внуши въ сердце Его тоску плача ихъ, и они уже счастливы. Буди воля Твоя!

ПИСЬМО СЕРБСКО-АВСТРІЙСКАГО ПАТРІАРХА ІОСИФА РАЯЧИЧА КЪ РУССКОМУ КОНСУЛУ ВЪ БѢЛГРАДѢ.

Извѣстно, что въ 1848 году, когда Мадьяры стали искать полной независимости для Венгріи, венгерскіе Славяне выставили также свои требованія. Сербы собрались 1-го мая въ Карловцѣ и, образовавъ изъ себя народную скупщину, составили списокъ своихъ желаній и требованій, который они хотѣли подать императору Фердинанду. Вмѣстѣ съ тѣмъ они провозгласили своего митрополита Іосифа Раячича патріархомъ, а полковника Стефана Шупликца Витежскаго своимъ воеводою. Патріархъ Раячичъ ѣздилъ въ Инспрукъ, вмѣстѣ съ сербскою депутаціей, гдѣ и представилъ императору подписанный на майской скупчинѣ адресъ. Но императоръ ограничился однѣми обѣщаніями. Тогда Сербы образовали въ Карловцѣ „главный отборъ“ (комитетъ), для вершенія народныхъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ

Раячича, въ большихъ городахъ окружные отборы, а по селамъ под-отборы. Вновь избраннаго воеводы тогда еще не было между Сербами: онъ находился въ Италіи вмѣстѣ съ другими граничарами; а потому вся власть перешла въ руки престарѣлаго патріарха. Раячичъ былъ человѣкъ суроваго и рѣшительнаго характера: онъ держалъ австрійскихъ Сербовъ въ повиновеніи у церковной власти и неохотно допускалъ вмѣшательство свѣтскихъ правителей въ народныя дѣла. Вскорѣ къ нему примкнули всѣ отдѣльные предводители сербскаго возстанія противъ Мадьяръ, которые засѣли въ крѣпостяхъ. Уже въ іюнѣ начались стычки. Только 16-го сентября Шупликацъ, произведенный уже въ генералы, явился среди Сербовъ и образовалъ изъ нихъ особый корпусъ подъ названіемъ „австрійско-сербской армады“. Въ этомъ корпусѣ находились и Сербы, пришедшіе изъ Сербскаго княжества на помощь своимъ братьямъ, подъ начальствомъ полковника Кничанина. 2-го октября произошла битва между Сербами и Мадьярами подъ Кикиндой, окончившаяся счастливо для Сербовъ, вслѣдствіе чего Мадьяры заключили съ ними временное перемиріе. Въ то время, когда Шупликацъ управлялъ военными дѣлами венгерскихъ Сербовъ, патріархъ Раячичъ завѣдывалъ дѣлами политическими, а „главный отборъ“ экономическими.

Между тѣмъ мадьярскія войска одерживали верхъ надъ австрійскими на Сѣверѣ Венгріи и, ободренный тѣмъ южный корпусъ Мадьярской арміи рѣшился ударить на Сербовъ, не дожидаясь конца перемирія. Къ этому-то времени и относится нижеприводимое письмо патріарха Раячича къ русскому генеральному консулу въ Бѣлградѣ.

Нилъ Поповъ.

Ваше высокородіе, милостивый государь!

От дне на день громятся непріятныя вѣсти, яже духъ мой въ крайнее погружають отчаяніе. Градъ Осѣкъ, въ которомъ повелѣваетъ Г. М. баронъ Іовичь, по нещастію Сербинъ, воздвиглъ 5 сего мѣсяца Мадьярскую хоругвь и тѣмъ отверзъ путь Мадьяромъ за наше ледія. Петроварадинскій командиръ баронъ Благоевичь отказалъ дальнее примиреніе, которое ради собранія віноградскихъ плодовъ съ нимъ уречено было; генералъ Ротъ капитулировалъ съ 10000 воевъ и 10 комадовъ артилеріи. Банъ Іелачичь еле спасти можетъ что отъ своея при Віеннѣ сущія арміи. Вся убо тяжесть рати пала на бѣдныя Серби австрійскія. Въ семъ положеніи я не вижу спасенія за народъ Сербскій, за наше благочестіе.

Что мыслитъ о насъ великая Россія? Будетъ ли попуститъ истребленіе наше отъ лица земли? Отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы ея, мы насытилися бы. Довлѣетъ ей рещи единое слово, и мы спасени есми. Почто не взяла бы насъ она во свое покровительство, егда Австрійскій императоръ тое намъ подати не можетъ, самъ помощи требуя? Лучше намъ есть, на подобіе княжества Сербіи, подъ именнымъ покровительствомъ ея, и турецкое нежели мадьярское иго носити.

Сотворите благо, милостивый государь, и предложите его императорскому величеству страданія наша, бездну опасности, въ краи коея стоимъ и вопли наша. Скажите ему, что мы въ крайнемъ отчаяніи обрѣтаемся, что чаемъ Бога спасающаго ны, и помощи точію отъ него и отъ Россіи надѣятися можемъ. Да повелитъ княжеству Сербскому, чтобы намъ не яко же до нынѣ, но со всею силою своею въ помощь притекло; да послетъ изъ Валахіи и изъ Бессарабіи ружіи, пушокъ, аммуниціи и денговъ; или по-

не да посредствуетъ, чтобы на основаніи нашихъ древнихъ правъ и прівилегій по изреченному и всѣмъ народамъ отъ государя-императора подаренному равенству и свободамъ со Мадьярами примиріе содѣлати могли.

Сіе со слезами пишу и вопію къ благородному сердцу вашему, да не презрите моленія и вопля моего; но да будете скорый помощникъ и заступникъ нашъ въ сихъ безчисленныхъ и несчастныхъ бѣдахъ нашихъ.

Примите въ прочемъ истинное мое высокопочитаніе, имъ же навсегда есмь

Вашего высокородія нижайшій рабъ *Іосифъ.*

Въ Земунѣ 8 октября 1848.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ЗАПИСКАМЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

Читатели, познакомившиеся въ Русскомъ Архивѣ 1867 года съ Записками Дмитрія Борисовича Мертваго, со вниманіемъ и удовольствіемъ прочтутъ нижеслѣдующія дополненія къ нимъ. Дополненія эти, равно какъ и завѣщаніе, сохранились въ подлинныхъ рукописяхъ, на отдѣльныхъ листкахъ, между бумагами Д. Б. Мертваго, обязательно доставленными въ Чертковскую библіотеку академикомъ В. П. Безобразовымъ. Въ этихъ же бумагахъ находится и большое собраніе писемъ отъ разныхъ лицъ къ Д. Б. Мертваго и къ его семейству. Извлекаемъ оттуда на первый разъ четыре письма покойнаго митрополита Московскаго Филарета, изъ коихъ послѣднее письмо писано въ самый день кончины Дмитрія Борисовича къ его супругѣ.

I.

Доселѣ имѣлъ я одолженія, кои чувствуя признаю истинными, единственно отъ чувствъ происходящими:

Отъ *Дмитрія Ивановича Фирсова*, который, будучи подьячимъ въ Алатырѣ, принялъ матушку мою со всею семьею въ свой домъ и, претерпѣвая многія гоненія и побои отъ воеводы Б... (1), не только что не выгналъ изъ дома, но раздѣлялъ съ нами бѣдный свой кусокъ хлѣба.

Отъ *Ивана Алферьевича Пиля*(2), который, будучи бригадиромъ, пришедъ для укрощенія Пугачевскаго бунта въ Алатырь, не только что покровительствовалъ насъ, въ совершенномъ несчастіи бывшихъ, но онъ и жена его Елизавета Ивановна столь были великодушны, что какъ бы ближніе родственники старались умѣрить чрезмѣрное огорченіе матушки моей, до изступленія доходившей.

Отъ *Николая Александровича Чиркова*, который, по родству и дружбѣ матери его съ моею, взявъ меня на свое попеченіе, искуснѣйшимъ образомъ путеводительствовалъ въ молодости моей, воздержалъ отъ подлыхъ пороковъ, къ коимъ живость чувствъ дѣлала меня всегда готовымъ. Наконецъ, движимый великодушіемъ, предлагалъ мнѣ (чтобъ ѣхать лѣчиться къ водамъ) свои всѣ деньги въ такое время, когда отдачею оныхъ могъ лишиться не только всего своего имѣнія, но, можетъ быть, потерять и доброе имя: ибо въ молодости, бывъ вѣтренъ, при займѣ денегъ, закладывая имѣніе, поступалъ неосмотрительно, число его умножая. Когда я отказался отъ таковаго благодѣянія, сказавъ, что лучше умереть хочу, нежели сдѣлаюсь причиною его несчастія, то онъ съ наполненными слезъ глазами мнѣ пенялъ, для чего я думаю, будто имѣніе его дороже моей дружбы. Дружба сего человѣка и совѣсть его, на истинной честности ос-

---

(1) Бѣлокопытова, см. Записки, стр. 20.

(2) См. Записки, стр. 31. Этотъ Пиль, внучатный дядя М. А. Дмитріева, былъ впослѣдствіи Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ, см. Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, I, 801.

нованныя, возжгли въ сердцѣ моемъ желаніе быть добрымъ судьею и безкорыстнымъ человѣкомъ.

Отъ *Сергѣя Васильевича Беклемишева*, который, по пріязни съ батюшкой моимъ и родству жены его, дозволивъ мнѣ входъ въ домъ его, сдѣлался милостивъ ко мнѣ и наконецъ, отзываясь будто гожусь я восходить на степени бóльшіе, взялъ большое о мнѣ участіе; не имѣя успѣха въ скорѣйшемъ доставленіи мнѣ офицерскаго чина въ гвардіи, приказалъ пойти въ отставку и опредѣлилъ прокуроромъ въ самыхъ молодыхъ моихъ лѣтахъ. Слѣдовательно, онъ поставилъ меня на добрый путь по службѣ, а что главное; — первоначальное положилъ основаніе къ полезной амбиціи, говоря: даромъ, что я, будучи прокуроръ, ничего о должности своей не знаю и такъ молодъ, что и уса не брѣю, но увѣренъ, что оправдаю его о мнѣ мнѣніе; чѣмъ вознося душу мою, сильно поощрялъ быть не пресмыкающимся въ свѣтѣ.

Отъ *Гаврилы Романовича Державина*, который, будучи въ знатности и силѣ, принялъ меня малочиновнаго, ничего не значащаго и отъ начальниковъ своихъ гонимаго въ содружество себѣ; удостоивалъ довѣренности безъ всякаго испытанія, положась на единую лишь склонность души его, вступался за меня всею силою, снисходилъ для меня до униженія, искавъ угодить людямъ ему противнымъ и большой вредъ ему дѣлавшимъ для того только, чтобы, умягча ихъ покорностію своею, расположить въ мою пользу. И все что ни дѣлалъ, дѣлалъ какъ будто другъ, обязанный брать участіе въ обстоятельствахъ ему равнаго; кажется, даже и по нынѣ не знаетъ онъ цѣны благотворенія мнѣ оказаннаго (³). Благородная душа его умѣетъ сочувствовать всему и дѣлаться равною всему. Примѣчая въ разныхъ обстоятельствахъ въ продолженіи многаго времени, видѣлъ я и знаю дѣйствительно, что трудно и даже невозможно унизить его и возгордить. Покойная жена его, Екатерина Яковлевна, во всемъ ему подобная, показала мнѣ удивительный примѣръ великодушія: будучи больна при смерти, безъ малодушія зная приближеніе своей кончины, начиная уже слѣпнуть, не только что не удержала своего супруга, коего любила страстно, но присовѣтовала ему поѣхать въ Сарское Село, чтобы провѣдать, какое генералъ-прокуроръ получилъ донесеніе о мнѣ, по случаю замужества сестры моей съ человѣкомъ въ большомъ несчастіи бывшимъ и предупредить важныя послѣдствія, могущія къ несчастію моему случиться. Она такъ ему сказала: — „Ты хотя не случаенъ, но къ тебѣ имѣютъ уваженіе, ты можешь свѣдать и вступиться за него, — поѣзжай, мой другъ! Богъ милостивъ! можетъ, проживу я столько, чтобы еще тебя увидѣть.“ Великодушіе по истинѣ, какому примѣра я не знаю!

Отъ *Василія Алексѣевича Злобина*, который, будучи откупщикомъ въ Уфѣ, узнавъ, что уступая притѣсненіямъ начальника и злости чиновниковъ, великія мнѣ оскорбленія дѣлавшихъ, испрося отпускъ, отправляюсь я изъ Уфы съ тѣмъ, чтобъ не возвращаться къ прежней моей должности, по которой я былъ ему нуженъ, свѣдая, что начальники мои, желая преградить мнѣ всѣ пути въ Петербургъ, согласили подлыхъ людей, ко-

(³) Державинъ скончался въ іюлѣ 1816 года.

торымъ я былъ долженъ, подать векселя мои ко взысканію, дабы за оные посадить меня въ Петербургскую тюрьму, — великодушнѣйшимъ образомъ предложилъ мнѣ свои услуги, не смотря на то, что симъ вооружаетъ противу себя людей, на меня злобствующихъ и въ которыхъ ему есть нужда. Къ довершенію благодѣянія, чтобы не унизить меня отдачею денегъ въ руки, отъѣзжая изъ города, ничего мнѣ при прощаніи не сказавъ, прислалъ съ почтою десять тысячь рублей, бывъ извѣстенъ, что все имѣніе мое состоитъ подъ запрещеніемъ по дѣлу меня притѣснявшему, да хотя бы и свободно было, не стоило той суммы. Наконецъ, когда по первому векселю въ срокъ деньги ему заплачены не были, а я, будучи уже въ отставкѣ, отправляяся изъ Петербурга въ деревню, имѣлъ нужду въ деньгахъ, то, свѣдавъ о томъ, прислалъ мнѣ надобные 500 рублей, приказывая, что послѣдніе посылаетъ, желая, чтобъ не нуждался я и не имѣлъ крайности занимать у другихъ. Когда же пріѣхалъ я его благодарить за сіе одолженіе, то при многихъ тутъ случившихся отвѣтствовалъ, что радъ всегда все со мною раздѣлять, поставляя причиною, что не бралъ я съ него взятокъ. Но я отъ роду и ни съ кого не бралъ и, имѣя случай, дѣйствительно многимъ дѣлалъ угодное и полезное гораздо больше нежели ему, поставляя къ тому себя обязаннымъ по должности; но однакожъ никто никогда не поступалъ со мной ему подобно.

II.

1802 года 29 августа былъ я въ Калмыцкой Ордѣ([1]). Главный приставъ, коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Страховъ показался мнѣ человѣкъ умный, съ просвѣщеніемъ; часа въ четыре хлопотливаго времени много насказалъ, какія полезныя намѣренія имѣетъ, что учится по калмыцки, желая сочинить исторію о Калмыкахъ, что нашелъ уже онъ достовѣрные слѣды къ показанію происхожденія ихъ отъ Индійцевъ, причины, для коихъ и когда пришли они въ сіи степи, между Каспійскаго и Чернаго морей простирающіяся, вверхъ по рѣкамъ Волгѣ и Дону; о законѣ ихъ, о суевѣріяхъ, о наукахъ, художествахъ, о обычаяхъ и прочемъ; что намѣренъ, войдя болѣе въ довѣренность сего простодушнаго и по натуральной склонности добраго народа, вводить къ нимъ истинную науку медицины и тѣмъ, сберегая многихъ отъ преждевременной смерти, искоренять суевѣріе, духовными ихъ (кои суть и лекари) распространяемое; хочетъ начать прививаніе коровьей оспы, назвавъ ее предохранительнымъ лекарствомъ, для чего и пріучилъ уже къ себѣ одну сироту, малолѣтную Калмычку, которая находится безотлучно при женѣ его. (Ее зовутъ Варвара Даниловна; кажется, не была ли она актрисою Столыпина). Надъ нею вскорѣ сдѣланъ будетъ опытъ чрезъ Сарептскаго доктора. Объявя желаніе видѣть все, что есть любопытнаго въ Ордѣ, по предварительномъ сношеніи, былъ я приглашенъ къ владѣльцу Калмыцкому, именуемому намѣстникомъ. Сей, по имени Чучей, въ народномъ платьѣ, украся шею пожалованною ему отъ государя Александра Павловича медалью, бриліантами осыпанною, на голубой лентѣ, принялъ меня, вставъ съ своего дивана. Видъ его показываетъ человѣка добродушнаго и не

([1]) См. Записки, стр. 157

глупаго; разговоръ такъ же. Убранство въ кабинетѣ порядочное. Жена его сидѣла возлѣ него на постелѣ, которую и за диванъ почесть можно. Насъ, гостей, посадилъ на мягкую лавку. На коврахъ, землю покрывающихъ, сидѣло нѣсколько Калмыкъ почетныхъ; столикъ, шелковою матеріею покрытый, уставленъ божками; множество чашечекъ серебряныхъ съ разными ѣствами изъ зеренъ предъ нихъ поставлены; шитый образъ, какъ знамя, стоитъ на древкѣ, изображаетъ владѣющее міромъ божество. Подчивалъ меня чаемъ. Ему и женѣ его подали по трубкѣ табаку; онъ, раза два курнувъ, поподчивалъ меня и какъ я, слѣдуя ихъ обыкновенію, возвратилъ ему трубку, то, такъ же курнувъ нѣсколько разъ, поподчивалъ онъ г-на Страхова. Лишь всталъ я отъ него идти, то объявилъ онъ, что, узнавъ о намѣреніи моемъ видѣть ихъ богослуженіе, приказалъ собраться духовнымъ монастыря, при немъ находящагося, въ главную церковь. Въ одной изъ кибитокъ, которая нѣсколько другихъ побольше, поставлены литые изъ серебра и позолоченые божки. Одинъ изъ нихъ, кажется, золотой, имѣетъ перевязь чрезъ плечо, осыпанную алмазами мелкими; передъ ними много серебряныхъ чашечекъ съ зернами, для кушанья имъ поставлены. Нѣсколько образовъ шитыхъ и тканыхъ. Моленіе ихъ состоитъ въ томъ, что загремитъ безпутная музыка—двѣ длинныя трубы изъ дерева составленныя, поддерживаемыя на снуркахъ особыми для того стоящими людьми; двѣ серебряныя трубы похожія на кавалерійскія; одинъ бубенъ похожій на барабанъ: въ него бьютъ кривою палочкою съ шишкою на концѣ, и тарелки мѣдныя. Дурацкія лица, благоговѣніе изъявляющія, такой подняли громъ, что насилу ихъ уняли. Послѣ того бываетъ чтеніе изъ духовныхъ книгъ. Возлѣ сей главной церкви есть маленькая, гдѣ образа и утварь помельче и похуже. Изъ церкви повели меня къ Ламѣ, то есть первосвященнику. Онъ сидитъ на подушкахъ подъ наметомъ съ офицерской палатки, гдѣ длинная сторона открыта. Къ нему подходятъ Калмыки съ великимъ почтеніемъ; издали начинаютъ поклоненіе; онъ почитается ученѣйшимъ и святымъ; человѣкъ толстый, хочетъ казаться Европейцемъ, безпрестанно поплевываетъ; что́ ни говоритъ—все вздоръ; посадилъ насъ на подушки, подлѣ него на землѣ положенныя. Монастырь состоитъ числомъ около 400 человѣкъ; они имѣютъ во владѣніи своемъ нѣсколько кибитокъ Калмыкъ, дань имъ платящихъ, а сверхъ того за леченіе, ворожбу, жертвоприношенія и прочія нелѣпости собираютъ много съ суевѣрныхъ Калмыковъ. Духовные живутъ изобильно, всѣ нарядны и, сказываютъ, часто напиваются до пьяна; женъ не имѣютъ, но, пользуясь довѣренностію Калмыковъ, не довѣряющихъ женъ своихъ никому кромѣ духовныхъ, кое-какъ довольствуются. Чучей имѣетъ дохода деньгами болѣе 200,000 руб.; не только чтобы деньги у него оставались, не можетъ онъ выбиться изъ долговъ. Саркинцы и придворные его Калмыки умѣютъ содержать экономію его въ порядкѣ, чему также вспомоществуютъ и приставы, при немъ находящіеся.

Удивительное дѣло, — и въ степи у Калмыковъ, гдѣ бѣдность во всей суровости представляется, гдѣ люди питаются падалью, малолѣтныя дѣти ходятъ совсѣмъ нагія, жилища ихъ— войлочныя кибитки по большей ча-

сти худыя, все что сдѣлается хорошаго продается и все идетъ на подати владѣльцу и на дары божествамъ съ причетниками. Гдѣ по знойнымъ степямъ нѣтъ убѣжища, гдѣ нѣтъ почти воды, чтобъ утолить жажду — солончаки и соленоватыя мочажины суть источники Калмыкъ прохлаждающіе, но и тутъ есть дворъ. Владѣлецъ на кого прогнѣвается, на кого посмотритъ или побранитъ, то всѣ отворачиваются отъ него: никто съ нимъ ни въ какое обязательство не входитъ, и онъ, доколѣ возвратитъ къ себѣ милость его, остается изгнанникомъ среди людей ([5]).

Калмыковъ, дѣйствительно, почитать можно пастухами, Россійскія стада стерегущими. Всѣ избытки урождающагося у нихъ скота они продаютъ. Куря много табаку, нѣсколько попивая вина, не имѣютъ нисколько денегъ: все идетъ на подати владѣльцу, на дары причетникамъ божества, отъ коихъ также всѣ деньги выманиваются. Умные Гернгутеры за тѣмъ-то видно и избрали себѣ для колоній мѣсто къ нимъ поближе, чтобы воображать и не по напрасну, что переселились они въ Индію; все богатство ихъ имѣетъ корень въ торговлѣ съ Калмыками. Калмыки, слѣпо порабощенные суевѣрію, полагая въ каждой скотинѣ быть душѣ какого ни есть изъ родственниковъ ихъ, боятся рѣзать для своего прокормленія, развѣ для принесенія на жертву, но и то бываетъ не часто, слѣдовательно весь скотъ ихъ имъ не принадлежитъ. Занимаемая ими земля ни на что кромѣ скотоводства не годится. Удивительное дѣло, что стѣснили ихъ поселеніями Русскихъ и Татаръ, кои нищенствуютъ на безводныхъ здѣшнихъ солончакахъ.

Сколько примѣтить и слышать могъ,—Калмыки дерзки своровать то, что могутъ съѣсть, трусливы, гдѣ хоть малое сопротивленіе встрѣтить даютъ, раболѣпны и потому вѣрны; легко перенимаютъ, но ничего выдумать не умѣютъ; слѣпо вѣрятъ всѣмъ нелѣпостямъ ихъ духовныхъ, кои такъ же глупы, какъ и они, но думаютъ о себѣ, будто много знаютъ и сдѣлать могутъ; словомъ, если качество Калмыка счислять вѣсомъ, то три пуда скотства, тридцать фунтовъ звѣрства и десять человѣчества найдется. Г-нъ Страховъ, надуваяся деньгами, отъ глупости ихъ получаемыми, хочетъ распыжить достоинства ихъ, но, кажется, лишь вздуется карманъ его, а они всегда останутся такъ какъ есть до нынѣ и какъ полезны они въ общемъ составѣ общества.

III.

На случай нечаянной смерти завѣщаніе мое.

Божуся предъ всѣми Богомъ, Коего чаю увидѣть, что во всю мою жизнь не присвоивалъ я себѣ никогда ничего, ни казеннаго, ни пратикулярныхъ людей не только дѣломъ, ниже помышленіемъ.

Желаніе, возвышаяся по службѣ, искать доброй славы и любострастіе совращали часто добрую мою волю съ пути, совѣстію указуемаго. Винюсь въ томъ и страшусь за сіе гнѣва Божія.

Жену мою Варвару Марковну благодарю за любовь ея ко мнѣ и уваженіе. Прошу ее и заклинаю именемъ любви, чтобы умѣряла чувства

([5]) Какъ отзывается въ этихъ словахъ тогдашнее личное положеніе автора!

огорченія. Я надѣюсь, что поведеніе ея удобритъ корень моей славы, а попеченіе о добромъ воспитаніи дѣтей оставитъ имя мое на долго въ памяти у людей. Чтобы хорошо воспитывать дочерей, надлежитъ матери такъ учреждать свой поступокъ, чтобы всякое ея дѣйствіе служило имъ урокомъ.

Не ученія наукъ, коими украшаются, или, лучше назвать, блестятъ люди, желаю я дѣтямъ моимъ, но чтобы воспитывались они въ страхѣ Божіи, любви отечества и усердной привязанности къ ближнимъ. Сіе сдѣлаетъ ихъ честными и, слѣдовательно, полезными людьми. Нужно научаться тому, что̀ способствуетъ быть годнымъ къ дѣлу каждому по состоянію своему.

Дѣтей моихъ благословляю и умоляю не потемнить доброй славы имени моего, для коей во всю мою жизнь переносилъ я все, что̀ человѣчество сносить можетъ.

Сыновей прошу быть прилежными, учиться полезнымъ наукамъ и отнюдь не прилежать къ тѣмъ, которыя служатъ въ забавѣ только и праздности, ибо онѣ ранновременно человѣка дѣлаютъ надобнымъ въ обществѣ безполезныхъ людей и отвратятъ отъ добраго пути, который при началѣ всегда жестокъ и непріятенъ тѣлеснымъ чувствамъ кажется, но впослѣдствіи, услаждая душу, возвышаетъ ее и даетъ великія преимущества человѣку, почувствующему истинное свое достоинство, никакою силою униженнымъ быть не могущее.

Возмужая, когда вступите въ службу отечеству, совѣтую быть прилежными и въ точности исполнять начальническія приказанія, разумѣется тѣ, кои относятся къ должности.

Нужно непремѣнно стараться удаляться отъ персональнаго знакомства съ начальниками, а наипаче фамиліарства, потому что сіе наконецъ всегда бываетъ для доброй славы подчиненнаго вредно. Хорошо достигать до того, чтобы начальники считали нужными ихъ дѣлами по службѣ. Если случится быть въ командѣ начальника умнаго и честнаго, то надлежитъ беречь его какъ лучъ, посланный отъ Бога. Когда же обстоятельства приведутъ быть въ командѣ начальника злаго, вѣроломнаго, а паче всего корыстолюбиваго, то старайтесь, хотя бы съ потерею выгодъ, удалиться: ибо злу содѣйствовать грѣшно и опасно. противустоять подчиненный не можетъ имѣть силы, а доносить на кого бы то ни было—посрамительно для честнаго человѣка.

Когда угодно будетъ Богу и властямъ, отъ Него установленнымъ, возвести на степень вышнюю, старайся быть хорошимъ столько, сколько придумать можешь и дѣлай точно такъ, какъ думаешь и говоришь. Знай навѣрно, что всякое притворство рано или поздно откроется и посрамитъ лжеца болѣе, нежели бы посрамленъ онъ быть могъ, являясь въ порокахъ имъ владѣющихъ. Людская зависть и любопытство откроетъ непремѣнно истину и покажетъ прикрываемые пороки въ увеличенномъ видѣ. Когда хочеш наслаждаться довѣренностію и добрымъ мнѣніемъ людей, будь таковъ, какимъ казаться хочешь.

Отличіе женщинъ состоитъ въ Евангельскихъ добродѣтеляхъ. Кротость, снисхожденіе не только къ слабостямъ, но даже и къ порокамъ людей, скромность и строгое поведеніе сначала скучны и горьковаты, но послѣ совершенія полезны и сладостны для самихъ тѣхъ, кои практи-

куютъ сіи добродѣтели. Искренно совѣтую дочерямъ моимъ быть таковыми.

Когда выйдете за мужъ, то должны будете войдти во всѣ обстоятельства и состояніе вашего мужа, и такъ учредить чувства свои и поступки, чтобы быть его помощницею въ трудахъ и утѣшительницею во время скорби. Почитайте мужей вашихъ, ибо почтеніе ваше и прославленіе его служатъ великими способами къ его чести и доброй славѣ. Внушайте мужу любовь къ добродѣтели и для того ищите, а найдя берегите ему друзей, избирая, сколь возможно, изъ людей честнѣйшихъ и пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Однимъ словомъ, доставляйте мужу покой и счастіе, имѣя въ предметѣ сію истину: мужъ всегда украшается и славится доброю женою; и жена, почитающая мужа, непремѣнно въ почтеніи у всѣхъ будетъ.

Сыновей и дочерей моихъ прошу стараться всевозможно быть въ дружествѣ съ дѣтьми брата моего, отнюдь не полагать въ цѣну имѣніе, коего у меня мало, но хотя бы и велико было, не стоило бы дружества.

Оставляю я много написаннаго о происшествіяхъ со мною и разсужденій, какія въ праздныя времена мнѣ въ мысль приходили. Лесть и самохвальство не могли тутъ имѣть мѣста, ибо оное никому не показываю. Сіи бумаги познакомятъ меня съ милыми мнѣ дѣтьми моими, если случится мнѣ оставить ихъ въ младенчествѣ.

Молю Всевышняго Бога, да благословитъ дѣтей моихъ быть добрыми людьми, и честь да одушевляетъ мое семейство.

Въ заключеніе совѣтую сохранять спокойствіе совѣсти. Увѣряю, что сіе единое есть средство быть счастливымъ въ семъ мірѣ. Никогда не радѣть о пріумноженіи богатства: оно скоро пріучаетъ человѣческія чувства къ признанію его ничтожества, ведетъ къ развращенію, притупляетъ стремленіе къ доброй славѣ и человѣколюбію и потому распространяетъ мѣсто раскаянію, досадѣ на людей завидующихъ и боязни потерять. Я всегда былъ бѣденъ, много нуждался, но всегда строго наблюдалъ за чистотою моего поведенія. Много насмотрѣлся на несчастія разбогатѣвшихъ безчестными прибытками людей, видѣлъ ихъ страданія, видѣлъ многихъ кланяющихся мнѣ, бѣдному. Что въ томъ, что претерпѣвалъ много недостатковъ! Но за то спалъ спокойно, и въ самыя дурныя времена не страшился злобы сильныхъ людей, порочныхъ, вредить мнѣ старавшихся.

Прощайте, милые друзья мои—остатокъ тѣла моего и души въ семъ мірѣ! Да благословитъ Богъ и соизволитъ, чтобъ съ радостію встрѣтились мы въ будущей жизни и чтобы не могъ я попенять вамъ за неисполненіе моего завѣщанія.

Дмитрій Мертваго.

12 Апрѣля, 1813 года.
Писано въ селѣ Демьяновѣ, въ день страстныя субботы.

Тоже подтверждаю 25 марта 1820, пріобщась св. Тайнъ въ четвергъ страстной недѣли.

ПИСЬМА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

I. Къ А. А. Полторацкой, тещѣ Д. Б. Мертваго (*).

Ваше превосходительство!
Милостивая государыня!

Для меня не трудное было дѣло освященіе Старицкаго собора: трудное было дѣло для вашего превосходительства созиданіе сего храма и многія долговременныя заботы, случайно съ симъ дѣломъ соединившіяся. И потому вамъ принадлежитъ благодарность за сіе дѣло; о васъ будутъ молитвы Церкви въ семъ храмѣ. Вы радуетесь совершенію сего дѣла, и имѣете право радоваться: я, по служенію моему, имѣю долгъ благодарить за сіе; и то, что̀ вы называете посѣщеніемъ болящей, было одно изъ выраженій сей благодарности; почему и въ семъ случаѣ я исполнилъ долгъ, а ни мало не одолжилъ, и еще обязанъ благодарностію за добрый пріемъ.

Что сказать о пріятныхъ надеждахъ, которыя ваше превосходительство подаете благодѣтельными расположеніями вашими къ церкви села Коледина и къ Новоторжскому духовному училищу? Я сказалъ уже вашему превосходительству, что, послѣ того, какъ Господь благословилъ васъ совершеніемъ многихъ богоугодныхъ и благодѣтельныхъ дѣлъ, не нужно связывать себя строгостію обѣта, но лучше просто помышлять о исполненіи добраго желанія въ упованіи на помощь и въ преданности волѣ Вышняго. Съ моей стороны, елико могу, молю Его благодать, чтобы Онъ благодѣтельныя расположенія ваши велъ въ пути святаго Своего Промысла. О священникѣ вашемъ раннею благодарностію не извольте приводить меня въ замѣшательство: я обѣщалъ изъявить ему вниманіе начальства, но въ порядкѣ, и такъ, чтобы то было справедливое отличіе, а не случайное или пристрастное дѣйствіе. До сего времени обстоятельства не позволили мнѣ сего такимъ образомъ сдѣлать; на вѣсахъ у меня лежитъ много, многое складывается и накладывается вновь, не всегда скоро открывается, что̀ болѣе тянетъ.

Записка, приложенная при почтеннѣйшемъ письмѣ вашего превосходительства, будетъ меня руководствовать, когда я буду въ монастырѣ; не знаю, скоро ли быть успѣю. Изъ Торжка опоздалъ, спѣшу въ Лавру; здѣсь задавленъ дѣлами; время, которое употребляю для сего письма, есть родъ кражи, которую стараюсь оправдывать только справедливостію побужденія.

Отъ всея крѣпости желанія желаю вашему превосходительству мирныхъ дней и преспѣянія во всемъ богоугодномъ; не столько славы человѣческой, которая, естьли обманываетъ надежду, огорчаетъ, а если и исполняетъ надежду, только обольщаетъ, а не насыщаетъ: но болѣе, болѣе, болѣе чаянія славы Божіей, которая одна достойна чистаго стремленія высокаго духа человѣческаго; менѣе изысканныхъ предпріятій, болѣе благословенія въ ихъ исполненіи.

Благословеніе Божіе да будетъ на васъ, да исходитъ изъ сердца вашего, да дѣйствуетъ чрезъ васъ, да распространяется окрестъ васъ, да будетъ твердо въ крѣпкихъ, да про-

---

(*) Объ Агаѳоклеѣ Александровнѣ Полторацкой см. IV-ю главу Записокъ Мертваго, стр. 164—189, 297 и въ особенности 312. Она между прочимъ построила церковь въ одномъ изъ Тверскихъ монастырей, стр. 299.

цвѣтаетъ въ юнѣйшихъ потомства вашего. Слава Божія въ храмахъ, вами воздвигнутыхъ; миръ въ хижинахъ, вами покрываемыхъ(7)! Съ сими искренними чувствованіями есмь и долгомъ поставляю пребыть съ глубокимъ почтеніемъ, милостивая государыня! Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга и богомолецъ

Филаретъ А. Тверскій.

Тверь.
Іюля 15. 1820.

2. Къ ней же(8).

Ваше превосходительство,
Милостивая государыня!

Начатое въ домѣ вашемъ, а по случаю пребыванія моего въ Москвѣ возобновленное знакомство съ нѣкоторыми родными вашего превосходительства, дало мнѣ случай узнать о увеличившейся слабости вашего здравія, и я узналъ сіе съ искреннимъ участіемъ. Нынѣ, узнавъ по тому же случаю, что и вы, милостивая государыня, имѣли нѣкоторое обо мнѣ воспоминаніе, поспѣшаю просить васъ, чтобы изъ сего воспоминанія не извлекали вы для себя никакого безпокойства. Естьли нѣкогда нѣчто писалъ я вашему превосходительству по понятію и чувству, какое имѣлъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; то писалъ изъ желанія способствовать нѣкоторому благу, а не для того, чтобы послѣ мыслить о комъ либо зло. Естьли слова мои вмѣсто того, чтобы представить вамъ нѣкоторую полезную мысль, принесли вамъ огорченіе: искренно прошу простить меня въ нанесеніи вамъ безпокойства. Естьли же вы вините себя въ томъ, что огорчились моими словами, искренно прощаю сіе, и молю всѣмъ сердцемъ Господа и Спасителя нашего, чтобы Онъ простилъ вамъ всякую мысль, или слово, или дѣйствіе, которыхъ воспоминаніе можетъ нарушить миръ души вашей, и не оставилъ подкрѣплять вѣру вашу къ совершенному принятію отъ Него сего прощенія. Поручайте Ему себя и все, что̀ васъ можетъ озабочивать. Принимайте съ терпѣніемъ и естьли можно, и съ благодарностію, въ болѣзни тѣла врачевство души, какъ поступалъ нѣкій, который написалъ: *Скорбь и болѣзнь обрѣтохъ, и имя Господне призвахъ. Смирихся, и спасе мя.* Псал. CXIV. Имя Господне да принесетъ вамъ утѣшеніе, и силу, и жизнь.

Съ сими чувствованіями и желаніемъ, при истинномъ почтеніи, есмь покорнѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ Архіепископъ Московскій.

Москва.
Апрѣля 23. 1822 года.

3. Къ Д. Б. Мертваго.

Ваше превосходительство,
Милостивый государь!

Съ симъ представится вашему превосходительству новокрещенный, о которомъ я представлялъ вамъ словесно. Дѣло благотворителя сотворите, естьли дадите ему наставленіе, куда и какъ ему себя пристроить. А меня простите, что, не умѣя самъ, думаю дѣло дѣлать чужими руками.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію быть долгъ имѣю вашего превосходительства милостиваго государя покорнѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ А. Московскій.

Апр. 28. 1822

(7) Выраженіе знаменательное.
(8) Содержаніе этого письма намъ непонятно. Оно сохранилось не въ подлинникѣ, а въ современномъ спискѣ.

3. Къ Варварѣ Марковнѣ Мертваго, по кончинѣ ея супруга.

Искреннимъ сердцемъ раздѣляю потерю вашего превосходительства и дѣтей вашихъ, и сверхъ того потерю многихъ добрыхъ, и потерю отечества. Жалѣю, что небольшая немощь держитъ однако меня связаннымъ. Не скажу: не скорбите; сіе требованіе было бы слишкомъ велико на сіе время. По крайней мѣрѣ, не предавайтесь скорби; приносите ее предъ Бога, Отца сирыхъ и Судію вдовицъ; отдайте Ему въ послушаніи то, что̀ Онъ благоволилъ взять; берегите то, что̀ Онъ оставляетъ вамъ беречь, то есть дѣтей и себя для нихъ.

Покойный много служилъ правдѣ и добру для другихъ: Богъ праведный и благій не оставитъ сущихъ его. Онъ уповалъ на Бога и повиновался Его провидѣнію: подражайте ему въ семъ, и споспѣшествуйте миру души его молитвою мирною души вашея. Богъ щедротъ и Отецъ всякаго утѣшенія да будетъ первымъ утѣшеніемъ вашимъ и вашихъ. Какъ могу, призываю милость Его на васъ.

Вашего превосходительства усердный богомолецъ Филаретъ А. Московскій.

Іюня 23. 1824.

ЗАМѢТКИ НА ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА.

Съ нѣкотораго времени въ нашей литературѣ часто появляются разныя статьи, въ которыхъ толкуется вкривь и вкось о частной жизни историческихъ и всякихъ личностей; приводятся о нихъ анекдоты безъ малѣйшей критической повѣрки и не имѣющіе никакого значенія; произносятся голословные, обидные приговоры ихъ нравственности, и вообще изыскиваются и натягиваются всякаго рода скандальные разсказы, какъ заманчивое средство для многихъ читателей. Такія явленія особенно прискорбны, когда они встрѣчаются въ книгахъ или журналахъ серіозныхъ, посвященныхъ ученымъ, историческимъ предметамъ и издающихся людьми, извѣстными трудами своими на поприщѣ науки и литературы.—Въ 3-мъ томѣ Вѣстника Европы за нынѣшній 1867 г. помѣщены между прочимъ двѣ главы изъ Воспоминаній В. И. Панаева, которыя только что теперь имѣлъ я случай прочитать. В. И. Панаевъ былъ долгое время директоромъ канцеляріи министерства императорскаго двора, и, какъ писатель первой четверти нынѣшняго столѣтія, извѣстенъ особенно сочиненіемъ Идиллій въ подражаніе Геснеру. Воспоминанія его имѣютъ характеръ авто-біографіи. Онъ подробно описываетъ, какъ слѣдуетъ, невинныя лѣта дѣтства своего и отрочества, семейный кругъ, патріархальныя добродѣтели домашнихъ, красоты сельской природы и съ особеннымъ наслажденіемъ распространяется о первыхъ впечатлѣніяхъ нѣжнаго сердца своего, произведенныхъ прекраснымъ поломъ, о наклонностяхъ и вкусахъ своихъ, вообще о себѣ самомъ: мы узнаёмъ даже, что онъ особенно любилъ *бланманже*. Вторая глава содержитъ въ себѣ пребываніе В. И. Панаева въ Казанскомъ университетѣ, а потомъ пріѣздъ его въ Петербургъ, вступленіе въ службу и авторскіе успѣхи. Онъ разсказываетъ о знакомствѣ своемъ съ Державинымъ и сообщаетъ нѣкоторыя подробности внѣшней обстановки его жизни; говоритъ, что познакомился также съ тогдашними литераторами всѣхъ партій и, перечисливъ ихъ отъ Карамзина до Булгарина, продолжаетъ такъ: "Литературное партизанство еще усилилось „съ появленіемъ лицеистовъ, къ которымъ примкнули другіе молодые люди, „сверстники ихъ по лѣтамъ. Они были „(оставя въ сторонѣ геніальнаго Пушкина) по большей части люди съ даро-

„ваніями, но и съ непомѣрнымъ само„любіемъ. Имъ хотѣлось поскорѣе войти въ кругъ писателей, поравняться „съ ними. Поэтому, ухватясь за Пушкина, который тотчасъ сталъ на ряду „съ своими предшественниками, окружили они нѣкоторыхъ литературныхъ корифеевъ, льстили имъ; а тѣ, съ своей „стороны, за это ласкали ихъ, баловали. Напрасно нѣкоторые изъ нихъ: „Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Баратынскій „старались войти со мною въ короткія „отношенія: мнѣ не нравилась ихъ самонадѣянность, рѣшительный тонъ въ „сужденіяхъ, пристрастіе и *не очень похвальное ихъ поведеніе*........ я даже не „заплатилъ имъ визита. Они на меня „прогнѣвались, и очень ко мнѣ не благоволили. Впослѣдствіи они прогнѣвались на меня еще болѣе, вмѣстѣ съ „Пушкинымъ, за то, что я не совѣтовалъ одной молодой опрометчивой жен„щинѣ — съ ними знакомиться". Изъ Воспоминаній В. И. Панаева не видно, въ чемъ проявился этотъ гнѣвъ на него литераторовъ-лицеистовъ и ихъ сверстниковъ, точно также какъ не видно, въ чемъ состояло ихъ непохвальное поведеніе и что надобно разумѣть подъ этимъ канцелярскимъ выраженіемъ. Какъ же печатать такъ неосмотрительно подобный отзывъ, ничѣмъ не подтвержденный, о людяхъ, которыхъ безукоризненная жизнь памятна еще многимъ современникамъ, которые пользовались общимъ уваженіемъ и къ тому-же извѣстны своими прекрасными поэтическими произведеніями? Со стороны г. Панаева этотъ отзывъ понятенъ. Въ немъ высказываются надменность и завистливое самолюбіе писателя въ соединеніи, какъ увидимъ далѣе, съ соперничествомъ въ волокитствѣ. Весьма естественно было молодымъ литераторамъ того времени окружать Пушкина; но лицеистамъ не было надобности хвататься за него и льстить. Онъ былъ друженъ съ ними на школьной скамьѣ, горячо любилъ ихъ какъ избранныхъ товарищей юности, а поэзія скрѣпляла еще болѣе эти узы. Замѣчательный, самобытный талантъ Баратынскаго онъ тотчасъ оцѣнилъ, и сблизился съ нимъ. Эти молодые люди пролагали вмѣстѣ съ Пушкинымъ новые пути въ области нашей поэзіи, освѣжали ее и скоро стали въ ряды писателей, привлекавшихъ читающую публику, которой надоѣдали торжественныя оды и приторно-сентиментальные сочинители.—Теперь обратимся къ опрометчивой молодой женщинѣ, о которой упомянулъ г. Панаевъ. Онъ очень занимательно описываетъ сношенія свои съ нею слѣдующими словами: "Это была „та самая, со множествомъ странностей „и проказъ, но очаровательная Софья „Дмитріевна Пономарева, которую вос„пѣвалъ Александръ Ефимовичъ Измай„ловъ, влюбленный въ нее по уши. Да „и не мудрено: всякій, кто только зналъ „ее, былъ къ ней неравнодушенъ болѣе „или менѣе. Въ ней, съ добротою сердца „и веселымъ характеромъ, соединялась „бездна самаго милаго, природнаго кокет„ства, перемѣшаннаго съ какимъ-то ей „только свойственнымъ дѣтскимъ про„казничествомъ. Она не любила женска„го общества, даже не умѣла въ немъ „держать себя, и предпочитала мужское, „особенно общество молодыхъ, блестя„щихъ людей и литераторовъ; послѣд„нихъ болѣе изъ тщеславія. Меня ввелъ „къ ней, по ея настоянію, Измайловъ— „на свою бѣду. Она тотчасъ обратила „на меня побѣдоносное свое вниманіе, „но скоро и сама *спустила флагъ:* пред„почла меня всѣмъ, даже тремъ, окру„жавшимъ ее, извѣстнымъ тогдашнимъ „красавцамъ: флигель-адьютанту Анре„пу, преображенскому капитану Поджіо „и сыну португальскаго генеральнаго „консула Лопецу. Они должны были уда„литься. Я остался ближайшимъ къ ней „изъ прочихъ ея обожателей, и вполнѣ „дорожилъ счастливымъ своимъ положе„ніемъ. Я очень любилъ ее, любилъ нѣ„жно, съ заботливостью мужа или отца „(*ей было только 22 года, а мнѣ уже* „*29 лѣтъ*), остерегалъ, удерживалъ ее „отъ излишнихъ шалостей, совѣтовалъ,

какъ и съ кѣмъ должна она держать себя, потому что не всякій могъ оцѣнить ея довѣрчивость, ея милыя дѣтскія дурачества; надѣялся во многомъ ее исправить, требовалъ, чтобы она была внимательнѣе къ мужу, почтительнѣе къ отцу своему, человѣку достойному и умному. Дѣло шло недурно; она во многомъ слушалась меня, въ иномъ нѣтъ; нерѣдко прерывала наставленія и выговоры мои, то выраженіемъ ребяческой досады, впрочемъ мимолетной, то смѣхомъ, прыжками вокругъ меня, или *поцѣлуемъ, зажмуривъ однако узенькіе свои глазки*. Но вдругъ втерся въ домъ ихъ, чрезъ Александра же Ефимовича, тоже литераторъ, Яковлевъ и пр.“ Тутъ дѣло испортилось. Г. Яковлевъ познакомилъ съ Софьей Дмитріевной пріятелей своихъ Дельвига, Кюхельбекера и Баратынскаго. В. И. Панаевъ вознегодовалъ и покинулъ ее. Болѣе не выписываю. Во мнѣ нѣтъ духа повторить словъ г. Панаева объ исключеніи Баратынскаго изъ пажескаго корпуса. Дѣйствительно, Баратынскій и одинъ изъ товарищей его пажъ Х, были исключены изъ корпуса съ запрещеніемъ опредѣлять ихъ въ службу. Увлеченный къ участію въ поступкѣ этого товарища, участію, котораго значенія Баратынскій не сознавалъ въ чаду раздраженнаго ребяческаго воображенія, онъ подвергся вмѣстѣ съ нимъ строгому наказанію. Онъ былъ тогда 14-и лѣтнимъ шалуномъ, и вся послѣдующая жизнь его доказала, что сердце его не было причастно сему минутному нравственному омраченію. Несчастіе, столь рано постигшее Баратынскаго, наложило на его характеръ ту глубокую задумчивость и грусть, которыми такъ искренно проникнуты всѣ его произведенія. Онъ всячески старался заставить забыть тяготѣвшій на немъ роковой приговоръ; и наконецъ рѣшился вступить солдатомъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, вскорѣ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, а весною 1825 г. въ офицеры. Люди почтенные и вліятельные, князь А. Н. Голицынъ, В. А. Жуковскій, графъ А. А. Закревскій, принимали участіе въ судьбѣ его и ходатайствовали за него. Начальники его и товарищи по службѣ любили его и почитали. Онъ пользовался дружбою князя Вяземскаго, Пушкина, Плетнева, Хомякова, и мн. др. Человѣкъ такой строгой правдивости и честности, какъ Л. Н. Энгельгардтъ, не задумался отдать ему руку дочери своей. Въ обществѣ, въ частной, семейной жизни, онъ пріобрѣлъ уваженіе, сочувствіе, возбудилъ горячія привязанности и оставилъ по себѣ честное имя. Многіе современники, изъ большаго числа знавшихъ его, могутъ подтвердить свидѣтельство мое въ этомъ отношеніи. Высокій талантъ его признанъ неоспоримо, и поэзія его, столь неподдѣльная, носитъ живой отпечатокъ прекрасной, благородной души. Грубое и жестокое о немъ выраженіе В. И. Панаева отзывается злобою и местью раздраженнаго любовника и чваннаго стихотворца. Нескромное же хвастовство, съ которымъ авторъ воспоминаній излагаетъ отношенія свои къ С. Д. Пономаревой, конечно болѣе вредитъ ея доброму имени, нежели знакомство ея съ молодыми литераторами, отъ которыхъ онъ старался удалить ее. Во всякомъ случаѣ, личное мнѣніе г. Панаева, особенно подъ вліяніемъ—употребимъ его выраженіе — *не очень похвальныхъ* чувствъ, не можетъ имѣть вѣса и повредить памяти Баратынскаго, Дельвига и другихъ.

Н. Путята.

25-го октября 1867 г.
Село Мураново.

*

Многоуважаемый авторъ этой замѣтки (*)—другъ и современникъ покойнаго Е. А. Баратынскаго. Но и мы, принадлежащіе къ младшему по возрасту по-

(*) Она доставлена къ намъ въ исходѣ прошедшаго ноября мѣсяца

колѣнію и ничѣмъ лично не связанные съ Е. А. Баратынскимъ, кромѣ признательности за высокія художественныя наслажденія, доставляемыя его поэтическимъ творчествомъ, и мы приведены были въ негодованіе неприличною, вполнѣ эгоистическою выходкою Панаева. Камень, столь грубо брошенный въ прекрасную личность Баратынскаго, не достигъ цѣли: имя Баратынскаго навсегда остается любезно всякому, кто дорожитъ успѣхами Русскаго ума и Русской словесности. Читатели Русскаго Архива знакомы съ Баратынскимъ по его письмамъ и статьѣ о немъ М. Н. Лонгинова, напечатаннымъ у насъ въ Р. Арх. 1867 года. Ребяческій проступокъ его отчасти разсказанъ въ книгѣ Кенига Literarische Bilder aus Russland, Stuttg. 1837, стр. 154 и 155 и въ русскомъ переводѣ его, Спб. 1862, стр. 114—116. Впрочемъ дѣло всего лучше разъясняется нижеслѣдующими, доставленными къ намъ письмами, которыя мы рѣшились напечатать для отстраненія всякихъ дальнѣйшихъ толковъ. *П. Б.*

ПИСЬМО Е. А. БАРАТЫНСКАГО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Вы налагаете на меня странную обязанность, почтенный Василій Андреевичъ; сказалъ бы трудную, ежели бы зналъ васъ менѣе. Требуя отъ меня повѣсти безпутной моей жизни, я увѣренъ, что вы приготовились слушать ее съ тѣмъ снисхожденіемъ, на которое, можетъ быть, даетъ мнѣ право самая готовность моя къ исповѣди, довольно для меня невыгодной.

Въ судьбѣ моей всегда было что-то особенно несчастное, и это служитъ главнымъ и общимъ моимъ оправданіемъ: все содѣйствовало къ уничтоженію хорошихъ моихъ свойствъ и къ развитію злоупотребительныхъ. Любопытно сцѣпленіе происшествій и впечатлѣній, сдѣлавшихъ меня, право, изъ очень добраго мальчика почти совершеннымъ негодяемъ.

12 лѣтъ вступилъ я въ Пажескій корпусъ, живо помня послѣднія слезы моей матери и послѣднія ея наставленія, твердо намѣренный свято исполнять ихъ и, какъ говорится въ дѣтскомъ училищѣ, служить примѣромъ прилежанія и добраго поведенія.

Начальникомъ моего отдѣленія былъ тогда нѣкто Кр—вичъ (онъ теперь уже покойникъ, чѣмъ на бѣду мою еще не былъ въ то время) человѣкъ во всемъ ограниченный, кромѣ въ страсти своей къ вину. Онъ не полюбилъ меня съ перваго взгляда, и съ перваго дня вступленія моего въ корпусъ уже обращался со мною какъ съ записнымъ шалуномъ. Ласковый съ другими дѣтьми, онъ былъ особенно грубъ со мною. Несправедливость его меня ожесточила: дѣти самолюбивы не менѣе взрослыхъ; обиженное самолюбіе требуетъ мщенія, и я рѣшился отмстить ему. Большими каллиграфическими буквами (у насъ былъ порядочный учитель каллиграфіи) написалъ я на лоскуткѣ бумаги слово *пьяница* и прилѣпилъ его къ широкой спинѣ моего непріятеля. Къ несчастію нѣкоторые изъ моихъ товарищей видѣли мою шалость и, какъ по нашему говорится, на меня доказали. Я просидѣлъ три дня подъ арестомъ, сердясь на самаго себя и проклиная Кр—вича.

Первая моя шалость не сдѣлала меня шалуномъ въ самомъ дѣлѣ, но я былъ уже негодяемъ въ мнѣніи моихъ начальниковъ. Я получалъ отъ нихъ безпрестанныя и часто несправедливыя оскорбленія; вмѣсто того, чтобы дать мнѣ всѣ способы снова пріобрѣсти ихъ доброе расположеніе, они непреклонною своею суровостію

отняли у меня надежду и желаніе когда нибудь ихъ умилостивить.

Между тѣмъ сердце мое влекло къ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей, бывшихъ не на лучшемъ счету у начальства; но оно влекло меня къ нимъ не потому, что они были шалунами, но потому, что я въ нихъ чувствовалъ (здѣсь нельзя сказать замѣчалъ) лучшія душевныя качества, нежели въ другихъ. Вы знаете, что рѣзвые мальчики не потому дерутся между собою, не потому дразнятъ своихъ учителей и гувернеровъ, что имъ хочется быть безъ обѣда, но потому, что обладаютъ бо́льшею живостію нрава, бо́льшимъ безпокойствомъ воображенія, вообще бо́льшею пылкостію чувствъ, нежели другія дѣти. Слѣдовательно я не былъ еще извергомъ, когда подружился съ тѣми изъ моихъ сверстниковъ, которые сходны были со мною свойствами; но начальники мои глядѣли на это иначе. Я не сдѣлалъ еще ни одной особенной шалости, а черезъ годъ по вступленіи моемъ въ корпусъ, они почитали меня почти чудовищемъ.

Что скажу вамъ? Я теперь еще живо помню ту минуту, когда, расхаживая взадъ и впередъ по нашей рекреаціонной залѣ, я сказалъ самъ себѣ: буду же я шалуномъ въ самомъ дѣлѣ! Мысль не смотрѣть ни на что, свергнуть съ себя всякое принужденіе, меня восхитила; радостное чувство свободы волновало мою душу; мнѣ казалось, что я пріобрѣлъ новое существованіе.

Я пропущу второй годъ корпусной моей жизни: онъ не содержитъ въ себѣ ничего замѣчательнаго; но долженъ говорить о третьемъ, заключающемъ въ себѣ извѣстную вамъ развязку. Мы имѣли обыкновеніе, послѣ каждаго годоваго экзамена, нѣсколько недѣль ничего не дѣлать—право, которое мы пріобрѣли незнаю какимъ образомъ. Въ это время тѣ изъ насъ, которые имѣли у себя деньги, брали изъ грязной лавки Ступина, находящейся подлѣ самаго корпуса, книги для чтенія и какія книги! Глоріозо, Ринальдо Ринальдини, разбойники во всѣхъ возможныхъ лѣсахъ и подземельяхъ! И я, по несчастію, былъ изъ усерднѣйшихъ читателей! О еслибъ покойная нянька Донъ Кишота была моею нянькою! Съ какою бы рѣшительностію она бросила въ печь весь этотъ разбойничій вздоръ, стоющій рыцарскаго вздора, отъ котораго охладѣлъ несчастный ея хозяинъ! Книги, про которыя я говорилъ, и въ особенности Шиллеровъ Карлъ Мооръ, разгорячили мое воображеніе; разбойничья жизнь казалась для меня завиднѣйшею въ свѣтѣ, и природно-безпокойный и предпріимчивый, я задумалъ составить общество мстителей, имѣющее цѣлію сколько возможно мучить нашихъ начальниковъ.

Описаніе нашего общества можетъ быть забавно и занимательно послѣ главной мысли, взятой изъ Шиллера и остальнымъ, совершенно дѣтскимъ, его подробностямъ. Насъ было пятеро. Мы сбирались каждый вечеръ на чердакъ послѣ ужина По общему условію ничего не ѣли за общимъ столомъ, а уносили оттуда всѣ съѣстные припасы, которые возможно было унести въ карманахъ, и потомъ свободно пировали въ нашемъ убѣжищѣ. Тутъ-то оплакивали мы вмѣстѣ судьбу свою, тутъ выдумывали разнаго рода проказы, которыя послѣ рѣшительно приводили въ дѣйствіе. Иногда наши учители находили свои шляпы прибитыми къ окнамъ, на которыя ихъ клали; иногда офицеры наши приходили домой съ обрѣзанными

шарфами. Нашему инспектору мы однажды всыпали толченыхъ шпанскихъ мухъ въ табакерку, отъ чего у него раздулся носъ; всего пересказать не возможно. Выдумавъ шалость, мы по жеребью выбирали исполнителя: онъ долженъ былъ отвѣчать одинъ, ежели попадется; но самыя смѣлыя я обыкновенно бралъ на себя, какъ начальникъ.

Спустя нѣсколько времени, мы (на бѣду мою) приняли въ наше общество еще одного товарища, а именно сына того каммергера, который, я думаю, вамъ извѣстенъ какъ по моему, такъ и по своему несчастію. Мы давно замѣчали, что у него водится что-то слишкомъ много денегъ; намъ казалось невѣроятнымъ, чтобъ родители его давали 14 лѣтнему мальчику по 100 и по 200 р. каждую недѣлю. Мы вошли къ нему въ довѣренность и узнали, что онъ подобралъ ключь къ бюро своего отца, гдѣ большими кучами лежатъ казенныя ассигнаціи, и что онъ всякую недѣлю беретъ оттуда по нѣскольку бумажекъ.

Овладѣвъ его тайною, разумѣется, что мы стали пользоваться и его деньгами. Чердашные наши ужины стали гораздо повкуснѣе прежнихъ: мы ѣли конфекты фунтами; но блаженная эта жизнь недолго продолжалась. Мать нашего товарища, жившая тогда въ Москвѣ, сдѣлалась опасно больна и желала видѣть своего сына. Онъ получилъ отпускъ и въ знакъ своего усердія оставилъ несчастный ключь мнѣ и родственнику своему Х—ову: «возмите его онъ вамъ пригодится», сказалъ онъ намъ съ самымъ трогательнымъ чувствомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ намъ слишкомъ пригодился!

Отъѣздъ нашего товарища привелъ насъ въ большее уныніе. Прощайте пироги и пирожные, должно ото всего отказаться. Но это было для насъ слишкомъ трудно: мы уже пріучили себя къ роскоши, надобно было приняться за выдумки; думали и выдумали!

Должно вамъ сказать, что за годъ передъ тѣмъ я нечаянно познакомился съ извѣстнымъ камергеромъ, и этотъ случай принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ моей жизни, на которыхъ я могъ бы основать систему предопредѣленія. Я былъ въ больницѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, и въ скукѣ долгаго выздоровленія, устроилъ маленькій кукольный театръ. Навѣстивъ однажды моего товарища, онъ очень любовался моею игрушкою и прибавилъ, что давно обѣщалъ такую же маленькой своей дочери, но не могъ еще найти хорошо сдѣланной. Я предложилъ ему свою отъ добраго сердца; онъ принялъ подарокъ, очень обласкалъ меня и просилъ когда нибудь пріѣхать къ нему съ его сыномъ; но я не воспользовался его приглашеніемъ.

Между тѣмъ Х—овъ, какъ родственникъ, часто бывалъ въ его домѣ. Намъ пришло на умъ: что̀ возможно одному негодяю, возможно и другому. Но Х—овъ объявилъ намъ, что за разные прежніе проказы его уже подозрѣваютъ въ домѣ и будутъ за нимъ присматривать, что ему непремѣнно нуженъ товарищъ, который по крайней мѣрѣ занималъ бы собою домашнихъ и отвлекалъ отъ него вниманіе. Я не былъ, но имѣлъ право быть въ несчастномъ домѣ. Я рѣшился помогать Х—ову. Подошли святки, насъ распускали къ роднымъ. Обманувъ, каждый по своему, дежурныхъ офицеровъ, всѣ пятеро вышли изъ корпуса и собрались у Молинари. Мнѣ и Х—ову положено было идти въ гости къ извѣстной особѣ, исполнить, если можно, наше намѣреніе и придти съ отвѣтомъ къ

нашимъ товарищамъ, — обязаннымъ насъ дожидаться въ лавкѣ.

Мы выпили по рюмкѣ ликеру для смѣлости, и пошли очень весело негоднѣйшею въ свѣтѣ дорогою.

Нужно ли разсказывать остальное? Мы слишкомъ удачно исполнили наше намѣреніе; но по стеченію обстоятельствъ, въ которыхъ я и самъ не могу дать яснаго отчета, похищеніе наше не осталось тайнымъ, и насъ обоихъ выключили изъ корпуса съ тѣмъ, чтобъ не опрядѣлять ни въ какую службу, развѣ пожелаемъ вступить въ военную рядовыми.

Не смѣю себя оправдывать; но человѣкъ добродушный, и конечно слишкомъ снисходительный, желая уменьшить мой проступокъ въ вашихъ глазахъ, сказалъ бы: вспомните, что въ то время не было ему 15 лѣтъ; вспомните, что въ корпусахъ то только называютъ кражею, что̀ похищается у своихъ, а остальное почитаютъ законнымъ пріобрѣтеніемъ (des bonnes prises) и что между всѣми своими товарищами едвали нашелъ бы онъ двухъ или трехъ порицателей, ежели бы счастливо исполнилъ свою шалость; вспомните, сколько обстоятельствъ исподволь познакомили съ нею его воображеніе. Сверхъ того, не болѣе ли своевольства въ его поступкѣ? Истинно порочный слѣдовательно уже нѣсколько опытный и осторожный, онъ бы легко разчелъ, что подвергаетъ себя большой опасности для выгоды довольно маловажной; онъ же не оставилъ у себя ни копѣйки изъ похищенныхъ денегъ, а всѣ ихъ отдалъ своимъ товарищамъ. Что его побудило къ такому негодному дѣлу? Корпусное молодечество и воображеніе, испорченное дурнымъ чтеніемъ. Изъ сего слѣдуетъ то единственно, что онъ способнѣе другихъ принимать всякаго роду впечатлѣнія, и что при другомъ воспитаніи, при другихъ болѣе просвѣщенныхъ и внимательныхъ наставникахъ, самая сія способность, послужившая къ его погибели, помогла бы ему превзойти многихъ изъ своихъ товарищей во всѣмъ полезномъ и благородномъ.

По выключкѣ изъ корпуса, я около года мотался по разнымъ Петербургскимъ пансіонамъ. Содержатели ихъ, узнавая, что я тотъ самой, о которомъ тогда всѣ говорили, не соглашались держать меня. Я сто разъ готовъ былъ лишить себя жизни. Наконецъ поѣхалъ въ деревню къ моей матери. Никогда не забуду перваго съ нею свиданія! Она отпустила меня свѣжаго и румянаго; я возвращаюсь сухой, блѣдный, съ впалыми глазами, какъ сынъ Евангелія къ отцу своему. *Но еще же ему далече сущу, узре его Отецъ его, и милъ Ему бысть и текъ нападе на выю его и облобыза его.* Я ожидалъ укоровъ, но нашелъ однѣ слезы, бездну нѣжности, которая меня тѣмъ болѣе трогала, чѣмъ я менѣе былъ ея достоинъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ никто не говорилъ съ моимъ сердцемъ: оно сильно встрепатало при живомъ къ нему воззваніи; свѣтъ его разогналъ призраки, омрачившіе мое воображеніе; посреди подробностей существенной гражданской жизни, я короче узналъ ея условія, и ужаснулся какъ моего проступка, такъ и его послѣдствій. Здоровье мое не выдержало сихъ душевныхъ движеній: я впалъ въ жестокую нервическую горячку, и едва успѣли призвать меня къ жизни.

18 лѣтъ вступилъ я рядовымъ въ гвардейскій Егерскій полкъ, по собственному желанію; случайно познакомился съ нѣкоторыми изъ нашихъ

молодыхъ стихотворцевъ, и они сообщили мнѣ любовь свою къ поэзіи. Не знаю, удачны ли были опыты мои для свѣта; но знаю навѣрно, что для души моей они были спасительны. Чрезъ годъ, по представленію великаго князя Николая Павловича, былъ я произведенъ въ унтеръ-офицеры и переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, гдѣ нахожусь уже четыре года.

Вы знаете, какъ неуспѣшны были всѣ представленія, дѣлаемыя обо мнѣ моимъ начальствомъ. Изъ году въ годъ меня представляли, изъ году въ годъ напрасная надежда на скорое прощеніе меня поддерживала; но теперь, признаюсь вамъ, я начинаю приходить въ отчаяніе.— Не служба моя, къ которой я привыкъ, меня обременяетъ; меня тяготитъ противорѣченіе моего положенія. Я не принадлежу ни къ какому сословію, хотя имѣю какое-то званіе. Ни чьи надежды, ни чьи наслажденія мнѣ не приличны. Я долженъ ожидать въ бездѣйствіи, по крайней мѣрѣ душевномъ, перемѣны судьбы моей, ожидать можетъ быть еще новые годы! Не смѣю подать въ отставку, хотя, вступивъ въ службу по собственной волѣ, долженъ бы имѣть право оставить ее, когда мнѣ заблагоразсудится; но такую рѣшимость могутъ принять за своевольство. Мнѣ остается одно раскаяніе, что добровольно наложилъ на себя слишкомъ тяжелыя цѣпи. Должно сносить терпѣливо заслуженное несчастіе--не спорю; но оно превосходитъ мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разумъ.

Вотъ, почтенный Василій Андреевичъ, моя повѣсть. Благодарю васъ за участіе, которое вы во мнѣ принимаете; оно для меня болѣе нежели драгоцѣнно. Ваше доброе сердце мнѣ порукою, что мои признанія не ослабятъ вашего расположенія къ тому, который много сдѣлалъ негоднаго по случаю, но всегда любилъ хорошее по склонности.

Всей душей вамъ преданный

Баратынскій.

ДВА ПИСЬМА ЖУКОВСКАГО КЪ КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ ОБЪ Е. А. БАРАТЫНСКОМЪ.

I.

Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ!

Я недавно получилъ письмо, тронувшее меня до глубины сердца: молодой человѣкъ, съ пылкимъ и благороднымъ сердцемъ, одаренный талантами, но готовый, при началѣ дѣятельной жизни, погибнуть нравственно отъ слѣдствій проступка первой молодости, изъясняетъ въ этомъ письмѣ, просто и искренно, тѣ обстоятельства, которыя довели его до этого проступка. Несчастіе его не унизило и еще не убило, но это послѣднее неминуемо, если во время спасительная помощь къ нему не подоспѣетъ.

Получивъ его письмо, написанное имъ по моему требованію (ибо мнѣ были не извѣстны подробности случившагося съ нимъ несчастія), я долго былъ въ нерѣшимости, что дѣлать и гдѣ искать этой спасительной помощи. Наконецъ естественно мысль моя остановилась на васъ(1). Препровождаю письмо его въ оригиналѣ къ вашему сіятельству. Не оправдываю

(1) Письма эти писаны не за долго до выхода кн. А. Н. Голицына изъ должности министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Министерство его не было вполнѣ счастливо; но самъ онъ лично оставилъ по себѣ признательную память въ потомствѣ множествомъ добрыхъ дѣлъ.

свободнаго своего поступка: онъ есть не иное что какъ выраженіе довѣренности моей къ вашему сердцу, всегда готовому на добро; не иное что, какъ выраженіе моей личной, душевной къ вамъ благодарности за то добро, которое вы мнѣ самому сдѣлали [2].

Письмо Баратынскаго есть только исторія его проступка; но онъ не говоритъ въ немъ ни о томъ, что̀ онъ *есть теперь*, ни о томъ, чѣмъ бы *могъ быть послѣ*. Это *моя* обязанность. Я знаю его лично, и свидѣтельствуюсь всѣми, которые его вмѣстѣ со мною знаютъ, что онъ имѣетъ полное право на уваженіе, какъ по своему благородству, такъ и по скромному поведенію. Если заслуженное несчастіе не унизило его души, то это неоспоримо доказываетъ, что душа его не рождена быть низкою, что ея заблужденіе проистекло не изъ нея самой, а произведено силою обстоятельствъ, и есть нѣчто ей совершенно чуждое. Кто въ лѣтахъ неопытности, оставленный на произволъ собственной пылкости и обольщеній внѣшнихъ, знаетъ, куда онѣ влекутъ его, и способенъ угадать послѣдствія, часто рѣшительныя на всю жизнь! И чѣмъ болѣе живости въ душѣ,—то есть именно, чѣмъ болѣе въ ней такого, что̀ могло бы при обстоятельствахъ благопріятныхъ способствовать къ ея усовершенствованію, тѣмъ болѣе для нея опасности, когда нападутъ на нее обольщенія, и никакая чужая, хранительная опытность ея не поддержитъ. Таково мнѣ кажется прошедшее Баратынскаго: онъ споткнулся на той неровной дорогѣ, на которую забѣжалъ потому, что не было хранителя, который бы съ любовію остановилъ его и указалъ ему другую; но онъ *не упалъ*! Убѣдительнымъ этому доказательствомъ служитъ еще и то, что именно въ такое время, когда онъ былъ угнетаемъ и тягостною участію, и еще болѣе тягостнымъ чувствомъ, что заслужилъ ее, въ немъ пробудилось дарованіе поэзіи. Онъ—поэтъ! И его талантъ не есть одно богатство безпокойнаго воображенія, но вмѣстѣ и чистый огонь души благородной: прекрасными, гармоническими стихами выражаетъ онъ чувства прекрасныя, и простота его слога доказываетъ, что чувства сіи *неподдѣльныя*, а искренно выходящія изъ сердца. Однимъ словомъ, я смѣло думаю, что въ этомъ несчастномъ, страдающемъ отъ вины, въ которую впалъ онъ тогда, когда еще не былъ знако́мъ ни съ собою, ни съ достоинствомъ жизни, ни съ условіями свѣта, скрывается человѣкъ, уже совершенно понимающій достоинство жизни, и способный занять не послѣднее мѣсто въ свѣтѣ. Но онъ исключенъ изъ этого свѣта. Испытавъ горесть вины, охраняемый высокостію поэзіи, онъ никогда уже не будетъ *порочнымъ* и *низкимъ* (къ тому не готовила его и природа); но что защититъ его отъ безнадежности, разслабляющей и мертвящей душу? Возвратись онъ въ свѣтъ, онъ возвратится въ него *очищенный*; можно даже подумать, что онъ будетъ надежнѣе многихъ чистыхъ: временная, насильственная разлука съ добродѣтелью, въ продолженіе которой онъ могъ узнать и всю ея прелесть, и всю горечь ея утраты, привяжетъ его къ ней можетъ быть, сильнѣе самыхъ тѣхъ, кои никогда не испытали, что̀ значитъ потерять ее.

Я смѣю думать, что письмо мое не покажется вашему сіятельству слишкомъ длиннымъ: я говорилъ съ вами

---

[2] Черезъ кн. А. Н. Голицына въ 1816 году Жуковскій получилъ отъ императора Александра Павловича пожизненную пенсію въ 4000 р. См. Р. Архивъ 1867, стр. 816.

тѣмъ языкомъ, который вы лучше другихъ понимать умѣете; и мнѣ было легко съ вами говорить имъ, ибо душевно васъ уважаю и твердо надѣюсь на ваше сердце. Оно научитъ васъ, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Представьте государю императору письмо Баратынскаго; прочитавъ его, вы убѣдитесь, что оно писано не съ тѣмъ, чтобы быть показаннымъ. Но тѣмъ лучше! Государь узнаетъ истину безъ украшенія. Государь въ судьбѣ Баратынскаго былъ явнымъ орудіемъ Промысла: своею спасительною строгостію онъ пробудилъ чувство добра въ душѣ, созданной для добра. Теперь настала минута примиренія—и государь же будетъ этимъ животворящимъ примирителемъ: онъ довершитъ начатое, и наказаніе *исправляющее* не будетъ наказаніемъ губящимъ. Заключу, повторивъ здѣсь тѣ святыя слова, которыя приводитъ въ письмѣ своемъ Баратынскій: „Еще ему далече сущу, узре его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его и облобыза его!“ Сей отецъ есть государь; послѣдствія найдете въ Святомъ Писаніи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною привязанностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

2 Генваря 1824 г. *В. Жуковскій.*

II.

Я желалъ исполнить приказаніе вашего сіятельства, старался сдѣлать краткое извлеченіе изъ письма Баратынскаго; но признаюсь вамъ, что не умѣлъ его сдѣлать. Въ семъ краткомъ извлеченіи были бы представлены одни главныя произшествія, уже извѣстныя государю императору. Но важнѣйшее, то есть изъясненіе причинъ, было бы опущено. Б. въ письмѣ своемъ ничего не утаиваетъ, ничего не украшаетъ: это письмо есть искренняя исповѣдь. Чтобы получить объ немъ самомъ настоящее понятіе, чтобы, не извиняя вины, принять участіе въ виновномъ и увидѣть возможность его нравственнаго исправленія, необходимо нужно слышать его самого. Смѣю думать, что государь, знающій человѣческое сердце, легко распознаетъ языкъ истины, если удостоитъ своего милостиваго вниманія строки Баратынскаго, котораго вся будущая жизнь, можно сказать, зависитъ теперь отъ тѣхъ немногихъ минутъ, которыя его величество употребитъ на прочтеніе прилагаемаго здѣсь письма его. Прибавлю: отъ этихъ минутъ зависитъ, можетъ быть, и жизнь его матери. Нынче поутру еще услышалъ я отъ дяди Баратынскаго, что мать его отъ горести, произведенной въ ней судьбою ея сына, лежитъ на одрѣ болѣзни; а она имѣетъ еще шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ нашъ несчастный старшій. И такъ государева милость, возвращая нравственное достоинство раскаявшемуся преступнику, можетъ быть въ то же время спасеніемъ и его матери, и такъ уже довольно пострадавшей.

Исполняя однако волю вашего сіятельства, присовокупляю здѣсь краткое свѣдѣніе о Баратынскомъ.

Баратынскій выписанъ изъ пажескаго корпуса въ 1815 году съ тѣмъ, чтобы его никуда иначе не опредѣлять, какъ въ солдаты. Онъ вступилъ солдатомъ въ лейбъ-егерскій полкъ въ мартѣ 1818 года. Черезъ восемь мѣсяцевъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и съ того времени служитъ въ Нейшлотскомъ полку.

Начальство неоднократно представляло его къ чину. *В. Жуковскій.*

10 Февраля 1824 г.

Ходатайство было успѣшно: Баратынскій былъ произведенъ въ офицеры еще при императорѣ Александрѣ Павловичѣ. *П. Б.*

1807 ГОДЪ.

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ ОТЪ КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА КЪ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ (*).

Читатели конечно уже оцѣнили живое содержаніе и важность историческихъ показаній въ этихъ откровенныхъ письмахъ. Теперь они увидятъ яркую картину бѣдствія, предтечу Тильзитскаго мира, и услышатъ разсказъ того самаго человѣка, который участвовалъ въ подписаніи злосчастнаго трактата 25 Іюня 1807 года. Тильзитъ, послѣдовавшій черезъ 19 мѣсяцевъ за Аустерлицомъ, произвелъ, какъ слышали мы отъ старыхъ людей, до того тяжкое дѣйствіе на весь Русскій народъ, что съ этой поры наши простолюдины замѣтно меньше стали пѣть пѣсней. Лишь грозою и славою 1812 года искупилась и сгладилась эта скорбная память. *П. Б.*

VIII.

à Schawel, le $^{8}/_{20}$ de juin 1807.

Madame,

J'ai le bonheur de me trouver en possession de trois lettres de v. m-té i-le du 1-r, du 2-d et du 5 de juin. J'ai reçu la première à Yourbourg, la seconde à Tauroggen et la dernière ce soir à Schawel, en y arrivant.

Au moment où je quittois Tilsit je voulus voir le général Essen retenu au lit par sa blessure. On vint me dire que m-gr le grand duc étoit subitement retourné. D'après les inquiètudes que j'en eus, j'allai d'abord chez lui, et il m'apprit qu'étant parvenu à Insterbourg, il ne lui avoit plus été possible de réjoindre de là l'armée, parceque les François en infestoient les environs, et qu'il étoit revenu à Tilsit pour y attendre les évenemens. J'arrivai le lendemain d'assez bonne heure à Yourbourg. Le pont sur le Nièmen (devenu indispensable par les malheureuses circonstances du moment, ayant à servir de communication avec le principal point de retraite pour nos trouppes et surtout pour nos blessés) n'étoit pas encore prêt et ne pouvoit l'être que dans une quinzaine de jours, quoique l'empereur, en reconnoissant combien ce pont étoit nécessaire, l'avoit commandé lui-même à la fin de l'hiver. Quatre chétifs radeaux étoient uniquement employés au passage de la rivière et ne pouvoient suffire à la quantité d'individus qu'ils devoient transporter. Je trouvai toute la rive Prussienne obstruée de nos blessés de tous les grades venant de Friedland, les uns immobiles sur leurs charettes, les autres à pied. Ils n'ont cessé d'y venir pendant plusieurs jours de suite, la plupart d'entr'eux forcés d'attendre des journées entières, sans aucun abri, sans aucun secours et ex-

(*) См. выше, стр. 23—86.

posés à l'ardeur du soleil et à la fraicheur de la nuit, qu'on les passe à Yourbourg, situé sur l'autre bord du Nièmen. Yourbourg, petite ville, habitée par des Juifs, assez riches, n'a pû contenir tous nos blessés: tant leur nombre grossissoit à vue d'oeuil. Le commandant étoit obligé à mesure qu'ils se présentoient chez lui de les faire repartir dans les hameaux du voisinage. J'ai parlé à des colonels, des officiers de l'état-major couchés sur leurs charettes dans les rues de la ville, qui n'avoient pas été pansés, depuis la bataille. Il y en avoit avec des blessures très graves. Tous et principalement les officiers sans fortune se plaignoient de n'avoir pas été payés de deux tiers aux de leurs modiques appointemens, et de ne pas avoir un sol en poche pour acheter un morceau de pain. Ils disoient tous que l'armée manquoit de chirurgiens, et les deux ou trois qui étoient à Yourbourg, ne suffisoient pas à la quantité de malades qu'ils avoient à panser et à soigner. Tous unanimement accusoient Bennigsen d'avoir perdu la bataille de Friedland et d'y avoir sacrifié l'élite de nos trouppes par ses mauvaises dispositions, tout à fait contraires aux premiers principes de l'art de la guerre. Notre armée avoit derrière elle la rivière et la ville et devant elle un bois, qui masquoit les batteries de l'ennemi et ses véritables forces. Notre feu ne l'atteignoit pas, ou lui faisait peu de mal, et quand celui-là commencea à se ralentir, alors il nous foudroya par des boulets à ricochets et ses batteries, qui dit-on, avoient jusqu'à des canons de siège. Bennigsen crut pendant longtems n'avoir qu'une affaire de tirailleurs avec un corps de douze mille hommes; mais l'armée Francoise, cachée par le bois, renouvellant sans cesse par des trouppes fraiches celles qui combattoient, nous força enfin de lui céder la victoire. Quoiqu'en disent les rapports officiels, nos blessés soutiennent que notre déroute a été complette, et que nous devons avoir perdu en tués et en blessés près de 20000 hommes. Bennigsen cependant n'évalue sa perte qu'à la moitié, mais avoue aussi que nous avons eu presqu'autant de marodeurs, si ce n'est davantage. En réunissant ceux-là aux tués et aux blessés annoncés par Bennigsen, la véritable perte de notre armée est toujours fort considérable, et n'est pas au dessous de celle qu'indiquent nos blessés. Les suites de cette funeste journée ne permettent pas de la croire douteuse: Koenigsberg a été évacué et pris. Bennigsen a du rappeller tous ses corps détachés près de lui, et sans cesse talonné par l'ennemi a du se retirer toujours; il n'a pu se maintenir à Welau, ni derrière la Prégel; il a du se replier sur Tilsit. En y passant le pont, il l'a brulé, et doit se trouver maintenant vis-à vis de Tilsit, de ce côté-çi du Nièmen. Ses forces actuelles n'outrepassent pas à ce qu'on prétend les 60000 hommes; ce nombre suffit à peine pour la défensive. Après la perte de tous nos magasins, avec la difficulté de les renouveller, avec le peu d'envie que doivent avoir généralement nos trouppes de continuer à se battre, il n'est plus possible de repprendre l'offensive. Comment pourrions nous donc y songer, quand nous avons tout à craindre, même pour le succés de notre défensive contre un ennemi, fier de ses victoires, fier du bonheur et des talents de ses chefs, et qui nous attaque avec des forces de beaucoup supérieures aux notres. Les débris de la grande armée de Bennigsen, le corps de Tolstoy, si Massena lui accorde la facilité de se retirer, et les deux divisions nouvellement formées

par Labanoff et Gortchakoff, doivent seules maintenant defendre nos frontières et leur intégrité. Nous n'avons point d'armée de réserve; nos milices ne sont pas encore armées et exêrcées; la nouvelle levée de recrues n'est ni rassemblée, ni même ordonnée encore. Jamais notre situation n'a été plus critique: nous n'avons plus à attendre notre salut que de Dieu et de cet attachement que notre bonne nation porte d'une manière aussi prononcée à sa patrie et à ses souverains. La marque signalée de confiance que l'empereur vient d'accorder au prince Dmitri Labanow, est déjà sans doute connue à v. m-té. Je souhaite vivement que la réponse qu'il pourra obtenir, nous parvienne au plutôt et qu'elle soit telle, qu'elle ne nous révolte pas et puisse servir de premier rapprochement pour la paix. Les circonstances au milieu desquelles nous avons à y travailler à présent, nous sont trop désavantageuses, pour que nous puissions persister à vouloir ce que nous voulions. En faisant la paix, si on peut y parvenir encore convenablesment, il ne peut être question par malheur d'autre chose que de la faire la moins onéreuse que possible. Voilà, où nous en sommes! L'agitation et la douleur que j'en éprouve ne sont pas à exprimer, et en y ajoutant le sentiment pénible, dont j'ai été ému en voyant tous nos blessés à Yourbourg, je puis dire, que jamais encore je n'ai passé par une épreuve aussi forte et aussi douloureuse. J'ai oublié de marquer à v. m-té que m-gr le grand duc, pour ne pas augmenter les trophées de l'ennemi, a eu la précaution d'envoyer en dépot à Yourbourg sous une bonne éscorte tous les étendarts qu'il avoit à conserver. Ses deux régimens des gardes à cheval et des houlans se sont distingués et ont beaucoup souffert à Friedland. Yankowitch étant malade, c'est Adam Chartorisky qui y a commandé les gardes à cheval.

Mon coeur trop plein de ce qui l'affecte m'a forcé d'entretenir v. m-té d'objets qui appartiennent au bien général et ne me touchent qu'indirectement. Pour en revenir à ceux qui me regardent personnellement, je vais repprendre du jour de mon arrivée à Yourbourg. J'y suis rentré sur un bâteau, en devant abandonner mes équipages de l'autre côté du Nièmen; ceux-là n'ont pu m'y rejoindre que pendant la nuit. S. m-té l'empereur y a passé pendant que j'y étais: car ayant appris la bataille de Friedland à Olitta, il n'a eu que le tems de voir deux regimens de la division de Labanow et s'est empressé de se rendre à Tauroggen pour y être plus à la portée du théatre de la guerre. Quand je le vis à Yourbourg j'en reçus l'ordre de le suivre à Tauroggen. Arrivé à Tauroggen le surlendemain de grand matin, j'y appris avec surprise que les chevaux de l'empereur étoient déjà attelés et qu'il alloit à Chawel, où il devoit-etre joint par le roi de Prusse. Quand je me présentais à l'empereur à Tauroggen, il me prévint que v. m-té venoit de lui répondre sur les observations que je lui avois fait parvenir de sa part, qu'il m'en parleroit ici et m'ordonna de le suivre. Je partis donc sur le champ, et me voilà à Chawel. J'ai fait dix milles d'Allemagne de Tilsit à Yourbourg, sept de Yourbourg à Tauroggen et 16 de Tauroggen ici. Si je vais encore à Vienne, j'aurai fait d'emblée 100 mille d'Allemagne, pardessus le chemin que j'avais à faire. Celui de Yourbourg par Tauroggen ici n'est qu'un chemin de traverse abominable au milieu d'une contrée de sables, de bois et de collines. Aujourdhui je me suis tiré assez heureusement d'un acci-

dent qui auroit pu me couter fort cher. Impatienté par les mauvais chemins, afin d'arriver plus vite, je quittais ma voiture pour me placer dans le petit britchka de mon courier et par l'inadvertance du paysan qui me conduisoit, le britchka versa de façon que les quatre roues furent en l'air. Sans dormir j'avais les yeux fermés, quand je fus versé et je ne pus employer mes mains pour me rendre ma chutte moins sensible. Mon bonnet tomba, et je reçus un coup violent au front, audessus de l'oeil droit; la douleur fut si vive que je crus au premier instant le crâne endommagé, mais heureusemeut j'en suis quitte pour une égratignure et une grande bosse au front. Le britchka et tout ce qui s'y trouvoit me couvrit entièrement; j'étois loin de mes autres voitures, seul sur le grand chemin, n'ayant avec moi qu'un laquais assis à côté du postillon, qui l'un et l'autre n'avoient pas sçu regarder devant eux. Ils eurent beaucoup de peine à me débarasser du fardeau que j'avais sur moi, et j'en eus autant à me remettre sur mes jambes qui ne m'obéissent pas encore et qui dans la chutte n'avoient pas été non plus ménagées. J'ai le front bandé, et la bonté d'acier est le seul remède que j'emplois, éspérant qu'elle me facilitera le moyen de paroître du moins demain chez l'empereur. C'est demain qu'arrive ici le roi de Prusse. Il ne sera accompagné que de son ministre Hardenberg et de son aide de camp Yago. Je ne sais encore rien de la reine et de ses enfans, si elle est encore à Memel, si elle compte y rester ce qui n'est pas à supposer, et où elle doit aller de là.

Je me suis acquitté des ordres de v. m-té près du comte de Tolstoy; elle peut deviner la reponse qu'il m'a faite. Il m'a dit qu'il ne possedoit pas l'art de bien écrire, qu'il étoit embarassé du contenu à donner à ses lettres et qu'il n'avoit pas voulu lui parler d'évenemens qu'elle avoit à aprendre sans lui. Le petit cheval gris, qu'il doit aux bontés de v. m-té, est une bonne et jolie bête; il le monte journellement, et en me le faisant remarquer, il m'a prié de le lui faire savoir.

V. m-té s'étonne que je me suis presque tû vis-à-vis d'elle sur les premiers succés de notre armée après la réprise des hostilités; mais c'est que je ne pouvais pas les envisager comme on le faisoit à Pétersbourg, et ne pouvais pas m'abuser sur leur compte; puisque je regrettois que nous avions constamment perdû l'àpropos de tout ce que nous aurions du faire. Il ne m'a pas été possible de partager la joie que ces succés causoient dans l'éloignement, et leurs suites n'ont que trop prouvé que je n'avais pas tort.

Je ne sais comment témoigner à v. m-té toute ma reconnaissance pour l'éxtrême bonté qu'elle a eue, en daignant se charger d'une lettre de m-me de Litta pour moi. M-me de Litta l'a remplie en grande partie de sa profonde vénération pour elle et de son grand désir que v. m-té sache, combien elle est sensible à toutes ses bontés et combien elle lui est attachée de tout son coeur. Quoique v. m-té se plaigne du chaud qu'elle endure dans son appartement du palais de la Tauride, mais l'air qu'elle y respire et la vue dont elle y jouit, valent mieux que ceux du château d'hiver; et en mon particulier je suis bien aise qu'elle y est déjà. Comme après tout il paroit à présent que l'empereur s'achemine imperceptiblement vers l'époque de son retour à Pétersboug, je me flatte que v. m-té va y gagner aussi l'agrément de pouvoir passer encore deux mois de cet été à Pawlovskoié.

Je prends la liberté de supplier v. m-té de faire envoyer l'incluse au p-ce J. Labanoff; elle contient une autre de son fils que j'ai vu sain et sauf à Yourbourg, où il a conduit les étendarts de son régiment, et il se préparoit à retourner à l'armée le jour même que j'en suis parti.

En priant v. m-té de témoigner à m-me la grande duchesse Cathérine, que je suis parfaitement heureux de savoir qu'elle ne m'oublie pas, je finis par l'assurance du profond respect avec lequel je suis etc.

P. S. J'éspère que v. m-té aura bien reçu la derniére de Tilsit, № 9 du $^{3}/_{15}$ de juin que j'ai éxpédiée par estafette sous l'enveloppe de mes banquiers de Memel et de Pétersbourg. Je lui demande la grâce de me rappeller au souvenir de mon ancienne amie m-lle de Nélidoff et de m-me la c-sse de Liewen.

VIII.

Шавли, $^{8}/_{20}$ Іюня 1807 г.

Государыня,

Я имѣлъ счастье получить три письма отъ в. имп. величества отъ 1, 2 го и 5 Іюня. Первое я получилъ въ Юрбургѣ, второе въ Таурогенѣ, а послѣднее сегодня вечеромъ здѣсь въ Шавляхъ.

Оставляя Тильзитъ, я пожелалъ видѣться съ генераломъ Эссенномъ, не покидавшимъ постели вслѣдствіе своей раны. Тутъ сказали мнѣ, что великій князь (¹) внезапно вернулся. Это меня встревожило, и я тотчасъ же къ нему отправился; онъ сообщилъ мнѣ, что доѣхавъ до Инстербурга, онъ уже потерялъ возможность соединиться съ арміей, такъ какъ Французы опустошали окрестности и что онъ вернулся въ Тильзитъ, чтобы тамъ ожидать событій. Я пріѣхалъ въ Юрбургъ на другой день довольно рано; мостъ на Нѣманѣ (сдѣлавшійся необходимымъ по труднымъ обстоятельствамъ настоящаго времени, чтобы служить сообщеніемъ съ главнымъ убѣжищемъ для нашихъ войскъ и въ особенности для нашихъ раненыхъ) былъ еще не готовъ и не могъ быть готовъ скорѣе, какъ чрезъ пятнадцать дней, хотя государь, сознавая всю необходимость этого моста, самъ приказалъ его построить въ концѣ зимы. Четыре плохихъ парома служили единственнымъ средствомъ переправы черезъ рѣку и конечно не были достаточны для множества людей, нуждавшихся въ перевозѣ. Весь Прусскій берегъ былъ загроможденъ нашими ранеными всѣхъ чиновъ, прибывшими изъ подъ Фридланда: одни лежа неподвижно на повозкахъ, другіе пѣшкомъ, они прибывали сюда постоянно въ теченіи нѣсколькихъ дней, и большая часть ихъ принуждена была, безъ всякой помощи и защиты отъ солнечнаго зноя и ночнаго холода, ждать цѣлые дни, пока ихъ перевезутъ въ Юрбургъ, лежащій на другомъ берегу Нѣмана. Юрбургъ небольшой городокъ, населенный Евреями довольно богатыми, не могъ вмѣстить всѣхъ нашихъ раненыхъ: такъ замѣтно число ихъ возрастало. Комендантъ принужденъ былъ по мѣрѣ ихъ прибытія размѣщать ихъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Я говорилъ съ полковниками и офицерами главнаго штаба, лежавшими на телѣгахъ среди городскихъ улицъ; имъ со времени битвы еще не были сдѣланы перевязки, хотя многіе изъ нихъ получили весьма опасныя раны. Всѣ они, а особенно небогатые офицеры, жаловались, что имъ не выдано за двѣ трети ихъ скромное жалованье и что у нихъ нѣтъ ни гроша въ карманѣ, чтобы купить кусокъ хлѣба. Всѣ говорили, что въ арміи недостаточно медиковъ и что двухъ или трехъ хирурговъ, бывшихъ въ Юрбургѣ, слишкомъ мало по числу больныхъ, которые требуютъ перевязи и леченья. Всѣ единодушно обвиняли Беннигсена въ томъ, что онъ проигралъ битву при Фридландѣ и погубилъ наши лучшія войска вслѣдствіе своихъ дурныхъ распоряженій, несо-

(¹) Константинъ Павловичъ.

образныхъ съ самыми основными правилами военнаго искуства. Наша армія имѣла позади себя рѣку и городъ, а спереди лѣсъ, скрывавшій батареи непріятеля и дѣйствительныя его силы. Наши выстрѣлы или вовсе не доставали до непріятеля или дѣлали ему мало вреда; когда же они перемежались, непріятель громилъ насъ рикошетными пулями и батареями, на которыхъ, какъ говорятъ, были даже осадныя орудія. Бенигсенъ долго полагалъ, что онъ имѣетъ лишь перестрѣлку съ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ; но французская армія, скрытая лѣсомъ, постоянно подкрѣпляла сражавшіяся войска свѣжими силами и принудила насъ наконецъ уступить ей побѣду. Что бы ни говорили оффиціальныя донесенія, но наши раненые утверждаютъ, что пораженіе наше было полное и что мы должны были потерять убитыми и ранеными около 20000 человѣкъ. Бенигсенъ же опредѣляетъ нашу потерю только въ половину; но, онъ сознается однакожъ, что у насъ было почти столько же, если не болѣе мародеровъ. Если прибавить ихъ къ убитымъ и раненымъ, какъ ихъ объявляетъ Бенигсенъ, то настоящая потеря нашей арміи все таки оказывается весьма значительна и не ниже той, какую показываютъ наши раненые. Послѣдствія этого пагубнаго дня не позволяютъ считать его сомнительнымъ: Кенигсбергъ очищенъ и взятъ. Беннигсенъ вынужденъ былъ стянуть всѣ отдѣльные корпуса къ себѣ и, преслѣдуемый по пятамъ непріятелемъ, постоянно отступать. Онъ не могъ удержаться ни при Велау, ни за Прѣгелемъ и долженъ былъ своротить на Тильзитъ; тамъ, перейдя мостъ, онъ сжегъ его, и теперь онъ, вѣроятно, стоитъ противъ Тильзита по сю сторону Нѣмана. Полагаютъ, что силы его въ настоящее время не превышаютъ 60,000 человѣкъ; такое количество едва достаточно для оборонительныхъ дѣйствій. Потерявши всѣ наши запасы, при трудности возобновить ихъ, при общемъ нерасположеніи нашихъ войскъ къ новымъ битвамъ, мы уже не имѣемъ никакой возможности перейти снова къ наступательнымъ дѣйствіямъ; да какъ намъ объ этомъ и мечтать, когда мы должны за все опасаться, даже и за успѣхъ нашей обороны отъ непріятеля, гордаго своими побѣдами, гордаго счастіемъ и талантами своихъ полководцевъ и нападающаго на насъ съ силами гораздо большими чѣмъ наши! Остатки большой арміи Беннигсена, корпусъ Толстого, если только Массена дастъ ему возможность ретироваться, да двѣ вновь сформированныя дивизіи Лобанова и Горчакова должны одни теперь охранять наши границы и ихъ цѣлость. У насъ нѣтъ резервной арміи, наша милиція еще не вооружена и не обучена, новый наборъ рекрутъ не только еще не сдѣланъ, но даже и не объявленъ. Никогда положеніе наше не было такъ затруднительно; намъ остается ожидать спасенія только отъ Бога и отъ этой преданности отечеству и государю, которою въ такой высокой степени одушевленъ нашъ добрый народъ. Отмѣнный знакъ довѣрія оказанный государемъ кн. Димитрію Лобанову (*), конечно, уже извѣстенъ в. им. в-ву. Искренно желаю, чтобъ отвѣтъ, который онъ получитъ, дошелъ бы до насъ какъ можно скорѣе и чтобъ отвѣтъ этотъ не возбудилъ нашего негодованія, напротивъ могъ бы послужить первымъ шагомъ къ миру. Обстоятельства, въ которыхъ мы въ настоящее время должны его заключить, слишкомъ неблагопріятны, чтобы мы могли еще упорствовать въ требованіи того, чего требовали прежде. Заключая миръ, если только есть еще возможность заключить его

(*) Князь Дмитрій Ивановичь Лобановъ Ростовскій (1758-1838), двоюродный братъ князя Александра Борисовича Куракина, впослѣдствіи министръ юстиціи. Онъ уже тогда славенъ былъ своею храбростью и прямотою нрава. Это былъ одинъ изъ героевъ Очакова и Измаила, весь израненный, но бодрый и дѣятельный. Подробное жизнеописаніе его у Бантыша-Каменскаго, въ Словарѣ изд. 1847 г., составленное отчасти по разсказамъ самаго князя Лобанова о Тильзитскомъ мирѣ.

приличнымъ образомъ, мы, къ несчастью, можемъ позаботиться лишь о томъ, чтобы заключить его на условіяхъ по возможности менѣе тяжкихъ. Вотъ до чего мы дошли! Волненіе и скорбь, ощущаемыя мною, выше всякаго выраженія, а прибавивъ къ этому тяжелое чувство, испытанное мною при видѣ нашихъ раненыхъ въ Юрбургѣ, я могу сказать, что никогда еще я не имѣлъ испытанія столь сильнаго и столь тяжкаго. Я забылъ упомянуть что его выс-во, великій князь, не желая увеличивать трофеи непріятеля, имѣлъ предосторожность отправить въ Юрбургское депо подъ хорошимъ прикрытіемъ всѣ знамена, порученныя его храненію. Два его полка конногвардейцевъ и уланъ отличились, но много потерпѣли при Фридландѣ. По болѣзни Янковича конною гвардіею командовалъ Адамъ Чарторижскій.

Сердце мое, переполненное горестью, заставило меня говорить в. и. в-ву о событіяхъ, относящихся къ государственному благу и только косвенно касающихся меня самого. Чтобы перейти къ тому, что̀ относится лично ко мнѣ, я долженъ возвратиться ко дню моего пріѣзда въ Юрбургъ. Я туда пріѣхалъ въ лодкѣ, экипажи же свои долженъ былъ оставить по ту сторону Нѣмана, и они прибыли только ночью. Е. и. вел--во, государь императоръ, былъ проѣздомъ въ Юрбургѣ въ то время, какъ я пріѣхалъ; потому что, узнавъ въ Олиттѣ о Фридландской битвѣ, онъ успѣлъ только осмотрѣть два полка изъ дивизіи Лабанова и поспѣшилъ прибыть въ Таурогенъ, чтобъ быть ближе къ театру войны. При свиданіи съ государемъ въ Юрбургѣ, я получилъ отъ него приказаніе слѣдовать за нимъ въ Таурогенъ; пріѣхавши на третій день рано утромъ въ Таурогенъ, я съ удивленіемъ узналъ, что лошади для государя были уже готовы и что онъ ѣдетъ въ Шавли, гдѣ къ нему долженъ присоединиться король Прусскій. Во время представленія моего государю въ Таурогенѣ онъ сообщилъ мнѣ, что сейчасъ получилъ отвѣтъ в. и. в—ва на замѣчанія, переданныя вамъ мною отъ имени его вел., что онъ поговоритъ со мною объ этомъ здѣсь и чтобы я за нимъ слѣдовалъ. Я тотчасъ же поѣхалъ, и вотъ я въ Шавляхъ. Я проѣхалъ десять нѣмецкихъ миль изъ Тильзита въ Юрбургъ, семь изъ Юрбурга въ Таурогенъ и 16 изъ Таурогена сюда. Если я еще поѣду въ Вѣну, то я съ разу проѣду еще 100 нѣмецкихъ миль сверхъ того, что̀ уже проѣхалъ. Дорога сюда отъ Юрбурга чрезъ Таурогенъ есть не что иное, какъ отвратительный проселокъ, проходящій по пескамъ и холмамъ. Сегодня я довольно счастливо отдѣлался отъ приключенія, которое могло бы мнѣ стоить очень дорого. Приведенный въ въ нетерпѣніе дурною дорогой, чтобы пріѣхать поскорѣе, я оставилъ карету и пересѣлъ въ маленькую бричку моего курьера; но по оплошности крестьянина, правившаго лошадьми, бричка опрокинулась всѣми четырьмя колесами къ верху. Хоть я и не спалъ, но ѣхалъ съ закрытыми глазами и не успѣлъ воспользоваться руками, чтобы сдѣлать паденіе менѣе чувствительнымъ. Шапка моя свалилась, и я получилъ сильный ударъ въ лобъ, повыше праваго глаза; боль была такъ сильна, что въ первую минуту я опасался поврежденія черепа, но къ счастью я отдѣлался только ссадиной да большой шишкой на лбу. Бричка и все что̀ въ ней лежало накрыли меня совершенно; я былъ далеко отъ другихъ моихъ экипажей, одинъ на большой дорогѣ, имѣя при себѣ лишь одного слугу, сидѣвшаго рядомъ съ ямщикомъ; оба они не съумѣли разсмотрѣть лежавшей передъ ними дороги. Съ большимъ трудомъ высвободили они меня изъ-подъ лежавшей на мнѣ тяжести; не менѣе труда стоило мнѣ также подняться на ноги, которыя все еще не повинуются мнѣ и во время паденія не были пощажены. Я перевязалъ лобъ и, не прибѣгая ни къ какимъ лекарствамъ, кромѣ давле-

нія стали, надѣюсь, что она поможетъ мнѣ представиться завтра государю(3). Завтра пріѣдетъ сюда король Прусскій. Его будутъ сопровождать только министръ его Гарденбергъ и адъютантъ Яго; я еще ничего не знаю о королевѣ и ея дѣтяхъ, въ Мемелѣ они или нѣтъ, думаетъ ли она тамъ остаться, что̀ впрочемъ сомнительно, или нѣтъ, и ку́да она поѣдетъ оттуда.

Я исполнилъ приказанія в. в.-ва касательно графа Толстаго (4). Вы можете отгадать отвѣтъ, который онъ мнѣ далъ. Онъ сказалъ мнѣ, что не обладаетъ искуствомъ красно писать, что затрудняется сочиненіемъ писемъ и не хотѣлъ говорить вамъ о тѣхъ событіяхъ, которыя вы могли узнать безъ него. Сѣрая лошадка, милостиво пожалованная ему в. и. в—вомъ, очень доброе и красивое животное: онъ ѣздитъ на ней ежедневно, и обративъ на это мое вниманіе, просилъ меня сообщить объ этомъ в. и. в—ву.

Вы удивляетесь, что я почти умолчалъ передъ в. и. в. о первыхъ успѣхахъ нашей арміи по возобновленіи военныхъ дѣйствій. Но я не могъ смотрѣть на нихъ тѣми глазами, какими смотрятъ въ Петербургѣ, такъ какъ не могъ обманываться въ этомъ отношеніи; я жалѣлъ о томъ, что мы постоянно упускали удобный случай сдѣлать то, что̀ слѣдовало, а потому и не могъ раздѣлять радость, возбуждаемую этими успѣхами вдали; ихъ послѣдствія слишкомъ ясно доказали, что я не ошибался.

Не нахожу словъ выразить мою признательность в. в-ву за милостивое доставленіе письма отъ г-жи Литты. Письмо это преимущественно содержитъ выраженія глубокаго къ вамъ почтенія и желаніе, чтобы в. и. в-во знали, какъ сильно она чувствуетъ всѣ ваши благодѣянія и въ какой степени она предана вамъ всѣмъ сердцемъ. Хотя в. в-во жалуетесь, что въ вашихъ комнатахъ Таврическаго дворца вы терпите отъ излишней жары, но воздухъ, которымъ вы дышите, и виды, которыми пользуетесь, гораздо лучше чѣмъ въ Зимнемъ Дворцѣ, и я съ своей стороны очень радъ, что вы уже тамъ. По всему видно, что государь незамѣтно приближается къ эпохѣ своего возвращенія въ Петербургъ, а потому я льщу себя надеждою, что при этомъ ваше в-во будете имѣть удовольствіе провести еще два мѣсяца нынѣшняго лѣта въ Павловскомъ.

Осмѣливаюсь просить в. в-во отправить прилагаемое письмо князю Як. Лобанову; тамъ есть еще письмо къ нему отъ его сына, котораго я видѣлъ здрава и невредима въ Юрбургѣ, куда онъ провожалъ знамена своего полка; онъ готовился вернуться въ армію въ тотъ самый день, какъ я выѣхалъ изъ Юрбурга.

Прося в. и. в-во заявить великой княжнѣ Екатеринѣ, что я вполнѣ счастливъ узнать, что она не забыла меня, оканчиваю увѣреніемъ въ моемъ глубокомъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть и пр.

P. S. Надѣюсь, что в. в-во получили послѣднее мое письмо изъ Тильзита, № 9 отъ $^{3}/_{15}$ іюня, которое я отправилъ съ эстафетою въ конвертѣ моихъ банкировъ Мемельскаго и Петербургскаго. Прошу в. в-во, благоволите напомнить обо мнѣ старому моему другу г-жѣ Нелидовой и графинѣ Ливенъ.

IX.

à Schawel le $^{10}/_{22}$ de juin, 1807.

Je dois encore rendre compte à v. m-té, également par ordre de l'empereur, d'un entretien particulier que j'ai eu ce soir avec lui, avant qu'il eut appris la conclusion de l'armistice. En l'informant de la lettre de v. m-té du 7 que j'avais reçu aujourd'hui, je lui

(3) Передряга должна была быть тѣмъ чувствительнѣе, что ее потерпѣлъ человѣкъ, привыкшій къ самому утонченному образу жизни, обыкновенно ходившій въ бархатѣ, весь осыпанный бриліантами и разъѣзжавшій по Петербургу на шестернѣ съ попонами изъ леопардовыхъ шкуръ!

(4) Вѣроятно, обергофмаршала графа Николая Александровича, находившагося тогда при государѣ.

ai dit les inquiètudes qu'elle avoit euë, ayant resté quatre jours sans nouvelles de sa part, tandis que les bruits de la ville annoncoient qu'une bataille sanglante avoit eu lieu. Il me repondit que ces bruits qui regardoient la bataille de Heilsberg n'avoient pu venir que d'Oserow, aide de camp de m-gr le grand duc qui sachant sa femme en couche avoit obtenu la permission du grand duc d'aller la voir; que le grand duc le lui avoit permis de son propre chef; que des permissions et des absences de ce genre ètoient du plus mauvais éxemple pour l'armée, et que quand elles avoient été accordées une fois, qu'il ètoit difficile de les refuser ensuite à d'autres officiers qui pouvaient être aussi dans le cas de faire des demandes pareilles. Il ajouta qu'il écrivoit toujours très éxactement à v. m-té, et ne manquoit pas de lui communiquer en originaux tous les rapports qu'il recevoit sur nos succés un peu conséquents, et même qu'il lui avoit envoyé le rapport de Bennigsen sur la bataille de Heilsberg le lendemain du jour qu'il l'avoit eu. A cette occasion il me récapitula toutes les raisons qui l'engageoient à désirer la paix, et qui depuis longtems sont si profondément gravées dans mon coeur, en disant que nous avions perdu un nombre éffrayant d'officiers et de soldats, que presque tous nos généraux, et surtout les meilleurs d'entr'eux étoient blessés ou malades; qu'il n'y avoit plus à l'armée que cinq à six lieutenants-généraux, lesquels Gortschakoff, Ouvarow, Gallitzin, qui n'avoient ni éxpérience, ni talens militaires, et par conséquent qu'il manquoit à présent de chefs instruits, capables de commander les trouppes et des corps détachés; qu'il lui étoit impossible (ce qui est une vérité incontestable) de continuer la guerre seul, et n'etant pas soutenu par ses alliés; que l'Angleterre s'étoit mal conduite dès le commencement, et qu'à présent elle venoit de donner la promesse insignifiante beaucoup d'un corps auxiliaire de dix à douze mille hommes sans déterminer au juste le tems où elle le feroit, et quand que ce corps arriveroit ce seroit déjà trop tard; que le lord Gower, chargé de cette assurance, avoit aussi éxpliqué que l'Angleterre n'étoit pas en état de disposer de plus de deux millions deux cent mille livres sterling par an en faveur de ses liaisons sur le continent et que cette somme devoit être partagée entre la Russie, la Prusse et l'Autriche; qu'un secours pecuniaire d'aussi peu de valeur ne pouvoit pas l'aider dans les grandes dépenses qu'il avoit à supporter; qu'il se flattoit que la France ne voudroit pas entamer ses frontières, et que pour faire restituer à la Prusse ses possessions il avoit à offrir des équivalents par la Moldavie, la Walachie et les sept iles Ionniénnes; enfin qu'il y avoit des circonstances, où il falloit songer de préférence à sa propre conservation, et ne suivre d'autres régles que le bien de l'état: ce qui est aussi une bien grande vérité. J'osai lui parler des plaintes des officiers blessés que j'avais vu à Yourbourg, qu'eux et l'armée en général n'avoient pas été payés depuis deux tièrsaux. Il s'écria que cet abus n'aurait jamais du éxister, qu'il avoit toujours fait passer à l'armée des sommes considérables et suffisantes et que c'étoit une preuve de plus de la mauvaise géssion des employés et des malversations du général Bennigsen, qui formoit une fortune aux dépenses de la caisse de l'armée, en favorisant aveuglement un livrancier-Juif, nommé Mérowitsch, dont le frère voulu suborner le sécretaire du c-te Liewen l'hiver dernier; que m-me de Bennigsen portoit

son mari à toutes ses mesures d'avarice et que Merowitsch captivoit sa protection par des présents continuels et avérés; qu'il ne pouvoit comprendre comment on avoit une si grande opinion de Bennigsen dans la capitale; qu'il n'étoit nullement consideré à l'armée, et qu'un chacun le trouvoit mou et sans énergie dans le commandemant; qu'il ne faisoit que reculer après ses batailles, au lieu d'avancer comme le soldat russe y étoit accoutumé et comme Souworoff le faisoit toujours; et que ce n'étoit pas à lui et à ses prétendus talents, mais uniquement à l'intrépidité de nos troupes que nous devions nos victoires à Pultusk et à Eylau.

L'empereur avoit pris la résolution de retourner à Tauroggen pour faciliter la négociation de l'armistice. A présent que l'armistice est conclu, il y est toujours allé, et c'est pour diriger et presser mieux la négociation du traité de paix définitif. Il ne s'est fait accompagner que de Budberg, de Tolstoy, et de Liewen. Le reste de la suite reste ici; et il m'a ordonné de faire sans lui les honneurs de sa table au lord Gower, qui a demandé avec importunité de venir ici de Memel, et qui va nous arriver bien mal-à-propos pour lui. L'empereur compte revenir ici dans peu; probablement ce ne sera que pour passer en retournant à Pétersbourg; il m'a dit que ce sera alors qu'il me munira de ses derniers ordres pour Vienne.

Notre armée a passé le pont sur le Nièmen près de Tilsit, et après l'avoir brulé elle s'est portée sur l'autre bord de la rivière. Mais l'activité de Bonaparte est si grande, qu'il est déjà avec toutes ses forces à Tilsit, où il loge dans la même maison qu'y occupoit l'empereur; et plusieurs de ses corps se sont avancés sur différents points jusqu'au Nièmen, et entr'autres, à ce qu'on dit, jusqu'à Kedoullen qui est vis-à-vis de Yourbourg. Ce dernier endroit est sans aucune défense et se trouve être à présent le depôt de tous nos blessés à la funeste journée de Friedland. Que de raisons donc pour faire cesser notre état de guerre et nous arranger au plutôt avec la France!

Le roi de Prusse, ayant à sa suite le maréchal de Kalckreuth, son ministre Hardenberg et son aide de camp Yago, part demain de grand matin pour réjoindre l'empereur à Tauroggen. Ce sera le maréchal de Kalckreuth qui négociera pour son maître avec Bonaparte.

IX.

Шавли, 10/22 Іюня 1807.

Я долженъ еще донести в. вел-ву., то же по приказанію государя, о конфиденціальномъ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ нынѣшній вечеръ, прежде чѣмъ было извѣстно о заключеніи перемирія. Сообщая государю о письмѣ в. в-ва отъ 7 числа, полученномъ мною сегодня, я ему сказалъ, что вы безпокоитесь, не получая четыре дня отъ него никакого извѣстія, между тѣмъ какъ, по городскимъ слухамъ, битва была кровопролитная. Государь отвѣчалъ, что слухи о Гейльсбергской битвѣ не могли быть распущены никѣмъ, кромѣ какъ адъютантомъ великаго князя Озеровымъ (5), который выпросилъ себѣ у в.к. позволеніе повидаться съ женою по случаю ея родовъ; что великій князь далъ Озерову это позволеніе самовольно; что позволенія и отлучки подобнаго рода даютъ самый дурной примѣръ войску: если они ужъ однажды допущены, то потомъ трудно отказать другимъ офицерамъ, которые могутъ обращаться съ подобною же просьбою. Государь прибавилъ, что онъ всегда извѣщалъ в. в-во весьма точно обо всемъ и сообщалъ даже въ подлинникѣ получаемыя имъ донесенія о нашихъ

(5) Ср. Р. Архивъ 1867, стр. 521, 558 и 782, въ Запискахъ гр. Комаровскаго.

наиболѣе важныхъ успѣхахъ и даже послалъ вамъ донесеніе Бенигсена о Гейльсбергской битвѣ на другой день по полученіи. При этомъ случаѣ государь исчислилъ мнѣ всѣ основанія, заставляющія его желать мира, и которыя давно уже глубоко начертаны въ моемъ сердцѣ; онъ говорилъ, что мы потеряли ужасающее число офицеровъ и солдатъ, что всѣ наши генералы, и въ особенности лучшіе, ранены или больны; что въ арміи только пять-шесть генералъ-лейтенантовъ, которые напр. Горчаковъ, Уваровъ и Голицинъ не имѣютъ ни опытности, ни военныхъ талантовъ, и что слѣдовательно у насъ нѣтъ свѣдущихъ начальниковъ, способныхъ командовать войсками и отдѣльными корпусами, и ему невозможно, что̀ совершенно неоспоримо, продолжать войну одному, безъ помощи союзниковъ; что Англія ведетъ себя дурно съ самаго начала и теперь дала весьма незначительное обѣщаніе выставить войско въ 10—12 тысячъ, не опредѣляя съ точностію къ какому сроку, и это войско прійдетъ уже слишкомъ поздно; что лордъ Гауеръ, уполномоченный на это обѣщаніе, прибавилъ также, что Англія въ состояніи располагать лишь 2 мил. 200 тыс. фунтовъ стерлинговъ въ годъ для поддержки своихъ связей на материкѣ, и что эту сумму должно распредѣлять между Россіей, Пруссіей и Австріей; что такое незначительное денежное пособіе не облегчитъ государя въ большихъ издержкахъ, которыя онъ долженъ принять на себя; что онъ льститъ себя надеждою, что Франція не захочетъ измѣнять наши границы и что для вознагражденія Пруссіи за ея владѣнія онъ полагаетъ предложить равносильныя въ видѣ Молдавіи, Валахіи и 7 Іоническихъ острововъ; что наконецъ бываютъ обстоятельства, въ которыхъ нужно думать преимущественно о самосохраненіи и не руководствоваться никакими правилами кромѣ мысли о благѣ государства: это также величайшая истина.—Я осмѣлился передать государю жалобы раненыхъ офицеровъ, видѣнныхъ мною въ Юрбургѣ ([6]), на неуплату имъ и вообще всей арміи жалованья за 2 трети. Государь воскликнулъ, что этого никогда бы не должно быть, что онъ всегда препровождалъ въ армію значительныя суммы, достаточныя на ея нужды, и что это служитъ новымъ доказательствомъ дурнаго управленія чиновниковъ ([7]) и казнокрадства ген. Бенигсена, который богатѣлъ на счетъ войсковыхъ суммъ, слѣпо покровительствуя поставщика изъ Евреевъ Меровича, братъ котораго прошлою зимою хотѣлъ подкупить секретаря графа Ливена; что г-жа Бенигсенъ ([8]) подвигаетъ своего мужа на всѣ любостяжательныя дѣйствія и что Меровичъ пріобрѣлъ ея протекцію, какъ это доказано, безпрерывными подарками; что онъ понять не можетъ, какимъ образомъ о Бенигсенѣ имѣютъ въ столицѣ такое высокое мнѣніе; что его ни мало не уважаютъ въ арміи, всѣ находятъ вялымъ и слабымъ въ управленіи; что онъ послѣ каждой битвы только все отступаетъ, вмѣсто того, чтобъ итти впередъ, какъ привыкъ Русскій солдатъ и какъ это всегда дѣлалъ Суворовъ, и что нашими побѣдами при Пултускѣ и Эйлау мы обязаны не ему и его мнимымъ талантамъ, а единственно доблести нашихъ войскъ.

Государь принялъ рѣшеніе возвратиться въ Таурогенъ, чтобъ облегчить заключеніе перемирія; теперь, когда перемиріе уже заключено, онъ все таки отправился туда, для того, чтобы лучше направить и ускорить составленіе окончательнаго мирнаго трактата. Онъ взялъ съ собою только Будберга, Толстаго и Ливена. Остальная часть свиты осталась здѣсь. Государь поручилъ мнѣ въ свое отсутствіе пригласить къ царскому обѣду

([6]) Сличи показаніе К. Н. Батюшкова въ Р. Архивѣ 1867 стр. 1356.

([7]) Извѣстно, что послѣ Тильзита провіантскіе чиновники лишены были мундира, ср. въ Запискахъ Мертваго, стр. 239 (Р. Архивъ 1867 года)

([8]) Екатерина Ѳаддеевна дочь, дворянина гродненской губерніи Ѳаддея Романовича Андржейковича,

лорда Гауера, который безотвязно напрашивался пріѣхать сюда изъ Мемеля и пріѣдетъ очень въ невыгодную для себя пору. Государь располагаетъ скоро вернуться сюда, вѣроятно только проѣздомъ въ Петербургъ; онъ сказалъ, что тогда онъ и снабдитъ меня послѣдними приказаніями для Вѣны.

Наша армія перешла мостъ на Нѣманѣ близь Тильзита, и сжегши мостъ, стала на другомъ берегу рѣки. Но быстрота Бонапарта такъ велика, что онъ уже въ Тильзитѣ со всѣми своими силами и помѣстился въ томъ самомъ домѣ, который занималъ государь (*); многіе изъ его корпусовъ выступили впередъ на разныхъ пунктахъ даже до Нѣмана, и между прочимъ, какъ говорятъ, до Кедуллена, лежащаго противъ Юрбурга, который остается безъ всякой защиты, а между тѣмъ въ настоящее время служитъ убѣжищемъ всѣхъ нашихъ, раненныхъ въ гибельный Фридландскій день. И такъ сколько основаній прекратить военныя дѣйствія и уладить съ Франціей какъ можно скорѣе!

Король Прусскій со свитою, состоящею изъ маршала Калькрейта и министра Гарденберга, съ его адъютантомъ Яго, уѣзжаетъ завтра рано утромъ, чтобы встрѣтиться въ Таурогенѣ съ государемъ. Вести переговоры съ Бонапартомъ отъ лица своего государя будетъ маршалъ Калькрейтъ.

X.

à Schawel, le 10/22 de juin, 1807.

Madame,

Au milieu des angoisses que nous donnoit notre situation politique après les derniers désastres de notre armée, du sein des plus cruelles inquiètudes, nous voilà transportés dans la plus grande joie! Dieu a veillé sur la Russie, sur la personne et la gloire de l'empereur votre fils! Le sang ne coulera plus, les calamités qui affligeoient l'humanité et l'Europe entière vont cesser; la Russie n'aura qu'à regretter les braves trouppes qu'elle a perdu, mais leur bravoure lui a acquis une gloire nouvelle, et en recouvrant sa tranquillité elle conserve toute sa puissance et toutes ses frontières. Personne ne peut y prendre plus de part que v. m-té i-le: qu'elle me permette donc de lui en adresser mes vives félicitations.

C'est par ordre éxprés de s. m-té l'empereur, que je l'informe qu'il y a une heure, quand il alloit monter déjà en voiture pour se rendre de nouveau pour quelques jours à Tauroggen, qu'un officier des gardes de Semenofski, éxpédié en courier par le p-ce Dmitrey Lobanoff lui a apporté l'agréable et heureuse nouvelle qu'il vient de signer à Tilsit avec le maréchal Berthier un armistice pour la durée d'un mois, pendant lequel on doit travailler à la confection du traité de paix définitif. La convention de l'armistice est absolument telle que nous pouvions la souhaiter: il n'y est question d'aucune garantie pour la France, d'aucune cession des trois forteresses Prussiennes qu'elle avoit commencé à demander pour sa sureté; le Nièmen et la Narew sont indiquées pour limites aux contrées occupées par les deux armées. Le roi de Prusse doit envoyer son plénipotentiaire pour traiter séparement. L'empereur m'a aussi ordonné de marquer à v. m-té qu'il lui écrira avec détail sur cet évenement, si peu attendu et si important, et qu'il lui enverra tous les papiers qui le concernent, d'abord après son arrivée à Tauroggen.

Il n'y a sorte de prévenances et de politesses qu'on n'ait temoignées au p-ce Labanoff au quartier-général françois, dès la première fois qu'il y a été. Berthier lui a dit sans hésiter que Bonaparte ne désiroit rien tant que de

(*) Точно также, какъ въ іюлѣ 1812 года въ Вильнѣ.

faire la paix avec la Russie et de vivre toujours en paix et en alliance avec l'empereur. Labanoff y repondit que l'empereur par ses sentimens d'humanité désiroit aussi lui-même la paix, mais qu'elle dépendoit des conditions qui avoient à l'établir et que si celles-là n'étoient pas acceptables, qu'alors il préféreroit de continuer à employer toutes les forces que la Providence lui a confiées pour soutenir sa dignité et celle de sa couronne. Berthier repliqua, qu'il ne devoit pas se permettre une idée pareille, qu'il devoit l'éloigner entièrement de son ésprit en traitant avec lui, que Bonaparte et toute la France savoient respecter une nation aussi brave que la nation Russe, et que la Russie n'auroit aucun sacrifice à faire. Enfin l'armistice a été conclû. Votre majesté en sera certainement contente! Il est un prélude propice et certain du traité de paix qui va le suivre.

Labanoff marque aujourd'hui entr'autres à l'empereur que Bonaparte l'a appellé chez lui, qu'il l'a admis à son diner, qu'il l'a gardé plus de cinq heures en l'entretenant toujours avec beaucoup de feu et de gaieté, et que pendant le diner il a versé du champagne dans son verre et le sien en lui proposant de boire ensemble à la santé de notre empereur, et qu'en en faisant les plus grands éloges il a ajouté qu'il l'avoit toujours éstimé, qu'il avoit toujours désiré son amitié, et qu'il ne demandoit pas mieux que de la lui prouver en faisant avec lui une aillance utile aux deux empires et nécessaire au repos de l'Europe.

V. m-té daignera convenir que rien de plus heureux ne pouvoit nous arriver. Le Ciel nous accorde Sa bénédiction, et cette faveur dans l'époque la plus critique où se soit jamais trouvée la Russie! Abandonnés, ou pas du tout soutenus autant que nous devions l'être, par nos alliés, nous avions à soutenir seuls tout le fardeau d'une guerre que nous ne pouvions faire qu'avec le concours éfficace de l'Angleterre et de l'Autriche: nous manquions d'argent, de provisions, d'armes; nos trouppes après les pertes qu'elles avoient subi ne pouvoient être renouvellées qu'aux dépens de notre population et encore les nouvelles recruës n'auroient-elles pas d'abord remplacés nos vieux soldats; nous avions devant nous, sur nos frontières, un ennemi victorieux, avec des forces trois fois plus considérables que les notres, qui n'avoient à faire qu'un pas en avant pour entrer dans nos provinces polonaises, où couve le feu de l'insurrection, et qui étoient toutes prêtes à le recevoir et à s'insurger! Qu'avions nous à lui opposer? Les débris d'une grande armeé, decouragée par tout ce que les généraux lui ont fait souffrir; une désorganisation parfaite dans nos moyens et nos ressources; aucun espoir de succés, et aucune utilité quelconque dans tous les sacrifices aux quels nous aurions pu encore nous obstiner! Ce tableau, éxactement vrai, où rien n'est partial ou exageré, suffit pour nous faire sentir combien nous sommes heureux de sortir aussi avantageusement de cette lutte penible et dangereuse, où nous étions engagés. Je ne puis douter que v. m-té n'en partage avec moi la conviction.

Ayant trouvé m-r de Budberg à mon arrivée ici, pénétré des revers qu'avoient éssaiés nos armes et de ceux que nous redoutions à la suite de ceux-là, j'aime à croire qu'il est intérieurement revenu de cette tenacité en faveur de la continuation de la guerre que je regrettois tant en lui, et qu'il ne voudra pas entraver notre prompte réconcilia-

tion avec la France si bien commencée par Labanoff.

Comme je connois les sentimens de m-me la grande duchesse Cathérine, je suis persuadé du bonheur qu'elle éprrouvera en apprenant la bonne nouvelle que je donne à v. m-té et par attachement pour elle, j'en jouis d'avance.

La paix que nous allons conclure, puisse-t-elle être aussi longue et durable que tout semble le présager? Il n'y a pas un mot encore des Turcs, mais il est probable qu'un des articles de notre paix avec la France les regardera, et ne manquera pas de les faire renoncer à leurs dispositions hostiles contre nous.

X.

Шавли, 10/22 Іюня, 1807.

Государыня,

Среди душевныхъ страданій, причиненныхъ нашимъ политическимъ положеніемъ послѣ послѣднихъ несчастій нашей арміи, вдругъ мы переходимъ отъ самаго тяжкаго безпокойства къ самой сильной радости. Богъ бодрствовалъ надъ Россіею, надъ особою и славою царя, вашего сына! Кровь не будетъ больше литься, бѣдствія, удручавшія человѣчество во всей Европѣ, прекращаются; Россіи остается только сожалѣть о погубленныхъ храбрыхъ войскахъ, но ихъ доблесть доставила ей новую славу и, пріобрѣтая миръ, она сохраняетъ свое могущество и неприкосновенность границъ. Никто не можетъ принимать въ этомъ болѣе участія, какъ ваше и. в-во, почему позвольте мнѣ принести вамъ мое усерднѣйшее поздравленіе.

Я извѣщаю васъ объ этомъ по особому приказанію его в-ва государя императора. Назадъ тому часъ, когда государь уже садился въ экипажъ, чтобы снова отправиться на нѣсколько дней въ Таурогенъ, одинъ офицеръ Семеновской гвардіи, посланный курьеромъ отъ князя Димитрія Лобанова, привезъ пріятное и счастливое извѣстіе, что князь и маршалъ Бертье подписали въ Тильзитѣ перемиріе на мѣсяцъ, впродолженіи котораго будутъ работать надъ составленіемъ окончательнаго мирнаго трактата. Условія перемирія таковы, лучше какихъ мы не могли бы и желать: отъ Россіи не требуютъ никакихъ обезпеченій для Франціи, ни уступки трехъ Прусскихъ крѣпостей, которыхъ Франція начинала было требовать для своей безопасности; Нѣманъ и Наревъ назначены границами раіоновъ, занимаемыхъ обѣими арміями. Прусскій король долженъ прислать своего полномочнаго посланника для отдѣльныхъ переговоровъ. Государь приказалъ мнѣ также прибавить, что онъ будетъ в. в-ву писать подробно объ этомъ столь мало ожиданномъ и столь важномъ событіи и пришлетъ вамъ всѣ бумаги, къ оному относящіяся, тотчасъ по возвращеніи въ Таурогенъ.

Князя Лобанова осыпали всѣми родами предупредительности и учтивостей въ главной французской квартирѣ, какъ только онъ туда прибылъ. Бертье сказало ему прямо, что Бонапартъ ничего такъ не желаетъ, какъ заключить миръ съ Россіей и жить всегда въ мирѣ и союзѣ съ государемъ. Лобановъ отвѣчалъ, что государь, по чувству человѣколюбія, и самъ тоже желаетъ мира; но оный зависитъ отъ условій, на которыхъ его заключатъ, и если они будутъ неудобопріемлемы, то государь предпочтетъ употребить всѣ силы, ввѣренныя ему Провидѣніемъ, для поддержанія достоинства своего и своей короны. Бертье отвѣчалъ, что не должно допускать къ себѣ и мысли объ этомъ, что князь долженъ удалить ее совершенно изъ головы при разговорѣ съ нимъ, что Бонапартъ и вся Франція умѣютъ уважать столь доблестный народъ, какъ народъ Русскій и что Россія не должна будетъ дѣлать никакихъ жертвъ. Наконецъ перемиріе было заключено. В. вел-во навѣрно будете имъ довольны. Это благопріятный и вѣрный

предвѣстникъ мирнаго трактата, который за нимъ послѣдуетъ.

Лобановъ сегодня расказывалъ между прочимъ государю, что Бонапартъ пригласилъ его къ обѣду и удержалъ его у себя пять часовъ слишкомъ, ведя постоянно бесѣду съ большимъ одушевленіемъ и веселостью; во время обѣда налилъ шампанскаго себѣ и ему и предложилъ выпить за здоровье нашего государя и, говоря о немъ съ величайшею похвалою, прибавилъ, что онъ всегда уважалъ его, всегда искалъ его дружбы и союза, полезнаго для обѣихъ имперій и необходимаго для спокойствія Европы.

В. в—во согласитесь, что ничего болѣе счастливаго для насъ не могло случиться. Небо послало намъ благословеніе и оказало покровительство въ самую трудную пору, въ какой только Россія находилась когда либо. Оставленные или неподдержанные нашими союзниками, какъ это было, мы должны были одни нести всю тяжесть войны, которую мы могли бы вести лишь при дѣятельномъ пособіи Англіи и Австріи; у насъ не было ни денегъ, ни продовольствія, ни оружія; наши войска, послѣ испытанныхъ ими потерь, могли быть пополнены только насчетъ нашего народонаселенія, и рекруты на первой разъ не могли бы замѣнить нашихъ старыхъ солдатъ; мы имѣли передъ собою, у нашихъ границъ, побѣдоноснаго непріятеля, съ силами втрое бо̀льшими, чѣмъ наши собственныя; ему оставалось сдѣлать одинъ шагъ впередъ, чтобы вступить въ наши Польскія провинціи, гдѣ тлѣетъ огонь возстанія и которыя совершенно готовы принять непріятеля и отложиться! А мы что̀ могли ему противопоставить? Остатки большой арміи, лишенные всякой бодрости вслѣдствіе всего, что̀ армія должна была вытерпѣть отъ ошибокъ ея предводителей; совершенное разстройство средствъ и субсидій; полную безнадежность успѣха и совершенную безпомощность всякихъ пожертвованій, къ какимъ бы мы ни продолжали прибѣгать! Эта картина, совершенно вѣрная, въ которой ничего не преувеличено, достаточно убѣждаетъ, какъ мы счастливы, что вышли съ такою выгодою изъ этой трудной и опасной борьбы, въ которую вовлеклись. Не сомнѣваюсь, что ваше в—во раздѣляете мое убѣжденіе.

По пріѣздѣ моемъ сюда я нашелъ Будберга ([10]) вполнѣ озабоченнымъ тѣми неудачами, которыя испытало наше оружіе, и тѣми, которыхъ мы должны вслѣдствіе того еще опасаться въ будущемъ; почему я охотно думаю, что Будбергъ совершенно отказался отъ упорнаго мнѣнія въ пользу войны, которое мнѣ было такъ жаль въ немъ видѣть, и что онъ не будетъ перечить нашему внезапному сближенію съ Франціей, которое такъ хорошо начато Лобановымъ.

Зная образъ мыслей великой княжны Екатерины, я увѣренъ, что извѣстіе, сообщаемое мною в. в-ву, принесетъ и ей большое удовольствіе, и по моей къ ней преданности я заранѣе этому радуюсь.

Миръ, который мы заключимъ, будетъ ли такъ продолжителенъ и проченъ, какъ это кажется? Еще ничего не говорено о Турціи; но вѣроятно одинъ изъ пунктовъ мирнаго трактата съ Франціей будетъ касаться и Турціи и конечно принудитъ ее оставить враждебныя отношенія къ намъ.

XI.

à Schawel, le 14 juin, 1807.

Madame,

Je n'ai pas à me reprocher de ne pas m'être acquitté de mon devoir envers v. m-té i-le. Je m'en suis fidelement acquitté d'après tous les sentimens sacrés qui m'attachent à elle. Je ne lui ai rien tu de tout ce que j'ai entendu et pu juger moi même de l'état où j'ai trouvé nos affaires, de la situa-

([10]) Тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ.

tion de notre armée, des tristes évenements auxquels ces derniéres opérations ont donné lieu; des suites qui pouvoient en resulter, des moyens et des ressources qui nous restoient pour continuer la guerre, des considérations multipliées à l'infini et des puissantes raisons qui nous faisoient un besoin urgent de la paix, et nous en commandoient le désir. Je ne puis rien ajouter à tout ce que j'en ai dit, j'en ai tracé à v. m-té à différentes reprises le tableau le plus énérgique. Elle a pu voir que ma conviction étoit celle des personnes à qui j'avois à parler, et que la leur sur l'objet majeur qui doit nous occuper tous maintenant étoit la mienne. Je dois croire que mes dernières lettres n'étoient pas entre les mains de v. m-té i-le, quand elle m'a fait l'honneur d'ecrir le 11 du courant: puisque je vois avec peine, que les nouvelles qui lui étoient parvenues alors contribuaient encore à l'induire en erreur. Je suppose qu'alors elle ne savoit que la bataille de Geilsberg, qu'elle ignoroit que le lendemain Bennigsen tourné par l'énnemi a été continuellement forcé par lui à des marches retrogrades, à des pertes sensibles, enfin à la funeste bataille de Friedland, où il est inculpé avec justice dans toutes les dispositions qu'il y avoit faites; et ensuite à sa retraite par Tilsit, audelà du Nièmen. Elle se livre à l'éspérance par le contenu du rapport de Bennigsen, mais tous ses rapports à l'empereur étoient fallacieux, conçus en termes généraux et n'apprenant rien de positif et de détaillé sur ce qu'il avoit à lui faire connoître du nombre éffectif de ses trouppes et de la perte qu'elles subissoient graduellement en tués, en blessés et en marodeurs. Il a le reproche général d'être trop indifférent à la tenue, à la conservation et à l'emploi der trouppes qui lui sont confiées. Je ne sais comment on a pu dire à v. m-té que Koenigsberg a été incendié; ce que nous savons de cette malheureuse ville, c'est que l'ennemi, après l'avoir prise, en a éxigé une contribution de deux millions d'ecus, et ne s'y est porté au reste à aucun éxcés. Je ne puis cacher à v. m-té que les François ne dévastent pas les contrées où ils font la guerre, et que les Prussiens, même ceux qui ne s'entendent pas du tout à la politique, s'en plaignoient beaucoup moins que de nous.

Après l'heureuse nouvelle de l'armistice et le départ de l'empereur pour Tauroggen, nous ne savons rien ici de tout ce qui se passe. Nous vivons à Schawel, Czartoriski, Novossillzow, Hagarin, Albedil et moi, dans une parfaite ignorance sur l'importante négociation qui doit être maintenant sur le tapis. Nous attendons avec une vive impatience le retour de l'empereur et la conclusion de la paix, en désirant que celle-là soit honorable et avantageuse à la Russie. Il paroit qu'elle le sera, et qu'on peut l'éspérer d'après les procédés et toutes les paroles de Bonaparte et de ses generaux connues jusqu'à prèsent. — Nous avons eu ici hier Beklescheff qui avoit obtenu la permission de l'empereur de venir prendre en personne ses ordres sur des mesures qu'il jugeoit nécéssaires pour garantir dans ce moment nos ports de la Baltique contre toute entreprise de l'ennemi entreprenant que nous avions à combattre. Il a continué son voyage jusqu'à Tauroggen et comme il est probable que l'empereur daignera l'entretenir en particulier, Beklescheff ne manquera pas de lui faire connoître toute la plénitude de ses inquiètudes sur la continuation de la guerre et de ses desirs les plus motivés et les plus per-

suasifs de la paix. Il pense aussi, et il le pense hautement, qu'il est bien tems, que nous ne songions qu'à nous seuls, que nous nous appercevions combien nos fautes en politique nous ont déjà été nuisibles, et que nous cessions de nous sacrifier aveuglement aux uniques intérêts d'alliés, qui, au lieu de nous assister, autant qu'ils l'auroient du, ne songent qu'à leurs propres convenances et sont toujours prêts à nous abandonner à notre propre sort. C'est l'opinion de Bekleschеff, et elle doit être du plus grand poids, quand on se rappelle de son attachement pour son pays et des preuves qu'il a données de son caractère ferme et loyal.

La manière dont j'éxiste depuis plus de trois semaines est en vérité plus pénible à supporter, que toutes les douleurs de la goutte dont j'ai eu à souffrir pendant plus de trois mois de cet hiver. Je suis consumé d'ennui, d'angoisses, d'inquiètudes, d'impatience, et j'éprouve que des toutes les souffrances, aux quelles les pauvres humains sont assujetis, les souffrances morales sont les plus cruelles. Ici nous ne faisons que dormir, manger et jouer au boston; nous ne pouvons pas même nous promener et nous donner de l'éxércice, parcequ'il fait froid et qu'il pleut tous les jours.

Je me mets aux pieds de m-me la grande duchesse Cathérine et je suis avec le plus profond respect etc.

XI.

Шавли, 14 іюня 1807

Государыня,

Не могу упрекнуть себя, что я не исполнилъ своей обязанности предъ в. и. в.: я ее исполнилъ вѣрно, сообразно съ священными чувствами, которыя я къ вамъ питаю. Я ничего не утаилъ отъ васъ изо всего что̀ я слышалъ и что̀ могъ самъ сообразить о положеніи нашихъ дѣлъ и нашей арміи, о печальныхъ произшествіяхъ, вызванныхъ ея послѣдними дѣйствіями; я объяснилъ послѣдствія, которыя могли изъ нихъ выйти, средства и ресурсы, остававшіеся намъ для продолженія войны, безконечно разнообразныя соображенія и сильныя причины, которыя дѣлали миръ настоятельно-необходимымъ и усиливали въ насъ желаніе этого мира. Мнѣ нѣчего прибавить къ тому что̀ я писалъ; я въ нѣсколькихъ письмахъ представилъ в. в-ву картину самую вѣрную и самую сильную. Вы видѣли, что моимъ убѣжденіемъ было убѣжденіе тѣхъ лицъ, съ которыми я говорилъ, и что ихъ мнѣніе о большей части предметовъ, насъ теперь занимающихъ, сходно съ моимъ. Я долженъ полагать, что мои письма еще не были въ рукахъ в. и. в—ва, когда вы меня почтили письмомъ отъ 11 сего мѣсяца: ибо я съ сожалѣніемъ вижу, что дошедшія до васъ тогда новости клонились къ тому, чтобы ввести васъ въ заблужденіе. Я полагаю, что вы тогда знали только еще объ одной Гейльсбергской битвѣ; вы еще не знали, что на слѣдующій день Бенигсенъ, опрокинутый непріятелемъ, былъ постоянно принуждаемъ къ попятнымъ движеніямъ и испытывалъ чувствительныя потери; что наконецъ онъ былъ вовлеченъ въ Фридландскую битву, гдѣ на него падаетъ справедливое обвиненіе за всѣ имъ сдѣланныя распоряженія, и затѣмъ отступилъ чрезъ Тильзитъ на другую сторону Нѣмана. Вы предаетесь надеждамъ на основаніи донесеній Бенингсена; но всѣ его донесенія государю лживы, состоять изъ общихъ мѣстъ и не говорятъ ничего такого что̀ бы дало государю положительное и обстоятельное показаніе о дѣйствительномъ числѣ его войскъ и о ихъ постепенной убыли убитыми, ранеными и бѣжавшими. Бенингсена всѣ упрекаютъ въ излишнемъ равнодушіи къ содержанію ввѣренныхъ ему войскъ, ихъ сохраненію и употребленію. Не понимаю, какъ могли сообщить в. в-ву, что Кёнигсбергъ сож-

женъ; мы знаемъ объ этомъ несчастномъ городѣ только то, что непріятель, взявши его, потребовалъ контрибуціи въ 2 милліона тал., но впрочемъ не доходилъ ни до какихъ крайностей. Не могу скрыть отъ в. в-ва, что Французы не опустошаютъ тѣ страны, гдѣ они ведутъ войну, и что Прусаки, даже тѣ, которые ничего не понимаютъ въ политикѣ, жалуются на Французовъ меньше, чѣмъ на насъ.

Послѣ счастливаго извѣстія о перемиріи и отъѣзда государя въ Таурогенъ, мы здѣсь совершенно ничего не знаемъ о томъ, что̀ происходитъ въ арміи. Мы живемъ въ Шавляхъ, Чарторижскій, Новосильцевъ, Гагаринъ, Альбедиль и я, въ совершенномъ невѣденіи о важныхъ переговорахъ, которые теперь ведутся. Ожидаемъ съ живымъ нетерпѣніемъ возвращенія государя и заключенія мира, желая притомъ, чтобъ онъ былъ честенъ и выгоденъ для Россіи. Кажется, онъ таковъ и будетъ; этого можно ожидать по всему ходу дѣлъ, по словамъ Бонапарта и его генераловъ, которые до сихъ поръ извѣстны.—Вчера у насъ былъ здѣсь Беклешовъ, который получилъ отъ государя позволеніе пріѣхать, чтобы принять лично его приказанія касательно мѣръ, признаваемыхъ необходимыми, чтобъ обезопасить наши Балтійскіе порты противъ всѣхъ покушеній предпріимчиваго непріятеля, съ которымъ мы имѣли войну. Беклешовъ продолжалъ свое путешествіе до Тауроrена, и какъ государь вѣроятно удостоитъ его конфиденціальнаго разговора, то Беклешовъ непреминетъ сообщить ему во всей силѣ свои опасенія, чтобы война не продолжилась и свои самыя основательныя и убѣдительныя желанія мира. Онъ думаетъ также, и думаетъ открыто, что пора намъ начать заботиться только о себѣ, пора увидѣть, сколько намъ повредили наши политическія ошибки, пора перестать слѣпо жертвовать собою выгодамъ союзниковъ, которые вмѣсто того, чтобы помогать намъ какъ бы то слѣдовало, думаютъ только о своихъ удобствахъ и всегда готовы предоставить насъ нашей собственной участи. Таково мнѣніе Беклешова, и оно получаетъ сильный вѣсъ, когда вспомнишь о его преданности отечеству и явленныхъ имъ доказательствахъ твердаго и честнаго характера.

Образъ моей жизни въ послѣдніе три недѣли по истинѣ несноснѣе подагры, которою я страдалъ три мѣсяца въ эту зиму. Скука, тоска, безпокойство, нетерпѣніе одолѣваютъ меня, и я по себѣ испытываю, что изъ всѣхъ страданій, которымъ подвержено слабое человѣчество, душевныя страданія самыя невыносимыя. Мы здѣсь только спимъ, ѣдимъ и играемъ въ бостонъ; не можемъ даже гулять и дѣлать движеніе, потому что погода холодная и каждый день идетъ дождь.

Припадаю къ стопамъ ея высочества великой княжны Екатерины и остаюсь съ глубочайшею преданностію и пр.

XII.

à Tilsit le $^{18}/_{30}$ de juin 1807

Madame,

J'étais à Schawel, où j'attendais le retour et les derniers ordres de s. m-té l'empereur, pour me rendre de là directement au lieu de ma déstination, quand je reçus vendredi passé une lettre de sa part qui me prescrivoit de venir le joindre sans delai parcequ'il avoit besoin de moi. Je partis sur le champ; j'abandonnai ma voiture et mes équipages pour arriver plus vite; je me mis dans le petit britscka de mon courier où j'avais déjà versé. Je passai deux nuits sans dormir et deux jours sans diner. Jamais je ne me suis moins ménagé que dans cette course; et malgré mon peu d'habitude à le faire et les inquiètudes que me donnoient ma santé et l'état valétudinaire de mes pieds, le Ciel m'a soutenu, et je suis arrivé heureusement içi avant-hier dans l'après diner. Je me suis d'abord présenté

chez l'empereur, qui fut très content de mon empressement à remplir l'ordre qu'il m'avoit donné. Après m'avoir instruit de sa première entrevue sur le Nièmen et des termes d'amitié et de bonne intelligence, où il en étoit déjà avec l'empereur Napoléon, il me prevint qu'il m'avoit appellé pour travailler conjointement avec le p-ce Dmitrey Labanoff à la confection du traité de paix avec la France, et que Napoléon, dès la première fois qu'il l'avoit vû, lui avoit demandé de mes nouvelles avec beaucoup d'intérêt. Je lui fus présenté des le même soir par s. m-té l'empereur. Napoléon m'a reçu de la manière la plus distingnée en me disant en présence de l'empereur et de leurs deux suites, qu'il s'étoit toujours souvenu avec plaisir et reconnaissance de l'époque où j'avais été à la tête des affaires comme vice-chancelier, et des soins que j'avais eû de consolider les liaisons qui s'étoient rétablies entre la Russie et la France. Je fus accueilli par Talleyrand, Berthier et le grand duc de Berg avec les mêmes souvenirs et les mêmes éxpressions. Duroc et Caulaincourt me remercièrent pour la reception que je leur avoit faite à Pétersbourg. Tous, en commençant par Napoléon, ne tarrissent pas en eloges sur la personne de l'empereur, et témoignent hautement leur grande satisfaction que les mésentendus qui désunissoient nos deux empires sont dissipés, et que leur union va enfin accorder à l'humanité souffrante le bienfait de la paix, dont la France et la Russie et toute l'Europe ont un si grand besoin! Ils répétent tous, et c'est une vérité incontéstable, que notre alliance avec eux peut seule contribuer au retour et assurer à l'avenir la durée de la tranquillité générale en Europe. Napoléon a déjà donné des preuves à l'empereur de son desir de le prevenir en tout: il a envoyé par lui l'ordre à son général Laval d'évacuer le duché de Meklembourg-Schwerin et d'y retablir le duc dans tous ses droits; il a écrit au grand visir et à Sebastiani par le p-ce Nikita Wolkonsky qui a été réexpedié avant-hier d'ici au général Michelson pour faire cesser d'abord toutes les hostilités des Turcs contre nous; il lui a annoncé qu'il lui restituait tous les prisonniers Russes avec uniformes et armes complettes. Enfin il n'y a pas d'attentions et de prévenances qu' il ne lui témoigne.

Le Dieu des Russes veille et répand Ses bénédictions sur eux toujours! La Russie sort de cette guerre avec gloire et un bonheur inattendu; elle est recherchée par la puissance qu'elle avoit combattue, quand celle-là se voyoit avec une supériorité décidée de forces et avoit obtenu sur nous les plus grands avantages par la malheureuse bataille de Friedland, donnée hors de propos et si inutilement, quand nous ne pouvions plus agir que déffensivement, et que nous avions à nous attendre aux grandes et penibles suites qui devoient en resulter; et au lieu de voir ses frontières reculées elle les étend. Sans rien perdre de ses possessions, elle en acquiert de nouvelles: elle gagne pour ses provinces Polonaises une nouvelle frontière militaire qui les lui assure à jamais, elle devient l'ange tutelaire du roi de Prusse qui trouve dans l'empereur son sauveur et va recevoir de ses mains la réstitution d'une grande partie de ses états, qu'il n'a su ni conserver, ni déffendre. Je ne me permets pas d'impiéter (?) sur tout ce que v. m-té ne manquera pas d'apprendre de l'empereur son fils de toutes les propositions que lui avoit faites Napoléon. Elle en sera informée sans doute par lui avec détail, et saura que sa loyauté, sa dé-

licatesse, la modération qui est une de ses grandes vertus, l'ont empêché d'en profiter. Il lui a répugné de partager les depouilles d'un allié abbattu et sans ressources. Il ne dépendoit que de lui de réunir à ses vastes états toutes les provinces Polonaises de la Prusse, et de prendre le titre de roi de Pologne — Napoléon les lui a offerts; mais il a eu la grandeur d'âme de ne pas le vouloir. Ce ne sera qu'après la confection de l'oeuvre salutaire à laquelle je vais travailler qu'il me sera possible de parler à v. m-té des acquisitions que nous allons faire et des autres avantages que l'alliance de la France va nous procurer dans peu. Je ne puis éxprimer combien je me sens heureux de vous annoncer que l'éxpérience et les événemens de ces cinq dernières années ont conduit l'empereur à retourner au sistême et aux principes que j'avois adopté par conviction comme les plus convenables à ses intérêts, dont j'ai été il y a cinq ans l'innocente victime, et desquels cependant rien ne m'a fait devier.

Je ne puis taire à v. m-té que Talleyrand et son maitre ont déjà eû le tems de me dire combien ils souhaitoient que l'empereur m'employe de préferance à Paris. Je ne leur ai repondu chaque fois qu'en termes très vagues, car ce n'est pas ce que je désire. Je me borne au bonheur que j'ai de devenir un des instrumens du rétablissement de la paix et de cette considération influente où se trouvera toujours à l'avenir la Russie, et j'ai déjà pris la liberté de prévenir l'empereur que je déclinais d'avance l'ambassade de Paris, quelque flatteuse qu'elle put m'être dans les circonstances actuelles, et que je ne souhoitais et ne lui demandois que d'aller toujours à Vienne dès que j'aurai tout fini ici. Je lui ai avoué sans detour, que je ne pouvai me decider à accepter ce poste, parceque prisant les bontés de v. m-té pardessus tout, je ne pouvois oublier que même en plaisantant elle n'avoit jamais voulu que j'aille à Paris; que j'etois trop vieux pour vouloir m'exposer à toutes les fausses interprétations que ceux qui sont à Pétersbourg d'un sistême opposé au mien n'auroient pas manqués de donner à toutes mes demarches quand même elles n'auroient été animées que par le zèle le plus pûr pour le service et le bien de ma patrie; et puis qu'ayant déjà fait de très grandes dépenses pour mon établissement à Vienne, où tout étoit prêt pour le séjour que j'avois à y faire, d'après la vocation spontanée qu'il m'y avoit donnée depuis si longtems, l'état de mes finances me défendoit de songer et de consentir à un deplacement aussi ruineux.

A cette occasion, j'ai osé prier l'empereur de m'instruire déjà á présent préliminairement des dispositions que m'avoit inspirée la réponse de v. m-té par rapport à l'affaire de confiance qu'elle m'avoit chargée de soigner à Vienne. En me disant la reponse de v. m-té qui étoit entièrement conforme à l'attente que j'en avois eu, il me déclara que je recevrai ses derniers ordres de Pétersbourg, qu'il me les enverroit par un courier qui m'atteindroit en chemin avant que je n'arrive à Vienne, qu'il vouloit parler encore à v. m-té, qu'il aimoit trop sa soeur pour ne pas s'intérêsser vivement à son sort et à son bonheur, qu'il étoit toujours persuadé que le mariage projetté, par les qualités desagréables de l'individu auquel elle seroit unie, ne la rendroit pas heureuse; qu'en attendant les ordres dont il ne manqueroit pas de me munir d'abord après son entrevue avec v. m-té,

je ne devais faire aucun usage de la lettre dont j'étois le dépositaire, et qu'il auroit souhaité que v. m-té puisse au moins attendre le compte que j'aurai à lui rendre de l'impression produite sur moi par la personne en question. Il a ajouté aussi que les affaires générales et la situation de la Russie venoient de changer tellement, qu'il seroit facile de trouver un autre établissement pour m-me la grande duchesse Cathérine, plus assortissant et plus convenable. Je repliquai qu'entre tous les partis qu'on pouvoit choisir pour elle, il me sembloit qu'il n' y en avoit aucun après celui-là qui lui offroit autant d'avantages que celui qui lui avoit déjà été déstiné autrefois, c'est de celui la p-ce royale de Bavière, et que si elle n'avoit pas à devenir imperatrice d'Autriche qu'elle devienne au moins reine de Bavière, mais que la Bavière s'étoit si mal conduite envers la Russie depuis deux ans, et que v. m-té et m-me la grande duchesse avoient été si indignées de savoir le p-ce royal servir dans l'armée françoise contre nous, qu'elle l'avoit déjà jugé indigne d'obtenir la main de m-me la grande duchesse. C'est à vous deux à décider sa m-té l'empereur; qu'and à moi je continue à souhaiter avec vivacité les moyens de pouvoir contribuer activement à fixer le sort et le bonheur futur de m-me la g-de duchesse Cathérine, à qui je suis attaché pour la vie de coeur et d'âme!

Les deux empereurs, le roi de Prusse, m-gr le grand duc et le grand duc jde Berg ont diné tous les jours seuls dusqu'à présent chez Napoléon. La suite àe l'empereur est invitée ordinairement F diner chez un des maréchaux de prance. Hier nous avons diné chez le prince de Neuchatel, et après que le diner de Napoléon fut fini, on se présente dans son antichambre où il parroit. Il vient lui-même tous les jours chez l'empereur, et reste avec lui tête-à tête des heures entières; il a fait sa visite hier au roi de Prusse et n'y est resté que quelques minutes.

Hardenberg n'est pas ici, et on dit qu'il ne gardera pas sa place. Le p-ce Dmitrey Labanoff vénère v. m-té comme sa bienfaitrice, et m'a instamment prié de le mettre à ses pieds.

Tous les François et principalement Caulaincourt m'ont beaucoup parlé de la bienfaisance et des vertus de v. m-té et de l'état florissant auquel elle avoit portée les établissemens qui étoient sous ses auspices.

Comme je numerotte mes lettres pour être sûr de leur éxacte reception, je supplie v. m-té de vouloir bien m'indiquer toujours les № qui lui en parviennent et auxquels elle me repond.

Que v. m-té daigne me rappeller à la memoire de m-me la grande duchesse, et agréer l'hommage du profond respect avec lequel je suis etc.

XII.

Тильзитъ $\frac{18}{30}$ іюня 1807.

Государыня.

Я жилъ въ Шавляхъ, ожидая возвращенія и послѣднихъ приказаній его величества государя императора, чтобъ оттуда прямо отправиться къ мѣсту моего назначенія; но въ прошлую пятницу я получилъ отъ государя письмо, въ которомъ онъ приказываетъ мнѣ немедленно пріѣхать къ нему, такъ какъ я ему нуженъ. Я тотчасъ же выѣхалъ; оставивъ карету и багажъ, чтобы доѣхать поскорѣе, я сѣлъ въ небольшую бричку моего курьера, въ которой я ужъ разъ опрокинулся. Я провелъ двѣ ночи безъ сна и два дня безъ пищи; никогда я не берегъ себя меньше, чѣмъ въ эту поѣздку; и, не смотря на мою непри-

вычку къ этому и на безпокойство отъ общаго нездоровья и болѣзни ногъ, Богъ мнѣ помогъ, и я благополучно пріѣхалъ сюда третьяго дня послѣ обѣда. Я прежде всего явился къ государю, который былъ очень доволенъ моею поспѣшностью въ исполненіи его приказанія. Сообщивъ мнѣ о своемъ первомъ свиданіи на Нѣманѣ и о дружелюбныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ уже находился съ императоромъ Наполеономъ, государь предупредилъ меня, что онъ призвалъ меня, чтобы поручить мнѣ вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ Лобановымъ составленіе мирнаго трактата съ Франціей. Государь сообщилъ еще, что Наполеонъ при первомъ же свиданьи освѣдомлялся съ большимъ участіемъ обо мнѣ. Я тотъ же вечеръ былъ ему представленъ государемъ. Наполеонъ принялъ меня самымъ отмѣннымъ образомъ, сказалъ мнѣ въ присутствіи государя и обѣихъ свитъ, что онъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ и признательностію о той порѣ, когда я стоялъ во главѣ дѣлъ, какъ вице-канцлеръ, и о моихъ стараніяхъ укрѣпить добрыя отношенія, установившіяся между Россіей и Франціей. Талейранъ, Бертье и вел. герцогъ Бергскій ([11]) приняли меня съ такими же воспоминаніями и выраженіями. Дюрокъ и Коленкуръ благодарили меня за пріемъ, мною сдѣланный имъ въ Петербургѣ. Всѣ, начиная съ Наполеона, неистощимы въ похвалахъ государю и громко выражаютъ великое удовольствіе, что недоразумѣнія, разъединявшія наши государства, прекратились и что ихъ согласіе принесетъ наконецъ страждущему человѣчеству благодѣтельный миръ, въ которомъ Франція, Россія и вся Европа ощущаютъ такую сильную нужду! Всѣ они повторяютъ, и это совершенная истина, что только нашъ союзъ съ ними и можетъ возстановить общее спокойствіе Европы и ручаться за его продолженіе въ будущемъ. Наполеонъ доказалъ уже государю свое желаніе быть во всемъ предъупредительнымъ: онъ послалъ чрезъ него приказъ своему генералу Лавалю очистить герцогство Мекленбургъ-Шверинское и возстановить тамъ герцога во всѣхъ его правахъ; онъ писалъ великому визирю и Себастьяни чрезъ князя Никиту Волконскаго, который былъ обратно посланъ отсюда третьяго дня къ генералу Михельсону, о прекращеніи всякихъ непріязненныхъ дѣйствія Турокъ противъ насъ; онъ объявилъ государю, что возвращаетъ ему всѣхъ русскихъ плѣнныхъ съ мундирами и полнымъ оружіемъ. Словомъ, Наполеонъ оказываетъ государю всевозможное вниманіе и предупредительность.

Русскій Богъ бодрствуетъ надъ нами и посылаетъ Свое благословеніе на насъ! Россія выходитъ изъ этой войны съ неожиданною славою и счастьемъ. Государство, съ которымъ она боролась, заискиваетъ ея расположенія, въ то время, когда на его сторонѣ было рѣшительное превосходство силъ, когда оно получило надъ нами величайшій перевѣсъ вслѣдствіе несчастнаго Фридландскаго сраженія, даннаго не кстати и такъ безполезно; когда мы могли дѣйствовать лишь оборонительно и должны были ожидать оттого весьма грустныхъ послѣдствій; и вотъ вмѣсто сокращенія своихъ границъ, Россія видитъ ихъ расширеніе; ничего не теряя изъ своихъ владѣній, она пріобрѣтаетъ новыя; она пріобрѣтаетъ для своихъ Польскихъ провинцій новую военную границу, которая ихъ обезпечиваетъ для нея навсегда; она дѣлается Ангеломъ-хранителемъ короля Прусскаго, который въ нашемъ государѣ находитъ себѣ спасителя и изъ его рукъ получаетъ снова бо́льшую часть своихъ владѣній, которыхъ онъ самъ не умѣлъ сберечь и защитить. Я не позволю себѣ впередъ судить о томъ, что̀ в. в-во не преминете узнать отъ государя-вашего сына касательно всѣхъ предложеній, которыя ему дѣлалъ Наполеонъ. Вы будете безъ сомнѣнія извѣщены объ этомъ подробно самимъ государемъ и узнаете, что его честность, деликат-

([11]) Мюратъ.

ность и умѣренность, составляющая одну изъ величайшихъ его добродѣтелей, не позволили ему воспользоваться этими предложеніями. Онъ отказался раздѣлить владѣнія побѣжденнаго и разореннаго союзника. Отъ него самого зависѣло присоединить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ Польскія провинціи Пруссіи и принять титулъ короля Польскаго. Наполеонъ предлагалъ это государю, но онъ имѣлъ великодушіе не пожелать этого. Говорить в. в-ву о предстоящихъ намъ пріобрѣтеніяхъ и другихъ выгодахъ, которыя въ скоромъ времени принесетъ намъ союзъ съ Франціей, мнѣ можно будетъ только по окончаніи благодѣтельнаго трактата, надъ которымъ я теперь тружусь. Не умѣю выразить, какъ я чувствую себя счастливымъ, сообщая вамъ слѣдующее извѣстіе: опытъ и событія послѣднихъ пяти лѣтъ возвратили государя опять къ той системѣ и принципамъ, которые я по своему убѣжденію признаю за наиболѣе сообразныя съ его интересами, и невинною жертвою которыхъ я былъ назадъ тому пять лѣтъ, но отъ которыхъ однако ничто не могло меня отклонить.

Не могу умолчать предъ в. в-мъ, что Талейранъ и его государь успѣли уже сказать мнѣ, какъ они желаютъ, чтобъ государь послалъ въ Парижъ меня, а не другаго кого; я имъ отвѣчалъ всякій разъ весьма неопредѣленно, потому что я вовсе того не желаю. Я довольно счастливъ ужъ тѣмъ, что сдѣлался однимъ изъ орудій возстановленія мира и того вліятельнаго значенія, которое Россія сохранитъ навсегда въ будущемъ; я осмѣлился предупредить государя, что заранѣе уклоняюсь отъ посольства въ Парижъ, какъ оно ни лестно для меня въ настоящихъ обстоятельствахъ, и что я ничего не желаю болѣе и ни о чемъ не прошу, какъ только приказанія ѣхать въ Вѣну, когда здѣсь все кончу. Я сознался государю откровенно, что не могу рѣшиться принять этотъ постъ, потому что, ставя милости в. в-ва выше всего, я не могу забыть, что вы, даже шутя, всегда выражали нежеланіе, чтобъ я поѣхалъ въ Парижъ; что я слишкомъ старъ, чтобы подвергать себя ложнымъ толкованіямъ, которыя люди противоположной системы въ Петербургѣ не преминули бы дать всѣмъ моимъ дѣйствіямъ, хотя бы они были внушены самою чистою ревностью къ службѣ и стремленіемъ къ благу Россіи; наконецъ, что сдѣлавъ уже весьма большія издержки для моего пребыванія въ Вѣнѣ, гдѣ все уже приготовлено для моего тамъ жительства, на основаніи назначенія, которое государь изволилъ самъ мнѣ дать уже такъ давно, я не могу по моимъ денежнымъ обстоятельствамъ думать о столь разорительномъ перемѣщеніи въ Парижъ и согласиться на оное ([12]).

При этомъ случаѣ я осмѣлился просить государя дать мнѣ теперь же предварительныя приказанія, какъ я долженъ поступать вслѣдствіе отвѣта вашего в-ва относительно семейнаго дѣла, которое вы мнѣ поручили устроить въ Вѣнѣ. Сообщая мнѣ отвѣтъ в. в-ва, совершенно согласный съ моимъ ожиданіемъ, государь объявилъ, что я получу его послѣднія приказанія изъ Петербурга, что онъ пришлетъ ихъ мнѣ съ курьеромъ, который догонитъ меня на дорогѣ прежде, чѣмъ я доѣду до Вѣны. Онъ желаетъ еще переговорить съ в. в-мъ; онъ слишкомъ любитъ свою сестру для того, чтобы не принимать въ ея судьбѣ и счастьи живаго участія; онъ всегда былъ убѣжденъ, что предполагаемый бракъ, по непріятнымъ качествамъ человѣка, съ которымъ она должна соединиться, не сдѣлаетъ ее счастливою. Въ ожиданіи его приказаній, которыми онъ не преминетъ меня снабдить послѣ свиданія съ в. в-мъ, я не долженъ дѣлать никакого употребленія изъ ввѣреннаго мнѣ письма; онъ бы желалъ, чтобъ в. в-во подождали по крайней мѣрѣ

([12]) Въ послѣдствіи князь А. Б. Куракинъ долженъ былъ покориться обстоятельствамъ и довольно долго занималъ постъ нашего посла въ Парижѣ.

моего отчета о впечатлѣніи, которое на меня произведетъ извѣстная особа. Государь прибавилъ, что вообще дѣла и положеніе Россіи недавно измѣнились въ такой степени, что для ея в-ва великой княжны Екатерины можно найти другое положеніе, болѣе приличное и выгодное. Я отвѣчалъ, что между всѣми партіями, которыя можно для нея выбрать, послѣ этой, мнѣ кажется, не остается другой, столь выгодной, какъ та, которая была для нея предположена прежде,—это бракъ съ принцемъ Баварскимъ, и если ей не придется сдѣлаться императрицею Австрійскою, то пусть она сдѣлается королевою Баварскою; но Баварія въ послѣдніе два года держала себя такъ дурно въ отношеніи Россіи, в. в-во и ея в-во в. княжна такъ были недовольны извѣстіемъ, что Баварскій принцъ служитъ во франц. арміи, противъ насъ, что вы считаете принца уже недостойнымъ получить руку ея высочества великой княжны. Отъ васъ обѣихъ зависитъ расположить е. в. государя императора къ тому или другому рѣшенію; что касается до меня, я продолжаю усердно желать найти средство дѣйствительно упрочить участь и будущее счастье ея выс-ва великой княжны Екатерины, которой я преданъ душею и сердцемъ на всю жизнь!

Оба императора, король Прусскій, великій князь и великій герцогъ Бергскій до сихъ поръ обѣдали у Наполеона одни. Свита государя обыкновенно была приглашаема на обѣдъ къ одному изъ французскихъ маршаловъ. Вчера мы обѣдали у князя Невшательскаго ([13]). Послѣ того какъ обѣдъ Наполеона окончится, ему представляются въ пріемной, куда онъ выходитъ. Самъ онъ посѣщаетъ государя ежедневно и остается съ нимъ цѣлые часы съ глазу на глазъ; вчера онъ посѣтилъ короля Прусскаго и оставался у него лишь нѣсколько минутъ.

Гарденберга здѣсь нѣтъ и, говорятъ, онъ не останется на своемъ мѣстѣ. Князь Дм. Лобановъ чтитъ в. в-во какъ благодѣтельницу и настоятѣльно меня проситъ написать, что онъ припадаетъ къ стопамъ вашимъ.

Всѣ Французы, особенно Коленкуръ, много говорили мнѣ о благотворительности и добродѣтеляхъ в. в-ва и о цвѣтущемъ положеніи, до котораго вы довели состоящія подъ вашимъ покровительствомъ заведенія.

Такъ какъ я нумерую мои письма, чтобъ быть убѣжденнымъ въ ихъ точномъ полученіи, то умоляю в. в-во не отказать указывать всегда № письма, которое вамъ доставлено и на которое вы отвѣчаете.

Удостойте, в. в-во, напомнить обо мнѣ ея в-ву великой княжнѣ и пріймите дань глубокаго уваженія, съ которымъ имѣю счастье быть и пр.

XIII.

à Tilsit le 20 juin 1807 / 2 juillet

Madame,

Je ne suis pas en état d'écrire aujourd'hui de main propre à v. m-té i-le: je suis malade depuis le jour que j'ai expédié à v. m-té ma dernière, № 12. Jamais je n'ai fait de maladie plus douloureuse que celle dont je souffre à présent. Je l'attribue à un reffroidissement en venant-ici en toute hâte, dans la petite voiture ouverte de mon courier. Ce refroidissement attaqua principalement l'estomac qui cessa de digérer. Il m'est impossible de décrire les angoisses et les souffrances qui m'ont donnée des vomissemens violens qui se sont renouvellés jusqu'à treize fois de suite, des nausées perpétuelles et une douleur aiguë qui s'etoit fixée dans le bas-ventre. Cette douleur dans le bas-ventre est intérieure et en même tems éxtérieure: tant les éfforts que j'ai dû faire m'ont affectés. Et elle est encore si forte qu'elle m'empêche presque de me mouvoir. A ces symptômes se sont réunis de grands maux de tête,

([13]) Бертье.

une forte chaleur continue et une inquiètude générale cruelle. Hier pour surcroit de désagrément, j'ai eû un violent accés de fièvre; c'est la journée de demain qui va m'apprendre si j'aurai à lutter contre ce mal de plus. J'ai dû garder le lit sans pouvoir m'y remuer pendant deux jours. Aujourd'hui, me trouvant un peu soulagé des nausées et des douleurs dans le bas-ventre, mais ayant toujours de la chaleur et des maux de tête, je me suis décidé cependant à quitter mon lit et à m'habiller pour recevoir un peu plus convenablement le p-ce de Bénévent qui va venir chez moi pour une conférence. Ma maladie n'a mis aucun retard et aucune entravè à la besogne pour laquelle j'ai été appellé ici: je m'en suis également occupé dans mon lit. Sa marche n'en a pas été interrompue, elle va bien, et je me flatte que dans peu j'aurai la satisfaction de la conduire à sa conclusion, et que celle-là sera aussi honorable et avantageuse à la Russie qu'utile au reste de l'Europe. L'empereur Napoléon, dès qu'il apprit que j'étois malade, a eu la bonté de m'envoyer son premier medecin Boyer, qui me traite conjointement avec un fameux opérateur d'ici nommé Morgan, auquel nos g-aux et officiers blessés doivent beaucoup; il m'assure que je serai en état de sortir dans deux jours, c. à. d. si la fièvre n'augmente et ne se renouvelle pas. Cette année-ci est funeste à ma santé; après tout ce que j'ai dû souffrir pendant plusieurs mois avant mon départ de Pétersbourg, me voilà exposé, et de nouveau bien à contre-tems pour moi, à de nouvelles souffrances qui, je le jure à votre majesté, me sont infiniment plus pénibles à supporter que les douleurs de la goutte. Je supplie v. m-té d'apprendre à Crighton tous ces détails qui me regardent, et s'il lui est possible de m'instruire aussi du jugement qu'il en portera.

J'ai mis sous les yeux de s. m-té l'empereur la lettre de v. m-té du 15 de juin; j'ai crû ne pouvoir faire mieux pour l'informer du vif intérêt qu'elle m'y éxprime si bien pour lui, pour son bonheur et pour sa gloire. J'ai profité de cette occasion pour le prier qu'il ordonne de me communiquer une liste nominative de nos tués et de nos blessés parmi nos officiers d'un grade supérieur dans les sanglans combats qui ont eû dernièrement lieu. Je lui dit que v. m-té m'en a renouvellé la demande, mais que j'avois été hors d'état de la satisfaire à cet égard; il m'a repondu qu'il lui étoit tout aussi peu possible qu'à moi de remplir ce désir de v. m-té parceque le desordre dans notre armée étoit si grand qu'il ne les avoit pas encore reçus lui-même.

Je présente ici joint à v. m-té la copie d'une lettre au g-al de Budberg de m-r Zienner conseiller de collège dans notre departement des affaires étrangères qui accompagnoit m-r de Bennigsen pour soigner sa correspondance étrangère. Elle la recevra fort-à-propos pour appuyer devant elle tout ce que j'ai déjà eû l'honneur de lui dire au sujet du contenu du premier rapport fait à l'empereur par le général en-chef-de son armée de l'issue qu'avoit eue la malheureuse journée de Friedland.

Nous ne savons rien ici de la santé de l'archiduc Palatin qui donne tant d'inquiètudes à v. m-té, et s'il est resté plus d'un mois sans lui écrire, je crois qu'il faut l'attribuer à ses grandes occupations pendant la tenue des Etats de Hongrie, où cette fois-ci il a été beaucoup plus influant et actif qu'autrefois. Je suppose que dans ce moment-ci v.

m-té a pû déjà vérifier que rien n'étoit plus faux que la nouvelle repandue par des marchands que Blûcher à la tête de quelques troupes prussiennes et suédoises s'étoit emparé de Berlin. Il n'y est jamais entré, et en vérité il ne pouvoit pas le faire.

Je supplie v. m-té d'éxprimer de ma part à madame la grande duchesse Cathérine mes plus vifs regrêts de ce qu'elle ne m'a pas honoré jusqu'à présent d'une seule ligne de sa main, tandis que Bagration m'a dit avoir reçu d'elle trois lettres. Je n'ai pû l'apprendre sans éprouver un sentiment de jalousie, qu'il m'est impossible de ne pas lui manifester par l'organe de votre majesté.

Dans ce moment-ci le comte de Lieven vient d'avoir été chez moi. Il m'a appris à ma plus grande peine que le courrier arrive ce matin de Pétersbourg avec la désagréable nouvelle que votre majesté étoit malade et avoit la fièvre. J'adresse mes ferventes prières au Ciel, pour qu'elle se rétablisse auplutôt et que rien ne l'empèche d'aller profiter pendant le reste de la belle saison de toutes les jouissances que lui offre son beau Pavlovsk. D'abord après le retour de l'empereur qui semble ne plus être éloigné, connaissant autant que je le sais l'éxtrême sensibilité de v. m-té, je ne m'étonne pas du tout que les derniers événemens ont eu à influer sur sa santé.

J'apprends avec la plus grande satisfaction que la santé de m-lle de Nélidoff va de mieux en mieux, car il n'y a personne qui désire plus vivement sa conservation que moi, parceque je l'aime et que je lui suis attaché bien sincérement, que je sais apprécier son grand mérite, et que je connais parfaitement, combien son intéressante société est agréable et nécéssaire à v. m-té. Je suis avec le plus profond respect etc.

XIII.

Тильзитъ 20 іюня / 2 іюля 1807.

Государыня,

Я не въ состояніи сегодня писать в. и. в-ву собственноручно: я болѣнъ съ самого дня отправки къ в. в-ву моего послѣдняго письма, № 12. Никогда я не испытывалъ болѣзни столь мучительной, какъ настоящая. Я отношу ее къ тому, что я простудился, ѣхавши сюда со всею поспѣшностью въ маленькой открытой бричкѣ моего курьера. Простуда поразила преимущественно желудокъ, который пересталъ переваривать. Не умѣю описать томленія и страданій, причиненныхъ мнѣ сильною рвотою, повторявшеюся до тринадцати разъ сряду, постоянною тошнотою и острою болью, развившеюся внизу живота. Это боль внутренняя и вмѣстѣ внѣшняя: такъ меня измучили усилія, которыя я долженъ былъ дѣлать. Она до сихъ поръ еще такъ сильна, что я почти не могу двинуться. Къ этимъ припадкамъ присоединилась сильная головная боль, постоянный жаръ и общее безпокойство въ высшей степени. Къ довершенію непріятности, вчера у меня былъ сильный пароксизмъ лихорадки: завтрашній день покажетъ, предстоитъ ли мнѣ бороться еще съ этою болѣзнію. Два дня я долженъ былъ пролежать въ постели неподвижно. Сегодня чувствую себя немного легче въ отношеніи тошноты и боли живота; но, все еще страдая жаромъ и головною болью, я все же рѣшился встать съ постели и одѣться, чтобы принять по приличнѣе кн. Беневентскаго ([14]), который долженъ прійти ко мнѣ для переговоровъ. Моя болѣзнь не сдѣлала никакой задержки и помѣхи въ дѣлѣ, для которого я сюда призванъ; я имъ равно занимался и въ постели, ходъ его не прерывался, оно идетъ хорошо, и я льщу себя надеждою, что въ скоромъ времени я буду

([14]) Талейрана.

имѣть удовольствіе привести его къ концу и что этотъ конецъ будетъ столько же почетенъ и выгоденъ для Россіи, сколько полезенъ для остальной Европы. Императоръ Наполеонъ, какъ только узналъ о моей болѣзни, былъ такъ добръ, прислалъ мнѣ своего перваго медика Буайе, который лечитъ меня вмѣстѣ съ знаменитытъ здѣшнимъ операторомъ Моргановъ, которому наши раненые генералы и офицеры многимъ обязаны; онъ меня увѣряетъ, что дня чрезъ два я буду въ состояніи выходить, разумѣется, если лихорадка не возобновится и не усилится. Этотъ годъ тяжелъ для моего здоровья: прострадавши нѣсколько мѣсяцевъ предъ моимъ выѣздомъ изъ Петербурга, вотъ я подвергся, и опять въ неудобную для меня пору, новымъ страданіямъ, которыя, клянусь вашему величеству, мнѣ несравненно труднѣе выносить, чѣмъ мученія подагры. Умоляю в. в-во передать всѣ эти подробности обо мнѣ Крейтону [15]; пусть онъ, если можно, сообщитъ мнѣ свое заключеніе объ этомъ.

Я представилъ его в—ву государю императору письмо в. в—ва отъ 15 іюня: полагаю, что я ничего не могъ лучше сдѣлать, чтобы показать ему ваше живое участіе, такъ хорошо вами выражаемое къ его особѣ, его счастью и славѣ. Я воспользовался этимъ случаемъ и попросилъ государя приказать сообщить мнѣ именной списокъ нашихъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ высшихъ чиновъ, во время послѣднихъ сраженій. Я сказалъ государю, что в. в—во не разъ меня спрашивали объ этомъ, но я не имѣлъ возможности отвѣтить на этотъ вопросъ; онъ мнѣ отвѣчалъ, что и ему самому такъ же трудно, какъ и мнѣ, исполнить это желаніе в. в-ва, потому что безпорядокъ въ нашей арміи такъ великъ, что онъ самъ не получилъ еще до сихъ поръ означенныхъ списковъ.

Прилагаю при семъ в. в-ву копію письма къ генералу Будбергу отъ господина Циннера, коллежскаго совѣтника въ нашемъ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшаго г. Бенигсена, чтобы вести его иностранную переписку. Вы получите эту копію очень кстати, чтобъ удостовѣриться въ справедливости всего того что я уже имѣлъ честь сообщить вамъ касательно содержанія перваго донесенія главнокомандующаго арміею государю объ исходѣ несчастной Фридланской битвы.

Мы не знаемъ здѣсь ничего о здоровьѣ эрцгерцога Палатина, которое такъ безпокоитъ в. в-во, и если онъ больше мѣсяца вамъ не пишетъ, то это должно приписать, я полагаю, его усиленнымъ занятіямъ во время засѣданій Венгерскаго Сейма, гдѣ на этотъ разъ онъ былъ дѣятельнѣе и вліятельнѣе чѣмъ въ прежнія времена. Я полагаю, в. в-во въ настоящую минуту уже удостовѣрились, что ничего нѣтъ лживѣе извѣстія, распущеннаго купцами, будто бы Блюхеръ, предводительствуя отрядомъ прусскихъ и шведскихъ войскъ, овладѣлъ Берлиномъ. Блюхеръ никогда туда не входилъ и по истинѣ не могъ этого сдѣлать.

Умоляю в. в-во выразить отъ меня ея выс-ву великой княжнѣ Екатеринѣ мое крайнее огорченіе о томъ, что она до сихъ поръ не почтила меня ни одной строчкой, между тѣмъ какъ Багратіонъ получилъ отъ нея, какъ онъ мнѣ говорилъ, уже три письма. Узнавъ это, я не могъ преодолѣть чувство зависти, которое не могу не высказать ей чрезъ ваше величество.

Сейчасъ у меня былъ графъ Ливенъ. Онъ сообщилъ, къ величайшему моему огорченію, что нынѣшнее утро пріѣхалъ курьеръ изъ Петербурга съ непріятнымъ извѣстіемъ, что ваше величество больны лихорадкою. Возношу мои усерднѣйшія молитвы къ Богу о скорѣйшемъ выздоровленіи в. в-ва, дабы ничто не помѣшало вамъ воспользоваться въ остальную часть лѣта всѣми удовольствіями, которыя представитъ вамъ прекрасный Павловскъ, тотчасъ по возвращеніи государя, которое, кажется, уже не далеко. Зная такъ хорошо крайнюю

---

[15] Извѣстному лейбъ-медику нашего двора.

чувствительность в.в-ва, я совсѣмъ не удивляюсь, что послѣднія событія имѣли вліяніе на ваше здоровье.

Съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ, что здоровье г-жи Нелидовой постоянно поправляется, ибо никто такъ не желаетъ ей выздоровленія, какъ я, потому что я ее люблю, привязался къ ней искренно, умѣю цѣнить ея достоинства и весьма хорошо знаю, какъ ея интересная бесѣда пріятна и необходима в. в-ву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.

XIV.

à Tilsit, le $\frac{28 \text{ de juin}}{10 \text{ de juillet}}$ 1807.

Madame,

Avant-hier j'ai signé conjointement avec le p-ce Labanoff d'une part, et le p-ce de Bénévent de l'autre, l'acte définitif de notre traité de paix avec la France. Je n'ai qu'à en éprouver la plus grande satisfaction, sans en avoir la moindre comptabilité: car tous les articles qui le composent ont été formés, ordonnés, revus et approuvés après leur redaction par s. m-té l'empereur lui-même. Cette paix, devenue indispensable, a été conclue d'une manière aussi honorable qu'avantageuse pour la Russie; et il est un devoir pour moi d'en adresser à v. m té i-le mes vives et sincères félicitations. Hier à deux heures après midi d'abord après l'échange des ratifications entre les plénipotentiaires, l'empereur accompagné depuis la maison qu'il habitoit par l'emper. Napoléon et toute sa suite jusques aux bords de la rivière, s'est mis en route pour Tauroggen, où il se propose de rester un ou deux jours pour achever differentes éxpéditions dont il n'avoit pû s'occuper pendant son séjour ici; et Napoleon après avoir diné et eû sa dernière entrevue avec le roi de Prusse est parti avant sept heures du soir pour Koenigsberg, où il s'arretera quelques jours pour regler la rentrée de son armée en France et l'évacuation des provinces Prussiennes. Il m'a dit qu'en partant de Koenigsberg il ne passera qu'un jour à Dresde et se rendra de là sans s'arreter nulle autre part droit à Paris.

Hier les deux empereurs étant convenus d'accepter mutuellement l'un de l'autre leurs ordres, ce matin j'ai dû porter de la part de l'empereur à Napoléon cinq décorations de l'ordre de St. André pour l'empereur Napoléon lui-même, pour le p-ce Jeróme son frère, roi de Westphalie, pour le grand duc de Berg et les p-ces de Neuchatel et de Bénévent; dans le même tems le grand maréchal Duroc étoit venu remettre à s. m-té l'empereur de la part de Napoléon cinq décorations du grand-cordon de la Legion d'honneur pour l'empereur, pour m-gr le grand duc Constantin, le général Budberg et les deux plénipotentiaires russes.

Les acquisitions actuelles de la Russie consistent dans de nouvelles frontières militaires et naturelles, au lieu de son ancienne frontière seche et ouverte, en commençant du Nièmen près de Grodno et suivant les Thal-Wegs des rivières Lossosna, Bobra et Narew jusqu'à Suratz, et de là par le Nurtzeck jusqu'au Bog. Cette contrée qui nous est cedée maintenant à toute perpetuité contient entr'autres les villes de Bialystock, de Bielsk, de Briansk, et d'une population de 160 à 200 mille âmes.

Demain je continue mon voyage pour Vienne par Gumbinen, Bialystock et Brzescz. Je me trouve fort heureux de pouvoir le faire et surtout d'avoir rencontré l'idée de v. m-té et d'avoir pû mériter son approbation en déclinant la proposition qui m'avoit été faite de me charger d'une autre déstination. Ce n'est

plus ce qui pouvoit me convenir à mon âge, avec les dispositions qui m'avoient fait désirer, dans un climat plus temperé que le notre, une retraite douce et tranquille.

La lettre de v. m-té i-le du 22 de juin est venue fort à propos pour calmer mes inquiètudes, car j'avois appris du c-te de Lieven qu'elle étoit malade assez sérieusement de la fièvre. Je rends graces à Dieu de savoir que l'habilité et les soins de Crighton l'ont déjà entièrement soulagée. La belle saison et les jouissances qu'elle va bientôt se procurer à Pavlovsk, lui seront encore plus salutaires que ses remèdes et ne manqueront pas d'avancer son parfait retablissement. En mon particulier j'attribue le plus cette maladie à la sollicitude et aux agitations qu'on dû lui donner la malheureuse bataille de Friedland et les événemens importants qui en ont été la suite et auxquels elle n'étoit pas préparée; mais à présent qu'elle doit voir avec conviction que la Providence a visiblement veillée sur la gloire de son auguste fils et le sort de la Russie, j'éspère que son âme est tranquille et ne connoit plus que le seul contentement.

J'ai encore à rendre compte à v. m-té que ces jours-ci j'ai fait à la fois la connoissance, dans la maison de l'empereur Napoléon, du p-ce royal de Bavière et du p-ce Henri de Prusse. Ils m'ont prevenus tous les deux par beaucoup de politesses, et tous les deux sont bégues. Le p-ce Henri plus grand et d'une figure plus agréable, c'est moins que le p-ce royal. Quant à ce dernier, son éxtérieur est très désavantageux; avec une taille moyenne, il est roux, marqué de petite verole, bégue, et à ce qu'on assure d'une ouie dure, mais il parroit fort doux, fort bon et d'un caractère ferme et éxcellent: justice qui lui est renduë même par les François. Il m'a accosté le plus qu'il a pû et est venu me chercher chez moi deux fois. Toutefois j'avoue franchement à v. m-té que selon moi, aucun d'eux n'est digne d'obtenir la main de m-me la grande duchesse Cathérine, et qu'elle ne peut-être heureuse, ni avec l'un, ni avec l'autre. J'attends avec impatience l'effet de la conversation de s. m-té l'empereur avec v. m-té sur le compte de sa soeur d'abord après son retour, et le courrier qu'il a voulu m'envoyer sans delai pour me joindre avant mon arrivée à Vienne, afin de me prescrire alors finalement ce que j'aurai à observer par rapport à la lettre en question, dont il m'a rendu jusqu'à ce tems le dépositaire.

Hier, ce jour déstiné à faire époque dans ma vie, où j'ai signé notre traité de paix avec la France, ce qui devoit m'être si flatteur et si agréable, je n'ai pu en jouir comme je l'aurais dû. Il a plû au Ciel de me pénetrer, au milieu de cet événement, de la douleur la plus vive par la mort de mon secrétaire Johell. Il a éxpiré cette nuit d'une fièvre chaude nerveuse, le huitième jour de sa maladie, après avoir eû passé quatre dans le délire, et sans qu'aucune ressource de l'art ait pu le soulager. C'étoit un jeune homme d'ésprit, de bonne conduite, des qualités les plus distinguées, auquel je m'étois accoutumé depuis trois ans, que je chérissais comme mon enfant et que je regrette comme tel. Ma douleur m'a d'autant plus affecté, que les grands intérêts et les personnes qui m'occupoient, la contraignoient et m'en arrachoient sans cesse. Je suis inconsolable de cette nouvelle perte, que je fais si mal-à-propos pour moi cette année. L'ayant perdu, je restais seul pour achever mon voyage, et j'ai été obligé de de-

mander à l'empereur le conseiller de cour Freygang, fils du medecin, qui se trouvoit d'hazard ici en message de la part du général Michelson, et qui avoit autrefois servi dans ma chancellerie. C'est un bon garçon, mais il ne remplacera jamais près de moi celui que je pleure. Sur tout ce que mon affliction me fait éprouver dans ce moment-ci, je m'en refère à v. m-té, qui connoit et sait apprecier si bien les peines et les souffrances de l'âme.

XIV.

Тильзитъ, 28 юня / 10 іюля 1807.

Государыня,

Третьяго дня мы подписали окончательный актъ нашего мирнаго трактата съ Франціей, съ одной стороны я и кн. Лобановъ, съ другой кн. Беневентъ ([16]). Мнѣ остается лишь предаваться величайшему удовольствію, не опасаясь никакой отвѣтственности: ибо всѣ статьи трактата составлены, приказаны, просмотрѣны и послѣ ихъ изложенія одобрены самимъ е. в-мъ государемъ императоромъ. Этотъ миръ, сдѣлавшійся необходимымъ, заключенъ на условіяхъ сколько почетныхъ, столько же и выгодныхъ для Россіи; долгомъ считаю принести в. и. в-ву по этому поводу мое усердное и искреннее поздравленіе. Вчера въ 2 часа по полудни, по размѣнѣ ратификацій полномочными послами, государь, провожаемый имп. Наполеономъ и всею его свитою отъ своей квартиры почти до берега рѣки, отправился въ Таурогенъ, гдѣ онъ предполагаетъ остаться день или два, чтобы окончить отправку различныхъ депешъ, которою онъ не могъ заняться во время пребыванія здѣсь; а Наполеонъ, пообѣдавъ и повидавшись въ послѣдній разъ съ королемъ Прусскимъ, уѣхалъ въ 7 часу въ Кёнигсбергъ, гдѣ останется нѣсколько дней, чтобы распорядиться о возвращеніи своей арміи въ Францію и объ очищеніи Прусскихъ провинцій. Онъ сказалъ мнѣ, что по выѣздѣ изъ Кёнигсберга онъ проведетъ не болѣе дня въ Дрезденѣ и оттуда отправится, нигдѣ не останавливаясь, прямо въ Парижъ.

Вчера оба императора согласились принять взаимно другъ отъ друга ордена, и сегодня я поднесъ Наполеону отъ имени государя пять знаковъ ордена святаго Андрея - для самаго императора Наполеона, для его брата принца Іеронима, короля Вестфальскаго, для великаго герцога Берга, и для князей Невшательскаго и Беневентскаго. Въ то же время обергофмаршалъ Дюрокъ передалъ его в-ву государю императору отъ Наполеона пять знаковъ Почетнаго Легіона съ большаго лентою для самаго государя, для великаго князя Константина, генерала Будберга и обоихъ Русскихъ уполномоченныхъ.

Настоящія пріобрѣтенія Россіи состоятъ въ новыхъ военныхъ и естественныхъ границахъ вмѣсто прежнихъ, сухихъ и открытыхъ, начиная отъ Нѣмана близь Гродно серединою теченія Лососны, Бобра и Нарева до Суратца, а оттуда по Нурчеку до Буга. Эта страна, уступленная намъ теперь на вѣчныя времена, заключаетъ въ себѣ между прочимъ города Бѣлостокъ, Бѣльскъ, Брянскъ и народонаселеніе отъ 160 до 200 тысячъ душъ.

Завтра я продолжаю мое путешествіе въ Вѣну чрезъ Гумбиненъ, Бѣлостокъ и Брестъ. Я чувствую себя счастливымъ, что могу это сдѣлать и въ особенности, что я угадалъ мысль в. в-ва и могъ заслужить ваше одобреніе, отклонивши сдѣланное мнѣ предложеніе о другомъ назначеніи. Это назначеніе не соотвѣтствуетъ моимъ годамъ и моему расположенію духа, заставляющему искать тихой и покойной жизни въ болѣе умѣренномъ климатѣ, чѣмъ нашъ.

Письмо в. в-ва отъ 22 іюня получено очень кстати, чтобъ меня успокоить, ибо гр. Ливенъ сказалъ, что вы довольно серьёзно больны лихорадкою. Благо-

([16]) См. Полное Собр. Законовъ № 22 584. Трактатъ подписанъ 25 іюня, а ратификованъ 27-го, въ самый день Полтавской битвы, черезъ 98 лѣтъ.

даря Бога, я узнаю, что искусство и заботы Крейтона совершенно ее прекратили. Прекрасная погода и удовольствія, которыми вы скоро воспользуетесь въ Павловскѣ, будутъ для васъ еще благодѣтельнѣе, чѣмъ лекарства и безъ сомнѣнія принесутъ вамъ совершенное выздоровленіе. Съ своей стороны я приписываю эту болѣзнь всего болѣе безпокойству и волненію, причиненнымъ в. в-ву несчастною Фридландскою битвою и важными событіями, бывшими ея слѣдствіемъ, къ которымъ вы не были приготовлены; но теперь, когда вы убѣждаетесь, что Провидѣніе видимо пеклось о славѣ вашего августѣйшаго сына и объ участи Россіи, я надѣюсь, что душа ваша покойна и испытываетъ одно лишь чувство довольства.

Я долженъ еще донести в. в-ву, что на дняхъ я познакомился въ домѣ императора Наполеона за одинъ разъ съ Баварскимъ наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Генрихомъ Прусскимъ. Они оба оказали мнѣ множество учтивостей; оба они заики. Принцъ Генрихъ, больше ростомъ и красивѣе, заикается менѣе чѣмъ наслѣдный принцъ. Что касается до послѣдняго, его наружность весьма невыгодна: ростъ его средній; онъ рыжеволосъ, рябъ, заика, и какъ увѣряютъ, тугъ на ухо; но онъ кажется весьма кротокъ, добръ, твердаго и превосходнаго характера; въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже Французы. Онъ ко мнѣ былъ внимателенъ, какъ только могъ и два раза приходилъ ко мнѣ. Все таки я откровенно сознаюсь в. в-ву, что, по моему, ни одинъ изъ этихъ принцевъ не достоинъ руки ея в-ва великой княжны Екатерины и что она не можетъ быть счастлива ни съ тѣмъ ни съ другимъ. Съ нетерпѣніемъ жду результата переговоровъ государя императора по его возвращеніи съ в. в-мъ о его сестрѣ, и курьера, котораго онъ обѣщалъ немедленно отправить догнать меня на пути въ Вѣну, чтобы сообщить мнѣ окончательныя приказанія, какъ я долженъ поступать съ извѣстнымъ письмомъ, которое доселѣ у меня хранится.

Вчерашній день, когда я подписалъ нашъ мирный трактатъ съ Франціею, что мнѣ такъ лестно и пріятно—составляетъ эпоху въ моей жизни, но я не могъ этимъ насладиться какъ слѣдовало. Богу угодно было въ самое время этого событія послать мнѣ живѣйшее огорченіе, именно смерть моего секретаря Іогеля. Онъ умеръ въ эту ночь отъ нервной горячки на 8-й день болѣзни, проведя 4 дня въ бреду; никакое искусство медиковъ не могло спасти его. Это былъ умный молодой человѣкъ, отличнаго поведенія и превосходныхъ качествъ; онъ былъ при мнѣ три года; я полюбилъ его какъ собственнаго сына и жалѣю о немъ какъ о сынѣ. Моя печаль тѣмъ тягостнѣе, что важныя дѣла и лица, меня занимавшія, постоянно заставляли меня дѣлать усиліе надъ собою и отвлекали отъ моей печали. Я не могу утѣшиться послѣ этой новой потери, столь несвоевременной для меня въ этомъ году. Послѣ этой потери мнѣ приходилось продолжать мое путешествіе одному, и я вынужденъ былъ просить у государя дать мнѣ надворнаго совѣтника Фрейганга, сына медика, который случайно былъ тутъ, присланный отъ генерала Михельсона, и который нѣкогда служилъ въ моей канцеляріи. Это хорошій молодой человѣкъ, но онъ для меня никогда не замѣнитъ того, кого я оплакиваю. Все, что мое горе заставляетъ меня ощущать, легко поймется в. в-мъ: вы такъ умѣете понимать горесть и душевныя страданія.

XV.

à Bialystock, le 20/8 de juillet 1807.

Madame,

En partant de Pétersbourg, je portais déjà sans doute en moi le germe de cette maladie, qui depuis a cherché à se produire sous differentes formes; j'ai longtems lutté contre elle, enfin j'y ai succombé. Le jour de mon départ de Tilsit, où je me croyois déjà parfaitement retabli de l'indisposition, que j'y avois eu, je tombais serieusement ma-

lade. Je commençai à avoir une forte chaleur, de violens maux de tête, un dégout parfait de tout aliment, et les douleurs éxtremes du bas-ventre, provoquées par les secousses continuelles, que me faisoient éprouver dans ma voiture les abominables chemins pierreux de la Prusse, se renouvellèrent avec vivacité. Tous ces symptômes, sans changer en rien, ne faisoient qu'augmenter, et les quatres premiers jours je croyois que j'allois avoir une fièvre chaude; mais le cinquième, sans que je fusse autrement soulagé, je me rassurai cependant, en voyant que la goutte, qui m'a fait tant souffrir l'hiver passé, se retablissoit de nouveau dans le genou et le pied gauche. Alors ne pouvant plus rester assis, je fus obligé de me coucher, tant bien que mal, dans ma voiture. V. m-té ne peut pas se faire d'idée de l'inconvénient et des douleurs, que j'ai eu à essuyer toutes les fois, qu'on avoit à m'y faire entrer, ou à m'en faire sortir. Tout autre peutêtre se seroit d'abord arrêté, mais pour ne pas rester dans une petite ville, où mal logé et dénué de tout, j'aurois manqué de tout, je me suis fait violence, et j'ai continué mon chemin, ayant pour but de parvenir à Bialystock, dont je n'étois plus éloigné, et où j'éspérai de trouver chez m-me de Krakovie un asile convenable et un bon medecin. Sur ces deux articles mon éspérance a été parfaitement remplie. Je suis traité par le s-r Dunker, son medecin habituel depuis 15 ans, qui a été autrefois medecin-praticien à Berlin; il s'énonce fort bien, et m'a inspiré de la confiance; par les soins qu'il m'a donné depuis trois jours, je me sens déjà mieux. L'unique remède qu'il me fait avaler à présent à quatre cuilleres par jour, c'est le guajaque en infusion, melé avec un peu de cannelle, pour en masquer le goût; je l'ai beaucoup désiré, et en ai souvent parlé en vain à m-r Crighton l'hiver passé. V. m-té sait sans doute que le guajaque est, un spécifique depuis longtems généralement reconnu par son utilité et ses prompts effets contre la goutte. C'est le seul remède, qui, à ce qu'on dit, peut la maitriser, et je ne sais, en vérité, pourquoi les medecins de Pétersbourg n'ont jamais voulu que je l'employe, en ne me faisant faire que de legères évacuations d'un jour à l'autre; et en abandonnant, pour ainsi dire, le mal et à son cours ordinaire, et à la force de mon tempérament, ma maladie n'en a été que prolongée et n'en a pas été déracinée. Je garde encore le lit et comme je ne puis pas marcher, ce n'est qu'à deux heures l'après midi que je me fais porter sur un fauteuil, pour manger ma soupe et y rester, jusqu'à ce que je me couche. Je n'ai d'autre désir à présent, que celui de pouvoir soutenir de nouveau la fatigue du voyage, de pouvoir voyager assis et non couché, et d'être en état de me mettre en route dimanche ou mardi prochain.

Je n'ai pas encore vu m-me de Krakovie, ni ne pourrai la voir, jusqu'à ce que je pourrai venir moi-même chez elle, et je l'en ai déjà fait prévenir. Elle me comble de soins et d'attentions, et c'est sa cuisine qui me nourrit, moi et mes gens.

Le quartier-général du corps d'armée jadis sous les ordres du g-l Tutschkow et maintenant sous ceux du c-te Tolstoy, est actuellement ici, et j'ai la satisfaction de voir déjà plusieurs de nos généraux, comme Tutschkow, Tolstoy, Muller-Sakamelsky, Gortschakow, Souworow, Larion Wassiltschikoff &c. Ce matin le jeune Benkendorf est venu me voir, et je puis assurer v. m-té qu'il se forme beaucoup; j'ai été parti-

culièrement content de sa conversation; il est très inquiet sur le mécontentement que v. m-té lui a témoigné la dernière fois, qu'il a été à Pétersbourg, et craint d'avoir perdu sa bienveillance: mais j'ose éspérer pour lui, qu'elle ne la lui retirera pas: car les derniers événemens de notre guerre, et leurs causes et leurs suites, se réunissent pour le justifier.

Je supplie v. m-té de me rappeller au souvenir et aux bontés de m-me la grande duchesse Cathérine; je suis persuadé, qu'elle me plaindra beaucoup, en aprenant mes nouvelles souffrances.

Je désire, que v. m-té reçoive cette lettre à Pavlovsk, dans un de ces momens de l'après diner que j'avois ordinairement le bonheur de passer près d'elle, et qu'elle contribue à lui rappeller principalement ces trois derniers étés, que j'ai tous passées près d'elle et sous ses yeux. Ils resteront à jamais gravés dans ma mémoire, comme le profond respect, avec le quel je suis etc.

XV.

Бѣлостокъ, 8/20 іюля 1807

Государыня,

Безъ сомнѣнія, выѣзжая изъ Петербурга, я носилъ уже въ себѣ зародышъ болѣзни, которая впослѣдствіи искала проявиться въ различныхъ видахъ; я долго противился ей, но наконецъ она меня одолѣла. Въ день моего выѣзда изъ Тильзита, когда я считалъ себя уже совершенно оправившимся отъ нездоровья, я заболѣлъ серьезно. Началось съ большаго жара, сильной головной боли и совершеннаго отвращенія отъ всякой пищи; страшная боль внизу живота, вызванная постоянною тряскою, которую меня заставляли испытывать въ каретѣ отвратительныя Прусскія каменистыя дороги, возобновилась съ новою силою. Всѣ эти припадки, ни въ чемъ не мѣняясь, продолжали усиливаться, и первые 4 дня я думалъ, что у меня горячка; но на 5-й день, не чувствуя впрочемъ никакого облегченія, я въ этомъ разъувѣрился, замѣтивъ, что подагра, причинявшая мнѣ такія страданія прошлую зиму, снова появилась въ колѣнѣ и ступнѣ лѣвой ноги. Тогда я уже не могъ сидѣть и принужденъ былъ, худо ли, хорошо ли, лежать въ каретѣ. В. в-во не можете представить неудобства и боли, которыя мнѣ приходилось испытывать каждый разъ, какъ мнѣ надобно входить въ карету или выходить изъ нея. Другой бы на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, не поѣхалъ бы дальше; но чтобы не останавливаться въ маленькомъ городкѣ, гдѣ, дурно помѣщенный и всего лишенный, я во всемъ нуждался бы, я сдѣлалъ надъ собой усиліе и продолжалъ дорогу, имѣя въ виду доѣхать до Бѣлостока, до котораго было уже не далеко, и гдѣ я надѣялся найти у г-жи Краковской удобное помѣщеніе и хорошаго медика. Надежда на эти два пункта совершенно оправдалась. Меня лечитъ сэръ Дункеръ, ея постоянный уже впродолженіи 15 лѣтъ медикъ, который прежде былъ вольнопрактикующимъ врачемъ въ Берлинѣ; онъ объясняется очень хорошо и внушилъ мнѣ довѣріе; послѣ трехдневнаго его леченія я чувствую себя уже лучше. Единственное лекарство, которое онъ заставляетъ меня теперь принимать по четыре ложки въ день, это гуаяковый отваръ, подмѣшанный немного корицею для заглушенія вкуса; я этого давно желалъ и часто говорилъ объ этомъ Крейтону прошлую зиму, но напрасно. В. в-во безъ сомнѣнія знаете, что гуаякъ есть специфическое средство противъ подагры, давно всѣми признанное за полезное и быстро дѣйствующее. Это есть, какъ говорятъ, единственное лекарство, которое можетъ ее изгнать, и я, право, не знаю, почему Петербургскіе медики никогда не хотѣли, чтобъ я его употреблялъ; заставляя меня принимать каждый день легкія очистительныя и оставляя, такъ сказать, болѣзнь итти своимъ обыкновеннымъ путемъ, они

при моемъ темпераментѣ только длили болѣзнь, а не истребляли ее съ корнемъ. Я еще не оставляю постели и, какъ я не могу ходить, то въ два часа пополудни я приказываю сажать себя въ кресло, чтобы съѣсть тарелку супу и остаюсь такъ, пока лягу спать. Теперь я ничего болѣе не желаю, какъ только быть снова въ состояніи выдерживать дорожную усталость, ѣхать сидя, а не лежа, и отправиться въ ближайшее воскресенье или вторникъ.

Я еще не видалъ г-жу Краковскую и не увижу ея, пока не буду въ силахъ прійти къ ней, о чемъ я уже предупредилъ ее. Она меня осыпаетъ заботами и вниманіемъ и присылаетъ кушанье съ своей кухни мнѣ и моимъ людямъ.

Здѣсь находится въ настоящее время главная квартира корпуса арміи, нѣкогда бывшаго подъ командою генерала Тучкова, а нынѣ состоящаго подъ командою графа Толстаго, и я имѣлъ уже удовольствіе видѣть многихъ изъ нашихъ генераловъ, какъ то: Тучкова, Толстаго, Меллера-Закомельскаго, Горчакова, Суворова, Иларіона Васильчикова и пр. Нынѣшнее утро ко мнѣ приходилъ молодой Бенкендорфъ ([17]); могу увѣрить в. в-во, что онъ замѣтно образуется; я былъ особенно доволенъ его разговоромъ. Онъ очень безпокоится о неудовольствіи в. в-ва, выраженномъ ему въ послѣдній разъ и боится, что онъ потерялъ ваше благоволеніе; но я смѣю за него надѣяться, что вы его не лишите онаго, ибо послѣднія событія нашей войны, ихъ причины и послѣдствія, все служитъ къ оправданію Бенкендорфа.

Умоляю в. в-во напомнить обо мнѣ ея в-ву великой княжнѣ Екатеринѣ; я увѣренъ, что она очень меня пожалѣетъ, узнавъ о моихъ новыхъ страданіяхъ.

Желаю, чтобъ это письмо ваше в-во получили въ Павловскѣ, въ одинъ изъ тѣхъ послѣобѣденныхъ часовъ, которые я обыкновенно имѣлъ счастье проводить подлѣ васъ, и чтобы оно напомнило вамъ преимущественно послѣднія три лѣта, которыя я провелъ при васъ и предъ вашими глазами. Они останутся навсегда запечатлѣнными въ моей душѣ вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ, съ которымъ имѣютъ честь быть и пр.

([17]) Гр. Александръ Христофоровичъ, находившійся подъ особеннымъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

XVI.

à Biaystock, le 13/25 de juillet, 1807.

Madame,

En envoyant l'assesseur Freygang comme courrier à Pétersbourg pour y porter à m-r le général de Budberg des paquets à son adresse de la part du comte du Razoumovsky, qui le croyoit encore au quartier-général, je profite de cette occasion pour me mettre aux pieds de votre majesté impériale, et pour l'informer que par les soins qu'on m'a donnés ici, je me rétablis mieux, et plus vite, que je ne l'ai cru. Je n'ai plus de fièvre, la goutte me quitte aussi, et dans deux jours, mardi prochain, le medecin consent que je puisse partir et continuer mon voyage.

XVI.

Бѣлостокъ 13/25 іюля 1807.

Государыня,

Посылая ассесора Фрейганга курьеромъ въ Петербургъ, чтобы передать генералу Будбергу адресованные ему пакеты отъ графа Разумовскаго, который считалъ его еще неуѣхавшимъ изъ главной квартиры, пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы припасть къ ногамъ вашего императорскаго величества и извѣстить васъ, что, благодаря здѣшнему леченью, я себя чувствую лучше, и притомъ раньше чѣмъ я ожидалъ. Лихорадка прошла, подагра также проходитъ, и чрезъ два дня, въ слѣдующій вторникъ, докторъ соглашается отпустить меня въ дальнѣйшій путь.

XVII.

à Bialystock, le 15/27 de juillet, 1807

Madame,

Parmi les lettres qui m'attendoient à Vienne et que Bogoluboff vient de

m'apporter ici hier, j'en ai reçu une de m-gr le duc Louis, frère de v. m-té i-le. J'ai l'honneur de la mettre ci-joint en original sous ses yeux, en la suppliant de vouloir bien me la restituer après en avoir pris lecture; j'ai aussi celui de présenter à v. m-té les deux incluses que s. a. r-le m'a confié de la part de m-me la d-sse son épouse pour elle et pour m-me la grande duchesse Cathérine.

L'empereur d'Autriche doit être vivement affecté par la mort du jeune archiduc, son second fils, qui donnoit de grandes éspérances et qu'il aimoit beaucoup; et l'état de mariage étant pour lui un état d'habitude on pretend qu'il s'occupe déjà du projet de se remarier, en tournant ses idées vers la p-sse, fille unique du roi de Saxe.

Graces au guajaque, ma santé va de mieux en mieux, et demain matin je compte partir pour continuer mon voyage.

Je prie monseigneur le grand duc Constantin et m-me la grande duchesse Cathérine d'agréer mon sincère et très respectueux hommage, et en me rappelant au souvenir et à l'ancienne amitié de m-lle de Nélidoff, qui à ce que j'éspére aura pû suivre v. m-té à Pavlovsk, je suis avec le plus profond respect etc.

XVII.

Бѣлостокъ $^{15}/_{27}$ іюля 1807.

Государыня,

Въ числѣ писемъ, ожидавшихъ меня въ Вѣнѣ, которыя Боголюбовъ [18] привезъ мнѣ вчера сюда, есть одно отъ его в-ва герцога Людовика, брата в. и. в-ва. Имѣю честь представить его при семъ въ подлинникѣ в. в-ву, умоляя не отказать возвратить мнѣ его по прочтеніи; имѣю также честь представить в. в-ву два прилагаемыя письма, которыя е. королевское в. прислалъ мнѣ отъ герцогини своей супруги для передачи в. в-ву и ея в-ву великой княжнѣ Екатеринѣ.

Императоръ Австрійскій долженъ быть сильно пораженъ смертію молодаго эрцгерцога, своего втораго сына, подававшаго большія надежды и очень имъ любимаго; а какъ онъ привыкъ жить въ бракѣ, то, говорятъ, онъ занятъ проэктами новаго союза, обращая свои виды на принцессу, единственную дочь короля Саксонскаго.

Благодаря гуаяку, мое здоровье становится лучше и лучше, и завтра утромъ я расчитываю выѣхать для продолженія моего путешествія.

Прошу его в-во великаго князя Константина и ея в-во великую княжну Екатерину принять мою искреннюю и почтительнѣйшую дань уваженія; напоминая о себѣ и о нашей давней дружбѣ г-жѣ Нелидовой, которая, надѣюсь могла сопровождать в. в-во въ Павловскъ, остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и пр.

[18] Варѳоломей Филиповичъ Боголюбовъ, домашній человѣкъ князей Куракиныхъ, состоявшій при Вѣнской миссіи. Онъ исполнялъ частныя порученія князя Александра Борисовича, между прочимъ по дѣламъ о воспитаніи его дѣтей.

XVIII.

à Merzericza, le $^{17}/_{29}$ de juillet, 1807.

Madame,

Pour informer au plutôt v. m-té i-le que la lettre dont elle a daigné m'honorer en date du 11 du courant, en y joignant une incluse de la part de s. m-té l'empereur, m'est bien parvenue, je lui réexpedie sur le champ le courrier qui vient de me l'apporter ici. Merzericza appartient à présent au p-ce Constantin Czartoryski, qui y a bâti un très joli pavillon, et j'y passe la nuit. Ma santé allant de mieux en mieux, je continue mon voyage pour le lieu de ma déstination éspérant d'y arriver dans la quinzaine. Après y être resté une huitaine de jours, je me flatte que je serai en état de m'acquitter d'après

ma conscience, et d'après tous les devoirs sacrés que j'ai à remplir vis-à-vis de v. m-té, de la tâche pénible, mais très flatteuse, qu'elle m'impose. Je lui dirai la vérité telle que je la verrai; je ne lui tairai pas l'impression que l'extérieur et les qualités de l'empereur François produiront sur moi; je ne lui deguiserai rien de tout ce que j'apprendrai de lui et de sa vie privée, et certainement je ferai tout ce que je pourrai pour en parler avec connoissance de cause. M'interessant du fond de mon coeur au sort et au bonheur futur de m-me la grande duchesse Cathérine, j'ai été un des premiers à croire que cet établissement étoit le plus avantageux pour elle; peut-être ne l'ai-je jugé ainsi que par les accessoirs brillans dont il est environné, et il est très vrai que. ce ne sont pas ceux-là qui ont à la rendre heureuse, autant qu'elle le mérite, et pendant le long cours de la vie. Je suis encore dans les ténèbres sur le personnel de l'individu, que j'ai à faire connoître à v. m-té, mais dès que je l'aurai vû, je ne manquerai pas de le lui depeindre tel qu'il est.

Je ne savais pas qu'il fut déjà question de deux projets de mariage pour lui; on m'a conté seulement d'hazard qu'il avoit des vues sur la p-ce fille unique du roi de Saxe, et je me suis empressé de le marquer à v. m-té.

Ayant fait à Tilsit la connoissance du p-ce royal de Bavière et du p-ce Henri de Prusse, j'ai déjà osé écrire à à v. m-té, que selon moi, ni l'un, ni l'autre, ne convenoient pas à m-me la grande duchesse. et n'étoient pas dignes d'obtenir sa main, par conséquent ne changeant pas d'opinion je n'ai plus à revenir sur leur compte.

Quand je quittai avant-hier Bialystock, m-me de Cracovie qui m'a comblée de tant de soins et d'attentions pendant les douze jours que j'y ai été malade, m'éxprima avec beaucoup de sensibilité la crainte qu'elle avoit d'avoir perdu les bonnes graces de v. m-té, puisqu' elle n'a pas jugée à propos de lui repondrę à cette lettre qu'elle lui a adressée il y a deux ans; et en même tems il m'a été impossible de ne pas lui promettre que je prendrai la liberté d'implorer la générosité de v. m-té en faveur de m-lle de Bassompièrre, fille d'un emigré de beaucoup de mérite auquel elle accorde un asile chez elle, et que le b. de Pahlen, officier de nos gardes du corps, a demandé en mariage. M-me de Cracovie, qui est la femme la plus respectable que je connoisse, m'a prié de mettre sous les yeux de v. m-té la note ci-jointe, qui l'instruira de ce quelle se permet de désirer de ses bontés et de sa bienfaisance. Si v. m-té pourroit sans se gener faire la grace à cette bonne vieille, qui ne lutte que contre des chagrins depuis tant d'années, de lui envoyer 1500 ou 2000 rbl. pour la dot de cette jeune personne à laquelle elle prend une si grande part, elle les rendroit à la fois toutes les deux parfaitement heureuses, et s'en feroit bénir

XVIII.

Межерица, 17/29 іюля 1807.

Государыня,

Чтобъ увѣдомить какъ можно скорѣе в. и. в-во, что письмо, которымъ вы удостоили меня почтить со вложеніемъ письма отъ е. в. государя императора, дошло до меня, я тотчасъ же отправляю назадъ курьера, который привезъ мнѣ это письмо. Межерица принадлежитъ теперь кн. Константину Чарторижскому, который выстроилъ здѣсь прехорошенькій павильонъ, гдѣ я провожу эту ночь. Мое здоровье становится лучше и лучше, и я продолжаю поѣздку къ мѣсту назна-

ченія, разсчитывая пріѣхать туда чрезъ 2 недѣли. Льщусь надеждою, что поживши тамъ дней 8, я успѣю добросовѣстно и сообразно съ священнымъ долгомъ исполнить трудное, но весьма лестное, порученіе, которое в. в-во на меня возложили. Я вамъ скажу истину, какъ ее увижу; не умолчу предъ вами о впечатлѣніи, которое наружность и качества императора Франца на меня произведутъ; я не скрою ничего, что́ узнаю о немъ и его частной жизни, и конечно я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы добыть объ этомъ самыя точныя свѣденія. Интересуясь до глубины сердца судьбою и будущимъ счастьемъ е. в. великой княжны Екатерины, я былъ однимъ изъ первыхъ, почитавшихъ этотъ союзъ самымъ для нея выгоднымъ; можетъ быть, я такъ судилъ только по блестящей его обстановкѣ; но конечно эта обстановка не можетъ сдѣлать великую княжну столь счастливою, сколько она того заслуживаетъ, притомъ на всю жизнь. Я еще нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи о личности человѣка, съ которымъ я долженъ познакомить в. в-во; но какъ только я его увижу, я не премину описать его такъ, какъ онъ есть.

Я не зналъ, что было уже два проэкта о его бракѣ; мнѣ случайно сказали только, что онъ имѣлъ виды на пр-ссу, единственную дочь короля Саксонскаго, и я поспѣшилъ замѣтить объ этомъ въ письмѣ къ в. в-ву. Познакомившись въ Тильзитѣ съ Баварскимъ наслѣднымъ принцемъ и пр-мъ Генрихомъ Прусскимъ, я уже осмѣлился написать в. в-у, что, по моему, ни тотъ, ни другой не соотвѣтствуютъ е. в. великой княжнѣ Екатеринѣ и недостойны ея руки; слѣдов. оставаясь и теперь при томъ же мнѣніи, я не буду больше возвращаться къ этому предмету.

Когда я уѣзжалъ изъ Бѣлостока, г. Краковская, оказавшая мнѣ столько заботъ и вниманія впродолженіе моей 12 дневной болѣзни, выражала мнѣ съ большимъ чувствомъ опасеніе, что она лишилась благоволенія в. в-ва, потому что вы не соизволили отвѣтить ей на письмо ея, посланное вамъ назадъ тому два года; мнѣ нельзя было при этомъ не пообѣщать ей, что я буду умолять в. в-во о великодушіи въ пользу m-lle Бассомпьеръ, дочери одного весьма заслуженнаго эмигранта, которую она пріютила у себя и за которую сватался б. Паленъ, офицеръ нашей лейбгвардіи. Г-жа Краковская, почтеннѣйшая женщина, какую я только знаю, просила меня представить вниманію в. в-ва прилагаемую записку, изъ которой видно, чего она осмѣливается надѣяться и желать отъ вашей милости и благотворительности. Если в. в-во можете, не стѣсняя себя, оказать благодѣяніе этой доброй старушкѣ, которая уже столько лѣтъ проводитъ лишь въ борьбѣ с огорченіями, приславъ ей тысячи $1\frac{1}{2}$ или 2 рублей на приданое этой дѣвицѣ, въ которой она принимаетъ такое живое участіе, то вы разомъ совершенно осчастливите ихъ обѣихъ и заставите благословлять васъ.

XIX.

à Cracovie, le 1807 $\frac{\text{21 de juillet}}{\text{5 d'août}}$

Madame,

Aujourd'hui j'ai à informer seulement v. m-té que je suis parvenu jusqu'à Cracovie. Je suis arrivé ici hier au soir, et après que des reparations nécéssaires à mes équipages seront achevées, je repartirai cet après diner voulant coucher demain à Teshen. J'ai beaucoup souffert depuis Bialystock des grandes chaleurs et des mauvais chemins, mais au reste ma convalescence s'est très bien soutenue pendant cette pénible route, moyennant le soin que j'avois de suivre strictement les conseils du docteur Duncker en avalant une poudre de guajacque chaque matin, et en tenant mes jambes horisontalement placées dans ma voiture. Je crois avoir surmonté à présent tous les désagrements de mon très long voyage, car après demain j'entre

en Allemagne et d'ici je n'aurai plus à voyager que sur une chaussée assez bien entretenue qui doit être reparée depuis deux ans.

Me trouvant à Kozk à cinq milles de Demblin, campagne de m-me de Mniscczeck, nièce du feu roi de Pologne, et sachant que je pouvais regagner de là le grand chemin sans avoir fait aucun détour, je n'ai pû resister au désir d'aller la voir. J'ai passé chez elle un jour. Tout m'a plû a Demblin: la maison nouvellement bâtie est aussi élegante que bien distribuée; le jardin, rempli de beaux arbres est parfaitement bien dessiné, et en le parcourant j'ai songé à v. m-té en me représentant combien elle auroit été contente de posséder à Pavlovsk dans la même quantité les superbes peupliers et les beaux orangers que j'y ai vus! M-me de Mnisczek qui se rappelle avec la plus grande reconnoissance des bontés de v. m-té ne peut se consoler de la perte de son mari, et vit depuis son veuvage dans une retraite profonde. Je l'ai trouvée seule avec sa fille cadette Pauline, née à Pétersbourg, et filleule de feu l'empereur. Elle donne Demblin en dot à sa fille ainée Isabelle, qui est dit-on une beauté, et qui vient d'épouser à l'age de 15 ans le p-ce Dominique Radzivil, et souhaitant que sa fille et son gendre, devenu chambellan de l'emperenr, aillent se présenter à notre cour, elle compte les y accompagner le printems prochain.

J'avais trop entendu parler de Pulawy, qui n'est qu'à deux petites milles de Demblin, pour ne pas y aller aussi. Je l'ai fait quoique le p-ce Adam Czartoriski et sa femme en étoient absents; lui étoit allé prendre les bains sur les frontières de la Hongrie, où il va regulièrement tous les ans, et elle se trouvoit pareillement à des eaux minerales en Hallicie dans les environs de Lemberg. Ce que j'ai le plus admiré à Pulawy c'est sa belle situation sur les bords de la Vistule, les superbes perspectives de peupliers qui l'entourent, la perféction avec laquelle la p-sse qui s'occupe beaucoup du jardinage à sû transformer l'ancien jardin regulier en jardin anglois, et le temple de la Sybille qui est une preuve de plus de son gout et de ses qualités intéressantes, qui lui ont toujours été connues, qui est consacré au depot d'une collection précieuse d'antiquités dans tous les genres, qui appartiennent à l'histoire et aux anciens rois de Pologne.

A Sumiatycze, une certaine dame Wetterling, femme de l'inspecteur des douannes prussiennes est venue me voir en disant qu'elle avoit été élevée avec v. m-té et avoit été honorée de sa bienveillance pendant sa première jeunesse, et maintenant comme Sumiatycze passe sous la domination de la Russie, supposant que son mari ne pourra plus garder sa place, elle désire de devoir à la protection de v. m-té que son mari puisse être employé dans la partie des forêts en Courlande, et qu'elle même puisse devenir dame de classes dans un de ses instituts. Je lui ai conseillé d'en écrire directement à v. m-té. Je prends la liberté de mettre ci-joint sous ses yeux la nôte qu' elle m'a remise et en attendant pour la renouveller dans sa mémoire.

Il m'est impossible d'éxprimer tous les droits que possède s. m-té l'empereur sur mon attachement et sur tous mes sentimens. Je le chéris du fond de mon coeur; il n'y a personne qui prenne plus de part que moi à sa gloire et à sa constante prospérité, et en me mettant à ses pieds, je supplie v. m-té de vouloir bien l'en assurer le plus souvent qu'elle pourra.

Je présente mon respectueux hommage à m-gr le grand duc Constantin et à m-me la grande duchesse Cathérine et j'ose me flatter qu'ils daigneront ne pas m'oublier comme un de leurs plus devoués serviteurs.

Je salue mon ancienne amie à qui j'ecrirai de Vienne et m-me la c-sse de Lieven, et je suis avec le respect le plus profond etc.

XIX

Краковъ $\frac{24 \text{ іюля}}{5 \text{ августа}}$ 1807.

Государыня,

Сегодня я имѣю сообщить в. и. в-ву только то, что я доѣхалъ до Кракова. Я прибылъ сюда вчера вечеромъ и какъ только окончатъ починки, потребовавшіяся для моихъ экипажей, то есть сегодня послѣ обѣда, я поѣду дальше, желая завтра ночевать въ Тешенѣ. Послѣ выѣзда изъ Бѣлостока я много терпѣлъ отъ сильныхъ жаровъ и дурныхъ дорогъ, но впрочемъ мое выздоровленіе идетъ очень хорошо, потому что, строго слѣдуя совѣтамъ доктора Дункера, я каждое утро принимаю порошокъ гуаяка, и держу ноги въ каретѣ въ горизонтальномъ положеніи. Кажется, я преодолѣлъ теперь всѣ трудности моего долгаго путешествія, ибо завтра я вступаю въ Германію, и тамъ мнѣ предстоитъ ѣхать уже по довольно хорошо содержимому шоссе, которое только два года тому назадъ поновлено.

Проѣзжая черезъ Коцкъ, въ пяти миляхъ отъ Демблина, деревни г-жи Мнишекъ, племянницы покойнаго короля Польскаго, и зная при томъ, что изъ Демблина можно выѣхать на большую дорогу безъ всякого крюку, я не устоялъ противъ желанія заѣхать къ ней. Я провелъ у нея одинъ день. Въ Демблинѣ мнѣ все понравилось; вновь выстроенный домъ и изященъ, и хорошо расположенъ; садъ, обильный прекрасными деревьями, разбитъ очень хорошо; прогуливаясь по немъ, я думалъ о в. в-вѣ и воображалъ, какъ вы были бы довольны, еслибъ имѣли въ Павловскѣ въ такомъ же множествѣ превосходные тополи и красивыя померанцевыя деревья! Г-жа Мнишекъ, которая вспоминаетъ съ величайшею признательностію милости в. в-ва, не можетъ утѣшиться послѣ потери мужа и со времени вдовства живетъ въ совершенномъ уединеніи. Я нашелъ ее одну съ меньшою дочерью Полиною, рожденною въ Петербургѣ, крестницею покойнаго государя. Г-жа Мнишекъ отдаетъ Демблинъ въ приданое за своею старшею дочерью Изабеллою, которая, говорятъ, красавица и недавно вышла 15-ти лѣтъ за кн. Доминика Радзивила; г-жа Мнишекъ желаетъ также, чтобы ея дочь и зять, сдѣлавшійся теперь камергеромъ государя, представились при нашемъ дворѣ и расчитываетъ отправиться туда вмѣстѣ съ ними будущею весною

Я слишкомъ много слышалъ о Пулавахъ, отстоящихъ всего на 2 мили отъ Демблина, чтобъ не отправиться и туда. Я сдѣлалъ это, хотя князя Адама Чарторижскаго и жены его тамъ не было: онъ отправился на границу Венгріи для купаній, куда онъ ѣздитъ регулярно каждый годъ, а она также уѣхала на минеральныя воды въ Галицію, въ окрестности Львова. Всего больше я любовался въ Пулавахъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ на берегу Вислы, великолѣпными тополевыми аллеями, ихъ окружающими, искусствомъ, съ какимъ княгиня, занимающаяся много садоводствомъ, съумѣла преобразовать прежній регулярный садъ въ англійскій, и храмомъ Сивиллы, который служитъ новымъ доказательствомъ вкуса и интересныхъ качествъ, которыми княгиня всегда была извѣстна: въ храмѣ этомъ помѣщено драгоцѣнное собраніе древностей всѣхъ родовъ, относящихся до исторіи и до древнихъ Польскихъ королей.

Въ Сумятицахъ, нѣкто г-жа Веттерлингъ, жена смотрителя Прусскихъ таможенъ, приходила ко мнѣ и сказала, что она была воспитана вмѣстѣ съ в. в-мъ и пользовалась вашимъ благоволеніемъ

въ своей ранней молодости, а какъ теперь Сумятицы переходятъ во владѣніе Россіи, то, полагая, что мужъ ея не можетъ сохранить свое мѣсто, она желаетъ, чтобы чрезъ милостивое покровительство в. в-ва мужъ ея былъ назначенъ на службу по лѣсной части въ Курляндіи, а она сама чтобы получила мѣсто классной дамы въ какомъ нибудь изъ вашихъ заведеній. Я посовѣтовалъ ей написать объ этомъ прямо в. в-ву; осмѣливаюсь при семъ представить вашему вниманію записку, которую она мнѣ передала, и которая въ ожиданіи будущаго, напомнитъ вамъ объ этой особѣ.

Не умѣю исчислить всѣ права е. в. государя императора на мою преданность и всѣ мои чувства. Я люблю его отъ глубины души; никто въ мірѣ больше моего не принимаетъ участія въ его славѣ и его постоянномъ благополучіи, и, повергаясь къ стопамъ вашимъ, я умоляю в. в-во не отказать передавать ему мои увѣренія въ этомъ какъ возможно чаще.

Приношу дань истиннаго уваженія его в-ву великому князю Константину и ея в-ву великой княжнѣ Екатеринѣ и смѣю надѣяться, что они удостоятъ не забыть меня, какъ одного изъ ихъ преданнѣйшихъ слугъ.

Кланяюсь моему старинному другу (Нелидовой) которой я буду писать изъ Вѣны, и графинѣ Ливенъ, и съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.,

(Продолженіе будетъ).

ЛЕВЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

(Братъ баснописца).

*

2 Февраля сего 1868 г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Ивана Андреевича Крылова. Читатели Русскаго Архива почтутъ его дорогую для России память, прочитавъ нижеслѣдующую статью, содержащую въ себѣ свидѣтельства его добраго братскаго сердца. *П. Б.*

*

Левъ Андреевичъ Крыловъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которые проходятъ свое земное поприще, не ознаменовавъ его никакимъ замѣтнымъ дѣломъ, не возвысивъ и не унизивъ своей скромной доли, и умираютъ, не оставивъ даже слѣда своего существованія. О такихъ людяхъ исторія не говоритъ, человѣчество о нихъ ничего не знаетъ, и даже близкіе къ нимъ, ихъ товарищи, забываютъ о нихъ чуть ли не на самой могилѣ. Если о нихъ иногда и упоминаютъ, то они этимъ обязаны своимъ невольнымъ отношеніямъ къ людямъ геніяльнымъ, озаряющимъ все, что ни соприкасается съ ними.

Всѣ наши свѣдѣнія о немъ мы почерпаемъ изъ его писемъ къ брату, которыя сохранились въ бумагахъ послѣдняго, принадлежащихъ нынѣ К. С. Савельеву.

Л. А. началъ службу въ гвардіи и жилъ въ Петербургѣ, когда его братъ вмѣстѣ съ Клушинымъ издавалъ журналъ; потомъ онъ перешелъ въ армію, по какой причинѣ, изъ писемъ не видно. Время и разлука съ братомъ не ослабили въ немъ нѣжной, почти сыновней привязанности къ нему. „Любезный батюшка", „братецъ Иванъ Андреевичъ", „милый тятенька", „голубчикъ-тятенька", — вотъ постоянныя обращенія, встрѣчающіяся въ каждомъ письмѣ. Въ своихъ письмахъ Л. А. дѣлится съ геніяльнымъ братомъ и радостями, и горемъ, навѣщавшимъ его не разъ. Конечно, такія отношенія могутъ сохраняться только тогда, когда они взаимны. Иванъ Андреевичъ Крыловъ до послѣдней минуты жизни своего брата, умершаго гораздо ранѣе его, былъ его другомъ, покровителемъ и товарищемъ; постоянно входилъ въ мельчайшія его нужды, интересовался его служебнымъ положеніемъ, его знакомствами, образомъ жизни, занятіями, расходами, и помогалъ ему и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Отвѣты Л. А. на его вопросы рисуютъ до мельчайшей подробности

бѣдную картину жизни сначала армейскаго, потомъ гарнизоннаго, а наконецъ инвалиднаго офицера, потому что Л. А. прошелъ всѣ эти роды службы.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, мы удерживаемся отъ напечатанія всѣхъ писемъ, которыхъ сохранилось 96, и ограничиваемся только извлеченіями и небольшими выдержками изъ нихъ (разумѣется, возстановляя правописаніе).

Первое письмо по времени написано 11 янв. 1799 года и получено И. А. (какъ видно изъ его собственноручной надписи) „1799 г. генваря 17 дня“. Приводимъ начало его:

„Богу одному извѣстно, сколько сердце мое чувствуетъ радости, читая твое пріятное письмо, которое я получилъ сего генваря 11 дня, со вложеніемъ ста рублей ассигн.; и сколько я ни думалъ описать тебѣ мою благодарность, но наконецъ увидѣлъ, что слабый умъ мой никогда не можетъ сыскать словъ, чтобы живо изобразить оную. Мнѣ кажется, что сильныя движенія сердца только можно чувствовать, а описывать никогда... Ты говоришь, любезный тятенька, что живешь весело и доволенъ своимъ состояніемъ, по милости князя Сергія Ѳедоровича Голицына. Слава Богу! Желаю тебѣ отъ всего моего сердца и прошу Бога, чтобы ты и всю свою жизнь провелъ весело. Увѣряю тебя, любезный мой, что меня ничто не можетъ больше веселить, какъ твое доброе состояніе“... Далѣе въ отвѣтъ на вопросъ брата, требовавшаго, чтобы Л. А. описалъ ему весь свой „экипажъ“, онъ перечисляетъ свое скудное имущество, въ которомъ книги занимаютъ первое и весьма замѣтное мѣсто; скрипка, взятая И. А. у какого-то Сафонова, также „много прогоняла скуку“ Л. А-ча. За тѣмъ слѣдуетъ счетъ денегъ, заключающійся слѣдующимъ восклицаніемъ: „И такъ видишь ты, любезный тятенька, имѣю я болѣе 200 р., чего у меня никогда не было, и которыхъ, думаю, на долго станетъ, ибо я въ карты не играю, столъ имѣю всегда хорошій... передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ рюмка водки, по утру чай...“. Въ слѣд. письмѣ Л. А. разсказываетъ о своемъ походѣ. 12-го января 1799 г., войска, находившіяся въ Херсонѣ, получили приказаніе отъ генерала Германа немедленно выступать въ походъ; но какъ была нѣкоторая неисправность въ разсужденіи обоза, да и у офицеровъ у многихъ ни лошадей, ни повозокъ, то и промѣшкались до 22-го. Сего числа поутру въ 8 часовъ съ помощью Божью выступили. Надобно сказать тебѣ напередъ, что у меня передъ этимъ временемъ не было ни полушки денегъ, а кормили меня товарищи, съ которыми я жилъ въ одной казармѣ. Хотя у меня и была маленькая повозченка, но ни лошади и ничего больше; а безъ денегъ въ походѣ пренегодно. Занялъ я 30 р. у баталіоннаго начальника въ счетъ жалованія и, такимъ образомъ к е какъ собравшись, потащился, самъ пѣшкомъ и во весь походъ шелъ пѣшій... Вообрази себѣ, любезный тятенька, что я, не ходивши никогда и 20 верстъ пѣшкомъ, — а тутъ съ утра была оттепель, выпало снѣгу по колѣно“... потомъ наступилъ жестокій морозъ, „я же шелъ въ штиблетахъ, повозки всѣ отправили впередъ; мнѣ кажется, я бы совсѣмъ околѣлъ, если бы къ счастію моему повозка моя не остановилась. Однакожь я такъ сильно отморозилъ ноги, что до самого Бару болѣли цѣлый мѣсяцъ“. Въ Бару генералъ Германъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, послѣ чего они продолжали путь до Гусятина и здѣсь расположились по деревнямъ. Отдохнувъ нѣкоторое время, они продолжали путь. Авторъ письма останавливается на описаніи городовъ Львова, потомъ Пешта, гдѣ наши войска были встрѣчены принцемъ Іосифомъ и гдѣ имъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Изъ послѣдующихъ писемъ видно, что Л. А. велъ журналъ во время всего Итальянскаго похода и по частямъ доставлялъ его брату; но изъ него сохранился только небольшой отрывокъ,

который однакожъ даетъ понятіе о томъ, въ какомъ родѣ былъ этотъ журналъ. Онъ по содержанію и изложенію напоминаетъ хожденіе Игумена Даніила. Въ сохранившемся отрывкѣ — весь маршрутъ отъ Нови, гдѣ происходило 16-часовое сраженіе (въ которомъ Л. А. не участвовалъ, потому что ихъ войска опоздали, отправившись не тою дорогою), до Кастель-Флорентино, „небольшаго селенія на высокой горѣ". Л. А. означаетъ время всѣхъ переходовъ, мѣстечки, селенія, города, бросаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о каждомъ, но въ нихъ нѣтъ ничего, что бы могло занять читателя.

Слѣдующее письмо, отъ 26 дек. 1800 г., написано, какъ видно, изъ-подъ Серпухова, вокругъ котораго расположились войска, возвратившіяся изъ похода. Въ немъ Л. А. поздравляетъ брата съ новымъ годомъ и благодаритъ за присланныя 50 р. асс.

Писемъ изъ Серпухова 1802 г., сохранилось только два. Первое (безъ означенія числа), несмотря на краткость, не лишено интереса. Поблагодаривъ И. А. за письмо, полученное 24 янв., Л. А. продолжаетъ: „сказка твоя о Марѳушкѣ(?) меня удивила. Я, право, полагалъ, что она давно на волѣ, а она бѣдная терпѣла черезъ твою безпечность. Однакожъ теперь я очень радъ и благодарю тебя, что ты за все претерпѣніе ее наградилъ; по крайней мѣрѣ она теперь сыщетъ гдѣ нибудь пристанище и не будетъ бояться тюрьмы, которой прежде всякій разъ ожидала." Пожалѣвъ, что не имѣетъ свѣдѣнія о своихъ прежнихъ товарищахъ, Л. А. восклицаетъ: „Что вздумалось Клушину твоему жениться, да еще и съ такимъ богатымъ приданымъ, и вѣрно, на актрисѣ. Я бы никогда отъ него этого не ожидалъ!" „Конечно вы съ нимъ не въ ладахъ, что такъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, а не имѣете переписки". Дѣйствительно ли И. А. разошелся съ Клушинымъ, или развели ихъ обстоятельства, этого мы не имѣли возможности узнать. Л. А. удалось въ Серпуховѣ открыть родственницу—„дядюшки Якова Юдича родную сестру, вдову, которая имѣла тамъ свой домъ и жила съ дѣтьми, изъ коихъ одинъ сынъ подъячій. Въ заключеніе Л. А. пишетъ: „Ты заботишься и не знаешь, какъ пособить моей скукѣ, и пишешь, что если бы Татищевъ былъ въ Москвѣ, то бы библіотеку ко мнѣ переслалъ. Но ты подумай, не смѣшно ли было бы возить цѣлый возъ книгъ и имѣть тройку лошадей для нихъ? Я думаю, если бы ты ко мнѣ пожаловалъ, чего я нетерпѣливо ожидаю, то хотя бы книгъ 30 или 40 привезъ, да одолжилъ бы до безконечности, если бы привезъ скрипку: она бы много скуку отгоняла." — Въ другомъ письмѣ находимъ упреки въ лѣни, сожалѣніе о томъ, что нѣтъ возможности находить сюжеты для писемъ, когда на нихъ не отвѣчаютъ. „Еще разъ прошу тебя, голубчикъ мой, пиши ко мнѣ, не лѣнись, пиши о своемъ здоровьи, которое мнѣ всего на свѣтѣ милѣе, и какъ ты живешь. Я сердечно желаю тебя видѣть. Ахъ! какъ мнѣ скучно, что тебя такъ долго не вижу: ты у меня всегда въ мысляхъ."

Послѣ единственнаго письма 1803 года (отъ 5 марта), не заключающаго въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ выраженія никогда не осуществившейся надежды, что И. А. соберется въ Серпуховъ, слѣдуетъ длинный перерывъ,—до февраля 1816 года. По всей вѣроятности письма эти утрачены; такъ покрайней мѣрѣ можно заключить по тону послѣдующихъ писемъ.

Первое письмо, относящееся къ 1816 г., (отъ 26 февр.), начинается выраженіемъ благодарности за присланныя 200 р., которые были особенно кстати, потому что у Л. А. былъ „одинъ мундиръ, да и тотъ съ плечъ слѣзалъ, а рубашки хоть и три, но и тѣ въ дырьяхъ." „Изъ этого" продолжаетъ онъ, „можешь судить, любезный тятенька, что у меня и самыхъ нужныхъ вещей нѣтъ, а о прочемъ и говорить нечего." Эти 200 рубл. должны

были казаться Л. А. особенно дорогими, ибо И. А. писалъ къ нему, что самъ находится въ хлопотахъ и нуждается. „Но что дѣлать, утѣшалъ его братъ; я часто вспоминаю твою пословицу: бываетъ хуже, бываетъ и лучше, а также стараго твоего друга, Александра Ивановича Клушина: все пройдетъ! И подлинно, и худое и хорошее, все проходитъ.“ Въ 1816 году Л. А. былъ уже гарнизоннымъ офицеромъ, а потому остальную часть письма посвящаетъ описанію своего состоянія: „Жалованія мнѣ 80 р. въ треть, что составляетъ серебромъ 17 р., а мундиръ, какъ ни дѣлай бѣдно, менѣе 25 р. сдѣлать нельзя; рубашка одна стоитъ, не мудренаго холста, 2 р. 50 к. сер. Между тѣмъ, если бы я и вздумалъ что сдѣлать, такъ прежде думать надобно о сапогахъ, которые стоятъ, самые простые, 4 р. сер.; а ѣсть также надобно, да и не одному, а кормить двухъ деньщиковъ, которые провіантъ хотя и получаютъ, но ужъ больше ничего.“ Къ такой нуждѣ присоединились болѣзни: „Я здоровьемъ такъ слабъ сталъ, продолжаетъ Л. А., а особливо глазами, что почти и въ гарнизонѣ служить не могу, и желалъ бы имѣть покой; но видно судьбѣ угодно, чтобы до гроба влачилъ я жизнь въ безпокойствахъ и горестяхъ“. Письмо свое онъ заключаетъ просьбою, чтобы братъ писалъ къ нему какъ можно чаще, ибо въ его письмахъ онъ находитъ единственное утѣшеніе.

Слѣдующее письмо (отъ 10 мая 1816 г.) заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно болѣе другихъ выясняетъ отношенія между братьями въ ту эпоху, когда старшій изъ нихъ сдѣлался человѣкомъ знаменитымъ и въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ независимымъ; съ другой стороны оно рисуетъ положеніе Л. А. „Ни разуму моего, ни словъ не достанетъ довольно (пишетъ онъ) выразить тебѣ мою благодарность за твои ко мнѣ милости. Письмо твое отъ 26-го марта со 150 р. ас. я получилъ съ превеликою радостію.“ Это же письмо дало Л. А-чу и другой поводъ радоваться: братъ писалъ къ нему, что надѣется поправить свои обстоятельства и положительно спрашивалъ, сколько ему нужно, чтобы выдти изъ бѣдственнаго положенія. Л. А. отвѣчалъ, что всего труднѣе поддерживать гардеробъ, что „сюртука у него нѣтъ, мундиръ износился, а шинель хотя и есть, но въ ней не всегда можно быть,“ а потому онъ проситъ брата прислать денегъ на обмундировку. Май мѣсяцъ былъ самый тягостный для Л. А.: баталіону предстояло въ лѣтнее время занимать караулы; „къ тому же командиръ—человѣкъ молодой, строгій, подполковникъ Бурнашевъ, все воображаетъ, что онъ въ арміи, забывая, что въ гарнизонѣ одни калѣки и старые люди.“ Отсюда же узнаемъ, что Л. А. въ 806 году произведенъ въ капитаны „и успѣлъ подъ Туркою быть въ пяти сраженіяхъ, но не раненъ; а за болѣзнію въ 808 году переведенъ въ гарнизонъ.“ Въ концѣ письма онъ проситъ брата прислать ему свои сочиненія, которыя онъ „весьма желалъ бы прочесть, а особливо басни, которыя и здѣсь (въ Каменцѣ-Подольскомъ) въ славѣ.“

Но на свои письма Л. А. долго не получалъ никакого отвѣта и въ письмѣ отъ 19 авг. (1816 г) теряется въ предположеніяхъ, что бы могло означать это молчаніе. Онъ извѣщаетъ брата, что назначенъ асессоромъ въ комиссіи военнаго суда, что служба его хотя и гарнизонная, но тягостная, что онъ „не выходитъ изъ мундира, который самъ съ плечь валится“, а новый сшить онъ не рѣшается, потому что, “хоть и есть у него немного деньжонокъ, но онъ боится, что, израсходовавъ ихъ, ему ѣсть нечего будетъ“.

Въ мартѣ 1817 г. И. А. исполнилъ наконецъ просьбу брата, неоднократно повторявшуюся въ его письмахъ: послалъ ему экземпляръ своихъ басенъ, двѣ комедіи и, какъ водится, 150 р. с. Вотъ что по этому поводу пишетъ Л. А. (отъ 7 марта): „Благодарю тебя любезный мой тятенька, что ты меня не

позабылъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Безпримѣрныя твои басни я пробѣжалъ, и могу сказать, что не даромъ ты ими прославился, да и государь императоръ удостоилъ ихъ назвать пріятными и полезными... Я никогда не сомнѣвался, чтобъ ты не употребилъ свои божественныя дарованія въ пользу общаго блага, и нахожу, что нѣтъ ничего достойнѣе благородной души, какъ совѣтами и самыми легкими доказательствами отвращать отъ порока и привлекать къ добродѣтели. Повѣрь, любезный тятенька, что примѣры твоей добродѣтели и всѣ твои слова, слышанныя мною еще въ младенчествѣ, въ сердцѣ моемъ останутся неизгладимы до конца жизни“. — Къ экземпляру, посланному Л. А., былъ приложенъ портретъ автора. Л. А, нашелъ его вовсе не похожимъ и не вѣритъ, чтобы человѣкъ могъ такъ перемѣниться — помолодѣть, сравнительно съ прежнимъ портретомъ (¹).

От разсужденія о портретѣ Л. А. переходитъ къ разсказу о томъ, какъ проводитъ время и какъ живетъ, о чемъ спрашивалъ его И. А. Отъ 5 час. утра до 9 онъ занимался дѣлами своей роты: читалъ бумаги, составлялъ отчеты, бесѣдовалъ съ фельдфебелемъ; съ 9 до часу исполнялъ обязанности судьи; въ часъ обѣдалъ „ѣлъ щи да кашу, по праздникамъ и жаркое, и рюмку водки выпивалъ“. Время до 7 часовъ опять посвящалъ ротѣ. Только вечеръ принадлежалъ ему. Тогда онъ весь придавался своей скрипкѣ. „Изъ этого, продолжаетъ онъ, ты можешь заключить, что я мало скучаю праздностію, а если бы ты, любезной тятенька, былъ со мною, такъ я бы полагалъ себя наисчастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Знакомыхъ здѣсь я никого не имѣю, съ кѣмъ бы могъ раздѣлить пріятно время. Да и городъ здѣсь маленькій, набитъ жидами и поляками, а съ поляками мнѣ не совсѣмъ свойственно дружиться“. Но онъ умѣлъ быть и этимъ довольнымъ: „Живу я по своему состоянію довольно хорошо“, заключаетъ онъ. Изъ этого же письма узнаемъ, что Л. А., тоже находясь въ гарнизонѣ, участвовалъ въ 1813 г. въ походѣ въ Пруссію; „а теперь, говоритъ онъ, сижу уже на мѣстѣ, какъ ракъ на мели. Вотъ теперь меня можно назвать сивымъ старцемъ, какъ въ молодости друзья называли“.

Спустя мѣсяцъ (11 го апрѣля 1817) Л. А. пространно сѣтуетъ на брата, что онъ, требуя отъ него подробныхъ отчетовъ, молчитъ о себѣ и ничего не сообщаетъ о своихъ обстоятельствахъ. Среди скуки и однообразія жизни онъ теперь находитъ новое развлеченіе въ его басняхъ: „Скажу тебѣ, любезный тятенька, басни твои меня такъ утѣшаютъ, что я многія изъ нихъ наизусть вытвердилъ, и читать ихъ никогда не наскучитъ“. Изъ всѣхъ басенъ особенно понравилась ему *Сочинитель и Разбойникъ*, и онъ сознается, что „въ жизни ничего лучшаго не начитывалъ“. „Да и всѣ твои басни, прибавляетъ онъ, безпримѣрны“. — „Я бы желалъ прочесть и другія твои сочиненія, и я увѣренъ, что они должны быть безподобны“. Но Л. А. не зналъ, какъ желаніе его неисполнимо. Письмо заключается слѣдующею весьма часто повторяющеюся просьбою: „прошу тебя, голубчикъ мой, пожалуйста, удѣли полчаса времени, не полѣнисъ, напиши ко мнѣ по-пространнѣе“.

Но и сентябрь наступилъ, и Л. А. еще разъ послалъ брату 6 ф. турецкаго табаку, а онъ все молчитъ; наконецъ въ октябрѣ Л. А. дѣлаетъ предположеніе, не вздумалось ли И. А. прокатиться въ Москву, куда, какъ слышно было и въ Каменцѣ, отправлялся государь и гвардія.

Какъ ни страннымъ должно было показаться И. А-чу такое предположеніе, однакожъ онъ сохранилъ молчаніе до самаго декабря. Между тѣмъ Л. А. успѣлъ написать и четвертое письмо, въ которомъ умолялъ брата написать хоть пять строкъ, ибо, говорилъ онъ, „я все таки

(¹) Подъ прежнимъ портретомъ здѣсь, конечно, разумѣется тотъ, который былъ приложенъ при первомъ изданіи басенъ; но въ сохранившихся экземплярахъ этого изданія, равно какъ и въ экземплярахъ изданія 1815—1816, портретовъ вовсе нѣтъ.

не думаю, что ты меня забылъ, я полагаю, что все откладываешь за лѣнью, чѣмъ меня крайне безпокоишь.“ Тутъ же Л. А. извѣщаетъ брата, что есть слухъ, будто государь пріѣдетъ въ Каменецъ въ апрѣлѣ будущаго года, а онъ промотался, сшилъ себѣ сюртукъ, за который долженъ былъ заплатить 80 р. ас.; между тѣмъ у него нѣтъ серебрянаго шарфа и витишкетовъ къ смотру. „Деньгами же я, продолжаетъ онъ, до назначеннаго отъ тебя, голубчикъ мой, жалованія, какъ нибудь перебьюсь.“

И. А. предупредилъ просьбу брата: 5-го декабря онъ отослалъ къ нему письмо со вложеніемъ 250 р. ас. Отвѣтъ на это письмо (отъ 15 янв. 1818 г.) открываетъ еще одну черту въ отношеніяхъ И. А. къ брату. Онъ не ограничивался высылкою денегъ къ назначенному сроку; онъ желалъ быть поближе къ брату и, какъ видно, серьезно о томъ подумывалъ. Но на эти мечты его пусть лучше отвѣчаетъ самъ Л. А.: „Ты меня, голубчикъ мой, весьма много обрадовалъ, что желаешь какъ нибудь перетащить меня поближе къ себѣ. Я не могу изъяснить, сколь велико желаніе мое быть съ тобою вмѣстѣ, или хотя въ недальнемъ разстояніи отъ тебя; но ума не приберу, какимъ образомъ можно бы это сдѣлать. Ты пишешь, что твои пріятели могутъ сыскать или достать мнѣ мѣсто комендантское или плацъ-маіорское въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ поблизости Петербурга; но эти мѣста штабъ-офицерскія, а я только капитанъ. Плацъ-адъютантомъ хотя бы я и могъ быть, но это мѣсто весьма хлопотливо, да „и надобно знать по бумагамъ“; а я при огнѣ даже читать, а особливо рукопись, совсѣмъ не могу; ибо глазами я очень слабъ, и потому сколько мнѣ ни желательно быть чаще съ тобою вмѣстѣ, но остаюсь безъ всякой надежды по своему здоровью. Развѣ ты, голубчикъ, посовѣтуешься съ твоими почтенными пріятелями: можетъ быть, они что нибудь придумаютъ. И если они найдутъ спокойное и не суетливое мѣсто, сверхъ моего чаянія по моему слабому и безоружному здоровью, и могутъ мнѣ достать, то пожалуйста, любезный тятенька, поскорѣе. Въ разсужденіи же статскихъ должностей, я никакъ не сроденъ и не способенъ, служа съ малолѣтства вотъ уже 32-й годъ въ военной службѣ„... „Ахъ, какъ, голубчикъ мой, заключаетъ Л. А., желаю тебя видѣть и обнять тебя, и лично поблагодарить за твои ко мнѣ благодѣянія. Клянусь тебѣ, что все мое благополучіе поставляю въ томъ, еслибы я могъ съ тобою вмѣстѣ жить или хоть часто тебя видѣть“.

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 13 февр. 1818) опять повторяются укоризны брату, что онъ залѣнился и опять со дня на день откладываетъ, между тѣмъ какъ Л. А. нетерпѣливо ожидаетъ отвѣта на его послѣднія просьбы, тѣмъ болѣе, что И. А. самъ подалъ къ нимъ поводъ: „Я нетерпѣливо желаю тебя видѣть, говоритъ онъ; мы никогда не были столь долго съ тобою въ разлукѣ. Вотъ уже 12 съ половиною лѣтъ, какъ мы съ тобою разстались, а у насъ никого больше родни нѣтъ. Божусь тебѣ, любезный тятенька, меня это весьма крушитъ, что мнѣ кажется, что я умру, не видѣвши тебя“. Далѣе, по обыкновенію Л. А. доноситъ, что, по милости брата, ни въ чемъ нужды не терпитъ и всѣмъ совершенно доволенъ, а въ заключеніе проситъ прислать свои сочиненія, если есть новыя.

Но мечты объ этомъ свиданіи съ братомъ были прерваны совершенно неожиданнымъ происшествіемъ, причинившимъ Л. А-чу много заботъ. Вотъ какъ о немъ пишетъ Л. А. (отъ 27 марта 1818 г.): „Мы теперь, любезный тятенька, имѣемъ уже маршрутъ государя императора. Онъ сюда прибудетъ непремѣнно 25-го апрѣля на ночь, 26-го здѣсь будетъ обѣдать, уже дѣлаютъ приготовленія для угощенія государя. Мы также приготовляемъ“. Но бѣда не въ томъ, а вотъ въ чемъ: „нашъ гарнизонный караулъ ему будетъ, и для того баталіонный командиръ всѣмъ офице-

рамъ въ счетъ жалованія купилъ весь приборъ серебряный, т. е. шарфы, темляки, витишкеты, эполеты, и строитъ всѣмъ новые мундиры съ панталонами единообразное, что все будетъ стоить около 250 р. ас. на каждаго.... а если хорошій приборъ, то и въ 400 не вогнали бы. И такъ теперь я долженъ быть почти цѣлый годъ безъ жалованія. Но я надѣюсь на тебя, голубчикъ-тятенька, что ты меня не оставишь и не допустишь до нищеты... Прошу тебя, голубчикъ тятенька, помоги!"

Слѣдующее письмо (отъ 4 мая 1818), какъ должно ожидать, заключаетъ разсказъ о пребываніи государя въ Каменцѣ-Подольскомъ. Описавъ обычную встрѣчу государя духовенствомъ и дворянствомъ, Л. А. продолжаетъ: „Скажу тебѣ, любезный тятенька, государь во все время присутствія тутъ былъ весьма веселъ, любезенъ и доволенъ; многихъ наградилъ. Баталіономъ нашимъ былъ весьма доволенъ, ибо нашъ баталіонъ во время государева пріѣзда стоялъ въ караулѣ. Баталіоннаго нашего начальника, подполковника Бурнашева, на другой же день, произвелъ въ полковники и приказъ подписалъ. И могу сказать, что баталіонъ былъ одѣтъ очень хорошо; офицеры всѣ въ новыхъ мундирахъ и серебрянномъ приборѣ, что для насъ немножко непріятно, въ разсужденіи, что цѣлый годъ или болѣе должны выплачивать: каждый мундиръ съ серебрянымъ приборомъ стоитъ 234 р. ассигн. Прошу тебя, любезный тятенька, не оставь, голубчикъ! Я на тебя надѣюсь, какъ на каменную гору. Да и на кого же мнѣ болѣе и надѣяться?"

Само собою разумѣется, что Ив. А. не заставилъ брата повторять эту просьбу. 18 мая 1818 г. Л. А. писалъ къ нему въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ нашелъ 250 р. ас.: „Тысячу разъ благодарю тебя, голубчикъ мой, за твои ко мнѣ отеческія милости. Рѣдкіе и отцы столь щедры къ своимъ дѣтямъ, какъ ты ко мнѣ." Между тѣмъ И. А. все еще помышлялъ о переводѣ брата куда нибудь поближе къ Петербургу. Въ этомъ же письмѣ находимъ слѣдующее замѣчаніе Л. А.: „Мнѣ весьма пріятно, любезный тятенька, что ты заботишься о перемѣщеніи меня къ себѣ поближе. Божусь тебѣ, голубчикъ, что я нетерпѣливо желаю тебя видѣтъ и обнять тебя".

Въ іюлѣ тогоже года Л. А. и безъ участія брата попалъ въ инвалидъ, по распоряженію баталіоннаго командира, который назначилъ его начальникомъ Винницкой инвалидной команды и вмѣстѣ въ тѣмъ депутатомъ при слѣдствіи надъ контрабандистами. Такимъ образомъ Л. А. получилъ въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельное положеніе, съ которымъ, конечно, сопрягалось много заботъ и пропасть письма (письмо отъ 22 іюля, 1818, изъ Винницы).

Изъ письма, отъ 24 сент. 1818, видно, что И. А. самъ былъ въ затруднительномъ положеніи и жаловался на петербургскую дороговизну. " Радуюсь, писалъ Л. А. въ отвѣтъ на это письмо (отъ 11 сент. 1818), что ты, любезный тятенька, здоровъ, только жаль, что ты обезденежѣлъ. Но Богъ милостивъ, опять будутъ деньги, лишь бы Богъ далъ здоровья." За тѣмъ онъ сравниваетъ Винницкія цѣны съ петербургск. на съѣстные припасы и заключаетъ: „ Богъ тебя надоумилъ, что ты меня не перевелъ въ Ораніенбаумъ, а то бы, кромѣ безпокойства, я дѣйствительно большую нужду съ этими деньгами могъ претерпѣвать." Между тѣмъ въ надеждѣ на будущія блага Л. А., не дожидаясь пособія отъ брата, купилъ за 100 р. ас. хуторокъ, чтобы впослѣдствіи обзавестись на немъ хозяйствомъ. Къ этому подстрекало его, во первыхъ, то, что масло, молоко, сыръ будутъ свои; во вторыхъ, птицы и яйца будутъ тоже не купленныя, а для птицъ приволье большое, потому что хуторъ окруженъ водою; къ тому же огородъ такъ великъ, что зелени и овощей съ него на цѣлый годъ станетъ, да и работника не искать стать: „ деньщика я имѣю женатаго, пишетъ онъ, который еще взятъ мною изъ арміи; онъ у меня живетъ уже 11 лѣтъ, я его довольно

знаю, и надѣюсь на него"... „Теперь задумалъ я, живучи совершенно на мѣстѣ, завестись хозяйствомъ; мало по малу и птица свиваетъ себѣ гнѣздо. Только прошу тебя, любезный тятенька, если будутъ у тебя деньги, не оставь въ теперешнемъ моемъ положеніи: жалованія я получилъ только 17 р. асс., а прочее все вычли за обмундировку.„

Высочайшій приказъ объ утвержденіи Л. А. въ должности командира Винницкой инвалидной команды придалъ ему еще болѣе охоты заняться своимъ хозяйствомъ и утвердилъ его въ намѣреніи остаться на всегда въ Винницѣ. Онъ проситъ брата (п. отъ 25 янв. 1819 г) познакомиться съ его начальникомъ, полковникомъ Бурнашевымъ, уѣзжавшимъ въ то время въ Петербургъ. Хозяйство его постепенно расширялось: онъ купилъ лошадь и подумывалъ о коровѣ; но не рѣшался покупать, потому что къ пасхѣ могъ остаться безъ денегъ, „а этотъ праздникъ любитъ деньги." Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ брату, что всѣ его басни вытвердилъ наизусть и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новыхъ, и повторяетъ просьбу прислать ему *Инвалидъ*: „это ты для меня выиграй въ бостонъ," совѣтуетъ Л. А.

Въ письмѣ отъ 26 апр. 1819, онъ уже благодаритъ его за присылку *Инвалида*, который вмѣстѣ со скрипкою и хуторомъ увеселяли его и занимали. Хозяйство на хуторѣ съ наступленіемъ весны значительно расширилось: „Я купилъ, пишетъ Л. А., двѣ коровы за 100 р. ас., цыплятъ у меня и гусенятъ до 50, огородъ огородилъ и вскопалъ, деревья въ саду распускаются, — будетъ чѣмъ потѣшиться!.."

Заботы о хозяйствѣ, наполнявшія жизнь Л. А., И. А. одобрилъ; не хвалилъ только покупки лошади; а потому письмо отъ 27 мая (1819) наполнено доказательствами, что лошадь въ хозяйствѣ необходима и содержаніе ея не дорого обходится. И. А. выслалъ брату экземпляръ басенъ, вышедшихъ тогда новымъ изданіемъ. „А басни, пишетъ по этому поводу Л. А., тѣже, что ты прежде мнѣ присылалъ съ прибавленіемъ только нѣсколькихъ новыхъ; а я полагалъ, что покрайней мѣрѣ еще столько же ихъ написалъ. Однакожъ хотя не много, за то прекрасныя!„

Въ 1820 году Л. А. постигли два несчастія. Вотъ какъ онъ разсказываетъ о первомъ изъ нихъ (въ п. отъ 24 янв.): „Пожалѣй обо мнѣ: хуторъ мой сгорѣлъ сего января 15 дня, въ 7 часовъ вечера. Деньщичья дочь, 9-ти лѣтъ, ходила въ сѣни съ огнемъ взять прядева и нечаянно зажгла. При этомъ сгорѣло: двѣ повозки, куръ 15 и гусей 10; а коровъ и лошадь успѣли вывести; двѣ коровы немного опалились, а сѣно хотя и подлѣ самой хаты стояло, но вѣтеръ былъ въ противную сторону, — уцѣлѣло. Теперь деньщикъ живетъ въ чужой хатѣ... Лѣтомъ надо стараться поставить новую хатишку". За тѣмъ Л. А. извѣщаетъ брата, что постоянно занятъ бумагами, потому что съ часу на часъ ожидаетъ баталіоннаго начальника, который намѣревается смотрѣть его команду.

И. А. отвѣчалъ на это извѣстіе выраженіемъ соболѣзнованія не только словомъ, но и дѣломъ. Слѣдующее письмо Л. А. (отъ 23 марта 1820) начинается такъ: „Здравствуй, голубчикъ тятенька! цѣлую тебя мысленно тысячу разъ... Письмо твое получилъ 20-го сего марта съ 300 р. ас. Благодарность мою за отеческія твои ко мнѣ милости можно только чувствовать, но не описать. Мнѣ весьма чувствительно, любезный тятенька, что при всемъ твоемъ недостаткѣ, какъ ты пишешь, прислалъ мнѣ 300 р. Я полагаю, что ты у себя отнялъ послѣднее или занялъ, хотя я не писалъ тебѣ о недостаткѣ своемъ, ибо я дѣйствительно, по милости твоей, до крайности не доходилъ, да и писалъ тебѣ отъ 9 сего мѣсяца, что я купилъ хату за 50 р. ас. Но теперь я сдѣлался богачемъ и прошу тебя обо мнѣ не безпокоиться". За тѣмъ, отвѣчая на вопросъ брата, Л. А. продолжалъ: „Мнѣ странно, любезный тятенька, что ты думаешь, будто я владѣю

хуторомъ безъ всякихъ на него бумагъ. Я купилъ его формально и утвердилъ крѣпостію на гербовой бумагѣ, за подписомъ магистрата; слѣдовательно, онъ и потомству нашему принадлежать будетъ, котораго, видно, у насъ никогда не будетъ. По желанію твоему, планъ хутора я пришлю тебѣ, миленькій тятенька, только не прежде, какъ на Ѳоминой недѣлѣ, потому что теперь очень грязно и черезъ рѣку Бугъ не можно переѣхать... Ты увидишь, что мѣстоположеніе хутора очаровательно."—Въ припискѣ Л. А. проситъ брата извѣстить его, не произведенъ ли онъ въ чинъ и не получилъ ли какого ордена. Объ этомъ Л. А. и прежде спрашивалъ нѣсколько разъ, но не получалъ никакого опредѣленнаго отвѣта.

Любопытство его вскорѣ было удовлетворено: въ апрѣлѣ 1820 г. онъ прочелъ въ *Инвалидѣ*, что И. А-чъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст., и подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія написалъ слѣдующее (отъ 24 апр. 1820): „Я до безпамятства обрадовался, увидя въ *Инвалидѣ*, что ты награжденъ... Дай Богъ, отъ всего сердца тебѣ желаю, чтобы я увидѣлъ тебя въ голубой лентѣ. Умъ и добродѣтель твоя заслуживаютъ всѣхъ почестей въ свѣтѣ."

Въ письмѣ отъ 5-го мая, Л. А. поздравляетъ брата съ новою наградою: „Твое письмо, пишетъ онъ отъ 15 апр., меня до крайности обрадовало. Поздравляю тебя, мой милый тятенька, съ великою монаршею милостью. Теперь, я увѣренъ, ты не будешь больше имѣть нужды..." Эта награда состояла въ удвоеніи пансіона, который Крыловъ получалъ съ 1812 года изъ кабинета его величества.

Почти ровно черезъ мѣсяцъ сбылись опасенія Л. А. и притомъ самымъ непріятнымъ образомъ. Это второе несчастіе постигшее его въ этомъ году: „1-го іюня смотрѣлъ баталіонный командиръ, полковникъ Бурнашевъ и меня такъ огорчилъ, что я и теперь хожу, какъ сумашедшій", писалъ онъ 15-го іюля. Ему не показалось, что люди не такъ доведены въ обученіи, какъ въ арміи: но людей старыхъ, изувѣченныхъ, поступающихъ въ инвалидъ совершенно ни къ какой службѣ негодныхъ, мучить ученіемъ кажется все равно, что убивать и укрощать послѣдній остатокъ изъ жизни; да и я самъ не въ силахъ доводить до совершенства, котораго требуютъ. Нѣкоторые мундиры, построенные мною, показались командиру не хороши. Они довольно просторны, и я ни мало не имѣлъ намѣренія на счетъ покройки интересоваться какими нибудь 10 или 15 аршинами толстаго сѣраго сукна. Къ тому же, какъ сукно присылается изъ баталіона, то я полагалъ, что оно моченое, и по спросѣ моемъ старые унтеръ-офицеры отвѣчали, что суконъ при командѣ не мочатъ, а такъ кроятъ, какъ присылаютъ изъ баталіона. Потому баталіонный командиръ отказалъ мнѣ отъ командованія и поручилъ прапорщику другой команды. Изъ этого ты можешь судить, любезный тятенька, въ какомъ я теперь нахожусь огорченіи. Божусь, что насилу собрался къ тебѣ написать. Баталіонный командиръ думаетъ, что я весьма много интересуюсь отъ команды; но я клянусь тебѣ, голубчикъ-тятенька, какъ брату, отцу и другу, что кромѣ жалованія ни на грошъ никогда не интересовался отъ команды. За грѣхъ и стыдъ почиталъ и почитаю чѣмъ нибудь непозволительнымъ пользоваться, черезъ что могъ бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мнѣ? Я по твоей милости нужды ни въ чемъ не терплю. Прости, голубчикъ, силъ моихъ болѣе не достаетъ писать. Будь здоровъ и счастливъ. Остаюсь въ нетерпѣливомъ ожиданіи отъ тебя отвѣта."

И. А. на сей разъ не замедлилъ отвѣтомъ. Чтобы читатели могли составить понятіе о смыслѣ этого отвѣта, приводимъ съ небольшими пропусками письмо Л. А отъ 24 іюля 1820 г.: „Письмо твое, отъ 4 іюля, получилъ я, мой милый тятенька, сего іюля 23 дня, и весьма жалѣю, что я писалъ тебѣ о моемъ неудовольствіи, которое тебя такъ огорчило. Ты мнѣ

пишешь, любезный тятенька, что я будто бы не училъ людей экзерциціи; но я божусь тебѣ, что ученіе происходило, только много было препятствій: армейскіе стояли въ то время въ лагерѣ, а инвалидные занимали по всему городу караулы; къ тому же арестантовъ провожали инвалидные же, такъ что людей очень мало на лицо оставалось. Что же касается до немоченія суконъ, то во всѣхъ командахъ сукно не моченое, и я здѣсь первый разъ дѣлалъ постройку мундировъ; со всѣмъ тѣмъ мундиры очень хороши, и г. полковникъ приказалъ сдѣлать пробу—намочить одинъ мундиръ, который, какъ высохъ, то почти непримѣтно, чтобъ сселся.—Я надѣюсь, голубчикъ тятенька, что меня г. полковникъ проститъ...Я увѣренъ, что онъ обо мнѣ худыхъ мнѣній сердечно не имѣетъ. Я ему всегда былъ покоренъ, да и служа 34 года, съ малолѣтства научился повиноваться и всегда былъ начальниками любимъ, какъ ты и самъ былъ очевидецъ, когда пріѣзжалъ ко мнѣ въ полкъ; и въ Каменцѣ командовалъ ротой при немъ три года безотлучно...Ты мнѣ пишешь, голубчикъ-тятенька, чтобы я съѣздилъ къ г. полковнику извиниться. Но онъ службу мою знаетъ, и я ему изъяснялся въ своей неумышленной винѣ. Я увѣренъ, что это все пройдетъ. Горячіе люди вообще добрѣе, и онъ меня проститъ со временемъ. Прошу тебя, голубчикъ мой, не безпокойся обо мнѣ: твое безпокойство болѣе меня будетъ мучить. Богъ милостивъ!“ *и проч.* Нѣкто маіоръ Колтовской совѣтовалъ ему перейти въ неслужащій инвалидъ. Мысль эта очень понравилась Л. А-чу „Хотя мнѣ, пишетъ онъ отъ 7 авг., полковникъ и отдастъ команду, но кромѣ хлопотъ, я ежедневно долженъ бояться подпасть подъ штрафъ; нынѣ же весьма строго взыскиваютъ за самую малость, особливо за побѣги арестантовъ. Неслужащимъ же офицерамъ жалованіе тоже, что̀ и служащимъ... И такъ я ожидать буду отъ тебя, любезный тятенька, совѣта, подать ли мнѣ въ неслужащіе и въ какой городъ“.

Слѣдующее письмо (отъ 21 авг.) принесло И. А. утѣшительное извѣстіе: 10 августа государь посѣтилъ Винницу и былъ весьма доволенъ состояніемъ команды. Вѣроятно, это было причиною, что полковникъ „умилостивился“ и возвратилъ команду Л. А-чу, о чемъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ брату.

19-го декабря И. А. послалъ брату 150 р. ас. при письмѣ, содержаніе котораго отчасти опредѣляется отвѣтомъ Л. А. (отъ 7 янв. 1821): „Съ великимъ удовольствіемъ вижу изъ твоего письма, что ты имѣешь такого добраго начальника, который такъ къ тебѣ расположенъ, какъ къ родному. Желаю ему и всему его семейству всѣхъ благъ, которыми человѣкъ можетъ насладиться въ здѣшней и въ будущей жизни... Мнѣ весьма пріятно слышать, что императрицы къ тебѣ такъ благосклонны; но не удивляюсь, зная твой разумъ, добродѣтель и счастливый характеръ. Я увѣренъ, что кто тебя разъ увидитъ и насладится твоимъ разговоромъ, тотъ, конечно, всѣмъ сердцемъ къ тебѣ прилѣпится и пожелаетъ быть съ тобою неразлучно. Только жалѣю очень, любезной тятенька, что твоя Муза такая сонливая и лѣнивая“ ..

6-го января 1823 г. Л. А. снова получилъ письмо отъ брата и снова 200 р. ас. „ Я несказанно радуюсь, писалъ онъ въ отвѣтъ на это письмо (10 янв.) увѣренію твоему дѣлиться со мною, чѣмъ Богъ послалъ. Да наградитъ тебя Всевышній долголѣтнимъ здравіемъ и благополучіемъ. Ты, подлинно, говоришь, какъ великодушный человѣкъ, что насъ только двое и послѣ насъ наслѣдниковъ никого не останется; но только не всѣ такъ думаютъ, а однѣ высокія, благороднѣйшія души. Мы же теперь оба становимся старики, ибо мнѣ скоро 46 лѣтъ кончится (а въ службѣ 37-й годъ съ сентября пошелъ), а тебѣ, голубчикъ тятень-

ка, 54 скоро минетъ, и въ разлукѣ мы уже 17 съ половиною лѣтъ". Далѣе Л. А. пишетъ: „Прошу тебя со слезами, попроси гр. Комаровскаго или дежурнаго при немъ генералъ-маіора Мухина, чтобы сдѣлали предписаніе г. полковнику Бурнашеву удалить меня отъ командованія; ибо есть молодые люди въ гарнизонѣ и въ инвалидѣ совершенно праздные, а старому, слабому и трудами изнуренному человѣку покою нѣтъ"...

„Я вчера начиталъ въ Инвалидѣ, пишетъ Л. А. (отъ 3-го февр.), что истекшаго января 14-го было въ Академіи большое собраніе и съ неизрѣченною радостью увидѣлъ, что тебѣ и г. Карамзину за отличныя ваши сочиненія всѣ единодушно согласились поднести золотыя медали; а особливо тебѣ, голубчикъ-тятенька, самъ президентъ поднесъ медаль и съ рукоплесканіемъ всѣхъ присутствующихъ, что мнѣ тѣмъ болѣе радостно и лестно слышать, что всѣ ученые люди сердечно признали тебя достойнымъ. Теперь мнѣ желательно знать, кто такой президентъ, а также и другіе... Пожалуйста, увѣдомь меня, голубчикъ, какое изображеніе на медали и на какой лентѣ, и не полѣнись, срисуй мнѣ ее и пришли, чѣмъ много меня обрадуешь"... И. А. въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, предупредилъ просьбу брата въ своемъ письмѣ отъ 28 января. Вотъ отвѣтъ Л. А. на это письмо: „Письмо твое получилъ я съ живѣйшимъ чувствомъ восторга и радости, съ благодареніемъ Всевышнему за Его къ тебѣ великія милости, и молю Его, да наградитъ тебя по твоей истинной добродѣтели и здравому разуму, которые единодушно признаны всею почтеннѣйшею публикою. Ты, любезный тятенька, говоришь, что не могъ не прослезиться, получая чистосердечныя признанія твоего достоинства отъ всей публики. И дѣйствительно, какое бы каменное сердце могло удержаться отъ волненія и чувства благодарности, которое ты въ то время чувствовалъ... Ты предупредилъ меня, любезный тятенька, объясненіемъ церемоніи и исчисленіемъ присутствующихъ важныхъ особъ, а также и присылкою снимка съ полученной тобою медали"... Далѣе Л. А. благодаритъ брата за намѣреніе перевести его въ неслужащій инвалидъ, которое онъ думалъ привести въ исполненіе при содѣйствіи какого то стараго пріятеля Щулепникова. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ полковникъ Бурнашевъ получилъ изъ Петербурга письмо, вслѣдствіе котораго предложилъ Л. А. подать прошеніе на высочайшее имя о переводѣ въ неслужащій инвалидъ. Въ письмѣ отъ 17 марта 1823 г. онъ благодаритъ брата за содѣйствіе и проситъ поторопить дѣло, если оно пойдетъ по начальству и дойдетъ до главнаго начальника гр. Комаровскаго.

Въ маѣ И. А-чь исполнилъ просьбу брата о книгахъ, а потому письмо отъ 9 го іюня 1823 г. посвящено преимущественно сужденіямъ о присланныхъ сочиненіяхъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, полагая, что въ этихъ сужденіяхъ обнаруженъ не одинъ личный взглядъ Л. А., но взглядъ огромнаго большинства, къ которому онъ принадлежалъ: „Читалъ я, пишетъ онъ, басни г. Измайлова; но въ сравненіи съ твоими, какъ небо отъ земли; ни той плавности въ слогѣ, ни красоты нѣтъ, а особливо простоты, съ какою ты имѣешь секретъ писать, ибо твои басни грамотный мужикъ и солдатъ съ такою же пріятностію можетъ читать, хотя не понимая смысла оныхъ, какъ и ученый... Читалъ и сочиненія г. Жуковскаго; но онъ, какъ мнѣ кажется, пишетъ только для ученыхъ, и болѣе занимается вздоромъ, а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнѣдичъ, человѣкъ высокоумный и щеголяетъ на поприщѣ славы между немногими. Но какъ ты, любезный тятенька, пишешь, — это для всѣхъ: для малаго и для стараго, для ученаго и простаго, и всѣ тебя прославляютъ... Басни твои — это не басни, а апостолъ"... Въ числѣ книгъ, присланныхъ И. А., былъ французскій переводъ его басенъ. О самомъ переводѣ Л. А. отзывается су-

хо; но ему особенно пріятно было прочитать предисловіе. „Оно привело меня въ восторгъ, говоритъ онъ: авторъ сердечно признается, что ты самыхъ отличныхъ талантовъ, и всякая просвѣщенная нація за честь себѣ поставила бы имѣть тебя своимъ соотечественникомъ. Этого, я думаю, еще никогда никто въ Россіи не слыхивалъ".

Почти весь іюнь Л. А. проболѣлъ и обязанъ былъ выздоровленіемъ доброму пріятелю своему и сосѣду, уѣздному доктору Прокоповичу. Донося объ этомъ (20 іюля) И. А-чу, онъ укорялъ его за то, что онъ не отвѣчаетъ на его письма. Но Л. А. не зналъ, что И. А. былъ въ то время боленъ, и что ему угрожала не меньшая опасность, отвращенная единственно заботливою попечительностію сначала семейства Олениныхъ, а потомъ императрицы Маріи Ѳедоровны. Оправившись отъ болѣзни, И. А. немедленно сообщилъ брату о постигшемъ его несчастіи и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, извѣстныхъ читателю изъ біографіи, написанной Плетневымъ. Извѣстіе это возбудило въ Л. А. какое-то смѣшанное чувство: „Письмо твое отъ 17 августа, пишетъ онъ, несказанно меня обрадовало. Благодарю Всевышняго Творца, что ты теперь, по милости Его и попеченіями милосердой нашей императрицы, выздоровѣлъ. Мнѣ пріятно и лестно государыни нашей и всего августѣйшаго дома къ тебѣ благорасположеніе. Молю Создателя о здравіи твоемъ и всей царской фамиліи, а также о твоемъ почтеннѣйшемъ начальникѣ г. Оленинѣ. Болѣзнь твоя была очень опасна и меня глубоко тронула; но, слава Богу, я теперь спокоенъ". Къ письму, какъ видно, былъ приложенъ списокъ б. *Василекъ*, о которой Л. А. выразился такимъ образомъ: „Басня твоя *Василекъ*, которую я вытвердилъ наизусть, безпримѣрна и очень кстати написана: въ ней ты умѣлъ весьма тонко и сердечно изъявить свою благодарность великой нашей императрицѣ... Басню эту я почитаю въ родѣ оды, весьма тонкой и хитрой, не имѣющей въ себѣ ни почерка грубой и постыдной лести, что во многихъ одахъ примѣтно". — И. А. въ своемъ письмѣ разсказывалъ, какъ проводилъ время въ Павловскѣ; это подало поводъ къ забавному недоразумѣнію: „Ты пишешь, любезный тятенька, продолжаетъ Л. А., что ты былъ всегда за столомъ императрицы и участвовалъ во всѣхъ играхъ, игралъ роль въ твоей баснѣ Ѳока, а князь Голицынъ Демьяна, а г-жа Ушакова жену его. Пожалуйста, голубчикъ, объясни мнѣ: развѣ сдѣлалъ ты изъ басни оперу, ибо говоришь, что на оную сочинена музыка; но я объ этомъ нигдѣ не находилъ нигдѣ въ газетахъ. Сдѣлай милость, если ты изъ басни сдѣлалъ оперу, пришли мнѣ ее, голубчикъ, Она должна быть чрезвычайна"...

Въ апрѣлѣ 1823: „Письмо твое, отъ 20 марта я получилъ 2-го сего мѣсяца съ неизрѣченною радостью. Благодарю Бога, что ты здоровъ и что онъ наградилъ тебя такимъ почтеннѣйшимъ, добрымъ и любезнымъ начальникомъ, каковъ твой благодѣтель г. Оленинъ. Докладъ его государю о наградѣ тебѣ, любезный тятенька, я читалъ съ великимъ восхищеніемъ. И подлинно, неудивительно, что твой почтенный благодѣтель умѣетъ быть любимымъ государемъ. Докладъ написанъ чрезвычайно хорошо".

11 августа И. А. увѣдомилъ брата, что ѣздилъ въ Ревель, да еще и моремъ. Поѣздку эту Крыловъ предпринялъ совершенно случайно. Проходя однажды по набережной, онъ встрѣтилъ знакомаго, который, собираясь ѣхать въ Ревель, предложилъ ему навѣстить командира Ревельскаго порта Спафаріева, знакомаго Крылову и извѣстнаго своимъ хлѣбосольствомъ. Крыловъ, не долго думая, сѣлъ на пароходъ. Объ этомъ случаѣ всѣ лица, знавшія Крылова, разсказываютъ совершенно одинаково. Это весьма обезпокоило стараго воина: „Благодарю Бога, что ты благополучно совершилъ свое путешествіе, и радуюсь сердечно, что ты здоровъ. Но еслибы я прежде узналъ, то бы мнѣ это не дало спокойствія,

покамѣсть не узналъ бы о твоемъ благополучномъ возвращеніи, ибо я, какъ тебѣ извѣстно, испыталъ сію непостоянную стихію: шесть мѣсяцевъ не сходилъ съ корабля и видѣлъ всѣ ея проказы. И такъ ты теперь, любезный тятенька, можешь назваться мореходцемъ, только совѣтую впередъ безъ нужды не отдаваться прелестямъ сей обманчивой стихіи.— Мнѣ весьма пріятно и лестно слышать, любезный тятенька, о благорасположеніи къ тебѣ нашей государыни и всего августѣйшаго дома. Да будетъ надъ ними всегда благодать Божья". Въ заключеніе письма онъ проситъ прислать ему новый портретъ, который въ то время печатался по просьбѣ книгопродавца Сленина.

Ровно черезъ мѣсяцъ И. А-ъ снова получилъ изъ Винницы письмо, но уже писанное чужою, незнакомою рукою. „Съ душевнымъ прискорбіемъ, писалъ авторъ этого письма, ближайшій начальникъ его брата, маіоръ Колтовской,—берусь за перо, чтобы начертать вамъ нѣсколько строкъ о потери брата вашего Льва Андреевича. Онъ оставилъ сей свѣтъ по кратковременной болѣзни, ноября 25-го, поутру въ 8 часовъ. Пять дней былъ онъ боленъ сильною горячкою, а въ шестой скончался. Послѣднее письмо ваше онъ получилъ 22 ноября, но не могъ уже онаго читать и попросилъ прочесть оное находящагося при немъ штабъ-лекаря уфимскаго полка, и наконецъ, поцѣловавъ портретъ вашъ, сказалъ: „Ахъ, любезный братъ, ты не знаешъ, какъ я боленъ!"

За тѣмъ Колтовской сообщаетъ, что тѣло покойнаго предано землѣ въ оградѣ Благовѣщенскаго дѣвичьяго монастыря, при чемъ отдана ему послѣдняя воинская почесть тремя ружейными выстрѣлами, „возвѣстившими конецъ всѣмъ мірскимъ суетамъ". Послѣ похоронъ Котовской опросилъ команду, которая не изъявила никакихъ претензій на бывшаго своего командира, и передалъ ее старшему въ командѣ офицеру. „Съ наличными оной команды господами офицерами, продолжаетъ онъ, сдѣлалъ я опись всѣмъ вещамъ и деньгамъ([2]), оставшимся послѣ его смерти, которую на разсмотрѣніе и распоряженіе ваше при семъ препровождаю. Подъ священною клятвою доношу вамъ, что болѣе показанныхъ въ реестрѣ вещей и денегъ ничего не осталось. Я только осмѣлился взять себѣ одну изъ книгъ, Римскую исторію, для своего сына и портретъ вашъ, присланный при послѣднемъ письмѣ, въ знакъ памяти, и тотъ не иначе оставлю себѣ, какъ съ позволенія вашего". По благодарственнымъ письмамъ, полученнымъ Крыловымъ изъ Винницы, видно, что хуторъ со всѣмъ строеніемъ и принадлежащими къ хозяйству вещами, а также двѣ коровы съ телятами и 75 р. ас., онъ отдалъ деньщику; всю рухлядь—унтеръ-офицеру Усатову; сверхъ того женѣ офицера инвалидной команды, Марьѣ Михайловнѣ Ступиковой, въ память о своемъ братѣ, при которомъ она находилась во время болѣзни, нѣсколько серебрянныхъ вещей.

Теперь читателямъ интересно будетъ узнать, какъ принялъ Крыловъ извѣстіе о кончинѣ брата. Смерть, постигающая хотя и родного, но вдали живущаго и давно не видѣннаго человѣка, разлука съ которымъ уже вошла въ привычку, конечно, не можетъ такъ поразить, какъ утрата тѣхъ, съ кѣмъ сближаютъ ежедневныя личныя сношенія и одинаковые интересы. Однакожъ отъ Варвары Алексѣевны Олениной мы слышали, что внезапное извѣстіе о смерти брата сильно подѣйствовало на И. А-ча. Онъ сдѣлался молчаливъ и мрачень, хотя ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа жизни: попрежнему посѣщалъ клубъ и проводилъ вечера у Олениныхъ. Друзья его терялись въ предположеніяхъ, но не рѣшались спрашивать. Елисавета Марковна одна имѣла право на его откровенность, но и она выжидала удобнаго случая. Такъ прошло недѣли три. Наконецъ И. А. повидимому сталъ

([2]) Эта опись сохранилась.

приходить въ свое нормальное состояніе. Елисавета Марковна, улучивъ минуту, спросила его: "Что съ вами было, Крылочка? Вы на себя не походили". — "У меня, отвѣчалъ Крыловъ, былъ родной братъ, единственное существо на свѣтѣ, связанное со мною кровными узами. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ". Елисавета Марковна постаралась утѣшить его, и съ тѣхъ поръ разговоръ объ этомъ предметѣ не возобновлялся.

Отношенія къ брату открываютъ новую, нетронутую біографами сторону въ жизни Крылова и много способствуютъ къ возстановленію правильнаго взгляда на него, какъ человѣка. Характеристика его, написанная Вигелемъ, — произведеніе, по нашему мнѣнію, столь же блестящее, какъ и требующее строгой повѣрки, — не могло не оказать своихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что авторъ ея, отдавъ справедливость уму баснописца и сознавшись, „что если самъ имѣетъ сколько нибудь ума, то много около него набрался„, заставляетъ читателя вѣрить ему безусловно. Даже П. А. Плетневъ, лично знавшій поэта и глубоко его уважавшій, не могъ не увлечься этой характеристикой, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ біографіи намекаетъ на тѣ черты, которые такъ рѣзко очерчены Вигелемъ. Смѣемъ думать, что изложенные здѣсь факты значительно измѣнятъ то понятіе, которое составляется о Крыловѣ по Запискамъ Вигеля. Мы же съ своей стороны, ни сколько не колеблясь, рѣшаемся примѣнить къ нему его же собственныя слова въ полной ихъ силѣ:

Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

В. Кеневичъ.

Спб.
3 Окт.
1866.

ЗАМѢТКИ О САМОЗВАНЦАХЪ ВЪ РОССІИ.

Явленіе самозванства встрѣчается въ разные вѣка, у разныхъ народовъ, начиная отъ древняго Смердиса Персидскаго; но нигдѣ не встрѣчается оно такъ часто и не имѣетъ такого значенія, какъ въ Русской исторіи XVII и XVIII вѣковъ. Это, разумѣется, должно обратить на себя вниманіе и, кромѣ частныхъ объясненій отдѣльныхъ случаевъ, заставить отыскивать общія причины явленія, повторяющагося, болѣе или менѣе виднымъ образомъ, въ продолженіе двухъ вѣковъ. Нѣкоторые, отыскивая общую, основную причину, останавливаются обыкновенно на сильномъ неудовольствіи, господствовавшемъ въ эти два вѣка преимущественно въ низшемъ земледѣльческомъ, прикрѣпленномъ къ землѣ, народонаселеніи. Но всякое внутреннее волненіе во всякой странѣ получаетъ пищу отъ накопившагося неудовольствія, отъ извѣстнаго неудобства положенія въ томъ или другомъ общественномъ кругу; всякій «заводчикъ смуты», по старинному выраженію, обращается къ недовольнымъ, сулитъ имъ выходъ изъ ихъ тяжелаго положенія и этимъ поднимаетъ ихъ противъ существующаго порядка. Накопленіемъ неудобствъ и неудовольствій въ тѣхъ или другихъ классахъ общества и волненіями, отсюда происходящими, богата исторія и другихъ государствъ Европейскихъ; и здѣсь были времена, когда земледѣльческое сословіе сильно волновалось, требуя свободы и льготы: извѣстны страшныя волненія его въ Англіи въ продолженіе второй половины XIV вѣка; извѣстна Французская Жакерія и Крестьянскія войны въ Германіи. Причина движеній вездѣ одна и таже — неудовольствіе, стрем-

леніе выйти изъ извѣстнаго неудобнаго положенія. Для насъ, слѣдовательно, важна здѣсь не общая причина, но особенныя формы, какія принимало движеніе въ той или другой странѣ: ибо только эти формы характеризуютъ общество, условія его развитія въ извѣстное время.

Въ большинствѣ случаевъ самозванство въ Россіи являлось неразлучнымъ съ козачествомъ. Вотъ уже и особенная форма, которая и заслуживаетъ прежде всего вниманія. Крестьяне и вообще чернь нашихъ украйнъ поднималась только тогда, когда среди нихъ появлялась вооруженная сила, призывавшая ихъ къ волѣ подъ знаменемъ ложнаго царя. Слѣдовательно движеніе условливается присутствіемъ этой вооруженной силы, которая называется козаками. Въ другихъ странахъ видимъ ли мы что-нибудь подобное этому явленію? Вездѣ мы видимъ выдѣленіе изъ общества людей недовольныхъ существующимъ порядкомъ или нѣкоторыми его сторонами, также людей безпокойныхъ, которымъ тѣсно въ извѣстномъ обществѣ. Выдѣленіе это бываетъ вольное или невольное: они удаляются сами, ища новой, болѣе удобной для себя почвы, или бываютъ удаляемы государствомъ, причемъ государство или удаляетъ ихъ за собственные предѣлы или удаляетъ ихъ въ отдаленныя мѣстности собственныхъ владѣній, не отнимая отъ нихъ своей руки, заставляя ихъ вести образъ жизни, соотвѣтственный его цѣлямъ. То и другое зависитъ отъ степени силы государства: во времена младенчества и безсилія государства употребляется обыкновенно первый способъ; при бóльшемъ развитіи, бóльшей крѣпости государственной, употребляется второй. Прослѣдить исторію этихъ выдѣленій, ихъ различныхъ формъ, причинъ и слѣдствій, значитъ прослѣдить исторію человѣческихъ обществъ по одной изъ самыхъ важныхъ ея сторонъ. Въ отдаленной древности изъ этихъ выдѣленій составляются дружины, которыя своимъ движеніемъ, своими подвигами начинаютъ исторію: это героическій или богатырскій ея періодъ. И послѣ, когда государства образуются и крѣпнутъ, это выдѣленіе недовольныхъ, свободно, въ слѣдствіе матеріальныхъ и нравственныхъ побужденій, удаляющихся или насильственно изгоняемыхъ, не перестаетъ имѣть важнаго значенія. Достаточно одного, что это выдѣленіе служитъ причиною вывода колоній; одинъ изъ важнѣйшихъ переворотовъ древней Греческой исторіи характеризуется названіемъ *возвращенія* изгнанныхъ Гераклидовъ. Въ послѣдствіи, борьба партій въ Греческихъ городахъ постоянно увеличиваетъ число изгнанниковъ; они возвращаются при удобномъ случаѣ, но до этого удобнаго случая какое будетъ ихъ занятіе? Они образуютъ дружины, изъ которыхъ составляются *наемныя* войска, играющія такую роль въ исторіи Греціи и Персіи передъ Македонскимъ владычествомъ. Въ началѣ Римской исторіи встрѣчаемся съ «позорнымъ убѣжищемъ» (infame asylum), куда стекаются изгнанники, и видимъ, какъ идетъ долгая борьба между этими безродными пришельцами и родовитыми людьми, отецкими дѣтьми (патриціями). Въ новой, христіанской Европѣ извѣстна дѣятельность дружинъ въ разрушеніи Римской имперіи и основаніи новыхъ государствъ. Когда движеніе дружинъ прекратилось на сухомъ пути въ слѣдствіе окончательнаго и прочнаго образованія новыхъ государствъ, дружины, составленныя

изъ людей, которымъ не было доли въ родной землѣ, рыщутъ по морямъ подъ именемъ Норманов и Варяговъ. Потомъ Западная Европа отдала много безпокойныхъ силъ своихъ въ то знаменитое движеніе на Азію, которое извѣстно подъ именемъ Крестовыхъ походовъ, и слѣдствія схлынутія этихъ силъ оказались немедленно въ новомъ порядкѣ вещей, утвердившемся послѣ Крестовыхъ походовъ. Съ другой стороны выдѣленіе этихъ силъ повело къ образованію дружинъ, изъ которыхъ начали составляться наемныя войска, служившія, по дружинной привычкѣ «въ семи ордахъ семи королямъ». Францiя изъ своихъ дружинъ, такъ называемыхъ Арминаковъ, пріобрѣвшихъ печальную извѣстность въ смутное время царствованія Карла VI и VII, образовала постоянныя войска; эти войска, вводясь и въ другихъ государства и увеличиваясь вмѣстѣ съ увеличеніемъ финансовыхъ средствъ государствъ, поглощали много силъ, которыя не могли быть употреблены въ мирныхъ занятіяхъ. Нѣкоторыя государства должны выбирать между войною въ обширныхъ размѣрахъ или внутренними волненіями, приготовляющимися чрезъ накопленіе безпокойныхъ силъ. Наконецъ Западная Европа получила средство выдѣленія безпокойныхъ силъ посредствомъ колонизаціи, благодаря открытію Новаго Свѣта и открытію удобныхъ путей въ отдаленныя части Стараго. Извѣстно, какъ обыкновенно усиливается переселеніе изъ Европы въ Америку послѣ неудавшихся или не вполнѣ удавшихся переворотовъ.

Обратимся къ Восточной Европѣ. Здѣсь, съ незапамятныхъ поръ, мы видимъ также выдѣленіе людей, которымъ тѣсно, неудобно въ обществѣ и которые оставляютъ его для другой жизни, болѣе соотвѣтствующей ихъ природѣ, образуя дружины или военныя братства. Въ Западной и Южной Европѣ для людей, разсорившихся съ обществомъ и живущихъ на его счетъ, большое удобство представляло море, которое потому, съ древнѣйшихъ временъ, было обильно пиратами, пока наконецъ въ новыя времена сильное развитіе торговли и увеличеніе морскихъ силъ государствъ не очистили море отъ разбойниковъ. Восточная Европа имѣла своего рода море, широкую степь, которая также наполнялась «добывателями зипуновъ». Въ старину богатыри, позднѣе козаки, тянулись въ степь, гдѣ могли размять свое плечо богатырское, „поляковать, козаковать“ свободно. Какъ прибрежныя государства Западной Европы терпѣли пиратовъ во время своей слабости, но, пришедши въ силу, очистили отъ нихъ моря: такъ и государство Восточной Европы, Россія, когда была слаба, терпѣла самостоятельное существованіе козачества подлѣ себя въ степи; когда же стала усиливаться, начала стремиться привести его, какъ военную силу, въ полныя служебныя отношенія къ государству, и достигла своей цѣли. Козачество не подчинилось скоро и добровольно, и въ борьбѣ съ государствомъ употребляетъ самозванцевъ, ими волнуетъ и мирное, невооруженное населеніе страны.

Первый самозванецъ былъ подставленъ не козаками, но въ нихъ немедленно нашелъ сильныхъ и вѣрныхъ приверженцевъ. Козаки поняли, какая это выгодная для нихъ выдумка, и второй самозванецъ Лжепетръ былъ уже козацкой фабрикаціи. Въ слѣдъ за тѣмъ была выставлена козаками цѣлая толпа самозванцевъ, и самозванцы, не ими выставленные, опи-

рались на нихъ. Большое козацкое возстаніе. Разинское, не обошлось безъ двухъ самозванцевъ, царевича и патріарха. При Петрѣ Великомъ козаки съ Булавинымъ встали безъ самозванца, но возстаніе и ограничилось одною козацкою областью; послѣднее козацкое возстаніе было поднято съ самозванцемъ. Тѣ самозванцы, которые являлись не между козаками или не могли опираться на нихъ, не успѣвали возбуждать волненій.

Такимъ образомъ главное условіе для появленія самозванцевъ и успѣха ихъ заключалось въ козачествѣ, какъ оно существовало прежде. Но теперь предстоитъ другой вопросъ: зачѣмъ козакамъ были нужны самозванцы и какъ самозванцы были возможны въ такомъ числѣ? Первый вопросъ рѣшается легко, когда вспомнимъ, что монархическая власть утвердилась въ Россіи за исключеніемъ всякой другой силы, которая могла бы вступить съ нею въ борьбу въ свое собственное имя, во имя своихъ правъ, существующихъ въ народномъ сознаніи: вступить въ борьбу съ монархическою властію можно было во имя той же власти, заступившись за право настоящаго, законнаго царя или царевича, лишеннаго этихъ правъ, спасшагося отъ смерти, однимъ словомъ, выставляя самозванца. Другой вопросъ: какъ самозванцы были возможны? рѣшается, когда обратимъ вниманіе на состояніе общества, на степень образованія. Образованіе даетъ привычку критически относиться къ каждому явленію, обсуждать его, тогда какъ человѣкъ необразованный, встрѣтясь съ необыкновеннымъ, важнымъ явленіемъ, преклоняется предъ нимъ, подчиняясь вполнѣ первому впечатлѣнію; ему скажутъ: вотъ царь! и его первое дѣло пасть предъ нимъ на колѣни, не разсуждая, настоящій ли это царь; чѣмъ страннѣе, чудеснѣе разсказъ, тѣмъ больше ему вѣрилось. Вотъ почему нельзя объяснять причину явленія однимъ неудовольствіемъ, тягостію положенія извѣстнаго класса народонаселенія: шли за самозванцемъ не потому только, что надѣялись лучшаго, но прежде всего потому, что считали своею обязанностію идти; никто не станетъ отрицать, что многіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ большинство было обмануто, вѣрило, что защищаетъ права законнаго царя.

Что касается самозванцевъ, то нѣкоторые изъ нихъ сознательно принимали на себя роль обманщиковъ, приходила ли имъ первымъ мысль о самозванствѣ, или внушена другими. Но нѣкоторые были подставлены такъ, что сами были убѣждены въ своемъ высокомъ происхожденіи: таковъ былъ первый Лжедимитрій (Отрепьевъ), Луба, котораго воспитывали въ Польшѣ какъ сына Тушинскаго царя, въ XVIII вѣкѣ та несчастная женщина, которая выдавала себя за дочь императрицы Елисаветы, была схвачена въ Италіи и кончила жизнь въ Петропавловской крѣпости. Относительно перваго Лжедимитрія противъ нашего взгляда высказано такое возраженіе. «Несообразность характера названнаго Димитрія съ званіемъ обманщика побудила С. М. Соловьева прибѣгнуть къ предположенію, что, не будучи Димитріемъ, онъ былъ обманутъ, а обманутый и самъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Это предположеніе имѣло бы за собою большое вѣроятіе, если бы названному Димитрію внушили, что его спасли въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ, когда онъ самъ себя еще не помнилъ. Но изъ современныхъ свидѣтельствъ и, меж-

ду прочимъ, изъ писемъ короля Сигизмунда, видно, что онъ разсказывалъ, будто его спасли въ Угличѣ тогда, когда пришли убійцы его умертвить, — тогда, когда Димитрію было уже восемь лѣтъ; каждый изъ насъ помнитъ ясно себя въ такомъ возрастѣ при такихъ же дѣлахъ. Едвали возможно кого-нибудь увѣрить, что онъ въ восемь лѣтъ былъ обставленъ такими обстоятельствами и вещами, какихъ онъ не помнитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выбить изъ его памяти впечатлѣнія, которыя у него остаются отъ дѣтскихъ лѣтъ»(*).

Это возраженіе имѣло бы силу, еслибы дѣло шло о человѣкѣ намъ современномъ и изъ нашего круга, о человѣкѣ, по нашему, образованномъ. Кого-нибудь изъ насъ теперь трудно увѣрить, что съ нимъ случилось, когда ему было 8 лѣтъ, важное происшествіе, котораго онъ не помнитъ. Почему трудно? Потому что онъ знаетъ, сколько ему лѣтъ, въ которомъ году и котораго числа, мѣсяца онъ именно родился. Помня извѣстныя событія, зная, когда они случились и зная годъ своего рожденія, мы дѣлаемъ соображенія, и выводимъ, что помнимъ событія, случившіяся когда намъ было 8 лѣтъ, слѣдовательно и другіе люди должны помнить, что̀ случилось съ ними въ этомъ возрастѣ. Но если годъ рожденія неизвѣстенъ, если человѣкъ не можетъ опредѣлить точно, сколько ему лѣтъ, то основаніе соображеній рушится. Спросите нашего крестьянина, сколько ему лѣтъ? «Годовъ сорокъ будетъ», отвѣтитъ онъ, и кто поручится, что онъ немного ошибся? А въ XVI вѣкѣ не только сынъ какого-нибудь ничтожнаго Галицкаго сына боярскаго, но и люди позначительнѣе, не знали, сколько имъ лѣтъ. При такихъ условіяхъ какой-нибудь Отрепьевъ могъ дѣлать только слѣдующія соображенія и выводы: «люди старые и знающіе говорятъ, что, когда мнѣ было 8 лѣтъ, меня хотѣли убить; я этого не помню, значитъ я помню только то, что̀ случилось со мною уже послѣ 8 лѣтъ». Еслибы не было метрическихъ свидѣтельствъ, и еслибъ въ школѣ мы не могли узнать вѣрныхъ хронологическихъ опредѣленій для событій, памятныхъ намъ изъ дѣтства, то конечно люди старые и знающіе могли бы увѣрить насъ во всемъ, въ чемъ имъ угодно. Намъ эти соображенія, съ какого года человѣкъ начинаетъ помнить событія своей жизни, понадобились потому, что мы пишемъ изслѣдованіе о самозванцахъ; но зачѣмъ они могли понадобиться молодому Русскому человѣку XVI или XVII вѣка, при сильномъ воображеніи, не допускающемъ холодной работы ума?

Не одна извѣстная самозванка выдавала себя за дочь императрицы Елисаветы: былъ у нея и родной братъ. Въ 1768 году лѣкарь Лебедевъ донесъ, что адъютантъ Опочининъ, сынъ генералъ-маіора, выдаетъ себя за сына императрицы Елисаветы отъ Англійскаго короля, и составляетъ заговоръ для сверженія императрицы Екатерины II въ пользу великаго князя Павла Петровича, распространяя слухъ, что императрица хочетъ подѣлить Россію между Орловыми. И Опочининъ, подобно своей сестрицѣ, не самъ выдумалъ себѣ происхожденіе. Корнетъ Батюшковъ внушалъ ему: „сказывала мнѣ покойная бабка моя Анна Пребышевская, что когда былъ здѣсь Англійскій посолъ, то въ его свитѣ былъ, подъ именемъ кава-

(*) Вѣстникъ Европы, Сентябрь 1867, стр. 64.

лера посольства, самъ королъ Англійскій, отъ котораго ты и родился и Опочинину отданъ на воспитаніе". Судъ призналъ, что преступленіе Батюшкова произошло отъ пьянства и помѣшательства въ умѣ, и приговорилъ: «лишить его дворянства и чиновъ и послать въ Мангазею и производить по двѣ копѣйки на день; и когда будетъ въ здравомъ умѣ, то употреблять на работы». Опочинина, «по молодости лѣтъ (ему было только 18), по раскаянію и службѣ отцовской, послать тѣмъ же чиномъ въ гарнизонъ на линію» (¹).

Рядъ самозванцевъ, выдававшихъ себя за Петра III, появляется съ 1765 года: бѣглый солдатъ Гаврила Кремневъ назвался Петромъ III, возмутилъ народъ въ Воронежской и Бѣлгородской губерніяхъ, особенно при помощи попа Льва Евдокимова, который немедленно призналъ въ немъ государя и началъ свидѣтельствовать, что онъ, попъ, будучи дворцовымъ пѣвчимъ, Петра III видалъ и маленькаго на рукахъ нашивалъ. Императрица изъ дѣла увидѣла, что преступленіе Кремнева произошло «безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія, а единственно отъ пьянства, буйства и невѣжества, что дальнѣйшихъ и опасныхъ видовъ и намѣреній не крылось», и потому освободила отъ смертной казни. Его сѣкли кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ разглашалъ, привязавши къ груди доску съ надписью: бѣглецъ и самозванецъ; на лбу выжгли Б. С. и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу. Въ томъ же году армянинъ Асланбековъ, взятый за фальшивый паспортъ, объявилъ себя Петромъ III. Его били плетьми и сослали въ Нерчинскъ. По произведенному въ 1765 году въ Слободской Украинской губернской канцеляріи слѣдствію открылось, что бѣглый Брянскаго полка солдатъ Петръ Чернышевъ Изюмской провинціи въ слободѣ Купенкѣ разглашалъ о себѣ, якобы онъ бывшій государь Петръ Ѳедоровичъ, чему повѣря, той слободы бывшій, попъ Семенъ Иваницкій, по желанію его, пѣлъ всенощную и молебенъ, упоминая его на ектеніяхъ такимъ, какимъ онъ ему сказывался. Учинено имъ публичное наказаніе кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ, попъ на житіе, а Чернышевъ на работу. Главный командиръ Нерчинскихъ заводовъ, генералъ-майоръ Суворовъ прислалъ рапортъ, что Чернышевъ и тамъ чинилъ о себѣ тоже разглашеніе, чему нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей повѣря, давали ему многіе подарки. Въ 1767 году бѣглый солдатъ Мамыкинъ, по дорогѣ въ Астрахань, разглашалъ, что Петръ III живъ, «приметъ опять царство и будетъ льготить крестьянъ».

Въ 1768 году о Петрѣ III началъ толковать заключенный въ Шлюссельбургѣ подпоручикъ Іоасафъ Батуринъ. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость за то, что при императрицѣ Елисаветѣ имѣлъ «злодѣйственное намѣреніе къ бунту» склонивъ на свою сторону прапорщика Тимоѳея Ржевскаго, вахмистра Александра Урнежевскаго, дворцовой псовой охоты двухъ пикёровъ, суконщика Кенжина, Воронежскаго батальона подпоручика Тыртова, гренадеровъ Худышкина и Кетова. Батуринъ подговаривалъ пикёровъ доложить наслѣднику, великому князю Петру Ѳедоровичу, что Бату-

(¹) Сличи въ Р. Архивѣ 1864 (изд. 2—е, стр. 428) распоряженіе, подписанное 15 Дек. 1775: «Майору Патрикѣеву» бывшаго гвардіи корнета Батюшкова сестрѣ Марьи Кропотовой во всю ихъ жизнь въ резиденціи ни для чего не въѣзжать, а жить имъ въ своихъ деревняхъ". Кто Патрикѣевъ, мы незнаемъ. *П. Б.*

ринъ можетъ подговорить къ бунту всѣхъ фабричныхъ, и находящійся въ Москвѣ Преображенскій батальонъ, и Лейбъ-Кампанцевъ: „если наслѣдникъ дастъ намъ знатную сумму денегъ, говорилъ Батуринъ, то мы заарестуемъ весь дворецъ, и Алексѣя Разумовскаго съ его соумышленниками, гдѣ ни найдемъ, всѣхъ въ мелкіе части изрубимъ за то, что отъ Разумовскаго долго коронаціи нѣтъ наслѣднику; а государыню до тѣхъ поръ изъ дворца не выпустимъ, пока Петръ Ѳедоровичъ не будетъ коронованъ; если архіереи коронаціи не хотятъ, то ихъ вытащимъ и силою приведемъ. Я привезу великаго князя въ церковь и велю его короновать, и если архіерей будетъ противиться, то отрублю ему голову; если не бунтомъ идти, то коронаціи никогда не бывать по милости Разумовскаго. Поэтому я хочу, набравши хотя малую партію и наряди всѣхъ въ маски, поѣхать верхами и, улуча Разумовскаго на охотѣ, изрубить. У меня уже набрано людей съ 30.000; будутъ помогать и большія лица, графъ Бестужевъ, генералъ Степанъ Апраксинъ“. Кенжина Батуринъ уговаривалъ внушать фабричнымъ, будто онъ, Батуринъ отъ наслѣдника посланъ къ одному купцу для взятія 5000 рублей на раздачу имъ, фабричнымъ, для начатія бунта. Тыртову объявилъ именной указъ наслѣдника — убить Разумовскаго. Гренадеровъ Худышкина и Кетова научилъ разглашать между гренадерами, что если кто изъ нихъ склонится къ дѣлу, того Петръ Ѳедоровичъ пожалуетъ капитанскимъ рангомъ, по примѣру Лейбъ-Кампанцевъ. Батуринъ, Урнежевскій, Тыртовъ и гренадеры прикладывались къ складнямъ (²), клялись не открывать намѣренія, если кто-нибудь изъ нихъ попадется. Потомъ Батуринъ ходилъ къ Московскому купцу Ефиму Лукину, назвавшись оберъ-кабинетъ-курьеромъ, говорилъ, что присланъ отъ великаго князя съ приказаніемъ взять 5000 рублей. Лукинъ отвѣчалъ, что, не видавъ великаго князя, денегъ не дастъ; тогда Батуринъ нанаписалъ наслѣднику латинскими буквами записку, что у него приготовлено 50.000 человѣкъ для возведенія его на престолъ, и эту записку отдалъ Лукину, чтобы тотъ вручилъ ее великому князю: такимъ образомъ онъ нашелъ средство извѣстить Петра о своемъ намѣреніи. Когда намѣреніе открылось и произведено было слѣдствіе, то, «за невоспослѣдованіемъ резолюціи» императрицы, Худышкина и Кетова сослали въ Рогервикъ на работу; Батурина, Тыртова и Кенжина въ Шлюссельбургъ. По возшествіи на престолъ Петра III, Сенатъ возобновилъ дѣло и приговорилъ сослать Батурина въ Нерчинскъ на работу; но императоръ велѣлъ оставить его въ Шлюссельбургѣ и давать лучшее содержаніе. О Батуринѣ забыли; уже пять лѣтъ царствовала императрица Екатерина II, когда въ началѣ 1768 года къ солдату Ушакову пришелъ другой солдатъ Сорокинъ, вынулъ изъ кармана двѣ бумажки и началъ говорить: «Я былъ въ Шлюшинѣ у одного колодника, который называетъ себя полковникомъ, у Іосифа Андреевича Батурина; онъ далъ мнѣ эти двѣ бумажки и просилъ, чтобъ я одну, маленькую подалъ государынѣ, а другую Петру Ѳедоровичу, и говорилъ мнѣ этотъ Батуринъ, что ежели я бумажки подамъ, то мнѣ будетъ великое награжденіе». Ушаковъ развернулъ сперва большую бумажку, и увидя, что она написана къ бывшему государю, говорилъ Сорокину;

(²) Т. е. къ складнымъ иконамъ. П. Б.

«Пустое! вѣдь онъ давно уже умеръ; вѣдь ты помнишь: еще мы были въ походѣ, такъ тамъ это было уже извѣстно, что онъ подлинно умеръ». Сорокинъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, братъ, Батуринъ знаетъ планеты; онъ, смотря въ окошко изъ казармы на небо, указывалъ государеву планету и сказывалъ, что онъ живъ и теперь гуляетъ, и чрезъ годъ или два сюда прійдетъ». Батуринъ разказывалъ караульнымъ, что онъ хотѣлъ Петра Ѳедоровича возвести на престолъ; караульные возражали ему: «Еслибы ты такую услугу Петру Ѳедоровичу показалъ, такъ для чего онъ тебя, покуда живъ былъ, отсюда не свободилъ?»-«Врете вы, отвѣчалъ Батуринъ: государь не умеръ, а живъ, поѣхалъ гулять, а меня здѣсь оставилъ подъ видомъ; я по планетамъ знаю, что онъ живъ, планету вижу, и увидите, что онъ года черезъ два въ Россію возвратится».

Всѣ подобные толки и появленія самозванцевъ здѣсь и тамъ не могли повести ни къ чему важному до тѣхъ поръ, пока сѣмя не попало на удобную почву, пока самозванецъ не явился въ степи, среди недовольныхъ, волнующихся козаковъ Яицкихъ. Но то были уже послѣдніе, крайніе козаки, и возстаніе ихъ съ самозванцемъ было послѣднимъ возстаніемъ. Козаки и послѣ, по старой привычкѣ, продолжали содѣйствовать крестьянскимъ побѣгамъ, но это не имѣло послѣдствій. Въ 1783 году дворяне Кіевской губерніи подали просьбу императрицѣ: «Побѣги крестьянъ безпрестанно умножаются, находя себѣ пристанище съ одной стороны въ Донскихъ станицахъ, а съ другой въ предѣлахъ Таврической области и наиболѣе въ Екатеринославской губерніи. Они бѣгутъ туда единственно въ чаяніи найти тамъ свободу въ личной ни отъ кого независимости и въ избѣжаніе платежа всякихъ податей. Сими то самыми видами льстятъ ихъ подъѣзжающіе и подсылаемые съ тѣхъ мѣстъ подговорщики, производя сіе въ скрытомъ образѣ столь удачно и столь обольстительными о вольности обнадеживаніями, что и самые примѣрные въ достаточномъ и порядочномъ хозяйствѣ крестьяне, такъ сказать, изъ нѣдръ изобилія и пріятной жизни, слѣдуютъ за обманщиками, уже не по одиначкѣ и не семьями, но величайшими скопищами поднимаются и уходятъ не только тайнымъ, но и явнымъ образомъ, отваживаются противостоять каждому, кто бы ни вздумалъ преграждать имъ путь. Нѣтъ почти между насъ помѣщика, который не потерпѣлъ бы знатнаго ущерба въ людяхъ, бывъ еще притомъ во всегдашней опасности, что и послѣдніе крестьяне ихъ оставятъ, ибо по случаю столь дерзкаго чрезъ подсыльщиковъ подговору къ побѣгу ихъ и пріему изъ вышеозначенныхъ мѣстъ, разсѣеваются между простолюдинами слухи, что будто вообще всѣмъ крестьянамъ дана уже совершенная вольность переходить, куда кто изъ нихъ пожелаетъ» ([3]). Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, 13 марта 1796 года, депутатъ Воронежскаго дворянства Астафьевъ подалъ просьбу о томъ же: «Мало того, что крестьяне бѣгутъ, приводя тѣмъ помѣщиковъ въ разстройство: они еще нерѣдко присоединяютъ къ побѣгамъ своимъ и насильственное

(3) Вотъ одинъ изъ поводовъ такъ называемаго введенія въ Малороссіи крѣпостнаго права. Что введеніе это основано было на соображеніяхъ хозяйственныхъ, видно изъ 77-го письма императрицы Екатерины къ А. В. Олсуфьеву въ Р. Архивѣ 1863, изд. 2—е, стр. 433. П. Б.

разграбленіе имѣнія помѣщиковъ своихъ. Побѣги устремлены наипаче въ Донское войско. Отъ стороны казаковъ употребляемы бываютъ къ подговору бѣглецовъ какъ скрытыя обольстительныя средства, обнадеживающія освобожденіемъ отъ платежа податей, увольненіемъ отъ рекрутскаго набора и достиженіемъ независимости, такъ и явныя пособія уводовъ подъ прикрытіемъ конвоя».

С. Соловьевъ.

ПИСЬМО ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ ГРАФИНѢ КАНКРИНОЙ (*)

Милостивая государыня графиня почтенная кума Екатерина Захаровна.

На канунѣ великаго праздника, я получилъ отъ вашего сіятельства прекрасной подарокъ, коверъ вашей работы, за которой приношу вамъ, милостивая государыня, мою истинную благодарность, что вы такъ добры и любите деревенскаго больнова старика, за что да наградитъ Господъ Богъ все ваше почтенное семейство Божіею благодатію.

Приказаніе вашего сіятельства я не исполнилъ: труды ваши не могутъ лежать подъ моими креслами, а я оной коверъ употребилъ въ спальнѣ нашего общаго благодѣтеля покойнаго императора Александра Благословеннаго, у того стола подъ его стулъ, гдѣ онъ изволилъ всегда въ Грузинѣ 10-ть лѣтъ работать дѣла отечества нашего со свойственною его милостію. —Да пребудетъ сей вашъ подарокъ у меня, между протчими для моего воспоминанія пріятными вѣщами.

(*) Подлинникъ сохранился въ бумагахъ князя П. А. Вяземскаго и полученъ былъ княземъ отъ графини Е. З. Канкриной. *П. Б.*

Поздравляю ваше сіятельство съ наступающимъ великимъ праздникомъ, съ коимъ прошу принять трудъ поздравить отъ меня и почтеннаго графа Егора Францовича.

Обѣщаніе ваше посѣтить наступающимъ лѣтомъ меня старика въ моемъ монастырѣ, я пріемлю съ благодарностію и буду ожидать вашего объ иномъ увѣдомленія.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть на всегда

Вашего сіятельства, милостивой государыни, покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

Грузино, 1 апрѣля 1833 г.

Примѣчаніе. Какъ строго ни суди о государственной дѣятельности и значеніи графа Аракчеева, но все-же нельзя не признать въ немъ глубокаго и трогательнаго чувства привязанности и преданности къ памяти императоровъ Павла I и Александра I. Это чувство не просто царедворческое, но въ немъ есть даже что-то рыцарское и поэтическое, какъ ни смѣшно и дико можетъ показаться, съ перваго взляда, сочетаніе подобныхъ прилагательныхъ съ лицомъ, извѣстнымъ современникамъ подъ именемъ: Аракчеевъ. Впрочемъ, это лицо, какъ и многія другія лица современной исторіи, ожидаютъ еще вѣрнаго, строгаго, но и безпристрастнаго суда исторіи потомственной, которая часто провѣрнетъ и очищаетъ приговоры и сужденія исторіи современной: ибо въ этой послѣдней нерѣдко имѣютъ слишкомъ большое значеніе сплетни, предубѣжденія, личности и страсти текущаго дня. Разумѣется, изъ этихъ словъ не должно выводить какого либо притязанія на апологію Аракчеева. Мы говоримъ только о необходимости скептической воздержности въ отношеніи къ рѣзкимъ, исключительнымъ и, по большей части, опромечтивымъ оцѣнкамъ такъ назы-

ваемаго общественнаго мнѣнія. Если есть поговорка: „Гласъ Божій гласъ народа“, то не слѣдуетъ забывать, что есть и другая: „Людская молва, что̀ морская волна“.

Князь Вяземскій.

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ДНИ И КОНЧИНА ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

(Изъ разсказа отставнаго штабсъ-капитана Евгенія Михайловича Романовича).

Служа въ Аракчеевскомъ, нынѣ Ростовскомъ, гренадерскомъ принца Фридрида Нидерландскаго, полку, я съ полкомъ своимъ стоялъ въ Новгородской губерніи, въ 60 верстахъ отъ мѣстопребыванія графа Аракчеева т. е. отъ села Грузина, въ такъ называемомъ Графскомъ поселеніи, расположенномъ по берегу рѣки Волхова. Аракчеевъ былъ шефомъ нашего полка, и во время торжественныхъ дней и праздниковъ отъ нашего полка всегда отряжался офицеръ для поздравленія графа. Въ 1834 году, передъ наступленіемъ пасхи, я, въ званіи полковаго адъютанта, назначенъ былъ къ поѣздкѣ въ Грузино для поздравленія графа съ свѣтлымъ праздникомъ. Грузино—это богатое село, расположенное по рѣкѣ Волхову, съ роскошнымъ домомъ и великолѣпнымъ садомъ. Я прибылъ туда въ четвергъ на страстной недѣлѣ; обо мнѣ докладываютъ его сіятельству, который изъявилъ желаніе меня видѣть. Я былъ тогда ловкимъ молодымъ человѣкомъ. Застаю графа сидящимъ въ кабинетѣ; я ему раскланялся и отрапортовалъ о себѣ и о своемъ назначеніи.

— Кто-ты такой? спросилъ графъ нѣсколько въ носъ.

— Романовичъ, ваше сіятельство! отвѣчалъ я.

— Полякъ!! воскликнулъ какъ будто съ ужасомъ Аракчеевъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сі-ство! Малороссіянинъ изъ Черниговской губерніи, возразилъ я.

— Это все лучше, отвѣчалъ Аракчеевъ, уже нѣсколько смягченнымъ тономъ, а то Полякъ — подлецъ! (*)

Тутъ онъ сталъ привѣтливѣе, посадилъ меня, вступилъ въ разговоръ, порицалъ правительство, при чемъ великому князю Михаилѣ Павловичу также досталось не мало.

— Знаешь-ли-ты К.? спросилъ онъ меня потомъ.

— Имѣю счастіе знать, отвѣчалъ я.

— Какое тутъ счастіе! съ гнѣвомъ возразилъ онъ мнѣ и при этомъ разсказалъ о тѣхъ благодѣніяхъ, которыя онъ будто[illegible]ы оказалъ генералу К-ю, когда тотъ былъ еще въ офицерскихъ чинахъ и горько жаловался, что К. забылъ его и ни[illegible] не навѣститъ. За тѣмъ спроси[illegible] не желаю-ли я осмотрѣть его [illegible]ы, и когда я изъявилъ согла[illegible]а его любезное предложеніе—„Смот[illegible]азалъ онъ, почаще читай, что̀ на[illegible]о на стѣнкѣ.“ Я, признаться, вна[illegible] не понялъ словъ этихъ, смыслъ которыхъ былъ для меня весьма загадоченъ. Камердинеръ повелъ меня по комнатамъ, роскошно отдѣланнымъ; каждая комната имѣла свой инвентарь, гдѣ было вписано все что̀ заключалось въ комнатѣ. Инвентарь этотъ висѣлъ на стѣнѣ, и рукою самого графа было надписано: „глазами гляди, а рукамъ воли не давай.“ Тутъ-то сталъ мнѣ понятенъ смыслъ его словъ: почаще читай, что̀ на стѣнкѣ написано. Изъ всѣхъ комнатъ, мною осмотрѣнныхъ, особенно замѣчательна такъ называемая Александровская; называлась она такъ, потому что императоръ, бывая у Аракчеева, тамъ занимался. Въ этой комнатѣ сосредоточено было, такъ сказать, все величіе Аракчеева, все прошедшее его славы, уже померкшей при покойномъ Николаѣ. Такъ, на столѣ стоялъ мраморный бюстъ Александра на литомъ серебренномъ пьедесталѣ, на одной сторонѣ кото-

(*) Грубое выраженіе это отчасти объясняется тѣмъ, что графъ Аракчеевъ былъ близкимъ свидѣтелемъ благодѣяній, которыя оказывалъ Полякамъ императоръ Александръ Павловичъ. *П. Б.*

раго выписано было золотыми буквами письмо государя къ Аракчееву изъ Таганрога незадолго до кончины его величества. Въ этомъ письмѣ государь увѣдомлялъ его о разстроенномъ и почти безнадежномъ состоянiи своего здоровья у вѣрялъ его въ своей вѣчной дружбѣ и преданности къ нему. На другой сторонѣ—надпись такого содержанiя: „кто осмѣлится прикоснуться къ этому бюсту, тотъ да будетъ анаѳема, проклятъ!“ Тутъ же стояла чернильница и хранилось перо, которымъ писалъ императоръ Александръ; сорочка, въ которой онъ родился, печать имъ употребляемая; въ стеклянномъ ящикѣ сберегалась холщевая сорочка, въ которой почилъ Александръ и въ которой Аракче[illegible] завѣщевалъ себя похоронить; ло[illegible]гла-зета отъ его гроба и множеств[illegible]ъ и бумагъ. На стѣнѣ висѣли часы, кото[illegible] однажды въ годъ, а именно: 19 но[illegible] въ 2 часа (въ день и часъ кончин[illegible]ператора) играли: „Со святыми упокой!...“ Осмотрѣвши комнаты, я возвратился въ кабинетъ къ гр. Аракчееву. —Пьешь-ли ты водку? спросилъ онъ меня, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, похвалилъ меня, сказавъ, что и онъ ея не употребляетъ, и приказалъ подать вина. Мы выпили.

На другой день въ пятницу, въ 3 часа по полудни, Аракчеевъ почувствовалъ сильную боль въ груди (антоновъ огонь), и тотчасъ потребовалъ медика. При немъ находился тогда въ качествѣ домашняго врача нѣкто г. Левицкiй. Тотъ явился и увидалъ, что состоянiе графа безнадежно. Аракчеевъ началъ бранить и медиковъ и медицину, требовалъ, чтобы продлили ему жизнь на два мѣсяца, потомъ уменьшилъ этотъ срокъ на мѣсяцъ, умолялъ, сердился. Наконецъ просилъ, чтобы послали за Арендтомъ въ Петербургъ. Я послалъ тотчасъ фелдъегеря, которыхъ при графѣ находилось 6 человѣкъ, и тотъ полетѣлъ въ Петербургъ. Между тѣмъ Аракчеевъ сталъ приходить въ бѣшенство. Раздавались проклятiя; наконецъ онъ взмахнулъ руками и одну изъ нихъ всунулъ въ ротъ съ крикомъ: „проклятая смерть!“ и испустилъ духъ въ присутствiи моемъ, въ присутствiи врача и камердинера. Омывши тѣло покойнаго, мы стали одѣвать его: надѣли на него холщевую рубашку, въ которой умеръ императоръ Александръ, облекли его въ парадный генеральскiй мундиръ и положили на столъ. Потомъ я заперъ двери и запечаталъ ихъ своею печатью и печатью бурмистра и отправился во флигель спать. Вдругъ въ четыре часа ночи меня будятъ; говорятъ: „Пожалуйте, прiѣхалъ генералъ К“. Я тотчасъ всталъ, являюсь. —„Кто такой, и за чѣмъ?“ спросилъ генералъ. Я объясняю. — „Все-ли благополучно?“ снова спросилъ меня К. — Все благополучно, отвѣчалъ я. Тогда мы пошли въ домъ въ сопровожденiи фельдъегеря, прибывшаго съ генераломъ. Я отпечаталъ и отперъ двери. К. вошелъ въ Александровскую комнату и сталъ прибирать бумаги покойнаго, вынулъ письма изъ пакетовъ, перещиталъ ихъ и другiя бумаги въ моемъ присутствiи, вложилъ въ папку, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю, который и отправился съ ними въ Петербургъ.

Въ Свѣтлое Воскресенiе прiѣхали генералы и другiя важныя лица изъ Петербурга, а также племянникъ Аракчеева, полковникъ со звѣздою, и Грузино оживилось. Между тѣмъ вызванъ былъ Аракчеевскiй полкъ, прибывшiй на подводахъ, и батарея артилерiи. Когда нужно было класть тѣло покойнаго въ гробъ, то К. обратился къ намъ офицерамъ съ вопросомъ, не желаетъ-ли кто переложить тѣло покойнаго, но никто не изъявилъ желанiя, и тѣло должны были положить священникъ и племянникъ Аракчеева. Ко гробу приставленъ былъ почетный караулъ изъ офицеровъ, которые мѣнялись чрезъ каждые два часа денно и нощно; дiаконъ читалъ псалтырь. Намъ однажды захотѣлось шампанскаго. Подали, конечно, въ другой комнатѣ, куда вышли и мы. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ ко гробу со стаканомъ въ рукахъ. Дiаконъ положительно обмеръ: „Что вы!

сказалъ онъ отчаянымъ голосомъ, какъ это можно! Что если да графъ встанетъ? бѣда намъ, всѣ пропали!". Во вторникъ совершено было погребеніе Новгородскимъ архіепископомъ съ участіемъ архимандритовъ и множества духовенства. Тѣло покойнаго положено при находящемъ въ Грузинѣ великолѣпно-устроенномъ храмѣ, въ склепѣ, рядомъ съ прахомъ умершей насильственнымъ образомъ его наперсницы Анастасьи. Надъ могилой поставленъ памятникъ художественной отдѣлки.

Вотъ что разсказывали тогда о исторіи этого памятника. Въ декабрѣ 1833 года пріѣзжаетъ въ Грузино молодой человѣкъ и привозитъ этотъ памятникъ. На вопросъ графа: откуда этотъ памятникъ? молодой человѣкъ отвѣчалъ, что кто-то онъ имени графа заказалъ его, что даже деньги за него, и равно и за провозъ, отданы. На памятникѣ была изготовлена надпись слѣдующаго содержанія: здѣсь лежитъ тѣло Новгородскаго дворянина Алексѣя Андреевича Аракчеева, родившагося въ такомъ-то году и умершаго (оставалось вписать только годъ и мѣсяцъ смерти). Это обстоятельство не мало удивило Аракчеева и крайне его смутило. Предполагали что оно имѣло не мало вліяніе на ускореніе его смерти. Этотъ-то самый памятникъ и былъ поставленъ надъ могилою его. Другая причина могла быть та, что Аракчеевъ, столько трудовъ положившій на свою любимую идею, на свое созданіе (я говорю о военныхъ поселеніяхъ) замѣчалъ, что онѣ годъ отъ году все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ и не было уже силъ поддержать ихъ. Жалкое состояніе этихъ поселеній, конечно, не могло не возбуждать крайне и безъ того раздражительнаго темперамента этого причудливаго временщика; оно не могло не поселять грусти въ его сердцѣ при видѣ столь жестоко обманутыхъ ожиданій (*).

Почти тотчасъ по смерти знаменитаго владѣльца Грузина начались между крестьянами безпорядки: избавившись отъ долго висѣвшаго надъ ними гнета, крестьяне бросились все опустошать. Вслѣдствіе этого въ видѣ военной экзекуціи мы, т. е. нашъ полкъ, долженъ былъ простоять въ Грузинѣ еще нѣсколько времени, и мы простояли тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и отправились оттуда въ Петербургъ. Славно пожили мы тогда! Офицеры и солдаты—все это жило на счетъ Аракчеева, и мы были всѣмъ обезпечены совершенно. Распорядителемъ всего былъ уѣздный предводитель дворянства Тыртовъ, и мы ему, признаться, много надоѣдали нашими требованіями.

Недѣли чрезъ двѣ пріѣхалъ въ Грузино братъ Аракчеева Петръ Анреевичъ съ женою; отдали послѣдній долгъ усопшему и прожили нѣкоторое время въ Грузинѣ; но когда открылось, что Аракчеевъ все имѣніе свое передаетъ Новгородскому корпусу, который потому и названъ былъ Аракчеевскимъ, то эти родственники съ негодованіемъ уѣхали. Замѣчу при этомъ, что поведеніе наше, это веселіе и этотъ разгулъ солдатской жизни въ началѣ сильно не нравились брату Аракчеева, и онъ далъ намъ замѣтить черезъ Тыртова, что подобное поведеніе не прилично, что тѣло покойнаго еще не остыло и что мы живемъ на всемъ содержаніи графа, слѣдовательно должны почесть его память. Но, какъ я сказалъ, Аракчеевъ-братъ и жена его скоро уѣхали, и разгулъ нашъ не потерпѣлъ перерывовъ....

Странная личность была этотъ покойный Аракчеевъ, скажу я вамъ! Кому неизвѣстна желчность, раздражительность его? Вотъ нѣсколько случаевъ въ дополненіе къ моему разсказу: однихъ я самъ былъ свидѣтелемъ, о другихъ слышалъ отъ лицъ къ нему приближенныхъ. Такъ напримѣръ, графъ не питалъ никакого уваженія къ браку,—онъ, можно сказать, пренебрегалъ имъ. Вотъ что мнѣ разсказывали. Въ огромномъ имѣніи Аракчеева постоянно наростало значительное число жениховъ и невѣстъ; о нихъ обыкновенно докладывалъ графу бурмистръ,

(*) Мы сильно сомнѣваемся въ справедливости сихъ послѣднихъ предположеній разсказчика. *П. Б.*

и графъ приказывалъ представить ихъ къ себѣ; являлись парни и дѣвицы цѣлою толпою. Графъ разставлялъ ихъ попарно, — жениха съ выбранною имъ невѣстою; Иванъ становился съ Матреною, и Сидоръ съ Пелагеею. Когда всѣ такимъ образомъ установятся, графъ приказываетъ перейдти Пелагеѣ къ Ивану, а Матрену отдаетъ Сидору и такъ прикажетъ повѣнчать ихъ. Отсюда въ семействахъ раздоры, ссоры и развратъ (*). Въ Грузинѣ былъ большой порядокъ и чистота: главная улица не уступала любому паркету богатаго аристократическаго дома. Это была, т. сказать, парадная улица. Хозяйственныя и другія принадлежности домашнія крестьяне обязаны были возить по околицѣ, облегавшей задніе дворы селенія. Избави Боже, если кто попадется изъ крестьянъ съ навозомъ или другимъ чѣмъ на главной улицѣ: тотъ битъ будетъ много! Въ экзекуціяхъ своихъ Аракчеевъ доходилъ до нероновской артистичности: такъ донесли ему однажды, что у крестьянина нашлась табакерка съ табакомъ, чего Аракчеевъ терпѣть не могъ. Назначена крестьянину порка: откомандировали хоръ пѣвчихъ, состоящій изъ молодыхъ красивыхъ дѣвицъ, всѣ въ красныхъ сарафанахъ; разложили мужика съ табакеркой и всыпали ему значительное число горячихъ. Во время экзекуціи пѣвчіе пѣли: „Со святыми упокой, Господи!“.

(Сообщено П. А. Мусатовскимъ)

ПИСЬМА КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Вотъ копіи съ собственноручныхъ писемъ двухъ знаменитыхъ Русскихъ лицъ. Оба они весьма извѣстны въ нашей исторіи: одинъ — какъ временщикъ на поприщѣ государственной службы; другой — какъ благородный и честный человѣкъ, на поприщѣ исторической и литературной дѣятельности. Оба они принесли пользу отечеству, хотя на различныхъ поприщахъ и не въ одинакой степени. Но уже одна форма этихъ писемъ невольно обращаетъ на себя вниманіе: графъ Аракчеевъ писалъ къ цесаревичу Константину Павловичу какъ ловкій придворный; исторіографъ Н. М. Карамзинъ какъ истый гражданинъ отечества, цѣня равно въ себѣ и въ другихъ человѣческое достоинство. Подлинники тѣхъ и другихъ писемъ случайно находятся рядомъ, одинъ за другимъ, какъ бы для того, чтобы ярче свидѣтельствовать индивидуальную сторону того и дуугаго лица.

Григорій Александровъ.

I.

Полученіе отмѣчено: «2 іюня 1821, Варшава.»

Ваше императорское высочество! Приношу вамъ, всемилостивѣйшій государь, мою вѣрноподданнѣйшую благодарность за присылку ко мнѣ правилъ, наблюдаемыхъ во фронтѣ младшими штабъ-офицерами и адъютантами. Онѣ мнѣ тѣмъ болѣе нужны, что я оное уже исполняю въ корпусѣ поселенныхъ войскъ, по возвращеніи моемъ въ прошлую осень изъ Варшавы. Вашего императорскаго высочества вѣрноподданный

Графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ
25 мая 1821.

II.

Полученіе отмѣчено: «9 іюня 1821, Варшава».

Милостивѣйшій государь! Имѣю счастіе представить вашему императорскому высочеству девятый томъ Исторіи Государства Россійскаго и поручаю себя въ вашу милость, для меня драгоцѣнную. Милостивѣйшій

(*) Самъ Аракчеевъ былъ женатъ съ 1806 года, но не жилъ съ своею супругою (См. Русскій Архивъ 1866, стр. 923)

государь! вашего императорскаго высочества всенижайшій

Николай Карамзинъ.

Царское Село.
26 мая 1821.

На этомъ письмѣ помѣта рукою Константина Павловича: «Благодарить.»

Отвѣтъ на это письмо, помѣченный 10 іюня 1821.

Николай Михайловичъ! Имѣвъ удовольствіе получить трудовъ вашихъ девятый томъ Исторіи Государства Россійскаго, я обязываюсь обратиться къ вамъ за сіе съ моею истиннною благодарностію, а за тѣмъ прошу принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

III.

Помѣта полученія: „9 іюля 1821, Варшава."

Милостивѣйшій государь! Пріимите искреннѣйшую, усердную благодарность преданнаго вашему императорскому высочеству исторіографа за милостивое письмо, которымъ вы его осчастливили. Милостивѣйшій государь! вашего императорскаго высочества всенижайшій

Николай Карамзинъ.

Царское Село
23 іюня 1821.

IV.

Помѣта полученія: „27 марта 1824. Варшава."

Милостивѣйшій государь! Пріимите съ благоволеніемъ сіи два новые тома Исторіи Государства Россійскаго.

Повергаю себя къ вашимъ стопамъ съ чувствомъ вѣчной признательности за милостивое вниманіе, которое ваше императорское высочество изволили оказывать и къ сочиненію и къ сочинителю. Милостивѣйшій государь! вашего императорскаго высочества преданнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга.

Николай Карамзинъ.

С.-Петербургъ.
Марта 1824.

Отвѣтъ Константина Павловича отъ 28 марта 1824.

Съ особеннымъ удовольствіемъ я имѣлъ честь получить при письмѣ вашемъ трудовъ вашихъ два новые тома Исторіи Государства Россійскаго. И обращаясь за оные съ моею къ вамъ совершенною благодарностію, прошу принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

V.

Полученіе помѣчено: «24 апрѣля 1824, Варшава.»

Ваше императорское высочество, всемилостивѣйшій государь! Скорѣе онаго я никакъ не могъ обратно отправить присланнаго отъ вашего высочества унтеръ-офицера, въ чемъ и прошу извиненія. О дворянахъ представляю къ вашему высочеству особое мое письмо, изъ коего изволите увидѣть мое оправданіе (*). Всемилостивѣйшій нашъ государь-императоръ, слава Богу, здоровъ и приказалъ мнѣ написать къ вашему высочеству его поклонъ и что онъ скоро и самъ изволитъ къ вамъ писать. При семъ представляю къ вашему высочеству книжку о вновь высочайше утвержденныхъ гусарскихъ мундирахъ, которую вы изволите не скоро еще получить по порядку изъ Сената. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію пребудетъ до конца жизни, вашего императорскаго высочества вѣрноподданный

Графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ.
17 апрѣля 1824.

(*) Письма этого нѣтъ.

Отвѣтъ Константина Павловича графу Аракчееву отъ 25 апрѣля 1824.

Графъ Алексѣй Андреевичъ. Я имѣлъ честь получить посланное письмо вашего сіятельства отъ 17 сего апрѣля съ возвратившимся посланнымъ отъ меня лейбъ-казачьимъ унтеръ-офицеромъ, и прошу вашего сіятельства повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностію за всемилостивѣйшее обо мнѣ напоминаніе; при чемъ также обращаюсь къ вашему сіятельству съ моею особенною благодарностію за всѣ ваши увѣдомленія и присылку книжки о вновь высочайше утвержденныхъ гусарскихъ мундирахъ.—При семъ случаѣ прошу вашего сіятельства принять увѣреніе особеннаго моего къ вамъ всегдашняго почтенія и уваженія.

Всѣ выписанныя здѣсь письма цесаревича Константина Павловича списаны съ черновыхъ бумагъ, имѣющихся въ дѣлахъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба, при коихъ находятся и письма Карамзина и Аракчеева. *Г. А.*

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ГРЕКАМЪ КНЯЗЯ ИПСИЛАНТИ. (*)

Это возваніе, въ современномъ Русскомъ переводѣ, было сообщено великому князю цесаревичу Константину Павловичу при слѣдующемъ письмѣ:

Помѣта полученія: „3 апрѣля 1821. Варшава.“

Государь-цесаревичъ!

Здѣсь между Греками появилась изданная 24 февраля 1821 года въ Яссахъ отъ Александра Ипсиланти печатная на Греческомъ языкѣ прокламація, съ которой переводъ я имѣю счастіе поднести вашему императорскому высочеству и вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть себя съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ и вѣрноподданническою преданностію.

Вашего императорскаго высочества вѣрноподданной

Александръ Шульгинъ

(Генералъ-маіоръ).

Марта 21 дня
1821 года.

*

Сражайся за вѣру и отечество! Наступилъ часъ, мужественные Еллины! Давно уже Европейскіе народы, сражаясь за свои права и свободу, приглашали насъ къ подражанію; они хотя и свободные, но старались всѣми силами пріумножить свободу и чрезъ нее все свое благополучіе.

Братья наши и друзья вездѣ готовы. Сербы, Суліоты и весь Епиръ съ оружіемъ въ рукахъ насъ ожидаютъ; и такъ соединимся съ энтузіазмомъ. Отечество насъ призываетъ; Европа, устремивши очи свои на насъ, изумляется бездѣйствію нашему, – и такъ да огласятся всѣ горы Еллады звукомъ военныя нашей трубы и долины страшнымъ звукомъ оружій нашихъ. Европа удивится доблестямъ, а тираны наши, трепеща и блѣднѣя, побѣгутъ отъ лица нашего.

Просвѣщенные народы Европы занимаются возстановленіемъ собственнаго благополучія и, исполненные признательности за благодѣянія праотцевъ нашихъ къ нимъ, желаютъ свободы Греціи.

Мы, являя себя достойными праотческой добродѣтели и настоящаго вѣка, имѣемъ благія надежды получить отъ нихъ покровительство и помощь. Многіе изъ сихъ любителей свободы пріѣдутъ сражаться вмѣстѣ съ нами. —Начните дѣйствовать, друзья, и вы увидите державную силу, защищающую права наши; вы увидите изъ самыхъ враговъ нашихъ многихъ, которые, будучи

(*) Нѣкоторыя подробности о Греческомъ движеніи 1821 г. и объ отношеніяхъ онаго къ Россіи читатели найдутъ въ статьѣ нашей «Пушкинъ въ Южной Россіи», въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 1150 и д. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ могъ принимать особенное участіе въ судьбѣ Грековъ, ибо самъ зналъ по гречески и съ дѣтства готовился стать во главѣ ихъ. Ср. въ Р. Арх. 1864 изд. 2—е, стр. 531-я, письмо Николая Пангала, который величаетъ великаго князя кротчайшимъ самодержцемъ Греческимъ, Константиномъ третьимъ. Печатаемое здѣсь Воззваніе получено нами отъ Г. Н. Александрова. *П. Б.*

убѣждены справедливою нашею причиною, обратятъ тылъ и соединятся съ нами противу враговъ нашихъ, и отечество наше съ искренностію приметъ ихъ въ объятія свои. И такъ что препятствуетъ мужественнымъ вашимъ мышцамъ? Робкій врагъ нашъ слабъ и безсиленъ, полководцы наши опытны, и всѣ соотечественники наши полны энтузіазма, и такъ соединитесь, мужественные и великодушные Еллины! Да образуются народныя фаланги, да явятся отечественные легіоны, и вы увидите древнихъ оныхъ колоссовъ деспотизма, падающихъ самихъ собою предъ побѣдоносными знаменами; на гласъ трубы нашей всѣ берега Іоническаго и Егейскаго моря отзовутся; Греческіе корабли, кои во время мирное умѣли торговать и сражаться, разсѣятъ по всѣмъ пристанямъ тирана, огнемъ и мечемъ, страхъ и смерть.

Какая Еллинская душа будетъ равнодушна при приглашеніи отечества! Въ Римѣ одинъ Кесаревъ пріятель, потрясая окровавленною хламидою тирана, возбуждаетъ народъ; какъ же вы поступите, Еллины, коимъ отечество показываетъ обнаженныя раны свои и прерывающимся гласомъ призываетъ на помощь чадъ своихъ! Божественный Промыслъ, любезные соотечественники, умилосердившись нашими несчастіями, соблаговолилъ быть такъ, и мы, при маломъ трудѣ, получимъ свободою все благополучіе; и такъ, если по достохульному неразумію мы еще останемся разлучены, то тираны, содѣлавшись жесточаѣ, гораздо болѣе увеличатъ наши несчастія, и мы дойдемъ до того, что останемся навсегда несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ.

Обратите взоры ваши, соотечественники, и воззрите на жалкое наше состояніе, воззрите здѣсь на храмы попираемые, тамъ на чадъ нашихъ, отъемлемыхъ позорнѣйшимъ сластолюбіемъ варваровъ и тирановъ нашихъ, на домы наши обнаженные, на поля наши расхищенные и на самихъ себя, жалкихъ рабовъ!

Теперь время свергнуть несносное иго сіе, освободить отечество, свергнуть съ облаковъ Полулуніе, возвысить знаменіе, коимъ всегда побѣждаемъ, то есть, Крестъ и такимъ образомъ отмстить за отечество и за православную нашу вѣру нечестивцамъ, за ихъ нечестивое презрѣніе

Между нами тотъ благороднѣйшій, кто мужественнѣе защититъ права отечества и полезнѣе ему будетъ служить. Народъ единодушно изберетъ своихъ народоправителей и, въ сходственность сему высочайшему совѣту, будутъ соображаться всѣ наши дѣянія. И такъ, начнемъ дѣйствовать въ единомысліи: богатые пусть внесутъ часть своего имущества, священные пастыри да воодушевляютъ народъ собственнымъ своимъ примѣромъ, просвѣщенные пусть совѣтуютъ полезное, а при чужестранныхъ дворахъ служащіе въ войскѣ и въ статской службѣ соотечественники, возблагодаривъ каждый изъ нихъ той державѣ, которой онъ служилъ, да устремятся всѣ на отверзаемое нынѣ великое и блистательное поприще и да принесутъ отечеству должную дань и яко мужественные да вооружатся всѣ безъ отлагательства времени непреоборимымъ оружіемъ храбрости, и я обѣщаю въ краткомъ времени побѣду, а съ нею все благо.

Какіе наемные и слабосильные рабы посмѣютъ противустать народу, сражающемуся за собственную независимость? Свидѣтелями тому геройскіе подвиги праотцевъ нашихъ, свидѣтель Испанія, которая первая и одна побѣдила непобѣдимыя фаланги тирана.

При соединеніи нашемъ, сограждане, при почтеніи нашемъ къ священной религіи, при повиновеніи къ законамъ и полководцамъ, при мужествѣ и постоянствѣ, побѣда наша вѣрная и непремѣнная,—она увѣнчаетъ вѣчно-зеленѣющими лаврами геройскіе подвиги наши, она не изгладимыми буквами начертаетъ имена наши въ храмѣ безсмертія, въ примѣръ грядущимъ племенамъ! Отечество вознаградитъ покорныхъ и родныхъ чадъ

своихъ наградами славы и чести, непокорныхъ же и не внемлющихъ настоящему приглашенію провозгласитъ яко изчадіями и сѣменами Азіатскими и предастъ имена ихъ анаѳемѣ и проклятію потомковъ.

И такъ призовемъ снова, мужественные и великодушные Еллины, свободу въ классическую землю Греціи! Сразимся между Мараѳономъ и Термопилами! Сразимся на гробахъ отцевъ нашихъ, кои, дабы насъ оставить свободными, сражались и пали тамъ; кровь тирана пріятна тѣни Эпаминонда Ѳивейскаго и Аѳинейскаго Тразибула, которые побѣдили тридцать тирановъ, тѣнямъ Армонія и Аристогитона, которые низвергли Пизистратской яремъ, тѣни Тимоліона, которой возстановилъ свободу въ Коринѳѣ и Сиракузахъ, и наипаче тѣнямъ Мильтіада и Ѳемистокла, Леонида и Трехъ Сотъ, кои толикократно поражали безчисленныя войска варваровъ Персовъ, коихъ болѣе варварскихъ и менѣе мужественныхъ потомковъ, предлежитъ намъ теперь съ малымъ трудомъ истребить совершенно. И такъ къ оружію, друзья: отечество насъ призываетъ!

Александръ Ипсиланти.

24 Февраля 1821 года
Въ главной квартирѣ Яссахъ.

Н. А. РАЙКО.

Біографическій очеркъ.

М. Г. Честь имѣю препроводить къ вамъ находящіяся у меня бумаги Николая Алексѣевича Райкò: онѣ обязательно сообщены были мнѣ старшимъ сыномъ покойнаго, Алексѣемъ Николаевичемъ Райкòмъ, офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

При нашемъ свиданіи вы просили меня предпослать имъ краткій біографическій очеркъ этого превосходнаго и замѣчательнаго человѣка. Къ величайшему моему сожалѣнію, я могу исполнить это лишь самымъ поверхностнымъ, неудовлетворительнымъ образомъ, такъ какъ за исключеніемъ препровождаемыхъ къ вамъ документовъ, относящихся ко времени пребыванія Николая Алексѣевича въ Греціи, я не имѣю подъ рукою никакихъ другихъ, которые могли-бы послужить мнѣ основаніями для сколько нибудь обстоятельнаго жизнеописанія его. Я долженъ поэтому ограничиться лишь воспоминаніями слышаннаго мною отъ него самаго или отъ моихъ родителей [1], въ пору ранней молодости, когда мы вообще бываемъ гораздо болѣе заняты собою чѣмъ другими, внимаемъ имъ разсѣянно и удерживаемъ въ памяти развѣ лишь крупные и яркіе факты, небрежно упуская числа и подробности, т. е. то именно, чтò такъ драгоцѣнно для біографа.

Н. А. Райкò (какъ видно изъ указа объ его отставкѣ, въ которомъ сказано, что въ 1818 году ему было 24 года) родился въ 1794 г. Отецъ его мало заботился о немъ и поручилъ его попеченію пріятеля своего, тайнаго совѣтника Скванчи, Тосканца, состоявшаго въ русской службѣ. Скванчи отправилъ 14-ти лѣтняго Райкò и старшаго брата его (онъ утонулъ, по возвращеніи въ Рос-

---

[1]) Съ семействомъ моимъ Николай Алексѣевичъ находился въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Еще юношею принятый какъ родной въ семействѣ моей бабки, онъ былъ шаферомъ моей матери, когда она выходила за мужъ за моего отца, и впродолженіи сорока лѣтъ оставался искреннѣйшимъ и любимѣйшимъ другомъ ихъ. Когда въ 1835 году, Николай Алексѣевичъ, покинувъ Кавказъ, пріѣхалъ съ молодою женою поселиться въ Одессѣ, туда переѣхало вскорѣ и наше семейство. Въ Одессѣ мы долго жили въ одномъ домѣ, видѣлись каждый день; память о Николаѣ Алексѣевичѣ связана съ лучшими воспоминаніями моей юности. Въ концѣ 1853 года, отецъ мой долженъ былъ, по дѣламъ, пріѣхать въ Петербургѣ; матушка на это время поселилась въ деревнѣ, въ 150 верстахъ отъ Одессы. Оттуда, въ февралѣ 1854 года, она писала о скоропостижной кончинѣ Николая Алексѣевича. Помню, когда прочелъ онъ эту вѣсть, отецъ мой уронилъ письмо, закрылъ лице рукою и тихо промолвилъ: «Райка нѣтъ! И я за нимъ скоро!» И дѣйствительно, въ томъ-же году и его не стало.

сію, 24 лѣтъ) на родину свою, во Флоренцію, гдѣ молодые люди и были воспитаны. Николай Алексѣевичъ, сколько мнѣ помнится, посѣщалъ какія-то лекціи въ Падуанскомъ университетѣ. Какъ бы то ни было, онъ былъ вовсе не доволенъ своимъ образованіемъ и часто съ невеселой улыбкой повторялъ извѣстный стихъ: „мы всѣ учились по немногу, чему нибудь и какъ-нибудь." О дѣтствѣ своемъ и молодости онъ вообще говаривалъ какъ бы неохотно. Помню я только разсказъ, какъ въ 1812 г., когда онъ узналъ о вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи, взговорило въ немъ неудержимо чувство любви къ родинѣ, и шестнадцатилѣтній юноша, тайкомъ отъ лицъ, которымъ порученъ былъ надзоръ за нимъ, онъ ушелъ изъ Флоренціи съ намѣреніемъ пробраться въ Россію и вступить въ ряды ея защитниковъ; но безъ средствъ, безъ законнаго вида, онъ не могъ далеко уйти, былъ задержанъ гдѣ-то на границѣ Швейцаріи и отвезенъ обратно во Флоренцію. Въ отечество онъ вернулся только въ 1815 г., а черезъ годъ послѣ того опредѣленъ юнкеромъ въ армейскую конно-артиллерію. Баттарея его стояла въ Юго-Западномъ краѣ, и въ воспоминаніяхъ его сохранилось много забавныхъ разсказовъ о проказахъ военной молодежи того времени. Разсказы эти, бывало, заставляли насъ, юношей и дѣтей, буквально кататься со смѣху. Въ 1818 году онъ былъ произведенъ въ офицеры, а въ 1824 переведенъ въ Л. Гв. Драгунскій полкъ, что нынѣ Конно-Гренадерскій. Тамъ онъ вскорѣ сдѣлался идоломъ товарищей, высоко цѣнившихъ въ немъ его прямодушіе и благородную независимость характера. Но въ гвардіи ему не послужилось. Вышло такого рода происшествіе, что офицеры его полка, недовольные чѣмъ-то, или *кѣмъ-то*, собрались однажды на квартирѣ Н. А. Райко и положили единогласно — подать разомъ всѣмъ въ отставку. Это дошло, разумѣется, до свѣдѣнія начальства, просьбы объ отставкѣ были задержаны, "протестантовъ" уговорили или запугали; всѣ остались на своихъ мѣстахъ, кромѣ Николая Алексѣевича, котораго уже ничто не могло заставить измѣнить однажды принятому рѣшенію. Послѣ не малыхъ затрудненій, въ началѣ 1826 года, его наконецъ выпустили въ отставку, „très mal noté, parceque j'etais, il paraît, une fausse note dans le choeur général", смѣясь говаривалъ по этому случаю Николай Алексѣевичъ, который былъ страшный охотникъ до каламбуровъ ([2]).

Онъ очутился такимъ образомъ на свободѣ, обезпеченный по состоянію (отца его уже не было на свѣтѣ, а семейство его выдавало Николаю Алексѣев. по 12,000 р. ассигнаціями въ годъ), но не видя передъ собою никакого будущаго, крайне разочарованный всѣмъ тѣмъ, въ чемъ до тѣхъ поръ довелось ему принимать участіе и не зная куда дѣть свои силы, на что употребить кипучее желаніе пользы и добра, которымъ онъ и тогда, какъ и до послѣдней минуты своей, былъ весь преисполненъ. Онъ не долго оставался въ Петербургѣ, гдѣ, по выходѣ изъ полка, жилъ очень одиноко, проводя время за чтеніемъ и посѣщая лишь домъ извѣстнаго врача Н. Ѳ. Арендта, съ которымъ былъ онъ очень друженъ. Въ концѣ 1826 или въ началѣ 1827 г., не припомню, онъ уѣхалъ въ Италію. Тамъ въ это время, какъ и во всей Европѣ, но еще пламеннѣе чѣмъ въ какой либо другой странѣ (вслѣдствіе аналоги,

[2]) Независимый и стойкій характеръ Николая Алексѣевича, при чемъ имѣлось въ виду и то обстоятельство, что онъ былъ воспитанъ въ Италіи, былъ причиною того, что въ высшихъ военныхъ сферахъ того времени онъ слылъ за «карбонарія». Командиръ его полка, генералъ, знавшій его ближе и цѣнившій въ немъ весьма способнаго, дѣятельнаго и ревностнаго офицера, постоянно его отстаивалъ и, не желая лишиться его, удерживалъ подъ всякими предлогами его просьбу объ увольненіи, все надѣясь, что Райко одумается и согласится взять ее назадъ. Но когда начался по всѣмъ полкамъ гвардіи арестъ лицъ, замѣшанныхъ въ несчастномъ дѣлѣ 14 декабря, онъ вспомнилъ объ этомъ прозвищѣ «карбонарія» и заключивъ изъ этого вѣроятно, что человѣкъ, заслужившій подобное прозвище, могъ и дѣйствительно пожалуй принимать участіе въ заговорѣ противъ правительства, поспѣшилъ дать ходъ лежавшей до того у него безъ движенія просьбѣ, вслѣдствіе чего, говорятъ, увольненіе Н. А. Райко подписано было даже заднимъ числомъ.

быть может, въ чувствахъ прирожденной ненависти къ иноземному владычеству) высказывалось всеобщее сочувствіе къ судьбамъ героическаго племени, которое тогда уже шестой годъ отстаивало противъ Турецкаго варварства свою независимость въ ущельяхъ Пелопонеза и на приморскихъ скалахъ Архипелага. Пѣсни лорда Байрона о Греціи были давно популярны въ Италіи; безпримѣрная защита Миссолонги была свѣжимъ событіемъ, и о немъ съ содроганіемъ ужаса и восторгомъ энтузіазма говорили даже въ простомъ народѣ, которому все, что̀ происходило въ Греціи, было хорошо знакомо чрезъ разсказы Италіанскихъ моряковъ (³). Въ высшихъ слояхъ общества всѣ были заняты близкимъ разрѣшеніемъ Греческаго вопроса, которое ожидалось отъ соглашенія Россіи, Франціи и Англіи, соглашенія, которое, дѣйствительно, привело впослѣдствіи къ славному дѣлу Наварина. Филеллины между тѣмъ на перерывъ стекались въ Италію со всѣхъ концевъ Европы, направляясь въ Грецію чрезъ порты Ливорно и Анкону. „И среди всѣхъ этихъ людей, говорилъ потомъ часто Райко, людей великодушно рисковавшихъ своею жизнью изъ-за одной идеи, за свободу народа имъ въ сущности совершенно чуждаго, съ которымъ ихъ ничто не связывало, не было ни одного Русскаго, ни одного представителя того именно народа, который вѣрою своею, своимъ прошедшимъ, наконецъ историческою судьбой своей долженъ бы былъ чуствовать себя наиболѣе близкимъ къ Греціи, а вслѣдствіе того болѣе всѣхъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ ея независимости (⁴). Эта мысль не покидала меня, мнѣ было и больно и стыдно, *до слезъ иногда было обидно за насъ*, — и наконецъ я рѣшился ѣхать въ Грецію„.

(³) Во Флоренціи долго жилъ, занимаясь продажею картинъ, нѣкто Комненъ Афендульевъ (нѣкогда состоявшій при нашемъ послѣ Татищевѣ въ Испаніи), горячій Филеллинъ, сообщавшій Н. А. Райку подробныя свѣдѣнія о ходѣ Греческихъ дѣлъ (Слышано отъ Н. М. Смирнова) П. Б.

(⁴) Вспомнимъ бѣгство изъ родительскаго дому 17-ти лѣтняго А. С. Хомякова. *П. Б.*

О его пребываніи въ Греціи и о послѣдствіяхъ онаго говоритъ самъ Николай Алексѣевичь въ своей Запискѣ (⁵). Я приведу здѣсь лишь нѣсколько словъ изъ увольнительнаго свидѣтельства, выданнаго ему правительствомъ, установившимся въ Греціи, подъ предсѣдательствомъ графа Августина Каподистріи, послѣ смерти президента, графа Ивана Каподистріи (Н. А. былъ страстно преданъ этому высоко-способному и высоко нравственному государственному человѣку; вѣроломное убійство президента глубоко потрясло его. Греція опостылѣла ему, и онъ рѣшился тогда же ее покинуть).

„Правительство (Греціи), говорится въ этомъ документѣ, писанномъ съ теплотою, рѣдко встрѣчающеюся въ оффиціальныхъ бумагахъ, никогда не будетъ въ состояніи забыть, что впродолженіи четырехъ лѣтъ вашей службы вы никогда не соглашались принять ни жалованья, ни наградъ, между тѣмъ какъ неустаннымъ вашимъ рвеніемъ и преданностью вы оказали этой націи явныя и дѣйствительныя услуги, то командуя крѣпостью Паламиди, то впродолженіи осьмнадцати мѣсяцевъ исправляя должность военнаго губернатора воскресающаго города Патраса, то наконецъ такъ одстойно занимая мѣсто главнаго начальника артиллеріи въ трудныхъ обстоятельствахъ (dans des circonstances difficiles). Этотъ образъ дѣйствій вашихъ, столь-же благородный, сколько и безкорыстный, возлагаетъ на насъ долгъ, съ радостью исполняемый нами, выразить вамъ здѣсь чувства благодарности народной, которой мы бы желали имѣть возможность доставить вамъ болѣе блестящія доказательства (dont nous aurions souhaité pouvoir vous donner des témoignages plus éclatants). Воспоминаніе о васъ, г. полковникъ, будетъ всегда дорого для правительства, равно какъ имя ваше для Греческой арміи, и возвращеніе ваше въ ея ряды осуществило бы самыя рѣши-

(⁵) Къ сожалѣнію, мы еще не можемъ напечатать эту Записку. П. Б.

тельныя желанія (comblerait les voeux les plus prononcés)“.

Изъ приводимаго нами ниже, въ приложеніи, письма графа Ивана Каподистрія къ графу Бенкендорфу достаточно видно, какъ цѣнилъ графъ Каподистрія „здравый умъ и душевную чистоту человѣка, за котораго онъ, не усомнясь, готовъ былъ отвѣчать государю императору какъ за самаго себя.“ Уваженіе и довѣріе его къ Н. А. Райко свительствуется множествомъ писемъ къ нему президента, изъ которыхъ нѣкоторыя помѣщены въ извѣстномъ Сборникѣ Эйнара, но большая часть, интимныхъ по содержанію своему, осталась не напечатанною (6). Прирожденная Николаю Алексѣевичу скромность съ одной стороны, съ другой то чувство благоговѣнія, испытываемое нами къ памяти близкихъ намъ людей, которому всякое оглашеніе нашихъ отношеній къ нимъ представляется невольнымъ образомъ какою-то профанаціей, побудило его оставить эти письма подъ спудомъ, дозволивъ напечатать лишь тѣ, которыя могли послужить къ характеристикѣ президента какъ государственнаго дѣятеля. Въ молодости я имѣлъ не. разъ въ рукахъ связки этихъ неизданныхъ писемъ, читалъ многія изъ нихъ, писанныя часто въ шутливомъ тонѣ, всегда исполненныя чувства теплой, задушевной пріязни. Съ глубокимъ сожалѣніемъ узналъ я недавно, что семейство покойнаго Н. А. не можетъ отыскать теперь этихъ писемъ и почитаетъ ихъ окончательно пропавшими.

До конца своей жизни Н. А. имѣлъ утѣшеніе видѣть доказательства той благодарности къ нему Греческаго народа, о которой говорится въ упомянутомъ мною увольнительномъ его свидѣтельствѣ. Не было Еллина сколько нибудь знакомаго съ недавнимъ прошедшимъ своей страны, который, пріѣхавъ въ Одессу, не почелъ бы долгомъ представиться Николаю Алексѣевичу, посѣтить его. Не было Еллина въ Одессѣ, а ихъ тамъ не мало, который, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, не поклонился бы ему съ искреннимъ, радостнымъ привѣтомъ въ глазахъ, въ улыбкѣ (7). Когда, въ 1841-мъ году, король Оттонъ пожаловалъ его кавалеромъ золотаго креста ордена Спасителя, Еллины постоянно изъявляли сожалѣніе о томъ, что награда не соотвѣтствовала ни его заслугамъ, ни важнымъ должностямъ, которыя онъ занималъ въ критическія для Греціи минуты, что онъ имѣлъ всѣ права на Командорскій крестъ. При этомъ вспоминалось не разъ, что единственно ему и Португальцу Алмейдѣ, занимавшему должность коменданта Навпліи, обязана была Греція предупрежденіемъ всеобщей рѣзни и неминуемо долженствовавшей слѣдовать за тѣмъ анархіи, которыя грозили этой несчастной странѣ послѣ убійства президента (8) и остановлены были лишь рѣшительнымъ обра-

---

6) Послѣднее письмо графа Каподистріи, начертанное имъ за нѣсколько часовъ до убіенія его, писано къ Н. А. Райко. Съ этимъ письмомъ случился слѣдующій казусъ. Н. А. отправилъ его вмѣстѣ съ другими письмами президента, которыя онъ назначалъ для помѣщенія въ Сборникъ Эйнара, къ А. С. Стурдзѣ, которому, если не ошибаюсь, Эйнаромъ поручено было собирать письма покойнаго графа. При этомъ, всегда скромный, Н. А. писалъ Стурдзѣ, что онъ не желалъ бы, чтобы въ печати письмо это явилось съ его именемъ. Стурдза исполнилъ его желаніе, но въ такомъ видѣ: въ оголовкѣ напечаталъ «Mon cher N. N», а подъ этими словами помѣстилъ выноску, гласящую что «ce billet sans adresse fut trouvé sur la table du président, qui l'avait ecrit le matin même du jour de sa mort». Въ семействѣ Н. А. сохранился экземпляръ сборника Эйнара и въ концѣ его послѣдняго тома подклеено покойнымъ, рядомъ съ напечатаннымъ, и подлинное послѣднее письмо гр. Каподистріи, въ которомъ en toutes lettres читается: «mon cher Rayko» а также письмо Эйнара, въ которомъ онъ, прося Н. А. извинить неловкую редакцію выноски, помѣщенной въ его Сборникѣ подъ этимъ письмомъ, извѣщаетъ его, что онъ счелъ долгомъ, возстановивъ письмо согласно съ подлинникомъ. напечатать его съ надлежащимъ объясненіемъ въ газетѣ le Fédéral въ Маѣ 1842 г. (не припомню, къ сожалѣнію, ни числа, ни нумера газеты, обозначенной Эйнаромъ).

---

7) Я не могу не вспомнить при этомъ, что Н. А. пользовался вообще необыкновенною популярностью въ Одессѣ.

8) На это какъ кажется, и расчитывали покровители Георга и Константина Мавромихали, убійцъ графа Каподистріи; оно, по крайней мѣрѣ, весьма логично истекаетъ изъ связи фактовъ, излагаемыхъ въ Запискѣ Н. А. Райко объ убіеніи президента Греціи. Б. М.—Эта Записка появится въ Р. Архивѣ. *П. Б.*

зомъ дѣйствій этихъ двухъ достойныхъ Филлеллиновъ.

Испросивъ отставку изъ Нижегородскаго драгунскаго полка, куда онъ (какъ значится въ его Запискѣ) опредѣленъ былъ по возвращеніи изъ Греціи, тѣмъ же поручичьимъ чиномъ, которымъ уволенъ онъ былъ изъ гвардіи въ 1826 г., Н. А. женился и поселился въ Одессѣ (⁹). Ему было тогда 39 лѣтъ. Онъ былъ еще полонъ силъ; жажда дѣятельности, желаніе принести пользу родному краю, которому, въ его убѣжденіи, онъ думалъ служить, принимая участіе въ дѣлѣ независимости единовѣрной намъ Греціи, —не изсякали въ немъ, не смотря на всѣ недочеты и разочарованія прошлаго. Но всякое служебное поприще на родинѣ было для него закрыто,—онъ не могъ сомнѣваться въ этомъ, да былъ и далекъ отъ мысли искать офиціальной службы. Онъ мечталъ о пользѣ на другомъ пути менѣе яркомъ, менѣе приманчивомъ для людскаго тщеславія, но конечная цѣль котораго могла, по всѣмъ правамъ, привлечь къ себѣ умъ человѣка просвѣщеннаго и пріобыкшаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ такимъ государственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ гр. Каподистрія, къ инымъ возрѣніямъ на могущество и благосостояніе государствъ, чѣмъ тѣ, которыхъ держались вообще въ это время въ Россіи. Еще юношею, въ Италіи, онъ интересовался шелководствомъ и былъ знакомъ съ главнѣйшими пріемами его. Во время пребыванія своего на Кавказѣ, онъ ближе познакомился съ этимъ дѣломъ и тогда еще пораженъ былъ мыслью о той огромной выгодѣ, которую могло бы принести югу Россіи развитіе шелководства въ большихъ размѣрахъ. Съ тѣхъ поръ эта мысль уже не покидала его, и онъ, какъ всегда это бывало съ нимъ, предался ей всѣми силами своими и всѣми способностями. Онъ купилъ, по близости Одессы, два хутора, въ которыхъ нашелъ нѣсколько тутовыхъ деревьевъ, выписалъ съ Кавказа коконы, нанялъ нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и принялся за работу. Опыты его привели къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ: черви прекрасно переносили зиму въ устроенномъ для нихъ помѣщеніи; посаженыя имъ шелковичныя деревья принимались хорошо, размотка коконовъ давала блестящій, доброкачественный шелкъ. Очень можетъ быть, если бы Н. А. смотрѣлъ на это дѣло какъ на предметъ личной спекуляціи, что оно и обогатило бы его. Но онъ объ этомъ и не думалъ; онъ стремился не къ своей личной выгодѣ, а къ тому, чтобы надѣлить цѣлый край богатымъ производствомъ, которое должно было привести въ будущемъ къ неслыханному дотолѣ процвѣтанію (¹⁰).

Быть можетъ, слишкомъ идеально смотрѣлъ онъ на предметъ, недостаточно принималъ во вниманіе тѣ условія жизни и времени, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Но сильные люди менѣе всего заботятся о предстоящихъ имъ препятствіяхъ. Въ продолженіи 18 лѣтъ онъ неотступно служилъ любимому дѣлу, чувствуя и видя, какъ „всѣ завязываемыя имъ нити порывались одна за другой въ его рукахъ“ и не уставая завязывать ихъ вновь. Имѣя въ виду пріохотить массу народа къ занятію шелководствомъ, онъ постоянно разъѣзжалъ по Новороссійскому краю, предлагалъ крестьянамъ деньги за каждое посаженное ими тутовое дерево, дарилъ имъ коконы, заводилъ у себя школы для образованія изъ дѣтей ихъ шелководовъ, раза три изъѣздилъ, не смотря на свою тучность (¹¹) и немолодыя лѣта,

---

⁹) На Ал. Ник. Антроповой, дочери ген. маіора Антропова, командовавшаго лѣвымъ флангомъ Кавказа.

(¹⁰) Шелководство вовсе не такая отрасль промышленности, которая кого бы то ни было могла обогатить. Оно составляетъ подсобную отрасль хозяйства и потому обогащаетъ край, доставляя выгоды мелкимъ хозяйствамъ; но оно не фабричное дѣло, не обогащаетъ капиталиста на счетъ труда. Примѣч. Ѳ. В. Чижова.

¹¹) Н. А. былъ весьма тученъ и высокъ ростомъ; его открытыя, крупныя черты, высокій лобъ, живыя глаза напоминали обликъ великаго князя Константина Павловича, что подавало многимъ поводъ весьма ошибочно считать его сыномъ покойнаго великаго князя. Лице его впрочемъ по смыслу общаго выраженія весьма отличалось отъ лица Константина Павловича: оно было весело и привѣтливо.

весь Кавказъ на бѣговыхъ дрожкахъ (такъ какъ этотъ легкій экипажъ давалъ ему возможность проѣзжать всюду, гдѣ только были шелковичныя плантаціи, гдѣ онъ могъ видѣть какой либо новый пріемъ или передать свои наблюденія, подѣлиться добытыми результатами, сообщить о сдѣланныхъ опытахъ). Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, надѣясь чрезъ посредство Департамента Сельскаго Хозяйства успѣть ввести занятіе шелководствомъ среди казенныхъ крестьянъ, писалъ много статей въ „Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи", входилъ въ сношенія съ Московскими купцами, производящими торговлю Закавказскимъ шелкомъ...

Осьмнадцать лѣтъ этихъ энергическихъ стремленій къ общему благу пропали даромъ. Ни одному изъ начинаній Н. А-ча не дано было ни преуспѣть, ни развиться: онъ только потратилъ на нихъ половину своего состоянія. Съ равнымъ недовѣріемъ относились къ нимъ и апатичный народъ южнаго края, и Петербургская бюрократія. Никто не поддержалъ ихъ, никто не сказалъ ему спасибо за его неустанный, безкорыстный трудъ.... За годъ до своей смерти ([12]) онъ былъ въ Москвѣ и прожилъ у меня недѣли двѣ. Пріѣзжая домой вечеромъ, я его постоянно, заставалъ за письмомъ. — Вы все о своемъ, Н А.? говорю я ему однажды. Онъ махнулъ рукой. — "Какъ видишь, любезный мой, все, по прежнему, воду толку. А грустно подумать, примолвилъ онъ, помолчавъ, что такъ вся жизнь прошла! Съ молоду все думалъ сдѣлать что нибудь, принести хоть самую маленькую частичку пользы, — все въ трубу вылетѣло.... И добился я только до того, что смотрятъ на меня люди, да пожимаютъ плечами: изъ чего, молъ, хлопочетъ человѣкъ! Ничего намъ не надо, ничего мы не хотимъ, оставь насъ киснуть и прозябать, какъ мы издавна привыкли, а онъ тратится, колеситъ, изъ кожи вонъ лѣзетъ, изъ за чего? для кого! И правы они, — дымомъ пронеслась вся моя жизнь..."

---

[12]) Онъ умеръ, какъ уже сказано, въ 1854 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, отъ апоплексическаго удара.

Тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Многое измѣнилось въ Россіи за эти годы, многое уже просвѣтлѣло въ ней. Въ наше время, съ радостью можно сказать себѣ: такой человѣкъ, какимъ былъ Н. А. Райко, не прошелъ бы незамѣченнымъ въ Русскомъ обществѣ.

Б. Маркевичъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I

A son excellence monsieur de Benkendorff, aide de camp de sa majesté l'empereur.

Excellence!

Après plus de 4 ans d'absence désirant rentrer dans ma patrie, je me suis présenté chez mr le résident de sa majesté mr. le comte P. pour demander mon passeport, et j'ai reçu un refus. Je ne peux vous exprimer le sentiment qui m'a saisi à cette nouvelle; celui qui aime sa patrie le comprendra aisement, car à mon avis le plus grand des malheurs qui puisse atteindre un homme, est celui de se voir proscrit.

Je me morfonds en conjectures pour deviner la cause qui a pu motiver une semblable rigueur, et je ne trouve rien à ma charge, si ce n'est peut être ma venue en Grèce. C'est dans cette supposition que je prends la liberté de vous importuner afin de fournir quelque éclaircissement que je crois nécessaire pour ma justification, et je ne désespère pas que l'impartialité de votre excellence ne daigne accueillir avec indulgence un exposé succint de mes actions.

J'ose vous avouer franchement, mon général, qu'une fois que mon projet de venir en Grèce fut bien arreté, je ne

me dissimulais point que mon apparition dans un pays comme celui-ci m'aurait donné la couleur d'un de ces esprits inquiets et exaltés, dont les véritables élements sont les troubles et les desordres; mais fort de ma conscience, je ne me laissais point rebuter par une reflexion pareille, espérant que ma conduite aurait fait apprecier mes véritables sentiments, et quant à cela je demande très humblement qu'il me soit permis d'en appeler au témoignage de son excellence monseigneur le comte Capodistrias, qui a été à même dans les relations dont il a daigné m'honorer de connaitre ma pensée intime.

Pour remonter aux causes primitives qui me décidèrent à prendre le parti que j'ai pris, je n'ai pas cru dans le temps, et je ne crois pas même à présent, être tenu à publier les secrets de famille qui l'ont provoqué; néanmoins je ne cacherai pas à votre excellence, que la lecture des faits d'arme de nos correligionnaires et l'idée que les individus de toutes les nations civilisées de l'univers eussent pris part à cette guerre intéréssante, sans qu'elle vit un seul Russe dans les rangs de ses defenseurs, ne contribua pas peu à enfanter mon projet, que quelques contrarietés que j'essayais dans la carrière militaire que j'avais embrassée dans ma patrie, ne firent qu'affirmer. Le veritable motif donc de ma venue ici (puisque je suis obligé de le dire) a été un sentiment d'amour propre national; c'est-à-dire le désir d'épargner un jour à mes compatriotes le reproche que pas un seul parmi eux ait figuré spontanément dans la cause de leurs frères en Christ, et l'espoir de trouver un terme honorable à une existence à laquelle je ne tiens pas aucun lieu.

A l'arrivée de son excellence le président, il me fut offert successivement le commandement des differents forts de Nauplie-de-Romanie, savoir celui d'Itch-Kale d'abord, plus tard celui de Palamidy que j'acceptais; mais je ne manquais pas sans perte de temps de remplir les formalités prescrites par nos réglements, et j'adressais à cet effet un office à m-r le conseiller de collége Vlassopoulo (alors seul fonctionnaire public qui se trouvait sur le lieu) dans lequel je le prévenais de ma nomination, et je le priais d'en faire part à qui de droit, en protestant qu'à la moindre marque de desapprobation j'étais prêt à quitter ma charge. Je n'ai jamais reçu de reponse à cet office, et j'ai pris ce silence, si non comme un consentement tacite, du moins comme un signe, qu'on ne donnait aucune conséquence à ma demarche.

Voici, votre excellence, l'exposé bref, mais consciencieux de tout ce qui s'est passé; vous jugerez par là si je mérite la disgrace qui vient de m'atteindre. Je proteste encore une fois de la pureté et de la droiture de mes sentiments, et j'espère de votre justice, que vous n'eviterez pas la tâche de me proteger contre la calomnie et la malveillance, car ce n'est qu'à elles que j'attribue mon malheur. S'il y a quelque autre grief contre moi, je désire le savoir, mais je ne deséspère pas de me disculper.

Quant à ma gestion et à ma vie si privée que publique, j'en appelle encore au temoignage de son excellence le président, et j'ose espérer après tant de preuves de bienveillance dont il a daigné m'honorer qu'il ne me sera pas defavorable.

J'ai l'honneur de me dire etc. etc.

N. Rayko.

Nauplie-de-Romanie
le $^{15}/_{27}$ mai 1831.

Письмо Н. А. Райка къ (гр.) А. Х. Бенкендорфу.

Его превосходительству, господину Бенкендорфу, генералъ-адъютанту государя императора.

Ваше превосходительство! Желая возвратиться на родину, которую я оставилъ около четырехъ лѣтъ тому назадъ, я обратился къ резиденту его императорскаго величества господину графу П., дабы онъ снабдилъ меня паспортомъ, и—получилъ въ томъ отказъ. Не могу вамъ выразить овладѣвшаго мною чувства; всякой, кто любитъ свою родину, легко пойметъ меня: ибо, по моему убѣжденію, изъ всѣхъ несчастій, какія могутъ постигнуть человѣка, наитягчайшее есть изгнаніе.

Теряюсь въ догадкахъ и недоумѣваю, что за причина этого суроваго поступка. Не вѣдаю за собою вины, развѣ, можетъ быть, мое появленіе въ Греціи! Въ семъ послѣднемъ предположеніи, принимаю смѣлость утрудить васъ нѣкоторыми поясненіями, которыя, какъ я полагаю, необходимы для моего оправданія; и, позволяя себѣ надѣяться на безпристрастіе вашего превосходительства, прошу снисходительнаго вниманія къ слѣдующему краткому изложенію дѣйствій моихъ.

Откровенно сознаюсь предъ вашимъ превосходительствомъ, что, рѣшившись ѣхать въ Грецію, я очень хорошо понималъ, какъ можетъ быть истолковано появленіе мое въ такой странѣ; я зналъ, что меня могутъ причислить къ тѣмъ безпокойнымъ и отчаяннымъ людямъ, для которыхъ смуты и безпорядки составляютъ необходимую потребность. Но въ правотѣ моей совѣсти, я не опасался подобнаго нареканія и разсчитывалъ, что моими дѣйствіями обнаружатся истинныя побужденія мои, и въ этомъ отношеніи да позволено мнѣ будетъ сослаться на удостовѣреніе его сіятельства графа Каподистріи, имѣвшаго возможность узнать мои задушевныя мысли по тѣмъ сношеніямъ, коими онъ меня удостоивалъ.

Что касается до первоначальныхъ причинъ, побудившихъ меня ѣхать въ Грецію, то я не находилъ умѣстнымъ, да не нахожу и теперь, разоблачать семейныя тайны, послужившія поводомъ къ моему поступку. Не скрою однако отъ вашего превосходительства, что меня сильно возбуждали вѣсти о воинскихъ подвигахъ нашихъ единовѣрцевъ, и я не былъ равнодушенъ при мысли о томъ, что въ этой завлекательной борьбѣ приняли участіе лица изо всѣхъ образованныхъ народовъ міра, но не было ни одного ратоборца изъ Русскихъ. Не скрою также, что рѣшеніе мое было ускорено нѣкоторыми непріятностями, мною испытанными на родинѣ въ военной службѣ, на которой я состоялъ. И такъ, настоящимъ побужденіемъ къ моему прибытію въ здѣшнюю страну было (я не долженъ болѣе скромничать) чувство народной чести. Мнѣ хотѣлось избавить мою родину отъ нареканія въ томъ, что ни одинъ изъ сыновъ ея не явился по доброй волѣ на помощь къ своимъ собратіямъ о Христѣ; и, недорожа своимъ существованіемъ, я льстилъ себя надеждою, что кончу его честнымъ образомъ.

По прибытіи его сіятельства г. президента, мнѣ послѣдовательно было поручаемо начальство надъ разными укрѣпленіями Наполи-ди-Романіи, а именно сначала Ичь-Кале, а потомъ Паламиди. Неся эту службу, я не уклонился однако въ должное время отъ формальностей, предписываемыхъ нашими установленіями и обратился къ г. коллежскому совѣтнику Власопуло (какъ единственному тогда чиновнику въ здѣшнихъ мѣстахъ) съ бумагою, въ которой заявлялъ о принятіи на себя должности, и прося довести о томъ до свѣдѣнія начальства, обязывался въ случаѣ неодобренія съ его стороны оставить эту должность. На эту бумагу я никогда не получилъ отвѣта, и принялъ таковое молчаніе если не за одобреніе, то по

крайней мѣрѣ за знакъ того, что поведенію моему не придаютъ никакого особаго значенія.

Вотъ, ваше превосходительство, краткое, но совѣстливое изложеніе всего случившагося. Извольте судить, заслуживаю ли я постигшей меня немилости. Еще разъ свидѣтельствую о чистотѣ и правотѣ моихъ побужденій, и отъ справедливости вашей позволяю себѣ ожидать, что вы не поставите себѣ въ трудъ защитить меня противъ клеветы и недоброжелательства, дѣйствію коихъ я исключительно приписываю мое несчастіе. Если же еще въ чемъ либо обвиняютъ меня, я желаю знать о томъ, но не лишаю себя надежды оправдаться.

Что касается до поведенія моего и моей жизни, какъ частной, такъ и публичной, то еще разъ ссылаюсь на свидѣтельство его сіятельства г. президента, и по тѣмъ знакамъ благоволенія, коими онъ меня удостоиваетъ, смѣю думать, что свидѣтельство это будетъ въ мою пользу. Имѣю честь быть и пр. Н. Райко́. Наполи-ди-Романія 15 (27) мая 1831.

II.

Lettre de monsieur le comte Capodistrias, président de la Grèce, à monsieur de Benkendorff, aide-de-camp général de sa majesté l'empereur de Russie.

Si j'ose, mon général, me rappeler à votre souvenir, et vous adresser la présente, c'est qu'il m'est impossible de me refuser la satisfaction d'exercer un acte de stricte justice envers m-r Rayko, aujourd'hui lieutenant-colonel au service de la Grèce.

Il prend la liberté de vous adresser lui même la lettre ci-jointe, et il est de mon devoir de l'accompagner des voeux que je forme très sincerement, pour que vous veuillez accueillir ceux qu'il vous exprime, et les porter aux pieds de l'empereur. J'aime à espérer que s. m. i. daignera les exaucer, et je serais heureux d'y contribuer par le témoignage que je vous donne en bonne conscience de m-r Rayko.

A mon arrivée en Grèce je l'ai trouvé jouissant de l'estime des hommes de bien, et ne se melant nullement avec les faiseurs de différents pays, qui ont fait et font encore beaucoup souffrir cette malheureuse nation. Le bon et honnête colonel Heideck, Bavarois qui m'aida alors en gerant en quelque sorte les fonctions de ministre de la guerre, me proposa m-r Rayko d'abord pour commander Itch-Kalé, plus tard Palamidy, et enfin Patras et le Château-de-Morée. Dans toutes ces situations, et dans l'espace de 3 ans il a complétement justifié l'attente du gouvernement. Les sentiments honorables dont il a fait preuve en différentes occasions, et en général sa noble et sage conduite, lui ont valu aussi la confiance entière du gouvernement et l'affection du pays.

M-r Rayko est un homme doux et ferme qui entend parfaitement bien ce que c'est que le devoir, et qui met infiniment de zèle a remplir ceux qu'il contracte avec loyauté. Je ne lui connois aucun des travers d'esprit et de coeur, qui rendent de nos jours très dangereux les hommes les plus capables, et dans ce dernier temps, j'ai eu assez souvent l'occasion de me convaincre de la justesse de son esprit et de la pureté de son coeur.

S'il pouvait donc lui convenir de se fixer en Grèce, assurement qu'il rendrait un grand service au pays et au gouvernement; cependant des affaires de famille l'appellent en Russie et plus que ces affaires ce qui l'appelle plus particulierement c'est le besoin qu'il a de savoir qu'il n'est pas exilé.

Veuillez donc, mon général, lui procurer cette conviction, et je vous le repète, telle est la bonne opinion que j'ai du caractère de m-r Rayko, que je n'hésite pas à en répondre à s. m. i. comme j'oserais lui repondre de moi-même.

J'espère que vous me ferez honneur de me donner un mot de réponse. J'en dois une à m-r Rayko, qui en attendant, reste auprès de moi.

Je vous prie de mettre aux pieds de s. m. l'hommage de mon respect et de mon dévouement et d'agréer vous même l'expression de tous les sentiments que je vous ai voués.

Nauplie le $^{19}/_{31}$ mai 1831.

(Signé: J. A. Capodistrias.)

Письмо президента Греціи графа Каподистріи къ (гр.) Бенкендорфу, генералъ-адъютанту его величества Россійскаго императора.

Принимая смѣлость напомнить о себѣ вашему превосходительству и посылая къ вамъ настоящія строки, я повинуюсь пріятной для меня необходимости воздать должную справедливость господину Райку, состоящему нынѣ подполковникомъ въ Греческой службѣ.

Онъ рѣшается самъ обратиться къ вамъ съ прилагаемымъ письмомъ, и я почитаю своимъ долгомъ сопроводить оное выраженіемъ искреннихъ моихъ пожеланій, чтобы вы изволили обратить вниманіе на его просьбу и повергли ее къ стопамъ императора. Мнѣ пріятно надѣяться, что его императорское величество вонметъ этой просьбѣ, и я былъ бы счастливъ, если бы могъ содѣйствовать тому моимъ, по чистой совѣсти даннымъ, отзывомъ о г-нѣ Райкѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Грецію, онъ уже пользовался уваженіемъ людей благонамѣренныхъ и отнюдь не принималъ участія въ проискахъ людей, которые появляются изъ разныхъ странъ и которые надѣлали и еще дѣлаютъ столько зла здѣшней несчастной націи. Добрый и честный Баварецъ, полковникъ Гейдекъ, помогавшій мнѣ въ то время и исправлявшій въ нѣкоторомъ родѣ должность военнаго министра, предложилъ мнѣ г-на Райка сначала въ коменданты укрѣпленія Ичь-Кале; въ послѣдствіе ему ввѣрены были Паламиди, а напослѣдокъ Патрасъ и Морейскій замокъ. Во всѣхъ этихъ должностяхъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, онъ вполнѣ оправдалъ ожиданія правительства. Честными свойствами своими, обнаруженными въ различныхъ случаяхъ и вообще благороднымъ и благоразумнымъ поведеніемъ онъ снискалъ себѣ совершенную довѣренность правительства и любовь страны.

Господинъ Райко человѣкъ смирный и твердый. Онъ вполнѣ сознаетъ, что̀ такое значитъ долгъ, и съ чрезвычайнымъ усердіемъ и честностью исполняетъ принятыя на себя обязанности. Я вовсе не знаю за нимъ тѣхъ увлеченій ума и сердца, благодаря которымъ въ наши дни самые способные люди бываютъ весьма опасными; а въ послѣднее время представилось нѣсколько случаевъ, убѣдившихъ меня въ его разсудительности и чистосердечіи.

Конечно, если бы онъ счелъ для себя удобнымъ поселиться совсѣмъ въ Греціи, то тѣмъ оказалъ бы великую услугу странѣ и правительству; но семейныя дѣла призываютъ его въ Россію, и кромѣ этихъ дѣлъ, главнѣйшимъ по его словамъ побужденіемъ къ возврату, есть необходимость убѣдиться въ томъ, что онъ не изгнанникъ.

Благоволите, ваше превосходительство, убѣдить его въ томъ. Повторяю: я такъ увѣренъ въ характерѣ г. Райка, что не обинуясь ручаюсь за него передъ его императорскимъ величествомъ, какъ бы принялъ смѣлость ручаться за самого себя.

Надѣюсь, что вы изволите почтить меня нѣсколькими строками отвѣта. Я

долженъ сообщить ихъ г-ну Райку, который, въ ожиданіи онаго, остается при мнѣ.

Прошу повергнуть къ стопамъ его величества дань моего почтенія и преданности, и примите сами изъявленіе моихъ чувствъ и пр.

(Подписано: И. А. Каподистрія.)

Навплія, 19 (31) мая 1831.

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

I.

Мѣсяцъ въ Россіи во время бракосочетанія Цесаревича, соч. ***Диси*** (A Month in Russia during the Marriage of the Czarevitsh by Edward Dicey. London 1867.. Macmillan et C°). Авторъ, бывшій специяльнымъ военнымъ корреспондентомъ газеты *Times* въ Даніи, въ Германіи, въ Италіи, въ Польшѣ и въ Америкѣ, отправленъ былъ на сей разъ наблюдать Россію во время церемоній и праздниковъ по случаю бракосочетанія Государя Наслѣдника Цесаревича. Корреспонденціи его, собранныя потомъ въ отдѣльную книгу, казались особенно интересны для Англійской публики и отличаются, по отзыву критики, особенною живостью разсказа и ясностью описаній. На пути въ Петербургъ онъ подробно описываетъ впечатлѣнія, произведенныя на него видами и первыми картинами Русскаго быта. Церемоніи и праздники придворные описаны имъ съ большими подробностями, и подъ вліяніемъ пріятныхъ впечатлѣній. Петербургъ не понравился ему, утомилъ его однообразіемъ; ***массивность***, поражающая взглядъ въ этомъ городѣ, по словамъ автора, не внушаетъ довѣрія и не веселитъ сердца. Совсѣмъ иныя впечатлѣнія принесла ему Москва, отъ которой онъ въ восторгѣ. Кремль и Кремлевскіе виды онъ описываетъ съ энтузіазмомъ.

II.

The Land of Thor (Страна Тора). Подъ этимъ заглавіемъ появилось въ Лондонѣ сочиненіе Брауна (J. Ross Browne. Lond., Sampson Low. 1867) о путешествіи его въ сѣверные края Европы. По заглавію нужно предположить, что главное содержаніе книги относится къ Скандинавіи; но Скандинавія занимаетъ въ ней менѣе мѣста чѣмъ Россія, которая особенно интересовала автора, Американца по рожденью. Всего болѣе занимали его обѣ столицы — Петербургъ и Москва, которыя онъ описываетъ подробно, дѣлая частыя замѣчанія о соціальныхъ явленіяхъ Русской жизни и о народномъ характерѣ. Путешественника сильно поражаетъ различіе, замѣченное имъ въ нравахъ и обычаяхъ простаго народа въ Россіи сравнительно съ Германіей, которую онъ передъ тѣмъ проѣхалъ. Въ Петербургѣ ему казалось, что простой народъ въ Россіи, болѣе чѣмъ всякой другой, походитъ на Американцевъ своею вольностью въ обращеніи. „Они дѣлаютъ что хотятъ, занимаются торгами и промыслами кому, что полюбится, поднимаютъ шумъ когда вздумаютъ, нерѣдко бываютъ пьяны, дерутся между собою, ложатся на траву, подъ деревья, когда чувствуютъ усталость, веселятся не стѣсняясь, сколько душѣ угодно, въ публичныхъ мѣстахъ и нисколько не думаютъ о полиціи, пока полиція оставляетъ ихъ въ покоѣ". Эти смутныя черты сходства, которыя, по правдѣ сказать, найдешь у какого угодно народа съ какимъ угодно народомъ, приводятъ автора между прочимъ къ слѣдующему заключенію: „Мнѣ показалось, что въ этомъ народѣ должно быть природное демократическое свойство: нѣтъ никакого сомнѣнія, что у нихъ больше свободы и непринужденности въ обращеніи, больше грубости въ одеждѣ, больше независимости по внѣшнему виду, чѣмъ у всякаго другаго народа, какой мнѣ удавалось видѣть во время своего путешествія. Въ добавокъ, они не отличаются опрятностью и любятъ пить". Въ устахъ Американца это похвальный отзывъ; но отъ такихъ похвалъ едва ли всякому поздоровится.

III.

Mémoires sur la chevalière d'Eon par Fred. Guillardet. (Paris, Dentu). Это сочиненіе, написанное въ видѣ романа и не имѣющее серьознаго значенія для науки, по содержанію своему относится къ событіямъ, касающимся Русской исторіи XVIII вѣка. Оно повѣствуетъ о похожденіяхъ французскаго авантюриста, кавалера д'Эонъ. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ нѣкто де Бомонъ, родившійся въ Бургони въ 1725 году. Въ Парижскомъ Collège Mazarin, гдѣ онъ получилъ образованіе, онъ обратилъ на себя вниманіе блестящими способностями. Отличительнымъ свойствомъ его была необыкновенная женственность физіономіи, и это свойство дало мысль французскому правительству отправить его, подъ видомъ женщины—La chevalière d'Eon—въ Россію, для политическихъ цѣлей. Порученіе, данное ему, было не маловажно — устроить бракъ принца де-Конти съ императрицею Елизаветою. Дѣйствовать онъ долженъ былъ всякими тайными средствами—связями, угощеньемъ, подкупомъ, интригой между придворными и искусною лестью въ отношеніи къ самой императрицѣ. Ловкій авантюристъ, явившись въ Россію, успѣлъ будто бы вскорѣ получить мѣсто лектрисы при императрицѣ и удачно вкрался въ ея довѣренность, дѣйствуя по шифрованнымъ инструкціямъ, получаемымъ отъ французскаго двора; но внутреннія интриги того же двора перервали ходъ дѣла. Всесильная г-жа Помпадуръ, поссорившись съ принцемъ де-Конти, разрушила и планъ, задуманный въ пользу его. Д'Эонъ долженъ былъ оставить Россію. Въ послѣдствіи французское правительство употребляло его въ Анліи для секретныхъ порученій; но вскорѣ отозвало его и изъ Англіи, гдѣ онъ навлекъ на себя подозрѣніе двусмысленными дѣйствіями. Говорятъ, что французское министерство, во избѣжаніе скандала, принудило бывшаго своего агента носить до конца женское платье.

IV.

Sketches of Russian Life before and after the Emancipation of the Serfs. Edited by Prof. Morley. London. 1866. Chapmon and Hall. (Очерки Русской жизни прежде и послѣ освобожденія крестьянъ). Подъ этимъ названіемъ професс. Морли издалъ записки одного Англичанина, прожившаго 15 лѣтъ въ Россіи и имѣвшаго возможность ознакомиться со всѣми классами русскаго общества, преимущественно въ столицахъ.—По отзыву критиковъ, сочиненіе очень занимательно, изложеніе отличается живостью, и издатель ручается за добросовѣстность и вѣрность описаній и разсказовъ.

V.

The Russian Government in Poland. With a Narrative of the Polest Insurrection of 1863. By William Anselm Day. Lond. 1866. Longman. (Русское управленіе въ Польшѣ, съ разсказомъ о Польскомъ мятежѣ 1863 года). Авторъ, г. Дэ, издалъ эту книгу съ цѣлію высказать англійской публикѣ истину о Польшѣ и о польскомъ возстаніи—истину, которую, какъ извѣстно, немногіе могли и хотѣли высказывать объ этомъ предметѣ, въ иностранной литературѣ. Авторъ принадлежитъ къ защитникамъ русскаго правительства, и сочиненіе его благопріятно для Россіи и для русской политики въ Польшѣ. Оправдывая и объясняя военныя дѣйствія и дѣйствія русской администраціи въ Польшѣ за послѣдніе годы, онъ въ тоже время отзывается съ негодованіемъ о русскомъ управленіи предъидущаго царствованія. Стараясь быть безпристрастнымъ относительно Россіи, онъ выставляетъ дѣйствія повстанцевъ и народоваго жонда въ невыгодномъ свѣтѣ для польскаго дѣла. Поэтому естественно, что книга г. Дэ встрѣчена была несовсѣмъ благопріятными отзывами въ журналистикѣ, поставившей себѣ задачей оправдывать польское дѣло и осуждать русскую политику во что бы то ни стало.

VI.

Deux années de Mission à St.-Pétersbourg. Manuscrits, lettres et documents historiques sortis de France en 1789. Par le Comte Hector de la Ferrière. Paris. 1867. (Два года должностнаго пребыванія въ Петербургѣ. Рукописи, письма и историческіе документы, вывезенные изъ Франціи въ 1789 году). Подъ этимъ титуломъ г. Де ла Феррьèръ напечаталъ подробное обозрѣніе своихъ розысканій въ Императорской Публичной Библіотекѣ по исторіи Франціи, для которой наша библіотека содержитъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Г. Феррьèръ нашелъ здѣсь между прочимъ до 500 писемъ Катерины Медичи, 64 письма Жанны д'Альбрè, 42 письма Маргариты Валуà, много любопытныхъ писемъ Мазарини, письма Монлюка, записки о домашней жизни Елизаветы Валуà, жены Филиппа II, и проч. Копіи со всѣхъ этихъ актовъ отосланы имъ во Францію, а въ настоящей книгѣ онъ помѣстилъ только общее обозрѣніе трудовъ своихъ и множество выписокъ изъ интересныхъ документовъ. Авторъ оканчиваетъ предисловіе къ своей книгѣ слѣдующими словами: „Le dernier mot n'est pas dit sur la Russie. Si jamais j'en ai la force et la liberté, j'éspère bien y retourner une dernière fois. Il y a là des gisements d'or merveilleux à exploiter: il suffit d'avoir la main heureuse, la volonté et la possibilité de chercher“(*).

VII.

Другому французскому ученому г. ***Лескюру*** посчастливилось найти въ Императорской Публичной библіотекѣ драгоцѣнные матеріалы для исторіи Маріи Антуанеты и французскаго двора при Людовикѣ XVI. Въ концѣ 1866 года онъ издалъ эти матеріалы подъ заглавіемъ: Секретная переписка о Людовикѣ XVI, Маріи Антуанетѣ, о придворной и городской жизни (Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette, la cour et la ville. 1777—1792). Эти документы, состоящіе по большой части изъ писемъ, пріобрѣтены были по всей вѣроятности случайно, въ революціонную эпоху, когда множество историческихъ документовъ перешло въ частныя руки, и хранились первоначально въ Варшавской библіотекѣ, а оттуда перевезены въ Петербургскую въ 1795 году. Письма эти большею частью серіознаго содержанія, писаны повидимому лицомъ, близко знавшимъ политическія обстоятельства, дѣятелей и общественную жизнь тогдашняго времени, и составляютъ, по отзыву знатоковъ, весьма важный матеріялъ для исторіи того времени.

(*) Т. е. о Россіи еще не сказано послѣдняго слова. Еслибы со временемъ у меня достало силъ и свободы, я не лишаю себя надежды возвратиться къ ней напослѣдокъ. Въ ней можно разработывать залежи удивительнаго золота: стоитъ только имѣть для того искусныя руки, волю и возможность.

VIII.

Въ Парижѣ появились три тома рѣчей и проповѣдей митрополита Московскаго Филарета, въ переводѣ г. Серпинè (Choix de sermons et discours de M-gr Philarète, metropolite de Moscou, traduits du russe par M. Serpinet Paris. Dentu)

Говорятъ, что книга эта издана на счетъ одного изъ Русскихъ, высоко чтущихъ краснорѣчіе покойнаго архипастыря; но къ сожалѣнію переводъ нельзя назвать удовлетворительнымъ, такъ что иностранцы едва ли могутъ, руководствуясь имъ, составить себѣ точное понятіе о глубинѣ мысли и силѣ слова, которыми отличаются сочиненія высокопреосв. Филарета. Замѣчательно, что по поводу этой книги извѣстный франц. публицистъ Шарль де Мазадъ, не пропускающій ни одного случая къ нападкамъ на Россію и на все Русское, помѣстилъ въ Revue de deux Mondes 1867 года статейку, въ которой глумится надъ нашимъ духовенствомъ, очевидно не давъ себѣ труда познакомиться съ книгою, которую будто бы разбираетъ.

*

—Другой французъ, Г. Шарль Парфе издалъ въ Парижѣ переводъ Басенъ Крылова, французскими стихами (Fables

de Krilof, traduites en vers français par Charles Parfait. Paris, Plon. 1867). Говорятъ, что переводъ сдѣланъ весьма тщательно и изящно.

*

— Въ Лейпцигѣ напечатанъ у Фосса переводъ диссертаціи Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ (Untersuchungen über die Kasimofschen Zaren und Zarevitsche, uebersetzt von Zenker.)

*

— Въ Берлинѣ, у Дункера, напечатана книга: Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth Petrowna, nach den Akten des kais. russischen Reichsarchivs. Berl. 1867. (Мнимая дочь императрицы Елисаветы Петровны). Книга эта содержитъ въ себѣ переводъ записки, съ приложеніями, относительно извѣстной княжны Таракановой, записки, помѣщенной въ Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. Россійскихъ, съ добавленіями противъ изданныхъ въ Россіи актовъ. Нѣмецкій переводъ изданъ, какъ объясняетъ переводчикъ въ предисловіи, для того, чтобы положить конецъ за границею всѣмъ баснямъ, которыя до сихъ поръ распространялись въ публикѣ писателями, не имѣвшими въ виду историческихъ документовъ.

*

Въ Готѣ, у Пертеса, напечатаны собранные проф. Германомъ документы дипломатической переписки, относящейся до раздѣла Польши и до коалиціи, которую императрица Екатерина II старалась возбудить противъ Франціи (Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit 1791 — 1797). Эти документы извлечены по большой части изъ Лондонскаго собранія государственныхъ бумагъ — English State-paper-office.

*

— Въ числѣ бумагъ и писемъ, помѣщенныхъ въ послѣднихъ томахъ извѣстнаго собранія документовъ, оставшихся послѣ Фарнгагена фонъ Энзе (Aus Dem Nachlasse Varnhagens von Ense. 2 Bände Leipzig. 1867) напечатано любопытное письмо графа Палена, бывшаго Петербургскимъ генералъ губернаторомъ въ годъ кончины императора Павла I.

IX.

Съ 1867 года появился во Франціи журналъ, издатель коего носитъ русское имя. Философское ученье Огюста Конта, пріобрѣтшее въ послѣднее время такую извѣстность подъ названіемъ *позитивизма*, не имѣло до сихъ поръ особагого органа въ періодической печати. Органъ этотъ существуетъ наконецъ въ видѣ ежемѣсячнаго изданія подъ титуломъ: *La Philosophie positive;* главнымъ редакторомъ — извѣстный французскій ученый Литтре, а помощникъ его г. Вырубовъ, русскій дворянинъ, проживающій въ Парижѣ (статьи Вырубова о Дж. Ст. Миллѣ появлялись недавно во французскихъ журналахъ).

X.

Въ послѣднее время появилось въ иностранной литературѣ довольно много переводовъ повѣстей И. С. Тургенева, и критика отзывается объ нихъ съ особенной похвалою. *Дворянское Гнѣздо* (во франц. переводѣ Une niché de gentilshommes), послѣ Записокъ Охотника — всего болѣе понравилось читателямъ. Въ 1863 году въ Парижѣ изданъ очень хорошій переводъ повѣсти: *Отцы и Дѣти*, а въ 1867-мъ въ Лондонѣ напечатанъ переводъ той же повѣсти (Fathers and Sons), сдѣланный повидимому съ французскаго перевода, г. Шюйлеромъ. Въ журналѣ Le Correspondant 1867 года появился *Дымъ* — La Fumée. Вообще г. Тургеневу посчастливилось болѣе чѣмъ другимъ русскимъ писателямъ въ хорошихъ переводчикахъ; правда, что въ послѣднее время переводы его повѣстей большею частью издаются съ просмотромъ и одобреніемъ автора. *Записки Охотника* имѣются уже въ нѣмецкомъ переводѣ, въ двухъ переводахъ французскихъ, а по англійски изданы въ передѣлкѣ г. Микльджона (Meiklejohn)подъ названіемъ *Russian life in the Interior*. Но одинъ изъ французскихъ переводовъ этой книги,

изданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. *Шаррiеромъ*, можетъ служить куріознымъ образцомъ французской манеры исправлять оригинальный текстъ по вкусу переводчика. Такъ напр. гдѣ у Тургенева сказано просто: я побѣжалъ, переводчикъ его выражается такъ: „je m'enfuis d'une fuite éffarée, échevelée, comme si jeusse eu à mes trousses toute une légion de couleuvres commandée par des sorcières„. Незная русскаго языка, переводчикъ не стѣснялся своимъ незнаніемъ; но пускалъ въ ходъ фантазію свою тамъ, гдѣ не могъ понять слова или фразы такъ напр. на словѣ *арапникъ*, переводчикъ вспомнилъ *арапа*, и ввелъ *чернаго* невольника въ картину русской жизни.

Кстати о Тургеневѣ. Корреспонденты изъ Бадена съ восторгомъ отзываются о представленіи новой оперы, для которой либретто написано Тургеневымъ, а музыка г-жею Віардо. Представленіе это доступно было немногимъ, потому что происходило въ комнатахъ г-жи Віардо, на ея виллѣ близъ Бадена, и зрителями были немногіе приглашенные. Сюжетъ оперы взять изъ волшебной сказки, либретто написано, судя по отзывамъ, съ обычнымъ талантомъ Тургенева; говорятъ, въ немъ много чувства, поэзіи и юмору.

XI.

Въ англійскомъ журналѣ Athenaeum за 1867 годъ (4, 11 мая и 15 іюня) помѣщена довольно курьозная переписка о русскомъ языкѣ между анонимными корреспондентами, изъ коихъ одинъ подписывался: *Русскій языкъ*, а другой *Англійскій языкъ*. Нѣкто, — вѣроятно одинъ изъ Русскихъ, проживающихъ въ Лондонѣ, возмущенъ былъ, на одномъ изъ книжныхъ аукціоновъ, титулами русскихъ книгъ, которыя значились въ каталогѣ въ самомъ варварскомъ видѣ; напр. вмѣсто слова „Сочиненіе“ поставлено было *Coyihehip*; вмѣсто „*Чтеніе въ бесѣдѣ*“ стояло: *Stehie be Becbab*—и т. под. Это побудило русскаго человѣка послать въ редакцію *Athenaeum* письмо въ видѣ протеста отъ имени русскаго языка. „Въ вашей просвѣщенной странѣ—говоритъ Русскій языкъ — меня встрѣчаютъ съ презрѣніемъ, холоднѣе тѣхъ ледяныхъ пустынь, въ которыхъ я обитаю. Между вашими соотечественниками, если только вспоминаютъ обо мнѣ, то съ презрѣніемъ или съ клеветою. Чистота и древность у меня одинаковая съ инеогерманскими источниками, отъ которыхъ я веду происхожденіе, а меня вообще считаютъ у васъ какимъ-то Туранскимъ проходимцемъ, какимъ-то ублюдкомъ Монгольскаго племени. Кто близко знакомъ со мною, знаетъ мое богатство и развитіе, а на меня здѣсь смотрятъ какъ на скудное и необработанное нарѣчіе. Друзья мои знаютъ, какъ я сладкозвученъ, а у васъ называютъ меня грубымъ и суровымъ. Всего хуже, что считаютъ меня безплоднымъ, несмотря на богатую жатву, которую я всякой годъ собираю съ гордостью, считаютъ варварскимъ и необразованнымъ, не смотря на сердечный пріемъ, который я дѣлаю съ давнихъ поръ лучшимъ вашимъ писателямъ, коихъ имена и произведенія нерѣдко пользуются въ Петербургѣ не меньшею извѣстностью, чѣмъ въ Лондонѣ. И совсѣмъ тѣмъ здѣсь у васъ я не только не въ чести, но подвергаюсь оскорбленіямъ“.

На этотъ протестъ появился слѣдующій отвѣтъ отъ имени Англійскаго языка. Русскій языкъ, смѣю сказать, пользуется у насъ въ Англіи пріемомъ соотвѣтствующимъ тому положенію, которое онъ самъ себѣ устроилъ. Развѣ нашъ Англійскій языкъ не самъ прокладывалъ себѣ дорогу, развивая свои нарѣчія, распространяя свои идеи по всему міру въ теченіе столѣтій? У него всѣ входы и выходы оставались незаперты для всякаго. Нашъ языкъ самъ искалъ себѣ извѣстности въ мірѣ, а про Русскій языкъ развѣ можно сказать тоже самое? Ходячее понятіе о Русскомъ языкѣ такое, что онъ языкъ трудный, отличается своей исключительностью и варварскимъ видомъ буквъ. Развѣ не правда, что иностранные языки встрѣчаютъ величайшія затрудненія и всевозможныя препятствія, когда при-

ходится имъ проникать въ Россію? И если теперь обстоятельства нѣсколько измѣнились, отчего происходитъ общее мнѣніе о существованіи всѣхъ этихъ затрудненій? Пусть Русскій языкъ дѣйствуетъ также какъ дѣйствуютъ Французскій и Англійскіе языки: тогда не будетъ причины жаловаться. Развитіе Нѣмецкаго языка замедлилось на множество лѣтъ отъ того, что онъ упорно держался своихъ безобразныхъ и неудобныхъ буквъ, пока наконецъ онъ съ ними разстался. И Англійскому языку будетъ чрезвычайно пріятно, если Русскій братъ его броситъ свою варварскую азбуку".

Этотъ отвѣтъ не остался безъ возраженія съ русской стороны. „Языкъ — говоритъ возражатель — не слѣдуетъ смѣшивать съ націей, и Русскому языку нельзя поставить въ вину, что онъ не распространялъ свои идеи по вселенной; — это дѣло не языка, а народа. Русскій языкъ нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ не давалъ у себя гостепріимства иностраннымъ языкамъ: напротивъ того, въ Русскій языкъ вошло до 10000 словъ иностранныхъ, и русское общество, болѣе чѣмъ всякое другое, усвоиваетъ себѣ иностранные языки въ разговорной рѣчи". Эта часть возраженія съ русской стороны очень слаба; но далѣе, возражая противъ отзыва о русской азбукѣ, представитель Русскаго языка справедливо замѣчаетъ, что называть нашу азбуку варварскою можетъ развѣ тотъ, кто не имѣетъ объ ней понятія. „Наши буквы, заимствованныя изъ греческой азбуки и частію изъ армянскихъ и коптскихъ источниковъ, съ удивительною вѣрностью подходятъ подъ звуки народной рѣчи. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ принятъ алфавитъ латинскій; но развѣ это обстоятельство повело къ сближенію англійскаго языка съ польскимъ, чешскимъ, кроатскимъ и пр. и соблазнило Англичанъ ближе ознакомиться съ языкомъ этихъ племемъ? Притомъ и для нихъ самихъ очевидны многія невыгоды отъ принятія латинскаго алфавита. Многіе звуки ихъ рѣчи могутъ быть выражены не иначе какъ посредствомъ страннаго и оскорбительнаго для слуха сочетанія буквъ. Одна русская буква *щ* въ нашей Кириллицѣ выражается въ своемъ тевтонскомъ нарядѣ безобразнымъ сочетаніемъ цѣлыхъ семи буквъ и звуковъ: *schtsch*".

XII.

Русскій Портретъ. (Un portrait russe, l'oeuvre et le livre d'une femme, de M-me Bagréef Speranski, par Vicor Duret 1867). Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ Лейпцигѣ у Брокгауза біографія извѣстной дочери гр. Сперанскаго, Багреевой-Сперанской, жившей съ 1850 года за границей и скончавшейся въ Вѣнѣ въ 1857 г. Авторъ, г. Дюре, разсказываетъ, въ пяти главахъ, безъ замѣчательнаго таланта, исторію жизни и сочиненій г-жи Багреевой. Остальная часть книги занята подробнымъ описаніемъ сочиненій Багреевой, напечатанныхъ при жизни ея и оставшихся въ рукописи послѣ ея смерти. Вотъ этотъ списокъ, *Христіанскія размышленія* (Meditations chrétiennes) издано въ Вѣнѣ въ 1853 года. Поводомъ къ настроенію писательницы, вызвавшему эти размышленія о молитвѣ и о блаженствахъ Евангельскихъ, послужили огорченія, болѣзни и семейныя разстройства, по случаю коихъ она оставила Россію. Это было первое печатное сочиненіе Багреевой на франц. языкѣ. Ранѣе, именно въ 1828 году, она напечатана въ Россіи, по русски, небольшую книгу: Чтеніе для малолѣтнихъ дѣтей, и къ 1829 году относится небольшая повѣсть ея остающаяся въ рукописи: Un mariage pendant un cotillon. — За „Размышленіями" послѣдовали:

Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ (Les pelerins russes à Jerusalem), въ 2 томахъ. Brux. 1854 и 2-е изд. 1857 г. Здѣсь помѣщены, въ слѣдъ за пространнымъ введеніемъ, въ которомъ описываются нравы простаго народа въ Россіи двѣ повѣсти: *Ночь на Голгоѳѣ* (Une nuit au Golgotha) и *Аѳонскій Монахъ* (Le moine du mont Athos).

Воспоминанія о путешествіи на Востокъ (Souvenir d'un voyage en Orient. 1854) — рукопись.

Венгерская корона (Le couronne de Hongrie. 1854) повѣсть, въ рукописи.

Письмо о Кіевѣ (Lettres sur Kiell. 1854) рукопись.

Козачій Царь (Un Tzar des Cosaques) Трагедія напечатанная въ Прагѣ, у книгопр. Гаазе въ 1855 г. Сюжетъ взятъ изъ Пугачевщины.

Послѣдніе часы жизни импер. Николая I. (Les dernières heures de L'empereur Nicolas. Leipzig. 1855).

Дочь староверa (La fille du Starower) Повѣсть напечатанная въ журналѣ Revue de deux Mondes 1856 г. и въ томъ же году изданная въ Брюсселѣ, вмѣстѣ съ другой повѣстью: *Ксенія* (Xenia ou les deux rêves)

Ирина (Yrène) и *Старушка съ ворономъ* (La vieille et son corbeau) двѣ повѣсти, изданныя въ Брюсселѣ. 1857.

Восторженные (Les exaltés) *Влюбленный старикъ* (Le vieillard amoureux) и *Вертящіеся столы* (Les tables tournantes) — повѣсти въ рукописи.

Невскіе острова (Les iles de la Newa) Brux. 1858.

Тунгузское семейство (Une famille Tongouse Bruxelles 1856). Повѣсть.

Le premier Romanoff (Первый изъ Романовыхъ). Трагедія, на Нѣмецкомъ языкѣ, въ рукописи.

Письмо о деревенской жизни помѣщика въ Украйнѣ (Vie de château en Ukraine. Brux. 1857. 1861)

Наконецъ послѣднее сочиненіе Багрѣевой *Книга женщины* (Le livre d'une femme) въ первый разъ напечатано въ приложеніи къ книгѣ Г. Дюре̇. Оно содержитъ въ себѣ отдѣльныя мысли, распредѣленныя по предметамъ философскаго и религіознаго содержанія. Оно дѣлится на 3 части: 1. Aphorismes et pensées détachées. 2. Aperçus philosophiques. 3. Méditations réligieuses.

XIII.

Въ Вѣнѣ вышелъ 3-й томъ издаваемой фонъ Арнетомъ Корреспонденціи императора Іосифа II (Ioseph der II und Maria Theresia, Corresp Herausg. von. Arneth, 3. B. Wien. 1868). Этотъ томъ содержитъ въ себѣ корреспонденцію, съ 1778 по 1780 годъ. Въ немъ, для Русской исторіи, примѣчательны письма Іосифа II къ матери и къ брату Леопольду, о впечатлѣніяхъ поѣздки его по Россіи съ Екатериною II, о Петербургѣ, Москвѣ, Царск. Селѣ и Петергофѣ. Въ выноскахъ помѣщено нѣсколько писемъ въ Іосифу и къ Маріи Терезіи отъ Екатерины II, отъ цесаревича и цесаревны.

О ВЛІЯНІИ СМОЛЕНСКАГО БУЛЬВАРА
(въ Москвѣ)
НА ПОРТУГАЛЬСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ
(въ Лисабонѣ).

Nul n'est prophète dans son pays.

Въ 1858 году, въ Лисабонѣ, нѣкто Да Силва (da Silva) сталъ издавать полный и подробный біо-библіографической словарь писателей на португальскомъ языкѣ—трудъ замѣчательный по изысканіямъ автора и по его тщательности и добросовѣстности.

Какъ давній любитель этого языка [1] я подписался немедленно на эту книгу и получилъ постепенно пять томовъ, содержащихъ въ себѣ буквы А—М.

Въ 1861 году произошла остановка въ доставленіи мнѣ дальнѣйшихъ выпусковъ словаря. Не довѣряя отговоркамъ книгопродавцевъ, я написалъ господину Да Силва, лично мнѣ незнакомому, запросъ объ этой остановкѣ. Онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно изданіе остановилось за неимѣніемъ у него денежныхъ средствъ, что расходы огромны, а продажа идетъ туго, и что въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ ни Португальское, ни Бразильское правительство не оказываютъ ему никакой помощи. На его отвѣтъ послѣдовало отъ меня другое письмо: изложивъ въ общихъ словахъ мое мнѣ-

---

(1) Московскій Вѣстникъ за 1827-ой годъ, часть IV-ая, страницы 63—70, статья: *Выписка о Португальской словесности.*

ніе о важности его труда для Португальцевъ и Бразильцевъ, я изъявлялъ удивленіе о холодности и правительствъ и палатъ этихъ двухъ одноязычныхъ странъ къ такому предпріятію.

Письмо мое было помѣщено въ статьѣ, напечатанной въ нумерѣ 5895 (отъ 29 декабря 1861 года) газеты *Сентябрская революція* (Revolucão de Septembro). Вотъ какъ авторъ этой статьи, Техейра де Васконсельосъ (Texeira de Vasconcellos), приводитъ мое письмо:

„Господину Да Силва пишетъ отъ 21-го „мая 1861 года изъ Москвы тамошній „филологъ (?) и библіофилъ Соболевскій:

„Я имѣлъ высокое понятіе о просвѣ„щенной щедрости Португальскаго пра„вительства, которое давало постоянно „покойному моему другу Сантарéмъ до„статочныя способы для прекрасныхъ „его изданій(²). По этому примѣру, я до„селѣ полагалъ, что оно и съ вами посту„паетъ также касательно труда вашего „столь же патріотическаго, но имѣющаго „еще болѣе значенія по множеству пред„метовъ, до которыхъ онъ касается. Нынѣ „я удивленъ извѣстіемъ что ни Португа„лія, ни Бразилія не даютъ вамъ средствъ „къ окончанію (безъ разоренія для васъ „самихъ) сочиненія столь важнаго для сла„вы и той и другой страны. Но если ни „тамъ, ни сямъ инициатива не принята „административными лицами, то какъ „не изошла она отъ публики? Какъ мо„гло случиться, что въ двухъ парламен„тахъ, хотя разъединенныхъ океаномъ, „но гдѣ собраны преставители одной и „той же, по языку, національности—не „поднялось ни единаго голоса на долж„ную оцѣнку сочиненія, въ которое за„носится память о лучшихъ лаврахъ „этого языка? И если ни одинъ голосъ „не потребовалъ награды автору, то, „по крайней мѣрѣ, какъ не потребовалъ „никто для этого автора способовъ окон„чить дѣло, начатое имъ безъ какихъ „либо своекорыстныхъ видовъ и начатое „столь удачно на славу всѣхъ тѣхъ, кто „съ справедливою гордостію называетъ „роднымъ языкомъ — языкъ Камоенша!

„Такое пренебреженіе къ вашему пре„красному труду, продолжаетъ знамени„тый (illustre) филологъ Московскій, даетъ „жалкое понятіе о вашихъ двухъ прави„тельствахъ; но еще хуже приходится ду„мать объ управляемыхъ ими націяхъ, „то есть о патріотизмѣ или даже о сте„пени просвѣщеніи тѣхъ лицъ, кои из„бираются этими націями въ качествѣ „своихъ представителей въ палаты.

„Это мнѣніе—мнѣніе ученаго (sabio) „иностранца, судящаго о господинѣ Да „Силва по его сочиненію, а объ насъ по „тому, какъ мы цѣнимъ это сочиненіе. „Всего ближе правительству наградить „скромное достоинство и стереть съ сво„его лица и съ нашихъ лицъ слѣды сты„да, произведеннаго на нихъ такими „упреками, каковы упреки г-а Соболев„скаго (³).

Мѣсяца два послѣ напечатанія моего письма (его перепечатали многія тамошнія газеты), а именно 5-го марта 1862 года, въ Нижней Португальской палатѣ Торесъ Алмейда (Torres Almeida) заговорилъ о томъ же предметѣ. Вотъ слова его:

„Недавно извѣстный (distincto) фило„логъ (?) и библіофилъ, Московитъ Со„болевскій, изъявилъ удивленіе о томъ, „что въ двухъ парламентахъ, Порту„гальскомъ и Бразильскомъ, не подня„лось доселѣ ни одного голоса объ авторѣ „*Библіографическаго Словаря писателей* „*на Португальскомъ языкѣ*, если не съ „требованіемъ ему награжденія, то по „крайней мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы ему бы„ли даны средства кончить сочиненіе,

(²) Сантаремъ (Visconde de Santarem) издавалъ въ Парижѣ сочиненія о географическихъ подвигахъ Португальцевъ въ среднихъ вѣкахъ, изукрашенныя картами, что требовало большихъ издержекъ. Въ Чертковской библіотекѣ находится изданная имъ въ facsimile знаменитая Планисфера, сочиненная въ 1460-мъ году по порученію Португальскаго короля Венеціанскимъ монахомъ Fra Mauro, которая весьма важна для насъ по страннымъ для того времени и точнымъ подробностямъ о Россіи и земляхъ, нынѣ Россіи принадлежащихъ.

(³) Mas ao governo incumbe premiar o merecimento modesto e poupar as nossas faces e as suas a vergonha que causa a leitura de trechos, como os da carta do S-r Sobolewski.

„начатое единственно для славы всѣхъ „тѣхъ, кому языкъ Камоенша—родной! „Наше пренебреженіе въ этомъ случаѣ „даетъ ученому (sabio) Московиту жалкое понятіе о лицахъ, избирающихъ „насъ своими представителями какъ въ „той, такъ и въ другой странѣ. Сколь „ни ѣдки его слова и сколь ни больно намъ слышать такой заслуженный „упрекъ, но ни мало не берусь противорѣчить оному; а такъ какъ онъ „былъ повторенъ во многихъ газетахъ „и на обвиненіе не послѣдовало возраженія,—то я попрошу палату выслушать меня по этому предмету“.

Затѣмъ ораторъ краснорѣчиво изложилъ пользу и достоинство Библіографическаго Словаря и требовалъ, чтобы автору даны были средства къ окончанію его труда; рѣчь встрѣтили многими рукоплесканіями.

По окончаніи рѣчи Тореса Амейда государственный секретарь (недавно опредѣленный къ мѣсту) сложилъ грѣхъ, какъ водится, на своихъ предшественниковъ, и объявилъ, что онъ немедленно исполнитъ желаемое.

Такъ дѣйствительно и случилось. Лисабонская оффиціальная газета (Diario da Lisboa), чуть ли не черезъ два дня, объявила что правительство подписалось на 700 экземпляровъ, какъ вышедшихъ, такъ и будущихъ томовъ Словаря, чѣмъ дана возможность продолжать это изданіе.

При концѣ послѣднихъ двухъ томовъ, шестаго и седьмаго, приложены авторомъ словаря перепечатки статей изъ газетъ и журналовъ Португальскихъ и Бразильскихъ о его книгѣ и ея изданіи; въ нихъ изложено подробно все вышесказанное.

И такъ завершеніе сочиненія: *Diccionario bibliographico portuguez, estudos de Innocencio Francisco da Silva, applicaveis a Portugal e ao Brasil*, заключеннаго нынѣ седьмымъ томомъ, произошло отъ толчка, даннаго этому дѣлу съ Смоленскаго бульвара! На западниковъ, гордящихся изстари своимъ просвѣщеніемъ, подѣйствовалъ упрекъ, сдѣланный варваромъ—Московитомъ!

Какъ не сказать: ***Nul n'est prophète dans son pays***!

ЭС.

8 Ноября 1867.

ДОПОЛНЕНІЯ, ЗАМѢТКИ, ПОПРАВКИ.

Въ одномъ изъ Петербургскихъ повременныхъ изданій, по поводу писемъ В. А. Жуковскаго, напечатанныхъ въ XI-й тетради Русскаго Архива 1867 г., сказано между прочимъ, что въ письмахъ этихъ есть перерывы. Считаемъ долгомъ заявить нашимъ читателямъ, что драгоцѣнныя письма эти списаны нами лично, съ собственноручныхъ подлинниковъ и при напечатаніи ихъ не было сдѣлано никакого сокращенія или пропуска.

*

Въ С. Петербургскихъ газетахъ было напечатано, что новая историческая хроника графа Льва Николаевича Толстаго ***Война и Миръ*** издана Чертковскою библіотекою.—Мы должны заявить, что это несправедливо. Изданіе этй книги принадлежитъ самому сочинителю, и библіотекарь Чертковской библіотеки (вслѣдствіе того, что сочинитель живетъ въ деревнѣ) завѣдывалъ только печатаніемъ.

*

Въ русскомъ переводѣ писемъ князя А. Б. Куракина къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, напечатанныхъ въ первой тетради Русскаго Архива сего года, встрѣтилось нѣсколько неточностей.

—Стр. 38, строка 2 и 3 вмѣсто «которую вовсе не любятъ въ ея странѣ», слѣдуетъ: «которой вовсе не нравится жить въ ея родной странѣ».

—Стр. 40. Пропущено четыре предложенія противъ подлинника. Вотъ они: «Завтра поутру я снова въ

путь, только не въ Бартенштейнъ: я ѣду прямо въ Тильзитъ. Счастіе увидать тамъ послѣ завтра императора, заранѣе успокоиваетъ мою тревогу, происшедшую отъ полученнаго случайно на дорогѣ извѣстія о томъ, что онъ выѣхалъ изъ Бартенштейна въ Тильзитъ. Какъ бы я желалъ, чтобы въ Тильзитѣ, въ моемъ присутствіи, онъ получилъ извѣстіе о новой побѣдѣ, одержанной его войсками; ибо побѣда эта по истинѣ нужна болѣе чѣмъ когда либо».

*

Въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній нашей исторической науки, мы должны указать на появившійся не давно «Сборникъ Русскаго историческаго общества». Эта книга, которая цѣлые десятки лѣтъ останется настольною у всякаго, занимающагося исторіею XVIII вѣка и преимущественно Екатерининскаго царствованія. Рядъ писемъ государыни къ графу А. Г. Орлову во время Морейской экспедиціи изображаетъ намъ всѣ подробности этого удивительнаго предпріятія. Письма Екатерины къ госпожѣ Жофренъ и принцу Нассау-Зигенъ, а также бумаги по сношеніямъ съ Римскимъ дворомъ — суть чистое историческое золото. Книга издана изящно и тщательно, съ примѣчаніями, переводами и указателемъ. Такимъ изданіямъ нечего сулить успѣха: они его пріобрѣтаютъ сами собою.

*

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ РУССКАГО АРХИВА.

Исторія, по словамъ Карамзина, не любитъ именовать живыхъ, т. е. она не можетъ относиться, съ свойственнымъ ей безпристрастіемъ, къ дѣятелямъ современности. Это несомнѣнная истина. Но въ послѣднее время намъ пришлось убѣдиться на опытѣ, что исторія не любитъ также и дѣятелей недавно почившихъ. Напечатанныя въ послѣдней тетради Русскаго Архива 1867 года выдержки изъ Записокъ Севастопольца возбудили — какъ говорятъ и пишутъ намъ съ разныхъ сторонъ — живѣйшее негодованіе. Считаемъ не лишнимъ напомнить, что односторонность и исключительность этихъ Записокъ были нами же указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Мы съ своей стороны, обращаясь отъ старины къ современной минутѣ, можемъ только радоваться присылаемымъ заявленіямъ, какъ свидѣтельству живой любви къ народной славѣ. Но читатели помнятъ, что разсказъ Севастопольца оканчивается приготовленіями къ Альмской битвѣ; то что̀ было дальше и что̀ содѣлало особенно дорогими для Русскаго сердца имена Корнилова и Нахимова—остается еще въ рукописи.

Чертковская библіотека открыта для безплатнаго чтенія ежедневно отъ XI до III часовъ утра, кромѣ понедѣльника и дней праздничныхъ. Каталоги, предметный, азбучный и перечневой, предлагаются читателямъ.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ ДВУМЪ МЛАДШИМЪ ЕЯ СЫНОВЬЯМЪ.

Мы обязаны просвѣщенному ходатайству барона Модеста Андреевича Корфа, Всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ Государя Императора украсить Русскій Архивъ нижеслѣдующими письмами, составляющими одну изъ многоцѣнныхъ святынь въ семейной хроникѣ Русскаго Царственнаго дома.

Россія благоговѣйно помнитъ Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну по ея общественно-благотворительной дѣятельности; но Ея личный образъ мыслей и подробности Ея семейныхъ отношеній были до сихъ поръ не многимъ извѣстны. Радуемся счастливою возможностью занести въ нашу скромную исторіографическую лѣтопись эти письменные памятники материнскихъ чувствъ достойнѣйшей въ мірѣ женщины.

Введеніе, связующія объясненія и замѣтки въ выноскахъ принадлежатъ также барону М. А. Корфу. *П. Б.*

*

Въ семейныхъ архивахъ Императорскаго нашего дома сохранились письма, которыми Императрица Марія Ѳеодоровна благословляла обоихъ младшихъ своихъ сыновей, Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, при отправленіи ихъ, въ разныя эпохи, изъ-подъ родительскаго крова. Приведемъ изъ нихъ три, особенно замѣчательныя.

Въ 1814 году, по перенесеніи войны въ предѣлы Франціи, Государыня и Императоръ Александръ, уступая давнишнимъ, горячимъ желаніямъ Николая и Михаила Павловичей, дозволили имъ слѣдовать за нашими войсками, хотя, впрочемъ, потомъ, отъ разныхъ замедленій, они достигли Парижа лишь тогда уже, когда все было кончено. Отпуская молодыхъ людей къ арміи, Императрица, такъ сказать, въ первый разъ, ставила ихъ на судъ свѣта, и притомъ въ одну изъ торжественнѣйшихъ минутъ новой Европы. Естественно, что нѣжная мать, прощаясь съ ними на порогѣ дѣтской комнаты, гдѣ столько лѣтъ не покидала ихъ материнская ея забота, пожелала напутствовать Царственныхъ своихъ питомцевъ, на открывавшееся передъ ними новое поприще жизни, своими мыслями, чувствами и наставленіями, и вотъ какъ все это выразилось въ слѣдующемъ трогательномъ письмѣ Императрицы къ Великимъ Князьямъ отъ 5-го февраля 1814 года (1).

I.

„Le moment approche, mes chers Enfans, où Vous devez me quitter et Vous éloigner de moi; mes soins maternels ne seront plus pour Vous l'égide, à l'abri duquel Vous

(1) На конвертѣ надпись: «A mes chers fils Nicolas et Michel». Орѳографія подлиннаго письма соблюдена здѣсь, какъ и въ другихъ, ниже сего приводимыхъ, со всею точностію.

marchiez sans peine ni inquiètude dans la route tracée du devoir et de la vertu. Vous voici à la veille de l'époque de Votre entrée dans le monde, de Votre apparition sur le champ de l'honneur, de la gloire; mais en même temps, voici, mes chers Enfans, l'époque où chacune de Vos paroles, de Vos actions sera jugée avec sévérité, mais avec justice, car l'opinion de l'armée est presque toujours impartiale et elle fixera sur Vous celle de Votre patrie: profondément occupée de ces pensées, mes chers Enfans, je veux m'en entretenir avec Vous et c'est en Vous donnant les conseils puisés dans mon cœur, qui Vous chérit si inexprimablement, que je soulagerai la douleur que je ressens de me séparer de Vous, mes chers Enfans, à qui j'ai prodigué les plus tendres soins et qui m'avez rattachée à la vie, à l'époque malheureuse où mon existence n'avait plus de prix pour moi. Il dépend de Vous en ce moment, mes Enfans, de continuer à me la rendre chère et à me prouver Votre reconnaissance par Votre bonne conduite sous le rapport moral, sous celui de Vos différents devoirs, et à légitimer ma tendresse pour Vous, en Vous méritant mon estime: pour y parvenir il faut, mes chers Enfans, continuer à être religieux, comme Vous l'êtes; ne négligez jamais Vos prières soir et matin; que Dieu soit soujours dans Vos coeurs et Vous conserverez l'innocence et la vertu; scruttez Vos actions au tribunal de Votre conscience, et soumettez Vous à ses jugements; mais s'il Vous reste des doutes, cherchez conseil et direction auprès de celui qui est pour Vous un second Père,—du digne et respectable G. Lamsdorf (²) et, aussi longtems que Vous aurez le bonneur de le conserver près de Vous, soumettez lui toutes Vos démarches, toutes Vos actions et persuadez Vous que c'est les soumettre en même temps à ma sanction; lorsque le Général Vous aura quittés, mes chers Amis, Vous devez redoubler de surveillance sur Vous-même et puiser dans Votre propre fond les règles de conduite, de sagesse; mais, mes Enfans, à Votre âge, avec Votre inexpérience, il y a mille circonstances, où les lois de l'amitié, de l'attachement, du zèle Vous sont nécessaires et Vos cavaliers (³) qui sont attachés à Votre personne depuis Votre tendre enfance et dont Vous avez éprouvé le dévouement, la vérité et zèle, sont bien certainement intéressés de cœur et d'âme à Votre réussite; ainsi dans les cas où Vous n'êtes pas d'accord avec Vous même, où Vous êtes incertain si Vous faites bien ou non, parlez avec eux, consultez les sur Vos intentions, débattez le pour et contre de la chose et cédez à leur avis chaque fois que Vous sentirez dans le fond de Votre âme qu'il est préférable au Votre; surtout écoutez les lorsqu'ils contrediront Vos petites passions,

---

(²) Графъ Матвѣй Ивановичь Ламсдорфъ, сперва (съ 1793-го г.) начальникъ Курляндской губерніи, а потомъ (съ 1799-го) Директоръ 1-го кадетскаго корпуса, въ послѣдній годъ царствованія императора Павла I-го былъ призванъ къ надзору за воспитаніемъ обоихъ младшихъ его сыновей, при коихъ и оставался 17 лѣтъ. Проживавъ послѣ, въ званіи члена государственнаго совѣта, но въ безсрочномъ отпуску, большею частію у себя въ деревнѣ, онъ скончался, въ мартѣ 1828-го, въ Петербургѣ.

(³) Такихъ *кавалеровъ*, т. е. надзирателей, сперва было трое: генералъ-маіоръ Ахвердовъ, и полковники Арсеньевъ и Ушаковъ. Съ 1805-го г. къ нимъ прибавлены: дѣйств. ст. совѣтникъ Диковъ, колл. совѣтникъ Вольфъ и маіоръ Алединскій. Наконецъ въ 1808-мъ году число ихъ увеличилось двумя: ст. совѣтникомъ Саврасовымъ и колл. совѣтникомъ Б. Н. Глинкою. Въ путешествіи 1814-го года великихъ князей сопровождали, сверхъ графа Ламсдорфа, Саврасовъ, Алединскій, Арсеньевъ и преподававшій имъ инженерную часть полковникъ Джанотти (Gianotty).

Vous avertiront de Vos petites faiblesses et préviendront du tort qu'elles peuvent Vous faire et Vous rappelleront de veiller à ne pas retomber dans les fautes dont ils ont cru Vous reprendre. Vous devez à ces Messieurs confiance, reconnaissance, égards, et déférence: ainsi, mes chers Amis, quoiqu'ils Vous entourent toujours, comme s'ils étaient Vos aides-de-camp, gardez Vous bien de les traiter avec légéreté, inconséquence et suffisance; chaque service que Vous exigerez d'eux doit être demandé avec le ton de l'amitié, de politesse et d'égard: je suis persuadée que ces Messieurs conserveront pour Vous l'attachement, fidélité, zèle et cette tendre surveillance qui émane d'une sollicitude que 10 à 12 ans de soins ont rendu inhérente à leur âme, et qu'en Vous témoignant les égards qui Vous sont dûs, leurs yeux et leurs cœurs resteront toujours scrutateurs de toutes Vos actions, et c'est en continuant à l'être qu'ils prouveront leur attachement et rempliront leurs devoirs, ma forte attente et le serment qu'ils m'ont donné de ne me rien laisser ignorer sur Vous.

„L'Empereur Vous donnera un Mentor militaire, pour lequel je ne doute pas que Vous n'ayez tous les égards et attentions, de même que la plus grande déférence pour les conseils et avis qu'il sera dans le cas de Vous donner dans cette carrière, nouvelle pour Vous, mes chers Enfans: elle est si noble qu'elle exige que Votre conduite porte cette empreinte dans toutes les occasions; le danger ne doit ni ne peut Vous étonner; Vous ne devez pas l'éviter, lorsque l'honneur et le devoir Vous demande de Vous exposer; alors la Providence à laquelle je Vous recommande avec abandon de foi, d'espérance, daignera veiller sur Vous et Vous couvrira de son égide; mais, mes Enfants, si le plus grand, le plus noble courage doit Vous distinguer, dites-Vous qu'il doit être réfléchi, et qu'il est bien différent de cette fanfaronade de jeune homme qui joue avec son existence; enfin que je veux Vous savoir braves, mais non téméraires. Dans les moments où la fougue de la jeunesse pourrait Vous emporter, écoutez et obéissez aux avis de Votre instituteur militaire; quoique je sois persuadée que l'Empereur daignera faire le meilleur des choix pour Vous dans la personne qu'il Vous donnera pour remplir cette fonction, Vous-Vous rappellerez de ma règle constante, que la confiance n'a de prix pour tout individu qui pense bien que lorsqu'elle se donne par suite de la connaissance du caractère et des principes; ainsi il ne faut pas se jetter à la tête d'un homme qu'on ne connait pas et Vous borner, au commencement de Votre connaissance, à concentrer Votre confiance en lui dans tout ce qui a rapport aux objets militaires sur lesquelles Vous lui en devez une entière, et Vous y joindrez toute la déférence possible à ses avis.

„Je désirerais, mes chers Enfans, que Vous n'eussiez de confiance, d'abandon (à l'exception des personnes qui Vous entourent) que pour l'Empereur. Son amitié pour Vous et les soins paternels que je suis persuadée qu'il daignera Vous donner, Vous y authoriseront tout comme la permission que je lui en demande pour Vous; mais mes Amis, cette confiance dans l'Empereur est comprise par moi sous le rapport des conseils que Vous oserez lui demander dans tout cas embarassant; de lui répondre avec une entière franchise dans ce qu'il Vous questionnera sur quelque objet que ce soit et de ne Vous permettre aucune démarche de quelque importance sans demander son aveu et sa permission; toutefois, mes chers Enfans, cette confiance intime que je désire que Vous ayez

pour l'Empereur, ne sous-entend pas que Vous Vous arrogiez le droit d'énoncer Votre avis sur les objets sur lesquels il ne Vous parlerait pas: bien au contraire, elle exige de Vous la plus grande circonspection, et beaucoup de discrétion à lui demander des grâces pour les personnes, pour lesquelles Vous Vous intéressez, et elle Vous défend surtout de lui en demander de personnelles pour Vous, que Vous devez toujours attendre et devoir à son propre mouvement, mais pas à l'importunité. Soyez exact et empressé à faire Votre cour à l'Empereur et encore sur cet article demandez lui, ce que Vous devez faire pour avoir le bonheur de le voir souvent, mais en évitant de Vous rendre importun et de perdre Votre temps dans les antichambres; aprés avoir rempli le devoir de service que Votre Instituteur militaire trouvera nécessaire pour Vous, mettez Vos moments de loisir à profit pour les vouer à une étude journalière, à la lecture, à un vrai travail d'esprit: il faut donner de l'aplomb à Votre jugement, il faut Vous nourrir des beaux modéles que l'antiquité et l'histoire Vous offre, il faut meubler Vos têtes de ces grands exemples et tâcher, en donnant de la fermeté à Vos principes, de l'élévation à Votre âme, de Vous former un beau caractère moral, et de marcher sur la trace des grands hommes. Un juste partage de Votre temps entre le travail d'esprit et le délassement est de nécessité: c'est par cette bonne repartition du temps que les plaisirs innocents de Votre âge Vous seront d'autant plus agréables et que Vous en jouirez plus longtems; l'oisiveté, la paresse d'esprit tue les facultés de l'âme et étouffe le germe des plus belles espérances. Vous m'avez promis de Vous surveiller l'un l'autre, mes chers Enfans, avec rigueur, de Vous avertir de Vos manques, et d'être pour ainsi dire l'Ange gardien l'un de l'autre: c'est en remplissant cette bonne resolution que Vous Vous épargnerez mille petites erreurs qui pourraient Vous nuire mutuellement; j'espère, mes chers Amis, que Vous Vous ferez une loi sévère de conduite, dont Vous ne Vous départirez jamais, celle d'éviter de blesser, qui que ce soit, par un manque de procédé: ce n'est pas que je sache qu'avec Vos bons cœurs Vous ne le ferez jamais volontairement; mais la facilité que Vous avez, mes Enfans, de saisir les petits ridicules, les petits travers, peut y donner lieu; arrivés à l'armée il ne faut plus Vous permettre ces plaisanteries: que Votre conduite soit noble sans fierté, polie sans familiarité; distinguez l'âge et le mérite par Vos égards et Vos empressements: soyez affables pour tout le monde, mais mettez du tact et du choix dans Vos affections, et tâchez que l'estime précède chez Vous l'amitié. Il est naturel qu'étant jeunes tous deux, la société de jeunes gens ait de l'atrait pour Vous; mais, mes chers Enfans, ce n'est pas celle qui Vous convient sous tous les rapports, et c'est celle où il faut la plus grande mesure et retenue; j'espère et exige de Vous qu'au premier avertissement de Vos Messieurs qui pourraient prévoir une liaison dangereuse pour Vous, Vous les rompiez; repétez Vous, mes Enfans, qu'un jeune homme est toujours jugé favorablement lorsqu'on le voit se plaire avec des personnes d'âge et de mérite.

„Il est à supposer, mes chers Enfans, que Votre Instituteur militaire Vous occupera de la tactique envisagée en grand; les détails cependant faisant partie de l'ensemble, Vous prendront aussi des momens; gardez Vous alors, mes chers Amis, de lui donner l'idée de Vous, que les bagatelles militaires Vous intéressent plus qu'elles ne doivent le faire; Vous pourrez Vous en apercevoir s'il revenait souvent sur ces petits objets; alors, mes

chers Amis, il le ferait dans la pensée de flatter Vos gouts et ce serait en ce cas à Vous de lui faire sentir que Vous n'y donnez attention, qu'autant qu'on doit en prêter au mécanisme de la chose, et que ce serait Vous faire plaisir que de Vous y arrêter le moins possible; que Vous êtes empressé de parvenir aux connaissances relevés qui forment le grand capitaine et qui s'étendent dans tant de différentes branches que Vous devriez embrasser toutes, en y faisant entrer bien particulièrement celles qui ont la conservation du soldat pour objet, qui bien souvent est négligée et sacrifiée à l'élégance de l'habillement, à des exercices inutiles, à l'ambition personnelle et à l'ignorance du chef; enfin persuadez à Votre Instituteur militaire que Vous devez apprendre le métier en Prince, qui veut se faire un nom dans cette noble et belle carrière, et méritez l'estime de Votre Souverain, de votre patrie et de vos contemporains.

„Soyez généreux, mes Enfans, sans prodigalité; économes et rangés sans lésine ni petitesse; bons et justes envers Vos domestiques, mais préservez-Vous de toute familiarité et observez-Vous, mes chers Enfans, dans Vos paroles, qu'elles soient toujours précises et éloignées de toute exagération, car fut-elle des plus légères et échappée dans la chaleur d'une description, elle porte atteinte à l'opinion, donne de la défiance sur le caractère de vérité de l'individu, et nuit dès lors à l'estime. Ne soyez pas trop précipités dans Vos jugements, mes chers Enfans, ni sur les hommes, ni sur les choses; de toutes les connaissances, celle des hommes est la plus difficile et demande le plus d'étude, il est donc sage à des jeunes gens de ne pas trancher dans leurs opinions soit en l'bien et surtout soit en mal: observez, remarquez, réfléchissez sur le caractère des individus, mais ne les jugez qu'après avoir des preuves évidentes qui puissent baser vos conclusions sur eux! Il en est de même pour les événements qué Vous verrez passer sous Vos yeux, sur lesquels Vous ne devez pas Vous permettre d'énoncer Votre avis; soyez persuadés que jeunes et sans expérience, comme Vous l'êtes, on voudra sonder Vos caractères et on s'y prendra de différentes manières pour voir si Vous avez du tact, de la réserve, de la solidité, le goût de l'application et cette modestie qui sied si bien à la jeunesse, ou si, par contre, Vous avez du penchant à être tranchant, paresseux, suffisant, imprudent, inconséquent ou léger: le jugement sera bientôt porté par des gens du monde qui ont la connaissance des hommes, qui sont intéressés à tirer parti des faiblesses des Princes et qui calculent la conduite avec Vous d'après l'opinion qu'ils auront conçue de Vous: j'ai le doux espoir, mes chers Amis, qu'elle sera à Votre avantage et que Vous saurez inspirer égard et estime pour Vous; Dieu a mis dans Vos coeurs les germes de toutes les vertus et je demanderai journellement à la Providence de les fructifier par Sa grâce et Ses bénédictions; Vous y travaillerez de même avec effort, mes chers Enfans, en pensant à ma tendre sollicitude pour Vous, à ma vive tendresse: que Votre confiance en moi soit entière et d'abandon; ouvrez-moi toujours Votre âme et faites-moi lire dans Votre coeur. Vous ne devez avoir de secrets pour moi que ceux que l'Empereur pourrait Vous confier en affaires qui doivent être impénétrables pour moi-même, mais ceux-ci exceptés, mes Enfans, mes élèves n'en doivent pas connaître pour leur Mère, et l'abandon de leur confiance, doit-être tel, que même Vous devez me

confesser Vos petites erreurs et si Vous n'êtes pas content de Vous-même, car chez qui pourriez Vous trouver plus d'indulgence que chez Votre Mère, Votre Amie, et plus d'empressement à venir à Votre secours pour Vous remettre bien avec Vous même: puissent ces lignes Vous servir de boussole, mes chers Enfans, et Vous guider au bien, et j'aime à Vous repéter que j'en ai le plus doux espoir: lisez souvent cette lettre, dictée par l'amour maternel le plus tendre; c'est le coeur de Maman qui parle aux Votres, mes Amis; rendez moi heureuse par Votre bonne conduite sous tous les rapports, et consolez-moi ainsi de Votre absence qui m'enlève la plus heureuse et douce jouissance, celle de Vous voir et de Vous donner mes soins: ne m'oubliez pas, mes chers Amis, et dites Vous qu'il ne se passera guère d'instant dans la journée où je ne penserai à Vous, où je n'éleverai mon âme à Dieu pour Vous. Chers Enfans, qu'il m'en coûte de m'arracher de Vos bras et cependant je me suis imposée ce sacrifice parceque je Vous le crois utile: Vous l'aprécierez, mes Amis, comme témoignage d'amour, de tendresse pour Vous. Adieu, mes chers Enfans, toutes mes bénédictions reposent sur Vous: allez avec *Dieu* et revenez avec *Dieu*. Je Vous embrasse mille et mille fois.» «Marie.»

Переводъ.

Приближается минута, любезныя дѣти, когда вы должны меня покинуть и удалиться. Мои материнскія попеченія не будутъ уже для васъ эгидою, подъ которою вы безъ горя и заботы шли по проложенному пути долга и добродѣтели. Вы теперь наканунѣ эпохи вашего вступленія въ свѣтъ, вашего появленія на полѣ чести и славы; но въ тоже самое время, мои любезныя дѣти, это та эпоха, гдѣ каждое изъ вашихъ словъ и вашихъ дѣйствій будетъ судиться строго, но и справедливо, ибо мнѣніе арміи почти всегда безпристрастно, а оно-то и установитъ относительно васъ мнѣніе вашего отечества. Глубоко озабоченная этими мыслями, милыя дѣти, я хочу побесѣдовать съ вами. Подавая вамъ совѣтъ, почерпаемый въ моемъ сердцѣ, которое столь невыразимо васъ любитъ, я облегчу этимъ мое горе о разлукѣ съ вами, мои любезныя дѣти, съ вами, которымъ я расточала самыя нѣжныя заботы и которыя привязали меня къ жизни, въ ту насчастную пору, когда она не имѣла болѣе цѣны для меня. Отъ васъ, теперь зависитъ, дѣти мои, сдѣлать, чтобъ жизнь продолжала быть мнѣ дорогà, доказать мнѣ вашу благодарность хорошимъ поведеніемъ въ нравственномъ отношеніи и въ исполненіи вашихъ обязанностей, и оправдать мою нѣжность къ вамъ, заслуживъ мое уваженіе. Для этого, надобно, мои любезныя дѣти, продолжать быть благочестивыми, какъ вы были до сихъ поръ. Никогда не пренебрегайте молитвами, утромъ и вечеромъ; пусть Богъ будетъ всегда въ вашихъ сердцахъ, и вы сохраните невинность и добродѣтель. Испытывайте свои дѣйствія передъ судомъ своей совѣсти и подчиняйтесь ея приговорамъ; если же у васъ остаются сомнѣнія, ищите совѣта и руководства у того, кто для вашъ второй отецъ, у достойнаго и почтеннаго генерала Ламсдорфа. Пока вы имѣете счастіе сохранить его близь себя, подвергайте его суду всѣ ваши поступки и дѣйствія, и будьте увѣрены, что это значитъ искать и моего одобренія. Когда же генералъ оставитъ васъ, любезные друзья, вы должны удвоить надзоръ надъ собою и черпать изъ самихъ себя правила поведенія и благоразумія. Однако, дѣти мои, въ ваши лѣта, съ вашею неопытностью, есть тысячи обстоятельствъ, въ которыхъ законы дружбы, преданности и усердія вамъ необходимы; тѣ лица, кото-

рыя съ вашего ранняго дѣтства приставлены къ вамъ, которыхъ преданность, правдивость и усердіе вами испытаны, безъ сомнѣнія, душою и сердцемъ расположены къ вашимъ успѣхамъ. Поэтому, когда вы въ несогласіи съ самими собою, когда вы не увѣрены, хорошо или нѣтъ вы дѣлаете, говорите съ ними, просите у нихъ совѣта на счетъ вашихъ намѣреній, обсуждайте съ ними всѣ стороны дѣла, и уступайте ихъ мнѣнію всякій разъ, какъ въ глубинѣ души вы найдете оное лучше вашего. Особенно слушайте ихъ, когда они противорѣчатъ вашимъ мелкимъ страстямъ, когда предостерегаютъ васъ противъ вашихъ маленькихъ слабостей, указываютъ на ихъ вредъ и напоминаютъ вамъ, чтобъ вы остерегались отъ повторенія замѣченныхъ ими ошибокъ. Вы къ этимъ господамъ обязаны имѣть довѣріе, благодарность, внимательность и уваженіе. Поэтому, любезные друзья, хотя они всегда васъ окружаютъ, какъ будтобы они были вашими адъютантами, смотрите, чтобы вамъ не обращаться съ ними легкомысленно, непочтительно и самодовольно. Всякая услуга, которую вы потребуете отъ нихъ, должна быть спрошена тономъ дружбы, учтивости и вниманія. Я увѣрена, что эти господа сохранятъ къ вамъ ту привязанность, вѣрность, усердіе и ту нѣжную заботливость, которыя десяти или двѣнадцатилѣтнія попеченія укоренили въ ихъ душѣ и что, оказывая вамъ должное уваженіе, они глазами и сердцемъ будутъ наблюдать за всѣми вашими дѣйствіями. Этимъ они докажутъ свою привязанность къ вамъ и исполнятъ свои обязанности, мое твердое ожиданіе и клятву, данную ими мнѣ, ничего отъ меня не утаивать, что̀ касается до васъ.

Государь дастъ вамъ военнаго Ментора, и я не сомнѣваюсь, вы будете оказывать ему всевозможное вниманіе, а также и уваженіе къ его совѣтамъ, на этомъ поприщѣ, для васъ новомъ, мои милыя дѣти. Оно такъ благородно, что ваше поведеніе должно во всѣхъ случаяхъ носить отпечатокъ благородства. Опасность не должна и не можетъ васъ удивлять; вы не должны ея избѣгать, когда честь и долгъ потребуютъ, чтобы вы ей подвергались. Тогда Провидѣніе, Которому я препоручаю васъ съ вѣрою и надеждой, будетъ бдѣть надъ вами и покроетъ васъ Своимъ щитомъ. Но, дѣти мои, если васъ должна отличать величайшая благороднѣйшая храбрость, то помните, что она должна быть разумна и далека отъ хвастливости молодаго человѣка, играющаго своею жизнью; однимъ словомъ, я хочу, чтобы вы были храбры, а не дерзновенны. Въ тѣ минуту, когда пылъ юности могъ бы васъ увлечь, слушайте и повинуйтесь совѣтамъ вашего военнаго наставника. Хотя я увѣрена, что государь соизволитъ сдѣлать для васъ наилучшій выборъ того лица, которому ввѣрится эта должность, помните постоянное мое правило, что довѣріе имѣетъ цѣну для всякаго благомыслящаго человѣка только тогда, когда оно дается вслѣдствіе знанія его характера и правилъ; потому не слѣдуетъ бросаться на шею человѣку, котораго не знаешь, а надобно въ началѣ знакомства ограничить ваше довѣріе тѣмъ что̀ касается военной службы: въ этомъ вы должны вполнѣ полагаться на него, оказывая также всевозможное почтеніе къ его совѣтамъ.

Я желала бы, мои милыя дѣти, чтобы кромѣ окружающихъ васъ лицъ, вы имѣли довѣріе и откровенность только къ государю. Его дружба къ вамъ и отеческія попеченія, которыя, я увѣрена, онъ изволитъ оказать вамъ, дадутъ вамъ на это право, а также и позволеніе, котораго я прошу у него для васъ. Но друзья мои, я понимаю это довѣріе къ государю въ смыслѣ совѣтовъ, которыхъ вы осмѣлитес-просить у него во всѣхъ затруднич тельныхъ обстоятельствахъ; оно долж-

но выражаться и въ томъ, чтобъ отвѣчать ему съ полною откровенностью всякій разъ, когда онъ спроситъ васъ о чемъ бы то ни было; и вы не позволите себѣ ничего важнаго, не спросивъ его мнѣнія и его позволенія. Однако мои милыя дѣти, это полное довѣріе къ государю, котораго я желаю отъ васъ, не значитъ, чтобы вы присвоивали себѣ право выражать свое мнѣніе на счетъ дѣлъ, о которыхъ онъ вамъ не будетъ говорить. Напротивъ, оно требуетъ отъ васъ величайшей осмотрительности и большой умѣренности въ испрашиваніи милостей для лицъ, которыми вы интересуетесь. Въ особенности же оно запрещаетъ вамъ просить личныхъ милостей для самихъ себя; вы всегда должны ожидать ихъ отъ его собственнаго движенія, и не отъ докучливыхъ просьбъ. Являйтесь къ государю съ точностію и предупредительностію, однако и на этотъ счетъ спросите его, что̀ вы должны дѣлать, чтобъ имѣть счастіе часто его видѣть, стараясь притомъ не быть навязчивыми и не терять свое время въ переднихъ. Исполнивъ тѣ обязанности службы, которыя вашъ военный наставникъ найдетъ для васъ нужными, употребляйте въ пользу часы досуга, посвящая ихъ ежедневнымъ занятіямъ, чтенію, настоящему умственному труду. Вамъ нужно укрѣпить вашъ разсудокъ, надобно питаться высокими образцами, которые представляютъ древность и исторія, надобно наполнить свою голову этими великими примѣрами и стараться пріобрѣтать твердость началъ и возвышенность души, обработать себѣ высокій нравственный характеръ и идти по слѣдамъ великихъ людей. Надлежащее распредѣленіе времени между умственною работою и отдыхомъ совершенно необходимо; этимъ способомъ невинныя удовольствія вашего возраста будутъ вамъ казаться тѣмъ пріятнѣе, и вы тѣмъ долѣе будете ими наслаждаться. Праздность и умственная лѣнь убиваютъ душевныя способности и заглушаютъ зародыши самыхъ лучшихъ надеждъ. Вы мнѣ обѣщали строго надзирать другъ за другомъ, мои милыя дѣти, предупреждать другъ друга на счетъ вашихъ недостатковъ, и такъ сказать, быть одинъ для другаго Ангеломъ-хранителемъ: исполняя это доброе намѣреніе, вы избавите себя отъ тысячи мелкихъ заблужденій, которыя могли бы вамъ послѣ повредить. Надѣюсь, любезные друзья, что вы поставите себѣ строгимъ правиломъ, котораго никогда не будете уклоняться, — стараться не оскорблять кого бы то ни было невѣжливымъ обхожденіемъ. Знаю, правда, что съ вашими добрыми сердцами, вы никогда не сдѣлаете того добровольно; но, дѣти мои, къ этому можетъ подать поводъ та легкость, съ которою вы подмѣчаете смѣшныя стороны и маленькіе людскіе недостатки. Когда пріѣдете въ армію, вы не должны болѣе позволять себѣ этихъ шутокъ. Ваше обращеніе должно быть благородно, безъ гордости, учтиво безъ фамильярности; отличайте лѣта и заслуги вашимъ вниманіемъ и предупредительностію; будьте привѣтливы ко всѣмъ, но соблюдайте также и выборъ въ вашихъ привязанностяхъ, и старайтесь, чтобъ уваженіе предшествовало у васъ дружбѣ. Естественно, что въ вашихъ лѣтахъ общество молодыхъ людей должно быть для васъ привлекательнымъ; но, мои милыя дѣти, это не то общество, которое пригодно вамъ во всѣхъ отношеніяхъ, а это то, въ которомъ нужно наиболѣе мѣры и сдержанности. Я надѣюсь и требую отъ васъ, чтобъ при первомъ предостереженіи вашихъ наставниковъ, если какая связь имъ покажется опасною, вы тотчасъ бы ее прекратили; помните, дѣти мои, что молодаго человѣка всегда судятъ благосклонно, когда ему нравится общество людей зрѣлыхъ лѣтъ и съ заслугами.

Надо думать, милыя дѣти, что вашъ военный наставникъ будетъ занимать васъ тактикой въ ея широкомъ значеніи; однако и подробности, какъ части цѣлаго, возмутъ у васъ нѣсколько времени; старайтесь тогда, любезные друзья, не давать ему такаго понятія о себѣ, что военныя бездѣлицы интересуютъ васъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; вы легко замѣтите это по тому, часто ли онъ возвращается къ этимъ мелочамъ; это значило бы, что ему хочется польстить вашимъ вкусамъ; въ такомъ случаѣ вы должны дать ему почувствовать, что они занимаютъ васъ только какъ механизмъ дѣла, что вамъ было бы пріятнѣе останавливаться на нихъ, какъ можно менѣе; что вы спѣшите перейти къ тѣмъ военнымъ познаніямъ, которыя образуютъ великаго полководца (а въ нихъ столько отраслей, съ которыми вамъ надо познакомиться) въ особенности вамъ нужно изучить все, что̀ касается до сбереженія солдата, которымъ такъ часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красивой одеждѣ, безполезнымъ упражненіямъ, личному честолюбію и невѣжеству начальника; словомъ, убѣдите своего наставника, что вы хотите изучить военное дѣло какъ принцы, желающіе прославиться на этомъ благородномъ и прекрасномъ поприщѣ, и заслужить уваженіе вашего государя, вашего отечества и вашихъ современниковъ.

Будьте щедры, дѣти мои, безъ расточительности, бережливы и расчетливы безъ скупости и мелочности, добры и справедливы къ своимъ слугамъ, но остерегаясь отъ всякой фамиліарности; будьте осторожны, въ выраженіяхъ, милыя дѣти, чтобъ они были всегда точны и чужды преувеличеній; потому что слово, даже самое легкое и вырвавшееся въ жару разсказа, можетъ дать дурное мнѣніе о человѣкѣ и внушить недовѣріе къ его правдивости, слѣдовательно и повредить уваженію къ нему. Не будьте, милыя дѣти, поспѣшны въ своихъ сужденіяхъ ни о людяхъ, ни о вещахъ; изъ всѣхъ познаній—знаніе людей есть самое трудное и болѣе всѣхъ требуетъ изученія; по этому со стороны молодыхъ людей благоразумно не быть рѣзкими ни въ одобреніяхъ, но особенно въ порицаніяхъ; наблюдайте, замѣчайте, размышляйте о характерѣ лицъ; но судите ихъ только ни основаніи очевидныхъ доказательствъ, въ пользу вашего мнѣнія. Тоже относительно событій, которыхъ вы будете очевидцами; вы не должны позволять себѣ высказываться о нихъ. Будьте увѣрены, что при вашей молодости и неопытности, будутъ испытывать вашъ характеръ, и разными способами постараются узнать, есть ли у васъ талантъ, сдержанность, солидность, трудолюбіе и та скромность, которая такъ прилична молодости; или, напротивъ, у васъ есть наклонность къ рѣзкости, лѣни, самодовольству, неосторожности, вѣтренности, или легкомыслію; заключеніе о васъ скоро составится у тѣхъ свѣтскихъ лицъ, которыя знаютъ людей, заинтересованы пользоваться слабостями принцевъ, и будутъ соображать свое поведеніе съ вами, съ мнѣніемъ составленномъ ими о васъ. Я питаю сладкую надежду, милые друзья, что это мнѣніе будетъ въ вашу пользу, и что вы съумѣете внушить къ себѣ уваженіе. Богъ положилъ въ сердца ваши зародышъ всѣхъ добродѣтелей, и я каждый день буду молить Провидѣніе, возрастить ихъ Своею милостію и благословеніемъ. Вы также, милыя дѣти, трудитесь надъ этимъ всѣми силами, помышляя о моей нѣжной заботливости о васъ, о моей горячей любви. Довѣрьтесь мнѣ вполнѣ и со всею искренностію; открывайте мнѣ всегда свою душу и дайте мнѣ читать въ вашемъ сердцѣ. Вы не должны имѣть для меня тайнъ, кромѣ довѣренныхъ вамъ императоромъ, относительно дѣлъ, которыхъ и я не должна знать;

но за исключеніемъ этихъ тайнъ, мои дѣти, мои воспитанники не должны имѣть никакихъ для ихъ матери; ваша искренность должна быть такова, чтобъ открывать мнѣ даже свои маленькія ошибки, и довольны ли вы собою. Въ комъ могли бы вы найдти болѣе снисходительности, чѣмъ въ вашей матери, въ вашемъ другѣ, и болѣе готовности оказать вамъ помощь въ примиреніи съ самими собою? Дай Богъ, чтобъ эти строки служили вамъ компасомъ, милыя дѣти, и направляли васъ къ добру. Мнѣ пріятно повторять вамъ, что я храню эту сладкую надежду; читайте чаще это письмо, продиктованное самою нѣжною материнскою любовью. Сердце маменьки говоритъ вамъ, друзья мои. Сдѣлайте меня счастливою хорошимъ поведеніемъ во всѣхъ отношеніяхъ; утѣшьте меня этимъ въ вашемъ отсутствіи, которое унесло у меня самое дорогое, самое сладкое наслажденіе, наслажденіе васъ видѣть и объ васъ заботиться. Не забывайте меня, милые друзья, и знайте, что нѣтъ минуты во дню, когда я не думала объ васъ, или не молилась бы за васъ Богу. Милыя дѣти, какъ мнѣ трудно было вырваться изъ вашихъ объятій; но я рѣшилась на такую жертву, потому что видѣла въ ней вашу пользу. Вы оцѣните это, мои друзья, какъ свидѣтельство любви и нѣжности къ вамъ. Прощайте, милыя дѣти; благословеніе мое съ вами. Ступайте съ *Богомъ* и возвращайтесь съ *Богомъ*. Обнимаю васъ тысячу и тысячу разъ.

Марія.

*

II.

Вновь возгорѣвшаяся, вскорѣ за тѣмъ, война противъ Наполеона еще разъ вызвала наши войска за границу, и оба Великихъ Князя, хотя предназначенный для нихъ курсъ наукъ еще не вполнѣ былъ оконченъ, получили дозволеніе находиться при арміи. Отпуская ихъ туда, Императрица Марія Ѳеодоровна написала имъ, 12-го мая 1815-го года, слѣдующее ([4]).

«Les circonstances présentes me prescrivent le sacrifice d'une nouvelle séparation, mes bons et chers Enfans, et Vous appellent une seconde fois au champ de l'honneur, ainsi qu'à celui de la gloire, mais aussi des dangers: remplissons mutuellement nos devoirs, mes chers Enfans, tels difficiles qu'ils soint; je demande à Dieu de me résigner avec soumission à ses décrets, de Lui porter en offrande ma profonde douleur de Votre départ dans les circonstances actuelles, et de m'accorder force et courage, et Vous, mes bons Enfans, demandez à l'Etre Suprême de porter sur le champ de bataille la confiance la plus intime dans la protection divine qui daignera Vous couvrir de Son égide: demandez-Lui la volonté ferme et décidée de Vous rendre digne du nom que Vous portez, de Votre Souverain, de Vos compatriotes, de notre brave armée; enfin demandez lui de justifier l'opinion que mon coeur maternel a de Vous: c'est Vous dire en deux mots, remplissez Vos devoirs, soyez et montrez-Vous braves, soyez sans peur et sans reproche, mais en même temps, ne soyez pas téméraires: celui qui se jette sans réfléxion dans le danger, n'en est pas plus estimé, et plonge souvent sa Mère et toute une famille dans la désolation. Epargnez moi cette cruelle douleur. Le général Kanavnitzin ([5]), qui sera placé près de Vous, est

---

([4]) На конвертѣ надпись, какъ на первомъ письмѣ: «A mes chers fils Nicolas et Michel.»

([5]) Петръ Петровичъ Коновницынъ, сподвижникъ и любимецъ свѣтлѣйшаго князя Кутузова.

estimable sous tous les rapports et jouit surtout de la réputation de la bravoure la plus distinguée: suivez donc dans le moment du danger sans crainte, ni scrupule, ses avis, qui seront toujours conformes à l'honneur, et respectez les comme des ordres émanés de la bouche même de l'Empereur et de la mienne: que Votre bravoure soit donc calme, réfléchie et Vous réunirez tous les suffrages qu'on refuse à l'effervescence; mon instruction de l'année passée me laisse peu de choses à y ajouter, mes chers Enfans: le coeur maternel qui l'avait tracée reste ferme et invariable, dans ses principes, ses conseils, ses sollicitudes. Vous avez acquis, il est vrai, une année d'expérience de plus; Votre raison, Votre jugement a gagné, mais, mes chers Enfans, toujours cependant à 17 et 19 ans on n'est pas encore ce qu'on doit être. Vous êtes, j'ose l'esperer, en bon chemin de le devenir, si Vous persistez à suivre la route tracée, si Vous restez fidèles à l'amour du travail et de l'occupation, si Vous cultivez Vos connaissances, si Vous serez sévères sur le choix de Vos sociétés et de Vos liaisons, enfin si perpetuellement Vous Vous surveillez Vous-même et réciproquement l'un l'autre; je Vous crois, mes chers Enfans, vu les principes qui ont basé Votre éducation, incapables de manquer à Vos devoirs, ni vis-à-vis de Dieu, ni contre les moeurs, ni contre la moralité de Votre caractère; mais Vous pouvez tomber dans des erreurs sur l'emploi de Votre temps, sur le choix de Vos liaisons, sur l'abandon que Vous y mettez et sur le choix de Vos sociétés: si ce peut-être le cas, mes chers Enfans, j'exige de Vous que Vous écoutiez, après Vous être séparés de Votre digne et respectable second Père le général Lamsdorf (car aussi longtemps que Vous Vous trouverez sous son égide, ses tendres sollicitudes et soins préviendront ces erreurs), j'exige de Vous, dis-je, que Vous écoutiez les avertissemens et les conseils des personnes désintéressés qui Vous accompagnent, dont l'attachement éprouvé de tant et tant d'années Vous certifient le zèle et le désir de Vous faire éviter les plus légères erreurs; je Vous demande dans ce cas de me parler, mes chers Enfans, avec abandon et confiance et de Vous dire qu'il faut chercher chez Maman les conseils de l'amitié et de la prudence, de même que de l'indulgence. J'aime à me persuader, mes chers Enfans, qu'estimant M-r de Kanavnitzin, comme Vous le faites, Vous écouterez et aurez égard à ses conseils même dans les occasions où il ne s'agit pas du militaire, car dans tout ce qui touche cette partie, Vous lui devez la plus parfaite obéissance. Je Vous recommande beaucoup, mes chers Enfans, d'économiser Votre temps, et d'en trouver pour l'étude et la lecture, c'est de nécessité; répétez-Vous que Vous reculerez dans Vos connaissances le jour que Vous ne les augmenterez pas: il en est de même pour l'âme comme pour l'esprit, qui ne sçauraient rester au même point: il faut acquérir des vertus, il faut acquérir des connaissances, ou le caractère se gâte et l'esprit se rouille: je Vous conjure surtout, cher Michel, de prendre goût à une lecture sérieuse; l'étude et la lecture Vous éviteront à tous deux bien des erreurs, mes chers Enfans, car le désoeuvrement, surtout au quartier-général, peut Vous en faire commettre, et Vous causer mille désagrémens: je croirai utile et nécessaire, mes chers Enfans, que chacun de Vous tienne un journal exact des opérations militaires dont Vous serez témoin, qui, soumis à l'examen de M-r Gianotti et même du G. Kanavnitzin, serait

d'une utilité majeure pour Vous pour le moment actuel et Vous donnera, dans la suite du temps, bien des jouissances; je Vous conjure encore d'être prudents dans Vos paroles, dans Vos jugements, de ne pas Vous permettre d'énoncer ceux-ci sur les évènemens et opérations militaires, de veiller à ce que l'on ne Vous fasse pas parler involontairement; observez la même prudence dans Vos jugemens sur les individus: à Votre âge, mes chers amis, il est de nécessité de s'abstenir de les énoncer; observez en silence et profitez de Vos observations par un retour sur Vous mêmes, alors Vous les rendrez utiles. J'espère, mes chers Enfans, que le régime militaire que Vous aurez sous Vos yeux, ne Vous fera pas adopter le ton brusque, dur, ni impérieux; il déplait chez tout le monde, mais il est insupportable dans des personnes de Votre naissance, qui, même dans les moments où ils sont dans le cas de réprimer une erreur ou une faute, ne doivent employer que celui de la fermeté, qui réprime infiniment mieux que la vivacité et l'emportement; fermez l'oreille à toute adulation et flatterie, méfiez Vous à jamais des individus qui flattent Vos petites passions, qui peut être les encouragent pour Vous faire leur cour; recherchez la vérité, même lorsqu'elle Vous blessera, souffrez la contradiction et passez la au scrutin de la raison, dépouillée de toute prévention; si elle l'aprouve, condamnez Vous Vous même et suivez constamment ce guide éclairé que la sagesse éternelle Vous a donné, dès que la conscience, qui doit être son juge, vient à son appui; soyez constamment bienfaisants, mes chers Enfans, et sachez être généreux dans l'occasion; interdisez Vous la prodigalité, car elle nuit à la bienfaisance, parcequ'elle Vous prive des moyens de pouvoir l'exercer; soyez rangés et réglés. Dans vos bienfaits, mes chers Enfans, observez qu'à l'éxception de quelques cas qui interdisent toute considération, parcequ'il faut aider grandement à l'instant, Vous devez toujours Vous dire que Vos bienfaits, pour les mettre à l'abri de tout reproche d'ostentation, ne doivent pas égaler ceux de l'Empereur; mais soulagez autant que cela est à Votre portée en toute occasion la souffrance, la pauvreté et l'infortune; je suis persuadée, mes chers Enfans, que notre cher Empereur Vous recevra comme le plus tendre des Pères, comme il l'a fait l'année passée, et je suis toute aussi persuadée, que Vous mettrez toute étude à lui prouver Votre respect, Votre soumission, toute Votre confiance et toute Votre amitié; observez dans Votre conduite vis-à-vis de lui toutes les nuances de délicatesse que je Vous ai tracées dans mon instruction de l'année passée, et alors certainement Vous captiverez ses suffrages, Vous obtiendrez de même ceux de l'armée, si Vous suivez toutes les règles de conduite que je Vous ai tracés dans mon instruction qui embrasse tous les détails de ce que Vous avez à observer dans le particulier et en public: répétez Vous, mes Enfans, que l'année que Vous avez de plus, rendra le jugement de l'armée sur Vous plus sévère, parcequ'on a droit de demander de Vous plus de solidité, plus d'aplomb, plus de tact et une surveillance plus active sur Vous mêmes, car alors toutes Vos actions porteront le cachet de la raison, de la refléxion et Vous mériteront l'estime publicque et me rendront la plus heureuse des Mères. Je la serai certainement si, fidèles aux engagements que Vous avez renouvellé vis-à-vis de Dieu et de moi au S-t acte de Votre dernière Communion, Vous Vous conserverez religieux et vertueux. Gardez à jamais, mes chers

Enfans, le souvenir sacré de cette promesse; elle soulage ma peine cruelle de Votre séparation et dans les moments difficiles et dangereux dans lesquels Vous pourez Vous trouver, elle Vous servira de soutien et d'appui; répétez Vous, que la fidélité scrupuleuse avec laquelle Vous tiendrez Votre serment Vous assurera les bénédictions maternelles. et Votre Père du haut des cieux y ajoutera les siens; je Vous demande, mes chers Enfans, et j'exige de Vous la promesse, de me donner souvent de Vos nouvelles. En Vous disant que je ne connaitrai dans Votre absence que cette seule satisfaction, Vous serez certainement portés à me la donner; dites Vous, mes chers et bien aimés Enfans, que toutes mes pensées sont fixées sur Vous, que toutes mes prières Vous auront pour objet; que Dieu Vous conserve, que je Vous revoye heureux, estimés et bien portants: ah, mes Enfans, quelle sera alors ma félicité: mesurez-la par la profondeur la douleur que j'éprouve de m'arracher de Vos bras; mais telle est la volonté de Dieu; qu'elle soit faite, qu'elle Vous guide et Vous ramene dans mes bras maternels. Adieu mille et mille fois, chers, chers Enfans; je Vous embrasse tendrement et Vous donne toutes mes bénédictions. Répétez Vous, mes bons amis, avec foi et espérance: съ нами Богъ.

«Marie.»

Переводъ.

Нынѣшнія обстоятельства возлагаютъ на меня жертву новой разлуки, добрыя и милыя дѣти, и въ другой разъ призываютъ васъ на поле чести и славы, но также и опасностей. Исполнимъ взаимно, милыя дѣти, наши обязанности, какъ бы трудны онѣ ни были. Молю Бога, да ниспошлетъ онъ мнѣ покорность его волѣ, да позволитъ мнѣ принести ему въ жертву глубокую скорбь мою о вашемъ отъѣздѣ, среди нынѣшнихъ обстоятельствъ, и дастъ мнѣ силу и мужество. А вы, мои добрыя дѣти, просите у Всевышняго, чтобъ на полѣ битвы васъ не покидала вѣра въ милость и оборону Божію, которая покроетъ васъ своимъ щитомъ. Просите у него крѣпкой и рѣшительной воли сдѣлаться достойными имени, которое вы носите, и заслужить уваженіе вашего государя, вашихъ соотечественниковъ и нашей храброй арміи; наконецъ, молите его, чтобъ вамъ оправдать то мнѣніе, которое имѣетъ объ васъ мое материнское сердце. Это значитъ, въ двухъ словахъ: исполняйте своей долгъ, будьте и покажите себя безъ страха и безъ упрека, но въ тоже время, не будьте безразсудны: тотъ, кто безъ размышленія кидается въ опасность, не пріобрѣтаетъ чрезъ это болѣе уваженія, а между тѣмъ не рѣдко погружаетъ въ отчаяніе свою бѣдную мать и цѣлое семейство. Избавьте меня отъ этой тяжкой скорби. Генералъ Коновницынъ, который будетъ состоять при васъ, достоинъ уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и особенно пользуется репутаціей отмѣнной храбрости. По этому, въ минуты опасности, слѣдуйте безъ опасенія и колебаній его совѣтамъ, которые всегда будутъ сообразны съ честію, и уважайте ихъ, какъ приказанія, исходящія изъ устъ самаго императора и моихъ. Пусть ваше мужество будетъ спокойно, разсудительно, и вы заслужите общее одобреніе, въ которомъ отказываютъ простому пылу. Къ моему прошлогоднему наставленію не много нужно мнѣ прибавить, милыя мои дѣти: материнское сердце, которое его начертало, твердо и неизмѣнно въ своихъ принципахъ, совѣтахъ и попеченіяхъ. Правда, вы пріобрѣли лишній годъ опыта; вашъ разумъ, ваша мысль сдѣлали успѣхи; но все-таки, милыя дѣти, въ 17 и 19 лѣтъ нельзя еще быть тѣмъ, чѣмъ должно. Смѣю надѣяться, что вы

на доброй дорогѣ къ тому, что вы по прежнему будете слѣдовать начертанному пути, если останетесь вѣрны любви къ труду и занятіямъ, если будете строги въ выборѣ своего общества и своихъ связей, если будете постоянно наблюдать надъ собою и взаимно другъ надъ другомъ. Благодаря началамъ, на которыхъ основано ваше воспитаніе, я считаю васъ, милыя дѣти, неспособными измѣнить своему долгу ни противъ Бога, ни противъ нравовъ, ни противъ нравственности характера; но вы можете впасть въ ошибки относительно употребленія времени, выбора связей, довѣрія, которое вы въ нихъ вносите, и выбора общества: въ такомъ случаѣ, милыя дѣти, я требую, чтобы, разставшись съ вашимъ достойнымъ и почтеннымъ вторымъ отцемъ, генераломъ Ламсдорфомъ (ибо пока вы подъ его покровомъ, его нѣжная заботливость и попеченія предотвратятъ эти ошибки), я требую, говорю я, чтобъ вы слушались предостереженій и совѣтовъ безкорыстныхъ людей, васъ сопровождающихъ; за привязанность ихъ къ вамъ, испытанную въ теченіи столькихъ лѣтъ, ручаются ихъ усердіе и желаніе избавить васъ отъ самыхъ легкихъ заблужденій. Я прошу васъ также, милыя дѣти, говорить мнѣ въ этомъ случаѣ, съ полною искренностію и довѣріемъ, помнить, что совѣтовъ дружбы и благоразумія, а также и снисхожденія, слѣдуетъ искать у маменьки. Я хочу вѣрить, милыя дѣти, что при вашемъ уваженіи къ г. Коновницыну, вы будете выслушивать и уважать его совѣты даже и тогда, когда дѣло идетъ не о военной службѣ, во всемъ же, касающемся этой части, вы обязаны ему полнѣйшимъ повиновеніемъ. Совѣтую вамъ, милыя дѣти, беречь время и находить его для ученія и чтенія; это необходимо. Помните, что вы начнете терять знанія съ того дня, какъ перестанете умножать ихъ. Съ душой бываетъ тоже самое, что́ и съ умомъ. Ни то, ни другое не можетъ оставаться въ одномъ положеніи: надобно пріобрѣтать добродѣтель, надобно пріобрѣтать свѣдѣнія, иначе характеръ портится и умъ ржавѣетъ. Особенно прошу тебя, любезный Михаилъ, полюбить серьозное чтеніе. Ученіе и чтеніе избавятъ васъ обоихъ, милыя дѣти, отъ многихъ ошибокъ, потому что бездѣйствіе, особенно въ главной квартирѣ, можетъ вовлечь васъ въ нихъ и повести ко многимъ непріятностямъ. Мнѣ казалось бы полезнымъ и необходимымъ, милыя дѣти, чтобъ каждый изъ васъ велъ точный журналъ военныхъ дѣйствій, которыхъ вы будете свидѣтелями. Такой журналъ, пересмотрѣнный г. Джіанотти и даже генераломъ Коновницынымъ, былъ бы очень полезенъ для васъ въ настоящую минуту, а впослѣдствіи доставилъ бы вамъ много удовольствія. Еще умоляю васъ быть осторожными въ словахъ и сужденіяхъ, не позволять себѣ высказываться о событіяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ, остерегаться, чтобъ васъ не заставляли проговариваться. Соблюдайте такую же осторожность въ сужденіяхъ о лицахъ: въ ваши года, милые друзья, надобно воздерживаться отъ произнесенія ихъ. Наблюдайте въ молчаніи, милыя дѣти, и пользуйтесь своими наблюденіями, чтобъ потомъ примѣнять ихъ въ себѣ; тогда они будутъ вамъ полезны. Я надѣюсь, милыя дѣти, что военный порядокъ, который будетъ у васъ передъ глазами, не заставитъ васъ принять грубый, жесткій или повелительный тонъ. Онъ ни въ комъ не нравится, но въ особахъ вашего происхожденія онъ просто не выносимъ; такія лица, даже если имъ приходится дѣлать выговоръ за вину или ошибку, не должны употреблять другаго тона, кромѣ твердаго, который останавливаетъ гораздо болѣе, нежели горячность и вспыльчивость. Закройте слухъ для всякой лести и поклоненія. Берегитесь всегда

людей, которые льстятъ вашимъ маленькимъ страстямъ и, можетъ быть, поощряютъ ихъ съ цѣлію вамъ подслуживаться; ищите правды, если даже она оскорбитъ васъ; терпите противорѣчіе и провѣряйте его судомъ разума, свободнаго отъ всякихъ предубѣжденій. Если разумъ одобритъ его, осудите самихъ себя; слѣдуйте всегда за этимъ свѣтлымъ вождемъ, даннымъ вамъ вѣчною мудростію, какъ скоро онъ подкрѣпленъ совѣстію, которая и надъ нимъ должна быть судьею. Будьте всегда благотворительны, милыя дѣти, и умѣйте при случаѣ быть щедры; не позволяйте себѣ расточительности, потому что она вредитъ благотворительности, отнимая у нея средства; будьте умѣренны и расчетливы. Въ своей благотворительности, милыя дѣти, держитесь правила, что, кромѣ нѣскольких случаяхъ, не допускающихъ никакихъ соображеній, ибо надо помочь широко и немедленно, ваши благодѣянія, въ избѣжаніе упрека въ тщеславіи, не должны равняться съ государевыми; но сколько вамъ можно и при всякомъ случаѣ, облегчайте страданіе, нищету и несчастіе. Я увѣрена, любезныя дѣти, что нашъ милый государь приметъ васъ, какъ нѣжнѣйшій изъ отцевъ, также какъ въ прошломъ году; столько же я увѣрена, что вы употребите всѣ старанія доказать ему свое уваженіе, свою покорность, все ваше довѣріе и всю вашу дружбу. Соблюдайте, въ отношеніи его, всѣ оттѣнки деликатности, которыя я начертала вамъ въ моей прошлогодней инструкціи, и тогда, конечно, вы заслужите его одобреніе; вы пріобрѣтете и одобреніе арміи, если будете слѣдовать правиламъ, указаннымъ въ моей инструкціи, которая входитъ во всѣ подробности вашего поведенія, и дома, и въ обществѣ. Помните, милыя дѣти, что годъ, который вамъ прибавился, сдѣлаетъ судъ арміи надъ вами болѣе строгимъ, потому что теперь въ правѣ требовать отъ васъ болѣе солидности, болѣе находчивости, также и надзора за собою. Тогда всѣ ваши поступки будутъ носить печать разума, разсудительности и заслужатъ вамъ общественное уваженіе, а меня сдѣлаютъ счастливѣйшею изъ матерей. Я буду ею безъ сомнѣнія, если, вѣрные обѣтамъ, даннымъ вами передъ Богомъ и мною, въ святую минуту вашего послѣдняго причащенія, вы пребудете набожными и добродѣтельными. Сохраните на вѣкъ, милыя мои дѣти, священную память этого обѣта. Онъ утоляетъ мою жестокую скорбь о разлукѣ съ вами; а вамъ будетъ поддержкой и опорой въ тѣ трудныя и опасныя минуты, которыя могутъ наступать для васъ. Не забывайте, что добросовѣстная вѣрность, съ которой вы соблюдете свою клятву, упрочитъ вамъ благословеніе матери, и отецъ вашъ, съ небесъ, присоединитъ къ нему свое. Прошу у васъ, милыя дѣти, и требую обѣщанія часто увѣдомлять меня о себѣ. Помня, что въ вашемъ отсутствіи у меня остается одно это утѣшеніе, вы конечно даже пожелаете мнѣ его. Знайте, мои милыя и горячо любимыя дѣти, что всѣ мои мысли устремлены къ вамъ, что вы предметъ всѣхъ моихъ молитвъ, чтобъ Богъ сохранилъ васъ, чтобъ я васъ увидѣла снова, счастливыхъ, уважаемыхъ и здоровыхъ. Ахъ, дѣти мои, какъ велико будетъ тогда мое счастіе. Измѣряйте его глубиною той скорби, съ которой я вырываюсь изъ вашихъ объятій. Но такова воля Божія. Да исполнится она, да ведетъ васъ и возвратитъ въ мои материнскія объятія. Прощайте, тысячу разъ, милыя, милыя дѣти; цѣлую васъ нѣжно и даю вамъ мое благословеніе. Повторяйте, добрые друзья мои, съ вѣрою и надеждою: „съ нами Богъ!“.

Марія.

*

III.

Третье письмо было обращено къ одному Николаю Павловичу. Признали за нужное, чтобы въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцовъ 1816-го года онъ объѣхалъ нѣкоторыя внутреннія губерніи и для обозрѣнія ихъ составили особую инструкцію. Императрица Марія Ѳеодоровна сама занималась всѣми ея подробностями и, наканунѣ отъѣзда великаго князя, 8-го мая 1816-го года, вручила ему новое собственноручное письмо съ своими наставленіями. Это письмо особенно интересно тѣмъ, что, выражая цѣль предпринимаемаго путешествія, содержало въ себѣ, вмѣстѣ, и разборъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ сторонъ характера и привычекъ ея сына. Вотъ оно:

„Le voyage que Vous allez entreprendre, cher Nikosche, occupe toutes mes pensées et toute ma sollicitude maternelle: car quoiqu' heureusement je n'ai pas (avec le secours de la bénédiction divine) à craindre pour Votre santé et conservation, elle n'en est pas moins vive, car elle porte sur l'influence que ce voyage aura sur Votre bonheur futur qui dépend si essentiellement de l'opinion que Vous donnerez de Vous à vos compatriotes; dites Vous, cher Nikosche, que Vous attirerez dans cette occasion toute l'attention publique sur Vous. Vous avez un bel enjeu, car jusque à ce moment on Vous aime d'espérance; on a entendu dire du bien de Vous, mais voici l'instant où il faut consolider ce sentiment d'affection: il faut le mériter par Votre bonté, Votre affabilité, qui doit se montrer dans Vos manières, dans Vos paroles, jusque dans le ton de Votre voix, car en l'élévant trop, en la laissant se déployer dans toute sa force, elle acquiert une expression rude qui ressemble à la brusquerie, ce qu'il faut absolument éviter; profitez avec reconnaissance pour l'Empereur de tous les moyens qu'il Vous offre pour Vous instruire; que toutes Vos questions portent ce caractère réfléchi qui Vous mene à ce but, et faites attention que Vos réflexions toujors mesurées, jamais tranchantes, conservent cette nuance de modestie, de retenue qui convient si bien à un jeune homme; surtout lorsque comme pour Vous encore, cher Nicolas, le but du voyage ne porte que sur l'instruction, la connaissance à acquérir de son pays, et non pas d'une inspection qui exige un jugement plus sévère, toujours déplacé lorsque le devoir ne le demande pas. Souvenez-vous, cher Nicolas, que le voyage que vous faites en ce moment, n'a pas le militaire pour but principal: celui-la consiste à apprendre à connaitre Votre patrie, à savoir l'apprécier dans ses détails, à connaitre l'état de chaque province que Vous parcourerez, ses ressources, ses manques, la cause de ces manques, le moyen de les soulager, à voir tous les établissements utiles sous le rapport de la bienfaisance, de la science, les fabriques, —voilà, cher Nicolas, ce qui doit occuper Votre esprit et toutes vos facultés, car Vous devez rassembler pour la vie un fond de connaissances qui Vous mette un jour à même de bien servir l'Empereur, ainsi donc de vous rendre utile à Votre patrie; les connaissances militaires que Vous acquérerez dans ce voyage ne sont à envisager que comme un accessoire utile, mais non pas devant l'emporter sur le principal: jouissez et profitez aussi de celui-la, mais ne donnez pas à penser qu'il Vous intéresse plus que le but véritable, celui d'acquérir la connaissance de Votre pays dans tous ses rapports admi-

nistratifs, commerciaux et d'industrie. Donnez tous Vos soins, cher Nicolas, à la rédaction de Votre journal, dites Vous en Vous en occupant que c'est sur la lecture et sur l'exposé de Votre manière de voir, de juger, de sentir, d' apprécier les objets, que l'Empereur, dis-je, basera l'opinion qu'il doit prendre de Vous et fondra ses espérances sur Votre utilité future; que cette refléxion Vous électrise, cher Nikosche, qu'elle Vous fasse redoubler d'effort, de moyens, de sollicitude pour Votre travail; combien même Vous préparez à Vous-même de jouissance lorsque, à un âge plus avancé, Vous pourrez le relire avec contentement et y puiser même quelques aperçus utiles à l'acquit de Vos devoirs. Enfin, cher Nikosche, surveillez Vous dans tous les momens de la journée, portez Votre attention sur tout ce qui peut Vous captiver l'estime de Vos compatriotes; dites Vous que, pour ainsi dire de province en province, de ville à ville, Vous serez jugé, l'opinion sur Vous se basera et si, comme je l'espère, l'impression que Vous laisserez partout Vous sera favorable, ce voyage Vous vaudra l'estime de Vos compatriotes; et c'est à la mériter constamment que doit tendre toujours et toujours le soin de Votre vie entière: je suis persuadée, cher Nikosche, que Vous trouverez du plaisir à consulter le g. Kutusof (6) (dont Vous apréciez si bien le mérite) dans tous les cas douteux et que Vous recevrez constamment ses avis avec reconnaissance et déférence; Vous connaissez de même le tendre intérêt que Vous porte M-rs Savrassof et de Glinca, leur zèle éprouvé depuis tant d'années (7); aussi je ne mets pas en doute les égards que Vous témoignerez à leurs conseils; je ne prolonge pas ma lettre, cher Nikosche: à Votre age, mon bon ami, le coeur et l'esprit saisissent vite et bien les conseils émanés de la tendresse maternelle; je termine donc ces lignes en Vous demandant et conjurant, cher et bien aimé Nikosche, de remplir ma juste attente et de me donner le bonheur de Vous revoir plus digne encore de ma tendresse, pouvant me dire avec vérité: Maman, je suis content de moi-même, aussi Vous pouvez l'etre; alors mes vœux seront accomplis et je Vous serrerai contre mon cœur avec toute la tendresse que je Vous porte. Adieu cher et bon Nikoscha, que Dieu Vous conserve, soignez Votre santé, et dites Vous que dans tous les instants de ma vie, je Vous renouvelle toutes, toutes mes bénédictions. Je Vous embrasse de tout mon cœur." „*Marie*."

Переводъ.

Предпринимаемое тобою путешествіе, милый Николай, занимаетъ всѣ мои мысли и всю мою материнскую заботливость; хотя, по счастію, мнѣ нечего (при милости Божіей) опасаться за твое здоровье и жизнь, однако заботливость моя отъ того не менѣе: она относится къ вліянію, которое это путешествіе окажетъ на твое будущее счастіе, потому что оно существенно зависитъ отъ того понятія, которое ты дашь о себѣ своимъ соотечественникамъ. Помни, любезный Николай, что въ этомъ случаѣ ты привлечешь на себя все общественное вниманіе. У тебя хорошій задатокъ, потому что до сихъ поръ тебя любятъ по надеждѣ: о тебѣ слышали доброе; но вотъ минута, когда слѣдуетъ упрочить это чувство привязанности. Надо заслу-

(6) Графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, сопровождавшій въ это путешествіе Великаго Князя и бывшій, въ послѣдствіи, начальникомъ военноучебныхъ заведеній и С. Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

(7) Въ поѣздкѣ по Россіи Великаго Князя сопровождали, кромѣ графа Кутузова, только эти два кавалера.

жить его добротою и привѣтливостію въ обращеніи, въ словахъ, даже и въ звукѣ голоса, потому что голосъ, когда онъ возвышается, когда раздается во всей силѣ, получаетъ жесткое выраженіе, похожее на грубость; а этого надобно избѣгать всѣми мѣрами. Пользуйся, съ признательностію къ императору, всѣми средствами, которыя онъ предоставляетъ тебѣ для твоего образованія. Пусть всѣ твои вопросы имѣютъ тотъ обдуманный характеръ, который ведетъ къ этой цѣли. Обращай вниманіе на то, чтобъ твои размышленія, всегда умѣренныя, никогда рѣзкія, сохраняли этотъ оттѣнокъ скромности, сдержанности, который такъ приличенъ молодому человѣку, особенно, когда подобно твоему, путешествіе, любезный Николай, имѣетъ цѣлію только образованіе и знакомство съ страною, а не надзоръ, требующій болѣе строгаго суда, всегда неумѣстнаго, если онъ не предписывается долгомъ. Не забывай, любезный Николай, что нынѣшнее твое путешествіе не имѣетъ главною цѣлію военнаго дѣла. Эта цѣль — знакомство съ твоимъ отечествомъ, знаніе его во всѣхъ подробностяхъ, свѣдѣнія о состояніи каждой провинціи, въ которой ты будешь, о ея средствахъ и недостаткахъ, о средствахъ помочь этимъ недостаткамъ; осмотръ всѣхъ полезныхъ учрежденій по части благотворительности, науки, фабрикъ. Вотъ, любезный Николай, что̀ должно занимать твой умъ и всѣ твои способности, такъ какъ ты долженъ собрать для жизни запасъ свѣдѣній, который бы со временемъ далъ тебѣ возможность служить императору и такимъ образомъ быть полезнымъ твоему отечеству. На военныя познанія, пріобрѣтенныя въ этомъ путешествіи, надобно смотрѣть только, какъ на полезную подробность, которая не должна брать верхъ надъ главнымъ. Развлекайся и этимъ, усовершенствуя себя; но не давай думать, что военное дѣло интересуетъ тебя болѣе, чѣмъ главная цѣль, которая есть изученіе твоего отечества въ отношеніи административномъ, торговомъ и промышленномъ. Прилагай всѣ старанія, любезный Николай, къ веденію своего журнала. Помни, занимаясь имъ, что на чтеніи его, по твоему взгляду на вещи и твоей оцѣнкѣ ихъ, государь будетъ основывать свое мнѣніе о тебѣ и о пользѣ, которую можно ожидать отъ тебя въ будущемъ. Пусть это размышленіе одушевляетъ тебя, любезный Николай, пусть оно удвоитъ твои старанія, твои силы, твое усердіе къ труду. Сколько даже наслажденій ты приготовишь себѣ, когда, въ болѣе зрѣлыя лѣта, ты будешь перечитывать его съ удовольствіемъ и черпать изъ него указанія полезныя для твоихъ обязанностей. Наконецъ, милый Николай, наблюдай за собою во всѣ минуты дня, обращай вниманіе на все, что̀ можетъ пріобрѣсти тебѣ уваженіе твоихъ соотечественниковъ. Не забывай, что, такъ сказать, отъ провинціи до провинціи, отъ города до города, тебя будутъ судить; мнѣніе о тебѣ установится, и если, какъ я надѣюсь, впечатлѣніе, оставленное тобою повсюду, будетъ тебѣ благопріятно, то это путешествіе доставитъ тебѣ уваженіе твоихъ соотечественниковъ, а къ тому, чтобъ заслужить его, должно стремиться всегда и постоянно, заботою всей твоей жизни. Я увѣрена, милый Николай, что, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ ты съ удовольствіемъ будешь совѣтоваться съ генераломъ Кутузовымъ (котораго достоинства ты такъ цѣнишь) и что ты будешь принимать его мнѣнія съ признательностію и съ почтеніемъ. Ты также знаешь нѣжное расположеніе къ тебѣ гг. Саврасова и Глинки и усердіе ихъ, испытанное столькими годами; по этому я не сомнѣваюсь въ твоемъ вниманіи къ ихъ совѣтамъ. Не продолжаю письма моего, милый Николай: въ твои года, мой добрый

другъ, сердце и умъ быстро и хорошо постигаютъ совѣты, истекающіе изъ материнской нѣжности. И такъ кончаю эти строки, прося и умоляя тебя, милый и возлюбленный Николай, исполнить мое справедливое ожиданіе и дать мнѣ счастіе увидѣть тебя еще болѣе достойнымъ моей нѣжности, могущимъ сказать мнѣ: маменька, я доволенъ собой, и вы можете быть довольны мною.—Тогда мои желанія исполнятся, и я прижму тебя къ моему сердцу со всею нѣжностью, которую чувствую къ тебѣ. Прощай, милый и добрый Николай. Да благословитъ тебя Богъ! Береги свое здоровье и знай, что во всѣ минуты моей жизни я отъ души тебя благословляю. Обнимаю тебя ото всего сердца. *Марія.*

АДМИРАЛЪ ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ НАХИМОВЪ (1).

(Біографическій очеркъ.)

Но семья не позабыла
Тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ. ..
(Стихи г. Амосова на одномъ изъ Севастопольскихъ обѣдовъ).

П. С. Нахимовъ родился въ 1803 году; отецъ его былъ секундъ-маіоръ временъ Екатерины II и пользовался особеннымъ уваженіемъ и довѣренностію своихъ сосѣдей, дворянъ Смоленской губерніи. Опредѣленный въ морской кадетскій корпусъ, онъ, какъ избранный и лучшій воспитанникъ, назначенъ былъ на бригъ „Феликсъ", имѣвшій заграничное плаваніе въ Данію и Швецію, и въ 1818 году, т. е. 15 лѣтъ отъ роду, *вышелъ въ мичманы*. Уже эти первые шаги свидѣтельствуютъ о способностяхъ, прилежаніи и дарованіяхъ 15-ти-лѣтняго юноши.

Отправленный въ 1821 году сухопутно въ Архангельскъ въ команду строившагося тамъ корабля, онъ вызванъ былъ оттуда и назначенъ на фрегатъ „Крейсеръ", подъ команду капитана 2-го ранга М. П. Лазарева, впослѣдствіи знаменитаго адмирала, совершавшаго тогда третье кругосвѣтное путешествіе (2). Не считаю нужнымъ говорить, что подобное назначеніе человѣку безъ протекціи, въ то время, когда кругосвѣтныя плаванія были чрезвычайно рѣдки, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что молодой мичманъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Скоро капитанъ Лазаревъ оцѣнилъ бравого, расторопнаго офицера и такъ къ нему привязался, что съ той поры они почти не разставались. Возвратясь въ 1825 году послѣ трехъ-лѣтняго кругосвѣтнаго плаванія лейтенантомъ, онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степени. Въ 1826 году онъ пришелъ изъ Архангельска на вновь выстроенномъ кораблѣ „Азовъ" (столько извѣстномъ всему флоту, какъ образцовый во всѣхъ отношеніяхъ), подъ командою тогда уже капитана 1-го ранга Лазарева, и, отправясь на другой годъ на немъ въ Средиземное море, онъ плавалъ тамъ до 1830 года. Корабль „Азовъ" былъ флагманскимъ кораблемъ адмирала графа Гейдена и за отличную храбрость, выказанную лейтенантомъ Нахимовымъ въ Наваринскомъ сраженіи, онъ былъ произведенъ въ капита-

---

(1) Съ дозволенія многоуважаемаго автора извлекаемъ изъ Русскаго Инвалида (1868, № 32) статью эту, написанную по поводу и въ опроверженіе *Записокъ Севастопольца* (Р. Архивъ 1867, стр. 1579 — 1637), невѣрныя умозаключенія и желчные отзывы котораго вызвали собою столь знаменательный и въ то же время утѣшительный взрывъ общественнаго чувства. Заявленія противъ Записокъ Севастопольца приходили къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи, и также отъ лицъ, живущихъ за границею. Обвиняемые въ неосторожномъ допущеніи этихъ Записокъ на страницы Р. Архива, позволяемъ себѣ находить если не оправданіе, то утѣшеніе въ томъ обстоятельствѣ, что они послужили къ блистательному уясненію исторической истины, какъ читатели наши убѣдятся изъ нижеслѣдующаго біографическаго очерка. П. Б.

(2) Морскіе офицеры этой эспедиціи встрѣтили и поддержали своимъ сочувствіемъ скромнаго священника Іоанна Веніаминова, нынѣ высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія, митрополита Московскаго. *П. Б.*

ны-лейтенанты и награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени въ декабрѣ 1827 года (при этомъ замѣчу, что на кораблѣ „Азовъ", въ Наваринскомъ сраженіи, было убитыхъ и раненыхъ болѣе, чѣмъ на всей остальной эскадрѣ). И такъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду Нахимовъ былъ штабъ-офицеромъ и кавалеромъ Георгія, Владиміра, ордена Бани, Почетнаго Легіона и Спасителя и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ уже командиромъ корвета „Наваринъ." Мнѣ, кажется, нечего добавлять отъ себя; факты говорятъ краснорѣчивѣе моихъ словъ, что такой командиръ не только былъ извѣстенъ флоту, но былъ его украшеніемъ. Возвратясь изъ Средиземнаго моря, онъ былъ назначенъ въ 1832 году командиромъ вновь строившагося фрегата „Паллада". Это былъ такой красавецъ, что весь флотъ имъ любовался, и весьма многіе пріѣзжали учиться чистотѣ, вооруженію и военному порядку, на немъ заведенному. Въ первую же кампанію на немъ, въ 1833 году, крейсируя въ эскадрѣ почтеннаго и всѣми уважаемаго в.-адмирала Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, ему удалось заслужить признательность начальства и уваженіе сотоварищей за тотъ ночной сигналъ, которымъ онъ предупредилъ эскадру отъ угрожавшей ей опасности курса на каменья. Въ январѣ 1834 года Нахимовъ былъ переведенъ въ Черное море по ходатайству адмирала Лазарева, сдѣлавшагося въ это время главнымъ командиромъ Черноморскаго флота—какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ и образцовыхъ командировъ, съ назначеніемъ командиромъ 41-го экипажа, и въ томъ же году произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1836 году назначенъ командиромъ вновь строющагося корабля „Силистрія", а въ 1837 году произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Командуя этимъ кораблемъ до производства своего въ контръ-адмиралы, въ 1845 году, онъ ежегодно плавалъ на немъ по Черному морю, и имѣлъ, кромѣ практическихъ занятій, нѣкоторыя важныя порученія. Такъ, въ 1840 году онъ былъ у Восточнаго берега, при занятіи мѣстечекъ Туапсе и Псезуапе, гдѣ при высадкѣ дессантнаго отряда на берегъ онъ командовалъ лѣвымъ флангомъ перваго отдѣленія. Въ этомъ же году и въ слѣдующихъ ему поручено было положить въ Новороссійскѣ мертвые якоря и потомъ бочки для мертвыхъ якорей новаго устройства. Здѣсь кончается поприще Павла Степановича Нахимова, какъ капитана, а потому я позволяю себѣ остановиться на его дѣятельности.

Корветъ „Наваринъ", фрегатъ „Паллада", корабль „Силистрія" были постоянно тѣми образцами, на которые всѣ указывали и къ которымъ всѣ стремились. Я спрошу всѣхъ сотоварищей, служившихъ въ то время въ Черномъ морѣ, кто изъ нихъ, встрѣтясь въ морѣ съ кораблямъ „Силистрія" и входя на рейдъ, гдѣ онъ красовался, не осматривалъ себя съ ногъ до головы, чтобы показаться въ возможно лучшемъ, безукоризненномъ видѣ зоркому капитану „Силистріи", отъ котораго не скроется ни одинъ шагъ, ни малѣйшій недостатокъ, такъ точно, какъ и лихое управленіе? Одобреніе его считалось наградою, которую каждый старался заслуживать,—такъ было велико нравственное вліяніе этого человѣка!

Онъ имѣлъ особенный даръ пріохотить къ морскому дѣлу, внушить энергію и любовь къ службѣ, какъ своимъ примѣромъ, своимъ постояннымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, такъ и своими всегда интересными разсказами о томъ, какъ что дѣлалось на „Крейсерѣ" и на „Азовѣ", что говорилъ и какъ думалъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ въ томъ и другомъ случаѣ, какъ бы забывая (изъ врожденной ему скромности и глубокаго уваженія къ наставнику своему) что „Наваринъ", „Паллада" и „Силистрія" были вполнѣ новыми авторитетами и примѣромъ для подражанія. Онъ

постоянно, всецѣло принадлежалъ своей профессіи.

Выходитъ ли эскадра или даже отдѣльный корабль изъ гавани, идетъ ли въ гаванъ, возвращается ли съ моря или снимается съ якоря, — вы увидите Павла Степановича на Графской пристани съ его неизмѣнною трубою. Скажу болѣе: всякая шлюпка, катающаяся по рейду подъ парусами, была имъ замѣчаема и, не смотря на то, что за малѣйшее упущеніе при удобномъ случаѣ молодежъ подвергалась его замѣчаніямъ, она его обожала: потому что всякій морской офицеръ, сколько-нибудь обратившій на себя его вниманіе своею привязанностію къ службѣ, могъ вполнѣ разсчитывать на его готовность научить, облегчить, заступиться, ходатайствовать, на его всегда протянутую руку помощи, и даже на его кошелекъ.

Радушіе и гостепріимство его были извѣстны всякому. Изысканная чистота и порядокъ были на кораблѣ и въ квартирѣ; сердечная доброта, прямодушіе были написаны на его открытомъ, благородномъ лицѣ. Вниманіе его въ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ офицерамъ и матросамъ 41-го экипажа было неисчерпаемо. Онъ слѣдилъ за ними не только въ Севастополѣ, но и на Кавказѣ и за границею. Они могли обращатся къ нему, какъ къ родному отцу. Не понятно ли послѣ всего мною сказаннаго (что, опять повторяю, повтердятъ всѣ оставшіеся въ живыхъ моряки Чернаго и Балтійскаго морей), не понятно ли, что эта честная, благородная, безкорыстная личность, что это доброе, великодушное, золотое сердце, что эта искренняя, безграничная любовь къ своему дѣлу—весьма скоро привлекли къ нему сослуживцевъ, готовыхъ съ нимъ идти въ огонь и въ воду. Во всемъ Черноморскомъ флотѣ не было ни одного матроса, который бы не зналъ, если не лично, то по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы и за-очно, капитана „Силистріи", Павла Степановича Нахимова. Никто не умѣлъ такъ понимать ихъ нужды, такъ говорить съ ними, и потому они были слѣпо ему преданы.

Теперь я обращаюсь къ вамъ, любезный читатель, и попрошу отвѣтить мнѣ: какое выработалось у васъ понятіе объ этомъ лицѣ изъ моего разсказа, основаннаго на документахъ служебнаго прохожденія, и на тѣхъ чертахъ, которыя засвидѣтельствуютъ адмиралъ и капитанъ Русскаго флота? Вы видѣли юношу съ прекрасными способностями, окончившаго курсъ и вышедшаго въ офицеры 15-ти лѣтъ. Вы видѣли лихаго, браваго мичмана, избраннаго изо всей среды знаменитымъ капитаномъ Лазаревымъ; вы видѣли отлично храбраго лейтенанта, украшеннаго Георгіемъ за побѣду подъ Навариномъ; вы видѣли молодаго 25-ти-лѣтняго капитана корвета „Наваринъ", впослѣдствіи образцоваго командира фрегата „Паллада" и корабля „Силистрія", капитана, всѣми уважаемаго, горячо любимаго, непрестаннаго наставника молодежи и съ огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всю среду, т. е. съ сильнымъ, опредѣленнымъ характеромъ, съ безграничною любовію къ своему дѣлу, съ сердцемъ великодушнымъ и благороднымъ, обожаемаго командою.

Есть ли хотя одна черта изъ того портрета, который угодно было нарисовать автору статьи „Изъ Записокъ Севастопольца?"

Разсмотрѣвъ критически, съ полнымъ и должнымъ вниманіемъ, все поприще Павла Степановича Нахимова до адмиральскаго чина, я сдѣлаю вопросъ автору: могъ ли такой капитанъ затеряться во флотѣ? и имѣлъ ли право онъ задать себѣ вопросъ, какъ онъ очутился на палубѣ и почему онъ служилъ во флотѣ?

Въ 1845 году П. С. Нахимовъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи. Кромѣ ежегодныхъ практическихъ плаваній по Черному

морю, онъ въ 1848 и 1850 годахъ, командуя эскадрами, держалъ крейсерство у Кавказскихъ береговъ по шести мѣсяцевъ; въ мартѣ 1852 года онъ назначается командующимъ 5-ю флотскою дивизіею, и въ октябрѣ того же года производится въ вице-адмиралы, съ утвержденіемъ начальникомъ дивизіи.

Горизонтъ дѣлается обширнѣе, поле дѣйствія расширяется: онъ получаетъ возможность не косвеннымъ, не нравственнымъ только вліяніемъ имѣть силу, но и непосредственно, властью начальника.

Гумбольдтъ говоритъ: особенность жизни человѣка заключается въ томъ, что если онъ не заботится о своемъ счастіи, а только объ исполненіи долга, то счастіе превозможетъ, какъ бы плохо ни было первоначальное положеніе человѣка.

И счастіе видимо начинаетъ обнимать своего избраника. Черноморскій парусный флотъ, подъ его флагомъ, состоящій изъ 12-ти кораблей, 2 фрегатовъ, 2 корветовъ, 7 параходовъ и 11 транспортовъ, дѣлаетъ одинъ изъ самыхъ баснословно-счастливыхъ переходовъ, съ дессантомъ цѣлой дивизіи, въ полномъ составѣ. Флотъ, поставивъ бомъ-брамсели, снимаясь на Севастопольскомъ рейдѣ, закрѣпилъ ихъ у Кавказскихъ береговъ и, снимаясь подъ ними у Анакріи, закрѣпилъ, становясь на якорь, въ Севастополѣ, въ бурное время года, во второй половинѣ сентября мѣсяца. Хочу припомнить здѣсь, что перевозъ войскъ въ 1801 году изъ Мальты въ Египетъ, съ такимъ же количествомъ дессанта, былъ произведенъ болѣе чѣмъ на 200 военныхъ и купеческихъ судахъ.

Переходъ изъ Севастополя въ Анакрію совершенъ въ 7 дней. Дебаркація началась въ 7 часовъ утра и окончилась въ 5 часовъ по-полудни. Всего на отрядѣ перевезено 16 баталіоновъ пѣхоты и 2 легкія батареи въ числѣ 16,393 человѣкъ и 824 лошадей, со всѣми необходимыми тяжестями. Больныхъ было всего только 7 человѣкъ сухопутнаго вѣдомства и 4 человѣка морскихъ чиновъ. 13-го числа было получено приказаніе изъ Петербурга, а 24-го войска были на Кавказѣ.

Но авторъ статьи „Записокъ Севастопольца" не вѣритъ оффиціальнымъ донесеніямъ и готоритъ съ сарказмомъ: „Князь Меньшиковъ получилъ новое повелѣніе перевезть 13-ю пѣхотную дивизію, съ ея артиллерію, изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале. *Это бросились исполнять* и потратили на перевозку войскъ цѣлый мѣсяцъ. Всякихъ расходовъ и напрасной траты людей и лошадей была бездна".

По окончаніи этого порученія, за которое адмиралъ получилъ Владиміра 2-й степени, онъ выходитъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ крейсерство, трудное какъ по времени года (что́, кромѣ соотечественниковъ, вполнѣ оцѣнили моряки и публицисты иностранные, понимая, сколько надобно знанія, увѣренности и бдительности съ паруснымъ флотомъ держаться близко у береговъ въ ноябрскія бури) такъ и по ходу политическихъ событій. Войны ожидали съ минуты на минуту, и вотъ, наконецъ, 23-го октября состоялся манифестъ. Открытіе военныхъ дѣйствій привело Нахимова къ славному Синопскому бою 18-го ноября 1853 года.

Я не стану описывать всѣ подробности этого славнаго и незабвеннаго для моряковъ Черноморскаго флота дня, которымъ какъ бы высказался для Россіи и Европы результатъ тѣхъ постоянныхъ усилій, того искренняго труда, той задушевной любви къ своему дѣлу, которыми была воодушевлена эта крѣпкая, дружная семья: потому что описаніе Синопскаго сраженія было составлено по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ декабрьской книжкѣ *Морскаго Сборника* 1853 года; но отвѣчу только на слова автора разбираемой мною статьи. Онъ и здѣсь, какъ и вездѣ, старается всячески умалить, даже уничтожить зна-

ченіе этой рѣшительной и славной побѣды.

Онъ говоритъ:

„Можетъ быть вы спросите о стратегическомъ значеніи этого боя? Увы, тутъ слѣдуетъ быстрое разочарованіе. Мнѣ тяжело вносить въ лѣтопись эти холодныя, разочаровывающія строки въ такую минуту, когда я плачу *сладкими слезами*. Синопскій бой, въ стратегическомъ смыслѣ, былъ не бой въ правильной соразмѣрности воюющихъ силъ: это былъ разгромъ, le massacre de Sinope, какъ называютъ Французы. Въ доказательство довольно привести сравнительную таблицу судовъ и батарей, бывшихъ въ дѣлѣ: у насъ 6 кораблей (три 84-хъ и три 125-хъ-пушечные) 2 фрегата и, подъ конецъ, три парохода; всего 11 судовъ. На каждомъ изъ кораблей у насъ были 6-8ми-фунтовыя пушки, а у Турокъ—ни одного карабля, 7 фрегатовъ, 3 корвета и 2 парохода, всего 12 судовъ, гдѣ самый большой калибръ орудій доходилъ только до 32-хъ англійскихъ фунтовъ (на трехъ фрегатахъ и одномъ корветѣ); остальныя суда имѣли пушки отъ 12-ти до 24-хъ русскихъ фунтовъ. Средній вѣсъ снарядовъ одного нашего борта относился къ таковому же турецкому, какъ 22 д.

„Пароходъ „Таифъ", состоявшій подъ командою одного англичанина Следа, который назывался у Турокъ Мушаверъ-паша, сейчасъ увидѣлъ невозможность сопротивленія и, пользуясь *нерасторопностію* нашихъ судовъ, ушелъ».

Посмотримъ, на сколько это справедливо и скажемъ, что Нахимовъ, крейсируя по приказанію князя Меншикова, съ эскадрою изъ 5-ти 84-хъ пушечныхъ кораблей: „Императрица Марія, „Чесма", „Ростиславъ", „Святославъ" и „Храбрый", держась близъ Анатолійскаго берега, чтобы не пропустить Турецкую эскадру съ дессантомъ въ Сухумъ. находился въ лихорадочномъ состояніи въ ожиданіи извѣстія о войнѣ. Наконецъ, 1-го ноября, онъ сдѣлалъ эскадрѣ радостный и короткій телеграфъ: "Война объявлена! отслужить молебствіе и поздравить команду„, а вечеромъ 2-го числа, какъ только стихло, онъ отдалъ приказъ:

«Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе (атаковать Сухумъ-Кале), какъ пройдя мимо насъ или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я надѣюсь на бдительный надзоръ командировъ и офицеровъ; во второмъ, съ Божіею помощію и увѣренностію въ своихъ офицерахъ и командахъ, надѣюсь съ честію принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, *превышающимъ насъ въ силахъ*, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло».

Весь характеръ адмирала вылился въ этихъ словахъ: точно, смѣло, опредѣлительно и скромно. Можно написать томы приказовъ передъ морскимъ сраженіемъ, но всѣ они сведутся или на трафальгарскій Нельсона: «Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ», или на тождественный его несчастнаго соперника Вильнёва: «Каждый капитанъ на своемъ мѣстѣ, если онъ въ огнѣ!» Вся сила, къ кому относятся эти слова, приготовлены ли дѣятели къ воспріятію ихъ, и въ чьихъ устахъ они раздаются! „Посмотрите, какъ храбрый Колингвудъ ведетъ свою колонну", говорилъ окружающимъ его передъ Трафальгарскимъ сраженіемъ Нельсонъ, котораго колонна вслѣдствіе перемѣны вѣтра осталась нѣсколько сзади; и въ то же время Колингвудъ, указывая на корабль „Викторія", прозноситъ: „Что бы далъ Нельсонъ быть на моемъ мѣстѣ!". Не видно ли въ словахъ этихъ залога побѣды! А въ тотъ же день 10 кораблей авангарда Дюмануара бѣгутъ, не зная куда, подобно какъ и въ Лисскомъ сраженіи 3 броненосца авангарда

Вакка. Сами по себѣ слова самыя громскія ничего не значатъ—это часто пустой звукъ; вся суть, кто ихъ говоритъ и кто ихъ слушаетъ! Вотъ въ чемъ вопросъ! И отвѣтомъ на нихъ бываетъ побѣда или пораженіе. Нахимовъ сознательно понималъ, что онъ говоритъ Черноморцамъ; а они съ увѣренностію слушали эти отрадныя слова, какъ побѣдный кликъ, и нетерпѣливо ждали случая, который скоро подошелъ.

Послѣ шторма 8-го ноября, адмиралъ, отправивъ вслѣдствіе повреждений корабли «Святославъ» и „Храбрый", заглянулъ въ Синопскій заливъ съ тремя оставшимися у него кораблями, и замѣтивъ, что на рейдѣ стоитъ Турецкая эскадра подъ прикрытіемъ 6-ти береговыхъ батарей, рѣшился съ той поры держать самую строгую блокаду въ ожиданіи возвращенія своихъ кораблей. Во все время погода была постоянно мрачная, шли дожди, вѣтеръ дулъ свѣжій восточный, волненіе сильное. 16-го числа, вмѣсто ожидаемыхъ караблей, оставшихся въ Севастополѣ, къ нему присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоящая изъ трехъ 120-ти пушечныхъ кораблей: „Парижъ" (флагманскій), „Великій Князь Константинъ", „Три Святителя", и 2-хъ фрегатовъ: „Кагула" и „Кулевчи". 17-го адмиралъ сигналомъ пригласилъ къ себѣ на корабль втораго флагмана и командировъ, для сообщенія имъ плана атаки и необходимыхъ наставленій, и въ тотъ же день состоялся слѣдующій приказъ по эскадрѣ:

„Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ въ числѣ 7-ми фрегатовъ, 2-хъ корветовъ, 1-го шлюпа, 2-хъ пароходовъ и 2-хъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ, и прошу гг. командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее:

„1) При входѣ на рейдъ бросать лотъ, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководіе, и тогда на возможно-близкомъ отъ него разстояніи, но на глубинѣ не менѣе 10-ти саженъ.

„2) Имѣть шпрингъ на оба якоря; если при нападеніи на непріятеля будетъ вѣтеръ N, самый благопріятный, тогда вытравить цѣпи 60 саженъ, имѣть столько же и шпрингу, предварительно заложеннаго на битенгъ. Идя же на фордевиндъ при вѣтрѣ O или ONO, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться такъ же на шпрингъ, имѣя его до 30-ти саженъ, и когда цѣпь, вытравленная до 60-ти саженъ, дернетъ, то вытравить еще 10 саженъ; въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ на кабельтовѣ. Вообще съ шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недѣйствительными отъ малѣйшаго невниманія или промедленія времени.

„3) Предъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволитъ погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на рострахъ, я сдѣлаю сигналъ спустить ихъ на воду, и тогда имѣть ихъ у борта на противоположной сторонѣ непріятеля; имѣя на одномъ изъ нихъ на всякій случай кабельтовъ и верпъ.

„4) При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флаги; посылать же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ или батарей, которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, если бы съ непріятельскими судами дѣло и было бы кончено.

„5) Нынѣ же, осмотрѣвъ заклепки у цѣпей, на случай надобности, расклепать ихъ.

„6) Открыть огонь по непріятелю по второму адмиральскому выстрѣлу, если предъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на нихъ наступленію; въ противномъ случаѣ палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ.

„7) Ставъ на якорь и уладивъ шпрингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь; само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому же положенію орудія, какъ и первыхъ выстрѣловъ.

„8) Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть какъ подъ парусами одного офицера на гротъ-марсѣ или салингѣ, для наблюденія при батальномъ огнѣ за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, и буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга.

„9) Фрегатамъ „Кагулъ“ и „Кулевчи“ во время дѣйствія остаться подъ парусами, для наблюденія за непріятельскими пароходами, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ по выбору своему.

„10) Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться, по возможности, не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

„Въ заключеніе я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднять командира, знающаго свое дѣло, и потому я *предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему*; но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота; отъ нихъ зависитъ оправдать ожиданія.“

Здѣсь все предвидѣно, все предусмотрѣно, и съ 9½ часовъ 18-го ноября, все начало исполняться какъ на маневрахъ. Около полудня эскадра подъ всѣми парусами летѣла, имѣя національные флаги на всѣхъ брамъ-стеньгахъ, въ сжатомъ, стройномъ порядкѣ 2-хъ колоннъ, съ тѣмъ чтобъ развернуться вечеромъ противъ Турокъ, стоявшихъ лунообразно подъ прикрытіемъ своихъ батарей, и стать правой колоннѣ правымъ бортомъ, а лѣвой—лѣвымъ. Увидавъ на адмиральскомъ кораблѣ сигналъ, команды, готовыя къ бою, ожидали только приказанія — *начать*; но адмиралъ показалъ полдень (какъ это ежедневно дѣлается въ эскадрахъ). Какое величавое спокойствіе!! Въ половинѣ перваго, по первой пушкѣ турецкаго флагманскаго фрегата, открытъ былъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. Турки долго ждали (какъ потомъ объяснилось) начать бой, когда люди пойдутъ крѣпить паруса; но парусовъ не крѣпили, а взяли на гитовы. Тогда грянулъ тотъ бой, который кончился совершеннымъ истребленіемъ Турецкой эскадры и взятіемъ въ плѣнъ начальника эскадры вице-адмирала Османа-паши и двухъ командировъ: фрегата „Фазли-алахъ“ (бывшій Рафаилъ) и корвета „Фейзи-Меабудъ“. Я уже сказалъ, что не описываю подробностей боя, но не могу умолчать о нѣкоторыхъ эпизодахъ. Корабль „Парижъ“ (капитанъ Истоминъ), дѣйствуя противъ корвета и фрегата, въ скоромъ времени взорвалъ первый, и заставилъ броситься на берегъ второй; послѣ, поправивъ цѣпь, онъ сталъ бить двух-полосный 64-хъ пушечныхъ фрегатъ „Низаміе“, сбилъ ему мачты и его принудилъ броситься на берегъ, гдѣ онъ скоро и загорѣлся; а въ заключеніе, вытянувъ снова шпрингъ, открылъ огонь противъ береговой батареи № 5-й. Адмиралъ въ пылу боя тотчасъ замѣтилъ эти правильно-отчетливыя движенія, совершаемыя на кораблѣ съ такимъ спокойствіемъ, и приказалъ сигналомъ объявить свою благодарность; но, къ сожалѣнію, не на чемъ было сдѣлать сигналъ: всѣ фалы были перебиты.

Командиръ фрегата „Фазли-Алахъ“ (бывшій Рафаилъ) былъ взятъ въ плѣнъ, и самый фрегатъ взорванъ на воздухъ, и этимъ исполнилось давнее приказаніе,

1829 года, Государя Императора бывшему главному командиру Черноморскаго флота адмиралу Грейгу — выраженное въ концѣ слѣдующими словами:

„Уповая на помощь Всевышняго, пребываю въ надеждѣ, что неустрашимый флотъ, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата „Рафаилъ“, не оставитъ его въ рукахъ непріятеля. Но когда онъ будетъ возвращенъ во власть вашу, то, почитая фрегатъ сей впредь недостойнымъ носить флагъ Россійскій и служить на ряду съ прочими судами флота, повелѣваю вамъ предать оный немедленно огню.“

И такъ, Синопскій бой заканчивалъ и прежніе разсчеты.

Эскадра шла какъ на пиръ, ожидая, конечно, безъ всякаго сомнѣнія, и большаго сопротивленія съ турецкихъ судовъ, и каленыхъ ядеръ съ батарей, и бомбовой артиллеріи съ пороходовъ. Не ея вина, что непріятель ничего не предпринялъ; она ко всему была готова, обо всемъ предупреждена опытнымъ, зоркимъ наставникомъ, подошла на руженый выстрѣлъ, распоряжалась, какъ на маневрахъ, срыла батареи, сожгла, взорвала на воздухъ суда, словомъ *истребила своего врага*, и, что̀ всего замѣчательнѣе, исправивъ сдѣланныя непріятелемъ весьма значительныя поврежденія въ корпусѣ, рангоутѣ и парусахъ, черезъ 36 часовъ ушла, чтобы совершить плаваніе поперегъ всего Чернаго моря въ ноябрѣ мѣсяцѣ! Несомнѣнно, что перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ по силѣ залпа, но нельзя забыть, что береговыя батареи имѣютъ громадное и неисчислимое преимущество передъ кораблями, а прибавивъ, что онѣ могли дѣйствовать перекрестнымъ огнемъ и калеными ядрами противу деревянныхъ и парусныхъ кораблей, сдѣлается вполнѣ понятно значеніе боя. Вицеадміралъ Корниловъ, котораго авторъ постоянно укоряетъ въ зависти и интригахъ противъ Нахимова, первый ясно и громко произноситъ оцѣнку этого боя, отдавая полную справедливость и утверждая, что Синопское сраженіе знаменательнѣе Наваринскаго. Можно ли послѣ всего сказаннаго не видать стратегическаго значенія боя и *плакать сладкими слезами*! На Западѣ совсѣмъ инане поняли и оцѣнили это событіе, и лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что зависть и злоба обуяла національную гордость. Журналы начали изобрѣтать, клеветать; но нашлись и безпристрастные цѣнители, которые писали тогда въ англійскихъ журналахъ: „Какъ бы ни смотрѣли на обстоятельства публицисты, мы моряки, не можемъ относиться безъ уваженія о невѣдомомъ для насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями въ теченіе мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жестокаго вѣтра, уничтожаетъ противника и съ торжествомъ благополучно возвращается въ портъ, не смотря на поврежденія.“

Что же касается до французскаго выраженія le massacre de Sinope, которое авторъ прочелъ въ газетахъ, то я порадую его еще лучшимъ разсказомъ. Писали, что офицеръ Нахимова отряда, взявши турецкій фрегатъ, дорубилъ оставшагося единственнаго Турка, отрѣзалъ кусокъ его мяса и съѣлъ, за что̀ получилъ отъ Императора Георгія.

Послѣ Наваринскаго сраженія, которое, какъ я уже сказалъ, по авторитету знаменитаго адмирала Корнилова, уступаетъ въ значеніи Синопскому, Французы и Англичане кричали и кричатъ, праздновали и празднуютъ день этой побѣды, какъ знаменитый въ лѣтописяхъ флота. Пароходъ „Таифъ“ убѣжалъ потому, что онъ ходилъ несравненно лучше нашихъ пароходовъ, и въ подобномъ случаѣ никакая расторопность не поможетъ. Чтобы окончить разсказъ о Синопскомъ боѣ, который былъ Пѣснью Лебедя для морской боевой службы Черноморскаго флота и вмѣстѣ послѣднимъ морскимъ боемъ парусныхъ флотовъ, скажу, что весь остальной флотъ привѣтствовалъ съ искреннимъ, дружескимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ, съ горячею любовію, побѣди-

теля Синопа и нѣсколько дней ликовалъ и чествовалъ героевъ-сотоварищей, а имя адмирала, стяжавшаго эту славу, было ежеминутно на устахъ у всѣхъ и каждаго, душевно преданныхъ этому общему любимцу.

Князь Меньшиковъ доносилъ Государю Императору:

„Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества Черноморскимъ флотомъ исполнено самымъ блистательнымъ образомъ. Первая Турецкая эскадра, которая рѣшилась выйти на бой, 18-го числа ноября истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій ею турецкій адмиралъ Османъ-паша, раненый, взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь.

„Непріятель былъ на Синопскомъ рейдѣ, гдѣ, укрѣпленный береговыми батареями, принялъ сраженіе. При этомъ у него истреблено: семь фрегатовъ, одинъ шлюпъ, два корвета, одинъ пароходъ и нѣсколько транспортовъ. За симъ оставался еще одинъ пароходъ, который спасся по превосходной быстротѣ своей.

„Эта эскадра, повидимому, есть та самая, которая снаряжалась для овладѣнія Сухумомъ и содѣйствія Горцамъ."

Въ отвѣтъ послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ: „Князь Александръ Сергѣевичъ! Побѣда при Синопѣ являетъ вновь, что Черноморскій нашъ флотъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искреннею сердечною радостію поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ нашимъ, что Я благодарю ихъ за подвиги, совершенные для славы Россіи и для чести Русскаго флота.

„Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ Русскомъ флотѣ, и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ."

Вслѣдъ за этимъ побѣдитель при Синопѣ получилъ слѣдующую Высочайшую грамоту.

„Истребленіемъ Турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись Русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи.

„Статутъ военнаго ордена Св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

„Исполняя съ истинною радостію постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія 2-й степени большаго креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію нашею благосклонны."

И такъ, признательность Царя, восторгъ и уваженіе соотечественниковъ, слава, извѣстность, народное имя и лавры побѣды осѣнили доблестнаго адмирала, горячо любимаго всѣми сослуживцами. Но судьба предназначала ему отслужить еще долгую, суровую, грандіозную службу, но уже не на морѣ, а на бастіонахъ Севастополя! Прежде чѣмъ перейти къ этому послѣднему эпизоду его жизни, я хочу пояснить причину той задушевной популярности, той искренней любви, которою такъ долго, такъ постоянно пользовался Павелъ Степановичъ, и беру собственныя слова его изъ прекраснаго характеристическаго разсказа, посвященнаго его памяти подъ названіемъ: „Фрегатъ Бальчикъ" (3).

„Мало того, что служба представится намъ въ другомъ видѣ, говорилъ Павелъ Степановичъ, да сами-то мы совсѣмъ другое значеніе получимъ на службѣ, когда будемъ знать, какъ на кого нужно дѣйствовать.

„Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всѣми. Подобное однообразіе въ дѣйствіяхъ начальника показываетъ, что нѣтъ у него ничего общаго со всѣми подчиненными, и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соотечественниковъ. А это очень важно. Представьте себѣ, что вдругъ у насъ, на фрегатѣ, смѣнили бы меня и командира фрегата, а вмѣсто насъ назначили бы начальниковъ: Англичанъ или Французовъ, такихъ, однимъ словомъ, которые говорятъ хорошо, пожалуй, по-русски, но не жили никогда въ Россіи.

(3) *Морск. Сборн.* Т. 25. Уст. В. 3.

Будь они отличные моряки, а все ничего не выходило бы у нихъ на судахъ; не умѣли бы дѣйствовать на нашихъ матросовъ, вооружили бы ихъ противъ себя безплодною строгостію, или распустили бы такъ, что ни на что не было бы похоже. Мы всѣ были въ корпусѣ; помните, какъ рѣдко случалось чтобы иностранные учителя ладили съ нами; это хитрая вещь, причина ея въ различіи національностей. Вотъ вся бѣда наша въ томъ заключается, что многіе молодые люди получаютъ вредное направленіе, отъ образованія, понимаемаго въ ложномъ смыслѣ. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранныхъ языкахъ, я противъ этого ни слова не возражаю и самъ охотно занимался ими въ свое время, да зачѣмъ же прельщаться до такой степени всѣмъ чужимъ, чтобы своимъ пренебрегать? Нѣкоторые такъ увлекаются ложнымъ образованіемъ, что никогда русскихъ журналовъ ни читаютъ, и хвастаютъ этимъ, я это навѣрное знаю-съ. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкаютъ отъ всего русскаго, что глубоко презираютъ сближеніе съ своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матросъ не замѣтитъ этого! Замѣтитъ лучше, чѣмъ нашъ братъ. Мы говорить умѣемъ лучше, чѣмъ замѣчать, а послѣднее ужъ ихъ дѣло; а каково пойдетъ служба, когда всѣ подчиненные будутъ навѣрно знать, что начальники ихъ не любятъ и презираютъ ихъ? Вотъ настоящая причина, что на многихъ судахъ ничего не выходитъ, и что нѣкоторые молодые начальники однимъ только страхомъ хотятъ дѣйствовать. Могу васъ увѣрить, что такъ. Страхъ подчасъ хорошее дѣло, да согласитесь, что не натуральная вещь нѣсколько лѣтъ работать на-пропалую ради страха. Необходимо поощреніе сочувствіемъ; нужна любовь къ своему дѣлу-съ, тогда съ нашимъ лихимъ народомъ можно такія дѣла дѣлать, что просто чудо. Удивляютъ меня многія молодые офицеры: отъ Русскихъ отстали, къ Французамъ не пристали, на Англичанъ также не похожи; своихъ презираютъ, чужому завидуютъ и своихъ выгодъ совершенно не понимаютъ. Это никуда не годится.“

Нѣсколько далѣе:

„Пора намъ перестать считать себя помѣщиками, а матросовъ крѣпостными людьми. Матросъ есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ. Матросъ управляетъ парусами, онъ же наводитъ орудія на непріятеля; матросъ бросится на абордажъ, если понадобится; все сдѣлаетъ матросъ, ежели мы, начальники, не будемъ эгоистами, ежели не будемъ смотрѣть на службу, какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени для собственнаго возвышенія. Вотъ кого намъ нужно возвышать, учить, возбуждать въ нихъ смѣлость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а дѣйствительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сраженіе? Какой тамъ былъ маневръ,—вздоръ-съ! Весь маневръ Нельсона заключается въ томъ, что онъ зналъ слабость непріятеля и свою силу, и не терялъ времени, вступая въ бой. Слава Нельсона заключается въ томъ, что онъ постигъ духъ народной гордости своихъ подчиненныхъ и однимъ простымъ сигналомъ возбудилъ запальчивый энтузіазмъ въ простолюдинахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками. Вотъ это-то воспитаніе и составляетъ основную задачу; вотъ чему я посвятилъ себя, для чего тружусь неусыпно и видимо достигаю своей цѣли: матросы любятъ и понимаютъ меня; я этою привязанностію дорожу больше, чѣмъ отзывами чванныхъ дворянчиковъ-съ. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ отъ того, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матросами, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце, такъ-же, какъ у всякаго другаго“.

Сколько мудрости, знанія сердца, опытности, глубокаго познанія народнаго духа заключается въ этой философіи. Она остается лучшимъ завѣщаніемъ не только намъ—его сослуживцамъ, но и всѣмъ соотечественникамъ. Я позволилъ себѣ привести его слова, потому что они вполнѣ очерчиваютъ весь характеръ славно пройденнаго имъ поприща и высказываютъ вполнѣ тѣ возвышенныя чувства, то высокое пониманіе обязанности начальника, ту нравственную силу, которыми будутъ гордиться отдаленные потомки, указывая съ уваженіемъ на этого достойнѣйшаго воина-гражданина.

1-го сентября 1854 г. городской телеграфъ далъ знать сигналомъ, что видитъ непріятельскій флотъ. Вскорѣ показалось нѣсколько пароходовъ противъ Севастопольской бухты, и наконецъ потянулась вдоль сѣвернаго берега новая армада, *втрое* превосходящая первую ([4]). Тотчасъ сдѣланы были распоряженія по флоту, которымъ командовалъ Нахимовъ, и по сухопутнымъ войскамъ.

Я вышелъ бы изъ предѣловъ статьи, если бы день-за-день сталъ описывать ту полную смысла и значенія, ту распорядительную и нравственную роль, которую игралъ Нахимовъ, какъ помощникъ начальника гарнизона, въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ обороны. Дѣйствія эти принадлежатъ исторіи, но я въ нѣсколькихъ словахъ, которыя подкрѣплю мнѣніями очевидцевъ, выясню характеръ дѣйствій этого рыцаря безъ страха и укоризны.

Послѣ Альминскаго сраженія и предъ знаменитымъ фланговымъ движеніемъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, которое мы, моряки, нетолько не могли своевременно достойно оцѣнить, но видя оставленные, какъ бы на жертву, портъ и флотъ, произносили недостойные упреки, которые могу обрисовать прекрасными словами Пушкина:

> Народъ, таинственно спасаемый тобою,
> Смѣялся надъ твоей священной сѣдиною,

но которое уже оцѣнила исторія,—главнокомандующій поручилъ оборону сѣверной стороны Корнилову, а южную—Нахимову. Нахимовъ явился къ князю и высказалъ, что, для блага Россіи, онъ не задумается умереть, готовъ подчиниться младшему и съ радостію будетъ содѣйствовать ему; но самъ не можетъ быть хорошимъ сухопутнымъ генераломъ ([5]). Князь отвѣчалъ, что не принимаетъ этотъ отвѣтъ за серьезный отказъ, и уѣхалъ изъ Севастополя, не перемѣнивъ назначенія. Нахимовъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи. Зная, что непріятельская армія приближается къ Севастополю, онъ видѣлъ одинъ честный исходъ: *лечь костьми*, подобно Святославу, и сказалъ 11-го сентября, въ своемъ приказѣ, такъ:

„Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизону; я въ необходимости нахожу затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, и оставшіяся на нихъ команды съ абордажнымъ орудіемъ присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться какъ герой; насъ соберется до 3,000; сборный пунктъ на Театральной площади".

Когда сѣверная сторона, вслѣдствіе передвиженія всей непріятельской арміи на южную, сдѣлалась внѣ опасности и Корниловъ съ войсками перешелъ на южную, то Нахимовъ снова доказалъ полную готовность жертвовать для пользы отечества своимъ личнымъ значеніемъ и старшинствомъ, и просилъ Корнилова, вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Моллеромъ, принять общія распоряженія по оборонѣ города.

Дѣлая все человѣчески-возможное, команды, не зная сна, обѣда, отдыха, съ минуты на минуту ожидали штурма; но къ общему удивленію его не было, а начиналась правильная осада той крѣпости, которая можно сказать почти не существовала, но которая росла не по

([4]) Испанская армада состояла изъ 21,000 десанта, а англо-французо-турецкая имѣла 63,000.

([5]) Жандръ (Севастополь и Корниловъ).

днямъ, а по часамъ и воздвигалась вмѣстѣ съ осадою. Если когда нибудь Русскій духъ и мощь великаго народа поднялись на высоту, достойную Пожарскихъ и Мининыхъ, такъ это именно въ эту торжественную и приснопамятную всѣмъ намъ пережившимъ минуту. Нахимовъ былъ всюду и вездѣ, своимъ примѣромъ воодушевлялъ, помогалъ словомъ и дѣломъ, и результатомъ общихъ усилій было то грандіозное явленіе, что когда 5-го октября непріятель съ разсвѣтомъ открылъ свое первое бомбардированіе съ сухаго пути, а въ полдень съ моря, то мы совершенно были готовы его встрѣтить. Сухопутныя батареи его въ два часа должны были замолчать, а соединенный англо-французско-турецкій флотъ, выбросивъ 150,000 снарядовъ, отошелъ поврежденный, безъ всякихъ результатовъ.

Но день этотъ незабвененъ великою потерею для Россіи—она потеряла Корнилова, который, по всей справедливости, былъ душою и главнымъ двигателемъ обороны! Въ послѣдній разъ эти два соперника славы, закаленные любовью къ отчизнѣ и безграничною преданностью долгу, увидѣлись на 5-мъ бастіонѣ, гдѣ долго слѣдили за дѣйствіемъ артиллеріи; тутъ они разстались, чтобы болѣе уже не встрѣтиться. Узнавъ о смерти Корнилова, я поѣхалъ вечеромъ поклониться его праху и взошелъ въ залъ, гдѣ онъ лежалъ, именно въ ту минуту, когда Нахимовъ стоялъ у гроба и цѣловалъ прахъ, оплакивая, какъ Колингвудъ, своего Нельсона, не смотря на успѣхъ цѣлаго дня.

Выдержавъ съ такимъ успѣхомъ первый день огня, мы начали считать себя непобѣдимыми и спокойно ожидали Инкерманскаго сраженія. Результатъ его, при всей неудачѣ, былъ тотъ, что огонь замѣтно сталъ слабѣть, а мы, укрѣпляясь всю зиму, съ весною начали подвигаться впередъ тремя редутами: Волынскимъ, Селенгинскимъ и Камчатскимъ.

Труды адмирала были неусыпны и неимовѣрны: онъ каждый день, въ качествѣ помощника начальника гарнизона, объѣзжаетъ два раза всю линію, осматриваетъ госпитали, перевязочные пункты, воодушевляетъ и поощряетъ словомъ и дѣломъ.

13-го января онъ получаетъ отъ Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала такой рескриптъ, который останется навсегда незабвеннымъ:

„Павелъ Степановичъ! Генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, свидѣтельствуя предъ Государемъ Императоромъ о заслугахъ вашихъ во время обороны Севастополя, ходатайствовалъ о наградѣ васъ орденомъ Бѣлаго Орла, и Его Величество на сіе Высочайше соизволилъ. Орденскіе знаки вы получите вмѣстѣ съ грамотою, а Я вмѣняю Себѣ въ удовольствіе выразить вамъ нынѣ личныя чувства Мои и всего Балтійскаго флота. Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе; Мы гордимся вами и вашею славою—какъ украшеніемъ нашего флота; Мы любимъ васъ, какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ морякахъ видитъ друзей своихъ. Исторія флота скажетъ о вашихъ подвигахъ дѣтямъ нашимъ, но она скажетъ также, что моряки-современники вполнѣ цѣнили и понимали васъ. Примите, почтеннѣйшій Павелъ Степановичъ, въ этомъ письмѣ доказательство тому и вѣрьте, что Я всегда пребуду искренно къ вамъ доброжелательнымъ“.

Адмиралъ, до глубины сердца тронутый этими теплыми, задушевными словами, отвѣчалъ:

„Ваше Императорское Высочество!

„Вмѣстѣ съ новою милостью Государя Императора къ слабымъ моимъ заслугамъ, Ваше Императорское Высочество осчастливили меня письмомъ, въ выраженіяхъ, драгоцѣнныхъ сердцу вѣрноподданнаго.

„Спѣшу принести Вашему Императорскому Высочеству чувства глубокой признательности и при этомъ осмѣливаюсь прибавить, что, привыкнувъ съ юныхъ лѣтъ гордиться сословіемъ и ремесломъ,

къ которымъ принадлежу, я вмѣстѣ съ товарищами чту себя еще болѣе счастливымъ, что въ настоящую великую эпоху намъ выпалъ завидный жребій имѣть руководителемъ Васъ, Государь! Вѣрьте, что мы съумѣемъ оправдать это довѣріе Августѣйшаго Монарха и побѣдимъ или умремъ достойно имени Русскаго."

28-го марта, на второй день Пасхи, непріятель произвелъ такъ-называемое *второе усиленное бомбардированіе*, хотя, собственно говоря, начиная отъ 5-го октября огонь не прекращался до 28-го августа. Много было новыхъ трудовъ и пало много жертвъ: Государь Императоръ мыслью и сердцемъ постоянно жилъ между героями-защитниками и не переставалъ ихъ награждать, и вице-адмиралъ Нахимовъ былъ произведенъ въ адмиралы; вотъ какими словами онъ сообщилъ объ этой Царской милости своимъ сослуживцамъ:

„Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней.

„Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го минувшаго марта я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня.

„Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности, сознаніемъ, что, геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

„Матросы! Мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и флота; я съ юныхъ лѣтъ былъ постоянно свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію: мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ Православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія Черноморскихъ моряковъ".

Можно ли безъ умиленія и глубокаго сочувствія читать эти слова, въ которыхъ вылилась эта благородная душа со всею скромностью, столь ей свойственною, забывая себя и свое значеніе и отдавая все дорогимъ его сослуживцамъ.

25-го мая непріятель открылъ *третье усиленное бомбардированіе* и 26-го, вечеромъ, штурмовалъ съ успѣхомъ Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій редуты. 27-го мая былъ военный совѣтъ въ квартирѣ Нахимова, гдѣ рѣшено было оставить ихъ во власти непріятеля. Убыль людей становилась все болѣе и болѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ духъ Русскаго воинства закалялся, какъ сталь. Нахимовъ, своимъ словомъ и примѣромъ, своимъ бдительнымъ вниманіемъ къ стоявшимъ на бастіонахъ и душевнымъ теплымъ участіемъ къ страждущимъ раненымъ, былъ какимъ-то ангеломъ-утѣшителемъ.

Ободренный успѣхомъ на сказанныхъ редутахъ, непріятель, послѣ *четвертаго усиленнаго бомбардированія*, открытаго имъ 5-го іюня, съ разсвѣтомъ 6-го числа пошелъ на штурмъ 3-го и 4-го отдѣленій оборонительной линіи, но былъ повсемѣстно блистательно отбитъ и потерпѣлъ сильный, значительный уронъ.

Начальникъ Севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ, въ своемъ приказѣ по случаю отбитаго штурма, между прочимъ, говоритъ:

„Доблестная служба помощника моего, командира порта адмирала Нахимова,

одушевляющаго примѣромъ самоотверженія и распорядительности чиновъ морскаго вѣдомства и столь успѣшно распоряжающагося снабженіемъ обороны Севастополя,—*извѣстна всей Россіи*. Но не могу не упомянуть, что подкрѣпленія, посланныя на атакованную часть Севастополя, раздѣленную южною бухтою, переходили по устроенному адмираломъ Нахимовымъ пѣшеходному мосту на бочкахъ, безъ чего корабельная сторона, вмѣщающая въ себя Малаховъ курганъ,—ключъ позицій,—могла пасть, ибо прежній мостъ на судахъ легко былъ поврежденъ непріятельскими выстрѣлами, и въ 11-ти дневное бомбардированіе помянутое сообщеніе было прервано".

Могу ли что нибудь прибавить о важности значенія Нахимова въ Севастополѣ послѣ такого авторитета; но я не могу забыть, съ какою неподдѣльною искренностью онъ отзывался всѣмъ окружающимъ, что онъ чувствуетъ себя недостойнымъ своей новой награды—аренды, 25-го іюня имъ полученной.

Это была послѣдняя, предсмертная награда.

26-го іюня, какъ бы прощаясь съ этимъ міромъ, адмиралъ присутствовалъ на торжественномъ молебнѣ и крестномъ ходѣ на площади, совершенномъ знаменитымъ духовнымъ витіею архіепископомъ Иннокентіемъ, который въ сильной, могучей рѣчи выразилъ значеніе Севастополя для Россіи, — рѣчи, имѣвшей особенную силу при громѣ ядеръ и бомбъ. По окончаніи этой церемоніи, каждый изъ бастіоновъ получилъ въ благословеніе икону.

28-го іюня, съ 4-хъ часовъ утра, открылась сильная канонада по 3-му бастіону. Адмирала всячески старались удерживать, но онъ рвался туда, по обыкновенію, гдѣ была опасность, говоря: какъ ѣдешь на бастіонъ, такъ веселѣе дышешь. Побывши на 3-мъ бастіонѣ, онъ поѣхалъ на бастіонъ Корнилова, гдѣ въ это время не было артиллерійскаго огня, но былъ сильный ружейный. Адмиралъ, не смотря на просьбы приближенныхъ, ставъ на банкетъ, осматривалъ въ трубу работы; скоро провизжала одна пуля и ударилась въ мѣшокъ; не успѣлъ онъ выговорить: „какъ ловко стрѣляютъ!" какъ упалъ смертельно раненый; пуля прошла выше лѣваго виска и тронула мозгъ; до самой кончины онъ не пришелъ ни на минуту въ сознаніе и скончался 30-го іюня, въ 11 час., 7 м. пополуночи. Я былъ при умирающемъ почти все время до послѣдняго вздоха, и слѣдующія слова выписываю изъ моего журнала, веденнаго тогда въ Севастополѣ: „Войдя въ комнату, гдѣ лежалъ адмиралъ, я нашелъ у него докторовъ тѣхъ-же, что оставилъ ночью, и Прусскаго лейбъ-медика, пріѣхавшаго посмотрѣть на дѣйствіе своего лекарства. Усовъ и баронъ Крюднеръ снимали портретъ; больной дышалъ и по временамъ открывалъ глаза; но около 11-ти часовъ дыханіе сдѣлалось вдругъ сильнѣе; въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Доктора подошли къ кровати. Вотъ наступаетъ смерть, громко и внятно сказалъ Соколовъ, вѣроятно не зная, что около меня сидѣлъ его племянникъ, П. В. Воеводскій; третій на диванѣ былъ Костыревъ (флагъ-офицеръ). И такъ, послѣднія минуты Павла Степановича оканчивались! Больной потянулся первый разъ, и дыханіе сдѣлалось рѣже; у всѣхъ пробѣжала мысль о смерти, но послѣ нѣсколькихъ вздоховъ онъ снова вытянулся и медленно вздохнулъ; этотъ разъ обманъ былъ такъ силенъ, что даже доктора ошиблись, прикладывали ухо къ сердцу и утвердительно и печально кивнули намъ головою. Но жизнь героя Синопа еще боролась со смертью и какъ бы не хотѣла такъ легко оставить этотъ міръ. Умирающій сдѣлалъ еще конвульсивное движеніе, еще вздохнулъ три раза, и никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ послѣдняго его вздоха. Но прошло нѣсколько тяжкихъ мгновеній, всѣ взялись за часы, и когда Соколовъ громко

проговорилъ: „скончался“, было 11 часовъ 7 минутъ.

Послѣднiй переѣздъ адмирала чрезъ Севастопольскую бухту (онъ скончался въ баракахъ на сѣверной) былъ величественъ: гробъ поставили на кожуховую лодку, буксируемую катерами; вѣтеръ вдругъ засвѣжѣлъ, какъ бы посылая прощальный поцѣлуй тому, кто боролся съ нимъ въ теченiе 34-хъ шести-мѣсячныхъ морскихъ кампанiй; враги провожали ядрами, а Русская эскадра приспустила флаги и уныло салютовала.

Въ 6 часовъ 1-го iюля со всѣхъ мѣстъ обороны съѣхались начальствующiя лица, отдать послѣднiй долгъ. Я видѣлъ, какъ князь Горчаковъ, стоя у гроба, нѣсколько разъ горько плакалъ. Мы вынесли изъ квартиры гробъ, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и понесли его въ церковь между двумя баталiонами, армейскимъ и флотскимъ, составленными отъ всѣхъ бастiоновъ, батарей и судовъ флота; по ту сторону церкви стояло 6 орудiй; по окончанiи панихиды дозволено было всѣмъ матросамъ бастiона проститься съ адмираломъ, и замѣчательно, что солдаты тотчасъ же стали просить, чтобы и имъ позволили. Въ 8 часовъ мы подняли прахъ, чтобы отнести его на мѣсто успокоенiя рядомъ съ Михаиломъ Петровичемъ. Вся дорога, весь подъемъ былъ унизанъ провожавшими; многiе ожидали, что непрiятель откроетъ канонаду по площади, но, однако, онъ велъ себя прилично; даже разнесся слухъ во время погребенiя, что будто англiйскiе корабли приспустили флаги, но онъ оказался несправедливымъ. Гробъ опустили, баталiоны и артилерiя сдѣлали обычные залпы, и толпы начали расходиться.

И такъ, герой Наварина, Синопа и Севастополя, этотъ рыцарь безъ страха и укоризны, окончилъ свое славное поприще.

Извѣстiе о кончинѣ его, какъ громовой ударъ разнеслось по Севастополю, и начальникъ гарнизона отдалъ слѣдующiй приказъ:

„Храбрые защитники Севастополя!

„Провидѣнiю угодно испытать насъ новою тяжкою потерею: адмиралъ Нахимовъ, пораженный непрiятельскою пулею на Корниловомъ бастiонѣ, сего числа (30-го iюня) скончался.

„Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и упрека, вся Россiя вмѣстѣ съ нами прольетъ слезы искреннягo сожалѣнiя о кончинѣ героя Синопскаго.

„Моряки Черноморскаго флота! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей, онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженiе, онъ раздѣлялъ съ вами всѣ опасности, руководилъ васъ на пути славы и побѣды.

„Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на меня обязанность дорогою цѣною воздать непрiятелю за понесенную нами потерю.

„Каждый воинъ, стоящiй на оборонительной линiи Севастополя, жаждетъ, я несомнѣнно увѣренъ, исполнить этотъ священный долгъ; каждый матросъ удесятеритъ усилiе для славы Русскаго оружiя“.

Теперь вспомнимъ, какъ смотрѣли на эту потерю многiе, и начнемъ съ письма профессора хирургiи Гюббенета, находившагося все время обороны при главномъ перевязочномъ пунктѣ и заслужившаго общую привязанность гарнизона:

„Чего въ лицѣ этого мужа лишились Севастополь, флотъ, вся Россiя, того не въ силахъ выразить мое неискусное перо. Я былъ свидѣтелемъ тѣхъ восторженныхъ чувствъ къ нему, которыми одушевленъ былъ флотъ и цѣлое войско, видѣлъ неограниченное довѣрiе и безпредѣльную къ нему любовь простаго солдата. При частныхъ свиданiяхъ съ нимъ я имѣлъ случай открывать въ его сердцѣ такiя струны, которыя не всякому были такъ доступны, какъ мнѣ. Всей Европѣ извѣстны

его высокое мужество и блестящая храбрость,—по мнѣнію многихъ, не имѣвшая границъ. Онъ ежедневно подвергалъ себя безъ малѣйшей осторожности непріятельскому огню, избиралъ мѣста самыя опаснѣйшія, по-крайней мѣрѣ никогда не обходилъ ихъ; останавливался на самыхъ беззащитнѣйшихъ пунктахъ бастіоновъ, а когда окружавшіе почти насильно увлекали его прочь отъ опасности, то онъ какъ бы съ намѣреніемъ замедлялъ шаги свои.

„Все это дѣлалось безъ малѣйшаго тщеславія; напротивъ того, всѣ поступки его носили явный отпечатокъ величайшей скромности, и, конечно, имѣя единственною цѣлію возвысить общее мужество и показать, что минута смерти опредѣлена Провидѣніемъ, независимо ни отъ какихъ человѣческихъ предосторожностей. И дѣйствительно, его примѣръ имѣлъ безпредѣльное вліяніе на духъ нашихъ храбрыхъ матросовъ, и за упорную оборону порта отечество ему невыразимо обязано.

„Онъ до того пренебрегалъ собственною безопасностію, что вся армія, наконецъ, стала смотрѣть на него, какъ бы на человѣка, застраховавшаго жизнь свою, видя, въ теченіе девяти мѣсяцевъ сряду, въ самомъ жаркомъ огнѣ, что ядра какъ бы сами избѣгали встрѣчи съ нимъ. А, казалось, небольшаго стоило бы труда врагу узнать Нахимова, ростомъ высокаго, единственнаго во всемъ Севастополѣ офицера, носившаго эполеты, которыхъ онъ никогда не снималъ съ плечь. Мнѣ случалось встрѣчать его во всякое время дня, и всегда при эполетахъ (онъ даже спалъ въ нихъ, ибо, какъ самъ мнѣ признавался, что во все время девяти-мѣсячной осады онъ ни разу не ложился спать раздѣтый).

„Такимъ образомъ онъ представлялъ постоянно цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ, тѣмъ болѣе, что весьма часто пренебрегалъ всякимъ прикрытіемъ во время наблюденія непріятельскихъ дѣйствій и выказывался сверхъ бруствера, что сдѣлалъ и въ ту самую минуту, когда получилъ послѣднюю рану.

„О многочисленныхъ его заслугахъ говорить не стану; приведу только нѣкоторыя черты его характера, какія я успѣлъ узнать, состоя врачемъ при Севастопольскомъ гарнизонѣ. Дѣятельность его была неутомимая, неисчерпаемая. Помню, что въ самый разгаръ его трудовъ, по званію начальника всего Черноморскаго флота, главнаго командира порта, Севастопольскаго губернатора и помощника начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малѣйшее дѣло, но никто не приходилъ къ покойному адмиралу не во время, коль скоро дѣло шло объ облегченіи положенія больныхъ, будь эта просьба, повидиму, самая ничтожная. Дѣла у него не ограничивались словами или обѣщаніями; дѣло, представленное адмиралу и имъ одобренное, можно было считать исполненнымъ. Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю и понынѣ о его благородномъ стремленіи и живомъ, восторженномъ участіи, какое онъ принималъ во всякомъ добромъ дѣлѣ! Напротивъ того, съ какою нещадною ненавистью клеймилъ онъ всякое злоупотребленіе, а особенно такое, отъ котораго могли пострадать его матросы; съ какою готовностію выслушивалъ всякое предложеніе, могущее повести хотя къ малѣйшему улучшенію. Неумолимый врагъ всякаго педанства, всякой бумажной дѣятельности, онъ отвергъ всѣ стѣснительныя, при настоящихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, формальности, и этимъ только достигъ возможности быстро и успѣшно осуществлять свои намѣренія. Всѣ его дѣйствія отличались юношескою пылкостію; все доброе находило въ немъ заступника самаго горячаго и искренняго, и потому собственно онъ могъ порою казаться крутымъ и суровымъ, ибо мысль высказывалъ онъ прямо и откровенно, и не стѣсняясь выра-

жалъ свое презрѣніе къ мелочности и самолюбію. Чуждый всякаго притворства, онъ никогда не скрывалъ своего мнѣнія, и высказывалъ его прямо и откровенно даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда личный разсчетъ требовалъ этого. Однимъ словомъ, онъ былъ патріотъ, какихъ мало. Онъ не считалъ достойнымъ хвалить все существующее и скрывать недостатки, а находилъ пользу въ изобличеніи послѣднихъ и въ неусыпномъ стремленіи къ улучшеніямъ."

Письмо оканчивается такъ:

"Онъ благополучно миновалъ 3-й бастіонъ; но на Корниловомъ, гдѣ пали Корниловъ и Истоминъ, нашелъ смерть и онъ. Съ тѣхъ поръ протекло полтора мѣсяца, гарнизонъ и Севастополь перенесли много тяжкихъ испытаній, пролито ручьями много благородной крови, но имя Нахимова остается незабвеннѣйшимъ изъ именъ.. Это имя напишется *золотыми буквами, какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ сердцахъ грядущихъ поколѣній*.."

ДокторъЗеймангъговоритъслѣдующее:

"Когда въ октябрѣ 1854 года ко многимъ другимъ неразлучнымъ съ блокадою бѣдствіямъ присоединилась и холера въ Севастополѣ, труды медицинскихъ чиновъ усугубились. Не могу безъ душевнаго восторга не упомянуть здѣсь объ особенномъ участіи и распоряженіи незабвеннаго адмирала Нахимова, который, съ свойственною ему всегдашнею добротою и человѣколюбивою заботливостью, выказалъ и въ этомъ случаѣ свою истинно отеческую любовь къ любимымъ (какъ онъ называлъ ихъ) дѣтямъ его (морякамъ) и вообще всѣмъ страждущимъ, заботясь не только о предохраненіи людей на бастіонахъ отъ холерныхъ недуговъ, но и доставляя *имъ на собственный счетъ* всѣ необходимые медикаменты, коихъ выборъ и употребленіе мнѣ были предоставлены."

Статскій совѣтникъ Мансуровъ (*) отъ 30-го іюня изъ Севастополя доноситъ:

"Сегодня настала та тяжкая, печальная минута, которой Севастополь такъ долго страшился. Сегодня Черноморскій флотъ лишился своего героя-вождя, и облекся въ тотъ сердечный трауръ, который не знаетъ ни мѣры, ни срока! Доблестный нашъ адмиралъ, незабвенный Нахимовъ скончался сего числа, въ 11 час. и 7 м. утра, и скончался, не увидавъ конца начатаго имъ достославнаго дѣла, въ то именно время, когда всѣ жили въ ожиданіи того блаженнаго часа, въ который Черноморской семьѣ суждено будетъ отпраздновать освобожденіе Севастополя подъ побѣдоносным флагомъ своего возлюбленнаго начальника. Павелъ Степановичъ такъ часто и такъ явно былъ хранимъ Промысломъ, что всѣ невольно привыкли считать жизнь его завѣтною, по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока самъ Севастополь не погребетъ его въ своихъ развалинахъ.

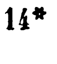
"Среди общей скорби, я едва смѣю говорить о собственной своей печали: нѣтъ матроса и офицера, который бы не оплакивалъ въ Нахимовѣ заботливаго отца; нѣтъ храбраго воина, который бы не потерялъ въ немъ путеводителя на стезѣ долга и отваги."

Наконецъ, въ заключеніе, приведу нѣсколько словъ одного изъ самыхъ увлекательныхъ и краснорѣчивыхъ писателей *Морскаго Сборника* (№ 17), капитана 2-го ранга Шестакова (*).

"Еще потеря тяжкая, хотя и предвидѣнная; еще смерть, поражающая значеніемъ жертвы; новая могила, внушающая благоговѣніе и полная назиданія! Свершилось предопредѣленіе,—и бодрый духъ, витавшій надъ бастіонами мученика-Севастополя, живившій его защитниковъ въ теченіе 10-ти-мѣсячной томительной, однообразно-кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность! Не стало

(*) Нынѣ тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь.

(*) Нынѣ свиты его величества контръ-адмиралъ.



любимца Черноморцевъ, ихъ вожатаго къ славѣ, товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ! Такія могилы не орошаются слезами; не скорбь и сѣтованія возбуждаются въ тѣхъ, кои удалены отъ мѣста тризны. Удивленіе и уваженіе замѣняютъ печаль сердечную, и, сознавая вполнѣ великость потери, невольно увлекаешься желаніемъ изслѣдовать причины соединенія въ одномъ и томъ же смертномъ достоинствъ, дѣлающихъ изъ него примѣчательную особенность, выставленную случаемъ въ подражаніе современникамъ и въ образецъ потомству.„

Къ этимъ столь торжественнымъ и отраднымъ заявленіямъ Русскаго дворянства, стоявшаго на различныхъ ступеняхъ служебнаго поприща, и близко и хорошо знавшихъ адмирала, имѣвщихъ и непосредственное, и косвенное отношенія къ нему, мнѣ хочется прибавить нехитрое слово одного солдата.

Рядовой пѣхотнаго графа Дибича-Забалканскаго полка (къ сожалѣнію, имя его неизвѣстно) во время штурма, 6-го іюня, лежалъ на землѣ, близь Малахова кургана, въ предсмертныхъ мукахъ. „Ваше благородіе“, вскричалъ онъ проѣзжающему ординарцу начальника гарнизона, скакавшаго съ Малахова кургана въ городъ, „а, ваше благородіе!“ Офицеръ, посланный съ важнымъ приказаніемъ, не останавливался. „Постойте, ваше благородіе, я не помощи хочу просить, а важное дѣло есть....“ Офицеръ возвратился къ нему, и въ то же время подошелъ къ нему морякъ. „Что нужно, любезный, говори скорѣе?“— „Скажите, ваше благородіе, адмиралъ Нахимовъ не убитъ?“—„Нѣтъ“.—„Ну, слава Богу.... Я могу теперь умереть спокойно.“ Солдатъ перекрестился, обратилъ очи къ небу и со вздохомъ закрылъ ихъ на вѣки.

Собравъ факты, изложивъ событія, приведя слова, мысли, чувства, взгляды и мнѣнія боевыхъ сотоварищей, подчиненныхъ, начальниковъ, Великаго Князя и двухъ Императоровъ, я перехожу къ заключенію.

Говорятъ, что всѣ вещи познаются черезъ сравненіе; но мѣра всѣхъ вещей есть самъ человѣкъ, а потому, сравнивая людей, мы никакъ не можемъ ихъ, такъ-сказать, уровнять, уподобить. Каждый человѣкъ есть отдѣльный, самостоятельный индивидуумъ, который развивается, дѣйствуетъ, вліяетъ и оставляетъ или ничтожный, легкій, или глубокій слѣдъ, какъ по мѣрѣ своихъ нравственныхъ силъ, энергіи, характера, такъ и по силѣ окружающихъ его обстоятельствъ. Иной могъ бы сдѣлать, но ничего не дѣлаетъ, другой и съ однимъ талантомъ, но работаетъ и достигаетъ. Вся эта масса отдѣльныхъ индивидуальныхъ личностей сливается въ одно гармоническое цѣлое, человѣчество. Величіе человѣка состоитъ въ той пользѣ, которую онъ приноситъ. Будь тѣмъ великъ, чѣмъ можешь быть великъ.

„Мы здѣсь—говоритъ Эпиктетъ—на сценѣ, гдѣ каждый долженъ сыграть назначенную ему роль. Великая обязанность, лежащая на человѣкѣ, заключается въ томъ, чтобы выполнить свою роль въ совершенствѣ. Мы можемъ говорить, что роль не по нашему характеру, что мы выполнили бы лучше другую, но, въ большинствѣ случаевъ, распоряженіе не въ нашей волѣ. Все, что отъ насъ зависитъ, это совершенствоваться въ роли, которая выпала намъ.“

Можно ли опредѣлительно, близко и вѣрно сравнить Суворова съ Румянцовымъ, Ермолова съ Бенигсеномъ, Каменскаго съ Кутузовымъ, Паскевича съ Дибичемъ! Или у насъ, во флотѣ (оставляя безъ сравненія Державнаго героя-моряка, Основателя флота, Генія-просвѣтителя Россіи) Ушакова съ Спиридовымъ, Грейга съ Лазаревымъ, Нахимова съ Корниловымъ, хотя каждый изъ нихъ вполнѣ заслуживалъ и заслуживаетъ дань удивленія и уваженія, признательности современниковъ и бла-

годарности потомства, хотя каждый оставилъ славныя страницы въ исторіи Русскаго народа, хотя каждымъ изъ нихъ справедливо гордятся соотечественники и Россія. Но, сознавая невозможность правильнаго сравненія, мы все-таки сравниваемъ, а потому по смерти Нахимова сопоставляли его съ великими и дорогими именами какъ Русскаго, такъ и съ знаменитостями иностранныхъ флотовъ.

Не беру на себя смѣлости сказать свое слово, но постараюсь изъ всего вышесказаннаго обрисовать эту высоко-знаменательную и отрадную личность.

Адмиралъ Нахимовъ, одаренный счастливыми способностями ума и воспитанный въ молодости въ суровой школѣ могучаго наставника, скоро изучилъ знаніе и искусство моряка и пламенно на всю жизнь привязался къ своей профессіи. Воодушевленный безграничною любовью къ родинѣ и священнымъ исполненіемъ своего долга, онъ закалилъ свою волю на это высокое призваніе и тѣмъ получилъ ту нравственную силу на все окружающее, которая составляетъ его высшую заслугу отечеству.

Онъ вполнѣ сознавалъ свое сильное вліяніе и, слѣпую преданность къ нему сослуживцевъ отъ адмирала до матроса, и, особенно искусно и прозорливо пользуясь ими, велъ ихъ къ благотворной цѣли. Это былъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца, мудрецъ, вполнѣ постигшій духъ народа, великодушный начальникъ, великій гражданинъ, герой безъ страха и укоризны, славный адмиралъ, украсившій Русскій флотъ, озарившій Русскій флагъ и стяжавшій себѣ народное имя.

Я думаю, что угадаю въ настоящую минуту мысли и желанія всѣхъ моихъ сослуживцевъ, если окончу мой біографическій очеркъ адмирала Павла Степановича Нахимова теплыми, отрадными словами рескрипта генералъ-адмирала:

„Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе, Мы гордимся вами и вашей славой, какъ украшеніемъ нашего флота. Мы любимъ васъ, какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ морякахъ видитъ друзей своихъ."

Да! Высоко чтимое имя его будетъ всегда жить съ глубокою признательностію и великимъ значеніемъ въ сердцахъ моряковъ Русскаго флота и да не коснется его впредь

Ни зависть съ глазомъ ядовитымъ,
Ни ложный другъ съ коварствомъ скрытымъ.

А Севастопольская семья не забыла и никогда не зубудетъ

....тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ.

Капитанъ 1-го ранга А. Асланбеговъ.

Спб. 18 января 1868.

Письмо П. С. Нахимова ко вдовѣ М. П. Лазарева.

Ваше высокопревосходительство,

Екатерина Тимофѣевна!

Священная для всякаго Русскаго могила нашего безсмертнаго учителя приняла прахъ еще одного изъ любимѣйшихъ его воспитанниковъ. Лучшая надежда, о которой я со дня смерти Адмирала мечталъ,—послѣднее мѣсто въ склепѣ подлѣ драгоцѣннаго мнѣ гроба, я уступилъ Владиміру Ивановичу Истомину! Нѣжная, отеческая привязанность къ нему покойнаго Адмирала, дружба и довѣренность Владиміра Алексѣевича (1), и наконецъ поведеніе его, достойное нашего наставника и руководителя, рѣшили меня на эту жертву. Впрочемъ, надежда меня не покидаетъ принадле-

---

1) Корнилова.

жать этой возвышенной, благородной семьѣ; друзья-сослуживцы, въ случаѣ моей смерти, конечно не откажутся положить меня въ могилу, которую расположеніе ихъ найдетъ средство сблизить съ останками Образователя нашего сословія. Вамъ извѣстны подробности смерти Владиміра Ивановича, и потому я не буду повторять ихъ; твердость характера въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, святое исполненіе долга и неусыпная заботливость о подчиненныхъ, снискали ему общее уваженіе и непритворную скорбь о его смерти. Свято выполнивъ завѣтъ, онъ оправдалъ довѣріе Михайла Петровича и подтвердилъ новымъ фактомъ, какъ много потеряла Россія въ преждевременной кончинѣ нашего общаго Благодѣтеля (2).

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и искренней преданности имѣю честь быть и проч.

Павелъ Нахимовъ.

Севастополь.
24 марта 1855.

За сообщеніе этого письма и нижеслѣдующей объяснительной къ нему замѣтки мы обязаны графу Б. А. Перовскому. *П. Б.*

„Сооруженіе Храма Св. Владиміра въ Севастополѣ было любимою мечтою Лазарева. Когда онъ скончался за границею и тѣло его было привезено въ Севастополь, то сослуживцы и подчиненные его испросили разрѣшеніе похоронить его въ склепѣ на томъ мѣстѣ, на которомъ должно было, по его предположенію, воздвигнуть храмъ во имя Св. Владиміра (храмъ этотъ нынѣ, кажется, оканчивается постройкою). При началѣ славной обороны Севастополя, Нахимовъ и Корниловъ изъявили желаніе, чтобы ихъ похоронили возлѣ Михайла Петровича Лазарева, такъ какъ склепъ, гдѣ покоится прахъ его, могъ вмѣстить еще двѣ могилы. Это желаніе было извѣстно всѣмъ, и потому, когда былъ убитъ Корниловъ, его тамъ и положили. За симъ, единственное оставшееся въ склепѣ мѣсто Нахимовъ берегъ для себя, и только дружба и глубокое уваженіе къ Истомину заставили его уступить ему эту дорогую для него собственность. Надежда его однакоже не обманула, и когда пришла его очередь, то друзья-сослуживцы, какъ онъ называетъ ихъ въ письмѣ, дѣйствительно нашли средство похоронить его въ томъ же склепѣ, гдѣ покоится и прахъ М. П. Лазарева."

(2) Тутъ выпущено нѣсколько словъ, относящихся единственно до семейства Екатерины Тимофѣевны.

Записка Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, о новоучрежденной епархіи Римско-католической въ Херсонѣ.

По существу дѣла эта записка преосвященнаго Иннокентія находится въ связи съ записками его, напечатанными въ № 10-мъ Русскаго Архива 1867 года. Но вызванная особеннымъ, частнымъ случаемъ, она представляетъ съ одной стороны, фактическія доказательства той настойчивости и ловкости, съ какими Romana curia ведетъ свои дѣла, силясь, вопреки непреложному историческому ходу событій и, какъ выражается нашъ архипастырь, вопреки неотразимому суду Божію, не только остановить свое паденіе, но и распространить и усилить свое могущество; съ другой стороны, эта записка служитъ новымъ доказательствомъ и политической прозорливости, и самаго заботливаго попеченія о своей паствѣ, какими всегда отличался преосвященный Иннокентій. *И. Савваитовъ.*

Въ слѣдствіе конвенціи, заключенной съ папою въ 1847 году [1], учреждена, какъ извѣстно, новая епархія Римско-католическая, съ наименованіемъ Херсонской, и при ней (*покамѣстъ*) два суффраганства съ капитуломъ и семинаріею. Безъ сомнѣнія, правительство имѣло на это съ сво-

[1] Одинъ изъ французскихъ законовѣдовъ говоритъ, что эта конвенція — le premier acte où l'on voit la primauté du Saint-Siège sur les catholiques russes officiellement reconnue par la *Russie schismatique* (!) Ce document, d'une haute importance, donne aux Eglises latine et grecque unies de ce vaste empire une position légale, qu'elles n'avaient pas (?), et leur assure en même temps une administration canonique et des avantages très-précieux pour le bien de l'Eglise catholique dans cet Etat.— Si l'on examine ce concordat dans le détail de ses dispositions, on voit que dans ce qui concerne la nomination des évêques, le pape y concourt avec l'empereur, sans préjudice de l'institution canonique, qui lui est toujours réservée. L'évêque est seul juge et administrateur des affaires ecclésiastiques dans son diocèse, sauf la soummission canonique due au Saint-Siège. См. Cours de droit canon par *l'abbé André*. ed. 3-ème. t. VI. Paris. 1860. pag. 75. — Для удобнѣйшаго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ записки преосвященнаго Иннокентія выписываемъ главныя статьи этой конвенціи:

Art. 1. Sept diocèses catholiques romains sont établis dans l'empire des Russies; un archevêché et six évêchés, savoir: 1º L'archidiocèse de Mohilew, embrassant toutes les parties de l'empire qui ne sont point contenues dans les diocèses ci-dessous nommés. Le grand duché de Finlande est également compris dans cet archidiocèse. 2º Le diocèse de Wilna, embrassant les gouvernements de Wilna et de Grodno, dans leurs limites actuelles. 3º Le diocèse de Telsca (Тельшевская ou de Samogitie, embrassant le gouvernement de Courlande et de Kowno, dans les limites qui leur sont actuellement assignées. 4º Le diocèse de Minsk, embrassant le gouvernement de Minsk, par ses limites d'aujourd'hui. 5º Le diocèse de Luceorin et Zytomerie (Луцко-Житомирская), composé de gouvernement de Kiovie et de Volhynie, dans leurs limites actuelles. 6º Le diocèse de Kamenieck (Каменецкая), embrassant le gouvernement de Podolie, dans ses limites actuelles. 7º Le nouveau diocèse de Kherson, qui se compose de la province Bessarabie, des gouvernements de Kherson, d'Ekatherinoslaw, de Tauride, de Saratow et d'Astracan, et des régions placées dans le gouvernement général du Caucase.

Art. 2. Des lettres apostoliques, sous le sceau de plomb, établiront l'étendue et les limites des diocèses, comme il est indiqué dans l'article précédent. Les décrets d'exécution comprendront le nombre, le nom des paroisses de chaque diocèse, et seront soumis à la sanction du Saint-Siège.

Art. 3. Le nombre des suffragances qui ont été établies par lettres apostoliques de Pie VI, en 1789, revêtues du sceau de plomb, est conservé dans les six diocèses anciens.

Art. 4. La suffragance du diocèse nouveau de Kherson sera dans la ville Saratow.

Art. 5. L'évêque de Kherson aura un traitement annuel de quatre mille quatre cent quatre vingts roubles d'argent. Son souffragant jouira du même traitement que les autres évêques souffragants de l'empire, c'est-à-dire de deux milles roubles d'argent.

Art. 6. Le chapitre de l'église cathédrale de Kherson se composera de neuf membres, savoir: deux prélats ou dignitaires, le président et l'archidiacre; quatre chanoines, dont trois rempliront les fonctions de théologal, de pénitentier et de curé; et trois mansionaires ou bénéficiers.

Art. 7. Dans le nouvel évêché de Kherson, il y aura un séminaire diocésain: des élèves, au nombre de vingt-cinq, y seront entretenus aux frais du gouvernement, comme ceux qui jouissent de la pension dans les autres séminaires.

Art. 8. Jusqu'à ce qu'un évêque du rite arménien soit nommé, il sera pourvu aux besoins spirituels des Arméniens catholiques vivant dans le diocèse de Kherson et Kamenieck, en leur appliquant les règles du chapitre 9 du concile de Latran, en 1215.

Art. 9. Les évêques de Kamenieck et Kherson fixeront le nombre des clercs arméniens catholiques, qui devront être élevés dans leurs séminaires aux frais du gouvernement. Dans chacun des dits séminaires, il y aura un prêtre arménien

ей стороны немаловажныя причины и — во всякомъ случаѣ — согласилось на учрежденіе новой для католиковъ епархіи, не для распространенія въ Россіи католичества. Тѣмъ не менѣе, газетное извѣстіе объ учрежденіи въ Херсонѣ новой Латинской епархіи по всей Россіи произвело (и не могло не произвести) впечатлѣніе неблагопріятное. Для чувства Русскаго не легко было видѣть, какъ понятіе о Римѣ и латинствѣ соединено будетъ отселѣ навсегда съ священнымъ для Россіи именемъ Херсона, въ коемъ произошло крещеніе св. Владиміра и откуда на всю землю Русскую возсіялъ свѣтъ Вѣры Православной. Новымъ учрежденіемъ, конечно безъ намѣренія, но тѣмъ не менѣе поданъ и съ нашей стороны значительный по-

catholique, pour instruire les élèves arméniens des cérémonies de leur propre rite.

Art. 10. Toutes les fois que le besoin spirituel des catholiques romains et arméniens du nouvel évêché de Kherson le demanderont, l'évêque pourra, outre les moyens employés jusqu'ici pour subvenir á de tels besoins, envoyer des prêtres comme missionaires à leur voyage et à leur nourriture.

Art. 11. Le nombre des diocèses dans le royaume de Pologne reste tel qu'il a été fixé dans les lettres apostoliques de Pie VII, en date du 30 juin 1818; rien n'est changé quant au nombre et à la dénomination des suffragances de ces diocèses.

Art. 12. La désignation des évêques pour les diocèses et pour les suffragances de l'empire de Russie et du royaume de Pologne, n'aura lieu qu' à la suite d'un concert préalable entre l'empereur et le Saint-Siège, pour chaque nomination. L' institution canonique leur sera donnée par le pontife romain selon la forme accoutumée.

Art. 13. L' évêque est seul juge et administrateur des affaires ecclésiastiques de son diocèse, sauf la soummission canonique due au Saint-Siège apostolique.

Art. 17. Toutes les personnes du consistoire sont ecclésiastiques, leur nomination et leur révocation appartiennent à l'évêque. . .

Art. 21. L'évêque a la direction suprême de l'enseignement, de la doctrine et de la discipline de tous les séminaires de son diocèse, suivant les prescriptions du concile de Trente, chapitre 18, session XXIII.

Art. 22. Le choix des recteurs, inspecteurs, professeurs pour les séminaires diocésains est réservé á l'évêque....

Art. 23. L'archevêque métropolitain de Mohilew exercera dans l'académie ecclésiastique de Saint-Pétersbourg la même autorité due chaque évêque dans son seminaire diocésain. Il est l'unli que chef de cette académie, il en est le suprême directeur. Le conseil ou la direction de cette académie n'a que voix consultative.

Art. 24. Le choix du recteur, de l'inspecteur et des professeurs de l'académie sera fait par archevéque, sur le rapport du conseil académique.

Art. 25. Les professeurs et professeur-adjoints des sciences théologiques sont toujours choisis parmi les ecclésiastiques. Les autres maîtres pourront être choisis parmi les laïques professant la religion catholique romaine.

Art. 28. Le programme des études pour les séminaires sera rédigé par les évêques. L'archevêque rédigera celui de l'académie, après en avoir conféré avec son conseil académique.

Art. 29. Lorsque le réglement de l'académie ecclésiastique de Saint-Pétersbourg aura subi les modifications conformes aux principes dont il a été convenu dans les précédents articles, l'archevêque de Mohilew enverra au Saint-Siège un rapport sur l'académie comme celui qu'a fait l'archevêque de Varsovie, Koromansky, lorsque l'académie ecclesiastique de cette ville fut rètablie.

Art. 31. Les églises catholiques romaines sont librement réparées aux frais des communautés ou des particuliers qui veulent bien se charger de ce soin. Toutes les fois que leur propres ressources ne suffiront pas, ils pourront s'adresser au gouvernement imperial pour en obtenir des secours. Il sera procédè à la construction de nouvelles églises, à l'augmentation du nombre des paroisses, lorsque l'exigeront l'accroissement, l'étendue trop vaste des paroisses ou la difficulté des communications.

водъ (*) къ новому провозглашенію той исторической лжи, которую Римскіе католики издавна привыкли разсѣевать по Европѣ въ разныхъ сочиненіяхъ,—доказывая, якобы Россія обращена въ Христіанство первоначально Римскими миссіонерами и что она была тогда въ послушаніи у папы... Тѣ, кои знакомѣе другихъ съ количествомъ и положеніемъ Римскихъ католиковъ въ Россіи, кои увѣрены посему въ очевидномъ излишкѣ и существовавшихъ доселѣ у насъ епархій Латинскихъ, и твердо знаютъ, какъ трудно самому правительству управляться съ этою неугомонною іерархіею, иначе не умѣли объяснить себѣ новаго явленія, какъ предположеніемъ какихъ-либо при семъ особенныхъ, дальнѣйшихъ, сокровенныхъ видовъ у правительства: поелику же не легко было представить себѣ, что̀ именно могло имѣться у него въ виду при употребленіи средства столь небезопаснаго, какъ возвышеніе и расширеніе Латинской іерархіи,—то невольно приходили къ мысли, не сдѣлана ли нашими дипломатами въ семъ случаѣ, вмѣсто дальновиднаго расчета политическаго, необдуманная и простодушная уступка Риму, подъ вліяніемъ какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, или непонятыхъ, или не надлежащимъ образомъ оцѣненныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было согласить съ извѣстными видами правительства сотвореніе имъ же изъ ничего, *proprio motu*, безъ всякой особенной нужды, вдругъ трехъ епископовъ Латинскихъ, чрезъ что̀ для Латинской пропаганды открылся, — не представлявшійся ей и во снѣ,—способъ взять отселѣ подъ опасное вліяніе свое и весь югъ Россіи, какъ взятъ весь западъ? Если,—разсуждали,—для весьма небольшаго числа разсѣянныхъ по югу Латинскихъ костеловъ дѣйствительно необходимъ былъ ближайшій іерархическій надзоръ: то для сего предостаточно было прибавить къ какой либо Римско-католической каѳедрѣ одного суффрагана, съ помѣщеніемъ его, пожалуй, гдѣ либо и на югѣ (*). Всѣ эти и подобныя впечатлѣнія получали бо̀льшую силу отъ новыхъ событій и переворотовъ Европейскихъ, обрушившихся надъ Ватиканомъ съ такимъ необычайнымъ громомъ и молніею, что многіе изъ самыхъ католиковъ не могли не признать въ семъ случаѣ карающаго перста Божія. Неужели, — разсуждали и разсуждаютъ,—православной Россіи предлежитъ, не во благо себѣ, поднимать на высоту, укрѣплять и расширять въ нѣдрахъ своихъ то, что̀ самъ промыслъ Божій видимо предопредѣляетъ къ ослабленію, умаленію, а можетъ быть, и уничтоженію даже на Западѣ?....

Особенно, — какъ и ожидать надлежало,—учрежденіемъ новаго епископ-

(*) Curia Romona не преминула (какъ увидимъ ниже) воспользоваться этимъ въ самой буллѣ объ учрежденіи новаго епископства Херсонскаго. *Пр. Инн.* Святой отецъ не обинуясь говоритъ прямо въ этой буллѣ, что въ обширнѣйшихъ областяхъ Русской имперіи divini Verbi praecones, *latinâ* quoque *mittente ecclesiâ*, salutiferam *Christi fidem a vetustissimis usque temporibus primum annunciarunt*, *propagarunt* etc. *И. С—въ.*

(*) А весьма легко было обойтись и безъ новаго суффрагана: потому что цѣлые десятки прежнихъ, которымъ рѣшительно нечего дѣлать. *Пр. Инн.*

ства Латинскаго встревожено было чувство православныхъ жителей г. Херсона и окрестныхъ мѣстъ. До тѣхъ поръ въ этомъ городѣ существовалъ только одинъ ксензъ Латинскій, терявшійся въ толпѣ и почти никому неизвѣстный; и вотъ вдругъ, въ срединѣ прошедшаго лѣта, является предъ ними Латинскій бискупъ со свитою собранныхъ нарочно издалека ксензовъ, представляетъ изъ себя лице, нарочно посланное отъ правительства для какихъ-то важныхъ, никому вполнѣ неизвѣстныхъ, цѣлей, учреждаетъ и освящаетъ тѣсный Латинскій костелъ въ соборъ каѳедральный, составляетъ изъ своего служенія, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, всенародное зрѣлище, проповѣдуетъ о милости императора Всероссійскаго къ католикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ,—сообразно съ буллою папскою,—еще о бо́льшей милости какого-то Римскаго государя,—о коемъ вовсе не знали многіе и изъ католиковъ, — къ народу Россійскому, съ объявленіемъ, что все это лишь одно начало, что, по отшествіи его, прибудутъ уже не на время, а на постоянное жительство въ Херсонѣ, не одинъ, а два или три епископа Латинскихъ, съ немалымъ числомъ каноников, съ консисторіею и семинаріею, и что городъ ихъ (Херсонъ), по милости *намѣстника Христова*, *главы всего христіанства*, обращенъ будетъ отселѣ въ столицу истинной вѣры (то есть Римской) на югѣ. Можно представить себѣ и не бывшимъ при этомъ случаѣ въ Херсонѣ, какъ должно было подѣйствовать все это на православный народъ!.... Ужели насъ хотятъ сдѣлать католиками? — спрашивали одни; ибо надобно же, чтобы у трехъ новыхъ епископовъ была хоть какая либо паства, а среди насъ нѣтъ ея для нихъ? Чѣмъ вводить у насъ Латинство,—разсуждали другіе,—не лучше ли было бы, по примѣру другихъ губернскихъ городовъ, дать православнаго епископа намъ, кои живемъ среди всякой некрести, и потому во всегдашней опасности терять чистоту вѣры? Сколько сотъ тысячъ казнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сколько хлопотъ, затрудненій, неудовольствій самому правительству будетъ стоить это новое, Богъ знаетъ откуда и для чего взятое, учрежденіе Латинскаго епископа съ его викаріями, канониками и семинаріею? примѣчали третьи. — Не безъ затрудненія было положеніе при семъ случаѣ мѣстнаго гражданскаго начальства, которое не знало, въ какое отношеніе поставить себя къ новопоявившемуся Латинскому епископу, тѣмъ менѣе находило средствъ отвѣчать удовлетворительно на толки и мнѣнія народныя, хотя видѣло крайнюю нужду говорить что либо въ успокоеніе встревоженнаго чувства религіознаго. Даже Евреи, коими наполненъ теперь весь Херсонъ, не остались позади другихъ въ догадкахъ о новомъ событіи, и, что́ примѣчательно, сходились въ одномъ и томъ же заключеніи, что Поляки берутъ верхъ, и ксензамъ Русскимъ приходитъ невзгода..... При такомъ всеобщемъ смущеніи мыслей, разсудительнѣйшіе и болѣе набожные изъ православныхъ жителей Херсона приходили не разъ къ рѣшимости просить высшую власть, чтобы, -если уже неизбѣжно водвореніе между ними епис-

коповъ Латинскихъ, то, по крайней мѣрѣ хотя въ нѣкоторое соотвѣтствіе,—данъ былъ Херсону и епископъ православный.

Но всего болѣе смущены были новымъ учрежденіемъ раскольники, а въ слѣдъ за ними и единовѣрцы, коихъ значительное количество по разнымъ мѣстамъ Херсонской губерніи, начиная съ Одессы, Херсона, Николаева и Елисаветграда. Въ глазахъ этихъ малолѣтнихъ по духу дѣтей такое торжественное введеніе среди православнаго юга Латинства упадало—до дѣйствія антихристіанскаго, угрожающаго бѣдствіемъ не только вѣрѣ Православной, но и отечеству, и потому слѣдствіемъ какого либо гнѣва Божія.....

Были-ль рады новому учрежденію, по крайней мѣрѣ, сами католики? Утвердительно можно сказать, что не были—въ той степени, какъ надлежало ожидать. Новый даръ правительства былъ слишкомъ великъ и видимо не соразмѣренъ съ мѣстною потребностію, почему невольно вынуждалъ у каждаго размышляющаго сомнѣніе и подозрѣніе на счетъ видовъ правительства и истинной цѣли его дѣйствій. Суффраганъ Латинскій съ двумя канониками, въ видѣ благочинныхъ, былъ бы принятъ отъ сердца и съ благодарностію; а вдругъ три епископа, при осязательной ненуждѣ и въ одномъ, казались,—и долго будутъ казаться,—чѣмъ-то неестественнымъ, такъ сказать, противуправительственнымъ, и потому подозрительнымъ. „Возможно ли"—разсуждали католики —„чтобы Русскіе рѣшились сдѣлать безъ нужды *для насъ* то, чего, при видимой нуждѣ, никогда не дѣлали и не дѣлаютъ *для своихъ*? Вѣроятно, хотятъ ввести въ нашу іерархію, доселѣ чисто Польскую, новую стихію—Нѣмецкую, чтобы, раздвоивъ ее въ составѣ, духѣ и видахъ, тѣмъ самымъ непримѣтно ее обезсилить. Но не Москалямъ перехитрить Іезуитовъ! При благоразумномъ дѣйствованіи съ нашей стороны, изъ каждаго новаго епископа католическаго (а ихъ, благодаря Русской простотѣ, трое) можно будетъ сдѣлать по новой крѣпости на югѣ противъ Русскаго духа".

Всѣ таковыя и подобныя впечатлѣнія, произведенныя новымъ учрежденіемъ епархіи Латинской въ Херсонѣ, очевидно, говорятъ не въ пользу новаго учрежденія и могутъ быть искуплены только какою либо весьма важною пользою, отъ него ожидаемою, которой,—сказать правду,—нелегко доискаться тому, кто не посвященъ во всѣ тайны политики.

Между тѣмъ невыгоды отъ новаго учрежденія лежатъ, можно сказать, предъ глазами у каждаго.

И во-первыхъ, уже весьма немаловажно то, что учрежденіемъ новой, ненужной, по суду всѣхъ—даже римско-католиковъ,—епархіи Латинской, въ такомъ обширномъ составѣ и размѣрѣ, какого (сравнительно) не имѣетъ ни одна изъ нашихъ православныхъ епархій, не смотря на многочисленность ихъ паствъ, дипломатика наша подверглась и еще будетъ подвергаться предъ лицемъ всей Россіи нареканію въ простертой за предѣлы уступчивости двору Римскому, и въ какое при томъ время? когда этотъ дворъ самъ, въ слѣдствіе своихъ вѣковыхъ

грѣховъ и заблужденій, по неотразимому суду Божію, видимо распадается на части и приближается къ конечному запустѣнію.

Во-вторыхъ, кромѣ нареканія, въ настоящемъ случаѣ и не безъ потери. Учрежденіе въ Россіи новой епархіи Римской для двора папскаго есть тоже, что завоеваніе новой области. Отселѣ новыя для него права надъ значительною частію Россіи, изъ коихъ онъ не замедлитъ извлечь для себя новыя выгоды и новые поводы къ спорамъ и жалобамъ въ слухъ всего свѣта, на Россію. Примѣръ на все это—Польша и Литва. Сколько затрудненій всегда ставилъ и ставитъ до нынѣ Римскій дворъ при одномъ назначеніи епископовъ! Не въ-слѣдствіе ли подобнаго затрудненія принесенъ въ жертву Херсонъ?.... Между тѣмъ эта жертва такого рода, что сама въ свою очередь будетъ требовать новыхъ жертвъ при каждомъ назначеніи новыхъ епископовъ.

Въ третьихъ, есть опасеніе и другаго рода—еще бо́льшее. Доселѣ свободный и непререкаемый для Православія югъ Россіи съ новымъ учрежденіемъ неизбѣжно отдается подъ вліяніе Римской пропаганды, которая, какъ тѣнь за тѣломъ, всюду слѣдуетъ за Латинствомъ. Въ Херсонѣ, — по крайне-малому числу католиковъ, — епископъ съ своими суфраганами самымъ положеніемъ своимъ, то есть отъ нечего дѣлать, будетъ невольно располагаться къ умноженію всѣми мѣрами своего духовнаго стада. Между тѣмъ бороться съ пропагандою Римскою если какому краю неудобно, то нашему южному, частію по самой юности его и разносоставности въ населеніи, частію по вліянію смежныхъ, наполненныхъ Поляками, губерній(*), частію по его географическому положенію, открытому, въ слѣдствіе торговли и морскихъ портовъ, для всего западнаго, особенно Итальянскаго, частію наконецъ по недавности учрежденія тамъ православныхъ каѳедръ и крайне ограниченнымъ ихъ способамъ къ дѣйствію.

Въ-четвертыхъ, нельзя забыть вовсе и того, что на устройство помѣщенія для новаго епископа съ его суффраганами, для консисторіи, капитула и семинаріи и на обезпеченіе ихъ содержаніемъ потребуется не одинъ милліонъ, могшій быть употребленнымъ на болѣе нужное и полезнѣйшее. Поелику,—какъ показываетъ опытъ съ ПетербургскоюРимско-католическою академіею,—принято, неизвѣстно по чему, какъ-бы за правило, чтобы производимая отъ казны сумма на содержаніе римско-католиковъ была гораздо выше той, какая производится на содержаніе православныхъ каѳедръ и семинарій: то обстоятельство сіе, кромѣ издержекъ, будетъ еще служить въ постоянный поводъ къ превозношенію для католиковъ и къ соблазну для православныхъ (**).

(*) Въ-слѣдствіе сего злочастнаго вліянія, по Херсонской губерніи значительная часть имѣній помѣщичьихъ уже находится въ распоряженіи управителей Поляковъ, кои, дыша тайною непріязнію къ Россіи и будучи самаго сомнительнаго поведенія, всячески стараются угнетать народъ, обращая злохитро это угнетеніе въ укоръ правительству; о чемъ не безъ извѣстно и мѣстному гражданскому начальству. *Пр. Инн.*

(**) По силѣ новаго учрежденія, для Херсонскаго епископа Латинскаго казна отпускаетъ ежегодно 4480 руб. сер., тогда какъ окладъ ежегодный православнаго архіепископа состоитъ не болѣе, какъ изъ 600 руб. сер. Члены консисто-

Въ-пятыхъ, если правительство дѣйствительно предполагаетъ, посредствомъ новой Латинской семинаріи въ Херсонѣ, образовать изъ дѣтей южныхъ колонистовъ нашихъ въ составѣ іерархіи Римско-католической новый элементъ Нѣмецкій: то должно сказать, что этотъ элементъ немногимъ будетъ луше Польскаго. Не говоря уже о томъ, что новые воспитанники получатъ образованіе отъ наставниковъ Поляковъ, кои не преминутъ передать имъ свой духъ, южные колонисты сами по себѣ доселѣ составляютъ видимое status in statu, живя почти въ совершенномъ разобщеніи съ Русскими, не стараясь знакомиться, даже въ училищахъ (*), съ языкомъ Русскимъ. Взирая доселѣ на себя какъ на иностранцевъ, въ сравненіи съ коими Русскіе ничего не значатъ, они не перестаютъ мечтать о Германіи и готовы отдаться подъ всякое чуждое вліяніе(²).

ріи Латинской будутъ получать каждый весьма немалое жалованье, а члены консисторіи православной не получаютъ ни копѣйки. *Пр. Инн.* Каждому изъ суффрагановъ назначено по 2000 руб. сер. въ годъ. *П. С—въ.*

(*) Что не разъ было примѣчено и г. попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. *Пр. Инн.*

(²) Нынѣшнее состояніе тамошняго края подтверждаетъ, какъ нельзя лучше, эти замѣчанія преосвященнаго Иннокентія. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Херсонской губерніи на все разноплеменное народонаселеніе, составляющее больше 1,054,000 душъ, считается Нѣмцевъ-колонистовъ больше 50,000. Они живутъ особнякомъ, нѣсколькими большими островами, и дѣйствительно составляютъ status in statu, сохраняя все нѣмецкое, начиная отъ школъ и богослуженія и кончая самыми мелочными подробностями хозяйства. Не находятъ примѣра, чтобы Нѣмецъ-колонистъ женился на Русской, или Русскій женился на Нѣмкѣ-колонисткѣ. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, нельзя имѣть никакой надежды на возможность обрусенія этихъ пришельцевъ. Въ послѣднее время Нѣмцы, при помощи займовъ изъ колонистскаго капитала подъ круговую поруку, начали закупать земли, преимущественно въ Одесскомъ, Тираспольскомъ и Ананьевскомъ уѣздахъ; и эти закупки принимаютъ такіе обширные размѣры, что угрожаютъ краю совершеннымъ онѣмеченіемъ. Къ этому надо прибавить, что тамошнихъ колонистовъ Шведовъ, противъ воли ихъ, заставляютъ учиться не по-русски, а по-нѣмецки!

Что же,—спросятъ,—дѣлать, когда мы уже обязали себя силою трактата съ дворомъ Римскимъ? Не принимая на себя полнаго рѣшенія этого вопроса, которое принадлежитъ, очевидно, не тѣмъ, кои смотрятъ снизу, а тѣмъ, кои стоятъ вверху, можно вмѣсто отвѣта, сдѣлать нѣсколько примѣчаній.

Если уже нельзя возвратиться назадъ: то—

1) неблагоразумно было бы спѣшить и впередъ, тѣмъ паче, когда идя и шагъ за шагомъ, нельзя идти иначе, какъ только съ немалымъ усиліемъ. На бумагѣ новую епархію Латинскую можно было учредить въ одну минуту; а на самомъ дѣлѣ устроеніе ея неизбѣжно требуетъ нѣсколько лѣтъ, уже потому, что нѣтъ ни одного готоваго зданія, а ихъ нужно нѣсколько, и въ значительномъ размѣрѣ. Гдѣ потомъ взять лицъ для трехъ митръ епископскихъ, когда и одного, предназначеннаго во главу остальныхъ, оказалось нужнымъ прежде окрестить, а потомъ произвести во епископа? Откуда набрать капитулъ и канониковъ, когда въ Херсонѣ одинъ только ксензъ? Изъ чего образовать семинарію? Ужели правительство обязано и въ семъ случаѣ творить все изъ ничего, когда само Латинство не представляетъ не-

обходимыхъ матеріаловъ? Кто и по какому праву можетъ требовать сего? Между тѣмъ пройдетъ два, три года, и—кто знаетъ, что будетъ съ католичествомъ въ самомъ Римѣ? — Во всякомъ случаѣ можно надолго ограничиться однимъ епископомъ безъ суффрагановъ, даже до времени—безъ капитула. въ томъ обширномъ и преухищренномъ составѣ и видѣ, какъ любятъ размалевывать его Римскіе католики (*).

2) Вмѣсто ненужныхъ Латинскихъ суффрагановъ, необходимо поспѣшить учрежденіемъ для весьма обширной православной епархіи Херсонской викарнаго епископства. съ помѣщеніемъ его въ Херсонѣ (3). Этимъ успокоенъ будетъ духъ тамошняго православнаго населенія, поставленъ необходимый оплотъ противъ Римской припаганды въ Херсонѣ и положено начало къ ближайшему дѣйствію на мусульманскій Крымъ.

(*) Зачѣмъ напр. составлять Херсонскій капитулъ изъ девяти особъ, живущихъ въ Херсонѣ, когда первоначальною буллою папы о Могилевскомъ архіепископствѣ положено находиться въ самомъ Могилевѣ только четыремъ? — Зачѣмъ три мансіонарія, когда церковь такъ мала, что еслибы служили въ ней всѣ члены капитула, то не было бы мѣста народу? *Пр. Инн.*

(3) Въ 1853 году, марта 23 дня, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи викаріатства въ Херсонской епархіи и о назначеніи викарію штатнаго содержанія. Викарному епископу повелѣно именоваться Одесскимъ, а мѣстопребываніе имѣть въ Херсонѣ. Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. 1853 г. № 27.106.--Вотъ нѣсколько подробностей, относящихся къ образованію православной Херсонской епархіи: Императрица Екатерина II, по заключеніи мира въ Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году, повелѣла образовать Азовскую губернію изъ Азовской и Бахмутской провинцій; а въ слѣдующемъ 1775 году, 9 сентября, изъ этихъ губерній, съ присоединеніемъ къ нимъ и Новороссійскаго края, учредила епархію Славенскую и Херсонскую. Наименованіе Славенской усвоено ей потому, что народъ Русскій есть единственная и сущая отрасль древнихъ Славянъ; а Херсонской—въ воспоминаніе того, что Херсонъ былъ источникомъ христіанства для Россіи, въ память чего мѣстнымъ архіереямъ повелѣно на верхнихъ скрижаляхъ мантіи носить изображеніе святаго и животворящаго креста. Полн. Собр. Зак. т. XX, № 14.366.— По образованіи Екатеринославскаго намѣстничества изъ Азовской и Новороссійской губерній, архіереямъ тамошнимъ повелѣно именоваться Екатеринославскими и Херсониso-Таврическими: въ 1799 году—Новороссійскими и Днѣпровскими: а въ 1803—опять Екатеринославскими, Херсонскими и Таврическими. Ист. Рос. Іер. ч. I. изд. 2. М. 1822, стр. 143 и 144; сн. стр. 26. — Въ 1787 году была учреждена Екатеринославская викарная епархія и епископамъ ея велѣно было именоваться Ѳеодосійскими и Маріупольскими: но чрезъ 12 лѣтъ (въ 1799 г.) она упразднена. Тамъ-же стр. 145 и 146.—Въ Августѣ 1813 года. по представленію бывшаго Молдаво-Валахскаго экзарха, митрополита Гавріила, для заведенія духовно-административнаго порядка въ новоприсоединенной къ Россія Заднѣстровской области, открыта епархія Кишиневская и Хотинская, къ которой присоединена и часть Херсонской епархіи. Полн. Собр. Зак. т. XXXII. 1813 г. № 25.441.—Императоръ Николай Павловичъ, во время личнаго своего присутствія въ Синодѣ, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Престола (нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ) 4 іюня 1835 года, между прочимъ, повелѣлъ—для удобства въ надзорѣ за духовенствомъ и назиданія паствъ, войти въ разсужденіе объ учрежденіи вновь четырехъ викаріатствъ въ обширнѣйшихъ епархіяхъ. Журн. Св. Син. 4 іюня 1835 г. Вслѣдствіе сего, Святѣйшій Синодъ, принявъ въ соображеніе, что епархія Екатеринославская, обнимавшая собою Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губерніи, съ увеличеніемъ народонаселенія, съ умноженіемъ церквей и духовенства, при открывшихся новыхъ отношеніяхъ православныхъ къ иновѣрцамъ, имѣла нужду въ особенной дѣятельности мѣстнаго архіерея, предположилъ учредить викаріатство

Вмѣстѣ съ симъ,—для устраненія неблагопріятныхъ для православія сравненій въ глазахъ людей не только духовныхъ, но и свѣтскихъ,—необходимо возвысить штаты по православному вѣдомству Херсонскому до той степени, на какой они опредѣлены тамъ теперь для католиковъ, а равно предоставить православному архіепископу тоже право, какимъ будетъ пользоваться Латинскій бискупъ, касательно командированія, въ случаѣ нужды, благочинныхъ на казенный счетъ.

3) Если бы оказалось возможнымъ (а по чему не такъ?), помѣстить новаго епископа Латинскаго не въ Херсонѣ, а въ другомъ мѣстѣ, напр. въ Ставрополѣ (***), составляющемъ центръ его епархіи: то одно это уже было бы небезполезно въ разныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ епископъ сей, во-первыхъ, былъ бы ближе къ Саратовской губерніи, гдѣ наибольшая часть его, вообще невеликой по числу душъ, паствы; а съ другой стороны, къ собственному его спокойствію, онъ находился бы вдали отъ Черноморскихъ портовъ, и слѣдовательно отъ вольныхъ и невольныхъ, но всегда небезопасныхъ, связей со множествомъ иностранцевъ, кои почти круглый годъ толпятся по симъ портамъ и могутъ сдѣлаться,—разумѣется, не въ пользу правительства,—постоянными посредниками между Римомъ и Римско-католическимъ Херсономъ. Въ пользу православія при семъ случаѣ оставалось бы то, что чувство Русское не страдало бы, видя, какъ Латинство съ такою силою ставитъ крыжъ Римскій у самой колыбели вѣры православной.

Независимо отъ всего вышесказаннаго, нельзя не сдѣлать еще одного примѣчанія касательно нѣкоторыхъ мыслей и выраженій, кои Curia Romana позволила себѣ употребить въ учредительной буллѣ о епископствѣ Херсонскомъ. Сверхъ всякаго ожиданія, здѣсь въ слухъ всего свѣта прямо говорится, что якобы отечество наше проповѣдь о вѣрѣ Христіанской *впервые* услышало отъ Латинскихъ миссіонеровъ, что нѣкоторые изъ нихъ даже удостоились якобы принять отъ руки нашихъ предковъ вѣнецъ мученическій (⁴). Скажите, пожалуйста, кто

для этой епархіи. Но Екатеринославскій архіепископъ Гавріилъ, въ январѣ слѣдующаго года, донесъ синоду, что «учрежденіе викаріатства не достигнетъ тѣхъ результатовъ, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ самостоятельнаго іерарха, принимая во вниманіе обширность края.» На основаніи такого заявленія, по докладу Синода, 9 мая 1837 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—изъ состава епархіи Екатеринославской и Кишиневской отдѣлить губерніи Херсонскую и Таврическую и учредить для нихъ новое епархіальное управленіе. Полн. Собр. Зак. 1837 г. № 10.219. Такъ образовалась православная Херсонская епархія въ послѣднемъ своемъ составѣ; а въ 1853 году, какъ сказано въ началѣ этого примѣчанія, и въ ней открыто викаріатство.

(***) Въ буллахъ папскихъ по случаю учрежденія Латинскихъ епископствъ въ Россіи неразъ говорится, что такое-то епископство учреждается въ такомъ-то городѣ потому, что онъ въ центрѣ епархіи. *Пр. Инн.*

(⁴) Объ этомъ говорится въ самомъ началѣ учредительной буллы слѣдующимъ образомъ: «Universalis Ecclesiae cura divinitus commissa postulat atque efflagitat, ut omnem, quâ latè patet, christianum orbem paterna charitate complexi nullam apostolicae nostrae vigilantiae et sollicitudinis partem unquàm omittamus, quo in remotissimis quoque ab hâc Sanctâ Sede regionibus sanctissimae nostrae religionis causae ac spirituali fidelium prosperitati totis viribus consulamus, prout

эти мученики? И откуда видно, что свѣтъ Евангелія пришелъ къ намъ изъ Рима?—Когда подобная ложь провозглашалась, по временамъ, отъ поборниковъ папства въ разныхъ неважныхъ книжонкахъ, то можно было смотрѣть на это равнодушно, какъ на выходки школьной полемики: но теперь.

Dei gloriae et animarum saluti magis expedire noverimus. Hinc ubi arcano divinae providentiae consilio in hâc sublimi principis apostolorum cathedrâ collocati totius Ecclesiae gubernacula tractanda suscepimus, nullâ interpositâ morâ paternum animum, studiumque nostrum ad amplissimas Russiarum imperii regiones convertimus, in quibus divini Verbi praecones, latina quoque mittente Ecclesiâ, maximos labores et gravissima quaeque pericula strenuè constanterque perpessi, ac vel ipsam triumphalem martyrii lauream adepti, salutiferam Christi fidem à vetustissimis usque temporibus primum annunciarunt, propagarunt, nihilque intentatum reliquerunt, quo illos populos de errorum tenebris ad catholicae veritatis lucem traducerent. Itaque illustibus recol. mem. Gregorii XVI, praedecessoris nostri, vestigiis insistentes, cum serenissimo ac potentissimo principe Nicolao I, Russiarum imperatore et Poloniae rege, illustri, tractationem suscepimus, omnesque curas et consilia adhibuimus, ut catholicae religionis statum in meliorem ibi conditionem adducere ac sempiternae illorum fidelium saluti prospicere possemus. Et si vero Deo bene juvante multa quidem componere potuimus, in quibus ille serenissimus princeps pronâ et benevolâ voluntate nostris desideriis obsecundavit, tamen plurima et gravissimi sanè maximique momenti ad optatum exitum adducenda supersunt, quemadmodum ex consistoriali nostrâ allocutione hoc ipso die habitâ ac typis edita clarè apertèque patet. Т. е. попеченіе о вселенской церкви, порученное намъ Богомъ, обязываетъ и побуждаетъ насъ, объемля отеческою любовію весь христіанскій міръ, во всемъ его пространствѣ, не оставлять ни одной части его безъ апостолическаго нашего охраненія и попеченія, дабы и въ самыхъ отдаленныхъ отъ сего святаго престола странахъ всѣми силами споспѣшествовать успѣхамъ святѣйшей нашей (т. е. римско-католической) религіи и духовному благополучію вѣрныхъ, къ преуспѣянію славы Божіей и спасенія душъ. Вслѣдствіе сего, когда по тайной волѣ Божественнаго провидѣнія, занявъ сей высокій престолъ князя апостоловъ (т. е. апостола Петра), мы приняли управленіе всею церковію: то ни мало не медля обратили наше отеческое вниманіе и попеченіе на обширнѣйшія области Россійской Имперіи, въ которыхъ проповѣдники слова Божія, посланные также Римскою церковію, мужественно и твердо перенесшіе тягчайшіе труды и величайшія опасности и даже принявшіе вѣнецъ мученическій, въ самыя отдаленныя времена впервые проповѣдывали и распространяли спасительную вѣру Христову и не щадили никакихъ усилій, чтобы оные народы изъ мрака заблужденій привести къ свѣту католической истины. И такъ, неуклонно слѣдуя славнымъ путемъ предшественника нашего, блаженной памяти Григорія XVI (*), мы заключили договоръ съ пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ Государемъ Николаемъ I-мъ, славнымъ императоромъ Россійскимъ и царемъ Польскимъ, и употребили всевозможныя заботы и старанія, чтобы получить возможность улучшить тамошнее состояніе католической религіи и устроить вѣчное спасеніе вѣрныхъ. И хотя, при помощи Божіей, мы успѣли сдѣлать многое, въ чемъ пресвѣтлѣйшій оный Государь охотно и благосклонно согласился съ нашими желаніями: однако осталось привесть къ желанному концу гораздо большее и, конечно, несравненно важнѣйшее, какъ ясно можно видѣть изъ нашей консисторіальной рѣчи, сегодня (т. е. 1/13 іюля

(*) Григорій XVI родился въ 1765 году въ Беллунѣ; сначала былъ монахомъ Камальдульскаго ордена (учрежденнаго Бенедиктинскимъ монахомъ Ромуальдомъ въ 1012 и утвержденнаго папою Александромъ III въ 1072 г.); въ 1826 году папа Левъ XII сдѣлалъ его кардиналомъ и префектомъ пропаганды; а въ 1831 году онъ занялъ папскій престолъ, послѣ Пія VIII. Буллою 1832 года онъ подтвердилъ опредѣленіе своего предшественника о смѣшанныхъ бракахъ; въ томъ же году (3/15 августа) окружнымъ посланіемъ осудилъ ученіе Ламенне (Lamennais) объ отдѣленіи церкви отъ государства, а позже—и послѣдующія его сочиненія; въ 1836 году ходатайствовалъ предъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ по дѣлу польскихъ католиковъ. Во время его правленія, злоупотребленія папской администраціи были причиною мятежей въ 1831, 1843, 1844 и 1845 гг. Григорій XVI особенно покровительствовалъ іезуитамъ. Умеръ въ 1846 году.

когда мы допустили, и слѣдовательно приняли за истину эту обидную для нашего православія ложь, въ папской буллѣ, имѣющей предъ лицемъ всего свѣта силу трактата, въ какое положеніе поставлены защитники православія, и что остается дѣлать имъ? И въ силу какой крайности допущено все это въ новой буллѣ? Въ прежнихъ буллахъ не было о семъ и помину: такъ могло оставаться и теперь. Кромѣ сей, очевидно весьма важной съ нашей стороны ошибки, сколько потомъ въ буллѣ выраженій, кои папа могъ употребить только въ отношеніи къ какому либо городу своей Римской области (5)! Вообще бѣдный Херсонъ, съ именемъ коего у православныхъ Россіянъ неразрывно связана память о крещеніи Св. Владиміра и обращеніи всея Россіи къ христіанству, трактуется въ сей буллѣ почти какъ городъ идолопоклоннический, коему теперь только, по милости Ватикана, даруется каѳедра христіанскаго епископа, съ пожалованіемъ неизвѣстно какихъ правъ и преимуществъ. Не такъ писаны учредительные акты за 70 лѣтъ для архіепископства Могилевскаго: тамъ городъ не производится ни въ какой новый чинъ (6), а только

произнесенной и напечатанной.—А въ этой рѣчи мы находимъ, между прочимъ, вотъ что: Puisque la déplorable situation des Ruthéniens (!!!) tient notre esprit dans l'affliction et dans l'angoisse, nous vous répétons que nous sommes dans l'intention, pour remplir les devoirs de notre ministère, de n'épargner aucune démarche pour subvenir de la manière la plus convenable à leurs besoins spirituels. Certain, comme nous le sommes, que les prêtres latins déploient tout ce qu'ils ont de zèle et de ressources pour ne pas les laisser manquer de secours spirituels, nous exhortons du fond de notre coeur, avec amour et avec instance, les Ruthéniens à rester fermes et inébranlables dans l'unité de l'Eglise catholique; *nous conjurons ceux qui seraient sortis du sein de leur mère très aimante d'y rentrer, et d'avoir recours à nous, qui sommes disposé à leur fournir tous les moyens de faire leur salut*. Это послѣднее обращеніе, особенно по сличеніи его съ вышеприведенными словами буллы, такъ прозрачно, что не имѣетъ нужды ни въ какомъ толкованіи....

(5) Дѣйствительно, въ буллѣ градомъ сыплются: volumus, subjicimus, attribuimus, erigimus, statuimus, decernimus, potestatem facimus, mandamus, sejungimus, distrahimus, separamus omnes regiones et loca intra Russiaci imperii fines и т. п.; и все это—auctoritate nostra apostolica!!

(6) Преосвященный Иннокентій, очевидно, указываетъ здѣсь главнымъ образомъ на слѣдующее мѣсто буллы объ учрежденіи Херсонскаго епископства: Jam verò cùm Chersonensis civitas, quae totius Chersonensis gubernii caput ad Pontum-Euxinum sita, et loci opportunitate et agrorum ubertate, et incolarum frequentiâ, et maritimi portus commoditate, et aedificiorum multitudine ac pulchritudine, aliisque sane nominibus inter celebriora ad idem mare oppida meritò numeretur, *civitatem ipsam episcopali dignitate decorandam esse existimavimus*. Quapropter motu proprio, certâ scientiâ, deque apostolicae nostrae potestatis plenitudine, harum letterarum vi eamdem *Chersonensem urbem in episcopalem civitatem erigimus et constituimus*, cum omnibus et singulis juribus, honoribus, privilegiis, praerogativis, indultis, quibus aliae episcopales ecclesiae in Russiarum imperio existentes canonicè uti, frui ac potiri solent, et coet. Т. е. А такъ какъ губернскій городъ Херсонъ, лежащій при Черномъ морѣ, по выгодному мѣстоположенію, плодородію земли, многочисленному народонаселенію, по удобствамъ морскаго порта, по множеству и красотѣ зданій, равно какъ и по многимъ другимъ причинамъ, считается по всей справедливости между знатнѣйшими приморскими городами: то мы *признали справедливымъ украсить этотъ городъ епископскимъ достоинствомъ*. Вслѣдствіе сего, по собственному побужденію, съ совершенною увѣренностію, отъ полноты апостолической нашей власти, сею буллою *возводимъ и поставляемъ означенный городъ Херсонъ въ епископскій городъ*, съ общими и особенными правами, почестями, привилегія-

говорится, что такая-то церковь въ городѣ сдѣлалась каѳедральною, или архіепископскою.

Скажутъ, что „это у двора Римскаго слова и выраженія какъ-бы техническія, кои въ существѣ дѣла ничего не значатъ и ни къ чему не обязываютъ". Нѣтъ, техника словъ и оборотовъ въ полной командѣ у двора Римскаго, и никто такъ не умѣлъ извлекать изъ нея выгодъ для себя, какъ Ватиканъ. Сколько, непреложныхъ теперь, правъ надъ всѣмъ западнымъ духовенствомъ выработала для себя дипломатика Римская изъ неважныхъ, по видимому, и общеупотребительныхъ выраженій учтивости и преданности, кои въ простотѣ сердца употребляли нѣкогда въ сношеніяхъ съ Римомъ западные епископы! Разъ уступленное выраженіе Ватиканъ тотчасъ обращаетъ чуть не въ догматъ, и давая ему, посредствомъ діалектики, вѣсъ преувеличенный, составляетъ изъ него для себя право. Во всякомъ случаѣ, зачѣмъ было допускать въ новой буллѣ такія выраженія, кои сопряжены съ нареканіемъ для господствующей церкви, и на основаніи коихъ чрезъ сто лѣтъ любой историкъ, по всѣмъ правиламъ науки, можетъ допустить, что въ 1847 году въ Новороссійскомъ краю господствующимъ вѣроисповѣданіемъ былъ Католицизмъ, а Восточное Православіе если и было тамъ, то въ такомъ маломъ и слабомъ видѣ, что въ сравненіи съ Латинствомъ какъ-бы ничего не значило.....

ми, преимуществами и льготами, какими канонически пользуются прочія, находящіяся въ Россійской имперіи, епископскія церкви, и проч.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ БУМАГЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА (*).

Перебирая старыя свои бумаги и старыя письма лицъ, которыхъ уже нѣтъ, кажется, мимоходомъ и снова переживаешь себя самаго, всю свою жизнь и все свое и все чужое минувшее. Тутъ, послѣ давняго кораблекрушенія, выплываютъ и приносятся къ берегу обломки стараго и милаго прошлаго. Смотришь на нихъ съ умиленіемъ, прибираешь ихъ съ любовью; дорожишь между ними и мелочами, которымъ прежде какъ-будто не знали мы цѣны. Преданія нерѣдко бываютъ дороже и выше самихъ событій. Все это особенно относится къ чувству личному, къ чувству себялюбивому. Такимъ образомъ свое настоящее хозяйство пополняешь и какъ-будто подновляешь остатками прежняго, которые хранились въ забытыхъ, хотя и завѣтныхъ, кладовыхъ. Но, кажется, и въ общемъ отношеніи, и въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ, не современнымъ тому времени, которое въ глазахъ оживаетъ, подобныя выставки минувшаго должны имѣть свою прелесть и неминуемо свою пользу. Въ настоящемъ мы раздѣлены на отдѣльные кружки и увлекаемся личными привязанностями и нерѣдко случайностью: въ минувшемъ мы какъ-будто нераздѣльно всѣ дома и всѣ сродни между собою и съ тѣми, которые жили до насъ. Границы настоящаго должны не только выдвигаться впередъ, но и отодвигаться назадъ. Душѣ тѣсно въ одномъ настоящемъ: ей нужно надѣяться и припоминать.

Предлагаемое здѣсь письмо Жуковскаго не должно быть потеряно для будущаго біографа его. Въ немъ слышатся сердце его и умственная его дѣятельность. Нельзя не подивиться ревности, съ которой онъ работалъ.

(*) См. въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 217, и далѣе.

и ревности, съ которой онъ собирался работать. Вообще въ жизни внѣшней пріемы и привычки его были довольно лѣниваго свойства. Но за то умственная и духовная работа была ему необходимо-нужна, и онъ былъ въ ней неутомимъ. Въ то самое время, когда онъ переводилъ Новый Завѣтъ, онъ готовился и къ переводу Иліады. Между тѣмъ и педагогическіе труды шли своимъ чередомъ. И все это, когда уже накопившіеся года и, болѣе или менѣе, физическія немощи могли бы требовать отъ него отдохновенія.

Къ письму Жуковскаго сами собою такъ и ложатся письма Сильвіо Пеллико. Въ нихъ есть одинаковое настроеніе и, такъ-сказать, созвучіе. Въ самыхъ личностяхъ двухъ авторовъ много общаго. Это двѣ сочувственныя и родственныя натуры. Въ обоихъ горѣло чистое пламя поэзіи; сильно и глубоко было развито чувство религіозности; много было смиренія, кротости, благоволенія.

Проѣздомъ чрезъ Туринъ въ 1835 г. познакомился я съ Пеллико, къ которому имѣлъ письмо изъ Рима. Все наше знакомство, за скорымъ выѣздомъ моимъ, ограничилось нѣсколькими часами откровенной бесѣды. Когда позднѣе былъ я снова въ Туринѣ, его уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ въ 1854 году. Но и въ этомъ краткомъ и мимоходномъ знакомствѣ зародилось, смѣю сказать, чувство взаимной привязанности, которое сохранилось и заочно. Письма его о томъ свидѣтельствуютъ. Я, разумѣется, зналъ его и прежде по сочиненіямъ его. Онъ меня вовсе не зналъ и знать не могъ. Я былъ для него человѣкъ совершенно посторонній, чуждый его минувшему и, какъ минутный проѣзжій, чуждый его будущему. Однимъ словомъ, я былъ туристомъ, какихъ видалъ онъ много.

Никакая авторская личность не могла полнѣе быть провѣрена сочиненіями своими, какъ личность автора: „*Le mici prigioni*“ и философическаго разсужденія: „*Объ обязанностяхъ человѣка.*“ Извѣстно, что, въ слѣдствіе политическихъ возмущеній въ Италіи, онъ Австрійскимъ правительствомъ присужденъ былъ къ смертной казни. Сей приговоръ былъ замѣненъ заточеніемъ (carcere duro) на 15 лѣтъ въ крѣпости Шпильбергъ. Послѣ 9-лѣтняго пребыванія въ крѣпости, былъ онъ помилованъ и возвращенъ въ Туринъ. Такое тяжелое испытаніе не только не выразилось никакимъ чувствомъ озлобленія въ разсказѣ его о тюремной жизни, но не оставило ни малѣйшаго слѣда злопамятливости и въ немъ самомъ. Напротивъ, онъ говорилъ мнѣ, что изъ всѣхъ этихъ страданій сохранилъ онъ одно чувство глубокой благодарности къ Австрійскому императору, который могъ предать его смерти, а ограничился однимъ временнымъ заточеніемъ, и тѣмъ самымъ далъ ему возможность быть еще подпорою и отрадою престарѣлыхъ родителей своихъ и посвятить имъ жизнь, спасенную отъ казни. Во всѣхъ словахъ его слышны были искренность и умиленіе. Тутъ не было никакого притворства, никакихъ желаній выказать свое великодушіе. Я признавался ему, что слыхалъ отъ многихъ Итальянцевъ и читателей его, что смиреніе, выказанное имъ въ разсказѣ о страдальческихъ годахъ его, было въ немъ искусная уловка, чтобы тѣмъ самымъ придать болѣе ненавистный характеръ мѣрамъ, принятымъ противъ него Австрійскимъ правительствомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не дивится подобному заключенію, потому-что люди вообще такъ привыкли во многомъ обманывать себя и другихъ, что имъ труднѣе всего, и менѣе всего вѣрится истинѣ. — Профессоръ Баруффи, котораго письмо тутъ же приводится, былъ въ Петербургѣ и, по возвращеніи своемъ на родину, напечаталъ нѣсколько писемъ о Россіи. Въ нихъ вообще были

довольно благонамѣренные отзывы, но и не безъ примѣси нѣкоторыхъ заблужденій, предразсудковъ и кривыхъ толковъ, отъ которыхъ не освобождаются и самые добросовѣстные посѣтители нашей terra incognita. Разумѣется, для придачи мѣстнаго колорита выведенъ былъ и кнутъ.—Говорится въ письмахъ и о графѣ Ксаверіи де-Местрѣ, лицѣ памятномъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Онъ пріѣхалъ въ Россію жертвою революціонныхъ переворотовъ своей родины. Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, онъ занимался живописью, въ которой отличался дарованьемъ, и писалъ портреты. Послѣ вступилъ онъ въ военную службу и, кажется, на Кавказѣ дослужился генералъ-маіорскаго чина. Извѣстны сочиненія его, на французскомъ языкѣ: „Путешествіе вокругъ моей комнаты,“ „Прокаженный,“ „Кавказскій плѣнникъ,“ „Молодая Сибирячка “и многія стихотворенія, изъ которыхъ одно: „Узникъ къ Мотыльку“ переведено Жуковскимъ. Сочиненія его, по ихъ оригинальности, свѣжести чувства и красокъ, имѣли большой успѣхъ, какъ во Франціи, такъ и въ Россіи. Когда, по долгомъ отсутствіи, пріѣхалъ онъ въ Парижъ, всѣ книгопродавцы кинулись къ нему и просили новаго Путешествія вокругъ комнаты и новыхъ повѣстей, какъ въ старину, послѣ появленія книги Монтескьё всѣ книгопродавцы просили новыхъ Персидскихъ писемъ. Онъ женатъ былъ на дѣвицѣ Загряжской и такимъ образомъ приходился дядей Пушкину, котораго теща была сестрою графини де-Местръ. Но, кажется, онъ не зналъ племянника своего, котораго уже не было въ живыхъ, когда графъ возвратился въ Петербургъ на постоянное житье. Онъ умеръ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, но до самой кончины своей сохранилъ блескъ, живость и свѣжесть ума и всю прелесть тонкой и добродушной общежительности. *Кн. Вяземскій.*

I. Письмо В. А. Жуковскаго.

Христосъ воскресе, милый другъ! Я хотѣлъ писать тебѣ въ самый первый день праздника; въ этотъ день я мысленно былъ у тебя въ гостяхъ, да отчасти и лично: въ Баденѣ есть мѣсто, которое составляетъ частицу твоего семейнаго дома [1]; туда я ходилъ съ женой и дѣтьми; на крестъ повѣсили вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ; на камнѣ, очищенномъ отъ моху, скопившагося въ нынѣшній годъ, выразилось чисто имя, дающее ему смыслъ: онъ какъ будто ожилъ. Въ этомъ проявленіи имени проявилось видимо Воскресеніе: имя, знакъ существа, переживаетъ земную жизнь, оно не умираетъ на землѣ — такъ-же, какъ душа внѣ земли не умираетъ. Посылаю тебѣ съ этого гроба въ отвѣтъ: “воистину воскресе!„ — отвѣтъ, который ухо не слыхало, но который, конечно, былъ мнѣ сказанъ. Я получилъ отъ Булгакова [2] письмо, которое потревожило мнѣ душу возможностью бѣды, къ счастію уже насъ миновавшей. Онъ писалъ мнѣ о болѣзни твоего Павла и о болѣзни Екатерины Андреевны [3], но закончилъ свое извѣщеніе добрымъ словомъ, что все прошло благополучно. Твое испытанное сердце было, конечно, испугано. Сохрани ихъ Богъ! Хотя я и далеко отъ васъ, и много лѣтъ мы розно; но я все принадлежу къ семьѣ вашей, какъ близкій родной. Скажи это отъ меня Екатеринѣ Андреевнѣ: я всѣмъ сердцемъ къ ней привязанъ. Моя любовь къ памяти Карамзина не утратила теплоты своей; мысль о немъ всегда меня глубоко трогаетъ. Авось, наконецъ доберусь нынѣшнимъ лѣтомъ до васъ и до отечества. Мой

---

(1) Могила княжны Надежды Петровны Вяземской.

(2) Московскаго почтдиректора, Александра Яковлевича Булгакова, общаго пріятеля Жуковскому и князю П. А. Вяземскому.

(3) Карамзиной.

отъѣздъ назначенъ въ концѣ іюля н. с. Изъ Бадена долженъ однако везти жену въ Остенду подъ удары приливныхъ волнъ океана. Это не радуетъ меня, но дѣлать нечего. Еслибъ я могъ надѣяться отъ тебя письма, то попросилъ-бы тебя увѣдомить, гдѣ всѣ вы, т. е. ты и Екатерина Андреевна съ семьей, будете въ началѣ августа? Ибо я не прежде, какъ въ августѣ могу быть въ Петербургѣ (оставивъ жену въ Дерптѣ). Изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Дерптъ— вотъ мой маршрутъ.—Перечитываю письмо твое, и это второе чтеніе также меня живо трогаетъ, какъ и первое. Особенно то, чтó ты говоришь о Павлѣ...... Сохрани Богъ тебѣ и ему эту домашнюю жизнь, эту любовь къ занятіямъ; дипломатическая служба, я думаю, менѣе нарушитъ ихъ, нежели жизнь Петербургская; особенно въ Гагѣ будетъ ему пріятно: тамъ нѣтъ такой возни, какъ въ другихъ мѣстахъ; съ Мальтицомъ, тамошнимъ министромъ, кажется, легко ужиться. Если дѣйствительно Павелъ попадетъ въ Гагу, то пускай онъ о томъ увѣдомитъ меня въ Остенду: чего добраго, можетъ быть, найдется возможность и повидаться съ нимъ........ Когда поговоримъ съ тобою о Іерусалимѣ? Жаль, жаль, до крови жаль, что ты, который во время оно былъ такъ живъ на переписку, не сдѣлалъ себѣ закона, будучи въ Палестинѣ, писать ко мнѣ. Сколько-бы сохранилось въ этихъ письмахъ такого, чтó уже пропало въ воспоминаніи. Правда, часто прошедшее живѣе настоящаго; но оно не имѣетъ характера современности, которая и старымъ календарямъ даетъ прелесть романа. Ты не рѣшишься привесть въ порядокъ своихъ путевыхъ записокъ по той-же самой причинѣ, по которой до сихъ поръ еще не собралъ и не привелъ въ порядокъ своихъ стихотвореній. Напрасно жалѣешь, что не я, а ты ѣздилъ въ Палестину: твои письма были-бы, конечно, гораздо привлекательнѣе и оригинальнѣе моихъ. Я-бы ничего такъ не желалъ, какъ видѣть собраніе твоихъ писемъ; у меня теперь храняться всѣ твои письма къ Тургеневу, и я-бы уже давно сдѣлалъ изъ нихъ выборъ, но глаза неймутъ твоихъ каракулекъ........ Ты спрашиваешь, какая огромная работа у меня на рукахъ? Въ то время, когда я объ этомъ писалъ къ Плетневу, я хотѣлъ заняться многими работами вдругъ и думалъ, что всѣ онѣ могутъ быть кончены въ тѣ шесть мѣсяцевъ, которые надлежало мнѣ прожить на покоѣ въ Баденѣ. Не тутъ-то было. Нельзя командовать фрунтомъ работы, какъ фрунтомъ послушныхъ дисциплинѣ солдатъ. Я едва-ли успѣю окончить часть одной работы. Мнѣ хотѣлось сдѣлать вамъ сюпризъ и привести всю переведенную мной Иліаду. Притомъ я думалъ имѣть время составить первоначальный учебный курсъ для моихъ дѣтей, къ которымъ я принялся въ учители,—курсъ по особенной, мной изобрѣтенной мнемонико-логической методѣ; сверхъ того надѣялся мало-по-малу поправить сдѣланный мной для себя самаго переводъ Новаго Завѣта и еще кое-что, о чемъ не говорю, понеже некогда входить въ подробности.... (1) Но изъ всѣхъ этихъ предпріятій пошло въ ходъ одно только педагогическое, которое надо спѣшить кончить, пока глаза, уши, руки и ноги кое-какъ служатъ. Иліады переведено полторы пѣсни, и съ нею бы я сладилъ легче, нежели съ Одиссеею; ибо въ ней болѣе поэтическаго и высокаго, которымъ гораздо удобнѣе владѣть, чѣмъ простымъ и невдохновеннымъ, которое упрямо лѣзетъ въ прозаически-тривіальное. Я смиренно пожертвовалъ должностному, сухому труду трудомъ усладительнымъ; но этотъ сухой трудъ имѣетъ

(1) Собственноручная рукопись перевода Новаго Завѣта нынѣ уже найдена въ бумагахъ Жуковскаго.

много привлекательнаго. Если Богъ дастъ жизни, то выйдетъ изъ него нѣчто оригинальное и общеполезное. На цензуру я не гнѣваюсь; она дѣйствуетъ, какъ велитъ ей натура ея; наша-же цензура имѣетъ двѣ натуры—собственную и прививочную.... (5) Но возиться съ цензурой не намѣренъ. Стоитъ-ли труда воевать за напечатаніе чего-нибудь! У насъ нѣтъ настоящаго чтенія, — есть одна необходимость убивать какъ-ни-попало время читаемою книгою; то-же, что̀ въ книгѣ, не производитъ ни въ комъ участія; кто печатаетъ свои мысли, тотъ ни съ кѣмъ ими не дѣлится. Напримѣръ, переводить 24 пѣсни Одиссеи было довольно отважное, прибавлю—безнадежное, предпріятіе. Первая половина Одиссеи напечатана прежде второй: что-же? Болѣе половины тѣхъ, кто купилъ первую половину, не полюбопытствовали прочитать второй. Не смотря на это, я все-таки, когда отдѣлаюсь отъ своей педагогической работы, переведу Иліаду: тогда послѣ меня останется прочный монументъ моей жизни. Если, какъ пишетъ мнѣ Фарнъ-Гагенъ, говоря о моемъ переводѣ: "Wir, Deutschen, haben nichts so gelungenes" (6), то изъ этого слѣдуетъ, что мой переводъ есть ближайшій къ подлиннику, ибо до сихъ поръ такимъ слылъ Фоссовъ: дать отечеству чистаго Гомера есть великое утѣшеніе. Хотя заживо я не буду имѣть никакой славы, но Гомеръ, и съ нимъ мой голосъ, отзовутся въ потомствѣ отечества. А мнѣ за это, въ-прибавокъ, — наслажденіе трудомъ, несказанно для души животворнымъ. Моя-же проза пускай лежитъ подъ спудомъ, пока для меня одного и весьма немногихъ, если не полѣнятся въ нее заглянуть; потомъ для моихъ дѣтей. — Прости, мой милый: обними за меня княгиню, Павла, его жену..... Что дѣлаетъ Тютчевъ? Попробуй отвѣчать мнѣ. До конца іюня я пробуду въ Баденѣ.

Твой Жуковскій.

18/30 апрѣля (1850)

У насъ были дни прекрасные; теперь дождь ливмя и холодъ. Какъ у васъ?

(5) Здѣсь говорится о статьяхъ въ прозѣ, въ пропускѣ коихъ тогдашняя цензура находила нѣкоторыя затрудненія. Впрочемъ, большая часть этихъ статей въ послѣдствіи была напечатана съ незначительными пропусками въ посмертномъ изданіи сочиненій его. Въ теченіи временнаго управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, кн. Вяземскій испросилъ у Государя Императора Всемилостивѣйшее соизволеніе на разсмотрѣніе этого изданія въ особомъ Комитетѣ. Можемъ порадовать Русскихъ читателей извѣстіемъ, что нынѣ уже приступлено къ печатанію сочиненій Жуковскаго — какъ прежнихъ, такъ и другихъ, еще доселѣ неизвѣстныхъ.

(6) Т. е. у насъ Нѣмцевъ нѣтъ ничего, столь удавшагося.

2. Два письма Сильвіо Пеллико.

1.

Monsieur le Prince,

La lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire me parle de douleurs, et de douleurs bien cruelles. Quoique elles soient celles d'un père et que je n'en point éprouvé de pareilles, je crois les comprendre par quelque analogie, d'après celles dont j'ai eu l'expérience. Oui, Monsieur, votre lettre dont je vous remercie de tout mon coeur parcequ'elle est bonne, m'a couté des larmes, soit par la part que je prends à vos pertes, soit par le sentiment trop vif que j'ai des miennes. En un an je fermais les yeux à mes deux parens! Dieu me frappa ensuite par la mort d'un frère chéri, le compagnon de mon enfance, l'appui que j'avais cru devoir me consoler toute ma vie. Et ce frère plus fort que moi, je l'ai vu comme vieillir tout-à-coup, souffrir une affreuse agonie, ne pouvoir plus me parler, et s'éteindre! On voit de ces choses et on survit! Mais c'est

que l'on sent, qu'il faut entrer dans les desseins de Dieu. Le Chrétien surtout le sent. Entrons-y avec courage, et que notre sacrifice soit saint. Des grâces sont attachés à l'humble résignation et au courage dans le malheur. Dieu est si bon qu'Il nous sait gré d'aimer encore nos devoirs quand ils ne sont plus adoucis par la chère présence des objets qui nous consolaient le plus. Nous ne comprenons pas ce sublime mystère de la Croix, mais si nous y prenons saintement part, Dieu nous en sait gré! Bénissons Le. Il nous aidera jusqu'à la fin parceque nous avons aimé et souffert en Le bénissant.

Je ne sais où voltige actuellement *l'oiseau-voyageur*, comme vous appelez M. Baruffi. C'est un excellent homme. Je regrette que son livre ait de ces grosses taches que l'on ne rencontre que trop souvent dans les relations de ce genre. Il sera bien puni de sa faute quand je lui lirai votre lettre et celle que M-r de Maistre vous a adressée au sujet de sa crédulité et des inexactitudes graves qu'elle a produites. Tout ce que vous me dites à ce propos, Monsieur, porte l'empreinte de la modération et de la sagesse. Votre petite digression sur le *Knout* est juste, quelque terrible que soit ce supplice. Je ne suis pas de ceux qui s'attendrissent sur les monstres et qui aboliraient volontiers l'épouvantement de la vengeance publique. L'auteur d'un crime atroce a encore des droits à nos consolations réligieuses, à nos prières; il n'en a point à l'indulgence qui lui épargnerait une peine des plus terribles. Je ne partage pas même votre sentiment contre la peine de mort, quoique je sens toute la gravité des raisons que vous m'apportez. Dans ces matières, il n'y a qu'un voeu à former: c'est que les juges aient une conscience, et certès le cas contraire est rare plus que les déclamateurs ne le supposent. Oui, rare, mais hélas! il existe. C'est un fléau qui échappe aux règles, comme un incendie, un tremblement de terre. Les trésors de la bonté de Dieu sont là pour réparer, pour soutenir, pour suppléer abondamment. Le vrai malheureux n'est que le méchant.

Je vous rends, mille grâces, M-r le Prince, de la traduction que vous avez daigné me faire de l'article de Pouchkin, relatif à mon petit livre *Dei doveri degli Uomini*. Mais je croirais que vous avez voulu plaisanter en me conseillant de le publier dans quelque journal italien ou français. La bienveillance de votre bon Pouchkin m'honore, je l'apprecie, mais d'autant moins pourrais-je moi-même en parler. Vous avez perdu dans cet écrivain un esprit des plus distingués. Il avait de l'âme, c'est plus que de l'esprit.-Il faut que je finisse cette lettre, car je suis bien souffrant du poumon. Je suis étonné de vivre encore avec les étouffemens aux quels je suis sujet. Daignez me conserver une place dans votre souvenir si bon, si indulgent. Que Dieu vous fasse trouver les plus douces consolations dans les deux enfants qui vous restent, dans tout ce qui vous entoure!

Quoique je n'aie jamais eu le bonheur de voir M-r de Maistre, j'ai tant de vénération pour lui que j'ose vous prier de lui présenter mon humble hommage. Ses livres m'on fait du bien. Les livres du C-te Joseph son frère sont aussi de ceux aux quels je reviens souvent. Ces deux grandes intelligences se sont faite Russes de bon coeur. Cela prouve qu'elles ont trouvé de bien nobles qualités dans votre nation. Hélas! pourquoi y a-t-il entre vous et nous cette déplorable différence religieuse? Dieu de charité, unissez-nous!

Je vous quitte, M-r le Prince, avec regret. Veuillez agréer l'assurance des sentiments distingués de considération et du plus sin-

cère et respectueux dévouement avec les quels j'ai l'honneur d'être

Votre très humble serviteur
Silvio Pellico.

Turin, 7 juillet, 41.

Переводъ. Въ письмѣ, коимъ ваше сіятельство почтили меня, говорится о скорби, и о скорби тяжкой. Такая *отцовская* скорбь, хотя и незнаема мнѣ (1), но я могу ее постигать по сходству съ тѣми ощущеніями, которыя самому мнѣ пришлось испытать. Да, милостивый государь, я благодарю васъ отъ всего сердца, за ваше доброе письмо: оно заставило меня пролить слезы, и по сочувствію къ вашимъ утратамъ, и по тому, что я слишкомъ живо ощущаю мои собственныя. Въ теченіе одного года я закрылъ глаза отцу и матери! За тѣмъ Господь поразилъ меня кончиною милаго брата, который былъ товарищемъ моего дѣтства и въ которомъ думалъ я имѣть себѣ поддержку и утѣшеніе на всю мою жизнь. Этотъ братъ былъ крѣпче меня, и мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ онъ вдругъ началъ какъ будто старѣть, впалъ въ страшную агонію, не могъ болѣе говорить со мною и угасъ. Видишь все это, и остаешься жить! Тутъ-то почувствуешь необходимость предаться Промыслу Господню. И Христіанинъ чувствуетъ это въ особенности. Предадимся же Ему съ бодростью, и освятимъ значеніе нашей утраты. Благодать сопутствуетъ смиренной самопокорности и бодрому перенесенію горя. Господь благъ. Мы угождаемъ Ему, коль скоро не перестаемъ любить наши обязанности, не услаждаемыя болѣе дорогимъ присутствіемъ тѣхъ существъ, которыя составляли лучшее наше утѣшеніе. Высокое таинство Креста для насъ непостижимо; но, проникаясь святынею онаго, мы угождаемъ Богу. Благословимъ Его. Онъ не предастъ насъ до конца; потому что мы любили и страдали, благословляя Его.

(1) Сильвіо Пелико женатъ не былъ.

Я не знаю, гдѣ теперь витаетъ *странствующая птичка*, какъ называете вы господина Баруффи. Онъ превосходный человѣкъ. Жаль мнѣ, что въ книгѣ его встрѣчаются грубыя ошибки, какими обыкновенно изобилуютъ сочиненія подобнаго рода. Въ наказаніе я прочту ему ваше письмо и письмо, написанное къ вамъ г. де Местромъ по поводу его легковѣрія и проистекшихъ отъ оного грубыхъ ошибокъ. Ваши отзывы касательно этого предмета носятъ на себѣ отпечатокъ умѣренности и благоразумія. Вы правы въ вашемъ небольшомъ эпизодѣ о кнутѣ. Какъ ни страшно это наказаніе, но я не принадлежу къ числу людей, которые нѣжничаютъ по отношенію къ извергамъ и вопіютъ противъ грозной общественной мести. Виновный въ тяжкомъ преступленіи сохраняетъ еще права на наши молитвы, на то, чтобы ему доставлено было утѣшеніе вѣры; но онъ не имѣетъ никакихъ правъ на снисходительность, въ силу которой ему бы избѣгнуть страшнѣйшей кары. Я даже не раздѣляю вашего отвращенія къ смертной казни, хотя и чувствую все значеніе излагаемыхъ вами доводовъ (2) Въ дѣлахъ этихъ нужно желать лишь одного—чтобы судьи были совѣтливы, и, право, оно такъ и есть, вопреки мнѣнію крикуновъ. Да, такъ; но увы! бываютъ исключенія. Этой бѣды не предотвратишь установленіеми, какъ пожара, какъ землетрясенія. Сокровища божественной благости служатъ оправданіемъ, поддержкою, обильнымъ возмездіемъ. Истинно несчастливъ только тотъ, кто порочень.

Много благодарю ваше сіятельство за то, что вы благоволили перевести для меня статью Пушкина о моей небольшой книжкѣ *Dei doveri degli Uomi-*

(2) Читатели припомнятъ, что и В. А. Жуковскій былъ не противъ смертной казни (См. его статью о томъ въ посмертномъ собраніи его Сочиненій, Спб. 1857 ч. XI), Шведскій поэтъ Тегнеръ былъ такого же мнѣнія.
П. Б.

ni (3) Вы мнѣ совѣтуете напечатать ее въ какомъ нибудь итальянскомъ или французскомъ журналѣ. Мнѣ кажется, вамъ вздумалось пошутить со мною. Мнѣ лестно благорасположеніе вашего добраго Пушкина; я цѣню оное, и тѣмъ болѣе не слѣдуетъ мнѣ самому говорить о томъ. Въ этомъ писателѣ вы лишились одного изъ отличнѣйшихъ умовъ. Въ немъ слышна душа: это больше чѣмъ умъ. Я долженъ кончить это письмо, ибо сильно страдаю болью въ легкомъ. При такомъ трудномъ дыханіи, мнѣ удивительно, какъ я еще живу.

Не лишите меня вашего добраго, снисходительнаго воспоминанія. Да пошлетъ вамъ Господь сладостныя утѣшенія въ двоихъ оставшихъ вамъ дѣтяхъ и во всемъ что́ васъ окружаетъ!

Хотя никогда не имѣлъ я счастія видѣть г. де Местра, но питаю къ нему такое уваженіе, что прошу васъ передать ему мой нижайшій поклонъ. Его книги сдѣлали мнѣ добро. Я прибѣгаю также и къ сочиненіямъ его брата, графа Жозефа. Оба эти великіе таланта по сердечному влеченію освоились съ Россеею, что́ доказываетъ, что въ вашемъ народѣ они нашли благородныя качества. Увы! зачѣмъ только между вами и нами это плачевное, вѣроисповѣдное различіе! Боже благости, соедини насъ!

Мнѣ жаль проститься съ вашимъ сіятельствомъ. Примите увѣреніе въ отличныхъ чувствахъ почтенія и самой искренней и почтительной преданности, съ коими имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою. Сильвіо Пеллико.

Туринъ, 7 іюля 1841.

2.

Monsieur le Prince,

J'ai une bonne occasion pour me rappeler à votre souvenir et vous remercier de votre aimable salutation que m'a apportée notre vaillant docteur Florio. Ce digne professeur est rempli de vénération pour vous. Au reste, il est Russe de passion, tout en aimant encore son pays natal: la Russie lui est chère à justes titres, et une des excellentes raisons qu'il allègue est la reconnaissance. Depuis la dernière lettre que j'eus l'honneur de vous écrire, M-r le Prince, j'ai vu quelquefois le professeur Baruffi; il ne peut se consoler des inexactitudes que vous m'avez chargé de lui faire remarquer dans sa relation sur la Russie. Il a fait cette année une course à Constantinople; je ne l'ai pas revu depuis.— Je ne vous écris que ces deux mots: ma santé est faible, je souffre oppression, palpitation, mille petits maux qui me rendent l'homme le plus inutile du monde. Que la volonté de Dieu soit faite! Je Le prie de vous accorder santé et bonheur. Quoique je n'ai jamais eu le plaisir de me trouver près de M-r le Comte Xavier de Maistre, faites-moi la grace de lui présenter mon hommage. Il y a des hommes, que l'on n'a jamais vu et que l'on aime.—St. Pétersbourg nous a enlevé M-r le baron de Meissenberg; quand vous le verrez, veuillez lui dire qu'on le regrette toujours ici, que je pense souvent à lui, et que je tiens à ce qu'il ne m'oublie pas.

Agréez, m-r le Prince, l'assurance de mon respectueux dévouement. Vous êtes un des hommes que je voudrais revoir.

Votre très humble et très obeissant serviteur Silvio Pellico.

Turin, 18 févr. 42.

Переводъ. Пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы привести себя на память вашему сіятельству и поблагодарить васъ за любезное привѣтствіе, посланное съ нашимъ достойнымъ докторомъ Флоріо. Почтенный профессоръ этотъ

(3) Въ Современникѣ 1836 года. Отзывъ Пушкина приведенъ въ Р. Арх. 1866, стр. 504.

исполненъ уваженія къ вамъ. И вообще, не переставая любить родную свою страну, онъ страстно полюбилъ Россію, которая по истинѣ дорога ему, и онъ превосходно ссылается въ этомъ случаѣ на чувство своей признательности. Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь послѣдній разъ писать къ вашему сіятельству, мнѣ случалось видаться съ профессоромъ Баруффи [1]. Онъ въ отчаяніи отъ переданныхъ мною по порученію вашему замѣчаній на книгу его о Россіи. Нынѣшній годъ онъ ѣздилъ въ Константинополь; съ тѣхъ поръ я еще не видалъ его.—Пишу мало, отъ слабости здоровья. Страдаю стѣсненіемъ въ груди, и біеніемъ сердца, и всякими недугами, такъ что становлюсь ни на что не годенъ. Да будетъ воля Божія! Молю Его, чтобы онъ даровалъ вамъ здоровья и счастія. Хотя не имѣлъ я никогда удовольствія встрѣчаться съ гр. Ксавье де Местромъ, но тѣмъ не менѣе прошу васъ передать ему мое почтеніе. Есть люди, которыхъ любишь, никогда не видавши. — С. Петербургъ отнялъ у насъ барона Мейсенберга. Когда увидете его, благоволите сказать ему, что здѣсь объ немъ не перестаютъ жалѣть, что я часто вспоминаю его, и прошу не забывать меня.—Примите, ваше сіятельство, увѣреніе въ почтительной моей преданности. Вы одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мнѣ хотѣлось бы еще увидѣть. Покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга Сильвіо Пеллико. Туринъ, 18 февраля 1842.

3. Письмо Баруффи.

Turin, 1842, le 25 février.

Excellence!

Je profite de l'obligeance de M-r le Conseiller D. Florio pour vous écrire à la hâte deux lignes, et me rappeler à votre précieux souvenir. Vous recevrez de lui les sept cahiers (depuis le № 4 jusqu'au 10 inclusivement) de mes voyages d'autômne, qui vous manquent pour en avoir la collection complète jusqu'à l'an 1840. A la première occasion je vous enverrai le volume (il est sous presse) de ma dernière pérégrination grécobisantine, que je vous prie d'agreér comme une simple carte de visite d'une personne éloignée qui vous professe une grande estime et une grande affection.

La veille de mon départ pour Constantinople, Silvio Pellico est venu chez moi pour me lire une de vos lettres, ou mieux de M-r le Comte de Maistre, contenante quelques observations critiques sur ma course a S-t Pétersbourg et Moscou. Mais Pellico ayant voulu absolument garder vos lettres pour en enrichir la collection des autographes de M-me la Marquise de Barolo chez la quelle il demeure, je suis fâché de ne pouvoir dans le moment vous écrire au moins une ligne de réponse, car la veuve Barolo est dangereusement malade et il est assez difficile de voir le bon Pellico qui est aussi dans une continuelle convalescence, et presque toujours près de M-me la Marquise, ou dans les églises.

Pardonnez-moi, M-r, les fautes innombrables de langue et d'ortographe que vous rencontrerez dans mon billet, car je n'ai absolument aucun exercice dans la langue française et surtout dans l'écriture, car je me contente d'écorcher un peu et bien rarement cettre belle langue avec quelque étranger.

Je vous prie, M-r le Prince, d'agréer mes profonds et affectueux respects, et de dire bien de choses de ma part à MM. le Comte de Maistre et le cher Berton de Sambuy. Je ne sais pas si M-r de Maistre connait la perte de son ami et admirateur Charles Melle, mort à Naples dans le mois d'août dernier. J'ai l'honneur de me professer avec

---
[1] См. Р. Архив. 1866, стр. 504.

la plus grande estime et amitié de votre excellence, le très humble serviteur. G. F. Baruffi, professeur extaordinaire de philosophie positive dans l'univ. royale de Turin.

Переводъ. Туринъ 25 февраля 1842. Пользуюсь обязательнымъ посредствомъ г. совѣтника доктора Флоріо, чтобы написать къ вашему сіятельству нѣсколько тороплнвыхъ строкъ, и поручить себя вашему драгоцѣнному воспоминанію. Флоріо передастъ вамъ семь тетрадей (съ 4 по 10 № включительно) моего осенняго путешествія: такимъ образомъ у васъ будетъ полная коллекція до 1840 г. При первомъ случаѣ доставлю находящееся въ печати описаніе моего послѣдняго, греко-византійскаго, странствованія: прошу принять эту книгу въ видѣ визитной карточки человѣка, далеко отъ васъ живущаго, но питающаго къ вамъ великое уваженіе и великую приверженность. Наканунѣ моего отъѣзда въ Константинополь, приходилъ ко мнѣ Сильвіо Пеллико и прочелъ мнѣ одно изъ вашихъ писемъ, или вѣрнѣе критическія замѣчанія графа де Местра на мое путешествіе въ Петербургъ и Москву. Пеллико ни за что не отдаетъ вашихъ писемъ, и имѣетъ въ виду украсить ими коллекцію автографовъ, принадлежащую маркизѣ Бароло, у которой онъ живетъ. Мнѣ досадно, что вслѣдствіе этого я не имѣю возможности сдѣлать вамъ нѣкоторыя объясненія, такъ какъ вдова Бароло опасно нездорова, и довольно трудно видѣть добраго Пеллико, который тоже находится въ состояніи безпрерывнаго выздоровленія и проводитъ время почти исключительно съ маркизою, либо по церквамъ.

Простите мнѣ безчисленныя ошибки противъ языка и правописанія, наполняющія это письмо: я вовсе не имѣю навыка во французскомъ языкѣ, и особливо въ письменномъ, и лишь изрѣдка случается мнѣ коверкать этотъ прекрасный языкъ въ сношеніяхъ съ иностранцами, чѣмъ я и довольствуюсь.

Прошу ваше сіятельство принять мое глубокое, сердечное уваженіе и передать мои привѣтствія графу и графинѣ де Местрамъ и любезному Бертону де Самбуи (5). Не знаю, дошло ли до г. де Местра извѣстіе о кончинѣ его друга и почитателя Карла Мелле: онъ умеръ въ Неаполѣ, въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ. Имѣю честь быть, съ великимъ уваженіемъ и дружбой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Г. Ж. Баруффи, экстраординарный профессоръ положительной философіи въ Королевскомъ Туринскомъ университетѣ.

4. Два письма Сергѣя Львовича Пушкина.

I.

22 Avril 1837. Moscou.

Recevez mes remérciments, cher князь Петръ Андреевичъ, pour les portraits de mon malheureux Alexandre que votre intendant m'a remis avant-hier. Je vous avoue que je n'ai pu encore jetter les yeux sur celui de Bruni. Je n'en ai pas le courage, et probablement je ne l'aurai pas de sitôt. Ce n'est pas crainte de renouveller mes douleurs: je sens l'affreuse perte que j'ai faite plus vivement encore, s'il se peut, que quand cette terrible nouvelle m'est parvenue. Chez moi le tems ne fait qu'augmenter mes regrets loin de les adoucir, et tous les jours mes angoisses deviennent plus vives et mon isolement plus sensible. A mon âge plus de consolations que l'esperance de me réunir bientôt à ceux que j'ai perdus dans le court espace de 10 mois; et la mort violente d'un fils comme le mien n'est pas de la cathégorie des malheurs attaché à notre existence: il depasse tout à quoi je pouvais m'attendre. Je croyais à la

(5) Самбуи — бывшій секретарь при Сардинскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

mort de mon excellente femme qui était mon Ange-gardien, ne devoir qu' à me couvrir de mon manteau pour attendre la fin de ma triste vie, et voilà que cet horrible evenement vient mettre le comble à mes souffrances et epuiser toutes mes forces morales. J'aî reçu une lettre de Leon, il est au desespoir, et je tremble pour lui. Adieu, bien cher et bien aimable князь Петръ Андреевичъ. Laissez moi vous embrasser comme ami sincère de mon Alexandre. Conservez moi un peu d'intérêt. Je ne puis sentir encore mon existence et la souffrir que par celui que je pourrois inspirer à ceux qui l'ont aime! Qu'est-ce que ce mal d'yeux dont vous souffrez? Je desirerais bien être rassuré sur votre santé Salut et considération à tout jamais.

Serge Pouschkine.

Переводъ. 22-го Апрѣля 1837. Москва. Благодарю васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, за портреты несчастнаго моего Александра, доставленные мнѣ третьяго дни вашимъ управляющимъ. Признаюсь вамъ, я еще не взглянулъ на портретъ, рисованный Бруни (1): у меня не достаетъ на то духу, и вѣроятно долго не достанетъ. И это не потому, чтобы я боялся возобновить мою скорбь: ужасная потеря, мною понесенная, даетъ мнѣ знать себя теперь еще сильнѣе (если только это возможно), нежели въ то время, когда я получилъ о ней страшное извѣстіе. Время не ослабляетъ, а только усиливаетъ мою горесть: съ каждымъ днемъ моя тоска становится рѣзче и мое уединеніе чувствительнѣе. Въ мои лѣта одно утѣшеніе—это надежда скоро соединиться съ тѣми, коихъ я лишился въ короткій десятимѣсячный срокъ (2). Насильственная кончина такого сына, каковъ мой, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ несчастій. Для меня она была внѣ всякаго вѣроятія. Когда умерла достойнѣшая жена моя, бывшая для меня Ангеломъ-хранителемъ, я полагалъ, что мнѣ слѣдуетъ завернуться и ожидать конца моему печальному существованію, и вдругъ это страшное событіе доводитъ до послѣдняго предѣла мои страданія и истощаетъ всѣ мои нравственныя силы. Я получилъ письмо отъ Льва (3); онъ въ отчаяніи, и я за него трушу. Прощайте, дражайшій и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ; позвольте мнѣ обнять васъ, какъ искренняго друга моего Александра. Не забывайте меня. Участіе, принимаемое во мнѣ людьми, которые любили его, даетъ мнѣ еще нѣкоторыя силы для того, чтобы жить и страдать?—Скажите мнѣ, каковы ваши глаза: я хотѣлъ бы быть увѣрену, что вы здоровы. Привѣтъ мой и почтеніе на всегда. Сергѣй Пушкинъ.

2.

Любезнѣйшій князь Петръ Андрѣевичъ! Возвратясь изъ деревни Матвѣя Михайловича (4), я нашелъ письмо ваше, прочелъ его съ чувствомъ благодарности, за воспоминаніе ваше обо мнѣ, но книги не получилъ... Я видѣлъ Современника, не въ и силахъ былъ дочесть письма Василья Андреевича (5). Когда я получилъ оригинальное, я собрался съ силами прочесть его, послѣ того не могъ до него дотрогиваться. Я пріѣхалъ сюда единственно для свиданія съ неоцѣнен-

(1) Бруни нарисовалъ Пушкина въ гробу. Сдѣланная тогда литографія съ этого *замѣчательнаго* рисунка нынѣ довольна рѣдка.

(2) Въ мартѣ 1836 сконч. Надежда Абрамовна Пушкина, а въ генв. 1837 Александръ Сергѣевичъ. Сергѣй Львовичъ пережилъ своего славнаго сына 8-ю годами.

(3) Т. е. отъ втораго своего сына Льва Сергѣевича, находившагося тогда, если не ошибаемся, въ военной службѣ на Кавказѣ.

(4) Солнцева, подъ Москвою.

(5) Въ 1-й кн. Современника 1837 года извѣстное письмо В. А. Жуковскаго о предсмертныхъ часахъ и кончинѣ Пушкина. Оно было обращено къ отцу поэта.

нымъ Жуковскимъ (6). Одинъ разъ только я засталъ его, но надѣюсь увидѣться съ нимъ еще; потомъ поѣду на могилы потерянныхъ мною невозвратно (7). Добрый Жуковскій! Какъ онъ обнималъ меня!.. Мнѣ очень грустно, очень тяжело—что будетъ со мною? Истинно, не знаю; кажется, буду и въ Петербургѣ; увижу и обниму васъ, любезнѣйшій. Я провелъ десять дней у Натальи Николаевны (8) Нужды нѣтъ описывать вамъ наше свиданіе. Я простился съ нею какъ съ дочерью любимою, безъ надежды ее еще увидѣть, или лучше сказать въ неизвѣстности, когда и гдѣ я ее увижу. Дѣти—ангелы совершенные; съ ними я проводилъ утро, день съ нею семейно. Теперь я одинъ и въ трактирѣ, что̀ я ненавижу; сердце почти безпрерывно стѣснено, и одно утѣшеніе то, что по моимъ лѣтамъ, состояніе сіе продолжиться не можетъ. Что сдѣлалось съ вами? Надѣюсь, что вы выздоровѣли совершенно. Простите, любезнѣйшій князь Петръ Андрѣевичъ, не лишите меня дружбы вашей. Вспоминая объ Александрѣ, не забывайте меня. Сохраните ко мнѣ участіе, мнѣ столь драгоцѣнное. Я васъ всегда много любилъ, а теперь безъ слезъ не могу думать о тѣхъ, которые такъ любили покойнаго моего сына.

С. Пушкинъ.

Я осмѣливаюсь напомнить объ отличномъ моемъ почтеніи княгинѣ Вѣрѣ Өедоровнѣ.

2-го Августа 1837.

Москва.

(6) Жуковскій въ это время находился въ Москвѣ, путешествуя по Россіи.

(7) Т. е. въ Псковскую губернію, въ Святогорскій монастырь.

(8) Вдовы А. С. Пушкина.

5. Письма А. В. Кольцова (1).

1.

Ваше сіятельство, Петръ Андреевичъ!

Препорученныя вами письма въ Москву я доставилъ; ихъ приняли отъ меня очень ласково, и дѣло мое тотчасъ-же кончили, послали указъ; но онъ еще у насъ не полученъ, думаю, получится на этихъ дняхъ. Сегодня поутру я доставилъ послѣднее письмо нашему вицъ-губернатору Александру Яковлевичу Мѣшковскому. Онъ принялъ его весьма сухо; — отъ меня не хотѣлъ выслушать ни слова, и только сказалъ, что онъ своего заключенія никакъ не перемѣнитъ. Гдѣ я не думалъ — тамъ случилось напротивъ. Много я васъ обезпокоивалъ моими просьбами, теперь опять въ крайней моей нуждѣ прибѣгаю подъ покровительство ваше, не оставьте меня своей защитой: вы съ самаго начала приняли участіе, и теперь покорнѣйше прошу ваше сіятельство, не откажитесь помочь мнѣ при концѣ. — Съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ честь имѣю пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Алексѣй Кольцовъ.

Воронежъ 1836 года мая 22.

P. S. Естьли что нибудь дурно написалъ, простите, ваше сіятельство, въ первой съ роду пишу къ князю.

2.

Ваше сіятельство, князь Петръ Андреичъ! Дѣло мое въ седьмомъ департаментѣ правительствующаго сената кончилось, хотя не совсѣмъ еще, но все таки, слава Богу, хорошо; по крайней мѣрѣ и остановилося взысканіе на время, и дана возможность оправдать себя. Письма ваши

(*) Сличи письма Кольцова къ кн. В. О. Одоевскому въ Р. Архивѣ 1864, изд. 2-е стр. 1024—1029.

мнѣ помогли какъ нельзя лучше; а безъ нихъ я ровно бы самъ собой ничего не сдѣлалъ; съ ними всѣ меня приняли довольно ласково, выслушали мою просьбу, и всѣ судьи мои вообще захотѣли помочь мнѣ и помогли. Вамъ, добрый князь, я обязанъ снова; вы, какъ духъ-защитникъ притѣсненныхъ, даете руку помощи людямъ безпомощнымъ и помогаете имъ и словомъ и дѣломъ. Благодарю, колѣнопреклонно благодарю васъ, за всѣ сдѣланныя вами мнѣ благодѣянія. Не подумайте, ваше сіятельство, что я притворно изгибаясь и подличая вамъ на однихъ словахъ только льстилъ бы вамъ. Нѣтъ, вы сдѣлали для меня то, чего не сдѣлалъ мнѣ никто на свѣтѣ. Дѣла моего отца были такъ дурны, что ихъ поправить безъ васъ никогда-бъ ни чѣмъ не могъ, и не вступитесь вы за меня, я бы ихъ вѣчно-бъ не поправилъ. Полиціей настоятельно требовали деньги, а денегъ не было, взять было негдѣ, а она и знать этого не хотѣла, ей вынь да положь. Просилъ людей помочь бѣдѣ:—людямъ чужая нужда смѣшна, всякъ живетъ для себя, и всѣ заняты своей заботой; а что другимъ плохо— имъ дѣла нѣтъ. Теперь, слава Богу, положеніе наше стало лучше, и я началъ дышать свободнѣй. Теперь и въ наше семейство стала приходить порою мирная радость, и начало уже въ немъ показываться небольшое довольство. Часто я по цѣлымъ часамъ смотрю на отца, на мать, на сестру; ихъ жизнь какъ-то идетъ теперь полнѣе, лица не омрачены печалью, время проходитъ незамѣтно, и я радуюсь какъ ребенокъ, и всѣмъ этимъ обязаны мы вамъ, ваше сіятельство, однимъ вамъ. Благодарю, васъ, тысячу разъ благодарю, вы сдѣлали для меня много, и я никогда этого не забуду. Душою любящій васъ, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Воронежъ 1841
Марта 1 дня.

P. S. Какъ пріѣхалъ въ Москву, тотчасъ же порученія ваши выполнилъ. Доктору Іовскому сказалъ о положеніи его дѣла, книгопродавцу Кузнецову о книгѣ (2), княгинѣ Щербатовой вашъ подарокъ доставилъ; она была чрезвычайно рада, искренно благодаритъ ваше сіятельство за него и за память о ней.

3.

Добрый, любезный князь Петръ Андреевичъ! Вы обязали меня давно, и недавно, и вновь обязываете до такой степени, что я ни чѣмъ и никогда не могу ни заслужить вамъ, ни заплатить и сотой доли. Ваше письмо, давно ужъ полученное мною, такъ полно искренности, участія, дышетъ такою теплотою, что я не могъ долго писать къ вамъ ни одного слова: вся душа моя была наполнена имъ, и я нарочно длилъ это наслажденіе, не хотѣлъ нарушить святаго очарованія. Благорарю васъ, добрый князь, тысячу разъ благодарю за него и милліонъ разъ благодарю за спокойствіе, которымъ пользуюсь я и мое семейство.—Полиція насъ оставила совершенно; дѣло, производившееся въ сенатѣ, хотя имъ кончено не совсѣмъ, но прежнее его опредѣленіе разрушено, и оно оттолкнуто въ низшія дистанціи года на два, на три, и этого пока довольно. Есть еще дѣлишка два самыхъ старыхъ, только они меня не тревожатъ нисколько. Съ этой стороны все идетъ прекрасно, за то съ другихъ не очень хорошо; знать такова наша жизнь! Съ апрѣля до сихъ поръ я нездоровъ и было очень дурно, теперь началъ понемножку поправлятся. Это мнѣ много помѣшало, цѣлое лѣто мнѣ ничѣмъ нельзя было заниматься, а дни проходятъ, время летитъ, а я сижу. Жизнь моя туманная! Доля неудачная! Выздоровѣю, начну догонять прожитое.

(2) См. въ этомъ году Р. Архива ниже, стр. 652.

Пришло поздно къ вамъ письмо мое, по моей ошибкѣ въ Нѣмцѣ (онъ у насъ содержитъ пансіонъ); при отъѣздѣ его въ Петербургъ, я далъ ему письмо въ руки, просилъ доставить вамъ его лично; а онъ продержалъ его у себя, наконецъ отдалъ на городскую почту. Мой Нѣмецъ въ Петербургѣ растерялся, оплошалъ. Глубоко васъ почитающій и любящій васъ всею силою души, вашего сіятельства, покорнѣйшій слуга

Алексѣй Кольцовъ.

Воронежъ 1841 г.
Октября 24.

6. Шуточная пригласительная записка И. П. Мятлева.

По общемъ совѣщаніи, при общемъ желаніи васъ въ Знаменскомъ видѣть, и никого лишеніемъ этого удовольствія не обидѣть, мы сдѣлали выборъ, почтеннѣйшій князь, для сего воскреснаго дня-съ,—ибо Тимирязева служеніе повело, ѣхать въ пятницу въ Красное село, и такова его служебная забота, что тамъ его удержитъ и суббота; — но я ручаюсь вамъ за этого бравъома ([1]), что въ воскресенье онъ точно будетъ дома, и могу въ томъ ручаться я тѣмъ паче, что домъ его теперь у насъ на дачѣ. Также доложу вамъ и про себя, что, службу царскую любя и собственныхъ имѣя много дѣлъ, также ѣхать въ городъ мой удѣлъ; и для сего назначена пятница, ибо въ этомъ только день трезвъ повѣренный мой пьяница, и работая съ нимъ до самаго поту, можетъ быть захвачу тамъ и субботу; но къ воскресенью навѣрное домой пріѣду, и мы васъ будемъ ожидать къ обѣду. И такъ вотъ вамъ мой рапортъ и донесеніе; пріѣзжайте же съ Пушкинымъ въ воскресенье: мы дадимъ вамъ супа и пирога, а въ протчемъ остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга. *И. Мятлевъ.*

Четвергъ 27 іюля 1833 г.

([1]) Brave homme.

ГРАФЪ ДЕ БАЛЬМЕНЪ. (*)

Графъ Александръ Антоновичъ де Бальменъ происходилъ отъ древняго Шотландскаго рода Рамзай де Бальменъ (Ramsay of Balmain), состоящаго въ родствѣ съ самыми старинными и знатными семействами Шотландіи.

Во время смутъ въ Англіи въ 1688 году, при вступленіи на престолъ принца Оранскаго, нѣкоторые Шотландскіе дворяне остались вѣрными своему королю Іакову II-му и отказались признать права новаго властелина на Англійскую корону. Они рѣшились покинуть свое отечество; нѣкоторые изъ нихъ поступили на службу къ Французскому королю, другіе перешли въ Германію, въ Италію и въ другія Европейскія государства, наконецъ четверо изъ нихъ,—между ними Рамзай де Бальменъ и Брюсъ, поселились въ Константинополѣ, и оттуда позднѣе перешли въ Россію.

Графъ Богданъ Андріановичъ Рамзай ([1]) де Бальменъ, дѣдъ графа Александра Антоновича, принялъ Русское подданство и поступилъ на Русскую службу. Онъ убитъ въ сраженіи при Вильманштрандѣ, будучи полковникомъ и командуя Троицкимъ полкомъ.

Сынъ его, гр. Антонъ Богдановичъ былъ генер.-губернаторомъ Курскимъ и Орловскимъ и особенно прославился воинскими подвигами на Кавказѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1790 г. Въ награду заслугъ графа А. Б. де Бальмена Екатерина одарила семейство его: вдо-

(*) Этотъ біографическій очеркъ служитъ введеніемъ къ бумагамъ графа де Бальмена, которыя мы получили отъ сына его графа Адольфа Александровича и которыя слѣдуютъ у насъ ниже, стр. 659—734. П. Б.

([1]) Съ поступленіемъ перваго графа де Бальменъ въ Русское подданство имя Рамзай отдѣлилось отъ Бальменъ, не смотря на то, что Рамзай главное семейное имя, а Бальменъ только названіе замка, который служилъ мѣстопребываніемъ главѣ семейства. Въ Шотландіи до сихъ поръ существуетъ городъ Бальменъ съ развалинами этого замка.

ва его получила 500 душъ и нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Графъ Александръ Антоновичъ, въ то время девяти лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ корнеты, зачисленъ лейбъгвардіи въ конный полкъ и помѣщенъ до окончанія воспитанія въ 1-й кадетскій корпусъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ ([2]). Другой его братъ былъ помѣщенъ въ пажескій корпусъ, обѣ сестры въ Смольный монастырь,—всё на казенный счётъ. Старшая изъ сестеръ была назначена фрейлиной къ государынѣ.

Въ царствованіе импер. Павла графъ Александръ Антоновичъ, уже въ чинѣ штабъ-ротмистра л.-гв. коннаго полка, раздѣлилъ участь многихъ. Заступаясь за одного товарища, который напроказилъ, онъ ударилъ какого-то частнаго пристава въ то мѣсто, которое французы назвали бы le système dentaire, за что былъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, переведенъ въ какой-то пѣхотный полкъ и немедленно помѣщенъ, въ сѣрой солдатской шинели, въ одну изъ Петербургскихъ казармъ. Къ счастію для него это печальное событіе случилось всего за три дня до кончины Павла Петровича. По вступленіи на престолъ императора Александра, онъ немедленно получилъ обратно все, чего его лишила минутная вспышка; графъ часто разсказывалъ со смѣхомъ и вмѣстѣ съ нѣкоторымъ содроганіемъ о трехдневномъ своемъ пребываніи въ казармахъ.

Это обстоятельство вѣроятно не мало подѣйствовало на его внезапное рѣшеніе оставить военную службу и опредѣлиться къ статскимъ дѣламъ. Слѣдующія подробности о службѣ покойнаго графа мы выписываемъ изъ его формулярнаго списка.

([2]) Гр. Карлъ Антоновичъ, хорошо извѣстный въ свое время необыкновенною храбростью и успѣхами въ обществѣ. 24-хъ лѣтъ, уже былъ генералъ маіоромъ, но за то весь израненъ, изрубленъ; 26-ти лѣтъ онъ умеръ отъ этихъ ранъ.

Будучи на службѣ въ иностранной коллегіи, 20-го августа 1801-го года, первоначально отправленъ къ Сардинской миссіи. 30 января—803 переведенъ въ Неапольскую миссію. 30 іюня—810 назначенъ къ Вѣнской миссіи секретаремъ посольства. 30-го апрѣля—812 по высочайшему повелѣнію передъ открытіемъ французской войны отправленъ съ секретными порученіями въ города Грацъ и Тріестъ. 23 іюня, при вступленіи французской арміи въ Россійскія границы, отправленъ съ секретными же порученіями въ города Прагу, Карлсбадъ и Дрезденъ. Исполнивъ сіе, отправленъ, съ секретными же порученіями, въ городъ Смоленскъ къ генералу Барклаю де Толли. 3 октября, опредѣленъ къ Лондонской миссіи секретаремъ посольства. 23 марта—813 принятъ въ военную службу (подполковникомъ) и отправленъ съ депешами изъ Лондона въ главную квартиру его императорскаго величества въ городъ Дрезденъ. До Пражскаго перемирія состоялъ при отрядномъ командирѣ Россійскихъ войскъ генералѣ графѣ Вальмоденѣ, находившемся у рѣки Эльбы между городомъ Гамбургомъ и мѣстечкомъ Делицею. 4 августа, состоялъ въ арміи кронъ-принца Шведскаго, въ отрядѣ генерала графа Воронцова. Былъ въ дѣйствительныхъ главныхъ и авангардныхъ сраженіяхъ, 11 и 12 августа подъ м. Гроссъ-Беренъ, подъ м. Ютерборнъ и подъ городомъ Витембергомъ; 25 августа, подъ м. Денневицею, до совершеннаго разбитія французской арміи, бывшей подъ начальствомъ маршаловъ Удино и Нея,—за что награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. 1-го сентября, командированъ въ отрядъ генерала Чернышева и находился въ авангардѣ подъ командою полковника Бенкендорфа въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ 16 и 18 сентября подъ городомъ Касселемъ, за что награжденъ орденомъ Св. Ан-

ны 2-й степени. 18 и 19 октября подъ городомъ Ганнау, и во всѣхъ ежедневныхъ авангардныхъ дѣлахъ во время преслѣдованія французской арміи, отъ м. Шлоссъ Виппахъ (близь города Эрфурта) до м. Кронбурга (близь рѣки Рейна). 22 октября, отправленъ изъ отряда генерала Чернышева съ донесеніями въ городъ Патерборнъ къ генералу барону Винценгероде. 27 октября, отправленъ отъ него съ донесеніями же въ городъ Ганноверъ къ кронъ-принцу Шведскому. По исполненіи сего, находился снова въ отрядѣ генерала графа Воронцова во всѣхъ движеніяхъ къ французскимъ границамъ до города Бремена, гдѣ заболѣлъ. Тутъ за отличіе получилъ отъ кронъ-принца Шведскаго орденъ Золотаго Меча при рескриптѣ отъ 10 ноября. 1-го марта 814, по выздоровленіи отъ болѣзни, возвратясь къ арміи, не могъ уже присоединиться къ отряду генерала графа Воронцова, по случаю прекращенія всѣхъ сообщеній, воспослѣдовавшаго отъ сильныхъ движеній непріятельской арміи подъ начальствомъ самого Наполеона. Оставался въ отрядахъ, поставленныхъ у крѣпостей и въ городѣ Нанси до взятія города Парижа. 4 апрѣля, изъ города Нанси отправленъ въ городъ Парижъ къ Е. И. В. и ко двору французскому съ донесеніями о покореніи крѣпостей Меца, Люксамбурга и прочихъ. Получилъ за сію войну отъ короля Прусскаго орденъ „За достоинство", при рескриптѣ отъ 30 мая 814. 11-го іюня 815, по высочайшему повелѣнію, отправленъ изъ главной квартиры Е. И. В. въ городѣ Гейдельбергѣ съ письмомъ къ мѣстопребыванію герцога Веллингтона; а съ того времени до вторичнаго взятія города Парижа находился при Англійской арміи. 21 іюня отправленъ къ Е. И. В. съ извѣстіемъ о покореніи сей столицы; но, получивъ приказаніе слѣдовать прямо черезъ непріятельскіе города и посты, неоднократно подвергался опасности, особенно около города Витри ле Франо и въ городѣ Шатотіерри, гдѣ народъ и гарнизонъ, собравшись и возвысивъ трехцвѣтный флагъ, намѣревались лишить его жизни. 26-го іюня, по высочайшему повелѣнію, отправленъ изъ города Линьи въ городъ Парижъ для заготовленія почтовыхъ лошадей Ихъ Величествамъ императорамъ Россійскому и Австрійскому. 1-го сентября, въ слѣдствіи конвенціи, заключенной въ Парижѣ между союзными державами, назначенъ на островъ Св. Елены въ качествѣ Россійскаго коммиссара. Находясь на ономъ до мая мѣсяца 820, получилъ высочайшее благоволеніе 17 октября 816, 5 апрѣля 817 и 28 ноября 817.—820 февраля 8, въ награду за отличное исполненіе своей должности на островѣ Св. Еленѣ, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Е. И. В. 2-го декабря 822, по особенному Е. И. В. соизволенію, опредѣленъ къ Лондонской миссіи сверхъ новаго штата. 4 декабря 826, по высочайшему повелѣнію отозванъ оттуда. 1-го мая 828, отправленъ въ свитѣ Е. И. В. въ дѣйствующую армію, находящуюся въ Турціи. Состоялъ при особѣ Е. И. В. во всѣхъ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, происходившихъ во время этой кампаніи, за что 1-го іюня получилъ знаки Св. Анны 2-й степени съ алмазами, а 29 сентября за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры.

По отозваніи графа де Бальмена со Св. Елены, на его мѣсто былъ назначенъ коммиссаромъ баронъ Голландъ. Вслѣдъ за тѣмъ однакожь вышелъ новый приказъ, въ которомъ баронъ получалъ другое назначеніе; а графъ де Бальменъ вторично назначался коммиссаромъ на островъ Св. Елены. Онъ уже собирался отплыть къ своему посту, когда получено было извѣстіе о кончинѣ Наполеона.

Высочайшимъ указомъ министру финансовъ отъ 18-го февраля 823 на-

значенъ графу де Бальмену за услуги, оказанныя имъ на островѣ Св. Елены, пенсіонъ по три тысячи рублей въ годъ, считая рубль въ 250 ценсовъ Нидерландскихъ. Часть этого пенсіона, по смерти графа, была всемилостивѣйше пожалована его вдовѣ императоромъ Николаемъ.

1831-го года апрѣля 16-го, графъ былъ, по высочайшему повелѣнію, назначенъ къ резервной арміи для нахожденія при главнокомандующемъ оной графѣ Остенъ-Сакенѣ и прослужилъ весь походъ въ Литвѣ противъ Польскихъ мятежниковъ до причисленія войскъ, составляющихъ резервную армію, къ первой арміи. 1-го іюля того же года, когда Польскіе мятежники, подъ начальствомъ Гельгуда, сдались Пруссакамъ, главнокомандующій резервной арміи отправилъ гр. Бальмена вслѣдъ за ними въ Пруссію для переговоровъ о дальнѣйшей ихъ участи.

Графъ вышелъ въ отставку въ 1837 году, вынужденный къ тому разстроеннымъ на службѣ здоровьемъ. Между прочимъ, отъ слишкомъ частаго наблюденія въ подзорную трубу за непріятельскими движеніями во время Турецкой кампаніи, у него образовался катарактъ на обоихъ глазахъ. Глаза его наконецъ совершенно потухли, въ продолженіи слишкомъ трехъ лѣтъ онъ рѣшительно ничего не видѣлъ, и только въ 1843-мъ году знаменитый Парижскій окулистъ Сишель, чрезвычайно удавшеюся операціей, возвратилъ ему зрѣніе. Графъ Александръ Антоновичъ скончался въ С.-Петербургѣ 17 апрѣля 1848 года, сопутствуемый въ могилу слезами и искреннимъ сожалѣніемъ всѣхъ, кто его зналъ.

Покойный графъ де Бальменъ былъ очень добръ, веселонравенъ, любезенъ, съ примѣсью нѣкоторой оригинальности, которую онъ наслѣдовалъ отъ своихъ шотландскихъ предковъ. Его разговоръ былъ остроуменъ и оживленъ; онъ любилъ шутить, и его шутки, которыя иногда вкрадывались даже въ оффиціальныя бумаги, составляли блаженство чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Ихъ такъ и называли „les plaisanteries du comte de Balmain," и преданіе о нихъ сохранилось до сихъ поръ въ министерствѣ. Онъ кромѣ того обладалъ необыкновенною способностью смѣшить прекрасный полъ до слезъ, до истерики.

Въ исправленіи служебныхъ обязанностей графъ отличался большою дѣятельностью, точностью, смышленостью и тактомъ, и потому когда являлась надобность въ этихъ качествахъ, его избирали часто помимо другихъ, имѣвшихъ болѣе правъ на таковой выборъ, какъ по старшинству такъ и по заслугамъ. Доказательствомъ тому можетъ служить назначеніе его на островъ Св. Елены, воспослѣдовавшее прямо отъ императора Александра, который хорошо зналъ и цѣнилъ въ немъ эти качества.

И въ самомъ дѣлѣ, чтобы буквально исполнить свои инструкціи на этомъ трудномъ мѣстѣ, чтобы сладить съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ губернаторъ острова, сиръ Гудсонъ-Лоу, маневрировать между Французами и Англичанами такимъ образомъ, чтобы не задѣвать ни тѣхъ ни другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заслужить всеобщее расположеніе, чтобы наконецъ пріобрѣсти довѣріе самого Наполеона, чего не достигли ни французскій, ни австрійскій коммиссары, нужны были и тактъ, и смышленость, и много того умѣнія, которымъ отличаются наши дипломаты и которому даже Французы отдаютъ должную справедливость: „Les Russes sont les plus grands diplomates du monde", говорятъ они, но прибавляя по своему обыкновенію „après les Francais" (*). Нельзя не упомянуть вмѣстѣ съ этимъ о тѣхъ

(*) Русскіе искуснѣйшіе въ мірѣ дипломаты, но послѣ Французовъ.

чувствахъ чести, безкорыстія и человѣколюбія, о тѣхъ чувствахъ истиннаго христіанина, которыя заслужили въ то время графу на островѣ Св. Елены,—и конечно не на одномъ этомъ островѣ,—не только всеобщее расположеніе, но и всеобщее уваженіе.

Истинный рабъ своего долга, онъ нѣсколько разъ отвергалъ весьма значительную сумму, которую ему настойчиво предлагалъ Монтолонъ, — по приказанію Наполеона,—для доставленія письма, написаннаго послѣднимъ къ императору Александру. Милліонъ большое искушеніе; а тѣмъ болѣе, когда его можно пріобрѣсти безъ всякаго труда, безъ особенно важнаго нарушенія своего долга и почти безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій для себя. Графъ де Бальменъ хорошо зналъ, что кромѣ развѣ оффиціальнаго выговора, ему, за доставленіе этого письма, опасаться нечего, ни царскаго гнѣва, ни упрековъ начальниковъ, ни дурнаго мнѣнія кого бы то ни было. Одно уже состраданіе къ несчастному положенію Наполеона могло служить ему достаточнымъ оправданіемъ: но кромѣ того были тысячи средствъ представить все это дѣло въ такомъ свѣтѣ, чтобы не только избѣгнуть упрековъ, но и заслужить одобреніе. Конечно, за всѣмъ этимъ осталось бы на совѣсти пятнышко, но такое крошечное, такое незамѣтное, что, многіе, конечно не обратили бы на него вниманія. Графъ однакожъ устрашился этого пятнышка и восторжествовалъ надъ искушеніемъ. Письмо осталось въ портфелѣ у Наполеона, и милліонъ получилъ другое назначеніе. Впослѣдствіи, по возвращеніи изъ Св. Елены, графъ откровенно разсказалъ государю всѣ подробности этого дѣла и кончилъ свой разсказъ слѣдующимъ вопросомъ:

„Si un cas pareil se présentait de nouveau, Sire, si j'étais chargé encore une fois de faire parvenir une lettre de Napoleon à Votre Majesté, pourrais je le faire sans concourir le blâme et le deplaisir de mon auguste Maitre?“ (*)

Государь, который въ теченіи этого разговора игралъ по своему обыкновенію съ аксельбантомъ графа, ничего не отвѣчалъ и продолжалъ играть; но въ его глазахъ, въ выраженіи его лица, можно было ясно прочесть утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Графъ Александръ Антоновичъ былъ два раза женатъ: первый разъ на дѣвицѣ Джонсонъ, падчерицѣ Сиръ Гудсонъ-Лоу, губернатора Св. Елены, отъ перваго брака его супруги съ баронетомъ сиръ Вилльамомъ Джонсономъ, полковникомъ Англійской арміи. Графъ имѣлъ несчастіе лишиться ея послѣ четырехъ лѣтъ самой счастливой супружеской жизни. Ей не было еще 15-ти лѣтъ, когда онъ женился на ней, и во многихъ отношеніяхъ она, до конца жизни, оставалась настоящимъ ребенкомъ, хотя въ другихъ выказывала разумъ и понятія уже совершенно взрослой женщины. Императоръ Александръ, который очень любилъ и уважалъ ее (**), находилъ особенную для себя забаву въ ея дѣтскихъ выходкахъ, англійскомъ произношеніи, оригинальности и пр. По ея кончинѣ графъ вступилъ во вторичный бракъ съ дѣвицею Глафирою Николаевной Свистуновой, происходящей по женскому колѣну отъ тѣхъ Ржевскихъ, которые нисходятъ по прямой линіи отъ князей Смоленскихъ.

Да будетъ позволено окончить этотъ біографическій очеркъ нѣкоторыми анекдотами-мелочами, относящимися къ жизни покойнаго графа.

(*) Т. е. если подобный случай представится вторично, если и другой разъ мнѣ поручатъ передать письмо Наполеона вашему величеству, могу ли я это сдѣлать, не подвергаясь порицанію и неблаговоленію августѣйшаго моего государя?

(**) Помѣщаемъ далѣе одно изъ собственноручныхъ писемъ его величества къ покойной графинѣ.

Графъ любилъ словесность, онъ зналъ наизусть трагедіи Расина, Корнеля и др.; въ кадетскомъ корпусѣ онъ былъ всегда изъ первыхъ во французской литературѣ (о русской въ то время не было и помину); кромѣ того онъ самъ довольно удачно писалъ легкія стихотворенія для альбомовъ знакомымъ дамамъ; нѣкоторыя изъ нихъ были даже напечатаны, подъ псевдонимомъ, въ различныхъ Парижскихъ журналахъ и альманахахъ.

Графъ, воспитанный въ почитаніи однихъ классиковъ, не очень жаловалъ романы и другія затѣи нашей современной литературы; — во всю свою жизнь онъ прочелъ одинъ „Cinq Mars" Альфреда де Виньи и „Ивана Выжигина" сочиненіе Ѳаддѣя Венедиктовича Булгарина. Первый нѣсколько помирилъ его съ переворотомъ, совершившимся во французской литературѣ въ 30-хъ годахъ; но онъ остановился на немъ, считая его за исключеніе, за жемчужину, неизвѣстно какимъ образомъ очутившуюся среди нелѣпыхъ и безобразныхъ элукубрацій тогдашней романтической школы. „Иванъ Выжигинъ" — и можно ли удивляться тому?—отбилъ у него всякое желаніе и охоту къ дальнѣйшему изученію произведеній русскихъ романистовъ.

Говорить о графѣ де Бальменѣ и не упомянуть въ то же время о Пьеро и Капи, вещь рѣшительно невозможная. Пьеро былъ попугай, сѣрый съ краснымъ хвостомъ, купленный имъ на Св. Еленѣ; Капи, собака породы Scotch terriers, постоянно сопровождавшая его во время ежедневныхъ прогулокъ на Невскомъ проспектѣ и большая мастерица истреблять крысъ и мышей. Про Пьеро и Капи зналъ не только весь Петербургъ, но и самъ Государь. Пьеро былъ чрезвычайно строгій и важный джентльменъ, кромѣ того мизантропъ и врагъ прекраснаго пола,—много хорошенькихъ пальчиковъ онъ перекусалъ на своемъ вѣку; одному графу онъ позволялъ брать себя на руки, цѣловать и пр. Въ дорогѣ, клѣтка его, которая ставилась на фартукъ коляски, собирала вокругъ себя на каждой станціи, въ каждомъ городѣ, толпу любопытныхъ, которые громко выражали свой восторгъ, когда обитатель оной начиналъ распекать смотрителей, ямщиковъ, требовалъ водки, закуски, жаловался на тряскую дорогу и пр.

Враждебное расположеніе Пьеро къ женщинамъ было причиною его преждевременной смерти. Онъ имѣлъ привычку, завидя въ комнатѣ одну изъ своихъ непріятельницъ, потихоньку слѣзать съ своей палки. Очутясь на полу, онъ чрезвычайно быстро подбѣгалъ къ ней и цапъ за платье. Этотъ маневръ, который онъ исполнялъ необыкновенно ловко, заставлялъ иногда цѣлое общество дамъ съ крикомъ и хохотомъ искать убѣжища отъ преслѣдованія на креслахъ, стульяхъ, диванахъ, столахъ. Разъ онъ ухватился такимъ образомъ за подолъ одной горничной, которая грубымъ и неловкимъ движеніемъ вывихнула ему шею. Эта потеря была очень ощутительна для графа: для него Пьеро былъ олицетвореннымъ воспоминаніемъ самой блестящей эпохи его жизни. Капи также кончился не своею смертью: онъ былъ отравленъ однимъ свирѣпымъ Петербургскимъ домовладѣльцемъ.

Англійскій король Георгъ IV, во время нахожденія графа при Лондонской миссіи, никогда не встрѣчалъ его, не спрося, когда онъ отправится въ гости къ своимъ двоюроднымъ братьямъ въ Шотландію. „Eh bien, Balmain, quand donc irez vous visiter vos cousins en Ecosse?" Нужно замѣтить, что не всѣ Рамзай де Бальмены отказались присягнуть принцу Оранскому; потомки тѣхъ, которые остались въ Шотландіи, продолжаютъ жить, по примѣру предковъ, въ родовомъ помѣстьѣ, занимаютъ мѣста въ парламентѣ, служатъ

въ милиціи и готовы принять съ распростертыми объятіями всякаго де Бальмена, которому вздумается посѣтить ихъ.

Однажды, во время Турецкой кампаніи, великій князь Михаилъ Павловичъ, замѣтивъ, что графъ слѣзъ съ лошади, чтобы поправить ослабѣвшую подпругу, подъѣхалъ къ нему и спросилъ: „Que faites vous là, Balmain?—Monseigneur, je sangle mon cheval.—Ah! une affaire sanglante; continuez, mon cher, je ne vous derange pas."

Графъ имѣлъ огромный запасъ подобныхъ анекдотовъ, которые онъ разсказывалъ, съ большимъ юморомъ и оживленіемъ; между прочимъ онъ разсказывалъ, какъ его, въ одномъ французскомъ мѣстечкѣ, приняли за Наполеона, вскорѣ послѣ побѣга послѣдняго изъ острова Эльбы, и хотѣли арестовать; какъ однажды, въ Парижѣ въ 1814 году его каммердинеръ обокралъ его, проигралъ украденныя деньги въ игорномъ домѣ и застрѣлился въ его передней и пр. и пр.

Графъ Адольфъ де Бальменъ.

Приложеніе.

Lettre de l'Empereur Alexandre 1-er à Charlotte, comtesse de Balmain.

Je dois paraître inexcusable à vos yeux, Madame, d'avoir tardé si longtemps avec ma réponse, à votre si aimable lettre, à laquelle vous avez eu la bonté de joindre la copie de celle de Sir Hudson Lowe. Au moment où je l'ai reçue je me trouvais alité et je suis resté dans cet état, longtemps encore après votre départ. Depuis votre retour, j'esperais toujours avoir une occasion de vous rencontrer, pour vous remercier de bouche. Mais l'occasion ne s'en étant pas présenté encore jusqu'à ce moment, et apprenant que vous venez d'arriver à Zarskosélo, je prends la plume pour vous exprimer, Madame, combien j'ai eté sensible à votre obligeante bonté ainsi qu'à tout ce que Sir Hudson Lowe veut bien dire sur mon compte. Je serais charmé si dans une de vos lettres vous seriez assez complaisante pour le lui marquer de ma part en l'assurant de la sincère estime que je lui ai voué depuis le tems que nous avons fait connaissance.

Je profite en même tems de cette occasion pour me rappeler par ces lignes à votre souvenir, Madame, et vous offrir mes hommages respectueux.

Alexandre.

le 3 Juillet 1824.

Переводъ. Письмо императора Александра 1-го къ графинѣ Шарлотѣ Бальменъ. Милостивая государыня. Поздній отвѣтъ мой на любезное письмо ваше (къ которому вы были такъ добры, что приложили копію съ письма Сира Гудсонъ-Лоу) долженъ казаться непростительнымъ въ глазахъ вашихъ. Ваше письмо пришло, когда я былъ боленъ, и по отъѣздѣ вашемъ я еще долго не покидалъ постели. По вашемъ возвращеніи я все искалъ случая съ вами встрѣтиться и поблагодарить васъ лично. Но такого случая до сихъ поръ мнѣ не выпадало, и, узнавъ, что вы прибыли въ Царское Село, я взялся за перо, чтобы выразить вамъ, милостивая государыня, какъ чувствителенъ я къ вашей обязательной добротѣ и ко всему тому, что было угодно Сиру Гудсонъ-Лоу сказать на мой счетъ. Вы одолжите меня, передавъ ему это въ одномъ изъ вашихъ писемъ и увѣривъ его въ искреннемъ уваженіи, которое я питаю къ нему съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы познакомились. Пользуюсь случаемъ, чтобы сими строками привести себя вамъ на память и изъявить вамъ, милостивая государыня, мое почтеніе. Александръ. 3 іюля 1824.

Изъ Кавказскихъ воспоминаній В. А. Инсарскаго.

Поѣздка въ Баку.

Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1867 года (№ 333, отъ 11 декабря) появилась небольшая замѣтка Н. Д. Дмитріева, конечно обратившая на себя вниманіе того, кто слѣдитъ за успѣхами Русской исторіографіи. Въ замѣткѣ этой говорится о неизданныхъ Запискахъ Василія Антоновича Инсарскаго, и сказано между прочимъ слѣдующее: „Пишущему эти строки довелось прочесть нѣсколько отрывковъ изъ Записокъ, веденныхъ В. А. Инсарскимъ, бывшимъ директоромъ канцеляріи при главнокомандующемъ на Кавказѣ, князѣ Барятинскомъ, а нынѣ московскимъ почтъ-директоромъ. Довольно значительное положеніе по службѣ, огромный кругъ лицъ, съ которыми автору приходилось быть въ сношеніяхъ, важныя событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ,—событія, кои составятъ славныя страницы нашей исторіи,—все это доставило автору богатѣйшій матеріалъ для занимательности „Записокъ". Но наблюдательность, умѣнье уловлять характеристическія черты лицъ и происшествій, способность разсказывать просто и свободно, сообщаютъ Запискамъ особое, такъ сказать субъективное, достоинство, которое не часто встрѣчается. Мы читали далеко не всѣ Записки, о которыхъ говоримъ, поэтому рѣшительнаго слова о всемъ вообще трудѣ В. А. Инсарскаго произнести не можемъ; но то, что̀ нами прочитано, безъ преувеличенія, прекрасно. Описывая событія Кавказа, авторъ положительно переноситъ васъ въ его заоблачныя страны; вы видите этихъ отважныхъ бойцевъ, покорившихъ область, гдѣ кровавымъ боемъ нужно было брать каждый камень, каждый перелѣсокъ, каждый шагъ. Авторъ водитъ читателя по тропинкамъ, висящимъ надъ пропастями, по которымъ, однако же, взбирались арміи, артиллерія и проч.; авторъ вступаетъ съ читателемъ въ лѣса, гдѣ каждое дерево—засада, каждый шагъ—погибель; онъ разсказываетъ, напримѣръ, что̀ значатъ эти *просѣки*, о которыхъ мы такъ спокойно и равнодушно читали въ реляціяхъ, между тѣмъ какъ посредствомъ ихъ совершилось главнымъ образомъ покореніе Кавказа. Проведеніе ихъ сто̀ило арміи не менѣе сраженій; по нимъ шагъ за шагомъ двигались наши рати въ глубь неприступной страны; онѣ, какъ иглы, впивались въ грудь чудовища, отстаивавшаго себя слишкомъ полвѣка противъ могущественнѣйшаго государства. Авторъ представляетъ намъ какъ главныхъ дѣятелей этой войны, такъ и простыхъ ея сподвижниковъ, героевъ знаменитой арміи, оставившей за собою историческое имя *Кавказской арміи*. Записки исполнены рѣдкаго интереса; онѣ занимательны не только своимъ содержаніемъ, своею историческою стороною, но мѣстами истинною поэзіею. Авторъ задалъ себѣ задачу—*не мудрствовать лукаво*, не дѣлать изъ себя цеховаго писателя, а просто записать для памяти то, что̀ видѣлъ и слышалъ. Отъ этой простоты замысла и отъ богатства содержанія и вышло прекрасное дѣло: поэзія природы, поэзія подвиговъ и лицъ—ложились сами собою подъ перо занимательнаго разскащика. Событія и дѣятели ихъ отливались, какъ живые, въ свободныя и типическія формы. Лучшимъ доказательствомъ занимательности Записокъ служитъ слѣдующее: онѣ читаются съ глубочайшимъ интересомъ даже тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о событіяхъ, по видимому, не способныхъ интересовать равнодушнаго читателя, какъ напр. о домашнихъ своихъ дѣлахъ, семейныхъ и т. п.".

По обязательной благосклонности своей, В. А. Инсарскій доставилъ намъ возможность личнымъ опытомъ убѣдиться въ совершенной вѣрности этой характеристики. Мы испытали высокое наслажденіе, перечитывая рукописные

томы этихъ увлекательныхъ Записокъ, обнимающихъ собою болѣе четверти недавно прожитаго вѣка.

Полное отсутствіе личныхъ пристрастій при изложеніи, которое однако постоянно согрѣто искреннимъ чувствомъ, рѣдкое умѣніе не теряться въ мелочахъ, но схватывать крупныя и рѣдкія черты лицъ и событій, наконецъ самое разнообразіе и важность содержанія,—содѣлают эти Записки истинно драгоцѣнными для будущаго историка эпохи, почти намъ *современной*. Вполнѣ признавая и уважая условія скромности, налагаемыя симъ послѣднимъ обстоятельствомъ, мы испросили однако позволенія у многоуважаемаго автора—по нижеслѣдующему отрывку хотя нѣсколько познакомить читателей Русскаго Архива съ пріемами труда его, коему вполнѣ придаемъ значеніе исторіографическое. *П. Б.*

ПОѢЗДКА ВЪ БАКУ.

Не смотря на пріятныя и почетныя отношенія, которыми окружилъ меня Кавказъ съ самаго пріѣзда моего туда, я не могъ не испытывать въ моемъ положеніи нѣкотораго тревожнаго раздвоенія. Одною половиною я принадлежалъ Кавказскому міру, а другой Петербургу, откуда моя семья, по моимъ планамъ и указаніямъ, должна была сдѣлать огромный переѣздъ на Кавказъ. Переѣздъ этотъ я направилъ воднымъ путемъ, расчитывая, что онъ во всякомъ случаѣ представляетъ несравненно болѣе спокойствія, чѣмъ сухопутное путешествіе по нашимъ дорогамъ и чрезъ наши станціи. И дѣйствительно, при содѣйствіи нѣкоторыхъ связей и безчисленныхъ писемъ, которыя я разсылалъ во всѣ концы міра, семейство мое совершало это путешествіе съ величайшими удобствами. Оно направлялось на Астрахань, а оттуда на Баку. Въ то время находился въ ходу вопросъ о подчиненіи Астраханской губерніи Кавказскому управленію, и поэтому понятно, въ какихъ любезныхъ отношеніяхъ къ этому управленію находились таможнія власти. Кавказскій намѣстникъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, по моей просьбѣ, писалъ туда, чтобы, по прибытіи въ Астрахань моего семейства, устроить его тамъ и потомъ отправить въ Баку самымъ благонадежнымъ образомъ. Тогда между Астраханью и Баку существовало довольно жалкое, такъ называемое „почтовое пароходство.“ По Кавказскому календарю значилось, что пароходы изъ Астрахани идутъ въ Баку два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го и при благопріятныхъ обстоятельствахъ приходятъ туда на пятый день. Съ простодушіемъ неопытности, довѣряя этимъ печатнымъ заявленіямъ, я въ письмахъ своихъ къ семьѣ настоятельно требовалъ, чтобы прибытіе ея въ Астрахань послѣдовало непремѣнно въ концѣ августа. Я расчитывалъ, что если въ одинъ и тотъ же день, 1-го сентября, семья моя отправится изъ Астрахани, а я выѣду, на встрѣчу ей, изъ Тифлиса, то мы можемъ съѣхаться въ Баку также въ одинъ и тотъ же день. Разница могла заключаться только въ нѣсколькихъ часахъ.

Та самая карета, которая привезла меня изъ Петербурга въ Тифлисъ, карета поразительная по своей крѣпости, помчала меня въ гор. Баку, который отстоитъ отъ Тифлиса на разстояніи до 600 верстъ. Мнѣ говорили, что на этомъ пространствѣ лѣтомъ просто ѣздить невозможно: до такой степени эта полоса исполнена лихорадочными міазмами; нѣкоторые прибавляли, что проѣздъ тутъ даже въ сентябрѣ не совсѣмъ безопасенъ. Не знаю почему, но всѣ эти разсказы казались мнѣ преувеличенными, и я смѣло, ни о чемъ не думая, пустился въ путь, въ радостной надеждѣ слиться наконецъ съ своей семьей, съ которой разлучился въ первый разъ и которой не видалъ восемь мѣсяцевъ.

Дѣйствительность подтвердила однако же въ значительной степени всѣ эти разсказы. Несмотря на нѣкоторое оффиціальное значеніе, которое я началъ сознавать въ себѣ, я сталъ встрѣчать затрудненія въ полученіи лошадей, а еще болѣе конвоя. На мои грозныя разглагольствія, мнѣ спокойно предлагали взглянуть на помѣщенія ямщиковъ и казаковъ, что̀ я и дѣлалъ разъ или два. Видъ этихъ помѣщеній былъ поразителенъ: на широкой лавкѣ, или такъ называемыхъ нарахъ, валялись въ безпорядкѣ различныя фигуры съ страшно-блѣдными и изможденными лицами, съ запекшимися и полопавшимися губами, съ открытыми ртами, наполненными мухами, фигуры мертвецовъ, въ жару и бреду испускающія стоны. Я щедро раздавалъ хинные порошки, которыми запасся въ изобиліи въ Тифлисѣ и ѣхалъ далѣе, сдерживая уже свои претензіи, въ виду страшныхъ страданій человѣчества на этой полосѣ земли.

Надо замѣтить, что независимо отъ болѣзненныхъ опасностей, путь отъ Тифлиса къ Елисаветполю, не смотря на то, что онъ лежитъ внутри мирнаго края, далеко не безопасенъ для путешественниковъ и въ другомъ отношеніи. Татарское населеніе, занимающее эту полосу и неимѣющее ничего общаго съ храбрымъ мусульманскимъ населеніемъ враждебныхъ горцевъ, — постоянно занимается грабежами. Въ моемъ департаментѣ сосредоточивались всѣ донесенія о происшествіяхъ: большая часть происшествій совершается именно на этомъ пространствѣ. Ночью тутъ вовсе не ѣздятъ, за исключеніемъ курьеровъ. Лишенные всякой храбрости, эти татары всегда нападаютъ тамъ, гдѣ на ихъ сторонѣ тройная или четверная сила и гдѣ всякое сопротивленіе не возможно. Самая форма нападенія чрезвычайно подлая и всегда начинается или татарскимъ привѣтствіемъ, или какою-нибудь пустою просьбою, причемъ эти хищники высматриваютъ, какое у васъ оружіе и съ какой стороны лучше на васъ напасть. Разсказовъ объ этихъ нападеніяхъ и грабежахъ, и именно на этомъ пространствѣ, ходитъ въ Тифлисѣ бездна. Со мною однако-же не случилось ничего особеннаго, и я совершенно благополучно достигъ границы Шемахинской губерніи, переименованной впослѣдствіи въ Бакинскую.

Незадолго предъ тѣмъ, губернаторомъ въ эту губернію назначенъ былъ князь Константинъ Тархановъ, братъ того знаменитаго Кавказскаго героя князя Іосифа Тарханова, котораго самъ князь А. И. Барятинскій, называлъ „храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ.“ Князь Константинъ Тархановъ слылъ на Кавказѣ чрезвычайно умнымъ и опытнымъ человѣкомъ; но если я мало зналъ въ то время князя Тарханова и вовсе не интересовался назначеніемъ его губернаторомъ въ Шемахинскую губернію, то такой проницательный человѣкъ не могъ не интересоваться моею личностью.... Неожиданное, но вѣрное доказательство тому явилось на Мингачаурской переправѣ чрезъ Куру, которая составляетъ границу, отдѣляющую Шемахинскую губернію отъ Тифлисской. Я сказалъ уже, что путешествіе мое въ предѣлахъ Тифлисской губерніи не имѣло ничего блестящаго. Мнѣ было самому совѣстно требовать значительнаго конвоя, когда почти всѣ казаки походили на мертвецовъ. Съ этими скромными воззрѣніями я передвигался на паромѣ чрезъ мутную Куру, погруженный въ разнородныя мечтанья о семействѣ, которое ѣхалъ встрѣчать, о Петербургскомъ мірѣ, съ которымъ разстался, о новомъ Кавказскомъ мірѣ, мірѣ, столь пестромъ и своеобразномъ, въ который я погрузился. Въ этихъ мечтаніяхъ я взглянулъ на противуположный берегъ, къ которому приближался, и по обыкновенію глаза мои встрѣтили одинъ изъ духановъ, которыхъ такъ

много разбросано на всѣхъ точкахъ Закавказья. Кругомъ духана было много татарскихъ фигуръ, какъ всегда вооруженныхъ, изъ которыхъ однѣ лежали, другія стояли и третьи ходили, образуя разнообразныя группы; не вдалекѣ было много лошадей, частью осѣдланныхъ, очевидно принадлежащихъ этимъ татарамъ. Все это вмѣстѣ представляло такую обыкновенную картину, что она вовсе не обратила на себя особеннаго моего вниманія. Когда я и экипажъ мой очутились на берегу, одинъ изъ татаръ приблизился къ моему камердинеру и началъ съ нимъ продолжительно шептаться. Оказалось, что вся эта толпа, подъ предводительствомъ помощника участковаго засѣдателя, то-же изъ татаръ, по распоряженію Шемахинскаго губернатора, уже нѣсколько дней ожидаетъ здѣсь изъ Тифлиса какого-то генерала, чтобъ составить его конвой, и что этотъ генералъ именно я и есмь. Мигомъ все бросилось къ верховымъ лошадямъ и образовало нѣчто въ родѣ эскадрона. Нѣкоторое, слабое впрочемъ, чувство пріятности, производимое такимъ почетомъ, заглушалось совершенно во мнѣ заботами о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя я долженъ поставить себя къ этимъ людямъ, отношеніяхъ, которыя, по неопытности моей, представлялись мнѣ чуждыми и стѣснительными. Тысячи самыхъ разнородныхъ соображеній мгновенно пролетѣли въ моей головѣ. Я вспомнилъ неоднократно высказанныя мнѣ княземъ Александромъ Ивановичемъ замѣтки, что въ азіатскомъ краю власть и проводники ея должны отличаться важностью и силой, и что малѣйшая уступка въ этомъ отношеніи принимается всегда за признакъ слабости; потомъ мнѣ пришло въ голову, что какой же я начальникъ, и что если буду важничать, то буду смѣшонъ, прежде всего, въ собственныхъ своихъ глазахъ (а этого особенно я избѣгалъ, и довольно удачно, въ теченіи всей моей жизни), наконецъ, и болѣе всего, меня мучило то, что если я на первыхъ же порахъ надѣлаю чепухи въ томъ или другомъ отношеніи, то непремѣнно сдѣлаюсь баснею всего края, подобно пріятелю моему.... Процессъ этой внутренней борьбы долженъ былъ совершиться быстро, ибо предъ моими глазами стоялъ цѣлый отрядъ верховыхъ татаръ, какъ-то тупо и безпокойно смотрящихъ на мою карету, а предъ самыми дверцами ея торчалъ почтенный, сѣдой старикъ-татаринъ, несмотря на тридцатипятиградусный жаръ, одѣтый въ какую-то короткую мѣховую шубу съ огромной на головѣ папахой, изъ подъ которой по бритому лбу текли обильные ручьи грязнаго пота. Я рѣшился вести себя истиннымъ представителемъ Петербурга въ томъ вниманіи, что если и надѣлаю глупостей, то ужь самыхъ любезныхъ, цивилизованныхъ, которыя мнѣ простятъ скорѣе, чѣмъ проявленіе какого нибудь напыщеннаго самодурства. Принявъ такое рѣшеніе, я выскочилъ изъ кареты, при помощи переводчиковъ вступилъ въ любезныя объясненія съ почтеннымъ старикомъ, жалъ ему руки и повелъ его въ комнату духана. Тамъ я старался объяснить ему, какъ неожиданно для меня такое вниманіе, какъ я глубоко благодаренъ за него, какъ мнѣ совѣстно, что я причиною такого безпокойства и т. п. Съ своей стороны, умный старикъ увѣрялъ меня, что это ничего, что имъ тоже пріятно встрѣтить меня, въ доказательство чего привелъ, что многіе беки (дворяне) сами вызвались конвоировать меня. Я просилъ представить ихъ мнѣ, жалъ имъ руки на петербургскій манеръ и вообще старался очаровать этихъ полудикихъ сыновъ страны хотя древней, но тоже еще значительно дикой. Когда я узналъ, что старикъ будетъ провожать меня чрезъ весь свой участокъ, т. е. нѣсколько станцій, и все верхомъ, я рѣшительно предъявилъ протестъ про-

тиву такого намѣренія; и когда убѣдился, что слова мои не имѣютъ достаточной силы, сталъ упрашивать старика, чтобъ онъ ѣхалъ со мной въ каретѣ, объявивъ, что въ противномъ случаѣ не тронусь съ мѣста. Старикъ долженъ былъ уступить моимъ настояніямъ, хотя скоро обнаружилось, что какъ эти настоянія, такъ и его уступчивость, равно были опрометчивы. Начать съ того, что, взросши на конѣ, онъ никогда не залѣзалъ въ изобрѣтенную цивилизаціею квадратную клѣтку, обхватившую его со всѣхъ сторонъ, да едва-ли и видѣлъ ее когда нибудь. Потомъ онъ долженъ былъ, одѣтый въ мѣховое, т. е. самое почетное платье, закупориться въ эту клѣтку въ страшнѣйшую жару, когда и на открытомъ воздухѣ не было никакой прохлады. Къ этому прибавить надо, что онъ не говорилъ по русски, а я не понималъ ни слова по татарски.... Когда помчалась карета наша, качаемая со стороны на сторону неровною дорогою, я тотчасъ замѣтилъ на лицѣ моего собесѣдника величайшее безпокойство: при малѣйшемъ колебаніи экипажа онъ постоянно хватался за что нибудь, обильный потъ изъ подъ папахи пролагалъ по бритому лбу новые ручьи. Видно было, что подъ видомъ любезности я погрузилъ сего почтеннаго мусульманина въ адскія муки; мнѣ было ужасно совѣстно, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ средствъ улучшить его положеніе. Сначала я показывалъ ему, какъ извѣстная пружина подъ каретными стеклами мгновенно подхватываетъ занавѣски, при чемъ онъ говорилъ: „якши" (хорошо); но скоро убѣдился, что на этой штукѣ трудно утвердить его спокойствіе, и потому нашелъ самымъ приличнымъ въ этомъ затруднительномъ положеніи закрыть глаза и притвориться спящимъ, предоставляя моего спутника его судьбѣ.... Скоро, однакоже, я дѣйствительно заснулъ, а когда проснулся, то моего товарища не было уже въ каретѣ: онъ летѣлъ на конѣ впереди конвоя и разсѣкалъ вечерній воздухъ. Мнѣ, конечно, не было надобности доискиваться причинъ, почему онъ оставилъ мою петербургскую карету и предпочелъ огненнаго карабахскаго коня.... Сопровождаемый почетнымъ конвоемъ, который смѣнялся на каждой станціи, я прилетѣлъ такимъ образомъ въ Шемаху, городъ, довольно значительный, но чисто азіатскій, состоящій почти исключительно изъ сакель, среди которыхъ изрѣдка возвышались дома зажиточныхъ людей. Отобѣдавъ у губернатора, я, несмотря на всѣ его убѣжденія погостить въ Шемахѣ, на другой же день, раннимъ утромъ, отправился въ Баку, положительно снѣдаемый нетерпѣніемъ свидѣться съ моимъ семействомъ.

Баку лежитъ отъ Шемахи въ 100 верстахъ, и потому въ тотъ же день къ вечеру я завидѣлъ синія воды Каспійскаго моря, на берегу котораго этотъ городъ стоитъ. Еще верстъ за семь отъ Баку на встрѣчу мнѣ двигался какой то тарантасъ, въ которомъ, съ постепеннымъ приближеніемъ его къ намъ, можно было разсмотрѣть мундирную фигуру. Я тотчасъ смекнулъ, что эта фигура тоже путешествуетъ, такъ сказать, на мой счетъ. И дѣйствительно, за нѣсколько шаговъ до окончательной встрѣчи, фигура вылѣзла изъ тарантаса и стала въ почтительное положеніе посреди столбовой дороги. Поравнявшись съ нею, я тоже вышелъ изъ кареты и узналъ, что это былъ Бакинскій уѣздный начальникъ, Пигулевскій, „имѣвшій честь явиться". За эту честь я сильно укорялъ Пигулевскаго и просилъ его пристроить меня какъ нибудь въ Баку. Пигулевскій сталъ доказывать, что если я не остановлюсь у него, то это будетъ кровной для него обидой и позоромъ на всю губернію. Во всей фигурѣ этого господина и особенно въ манерѣ его изъя-

сняться видно было какое-то добродушіе, смѣшанное съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Все это на первыхъ же порахъ произвело на меня весьма пріятное впечатлѣніе, такъ что я предоставилъ ему дѣлать со мною, что̀ хочетъ и знаетъ. Это доброе первоначальное впечатлѣніе не обмануло меня. Послѣдствія вполнѣ подтвердили, что это былъ дѣйствительно отличный господинъ. Когда заключены были наши предварительные переговоры, Пигулевскій сѣлъ въ свой тарантасъ, пригласивъ мою карету слѣдовать за нимъ. Въѣхавъ въ самый городъ, я нашелъ, что онъ лучше Шемахи уже потому собственно, что стоялъ на берегу моря и оживлялся кипучею дѣятельностью на пристаняхъ. Въ Баку же существовала морская станція. Съ начальникомъ этой станціи, Фрейгангомъ, я познакомился тутъ-же, проѣзжая городъ. При въѣздѣ въ какіе-то ворота, произошла остановка, которая заставила насъ выйти изъ экипажей; въ этотъ моментъ проходилъ въ тѣ же ворота Фрейгангъ, котораго Пигулевскій тотчасъ и представилъ мнѣ. Наконецъ мы добрались до дома уѣзднаго начальника, въ которомъ Пигулевскій и отвелъ мнѣ нѣсколько комнатъ. Пигулевскій былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но въ это время все семейство его, какъ онъ увѣрялъ меня еще на дорогѣ, было въ отсутствіи гдѣ-то у родственниковъ. Домъ стоялъ почти на самомъ берегу моря, былъ въ одинъ этажъ и отличался такою чистотою и уютностью, что я и теперь съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю свѣтлыя прекрасныя комнаты, въ которыхъ расчитывалъ провести нѣсколько часовъ, а провелъ, по велѣнію судьбы, почти около мѣсяца. Къ величайшему моему счастію оказалось, что на берегу моря, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, находилась ванна, въ которую я мгновенно и бросился и въ которой потомъ ежедневно нырялъ по нѣскольку разъ.

Освѣженный волнами Каспійскаго моря, я возвратился въ свои комнаты. Суетливый и хлѣбосольный Пигулевскій тотчасъ забросалъ меня безчисленными вопросами по части продовольствія. Я отвѣчалъ ему рѣшительно, что владѣю изряднымъ аппетитомъ и съ удовольствіемъ буду ѣсть все, что̀ мнѣ дадутъ, и что по части тонкостей гастрономическихъ я совершеннѣйшій невѣжда. При наступленіи времени ужина я былъ, однако, значительно смущенъ, когда для приготовленія стола явилась какая-то татарская, довольно грязноватая, какъ всегда, фигура въ засаленномъ архалукѣ, въ огромной бараньей шапкѣ, надѣтой на бритую голову, и съ кинжаломъ за поясомъ, ужасающей величины. Скоро, впрочемъ, я позналъ истинно неоцѣненныя достоинства этой азіатской персоны: это былъ такой великолѣпный буфетчикъ или дворецкій, какъ хотите, что дай Богъ и русскому, во всякомъ порядочномъ домѣ. Назывался онъ, сколько помню, какимъ то „ага“. Этотъ „ага“ скоро сдѣлался истиннымъ моимъ пріятелемъ и своими распоряженіями по части завтраковъ, обѣдовъ, ужиновъ приводилъ меня въ полнѣйшее восхищеніе. Само собою разумѣется, что значительная доля этого восхищенія принадлежала по справедливости повару, который, къ удивленію, тоже оказался „артистомъ“, что̀, впрочемъ, и надо было предугадывать уже потому собственно, что онъ былъ бѣглый, т. е. человѣкъ съ дарованіемъ и стремленіемъ къ свободѣ. Однимъ словомъ, съ этой стороны, со стороны хозяйственной, я, по пословицѣ, „катался какъ сыръ въ маслѣ“.

Но въ моемъ путешествіи, конечно, эта сторона менѣе всего принималась въ расчетъ: только силою сложившихся обстоятельствъ я вынужденъ былъ ознакомиться съ нею. Въ моихъ цѣляхъ не было ни бакинскаго повара, ни туземнаго метрдотеля, ни даже

самого Пигулевскаго; мнѣ нуженъ былъ пароходъ, который долженъ былъ привезти мнѣ мое семейство. Увы! эта-то именно цѣль не только отдалилась, но и осложнилась такими событіями, о которыхъ и вспомнить страшно. Начать съ того, что мнѣ тотчасъ пришлось убѣдиться въ истинѣ, еще Фамусовымъ провозглашенной: „всѣ врутъ календари". Кавказскій календарь, въ примѣненіи къ моему положенію, совралъ презнаменито. Когда я въ тотъ же вечеръ, какъ пріѣхалъ въ Баку, спросилъ за ужиномъ собесѣдниковъ: въ какомъ часу на другой день можно ожидать прибытія парохода изъ Астрахани, я тотчасъ замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какую-то ироническую улыбку. Улыбка эта разъяснилась такимъ образомъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ міръ стоитъ, или по крайней мѣрѣ съ тѣхъ, какъ существуетъ между Астраханью и Баку такъ называемое почтовое пароходство, никогда не случалось, чтобы пароходъ приходилъ, какъ сказано въ календарѣ, на пятый день; что пароходы отходятъ изъ Астрахани и приходятъ въ Баку, какъ Богъ дастъ, совершенно случайно; что маленькіе, плоскодонные эти пароходишки ползутъ, какъ раки и при малѣйшей непогодѣ укрываются гдѣ нибудь и стоятъ тамъ, тоже сколько случится; что при самомъ отходѣ изъ Астрахани, они тотчасъ натыкаются на такъ называемую „Бирючью косу" и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока Богъ подбавитъ водицы и дастъ пароходу возможность перескочить чрезъ нее; что, наконецъ, тотъ пароходъ, который, согласно росписанію, напечатанному въ коварномъ календарѣ, долженъ былъ выйти изъ Астрахани 1-го сентября, недавно только прошелъ мимо Баку въ дальнѣйшіе порты; слѣдовательно надо ждать, во первыхъ, когда онъ пройдетъ назадъ въ Астрахань и во вторыхъ, когда потомъ уже снова пойдетъ изъ Астрахани, на что, по самому умѣренному расчисленію, потребуется около мѣсяца.

Всѣ эти неутѣшительные разсказы я слушалъ съ чувствомъ, понятнымъ каждому. Оно сдѣлается еще понятнѣе, когда къ этимъ разсказамъ прибавляли, что теперь прибытіе парохода еще труднѣе опредѣлить съ точностію потому, что сентябрь и октябрь мѣсяцы самые дурные и затруднительные для плаванія по Каспійскому морю, въ чемъ я самъ имѣлъ полную возможность убѣдиться, слушая, съ одной стороны, дикія завыванія вѣтра, а съ другой смотря собственными глазами на вздымающіяся горами волны съ террасы, устроенной при домѣ. Неопредѣленное утѣшеніе я находилъ въ томъ только, что Астраханскимъ властямъ писано было самимъ княземъ принять всевозможныя мѣры къ благополучному путешествію моего семейства. Мнѣ представлялось, хотя конечно очень неположительно, что эти власти найдутъ для него пароходъ, хотя бы ни для кого другаго не было пароходовъ; что этотъ пароходъ они сдѣлаютъ особенно крѣпкимъ, хотя бы всѣ пароходы, находившіеся въ ихъ распоряженіи, были слабы и неисправны и что, наконецъ, они сдѣлаютъ какъ нибудь (на то они и власти), чтобы море, обыкновенно бурное въ сентябрѣ, сдержало свои порывы на этотъ моментъ. Вообще мнѣ казалось, что всѣ разсказы, которые я слышалъ и о пароходахъ, и о морѣ, разсказы, въ высшей степени неутѣшительные, не совсѣмъ относятся до моего семейства, обставленнаго особыми привиллегіями и прикрытаго могучимъ покровительствомъ. Человѣку всегда свойственно думать, что неудачи, несчастія другихъ—вещь, для него совершенно посторонняя.

Какъ ни старался я, однако, ободрять себя,—видъ моря, на которое я смотрѣлъ постоянно и которое могъ обозрѣвать на далекое пространство,

насылалъ непреодолимо въ душу самыя тяжелыя впечатлѣнія. Верстахъ въ семи отъ берега, среди моря, стоялъ какой-то островъ, и я видѣлъ, какъ лѣзли на него громаднѣйшія волны и разбивались о его грудь бѣлою пѣною. Въ теченіи ночи впечатлѣнія эти становились просто мучительны. Много ночей я проводилъ, не смыкая глазъ. Съ одной стороны шумъ бурнаго моря, а съ другой свистъ неистоваго вѣтра, въ углы комнаты, гдѣ была моя спальня, наводили на меня невольный ужасъ. Мысль, что въ эти минуты, среди мрачной и бурной ночи, мое семейство во власти яростнаго моря, томила душу. Я проклиналъ Кавказъ, который изъ моего покойнаго петербургскаго положенія увлекъ меня въ такую дикую мѣстность, въ такое отчаянное состояніе. Я готовъ былъ отдать полжизни, чтобы видѣть мою семью на берегу, подлѣ меня. Мнѣ казалось, что я никогда не получу ея, что я самъ погубилъ ее. Словомъ, мысли мои становились все чернѣе и чернѣе съ теченіемъ времени.

Само собою разумѣется, что эти внутреннія мои ощущенія никому не были доступны. Добрый Пигулевскій, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ Баку пріятнымъ и, если устранить эти ощущенія — достигалъ цѣли своихъ усилій самымъ блестящимъ образомъ. Начать съ того, что онъ представилъ мнѣ всѣхъ именитыхъ людей города и уѣзда, старыхъ и почтенныхъ татаръ, которые большею частію мнѣ понравились пріятнымъ достоинствомъ, съ которымъ они держали себя. Потомъ онъ перезнакомилъ меня со всѣмъ административнымъ составомъ города, въ которомъ морской элементъ выдавался самымъ яркимъ образомъ. Я сказалъ уже, что начальникомъ морской станціи въ Баку, былъ морякъ Фрейгангъ, человѣкъ честный, открытый и пріятный. Домъ Фрейганга, сколько по его положенію, столько же и по наклонности его къ хлѣбосольству, былъ дѣйствительно станціей, на которой всегда можно было видѣть толпы морскихъ офицеровъ, то прибывающихъ, то отбывающихъ и гдѣ всегда было весело, при содѣйствіи танцевъ и пѣнія. Потомъ Пигулевскій окружилъ меня толпою молодежи, какая нашлась въ Баку и которая съ самаго утра наполняла мои комнаты. Въ ряду этой молодежи надо упомянуть Поленскаго, участковаго засѣдателя, т. е. подчиненнаго Пигулевскому. Это былъ отличный молодой человѣкъ, удивлявшій своимъ пребываніемъ въ такомъ захолустьѣ. Красивый собою, образованный, ловкій, онъ могъ бы сдѣлать честь любому изъ петербургскихъ департаментовъ. Какими судьбами онъ попалъ въ Закавказье—я не распрашивалъ; но одно уже то, что онъ былъ полякъ, наполовину разъясняло вопросъ. Закавказье въ этомъ отношеніи дивная страна: чего тамъ не встрѣтишь? Въ эту же поѣздку, ужь не помню гдѣ, меня встрѣчалъ на обратномъ пути, другой, тоже участковый засѣдатель, въ родѣ русскихъ становыхъ приставовъ — чистѣйшій французъ! Если припомнить, что въ самый день моего прибытія въ Тифлисъ ко мнѣ явился тамъ частный приставъ баронъ де Монфоръ, то будетъ ясно, что Закавказье имѣетъ притягательную силу для разноплеменныхъ авантюристовъ. Затѣмъ въ составѣ молодежи, окружавшей меня, было нѣсколько личностей, завлеченныхъ обширнымъ коммерческимъ предпріятіемъ барона Торнау. Здѣсь рельефно выдавалась фигура Потѣхина-младшаго. Это былъ красивый молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, съ задатками литературнаго дарованія, тѣхъ же свойствъ и того же размѣра, какъ и у старшаго его брата, въ чемъ я лично убѣдился по многимъ рукописямъ, которыя онъ возилъ съ собою и давалъ мнѣ читать.

Потомъ Пигулевскій устраивалъ для меня различныя поѣздки. Само собою разумѣется, что поѣздка на знаменитые бакинскіе огни занимала здѣсь первое мѣсто: одна была сухопутная, къ храму огнепоклонниковъ, другая морская. Изъ многоразличныхъ разсказовъ, какіе я слышалъ на Кавказѣ, извѣстно, что въ Закавказьѣ появился первоначально какой-то индіецъ, секты огнепоклонниковъ, привлеченный именно бакинскими огнями. Занимаясь духовными дѣлами, онъ вздумалъ попытать счастья и въ мірскихъ дѣлахъ. Попытка эта была столь удачна, что посредствомъ подрядовъ, ростовщичества и другихъ оборотовъ, онъ скоро и сильно разбогатѣлъ и тогда-то выстроилъ храмъ для огнепоклонниковъ, зданіе весьма эфектное и устроенное такъ, что изъ каждой башни его выходили огненные языки, что̀ вечеромъ представляло зрѣлище, истинно великолѣпное и изумительное.

При моемъ посѣщеніи храма я видѣлъ тамъ нѣсколько индійцевъ и между ними старшаго, который, при нашемъ прибытіи, тотчасъ приступилъ къ богослуженію. Началось оно пронзительнымъ свистомъ въ какую-то раковину и появленіемъ огней на различныхъ точкахъ. Потомъ оно очень походило на наши молебны. Старшій что-то читалъ и провозглашалъ, упоминая имя Государя, а потомъ и наши имена, а другіе индійцы, сидя на корточкахъ по стѣнамъ, что-то выли время отъ времени. Полагаютъ, что все это богослуженіе не есть истинное богослуженіе огнепоклонниковъ, а сочиненное хитрыми индійцами искусственно въ подражаніе нашему, для того, чтобы приличнѣе обирать посѣтителей. Въ заключеніе этого истиннаго или ложнаго богослуженія старшій индіецъ обносилъ посѣтителямъ на тарелкѣ маленькія кусочки леденцу, а тѣ должны были класть на ту же тарелку свои посильныя приношенія.

Мѣстность кругомъ храма до такой степени изобилуетъ нефтянымъ газомъ, что мальчишки, вырывъ небольшую ямку, тотчасъ воспламеняли ее. На этой мѣстности находились многіе широкіе и глубокіе колодцы, въ которыхъ также пылало пламя, представляя, такъ сказать, наглядное изображеніе ада.

Морская поѣздка представляла своего рода занимательность. На огромномъ катерѣ отправились мы, при наступленіи лунной ночи, въ море, верстъ за семь, если не ошибаюсь. Когда прибыли на то пространство, которое извѣстно своею воспламеняемостью всѣмъ туземнымъ жителямъ, матросы зажгли нѣкоторое количество пакли и бросали ее на воду. Вода, или лучше сказать, газъ изъ нея выходящій, мигомъ воспламенился. Море на значительномъ пространствѣ сдѣлалось огненнымъ, что̀ конечно для непривычнаго глаза представило зрѣлище поразительное. Пламенныя волны, качаясь по волѣ вѣтра, довольно впрочемъ тихаго, грозили какъ будто поглотить насъ. Мы отъѣхали на соотвѣтственное разстояніе и долго любовались картиною, которую конечно никакое искусство человѣческое создать не въ состояніи. На вопросъ мой кто же потушитъ это зазженное море? мнѣ отвѣчали: „вѣтеръ, когда сдѣлается посильнѣе!“ При нашемъ отъѣздѣ вѣтеръ не сдѣлался сильнѣе и не препятствовалъ совершить намъ обратный путь при самой рѣдкой и оригинальной изъ всевозможныхъ иллюминацій.

Не знаю, надолго ли вода сохранитъ въ себѣ неприкосновенную эту чудную силу; что̀ касается до той же силы, заключающейся въ землѣ, то она пошла уже на служеніе промышленнымъ цѣлямъ. Баронъ Торнау первый наложилъ на нее свою руку и поставилъ на бакинскихъ огняхъ какой-то парафиновый заводъ.

Наконецъ мы дѣлали поѣздки по окрестнымъ деревнямъ, замѣчательнымъ въ какомъ либо отношеніи, обозрѣвали нефтяные промыслы со всѣмъ ихъ устройствомъ, выдѣлку ковровъ, которою занималось женское населеніе нѣкоторыхъ деревень. Не будучи нисколько спеціалистомъ въ подобныхъ вещахъ, я смотрѣлъ на все это исключительно со стороны празднаго любопытства; казалось мнѣ впрочемъ, что эти отрасли отличались крайнею неразвитостью, почти дикостью; мнѣ чудилось, быть можетъ и ошибочно, какія бы чудеса здѣсь явились, если бы перенести сюда промышленный духъ англичанъ, напр., ихъ знаніе, ихъ опытность, ихъ страшную паровую силу, двигающую тысячи разнообразнѣйшихъ механическихъ приспособленій. Особенно мое воображеніе разыгралось на эту тему, когда, при видѣ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ за выдѣлкою ковра, я спросилъ: въ какое время можетъ быть изготовленъ ими цѣльный коверъ, и мнѣ отвѣчали, что на это нужно чуть ли не круглый годъ.

Между тѣмъ время шло и приближалось уже къ половинѣ сентября. Я помню очень хорошо одинъ бурный вечеръ, когда у насъ собралось довольно большое общество. Поленскаго не было. Надо замѣтить, что самая резиденція его была не въ Баку, а въ какомъ-то значительномъ селеніи, называемомъ „Маштаги" и составлявшемъ центръ всѣхъ другихъ селеній, которыми онъ командовалъ. Большая часть этихъ селеній лежала на берегу самаго моря, такъ что жители ихъ видѣли каждый пароходъ, проходящій мимо ихъ. Въ числѣ этихъ селеній было селеніе Бильги, отстоявшее отъ Баку верстъ въ 30 сухимъ путемъ, тогда какъ путемъ морскимъ, который долженъ дѣлать пароходъ, было верстъ 70 или 80. На этомъ обстоятельствѣ именно основаны были такія комбинаціи: начальники этого селенія, когда завидятъ пароходъ, идущій изъ Астрахани, который они обязаны были всемѣрно стеречь, должны были мгновенно дать знать Поленскому, а Поленскій Пигулевскому. Такимъ образомъ нарочные, изъ татаръ, быстрые, какъ вѣтеръ, должны были, пролетѣвъ только 30 верстъ, за нѣсколько часовъ предувѣдомить насъ о прибытіи парохода, которому предстояло проходить Апшеронскій проливъ и дѣлать до 80 верстъ. Когда я, въ этотъ вечеръ, сидѣлъ за картами, сосредоточивая все свое вниманіе не столько на козыряхъ и взяткахъ, сколько на неистовыхъ порывахъ вѣтра, который, казалось, старался сдернуть съ мѣста самый домъ, въ которомъ мы находились, входитъ Пигулевскій съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „Не угодно ли прежде всего заказать ужинъ для встрѣчи, а на завтра обѣдъ!" Надо замѣтить, что эту часть онъ считалъ дѣйствительно важнымъ дѣломъ, полагая, быть можетъ, свое тщеславіе въ томъ, что она у него такъ отлично устроена. Я мгновенно вскочилъ изъ-за стола и выхватилъ у него бумагу, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Это было письмо Поленскаго, которое подлинникомъ и теперь лежитъ предъ моими глазами. Поленскій писалъ:

„Сейчасъ получилъ извѣстіе изъ селенія Бильги, что пароходъ сію минуту прошелъ мимо по направленію въ Апшеронъ, гдѣ на-вѣрно, при столь сильномъ вѣтрѣ, будетъ стоять на якорѣ и не рѣшится идти въ море. Вчера я отправилъ туда нарочнаго, а потому надѣюсь, что къ разсвѣту вы получите извѣстіе настоящее изъ Апшерона о прибытіи семейства Василья Антоновича. Кромѣ того я вновь пошлю туда нарочнаго. 14 сентября 1857. Четверть шестаго по полудни."

Письмо это надѣлило меня какимъ-то двойственнымъ чувствомъ: радость ровно на половину смѣшалась съ тре-

вогою. Фразы: „при столь сильномъ вѣтрѣ не рѣшится идти въ море... будетъ стоять на якорѣ..." какимъ-то жгучимъ образомъ засѣли въ душѣ и не давали рѣшительно мѣста никакимъ другимъ мыслямъ. Неопытный въ морскихъ плаваніяхъ, я изъ этихъ фразъ заключалъ, что теперь, въ сію минуту, на морѣ дѣйствительно есть опасность, что опасность эта виситъ надъ головой моего семейства и что всѣ успокоительныя фразы Пигулевскаго, Фрейганга и др. чистый вздоръ. Гораздо сильнѣе этихъ фразъ говорилъ мнѣ истину постоянный шумъ моря, доходившій въ наши комнаты, и такіе порывы вѣтра, что часто всѣ присутствующіе значительно переглядывались. Само собою разумѣется, что всѣ эти ощущенія возникали, боролись, смѣнялись одни другими—внутри меня; для общества я сохранялъ полнѣйшее спокойствіе, козырялъ, какъ ни въ чемъ не бывало и съ наружнымъ равнодушіемъ слушалъ споры и сужденія о томъ, придетъ ли пароходъ сегодня или будетъ вынужденъ бурною погодою остановиться на ночь въ Апшеронѣ? Послѣднее предположеніе взяло верхъ, и самъ Пигулевскій, тонкій и смѣтливый, какъ ни сознавалъ, что всѣ эти пренія представляютъ для меня мало утѣшительнаго, долженъ былъ заключить ихъ фразою: „Да! сегодня ждать нечего; завтра, рано утромъ мы встрѣтимъ нашихъ дорогихъ гостей!" Послѣ ужина всѣ мы разошлись, и я могу сказать, что во всю мою жизнь не помню такой мучительной ночи, какую мнѣ суждено было провести теперь. Я истинно радъ былъ, когда эта отвратительная ночь стала уступать дневному свѣту. Совершенно разстроенный, я поднялся чрезвычайно рано и, на-скоро одѣвшись, тотчасъ вышелъ изъ дома, чтобы подняться на извѣстную террасу и взглянуть на море. Всходя на террасу, я нашелъ уже тамъ добраго Пигулевскаго, который встрѣтилъ меня словами, въ которыхъ ясно замѣчалось собственное его безпокойство: „Нѣтъ! Что-то не видать. Вѣрно, держатся на якорѣ. Ужь вѣтеръ очень силенъ. Это хорошо, что они выжидаютъ. Безопаснѣе!"

День былъ чрезвычайно сумрачный. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что трудно было на ногахъ держаться. На море взглянуть страшно было. Волны ходили черными горами. Островъ, видимый съ берега, весь былъ въ пѣнѣ. Мучительно было подумать, что все дорогое въ жизни въ эту минуту въ когтяхъ этой коварной стихіи. Другаго, однако, ничего не оставалось дѣлать, какъ ждать съ покорностію Провидѣнію, что будетъ дальше. Съ ранняго утра начали собираться обычные наши собесѣдники съ физіономіями, далеко не такъ оживленными, какъ въ обычное время....

Когда, повторяю, обычные наши посѣтители, подъ видомъ участія въ радостной встрѣчѣ, собрались утромъ 15 сентября, встрѣчать было некого, и потому состояніе всѣхъ было самое напряженное. Тотъ фактъ, что пароходъ долженъ былъ уже придти, но не пришелъ — былъ ясенъ какъ день, и хотя не былъ никѣмъ высказываемъ ясно и положительно, тѣмъ не менѣе висѣлъ надъ всѣми сто-пудовой гирей. Страшно-бурное море, на которое всѣ безпрерывно бѣгали смотрѣть, столь же страшные порывы вѣтра обставляли этотъ фактъ самыми отвратительными соображеніями, которыя видимо блуждали на лицѣ у всѣхъ. Молчаніе, которое обхватило все наше общество, обыкновенно говорливое и шумливое, было выразительно въ самой непріятнѣйшей степени. Одинъ только добрый Фрейгангъ старался храбриться изо всей мочи и блисталъ передъ нами познаніями и опытностію въ дѣлѣ морскихъ путешествій. Онъ утверждалъ, что все это вздоръ, что такія ли бури бы-

ваютъ на морѣ, и при этомъ началъ разсказывать, какія тамъ бываютъ страшныя бури. Онъ утверждалъ, что капитанъ, который управляетъ (по его соображеніямъ) ожидаемымъ пароходомъ, отличный знатокъ дѣла, изучилъ Каспійское море, какъ свои пять пальцевъ и что съ нимъ ничего дурнаго случиться не можетъ. Разсказы его, надо сказать, производили мало практическаго дѣйствія, особенно на меня, и именно потому, что въ тоже время гораздо внушительнѣе разъясняли существо дѣла и раскаты разъяренныхъ волнъ, шумъ которыхъ врывался въ наши комнаты, и свирѣпый свистъ вѣтра.

Между тѣмъ приблизилось время завтрака, за который мы и усѣлись, сохраняя все тоже напряженное состояніе, хотя каждый старался изо всѣхъ силъ разрушить его. Пигулевскій по временамъ сыпалъ своими разсказами, подмѣшивая въ нихъ, какъ и всегда, значительную долю милаго малороссійскаго юмору; Фрейгангъ повѣствовалъ о моряхъ и буряхъ; Потѣхинъ развивалъ высшіе взгляды на политическую экономію и на варварство крѣпостнаго состоянія; я въ особенности старался, при малѣйшемъ перерывѣ разговора, связывать его и оживлять; но, повторяю, все это шло такъ слабо и вяло, что было нисколько не лучше нашего общаго и глубокаго молчанія.

Въ самомъ началѣ нашего завтрака Пигулевскому доложили, что прискакалъ нарочный отъ Поленскаго. Всѣ вздрогнули. Пигулевскій тотчасъ всталъ изъ-за стола и пошелъ въ свою контору или канцелярію, расположенную въ смежныхъ комнатахъ. Воцарилось общее молчаніе и ожиданіе, которое продолжалось довольно долго. Самое замедленіе возвращенія Пигулевскаго казалось умышленнымъ и многозначительнымъ. Наконецъ онъ появился съ письмомъ въ рукахъ и какъ-то неестественно улыбаясь произнесъ: „Случилась маленькая остановка!“ Я тотчасъ взялъ изъ рукъ Пигулевскаго письмо Поленскаго и прочиталъ слѣдующее:

„Сейчасъ получилъ рапортъ отъ старшины деревни Касево (кажется такъ; трудно разобрать, потому что Поленскій видимо писалъ кое-какъ, на скорую руку), что пароходъ получилъ поврежденіе близь деревни. Не знаю, сколь вѣроятно это донесеніе; но во всякомъ случаѣ нужнымъ счелъ васъ объ этомъ увѣдомить, а съ симъ вмѣстѣ сажусь на коня и ѣду туда. 15 сентября 1857. Маштаги. 10 часовъ утра.“

Письмо это, въ которомъ слова только начинались, но не оканчивались и потому представляли значительное затрудненіе, чтобъ разобрать и понять ихъ, свидѣтельствовало самою наружностью своею, во-первыхъ, что Поленскій значительно перетрусился, а во-вторыхъ, что страшно спѣшилъ. Когда было разобрано и прочитано письмо, воцарилось молчаніе, исполненное очевиднаго смущенія. Фрейгангъ началъ было разсказывать, что поврежденіе парохода вздоръ, и пояснять, какія иногда бываютъ поврежденія; но я не сталъ его слушать и тотчасъ потребовалъ тройку лошадей, чтобы летѣть туда, гдѣ случилось поврежденіе, а Фрейганга просилъ дать мнѣ унтеръ-офицера, матроса или вообще спеціальнаго человѣка, который, въ случаѣ надобности, могъ бы распорядиться помощью. Требованія эти были высказаны такъ рѣшительно и настойчиво, что оставалось только немедленно исполнить ихъ. Пигулевскій заявилъ только, что онъ ни за что въ мірѣ не отпуститъ меня одного, а поѣдетъ вмѣстѣ со мною, на что конечно я съ радостію согласился, видя въ немъ истинную привязанность ко мнѣ и значительное вліяніе на народъ, столь необходимое въ подобныхъ случаяхъ. Явилась тройка, и мы съ Пигулевскимъ усѣ-

лись въ тарантасъ, а на козлахъ съ кучеромъ помѣстился какой-то морякъ, снабженный „фальшвейерами“ и другими снастями, а главное какими-то спеціальными наставленіями добрѣйшаго Фрейганга. Мы быстро понеслись.

Я тотчасъ погрузился въ пропасть самыхъ безотрадныхъ размышленій, среди которыхъ могъ замѣтить и разобрать только то, что по словамъ Пигулевскаго, прежде нежели мы пріѣдемъ на мѣсто, мы встрѣтимъ на дорогѣ нарочныхъ, къ намъ вновь посланныхъ Поленскимъ. И дѣйствительно, глубокое безмолвіе, въ которомъ мы продолжали нашъ путь, прервано было возгласомъ нашего ямщика, который болѣе или менѣе понималъ уже въ чемъ дѣло: „Вонъ скачутъ!“ Взглянувъ въ даль, мы дѣйствительно замѣтили двухъ всадниковъ, несшихся на встрѣчу намъ во весь опоръ. Пигулевскій сказалъ: „Это нарочные!“ У меня сердце замерло. Что-то скажутъ они? спрашивала душа. Когда нашъ тарантасъ и всадники встрѣтились — все остановилось. Одинъ изъ нарочныхъ, приблизясь къ моей сторонѣ, протягивалъ какой-то пакетъ. Я мгновенно схватилъ его, сорвалъ печать, развернулъ бумагу, и первыя слова, на которыя упали глаза мои, были: „Пароходъ разбился... погибшіе...“

Какъ будто ослѣпленный чѣмъ-нибудь, я закрылъ глаза, выронилъ бумагу и впалъ въ какое-то непонятное и потому неизъяснимое состояніе. Тутъ не было ни ужаса, ни отчаянія, ничего опредѣленнаго. Былъ какой-то туманъ, изъ котораго я не могъ освободиться. Самое отчетливое представленіе было то, что я какъ будто видѣлъ трупы моей жены, моихъ дѣтей, перебрасываемые въ сію минуту громадными волнами; потомъ представилось, какъ въ роковую минуту, они звали меня на помощь.... Но ни слезъ, ни жестовъ—ничего не было; я просто оставался истуканомъ съ закрытыми рукою глазами. Пигулевскій изрѣдка и тихо бормоталъ: „Успокойтесь, успокойтесь!“—Прикажите ѣхать дальше!“ нетерпѣливо сказалъ я, и мы снова быстро понеслись. Въ продолженіи дороги Пигулевскій пытался возобновлять свои утѣшенія, на которыя я спокойно отвѣчалъ: „Вы видите, что я покоряюсь судьбѣ и право ничего особеннаго не чувствую, кромѣ какого-то страннаго тумана.“ Надо замѣтить вообще, что моя натура не изъ тѣхъ, которыя вдругъ, съ-разу, поражаются какимъ нибудь сильнымъ впечатлѣніемъ; надобно, чтобъ это впечатлѣніе вошло прежде въ плоть и кровь мою; тогда оно сторицею начинаетъ производить свое разъѣдающее вліяніе и долго остается во всемъ моемъ существѣ. Поэтому я никакъ не способенъ внезапно умереть ни отъ горя, ни отъ радости, ни отъ ужаса; все это никакъ не воспринимается мною вдругъ, а входитъ какъ-то долями, постепенно и осаждается тамъ упорно. Отъ этого происходитъ, что когда у другихъ какая нибудь печаль, живо воспринятая, начинаетъ уже, съ теченіемъ времени, ослабѣвать, проходить, у меня она только отъ времени воспринимаетъ свою разъѣдающую силу. Такъ, напримѣръ, я постоянно замѣчалъ, что друзья и родственники, оставивъ кого нибудь изъ своихъ ближнихъ на кладбищѣ, возвращаются уже домой болѣе спокойными, какъ будто съ окончаніемъ религіозныхъ обрядовъ сознаніе и сила утраты тоже должны, если не совсѣмъ исчезнуть, то на половину уменьшиться. Для меня, напротивъ, въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ момента ужаснѣе, какъ именно возвращеніе съ кладбища, когда всѣ возвращаются, а одинъ уже не возвращается и когда исчезновеніе этого одного дѣлается яснымъ въ ужасающей степени. Такъ точно и теперь, въ эту минуту я только предчувствовалъ то, что буду потомъ чувство-

вать; но никакихъ положительныхъ мученій рѣшительно не испытывалъ и даже не плакалъ и, сколько могу припомнить, вовсе не потому, чтобы внутренняя скорбь достигла той ужасающей степени, когда уже не плачутъ, а просто потому, что событія подавили мой умъ какимъ-то внѣшнимъ образомъ, сверху, а не вошли въ меня и не проникли всего моего существа. Пигулевскій смотрѣлъ на все это однако не такъ: глядя на мои неподвижно устремленныя въ одну точку глаза, онъ былъ убѣжденъ, какъ потомъ говорилъ мнѣ, что я или уже сошелъ съ ума или сталъ на дорогу къ сумасшествію.

Первые нарочные встрѣтили насъ такою вѣстью верстахъ въ 10-ти отъ Баку, и потомъ я ѣхалъ еще верстъ 10 съ душой, наполненной впечатлѣніями, которыми надѣлила меня эта вѣсть. Надъ всѣми этими впечатлѣніями господствовало ужасающее ожиданіе увидѣть обезображенные трупы моей жены, моихъ дѣтей, обставленные грубыми и грязными татарами. Но милосердному Богу угодно было отвратить отъ меня зрѣлище, котораго я ожидалъ. Почти безсознательное состояніе, въ которомъ я двигался впередъ, нарушено было новымъ возгласомъ нашего ямщика: „Вонъ еще скачутъ!“ Почему нарочные посылались и скакали какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ разъ, не въ единственномъ числѣ — этого я объяснить не умѣю. Ничего, конечно, радостнаго отъ этихъ новыхъ нарочныхъ я уже ожидать не могъ; они могли принести только страшныя подробности страшнаго бѣдствія. Пигулевскій несомнѣнно былъ того же мнѣнія, и потому, когда съ приближеніемъ нарочныхъ, я хотѣлъ, первый, взять пакетъ, который они везли, Пигулевскій выразилъ что-то въ родѣ протеста, который, конечно, не имѣлъ никакой силы. Я взялъ пакетъ, сорвалъ печать, и жадно впился глазами въ бумагу. Послѣ словъ: „пароходъ разбился въ дребезги....“ слѣдовали слова: „къ счастію величайшему, семейства Василья Антоновича не было на пароходѣ....“ Какая-то сила вытолкнула меня изъ тарантаса; я бросился на колѣни и горячо благодарилъ Бога. Поднявшись съ земли, я бросился цѣловать, прежде всего, моихъ благовѣстителей, присланныхъ нарочными татаръ, не смотря на то, что лица ихъ, едва-ли когда нибудь вымываемыя, покрыты были толстымъ слоемъ смѣси изъ пота и пыли, и роздалъ имъ всѣ деньги, какія находились въ моихъ карманахъ. Потомъ крѣпко прижалъ къ груди Пигулевскаго, на глазахъ котораго видны были слезы участія.

Когда водворилось нѣкоторое спокойствіе, такъ сильно взволнованное этою моральною бурею, мы принялись разбирать дѣло и перечитывать доставленныя намъ бумаги. Оказалось, что первая бумага, которую я вырвалъ изъ рукъ передовыхъ нарочныхъ, вовсе не была адресована къ намъ и составляла рапортъ начальника съемки Каспійскаго моря (въ тоже время и начальника парохода) Иващенцова командующему Бакинскою станціею т. е. нашему милому Фрейгангу. Иващенцовъ писалъ: „Сего 14 сентября, слѣдуя изъ Астрахани въ Баку, чрезъ Апшеронскій проливъ, пароходъ Куба въ 10½ час. вечера, разбился. Число погибшихъ еще съ точностію неизвѣстно; спаслось около 50 человѣкъ. Подробности буду имѣть честь сообщить впослѣдствіи при личномъ свиданіи. Докладывая о семъ вашему высокоблагородію, имѣю честь просить о содѣйствіи и помощи какъ спасеннымъ чинамъ, такъ и спасенію того, что можно будетъ съ парохода, который совершенно разбитъ и затонулъ въ каменьяхъ, немного ниже Шаулана. 15 сентября 4 часа утра“. Эта именно ужасная бумага, въ которой я прежде всего замѣтилъ слова: „разбился, погибшіе“, заставила

меня въ теченіи по крайней мѣрѣ часа, на разстояніи десяти или пятнадцати верстъ, нести въ душѣ тѣ невыразимыя впечатлѣнія, о которыхъ я выше говорилъ. Послѣдняя бумага Поленскаго была слѣдующаго содержанія: „Сейчасъ прибылъ въ Швеляны (или Шауланъ, какъ въ донесеніи Иващенцова) гдѣ нашелъ капитана разбитаго въ дребезги парохода Куба. Къ счастію величайшему, семейства В. А. не было на этомъ пароходѣ, а то бы сдѣлалось онъ жертвою волнъ морскихъ. Оно будетъ съ слѣдующимъ пароходомъ: Ленкорань. О подробностяхъ крушенія вы узнаете изъ рапорта, посланнаго капитаномъ парохода къ г. Фрейгангу. Пароходъ Ленкорань имѣетъ выйти изъ Астрахани 15 числа т. е. сегодня. Швеляны. 15 сентября, 12 часовъ ровно".

Разсматривая и соображая эти бумаги, я вдругъ пораженъ былъ мыслію: что если умный, добрый, ловкій Поленскій сочинилъ всю эту исторію объ отсутствіи моего семейства въ часъ гибели, желая этою выдуманною исторіею отдалить и ослабить страшный первый ударъ, сужденный мнѣ Провидѣніемъ? Откуда и какъ онъ знаетъ, что мое семейство въ Астрахани? Можно ли допустить, что пароходъ Куба отправился оттуда, не взявъ моего семейства, если оно дѣйствительно тамъ. Съ другой стороны можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы астраханскія власти пренебрегли собственнымъ повелѣніемъ князя обезпечить и ускорить всевозможно переѣздъ моего семейства изъ Астрахани въ Баку и пустили оттуда пароходъ, а мое семейство оставили въ Астрахани? Все это казалось мнѣ, если не положительно невѣроятнымъ, то въ высшей степени сомнительнымъ и начало снова наполнять мою душу тревожными ощущеніями. Пигулевскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы разсѣять и уничтожить мои опасенія и изъ всевозможныхъ доводовъ, энергически приводимыхъ имъ, особенно упорно стоялъ на томъ, что Поленскій никакъ не рѣшится написать неправду. Но такъ какъ мы были уже не далеко отъ мѣста происшествія, то и заключили наши споры рѣшеніемъ ѣхать далѣе, тѣмъ болѣе, что и со стороны Пигулевскаго, какъ главнаго начальника уѣзда, должны были быть приняты разныя, такъ называемыя, „соотвѣтственныя обстоятельствамъ" мѣры.

Когда мы прибыли къ Швелянамъ, наступалъ уже вечеръ. Издали еще мы замѣтили, возлѣ какого-то значительнаго зданія, оказавшагося лучшимъ домомъ этого селенія, принадлежащимъ зажиточнѣйшему изъ обывателей, нѣсколько странныхъ по одѣянью фигуръ: это были спасшіеся съ погибшаго парохода морскіе офицеры. Намъ указали старшаго, на которомъ была надѣта татарская шапка. Это и былъ Иващенцовъ. Личность эта съ разу поражала замѣчательнымъ умомъ и проявленіями твердаго и рѣшительнаго характера, присущаго болѣе или менѣе всѣмъ морякамъ. Но какъ Иващенцовъ слишкомъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ, то и распространяться о немъ я считаю излишнимъ. Достаточно сказать, что онъ былъ, какъ и изъ вышеприведеннаго рапорта его видно, начальникомъ съемки Каспійскаго моря и, сколько извѣстно, въ этомъ отношеніи оказалъ драгоцѣнныя заслуги. Именно для производства работъ по этому дѣлу пароходъ Куба и отданъ былъ въ его распоряженіе. Впрочемъ онъ не былъ, какъ Поленскій называетъ его въ своемъ письмѣ, капитаномъ этого парохода. Капитаномъ былъ другой, великолѣпнѣйшихъ качествъ, какъ всѣ утверждали, офицеръ Поскочинъ, къ общему сожалѣнію погибшій при этой катастрофѣ, свято исполняя свой капитанскій долгъ и оставаясь послѣднимъ на кожухѣ парохода, откуда, по словамъ однихъ, былъ снесенъ волнами,

а по словамъ другихъ сбитъ какою-то шлюпкою. Съ нимъ вмѣстѣ, какъ потомъ оказалось, море поглотило хранившееся у него письмо жены моей о причинахъ ея остановки въ Астрахани. Весь экипажъ, судя по оставшимся офицерамъ, составленъ былъ превосходно: это была наболѣе просвѣщенная молодежь нашего флота, жаждавшая не одного внѣшняго блеска, столь увлекательнаго для всякой молодежи, но истиннаго дѣла, истинной пользы той отрасли морской службы, которой себя посвятила. Частію тутъ же, а частію потомъ, во время пребыванія въ Баку, я сошелся со всѣми этими господами на самую короткую ногу, и воспоминаніе о моихъ кратковременныхъ сношеніяхъ съ ними принадлежатъ къ числу воспоминаній самыхъ пріятнѣйшихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія гибели парохода Куба подробно разслѣдована и какъ говорится „выведена на чистую воду" знатоками дѣла. Я не помню, какъ она изложена оффиціально; не помню даже, читалъ ли я гдѣ нибудь оффиціальное ея изложеніе; но хорошо помню изустные разсказы самихъ офицеровъ, сюда относящіеся, и считаю не совсѣмъ излишнимъ привести здѣсь главнѣйшія черты.

Приближаясь къ Апшеронскому проливу, пароходъ шелъ быстро, и всѣ надѣялись въ тотъ же вечеръ, т. е. 14 сентября быть въ Баку. Понятно, что весь экипажъ, занимавшійся постоянно съемкою Каспійскаго моря, достаточно зналъ всѣ условія, сюда относящіяся. Опасности рѣшительно никакой не предвидѣлось. Волненіе было сильное, и вѣтеръ, по выраженію ихъ, былъ „очень свѣжій"; но онъ дулъ постоянно въ задъ, въ корму, и такъ сказать подгонялъ пароходъ. При наступленіи вечера вдругъ, внезапно и неожиданно, случились два обстоятельства: туманъ обхватилъ все видимое пространство, и вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, сталъ дуть не въ задъ, а въ бокъ парохода, къ сторонѣ скалистыхъ береговъ, которыя, по выраженію Иващенцова, тутъ являлись „зубами акулы". Плоскодонный пароходъ, не имѣвшій упора въ водѣ, вѣтромъ стало тянуть къ берегу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ случилось крушеніе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ настоящаго берега, изображавшаго „зубы акулы", находились въ морѣ каменныя гряды, выходившія изъ воды, а еще далѣе такія же гряды подводныя. Когда пароходъ силою вѣтра потянуло къ берегу, онъ скоро ударился о камни подводной гряды; но, какъ говорили моряки, соскочилъ съ нея; вслѣдъ за тѣмъ его потянуло къ той грядѣ, которая выходила изъ воды; пароходъ, по ихъ словамъ, задѣлъ эту гряду, но только „прочерчилъ по ней", и за тѣмъ вынесенъ былъ на чистое пространство, находившееся уже между пароходомъ и самымъ берегомъ, т. е. „зубами акулы". Здѣсь тотчасъ брошены были два якоря; одинъ скоро оборвало, а съ другимъ пароходъ снова потянуло къ берегу. Гибель была неизбѣжна; стали рубить мачту, которая и повалилась именно въ тотъ моментъ, когда пароходъ получилъ первый страшный ударъ. Конецъ мачты упалъ на одинъ „изъ зубовъ" берега, и этотъ неожиданный мостъ служилъ нѣсколько мгновеній для перехода отъ смерти къ жизни. По этой-то собственно перекладинѣ счастливѣйшіе успѣли спастись; но она тотчасъ рухнула и прервала остальнымъ единственный путь спасенія. По свидѣтельству спасшихся, изъ всего экипажа спаслось и погибло на половину, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ. Изъ спасшихся почти не было ни одного, который бы не былъ ушибенъ и болѣе или менѣе изувѣченъ. Почти всѣ офицеры, при нашемъ прибытіи, собрались около насъ; относительно матросовъ намъ сказали, что они помѣщены въ особомъ строеніи. Мы пошли смотрѣть ихъ.

Зрѣлище было мало утѣшительное. Матросы были помѣщены въ какомъ-то сараѣ и лежали на соломѣ. Еще при входѣ нашемъ насъ встрѣтили раздававшіяся стенанія. Спасшійся пароходный докторъ, кажется Заремба, потребовалъ огня, такъ какъ было уже совсѣмъ темно, и вновь сталъ осматривать каждаго матроса. Мы должны были, почти невольно, присутствовать при этомъ осмотрѣ и испытывать чувство состраданія, смѣшанное съ ужасомъ, при видѣ ранъ и увѣчья, которыми эти люди заплатили за свое спасеніе. Отрадно только было видѣть присущее простому русскому человѣку и въ особенности русскому солдату чувство покорности судьбѣ.... Заремба, о которомъ офицеры отзывались какъ о докторѣ, весьма хорошемъ, дѣлалъ все, что можно было для облегченія страданій этихъ людей, употребляя конечно самыя простыя, имѣвшіяся подъ рукой средства, ибо всѣ пароходныя медикаменты погибли вмѣстѣ съ пароходомъ, а объ аптекахъ нечего было и думать ...

Сдѣлавъ это обозрѣніе, мы должны были принять ужинъ, приготовленный намъ хозяиномъ, въ составъ котораго разумѣется входили неизбѣжные пилавъ, шашлыкъ и т. п., и потомъ легли спать, на походную ногу, условившись на другой день рано утромъ ѣхать на мѣсто крушенія, отстоявшее отъ селенія, въ которомъ мы находились, верстахъ въ трехъ или четырехъ. Между тѣмъ Пигулевскій распорядился, чтобы приготовлены были верховые лошади, тарантасы, телѣги и т. п. Дѣйствительно, едва разсвѣло, мы услышали сильный шумъ на дворѣ, гдѣ рубленая татарская рѣчь смѣшивалась съ топотомъ безчисленныхъ лошадиныхъ копытъ. Послѣ кратчайшаго завтрака все наше общество разсѣлось, большею частію, на верховыхъ лошадей, а частію въ различные экипажи, и пустилось къ мѣсту назначенія, въ сопровожденіи огромной толпы провожатыхъ и конвойныхъ. Весьма скоро прибыли мы къ берегамъ моря, стоящимъ скалистыми утесами надъ водою.

По свидѣтельству спасшихся моряковъ, буря, которая погубила ихъ пароходъ, уже стихла; тѣмъ не менѣе волненіе было еще такъ сильно, что брызги отъ ударяющихся въ каменные берега волнъ обдавали насъ сильнѣйшимъ образомъ, хотя мы находились, по крайней мѣрѣ, на 10 саженъ высоты надъ моремъ. При видѣ прибоя и отлива волнъ, ясно было, что ничто не могло сопротивляться имъ: съ такою силою они ударялись въ берегъ, взбѣгали на скалы и потомъ устремлялись назадъ. Первое, что представилось нашимъ взорамъ, былъ остовъ парохода, перегнутый на зубьяхъ скалистаго берега, далеко внизу отъ оконечной высоты его, на которой мы находились; здѣсь держалось только то, что состояло изъ желѣза; всѣ другія части оторваны, смыты, разнесены. Чрезъ этотъ страшный остовъ, недавно живой и сильный, ходили буруны; говорили тутъ и потомъ въ Баку, что въ частяхъ этого остова запуталось какимъ-то образомъ тѣло молодаго капитана, которое хотя можно было видѣть, но достать чрезвычайно трудно. Когда мы пошли далѣе по берегу, то видѣли, что всѣ углубленія его набиты были остатками различныхъ пароходныхъ принадлежностей, по крайней мѣрѣ на пространствѣ пяти верстъ. Потомъ берегъ теряетъ свой скалистый характеръ и дѣлается отлогимъ и ровнымъ. Слѣдуя этою частью берега, мы видѣли много труповъ, выкинутыхъ уже моремъ. Совопровождавшіе насъ офицеры узнавали знакомыя лица и поминали каждаго соотвѣтственнымъ дѣламъ его словомъ.

Иващенцовъ рѣшительно принималъ всю отвѣственность въ дѣлѣ крушенія парохода на себя, уже потому собственно, какъ онъ выражался, что

капитанъ погибъ и не могъ защищаться. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не сокрушался; онъ сожалѣлъ болѣе всего о томъ, что плоды многолѣтнихъ его трудовъ, бумаги и карты, относящіяся къ изслѣдованію и съемкѣ Каспійскаго моря, погибли вмѣстѣ съ пароходомъ. Послѣдствія показали однакожъ, что никакой отвѣтственности на него не легло; напротивъ, онъ снова былъ назначенъ начальникомъ и руководителемъ этого важнаго дѣла.

Когда мы съ Пигулевскимъ возвратились въ Баку, онъ нашелъ тамъ еще письмо слѣдующаго содержанія: „Штурманъ парохода Куба, слѣдовавшаго изъ Астрахани въ Баку, прибывъ ко мнѣ сегодня, въ 12 часовъ пополудни, объявилъ, что послѣ сильнѣйшихъ волненій и шторма, пароходъ Куба вчера вечеромъ, близъ Шавеляны совершенно потерпѣлъ крушеніе: изъ экипажа погибло 4 офицера, въ томъ числѣ и командиръ парохода, до 20 или 25 человѣкъ нижнихъ чиновъ и совершенно все имущество, какъ казенное, такъ и частное. Первый вопросъ мой былъ о пассажирахъ а въ особенности о семействѣ г. Инсарскаго. „Да“ отвѣчалъ г. штурманъ, Господь Богъ помиловалъ. Супругѣ весьма желательно было прибыть на пароходѣ Куба въ Баку, зная, что и супругъ ихъ въ Баку. Смерть была бы неизбѣжная“! Разговоръ продолжался недолго, потому что г. штурманъ торопился на „Шаховую косу“ къ флотскимъ офицерамъ за палатками, чтобы какъ нибудь укрыть отъ дождей и вѣтровъ спасшихся отъ гибели. Итакъ къ успокоенію сердца г. Инсарскаго, доложите, что семейство ихъ здравствуетъ, и пароходъ „Ленкорань“, по словамъ г. штурмана, долженъ отправиться изъ Астрахани сегодня. Дня четыре тому назадъ, прибыло изъ Астрахани судно и на вопросъ мой судовщикъ отозвался, что пароходъ „Ленкорань“ близъ Бирючей косы, по случаю мелководья, сталъ на мель, но что̀ далѣе, неизвѣстно. Тамъ совершенно безопасно, потому что не въ морѣ. 15 Сентября 1857. Апшеронъ.“ Это писалъ какой-то начальникъ чего-то на Апшеронѣ: „Шустровъ“ или что-то въ этомъ родѣ, потому что настоящей фамиліи я я не могу разобрать, хотя подлинное письмо его у меня и теперь передъ глазами.

Первое время по возвращеніи нашемъ въ Баку посвящено было торжественнымъ погребеніямъ погибшихъ морскихъ офицеровъ, которыхъ, одного за другимъ, злое море выкидывало на берега свои и которыхъ постепенно доставляли въ Баку для погребенія. Позже всѣхъ доставленъ былъ молодой капитанъ парохода, именно потому, что онъ, какъ я упоминалъ уже, запутался въ снастяхъ парохода, откуда достать его было чрезвычайно затруднительно. При погребеніи этихъ молодыхъ людей я молился усердно. Смотря на ихъ синія лица, представляя положеніе ихъ далекихъ отцовъ, матерей, быть можетъ женъ и дѣтей, я плакалъ, какъ братъ ихъ родной. Я усердно просилъ Бога вознаградить ихъ въ будущей жизни и послать имъ тамъ радости, которыя сохранены мнѣ на землѣ.... Такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней улицы и храмы Баку наполнялись постоянно погребальными звуками, такъ какъ въ томъ краю не только военныхъ, но и простыхъ гражданъ всегда хоронятъ съ музыкою.

Если съ одной стороны отвращеніе отъ меня смертельной опасности наполнило мою душу благодарностью къ Богу, то съ другой тревога эта значительно потрясла мое нравственное существо. Нервное разстройство достигло во мнѣ такой сильной степени, въ какой вѣроятно не испытывала его ни одна слабая женщина. Тысячи мрачныхъ мыслей снова стали осаждать меня. „Крушеніе паро-

хода, стало быть, вещь возможная!" думалъ я. „Если погибъ лучшій изъ пароходовъ, управляемый самыми лучшими моряками, спеціально изучившими море, то что удивительнаго, что гнилой „Ленкорань", о которомъ всѣ говорили, какъ о мерзѣйшемъ пароходишкѣ, подъ командою какого-нибудь „испивающаго" офицера, потерпитъ туже участь. Это мрачное настроеніе по прежнему сильно поддерживалось постоянно-бурными волненіями моря и тѣми ужасными порывами свистящаго вѣтра, которыхъ я никогда не забуду. Отъ этого происходило то, что въ теченіи дня, окруженный обществомъ, которое значительно усилилось спасшимися офицерами, я держался довольно бодро; когда же наступала ночь и я оставался одинъ съ своими мрачными мыслями,— мнѣ снова слышались стоны моихъ погибающихъ и заливаемыхъ волнами дѣтей. Когда по общимъ разсчетамъ приближалось время прибытія Ленкорани, время это не столько радовало, сколько пугало меня. Я ожидалъ, что оно принесетъ мнѣ страшную развязку моихъ сомнѣній.

Безъ преувеличенія можно сказать, что прибытіе этого парохода сдѣлалось живымъ вопросомъ для всего города. Едва ли былъ домъ, въ которомъ бы не толковали о крушеніи парохода, о моемъ непостижимомъ счастьѣ, о моихъ ожиданіяхъ. Нечего и говорить, что на извѣстной террасѣ при домѣ Пигулевскаго съ утра до вечера торчалъ разнокалиберный народъ, высматривающій въ морѣ ожидаемый пароходъ. Принести первому вѣсть о появленіи этого парохода казалось оказать государству величайшую услугу. Всѣ зрительные иструменты, какіе нашлись въ городѣ, сосредоточивались на этой террасѣ. Я помню живо, что среди тревогъ, меня осаждающихъ, я часто хохоталъ при видѣ, какъ какой-нибудь татаринъ, въ первый разъ взявшійся за подобный инструментъ, рѣшительно ничего не видя, увѣрялъ, что видитъ идущій пароходъ. Не только эти дикари, но часто и люди высшаго разряда впадали въ большое заблужденіе и утверждали, что пароходъ идетъ, тогда какъ оказывалось, что мы принимали за пароходъ какую-нибудь тряпку на стоящемъ въ морѣ маленькомъ и незамѣтномъ суднѣ.

Но всему бываетъ конецъ, тотъ или другой. Такъ точно былъ конецъ и нашимъ ожиданіямъ; такъ точно долженъ быть конецъ моему многословію, разлившемуся на этомъ пунктѣ. Однажды вечеромъ, дней черезъ пятнадцать послѣ катастрофы, многочисленное общество, постоянно окружавшее меня, по обычаю собралось къ намъ. Было часовъ 11 вечера. Почти всѣ играли въ карты. Ожиданія парохода какъ-то утомили всѣхъ, и объ немъ мало стали уже говорить, какъ будто состоялось общее рѣшеніе: предать все это дѣло волѣ Божіей. Ночь была чрезвычайно темная. Общее вниманіе сосредоточивалось на интересахъ игры, среди которой раздавались звуки ножей, вилокъ и тарелокъ, располагаемыхъ на особомъ столѣ извѣстнымъ „агою" для ужина. Совершенно незамѣтно является на порогѣ занимаемой нами комнаты мой камердинеръ Игнатій и, не обращаясь ни къ кому въ частности, спрашиваетъ: „Позвольте спросить, когда пароходъ идетъ ночью, бываютъ на немъ огни?" Мгновенно все обратилось къ нему съ вопрошающими взорами. Многіе голоса провозгласили какъ-то странно: „бываютъ, бываютъ; что такое?" Довольный и улыбающійся Игнатій сказалъ: „пожалуйте-съ, огонь видѣнъ!" Мигомъ все вскочило съ своихъ мѣстъ и бросилось на террасу. Я конечно былъ одинъ изъ первыхъ. Но увы! столько разъ обманутый, я и тутъ рѣшительно ничего не видѣлъ, какими трубами ни вооружался. Но Игнатій упорно сто-

ялъ на своемъ, что видѣлъ огонь. Среди возраженій, которыя посыпалися на него со всѣхъ сторонъ, что никакого огня нѣтъ, что ему это почудилось, возраженій, начинавшихъ уже смущать его, чей-то голосъ вдругъ вскричалъ: „вонъ, вонъ, сейчасъ мелькнулъ!"—„Гдѣ, гдѣ?" раздалось со всѣхъ сторонъ. Но огонь опять пропалъ, и ничего рѣшительно не было видно. Потомъ опять кто-то вскрикнетъ: „вижу, вижу!" Толпа бросится туда, но видѣвшій опять уже ничего не видитъ. Пройдетъ нѣсколько мгновеній тишины и усиленнаго смотрѣнія, и опять какой нибудь неистовый возгласъ: „огонь, огонь!" Какъ мнѣ ни объясняли видѣвшіе это благодатное знаменіе, куда и какъ надобно смотрѣть, чтобы замѣтить его, я рѣшительно ничего не видѣлъ, какъ ни напрягалъ всѣ свои усилія. Большая часть смотрящихъ также ничего не видѣла; но возгласы: „вижу" или „вонъ, вонъ!" стали повторяться чаще. Наконецъ и Фрейгангъ, постоянно и молчаливо смотрѣвшій въ длинную трубу, сказалъ: „идетъ!" Это лаконическое: „идетъ" привело меня въ истинный восторгъ. Я съ новыми усиліями сталъ смотрѣть въ море, и наконецъ мнѣ самому удалось подмѣтить въ чрезвычайномъ отдаленіи огненную точку, которая то мелькнетъ, то пропадетъ. Все оживилось. Фрейгангъ, сказавъ: „чрезъ полтора часа придетъ!", отправился дѣлать распоряженія для торжественной встрѣчи парохода. Игнатій торжествовалъ, какъ какой-нибудь герой. Я обнялъ и разцѣловалъ его. И дѣйствительно, не постижимо, какъ онъ умудрился на такомъ разстояніи замѣтить свѣтлую точку, которая потомъ ускользала отъ сосредоточенныхъ глазъ всего нашего общества. Потомъ, я не могъ не оцѣнить въ немъ той преданности, съ которою онъ, одинъ, среди ночи, торчалъ на террасѣ, когда никто его къ тому не приглашалъ и когда не было рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы его полуночное и одиночное ожиданіе увѣнчалось успѣхомъ. Пигулевскій, со своею маніею хлѣбосольства, немедленно атаковалъ меня вопросомъ: „какой ужинъ прикажите приготовить?"-„Бога ради распорядитесь сами, любезнѣйшій Левъ Викторовичъ!" отвѣчалъ я, впиваясь глазами въ свѣтлую точку, среди моря, которая дѣлалась все видимѣе на темномъ фонѣ ночи. Набережная начала наполняться толпами народа. На террасу стали прибывать наши знакомые съ женами и даже дѣтьми. Все приняло видъ какого-то праздника. Я сидѣлъ съ трубою передъ глазами и мысленно возсылалъ Творцу теплыя благодарныя молитвы! Скоро у пристани показались большіе катера, усаженные матросами и готовые перевезти насъ на пароходъ, когда онъ станетъ на якорь. Вслѣдъ за тѣмъ полетѣли къ небу ракеты, освѣщавшія эффектно море; стали почти безпрерывно жечь фалшвейеры, не только на берегу и катерахъ, но и на всѣхъ казенныхъ судахъ, стоящихъ въ гавани. Милый Фрейгангъ очевидно хотѣлъ показать мнѣ и пріязнь свою и свое морское могущество. Картина была въ высшей степени радостная и оживленная. Наконецъ пароходъ съ шумомъ и свистомъ приблизился и сталъ становиться на якорь. Все общество, кругомъ меня собравшееся, разсѣлось на катера и отправилось на пароходъ.

Описывать встрѣчу мою съ женою и дѣтьми я не стану; она понятна должна быть каждому порядочному семьянину. Дѣти спали уже въ своей каютѣ; не спалъ только прелестный нашъ мальчикъ Ліодоръ, которому, какъ искупительной жертвѣ за спасеніе другихъ, судьба судила скоро заснуть на вѣки на этомъ чуждомъ берегу далекаго моря....

Нѣсколько словъ по поводу книги: „Война и Миръ“.

Печатая сочиненіе, на которое положено мною пять лѣтъ непрестаннаго и исключительнаго труда, при наилучшихъ условіяхъ жизни, мнѣ хотѣлось въ предисловіи къ этому сочиненію изложить мой взглядъ на него и тѣмъ предупредить тѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть въ читателяхъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы читатели не видѣли и не искали въ моей книгѣ того, чего я не хотѣлъ или не умѣлъ выразить, и обратили бы вниманіе на то именно, что̀ я хотѣлъ выразить, но на чемъ (по условіямъ произведенія) не считалъ удобнымъ останавливаться. Ни время, ни мое умѣнье не позволили мнѣ сдѣлать вполнѣ того, что̀ я былъ намѣренъ, и я пользуюсь гостепріимствомъ спеціальнаго журнала для того, чтобы хотя не полно и кратко, для тѣхъ читателей, которыхъ это можетъ интересовать, изложить взглядъ автора на свое произведеніе.

1) Что такое Война и Миръ? Это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника. Война и Миръ есть то, что̀ хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той формѣ, въ которой оно выразилось. Такое заявленіе о пренебреженіи автора къ условнымъ формамъ прозаическаго художественнаго произведенія могло бы показаться самонадѣянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имѣло примѣровъ. Исторія Русской литературы со времени Пушкина не только представляетъ много примѣровъ такаго отступленія отъ европейской формы, но не даетъ даже ни одного примѣра противнаго. Начиная отъ Мертвыхъ Душъ Гоголя и до Мертваго Дома Достоевскаго, въ новомъ періодѣ Русской литературы, нѣтъ ни одного художественнаго прозаическаго произведенія, немного выходящаго изъ посредственности, которое бы вполнѣ укладывалось въ форму романа, поэмы или повѣсти.

2) Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, не достаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ,—это ужасы крѣпостнаго права, закладыванье женъ въ стѣны, сѣченье взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи—я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ бо̀льшей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь, или когда либо. Въ тѣ времена также любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями; таже была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то только отъ того, что въ преданіяхъ, запискахъ повѣстяхъ и романахъ до насъ наиболѣе доходили выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ того времени было буйство также несправедливо, какъ несправедливо заключилъ бы человѣкъ, изъ-за горы видящій одни макушки деревъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ бо̀льшей отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п. И этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить.

3) Употребленіе французскаго языка въ русскомъ сочиненіи. Для чего, въ моемъ сочиненіи говорятъ, не только Русскіе, но и Французы, частью по русски, частью по французски? Упрекъ въ томъ, что лица говорятъ и пишутъ по французски въ русской книгѣ, подобенъ тому упреку, который бы сдѣлалъ человѣкъ, глядя на картину и замѣтивъ въ ней черныя пятна (тѣни), которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности. Живописецъ не повиненъ въ томъ, что нѣкоторымъ—тѣнь, сдѣланная имъ на лицѣ картины, представляется чернымъ пятномъ, котораго не бываетъ въ дѣйствительности; но живописецъ повиненъ только въ томъ, ежели тѣни эти положены не вѣрно и грубо. Занимаясь эпохой начала нынѣшняго вѣка, изображая лица Русскія извѣстнаго общества и Наполеона и Французовъ, имѣвшихъ такое прямое участіе въ жизни того времени, я невольно увлекся формой выраженія того французскаго склада мысли, больше, чѣмъ это было нужно. И потому, не отрицая того, что положенныя мною тѣни вѣроятно невѣрны и грубы, я желалъ бы только чтобы тѣ, которымъ покажется очень смѣшно, какъ Наполеонъ говоритъ то по русски, то по французски, знали бы, что это имъ кажется только оттого, что они, какъ человѣкъ смотрящій на портретъ, видятъ не лицо съ свѣтомъ и тѣнями, а черное пятно подъ носомъ.

4) Имена дѣйствующихъ лицъ, Болконскій, Друбецкой, Билибинъ, Курагинъ и др., напоминаютъ извѣстныя русскія имена. Сопоставляя дѣйствующія не-историческія лица съ другими историческими лицами, я чувствовалъ неловкость для уха заставлять говорить графа Ростопчина съ кн. Пронскимъ, съ Стрѣльскимъ или съ какими нибудь другими князями или графами, вымышленной, двойной или одинокой фамиліи. Болконскій или Друбецкой, хотя не суть ни Волконскій ни Трубецкой, звучатъ чѣмъ-то знакомымъ и естественнымъ въ русскомъ аристократическомъ кругу. Я не умѣлъ придумать для всѣхъ лицъ именъ, которыя мнѣ показались бы не фальшивыми для уха, какъ Безухій и Ростовъ, и не умѣлъ обойти эту трудность иначе, какъ взявъ на удачу самыя знакомыя русскому уху фамиліи и перемѣнивъ въ нихъ нѣкоторыя буквы. Я бы очень сожалѣлъ, ежели бы сходство вымышленныхъ именъ съ дѣйствительными, могло бы кому нибудь дать мысль, что я хотѣлъ описать то или другое дѣйствительное лицо; въ особенности потому, что та литературная дѣятельность, которая состоитъ въ описываніи дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ лицъ, не имѣетъ ничего общаго съ тою, которою я занимался.

М. Д. Ахросимова и Денисовъ, вотъ исключительно лица, которымъ невольно и необдуманно я далъ имена близко подходящія къ двумъ особенно-характернымъ и милымъ дѣйствительнымъ лицамъ тогдашняго общества. Это была моя ошибка, вытекшая изъ особенной характерности этихъ двухъ лицъ, но ошибка моя въ этомъ отношеніи ограничилась одною постановкою этихъ двухъ лицъ; и читатели, вѣроятно, согласятся, что ничего похожаго съ дѣйствительностью не происходило съ этими лицами. Всѣ же остальныя лица совершенно вымышленныя и не имѣютъ даже для меня опредѣленныхъ первообразовъ въ преданіи или дѣйствительности.

5) Разногласіе мое въ описаніи историческихъ событій съ разсказами историковъ. Оно не случайное, а неизбѣжное. Историкъ и художникъ, описывая историческую эпоху, имѣютъ два совершенно различные предмета. Какъ историкъ будетъ не правъ, ежели онъ будетъ пытаться представить историческое лицо во всей его цѣльности, во всей сложности отношеній ко всѣмъ сторонамъ жизни, такъ и художникъ

не исполнитъ своего дѣла, представляя лицо всегда въ его значеніи историческомъ. Кутузовъ не всегда съ зрительной трубкой, указывая на враговъ, ѣхалъ на бѣлой лошади. Растопчинъ не всегда съ факеломъ зажигалъ Вороновскій домъ (онъ даже никогда этого не дѣлалъ), и императрица Марія Өеодоровна не всегда стояла въ горностаевой мантіи, опершись рукой на сводъ законовъ; а такими ихъ представляетъ себѣ народное воображеніе.

Для историка, въ смыслѣ содѣйствія, оказаннаго лицомъ какой нибудь одной цѣли, есть герои; для художника, въ смыслѣ соотвѣтственности этого лица всѣмъ сторонамъ жизни, не можетъ и не должно быть героевъ, а должны быть люди.

Историкъ обязанъ иногда, пригибая истину, подводить всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лице. Художникъ, напротивъ, въ самой одиночности этой идеи видитъ несообразность съ своей задачей и старается только понять и показать не извѣстнаго дѣятеля, а человѣка.

Въ описаніи самыхъ событій различіе еще рѣзче и существеннѣе.

Историкъ имѣетъ дѣло до результатовъ событія, художникъ до самаго факта событія. Историкъ, описывая сраженіе, говоритъ: лѣвый флангъ такого-то войска былъ двинутъ противъ деревни такой-то, сбилъ непріятеля, но принужденъ былъ отступить; тогда пущенная въ атаку кавалерія опрокинула.... и т. д. Историкъ не можетъ говорить иначе. А между тѣмъ, для художника слова эти не имѣютъ никакого смысла, и даже не затрогиваютъ самаго событія. Художникъ, изъ своей ли опытности, или по письмамъ, запискамъ и разсказамъ, выводитъ свое представленіе о совершившемся событіи, и весьма часто (въ примѣрѣ сраженія) выводъ о дѣятельности такихъ-то и такихъ-то войскъ, который позволяетъ себѣ дѣлать историкъ, оказывается противуположнымъ выводу художника. Различіе добытыхъ результатовъ объясняется и тѣми источниками, изъ которыхъ и тотъ и другой черпаютъ свои свѣдѣнія. Для историка (продолжаемъ примѣръ сраженія) главный источникъ есть донесенія частныхъ начальниковъ и главнокомандующаго. Художникъ изъ такихъ источниковъ ничего почерпнуть не можетъ, они для него ничего не говорятъ, ничего не объясняютъ. Мало того, художникъ отворачивается отъ нихъ, находя въ нихъ необходимую ложь. Нечего говорить уже о томъ, что при каждомъ сраженіи оба непріятеля почти всегда описываютъ сраженіе совершенно противуположно одинъ другому; въ каждомъ описаніи сраженія есть необходимость лжи, вытекающая изъ потребности въ нѣсколькихъ словахъ описывать дѣйствія тысячей людей, раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, находящихся въ самомъ сильномъ нравственномъ раздраженіи, подъ вліяніемъ страха, позора и смерти.

Въ описаніяхъ сраженій пишется обыкновенно, что такія-то войска были направлены въ атаку на такой-то пунктъ, и потомъ велѣно отступать и т. д., какъ бы предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряетъ десятки тысячъ людей волѣ одного на плацу, будетъ имѣть тоже дѣйствіе тамъ, гдѣ идетъ дѣло жизни и смерти. Всякій, кто былъ на войнѣ, знаетъ, на сколько это несправедливо (*); а между тѣмъ на этомъ предположеніи основаны реляціи, и на нихъ военныя описанія. Объѣздите всѣ войска тотчасъ послѣ

(*) Послѣ напечатанія моей первой части и описанія Шенграбенскаго сраженія, мнѣ были переданы слова Николая Николаевича Муравьева-Карскаго объ этомъ описаніи сраженія, слова, подтвердившія мнѣ мое убѣжденіе. Ник. Ник. Муравьевъ, главнокомандующій, отозвался, что онъ никогда не читалъ болѣе вѣрнаго описанія сраженія и что онъ своимъ опытомъ убѣдился въ томъ, какъ невозможно исполненіе распоряженій главнокомандующаго во время сраженія.

сраженія, даже на другой, третій день, до тѣхъ поръ, пока не написаны реляціи, и спрашивайте у всѣхъ солдатъ, у старшихъ и низшихъ начальниковъ о томъ, какъ было дѣло; вамъ будутъ разсказывать то что̀ испытали и видѣли всѣ эти люди, и въ васъ образуется величественное, сложное, до безконечности разнообразное и тяжелое, не ясное впечатлѣніе; и ни отъ кого, еще менѣе отъ главнокомандующаго, вы не узнаете, какъ было все дѣло. Но черезъ два-три дня начинаютъ подавать реляціи, говоруны начинаютъ разсказывать, какъ было то, чего они не видали; наконецъ составлятся общее донесеніе, и по этому донесенію составляется общее мнѣніе арміи. Каждому облегчительно промѣнять свои сомнѣнія и вопросы на это лживое, но ясное и всегда лестное представленіе. Черезъ мѣсяцъ и два разспрашивайте человѣка, участвовавшаго въ сраженіи, — ужъ вы не чувствуете въ его разсказѣ того сыраго жизненнаго матеріала, который былъ прежде, а онъ разсказываетъ по реляціи. Такъ разсказывали мнѣ про Бородинское сраженіе многіе живые, умные участники этого дѣла. Всѣ разсказывали одно и тоже, и всѣ по невѣрному описанію Михайловскаго-Данилевскаго, по Глинкѣ и др.; даже подробности, которыя разсказывали они, не смотря на то, что разскащики находились на разстояніи нѣскольких верстъ другъ отъ друга — однѣ и тѣже.

Послѣ потери Севастополя, начальникъ артиллеріи Крыжановскій прислалъ мнѣ донесенія артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастіоновъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе чѣмъ 20-ти донесеній — одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучшій образецъ той наивной, необходимой, военной лжи, изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многіе изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они по приказанію начальства писали то, чего не могли знать. Всѣ испытавшіе войну знаютъ, какъ способны Русскіе дѣлать свое дѣло на войнѣ и какъ мало способны къ тому, чтобы его описывать съ необходимой въ этомъ дѣлѣ хвастливой ложью. Всѣ знаютъ, что въ нашихъ арміяхъ должность эту, составленія реляцій и донесеній, исполняютъ большей частью наши инородцы.

Все это я говорю къ тому, чтобы показать неизбѣжность лжи въ военныхъ описаніяхъ, служащихъ матеріаломъ для военныхъ историковъ, и потому показать неизбѣжность частыхъ несогласій художника съ историкомъ въ пониманіи историческихъ событій. Но кромѣ неизбѣжности неправды въ изложеніи историческихъ событій, у историковъ той эпохи, которая занимала меня, я встрѣчалъ (вѣроятно вслѣдствіе привычки группировать событія, выражать ихъ кратко и соображаться съ трагическимъ тономъ событій) особенный складъ выспренней рѣчи, въ которой часто ложь и извращеніе переходятъ не только на событія, но и на пониманіе значенія событія. Часто, изучая два главныя историческія произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги. Не говоря уже объ изложеніи однихъ и тѣхъ же событій самымъ серьёзнымъ, значительнымъ тономъ, съ ссылками на матеріялы и діаметрально-противуположно одинъ другому, я встрѣчалъ въ этихъ историкахъ такія описанія, что не знаешь, смѣяться ли или плакать, когда вспомнишь, что обѣ эти книги единственные памятники той эпохи и имѣютъ милліоны читателей. Приведу только одинъ примѣръ изъ книги знаменитаго историка Тьера. Разсказавъ, какъ Наполеонъ привезъ

съ собой фальшивыхъ ассигнацій, онъ говоритъ: „Relevant l'emploi de ces moyens par un acte de bienfaisance *digne de lui et de l'armée française*, il fit distribuer des secours aux incendiés. Mais les vivres étant trop précieux pour être donnés longtems à des étrangers, la plupart ennemis, Napoléon aima mieux leur fournir de l'argent, et il leur fit distribuer des roubles papier“ (*).

Это мѣсто поражаетъ отдѣльно своей оглушающей, нельзя сказать безнравственностью, но просто безсмысленностью; но во всей книгѣ оно не поражаетъ, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общему выспреннему, торжественному и не имѣющему никакого прямаго смысла, тону рѣчи.

И такъ, задача художника и историка совершенно различна, и разногласіе съ историкомъ въ описаніи событій и лицъ въ моей книгѣ—не должно поражать читателя.

Но художникъ не долженъ забывать, что представленіе объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, составившееся въ народѣ, основано не на фантазіи, а на историческихъ документахъ, насколько могли ихъ сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и событія, художникъ долженъ руководствоваться, какъ и историкъ, историческими матеріалами. *Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая библіотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которыя всегда могу сослаться.*

6) Наконецъ шестое и важнѣйшее для меня соображеніе, касается того малаго значенія, которое по моимъ понятіямъ имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ.

Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событій и столь близкую къ намъ, о которой живо столько разнороднѣйшихъ преданій, я пришелъ къ очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся историческихъ событій. Сказать (что̀ кажется всѣмъ весьма простымъ) что причины событій 12-го года состоятъ въ завоевательномъ духѣ Наполеона и въ патріотической твердости императора Александра Павловича, также безсмысленно, какъ сказать, что причины паденія Римской Имперіи заключаются въ томъ, что такой-то варваръ повелъ свои народы на Западъ, а такой-то Римскій императоръ дурно управлялъ государствомъ, или что огромная, срываемая гора упала оттого, что послѣдній работникъ ударилъ лопатой.

Такое событіе, гдѣ милліоны людей убивали другъ друга и убили половину милліона, не можетъ имѣть причиной волю одного человѣка: какъ одинъ человѣкъ не могъ одинъ подкопать гору, такъ не можетъ одинъ человѣкъ заставить умирать 500 тысячь. Но какія же причины? Одни историки говорятъ, что причиной былъ завоевательный духъ Французовъ, патріотизмъ Россіи. Другіе говорятъ о демократическомъ элементѣ, который разносили полчища Наполеона и о необходимости Россіи вступить въ связь съ Европою; и т. п. Но какъ же милліоны людей стали убивать другъ друга, кто это велѣлъ имъ? Кажется, ясно для каждаго, что отъ этого никому не могло быть лучше, а всѣмъ хуже; зачѣмъ же они это дѣлали? Можно сдѣлать и дѣлаютъ безчисленное количество ретроспективныхъ умозаключеній о причинахъ этого безсмысленнаго событія; но огромное количество этихъ объясненій и совпаденіе всѣхъ ихъ къ одной

(*) Возмѣщая употребленіе этихъ средствъ дѣломъ благотворительности, достойнымъ его и французской арміи, онъ приказалъ оказывать пособіе погорѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были слишкомъ дороги, и не представлялось долѣе возможности снабжать ими людей чужихъ, и по большей части непріязненныхъ, то Наполеонъ предпочелъ одѣлять ихъ деньгами, и для того были имъ выдаваемы бумажные рубли.

цѣли только доказываетъ то, что причинъ этихъ безчисленное множество, и что ни одну изъ нихъ нельзя назвать причиной.

Зачѣмъ милліоны людей убивали другъ друга, тогда какъ съ сотворенія міра извѣстно, что это и физически и нравственно дурно?

Затѣмъ, что это такъ неизбѣжно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тотъ стихійный, зоологическій законъ, который исполняютъ пчёлы, истребляя другъ друга къ осени, по которому самцы животныхъ истребляютъ другъ друга. Другаго отвѣта нельзя дать на этотъ страшный вопросъ.

Эта истина не только очевидна, но такъ прирожденна каждому человѣку, что ее не стоило бы доказывать, ежели бы не было другаго чувства и сознанія въ человѣкѣ, которое убѣждаетъ его, что онъ свободенъ во всякій моментъ, когда онъ совершаетъ какое нибудь дѣйствіе.

Разсматривая исторію съ общей точки зрѣнія, мы несомнѣнно убѣждены въ Предвѣчномъ Законѣ, по которому совершаются событія. Глядя съ точки зрѣнія личной, мы убѣждены въ противномъ.

Человѣкъ, который убиваетъ другаго, Наполеонъ, который отдаетъ приказаніе къ переходу черезъ Нѣманъ, вы и я, подавая прошеніе объ опредѣленіи на службу, поднимая и опуская руку, мы всѣ несомнѣнно убѣждены, что каждый поступокъ нашъ имѣетъ основаніемъ разумныя причины и нашъ произволъ, и что отъ насъ зависѣло поступить такъ или иначе, и это убѣжденіе до такой степени присуще и дорого каждому изъ насъ, что, не смотря на доводы исторіи и статистики преступленій (убѣждающіе насъ въ непроизвольности дѣйствій другихъ людей) мы распространяемъ сознаніе нашей свободы на всѣ наши поступки.

Противорѣчіе кажется неразрѣшимымъ. Совершая поступокъ, я убѣжденъ, что я совершаю его по своему произволу; разсматривая этотъ поступокъ въ смыслѣ его участія въ общей жизни человѣчества (въ его историческомъ значеніи) я убѣждаюсь, что поступокъ этотъ былъ предопредѣленъ и неизбѣженъ. Въ чемъ заключается ошибка?

Психологическія наблюденія о способности человѣка ретроспективно подѣлывать мгновенно подъ совершившійся фактъ цѣлый рядъ мнимо-свободныхъ умозаключеній (это я намѣренъ изложить въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно) подтверждаютъ предположеніе о томъ, что сознаніе свободы человѣка, при совершеніи извѣстнаго рода поступковъ, ошибочно. Но тѣже психилогическія наблюденія доказываютъ, что есть другой рядъ поступковъ, въ которыхъ сознаніе свободы не рестроспективно, а мгновенно и несомнѣнно. Я несомнѣнно могу, что́ бы ни говорили матеріялисты, совершить дѣйствіе или воздержаться отъ него, какъ скоро дѣйствіе это касается одного меня. Я несомнѣнно, по одной моей волѣ, сейчасъ поднялъ и опустилъ руку. Я сейчасъ могу перестать писать. Вы сейчасъ можете перестать читать. Несомнѣнно по одной моей волѣ и внѣ всѣхъ препятствій я сейчасъ мыслью перенесся въ Америку или къ любому математическому вопросу. Я могу, испытывая свою свободу, поднять и съ силой опустить свою руку въ воздухѣ. Я сдѣлалъ это. Но подлѣ меня стоитъ ребенокъ, я поднимаю надъ нимъ руку и съ той же силой хочу опустить на ребенка. Я *не могу* этого сдѣлать. На этого ребенка бросается собака, я *не могу* не поднять руку на собаку. Я стою во фронтѣ и не могу не слѣдовать за движеніями полка. Я не могу въ сраженіи не идти съ своимъ полкомъ въ атаку и не бѣжать, когда всѣ бѣгутъ вокругъ меня. Я не могу, когда я стою на судѣ защитникомъ обвиня-

емаго, перестать говорить или знать то что я буду говорить. Я не могу не мигнуть глазомъ противъ направленнаго въ глазъ удара.

И такъ есть два рода поступковъ. Одни зависящіе, другіе не зависящіе отъ моей воли. И ошибка, производящая противорѣчіе, происходитъ только оттого, что сознаніе свободы (законно сопутствующее всякому поступку относящемуся до моего *я*, до самой высшей отвлеченности моего существованія) я неправильно переношу на мои поступки, совершаемые въ совокупности съ другими людьми и зависящіе отъ совпаденія другихъ произволовъ съ моимъ. Опредѣлить границу области свободы и зависимости, весьма трудно, и опредѣленіе этой границы составляетъ существенную и единственную задачу психологіи; но, наблюдая за условіями проявленія нашей наибольшей свободы и наибольшей зависимости, нельзя не видѣть, что чѣмъ отвлеченнѣе и потому чѣмъ менѣе наша дѣятельность связана съ дѣятельностями другихъ людей, тѣмъ она свободнѣе; и на оборотъ чѣмъ больше дѣятельность наша связана съ другими людьми, тѣмъ она не свободнѣе.

Самая сильная, неразрываемая, тяжелая и постоянная связь съ другими людьми, есть такъ называемая власть надъ другими людьми, которая въ своемъ истинномъ значеніи есть только наибольшая зависимость отъ нихъ.

Ошибочно или нѣтъ, но вполнѣ убѣдившись въ этомъ впродолженіи моей работы, я естественно, описывая историческія событія 1805, 1807 и особенно 1812 года, въ которомъ наиболѣе выпукло выступаетъ этотъ законъ предопредѣленія (*), я не могъ приписывать значенія дѣламъ тѣхъ людей, которымъ казалось что они управляютъ событіями, но которые менѣе всѣхъ другихъ участниковъ событій вносили въ нихъ свободную человѣческую дѣятельность. Дѣятельность этихъ людей была занимательна для меня только въ смыслѣ иллюстраціи того закона предопредѣленія, который по моему убѣжденію управляетъ исторіею и того психологическаго закона, который заставляетъ человѣка, исполняющаго самый несвободный поступокъ, поддѣлывать въ своемъ воображеніи цѣлый рядъ ретроспективныхъ умозаключеній, имѣющихъ цѣлью доказать ему самому его свободу.

Графъ Левъ Толстой.

(*) Достойно замѣчанія, что почти всѣ писатели, писавшіе о 12 годѣ, видѣли въ этомъ событіи что-то особенное и роковое.

ПОПРАВКИ

Къ стр. 213. Чиновникъ, состоявшій при гр. Бенигсенѣ для иностранной переписки, былъ не Циннеръ, какъ напечатано, а *Цизмеръ*. Къ стр. 324 „Отцы и Дѣти", романъ И. С. Тургенева появился на англійскомъ языкѣ не въ Лондонѣ, а въ Ньюіоркѣ (Leypoldt and Holt. 1867. 8° VIII и 248 стр.) Этотъ переводъ сдѣланъ въ Ньюіоркѣ съ Русскаго языка г-номъ Скайлеромъ (Schuyler, Ph. D.), нынѣ американскимъ консуломъ въ Москвѣ и замѣчателенъ тѣмъ, что въ началѣ помѣщены біографическія данныя объ И. С. Тургеневѣ, полученныя переводчикомъ отъ него самаго изъ Бадена. *П. Б.*

ОЧЕРКЪ ПОМѢЩИЧЬЯГО БЫТА

въ началѣ нынѣшняго вѣка (*).

Въ первыхъ годахъ, перваго десятилѣтія текущаго, богатаго великими событіями, девятнадцатаго вѣка, стало быть слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, въ одной отдаленной отъ столицъ, полустепной и полулѣсной губерніи, сосѣдственной съ настоящими, коренными нашими лѣсными губерніями, Пермскою и Вятскою, въ совершенномъ захолустьѣ, жило богатое и многочисленное дворянское семейство Болдухиныхъ, въ пятисотдушномъ селѣ Вознесенскомъ Болдухино-тожъ; — жило въ полномъ смыслѣ по деревенски. Старики, не получившіе никакого образованія, разбогатѣвшіе недавно и совершенно неожиданно, не привыкли еще пользоваться и распоряжаться, какъ слѣдуетъ, всѣми средствами настоящаго своего богатаго состоянія. Въ иныхъ случаяхъ тратились они безъ надобности и бросали деньги, какъ говорится, на вѣтеръ, такъ что добрые люди посмѣивались и думали про себя, а нѣкоторые можетъ быть и говорили: „дешево деньги достались; цѣны и счету имъ незнаютъ„. Въ иныхъ случаяхъ же, именно въ такихъ, въ которыхъ не надо жалѣть денегъ, Болдухины были скуповаты, и вотъ тѣже добрые люди говорили про себя, а нѣкоторые можетъ быть и въ слухъ, что: *не рука крестьянину калачь ѣсть*, и что не смыслятъ Болдухины, гдѣ денежку надо приберечь и гдѣ бросить. — Впрочемъ, слѣдуя духу времени, начинавшему пробиваться до границъ такихъ губерній, гдѣ зимой частехонько замерзаетъ ртуть, Болдухины желали доставить *воспитаніе* своимъ дѣтямъ, и для того не жалѣли денегъ. Разумѣется успѣхъ (понимая его въ нашемъ смыслѣ), не соотвѣтствовалъ желанію и значительной денежной тратѣ, потому что не только трудно, но почти невозможно было затащить въ такую отдаленную глушь хорошихъ учителей и учительницъ; учительницы или *мадамы*, какъ ихъ тогда называли, были необходимѣе учителей, потому что въ семействѣ Болдухиныхъ находилось пять дочерей и четверо сыновей; но всѣ братья были дѣти, были почти погодки и моложе своихъ сестеръ. Старшей изъ нихъ, Наташѣ, совершенной красавицѣ, тогда было 14 лѣтъ. И такъ родители ограничились тѣмъ, что выписали черезъ какого-то корреспондента, печатно увѣрявшаго въ газетахъ о своей честности, какую-то мадамъ де Фуасье и какого-то мусьё, стараго капитана австрійской службы Морицъ Иваныча Шевалье де Глейхенфелда, и поручили имъ учить дѣтей всѣмъ наукамъ и искусствамъ. Старая француженка мадамъ де Фуасье, незнавшая никакихъ языковъ, кромѣ французскаго, умѣла только ворожить на картахъ и страстно любить свою огромную болонку „Азора“, у котораго были какіе-то странные, черные, точно человѣчьи глаза, такъ что горничныя дѣвки боялись смотрѣть на Азорку.

(*) Часть этого Очерка, набросаннаго С. Т. Аксаковымъ не задолго до его кончины, была напечатана въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., кн. 2-я. подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ повѣсти Наташа». Этотъ очеркъ дорогъ намъ въ литературномъ отношеніи, какъ посмертное произведеніе одного изъ лучшихъ нашихъ писателей, и въ отношеніи историческомъ, какъ изображеніе недавно отжитаго быта. *П. Б.*

Шевалье де Глейхенфельдъ, нидерландскій уроженецъ, "Морсъ Иванычь", какъ его звала въ домѣ прислуга, зналъ основательно два языка, французскій и нѣмецкій, неосновательно — латинскій, да четвертый еще, составленный имъ самимъ изъ всѣхъ европейскихъ языковъ и преимущественно изъ польскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій, потому что капитанъ долго служилъ въ австрійской арміи и много таскался по австрійскимъ славянскимъ владѣніямъ. Вотъ обращикъ его рѣчей на этомъ составномъ языкѣ. Хотѣлъ ли онъ назвать кого нибудь глупымъ, онъ говорилъ: онъ има на свой глува шанки, ирбата и слона; т. е. онъ имѣетъ въ своей головѣ сѣно, траву и солому. Разговоры называлъ говріанье, сказки — кишкересъ, вора — двуръ, дѣвушку — кобитка и пр. Сверхъ того онъ былъ большой проказникъ, иногда называлъ барыню — баранина, притворяясь, что не умѣетъ различать этихъ словъ. Такъ напримѣръ, одинъ разъ при гостяхъ за обѣдомъ, будучи недоволенъ, что мало осталось жаркаго на блюдѣ, онъ съ досадой отказался отъ него. Г-жа Болдухина, замѣтивъ это, въ простотѣ души обратилась къ нему съ вопросомъ: „отчего, Морицъ Иванычь, вы не взяли жаренаго?"... „Оттого, моя сударыня баранина, отвѣчалъ капитанъ, что ту не ма кусокъ на мой густо." Г-жа Болдухина покраснѣла до ушей съ досады, гости расхохотались, у лакеевъ искривились лица отъ сдержаннаго смѣха, а Морсъ Иванычь съ видомъ невинности началъ допрашивать: не сказалъ ли онъ чего нибудь смѣшнаго? Кавалеръ де Глейхенфельдъ тоже ворожилъ, но по звѣздамъ, и составлялъ гороскопы, взлѣзая для наблюденія по ночамъ на колокольню. Странно, что, на смѣхъ здравому смыслу, нѣкоторые изъ его гороскоповъ впослѣдствіи оказывались поразительно вѣрны. Разумѣется его считали колдуномъ и даже побаивались. Онъ очень любилъ одного изъ сыновей Болдухиныхъ, смуглаго лицемъ мальчика и называлъ его: „черный попа." Передъ Наташей онъ благоговѣлъ.

Сначала ученье шло, казалось, хорошо; но года черезъ два старики стали догадываться, что такіе учителя недостаточны для окончательнаго воспитанія, да и сосѣди корили, что стыдно, при ихъ состояніи, не доставить дѣтямъ столичнаго образованія. Болдухины думали, думали и рѣшились для окончательнаго воспитанія старшихъ дѣтей переѣхать на годъ въ Москву, гдѣ и прежде бывали не одинъ разъ, только на короткое время. Впрочемъ была и другая побудительная причина къ отъѣзду въ древнюю столицу.

Съ половины лѣта начались сборы; старики не умѣли понять, что въ Москвѣ нужно только побольше денегъ и, какъ можно меньше народу. Они нагрузились всякою всячиною, набрали кучу ненужныхъ вещей, запасовъ и людей; разумѣется, за всё это они дорого поплатились.

Въ послѣднихъ числахъ сентября, еще въ хорошую, или покрайней мѣрѣ сносную, осеннюю погоду, довольно рано поутру, выѣхали изъ села Болдухина двѣ кареты, двѣ коляски, нѣсколько кибитокъ и телѣгъ, навьюченныхъ до нельзя. Весь этотъ обозище отправлялся на своихъ доморощенныхъ, господскихъ лошадяхъ, числомъ не болѣе, не менѣе, на тридцати семи коняхъ. Не успѣли отъѣхать и пятнадцати верстъ, какъ семилѣтній мальчикъ Петруша, старшій изъ сыновей Болдухиныхъ, фаворитъ и баловень Варвары Михайловны (такъ звали г-жу Болдухину), котораго повезли уже нездоровымъ, въ надеждѣ, что дорогой будетъ ему лучше, — такъ разнемогся или по крайней мѣрѣ такъ расплакался (ѣхать въ Москву ему не хотѣлось), что испуганные родители рѣшились воротиться домой.

Въ селѣ Болдухинѣ общее удовольствіе, по случаю отъѣзда господъ въ Москву надолгое время, находилось въ самомъ разгарѣ. Многочисленная дворня, проводя до околицы своихъ помѣщиковъ со многими вздохами и слезами, толпою возвращалась домой, разсуждая между собой, зачѣмъ уѣхали бары въ Москву. „Видно денегъ некуда дѣвать, говорилъ, хрипя отъ одышки, старый ключникъ, Иванъ Марчычь: ну чего не видали въ Москвѣ? Ну гдѣ имъ найдти житья лучше, какъ въ Болдухи-

нѣ.?“—„Это всё она! подхватила молодая, смазливая прачка, сосланная недавно за что-то изъ горничныхъ въ людскую стирать бѣлье. Баринъ бы вѣкъ не выѣхалъ изъ деревни; это все ей, барынѣ, не сидится дома, она же и дочку подбила.“—„Ну гдѣ тебѣ, глупой бабѣ это разумѣть, возражалъ старый буфетчикъ, купленный лѣтъ за десять Болдухиными. Можно ли приравнять Московскую жизнь къ вашей? Здѣсь глушь, Азія, Татары, Черемисы, да Вотяки. Кого здѣсь увидишь? А тамъ на Москвѣ у насъ, церквей Божіихъ не сочтешь; енераловъ и всякихъ важныхъ господъ видимо не видимо, а къ тому же и дѣтокъ надобно обучать......“ Въ такихъ-то пріятныхъ и поучительныхъ разговорахъ дошла дворня до своихъ избъ, клѣтей и амбарушекъ, и разбившись на кружки, принялась пировать на свободѣ. Хотя помѣщики были люди не строгіе, а добрые и даже слабые; но все какъ будто гора у всѣхъ свалилась съ плечъ, и всякій строилъ въ головѣ планы, какъ бы сначала повеселиться, а потомъ повыгоднѣе проводить свое досужее время.

Вдругъ какой-то зоркій мальчишка замѣтилъ показавшіеся на горѣ высокіе экипажи; ихъ сейчасъ узнали, и тревожная вѣсть: „господа воротились“, какъ молнія пронеслась по всѣмъ людскимъ, избамъ, ткацкимъ, столярнымъ, прачешнымъ, — и вездѣ сдѣлалась большая суматоха. Кто могъ, побѣжалъ на встрѣчу, а кто не могъ, — тѣ попрятались, наказавъ отвѣчать господамъ, если спросятъ: что прикащикъ уѣхалъ, дескать, по хозяйственнымъ господскимъ надобностямъ въ сосѣднюю деревню, что ключникъ угорѣлъ въ банѣ, старый буфетчикъ отлучился поохотиться съ острогою за рыбою, верстъ за шесть, и пр. и пр.

Но всѣ опасенія были напрасны и всѣ предосторожности не нужны. Хозяева воротились въ такомъ смущеніи, что не обратили ни на кого ни малѣйшаго вниманія. Смущеніе происходило отъ того, что старикъ Болдухинъ (въ самомъ дѣлѣ неохотно ѣхавшій въ Москву) сказалъ наотрѣзъ своей супругѣ и дочери, при рѣшеніи воротиться домой, что, по выздоровленіи Петруши, хотя бы оно и черезъ недѣлю послѣдовало, поздно будетъ пускаться въ такой дальній путь; что въ октябрѣ уже не ѣзда на своихъ по проселочнымъ дорогамъ и что ѣхать надо будетъ уже по зимѣ. Изъ этого вышелъ горячій и непріятный споръ, и всѣ воротились очень невеселы, особенно мать и старшая дочь Наташа, шестнадцатилѣтняя необыкновенная красавица. И матери и дочери, по какимъ то невѣдомымъ, инстинктивнымъ причинамъ, очень хотѣлось въ Москву и, войдя въ домъ, прошли онѣ прямо въ спальню г-жи Болдухиной и принялись обѣ плакать.

Экипажи поставили у лакейскаго подъѣзда и у дѣвичьяго крыльца; лошадей приказано было отложить, а лакеямъ и горничнымъ выбирать изъ каретъ и повозокъ только необходимое для ночлега; изъ чего можно заключить, что барыня надѣялась на скорое выздоровленіе Петруши. Кучеръ Трофимъ, выпрягая коренныхъ изъ четверомѣстной кареты, крѣпко сердился на форрейтора Сидорку: „Счастливъ ты, собачій сынъ, что воротились, говорилъ онъ хриплымъ басомъ. Я бы на первой кормежкѣ нагрѣлъ те спину. Вишь, какъ упарилъ подсѣдельную! Развѣ я те не кричалъ: держи, не давай натягивать постромокъ.“ —„Да кто её дядюшка сдержитъ? раздавался пискливый и плаксивый голосъ форрейтора. Вѣдь ты самъ знаешь, какова она въ головѣ-то крѣпка: всѣ руки вытянула.....“ „Я те вытяну. Ну, ну, ну, веди лошадей-то твоихъ,“ ворчалъ Трофимъ (человѣкъ незлой, но любившій припугнуть форрейтора Сидорку), уводя въ конюшню четвёрку вспаренныхъ коней. Лакеи и горничныя принялись выбираться; кое-кто изъ остававшихся дворовыхъ прибѣжали помогать имъ, и со всѣхъ сторонъ посыпались шутки и прибаутки по случаю неудачной поѣздки и скораго возвращенія: „ну что,

хорошо ли въ Москвѣ? Чай, всего наглядѣлись!" говорили одни, оставшіеся въ деревнѣ. „Мы то ничего, говорили воротившіеся, а вотъ вамъ-то каково! И погулять не успѣли. Да гдѣ у васъ остальные-то? Али съ радости угорѣли?" „Ну нишни, что орешь! Вонъ баринъ на крыльцѣ"...... Баринъ въ самомъ дѣлѣ вышелъ на крыльцо для какихъ то приказаній...... Въ самую эту минуту раздался колокольчикъ, и телѣга парой, шибко приближаясь и звеня, въѣхала на дворъ; проворно соскочилъ съ нея никому неизвѣстный, одѣтый какъ баринъ, какой-то молодой малой, спросилъ дома ли господа, и гдѣ они; и когда указали ему, что господинъ стоитъ на крыльцѣ, пріѣзжій подошелъ къ барину, снялъ дорожный картузъ, поклонился, подалъ письмо и сказалъ: „Флегонтъ Аѳанасьичь, Марья Васильевна и Аѳанасій Флегонтовичь Солобуевы, приказали кланяться, спросить о здоровьѣ и доложить, что они пріѣхали и остановились въ Вырыпаевкѣ". Хозяинъ очень смутился, спросилъ однако о здоровьѣ Солобуевыхъ и, взявъ письмо, торопливо ушелъ въ домъ. Входя въ спальню съ письмомъ въ рукѣ, Болдухинъ сказалъ торжественно: „ну вотъ, матушка, хорошо, что воротились: вѣдь Солобуевы пріѣхали. Вѣдь было бы стыдно, еслибъ не застали насъ. Вѣдь я говорилъ, что пріѣдутъ." Мать и дочь обѣ вскрикнули и вскочили, подумавъ, что Солобуевы у крыльца, и сейчасъ вспомня, что они одѣты по дорожнему; но Василій Петровичь (такъ называли старика Болдухина) поспѣшилъ ихъ успокоить, сказавъ, что гости ночуютъ за двѣнадцать верстъ и прислали передоваго съ письмомъ. Поспѣшно прочли письмо, содержавшее въ себѣ только извѣщеніе о завтрашнемъ пріѣздѣ (написанное конторскимъ слогомъ и почеркомъ). Разумѣется, пріѣздъ послѣдовалъ вслѣдствіе приглашенія самихъ Болдухиныхъ, сдѣланнаго еще прошлаго года, которое считали несбыточнымъ и о которомъ почти забыли. Хозяева не вдругъ опомнились отъ такого уже вовсе неожиданнаго и поздняго посѣщенія, которое застало ихъ совершенно въ расплохъ, совершенно не въ пору, но дѣлать было нечего. Сообразя нѣсколько свое положеніе, Болдухины прежде всего призвали къ себѣ въ залу нарочнаго, присланнаго съ письмомъ, распросили его самымъ ласковымъ образомъ о здоровьѣ его господъ и о томъ, благополучно ли они совершили такую дальнюю, трудную дорогу? Сказали между прочимъ, какъ они рады такимъ дорогимъ и почтеннымъ гостямъ; госпожа же Болдухина между ласковыми рѣчами вклеила и вопросъ: отчего Флегонтъ Аѳанасьичь, Марья Васильевна и Аѳанасій Флегонтовичь не прибыли лѣтомъ, а пустились въ путь уже въ позднюю осень? Бойкій и хвастливый лакей, камердинеръ молодаго Солобуева, сейчасъ смекнулъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, закидалъ словами нашихъ деревенскихъ стариковъ и умѣлъ напустить имъ такой пыли въ глаза разсказами о разныхъ привычкахъ и привередахъ своихъ богатыхъ господъ, что Болдухины перетрусились и не знали, какъ принять, гдѣ помѣстить и какъ угостить, хотя не знатныхъ, но страшнымъ богатствомъ избалованныхъ и изнѣженныхъ посѣтителей; на вопросъ же Варвары Михайловны, отчего такъ поздно пріѣхали Солобуевы, камердинеръ отвѣчалъ: „Всё изволили сбираться и до послѣдняго дня не рѣшались ѣхать или нѣтъ-съ. Вѣдь Флегонту Аѳанасьичу отлучиться не то, что другому-съ; въ ихнихъ дѣлахъ можетъ сдѣлаться въ одну недѣлю упущеніе на мильонъ или болѣе-съ (лакей не пугался цыфры); окромѣ же того они привыкли вездѣ жить, какъ живутъ у себя дома; всё съ собой забрали-съ, и людей себѣ пріятныхъ, и мухобилей, къ которымъ привыкли. Мы ѣдимъ-съ въ трехъ каретахъ, двухъ колясках и въ 20-ти повозкахъ; всего 25 экипажей-съ; господъ и служителей находится 22 персоны; до сотни беремъ лошадей. Флегонтъ Аѳанасьичь очень знаютъ-съ, что въ домѣ помѣститься

имъ съ семействомъ невозможно: и вамъ и имъ-съ будетъ безпокойно; а потому приказали просить, если нѣтъ особаго флигеля для ихъ помѣщенія, очистить десятка два-съ крестьянскихъ избъ. Хозяева останутся довольны-съ." — Покуда объяснялись и ласково бесѣдовали съ камердинеромъ, успѣли приготовить для него кое-что поѣсть, потому что въ этотъ день, ни для господъ въ кухнѣ, ни для людей въ застольной, ничего не готовили: остававшуюся въ Болдухинѣ дворню всю спустили на мѣсячину. Потомъ напоили пріѣзжаго господскимъ чаемъ съ ромомъ, и потомъ самъ Болдухинъ пошелъ съ нимъ осматривать флигель, никѣмъ кромѣ пріѣзжихъ гостей не занимаемый, а также и людскія избы. По счастью камердинеръ благосклонно объявилъ, что флигель очень достаточенъ для временнаго помѣщенія его господъ и что если очистить нѣсколько людскихъ избъ, то и служители помѣститься въ нихъ могутъ. Старикъ Болдухинъ очень былъ доволенъ такимъ отзывомъ. Камердинеръ просилъ немедленно его отправить. Привезшая его Вырыпаевская пара, нанятая съ оборотомъ, вмѣстѣ съ подводчикомъ, была накормлена и напоена: лошадки-водой, а подводчикъ — виномъ. Болдухины написали самое ласковое письмо къ Солобуевымъ, просили камердинера на словахъ передать ихъ радость дорогимъ гостямъ, буфетчикъ поднесъ ему третью рюмку сладкой водки, — и опять зазвенѣлъ колокольчикъ, застукала телѣга, поднявъ за собою пыль вдоль длинной Болдухинской улицы, и уѣхалъ бойкій камердинеръ. — Боже мой! Какая суматоха, какая кутерьма, поднялась въ цѣломъ домѣ! Надо было не только выбраться изъ дорожныхъ экипажей, разложиться по мѣстамъ, привесть и кухню и буфетъ въ прежній порядокъ, — надо было всё устроить для помѣщенія, для угощенія пріѣзжихъ гостей, богачей, мильонщиковъ, у которыхъ и прислуга одѣвается и живетъ по господски! Дымъ пошелъ коромысломъ..... Но не пора ли мнѣ воротиться назадъ и разсказать, что это за Солобуевы, какъ они познакомились съ Болдухиными и что значитъ ихъ посѣщеніе?

Въ Оренбурской губерніи находятся сѣрные источники, получившіе въ послѣдствіи всѣмъ извѣстное имя „Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ". Тогда это было дикое мѣсто на нагорной сторонѣ степной рѣки „Большой Сургутъ." Сѣрные ключи били изъ подошвы небольшой горы и ручьями втекали въ огромный четвероугольный, крѣпко срубленный изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, бассейнъ построенный необычайно прочно и почти до краевъ наполненный осѣвшею сѣрою. Старожилы говорили, да и мѣстность это подтверждала, что тутъ былъ нѣкогда сѣрный заводъ, уничтоженный будто бы въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елизаветы. Лично мнѣ разсказывали, что когда расчищали сѣрные ключи, то находили дубовые клинья, чурбаки и доски, обернутые въ войлокъ, которыми были крѣпко заколочены главные источники, отъ чего вода, прегражденная въ своемъ истокѣ, просачивалась вокругъ множествомъ маленькихъ родниковъ. Очевидно, что заводъ былъ уничтоженъ за мнимымъ, т. е. искусственнымъ, уменьшеніемъ сѣрныхъ ключей. Кому это было нужно, — не знаю. Изъ бассейна бѣжала рѣчка и впадала въ Сургутъ. По отлогимъ скатамъ, въ ущельяхъ которыхъ, избитыхъ шахтами, росли разныя породы чернолѣсья, — въ живописномъ безпорядкѣ были разбросаны Калмыцкія кибитки, палатки, плетневые шалаши, и коегдѣ избушки, перевезенныя изъ ближайшихъ Чувашскихъ деревень. Помѣщики, даже изъ дальнихъ мѣстъ, начинали уже каждое лѣто съѣзжаться на воды. Никакихъ докторовъ и полицейскихъ чиновниковъ тамъ еще не было, а былъ нѣкто Петръ Андреичъ Глазовъ, Оренбургскій помѣщикъ и желѣзный заводчикъ, открывшій эти цѣлебные источники по народной молвѣ, потому что обыватели упраздненнаго города Сергіевска и окрестные жители, по большей части

не крещеные Чуваши, не переставали лѣчиться и вылѣчиваться отъ всѣхъ болѣзней питьемъ прозрачной, холодной, какъ ледъ, сѣрной воды и купаньемъ въ ея бассейнѣ. Помѣщикъ Глазовъ, чудесно излеченный ими отъ долговременной болѣзни, сталъ посѣщать ежегодно цѣлебные источники и сдѣлался ревностнымъ распространителемъ ихъ славы, приглашая туда словесно всѣхъ знакомыхъ и, черезъ письма, даже не знакомыхъ ему людей, доказывая имъ пользу лѣченья собственнымъ примѣромъ. Онъ сдѣлался какимъ-то хозяиномъ, полицейскимъ чиновникомъ и докторомъ при Сѣрныхъ Водахъ: всякій новопріѣзжій являлся къ Петру Андреичу, спрашивалъ, гдѣ ему разбить свой таборъ, разсказывалъ про свою болѣзнь и просилъ наставленія, какъ употреблять воду? Петръ Андреичь отводилъ мѣста, назначалъ употребленіе цѣлебной воды, даже указывалъ, гдѣ брать дрова и откуда получать съѣстные припасы; всѣ съ уваженіемъ и благодарностью въ точности исполняли его благодѣтельные совѣты.

Болдухины имѣли на Сѣрныхъ Водахъ самую лучшую избу, которую называли дворцомъ, потому что Варвара Михайловна, женщина тучная, но болѣзненная, не смотря на отдаленность (надо было проѣхать слишкомъ триста верстъ), уже нѣсколько лѣтъ пріѣзжала туда съ мужемъ и старшими дѣтьми лѣчиться цѣлебными ключами. Въ прошедшемъ году Болдухины жили лѣто на Сѣрныхъ Водахъ. Кочевой бытъ скоро знакомитъ и сближаетъ людей, а потому и Болдухины были знакомы со всѣми.

Въ одинъ знойный, лѣтній день, когда душно было сидѣть и въ избѣ, и въ палаткѣ, и въ Калмыцкой кибиткѣ, — не смотря на то, что боковыя кошмы были подняты и воздухъ свободно проходилъ сквозь рѣшетчатыя стѣнки войлочнаго шатра, семейство Болдухиныхъ сидѣло съ нѣсколькими посѣтителями въ тѣни своей избы и, не смущаясь жаромъ, готовилось пить чай, тогда еще не запрещенный докторами, потому что ихъ не было. Вдругъ видятъ они проѣзжающіе мимо крестьянскіе роспуски, на которыхъ, на грудѣ подушекъ, покрытыхъ богатымъ ковромъ, высоко сидѣлъ большаго роста, никому незнакомый, очень тучный старикъ. Видъ его поразилъ всѣхъ; на головѣ его была надѣта черная, пуховая шляпа съ широкими полями; длинные, сѣдые волосы лежали по плечамъ; крупныя черты лица были выразительны; одѣтъ онъ былъ въ темный сюртукъ; въ рукахъ держалъ камышевую трость съ золотымъ набалдашникомъ. Старикъ проѣхалъ очень близко, снялъ шляпу, поклонился и, тихо удаляясь на своихъ роспускахъ, съ напряженнымъ вниманіемъ долго смотрѣлъ на изумленныхъ Болдухиныхъ. Неуспѣли они переговорить съ своими гостями о странномъ появленіи неизвѣстнаго старика, какъ онъ въ другой разъ проѣхалъ мимо, уже съ противуположной стороны, также поклонился, и также внимательно смотрѣлъ на всѣхъ. Нѣкоторые начали посмѣиваться надъ загадочнымъ незнакомцемъ и вторичнымъ его поклономъ; хотѣли было послать развѣдать, кто этотъ чудакъ и откуда?... какъ вдругъ, въ третій разъ показались тѣже роспуски, съ тѣмъ же высокимъ сѣдокомъ, только уже не проѣхали мимо, а поровнявшись, остановились; кучеръ слѣзъ съ передковъ и, снявъ шляпу, подошелъ прямо къ старику Болдухину, поклонился и почтительно доложилъ, что господинъ его, Флегонтъ Аѳанасьичь Солобуевъ, свидѣтельствуетъ свое почтеніе и, желая познакомиться, проситъ позволенія придти къ хозяевамъ и раздѣлить бесѣду. Разумѣется, Болдухины приказали покорнѣйше просить. Подходившій кучеръ былъ одѣтъ, какъ богатый купецъ, и самъ по себѣ представлялъ великолѣпную, тучную фигуру, украшенную чудесной русой бородой. Одинъ изъ гостей вспомнилъ, что слышалъ вчера о пріѣздѣ на воды издалека какихъ-то богачей заводчиковъ Солобуевыхъ. Незнакомый старикъ не замедлилъ явиться. Съ большою важно-

стью и въ тоже время вѣжливостью, и старинными поклонами онъ отрекомендовался всему обществу и каждому порознь; подходилъ даже къ Наташѣ, спросилъ объ ея имени и просилъ полюбить старика. Новый гость усѣлся съ другими около стола, на которомъ уже кипѣлъ самоваръ, и пустился говорить безъ умолку. Онъ попросилъ позволенія закурить трубку, и великолѣпный кучеръ подалъ ему богатую, пѣнковую трубку съ витымъ чубукомъ и огромный кисетъ табаку, который болѣе походилъ на мѣшокъ или кулекъ; гость закурилъ и, попивая чай и куря безъ перемежки, въ короткое время разсказалъ всю свою исторію, со всѣми даже подробностями. Это былъ велерѣчивый говорунъ; его рѣчь лилась, какъ плавный потокъ, имѣла въ себѣ что-то книжное и высокопарное, и въ тоже время что-то добродушное и достолюбезное. Въ непродолжительномъ времени общество узнало, что онъ старинный дворянинъ, владѣлецъ нѣсколькихъ чугунно-плавильныхъ и желѣзно-дѣлательныхъ заводовъ и помѣщикъ многихъ деревень; что онъ уже 38-мь лѣтъ женатъ на Марьѣ Васильевнѣ, урожденной Савиновой, что Богъ благословилъ его бракъ тремя дочерьми и однимъ сыномъ, которому уже 25 лѣтъ, что дочери его выданы замужъ и что онъ пріѣхалъ лѣчиться на Сѣрныя Воды отъ одышки (которой никто у него не замѣчалъ). Хотя старикъ не поминалъ о деньгахъ; но всѣ какъ-то почувствовали, убѣдились, что у него въ сундукѣ лежатъ милліоны. Потомъ слѣдовали безконечные разсказы старика о достоинствахъ его жены и сына, о превосходномъ состояніи его заводовъ и пр. и пр. Сначала всѣ слушали со вниманіемъ и любопытствомъ; даже Наташа опускала изъ рукъ свою работу и устремляла на старика свои прекрасные глаза. Старикъ это замѣчалъ и нерѣдко обращалъ прямо къ ней свою рѣчь съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, отъ чего Наташа смущалась и, скромно потупляя глаза, поспѣшно принималась за работу. Наконецъ гость утомилъ и заговорилъ всѣхъ; вѣроятно онъ это замѣтилъ, всталъ, раскланялся со всѣми съ великою учтивостью, съ Наташей особенно и, выпросивъ позволеніе привести свою старуху и представить сына, ушелъ.

Болдухины поговорили сначала о новомъ знакомомъ и хотя хвалили добраго старика, однако находили, что онъ подъ часъ и скучноватъ, потому что слишкомъ любитъ распространяться о своихъ заводахъ, о заводскихъ дѣлахъ, о своемъ сынкѣ, такъ что другимъ приходится молчать и слушать; поговорили, и забыли про своего велерѣчиваго гостя. Черезъ недѣлю, возвращаясь съ Сѣрныхъ источниковъ, гдѣ Варвара Мих. пила холодную, прозрачную, какъ хрусталь, воду прямо изъ родника, и для компаніи заставляла пить Наташу, цвѣтущую свѣжестью и здоровьемъ, вздумали Болдухины, для бо́льшаго тѣлодвиженія, пройдти другою, окольною дорогой. Вдругъ изъ одной новой избы, мимо которой шла дорога, прежде никѣмъ не занятой, выбѣжалъ лакей съ покорнѣйшею просьбою отъ Флегонта Аѳанасьича и Марьи Васильевны Солобуевыхъ, чтобъ Болдухины удостоили ихъ своимъ посѣщеніемъ. Отказаться показалось неловко, да и было совѣстно, что Василій Петровичь забылъ отдать визитъ старику Солобуеву, а потому, хотя и не охотно, Болдухины рѣшились зайдти къ новымъ посѣтителямъ водъ, а Наташу отпустили домой съ гувернанткой. Только что Болдухины начали рекомендоваться съ хозяйкой, какъ Флегонтъ Аѳанасьичь хватился Наташи: онъ видѣлъ, что она шла вмѣстѣ съ отцемъ и матерью. Старикъ принялся такъ усердно просить и кланяться вмѣстѣ съ женой, чтобъ воротили Наташу, хотѣлъ самъ идти за нею, что Болдухины не могли отказать горячимъ просьбамъ хозяевъ и послали своего лакея сказать гувернанткѣ, чтобъ она съ барышней воротилась. Наташа пришла;

щеки ея отъ ходьбы разгорѣлись, и она была по истинѣ чудно хороша. Солобуевы не знали, какъ приласкаться, какъ чествовать и гдѣ посадить своихъ гостей. Явился сынъ, молодой человѣкъ небольшаго роста, блѣдный, худой, съ какимъ-то стариковскимъ выраженіемъ въ чертахъ лица, впрочемъ весьма пріятнаго, съ какой-то лихорадочной живостью въ глазахъ и быстротой въ движеніяхъ. Онъ говорилъ принужденно и скоро, на Наташу почти не взглянулъ, и Наташа его даже не замѣтила: ею занимался съ увлеченіемъ старикъ Солобуевъ: говорилъ почтительныя похвалы и любезности, потчивалъ конфектами, мороженнымъ, фруктами, которыхъ надо было доставать за сто верстъ, — и добродушная Наташа, видя къ себѣ такое вниманіе и любовь отъ старика, сердечно его полюбила. Нѣсколько разъ Болдухины собирались домой, но Солобуевы такъ усердно кланялись, такъ усердно просили "посидѣть еще немножко," что Варвара Михайловна хотя внутренно сердилась, но отказать такимъ просьбамъ не имѣла духа. Надобно признаться, что во всѣхъ этихъ учтивостяхъ и ласкахъ, угожденіяхъ и угощеніяхъ слышалось что-то купеческое и тягостное. Наконецъ Болдухины рѣшительно распрощались и ушли; старикъ Солобуевъ съ сыномъ провожали дорогихъ гостей до половины дороги, и едва упросили ихъ Болдухины, чтобъ они воротились домой. Василью Петровичу и особенно Варварѣ Михайловнѣ не понравились ни старуха, ни сынокъ: Мавра Васильевна показалась имъ безотвѣтной купчихой, а Аѳанасій Флегонтовичь — хворымъ и невнимательнымъ вертопрахомъ; о старикѣ Солобуевѣ они отзывались благосклоннѣе, а Наташа хвалила его отъ всей души, какъ умѣла, и сказала, что она полюбила его, какъ роднаго. Дня черезъ два старики Солобуевы пріѣзжали къ Болдухинымъ шестерней въ каретѣ, а сынъ ихъ, въ одно время съ ними, — четверкой въ коляскѣ, но хозяевъ не застали дома. Такой парадъ былъ очень смѣшонъ, и всё водное населеніе смотрѣло на него какъ на забавное чудачество: на водахъ всѣ попросту ходили другъ къ другу пѣшкомъ или ѣздили на домашнихъ дрожкахъ и долгушахъ. Старика Солобуева, съ распущенными бѣлыми волосами по плечамъ, прозвали на смѣхъ водянымъ старцемъ, и одна только Наташа огорчалась этой шуткой, очень горячо защищала и хвалила добраго старика.

Чрезъ недѣлю, по какимъ-то особеннымъ, хозяйственнымъ обстоятельствамъ, Болдухины собрались въ нѣсколько часовъ и, ни съ кѣмъ не простившись, уѣхали съ Сѣрныхъ Водъ. Такъ кончилось знакомство ихъ съ Солобуевыми (*).

Воротясь въ свое село, что̀ было въ исходѣ іюля, Болдухины занялись своимъ деревенскимъ хозяйствомъ и совершенно забыли про богачей Солобуевыхъ, съ которыми такъ оригинально познакомились на Сергіевскихъ Водахъ. Одна Наташа сохраняла въ доброй и благодарной душѣ своей теплое и свѣжее воспоминаніе о старикѣ Солобуевѣ, Флегонтѣ Аѳанасьичѣ.

Въ продолженіи этого года красота Наташи, старшей дочери Болдухиныхъ, достигла полнаго своего блеска. Ей исполнилось 16 лѣтъ. Я не стану описывать черты ея прекраснаго лица, цвѣта ея глазъ и волосъ; скажу только, что она была такъ хороша, что всякій, увидавъ её въ первый разъ, невольно останавливался, заглядывался на неё и никогда не забывалъ. Въ лицѣ Наташи было то, что̀ гораздо выше, могущественнѣе самой красоты, это было выраженіе душевной прелести, скромности, чистоты, благородства и необыкновенной доброты. Этому выраженію нельзя было противиться; человѣкъ самый грубый и холодный подвергался его волшебному вліянію и, поглядѣвъ на Наташу, чувствовалъ какое-то смягченіе въ черствой душѣ своей и съ непривычной благосклонностью говорилъ: "Ну, какъ хороша дочка у Василья Петровича!„ Од-

(*) Что̀ далѣе до стр. 565-й, было напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1860.

на Наташа, не то чтобы не знала, не знать было не возможно, но не цѣнила и не дорожила своей красотой; она до того была къ ней равнодушна, что никогда мысль одѣться къ лицу не приходила ей въ голову; нарядъ ея былъ небрежный, и она даже не умѣла одѣться. Наташа имѣла отъ природы здравый и свѣтлый умъ, чуждый всякой мечтательности, но нисколько не развитый ни ученьемъ, ни образованіемъ, ни обществомъ. Чему было научиться отъ старухи-гувернантки Фуасье, которая плохо знала грамотѣ по французски? Какого развитія можно было ожидать отъ постоянныхъ бесѣдъ съ нею, когда ея собственное развитіе было нисколько не выше, если не ниже, развитія Евьеши, Наташиной горничной? Г-жа Болдухина, сама не получившая никакого образованія, была женщина не глупая и горячая; но она держала Наташу до сихъ поръ въ совершенномъ отдаленіи и только недавно начала приближать къ себѣ. Наташа имѣла глубоко-нѣжное сердце, но безъ всякаго нѣжничанья, и сантиментальность по инстинкту ей была противна. Доброта ея была безпредѣльна и вполнѣ развита отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Много чужихъ винъ перебрала она на себя и много за нихъ вытерпѣла отъ вспыльчивой и долго не любившей ея матери. Безъ преувеличенья можно сказать, что весь домъ смотрѣлъ на неё, какъ на ангела. Во многомъ Наташа была безпечное дитя; можно было подумать, что она и останется такою. Впереди не было надежды на образованіе; но суровая школа жизни, съ мудрыми своими уроками, ждала её у порога родительскаго дома.

Прошелъ августъ, наступилъ сентябрь; всё было тихо и спокойно въ селѣ Болдухинѣ; деревенскія занятія и деревенскія удовольствія шли своей чередой. Варвара Михайловна Болдухина хозяйничала по своей части, то есть, заботилась о приготовленіи впрокъ всякихъ домашнихъ запасовъ: соленья, моченья, сушенья; много было насушено ягодъ и грибовъ, много наварено варенья, много заготовлено разныхъ постилъ, медовыхъ и сахарныхъ на окошкахъ и лежанкахъ, много наставлено бутылей съ разноцвѣтными наливками. Хозяйство Василія Петровича было по важнѣе, по существеннѣе: давно убрались съ огромнымъ количествомъ сѣна, кончили ржаное жнитво, началась и возка ранней, лучшей ржи, дожинали яровое. Шевалье де Глейхенфельдъ и мадамъ де Фуасье усердно занимались ученьемъ дѣтей. Наташа, которую за доброту, а можетъ быть и за красоту, всѣ въ домѣ чуть не обожали, начиная съ мусьё и мадамъ до послѣдняго слуги и служанки, спокойно и беззаботно проводила время, хотя не имѣла никакой склонности къ деревенскимъ занятіямъ и удовольствіямъ, не любила даже гулять и какъ-то не умѣла восхищаться красотами природы; училась она не слишкомъ прилежно, но въ тоже время и не лѣнилась. Не думая о своей наружности, не думая никому нравиться, она, казалось, хорошѣла съ каждымъ днемъ.

Вдругъ однобразное ,невозмутимое спокойствіе деревенской жизни Болдухиныхъ было возмущено слѣдующимъ обстоятельствомъ: привезли, по обыкновенію во вторникъ, письма и Московскія Вѣдомости изъ уѣзднаго городишки „Богульска“ отстоявшаго въ 45 верстахъ отъ села Болдухина. Извѣстно, что полученіе почты весьма пріятное и даже важное событіе въ деревенской глуши. Василій Петровичь, взявъ всѣ шесть полученныхъ писемъ и газеты, отправился въ спальню къ Варварѣ Михайловнѣ, чтобъ тамъ распечатать ихъ и вмѣстѣ прочесть. Варвара Михайловна, какъ женщина, была болѣе любопытна, да и характеромъ поживѣе, чѣмъ ея супругъ. Она сейчасъ перебрала всѣ конверты и нашла два письма, надписанныя неизвѣстною рукою и запечатанныя неизвѣстными печатями, а потому захотѣла прочесть ихъ прежде другихъ писемъ. Василій Петровичь распечаталъ одно и читалъ слѣдующее: „Милостивый государь

Василій Петровичъ и милостивая государыня Варвара Михайловна! Имѣвъ честь и удовольствіе познакомиться съ вами и любезнѣйшею дочерью вашею, Натальей Васильевной, сего текущаго года, въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, на Сѣрныхъ Водахъ, мы съ Маврой Васильевной, а равно и сынъ нашъ, Аѳонасій Флегонтовичъ, по внушенію Божію, возъимѣли непреложное намѣреніе достигнуть счастья, породниться съ вами. Наидостойнѣшая, наилюбезнѣйшая и наипрекраснѣйшая дочь ваша, Наталья Васильевна, съ той самой поры, какъ я, старикъ, её впервые увидѣлъ, показалась мнѣ Божіимъ благословеніемъ для нашего сына, о коемъ я молился и молюсь и денно и нощно Господу Богу. Старуха моя и сынъ то же ощутили, когда увидѣли Наталью Васильевну. И такъ, милостивые государи, рекомендуя вамъ нашего единственнаго сына и единственнаго наслѣдника всѣхъ моихъ имѣній и капиталовъ (ибо дочери мои при замужествѣ отдѣлены и награждены; цѣнность же моего состоянія можетъ простираться до семи милльоновъ рублей) просимъ у васъ руки достолюбезнѣйшей Натальи Васильевны для нашего сына. Если Господу будетъ угодно благословить наше желаніе и получить ваше родительское согласіе, а равно и согласіе любезнѣйшей дочери вашей, то завѣряю васъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что всѣ дни живота моего будутъ направлены на то, чтобы день и ночь заботиться о томъ, чтобъ каждое желаніе Натальи Васильевны угадывать и исполнять, и всё мое счастіе будетъ состоять въ томъ, чтобъ она была счастлива, въ чемъ, при помощи милосердаго Творца, надѣюсь успѣхъ получить.

На сіе письмо наше просимъ благосклонности и неукоснительнаго отвѣта. Поручая себя, мою старуху и сына нашего Аѳонасія Флегонтовича, вашему милостивому благорасположенію, съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности имѣемъ честь быть, —милостивые государи, вашими покорнѣйшими слугами Флегонтъ Солобуевъ. Мавра Солобуева. Аѳонасій Солобуевъ."

Хотя сватовство къ такой красавицѣ, какъ Наташа, могло назваться дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но Болдухины были имъ озадачены и удивлены. Въ ихъ глазахъ шестнадцатилѣтняя Наташа была еще дѣвочкой, а не невѣстой. Много людей восхищалось ея красотой, но формальное предложеніе получила она въ первый разъ, да еще отъ какого богача! Они вторично прочли оригинальное письмо, и у Варвары Михайловны, несмотря на то, что богатство жениха сильно её подкупало, вырвалось нѣсколько неблагосклонныхъ отзывовъ: „Вотъ еще, говорила она: отдать дочь за пятьсотъ верстъ на чугунные заводы, въ Вятскіе лѣса. Да и женихъ какой-то хворый и никакого вниманія на Наташу не обратилъ. Это старику она понравилась, онъ её боготворитъ, онъ и дѣло ладитъ. Флегонтъ Аѳанасьичъ, конечно, хорошій человѣкъ, ну и Мавра Васильевна добрая женщина, и конечно будутъ Наташу на рукахъ носить, а сына ихъ мы вовсе и не знаемъ...." Нить такихъ разсужденій была прервана любопытствомъ прочесть другое неизвѣстное письмо. Василій Петровичъ распечаталъ его и читалъ слѣдующее:

„Милостивый государь Василій Петровичъ и милостивая государыня Варвара Михайловна.

Позвольте приступить къ дѣлу безъ околичностей. Вы знали моихъ покойныхъ родителей, изволите знать и меня съ сестрой съ самаго дѣтства; но до послѣдняго свиданія нашего на Сѣрныхъ Водахъ, я двѣнадцать лѣтъ не имѣлъ чести васъ видѣть. Наконецъ я увидѣлъ васъ на сѣрныхъ источникахъ: вы меня не узнали и не могли узнать. Тамъ же я увидѣлъ несравненную вашу дочь Наталью Васильевну, — и съ тѣхъ поръ благородный и прекрасный образъ ея живетъ въ моей душѣ. Внезапный

вашъ отъѣздъ съ Сѣрныхъ Водъ, за два дня до котораго я туда пріѣхалъ, лишилъ меня возможности явиться къ вамъ, для засвидѣтельствованья моего глубочайшаго почтенія. Привыкнувъ подчинять мои поступки разуму и не довѣряя прочности минутнаго увлеченія, я, со всею силою воли, слишкомъ два мѣсяца предавался усиленнымъ занятіямъ, и хозяйственнымъ и умственнымъ, стараясь затмить очаровательный образъ вашей дочери; но наконецъ убѣдился, что это не возможно, что судьба моя рѣшена. Позвольте мнѣ, милостивые государи, явиться въ вашъ домъ, не только какъ сыну вашихъ старыхъ знакомыхъ, но и какъ человѣку, который ищетъ у васъ счастія своей жизни, руки вашей дочери. Вы знали меня еще мальчикомъ; Наталья Васильевна не знаетъ меня вовсе: вамъ всѣмъ нужно познакомиться со мною ближе. Тогда уже отъ моихъ личныхъ качествъ будетъ зависить, признаете ли вы меня достойнымъ назваться вашимъ преданнымъ сыномъ, изберетъ ли Наталья Васильевна меня вѣчнымъ себѣ другомъ, который страстно полюбилъ её, съ перваго взгляда.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ, милостивые государи, покорнѣйшимъ слугою *Ардальонъ Шатовъ.*"

Чтеніе втораго письма поразило Болдухиныхъ болѣе перваго. Василій Петровичь самодовольно улыбался и наконецъ сказалъ. „Вотъ какова наша Наташа; вотъ, какъ говорится: не было ни деньги, да вдругъ алтынъ. Оба жениха отличные, только Наташа-то не похожа на невѣсту. Когда она узнаетъ о намѣреніи Ардальона Семеновича, её и въ гостиную не вытащишь." — „Да ей и сказывать не надо, подхватила Варвара Михайловна. Ардальонъ Семеновичь будетъ ѣздить къ намъ, какъ къ старымъ знакомымъ."—„Ну а чтоже отвѣчать Солобуевымъ?" спросилъ Василій Петровичь. Варвара Михайловна призадумалась. Семимилліонное состояніе сильно тянуло къ себѣ обоихъ стариковъ и льстило ихъ тщеславію и любви къ богатству: да и ктоже его не любитъ? Они рѣшили не держать этого сватовства въ секретѣ и даже сказать о немъ Наташѣ. Впрочемъ они отложили всякое дѣйствіе по этимъ письмамъ до тѣхъ поръ, покуда обдумаютъ хорошенько, не торопясь, такое важное дѣло.

Обдумыванье было не продолжительно. На другой же день Варвара Михайловна доказала Василью Петровичу, какъ дважды два четыре, что жениховъ и сравнивать нельзя, не смотря на то, что одинъ въ семь разъ богаче другаго. „Солобуевъ, говорила Варвара Михайловна, увезетъ Наташу за пятьсотъ верстъ въ лѣсную на заводы, изъ которыхъ и день и ночь полымя пышетъ, такъ что и смотрѣть, говорятъ, страшно; а Шатовъ намъ сосѣдъ, и ста верстъ не будетъ до его имѣнья. Онъ первый женихъ въ нашей губерніи; хозяинъ, даромъ, что молодъ. Доходу, говорятъ, получаетъ по сту тысячь: будетъ съ нихъ. Одинъ хворый, какой-то сморчекъ, а другой кровь съ молокомъ и красавецъ; у одного отецъ и мать, а другой одинъ, какъ перстъ; есть сестра, да уже и ту, говорятъ, женихи сватаютъ. Въ семью ли выходить подъ команду свекра и свекрови, или быть полной госпожей въ домѣ?"—Тутъ Василій Петровичь не вытерпѣлъ и сказалъ: „Ужъ это матушка не резонъ. Флегонтъ Аѳанасьичь и Мавра Васильевна, стали бы Наташу, какъ свѣжее яичко, на ладонкѣ носить, да и сынокъ бы никогда не посмѣлъ на неё косо взглянуть или ей поперечить. По моему, такъ при старикахъ лучше пожить: добру поучатъ, да и въ хозяйство введутъ". Разумѣется, Варвара Михайловна не согласилась и утверждала, что это всему свѣту извѣстно, что никто, кромѣ Василья Петровича, не скажетъ, будто одинокій женихъ хуже семейнаго. Впрочемъ на всѣ другія причины Василій Петровичь былъ совершенно согласенъ; а потому и были написаны два письма: къ Солобуевымъ весьма учтивое и ласковое, что покорнѣйше благодарятъ за честь, но что дочь еще

ребенокъ и о замужствѣ не думаетъ, да и сынка ихъ совершенно не знаетъ; къ Шатову письмо было коротенькое: „благодаримъ за честь и милости просимъ“.

Болдухины какъ придумали, такъ и поступили. Позвали къ себѣ Наташу, и Варвара Михайловна постаралась растолковать ей, что она уже не ребенокъ, что она уже дѣвушка-невѣста, что ей надо болѣе заботиться о своей наружности, глаже причесывать свою голову, лучше одѣваться, болѣе обращать вниманія на молодыхъ людей, на ихъ съ нею обращеніе и разговоры, и самой быть осторожнѣй въ словахъ и не говорить всякій домашній вздоръ, какой придетъ въ голову, а быть со всѣми ласковой, внимательной и любезной. Встревоженная и смущенная Наташа плохо поняла первый урокъ житейской мудрости и со всею искренностью, съ дѣтскимъ простодушіемъ, отвѣчала, что она о женихахъ и думать не хочетъ, да и на ней никто жениться не думаетъ. Отецъ съ матерью переглянулись, усмѣхнулись и, чтобы убѣдить Наташу въ противномъ, прочли ей письмо Солобуевыхъ, съ разными примѣчаніями и обьясненіями, разумѣется, не въ пользу Аѳанасью Флегонтовичу. Старики ожидали, что Наташа не захочетъ и слышать о такомъ женихѣ, который живетъ далеко, въ какихъ-то лѣсахъ, который на нее и взглянуть не хотѣлъ и котораго Варвара Михайловна не преминула назвать хворымъ и сморчкомъ. (это выраженіе ей понравилось и она его часто употребляла). Но родители были очень изумлены, когда Наташа призадумалась, прочитавъ письмо, никакого нерасположенія или непріятнаго чувства къ предложенію Солобуевыхъ не показала, а тихо и скромно промолвила, что Аѳанасья Флегонтовича она почти не видала, но что онъ не показался ей хворымъ и противнымъ, а, напротивъ, веселымъ человѣкомъ, и что старика Флегонта Аѳанасьича она такъ полюбила, что за него согласилась бы выдти замужъ.....

Болдухины расхохотались, а Наташа какъ будто огорчилась и спросила: что-же отвѣчали Солобуевымъ. Ей показали отвѣтъ, и она какъ будто обрадовалась, что въ немъ не было совершеннаго отказа, и вдругъ, не много подумавъ, съ яснымъ взоромъ сказала: „Они пріѣдутъ къ намъ въ Болдухино?“ Василій Петровичь возразилъ, что этого быть не можетъ, что никакой женихъ, не только такой богачь, не поѣдетъ на смотръ за пятьсотъ верстъ съ тѣмъ, что, можетъ быть, ему затылокъ забрѣютъ. Наташа не поняла послѣдняго выраженія; ей объяснили; но она осталась при своемъ мнѣніи, что Флегонтъ Аѳанасьичь непремѣнно пріѣдетъ, потому что очень её любитъ и что это видно изъ письма. Старики повторили, что это совершенный вздоръ, и велѣли ей идти въ свою комнату. Наташа болѣе не противорѣчила и уходя робко попросила письмо Солобуевыхъ, желая прочесть его въ другой разъ и даже списать. Василій Петровичь поглядѣлъ на неё съ удивленіемъ и отдалъ ей письмо.

Шатову назначено было пріѣхать черезъ недѣлю. Варвара Михайловна, которая Богъ знаетъ почему не благоволила къ Наташѣ до совершеннаго ея возраста, а съ нѣкотораго времени, также Богъ знаетъ почему, начинала её горячо любить, которая даже не замѣчала прежде необыкновенной красоты своей дочери и только узнала о ней по тому впечатлѣнію, которое Наташа стала производить на всѣхъ мущинъ, Варвара Михайловна, послѣ двухъ предложеній отъ такихъ блестящихъ жениховъ, вдругъ почувствовала материнское тщеславіе и особенную нѣжность. Гордость имѣть такую дочь красавицу росла въ ней съ каждымъ днемъ. Она и просила и требовала, чтобъ Наташа къ лицу одѣвалась, убирала голову, не горбилась, (у Наташи точно была привычка немножко горбиться, отъ чего она казалась сутуловатой); требовала вкуса, умѣнья, охоты къ нарядамъ, — и не видя ничего этого, сердилась и строго поступала съ дочерью.

Бѣдная Наташа! И красота, этотъ божественный даръ, сдѣлался для тебя тяжелымъ бременемъ, причиною огорченій и слезъ! Убѣдившись, что Наташа не изъ упрямства, а просто отъ неумѣнья не выполняетъ требованій матери, Варвара Михайловна сама принялась одѣвать и причесывать свою дочь, потому что съ молоду г-жа Болдухина имѣла расположеніе и вкусъ одѣваться къ лицу и щеголевато. Не смотря на то, что требованія Варвары Михайловны были съ одной стороны тяжелы для Наташи, Наташа была очень обрадована тѣмъ, что мать стала обращать на неё вниманіе. Материнскія требованія г-жи Болдухиной въ то же время сопровождались горячими ласками и такою нѣжностью, какой Наташа никогда не испытывала. Она же, напротивъ, будучи нелюбимой дочерью, страстно любила мать, и хотя по добротѣ своей не завидовала, но сердечно огорчалась, видя, какъ ея маменька бывала иногда нѣжна, заботлива и ласкова къ ея братьямъ и сестрамъ, особенно къ братцу Петрушѣ. Наташа со слезами молилась Богу, чтобы мать её также полюбила, и готова была на всякую жертву за одно нѣжное слово своей матери.

Само собою разумѣется, что въ послѣднюю недѣлю, передъ пріѣздомъ Ардальона Семеновича Шатова, Варвара Михайловна муштровала Наташу уже отъ утра до вечера. Каждый день она заставляла её одѣваться нарядно, какъ бы ожидая гостей или выѣзжая въ гости. Наташа удивлялась и ужасно скучала такимъ принужденіемъ. Она думала избавиться въ деревнѣ отъ вытяжки и корсетовъ, думала отдохнуть отъ Сѣрныхъ Водъ, и точно начинала отдыхать, какъ вдругъ проклятые наряды пошли въ ходъ больше, чѣмъ на Сѣрныхъ Водахъ! Въ цѣломъ домѣ происходило общее, хотя не суетливое, охорашиванье, принаряживанье, такъ сказать: чище мели комнаты, старательнѣе снимали съ потолковъ паутины, чище стирали пыль съ мебели краснаго дерева, натертой воскомъ; опрятнѣе одѣвались лакеи и горничныя; подсвѣчники и люстры были вымыты, намазаны чѣмъ-то бѣлымъ и потомъ вычищены. Такое беззаконное нарушеніе патріархальной деревенской безпечности не могло не обратить на себя вниманіе прислуги и самой Наташи. Ничего не зная, она и всѣ въ домѣ стали кого-то или чего-то ждать. Наконецъ въ назначенный день, часа за два передъ обѣдомъ, пріѣхалъ Шатовъ въ щегольской колясќѣ на шестернѣ гнѣдопѣгихъ, славныхъ лошадей. Въ этотъ день уже съ ранняго утра знала лакейская, дѣвичья и вся дворня, что пріѣдутъ какіе-то важные гости, потому что барыня заказала повару такой столъ, какой готовился для гостей только перваго разбора; когда же подкатила къ крыльцу коляска Шатова, всѣ въ одинъ голосъ сказали: „Это женихъ пріѣхалъ“.

Ардальонъ Семенычъ Шатовъ былъ весьма не дюжинный молодой человѣкъ. Хотя онъ пробылъ въ губернской гимназіи только одинъ годъ, но считался тамъ лучшимъ ученикомъ въ среднихъ классахъ. Отъ чего взяли его такъ скоро, неизвѣстно. За то онъ получилъ хорошее домашнее образованіе; у нихъ въ домѣ жилъ учителемъ, и теперь продолжалъ жить уже другомъ, одинъ Малороссіянинъ, очень умный и научно образованный человѣкъ. Разумѣется ученость его была весьма односторонняя, какъ у всѣхъ Кіевскихъ бурсаковъ. Какимъ образомъ судьба занесла его съ юга Россіи на сѣверо-востокъ, не знаю; но безъ сомнѣнія попалъ онъ сюда не по доброй волѣ. Властолюбивый бурсакъ, еще при жизни старика-Шатова, сдѣлался оракуломъ въ домѣ; а по кончинѣ его, сталъ уже полновластнымъ господиномъ. Жить ему было очень привольно: кромѣ всякихъ существенныхъ выгодъ и удобствъ (а онъ любилъ хорошо покушать и выпить стаканъ стараго вина), онъ могъ удовлетворять вполнѣ своей духовной, высшей потребности, могъ выписывать книгъ, сколько угодно. Много лѣтъ проживъ въ бѣдности, онъ былъ лишенъ возможности слѣдить за ходомъ

и успѣхами просвѣщенія, а потому дорого цѣнилъ умственное наслажденіе, которое доставляла ему библіотека, собираемая имъ для молодаго Шатова. Онъ былъ либералъ, вольтерьянецъ по тогдашнему выраженію; философы осьмнадцатаго столѣтія были его единственными божествами. Съ полною добросовѣстностью наставникъ передалъ своему питомцу всѣ свои знанія, всѣ убѣжденія и вѣрованія; какъ упрямый Малороссъ, онъ старался преимущественно развить въ Ардальонѣ (такъ звалъ онъ своего воспитанника и теперь) *силу воли*, ошибочно или нѣтъ предпологая, что ея мало въ флегматическомъ ребенкѣ,—и онъ успѣлъ въ томъ. Какъ только доросъ Ардальонъ лѣтъ до 19 ти, онъ началъ проявлять силу воли, не всегда слушаясь своего наставника и даже поступая иногда умышленно ему на перекоръ, хотя былъ очень къ нему привязанъ. Такъ напримѣръ: наставникъ, любя, одобряя и поощряя въ другихъ ружейную охоту, ненавидѣлъ псовую, не могъ видѣть борзой собаки; а воспитанникъ, будучи въ тоже время страстнымъ стрѣлкомъ, завелъ огромную псарню и наполнилъ домъ долгорылыми псами, противными его воспитателю. Подобныхъ доказательствъ воли, или лучше сказать претензіи на силу воли, было много, но для насъ довольно и одного доказательства: Малороссъ сначала хотѣлъ было повернуть дѣломъ круто, вздумалъ было разстаться съ своимъ Телемакомъ, попугать его; но Телемакъ очень равнодушно принялъ такое намѣреніе разсердиться и, позвавъ человѣка, приказалъ готовить экипажъ для своего Ментора. Разлука была для обоихъ слишкомъ тяжела. Пошли переговоры, соглашенія, уступки, и дѣло кончилось тѣмъ, что Менторъ остался жить у Телемака уже не въ качествѣ наставника, а совершенно равнаго ему пріятеля, не имѣющаго никакаго вліянія на образъ его жизни. Въ такомъ положеніи жили они очень дружески въ настоящую минуту. Разумѣется, что Ардальонъ свысока посматривалъ на окружающее его общество—невѣждъ помѣщиковъ и чиновниковъ, которое, должно признаться, всегда было гораздо ниже его. Это развило въ немъ, вѣроятно природную наклонность къ резонерству: сентенція, наставленіе, сейчасъ являлись у него на языкѣ; а какъ всё это дѣлалось не живо, не было горячимъ задушевнымъ увлеченіемъ, то и было скучно. Ардальонъ Семенычъ, будучи скрытенъ отъ природы, начитался въ какомъ-то Швейцарскомъ философѣ, что разумный человѣкъ недолженъ раскрывать внутренность души своей передъ невѣжественной толпою, а напротивъ, долженъ согласоваться наружно со взглядами и убѣжденіями окружающихъ его людей; а потому онъ сознательно, законно, позволялъ себѣ надѣвать въ обществѣ довольно разнохарактерныя маски, не дѣлаясь чрезъ то обманщикомъ и лицемѣромъ, а напротивъ, оставаясь правдивымъ, честнымъ человѣкомъ, всегда вѣрнымъ своему слову. Онъ даже говаривалъ: „Маска не измѣняетъ лица, актеръ не дѣлается плутомъ, играя роли мошенниковъ.“ Управляясь вотъ такими-то афоризмами, Ардальонъ Семенычь переломалъ, такъ сказать, всю свою природу, и у него невозможно было различить, что̀ выходило изъ души и что̀ изъ головы. Влюбясь съ перваго взгляда, какъ говорится, по уши въ Наташу, и построя уже планъ воспитать или, если понадобится, перевоспитать её по своему, явился онъ въ Болдухино. Надобно сказать, что было особенное обстоятельство, которое много способствовало обаятельному впечатлѣнію, произведенному красотою Наташи на сердце Ардальона Семеныча. Пріѣхавъ на Сѣрныя Воды, онъ на другой же день, вмѣстѣ съ своими пріятелями, пошелъ посмотрѣть, какъ приходятъ Сѣрноводскіе посѣтители и посѣтительницы на водопой (по выраженію молодыхъ насмѣшниковъ), къ цѣлебнымъ источникамъ и пьютъ холодную, какъ ледъ и прозрачную, какъ кристалъ, но вонючую сѣрную струю. Въ самое это время пришла туда же г-жа Болдухина съ мужемъ и съ дочерью. Шатовъ пораженный красотою дѣвушки, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ, устремилъ

внимательнные взоры на каждое ея движенiе; Варвара Михайловна, выкушавъ свои четыре стакана сѣрной воды, подала стаканъ дочери. Наташа, замѣтивъ, что стоящiе возлѣ нихъ молодые люди внимательно глядятъ на неё, и сообразивъ, что они вѣрно будутъ смѣяться и говорить: „зачѣмъ такая здоровая дѣвушка пьетъ такую гадость,“ осмѣлилась тихимъ голосомъ сказать матери: „Позвольте мнѣ сегодня не пить воды!“ Но г-жа Болдухина строго на неё взглянула и сказала: „Пей!“ Наташа съ ангельской кротостью, безъ малѣйшаго признака неудовольствiя, взяла стаканъ, наклонилась къ источнику и выпила два стакана не поморщясь (хотя вода была ей очень противна) и съ спокойной веселостью пошла за своей матерью. Шатовъ всё замѣтилъ, всё слышалъ; онъ былъ плѣненъ, очарованъ и вывелъ справедливое заключенiе, что эта безподобная красавица въ тоже время олицетворенная кротость и благость.

Первымъ дѣломъ Ардальона Семеныча было — понравиться старикамъ, и это было не трудно. Красавецъ собой, степенный не по лѣтамъ, разсуждающiй обо всемъ скромно, разумно, говорящiй плавно и складно; съ уваженiемъ относившiйся къ стариннымъ обычаямъ, нравамъ, вѣрованiямъ и даже предразсудкамъ, молодой человѣкъ въ нѣсколько часовъ привелъ въ восхищенiе Болдухиныхъ. Такого жениха Наташѣ, такого зятя имъ во всѣхъ отношенiяхъ нельзя было выдумать. Узнавъ, что Наташа не знаетъ объ его предложенiи, Ардальонъ Семенычъ просилъ не говорить ей ни слова до его отъѣзда. Онъ хотѣлъ, чтобы первое впечатлѣнiе молодой дѣвушки было совершенно свободно: Шатовъ надѣялся понравиться также и Наташѣ; но это было не такъ легко, какъ онъ думалъ. Во первыхъ потому, что для Наташи всякое новое знакомство, сопровождаемое принужденiемъ, было тягостно; во вторыхъ, мать такъ шумно хлопотала о ея нарядѣ, особенно о прическѣ волосъ, съ которыми наша красавица никогда не умѣла сладить, такъ сердилась на горничную барышни, очень любимую ею Евьешу, что Наташа почувствовала досаду на гостя, для котораго, очевидно, подняты были всѣ эти требованiя, шумъ и хлопоты; въ третьихъ, г-жа Болдухина неумѣла скрыть своего радостнаго волненiя, до того хвалила прiѣзжаго гостя и особенно его краснорѣчiе, что робкой Наташѣ, которая искренно признавала себя за простую деревенскую барышню, сдѣлалось какъ то неловко и даже страшно явиться на смотръ и на судь такого умника и краснорѣчиваго говоруна. Но дѣлать было нечего, и Наташа за часъ до обѣда вышла въ гостиную. Шатовъ привѣтствовалъ её почтительнымъ поклономъ и такимъ взглядомъ, который обьяснилъ бы всё дѣло, еслибъ Наташа не была такъ невинна. Взглядъ этотъ однако смутилъ её и смутилъ непрiятно. Гость сначала продолжалъ разговаривать съ стариками, иногда посматривая на Наташу, которая съ любопытствомъ и вниманiемъ устремила на него свои чудные глаза и слушала его плавныя рѣчи; отъ каждаго взгляда молодаго человѣка она краснѣла, опускала глаза и начинала внимательно разсматривать свои руки, которыя у ней были не такъ хороши и не сохранены отъ воздуха и солнца. Красота Наташи съ каждымъ мгновенiемъ сильнѣе и сильнѣе очаровывала Шатова; онъ наконецъ поддался непреодолимому влеченiю и устремилъ на дѣвушку уже не отрывающiеся взоры и заговорилъ съ нею, къ собственному его удивленiю, весьма нетвердымъ голосомъ и совсѣмъ не такъ складно и свободно, какъ онъ говаривалъ всегда. Наташа была неразговорчива съ незнакомыми людьми и всегда нѣсколько застѣнчива; теперь же она была особенно смущена, а потому отвѣты ея были самые односложные: по бо̀льшей части да или нѣтъ, хочу или не хочу, люблю или не люблю. Шатовъ ободрился. Рѣчь его полилась полной рѣкой, и это были уже не пошлые вопросы: какъ вы проводите время, много ли гуляете, не скучаете ли деревенской жизнью? Тутъ уже выражалось его

собственное воззрѣніе на общество, на отношенія молодой дѣвицы къ окружающей её средѣ, на впечатлѣнія деревенской природы, которыя такъ благодатно ложатся на молодое сердце, на необходимость образованія и чтенія и пр. и пр. Наташа многое неясно понимала, потому что много было употреблено выраженій книжныхъ или литературныхъ, которыхъ она и не слыхивала; она инстинктивно почувствовала только, что ей читаютъ какую-то проповѣдь; ей стало скучно, и она очень обрадовалась, когда старый буфешникъ, какъ звалъ его Морсъ Иванычь, доложилъ, что кушанье поставлено. Гость подалъ руку хозяйкѣ, которая посадила его подлѣ себя. За столомъ помѣстились нѣсколько человѣкъ дѣтей постарше, Мадамъ де Фуасье и Шевалье де Глейхенфельдъ. Наташа стрекнула было подъ защиту своей гувернантки, возлѣ которой всегда сидѣла за обѣдомъ, но мать глазами указала ей мѣсто подлѣ себя, прямо противъ пріѣзжаго гостя. Робкая, застѣнчивая Наташа смутилась и покраснѣла до ушей. Во первыхъ, она никогда на этомъ мѣстѣ не сиживала, а во вторыхъ, — сидѣть противъ молодаго человѣка, пріѣхавшаго въ первый разъ, никому неизвѣстнаго, который безпрестанно смотритъ на неё какими-то странными глазами, и который непремѣнно будетъ съ ней разговаривать, а она не будетъ знать что и отвѣчать ему, — всё это вмѣстѣ казалось Наташѣ чѣмъ-то даже страшнымъ. Она очень знала, что ея перемѣщеніе съ обыкновеннаго мѣста возбудитъ общее вниманіе, толки, догадки, насмѣшки. Нечаянно взглянула она на Морица Иваныча, и его лукавая улыбка окончательно ее сконфузила; она такъ растерялась, что готова была заплакать и убѣжать; но страхъ прогнѣвать мать, которая бросала на нее выразительные взгляды, преодолѣлъ всѣ другія чувства, и Наташа овладѣла собой. По счастью Шатовъ, какъ видно съ дороги очень проголодавшійся, сначала исключительно занялся первыми блюдами и только односложными словами отвѣчалъ на потчиванье г-жи Болдухиной. Наташа рѣшилась послѣдовать его примѣру и вовсе не чувствуя апетита, забывъ всѣ свои привереды въ выборѣ пищи (вкусъ у нея былъ весьма исключительный), принялась кушать даже тѣ блюда, которыхъ она никогда не ѣла. Разумѣется, всѣ свои это замѣтили, улыбались и даже перешептывались. Румяный гость раскраснѣлся еще больше и, удовлетворивъ своему апетиту, пустился разговаривать сначала съ стариками, а потомъ и съ Наташей; но по счастью разговоръ вертѣлся около предметовъ самыхъ обыкновенныхъ, и обѣдъ прошелъ благополучно. Наташа проворно ускользнула въ свою комнатку и наконецъ вздохнула свободно; но не на долго: пришла Мадамъ де Фуасье съ своими вопросами, догадками и объясненіями. Гувернантка была въ восхищеніи отъ молодаго человѣка, хотя онъ ни одного слова не сказалъ по французски, а по русски она ни слова не понимала. Наташа однако начала догадываться, о чемъ идетъ дѣло; но не успѣла она высказать своей гувернанткѣ, отъ чего молодой гость ей не нравится, какъ прибѣжала маленькая ея сестра и принесла приказаніе матери, чтобы Наташа пришла въ гостиную. Наташа повиновалась безъ ропота и пошла туже минуту, но еще съ большей неохотой и нерасположеніемъ къ гостю, чѣмъ до обѣда. Шатовъ встрѣтилъ молодую дѣвушку уже съ полною свободой, какъ знакомую, сѣлъ подлѣ нея и пустился въ разговоры, въ которыхъ уже не было вывѣдываній и вопросовъ: что думаетъ Наташа о томъ-то, какъ смотритъ она на то-то?... Шатовъ высказывалъ себя, свои взгляды, свои понятія, стараясь объяснить, отчего они такъ часто находятся въ прямомъ противорѣчіи со взглядами и мнѣніями, принятыми въ обществѣ, и попрежнему Наташѣ многое было непонятно и всё вообще скучно. Она очень любила общество, любила разговоры людей веселыхъ и живыхъ, любила шутки и смѣхъ, любила, чтобъ её заставляли хохотать, а не задумываться, любила простыя рѣчи о вещахъ ей

доступныхъ; а Шатовъ говорилъ протяжно, плавно, послѣдовательно. очень складно и умно или по крайней мѣрѣ разсудительно; но за то безжизненно, вяло, утомительно и безпрестанно сбивался на книжные, отвлеченные предметы. Однимъ словомъ: нечему было улыбнуться, и онъ надоѣлъ Наташѣ.

Жаркій, настоящій лѣтній день, не смотря на исходъ августа, переходилъ въ освѣжительный вечеръ. Всё семейство собралось гулять. Молодой человѣкъ предложилъ руку Наташѣ; она изумилась, взглянула на мать и, прочитавъ въ ея глазахъ согласіе, подала свою руку. Но лишь только вышли они въ садъ, Шатовъ попросилъ позволенія воротиться: онъ вспомнилъ, что ему надобно перемѣнить сапоги, надѣть сюртукъ и калоши и заткнуть свои уши хлопчатой бумагой... Ну чтобы, казалось, тутъ за преступленіе? Что за важность, что за бѣда? Шатовъ за нѣсколько мѣсяцевъ вытерпѣлъ жестокую нервную горячку и боялся простуды отъ вечерняго воздуха, а притомъ мѣстоположеніе Болдухина было довольно сырое. Правда, воздухъ былъ еще зноенъ, и всё общество, старики, старухи и дѣти пошли гулять въ тѣхъ же платьяхъ, какія на нихъ были, радуясь прохладѣ; правда, Наташа шла съ открытой шеей и съ голыми руками, въ самыхъ тоненькихъ башмачкахъ; правда, было немного смѣшно смотрѣть на румянаго, полнаго, пышущаго здоровьемъ Шатова, который, ведя подъ руку дѣвушку, въ своемъ толстомъ сюртукѣ и толстыхъ калошахъ, потѣлъ и пыхтѣлъ, походилъ на какого-то медвѣдя, у котораго, въ добавокъ ко всему, торчали изъ ушей клочья хлопчатой бумаги... но всё же тутъ нѣтъ никакого преступленія; но не такъ думаютъ молодыя дѣвушки, гораздо постарше Наташи, а слѣдовательно и поразсудительнѣе. И Наташа думала не такъ: въ глазахъ ея Шатовъ погибъ невозвратно. Онъ показался ей чудакомъ, трусомъ, который только и заботится о себѣ, боится простудить ноги и уши въ жаркую погоду, безпокоится о своемъ здоровьѣ, когда самъ здоровъ, какъ быкъ, который любитъ только себя, а другихъ и любить не можетъ, который не могъ забыть о своихъ калошахъ и хлопчатой бумагѣ, въ первый разъ ведя за руку дѣвушку, повидимому имъ страстно любимую (Наташа догадалась уже, что Шатовъ влюбленъ въ неё). Она оглянулась на всѣхъ, и всѣ, кромѣ отца и матери, не могли удержаться отъ смѣха, глазами указывая на ея смѣшнаго кавалера, а кто смѣшонъ не смѣша, тотъ конечно не понравится молодой дѣвушкѣ.

Я не стану слѣдить за всѣми подробностями, за всеюпослѣдовательностью этихъ мелкихъ впечатлѣній, которыя въ массѣ производятъ самое сильное, самое прочное дѣйствіе; съ нимъ не могутъ сравниться никакія поразительныя явленія, производящія повидимому сильный эффектъ. Такъ мелкій, но постоянный дождь гораздо глубже увлажняетъ почву, нежели ливень, мгновенно набѣжавшій, мгновенно пролетѣвшій. Я скажу только, что послѣ прогулки, вечерняго чая и ужина Наташа была уже вся проникнута полнымъ нерасположеніемъ къ Шатову, способнымъ дойдти до отвращенія. За ужиномъ она сидѣла, какъ на иголкахъ, ничего не могла ѣсть, и сердечное безпокойство выражалось на ея прекрасномъ лицѣ. Вставъ изъ-за стола, она упросила мать отпустить её съ дежурства изъ гостиной, говоря, что у ней разболѣлась голова; мать позволила ей уйдти, но Шатовъ просидѣлъ съ хозяевами еще часа полтора, проникнутый и разогрѣтый чувствомъ искренней любви, оживившей его нѣсколько апатичный умъ и медленную рѣчь; онъ говорилъ живо, увлекательно, даже тепло, и совершенно плѣнилъ Болдухиныхъ, особенно Варвару Михайловну которая, когда Ардальонъ Семенычъ ушелъ, нѣсколько времени не находила словъ достойно восхвалить своего гостя и восполняла этотъ недостатокъ выразительными жестами, къ которымъ только въ крайности прибѣгала. Послѣ короткаго

разговора съ своимъ супругомъ о томъ, что Наташа догадалась и что надобно съ нею переговорить о всемъ откровенно, она пошла въ комнату Наташи и видя, что она еще не спитъ, позвала её къ себѣ въ спальню. Наташа немедленно одѣлась и пришла къ матери. Она предчувствовала, что разговоръ будетъ объ Шатовѣ и затруднялась, какъ отвѣчать, если мать спроситъ: „Нравится ли онъ ей?“ Она хорошо уже поняла, что отцу и матери Ардальонъ Семенычь очень нравится. Наташа съ робостью переступила высокій порогъ въ комнатѣ своей матери. Варвара Михайловна, не скинувъ даже чепчика и шали, съ какою то торжественностью сидѣла въ креслахъ, ожидая съ видимымъ нетерпѣніемъ дочери. Лишь только вошла Наташа, Варвара Михайловна бросилась ей на встрѣчу, съ горячностью обняла и со слезами принялась цѣловать голову милой своей дочери, лаская её нѣжными словами, столь краснорѣчивыми въ устахъ матери. Вслѣдъ за такимъ вступленіемъ полились восторженныя рѣчи, содержаніемъ которыхъ была пламенная радость матери, что такой рѣдкій молодой человѣкъ, какъ Ардальонъ Семенычь, осыпанный отъ Бога всѣми дарами, страстно полюбилъ Наташу и проситъ ея руки. Варвара Михайловна не забыла, но не могла сдержать своего обѣщанія не объясняться съ дочерью до отъѣзда Шатова, это мы уже знали; впрочемъ она помнила объ этомъ, и потому, исполняя отчасти обѣщанное, не спрашивать невѣсту: нравится ли ей женихъ? она описывала только яркими красками будущее ихъ счастіе и заключила тѣмъ, что она сама будетъ тогда совершенно счастлива, когда ея милая, добрая Наташа сдѣлается женою Ардальона Семеныча. Растроенная до глубины души, робко, но всегда страстно любившая свою мать, Наташа пришла въ безумный восторгъ отъ одной мысли, что отъ нея зависитъ счастіе матери, матери, для которой она была готова пожертвовать даже жизнью. Наташа мгновенно забыла всѣ непріятныя впечатлѣнія, произведенныя на неё молодымъ Шатовымъ; въ эту минуту она не понимала, не чувствовала ихъ и съ радостнымъ увлеченіемъ, осыпая поцѣлуями и обливая слезами руки своей матери, твердымъ голосомъ сказала: „успокойтесь, милая маменька, вы будете счастливы: я согласна, я желаю выйдти замужъ за Ардальона Семеныча!“ Варвара Михайловна не удивилась такому скорому согласію своей дочери; ей въ голову не входило, чтобъ Шатовъ могъ не понравиться Наташѣ; но тѣмъ не менѣе она очень обрадовалась и еще съ большею горячностью, еще съ большей нѣжностью прижала къ сердцу свою милую дочь. Переполненная счастьемъ душа матери почувствовала потребность, необходимость молитвы. Варвара Михайловна растворила кивотъ съ богатыми образами, передъ которыми день и ночь теплились три лампады, стала вмѣстѣ съ Наташей на колѣни и успокоила свое взволнованное сердце сладкими, тихими слезами благодарности къ Богу. Наташа также радостно молилась, и никакая тѣнь сомнѣнія не мелькала въ ея головѣ. Въ эту минуту вошелъ Василій Петровичь, котораго задержали какія-то домашнія, хозяйственныя распоряженія и дѣла. Онъ сначала удивился неожиданному зрѣлищу, но Варвара Михайловна поспѣшила разсказать ему всё, и добрый старикъ, также очень полюбившій Шатова и также обрадованный согласіемъ дочери, также искренно помолился вмѣстѣ съ ними. Варвара Михайловна, утомленная сильнымъ, хоть и радостнымъ волненіемъ, замѣтя, что и Наташа какъ то перемѣнилась въ лицѣ и, вспомнивъ про ея головную боль, поспѣшила приказать ей проститься съ отцемъ и идти спать. Старикъ поцѣловалъ и перекрестилъ Наташу съ особеннымъ чувствомъ. Варвара Михайловна сама проводила свою дочь въ ея тѣсную, дѣвичью комнатку, заставила при себѣ лечь въ постель, сама повязала на ночь ея чудную головку пестренькимъ платочкомъ, который шелъ Наташѣ къ лицу лучше

всякой великолѣпной головной уборки. Варвара Михайловна была поражена красотой своей дочери, какъ будто въ первый разъ её разглядѣла, какъ будто въ первый разъ увидѣла въ ночномъ пестренькомъ платочкѣ. Она вновь расцѣловала свою красавицу, перекрестила её уже въ третій или четвертый разъ, и наконецъ ушла счастливая мать.... Полная радостнаго чувства дочерней любви, кромѣ этого чувства всё позабывшая, скоро уснула и счастливая дочь.

На другой день по утру и мать и дочь проснулись рано. Варвара Михайловна, вспомнивъ случившееся, пришла еще въ бо́льшее восхищеніе, чѣмъ вчера. Отдалившись отъ событія нѣсколькими часами сна, который въ такихъ случаяхъ важнѣе дней, проведенныхъ въ бдѣніи, благодѣтельнаго сна, умирившаго ея мысли и чувства, она яснѣе, сознательнѣе взглянула на настоящее свое положеніе и глубже почувствовала будущее. И, Боже мой, какими радужными цвѣтами засверкало оно передъ ней!..... Вполнѣ увѣренная вь счастіи своей дочери, передъ которою въ глубинѣ души признавала себя виноватою, удивляясь, не понимая, какъ она до сихъ поръ такъ мало цѣнила и красоту, и ангельскую доброту, и безграничную дочернюю любовь своей Наташи,—она почувствовала сама такую нѣжность и любовь къ ней, которая мгновенно овладѣла всѣмъ ея существомъ, передъ которою поблѣднѣли всѣ ея другія желанія и привязанности, всѣ горячія увлеченія. Слезы раскаянья брызнули изъ ея глазъ, и она снова обратилась къ молитвѣ, и снова нашла въ ней отрадное успокоеніе.— Между тѣмъ проснулся и Василій Петровичь. Онъ также радостно припомнилъ вчерашній вечеръ, согласіе Наташи и на этотъ разъ искренно раздѣлялъ всѣ благопріятныя надежды легко заносившейся въ нихъ до излишества Варвары Михайловны. Поговоривъ весело о приданомъ, которое по молодости Наташи не было приготовлено и за которымъ надобно было ѣхать или посылать въ Москву, объ отдѣлѣ дочери и устройствѣ особой деревни, имѣющей состоять изъ 250 душъ, о времени, когда удобнѣе будетъ съиграть свадьбу, Болдухины пришли къ тому, какъ теперь поступить съ Шатовымъ, которому дано слово не говорить съ дочерью объ его намѣреніи до его отъѣзда. Варвара Михайловна хотѣла скрыть отъ него объясненіе съ Наташей и оставить его въ заблужденіи, что она ничего не знаетъ; но Василій Петровичь рѣшительно воспротивился тому, утверждая, что надобно поступить съ женихомъ честно и откровенно и сказать ему всю правду. „Теперь обстоятельства перемѣнились, говорилъ онъ; Наташа не можетъ смотрѣть на Ардальона Семеныча, зная его намѣренія, какъ на обыкновеннаго знакомаго. Да и глупы мы были, предполагая, что она не догадается. Съ первой минуты весь домъ догадался. Когда это бывало, чтобъ молоденькую барышню отрывали отъ ученья изъ класной и заставляли сидѣть съ молодымъ человѣкомъ въ гостиной. Вѣдь это надобно вести совсѣмъ другимъ порядкомъ, тогда бы и вчерашняго объясненія не было. Впрочемъ дѣло ужъ сдѣлано, и худаго тутъ ничего нѣтъ.“ Варвара Михайловна чувствовала справедливость словъ Василья Петровича и согласилась съ нимъ безпрекословно. Впрочемъ, когда онъ говорилъ рѣшительно, она не смѣла противорѣчить.

Комнатка Наташи горѣла яркими лучами недавно взошедшаго солнца; проснувшись, Наташа удивилась такому блеску и свѣту, потому что обыкновенно просыпалась позднѣе, когда солнышко уходило уже за уголъ дома и только вкось освѣщало единственное ея окно, никогда не закрываемое ставнемъ. Первою мыслью Наташи была мать, мать счастливая ея согласіемъ выйдти за мужъ за Ардальона Семеныча. Эта мысль также озарила веселымъ свѣтомъ ея душу, какъ солнце озаряло ея комнатку. Она вспомнила всѣ выраженія материнской горячности, нѣжныя ласки и сло-

ва, радостныя слезы, глаза устремленные съ любовью на дочь и благодарныя молитвы къ Богу. За нѣсколько мѣсяцевъ, смѣла ли она мечтать о такомъ сближенiи съ матерью, о такой ея любви, о возможности доказать ей свою дѣтскую, безграничную любовь и такимъ доказательствомъ осчастливить обожаемую мать! Одно чувство благодарности къ Богу за обращенiе материнскаго сердца, пламенное желанiе быть достойной ея любви и теплая молитва сохранить эту любовь на всегда!

Въ такомъ-то настроенiи духа увидѣлись мать съ дочерью. Наташѣ давно хотѣлось обнять свою маменьку; только безъ зова она не смѣла еще придти; но Варвара Михайловна не заставила её долго дожидаться: переговоривъ и условившись во всемъ съ Васильемъ Петровичемъ, она сама пришла къ дочери, и при первомъ взглядѣ онѣ прочли въ глазахъ другъ друга взаимныя чувства и желанiя. Между родителями рѣшено было такъ: Варвара Михайловна скажетъ Ардальону Семенычу, что Натаща знаетъ объ его намѣренiи, а потому по своей неопытности, несвѣтскости (которую Шатовъ цѣнилъ очень высоко) и по своей застѣнчивости она не въ силахъ будетъ скрыть своего смущенiя при встрѣчѣ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ ищущимъ ея руки, и что потому онъ увидитъ большую перемѣну въ ея обращенiи. Разумѣется, было положено умолчать объ согласiи невѣсты. Къ удивленiю Варвары Михайловны, Наташа сказала: „Я не знаю, милая маменька, почему бы не сказать Ардальону Семенычу, если онъ будетъ спрашивать: какъ я приняла его предложенiе? что я на него согласна!“ Варвара Михайловна возразила, что это будетъ уже слишкомъ поспѣшно и что надобно *подержаться*. Разумѣется, Наташа не настаивала.

Г-жа Болдухина, принарядившись, какъ слѣдуетъ, чего она никогда не забывала, вышла въ гостиную кушать чай. Василiй Петровичь, уходившiй осматривать какiя-то домашнiя работы, скоро къ ней присоединился, а въ непродолжительномъ времени явился и Шатовъ. Варвара Михайловна, напоивъ его чаемъ и кофеемъ съ жирными сливками и пѣнками, накормивъ сухарями и кренделями, расспросивъ хорошо ли онъ спалъ, не простудился ли вчера и пр. и пр., круто повернула разговоръ и сказала ему немедленно, что Наташа уже знаетъ все, что она сама догадалась и скрывать отъ нея сдѣлалось невозможно. Ардальонъ Семенычь, не давъ ей распространиться въ подробностяхъ, отвѣчалъ съ достоинствомъ, что онъ самъ еще вчера понялъ невозможность оставаться въ секретѣ его намѣренiю; что конечно нельзя и не должно было матери отвѣчать ложью на вопросъ дочери. Онъ поблагодарилъ однако за откровенное сообщенiе ему этого обстоятельства и прибавилъ, что очень хорошо чувствуетъ, какъ должна смутиться теперь при его видѣ невинная, скромная и очаровательная Наталья Васильевна. Онъ изъявилъ даже готовность въ этотъ день менѣе смущать её своимъ присутствiемъ и особенно своими разговорами. Всё это было принято Варварой Михайловной съ восторгомъ и было ею сейчасъ пересказано Наташѣ; она выслушала слова Шатова съ удовольствiемъ и благодарностью за вниманiе къ ея положенiю.

Шатовъ предложилъ Василью Петровичу осмотрѣть его хозяйственныя заведенiя и даже полевыя работы. Болдухинъ былъ очень доволенъ и сначала повелъ своего гостя въ столярную, въ экипажную, на конный дворъ, а потомъ повезъ его въ поле. До самаго обѣда Варвара Михайловна и Наташа не разставались и всё разговаривали, и чѣмъ больше онѣ говорили, чѣмъ больше открывали свои чувства, чѣмъ больше узнавали другъ друга (потому что до сихъ поръ знали очень мало), тѣмъ сильнѣе росла взаимная ихъ любовь, росла не по днямъ, а по часамъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ (такъ говоритъ народная сказка), и выросла эта любовь до громадныхъ размѣровъ.

Нужно ли говорить, что Варвара Михайловна не пропустила случая представить Шатова въ такомъ великолѣпномъ и плѣнительномъ видѣ, что Наташа, увлеченная искреннимъ увлеченіемъ матери, думала наконецъ только объ одномъ: нельзя ли сегодня же выдти за мужъ за Ардальова Семеныча? Но Варвара Михайловна, напротивъ, ежеминутно открывая въ своей дочери драгоцѣннѣйшія качества и сердца, и нрава, и здраваго ума, котораго и не подозрѣвала, и видя въ тоже время ея дѣтскую невинность, ея совершенное непониманіе важности дѣла, къ которому готова была приступить, Варвара Михайловна думала о другомъ: какъ бы оттянуть свадьбу на годъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобъ женихъ прежде вполнѣ узналъ и оцѣнилъ, какое сокровище получаетъ.

Къ самому обѣду воротились Василій Петровичъ и Ардальонъ Семенычъ. Варвара Михайловна съ Наташей, со всѣмъ семействомъ, съ мусье и мадамой, ожидали ихъ уже въ гостиной. Шатовъ, послѣ любезнаго привѣтствія Наташѣ, сдѣланнаго очень свободно, не обратившаго на неё ничьего вниманія и нисколько её не смутившаго, прикинулся совершенно погруженнымъ въ хозяйство Василья Петровича, которое только что осматривалъ; онъ показалъ себя знатокомъ дѣла: замѣчалъ кое-какіе недостатки, упущенія, предлагалъ возможность улучшеній, и въ тоже время такъ искусно хвалилъ всё остальное, что Василій Петровичъ оставался совершенно довольнымъ, не могъ надивиться хозяйственнымъ практическимъ свѣдѣньямъ молодаго человѣка и повторялъ про себя любимую свою поговорку: „Ну, изъ молодыхъ, да ранній!“ Обѣдъ прошелъ очень весело, гость занималъ всѣхъ разговорами и сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе; Наташѣ было легко, и она, сердечно благодарная Шатову, совершенно успокоилась и ободрилась. Послѣ обѣда, напившись кофею, гувернёръ и гувернатка ушли, а за ними и дѣти. Шатовъ, не скрывая уже наполнявшаго его чувства, обратился къ Наташѣ съ почтительнымъ и нѣжнымъ вниманіемъ. Наташа встрѣтила его слова такимъ взглядомъ, который, какъ электрическая искра, проникъ до глубины души молодаго человѣка и потрясъ всё духовное существо его; въ этомъ взглядѣ выражалось столько сочувствія и благоволенія, что Шатовъ, очарованный имъ, повинуясь непреодолимому чувству любви, для которой блеснула въ этомъ взглядѣ взаимность, позабывъ всё свои прежнія намѣренія уѣхать не объясняясь и не спрашивая согласія невѣсты, съ несвойственной ему живостью и жаромъ сказалъ: „Наталья Васильевна! Рѣшите мою судьбу. Могу ли я надѣяться получить вашу руку?„ Наташа, не задумавшись, тихо и просто, подала ему свою руку и голосомъ, который дошелъ до сердца всѣхъ присутствующихъ, отвѣчала: „Я согласна.„ Шатовъ цѣловалъ съ восторгомъ руку своей невѣсты, а Василій Петровичъ и Варвара Михайловна, какъ громомъ пораженные, не вѣря своимъ ушамъ и глазамъ, не могли вдругъ понять, что̀ произошло передъ ними. Шатовъ опомнившись, взялъ за руку Наташу, подвелъ её къ отцу и матери и просилъ ихъ утвердить своимъ согласіемъ его счастіе и благословить дѣтей своихъ. Болдухины такъ были озадачены, что не вдругъ нашлись что̀ отвѣчать. Такая неожиданность, такая быстрая, хотя и желанная развязка, какъ будто непріятно изумила ихъ, особенно Варвару Михайловну. „Боже мой! Да какъ же всё это такъ случилось? проговорила она наконецъ. Наташа! Не слишкомъ ли ты поспѣшно даешь свое согласіе? Ты такъ мало еще знаешь Ардальна Семеныча, и онъ тоже мало знаетъ тебя. Не лучше ли бы было напередъ познакомиться покороче, оцѣнить другъ друга и тогда уже приступить къ рѣшенію такого великаго дѣла? Да, кажется, таковыя были и ваши намѣренія, Ардальонъ Семенычъ?“ — „Вы совершенно правы, Варвара Михайловна; но вы сами видите, какъ непрочны человѣческія на-

мѣренія. Одна минута, одинъ взглядъ рѣшилъ всё. Какъ это сдѣлалось, я самъ не знаю, но я умоляю васъ почтенѣйшій Василій Петровичь и васъ, почтеннѣйшая Варвара Михайловна, не отравляйте этой блаженной для меня минуты никакимъ замедленіемъ вашего согласія; благословите дѣтей вашихъ. Позвольте мнѣ любить васъ сыновней любовью и называть отцемъ и матерью: вы знаете, что у меня ихъ давно нѣтъ.„ Но какъ старики еще молчали, то Наташа присоединила и свой голосъ; тихо и скромно сказала она: „Батюшка и матушка! Я знаю, что вы любите Ардальона Семеныча; благословите же насъ.“—Что было тутъ дѣлатъ? Ничего другаго, какъ взять образъ и благословить жениха съ невѣстой. Такъ и сдѣлали: всё четверо пошли въ спальню стариковъ, достали изъ кивота одинъ изъ раззолоченыхъ образовъ, предъ которыми такъ недавно и такъ тепло молилась Варвара Михайловна съ Наташей, — и благословили жениха и невѣсту. Василій Петровичь былъ спокойно-свѣтелъ, Варвара Михайловна безпокойно-радостна, Наташа находилась подъ обаяньемъ мысли, что маменька счастлива, и такая кроткая радость исполненнаго долга, любви и благодарности прибавила какое-то высокое, небесное выраженіе ея прекраснымъ глазамъ; Ардальонъ Семенычь, вышедъ изъ своего неестественнаго положенія, изъ увлеченія, такъ ему чуждаго, былъ не то что холоденъ, но слишкомъ спокоенъ и важенъ для настоящей минуты, а природная его медленность казалась уже вялостью. Онъ и прежде проповѣдывалъ, что терпѣть не можетъ порывовъ, что человѣкъ долженъ дѣйствовать разумно, вслѣдствіе своего убѣжденія, а не по внушенію внезапнаго чувства, въ которомъ черезъ часъ онъ будетъ раскаяваться, что такое состояніе равняется опьяненію, что человѣкъ тогда не хозяинъ самаго себя (любимое его выраженіе)...... всё это совершилось теперь съ нимъ въ самую важную, великую минуту въ жизни! Не смотря на искреннюю любовь къ Наташѣ, ему было досадно на себя, стыдно другихъ; какое-то облако задумчивости покрыло его большіе глаза, и безъ того лишенные живости и выраженія. Къ общему удивленію онъ сказалъ, что завтра рано поутру онъ ѣдитъ въ свою деревню. Василій Петровичь и Наташа приняли его слова спокойно, но Варвара Михайловна, видимо взволнованная, не вытерпѣла и сказала: „Я надѣялась, что вы перемѣните свое намѣреніе и проведете съ нами и вашей невѣстой хотя завтрашній день“. Но Шатовъ утвердительно отвѣчалъ, что онъ никогда намѣреній своихъ не перемѣняетъ и никогда не измѣняетъ своему обѣщанію, что послѣ завтра онъ обѣщалъ обѣдать у одного изъ своихъ сосѣдей и что это непремѣнно такъ и будетъ. Варвара Михайловна была не довольна; но Ардальонъ Семенычь, какъ будто утѣшенный проявленіемъ своей самостоятельности, повеселѣлъ и оживился. Онъ говорилъ очень много: нѣжно съ Наташей и почтительно съ стариками; между прочимъ онъ предложилъ, чтобъ настоящее событіе, то есть данное слово и благословеніе, остались покуда для всѣхъ неизвѣстными; что онъ воротится черезъ нѣсколько дней, привезетъ кольцо своей матери, которое бережетъ и чтитъ, какъ святыню, и надѣется, что обожаемая его невѣста надѣнетъ это колечко на свой пальчикъ, и подаритъ его такимъ же кольцомъ. Невѣста въ знакъ согласія взглянула на жениха ласково, а женихъ съ чувствомъ и благодарностью поцѣловалъ ея руку. Потомъ, замѣтивъ, что его намѣреніе уѣхать завтра и предложеніе сохранить въ тайнѣ данное слово, какъ будто не нравились Варварѣ Михайловнѣ, обратился онъ къ ней съ новыми краснорѣчивыми объясненіями и доказательствами и безъ большаго труда убѣдилъ г-жу Болдухину.

Когда семейство съ мадамъ де Фуасье и кавалеромъ де Глейхенфельдомъ соединилось за вечернимъ чаемъ, всё шло по прежнему, какъ было за обѣдомъ,

т. е. Шатовъ занималъ всѣхъ и самъ занимался всѣми и всего менѣе Наташей. Никому въ голову не входило, что она уже благословленная невѣста.

Вечеромъ, при прощаньи (женихъ уѣзжалъ завтра очень рано) Ардальонъ Семеныч показалъ много чувства и нѣжности къ Наташѣ. Онъ выпросилъ позволеніе писать къ ней каждый день и просилъ отвѣчать ему, хоть нѣсколькими строками. Василій Петровичь изъявилъ сомнѣніе, что трудно устроить ежедневную переписку на разстояніи ста верстъ. Онъ не хотѣлъ сказать прямо, что находитъ её вовсе излишнею. Шатовъ отвѣчалъ, что у него 30 охотничьихъ скаковыхъ лошадей и 20 человѣкъ охотниковъ, для которыхъ проскакать 50 верстъ ровно ничего не значитъ, и что на половинѣ дороги будутъ стоять перемѣнныя лошади и люди. Ардальонъ Семеныч былъ очень въ духѣ, какъ говорится, и отпустилъ много великолѣпныхъ фразъ; между прочимъ онъ сказалъ, что боится возгордиться тѣмъ, что несравненная Наталья Васильевна отдаетъ ему свою руку, что для ея счастливаго жениха нѣтъ препятствій, нѣтъ преградъ, нѣтъ ничего невозможнаго для того, чтобъ каждый день получать объ ней извѣстіе, что они будутъ долетать до него въ 8 часовъ. Старики были вновь очарованы, и Наташа слушала такія рѣчи съ удовольствіемъ.

Долго не могла заснуть Варвара Михайловна и мѣшала спать Василью Петровичу. Она чувствовала какое-то тоскливое волненіе, которому причины она сама не знала. Конечно, дѣло такой великой важности рѣшилось слишкомъ внезапно, слишкомъ неожиданно, какимъ то сюрпризомъ и не совсѣмъ законнымъ порядкомъ. По кодексу Варвары Михайловны, женихъ долженъ былъ узнать отъ родителей о согласіи невѣсты, а согласіе невѣсты должно было основываться на волѣ родительской; но развѣ они этого не желаютъ? Развѣ Наташа не знала этого? Но въ сущности развѣ не исполнилось всё то, чего такъ пламенно желала сама Варвара Михайловна? Такъ о чемъ же было безпокоиться, чѣмъ волноваться? А г-жа Болдухина и безпокоилась, и чѣмъ то волновалась. Намѣреніе отложить свадьбу на годъ, котораго старикъ Болдухинъ не одобрялъ, вѣроятно должно было встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны жениха; если и Наташа, съ которой мать объ этомъ не говорила, не выразитъ особеннаго желанія на такую длинную отсрочку, то одной Варварѣ Михайловнѣ нельзя будетъ поставить на своемъ. Да и какъ быть съ приданымъ? Готоваго у ней ничего нѣтъ, а приданое должно быть щегольское, и за нимъ надо ѣхать въ Москву. Всё это вмѣстѣ волновало и мѣшало заснуть заботливой матери.— Наташа, нѣсколько утомленная, нѣсколько смущенная новостью своего положенія, но вполнѣ увѣренная, что маменька ея счастлива, не сомнѣвалась и въ своемъ будущемъ счастіи. Она была даже довольна, что женихъ ея на нѣкоторое время уѣхалъ. Ей надобно было свыкнуться съ мыслью, что она невѣста, что положеніе ея должно перемѣниться, что всѣ будутъ смотрѣть на нее другими глазами. При постоянномъ присутствіи жениха и общемъ наблюдательномъ вниманіи было бы гораздо труднѣе, было бы некогда свыкнуться, не приготовясь, съ новымъ своимъ положеніемъ. И такъ Наташа была довольна и заснула скоро и спокойно.

Въ домѣ никто не сомнѣвался, что Шатовъ пріѣзжалъ не даромъ и что добрая барышня выйдетъ за него замужъ. Горничная Евьеша, подавая умываться, первая атаковала Наташу вопросомъ о женихѣ. Наташа отвѣчала отрицательно. Вторую атаку повела мадамъ де Фуасье; она ранехонько пришла въ комнату своей воспитанницы, бросилась цѣловать Наташу, которую, къ большой досадѣ г-жи Болдухиной, называла иногда: „Mon enfant“, поздравляла её съ завидной судьбой и увѣряла, что карты всё это давно ей сказали. Здѣсь Наташѣ было труднѣе защититься отъ распросовъ, и она по необ-

ходимости должна была признаться, что видитъ намѣреніе Ардальона Семеныча, и что если папенькѣ и маменькѣ будетъ угодно, то и она будетъ согласна. Де Фусье плакала отъ радости, потому что была въ восхищеніи отъ Monsieur Chatôff и потому что въ основаніи была, хотя пустая, но предобрая старуха. Морицъ Иванычъ ничего не говорилъ прямо; но его необыкновенные низкіе поклоны, съ прижатыми къ груди руками, его взгляды, ужимки, глаза, поднятые къ небу съ мольбою о счастіи affable (такъ звалъ онъ Наташу), были слишкомъ выразительны и понятны, и хотя сильно смущали её, но покрайней мѣрѣ не требовали отвѣта и притворства. Впрочемъ всё это тревожило Наташу только первое утро; къ вечеру какъ будто позабыли о пріѣздѣ Шатова, и деревенская жизнь пошла по заведенному порядку. Варвара Михайловна всё свободное время отъ классовъ, которые Наташа продолжала посѣщать для вида, такъ сказать мимоходомъ, проводила вмѣстѣ съ дочерью. Ея восторженные разговоры о достоинствахъ Ардальона Семеныча, поддерживали духовное настроеніе Наташи, и она радовалась, что поступила такъ рѣшительно, хотя мать не одобряла ея поступка и утверждала, что на предложеніе Шатова ей слѣдовало бы отвѣчать, что всё зависитъ отъ воли ея родителей, которымъ извѣстно ея расположеніе.

На другой день къ обѣду прискакалъ верхомъ гонецъ съ письмомъ отъ Шатова: письмо было отправлено въ 4 часа утра, а въ полдень уже получено Васильемъ Петровичемъ. Слова Ардальона Семеныча исполнились въ точности: его посланье къ невѣстѣ, наполненное великолѣпными нѣжностями, пролетѣло сто верстъ въ восемь часовъ. Взмыленный конь и запыленный гонецъ всполошили Болдухинскую дворню; всѣ подумали: „ужъ не случилось ли какаго несчастья?“ Но когда узнали, что такая скакотня будетъ происходить каждый день, и что къ вечеру пріѣдетъ другой курьеръ съ парою заводскихъ лошадей для того, чтобы лошади и люди могли перемѣняться, то всѣ подивились только затѣямъ молодаго барина, и еще болѣе утвердились въ мысли, что онъ нареченный женихъ ихъ барышни. Г-жа Болдухина была въ восторгѣ отъ этой скаковой продѣлки: Наташа съ удовольствіемъ видѣла въ ней доказательство любви своего жениха, а Василій Петровичь всё это называлъ пустыми проказами. Гонецъ, выкормивъ лихаго скакуна, черезъ четыре часа долженъ былъ пуститься въ обратный путь. Варвара Михайловна написала письмецо къ Ардальону Семенычу, и Наташа приписала нѣсколько строкъ подъ ея диктовку.

Со вторымъ курьеромъ Шатовъ между прочимъ писалъ, что воспитатель его, Григорій Максимычь Винскій, долженъ проѣзжать черезъ село Болдухино и проситъ позволенія заѣхать къ его хозяевамъ, съ которыми и прежде былъ знакомъ, для засвидѣтельствованья своего глубочайшаго почтенія. Ардальонъ Семенычь просилъ принять его благосклонно, какъ человѣка, которому онъ обязанъ своимъ образованьемъ. Шатову отвѣчали, что очень будутъ рады возобновить знакомство съ Григорьемъ Максимычемъ. Хотя это обстоятельство само по себѣ не давало никакихъ поводовъ къ перетолкованію, потому что Винскій ѣхалъ навѣстить больнаго пріятеля, прежняго товарища своей тяжелой участи, и потому что дорога лежала возлѣ самаго дома Болдухиныхъ; но Варварѣ Михайловнѣ показалось, что „умыселъ другой тутъ есть“, что Винскій знаетъ всё и ѣдитъ посмотрѣть невѣсту и что, можетъ быть, нужно еще его одобреніе для рѣшительнаго окончанія ихъ дѣла. Г-жа Болдухина всегда переливала черезъ край и видѣла то, чего нѣтъ. Винскій точно желалъ взглянуть на Наташу, потому что зналъ намѣреніе своего воспитанника; но онъ ничего не зналъ о полученномъ имъ согласіи и не имѣлъ никакого вліянія на его сватовство.

Винскій пріѣхалъ въ Болдухино на другой день къ обѣду. Красота, скромность,

благородство и сердечная доброта Наташи, выражавшіяся въ ея глазахъ и во всѣхъ чертахъ лица, поразила его; онъ долго не могъ свести съ неё глазъ. Подъ личиной правдиваго грубіяна это былъ человѣкъ тонкій, хитрый. Не смотря на ласковый пріемъ, онъ сейчасъ замѣтилъ, что хозяйка какъ-то недовѣрчиво на него смотритъ. Онъ сейчасъ взялся за откровенность и расказалъ всю правду, то есть всё, что ему было извѣстно о намѣреньяхъ и предложеніи Шатова. „Никто лучше меня не знаетъ Ардальона, говорилъ онъ, и я считаю за долгъ честнаго человѣка (всё равно повѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ) сказать вамъ, что этотъ молодой человѣкъ, имѣетъ благородную душу, доброе сердце и превосходныя правила. Всѣ его недостатки, какъ то: высокое о себѣ мнѣніе, упрямство, тщеславіе, охота умничать и учить другихъ,—ничего не значатъ передъ его достоинствами. Умоляю васъ, не отвергайте его искренней любви къ вашей дочери; я скажу вамъ откровенно и прямо, что не вѣрилъ похваламъ Ардальона, какъ словамъ юноши влюбленнаго въ первый разъ; но, увидѣвъ вашу дочь, я всему повѣрилъ. Въ красотѣ ея лица выражается красота души. Я человѣкъ опытный, много жилъ и видѣлъ людей; я прочелъ въ ея прекрасныхъ глазахъ счастье того человѣка, который будетъ ея мужемъ. Ручаюсь вамъ, отвѣчаю, что она будетъ владѣть безгранично Ардальономъ.“ — Рѣчи отставнаго воспитателя не понравились г-жѣ Болдухиной; она поспѣшила высказать ему, что достоинства Ардальона Семеныча они очень хорошо знаютъ, а недостатковъ, которые находитъ въ немъ Григорій Семенычь, они не видятъ; что дочь ихъ воспитана въ правилахъ покорности и повиновенія къ родителямъ и никогда властвовать надъ своимъ мужемъ не пожелаетъ; что она еще ребенокъ, и что если Богу будетъ угодно, чтобъ она была женой Ардальона Семеныча, то онъ самъ окончитъ ея воспитаніе, и, конечно, найдетъ въ ней почтительную и послушную жену. Старый бурсакъ улыбнулся и отвѣчалъ: „Вы не вѣрите моей искренности, боитесь моего вліянія и отталкиваете меня. Какъ вамъ угодно! желаю и не перестану желать добра вашей дочери.“ — Послѣ этихъ словъ онъ говорилъ только о постороннихъ предметахъ; выпросилъ себѣ бутылку старой, остиндской дреймадеры, лучше которой, какъ онъ увѣрялъ, въ жизнь свою не пивалъ, —и уѣхалъ. Варвара Михайловна очень была довольна, что отбрила хитраго хохла (такъ она его всегда называла), который осмѣлился предложить свое покровительство ея дочери и хотѣлъ вмѣшаться въ семейную жизнь будущихъ молодыхъ. Наташа ничего не знала объ этихъ разговорахъ, а Василій Петровичъ былъ ими совершенно недоволенъ и находилъ, что совсѣмъ было не нужно дразнить этого человѣка.

Четыре дня сряду скакали гонцы, а на пятый день къ обѣду ждали самого Шатова. Приготовили обручальное кольцо для жениха, и въ добавокъ къ прежнимъ, также новымъ, сшили еще новое платье для Наташи. Всё остальное шло по прежнему. По попрежнему восторгались Варвара Михайловна и всѣ окружающіе Наташу, говоря объ ея женихѣ; по прежнему былъ доволенъ Василій Петровичъ; по прежнему и Наташа казалась спокойной и довольной; но, странное дѣло, послѣднія два письма Ардальона Семеныча, въ которыхъ онъ пораспространился въ подробностяхъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ въ будущемъ, о томъ, что переѣзжаетъ въ Болдухино на неопредѣленно долгое время со множествомъ книгъ, со всѣми своими привычными занятіями, въ которыхъ, какъ онъ надѣется, приметъ участіе и обожаемая его невѣста,—произвели какое-то, не то что непріятное, а скучное впечатлѣніе на Наташу. Наканунѣ пріѣзда жениха, когда невѣста, просидѣвъ до полночи съ отцемъ и матерью, осыпанная ихъ ласками, принявъ съ любовью ихъ родительское благословеніе, воротилась въ свою комнатку и легла

спать, — сонъ въ первый разъ бѣжалъ отъ ея глазъ: ее смущала мысль, что съ завтрашняго дня перемѣнится тихій образъ ея жизни, что она будетъ объявленная невѣста; что начнутъ пріѣзжатъ гости, распрашивать и поздравлять; что безъ гостей пойдутъ невеселые разговоры, а можетъ быть и чтеніе книгъ, не совсѣмъ для нея понятныхъ, и что цѣлый день надо будетъ всё сидѣть съ женихомъ, такимъ умнымъ и начитаннымъ, ученымъ, какъ его называли, и думать о томъ, чтобъ не сказать какой нибудь глупости и не прогнѣвить маменьки...... И жалко стало Наташѣ своей дѣвической, беззаботной жизни, съ ея простотой и свободою; грустно стало, что мало будетъ слышать она болтовню своихъ маленькихъ братцевъ и сестрицъ, которые прежде надоѣдали ей, и жаль стало безконечныхъ разсказовъ мадамъ Фуасье, также давно ей извѣстныхъ, и также давно наскучившихъ. Въ первый разъ спросила она себя: такъ ли много любитъ она жениха, чтобъ бросить для него домъ родительскій; точно ли маменька будетъ счастлива, если она не полюбитъ Ардальона Семеныча, такъ сильно, какъ слѣдуетъ женѣ любить своего мужа? Спросила—и не могла отвѣчать утвердительно; сомнѣніе запало ей въ душу. Не скоро она заснула, видѣла какой-то страшный сонъ; долго не спала послѣ него и проснулась поздно съ головной болью, съ блѣдностью и усталостью на лицѣ, чтò было замѣчено всѣми. Разумѣется, Варвара Михайловна замѣтила эту перемѣну прежде другихъ, встревожилась ею и принялась распрашивать Наташу о причинѣ. Но дочь такъ долго и недавно была еще далека отъ матери, что, несмотря на порывы горячей любви и нѣжнаго участія со стороны матери, принимаемые съ восторженной благодарностію, не могла предаться свободно искреннему, полному излiянію своей дѣтской привязанности. Она не привыкла къ нимъ и каждую минуту благодаря Бога за обращеніе къ ней сердца матери, каждую минуту боялась вдругъ потерять то, чтò вдругъ получила; однимъ словомъ, Наташа не смѣла высказать откровенно своихъ вчерашнихъ чувствъ и сомнѣній. Варвара Михайловна легко удовлетворилась неискренними отвѣтами Наташи, да и почему было не удовлетвориться? Что было естественнѣе волненія и смущенія молодой дѣвушки наканунѣ своего обрученія?

Шатовъ пріѣхалъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ его ждали, задержанный въ дорогѣ какой-то непредвидѣнной остановкой. Въ эти пять дней разлуки любовь овладѣла имъ и пустила глубокіе корни въ сердцѣ молодаго человѣка уже съ непреодолимою силой. Онъ такъ соскучился по Наташѣ, что нетерпѣніе её увидѣть измѣнило его спокойный нравъ и нарушило его обычные, нѣсколько важные и мѣрные поступки. Здороваясь съ стариками, вмѣсто приличныхъ привѣтствій и вопросовъ, онъ только и сказалъ: „Гдѣ Наталья Васильевна? Здорова ли Наталья Васильевна?“ Когда же она пришла, онъ съ глубокою нѣжностью и радостью поцѣловалъ ея руку и долго, пристально, не говоря ни слова, съ какимъ то самозабвеніемъ смотрѣлъ на неё. Это показалось страннымъ невѣстѣ и даже старикамъ. Наташа смутилась, и отецъ съ матерью также, потому что этотъ взглядъ, проникнутый искреннимъ чувствомъ, продолжался, можетъ быть, слишкомъ долго. Наконецъ Шатовъ, какъ бы опомнившись, вынулъ изъ боковаго кармана маленькій сафьянный футляръ, досталъ изъ него простое, золотое колечко, посмотрѣлъ на него съ умиленіемъ, и тихимъ голосомъ, въ которомъ слышно было глубокое внутреннее чувство, просилъ Наташу надѣть; но Варвара Михайловна сильно воспротивилась такому обрученію *за-просто*, находя неприличнымъ, и утвердительно сказала, что обрученье можетъ совершиться завтра обыкновеннымъ, всѣми принятымъ порядкомъ, помолясь Богу, при чтеніи святыхъ молитвъ и съ благословенія священника. Ардальонъ Семенычъ, въ

свою очередь, былъ озадаченъ и смущенъ. Онъ почувствовалъ однако, что настаивать на своемъ было невозможно, и въ тоже время ему было какъ то неловко и непріятно отступиться отъ своего желанія, спрятать колечко опять въ футляръ и положить въ карманъ. Онъ сталъ просить, чтобы Наталья Васильевна взяла по крайней мѣрѣ къ себѣ и спрятала его до завтра. Варвара Михайловна и на это не согласилась, но видя смущеніе жениха, который, стоя по срединѣ комнаты, всё еще держалъ въ одной рукѣ кольцо, а въ другой футляръ и повидимому, не зналъ чтò ему дѣлать, она предложила Ардальону Семенычу отдать кольцо ей для того, чтобъ вмѣстѣ съ обручальнымъ кольцомъ Наташи положить его передъ образа до завтрашняго утра. Видно было, что Шатовъ не только ничего подобнаго не ожидалъ, но что всё то ему не очень нравилось. Онъ попробовалъ поспорить и защитить причину своего желанія и просьбы, но видя непреклонную настойчивость матери, подкрѣпленную согласіемъ и Василья Петровича, заблагоразсудилъ согласиться. Варвара Михайловна, чтобы прекратить неловкое положеніе всѣхъ, стоявшихъ посреди комнаты, поспѣшно взяла кольцо, попросила Шатова сѣсть рядомъ съ своей невѣстой и ушла, чтобы, согласно своему предложенію, положить обручальныя кольца передъ образами. Исполнивъ это, она помолилась Богу о счастіи своей дочери и съ веселымъ видомъ воротилась въ гостиную. Женихъ съ невѣстой сидѣли молча; глядя на нихъ съ недоумѣніемъ, молчалъ и Василій Петровичъ; женихъ о чемъ-то печально задумался, невѣста также. Варвара Михайловна, желая разсѣять непріятное впечатлѣніе предыдущей сцены, съ живостью обратилась къ Шатову съ разными посторонними разговорами и распросами о томъ, чтò онъ дѣлалъ въ продолженіи его отсутствія, и ей удалось мало по малу разсѣять его и привесть въ обыкновенное положеніе. Облако задумчивости слетѣло съ его лица, онъ какъ будто очнулся отъ какой-то дремоты, и любовь, радость, что онъ видитъ обожаемую Наташу, что завтра она будетъ обручена съ нимъ, наполнили его душу. Онъ сдѣлался разговорчивъ, веселъ, нѣженъ съ своей невѣстой, внимателенъ и почтителенъ съ ея родителями и скоро заставилъ позабыть ихъ обо всемъ случившемся. Наташа также казалась спокойною и даже веселою. Въ домѣ обьявили всѣмъ, что Ардальону Семенычу дано слово, что Наташа уже невѣста, и что завтра будетъ обрученіе. Маленькіе братья и сестры обнимали и поздравляли её, а также и Шатова, котораго всѣ очень любили. Классныя занятія прекратились въ тотъ день ранѣе обыкновеннаго; пришли Мадамъ де Фуасье и Шевалье де Глейхенфельдъ. Каждый по своему выражалъ свою радость и свое искреннее желаніе счастія жениху и невѣстѣ. За столомъ посадили ихъ рядомъ, выпили ихъ здоровье, и къ вечеру не только вся дворня. но и всё село Болдухино знало, что красавица-барышня уже помолвлена тоже за красавца, по общему мнѣнію, молодаго и богатаго барина Ардальона Семеныча Шатова; а какъ въ тотъ день отправился въ городъ нарочный на почту за письмами, то и весь Богульскъ на другой же день узналъ объ этой важной новости.

Ардальонъ Семенычъ прочнымъ образомъ основалъ свое мѣстопребываніе во флигелѣ, и цѣлую особую комнату занялъ своими книгами, письменными принадлежностями, ружьями и охотничьими снарядами, потому что предполагалъ иногда ходить на охоту, для чего и привезъ свою любимую, отличную собаку, которая въ тотъ же день была представлена Наташѣ и принята ею съ особенной благосклонностью; она пожелала всякій день кормить её при себѣ, чѣмъ женихъ былъ очень доволенъ. Этотъ первый день прошелъ довольно пріятно и оживленно. Женихъ менѣе разсуждалъ, больше расказывалъ о томъ, чтò думалъ, чувствовалъ и дѣлалъ во время своего

отсутствія. Наташа не скучала и была довольна всѣми его разсказами.

Варвара Михайловна сочла за нужное истребить непріятное впечатлѣніе, которое, какъ она думала, должна была произвесть на Наташу исторія съ обручальнымъ кольцомъ, а также и странность нѣкоторыхъ поступковъ жениха. Это было ей не трудно, потому что Наташа менѣе находила тутъ страннаго, чѣмъ сама Варвара Михайловна. Наташѣ только не понравилось выраженіе глазъ Шатова, когда онъ, увидѣвшись съ ней, молча и долго смотрѣлъ на неё. Она съ дѣтской наивностью говорила матери, что терпѣть не можетъ, когда кто нибудь смотритъ на неё такъ пристально, точно хочетъ узнать, что происходитъ у ней въ сердцѣ и что она особенно не любитъ такихъ взглядовъ Ардальона Семеныча. Но главное, что ей не правилось и чего она не сказала Варварѣ Михайловнѣ, это была медленность и вялость всѣхъ движеній и словъ ея жениха. Онъ говорилъ съ разстановкой, растягивая свои рѣчи, и Наташѣ сейчасъ становилось сначала скучно его слушать, а потомъ и тяжело; не будучи сама ни бойка, ни скора, она любила бойкую, скорую и веселую рѣчь; однимъ словомъ: натура, личность Ардальона Семеныча была ей не по вкусу……

ПИСЬМА КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ (*)

VIII. Дмитрія Васильевича Дашкова.

Печатаются съ подлинниковъ, обязательно сообщенныхъ профессоромъ Московскаго университета Ѳ. М. Дмитріевымъ. *П. Б.*

I.

Буюкдере 30 іюня. / 11 іюля. 1817

Милостивый государь Иванъ Ивановичь. Прощаясь съ вашимъ превосходительствомъ въ началѣ маія, я думалъ быть черезъ двѣ недѣли непремѣнно въ Одессѣ, а можетъ быть уже и на берегахъ Босфора. На дѣлѣ не совсѣмъ такъ вышло. Болѣзнь продержала меня въ деревнѣ до конца маія. Въ Одессу поспѣлъ я не прежде какъ 4 іюня послѣ самой скучной и непріятной дороги, а тамъ еще дни четыре ожидалъ отправленія какого нибудь корабля. Извольте прибавить къ сему жестокую болѣзнь, которою заплатилъ я за первое свое знакомство съ моремъ, не смотря на прекрасную погоду и попутный вѣтеръ: тогда выдетъ на повѣрку, что прекрасное солнце и мѣстоположенія Буюкдерскія не даромъ мнѣ достались.

Пріемъ нашего министра (1) былъ мнѣ самый благосклонный. Я здѣсь еще слишкомъ недавно, чтобы судить о будущемъ, но по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ничто еще не лишило меня совершенно надежды ***быть полезнымъ***. Пока останется у меня въ сердцѣ сія химера, которая рѣшила меня сюда ѣхать, я чувствую въ себѣ довольно твердости на то, чтобы отказаться отъ отечества, родныхъ, друзей, скажу болѣе, отъ всякаго общества. Здѣшнее и не для меня не привлекательно. Оно составлено единственно изъ чужестранныхъ министровъ и чиновниковъ ихъ, но между ними этикетъ, холодный эгоизмъ и недостатокъ въ качествахъ, одушевляющихъ общество, разрушили всѣ связи и согласіе еще болѣе, нежели политическіе интересы. Одинъ нашъ министръ совершенно отличенъ отъ прочихъ. Ваше превосходительство изволите знать, охотникъ ли

(*) См. въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 1616—1730.

(1) Графа (тогда барона) Григорія Александровича Строганова, подъ начальство котораго поступилъ Д. В. Дашковъ, въ это время чиновникомъ сверхъ штата, чрезъ нѣсколько времени вторымъ совѣтникомъ посольства.

я до этикета. Къ счастію нашелъ я здѣсь прежняго своего товарища по службѣ, Бутенева, съ коимъ и Сѣверинъ очень друженъ, добраго, умнаго, любезнаго молодаго человѣка. Съ нимъ провожу всѣ свободные часы, коихъ, правду сказать, здѣсь у меня немного; съ нимъ пробѣгаю окрестности Буюкдерскія и восхищаюсь чудесными, очаровательными видами

Буюкдере деревня въ 18 верстахъ отъ Константинополя, на Европейской сторонѣ, гдѣ живетъ нынѣ нашъ посланникъ. Проливъ образуетъ въ семъ мѣстѣ пространный бассейнъ, загибаясь къ Константинополю; вмѣсто береговъ ужасная гора, превращенная въ сады и обдѣланная уступами, а внизу, у самаго моря, на узкомъ берегу, построены дома въ одинъ рядъ съ набережною. Съ лѣвой стороны черезъ проливъ, возвышается Азіатскій берегъ; съ правой, на поворотѣ пролива, Европейскій; оба усѣянные развалинами Генуэзскаго замка, Турецкими батареями, древними и новыми, пріятными деревнями, долинами и рощами. Тополи и кипарисы красиво вѣнчаютъ верхи горъ; корабли, задерживаемые здѣсь противными вѣтрами, покрываютъ море; вся даль покрыта туманною пеленою, или скрывается за крутымъ загнувшимся берегомъ. Когда плывешь къ Константинополю сквозь повороты пролива, то при каждомъ встрѣчаютъ глаза новую картину и ищутъ куполовъ мечетей въ столицѣ и тонкихъ, остроконечныхъ минаретовъ. Въ самомъ Константинополѣ я еще не былъ, частію за недосугами, а частію отъ желанія подождать конца чумы, которая недавно похитила съ лица земли цѣлую Бухарскую миссію. Но мы довольно спокойны—пока, и я теперь начинаю понимать, какъ жители Катаны и Неаполя могутъ спокойно спать у подошвы Этны и Везувія. Въ Турціи и вообще на Востокѣ будешь по неволѣ фаталистомъ.

Впрочемъ ни опасности чумныя, ни отдаленія никогда не будутъ имѣть вліянія на мое сердце. Оно будетъ всегда вамъ предано. Примите искреннѣйшее увѣреніе въ душевномъ почтеніи и совершенной приверженности, съ коими честь имѣю пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства, покорнѣйшимъ слугою,

Дмитрій Дашковъ.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять на себя трудъ сказать Вяземскимъ и В. Л. Пушкину, что я не забылъ ихъ.

II.

Буюкдере $^{15}/_{27}$ декабря 1817.

Милостивый государь Иванъ Ивановичь. Занятія по службѣ, обыкновенно скопляющіяся при рѣдкомъ отправленіи отсюда почты, а особливо болѣзнь, почти безпрерывная съ начала сентября, мѣшали мнѣ имѣть честь писать къ вашему превосходительству. Но сердце мое не имѣло никакого участія въ сей неисправности: оно никогда не забывало и не забудетъ васъ.

Примите, милостивый государь, искреннѣйшее поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ. И внѣ Россіи, равно какъ и въ отечествѣ, желанія мои въ сей день всегда будутъ одинаковы: желанія вамъ здоровья и спокойствія, двухъ благъ, коихъ цѣну вы умѣете чувствовать. Я съ моей стороны лишенъ ихъ, и къ сожалѣнію всякой день больше увѣряюсь, что прекрасной природы *одной* мало для счастія человѣка. Какъ часто привожу себѣ на память совѣтъ вашъ: возвращаться скорѣй на родину послѣ трехмѣсячнаго отсутствія! Какъ часто желаю ему послѣдовать!

Сегодня выпалъ здѣсь первый снѣгъ и покрылъ нашъ берегъ. Противолежащія горы на Азіатской сторонѣ забѣлѣлись. Зрѣлище прекрасное! Но время ужасно сыро и особливо для меня вредно. Дорого бы я далъ за трескучій морозъ русскій, между тѣмъ какъ всѣ здѣшніе жители, Франки, Греки и Турки

зябнутъ уже около своихъ мангаловъ и тандуровъ, т. е. подвижныхъ очажковъ, открытыхъ и закрытыхъ.

Если Наталья Яковлевна ([2]) въ Москвѣ, то покорнѣйше прошу ваше превосходительство засвидѣтельствовать ей мое искреннѣйшее почтеніе и увѣрить, что я не забылъ ея. Впрочемъ съ чувствами глубочайшаго почтенія и сердечной преданности имѣю честь навсегда пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства, покорнѣйшимъ слугою

Дмитрій Дашковъ.

P. S. Ваше превосходительство конечно изволили уже получить отправленный мною къ вамъ кофе.

III.

Буюкдере 17/29 іюня 1818

Милостивый государь, Иванъ Ивановичь. Послѣднее письмо вашего высокопревосходительства вмѣстѣ съ пріятнѣйшимъ извѣстіемъ о справедливомъ воздаяніи, вами полученномъ ([3]) дошло до меня очень поздно. Разстроенное здоровье мое необходимо требовало отдохновенія и лучшаго воздуха, и добрый начальникъ не отказалъ мнѣ въ позволеніи провести около двухъ мѣсяцевъ на *Принцевыхъ Островахъ*, въ Никомидійскомъ заливѣ. Тамъ пробылъ я конецъ апрѣля, маій и начало текущаго мѣсяца, съ разными однакожъ промежутками. Вотъ причина, лишившая меня удовольствія во время поздравить васъ съ монаршею милостію столь давно вами заслуженною. Въ моемъ участіи, смѣю въ полной мѣрѣ надѣяться, вы не изволите сомнѣваться. Желалъ бы только еще одного — имѣть честь лично принести вамъ усерднѣйшее мое поздравленіе. Извѣстіе о здоровьѣ и спокойствіи вашемъ еще болѣе принесло мнѣ сердечнаго удовольствія. Кто лучше васъ будетъ умѣть наслаждаться ими! До сихъ поръ мѣшали сперва хлопоты о постройкѣ и отдѣлкѣ дома, потомъ комиссія — нынѣ же все кончилось. Время жатвы настало послѣ трудовъ разнообразныхъ, полезныхъ, славныхъ.

Одно изъ главныхъ моихъ удовольствій въ настоящемъ заточеніи — переноситься мыслями въ отчизну, въ кругъ любимыхъ родныхъ и друзей. Почтеніе не позволяетъ мнѣ такъ назвать васъ, но сердце мое, соблюдая всѣ оттѣнки и живо помня всѣ ваши ко мнѣ милости, ставитъ васъ въ первый рядъ ему любезныхъ. Мнѣ всего пріятнѣе представлять себѣ петербургскіе и московскіе вечера ваши и какъ бы еще наслаждаться ими. Жалѣю о тѣхъ, коимъ присутствіе двора мѣшало бывать у васъ по прежнему. Не думаю, чтобы они могли забыть васъ. Добрые Москвичи и въ первый пріѣздъ государя были какъ то внѣ себя, будто въ чаду; тутъ же было и время милостей: какъ не потереться около дворца и тому, кто ничего не ожидаетъ и ожидать не имѣетъ права! При томъ сколько было поздравительныхъ визитовъ: это долгъ экстраординарный. Какъ тутъ успѣвать!

Но какъ сіи небольшія слабости любезны въ сравненіи съ гнусными, подлыми интригами и совершеннымъ забвеніемъ всѣхъ правилъ чести и всякаго благородства, коими здѣсь мы окружены! Здѣсь уму нѣтъ пищи, а душа вянетъ. Ахъ, съ какимъ бы я удовольствіемъ пустился въ обратный путь! Но попасть сюда гораздо легче, нежели отсюда вырваться, а сверхъ того есть многое, что меня здѣсь удерживаетъ. Честолюбія, слава Богу, во мнѣ совсѣмъ нѣтъ; но чувство нѣкоторой приносимой пользы, привязанность къ доброму, благонамѣренному начальнику и желаніе кончить начатое дѣло, если только будетъ возможно, должны имѣть вліяніе на мою волю. Дружба равномѣрно услаждаетъ мою скуку и неудовольствія. Я пріобрѣлъ здѣсь новаго друга въ моемъ сотрудникѣ,

---

([2]) Плюскова, фрейлина высочайшаго двора.

([3]) Пожалованіе чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 10 Февраля 1818 г. за труды по должности предсѣдателя Коммиссіи о пособіяхъ Московскимъ жителямъ, разореннымъ отъ непріятеля.

Бутеневѣ, достойномъ молодомъ человѣкѣ, коего я слишкомъ мало зналъ въ Петербургѣ. При всемъ томъ я очень старался вырваться въ началѣ сего года—но не удалось.

Пріѣхавъ сюда, я подарилъ свой экземпляръ, или лучше сказать свой 1-й томъ исторіи Н. М. ([4]), надѣясь скоро получить другой экземпляръ, и писалъ о томъ Сѣверину; но онъ что-то запоздалъ и наконецъ увѣдомилъ меня, что достать уже никакъ незьзя. Не знаю какъ быть. Хочу прибѣгнуть къ самому Н. М. Такой расходъ книги въ 50 р. мнѣ кажется чудеснымъ у насъ, въ Россіи. Какъ, чай, досадно многимъ, многимъ петербугскимъ и московскимъ писакамъ!

Примите сердечное увѣреніе въ томъ глубочайшемъ почтеніи и нелицемѣрной преданности, съ коими честь имѣю пребыть навсегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Дмитрій Дашковъ.

P. S. Натальѣ Яковлевнѣ свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе. Боюсь, не сердится ли на меня? Много бы в. пр. изволили обязать меня, выведя изъ сомнѣнія.

IV.

Буюкдере 31 октября 1818.

Милостивый государь Иванъ Ивановичь.

Между многими непріятностями здѣшней жизни однимъ изъ главнѣйшихъ полагаю затрудненіе въ перепискѣ съ людьми, близкими моему сердцу. Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 19 августа дошло ко мнѣ только съ октябрскою почтою. Оно обрадовало меня извѣстіемъ о здоровьѣ вашемъ, но много и опечалило, давъ знать о вашей потерѣ ([5]), Повѣрьте, что я принялъ въ ней живое участіе; все ваше не можетъ быть для меня равнодушно.

([4]) Карамзина.

([5]) Кончины отца.

Горесть бѣдного Сѣверина ([6]) разтерзала мою душу. Я писалъ къ нему; не удивляюсь, что не получалъ отвѣта, но желалъ бы искренно знать, каковъ онъ теперь и какое облегченіе доставили ему разъѣзды его и разсѣяніе. Не знаю, писать ли еще къ нему, стараться ли утѣшить или молчать о женѣ его: и то и другое иногда растравляетъ наши раны. Еслибъ я былъ съ нимъ, то лучше бы зналъ что дѣлать. Голосъ друга много значитъ въ такой грусти.

Покорнѣйше благодарю васъ за московскія вѣсти. Онѣ что-то сухи, но чего же ждать отъ нашихъ словесниковъ! Въ немногіе часы досуга читаю иногда В. Е. и вижу въ немъ съ жалостію борьбу боязни и зависти: и хочется уколоть порядочно Карамзина,. и опасно! Исторію я прочелъ уже два раза, хотя и не имѣю своего экземпляра, благодаря дорогимъ пріятелямъ. Но главное занятіе мое здѣсь, послѣ службы, есть греческій языкъ. И нужда и давнишняя охота побудили ему учиться Къ счастію нашелъ я здѣсь исправнаго *Лоіотатоса* въ наставники и читаю съ нимъ Омира и Платона. Говорить начинаю, но еще худо. Если пробуду здѣсь еще годъ, то буду докой; но сіе очень сомнительно. Многое, правда, удерживаетъ меня въ Константинополѣ: служба, небольшая польза, которую могу приносить, свыкнувшись совершенно съ дѣлами, а всего болѣе привязанность и могу даже сказать дружба къ доброму, умному, благородному начальнику. Но за то многое обращаетъ мнѣ жизнь въ бремя. Воздухъ не по мнѣ въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Здоровье мое истощилось, сложеніе примѣтно слабѣетъ, желчь разливается и вредитъ равно духу и тѣлу. Къ веснѣ буду непремѣнно опять проситься въ отставку или въ продолжительный отпускъ, и такъ убѣдительно, что надѣюсь вырваться. До тѣхъ поръ надежда увидѣть васъ, родныхъ, друзей, будетъ меня поддерживать.

([6]) Д. П. Сѣверинъ овдовѣлъ около этого времени

Гдѣ осталась Н. Я. Плюскова? Смѣю просить васъ, милостивый государь, напомнить ей меня и увѣрить, что отдаленіе не мѣшаетъ мнѣ ее помнить по старому. Ник. Мих. въ полномъ правѣ на меня сердиться: вотъ уже полгода какъ собираюсь писать къ нему и все еще не написалъ. Право, я не меньше ему отъ того преданъ.

Не знаю, гдѣ найдетъ васъ письмо сіе. Надѣюсь, что комиссія московская уже кончилась, и что вы возвратили себѣ утраченную свободу. Можетъ быть, вы теперь въ Петербургѣ, въ кругу друзей, истинно любящихъ и почитающихъ васъ. Еслибъ чувства сіи давали возможность быть съ вами, то я, преимущественно предъ всѣми, пользовался бы симъ удовольствіемъ.

Простите, милостивый государь. Будьте здоровы, спокойны, веселы: вотъ пламенное мое желаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію честь имѣю пребыть навсегда, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Дашковъ.

V.

Буюкдере 1/13 іюля 1819.

Милостивый государь Иванъ Ивановичь. Возобновившаяся болѣзнь и шестинедѣльное отсутствіе для поправленія здоровья на Острова Принцевы и въ окрестности Исмида (Никомидіи) мѣшали мнѣ до сихъ поръ отвѣчать на послѣднее письмо вашего высокопревосходительства. Простите мнѣ сіе невольное замедленіе. Оно было для меня тяжело: въ отдаленіи отъ отечества и въ болѣзни всего пріятнѣе переноситься мыслію къ тѣмъ, кои намъ дороги.

Здѣшній климатъ и жизнь рѣшительно мнѣ вредны. Самъ почтенный начальникъ мой, такъ долго меня при себѣ удерживавшій, увѣрился наконецъ въ томъ, что мнѣ не льзя ожидать здѣсь выздоровленія, и согласился подкрѣпить просьбу о годовомъ отпускѣ. Она уже отправлена, и къ концу августа получимъ отвѣтъ министерства. Оно будетъ очень недовольно, но какъ же быть? Какъ противиться двухлѣтнему опыту? Графъ Каподистрія какъ бы нарочно писалъ ко мнѣ недавно изъ Корфу, уговаривая остаться при семъ постѣ — только что не говоритъ: *навсегда*. а я не надѣялся бы выдержать и одной еще зимы! Получивъ отпускъ, я поспѣшу уѣхать прежде сентябрскихъ бурь и, если будетъ можно, заверну хотя дня на три въ Москву, крайне желая увидиться съ вами послѣ долгаго отсутствія. А тамъ — въ деревню, къ матушкѣ: авось на свободѣ и въ бездѣйствіи укрѣпятся совершенно разстроенные нервы.

Приношу вамъ, милостивый государь, чувствительную благодарность за московскія новости; онѣ меня ни мало не удивляютъ. Знаю давно гг. московскихъ бесѣдчиковъ. Вяземскій изъ Варшавы горько жалуется на критиковъ Карамзина и еще, кажется, на его вступленіе въ Академію. Признаюсь — вамъ однимъ, что я не совсѣмъ далекъ отъ сего мнѣнія. Отложимъ изъ академическаго списка нѣсколько именъ истинно почтенныхъ и славныхъ, кто изъ *истыхъ* членовъ заслугами и литтературнымъ характеромъ? Какая будущая польза могла въ глазахъ Н. Мих. привести въ забвеніе его обиду, обиду всей нашей словесности? Принимая позднее его избраніе въ самомъ снисходительномъ смыслѣ, не значитъ ли оно, что Н. М., до изданія Русской Исторіи, не написалъ ничего дѣльнаго, ничего достойнаго сравниться съ безсмертными трудами Поспѣлова, Гнѣдича, Муравьева, Оленина, и Богъ знаетъ кого еще? Грѣшно намъ открывать, по библейскому выраженію, *наготу* отца но право многимъ пламеннымъ почитателямъ Карамзина пріятнѣе было бы думать, что будущіе достойные академики скажутъ: Rein ne manque à sa gloire, il manquait à la nôtre (7) нежели видѣть его теперь крестникомъ Шишкова.

(7) Т. е. Слава его была полна; но его не доставало для нашей славы.

По крайней мѣрѣ, Н. М. откупился прекрасною рѣчью; а Жуковскій? Трудно повѣрить, чтобы въ грамматическихъ его таблицахъ было много поэзіи.

Воспоминаніе Нат. Яковл., право, для меня дорого. Буду прилежно писать къ ней изъ деревни и усердно просить ее о сообщеніи хотя нѣсколькихъ страничекъ (въ видѣ письма) начатаго Voyage autour de sa chambre ([8])

Примите еще разъ изъ Буюкдере искреннѣйшее увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и сердечной преданности, съ коими навсегда честь имѣю пребыть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Дашковъ.

VI.

Буюкдере іюля 1819.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичь. Пользуясь отъѣздомъ г-на Маршала, который будетъ имѣть честь вручить письмо сіе вашему высокопревосходительству и не зная навѣрно, удастся ли мнѣ завернуть самому въ Москву, я просилъ его доставить вамъ двѣ здѣшнія бездѣлки. Гостинецъ очень не важный, но намѣреніе самое искреннее! Оный состоитъ въ турецкихъ сапожкахъ, съ туфлями, и въ простомъ, серебряномъ перстнѣ, какой здѣсь почти всѣ Мусульмане носятъ; на немъ вырѣзано по турецки имя ваше.

Г. Маршалъ родомъ Лифляндецъ, но лучшую часть жизни провелъ въ Италіи и Греціи. Отъ него изволите узнать свѣжія вѣсти о Коринѳѣ и Аѳинахъ, коихъ мнѣ не суждено было видѣть. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ надѣется получить при Эрмитажѣ мѣсто, соотвѣтственное склонности его къ изящнымъ искусствамъ; оно ему обѣщано министерствомъ. Въ Москвѣ, кажется, пробудетъ онъ нѣсколько времени, чтобы попытаться, не сбудетъ ли тамъ съ рукъ небольшаго собранія картинъ, кои везетъ съ собою. Осмѣливаюсь поручить его милостивому благорасположенію вашего высокопревосходительства, завидуя, что онъ прежде меня васъ увидитъ.

Впрочемъ съ чувствами глубочайшаго почтенія и сердечной преданности имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Дашковъ.

VII.

Буюкдере 1/13 ноября 1819.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичь.

Получивъ уже отъ министерства позволеніе возвратиться на годъ въ Россію, могъ ли я думать, чтобы судьба еще на нѣсколько мѣсяцевъ удержала меня въ здѣшнемъ краѣ! Но такъ случилось. Почти въ самую минуту моего отъѣзда начальникъ убѣдилъ меня взять на себя обозрѣніе нашихъ консульствъ въ Левантѣ. Желаніе увидѣть Египетъ, Грецію, Сирію (хотя и на скорую руку) слилось съ пользою службы. Я рѣшился и ѣду черезъ двѣ недѣли. Домовому въ прекрасной баснѣ вашей пришлось неожиданно летѣть – по приказанію начальства, съ юга въ Лапландію: мнѣ же на выворотъ, вмѣсто сѣвера на югъ. „Судьбы того хотѣли!“

Не знаю, скоро ли буду опять имѣть случай писать къ вашему превосходительству. Но будьте увѣрены, что воспоминаніе о васъ никогда меня не оставитъ, что желаніе вамъ всѣхъ возможныхъ благъ въ жизни будетъ всегда однимъ изъ первѣйшихъ чувствъ моего сердца. Сохраните и вы, милостивый государь, прежнія ко мнѣ чувства, кои столь для меня драгоцѣнны и кои заслужить могу развѣ сердечною моею къ вамъ преданностію.

М. г. Натальѣ Яковлевнѣ, Николаю Михайловичу и Катеринѣ Андр. по-

---

([8]) Т. е. Путешествія вокругъ своей комнаты — подражаніе извѣстному подъ этимъ заглавіемъ сочиненію Ксавье де Местра.

корнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и поручить меня ихъ памяти.

Простите, милостивый государь—сказалъ бы до радостнаго свиданія, еслибъ не боялся раздражить Рока въ древнемъ его царствѣ.

Утромъ грядущимъ не смѣй веселиться. За каждое слово,
Съ дерзкихъ слетѣвшее устъ, Немезида гнѣвная мститъ.

Но мысль о свиданіи съ вами, съ родными и друзьями будетъ часто утѣшать меня.

Впрочемъ съ чувствами глубочайшаго почтенія и неизмѣнной преданности имѣю честь пребыть, милостив. государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Дашковъ.

VIII.

Пера Костантиноп.. 16 апрѣля 1821.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичь.

Смѣю ласкать себя надеждою, что невольное молчаніе мое во время скучныхъ разъѣздовъ по востоку не причтено мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ въ забвеніе, коего бы я самъ никогда не простилъ себѣ. Смѣю надѣяться, что вы всегда равно увѣрены въ искреннѣйшихъ и неизмѣнимыхъ чувствахъ моихъ, въ сердечной привязанности и благодарности за оказанныя мнѣ милости.

Выраженіе мое: „скучные разъѣзды,“ не относится ни къ Пирамидамъ, ни къ Олимпіи, Аргосу, Іерусалиму, Ефесу, и пр. словомъ, ни къ одному изъ тѣхъ мѣстъ, куда завлекло меня одно любопытство. Но за то почти вездѣ, гдѣ былъ я по дѣламъ службы, встрѣтили меня несносныя заботы, труды и непріятности. Мало бывало (разумѣется по моимъ лѣтамъ и чину) порученій почтнѣе моего, но за то мало и сопряженныхъ съ равными досадами, по Арабской пословицѣ: „посѣй вѣтры исожнешь бури.“ Я право не сѣялъ вѣтровъ, но точно достались мнѣ въ удѣлъ бури. Можетъ быть—не говорю навѣрно—въ Петербургѣ не отдадутъ мнѣ той справедливости, какую отдалъ здѣсь почтенный, благородный начальникъ, по убѣжденію коего рѣшился я ѣхать. Съ его совершеннымъ одобреніемъ согласно свидѣтельство собственной моей совѣсти, и я доволенъ. Вашъ примѣръ руководствовалъ меня, придавалъ новыя силы, успокоивалъ и утѣшалъ меня.

Ужасныя явленія, коихъ мы здѣсь къ несчастію всякой день бываемъ свидѣтелями, вѣрно уже вамъ отчасти извѣстны. Къ пострадавшимъ прежде присоединился и патріархъ Константинопольскій съ тремя митрополитами; они всѣ четверо были повѣшены въ самый день Пасхи. На третій день тѣло патріарха, 75 лѣтняго старца, предано на поруганіе Жидамъ и брошено въ море! Сердце обливается здѣсь кровію, и я бы давно уѣхалъ въ Одессу, если бъ меня не удержало вторичное, убѣдительное настояніе бар. Строгонова, который полагаетъ, что я ему нуженъ при нынѣшнихъ важныхъ обстоятельствахъ. Мы сами были въ опасности отъ чрезвычайнаго своевольства черни. Дома Европейцевъ остались неприкосновенными, но многіе умерщвлены на улицахъ. Дни четыре тому какъ стало тише. Правительство приняло нѣкоторыя мѣры.

Отъ Сѣверина очень, очень давно не получалъ я писемъ, равно и отъ другихъ пріятелей, кромѣ Батюшкова. Онъ поручилъ мнѣ *быть при васъ его Провидѣніемъ*—полагая, что я давно уже какъ долженъ быть въ Москвѣ.

Впрочемъ съ чувствами глубочайшаго почтенія и неизмѣнимой преданности имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Дашковъ.

IX.

С. Тонино. 10 ноября 1821 года.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичь. Благодаря медленности нашихъ *путей сообщенія,* первое письмо ваше

недавно только возвращено мнѣ изъ Одессы. За нѣсколько дней передъ тѣмъ имѣлъ я честь получить и второе ваше, адресованное прямо сюда. Оба доставили мнѣ сердечное удовольствіе, какъ новый знакъ вашей ко мнѣ благосклонности. Я всегда смѣю быть въ ней увѣреннымъ, но радуюсь всякому доказательству оной, какъ новому и драгоцѣннѣйшему пріобрѣтенію. Приношу вамъ чувствительную благодарность мою за извѣщеніе о людяхъ, коихъ я привыкъ уважать и любить, и коихъ память храню, не смотря ни на время, ни на отдаленіе. Покорнѣйше прошу принять на себя трудъ увѣрить въ томъ Н. Я. Плюскову и Карамзиныхъ, поздравя послѣднихъ отъ меня съ новою фрейлиною (*). Сіе *историческое* производство приноситъ болѣе чести правительству, нежели нѣсколько сотенъ другихъ, наполняющихъ густыя колонны Инвалида. Любезнаго Михайла Александровича также сердечно поздравляю съ камеръ-юнкерствомъ, желая ему дальнихъ и скорыхъ успѣховъ по службѣ. Примѣръ дяди передъ нимъ на поприщѣ истинной чести.

Не знаю, съ чего вы изволите укорять меня въ холодности къ кн. Шаликову. Маленькая разность во мнѣніяхъ не охлаждаетъ во мнѣ почтенія, коимъ я (simple amateur) одолженъ виртуозу. Я готовъ повторить ему въ честь похвалу, приписанную Селисомъ герцогу Ниверне:

Nivernais au Parnasse est toujours *Duc et Pair.*

Радуюсь, что морозы и козье молоко избавили его отъ гнѣва *матери-природы*, и надѣюсь, что онъ воспоетъ ихъ изъ благодарности на звучной своей гитарѣ. Пусть другіе почерпаютъ вдохновеніе изъ покала шампанскаго, а кн. Шаликовъ будетъ пѣть, держа въ рукахъ стаканъ свѣжаго козьяго молока. Картина новая, а притомъ доставитъ случай поговорить и о покойной козѣ Амалѳеѣ, *доилицѣ* Юпитера. Какое богатое и лестное для поэта сравненіе!

А я вмѣсто помощи отъ морозовъ ожидаю сильнаго потрясенія своему здоровью. Всякой день больше примѣчаю, что ясное небо Греціи, Сиріи и Египта нѣсколько изнѣжило мои нервы и отучило ихъ отъ русской зимы. Стараюсь со всею возможною осторожностію постепенно укрѣплять ихъ и привести въ прежнее состояніе. Но съ другой стороны наступающій холодъ пріятно напоминаетъ мнѣ о приближеніи отъѣзда моего въ Москву и о скоромъ свиданіи съ вами. Зло съ добромъ смѣшаны въ мірѣ, и все къ лучшему — по словамъ Панглоса.

Матушка поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ искреннѣйшее ея почитаніе. Воспоминаніе ваше столь же для нея утѣшительно, сколь и драгоцѣнно.

X.

С. Петербургъ, 22 января 1823

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. До сихъ поръ я не успѣлъ еще принести вашему высокопревосходительству покорнѣйшей моей благодарности за письмо ваше отъ 1 сего января, да и теперь черезъ силу исполняю долгъ сей. Вмѣсто обыкновенныхъ моихъ желчныхъ болѣзней необыкновенный нынѣшній холодъ навязалъ мнѣ новую—зубную. Боль нестерпимая и не уступающая доселѣ никакимъ выдумкамъ моего Эскулапа. Съ большою радостію принесъ бы я пѣтуха въ жертву тому, кто бы меня избавилъ отъ сей не опасной, но мучительной болѣзни.

Хотя сыны Аполлона и пророки, но я не смѣю принять за пророчество слова ваши въ послѣднемъ письмѣ: да облобызаются и Турокъ съ Грекомъ и Ценсоръ съ Авторомъ. Не знаемъ, удалось ли Веронскому конгрессу уладить дѣла Левантскія, а Ценсоры съ бѣдными Авторами суровѣе, нежели когда нибудь. Одна отъ нихъ бываетъ поживка, а имен-

(*) Дочь Н. М. Карамзина (отъ перваго брака), Софья Николаевна была пожалована въ Августѣ 1821 года фрейлиною къ высочайшему двору. См. письмо Карамз. къ Дм., Спб. 1866, стр. 345.

но, когда Бируковъ поссорится съ товарищемъ своимъ Красовскимъ, тогда онъ пропускаетъ на зло между позволеннымъ иногда и сомнительное. Но у Красовскаго всякая вина виновата: самому Агамемнону въ Иліадѣ запрещается говорить, что Клитемнестра вышла за него за мужъ дѣвою; и если какой нибудь риѳмачь заговоритъ въ восторгѣ о *чуждой землѣ и чуждомъ небѣ*, разсудительный Ценсоръ тотчасъ остановитъ его, напомнивъ, что небо одно и земля одна. Такихъ анекдотовъ много. Право, и въ новый годъ не льзя не сердиться; счастливы тѣ, кои могутъ смѣяться.

Вяземской спрашиваетъ меня: есть ли надежда намъ съ нимъ скоро увидѣться? Позвольте отвѣчать ему въ вашемъ письмѣ, что тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, если только моя миссія останется еще на долго на инвалидномъ положеніи. Изобильное жалованье и совершенная независимость моей настоящей должности не замѣняютъ въ глазахъ моихъ ея ничтожества. Мнѣ бы хотѣлось служить, а не тунеядствовать; когда же увѣрюсь, что мнѣ пока суждено наслаждаться блаженною праздностію, то конечно рѣшусь лучше наслаждаться ею въ деревнѣ съ матушкою, или въ Москвѣ съ сестрою и съ вами. Тогда буду лично имѣть честь благодарить васъ за милости къ моему племяннику и покорнѣйше просить о продолженіи оныхъ. Благоразумные совѣты ему необходимы; настоящая эпоха жизни его самая критическая для молодого человѣка.

XI.

Спб. 4 янв. 1824.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Въ послѣднемъ письмѣ я съ сердечнымъ удовольствіемъ извѣщалъ ваше высокопревосходительство о здоровьи Натальи Яковлевны, и въ тотъ самый день узналъ, что она опять занемогла. Карамзины, кои обыкновенно не вѣрятъ болѣзнямъ, нашли ее хотя и не въ опасности, но съ отмѣнною слабостію. Теперь ей легче, но она не въ силахъ еще писать и поручила мнѣ принести вамъ искреннѣйшую ея благодарность за поздравленіе съ новымъ годомъ и взаимное пожеланіе всѣхъ возможныхъ благъ. Болѣзнь еще умножаетъ обычайное ея уединеніе. Въ Шепелевскомъ дворцѣ, назначенномъ в. к. Михаилу Павловичу, до отстройки его собственнаго, оставлены на житье только Дибичь и она: очень натурально, что весь шумъ и пріѣздъ на сторонѣ перваго.

Съ живымъ удовольствіемъ читали мы *Бакчисарайскій Фонтанъ*, отрывокъ, показывающій какую-то зрѣлость таланта, по крайней мѣрѣ въ описаніяхъ. Теперь Пушкину надобно учиться впору останавливаться. Говорятъ, что Вяземскій печатаетъ въ Москвѣ это стихотвореніе. Въ такомъ случаѣ сдѣлайте милость, замѣтьте ему одно мѣсто, требующее исправленія. Зарема умираетъ отъ рукъ ***нѣмыхъ кизляровъ***—а ***кызляръ*** по турецки значитъ просто ***дѣвушки***. Названіе ***Кызляръ-Агасси***, вѣроятно обманувшее Пушкина, значитъ начальника надъ дѣвушками Харема. Не говорю уже о всеобщемъ европейскомъ предразсудкѣ (не менѣе того ложномъ) о нѣмыхъ, употребляемыхъ на тайныя казни въ Харемахъ, но я бы и это выкинулъ изъ поэмы Пушкина, гдѣ такъ хорошо сохранены всѣ мѣстныя краски ([10]).

Простите мнѣ сію комментаторскую выходку; на праздникахъ я какъ-то опять принялся за свои греческія надписи и долженъ былъ прочитать полтома комментаріевъ для того, чтобы хорошо понять дюжины двѣ стиховъ. Педантизмъ заразителенъ.

XII.

Спбургъ. 13 апрѣля 1826.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичь! Только третьяго дня получилъ я

([10]) Въ печатномъ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ замѣчаніе Д. В. Дашкова отчасти принято: тамъ просто сказано:

Старѣютъ жены. Между ними
Давно Грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.

отъ Карамзиныхъ прекрасный подарокъ вашего высокопревосходительства и спѣшу принести за оный покорнѣйшую мою благодарность. Пусть *насмѣшливые* или лучше сказать смѣшные критики разбираютъ ваши Апологи и судятъ важно, баснями ль ихъ назвать, или *нравоучительными четверостишіями*, а мы съ истиннымъ удовольствіемъ вкушаемъ сей плодъ прекрасной осени, по всему достойный прежняго лѣта.

Пословица говоритъ: возмешь лычко, а отдашь ремешекъ. А я напротивъ, взявъ нарядную ленту, отдаю лыко—за превосходные стихи посредственную прозу. Но скромность справедливая уступаетъ мѣсто желанію доставить вамъ *посильное* приношеніе. Обѣ статьи, у сего прилагаемыя порознь, напечатаны вмѣстѣ въ вышедшемъ на дняхъ альманахѣ: Сѣверные Цвѣты на 1826 г. ([11]). Я никакъ не хотѣлъ бороться съ Шатобріаномъ, описывая Іерусалимъ; бывши тамъ, я смотрѣлъ на все съ другой точки и нынѣ имѣлъ единственною цѣлію сообщить нашей публикѣ свѣдѣнія довольно новыя и подробныя. Въ полемикѣ за Серальскую библіотеку также есть кое-что новое. Желаю отъ всего сердца, чтобы сіи отрывки сколько нибудь вамъ понравивились; ваше вниманіе я привыкъ издавна почитать лучшею для себя наградою.

Графъ С. П. Румянцовъ взялся доставить вамъ сіе письмо. Онъ скажетъ вамъ, въ какомъ печальномъ положеніи оставилъ бѣднаго Николая Михайловича. Мы надѣемся, что опасности большой нѣтъ, но боимся, чтобы онъ не ослабѣлъ еще болѣе и тѣмъ не лишился возможности предпринять путешествіе, которое для него необходимо и для котораго всѣ приготовленія Государь обѣщалъ принять на себя. Наталью Яковлевну я видѣлъ въ воскресенье; она только что возвратилась съ прогулки пѣшкомъ, и показалась мнѣ лучше обыкновеннаго. Она поручила мнѣ принести вамъ ея искреннюю благодарность за присылку Апологовъ.

Если не случится чего нибудь чрезвычайнаго, то ласкаюсь надеждою увидѣть васъ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ проѣздъ черезъ Москву, въ деревню. Между тѣмъ приношу усерднѣйшее мое поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ, и прошу принять искреннѣйшее увѣреніе въ чувствахъ душевнаго почитанія и неизмѣняемой преданности, съ коими навсегда имѣю честь быть и пр.

([11]) Въ Сѣверн. Цвѣтахъ на 1826 г., стр. 214—296 помѣщены двѣ статьи Д. В. Дашкова: 1) Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. Отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году (съ грав. картинкою) и 2) Еще нѣсколько словъ о Серальской библіотекѣ (возраженіе Москов. Телеграфу).

IX. Князя Петра Андреевича Вяземскаго.

Мы испросили у князя П. А. Вяземскаго обязательнаго дозволенія напечатать нижеслѣдующія письма, которыя содержатъ въ себѣ драгоцѣннѣйшія автобіографическія черты и въ тоже время представляютъ матеріалъ первой важности для исторіи Русскаго просвѣщенія. *П. Б.*

I.

Мещерское ([1]) Саратовской г. Сердобскаго уѣзда Апрѣля 7, 1829 года.

Съ самаго пріѣзда моего сюда, собирался я воспользоваться благосклоннымъ позволеніемъ вашего высокопревосходительства и напомнить вамъ о себѣ письмомъ; но съ самаго пріѣзда былъ я отвлекаемъ отъ сей пріятной

([1]) Мещерское, село, принадлежавшее Петру Александр. Кологривову, второму супругу кн. Пр. Юрьевны Гагариной, матери княгини В. Ѳ. Вяземской. Ея отецъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Гагаринъ, во время варшавскаго возмущенія 1795 г. былъ убитъ во главѣ полка своего. Прасковья Юрьевна и другія русскія дамы были взяты подъ стражу и пробыли нѣсколько времени въ заточеніи, не весьма тягостномъ, потому что знакомые ея изъ варшавскаго общества оказывали ей вниманіе и разныя услуги. Князь Вяземскій, будучи въ отставкѣ, пріѣзжалъ къ семейству своему, которое гостило въ Мещерскомъ. Близость къ г. Пензѣ, многія пріятныя сосѣдства, между прочими *Любичи*, помѣстье, въ которомъ постоянно, лѣтомъ и зимою, жилъ Николай Ивановичъ Кривцовъ, со всѣми удобствами и прихотями англійскаго комфорта, придавали пребыванію въ Мещерскомъ особенное значеніе и удовольствіе.

обязанности непріятными препятствіями. Какъ олицетворенная зараза, появленіемъ своимъ въ здѣшнія степи, я обратилъ нашъ домъ въ лазаретъ. Сперва самъ подалъ примѣръ и занемогъ; тамъ поочередно почти всѣ домашніе мои болѣе или менѣе пугали меня припадками болѣзни, и теперь еще нѣтъ общаго выздоровленія. Удаленіе отъ скорой помощи, отсутствіе доктора, неизвѣстность, къ какому средству прибѣгнуть, боязнь усилить болѣзнь вредными пособіями или упустить удобное время для облегченія — тяжко мучатъ сердце, когда однообразіе уединенія замѣняется безпокойствіями и опасеніями уединенія. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, я не имѣлъ духа писать къ вамъ, хотя и всегда увѣренъ въ постоянномъ и живомъ сочувствіи вашемъ во всѣхъ заботахъ и радостяхъ моихъ. Пользуюсь первымъ роздыхомъ для исполненія желанія сердечнаго. Я пріѣхалъ сюда съ большими планами для предбудущихъ занятій, но тоже безпокойствіе духа было мнѣ и тутъ помѣхою. Вы, можетъ быть, подумаете, что я и въ этомъ случаѣ сваливаю съ больной головы на здоровую и что не однѣ тревоги сердечныя, но частью и *малодушіе*. свойственное нашему поколѣнію Русскихъ литераторовъ, держитъ меня на ребяческихъ помочахъ и не даетъ далеко уходить, а кружитъ около себя, въ очеркѣ, обведенномъ лѣнью и боязнью труда постояннаго и упорнаго. Можетъ быть, я и не заспорю съ вами: ибо по примѣру Карамзина увѣренъ, что привычка труда не только не уступаетъ при стеченіи непріятныхъ обстоятельствъ, но напротивъ служитъ подкрѣпительною союзницею для сохраненія бодрости и спасительнаго терпѣнія. Но не каждому готова служить эта союзница: надобно умѣть ее заслужить, а въ этомъ-то и затрудненіе. Надобно быть сложенія плотнаго, а мы свойства тщедушнаго и нервическаго, какъ наша эпоха. Мы всегда и вездѣ подъ вліяніемъ минуты: нѣтъ на жизни нашей отраженія единства, дѣйствія полнаго и безпрерывнаго. Однимъ словомъ, мы — натуры романтической, а не класеической: въ насъ нѣтъ запаса на Иліаду, сотканную цѣлымъ кускомъ; мы вытыкаемъ поэмы полотнищами, въ строфахъ, и то еще съ точками, съ умолчаніями и бѣлыми промежутками въ основѣ. Я однако же избралъ себѣ если не трудъ, то по крайней мѣрѣ работу постоянную: перевожу романъ В. Constant, Адольфъ. Не пугайтесь, этотъ выборъ — не романтическая прихоть. Не знаю, читали ли вы эту книгу, изданную еще въ 1814 году, но у насъ, кажется, мало извѣстную. Этотъ романъ весь истина. Это историческій курсъ сердца человѣческаго, или изслѣдованіе нѣкоторыхъ его таинъ. Сдѣлайте одолженіе, дайте себѣ трудъ поискать въ собраніи рецензій Дюссо ([2]) которое у васъ есть, упоминается ли о немъ. Этого романа вышло, кажется, три изданія отъ 14 до 24 года. Если найдете критику дѣльную, т. е. обстоятельную, не откажите въ одолженіи доставить мнѣ ее, или присылкою по почтѣ тома, содержащаго оную (который возвращу по слѣдующей же почтѣ), или спискомъ съ нея, буде найдется у васъ досужій переписчикъ. Мнѣ совѣстно набиваться къ вамъ съ такими мелочными и скучными просьбами, но я на опытѣ знаю ваше долготерпѣніе и вашу благотворительность, когда идетъ дѣло о книжномъ и литературномъ вспомоществова-

([2]) Дюссо (Dussault), извѣстный французскій критикъ, одинъ изъ основателей журнала Les Debats. Послѣ кончинѣ его (1824) издано собраніе критическихъ статей его въ 5 томахъ, подъ заглавіемъ „Литературныя Лѣтописи". Довольно замѣчательно, что изданіе перевода „Адольфа", въ числѣ 600 экземпляровъ, совершенно ускользнуло отъ переводчика и пропало для него безъ вѣсти и безъ прибыли, хотя, по слухамъ, и было распродано въ довольно большомъ количествѣ. Впрочемъ такова была участь всего его литературнаго производительнаго хозяйства. — Намъ никогда не случалось даже имѣть въ рукахъ Адольфа, который нынѣ составляетъ рѣдкость. По реэсту Смирдина (Спб. 1841) онъ изданъ былъ въ Спб. 1831, и продавался по 1 р. 40 к. *П. Б.*

ніи. Благодарность даетъ мнѣ смѣлость. Сюда, только по Сѣверной Пчелѣ, Московскимъ Вѣдомостямъ и Галатеѣ, доходитъ до меня невнятный гулъ дѣйствій русскаго литературнаго міра. Другихъ журналовъ не вижу, но довольно и этихъ, чтобы знать, что все еще дерутся. Не понимаю, какъ Раичь могъ унизиться до такой степени. Галатея его напоминаетъ мнѣ московскихъ бабъ, торгующихъ на перекресткахъ гнилыми яблоками: тотъ же товаръ и тѣ же ругательства. Мнѣ все не вѣрится, что самъ Раичь—хозяинъ своего журнала: я ожидалъ бы отъ него болѣе благопристойности и по характеру его и по прежнимъ мнѣніямъ объ общей невѣжливости нашихъ журналистовъ. Теперь скорѣе можно, согласно съ ошибкою вашею, принять его за *Равича* (³), чѣмъ за *Раича*. Критики его болѣе отзываются героемъ поэмы Василія Львовича, чѣмъ воспитанникомъ Виргилія и Тасса, образовавшагося въ школѣ Георгикъ и Освобожденнаго Іерусалима. Ради Бога, вымойте ему голову порядкомъ и отмойте отъ N. N. Раичь нѣкоторымъ образомъ вашъ крестникъ; вы воспріяли его изъ чернильной купели, осѣнили знаменіемъ академической медали: на вашей душѣ лежитъ обязанность ограждать его отъ Нечистаго, а что можетъ быть нечище статей N. N. и Шаховскаго? Дуньте и плюньте еще разъ за Раича! А что дѣлаетъ мой крестникъ, Телеграфъ, отъ котораго также я отрекся? Кажется, его что-то крѣпко жмутъ; но у Полеваго *тройнымъ булатомъ грудь вооружена:* оттерпится........ Если я отсталъ отъ русской *литературности* (грѣшно называть ее литературою), и если впрочемъ можно отстать отъ того, чтò не идетъ, то взамѣнъ продовольствую себя французскими пособіями. По милости Ланскаго читаю Journal des Débats, по счастливой находкѣ получаю отъ сосѣда Le Globe и нашелъ у себя нѣсколько новостей прошлогоднихъ, присланныхъ мнѣ Белизаромъ изъ Петербурга. При этомъ каминъ, трубка во рту, халатъ на плечахъ, разнородные съѣстные припасы за утреннимъ чаемъ —и, не будь болѣзней на свѣтѣ, я благословлялъ бы отъ чистаго сердца мое житье-бытье на гостепріимной почвѣ, которою, Божіею милостію, владѣетъ П. А. Кологривовъ, еще не возвратившійся изъ своей тяжебной поѣздки, угрожающей мнѣ и вамъ на возвратномъ пути чтеніемъ новыхъ записокъ à la Beaumarchais.

Я былъ очень опечаленъ смертью Нелединскаго и его дочери (⁴) и сильно пораженъ ужаснымъ жребіемъ несчастнаго Грибоѣдова. Давно ли видѣлъ я его въ Петербургѣ блестящимъ счастливцемъ, на возвышеніи государственныхъ удачъ; давно ли завидовалъ ему, что онъ ѣдетъ посланникомъ въ Персію, въ край, который для моего воображенія имѣлъ всегда приманку чудесности восточныхъ сказокъ, обѣщалъ ему навѣстить его въ Тегеранѣ и еще на дняхъ, до полученія роковаго извѣстія, говорилъ женѣ, что, не будь войны на востокѣ, я нынѣшнимъ лѣтомъ съѣздилъ бы къ нему? Какъ судьба играетъ нами и какъ люто иногда! Я такъ себѣ живо представляю пылкаго Грибоѣдова, защищающагося отъ изступленныхъ убійцъ, изнемогающаго подъ ихъ ударами. И тутъ есть что-то похожее на сказочный бредъ, но бредъ ужасный и тяготительный.—Со временемъ хотѣлъ бы я написать біографическое извѣстіе о Нелединскомъ и съ согласія его наслѣдниковъ собрать и издать его стихотворенія. Прибѣгну тогда къ содѣйствію вашей памяти: вамъ, вѣрно, извѣстны нѣкоторыя подробности изъ его жизни. Какъ мнѣ желается, чтобы вы въ дополненіе къ вашимъ Запискамъ написали воспоминанія свои о Карамзинѣ,

---

(³) Въ прежнихъ письмахъ къ И. И. Дмитріеву была уже замѣтка о немъ см. Р. Ар. 1866, стр. 1720.

(⁴) Кн. Аграѳена Юрьевна Оболенская, умершая также, какъ и отецъ ея, въ Калугѣ, гдѣ князь А. П. Оболенскій былъ гражданскимъ губернаторомъ.

хотя не въ полномъ видѣ, а въ видѣ матеріаловъ біографическихъ. Никто лучше вашего не слѣдовалъ за всею его жизнью: она вся въ вашей памяти и въ вашемъ сердцѣ, и если вы не сохраните ея, то она пропадетъ безъ слѣдовъ; разумѣется, говорю здѣсь, такъ сказать, о драматической, дѣйствующей части жизни его. У меня лежитъ на сердцѣ потребность и обязанность принести дань памяти его, но безъ вашего пособія жизнеописаніе, начертанное мною или кѣмъ бы то ни было, будетъ безъ души, безъ движенія. Окажите мнѣ благодѣяніе и значительную услугу русской словесности. — Отыскали-ли вы кабакъ, ученую дочь (5) и пьянаго отца, о которыхъ намъ говорили? Желалъ бы я знать подробности этого романическаго похода и жалѣю, что не могъ быть вамъ товарищемъ.

Жена моя и все мое семейство свидѣтельствуютъ вамъ душевное почтеніе. Меньшая дочь наша вѣрна въ страсти, которую вы ей внушили: предпочтительно предъ другими читаетъ и выучиваетъ наизустъ ваши стихи. На дняхъ отыскала она въ бумагахъ моихъ вашу визитную карточку, вскричала: „ахъ, душечка мой Дмитріевъ!“ и бросилась ее цѣловать. Отцу и не годилось бы такъ обнаруживать слабости дочери своей, но я надѣюсь на вашу скромность и не боюсь огласки (6).

Примите на себя трудъ передать мой усердный поклонъ В. В. Измайлову. Не знаете-ли чего о Дашковѣ?—Если вамъ угодно будетъ удостоить и порадовать меня письмомъ, то напишите его прямо въ ***Пензу***, съ которою ведемъ почтовыя сношенія, хотя и находимся въ Саратовской губерніи.

(5) И. И. Дмитріевъ, по донесеніямъ литературныхъ своихъ лазутчиковъ, зналъ о существованіи подобнаго семейства. Дочь писала стихи, а отецъ для большаго удобства пробилъ въ потолкѣ комнаты своей свободное сообщеніе съ кабакомъ, который находился въ верхнемъ этажѣ. Дмитріевъ намѣревался посѣтить этотъ домъ и лично освидѣтельствовать странную картину.

(6) Рѣчь идетъ о княжнѣ Надеждѣ Петровнѣ, 18-ти лѣтъ умершей и схороненной въ Баденъ-Баденѣ.

II.

С.-Петербургъ, 17 іюня 1830.

Насъ было порадовали надеждою увидѣть здѣсь ваше высокопревосходительство. Кто-то писалъ изъ Москвы, что вы готовите дорожную карету и собираетесь прогуляться въ Ригу и Ревель; но вашъ петербургскій корреспондентъ, Франкъ, сказывалъ мнѣ, что въ послѣднемъ письмѣ своемъ вы ни слова не упоминаете объ отъѣздѣ. И такъ надеждѣ нашей, кажется, не сбыться.

Какъ надежды, такъ и заключенія часто обманчивы. Зная ваше благосклонно-сатирическое мнѣніе обо мнѣ, я увѣренъ, что если и прихожу вамъ иногда на память, то не иначе какъ въ вихрѣ вѣчнаго движенія, увлеченный волною бала, спектакля или обѣда—теперь въ Малой Морской, черезъ часъ на Петергофской дорогѣ, а черезъ два — на Черной рѣчкѣ. Ахъ! Вашими устами-бы медъ пить, или вашими догадками бы веселиться! Но дѣло совсѣмъ не такъ, какъ вы полагаете. Я—домосѣдъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ не выхожу изъ комнаты: правда, для поясненія вамъ загадки, слишкомъ для вас мудреной, прибавить долженъ я: и едва хожу по комнатѣ. Меня вывалили изъ дрожекъ или правильнѣе—повалили съ дрожками на Каменноостровскомъ мосту и зашибли больно лѣвую ногу. Опасности не было и нѣтъ, но была, есть и будетъ еще,—не знаю на долго ли, — скука одиночества и заточенія: довольно и того для моихъ кочующихъ обычаевъ.—Я виноватъ передъ вами, писалъ къ вамъ только однажды, въ письмѣ Карамзиныхъ; но въ письмахъ къ женѣ моей часто были обращенія къ вамъ, и я поручалъ ей сообщать в. в. п-ву все то, что̀ до меня касалось и дѣлалось со мною любопытнаго. Все, что̀ могу прибавить къ тому, есть то, что числюсь въ службѣ, но не скажу еще, что служу, хотя исправляю нѣкоторую должность, а именно производителя дѣлъ въ Коммерческомъ Совѣтѣ. Но тутъ и занятій мало, и средствъ выказаться еще менѣе..... Эта служба

въ родѣ службы П-ва въ Обществѣ Любителей Русской Словесности, съ тою разницею, что мои члены умнѣе его членовъ.... Надѣюсь со временемъ выкарабкаться изъ тины и выплыть на свѣжую воду. Бенкендорфъ мнѣ именно сказывалъ, что государево желаніе есть занять меня службою дѣятельною и видною. Мнѣ обѣщано, что Государь, по возвращеніи своемъ, призоветъ меня къ себѣ. Такимъ образомъ я жду и не лѣзу впередъ, чтобы не показаться слишкомъ нетерпѣливымъ и неумѣреннымъ. Кажется, министръ расположенъ ко мнѣ хорошо, внимателенъ, не смотря на свою холодную сухость; но сблизиться съ нимъ трудно, а въ особенности мнѣ. При всемъ истинно-государственномъ умѣ своемъ, просвѣщенномъ и открытомъ, онъ имѣетъ и слабости тѣснаго самолюбія: одна изъ нихъ—увѣренность, что никто лучше его, никто кромѣ его не умѣетъ писать по русски; что языкъ и слогъ Карамзина не свойственны духу Русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, назначеніе мое, по волѣ Государя въ министерство его было ему нѣсколько не пріятно: онъ видѣлъ во мнѣ русскаго литератора, котораго налагаютъ ему для русской редакціи, какъ будто вслѣдствіе неодобренія бумагъ, у него писанныхъ. Мнѣ сказывали о томъ люди ему приближенные, и самъ онъ повторялъ мнѣ, что пишетъ все обыкновенно самъ, говоря, что никогда другому нельзя передавать вѣрно чужія мысли, а поправлять чужую редакцію труднѣе, чѣмъ составить ее самому (7). Поэтому я опредѣленъ именно въ такое министерство, въ которомъ у меня руки связаны и буду дѣйствовать вопреки способностямъ своимъ. Впрочемъ, творю волю не мою, а волю пославшаго мя. — Между тѣмъ, дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Служба меня не занимаетъ дѣйствительно, а отрицательно, т. е. мѣшаетъ заниматься литературою. Нѣсколько часовъ утра, проведенныхъ ежедневно въ департаментѣ, наводятъ на весь день какую-то тупость въ понятіяхъ и охлажденіе къ умственной дѣятельности. Со временемъ, можетъ быть, и тутъ будетъ благопріятный переломъ, и умъ пріучится дѣйствовать на обѣ руки.

Податель письма сего—Михаилъ Даниловичъ Деларю, нашъ молодой поэтъ и едва-ли не родственникъ, или не свойственникъ вашъ, покрайней мѣрѣ вашъ соволжанинъ. Онъ вамъ будетъ живая грамота о дѣйствіяхъ и бездѣйствіи нашего литературнаго міра. Спросите у него собраніе эпиграфовъ ко всѣмъ русскимъ журналамъ, пріисканныхъ изъ комедіи ***Горе отъ ума.*** Есть между ними довольно забавные, и этотъ документъ годится въ вашу литературную кунстъ-камеру. Вообразите, что на дняхъ объявляютъ мнѣ о пріѣздѣ графа Хвостова, у котораго я отъ роду не бывалъ. Я былъ одинъ и испугался tête à tête: велѣлъ извиниться, ссылаясь на доктора, который перевязывалъ мнѣ ногу. При третьемъ я принялъ бы его непремѣнно. Онъ пріѣзжалъ освѣдомляться о моемъ здоровьѣ. Дѣлать нечего: какъ выздоровлю, надобно будетъ съѣздить къ нему. Старикъ Тесье написалъ въ Москвѣ книгу: Les délices de la convalescence, а мнѣ предстоятъ les tribulations de la convalescence.—Пожалѣвъ о смерти добраго Измайлова, подумалъ я и о вашей грусти. Вы любили его и имѣли въ немъ собесѣдника, съ которымъ можно было вамъ мѣняться не одпѣми словами, а и

---

(7) Графъ Е. Ф. Канкринъ говорилъ по русски съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ и неправильно, но всегда мѣтко и оригинально. Въ преданіяхъ государственнаго совѣта и комитета министровъ хранятся многіе его отзывы и живописныя выраженія. Онъ любилъ употреблять простонародные слова и обороты. Однажды говорилъ онъ: „Теперь, матушка, имѣю важное дѣло на ферстакѣ". Въ другой разъ говорилъ онъ, что много потерялъ здоровья, *сидя пятнадцать лѣтъ на этомъ огненномъ стулѣ министерства финансовъ.* Память о немъ, какъ о знаменитомъ государственномъ человѣкѣ и умномъ и оригинальномъ собесѣдникѣ, останется навсегда близкою Россіи и всѣмъ имѣвшимъ случай быть съ нимъ въ короткихъ личныхъ сношеніяхъ. — Прекрасное изображеніе его начерталъ поэтъ Бенедиктовъ въ стихотвореніи, посвященномъ памяти его. (См. Новыя стихотворенія В. Г. Бенедиктова. Спб. 1856.)

мыслями. Закажите, по данному вами плану, некрологическую статью о немъ Иванчину-Писареву и подарите ею Литературную Газету. Измайловъ (8) оставилъ по себѣ честную память, которую надобно сберечь. Нѣтъ ли у васъ писемъ его, удобныхъ быть напечатанными и приложенными къ некрологіи его? При нынѣшнемъ упадкѣ нравственномъ нашего литтералитета, должно выставлять въ примѣръ и въ пристыженіе имена литераторовъ честныхъ, добросовѣстныхъ и чистыхъ. Покойникъ принадлежалъ къ сему числу; изъ твореній его, можетъ быть, и немногому научишься, но изъ жизни его научишься уважать занятія литературныя и облагороживать свои способности.

Карамзины—въ Ревелѣ; они здоровы, но жалуются на лѣто, которое и здѣсь достойно жалобы и жалости. Въ воздухѣ просто осенняя свѣжесть и суровость. Какъ московское лѣто обходится съ вашимъ садомъ, мягче и вѣжливѣе ли петербургскаго съ дачами, въ которыхъ зябнутъ и мокнутъ?—Дашкова, возмужавшаго или омужавшаго, я еще не видалъ. Любовь и юстиція отбили его отъ старыхъ пріятелей; если онъ и сохранилъ къ нимъ дружбу, то совершенно платоническую. Съ тѣхъ поръ что я боленъ, я его вовсе не видалъ, а и прежде видѣлся съ нимъ только, когда зайду къ нему попросить его о какомъ нибудь дѣлѣ. Предположеніе въ дружбѣ съ министромъ навязываетъ всегда на шею искателей и просителей, требующихъ вашего посредничества. Я отказывать не умѣю и не люблю; берусь быть проводникомъ, а не пружиною, и слѣдовательно за дѣйствіе не отвѣчаю. Дашковъ говорилъ мнѣ прежде о желаніи отпроситься въ отпускъ недѣль на шесть, чтобы повезти молодую свою къ матушкѣ его. Вѣроятно, вы увидите его въ Москвѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. — Я и самъ надѣюсь побывать у васъ въ гостяхъ въ концѣ іюля.—Жуковскій теперь въ Царскомъ Селѣ съ Наслѣдникомъ. Онъ все тотъ же, добръ, чистъ, благодушенъ, какъ истинный ученикъ Карамзина; но для дружбы также потерянъ, т. е. для друзей. Рѣшительно весь день его посвященъ ученію внутреннему или внѣшнему: онъ или учится, или учитъ. Дай Богъ трудамъ его имѣть успѣхъ и дать ему Россіи если не поэму, то Героя поэмы для будущихъ поэтовъ Русскихъ.—Государя ожидаютъ сюда къ 24-му, а вслѣдъ за нимъ Петергофскій праздникъ и обнародованіе, столь давно обѣщанное, новыхъ постановленій и преобразованій государственныхъ и гражданскихъ.—Примите и пр.

P. S. Дашковъ легокъ на поминѣ и совѣсть у него чуткая: онъ какъ нарочно былъ у меня сегодня и опровергнулъ мои обвиненія.

III.

Остафьево. 30 октября, 1830 г.

Нѣсколько разъ просилъ я изъ Москвы вѣстей о в. в. п-вѣ и зналъ, что вы здоровы. Теперь лично напоминаю вамъ о себѣ, чтобы узнать отъ васъ самихъ, какъ выносите и проводите эту горестную годину (9). Вотъ и жаль, что не совершили предполагаемыхъ поѣздокъ въ Ревель и Петербургъ. Вы избѣжали бы печальнаго зрѣлища и тяжкихъ впечатлѣній. Разумѣется, и заочно сердце страждетъ, зная ближнихъ и знакомыхъ въ виду подобной гибели, но все въ отдаленіи имѣешь минуты невольнаго отдыха. Легче идти на приступъ, чѣмъ жить въ осажденномъ городѣ, а Москва теперь точно въ осадѣ у лютаго врага. Слава Богу, кажется, ревность его утихаетъ и опасность уменьшается. И мы тоже живемъ въ осадѣ, окопались рвами, заперли ворота и по счастью, донынѣ врагъ не при-

(8) Влад. Вас. Измайловъ, литераторъ первой карамзинской эпохи. Онъ оставилъ по себѣ Записки, которыя могутъ быть занимательны, по связямъ его съ Карамзинымъ, Дмитріевымъ и другими писателями того времени. — Но гдѣ эти Записки?

(9) Говорится о холерѣ 1830 года.

ступалъ къ границамъ нашимъ. Долго не зналъ я, на что рѣшиться: оставаться ли въ деревнѣ или переѣхать въ городъ; но по разнымъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ избрать предпочтительно первое послѣднему и, слава Богу, пока не имѣю причины раскаяваться. Сначала было очень тяжело; тяжело и нынѣ, особливо же при полученіи московской почты, когда она приноситъ страшные итоги Погодина ([10]); но человѣческая природа не выдерживаетъ долго сильнаго напряженія, нервы въ горести и въ радости растягиваются мало по малу, и за исключеніемъ новыхъ потрясеній, привыкаешь къ своему положенію. Такъ было и со мною. Фонъ Визинъ будетъ обязанъ за свою біографію холерѣ; покрайней мѣрѣ, ревностно занимаюсь ею и, по поводу двухъ комедій его, написалъ большую главу о нашемъ театрѣ или ѳеатрѣ. Боюсь, не слишкомъ ли расписался и разгулялся на просторѣ по пустому мѣсту, ибо театръ нашъ не что иное. Чтобы напитаться стариною нашею, перечиталъ я множество русскихъ книгъ прошлаго столѣтія; дошло дѣло даже и до Тредьяковскаго. Эти чтенія даютъ мнѣ большую охоту написать обозрѣніе русской словесности и выдать Русскую Библіотеку, т. е. выборъ изъ нашихъ стариковъ, которые право были лучше насъ, покрайней мѣрѣ сочнѣе. Въ одномъ Сумароковѣ болѣе мыслей и остроумія, чѣмъ во всѣхъ журналистахъ нашихъ. Изъ него можно бы составить два или три тома весьма любопытныхъ. Не знаете ли вы, есть ли у него комедія, написанная на Эмина? Въ комедіи его *„Ядовитый“* есть лицо Геростратъ, которое должно быть на кого нибудь нацѣлено, и мнѣ сдается, не на Эмина-ли. Онъ говоритъ въ одной сценѣ:

„О Юпитеръ, о Магометъ, о безмолвный пустынникъ Балтійскаго порта!“ ([11])

Что значитъ этотъ пустынникъ?.. Извините меня, что я въ такое время приступаю къ вамъ съ подобными пустяками. Охота пуще неволи. — Отъ Карамзиныхъ получаю добрыя вѣсти: они безпокоятся только о насъ и сострадаютъ Москвѣ. Должно надѣяться, что бѣда минуетъ ихъ. — Что дѣлаетъ литература наша въ эту холерическую годину? Въ числѣ новостей ограничиваюсь убійственною литературою Маркуса и Погодина, а прочаго не читаю. Грѣшно злословить въ нынѣшніе дни; но, Господи прости мое прегрѣшеніе, а Полевому холера съ руки: онъ вѣрно сошлется на заразу въ запоздалости слѣдующихъ томовъ Исторіи. — Знаете ли вы что нибудь о Дашковѣ? Возвратится ли онъ въ Петербургъ, или сидитъ гдѣ нибудь въ засадѣ карантиновъ?

Если в. в. п-во захотите утѣшить меня увѣдомленіемъ о себѣ, то прошу надписать письмо свое *въ Подольскъ въ село Остафьево*. Почта отходитъ изъ Москвы по понедѣльникамъ и пятницамъ.

IV

Декабря 14. 1830. Остафьево.

Поздравляю в. в. п-во съ выздоровленіемъ Москвы. Слышу, что и англійскій клубъ уже ожилъ. Холера прошла или проходитъ; теперь начнетъ свирѣпствовать другая зараза, зараза разговоровъ холерическихъ. Легко понимаю, что съ мнительнымъ воображеніемъ можно будетъ схватить эту болѣзнь за столомъ въ газетной комнатѣ, въ которой весь воздухъ сопрется отъ преній и анекдотовъ князя Г., Яковлева и пр. Ко мнѣ прилетѣлъ уже въ ковчегъ воронъ послѣ потопа, — Телеграфъ, котораго я давно не видалъ. Онъ все въ своемъ допотопномъ положеніи. А каково кажется вамъ запрещеніе Лите-

([11]) *М. П.* Погодинъ издавалъ московскіе бюллетени, во время холеры. Въ Чертковской библіотекѣ хранятся эти выходившія листками «Вѣдомости о состояніи города Москвы,» всего 160 номеровъ съ 27 сент. 1830 по 6 янв. 1831.

([10]) Есть преданіе, что Эминъ, находясь въ плѣну у Турокъ, принялъ магометанство.

ратурной Газеты? По журнальному достоинству она подлежала выговору, но въ политическомъ отношеніи была совершенно невинна. И какая несообразность! Имѣть цензуру и вмѣстѣ съ нею налагать отвѣтственность на авторовъ! То вдругъ отрѣшить цензора, то отрѣшить газету! Есть ли послѣ того возможность писать, не имѣвъ духа быть Б...., который рѣшительно казнитъ и милуетъ кого угодно? И какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра просвѣщенія — Блудовъ, а не какой нибудь Фотій, когда ни тотъ ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона, или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Государь уважилъ бы истину, если бы кто раскрылъ ее предъ нимъ. Но всѣ молчатъ. Не даромъ сказалъ мой Ф. Визинъ: „Тутъ нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ.“ Грустно тѣмъ болѣе, что не предвидишь никакаго исцѣленія. Впрочемъ, что и говорить о паденіи Литературной Газеты, когда общее землетрясеніе ставитъ вверхъ дномъ всю Европу ([12]). Какой будетъ этому конецъ? А пока не хорошо! Между тѣмъ я подъ шумомъ взрывовъ волкановъ политическихъ и паденій газетъ и царствъ, дописываю въ тишинѣ своего Ф. Визина. Завтра при помощи Божіей допишу послѣднюю главу. Тутъ стану исправлять, переписывать на бѣло и въ скорости надѣюсь представить вамъ на судъ.

V

Спб. 13 апрѣля 1832.

Я все выжидалъ случая, какъ бы письму моему явиться къ в. в. п-ву не съ пустыми руками. Вотъ оно и передаетъ вамъ подарокъ отъ Пушкина. Хотя я во все это время и не имѣлъ чести писать лично къ вамъ, но надѣюсь, что изъ писемъ моихъ къ женѣ и къ Тургеневу вы видѣли, какъ память и преданность мои неизмѣнно вѣрны вамъ. Отпускаемъ къ вамъ своихъ дорогихъ Москвичей, которые пораскажутъ о нашемъ петербургскомъ житьѣ-бытьѣ. Хорошо, если заслушались бы вы и пріѣхали смотрѣть сами на то, что̀ у насъ дѣлается, если что̀ и дѣлается. На первый случай рекомендую вамъ новую книжную лавку — Смирдина, первую европейскую лавку съ русскими книгами. Въ ней не темно, не холодно, не сыро и не грязно: говорю не въ литературномъ отношеніи. Вездѣ — красное дерево, бронза, все такъ нарядно, такъ блеститъ, что русскимъ книгамъ должно быть совѣстно тутъ. Поневолѣ вспомнишь стихъ Крылова.....

Объ обѣдѣ для новоселья, на которомъ журналисты перепились пьяные и за который потомъ въ журналахъ передрались, говорить не стану. Увидимъ, какова будетъ *дижестія* этого обѣда, т. е. альманахъ, который обязались мы поставить въ благодарность за хлѣбъ соль. Здѣсь есть довольно много движенія въ литературѣ, но движенія безъ дѣятельности и дѣйствія. Смирдинъ, сказываютъ, снимаетъ Сѣверную Пчелу и Сынъ Отечества и даетъ за право прежнимъ откупщикамъ по 60 или 50 тысячъ ежегодно. — Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя не объявленное Правительствующимъ Сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни — люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ единаго Полеваго, злоумышленники. — Вы, вѣрно, пожалѣли о прекращеніи „Европейца„ послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу вышеупомянутаго узаконенія. Всѣ усилія благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ людей, желавшихъ доказать, что въ книжкѣ „Европейца“ нѣтъ ничего революціоннаго, остались безуспѣшны. „Въ напечатанномъ, конечно, нѣтъ ничего возмутительнаго, говорили въ отвѣтъ, но тутъ надобно читать то, что̀ не напечатано, и вы тогда ясно увиди-

([12]) Французская іюльская революція.

те злые умыслы и революцію какъ на ладони.„ — Противъ такой логики спорить нечего. Здѣсь, говорятъ, что Уваровъ будетъ товарищемъ министра просвѣщенія, а другіе — и министромъ. Не знаютъ: радоваться ли тому..... Чего бы лучше Блудова на это министерство? — Хомяковъ читалъ намъ свою трагедію "Дмитрій Самозванецъ", продолженіе и въ родѣ трагедіи Пушкина, но въ ней есть болѣе лирическаго. Вообще произведеніе очень замѣчательное и показывающее зрѣющій талантъ автора. Онъ отдаетъ ее въ печать, и кажется она уже вышла изъ когтей цензуры съ немногими царапинами. Совѣтую вамъ выписать новое сочиненіе Сальванди „la Révolution et les Révolutionnaires", второе изданіе: въ первомъ дается отчетъ въ 16 мѣсяцахъ, въ другомъ добавленномъ изданіи уже въ 20. Здѣсь его нѣтъ въ продажѣ, а то поспѣшилъ бы я доставить къ вамъ. Въ немъ живо и горячо описывается состояніе нынѣшней Франціи. — Политическихъ новостей здѣсь нѣтъ: всѣ глаза выпучены на Бельгію и на Анкону и ожидаютъ, чѣмъ они разрѣшатся. Я думаю, мышью. — Aurons nous la paix ou la guerre? спрашивали у Талейрана: Ni l'une ni l'autre — отвѣчалъ онъ. И сей отвѣтъ удивительно вѣрно характеризуетъ нашу эпоху. Главное политическое событіе въ Петербургѣ есть запрещеніе азартныхъ игръ: этою мѣрою усилилась оппозиція. И старикъ Румянцовъ того и смотри займетъ у насъ мѣсто старика Лафайета ([13]). Вижу довольно часто Блудова и рѣдко Дашкова, который самъ никуда не ѣздитъ и принимаетъ къ себѣ только въ означенные дни. Жуковскій, разумѣется, все тотъ же. Жаль, что здоровье его опять портится, судя по желтому лицу его. — Всѣ ваши знакомые ожидаютъ васъ весною сюда. Право, прогуляйтесь къ намъ. Угостимъ васъ, какъ только умѣемъ и можемъ. Въ ожиданіи пріятнаго событія надеждъ нашихъ, имѣю честь и пр.

VI.

С. П-бургъ. іюня 3, 1832.

Позвольте мнѣ поднести в. в. п-ву въ подарокъ картинку, которая вѣроятно вамъ полюбится. По крайней мѣрѣ купилъ я ее въ надеждѣ, что и она займетъ мѣстечко на одной изъ *разнообразныхъ* вашихъ стѣнъ. Не проглядите только привидѣнія и отыщете его между деревьями ([14]). Вотъ и лѣто на дворѣ, или по крайней мѣрѣ въ календарѣ, а у насъ такой холодъ, что сущая осень; но не менѣе того настала обыкновенная пора вашихъ путевыхъ предположеній и, судя по письму вашему къ Екатеринѣ Андреевнѣ, есть нѣкоторыя вѣроятности и въ пользу Петербурга. Милости просимъ! Карамзины уже отправились въ Ревель и приказали сказать вамъ, что будутъ сидѣть у моря и ждать васъ. Въ августѣ отправятся они въ Дерптъ. Вообще нашъ кругъ рѣдѣетъ. Жуковскаго здоровье такъ плохо, что рѣшеніемъ медиковъ, присланныхъ къ нему на совѣщаніе отъ Императора, положено ему ѣхать въ Эмсъ, а на зиму въ Италію, или въ южную Германію. Не смотря, что жаль разстаться съ нимъ на годъ, но я перекрестился отъ радости и разцѣловалъ доктора Арендта, когда узналъ, что дѣло рѣшено. Все это время Жуковскій истинно сокрушалъ насъ болѣзненнымъ лицомъ своимъ. Постоянное кровотеченіе совершенно изнурило его и угрожаетъ водяною. Онъ бѣлъ, желтъ и прозраченъ какъ воскъ. Духъ его былъ также въ разительномъ упадкѣ. Дай Богъ, чтобы вре-

([13]) Графъ С. П. Румянцовъ, умный, образованный и любезный вельможа екатерининской эпохи, имѣлъ по временамъ страсть, какъ будто запоемъ, къ игрѣ. Въ пріѣзды свои въ Москву онъ иногда по нѣскольку дней запирался въ своемъ домѣ съ извѣстными капитальными игроками и проигрывалъ имъ баснословныя суммы.

([14]) Не говорится ли здѣсь о картинкѣ, которая представляла видъ св. Елены съ тайнымъ или по крайней мѣрѣ непримѣтнымъ на первой взглядъ изображеніемъ Наполеона?

мя не ушло и вòды могли бы помочь ему. Тургеневъ также пускается странствовать по бѣлому свѣту, не зная, гдѣ бросить якорь свой за разными холерными и политическими карантинами, разставленными вдоль и поперекъ Европы. На подставу возвратился къ намъ Михаилъ Вьельгорскій, нимало не измѣнившійся въ трехлѣтнее отсутствіе, хотя и выучился языкамъ греческому и еврейскому и окурился германскою философіею. Но всѣ эти пріобрѣтенія не подавили собственности его, и онъ попрежнему милъ, любезенъ и добрый пріятель. Здѣсь есть еще замѣчательный гость: Поццо ди Борго, но я еще не встрѣчалъ его и даже не слыхалъ о немъ ничего особеннаго и животрепещущаго. — Городскія гостинныя уже закрыты, а сельскія за холодомъ еще не растворены, и такимъ образомъ люди не сходятся, и движеніе общежитія пока въ оцѣпенѣніи. Впрочемъ, Петербургъ такой глухой городъ, что не скоро дождешься въ немъ эха. Здѣсь на дѣлѣ сбывается извѣстная шутка иностранца, что въ Россіи рѣчи мерзнутъ въ воздухѣ; по крайней мѣрѣ—умныя. Въ литературномъ мірѣ, за исключеніемъ обѣщаннаго позволенія, даннаго Пушкину — издавать газету и съ политическими извѣстіями, нѣтъ ничего новаго. Но и это—важное событіе, ибо подрываетъ журнальный откупъ, снятый Гречемъ и Булгаринымъ. Желая воскресить для васъ А. Е. Измайлова, сообщу вамъ одинъ анекдотъ о графѣ Хвостовѣ. Онъ публично упалъ и растянулся на землѣ, на Елагинскомъ гуляньѣ, садясь въ коляску свою. Жена завизжала, и весь народъ бросился смотрѣть его и слушать ее; но все обошлось безъ бѣды, и графа подняли, какъ ни въ чемъ не бывало. Приключеніе это, вѣроятно, будетъ воспѣто самимъ Хвостовымъ. Былъ и другой случай подъ деревомъ въ Лѣтнемъ саду. За неимѣніемъ Измайлова неугодно ли будетъ в. в. п-ву предложить этотъ сюжетъ сосѣду вашему Неѣлову ([15]). Впрочемъ, бѣдный Хвостовъ жалокъ; онъ такъ дряхлъ и разслабъ, что недолго осталось ему публично падать, писать и...

Молодое министерство наше хвораетъ, т. е. не нравственно и не политически, а просто — тѣлесно. Блудовъ и Дашковъ — не здоровы. Перваго я видѣлъ, онъ простудился; другаго мало видишь и здороваго, а о больномъ и говорить нечего. Онъ, я думаю, хотѣлъ бы заочно показывать и языкъ свой доктору, если можно. Всѣ общіе друзья наши свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, а здѣсь остающіеся приглашаютъ васъ въ гости. Получили-ли вы отъ Беллизара нѣсколько изъ новопривезенныхъ книгъ? Есть между прочимъ и довольно замѣчательныя, хотя ультра-романтическая литература, т. е. уголовная, тюремная, лобная и циническая, овладѣла почти всѣми типографическими станками. Есть книга: La pile de Volta, recueil d'anecdotes violentes, publiées par un partisan de la litterature galvanique. Книга пустая, но заглавіе очень хорошо, а эпиграфъ еще лучше: Vous voulez des secousses nerveuses, vous en aurez. И въ самомъ дѣлѣ, книга, которую не нужно запивать гофманскими каплями, теперь не произведетъ никакого дѣйствія.

VII.

С-пб. 19 іюля 1832.

Я былъ тронутъ живѣйшимъ чувствомъ благодарности, получивъ обязательное письмо в. в. п-ва — лестное и драгоцѣнное свидѣтельство вашего вниманія и заочнаго дружескаго благорасположенія къ Остафьевскому имениннику, ибо, когда меня и нѣтъ, я все таки именинникъ въ одномъ Остафьевѣ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы то ни было, я — просто безыменный. Тамъ сердце, память и всѣ чувства души даютъ какой-то особенный смыслъ Петрову дню и смыслъ *непереводимый*, во всѣхъ

([15]) Сергѣй Алексѣевичъ Неѣловъ извѣстенъ былъ въ свое время острыми шутками и забавными стихами, въ родѣ тѣхъ, коими позднѣе прославился Мятлевъ.

отношеніяхъ этого слова. Ни на какой языкъ и никакъ съ мѣста его не переведешь. Сколькихъ уже нѣтъ, которые праздновали съ нами этотъ день; изъ живыхъ — какъ многихъ судьба разбросала и растасовала; кого вверхъ, кого внизъ, а все разрознила.—Отъ Жуковскаго и маленькаго Гримма-пилигрима(16) имѣли мы извѣстія изъ Любека. Они доплыли благополучно, хотя плыли съ трудомъ и опасностью. Погода была довольно крутая. Теперь и они разъѣхались, каждый въ свою сторону. Жуковскій на морѣ чувствовалъ себѣ бодрѣе и здоровѣй, по крайней мѣрѣ кровь остановилась. Хорошо, что успѣлъ онъ во время убраться. Холера сильно свирѣпствуетъ въ Любекѣ, и вѣроятно пароходное сообщеніе съ Петербургомъ на время прекратится. Холера разнеслась и по водамъ, между прочимъ въ Теплицѣ, а какъ слышно—и въ Карлсбадѣ. Видно, никому не миновать ея. Беллизаръ сказывалъ мнѣ, что онъ вамъ постоянно пересылаетъ замѣчательныя новости. Авось, не доставилъ онъ еще слѣдующей, и мой гостинецъ не опоздаетъ. Это — письма молодаго кн. Мещерскаго, сына Синодальнаго и письма нѣсколько синодскія, а съ другой стороны много ребяческаго жара и болтовни, много самохвальства, не только патріотическаго, которое извинительно и даже увлекательно, когда оно поддержано дарованіемъ, но много самохвальства личнаго и вовсе не приличнаго. Признаюсь, излишній патріотизмъ и въ самомъ эпиграфѣ. Выходя на бой съ Европою, смѣшно взять Шаховскаго герольдомъ своимъ, смѣшно имѣть союзникомъ себѣ и Mr. Masclet (17). Съ ними не далеко уйдешь и никого не испугаешь. Впрочемъ, книгу все прочесть можно съ любопытствомъ и съ желаніемъ автору болѣе зрѣлости въ мысляхъ, ибо благонамѣренность одна въ подобныхъ случаяхъ недостаточна. Испанская пословица говоритъ, что *адъ вымощенъ благими намѣреніями*. Что въ нихъ, когда они разряжаются промахами! Намъ обѣщаютъ новую оду Хвостова на сооруженіе колонны, которое послѣдуетъ 30 августа. Вотъ, в. в. п-во, пріѣзжайте на этотъ праздникъ, т. е. не на оду, а на колонну. Въ Ревель уже вамъ ѣхать не за чѣмъ, по крайней мѣрѣ не застанете болѣе тамъ Карамзиныхъ. 20 нынѣшняго мѣсяца выѣзжаютъ они въ Дерптъ. Молодой или будущій газетчикъ занятъ своею беременностію. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что-нибудь новорожденному на зубокъ.—Смирдинъ замышляетъ новое изданіе Исторіи Россійской. А что дѣлаетъ кривой романистъ и слѣпой историкъ? Здѣсь говорили, что онъ будетъ въ числѣ депутаціи, которая отправляется изъ Москвы благодарить государя отъ лица купечества.

VIII.

Спб. 17 сент. 1832.

Благодѣтельное пособіе в. в. п-ва бѣдному Реуту (18) пришло въ самую пору и послужило ему добрыми проводами въ дальній путь. Онъ вскорѣ послѣ того и скончался. Извините меня, что извѣщаю васъ поздно о немедленномъ исполненіи порученія вашего. Я и самъ былъ боленъ и озабоченъ разными хлопотами; теперь при мертвой буквѣ посылаю вамъ

(16) Гриммомъ-пилигриммомъ называли Александра Ивановича Тургенева; сперва Дмитріевъ прозвалъ его маленькимъ Гриммомъ по сходству его съ извѣстнымъ Гриммомъ, который хотя и нѣмецкаго происхожденія, а въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія былъ французскимъ критикомъ, французскимъ литературнымъ корреспондентомъ высочайшихъ особъ, литературнымъ вѣстовщикомъ, которому были извѣстны многія закусныя тайны и сплетни. Позднѣе, когда Тургеневъ оставилъ Петербургъ и началъ разъѣзжать по Европѣ, пріятели къ первому прозванью его Гримма прибавили слово: Пилигримъ

(17) Масле (Masclet) женатъ въ Москвѣ на вдовѣ Ржевской, въ литературѣ извѣстенъ переводомъ басенъ Крылова.

(18) Реутъ — Полякъ, переводчикъ на польскій языкъ нѣкоторыхъ стихотвореній Дмитріева.

и живую граммату—поэта Пушкина и будущаго газетчика. Благословите его на новое поприще. Авось съ легкой руки вашей одержитъ онъ побѣду надъ врагами ада, т. е. Телеграфа, зажметъ ротъ Пчелѣ и прочиститъ стекла Телескопу. Новостей политическихъ и литературныхъ сообщать вамъ нечего, если и есть онѣ: Rome n'est plus dans Rome, elle est toute à Moscou. Царь и Пушкинъ у васъ, политика и литература воцаренныя. Теперь Петербургъ—упраздненный городъ, и за неимѣніемъ новостей вчера распустили было слухъ, что умеръ Хвостовъ, но, благодареніе Фебу, онъ еще здравствуетъ. Изъ Дерпта получаю довольно частыя извѣстія. Андрей и Александръ уже студенты. По части ученія, Екатерина Андреевна, кажется, довольна своимъ пребываніемъ въ Дерптѣ; но впрочемъ ей все еще не по себѣ и дико въ этой новой и привычкамъ ея совершенно чуждой атмосферѣ. На сыновей своихъ смотрѣла она донынѣ, какъ на дѣтей, а теперь видитъ въ нихъ юношей на поприщѣ, извѣстномъ намъ легендами преподобнаго Языкова. Крутой переходъ, нечего сказать, особенно же для матери, какова она. Ce fil que je tenais jadis dans mes mains, пишетъ она мнѣ, et au bout duquel je croyais que mes fils se trouvaient, ici m'échappe continuellement, ou se rompt souvent; si j'étais sûre, que ce n'est pas mal pour eux, je serais tout de suite tranquille et calme, mais c'est cette incertitude qui est si pénible pour moi...... Опасенія и волненія материнскія понятны, но должно надѣяться, что все обойдется хорошо и кончится къ лучшему. Во всякомъ случаѣ она исполняетъ обязанность и волю отцовскую. Карамзинъ всегда желалъ, чтобы сыновья его окончили свое образованіе въ германскомъ или въ дерптскомъ университетѣ. Сыновьямъ Карамзина мало имѣть обыкновенное воспитаніе, имъ нужно явиться въ свѣтъ и съ Карамзинскимъ образованіемъ.—Мы въ это послѣднее время часто говорили съ Пушкинымъ о необходимости жизнеописанія Карамзина. Это совершенно дѣло ваше, по сердцу, по уму, по обстоятельствамъ; это необходимое пополненіе собственныхъ вашихъ Записокъ, вторая половина жизни вашей. Вся жизнь Карамзина слилась съ вашею, и память ваша—одно ея живое хранилище. Какъ вы знаете его, такъ никто не знаетъ. Если вы уже не хотите приступить къ труду полному и дѣльному, то передайте по крайней мѣрѣ мнѣ изъ памяти своей біографическіе матеріалы, т. е. сокровища, которыя имѣете вы одни, и я подъ руководствомъ вашимъ буду приводить ихъ въ единство. Вы когда-то дозволили мнѣ предложить вамъ вопросы о жизни Николая Михайловича; если уже никакъ не согласитесь написать отъ себя біографическія записки о немъ, то повторяю просьбу мою о дозволеніи представить вамъ нѣкоторые пункты для поясненія. Время уходитъ, и мы уходимъ. Многое изъ того, что видѣли мы сами, перешло уже въ баснословныя преданія, или и вовсе поглощено забвеніемъ. Надобно сдавать свои драгоцѣнности въ сохранное мѣсто.

О Жуковскомъ послѣднія вѣсти были довольно утѣшительны. Онъ поправляется въ здоровьѣ своемъ. Теперь долженъ онъ уже быть въ Италіи. Отъ Гримма-пилигрима имѣли мы также извѣстія изъ Германіи, а на зиму собирается и онъ въ Италію. На дняхъ Д. Н. Блудовъ имѣлъ легкой припадокъ холерины, которая хотя и не сильно, а все копышется здѣсь въ народѣ. До нынѣшняго времени перевалила она человѣкъ 700, изъ коихъ болѣе половины умерло. Д. В. Дашковъ одержимъ все тѣмъ же припадкомъ невидимости. По крайней мѣрѣ онъ и тутъ, какъ Юстиція, нелицепріятенъ, потому что равно всѣ жалуются на недоступность его—и пріятели, и недоброжелатели.

Посылаю в. в. п-ву въ гостинецъ историческую щепку изъ подмостка, разодраннаго колонною, когда тащили ее и ставили. Я самъ взялъ эту добычу по горячимъ слѣдамъ колонны. Вьельгорскій свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Онъ скоро ожидаетъ жену свою.

IX.

Дек. 31 г. 1832.

Приношу в. в. п-ву съ истекающимъ годомъ и съ поздравленіями на будущій повинную голову мою, или правильное сказать, повинную руку (но невинное сердце) за долгое и невольное молчаніе. Вы требуете собственноручнаго свидѣтельства отъ меня въ моемъ настоящемъ званіи: согласно требованію вашему, клянусь вамъ въ полномъ умѣ и въ совершенномъ здоровьѣ тѣла и духа, что точно я нижеподписавшійся—*исправляющій должность вице-директора департамента внѣшней торговли*, и тѣмъ болѣе могу васъ въ томъ удостовѣрить, что по милости Божіей приходилось мнѣ въ иное утро подписываться въ томъ до 400 разъ и болѣе. Послѣ того нельзя не вѣрить тому и не затвердить этой истины, отъ которой иногда зарябитъ у меня въ глазахъ и такъ надоѣстъ мнѣ имя мое, что для роздыха и разлеченія радъ бы вмѣсто *князя Петра Вяземскаго* написать: *графъ Димитрій Хвостовъ*. Для полной очистки старыхъ дѣлъ, лежащихъ на совѣсти моей, спѣшу также довести до свѣдѣнія вашего порученіе, давно на меня возложенное. Вотъ что маленькій Гриммъ писалъ ко мнѣ изъ Венеціи: „Я давно сбирался попросить тебя дать знать И.И.Дмитріеву, что я очень огорченъ его холодностію въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Москвѣ и что если я виноватъ, то невинно, и потому ему легко простить мнѣ и любить меня по старому.“

Прошу покорнѣйше сообщить мнѣ заключеніе ваше по этой аппелляціи для передачи по принадлежности.—Жуковскій остался на зиму въ Швейцаріи, не столько по необходимости, сколько изъ предосторожности. Ему болѣе всего нуженъ покой, нужна неподвижность, а онъ боялся, что въ Италіи не усидитъ на мѣстѣ, захочетъ видѣть то, другое и десятое, и слѣдовательно утомится. Скуку охранительную предпочелъ онъ дѣятельному удовольствію и, какъ ваша Мышь зарылся въ сыръ, но только не голландскій, а швейцарскій. Теперь болѣе прежняго должно ему заботиться о здоровьѣ своемъ, и должно намъ всѣмъ желать ему здоровья, ибо вѣроятно генералу Мердеру нельзя будетъ продолжать служеніе свое при Цесаревичѣ. Онъ очень разстроенъ въ здоровіи своемъ, и полагаютъ въ немъ аневризмъ въ сердцѣ, или другую болѣзнь въ сердцѣ, мучительную и опасную, такъ что при каждомъ припадкѣ ея сомнѣваются въ жизни его. На время, мѣсто его заступилъ генералъ Кавелинъ, бывшій адъютантъ Государя еще тогда, когда былъ онъ великимъ княземъ, а нынѣ директоръ пажескаго корпуса. Всѣ очень жалѣютъ о Мердерѣ, заслужившимъ общее уваженіе и общую довѣренность.—Новостей никакихъ нѣтъ, кромѣ газетныхъ. Урны крестовъ, лентъ, чиновъ, наградъ еще покрыты тьмою. Что̀ скажетъ завтра, а пока лихорадка желаній, страховъ и надеждъ колотитъ православный народъ. Урна европейской политики, не смотря на многіе признаки, содержитъ вѣроятно болѣе бѣлыхъ шаровъ мира, нежели черныхъ шаровъ войны. Франція, кажется, успокоивается, и нынѣшнее министерство овладѣло обстоятельствами, по крайней мѣрѣ на эту сессію. Это все таки залогъ спокойствія, потому что Франція настоящій ящикъ Пандоры. Урна же русской литературы—полупустой штофъ съ какою-то настойкой альманаховъ, романовъ и тому подобныхъ специй. Ожидать хорошаго нечего. Имѣю честь рекомендовать на будущій годъ призрѣнную много питомицу, Коммерческую Газету, въ которой послѣдуютъ нѣкоторыя преобразованія и, если Богъ и добрые люди помогутъ, нѣкоторыя улучшенія.

Дашковъ по старому: друзья видятъ его развѣ тогда, когда онъ приснится имъ. Блудовъ по старому же многообразенъ и на все поспѣваетъ: министерствовать, ѣздить, говорить. Всѣ имъ очень довольны. Карамзины довольно благополучно проживаютъ въ Дерптѣ.

X.

Спб. 2 февр. 1833.

Баронъ Розенъ, издатель Альціоны, просилъ меня представить альманахъ его патріарху нашей словесности, и я поспѣшаю исполнить порученіе его. Вы тутъ найдете мою стихотворную карикатуру ультра-романтическую, написанную для шутки и съ умысломъ поддѣлаться подъ нѣкоторыхъ французскихъ поэтовъ новѣйшей школы. Полевой не понялъ всего этого и критикуетъ меня вправду ([19]). Я еще не имѣлъ чести принести в. в. п-ву благодареніе мое за письмо ваше отъ 5 января. Я получилъ его больной, въ постелѣ и въ расправѣ у гриппы, которая продержала меня довольно долго. А вы избѣжали-ли инфлуенціи ея? Здѣсь перебрала она всѣхъ поголовно. Смертныхъ случаевъ было очень немного, но были однакоже и жертвы. Вы безъ сомнѣнія уже знаете о знаменитомъ законодательномъ засѣданіи государственнаго совѣта. Государь говорилъ, сказываютъ, много и хорошо и предсѣдательствовалъ или предводительствовалъ засѣданіемъ съ большимъ искусствомъ, т. е. если не именно предсѣдательствомъ (потому что все таки князь Кочубей сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ), то по крайней мѣрѣ дѣломъ. Вчера Государь былъ опять въ совѣтѣ; читали манифестъ, который будетъ обнародованъ предъ выпускомъ въ свѣтъ приготовленнаго Свода Законовъ. Не имѣю еще никакого свѣдѣнія о вчерашнемъ засѣданіи. Рескриптъ, на имя Сперанскаго послѣдовавшій, написанъ Блудовымъ. А между тѣмъ Блудовъ былъ въ числѣ и въ весьма маломъ числѣ тѣхъ, которые, при разсужденіи о приведеніи въ законное дѣйствіе Свода, явили нѣкоторую оппозицію и настояли, чтобы Сводъ сей не былъ безъ предварительнаго испытанія облеченъ законною силою. Впрочемъ рескриптъ сей какъ ни лестенъ, но все самый образъ пожалованія Сперанскаго андреевскимъ кавалеромъ еще былъ для него лестнѣе, ибо онъ посвященъ въ рыцари на мѣстѣ сраженія и изъ рукъ Государя, который въ самое засѣданіе отколодъ съ себя звѣзду и надѣлъ на него.—Въ самое то время, какъ я собирался составить, съ позволенія вашего, біографическіе вопросы о Карамзинѣ, явился ко мнѣ Перевощиковъ, бывшій Казанскій, а послѣ Дерптскій профессоръ, и сказалъ мнѣ о намѣреніи своемъ написать жизнь Николая Михайловича и обозрѣніе сочиненій его. Вотъ вопросы, мнѣ имъ представленные. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны своею *простосердечностію*. Не угодно ли будетъ вамъ просмотрѣть ихъ и отвѣчать на тѣ, которые покажутся вамъ достойными вниманія и отвѣта? Во всякомъ случаѣ благосклонный трудъ вашъ пригодится и мнѣ. Перевощиковъ ума не очень остраго и глубокомысленнаго, но литературные труды его не безъ достоинства. Біографическіе матеріалы его къ жизнеописанію Ломоносова, помѣщенные когда-то въ Вѣстникѣ Европы Каченовскаго, сколько помнится мнѣ, собраны съ благоразуміемъ и знаніемъ. Но вообще онъ заслуживаетъ ободренія вашего въ трудѣ, который нынѣ предпринимаетъ, по уваженію и глубокой преданности къ памяти Карамзина. Я осмѣлился поручиться за васъ, что вы по возможности не откажите ему въ пособіяхъ и будете содѣйствовать его благонамѣренному предпріятію. Онъ готовъ предаться совершенно руководству вашему и повергнуть трудъ свой сужденію людей, бывшихъ въ короткихъ сношеніяхъ съ Карамзинымъ. Во всякомъ случаѣ трудъ его не будетъ помѣхою моему, и я охотно даю ему шагъ предо мною. Неизвѣстно еще, когда приступлю я къ дѣлу, а онъ уже готовъ приступить. По крайней мѣрѣ будетъ нѣчто полное о Карамзинѣ, и долгъ народной благодарности будетъ отчасти уплаченъ. Къ тому же при добрыхъ совѣтахъ и внимательномъ надзорѣ за сочиненіемъ, можно надѣяться,

([19]) Рѣчь идетъ о стихотвореніи «Порученіе въ Ревель», данное молодому Николаю Николаевичу Карамзину. (Въ Дорогѣ и дома, стр. 22).

что оно будетъ имѣть нѣкоторое литературное достоинство. — Я имѣлъ случай передать на дняхъ порученія ваши Жуковскому и маленькому Гримму. Семейство мое свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе, въ которомъ и я, какъ глава семейства, главный участникъ.

XI.

Спб. мая 10, 1833 г.

К. С. Сербиновичъ будетъ имѣть честь вручить в. в. п-ву сіи строки. Онъ безъ сомнѣнія давно извѣстенъ вамъ по имени, по преданности его къ семейству Карамзиныхъ и по довѣренности и уваженію къ нему покойнаго Николая Михайловича, при которомъ находился онъ чиновникомъ, такъ сказать, по особымъ порученіямъ историческимъ. Довольно и этого, чтобы расположить васъ въ пользу новаго знакомца, потому и не стану болѣе ходатайствовать о милостивомъ пріемѣ. — Приношу живѣйшую благодарность мою за письмо ваше, вчера полученное. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ вашимъ о предъявленномъ вамъ([20]) вопросителѣ. Главное достоинство его въ томъ, что онъ честный литераторъ. Грустно признаться, а мы доживемъ или дожили до того, что про литератора, какъ про лакея, можно сказать въ похвалу, что такой-то не пьяница и проч. — Впрочемъ, дѣло не въ вопросахъ, а въ отвѣтахъ. Напишите ихъ, а этотъ кладъ уже не пропадетъ. Что вы знаете о Николаѣ Михайловичѣ, того никто не знаетъ. Никогда не прощу себѣ, что я не былъ въ Москвѣ вашимъ тайнымъ письменнымъ шпіономъ для потомства, вашимъ Ласкарисомъ. Сколько бы сокровищей было теперь въ моемъ меморіалѣ! Да то и бѣда, что Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Спохватился да поздно. Теперь и радъ бы записывать разговорныя достопамятности, но записывать нечего. — Радуюсь вашимъ сборамъ, но, признаюсь, не очень имъ довѣряю. Поспѣшите пріѣхать полюбоваться выставкою. Есть на что посмотрѣть. На дняхъ Царь и Царица угощали во дворцѣ обѣдомъ всѣхъ нашихъ православныхъ бородачей, фабрикантовъ и промышленниковъ. Было человѣкъ 400, поболѣе. Государь сегодня въ ночь выѣзжаетъ осмотрѣть войска въ Ригѣ, Динабургскую крѣпость и возвратится въ концѣ мѣсяца чрезъ Ревель моремъ. Жена моя въ Дерптѣ, куда отправилась на другой день по полученіи извѣстія о смерти бѣднаго Николиньки. Она нашла Екат. Андреевну здоровую, твердую, трогательно-покорную, какъ и должно было ожидать, зная ее, но глубоко уязвленную несчастіемъ своимъ. Тяжело ей будетъ пребываніе въ Дерптѣ, и не знаю, на что рѣшится она. На лѣто переѣхали они въ загородный домъ, въ верстѣ съ чѣмъ-то отъ города. Мещерская такъ и выѣхала изъ Петербурга, не зная о несчастіи своемъ. Мужъ хотѣлъ сказать о томъ ей дорогою, подъѣзжая къ Дерпту. Она была въ такомъ ослѣпленіи, въ такой недогадливости о несчастіи своемъ, что точно было больно пробудить ее и открыть ей глаза. Къ сожалѣнію моему, до сентября и думать не могу ѣхать повидаться съ ними. — Я на дняхъ получилъ очень милое письмо отъ Сѣверина, къ которому пересылалъ я нѣсколько писемъ для Жуковскаго. Онъ, кажется, довольно скучаетъ своимъ швейцарскимъ пастушествомъ и буколико-дипломатическимъ мѣстомъ. Вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ въ письмѣ о васъ и Карамзиныхъ: „Увѣрь ихъ и „Ивана Ивановича, что въ чувствахъ „любви моей къ нимъ, почтенія, приз„нательности никогда не было и не бу„детъ перемѣны.“ — Я въ искренности словъ его увѣренъ, но онъ раздраженъ обстоятельствами, сперва слишкомъ благопріятными, теперь черезъ чуръ противуположными, покрайней мѣрѣ по сравненію съ другими. И онъ никакъ не можетъ управиться съ судьбою своею, которая его то пучила (хотя и не физи-

([20]) См. письмо X-е.

чески), то теперь сушитъ. Жуковскому лучше. Онъ, въ ожиданіи ***поры питейной***, прокатался по Италіи, т. е. долженъ былъ взглянуть на Неаполь и на Римъ. Въ реэстрѣ гостинцевъ, высылаемыхъ Тургеневымъ въ Россію, значится между прочимъ: „маленькая „головка, найденная мною въ Пестумѣ „на мраморѣ, найденномъ въ Тускулу„мѣ,—отослать къ И. И. Дмитріеву на „память о Гримушкѣ."—Ни гостинцевъ, ни головки еще нѣтъ. Едва осталось мнѣ мѣсто, чтобы на скоро и не очень шаркая проститься съ в. в. п-мъ и засвидѣтельствовать вамъ чувство душевнаго почтенія и неизмѣнной преданности.

XII.

Спб. 14 авг. 1833.

Сердечно обрадовался я доброй вѣсти о вашемъ благополучномъ возвращеніи къ московскимъ пенатамъ и приношу живѣйшую благодарность в. в. п-ву за обязательное письмо, коимъ вы меня о томъ извѣщаете. Надѣюсь, что сей счастливый походъ дастъ вамъ охоту совершить и другой на будущій годъ. Надобно вамъ пользоваться бодрою старостью вашею — въ добрый часъ молвить, а въ худой промолчать — и дать друзьямъ вашимъ вкушать отъ цвѣта и плодовъ ума вашего вѣчно-юнаго. Могу увѣрить васъ, что вы оставили въ насъ живѣйшее и пріятнѣйшее впечатлѣніе. Наши отношенія всѣ такъ подъ №, разговоры наши такіе протоколы, мы всѣ такія оффиціальныя лица, что право обдаетъ душу и умъ свѣжестью и благоуханіемъ, какъ побесѣдуешь съ человѣкомъ изъ другой и высшей сферы.—Я отдалъ Д. Н. Блудову записочку вашу, и онъ, кажется, готовъ исполнить по возможности желаніе ваше. Я даже слышалъ, что П. П. Свиньинъ былъ уже послѣ отъѣзда вашего нѣсколько разъ у него. Впрочемъ, слышно, что Свиньинъ—одинъ изъ главныхъ редакторовъ журнала Смирдина и, можетъ быть, теперь уже не будетъ нужно ему и времени не будетъ заниматься службою. Хороша программа новаго журнала! Самое заглавіе — нелѣпость. ***Библіотека для Чтенія!*** Да для чего же и можетъ служить библіотека? Московскій Нащокинъ говоритъ: „послѣ того можно сказать: карета для ѣзды."—Что за глупость ***рѣзкость сужденій***, къ коимъ прибѣгали журналисты, какъ ***къ самому крайнему средству***. Не въ рѣзкости сужденій бѣда, а въ неприличности, въ пристрастіи, въ наглости, въ невѣжествѣ, въ плоскости, въ подлости оныхъ. Рѣзкое сужденіе, но добросовѣстное и на благонамѣренномъ понятіи основанное, не пятно журналу, а напротивъ заманка и подстреканіе для читателя. Тупыя, пошлыя, безцвѣтныя сужденія—вотъ что моритъ читателя и журналъ. ***По важности содержанія и благородному тону*** не будетъ уступать лучшимъ иностраннымъ журналамъ сего рода! Точно харчевникъ, который, открывая харчевню свою, увѣряетъ почтеннѣйшую публику, что она не уступитъ лучшимъ ресторацiямъ. Что значитъ журналъ, который заранѣе объявляетъ, что не будетъ входить въ споры ни съ какими журналами и не отвѣчаетъ ни на какія критики! Да стало быть онъ не журналъ! Журналъ — дѣйствующее лицо; онъ долженъ быть на площади, въ толпѣ, въ тѣснотѣ народной, отвѣчать на право и на лѣво, задирать разговоры, прѣнія, быть всегда на ногахъ, въ движеніи, до поту лица своего. А что за журналъ, т. е. трибунъ литературный, который объявляетъ: „не говорите со мною, потому что я никому отвѣчать не буду."—Такъ спать ложись и валяйся на печи, а на площадь не суйся. — Дѣло не связываться съ негодяями, не драться на кулачки; но сказать, что не отвѣчаешь ни на какія критики,—глупо и неловко, потому что солжешь: будешь отвѣчать, покрѣпишься - покрѣпишься да и сорвешься. Если судить по вывѣскѣ, такъ немного добра ожидать отъ новаго журнала.—Я видѣлъ, но не читалъ еще журнала Московскаго универ-

ситета (²¹). Хвалятъ его. — Съ будущаго года будетъ выходить журналъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, подъ вѣдѣніемъ Сербиновича. — Сегодня имѣлъ я честь получить второе письмо ваше и приношеніе Глинки съ супругою, которое съ письмомъ ея къ вамъ передамъ Д. Н. Блудову. Пушкинъ собирается на дняхъ отплатить вамъ визитъ въ Москвѣ. Жалѣю, что не могу сравниться въ учтивости съ нимъ. — Дерптскія вѣсти теперь хороши, а были очень печальны. Карамзинымъ домъ уже нанятъ, или квартира въ домѣ графа Кутузова, на площади у Михайловскаго дворца. Новостей нѣтъ, новости готовятся. Прадтъ уже чинитъ перо свое и готовится описать новый конгрессъ, или новое свиданіе, потому что слово конгрессъ уже устарѣло и не въ чести. Дай Богъ всего хорошаго, и я люблю свиданія, потому въ отвѣтъ вамъ говорю также *до свиданья*, но безъ робости, а съ полною надеждою, что вы еще разъ погостите у насъ на здоровье и на многія лѣта. Съ истиннымъ и глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Сказываютъ, что Уваровъ просилъ Шишкова дать отъ лица Академіи по 10,000 рублей на памятники Державина и Карамзина; но старикъ никакъ не даетъ болѣе 1000 рублей, чтобы не обидѣть стараго слога въ лицѣ Ломоносова, на памятникъ коего Академія дала столько же.

XIII.

Спб. окт. 1, 1833.

Поздно отвѣчаю на обязательное письмо в. в. п-ва, потому что я ѣздилъ, если не совсѣмъ въ чужіе края, какъ возвѣстила о томъ московская молва, но по вашимъ слѣдамъ ѣздилъ въ русскіе чужіе края, т. е. въ Дерптъ, гдѣ около 2 недѣль погостилъ у Карамзиныхъ. Нашелъ я ихъ въ новомъ горѣ отъ смерти маленькаго Мещерскаго. Теперь же оба наши, или три наши семейства возвратились въ Петербургъ; Карамзины со вчерашняго дня. Бѣдственна была для нихъ эта поѣздка въ Дерптъ. Авось этою попыткою расплатились они съ судьбою, и отнынѣ настанутъ для нихъ лучшія времена. — Не знаю, съ чего взяли, что я ѣду за границу. Въ мечтаніяхъ и надеждахъ моихъ я иногда заношусь въ безграничную даль, но на яву я пока весьма ограниченъ и остаюсь въ границахъ умѣренности и строгой существенности. Жуковскій здѣсь: здоровье его очень поправилось. Я съѣхался съ нимъ въ Дерптѣ и провелъ двое сутокъ, а здѣсь еще не видалъ его, потому что онъ въ Ц. Селѣ и прежде половины октября не возвратится въ городъ, вмѣстѣ съ царскою фамиліею. Д. Н. Блудова я теперь съ пріѣзда не видалъ еще и не знаю, какъ идетъ подписка и проэктъ памятника; но о вашемъ приношеніи, вмѣстѣ съ прочими, послѣдовавшими на нашемъ обѣдѣ, кажется, было объявлено въ журналѣ М. В. Д. (²²). Собесѣдникъ нашъ баронъ Люцероде (²³) не нахвалится Москвою и благосклоннымъ пріемомъ вашимъ. Вообще онъ очень доволенъ путешествіемъ своимъ по Россіи и смотрѣлъ на нее глазами доброжелательнаго и образованнаго иностранца, что̀ встрѣчается весьма рѣдко въ отношеніи къ намъ. Къ сожалѣнію нашему, онъ насъ оставляетъ на время и ѣдетъ на зиму къ себѣ въ Дрезденъ. Хорошо покрайней мѣ-

(²¹) Ученыя Записки, гдѣ помѣщались между прочимъ статьи С. П. Шевырева о Дантѣ.

(²²) Въ пріѣздъ И. И. Дмитріева въ Петербургъ, нѣкоторые пріятели его давали ему обѣдъ въ гостиницѣ; на этомъ обѣдѣ, чтобы порадовать и отпраздновать дорогаго гостя, Блудовъ объявилъ о высочайшемъ соизволеніи государя на сооруженіе памятника Карамзину. Тутъ же сейчасъ и открыта была подписка, которая, разумѣется началась съ имени Дмитріева.

(²³) Саксонскій посланникъ въ Петербургѣ. Онъ еще и до пріѣзда своего выучился довольно хорошо порусски и во все пребываніе въ Россіи продолжалъ заниматься русскимъ языкомъ и русскою литературою. Между прочимъ перевелъ онъ на нѣмецкій языкъ одно изъ стихотвореній Кольцова, который тогда только что сдѣлался извѣстенъ.

рѣ то, что благопріятныя впечатлѣнія, почерпнутыя имъ въ Россіи, не успѣютъ остыть въ немъ, и передастъ онъ ихъ сгоряча непріязненнымъ къ намъ соевропейцамъ своимъ.

XIV.

Спб. 23 дек. 1833.

Позвольте мнѣ, таможенному чиновнику принести в. в. п-ву, съ поздравленіями при наступающемъ новомъ годѣ, контрабандную добычу, пріобрѣтенную мною на таможенномъ аукціонѣ. Желаю, чтобы слѣдующій годъ и многія и многія за нимъ лѣта улыбались вамъ миловидно, на подобіе изображенной здѣсь красавицы. А для себя желаю, чтобы наступающій годъ принесъ мнѣ свиданіе съ вами здѣсь или въ Москвѣ. Я говорилъ Жуковскому о желаніи вашемъ имѣть списокъ съ портрета его, который вы у насъ видѣли, и онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что пріемлетъ съ благодарностію ваше обязательное требованіе и уже заказалъ копію. И я не менѣе его благодаренъ за себя и также буду имѣть честь явиться къ вамъ на гостепріимную стѣну. Здоровье Жуковскаго, слава, Богу поддерживается. Видимся съ нимъ часто у меня и у Карамзиныхъ, и слѣдовательно часто вспоминаемъ и говоримъ объ васъ. На дняхъ будетъ у него чтеніе. — Пушкинъ привезъ съ собою нѣсколько тысячъ новыхъ стиховъ, въ двухъ или трехъ маленькихъ поэмахъ, и подѣлится съ нами своею странническою котомкою. Въ числѣ литературныхъ явленій намъ обѣщаютъ и привидѣніе: покойная Бесѣда вызвана изъ гроба Шишковымъ и Ѳедоровымъ и уже вербуетъ народъ подъ свой саванъ. Между тѣмъ всѣ ожидаютъ съ волненіемъ пришествія новаго журнала Смирдина. Готовится также журналъ народнаго просвѣщенія отъ министерства. Издатель его—знакомый вашъ Сербиновичъ, и я надѣюсь на хорошій успѣхъ. Путешествіе Барона Брамбеуса раскупается и превозносится на расхватъ. На перспективѣ, въ окнахъ книжной лавки Смирдина, объявленіе о немъ колетъ глаза всѣмъ прохожимъ полуаршинными буквами. Не смотря на всю эту славу, я, признаюсь, могъ съ трудомъ дочитать десятокъ страницъ его. Шутки натянуты, холодны, тяжеловѣсны. Сатира не въ цѣль, одни холостые заряды, и никуда не попадаютъ, а разсыпаются по воздуху, даже и не горохомъ въ стѣну. Читали ли вы великодушный отзывъ Булгарина о сей книгѣ? Презабавное смиреніе наглости!—Государь былъ очень доволенъ трагедіею барона Розена: „Россія и Баторій.“ Желая видѣть ее на сценѣ, требовалъ онъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, и Розенъ уже перекроилъ трагедію свою на новый ладъ. Вотъ что значитъ нѣмецкое трудолюбіе! Впрочемъ въ Розенѣ точно замѣчательное дарованіе. Жуковскій очень хвалитъ новыя повѣсти Сумарокова, не сенатора, а сына Панкратія Сумарокова. Такимъ образомъ наша литературочка или *литерадурочка* по маленьку шевелится. Я не прочелъ еще вашъ московскій гостинецъ, Аскольдову Могилу. — О другихъ новостяхъ сказать нечего, кромѣ того, что по старому все благополучно, развѣ то, что Петербургъ давно не былъ такъ богатъ и разнообразенъ послами, какъ нынѣ. Французскій представляется, кажется, завтра.

XV.

Спб. января 9. 1834.

Имѣю честь представить в. в. п-ву личность Жуковскаго, а моя личность впереди, но и ее надѣюсь доставить въ скоромъ времени. Какъ показалась вамъ Б-ка для Чтенія? Нельзя сказать, что издатели обмѣрили публику, а скажешь скорѣе: заставь дурака Богу молится, онъ себѣ и лобъ разшибетъ. Вообще наружность не благоразумная. О внутреннемъ достоинствѣ судить вполнѣ еще не могу, потому что не успѣлъ прочесть и десятой части всего. Замѣтилъ я только, что съ непомѣрностію толщины

книжки соглашается и непомѣрность похвалъ Сенковскаго драматической фантазіи „Тассо." Нѣтъ сомнѣнія, въ произведеніи семъ есть признакъ отличнаго дарованія, но чего уже не находитъ въ немъ рецензентъ? Цѣлый міръ глубокомыслія, творчества, поэзіи, такъ что подумаешь: не на смѣхъ ли онъ его такъ расхваливаетъ?

Новаго съ новымъ годомъ у насъ ничего нѣтъ, кромѣ сильныхъ морозовъ и необыкновенной оттепели, которыя другъ друга смѣняютъ въ теченіе однихъ сутокъ. Андрей и Александръ Карамзины уже обмундированы, и Андрей сегодня дежурный въ казармахъ. Да, я и забылъ поздравить в. в. п-во, какъ оберъ-камергера нашихъ поэтовъ при лучезарнѣйшемъ дворѣ Феба, съ новымъ камеръ-юнкеромъ—поэтомъ Александромъ Пушкинымъ. Что скажетъ о томъ Полевой?

XVI.

Спб. 18 апр. 1834.

Готовясь къ исповѣди, почитаю непремѣнною обязанностію испросить прощенія и у в. в. п-ва за долгое молчаніе. Приношу вамъ повинную голову, или правильнѣе сказать, повинную руку, ибо никогда не могу провиниться предъ вами головою, а тѣмъ менѣе еще сердцемъ. Молчаніе мое вынуждено было разными причинами. Я довольно занятъ былъ письменнымъ дѣломъ въ это послѣднее время, нѣсколько хворалъ, а тамъ, и то правду сказать, писать было нечего, т. е. хорошаго. Изустно можно передавать хандру свою, а письменно не годится. „Прискорбна есть душа моя даже до смерти." Зная, однакоже, ваше благосклонное расположеніе ко мнѣ, спѣшу прибавить, что въ этой хандрѣ нѣтъ никакой личной причины, ничего особенно до меня относительнаго, а такъ, какое-то наитіе, дѣйствіе атмосферы. Мнѣ должно вамъ теперь дать отчетъ въ неисполненіи одного порученія вашего по поводу статейки, напечатанной въ Моск. Вѣдомостяхъ о первой книжкѣ Библіотеки. По совѣщаніи съ Жуковскимъ, признали мы благоразумнѣе — не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу, за неимѣніемъ благонадежнаго мѣста, куда послать апеляцію. Добросовѣстность редакціи Инвалида также нѣсколько на инвалидномъ положеніи, крива и хрома. На нее опереться нельзя: какъ разъ выдастъ. Съ нею никакого дѣла имѣть нельзя, ни важнаго, ни бездѣльнаго. Сѣв. Пчела изъ одного пчельника съ Библіотекою. Ея устами медъ пить, того и смотри что поперхнешься. Между тѣмъ я, по приказанію вашему, говорилъ С. С. Уварову о лжеподписи краснорѣчиваго панегириста (24). Точно грустно, что нѣтъ у насъ ни одного добросовѣстнаго журнала, куда можно было бы передать безпристрастное и честное слово. Библіотека хотя повидимому и есть столпотвореніе вавилонское, но и есть тутъ свой зодчій, который все заправляетъ по своему. Что скажете вы о припискахъ Сенковскаго? Сколько тутъ лживости, безвкусія, гаерства! А что говорятъ въ Москвѣ о паденіи Телеграфа? То-то разсужденій, толковъ, шума. Признаюсь, существованіе Телеграфа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, могло быть сочтено за неприличность не только литературную, но и политическую; а все жаль, что должны были прибѣгнуть къ усиленной мѣрѣ запрещенія, когда давно должны были дѣйствовать законныя мѣры воздержанія. Телеграфъ, удержанный въ границахъ цензуры, а не пользующійся, не въ примѣръ другимъ, правомъ какой-то лиценціи, упалъ бы самъ собою, особливо же, при появленіи Библіотеки, которая вообще удовлетворяетъ потребностямъ нашей провинціальной и журналолюбивой публики. Все достоинство Телеграфа въ глазахъ многихъ было его franc parler, въ хвостъ и въ голову. Цензура, дѣйствуя на него, какъ на прочихъ, показала бы ничтожество его, ибо онъ бралъ не талантомъ, а

(24) Сколько помнится, кто-то сталъ печатать статьи въ Московскихъ Вѣдом. за подписью: И. Д., часто принадлежавшею И. И. Дмитріеву.

грудью. Запрещеніемъ онъ въ глазахъ многихъ дѣлается жертвою, и во всякомъ случаѣ заплатившіе подписчики его становятся жертвами. Теперь, я полагаю, онъ молитъ Бога, чтобы запретили Исторію его: это было бы лучшее средство для него поквитаться съ публикою. —Что за новое изданіе стихотвореній покойнаго Василія Львовича, предпринимаемое въ Москвѣ и на которое графъ Хвостовъ — собираетъ подписку въ англійскомъ клубѣ? Кто издатель? Кажется, кромѣ законныхъ наслѣдниковъ его, никто не имѣетъ на то права.

XVII.

(Спб?) сент. 26. 1835 г.

Съ живѣйшею благодарностію прочиталъ обязательное и лестное письмо, какимъ в. в. п-во благосклонно предупредили меня, ибо я и самъ только что готовъ былъ писать къ вамъ и передать чувства и впечатлѣнія, оставленныя вами въ преданныхъ вамъ сердцахъ во время послѣдняго пребыванія вашего въ Петербургѣ. Истинно, впечатлѣнія эти самыя пріятныя и незабвенныя. Друзьямъ вашимъ было такъ отрадно, послѣ разлуки съ вами, найти въ васъ въ неизмѣнной полнотѣ все, чѣмъ они всегда такъ въ васъ дорожили, туже самую живую любезность ума, туже благосклонность, теплоту чувствъ, всѣ сіи свойства, кои отъ времени, отъ обстоятельствъ такъ часто измѣняются, особенно же въ нашемъ быту, преданномъ на жертву текущимъ дѣламъ всепоглощающей дѣйствительности. Мы истинно отдохнули и помолодѣли съ вами. Я же наиболѣе душевно вамъ благодаренъ. Въ тяжкой скорби моей, охолодѣвшій совершенно ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, я снова находилъ уже забытую сердцемъ отраду въ тихомъ и пріятномъ развлеченіи живительной и занимательной бесѣды. Отъѣздъ вашъ оставилъ незамѣстимое мѣсто въ семейномъ кругу нашемъ, несмотря на то, что онъ пополнился возвращеніемъ и прочихъ заграничныхъ гостей. Напротивъ, и они завидовали намъ, что мы имѣли сердечное удовольствіе провести съ вами нѣсколько времени; и мы жалѣли за нихъ, что не раздѣляли съ ними этого удовольствія. Намъ очень прискорбно было узнать, что Москва готовила вамъ такую печальную встрѣчу. Ваше московское одиночество еще стало тѣснѣе. Это грустно. Право, назначьте Москву подмосковною своею и живите тамъ лѣто, а остальное время года съ нами, или по крайней мѣрѣ выберите Петербургъ своимъ увеселительнымъ домомъ и пріѣзжайте къ намъ ежегодно мѣсяца на два или на три. Я увѣренъ, что и для здоровья вашего эта дѣятельность будетъ очень полезна. Я передалъ Д. Н. Блукову и поклонъ вашъ, и порученіе, присоединивъ къ оному и мою покорнѣйшую просьбу, изъ благодарности къ бывшему попечителю моей юности, у котораго провелъ я нѣкоторое время въ домѣ при Московскомъ университетѣ. Д. Н. сказалъ мнѣ, что онъ готовъ сдѣлать все возможное, сколько изъ желанія исполнить волю вашу, столько же изъ уваженія къ профессору Рейсу, котораго онъ лично знаетъ ([25]). Жуковскаго я съ отъѣзда вашего почти не видалъ: онъ пріѣзжалъ въ городъ только на нѣсколько часовъ. Новостей, кажется, никакихъ нѣтъ, кромѣ—*медовыхъ*, т. е. собираемыхъ намъ Сѣв. Пчелою. Впрочемъ я нигдѣ не бываю и почти никого не вижу. Городъ еще довольно пустъ. Д. Г. Бибиковъ начинаетъ оправляться. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за обязательное воспоминаніе. Віельгорскіе ожидаютъ на дняхъ графиню и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе.

За неимѣніемъ возможности изустно поздравить в. в. п-во съ нынѣшнимъ

([25]) По возвращеніи сына изъ пансіона въ Петербургѣ, князь А. И. Вяземскій помѣстилъ его у профессора Рейса, въ домѣ коего слушалъ онъ частныя лекціи професс. Рейнгардта, Буле и другихъ. Позднѣе Рейсъ завелъ аптеку, и Денисъ Давыдовъ говорилъ князю Вяземскому: «я не зналъ, что отецъ твой готовилъ тебя въ аптекари».

днемъ, я хотѣлъ по крайней мѣрѣ начать его письменно съ вами и заочно быть у васъ сердцемъ и помышленіемъ. Примите мое привѣтствіе и мои задушевныя желанія. А чего желать вамъ? Ужь вѣрно не *новаго счастія*, а продолженія *стараго*, которое вамъ не измѣнитъ, потому что оно въ васъ. Пушкинъ поѣхалъ въ Псковскую деревню мѣсяца на три, вѣроятно разрѣшаться отъ бремени, потому что осень есть обыкновенная пора его беременности и родовъ.

XVIII.

Спб. 13 дек. 1835 г.

Не знаю, удастся ли мнѣ предупредить московскихъ книгопродавцевъ, но во всякомъ случаѣ не хочу отпустить жену въ Москву безъ гостинца къ в. в. п-ву и посылаю вамъ сочинененія Баранта, французскаго посла, ожидаемаго на дняхъ въ Петербургъ. Знаю вашъ вкусъ къ сочиненіямъ подобнаго рода и увѣренъ заранѣе, что вы прочтете ихъ съ удовольствіемъ. Во дни нашей пьяной литературы, любезная трезвость Баранта очень замѣчательна и отдохновительна. Жена моя разскажетъ вамъ, какая была у насъ на дняхъ тревога по причинѣ болѣзни Андрея Карамзина. Онъ былъ въ большой опасности, и вы поймете нашъ страхъ, а особенно страданія бѣдной матери. Теперь ему стало легче, но совсѣмъ тѣмъ здоровье его вовсе ненадежное. О себѣ сказать вамъ почти нечего, а что и есть, то можетъ разсказать живая грамота, хотя любопытнаго и занимательнаго и тутъ не много; но зная постоянное и обязательное участіе, принимаемое вами во всемъ, чтò до меня касается, я увѣренъ, что вы захотите знать и маловажное. О литературѣ, то же что и обо мнѣ, немного разговоришься. Читали-ли вы Бенедиктова? Хотя онъ поэтъ не совершенно по вашему чувству и нѣкоторыя романтическія замашки его должны подвергнуться критикѣ вашей; но я увѣренъ, что вы оцѣните въ немъ то, чтò носитъ отпечатокъ истиннаго дарованія: оригинальность, сильное и часто вѣрное и полное поэтическое выраженіе. Къ тому же это первый шагъ его; писалъ онъ точно про себя, ни съ кѣмъ не знался и не могъ совѣтоваться, скроменъ какъ молодая дѣвица и слѣдовательно подаетъ еще богатыя надежды. — Можетъ быть, въ началѣ будущаго года пріѣду я въ Москву недѣли на три, и вашъ кабинетъ одна изъ пріятнѣйшихъ цѣлей моихъ ожиданій. Я совершенно согласенъ съ вами въ отношеніи къ переводу Шевырева: въ языкѣ и стихахъ его часто встрѣчаются невѣрности, отзывающіяся Мерзляковымъ, который по словамъ Жуковскаго, *побирался у сосѣдей*, когда настоящее слово, слово собственное, не ложилось подъ перо, или не могло уломаться въ стихъ. Жаль мнѣ, что Шевыревъ пустился на подобную проказу, потому что въ немъ есть умъ, знанія, способность, и держась дороги своей, могъ бы онъ идти хорошо и далеко. Онъ—не поэтъ, а литераторъ въ родѣ Баранта. Критическія статьи его всегда заслуживаютъ вниманія. Но журналистъ онъ тоже неудачный. Ради Бога, скажите, что это за птица *Авениръ Народный*, который вретъ о старинѣ? Виноватъ, а мнѣ сдается, что это Макаровъ, *другъ любимый*. Все и всѣ лица перепутаны. Мерзляковъ не былъ никогда короткимъ человѣкомъ въ домѣ Нелединскаго. Батюшковъ едва ли бывалъ у кн. И. М. Долгорукаго. Такая суматоха во всѣхъ лицахъ и отношеніяхъ ихъ, что толку и правды не доберешься. Подозрѣваю Макарова, потому что помню письма его о Петербургѣ, въ которыхъ онъ разсказывалъ, вѣроятно Бланку, о домѣ и обществѣ графини Лаваль, которой никогда не знавалъ. Охота Шевыреву печатать такую дрянь и еще за подписью, которая можетъ быть причиною запрещенія журнала.

Можетъ быть, вы полюбопытствуете прочесть академическія тетрадки, присланныя Тургеневымъ изъ Парижа? По

прочтеніи потрудитесь передать ихъ Чадаеву, для доставленія Шевыреву.

XIX.

Спб. 25 февр. 1836.

Позвольте мнѣ обратиться къ *всевѣдѣнію* в. в. п-ва съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи мнѣ свѣдѣній изъ богатаго архива памяти вашей о какомъ то *Веселовскомъ*, который въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія жилъ въ чужихъ краяхъ; въ 1766 г. былъ уже въ Петербургѣ и назначаемъ былъ въ кураторы Московскаго университета (что вижу изъ писемъ его къ И. И. Шувалову), но не знаю, былъ ли онъ послѣ утвержденъ въ семъ званіи. Вѣроятно, это тотъ самый, про котораго разсказываютъ, что онъ не хотѣлъ возвращаться въ Россію, пока пословицы подобныя: *безъ вины виноватъ, все Божіе да государево* и прочія, сохранятъ въ ней законную силу. Не припомните ли чего нибудь о немъ? Не былъ ли онъ писателемъ? Что дѣлалъ въ Россіи по возвращеніи своемъ? Когда умеръ? Оставилъ ли по себѣ дѣтей?..... Кстати также осмѣлюсь понавѣдаться у васъ о *Борисѣ Солтыковѣ*, жившемъ въ Женевѣ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Вольтеромъ и служившемъ посредникомъ между нимъ и Шуваловымъ, особенно въ то время, когда тотъ писалъ Исторію Петра Великаго. Эти лица встрѣчаются у меня въ запискахъ о Ф. Визинѣ и, мнѣ желалось бы по возможности дополнить ихъ примѣты. Мой Ф. Визинъ вышелъ здравъ и невредимъ изъ цензуры. Готовлю его къ печати и занимаюсь теперь приведеніемъ въ порядокъ примѣчаній и историческихъ приложеній. Вотъ что оправдываетъ нескромность моихъ вопросовъ и даетъ мнѣ надежду, что вы благосклонно разрѣшите ихъ изъ милости ко мнѣ и изъ любви къ русской грамотѣ. Не умѣю припомнить, нѣтъ ли чего въ Запискахъ вашихъ о Ф. Визинѣ? Если есть, то подарите меня этою драгоцѣнностію и позвольте воспользоваться ею. Нѣтъ ли также въ бумагахъ вашихъ извѣстнаго посланія А. С. Хвостова къ Ф. Визину, гдѣ онъ называетъ его *людскихъ умовъ безмѣнъ* и пр.? Да кстати! Что сдѣлалось съ бумагами Плат. Петр. Бекетова? Въ нихъ должно быть много неизданныхъ рѣдкостей по части нашей литературы. Кому достались онѣ? Нельзя ли пересмотрѣть или пріобрѣсть ихъ? Еще разъ кстати, и этотъ разъ надѣюсь вознаградить утомленное терпѣніе ваше пріятнымъ для васъ извѣстіемъ: на дняхъ отыскана здѣсь (вѣроятно, извѣстная вамъ по слуху и которая почиталась донынѣ пропадшею) *политическая записка о Россіи*, писанная Никол. Мих. для Екатерины Павловны.—Давно уже ничего не знаемъ о в. в. п-вѣ, хотя знаемъ отъ пріѣзжихъ о главномъ, т. е. что вы здоровы. Живемъ здѣсь всѐ по старому, какъ семейство Карамзиныхъ, такъ и семейство Вяземскихъ и прочіе общіе благопріятели и знакомцы. Пушкинъ подвизается на журнальное поприще, и вѣроятно уже вамъ извѣстно о скоромъ появленіи его *Современника*.

Позднѣйшее примѣчаніе. На оборотѣ сего письма, на образовавшихся отъ сложенія его квадратахъ, набросаны рукою И. И. Дмитріева карандашомъ слѣдующія строки, видимо служащія отвѣтомъ на предыдущее письмо: (Точки.... означаютъ неразобранныя слова). (Веселовскій) „Былъ въ одно время съ Мелиссино и Херасковымъ опредѣленъ ....уѣзжалъ было на время въ чужіе края. Сочиненіями не занимался, а памятенъ только университету тѣмъ, что былъ кропотливъ въ занятіяхъ, въ дѣлахъ конференціи".

„Шуваловъ предлагалъ Д. И. Фонъ Физину (sic!) мѣсто директора (два эти слова зачеркнуты)....... должность директора университета............. опредѣлилъ брата его Павла..... который и заступилъ его мѣсто."

XX.

Спб. 1836 г. 15 марта.

Приношу в. в. п-ву повинную и благодарную голову; но виноватъ я безъ умысла, а развѣ по легкомыслію, бла-

годаренъ же обдуманно и основательно. Мнѣ точно казалось, что я не такъ давно писалъ къ вамъ и увѣдомлялъ васъ о совершенномъ выздоровленіи и офицерствѣ Андрея Николаевича. Это убѣжденіе (не смѣю сказать *сіе*, неравно Баронъ-Брамбеусъ подсмотритъ письмо мое) есть уже доказательство постояннаго и глубокаго желанія моего писать. Часто бываетъ такъ! Отъ скучной обязанности отдѣлаемся скорѣе, потому что она тяготитъ. Тамъ же, гдѣ исполненіе обязанности есть и пріятное чувство, такъ свыкнешься съ нею, что не различишь мысли отъ дѣйствительности. На память тогда ссылаться нечего: она также можетъ обмануть. Но сердце не обманываетъ, а сердце сердцу вѣсть даетъ, и, обращаясь къ вашему, я увѣренъ, что оно меня оправдаетъ и убѣдитъ васъ, что если вы и не получали письма отъ меня, то развѣ потому, что я забылъ положить письмо на бумагу, но письмо было внутренно написано и отправлено вамъ. Стоило только застраховать его обыкновеннымъ порядкомъ, а я это и упустилъ изъ виду. Теперь перейду къ выраженію благодарности за обязательный отвѣтъ на письмо мое. Извлеченіе изъ Записокъ вашихъ—подарокъ для меня драгоцѣнный и прошу позволенія подѣлиться имъ съ моими читателями, напечатавъ его цѣликомъ въ біографіи Фонъ-Визина. Ожидаю по благосклонному обѣщанію вашему извѣстнаго посланія А. С. Хвостова. Мнѣ говорили также о какомъ-то ѳеологическомъ памфлетѣ Ф. Визина подъ названіемъ *Аввакумъ Скитникъ*. Извѣстенъ ли онъ вамъ? Очень жалѣю, что рукописи Плат. Петр. Бекетова не попались въ хорошія руки. Въ нихъ должно быть много любопытнаго. Постарайтесь спасти ихъ. Я охотно пойду въ долю на выкупъ ихъ изъ рукъ невѣрныхъ и увѣренъ, что много найдется здѣсь охотниковъ. Рукопись Ник. Михайл., о которой я извѣщалъ васъ, не можетъ быть напечатана, развѣ одно начало „*Взглядъ на древнюю Россію*", который, можетъ быть, будетъ помѣщенъ въ Современникѣ Пушкина. Другая рукопись, т. е. письмо о Польшѣ, кажется, вамъ извѣстна. Если нѣтъ, то непремѣнно доставлю вамъ списокъ. Современникъ подготавливается и явится въ свѣтъ въ первыхъ дняхъ апрѣля. Теперь бѣдный Пушкинъ печально озабоченъ тяжкою и едва ли не смертельною болѣзнію матушки своей. Въ первой книжкѣ будетъ Парижская хроника учено-литературно-политически-гостинная нашей Эоловой Арфы. Она благонадежнѣе хроники Надеждина, хотя и не писана съ такой высоты [26]. Читали ли вы толки Булгарина о себѣ въ Сынѣ Отечества? Любопытно! И вотъ наша литература! Поѣздка въ чужіе краи Карамзиныхъ остается не рѣшеною до весны. Хотя здоровье Андрея Николаевича и поправилось, но все, по мнѣ, надлежало бы ему ѣхать. Не вынести ему тягостей службы, и малѣйшая простуда, при опасномъ расположеніи его, можетъ имѣть пагубнѣйшія слѣдствія. О здоровьѣ надобно думать до болѣзни, а послѣ уже поздно. Александръ назначенъ адъютантомъ по гвардейской артиллеріи и пишетъ уже не стихи, а рапортички. Позвольте подѣлиться съ вами парижскими гостинцами. Отвѣтъ французскому журналисту писанъ Базеномъ, нашимъ инженернымъ генераломъ, который теперь въ Парижѣ, а портретъ можетъ найти мѣсто въ вашей всемірной и разнородной галлереѣ. *И это человѣкъ!* А все человѣческое намъ не чуждо.

Карамзины, Жуковскій, Вьельгорскій, Пушкинъ, жена моя свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Жуковскій обѣщается доставить вамъ списокъ съ извѣстной рукописи. Пушкинъ проситъ васъ не подписываться на журналъ его, а принять его приношеніе.

---

(26) Дмитріевъ говорилъ, что Надеждинъ, помня свое церковное происхожденіе, не упустилъ изъ виду слазить на колокольню собора Notre Dame, чтобы описать Парижъ.

XXI.

Спб. 13 апр. 1836.

Спѣшу, по порученію Пушкина, препроводить къ в. в. п-ву первую книжку Современника, только что вышедшую, и билетъ на полученіе слѣдующихъ книжекъ. Самого же Пушкина здѣсь нѣтъ. Вы безъ сомнѣнія уже знаете, что скончалась недавно его матушка и онъ отправился въ Псковскую деревню, гдѣ она желала быть погребена. Печальныя забыты его въ продолженіе болѣзни и при самой кончинѣ ея, можетъ быть, повредили лучшей отдѣлкѣ и полнотѣ первой книжки. Не смотря на сухое заглавіе и даже главное содержаніе статьи кн. Козловскаго (котораго, вѣрно, знаете вы по слухамъ и по европейской молвѣ, если не знали лѣтъ за 25 тому лично), совѣтую вамъ прочесть ее. Языкъ и слогъ его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пятенъ, очень замѣчательны въ человѣкѣ, который всю жизнь свою провелъ за границею. Онъ собирается въ Москву, и вы найдете въ немъ любезнаго, просвѣщеннаго и добродушнаго чудака.

P. S. Позвольте докучливо напомнить о посланіи А. С. Хвостова и о рукописяхъ Плат. Петр. Бекетова.

XXII.

Остафьево 8 авг. 1836.

Вчера успѣлъ я только что проѣхать чрезъ Москву и пересѣсть изъ дилижанса въ коляску, уже меня ожидавшую и отправился въ Остафьево къ своимъ молодымъ ([27]) и къ своей новорожденной, потому что вчера былъ день рожденія Машеньки, и я спѣшилъ изъ Петербурга попасть къ ней на обѣдъ. Пробуду здѣсь вѣроятно до середы. Нетерпѣливо желаю лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Пока препровождаю къ в. в. п-ву одну изъ рукописей Николая Михайловича. Я взялъ ее нарочно для васъ у Екатерины Андреевны, чтобы скорѣе удовлетворить вашему любопытству, а копію отъ Жуковскаго еще не получалъ за поѣздкою его въ Дерптъ, изъ коего возвратился онъ наканунѣ моего отъѣзда, такъ что я его видѣлъ только одну минуту. Прилагаю къ рукописи еще другую рѣдкую и *тайную* новинку, которую прошу покорнѣйше и держать *въ тайнѣ*. Можете оставить ее у себя до моего отъѣзда. Вы вѣрно слыхали или читали въ иностранныхъ журналахъ про сей любопытный сборникъ, составленный, какъ извѣстно, большею частію изъ бумагъ, найденныхъ въ канцеляріи цесаревича въ Варшавѣ и расхищенныхъ во время возмущенія ([28]). Депеши Поццо ди Борго и другихъ нашихъ министровъ несомнѣнно достовѣрны. Сей сборникъ поднялъ ужасный гвалтъ въ европейской дипломатикѣ. — Карамзины, Жуковскій, Пушкинъ и Блудовъ поручили мнѣ передать вамъ чувства ихъ почтенія и преданности, а послѣдніе—спросить у васъ, одинъ: получили ли вы вторую книжку Современника, а другой: желаете ли вы имѣть собраніе отчетовъ министерства В. Д?

Теперь настанутъ для васъ трудные дни веселій, празднествъ и торжествъ. Желаю вамъ намаяться ими, а я пріѣду посмотрѣть на Москву, отдыхающую на лаврахъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

XXIII.

Спб. 2 ноября 1836 г.

Немедленно по полученіи письма в. в. п-ва приступилъ я къ исполненію возложеннаго вами на меня порученія. Имѣю честь донести.

По совѣту Сербиновича, прибѣгнулъ я именемъ вашимъ къ посредничеству Д. Н. Блудова, который сообщилъ мнѣ слѣдующее: что по мнѣнію г. Буткова, члена цензурнаго комитета, просьба

([27]) Дочь князя П. А. Вяземскаго, княжна Марья Петровна въ этомъ (1836) году, 22 мая, вышла за мужъ за Петра Александровича Валуева.

([28]) Portofolio.

Кузнецова не можетъ быть не удовлетворена, что ему сію просьбу надобно подать попечителю Московскаго Учебнаго Округа, и если уже тамъ не получитъ онъ удовлетворенія, то долженъ просить въ главномъ цензурномъ комитетѣ. Слѣдовательно, если въ Москвѣ и былъ бы отказъ, то есть полная надежда, что здѣсь дѣло приметъ благопріятный оборотъ въ пользу Кузнецовыхъ. Не мѣшало бы вамъ, если вы желаете добра просителямъ, замолвить о нихъ слово графу Строганову при встрѣчѣ съ нимъ и передать ему здѣшній отзывъ о семъ дѣлѣ, дабы предупредить возможныя затрудненія и ускорить конецъ его.

Пушкинъ сказалъ мнѣ, что 3 книжка Современника отправлена въ Москву на имя ваше.

Теперь съ скромностію и совѣстливостію, свойственными альманашнику, прибѣгаю съ покорнѣйшею просьбою къ в. в. п-ву и высокопревосходительству, не по одному адресъ-календарю, но и по календарю Музъ. Я намѣренъ издать историческій и литературный сборникъ и желалъ бы упрочить достоинство его вашимъ милостивымъ участіемъ. Не соблаговолите-ли (пишу въ мундирномъ фракѣ и за вице-директорскимъ столомъ, казеннымъ перомъ, подъ которое нѣкоторыя слова ложатся сами собою) наградить меня отрывками изъ вашихъ Записокъ, напр. относительными до Державина, Карамзина, вашихъ первоначальныхъ литературныхъ трудовъ и пр. или тѣмъ, что̀ угодно будетъ вамъ. Все исходящее отъ васъ будетъ принято мною и просвѣщенными читателями съ живѣйшею благодарностію. Пушкинъ сказывалъ мнѣ, что у него есть поэтическая шутка ваша о путешествіи Василія Львовича. Онъ мнѣ уступаетъ ее, если только вы на это согласитесь. Я вложилъ бы ее въ біографическую рамочку на память милому покойнику, коего добродушная тѣнь, вѣрно, не оскорбится моею нескромностію, а напротивъ порадуется ей. При жизни своей онъ охотно читалъ эти стихи наизустъ,—по смерти своей радъ онъ будетъ, что другіе ихъ читаютъ. А стихи хоть и шуточные, но принадлежатъ къ лучшимъ сокровищамъ нашей поэзіи, и жаль держать ихъ подъ спудомъ.

Въ другой разъ обращусь къ вамъ съ вопросами о Петровѣ-лирикѣ. Мнѣ хочется издать его не полнаго, а въ выборѣ и приложить къ стихамъ его замѣчанія и біографическое извѣстіе. У насъ его совсѣмъ не знаютъ. Я его теперь перечитывалъ и объѣдался его сочными выраженіями и особенно жирными риѳмами. Много въ стихотвореніяхъ его темнаго: надобно и къ нимъ ключъ какъ къ Державинскимъ, а этотъ ключъ и всѣ ключи къ литературнымъ преданіямъ нашимъ въ рукахъ у васъ одного. Кажется, я слыхалъ отъ васъ, что вы знавали сына Петрова, также поэта и переводчика Иліады. Гдѣ отыскать его?

На этотъ разъ довольно нескромныхъ просьбъ. Видно, что я пишу въ мундирномъ фракѣ: такъ рука и протягивается просить. Но теперь сниму мундиръ и съ голымъ сердцемъ на рукѣ прощусь съ вами, выражая искренно чувства глубочайшаго почтенія и проч.

Пушкинъ читалъ намъ вчера повѣсть свою въ прозѣ изъ Пугачевской эпохи. Есть главы превосходныя, и вообще много живости и вѣрности исторической и нравонаблюдательной. Она будетъ напечатана въ слѣдующемъ № Современника.

XXIV.

Спб. ноября 18, 1836.

Сейчасъ имѣлъ я честь получить письмо в. в. п-ва отъ 13 числа и спѣшу выразить вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность и за обязательное письмо и за любопытныя выписки, къ нему приложенныя. Не довершите ли вы благодѣянія своего присылкою мнѣ, разумѣется, заимообразно и на короткое время, рѣдкаго вашего экземпляра перевода

трехъ пѣсней *Потеряннаго Рая* ([29]). Подлинной статьи о твореніяхъ Петрова я теперь написать не успѣю, да и готовлюсь послѣ издать ихъ особенно, а по поводу у насъ неизвѣстнаго перевода его, могъ бы я накинуть о немъ нѣсколько словъ и приложить къ нимъ ваши выписки. Нынѣ же переводъ Шатобріана подновилъ въ общей памяти и самого Мильтона: оно будетъ кстати. Мнѣ право совѣстно, что я утруждаю васъ моими просьбами, а особенно собственноручною перепискою извлеченій изъ вашей рукописи. Вы отмѣтили бы только мѣста, которыя назначаете для меня и дали бы ихъ переписывать нашему Гримму. Онъ славный борзописецъ и весь свой вѣкъ по всѣмъ угламъ Европы промышлялъ этимъ дѣломъ. Относительно „Путешествія Василія Львовича" позвольте мнѣ здѣсь взять этотъ грѣхъ на свою совѣсть предъ Сергѣемъ Львовичемъ и сестрицею его, буде случится грѣхъ. Отвѣтственность ваша будетъ въ сторонѣ и ограждена моею оговоркою: только вы молча разрѣшите меня. Если вы не откажетесь дать мнѣ три пѣсни Мильтона, то для избѣжанія почтовыхъ хлопотъ потрудитесь отослать книжку къ А. Я. Булгакову для доставленія ко мнѣ, а я его предварю о томъ.

Еще разъ преклоняя предъ вами повинную голову за обременительную мою навязчивость, впрочемъ побуждаемую любовію къ *Пользѣ Россійской Словесности*, имѣю честь быть и пр.

Кстати, позвольте мнѣ напомнить вамъ о прежней моей просьбѣ, относящейся до рукописей, оставшихся послѣ П. П. Бекетова. Научите меня, покрайней мѣрѣ, къ кому именно могу отнестись съ предложеніемъ о пріобрѣтеніи покупкою нѣкоторыхъ изъ бумагъ его.

XXV.

Спб. 9 декабря 1836 г.

Паки и паки приношу в. в. п-ву мою нижайшую благодарность за новыя милости. Только, воля ваша, позвольте мнѣ украсить мой сборникъ (который Пушкинъ совѣтуетъ мнѣ назвать Старина и *Новина*, а не *Новизна*) и отрывкомъ вашимъ о Карамзинѣ. А то сбудется со мною пословица: по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Этотъ отрывокъ такъ занимателенъ и такъ живописенъ и *портретенъ!* А въ нашей литературѣ именно ничего портретнаго и нѣтъ. Благодаря новымъ критикамъ, *личностей* довольно, а *лицъ* нигдѣ не найдешь. Видѣли ль вы, какъ въ декабрьской Библіотекѣ отдѣланъ нашъ знакомецъ, ярославскій поэтъ Д. Е. Кашкинъ? Конечно, стихи его нелѣпы, но все нелѣпость ихъ не даетъ права трунить надъ лицомъ, рекомендовать Кашкина публикѣ и т. под. Лакейскій тонъ нашей критики усиливается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. И вся эта лакейщина сосредоточивается теперь въ лакейской Смирдина, за уничтоженіемъ прочихъ лакейскихъ Телеграфа и Телескопа.—Гримму Гриммовичу Пилигримову передалъ я вашъ поклонъ и вашу благодарность.

Теперь ожидаю отъ вашихъ богатыхъ и великихъ милостей, для окончательнаго пополненія щедро надѣленнаго вами сборника моего, отрывка о Державинѣ и разрѣшенія на напечатаніе Путешествія. Примите и проч.

XXVI.

Спб. 21 января 1837.

Поставляю себѣ пріятною обязанностію увѣдомить в. в. п—во, что дѣло Кузнецовыхъ ([30])рѣщено, кажется, въ ихъ пользу и по вашему желанію. Нужно только будетъ перепечатать заглавный листъ и исполнить нѣкоторые цензурные обряды. Но книга отъ погибели спасена. О семъ счастливомъ успѣхѣ извѣстилъ меня Сербиновичъ и просилъ меня пересказать вамъ, сколь ему пріятно было имѣть въ семъ случаѣ воз-

([29]) Пѣсни эти переведены Петровымъ въ прозѣ. Упоминаемый экземпляръ долженъ нынѣ храниться въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

([30]) Московскіе книгопродавцы Кузнецовы, у которыхъ цензура останавливала изданіе Христіанскаго Календаря.

можность содѣйствовать исполненію воли вашей. Давно собирался я писать къ вамъ, поблагодарить васъ за всѣ одолженія, поздравить васъ съ наступившимъ годомъ и пожелать вамъ всѣхъ благъ и столько же лѣтъ, сколько отпраздновали мы на дняхъ у княгини Натальи Петровны Голицыной на ея столѣтнемъ (или безъ малаго) юбилеѣ. Но досадная гриппа мнѣ во всемъ помѣшала. Худо кончилъ я старый годъ и худо началъ новый. И теперь я еще не совершенно оправился: не могу избавиться отъ кашля и, остались какая-то слабость физическая и умственная дурь. Отъ нихъ страждутъ мои Старина и Новизна. Болѣе мѣсяца не принимался я за перо и за мысль. Начинаю понемногу оживать силами и духомъ и постараюсь вознаградить потерянное время. Нужно спѣшить: говорятъ, что книга, которая явится послѣ великаго поста, книга пропадшая. Ни покупщиковъ ни читателей на нее нѣтъ. Понравилась ли вамъ Капитанская дочька? Видѣли ли вы преображеніе и уже сугубое преображеніе Литературныхъ Прибавленій живаго покойника Воейкова? Я еще не успѣлъ принять дѣятельное участіе въ этой газетѣ за нездоровьемъ своимъ, да и нужно прежде поставить на ноги свое родное дѣтище, а послѣ уже думать про общину. Покрайней мѣрѣ желаемъ мы поддержать это предпріятіе. Теперь, когда запрещено издавать новые журналы, должно смотрѣть на существующіе какъ на маіораты. Кажется, у Плюшара уже тысячи двѣ подписчиковъ. Должно надѣяться, что и Современникъ подниметься. Впрочемъ, новаго ничего нѣтъ въ литературномъ мірѣ нашемъ.

Екатерина Андреевна оправилась и даже помолодѣла. Отъ Андрея получаетъ интересныя письма, и здоровье его въ хорошемъ положеніи. Тургеневъ къ вамъ собирается по приведеніи въ порядокъ своей архивной котомки. Ожидаемъ Сѣверина, который, сказываютъ, будетъ и въ Москвѣ. Сегодня обѣдалъ я у вашей московской Сафо—графини Ростопчиной, которую здѣсь приняли очень хорошо, что̀ довольно рѣдко бываетъ съ новопріѣзжими, особенно изъ Бѣлокаменной.

Вамъ обязанъ я переломомъ моего письменнаго бездѣйствія и надѣюсь, что̀, начавши съ васъ, свыкнусь опять съ перомъ, которое я было разучился держать въ пальцахъ. Я исполнилъ обязанность сердца и совѣсти и прошу васъ принять и проч.

XXVII.

Спб. іюня 17, 1837 г.

Спѣшу доставить в. в. п-ву только что вышедшій 1-й № Современника. Надѣюсь этою поспѣшностію закупить ваше великодушіе и заслужить полное прощеніе за долгое, но не совсѣмъ виновное молчаніе. Впрочемъ, нынѣшнее приношеніе можетъ отчасти служить извиненіемъ и оправданіемъ моимъ, и Современникъ содержитъ въ себѣ исторію моего молчанія. Тутъ и скорбь моя, и заботы, и болѣзнь, все, что̀ тягчило и развлекало меня и заставляло откладывать до удобнѣйшаго времени отраду и исполненіе сердечной обязанности. Всего бумагѣ не передать, но истинно, во все это время я ни къ чему не былъ способенъ, и болѣзнь моя, а особенно какое-то разслабленіе въ глазахъ, которое меня сначала очень напугало, да и теперь еще безпокоитъ и лишаетъ возможности постоянно заниматься чтеніемъ и письмомъ, довершили мои огорченія и совершенно разстроили меня физически и морально. Нужно было бы мнѣ разсѣять скорби и недуги свои заграничною поѣздкою, но обстоятельства не позволили мнѣ воспользоваться симъ цѣлительнымъ средствомъ, и пока пью здѣсь воды и выхаживаю свои урочные часы по пыльнымъ улицамъ, отчего въ ожиданіи благопріятныхъ послѣдствій для ипохондріи моей—а дождусь ли ихъ, иль нѣтъ, Богъ вѣдаетъ — я пока еще болѣе порчу глаза.

Тургеневъ порадовалъ насъ пріятною надеждою на свиданіе съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ. Милости просимъ! Ожидаемъ и зовемъ васъ всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями нашими, хотя вашъ тѣсный кругъ ужасно осиротѣлъ, и осталось въ немъ пустое мѣсто, которое намъ уже не замѣстить. Незадолго до кончины Пушкинъ перечитывалъ ваши сочиненія и говорилъ о нихъ съ живѣйшимъ участіемъ и уваженіемъ. Особенно удивлялся онъ мастерской отдѣлкѣ вашего шестистопнаго стиха въ переводахъ Попе и Ювенала. Козловскій убѣждалъ его перевесть Ювеналову сатиру *Желанія*, и Пушкинъ изучалъ прилежно данные вами образцы. Сколько драгоцѣнныхъ начинаній найдено въ его бумагахъ! Большая часть изъ нихъ, особенно стихотворныхъ, будетъ напечатана въ книжкахъ Современника.

Кончено ли дѣло книгопродавца Кузнецова и кончено ли въ пользу его? Я покрайней мѣрѣ употребилъ всѣ средства къ тому, и меня обнадежили въ успѣхѣ. Если же нѣтъ еще рѣшительнаго конца, то я готовъ опять хлопотать. — Если увидите С. Л. Пушкина, потрудитесь передать ему мое почтеніе и сказать, что на дняхъ буду писать къ нему. Изъ моей тарабарской грамоты, которая еще болѣе прежняго неуклюжа и уродлива, вы должны видѣть, что я пишу съ трудомъ, потому что и вы вѣрно съ трудомъ меня читаете. — Если вы уже изволили подписаться на Современникъ, то прошу увѣдомить меня — гдѣ, дабы редакція могло отмѣтить экземпляръ, нынѣ къ вамъ присылаемый. Вы безъ сомнѣнія уже знаете, что мы издаемъ его въ пользу семейства Пушкина и не откажетесь быть подписчикомъ. Хорошо бы, если бы въ память Пушкина, обогатили вы насъ хотя и малою вкладчиною пера вашего, хоть для того, чтобы Карамзину не быть одному.

XXVIII.

Спб. 13 авг. 1837.

Имѣю честь поздравить в. в. п-во съ благополучнымъ возвращеніемъ во свояси, ибо я знаю, что вы благополучно, бодро и въ добрый часъ пріѣхали, застали еще московскія веселья, августѣйшихъ гостей, Жуковскаго, и поспѣли на высочайшую вечеринку, гдѣ были вы очень милостиво обласканы. Вы изволите видѣть, что тайная моя полиція бдительна и внимательна. — Препровождаю къ вамъ при семъ вторую книжку Современника. А между тѣмъ, для нашей редакторской отчетности, осмѣливаюсь просить васъ взять по билету, который вы имѣете отъ Ширяева, двѣ вышедшія книжки Современника на нынѣшній годъ и отдать ихъ Сергѣю Львовичу Пушкину, чтобы не пересылать въ Москву лишняго экземпляра и очистить счетъ тѣхъ, которые пересылаются къ Ширяеву. А я буду уже доставлять вамъ прямо отсюда и скорѣе книжки вамъ принадлежащія, по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ (не рѣшился я сказать *оныхъ*, потому что всевидящее око Сенковскаго могло бы проникнуть тайну и частнаго письма и сдѣлать мнѣ по случаю **оному** строжайшій выговоръ въ съѣзжемъ домѣ своей Библіотеки). Мы живемъ постарому, тихо и однообразно. Петербургъ опустѣлъ и присмирѣлъ по отъѣздѣ своихъ хозяевъ:

Пусты домы, пусты рощи,
Пустота у насъ въ сердцахъ,

какъ во времена, воспѣтыя Державинымъ. Прибавлю:

Пустота и въ головѣ.

Одиночество нѣсколько оживлено прибываніемъ здѣсь Дениса Давыдова, въ которомъ сохранились по прежнему веселость и живость неистощимая.

XXIX

Спб. сент. 22. 1837

(послѣднее письмо)

Имѣю честь поздравить в. в. п-во со днемъ вашихъ имянинъ, душевно жалѣя, что не могу за столомъ у дорогаго именинника осушить заздравный бо-

калъ въ честь ему на многія и многія лѣта. Но поздравленія и желанія мои, хотя и заочныя, неменѣе чистосердечны и согрѣты живѣйшимъ чувствомъ любви и преданности. Сердце сердцу вѣсть даетъ, и я не сомнѣваюсь, что вы съ довѣренностію откликнетесь на мой отдаленный голосъ. Позвольте поднести вамъ на этотъ день смиренный подарокъ и просить васъ отвести ему уголокъ, на одной изъ стѣнъ вашего кабинета, населеннаго портретами. Эти портреты взяты изъ большой картины ([31]), изображающей парадъ. Вы, вѣроятно, видѣли эту картину въ эрмитажѣ. —Я давно собирался писать къ вамъ и поблагодарить за письмо ваше, но за переѣздомъ изъ Царскаго Села, за совершеніемъ тяжелаго перваго переселенія изъ одной городской квартиры въ другую, что для меня сопряжено всегда съ заботами и скорбью, потому что я какъ камень прирастаю къ мѣсту своего жительства, и наконецъ за возвращеніемъ моего директора изъ отпуска и сдачею ему департамента, ввѣреннаго мнѣ на время отсутствія его, за всѣми этими недосугами и житейскими повинностями, я не могъ донынѣ на свободѣ исполнить пріятнѣйшую для меня обязанность. Но я надѣюсь, что вы великодушно простите мнѣ мое невольное молчаніе и не припишете его непростительному забвенію, или что еще хуже—неблагодарности за лестное и драгоцѣнное благорасположеніе ко мнѣ, коимъ я всегда дорожу и за которое вамъ и словомъ и молчаніемъ я неизмѣнно благодаренъ.—Новаго здѣсь ничего нѣтъ; впрочемъ сфера новостей теперь къ вамъ приближается, и скоро Москва будетъ столица, а Петербургъ—провинція: слѣдовательно намъ ждать отъ васъ вѣстей, пищи и богатыхъ и великихъ милостей. Карамзины еще въ Царскомъ Селѣ и не будутъ сюда ранѣе первыхъ чиселъ октября. И китайская фрейлина ([32]) Наталья Яковлевна наслаждается тамъ еще холодомъ и благорастворенiемъ воздуха на сквозныхъ вѣтрахъ. Я наконецъ тамъ прозябъ и переѣхалъ отогрѣваться въ городъ. Между заграничными литературными новинками отличаются занимательностію Les mémoires du chevalier d' Eon, и Воспоминанія о Коленкурѣ. Въ томъ и другомъ сочиненіи много свѣдѣній о Россіи, въ особенности въ послѣднемъ. Читали-ли вы въ книжкѣ 1 августа журнала Revue de deux mondes біографическую статью о Пушкинѣ? Она вырѣзана цензурою, но, можетъ быть, найдете ее у Булгакова. Въ ней есть кое-кто справедливаго, и вообще писана она съ умомъ и хорошо, но много заключаетъ въ себѣ и неблагонамѣренныхъ и ложныхъ обвиненій. Русская же литература спитъ себѣ богатырскимъ сномъ. На дняхъ пронесся было слухъ, что на Булгарина напали въ Нарвѣ разбойники, но слухъ не оправдывается. О всемірномъ нашемъ путешественникѣ, т. е. о Тургеневѣ, нѣтъ еще вѣсти изъ Парижа. Третья книжка Современника печатается и явится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Собяраетъ ее Одоевскій. Не угодно-ли вамъ будетъ передать вашъ лишній экземпляръ Булгакову для пересылки ко мнѣ ([33]).

([31]) Вѣроятно, живописца Чернецова.

([32]) Т. е. жившая въ одномъ изъ Царскосельскихъ Китайскихъ домиковъ.

([33]) И. И. Дмитріевъ еще могъ получить и читать это письмо: онъ скончался, послѣ недолгой болѣзни, 3 октября 1837 года.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА ДЕ БАЛЬМЕНА,

Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ, на островѣ Святой Елены.

1816.

MES INSTRUCTIONS.

Les puissances de l'Europe ayant résolu d'un commun accord que Bonaparte serait envoyé à S-te Hélène et gardé dans cette île sous la surveillance et la responsabilité de l'Angleterre, on est convenu que chacune d'elles aurait la faculté d'y placer un commissaire.

L'empereur a fait choix de vous pour remplir cette mission et sa majésté espère que vous justifierez, par le zèle et l'intelligence avec laquelle vous vous en acquitterez, la confiance qu'elle vous témoigne en cette occasion.

Vous vous rendrez donc d'ici à Londres et vous combinerez avec le ministère anglais, sous les auspices du c-te de Lieven, les moyens de vous transporter à votre nouvelle destination. C'est sous les ordres immédiats de cet ambassadeur que l'intention de l'empereur est que vous vous trouviez placé.

Vous suivrez donc en tout les directions qu'il vous fera parvenir désormais, et dans ce moment même, celles que nécessiteront les arrangements qu'il prendra à votre égard avec le ministère anglais. Je ne pourrais de mon côté que vous tracer quelques aperçus géneraux sur la manière dont votre mission doit etre envisagée.

Ce n'est point pour augmenter les moyens de surveillance et encore moins pour contrôler ceux que l'Angleterre prendra, que l'on s'est décidé à l'envoi des commissaires. Notre confiance à cet égard dans la loyauté du gouvernement britannique doit être entière, et il n'est pas douteux que l'intervention de plusieurs agents d'autres puissances, loin de faciliter et de renforcer les mesures de sureté, ne ferait que les compliquer et pourrait même les compromettre.

C'est l'Angleterre qui s'est chargée de toute la responsabilité, c'est donc à elle qu'il faut abandonner le choix des moyens qu'elle jugera nécessaire à cet effet. Il s'est agi de donner à cette affaire un caractère européen, de constater que Bonaparte est le prisonnier de l'Europe et de calmer l'opinion publique si fortement agitée dans tous les pays, et c'est dans cette vue que l'on a conçu l'idée d'envoyer à S-te Hélène des commissaires de chaque puissance.

Pour se conformer aux motifs que je viens de vous exposer vous éviterez donc soigneusement d'intervenir et de vous prononcer sur les mesures que prendront le gouverneur et les autorités anglaises. Votre rôle sera purement passif. Vous observerez tout et rendrez compte de tout. Vous apporterez dans vos rapports avec les fonctionnaires anglais l'esprit de conciliation analogue aux liens d'alliance et d'amitié qui unissent les deux cours.

Dans vos relations avec Bonaparte vs garderez les ménagements et la mesure qu'exigent une situation aussi délicate et les égards personnels qu'on lui doit. Vous n'éviterez ni ne rechercherez les occasions de le voir et vous vous

conformerez à ce égard strictement aux règles, qui seront établies par le gouverneur. Mais vous noterez journellement tout ce que vous apprendrez de lui, vous vous appliquerrez surtout à ecrire tout ce que ses conversations, soit avec vous, soit avec les commissaires des autres puissances ou avec d'autres personnes, pourront offrir de saillant.

Un journal exact, tenu avec soin et régularité, ne pourra qu'offrir à l'histoire des matériaux d'un grand intérêt. Cependant jamais cette considération ne doit vous porter à dévier de la marche qui vous est tracée plus haut. Vous adresserez vos rapports au ministère des affaires étrangères et vous les ferez parvenir sous cachet volant par l'entremise du comte de Lieven.

Sa majesté l'empereur a daigné vous accorder un traitement de 1200 livres sterling et 2000 ducats pour subvenir à vos frais de voyage et d'établissement. Vous trouverez ci-joint la copie de l'oukaze relatif à cette bienveillante disposition. (signé) Nesselrode.

Paris.
le $^{18}/_{30}$ septembre 1815.

Инструкція графу Бальмену.

Парижъ $^{18}/_{30}$ сентября 1815 г. Европейскія державы, согласившись между собою отправить Бонапарта на островъ Св. Елены подъ надзоръ и отвѣтственность Англіи, выговорили себѣ право имѣть каждой изъ нихъ на островѣ своего коммисара.

Государь императоръ изволилъ возложить на васъ это порученіе и надѣется, что усердіемъ и благоразумнымъ умѣніемъ въ исполненіи этого порученія вы оправдаете оказываемое вамъ этимъ выборомъ довѣріе.

Согласно этому назначенію, вы имѣете отправиться въ Лондонъ и войти, съ вѣдома и разрѣшенія графа Ливена (¹), въ соглашеніе съ англійскимъ министерствомъ на счетъ способа отправленія вашего на островъ Св. Елены.

Государю императору угодно, чтобы вы состояли въ посредственномъ подчиненіи нашего посланника въ Лондонѣ. Вы по этому обязываетесь во всемъ слѣдовать указаніямъ, которыя, смотря по обстоятельствамъ, послѣдуютъ отъ него, и теперь же подчинитесь мѣрамъ, которыя онъ приметъ относительно васъ съ англійскимъ министерствомъ. Я же съ своей стороны могу только въ общихъ чертахъ намѣтить вамъ смыслъ и значеніе возлагаемой на васъ миссіи.

Рѣшеніе относительно посылки коммисаровъ состоялось не въ видахъ усиленія мѣръ надзора и еще менѣе для контролированія тѣхъ мѣръ, которыя сочтетъ нужными принять Англія. Наше довѣріе въ этомъ отношеніи къ добросовѣстности англійскаго правительства должно быть безусловнымъ, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что вмѣшательство нѣсколько агентовъ другихъ державъ, вмѣсто облегченія и усиленія мѣръ безопасности, только бы усложнило эти мѣры и могло бы даже сдѣлать ихъ несостоятельными.

Англія приняла на себя всю отвѣтственность, слѣдовательно ей надо предоставить и выборъ мѣръ, которыя она найдетъ наиболѣе пригодными. Европейскія державы имѣли въ виду придать этому дѣлу обще-европейскій характеръ, подтвердить и сдѣлать несомнѣннымъ, что Бонапартъ — плѣнникъ Европы, и успокоить общественное мнѣніе, которое такъ сильно встревожено во всѣхъ странахъ: въ этихъ-то видахъ и остановились на мысли объ отправкѣ на островъ Св. Елены коммисаровъ отъ каждой державы.

Чтобы дѣйствовать согласно этимъ видамъ, вы, по этому, тщательно будете

(¹) Графъ, въ послѣдствіи князь, Христофоръ Андреевичъ Ливенъ, генералъ отъ инфантеріи, до 1834 года полномочный посолъ нашъ въ Лондонѣ (+1838).

избѣгать всякаго вмѣшательства и сужденія о мѣрахъ, которыя предпримутъ англійскій губернаторъ и другія власти. Роль ваша должна быть чисто пассивною. Вы должны все наблюдать и обо всемъ давать отчетъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ англійскими должностными лицами блюдите тотъ духъ согласія и миролюбія, который характируетъ настоящія отношенія союзныхъ и дружественныхъ державъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ Бонапартомъ соблюдайте ту умѣренность и пощаду, которыя въ правѣ требовать положеніе столь деликатное и личное уваженіе къ нему. Вы не станете ни избѣгать ни изыскивать случаевъ видѣться съ нимъ, и вообще въ этомъ отношеніи вы должны въ точности держаться правилъ, которыя имѣютъ быть установлены на этотъ предметъ губернаторомъ. Но вы должны отмѣчать ежедневно все что узнаете объ немъ, записывая въ особенности все то, что въ разговорахъ его съ вами или съ коммисарами другихъ державъ окажется особенно замѣчательнымъ.

Точный и тщательно веденный дневникъ представитъ неоцѣнимый матеріалъ для будущаго историка; впрочемъ эта задача отнюдь не должна отклонять васъ съ того пути, который указанъ вамъ выше. Донесенія свои адресуйте въ министерство иностранныхъ дѣлъ и посылайте ихъ подъ открытою печатью черезъ посредство графа Ливена. Его императорское величество опредѣляетъ вамъ 1200 фунтовъ стерлинговъ жалованья и 2000 дукатовъ на ваши путевыя издержки и обзаведеніе.

При семъ прилагается копія съ указа объ этомъ всемилостивѣйшемъ рапоряженіи.

Подписано: Нессельроде.

INSTRUCTIONS DU COMTE DE LIEVEN.

Le ministère impérial, en me faisant connaitre votre destination à l'ile de S-te Hélène et la nature des rapports, qui devra en résulter entre vous et l'ambassadeur de l'empereur à Londres, m'a transmis au nom de sa majésté impériale l'ordre d'accompagner les instructions dont vous êtes muni des indications, que mes relations avec le gouvernement britannique pourraient me faire juger utiles au poste que vous allez occuper.

J'ai cru ne pouvoir mieux suivre les instructions de sa majesté l'empereur à l'égard de la conduite future qui vous est tracée qu'en faisant de vos instructions un sujet de délibération franche avec le secrétaire d'etat dirigeant le département des colonies. Il est important pour vous, monsieur le comte, de savoir que lord Bathurst s'est plu à m'exprimer son parfait assentiment sur les règles qu'il vous est enjoint de suivre jusqu'à ne rien trouver à y ajouter.

Cette circonstance doit redoubler encore, s'il est possible, votre sollicitude à vous conformer strictement aux directions que vous possédez pour vos rapports avec le gouverneur de l'ile, ainsi qu'avec Bonaparte, et en vous ménageant par une conduite toujours égale la confiance du premier, vous serez sûr de vous conserver le vrai moyen de bien remplir la tâche qui vous est imposée. Je vous recommande surtout, d'après les observations très judicieuses de mylord Bathurst, de ne pas vous écarter dans vos relations personnelles avec Bonaparte de la règle qui vous est prescrite pas notre cour, et d'après laquelle ces relations ne doivent être entretenues qu'avec l'aveu et sous les auspices du gouverneur.

Il est un point que le secrétaire d'état a désiré que je vous mentionne particulièrement: il n'est pas impossible que dans la durée de votre séjour à S-te Hélène le hasard vous fasse remarquer quelque omission involontaire dans les mesures établies pour surveiller la personne de

Bonaparte. Dans de pareils cas, je suis chargé par le gouvernement britannique de vous inviter à communiquer franchement vos réfléxions au gouverneur de l'ile.

Telles sont les seules observations que j'ai cru devoir vous faire à la veille de votre départ de Londres. Vous êtes deja instruit, monsieur le comte, des facilités que vous offre la frégate anglaise, le «New Castle» pour votre passage à l'ile de S-te Hélène. Vous y trouverez quelques unes pour votre établissement, qui sont également dues aux soins du gouvernement britannique et qui consistent principalement en une communication régulière avec le cap de Bonne Esperance, dans la vue d'assurer à l'ile de S-te Hélène un marché suffisamment pourvu de vivres.

En vous engageant à ne pas me laisser manquer de vos nouvelles je me ferai de mon côté un plaisir de vous tenir au courant de celles qui pourront vous interesser. (signé) Lieven.

Londres
Ce 15/27 mars 1816.

Инструкція графа Ливена.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, увѣдомляя меня о вашемъ назначеніи на островъ Св Елены и о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя вы вслѣдствіе того имѣете вступить съ русскимъ посольствомъ въ Лондонѣ, именемъ государя императора предписало мнѣ къ инструкціи, которою вы уже снабжены, присовокупить тѣ указанія, которыя я, по постояннымъ сношеніямъ своимъ съ великобританскимъ правительствомъ, призналъ бы нужными для возложеннаго на васъ порученія.

Мнѣ казалось, что, подвергнувъ данную вамъ инструкцію откровенному обсужденію съ статсъ - секретаремъ завѣдующимъ департаментомъ колоній, я не могъ лучше исполнить предписанія государя императора относительно образа дѣйствій вашихъ на остр. св. Елены. Весьма важно вашему сіятельству знать, что лордъ Батурсъ съ удовольствіемъ изъявлялъ мнѣ полное свое одобреніе тѣхъ мѣръ, которыя предписаны вамъ къ исполненію и которыхъ онъ съ своей стороны не нашелъ нужнымъ дополнять.

Это обстоятельство должно удвоить, если только возможо, стараніе ваше въ точности придерживаться, въ сношеніяхъ вашихъ съ губернаторомъ острова и съ Бонапартомъ, данной вамъ инструкціи; имѣйте въ виду, что, заслуживъ вашимъ постоянно-ровнымъ поведеніемъ довѣріе губернатора, вы пріобрѣтете себѣ вѣрнѣйшее средство для наилучшаго исполненія возложенной на васъ обязанности. Совѣтую, по весьма справедливому замѣчанію лорда Батурса, держаться въ вашихъ личныхъ сношеніяхъ съ Бонапартомъ предписаннаго дворомъ нашимъ правила: не имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, кромѣ разрѣшенныхъ и одобренныхъ англійскимъ правительствомъ. Статсъ-секретарь желаетъ, чтобы я частнымъ образомъ обратилъ ваше вниманіе еще на слѣдующій пунктъ. Весьма возможно, что, во время пребыванія вашего на островѣ, вы могли бы замѣтить какое нибудь невольное упущеніе въ мѣрахъ, принятыхъ для надзора за особою Бонапарта; въ подобномъ случаѣ англійское правительство поручаетъ мнѣ просить васъ откровенно сообщать объ этомъ ваше мнѣніе губернатору острова.

Этимъ и ограничиваются замѣчанія, которыя я счелъ нужнымъ сдѣлать вамъ передъ отъѣздомъ вашимъ изъ Лондона. Вашему сіятельству уже извѣстно, какія удобства для переправы на остр. Св. Елены представляетъ вамъ англійскій фрегатъ Ньюкастель. По прибытіи на островъ, вы узнаете о заботливыхъ мѣрахъ, принятыхъ англійскимъ правительствомъ относительно пребыванія вашего тамъ и заключающихся главнымъ образомъ въ учрежденіи правильнаго

сообщенія съ мысомъ Доброй Надежды, который. можетъ обезпечить острову хорошо снабженный съѣстными припасами рынокъ.

Прошу васъ извѣщать меня о себѣ и съ своей стороны вмѣню себѣ въ удовольствіе постоянно сообщать вамъ о всемъ, что̀ можетъ васъ интересовать.

Подписано: Ливенъ.

Лондонъ сего $^{15}/_{27}$ марта 1816 г.

№ 1.

COMMUNICATION OFFICIELLE

du comte de Nesselrode, reçue à S-te Hélène le 7 juin 1818 n. st.

Monsieur le comte,

Nous sommes en possession de vos rapports jusqu'au № 13. Ils continuent à nous offrir des détals bien conçus. Sa majesté l'empereur les lit avec plaisir et nous ordonne de vous en témoigner son entière satisfaction.

Rien ne saurait être ajouté, monsieur le comte, aux règles générales qui ont été tracées pour votre conduite dans l'instruction dont vous avez été primitivement muni. C'est en vous y conformant avec une scrupuleuse exactitude, que vous parviendrez à embellir une situation que vous nous depeignez quelquefois sous des couleurs rembrunies.

Ce résultat est facile à obtenir. L'estime de vos collègues vous est acquise: travaillez à inspirer le même sentiment aux autorités britanniques qui vous environnent, à écarter de vos rapports avec elles tout motif de méfiance; et si la connaissance particulière que vous etiez appelé à faire de Napoléon est de nature à entrainer des complications et à autoriser des inquiètudes, vous pouvez dès-lors y renoncer. L'empereur n'attache aucun prix à ce que vous étendiez la sphère de vos observations pour atteindre ce but.

Le ministère vous engage, monsieur le comte, à mettre à votre correspondance autant de suite que possible, à raison de l'intérêt dont sa majesté impériale la juge digne.

Recevez l'assurance de la parfaite consideration avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, votre très humble et très obéissant serviteur Nesselrode.

Moscou
le 28 novembre
1817.

A m-r. le c-te de Balmain.

Оффиціальное сообщеніе

графа Нессельроде полученное на островѣ Св. Елены 7-го іюня 1818 г. нов. стиля.

Ваше сіятельство. Мы получили ваши рапорты до № 13, и они постоянно сообщаютъ намъ прекрасно составленныя и подробныя донесенія. Его императорское величество читаетъ ихъ съ удовольствіемъ и поручилъ мнѣ выразить вамъ по этому поводу совершенное его одобреніе.

Къ правиламъ, начертаннымъ вамъ относительно поведенія вашего въ первой иструкціи, не можетъ быть сдѣлано никакого прибавленія. Строго придерживаясь ихъ, вы можете нѣсколько улучшить ваше положеніе, которое иногда описываете темными красками. Этого не трудно будетъ достигнуть. Вы уже пріобрѣли уваженіе вашихъ сотоварищей; постарайтесь внушить тоже чувство окружающимъ васъ англійскимъ властямъ, устраните изъ отношеній съ ними всякій поводъ къ недовѣрію и если частное знакомство, котораго вамъ велѣно было искать съ Наполеономъ, можетъ усложнить дѣло или возбудить подозрѣнія, то васъ уполномочиваютъ отказаться отъ него. Императоръ нисколько не считаетъ нужнымъ расширенія съ этою цѣлью круга вашихъ наблюденій. Министерство проситъ васъ, ваше сія-

тельство, соблюдать возможную послѣдовательность въ вашей перепискѣ по причинѣ интереса, котораго удостоивается она со стороны его императорского величества.

Пріимите увѣреніе мое въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть вашего сіятельства преданный и покорный слуга Нессельроде.

Москва 28 ноября 1817.

MES RAPPORTS AU COMTE DE NESSELRODE.

No. 2.

S-te Hélène ce 18 juin 1816 n. st. Par le Northumberland, vaisseau de ligne. Amiral Cockburn.

Monsieur le comte,

Je mets en ce moment pied à terre à S-te Hélène. Nous y sommes arrivés après une traversée de sept semaines. C'est la plus heureuse connue jusqu'à présent. L'amiral Cockburn, qui vient d'être remplacé dans son commandement par l'amiral Malcolm, est si pressé de retourner à Londres, que je ne puis guère donner à v. e. d'autre nouvelle. Il veut absolument partir demain au lever du soleil. Sur la fin de cette semaine un vaisseau des Indes fera voile pour l'Europe. J'espère avoir alors des détails interessants à communiquer. J'ai l'honneur d'etre &.

Мои донесенія графу Нессельроде.

Островъ Св. Елены 18 іюня 1816 г. нов. ст. съ линейнымъ кораблемъ Нортумберландъ, адмиралъ Кокбурнъ.

Ваше сіятельство,

Я только что высадился на островъ Св. Елены, куда мы прибыли послѣ семинедѣльнаго плаванія, счастливѣйшаго изо всѣхъ доселѣ совершенныхъ. Адмир. Кокбурнъ, котораго замѣнилъ Малькольмъ, такъ торопится своимъ возвращеніемъ въ Лондонъ, что мнѣ на этотъ разъ невозможно доставить вашему сіятельству другихъ свѣдѣній. Завтра съ восходомъ солнца онъ хочетъ непремѣнно пуститься въ путь. На этой недѣлѣ корабль Остъ-индской компаніи отправляется въ Европу, и къ этому времени надѣюсь собрать интересныя подробности для сообщенія вашему сіятельству.

No. 3.

S-te Hélène ce 29 juin 1816 n. st. Par le Hecats Brig. capt. Mathews.

Monsieur le comte,

Un brig anglais, le «Hecats», capt. Mathews, nous est arrivé ce matin du Cap de Bonne Esperance et l'on vient de m'annoncer son départ à demain après minuit. Je me fais un devoir de profiter de cette occasion pour avoir l'honneur d'ecrire à v. e. Mais je la supplie de se contenter aujourd'hui d'une relation très imparfaite. Je n'ai encore eu que le temps de me mettre en rapport avec le gouverneur et de jeter un coup d'oeil partout sans m'arrêter à rien.

Comme il n'est guère possible de donner une description de S-te Hélène autre que celles deja répandues en Europe, je me borne à répéter que c'est l'endroit du monde le plus triste, le plus inabordable, le plus facile à défendre, le plus difficile à attaquer, le plus cher et surtout le plus propre à l'usage qu'on en fait maintenant. Telle est l'idée générale qu'on en doit avoir.

Toute entreprise au dehors contre cette ile serait en pure perte, — je crois pouvoir l'assurer dès à présent. La nature y a mis les premiers et les plus grands obstacles, et le gouvernement anglais ne cesse d'y ajouter des moyens de défense, dont la plupart même paraissent inutiles. Trois régiments d'infanterie, cinq compagnies d'artillerie, un détachement de dragons pour le service d'un état-major assez considérable, forment

le gros de la garnison. Deux frégates dont l'une de 50 pièces, quelques brigs et chaloupes gardent la mer. Le nombre de canons disposés sur les côtes et dans l'intérieur du pays est effrayant.

Sir Hudson Lowe doit me remettre ces jours-ci un état exact de ses troupes, ainsi que le plan militaire de l'île. Je m'empresserai de les joindre à mes rapports suivants. La plus stricte discipline est établie sur tous les points pour la surveillance directe et indirecte de Bonaparte. Le jour on ne se promène en certains endroits qu'avec un passeport du gouverneur. La nuit on ne va nulle part sans le mot d'ordre. En quelque sens qu'on se retourne on ne voit que sentinelles, postes et patrouilles. L'ex-empereur occupe à Longwood le pavillon du lieutenant-gouverneur. Un terrain de plusieurs milles de circonférence est à sa disposition, il y jouit d'une liberté parfaite. La garde même n'en approche qu'après son coucher et cerne la maison jusqu'au lendemain. S'il lui prend envie de passer cette enceinte, toujours bordée de troupes, de campements et défendue par un parc d'artillerie, il est suivi d'un officier, qui ne le perd jamais de vue. Il faut aussi que ceux qui veulent y entrer, n'importe comment et pourquoi, soient munis d'un permis extraordinaire. Sur mer les réglements sont encore plus sévères. Le jour où notre vaisseau parut devant la rade de S-t James, une des batteries du fort lui tira un boulet de 25, parceque l'amiral Malcolm s'était dispensé d'envoyer quelqu'un à terre pour annoncer son arrivée. Nul bateau après le coup de canon du soir ne peut sortir ni bouger. Il y a des officier chargés uniquement de les connaitre et de s'en assurer durant la nuit. Cet état de choses a privé S-te Hélène d'un grand moyen d'éxistence, la pêche. Elle ne se fait maintenant que de jour, et le poisson devient aussi rare que la viande fraiche.

Je ne veux pas, monsieur le comte, hasarder une opinion sur toutes ces mesures de sureté, mais j'avoue que j'ai de la peine à en concevoir l'utilité réelle. Une ile détachée du reste de la terre, où l'on n'arrive que par un seul vent, où l'on n'entre que d'un seul côté, où les rochers sont entassés les uns sur les autres et forment des précipices à chaque pas, pourrait, ce me semble, être gardée par un mode plus simple et à beaucoup moins de frais.

Je vais maintenant parler à v. e. de Bonaparte lui même. Ses dispositions mentales sont assez inégales, le plus souvent il a de l'humeur. Mais son corps ne se ressent aucunement de ses chagrins d'esprit. Il est toujours en bonne santé et menace de vivre longtemps. Personne n'a deviné encore s'il est résigné à son sort ou s'il entretient des espérances. On dit qu'il comptait beaucoup sur l'opposition en Angleterre pour sortir de S-te Hélène. Ce qu'il y a de sûr, c'est qu'il proteste toujours contre son arrestation et se fait traiter à Longwood en empereur. Bertrand, Montholon, Las Cases, Gourgaud et toute sa suite lui rendent comme autrefois les plus grands honneurs. Il reçoit ordinairement les étrangers, qui demandent à le voir, mais il ne donne ni repas, ni soirées et ne sort jamais de son enceinte. La présence d'un officier anglais, qui doit l'accompagner, le gêne et le fait souffrir. Il se lève à midi, déjeune, s'occupe chez lui à differentes choses jusqu'à 3 heures, admet à 4 les personnes qui lui sont annoncées, se promène ensuite à pied ou en calèche à six chevaux, rarement à cheval, dine à 8, ne reste à table que $^3/_4$ d'heure, fait sa partie de reversi, se couche et se lève la nuit à plusieurs reprises pour travailler. Il écrit son histoire à l'aide du Moniteur et apprend aussi l'anglais. Sa conversation serait intéressante si on pouvait la suivre, car il se laisse aller quand ou sait s'y

prendre. Mas il ne voit habituellement que ses Français, et ce qu'il a dit en passant aux Anglais, excepté peut-être à l'amiral Cockburn, est ou défiguré par leur vanité nationale ou ne prouve rien. Le général Lowe le traite avec tous les ménagements possibles et se prête même en quelque sorte à sa manie de faire l'empereur. Malgré cela il ne l'aime pas et ne l'a vu que trois ou quatre fois. Il semble distinguer un peu l'amiral Malcolm, qui joue en perfection le bon enfant et ne se départira pas plus que l'autre de la ligne qui lui est tracée.

J'ajouterai, comme chose assez curieuse, qu'il a enfin quitté l'uniforme et pris un habit de chasse. Je me flatte, monsieur le comte, de pouvoir vous adresser bientôt un rapport plus intéressant. Daignez agréer en attendant l'assurance du respect avec lequel etc.

Островъ Св. Елены 29 іюня 1816 г. нов. ст. съ Гекатсъ-бригомъ, капитанъ Матьюсъ.

Ваше сіятельство,

Сего дня съ мыса Доброй Надежды прибылъ къ намъ англійскій бригъ Гекатсъ, капитанъ Матьюсъ. Сей часъ извѣстили меня, что онъ уходитъ отсюда завтра послѣ полуночи, и я поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ для донесенія вашему сіятельству; но я убѣдительнѣйше прошу васъ, на сей разъ, удовольствоваться весьма неполной реляціей. Я едва только успѣлъ вступить въ сношенія съ здѣшнимъ правительствомъ и бросить бѣглый взглядъ на все вообще, не останавливаясь ни на чемъ въ особенности. Такъ какъ невозможно сдѣлать другаго описанія острова, кромѣ того, которое уже достаточно извѣстно въ Европѣ, то я ограничусь повтореніемъ извѣстнаго, что это скучнѣйшее въ мірѣ мѣсто, неприступнѣйшее, весьма легко защищаемое и трудно атакуемое, дорогое для жизни и наиболѣе соотвѣтствующее настоящему своему назначенію. Смѣю утвердить уже теперь, что всякая внѣшняя попытка противъ острова осталась бы совершенно безуспѣшною. Природа первая возвела здѣсь величайшія и непреодолимѣйшія препятствія. Англійское правительство съ своей стороны не перестаетъ усиливать средства къ защитѣ, изъ коихъ большая часть кажутся совершенно излишними. Три пѣхотныхъ полка, пять ротъ алтиллеріи, отрядъ драгунъ, назначенный для служенія значительному генеральному штабу, образуютъ главное ядро гарнизона. Два фрегата, изъ коихъ одинъ 50-ти пушечный, нѣсколько бриговъ и шлюпокъ охраняютъ островъ съ моря. Число пушекъ, расположенныхъ по берегамъ и внутри острова, громадно. Сиръ Гудсонъ-Лоу обѣщалъ мнѣ на дняхъ сообщить свѣдѣнія о его войскѣ и военный планъ острова, и я поспѣшу пріобщить эти свѣдѣнія къ моимъ послѣдующимъ донесеніямъ. Самая строгая дисциплина введена на всѣхъ пунктахъ острова, для прямаго и косвеннаго наблюденія за Наполеономъ. Въ извѣстныхъ частяхъ острова, даже днемъ, не пропускаютъ иначе, какъ съ паспортомъ отъ губернатора; ночью же нельзя никуда идти безъ пароля. Въ какую сторону вы ни взгляните (куда не повернетесь) – всюду видите часовыхъ и патрулей. Бывшій императоръ помѣщается въ Лонгвудѣ, въ павильонѣ намѣстника. Пространство на нѣсколько миль въ окружности предоставлено въ полное его распоряженіе, и онъ пользуется на немъ безусловною свободою. Самая даже стража его не переступаетъ этой границы, иначе какъ по удаленіи его ко сну и оцѣпляетъ домъ до слѣдующаго утра; когда же ему приходитъ желаніе вытти за черту означеннаго пространства, постоянно охраняемаго войсками и защищеннаго артилерійскимъ паркомъ, за нимъ всюду слѣдуетъ офицеръ, обязанный ни на минуту не терять его изъ виду; а также никто изъ желающихъ, почему бы то ни было, его видѣть, не можетъ быть къ нему допущенъ безъ особаго дозволенія.

Морскія правила еще строже. Въ день приближенія къ пристани Св. Джемса, корабль нашъ встрѣченъ былъ залпомъ изъ 25 орудій съ крѣпостной батареи, потому что нашъ адмиралъ Малькольмъ не счелъ нужнымъ послать на берегъ объявить о нашемъ прибытіи. Послѣ вечерняго выстрѣла ни одна лодка не смѣетъ двинуться съ мѣста или выдти изъ пристани. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ отряжены единственно для того, чтобы осматривать эти суда и задерживать ихъ на ночь. Такое положеніе дѣлъ лишило островъ Св. Елены главнаго его промысла, рыбной ловли: она производится теперь только днемъ, и рыба становится здѣсь такою же рѣдкостью, какъ свѣжее мясо.

Не желаю, ваше сіятельство, произносить слишкомъ поспѣшнаго сужденія обо всѣхъ этихъ мѣрахъ предосторожности, но признаюсь вамъ, не могу понять ихъ дѣйствительной необходимости. Островъ, столь отдаленный отъ материка, доступный кораблямъ только при извѣстномъ вѣтрѣ и только съ одной стороны, загроможденный скалами, которыя на каждомъ шагу образуютъ непроходимыя пропасти, могъ бы, мнѣ кажется, охраняться проще и съ меньшими издержками. Теперь перехожу къ самому Наполеону. Умственное его расположеніе довольно неровно; по большей части онъ не въ духѣ, но физически онъ нимало не страдаетъ отъ душевныхъ тревогъ; здоровье его превосходно и заставляетъ опасаться долгой жизни. Никто до сихъ поръ не могъ угадать, примирился ли онъ съ свой участью или продолжаетъ еще питать надежды. Говорятъ, что онъ разсчитывалъ на оппозицію въ Англіи для своего освобожденія. Достовѣрно только то, что онъ до сихъ поръ протестуетъ противъ своего ареста и требуетъ, чтобы въ Лонгвудѣ съ нимъ обращались какъ съ императоромъ. Бертранъ, Монтолонъ, Ласказъ, Гурго и вся его свита продолжаютъ отдавать ему всѣ прежнія почести. Онъ принимаетъ постоянно иностранцевъ, желающихъ его видѣть, но не даетъ ни вечеровъ, ни обѣдовъ и никогда не выходитъ за свою черту. Присутствіе англійскаго офицера, обязаннаго слѣдовать за нимъ всюду, стѣсняетъ и заставляетъ страдать его. Онъ встаетъ въ полдень, завтракаетъ, занимается у себя разными дѣлами до 3-хъ часовъ, допускаетъ въ четыре доложенныхъ ему посѣтителей, затѣмъ гуляетъ пѣшкомъ или въ коляскѣ въ шесть лошадей, изрѣдка верхомъ, обѣдаетъ въ 8 часовъ, сидитъ за столомъ не болѣе 3/4 часа и садится за партію въ реверси; затѣмъ ложится спать и встаетъ нѣсколько разъ въ теченіи ночи для занятія: съ помощію Монитёра онъ пишетъ свою исторію и учится по англійски. Его разговоръ могъ бы быть интересенъ, еслибъ можно было слѣдить за нимъ послѣдовательно, потому что онъ дѣлается разговорчивъ съ тѣмъ, кто только умѣетъ за него взяться. Но обыкновенно онъ видится только съ своими Французами, все же, сказанное имъ мимоходомъ Англичанамъ, за исключеніемъ развѣ адмиралу Кокбурну, или исковеркано ихъ національныхъ тщеславіемъ или весьма незначительно. Генералъ Лоу обращается съ нимъ съ величайшею деликатностію, потворствуетъ даже до нѣкоторой степени страсти разыгрывать императора. Тѣмъ не менѣе онъ не любитъ его, и видѣлся съ нимъ только три или четыре раза. Онъ, какъ будто, оказываетъ нѣкоторое предпочтеніе адмиралу Малькольму, который отлично разъигрываетъ передъ нимъ добраго малаго, но съ своей стороны не хуже Лоу, съумѣетъ удержаться въ начертанныхъ ему границахъ. Прибавлю еще одно обстоятельство (достойное нѣкотораго интереса) что Наполеонъ наконецъ снялъ мундиръ и замѣнилъ его охотничьимъ платьемъ. Надѣюсь, ваше сіятельство, въ скоромъ времени доставить вамъ болѣе интересное донесеніе.

Примите увѣреніе въ почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть и пр.

No. 4.

S-te Hélène ce 29 juin 1816 n. st. Par le Hecats Brig. Capt. Mathews.

Monsieur le comte,

Pour ne pas donner à mon premier rapport trop d'étendue, je n'y ai fait entrer que des détails relatifs à Bonaparte. L'objet de celui-ci sera d'informer v. e. de ce qui me concerne directement en qualité de commissaire.

Je ne puis que me louer extrêmement de la réception qu'on nous a faite, tant à bord du New-Castle, qu'à S-te Hélène et de l'attention continuelle des autorités anglaises à nous prévenir en tout. Sir Hudson Lowe m'a témoigné de premier abord une confiance qui m'a séduite. Je lui ai de mon coté expliqué sans préambule l'objet de ma commission, et nos rapports se sont établis ainsi tout naturellement. Il s'est engagé à me tenir constamment au courant des nouvelles de l'ile et surtout de ce qui se passe à Longwood. Les deux autres commissaires avaient des ordres positifs de s'assurer par leurs propres yeux de l'existence de Bonaparte et d'en dresser tous les mois un procès-verbal contresigné par le gouverneur. On fit à cet effet une démarche près du maréchal Bertrand. L'ex-empereur demanda si nous lui apportions des lettres de nos souverains. Quand il sut à quel titre on désirait le voir, il se déchaina contre la convention du 2 d'aout, et la chose en resta là. Le cas était assez embarassant pour tout le monde. Le marquis de Montchenu (¹) et le baron de Stürmer (²) d'après leurs instructions, n'etaient tenus à aucun ménagement envers Bonaparte et le général Lowe répugnait à forcer sa porte. Ces messieurs imaginerent donc d'adresser à ce dernier une note des trois commissaires pour en obtenir, si non main forte, du moins un refus officiel, qui put les justifier aux yeux de leurs cours. Comme mes instructions ne me prescrivent rien à cet égard, que je voyais en outre une opposition marquée de la part de sir Hudson Lowe et que sans humilier inutilement le prisonnier de l'Europe, je puis tous les jours le rencontrer et constater son existence, je me suis refusé à cette démarche, qui non seulement blesse tous les égards personnels qu'on lui doit, mais que jamais ni le gouverneur ni l'amiral ne se seraient permis. J'ai l'honneur d'etre ect.

(¹) Французскій коммисаръ.
(²) Австрійскій коммисаръ.

Островъ Св. Елены 1816 года 29 іюня нов. стиля съ Гекатсъ-бригомъ, капитанъ Матьюсъ.

Ваше сіятельство,

Чтобы не слишкомъ распространять мое послѣднее донесеніе къ вамъ, я ограничился въ немъ подробностями, касающимися Наполеона; настоящій же рапортъ мой имѣетъ цѣлію извѣстить ваше сіятельство обо всемъ, до меня касающемся, въ качествѣ коммисара. Я чрезвычайно доволенъ пріемомъ, сдѣланнымъ мнѣ какъ на кораблѣ Нью-кастелѣ, такъ и на островѣ Св. Елены и постояннымъ вниманіемъ къ намъ англійскихъ властей, предупреждающихъ во всемъ наши желанія. Сиръ Гудсонъ-Лоу оказалъ мнѣ на первыхъ же порахъ довѣріе, вполнѣ меня очаровавшее; я съ своей стороны также объяснилъ ему безъ околичностей цѣль моего порученія, и такимъ образомъ отношенія между нами установились весьма естественно. Онъ обѣщалъ доводить до моего свѣдѣнія всѣ новости на островѣ и въ особенности о томъ что̀ будетъ происходить въ Лонгвудѣ. Коммисары двухъ другихъ державъ имѣли точныя приказанія увѣриться собственными глазами въ существованіи Наполеона и ежемѣсячно составлять объ этомъ письменный протоколъ за подписью губернатора. Въ этихъ видахъ обратились они къ

маршалу Бертрану. Бывшій императоръ спросилъ: есть ли у насъ письма къ нему отъ нашихъ государей; но когда онъ узналъ, съ какою цѣлью желаютъ его видѣть, онъ разразился въ ругательствахъ противъ конвенціи 2 августа. Дѣло на этомъ и остановилось. Положеніе было крайне затруднительно для всѣхъ. Инструкціи маркиза Моншеню и барона Штюрмера не обязывали ихъ ни къ какой осторожности въ отношеніи къ Наполеону. Генералъ же Лоу возмущался мыслію ворваться къ нему силою, вслѣдствіе чего господа комисары и придумали подать генералу Лоу ноту отъ имени трехъ коммисаровъ союзныхъ державъ, чтобы получить отъ него если не содѣйствіе силой, то покрайней мѣрѣ оффиціальный отказъ, который могъ бы оправдать ихъ въ глазахъ ихъ правительствъ. Такъ какъ мои инструкціи ничего подобнаго мнѣ не предписываютъ; къ тому же я видѣлъ явную опозицію этому образу дѣйствія со стороны сира Гудсонъ-Лоу и зналъ, что могъ, нимало не оскорбляя плѣнника Европы, встрѣчать его ежедневно и слѣдовательно засвидѣтельствовать объ его существованіи, то я отказался отъ этого поступка оскорбительнаго, по моему мнѣнію, его личному достоинству и котораго никогда не дозволили бы себѣ ни адмиралъ ни губернаторъ. Честь имѣю быть и пр.

No. 5.

S-te Hélène ce 8 septembre 1816 n. st. Par le Cornwallis, vaisseau de ligne. Capt. King.

Monsieur le comte,

Si mon devoir à S-te Hélène se borne à constater l'existence de Bonaparte, comme témoin oculaire et à rendre compte de ce qui se passe hors de sa maison, je ne suis nullement en peine de le remplir. Sir Hudson Lowe m'a ouvert tous les chemins de l'ile et celui de Longwood jusqu'à la porte. Mais si v. e. s'attend, comme de raison, à un journal intéressant, qui puisse un jour servir de guide à l'histoire, je crains fort de ne pouvoir répondre à son attente.

Napoléon s'est fait un principe de ne plus sortir de ses limites, de ne voir le monde qu'en passant et de garder une représentation impériale. Tant que cette manière d'être durera, je ne pourrai ni l'écouter souvent, ni l'interroger, ni l'observer de près, et ma correspondance à son sujet ne sera qu'un amusement.

Ce qui m'a frappé dès l'instant de mon arrivée et ce qui toutefois est assez naturel, c'est l'ascendant énorme que cet homme, entouré de gardes, de rochers, de précipices, a encore sur les esprits. Tout à S-te Hélène se ressent de sa supériorité. Les Français tremblent à son aspect et se croient trop heureux de le servir. Las Cases dit à qui veut l'entendre: «Ma félicité consiste à contempler sans cesse un héros, un prodige». Les Anglais n'en approchent plus qu'avec timidité. Ceux même, qui le gardent, briguent un regard, un entretien, un mot. Personne n'ose le traiter en égal. Son génie, qui dans cet abaissement de fortune ne peut se fixer à rien de grand, s'amuse à tirer parti de ces dispositions pour tracasser ce monde. Il excite l'envie des uns en caressant les autres. Il est gracieux envers les subalternes et veut humilier les chefs. Il fait mine de s'attacher à l'amiral et communique par Bertrand avec le gouverneur. On s'aperçoit enfin qu'il travaille à brouiller, à mettre la zizanie partout. Cette conduite n'est à mes yeux qu'une méchanceté gratuite. Peut-être dérive-t-elle aussi d'un plan, dont lui seul a la clef. Mais je n'en vois pas à faire pour le tirer d'ici.

Bonaparte, avant d'etre confié à sir George Cockburn, était assez liant. Il parait même qu'alors il n'avait pas l'idée de se séquestrer comme il a fait depuis. Cet amiral par un zèle mal appliqué ou plutôt pour s'en faire honneur l'a effarou-

ché. Il voulut s'établir chez lui sur un pied d'égalité parfaite. Il s'asseyait en sa présence et dans sa chambre sans y être invité. Il aimait à le contredire, à le pousser à bout. Il en résulta des disputes, des bouderies, une gêne continuelle entr'eux. Enfin eut lieu une rupture ouverte où Cockburn fut écrasé, car s'étant présenté un jour avec quelqu'un pour voir l'ex-empereur, on lui ferma la porte et ce quelqu'un entra. Après cet affront, ils ne se sont plus vus. L'amiral est parti sans faire d'adieux. Sa présence en Europe va donner à ces débats une autre couleur, mais je les garantis tels que je les rapporte. Il est de fait que sir George Cockburn, qui du reste est un homme de mérite, s'est en cette circonstance trop émancipé, qu'il a manqué de tact, en n'admettant aucune différence de Bonaparte à lui, de delicatesse en ne le traitant cavalièrement à bord de son vaisseau, de générosité en ne lui passant ni caprice, ni fantaisie et voulant de force le réformer en tout.

C'est en parlant de lui que cet illustre malheureux dit un jour: «Qu'on m'enchaine, mais qu'on ait pour moi le respect qui m'est du.»

De pareils exemples ne se répètent pas souvent avec un esprit de cette trempe, aussi personne depuis n'a eu l'idée d'y revenir. Sir Pultney Malcolm, non moins ambitieux que l'amiral Cockburn, mais plus adroit et d'un caractère souple, accommodant, a d'abord senti qu'il fallait débuter autrement. Pour voir Napoléon, il eut recours au c-te Bertrand, — et à m-me Bertrand pour lui présenter lady Malcolm. Cette démarche devait naturellement prévenir en sa faveur. Dès sa premiere visite, il fit entendre que la surveillance ne le concernait en aucun point et que la mer seule jusqu'à l'Ile de France lui appartenait. C'etait encore un moyen de plaire. Il a de plus été modeste, bon enfant, empressé autour des dames, il s'est tenu debout. Tout cela a merveilleusement réussi. C'est aujourd'hui un favori. On le recherche, on le flatte, le tête à tête avec lui dure des heures entières, et à la vérité, cette prédilection n'a pour but réel que de le séduire ou d'intriguer d'autres personnes. Mais l'amiral n'est pas homme à s'y méprendre. Il en profite parcequ'il est curieux et qu'il fait provision, de souvenirs. Il en jouit parceque cela donne du relief. Sa conduite est vraiment plus sage que celle de son prédécesseur.

Sir Hudson Lowe ne réussit pas de même. Il tache de contenter Bonaparte. Il le traite avec respect, ménagement, ne se plaint pas de ses brusqueries, tolére ses caprices, fait enfin l'impossible. Mais il ne sera jamais que son fléau. Il y a trop d'incompatibilité entre ces deux personnages. L'un a l'esprit encore inquiet. C'est un génie remuant, qui dans l'état où le sort l'a réduit, veut prendre son essor et cherche peut-être à se faire des prosélytes. L'autre n'oppose à cette forte tête qu'un fond inépuisable d'idées communes, un caractère froid, soupçonneux, des formes rebutantes avec l'intention d'être aimable, une exactitude tyrannique à ses devoirs et, pour dire tout en un mot, celui qui ne sait que commander est à la discrétion de celui qui ne sait qu'obéir. Aussi n'y a-t'il sorte de déplaisir que le prisonnier n'ait donné à son gouverneur. Je n'en citerai que quelques traits remarquables.

La femme de lord Moira, en allant aux Indes, rêlacha à S-te Hélène. Elle eut, comme tout le monde, le désir de voir Bonaparte. Sir Hudson Lowe imagina, pour arranger la chose au mieux, de les faire diner ensemble. Il écrivit

en conséquence à Longwood et qualifia l'ex-empereur de général. Celui-çi ne répondit jamais au billet d'invitation et se contenta d'envoyer ses excuses à lady Moira.

Les officiers du 66-me régiment d'infanterie voulurent être présentés à Napoléon. Le maréchal Bertrand fixa le jour, et ces messieurs, le commandant en chef à leur tête, étaient déjà rassemblés attendant que la porte s'ouvrit. Je ne sais par quelle combinaison, sir Pulteney Malcolm, qui ne se doutait de rien, vint à la même heure avec ses officiers du Newcastle. La marine fut introduite d'abord et l'amiral eut une séance très longue. L'armée, apres avoir été en position la matinée entière, se retira un peu confuse, et il n en fut plus question. Jusqu'à présent les Bertrand, les Montholon, ni personne à Longwood n'a permission de voir lady Lowe, une femme charmante, qui réunit à Plantation-house une société fort agréable. Tandis que lady Malcolm, qui ne sait pas même le français, en reçoit et leur fait des visites à tout propos. Au surplus Bonaparte est convaincu de son antipathie pour sir Hudson Lowe. L'amiral Malcolm lui reprochait ces jours derniers de méconnaitre ce brave homme, de ne pas lui témoigner assez de confiance.

Vous avez raison, dit-il, c'est peut-être un enfantillage de ma part, mais on n'est pas maitre de ses impressions. Les torts de Cockburn sont d'un autre genre. C'est un homme de caractère, qui voit en grand. Je l'aimerais mieux que celui-çi.

Aprés avoir donné en raccourci une idée des principaux individus à S-te Hélène, j'offrirai à la curiosité de v. e. un recueil assez intéressant d'anecdotes, conversations et autres particularités de la vie de Napoléon.

SON INTÉRIEUR A LONGWOOD.

Envoyé au bout du monde comme prisonnier de l'Europe, traité par Cockburn en camarade, exposé sans cesse aux façons peu délicates des Anglais, qui depuis la journée de Waterloo ont perdu toute retenue, Bonaparte devait nécessairement penser à sa gloire et soutenir la dignité de son rang. Il y réussit par un moyen très simple. Il s'enferma dans son enceinte, où personne n'a le droit de contrôler ses actions, et devint innaccessible. Les gardiens, qui le prenaient déjà sur un ton de familiarité, furent ébahis de cette résolution. Chacun d'eux, en venant içi, s'était fait des idées, un plan, dont le captif était l'objet. Quand ils virent à quelle distance on allait les tenir, le respect, les égards, la modestie ne leur couta plus rien. Ils en passèrent par où l'on voulut et l'ex-empereur reparut dans toute sa majesté. Sa maison aujourd'hui est une cour, dont Bertrand est grand maréchal, Las Cases secrètaire d'état, Montholon premier maitre d'hôtel, Gourgaud—aide camp général, Piontowsky—écuyer, m-mes Bertrand et Montholon—dames d'honneur. Ceux, qui veulent y être présentés, avoir un entretien ou traiter d'une affaire quelconque doivent aller au grand maréchal. On est sûr d'être refusé en s'adressant au gouverneur. Lady Moira et d'autres Anglais de marque, qui crurent devoir préférer son entremise, n'ont jamais pu se faire admettre.

Les réceptions ne sont pas les mêmes à beaucoup près pour tout le monde. Le grade, le mérite, l'impression que fait la personne et surtout les vues qu'on peut avoir sur elles y mettent les nuances. Il y en a qu'on aime en tête à tête, plusieurs à qui l'on parle assez longtemps; grand nombre est congédié d'abord et reçu devant la porte à l'entrée du jardin. Rarement on admet à une seconde audience ceux dont on ne peut tirer au-

cun parti, comme les dames, les voyageurs. Il arrive aussi que les petits officiers, annoncés d'avance, font antichambre des heures entières et sont remis à un autre jour.

Napoléon parait à ses audiences en habit de chasse verd, tout usé; des boutons d'argent à figures de cerfs, sangliers, renards; culottes et bas blancs, des boucles ovales en or, son chapeau ordinaire sous le bras, la plaque de la légion d'honneur et une tabatière à la main. Jamais il n'invite à s'assoir, à moins qu'il ne soit couché. Ce qu'il craint au contraire infiniment c'est qu'on ne prenne, à l'exemple de Cockburn, cette liberté de soi-même. Aussi a-t-il bien soin de l'empêcher en se tenant toujours debout. Sir Pulteney Malcolm a eu chez lui des séances de trois et quatre heures, où n'en pouvant plus de lassitude, ils s'appuyaient l'un et l'autre aux tables, à la muraille, et rien n'a pu l'engager à se relâcher sur ce point.

Quand il n'y a pas d'étrangers, l'etiquette est un peu moins sévère, et Bonaparte se livre à son naturel. Comme un soldat de fortune, il est brusque, criard, despote à outrance. Il lâche les gros mots sans interruption et traite ses Français en esclaves.

Il aime assez la musique et se fait chanter après diner des airs italiens par m-me de Montholon. C'est aujourd'hui la seule, qui puisse lui donner ce divertissement. Quelle chute pour un homme, qui disposait à son gré des orchestres de Paris! L'italien est sa langue favorite. Il le parle avec le gouverneur, avec son médecin, avec tous ceux qui en savent quelque chose.

Le soir, il s'amuse à des parties de cartes ou d'échecs, mais il n'est fort à aucun jeu et se fache lorsqu'il perd. Gourgaud, qui connait ce faible, fait des fautes à dessein pour le laisser gagner.

Le matin, il s'occupe beaucoup de livres. Il lit avec plaisir les journaux et travaille avec Las Cases à son histoire. Il l'ecrit, à ce qu'on dit, dans le genre des Commentaires de César et parle en troisième personne.

Vers quatre heurs il se promène à petits pas devant sa porte. Quelquefois on le rencontre en calèche à six chevaux faisant au grand galop le tour de son enceinte. Depuis mon arrivée il n'est pas sorti à cheval. Cet exercice n'est plus de son gout.

Sa maison de Longwood sans être grande ni magnifique est assez commode et fournie en beaux meubles d'acajou. Il a un jardin à côté où l'amiral Malcolm a fait dresser une tente superbe. On voudrait lui batir un pavillon d'une architecture plus régulière. L'ile est remplie de matériaux envoyés d'Angleterre à cet effet. Mais, soit qu'il espère un changement quelconque dans sa position, soit qu'il veuille chicaner sir Hudson-Lowe, on n'a pu le décider à y consentir.

Il ne dépense ici que ce que le gouvernement anglais lui passe. On ne sait pas même s'il a des fonds. Depuis sa chute, il n'a rien dit, ni fait qui puisse en donner le moindre indice. Il est à présumer toutefois qu'il en a, et qu'ils sont placés en Angleterre sous un nom supposé.

SA SUITE.

On dit à S-te Hélène que ce sont les entours de Bonaparte, qui, par leurs scènes et les rapports qu'ils lui font, influent sur son humeur et sa conduite en général. Ceci me parait douteux. Ce qu'il y a de sûr, c'est que tous ces Français se haïssent cordialement. Chacun veut être le favori du maitre et vise à la direction des grandes affaires de Longwood. De là naissent entr'eux des scènes d'un ridicule achevé. Montholon, chargé de l'intérieur

du palais, envie à Bertrand sa partie de l'extérieur. Gourgaud, las de parader en sa qualité d'aide camp général dans une antichambre, voit avec déplaisir les occupations plus sensées de Las Cases. Celui-çi, pour ne lui céder en rien, s'essaie aux heures de promenade à dompter un cheval. Une taille de nain, un air gauche et patelin ne le dégoutent pas de cet exercice. Il se casserait le cou plutôt que d'y renoncer. C'est en s'aveuglant ainsi sur leur position, que ces malheureux exilés, qu'on estimerait s'ils avaient un esprit de corps, deviennent la risée de tout le monde.

Bertrand est un homme faible et bon, toujours triste et souvent désolé. C'est le moins remuant de la bande. Sa femme l'a vivement pressé de s'établir en Angleterre pour se rapprocher de Paris. Subjugué par Bonaparte il n'a pu se décider à quitter S-te Hélène.

Montholon n'est qu'un pauvre sujet. Il s'est embarqué à Rochefort avec son maitre moins par attachement et reconaissance que parcequ'il s'était perdu de dettes en France. A Longwood il se croit un personnage et passe pour un menteur déterminé.

Gourgaud, neveu de Dugazon le comedien, est un officier de fortune, brave et fanfaron. Il ne se mêle pas d'intrigues, mais il est tapageur, fat et suffissant. C'est tout ce qu'on en peut dire.

Las Cases a fait à Bonaparte le sacrifice de sa liberté sans y être engagé par un motif d'intérêt. Ce ne fut en lui qu'un mouvement de générosité; peut-être aussi le désir de laisser à la postérité une histoire exacte et détaillée de son héros. Il y a quelques inconséquences dans sa conduite. Mais c'est racheté par un mérite réel et des talents.

Piontowski était simple lancier polonais à l'ile d'Elbe. Napoleon, pour récompenser sa fidélité, le fit capitaine, officier d'ordonance et chevalier de la légion d'honneur. C'est un garçon fort doux, dont personne ne se plaint. On le traite à Longwood avec mépris. Je ne conçois pas ce qui a pu le determiner à s'expatrier.

M-mes Bertrand et Montholon ne s'aiment pas et sont condamnées à vivre ensemble. L'une est imposante et belle, l'autre est aimable et musicienne. Elles ont été toutes deux bien et mal en cour: c'est ce qui les a brouillées.

O'MEARA ET POPPLETON.

O'Meara est l'agent secret de sir Hudson-Lowe à Longwood. Ce médecin est un homme adroit et circonspect. Il informe Bonaparte de ce qui se fait dans l'ile pour avoir accés auprès de lui. En même temps, il tient régistre de ses moindres actions et paroles. Sans en avoir l'air il se fourre partout, et c'est par lui qu' on apprend une infinité de détails, qui intéressent plus ou moins la surveillance.

Poppleton est un capitaine du 53-me régiment d'infanterie commis à Longwood pour y répondre de Bonaparte. Il est logé près de lui. Il le voit d'obligation tous les jours. Il en donne matin et soir des nouvelles par signaux au gouverneur et s'il passe son enceinte, il le suit et ne le perd plus de vue. Ce pauvre homme, qui ne sait que la guerre et n'a aucune idée des convenances, est la bête d'aversion de tous les prisonniers français.

CONVERSATIONS.

Napoléon parle souvent à sir Pulteney Malcolm des évenements passés. Je rendrai mot pour mot ce que cet amiral, qui me témoigne beaucoup de confiance, m'a communiqué de ses entretiens avec lui.

BATAILLE DE WATERLOO.

Napoléon. Savez vous que Wellington a trop risqué. Il devait se retirer, attendre les alliés. Sans les Prussiens il était battu.

Malcolm. Oui, mais le duc savait que les Prussiens viendraient

Nap. Et comment le savait-il? Si Grouchy eut fait son devoir, nous n'en serions pas là. C'est lui qui a tout perdu.

Malc. Qu'est ce qui vous a fait ouvrir cette campagne par une attaque contre les Prussiens? La position des Anglais devait vous géner davantage. C'était le côté de la mer. Il fallait s'en assurer.

Nap. Le caractère des géneraux que j'avais en tête m'a tracé ma conduite. Cet ivrogne d'hussard impatient de se signaler eut tout quitté pour secourir les Anglais. J'aurais eu trop d'ennemis à la fois. Je l'ai battu. J'ai mit le désordre parmi ses troupes. Grouchy devait l'empêcher de rien entreprendre. On n'a point éxécuté mes ordres, et les résultats ne sont plus les mêmes. Mais, quoique les Prussiens aient beaucoup fait, la journée est à Wellington.

Malc. Que pensez vous des Prussiens?

Nap. Ce sont des coquins.

Malc. Et de leur armée?

Nap. Il m'en a couté si peu pour l'écraser à Jéna, avec ses manoeuvres de Potsdam, que j'ai été surpris de ma victoire.

Malc. Mais elle a changé depuis.

Nap. Un peu.

DESCENTE EN ANGLETERRE.

Malc. Quel était le but réel de vos grands préparatifs à Boulogne?

Nap. Celui de faire passer La Manche à mes soldats.

Malc. La conquête de l'Angleterre vous paraissait donc facile?

Nap. Mais elle vaut assurément la peine d'être entreprise.

Malc. On n'a jamais pu deviner votre plan.

Nap. Il était simple. Ma flotte faisait mine d'aller en Amerique avec des troupes de débarquement. J'étais sûr que le gros de la votre l'y suivrait. Villeneuve, profitant alors de la première chance favorable (il y en a tant sur mer) devait tourner court, regagner le canal au moins quinze jours avant l'amiral anglais et y croiser pendant que les bateaux passaient.

SA DÉTENTION A S-TE HÉLÈNE.

Nap. Vous me tiendrez donc toujours içi?

Malc. Je le crois.

Nap. N'avez vous pas d'autres colonies?

Malc. Vous n'y serez bien sous aucun rapport.

Nap. Ce qu'on fait à S-te Hélène est absurde, ridicule. Tenez, ce soldat sur la pointe de ce rocher, à quoi sert-il? Craignez vous que je m'échappe, un oiseau le pourait-il? Je conçois que la ville me soit interdite. C'est assez naturel. Mais hors de là, je devrais être libre.

Malc. Vous l'étes. On ne vous empêche pas même d'aller en ville.

Nap. Avec cet officier (Poppleton) à mes trousses? Ce serait me dégrader, me reconnaitre prisonnier, je ne le suis pas.

Malc. On ne peut cependant plus vous traiter en souverain.

Nap. Et pourquoi pas? Qu'on me laisse ces honneurs comme un

amusement dans ma position; sur ce rocher, quel mal cela peut-il faire?

Malc. Il faudrait donc vous qualifier d'empereur?

Nap. Après un moment de réflexion. Non, j'ai donné mon abdication.

Malc. Vous ne voulez pas être appelé général.

Nap. Je ne le suis plus depuis mon retour d'Egypte. Tout autre nom me convient mieux. Qu'on m'appelle Napoléon.

LE DUC D'ENGHIEN.

Malc. Pour quel crime le duc d'Enghien a-t-il été jugé à mort.

Nap. Jugé? Je ne l'ai point jugé. Je l'ai fait fusiller. Il conspirait contre moi. C'était prouvé.

AUTRES PARTICULARITÉS.

Bonaparte parle rarement de sa campagne de Russie. Un jour il dit à l'amiral Cockburn: Pour ma gloire j'aurais dû mourir à Moscou. On accuserait mes généraux des malheurs de la France.

Il apprit avec indifférence la mort de son beau frère Murat et dit: c'est un c.....

La mort du maréchal Ney parut l'affecter davantage. Il a été décapité? s'ecria t-il. On lui repondit que non, qu'il avait été fusillé.

C'est impossible, reprit-il, ce sont les pairs qui l'on jugé. Puis il fit quelques tours dans la chambre et dit: Il était brave, il était brave. Oui. Mais il m'a trahi à Fontainebleau.

Ce que les journaux anglais ont publié de ses débats avec Poppleton et de la sentinelle, qui lui tira un coup de fusil, est faux. Voiçi le fait. Napoléon, accompagné de sa suite ordinaire, monte un jour à cheval. Chemin faisant, il lui prend envie d'examiner une côte. Il pique des deux et sort de son enceinte. Poppleton part en même temps que lui, mais étant mauvais écuyer, il ne peut suivre et perd de vue la cavalcade. Ceçi le déconcerte entièrement. Il croit que son prisonnier va passer l'Océan à la nage et se met à crier après lui. Enfin il le rejoint et veut réprimander. Un regard du coupable lui coupe la parole. Tout ce qu'il ose est de dire entre ses dents: «Une autre fois, messieurs, je prendrai garde à vous». C'est la dessus qu'on a bâti les fables.

Quand Bonaparte était logé chez m-r Balcombe, il s'amusait beaucoup des espiègleries de miss Betzy, la fille cadette de son hôte. Il lui enseignait la géographie, il jouait avec elle à colin-maillard et passait sa vie dans un cercle d'enfants. Un jour elle lui demanda: «Qui a brulé Moscou?» Il répondit en se frappant la poitrine: C'est moi.

Je vois souvent cette petite personne, mais je ne m'arrêterai pas à ce qu'elle m'a conté de son ami Bony (c'est ainsi qu'elle l'appelle) car cela ferait un volume de bagatelles. A S-te Hélène, comme ailleurs, Bonaparte se précautionne la nuit contre toute surprise. J'occupe l'appartement où il descendit le jour de son arrivée. La porte de la chambre à coucher a une serrure anglaise, qu'il est presqu'impossible de forcer. Cependant il y fit ajouter un très gros verrou qui s'y trouve encore et qu'on fait voir aux curieux.

Le Cornwallis, vaisseau de ligne de 74, canons capt. King, faisant déjà ses préparatifs de départ ,je termine là pour aujourd'hui mon article de Longwood et ne manquerai pas de le reprendre incessamment.

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à v. e. le tableau de la garnison de S-te Hélène, la liste des batiments de

guerre qui y sont mouillés et quelques détails sur l'artillerie, les approvisionnements, la maison de Bonaparte. La carte militaire de l'ile n'est pas achevée et celle dont on se sert maintenant est si mauvaise que je n'ose même l'envoyer. J'aime mieux attendre la nouvelle.

Nous n'avons pu voir encore l'ex-empereur. Il ne veut pas reconnaitre les commissaires. Mes deux confrères sont en procés à ce sujet avec le gouverneur. J'attend que cette étrange affaire où j'ai été passif, soit entièrement terminée pour en faire mon rapport à v. e. Ce sera selon toute apparence ces jours-ci. J'ai l'honneur d'etre etc.

Островъ Св. Елены 8 сентября 1816 года съ Корнвалисомъ, линейнымъ корабл. Капитанъ Кингъ.

Ваше сіятельство,

Если долгъ мой на остр. Св. Елены ограничивается показаніями очевидца-свидѣтеля о существованіи Бонапарта и донесеніями обо всемъ, происходящемъ внѣ его дома, то я ни мало этимъ не затрудняюсь. С. Гудсонъ-Лоу далъ мнѣ доступъ всюду на островѣ и въ Лонгвудѣ до самыхъ дверей Наполеонова дома. Если же ваше сіятельство ожидаете отъ меня, по справедливости, интереснаго журнала, могущаго со временемъ служить руководствомъ для исторіи, то едва ли я въ состояніи буду удовлетворить вашему ожиданію.

Наполеонъ принялъ за правило не переступать своихъ обычныхъ границъ, все же остальное видѣть только мимоходомъ, сохраняя въ обращеніи своемъ всѣ пріемы императорскаго достоинства. До тѣхъ поръ, пока это будетъ продолжаться, я не буду имѣть возможности ни часто слушать его, ни вопрошать, ни наблюдать за нимъ вблизи, и корреспонденція моя на его счетъ будетъ оставаться не болѣе, какъ праздною забавою.

Что поразило меня здѣсь съ перваго взгляда и что впрочемъ довольно естественно, это громадное вліяніе, которымъ продожаетъ пользоваться этотъ человѣкъ (окруженный скалами, пропастями и стражей) на умы его окружающихъ. Всѣми и всѣмъ здѣсь чувствуется его превосходство. Французы дрожатъ при видѣ его и почитаютъ за счастіе служить ему. Ласказъ говоритъ во всеуслышаніе, что блаженство его заключается въ ежеминутномъ созерцаніи героя-феномена. Англичане также сдѣлались робки въ обращеніи съ нимъ. Самые сторожа его добиваются его взгляда, слова и разговора; никто не осмѣливается обходиться съ нимъ какъ съ равнымъ. Геніальный умъ его, ненаходя въ своемъ несчастіи достойнаго себя предмета, забавляется надъ ними, и пользуясь ихъ настроеніемъ, ссоритъ ихъ между собою. Лаская однихъ, онъ возбуждаетъ въ другихъ зависть, оказываетъ вниманіе подчиненнымъ и уничижаетъ начальниковъ. Дѣлаетъ видъ, что начинаетъ привязываться къ адмиралу Малькольму и въ тоже время поддерживаетъ сношенія черезъ Бертрана съ губернаторомъ. Замѣтно, однимъ словомъ, что онъ старается всѣхъ перессорить, всюду внести раздоръ. Въ моихъ глазахъ это вполнѣ потерянный трудъ; можетъ быть, впрочемъ онъ имѣетъ источникомъ какой-нибудь одному ему извѣстный планъ; но по мнѣ, кажется, что ему нѣтъ средствъ вырваться отсюда.

Пока Бонапартъ не былъ еще сданъ на попеченіе сиру Джоржу Кокбурну, онъ былъ довольно обязателенъ и, кажется, не имѣлъ вовсе намѣренія жить затворникомъ, какъ теперь. Но Кокбурнъ напугалъ его своимъ дурно-понятымъ рвеніемъ, а быть можетъ и желаніемъ поважничать: онъ хотѣлъ установить между ими отношенія совершеннаго равенства; онъ садился въ его комнатѣ безъ приглашенія и въ его присутствіи, находилъ удовольствіе противорѣчить ему и выводить его изъ терпѣнія; вслѣдствіе этого между ними возникали безпрестанно споры, капризы и постоянная натянутость отношеній.

Наконецъ послѣдовалъ окончательный разрывъ, которымъ Кокбурнъ былъ

уничтоженъ: онъ явился однажды съ посѣтителемъ къ бывшему императору и получилъ безцеремонный отказъ, тогда какъ другой былъ допущенъ къ аудіенціи. Послѣ этого оскорбленія они не видались болѣе, и адмиралъ уѣхалъ, не простившись. Прибытіе его въ Европу дастъ, конечно, другое истолкованіе этой размолвкѣ; но я съ достовѣрностію утверждаю, что она произошла именно такъ, какъ я вамъ ее передаю. Дѣло въ томъ, что сиръ Джоржъ Кокбурнъ, человѣкъ впрочемъ весьма достойный, позволилъ себѣ въ этомъ случаѣ черезъ чуръ забыться; онъ поступилъ безтактно, обращаясь съ Бонапартомъ какъ съ равнымъ, неделикатно, позволивъ себѣ дерзкое съ нимъ обращеніе во время переправы, и невеликодушно придираясь къ малѣйшему его капризу и фантазіи и желая силою переломить его во всемъ.

Говоря о немъ, знаменитый изгнанникъ выразился однажды такъ: "пусть „меня закуютъ въ цѣпи, но отдаютъ „мнѣ должное уваженіе". Такого рода примѣры не могутъ часто повторяться съ подобными людьми. Съ тѣхъ поръ никому не приходитъ въ голову съ нимъ обращаться по примѣру Кокбурна. Сиръ Пелтней Малькольмъ, не менѣе его честолюбивый, но одаренный гибкимъ и уживчивымъ нравомъ, тотъ часъ же понялъ, что надо повести дѣло иначе. Чтобы получить доступъ къ Наполеону, онъ обратился къ графу Бертрану, а чтобы представить Бонапарту свою жену прибѣгнулъ къ протекціи госпожи Бертранъ. Эта учтивость должна была предупредить въ его пользу; въ первый же визитъ свой онъ далъ почувствовать, что надзоръ на островѣ нимало отъ него не зависитъ и что власть его распространяется только на морѣ до Иль-де-Франса. Это также не могло не понравиться; къ тому же онъ держался скромно, добродушно, былъ любезенъ съ дамами и простоялъ все время на ногахъ. Все это чрезвычайно ему удалось; теперь онъ въ силѣ, въ немъ заискиваютъ, ему льстятъ, въ бесѣдѣ на единѣ съ нимъ проводятъ цѣлые часы. Конечно, это предпочтеніе оказывается съ тайною цѣлью привлечь его къ себѣ или заинтриговать другихъ, но и адмиралъ также не дается въ обманъ; онъ пользуется своимъ положеніемъ, потому что любопытенъ и запасается интересными воспоминаніями; съ другой стороны онъ не пренебрегаетъ этимъ, потому что это даетъ нѣкоторое значеніе; онъ ведетъ себя гораздо лучше своего предшественника. Нельзя сказать того же о сиръ Гудсонъ-Лоу; онъ старается во всемъ быть пріятнымъ Бонапарту, обращается съ нимъ почтительно, деликатно, не жалуется на его грубыя выходки, переноситъ его капризы, дѣлаетъ, словомъ, все возможное, но тѣмъ не менѣе будетъ всегда его бичемъ. Эти два характера слишкомъ различны. У одного умъ еще тревоженъ. Это безпокойный геній, стремящійся вырваться изъ положенія, въ которое онъ поставленъ судьбою, ищущій можетъ быть приверженцевъ, поклонниковъ; другой противупоставляетъ его геніальному уму неистощимый запасъ общихъ мѣстъ, холодный, подозрительный нравъ и отталкивающую наружность при желаніи быть пріятнымъ, точность тирана въ исполненіи своихъ обязанностей; однимъ словомъ, тотъ, кто созданъ быть повелителемъ, находится въ распоряженіи того, кто умѣетъ только повиноваться. За то ужъ и нѣтъ непріятности, которой не сдѣлалъ бы плѣнникъ своему надзирателю. Приведу для примѣра нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ.

Лэди Мойра, на пути въ Индію, остановилась на островѣ Св. Елены и пожелала, какъ и всѣ, видѣть Наполеона. Сиръ Гудсонъ-Лоу, чтобы легче уладить свиданіе, вздумалъ пригласить ихъ обѣдать вмѣстѣ къ себѣ и съ этою цѣлью написалъ пригласительную записку въ Лонгвудъ, именуя бывшаго императора *генераломъ*. Послѣдній ничего не отвѣчалъ ему и только послалъ извиниться передъ лэди Мойра.

Офицеры 66-го полка пожелали быть представлены Наполеону. Маршалъ Бер-

транъ назначилъ день. Они собрались уже всѣ съ своимъ генераломъ во главѣ и ждутъ, чтобы имъ отворили дверь; вдругъ, не извѣстно по какимъ соображеніямъ, является ничего неподозрѣвая адмиралъ Малькольмъ съ своими моряками; ихъ принимаетъ императоръ и заводитъ длинную бесѣду съ адмираломъ. Офицеры, прождавъ по напрасну цѣлое утро, принуждены удалиться въ нѣкоторомъ смущеніи. Тѣмъ и кончилось это дѣло. До сихъ поръ ни Бертранъ, ни Монтолонъ, никто изъ Французовъ не получилъ позволенія представиться къ лэди Лоу, премилой женщинѣ, у которой собирается въ Плантешіонгаузѣ очень пріятное общество; лэди же Малькольмъ, не зная ни слова по французски, принимаетъ всѣхъ Французовъ и сама отдаетъ имъ безпрестанно визиты. Это еще болѣе усиливаетъ въ Бонапартѣ ненависть къ сиръ Гудсонъ-Лоу: адмиралъ Малькольмъ на этихъ дняхъ упрекалъ его въ несправедливости и недовѣріи къ этому достойному человѣку. *„Вы, можетъ быть, и правы*, сказалъ онъ, *это ребячество съ моей стороны; но мы невластны надъ своими впечатлѣніями. Недостатки Кокбурна были въ другомъ родѣ. Онъ человѣкъ съ характеромъ, съ широкимъ взглядомъ на вещи, я предпочелъ бы его Лоу*. Давъ вамъ въ краткомъ очеркѣ понятіе о главныхъ лицахъ на островѣ Св. Елены, представляю вашему сіятельству довольно интересное собраніе анекдотовъ, разговоровъ и другихъ частностей изъ жизни Наполеона.

Его домашній бытъ въ Лонгвудѣ.

Отправленный на край свѣта плѣнникомъ Европы, трактуемый по товарищески Кокбурномъ, подверженный безпрестанно грубому обращенію Англичанъ, потерявшихъ уже всякую нравственную сдержку послѣ Ватерлоо, Бонапартъ долженъ былъ естественно подумать о своей славѣ, и поддержать достоинство своего сана. Онъ достигъ этого очень простымъ средствомъ. Онъ заперся въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ никто неимѣетъ права контролировать его дѣйствія, и гдѣ онъ недоступенъ. Сторожа его, начинавшіе уже было обращаться съ нимъ за панибрата, были озадачены его намѣреніемъ. Всѣ они, ѣдучи сюда, составляли себѣ различные планы дѣйствій, предметомъ которыхъ былъ плѣнникъ. Когда же они увидали на какомъ разстояніи отъ себя онъ намѣренъ былъ ихъ держать, то поневолѣ сдѣлались скромны, почтительны и деликатны. Они поставлены были этимъ въ необходимость дѣлать все, что̀ онъ ни хотѣлъ, и бывшій императоръ появился снова во всемъ своемъ прежнемъ величіи. Домъ его здѣсь – настоящій дворъ, при которомъ Бертранъ исполняетъ должность перваго маршала, Ласказъ государственнаго секретаря, Монтолонъ — министра двора, Гурго – генералъ-адьютанта, Понятовскій – главнаго конюшаго, г-жи Бертранъ и Монтолонъ штатсъ-дамъ. Желающіе ему представиться, имѣть съ нимъ разговоръ или сообщить ему какое нибудь дѣло должны обратиться къ главному маршалу. Представляющіеся черезъ губернатора могутъ быть увѣрены заранѣе, что получатъ отказъ: лэди Мойра и другіе значительные Англичане, обратившіеся къ его посредничеству, никогда не могли добиться аудіенціи. Пріемъ весьма различенъ для различныхъ лицъ; оттѣнки его обусловливаются чиномъ, достоинствомъ и личнымъ впечатлѣніемъ производимымъ посѣтителемъ; съ одними любятъ бесѣды съ глазу на глазъ, съ иными вступаютъ въ длинные разговоры, но большинство отпускается тотъ часъ по представленіи, у самой двери, ведущей въ садъ. Ко второй аудіенціи почти никогда недопускаютъ лицъ, отъ которыхъ нельзя ожидать никакой пользы, какъ наприм. дамъ, путешественниковъ, также и мелкихъ офицеровъ; случается, что, простоявъ въ передней цѣлый день, они узнаютъ, что ихъ пріемъ отложенъ до завтрашняго дня. Наполеонъ является на аудіенціи въ зеленомъ поношенномъ охотничьемъ платьѣ съ серебрянными

пуговицами, на которыхъ изображены оленьи, кабаньи и лисьи головы, въ бѣлыхъ штанахъ и чулкахъ съ костяными овальными пряжками, съ шляпою подъ мышкою, въ орденѣ почетнаго легіона и съ табакеркою въ рукѣ. Никогда онъ не предлагаетъ садиться, исключая тѣхъ случаевъ, когда самъ лежитъ, и чрезвычайно, напротивъ того, боится, чтобы кто нибудь самъ не дозволилъ себѣ этой вольности по примѣру Кокбурна. Потому то, и чтобы предупредить это, онъ принимаетъ всѣхъ стоя. Сиру Пелтней-Малькольму случалось имѣть съ нимъ разговоры по три и по четыре часа, въ продолженіи которыхъ оба, изнемогая отъ усталости, прислонялись къ столу или къ стѣнѣ, но ничто не могло заставить его отступить отъ принятаго рѣшенія. Когда нѣтъ иностранцевъ, этикетъ нѣсколько ослабляется, и Наполеонъ предается безъ удержа своему нраву. Какъ выслужившійся солдатъ, онъ грубъ, крикливъ и крайне самовластенъ, бранится безъ устали площадными словами и обходится съ своими Французами, какъ съ рабами. Онъ довольно любитъ музыку и проситъ послѣ обѣда г-жу Монтолонъ пѣть себѣ итальянскія аріи; одна она можетъ теперь доставлять ему это удовольствіе. Какое паденіе для человѣка, располагавшаго по своей волѣ всѣми оркестрами Парижа! Его любимый языкъ итальянскій. Онъ говоритъ на немъ съ губернаторомъ, съ своимъ докторомъ, съ каждымъ, кому онъ хотя сколько нибудь знакомъ. Вечеромъ онъ забавляется игрою въ карты или шашки, но онъ слабъ во всѣхъ играхъ и сердится, когда проигрываетъ. Гурго, зная его слабость, дѣлаетъ намѣренныя ошибки, чтобы дать ему выиграть. Утромъ онъ много занимается литературою, читаетъ съ удовольствіемъ журналы и трудится съ Ласказомъ надъ своею исторіею. Онъ, говорятъ, пишетъ ее въ родѣ Коментаріевъ Цезаря и повѣствуетъ въ третьемъ лицѣ. Около четырехъ часовъ онъ прохаживается мелкими шагами передъ дверями своего дома; иногда скачетъ во весь опоръ въ коляскѣ шестернею вдоль границъ своихъ владѣній; съ самаго моего пріѣзда онъ ни разу ни ѣздилъ верхомъ: — это упражненіе перестало ему нравиться.

Его домъ хотя невеликъ и невеликолѣпенъ, но довольно удобенъ и снабженъ прекрасною мебелью краснаго дерева; рядомъ съ нимъ садъ, въ которомъ адмиралъ Малькольмъ велѣлъ раскинуть ему великолѣпную палатку; ее хотѣли замѣнить павильономъ болѣе правильной архитектуры; весь островъ заваленъ матеріалами, привезенными съ этою цѣлью изъ Англіи; но въ надеждѣ ли на какую-нибудь перемѣну въ своемъ положеніи или просто изъ желанія подразнить сира Гудсона, Лоу, онъ до сихъ еще поръ не давалъ на это своего согласія. Онъ проживаетъ здѣсь только то, что̀ выдаетъ ему англійское правительство. Неизвѣстно даже, есть ли у него капиталъ. Съ самаго заключенія онъ ничѣмъ этого не обнаружилъ; предполагаютъ однако, что у него есть деньги и что они помѣщены въ Англіи подъ вымышленнымъ именемъ.

Его свита.

На островѣ Св. Елены говорятъ, будто приближенные Бонапарта сильно дѣйствуютъ на его расположеніе духа своими постоянными жалобами и навѣтами. По моему мнѣнію, это сомнительно. Достовѣрно только то, что всѣ его Французы искренно ненавидятъ другъ друга. Каждый изъ нихъ желаетъ быть любимцемъ господина, каждый мѣтитъ стать во главѣ правленія великихъ дѣлъ въ Лонгвудѣ. Вслѣдствіе этого происходятъ между ними сцены въ высшей степени комическія. Монтолонъ, завѣдующій внутренней дворцовой частію, завидуетъ положенію Бертрана, министра внѣшнихъ дѣлъ. Гурго, наскучившій парадировать въ передней, въ качествѣ генералъ - адъютанта, глядитъ съ неудовольствіемъ на болѣе осмысленныя занятія Ласказа. Послѣдній, чтобы не уступить ему ни въ чемъ, въ часы про-

гулокъ упражняется въ верховой ѣздѣ; ни крошечный ростъ его, ни неуклюжая наружность не въ состояніи отвратить его отъ этого упражненія; онъ охотнѣе сломитъ себѣ шею, нежели откажется отъ него. Такимъ образомъ эти несчастные изгнанники, ослѣпленные на счетъ своего положенія, дѣлаются предметомъ общихъ насмѣшекъ, тогда какъ, сохраняя духъ единства, они внушали бы несомнѣнно къ себѣ уваженіе. Бертранъ, человѣкъ слабый, добрый, постоянно грустный, а иногда и совсѣмъ упадающій духомъ; это самый смирный изо всей свиты. Жена умоляла его поселиться въ Англіи, чтобы быть поближе къ Парижу. Но, преданный всею душею, порабощенный Бонапартомъ, онъ не могъ рѣшиться покинуть островъ Св. Елены. Монтолонъ — ничтожное созданіе; онъ отправился съ своимъ господиномъ изъ Рошфора болѣе по причинѣ многочисленныхъ долговъ своихъ во Франціи, нежели изъ привязанности или признательности къ нему; онъ считаетъ себя важнымъ лицомъ въ Лонгвудѣ и слыветъ за отъявленнаго лжеца.

Гурго, племянникъ актера Дюгазона, выслужившійся офицеръ, смѣлъ и хвастливъ, не мѣшается въ интриги, но шумливъ, пустъ, самонадѣянъ. Вотъ все, что̀ можно о немъ сказать.

Ласказъ пожертвовалъ Наполеону своею свободою, не имѣя при этомъ никакихъ корыстныхъ видовъ. Его побуждало одно великодушіе и, можетъ быть еще, желаніе оставить потомству полную, подробную исторію своего героя. Въ поступкахъ его замѣчается нѣкоторая непослѣдовательность, но она искупается въ немъ истинными достоинствами и дарованіями. Піонтовскій былъ простымъ польскимъ уланомъ. Наполеонъ, чтобы вознаградить его преданность, произвелъ его въ капитаны, ординарцы и кавалеры ордена почетнаго легіона. Онъ кротокъ, никто на него не жалуется, но съ нимъ обходятся съ презрѣніемъ въ Лонгвудѣ. Не понимаю, что заставило его бѣжать изъ отечества.

Г-жи Бертранъ и Монтолонъ ненавидятъ другъ друга и поставлены въ необходимость жить вмѣстѣ. Одна хороша и величественна, другая любезна и большая музыкантша. Обѣ онѣ были въ силѣ и въ немилости при дворѣ. Это-то ихъ и поссорило.

Омеара и Поппльтонъ.

Омеара—тайный агентъ сира Гудсона Лоу въ Лонгвудѣ. Врачь этотъ — человѣкъ ловкій и предусмотрительный. Онъ извѣщаетъ Бонапарта обо всемъ, что̀ дѣлается на островѣ, чтобы имѣть къ нему доступъ и въ тоже время слѣдитъ за всѣми мельчайшими его дѣйствіями и словами. Незамѣтно онъ втирается всюду. Отъ него-то стражи Наполеона получаютъ тѣ безчисленныя мелкія подробности о немъ, которыя ихъ болѣе или менѣе интересуютъ.

Поппльтонъ капитанъ 53-го армейскаго полка, приставленный къ особѣ Наполеона и отвѣчающій за цѣлость его въ Лонгвудѣ; онъ помѣщается рядомъ съ нимъ, видится съ нимъ обязательно каждый день, и каждое утро, и вечеръ, и извѣщаетъ знаками губернатора о его состояніи. Когда же Наполеонъ переступаетъ за свою границу, онъ слѣдуетъ по стопамъ его и не теряетъ его изъ виду. Этотъ бѣднякъ, знающій только одно военное дѣло и чуждый всякимъ общественнымъ приличіямъ, ненавидимъ здѣсь всѣми французскими плѣнниками.

Разговоры.

Наполеонъ часто бесѣдуетъ съ сиромъ Пелтней-Малькольмомъ о минувшихъ событіяхъ. Постараюсь передать вамъ буквально то, что̀ сообщилъ мнѣ изъ этихъ разговоровъ адмиралъ, оказывающій мнѣ большое довѣріе.

Сраженіе при Ватерлоо.

Наполеонъ: Знаете ли, что Велингтонъ черезъ чуръ рискнулъ; онъ долженъ былъ отступить и ждать союзниковъ; безъ Пруссаковъ онъ былъ бы побитъ.

Мальнольмъ: Да, но герцогъ зналъ, что Пруссаки прійдутъ.

Наполеонъ: *А какъ онъ могъ это знать? Если-бъ Груши исполнилъ свое дѣло, мы бы не были въ такомъ положеніи; онъ то и потерялъ наше дѣло.*

Малькольмъ: Что понудило васъ начать кампанію съ аттаки на Пруссаковъ. Васъ должна была болѣе безпокоить позиція Англичанъ съ моря; надо было обезпечить себя съ той стороны.

Наполеонъ: *Планъ моихъ дѣйствій опредѣлился характерами моихъ генераловъ, стоявшихъ во главѣ войскъ. Этотъ пьяница гусаръ, жаждавшій отличиться, непремѣнно полетѣлъ бы на помощь Англичанамъ. У меня было бы слишкомъ много враговъ заразъ; я его разбилъ, я привелъ въ смятеніе его войско; Груши долженъ былъ помѣшать ему предпринять, что бы то ни было.. Моихъ приказаній не исполнили, конечно и послѣдствія оказались другія. Но хотя Пруссаки въ этотъ день и многое сдѣлали, дѣло все таки же выигралъ Веллингтонъ.*

Малькольмъ: Какаго вы мнѣнія о Пруссакахъ?

Наполеонъ: *Они негодяи!*

Малькольмъ: А объ войскѣ ихъ?

Наполеонъ: Мнѣ такъ легко было раздавить ихъ при Іенѣ несмотря на всѣ ихъ потсдамскія маневры, что я даже самъ удивлялся легкости своей побѣды.

Малькольмъ: Но съ тѣхъ поръ ихъ войско измѣнилось.

Наполеонъ: Немного!

Высадка въ Англіи.

Малькольмъ: Въ какихъ видахъ дѣлались ваши громадныя приготовленія въ Булоньи?

Наполеонъ: Съ цѣлью переправить солдатъ моихъ черезъ Ламаншъ.

Малькольмъ: Стало быть завоеваніе Англіи казалось вамъ легкимъ?

Наполеонъ: Нѣтъ, но надъ этимъ предпріятіемъ стоило потрудиться.

Малькольмъ: Никто не могъ угадать вашего плана.

Наполеонъ: *Онъ былъ очень простъ; мой флотъ долженъ былъ дѣлать видъ, что отправляется въ Америку съ высадными войсками; я былъ увѣренъ, что большая часть вашего флота послѣдуетъ за нимъ; тогда Вильневъ, пользуясь первыми благопріятными случаями (а ихъ такъ много на морѣ) долженъ былъ сдѣлать быстрый поворотъ назадъ и вернуться въ каналъ покрайней мѣрѣ двумя недѣлями раньше англійскаго адмирала и крейсировать входящія суда.*

Заключеніе на остр. Св. Елены.

Наполеонъ: Такъ вы меня вѣчно будете здѣсь держать въ запертн?

Малькольмъ: Я думаю.

Наполеонъ: *Неужели у васъ нѣтъ другихъ колоній?*

Малькольмъ: Есть, но тамъ вамъ было бы вполнѣ не удобно.

Наполеонъ: Все, что дѣлается на островѣ Св. Елены, бесмысленно, смѣшно. Ну хоть бы этотъ солдатъ на вершинѣ утеса, къ чему онъ! Или вы боитесь, чтобъ я отсюда вырвался: это и для птицы невозможно. Я понимаю еще, что мнѣ запрещенъ входъ въ городъ. Это естественно. Но внѣ его, я долженъ бы былъ пользоваться совершенной свободой.

Малькольмъ: Вы совершенно свободны, вамъ не мѣшаютъ даже ѣздить въ городъ.

Наполеонъ: *Да, съ этимъ офицеромъ (Поппльтонъ) по пятамъ! Это значитъ унизить себя, признавать себя плѣнникомъ, а я не признаю этого.*

Малькольмъ: Нельзя же, однако, обходиться съ вами какъ съ государемъ.

Наполеонъ: *А почему нѣтъ? Пусть оставятъ мнѣ почести, какъ забаву. Въ моемъ положеніи, на этомъ утесѣ, какой вредъ это можетъ принести?*

Малькольмъ: Стало быть васъ слѣдуетъ именовать императоромъ?

Наполеонъ: (послѣ минутнаго размышленія.) *Нѣтъ! я подписалъ отреченіе.*

Малькольмъ: Вы не хотите, чтобы васъ называли генераломъ?

Наполеонъ: Потому что съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился изъ Египта, я болѣе не генералъ. Всякое другое имя

идетъ ко мнѣ лучше. Пусть называютъ меня Наполеономъ.

Герцогъ Енгіенскій

Малькольмъ: За какое преступленіе герцогъ Енгіенскій осужденъ былъ на смертную казнь?

Наполеонъ: Осужденъ? Я не судилъ его; я велѣлъ его разстрѣлять, онъ злоумышлялъ противъ меня; это было доказано.

Другія особенности.

Бонапартъ говоритъ рѣдко о походѣ въ Россію. Одинъ разъ онъ сказалъ адмиралу Кокбурну: «*Мнѣ слѣдовало бы* «*умереть въ Москвѣ, чтобы спасти свою* «*славу. Тогда въ несчастіяхъ Франціи* «*обвинили бы моихъ генераловъ*».

Онъ совершенно равнодушно принялъ извѣстіе о кончинѣ зятя своего Мюрата и сказалъ: Это.... Смерть Нея, казалось, болѣе его тронула. *Онъ умеръ на эшафотѣ*! воскликнулъ онъ; ему отвѣчали, что онъ былъ разстрѣлянъ.

Наполеонъ: *Не можетъ быть*! Потомъ, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ сказалъ: *Онъ былъ отваженъ, да*! *Онъ былъ отваженъ; но онъ измѣнилъ мнѣ въ Фонтенбло.*

Все чтò англійскіе журналы печатали о ссорѣ его съ Поппльтономъ и о часовомъ, который будто бы выстрѣлилъ по Наполеону, несправедливо. Вотъ какъ было дѣло. Наполеонъ, въ сопровожденіи своей обычной свиты, отправился кататься верхомъ; дорогой ему вдругъ вздумалось осмотрѣть ближайшій берегъ моря; онъ пришпорилъ коня и полетѣлъ за предѣлы означеннаго круга. Поппльтонъ скачетъ за нимъ, но, какъ плохой наѣздникъ, вскорѣ теряетъ изъ виду кавалькаду. Совершенно растерявшись, онъ воображаетъ, что плѣнникъ хочетъ верхомъ переплыть океанъ; онъ гонится за нимъ съ крикомъ, наконецъ нагоняетъ его и намѣревается сдѣлать ему выговоръ. Но однимъ взглядомъ виновный прерываетъ его рѣчь, и онъ только сквозь зубы рѣшается выговорить: „Въ другой разъ, милостивые „государи, я возьму предосторожности.“ На этомъ основана вся басня.

Когда Бонапартъ стоялъ у г-на Балькомба, его очень забавляли проказы миссъ Бетси, младшей дочери хозяина; онъ училъ ее географіи, игралъ съ ней въ жмурки и вообще проводилъ жизнь въ кругу дѣтей. Разъ она спросила у Наполеона: „Кто сжегъ Москву?“—„Я!“ сказалъ онъ, ударя себя въ грудь.

Я часто видаю эту молоденькую особу, но не буду повторять всего, чтò она разсказывала мнѣ о своемъ другѣ Бони (такъ она называетъ его). Этими бездѣлками можно было бы наполнить цѣлый томъ. На островѣ св. Елены, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, Бонапартъ на ночь принимаетъ предосторожности противъ нечаяннаго нападенія. Я занимаю комнаты, въ которыхъ онъ стоялъ по прибытіи на островъ. Двери спальной запираются англійскимъ замкомъ, который почти невозможно сломать. Несмотря на это, онъ велѣлъ придѣлать къ ней еще большую задвижку, которая осталась до сихъ поръ на двери, и которую показываютъ теперь путешественникамъ и любопытнымъ. Корнвалисъ, 74 пуш. линейный корабль капитана Кинга, готовится къ отплытію. Оканчиваю на этотъ разъ свою реляцію о Лонгвудѣ, которую буду продолжать при первой возможности.

Честь имѣю представить вашему сіятельству прилагаемые къ сему: описаніе гарнизона остр. св. Елены, списокъ военныхъ кораблей въ его портѣ, нѣкоторыя подробности объ артиллеріи и о снабженіи острова жизненными припасами и о домѣ Бонапарта. Военная карта острова еще не кончена, а старая такъ плоха, что я не осмѣливаюсь послать ее вамъ и жду новой.

Мы до сихъ поръ не видали бывшаго императора: онъ нехочетъ признать коммисаровъ. Оба собрата мои ведутъ переговоры по этому предмету съ губернаторомъ. Жду окончательнаго разрѣшенія этого страннаго дѣла, въ кото-

ромъ я не принималъ никакого участія, а тогда извѣщу о немъ ваше сіятельство. По всѣмъ вѣроятіямъ оно послѣдуетъ на дняхъ. Имѣю честь быть и т. д.

No. 6.

S-te Hélène, ce 10 septembre 1816 n. st. Par l'Horatio, frégate.

Monsieur le comte,

J'eus l'honneur d'informer v. e. par mon rapport sub No. 4. des débats où les commissaires autrichien et français se sont engagés dès leur arrivée à S-te Hélène. Elle verra par celui-ci que ce procès-verbal, qui fait la base de leurs instructions n'a produit içi que des procès en tout genre. Je vais exposer cette affaire selon l'ordre des dates. Le 17 juin à 5 heures du soir le New-Castle toucha l'ile de S-te Hélène. On nous avertit aussitôt que le départ du Northumberland était fixé au surlendemain. Le marquis de Montchenu, voulant profiter de cette occasion pour envoyer en France son premier procès-verbal, descendit à terre le même jour et pressa vivement les autorités anglaises de le conduire à Longwood. Il fit beau de phrases et de bruit, dit que le repos de l'Europe était attaché à sa demande. Mais elle fut rejetée d'une commune voix, et mon collègue revint coucher à bord un peu confus de sa démarche. O'Meara informait, en attendant, les prisonniers français de ce qui s'était passé en ville.

«Je connais ce Montchenu! s'ecria Bonaparte en colère, c'est un vieux c.... un bavard, un général de carosse qui n'a pas senti la poudre. Je ne le verrai pas.

Ce qu'il y a de fâcheux, c'est que le portrait est ressemblant.

Le 18, nous débarquâmes en cérémonie avec l'amiral Malcolm. Le g-l de Montchenu ne fut pas plutôt en ville qu'il renouvela ses importunités de la veille. On lui objecta l'humeur altière et sauvage de Bonaparte, les égards, auxquels le gouvernement britanique l'avait habitué, l'impossibilité réelle de brusquer une affaire aussi délicate. On lui demanda quelques jours de plus pour s'en occuper sérieusement, et la partie de Longwood fut ainsi differée.

Le 19, m-r de Montchenu eut le chagrin de voir partir le Nortumberland sans procès-verbal.

Le 26, il fut question de déliberer chez le gouverneur sur le but véritable de notre mission et de nous mettre en rapport de service avec lui. Le baron Stürmer parla le premier et dit, que son unique affaire était de s'assurer de ses propres yeux de l'éxistence du prisonnier de l'Europe et d'envoyer à sa cour tous les mois un procès-verbal. Le commisaire de France s'expliqua dans le même sens; mais comme il apportait à cette conférence, selon lui très importante, une haute idée de sa personne et de son poste, le seul qu'il ait occupé, la certitude de jouer içi un rôle et d'exercer son influence sur Bonaparte lui même, il fit un discours emphatique, qui dura une heure entière et fatigua son auditoire.

Sir Hudson Lowe répondit à ces messieurs: que la convention du 2 d'aout, en vertu de laquelle les commissaires des puissances alliées se trouvent à S-te Hélène, ne lui a jamais été transmise officiellement, que cependant il s'emploierait de son mieux à les mettre en règle avec leurs gouvernements.

Mes instructions ne me prescrivant rien à l'égard du procès-verbal, je dis en peu de mots: que le c-te de Lieven ayant jugé à propos de les communiquer à lord Bathurst qui paraissait en être satisfait, j'invitais le gouverneur à en prendre lecture également.

Le 27, sir Hudson Lowe annonça au c. Bertrand l'arrivé des commissaires et le pressentit sur le désir que nous manifestions de voir le Bonaparte. Le grand maréchal, qui s'attendait à ces ouvertures, ne fit que des réponses évasives. Il demanda si nous avions des lettres de nos souverains, dit que la convention du 2 d'aout n'était pas connue de l'empereur et qu'il serait juste d'en faire part à s. m.

Le marquis de Montchenu désapprouva cette démarche indirecte. «Ce n'est pas ainsi, me dit-il, qu'on traite un criminel». Le b. Stürmer la prit aussi en mauvaise part, et ces messieurs eurent à ce sujet une explication très vive avec le gouverneur, mais qui n'aboutit à rien.

C'est alors qu'il fut question pour la première fois de forcer la porte de Longwood et que je refusai de signer la note des trois commissaires, dont il est fait mention dans ma dépêche du 29 juin n. st.

Le 28 et les jours suivants, on chercha de tous côtés la pièce authentique que le c. Bertrand demandait. Par malheur elle ne se trouva nulle part, et sir Hudson Lowe prit enfin sur lui de s'adresser directement à Bonaparte.

«Si ces messieurs, dit celui-ci, veulent être présentés comme particuliers, rien ne s'y oppose. Qu'ils aillent au grand maréchal. Si c'est à titre de commissaires, qu'on me fasse voir la convention du 2 d'aout et j'y penserai. L'affaire en resta là.

Sur ces entrefaites l'amiral Malcolm fit tomber un jour à Longwood la conversation sur notre chapitre.

«Comment verrai-je ces gens là! dit Bonaparte. Qui est ce qui les envoie? Est-ce l'Autriche que j'ai eu vingt fois à mes pieds? Le b. Stürmer m'apporte-t-il des nouvelles de ma femme et de mon fils? Est ce l'empereur Alexandre, à qui j'ai rendu des services après la paix de Tilsitt? Qu'a-t'il fait pour me soulager dans la position malheureuse où je me trouve? Et ne serait-ce pas me reconnaitre prisonnier de l'Europe que de voir les commissaires? Je suis le votre de fait, puisque vous me tenez, mais non pas de droit.

En même temps que l'ex-empereur s'exprimait ainsi sur notre compte, il faisait tout au monde pour nous engager à le voir comme particuliers. Montholon, Gourgaud venaient sans cesse en ville, tachaient de nous rencontrer, flattaient m-r de Montchenu. Las Cases me fit dire par une dame de la societé que s'il m'apercevait à la promenade, il irait au devant de moi et me menerait à son maitre. La petite Betzy m'assura de même que son ami Bony était bien impatient de causer avec moi. Nous recevions des messages de différents côtés, et mes collegues auraient pu constater la présence de Napoleon Bonaparte à S-te Hélene cent fois par jour s'ils avaient voulu se contenter de ces moyens.

Le 19 juillet m-r Stürmer déterra enfin parmi ses papiers la convention du 2 d'aout.

Le 20, je fus appelé à une seconde conférence chez le gouverneur. On y discuta l'affaire du procès-verbal, mais seulement par rapport à la manière de voir le prisonnier de l'Europe, car c'était là le noeud de la question. M-r de Montchenu soutint qu'il ne le pouvait qu'à titre de commissaire, qu'en agir autrement serait manquer le but de sa mission et compromettre la dignité de la cour. M-r de Stürmer fut du même avis. Sir Hudson Lowe fit à ce sujet des remontrances fort sages. Il avoua que ses relations personnelles avec Bonaparte n'etaient rien moins que satisfaisantes, qu'il ne pouvait se résoudre à humilier un personage aussi marquant, que Lord Bathurst ne lui avait pas donné

d'instructions relatives à ce cas et prédit à ces messieurs qu'il ne résulterait de leurs prétentions extraordinaires que des désagréments pour tout le monde.

Je dus parler à mon tour et répétai ce que je ne cessais de dire depuis mon arrivée: que l'adhésion de Bonaparte aux mesures adoptées à son égard étant inutiles, je ne me croyais en aucun rapport de service avec lui et me passerais par conséquent d'une entrevue officille. Qu'il suffirait de le rencontrer de temps à autres à la promenade, que j'aurais même pû, sans manquer à mon devoir, m'annoncer chez lui comme l'amiral Malcolm et tant d'officiers anglais, mais que je n'en ai rien fait pour n'avoir pas l'air de suivre une marche isolée.

Mr. de Montchenu m'observa que ses instructions et celles du baron Stürmer, ayant été rédigées aux conférences de Paris, je pouvais prendre sur moi de m'y conformer. Je lui répondis que je m'en garderais bien, que m'associer de mon chef à une démarche non seulement inutile, mais dont je prévois la mauvaise issue, serait une inconséquence.

Le résultat de cette longue discussion fut que les commissaires autrichien et français adresseraient au gouverneur une note officielle, dont la copie est jointe à ce rapport.

Le 21, cette note et la convention du 2 d'août furent envoyées au cte de Montholon. Sir Hudson Lowe y ajouta une lettre d'accompagnement et fit en sorte que si Bonaparte se décidait à recevoir mes collègues, je lui serais présenté également quoique n'ayant pas pris part à cette démarche.

Le 27 aout on eut la réponse de mr. de Montholon. Le gouverneur n'a pu se décider à nous la communiquer en entier. Il en fit insérer un extrait très inparfait dans les trois lettres ci-jointes, qu'il nous adressa à cette occasion.

Le commissaire de France s'aperçoit aujourd'hui que son zèle inconsidéré ou sa bétise extrême a gâté nos affaires à S-te Hélène. Celui d'Autriche n'a pas de reproche à se faire. On lui a fortement recommandé de n'être jamais en opposition avec l'autre. Pour mettre v. e. à même de juger des embarras de ces messieurs, j'ai copié mot à mot ci-après ce que mr. de Stürmer en dit dans son rapport au prince Metternich. V. e. trouvera également ci-joint une copie exacte de la lettre en entier de mr. de Montholon, dont le gouverneur ne nous a communiqué qu'un extrait.

Ma conduite dans cette circonstance a été generalement approuvée. On y a reconnu les sentiments élevés de notre Auguste Maitre, et Bonaparte lui même en est satisfait. Un Français de sa suite que je rencontrai ces jours derniers en ville s'etant approché de moi fort poliment me dit. „L'Empereur sait que vous n'avez par signé la note des commissaires. Il est sensible à ce procédé honnête et m'a chargé de vous en remercier?“

J'ai l'honneur d'étre etc.

No. 7. (1).

. . . .

No. 8.

. . . .

Островъ св. Елены сего 10 сентября 1816 года нов. ст. съ фрегатомъ Горацiо.

Ваше сiятельство,

Я имѣлъ честь рапортомъ моимъ за № 4-мъ извѣстить васъ о пренiяхъ, въ которыя вступили коммисары австрiйскiй и французскiй тотъ часъ по прибытiи своемъ на островъ; вы увидите изъ настоящаго донесенiя, что прото-

(1) Содержанiе пропущенныхъ №№ не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго или замѣчательнаго.

колъ этотъ, въ которомъ заключается вся сущность инструкціи, породилъ здѣсь безчисленное множество всякаго рода письменныхъ дѣлъ. Изложу вамъ его по порядку числъ. 17 іюня въ 5 часовъ вечера Нью-Кастель взошелъ въ гавань св. Елены; насъ тотъ часъ же предупредили, что Нортунберландъ отплываетъ послѣ завтра. Маркизъ де Моншеню, желая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отправить съ нимъ во Францію первый свой протоколъ, вышелъ въ тотъ же день на берегъ и настоятельно требовалъ отъ англійскихъ властей, чтобы они вели его въ Лонгвудъ, нашумѣлъ, наговорилъ много пустыхъ фразъ, увѣрялъ, что спокойствіе Европы зависитъ отъ исполненія его требованія, но получилъ единогласный отказъ и, нѣсколько сконфуженный своей неудачей, возвратился ночевать на корабль. О' Меара между тѣмъ извѣщалъ французскихъ плѣнниковъ обо всемъ происшедшемъ въ городѣ.

— *Я знаю этого Моншеню*, гнѣвно закричалъ Бонапартъ, *это старой..... враль, каретный генералъ, который въ жизнь свою и не нюхивалъ пороху; я не приму его.* Особенно досадно то, что портретъ дѣйствительно похожъ. 18-го, мы съ церемоніаломъ высадились на берегъ, въ сопровожденіи адмирала Малькольма. Генералъ Моншеню тотъ часъ по пріѣздѣ въ городъ возобновилъ свои докучливыя требованія. Ему представляли въ доводы неприступность и дикость Бонапартова нрава, то постоянное уваженіе, къ которому пріучило его британское правительство, и доказывали совершенную невозможность употребить крутыя мѣры въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ. Наконецъ уговорили его отстранить на нѣсколько дней попытку для болѣе серьезнаго ея обсужденія. Визитъ въ Лонгвудъ былъ отложенъ на время.

19-го, къ величайшему огорченію г. Монштеню, Нортумберландъ отчалилъ безъ его протокола. 26-го шла рѣчь о назначеніи переговоровъ въ домѣ губернатора для обсужденія цѣли нашего прибытія на островъ и для вступленія съ нимъ въ офиціальныя сношенія (служебныя отношенія). Баронъ Штюрмеръ заговорилъ первый; онъ сказалъ, что обязанность его здѣсь заключается единственно въ удостовѣреніи собственными глазами въ существованіи плѣнника Европы и въ ежемѣсячномъ отправленіи протокола о томъ къ своему двору. Французскій коммисаръ высказался въ томъ же духѣ; но такъ какъ онъ вносилъ въ эти, по его мнѣнію, весьма важные переговоры высокое мнѣніе о своей личности и о постѣ ему ввѣренномъ (до сего времени онъ никогда никакого другаго не занималъ) и былъ убѣжденъ, что призванъ играть здѣсь важную роль и вліять на самаго Бонапарта, то и счелъ своимъ долгомъ сказать напыщенную рѣчь, продолжавшуюся цѣлый часъ и утомившую всѣхъ слушателей. Сиръ Гудсонъ-Лоу отвѣчалъ коммисарамъ, что конвенція 2 августа, въ силу которой коммисары союзныхъ державъ прибыли на островъ св. Елены, не была передана ему офиціально; но что, не смотря на это, онъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависисъ, чтобы дать имъ возможность дѣйствовать согласно съ предписаніями правительствъ.

Такъ какъ инструкціи мои ничего не предписывали мнѣ относительно протокола, то я высказалъ въ краткой рѣчи, что мои инструкціи уже были сообщены графомъ Ливеномъ на обсужденіе лорду Батурсту, который, повидимому, остался ими доволенъ; затѣмъ я предложилъ ихъ на прочтеніе губернатору.

27-го сиръ Гудсонъ-Лоу извѣстилъ г. Бертрана о прибытіи коммисаровъ и сообщилъ ему выраженное ими желаніе видѣть генерала Бонапарта Гофмаршалъ, ожидавшій уже этого приступа, отвѣчалъ уклончиво и спросилъ: есть ли у насъ письма отъ нашихъ государей и прибавилъ, что конвенція 2-го августа неизвѣстна императору и что по справедливости слѣдовало бы ее сообщить его величеству.

Маркизъ де Моншеню порицаетъ эту косвенную попытку со стороны сиръ Гудсонъ-Лоу. „Не такъ должно было бы

обходиться съ преступникомъ", сказалъ онъ мнѣ; баронъ Штюрмеръ также весьма недоволенъ ею; оба имѣли по этому поводу очень горячее объясненіе съ губернаторомъ, которое однако ни къ чему не повело.

Тогда-то въ первый разъ возникъ вопросъ о насильственномъ вторженіи въ Лонгвудъ, и я отказался подписать ноту трехъ коммисаровъ, о которой упоминалъ уже въ депешѣ моей отъ 29 іюня.— 28-го и слѣдующіе дни искали требуемаго г. Бертраномъ подлиннаго документа, но по несчастію его нигдѣ не нашли, и сиръ Гудсонъ-Лоу согласился наконецъ обратиться прямо къ Бонапарту. „*Если эти господа*, отвѣчалъ Наполеонъ, *желаютъ быть представлены мнѣ, какъ частные посѣтители, я не вижу препятствія ихъ допустить. Они могутъ отнестись къ моему гофмаршалу*; *если же они хотятъ видѣть меня въ качествѣ коммисаровъ, пусть покажутъ мнѣ конвенцію 2 августа, и я подумаю*".

Между тѣмъ адмиралъ Малькольмъ завелъ однажды въ Лонгвудѣ рѣчь о насъ. *Какъ приму я этихъ людей?* сказалъ Бонапартъ, *отъ кого они присланы сюда? Не отъ Австріи ли, которая двадцать разъ лежала у ногъ моихъ*; *или, можетъ быть, баронъ Штюрмеръ привезъ мнѣ извѣстія о женѣ моей и о сынѣ? Не отъ императора ли Александра, котораго я не разъ одолжалъ послѣ Тильзитскаго мира? Что сдѣлалъ онъ съ своей стороны, чтобы облегчить несчастное мое положеніе? Принять коммисаровъ значило бы признать себя плѣнникомъ Европы. Я вашъ плѣнникъ на дѣлѣ, потому что вы держите меня, но не по праву*.

Между тѣмъ какъ бывшій императоръ такъ выражался на нашъ счетъ, онъ дѣлалъ все возможное, чтобы привлечь насъ къ свиданію, какъ частныхъ посѣтителей.

Монтолонъ, Гурго то и дѣло посѣщали городъ, старались встрѣчаться съ нами, льстили г. де Моншеню; Ласказъ просилъ одну даму передать мнѣ, что, если онъ встрѣтитъ меня на прогулкѣ, онъ непремѣнно подойдетъ ко мнѣ и представитъ меня своему государю. Маленькая Бетси тоже увѣряла меня, что ея другъ Бони съ нетерпѣніемъ ждетъ случая говорить со мной. Мы со всѣхъ сторонъ получали разныя извѣстія, и мои сотоварищи сто разъ на день могли бы засвидѣтельствовать пребываніе Наполеона Бонапарта на островѣ св. Елены, если бы хотѣли только довольствоваться этими средствами.

19-го Іюля г. Штюрмеръ отрылъ наконецъ между своими бумагами конвенцію 2-го августа.

20-го. Я во второй разъ былъ призванъ къ губернатору на конференцію; шла рѣчь о протоколѣ, но единственно по отношенію его къ способу, который слѣдовало бы избрать для того (свиданія) чтобы намъ видѣть плѣнника Европы. Въ этомъ-то именно и заключался узелъ вопроса. Г. Моншеню подтвердилъ, что онъ не можетъ согласиться видѣть Бонапарта иначе какъ въ качествѣ коммисара, что, поступая другимъ образомъ, онъ не достигалъ цѣли своего порученія и унижалъ достоинство своего двора. Г. Штюрмеръ былъ того же мнѣнія. Сиръ Гудсонъ-Лоу сдѣлалъ по этому поводу нѣсколько очень благоразумныхъ замѣчаній (возраженій); онъ признался, что личныя его отношенія къ Бонапарту далеко не удовлетворительны, что онъ не имѣетъ духа унижать такую замѣчательную личность, и что лордъ Батурстъ не далъ ему рѣшительно никакихъ инструкцій на настоящій случай. Онъ предсказалъ моимъ сотоварищамъ, что ихъ чрезмѣрныя требованія будутъ безъ успѣшны и повлекутъ за собою бездну непріятностей для всѣхъ. Пришла моя очередь высказаться, и я повторилъ то, что уже не переставалъ высказывать съ самаго дня нашего прибытія, а именно: что считалъ излишнимъ содѣйствіе самаго Бонапарта для исполненія принятыхъ противъ него мѣръ; что ни-

сколько не нахожусь въ служебныхъ къ нему отношеніяхъ и потому могу обойтись безъ офиціальнаго свиданія съ нимъ, что буду вполнѣ удовлетворенъ, если буду время отъ времени встрѣчать его на прогулкѣ; что я могъ бы наконецъ, нисколько не отступая отъ своихъ инструкцій, представиться ему частнымъ образомъ какъ адмиралъ Малькольмъ и другіе англійскіе офицеры, но если не дѣлалъ этого, то единственно изъ желанія дѣйствовать единодушно съ сотоварищами моими. Г. Моншеню замѣтилъ мнѣ, что данныя ему и барону Штюрмеру предписанія редактированы на парижскихъ конференціяхъ и что я могъ бы, принявъ это въ уваженіе, согласоваться съ ними, но я отвѣчалъ ему, что не считаю себя въ правѣ этого сдѣлать и что присоединиться самовольно къ попыткѣ, которую считаю не только безполезною, но даже долженствующею имѣть для всѣхъ насъ, вредныя послѣдствія, было бы весьма не послѣдовательно съ моей стороны.

Слѣдствіемъ этихъ длинныхъ преній была оффиціальная нота, представленная губернатору двумя коммисарами; копію съ нея прилагаю (*) къ этому донесенію. 21-го, эта нота и конвенція 2-го августа были посланы графу Монтолону; сиръ Гудсонъ-Лоу присоединилъ къ нимъ письмо, въ которомъ обстанавливалъ дѣла такъ, что если Бонапартъ согласится принять моихъ сотоварищей, то и я буду (хотя и не принималъ участія въ нотѣ) также представленъ ему. 27-го августа получили отвѣтъ отъ г. Мотолона. Губернаторъ не рѣшился сообщить его намъ цѣликомъ. Онъ включилъ весьма неполное извлеченіе изъ него въ прилагаемыхъ при семъ трехъ письмахъ его къ намъ. Французскій коммисаръ догадывается, что его излишняя ревность или скорѣе безмѣрная глупость испортили наши общія дѣла на островѣ св. Елены. Австрійскому же коммисару не въ чемъ упрекать себя: ему строго предписано было во всемъ согласоваться съ дѣйствіями перваго. Чтобы дать вашему сіятельству полное понятіе о затруднительномъ положеніи этихъ господъ, я списалъ слово въ слово докладъ г. Штюрмера князю Метерниху. Ваше сіятельство найдете также въ этомъ пакетѣ вѣрную копію съ отвѣта г. Монтолона, изъ котораго губернаторъ сообщилъ намъ только краткое извлеченіе. Всѣ единогласно одобряютъ мое поведеніе въ этомъ дѣлѣ. Въ немъ узнаютъ великодушныя и возвышенныя чувства нашего Августѣйшаго Монарха. Самъ Бонапартъ доволенъ имъ. Одинъ изъ Французовъ его свиты на дняхъ встрѣтилъ меня въ городѣ, подошелъ ко мнѣ и очень учтиво сказалъ: „Императоръ знаетъ, что вы не подписали ноты коммисаровъ. Онъ тронутъ этимъ благороднымъ поступкомъ и поручилъ мнѣ благодарить васъ“. Честь имѣю и т. д.

(*) Этого и другихъ приложеній у насъ не имѣется.

No. 9.

S-te. Hélène ce 1 decembre 1816 n. st. Par le Larkins de la Comp. des Indes. Capt. Dumbleton.

Monsieur le comte,

On n'eut pas plutôt remis à sir Hudson Lowe la note du cte Montholon, qui est annexée à mon rapport sub No 6. et dont v. e. trouvera ci-joint le duplicata, que Bonaparte parut se repentir de sa détermination à notre égard. Il devint sombre, rêveur et fut plusieurs jours d'une humeur intraitable; non qu'il entrevit la possibilité de nous recevoir comme commissaires (son parti là dessus est irrévocablement pris, jamais il ne se reconnaitra prisonnier d'aucune puissance) mais il était faché de ne pas nous voir du tout. Ennemi des Anglais, las de sa solitude, souvent accablé d'ennui, il avait besoin de nous pour rompre la monotonie de son existence. Il savait en outre qu'une réponse plus modérée de sa part eut tôt ou tard arrangé cette affaire à son entière satisfaction, et il se reprochait de l'avoir terminé brus-

quement de manière à n'oser y revenir. D'un autre côté, ayant contraint le gouverneur, les commissaires des puissances alliées et tout le monde à déférer à sa volonté, il était assez content de lui même et forma bientôt une nouvelle prétention. Il imagina de fermer l'enceinte de Longwood à quiconque s'y présenterait avec un permis des autorités anglaises. Il voulait que le marechal Bertrand seul eut le droit d'en donner. Rien n'étant plus contraire aux mesures de surveillance, on s'y opposa fortement. Piqué au vif de ce refus, il fit signifier à sir Hudson Lowe de ne jamais lui annoncer d'étrangers et dit qu'à l'avenir il ne recevrait personne. C'est à quoi ce dernier, qui depuis longtemps songeait à isoler son prisonnier, consentit avec plaisir.

Dès ce jour même on cessa d'aller à Longwood. Les voyageurs n'osent même pas en approcher. Ceux d'entre les militaires et naturels du pays qu'on voyait habituellement se sont retirés, et le coin de l'ile où tout affluait autrefois, est aujourd'hui désert: un morne silence y règne.

Bonaparte continue à jouir d'une parfaite santé. Il prend de l'embonpoint, a toujours un violent appetit, s'obstine à ne pas faire d'exercice, mais rien jusqu'à présent n'a altéré cette forte constitution. De temps en temps on le dit malade. Le bruit s'en répand aussitôt de tous côtés. Il y a un mouvement général à S-te Hélène. Le lendemain on apprend que ce n'était qu'une indigestion, un mal de dents et qu'il se porte à merveille.

L'amiral Malcolm ast revenu le 28 Novembre d'une tournée qu'il vient de faire au cap de Bonne Espérance. J'ai l'honneur d'être etc.

Островъ св. Елены 1 декабря 1816 г. нов. ст. съ кораблемъ Ост-Индской компаніи, капит. Думбельтонъ

Не успѣли передать сиру Гудсонъ-Лоу отвѣтную ноту гр. Монтолона, которая приложена была мною къ донесенію моему за № 6-мъ и дубликатъ которой ваше сіятельство найдете при семъ рапортѣ, какъ Наполеонъ, повидимому, раскаялся въ своемъ рѣшеніи на нашъ счетъ, сдѣлался грустенъ, задумчивъ и нелюдимъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Не потому чтобы онъ намѣревался когда нибудь принять насъ въ качествѣ коммисаровъ (рѣшеніе его на этотъ счетъ непреложно, и онъ никогда не согласится признать себя плѣнникомъ какой бы то не было державы) но ему стало жаль, что онъ болѣе не увидитъ насъ. Врагъ Англичанъ, утомленный уединеніемъ, часто удрученный скукой, онъ нуждался въ насъ какъ въ развлеченіи среди своей однообразной жизни. Сверхъ того онъ зналъ, что болѣе умѣренный отвѣтъ съ его стороны могъ бы все уладить рано или поздно къ совершенному его удовольствію. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что рѣзкимъ своимъ отвѣтомъ разъ навсегда покончилъ съ этимъ вопросомъ. Съ другой стороны онъ былъ отчасти доволенъ тѣмъ, что принудилъ губернатора и коммисаровъ союзныхъ державъ, однимъ словомъ, всѣхъ уступить его волѣ и вскорѣ предъявилъ имъ новое требованіе. Онъ вздумалъ закрыть доступъ въ Лонгвудъ всѣмъ являющимся туда съ пропускомъ отъ англійскаго правительства и пожелалъ, чтобы право это было предоставлено исключительно маршалу Бертрану. Это желаніе крайне противорѣчило мѣрамъ надзора и встрѣтило сильную оппозицію. Оскорбленный отказомъ, Наполеонъ велѣлъ объявить сиру Гудсонъ-Лоу, чтобы тотъ впредь не представлялъ ему иностранцевъ, что онъ болѣе никого принимать не будетъ. Послѣдній, уже давно замышлявшій уединить своего плѣнника, согласился на это съ радостію. Съ этого

самаго дня перестали ходить въ Лонгвудъ; иностранцы не осмѣливаются болѣе приближаться къ нему; военные и туземцы, которые безпрестанно бывали тамъ, удалились на противуположный конецъ острова. Мѣсто, куда все стекалось, вдругъ опустѣло; въ Лонгвудѣ господствуетъ теперь мертвенное безмолвіе. Бонапартъ продолжаетъ пользоваться превосходнымъ здоровьемъ. Онъ полнѣетъ и имѣетъ постоянно сильный апетитъ, упорно отказывается отъ всякаго движенія; но до сихъ поръ ничто не можетъ поколебать его могучаго организма; иногда говорятъ, что онъ нездоровъ, вѣсть эта бысто распространяется, весь островъ приходитъ въ движеніе, но на другой же день узнаютъ, что это не болѣе какъ легкое желудочное разстройство или зубная боль и что онъ снова совершенно здоровъ.

Адмиралъ Малькольмъ возвратился 28 ноября изъ путешествія на мысъ Доброй Надежды. Честь имѣю быть и пр.

No. 10.

S-te Hélène ce 8 Decembre 1816 n. st. Par le Larkins de la Comp-e des Indes. Capt. Dumbleton.

Monsieur le comte,

Les comtes de Las Cases, père et fils, de la suite de Bonaparte, ont été arrêtés le 25 Novembre par ordre du gouverneur. Le père, pour avoir voulu, en corrompant un habitant de l'ile, faire passer des lettres en Europe, le fils, pour avoir aidé à ce dessein.

Sir Hudson Lowe, qui parait décidé à ne faire aux commissaires des puissances alliées que des demi-confidences, ne nous a rien dit sur le fond de cette affaire. Il c'est borné à nous annoncer l'arrestation de mrs. de Las Cases. Je dois à une personne assez bien instruite les détails suivants. Le comte de Las Cases en arrivant à S-te Hélène, prit à son service un domestique mulâtre fort intelligent, nommé Scott. Bientôt il crut pouvoir compter sur sa fidélité et le chargea pour le mettre à l'épreuve, d'un message insignifiant, mais secrêt. Le gouverneur en fut aussitôt informé par la personne même à qui ce message était adressé, et le mulâtre eut ordre de quitter son maitre. Mr. de Las Cases, qui avait des vues sur cet homme, lui fit à cette occassion de grandes démonstrations de bienveillance et pour qu'il eut un prétexte plausible de reparaitre à Longwood, il l'engagea à y laisser une partie de ses hardes.

Dès lors mr. Las Cases s'occupa sans relâche de l'éxécution de son plan. Il fit un gros volume de lettres et chargea son fils de les transcrire en caractères presqu'imperceptibles sur plusieurs foulards de soie blanche. Cet ouvrage, dit-on, est fait à ravir. Quand le tout fut achevé, on cousut les foulards dans un gilet et on attendit le mulâtre avec impatience.

Il ne se présenta qu'au bout de deux mois. On lui proposa d'abord de passer en Angleterre sur le premier batiment partant. Comme il était libre et qu'il espérait une récompense, il n'hésita par là dessus. On le revêtit ensuite du gilet, qui contenait le précieux depot, et mr. de Las Cases, par de belles et bonnes paroles, le décida enfin à se sacrifier pour lui. Le mulâtre promit de remettre à Londres à une dame Clavering, Francaise d'origine et veuve d'un Anglais, autrefois prisonnier à Anvers, le gilet en question et une lettre ostensible, qu'on eut soin de lui donner pour plus de sureté.

Scott, quoique résolu de servir ses anciens maitres, n'etait pas tranquille. Agité par l'espoir d'un sort heureux et la crainte d'un jugement terrible, il n'imagina rien de mieux, pour se rassurer, que de tout conter à son père, un des fermiers de l'ile. Celui-ci reçut

très mal la confidence. Il voulut forcer le coupable à avouer tout de suite au gouverneur ce qui s'était passé et sur son refus, le saisissant au collet d'une main, il déchira de l'autre le fatal gilet, aperçut les foulards et porta le tout à Plantation-house.

Scott le fils fut d'abord mis au cachot. Il a déjà subi plusieurs interrogatoires. Les comtes de Las Cases ne furent arrêtés que le lendemain et conduits dans une petite maison à un quart de lieue de Longwood.

On dit que Bonaparte n'a point eu de part à cette affaire, que rien surtout n'y décèle un projet d'évasion. C'est assez difficile à concevoir. Ce qu'il y a de sûr, c'est que jamais le gouverneur ne fera voir aux commissaires les foulards de mr. de Las Cases et qu'il en sera de ces pièces curieuses comme de la note du cte Montholon: on les aura à son insû.

Le capitaine Piontowski et quatre domestiques français de la maison de Longwood sont partis le 19 d'Aout pour le Cap. de Bonne Esperance. Sir Hudson Lowe m'a assuré qu'il n'avait pas à s'en plaindre, qu'il les renvoyait par un motif d'économie.

Bonaparte parait indifférent à toutes ces pertes. Il n'a pas même demandé à voir Piontowski le jour de son départ, et quant il apprit l'aventure facheuse de Las Cases, il dit en haussant les épaules: c'est un fou!—J'ai l'honneur d'être etc.

Островъ св. Елены 8 декабря 1816 года нов. стиля съ Ост-Индскимъ кораблемъ Ларкинсъ, капитанъ Думбельтонъ.

Графы Ласказъ, отецъ и сынъ, изъ свиты Наполеона были арестованы 25-го ноября по приказанію губернатора: отецъ обвиняется въ подкупѣ одного изъ жителей острова съ цѣлью переправить посредствомъ него письма въ Европу, сынъ за содѣйствіе этому замыслу. Сиръ Гудсонъ-Лоу, рѣшившись какъ кажется держать коммисаровъ союзныхъ державъ въ полуневѣденіи, ничего не сообщилъ намъ о сущности этого дѣла. Онъ ограничился только объявленіемъ ареста г. Ласказа. Слѣдующими подробностями обязанъ я хорошо извѣщенной по этому дѣлу особѣ.

Графъ Ласказъ, по прибытіи своемъ на островъ св. Елены, взялъ къ себѣ въ услуженіе мулата, очень умнаго человѣка, по имени Скота. Вскорѣ онъ счелъ возможнымъ ему довѣриться, и для пробы, далъ ему не значительное, но тайное порученіе. Губернаторъ тотъ часъ же извѣщенъ былъ объ этомъ самимъ лицомъ, получившимъ посылку, и мулатъ принужденъ былъ отойти отъ мѣста. Ласказъ, имѣющій надобность въ этомъ человѣкѣ, оказалъ ему по этому случаю большое расположеніе; чтобы дать ему предлогъ вернуться еще разъ въ Лонгвудъ, онъ предложилъ ему оставить тамъ часть своихъ вещей. Съ той поры Ласказъ принялся ревностно трудиться надъ исполненіемъ своего плана; онъ составилъ огромный пакетъ писемъ и поручилъ сыну своему переписать ихъ на бѣло почти незамѣтнымъ штрифтомъ на бѣлыхъ фулярахъ. Работа, говорятъ, сдѣлана великолѣпно. По окончаніи дѣла фуляры зашили въ жилетъ и стали съ нетерпѣніемъ ожидать мулата; онъ пришелъ только въ концѣ втораго мѣсяца. Сначала ему предложили немедленно отправиться въ Англію. Какъ человѣкъ свободный и ожидающій большаго вознагражденія, онъ не колеблясь ни минуты согласился на это предложеніе. Тогда на него надѣли жилетъ, и Ласказъ ласковыми рѣчами уговорилъ его пожертвовать собою его дѣлу. Мулатъ обѣщалъ передать въ Лондонѣ жилетъ и письмо предъявляемое для большей вѣрности г-жѣ Клаверингъ, Француженкѣ по происхожденію и вдовѣ Англичанина, бывшаго когда-то плѣнникомъ въ Антверпенѣ.

Скотъ, рѣшившись служить своему бывшему господину, не былъ однако спокоенъ. Волнуемый надеждою на успѣхъ и страхомъ ужаснаго суда, онъ для успокоенія своей совѣсти открылся во всемъ отцу своему, фермеру на островѣ св. Елены; тотъ не одобрилъ его признанія и хотѣлъ принудить его тотъ часъ все разсказать губернатору. Когда же тотъ отказался, онъ схватилъ его одною рукою за воротъ, а другою разорвалъ роковой жилетъ, увидалъ фуляры и отнесъ ихъ въ Плантешіонгаусъ. Скота-сына тотъ часъ же посадили въ тюрьму. Его уже съ тѣхъ поръ два раза призывали къ допросу. Графы же Ласказы были взяты только на слѣдующій день и отвезены въ небольшой домикъ, въ четверти мили отъ Лонгвуда.

Говорятъ, что Наполеонъ совершенно не причастенъ этому дѣлу, что въ письмахъ этихъ не нашлось рѣшительно никакихъ указаній на планы бѣгства. Это, по моему мнѣнію, непостижимо. Вѣрно одно, что губернаторъ не покажетъ фуляровъ коммисарамъ и что съ ними будетъ тоже, что съ нотою Монтолона: они узнаются помимо его. Капитанъ Піонтовскій и четверо слугъ изъ Лонгвуда отправлены были 19-го августа на мысъ Доброй Надежды. Сиръ Гудсонъ-Лоу сказалъ мнѣ, что не имѣлъ повода на нихъ жаловаться и отсылаетъ ихъ только изъ экономіи. Бонапартъ, кажется, равнодушенъ ко всѣмъ этимъ потерямъ. Онъ даже не пожелалъ проститься съ Піонтовскимъ; когда же онъ узналъ о несчастномъ приключеніи Ласказа, то сказалъ, пожавъ плечами: „сумашедшій!“. Честь имѣю быть и пр.

No. 11.

S-te Hélène ce 24 Decembre n. st. Par l'Orontès, frégate Capt. Cochrane.

Monsieur le comte,

L'affaire des comtes de Las Cases a été éxaminée à fond par sir Hudson Lowe et envoyée avec les pièces relatives à Lord Bathurst. Jusqu' à nouvel ordre les coupables seront gardés à vue. Las Cases père a témoigné le désir de s'établir en Angleterre. Il dit qu'étant flétri aux yeux de l'empereur, il ne peut plus rester à S-te Hélène. D'après cela et ce qu'on découvre en outre sur cette affaire, elle est de peu de conséquence. Il n'y a point eu de projet d'évasion. Parmi les papiers du cte de Las Cases, on a trouvé un fragment de l'histoire de Bonaparte, qu'on s'est empressé de restituer à ce dernier. Il voulut dans un premier mouvement le bruler, mais le gouverneur l'en empêcha en assurant sur sa parole, que ni lui, ni personne n'en avait pris connaissance.

Depuis quelques jours Bonaparte est tout mélancolique. La perte de Las Cases a abattu sa fierté. Il affecte toujours un air indifférent, mais il souffre au fond de l'âme, et il lui est échappé de dire: Que ne puis-je mourir à l'instant! Il a dit aussi: Qu'on renvoie tous mes Français. Je n'en veux plus près de moi. Aussi bien me les enlèvera-t'on sous quelque pretexte.

Je ne vais pas encore à Longwood, et ne puis juger de la position de Bonaparte que par ce qu'il plait aux Anglais de m'en dire ou faire accroire. Ce que je sais de source certaine, c'est qu'il est mécontent et qu'il a dit plus d'une fois: Si j'étais au pouvoir de l'empereur Alexandre, on préviendrait mes désirs! Ce prince est noble, généreux. J'oublierais mon infortune! Je vois aussi que les Français de sa suite cherchent à intéresser tout le monde à son sort. Un jour le jeune Las Cases vint m'accoster à l'entrée de ma maison pour se répandre en plaintes amères contre les autorités anglaises. Il me dit qu'on les chicanait sur plus petits détails, que l'emp.

était mal logé, mal servi, mal nourri, que le gouverneur prenait ombrage de tout, qu'il avait établi une surveillance tyrannique. Un autre jour Piontowski, suivi d'un officier du 53 d'infanterie, se présente chez moi sans me connaitre. Il me parla d'abord de son escadron de lanciers rouges, qui fait aujourd'hui partie de l'armée polonaise. Puis changeant brusquement de conversation, il me dit en présence des Anglais: On nous traite d'une manière indigne, l'empereur même est malheureux. Voyant qu'il passait la mesure, je l'interrompis et lui fis une révérence.

Ces rapports sont à coup sûr éxagérés. Il y entre surtout beaucoup d'animosité contre les Anglais; mais peut-être ne sont-ils pas entièrement faux. J'attendrai pour avoir une opinion là dessus que nous ayons pu voir Bonaparte. Il faut ésperer que sa porte ne sera pas toujours fermée aux commissaires.

Peu avant son départ pour le Cap. de Bonne Espérance, sir Pultnay Melcolm eut à Longwood un entretien sur la Russie. Ce pays, dit Bonaparte, si vous n'y prenez garde, fera la loi aux autres. Il est aujourd'hui dans un état de force à entreprendre bien des choses. Son souverain est pacifique. C'est heureux, très heureux. Que s'il ne l'était pas, il en résulterait de grands évenements. Rien que ses troupes légères, des cosaques lâchés de tous côtés, désoleraient l'Europe.

L'amiral Malcolm lui demanda ce qu'il pensait du soldat Russe.

— Il est brave, robuste et patient, répondit Bonaparte.

„Mais, dit l'amiral, les cosaques, à l'apparence, ne sont pas une bonne cavalerie."

—Ne vous y fiez pas, répliqua Bonaparte, ils sont intelligents et plus dangereux que vous ne le pensez. Ils entendent la petite guerre. Habiles à surprendre l'ennemi, à attaquer et se retirer à propos, on ne peut les entamer. Ils vont d'un pays à l'autre sans en connaitre la langue ni les chemins. Ils sont partout. Ils vivent de rapines, et jamais je n'y ai fait de prisonniers.

L'amiral Malcolm voulut l'interroger sur la campagne de Moscou, mais, selon sa coutume, il évita d'en parler. Il fut alors question de la marine de Russie. Ce pays, dit Bonaparte, n'a que des côtes à garder. Une flotte peu nombreuse dans la Baltique, une autre à opposer aux Turcs, c'est tout ce qu'il lui faut. Ce que la Russie met de plus en mer est une pure perte. Ce n'est pas une puissance maritime. J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. Hier soir le 25 de ce mois, les comtes de Las Cases, au grand étonnement de tout le monde, furent transférés de la maison où ils étaient gardés à vue dans celle du gouverneur de St. James, où ils ne sont que surveillés. Ils vont, à ce qu'on prétend, s'embarquer de suite pour l'Angleterre. Las Cases doit avoir déclaré positivement, qu'il ne vent plus retourneur à Longwod et que résolu de quitter Bonaparte à tout jamais, il désirait vivre en paix et ignoré sous la protection des lois anglaises. Sir Hudson Lowe ne nous a rien commnuqué sur se fait. Mr. de Las Cases emporte avec lui de précieux documents pour l'histoire. Il est clair aujourd'hui que c'était là son but en venant à S-te Hélène.

Piontowski et les quatre domestiques de Longwood établis au Cap de Bonne

Espérance depuis le 19 Aout, ont été mis à bord d'une frégate et envoyés en Angleterre.

Островъ Св. Елены 24 декабря нов. ст. Оронтесъ, фрегатъ капитана Кочрана.

Ваше сіятельство,

Дѣло графовъ Ласказъ разсмотрено подробно сиромъ Гудсонъ Лоу и отправлено съ относящимися къ нему бумагами къ лорду Батурсту. Впредь до новыхъ распоряженій виновные останутся подъ надзоромъ. Ласказъ выразилъ желаніе поселиться въ Англіи. Онъ говоритъ, что, обезчещенный въ глазахъ императора, онъ не можетъ болѣе оставаться на островѣ Св. Елены. Судя по этому, и по другимъ открытіямъ касательно этого дѣла, оно не имѣетъ большой важности; проэктовъ бѣгства не было. Между бумагами графа Ласказа нашли отрывокъ изъ исторіи Наполеона, которому и возвратили ее немедленно. Первое его движеніе было сжечь ее, но губернаторъ отклонилъ его отъ этого намѣренія, увѣривъ его своимъ честнымъ словомъ, что ни онъ, ни приближенные его не знаютъ содержанія рукописи. Съ нѣкоторыхъ поръ Бонапартъ очень печаленъ. Потеря Ласказа сломила его гордость. Онъ принимаетъ равнодушный видъ, но въ душѣ страдаетъ; у него уже вырвались однажды слѣдующія слова: «Отчего не могу я разомъ умереть!» и потомъ: «Пусть отнимутъ у меня всѣхъ моихъ Французовъ! Я не хочу болѣе имѣть ихъ близь себя. Все равно, ихъ отнимутъ же у меня подъ какимъ нибудь предлогомъ». Я еще не бываю въ Лонгвудѣ и потому не имѣю возможности судить о положеніи Бонапарта иначе какъ по свѣдѣніямъ, которыя считаютъ нужными сообщать мнѣ Англичане. Знаю только одно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что онъ недоволенъ своимъ положеніемъ и часто повторяетъ: „Если бы я былъ во власти императора Александра, мои желанія предупреждались бы. Этотъ государь благороденъ и великодушенъ. Онъ заставилъ бы меня забыть мои несчастія“. Я вижу также, что Французы его свиты стараются заинтересовать всѣхъ его судьбою. Однажды молодой Ласказъ остановилъ меня у самаго входа въ мою квартиру и излился въ горькихъ жалобахъ на англійское правительство. Онъ мнѣ сказалъ, что имъ перечатъ во всемъ, что самъ императоръ дурно помѣщенъ, что ему дурно служатъ, что губернаторъ до крайности подозрителенъ и приставилъ къ нимъ тираническій надзоръ. Въ другой разъ ко мнѣ пришелъ незнакомый мнѣ Піонтовскій съ офицерами 53-го пѣхотнаго полка. Онъ говорилъ со мною сначала о своемъ эскадронѣ красныхъ уланъ, который вошелъ теперь въ составъ польской арміи; потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, сказалъ при Англичанахъ: „съ нами поступаютъ безчестно, самъ императоръ страдаетъ.“ Видя, что онъ переступаетъ границы приличія, я прервалъ его и откланялся ему. Эти разсказы, конечно, преувеличены; въ нихъ, главнымъ образомъ, слышится ненависть къ Англичанамъ, но, можетъ быть, они и не вполнѣ ложны. Подожду составлять себѣ мнѣнія на этотъ счетъ, пока не увижу лично Наполеона; надѣюсь, что двери его не всегда останутся запертыми для комисаровъ.

Не за долго до отъѣзда своего на мысъ Доброй Надежды сиръ Пелтней-Малькольмъ имѣлъ въ Лонгвудѣ продолжительный разговоръ о Россіи. *„Эта страна“*, сказалъ Наполеонъ, *„если вы не остережетесь противъ нея, будетъ предписывать законы. Она теперь въ состояніи многое предпринять. Государь ея, къ счастію, миролюбивъ; если бы не это, произошли бы великія событія. Одними легкими отрядами казаковъ, она могла бы раззорить, всю Европу“*. Адмиралъ спросилъ его: „какого онъ мнѣнія о русскомъ солдатѣ?“

Наполеонъ*: *Онъ храбръ, силенъ и терпѣливъ.

Малькольмъ: Но вѣдь казаки кажутся на взглядъ плохой конницей?

Наполеонъ: Не довѣряйте этому, они смѣтливы и опаснѣе, нежели вы думаете; имъ хорошо извѣстна партизанская война, они удачно нападаютъ, и во время изчезаютъ; ихъ строй трудно пробить; они смѣло переходятъ изъ одной стороны въ другую, незная ни языка ея ни дорогъ, живутъ грабежемъ, и я ни разу не могъ взять въ плѣнъ одного изъ нихъ. Адмиралъ Малькольмъ попробовалъ было заговорить о московскомъ походѣ, но Бонапартъ, по обыкновенію, уклонялся отъ этого разговора. Тогда рѣчь зашла о русскомъ флотѣ. *„Этому государству нуженъ только небольшой флотъ въ Балтійскомъ морѣ и другой въ Черномъ противъ Турокъ. Все же сверхъ этого было бы лишнее; Россія не морская держава.* Честь имѣю быть и пр.

Вчера вечеромъ 25 числа графы Ласказъ къ всеобщему удивленію переведены изъ домика, въ которомъ содержались подъ стражею, въ квартиру губернатора С. Жемса, гдѣ они будутъ находиться только подъ надзоромъ; полагаютъ, что они должны немедленно отплыть въ Англію. Ласказъ будто бы объявилъ, что рѣшительно не хочетъ возвращаться въ Лонгвудъ и, что, рѣшившись покинуть Наполеона, онъ намѣренъ жить въ уединеніи и неизвѣстности подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ. Сиръ Гудсонъ-Лоу ничего не сообщилъ намъ объ этомъ происшествіи. Г. Ласказъ увозитъ съ собою драгоцѣнные документы для исторіи. Теперь ясно, что съ этою-то именно цѣлью онъ и ѣхалъ на островъ св. Елены. Піонтовскій и четверо слугъ изъ Лонгвуда, жившіе 19 августа на мысѣ Доброй Надежды, посажены на корабль и отправлены въ Англію.

No. 12.

S-te Hélène ce 29 Decembre 1816 n. st. Par l'Orontès, frégate, Capt. Cochrane.

Monsieur le comte,

Sir Hudson Lowe nous informe à l'instant même que les comtes de Las Cases seront embarqués demain à bord du brig «le Griffon» et conduits au Cap de Bonne Espérance.

C'est de là probablement qu'ils passeront en Angleterre.

On se perd en conjectures à S-te Hélène sur le fait de Las Cases. Les uns disent que l'affaire des foulards et du gilet n'est qu'une ruse de son invention pour se faire arrêter et pour quitter Bonaparte en paraissant y être réduit par la force; d'autres assurent que ce projet, sans être de conséquence, était sérieux, mais que n'ayant pas réussi, Las Cases eut le bon esprit de ne pas retourner à Longwood et échappa ainsi à un exil insupportable. Enfin l'amiral Malcolm dit que Las Cases avait tout prévu, tout arrangé à son avantage et ne s'embarassait pas plus de l'arrivée de Scott à Londres que d'une perfidie on maladresse de sa part, car s'il manquait un but, il en atteignait un autre. Le gouverneur s'obstine à ne pas nous mettre dans le secret. Mr. de Montchenu lui observa devant moi qu'il importait au roi de voir cette correspondance à cause des Français,qui pouvaient y etre nommés.

«A Londres, répondit séchement sir Hudson Lowe, on en parlera peut-être à votre ambassadeur.»

Ceci donne à v. e. une idée de notre position. J'ai l'honneur d'etre etc.

Островъ Св. Елены 29-го декабря 1816 г. нов. стиля, съ фрегатомъ Оронтесъ. Капитанъ Кочранъ.

Сейчасъ сиръ Гудсонъ-Лоу объявилъ намъ, что графы Ласказъ отплываютъ завтра на бригѣ Грифонъ къ мысу Доброй Надежды, оттуда вѣроятно отправятся они въ Англію.

На островѣ Св. Елены дѣлаются безчисленныя предположенія и догадки по дѣлу Ласказовъ; иные говорятъ, что исторія фуляровъ и жилета была ничто

иное, какъ хитрость, придуманная самимъ Ласказомъ, чтобы быть арестованнымъ и имѣть благовидный предлогъ покинуть Бонапарта; другіе увѣряютъ, что планъ этотъ, не заключавшій въ себѣ ничего важнаго, имѣлъ однако дѣйствительную цѣль. Когда же дѣло приняло дурной оборотъ, Ласказъ догадался воспользоваться этой неудачей, чтобы оставить Лонгвудъ и невыносимое заключеніе. Наконецъ адмиралъ Малькольмъ увѣряетъ, что все это дѣло было предусмотрѣно и улажено заранѣе самимъ Ласказомъ, который равно мало былъ заинтересованъ успѣхомъ въ случаѣ благополучнаго прибытія своего посланнаго въ Лондонъ, или въ случаѣ измѣны или неловкости съ его стороны, потому что въ обоихъ случаяхъ достигалъ одной изъ своихъ цѣлей. Губернаторъ упорно отказываетъ намъ въ сообщеніи этой тайны. Моншеню при мнѣ замѣтилъ ему, что королю необходимо видѣть эту корреспонденцію, такъ какъ въ ней могутъ быть замѣшаны Французы. „Въ Лондонѣ, можетъ быть, поговорятъ объ этомъ съ вашимъ посланникомъ,“ отвѣчалъ сухо сиръ Гудсонъ Лоу. Это можетъ дать вашему сіятельству понятіе о нашемъ здѣсь положеніи. Честь имѣю быть и пр.

(Продолженіе будетъ)

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА (КАРССКАГО).

Нижеслѣдующая статья составляетъ первую главу большаго сочиненія, оставшагося послѣ покойнаго Н. Н. Муравьева и нынѣ принадлежащаго зятю его, владѣльцу Чертковской библіотеки Г. А. Черткову. Сочиненіе это, подъ заглавіемъ „Турція и Египетъ въ 1833 году“ есть подробное описаніе поѣздки въ Царьградъ и Александрію, совершенной по повелѣнію императора Николая Павловича и имѣвшей своимъ послѣдствіемъ договоръ Ункіаръ-Скелессійскій, который имѣлъ важнѣйшее значеніе въ дѣлахъ Востока, но о которомъ въ Русской печати почти ничего не извѣстно, кромѣ одного намека въ стихахъ Жуковскаго (Бородинская годовщина).

И, нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ Турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ.

Мавзолей этотъ (рисунокъ котораго у насъ имѣется) былъ воздвигнутъ Н. Н. Муравьевымъ. Его неуклончивости въ исполненіи царской воли, его твердымъ и заботливымъ мѣрамъ принадлежитъ слава, коею покрылось тогда Русское имя. Н. Н. Муравьевъ Карсскій, по дѣятельности своей на военномъ поприщѣ, пользуется у насъ громкою извѣстностью; но едва ли многіе знаютъ про его не менѣе достойную общественной признательности дѣятельность письменную. Съ молодости (род. 14 іюля 1794) съ 1811 г. и почти до самой кончины своей (23 окт. 1866) онъ велъ непрерывныя записки, изъ коихъ потомъ отдѣльные эпизоты распространялъ въ цѣлыя сочиненія. Таково путешествіе его въ Туркменію и Хиву, изданное въ Москвѣ въ 1822 и переведенное на иностранные языки; таковы четыре приготовленные имъ къ печати тома подъ заглавіемъ „Карсъ.“ Въ видахъ обогащенія науки исторической, должно желать, чтобы не замедлили выходомъ въ свѣтъ сочиненія Н. Н. Муравьева. *П. Б.*

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1832-го года было получено въ Петербургѣ извѣ-

стіе о пораженіи Турокъ подъ Гомсомъ (1); за симъ слѣдовали тревожныя вѣсти о дальнѣйшихъ успѣхахъ побѣдителей, занятіи Аданы и быстромъ движеніи Ибрагима-паши къ тѣснинамъ Тавра. Столь блистательные успѣхи Египетскаго паши противъ султана предвѣщали въ Оттоманской имперіи переворотъ, который могъ имѣть вліяніе на спокойствіе Европы. Обстоятельства сіи всего болѣе касались Россіи; но прозорливость государя прежде другихъ постигла послѣдствія, которыя могли произойдти отъ ослабленія Порты, послѣ Адріанопольскаго мира. Его одного, среди совѣтниковъ и окружающихъ вельможъ, озабочивали сіи обстоятельства. Цѣль его была остановить на первыхъ порахъ быстрые успѣхи паши, впредь до принятія прочнѣйшихъ мѣръ къ сохраненію владычества султана. Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣнія, увидѣлъ необходимость совершенно измѣнить относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра Великаго (2).

Находясь въ то время въ Петербургѣ, въ отпуску, я располагалъ уже выѣхать обратно въ Тульчинъ, къ 24-й пѣхотной дивизіи, коей былъ начальникомъ, какъ узналъ отъ графа Бенкендорфа, что выѣздъ мой долженъ отмѣниться, по случаю возлагаемаго на меня государемъ порученія (подробностей не считалъ онъ себя въ правѣ объяснять) и въ то же время дежурный генералъ увѣдомилъ меня запискою о волѣ государя, чтобъ я оставался въ Петербургѣ по надобностямъ службы, впредь до особаго назначенія.

Мнѣ желательно было предварительно узнать, какого рода могло быть порученіе, для того чтобы имѣть время изготовиться къ какому-либо внезапному и дальнему путешествію. Военный министръ, у коего я нарочно по сему случаю былъ, повидимому, самъ не зналъ предначертаній государя, возродившихся, какъ выше сказано, отъ собственныхъ соображеній Его Величества и хранившихся нѣкоторое время въ совершенной тайнѣ. Я могъ только узнать отъ министра, что буду въ сношеніяхъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельроде; отъ графа же Алексѣя Ѳедоровича Орлова, которому, казалось, государь сообщилъ свою мысль, слышалъ, что порученіе будетъ касаться Востока.

Вскорѣ послѣ того, военный министръ письменно предложилъ мнѣ явиться къ министру иностранныхъ дѣлъ, который объявилъ мнѣ вкратцѣ порученіе государя, заключавшееся въ передачѣ угрозы отъ имени его величества Египетскому пашѣ, дабы тѣмъ остановить быстрые успѣхи его въ военныхъ дѣйствіяхъ. Графъ Нессельроде объяснялъ, что нашествіе Египетскаго паши грозило паденіемъ Турецкой имперіи, коей слабое и разстроенное состояніе было самымъ лучшимъ поручительствомъ спокойствія нашихъ южныхъ границъ, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ Европы и предвидѣвшейся всеобщей войнѣ по дѣламъ Бельгіи. „Завоеваніе Турціи Мегмедъ-

(1) Въ Малой Азіи. Турецкія войска потерпѣли пораженіе отъ войскъ возмутившагося противъ султана Египетскаго паши, славнаго Мехмедъ-Али. Войска сего послѣдняго, подъ предводительствомъ сына его Ибрагимъ-паши, одерживали чрезвычайные успѣхи въ Малой Азіи, такъ что надлежало опасаться за участь самаго Царьграда.

(2) Другой кратковременный перерывъ въ этой системѣ былъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, когда Русскіе въ союзѣ съ Турками дѣйствовали противъ Французовъ, предпринявшихъ экспедицію въ Египетъ.

„Али-пашею", говорилъ онъ, „могло «бы, возродить новыя силы въ семъ «упадающемъ царствѣ и отвлечь вни«маніе и силы наши отъ дѣлъ Евро«пы, а потому государя особенно за«нимало удержаніе султана на коле«блющемся престолѣ его».

Кто знаетъ графа Нессельроде, тому извѣстно, сколько человѣкъ сей нерѣшителенъ; въ подобныхъ разговорахъ онъ всячески устраняетъ отвѣты на дѣлаемыя ему возраженія, или вопросы, какъ бы откладывая отзывы свои до другаго раза, и опасаясь дать ихъ, безъ посредничества совѣщателей, отъ которыхъ, по видимому, мнѣнія его зависятъ; здѣсь правила его были еще болѣе замѣтны; ибо въ разговорѣ не могло укрыться, что онъ, въ семъ случаѣ, былъ единственно исполнителемъ собственныхъ мыслей государя, коихъ пользы, онъ, казалось, не признавалъ, какъ всякой мѣры рѣшительной, грозящей важными послѣдствіями.

Сличая рѣчи его со свѣдѣніями, доходившими до меня постороннимъ образомъ, можно было заключить, что первая мысль государя была — послать немедленно войска въ помощь султану; но онъ пріостановился въ томъ, какъ по многотрудности экспедиціи, такъ и по неувѣренности, приметъ ли съ удовольствіемъ такое дѣятельное участіе въ дѣлахъ Турціи самъ султанъ, недовѣрчивый къ дружбѣ государя. Казалось, что мысль объ угрозѣ Мегмедъ-Али-пашѣ была уже послѣдствіемъ сего перваго предположенія; но и къ допущенію сей мѣры нужно было согласить султана, который могъ опасаться, чтобы подъ симъ предлогомъ не скрывались какія-либо тайныя дружественныя сношенія съ Египтомъ, во вредъ Портѣ.

Когда такимъ образомъ объяснилось въ общихъ очеркахъ порученіе мое, графъ Нессельроде спросилъ, приму ли я на себя исполненіе его, и, по изъявленіи готовности моей исполнить волю государя, онъ сказалъ, что доложитъ о томъ его величеству и пришлетъ ко мнѣ вчернѣ написанное наставленіе, чтобъ я могъ сдѣлать на немъ тѣ замѣчанія, которыя сочту нужными, для пополненія или измѣненія нѣкоторыхъ предметовъ.

Меня увѣряли, что дѣло сіе требовало весьма большой поспѣшности; однако же, обѣщанное наставленіе было прислано ко мнѣ чрезъ нѣсколько дней, съ требованіемъ скораго отвѣта. Я прочиталъ его; оно было болтливо, наполнено изворотливыми выраженіями, неопредѣлительностями и двусмысленностями, какъ пишутся у насъ дипломатическія бумаги. Сначала заключался, въ сей инструкціи, краткій обзоръ состоянія дѣлъ; далѣе излагались опасенія двора нашего, чтобы со сверженіемъ султана съ престола не лишиться выгодъ, пріобрѣтенныхъ нами посредствомъ Адріанопольскаго тракта, и чтобы Царьградъ не сдѣлался пристанищемъ сословія безпокойныхъ людей, изгнанныхъ изъ своего отечества и нашедшихъ пріютъ въ Египтѣ; наконецъ мы опасались сосѣдства могущей возродиться сильной державы, вмѣсто разслабленной Турціи. Въ инструкціи выставлялось выгодное впечатлѣніе, произведенное въ Портѣ вызовомъ изъ Александріи консула нашего Лавизона. Лавизонъ доносилъ, что, при послѣднемъ свиданіи его съ Мегмедомъ-Али, паша выразился въ слѣдующихъ словахъ: «Удаленіе ваше, безъ сомнѣ«нія, знаменуетъ дѣйствія двора, твер«даго въ договорахъ своихъ и неиз«мѣннаго въ правилахъ: я опасаюсь,

«чтобы Россія не оказала вспомоще-«ствованія султану. Всѣ разсчеты «мои чрезъ то разстроятся, тогда бы «надобно мнѣ остановиться; но я увѣ-«ренъ, что дворъ вашъ не отозвалъ «бы консула своего, еслибъ ему из-«вѣстны были успѣхи мои въ Сиріи». Мое посольство должно было служить отвѣтомъ; мнѣ вручалось подлинное письмо государя къ султану. Порученіе мое заключалось въ двухъ предметахъ: во первыхъ, убѣдить султана въ искренности намѣреній нашего двора, и во вторыхъ, склонить пашу Египетскаго къ миру.

Дѣйствуя по первому предмету, я долженъ былъ, совокупно съ нашимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бутеневымъ, отклонить мысль, которая могла бы возродиться у султана, что мы принимаемъ участіе въ дѣлахъ его, единственно съ намѣреніемъ вмѣшаться въ дѣла Востока; что мы, соревнуя Англичанамъ, у коихъ уже султанъ просилъ пособія, стараемся предупредить ихъ. Между тѣмъ не должно было предлагать ни участія, ни прямыхъ пособій: мнѣ должно было поставить на видъ султану, что государь, не допуская въ своихъ дѣлахъ участія постороннихъ державъ, не домогается также участія въ дѣлахъ чужихъ, и подтвердить собственныя выраженія его величества, помѣщенныя въ письмѣ къ султану, что—онъ „врагъ возму-„щенія и вѣрный другъ султана“.—Это же выраженіе долженъ я былъ передать и пашѣ Египетскому. Мнѣ ставили на видъ, что порученіе мое не состояло въ дипломатическихъ переговорахъ, но что предметомъ его было одно слово государя, которое, чрезъ посредство мое, должно было поразить пашу и внушить ему благія намѣренія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляли мнѣ въ обязанность—быть умѣреннымъ въ разговорахъ съ пашею, но требовать немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій на сухомъ пути и на морѣ, чѣмъ единственно могъ онъ изгладить негодованіе государя на него. Еслибы паша согласился на мои представленія и предложилъ мнѣ посредничество, для примиренія его съ султаномъ, то—не принимать на себя этой обязанности, но склонить его, чтобы онъ прямо обратился къ Портѣ, ибо государю неприлично было принять на себя посредничество между султаномъ и пашею. Въ семъ случаѣ, цѣль посольства моего была бы уже достигнута, остальное должно было довершиться временемъ.—Но еслибы паша сталъ отговариваться отъ исполненія сего, то я обязанъ былъ объявить ему, что, каковы бы ни были успѣхи преступныхъ его намѣреній,—рѣшеніе государя не измѣнится, что даже, еслибы ему и удалось свергнуть султана, то Россія поддержитъ силою оружія права́, пріобрѣтенныя договорами ея съ Портою.

Мнѣ предписывалось по возможности сократить время пребыванія моего въ Царѣградѣ на пути въ Египетъ, отъ чего зависѣлъ отчасти успѣхъ въ дѣлѣ, и поспѣшить возвращеніемъ въ Константинополь, для увѣдомленія министерства иностранныхъ дѣлъ о послѣдствіяхъ моего посольства въ Египетъ; наконецъ, каковы бы они ни были, сказано было въ инструкціи, предпринимаемыя мѣры клонились къ убѣжденію всѣхъ, что судьбы Востока не рѣшаются безъ участія Россіи.

Перечитывая данное мнѣ наставленіе и вникая въ содержаніе его, я всего болѣе былъ пораженъ ожидаемымъ успѣхомъ отъ угрозы, не под-

державной немедленнымъ отправленіемъ войскъ, о коихъ даже не упоминалось. Паша могъ насмѣяться надъ сею угрозою, и чѣмъ тогда поддержать ее? Догадываясь о цѣли моего порученія, или узнавъ о ней постороннимъ образомъ, онъ могъ даже и совсѣмъ не принять меня; какое тогда предстояло средство для объявленія ему воли государя? Другой предметъ также казался мнѣ болѣе чѣмъ страннымъ: въ концѣ инструкціи предписывалось мнѣ въ послѣдней крайности объявить пашѣ, въ ясныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ, что еслибъ онъ ниспровергъ и престолъ султана, Россія, непоколебимая защитница правъ своихъ, пріобрѣтенныхъ Адріанопольскимъ трактатомъ съ Портою, силою оружія поддержала бы ихъ противъ всякаго нарушителя. Чтобы оставалось мнѣ дѣлать, еслибъ паша отвѣчалъ мнѣ на сіе, что онъ, съ низверженіемъ султана, счелъ бы обязанностію сохранить во всей силѣ договоръ нашъ съ Портою, и доказалъ бы мнѣ собственными моими словами, что на меня возлагалось защищать не султана, а трактатъ Адріанопольскій?—что̀ было бы совершенно противно всей цѣли посольства; ибо мы въ такомъ случаѣ пріобрѣтали именно то, чего опасались, т. е., вмѣсто султана, сосѣда сильнаго и безпокойнаго. Я записалъ эти два замѣчанія на поляхъ присланной мнѣ инструкціи и отвезъ ее графу Нессельроде, который нашелъ ихъ справедливыми и обѣщалъ исправить сіи статьи.

Графъ Орловъ пользовался тогда большою довѣренностью у государя; онъ не занималъ какого либо опредѣленнаго мѣста при дворѣ или въ совѣтѣ государственномъ, но принималъ въ то время участіе въ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ, по сношеніямъ съ другими дворами (³), и потому имѣлъ сильное вліяніе въ дѣлахъ. Новыя обстоятельства, которыя ему болѣе были извѣстны, чѣмъ другимъ, сблизили меня съ нимъ; онъ показывалъ много благонамѣренности и готовности быть мнѣ полезнымъ въ предстоявшихъ сношеніяхъ. Я совѣтовался съ нимъ по всѣмъ предметамъ, касавшимся моего посольства.

Полагаю, что онъ сблизился со мною, по государеву приказанію, на которое онъ однакоже никогда не ссылался; но я счелъ нужнымъ предупредить о томъ вице-канцлера Нессельроде, который одобрилъ сношенія мои съ графомъ Орловымъ. Ловкость и обходительность сего царедворца привлекательны; я не могъ никогда себѣ объяснить вполнѣ причинъ, побудившихъ его къ принятію столь близкаго участія во всемъ, что̀ тогда до меня даже лично касалось; но во мнѣ возродилась невольнымъ образомъ мысль, что порученіе сіе было сперва возложено на него и что онъ, уклонившись отъ сего посольства, сомнительнаго въ успѣхѣ и сопряженнаго съ трудами, предложилъ меня государю, какъ человѣка, болѣе знакомаго съ дѣлами Востока (⁴). Я часто видѣлся съ графомъ Орловымъ, жившимъ тогда въ моемъ сосѣдствѣ, и сообщилъ ему мнѣніе свое на счетъ инструкціи; онъ находилъ сужденія мои основательными и тре-

(³) Графъ, впослѣдствіи князь, Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ по особенному порученію государя участвовалъ въ Европейскихъ конференціяхъ по дѣламъ Бельгіи и Греціи.

(⁴) Еще молодымъ офицеромъ Н. Н. Муравьевъ ѣздилъ въ Туркменію, потомъ съ А. П. Ермоловымъ въ Персію, и принималъ дѣятельное участіе въ Турецкой войнѣ 1828—1829 годовъ. Кромѣ того онъ зналъ языки восточные.

бовалъ отъ графа Нессельроде исполненія, по сдѣланнымъ мною замѣчаніямъ. Неменѣе того, когда я изображалъ графу Орлову неопредѣлительность всего порученія, то онъ говорилъ, что самъ не постигаетъ цѣли, и какого можно ожидать отъ исполненія его успѣха, но что на сіе была собственная воля государя; и такъ графъ Орловъ, въ то время, мнѣніемъ своимъ также не согласовался съ мыслію государя. Никто не предвидѣлъ тогда важныхъ послѣдствій сего посольства, и всѣ опорочивали мѣру сію.

По волѣ его величества и съ распоряженія военнаго министра, былъ назначенъ для состоянія при мнѣ гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Дюгамель, котораго однакоже снабдили особеннымъ наставленіемъ, опредѣлявшимъ занятія его; а мнѣ велѣно содѣйствовать ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Дюгамелю поручалось, на пути изъ Одессы въ Константинополь, собираніе свѣдѣній о положеніи Турецкихъ крѣпостей и о мѣрахъ, принятыхъ для возстановленія ихъ, послѣ заключенія мира съ Портою. Въ Константинополѣ онъ долженъ былъ озаботиться собраніемъ свѣдѣній о состояній Турецкихъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Ему было сказано, что изъ Константинополя онъ будетъ мною отправленъ въ Египетъ сухимъ путемъ, чтобы обозрѣть дѣйствующія силы Турціи, состояніе Сиріи, узнать о духѣ жителей ея и положеніи Египетской арміи. Въ Египтѣ онъ долженъ былъ узнать о морскихъ и сухопутныхъ силахъ Мегмедъ-Али-паши и о способахъ, какіе онъ имѣетъ для продолженія войны;—всѣ сіи свѣдѣнія обязанъ онъ былъ доставить прямо отъ себя военному министру; мнѣ же предоставлялось сообразить данныя ему порученія съ обстоятельствами, такъ чтобы не подвергнуть его очевидной опасности.

Дюгамель былъ человѣкъ весьма образованный и трудолюбивый, но не имѣлъ той опытности, какая потребна въ такихъ случаяхъ; онъ дурно зналъ по-русски, былъ сложенія слабаго и по нелюдимости своей, всего менѣе способенъ къ обхожденію съ Азіятцами и пріобрѣтенію довѣренности, что̀ казалось необходимымъ. Служебныя отношенія его ко мнѣ были также двумысленны, и хотя онъ исполнилъ нѣкоторыя письменныя порученія, мною ему данныя, но въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, предпочелъ бы я имѣть при себѣ офицера, менѣе образованнаго, но болѣе свыкшагося съ дѣлами.

Медленность, съ которою изготовляли поспѣшное отправленіе мое, и мѣры къ сему принимаемыя, были причиною распространенія въ Петербургѣ слуха о моемъ выѣздѣ, такъ что многіе спрашивали о моемъ назначеніи съ любопытствомъ, излагая предположенія свои въ безобразномъ видѣ. Въ столицѣ и министерствахъ ничего не можетъ остаться въ тайнѣ, и самыя важныя государственныя дѣла вскорѣ становятся извѣстными; всего болѣе надобно было опасаться отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, наполненнаго иноземцами, коихъ нескромность легко могла отозваться въ Царѣградѣ и Александріи, и тогда я могъ бы лишиться главнаго орудія къ успѣху—внезапности. Наконецъ 3-го числа октября мѣсяца потребовалъ меня къ себѣ государь.

Государь принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, ласково подвелъ къ окну и спросилъ, достаточно ли въ семъ слу-

чаѣ оказываетъ мнѣ довѣренности. Вопросъ сей былъ сдѣланъ, въ изъявленіе расположенія его, послѣ небольшаго неудовольствія, случившагося въ предыдущемъ мѣсяцѣ на смотру въ Кіевѣ; по пріѣздѣ въ Петербургъ я не могъ скрыть отъ него моего огорченія, которое онъ тогда же устранилъ привѣтливымъ обхожденіемъ. Государь нѣсколько разъ повторилъ мнѣ тотъ же вопросъ и послѣ спросилъ, довольно ли я читалъ по дѣламъ нашимъ съ Турціею и Египтомъ; потомъ изложилъ мнѣ словесно все содержаніе пересмотрѣнной мною инструкціи, съ твердостію и краснорѣчіемъ, и наконецъ спросилъ, все ли мнѣ вразумительно и не имѣю ли чего спросить у него лично.

Неумѣстно было бы мнѣ дѣлать возраженія по дѣлу уже рѣшенному, и выставлять противорѣчія, заключавшіяся въ инструкціи и замѣченныя мною уже графу Нессельроде; тѣмъ болѣе, что отъ меня самого зависѣло поправить ихъ. Я отвѣчалъ, что постигаю мысль его, и постараюсь исполнить его приказаніе; но, имѣя въ виду поддержаніе войсками предположенной угрозы Египетскому пашѣ, я просилъ позволенія изложить мысли свои о средствахъ, казавшихся удобными для остановленія успѣховъ Египетской арміи, не вводя нашихъ войскъ въ Турецкія владѣнія.

«Какія, какія, говори,» сказалъ государь.

—Можно склонить Персіянъ къ войнѣ съ Египтянами,—отвѣчалъ я, —и тѣмъ отвлечь вниманіе ихъ отъ Турціи, по крайней мѣрѣ, дать султану время оправиться.

—«У насъ нѣтъ въ правилахъ ссо«рить между собою сосѣдей своихъ».

—Это не было бы въ видѣ ссоры, ваше величество; я полагаю, что Персія, какъ дружественная держава, приняла бы съ признательностію предостереженіе такого рода; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Мегмедъ-Али своими побѣдами пріобрѣтетъ сильное вліяніе и на сосѣдственныя области Персіи». Симъ возраженіемъ думалъ я исправить непріятное впечатлѣніе, сдѣланное, казалось мнѣ, на мысли государя, совѣтомъ, поданнымъ, можетъ быть, некстати.

—«Это справедливо», отвѣчалъ государь. «Аббасъ-Мирза и предлагалъ «мнѣ уже услуги свои, но онъ теперь «занятъ въ Хорассанѣ». Потомъ, повременивъ нѣсколько и обратившись опять къ посольству моему, онъ продолжалъ: «Тебѣ я поручаю дѣло сіе, «какъ человѣку, на твердость коего «я совершенно полагаюсь; я бы не «хотѣлъ посылать войскъ и желаю, «чтобъ распря ихъ кончилась. Сул«танъ-Махмудъ корчитъ Петра Вели«каго, да неудачно... Онъ мнѣ ны«нѣ пожаловалъ свой портретъ, за «что я ему крайне благодаренъ», сказалъ государь, смѣясь и кланяясь въ поясъ. «Султанъ ко мнѣ очень ми«лостивъ, и я хочу ему показать свою «дружбу: надобно защитить Констан«тинополь отъ нашествія Мегмедъ«Али. Вся эта война ничто иное, «какъ послѣдствіе возмутительнаго «духа, овладѣвшаго нынѣ Европою и «въ особенности Франціею. Самое завое«ваніе Алжира есть дѣйствіе безпокой«ныхъ головъ, которыя къ тому скло«нили бѣднаго Карла X-го. Нынѣ онѣ «далѣе распространили вліяніе свое и «возбудили Египетскую войну. Съ «завоеваніемъ Царяграда мы будемъ «имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ лю«дей безпріютныхъ, безъ отечества, «изгнанныхъ всѣми благоустроенными «обществами. Люди сіи не могутъ ос«таться въ покоѣ, они нынѣ окружа-

«ютъ Мегмедъ-Али-пашу, наполня-«ютъ флотъ и армію его. Надобно низ-«вергнуть этотъ новый зародышъ зла «и безпорядка, надобно показать влія-«ніе мое въ дѣлахъ Востока ([5]). Ме-«жду тѣмъ скажу тебѣ, что впечат-«лѣнія, произведенныя разглашенія-«ми Египетскаго паши, становятся «очень сильны, такъ что мои Крым-«скіе Татары, доселѣ всегда спокой-«ные, нынѣ тревожатся; между ними «распущены пѣсни съ пророчествами «о скоромъ прибытіи Мегмедъ-Али-«паши, какъ заступника православ-«ныхъ мусульманъ. Я прежде обхо-«дился шестью баталіонами въ Кры-«му, теперь же этого мало; надобно «будетъ усилить тамъ число войскъ».

«Теперь мнѣ нечего болѣе говорить «тебѣ», продолжалъ государь, «поѣз-«жай, любезный Муравьевъ, ты будешь «на эскадрѣ нашей въ Архипелагѣ у «Рикорда ([6]), сообщи ему все твое «порученіе. Богъ съ тобою, ты же-«лалъ въ проѣздъ побывать у своего «отца?» На этотъ вопросъ государя, сдѣланный, какъ кажется, по докладу о томъ военнаго министра, у котораго я просилъ позволенія съѣздить по пути къ отцу, я отвѣчалъ, что отложу поѣздку сію, если отправленіе мое требуетъ поспѣшности.

—«Отнюдь нѣтъ», возразилъ государь, «извини меня, что я тебя упо-«требляю по своимъ дѣламъ, когда ты «пріѣзжаешь для своихъ въ отпускъ; «но что дѣлать, мнѣ случилась въ «тебѣ нужда; поѣзжай къ отцу, и «проведи у него три и даже четыре «дня».

([5]) Выраженіе сіе помѣщено въ данномъ мнѣ наставленіи. *Примѣчаніе Н. Н. Муравьева.*

([6]) Вице-адмиралъ Рикордъ былъ тогда командиромъ Балтійской эскадры, находившейся, въ силу Лондонскаго договора, въ Греческихъ водахъ, вмѣстѣ съ Англійскою и Французскою эскадрами. *Примѣчаніе Н. Н. Муравьева.*

Потомъ, обратясь опять къ моему посольству, онъ продолжалъ: «Помни «же, какъ можно болѣе вселять Ту-«рецкому султану довѣренности, а «Египетскому пашѣ страху. Я еще «хотѣлъ тебѣ сообщить одну вещь, «которую ты долженъ хранить въ «большой тайнѣ; когда у меня былъ, «послѣ войны, съ посольствомъ Га-«лиль-паша, мнѣ казалось изъ словъ «его, что султанъ склоненъ къ при-«нятію, въ случаѣ крайности, хри-«стіанской вѣры. Не говорю тебѣ о «томъ, какъ о вещи рѣшенной; но «мнѣ такъ казалось, и предваряю те-«бя на случай, еслибъ ты въ разго-«ворахъ съ султаномъ услышалъ, «или замѣтилъ что-либо подобное ([7]). «Наконецъ еслибъ онъ былъ изгнанъ «изъ своего царства, то онъ найдетъ «у меня пріютъ.—Будь простъ въ «обхожденіи, отъ сего зависитъ успѣхъ «дѣла; ты тогда получишь довѣрен-«ность султана и угрозишь пашѣ. «Ты знаешь по турецки, это тебѣ «много поможетъ. Конечно, трудно «получить согласіе султана на уча-«стіе мое въ дѣлахъ его; мнѣ также «предлагали постороннее участіе, ко-«гда Польша взбунтовалась, но я не «принялъ ничьихъ предложеній, и «самъ управился. Если султанъ бу-«детъ въ крайности, онъ, можетъ быть, «и согласится на примиреніе, чего бы «я однакожь на его мѣстѣ не сдѣ-«лалъ; въ такомъ случаѣ избѣгай по-«средничества. Мнѣ недавно писалъ

([7]) По возвращеніи моемъ изъ Турціи, я замѣтилъ, что государь измѣнилъ свой образъ мыслей на сей счетъ; обращеніе султана въ христіанство казалось ему дѣломъ несбыточнымъ и даже недоступнымъ. Причиною такого измѣненія въ мысляхъ были, какъ казалось, внушенія царедворцевъ, равнодушныхъ къ столь великому дѣлу, или самого №., готоваго отклонить всякое дѣло, сопряженное съ затрудненіями, сомнительное въ успѣхахъ или мало занимающее его.

«князь Эриванскій, что нынѣ, можетъ «быть, настало время Турецкой им«періи раздѣлиться на два царства».

— Вашему величеству, вѣрно, не угодно входить въ разбирательство ихъ ссоры, и мнѣ не для чего будетъ въ дѣло сіе вмѣшиваться?

— „Нисколько; дѣло ихъ, а мнѣ «все равно, даже еслибъ Египетскому «пашѣ была уступлена вся Сирія».

Я еще спросилъ государя, долженъ ли я отыскивать Мегмедъ-Али-пашу, и съѣздить къ нему, еслибъ его не было въ Александріи, или въ случаѣ, еслибъ онъ отъѣхалъ въ армію къ Ибрагимъ-пашѣ?

— „Всеконечно", отвѣчалъ государь, „поѣзжай съ Богомъ, берегись «чумы, молись Богу: Богъ тебя бла«гословитъ. Прощай, любезный Му«равьевъ», и отпустилъ меня.

Милостивый пріемъ государя возбудилъ во мнѣ ревностное желаніе исполнить съ точностію велѣніе его. Я вышелъ отъ него съ намѣреніемъ преодолѣть всѣ препятствія, представлявшіяся мнѣ въ Петербургѣ въ сношеніяхъ съ лицами, отъ коихъ я получалъ неполныя и двумысленныя наставленія, какъ и тѣ, которыя меня ожидали въ Царѣградѣ и Египтѣ, принявъ въ руководство единственно слова, произнесенныя государемъ при свиданіи моемъ съ нимъ.

1-го числа ноября мѣсяца я получилъ инструкцію и запечатанное письмо отъ государя къ Турецкому султану и дополненіе къ инструкціи отъ графа Нессельроде, въ коемъ сказано было, что въ случаѣ, еслибы султанъ, не довѣряя искренности намѣреній государя, изъявилъ желаніе, чтобы посольство мое не имѣло дальнѣйшаго хода, то я долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, причемъ возлагалось на Бутенева письменно увѣдомить Египетскаго пашу о рѣшеніи государя. Въ другомъ случаѣ, еслибы султанъ, убѣдившись въ выгодахъ, предстоявшихъ ему отъ моего посольства, самъ пожелалъ соучаствовать въ успѣхѣ и поручилъ бы мнѣ отъ имени своего предложить пашѣ миръ, то государь находилъ лучшимъ, чтобы предложенія сіи были доставлены къ пашѣ не мною, а посланнымъ отъ султана со мною нарочнымъ чиновникомъ, котораго я долженъ былъ поддерживать въ Александріи. Дополненіе сіе было сдѣлано въ слѣдствіе предшествовавшихъ разговоровъ съ графомъ Нессельроде и моихъ возраженій. Въ слѣдствіи же сдѣланныхъ мною спросовъ на черновой инструкціи, какъ поступить въ случаѣ, еслибъ Египетскій паша меня не принялъ, графъ Нессельроде приложилъ при письмѣ ко мнѣ, проектъ деклараціи, которую я обязывался послать къ пашѣ.

Содержаніе сей деклараціи было почти одинаковое съ тѣмъ, что̀ мнѣ поручалось объявить ему изустно, но въ выраженіяхъ гораздо умѣреннѣе.

Изъ депеши отъ графа Нессельроде къ Бутеневу было видно также, что на него возлагалось, въ случаѣ надобности, письменно удостовѣрить Египетскаго пашу въ томъ, что я имѣлъ къ нему особенную порученность отъ государя. Мѣра сія была необходима, чтобы не дать пашѣ повода къ непризнанію возложеннаго на меня званія. Изо всѣхъ имѣющихся у меня бумагъ легко усматривается, что министерство иностранныхъ дѣлъ совершенно устраняло себя отъ какого либо оффиціальнаго участія въ семъ дѣлѣ и не принимало на себя никакихъ съ пашею письменныхъ сношеній, коими бы я признавался довѣреннымъ лицемъ его величества.

Самую декларацію должно было подписать мнѣ, какъ бы во избѣжаніе отказа со стороны паши на имя министерства, или во избѣжаніе послѣдствій отъ предвидившейся неудачи, которыхъ никто на себя не хотѣлъ принять.

Мысль о проектѣ деклараціи, въ случаѣ предвидѣннаго мною отказа въ пріемѣ меня, была, кажется, графа Орлова; выраженія же ея смягчены, вѣроятно, по предположенію графа Нессельроде, всего болѣе опасающагося послѣдствій.

Однако въ главной инструкціи не измѣнили ничего, касающагося до Адріанопольскаго трактата. Увидѣвъ, что сдѣланныя мною замѣчанія по сему предмету не имѣли успѣха въ министерствѣ, я поѣхалъ къ графу Нессельроде, и просилъ его вторично объясненія на сей счетъ Онъ отвѣчалъ, что хотя замѣчаніе мое справедливо, но такъ какъ инструкція была уже читана и утверждена государемъ, то онъ и не смѣлъ что-либо перемѣнить въ ней.

Въ другомъ случаѣ и отъ другаго лица, такой отвѣтъ счелъ бы я изворотомъ, но тутъ онъ заключалъ совершенную истину. Не менѣе того, я полагалъ себя обязаннымъ сказать графу Нессельроде, что Мегмедъ-Али перетолкуетъ выраженія сіи въ свою пользу и тѣмъ поставитъ меня въ затруднительное положеніе.

«Въ такомъ случаѣ,» сказалъ графъ Нессельроде, «руководствуйтесь содержаніемъ деклараціи» (въ которой не упоминалось объ Адріанопольскомъ трактатѣ).-- Я возразилъ, что декларація слабѣе инструкціи.—„Мы вамъ это письменно дополнимъ, если вы того желаете,“ отвѣчалъ графъ Нессельроде. Но, видя безполезность настояній моихъ и не ожидая болѣе обстоятельнѣйшихъ наставленій, я прекратилъ свои требованія

Для успѣха самаго дѣла, полезнѣе дополнительныхъ наставленій было, конечно, то, чтобы мнѣ скорѣе выѣхать и поразить, сколько возможно было, пашу внезапностію моего прибытія; но при такихъ сомнительныхъ надеждахъ въ успѣхѣ, мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, опредѣлительно знать, на чемъ останавливалось данное мнѣ порученіе, и когда можно считать его конченнымъ; а потому, обратившись еще разъ къ Орлову, я объяснилъ ему мысль мою и просилъ мнѣнія. Подумавъ нѣсколько, онъ отвѣчалъ: что, безъ сомнѣнія нельзя было ручаться за успѣхъ; но что я долженъ былъ считать дѣло свое конченнымъ, когда выговорю пашѣ все приказанное государемъ и написанное въ наставленіи, каковы бы ни были послѣдствія.—«И такъ,» сказалъ я, «въ семъ случаѣ усматриваю единственно призывъ къ смѣлости моей; «хотятъ взрыва въ Александріи, паша «услышитъ отъ меня посланную къ «нему угрозу, воля государя будетъ «исполнена и довѣренность его оправдана; послѣдствія отъ меня независимы.»

Я занялся приготовленіемъ къ скорѣйшему выѣзду изъ Петербурга, но гр. Нессельроде просилъ меня еще заѣхать къ Д., который около 1818 г., имѣвъ порученіе осмотрѣть всѣ наши консульства въ Левантѣ, былъ тогда въ Египтѣ, познакомился съ Мегмедъ-Али-пашею и могъ, по мнѣнію графа Нессельроде, сообщить мнѣ занимательныя свѣдѣнія о томъ краѣ и лицѣ, съ которымъ я долженъ былъ вступить въ сношеніе. Я исполнилъ желаніе его и, къ удивленію, нашелъ совершенно не то, чего ожидалъ. Я полагалъ, что Д—ъ уже въ по-

дробности знаетъ цѣль моего посольства; напротивъ того, оказалось, что встрѣтившись на прогулкѣ съ графомъ Нессельроде, послѣдній сообщилъ ему, въ разсѣянности, о моей поѣздкѣ, какъ о новости того дня, тогда когда дѣло сіе должно было храниться въ тайнѣ.

Д-ъ, вмѣсто переданія мнѣ свѣдѣній, любопытствовалъ узнать о подробностяхъ и приказаніяхъ государя, которыхъ я не считалъ себя вправѣ ему объяснять. Не менѣе того, замѣтивъ изъ общаго разговора, въ чемъ дѣло состояло, онъ сталъ удивляться обороту его и утверждалъ, что не постигалъ цѣли и не предвидѣлъ никакого успѣха, считая даже исполненіе сего почти невозможнымъ. Не видя препятствій въ переданіи пашѣ угрозъ, посланныхъ государемъ, я опровергалъ мнѣнія его и отвлекалъ, сколько возможно, разговоръ о предметѣ столь щекотливомъ, особливо когда дѣло коснулось о посредничествѣ, которое онъ считалъ необходимымъ возложить на меня. Онъ скоро обратился къ разсказамъ происшествій, съ нимъ случившихся во время путешествія его, и, предавшись повѣствованіямъ, которыя полагалъ для меня поучительными, уклонился отъ предмета своего любопытства, по коему впрочемъ онъ не получилъ отъ меня опредѣлительныхъ отвѣтовъ. Не имѣя много времени для посвященія сему безполезному разговору, я, при удобномъ случаѣ, разстался съ Д-ъ, удивляясь вѣтренному поступку графа Нессельроде. Я сообщилъ случай сей графу Орлову, который нашелъ его весьма страннымъ, но въ осторожность мнѣ, онъ дружески предупредилъ меня о пріязненныхъ сношеніяхъ Д-а съ Бутеневымъ.

Въ кругу высшихъ властей начинали уже говорить о моей поѣздкѣ, и всякій считалъ себя обязаннымъ снабдить меня совѣтомъ, хотя въ дѣлѣ еще мало извѣстномъ. Военный министръ, графъ Чернышевъ, ставилъ мнѣ въ примѣръ Французскаго генерала Себастіани, способствовавшаго совѣтами своими къ оборонѣ Константинополя противъ Англичанъ; я могъ дѣйствовать, по мнѣнію его, въ томъ же смыслѣ, чтобы поддержать упадающее царство султана. По легкимъ сужденіямъ ихъ, казалось, что мнѣ предстояло только принять на себя начальство надъ Турецкою арміею противъ Ибрагима-паши. Даже дежурный генералъ N. отъ котораго зависѣло снабженіе меня подорожною, совѣтовалъ мнѣ, при прощаньи: «вцѣпиться обѣими руками въ бороду Мегмедъ-Али-паши».

Слѣдуя изустнымъ наставленіямъ графа Нессельроде, я долженъ былъ: во первыхъ, при выѣздѣ изъ Константинополя въ Египетъ, взять у нашего посланника Бутенева драгомана, и даже, еслибы счелъ нужнымъ, бывшаго нашего консула Лавизона, коему Мегмедъ-Али былъ довольно извѣстенъ и который тогда находился въ Царѣградѣ; во вторыхъ, еслибъ паша пожелалъ отправить къ султану чиновника, я могъ привезти его, на обратномъ пути своемъ, въ той надеждѣ, что мѣра сія, хотя и не заключала въ себѣ еще поручительства въ примиреніи, остановила бы на время военныя дѣйствія, и дала бы возможность султану оправиться; въ третьихъ, мнѣ не должно было принимать отъ паши письма́ на имя государя, но можно было принять отъ него письмо къ графу Нессельроде; въ четвертыхъ, я могъ, въ слу-

чаѣ надобности, на обратномъ пути изъ Константинополя, съѣздить въ Малую Азію—къ Турецкой арміи; и наконецъ, мнѣ предоставлялось также требовать отъ Бутенева экстраординарной суммы на непредвидимыя надобности.

Кромѣ того, графъ Нессельроде сообщилъ мнѣ, что, въ недавнемъ времени, было захвачено Египтянами одно купеческое судно, подъ Русскимъ флагомъ, и что вице-адмиралу Рикорду приказано было требовать возращенія сего судна; въ случаѣ же отказа со стороны паши, схватить первое Египетское судно, которое бы ему попалось. По словамъ его, изготовлялись въ Черноморскомъ флотѣ для поѣздки моей пароходъ и фрегатъ, но я не имѣлъ ни отъ кого положительнаго свѣдѣнія о сихъ судахъ; почему, съѣздивъ къ бывшему начальнику морскаго штаба, князю Меньшикову, извѣстился, что объ изготовленіи сихъ судовъ предписано было командиру Черноморскаго флота, адмиралу Грейгу, съ тѣмъ, что ежели, по позднему времени, не удобно будетъ симъ судамъ дожидаться на Одесскомъ рейдѣ, то избралъ бы имъ другое якорное мѣсто. Адмиралъ Грейгъ долженъ былъ меня увѣдомить въ Тульчинъ съ нарочнымъ о мѣстѣ, гдѣ суда дожидались. Вице-адмиралу же Рикорду предписывалось употребить всѣ способы къ содѣйствію мнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меньшиковъ просилъ меня взять съ собою состоящаго при немъ капитанъ-лейтенанта Серебрякова; испросивъ на то высочайшее соизволеніе, онъ назначилъ его въ мое распоряженіе и послалъ 3-го ноября въ Николаевъ и Севастополь, для ускоренія дѣлаемыхъ приготовленій.

Серебряковъ, родомъ Крымскій Армянинъ, былъ довѣреннымъ лицомъ Меньшикова, но не въ важныхъ порученіяхъ службы. Въ послѣдствіи я узналъ его...

До выѣзда моего изъ Петербурга, я былъ зачисленъ по арміи, а на мѣсто мое былъ назначенъ другой начальникъ дивизіи.

ГЛАВА VII.

Пребываніе войскъ на Босфорѣ.

Лагерь нашъ расположенъ былъ на высотахъ въ нѣсколько линій. Правый флангъ задней линіи тянулся къ морю и упирался къ мысу Сельви-Бурну. Лѣвый покрывалъ вершину знаменитой горы Великановъ, а переднія линіи располагались на уступахъ покатости, склоняющейся къ прелестной долинѣ Хункяръ-Скелеси, или Султанской. На правомъ флангѣ первой линіи, къ сторонѣ моря, на склонѣ горы, находились небольшой кіоскъ Султана и бумажная фабрика. Въ концѣ долины и оттуда до селенія, въ коемъ располагалась квартира моя, тянулись по берегу моря купы огромныхъ яворовъ [1]) необыкновенной красоты. Густыя вѣтви и зелень ихъ доставляли тѣнь и прохладу, необходимыя въ жаркіе дни, и служили жилищемъ соловьямъ, поселившимся тутъ во множествѣ. Пріятна была вечерняя прогулка, при лунномъ сіяніи, въ сихъ очаровательныхъ мѣстахъ.

Станъ нашъ не имѣлъ вида учебныхъ лагерей, означающихся длин-

---

[1]) Деревья сіи такъ велики, что когда войска вышли на берегъ еще безъ палатокъ, то въ дуплѣ одного изъ этихъ яворовъ расположился баталіонный адъютантъ со своею канцеляріей.

ными рядами палатокъ, расположенныхъ въ знойныхъ равнинахъ. Правила кастраметаціи соблюдались въ каждомъ баталіонѣ отдѣльно; но баталіоны стояли соотвѣтственно гористому мѣстоположенію и въ общей согласности съ обороною, представляющеюся самою позиціей. Разнообразіе это напоминало намъ походы прошедшаго времени и способствовало къ поддержанію бодрости въ людяхъ, неравнодушныхъ къ красотамъ природы. Палатки были разбиты среди лавровыхъ кустовъ, произрастающихъ тамъ во множествѣ. Солдаты предохраняли себя отъ зноя солнечныхъ лучей, покрывая легкія жилища свои вѣтвями лавра. Шатры украшались миртомъ и цвѣтами, собираемыми въ полѣ. Видъ лагеря былъ прелестный, и на оборотъ, изъ каждой точки лагеря открывались восхитительные виды во всѣ стороны.

Гору Великановъ, высочайшую по всему берегу Босфора, можно назвать ключемъ позиціи нашей. Намъ необходимо было занять ее; но я не рѣшался сдѣлать того безъ совершеннаго согласія Турецкаго правительства, потому что на вершинѣ горы была мечеть или Текіэ [2]), при гробницѣ, называемой Мусульманами могилою пророка Яушэ, отъ котораго и гора называется по-турецки Яушэдагъ. Народъ имѣетъ особенное уваженіе къ сему мѣсту. Больные отправляются на поклоненіе къ гробницѣ, въ надеждѣ получить тамъ исцѣленіе. Ахмедъ-паша, при всемъ желаніи быть намъ пріятнымъ, долго старался отклонить занятіе этой горы; но, видя настойчивость мою, онъ согласился. Раннею весною вершина горы покрывалась туманами. Солнце, разгоняя ихъ, освѣщало бѣлыя палатки наши. Быстрый переходъ отъ мглы къ полуденному зною могъ вредить здоровью людей, а потому я принужденъ былъ свести баталіонъ, занимавшій вершину, пониже, и расположилъ его опять на горѣ, когда погода сдѣлалась постояннѣе.

Такъ какъ большая часть главы сей посвящена обзору занятій нашихъ, то я на время отступлю отъ принятаго мною порядка излагать случившееся по числамъ, и соединю здѣсь вообще замѣчанія, сдѣланныя мною во все время пребыванія въ Турціи, о состояніи нашихъ и султанскихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упомяну о взаимныхъ сношеніяхъ нашихъ и упражненіяхъ, почему вводное описаніе это можетъ заключать сужденія, основанныя на происшествіяхъ, встрѣтившихся позднѣе тѣхъ, которыя займутъ опять мѣста свои въ дневникѣ, прежнимъ порядкомъ по числамъ.

Войска, прибывшія въ десантъ, были мало способны къ дѣйствію, въ особенности къ движенію. Они состояли изъ вновь сформированныхъ полковъ, наполнены большею частію изнуренными рекрутами, немалымъ числомъ порочныхъ людей и опредѣленныхъ въ службу за бродяжничество. При отправленіи сихъ войскъ изъ Одессы, лучшіе люди находились въ домовыхъ отпускахъ и, для укомплектованія баталіоновъ, ихъ наполнили людьми изъ резервовъ, которые по обыкновенію, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сбыть все, что у нихъ было худшаго. Они отдали много людей неспособныхъ, бѣглецовъ, и даже безжалостно наполнили отплывающіе полки солдатами, которые были одержимы хроническими болѣзнями.

[2]) Названіе это принадлежитъ храмамъ, въ коихъ служеніе производится дервишами.

Войска сіи вообще были мало образованы. Большая часть офицеровъ состояла изъ молодыхъ и неопытныхъ людей. Начальники мало знали своихъ подчиненныхъ и обратно, подчиненные не свыклись со своими начальниками. Дурной составъ пѣхоты былъ причиною побѣговъ, которые усиливались по мѣрѣ того, какъ люди болѣе знакомились съ окрестностями. Составъ артиллеріи былъ лучше пѣхоты. Нѣкоторыя команды, какъ-то: казачья, военно-рабочая рота и досланная впослѣдствіи гарнизонная артиллерійская рота, находились по всѣмъ отношеніямъ въ удовлетворительномъ видѣ.

Казалось бы, что во флотѣ не слѣдовало быть бѣглымъ, ибо тамъ имѣли всѣ средства къ удержанію подозрительныхъ людей, но по слабому исполненію отдаваемыхъ приказаній, люди эти съѣзжали на берегъ съ прочими и расходились безъ надзора, отъ чего бѣжало изъ числа матросовъ много Поляковъ, опредѣленныхъ вновь изъ бывшей Польской арміи. У насъ было также человѣкъ 30 Поляковъ въ подвижной инвалидной ротѣ, находившейся для прислуги у госпиталя; но, странная вещь, ни одинъ изъ нихъ не бѣжалъ, хотя за ними не было особеннаго надзора, тогда какъ изъ числа Русскихъ, сослуживцевъ ихъ той же роты оказывались довольно часто побѣги. Поляки эти не мѣшались съ Русскими, жили вмѣстѣ въ особыхъ палаткахъ съ фланга роты и сохраняли у себя въ лагерѣ особенную чистоту; впрочемъ несли всю тягость службы наравнѣ съ товарищами, съ которыми употреблялись также и въ черныя работы. Собравъ ихъ однажды, я благодарилъ ихъ за усердіе, и какъ они всѣ были молодые люди, способные къ полевой службѣ, то спросилъ ихъ: не желаютъ ли быть переведенными въ полки. Къ удивленію, услышалъ я общій отзывъ, что они готовы нести всякую службу въ инвалидной ротѣ, но просили не переводить ихъ въ полевые полки. Чувство военныхъ почестей было подавлено въ этихъ людяхъ, какъ заключать можно, послѣдними происшествіями Польской войны. Они, кажется, опасались разлуки другъ съ другомъ болѣе всѣхъ отвратительныхъ работъ, коимъ обрекались по званію подвижныхъ инвалидовъ—прислужниковъ больныхъ.

При такомъ слабомъ состояніи пѣхоты, какъ выше описано, можно было ожидать значительнаго числа больныхъ; но количество ихъ едва ли превосходило когда либо 800 человѣкъ въ обѣихъ бригадахъ, а иногда бывало гораздо и даже вполовину меньше. Нужно было заблаговременно приготовить помѣщеніе для ожидаемыхъ больныхъ. Полковые лазареты помѣщались въ лагерѣ подъ большими наметами; госпиталь же былъ устроенъ на Европейскомъ берегу въ деревнѣ Беюгъ-дере, гдѣ, по многомъ стараніи, отыскано и принято отъ Турецкаго правительства два довольно обширныхъ дома. На Азійскомъ берегу не было помѣщенія; притомъ же я находилъ удобнѣе не стѣсняться въ лагерѣ большимъ числомъ больныхъ. Наблюденіе за отправленіемъ службы въ госпиталѣ было весьма удобно; перевезеніе больныхъ черезъ Босфоръ не представляло большихъ затрудненій. Въ послѣдствіи времени, госпиталь этотъ былъ переведенъ на старый турецкій корабль, нарочно для того приготовленный и прибуксированный двумя пароходами изъ Царьградскаго порта къ лагерю. На кораблѣ было устроено и помѣщеніе

для лѣкарей, аптеки и всего управленія госпитальнаго. Распоряженіе это принесло дѣйствительную пользу. Замѣчательно, что съ перенесеніемъ госпиталя на турецкій корабль, количество больныхъ въ нѣсколько дней уменьшилось почти въ половину; прочіе же какъ бы ожили.

Совершенный отдыхъ и беззаботная жизнь не годились для поддержанія силъ въ людяхъ. Полки занимались образованіемъ своимъ, ежедневно дѣлался разводъ, и въ лагерѣ производилось ученье. Солдатамъ были по возможности доставлены также всѣ выгоды и удовольствія, какія представлялись въ томъ краю, сближаясь съ отечественными привычками, какъ-то: выстроены бани, заведены сбитеньщики, по вечерамъ пѣли вездѣ пѣсенники, собирались играть въ городки, чихарду и тому подобное, что̀ поддерживало въ людяхъ бодрость и веселый духъ. Они вскорѣ стали укрѣпляться и въ силахъ своихъ.

Должно однако отдать справедливость симъ войскамъ, что всѣ вообще отъ старшихъ до младшихъ были одушевлены рвеніемъ и усердіемъ въ высочайшей степени. Физическихъ силъ не достало бы у нихъ, для предпринятія на первыхъ порахъ дальняго похода; но я не сомнѣвался, что онѣ могли выдержать жаркій бой вблизи Царяграда и съ надеждою на побѣду.

При мысѣ Сельви-Бурну находилось небольшое отдѣльное возвышеніе, на которомъ была разбита моя палатка. Тутъ вошло у насъ въ обыкновеніе собираться по вечерамъ: сходились всѣ, имѣющіе надобность видѣться, отдавались изустные отчеты въ занятіяхъ протекшаго дня и приказанія къ другому дню; здѣсь играла музыка, били зорю, и читалась молитва. Собранія эти, день ото дня, дѣлались многолюднѣе; онѣ часто оживлялись лагерными игрищами и стрѣляніемъ въ цѣль, въ коихъ солдаты наши состязались въ проворствѣ и ловкости съ турецкими. Подъ конецъ, на мысъ Сельви-Бурну стали ѣздить изъ Европы жены и дочери чиновниковъ миссій и туземныхъ Перотовъ, и наши молодые люди пускались въ танцы, пока на сторонѣ происходили между начальниками служебныя совѣщанія. Впослѣдствіи стали съѣзжаться въ Сельви-Бурну и турецкіе чиновники, собранія эти вошли въ привычку, сдѣлались необходимостію и приносили существенную пользу для службы; они много способствовали и къ сближенію нашему съ Турками.

Красоты мѣстоположенія и образъ жизни нашей изложены съ подробностію и вѣрностію въ Письмахъ русскаго солдата, напечатанныхъ въ 1833 году, въ разныхъ нумерахъ Русскаго Инвалида. Письма эти сочинены генеральнаго штаба поручикомъ Болдыревымъ

Продовольствіе наше было обезпечено привезеннымъ изъ Россіи хлѣбомъ. Для сбереженія сего запаса, я требовалъ сухарей отъ Турецкаго правительства, на неисправность коего я никогда не имѣлъ случая жаловаться. Снабженія эти дѣлались безденежно и съ постоянною доброю волею.

Въ числѣ распоряженій, представлявшихъ затрудненія, было снабженіе казаковъ, артиллеріи и полковъ лошадьми; ибо турецкія лошади мало способны для строевой службы. Къ удивленію моему, я рѣдко встрѣчалъ красивыхъ лошадей подъ начальниками и не видалъ даже хвале-

ныхъ наѣздниковъ сей страны. Отряду нужна была нѣкоторая подвижность, безъ чего онъ не могъ соотвѣтствовать своему предназначенію, въ случаѣ надобности. По приказанію государя, было отправлено съ войсками на судахъ 42 артиллерійскія лошади, которыя служили основаніемъ запряжкѣ и употреблялись при орудіяхъ въ дышлахъ. Хотя мнѣ и былъ открытъ въ миссіи нашей кредитъ на 80 тысячь рублей для покупки лошадей; но, зная, сколько отысканіе ихъ представляло затрудненій, и желая избѣжать излишнихъ расходовъ, на случай недолгаго пребыванія отряда на Босфорѣ,—я предложилъ Сераскиру снабдить насъ турецкими казенными лошадьми, на что и получилъ согласіе его. Хозревъ-паша немедленно приказалъ показать капитану Вульферту всѣхъ артиллерійскихъ лошадей на конюшняхъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ выбралъ лучшихъ. Все это было исполнено для обоихъ отрядовъ, съ возможною у Турокъ точностію. Я даже взялъ запасныхъ лошадей для орудій. У насъ была привезена своя упряжь, но я предпочелъ оставить на выносныхъ лошадяхъ турецкія шлейки, которая находилъ легче и удобнѣе нашихъ хомутовъ.

Артиллерія двигалась быстро и исправно. Полковые обозы были также снабжены лошадьми низшаго разряда, но способными къ движенію. Съ казаками прибыло 46 донскихъ лошадей; остальное число ихъ пополнилось турецкими. Подъ аптечные вьючные ящики и подъ изготовленные для сего похода въ Одессѣ вьючные ящики съ запасными патронами и снарядами, я вытребовалъ въ послѣдствіи времени лошаковъ,—лучшее средство для перевозки тяжестей по дурнымъ турецкимъ дорогамъ. Однако потребность въ лошакахъ никогда не была вполнѣ удовлетворена и, казалось, тяготила Турецкое правительство. Турки не постигали, зачѣмъ мы такъ заблаговременно запасались средствами къ походу, ибо, какъ я выше говорилъ, они не имѣютъ понятія о всѣхъ надобностяхъ регулярнаго войска. Наконецъ я вытребовалъ, для штаба моего и письменныхъ дѣлъ, пять турецкихъ фургоновъ съ лошадьми, полною упряжью, нестроевыми и офицеромъ, которые находились во всегдашней готовности къ движенію.

Во избѣжаніе убытка, который бы Турецкое правительство могло понести отъ порчи этихъ лошадей, я на первыхъ порахъ еще предложилъ Сераскиру сдѣлать оцѣнку имъ, съ тѣмъ, чтобы при возвращеніи ихъ, можно было заплатить за недостающихъ Сераскиръ сначала не хотѣлъ и слышать о томъ, говоря, что не находилъ сего для нихъ приличнымъ, когда дѣло шло о снабженіи вспомогательныхъ войскъ государя императора. Когда же я настоятельно просилъ его о томъ, то онъ отвѣчалъ, что на счетъ этого можно будетъ согласиться въ послѣдствіи времени.

По упроченіи сихъ первыхъ средствъ къ движенію, я приступилъ къ новымъ распоряженіямъ, чтобъ устроить подвижные магазины; но они не были приведены въ исполненіе, какъ далѣе будетъ видно.

Турки, видя занятія наши, старались подражать намъ; но успѣхи не соотвѣтствовали цѣли: они трудились надъ сооруженіемъ зданія, коего основаніе—порядокъ и дисциплина—было чуждо ихъ понятіямъ, и потому схватывали одни только вершки.

Въ людяхъ гвардейскаго отряда ихъ замѣтны были способности къ правильному изученію ружейныхъ пріемовъ; но самыя ружья были содержаны въ жалкомъ видѣ, такъ, что ихъ едва можно было признать годными къ употребленію: дерево и желѣзо все пробито и переломано. Турецкій солдатъ, какъ бы не признаетъ ружья съ европейскимъ прикладомъ и штыкомъ, оружіемъ для дѣйствія противъ непріятеля; онъ видитъ въ немъ болѣе оружіе, изобрѣтенное въ обремененіе его разными пріемами на ученьи. При построеніяхъ много быстроты, но мало правильности. Невѣжество офицеровъ доходило въ семъ отношеніи до такой степени, что въ баталіонномъ строю, даже взводы не всегда уравнивались. Въ лазаретѣ турецкаго отряда замѣтно было не только изобиліе, но даже и роскошь; лѣкарь былъ назначенъ отъ насъ; до учрежденія же сего лазарета, больные, которыхъ было очень мало, отправлялись въ нашъ госпиталь. Лагерь содержался въ отличной чистотѣ, въ чемъ Турки старались превзойти нашихъ. Палатки были обсажены деревьями, и во всѣ стороны проложены дорожки. Пища людямъ производилась изобильная и отлично хорошая. Видно было, что правительство хотѣло пощеголять предъ нами содержаніемъ сего отряда, и не щадило на то средствъ. Чищеніе аммуниціи всего болѣе ихъ затрудняло. Начальники просили моего распоряженія, чтобы показать имъ, какъ съ нею обходиться. Я приказалъ послать нѣсколько турецкихъ унтеръофицеровъ въ одинъ изъ нашихъ баталіоновъ, для узнанія и передачи сего своимъ сослуживцамъ. Но природная неопрятность Турокъ, или безпечность ихъ, была причиною, что оказывались вычищенными только тѣ аммуниціи которыя побывали въ рукахъ нашихъ солдатъ. Никто у нихъ не заботился объ узнаніи этого искусства, и всякій сталъ по одиночкѣ носить свою аммуницію въ нашъ лагерь для чищенія, почему я и прекратилъ эту науку.

Ахметъ-паша просилъ меня одѣть одну пару пѣшихъ ординарцевъ по точному образцу турецкихъ войскъ, ихъ же матеріалами, но со тщаніемъ, введеннымъ у насъ въ обыкновеніе, и образовать ихъ. Это было въ точности исполнено, и нельзя не признать, что одежда Турецкаго солдата, хорошо пригнатая, соединяетъ всѣ удобства съ красотою.

Въ кавалеріи я избралъ себѣ двухъ всадниковъ въ безсмѣнные ординарцы, коимъ поручено было смотрѣть за моими жеребцами и ѣздить за мною. Одинъ изъ нихъ былъ рослый и красивый молодой мужчина, родомъ изъ Турокъ, по имени Али. Онъ долго скучалъ новою должностію; на него сшили лейбъ-гусарской красный мундиръ, съ желтыми снурками, и показали ему нѣсколько правила ѣзды. Болѣе всего удивляли его перчатки, которыя у Турокъ не въ обыкновеніи. Онъ наконецъ свыкся съ нами и съ домомъ моимъ до такой степени, что хотѣлъ съ мною ѣхать въ Россію, и по отбытіи нашемъ, бѣжалъ изъ полка. Другой былъ Эѳіопъ, съ отвислыми губами, и выбранъ по наружнымъ достоинствамъ, составляющимъ красоту этой породы. Его одѣли въ уланскій мундиръ Новоархангельскаго полка, коего бѣлый воротникъ и лацканы, соотвѣтствовавшіе яркой бѣлизнѣ зубовъ его, составляли разительную противоположность съ чернымъ цвѣтомъ лица. Обоимъ оставле-

ны были на головахъ красныя фески, подъ которыми были подложены клеенки, и головной уборъ этотъ, придержанный подъ подбородкомъ лакированнымъ ремешкомъ, весьма хорошо шелъ къ мундирамъ ихъ и лицамъ. Они даже переняли солдатское щегольство наше, надѣвать сіи шапочки на бекрень. На службѣ, какъ ординарцы, они были очень исправны. Африканецъ въ особенности былъ проворенъ. Они ни на одно мгновеніе не спускали глазъ съ меня, какъ бы стараясь угадать желаніе начальника. Я посылалъ ихъ въ такомъ видѣ представляться султану, которому нисколько не показалось страннымъ, что пришельцы переодѣвали людей его войска на свой образецъ.

Въ пѣшемъ баталіонѣ была учреждена учебная команда, которая ежедневно, вмѣстѣ съ нашими войсками, очень усердно занималась военными упражненіями; такъ, что турецкіе офицеры сами становились въ ряды со своими солдатами, и по нѣскольку часовъ сряду безъ остановки и усталости учились маршировать, не давая отдыха учителямъ. Но наука сія не распространилась далѣе людей изъ учебныхъ командъ, ибо въ головѣ Турка не вмѣщается понятіе о какомъ-либо систематическомъ распредѣленіи времени, или постоянныхъ занятій. Ежедневно наряжался одинъ взводъ въ общій разсчетъ развода, на коемъ они привыкли исполнять все по русской командѣ; ихъ пріучили даже бѣгать на церемоніальномъ маршѣ рѣзвымъ шагомъ, несроднымъ съ обычаями сего народа. Адъютанты ихъ получали и отдавали пароль вообще съ нашими, а присутствовавшіе при церемоніи начальники соблюдали приличную тишину и становились со строгою разборчивостію по старшинству, на мѣстахъ каждому присвоенныхъ. Сераскиръ иногда посѣщалъ разводы, ходилъ по фронту и здоровался съ солдатами по русски; въ тѣ дни, когда онъ въ особенности былъ хорошо расположенъ, приносилъ мнѣ въ подарокъ огромный пукъ цвѣтовъ, съ которыми и оставался во время церемоніи, держа его въ одной рукѣ, а въ другой шелковый платокъ, коимъ онъ обмахивался для прохлажденія, охая, жалуясь на жаръ и переставляя поминутно сломанныя и кривыя ноги свои. Иногда садился онъ отъ усталости на барабанъ. Посѣщенія эти кончались обыкновенно у меня попойкою—шампанскимъ виномъ, которое по мнѣнію его, было лучшее прохладительное средство въ знойные дни.

Въ намѣреніи болѣе сблизить Турокъ съ нами, я завелъ между ними общую очередь дежурныхъ съ нашими офицерами; Авни-бею же велѣлъ дежурить по лагерю съ нашими полковыми командирами, для чего и приставлялся къ нему на эти дни переводчикомъ Омеръ-Ага,—бѣглый офицеръ изъ австрійской службы. Омеръ-Ага принялъ мусульманскую вѣру. Онъ имѣлъ способности, нѣкоторое образованіе и велъ себя хорошо. Его назначилъ къ намъ въ должность переводчика Сераскиръ по требованію моему. Состоя при подполковникѣ Мендѣ, онъ переводилъ съ нѣмецкаго языка на турецкій всѣ отдаваемыя приказанія и училъ Турокъ составлять на ихъ языкѣ вѣдомости, списки и графные рапорты по формамъ, у нихъ принятымъ, или мною издаваемымъ. Новый порядокъ службы много занималъ Турокъ. Замѣтили, что когда Авни-бей бывалъ дежурнымъ по лагерю, то онъ часто проѣзжалъ мимо нашей гауптвахты, чтобы ему вы-

ходили къ ружью. Съ другой стороны надобно отдать ему справедливость, что никогда посты не осматривались съ такою исправностію, какъ въ его дежурство, чему старались подражать подчиненные его. Чтобы ознакомить турецкихъ часовыхъ съ нашими отзывами, отдавались всегда слова, имѣющія одно значеніе въ Русскомъ и Турецкомъ языкахъ, какъ напримѣръ: арбузъ, караулъ, кирпичъ, сарай, башмакъ, и тому подобныя.

Желая пріобрѣсти болѣе довѣренности со стороны новыхъ сослуживцевъ и поощрить начальниковъ ихъ, я по наружности подчинилъ Авни-бею два орудія нашихъ, находившіяся на позиціи въ первой линіи, занимаемой Турками. Добрыя сношенія между нашими войсками и турецкими со дня на день увеличивались, такъ что турецкіе солдаты хаживали къ нашимъ въ палатки посидѣть и потолковать о разныхъ предметахъ на языкахъ, взаимно имъ неизвѣстныхъ, довершая объясненія знаками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, солдаты наши даже скрывали отъ начальниковъ вины Турокъ, какъ своихъ товарищей. Обоюдная привѣтливость между ними еще болѣе поддерживалась дружественными сношеніями моими съ Ахмедъ-пашею-муширомъ, часто посѣщавшимъ нашъ лагерь.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ, турецкіе начальники собирались ко мнѣ вмѣстѣ съ нашими офицерами, и нѣкоторые, небрившіе головы, скидали фески, когда обѣдали у меня, или находились безъ свидѣтелей.

Для вящшаго поощренія турецкихъ войскъ, я изъявилъ благодарность начальникамъ въ отданномъ по всему отряду приказѣ, и копію съ него послалъ къ Ахмедъ-пашѣ для доклада Султану, который былъ очень доволенъ этимъ, и вскорѣ послѣ того произвелъ, по представленію моему, Авни-бея въ полковники.

Я выдалъ также нѣсколько наградныхъ денегъ турецкимъ войскамъ, въ томъ числѣ и конюхамъ, приведшимъ къ намъ дареныхъ лошадей отъ султана. Сераскиръ, не забывшій еще сдѣланнаго ему отказа въ пріемѣ брилліантовыхъ табакерокъ послѣ даннаго намъ обѣда, воспользовался этимъ случаемъ для отмщенія. Онъ, безъ всякаго на то права, по одному вліянію своего сана, отобралъ деньги сіи отъ турецкаго чиновника, получившаго отъ меня и не успѣвшаго еще вручить ихъ по принадлежности. Хозревъ-паша при первомъ свиданіи возвратилъ мнѣ ихъ, сказавъ, что султанскія войска не принимаютъ подарковъ. Въ ту же минуту я при немъ же передалъ тѣ же самыя деньги случайно находившемуся тутъ полковнику Авни-бею, съ приказаніемъ хранить ихъ впредь до распоряженія, что̀ онъ, состоя подъ моимъ начальствомъ, и долженъ былъ исполнить. Между тѣмъ, я поручилъ Ахмедъ-пашѣ сказать султану, что если это дѣлается по его приказанію, то я готовъ принять деньги обратно; но не возьму ихъ назадъ, если это только желаніе Сераскира. Ахмедъ-пашѣ былъ случай показать свое вліяніе въ дѣлахъ гвардейскаго корпуса; я вскорѣ получилъ въ отвѣтъ, что султанъ вполнѣ одобряетъ мои распоряженія по сему обстоятельству, и деньги были розданы.

Обращеніе это нравилось Туркамъ и давало вѣсъ распоряженіямъ моимъ, до нихъ касающимся; они охотно повиновались мнѣ. Впослѣдствіи даже взыскивалось за отлучки, безъ поз-

воленія, изъ лагеря въ деревню. Одинъ турецкій офицеръ, мусульманинъ, былъ посаженъ мною на гауптвахту за нетрезвость, и наконецъ выгнанъ изъ лагеря за дурное поведеніе.

Одно изъ обыкновеній турецкихъ офицеровъ, на кототорое я счелъ нужнымъ обратить вниманіе, это длинные чубуки. Старшіе изъ военачальниковъ не могли обойтись безъ слугъ, носившихъ за ними орудіе куренія какъ нѣкую хоругвь, чрезъ что̀ они становились тяжелыми на подъемъ Для отвращенія этого обыкновенія, я обратилъ на него насмѣшки. «Турецкую армію», говорилъ я, «погубили длинные чубуки.» Чубуки укоротились, иные замѣнили трубки сигарами. Медленная походка, даже внѣ службы, при встрѣчѣ со мною, тотчасъ ускорялась. Нѣкоторые изъ нихъ находили, что безъ дѣятельности нельзя ни въ чемъ успѣть и приписывали природной лѣни своей всѣ неудачи. Неджибъ-паша, покорный слуга нашъ, много перемогалъ себя и, обвиняя соотечественниковъ своихъ въ бездѣйствіи, порочилъ непреоборимое влеченіе ихъ къ созерцательности и отдыху (кейфъ) Онъ говорилъ, что для усовершенствованія этого рода наслажденія, которое они вкушали въ загородныхъ прогулкахъ, проводя по цѣлымъ днямъ лежа на пуховикахъ и подушкахъ,—недоставало изобрѣтенія такого рода: изголовья, на коемъ былъ бы выстеганъ ликъ засыпающаго, такъ чтобы онъ не имѣлъ даже труда выдавливать оттиска своимъ лицемъ на пуховикѣ—вотъ утонченность! Неджибъ-паша безпрепятственно предавался въ квартирѣ своей пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ, принимаясь съ ранняго утра за водку, которую онъ пилъ штофами. Оправдываясь въ нарушеніи закона пророка, онъ называлъ ее не водкою, а ангеликою, по наименованію растенія [3]), которымъ ее настаивалъ. Товарищемъ ему въ сихъ упражненіяхъ былъ нашъ турецкій провіантмейстеръ Келимъ-эффенди, находившійся постоянно въ отрядной квартирѣ. Къ симъ двумъ особамъ я не былъ такъ строгъ, какъ къ строевымъ, и давалъ имъ болѣе свободы. Они были уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и не имѣли никакого вліянія въ дѣлахъ; служили же какъ усердные поденщики, а часто и шутами

Турки, какъ я выше сказалъ, всматривались въ насъ съ любопытствомъ, старались перенимать; но на диковенные для нихъ обряды и правила наши глядѣли со своей точки зрѣнія. Застрѣльщичье ученіе наше, въ особенности, озадачивало ихъ; ибо въ Турецкой пѣхотѣ, по французскому уставу, разсыпается цѣлый взводъ, черезъ что̀ фронтъ баталіона укорачивается. Они съ любопытствомъ заглядывали за линію, чтобъ увидѣть, гдѣ скрываются застрѣльщики, выбѣгающіе передъ баталіонъ. Сераскиру полюбился также нашъ разводъ, котораго онъ впрочемъ хорошо не понималъ. Онъ ввелъ его въ турецкія войска. Замѣтивъ, что я однажды, во время явки офицеровъ, сдѣлалъ гласный выговоръ одному изъ нихъ во взысканіе за вину, наканунѣ случившуюся, онъ разспросилъ, и узналъ, что̀ это значило; ему это такъ понравилось, что при явкѣ офицеровъ наряжаемыхъ въ караулъ на турецкихъ разводахъ, онъ приказывалъ назначать одного особенно, для полученія выговора, и осыпалъ его ругательствами [4]). Ахмедъ-паша-муширъ так-

---

[3]) Дудникъ или зоря.

[4]) Не выдаю этого за совершенную истину: но такъ мнѣ сказывали.

же заботился объ усовершенствованіи гвардейскихъ войскъ. Желая ввести въ употребленіе эполеты, вмѣсто бриллiантовыхъ знаковъ, носимыхъ на груди офицерами, онъ просилъ меня выписать для него нѣсколько эполетъ всѣхъ образцовъ. Посылка пришла по отъѣздѣ нашемъ и, какъ слышно, эполеты были розданы нѣкоторымъ, выношены, и симъ все дѣло кончилось. Такую же участь имѣли жалованные мною эполеты, и старыя шитья всякаго рода, Неджибъ-пашѣ, Келимъ-эффенди и нѣкоторымъ изъ служившихъ при мнѣ Турокъ. Глазъ ихъ не привыкъ узнавать различіе званій и чиновъ по цвѣтамъ и сложнымъ украшеніямъ европейской одежды военныхъ людей. Чѣмъ пестрѣе, тѣмъ лучше, и никто строго не слѣдуетъ формѣ въ одеждѣ. Такимъ образомъ, по прибытіи моемъ въ Царьградъ, я засталъ нѣсколько гвардейскихъ барабанщиковъ, у коихъ нашиты были, вмѣсто обыкновенныхъ воротниковъ, выношенныя генералъ-адъютантскія шитья, Литовскаго корпуса, на малиновомъ сукнѣ, и то вверхъ ногами.

Турки, судя о нашей одеждѣ, находили, что кивера наши очень красивы; но не могли приложить ума, куда ихъ укладываютъ въ военное время на походѣ, ибо не постигали, чтобы такимъ нарядомъ обременяли голову солдата при настоящей его службѣ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ однимъ изъ наблюдателей ихъ, который, замѣтивъ застегивающіяся двѣ чешуи, заключилъ, что чешуи для того именно прикрѣпляются къ киверу, чтобы во время похода, когда надѣвается фуражная шапка, носить киверъ повѣшеннымъ на лѣвой рукѣ. Всѣ остались довольны симъ рѣшеніемъ, лишь бы у нихъ не завели такого рода украшеній. Кивера наши однако же много занимали Сераскира и другихъ начальниковъ войскъ, коимъ очень хотѣлось ввести ихъ въ употребленіе въ турецкой арміи, какъ бы для нанесенія послѣдняго удара сему молодому войску, послѣ пораженія, претерпѣнаго отъ Египетскаго паши. Мнѣ говорили, что Сераскиръ изобрѣлъ какіе-то кивера на желѣзныхъ обручахъ, съ двумя зелеными султанами, и что осторожный старецъ, желая прежде удостовѣриться, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ это нововведеніе въ войскѣ и народѣ, нарядилъ нѣсколько солдатъ въ это убранство, и пустилъ ихъ по улицамъ Царьграда. Онъ хотѣлъ знать что̀ скажутъ. Говорятъ, что къ нимъ пристала большая толпа любопытныхъ, которая преслѣдовала ихъ насмѣшками; и больше о томъ рѣчи не было. Сераскиръ и не заикался передо мной о неудачномъ опытѣ, имъ сдѣланномъ [5]). Я совѣтовалъ имъ различить цвѣтами погончиковъ на плечахъ, или другими знаками, полки, а баталіоны—разноцвѣтными кистями на фескахъ, и подѣлалъ имъ даже образцовыя фески съ кистями четырехъ цвѣтовъ. Это всѣмъ очень понравилось, но при томъ и осталось; потому что феска не принадлежитъ къ мундиру, а къ народному наряду, и что на этомъ головномъ уборѣ, по обыкновенію, у всѣхъ бываетъ кисть синяго цвѣта.

О состояніи Турецкаго отряда посылались графные рапорты, какъ о нашихъ войскахъ, военному министру, для доклада Государю; равно доносилось и о совокупныхъ занятіяхъ нашихъ. Показаніе Турецкимъ вой-

[5]) За точность этого разсказа о киверахъ, дошедшаго до меня стороною, не ручаюсь.

скамъ учебнаго шага, явки ординарцевъ, и тому подобное, подали поводъ къ различнымъ сужденіямъ въ Петербургѣ. Говорили, что мы на свою шею выучили Турокъ, что не должно было доводить ихъ до такой высокой степени образованія; но сужденія эти могли только происходить отъ людей, не постигавшихъ въ чемъ состоитъ сила и устройство войска, и коихъ собственныя понятія ограничивались мелочными и поверхностными соображеніями. Турки никогда не могли перенять основаній дисциплины нашей и порядка, чуждаго ихъ обыкновеніямъ. Безнадежно было бы и трудиться надъ симъ, пока не было положено прочнѣйшаго основанія, для сформированія регулярныхъ войскъ; и даже тѣ бездѣлицы, которыя имъ показывали, и коими связывалась свобода ихъ строя, не проникли далѣе тѣхъ лицъ, надъ коими упражнялись наши учители. Напротивъ того, поверхностное образованіе, которое Турки отъ насъ принимали, давало намъ средство, и нѣкоторымъ образомъ право, ближе вступаться въ дѣла ихъ, и собирать въ окрестностяхъ нужныя для насъ свѣдѣнія, въ военномъ отношеніи, словомъ,—повелѣвать ими.

Намъ необходимо нужно было имѣть въ своемъ управленіи береговыя укрѣпленія, для достиженія чего встрѣчались затрудненія, по всегдашней уклончивости Сераскира. Постоянно направляя дѣйствія свои къ этой цѣли, я прежде всего завелъ, чтобы отъ Турецкихъ армейскихъ войскъ, занимавшихъ укрѣпленія, являлись офицеры къ разводу за порохомъ; послѣ приказано было ночнымъ лагернымъ разъѣздамъ, состоявшимъ изъ казаковъ, вмѣстѣ съ Турецкими гвардейскими легкоконцами, заѣзжать въ ближайшія укрѣпленія, и въ доказательство, что они тамъ были, размѣниваться съ начальниками крѣпостей данными знаками. Когда свыклись съ этимъ порядкомъ, я однажды отправился самъ въ главное укрѣпленіе при Анадоли-Кавакъ, въ той увѣренности, что меня не посмѣютъ остановить. Со мною было много офицеровъ. Часовые у воротъ не дерзнули прямо остановить меня, однакожъ замялись. Надобно было проникнуть, съ добраго согласія начальниковъ. Замѣтивъ, что одинъ изъ часовыхъ былъ блѣденъ и очень слабъ здоровьемъ, я, не входя въ укрѣпленіе, велѣлъ вызвать къ себѣ Турецкаго коменданта, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за употребленіе больныхъ людей на службу, погрозился довести о томъ до свѣденія Сераскира и велѣлъ немедленно отправить больнаго въ госпиталь Начальникъ укрѣпленія оробѣлъ; больной былъ въ ту же минуту отправленъ съ большими извиненіями, а насъ пригласили въ укрѣпленіе на кофе. Мы расположились около орудій, и потомъ все осмотрѣли. На другой день въ укрѣпленіи былъ водворенъ нашъ инженерный офицеръ съ небольшюю командою; съ укрѣпленія снятъ планъ, и чертежъ онаго, съ проэктомъ исправленія нѣкоторыхъ частей, отправленъ къ Сераскиру, который нашелъ его очень правильнымъ и благодарилъ за распоряженія. Вслѣдъ за тѣмъ Бюрно назначенъ комендантомъ въ мѣстечко Анадоли-Кавакъ, подъ предлогомъ присмотра за порядкомъ со стороны нашей, когда солдаты ходили туда за покупками. Тутъ учредилась инженерная чертежная, изъ которой посылались въ послѣдствіи времени офицеры, для съёмки всѣхъ береговыхъ укрѣпленій, уже

безъ прежнихъ препятствій. Турки свыклись съ симъ порядкомъ вещей до такой степени, что одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ ихъ, воспитанникъ новаго училища, поднесъ мнѣ планъ всего лагеря съ означеніемъ войскъ. Чертежъ этотъ любопытенъ; онъ былъ сдѣланъ на подобіе первыхъ географическихъ картъ прошедшихъ столѣтій, безъ соблюденія какихъ-либо правилъ и масштаба. Въ проливѣ были нарисованы въ большомъ видѣ корабли, пароходъ, лодки со всею подробностію вооруженія; на Султанской долинѣ изображались большіе яворы и видъ Султанскаго кіоска. Генуэзскій замокъ также былъ представленъ, но въ маломъ объемѣ, съ высокими стѣнами и башнями. Лагерь былъ безконечный, пушекъ много; такъ и Туркамъ казалось, что войска было несмѣтное количество. Всѣ палатки изображались отдѣльно въ фасадѣ, линіями обращенными въ разныя стороны. Неджибъ-паша, который представлялъ мнѣ офицера и трудъ его, извинялъ этотъ недостатокъ объясненіемъ своего рода. «Намъ извѣстно», говорилъ онъ, «что у васъ обыкновенно рисуютъ палатки сверху, чего нашъ инженеръ не могъ сдѣлать отъ того, что видѣлъ ихъ изъ средины улицъ, по коимъ ходилъ для съёмки плана, и потому долженъ былъ нарисовать палатки съ боку и положить ихъ въ разныя стороны, по мѣрѣ того, какъ онѣ ему представлялись.» Чертежъ этотъ былъ плодомъ первоначальной недовѣрчивости къ намъ Турокъ; съёмка произведена втайнѣ съ большими осторожностями, чтобы мы не замѣтили розмысла—искусника; поднесеніе же мнѣ труда сего сдѣлано въ подражаніе доставленія мною Сераскиру нѣкоторыхъ изъ нашихъ чертежей, изъ чего они видѣли, что мы нисколько не таились.

Мы обдѣлали своими людьми дороги въ окрестностяхъ лагеря. Работы сіи остались памятниками нашего пребыванія въ Хункяръ-Скелеси. У насъ не было порядочнаго сообщенія сухимъ путемъ со Скутари, чтобы насъ много затруднило въ случаѣ движенія впередъ. По требованію моему, дорога, ведущая изъ лагеря въ Скутари, была нѣсколько исправлена.

Намъ также нужно было сдѣлать рекогносцировки и съёмки въ окрестностяхъ лагеря. Хотя Турки и не рѣшались прямо отказать мнѣ въ томъ, однакожъ всегда встрѣчались со стороны ихъ затрудненія по сему предмету. Въ самомъ началѣ нашего прибытія, я изложилъ Ахмедъ-пашѣ необходимость такой мѣры. Онъ, казалось, вникъ въ доводы мои и отдалъ тогда нѣсколькимъ Турецкимъ офицерамъ приказаніе снабдить насъ проводниками. Но исполненіе шло съ малымъ успѣхомъ и вездѣ встрѣчались промедленія до тѣхъ поръ, пока я не рѣшился посылать офицеровъ внутрь страны, безъ чьего-либо спроса, наряжая самъ къ нимъ въ конвой Турецкихъ легкоконцевъ, находившихся въ командѣ моей. Тогда дѣло пошло успѣшно Офицеры проводили по нѣсколько дней внѣ лагеря и производили съёмку страны на большое пространство, не только безпрепятственно, но даже получали всякое пособіе отъ деревенскихъ старшинъ. И, наконецъ, мы достигли цѣли, составивъ подробные планы береговыхъ баттарей и части страны на Азійскомъ берегу. Мы распространили посредствомъ этихъ съёмокъ и вліяніе наше между войсками и жителями.

Въ числѣ распоряженій, въ особенности озаботившихъ меня, были предосторожности, необходимыя для охраненія лагеря отъ внесенія чумной заразы, всегда существующей въ Царѣградѣ, въ большей или меньшей степени. Въ первые дни прибытія отряда, моровая язва появилась въ одномъ Греческомъ домѣ, въ Терапіи. Я немедленно послалъ лѣкаря, для освидѣтельствованія больныхъ, и на нихъ оказались всѣ признаки заразы. Мнѣ нельзя было принять никакихъ мѣръ для прекращенія ея на Европейскомъ берегу, а потому я просилъ Сераскира, чтобы онъ приказалъ оцѣпить зараженный домъ. Онъ обѣщался сдѣлать это, и даже очистить тотъ домъ водою, посредствомъ пожарныхъ трубъ; что̀ и было имъ исполнено.—Способъ весьма хорошій, коему, къ сожалѣнію, предпочитаютъ у насъ окурку, удобную только для частной очистки, и неспособную для очищенія большой массы людей или цѣлаго квартала [6]). Вслѣдъ за тѣмъ, оказались чумные случаи въ Арнаутъ-Кіой и въ Галатѣ, что̀ также на Европейскомъ берегу. Симъ прекратились первыя опасенія, служившія намъ какъ бы намекомъ къ принятію предосторожностей. Осторожности принимались по возможности. Госпиталь составлялъ какъ бы отдѣльную цитадель въ Беюгъ-дере и сообщался исключительно съ однимъ лагеремъ, и то на нашихъ лодкахъ. Изъ шести устроенныхъ при лагерѣ пристаней, на одной только принимались пріѣзжіе, неносящіе Русскаго мундира, и тѣ впускались не иначе, какъ по осмотрѣ, а иногда и по окуркѣ въ будкѣ, учрежденной у пристани. При частыхъ сношеніяхъ нашихъ съ Турецкимъ правительствомъ и посѣщеніяхъ лагеря иностранцами, трудно было соблюсти всѣ правила строгости. Многіе не постигали необходимости такихъ мѣръ и оскорблялись ими, въ особенности дипломатическіе чиновники европейскихъ миссій, любопытствовавшіе видѣть станъ нашъ и не столь покорные, какъ Турки.

Предпринятыя средства способствовали однакоже къ устраненію многихъ праздно-шатающихся въ Константинополѣ иностранцевъ, коихъ присутствіе въ лагерѣ считалъ я излишнимъ. Офицеры отпускались въ Царьградъ съ большою разборчивостію и очень рѣдко, чѣмъ сберегалось хорошее содержаніе ихъ, получаемое изъ казны; деньги привезены ими обратно и израсходованы въ Россіи. Мы оградились, кромѣ того, отъ внесенія другой заразы, слишкомъ часто удручающей молодыхъ людей, склонныхъ къ разврату, и избѣгали непріятныхъ происшествій, которыя бываютъ слѣдствіемъ неумѣренности. Такія строгости призвели нѣсколько ропота. Для обезпеченія офицеровъ въ необходимыхъ для нихъ покупкахъ, дозволено было Испанцу, по имени Комидасъ, въ особенности преданному Русскимъ, привозить для продажи въ назначенные дни товары, которые требовались отъ полковъ по запискамъ. Передача товаровъ и уплата денегъ производились передъ глазами приставленнаго чиновника, и торгъ продолжался только нѣсколько часовъ. Для снабженія офицеровъ ежедневными жизненными припасами, былъ учрежденъ внутри карантинной линіи базаръ, на коемъ призванные нарочно изъ Царяграда торговцы состояли въ совершенномъ вѣдѣ-

---

[6]) Предупрежденіе противъ очищенія водою существуетъ между нашими лѣкарями въ сильной степени. Однако дѣйствительность этого средства дознана мною въ прошедшую Турецкую войну, многими опытами.

ніи нашемъ и продавали товары свои по установленной таксѣ. За пріемкою писемъ являлся также въ извѣстные дни особенный чиновникъ изъ миссіи. Не менѣе того всѣ эти мѣры были бы недостаточны еслибъ въ тотъ годъ сильно свирѣпствовала чума въ Царѣградѣ; въ такомъ случаѣ не было никакого поручительства, чтобы ее не внесли къ намъ въ лагерь. — Насъ спасалъ Богъ. Мы въ правѣ были имѣть большія опасенія со стороны флота, съ коимъ безпрепятственно сообщались, ибо моряки соблюдали мало порядка: флотскіе офицеры свободно проводили время въ Царѣградѣ и на Европейскомъ берегу, а матросы наполняли въ Беюгъ-дере питейные дома и произвольно сообщались со всѣми жителями.

Чумная зараза иногда появлялась еще въ Галатѣ и въ Цареградскомъ госпиталѣ, гдѣ я никакъ не могъ способствовать ея прекращенію. Однажды, показалась она снова въ Терапіи, въ домѣ находившемся по сосѣдству съ строеніемъ, занимаемымъ Англійскою миссіею. Англійскій посланникъ Мандевиль поспѣшно просилъ моего содѣйствія, для доставленія въ распоряженіе его турецкаго караула, чтобы оцѣпить зараженный домъ. Я писалъ о томъ къ Сераскиру, который немедленно выслалъ нужное для сего число войскъ, приказавъ полковнику, имѣвшему наздоръ за стражею Европейскаго берега, явиться ко мнѣ, для полученія приказанія. По снабженіи его нужными наставленіями, я отправилъ караулъ въ распоряженіе Мандевиля, который остался очень доволенъ отправленіемъ службы Турокъ, и — зараза въ Терапіи вторично была прекращена.

Всѣ вышеописанныя обстоятельства ставили меня въ частыя сношенія съ Сераскиромъ, съ коимъ я находился почти въ ежедневной перепискѣ. Посланія его ко мнѣ писались на французскомъ языкѣ, находившимся при немъ армяниномъ Мартираки, который зналъ языкъ этотъ въ совершенствѣ. Письма эти, составляющія цѣлое собраніе, хранятся нынѣ у меня. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особенное вниманіе по слогу и обороту мыслей, въ нихъ выраженному.

Заключивъ симъ обзоръ занятій нашихъ, обратимся снова къ обыкновенному ходу происшествій, которыя ниже излагаются прежнимъ порядкомъ, по числамъ.

Султанъ давно уже желалъ осмотрѣть десантный отрядъ; посланные отъ него всякій разъ мнѣ о томъ напоминали. Когда все было изготовлено, я довелъ о томъ до свѣдѣнія его. 1?-го числа онъ прислалъ ко мнѣ Ахмедъ-пашу-мушира, чтобы уговориться на счетъ порядка смотра, предоставляя мнѣ все распоряженіе, и даже назначеніе дня, въ который я признаю удобнымъ сдѣлать его. Мы условились на 15-е число, а 14-го назначили предварительный смотръ, на которомъ присутствовалъ Ахмедъ-паша. Онъ наблюдалъ порядокъ прохожденія войскъ, чтобъ ознакомить Султана съ новымъ зрѣлищемъ, разсказать ему какъ слѣдовало объѣзжать линіи и показать мѣсто, на коемъ должно было остановиться ему при прохожденіи войскъ церемоніальнымъ маршемъ. Муширъ записалъ турецкими буквами обыкновенное привѣтствіе нашимъ солдатамъ, и изъявленіе имъ удовольствія отъ начальниковъ: *«здорово ребята; спасибо ребята.»* Султанъ хотѣлъ вытвердить слова эти и сказать ихъ передъ войсками по-русски. Ахмедъ-паша самъ долго трудился надъ выговоромъ

ихъ; но какъ въ турецкомъ языкѣ нѣтъ словъ, начинающихся съ двухъ согласныхъ буквъ, то онъ, произнося записанныя рѣчи, выговаривалъ: из-*дорово*, ис-*пасибо*; а на другой день оказалось, что выучилъ Султана говорить: ***издоровадe ребете***.

Сераскиръ, котораго не предупредили о предварительномъ смотрѣ, пріѣхалъ по окончаніи всего, очень обидѣлся и съ видимымъ оскорбленіемъ упрекалъ меня, что я его не позвалъ. Его должно было избѣгать именно потому, что онъ сталъ бы вмѣшиваться въ распоряженія, а между тѣмъ не имѣлъ бы терпѣнія остаться до конца и тѣмъ проволочилъ бы безъ пользы время. Для успокоенія его, я объяснилъ, что смотръ этотъ былъ совершенно домашній, что люди не были одѣты по надлежащему, почему онъ не могъ бы судить о состояніи войскъ, что я впрочемъ готовъ былъ послѣ султанскаго смотра показать ему, исключительно, любую часть нашего отряда. Но онъ не угомонился, и все восклицалъ: «Ахмедъ-паша! Ахмедъ-паша! да кто онъ такой этотъ Ахмедъ-паша? и гдѣ онъ себѣ пріобрѣлъ такія права и власть? А вотъ онъ не подумалъ, чтобы укрыть милостиваго государя нашего отъ солнечнаго зноя, и никто не позаботился разбить ему палатку, пока я самъ о томъ не вздумалъ. Я пришлю сюда палатку для его величества: ее разобьютъ вотъ на этомъ бугрѣ, откуда все будетъ хорошо видно.» То былъ бугоръ, гдѣ располагался лагерь турецкаго отряда, возвышавшійся совершенно въ тылу предположенной линіи, которая должна была стать вдоль Султанской долины; а мѣсто, назначенное мною для султана во время церемоніальнаго марша, находилось совершенно въ противоположной сторонѣ. Въ надеждѣ, что Султанъ не перемѣнитъ прежняго распоряженія моего, я все оставилъ по прежнему и не мѣшалъ Сераскиру дѣлать свои предположенія. Желая показать ему, что не отвергаю его совѣтовъ, я просилъ его написать мнѣ по-турецки слова изустнаго рапорта, съ коимъ я долженъ былъ встрѣтить Султана у пристани. Онъ съ удовольствіемъ это сдѣлалъ.—Старикъ былъ съ пылкими страстями, но умѣлъ владѣть ими, скрывать ихъ, и вскорѣ принялъ по прежнему веселый и шутливый видъ свой.

Когда я сообщилъ Туркамъ письменно все предположеніе къ смотру, ихъ удивило, что Султана встрѣчали одними криками ура, безъ пальбы изъ орудій, ибо у нихъ привычка стрѣлять изъ пушекъ при каждомъ необыкновенномъ случаѣ. Сколько я ни представлялъ, что Султану будутъ салютовать съ береговыхъ батарей, съ судовъ, но меня убѣдительно просили сдѣлать, хотя нѣсколько выстрѣловъ изъ полевыхъ орудій, въ то время, какъ онъ будетъ приставать къ берегу; на чтò я, изъ угожденія, согласился.

Распространившійся слухъ о смотрѣ привлекалъ много любопытныхъ. Иностранные послы со своими миссіями, большое число пріѣзжихъ иностранцевъ, военнаго и всякихъ сословій, собирались присутствовать при этомъ случаѣ, не говоря о Бутеневѣ со всѣми чиновниками нашей миссіи, всѣхъ адмиралахъ и многихъ флотскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Почти всѣ европейскія дамы также желали видѣть это любопытное зрѣлище. По запискѣ, доставленной ко мнѣ Бутеневымъ, были приготовлены для первыхъ верховыя лошади, а для дамъ поставлены наметы и назначены осо-

бенные офицеры, которые должны были принять ихъ на берегу, отвести къ мѣсту и занимать разговорами.

15-го числа апрѣля, въ назначенное время, къ 11-ти часамъ утра, войска были выведены и выстроены на опредѣленныхъ мѣстахъ. Въ строю находилось: 8 баталіоновъ высаднаго войска, съ 24-мя орудіями и казачьею командою, сверхъ того 2 сводныхъ баталіона матросовъ, свезенныхъ въ тотъ день на берегъ, и турецкій гвардейскій отрядъ, къ коему присоединились еще первый гвардейскій легко-конный полкъ и 4 пѣшихъ орудія; всего 11 баталіоновъ пѣхоты, 7 эскадроновъ конницы, 30 орудій и сотня казаковъ. Въ первой линіи находилась пѣхота, а за лѣвымъ флангомъ ея, во второй линіи конница и артиллерія, не вмѣщавшіяся по тѣснотѣ мѣста въ первой. Матросы стояли выше сухопутныхъ. Надлежало пріискать мѣсто для турецкаго баталіона, который пользовался правомъ старшинства по званію гвардейскаго. Мнѣ не хотѣлось при встрѣчѣ поставить его выше нашихъ; съ другой стороны надобно было уважить, что Турки, считая насъ за гостей, вездѣ уступали намъ первый шагъ; по этому и намъ слѣдовало соблюсти сію вѣжливость, въ отношеніи султанскихъ войскъ, особливо при его посѣщеніи. Турецкій баталіонъ былъ поставленъ отдѣльно, лицемъ къ головному баталіону матросовъ, такъ что султанъ, подъѣзжая къ нашему правому флангу, встрѣтилъ лѣвый флангъ своей гвардіи, чѣмъ и исполнились всѣ желаемыя условія.

Посѣтители начали съѣзжаться съ утра, и долго дожидались султана въ палаткахъ, разбитыхъ подъ тѣнью яворовъ, неподалеку отъ берега. День былъ прелестный, но очень жаркій. На долинѣ толпились чиновники султанскаго двора; съ ними были перемѣшаны чиновники миссій европейскихъ державъ. Не было только Руссена и Мандевиля. Лучи солнца отражались на богатомъ шитьѣ, коимъ украшались одежды Европейцевъ и Азіятцевъ. Собраніе это ежечасно оживлялось прибытіемъ новыхъ лодокъ съ посѣтительницами, и наконецъ цѣлаго парохода съ дамами, которыхъ также встрѣчали и провожали бывшія тутъ праздныя лица всѣхъ націй. Вокругъ толпы водили богатоубранныхъ турецкихъ жеребцовъ, заблаговременно присланныхъ чиновниками Султанскаго двора. Къ правой сторонѣ отъ пристани, около селенія Бейкосъ роились жители; на уступахъ же горъ съ лѣвой стороны бѣлѣлись ряды нашихъ палатокъ, между коими двигалось еще много людей, не выведенныхъ во фронтъ.

Зрѣлище было необыкновенное. Разговоръ на всѣхъ языкахъ не умолкалъ. Всѣ, въ ожиданіи Султана, были очень веселы, и самъ Сераскиръ, совершенно забывъ сердечную обиду свою, развеселился до такой степени, что приставалъ ко всѣмъ съ своими шутками. Хозревъ—паша, повстрѣчавшись съ однимъ изъ чиновниковъ Султанскаго двора,—кажется, съ Гекимъ-Башею [7]), подобнымъ ему лѣтами, нравомъ, малымъ ростомъ и уродливымъ станомъ,—обхватилъ его обѣими руками, съ усиліемъ поднялъ вверхъ и захохоталъ такъ громко, что всѣ обратили на него глаза, удивляясь порыву радости чуднаго старика.

Между тѣмъ султанъ не ѣхалъ. Наши войска ожидали его въ порядкѣ; но турецкія не выдержали уста-

[7]) Гекимъ-Баша—главный мудрецъ, врачъ или шутъ.

лости, и солдаты стали садиться на своихъ мѣстахъ, во фронтѣ. Многіе, въ томъ числѣ и Турки, смѣялись сему, а бригадный командиръ ихъ Дилаверъ-паша *), тутъ же присутствовавшій, поднялъ лѣнивыхъ угрозою, упрекая ихъ примѣромъ нашихъ людей, противъ нихъ стоявшихъ. Султанскую палатку также долго не привозили. Сераскиръ безпокоился. Ее привезли поздно, и едва успѣли разбить на назначенномъ отъ него мѣстѣ **), какъ пушечная пальба съ баттарей возвѣстила намъ о приближеніи Махмуда II. Когда лодка его поравнялась съ моимъ фрегатомъ Штандартомъ, ему салютовали съ судна 21-мъ выстрѣломъ; матросы всѣ стояли по реямъ и кричали ура. Въ часъ по полудни, султанъ присталъ къ берегу и въ ту минуту, какъ онъ ступилъ на землю, былъ опять сдѣланъ салютъ 21-мъ выстрѣломъ изъ полевыхъ орудій. На пристани встрѣтили султана: Сераскиръ-паша, Ахмедъ-паша-Муширъ и Капитанъ-паша Тагиръ-паша, со многими другими чиновниками Порты. Съ нашей стороны принималъ его посланникъ Бутеневъ; тутъ же были всѣ адмиралы, командиры кораблей, и прочіе офицеры, не занятые въ то время обязанностію.

Султанъ сѣлъ на богато-убранную лошадь и, въ сопровожденіи главныхъ вышеупомянутыхъ особъ, подъѣхалъ къ войскамъ, гдѣ я его встрѣтилъ, отрапортовалъ ему на Турецкомъ языкѣ и вручилъ строевую записку о числѣ войскъ, съ чертежемъ парада. Онъ былъ одѣтъ въ гусарскій доломанъ темнолиловаго цвѣта, съ золотыми снурками; воротникъ былъ вышитъ золотомъ и, какъ иные замѣтили, съ алмазами; на немъ была красная феска; чикчиры замѣнялись широкими шароварами изъ бѣлой миткали. При бедрѣ сабля. Конь подъ нимъ былъ не изъ числа легкихъ, какіе цѣнятся у Азіатскихъ народовъ, а напротивъ того, большой и тяжелый жеребецъ съ толстыми ногами и болѣе похожій на лошадей Мекленбургской породы. Въ сѣдлѣ и сбруѣ соединялось убранство Европейское съ Азіатскимъ. Самъ султанъ не имѣлъ на конѣ той свободной посадки, которую я въ немъ замѣтилъ, встрѣтивъ его однажды прогуливавшимся въ Перѣ верхомъ на чистомъ и легкомъ турецкомъ жеребцѣ. Здѣсь его связывали странная одежда, для него необычайная, тряская лошадь безъ всякой выѣздки. Онъ робѣлъ, боялся упасть и часто придерживался рукою за луку сѣдла. Къ сему присоединилась, можетъ быть, какая либо отдаленная мысль о предательствѣ, коего султаны привыкли опасаться, ибо онъ совершенно находился въ нашихъ рукахъ, со всѣми членами правительства.

Махмудъ подъѣхалъ къ флангу и былъ встрѣченъ музыкою. Ему отдали честь, и едва онъ успѣлъ въ полголоса поздороваться вытверженными по-русски словами, какъ ему громко отвѣчали: «здравія желаемъ, ваше султанское величество»; за симъ поднялся громкій крикъ ура, который разлился по всей линіи, безумолкно перекатываясь, по мѣрѣ какъ онъ проѣзжалъ по фронту. Турокъ также учили кричать; но они не могли перенять этого у нашихъ. При проѣздѣ же Султана, нѣкоторые изъ нихъ вскрикивали кое-гдѣ изъ фронта; а многіе, по старинному обычаю, нагибаясь, подносили правую руку къ устамъ и головѣ.

*) Родомъ изъ плѣнныхъ Грузинъ.

**) Она, вмѣсто своего назначенія, послужила для пріема дамъ.

Крикъ, громъ барабановъ, и все это новое зрѣлище сперва изумило султана и нѣсколько смутило его. Оправившись. онъ сказалъ, что со всѣми бы поздоровался, еслибъ клики солдатъ не заглушали голосъ его. Я отвѣчалъ, что клики сіи непринужденные—произвольные — и происходятъ отъ радости войскъ видѣть его. Онъ тогда выразился съ жаромъ, что съ удовольствіемъ замѣчаетъ расположеніе къ нему войскъ государя, столь дружественно содѣйствующаго его видамъ.

Такъ какъ къ султану тѣснились провожавшіе его верхомъ чиновники Двора, то онъ отдалилъ всѣхъ, кромѣ двухъ пѣшихъ изъ его прислуги, шедшихъ подлѣ самой его лошади, просилъ меня одного ѣхать съ нимъ рядомъ, и во все время разговаривалъ. Объѣхавъ всю линію шагомъ, онъ остановился на назначенномъ наканунѣ мѣстѣ, противъ кіоска. Войска проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ два раза: повзводно и въ колоннахъ. Во время марша, довольно продолжительнаго, замѣтно было, что терпѣніе Махмуда истощалось; подъ конецъ его не занимали войска. Гвардію же свою онъ едва удостоивалъ взгляда, и болѣе обращалъ вниманіе на другіе предметы. Я безотлучно находился подлѣ него. Онъ былъ веселъ, много расспрашивалъ о начальникахъ, но болѣе разсматривалъ лошадей, посадку и ловкость, скакавшихъ мимо его, адъютантовъ. Замѣтивъ передъ однимъ изъ баталіоновъ маіора уродливой толщины [10]) онъ разсмѣялся. «У меня такой же есть при дворѣ казначей», сказалъ онъ, и подозвавъ съ поспѣшностію Сераскира, приказалъ ему, въ шутку, послѣ смотра обоихъ свѣсить. На одну минуту только обратилось его, и всеобщее, вниманіе на Донскихъ казаковъ, коимъ я приказалъ проскакать во всю прыть. Пріемъ этотъ былъ въ старомъ духѣ Турокъ, и они не воздерживались отъ восхищенія. Это также понравилось и Европейскимъ посланникамъ, у коихъ еще неизгладились изъ памяти выхваленные подвиги Донцевъ, въ 1812-мъ году.

По окончаніи церемоніальнаго марша, я пригласилъ Султана объѣхать еще разъ войска, остановившіяся въ общей колоннѣ на прежней линіи; онъ отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все по желанію моему, отправился со мною, благодарилъ людей и былъ опять принятъ съ криками ура. Тутъ уже замѣтна была его усталость; онъ спѣшилъ въ кіоскъ, въ которомъ располагалъ переодѣться. На обратномъ пути, онъ проѣзжалъ правымъ флангомъ колонны, начиная съ тыла ея. Ахмедъ-паша нашелъ, что, изъ уваженія къ султану, должно было поворотить людей на лѣво кругомъ, чтобы онъ могъ видѣть ихъ въ лицо; но я не приказалъ дѣлать сего; самъ же султанъ ничего не замѣтилъ.

На дворѣ кіоска,. Султанъ былъ встрѣченъ приготовленнымъ заблаговременно почетнымъ карауломъ, который состоялъ изъ одной роты; Махмудъ сѣлъ на крыльцѣ, въ поставленное для него кресло, и принималъ ординарцевъ, представленныхъ ему отъ пѣхоты и казаковъ [11]). Между пѣхотными ординарцами, являлись къ нему также, по нашимъ пра-

[10]) Кузьминскій.

[11]) Нѣкоторые офицеры замѣтили, что казаки при явкѣ заглядывали, съ большимъ вниманіемъ, на обѣ стороны, въ шитый воротникъ султана.

виламъ, люди изъ гвардейскаго баталіона, которые были одѣты и выучены нами по просьбѣ Ахмедъ-паши. Никто изъ Турокъ, и самъ султанъ, кажется, не понимали въ чемъ дѣло состояло; одинъ только Серяскиръ ребячески восхищался. Турецкіе ординарцы, коимъ, повидимому, надоѣла эта наука, исполнивъ предназначеніе свое съ довольною ловкостію, не сочли за нужное долѣе предаваться занятіямъ такого рода, и на другой день бѣжали.

При семъ я вручилъ султану, нарочно для него начерченный, планъ лагеря съ означеніемъ войскъ. Онъ былъ этимъ очень доволенъ; потомъ спросилъ, все ли кончено; и приказалъ отпустить войска, которыя между тѣмъ построились противъ кіоска въ трехъ-фасное каре, что̀ ему также понравилось. Онъ много благодарилъ за смотръ, а посланнику Бутеневу, коего онъ заблаговременно предупредилъ, что непремѣнно хочетъ видѣть его присутствующимъ у парада [12]), поручилъ донести до свѣденія государя обо всемъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Вѣжливость сію оказалъ онъ Бутеневу, вѣроятно, изъ опасенія оскорбить его исключительнымъ вниманіемъ своимъ ко мнѣ, въ продолженіе смотра. Послѣ, Султанъ пошелъ въ боковую комнату своего кіоска, и черезъ нѣсколько минутъ явился переодѣтымъ въ другое платье, похожее на казачье, перемѣнивъ саблю на трехъ-гранную французскую шпагу. Ему подвели другую лошадь, и онъ отправился верхомъ къ пристани, обѣщаясь, послѣ наступающаго у нихъ праздника, навѣстить также и флотъ нашъ. Сѣвши въ лодку, онъ тотчасъ принялся разсматривать представленный мною чертежъ. При отправленіи, ему снова салютовали съ берега 21-мъ выстрѣломъ, а при проѣздѣ мимо фрегата Штандарта, салютъ былъ повторенъ съ судна, тѣмъ же числомъ выстрѣловъ.

Во все время пребыванія султана между войсками, обхожденіе его было ласковое. Онъ исполнялъ все, что̀ ему наканунѣ объяснялъ Ахмедъ-паша, и обращался ко мнѣ съ вопросами безъ малѣйшаго вида гордости и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ: «куда надобно ѣхать? что нужно приказывать?» и т. п. Вообще онъ былъ очень доволенъ и веселъ, и одинъ только разъ упомянулъ объ Ибрагимъ-пашѣ, взглянувъ торжественно на наше войско и похваляясь, что теперь можетъ встрѣтить своего врага. Онъ съ большимъ участіемъ заботился о больныхъ и приказалъ въ то же время исполнить требованія мои для удобнѣйшаго размѣщенія ихъ: спрашивалъ, дошелъ ли до войскъ гостинецъ его, и исправно ли получаютъ продовольствіе. Чрезъ нѣсколько же дней прислалъ въ подарокъ войскамъ 60 т. левовъ (15 т. рублей), которые были раздѣлены нижнимъ чинамъ нашего и Турецкаго отрядовъ, равно и судовъ, состоявшихъ въ моемъ вѣдѣніи [13]). Я докладывалъ султану о содержаніи рапорта полковника Дюгамеля, и сказалъ, что переводъ съ этого рапорта отправленъ къ Сераскиру. Онъ все это

[12]) Неизвѣстно въ какомъ видѣ, и что̀ онъ, подразумѣвалъ подъ симъ. Можно было полагать, что по смѣшаннымъ понятіямъ Турокъ о всѣхъ званіяхъ и сословіяхъ Европейскихъ, Султанъ надѣялся видѣть его передъ фронтомъ, потому что и на Бутеневѣ былъ шитый мундиръ.

[13]) У меня тогда находилось, кромѣ фрегата, нѣсколько транспортовъ, привезшихъ продовольствіе изъ Россіи.

выслушалъ съ удовольствіемъ. Между шутокъ, Султанъ хвалился высылкою изъ Царяграда Симонистовъ, коихъ онъ признавалъ безпокойными и вредными людьми.

По окончаніи смотра, вновь присоединившаяся къ намъ Турецкая кавалерія отправилась въ свои казармы; артиллерія же осталась ночевать у насъ съ офицерами и прислугою. Слѣдующій день она также провела съ нами и осталась во все время пребыванія нашего въ лагерѣ, какъ будто забытая отъ своихъ главныхъ начальниковъ; почему я приказалъ показывать ее въ вѣдомостяхъ о состояніи войскъ, и она поступила въ составъ отряда подъ мое начальство. Объ этомъ смотрѣ была напечатана статья въ Moniteur Ottoman.

*

Вслѣдъ за отрывками изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карсскаго помѣщаемъ статью, въ которой выведена достопамятная личность отца его, тоже Николая Николаевича. Читатели увидятъ, въ какой средѣ воспитывались люди, подобные Муравьеву-Карсскому. *П. Б.*

ВОСПОМИНАНІЯ Н. В. БАСАРГИНА

объ учебномъ заведеніи для колоновожатыхъ и объ учредителѣ его генералъ-маіорѣ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ.

Недавно случилось мнѣ прочесть краткую біографію г. м. Николая Николаевича Муравьева, изданную въ 1852 году нѣкоторыми изъ бывшихъ его воспитанниковъ. Она была напечатана въ немногихъ только экземплярахъ и предназначалась, какъ предметъ воспоминанія, для тѣхъ, кто находился нѣкогда въ его учебномъ заведеніи (¹). Будучи однимъ изъ воспитанниковъ этого заведенія, я съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ эту маленькую брошюрку, напомнившую мнѣ давно минувшее былое. Вмѣстѣ съ тѣмъ она подала мнѣ мысль, изложить нѣкоторыя собственныя мои воспоминанія о незабвенномъ для меня корпусѣ колонновожатыхъ и достойномъ его основателѣ и начальникѣ.

Сорокъ три года тому назадъ, я пріѣхалъ въ Москву, семнадцатилѣтнимъ юношей, чтобы начать свое служебное поприще. Не имѣя опредѣленной цѣли, безъ всякой протекціи, при весьма поверхностномъ образованіи, и при матеріальныхъ средствахъ самыхъ ничтожныхъ, но съ пламеннымъ желаніемъ посвятить себя умственному и полезному труду, я нѣкоторое время не зналъ, на что рѣшиться, и какъ начать свой трудный путь самостоятельной жизни. Матери(²) у меня не было, (я лишился ея три года тому назадъ,) и съ ея кончиною прекратилось мое ученье. Три лучшіе года юности я, какъ говорится, билъ баклуши у отца въ деревнѣ. Онъ былъ уже человѣкъ пожилой, чрезвычайно добрый, но съ устарѣлыми помѣщичьими понятіями, и считалъ образованіе скорѣе роскошью, чѣмъ необходимостью.

(¹) Біографія Н. Н. Муравьева была напечатана въ Современникѣ 1852 (Май) и вышла также въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ съ портретомъ Муравьева. Она написана (по соглашенію съ товарищами) однимъ изъ воспитанниковъ Муравьева, Н. В. Путятою. Къ ней присоединены списки лицъ, получившихъ образованіе въ Муравьевской школѣ. *П. Б.*

(²) Мать Н. В. Басаргина, Екатерина Карл. была урожд. Бланкъ, дочь славнаго архитектора Карла Иванов. Бланка и тётка нынѣшнихъ дѣятелей Тамбовскаго земства. *П. Б.*

Я самъ, уже достигнувши 17-лѣтняго возраста, долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать изъ себя что нибудь годное. Когда я передалъ отцу мое намѣреніе ѣхать въ Москву, онъ не противился, съ чувствомъ благословилъ меня, и снабдилъ небольшою суммою денегъ.

Прибывъ въ столицу, я сообразилъ мои финансовыя средства, и увѣрившись, что при строгой экономіи можно прожить ими годъ-другой, рѣшился поступить вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ, чтобы потомъ держать экзаменъ. Явясь къ тогдашнему ректору И. А. Гейму, я получилъ отъ него записку о дозволеніи посѣщать лекціи. На другой день утромъ рано я былъ уже въ классѣ, но, пришедши гораздо прежде преподавателя, такъ былъ возмущенъ неприличнымъ поведеніемъ и дерзостію нѣкоторыхъ подобныхъ мнѣ юныхъ слушателей, что съ прискорбіемъ долженъ быть отказаться отъ университетскихъ лекцій, и возвратился домой, не зная, что̀ съ собою дѣлать.

Я уже было хотѣлъ опредѣлиться на службу въ сенатъ и оставить намѣреніе докончить свое воспитаніе, но, встрѣтясь случайно съ А. А. Т-ъ, только что произведеннымъ тогда изъ пажей въ офицеры квартирмейстерской части, и узнавъ отъ него о существованіи корпуса колоновожатыхъ, въ которомъ находился тогда родной его братъ, я рѣшился поступить въ это заведеніе. Добрый Т-ъ по просьбѣ моей согласился охотно самъ представить меня генералу Муравьеву.

На другой день утромъ мы отправились съ нимъ къ Никол. Никол. Съ первыхъ словъ этого достойнаго человѣка нельзя было не почувствовать къ нему сердечнаго влеченія. Распросивъ меня съ участіемъ обо всемъ, до меня относящемся, и вникнувъ въ подробности моего положенія и моего воспитанія, онъ съ отеческою заботливостію объяснилъ мнѣ все, что̀ требуется для поступленія въ его корпусъ и что̀ ожидаетъ каждаго изъ его воспитанниковъ, при хорошемъ или худомъ прилежаніи и поведеніи. Къ счастію моему, объяснивъ ему откровенно мои скромныя познанія въ русскомъ и французскомъ языкахъ, въ исторіи, географіи и ариѳметикѣ, я былъ имъ обнадеженъ, что они достаточны, чтобы выдержать экзаменъ для поступленія въ его учебное заведеніе, и онъ тутъ же согласился принять меня учащимся съ тѣмъ, чтобы, по представленіи свидѣтельства о дворянствѣ, допустить къ испытанію въ колоновожатые.

Въ слѣдующее утро, я уже сидѣлъ на класной скамейкѣ. Преподававшій офицеръ (П. Ѳ. Бахметевъ) былъ предувѣдомленъ генераломъ и, сдѣлавъ мнѣ легкое испытаніе въ ариѳметикѣ и русской грамматикѣ, объявилъ, что я поступаю въ его классъ т. е. послѣдній или, лучше сказать, малолѣтній.

Въ этомъ классѣ я былъ старше всѣхъ лѣтами, и признаюсь, мнѣ было какъ то совѣстно сидѣть съ дѣтьми. Всѣхъ насъ было человѣкъ около тридцати. Нашъ классъ былъ самый шумный и далеко не отличался прилежаніемъ. Преподавателю стоило не мало труда объяснить ученикамъ предметъ свой и наблюдать за тишиною въ классѣ. Юные товарищи мои, изъ коихъ нѣкоторые были богатые матушкины сынки, не очень боялись своего наставника, который въ свою очередь былъ еще такъ молодъ, что легко понималъ ихъ невнимательность къ его увѣщаніямъ, и потому снисходительно извинялъ многое. Самое главное наказаніе было: оставленіе въ классѣ безъ обѣда. Рѣдко проходилъ день, чтобы кто нибудь не подвергался этому наказанію.

Помню, съ какимъ бывало уваженіемъ мы смотрѣли на воспитанниковъ высшихъ классовъ, и какъ завидовали, смотря въ двери, до начатія лекцій, на учащихся 3-го класса, когда они повторяли свои уроки, чертя мѣломъ на черной большой доскѣ геометрическія фигуры или рѣшая алгебраическія задачи. Все это казалось намъ недоступною пре-

мудростію. И какъ благодарны мы были, когда кто нибудь изъ нихъ приходилъ къ намъ, и съ самодовольною улыбкою объяснялъ какое нибудь нехорошо понятое нами правило ариѳметики.

Въ корпусѣ было всего пять классовъ: *четвертый* классъ или самый послѣдній (въ брошюркѣ онъ названъ пріуготовительнымъ), 2-е отдѣленіе *третьяго* класса, 1-е отдѣленіе третьяго класса, *второй* и *первый*. Въ годъ проходился весь курсъ математики, необходимой для офицерскаго экзамена, такъ что колоновожатый, который выдерживалъ каждый разъ переводный изъ класса въ классъ экзаменъ, могъ пройти весь курсъ въ одинъ годъ и удостоиться испытанія въ офицеры. Но если кто хотя одинъ разъ оставался въ прежнемъ классѣ, тотъ уже только въ слѣдующій годъ могъ быть выпущенъ. Вотъ почему юные товарищи мои въ 4-мъ классѣ не слишкомъ заботились объ ученьѣ. По лѣтамъ ихъ нельзя было произвести въ офицеры, и потому они не старались переходить въ высшіе классы. Чтоже касается до меня, то, сознавая всю пользу и собственную выгоду въ прилежномъ ученьѣ, я рѣшился, во что бы ни стало, выдерживать каждый разъ переходные экзамены, и какъ я вступилъ въ корпусъ при началѣ курса, то и надѣялся въ теченіе года пройти все, что̀ требовалось для офицерскаго экзамена.

Кромѣ математики преподавались и другія науки. Въ 4-мъ проходилась или, лучше сказать, повторялась русская грамматика, священная исторія, кромѣ того мы писали подъ диктовку по-русски и по-французски и занимались черченіемъ и ситуаціонною рисовкою. Въ 3-мъ—россійская и всеобщая исторія, географія, полевая фортификація и рисовка. Во 2-мъ—долговременная фортификація, всеобщая исторія, черченіе и рисованіе плановъ, правила малой и средней съемки съ объясненіемъ употребленія инструментовъ. Наконецъ въ 1-мъ—тактика, краткая военная исторія, геодезія, правила большей съемки (³). Военную исторію и тактику читалъ самъ генералъ, и надобно было видѣть, съ какимъ всегда удовольствіемъ шли къ нему въ классъ. Объяснялъ онъ чрезвычайно ясно, говорилъ увлекательно, примѣшивая въ свою лекцію множество любопытныхъ и поучительныхъ анекдотовъ изъ своей долговременной военной жизни, и все это передавалось имъ съ такимъ добродушіемъ, съ такимъ знаніемъ дѣла и понятій каждаго изъ его слушателей, что его лекціи считались не ученіемъ, а скорѣе отдохновеніемъ и пріятною поучительною бесѣдою.

Сначала мнѣ было очень трудно не отставать отъ преподаванія и идти вмѣстѣ съ тѣми, которые слушали его во второй и третій разъ. Я просиживалъ цѣлыя ночи за учебными книгами и за грифельною доскою. Во 2-е отдѣленіе 3-го класса я выдержалъ испытаніе хорошо и былъ переведенъ, но въ этомъ классѣ, гдѣ по части математики все было для меня ново, требовались съ моей стороны большія усилія, чтобы не отставать отъ преподаванія. Напряженныя занятія, ночи проводимыя безъ сна, тревожная забота, чтобы выдержать предстоящій экзаменъ, все это подѣйствовало на мое слабое и безъ того здоровье. Къ этому присоединилась простуда, и я серьёзно занемогъ грудною болѣзнію и кровохарканіемъ.

Дѣлать было нечего, слѣдовало лечиться и оставаться дома (⁴). Но и тутъ я не хотѣлъ запускать ученья и оставлять надежды на переходъ въ слѣду-

---

(³) Распредѣленіе предметовъ преподаванія въ послѣдствіи нѣсколько измѣнилось, какъ видно изъ упомянутой брошюры, а равно часы преподаванія и другія подробности.

(⁴) Жили мы по своимъ домамъ и ежедневно ходили въ классы, въ домъ генерала. Колоновожатые — какъ юнкера—не имѣли права ѣздить, а должны были ходить пѣшкомъ и только въ 15° морозу позволялось имъ надѣвать шинели. Я строго соблюдалъ эти правила (съ конца января 1818 г. я былъ уже колоновожатымъ) и простудился путешествуя четыре раза въ день, въ одномъ мундирѣ, отъ Каменнаго Моста на Большую Дмитровку и обратно.

ющій классъ. Подружившись съ нѣкоторыми изъ колоновожатыхъ высшихъ классовъ, я просилъ одного изъ нихъ ежедневно навѣщать меня, и повторять со мною каждую новую лекцію — безъ меня пройденную. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обложилъ себя учебными курсами, и такимъ образомъ на болѣзненномъ одрѣ слѣдилъ за преподаваніемъ. Надобно замѣтить здѣсь, что въ нашемъ заведеніи, между взрослыми воспитанниками, существовала такая связь и такое усердіе помогать другъ другу, что каждый съ удовольствіемъ готовъ былъ отказываться отъ самыхъ естественныхъ для молодости удовольствій, чтобы передавать или объяснять товарищу то, что̀ онъ или не хорошо понималъ, или когда случайно пропускалъ лекцію. Сами даже офицеры на дому своемъ охотно занимались съ тѣми, кто просилъ ихъ показать что нибудь не понятое ими. Случалось даже обращаться за поясненіями къ самому генералу, и онъ всегда съ удовольствіемъ удовлетворялъ нашу любознательность. Этотъ духъ товарищества и взаимнаго желанія помогать другъ другу, былъ слѣдствіемъ того направленія, которому онъ умѣлъ подчинить наши юные умы.

Въ это время помощникомъ генерала и инспекторомъ классовъ, былъ его сынъ шт. кап. гвардейскаго генеральнаго штаба М. Н. Муравьевъ, нынѣшній министръ государственныхъ имуществъ (5). Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ колоновожатыхъ въ низшихъ классахъ, иногда ложно сказываются больными и пропускаютъ лекціи, свободно гуляя по столицѣ. Для прекращенія этого безпорядка, онъ испросилъ у отца своего разрѣшеніе отправлять показывающихся больными въ военный лазаретъ. Это распоряженіе сильно оскорбляло наше самолюбіе, и мы считали его въ высшей степени не справедливымъ. Какъ нарочно, я занемогъ въ это самое время и получилъ записку отъ дежурнаго офицера, что если завтра не явлюсь въ классы, то буду отправленъ въ больницу. Такая строгость сильно меня огорчила. Мнѣ казалось, что прилежаніемъ моимъ я представилъ достаточное ручательство въ моемъ ревностномъ желаніи учиться, и что распоряженіе, относящееся болѣе до малолѣтныхъ учениковъ, не слѣдовало бы примѣнять ко мнѣ. Сверхъ того, по общему нашему понятію, отправленіе въ больницу унижало меня въ глазахъ прочихъ. Къ тому же въ лазаретѣ, я не могъ продолжать своихъ домашнихъ учебныхъ занятій, да и товарищъ мой не могъ уже посѣщать меня. Все это ужасно какъ меня взволновало, и, не зная какъ поступить, я рѣшился отправиться прямо къ генералу и объяснить ему мое положеніе. Хотя тогда мнѣ уже сдѣлалось нѣсколько лучше, но я былъ еще такъ слабъ, что едва могъ одѣться. По блѣдному, исхудалому лицу моему можно было судить о моей тяжкой болѣзни. Идти пѣшкомъ я не могъ и, на этотъ разъ, считалъ себя въ правѣ нарушить запрещеніе ѣздить. Закутавшись въ шинель, сѣлъ я на извощика, и велѣлъ ѣхать прямо къ Ник. Ник.. Это было послѣ обѣда. Я подъѣхалъ къ крыльцу; никого не встрѣтивъ и войдя въ залу, попросилъ доложить о себѣ; генералъ сейчасъ же вышелъ, и, увидѣвъ меня, съ сожалѣніемъ и участіемъ спросилъ — что мнѣ надо? Съ волненіемъ, почти со слезами, разсказалъ я ему объ оскорбленіи, которое чувствовалъ, и о томъ, какъ мало заслужилъ подобную строгость. Добрый Н. Н., видя, что я говорю правду, и что лице мое служитъ явнымъ этому доказательствомъ, старался меня успокоить, обѣщая до совершеннаго моего выздоровленія оставить меня дома, не требуя никакихъ донесеній и доказательствъ о моей болѣзни. Онъ обѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать объ этомъ сыну и въ заключеніе взялъ съ меня слово—не выходить съ квартиры до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не оправлюсь.

Успокоенный его словами и участіемъ, я возвратился домой въ веселомъ

(5) Писано вѣроятно около 1860 года, по возвращеніи изъ Сибири. *П. Б.*

расположеніи духа. Какъ будто цѣлая гора свалилась съ плечь моихъ. Послѣ этого я продолжалъ лечиться и по прежнему заниматься. Когда же выздоровѣлъ, то наступила уже масляница, и въ классахъ начались экзамены. Явясь къ генералу, я разсказалъ ему, что въ продолженіи болѣзни учебныя занятія мои не прекращались, и просилъ дозволить мнѣ вмѣстѣ съ прочими держать экзаменъ въ 1-е отдѣленіе 3-го класса, съ тѣмъ однакожъ, чтобы мой экзаменъ отложить до перваго дня великаго поста, потому что въ свободные дни масляницы я успѣю еще лучше себя къ нему приготовить. Онъ охотно согласился на это, и такимъ образомъ, благодаря снисходительности Николая Николаевича, его участію къ моему положенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радушному усердію моего товарища, я перешелъ въ свое время въ высшій классъ.

Все это я говорю для того только, чтобы показать, какъ добръ и снисходителенъ былъ Ник. Ник., какъ онъ зналъ каждаго изъ своихъ воспитанниковъ, и какъ умѣлъ привлечь къ себѣ ихъ сердца. Найдутся конечно люди даже и теперь, а тогда ихъ было еще больше, которые утверждали и утверждаютъ, что одною только строгостію можно дойти до хорошихъ результатовъ при воспитаніи юношества. Генералъ Муравьевъ и его учебное заведеніе служатъ неопровержимымъ доказательствомъ противнаго. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ вышедшіе изъ этого заведенія молодые люди отличались—особенно въ то время—не только своимъ образованіемъ, своимъ усердіемъ къ службѣ и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но и прямотою, честностію своего характера. Многіе изъ нихъ теперь уже государственные люди, другіе — мирные граждане; нѣкоторымъ пришлось испить горькую чашу испытаній, но всѣ они — я увѣренъ — честно шли по тому пути, который выпалъ на долю каждаго, и съ достоинствомъ сохранили то, что было посѣяно и развито въ нихъ, въ юношескія ихъ лѣта.

При поступленіи моемъ въ корпусъ колоновожатыхъ, штабъ его былъ слѣдующій: начальникомъ ген. маіоръ Ник. Ник. Муравьевъ, помощникомъ его сынъ гвардіи генерал. штаба, штабсъ-капитанъ Мих. Ник. Муравьевъ; офицерами преподавателями: гвардіи подпоручикъ Пет. Ив. Колошинъ, квартирмейстерской части подпоручики Христіани, Вельяминовъ-Зерновъ и Бахметевъ. Вскорѣ былъ второй выпускъ. Изъ вновь произведенныхъ были оставлены при корпусѣ прапорщики Зубковъ, Крюковъ и князь Шаховскій. Бахметевъ же и Вельяминовъ-Зерновъ выбыли изъ корпуса. Въ 4-мъ классѣ математику преподавалъ сначала Бахметевъ, и потомъ Зубковъ и временами кн. Шаховскій. Въ обоихъ отдѣленіяхъ 3-го класса Крюковъ и князь Шаховскій, во второмъ Христіани, въ первомъ Колошинъ. Тактику читалъ самъ генералъ, полевую и долговременную фортификацію Колошинъ. Онъ же и Шаховскій—всеобщую, и русскую исторію и географію. Рисованье и черченье сначала Христіани, а потомъ прикомандированный къ корпусу капитанъ Діаконовъ. Сверхъ того Колошинъ и Христіани исправляли по временамъ должность помощника инспектора, а прочіе офицеры по очереди дежурили по корпусу. Лѣтомъ 1818 года, колоноважатый Лачиновъ, бывшій въ Персіи съ генераломъ Ермоловымъ, былъ произведенъ за отличіе и оставленъ при корпусѣ.

Съ ноября до начала мая, корпусъ находился въ Москвѣ. Классы и чертежная помѣщались во флигелѣ дома, принадлежавшаго генералу, на Большой Дмитровкѣ [6]. Самый домъ былъ тогда занятъ Англійскимъ клубомъ, и одну изъ пристроекъ его на дворѣ занималъ Ник. Ник. Всѣ колонновожатые и офицеры жили на своихъ квартирахъ. Первые получали по 150 руб. асс. въ годъ жа-

---

(6) Нынѣ Рудакова. *П. Б.*

лованья, а послѣдніе по чинамъ ихъ. Классы начинались въ лѣтніе мѣсяцы въ 8 часовъ утра, а въ зимніе въ 9 и продолжались до 12 и до часа. Послѣ обѣда же отъ 2 до 6-ти. Слѣдовательно учились всего восемь часовъ въ день. Математическія лекціи были ежедневно по одной, для каждаго класса, но иногда и по двѣ. Рисовальный общій классъ тоже каждый день. Прочіе по три раза въ недѣлю; но иногда случалось, что и послѣдніе преподавались ежедневно. Вообще на это не было положительнаго правила. Такъ какъ всѣ предметы преподавались по программѣ, то случалось иногда, что въ одномъ предметѣ преподаватель оканчивалъ курсъ, а въ другомъ онъ же, или другой, былъ еще далеко отъ конца. Тогда лекціи послѣдняго учащались. Наблюдали только, чтобы къ приблизительно назначенному времени, преподаваніе всего, что входило въ программу каждаго класса оканчивалось одновременно, и тогда начинались переводные экзамены. Тѣ, которые выдерживали ихъ, поступали въ высшій классъ, а съ оставшимися и вновь поступившими изъ низшаго класса, начинался прежній курсъ. Въ маѣ мѣсяцѣ колоновожатые отправлялись подъ надзоромъ офицеровъ въ село Осташево—имѣніе генерала Муравьева въ 100 верстахъ отъ Москвы, по Волоколамской дорогѣ (7). Тамъ размѣщались они въ деревнѣ по крестьянскимъ квартирамъ. Въ тоже время пріѣзжалъ туда и самъ генералъ. Тутъ начинались лѣтнія занятія, фронтовое ученье, съемка и т. д. Для прочихъ классовъ, кромѣ втораго, научныя занятія съ пріѣздомъ въ Осташево прекращались, по 2-му классу преподаваніе продолжалось до окончанія всего класснаго курса. Тѣ изъ колоновожатыхъ этого класса, которые оказывались, по экзамену, достойными къ переводу въ первый, предназначались, вмѣстѣ съ находившимися уже въ немъ, къ офицерскому экзамену, и имъ всѣмъ около половины сентября, т. е. въ то время когда кончались лѣтнія занятія, начиналось преподаваніе предметовъ, входящихъ въ програму перваго класса. Въ Осташевѣ обыкновенно оставались до начала зимы, или лучше сказать до окончанія всего курса первому классу; такъ что по возвращеніи въ Москву первокласные колоновожатые въ корпусѣ уже не учились, а занимались у себя повтореніемъ всего пройденнаго въ продолженіи года и приготовленіемъ къ офицерскому экзамену, который, смотря по обстоятельствамъ, бывалъ иногда въ декабрѣ, иногда въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ (8).

Вообще жизнь въ Осташевѣ и лѣтнія занятія очень намъ всѣмъ нравились. На квартирахъ у крестьянъ мы помѣщались по двое и по трое. Каждый избиралъ себѣ въ товарищи того, съ кѣмъ онъ былъ болѣе близокъ, кто болѣе сходился съ нимъ въ характерѣ и въ образѣ мыслей. При этомъ входили въ разсчетъ и обоюдныя финансовыя средства. Богатые обыкновенно жили по одиначкѣ, или съ такими же богатыми. Имѣвшіе ограниченные способы находили равныхъ себѣ по состоянію. Хотя многіе изъ колоновожатыхъ были люди зажиточные, даже богачи и знатнаго аристократическаго рода, но это не дѣлало разницы между ними и небогатыми, исключая только неравенства расходовъ. Въ этомъ отношеніи надобно отдать полную справедливость тогдашнему корпусному начальству. Какъ самъ генералъ, такъ и всѣ офицеры не оказывали ни малѣйшаго предпочтенія однимъ передъ другими. Тотъ только, кто хорошо учился, кто хорошо, благородно велъ себя, пользовался спра-

(7) Село Осташево Можайску. у., принадлежавшее тогда князю Урусову (вотчиму Муравьева), нынѣ принадлежитъ Николаю Павловичу Шипову. *П. Б.*

(8) То что я говорю здѣсь относится до 818 и 819 годовъ, когда я былъ въ корпусѣ сначала колоновожатымъ, а потомъ офицеромъ и преподавателемъ. Послѣ меня, т. е. отъ марта мѣсяца 820 до 824 года, дѣлаемы были нѣкоторыя измѣненія, а наконецъ и самый корпусъ переведенъ въ Петербургъ.

ведливымъ вниманіемъ начальства и уваженіемъ товарищей. Замѣчу здѣсь, что всего чаще даже попадались подъ взысканіе молодые аристократы. Имѣя болѣе средствъ, они иногда позволяли себѣ юношескія шалости, за которыя нерѣдко сажали ихъ подъ арестъ. Между нами самими, богатство и знатность не имѣли особеннаго вѣсу, и никто не обращалъ вниманія на эти прибавочныя къ личности преимущества. Да и сами тѣ, которые ими пользовались, нисколько не гордились этимъ, никогда не позволяли себѣ поднимать высоко голову передъ товарищами, которые въ свою очередь не допустили бы ихъ глядѣть на себя съ высоты такого пьедестала.

Вотъ порядокъ, который былъ заведенъ во время пребыванія нашего въ деревнѣ. Всѣ колоновожатые были раздѣлены на нѣсколько отдѣленій, человѣкъ по 10 и по 12. Начальникомъ каждаго назначался одинъ изъ старшихъ колоновожатыхъ перваго класса. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы наблюдать за воспитанниками своего отдѣленія. Въ 9 часу вечера онъ долженъ былъ собрать и вести свое отдѣленіе на перекличку къ дежурному офицеру, и потомъ, по пробитіи зари и по сигналу изъ пушки, обойти въ 10 часовъ всѣхъ своихъ колоновожатыхъ, осмотрѣть, дома ли каждый изъ нихъ, и потушить у нихъ огонь. Потомъ всѣ начальники отдѣленій вмѣстѣ отправлялись къ дежурному офицеру и рапортовали ему или объ исправномъ состояніи всего, что подлежало ихъ надзору, или доносили о томъ, если что оказывалось не въ должномъ порядкѣ; напр. если кого изъ колоновожатыхъ не было дома или когда собравшіеся вмѣстѣ отказывались разойтись и тушить огонь. Дежурный офицеръ, по полученіи рапортовъ отъ начальниковъ отдѣленій, шелъ къ генералу и въ свою очередь обо всемъ доносилъ ему. На другой день въ 8 часовъ, также по пушечному сигналу, начальники опять вели свое отдѣленіе къ старому дежурному, который сдавалъ дежурство новому, а сей послѣдній, сдѣлавъ перекличку, объявлялъ колоновожатымъ ихъ занятія на этотъ день. Потомъ всѣ расходились по квартирамъ, и, напившись чаю, собирались отдѣленіями къ новому дежурному, который въ 9 часовъ, и также по пушкѣ, велъ ихъ въ домъ генерала, для предназначенныхъ имъ занятій.

Эти занятія состояли въ лекціяхъ, въ рисовкѣ плановъ, въ черченіи и въ одиночномъ и фронтовомъ ученіи, для чего нарочно назначался въ корпусъ, на лѣтніе мѣсяцы, знающій свое дѣло унтеръ-офицеръ. Въ 12 часовъ утренніе классы кончались, и колоновожатые подъ надзоромъ дежурнаго офицера возвращались на свои квартиры. Въ два часа, также по сигналу и тѣмъ же порядкомъ, они шли опять къ своимъ занятіямъ, а въ шесть прекращали ихъ.

Эта жизнь въ деревнѣ, исключавшая всѣ другія свѣтскія развлеченія, кромѣ общества своихъ товарищей и такихъ удовольствій, въ которыхъ всякій могъ участвовать, чрезвычайно какъ сближала молодыхъ людей между собою и способствовала къ основанію самыхъ прочныхъ между ними связей. Многіе изъ колоновожатыхъ, находившіеся въ одно время въ корпусѣ, остались въ послѣдствіи на всю жизнь въ самыхъ близкихъ и дружескихъ между собою отношеніяхъ, не смотря даже на различіе ихъ общественныхъ положеній. Сверхъ того она много содѣйствовала къ возбужденію особеннаго рвенія къ ученью и полезнымъ занятіямъ. Примѣръ прилежныхъ, старательныхъ воспитанниковъ, заслужившихъ безукоризненнымъ поведеніемъ своимъ вниманіе начальства, не могъ не дѣйствовать благодѣтельно на юные умы и нравственность остальныхъ.

Справедливость требуетъ сказать, что добрый начальникъ нашъ умѣлъ всегда отличать тѣхъ, кто того заслуживалъ. Но онъ дѣлалъ это такимъ образомъ, что самолюбіе другихъ не было оскорблено. Всякій видѣлъ въ его особенномъ

расположеніи къ кому нибудь справедливую дань прилежанію и нравственнымъ качествамъ, такъ что большею частію тотъ, кого онъ отличалъ, былъ въ тоже время любимцемъ и своихъ товарищей. Странная вещь—молодежь по какому то инстинкту почти всегда очень вѣрно судитъ и дѣлаетъ свои заключенія о каждой личности изъ своей среды. Отъ безотчетнаго ея наблюденія не скроются никакіе недостатки, какъ бы ни старался иной таить ихъ самымъ тщательнымъ образомъ. Послѣдствія всегда оправдывали то мнѣніе, которое составлялось въ нашемъ учебномъ заведеніи объ каждомъ изъ воспитанниковъ. Мнѣ самому случилось встрѣтить, послѣ весьма продолжительнаго времени, нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по корпусу, и я былъ удивленъ, найдя въ пожилыхъ уже людяхъ, въ отцахъ семейства, въ важныхъ общественныхъ лицахъ, тѣ самыя черты и особенности характера, на которыхъ мы основывали нѣкогда свое объ нихъ мнѣніе.

Нельзя, чтобы не случалось иногда между 70-ю юношами какихъ нибудь шалостей, какихъ нибудь предосудительныхъ поступковъ. Безнаказанно не проходило ничего. Но тутъ поступаемо было Ник. Ник-мъ съ величайшимъ тактомъ, съ большою осмотрительностью и совершеннымъ знаніемъ юношеской природы. Принималась въ соображеніе—не столько самый проступокъ, сколько причина, побудившая къ нему. Если эта причина не имѣла въ себѣ ничего противнаго правиламъ нравственности, если это было увлеченіе, слѣдствіе прежняго неправильнаго воспитанія, пылкаго характера, необдуманности, рѣзвости, однимъ словомъ если провинившійся не сдѣлалъ ничего такого, что̀ бы унижало его—наказаніе было легкое, иногда ограничивалось простымъ выговоромъ, или увѣщаніемъ. Но за то, когда поступокъ показывалъ испорченность характера, явный предосудительный порокъ, тогда взыскивалось очень строго, и виновный подвергался иногда исключенію изъ заведенія. Въ этомъ случаѣ, генералъ Муравьевъ какъ будто предугадывалъ правила будущаго царственнаго руководителя общественнаго воспитанія въ Россіи, который въ послѣдствіи съ такою любовію, съ такою отеческою снисходительностію поступалъ не разъ съ провинившимися воспитанниками Русскихъ учебныхъ заведеній. Воображаю, какъ бы порадовался нашъ добрый бывшій начальникъ теперешней системѣ воспитанія и тому, что̀ дѣлается съ нѣкотораго времени для блага Россіи.

Въ настоящее отрадное время, молодые люди, выпущенные изъ корпусовъ и служащіе въ учебныхъ заведеніяхъ и въ войскахъ, конечно уже хорошо понимаютъ всю пользу справедливаго, кроткаго обращенія съ подчиненными, нетолько изъ дворянъ, но даже и изъ простаго сословія. Но еще не такъ давно, а тѣмъ болѣе сорокъ лѣтъ тому назадъ, надобно было имѣть слишкомъ высокое образованіе и особенную твердость и въ характерѣ и въ убѣжденіяхъ, чтобы дѣйствовать вопреки господствовавшей системѣ военнаго воспитанія. Надѣвая тогда мундиръ, юноша долженъ былъ отказываться отъ своей личности, смотрѣть на все глазами начальника, мыслить его умомъ, дѣлать безъ разсужденія все, что̀ ему приказывалось. Горе было тому юношѣ, который осмѣливался отступить хотя сколько нибудь отъ этого правила. Потеря всей карьеры, и нерѣдко и тяжелое наказаніе на всю жизнь—было его удѣломъ. Не такъ поступалъ съ своими питомцами Ник. Ник. Онъ иногда радовался даже, когда замѣчалъ проявленіе самостоятельной личности, и не стѣсняя юный разсудокъ, старался только направить его на все полезное, на все возвышенное и благородное.

Свободное отъ занятій время мы посвящали дружескимъ бесѣдамъ; сходились по нѣскольку человѣкъ у кого либо изъ своихъ товарищей, гдѣ была по просторнѣе квартира, читали вслухъ, играли въ шахматы (карты воспреща-

лись), или, закуривъ трубки, толковали о томъ, что̀ могло иногда занимать насъ. Собирались также и съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ повторять то, что̀ намъ преподавалось. Тутъ каждый охотно помогалъ другому и объяснялъ, въ чемъ тотъ затруднялся. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ ѣздили верхами по окресностямъ, играли въ мячь, въ городки и въ бары. Помню, что послѣдняя игра очень намъ нравилось. Она могла быть конная и пѣшая. Конная была гораздо занимательнѣе. Мы скакали другъ за другомъ по всему пространству обширнаго луга, примыкавшаго къ деревнѣ, и для глазъ это была прекрасная картина. Но она не всегда оканчивалась благополучно. Случались нерѣдко паденія и ушибы, и отъ того она дозволялась намъ только при участіи офицеровъ, которые наблюдали за порядкомъ и не допускали играющихъ очень горячиться. Пѣшая же была безопасна, и имѣла слѣдствіемъ одну усталость.

Весною пребываніе наше въ Осташевѣ было непродолжительно. Въ концѣ мая мы всѣ разъѣзжались на съемку Московской губерніи. Съемка была трехъ родовъ: большая, средняя и малая. Двѣ первыя предназначались для составленія общей тригонометрической сѣти. Въ первой употребляли повторительный кругъ, а во второй теодолиты. Малая или топографическая производилась астрелябіями и планшетами при 100 и 250 саженномъ мастабѣ на англійскій дюймъ. На большую и среднюю назначалось по офицеру съ нѣсколькими колоновожатыми, а на малую нѣсколько партій, состоящихъ отъ 10 до 12 человѣкъ—каждая подъ начальствомъ офицера. При всякомъ инструментѣ малой съемкѣ находился одинъ изъ старшихъ колоновожатыхъ и одинъ или два изъ младшихъ. Кромѣ того для носки цѣпи, кольевъ и инструментовъ давалось каждой партіи отъ 20 до 25 нижнихъ чиновъ изъ команды, которая высылалась къ намъ, сейчасъ по прибытіи въ Осташево, на все лѣтнее время, стоявшею вблизи артиллерійскою бригадою. Такихъ партій на малую съемку отправлялось три или четыре.

Въ первый годъ, когда я былъ еще колоновожатымъ, досталось мнѣ быть въ партіи, снимавшей окрестности Москвы. Офицеромъ у насъ былъ В. Х. Христіани, и пребываніе его было въ Москвѣ. Мнѣ дали планшетъ, двухъ помощниковъ и четырехъ солдатъ. Съемка была очень подробная, 100 саженъ въ дюймѣ. Я трудился усердно и въ продолженіи лѣта снялъ до 20 планшетовъ, или около сотни квадратныхъ верстъ. Названіе нѣкоторыхъ мѣстъ я уже теперь забылъ, но припоминаю Царицыно, Останкино, Архангельское и деревни Верхніе и Нижніе Котлы. Помню также, какъ встревожила наша съемка крестьянъ. Съ какимъ любопытствомъ и недовѣрчивостію они смотрѣли на наши занятія! Имъ вообразилось, что у нихъ отбираютъ землю, и они всѣми средствами старались затруднить наши работы: весьма неохотно отводили квартиры и давали подводы, а иногда очень грубо отказывались отъ всякаго пособія и даже стращали изломать инструменты, а насъ попотчивать кольями. Но послѣ нѣкотораго времени все это уладилось. Мы платили имъ за все не только исправно, но даже щедро, и подъ конецъ они даже полюбили насъ.

Съ какимъ бывало удовольстіемъ, по окончаніи дневнаго труда и ходьбы, возвратишься на квартиру, напьешься чаю, поѣшь щей, каши, молока, и уляжешься отдыхать съ трубкою и книгою въ рукахъ. Жуковскій (9), Батюшковъ, русская исторія Карамзина, записки военнаго офицера Глинки, трагедіи Озерова и Вѣстникъ Европы Каченовскаго, съ жадностію читались нами. Для доказательства, какъ воспріимчива наша память въ юныя лѣта, скажу здѣсь, что даже теперь, въ моей сохранилось

(9) Жуковскій находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Муравьевымъ и его старшими сыновьями. См. о Муравьевѣ въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 1857 г. т. XI, въ статьѣ о Привидѣніяхъ.

гораздо болѣе изъ того, что̀ я прочелъ въ то время, нежели то, что̀ я читалъ, хотя и съ большимъ вниманіемъ, въ послѣдствіи. Цѣлыя страницы изъ стиховъ Жуковскаго, Батюшкова, Озерова, я могу прочесть наизусть безъ ошибокъ, хотя съ тѣхъ поръ не заглядывалъ въ ихъ сочиненія.

Къ концу августа мы возвратились въ Осташево, и тогда начались опять классы. Занимались много также и отдѣлкою плановъ нашей съемки, вычисленіемъ треугольниковъ для большой и средней тригонометрическихъ сѣтей, равно какъ и прокладкою ихъ. Эти занятія хотя и были довольно скучны, но весьма полезны, какъ примѣненіе теоріи къ практикѣ. Я въ это время былъ уже въ первомъ классѣ, выдержавъ весною въ Москвѣ экзаменъ изъ 1-го отдѣленія 3-го класса во второй, а въ Осташевѣ, при отправленіи на съемку, изъ 2-го въ 1-й. Вникнувъ хорошо въ математику, я уже шелъ впередъ, безъ большихъ усилій, и былъ увѣренъ, что выдержу офицерскій экзаменъ не хуже другихъ. Въ Осташевѣ стоялъ я вмѣстѣ съ колоновожатымъ перваго класса Самойловичемъ, отличнымъ математикомъ, и какъ мы были съ нимъ очень хороши, то онъ съ удовольствіемъ объяснялъ мнѣ всякое затрудненіе. Я много ему обязанъ въ своихъ успѣхахъ.

Вообще весь первый классъ былъ между собою очень друженъ, и это выразилось на дѣлѣ, когда Самойловича, бывшаго начальникомъ отдѣленія, хотѣли посадить подъ арестъ за то, что онъ не привелъ одного колоновожатаго на перекличку. Всѣ мы отправились къ генералу и почти со слезами просили его извинить ему это упущеніе по службѣ. Генералъ былъ тронутъ такимъ доказательствомъ нашихъ дружескихъ между собою отношеній и удовлетворилъ нашу общую просьбу. Тогда мы, по окончаніи класса, съ тріумфомъ принесли на рукахъ Самойловича на его квартиру. Но послѣ этого онъ отказался отъ отдѣленія, и я былъ назначенъ начальникомъ на его мѣсто.

Существовавшее тогда мнѣніе, что неизбѣжные расходы колоновожатыхъ, были такъ значительны, что одни только богатые люди могли отдавать дѣтей своихъ въ заведеніе, было совершенно несправедливо, и лучшее доказательство я самъ ([10]). Средства мои были весьма ограниченны, я могъ издерживать едва тысячу рублей ассигнаціями въ годъ. Этой суммы мнѣ было однакоже очень достаточно на все. Разумѣется, что при этомъ надобно было жить разсчетливо. Были богачи, которые проживали тысячъ по 10, по 15 Тянуться за ними было нельзя, да и не для чего. Они курили, или лучше сказать жгли, табакъ въ 25 р. фунтъ. Мы же употребляли двухъ-рублевый, и нисколько этого не стыдились. Они издерживали въ конфектной лавкѣ во время пребыванія въ Осташевѣ на одни сладости по тысячѣ и по двѣ, мы же въ нее и не заходили. Они держали по нѣскольку человѣкъ прислуги, по нѣскольку верховыхъ и упряжныхъ лошадей, мы же ограничивались однимъ человѣкомъ, а лошади и вовсе не имѣли. Однимъ словомъ, итогъ ежегоднаго расхода зависѣлъ собственно отъ насъ самихъ, а не былъ необходимымъ, одинакимъ условіемъ для каждаго изъ колоновожатыхъ.

Къ началу декабря мѣсяца мы возвратились въ Москву, а въ началѣ января назначены были первому классу офицерскіе экзамены. Стало быть намъ оставалось слишкомъ мѣсяцъ на приготовленіе. Весь курсъ ученія былъ нами пройденъ, и мы ходили только часа на два въ день въ чертежную, а иногда на лекцію къ генералу, доканчивавшему съ нами стратегію. Это время было для насъ самое тревожное. Мы по цѣлымъ днямъ и ночамъ сидѣли за учебными книгами, повторяли и по одиночкѣ и вмѣстѣ, дѣлая по программѣ другъ другу испытанія. Когда станешь бывало повторять, все кажется знаешь, — но лишь только положишь книгу и отой-

([10]) Надо обратить вниманіе на то, что за ученіе въ школѣ Муравьева никакой платы съ учащихся не брали. *П. Б.*

дешь отъ доски, представляется, что и то не твердо, и другое. Помню, что я обыкновенно приказывалъ своему человѣку будить меня въ три часа ночи, и будить непремѣнно, такъ что если я разосплюсь и не стану вставать, то не смотря ни на что обливать даже меня холодною водою. Человѣкъ у меня былъ почти однихъ со мною лѣтъ, недальняго ума, но очень ко мнѣ преданный. Онъ всегда à la lettre исполнялъ то, что было ему приказано, и не отставалъ отъ меня, пока я не вставалъ съ постели, а раза два употреблялъ даже и воду. Сердиться за это на него я не имѣлъ права.

Такая безсонная и тревожная жизнь могла имѣть вредное вліяніе на здоровье, а занемочь во время экзаменовъ было бы большимъ несчастіемъ. Сверхъ того, утомляясь безпрестанными повтореніями одного и того же, затмѣвалось самое знаніе, а потому, недѣли за двѣ до начатія испытаній, я оставилъ всѣ занятія, чтобы дать головѣ освѣжиться и не истощать напрасно физическія силы. Это, я думаю, послужило мнѣ въ пользу, ибо Самойловичъ, знавшій математику лучше меня, но не поступившій такъ же, какъ я, съ меньшею противъ меня ясностію отвѣчалъ на офицерскомъ экзаменѣ.

Наконецъ въ половинѣ января 819 года начались эти экзамены. Всѣхъ первоклассныхъ было 21 человѣкъ. Экзаминаторами были наши офицеры, и изъ нихъ составлялся комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала. Ежедневно, кромѣ праздниковъ и воскресеній, экзаминовали по два человѣка, одного отъ 9 до 12, а другаго отъ 3 до 6 послѣ обѣда. Каждый колоновожатый долженъ былъ выдержать два испытанія, сначала изъ математическихъ наукъ, а потомъ точно такимъ же образомъ изъ остальныхъ. На этихъ экзаменахъ могли бывать и университетскіе профессора, и всякій военный офицеръ ученаго рода войскъ. Нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ посылались пригласительные билеты, а къ высшимъ сановникамъ, какъ напр. къ Московскому главнокомандующему графу Тормасову и къ корпусному командиру графу Толстому, ѣздилъ съ приглашеніемъ самъ генералъ.

Я былъ седьмымъ по списку въ классѣ, и съ трепетомъ ожидалъ своей очереди. Первые шесть выдержали экзаменъ прекрасно, когда же наступилъ мой день и я пришелъ въ восемь часовъ утра къ генералу, то онъ съ веселымъ видомъ сказалъ мнѣ, что предшественники мои такъ отвѣчали, что уже лучше нельзя, но что онъ желаетъ, чтобы и я выдержалъ не хуже ихъ. Наконецъ пробило 9 часовъ, и я сталъ у доски. Не знаю почему, но, противъ моего ожиданія, я нисколько не оробѣлъ, свободно отвѣчалъ на вопросы и также свободно рѣшалъ предлагаемыя задачи. Припоминаю, что при выводѣ одной большой формулы изъ геодезіи, переписывая рядъ алгебраическихъ величинъ, я ошибкою поставилъ не ту букву. Хотя экзаминаторы это замѣтили, но меня не предупредили, и я продолжалъ дѣлать выводъ, не замѣчая сдѣланной ошибки. Когда же потомъ у меня вышла не та окончательная формула, то я сейчасъ понялъ, отъ чего это произошло, и, обращаясь къ экзаменаторамъ, безъ всякаго смущенія объяснилъ имъ, почему именно оказывается такая разность моего вывода съ настоящею формулою. А какъ переписанная мною строка не была еще стерта, то я и указалъ на ошибочную букву. Это очень понравилось экзаминаторамъ, и они тутъ же сказали мнѣ, что хотя и замѣтили мою ошибку, но не указали на нее, желая узнать, какъ я потомъ выпутаюсь и объясню окончательный выводъ.

По окончаніи экзамена, добрый Ник. Ник. обнялъ меня и сдѣлалъ самое лестное привѣтствіе. Въ экзаменскомъ листѣ моемъ вездѣ стояло — *отлично*. Это значило даже выше полныхъ баловъ. Съ восхищеніемъ я пришелъ домой и потомъ сталъ исподоволь приготовляться къ другому экзамену въ военныхъ

и другихъ наукахъ, который долженъ былъ наступить для меня недѣли черезъ три.

Второй экзаменъ я выдержалъ также хорошо и получилъ полные балы, но Самойловичъ отвѣчалъ лучше моего и имѣлъ вездѣ отлично, также какъ я въ математикѣ. Между тѣмъ въ математическихъ наукахъ онъ былъ сильнѣе меня, а военныя и исторію я зналъ лучше его. Это можетъ объясниться только тѣмъ, что каждый изъ насъ менѣе обращалъ вниманія на тѣ предметы, въ знаніи коихъ онъ былъ увѣренъ (11).

Къ концу февраля наши экзамены кончились, и представленіе о нашемъ производствѣ пошло въ Петербургъ. Мы всѣ тогда занялись приготовленіемъ офицерской аммуниціи. Ходили по лавкамъ, закупали шарфы, эполеты, эксельбанты, заказывали мундиры, шинели и т. д., ожидая съ нетерпѣніемъ вожделѣннаго приказа. Всякій, кто былъ когда нибудь военнымъ, испыталъ въ свое время наши тогдашнія чувства и наши ожиданія. Съ какимъ бывало удовольствіемъ, вставая по утру, мы предавались невозмутимому far niente, и всѣмъ сладостнымъ фантазіямъ нашего воображенія. Посѣщая безпрестанно другъ друга, мы условливались въ неизмѣнной дружбѣ и въ постоянной перепискѣ. Съ какимъ уваженіемъ смотрѣли на насъ остававшіеся въ корпусѣ колоновожатые, завидуя нашему счастію, котораго могли ожидать только чрезъ годъ. И какъ внимательно разсматривали мы одинъ у другаго мундиры и офицерскія вещи! Это время можно считать однимъ изъ счастливѣйшихъ даже въ самой юности.

(11) На этомъ экзаменѣ моемъ присутствовалъ бывшій флиг. ад. полковникъ Михаил. Данилевскій. Онъ спросилъ меня, знаюли я что нибудь изъ исторіи знаменитыхъ осадъ этого и прошлаго столѣтій. Хотя въ программѣ этого не было, но изъ разсказовъ генерала и собственнаго чтенія я кое-что зналъ, и отвѣчалъ ему, что могу разсказать осаду Сарагоссы, что̀ и сдѣлалъ довольно удовлетворительно, такъ что потомъ генералъ благодарилъ меня. Мнѣ же это была лучшая награда.

Теперь, когда стоишь на краю могилы, все это кажется обыкновеннымъ слѣдствіемъ — несозрѣвшаго разсудка, юности, не вкусившей еще горькихъ плодовъ житейскаго опыта. Но и теперь не тѣже ли мы юноши съ сѣдинами? Вотъ этотъ сановникъ, занимающій важный постъ, который такъ неутомимо трудился и сгибался всю свою жизнь, или этотъ дряхлый богачъ, такъ счастливо и съ такимъ умѣньемъ нажившій огромное состояніе, наконецъ эта чиновная старушка, такъ ловко и такъ выгодно составившая блестящія партіи своимъ дочерямъ: не всѣ ли они своего рода дѣти, какъ бы ни высоко стояли они во мнѣніи другихъ и своемъ собственномъ? Пройдетъ годъ, два — покрытая богатой парчей колесница отвезетъ ихъ на общее для всѣхъ пристанище, и тогда, все что̀ они созидали, всѣ эти плоды ихъ опытности, ихъ ума, ихъ разсчета, къ чему они послужатъ для нихъ? Не такими ли они окажутся дѣтьми, гонявшимися за призраками, но съ тою только разницею, что юноша, хотя и увлекается игрушками, но увлекается съ побужденіями болѣе чистыми, болѣе возвышенными и нестоль себялюбивыми.

10 марта мы были произведены прапорщиками въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части, исключая двухъ, назначенныхъ въ армейскіе полки. Приказъ о производствѣ привезъ генералу князь Меньшиковъ, бывшій въ то время генералъ-адъютантомъ, но числившійся по генеральному штабу и находившійся въ это время въ Москвѣ. Помню, что я и человѣка три изъ колоновожатыхъ находились въ тотъ день у генерала въ чертежной. Какъ только Н. Н. объявилъ намъ о производствѣ, мы бросили наши занятія и поскакали домой, отправивъ съ радостною вѣстію гонцевъ ко всѣмъ товарищамъ. Черезъ часъ или два, всѣ мы уже явились въ новыхъ блестящихъ мундирахъ къ генералу. Онъ весело насъ встрѣтилъ, поздравилъ каждаго и

тутъ же объявилъ, что я и еще трое изъ вновь произведенныхъ остаемся на годъ при корпусѣ преподавателями. Это было весьма лестно для насъ и согласовалось вполнѣ съ нашимъ желаніемъ—жить въ Москвѣ, вблизи родныхъ и служить при начальникѣ, котораго мы любили. Вечеромъ почти всѣ мы явились въ театръ, занявъ почти цѣлый рядъ креселъ, что̀ конечно заставило публику догадаться о новомъ выпускѣ изъ Муравьевскаго училища, какъ тогда называли наше заведеніе.

Кромѣ насъ четырехъ остальные товарищи наши назначались кто въ 1-ю армію, кто во 2-ю, кто на Кавказъ. Съ мѣсяцъ они еще прожили и повеселились въ Москвѣ, а потомъ отправились по своимъ мѣстамъ. Грустно мнѣ было раставаться съ нѣкоторыми, но мы дали слово писать другъ къ другу и надѣялись будущую зиму встрѣтиться опять въ Москвѣ, куда многіе изъ нихъ обѣщались пріѣхать въ отпускъ. Мы же четверо, спустя нѣсколько дней, занялись службою въ заведеніи. Меня назначили преподавателемъ во 2-е отдѣленіе 3-го класса, самое тогда многолюдное послѣ 4-го класса.

Передъ Святой я поѣхалъ на 28 дней въ отпускъ къ отцу въ деревню. Старикъ былъ въ восхищеніи, увидавши меня не съ большимъ годъ послѣ разлуки нашей—въ блестящемъ мундирѣ и такъ скоро достигшимъ цѣли своихъ желаній. Онъ признавался мнѣ, что никакъ не ожидалъ, чтобы вышелъ какой нибудь толкъ изъ намѣренія моего проложить самому себѣ путь, безъ всякой протекціи, и что отпуская меня страшился, чтобы вмѣсто чего нибудь добраго, не вышла безтолочь и не пострадала вся моя будущность. Въ глазахъ всѣхъ родныхъ моихъ я также много выигралъ и пріобрѣлъ ихъ выгодное о себѣ мнѣніе. Меня это чрезвычайно радовало и удовлетворяло очень естественно юное мое самолюбіе.

Въ маѣ по обыкновенію мы отправились опять въ Осташево, и оттуда на съемку. Не стану повторять здѣсь тоже порядка занятій и надзора за воспитанниками. Собственно для меня разница состояла въ томъ только, что я уже не подчинялся правиламъ, установленнымъ для колоновожатыхъ, а наблюдалъ вмѣстѣ съ другими офицерами, чтобы они въ точности исполнялись ими. Мы по очереди дежурили, дѣлали переклички, водили ихъ въ классы, ходили съ рапортами къ генералу и читали каждый въ своемъ классѣ въ назначенное время лекціи. Намъ было очень не трудно исполнять наши обязанности, потому что вообще, исключая обыкновенныхъ незначительныхъ рѣзвостей, всѣ колоновожатые вели себя примѣрно и насъ любили. Съ своей стороны каждый изъ насъ—т. е. изъ офицеровъ старался пріобрѣсть ихъ уваженіе и любовь какъ своимъ поведеніемъ и обращеніемъ съ ними, такъ и готовностію помогать имъ въ ученіи. Между собою мы были также очень дружны, и никакихъ раздоровъ и интригъ между нами не было.

Меня назначили на малую съемку и дали человѣкъ двѣнадцать колоновожатыхъ, съ командою нижнихъ чиновъ, и кажется пятью инструментами. Съемка моя была около Новаго Іерусалима, верстахъ въ 40 или 50 отъ Осташева. Я жилъ въ деревнѣ, съ однимъ изъ съемщиковъ, и объѣзжалъ два раза въ недѣлю работы другихъ. Когда кто либо изъ нихъ оканчивалъ планшетъ или планъ снятый астрелябіей, то привозилъ ко мнѣ, я же повѣрялъ эти планы съ мѣстностію, сводилъ съ другими, а потомъ уже отвозилъ въ Осташево, съ своимъ удостовѣреніемъ въ точности съемки. Когда оказывалось, при моей повѣркѣ, что съемка была невѣрна, то, сдѣлавъ выговоръ старшему колоновожатому, я заставлялъ его переснять туже мѣстность. Но это случалось очень рѣдко, разъ или два въ продолженіи всего лѣта.

Самая главная забота наша состояла въ сохраненіи миролюбивыхъ отношеній между колоновожатыми и крестьянами. Первые по молодости лѣтъ не

всегда были осторожны и не очень терпѣливы, а вторые отказывались часто исполнять даже законныя ихъ требованія, недовѣрчиво смотрѣли на ихъ занятія, и отъ этого часто происходили непріятныя столкновенія и жалобы. Впрочемъ все это улаживалось, и особенныхъ непріятностей и исторій не было. Въ праздничные и воскресные дни всѣ колоновожатые, находившіеся у меня подъ начальствомъ, пріѣзжали ко мнѣ, и мы вмѣстѣ проводили время.

По возвращеніи въ Осташево, начались обычныя учебныя занятія и переводныя изъ класса въ классъ испытанія, на которыхъ мы были экзаменаторами. Послѣ вечерняго рапорта генералъ почти всегда оставлялъ дежурнаго у себя ужинать, а въ праздники приглашалъ всѣхъ офицеровъ къ обѣду. Нельзя представить себѣ, какъ занимательна была его бесѣда. Онъ выбиралъ всегда какой нибудь поучительный предметъ для разговора или разсказа, примѣшивалъ множество забавныхъ и любопытныхъ анекдотовъ, описывалъ съ такою вѣрностію событія прошедшаго времени и извѣстныя историческія лица, въ нихъ участвовавшія, что бывало боишься пропустить каждое его слово. И все это говорилось такъ просто, съ такимъ добродушіемъ, хотя иногда и съ шутливыми замѣчаніями, которыя придавали еще болѣе занимательности его разсказамъ. Послѣ всякаго вечера, проведеннаго у него, каждый изъ насъ выходилъ съ новымъ знаніемъ чего нибудь полезнаго, любопытнаго и въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Со мною случилось въ это время не важное происшествіе, которое осталось у меня на всегда въ памяти. Одинъ разъ въ глубокую осень 819 года, будучи дежурнымъ и проведя вечеръ у генерала, я послѣ ужина возвращался на квартиру свою. Путь мой лежалъ сначала черезъ садъ, а по томъ саженей 200 по мелкому кустарнику, который кончался у проспекта, ведущаго въ деревню. При самомъ выходѣ изъ кустарника стояла гаубвахта. Въ это время, такъ какъ команда, назначаемая къ намъ на лѣтнее время была уже отправлена въ свое мѣсто, то зданіе оставалось пустымъ. Дни же за три до того утонулъ какой-то Осташевскій крестьянинъ, и тѣло его положили, до пріѣзда земской полиціи, въ одну изъ комнатъ гаубвахты. Я это зналъ, и, приближаясь въ лунную, свѣтлую ночь къ этому мѣсту, почувствовалъ невольный страхъ. Устыдясь внутренно своей робости, я тутъ же рѣшился преодолѣть ее: войти въ комнату, гдѣ лежалъ утопленникъ и посмотрѣть на него. Вошелъ я довольно смѣло, луна свѣтила въ окно, но лишь только я приподнялъ покрышку съ обезображеннаго трупа, меня вдругъ обдало такимъ запахомъ, что въ туже минуту мнѣ сдѣлалось дурно, и я едва выползъ изъ комнаты. Чистый воздухъ нѣсколько освѣжилъ меня, но все таки со мной началась рвота. Кое какъ-дошелъ я до своей квартиры и всю ночь ужасно страдалъ. Фельдшеръ, за которымъ я посалъ, и которому разсказалъ случившееся, поилъ меня всю ночь мятой и клалъ припарки къ животу. Только къ вечеру на другой день я совершенно оправился. Товарищи очень смѣялись, узнавши обо всей этой исторіи; но на меня этотъ случай такъ подѣйствовалъ, что до сихъ поръ я избѣгаю смотрѣть на утопленниковъ.

Изъ Осташева пріѣхали мы въ Москву уже по санному пути. Тутъ начались приготовленія къ новому выпуску. Мы съ своей стороны сколько могли помогали тѣмъ изъ колоновожатыхъ, которые были назначены къ офицерскому экзамену. Повторяли съ ними и дѣлали имъ пробныя испытанія. Такъ какъ эта зима была послѣдняя, которую мы проводили на службѣ въ Москвѣ, потому что съ производствомъ новыхъ офицеровъ, намъ слѣдовало отправиться въ какую либо изъ армій или на Кавказъ, то мы и спѣшили насладиться всѣми тогдашними удовольствіями столицы: ѣздили въ театры, въ собра-

нія и по бальнымъ вечерамъ. Однимъ словомъ, собственно для меня эта зима была самая шумная во всей моей жизни.

Въ этихъ воспоминаніяхъ моихъ, кромѣ самаго генерала я не упоминаю о другихъ лицахъ, хотя многимъ изъ моихъ старыхъ товарищей по корпусу я обязанъ большою признательностію за сохраненіе ихъ теплыхъ ко мнѣ чувствъ. Но и въ этомъ случаѣ даже, я считаю, что Н. Н. былъ главнымъ виновникомъ такой прочной нравственной связи между своими воспитанниками. Онъ умѣлъ поддерживать и развивать въ нихъ все, что̀ служитъ къ укрѣпленію близкихъ, дружескихъ отношеній между благомыслящими людьми, въ какихъ бы ни находились они положеніяхъ.

Наконецъ наступило время проститься и съ Москвою и съ корпусомъ. Въ мартѣ 820 года новый выпускъ былъ произведенъ, а мы четверо и вмѣстѣ съ нами Лачиновъ командированы въ 2-ю армію ([12]). Я выпросился на мѣсяцъ въ отпускъ и провелъ его у отца, куда въ это время пріѣхали и два служившіе мои брата. Въ концѣ же апрѣля отправился къ своему назначенію.

Въ заключеніе скажу, что Ник. Ник. не переставалъ слѣдить за службою своихъ воспитанниковъ и послѣ того, какъ они выбывали уже изъ корпуса. Когда пріѣдешь бывало въ Москву въ отпускъ и явишься къ нему (а каждый изъ насъ считалъ это за непремѣнную обязанность) съ какою ласкою встрѣтитъ онъ, съ какимъ участіемъ станетъ распрашивать онъ обо всемъ, что̀ касается до каждаго изъ насъ! Какъ онъ радуется, когда кто отличится чѣмъ нибудь и получитъ награду! Какъ всегда видимо утѣшительно ему было слышать, что воспитанники его вездѣ считаются за людей дѣльныхъ и пользуются особеннымъ вниманіемъ своихъ начальствъ! И всегда бывало кончитъ приглашеніемъ посѣтить заведеніе. „Ну теперь сходи, братецъ, въ классы, скажетъ онъ, покажись старымъ твоимъ товарищамъ и новобранцамъ,—это будетъ и тебѣ и имъ пріятно, а многимъ изъ нихъ сверхъ того и полезно. Увидавши тебя, каждый изъ нихъ подумаетъ, какъ бы скорѣе быть тѣмъ же, и постарается лучше учиться.“ Иногда даже самъ поведетъ туда, чтобы показать все, что̀ было имъ вновь придумано и введено для улучшенія корпуса.

Миръ праху твоему, человѣкъ добрый и гражданинъ въ полномъ смыслѣ полезный! Ты положилъ не малую лепту на алтарь отечества, и нѣтъ сомнѣнія, что потомство оцѣнитъ тебя и отдастъ справедливость твоимъ безкорыстнымъ заслугамъ. Память же о тебѣ въ сердцахъ воспитанниковъ твоихъ, сохранится, я увѣренъ, доколѣ хотя одинъ изъ нихъ будетъ оставаться въ этомъ мірѣ.

(Сообщено М. Л. Бибиковымъ.)

([12]) Н. В. Басаргинъ поступилъ потомъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, а въ исходѣ 1825 года находился на югѣ адъютантомъ при (гр.) П. Д. Киселевѣ. *П. Б.*

ИЗЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ XVIII ВѢКА.

Geschichte des Russischen Staates von Dr. Hermann. Ergänzungs-Band. Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit. Gotha 1866.

Мы уже имѣли случай указать, какой богатый запасъ матеріаловъ по Польскому вопросу и вообще по внѣшней политикѣ Россіи заключаетъ въ себѣ дополнительный томъ къ Исторіи Германа (Русс. Вѣст. 1867 г. № II). Разумѣется, для насъ также важны были бы сообщенія, касающіяся Россіи и съ другой стороны, т. е. извѣстія о внутренней политикѣ.

Къ сожалѣнію въсемъ отношеніи документы, собранные Германомъ, представляютъ запасъ довольно скудный, что̀

весьма естественно объясняется назначеніемъ и положеніемъ иностранныхъ дипломатовъ при Русскомъ дворѣ. Ихъ наблюденіямъ доступны были только дворъ и столица; притомъ, по незнанію русскаго языка и многихъ условій русскаго быта, наблюденія эти оказывались конечно весьма поверхностны и односторонни. Источниками ихъ свѣдѣній часто были ничто иное какъ слухи. Но замѣчательно, что иностранные дипломаты нерѣдко съ особымъ усердіемъ сообщаютъ своимъ правительствамъ слухи и характеристики, неблагопріятные для лицъ, игравшихъ главныя роли при дворѣ; другими словами, дипломатія европейская въ тѣ времена еще любитъ заниматься сплетнями. Разумѣется, любовь эта проявляется не въ одинаковой степени. Въ означенномъ томѣ собраны депеши изъ Петербурга собственно въ трехъ архивахъ, Дрезденскомъ, Берлинскомъ и Лондонскомъ. Въ отношеніи къ сплетнямъ, они представляютъ слѣдующую градацію: наибольшую наклонность къ нимъ обнаруживаютъ дипломаты саксонскіе, наименьшую прусскіе, а средину занимаютъ англійскіе. Разумѣется, подобная градація образовалась не безъ связи съ взаимными отношеніями дворовъ: дѣло идетъ объ эпохѣ втораго и третьяго польскихъ раздѣловъ, когда Пруссія находилась съ нами въ союзѣ, а саксонскій домъ былъ отстраняемъ отъ польской короны, которую предлагали ему Поляки.

Итакъ, самыми злыми языками въ данномъ случаѣ являются саксонскіе дипломаты въ Петербургѣ: Фѣлькерзамъ и особенно Гельбигъ (авторъ извѣстной книги «Russische Günstlinge», преисполненной невѣрностей и пристрастія). Для образца приведемъ нѣкоторыя изъ ихъ дипломатическихъ сообщеній, опуская конечно то, что выходитъ за предѣлы приличій. Лицо, которое они стараются чернить предпочтительно передъ другими, это Потемкинъ. Зимой 1791 года Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ театра Турецкой войны, и Гельбигъ (въ депешѣ отъ $^{5}/_{16}$ іюня) распространяется о его необыкновенной расточительности, недѣятельности и легкомысліи. Онъ даетъ часто праздники, изъ которыхъ каждый стоитъ болѣе 20000 рублей. На одномъ изъ нихъ подана была въ серебряной лахани стерляжья уха въ 1300 рублей; въ другой разъ подали устрицъ на 300 рублей, а въ третій фруктовъ на 1000 дукатовъ. Изъ имущества герцогини Кингстонъ онъ купилъ двѣ люстры за 40000 рублей, и въ той комнатѣ, гдѣ онѣ были повѣшены, велѣлъ устроить два дивана въ 42,000 руб. Дворянскому банку онъ долженъ 800,000 рублей, а банкиру Сутерланду 600,000; кромѣ того со времени своего пріѣзда сюда онъ сдѣлалъ еще до 1000000 долгу, хотя отъ императрицы въ это время получилъ 500,000 рублей. За праздники, которые онъ даетъ, должна расплачиваться заемная контора (опекунскій совѣтъ?). Онъ устроиваетъ празднества даже во время великаго поста, и не обращаетъ при этомъ вниманія на ропотъ народа. Съ женщинами онъ ведетъ себя весьма непристойно, а ихъ мужья не смѣютъ ему препятствовать. При публичныхъ выѣздахъ онъ является весь покрытый брильянтами *.

Когда въ Петербургѣ было получено извѣстіе о смерти Потемкина, саксонскій посолъ Фѣлькерзамъ посвящаетъ ему свою депешу отъ $^{16}/_{27}$ октября, и говоритъ, что тѣло князя отвезутъ для погребенія въ его бѣлорусское имѣнье Васильково. Въ этомъ имѣньи будто бы Потемкинъ сложилъ всѣ свои сокровища, которыя должны быть громадны, потому что все попадавшее ему въ руки золото и серебро онъ копилъ, а дол-

* По поводу приведенной депеши припомнимъ краткую біографію Потемкина, составленную тѣмъ же Гельбигомъ въ упомянутой книгѣ «Russische Günstlinge». Въ заключеніи біографіи говорится, что вообще Потемкинъ, какъ полагаютъ, стоилъ государству до 50,000,000 рублей; но что и эта сумма едвали равняется дѣйствительной. Къ сожалѣнію, расточительность и роскошь—это самая слабая сторона нашей исторіи XVIII вѣка, и тутъ мы менѣе всего можемъ защищаться отъ обвиненій иностранцевъ.

говъ никому не платилъ; напримѣръ, извощикамъ онъ остался долженъ 19,000 руб., цвѣтнымъ торговцамъ 38,000 и т. д. Свой заемъ въ 700,000 руб. у Сутерланда онъ большею частію истратилъ на подкупы въ Польшѣ, гдѣ добивался короны уже съ 1775 года. Онъ главнымъ образомъ старался ссорить Польшу съ Россіей; подъ рукой поддерживалъ волненія 1789 года въ югозападной Руси, и пр. Фёлькерзамъ, приведя извѣстія объ отношеніяхъ Потемкина къ Польшѣ, настолько добросовѣстенъ, что указываетъ и на мутный источникъ своихъ извѣстій, именно на личныя сообщенія Деболи, польскаго повѣреннаго при Петербургскомъ дворѣ.

Въ Запискахъ И. В. Лопухина (Чтенія О. И. и Д. 1860. № 2) расказывается, что весною 1791 года графъ Безбородко пріѣзжалъ въ Москву съ Архаровымъ, подъ видомъ прогулки, но въ дѣйствительности для того, чтобы произвести слѣдствіе надъ мартинистами, о чемъ онъ имѣлъ указъ къ князю Прозоровскому, московскому главнокомандующему. „Но по мягкосердію своему,“ Безбородко не далъ хода этому указу; погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, онъ уѣхалъ назадъ и такимъ образомъ ничего не предпринялъ противъ Новикова и его друзей, къ великому неудовольствію князя Прозоровскаго, усерднаго гонителя мартинистовъ. Этотъ разсказъ въ томъ же видѣ вошелъ и въ книгу М. Н. Лонгинова о Новиковѣ. Уже съ перваго взгляда видно, что здѣсь что то недосказано: не таковы были времена, не такова государыня, чтобы мягкосердіе Бозбородка могло не давать ходу имяннымъ указамъ и чтобы посылка подобнаго сановника могла окончиться простою прогулкою. Благодаря злому языку Гельбига и его усердію собирать сплетни, читаемъ слѣдующее. Проживавшій въ Москвѣ графъ Алексѣй Орловъ поссорился съ княземъ Прозоровскимъ; ссора дошла до того, что графъ едва не прибилъ князя палкой. Извѣщенная о томъ княземъ Прозоровскимъ, Екатерина послала Орлову выговоръ; но въ отвѣтъ отъ него получила странное письмо. Онъ будтобы напоминалъ государынѣ о событіяхъ 1762 года, о томъ, что именно онъ провозгласилъ ее императрицею передъ Казанскимъ соборомъ, тогда какъ народъ думалъ найти въ ней только опекуншу ея сына, и т. д. Такой тонъ встревожилъ императрицу; Московскіе вельможи извѣстны было своимъ оппозиціоннымъ направленіемъ, и подобный примѣръ могъ вызвать дурныя послѣдствія. Екатерина отправила въ Москву Безбородка, чтобы успокоить Орлова, и кромѣ того поручила Потемкину, на обратномъ пути въ южную Россію, обойтись съ Орловымъ самымъ дружескимъ образомъ. Оба они успѣшно исполнили порученіе, и графъ Орловъ по прежнему сталъ показывать преданность императрицѣ. На сколько тутъ правды въ словахъ Гельбига, мы рѣшить не беремся; во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что мартинисты были не единственною и даже не главною цѣлью посылки Безбородка въ Москву. *

Въ той же депешѣ ($^{9}/_{20}$ іюля 1791 г.) Гельбигъ сообщаетъ слѣдующій слухъ. Пріѣзжая нѣмецкая труппа давала въ Петербургѣ театральныя представленія. Между прочими пьесами она хотѣла поставить и Гамлета. Директоръ театровъ князь Юсуповъ сначала нисколько тому не противился; но, когда онъ узналъ содержаніе этой трагедіи, то рѣшительно запретилъ ея представленіе. Вслѣдствіе того нѣмецкая публика, незнакомая съ Шекспиромъ, съ жадностію бросилась читать піесу.

Гельбигъ между прочимъ тщательно собираетъ слухи о прискорбныхъ недо-

---

* Графъ Орловъ находился въ пріязни и свойствѣ съ И. В. Лопухинымъ: онъ былъ женатъ на его внучатной сестрѣ Евдокіѣ Николаевнѣ Лопухиной. Отсюда, пожалуй, можно заключить, что онъ поссорился съ Прозоровскимъ изъ-за мартинистовъ. Но вопервыхъ Лопухинъ въ своихъ Запискахъ самъ говоритъ, что Орловъ былъ противникъ ихъ общества; а во вторыхъ подобное заступничество не въ его характерѣ.

разумѣніяхъ между старымъ и молодымъ дворомъ, т. е. между императрицею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Для примѣра возьмемъ слѣдующій фактъ (изъ депеши отъ 4 октября 1793 г.). Римскій императоръ прислалъ Русскому двору извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени великой герцогини Тосканской. По обычаю Вѣнскаго двора извѣстіе было написано на латинскомъ языкѣ. Отвѣтъ на него былъ составленъ также на латинскомъ языкѣ какимъ-то молодымъ канцелярскимъ чиновникомъ, исправленъ однимъ нѣмецкимъ ученымъ, и представленъ для подписи императорской фамиліи вицеканцлеромъ графомъ Остерманомъ. Государыня подписала свое имя съ обычными: serva, soror et amica; но великій князь не хотѣлъ подписаться; servus, frater et affinis, говоря, что онъ не слуга императору. Остерманъ донесъ о томъ государынѣ и, кажется, не въ такомъ тонѣ, чтобы предупредить безпокойство. Она позвала Павла Петровича къ себѣ въ кабинетъ и сдѣлала ему чувствительное внушеніе. Великій князь подписался; но послѣ того онъ уединился въ своемъ дворцѣ, и послалъ Остерману письмо въ сильныхъ укорительныхъ выраженіяхъ.

Болѣе достоинства и благовоспитанности, чѣмъ у саксонскихъ дипломатовъ, находимъ мы въ депешахъ Англичанъ. Впрочемъ и отношенія были иныя: у Саксонцевъ очевидно играютъ не малую роль и личное самолюбіе, оскорбляемое ихъ второстепеннымъ положеніемъ въ дипломатическомъ корпусѣ, и накопившаяся горечь отъ постоянно неудачныхъ представленій въ пользу своего курфирста, вздыхавшаго о польской коронѣ; государыня не удостоиваетъ ихъ своимъ обществомъ; министры ея также не считаютъ нужнымъ входить съ ними въ большія объясненія; для сообщеній своихъ они не могутъ пользоваться извѣстіями изъ первыхъ рукъ и поневолѣ должны часто довольствоваться слухами. Между тѣмъ англійскіе дипломаты, это люди высокопоставленные, прекрасно образованные, постоянно обращающіеся между русскими министрами и часто пользующіеся обществомъ императрицы. Для образца ихъ корреспонденціи приведемъ разговоръ съ Екатериною Фокнера (изъ его депеши отъ 2 іюня 1791 года.). Императрица много распрашивала его объ англійской королевской фамиліи, а также о нѣкоторыхъ лицахъ правительства и оппозиціи. Потомъ она перешла къ Французской революціи, и сказала, что не можетъ понять, какимъ образомъ эта революція находитъ защитниковъ въ Англіи, между которыми, къ ея великому удивленію, встрѣчается и такой человѣкъ какъ Фоксъ. Поэтому поводу она съ большимъ чувствомъ заговорила о своихъ подданныхъ, объ ихъ преданности и о своей обязанности сдѣлать для нихъ все. что̀ можетъ. За тѣмъ она распространилась въ похвалахъ своему старшему внуку Александру, и называла его ангеломъ въ человѣческомъ образѣ. Но собесѣдникъ ея ясно видѣлъ, что Екатерина избѣгала разговора о Турецкой войнѣ, а равно и о щекотливыхъ отношеніяхъ Англіи и Россіи (по поводу той же войны, т. е. Восточнаго вопроса). Она только позволила себѣ маленькій намекъ на Англичанъ; по крайней мѣрѣ такъ понялъ Фокнеръ. А именно, ея собачка залаяла на какого-то ребенка, игравшаго въ саду; ребенокъ испугался; императрица постаралась его успокоить, и, оборотясь къ Фокнеру сказала: „Собаки, которые лаютъ, не всегда кусаются."

Англійская дипломатія не чуждается также критики главныхъ дѣятелей и разныхъ придворныхъ отношеній; но дѣлаетъ это съ бо̀льшимъ тактомъ и съ бо̀льшею основательностію, нежели дипломатія саксонская. Для примѣра можно было бы указать на декабрьскія депеши 1796 года, Вильяма Этона, гдѣ заключаются общія характеристики Екатерининскаго царствованія и нѣкоторыхъ ея министровъ. Укажу также на

депешу Витворта $^{20}/_{31}$ генваря 1794 г. Изображая плохое состояніе нашихъ финансовъ, Витвортъ высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Россія начала новую войну съ Турціей; но при завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи нельзя за это поручиться. „Впрочемъ—прибавляетъ онъ—можетъ быть, къ счастію для остальной Европы, здѣсь все еще пріобрѣтеніе земель считаютъ за пріобрѣтеніе силы“.

Д. Иловайскій.

ПРОТОКОЛЪ
ДВАДЦАТАГО АРЗАМАССКАГО ЗАСѢДАНІЯ (*)

Мѣсяцъ Травный, нахмурясь, престолъ свой отдалъ Изоку (1).
Пылкій Изокъ появился, но пасмуренъ, хладенъ, насупленъ.
Былъ онъ отцемъ посаженымъ у мрачнаго Грудня. Груденъ, извѣстно,
Очень давно за Зимой волочился; теперь ужь они обвѣнчались.
Съ свадьбы Изокъ принесъ два дождя, пять лужъ, три тумана,
(Радъ ли, не радъ ли, а надобно было принять ихъ въ подарокъ).
Онъ разложилъ предъ собою подарки и фыркалъ. Межь тѣмъ собирался
Тихо на берегѣ Карповки (славной рѣки, гдѣ не водятся карпы;
Гдѣ по преданью Карпъ-Богатырь кавардакъ по субботамъ
Ѣлъ, отдыхая отъ славы), на берегѣ Карповки славной (2)
Въ семь часовъ ввечеру Арзамасъ двадесятый, подъ сводомъ
Новосозданнаго Храма, на коемъ начертано имя
Вѣщаго Штейна, породой Германца, душей Арзамасца.
Сѣлъ Арзамасъ за столъ съ величавостью скромной и мудрой насѣдки,
Сѣлъ Арзамасъ — и явилось въ тотъ мигъ небывалое чудо:
Нѣчто пузообразное, пупомъ вѣнчанное вздулось,
Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей Арфы (3) стало бурчанье.
Члены смутились. *Рейнъ* (4) дернулъ за кофту *Старушку* (5).
Съ страшной перхотой *Старушка* бросилась въ руки *Варвику* (6).
Журка (7) клюнулъ *Пустынника* (8), тотъ за хвостъ *Асмодѣя* (9).
Началъ бодать *Асмодѣй Громобоя* (10), а этотъ облапилъ

(*) Читатели Русскаго Архива довольно знакомы съ такъ называемымъ Арзамасскимъ обществомъ. Живая, искренняя веселость и шутка, почти всегда граціозная, составляли обычное содержаніе этихъ литературныхъ собраній. Одному изъ членовъ Арзамаса, князю Петру Андреевичу Вяземскому, обязаны мы за сообщеніе печатаемаго здѣсь стихотворнаго протокола, который сочиненъ секретаремъ Арзамаса „Свѣтланою-Жуковскимъ.“ Сколько намъ извѣстно, двадцатое засѣданіе было однимъ изъ послѣднихъ и происходило въ 1817 году.

П. Б.

(1) Славянскія названія мѣсяцевъ (Травный—апрѣль, Изокъ—іюнь, и ниже Груденъ · ноябрь) напоминали славянщину Шишкова и Бесѣду любителей Россійскаго слова, надъ которыми постоянно шутили Арзамасцы.

(2) Т. е. на дачѣ С. С. Уварова, подъ Пет. рбургомъ. Тамъ была выстроена бесѣдка, посвященная славному Штейну, съ коимъ хозяинъ близко познакомился въ его бытность въ Россіи (1812) и съ коимъ находился въ перепискѣ. (3) Т. е. Эоловой Арфы—Арзамасское прозвище А. И. Тургенева. Жуковскій много шутилъ надъ его полнымъ сложеніемъ. (4) М. Ѳ. Орловъ. (5) Уваровъ. (6) Н. И. Тургеневъ.

(7) Сокращенное прозвище Ф. Ф. Вигеля — Ивиковъ Журавль. У Вигеля былъ долгій носъ, и впослѣдствіи Жуковскій, по поводу его Записокъ, говорилъ ему, что онъ какъ журавль запускаетъ носъ въ болото прошедшаго и вытаскиваетъ оттуда всякую дичь. (8) Д. А. Кавелинъ. (9) Кн. П. А. Вяземскій.

(10) С. П. Жихаревъ.

Сморщась, какъ дряхлый сморчокъ, *Свѣтлану*. Одна лишь *Кассандра* ([1])
Тихо и ясно, какъ пень благородный съ своимъ протоколомъ,
Ушки сжавши и рыльцо поднявъ къ милосердому небу,
Въ креслахъ сидѣла.—„Уймись, Арзамасъ! возгласила Кассандра,
Или гармонія пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
Тише ль бурчало оно въ часы пресыщенья, когда имъ
Водка, селедка, конфекты, котлеты, клюква и брюква
Быстро, какъ вѣчностью годы и жизнь, поглощались?
Знай же, что нынѣ пузо бурчитъ и хлебещетъ не даромъ!
Мнѣ—Делфійскій треножникъ оно. Прорицаю, внимайте!“
Взлѣзла Кассандра на пузо, сѣла Кассандра на пузѣ.
Стала съ пуза Кассандра, какъ древле съ вершины Синая
Вождь Моисей ко Евреямъ, громко вѣщать къ Арзамасцамъ:
„Братья-друзья Арзамасцы! Въ пузѣ Эоловой Арфы
Много добра. Не однѣ въ немъ кишки и желудокъ.
Близко пуза, я чувствую, бьется, копышется сердце!
Это сердце, какъ Весты лампада, горитъ не сгарая.
Бродитъ, я чувствую, въ темномъ Дедалѣ по близости пуза
Честный отшельникъ—душа; она въ своемъ заточеньи
Всѣ отразила прельщенія бѣсовъ и *душиста добротой*
(Такъ говоритъ объ ней Николай Карамзинъ, нашъ историкъ).
Слушайте жь, вотъ что душа изъ пуза инкогнито шепчетъ:
Полно тебѣ, Арзамасъ, слоняться бездѣльникомъ! Полно
Намъ, какъ портнымъ, сидѣть на каткѣ и шить на Халдеевъ,
Сгорбясь, дурацкія шапки изъ пестрыхъ лоскутьевъ Бесѣдныхъ.
Время проснуться! Я вамъ примѣръ. Я бурчу, забурчите жь,
Братцы, и вы, и съ такой же гармоніей сладкой. Время,
Время летитъ. Насъ доселѣ сбирала безпечная шутка;
Нѣсколько ясныхъ минутъ украла она у безплодной
Жизни. Но что же? Она ужь устала, иль скоро устанетъ!
Смѣхъ безъ веселости только кривлянье! Старыя шутки —
Старыя дѣвки! Время прошло, когда по слѣдамъ ихъ
Рой обожателей мчался! Теперь позабыты! Въ морщинахъ,
Зубы считаютъ, въ разладѣ съ собою, мертвы не живши.
Бойся жь и ты, Арзамасъ, чтобъ не сдѣлаться старою дѣвкой.
Слава—твой обожатель! Скорѣе бракомъ законнымъ
Съ ней сочетайся! Иль будешь бездѣтенъ, иль, что̀ еще хуже,
Будешь имѣть дѣтей незаконныхъ, не признанныхъ ею,
Свѣтомъ отверженныхъ, жалкихъ, тебѣ самому въ посрамленье.
О Арзамасцы! Всѣ мы судьбу испытали. У всѣхъ насъ
Въ сердцѣ хранится добра и прекраснаго тайна. Но каждый,
Жизнью своей охлажденный, къ сей тайнѣ ужь вѣру теряетъ.
Въ каждомъ душа, какъ свѣтильникъ, горящій въ пустынѣ,
Свѣтъ одинокій окрестныя мглы не освѣтитъ. Напрасно
Намъ онъ горитъ, онъ лишь мрачность для нашихъ очей озаряетъ.
Что за отрада намъ знать, что гдѣ-то въ такой же пустынѣ
Также тускло и тщетно братскій пылаетъ свѣтильникъ?
Намъ отъ того не свѣтлѣе! Ближе, друзья! чтобъ другъ друга
Видѣть въ лицо и, сливши пламень души (неприступной

[1]) (Гр.) Д. Н. Блудовъ.

Хладу убійственной жизни), достоинства первое благо
(Если ужь счастья нельзя) сохранить посреди измѣненья!
Вмѣстѣ, великое слово! *Вмѣстѣ*, твердитъ унывая
Сердце, жадное жизни, томяся безплоднымъ стремленьемъ.
Вмѣстѣ! Оно воскреситъ намъ наши младыя надежды.
Что̀ мы розно? Одинъ, увлекаемъ шумнымъ потокомъ
Скучной толпы, въ мелочныхъ затерялся заботахъ. Напрасно
Ищетъ себя, онъ чуждъ и себѣ и другимъ; каменѣетъ,
Къ мертвому рабству привыкнувъ, и, цѣпи свои презирая,
Ихъ разорвать не стремится. Другой, потерявъ невозвратно
Въ мигъ единый все, что̀ было душою полжизни,
Вдругъ межъ развалинъ одинъ очутился и новаго зданья
Строить не смѣетъ; и еслибъ смѣлъ, то гдѣ жь ободритель
Дерзкій создатель-Младость, сестра Вдохновенья? Надъ грудой развалинъ
Молча стоитъ онъ и съ трепетомъ смотритъ, какъ Геній унывши
Свой погашаетъ свѣтильникъ. Иной самому себѣ незнакомецъ,
Полный жизни мертвецъ, себя и свой даръ загвоздившій
Въ гробъ, имъ самимъ сотворенный, бьется въ своемъ заточеньи:
Силенъ свой гробъ разломить, но силѣ не вѣритъ—и гибнетъ.
Тотъ, великимъ желаньемъ волнуемый, силой богатый,
Радъ бы разлить по вселенной, въ сіяньи ль, въ пожарѣ ль, свой пламень;
Къ смѣлому дѣлу сзываетъ дружину, но... голосъ въ пустынѣ.
Отзыва нѣтъ! О братья, предъ нами во дни upованья
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали разстилалась.
Близкимъ стало далекое! Что же? Предъ темной завѣсой,
Вдругъ упавшей межъ нами и жизнію, каждый стоитъ безнадеженъ;
Часто трепещетъ завѣса, есть что-то живое за нею,
Но рука и поднять ужь ее не стремится. Нѣтъ вѣры!
Будемъ ли жь, братья, стоять предъ нею съ ничтожнымъ покорствомъ?
Вмѣстѣ, друзья, и она разорвется, и путь намъ свободенъ.
Вмѣстѣ—нашъ Геній-хранитель! При немъ благодатная *Бодрость*;
Намъ оно безопасный пріютъ отъ судьбы вѣроломной.
Пусть налетятъ ея бури, оно для насъ уцѣлѣетъ!
Съ нимъ и *Слава*, не рабскій криковъ толпы повторитель,
Но свободный судья современныхъ, потомства наставникъ.
Съ нимъ *Награда*, не шумная почесть, гремушка младенцевъ,
Но священное чувство достоинства, внятный не многимъ
Голосъ души, и съ голосомъ избранныхъ, лучшихъ согласный.
Съ нимъ жизнодательный *Трудъ* съ безкорыстною цѣлью *для пользы*,
Съ нимъ и великій Геній: Отечество. Такъ, Арзамасцы!
Тамъ, гдѣ во имя Отечества двѣ руки во едину
Слиты, тамъ и оно соприсутственно. Братья! дайте же руки!
Все минувшее, все что̀ въ честь ему нѣкогда жило,
Съ славнаго Царскаго Трона, и съ тихой обители сельской,
Съ поля, гдѣ жатва на пепелѣ падшихъ цвѣтетъ.
Съ гроба пѣвцовъ, съ великанскихъ кургановъ, свидѣтелей чести,
Все къ намъ голосъ знакомый возноситъ: Мы нѣкогда жили!
Всѣ мы готовили славу, вы приготовьте потомкамъ!
Вмѣстѣ друзья! Чтобъ потомству нашъ голосъ былъ слышенъ!“
Такъ говорила Кассандра, холя десницею пузо.

Вдругъ наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,
Ей поклонясь, подошли приложиться съ почтеньемъ
Къ пузу въ томъ мѣстѣ, гдѣ пупъ цвѣтетъ лѣсной сыроѣжкой.
Тутъ осанистый Реинъ разгладилъ чело, отъ власовъ обнаженно ([12]),
Важно жезломъ волшебнымъ махнулъ — и явилося нѣчто,
Пышнымъ вратамъ подобное, къ свѣтлому зданью ведущимъ.
Звѣздная надпись сіяла на нихъ: *Журналъ Арзамасскій*.
Мощной рукой врата растворилъ онъ. За ними кипѣли
Въ свѣтломъ хаосѣ призраки вѣковъ; какъ гиганты смотрѣли
Лики славныхъ изъ сей оживленныя тучи; надъ нею
Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ неслось
Въ свѣжемъ гражданскомъ вѣнкѣ Божество: *Просвѣщенье*
Къ грозной и мирной богинѣ *Свободѣ*. И всѣ Арзамасцы,
Пламень почуя въ душѣ къ вратамъ побѣжали... Все скрылось.
Реинъ сказалъ: Потерпите, голубчики! Я еще не достроилъ;
Будетъ вамъ домъ, а теперь и воротъ однихъ для васъ довольно.
Члены, зная, что Реинъ искусный строитель, утихли,
Сѣли опять по мѣстамъ, и явился, клюкой подпираясь,
Самъ Асмодѣй. Погонялъ онъ бичемъ Мериносовъ Бесѣды.
Важенъ предъ стадомъ тащился старый баранъ, волочившій
Тяжкій курдюкъ на скрыпящихъ колесахъ,—Шишковъ сѣдорунный;
Рядомъ съ нимъ Шутовской, овца брюхатая, охалъ.
Важно везъ назади оселъ Голенищевъ-Кутузовъ
Тяжкій съ притчами возъ, а на козлахъ Мартышка
Въ буркѣ, Графъ Дмитрій Хвостовъ, тряслась, и кобенясь на дышлѣ,
Скромно висѣлъ въ чемоданѣ домашній Тусканчикъ Вздыхаловъ.
Стадо загнавши, воткнулъ Асмодѣй на вилы Шишкова,
Отдалъ честь Арзамасу и началъ китайскія тѣни
Членамъ показывать. Въ первомъ явленьи предстала
Съ кипой журналовъ Политика, ротъ зажимая Цензурѣ,
Старой кокеткѣ, которую тощій гофмейстеръ Яценко ([13])
Вѣжливо подъ руку велъ нестерпимый Духъ издавая.
Въ слѣдъ за Политикой вышла Словесность. Платье богини
Радужнымъ цвѣтомъ сіяло, и слѣдомъ за ней ея дѣти:
Съ лирой, въ вѣнкѣ изъ лавровъ и розъ, Поэзія-дѣва
Шла впереди; вкругъ нея какъ крылатыя звѣзды летали
Свѣтлыя пчелы, медъ свой съ цвѣтовъ чужихъ и домашнихъ
Въ даръ ей собравшія. Объ руку съ нею поступью важной
Шла благородная Проза въ длинной одеждѣ. Смиренно
Хвостъ ей несла Грамматика, старая нянька (которой,
Сѣвъ въ углу на словарь, Академія дѣлала рожи).
Свита ея была многочисленна; въ ней отличался
Важный маляръ Демидъ Арзамасецъ. Онъ кистью, какъ древле
Тростью Цирцея, махалъ и предъ нимъ, какъ изъ дыма, творила
Лица, изъ видовъ заемныхъ въ свои обращенныя виды.
Все покорялось его всемогуществу: даже Бесѣда

([12]) Такова была дѣйствительно прекрасная голова М. Ѳ. Орлова. Онъ, какъ извѣстно, предлагалъ Арзамасцамъ издавать журналъ и при томъ не безъ политическаго оттѣнка. ([13]) Извѣстный тогдашній цензоръ, самъ издававшій *Духъ* Журналовъ.

Вѣжливой чушкою лѣзла, пыхтя изъ подъ докторской ризы.
Третья дочь Словесности: Критика съ плетью, съ метелкой
Шла, опираясь на Вкусъ и смѣлую Шутку; за нею
Князь Тюфякинъ несъ на закоркахъ Театръ, и нещадно
Кошками сѣкли его Піериды, твердя: не дурачься.
Смѣсь послѣдняя вышла. Передъ нею Музы тащили
Чашу большую съ ботвиньей; тамъ все переболтано было:
Пушкина мысли, вѣсти о курахъ съ лицомъ человѣчьимъ (14),
Письма о бѣдныхъ къ богатымъ, старое зà-ново съ новымъ.
Быстро тѣни мелькали предъ взорами членовъ одна за другою.
Вдругъ все исчезло. Члены захлопали. Вилы предъ ними
Важно склонилъ Асмодѣй, и, стряхнувъ съ нихъ Шишкова,
Въ уголъ толкнулъ сего Мериноса; онъ комомъ свернулся,
Къ стѣнкѣ прижался, и молча глазами вертѣлъ.—Совѣщанье
Начали члены. Пріятно было послушать, какъ вмѣстѣ
Всѣ голоса слилися въ одну безтолковщину. Бѣгло
Своимъ язычкомъ работàла Кассандра. Реинъ
Громко шумѣлъ; Асмодѣй воевалъ на Свѣтлану; Свѣтлана
Бѣгала взадъ и впередъ съ протоколомъ; впившись въ Старушку,
Крикомъ кричалъ Громобой, упрямясь родить анекдотецъ.
Арфа курныкала пѣсни. Пустынникъ возился съ Варвикомъ.
Чѣмъ же сумятица кончилась?—Дѣломъ: Журналъ состоялся.

(14) Описаніе курицы, имѣющей въ профилѣ фигуру человѣка. М. 1815. 8°. Книга эта находится въ Чертковской библіотекѣ.

ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО КЪ Д. В. ДАШКОВУ. (1)

Здравствуй, чурка! (2) Естли ты дуешься на меня за мое неотвѣчаніе на два письма твои, то перестань; раздуетъ тебя горой, и Шаховской подумаетъ, что ты опился Липецкихъ водъ: а это будетъ непріятно для Арзамаса. Я не отвѣчалъ тебѣ на первое письмо отъ лѣни; а на другое отъ того, что оно доплыло въ Дерптъ весьма поздно и что я уже не надѣялся застать тебя въ Рязани, и, собираясь въ Петербургъ, думалъ увидѣться съ тобою тамъ—не тутъ то было! Чортъ насъ развелъ! Надобно признаться, что этотъ чортъ любезенъ въ однихъ только моихъ балладахъ и въ одной слѣдующей фразѣ: чортъ побери Бесѣду и Шутовскаго! Наконецъ скажи жъ мнѣ, чурочка, гдѣ ты? Въ Петербургѣ ли и что дѣлаешь? Естьли еще ничего не дѣлаешь, то

(1) Печатается съ собственноручнаго подлинника, который сохранился въ бумагахъ Д. В. Дашкова, и обязательно сообщенъ намъ сыномъ его, Дм. Дм. Дашковымъ. Письмо писано (изъ Дерпта, гдѣ жилъ Жуковскій), и, какъ надо думать, въ 1817 году. Издавая нѣкогда въ Москвѣ Вѣстникъ Европы, Собраніе образцовыхъ сочиненій и много разныхъ книгъ переводныхъ, Жуковскій въ это время еще не отвыкъ отъ литературныхъ предпріятій. Изданіе, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, не состоялось. Важно то, что Жуковскій хотѣлъ и предлагалъ обратить къ практическому дѣлу силы Арзамасскаго кружка. Надо сказать, что Д. В. Дашковъ быть младшимъ товарищемъ Жуковскаго по Московскому университетскому пансіона, гдѣ, какъ мы слышали, порученъ былъ своими родителями дружескому попеченію молодаго Жуковскаго. П. Б.

(2) Д. В Дашковъ въ Арзамасскомъ обществѣ носилъ прозвище Чу!

примемся вмѣстѣ за дѣло! Вотъ мое предложенiе: имѣю благое намѣренiе, по поводу даннаго мнѣ отъ природы великаго таланта, выдавать ежегодно по двѣ малыя книжки и хочу, чтобы ты былъ мой соиздатель. Одна изъ сихъ малыхъ книжекъ должна состоять вся изъ однихъ русскихъ сочиненiй въ стихахъ и прозѣ (переводы въ стихахъ позволяются); другая должна быть не иное что, какъ собранiе переводовъ изъ образцовыхъ *нѣмецкихъ* писателей, такъ же въ стихахъ и прозѣ. Каждая должна имѣть форму нѣмецкихъ альманаховъ, выходить въ началѣ года, имѣть неболѣе 10 листовъ въ 12 долю малаго формата, слѣд. 240 страницъ, быть украшенною: первая, то есть русская, 6 картинками и имѣть красивую обвертку; а послѣдняя, при такой же красивой оберткѣ, имѣть одинъ только гравированный титулъ съ портретомъ одного изъ нѣмецкихъ поэтовъ или прозаистовъ. Чтобы все это могло быть во время исполнено, надлежитъ приготовляться заранѣе и такъ·

I-я. Русская книжка.

1-е. Я бы назвалъ ее Аониды; она бы была продолженiемъ Аонидъ Карамзина съ тою отмѣною, то въ нее входила бы и проза Или не хочешь ли остаться при нашей покойной *Мнемозинѣ*?

2-е. *Картинки*. Это надобно приготовить заранѣе. Полагаю 6. Рисовальщикомъ можетъ быть Монферранъ. Сюжеты: три вида Петербурга или Павловска и три картинки изъ балладъ моихъ, на пр: изъ Адельстана, Эоловой арфы и Ахилла. Титулъ можетъ быть и безъ виньеты, а просто гравированный. На обвертку что нибудь приличное титулу.

3-е. *Содержанiе. Ты: Обозрѣнiе литературы 1817* (статья постоянная и тебѣ принадлежащая), *Разговоръ*, который ты уже давно началъ; кончилъ ли, не знаю. Что еще, соблаговолишь написать, не вѣдаю; но воля твоя да будетъ. *Я*. Сказка въ прозѣ, которой сюжетъ уже готовъ. Два отрывка въ прозѣ, также готовы (въ головѣ) Первая половина Ундины (³) въ стихахъ.—Съ меня довольно.

4-е. *Сотрудники*.

Вяземскiй } Стихи и проза.
Батюшковъ }

Воейковъ. Посланiе къ женѣ и друзьямъ, но весьма исправленное.

Пушкинъ (Александръ). Онъ обѣщалъ мнѣ доставить свои рукописи. Твое дѣло послать къ нему за ними и ихъ ко мнѣ переслать. Не замедли.

Блудовъ. О Италiанской литературѣ. отрывки изъ записокъ (вырви эту статью изъ его лапъ и пришли ко мнѣ. Отъ него не добьешься. Эти отрывки прекрасные, а онъ кобенится и жмется.)

Сѣверинъ. Воспоминанiя о Францiи, Англiи и Италiи (заставь его написать эту статью. Онъ мнѣ обѣщалъ и вѣрно сдержитъ слово.

Пушкинъ Вотъ я васъ опять (⁴)

Никита Муравьевъ. У него будутъ вѣрно готовы отрывки историческiе. Нѣсколько басень Крылова. Вѣрно, что нибудь еще получу и отъ Мещевскаго (⁵)

NB Есть ли къ тому времени не напечатается новое изданiе сочиненiй

(³) И такъ вотъ когда Жуковскiй уже думалъ объ Ундинѣ. Онъ напечаталъ ее въ 1837 году.

(⁴) Т. е. Василiй Львовичь. Онъ сначала назывался въ Арзамасѣ словомъ *Вотъ*. Потомъ, съ 1816 г., когда онъ обидился шутками Арзамасцевъ и по этому поводу написалъ къ нимъ извѣстное посланiе, — его стали звать *Вотъ я васъ!* Теперь ему новое прозвище: *Вотъ я васъ опять!*

(⁵) Сличи Р. Арх. 1867, стр. 811—818.

Муравьева, то тамъ есть много новаго для поживы. Все, и содержаніе и картинки (выгравированныя совсѣмъ) должно быть готово къ началу Августа. На Вяземскаго, Батюшкова, Сѣверина и Ал. Пушкина понадѣяться можно: у послѣдняго много готово, а тѣ приготовятъ вѣрно.

Мы будемъ работать. Одинъ Блудовъ опасенъ; а его статьи капитальныя. Стой за нимъ съ розгою (6) и бей его не на животъ, а на смерть. Говорятъ, что Дмитріевъ что-то написалъ—смотри голубчикъ, эта святыня должна быть наша. Его новыя статьи могутъ быть вмѣсто чудотворнаго образа, который заманитъ молельщиковъ въ нашу часовню.—Обдумай все это и естьли рѣшишься, то задавай рисовать и потомъ гравировать картинки—отъ нихъ можетъ быть главное замедленіе.

5-е. *Печатать.* Это знаетъ Кавелинъ(7). Деньги могутъ быть употреблены мои. По выручкѣ ихъ, остальное по поламъ

II-я, Нѣмецкая книжка.

За нею хлопотъ не много: матеріалы готовы, садиться и переводить.

Матеріалы вообще.

Проза

Гете. Römischer Carneval. Märchen. Отрывки: Reisen nach Italien. Werther's Briefe über die Schweiz. Aus meinem Leben.

У меня онъ полный.

Гердеръ. Paramifhien. Ueber Volkssagen. Ueber Legenden. Ueber Wissen und Nichtwissen der Zukunft. Blicke in die Zukunft. Ueber das Schicksal. Изъ Адрастеи. NB. У меня есть его всѣ сочиненія.

Шиллеръ. Ueber Völkerwanderung. Изъ Geschichte des Abfalls der Niederlande.

Тикъ. Изъ Фантазуса. Elfen. Der Pokal. Liebeszauber. Der blonde Ecbert. Изъ Штерндбальда.

Лам. Фуке. Изъ Erzählungen. (Многое множество прекраснаго)

J. Paul. J. Pauls Geist. Одни отрывки. Цѣлаго невозможно

Wandsbecker Boten-Schriften. (Claudius.)

Lichtenbergs Schriften.

Jacobi's Schriften.

Hebel. Schatzkästlein. Анекдоты. Weltsystem для поселянъ

Novalis. Der Poet. Erzählung (прекрасно)

Шлегель отрывки изъ драматургіи.

Тюммель. Reisen in Frankreich

Гарве, Энгель, Г. Миллеръ, Шубертъ, Фихте, Гумбольдтъ.

Вагнеръ. St. Hubertus-Jagd. Сказки.

Для поэзіи—выборъ мое дѣло

Содержаніе первой книжки.

Поэзія и моя часть прозы.

Demetrius der Falsche (отрывокъ начатой Шиллеровой трагедіи) перевести тѣми же стихами, какъ и въ оригиналѣ, ямбами безъ риѳмъ. Наши критикусы зарычатъ. но пусть рычатъ.

Der Garfunkel } изъ Гебеля, пере-
Der Habermus } ведены.
Die Vergänglichkeit изъ Гебеля.
Der Wanderer изъ Гёте.

Неожиданное свиданіе и нѣсколько анекдотовъ изъ Гебеля, въ прозѣ, Сказку изъ Ламотъ-Фуке.

Твоя часть.

Парамиѳіи

Свифтово разсужденіе о помелѣ. Изъ Якоби о Шиллеровыхъ трагедіяхъ

(6) Это напоминаетъ стихъ Пушкина въ его вступительномъ привѣтствіи Арзамасу: Съ гремушкой, розгою и лаврами въ рукѣ!

(7) При медицинскомъ департаментѣ, гдѣ тогда служилъ Д. А. Кавелинъ, была одна изъ лучшихъ Петербургскихъ типографій.

(изъ Шлегелевой драматургіи, можешь взять эту книгу у Греча).

Märchen изъ Гёте.

Исторія нѣмецкой литтературы (сокращенный переводъ изъ Conversations-Lexicon. Можно одну только половину, окончаніе въ другихъ книжкахъ.)

NB прилагать краткія извѣстія о тѣхъ авторахъ, изъ которыхъ будемъ брать статьи. Это мое дѣло.

Къ первой книжкѣ на гравированномъ титулѣ портретъ Шиллера. Это я здѣсь могу заказать Зенеру.

Но какой титулъ? Не назвать ли *Тевтона?*

Отвѣчай на это письмо скорѣе. Естьли согласишься, то принимайся за работу. Я пришлю тебѣ Якоби ты переведешь назначенную статью, можетъ быть и еще что нибудь выберешь; какъ скоро кончишь, возврати; я доставлю тебѣ Гёте (Märchen) и Conversations-Lexicon. Свою же часть постараюсь кончить къ концу марта. Потомъ примусь за составленіе Русской книжки. Между тѣмъ заставлю гравировать Шиллеровъ портретъ. Книжка должна состоять изъ 10 листовъ (140 стр.) не болѣе. Со временемъ — можетъ быть прекрасное собраніе. Для второй книжки хочется перевесть Hermann und Dorothea. Тогда вся уже проза на твоихъ рукахъ. Можно будетъ: двѣ сказки изъ Фуке и Тика, о Судьбѣ изъ Гердера, мелкіе отрывки изъ Поля, изъ Шлегеля о Шекспирѣ и пр. и пр. прости. Отвѣчай же.

ЕЩЕ РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОЖАРѢ

1837 года.

М. Г. Вамъ угодно было имѣть еще нѣкоторыя подробности о несчастномъ событіи 17-го декабря 1837 года, въ дополненіе къ отпечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ (1865, изд. 2-е, стр. 1179—1204) „Разсказамъ очевидцевъ о пожарѣ Зимняго Дворца“.

Состоя въ званіи флигель-адъютанта при покойномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ, я въ этотъ день былъ дежурнымъ, и послѣ развода, принявъ отъ прежняго дежурнаго поданныя на высочайшее имя прошенія, прибылъ въ дежурную комнату, гдѣ, по заведенному порядку, составивъ прошеніямъ опись, въ запечатанномъ конвертѣ передалъ ихъ камердинеру его величества. Между тѣмъ въ залахъ дворца собирались рекруты и нижніе чины, назначенные въ гвардію, для осмотра ихъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. По всѣмъ заламъ бѣгали скороходы съ курильницами. Запахъ куренья и запахъ казарменный отъ собранныхъ болѣе тысячи нижнихъ чиновъ, заглушали тотъ дымный запахъ, который, какъ расказывала впослѣдствіи, дворцовая прислуга, былъ уже нѣсколько дней слышенъ, особенно въ фельдмаршальской залѣ. По окончаніи осмотра, я возвратился въ дежурную комнату, гдѣ безвыходно оставался до вечера. Въ исходѣ 7 часа пришли мнѣ сказать, что государь изволитъ ѣхать въ театръ. Я позвалъ своего камердинера, который находился въ сосѣдней комнатѣ, чтобы почистить мундиръ, и приказалъ подавать дежурную флигель-адъютантскую тройку. Едва человѣкъ мой вышелъ отъ меня, какъ тотъ же часъ возвратился съ испуганнымъ лицомъ, говоря, что изъ-за печки показался дымъ. Я пошелъ въ его комнату и увидалъ, что изъ-за печки, отстоящей вершка на два отъ стѣны, шла тонкая струя дыма. Я вышелъ въ коридоръ,

послалъ за начальникомъ дворцовой пожарной команды, а между тѣмъ побѣжалъ въ нижній этажъ, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли еще опаснѣйшихъ признаковъ въ отдѣленіи архива, находившагося непосредственно подъ дежурной комнатой. Дверь туда была заперта; я велѣлъ оную выбить и, не найдя ничего особеннаго, спустился въ подвальный этажъ, въ лабораторію, гдѣ уже было нѣсколько человѣкъ дворцовой пожарной команды. Причина тревоги, казалось, объяснилась. Лабораторія находилась въ небольшой со сводами комнатѣ, гдѣ для приготовленія лекарствъ устроена плита, а надъ плитой желѣзный шатеръ; но такъ какъ шатеръ не мѣшалъ распространяться дурному запаху по комнатѣ, то не нашли ничего лучшаго какъ пробить въ дымовой трубѣ, подъ шатромъ, дыру, въ которую бы вмѣстѣ съ дымомъ уносились испаренія лекарствъ. Вмѣстѣ съ этими испареніями уносилась и теплота изъ комнаты, такъ что прислуга, ночевавшая тутъ, страдала отъ холоду, и потому придумала на ночь затыкать дыру рогожкой. Рогожка эта проваливалась, и послѣдствіемъ этого было то, что и прежде сажа загоралась и выкидывало изъ трубы. 17-го декабря повторилось тоже самое: также прочистили трубу, и при мнѣ шаръ съ метелкой трубочиста показался въ сдѣланномъ надъ плитой проломѣ. Дымъ въ комнатѣ сосѣдней съ флигель-адъютантскою прекратился, все успокоилось, и я побѣжалъ доложить о томъ государю; но въ это время государь сошелъ къ императрицѣ. Я побѣжалъ на Салтыковскій подъѣздъ, но государь съ императрицей уже поѣхали въ театръ, куда я тоже отправился. Пріѣхавъ въ театръ, я пошелъ въ боковую царскую ложу, чтобы доложить государю; но въ это время прибылъ изъ дворца министръ императорскаго двора князь Волконскій и сказалъ мнѣ, что докладывать не нужно, что все слава Богу кончилось благополучно. Но не такъ благополученъ оказался исходъ.

Вѣроятно, какъ пишетъ г. Барановичъ (*) огонь пробилъ въ незадѣланную отдушину бывшаго втораго этажа до перестройки фельдмаршальской залы, еще въ прежнюю выкидку изъ трубы, проходящей отъ лабораторіи и запалъ въ пространствѣ между деревянной стѣной фельдмаршальской залы и капитальной. Деревянная стѣна начала тлѣть, и по этой причинѣ былъ ощущаемъ дымный запахъ, о которомъ говорила дворцовая прислуга. Чтобы лучше объяснить, какъ это могло случится, надо сказать, что до постройки фельдмаршальской залы это отдѣленіе было двухъэтажное: нижній этажъ состоялъ изъ комнаты для дежурнаго генералъ-адъютанта, караульной комнаты для караула отъ легкой кавалеріи и передней, въ верхнемъ же были комнаты для фрейлинъ; все это составляло неправильный параллелограмъ; изъ комнатъ образовалось одна великолѣпная зала, но чтобы дать ей видъ правильный, возвели въ вышину всей залы деревянную стѣну. По недосмотру производителя работъ, отдушина печки бывшаго верхняго этажа была не задѣлана кирпичемъ и, какъ сказано выше, горящая сажа, а можетъ быть и горящіе остатки рогожъ, которыми затыкали отверстіе въ лабораторіи, попала въ промежутокъ между двухъ стѣнъ и зажгла деревянную, которая, можетъ быть, нѣсколько дней тлѣла, и наконецъ огонь пробилъ себѣ выходъ въ томъ углу залы, гдѣ было большое пространство между стѣнами деревянной и каменной, именно надъ залой Петра Великаго.

Черезъ полчаса не болѣе по пріѣздѣ моемъ въ театръ, по окончаніи перваго дѣйствія балета „Влюбленная Баядерка“, прискакалъ ко мнѣ изъ дворца истопникъ и съ испуганнымъ лицемъ объявилъ, что дымъ показался въ фельдмаршальской залѣ. Я тотчасъ же поскакалъ во дворецъ, гдѣ засталъ оберъ-полицеймейстера генералъ-адъютанта Кокошкина, который поручилъ мнѣ немедлен-

(*) Р. Ар. 1865, изд. 2-е, стр. 1190

но ѣхать доложить государю о предстоящей опасности. По докладѣ моемъ государь приказалъ мнѣ заѣхать въ ближайшую пожарную команду и передать приказаніе выкинуть сигналъ сбора резервовъ всѣхъ частей, но они уже были на мѣстѣ. Когда я возвратился во дворецъ, то нашелъ Государя въ фельдмаршальской залѣ. Пламя пробило себѣ отверстіе на верху, въ углу залы, клубилось и распространялось по всему потолку. Государь былъ увѣренъ, что брантмауры воспрепятствуютъ распространенію огня; они существовали, но къ несчастію были сквозные, сдѣланные арками. Огонь распространялся съ неимовѣрной быстротой, зала за залой обрушивались. О спокойствіи, величіи государя говорить излишне; твердость, съ которой онъ переносилъ всѣ испытанія, посылаемые ему свыше, всѣмъ извѣстна. Онъ лично распоряжался, отдавалъ приказанія, между прочимъ приказалъ мнѣ взять баталіонъ Павловскаго полка, идти на крышу, вскрыть ее надъ концертнымъ заломъ, чтобы дать свободный ходъ дыму и пламени и потомъ остановить дальнѣйшее распространеніе огня по чердаку, а можетъ быть и отстоять комнаты императорскія. Переходъ по крышкѣ былъ самый затруднительный; по чердаку пробрались мы до слуховаго окна, близь чердака малой церкви, и по снѣгу и оледѣнѣвшимъ листамъ добрались до назначеннаго мѣста; плохими ломами и тупыми топорами начали выворачивать листы и, едва поднявъ нѣсколько чрезвычайно толстыхъ желѣзныхъ листовъ, получили приказаніе сойти съ крыши. Все было кончено, и никакой болѣе не было возможности противостоять все пожиравшему пламени. Къ пяти часамъ утра Эрмитажъ былъ въ совершенной безопасности. Ровно черезъ годъ была освѣщена фельдмаршальская зала, и государь приказалъ нарядить дежурными генералъ-адъютанта, генерала свиты и меня, тѣхъ самыхъ, которые были дежурными 17 декабря 1837 года.

Иванъ Лужинъ.

Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующія извѣстія, появившіяся по поводу этого несчастнаго случая (Сѣверная Пчела 1838, № 17 и 31, отъ 21 генваря и 7 февраля).

I.

«Коммиссія, Высочайше учрежденная для разбора вещей, спасенныхъ отъ бывшаго въ Зимнемъ Дворцѣ пожара, оканчивая возложенное на нее порученіе, доводитъ до свѣдѣнія, что все вынесенное изъ Дворца имущество, которое сложено было частью въ Адмиралтействѣ, частью въ зданіи Главнаго Штаба и Экзерциргаузѣ, по разобраніи и приведеніи въ порядокъ, сдано уже ею въ разныя придворныя вѣдомства, именно: собственное императорскихъ особъ, въ комнаты ихъ императорскихъ величествъ и ихъ императорскихъ высочествъ; серебро, въ томъ числѣ придворные сервизы, въ кабинетъ его величества; бронзы, занавѣсы, штофы и другія драгоцѣнныя матеріи (въ цѣльныхъ кускахъ болѣе 7000 аршинъ) въ кладовыя гофъ-интентскаго вѣдомства; фарфоровыя вазы и всѣ мебели, вынесенныя изъ осьмидесяти комнатъ, въ Таврическій Дворецъ, гдѣ послѣднія расположены въ особомъ порядкѣ, такъ какъ находились по комнатамъ Зимняго Дворца. Сверхъ того вынесено изъ Дворца, во время пожара, множество вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, которыя розданы уже по принадлежности.

Кромѣ всего означеннаго имущества, подлежавшаго разбору Коммиссіи, спасены отъ пожара и находятся въ совершенной цѣлости: изъ Дворцовой церкви вся богатая ея утварь, великолѣпная ризница, образа съ ихъ дорогими окладами, и большая серебряная люстра, по вынесе-

ніи напередъ хранившихся въ церкви святыхъ мощей; императорскій тронъ изъ Георгіевской залы и тронъ въ Бозѣ почивающей императрицы Маріи Ѳеодоровны изъ бывшей тронной комнаты ея величества, съ принадлежащими къ ней литаго серебра люстрами, канделабрами, столами и прочими украшеніями. Съ такимъ же успѣхомъ, по мѣрѣ приближавшейся опасности, были немедленно перенесены изъ Зимняго Дворца, съ величайшемъ порядкѣ и безъ малѣйшаго въ чемъ либо поврежденія, всѣ вообще императорскія регаліи и брилліанты, въ томъ числѣ собственныя ея императорскаго величества государыни императрицы Александры Ѳеодоровны и ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ брилліантовыя вещи. Равнымъ образомъ спасено отъ ярости огня многочисленное собраніе знаменитыхъ портретовъ, напоминающихъ достопамятныя эпохи славы Россіи, именно: изъ Петровской залы картина съ изображеніемъ императора Петра Великаго; изъ военной галереи—портреты: императора Александра I, цесаревича великаго князя Константина Павловича, императора австрійскаго, короля прусскаго, фельдмаршаловъ—князя Кутузова Смоленскаго, князя Барклая-де-Толли, герцога Веллингтона и всѣхъ Россійскихъ генераловъ, находившихся въ отечественной войнѣ 1812 года; а изъ Фельдмаршальской залы всѣ находившіеся въ оной портреты фельдмаршаловъ. Также вынесены благополучно изъ половины государыни императрицы и изъ разныхъ отдѣленій Зимняго Дворца многія драгоцѣнныя картины, зеркала, мраморныя статуи, китайская мебель, собственно отъ комнатъ императрицы Екатерины II, и вообще всѣ сокровища, которыя вмѣщало въ себѣ сіе обширное царственное жилище на неисчислимыя суммы.

Наконецъ остается сказать, что ежели нѣкоторыя вещи и мебели сдѣлались неизбѣжною добычею пламени или потерпѣли поврежденіе, то число таковыхъ, къ счастію, незначительно, и для спасенія оныхъ при быстромъ распространеніи пожара, въ особенности по величинѣ и большой тяжести многихъ изъ нихъ, не представлялось никакой возможности, не взирая на всѣ употребленныя для того усилія».

II.

Въ высочайшемъ указѣ за собственно-ручнымъ его императорскаго величества подписаніемъ, данномъ г. министру внутрен. дѣлъ, 25-го января, 1838 изображено: «Пожаръ, истребившій часть Зимняго Дворца нашего, былъ случаемъ къ новымъ изъявленіямъ усердія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. По доходящимъ до насъ отвсюду свѣдѣніямъ, люди всѣхъ состояній ревнуютъ, каждый по мѣрѣ средствъ своихъ, содѣйствовать добровольными приношеніями возстановленію сего зданія. Сіи приношенія не будутъ нужны; мы не принимаемъ ихъ; но чувства, къ нимъ побуждающія, чувства вѣрноподданнической привязанности къ намъ и престолу, всегда при всякомъ болѣе или менѣе важномъ событіи обнаруживающіяся съ новою силою, глубоко трогаютъ наше сердце. Мы желаемъ, чтобъ сіе было также повсюду извѣстно, и для того повелѣваемъ вамъ чрезъ начальниковъ губерній и губернскихъ предводителей дворянства, которое и въ настоящемъ случаѣ доказало, сколь оно вѣрно

своему назначенію и правилу быть первымъ въ дѣйствіяхъ и примѣрахъ усердія, объявить любезнымъ подданнымъ нашимъ всѣхъ сословій монаршую признательность нашу за сіи знаки ихъ приверженности. Они намъ драгоцѣннѣе вещественныхъ сокровищъ и изящнѣйшихъ произведеній искусства. Мысль о нелицемѣрной, ни въ какихъ обстоятельствахъ непремѣняющейся любви нашихъ вѣрныхъ подданныхъ облегчаетъ для насъ бремя заботъ и трудностей правленія: ибо въ сей любви мы видимъ залогъ и будущаго благоденствія, и славы любезнаго отечества нашего.»

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

и полнаго собранія сочиненій графа Өедора Васильевича Ростопчина.

Графъ Ө. В. Ростопчинъ былъ какъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ людей, такъ и однимъ изъ оригинальнѣйшихъ писателей своего времени.

Между тѣмъ біографическія свѣдѣнія о немъ, у насъ обнародованныя, не вѣрны. Сочиненія же его, напечатанныя въ Полномъ собраніи сочиненій Русскихъ авторовъ Смирдина (одинъ томъ, С. П. Б. 1853), изданы весьма небрежно и неполно, и туда внесена даже пьеса, вовсе не Ростопчинымъ написанная, и именно „Мысли не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго“ (стр. 321).

Цѣль настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы сообщить нѣкоторыя данныя для біографіи Ростопчина, исчислить по возможности все, имъ написанное и попавшее въ печать, но не вошедшее въ Смирдинское изданіе и наконецъ указать нѣкоторыя статьи о немъ и его произведеніяхъ.

I.,

Біографическія данныя.

Василій Өедоровичь Ростопчинъ, отставной маіоръ, зажиточный помѣщикъ Орловскій, Тульскій и Калужскій, женатъ былъ на дѣвицѣ Крюковой, умершей въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1766 году, вскорѣ послѣ рожденія втораго своего сына (имени его мы не знаемъ), который погибъ во время Шведской войны 1789 года. Дочерей у нихъ не было.

Старшій сынъ ихъ (графъ) Өедоръ Васильевичь Ростопчинъ родился въ Москвѣ 12 марта 1763 (по другимъ, менѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ 1765.)

Прохожденіе службы его было слѣдующее:

1775. Пажъ и капралъ л. г. Преображенскаго полка, въ которомъ и состоялъ до 1792 года. 1776 фурьеръ. 1777 сержантъ. 1782 прапорщикъ. 1785 подпоручикъ. 1787 поручикъ. 1789 капитанъ-поручикъ. 1792, февраля 14 камеръ юнкеръ (въ рангѣ бригадира, или 5 класса)

Въ этомъ періодѣ жизни его замѣчательны: 1., Путешествіе въ чужіе краи (1786—1788); 2. Въ концѣ 1788 г. былъ при осадѣ и штурмѣ Очакова и потомъ цѣлый годъ служилъ при Суворовѣ, продолжая числиться въ Преображенскомъ полку; 3., Поѣздка при графѣ Безбородкѣ, когда онъ отправлялся на переговоры о мирѣ съ Турціею (1791) и 4., Сближеніе съ наслѣдникомъ престола, при дворѣ котораго онъ безпрестанно дежурилъ (1792—1796). 1796 Ноября 2, кавалеръ ордена св. Анны 3 степени (пожалованъ отъ Наслѣдника). Ноября 7 бригадиръ и кавалеръ того же ордена 2 степени.

Ноября 8, генералъ маіоръ и генералъ-адъютантъ. Ноября 9, кавалеръ ордена Св. Анны 1 степени.

1797. Апрѣля 5, кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго.

1798. Марта 3, генералъ-лейтенантъ. Вскорѣ отставленъ отъ службы. Авгу-

ста 24, опять принятъ на службу тѣмъ же чиномъ, въ свиту его величества. Октября 17, кабинетъ-министръ по иностраннымъ дѣламъ. Октября 24, дѣйствительный тайный совѣтникъ и третій присутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Декабря 21, командоръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Декабря 31, кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго съ алмазами.

1799. Февраля 22, графъ Россійской Имперіи. Марта 30, великій канцлеръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и кавалеръ большаго креста онаго. Мая 21, главный директоръ почтоваго департамента. Іюня 28, кавалеръ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Сентября 25, первый присутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

1800. Марта 15, членъ совѣта императора.

1801. Февраля 18, вторично отставленъ отъ службы и уѣхалъ въ Москву.

Кромѣ исчисленныхъ выше, Ростопчинъ получилъ отъ императора Павла большія награды другаго рода. Государь пожаловалъ ему болѣе 3000 душъ въ Орловской и Воронежской губерніяхъ и особо 33.000 десятинъ земли въ послѣдней.

Иностранные ордена, полученные тогда Ростопчинымъ были слѣдующіе: Французскій—Св. Лазаря; Неаполитанскій—Св. Фердинанда; Баварскій—Св. Губерта и Сардинскіе—Св. Маврикія и Анноисіады; послѣдній дается и теперь весьма немногимъ и почитается весьма важнымъ.

Съ 18 февраля 1801 по 24 Февраля 1810 графъ Ростопчинъ былъ въ отставкѣ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Въ 1810 году, февраля 24, онъ пожалованъ былъ оберъ-камергеромъ, но числился въ отпуску.

Въ 1812 году, мая 29, переименованъ въ генералы отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Всѣмъ извѣстны подвиги его въ этомъ званіи.

Въ 1814 году, августа 30, уволенъ отъ должности главнокомандующаго, съ назначеніемъ въ члены государственнаго совѣта.

Въ 1823 году, декабря 14, уволенъ отъ должности члена государственнаго совѣта, съ сохраненіемъ званія оберъ-камергера.

Скончался въ Москвѣ 18 Января 1826 и похороненъ на Московскомъ Пятницкомъ Кладбищѣ.

Графъ Ростопчинъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Протасовой (скончалась 1856). У нихъ были дѣти: I. Гр. Сергѣй Ѳедоровичъ (1795-1836) 2., Наталья Ѳедоровна Нарышкина (скончалась недавно.) 3., Графиня Софья Ѳеодоровна Сегюръ (род. 1799) 4., Графиня Елизавета Ѳедоровна (род. 1806, ум. въ дѣвицахъ 1824) и 5., Графъ Андрей Ѳедоровичъ (род. 13 Октября 1813); женатъ былъ на Евдокіѣ Петр. Сушковой, извѣстной писательницѣ (1811-1858).

II.,

Сочиненія, не находящіяся въ Смирдинскомъ изданіи.

1. „Два письма къ князю А. В. Суворову.“ (Отеч. Зап., 1854, т. 95, Отд. 2, стр. 13 и 15.)
2. „Двадцать девять писемъ и отрывковъ изъ писемъ къ князю П. Д. Циціанову.“ (Ibid., стр. 3, 18, 19, 20, 22, 23, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 51, 52, 53, 54, 56 и 57.)
3. „Три письма къ Д. М. Полторацкому.“ (Ibid., стр. 25 и 26.)
4. „Письмо къ С. Н. Глинкѣ.“ (Ibid., стр. 64.)
5. „Письмо Устина Вѣникова къ издателю Русскаго Вѣстника.“ (Ibid., стр. 62 и Русск. Вѣстн., 1808, № 1, стр. 68)
6. „О Суворовѣ.“ (Русск. Вѣстн., 1808, № 3, стр. 241.)
7. „Охъ, Французы!“ Повѣсть. (Отеч. Зап., 1842, Т. 24, Отд. I, стр. 257.)
8. „Путешествіе по Пруссіи.“ (Москвит.

1849, Кн. I, стр. 69; кн. 10, стр. 77; кн. 13, стр. 3 и кн. 15, стр. 121.)

9. „Объявленіе о Верещагинѣ.“ (Слов. дост. людей Бант. Каменск., 1847, Ч. 3, стр. 130.)

10. „Отрывокъ изъ письма къ князю П. И. Багратіону.“ (Idid., стр. 153.)

11. „Двѣ афишки 1812 года,“ (Библ. Зап., 1859, стр. 48.)

12. „Письмо.“ (Альманахъ Русская Правда, 1860.)

13. „Письмо къ П. С. Валуеву.“ (Библ. Зап., 1861, стр. 21.)

14. „Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II.“ (Чтенія въ Общ. ист. и древн. Рос., 1860, кн. 3, смѣсь, стр. 155 и 1864, Кн. 2, смѣсь, стр. 171.)

15. „Четыре письма къ Д. И. Киселеву.“ (Русск. Арх., 1863, изд. 2, стр. 812.)

16. „Письмо къ управителю.“ (Ibid., 1864, изд. 2, стр. 834.)

17. „Резолюція.“ (Ibid., 1865, изд. 2, стр. 1060.)

18. „Предписаніе исправнику Давыдову.“ (Ibid,, 1866, стр. 672.)

19. „Письмо къ Нижегородскому вице-губернатору Крюкову.“ (Жизнь гр. Сперанскаго, соч. бар. Корфа, 1861, Т. 2, стр. 56.)

20. „Отрывокъ изъ французскаго письма къ императору Александру I“ (Ibid. стр. 66.)

21. „Плугъ и соха.“ (Брошюра. Москва, 1806.)

22. „Донесеніе князю Кутузову отъ 4 сент. 1812“ (Зап. Ермолова, 1865, ч. I. прилож. стр. 224.)

Намъ извѣстны еще слѣдующія произведенія графа Ростопчина, у насъ неизданныя и написанныя по французски, за исключеніемъ послѣдняго:

1. „Journal écrit à Berlin les années 1786 et 787.“
2. „Lettre au Comte Roumiantzoff.“ 1788.
3. «Fragments d' un journal écrit l' année 1815.“
4. „Le mystère des forêts, ou l'arbre bavard.“
5. „Ce que j'ai lu, vu et entendu“ 1818—1819.
6. „Le cimetière du père Lachaise“.
7. „Tableau de la France en 1823“.
8. „Extraits de lettres à l'Empereur Alexandre. 1812“. (Письма эти хранятся въ архивѣ военнаго министерства).
9. „Fragments des mémoires sur l' année 1812». (Записки эти хранятся въ архивѣ III. отдѣл. собственной е. и. в. канцеляріи, такъ же какъ и нѣкоторыя другія бумаги гр. Ростопчина).
10. „Dernières pages“. 1825.
11. „Correspondance avec la comtesse Rostoptchine“. 1814—1820.
12. „Письма къ князю П. Д. Циціанову.“ 1803—1806. Многія изъ нихъ цѣликомъ или въ отрывкахъ напечатаны. (См. выше, въ первомъ отдѣлъ, подъ №2.) Сохранились также любопытныя письма къ графу Ростопчину, писанныя на французскомъ языкѣ, графомъ С. Р. Воронцовымъ (1798—1825) и графомъ Н. Н. Головкинымъ (1802—1818.) Весьма немногіе и небольшіе отрывки изъ нихъ напечатаны (Въ Отеч. Зап., 1854, т. 95, отд. 2, стр. 11, 17, 42 и 43). Замѣтимъ кстати, что графу Ростопчину приписывали неосновательно слѣдующія произведенія:

1. „Возраженіе на книгу графа Стройновскаго.“ (Чтен. въ Общ. ист. и древн. Рос., 1859, кн. III, смѣсь, стр. 37. См. Чт. въ Общ. ист. древн. Рос., 1860, кн. II, смѣсь, стр. 203).
2. „Письмо къ императору Александру I“ (Русск. Ист. Сборн., 1859, кн. 1, стр. 42).
3. „Мысли не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго.“ (Соч. Рост., 1853, стр. 321) Нечего и говорить, что сочиненія Ростопчина изданы Смирдинымъ не только неполно, но и крайне небрежно. Напримѣръ, знаменитыя Растопчинскія афишки 1812 года напечатаны въ безпорядкѣ безъ означенія чиселъ; двѣ изъ нихъ, напечатанныя въ „Библіографическ. Запискахъ“ 1859 года, стр. 48, не вошли вовсе въ его собраніе и т. д.

Вотъ изслѣдованіе объ этихъ афишкахъ. Всѣхъ Ростопчинскихъ афишекъ

извѣстно намъ 16; хотя вѣроятно ихъ было и болѣе, но онѣ легко могли истребиться. Настоящій порядокъ и помѣты тѣхъ, которыя сохранились, должны быть слѣдующія

1. *Отъ 1 іюля.* У Смирдина стр. 163. Неизвѣстно почему тамъ поставлена при ней цифра I, которая повторяется на стр. 166 передъ второю афишею, слѣдующею за безполезнымъ новымъ заголовкомъ „отъ главнокомандующаго въ Москвѣ,“ долженствовавшимъ предшествовать всей коллекціи.
2. *Отъ 2 августа.* У Смирдина нѣтъ. См. Библ. Зап., 1859, стр. 48.
3. *Отъ 9 августа.* У Смирдина стр. 166., подъ повторяющеюся цифрою I (См. выше, 1) и не выставлено число.
4. *Отъ 13 августа.* У Смирдина стр. 169, подъ цифрою III и не выставлено число.
5. *Отъ 17 августа.* У Смирдина стр. 171, подъ цифрою VI и не выставлено число.
6. *Отъ 18 августа.* У Смирдина эта афишка разбита на двѣ части, находящіяся: первая на стр. 168 подъ цифрою II, а вторая, безъ обозначенія числа, на стр. 170, подъ цифрою IV.
7. *Отъ 20 августа.* У Смирдина стр. 175, подъ цифрою X и не выставлено число.
8. *Отъ 22 августа.* У Смирдина стр. 170, подъ цифрою V и не выставлено число.
9. *Отъ 24 августа.* У Смирдина нѣтъ. См. Библ. зап. 1859, стр. 48, замѣтимъ кстати что эта афишка была напечатана ранѣе. Бантышемъ - Каменскимъ. (Слов. дост. людей, 1847, ч. 3, стр. 138).
10. *Отъ 25 августа.* У Смирдина стр. 174, подъ цифрою IX и ошибочно выставлено 30 августа.
11. *Отъ 26 августа.* У Смирдина стр. 173, подъ цифрою VII.
12. *Отъ 27 августа.* У Смирдина стр. 173. подъ цифрою VIII и не обозначено число.
13. *Отъ 30 августа.* У Смирдина стр. 177, подъ цифрою XII и не выставлено число.
14. *Отъ 31 августа.* У Смирдина стр. 177, подъ цифрою XI.
15. *Отъ 20 сентября, изъ Красной Пахры.* У Смирдина стр. 187, подъ цифрою XIII и не обозначено ни число, ни мѣсто, въ которомъ эта афишка писана.
16. *Отъ 20 октября изъ Москвы.* У Смирдина на стр. 191, безъ нумера, подъ особымъ заглавіемъ и отдѣлена отъ прочихъ афишекъ двумя другими объявленіями.

Въ слѣдъ за этими 16 афишками въ новомъ изданіи должно, какъ дополненіе къ нимъ, напечатать: 1. Объявленіе къ аббатамъ, 26 іюня (Смирд., стр. 183); 2. Объявленіе о Верещагинѣ, 3 Іюля. (Слов. достоп. людей Бант. Кам. 1847, ч. 3, стр. 130). 3. Распубликованное Ростопчинымъ письмо къ нему Кутузова 23 августа (Ibid., стр. 137); 4. Записку, приклеенную на церковной двери села Воронова, около половины октября, (Смирд., стр. 195) и 5., объявленіе къ епископу Августину, 18 октября (Смирд., стр. 186.) Затѣмъ можно помѣстить письмо, напечатанное у Смирдина (стр. 299) и произведенія, показанныя въ 1 изъ приведенныхъ нами списковъ подъ №№ 10, 13, 17, 18, 19 и 20, размѣстивши ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, а въ заключеніе напечатать „Правду о пожарѣ Москвы,“ чѣмъ и завершится циклъ написаннаго Ростопчинымъ по поводу событій 1812 года.

Замѣтимъ, что замѣчательное произведеніе Ростопчина „Mes mémoires, ou moi au naturel, écrits en dix minutes“ (Смирд. стр. 313) написано Ростопчинымъ въ Москвѣ, въ 1823 году, по вызову графини Анны Владиміровны Бобринской. (1769—1846).

Графъ Ростопчинъ сочинилъ двѣ слѣдующія надписи къ своему портрету въ старости:

1.

Онъ въ Москвѣ родился
И ей пригодился.

2.

Безъ дѣла и безъ скуки,
Сижу, поджавши руки.

А вотъ и эпитафія, написанная имъ самому себѣ:

Среди своихъ дѣтей
Покоюсь отъ людей.

III. Статьи о Ростопчинѣ.

Вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ статей, появившихся на русскомъ языкѣ, о жизни характерѣ и сочиненіяхъ графа Ростопчина и имѣющихся у насъ подъ рукою:

1. *Бантыша-Каменскаго, Д. Н.* (Слов. дост. люд. Русск. земли 1847, ч. 3, стр. 106)
2. *Булгакова, А. Я.* (Москвит. 1843, кн. 2, стр. 499).
3. *Дмитріева, М. А.* (Москов. Вѣдом., 1859, № 25).
4. *Дубровина,* (Воен., Сборн., 1863, 167).
5. *Тихонравова, Н. С.* (Отеч. зап , 1854, т. 95, отд. 2, стр. I.
6. *Фарнгагена фонъ Энзе.* (Моск. Вѣдом., 1859, № 234).
7. *Неизвѣстнаго.* (Соврем,, 1853, т. 40, библіогр., стр. 16).
8. *Неизвѣстнаго.* (Журн. мин. нар. прос., ч. 62, отд. 6, стр. 247 и ч. 64, стр. 252).
9. *Неизвѣстнаго.* (Чтенія въ Общ. ист. и древн. Рос., 1861, кн. 4, смѣсь, стр. 167).
10. *Неизвѣстнаго.* (Отеч. Зап., 1826, ч. 26, стр. 79).

Смирдинское изданіе сочиненій Ростопчина, вышедшее въ 1853 году, давно разошлось въ продажѣ, не смотря на всѣ его недостатки. Слѣдовало бы приступить къ новому, которое было бы исправно, хорошо расположено, по возможности полно и снабжено біографическимъ очеркомъ, нѣкоторыми необходимыми примѣчаніями и портретомъ. Издатель, воздавши достойную дань уваженія памяти одного изъ славнѣйшихъ нашихъ соотечественниковъ и отличнаго Русскаго писателя, далеко не остался бы и въ накладѣ. За это можно поручиться.

Михаилъ Лонгиновъ.

Орелъ.
15 октября 1867 г.

КЪ БІОГРАФІИ И. А. КРЫЛОВА.

Г. Кеневичь въ біографическомъ очеркѣ И. А. Крылова (Вѣстн. Европы. Кн. II. 1868), разсказывая юность нашего славнаго баснописца, говоритъ, между прочимъ: „Въ тоже время посѣтила юношу и любовь, какъ видно сильная, но безнадежная. Какъ видно изъ стиховъ написанныхъ имъ въ то время (до 1800 года), какая-то *Анета, оставшаяся неизвѣстною для біографовъ,* заставила нашего юнаго Сатирика пролить не мало слезъ и исписать очень много бумаги.“

Дѣйствительно, изъ стихотвореній Крылова, напечатанныхъ въ 1793 году, завѣтное имя Анеты, упоминается въ трехъ, а исключительно ему посвящено два стихотворенія; кромѣ того изъ оставшихся ненапечатанными стихотвореній поэта, четыре почти всецѣло относятся къ этому имени.

Вчитываясь въ эти поэтическіе вздохи, мы составляемъ себѣ нѣкоторое представленіе какъ о существѣ, которымъ увлекся Крыловъ, такъ и объ его отношеніяхъ къ этому существу. Такъ мы видимъ, что таинственная Анета была очень хороша собою (Изображеніе Анеты эскизомъ, Пол. соб. сочин. И Крылова. 1847.). Мы видимъ, что она жила въ деревнѣ, съ которою Крыловъ разстался, чтобы переѣхать *въ мрачный гробъ природы*—въ городъ (Отъѣздъ изъ деревни, Idem.); что Анетѣ было 15 лѣтъ, когда въ нее влюбился Крыловъ (Посланіе къ другу моему, Idem. стр. 24); что любовь къ этой дѣвушкѣ пересоздала его, уничтоживъ его угрюмость, согрѣвъ его сердце, нарушивъ его душевное спокойствіе (Idem); что онъ, едва прошла недѣля со времени перваго съ нею знакомства, пересталъ узнавать себя, пересталъ дичиться женщинъ, а напротивъ, сталъ болтливъ и веселъ, даже сталъ заниматься собою (Idem). — Далѣе мы видимъ, что, не имѣя денегъ необходимыхъ въ его положеніи, чтобы имѣть возможность являться щеголемъ къ прелестной Аннушкѣ, которая *хотя*

и умна, но все таки женщина — онъ умѣлъ занимать деньги (Idem. ст. 27); что онъ, прежде искренній поклонникъ безпечной лѣни, чуждый честолюбивыхъ помысловъ, прельщавшійся однимъ только чиномъ—*чиномъ человѣка*, при чемъ

Его достойно сохранить
Считалъ одной неложной славой —

теперь, чтобы сдѣлаться достойнымъ Анюты, хочетъ стяжать славу другаго рода и опять надѣть мундиръ (Idem. ст. 29), чтобы, какъ онъ говоритъ (стр. 30): —

..... Лучь величья моего
Привлекъ ко мнѣ Анюту милу,
Чтобъ зная цѣну въ немъ и силу,
Сдалась бы всею мнѣ душей
И стала-бъ барыней большой — ;

наконецъ что онъ жаждалъ богатства, чтобы имѣть возможность окружить свою Аннушку довольствомъ и забавами. Затѣмъ мы можемъ понимать изъ посланія „Къ Анетѣ“ (Похищенные волоски въ перстень), что Ивану Андреевичу отвѣчали взаимностью, и что разлука съ любимымъ существомъ была для него невольная, слишкомъ тяжелая, необходимость („Мой отъѣздъ“); что разлука эта хотя и была для него источникомъ тяжкихъ душевныхъ страданій, но сила любви его была такъ велика, что самая смерть казалась ему желанной — лишь бы *увянуть на груди обожаемой Анеты*! Вотъ всѣ понятія, какія мы можемъ составить себѣ изъ сочиненій И. А. Крылова относительно воспѣваемой имъ Анюты. Однакожь, изъ этихъ немногихъ и неопредѣленныхъ данныхъ, сближая ихъ съ фактами извѣстными намъ изъ напечатанныхъ біографій Крылова, мы можемъ заключить, что Анета—жительница деревни, что Крыловъ, пользуясь ея взаимностью, желалъ соединить свою судьбу съ ея судьбою, но по обстоятельствамъ отъ него независѣвшимъ не могъ осуществить своего желанія и долженъ былъ ее покинуть, что онъ и въ послѣдствіи страдалъ по ней, наконецъ что эту любовь его должно отнести ко времени между 1790 годомъ, когда онъ вышелъ въ отставку изъ кабинета ея величества и 1793 мъ годомъ, когда онъ уже печаталъ свои стихи, упоминая въ нихъ объ Анетѣ, въ издававшемся имъ, вмѣстѣ съ Клушинымъ, журналѣ „Санкпетербургскій Меркурій.“

Къ послѣднему заключенію насъ приводятъ слѣдующія соображенія.

До 1790 года любовь къ Анетѣ — *деревенской* жительницѣ, не могла овладѣть Крыловымъ, пріѣхавшимъ 15-и лѣтъ изъ Твери въ Петербургъ и занимавшимъ до этого года ничтожныя служебныя должности, съ самымъ незначительнымъ содержаніемъ, исключавшимъ всякую возможность поѣздокъ въ провинцію. Между тѣмъ для біографовъ Крылова осталась неизслѣдованною жизнь его съ 1790 года по 1801, когда онъ уѣхалъ секретаремъ къ Рижскому военному губернатору; изъ этого періода времени на 1790-мъ и 1791-мъ годахъ даже *не осталось слѣда*, какъ говоритъ Плетневъ, *литературныхъ занятій Крылова*, а въ 1793-мъ году, онъ уже писалъ объ Анетѣ, слѣдовательно, принявъ въ соображеніе, что въ 1792 году Крыловъ уже занимался литературою въ Петербургѣ, издавая журналъ „Зритель“, мы заключаемъ, что его знакомство съ Анетой должно отнести именно къ 1790—1791 годамъ.—Но опредѣливъ къ какому времени должно отнести знакомство Крылова съ Анетой, мы все таки, ни изъ сочиненій Ивана Андреевича, ни изъ его біографій, не можемъ заключить: кто была Анета? гдѣ она жила? и существовала ли она въ дѣйствительности, или была не что иное какъ плодъ поэтической фантазіи Крылова?

Въ нашихъ воспоминаніяхъ сохранились данныя, отвѣчающія на это вопросы и проливающія нѣкоторый свѣтъ на разсматриваемый эпизодъ жизни Крылова, оставшійся неразъясненнымъ его біографами, и потому мы спѣшимъ подѣлиться этими не безъинтересными данными съ почитателями таланта славна-

го баснописца, такъ какъ этотъ эпизодъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, и имѣлъ, вѣроятно весьма, серіозное значеніе въ нравственной жизни поэта.

Лѣтъ 25 назадъ мнѣ сдѣлалось извѣстно: кто эта таинственная Анета?, какъ можно заключить изъ напечатанныхъ біографій Крылова, единственное существо, озарившее его жизнь счастіемъ любви раздѣленной и въ тоже время, невольная виновница его тяжкихъ душевныхъ страданій,—его первая любовь, которой онъ остался вѣренъ всю свою жизнь.

Орловской Губерніи, въ г. Брянскѣ, жилъ на покоѣ, тамошній небогатый помѣщикъ и домовладѣлецъ города, отставной коллежскій совѣтникъ Михайло Васильевичъ Константиновъ, служившій, до выхода въ отставку, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ умеръ, кажется въ 1852 или 1853 году, оставивъ послѣ себя одну старшую дочь, Елену, такъ названную въ честь единственной дочери нашего знаменитаго Михайлы Васильевича Ломоносова — Елены (род. 1749, ум. 1772), какъ извѣстно, вышедшей за мужъ, въ 1767 году за придворнаго библіотекаря, надворнаго совѣтника Константинова. Если мнѣ не измѣняетъ память, Михайло Васильевичъ, былъ роднымъ племянникомъ этого зятя нашего великаго поэта, въ честь котораго онъ и носилъ свое имя.

Не станемъ распространяться о М. В. Константиновѣ, одномъ изъ интересныхъ обломковъ стараго времени, о человѣкѣ, не смотря на глубокую старость, не оставлявшемъ занятій литературою и наукой до могилы и сохранившемъ въ теплом сердцѣ своемъ, почти до послѣднихъ дней, самое свѣтлое и живое воспоминаніе о своемъ прошломъ, о замѣчательныхъ людяхъ, въ средѣ которыхъ, по своему родству съ Ломоносовымъ и по служебнымъ отношеніямъ, онъ вращался во все продолженіе своей многолѣтней жизни въ Петербургѣ,—о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, во время полувѣковой своей службы. Упоминаемъ объ этой почтенной личности здѣсь потому только, что въ его домѣ мы познакомились съ жившею у него въ семействѣ, родною его племянницею — ***Анною Алексѣевною*** Константиновою.

Дочь протопопа, мѣстнаго помѣщика и дворянина, Анна Алексѣевна, въ юности блистала красотою, слѣды которой можно было еще распознать, во время нашего съ нею знакомства, въ ея очахъ, немало проливших слезъ на вѣку своемъ, въ очеркахъ ея кроткаго лица, покрытаго тогда болѣе чѣмъ восмидесятилѣтними морщинами. Но если подъ дыханіемъ времени совершенно уже увяла былая красота Анны Алексѣевны тогда, когда мы ее знавали, за то сохранила всю свою прелесть ея чистая душа, всецѣло бывшая преданною Богу; за то почтенная старушка эта, проводившая остатокъ жизни въ постѣ и молитвѣ, до послѣднихъ дней семьи, ее пріютившей, оставалась ея отрадою и утѣшеніемъ во всѣхъ пережитыхъ этою семьею тяжкихъ скорбяхъ.

Это то прелестное существо, всѣмъ пламенемъ первой страсти полюбилъ И. А. Крыловъ, во время своего пребыванія въ Брянскомѣ уѣздѣ, гдѣ онъ познакомился съ семействомъ Анны Алексѣевны; въ этомъ-то существѣ, кроткомъ и чистомъ, нашелъ онъ самую глубокую взаимность. Молодые люди рѣшились навсегда соединить свою судьбу. Крыловъ формально просилъ руки Анны Алескѣевны. Но.... несчастное *но*.... онъ былъ бѣденъ, безвѣстенъ, не имѣлъ приличнаго служебнаго положенія; ея родители были тщеславны, гордились своимъ родствомъ съ Ломоносовымъ, считали въ своей роднѣ *генераловъ*; Анна Алексѣевна была еще очень молода, — красавица, — для ней искали партіи болѣе блестящей и отказали Крылову. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ (*). Анна Алексѣевна плакала,

(*) По какому именно поводу Иванъ Андреевичъ посѣтилъ Брянскій уѣздъ, мы не знаемъ.

тосковала по ея собственнымъ словамъ, таяла какъ воскъ — родные стали бояться за ея жизнь, сжалились и изъявили согласіе на бракъ ея съ Крыловымъ. Она сама и родители ея поспѣшили написать объ этомъ счастливомъ измѣненіи обстоятельствъ Крылову и звали его въ Брянскъ играть свадьбу. Но.... опять это несчастное *но*.... отъ Петербурга до Брянска не такъ было близко тогда, какъ теперь. Крыловъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ средствъ пріѣхать въ Брянскъ, а потому онъ просилъ осчастливить его — привезти невѣсту въ Петербургъ, гдѣ можетъ быть немедленно устроена свадьба. Такой отвѣтъ оскорбилъ и разсердилъ родителей Анны Алексѣевны, и они рѣшительно отказали Ивану Андреевичу, прекративъ за тѣмъ всякія съ нимъ сношенія.

Тѣмъ это дѣло и кончилось для свѣта, но не для любящихся сердецъ. Они остались вѣрны другъ другу — всю жизнь. Крыловъ страданія свои изливалъ въ поэтическихъ стонахъ и на всю жизнь остался холостякомъ; Анна Алексѣевна плакала, молилась, всю жизнь сохранивъ святую любовь къ своему избраннику, отказалась отъ представлявшихся ей прекрасныхъ партій и осталась дѣвицею.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Анну Алексѣевну въ 1864 году, когда уже ей было болѣе 85 лѣтъ. Не знаемъ, жива ли она доселѣ, а если жива еще, то мы сожалѣемъ, что настоящихъ строкъ не сдѣлали извѣстными раньше — *до* празднованія столѣтняго юбилея Ивана Андреевича. Ни Академія наукъ, ни Общества, торжествовавшія этотъ день, памятный для ревнителей отечественной славы, не оставили бы, вѣроятно, безъ привѣта ту, которая въ свое время кроткими лучами благодатнаго свѣта озарила горизонтъ жизни нашего знаменитаго поэта, которая принесла въ жертву чистой любви къ нему всѣ дни свои.

Прибавить ли?... да имѣемъ ли мы права не прибавить?... Послѣ смерти М. В. Константинова и всей сьмьи его (кромѣ несчастной его дочери Елены, пораженной болѣзнями), Анна Алексѣевна продолжала жить въ домѣ М. В. — *въ большой нуждѣ*.

Полагаемъ, нашему Обществу вспоможенія литераторамъ и ученымъ не поздно будетъ и теперь собрать необходимыя справки: жива ли еще Анна Алексѣевна и если жива, то въ какомъ она находится положеніи?

П. Алабинъ.

26 февраля 1868
Самара.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О Е. А. БАРАТЫНСКОМЪ.

Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.
Баратынскій.

Съ грустнымъ чувствомъ прочли мы въ сентябрской книжкѣ прошлаго года „Вѣстника Европы", въ воспоминаніяхъ покойнаго В. И. Панаева то что̀ касается до поэта нашего Евгенія Абрамовича Баратынскаго.

Обстоятельства, бывшія причиной исключенія Баратынскаго изъ пажескаго корпуса, теперь хорошо извѣстны изъ документовъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ. Въ письмѣ къ Жуковскому, Баратынскій объясняетъ, какъ онъ постепенно вовлеченъ былъ къ участію въ проступкѣ, представлявшемся ему тогда въ другомъ свѣтѣ. Это временное омраченіе ребяческаго воображенія было тягостно искуплено имъ, не столько еще понесеннымъ имъ наказаніемъ, сколько чувствомъ глубокой скорби, которымъ онъ былъ проникнутъ всю жизнь, въ слѣдствіе этого происшествія. Я хочу передать нѣкоторыя подробности о знакомствѣ моемъ съ поэтомъ.

Мы съ нимъ познакомились въ Москвѣ, чрезъ пріятеля его тамбовскаго помѣщика Николая Ѳедоровича Стриневскаго (умершаго въ 1839 году).

При первомъ же свиданіи, Евгеній Абрамовичь произвелъ на меня невыразимое впечатлѣніе. Его счастливая и симпатичная наружность, его скромный видъ, тихая, умная рѣчь, сейчасъ же поселили во мнѣ безпредѣльное къ нему благоговѣніе.

Какъ, думалъ я: это творецъ *Эды, Бала, Наложницы*, — и такой скромной, даже, можно сказать, застѣнчивый! И я читалъ мысленно слѣдующій о немъ отзывъ П А. Плетнева, напечатанный въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1825 года: „Между тѣмъ, какъ мы воображали, что „языкъ чувствъ уже не можетъ у насъ „сдѣлать новыхъ опытовъ въ своемъ „искусствѣ, явился такой поэтъ, который разрушилъ нашу увѣренность. Я „говорю о Баратынскомъ. Въ элегическомъ родѣ онъ идетъ новою, своею „дорогою. Соединяя въ стихахъ своихъ „истину чувствъ съ удивительною точ„ностью мыслей, онъ показалъ опыты „прямо классической поэзіи. Составъ „его стихотвореній, правильность и пре„лесть языка, ходъ мыслей и сила дви„женій сердца, выше всякой критики. „Онъ ясенъ, живъ и глубокъ. Во всемъ „отчетъ составляетъ отличительность „его стиховъ. Нѣтъ слова, нѣтъ обо„рота, нѣтъ картины, гдѣ бы вы не „чувствовали ума и вдохновенія. Раз„бирайте строго каждый его стихъ, слѣ„дуйте за нимъ внимательно до конца „стихотворенія: и вы признаетесь, что „онъ извлекъ все лучшее изъ своего „предмета, отбросилъ все излишнее и „не забылъ ничего необходимаго. Но „сколько разнообразія во всѣхъ его са„мыхъ легкихъ произведеніяхъ! Игри„вое и важное, глубокое и легкое, ис„тинное и воображаемое: все онъ по„стигнулъ и выразилъ“(*).

На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ Стриневскій и говоритъ: Ну, братъ, ты вчера сконфузилъ Баратынскаго.

—Чѣмъ? спрашиваю.

(*) Мы можемъ порадовать любителей Русской словесности извѣстіемъ, что нынѣ приступлено въ Москвѣ къ изданію сочиненій Е. А. Баратынскаго. *П. Б.*

—„Тѣмъ, что при немъ, хотя и про себя, читалъ его стихотворенія, лежавшія у меня на столѣ!“

Вскорѣ приглашенъ былъ я Баратынскимъ къ нему обѣдать, въ домъ его, что на Спиридоновкѣ.

Тутъ я имѣлъ честь познакомиться съ достойною его супругою, Настасьей Львовной, и батюшкой ея, Л. Н. Энгельгартомъ.

Въ половинѣ августа того же 1835 года, Евгеній Абрамовичь просилъ меня написать апелляціонную жалобу его супругѣ въ 4-й д—тъ правительствующаго сената, на рѣшеніе Казанской гражданской палаты, по дѣлу о спорныхъ у нея съ разными помѣщиками земляхъ, Казанскаго уѣзда, по деревнѣ Князь-Камаевой, Иски-Казань тожъ.

Жалоба была написана и отправлена въ сенатъ 5 сентября 1835 г.

Баратынскій нашелъ жалобу хорошо написанной, онъ одобрялъ ее въ отношеніи слога и спрашивалъ меня, чрезъ Стриневскаго, сколько мнѣ слѣдуетъ за труды? Получивъ въ отвѣтъ, что отъ денегъ я отказываюсь, а желаю имѣть въ подарокъ его стихотворенія, Баратынскій прислалъ мнѣ съ Стриневскимъ же свои стихотворенія въ отличномъ переплетѣ. На этой книжкѣ, рукою автора написано: „Петру Григорьевичу Кичееву. Е. Баратынскій.“

Позже, когда мы съ Баратынскимъ сблизились, онъ подарилъ мнѣ свои стихотворенія подъ названіемъ: ***„Сумерки“***, уже съ болѣе лестною для меня надписью: „Одному изъ лучшихъ друзей моихъ, Петру Григорьевичу Кичееву. Евгеній Баратынскій.“

Конечно, въ продолженіи девятилѣтняго нашего съ нимъ знакомства, въ поѣздки въ наши имѣнія, за Троицу, обѣды, вечера, и т. п., —было довольно времени кое о чемъ поговорить, потолковать. Разумѣется, я болѣе слушалъ, благодаря судьбу, что она послала мнѣ такого знакомаго, котораго давно жаждала душа моя. Умъ его казался мнѣ всеобъемлющимъ. Не помню, чего бы

онъ не разрѣшилъ для меня совершенно удовлетворительно, не исключая вопросовъ самыхъ возвышенныхъ. Согласно съ почтеннѣйшимъ Н. В. Путятой [1]), могу удостовѣрить, что самой задушевной идеей Баратынскаго было — освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ привлекъ мое вниманіе къ этому предмету и заставилъ раздѣлять его мысли.

Признаюсь, сначала я не могъ себѣ представить, какъ все это можетъ осуществиться на дѣлѣ? Я, человѣкъ семейный и не богатый, обладавшій небольшимъ имѣніемъ заложеннымъ въ опекунскомъ совѣтѣ, спрашивалъ: „какъ же поступятъ съ долгомъ нашимъ кредитнымъ установленіямъ?" Баратынскій, нисколько не затрудняясь, отвѣчалъ: „примутъ на счетъ государства." [2]). Тогда, успокоенный, и я прилѣпился къ идеѣ Баратынскаго, и на сколько понималъ этотъ предметъ, выразилъ въ своихъ „Мысляхъ по крестьянскому дѣлу" въ № 8 Журнала Землевладѣльцевъ на 1858 г., и повторенныхъ въ моихъ Воспоминаніяхъ о пребываніи непріятеля въ Москвѣ, въ 1812 году.

Такимъ образомъ, переходя отъ предмета къ предмету, разговоръ нашъ коснулся однажды самаго чувствительнаго въ жизни Евгенія Абрамовича, исключенія его изъ Пажескаго Корпуса, при чемъ онъ мнѣ сказалъ: „Видите ли, любезный Петръ Григорьевичь, куда повело наказаніе меня — можно сказать ребенка. Я теперь только губернскій секретарь (при этомъ онъ слегка улыбнулся), а если бы окончилъ курсъ ученія въ Пажескомъ Корпусѣ: то, полагаю, я принесъ бы болѣе пользы своему отечеству..... "Такъ окончилъ грустный свой разсказъ Евгеній Абрамовичь. На вопросъ мой, что же онъ дѣлалъ по исключеніи изъ корпуса?—онъ продолжалъ: „Поѣхалъ въ Бѣльское имѣніе къ дядѣ. Къ счастію нашелъ тамъ хорошую библіотеку: всю ее перечиталъ. Потомъ отъ бездѣйствія напала на меня страшная тоска. Сталъ добиваться позволенія вступить въ военную службу, и наконецъ добился званія честнаго солдата. Но офицерскій чинъ не скоро мнѣ дался, не смотря на нѣкоторыя протекціи. Такъ, одинъ разъ меня поставили на часы во дворцѣ, во время пребыванія въ немъ покойнаго государя императора Александра Павловича. Видно, ему доложили, кто стоитъ на часахъ: онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ фамилію, потрепалъ по плечу и изволилъ ласково сказать: ***послужи!*** Въ другой разъ, когда у одного вельможи (Баратынскій называлъ фамилію, но я ея не помню) умеръ единственный сынъ, и государь соблаговолилъ навѣстить огорченнаго отца, то послѣдній сталъ просить государя—возвратить ему сына прощеніемъ меня, государь опять милостиво изволилъ отозваться: ***рано, пусть еще немного послужитъ.***"

Не скрылъ отъ меня Евгеній Абрамовичь и одной, хотя безвредной, но удивительной проказы въ бытность его въ Пажескомъ Корпусѣ (*).

Рядомъ съ Пажескимъ Корпусомъ, по главному фасу, чрезъ полукругъ зданія помѣщалась католическая церковь. Не имѣя объ этомъ никакого понятія, Баратынскій съ однимъ изъ товарищей, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, успѣлъ, чрезъ карнизъ того полукруга, надъ крышей, проникнуть на чердакъ церкви и взойти въ нее по лѣстницѣ, которая не была заперта. Сначала они только удивились своему открытію; но при вторичномъ посѣщеніи имъ пришло на мысль—освѣтить церковь такъ, какъ она освѣщается по торжественнымъ днямъ. Всѣ свѣчи и лампады были зажжены. Время было около полуночи. Стоявшій противъ церкви на часахъ будочникъ вдругъ поражается этимъ несвоевременнымъ и

---

[1]) См. переписку Е. А. Баратынскаго съ Н. В. Путятой: Русс. Арх. 1867 г. № 2. стр. 281.

[2]) Намъ говорили, что Баратынскій предполагалъ, что, въ случаѣ принятія опекунскаго долга на государственный счетъ, этотъ долгъ могъ бы быть уплоченъ въ казну крестьянами, съ разсрочкою платежей. *П. К.*

(*) Хотя это происшествіе разсказано Кенигомъ, въ Литературныхъ Очеркахъ, но здѣсь мы передаемъ его со словъ самаго Евгенія Абрамовича. *П. К.*

яркимъ освѣщеніемъ, а двери видитъ запертыми. Будочникъ посылаетъ товарища за квартальнымъ, тотъ приглашаетъ частнаго пристава; наконецъ, пріѣхалъ и полицмейстеръ. Позвали ксендза и ктитора; вошли въ церковь со всѣми предосторожностями; но виновниковъ освѣщенія не сыскали. Такъ происшествіе это и осталось въ свое время неразъясненнымъ и неразгаданнымъ.

Не стану описывать дѣлъ, поручаемыхъ мнѣ Баратынскимъ и Л. Н. Энгельгартомъ. Они имѣютъ особый интересъ только для меня. Но раскажу послѣднее мое свиданіе съ Евгеніемъ Абрамовичемъ, происходившее 21 августа 1843 года.

Надо сказать, что передъ этимъ временемъ, мы по два раза обмѣнялись визитами, и не заставали другъ друга, а между тѣмъ, обоимъ намъ настояла надобность видѣться. Узнаю, что Евгеній Абрамовичъ уѣхалъ съ семействомъ въ с.Мураново, Дмитровскаго уѣзда. Нечего было дѣлать; и я отправился съ женой въ свое Переяславское имѣніе, сельцо Деревково, намѣреваясь на обратномъ пути заѣхать въ Мураново. По дорогѣ, мы посѣтили Хотьковъ монастырь. При входѣ въ храмъ, слышимъ поютъ: „со святыми упокой", и въ эту же минуту насъ окружаютъ Евгеній Абрамовичъ, его супруга и семейство его. Пошли взаимныя привѣтствія и рекомендаціи, такъ какъ со мной была второбрачная жена, еще незнакомая съ Баратынскими. Наконецъ, они просили насъ заѣхать къ нимъ, на обратномъ пути въ Мураново, и объявили, что въ первыхъ числахъ сентября они отправляются за границу.

Неожиданный пріѣздъ ко мнѣ въ имѣніе тестя моего, покойнаго П. М. Рудина съ семействомъ, нѣсколько замедлилъ наше пребываніе въ Деревковѣ, такъ что мы уже не надѣялись застать Баратынскихъ въ Мурановѣ, и спѣшили прямо въ Москву. На другой же день, по возвращеніи, отправляюсь къ нимъ; но, къ моему прискорбію, узнаю, что они только наканунѣ уѣхали за границу.

1844 г., 15 августа, неожиданно былъ я пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ Евгенія Абрамовича, прочитавъ объ этомъ въ С. Петербургскихъ газетахъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 г., въ бытность мою въ С. Петербургѣ, я посѣтилъ Александро-Невскую лавру, и сталъ отыскивать могилу незабвеннаго нашего поэта: я нашелъ ее на новомъ кладбищѣ. Прахъ Баратынскаго покоится подъ мраморнымъ памятникомъ (на манеръ рисунка на оберткѣ стихотвореній его *„Сумерки"*); въ медальонѣ помѣщенъ рельефный портретъ поэта, чрезвычайно схожій, съ слѣдующею надписью изъ его стихотворенія *„Отрывокъ."*:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

Пожалѣлъ я, что надпись не заключаетъ въ себѣ слѣдующаго четверостишія изъ того же *„Отрывка:"*

Тамъ, за могильнымъ рубежемъ.
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается Незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ!..

При взглядѣ на памятникъ Баратынскаго, сейчасъ колѣна мои невольно подогнулись, и я усердно помолился о успокоеніи прекрасной души его въ тѣхъ небесныхъ селеніяхъ, которыя она еще здѣсь провидѣла и гдѣ, надѣемся, по милосердію Божію, должна находиться.

Не оставляла меня своимъ лестнымъ довѣріемъ до самой своей кончины, и вдова Евгенія Абрамовича, Настасья Львовна, женщина замѣчательнаго ума и высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. Она пережила супруга своего безъ малаго 16-ю годами. Покойный Н. Ѳ. Стриневскій сказывалъ, что Евгеній Абрамовичъ не выпускалъ въ свѣтъ ни одной піесы, безъ ея одобренія.

Да почіетъ и ея прахъ въ мирѣ, а чистая душа ея да сольется въ Божествѣ съ подобною душею земнаго ея мужа!

Петръ Кичеевъ.

ДВА ПИСЬМА

министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына къ директору Царско-сельскаго Лицея Е. А. Энгельгарту.

Подлинники этихъ писемъ принадлежатъ сыну Энгельгарта, Владиміру Егоровичу, у котораго мы испросили изволенія ихъ напечатать. Письма эти любопытны, изображая, хотя и бѣглыми чертами, тѣ отношенія, которыя существовали между памятнымъ въ исторіи Русской педагогіи директоромъ Царско-сельскаго Лицея и его непосредственнымъ начальникомъ, *другомъ царевымъ*. Изъ Записокъ И. И. Пущина (Атеней 1859, № 8) и изъ другихъ печатныхъ указаній мы знаемъ, что Энгельгартъ пользовался особеннымъ благорасположеніемъ императора Александра Павловича и заслуживалъ онаго своимъ необыкновенными способностями къ воспитанію юношества; но немногіе, можетъ быть, знаютъ тѣ случайные поводы, вслѣдствіи которыхъ государь ближе узналъ Энгельгарта. Рижскій уроженецъ Энгельгартъ (1775—1862) состоялъ при князѣ Потемкинѣ и въ 1791 г. между прочимъ принималъ участіе въ устройствѣ извѣстнаго Потемкинскаго праздника. По смерти князя онъ находился при гр. Литтѣ (женатомъ на племянницѣ Потемкина) по дѣламъ Мальтійскаго ордена. Государь прогнѣвался на гр. Литту, который долженъ былъ оставить Петербургъ; но Энгельгартъ продолжалъ завѣдывать церемоніальною частію ордена и имѣлъ случаи лично бесѣдовать съ Павломъ Петровичемъ, который нѣкоторое время присутствовалъ въ засѣданіяхъ Капитула и строго слѣдилъ за исполненіемъ всѣхъ орденскихъ формальностей. Энгельгартъ долженъ былъ изучить сіи послѣднія. Въ одномъ изъ засѣданій великому князю Александру Павловичу надо было о чемъ то докладывать государю. Энлельгартъ предварительно разсказалъ ему всѣ частности и подробности, такъ что въ засѣданіи императоръ Павелъ изумленъ былъ познаніями своего наслѣдника въ дѣлѣ, которымъ на ту пору такъ страстно былъ онъ занятъ. „Вижу въ тебѣ настоящаго своего сына!“ воскликнулъ съ восторгомъ Павелъ Петровичь, призвалъ къ себѣ скромнаго и смущеннаго юношу и торжественно обнялъ его. Александръ Павловичь сказалъ послѣ этого Энгельгарту, это ему обязанъ онъ отцовскими объятіями и никогда этого не забудетъ.

Оба помѣщаемыя здѣсь письма писаны изъ Москвы, куда переѣхалъ тогда (1817) весь высочайшій дворъ. *П. Б.*

I.

Извините меня, милостивый государь мой Егоръ Антоновичъ, что я замедлилъ моимъ отвѣтомъ: не имѣлъ времени, тѣмъ болѣе что долженъ вамъ отвѣчать своеручно. Вы пишите мнѣ о вашихъ обстоятельствахъ и должны быть увѣрены, что я охотно желаю вамъ быть полезнымъ; но, не зная здѣсь, сколько получаете жалованья, не могъ я представить государю по вашему отношенію. Съ первою почтою увѣдомьте меня что̀ получаете вы жалованья, для того, что я увѣренъ при докладѣ, вѣрно, государь спроситъ, сколько вы получаете жалованья. Вы напрасно опасаетесь на счетъ моихъ мыслей о васъ; будьте увѣрены, что я ихъ основываю на вашихъ дѣлахъ, коими я столько доволенъ, сколько возможно. О состояніи же вашемъ натурально что нельзя вамъ не заботиться, имѣя семью; а я съ своей стороны за долгъ считать буду представить положеніе ваше государю, который уже рѣшитъ по его благоизволенію.

Порадовался, увидя изъ письма вашего, какъ Богъ явно спасъ сына ва-

шего, и примѣчательно то, что орудіемъ сего Промысла Божія былъ Карамышевъ, о которомъ вы такъ хлопотали, чтобъ его помѣстили, какъ бы предчувствуя услугу, которую онъ долженъ былъ слѣдать. Вотъ теперь связь на всегда сдѣлана между имъ и вашимъ сыномъ (*).

Вы пишите, что у васъ въ дворцѣ Царскосельскомъ и вездѣ чистятъ и посыпаютъ пескомъ для прибытія государя, а что вы симъ пользуетесь. Я оное пересказалъ государю, а онъ велѣлъ вамъ написать, что вы не благодарные, ибо онъ велѣлъ чистить и посыпать пескомъ для васъ, жителей Царскосельскихъ; а вы относите это къ пріуготовленіямъ, дѣланнымъ для его величества. Вы видите, что государь и въ отсутствіи печется о васъ.

Прощайте, будьте здоровы и кланяйтесь Лицейнымъ и Пансіоннымъ, которые лучше другихъ изъ своей собратіи. Вашъ покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Москва
4 Ноября
1817

P. S. Государь поручилъ мнѣ спросить у васъ, не можно ли устроить такъ, чтобъ можно было помѣстить въ Лицей, а не въ Пансіонъ, не въ примѣръ другимъ, молодаго графа Шереметева, съ тѣмъ, что ежели онъ по наукамъ не можетъ быть въ курсѣ Лицея, то дома могъ бы получать уроки и когда сравнялся бы съ учениками Лицея, то тогда бы онъ ходилъ въ классы съ прочими.

Вотъ предположеніе его величества. Онъ желаетъ знать ваше мнѣніе, чтобъ потомъ рѣшиться, какъ поступить. Не говорите о семъ никому, ибо государь ничего еще положительнаго не сдѣлалъ. Онъ, вы, да я только о семъ извѣстны.

Примѣчаніе Энгельгарта на этомъ письмѣ.

Изъятія изъ хорошихъ правилъ всегда вредны, а это изъятіе преимущественно вредно: богатство Шереметева не даетъ ему никакого права на сіе преимущество, и потому я полагаю, что поступленіе его не должно имѣть мѣста.

Графъ Шереметевъ такъ и не поступилъ въ лицей.

II.

Москва 3 Декабря 1817.

Извините меня, что такъ давно не отвѣчалъ на ваши письмы, по причинѣ что не имѣлъ еще самъ отвѣта или лучше сказать еще не докладывалъ. Теперь спѣшу вамъ дать пріятное извѣстіе, въ которомъ я и не сомнѣвался, ибо государь охотно награждаетъ тѣхъ, кои столь полезны какъ вы. Его величество нашелъ только, что серебромъ нельзя дать жалованья для примѣра: всякой станетъ просить, что невозможно, а онъ приказалъ мнѣ заготовить указъ, такъ, чтобъ вамъ положено было сверхъ жалованья пять тысячь столовыхъ да двѣ тысячи на переѣзды по должности изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Я спѣшилъ вамъ дать сіе извѣстіе прежде, чѣмъ указъ подписанъ.

О шкафахъ съ библіотекою буду писать по высочайшему повелѣнію къ генералу Захаржевскому (*) объ

(*) Воспитанникъ Карамышевъ (Модестъ Дмитріевичь) болѣе опредѣленъ въ Лицей по энергическому ходатайству Энгельгарта хотя вмѣсто него хотѣли помѣстить сына какого то вельможи. Карамышевъ спасъ директорскаго сына отъ потопленія въ Царскосельскомъ пруду.

(*) Полицеймейстеръ Царскаго Села, въ то время артиллеріи генералъ-маіоръ Яковъ Васильевичъ Захаржевскій.

отдачѣ оныхъ, а объ оградѣ государь мнѣ сказалъ, что онъ уже назначилъ линію какъ забору быть, а вамъ велѣлъ снестись съ Захаржевскимъ. Ежели вамъ достаточно будетъ для цѣли нашей то напишите ко мнѣ, и можетъ Лицей на свои деньги оное выстроить, а къ Захаржевскому князь Волхонской будетъ писать съ своей стороны по повелѣнію государеву; но еще не писано, такъ вы можете освѣдомляться, и послѣ сей конференціи вы мнѣ скажете окончательное ваше мнѣніе. Сіе дѣло не можемъ мы кончить.

Супругѣ вашей мое нижайшее почтеніе. Пребываю навсегда вашъ покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Радуюсь, что во вѣхъ письмахъ вашихъ вижу, что у васъ благополучно.

ПИСЬМО ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА“

Мы получили отъ его высокопревосходительства, господина управляющаго Морскимъ Министерствомъ Н. К. Краббе слѣдующее письмо. *П. Б.*

Милостивый государь Петръ Ивановичъ. Изъ возраженій, появляющихся въ газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ противъ статьи „Изъ записокъ Севастопольца“, помѣщенной въ № 12-мъ „Русскаго Архива“ за 1867 г., вамъ извѣстно, какое сильное, всеобщее негодованіе возбуждено лживыми показаніями этой статьи.

Чувство это проявилось еще съ большею силою въ кругу моряковъ и, особенно, въ средѣ офицеровъ прежняго Черноморскаго флота, близко знавшихъ покойныхъ адмираловъ: Лазарева, Корнилова и Нахимова, не по однимъ только служебнымъ отношеніямъ, но и въ домашнемъ ихъ быту.

Въ телеграмахъ, протестахъ и заявленіяхъ, получаемыхъ мною со всѣхъ сторонъ отъ лицъ, служащихъ и служившихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, выражается общее негодованіе, возбужденное статьею, набрасывающею тѣнь на имена людей, составляющихъ гордость и славу Русскаго флота.

Главный начальникъ флота, Государь Великій Князь Генералъ Адмиралъ, раздѣляя чувства своихъ сослуживцевъ, и притомъ имѣя въ виду, что для исторіи государственныхъ дѣятелей драгоцѣнны правдивыя заявленія современниковъ, коротко знакомыхъ съ ихъ общественною и частною дѣятельностію, изволилъ поручить мнѣ просить васъ, милостивый государь, помѣстить настоящее письмо мое на страницахъ вашего журнала, имѣющаго цѣлью, добросовѣстнымъ собираніемъ матеріаловъ, облегчить труды будущихъ историковъ.

Честь нашего флота и справедливость требуютъ, чтобы рядомъ со статьею, выражающею личное воззрѣніе одного неизвѣстнаго лица, историкъ (на долю котораго выпадетъ лестный трудъ составленія біографіи творцевъ нравственной силы Черноморскаго флота, безсмертныхъ въ памяти моряковъ, доблестныхъ гражданъ и славныхъ адмираловъ: Лазарева, Корнилова и Нахимова) имѣлъ предъ собою единодушное заявленіе полнѣйшаго негодованія всего Русскаго флота къ лживымъ обвиненіямъ со стороны анонимнаго автора, тщательно скрывающаго свое имя. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Н. Краббе.

Петербургъ.
6 марта 1868 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Обиліе собираемыхъ нами историческихъ бумагъ и статей подаетъ намъ счастливую возможность, независимо отъ Русскаго Архива и — какъ смѣемъ надѣяться — — не въ ущербъ содержанію онаго, печатать особый сборникъ, уже не тетрадями, а безсрочно выходящими книгами подъ заглавіемъ:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Содержаніе первой, появившейся книги этого историческаго сборника, помѣщено на оберткѣ нынѣшняго выпуска Рускаго Архива. Для второй книги между прочимъ приготовлено:

1. Письма о Россіи Испанскаго посла *Дюка-де-Лиріи* (переводъ съ неизданныхъ подлинниковъ).
2. Переписка братьевъ *графовъ Чернышевыхъ* съ И. И. Шуваловымъ.
3. Бумаги И. И. Шувалова.
4. Антидомъ, полетическое сочиненіе Екатерины II-й.
5. Семейство Разумовскихъ, біографическое изслѣдованіе *А. А. Васильчикова.* и пр. и пр.

ДѢЛО О ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦАХЪ МОСКОВСКАГО ПРАВЛЕНІЯ, УЧРЕЖДЕННАГО ФРАНЦУЗАМИ, ВЪ 1812 ГОДУ.

Солдаты „великой арміи", вступая въ Москву, расчитывали на лавровые вѣнки, на теплыя квартиры, долгій отдыхъ, обильную пищу и богатую поживу. Вмѣсто всего этого они нашли пустыя улицы, покинутые дома и склады всякаго добра, брошеннаго не для ихъ поживы, а въ жертву огня, зажженнаго рукою патріота. Разочарованіе было полное. Дозволенный грабежъ не могъ удовлетворить всѣхъ. Напрасно маршалы и генералы старались убѣжденіемъ и угрозами удержать грабителей и спасти остатки провіанта, для правильнаго продовольствія арміи: безпорядки не прекращались, а жизненныя средства истощались все болѣе и болѣе. На ласковыя воззванія, обращенныя къ окрестнымъ жителямъ столицы, отъ лица вражескихъ начальниковъ, съ приглашеніемъ снабжать съѣстными припасами городскіе рынки, — расчитывать было невозможно (1). Надо было найти мѣры, которыя бы могли внушать болѣе довѣрія: и вотъ Наполеонъ призываетъ на помощь самихъ московскихъ жителей, изъ среды которыхъ образуетъ городское управленіе.

Въ этомъ распоряженіи, заботы объ облегченіи бѣдствій жителей стояли конечно на второмъ планѣ: оставшееся населеніе было такъ немногочисленно (2), что обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, учреждаемаго военнаго управленія (при усиленныхъ караулахъ, патруляхъ и разъѣздахъ) было бы вполнѣ достаточно, для огражденія мирныхъ обывателей; и будь дѣятельность двухъ губернаторовъ и коменданта (3) направлена къ этой цѣли, не потребовалось бы участія жителей въ правленіи. Да наконецъ назначеніе интенданта Лессепса предсѣдателемъ муниципальнаго правленія не прямо ли указываетъ на главную функцію новаго учрежденія — заботиться о продовольствіи нуждавшагося во всемъ войска?

На обязанности городскаго управленія, раздѣленнаго на шесть отдѣленій (bureaux) лежали: закупка провіанта, размѣщеніе войскъ по квартирамъ, содержаніе улицъ, дорогъ и мостовъ, очищеніе улицъ отъ труповъ, освѣщеніе города, наблюденіе за порядкомъ и тишиной, чиненіе правосудія, смотрѣніе за гошпиталями, огражденіе порядка богослуженія, надзоръ за ремесленниками и пособіе нуждающимся жителямъ. Кругъ его дѣятельности, какъ видно, былъ обширенъ; но трудно опредѣлить, на сколько эта дѣятельность была благотворна для города и жителей, съ одной стороны, и для наполеоновской арміи — съ другой. Разсказы очевидцевъ изъ обывателей не свидѣтельствуютъ,

---

(1) См. случай, разсказанный на стр. 796 Русск. Арх. 1864 г., 2-го изданія.

(2) Ростопчинъ, отвѣчая на запросы Кутузова, въ отношеніи своемъ, отъ 28 окт. 1812 г., № 41, пишетъ, что онъ не можетъ точно опредѣлить число остававшихся въ Москвѣ жителей, но полагаетъ, что, при вступленіи непріятеля, ихъ было около 10,000, а при выступленіи — около 3,000 (изъ секретнаго дѣла, хранящагося въ московскомъ губернскомъ архивѣ, подъ №№ 18 и 189,813, и, вмѣстѣ съ другимъ дѣломъ, которое послужило матеріаломъ для настоящей статьи, обязательно сообщеннаго въ редакцію Русскаго Архива Д. И. Иловайскимъ).

(3) Генералъ-губернаторомъ былъ маршалъ Мортье, губернаторомъ — Дюронель, комендантомъ — графъ Милліо.

чтобы, во все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ, имъ ощутительна была какая либо перемѣна къ лучшему. Что же касается до продовольствія войска, то извѣстно, что, при выступленіи непріятеля изъ столицы, были сожжены имъ значительные хлѣбные магазины, что и за тѣмъ, вошедшими въ Москву, русскими войсками найдено были нѣсколько лабазовъ съ хлѣбомъ ([4]), и что движеніе французской арміи затруднялось большими стадами рогатаго скота ([5]); такъ что можно предполагать, что, въ этомъ отношеніи, если не собственно муниципалитетъ, то нѣкоторые изъ членовъ его отчасти помогли французскимъ интендантамъ.

Личный составъ муниципалитета, не считая предсѣдателя-интенданта, состоялъ изъ головы, его товарищей, членовъ, секретаря и казначея. Полицейская часть была поручена полицмейстеру, коммиссарамъ и ихъ помощникамъ. При управленіи состояли переводчики и особые чиновники, для закупокъ провіанта и для другихъ секретныхъ порученій.

Сознательно принявшихъ на себя званія и должности изъ рукъ непріятеля было самое ничтожное число: нѣсколько иностранцевъ, которыхъ было половина на общее число всѣхъ должностныхъ лицъ; еще менѣе Русскихъ, и между ними такіе, которые еще до этого были замѣшены въ разныхъ предосудительныхъ дѣлахъ и надѣялись, пользуясь покровительствомъ враговъ, поживиться чужимъ добромъ. За тѣмъ были и въ расплохъ захваченные, которые, принятіемъ на себя не прямо компрометирующей обязанности, спасали себя и семью отъ голодной смерти. Большая же часть, какъ выразился Сенатъ, судившій ихъ проступки, — вступила въ правленіе по слабости духа и покорилась неволи и праву сильнаго.

([4]) Донесеніе изъ Москвы, отъ 21 октября (Русск. Арх. 1866 г., стр. 699).

([5]) Исторія отечественной войны г. Богдановича, т. III, стр. 6.

Тѣмъ не менѣе, хотя, въ большинствѣ случаевъ, должностныя лица правленія и вербовались насильно, но непріятель хотѣлъ нужнымъ сдѣлать уступку требованіямъ совѣсти и придать ихъ обязанностямъ характеръ, маскировавшій измѣну: новое городское управленіе назначалось не для однихъ интендантскихъ операцій, а для водворенія порядка въ городѣ и для огражденія безопасности жителей столицы.

Наконецъ, въ оправданіе тѣхъ московскихъ чиновниковъ, которые остались въ покинутой столицѣ и тѣмъ подвергли себя угрозамъ и насилію, (вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ нашлись вынужденными искать спасенія въ принятіи должностей) приведемъ подлинныя слова Ростопчина, имѣющія къ тому же интересъ болѣе общій, и которыми онъ оканчиваетъ свой рапортъ Сенату ([6]): „Въ заключеніе сего, „я поставляю долгомъ Правительствую„щему Сенату донести, что всѣмъ, въ „Москвѣ, находившимся чиновникамъ, „при нашествіи непріятельскомъ, невоз„можно было дать повелѣнія о выѣздѣ: „1) потому что главнокомандующій тог„да арміями, князь Кутузовъ заблаго„разсудилъ увѣрять меня письмами, а „народъ — печатными извѣщеніями, что „онъ надѣется, и послѣ Бородинской „баталіи, отстоять столичный градъ „отъ непріятеля, бывъ рѣшенъ защи„щать его, что мнѣ еще повторилъ 1-го „сентября, въ часъ пополудни, на По„клонной горѣ; а того же дня рѣшить„ся изволилъ оставить въ ночь Москву, „о чемъ мнѣ далъ знать въ 12-мъ часу „ночи. 2) Всякое заблаговременное не „только повелѣніе оставить Москву, но „и самомалѣйшее подозрѣніе произвело „бы бунтъ, со всѣми бѣдственными его „послѣдствіями; а моя цѣль состояла

([6]) 28-го іюля 1814 г., № 2179 (дѣло о чиновникахъ и разнаго званія людяхъ, бывшихъ при непріятелѣ и подлежащихъ разбирательству коммиссіи, на сей предметъ учрежденной. Москов. губерн. арх., № 14, — № 189,809; по старой описи № 61, № 57).

„единственно въ томъ, чтобъ спокойствіемъ Москвы сохранить спокойствіе „и во всей Россіи, спасти жителей столицы и оставить ее на погибель непріятеля, безъ людей и безъ пищи: „въ чемъ, благодареніе Всевышнему! „успѣлъ совершенно“.

12-го октября, въ Москву вошли русскія войска (7). Иловайскій, Бенкендорфъ (8) и кн. А. А. Шаховской тотчасъ приступили къ нелегкому дѣлу водворенія порядка въ разоренной столицѣ. Обращено было вниманіе и на должностныхъ лицъ французскаго правленія. По приказанію Бенкендорфа, исправлявшій должность полицмейстера, маіоръ Гельманъ арестовалъ бывшаго голову, купца Находкина, захватилъ всѣ его бумаги и книги; руководствуясь найденнымъ между ними спискомъ, со всѣхъ, опредѣленныхъ въ разныя должности, чиновниковъ (кромѣ Бестужева-Рюмина, не оказавшагося въ Москвѣ) отобралъ объясненія, обязалъ ихъ подписками не выѣзжать изъ Москвы и приставилъ за ними надзоръ. Бумаги, книги и списокъ, найденные у купца Находкина, были немедленно препровождены къ государю (9). Но въ упомянутомъ спискѣ перечислены были не всѣ лица, которыя приняли участіе во французскомъ правленіи; многія изъ нихъ уже успѣли выбраться изъ Москвы, вслѣдъ за войскомъ маршала Мортье (10).

Въ это время Ростопчинъ, зорко слѣдившій изъ Владиміра за всѣмъ, что происходило и въ Москвѣ, и въ русской арміи, и у непріятеля, не переставалъ своими воззваніями поддерживать въ народѣ бодрость духа и грозилъ малодушнымъ, которые „злодѣя послушаютъ и къ Французу преклонятся“, судомъ и поруганіемъ въ здѣшней жизни и вѣчнымъ огнемъ — въ будущей (11). Между тѣмъ военныя и гражданскія власти и начальники ополченій доставляли ему разныя свѣдѣнія о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ, и препровождали на его распоряженіе людей, уличенныхъ въ подговариваніи крестьянъ снабжать непріятеля провіантомъ, или въ оказаніи ему другихъ услугъ. Ростопчинъ помѣщалъ ихъ временно во владимірскій острогъ, откладывая дальнѣйшее разслѣдованіе ихъ виновности до болѣе удобнаго времени. Пылкость Ростопчина, особенно въ дѣлахъ, затрогивавшихъ его патріотическія опасенія, вовлекала его при этомъ въ невольныя ошибки (12). Новиковъ и

(7) Замѣчательна невѣрность въ обозначеніи этого знаменательнаго для Россіи дня, у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей: Бантышъ-Каменскій, въ своемъ »Словарѣ достопамятныхъ людей« (1847 г., т. III, стр. 161), относитъ вступленіе Иловайскаго къ 11-му октября; въ »Учебной книгѣ русской исторіи« Соловьева повторяется та же ошибка; въ книгѣ г. Богдановича, выходъ изъ Москвы послѣднихъ непріятельскихъ войскъ и вступленіе въ нее Иловайскаго обозначены подъ однимъ и тѣмъ же 11-мъ (23-мъ) числомъ. Между тѣмъ каждому московскому жителю извѣстно, что избавленіе Москвы отъ нашествія Галловъ и съ ними двудесяти языковъ ежегодно празднуется церковнымъ ходомъ вокругъ всего кремля, въ ближайшее воскресенье къ 12-му октября. И понятно почему празднуется именно 12-ое, а не 11-ое число: вслѣдъ за выходомъ Мортье, послѣдовавшимъ, по свидѣтельству автора »Исторіи Отечественной войны«, *вечеромъ въ шесть часовъ 11-го (23-го) числа*, наступила страшная для Москвы ночь, — ночь взрывовъ и пожаровъ; слѣдовательно 11-ое число никакъ нельзя принять за день избавленія, который и могъ только наступить съ новой зарей, когда Иловайскій, узнавъ о выходѣ Мортье, вошелъ въ городъ *поутру*, какъ свидѣтельствуетъ и г. Богдановичь.

(8) Г. Богдановичь (т. III, стр. 23) называетъ при этомъ генералъ-маіора Бенкендорфа полковникомъ.

(9) См. рапортъ Иловайскаго Ростопчину, отъ 16-го октября (Русск. Архивъ 1866 г., стр. 695—697); при рапортѣ напечатанъ и упомянутый здѣсь списокъ.

(10) Ист. отеч. войны, т. III, стр. 21.

(11) Посланіе къ крестьянамъ, жителямъ московской губерніи, обнародованное 20-го сентября (Собр. соч. гр. Ростопчина, изд. Смирдина, стр. 178—182).

(12) Впослѣдствіи, во время производства слѣдствія, отвѣчая на предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ — нѣкоторымъ невиннымъ купцамъ дозволить, для устройства своихъ дѣлъ, выѣздъ изъ Москвы, — Ростопчинъ выразился, что тутъ невинныхъ нѣтъ, а есть болѣе или менѣе виновные, и потому онъ считаетъ невоз-

его друзья также обратили на себя вниманіе подозрительнаго патріота; но неосновательность этихъ подозрѣній пала сама собою, и уже, въ слѣдственномъ дѣлѣ, изъ именъ, связанныхъ съ воспоминаніями о бывшей типографской компаніи, встрѣчается только имя Ключарева, и то не самаго Ѳедора Петровича, а сына его, который впрочемъ былъ совершенно оправданъ и ни въ чемъ предосудительномъ не изобличенъ.

Возвратившись въ Москву, Ростопчинъ, съ свойственной ему неутомимостью и энергіей, сталъ продолжать начатое Иловайскимъ и Бенкендорфомъ дѣло, и особенныя заботы обратилъ на положеніе бѣднѣйшихъ жителей столицы. По его представленію о домахъ и имуществѣ тѣхъ, которые послѣдовали за непріятелемъ, комитетъ министровъ разрѣшилъ ему (13) — дома, до времени, конфисковать въ казну и употребить на нужныя помѣщенія, а имущество продать съ публичнаго торга и деньги обратить на вспоможеніе наиболѣе нуждающимся обывателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена была (14) слѣдственная коммиссія по дѣлу о чиновникахъ и разнаго званія людяхъ, бывшихъ при непріятелѣ въ разныхъ должностяхъ. Членами этой коммиссіи были назначены Ростопчинъ и два петербургскіе сенатора, Модерахъ и Болотниковъ. Тотчасъ Ростопчинъ снесся со всѣми начальниками губерній, лежащихъ въ районѣ военныхъ дѣйствій, съ просьбой высылать въ Москву всѣхъ доставленныхъ къ нимъ съ передовыхъ нашихъ постовъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ (15).

Скоро матеріала для дѣятельности коммиссіи набралось много; такъ что, 3-го декабря, увѣдомляя петербургскаго главнокомандующаго Вязмитинова о полученіи захваченныхъ у купца Находкина бумагъ, Ростопчинъ извѣщалъ его, что въ тотъ же день коммиссія откроетъ свои засѣданія (16). Слѣдственная коммиссія исполнила свое дѣло менѣе чѣмъ въ три мѣсяца; и 16-го февраля 1813 года, Ростопчинъ представилъ оконченное слѣдствіе министру юстиціи, который передалъ его въ Сенатъ. Нѣсколько разъ Сенатъ требовалъ дополнительныхъ свѣдѣній о подсудимыхъ; нашелъ возможнымъ освободить нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ содержанія въ тюрьмѣ и отдать ихъ, до окончанія дѣла, на поруки (17); и наконецъ, 8-го іюля 1815 г., препроводилъ въ московское губернское правленіе указъ, заключавшій сужденіе о степени виновности каждаго изъ подсудимыхъ и постановленіе надъ ними приговора. „Вины", говорилъ сенатскій указъ, „большею частью состоятъ въ одной только слабости духа, не позволившей имъ „упорствовать съ твердостью противъ „угрозъ и насилій безчеловѣчнаго врага, коего власти покорены были они „неволею и правомъ сильнаго". Однако были и такіе, „коихъ предосудительные „поступки и подозрительныя дѣйствія, „въ исполненіи возложенныхъ на нихъ „отъ непріятеля должностей и разныхъ „порученій, обнаруживаютъ въ нихъ „людей сомнительной нравственности и „правилъ, противныхъ какъ святости „присяги вѣрноподданнаго, такъ и обязанностямъ добраго гражданина". Къ

можнымъ допустить этихъ купцовъ разъѣзжать по Россіи, безъ высочайшаго на то разрѣшенія (4-го сентября 1813 г.).

(13) Отношеніе комитета, отъ 11-го ноября 1812 г., за № 171.

(14) Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, 9-го ноября 1812 г.

(15) Въ числѣ лицъ, пересланныхъ, вслѣдствіе этого распоряженія, въ Москву, оказалось много такихъ, которыя не имѣли ничего общаго съ московскимъ муниципалитетомъ, и занимали подобныя должности въ Смоленскѣ. Ростопчинъ, находя, что слѣдствіе о такихъ лицахъ удобнѣе производить на мѣстѣ, и имѣя въ виду, что московская коммиссія учреждена исключительно для Москвы, представилъ этотъ вопросъ, черезъ посредство Вязмитинова и Балашова (6-го февр. 1813 г., № 356 и 357), на усмотрѣніе государя; и черезъ нѣсколько времени, въ Смоленскѣ была учреждена особая коммиссія.

(16) Отношеніе Ростопчина за № 249.

(17) Указъ сената, отъ 29-го января 1814 г.

числу такихъ отнесены 22 лица, виновность которыхъ мы прослѣдимъ, по имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ.

Отставной прапорщикъ Паланжъ и гимназическій учитель Реми, оба исправлявшіе должности коммиссаровъ, были изобличены въ распространеніи непріятельскихъ прокламацій; и Сенатъ приговорилъ ихъ къ лишенію чиновъ и личнаго дворянства и къ ссылкѣ на житье въ Тобольскъ.

Коммиссаръ Бушотъ, иностранецъ, принимавшій присягу, былъ уличенъ въ представленіи французскимъ властямъ рапорта, въ которомъ выражалъ необходимость принять мѣры противъ русскихъ раненыхъ. Какъ измѣнившій присягѣ, онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Иностранцевъ Фабера, Ивана Визара и Лаланса, принявшихъ должности коммиссаровъ и изобличенныхъ въ стараніи внушать довѣріе къ французскому правительству, въ вербованіи полицейскихъ служителей и подговариваніи обывателей доставлять непріятелю жизненные припасы, Сенатъ приговорилъ къ высылкѣ за границу.

Купецъ Смирновъ, бывшій коммиссаромъ при правленіи, былъ схваченъ крестьянами Вохонской волости, гдѣ распространялъ непріятельскія прокламаціи и уговаривалъ возить въ Москву всякіе припасы. Сенатъ присудилъ его къ наказанію плетьми и зачисленію въ рабочіе по уѣздному городу.

Дѣло о членѣ вотчиннаго департамента Бестужевѣ-Рюминѣ уже довольно извѣстно по тремъ статьямъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей“ (18). Здѣсь же достаточно будетъ указать, въ нѣсколькихъ словахъ, на то, что имѣлъ въ виду Сенатъ, при сужденіи и виновности этого чиновника: Бестужевъ-Рюминъ жилъ въ одномъ домѣ съ адъютантомъ Наполеона, подполковникомъ Фонъ-Нивельтомъ; имѣлъ на своихъ воротахъ надпись — „Жилище товарища городскаго головы;“ пользовался защитой Французовъ и носилъ черезъ плечо отличительный знакъ, въ видѣ красной перевязи. Кромѣ того уже состоявшееся заключеніе комитета министровъ (октябрь 1814 г.) дѣлало Бестужева отвѣтственнымъ за утрату экономической суммы вотчиннаго департамента. Но главный поводъ къ подозрѣніямъ онъ далъ тѣмъ, что выѣхалъ изъ Москвы именно въ самый день вступленія нашихъ войскъ и не явился тотчасъ къ начальнику этихъ войскъ, генералу Иловайскому; что онъ не былъ вынужденъ къ столь поспѣшному выѣзду крайностью своего положенія, доказывалось, по мнѣнію Сената, тѣмъ, что онъ пріѣхалъ въ деревню братьевъ своихъ, съ двумя повозками и въ сопровожденіи своихъ служителей. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ не могла не служить Сенату достаточнымъ основаніемъ, чтобы постановить въ приговорѣ: Бестужева-Рюмина впредь никуда на службу не принимать и лишить пенсіона.

Въ засѣданіи университетскаго совѣта, бывшемъ 24-го августа 1812 года, попечитель Кутузовъ объявилъ профессорамъ, что, въ виду приближающейся опасности, всѣ желающіе могутъ немедленно выѣхать изъ Москвы, предваривъ только о мѣстѣ своего будущаго пребыванія. 30-го же числа, всѣ профессора, безъ изъятія, по предписанію Ростопчина, получивъ треть жалованья, прогоны на тройку и билеты для выѣзда изъ Москвы, стали выбираться по дорогѣ къ Нижнему Новгороду. Профессоръ Штельцеръ присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, получилъ жалованье и прогонныя деньги и, 1-го сентября, явился къ ректору Гейму за билетомъ, объявляя, что онъ выѣдетъ изъ Москвы неотмѣнно. Но вмѣсто этого, онъ только вывезъ свою семью, а самъ возвратился въ Москву, гдѣ успѣлъ снискать благосклонность маршала Нея, вступилъ въ члены муниципалитета и, уже

---

(18) 1859 г., т. II. Смѣсь, стр. 65—89, 90—92 и 163—184.

какъ чиновникъ французскаго правительства, перевезъ обратно въ городъ и семью и пожитки, подъ конвоемъ французскаго офицера и 15-ти солдатъ. Штельцеръ же утверждалъ, что онъ тщетно искалъ способа выбраться, и что онъ силою былъ принужденъ принять должность въ муниципалитетѣ; свое пребываніе въ Москвѣ онъ объяснялъ тѣмъ, что о приказаніи выѣхать изъ города онъ ничего не слыхалъ, и что онъ затрудненъ былъ, для выѣзда, въ денежномъ отношеніи, получивъ свое жалованье мѣдью, которую долженъ былъ сложить у себя въ погребѣ. Но оказалось, что мѣдной монетой ему, какъ и всѣмъ остальнымъ профессорамъ, была выдана только третья часть жалованья; и потому это обстоятельство не могло его затруднить, если бы онъ дѣйствительно желалъ оставить городъ. Все это было подтверждено показаніями ректора и другихъ университетскихъ чиновъ. Такъ что, хотя Сенатъ и не нашелъ прямыхъ обвиненій противъ Штельцера въ совершеніи вредныхъ дѣйствій, какъ члена французскаго правленія, — но самовольное пребываніе въ Москвѣ, снисканіе расположенія непріятельскаго маршала и ложныя показанія его на слѣдствіи навлекли на него въ приговорѣ лишеніе чина и высылку за границу.

Архитекторскій помощникъ Щербачевъ, при формированіи ополченскихъ полковъ, подалъ прошеніе о зачисленіи его въ первый егерскій полкъ; когда же пришлось явиться на службу, онъ отговорился тяжкой болѣзнью, которая однако не помѣшала ему, по его собственнымъ показаніямъ, передъ вступленіемъ непріятеля, таскать изъ арсенала разное оружіе, для вооруженія себя и своихъ людей. За тѣмъ онъ показывалъ, что былъ схваченъ на улицѣ, въ другой же разъ, — что былъ взятъ въ своей квартиры, и приведенъ къ Наполеону, къ свитѣ котораго и былъ причисленъ; но увѣрялъ, что никакой при этомъ должности не исправлялъ. Между тѣмъ трудно предположить, чтобы человѣкъ безполезный, ничего не дѣлавшій, не исполнявшій никакихъ порученій, даромъ обременялъ свиту императора. Кромѣ того оправданія Щербачева влекли за собой обвиненія другихъ, которые, какъ оказалось, не только не заслуживали порицанія за предосудительныя поступки, но еще принесли значительную пользу, ограждая личную безопасность и спасая имущество многихъ беззащитныхъ жителей; такъ былъ оговоренъ имъ чиновникъ Вишневскій. Сенатъ, вообще въ сужденіи этого дѣла показавшій много осмотрительности и сдержанности, постановилъ о Щербачевѣ, какъ навлекшемъ на себя сильныя подозрѣнія въ совершеніи важныхъ противузаконныхъ поступковъ, чтобы впредь его никуда на службу не принимать.

Иностранцы Маркъ, Меньенъ, Кустъ, Рэбэ, Бекаделли, Канашевскій и Гейбель, хотя и не принимали присяги и, занимая разныя должности, не изобличены во вредныхъ для Россіи дѣйствіяхъ, но признаны были Сенатомъ людьми неблагонадежными и присуждены къ высылкѣ за границу, первый съ лишеніемъ правъ на 14-й классъ.

Купецъ Капустинъ и дворовый человѣкъ Татариновъ оказались виновными въ передачѣ и чтеніи при народѣ непріятельскихъ прокламацій. Такъ какъ поступки ихъ, хотя и положительно вредные, были приписаны неосмотрительности, то вся отвѣтственность ихъ ограничилась мѣсячнымъ содержаніемъ подъ карауломъ.

Французъ Виллерсъ, магистръ московскаго университета и секретарь Общества испытателей природы, содержалъ учебный пансіонъ, для дѣтей мужскаго пола. Конечно не безъ умысла оставшись въ Москвѣ, онъ принялъ на себя должность полицмейстера, уговаривалъ другихъ поступать въ коммиссары и сыщики и представилъ французскому коменданту списокъ лицъ, способныхъ занять эти должности. Когда

же Наполеонъ рѣшился оставить Москву, то Виллерсу выданы были деньги для отъѣзда, и онъ отправился въ Варшаву. Но, видя, что преслѣдованіе французской арміи нашими войсками можетъ кончиться для нея и для него весьма неблагопріятно, онъ не продолжалъ отступленія и предпочелъ удалиться въ Шкловъ, а оттуда въ стародубскій повѣтъ, Черниговской губерніи, гдѣ пріютился у одного помѣщика Бороздны, дѣтей котораго онъ воспитывалъ. Здѣсь онъ былъ задержанъ и препровожденъ въ Москву. Пробывъ нѣсколько времени во временной тюрьмѣ, онъ былъ вытребованъ министерствомъ полиціи въ Петербургъ и освобожденъ. Не имѣя нужныхъ объ немъ свѣдѣній, Сенатъ воздержался отъ постановленія надъ нимъ приговора.

Купецъ Дюлонъ не былъ изобличенъ въ оказаніи особенныхъ услугъ непріятелю, въ званіи товарища головы, но подозрѣвался въ участіи составленія городскаго правленія и въ подговариваніи другихъ къ принятію должностей; нѣкоторые подсудимые прямо показывали, что были приводимы къ нему и за тѣмъ назначались къ должностямъ. Тѣмъ не менѣе Сенатъ, за недостаткомъ свѣдѣній, не постановилъ о немъ никакого приговора.

Купецъ Прево, одинъ изъ коммиссаровъ, тоже за недостаткомъ свѣдѣній, не былъ изобличенъ въ предосудительныхъ дѣйствіяхъ; а потому Сенатъ не постановилъ и о немъ приговора. Но слѣдствіемъ обнаружено, что онъ, изъ торговыхъ цѣлей, нашелъ выгоднымъ принять присягу, оставаясь въ тоже время подданнымъ французскимъ, — что удостовѣряла бумага, выданная ему французскимъ консуломъ, Шато д'Орфланомъ: это обстоятельство возбудило законодательный вопросъ о присягѣ иностранцевъ.

Поименованныя лица составляютъ первую категорію подсудимыхъ, которыхъ Сенатъ нашелъ заслуживающими наказанія. Ко второй категоріи причислены (37 человѣкъ) тѣ, которые исполняли возложенныя на нихъ непріятелемъ порученія, но не были изобличены въ принятіи должностей добровольно. Для примѣра укажемъ только на купцовъ Коробова, облеченнаго въ званіе товарища старшины, Козлова, члена муниципалитета, и нѣкоторыхъ другихъ съ чисто-русскими именами, которые были отправляемы въ окрестныя деревни, для закупки провіанта: порученія эти конечно даваемы имъ были, съ цѣлью внушать ихъ именами болѣе довѣрія въ крестьянахъ; но исполнялись ими эти порученія, подъ надзоромъ отряда, который въ свою очередь долженъ былъ внушать страхъ невольнымъ исполнителямъ воли сильнаго. Вообще всѣ дѣла и распоряженія лицъ этой категоріи не принесли, какъ оказалось, никакой пользы непріятелю; а нѣкоторыя изъ этихъ лицъ еще способствовали сохраненію казеннаго имущества: такъ напримѣръ, членъ муниципалитета Сущовъ, остававшійся въ Москвѣ, по предложенію университетскаго начальства, ознаменовалъ свое участіе въ дѣлахъ французскаго правленія только тѣмъ, что охранилъ отъ разграбленія университетскую типографію.

Третью категорію, въ сенатскомъ указѣ, составляютъ лица, не занимавшія никакихъ должностей и привлеченныя къ слѣдствію, по одному подозрѣнію; такихъ оказалось 21. Если нѣкоторые изъ нихъ и значатся въ спискахъ занимавшими должности, то слѣдуетъ объяснить это тѣмъ, что они были зачислены только на бумагѣ, а что на дѣлѣ они не принимали никакого участія въ правленіи. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, находится имя надворнаго совѣтника Вишневскаго, оговореннаго показаніями подсудимаго Щербачева; по слѣдствію же оказалось, что ему обязаны сохраненіемъ такъ называемаго Запаснаго дворца, спасеніемъ жизни пяти приходскихъ священниковъ и около 500

разнаго званія людей и огражденіемъ отъ разграбленія ихъ имущества ([19]).

Особо отъ другихъ стоятъ въ указѣ два имени, — купца Познякова и канцеляриста Орлова. Позняковъ былъ употребленъ французскимъ интендантомъ для закупокъ провіанта; но этимъ не ограничились его преступленія: онъ пользовался своимъ офиціальнымъ положеніемъ, для обращенія въ свою собственность чужихъ товаровъ; и московская уголовная палата приговорила его къ каторжной казнѣ; такъ что Сенатъ и не входилъ въ сужденіе о его виновности, какъ должностнаго лица французскаго правленія. Канцеляристъ Орловъ былъ захваченъ въ Черной Грязи, гдѣ распрашивалъ о расположеніи русскихъ войскъ, при чемъ на немъ найденъ французскій билетъ: Орловъ былъ признанъ Сенатомъ шпіономъ и измѣнникомъ.

Кромѣ того, по высочайшему повелѣнію, Сенатъ разсматривалъ дѣло объ отставномъ шталмейстерѣ Загряжскомъ, о которомъ еще до слѣдствія, въ донесеніи изъ Москвы ([20]), на имя Ростопчина, говорилось, на основаніи его собственныхъ словъ, что онъ жилъ вмѣстѣ съ бывшимъ французскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, Коленкуромъ, и что, благодаря своей дружбѣ съ нимъ, онъ успѣлъ избавить множество Русскихъ отъ грабежей. Ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ онъ не былъ изобличенъ; но вопросъ о томъ, — оставался ли онъ въ Москвѣ, по совѣту Ростопчина или Милорадовича, или по собственному желанію, не былъ разъясненъ, вслѣдствіе прекращенія производства всего дѣла, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста.

Также осталось не разсмотрѣннымъ дѣло о квартальномъ поручикѣ Лакроа, за неимѣніемъ потребныхъ свѣдѣній.

Представляемъ здѣсь полный списокъ лицъ, привлеченныхъ къ суду Сената. Прежде всего возстановимъ составъ муниципальнаго правленія:

Городской голова:

Московскій 1-й гильдіи купецъ *Петръ Ивановъ Находкинъ*.

Товарищи городскаго головы:

1. Надворный совѣтникъ *Алексѣй Д. Бестужевъ-Рюминъ* (чиновникъ вотчиннаго департамента) имѣлъ попеченіе о бѣдныхъ.

2. Виртембергскій уроженецъ *Егоръ Меньенъ* — надзоръ за ремесленниками.

3. Московскій купецъ *Яковъ Дюлонъ* — наблюденіе за содержаніемъ дорогъ, улицъ и мостовъ.

4. Московскій именитый гражданинъ (по ученой части) *Ѳедоръ Фракманъ* — квартирмейстерскую часть.

5. Московскій купецъ *Петръ Коробовъ* — закупку провіанта.

6. Московскій купеческій сынъ *Николай Николаевъ Крокъ* — наблюденіе за спокойствіемъ и тишиной въ городѣ.

Члены муниципалитета:

1. Состоявшій въ 7-мъ классѣ *Христіанъ Штельцеръ* (профессоръ московскаго университета) наблюдалъ за спокойствіемъ народнымъ, правосудіемъ и полиціей.

2. Московскій 3-й гильдіи купецъ *Иванъ Козьминъ Козловъ* имѣлъ надзоръ за охраненіемъ порядка богослуженія и попеченіе о бѣдныхъ жителяхъ.

3. Московскій купецъ *Иванъ Переплетчиковъ* имѣлъ надзоръ за ремесленниками и попеченіе о бѣдныхъ.

([19]) Между бумагами А. Я. Булгакова находится списокъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства, бывшихъ въ Москвѣ, во время занятія ея непріятелемъ; всего 21 человѣкъ; во главѣ списка стоятъ имена тѣхъ, которые, рѣшаясь не покидать столицы, »жертвовали собой на спасеніе казеннаго почтоваго дома«. Говоря о лицахъ, малодушно покорившихся обстоятельствамъ, и называя ихъ поименно, слѣдуетъ напомнить и имена тѣхъ, которые забывали свою личную безопасность, для общей пользы. Эти чиновники были: надворный совѣтникъ *Христофоръ Фихтнеръ*, титулярные совѣтники *Николай Руфимскій* и *Иванъ Воронинъ*, коллежскій секретарь *Петръ Рудинъ* и коллежскій регистраторъ *Павелъ Рудинъ*.

([20]) 21-го октября 1812 г. (Русск. Арх., 1866 г., стр. 699).

4. Надворный совѣтникъ *Андрей Конюховъ* (чиновникъ московскаго оберъ-егермейстерскаго вѣдомства), по квартирной части.

5. Надворный совѣтникъ *Иванъ Кульманъ* (старшій штабъ-лѣкарь въ штатѣ московской управы благочинія), смотритель надъ гошпиталями и богослуженіемъ.

6. Отставной ротмистръ *Фердинандъ Бріонъ* — по квартирной части.

7. Титулярный совѣтникъ *Христофоръ Донорович*ь имѣлъ надзоръ за ремесленниками и попеченіе о бѣдныхъ.

8. Титулярный совѣтникъ *Андрей Сущовъ* (чиновникъ вѣдомства московскаго университета) имѣлъ надзоръ за продовольствіемъ бѣдныхъ.

9. Московскій 1-й гильдіи купецъ *Василій Юдинъ Бородинъ* занимался размѣщеніемъ французскихъ войскъ.

10. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Григорій Никитинъ Кольчугинъ* имѣлъ надзоръ за гошпиталями и богослуженіемъ и попеченіе о бѣдныхъ.

11. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Василій Ѳедоровъ Коняевъ* смотрѣлъ за содержаніемъ дорогъ и мостовъ.

12. Купеческій сынъ *Павелъ Петровъ Находкинъ* имѣлъ надзоръ надъ ремесленниками и попеченіе о бѣдныхъ и исправлялъ должность переводчика.

13. Иностранецъ *Андрей* (*Генрихъ*) *Келлеръ* — по квартирной части.

14. Иностранецъ *Егоръ Мерманъ* наблюдалъ за тишиной, спокойствіемъ и правосудіемъ.

Секретарь:

Иностранецъ *Карлъ Карловъ Кустъ* считался коммиссарскимъ товарищемъ.

Казначей:

Дерптскій купецъ *Христіанъ Фэ* наблюдалъ за содержаніемъ улицъ, дорогъ и мостовъ.

Главные коммиссары:

1. Магистръ московскаго университета *Виллерсъ* исправлялъ должность полицмейстера.

2. Иностранецъ *Пюжо*.

Коммиссары:

1. Отставной прапорщикъ *Егоръ Паланжъ*.

2. Считавшійся въ 14-мъ классѣ *Францъ Реми* (учитель московской гимназіи и Александровскаго института).

3. Иностранецъ *Іосифъ Бушотъ*.

4. Иностранецъ *Иванъ Визаръ*.

5. Иностранецъ *Даніилъ Фаберъ* (художникъ).

6. Иностранецъ *Егоръ Лалансъ*.

7. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Ларіонъ Смирновъ*.

8. Московскій 3-й гильдіи купецъ *Александръ Михайловъ Прево* завѣдывалъ освѣщеніемъ города и очищеніемъ улицъ отъ валявшихся труповъ.

9. Считавшійся въ 14-мъ классѣ *Михаилъ Маркъ* (учитель Екатерининскаго института).

10. Иностранецъ *Францъ Рэбэ*.

11. Коллежскій регистраторъ *Петръ Мерсанъ* (учитель при университетскомъ пансіонѣ).

12. Иностранецъ *Гумбертъ Дро*.

13. Иностранецъ *Карлъ Лассанъ*.

14. Иностранецъ *Николай Борнъ*.

15. Иностранецъ *Іосифъ Черничь* (профессоръ физики).

Коммиссарскіе помощники:

1. Отставной ротмистръ *Петръ Басковъ*.

2. Капитанъ *Василій Галдановъ* (квартальный поручикъ въ штатѣ московской полиціи).

3. Титулярный совѣтникъ *Павелъ Нечаевъ*.

4. Титулярный совѣтникъ *Сергѣй Залетовъ*.

5. Коллежскій секретарь *Василій Виноградовъ* (чиновникъ 2-го департамента московскаго надворнаго суда).

6. Губернскій секретарь *Михаилъ Щокотовъ*.

7. Вольноотпущенный *Иванъ Ермолаевъ*.

8 Дворовый человѣкъ *Егоръ Ушаковъ*.

Переводчики:

1. Московскій купецъ *Александръ Крутицкій* по полицейской части.

2. Купеческій сынъ *Павелъ Петровъ Коробовъ.*

3. Иностранецъ *Иванъ Жеромъ* состоялъ по особеннымъ секретнымъ порученіямъ.

4. Иностранецъ *Карлъ Русло* занималъ должность смотрителя въ Спасскихъ казармахъ.

5. Иностранецъ *Туссенъ-ле-Прево д'Ирэ* былъ смотрителемъ лазарета въ Екатерининскомъ институтѣ.

Состоявшіе для разныхъ порученій:

1. Губернскій секретарь *Иванъ Щербачевъ* (архитекторскій помощникъ при штатѣ московской управы благочинія) имѣлъ особенныя порученія отъ Наполеона и Мюрата.

2. Коллежскій секретарь *Граве* (чиновникъ кремлевской экспедиціи) находился при маршалѣ Мортье, для передачи словесныхъ просьбъ.

3. Иностранецъ *Іосифъ Бенидели* исправлялъ должность коммиссарскаго помощника.

4. Иностранецъ *Андрей Каначевскій* (учитель) исправлялъ должность коммиссарскаго помощника.

5. Иностранецъ *Августъ Гейбель* исправлялъ должность коммиссарскаго помощника.

6. Московскій купецъ *Максимъ Капустинъ.*

7. Дворовый человѣкъ *Илья Татариновъ.*

Слѣдующія лица, по рѣшенію Сената, признаны не занимавшими никакихъ должностей и привлеченными къ суду, по одному подозрѣнію:

1. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Иванъ Петровъ Исаевъ*; въ „росписаніи" и „реэстрѣ", напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ (1864 г., стр. 839 и 1866 г., стр. 697), онъ значится (въ первомъ ошибочно подъ именемъ Ивана Шаева) членомъ правленія, наблюдавшимъ за содержаніемъ дорогъ и мостовыхъ.

2. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Иванъ Петровъ Дроновъ*; въ росписаніи и реэстрѣ онъ значится членомъ правленія, имѣвшимъ наблюденіе за тишиной и правосудіемъ.

3. Московскій купецъ *Василій Романовъ Шеметовъ;* въ росписаніи онъ значится имѣвшимъ надзоръ за ремесленниками, а въ реэстрѣ — завѣдывавшимъ гошпиталями и богослуженіемъ.

4. Петербургскій купеческій сынъ *Петръ Пелль*; въ росписаніи онъ названъ Петромъ Палемъ, исправлявшимъ должность секретаря городскаго правленія.

5. Титулярный совѣтникъ *Иванъ Постъловъ* (чиновникъ государственнаго московскаго для остаточныхъ суммъ казначейства); въ росписаніи включенъ въ число коммиссаровъ.

6. Губернскій секретарь *Левъ Визаръ*, иностранецъ; въ росписаніи названъ коммиссарскимъ помощникомъ.

7. Губернскій секретарь *Егоръ Нимцадзевъ* (чиновникъ московскаго оберъ-егермейстерскаго вѣдомства); въ росписаніи названъ пятидесятникомъ (*).

8. Губернскій секретарь *Александръ Петровъ* (чиновникъ московской казенной палаты).

9. Сенатскій регистраторъ *Егоръ Ромадинъ*, по росписанію — коммиссарскій помощникъ.

10. Коллежскій регистраторъ *Василій Тицунинъ* (чиновникъ московскаго оберъ-егермейстерскаго вѣдомства); въ росписаніи находится въ коммиссарскомъ спискѣ и ошибочно названъ Терпугинымъ.

11. Коллежскій регистраторъ *Иванъ Николаевъ*; по росписанію — коммиссарскій помощникъ.

12. Отставной унтеръ-офицеръ *Иванъ Мироновъ*; по росписанію — коммиссарскій помощникъ.

13. Воспитанникъ военно-сиротскаго отдѣленія *Николай Рѣпницковъ;* по росписанію — Ратниковъ, занимавшій должность десятскаго.

14. Надворный совѣтникъ *Гавріилъ*

(*) Правильнѣе: Намцадзе.

Вишневскій (чиновникъ кремлевской экспедиціи).

15. Коллежскій ассессоръ *Корбелецкій*.

16. Коммиссаріатскаго штата коммиссаръ 8-го класса *Андрей Ключаревъ*.

17. Служившій прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи литовскомъ полку *Оде-де-Сіонъ*.

18. Лѣкарь *Василій Гольмъ*.

19. Купецъ *Яковъ Шкаринъ*.

20. Еврей *Изралевичъ*.

21. Купецъ *Михаилъ Карнѣевъ*.

Лица, о которыхъ, вслѣдствіе всемилостивѣйшаго манифеста, дѣло прекратилось, были:

1. Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Петръ Загряжскій*.

2. Коллежскій регистраторъ *Павелъ Лакруа*.

3. Канцеляристъ *Орловъ*.

Подлежали суду, по другимъ дѣламъ: московскій 3-й гильдіи купецъ *Иванъ Гавриловъ Позняковъ*, согласно росписанію и реэстру, исполнявшій особыя препорученія интенданта, по закупкѣ хлѣба; и уже названный еврей Израилевичъ, отосланный въ Витебскъ.

Наконецъ нѣкоторыя лица, подвергнувшіяся слѣдствію, по разнымъ обстоятельствамъ, въ сенатскомъ указѣ не упоминаются; а именно: выше поименованный иностранецъ Пюжо, ушедшій вслѣдъ за непріятельскими войсками за границу; швейцарской службы капитанъ-поручикъ *Иванъ Леонтьевъ Буржуа*, который въ росписаніи и реэстрѣ значится имѣвшимъ смотрѣніе за гошпиталями и богослуженіемъ, и вѣроятно послѣдовалъ примѣру Пюжо; и московскій мѣщанинъ *Иванъ Штанниковъ*, который будто бы, какъ сказано въ росписаніи, былъ употребленъ Вишневскимъ, для разныхъ закупокъ для Французовъ, и во время производства дѣла умеръ. Кромѣ того многіе, привлеченные сначала къ слѣдствію, производившемуся въ Москвѣ, были отосланы въ Смоленскъ, какъ подлежащіе отвѣту передъ тамошней коммиссіей (21).

Но приговоры Сената, вслѣдствіе всемилостивѣйшаго манифеста, 30-го августа 1814 г. (22), который возвѣщалъ радостную вѣсть о водвореніи мира въ Европѣ, остались безъ исполненія. Въ седьмомъ пунктѣ § 19-го манифеста было сказано: „Напослѣдокъ, въ главнѣйшемъ и почти всецѣломъ числѣ вѣрноподданныхъ намъ народовъ, къ сожалѣнію находимъ мы нѣкоторое, но, къ утѣшенію, весьма малое число заблуждшихъ людей, изъ которыхъ иные отъ страха и угрозъ непріятельскихъ, иные отъ соблазна и обольщеній, иные же отъ развратныхъ нравовъ и худости сердца, забывъ священный долгъ любви къ отечеству и вообще къ добродѣтели, пристали къ неправой, Богу и людямъ ненавистной сторонѣ злонамѣреннаго врага. Сихъ, по мѣрѣ вины ихъ, правосудіе долженствовало бы наказать; но мы, при толь благополучномъ и радостномъ торжествѣ, уступая гласу вопіющаго въ насъ милосердія, даруемъ имъ, безъ всякаго изъятія, всеобщее прощеніе. Вслѣдствіе котораго повелѣваемъ, во всемъ пространствѣ области нашей, всѣхъ, по

(21) Такимъ образомъ въ дѣлѣ о лицахъ, принимавшихъ участіе въ правленіи, учрежденномъ въ Москвѣ Французами, перечисляются 87 именъ (не считая нѣсколькихъ неотысканныхъ личностей), изъ которыхъ 20 не находятся ни въ росписаніи, ни въ реэстрѣ. Изъ тѣхъ же лицъ, которыя исчислены въ росписаніи и реэстрѣ, не встрѣчаются въ дѣлѣ только четыре: членъ городскаго правленія *Христіанъ Федоритскій*, имѣвшій смотрѣніе за мостовыми; подлѣкарь *Филиппъ Пузыревъ*, коммиссарскій помощникъ; коммерческой академіи учитель *Богданъ Анке*, имѣвшій смотрѣніе за бѣдными, въ домѣ князя Дадіана; и иностранецъ *Крокъ* (имя это встрѣчается въ реэстрѣ два раза), наблюдавшій за охраненіемъ народнаго спокойствія. — Кстати исправимъ нѣкоторыя прежнія неправильности въ именахъ: въ росписаніи, вмѣсто Егоръ Менье (5), а въ реэстрѣ вмѣсто Менингъ (27), слѣдуетъ читать Егоръ Меньенъ; въ росписаніи вмѣсто Андрей Комаковской (51) — Андрей Канашевскій; и въ реэстрѣ вмѣсто Христофоръ Дондовидъ (16) — Христофоръ Донорovичъ.

(22) Полн. Собр. Зак., т. XXXII, 25671.

„симъ обстоятельствамъ, взятыхъ, со„сланныхъ, или инымъ какимъ обра„зомъ задержанныхъ освободить; такожъ „имѣнія или имущества ихъ, по сему „случаю конфискованныхъ, или инымъ „какимъ образомъ подъ надзоръ взя„тыхъ и по сіе время удерживаемыхъ, „по прежнему, владѣльцамъ ихъ возвра„тить, — и всѣ слѣдствія надъ ними „пресѣчь и никакихъ притязаній къ нимъ „не дѣлать; словомъ, поставить ихъ въ „то состояніе, въ какомъ находились „они прежде, до впаденія въ сію вину, „которую мы всемилостивѣйше проща„емъ и предаемъ забвенію, въ надеждѣ, „что сіе препобѣжденіе милосердія на„шего надъ правосудіемъ, приведетъ „ихъ въ полезное для нихъ раскаяніе, „и что они впредь безпорочностью жиз„ни своей изгладятъ изъ памяти люд„ской тѣ поступки, которые лишали ихъ „драгоцѣннѣйшаго для человѣка пре„имущества, — уваженія благомысля„щихъ людей". Этими словами и мы оканчиваемъ свою статью.

Николай Киселевъ.

КАКЪ БЫЛЪ ВЗЯТЪ ГОРОДЪ СОАССОНЪ

2/14 ФЕВРАЛЯ 1814 ГОДА (1).

(Извлечено изъ Дневника и добавлено позднѣйшими примѣчаніями.)

Генералъ-лейтенантъ Михайловскій-Данилевскій, описывая походъ во Францію въ 1814 году, разсказалъ о взятіи Соассона, по матеріаламъ, очевидно, односторонним и, не будучи самъ свидѣтелемъ событія, впалъ въ большія погрѣшности, которыя искажаютъ историческую истину. Михайловскому-Данилевскому всѣ вѣрили на слово, и его повѣствованія, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, вводятся во всѣ позднѣйшія сочиненія, какъ напр. особенно въ статьи Военно-Энциклопедическаго Лексикона. Между тѣмъ бумаги, хранящіяся въ архивѣ Генеральнаго Штаба, конечно показали бы многое въ иномъ свѣтѣ (2). Безусловное переписываніе невѣрныхъ повѣствованій, преображая истину, наконецъ содѣлается принадлежностію Исторіи. Генералъ Гурго справедливо замѣчаетъ (Campagne de 1815): L'erreur à force d'etre repetée finit souvent par être prise pour la réalité", т. е. повторяемое искаженіе, потому только что его повторяютъ, принимается наконецъ за истину.

Умалчиваю о томъ какъ излагается движеніе корпуса барона Винценгероде отъ Дюссельдорфа (гдѣ онъ перешелъ Рейнъ) до Лаона; это не принадлежитъ къ настоящей статьѣ, и разборъ повѣствуемаго авторомъ объ этомъ движеніи былъ бы очень про-

---

(1) Статья эта представляема была къ печати два раза, въ 1858 и 1863 годахъ; но оба раза не могла появиться въ свѣтъ по неизвѣстнымъ автору и тѣмъ не менѣе не зависѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Изъ близкихъ свидѣтелей и дѣятелей описываемаго событія до сихъ поръ находятся въ живыхъ: генералъ-адъютантъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ; въ отставкѣ, генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Пашковъ (оба тогда были адъютантами генерала барона Винценгероде); графъ Густавъ Армфельдъ; генералъ отъ инфантеріи А. Н. Бѣлогужевъ и др. Но въ 1858 году были между прочими еще живы С. Г. Волхонскій (въ 1814 году князь и дежурный генералъ) и генералъ-маіоръ баронъ В. И. Левенштернъ. Оба они, принимая живое участіе въ осадѣ Соассона, могли бы оцѣнить истину изложенія. Будь статья напечатана въ свое время, исторіографъ войны 1814 г., ген. лейт. Богдановичъ, можетъ быть, не допустилъ бы въ своей книгѣ ошибочнаго изложенія этого замѣчательнаго эпизода.

(2) Секретный Архивъ съ бумагами о дѣйствіяхъ корпуса г. а. барона Винценгероде въ 1813 и 1814 годахъ поступилъ отъ меня въ Департаментъ Генеральнаго Штаба только въ 1826 году. Въ архивѣ этомъ, независимо отъ официальныхъ донесеній и распоряженій на русскомъ языкѣ, сосредоточивалась вся конфиденціальная переписка на языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и частію на шведскомъ; для этой переписки состояли при мнѣ офицеры генеральнаго штаба, знавшіе эти языки. Въ числѣ моихъ обязанностей было и веденіе секретнаго журнала

страненъ. Приступаю прямо къ предмету.

Изображая барона Винценгероде вездѣ *колеблющимся* и дѣйствующимъ по однимъ только *указаніямъ* и *настоянію* генералъ-адъютанта Чернышева, авторъ говоритъ на 118 стр. своего „Описанія похода во Францію", что „когда Винценгероде пришелъ въ Лаонъ, онъ *недоумѣвалъ* (3), въ которую сторону ему обратиться для поспѣшнѣйшаго соединенія съ дѣйствующими арміями?.. Чернышевъ *совѣтовалъ* ему *не колебаться* въ выборѣ дальнѣйшихъ дѣйствій и, не теряя ни минуты, идти на Соассонъ и взять его приступомъ." Затѣмъ Чернышевъ, устами автора, излагаетъ всю выгоду такого движенія.

Послѣ сего авторъ (стр. 119), говоритъ: „Взвѣшивая съ одной стороны опасность предпріятія, а съ другой, выгоды отъ удачнаго совершенія, Винценгероде *разрѣшилъ* Чернышеву идти на Соассонъ, *однако съ тѣмъ же самымъ условіемъ, какимъ онъ обязалъ его при переправѣ чрезъ Рейнъ* (4), *т. е. что Чернышевъ принялъ на себя отвѣтственность въ неудачѣ приступа.*" Не

(3) За двѣ страницы выше, именно на 116, авторъ говоритъ о Винценгероде, что онъ, занявъ Намюръ, «не успѣлъ убѣдить генерала Бюлова» (начальника Прусскаго корпуса, бывшаго въ составѣ сѣверной арміи кронъ-принца Шведскаго), «въ необходимости идти во внутрь Франціи» и т. д. *Винценгероде пошелъ одинъ*, а это одно уже противорѣчитъ колебанію и недоумѣнію. Здѣсь встрѣчается еще одно выраженіе, которое, по моему мнѣнію, едва ли сказано основательно: «Изъ Намюра выступилъ онъ (Винценгероде) къ Лаону, откуда, судя по обстоятельствамъ, могъ примкнуть къ Блюхеру чрезъ Реймсъ, или *угрожать Парижу чрезъ Соассонъ*». Винценгероде былъ достаточно свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, чтобы думать о возможности *угрожать Парижу* своимъ 30 т. корпусомъ, даже и тогда, когда бы онъ и *чрезъ Соассонъ соединился съ Блюхеромъ*; а по словамъ автора это соединеніе возможно только *чрезъ Реймсъ*.

(4) Винценгероде, стоявшій въ Бременѣ, получилъ приказаніе: отдѣлившись отъ арміи кронъ-принца Шведскаго, двинуться къ Дюссельдорфу, переправиться чрезъ Рейнъ и вступить въ предѣлы Франціи. Движеніе было тотчасъ произведено; корпусъ собрался къ концу декабря въ *Мюльгеймъ-анъ-деръ-Руръ*. Авангардъ занялъ Дюссельдорфъ. Когда отъ Чернышева было получено донесеніе, что собрано изъ окрестностей достаточное число лодокъ, Винценгероде приказалъ ему переправиться, и на другой же день двинулъ корпусъ къ Рейну. По совершеніи сего, Винценгероде, вслѣдъ за Чернышевымъ, началъ переправляться и занялъ Нейсъ, городокъ около семи верстъ отъ Дюссельдорфа (и авангардъ и корпусъ переправились чрезъ Рейнъ, когда шелъ, временами, по немъ ледъ). На другой день, не дожидаясь отряда гр. Воронцова, находившагося еще на правомъ берегу, корпусная квартира перешла въ Дикъ. Въ этотъ же день приказано Чернышеву, пріѣзжавшему въ Дикъ, идти на Ахенъ, а за нимъ на другой день послѣдовалъ и корпусъ. Авторъ же описываетъ это слѣдующимъ образомъ: „Когда средства къ переправѣ были готовы, Чернышевъ, доложивъ о томъ корпусному командиру, испрашивалъ разрѣшенія его начать немедленно переправу, но получилъ въ отвѣтъ, что должно еще повременить, пока *пройдетъ ледъ* (!), и устранены будутъ разнаго рода опасности, съ переправой сопряженныя. Тщетны были возраженія о возможности переплыть Рейнъ и необходимости поспѣшнѣе стать на одну высоту съ другими дѣйствующими арміями. *Винценгероде рѣшительно отказалъ въ согласіи отлагая исполненіе высочайшей воли* (!!!) *до благопріятнаго времени. Наконецъ, онъ уступилъ настояніямъ Чернышева* (!) и велѣлъ ему переправляться, возлагая однакожъ *на него отвѣтственность* въ случаѣ неудачи (!)." Далѣе разсказъ въ томъ же духѣ, т. е. Винценгероде вездѣ выставляется человѣкомъ самымъ ничтожнымъ, даже *ослушникомъ высочайшихъ повелѣній!!..* Прискорбно читать все это тѣмъ, которые были близкими свидѣтелями событія! Мужество и рыцарская храбрость Винценгероде извѣстна всѣмъ бывшимъ близь него въ 1812, 1813, 1814 годахъ. При всѣхъ дарованіяхъ Чернышева, родъ службы его былъ причиной, что лишалъ его возможности, въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ классической войны, быть въ какомъ либо генеральномъ сраженіи. Изъ помянутой трехлѣтней войны онъ былъ только свидѣтелемъ битвы подъ Ганау, когда Наполеонъ опрокинулъ Вреде; но и тутъ Чернышевъ не принималъ никакого участія, оставаясь отдѣльно съ своимъ коннымъ отрядомъ на нѣкоторое разстояніе влѣво отъ Баварцевъ. Подъ Лаономъ, гдѣ только приготовлялась генеральная битва, Чернышевъ не имѣлъ случая проявить тѣ дарованія, которыми онъ обладалъ. Слѣдовательно, по этому самому, онъ не могъ въ то время опытностію и взглядомъ стоять выше Винценгероде, который всегда и вездѣ оправдывалъ ожиданія государя, раздѣлявшаго славу своей арміи на поляхъ битвъ; притомъ и наука не была Винценгероде чуждой для примѣненія оной къ практикѣ, гдѣ того требовалось,

знаю, изъ какихъ источниковъ такая фраза могла занять мѣсто въ Исторіи? Кто зналъ, или лучше сказать, бывалъ свидѣтелемъ отваги барона Винценгероде, тотъ удивится, читая вышеприведенныя строки. То же удивленіе поразитъ и знавшихъ умъ и ловкость Чернышева. Можно ли предполагать съ одной стороны, чтобъ Винценгероде, одаренный всѣмъ извѣстною предпріимчивостью и постигавшій значеніе свое, какъ корпуснаго командира, отдѣльно дѣйствующаго, могъ вступать въ *торгъ* съ подчиненнымъ и слагать съ себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи?! А съ другой, чтобы Чернышевъ могъ взять (и съ какого права?) на себя столь тяжелую *отвѣтственность* — штурмовать укрѣпленный городъ съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ, въ которомъ было только два егерскіе полка (19-й и 40-й), числительностію въ обоихъ съ небольшимъ въ тысячу человѣкъ. Читать это тѣмъ страннѣе, что авторъ тутъ же, нѣсколько выше, говоритъ: „Горестно было (т. е. для Винценгероде и Чернышева), что Наполеонъ, *по важности Соассона,* ввѣрилъ защиту его *одному изъ старинныхъ сослуживцевъ своихъ въ италіянскихъ походахъ, генералу Руска, имѣвшему до семи тысячъ гарнизона, а потому нельзя было сомнѣваться въ упорнѣйшемъ сопротивленіи.*“ Не говорю уже о несообразности *условій*, будтобы сдѣланныхъ у Винценгероде съ Чернышевымъ; но можно ли приписывать Чернышеву такую неосновательность? Послѣ свиданія въ Авенѣ оба генералы не сближались до стѣнъ Соассона, чтобы заключить такой торгъ словесно; на бумагѣ же оно быть не могло. Какимъ же образомъ это попало въ Исторію?

А военный исторіографъ нашъ, говоря о взятіи Соассона, вовсе не упоминаетъ о Винценгероде такъ, какъ будто онъ и не принималъ не только-что какого-либо участія, но какъ бы ни его, ни корпуса тутъ и не было, а подвигъ совершенъ однимъ только Чернышевымъ!

Между тѣмъ вотъ какъ это происходило.

Изъ Авена (5), 31 января, корпусъ, въ одинъ переходъ, пришелъ въ Вервенъ; на другой день, 1 февраля, въ Лаонъ, уже поздно. Въ три часа по полуночи, 2 февраля, онъ выступилъ къ Соассону и около часу по полудни сосредоточился въ двухъ верстахъ отъ сего города. Все это не показываетъ той *нерѣшительности* и того *колебанія*, которое приписывается Винценгероде. Умолчу о томъ, что́ происходило въ авангардѣ Чернышева до прибытія Винценгероде, потому что я не былъ тому свидѣтелемъ (6); разскажу только то, что́ видѣлъ и въ чемъ участвовалъ.

Во всѣхъ движеніяхъ корпуса, Винценгероде всегда находился при немъ; такъ было и на переходѣ отъ Лаона къ Соассону. Сдѣлавъ краткій отдыхъ при фермѣ *Анжъ-Гардіенъ*, корпусъ пошелъ далѣе. Винценгероде, съ своимъ штабомъ, былъ въ головѣ онаго. Ѣхавъ вольнымъ шагомъ, онъ достигъ до с. Круи, откуда Соассонъ уже вполнѣ открывался. Проѣхавъ это селеніе, на возвышеніи, склоняющемся къ городу, не въ полныхъ двухъ верстахъ отъ онаго, баронъ Винценгероде приказалъ на этомъ мѣстѣ остановить корпусъ, нѣсколько отставшій, а самъ поскакалъ къ авангарду. Я, по обязанности, въ числѣ другихъ, слѣдовалъ за нимъ.

Въ ядрахъ, картечи, а потомъ и въ пуляхъ, выпускаемыхъ со стѣнъ города, недостатка не было. Баронъ свернулъ вправо отъ шоссе и подъѣхалъ къ старому почтовому дому (о

(5) Здѣсь передано было мнѣ секретное отдѣленіе, которымъ до того времени завѣдывалъ подполковникъ Генеральнаго Штаба Насакинъ, оставленный въ Авенѣ комендантомъ.

(6) Въ тотъ же самый вечеръ, изъ разсказовъ участниковъ, мнѣ сдѣлались извѣстными всѣ подробности, независимо отъ донесеній для составленія военнаго журнала.

которомъ упоминаетъ Михайловскій-Данилевскій называя оный *постоялымъ*, а Военно-Энциклопедическій Лексиконъ правильно—почтовымъ), отстоявшему не болѣе, какъ на тридцать саженъ отъ городскихъ воротъ. Ружейная перестрѣлка была довольно живая. Чернышевъ подошелъ къ Винценгероде, оставвшемуся верхомъ; что они говорили, я разслышать не могъ; но корпусный командиръ говорилъ горячо, и потомъ вдругъ, поворотивъ лошадь на лѣво, быстро выѣхалъ изъ-за строенія (скрывавшаго тутъ бывшихъ отъ непріятельскаго огня) на шоссе. За нимъ вначалѣ послѣдовали, ближе къ нему находившіеся и не слѣзавшіе съ лошадей, адъютанты его: путей сообщенія баронъ С. Г. Строгановъ (нынѣ графъ и генералъ-адъютантъ); Павлоградскаго гусарскаго полка Ржевскій и Генеральнаго Штаба штабсъ-капитанъ, гр. Густавъ Армфельдъ. Вслѣдъ за ними послѣдовали начальникъ штаба генералъ-маіоръ Ренне, дежурный генералъ кн. С. Г. Волконскій, я и другіе. Со стѣнъ посыпались пули. Винценгероде, продолжая курить трубку и сохраняя обычное присутствіе духа, ободрялъ находившіяся тутъ, по сторонамъ шоссе, двѣ егерскія роты: Старова и Полухина, броситься къ воротамъ, а подошедшему въ это время командовавшему бригадой полковнику М. Н. Мацневу, отдавалъ нѣкоторыя приказанія, и потомъ поѣхалъ къ корпусу. За нимъ послѣдовала вся его свита, исключая кн. Волконскаго, испросившаго дозволеніе остаться при авангардѣ. Отъѣхавъ около полверсты, Винценгероде указалъ мнѣ, въ право, саженяхъ въ пятидесяти отъ дороги, маленькое возвышеніе, на которое немедленно приказано поставить батарейную роту полковника Н. Н. Антропова. Корпусъ начиналъ уже останавливаться на указанномъ мѣстѣ; 21-я дивизія, въ колоннѣ, на право отъ шоссе, 24-я на лѣво. Я подскакалъ къ ротѣ Антропова, но его не нашелъ (онъ былъ потребовалъ къ начальнику артиллеріи, ген.-маіору Мерлину), и старшій по немъ капитанъ Эйлеръ повелъ за мной роту; на пути догналъ насъ и Антроповъ. Усмотрѣвъ, что храбрый полковникъ Мельниковъ съ своими казаками разъѣзжаетъ впереди назначеннаго для батареи мѣста, я поспѣшилъ предупредить его, и казаки тотчасъ стянулись влѣво. Достигнувъ до указаннаго мѣста, рота снялась съ передковъ и открыла учащенное дѣйствіе, послѣ чего я оставилъ оную, и, возвратившись, нашелъ корпуснаго командира почти съ версту впереди корпуса, вправо отъ дороги, у стога сѣна: онъ и свита, спѣшившись почти всѣ, отдыхали. Ядра и пули изъ крѣпостныхъ ружей переносились; многіе изъ конвойныхъ были поражены ими, а у нѣкоторыхъ изъ насъ пробиты шинели и бурки. Не прошло десяти минутъ по моемъ пріѣздѣ, прискакалъ кн. Волконскій и, не слѣзая съ лошади, первое его слово было: „Mon général! la ville est à vous.“ т. е. генералъ, городъ—вашъ. Вотъ что тамъ произошло: по отъѣздѣ Винценгероде отъ авангарда, ободренные имъ егеря, отыскавъ два толстыя бревна и раскачивая ихъ, пробили слабые ворота и заняли оные. Въ этомъ именно случаѣ *петарды*, о которыхъ говоритъ Михайловскій Данилевскій, употреблены не были; это могло быть, но прежде прибытія Винценгероде, когда, по повѣствованію автора, два раза штурмовали, но неудачно.

Начальникъ штаба тотчасъ послалъ меня въ городъ, чтобъ привести кого-либо изъ мерріи, для полученія необходимыхъ свѣдѣній. Подскакавъ къ воротамъ въ то самое время, когда полковникъ П. П. Сухтеленъ велъ на рысяхъ свой Волынскій уланскій полкъ въ городъ, я вмѣстѣ съ нимъ проникъ туда; перестрѣлка, но очень слабая, продолжалась въ городѣ съ егеря-

ми; непріятель вездѣ стремглавъ бѣжалъ (7). Съ трудомъ я могъ выполнить приказаніе, ибо не было видно ни одного жителя. Наконецъ, одинъ плѣнный разсказалъ мнѣ, гдѣ находится меррія; она была далеко. Чтобы выиграть время, я взялъ плѣннаго съ собой; онъ, казалось мнѣ, могъ удовлетворить необходимости. Я также нашелъ возможность взять еще одного изъ почетныхъ жителей, назначивъ для себя у него квартиру, и тамъ оставилъ казака и улана (что̀ успокоило Француза, ибо онъ видѣлъ въ этомъ залогъ безопасности для своего семейства). Оба они взяли лошадей отъ спѣшенныхъ мною казака и улана, и мы поскакали къ корпусному командиру. Въ самыхъ воротахъ встрѣтилъ я въѣзжающаго въ городъ г. а. Чернышева: онъ видимо былъ недоволенъ тѣмъ, что я въѣхалъ въ городъ прежде него, или, лучше сказать, не упредивъ его о полученномъ порученіи. Словамъ моимъ что „мнѣ сказали, будто онъ уже въ городѣ" Чернышевъ, кажется, не повѣрилъ.

Отъѣхавъ съ полверсты по шоссе, я встрѣтилъ и корпуснаго командира, ѣхавшаго рысью. Я отдалъ ему отчетъ о томъ, что̀ видѣлъ, а начальнику штаба объяснилъ встрѣчу съ Чернышевымъ. Онъ доложилъ тотчасъ корпусному командиру и успокоилъ меня. (8).

На площади, насупротивъ мерріи, корпусный командиръ нашелъ Чернышева. Тутъ былъ меръ съ своими товарищами и нѣсколько плѣнныхъ, разныхъ чиновъ. Винценгероде опять не сходилъ съ лошади и, оставивъ начальника штаба собирать нужныя свѣдѣнія, самъ, въ сопровожденіи Чернышева, выѣхалъ изъ города по направленію къ Парижу чрезъ Виллеръ-Котре и къ сторонѣ Шато-тьери. Обозрѣвъ кругомъ около четырехъ верстъ пространства и отдавъ намъ приказанія, въ случаѣ тревоги, гдѣ, какъ и какія расположить войска, Винценгероде возвратился въ городъ. Начальникъ штаба приказалъ мнѣ разобрать переданныя г. а. Чернышевымъ, оставшіяся послѣ убитаго генералъ-лейтенанта Руска̀, бумаги, что̀ съ помощію двухъ офицеровъ генеральнаго штаба (графа Г. Армфельда и А. А. Ушакова) было сдѣлано скоро; ибо бумаги находились въ порядкѣ, и тѣ изъ нихъ, которыя по свѣжести своей имѣли важность, тотчасъ были представлены начальнику штаба, съ краткимъ поясненіемъ (9).

Все, здѣсь мною сказанное о дѣйствіяхъ барона Винценгероде при взятіи Соассона, можетъ быть подтверждено еще многими свидѣтелями. Авторъ „Описанія похода во Францію, въ 1814 году", отнимаетъ у Винценгероде и у всего его штаба участіе въ этомъ дѣлѣ, отнюся все къ одному начальнику авангарда!

Но не столько личное присутствіе Винценгероде у самыхъ воротъ города содѣйствовало къ покоренію онаго, сколько быстрое появленіе корпуса должно было произвести вліяніе на

---

(7) Здѣсь произошелъ забавный случай: подъѣхавъ нарысяхъ къ мосту, чрезъ который, безъ большаго сопротивленія, перебѣжало уже нѣсколько егерей, храбрый и достойный полковникъ Сухтеленъ велѣлъ прибавить рыси, чтобъ успѣть переѣхать его прежде подходящей колонны егерей. Въ это самое время, около пятидесяти ословъ, находившихся на одной изъ ближайшихъ къ мосту мельницъ, вырвались изъ-подъ запора и, съ обычнымъ крикомъ, бросились чрезъ улицу. Лошади, еще не свычныя съ этимъ животнымъ, пришли въ ужасное смятеніе; многія понесли, другія, поскользнувшись, упали на мостовую. Долго лошади наши не могли освоиться съ ослами. Впослѣдствіи ихъ было множество при полкахъ. Дѣлавшіе этотъ походъ вспомнятъ забавное происшествіе, которому послѣдствіемъ былъ приказъ: „Не впускать въ Парижъ ословъ, находящихся при войскахъ."

(8) За Соассонъ, не бывши и трехъ мѣсяцевъ въ званіи капитана, я былъ произведенъ, на 23-мъ году отъ роду, въ подполковники.

(9) Бумаги эти сданы вмѣстѣ съ архивомъ, какъ упомянуто выше, въ 1826 году, въ Департаментъ Генеральнаго Штаба.

гарнизонъ Соассона; ибо городъ, въ особенности съ этой стороны, могъ быть штурмованъ во многихъ мѣстахъ безъ особенной искусственной помощи. Не придвинь Винценгероде всего корпуса на пушечный выстрѣлъ, Чернышевъ съ своимъ авангардомъ, состоявшимъ только изъ тысячи человѣкъ пѣхоты, не внушалъ бы опасенія семи тысячамъ Французовъ, находившимся за стѣнами, правда полуразрушенными и едва ли исправлявшимися съ первыхъ годовъ XV столѣтія, когда въ нихъ боролся герцогъ Бургундскій противъ Французскаго короля; но не менѣе того представлявшими возможность долгой обороны. Гарнизону стоило продержаться только одни сутки, чтобы поставить армію Блюхера въ самое критическое положеніе, что несомнѣнно и послѣдовало бы, если бы Чернышевъ оставленъ былъ только при своихъ средствахъ. Это видно и изъ самаго повѣствованія Михайловскаго-Данилевскаго, не умолчавшаго о томъ, что два штурма, сдѣланные Чернышевымъ, были отбиты, а штурмы эти происходили до прибытія Винценгероде съ корпусомъ. Увидѣвъ же массу пѣхоты корпуса, ставшаго на пушечный выстрѣлъ отъ стѣнъ и выславшаго свою батарейную артиллерію для открытія огня, всегда предшествующаго въ такихъ случаяхъ наступательному движенію, гарнизонъ понялъ безполезность обороны ([10]) и началъ стягиваться на путь къ Парижу. Конечно, и смерть главнаго начальника гарнизона, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, могла имѣть вліяніе, особливо въ 1814 году, когда Французы не проявляли уже той энергіи, которая ихъ одушевляла въ предшествовавшія войны. Въ эту кампанію мы узнавали прежнихъ Французовъ тогда только, когда при нихъ находился самъ Наполеонъ.

Должно полагать, что г. л. Михайловскій Данилевскій руководствовался безъименной, въ видѣ журнала, статьею, подъ заглавіемъ: „Дѣйствіе отряда г. а. Чернышева въ 1814 году", напечатанной въ Отечественныхъ запискахъ (П. П. Свиньина) 1822 г., №№ 25 и 26, гдѣ также нѣтъ рѣчи о Винценгероде и объ его корпусѣ, при взятіи Соассона. Но безъименный сочинитель статьи видимо хотѣлъ подшутить, или имѣлъ какую-либо другую, сокровенную мысль.... Вотъ, что онъ говоритъ (№ 25, стр. 160): .... „Между тѣмъ г. а. Чернышевъ приказалъ полковнику Сухтелену — правый флангъ, а полковнику Бенкендорфу — лѣвый, *оба изъ кавалеріи составленные*, подвести быстро къ городу" (не забудемъ, что на стр. 159 сказано: городъ *окруженъ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ*) „на картечный выстрѣлъ и начать дѣйствіе стрѣлками и осьмью орудіями".

Тутъ не нужно быть практическимъ военнымъ человѣкомъ, чтобы усмотрѣть всю нелѣпость сего описанія и совершенно противныя здравому разсудку распоряженія, приписываемыя такъ смѣло г. а. Чернышеву безъименнымъ сочинителемъ!

Зачѣмъ подводить конницу *на картечный выстрѣлъ къ глубокому рву и высокому валу? Какими стрѣлками начать дѣйствіе, когда оба фланга были составлены изъ кавалеріи?* Ужъ не разумѣетъ ли здѣсь авторъ фланкёровъ? Это было бы еще забавнѣе. Между тѣмъ такой вздоръ или шутка можетъ увлечь неопытныхъ къ подражанію: *подводить къ крѣпостнымъ стѣнамъ на картечный выстрѣлъ конницу*, тѣмъ болѣе, что статья имѣетъ характеръ военно-историческій. Много и очень много подобнаго разсѣяно въ нашихъ военныхъ повѣствованіяхъ, что требовало бы строжайшаго критическаго разбора со стороны людей опытныхъ

([10]) Здѣсь длинно и неумѣстно было бы разсматривать все то, что французскіе военные историки говорятъ объ этомъ событіи.

въ военномъ дѣлѣ, и добросовѣстно желающихъ славы Русскому оружію. Но къ несчастію, эти люди, или остаются равнодушными, или не хотятъ напрашиваться на колкости, которыми ихъ тотчасъ осыплютъ теоретики, родившіеся послѣ этихъ великихъ событій, и за невозможностью бороться практическою наукою, обращающіеся къ личностямъ, заглушая крикомъ практическія наблюденія. Кто-то, недавно, очень *остроумно* выразилъ въ метафизико-юмористической статьѣ, что „*облысѣвшіе* и *обеззубленные*, въ теченіе чуть не полвѣка, возстаютъ на все живое, *разумное* (?), истинное, честное, *идущее впередъ* и на оборотъ, дозволяютъ кадить только мертвому, восхищаться формою (!), а *не идеею*, и кричать, какъ по подряду, на всякую *смѣлую попытку ума человѣческаго*, выставляя это ниспроверженіемъ *общественнаго порядка*". Участникамъ въ великой эпохѣ классическихъ войнъ возбраняютъ даже и упоминать о нихъ!... Кто ищетъ ниспроверженія?... Конечно не *облысѣвшіе* и не *обеззубленные*, дававшіе урокъ врагу на высотахъ Монмартра. Не эти, повторяю, дѣятели, возведшіе своею кровію отечество на апогей величія, ищутъ *ниспроверженія* своихъ славныхъ дѣлъ, а...... Обращаюсь къ предмету.

Несправедливо отнимать у лицъ имъ принадлежащее. Г. а. Чернышевъ въ эту эпоху былъ извѣстенъ своими дѣйствіями съ летучими отрядами. Натягивать въ его пользу небывалое, значитъ ослаблять дѣйствительныя его достоинства и заслуги. Михайловскій-Данилевскій, въ описаніи этого эпизода, слѣдовалъ одностороннимъ матеріаламъ, что̀ проглядываетъ вездѣ (то же и въ описаніи войны 1813 г.), гдѣ только коснется онъ до Винценгероде и Чернышева. Такъ напр., когда Винценгероде, стоявшій въ Реймсѣ, получилъ предписаніе идти опять на выручку Блюхера и овладѣть Соассономъ, онъ быстро двинулся къ сему послѣднему. Войска сосредоточились къ вечеру, на другой день. Комендантъ, генералъ Моро̀, имѣлъ гарнизонъ, состоявшій изъ полуторы тысячи Поляковъ, съ осьмнадцатью орудіями, и многочисленной національной гвардіи. Предложенная ему сдача была имъ отвергнута. Тогда Бюловъ, (съ того самаго мѣста, откуда 2-го февраля Русскіе овладѣли городомъ), открылъ слабую пушечную стрѣльбу, а Винценгероде атаковалъ предмѣстье города, лежащее на противоположной сторонѣ и послѣ упорной защиты овладѣлъ имъ. Наступившая ночь и проливной дождь, заставили отложить дальнѣйшія предпріятія. Винценгероде далъ повелѣніе изготовиться, съ разсвѣтомъ, къ общему штурму и приказалъ стрѣлкамъ, занимавшимъ взятое имъ предмѣстье, присоединиться къ войскамъ. Между тѣмъ, чтобы занять коменданта ([11]), посланъ былъ къ нему парламентеромъ, полковникъ баронъ В. И. Левенштернъ, впослѣдствіи генералъ-маіоръ ([12]). Ловкость и опытность этого отличнаго офицера содѣлали пролитіе крови не нужнымъ, ибо городъ сдался.

Михайловскій-Данилевскій описываетъ это событіе довольно вѣрно, но и здѣсь онъ не могъ удержаться отъ

([11]) Настоящаго военнаго совѣта не было. Генералы, посѣщавшіе барона Винценгероде, могли вести объ этомъ разговоръ и обмѣниваться мыслями.

([12]) Прусскіе военные повѣствователи приписываютъ успѣхъ этотъ себѣ, не смотря на то, что графъ (впослѣдствіи князь) Воронцовъ, по капитуляціи, занялъ городъ. Наши военные литераторы равнодушно допускали всѣхъ нѣмецкихъ писателей *приписывать все себѣ*, въ продолженіе 1813 и 1814 годовъ. Русскіе ставятся ими, въ ихъ описаніяхъ, не только-что на второмъ, но часто на третьемъ планѣ, а иногда и вовсе не упоминаютъ объ нихъ, и въ тѣхъ битвахъ, гдѣ Русскіе выносили всю Германію на себѣ: Русскіе имъ, дескать, во многомъ еще и мѣшали; они одни распорядились бы лучше, т. е. опять впустили бы въ свои столицы французскихъ военныхъ генералъ-губернаторовъ, а въ крѣпости наполеоновскіе гарнизоны.

нѣкоторыхъ выраженій, которыя могли бы вовсе быть не сказанными, какъ потому, что они несправедливы, такъ и потому, что даютъ поводъ къ неловкимъ выводамъ и заключеніямъ. Выраженія эти суть слѣдующія: „Тутъ многіе *невольно удостовѣрились*, какъ блистательно было, за двѣ недѣли предъ тѣмъ, *покореніе Соассона Чернышевымъ*. Съ небольшимъ отрядомъ успѣлъ онъ ворваться въ этотъ, въ стратегическомъ отношеніи, важный городъ, а теперь стояли передъ нимъ два многочисленные корпуса *и колебались овладѣть имъ*“. Авторъ не находился въ корпусѣ Винценгероде; по этому онъ не могъ подслушать самъ *невольнаго удостовѣренія* (13). Если же онъ отъ кого слышалъ, или *читалъ записки участника*, то это такъ важно, что слѣдовало бы, какъ онъ дѣлаетъ во многихъ другихъ мѣстахъ несравненно меньшаго значенія, указать на матеріалъ. Голословно же обвинять такъ часто и такъ рѣзко Винценгероде, справедливо пользовавшагося довѣренностію государя, который неоднократно былъ свидѣтелемъ военныхъ дарованій его, болѣе чѣмъ неосновательно.

Послѣднія вышеприведенныя строки, отъ начала до конца, не имѣютъ ничего справедливаго и опровергаются даже самымъ описаніемъ автора. Неужели Винценгероде съ корпусомъ, совершившимъ по слякоти усиленный маршъ, къ вечеру долженъ былъ, въ ночной мракъ, при проливномъ дождѣ, на обумъ, начать штурмъ? Онъ отложилъ его къ разсвѣту.

Но довольно объ этомъ эпизодѣ. Заключу статью чрезвычайно, по моему мнѣнію, любопытнымъ выраженіемъ автора, когда онъ описываетъ движеніе Винценгероде изъ Намюра къ Авену. Разумѣется, что о Винценгероде не упоминается, а вотъ какъ сказано: „Движеніе къ Авену, произведенное между Бомономъ и Бинчемъ (Беншъ?) *останется памятно въ военной исторіи* тѣмъ, что *по проложенному Чернышевымъ пути* (!) Веллингтонъ и Блюхеръ шли къ Парижу послѣ побѣды при Ватерлоо“.

Это по моему мнѣнію, пожалуй, можно было бы сказать, если бы кто нынѣ проходилъ по пути отступленія Ксенофонта, или по дорогѣ, служившей Александру Великому на походѣ въ Индію; но путь, о которомъ идетъ рѣчь, находится между многими крѣпостями Вобана и на пространствѣ, изрѣзанномъ шоссе и дорогами, по которымъ безпрерывно двигались войска во времена Людовика XIV и другихъ, и прежде и послѣ.

Къ немалому удивленію и у г. л. Богдановича, въ его „Исторіи войны 1814 года“ (т. I, стр. 211) баронъ Винценгероде обзывается: „*Вялымъ и лѣнивымъ, остающимся въ бездѣйствіи*; г. а. Чернышевъ *настаиваетъ* о переправѣ въ Дюссельдорфѣ; наконецъ Винценгероде разрѣшаетъ приступить къ переправѣ, „*но однакоже возлагаетъ на него всю отвѣтственность въ случаѣ неудачи*“! Винценгероде (стр. 212) продолжаетъ двигаться „*столь же медленно, какъ и прежде*“, и все это рѣшительно безъ прямыхъ указаній, а на слово. Пусть хотя бы г. а. Богдановичь сослался на Михайловскаго-Данилевскаго!

На стр. 213, опять *нерѣшительность* Винценгероде разрѣшить Чернышеву взять приступомъ Соассонъ; но, наконецъ, онъ разрѣшаетъ „*на столь важное предпріятіе*, съ тѣмъ однакоже, *чтобы Чернышевъ принялъ на себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи*“. И опять ничѣмъ не подкрѣплено таковое сказаніе! Неужели нѣтъ въ Архивахъ ничего? Ну, пусть бы

---

(13) Авторъ позабылъ о сказанномъ имъ выше, что первые два штурма воротъ не удались, а третій, удачный (повторяю) произведенъ былъ тогда, какъ подошелъ корпусъ, выдвинувъ батарейную артиллерію, и самъ корпусный командиръ явился передъ воротами.

хотя частное письмо, и то имѣло бы здѣсь мѣсто; между тѣмъ мнѣ помнится, что въ сданномъ мною въ 1826 году секретномъ архивѣ корпуса Винценгероде, есть кое-что и объ этомъ эпизодѣ.

Вообще весь этотъ періодъ и самое Краонское дѣло изложено неправильно; перепутываются, вводятся безъ должныхъ цитатъ такія обстоятельства, которыхъ вовсе не было. Словомъ, война эта имѣетъ тѣ же недостатки, какъ и война отечественная, точно тоже, что̀ и война 1813 года.

Вотъ, мимоходомъ, одинъ эпизодъ изъ этой послѣдней войны. Въ концѣ II тома, описывая пребываніе корпуса Винценгероде въ Бременѣ, г. а. Богдановичъ упоминаетъ объ экспедиціяхъ Чернышева, Бенкендорфа и другихъ мелкихъ отрядовъ; ни слова не сказано о взятіи крѣпости Ротенбурга, да и имя оной вовсе не упомянуто; между тѣмъ какъ эпизодъ этотъ не маловажный. Около половины ноября, наслѣдный принцъ Шведскій, находившійся около Гамбурга, предписалъ Винценгероде безотлагательно овладѣть крѣпостцею Ротенбургомъ, находящеюся на пути отъ Гарбурга къ Бремену и на томъ основаніи, что, по дошедшимъ слухамъ, Даву̀ будто бы имѣлъ намѣреніе, если гарнизоны изъ другихъ Эльбскихъ крѣпостей и не присоединятся къ нему, то съ однимъ своимъ многочисленнымъ Гамбургскимъ гарнизономъ внезапно оставить укрѣпленія и чрезъ Ротенбургъ быстро броситься на корпусъ Винценгероде и пробиться къ крѣпостямъ Нижняго Рейна. Съ паденіемъ Ротенбурга предпріятіе это не могло совершиться, ибо крѣпостца эта лежитъ на возвышенной плотинѣ, единственномъ возможномъ пути сообщенія (кругомъ непроходимыя и пространныя болота, начиная отъ Гарбурга и далѣе отъ Ротенбурга до Остероде). Въ тотъ же вечеръ я былъ посланъ для обозрѣнія этой крѣпостцы, что̀ на другой же день и исполнилъ, взявъ изъ Остероде Башкирскій полкъ и Яхонтова полка эскадронъ маіора Ганибала. Когда я отдалъ отчетъ объ обозрѣніи крѣпости, тотчасъ же предписано было генералу Вуичу сосредоточить свою 24-ю дивизію и овладѣть Ротенбургомъ, а мнѣ на это время находиться при немъ. Крѣпость была внезапно атакована съ двухъ сторонъ, чему содѣйствовалъ наступившій морозъ, представившій возможность по замерзшему болоту подойти къ самому гласису (14). Послѣ двухдневной жаркой перестрѣлки, крѣпость сдалась на капитуляцію. Эта послѣдняя въ нѣсколькихъ пунктахъ, писана моей рукой и находилась въ сданномъ мною архивѣ. Нѣсколько сотъ старыхъ солдатъ, съ нѣсколькими пушками, защищали эту крѣпостцу, которая, по мѣстоположенію своему и вышинѣ стѣнъ, могла бы долго держаться. Наслѣдный принцъ былъ очень доволенъ этимъ овладѣніемъ и прибывшаго съ этимъ донесеніемъ адъютанта барона Винценгероде, ротмистра Бодиско, наградилъ орденомъ Меча.

(14) Вотъ между прочимъ что было сказано въ реляціи, собственно до меня относящееся (№ 2035),,.... Искусный и храбрый сей офицеръ, осмотрѣвши заблаговременно означенное укрѣпленіе, подалъ мнѣ первый совѣтъ, дабы занять амтъ, находящійся на гласисѣ, для исполненія чего дана была ему рота 19-го егерскаго полка, штабсъ-капитана Маслова. Сіе исполнено было съ совершеннымъ успѣхомъ, и занятіе онаго амта дало намъ великія выгоды, ибо непріятель не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія безъ большей потери людей; онъ же, капитанъ Липранди, въ ночь съ 23 на 24-е ноября, у того же амта, по выбору своему мѣста, сдѣлалъ батарею на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости, и на другой день поутру, по данному отъ меня повелѣнію, когда началъ дѣйствовать съ оной, то много споспѣшествовалъ къ скорой сдачѣ крѣпости“ и т. д. Я привелъ это потому только, чтобы показать почтенному исторіографу войны 1813 года, что Ротенбургъ не могъ и, по важности своего положенія, онъ заслуживалъ быть упомянутымъ. Какъ же просматривались архивы, у насъ хранящіеся? Они вѣрнѣе сказаній Шрекенштейновъ, Бернгардовъ, Клаузевицевъ, Гофмановъ и пр. и пр.

Во всякомъ случаѣ, упустить въ Исторіи овладѣніе крѣпостью, едва ли позволительно, въ особенности, когда такая Исторія терпитъ на своихъ страницахъ, иногда, какъ говорится, Богъ знаетъ что!

Вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣніе Ротенбургомъ не обошлось и безъ пролитія крови: егерская рота Маслова съ которою я занялъ, на разсвѣтѣ, амтъ, лежащій на гласисѣ, понесла значительныя потери, и Масловъ лишился ноги ([15]). Ширванскій полкъ, направленный съ другой стороны, также не досчитался многихъ.

И. Липранди.

Нѣсколько словъ о значеніи Соассона въ кампанію 1814-го года.

Когда въ концѣ 1813-го г., по плану, составленному императоромъ Александромъ, рѣшено было продолжать войну и въ предѣлахъ Франціи, тогда, въ концѣ истекающаго декабря и въ началѣ января 1814-го года, Главная армія перешла на лѣвый берегъ Рейна, въ Швейцаріи и сопредѣльныхъ мѣстахъ, Силезская,—въ Мангеймѣ и окрестностяхъ. Такимъ образомъ обѣ эти арміи двигались отъ *Востока* на *Западъ*, къ общему для всѣхъ и другихъ армій центру—Парижу, прикрываемому главною Французскою арміею, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона. Армія Бубны, изъ Швейцаріи же, направилась на Ліонъ, но, не находя себя въ достаточныхъ силахъ, остановилась между симъ городомъ и Женевою выжидать подкрѣпленій. Направленіе этой арміи угрожало Парижу съ *Юга*. Веллингтонъ, изъ Испаніи, хотя еще и вдали, двигался съ *Запада* на *Востокъ* къ тому же средоточію—Парижу (*).

([15]) Маслову дамы Бремена поднесли заказанную ими въ Лондонѣ, поддѣльную ногу.

(*) Направленія эти разумѣются въ общемъ смыслѣ.

Съ одного *Сѣвера* не было еще предпринято наступательнаго движенія. Съ этой стороны была сѣверная армія Кронъ-принца Шведскаго. Но онъ съ главными силами находился въ Голстиніи, Ганноверѣ и около Гамбурга. Только три корпуса его могли-бы принять болѣе дѣятельное участіе въ наступательномъ движеніи, а именно: одинъ, герцога Веймарскаго (перешедшій Рейнъ въ Арнгеймѣ), другой-Бюлова; но оба они наблюдали Антверпенъ и за движеніями тутъ Французовъ, подъ начальствомъ графа Мезона. Наконецъ, третій корпусъ—Русскій г. а. барона Винценгероде занималъ Бременъ, имѣя авангардъ по направленію къ Дюссельдорфу. Корпусъ этотъ былъ ослабленъ болѣе чѣмъ на половину, многими отрядами, изъ коихъ главный — Бенкендорфа, направленный въ Голландію. Дивизіи же Воронцова и Строгонова принцъ удерживалъ при себѣ.

Наконецъ, когда опасеніе предполагавшагося движенія Даву миновалось (*), тогда корпусъ Винценгероде началъ стягиваться въ окрестности Мюльгейма-анъ-деръ-Руръ, а авангардъ занялъ Дюссельдорфъ, имѣя порученіе собрать необходимое число судовъ для перепра-

(*) Были получены свѣдѣнія, что Даву имѣлъ намѣреніе съ своимъ многочисленнымъ гарнизономъ Гамбурга, въ данный моментъ (при подобномъ же предпріятіи гарнизоновъ и нѣкоторыхъ другихъ Эльбскихъ крѣпостей) внезапно переправиться изъ Гамбурга въ Гарбургъ, подавить въ Бременѣ слабый корпусъ, прорваться къ низовьямъ Рейна, захватить съ собой гарнизоны изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя встрѣтятся по дорогѣ и, напавъ на тылъ корпусовъ герцога Веймарскаго и Бюлова, соединиться съ генераломъ Мезономъ. Дѣйствительно ли составлялся такой отважный планъ или нѣтъ, но не менѣе Кронъ-принцъ принялъ мѣры къ воспрепятствованію такого движенія, и послѣ половины ноября, предписалъ Винценгероде неотмѣнно овладѣть крѣпостцею Ротенбургомъ, находящеюся между Гарбургомъ и Бременомъ на единственно-возможномъ тутъ пути. Ротенбургъ былъ взятъ 25 ноября, и предпріятіе Даву сдѣлалось немыслимымъ. Генералъ Богдановичъ, въ исторіи войны 1813 г., вовсе даже не упоминаетъ о Ротенбургѣ.

вы, которая вскорѣ и совершена чрезъ Рейнъ, покрытый несущимися льдинами. Въ это время численность корпуса едва достигла до 13/т. чел.,—не всѣ отряды успѣли присоединиться къ нему, а дивизіи Воронцова и Строгонова оставались нѣкоторое еще время у Кронъ-принца. Винценгероде приглашалъ Бюлова дѣйствовать взаимно, передавъ наблюденіе за Антверпеномъ и корпусомъ Мезона—герцогу Веймарскому и прибывшимъ Англичанамъ; но прусскій генералъ остался глухъ къ этому призванію, а Винценгероде, получившій отъ Государя приказаніе спѣшить, выступилъ изъ Намюра, по направленію къ Парижу — на Лаонъ. На дорогахъ, ведущихъ къ сему послѣднему, были крѣпости. Вначалѣ Винценгероде думалъ взять направленіе чрезъ Филиппевиль, но гарнизонъ этой крѣпости отказался сдаться; время не позволяло медлить, и корпусъ пошелъ на Авенъ, который, по неимѣнію достаточнаго гарнизона, сдался авангарду (*). Отсюда корпусъ направился прямымъ путемъ чрезъ Вервенъ и Лаонъ на Соассонъ, которымъ 2/14-го февраля и овладѣлъ.

Соассонъ, отстоящій только на три перехода (80 верстъ) отъ Парижа, въ стратегическомъ смыслѣ всегда имѣлъ свое значеніе, но значеніе это усиливалось при тогдашнихъ дѣйствіяхъ воюющихъ сторонъ, а потому Наполеонъ помѣстилъ въ Соассонѣ избранный гарнизонъ, въ числѣ семи тысячъ (исключая національной гвардіи), и назначилъ комендантомъ старинпаго соратника своего генералъ-лейтенанта Руска. Сверхъ того здѣсь, какъ въ укрѣпленномъ мѣстѣ (хотя очень плохо), назначенъ былъ центръ формирующимся новымъ войскамъ.

(*) Гарнизонъ Авена состоялъ изъ около двухсотъ человѣкъ, при 20-ти орудіяхъ. Вначалѣ комендантъ отвергъ предложеніе сдаться, но столпившіяся женщины около Монскихъ воротъ съ крикомъ требовали отворить ворота. Мэръ города—Приссъ и вліятельные домовладѣльцы: Петти (впослѣдствіи тесть графа Полиньяка, шефа нашего егерскаго полка, бригады К. М. Полторацкаго, когда полкъ съ 1815 по 1817 годъ квартировалъ въ Авенѣ), Бутаръ, Лекокъ и др. требовали того же. Но главное, что послѣ такого заявленія рѣшило коменданта, было то, что въ Авенѣ находилось плѣнныхъ численностію болѣе чѣмъ вдвое противу его гарнизона.

Смерть генерала Руска облегчила исполненіе быстраго приступа, лично направленнаго корпуснымъ командиромъ и поразила Парижъ — увидѣвшій и съ этой стороны такъ близко отъ себя непріятеля, котораго, по одержанному въ Соассонѣ успѣху, полагалъ въ значительныхъ силахъ, между-тѣмъ, какъ у Винценгероде было не болѣе 13/т. чел. и за нимъ никого. Воронцовъ и Строгоновъ, отпущенные Кронъ-принцемъ, находились еще далеко и присоединились къ корпусу гораздо позже — въ Реймсѣ.

Независимо отъ стратегическаго положенія Соассона, занятіе его въ настоящее время было моментомъ, какъ нельзя болѣе кстати. Не столько искусный маневръ Наполеона, сколько оплошность Блюхера, растянувшаго на большое пространство свою Силезскую армію, подвергли ее разобщенію и пораженію по частямъ—въ Шампоберѣ, Монмиралѣ и Вошанѣ. Отступающія разбитыя части раздробленной Силезской арміи, въ упоръ преслѣдуемыя къ берегамъ Эны,—отдохнули и получили возможность соединиться (*). Винценгероде на другой день пошелъ въ Реймсъ.

Двѣ недѣли спустя, Блюхеръ опять тѣснимъ отъ Шато-Тіерри и Уши къ Энѣ, на которой не было другихъ мостовъ кромѣ каменнаго въ Соассонѣ, вновь занятомъ Французами, по выступленіи Винценгероде въ Реймсъ. Искать

(*) Успѣхи Наполеона противъ Блюхера поколебали довѣріе иноземныхъ намъ союзниковъ къ своимъ силамъ: Наполеонъ все еще былъ страшенъ въ глазахъ этихъ недавно его вассаловъ, громившихся при каждой съ нимъ встрѣчѣ. Взятіе Соассона и спасеніе тѣмъ арміи Блюхера отъ совершеннаго разгромленія, опять ободрило ихъ при, ни на минуту не колебавшемся, императорѣ Александрѣ, дѣла начали поправляться, пока Блюхеръ вновь чуть-чуть не испортилъ ихъ.

же наводить понтоны или устроивать иные мосты, при живомъ натискѣ преслѣдуемыми, было бы, если и несовершенно-невозможно, то покрайней мѣрѣ очень трудно. Быстрымъ движеніемъ (въ два дня) Винценгероде подошелъ, чрезъ Фимъ, къ Соассону, а Бюловъ, наконецъ двинувшійся, приблизился отъ Лаона къ городу съ той стороны, съ которой онъ былъ взятъ 2-го февраля. Едва Русскіе подоспѣли, какъ въ тотъ же вечеръ, 19-го февраля, при сильномъ дождѣ, овладѣли предмѣстьемъ и послали требовать немедленной сдачи, иначе предположенъ былъ съ раннимъ утромъ штурмъ: медлить было нельзя. Еще нѣсколько часовъ, и Силезская армія угрожалась истребленіемъ, а за симъ, какія могли быть послѣдствія, каждый можетъ заключить. Бюловъ съ своей стороны также послалъ парламентера, прибывшаго уже послѣ нашего. Отъ Винценгероде посланъ былъ полковникъ В. И. Левенштернъ. Онъ умѣлъ и успѣлъ склонить коменданта, генерала Моро, къ очисткѣ крѣпости до разсвѣта, которую Воронцовъ тотчасъ и занялъ.

Овладѣніе Соассономъ въ этотъ моментъ было такъ важно, что когда генералъ Моро требовалъ дозволенія вывезти съ собой нѣсколько пушекъ, а нашъ парламентеръ не соглашался, князь Воронцовъ сказалъ: „Тутъ некогда разсуждать, генералу Моро не только что можно отдать всѣ его пушки, но придать еще и нашихъ, только бы скорѣй уходилъ". Тотчасъ, по занятіи Соассона, посланы были отряды нашей конницы на встрѣчу отступающему Блюхеру, и онъ, 20-го, съ поспѣшностію переправился черезъ Эну, по каменному мосту и, оставивъ въ ономъ гарнизонъ, направился къ Лаону и пр. *И. Липранди.*

Воспоминанія о Михаилѣ Леонтьевичѣ Магницкомъ.

Статья А. С. Стурдзы (*).

Переживать милыхъ сердцу нашему родителей, родныхъ и друзей, провожать современниковъ до завѣтнаго святилища могилы, и каждый разъ больнѣе и глубже ощущать свое одиночество, — таковъ горькій удѣлъ долголѣтняго бытія на землѣ! На днѣ роковой чаши сей, растворяемой и гнѣвомъ Божіимъ за грѣхъ, и милосердіемъ Его къ *грѣшникамъ*, есть нѣсколько ѣдкихъ капель того таинственнаго *вина умиленія*, отъ котораго упоенная жизнію душа пробуждается, совлекаетъ съ себя послѣднія пристрастія и емлется вѣрою за невидимое и вѣчное. Но при каждой новой утратѣ, съ какимъ ужасомъ открываемъ мы въ себѣ двѣ грозныя, мало прозрѣваемыя нами истины: въ 1-хъ жалкую немощь нашей вѣры въ невидимое и грядущее; во 2-хъ суету жизни плотской, уносимой по частямъ долу или выспрь, — жизни, которая есть не что иное, какъ *медленное умираніе*.

Когда рабъ Божій Михаилъ *другъ нашъ успе*, когда іерей Бога Вышняго, общій другъ нашъ, всподвизавшійся ему въ молитвѣ до послѣдняго вздоха,

---

(*) Александръ Скарлатовичъ написалъ эту статью вскорѣ по смерти М. Л. Магницкаго, подъ живымъ впечатлѣніемъ дружеской скорби; но тогда не успѣлъ напечатать ее ни въ Одесскомъ Вѣстникѣ, ни въ Москвитянинѣ, *по причинамъ* отъ него *не зависѣвшимъ*. Теперь тѣхъ причинъ нѣтъ. А статья и теперь имѣетъ свое значеніе, заявляя нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Магницкомъ и рисуя его съ той стороны, которой почти не касались составители статей о немъ. Audiatur et altera pars. Свящ. *Н. Неводчиковъ*. Читатели сличатъ статью эту съ замѣтками Вологжанина, въ Р. Архивѣ 1867, стр. 1663, 1692 и далѣе. Само собою разумѣется, что мы помѣщаемъ статью Стурдзы единственно какъ памятникъ историко-литературный, безъ малѣйшаго намѣренія оцѣнивать нравственный характеръ и общее направленіе дѣятельности Магницкаго. *П. Б.*

прямо отъ одра страдальца зашелъ ко мнѣ въ слезахъ, съ печальною вѣстію,—тогда первый порывъ горести скоро смѣнила въ душѣ моей тяжкая дума о ничтожествѣ жизни и скорбей и тлѣнныхъ нашихъ житейскихъ мечтаній!.. И подлинно, давно ли маститый другъ и собесѣдникъ нашъ услаждалъ насъ пылкостію и богатствомъ ума своего и вмѣстѣ укрѣплялъ насъ твердостію вѣры, возмужавшей въ немъ отъ множества претерпѣнныхъ скорбей и напастей? Въ 10 дней совершилось *разрушеніе* его земной храмины, являвшей дотолѣ всѣ признаки долголѣтія, закаленнаго какъ цѣнный металлъ огнемъ искушеній. Не вѣрится роднымъ и друзьямъ, чтобы вдругъ не стало его въ кругу нашемъ; не вѣрится намъ маловѣрнымъ, чтобы нѣжный отецъ семейства, какимъ былъ М. Л. Магницкій, могъ столь безмятежно, смиренно и даже радостно разстаться съ настоящею жизнію, и ношу ея и уды сбросить съ себя одною силою духа, для котораго сквозь мрачную завѣсу смерти уже виднѣлась и просіявала блаженная страна обѣтованій Христовыхъ.

М. Л. Магницкій, скончавшійся въ Одессѣ ноября 21-го 1844 года, въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, прожилъ на землѣ 66 лѣтъ и въ теченіе сего времени служилъ царю и отечеству на разныхъ высокихъ степеняхъ государственнаго управленія; удаленъ былъ отъ дѣлъ вмѣстѣ съ незабвеннымъ М. М. Сперанскимъ; занималъ послѣдовательно и попеременно, въ продолженіе четырехъ царствованій, сперва дипломатическія мѣста въ Вѣнѣ и Парижѣ; потомъ должность статсъ-секретаря съ 1-го января 1810 до роковаго 1812 года; изъ временнаго бездѣйствія въ Вологдѣ вызванъ снова къ должностямъ вице-губернатора Воронежскаго и губернатора Симбирскаго; а потомъ назначенъ былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа; но съ 1826 года сошелъ навсегда съ тернистаго поприща заботъ и дѣлъ въ мирное убѣжище домашней жизни.

Да позволено будетъ намъ войти въ нѣкоторыя хронологическія подробности.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Леонтьевичь Магницкій (сынъ дѣйствит. же ст. совѣтника) родился въ 1778 г. апрѣля 23-го дня; воспитанный въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, покойникъ любилъ припоминать то время, когда за блестящіе успѣхи въ наукахъ получилъ онъ награду изъ рукъ знаменитаго старца Хераскова. Какъ водилось въ старину, молодой Магницкій началъ служеніе свое съ ружья, и, дослужившись до капитанскаго чина, перешелъ изъ военной службы въ гражданскую 8-го октября 1797 г., а съ 1798 г. сентября 29 пожалованъ въ коллежскіе ассесоры и отправленъ канцелярскимъ служителемъ къ Вѣнскому посольству, при коемъ находился до 1800 г. Здѣсь даровитому юношѣ досталось въ завидный удѣлъ не разъ вслушиваться въ разговоры великаго Суворова, ловить то привѣтливыя къ себѣ, то игривыя и колкія слова героя, который останется навсегда представителемъ русскаго ума и воинской доблести Русскихъ. Яркій обликъ лѣтописнаго мужа глубоко врѣзался въ памяти Магницкаго. Онъ любилъ и умѣлъ разсказывать о Суворовѣ съ оригинальною прелестію, достойною Суворова. Изъ Вѣны Михаилъ Леонтьевичь перечисленъ былъ къ Парижской миссіи, при которой служилъ онъ подъ начальствомъ посланника Колычева и пользовался случаями наблюдать вблизи тогдашняго перваго консула мятежной Французской республики и вмѣстѣ высшій кругъ отборнаго парижскаго общества. Въ 1803 г. марта 14-го, Магницкій опредѣленъ былъ начальникомъ экспедиціи во вновь учрежденное министерство внутрен-

нихъ дѣлъ. Отсюда начинается его безпредѣльная дѣятельность по части государственнаго управленія. Онъ дважды посыланъ былъ въ Псковъ и въ Вильну съ важными порученіями, пріобрѣталъ опытность, обнаруживалъ рѣдкія способности и, быстро повышаясь въ чинахъ, добытыхъ рвеніемъ и трудомъ, Магницкій былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ статсъ-секретари Е. И. В. по департаменту законовъ въ государственномъ совѣтѣ, 1810 г. января 1-го дня. Покойникъ дѣйствовалъ заодно съ М. М. Сперанскимъ; но ему въ особенности поручено было составленіе военныхъ уставовъ и уложеній для большой дѣйствующей арміи. Кромѣ ордена св. Владиміра 3-й ст., украшавшаго грудь его, Магницкій получилъ орденъ св. Анны 1-го класса 12 декабря 1811 г.

Наставала тогда для Россіи грозная година искушеній и непріятельскаго нашествія; Сперанскому и Магницкому повелѣно было выѣхать изъ столицы; послѣднему назначено мѣстопребываніе въ Вологдѣ. Тяжелое испытаніе было некратковременно; ибо хотя высочайшимъ указомъ, въ коемъ изъяснены причины удаленія сихъ двухъ заслуженныхъ сановниковъ, Магницкій оправданъ и опредѣленъ тогда же Воронежскимъ вице-губернаторомъ, однакоже указъ о семъ состоялся не прежде 30-го августа 1816 г. Изъ Воронежа М. Л. перемѣщенъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскъ 1817 г. іюня 14-го. Издержавшему на службѣ все свое родовое имущество пожалованы были добавочные оклады, и для благородной, безкорыстной дѣятельности его открылось тогда новое поприще: онъ пожалованъ членомъ главнаго правленія училищъ, посланъ былъ въ Казань для обревизованія тамошняго университета и учебнаго округа, котораго наконецъ сдѣлался попечителемъ. Въ совѣтѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, незабвеннаго князя А. Н. Голицына, сошелся я въ первый разъ съ М. Л. Магницкимъ. Но вскорѣ мы опять разошлись: меня снова повлекло за границу быстрое теченіе тогдашнихъ политическихъ событій; а Магницкій, потрудившись около 5 лѣтъ въ званіи попечителя Казанскаго округа, уволенъ отъ сего званія 6-го мая 1826 г. и съ тѣхъ поръ проживалъ уединенно въ Ревелѣ (¹), откуда переселился въ Одессу. Здѣсь суждено было намъ опять встрѣтить другъ друга, уже не на открытомъ морѣ житейскихъ треволненій, но причаливъ къ берегу и бросивъ якорь въ той пристани, откуда бурное прошедшее яснѣетъ для умственнаго взора, очищеннаго христіанскимъ самосознаніемъ.

Съ 1834 г. М. Л. Магницкій съ семействомъ своимъ (²) водворился въ Одессѣ, увидѣлъ около себя малютокъ, дѣтей единственнаго своего сына, и постоянно пребывалъ въ тѣсномъ кругу немногихъ собесѣдниковъ и друзей, умѣвшихъ цѣнить его умъ, познанія, обходительность, живое участіе характера пылкаго и благороднаго въ происшествіяхъ отечественныхъ и всемірныхъ. Но и въ этомъ предсмертномъ уединеніи постигла его прискорбная нечаянность: страдалецъ принужденъ былъ переѣхать на жительство въ Херсонъ (³), гдѣ онъ пробылъ два года въ разлукѣ съ семействомъ, подъ гнетомъ тѣлеснаго недуга, въ произвольномъ одиночествѣ и духовномъ безмолвіи. Тамъ отшельника постигла водяная болѣзнь, которая, къ удивленію врачей, кончилась выздоровленіемъ тотчасъ послѣ принятія

(¹) Магницкій былъ сосланъ въ Ревель. Подробности находятся въ Воспоминаніяхъ Панаева, въ Вѣстникѣ Европы 1867, кн. 4-я. *П. Б.*

(²) Сынъ Магницкаго, служившій въ гвардіи, не оставилъ по себѣ мужскаго потомства. *П. Б.*

(³) Вслѣдствіе непріятныхъ отношеній съ (кн.) М. С. Воронцовымъ. *П. Б.*

страждущимъ и крѣпко вѣровавшимъ цѣлебнаго таинства елеосвященія.

Замѣтимъ, что тоже самое случилось съ нимъ за нѣсколько лѣтъ въ Ревелѣ, когда по его желанію преподано было болящему таинственное помазаніе во имя Господне.

Изъ Херсона покойникъ возвратился въ Одессу, въ объятья родныхъ и друзей уже не тѣмъ *юношей въ сѣдинахъ*, какимъ онъ казался намъ въ первые годы пребыванія его въ нашемъ городѣ. Со всѣмъ тѣмъ быстрота и мѣткость ума еще не покидали бодраго старца; онъ все еще былъ душою нашихъ дружескихъ бесѣдъ, несравненнымъ цѣнителемъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, строгимъ обличителемъ гордой философіи по стихіямъ міра и въ полномъ смыслѣ *стоикомъ-христіаниномъ*. Только мало-по-малу крѣпло и обнаруживалось въ немъ благодатное отчужденіе отъ мірскихъ видовъ и пристрастій, прилежаніе къ келейной молитвѣ и безусловное, младенческое послушаніе всѣмъ уставамъ матери нашей Православной Церкви. Крутость воли, увлекавшая нѣкогда Магницкаго далеко за предѣлы предположенной имъ благой цѣли, начала примѣтнымъ образомъ уступать вліянію внутренняго самоотверженія. Отъ множества неудачъ въ жизни, онъ пересталъ довѣрять успѣху въ дѣлахъ и предпріятіяхъ самыхъ общеполезныхъ. Однако, подъ корою недовѣрчиваго равнодушія, сердце его горячо билось сочувствіемъ къ малѣйшимъ успѣхамъ дѣла Божія на землѣ. Бывъ нѣкогда ревностнымъ участникомъ въ трудахъ упраздненнаго нынѣ Россійскаго библейскаго общества, Магницкій вдругъ отсталъ отъ него по внутреннему убѣжденію, навлекъ этимъ на себя много кривыхъ толковъ и нажилъ не менѣе враговъ [1]. Конечно, уклончивая осторожность не всегда управляла его поступками: онъ не умѣлъ соразмѣрять порывы ревности своей внѣшнимъ обстоятельствамъ. За то М. Л. Магницкій никогда не былъ человѣкоугодникомъ, и болѣе всего дорожилъ сокровищемъ совѣсти и вѣры, которую стяжалъ и усвоилъ себѣ послѣ сильной внутренней борьбы со страстьми и заблужденіями юношескихъ лѣтъ. Припоминая себѣ это бур-

---

[1] Позднѣе (1849 г.) въ «Запискахъ Современника» Александръ Скарлатовичъ такъ разсказалъ о выходѣ Магницкаго изъ библейскаго общества: «Однажды представили засѣданію персидскій переводъ для оптоваго отправленія въ Персію. Магницкій не вытерпѣлъ: объявилъ довольно рѣзко мнѣніе свое о неблагонадежности такого распространенія слова Божія. Подняли ропотъ и шумъ. Князь Мещерскій напрасно толкалъ въ бокъ Магницкаго съ тѣмъ, чтобы онъ молчалъ. Магницкій пуще разговорился и заключилъ судную рѣчь свою противъ неразсмотренныхъ переводовъ устраненіемъ себя отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ библейскаго общества. Никто еще не угадывалъ, откуда происходила нечаянная вспышка пламеннаго дотолѣ ревнителя библейскаго дѣла. Вскорѣ побужденія и причины обнаружились: бывшій ученикъ Иннокентія, іеромонахъ Фотій, подѣйствовалъ на пылкость характера Магницкаго...» ...«и черезъ посредство общихъ друзей приманилъ къ себѣ Магницкаго. Встрѣтилъ его у дверей гостиной Фотій, держа восковыя свѣчи въ рукахъ, и съ нѣмою торжественностію провожалъ его до приготовленныхъ креселъ. Кругомъ сидѣли почетныя дамы, въ томъ числѣ графиня Орлова. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ ухватился за колокольчикъ, стоявшій на столикѣ и сталъ звонить сколько было у него силы, не проговаривая впрочемъ ни одного слова. Видно, Магницкій и онъ помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго согласія,—и негласный между ними союзъ былъ заключенъ. Послѣ этой первой встрѣчи, Магницкій началъ уже дѣйствовать открыто противъ нѣкоторыхъ распоряженій того самаго министерства, въ которомъ занималъ довольно почетное мѣсто. Онъ, конечно, защищалъ правое дѣло, вступаясь за Церковь противъ библейскаго общества. Но съ одной стороны порывы пылкаго характера часто увлекали его за предѣлы благоразумія и умѣренности; съ другой стороны, дѣйствуя сообразно замысламъ графа Аракчеева противъ князя Голицына, Магницкій навлекъ на себя упрекъ въ неблагодарности къ тому, кто взыскалъ его въ полузаточеніи и ввѣрилъ ему Казанскій учебный округъ. Не знаю навѣрное, обращался ли предварительно Магницкій къ своему начальнику съ указаніемъ на видимое имъ зло или нѣтъ....» Н. Н.

ное время жизни своей, покойникъ обыкновенно приписывалъ грѣхамъ юности всякое новое искушеніе и бѣдствіе, его постигавшее. Любимая поговорка его въ такихъ случаяхъ: *по дѣломъ вору мука*,— и симъ приговоромъ истиннаго смиренія ограничивались жалобы страдальца. Тѣснили ль его обстоятельства, или осуждали люди, или угрожала скудость средствъ, онъ всегда винилъ самого себя и крѣпче лишь прижималъ къ груди своей наложенный свыше крестъ.

Въ 1838 г. посѣтилъ Одессу въ первый и послѣдній разъ графъ М. М. Сперанскій. Не смотря на старую дружбу, позднѣйшія превратности разъединили какъ-то между собою знаменитыхъ тружениковъ. Магницкому сперва не хотѣлось домогаться свиданія съ первостепеннымъ государственнымъ сановникомъ. Онъ колебался, потомъ внялъ голосу мудрости и пріязни, который заставилъ его написать къ Сперанскому слѣдующее замѣчательное письмо:

„Какъ скоро узналъ я, мой почтеннѣйшій М. М., что вы сюда пріѣхали, первое движеніе моего сердца, первое чувство всего моего семейства было — обнять стараго благодѣтеля и друга. Но за глупымъ сердцемъ говорилъ разумъ: ты въ опалѣ, люди придворные этой чумы боятся; тотъ, котораго въ углу твоемъ почитаешь ты другомъ, на большомъ театрѣ міра не разъ показалъ тебѣ противное, толкалъ ногой мертвеца политическаго; чуждался всего, тебѣ принадлежащаго; угодники, его окружающіе, тебя бѣгали, — что за охота бросаться въ холодную ванну? Вчера пріѣзжаетъ ко мнѣ здѣшній архіерей, другъ моего Вологодскаго изгнанія, свидѣтель моихъ къ вамъ чувствъ ([5]). Первое слово о васъ: какъ я съ вами увидался? — Никакъ. — За что̀ поссорились? — Не ссорились, и ничего другъ противъ друга не имѣемъ.—Чтожъ это значитъ? — и, подумавъ, добрый пастырь рѣшилъ: *есть въ которомъ-нибудь недостатокъ смиренія*. — Въ обоихъ, отвѣчалъ я; но какъ въ словѣ смиренномудраго былъ завернутъ духъ, то оно такъ принялось у меня на сердцѣ, что въ тотъ же день рѣшился я передъ вами смириться. И подлинно, шли мы съ вами далеко и долго, разными дорогами и пришли — ко гробу! Еще шагъ, и увидимся тамъ, куда ни мѣшки, ни орденскія мантіи не пролѣзаютъ; надобно бросить все горючее въ дорогѣ, чтобъ тамъ не вспыхнуло.— Угодно ли?„

Могло-ль не подѣйствовать на высокую душу Сперанскаго столь искреннее изліяніе знакомой ему души. Послѣ этихъ разительныхъ строкъ старые друзья имѣли частыя свиданія, но послѣднія для нихъ въ юдоли плача, гдѣ не всегда сердце сердцу вѣсть даетъ.

Если въ предыдущихъ очеркахъ сколько нибудь удалось намъ представить читателямъ нашимъ Магницкаго, какимъ онъ былъ на закатѣ дней своихъ, то не трудно будетъ имъ угадать—каковымъ содѣлала его сила Божія въ борьбѣ со смертію. Покойный заболѣлъ отъ простуды въ ненастную и бурную погоду, сокрушившую на нашей гавани мореходныя суда. Онъ затворился дома, но не слегъ; лечилъ себя домашними лекарствами, и три дня спустя, въ угодность озабоченной супругѣ своей, пригласилъ къ себѣ просвѣщеннаго врача, который, съ перваго

([5]) Преосвященный Гавріилъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Кстати, въ «Памятныхъ замѣткахъ Вологжанина» (Рус. Арх. 1867 г. № 12-й ст. 1659) преосвящ. Гавріилъ ошибочно названъ «Архіепископомъ Одесскимъ и Харьковскимъ». Съ 1828 по 1837-й г. онъ былъ епископомъ, а потомъ архіепископомъ Екатеринославскимъ, Херсонскимъ и Таврическимъ и жилъ въ Екатеринославѣ. Въ 1837 г., за отдѣленіемъ епархіи Екатеринославской, онъ переселился въ Одессу и началъ именоваться арх. Херсонскимъ и Таврическимъ. Н. Н.

взгляда замѣтивъ въ больномъ признаки воспаленія въ груди, настоятельно потребовалъ кровопусканія. Но, увы, напрасны были всѣ убѣжденія: больной отказывался отъ средства, никогда въ жизни имъ неиспытаннаго, и, какъ бы торопясь въ далекій, безвозвратный путь, рѣшительно отклонилъ отъ себя чашу земнаго бытія. Болѣзнь усилилась; внутреннія лекарства не помогали; больной страдалъ безъ малѣйшей жалобы или стона, страдалъ и помышлялъ о вѣчности. Насъ, друзей своихъ, принималъ онъ съ обычнымъ радушіемъ, съ изумительнымъ присутствіемъ духа, неизмѣнявшимъ ему ни на минуту. Бесѣдуя однажды при мнѣ съ другимъ посѣтителемъ, больной указалъ на меня и примолвилъ: *Вотъ за кого боюсь, когда А. С. заходитъ ко мнѣ въ дурную погоду.*— Ноября 19-го, послѣ страдальческой ночи, больной начерталъ слабѣвшею рукою духовному отцу своему слѣдующія строки: „Лобзаю отеческую руку за возношеніе любви; но такъ какъ прошлая ночь была очень дурна и кашель можетъ усилиться; то я желалъ бы завтрешней день пораньше или сегодня вечеромъ исповѣдаться, а послѣ завтрешней литургіи пріобщиться, и потому желалъ бы условиться о часахъ и приличныхъ экипажахъ, которые будутъ готовы“. — Все совершилось по желанію сердца сокрушеннаго и смиреннаго, жаждавшаго вѣчной жизни. Тщетно окружавшіе его, говоря о возможности выздоровленія, напоминали ему о дѣтяхъ и внукахъ: собравшійся въ путь рабъ Божій отклонялъ отъ себя суетныя надежды, и въ отвѣтъ тихимъ голосомъ повторялъ: *пѣтъ, пора, пора!* Во вторникъ, 21-го ноября, почувствовавъ близость смерти, опять послалъ за духовникомъ, который поспѣшилъ къ нему и въ продолженіи $2^1/_2$ часовъ непрестанно молился у постели его, совоздыхая вѣрою и любовію къ небесному Разрѣшителю всѣхъ узъ грѣха и плоти, Господу Іисусу. Ровно въ 6 часовъ вечера преставился рабъ Божій Михаилъ, — только 12-ю часами опередившій въ вѣчности благодѣтеля своего, любвеобильнаго князя А. Н. Голицына.

И такъ самымъ поучительнымъ трудомъ и подвигомъ въ жизни раба Божія Михаила Магницкаго была истинно-христіанская, благоухавшая вѣрою и смиреніемъ кончина его. Но поученіе сіе, среди шума мірской суеты, заключилось по необходимости въ тѣсный кругъ родныхъ его, друзей и домочадцевъ, и едва ли теперь донеслось тяжелымъ стономъ къ отсутствующему, нѣжно-любимому, единственному сыну почившаго. (*)

Осталось однакожъ послѣ него, и не мало, плодовъ ума и сердца, произведеній живописнаго пера его, которыя къ сожалѣнію по большей части хранятся въ рукописяхъ или разсѣяны въ періодическихъ изданіяхъ— отъ *Аоиды* до современныхъ намъ *Москвитянина* и *Одесскаго Вѣстника.* Я никогда не видалъ человѣка, не встрѣчалъ писателя, который бы такъ мало дорожилъ авторскою знаменитостію, какъ М. Л. Магницкій. Существенная польза, требованіе обстоятельствъ или переливавшееся изъ глубины души убѣжденіе — вотъ что побуждало покойника приниматься за перо. Шопотъ или громъ хвалы и удивленія вовсе его не трогали; онъ, по примѣру Фокіона, послѣ шумныхъ Аѳинскихъ рукоплесканій, готовъ былъ спросить: „друзья, не проговорился ли я, что меня стали хвалить Аѳиняне?“ — и въ такихъ случаяхъ улыбка глубокой ироніи бѣгло оттѣнялась на устахъ знатока жизни и людей. Мы имѣемъ въ числѣ напечатанныхъ трудовъ Магницкаго: *Сборникъ* лучшихъ мѣстъ изъ Россійской

(*) Сынъ Магницкаго служилъ въ Петербургѣ въ гвардіи. *П. Б.*

исторіи Карамзина; *Священную исторію* для дѣтей перваго и втораго возраста; *Руководство къ дѣловой и государственной словесности*, посвященное графу М. С. Воронцову; *Думу на гробѣ* М. М. Сперанскаго; *Взглядъ на мірозданіе*, и множество критическихъ дѣльныхъ статей, запрятанныхъ въ хаосѣ книжной промышленности, какъ-то въ журналахъ: *Радугѣ*, *Москвитянинѣ* и т. д. Незабвенный для друзей своихъ, онъ почтилъ память искренно любившей его сестры моей страницами, исполненными глубокаго чувства и паренія мыслей. Мало кому извѣстная исторія: *Камень вѣры* Стефана Яворскаго ожилъ подъ рѣзцомъ его въ чертахъ неизгладимыхъ. А подъ спудомъ въ рукописи лежатъ: *Торжество вѣры*, сочиненіе, передѣланное имъ съ французскаго подлинника: *Le Christ devant le Siècle*. Онъ же перевелъ огромное твореніе Галлера: *О наукѣ права и политики по началамъ христіанскимъ*. Еще донынѣ изъ духовной цензуры не возвращенъ богоугодный трудъ покойника: извлеченіе и переложеніе на русскій языкъ лучшихъ мѣстъ св. Димитрія Ростовскаго *о покаяніи и приготовленіи ко св. тайнамъ*. М. Л. Магницкій постояннымъ направленіемъ всѣхъ досуговъ своихъ къ цѣли, вкупѣ выспренней и смиренной, доказалъ, что ему было не до славы, умирающей въ искрѣ и звукѣ. Ему только хотѣлось быть *тростію скорописца*, но указаніямъ свыше и для пользы людей, судившихъ о немъ по самымъ жалкимъ предубѣжденіямъ.

Онъ исполнилъ на дѣлѣ слово Спасителя: *аще точію любящія васъ любите, кая вамъ благодать есть?* Миръ душѣ и праху твоему, другъ и наставникъ нашъ въ тайнахъ добраго, послѣдняго подвига! Кончина твоя доказала, что не *на пескѣ*, а *на камени* утверждался внутренній храмъ вѣры и поклоненія твоего Тріединому. *По вѣрѣ твоей да будетъ тебѣ* и тамъ, откуда благословеніе отеческое твоего сердца да снидетъ и почіетъ на осиротѣломъ твоемъ семействѣ!

А. Стурдза.

Одесса
Декабря 4 дня 1844 г.

(*Сообщено священникомъ И. В. Неводчиковымъ*).

Замѣтка о Мещевскомъ.

Жуковскій къ своимъ друзьямъ пишетъ: „.... *Мещевскій* въ Сибири, а вы друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! Естьли вы не собрались о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество! Естли же отъ холодности къ его судьбѣ, то это.... что это?... На что же намъ толковать о добрѣ, общей пользѣ, о хорошихъ возвышающихъ душу стихахъ? На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol?... Посылаю письмо Вяземскаго, чтобъ пристыдить и поддать вамъ, естьли можно, жару. Онъ не безпеченъ, когда *надобно* дѣйствовать“. (Р. Арх. 1867 стр. 811, 812.)

Въ примѣчаніи къ этому письму сказано: „Кто былъ Мещевскій и какая судьба его, мы не могли доискаться, и просимъ разъясненія“.

Объ этомъ Мещевскомъ упоминается въ запискахъ Шишкова, изданныхъ въ весьма небольшомъ количествѣ экземпляровъ Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по рукописи, полученной въ 1863 году отъ протоіерея М. Я. Морошкина.

Въ письмѣ своемъ къ Императору Александру Павловичу, Шишковъ пишетъ: „.... цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи и спрашивалъ, велю ли я ихъ пропустить. Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Посланіе къ артельнымъ друзьямъ. Годъ поставленъ 1817, имя сочинителя означено *Мещевскій*. Слово: артельные друзья, само собою показываетъ, что посланіе сіе относится не ко всѣмъ во-

обще читателямъ, но къ какой-то артели, т. е. неизвѣстному или тайному обществу. Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства.... Я призвалъ къ себѣ журналиста Воейкова и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ, но когда увидѣлъ, что сего невозможно, то въ извиненіе свое отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда у него спросилъ, кто такой Мещевскій, гдѣ онъ живетъ и откуда прислалъ ихъ? то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій года три или четыре тому назадъ умеръ и оставилъ у него свои сочиненія.

И такъ, по словамъ его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ его на поединокъ! Цензоръ тоже боится, что если не пропуститъ, то его разругаютъ, или прибьютъ. Вотъ до чего простирается дерзость таковыхъ писаній и требованій! Въ оправданіе сему только и слышалось, что твердятъ: *са это господствующій духъ времени!*

„Всемилостивѣйшій Государь! Вездѣ, въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ, въ Комитетѣ гг. Министровъ, въ публикѣ и при самомъ Дворѣ, духъ сей находитъ защиту и покровительство". (Записки Адмирала А. С. Шишкова стр. 108, 109).

Въ книгѣ: „Избранныя Сочиненія изъ Утренней Зари. Труды благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона". М. въ ун. тип. 1809 г., ч. 1, стр. 259—263, напечатано весьма удачное стихотвореніе *А. Мещевскаго*: „Уединеніе". Вѣроятно, Мещевскій былъ однимъ изъ сотоварищей Жуковскаго и Воейкова. Но за что постигла его ссылка, намъ доселѣ неизвѣстно.

Н. Б.

Къ исторіи библейскихъ обществъ.

I.

Письмо митроп. Серафима къ импер. Александру 1-му, отъ 11-го декабря 1824 г.

Ваше Императорское Величество
Всемилостивѣйшій Государь!

Разсмотрѣвъ дѣло о сектѣ Духоносцевъ, важной по обширнымъ своимъ замысламъ и приманчивой по свободѣ дѣйствовать согласно съ желаніями и страстями, я съ неизъяснимой горестію и удивленіемъ замѣтилъ, до какой степени распространяется, даже между простымъ народомъ, не говорю, неуваженіе, но явное противленіе Церкви, и какія ложныя мнѣнія разсѣяваются, Государь, о Твоихъ намѣреніяхъ! Нѣтъ сомнѣнія, что зловредный расколъ сей, какъ новая отрасль масонства, одолженъ началомъ своимъ не Россіи, но привезенъ къ намъ совсѣмъ обдуманный и приноровленный во всѣхъ отношеніяхъ къ свойствамъ, обычаямъ и понятіямъ народа Русскаго. Нельзя не согласиться также, что всеобщее обращеніе Библіи, безъ другихъ средствъ къ посѣянію въ народѣ благочестія, могло содѣйствовать сему расколу. Библейскія общества имѣютъ съ нимъ связь, и сіе въ особенности заключить можно изъ единства духа въ главныхъ началахъ установленія *всеобщей религіи* и въ согласіи новаго сего ученія съ содержаніемъ такъ названныхъ прежде духовно-нравственныхъ книгъ, появившихся вмѣстѣ съ Библейскими обществами. Изъ сихъ книгъ „Возваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова" явно признается отъ Духоносцевъ книгою пророчественною.

Съ прискорбіемъ должно признаться, что со времени введенія по всей Россіи Библейскихъ обществъ и распространенія вышеозначенныхъ книгъ, не только въ свѣтскія, но даже духовныя училища, проникъ какой-то духъ

своеволія и мистическаго мудрованія; какихъ же должно ожидать послѣдствій, *аще соль земли обуяетъ?*

Все сіе доказываетъ, что настоитъ величайшая необходимость въ принятіи скорыхъ мѣръ къ огражденію Православія и природной намъ преданности къ законному правленію.

Видя съ одной стороны обширность предлежащихъ мнѣ дѣйствій ко благу Церкви и отечества, и усматривая съ другой слабость здоровья своего и немощи преклонныхъ лѣтъ, я бы погрѣшилъ противъ совѣсти, еслибы не желалъ имѣть себѣ сотрудника и совѣщателя. Гдѣ дѣло идетъ о пользѣ Государя, Церкви и Отечества, тамъ можетъ ли породиться презрѣнная мысль о соперничествѣ и о личныхъ выгодахъ, особливо въ моемъ санѣ? Глубоко проникнутый симъ убѣжденіемъ, я совѣтовался съ министромъ народнаго просвѣщенія и сообщилъ ему мнѣніе свое, состоящее въ томъ, чтобы для постановленія духовныхъ училищъ на твердомъ и незыблемомъ основаніи Православія и для принятія совокупно со мной нужныхъ мѣръ къ прекращенію распространенія въ народѣ новыхъ ересей, призвать сюда на время Кіевскаго митрополита Евгенія, какъ человѣка извѣстнаго по правовѣрію, учености и благонамѣренности. Онъ не только одобрилъ мое предположеніе, но и самъ изъявилъ желаніе пользоваться его совѣтами въ важномъ дѣлѣ народнаго воспитанія (*).

Ободренный столь благопріятнымъ отзывомъ, я почелъ священнымъ долгомъ повергнуть все сіе на Высочайшее Всемилостивѣйшаго Государя моего благоусмотрѣніе и всеподданнѣйше испрашивать неукоснительнаго призванія Кіевскаго митрополита. Я тѣмъ съ большею довѣренностію осмѣливаюсь ходатайствовать о приведенія сего въ исполненіе, что принятыя уже мѣры достаточно всему свѣту свидѣтельствуютъ, сколь вожделѣнно сердцу Вашего Императорскаго Величества соблюденіе въ обширной имперіи Вашей Православія и единомыслія въ вѣрѣ.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣю счастіе пребыть Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего вѣрноподданный богомолецъ митрополитъ Серафимъ.

(*) См. Записки адмирала А. С. Шишкова, стр. 69. „По причинѣ сильнаго втеченія сихъ заразительныхъ правилъ не въ однѣ свѣтскія, но даже и въ духовныя училища, непремѣнно нужно обратить ихъ къ истиннымъ и правовѣрнымъ началамъ. Но какъ сіе требуетъ не мало труда и разсмотрѣнія, дабы, очистивъ отъ худаго, положить доброе основаніе, то митрополитъ желаетъ, чтобы на время призванъ былъ сюда Кіевскій митрополитъ Евгеній, котораго бы попеченію особенно поручено было устроить духовныя училища. На вопросъ мой: не будетъ ли призывъ Евгенія для него непріятенъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, что такое мнѣніе для него оскорбительно; что тамъ, гдѣ идетъ дѣло о благѣ Церкви, Государя и Отечества, ни санъ его, ни сердечныя чувства не позволяютъ ему опасаться какого-либо несогласія или соперничества; но что, напротивъ, онъ желаетъ и намѣренъ самъ просить Ваше Величество, чтобъ при столь важныхъ обстоятельствахъ и при слабомъ его здоровьи было съ кѣмъ ему раздѣлить труды и совѣты. Я также съ своей стороны хотѣлъ бы пользоваться совѣщаніями съ Евгеніемъ, какъ съ человѣкомъ ученымъ и благонамѣреннымъ. Поелику Сунодъ нынѣ состоитъ по большой части изъ лицъ долго участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи, то какъ по сему участвованію, такъ и по связямъ ими сдѣланнымъ, могутъ они въ разсмотрѣніи бывшихъ обстоятельствъ и въ сужденіи о нихъ быть не совсѣмъ чужды пристрастія. По сей причинѣ и митрополитъ полагаетъ, что архіереевъ Тверскаго (Іону) и Кишиневскаго (Димитрія Сулиму) надлежитъ перемѣнить другими. Извѣстно, что они оба были избраны по совѣту архимандрита Ѳеофила, того самаго, который нынѣ удаленъ изъ Одесскаго лицея и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ. Многія подобныя обстоятельства открываютъ, какимъ образомъ духовныя особы, по примѣченной въ нихъ податливости къ нововводимому образу мыслей, выбирались для заступленія важнѣйшихъ мѣстъ и въ члены Сунода, дабы съ свѣтскими членами Библейскихъ обществъ составить одинъ духъ и тѣло.“

II.

Второе письмо митрополита Серафима къ императору Александру о томъ же предметѣ, отъ 28-го декабря 1824 года.

Ваше Императорское Величество

Всемилостивѣйшій Государь!

Отъ 11-го числа сего мѣсяца я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству объ открытіи вредныхъ послѣдствій существованія у насъ Библейскихъ обществъ. Благословенное Твое, Государь, принятіе замѣчаній моихъ побудило меня войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе Библейскаго дѣла, управленіе коего Ты мнѣ Высочайше поручить соизволилъ. Чѣмъ болѣе углублялся я въ розысканія сего рода, тѣмъ болѣе убѣждался совѣстію въ невозможности соединить въ одномъ лицѣ санъ первенствующаго члена Святѣйшаго Сѵнода съ предсѣдательствомъ въ Библейскомъ обществѣ. Усмотрѣвъ въ сокрытомъ направленіи всѣхъ дѣйствій сего послѣдняго нарушеніе самыхъ священныхъ обязанностей покорности Церкви и преданности Государю, я бы былъ не пастыремъ ея, не вѣрноподданнымъ Твоимъ, еслибы оставался безмолвнымъ предъ Тобой. Благоволи, Влемилостивѣйшій Государь, низойти благосклоннымъ вниманіемъ на приносимое къ Тебѣ устами моими моленіе цѣлой Церкви. Всѣ неповрежденные члены ея чаютъ отъ благословеннаго Монарха своего, защитника Православія, единаго и послѣдняго благодѣянія къ уврачеванію ранъ, нанесенныхъ Святой нашей Вѣрѣ злонамѣренныхъ мудрованіемъ новѣйшихъ лжеучителей. Уже ты словесно объявить мнѣ соизволилъ, что изъ преданныхъ Тебѣ и Церкви мужей составится комитетъ по дѣлу Россійскаго Библейскаго общества; повели нынѣже прекратить дѣйствія Библейскихъ комитетовъ и закрыть ихъ по всей Имперіи; воспрети указомъ собираться такъ называемымъ духовнымъ обществамъ по домамъ, дабы священные обряды Богосуженія не совершались святотатственно мірянами внѣ церкви, какъ ужъ сіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открылось и Тебѣ небезъизвѣстно. Соблаговоли, да сей, толико важный для Православія(*), годъ увѣнчается въ исходѣ своемъ новымъ знакомъ Твоего отеческаго о насъ и о вѣрѣ отцевъ нашихъ промышленія; да торжествущая Церковь, пріявъ отъ руки Твоей сіе великое благодѣяніе, воспоетъ въ восторгѣ побѣду надъ нечестивымъ мудрованіемъ вѣка нашего; да речетъ: *Съ нами Богъ! Разумѣйте и покоряйтеся языцы, яко съ нами Богъ! Услышите до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ!*

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣю счастіе пребыть Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего вѣрноподданный богомолецъ митрополитъ Серафимъ.

*

Фотій, принимавшій живое участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ выражалъ свою радость по этому случаю въ письмѣ своемъ къ Симоновскому архимандриту Герасиму: „Порадуйся, старче преподобный! нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде; ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ; общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились; *министръ нашъ* (намекъ на министерство духовныхъ дѣлъ) *одинъ Господь Іисусъ Христосъ* во славу Бога Отца, аминь“. Письмо писано 20 го августа 1824-го года, а министерство Дух. дѣлъ уничтожено 15-го мая 1824-го года. Замѣчательна приписка къ этому письму: „Молися о А. А. Аракчеевѣ; онъ явился рабъ Божій за св. Церковь и вѣру, яко Георгій побѣдоносецъ. Спаси его Господи!“

(*) Разумѣется низверженіе кн. Голицына.

Отвѣтъ на письма Серафима послѣдовалъ уже не отъ Императора Александра, а отъ Августѣйшаго Его преемника. Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя митрополита Серафима, 12-го апрѣля 1826-го г., повелѣно было остановить всѣ безъ исключенія дѣйствія Россійскаго Библейскаго Общества.

III.

Письмо Иннокентія къ Фотію, 1819-го г., безъ означенія мѣсяца и числа. (Письмо это было отвѣтомъ на письмо Фотія, наполненное выраженіемъ скорби и негодованія на совершившіяся тогда явленія въ духовно-религіозной жизни нѣкоторой части нашего общества.)

„О возлюбленный Фотій! Ты еще первый посѣтилъ меня любовію своею въ Пензѣ; продолжи любовь ко Господу. Онъ соединилъ сердца наши, несмотря на далекое разстояніе мѣста; продолжи очищеніе сердца, столь милаго сердцу моему; не вдавайся въ пренія; моли Господа Миротворца умирить прежде насъ самихъ, наши чувства, нашу жизнь, нашихъ ближнихъ, окружающихъ насъ: тогда умиряться начнутъ и дальніе, умирятся и общества не мирныя, умирятся и церкви, раздорами раздираемыя. Что наши голоса съ тобою, если не писканія кишащихъ на землѣ насѣкомыхъ? И что наши съ тобой усилія, если не усилія напряженной руки младенца сдвинуть стѣну, состроенную многими вѣками, строенную многими милліонами, поддерживаемую многими подпорами, хотя впрочемъ стѣну Вавилонскую. Принесемъ благодареніе Господу, что доселѣ терпитъ грѣхамъ нашимъ и насъ вразумляетъ искать пути истиннаго, учиться оправданіямъ Его“.

(Изъ имѣющейся у меня рукописи „Сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія епископа Пензенскаго и Саратовскаго, скончавшагося въ Бозѣ 1819-го г. октября 10-го дня).

IV.

Письмо Фотія къ Симоновскому архимандриту Герасиму. (отъ 30-го августа 1824 г.). По случаю низверженія Голицына, полное.

Возлюбленный о Господе брате, рабе вѣрный Христовъ и сподвижниче, отче преподобный Герасиме!

Христосъ посреди насъ есть и будетъ во вѣкъ!

Богъ мнѣ вручилъ твое посланіе, кое ты писалъ Серафиму, но оно уже во славу Божію полетѣло — вручено самому великому слугѣ Божіему (*); все сердце мое кипитъ любовію о Христѣ къ тебѣ, ибо давно зналъ и знаю, что ты, яко Савва Освященный, ревновалъ, ревнуешь за св. Церковь, за св. Вѣру; сладко мнѣ и слышать твои слова и подвиги. Веліе дѣло Божіе и знаменіе великой благости есть въ Христіанинѣ ревность по Вѣрѣ Православной. Возрадуйся, о брате любезный, въ Дусѣ Святѣ! Православіе торжествуетъ. Знай, что Ангелъ святый Божій есть Царь нашъ; молися объ Немъ усердно; праведникъ нашъ Царь; узнавъ правду, Онъ любитъ и творитъ правду Христову. О какъ мы блаженны, что Богъ даровалъ намъ Царя Ангела Божія! Мы окаянные недостойны по грѣхамъ нашимъ сей милости Божіей! О Господи! пробави милость сію Твою намъ!

Порадуйся, старче преподобный! Нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь I. Христосъ во славу Бога Отца, аминь.

Нынѣ, я чаю, велія радость и на небесахъ. Тебя и всѣхъ единомышленныхъ и единодушныхъ въ вѣрѣ и ревности и преподобіи люблю и цѣлую о Христѣ, Который посреди насъ

(*) Аракчееву.

былъ, есть и будетъ во вѣки вѣковъ, аминь. Братъ твой и сподвижникъ о Господѣ убогій рабъ твой Фотій.

Р. S. Молися о А. А. Аракчеевѣ; онъ явился рабъ Божій за Св. Церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи.

Все сіе про себя знай.

2. Р. S. Поцѣлуй ты святымъ цѣлованіемъ всѣхъ тѣхъ, коихъ мы любимъ.

V.

Письмо митрополита Серафима къ графу Аракчееву о награжденіи Юрьевскаго архимандрита Фотія за подвиги его въ пользу Православной Церкви панагіей.

Сіятельный графъ,

Милостивый Государь!

Архимандритъ Новгородскаго первокласснаго Юрьева монастыря, Фотій, въ краткое время настоятельства своего надъ симъ монастыремъ привелъ оный въ отличное по всѣмъ отношеніямъ состояніе, какъ я лично во время осмотра епархіи имѣлъ случай удостовѣриться. Богъ видимо благословилъ труды и старанія его. Тамъ, гдѣ въ опустѣлыхъ стѣнахъ едва оставался признакъ обители лишенныхъ и скорбящихъ (sic), явилось множество торжественныхъ поклонниковъ Божіихъ. Обвѣтшалые, безмолвные, почти заключенные храмы огласились пѣснями благоустроенныхъ ликовъ; вмѣсто запустѣнія благолѣпіе, вмѣсто скудости возникло довольство, вмѣсто крайняго безлюдія образовалось многолюдное братство, вмѣсто неустройства возродились порядокъ и благочиніе; однимъ словомъ, древній, знаменитый въ Россіи монастырь изъ состоянія совершеннаго упадка возведенъ нынѣ въ новое, цвѣтущее, славное существованіе, каковымъ не наслаждался съ самаго учрежденія. Все сіе, конечно, не могло укрыться отъ прозорливости Вашего Сіятельства. Но что сказать о пламенномъ усердіи и ревности архимандрита Фотія къ соблюденію вѣры отцевъ нашихъ неприкосновенною? Какъ исчислить труды и подвиги, понесенные имъ для блага Святой нашей Церкви, воюемой злоухищренными кознями врага Божія и возмущаемой косвенными нападеніями исчадій ада, тѣмъ опаснѣйшими, что прикрыты личиною любви къ ближнимъ и усердія къ пользамъ человѣчества? Кто можетъ исчесть всѣ попеченія сего пастыря о спасеніи братій своихъ во Христѣ?

Вашему Сіятельству, какъ истинному сыну Церкви, какъ твердому заступнику Православія и ходатаю о немъ у престола, столько же, сколько и мнѣ, извѣстны всѣ обстоятельства достославнаго въ лѣтописяхъ нашея церкви 1824-го года (*), который непреходящимъ только величіемъ увѣнчиваетъ благочестиваго Монарха нашего, но и уготовляетъ Ему вѣчный вѣнецъ правды тамъ, идѣже нѣсть премѣненія.

Архимандриту Фотію, посвятившему себя Богу и восходящему къ совершенству христіанской жизни, чуж-

(*) Намеки на низверженіе Голицына, въ которомъ принималъ живое участіе Фотій. Для совокупнаго дѣйствія съ митрополитомъ Серафимомъ и другими противъ Голицына, Фотій особымъ письмомъ Аракчеева вызванъ былъ изъ Новгорода въ Петербургъ; 6-го числа августа 1824-го г. имѣлъ аудіенцію у Государя во дворцѣ на Каменномъ Островѣ съ половины 7 часа вечера по 9-й и изобразилъ Государю самыми мрачными красками тогдашнее положеніе Православной Церкви. Эта аудіенція подорвала кредитъ Голицына и приготовила его паденіе. Въ Запискахъ Фотія находится такое выраженіе о результатахъ этой аудіенціи: 6-го числа съ половины 7 по 9-й часъ вечера былъ у Государя Императора, и весь разговоръ шелъ о дѣлахъ Церкви и вѣры, и Богъ устроилъ все на пользу св. Церкви Православныя, и скопище вражее подъ судъ строгій подпало (см. имѣющуюся у меня рукопись: Начертаніе жизни, дѣяній и подвиговъ въ Бозѣ почившаго Юрьевскаго монастыря архим. Фотія).

до всякое желаніе временныхъ наградъ; онъ, по слову Спасителя, возжелалъ единаго на потребу, онъ твёрдо рѣшился нести крестъ свой и по немъ идти.

Но для полноты торжества Православія, для славы Церкви, для назиданія вѣрныхъ чадъ ея, полезное и богоугодное есть дѣло возвышать избранныхъ пастырей Божіихъ и сподоблять ихъ сугубой чести.

По обязанности сана моего, я почелъ непремѣннымъ долгомъ, представивъ всѣ сіи обстоятельства Вашему Сіятельству, всепокорнѣйше просить довести о нихъ до свѣдѣнія Его Имп. Величества и, въ уваженіе отличныхъ заслугъ, оказанныхъ арх. Фотіемъ, испросить Высочайшее соизволеніе о всемилостивѣйшемъ награжденіи его панагіею.

Я тѣмъ съ большею надеждою осмѣливаюсь по сему случаю утруждать Ваше Сіятельство, что Государь Императоръ неоднократно изволилъ обращать благосклонное вниманіе на благочестивое рвеніе арх. Фотія, на непреклонную преданность его къ священной особѣ Помазанника Божія и пламенную любовь его къ отечеству, и что сіи всѣмъ извѣстныя чувствованія его удостоены были и Высоч. Е. И. В. благоволенія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Серафимъ митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій.

С.-Петербургъ.
17-го генваря,
1825-го года.

VI.

Отвѣтъ графа Аракчеева на письмо митрополита Серафима.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь!

Свидѣтельствованіе Вашего Высокопреосвященства о возведеніи архимандритомъ Фотіемъ Новгородскаго первоклассснаго Юрьева монастыря въ цвѣтущее состояніе, пламенное его усердіе къ церкви Божіей и благочестивое его рвеніе на пользу отечества, обратили на него особенное вниманіе Государя Императора и Монаршее благоволеніе. Во изъявленіе онаго и въ ознаменованіе отличныхъ заслугъ архимандрита Фотія, Е. И. Величество всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ панагію и повелѣлъ мнѣ препроводить оную къ Вашему Высокопреосвященству для доставленія отцу архимандриту Фотію. Исполняя симъ Монаршую волю, имѣю честь быть и пр. графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ.
31-го генваря, 1825-го года.

Вотъ какимъ письмомъ Фотій приглашаемъ былъ отъ графа Аракчеева пріѣхать въ 1824-мъ г. въ Петербургъ:

VII.

Почтенный мой отецъ архимандритъ Фотій!

По пріѣздѣ моемъ сюда (въ Царское Село) я имѣлъ счастіе докладывать Всемилостивѣйшему нашему Государю Императору о нашихъ свиданіяхъ, и Его Величеству весьма пріятно было слышать ваше усердіе къ пользѣ Церкви Божіей и отечеству. Его Величество единожды навсегда вамъ, отецъ архимандритъ, позволяетъ пріѣзжать въ С.-Петербургъ, когда вамъ нужно будетъ, а въ доказательство благоволенія Его Величества къ вамъ, Государю Императору угодно васъ видѣть лично у себя въ С.-Петербургѣ прежде Его отъѣзда въ вояжъ, а потому и изволите полагать вашъ пріѣздъ въ С.-Петербургъ, расположивъ такъ, чтобы вы могли быть у Государя между 3 и 10 числами сего мѣсяца, въ которое время Государь изволитъ имѣть пребываніе свое въ С.-Петербургѣ на Каменномъ Острову; слѣдовательно, по пріѣздѣ вашемъ въ С.-Петербургъ,

прошу меня увѣдомить въ мой домъ Петербургскій запиской. О полученіи сего письма и о расположеніи вашемъ касательно пріѣзда вашего въ С.-Петербургъ прошу меня съ симъ же посланнымъ увѣдомить.

Прося вашего благословенія, пребуду на вѣки вашъ покорный сынъ и слуга графъ Аракчеевъ.

(См. рукопись находящуюся у меня: „Начертаніе жизни, дѣяній и подвиговъ въ Бозѣ почившаго настоятеля Новгородскаго 1 класснаго Юрьева общежительнаго монастыря, священно-архимандрита Фотія, сдѣланное съ тою единственно цѣлію, чтобы снять хотя нѣсколько завѣсу съ тайной подвижнической жизни почившаго, явить міру въ наши скудныя вѣрою и благочестіемъ времена ту истину, что *не оскуде преподобный*, и оправдать человѣка, котораго молва людская огласила и нерѣдко оглашаетъ доселѣ тяжелыми для благоговѣйнаго сердца слухами.") *М. М.*

(*Сообщено М. Я. Морошкинымъ*).

Опроверженіе разсказа о кончинѣ графа Аракчеева.

Прочитавъ во 2-й книжкѣ Русскаго Архива за 1868 годъ статью „Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева", я пораженъ былъ чувствомъ горькаго соболѣзнованія о вымыслѣ, доведенномъ г-мъ Романовичемъ даже до того, что онъ не остановился назвать себя очевидцемъ смерти гр. Аракчеева, и, будто, бесѣдуя съ графомъ передъ его смертію, пилъ съ нимъ вино.

Не вхожу въ разсужденіе о томъ, что г-нъ Романовичъ былъ наряженъ отъ полка поздравить графа не съ четвергомъ страстной недѣли, а съ праздникомъ Воскресенія Христова, слѣдовательно и не могъ пріѣхать въ Грузино въ четвергъ и докладывать о себѣ графу, что онъ присланъ отъ полка поздравить его съ праздникомъ Воскресенія Христова. При извѣстной всѣмъ привычкѣ графа къ аккуратности и точности исполненія, онъ не вино бы сталъ пить въ великій четвергъ съ г-мъ Романовичемъ, а подвергъ бы подобное дѣйствіе неминуемо замѣчанію, а можетъ быть и болѣе.

Я, какъ дѣйствительный очевидецъ предсмертныхъ дней и кончины гр. Аракчеева, для возстановленія истины, не долженъ пройти молчаніемъ вымышленнаго сказанія г-на Романовича и считаю себя обязаннымъ опровергнуть последовательно весь его вымыселъ. Графъ Аракчеевъ въ кабинетѣ своемъ въ Грузинѣ не принималъ, вѣроятно потому, что кабинетъ его былъ вмѣстѣ и его спальней; а въ то время въ кабинетѣ своемъ не могъ принять еще и потому, что кабинетъ вновь отдѣлывался, и графъ по этому случаю перешелъ въ другую комнату, и именно въ ту, которую г-нъ Романовичъ называетъ Александровскою, то есть въ ту, въ которой опочивалъ и занимался покойный императоръ Александръ Павловичъ, когда бывалъ у графа въ Грузинѣ. Такъ рѣзко, какъ слово „подлецъ", графъ никогда не позволялъ себѣ выражаться; а царскую фамилію, передъ самыми близкими своими, не только не позволялъ себѣ порицать, но, напротивъ, показывалъ себя благоговѣющимъ и преданнымъ ей. Можно ли же дать вѣру, что графъ, при его сдержанности, порицалъ правительство и великаго князя, выпивъ рюмку вина въ великій четвергъ съ офицеромъ полка своего имени? Инвентари въ каждой комнатѣ были, но надписей на нихъ рукою графа: „глазами гляди, а рукамъ воли не давай", не было; въ томъ можно удостовѣриться и нынѣ на мѣстѣ. Мраморный бюстъ покойнаго государя Александра Павловича не токмо никогда не стоялъ на столѣ, но и не могъ стоять, потому что оный поставленъ не на серебряномъ пьедесталѣ, а на серебряной колоннѣ двухъ аршинъ высоты, и не въ комнатѣ называемой г-мъ Романовичемъ Александровскою, а въ сосѣдней съ нею

между двумя окнами, передъ зеркаломъ во весь простѣнокъ, отъ потолка до полу. На колоннѣ выписано не все письмо покойнаго государя Александра Павловича и для зрителя оно остается тайною, а г-нъ Романовичъ опредѣляетъ самый текстъ письма; на колоннѣ вырѣзанъ токмо конецъ письма, и именно: „Прощай, любезный Алексѣй Андреевичь, незабывай друга, и вѣрнаго тебѣ друга!" Подъ сими словами вырѣзанъ текстъ изъ Священнаго Писанія славянскими буквами: „прильпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тя на всякъ день живота моего." Такъ графъ Аракчеевъ, желая показать расположеніе къ себѣ государя, во услышаніе всѣхъ изъявлялъ и свое обѣщаніе неизмѣнной преданности и благодарности къ государю и благодѣтелю своему, какъ онъ всегда выражался. На противуположной сторонѣ колонны, обращенной къ зеркалу, нѣтъ вырѣзаннаго запрещенія подъ проклятіемъ не дотрогиваться до бюста (напротивъ, въ присутствіи самого графа всѣ его смотрѣли и трогали); а вырѣзано завѣщаніе подъ проклятіемъ не уничтожать сей знакъ преданности Аракчеева къ государю и послѣ его смерти. Такъ какъ комнаты всего нижняго этажа, въ которыхъ графъ жилъ постоянно и которыя хранятъ сіи памятники преданности его къ государю, оставлены до сего времени въ томъ видѣ, какъ онѣ были при жизни графа, то желающіе провѣрить описываемое мною, въ опроверженіе вымысла г-на Романовича, могутъ все увидѣть, посѣтивъ Грузино. Сорочки, въ которой родился будтобы покойный государь, на столѣ никогда не было; да если бы и признано было приличнымъ сохранять подобное, то вѣроятно нашлось бы мѣсто не въ селѣ Грузинѣ. Это выше уже всякаго вымысла! Полотняная рубашка государя Александра Павловича на столѣ хранилась, но не въ стеклянномъ ящикѣ, а въ полированномъ деревянномъ, на которомъ была надпись, объясняющая случай, по которому оная была дана графу государемъ во дворцѣ, а совсѣмъ не та, въ которой государь скончался. Часовъ въ комнатѣ, г-мъ Романовичемъ называемой Александровскою, не было никакихъ, а были часы въ сосѣдней комнатѣ, мраморной, и не висящіе на стѣнѣ, а на большомъ пьедесталѣ, стоящемъ на полу также въ простѣнкѣ и противъ колонны съ бюстомъ, очень большіе столовые часы, превосходной бронзы и работы, заказанные въ Парижѣ за сорокъ тысячъ франковъ, которые не однажды въ годъ, а каждый день въ часъ кончины государя Александра Павловича играютъ: „Со святыми упокой". Вина графъ не пилъ, находя его вреднымъ. И для гостей самыхъ почетныхъ ничто не выходило въ Грузинѣ изъ опредѣленнаго часу и порядка; вино тамъ подавалось только къ столу и для г-на Романовича графъ не вышелъ бы изъ этого порядка, разъ и на всегда учрежденнаго.

Сказка, придуманная ловкимъ молодымъ человѣкомъ, какъ опредѣляетъ себя г-нъ Романовичъ, не ловка и не естественна. Графъ Аракчеевъ, пріобыкшій бесѣдовать съ царями и въ совѣтѣ ихъ, вдругъ въ великій четвергъ страстной недѣли пьетъ вино въ бесѣдѣ съ оберъ-офицеромъ имени своего полка, и порицаетъ ему правительство и великаго князя! Занимательно, но не правдоподобно, даже и тогда, еслибъ г-нъ Романовичъ дѣйствительно былъ у графа.

Графъ Аракчеевъ занемогъ не въ страстную пятницу, а въ пятницу шестой недѣли поста, и не медля, послалъ въ Петербургъ за докторомъ Миллеромъ, который пользовалъ его прежде; и въ тоже время государь Николай Павловичъ, узнавъ о болѣзни графа, прислалъ къ нему лейбъ-медика Я. В. Виллье; Левицкій же былъ токмо врачемъ госпиталя устроеннаго въ Грузинѣ для крестьянъ. Въ понедѣльникъ страстной недѣли графъ почувствовалъ себя хуже, и во вторникъ послалъ въ Старую Русу (въ 150 верстахъ отъ Грузина) за генера-

ломъ Фонъ-Фрикенымъ (*), бывшимъ нѣкогда командиромъ полка имени графа, котораго графъ любилъ и впослѣдствіи оказывалъ свое расположеніе ко всему его семейству; а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ и за мною. Въ то время я былъ въ имѣніи моемъ (50 верстъ отъ Грузина). Ко мнѣ графъ былъ расположенъ по дружбѣ его съ отцемъ моимъ, корпуснымъ его товарищемъ; сему я имѣю доказательствомъ сохранившіяся у меня въ большомъ количествѣ собственноручныя письма графа Аракчеева къ отцу моему, часть которыхъ передана мною артиллеріи генералу В. Ѳ. Рачу, пишущему записки о гр. Аракчеевѣ, которому я обѣщалъ, когда придутъ къ тому времени записки, сообщить и болѣе подробныя свѣдѣнія о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ гр. Аракчеева.

Я пріѣхалъ въ Грузино въ среду въ полдень. Графъ выразилъ мнѣ свою признательность, что скоро пріѣхалъ, и я оставался при немъ до часу его смерти. Я. В. Виллье и доктора Миллера я нашелъ уже въ Грузинѣ при графѣ; они объявили мнѣ о безнадежномъ его состояніи. Вѣсть о болѣзни графа дошла и до Новгорода. Въ четвергъ пріѣзжалъ въ Грузино Новгородскій губернскій предводитель дворянства Н. И. Бѣлавинъ, но о немъ графу не докладывали, и Н. И. Бѣлавинъ, узнавъ о тяжкомъ состояніи болѣзни графа, въ четвергъ же и уѣхалъ. Въ пятницу болѣзнь пошла еще къ худшему; сдѣлалась сильная одышка (у него предполагали аневризмъ въ сердцѣ, а не антоновъ огонь), но при всемъ томъ въ пятницу вечеромъ около 8 часовъ графъ пожелалъ видѣть свой кабинетъ, только что оконченный возобновленіемъ, и просилъ меня свести его туда, что̀ я и исполнилъ, поведя его подъ руки вмѣстѣ съ человѣкомъ его Власомъ; но проведя комнату сосѣднюю съ тою, гдѣ графъ лежалъ, мы встрѣтили идущаго къ графу Я. В. Виллье, который тотъ часъ же его остановилъ, объяснивъ, что движеніе можетъ сдѣлать ему вредъ. Тогда графъ приказалъ посадить себя въ той же комнатѣ на кресло противъ бюста, на серебряной колоннѣ стоящаго; говорилъ со мною о многомъ, и когда подали огонь, просилъ меня читать ему газету, что̀ продолжалось часа полтора; потомъ приказалъ положить себя на диванъ въ комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ; но лежать не могъ, сѣлъ на томъ же диванѣ обложенный подушками и скончался съ субботу утромъ въ то самое время, когда за заутреней носили плащаницу кругомъ Грузинскаго собора.

Удостовѣряю какъ очевидецъ, что графъ, больной, медицины и докторовъ не бранилъ и скончался не всовывая въ ротъ пальцевъ. Тѣло графа обмыли его люди, и я самъ помогалъ надѣть на него завѣщанную имъ полотняную рубашку покойнаго государя Александра Павловича. Г-на Романовича во все это время я при графѣ и въ Грузинѣ не видалъ. Въ пятницу же вечеромъ пріѣхалъ Новгородскій уѣздный предводитель дворянства А. Д. Тырковъ, который, какъ посторонній, къ графу не входилъ, но въ Грузинѣ ночевалъ, и въ субботу, когда положили графа на столъ, Тырковъ взялъ къ себѣ ключи, а я запечаталъ столъ и бюро, и отпечаталъ ихъ, по пріѣздѣ въ Грузино въ первый день свѣтлаго праздника для похоронъ графа, генералъ-адъютантъ Клейнмихель, который и принялъ все въ свое распоряженіе.

За Арендомъ графъ посылать не просилъ и тотъ, кто говоритъ съ такою увѣренностію, „я послалъ фельдъегеря за Арендомъ", послать фельдъегеря не могъ по очень простой причинѣ, потому что при графѣ въ Грузинѣ не находилось ни одного фельдъегеря. Описанный г-мъ Романовичемъ поступокъ одного офицера, подходившаго къ гробу со стаканомъ шампанскаго, конечно не можетъ быть признанъ поступкомъ блестящимъ и дѣлающимъ честь тому офи-

(*) Фонъ-Фрикенъ пріѣхалъ въ субботу вечеромъ поздно, не заставъ уже живаго графа.

церу; подобныя дѣйствія офицеровъ своего полка желательно лучше бы постараться скрыть, нежели выставлять наружу; но я отношу и оное къ вымыслу. Въ то время былъ уже въ Грузинѣ генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель, который не допустилъ бы подобнаго безобразія. Погребеніе было совершено не во вторникъ, а въ среду святой недѣли. Разсказъ г-на Романовича о памятникѣ графа также вымыселъ; памятникъ состоитъ изъ гранитнаго камня; появился онъ не въ 1833 году, а я помню его еще въ 1818 году надъ могилой въ Грузинскомъ соборѣ (*), самимъ графомъ себѣ приготовленной. Грузинское имѣніе отдано Новгородскому корпусу не самимъ графомъ, а государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ силу духовнаго завѣщанія графа, предоставлявшаго онымъ право и выражавшаго просьбу Государю послѣ его смерти назначить ему наслѣдника по выбору и волею государя императора, если бы онъ при жизни своей не назначилъ себѣ самъ таковаго. Въ силу-то таковаго духовнаго завѣщанія, въ сенатѣ хранившагося, какъ графъ самъ себѣ наслѣдника не назначилъ, то государю и угодно было назначить все имущество графа въ Новгородскій кадетскій корпусъ, присвоивъ ему гербъ и наименованіе Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

При жизни графа я въ Грузинѣ бывалъ довольно часто, гостилъ у графа по недѣлямъ, катался съ нимъ по деревнямъ его, графъ при мнѣ не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ, но подобныхъ дѣйствій, какъ описываетъ г-нъ Романовичъ, съ свадьбами и экзекуцій съ пѣніемъ „Со святыми упокой, Господи", мнѣ никогда ни видѣть, ни слышать не случалось; да и графъ, при его природномъ умѣ, держалъ себя слишкомъ религіозно, чтобъ позволить себѣ святотатствовать; да и при наказаніяхъ никогда не присутствовалъ. И такъ весь разсказъ г-на Романовича о графѣ Аракчеевѣ есть вымыселъ, и если г-ну Романовичу угодно будетъ удостовѣриться, что при смерти графа былъ я, а не онъ, и что все описываемое мною о смерти графа вѣрно, то можетъ онъ обратиться ко мнѣ: я представлю свидѣтелей. Жительство имѣю въ С. Петербургѣ, въ Надеждинской улицѣ, въ собственномъ домѣ.

Алексѣй Платоновъ Бровцынъ.

(*) Грузинская церковь въ 1811 году соизволеніемъ государя утверждена соборомъ.

Холера въ Петербургѣ въ 1831 году.

(РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА).

Въ 1831 году я находился на службѣ въ Петербургѣ. Всѣмъ извѣстно, какими печальными сценами сопровождалась тамъ холера, какія (подъ вліяніемъ увѣренности, что люди мрутъ не отъ болѣзни, но отъ отравы) позволялъ себѣ народъ своевольства. Бывши свидѣтелемъ происшествія на Садовой, я хочу разсказать его такъ, какъ его видѣлъ.

Не помню, въ какой именно это было день, только я шелъ по Невскому, по направленію отъ Полицейскаго моста къ Аничкову. Приближаясь къ Публичной библіотекѣ, я увидалъ, что народъ бѣжитъ съ Невскаго на Садовую; какъ любопытный сынъ Евы, я послѣдовалъ за всѣми. Поворотивши за уголъ Гостиннаго двора, я увидѣлъ, что улица уже затоплена народомъ; всѣ стояли и смотрѣли на окна двухъэтажнаго дома въ недальномъ разстояніи отъ Публичной библіотеки, изъ верхняго этажа котораго, летѣли матрасы, одѣяла, подушки, а наконецъ, кровати и люди. Сколько именно вылетѣло изъ окна людей, я опредѣлительно сказать не могу. Помню только, что былъ не одинъ, можетъ быть двое или трое.... Это была холерная больница, изъ которой въ двери выносили больныхъ, вѣроятно для то-

го, чтобъ показать ихъ народу. Какъ пришедшій послѣ, и находя, что лѣзть въ толпу опасно, я остановился на тротуарѣ противоположной стороны и ожидалъ, что̀ будетъ. Вдругъ съ Невскаго показались два казака, или одинъ казакъ и одинъ жандармъ—хорошо не помню. Они смѣло въѣхали въ толпу и начали нагайкой разгонять народъ.... Не прошло минуты, какъ одного изъ нихъ, казака, перестало быть видно изъ этого моря головъ; куда онъ дѣлся—незнаю; вѣроятно, его стащили съ лошади. Другой, помнится жандармъ, видя, что дѣло не ладно, заблагоразсудилъ отретироваться и потихоньку уѣхалъ назадъ, по направленію къ Невскому....

Не прошло пяти или много десяти минутъ, отъ Невскаго показалась коляска, запряженная четверней, съ форейторомъ. Въ ней сидѣли двое военныхъ—въ шинеляхъ; одинъ сѣдой старикъ, генералъ-губернаторъ Эссенъ, другой молодой, его адъютантъ. Коляска остановилась передъ дверью больницы. Экипажи тогда были очень высокіе; ливрейный лакей откинулъ подножки, т. е. цѣлую лѣсенку изъ шести или семи ступеней; генералъ-губернаторъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ въ домъ, но пробылъ тамъ не долго—шесть или семь минутъ не болѣе, и выдя, направился къ экипажу. Какъ сказано было выше, толпа была огромная, можетъ быть въ двѣ или болѣе тысячи человѣкъ, слѣдственно пространство между стѣною дома и экипажемъ было буквально занято давившимся народомъ, такъ что старику Эссену оставалось лишь самое маленькое пространство для прохода. Когда онъ сталъ на первую ступеньку и занесъ ногу на вторую, онъ былъ сдернутъ за воротникъ шинели снова на землю, попробовалъ попытку во второй разъ—тоже самое... Это повторилось разъ пять или шесть... Наконецъ старикъ какъ-то изловчился, подобралъ шинель и юркнулъ въ коляску, куда адъютантъ, не выходившій изъ коляски, почти втащилъ его; лакей захлопнулъ дверцы и хотѣлъ вскочить на запятки, но съ нимъ случилось тоже самое: его стащили за шинель въ толпу, и коляска покатилась безъ него, на столько скоро, на сколько можно было по тѣснотѣ.

Вдругъ закричали въ толпѣ, что по Садовой идетъ кавалерія.... Испугавшись столкновенія, я было прижался въ углубленіи притворенныхъ воротъ дома, стоявшаго почти противъ больницы; но толпа хлынувшая на дворъ этого дома, начавшая вооружаться полѣньями дровъ и почти сбившая меня съ ногъ, заставила меня подумать, что лучше всего отретироваться вовсе, какъ ни любопытно казалось окончаніе сцены. Долго не думая, я какъ можно поспѣшнѣе выбрался изъ толпы и скорымъ шагомъ направился домой, къ Конюшенному мосту. Что затѣмъ происходило, мнѣ неизвѣстно.

Не помню хорошо, въ тотъ же ли день или на другой пришелъ къ жившему со мною университетскому товарищу А. А. Сперанскому знакомый его Соколовъ, служившій въ Гофъ-Интендантской конторѣ. Соколовъ (не помню его имени) занимался литературой и работалъ, т. е. переводилъ для А. Ѳ. Воейкова, бывшаго безсмѣннымъ редакторомъ Русскаго Инвалида и издателемъ Литературныхъ Прибавленій къ Инвалиду. Надо сказать, что г. Соколовъ былъ человѣкъ лѣтъ 40, худой какъ спичка, болѣзненный и изможденный, такъ что и ходить ему было, замѣтно, трудно. Вотъ что онъ разсказалъ намъ:

„Шелъ я отъ Воейкова по Шестилавочной улицѣ, съ запасомъ иностранныхъ журналовъ въ карманѣ для перевода на завтрашній день. Подходя къ Пяти Угламъ, я вдругъ былъ остановленъ сидѣльцемъ мелочной лавки, закричавшимъ, что я въ квасъ его, стоявшій въ ведрѣ у двери, бросилъ отраву. Это было часовъ около 8 ве-

чера. Разумѣется, на этотъ крикъ сбѣжались прохожіе и менѣе нежели черезъ минуту я увидѣлъ себя окруженнымъ толпой, прибывавшей ежеминутно. Всѣ кричали; тщетно я увѣрялъ, что я никакой отравы не имѣлъ и не бросалъ: толпа требовала обыскать меня. Я снялъ съ себя фракъ съ гербовыми пуговицами, чтобъ показать, что у меня ничего нѣтъ;—душа была не на мѣстѣ, чтобъ толпа не увидала иностранныхъ журналовъ и въ особенности польскихъ, бывшихъ въ числѣ ихъ. Толпа не удовольствовалась фракомъ; я принужденъ былъ снять жилетъ, нижнее платье, сапоги даже нижнее бѣлье и остался рѣшительно въ одной рубашкѣ. Когда окружающіе меня, наводнившіе улицу до того, что сообщеніе по ней прекратилось, увидали, что при мнѣ подозрительнаго ничего нѣтъ, тогда кто-то изъ толпы закричалъ, что я „оборотень" и что онъ видѣлъ, какъ я проглотилъ склянку съ отравой. Досаднѣе всѣхъ мнѣ былъ какой-то господинъ съ Анной на шеѣ,—онъ больше всѣхъ кричалъ и всѣхъ больше приставалъ ко мнѣ... Послѣ слова оборотень въ толпѣ закричали, что меня надо убить, и нѣкоторые отправились для этого на сосѣдній дворъ за полѣньями дровъ. Видя приближеніе смертнаго часа, я стоялъ почти нагой среди толпы и поручалъ душу мою Богу. Вдругъ въ толпу въѣхалъ кавалергардской офицеръ, мальчикъ лѣтъ 19, верхомъ, и подъѣхавши ко мнѣ, сталъ меня спрашивать: кто я такой и въ чемъ дѣло. Какъ могъ, въ торопяхъ и испугѣ, я ему объяснилъ, кто я такой и просилъ меня спасти. Юноша, не думая долго, обнажилъ палашъ и плашмя, разгоняя имъ народъ, велѣлъ мнѣ идти за собою. Подобравши въ охапку платье свое и сапоги, я въ одной рубашкѣ, на сколько мнѣ позволяли силы, побѣжалъ за нимъ, подъ охраной его палаша, и такимъ образомъ черезъ всю Литейную онъ довелъ меня до Гофъ-Интендантской конторы. Большая толпа слѣдовала за нами, вплоть до дому,—и когда, войдя къ себѣ на четвертый этажъ, я отворилъ окно, то увидѣлъ, что толпа стоитъ на противоположномъ тротуарѣ, и, замѣтивши меня въ окно закричала: вотъ онъ!"

Фамиліи молодаго человѣка Соколовъ, помнится, не говорилъ; но ежели этотъ, бывшій тогда юноша, живъ и прочтетъ эти строки, пусть знаетъ онъ, что Соколовъ, вѣроятно давно умершій, считалъ его своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ. На старости лѣтъ, это должно его утѣшить.

Къ вечеру того дня, какъ въ Садовой выкинутые изъ окна медики совершали свое воздушное путешествіе, двоюродный братъ мой (А. Н. С—въ) былъ свидѣтелемъ другой сцены, подобной этой. Онъ жилъ въ Подъяческой и отъ него черезъ канаву была больница, помѣщавшаяся въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ. Точно также какъ и въ Садовой, толпа повыкидала изъ больницы все, что тамъ было, потомъ взобралась на крышу, раскидала желѣзные листы ея и *разобрала домъ до основанія*. Потомъ, найдя на дворѣ холерную карету, запряглась въ нее и съ пѣснями возила по улицамъ, до тѣхъ поръ, пока, утомившись, не сбросила ее въ канаву....

На другой день пріѣхалъ государь императоръ и произошла извѣстная сцена на Сѣнной площади (*). И. С.

ЕЩЕ О ГРАФѢ ДМИТРІЕВѢ-МАМОНОВѢ.

Выше, на стр. 91—102, напечатанъ очеркъ жизни гр. Дмитріева-Мамонова, соч. П. Г. Кичеева. Въ дополненіе помѣщаемъ письмо графа къ И. И. Дмитріеву съ приложеніемъ копіи его же письма къ князю Д. В. Голицыну. (То и другое сохранилось въ бума-

(*) См. описаніе этой сцены въ письмѣ Жуковскаго, Р. Арх. 1866, 339.

гахъ И. И. Дмитріева и сообщено намъ профессоромъ Ѳ. М. Дмитріевымъ). Въ этихъ письмахъ уже явственно обнаруживается умственное разстройство несчастнаго графа. Позднѣйшее состояніе его и образъ жизни описаны въ приводимой ниже статьѣ врача Малиновскаго, на которую указалъ намъ П. Г. Кичеевъ.

Тяжкая участь графа Мамонова, особенно поразительная по тому обилію вещественныхъ и умственныхъ даровъ, коими былъ онъ надѣленъ, а также загадочная обстановка его жизни и все еще не разъясненныя причины его умопомѣшательства подаютъ поводъ ко многимъ разсказамъ и толкамъ словоохотливой Москвы. Почти полвѣка принадлежалъ онъ къ числу диковинокъ и пестрыхъ явленій своеобразной Московской жизни и остается доселѣ предметомъ изученія психіатрическаго. Конечно не для празднаго любопытства и издѣвательства надъ злосчастною его памятью приводятся здѣсь нижеслѣдующія показанія. *П. Б.*

I. Письмо графа Дмитріева-Мамонова къ И. И. Дмитріеву.

„Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Причиняемыя мнѣ издавна безпокойства и обиды принудили меня жаловаться здѣшнему военному генералъ-губернатору.

Онъ имѣлъ дерзость написать ко мнѣ, что возьметъ меня подъ опеку. Его письмо (1), содержащее эту глупую угрозу, и мой отвѣтъ при семъ въ спискахъ вашему высокопревосходительству посылаю.

Въ томъ и другомъ письмѣ идетъ дѣло о политическомъ правилѣ, особливо касающемся до выгодъ и до правъ Россійскихъ дворянъ, и скажу болѣе, и до личной ихъ безопасности въ домахъ ихъ и деревняхъ; правда, что эта переписка касается и до личной моей чести, которую силился оскорбить князь Дмитрій Володиміровичъ, по недовѣдомымъ мнѣ причинамъ и въ такое время, когда я требовалъ его защиты и защиты ввѣренной ему полиціи по законамъ. Отвѣтъ мой его сіятельству, въ копіи при семъ къ вашему высокопревосходительству посылаемый, можетъ служить новымъ свидѣтельствомъ любви моей къ Отечеству, готовности моей говорить правду и не менѣе большую готовность наказывать дерзость и необузданность по мѣрѣ малыхъ моихъ силъ.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорный слуга графъ Дмитріевъ-Мамоновъ".

Февраля 28 ч. 1825 года, въ Москвѣ.

(Все письмо собственноручное).

Гр. Дмитріевъ-Мамоновъ обратился съ этимъ письмомъ къ И. И. Дмитріеву, какъ къ своему давнему покровителю и благопріятелю вѣроятно по той причинѣ, что Иванъ Ивановичъ, будучи министромъ юстиціи и обративъ вниманіе на замѣчательныя способности графа Мамонова, опредѣлилъ его въ 1810 году оберъ-прокуроромъ въ Московскій Сенатъ. (См. письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 126).

---

2. Письмо графа Мамонова къ князю Д. В. Голицыну.

„Милостивый Государь князь Дмитрій Владиміровичъ!

На письмо вашего сіятельства отъ 23-го, сейчасъ мною полученное, долженъ я вамъ сказать, милостивый государь, что вы надо мною опеки учредить не можете и не смѣете, ибо я не малолѣтній и не съумасшедшій, что крѣпостныхъ людей, которые у

---

(1) Письма этого къ сожалѣнію у насъ нѣтъ; мы слышали, что между гр. Мамоновымъ и кн. Д. В. Голицынымъ были личныя неудовольствія еще въ 1813 году, въ чужихъ краяхъ вслѣдствіе непомѣрной заносчивости графа. *П. Б.*

меня въ домѣ, я не престану наказывать тѣлесно, когда по усмотрѣнію моему окажутся они того достойными: ибо право наказывать крѣпостныхъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ Россійскаго государства, что это право передано намъ отъ предковъ нашихъ. Я исповѣдую и это политическое правило, что правительство не можетъ насъ лишить сего права безъ общаго и нарочитаго нашего согласія; къ тому же какъ и кому мнѣ жаловаться, когда полицейскіе маіоры и поручики отказываются придти ко мнѣ въ домъ выслушивать мои жалобы? Но жаловаться мнѣ, совершеннолѣтнему, урожденному дворянину, урожденному помѣщику и проч.... полицейскому офицеру и на кого, на крѣпостнаго человѣка, на раба? Какая подлость! И какъ повѣрю я, чтобы таковая подлость входила въ составъ благонамѣреній правительства?

Ваше сіятельство до начертанія письма вашего отъ 23-го февраля, которымъ вы грозите учредить надо мною опеку, ваше сіятельство, говорю я, должны бы были размыслить и о достоинствѣ имени лица, къ которому вы дерзнули обратить ваши угрозы, о степени уваженія, коимъ оно нѣкогда пользовалось въ отечествѣ. *Ваше сіятельство, какъ гражданинъ совершеннолѣтній, должны знать, что вамъ не дано грозить совершеннолѣтнему гражданину и вельможѣ Имперіи и какъ бы вы смѣли писать это мнѣ, къ человѣку, который предшествуетъ вамъ по всему на свѣтѣ, кромѣ по табели о рангахъ* (²)!

Что же касается до мѣщанина Никанора Аѳонасьева, бывшаго у меня въ должности казначея, о которомъ вы пишете, что я намѣренъ былъ бить его палками, то я скажу вамъ, милостивый государь, что я подобныхъ ему мѣщанъ, особливо тѣхъ, которые были нѣкогда крѣпостными людьми князей Волконскаго и Голицыныхъ (³), никогда иначе и не наказываю какъ палками и плетьми и сажаніемъ въ колодки и кандалы, въ страхъ и въ обузданіе тѣмъ уличеннымъ наглецамъ, на которыхъ я вамъ жалуюсь. Да и онъ Никаноровъ былъ не однократно наказанъ палками, и наконецъ по моему приказанію фухтелями изъ рукъ того самаго частнаго пристава Захарова, о докладной запискѣ котораго вы ко мнѣ пишете.

Домоправителя у меня теперь нѣтъ; домоправитель мой молодой, отставной канцелярскій служитель, споспѣшествовалъ тѣмъ безпорядкамъ, которые кажутся вамъ невѣроятными, и я, по совершеніи надъ нимъ тѣлеснаго наказанія, согналъ его со двора.

Я, милостивый государь, въ отставкѣ и оставилъ военную службу Императора во избѣжаніе грубостей подобныхъ тѣмъ, каковыми преисполнено письмо ваше ко мнѣ,—письмо невѣроятное, которое я потщусь содѣлать извѣстнымъ публикѣ. Всемилостивѣйшимъ увольненіемъ меня отъ службы возвратилось мнѣ столь вожделѣнное и рожденіемъ присвоенное каждому дворянину право мстить за личныя обиды. Ваше сіятельство, по приведеніи въ забвеніе, что вы князь Голицынъ и генералъ отъ кавалеріи, при особѣ Его Величества находящійся, и приведя на память, что вы Русской дворянинъ, гражданинъ и солдатъ, должны будете признаться, что письмо ваше отъ 23 февраля грубо и дерзко. Я не хочу призывать на помощь и адресуюсь къ вамъ лично, пребывая (*увѣренъ*) что и правительство не одобритъ той дерзости, которою вы возымѣли грозить мнѣ.

(²) Подчеркнутыя слова приписаны графомъ Мамоновымъ собственноручно.

(³) Въ этихъ словахъ слышна родословная гордость: дѣйствительно, Дмитріевы-Мамоновы, происходя отъ Мономаха, родовитѣе князей Волконскихъ и Голицыныхъ.

Знайте, милостивый государь, что я писалъ не къ генералу отъ кавалеріи и къ вамъ писалъ не генералъ-маіоръ, а всегда готовый встрѣтить васъ шпагою и пистолетомъ. Милостивый государь, вашего сіятельства покорный слуга. На подлинномъ подписано графъ Дмитріевъ-Мамоновъ“.

Февраля 23 ч. 1825 г.

Его сіятельству князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну въ собственныя руки.

На копіи собственноручно написано: „Съ подлиннымъ вѣрно. Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ“.

---

3. О болѣзни графа Мамонова.

(Военно-медицинскій журналъ, издаваемый медицинскимъ департаментомъ военнаго министерства. Часть L. № 2. Спб. 1848 г. въ статьѣ: „О помѣшательствѣ“, П. Малиновскаго, состоящаго при военномъ медицинскомъ департаментѣ, бывшаго старшимъ ординаторомъ отдѣленія умалишенныхъ при Обуховской больницѣ, стр. 118).

Наблюденіе 15. Случай помѣшательства отъ самолюбія и славолюбія.

„Гр. М***, вмѣстѣ съ знатностію происхожденія, богатствомъ и красотою, соединялъ въ себѣ обширный, гордый умъ, таланты и безмѣрное самолюбіе. Въ самой ранней молодости, счастіе баловало его: въ 19 лѣтъ отъ роду, онъ занималъ уже одну изъ значительнѣйшихъ должностей въ Сенатѣ; но этого было не достаточно для самолюбія молодаго гр. М***,—онъ стремился дальше. Насталъ тяжкой и славной для Россіи 1812 годъ. Гр. М***, имѣющій громадное состояніе, собралъ на свой счетъ казачій полкъ и былъ назначенъ шефомъ этого полка; на 21 году отъ роду, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, но здѣсь счастіе измѣнило ему,—полкъ его былъ раскассированъ. Это обстоятельство дало сильный толчекъ самолюбію гордаго гр. М***, привыкшаго къ безпрекословному повиновенію окружающихъ, привыкшаго удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ и капризамъ; теперь онъ считалъ себя оскорбленнымъ, характеръ его сдѣлался угрюмымъ и строптивымъ. Спустя нѣсколько времени, онъ отправился въ чужіе краи, и, тогда уже, начали въ немъ обнаруживаться признаки помѣшательства. Въ чужихъ краяхъ, онъ велъ странный образъ жизни, сталъ вѣрить въ магію и сдѣлался мистикомъ. Возвратившись назадъ, въ Россію, гр. М*** поселился въ своемъ истинно-прекрасномъ и богатомъ имѣніи, не далеко отъ Москвы. Живя тутъ, онъ нѣсколько лѣтъ прятался отъ людей, отростилъ себѣ бороду и волосы; кушанье и платье ему приносили и оставляли въ пустой комнатѣ. Днемъ онъ занимался составленіемъ чертежей и плановъ для того, чтобы воздвигнуть каменныя укрѣпленія въ своемъ имѣніи, а ночью, когда всѣ спали, гр. М*** выходилъ, подробно осматривалъ мѣстоположеніе, и тамъ, гдѣ нужно было строить стѣны и башни, втыкалъ въ землю, заранѣе приготовленныя, короткія колья. Для поясненія, онъ каждое утро оставлялъ планъ или чертежъ въ комнатѣ сосѣдней съ тою, гдѣ жилъ самъ, каждое утро приходилъ подрядчикъ, и гр. М*** изъ другой комнаты, черезъ стѣну, разсказывалъ ему, какъ должно строить эти укрѣпленія. Ночью же опять ходилъ самъ осматривать работы. Укрѣпленія подвигались впередъ, башни и стѣны росли—и имѣніе гр. М***, почти съ трехъ сторонъ окруженное рѣками, съ остальной, свободной, было-бы обнесено довольно высокой и толстой каменной стѣною, съ башнями, если-бы гр-у М*** не помѣшали кончить его предположенія...

Онъ былъ перевезенъ въ Москву и отданъ въ руки врачей... Съ тѣхъ поръ много прошло времени, помѣшательство гр. М*** застарѣло. Въ 1842 году, когда я былъ приглашенъ къ нему (спустя десятки лѣтъ, по развитіи его болѣзни), главная идея его бреда было тоже самолюбіе, которое довело его до этого плачевнаго

состоянія: онъ считалъ себя Папой и Римскимъ императоромъ, и безпрестанно писалъ приказанія воображаемымъ исполнителямъ своей власти. Теперь гр. М*** около 56 лѣтъ, онъ высокъ ростомъ, плечистъ, нѣсколько тученъ, лицо выражаетъ одичалость и сознаніе собственнаго достоинства, движенія то важны, то порывисты, аппетитъ довольно хорошъ, геморой. Сонъ гр. М*** безпорядочный, очень часто онъ не спитъ цѣлыя ночи, и за то спитъ большую часть дня, почти всегда не одѣтъ (кромѣ рубашки и брюкъ, которые онъ носитъ), брѣется безъ зеркала, и на головѣ носитъ черный шелковый колпакъ. Разговоры гр. М*** сохраняютъ печать его обширнаго ума, но къ нимъ всегда примѣшивается бредъ и, кромѣ того, какъ во время разговоровъ, такъ и тогда, когда бываетъ одинъ, гр. М*** произноситъ невнятно слова, между которыми часто слышится привычное его восклицаніе: „этакіе они, Боже мой!“ Дыханіе этого больнаго имѣетъ запахъ, но онъ уничтожаетъ его, куря почти безпрестанно крѣпкій канастеръ. Ему часто кажется, будто развиваются странные запахи, и онъ тотчасъ же кричитъ, чтобъ курили. Его удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобъ быть окружену маленькими дѣтьми, которыя къ нему сбѣгаются изъ дворни: (самъ гр. М*** не былъ женатъ и не любитъ женщинъ). Около десятка разныхъ собакъ, безпріютныхъ или потерявшихъ своихъ хозяевъ, стадо голубей и безчисленное множество воробьевъ получаютъ отъ гр. М*** ежедневную пищу. Каждый день, послѣ обѣда, въ то время, когда совершается пищевареніе, больной приходитъ въ сильное раздраженіе: его тревожатъ мнимо-ощущенія, онъ бранится съ своими невидимыми врагами, и движенія его дѣлаются порывисты“.

Два письма М. Т. Каченовскаго къ Н. И. Гнѣдичу.

I.

Милостивый Государь
Николай Ивановичь!

Христосъ воскресе! Имѣю честь поздравить васъ съ симъ праздникомъ.

П. С. Яковлевъ сказалъ мнѣ, что вы написали къ нему обо мнѣ доброе слово; а я до сихъ поръ такъ неучтивъ передъ вами, что на пріятнѣйшее письмо ваше не отозвался ни строчкой! Въ сей винѣ своей могу единственно извинять себя еще бо́льшею виною, именно тѣмъ, что я за хлопотами своими и недугами (и даже лѣнью, если хотите) формально пересталъ переписываться съ пріятелями. Что долженъ думать о мнѣ почтеннѣйшій и любезнѣйшій Батюшковъ! Въ сію минуту лежатъ передо мною три письма его, на которыя мнѣ взглянуть стыдно. Но гдѣ же онъ самъ обрѣтается? Ubi terrarum? Въ Петербургѣ, въ Череповцѣ, или у подошвы Кавказа? Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы неизвѣстность о его мѣстопребываніи послужила хотя крошечнымъ для меня оправданіемъ. Сдѣлайте милость, препроводите къ нему прилагаемое при семъ посланіе.

Какъ я вамъ завидую! Разстройство въ финансахъ не дозволило мнѣ воспользоваться предложеніемъ Константина Николаевича, который, бывши въ Москвѣ, хотѣлъ, чтобы я издалъ прекрасныя его творенія. Вы жалуетесь на книгопродавцевъ: люди сіи не имѣютъ понятія о честной торговлѣ, не хотятъ слышать о выгодахъ авторовъ. Въ этомъ я еще болѣе удостовѣрился, издавая Жуковскаго и свои переводы. Чтобъ избавиться хлопотъ, я долженъ былъ продать все почти за безцѣнокъ. Но ваше изданіе—дѣло совсѣмъ другое. Я совѣтовалъ бы вамъ продавать книгопро-

давцамъ по немногу экземпляровъ и за хорошую цѣну, не иначе: произведенія пера Батюшкова не залежатся, какъ бы ни прижимали сіи книжники и фарисеи.

Имѣю обязанность сказать вамъ слова два о М. Е. Лобановѣ. Выборы въ члены (*) бываютъ у насъ только въ чрезвычайныя засѣданія (безъ посѣтителей). Такое засѣданіе было, только одно съ самаго начала осени, именно 30 марта. Я предложилъ Востокова и Лобанова; перваго стали балотировать; о послѣднемъ нѣкоторые члены отозвались, что его не знаютъ, и что по сей причинѣ надобно предложить о немъ въ другое чрезвычайное засѣданіе. Что мнѣ дѣлать? Пришло согласиться. Позвольте мнѣ черезъ васъ поблагодарить Михаила Евстафьевича за пріятнѣйшій его подарокъ и увѣрить въ моемъ истинномъ къ нему уваженіи.

Имѣю честь быть съ особеннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь!

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Каченовскій.

14 апрѣля 1818. Москва.

P. S. Въ одномъ изъ писемъ Константина Николаевича нахожу, что онъ поручилъ вамъ доставить ко мнѣ для Вѣстника переводы его изъ *Бокачіо*, которыми вы не могли воспользоваться, то есть которые остались лишними отъ *Опытовъ*. Нельзя ли, милостивый государь, прислать ихъ?

II.

Покорнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за доставленіе мнѣ пріятнаго знакомства съ господиномъ Загоскинымъ. Ему наша Москва кажется дикою, равно какъ и всякому изъ васъ, господъ Петрополитанцевъ; а объ театрѣ нашемъ, въ которомъ я уже съ годъ не былъ, онъ отзывается съ сокрушеннымъ сердцемъ. Мнѣ очень нравится благоразумный неутралитетъ Михаила Николаевича, рѣдкій феноменъ въ нашемъ толкучемъ Парнассѣ. Не говорите Бога ради о критикѣ на *Исторію!* (*) Досталось мнѣ уже и за рецензію на одно лишь *Предисловіе*: одни отворачивались отъ меня, другіе меня не узнавали; третьи называли меня попеременно то сумазброднымъ, то опаснымъ человѣкомъ; иные даже старались вредить мнѣ по службѣ; Жуковскій, выругавши меня добрымъ порядкомъ въ письмѣ, прекратилъ со мною всякое сношеніе.—И у другихъ народовъ были и есть партіи въ литературѣ; но тамъ по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе значительна и партія классиковъ. У насъ же, при толикихъ разногласіяхъ, и слыхомъ не слыхать о классической словесности! Мы мужики, деревеньщина передъ образованными литераторами: поемъ, шумимъ, споримъ, говоримъ, точно какъ крестьяне или какъ неученыя дѣти; и какъ они упоминаютъ о вельможахъ, только лишь по слуху имъ извѣстныхъ, такъ мы болтаемъ о Ѳукидидахъ, Софоклахъ, Анакреонтахъ, Цицеронахъ, Гораціяхъ, никого изъ нихъ въ глаза не зная. Вотъ что у насъ дѣлается на Парнасѣ! И при такихъ обстоятельствахъ партіи!... И въ партіяхъ есть люди, способные вредить тому, кто возвысилъ бы свой голосъ и сказалъ бы нѣкоторыя имъ непріятныя истины! Покорнѣйше прошу и впредь не оставлять меня вашимъ писаніемъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга М. Каченовскій.

12 іюля. Москва.

Надпись: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гнѣдичу. *Въ С.-Петербургѣ*, въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Почтовое клеймо: 1820 г. Іюля....

(*Сообщено П. А. Ефремовымъ*).

(*) Общества Любителей Россійской словесности.

(*) Карамзина.

ПИСЬМА КЪ М. Н. ЗАГОСКИНУ.

1.

Милостивый государь,

Михаилъ Николаевичъ,

Вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее, прекрасное ваше твореніе и не слыхали отъ меня спасибо. Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ, очень занимательное лице (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленія пополамъ съ дирекціею (издержки спектакля на ея счетъ) и бенефисъ. Удостойте меня отвѣтомъ и потѣшьте матушку Москву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

А. Пушкинъ.

9-го іюля 1834.

2.

Благодарю васъ и за подарокъ и за Рославлева, почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ,—и съ нимъ тоже случилось, что съ его старшимъ братомъ: я прочиталъ его въ одинъ почти присѣстъ. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ былъ отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдетъ на ряду съ Милославскимъ. Описаніе большаго свѣта мнѣ показалось невѣрнымъ, и въ гостиной княгини Радугиной я не узналъ свѣтскаго языка. Но все остальное прекрасно, и Рославлевъ столько же заманчивъ, какъ старшій братъ его. Благословляю васъ обѣими руками на романы: это ваше дѣло, и предметовъ бездна. Стою на томъ, чтобы вы написали Дмитрія Самозванца; лучше сюжета нѣтъ, а Булгаринъ его ужасно изуродовалъ. Потомъ примитесь описывать времена Петра; потомъ бытъ нашихъ провинціаловъ; описывая истину, смѣшное смѣшнымъ, дурное дурнымъ, прекрасное прекраснымъ, вы произведете не только пріятное, но и полезное. Доселѣ никто еще не писалъ у насъ вѣрно съ натуры. Болѣе карикатуры, для коихъ образцики были не наши. Трогая описаніемъ прекраснаго, противупоставляя высокіе характеры изъ натуры взятые смѣшному или дурному, также изъ натуры взятому, вы дадите умамъ надлежащее направленіе. Безъ истины нѣтъ убѣжденія, а вы можете (ибо на это имѣете талантъ) изобразить истину. Главная критика на оба ваши романа можетъ относиться только къ правильности языка. Много ошибокъ, которыя бы замѣтилъ вамъ послѣдній ребенокъ, который знаетъ грамматику. Этихъ ошибокъ у васъ быть не должно; но вы, имѣя истинный талантъ должны непремѣнно обратить вниманіе и на мелочи, не вредящія главному, но такого рода, что вы уже теперь *обязаны* не дѣлать подобныхъ проступковъ. Извините, что такъ искренно изъясняюсь: это доказательство живаго участія, принимаемаго мною въ вашихъ успѣхахъ, а бывшіе успѣхи ваши даютъ мнѣ надежду на будущіе, и въ этомъ я не боюсь быть лжепророкомъ

Экземпляръ вашего Рославлева представленъ мною Государынѣ Императрицѣ и принятъ Ея Величествомъ

съ благосклонностію. Простите, будьте только здоровы—остальное будетъ.

Душевно преданный вамъ
Жуковскій.

14 іюня (1831).

(*Сообщено С. М. Загоскинымъ*).

Письмо Дениса Васильевича Давыдова къ Жуковскому.

Ты хотѣлъ имѣть лѣвый усъ мой, какъ ближайшій къ сердцу; вотъ десятая часть онаго, т. е. все то, чтò я могъ собрать изъ подъ губительныхъ ножницъ, лишившихъ меня этой боевой вывѣски.

Посылаю тебѣ ее—она осребрилась восьмью войнами и еще пахнетъ порохомъ послѣдней битвы въ Польшѣ; но посылаю не при стихахъ, какъ ты требовалъ, а при прозѣ, потому что я пишу стихами тогда только, когда бѣсъ поэзіи во мнѣ разыграется, чего теперь не случилось. Такъ какъ этотъ бѣсъ никогда въ тебѣ не дремлетъ, то прошу меня за подарокъ отдарить хотя четверостишіемъ. Прости, другъ старинный и почтеннѣшій; жаль, что не успѣлъ обнять тебя передъ отъѣздомъ твоимъ! Денисъ.

1831 г.
25-го ноября
Москва.
Въ Зубовѣ, на валу
въ домѣ Стрѣкалова.

При семъ приложены, завернутые въ бумажку волосы, съ надписью на бумажкѣ:

Послужной списокъ уса Давыдова.
Войны:

1. Въ Пруссіи 1806 и 1807 г.
2. Въ Финляндіи 1808 г.
3. Въ Турціи 1809 и 1810 г.
4. Отечественная 1812 г.
5. Въ Германіи 1813 г.
6. Во Франціи 1814 г.
7. Въ Персіи 1826 г.
8. Въ Польшѣ 1831 г.

(*Получено отъ князя П. А. Вяземскаго*).

Воспоминанія о Петрѣ Яковлевичѣ Чаадаевѣ (*).

Московскія Вѣдомости (въ 46 № 17 Апрѣля 1856 г.) въ короткихъ словахъ извѣстили о кончинѣ П. Я. Чаадаева, „какъ старожила Москвы, извѣстнаго почти во всѣхъ кружкахъ нашего столичнаго общества“. Покойный Чаадаевъ былъ дѣйствительно одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего города. Имя его часто доходило до слуха и незнавшихъ его лично людей, но любознательно слѣдящихъ за движеніемъ Русскаго общества, хотя читающая публика и не болѣе двухъ-трехъ разъ встрѣчала это имя въ печати. Недавно въ одной газетной статьѣ Г. Бартенева, въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ, упомянутъ былъ Чаадаевъ, какъ человѣкъ, имѣвшій вліяніе на Пушкина. Можно еще указать на журальную статью Чаадаева въ Русскомъ переводѣ за 20 лѣтъ напечатанную въ Телескопѣ (Моск. журналѣ Надеждина); въ то время она была предметомъ различныхъ толковъ и произвела слишкомъ сильное впечатлѣніе.—Здѣсь предлагается все, чтò можно было припомнить объ этомъ эксцентрическомъ человѣкѣ и пред-

(*) Сочиненія П. Я. Чаадаева (род. 27 мая 1793, ум. 14 апрѣля 1856) на Французскомъ языкѣ изданы, съ портретомъ его въ Парижѣ въ 1862 г. (8°,208 стр.), а подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности его собраны въ прекрасной статьѣ М. Н. Лонгинова (Р. Вѣстникъ 1862 № XI), и вообще Чаадаевъ—лицо довольно извѣстное въ нашей литературѣ. Тѣмъ не менѣе мы искренно благодарны многоуважаемому автору „Воспоминаній о П. Я. Чаадаевѣ“ за то, что онъ согласился на нашу просьбу напечатать ихъ въ Русскомъ Архивѣ. Воспоминанія писаны современникомъ и близкимъ пріятелемъ Чаадаева, писаны для немногихъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ его кончины, и мы не можемъ не дорожить этими яркими, вполнѣ историческими красками знаменательной эпохи, въ которую дѣйствовалъ Чаадаевъ. Именно съ этой точки зрѣнія смотримъ мы и на нѣкоторыя, высказанныя авторомъ убѣжденія, не позволяя себѣ ни подтверждать, ни опровергать оныхъ.
П. Б.

лагается однимъ изъ близкихъ его пріятелей со всевозможной откровенностью. Чаадаевъ родился въ прошломъ столѣтіи, въ первыхъ годахъ послѣдняго десятилѣтія, и изъ Московскихъ студентовъ поступилъ въ 1812 году въ военную службу. Великій день Бородина простоялъ онъ Семеновскимъ подпрапорщикомъ у полковаго знамени и за это сраженіе, по участію къ молодому подпрапорщику графа Закревскаго, произведенъ былъ въ офицеры. Чаадаевъ стоялъ въ огнѣ подъ Кульмомъ, Лейпцигомъ, вездѣ, гдѣ находился его полкъ въ славныхъ битвахъ славнаго времени, и наконецъ въ почетномъ караулѣ у Императора Александра въ самый день взятія Парижа. — Изъ Семеновскаго полка перешелъ онъ въ Ахтырскій гусарскій и вскорѣ переведенъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ.—Живши въ Царскомъ Селѣ, Чаадаевъ познакомился и полюбилъ Пушкина, еще тогда лицеиста, съ нимъ сблизился и, какъ онъ самъ говаривалъ, имѣлъ на него доброе вліяніе. Чаадаевъ былъ красивъ собою, отличался не гусарскими, а какими-то англійскими, чуть ли даже не Байроновскими, манерами и имѣлъ блистательный успѣхъ въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ. — Командиръ гвардейскаго корпуса, впослѣдствіи князь Илларіонъ Васильевичь Васильчиковъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ это-то самое время, не припомню именно въ которомъ году, Чаадаеву посчастливилось оказать великую услугу Пушкину, услугу, которую благодарный Пушкинъ помнилъ до смерти. Нечаяно узнавъ о строгомъ наказаніи, грозившемъ нескромному поэту за какое-то грѣшное стихотвореніе, Чаадаевъ, позднимъ вечеромъ, прискакалъ къ Н. М. Карамзину, немного удивилъ его своимъ пріѣздомъ въ такой необыкновенный часъ, принудилъ исторіографа оставить свою безсмертную работу и убѣдилъ, не теряя времени, заступиться за Пушкина у Императора Александра. Вмѣсто крѣпости или дальней ссылки, Государь, упрошенный на другой день Карамзинымъ, ограничилъ наказаніе Пушкина удаленіемъ на службу въ Бессарабію.

Въ Ноябрѣ 1820-го года одно важное, никѣмъ неожиданное происшествіе въ Петербургѣ напугало весь городъ, въ тоже время перевернуло всю судьбу Чаадаева и имѣло вліяніе на всю остальную его жизнь. Должно признаться, что въ этомъ виноватъ былъ онъ самъ. И странное дѣло! Поведеніе Чаадаева въ этомъ несчастномъ случаѣ могло имѣть нѣкоторое вліяніе на бывшій тогда конгрессъ въ Троппау. Самъ Чаадаевъ разсказывать, конечно, обо всемъ этомъ не любилъ; но такое загадочное съ перваго взгляда предположеніе оправдывается многими указаніями и вѣроятными выводами. Я говорю о Семеновской исторіи, извѣстной подъ этимъ сокращеннымъ названіемъ всѣмъ современникамъ, а отъ нихъ и новому поколѣнію. Въ Семеновскомъ полку, который такъ любимъ былъ Государемъ, въ его отсутствіе за границу, вдругъ открылось неповиновеніе начальству. Тщетны были всѣ увѣщанія взыскательныхъ и кроткихъ, любимыхъ солдатами командировъ и нелюбимыхъ. Семеновцы рѣшительно отказались идти въ караулъ, не слушались приказаній, нарушили всякую дисциплину. Пріѣзжали къ нимъ уговаривать сперва бригадный, потомъ дивизіонный, потомъ корпусный командиръ вмѣстѣ съ знаменитымъ графомъ Милорадовичемъ, тогдашнимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ: все было напрасно! Кончилось тѣмъ, что полкъ, во всемъ его составѣ, посаженъ былъ на суда и отправленъ моремъ въ Финляндію. Чаадаева послалъ тогда Васильчиковъ курьеромъ къ Государю въ Троппау, гдѣ былъ въ то время всѣмъ извѣстный конгрессъ. Выборъ палъ на него

потому, что Государь лично зналъ Чаадаева и былъ къ нему милостивъ, что Чаадаевъ самъ прежде служилъ въ этомъ полку и наконецъ потому, что, какъ адъютантъ командира гвардейскаго корпуса, былъ онъ очевидцемъ всего дѣла. Ему поручено было представить письменное донесеніе о такомъ горестномъ событіи, небываломъ въ Русскихъ войскахъ со времени Стрѣлецкихъ бунтовъ и пополнить личными объясненіями. Всѣ старались и надѣялись смягчить, сколько возможно, со страхомъ ожидаемый гнѣвъ Государя.

Чаадаевъ не одинъ разъ, какъ мы уже сказали, бывалъ въ кровавыхъ бояхъ и никогда не имѣлъ дурной привычки кланяться пулямъ, которыя пролетали у него надъ головой. Но Чаадаевъ не любилъ подвергать себя лишеніямъ въ мелкихъ потребностяхъ ежедневной жизни. Онъ въ этомъ отношеніи избаловалъ себя до нельзя. Курьерское его отправленіе было въ самую позднюю осень. Отъ Петербурга до Троппау около двухъ тысячъ верстъ, а каковы были тогда дороги во всей Россіи, начиная съ Петербурга, мы еще забыть не успѣли. Чаадаевъ ѣхалъ въ коляскѣ, не слишкомъ спѣша, да къ тому же не понуждая нагайкой ямщиковъ, что̀ и тогда казалось ему неприличнымъ. Чаадаевъ часто медлилъ на станціяхъ для своего туалета. Такія привычки опрятности и комфорта были всегда имъ тщательно соблюдаемы. Удовлетворять имъ онъ считалъ нравственной обязанностью передъ самимъ собою для каждаго порядочнаго человѣка.

Слѣдствіемъ медленности курьера-джентельмена было то, что князь Меттернихъ узналъ о Семеновской исторіи днемъ или двумя ранѣе Императора. Первостепенный дипломатъ той эпохи, князь Меттернихъ занималъ на Троппаускомъ конгрессѣ второе мѣсто послѣ Александра, хотя въ то же время присутствовали тамъ Императоръ Австрійскій и Прусскій Король. Вѣнскій Кабинетъ и его искусный двигатель долго стремились удержать нашего Государя отъ тѣхъ великодушныхъ порывовъ либерально-конституціоннаго направленія, которое въ Австріи почиталось вреднымъ порядку и монархической власти, но которое, напротивъ, могущественнымъ вліяніемъ своимъ налагалъ Александръ время отъ времени на всю Европейскую политику. Въ то самое время, когда разсуждали на конгрессѣ о способахъ усмирить возмутившійся Неаполь, когда Австрія предлагала самыя крутыя для того мѣры, а нашъ Государь предлагалъ, напротивъ, сколько возможно кроткія: Меттернихъ слегка намекнулъ Александру, что и самъ онъ не долженъ слишкомъ расчитывать на вѣрность своего войска и на внутреннее спокойствіе своей имперіи, и на вопросъ пораженнаго такимъ замѣчаніемъ Государя, разсказалъ ему при всѣхъ, въ полномъ засѣданіи конгресса, все, что̀ зналъ уже довольно подробно о Семеновской исторіи. Не трудно отгадать, какова была послѣ этого встрѣча отъ Государя курьеру Чаадаеву. Онъ принялъ донесеніе, въ короткихъ словахъ распросилъ его о концѣ бунта, заперъ на ключъ курьера, взялъ ключъ къ себѣ въ карманъ, чрезъ нѣсколько часовъ самъ отперъ Чаадаева и тутъ же выпроводилъ его изъ Троппау такъ, что несчастный не видалъ никого, кромѣ разгнѣваннаго Императора. Вслѣдъ за этимъ Чаадаевъ былъ отставленъ. Честолюбивому Чаадаеву тяжела была такая отставка, безъ слѣдующаго чина, даже безъ мундира,—а онъ мечталъ давно о вензеляхъ на эполеты. Но должно сказать къ его чести, что всего болѣе поразилъ его ничѣмъ и никѣмъ неумолимый гнѣвъ Александра на прежній любимый свой полкъ и на всѣхъ его офицеровъ. Всѣ они безъ исключенія, даже отставные до Семеновской исторіи, строго были

наказаны за излишнее потворство солдатамъ. Чаадаевъ, по свойственной ему добротѣ сердца, не могъ не сознавать внутренно, что мѣшкотная его ѣзда въ Троппау много повредила бывшимъ Семеновцамъ, переведеннымъ въ армейскіе полки въ Грузію.

Въ Троппау это происшествіе не осталось безъ вліянія. Предложенія Австріи были Государемъ приняты; войска ея отправились усмирять Неаполь. Мало того, Александръ повелѣлъ собрать стотысячный Русскій корпусъ и придвинуть его къ Австрійскимъ границамъ, чтобы, подъ начальствомъ генерала Ермолова, идти въ Италію въ помощь Австрійцамъ, если ихъ недостаточно будетъ для усмиренія Итальянскихъ мятежниковъ. Союзные монархи перенесли засѣданія конгресса изъ Троппау въ Лайбахъ, откуда ближе могли наблюдать за революціонными движеніями Италіи. Въ Лайбахъ вызванъ былъ ими король Обѣихъ Сицилій, бѣжавшій изъ Неаполя. Добрый, но слабый, онъ старался успокоить своихъ великодушныхъ защитниковъ. — „Будьте спокойны, ваши величества, говорилъ онъ имъ, я знаю моихъ Неаполитанцевъ, я коротко ихъ знаю. Они побѣгутъ отъ перваго выстрѣла Австрійцевъ.“ Такъ и случилось. Мятежники разсѣялись, порядокъ былъ возстановленъ, но для поддержанія его Австрійцы заняли Неаполь и остались тамъ на долго.

Съ конгресса въ Троппау, по мнѣнію моему, начинается обратное движеніе всей Европейской политики и довольно крутой переломъ въ политикѣ Александра. Убѣжденія князя Меттерниха восторжествовали. Не свѣряя современныхъ актовъ, не разбирая дипломатическихъ архивовъ, вспомнимъ только, какимъ либераломъ и защитникомъ всѣхъ конституцій былъ царственный воспитанникъ Лагарпа въ Парижѣ, Вѣнѣ и, за два года передъ бунтомъ Неаполя, въ Ахенѣ; вспомнимъ его первыя рѣчи на Варшавскомъ сеймѣ, его слова въ одной изъ сихъ рѣчей, относящіяся до Россіи. Вспомнимъ переводъ проэкта русской конституціи съ французскаго языка. Переводъ этотъ былъ найденъ во время Польскаго мятежа въ бумагахъ покойнаго Цесаревича и напечатанъ съ французскимъ текстомъ въ Варшавѣ.

Мнѣ удалось читать черновую депешу графа Каподистріи, рукою его написанную въ 1818 году и посланную прямо къ Государю изъ Берна. Вотъ ея начало почти слово въ слово: Sire, les monarques du temps présent ne peuvent regner que par les idées libérales. Malheureusement il n'y a que Vous, Sire, qui êtes convaincus de cette grande vérité (1). Мнѣ удалось слышать отъ графа Каподистріи, бывшаго въ 1823 г. на Лайбахскомъ конгрессѣ, съ какимъ благодушіемъ Государь принималъ тамъ духовныхъ депутатовъ возставшей Греціи, съ какой заботливостью онъ приносилъ имъ самъ водосвятную чашу для молебнаго у себя пѣнія и съ какою сердечной, искренней грустью отвѣчалъ онъ депутатамъ, что твердо принятые имъ принципы порядка и спокойствія Европы не дозволяютъ ему, не смотря на православное къ Грекамъ сочувствіе, быть защитникомъ ихъ возстанія, быть даже ихъ покровителемъ. Я также самъ слышалъ, какъ, чрезъ годъ потомъ, на Веронскомъ конгрессѣ, другой даровитый дипломатъ, живой еще и теперь, попался въ просакъ потому, что не зналъ, что вѣтеръ перемѣнился. Его вызвали изъ Швейцаріи, гдѣ онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, и ему поручили (какъ это часто бываетъ) составить для Государя обозрѣніе тогдашняго политическаго состоянія Европы. Онъ написалъ его подъ влія-

(1) Монархи настоящаго времени могутъ царствовать, лишь руководясь свободными идеями. По несчастію Вы одни, Государь, убѣждены въ этой великой истинѣ.

ніемъ началъ, бывшихъ въ ходу на Ахенскомъ конгрессѣ, и жестоко срѣзался. Его тотчасъ же отправили обратно въ Швейцарію съ порядочнымъ выговоромъ и увѣщаніемъ постараться быть болѣе монархическимъ.

Живо пробуждаются во мнѣ воспоминанія молодости и, говоря о человѣкѣ, принадлежавшемъ нѣсколько своею дѣятельностію тому времени, я невольно заговариваюсь. Не могу удержаться, чтобы не сказать еще нѣсколько словъ о тогдашней политикѣ. Рано ли, поздно ли, но у насъ она должна была неизбѣжно измѣниться. Семеновская исторія, такъ неблагопріятно возвѣщенная Александру, только предупредила переворотъ его направленія. Возстановивъ законную власть въ Неаполѣ, онъ скоро умѣрилъ свое либеральное стремленіе относительно Польши, и, скрѣпя сердце, почти совсѣмъ не мѣшался въ дѣло Греціи; но въ тоже время, всегда вѣрный данному слову, противился онъ всѣмъ проискамъ Сенъ-Марсанскаго Павильона, руководимаго графомъ д'Артуа, братомъ Людовика XVIII. Всѣ тайныя старанія будущаго Карла X склонить Петербургскій кабинетъ на ограниченія французской конституціи 1814 г. оказались тщетными. Позднѣе, когда на Веронскомъ конгрессѣ, по настоянію Шатобріана, Государь первый согласился на его предложеніе отправить французскія войска въ Испанію, въ защиту Фердинанда VII, и когда потомъ Французы высвободили короля изъ Кадикса, тотъ же Александръ приказалъ своему послу Поццо ди Борго убѣждать короля Фердинанда быть умѣреннымъ и милосердымъ по возстановленіи монархической власти.

Но пора возвратиться къ воспоминаніямъ о Чаадаевѣ; прошу извиненія у немногихъ моихъ читателей за такое длинное отступленіе.

Либеральное направленіе императора Александра, имъ данное, и имъ самимъ впослѣдствіи пріостановленное, не могло не подѣйствовать на лучшихъ людей того времени. Съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ Франціи и въ особенности въ 1818 г. съ возвращеніемъ корпуса, который до того оставался тамъ подъ начальствомъ графа Воронцова, либеральныя убѣжденія овладѣли многими. Горестныя послѣдствія этого извѣстны; но Чаадаевъ, молодой, связанный дружбой съ замѣчательными своими сверстниками, раздѣлявшій мнѣнія той эпохи, въ добавокъ раздраженный недавней отставкой и до самой смерти не умѣвшій затаить въ себѣ этого раздраженія, остался непоколебимо вѣрнымъ Престолу. Почему? Потому, что всегда былъ врагомъ всякаго потрясенія, требующаго крови.

Черезъ годъ послѣ отставки, Чаадаевъ поѣхалъ въ чужіе краи. Судя по его собственнымъ разсказамъ и по отдѣльнымъ его статьямъ, которыя читались потомъ въ короткомъ ему кружкѣ, онъ преимущественно обращалъ вниманіе на произведенія искусствъ древняго міра и среднихъ вѣковъ и ими повѣрялъ и объяснялъ любимыя свои историческія убѣжденія. Въ 1827 г., на пути въ Россію, былъ онъ на короткое время задержанъ въ Брестѣ; у него взяты были бумаги и вскорѣ потомъ возвращены безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій. Поспѣшной выдачей бумагъ обязанъ былъ онъ графу А. А. Закревскому, который, какъ видно, всегда принималъ въ немъ участіе. Возвратясь изъ путешествія, Чаадаевъ поселился въ Москвѣ и вскорѣ, по причинамъ едва ли кому извѣстнымъ, подвергъ себя добровольному затворничеству, не видался ни съ кѣмъ и, нечаянно встрѣчаясь въ ежедневныхъ своихъ прогулкахъ по городу съ людьми самыми ему близкими, явно отъ нихъ убѣгалъ, или надвигалъ себѣ на лобъ шляпу, чтобы его не

узнавали. Плодомъ двухгодичнаго строгаго уединенія былъ цѣлый рядъ философическихъ на французскомъ языкѣ писемъ, обращенныхъ имъ къ одной дамѣ, его пріятельницѣ (Пановой, урожденной Улыбышевой). Я читалъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ (и кто изъ людей ему короткихъ не читалъ ихъ въ это время?) и, на сколько могу теперь припомнить, всѣ онѣ были довольно запутаннаго содержанія. Но одно изъ писемъ, конечно самое замѣчательное, своей оригинальной рѣзкостью, еще въ рукописи и на французскомъ языкѣ, производило величайшій эффектъ, а потому было по усильной просьбѣ журналиста Надеждина переведено и напечатано въ его Телескопѣ въ концѣ 1836 года. Авторъ письма выражалъ въ немъ слѣдующія мысли о нашемъ отечествѣ: „Россія „образовалась совершенно отдѣльно „и независимо отъ Европы, потому „что вѣру приняла не отъ Рима, а „отъ Византіи, которая сама была „тогда въ состояніи упадка и растлѣ„нія—отсюда истекаютъ всѣ недостат„ки нашей гражданственности. Рефор„ма Петра Великаго не въ силахъ, и „въ позднѣйшемъ своемъ развитіи, „сдѣлать насъ настоящими Европей„цами и вполнѣ усвоить намъ всѣ „успѣхи цивилизаціи.“ Все это было высказано безъ малѣйшей осторожности, а напротивъ съ крайнею рѣзкостью, поражавшей читателя особенно въ переводѣ. Наши переводныя статьи, особливо съ французскаго языка, часто оскорбляютъ читателя излишней яркостью и дисгармоніей красокъ и всегда почти выражаютъ спорные вопросы сильнѣе и рѣзче, нежели какими кажутся въ подлинникѣ. Журнальная статья Чаадаева произвела страшное негодованіе публики и потому не могла не обратить на него преслѣдованія правительства. На автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ, въ нашемъ довольно апатическомъ обществѣ (я говорю только о Москвѣ) и, замѣтимъ, возстало не столько за оскорбленное православіе сколько за грубые упреки современной Россіи и, главное, высшему нашему обществу. Здѣсь, можетъ быть, въ первый разъ читающая и вопіющая съ ея голоса полуграмотная Московская публика съ успѣхомъ разъиграла роль высшей цензурной инстанціи. Укажемъ на это писателямъ настоящаго времени и посовѣтуемъ имъ внимательно охранять недавно дарованную имъ ослабу строгости. Цензоръ статьи Чаадаева былъ отставленъ и лишенъ профессорства. Журналистъ - Надеждинъ сосланъ въ Устьсысольскъ, самый дальный городишко Вологодской губерніи. Ему не помогло его хитрое оправданіе. Вотъ какъ передавались тогда отвѣты Надеждина на запросъ: почему онъ перевелъ и напечаталъ статью Чаадаева, прибавивъ еще къ ней примѣчанія, гдѣ названъ былъ авторъ статьи великимъ мыслителемъ и гдѣ обѣщано было помѣщеніе въ слѣдующемъ году другихъ его статей. Надеждинъ отвѣчалъ будто такъ: „Журналъ мой не „могъ съ успѣхомъ продолжаться по „малому числу подписчиковъ. Изъ „двухъ одно: или статья Чаадаева „пройдетъ благополучно и пріобрѣ„тетъ мнѣ съ новымъ годомъ новыхъ „подписчиковъ, или журналъ за нее „запретятъ. Въ послѣднемъ случаѣ, „прекращая неудачное изданіе, я вы„игрывалъ въ общественномъ мнѣніи, „въ первомъ у меня будетъ отъ журна„ла барышъ, а не убытокъ“. Дилемма не удалась. Остроумно-расчетливый издатель не предвидѣлъ ссылки. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Чаадаевъ подвергнутъ былъ домашнему аресту и медицинскому ежедневному посѣщенію, какъ человѣкъ съ разстроеннымъ воображеніемъ. Изъ многихъ разговоровъ, толковъ, пересудовъ и споровъ о Чаадаевской статьѣ у меня въ памяти остались однѣ, вѣрныя очень, слова о ней Жуковскаго: „Порицать Россію

„за то, что она съ христіанствомъ „не приняла католичества, предвидѣть ретроспективно, что католическою была бы она лучше—все равно, что жалѣть о черноволосомъ красавцѣ, зачѣмъ онъ не бѣлокурый. „Красавецъ съ измѣненіемъ цвѣта „волосъ былъ бы и наружностью и „характеромъ совсѣмъ не тотъ, каковъ онъ есть. Россія, изначала католическая, была бы совсѣмъ не та, „какова теперь; допустимъ, пожалуй, „что католическая была бы она и „лучше, но она не была бы Россіей." Не смотря на всю несостоятельность главнаго положенія Чаадаевской статьи, много второстепенныхъ мыслей, въ ней высказанныхъ, пошли съ успѣхомъ въ обращеніе, приняты были съ сочувствіемъ всѣми поборниками западной гражданственности, отозвались, повторялись, получили развитіе во многихъ журналахъ 40 годовъ и упрочили этой эпохѣ имя автора. Укажемъ здѣсь на статью г. Невѣрова въ Отечественныхъ Запискахъ, какъ на первую, повторившую почти всѣ мысли Чаадаева, за исключеніемъ, конечно, главнаго тезиса.

Арестъ, наложенный на Чаадаева, продолжался не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ выпросилъ ему у Государя свободу. Впрочемъ ему и тогда не запрещалось принимать у себя знакомыхъ. Первымъ посѣтителемъ Чаадаева въ самый первый день опалы, былъ И. И. Дмитріевъ, памятный своей высокой и благородной дѣятельностію на службѣ, болѣе извѣстный своими сочиненіями и вліяніемъ, которое онъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Карамзинымъ, имѣлъ на оцивилизированіе нашей литературы. Московское общество скоро забыло первые порывы своего негодованія и чуть ли въ немъ не раскаявалось. Оно охотно приняло изгнанника въ свою среду, не только съ радушіемъ, но и съ бо́льшимъ прежняго уваженіемъ. Испытанное Чаадаевымъ гоненіе публики и преслѣдованіе правительства сдѣлали его нѣсколько умѣреннѣе относительно тогдашней его наклонности къ католицизму, но остальныхъ сочувствій своихъ къ Западу и его просвѣщенію онъ не таилъ ни передъ кѣмъ. А въ это самое время люди съ неоспоримымъ талантомъ, съ изощренной діалектикой, съ огромной начитанностью, почти съ такой же всесторонней ученостью, начали занимать почетныя мѣста въ образованномъ и ищущемъ образованія Московскомъ обществѣ и обращать на себя его вниманіе. Всѣ они были гораздо моложе Чаадаева и почти всѣ принадлежали другому, противуположному направленію, которое, при первомъ своемъ вторженіи и въ общество и въ литературу, провозгласило Западъ гнилымъ, Русскій народъ народомъ по преимуществу, которое осуждало въ стихахъ и прозѣ, въ частныхъ разговорахъ и въ нескончаемыхъ по сему предмету спорахъ, реформу Петра и всѣ ея послѣдствія. Этого мало. Новые двигатели мысли устремились склонить общество и самое правительство къ возвращенію всѣхъ старорусскихъ обычаевъ, къ распространенію своихъ убѣжденій на жизнь гражданственную и общественную, на самое воспитаніе и т. д. Первымъ органомъ такого направленія былъ новый въ Москвѣ журналъ Москвитянинъ. За нимъ появился въ Петербургѣ Маякъ, дошедшій до послѣднихъ крайностей и потому прекращенный; за то Москвитянинъ для пламенныхъ двигателей направленія показался чрезъ чуръ умѣреннымъ или, какъ говорили они, недовольно чистымъ—и вотъ начались печататься разные сборники: Симбирскій, Историческій, Московскій, Дѣтская Библіотека, новый Москвитянинъ новаго издателя, эфемерныя статьи въ разныхъ ежедневныхъ изданіяхъ и пр.

Поднялась страшная литературная буря полемики....

Первой, никѣмъ не замѣченной доселѣ жертвой этой тревожной, судорожной дѣятельности, этой мучительной борьбы мысли съ самой собою болѣе, нежели съ противниками, былъ прекрасный юноша, достойный другаго, болѣе высшаго призванія. То былъ 23 лѣтній Валуевъ. Онъ умеръ въ 1845 году. Мои немногіе читатели угадываютъ, что я говорю о Славянофилахъ: такъ прозваны были всѣ они по воспоминанію о Шишковѣ и его враждебной Карамзину и Арзамасцамъ партіи.

Кому и чему должно приписать возникновеніе у насъ этой исключительно-Русской партіи? Я думаю, во первыхъ самому правительству; во вторыхъ духу времени, или, что̀ одно и тоже, обще-европейскому направленію, зародившемуся въ романтической Германіи. Правительство наше возбудило Русскую партію своей программой, которою опредѣлило себя при самомъ началѣ прошедшее царствованіе, принявъ символъ: Православіе, Самодержавіе, Народность ([2]). Далѣе: не подражаніе, а какое-то наитіе отъ Запада, почти въ одно и тоже время, увлекло и насъ, историческими и филологическими изслѣдованіями, романтизмомъ, возстановленіемъ всѣхъ элементовъ народности, преувеличеннымъ сочувствіемъ къ низшему народному классу, къ религіознымъ вопросамъ и пр. и пр. Подобно тому, какъ во время Александра провозглашенные имъ принципы и слова Священнаго Союза о христіанской братской любви, народной свободѣ и правахъ человѣчества, пробудили у насъ заснувшій мистицизмъ, образовали библейскія и многія другія филонтропическія общества, и наконецъ отбросили самыхъ чистосердечныхъ поклонниковъ этихъ идей за предѣлы благоразумія и порядка—такъ и въ послѣднее царствованіе, къ концу перваго его десятилѣтія, краеугольныя тройственныя слова, принятыя имъ въ основаніе, пустили свои корни, можетъ быть, глубже, нежели какъ могло того ожидать и еще менѣе предвидѣть само правительство. Во Франціи были же, и такъ еще недавно, роялисты, болѣе преданные монархической власти, нежели самъ король. Тоже самое случилось и у насъ съ доброхотными защитниками Самодержавія. Облеченные бронею втораго принципа этого тройственнаго символа, мужественно выступили на брань непризванные заступники Православія и своей исключительностью, своимъ догматизмомъ, болѣе или менѣе аскетическимъ, своими жалобами, стремленіями, требованіями, своей нетерпимостью ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ далеко опередили законныхъ и освященныхъ учителей нашей церкви. Тѣмъ еще ревностнѣе, тѣмъ еще пламеннѣе, подъ защитой уже обоюду-неприкосновенной эгиды, стали они ратовать за третій принципъ правительственнаго символа, за Народность. Въ Русскомъ народѣ (несправедливо, оскорбительно разумѣя подъ этимъ именемъ одни низшіе классы нашего общества) ежедневно открывали они такія добродѣтели, такія достоинства, такую глубину премудрости, что если-бы кто нибудь изъ среды этого народа, какимъ нибудь чудомъ, внезапно выучился читать и (что̀ было бы еще чудодѣйственнѣе) уразумѣвать ихъ туманно-германскіе возгласы, то всеконечно оцѣпенѣлъ бы отъ изумленія при открытіи въ себѣ и себѣ подобныхъ такой полноты человѣческаго совершенства. Въ историческихъ памятникахъ до-петровской Руси, уже частью извѣстныхъ и вновь усердно отыскиваемыхъ, равно какъ

([2]) Великій символъ этотъ, какъ извѣстно, провозглашенъ былъ гр. Уваровымъ, а въ немъ утвердился едва ли не вслѣдствіе бесѣдъ съ А. С. Хомяковымъ (сл. Р. Арх. 1863, стр. 731). *П. Б.*

въ нашихъ актахъ и грамотахъ, въ Русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ открывались любителями старины и народности такіе элементы добра, правды, поэзіи, просвѣщенія, какихъ никогда не находилъ въ нихъ никакой безпристрастный читатель. Всѣ невыгодные отзывы о святой до Петра Руси иностранцевъ и нашихъ современныхъ писателей заподозривались или умалчивались, а нѣкоторые изъ нихъ становились предметомъ или предлогомъ преслѣдованій. О Кошихинѣ, о грамотѣ князя Пожарскаго къ Австрійскому эрцгерцогу, о письмахъ царя Алексѣя Михайловича къ Никону, о новыхъ источникахъ исторіи Троицкой осады, открытыхъ и сведенныхъ замѣчательнымъ монографомъ Головхвастовымъ, о темной сторонѣ изданнаго имъ Домостроя, говорить не любили, а Флетчера запретили — и съ какимъ шумомъ! Наконецъ вся древняя и новая философія объявлена была рѣшительно-безполезной и чуть ли не положительно-безбожной. Попытка замѣнить всякое философское ученіе позднѣйшими православными, не многимъ доступными, учителями восточной церкви пятаго и послѣдующихъ вѣковъ и, что̀ еще страннѣе, нашими собственными духовными писателями, нигдѣ ненапечатанными, никому слѣдовательно невѣдомыми, писателями среднихъ вѣковъ нашей исторіи (можно себѣ представить, что это были за философы!) такая попытка еще не забыта ([3]).

([3]) Читатели припомнятъ, что эти мнѣнія и отзывы принадлежатъ ко времени, хотя и не давно прошедшему, но тѣмъ не менѣе отъ насъ весьма далекому: нынѣ никто уже не станетъ отрицать у славянофильскаго направленія великаго и благотворнаго значенія, которое оно имѣло во многихъ отношеніяхъ. Его заслуги перешли во всеобщее сознаніе; но для историческаго изученія дороги вышеприведенныя строки: это такъ сказать стенографія того, что̀ думалось и говорилось тогда въ лучшемъ Московскомъ обществѣ приверженцами такъ называемаго, западнаго направленія. *П. Б.*

Такова была сущность этой доктрины, и, если само правительство имѣло рѣшительное вліяніе на возрожденіе партіи Славянофиловъ, во многомъ поддерживая и покровительствуя ихъ ученію, то съ другой стороны и Славянофилы, ни смотря на кажущуюся ихъ малочисленность, могли имѣть обратное, хотя и незамѣтное, дѣйствіе на правительство и общественное мнѣніе, раздувая въ насъ нашу народную кичливость. Слѣдствіемъ подобныхъ увлеченій была послѣдняя война, а потому и отвѣтственность за эту войну должны Славянофилы принять отъ части на себя и свое ученіе. Будемъ же признательны къ новому царствованію! Наученное опытомъ, оно, смѣемъ догадываться, наконецъ уразумѣло всю опасность слишкомъ знаменательныхъ программъ и потому провозгласило своимъ символомъ менѣе громкіе, менѣе увлекательные, но за то общепонятные, болѣе къ сердцу каждаго близкіе и никому не враждебные принципы: *общественной нравственности, просвѣщенія и христіанства.*

Такъ или почти такъ думалъ и выражалъ свои мысли о Славянофилахъ Чаадаевъ. — Не принимая никакого участія въ печатной противъ нихъ полемикѣ, онъ долгое время сражался съ ними на полѣ литературныхъ салоновъ и за такое скромное и достойное обличеніе того, что̀ почиталъ неправдой и ложью, подвергся отъ нихъ гоненію. Корифеи доктрины подъучили одного самаго незлобиваго Московскаго поэта разразиться на него проклятіями въ стихахъ, которыхъ и отвергающій съ негодованіемъ ихъ содержаніе не можетъ не назвать превосходными, какъ почти все, что̀ выходило изъ подъ пера уже болѣзненнаго въ то время Языкова. Въ извиненіе поэта скажемъ, что онъ почти не зналъ Чаадаева и возсталъ противъ него раздраженный своими друзьями. На грубо-оскорбительные упреки Языкова, Чаадаевъ отвѣчалъ мол-

чаніемъ и въ тоже время благодушно хвалилъ звучный и сильный стихъ его.

Слѣдствіемъ распространенія этихъ сатирическихъ личностей было окончательное раздѣленіе Московскихъ литераторовъ и примыкавшихъ къ ихъ кругу любознательныхъ людей изъ общества, на западныхъ и восточныхъ ([1]). Во главѣ первыхъ были даровитые профессоры молодаго поколѣнія, занимавшіеся преимущественно разработкой и преподаваніемъ нашей и всеобщей исторіи. Въ восточномъ лагерѣ Московскій университетъ имѣлъ только одного дѣйствительнаго профессора и другаго, уже сошедшаго съ ученой каѳедры. Рѣзкое отдѣленіе противниковъ на двѣ партіи уничтожило литературные салоны. Хозяева, избѣгая слишкомъ сильныхъ споровъ и непріятныхъ столкновеній, перестали принимать на свои вечера, а когда и принимали, то уже однихъ короткихъ знакомыхъ изъ этого круга.

Славянофилы не ограничивались печатаніемъ и писаніемъ не для одной печати разныхъ статей, не удовлетворялись изустною проповѣдью своего ученія, они захотѣли проявить его наружными знаками,—и вотъ сперва явилась шапка-мурмолка, потомъ зипунъ, а наконецъ борода. Доктрина Русской рубахи сверхъ исподняго платья, рукъ безъ перчатокъ, бороды и поддёвки оскорблялась элегантной изысканностью въ одеждѣ Чаадаева, его бѣлыми перчатками, его изящными манерами и разговорами на французскомъ языкѣ. Чаадаевъ оскорблялся также, но гораздо менѣе, отступничествомъ Славянофиловъ отъ реформы Петра и отъ европейскихъ формъ, уже полтора вѣка принятыхъ. Не смотря на рѣшительно-совершившійся въ то время разрывъ двухъ партій, онъ старался ни отъ одной изъ нихъ не удаляться, посѣщалъ оба кружка и своимъ гонителямъ, незабывавшимъ его журнальной статьи, самъ забывая стихи Языкова, дружески протягивалъ руку.

Такимъ благодушіемъ, всегда достойно выражаемымъ, пріобрѣлъ онъ ихъ уваженіе. Прежніе жестокіе враги и постоянные противники личныхъ его убѣжденій сдѣлались его пріятелями и остались такими до самой его смерти. Послѣдніе годы жизни Чаадаева не прошли однако безъ мелочныхъ на него преслѣдованій. Кому-то, но уже конечно не Славянофилу (будемъ и къ нимъ справедливы) вздумалось оскорбить его, неизвѣстно за что, подлымъ безъименнымъ письмомъ и напомнить давнишній арестъ Чаадаева вмѣстѣ съ гнуснымъ намекомъ на сумашествіе. Потомъ, не задолго уже передъ смертію, подвергся онъ жестокому укору за то, что желая мира, выражалъ свое сочувствіе къ извѣстному письму о мирѣ князя М. С. Воронцова.

Съ 1827 по 1856-й Чаадаевъ прожилъ безъвыѣздно въ Москвѣ, и около 25 лѣтъ на одной квартирѣ въ Новой Басманной, въ домѣ почетнаго гражданина Шульца, принадлежавшемъ прежде близкому ему семейству Левашовыхъ. Живя на одномъ мѣстѣ, онъ до того сдѣлался рабомъ своихъ комфортабельныхъ привычекъ, что всѣ эти 30 лѣтъ ни разу не могъ рѣшиться провести ночь внѣ города, хотя многіе изъ его родныхъ и друзей радушно и настойчиво приглашали его въ свои подмосковныя, придумывая всѣ возможныя удобства для такой легкой поѣздки и желая доставить хозяину дома возможность перекрасить на его квартирѣ полы и стѣны и поправить къ осени печи. Ему

([1]) Другой участникъ этихъ достопамятныхъ бесѣдъ такъ характеризуетъ ихъ: „Оба кружка не соглашались почти ни въ чемъ; тѣмъ не менѣе ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли какъ бы одно общество; они нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ сочувствіемъ, основанномъ на единствѣ умственныхъ интерессовъ и на глубокомъ обоюдномъ уваженіи.“ Едва ли это не вѣрнѣе. *П. Б.*

и самому очень хотѣлось проѣхаться и освѣжиться деревенскимъ воздухомъ, но привычка брала надъ нимъ верхъ.

Тридцать лѣтъ сряду, въ обвѣтшалой своей квартирѣ изъ трехъ небольшихъ комнатъ, принималъ онъ у себя еженедѣльно своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, сперва вечеромъ по средамъ, потомъ утромъ по понедѣльникамъ и любилъ, чтобы его въ эти дни не забывали. Вся Москва, какъ говорится фигурально, знала, любила, уважала Чаадаева, снисходила къ его слабостямъ, даже ласкала въ немъ эти слабости. Кто бы ни проѣзжалъ черезъ городъ изъ людей замѣчательныхъ, давній знакомецъ посѣщалъ его, незнакомый спѣшилъ съ нимъ знакомиться. Кюстинъ, Могень (Mauguin), Мармье, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берліозъ, Гакстгаузенъ, всѣ у него перебывали. Конечно Чаадаевъ самъ заискивалъ знакомства съ извѣстными чѣмъ-либо иностранными путешественниками и заботился, чтобы ихъ у него видѣли; не менѣе старался онъ сближаться и съ русскими литературными и другими знаменитостями. Я помню, какъ, давно уже, лѣнивый и необщительный Гоголь, еще до появленія своихъ Мертвыхъ Душъ, пріѣхалъ въ одну середу вечеромъ къ Чаадаеву. Долго на это онъ не рѣшался, сколько ни упрашивали общіе пріятели упрямаго Малоросса; наконецъ онъ пріѣхалъ и, почти не обращая никакого вниманія на хозяина и гостей, усѣлся въ углу на покойное кресло, закрылъ глаза, началъ дремать и потомъ, прохрапѣвъ весь вечеръ, очнулся, пробормоталъ два-три слова въ извиненіе и тутъ же уѣхалъ. Долго не могъ забыть Чаадаевъ такого оригинальнаго посѣщенія, и конечно оно вспоминалось ему при чтеніи Гоголя, а можетъ быть и при сужденіи о его произведеніяхъ (5). Обыкновенно Чаадаевъ бывалъ самымъ ласковымъ и внимательнымъ хозяиномъ своихъ гостей и у себя давалъ болѣе говорить и разсуждать посѣтителямъ, нежели говорилъ и спорилъ самъ, хотя былъ очень словоохотенъ и по временамъ жаркій спорщикъ.

Его обвиняли въ мелкой суетности. Правда, что онъ любилъ видѣть у себя какъ можно болѣе гостей, что искалъ всеобщаго уваженія, что почетъ общества былъ ему дорогъ. Намъ ли, такъ часто гоняющимся за почестями всякаго рода, намъ ли, пріобрѣтающимъ ихъ разными средствами, намъ ли, порицателямъ этихъ почестей и тайнымъ ихъ завистникамъ, упрекать отшедшаго отъ насъ брата за исканіе почести безвинной и конечно безкорыстной? — Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ тяготѣли надъ нимъ тяжкимъ бременемъ. Ему, воину славной брани, подъятой за свободу отечества и освободившей Европу, ему горьки были и начало и конецъ нашей послѣдней войны.—Люди другаго поколѣнія, знавшіе только по разсказамъ и преданіямъ славную эпоху благословеннаго царствованія Александра, винили Чаадаева въ томъ, что онъ, по обычаю стариковъ, сравнивалъ часто настоящее съ прошедшимъ и всегда предпочиталъ послѣднее. Въ немъ точно была замѣтна эта слабость и особливо въ послѣдніе мѣсяцы жизни. Такъ, напримѣръ, не принимая никакого участія въ Московскихъ торжествахъ при вступленіи въ столицу безсмертныхъ стадальцевъ, защитниковъ Севастополя, онъ говаривалъ, что нѣкоторыхъ изъ воздданныхъ имъ почестей не приняли бы воины-освободители Европы (1814), что они никакъ не согласились бы жить, пить, ѣсть, гулять, плясать, веселиться и молиться на счетъ какого бы то ни было богача, будь онъ хоть какой знаменитый вельможа, будь онъ хоть какой простой гражданинъ и Русскій человѣкъ по пре-

(5) Сличи письмо его къ кн. Вяземскому о Гоголѣ, Р. Арх. 1866 г. стр. 1088 г. *П. Б.*

имуществу.—Далѣе тоже говаривалъ Чаадаевъ, что ни одинъ знаменитый вождь того времени не дозволилъ бы никакому оратору торжественно и во всеуслышаніе произносить похвалы своей честности и безкорыстію на службѣ. То и другое, прибавлялъ Чаадаевъ съ грустной улыбкой, наши современники сочли бы оскорбленіемъ мундира, чтобы не сказать болѣе.

Чѣмъ глубже въ самомъ себѣ скорбѣлъ Чаадаевъ о войнѣ, тѣмъ животворнѣе была для него вѣсть о мирѣ. Любовь къ миру, отвращеніе отъ крови превозмогали въ немъ всѣ другія задушевныя его убѣжденія, потому что основою всѣхъ его убѣжденій была чистая христіанская любовь къ человѣчеству. Правда, онъ не сочувствовалъ древней Руси; но, въ глазахъ его, самой тяжкой виной Русской исторіи было введеніе крѣпостнаго состоянія въ то самое время, когда Русь достигла уже своего образованія какъ государство, въ то именно время, когда на Западѣ почти повсюду уничтожалось рабство. Нашему времени упрекалъ онъ тѣмъ, что, не смотря на полувѣковое стремленіе двухъ Государей и всѣхъ друзей добра и истины, не представляется еще, по его мнѣнію, рѣшительной возможности къ уничтоженію сего зла, не можетъ еще начаться святое дѣло освобожденія десяти милліоновъ, безъ страха потрясеній и потрясеній кровавыхъ (6). Невольно приходятъ тутъ мнѣ на память послѣдніе четыре стиха элегіи Пушкина: Деревня, написанной въ 1819 г. подъ названіемъ Уединеніе:

Увижу ли, друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію Царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Эти-то самые стихи, въ печать конечно не допущенные, особенно полюбились Императору Александру, и нашъ Чаадаевъ, списавъ своей рукой всю элегію, представилъ ее чрезъ своего генерала И. В. Васильчикова Государю, когда тотъ изъявилъ желаніе прочитать какіе-нибудь неизданные стихи молодаго поэта.

Вѣрный своему чувству ненависти къ крѣпостному праву и не способный къ простому практическому пониманію нашего неизбѣжнаго пока порядка вещей, который такъ неразрывно связывается съ отдѣльнымъ положеніемъ каждаго Русскаго, Чаадаевъ, чтобы не имѣть у себя въ зависимости крестьянъ, продалъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, свое довольно значительное Нижегородское имѣніе другому владѣльцу (по всей вѣроятности болѣе взыскательному, нежели онъ самъ) и тѣмъ совершенно успокоилъ свою совѣсть. Такъ поступали и поступаютъ многіе, и даже нѣкоторые явные эманципаторы, умывая себѣ руки въ этомъ вопросѣ и безсознательно отягощая тѣмъ судьбу своихъ крестьянъ, что не мѣшало и не мѣшаетъ имъ однако проповѣдывать, не взирая ни на какія препятствія, освобожденіе чужихъ. Слѣдствіемъ продажи имѣнія была для Чаадаева почти постоянная нужда въ деньгахъ, которымъ онъ не зналъ цѣны, а привычекъ комфорта умѣрять не умѣлъ. Тотъ же добрый человѣкъ (7), который за 44 года покровительствовалъ ему подъ Бородинымъ, помогъ ему выдти изъ затруднительнаго положенія передъ самой его кончиной.

Чаадаевъ имѣлъ постоянное предчувствіе и почти желаніе внезапной смерти. Онъ боялся холеры и не скрывалъ своей боязни, но боялся только потому, что конецъ холерою представлялся ему въ какомъ-то неприличномъ, отвратительномъ видѣ. „Малотого жить хорошо, надо и умереть пристойно", говаривалъ онъ мнѣ, и еще недѣли за двѣ или за три повторилъ

(6) Писано въ 1856 году. *П. Б.*

(7) Это былъ графъ А. А. Закревскій. *П. Б.*

тоже, прибавивъ: „Я чувствую, что скоро умру. Смертью моей удивлю я васъ всѣхъ. Вы о ней узнаете, когда я уже буду на столѣ.—“ Такое странное и страшное предвѣщаніе меня напугало (я же давно замѣчалъ въ немъ какое-то нравственное и умственное раздраженіе, и зналъ ему причину) такъ напугало, что я рѣшился спросить его: „Ужели вы Петръ Яковлевичъ, способны лишить себя?“....— Онъ не далъ мнѣ договорить, на лицѣ его выразилось негодованіе, и онъ отвѣчалъ: „Нисколько, а вы увидите сами, какъ это со мной будетъ.“ Послѣдними любимыми его мыслями были: радость о заключенномъ мирѣ, надежда на прогрессъ Россіи и вмѣстѣ опасеніе, наводимое на него противниками благодатнаго мира. Народная и религіозная нетерпимость извѣстныхъ мыслителей, какъ грозная тѣнь, преслѣдовала его всюду.

Весь постъ былъ онъ на ногахъ, бывалъ въ обществѣ и чаще всего въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ по обычаю обѣдывалъ, или у Шевалье. (У себя стола онъ не держалъ). Страстная недѣля разлучила съ нимъ его самыхъ близкихъ пріятелей. Клубъ съ страстной середы былъ закрытъ, домà самые короткіе, гдѣ бывало съ нимъ такъ часто встрѣчаешься, тоже. Къ концу страстной недѣли, какъ-то нечаянно узналъ я, что Чаадаевъ боленъ и серьезно, и въ тоже почти время узналъ, что онъ однако выѣзжаетъ. Послѣднее успокоило, какъ вдругъ въ страстную субботу, самымъ отдаленнымъ отъ него по разстоянію и ближайшимъ по сердцу пришла вѣсть, что онъ очень плохъ и что едвали застанутъ его въ живыхъ. Тѣ бросились и нашли мертвеца, спокойно, съ незакрытыми еще глазами, сидящаго въ креслѣ и какъ будто только что прекратившаго разговоръ. Такъ и въ самомъ дѣлѣ было. Чаадаевъ, еще наканунѣ, въ страстную пятницу, чувствовалъ себя не хорошо, но перемогъ себя и рѣшился поѣхать обѣдать у Шевалье (въ защиту отъ ультра-православныхъ повторимъ, что у него дома обѣда не бывало). Въ тотъ же день вечеромъ онъ пригласилъ къ себѣ приходскаго священника отъ Петра и Павла въ Новой Басманной. Съ этимъ, еще очень молодымъ и достойнымъ пастыремъ, онъ любилъ иногда побесѣдовать и довольно коротко сблизился, года тому за два. Чаадаевъ намѣревался говѣть великимъ постомъ; на шестой недѣли онъ былъ у священника и высказалъ рѣшеніе исполнить священнѣйшій долгъ на страстной недѣлѣ. Будучи теперь позванъ къ Петру Яковлевичу, священникъ озаботился взять съ собою Св. Дары. Чаадаевъ встрѣтилъ его словами о своей болѣзни. Священникъ сказалъ, что до сего дня онъ ожидалъ увидѣть П. Я-ча въ церкви и тревожился: не боленъ ли онъ; нынѣ же рѣшился и самъ навѣстить его и дóма предложить ему всеисцѣляющее врачевство, необходимое для всѣхъ. Всѣ мы, сказалъ онъ, истинно-больны и лишь мнимо-здоровы. Чаадаевъ сказалъ, что боится холеры и, главное, боится умереть отъ нея безъ покаянія; но что теперь онъ не готовъ исповѣдаться и причаститься, а желалъ бы принять св. Таинства на утро, еслибъ знать, что здѣсь ему еще оставалось утро. Священникъ его успокоилъ милосердіемъ Божіимъ. На другой день, въ великую субботу, послѣ обѣдни, священникъ поспѣшилъ къ больному. Чаадаевъ былъ гораздо слабѣе, но спокойнѣе, и ожидалъ святыню: исповѣдался и пріобщился Тайнамъ Христовымъ; удаляющемуся священнику сказалъ, что теперь онъ чувствуетъ себя совсѣмъ здоровымъ. Чаадаевъ собирался даже выѣхать, сталъ пить чай, разговаривалъ съ хозяиномъ своей квартиры о его процессѣ, по которому хлопоталъ за него у высшаго начальства, и, намѣреваясь выѣхать, приказалъ заложить пролетку. Разговоръ

между тѣмъ шелъ. Вдругъ голосъ Чаадаева сталъ слабѣть, слова сдѣлались и непонятны и неразборчивы. Потомъ послѣдовало молчаніе. „Что вы, Петръ Яковлевичь, что съ вами?“ спросилъ хозяинъ. Отвѣта не было. Чаадаевъ умеръ.

Предчувствія его сбылись! Желаніе сердца исполнилось! Безболѣзненна, непостыдна, мирнà была христіанская твоя кончина наканунѣ Свѣтлаго Праздника, за немного часовъ до перваго полуночнаго удара въ большой Кремлевскій колоколъ. Свѣтло, торжественно было твое погребеніе, оглашаемое вмѣсто надгробнаго пѣнія, побѣдной надъ смертью пѣснью и учащаемымъ привѣтствіемъ къ живымъ и къ мертвому: Христосъ Воскресе! Краткое у гроба слово, глубоко прочувствованное и отъ избытка сердца сказанное достойнымъ духовникомъ и началось и заключилось тѣмъ же привѣтствіемъ о Воскресшемъ Искупителѣ. И мы, друзья покойнаго, цѣлуя его послѣднимъ цѣлованіемъ, не столько со скорбью о смерти, сколько съ упованіемъ воскресенія, сказали ему наше послѣднее: Христосъ Воскресе!

Д. Свербеевъ.

27-го Апрѣля 1856-го года.
Москва.

Приписка. Не для прославленія, а по возможности въ оправданіе памяти человѣка по сердцу и убѣжденіямъ мнѣ близкаго, написаны эти немногія страницы для немногихъ читателей, написаны съ желаніемъ, чтобы хотя одинъ изъ часто поднимаемыхъ на него камней при жизни, выпалъ на земь изъ руки строгаго порицателя, чтобы по меньше было оскорбительныхъ слѣдовъ отъ такихъ камней на необросшей еще могилѣ.

Тотъ же Д. Свербеевъ.

1-го Мая 1856 года.
Калуга.

СЛОВО,

произнесенное у гроба Чаадаева духовникомъ его (*).

Если собраніе живыхъ вокругъ этого гроба на сей разъ и не имѣетъ нужды въ поученіи, или по крайней мѣрѣ можетъ обойтись безъ поученія, то не думаю, чтобы душа, которой внѣшняя храмина въ послѣдній разъ находится въ земномъ храмѣ, въ настоящія минуты была равнодушна и къ нашему слову и къ нашему безмолвію.

Почившій о Христѣ братъ, Христосъ Воскресе! Побѣда надъ смертію, и адъ въ плѣну: лѣствица къ небеси незыблемо утверждена, и двери царствія отверсты!

Вѣруемъ и не думаемъ, чтобы здѣсь были невѣрящіе, что ты, предъ смертью вкусившій Тѣла и Крови Христовыхъ, уже шествуешь по этой лѣствицѣ, какъ шествовалъ Ангелъ въ видѣніи патріарха Іакова. Сопровождаемъ тебя нашими молитвами, да вознесешься на самую верхнюю ступень, на которой Господь утверждашеся: Богъ Авраамовъ, Исааковъ, Іаковлевъ, не мертвыхъ Богъ, но Богъ живыхъ!

Тебя не привелъ Господь на землѣ съ нами торжествовать сію Пасху: да дастъ тебѣ Христосъ торжествовать Пасху вѣчную, спасительную, въ невечернемъ днѣ Царствія Его, въ сонмѣ первородныхъ, на небеси написанныхъ. Аминь.

18-го Апрѣля 1856 года.

(*) За дозволеніе напечатать это слово, мы обязаны профессору богословія въ Московскомъ университетѣ, отцу Н. А. Сергіевскому. *П. Б.*

КАВКАЗСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго (*).

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Каджорахъ (1), особенно-рельефное мѣсто занимаютъ два праздника широкихъ размѣровъ, истинно Кавказскіе, которые были устроены въ первое лѣто моего тамъ пребыванія. Праздники эти, безъ сомнѣнія, долго будутъ жить въ памяти Тифлисскаго большаго свѣта. Одинъ былъ данъ княземъ А. И Барятинскимъ Каджорскому обществу, а другой князьями Орбеліани князю А. И. Барятинскому.

Начну съ перваго. Прежде всего надобно замѣтить, что въ разстояніи верстъ 10 или 12-ти отъ Каджоръ лежитъ принадлежащее барону Николаю имѣніе „Бетанія". Въ этомъ имѣніи есть прекрасный (по крайней мѣрѣ по туземному) домъ, удовлетворяющій даже Европейскимъ требованіямъ. Обыкновенно самъ баронъ всегда проводилъ здѣсь лѣтнее время; но въ это лѣто онъ куда-то уѣзжалъ, и домъ оставался свободнымъ. Въ этомъ-то домѣ князь Александръ Ивановичь и предположилъ устроить праздникъ. Само собою разумѣется, что заблаговременно были отправлены туда люди различныхъ наименованій, обязанные пріуготовить все, чтò необходимо для того, чтобы праздникъ былъ роскошенъ и великолѣпенъ.

Въ назначенный день все общество собралось на дачѣ князя, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Тамъ же были сосредоточены всѣ экипажи и верховыя лошади, приготовленныя для дамъ и мужчинъ. У меня была верховая, довольно бѣшеная лошадь; но, чувствуя себя въ этотъ день не совсѣмъ здоровымъ, я уступилъ ее въ общее пользованіе, а самъ предпочелъ отправиться въ экипажѣ, для чего и взялъ у А. М. Фадѣева (2) его оригинальныя дрожки или лучше сказать огромныя дроги, на которыхъ обыкновенно усаживалось все его многочисленное семейство. Въ эти дроги были заложены дышломъ двѣ огромныя вороныя лошади, нѣкогда прекрасныя, но значительно уже устарѣвшія, изъ которыхъ одна даже была крива на одинъ глазъ. Это, повидимому, незначительное обстоятельство я привожу потому, оно что должно играть нѣкоторую роль въ приключеніяхъ того дня.

Послѣ завтрака все общество разсѣлось, кто въ экипажахъ, кто на верховыхъ лошадяхъ, и подъ предводительствомъ великолѣпнаго хозяина, на великолѣпномъ конѣ, тронулось въ путь. Кавалькада была огромная, и амазонокъ въ ней было едва ли не на половину. За нею тянулась нескончаемая цѣпь различныхъ экипажей, въ числѣ которыхъ мои замѣчательныя дроги вызывали тысячи остроумныхъ шутокъ и сравненій. Мнѣ было, однако, чрезвычайно покойно на нихъ и, при постоянныхъ остановкахъ экипажей на извилистой и неровной дорогѣ, многія дамы пересѣли изъ своихъ экипажей ко мнѣ на мои достославныя дроги, такъ что на нихъ скоро водворилось полное веселье. Возсѣдая на своихъ дрогахъ, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на почтеннаго и ученаго Н. В. Ханыкова, который часто появлялся у насъ на Кавказѣ и которому достался мой конь. Конь былъ очень игривъ, а Ханыковъ не былъ очень искусенъ въ верховой ѣздѣ. Отъ этого происходило взаимное ихъ мученье. Конь безпрерывно прыгалъ и вертѣлся, чтò составляетъ обыкновенную привычку Карабахскихъ лошадей и чтò нисколько не безпокоитъ туземныхъ ѣздоковъ. Между тѣмъ доволь-

(*) См. выше. стр. 475.

(1) Загородное мѣсто, въ 12 верстахъ отъ Тифлиса. Каджоры по отношенію къ Тифлису тоже, чтò по отношенію къ Петербургу Павловскъ, Парголово и т. п.

(2) Отецъ Фадѣева, военнаго писателя.

но тучный Ханыковъ хотѣлъ ѣхать тихо и спокойно, дергалъ лошадь, желая привести ее въ мирное положеніе, отчего она еще болѣе горячилась, заставляя его ежеминутно и небезопасно подпрыгивать на сѣдлѣ. При самомъ началѣ нашего путешествія, потъ уже катился съ него градомъ, и не трудно было угадать, что онъ проклинаетъ и лошадь, и жаркій день, и поѣздку, которая, вмѣсто удовольствія, надѣляетъ его мученіями чуждаго ему джигитства, въ заключеніе которыхъ предстоитъ удовольствіе сломить себѣ шею. Я съ безпокойствомъ ожидалъ этой катастрофы, но Ханыковъ убѣдилъ кого-то взять у него эту сумашедшую лошадь и весь красный и потный усѣлся въ какой-то экипажъ, постоянно отдуваясь, какъ послѣ весьма тяжелой работы...

Погода была великолѣпная, и самая поѣздка наша въ Бетанію была одною изъ лучшихъ частей въ общемъ планѣ праздника. Неровная дорога то поднималась на гору, то опускалась внизъ, то шла по долинѣ, то зарывалась въ дремучемъ лѣсу. Оканчивалась она длиннымъ (версты въ двѣ или три) и крутымъ спускомъ къ самой Бетаніи, такъ что дамы, помѣщенныя въ экипажахъ, безпрерывно вскрикивали, а многія выходили изъ экипажей и спускались пѣшкомъ. Съ окончаніемъ спуска мы увидали прекрасный домъ, а передъ домомъ, на открытомъ воздухѣ, убранные для обѣда столы, украшенные зеленью и обставленные лакеями въ бѣлыхъ галстухахъ, готовыми ринуться по первому знаку. Ожидательное ихъ состояніе продолжалось не долго. Все общество, исправивъ на скорую руку, по-кавказски, свои туалеты, разсѣлось за столами. Всеобщее настроеніе было восхитительное. Южное солнце, съ своими золотыми лучами, море зелени, сквозь которую проходили эти лучи, добрый аппетитъ, возбужденный поѣздкою, все это располагало къ удовольствію. Скоро надъ столами понесся веселый гулъ и говоръ, смѣшанный съ взрывами хохота, бряканьемъ тарелокъ, стакановъ и обычными возгласами: „алла верды!“ и „якши іолъ“ возгласами, знакомыми каждому, кто хоть не на долго заглядывалъ въ Кавказскій міръ.

Кто заглядывалъ въ этотъ міръ, тотъ не можетъ не знать, какую страшную силу заключаютъ въ себѣ эти два татарскія слова! Они образуютъ безконечную и крѣпкую цѣпь, изъ которой рѣшительно нѣтъ возможности никому выпутаться. Если вамъ сказали „алла верды,“ вы обязаны схватиться за стаканъ и сказавши „якши іолъ“ выпить столько, сколько выпилъ адресовавшій къ вамъ „алла верды“; въ тоже время вы обязаны адресовать свое „алла верды“ кому хотите и опять пить... Едва вы отбились такимъ образомъ отъ одного „алла верды“, какъ на васъ несется съ другаго конца другое „алла верды“, а иногда два, три разомъ... Словомъ, человѣку, попавшему такъ сказать, въ этотъ передѣлъ, остаться совершенно цѣлымъ рѣшительно невозможно. Притомъ надо замѣтить, что цѣпь эта живетъ и ведетъ свою перестрѣлку совершенно независимо отъ распоряженія главнаго двигателя пира, хозяина или нарочно избраннаго „толумбаша“, который своимъ порядкомъ объявляетъ то или другое повелѣніе, подлежащее общему и одновременному исполненію...

Всѣхъ подробностей праздника я исчислять не буду, потому собственно, что не могу и припомнить ихъ. Помню только, что праздникъ продолжался не долго... Послѣ обѣда предъ домомъ разостланы были ковры, разставлены кресла и стулья, на которыхъ кругомъ и расположилось все общество. Въ средину этого круга вошли мы съ А. А. Харитоновымъ, со всѣми пріемами сценическихъ пѣвцовъ, съ нотами въ рукахъ, торжественно раскла-

нялись и исполнили какой-то дуетъ. Потомъ сформировался хоръ, который въ обстановкѣ, нисколько, не напоминавшей настоящую Россію, самымъ энергическимъ образомъ исполнялъ однако пѣсни чисто-великороссійскаго содержанія. Дѣло шло такъ хорошо, что нѣкоторые изъ Грузинъ и Армянъ усердно присоединяли свои голоса къ хору, хотя быть можетъ не совсѣмъ хорошо понимали, о чемъ тутъ шло дѣло. Я помню очень живо умную и почтенную физіономію знаменитаго князя Василія Осиповича Бебутова, который постоянно стоялъ подлѣ меня, пристально смотрѣлъ на меня, какъ на дирижера и старческимъ басомъ старался выразить свое посильное участіе въ Русской пѣснѣ. Одна изъ нихъ, вѣроятно много разъ слышанная имъ во время походовъ отъ Русскихъ солдатъ, именно: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ" доставляла ему особенное наслажденіе, такъ что по настоятельному его желанію надо было повторять ее нѣсколько разъ.

Хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ кстати, но я позволяю себѣ остановиться мимоходомъ на этой замѣчательной личности. Имя князя Василія Осиповича Бебутова, столь громкое на Кавказѣ, имѣетъ значительную извѣстность и въ Россіи. Извѣстно, что предъ наступленіемъ Восточной войны онъ былъ вызванъ въ Петербургъ съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать его, въ случаѣ надобности, главнымъ дѣятелемъ по защитѣ нашихъ Кавказскихъ владѣній: полагали, что ему, какъ туземцу и туземцу умному, ближе извѣстны и духъ народа и разнообразныя условія обороны. Князь Бебутовъ произвелъ въ Петербургѣ прекрасное впечатлѣніе своимъ умомъ, любезностію и особенно тѣми немножко устарѣвшими манерами, которыхъ онъ держался, не зная, быть можетъ, что онѣ уже устарѣли. Такъ напр: когда онъ игралъ во дворцѣ въ вистъ, то при первоначальной сдачѣ картъ, каждому кланялся и говорилъ: „желаю веселиться" или „желаю счастья" и дѣлалъ это такъ хорошо, что всѣмъ нравилось. Когда война загорѣлась, князь Бебутовъ сталъ во главѣ дѣйствовавшаго на Кавказско-Турецкой границѣ корпуса и совершилъ великія дѣла, которыя возвысили его славу. По окончаніи войны онъ обратился къ мирнымъ своимъ занятіямъ, по званію Начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ и Предсѣдателя Совѣта Намѣстника. По закону, значеніе и предѣлы власти Начальника гражданскаго управленія были довольно значительны, но на самомъ дѣлѣ они были очень урѣзаны. Начало этому ограниченію положено было, кажется, еще княземъ Воронцовымъ. Князь А. И. Барятинскій довершилъ его, сосредоточивъ рѣшительно всѣ дѣла въ своей Канцеляріи, такъ что въ моментъ моего пріѣзда на Кавказъ князь Бебутовъ, хотя носилъ еще это званіе, но не исполнялъ уже никакихъ обязанностей, съ нимъ связанныхъ и удерживалъ за собою единственно почетную должность Предсѣдателя Совѣта Намѣстника. Князь Бебутовъ во многихъ отношеніяхъ былъ человѣкъ истинно обольстительный. Умный, любезный, добрый, ласковый, онъ рѣшительно очаровывалъ всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Мое знакомство съ нимъ исполнено было самыхъ пріятнѣйшихъ для меня впечатлѣній, и я искренно полюбилъ его, какъ человѣка умнаго въ дѣловомъ значеніи и пріятнѣйшаго въ частномъ быту.

На Кавказѣ существовало, да кажется и теперь существуетъ, такъ называемое Особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, образуемое изъ нѣсколькихъ высшихъ лицъ гражданскаго управленія подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта. Съ моею должностью связана была, по самому уставу, обязанность быть членомъ этого присутствія и имѣть высшій надзоръ за его дѣлопроизводствомъ.

Понятно, что въ этомъ положеніи я имѣлъ постоянныя дѣловыя сношенія съ княземъ Бебутовымъ, которыя и дали мнѣ полную возможность видѣть и его свѣтлый умъ и его гражданскую опытность. Въ частномъ быту сближеніе это было еще сильнѣе: въ тоже лѣто 1857 года, случилось такъ, что мы поселились въ Каджорахъ на одной дачѣ: онъ занималъ большой домъ, а я жилъ въ одномъ изъ флигелей, такъ что свиданія наши были ежедневны, и большую часть вечеровъ я проводилъ у него. У князя была манера: съ людьми, которыхъ онъ любилъ, переходить скоро на дружеское „ты.“ Точно такъ и мнѣ онъ говорилъ „ты“, хотя само собою разумѣется, что я, изъ уваженія къ его лѣтамъ, славѣ и заслугамъ, держался на почтительномъ „Вы.“

Къ сожалѣнію, въ то время, когда князь Бебутовъ въ Бетаніи пѣлъ со мною пѣсни, дни его были уже сочтены, хотя ни для кого это не было замѣтно. На одномъ изъ обѣдовъ у Князя Намѣстника въ Каджорахъ, съ княземъ Бебутовымъ сдѣлалась рвота и какое-то стѣсненіе въ горлѣ. Припадокъ этотъ впрочемъ не обратилъ ничьего вниманія, потому что князь на другой день выходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало и не чувствовалъ ничего особеннаго. Скоро послѣ этого я уѣхалъ изъ Каджоръ въ Тифлисъ, а потомъ въ Баку для встрѣчи моего семейства, а когда возвратился въ Тифлисъ, то нашелъ уже князя Бебутова очень больнымъ. Мнѣ разсказали, что припадки съ горломъ повторяются въ большей силѣ и что на выздоровленіе почти нѣтъ надежды. Болѣзнь его длилась, впрочемъ, довольно долго; а между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ, погруженный въ различныя гражданскія преобразованія, имѣлъ большую надобность для своихъ видовъ очистить мѣсто Предсѣдателя Совѣта; а потому поѣхалъ къ нему, объяснилъ свои виды и предложилъ ему званіе Члена Государственнаго Совѣта. Князь Бебутовъ, разумѣется, на все согласился, и моимъ перомъ написано было представленіе о зачисленіи его въ Государственный Совѣтъ съ сохраненіемъ того содержанія, какое онъ дотолѣ получалъ.

Князь Александръ Ивановичъ положительно требовалъ, чтобы, для отвращенія всякихъ возраженій, въ этомъ представленіи было выражено, что князь Бебутовъ никакъ не можетъ прожить болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и что правительство, поэтому, не будетъ обременено его содержаніемъ. Какъ я ни доказывалъ, что такое изъясненіе вообще неудобно, что за достовѣрность его ручаться нельзя и что наконецъ, сдѣлавшись какъ нибудь извѣстнымъ самому князю Бебутову, оно дѣйствительно можетъ, прежде срока, отправить его въ могилу, Князь остался при своемъ, и представленіе пошло съ этимъ оригинальнымъ объясненіемъ.

Но я не знаю, когда бы подобная увѣренность Князя въ чемъ бы то ни было обманывала его. У насъ на Кавказѣ существовало убѣжденіе, будто, еще только отправляясь въ походъ противъ Шамиля, Князь заявилъ Государю, что онъ пришлетъ Шамиля въ Петербургъ съ Трамповкимъ (*) и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же будто бы выпросилъ Трамповскому и награду за это доставленіе, когда оно состоится. Такъ точно было и здѣсь: когда получено было Высочайшее соизволеніе на представленіе Князя-Намѣстника, князь Бебутовъ мучительно переживалъ послѣдніе дни. Почти передъ самой кончиной онъ потребовалъ меня къ себѣ и съ трудомъ, прерывающимся голосомъ, передалъ мнѣ нѣкоторыя предсмертныя просьбы относительно его семейства, для представленія Князю. Получивъ согласіе на нихъ Князя, я имѣлъ еще высокую, хотя печаль-

(*) Генералъ, состоявшій при Князѣ.

ную честь лично передать умирающему князю Бебутову это извѣстіе. Онъ обнялъ меня холодѣющими руками и сказалъ: „теперь умру спокойно.“ Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ скончался.

Похороны князя Бебутова были великолѣпны, по туземному. День былъ восхитительный; было нѣсколько жарко; волны народа запрудили улицы; всѣ крыши были также покрыты ими. Всѣ чины, гражданскіе и военные, въ парадной формѣ, присутствовали тутъ; ихъ золотые мундиры перемѣшивались съ торжественнымъ одѣяніемъ многочисленнаго духовенства. Когда гробъ вынесли изъ дома, то народъ не допустилъ поставить его на приготовленную колесницу и несъ его на рукахъ до церкви, а потомъ оттуда до кладбища. Странно было видѣть огромныя массы народа, отбивающія другъ у друга честь нести усопшаго князя, и поверхъ этихъ массъ качающійся гробъ, а въ немъ открытое, умное, съ большимъ носомъ, лицо покойника, освѣщенное яркимъ солнцемъ и какъ бы смотрящее на небо....

Однако, по пословицѣ, „началъ за здравіе, а свелъ на упокой“, я совсѣмъ ушелъ съ праздника, о которомъ повелъ рѣчь.

Увы! Этому празднику нанесены были два гибельные удара. Начать съ того, что предъ наступленіемъ вечера, дождь, сначала едва замѣтный, сталъ постепенно усиливаться и загонять все общество въ залы дома. Обстоятельство это, конечно, вовсе неожиданное, значительно повредило празднику, расчитанному именно на наслажденіи открытымъ воздухомъ; никому однако не приходило въ голову, по крайней мѣрѣ изъ мужчинъ, отступать предъ этимъ препятствіемъ, и большинство торжественно заявляло, что веселіе будетъ продолжаться въ комнатахъ дома. Но на бѣду какой-то барынѣ, изъ наиболѣе знатныхъ, вздумалось покапризничать вслѣдствіе какого-то совершенно ничтожнаго повода, и она объявила рѣшимость ѣхать. Всеобщія убѣжденія остаться и не разрушать праздника, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не повели ни къ чему. Кончено! Всѣ другія барыни сочли долгомъ тоже ѣхать тотчасъ, уже нисколько не разбирая: для чего и почему? Мгновенно все стало укутываться и собираться. Пьяные кучера, нисколько не предвидя, что ихъ такъ скоро потревожатъ, стали подавать мокрые экипажи къ подъѣзду, подъ проливнымъ дождемъ; при чемъ не обошлось безъ происшествія. Кучеръ князя А. И. Барятинскаго ударилъ какую-то изъ своихъ лошадей; та ударила его и переломила ему ногу. Разумѣется, суматоха усилилась. Кучера сняли и отдали въ распоряженіе докторовъ, въ составѣ общества находившихся. Всѣ амазонки, такъ храбро и изящно ѣхавшія на своихъ коняхъ до Бетаніи, размѣстились кое-какъ въ экипажи, справедливо находя, что подъ дождемъ и въ грязи никакое изящество уже невозможно и вмѣсто ловкой наѣздницы можно обратиться въ мокрую курицу.

При этомъ размѣщеніи мои необъятныя дроги выказали со славою все свое вмѣстительное достоинство: на нихъ насѣлось множество разныхъ личностей. Я съ гордостью стоялъ подлѣ дрогъ и самодовольно, какъ при входѣ въ циркъ какой нибудь, приглашалъ желающихъ умѣщаться. Кучеръ мой, тоже подвыпившій, нѣсколько разъ оборачивался, чтобъ взглянуть на населеніе его владѣній и сомнительно покачивалъ головою; но я былъ глубоко убѣжденъ, что все пойдетъ отлично, ибо видѣлъ предъ собою двухъ огромныхъ лошадей, въ которыхъ естественно предполагалъ огромную силу и въ тоже время зналъ хорошо, что мои дроги чужды той безполезной роскоши въ видѣ рессоръ

и т. п., которая, доставляя нѣкоторыя удобства сѣдокамъ, страшно увеличиваетъ тяжесть экипажа и можетъ быть умѣстна только на шоссейныхъ дорогахъ, а не на тѣхъ естественныхъ, первобытныхъ путяхъ, гдѣ двѣ-три пары буйволовъ съ трудомъ тащатъ простую арбу, со скрипомъ, гиканьемъ и безпрерывнымъ хлопаньемъ необъятно-длиннаго бича.

Когда дроги достаточно наполнились, мы торжественно двинулись вслѣдъ другимъ экипажамъ, которые не требовали столь хлопотливаго наполненія ихъ и потому скорѣе нашего отправились въ путь. Едва мы сдѣлали поворотъ, ведущій отъ дому на дорогу, которая шла въ гору, именно въ ту гору, съ которой мы такъ весело спускались и которая теперь представляла массу черноземной густой грязи, предъ нами открылось тотчасъ печальное зрѣлище: почти всѣ экипажи, двинувшіеся впередъ насъ, стояли на этой горѣ, на различныхъ точкахъ, одни выше, другіе ниже. Всѣ эти экипажи окружены были толпами казаковъ и лакеевъ, изъ среды которыхъ безпрерывно подымались совѣты перепречь рыжую, ударить дышловую, взять налѣво, повернуть направо. Среди этихъ разнородныхъ совѣтовъ слышались иногда женскіе визги, выходившіе изъ экипажей. Мои дроги, естественно, тоже должны были остановиться, потому что объѣхать экипажи, остановившіеся впереди, не было никакой возможности: до такой степени дорога, обставленная то лѣсомъ, то обрывами, была узка. Я обходилъ эти остановившіеся экипажи, присоединялъ мои совѣты къ разнороднымъ совѣтамъ, кругомъ ихъ раздававшимся и самоувѣренно предлагалъ дамамъ, ради несомнѣннаго спокойствія, перемѣститься въ мои дроги, хотя бы для этого пришлось нѣсколько потѣсниться, на что нѣкоторыя охотно соглашались и были переносимы на рукахъ казаками.

Трудно передать молодечество и расторопность этихъ дивныхъ людей—Кавказскихъ казаковъ! Въ этотъ день они безспорно пріумножили свою славу на сто процентовъ, хотя подвиги ихъ не имѣли въ себѣ ничего воинственнаго и не занесены въ ихъ формулярные и другіе списки. Безъ преувеличенія можно сказать, что обратное переселеніе наше изъ Бетаніи въ Каджоры матеріально совершено ими. Начать съ того, что всѣ засѣвшіе на горѣ экипажи они вынесли почти на своихъ рукахъ на болѣе ровную дорогу и потомъ умѣли такъ распредѣлиться, что у каждаго экипажа былъ свой конвой, который и выручалъ его изо всѣхъ засадъ и приключеній. Однимъ словомъ, куда ни повернешься, куда ни взглянешь—вездѣ казаки, готовые помогать вамъ и исполнять всѣ ваши желанія и приказанія.

Когда передніе экипажи тронулись, предстояло тронуться и моимъ знаменитымъ дрогамъ, наполненнымъ уже до крайней возможности. Надо замѣтить, что, обозрѣвая впереди дорогу, шествуя для этого почти по колѣно въ грязи и присутствуя при бѣдствіяхъ другихъ экипажей, я не могъ не поддаться чувству нѣкотораго безпокойства за благополучное движеніе и моего экипажа, въ особенности за успѣшное одолѣніе имъ страшной горы. Сначала дроги двинулись бодро и возвеселили было мой начинавшій падать духъ; но увы! скоро и они очутились въ томъ же бѣдственномъ положеніи, которые испытали другіе предшествующіе экипажи. Лошади остановились и не только не шли впередъ, но пятились назадъ, оттягиваемыя страшною тяжестью, помѣщенною на дрогахъ. Какъ во время кораблекрушенія, мгновенно наступило общее замѣшательство, усилившееся тѣмъ, что на одной сторонѣ дороги находился крутой обрывъ, заросшій деревьями, куда именно и направля-

лись пятившіяся дроги. „Стой! держи! куда?“ раздалось вдругъ на разные голоса, и эти возгласы покрывались визгами испуганныхъ дамъ, изъ которыхъ многія стали выскакивать въ своихъ нарядныхъ платьяхъ прямо на дорогу въ глубокую грязь. Однимъ словомъ, наступило страшное смятеніе! На бѣду кривая лошадь, которая преимущественно и начала портить дѣло, не могла видѣть находившагося съ ея боку обрыва и, продолжая пятиться, вдругъ повалилась въ него, увлекая съ собою другую лошадь и самыя дроги! Все это полетѣло бы, конечно, въ самую глубь обрыва, если бы не деревья, которыми онъ заросъ и которыя, задержавъ дальнѣйшее паденіе, образовали изъ лошадей и громадныхъ дрогъ самое хаотическое зрѣлище! Распутывать всю эту путаницу простыми средствами не было никакой возможности, и потому налетѣвшіе казаки мгновенно начали рубить и сбрую и части экипажа своими огромными кинжалами съ цѣлію только спасти лошадей, которыя могли задохнуться или покатиться дальше въ кручь.

Но въ то время, когда казаки работали съ экипажемъ, у меня были страшнѣйшія хлопоты съ дамами. На мнѣ лежала, такъ сказать, нравственная обязанность улучшить, всѣми мѣрами, ихъ затруднительное положеніе, въ которое нѣкоторымъ образомъ я же ихъ увлекъ, выхваляя достоинства моего экипажа. Поливаемыя дождемъ, онѣ стояли въ глубокой грязи. На мое счастье въ этотъ моментъ проѣзжалъ мимо насъ камердинеръ князя А. И. Барятинскаго, обвѣшанный со всѣхъ сторонъ разными узлами. Я началъ съ того, что отобралъ отъ него эти узлы и разнороднымъ бѣльемъ, въ нихъ находившимся, укрылъ по возможности дамъ отъ дождя, нещадно разрушавшаго ихъ шляпы и разные головные уборы; за тѣмъ тому же камердинеру поручилъ скакать куда знаетъ и высылать намъ экипажи и верховыхъ лошадей, тоже откуда онъ знаетъ.

Между тѣмъ, объятые ночью, мы перехватывали на пути все чтó намъ попадалось по части перевозочныхъ средствъ, и добыча эта была значительна, потому что вслѣдъ за нами тянулись отставшіе гости и цѣлые полки прислуги. Я даже не помню, дождались ли мы того, какъ и чѣмъ распорядился камердинеръ; помню только, что наиболѣе щепетильныхъ дамъ удалось помѣстить кое-какъ въ мимо проходившіе экипажи; остальныя дамы, преимущественно туземки, по предложенію прелестной, умной и рѣшительной княгини Сумбатовой, выразили желаніе ѣхать верхомъ. Въ верховыхъ лошадяхъ на Кавказѣ никогда и нигдѣ недостатка нѣтъ. Начать съ того, что мы отобрали лошадей у казаковъ, возившихся съ нашимъ бѣдствующимъ экипажемъ; потомъ мы останавливали всѣхъ, кто ѣхалъ мимо и отбирали тоже лошадей. Кавалькада составилась великолѣпная по своей оригинальности. Впереди шло нѣсколько казаковъ съ факелами, освѣщая дорогу; другіе казаки вели лошадей, на которыхъ помѣщались не очень храбрыя дамы; все это заключалось значительнымъ отрядомъ мужчинъ. Оригинальная процессія эта останавливалась у каждаго духана, лежащаго на дорогѣ. Удивленный, ошеломленный духанщикъ начиналъ метаться во всѣ стороны, выносилъ намъ лучшее кахетинское вино, а иногда и шампанское, если таковое находилось. Такимъ образомъ возвращеніе наше, имѣвшее столь печальное начало, въ своемъ продолженіи отличалось своеобразною прелестью. Въ глубокую полночь, промоченные до костей, мы добрались до Каджоръ и разстались въ смутномъ ожиданіи на другой день насморковъ, кашлей, флюсовъ, лихорадокъ и вообще простудныхъ болѣзней всякаго рода, ко-

торыя имѣли здѣсь удобный случай и вполнѣ законное право проявить все свое отвратительное могущество. Ничего однако не было, и ясное утро нашло всѣхъ здравыми, невредимыми и полными веселыхъ воспоминаній. Одни только искалеченныя дроги, приволоченныя на другой день буйволами, представляли печальную картину.—

Другой праздникъ, князей Орбеліани, представлялъ много другихъ оттѣнковъ. И здѣсь тоже необходимо предварительно замѣтить, что верстахъ въ тридцати отъ Каджоръ находилось родовое Орбеліановское имѣніе „Вышловани.“ Кому изъ трехъ братьевъ князей Орбеліани собственно оно принадлежало, я ужъ не знаю; помню только, что въ устройствѣ праздника соединились всѣ, хотя знаменитый князь „Мамука“, этотъ идеалъ туземныхъ джигитовъ, по видимому былъ главнымъ распорядителемъ.

Задолго до праздника, князья Орбеліани объѣзжали всѣ Каджорскіе домá и дѣлали формальныя приглашенія. Такъ точно они были и у меня. Я чувствовалъ тогда себя очень дурно и въ самой вѣжливой формѣ старался уклониться отъ приглашенія; но эти почтенные люди, по своимъ Грузинскимъ патріархальнымъ обычаямъ, осадили меня такими настоятельными и въ тоже время милѣйшими просьбами, что я вынужденъ былъ дать слово явиться на мѣсто, если только не умру.

При отъѣздѣ въ назначенный день въ Вышловани повторились почти всѣ тѣже распоряженія, какъ и при отъѣздѣ въ Бетанію. Точно также одни ѣхали въ экипажахъ, другіе верхомъ. День былъ такой же восхитительный, только болѣе жаркій. Надо замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ пускались въ дѣло всѣ экипажи князя А. И. Барятинскаго, которые и были предлагаемы въ пользованіе особенно почетныхъ или особенно приближенныхъ лицъ. Верхомъ ѣхать я по прежнему не могъ; обращаться къ дрогамъ, такъ коварно измѣнившимъ мнѣ, я не хотѣлъ: и потому, когда за завтракомъ, предшествовавшимъ отъѣзду, Князь спросилъ меня: какъ я ѣду?... Я отвѣчалъ: „въ экипажахъ Намѣстника.“ Княгиня Марья Ивановна Орбеліани, эта блестящая звѣзда Грузіи, такъ рановременно потухшая, сказала: „Поѣзжайте въ моей коляскѣ, я туда ѣду верхомъ, а оттуда вмѣстѣ возвратимся“. Собственно говоря, коляска, которую княгиня называла „своею“, была тоже коляска Князя, но имѣя въ его безсемейномъ домѣ, при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, нѣкоторый видъ хозяйки, она пользовалась его экипажами и одну изъ колясокъ привыкла называть своею. Именно въ этой коляскѣ, запряженной прекрасной четверней, я летѣлъ вслѣдъ за кавалькадой, предводительствуемой по прежнему Княземъ и окруженной, какъ тучей комаровъ, молодцами-линейцами.

Путь былъ длиненъ и продолжителенъ, а потому и утомителенъ. Почти по всему протяженію дороги разставлены были Орбеліановскіе вѣстовые или курьеры, которые, завидѣвъ насъ, срывались, какъ безумные, съ мѣста, съ быстротою пули летѣли назадъ и мгновенно исчезали изъ нашихъ глазъ. За нѣсколько верстъ отъ имѣнія, вѣроятно на границѣ его, насъ встрѣтили сами князья Орбеліани верхами, съ огромною свитою.

Скоро представился нашимъ взорамъ большой Грузинскій домъ, окруженный множествомъ сакель, но лишенный всякой зелени, которая обыкновенно окружаетъ домá Русскихъ помѣщиковъ. Движеніе наше направлено было къ этому дому, гдѣ, казалось, и будетъ самый праздникъ. На дѣлѣ оказалось не такъ. Въ этомъ домѣ совершился только, по Грузинскимъ обычаямъ, церемоніальный пріемъ хозяевами гостей, а за тѣмъ бы-

ло объявлено, что тотчасъ надо отправляться въ садъ, отстоящій отъ дома еще на нѣсколько верстъ, гдѣ и приготовленъ обѣдъ. При этомъ случаѣ, однако, амазонки, большею частію побросали своихъ верховыхъ лошадей и наполнили всѣ свободныя мѣста въ экипажахъ. Я набилъ свою коляску до-нельзя дамами и самъ помѣстился на козлахъ.

Переѣздъ уже былъ незначителенъ, версты три-четыре, и мы скоро очутились въ роскошнѣйшемъ Грузинскомъ саду, обхватившемъ насъ со всѣхъ сторонъ моремъ зелени. Виноградныя аллеи заставлены были столами, роскошно убранными; по концамъ этихъ аллей били фонтаны, бросавшіе свои струи въ обширные бассейны; яркое солнце, пробиваясь сквозь зелень, рисовало на свѣтлыхъ, чистыхъ скатертяхъ затѣйливые узоры. Все дышало невообразимою прелестью. Туземные „нукерà" смѣшивались съ нашими фрачными лакеями въ бѣлыхъ галстукахъ; такое же смѣшеніе представляло и самое общество гостей: какой-нибудь франтъ изъ нашихъ увивался около Грузинки, въ ея туземномъ нарядѣ, съ длинными заплетенными косами; подлѣ нашей барыни, у которой съ необъятнаго кринолина влачился еще болѣе необъятный шлейфъ, шелъ Грузинъ въ чухѣ, увѣшанный оружіемъ и сіяющій позументами. Полковая музыка ожидала только знака; знаменитый Сатаръ....

„Кто такой Сатаръ?" быть можетъ спросятъ меня. Помилуйте! какъ можно не знать, кто Сатаръ! Сатаръ—неподражаемый соловей тѣхъ странъ. Выше его нѣтъ пѣвца не только на Кавказѣ, но и во всемъ Персидскомъ царствѣ, снабдившемъ своими пѣснями нашу Грузію. Сатаръ, это Рубини Востока, и слава его, какъ меня увѣряли, гремитъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Дѣйствительно, въ пѣніи этого Персіанина если мало было, особенно для непривычнаго слуха, пріятнаго, то удивительнаго, просто-непостижимаго была бездна. Общій характеръ этого пѣнія былъ таковъ, что оно начиналось тихо, слабо, сдержанно и потомъ постепенно усиливалось, разгоралось и достигало самыхъ высокихъ и самыхъ звучныхъ нотъ. Что эти ноты не дешево доставались Сатару и его подражателямъ, можно судить по тому, что въ самой эфектной, энергической части своего пѣнія, они всегда закрывали себѣ лицо бубномъ, тарелкой или чѣмъ-нибудь другимъ: оглушительные крики, которые они издавали, не могли не безобразить ихъ физіономіи, заставляя ее кривляться и принимать различныя, большею частію, отвратительныя формы. Удивительное состояло въ томъ, что пѣвецъ могъ тянуть звукъ нескончаемымъ образомъ, производя всевозможныя варіаціи, и когда вамъ кажется, что звукъ этотъ, по законамъ дыханія, долженъ прерваться, онъ съ новою силою взовьется вверхъ, потомъ упадетъ, потомъ опять взовьется, и такъ безъ конца. Когда сформировалась въ Тифлисѣ Италіанская опера, я часто подводилъ Италіанскихъ артистовъ къ Сатару и другимъ туземнымъ пѣвцамъ и спрашивалъ ихъ отзывовъ объ этомъ своеобразномъ искусствѣ. „C'est étonant! Mais on n'y peut rien comprendre!" (*) отвѣчали они. Звуки этого пѣнія до такой степени изломаны, такъ сказать, что и по моему мнѣнію, они совершенно не подчиняются законамъ нашей Европейской музыки, что̀ доказывается тѣмъ, что внѣ Кавказа мы вовсе не слышимъ такой музыки. Одинъ только мотивъ ея, представляя пріятную мелодію, способенъ къ уловленію въ обще-музыкальныя формы, это именно тотъ мотивъ, на который, въ Русланѣ и Людмиллѣ Глинки, поетъ жен-

(*) Удивительно! Но тутъ ничего нельзя понять.

скій хоръ въ чертогахъ волшебницы, мотивъ страдальческій, щемящій за сердце, какъ и все вообще Персидское пѣніе. Тотъ же мотивъ, но только въ болѣе оживленномъ видѣ, положенъ Штраусомъ въ основаніе такъ называемаго Персидскаго марша, который производилъ много эффекта въ средѣ Павловской публики, а потомъ перешелъ и въ полковые наши хоры.

Сатаръ сидѣлъ, по обычаю, на коврѣ, поджавши ноги, въ компаніи различныхъ туземныхъ музыкантовъ, составлявшихъ обыкновенно акомпаниментъ его пѣнію, пріятно улыбался и тоже выжидалъ момента, когда дадутъ просторъ страннымъ, но поразительнымъ звукамъ его непонятнаго голоса. Общее настроеніе было тоже, какъ и въ Бетаніи, восхитительное. Да, другаго настроенія кажется и не существуетъ на Кавказѣ. Одна природа, свѣтлая, радостная, въ состояніи изгнать изъ сердца каждаго все скучное, нехорошее, мрачное. Но къ этому присоединяется еще то безпримѣрное, чистосердечное до наивности, радушіе Грузинъ, предъ которымъ никакой мизантропъ не устоитъ. Тамъ, гдѣ нужно подраться съ врагомъ или покутить съ другомъ, тамъ, гдѣ нужна отчаянная храбрость или беззавѣтное разгулье, нѣтъ въ мірѣ людей, подобныхъ Грузинамъ...

Скоро всѣ усѣлись за столы, и пиръ закипѣлъ. Музыка гремѣла вальсы и польки; Сатаръ заливался въ своихъ треляхъ; кахетинское пошло въ ходъ въ кулахъ и озарпешахъ... Надо замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ князь А. И. Барятинскій держалъ себя превосходно: не смотря на величіе, которое его окружало, онъ не только никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, напротивъ, любилъ видѣть общій разгаръ веселья. На лицѣ его появлялась какая-то одобряющая улыбка, которую каждому было пріятно встрѣтить и которая какъ будто говорила: „ничего, веселись!“ Обѣдъ скоро принялъ гомерическій видъ; радушные хозяева постоянно стояли надъ каждымъ съ кулами и озарпешами, выдумывая непрерывно тосты и различные предлоги, чтобы заставить пить. „Алла верды и якши іолъ“ гремѣли на всѣхъ концахъ неустанно....

Послѣ обѣда началась лезгинка, почти неизбѣжная во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Дѣло это совершается такимъ образомъ. Все общество образуетъ одинъ кругъ, въ средину котораго врывается мужчина или дама, а иногда и мужчина и дама вмѣстѣ и танцуютъ бѣшеную лезгинку. Оканчивающій свой танецъ, посреди рукоплесканій, обращается непремѣнно къ кому нибудь изъ присутствовавшихъ и приглашаетъ его выступить, въ свою очередь, на арену. Отъ этой повинности освобождался одинъ только „Сардарь“ (*); за тѣмъ рѣшительно не было пощады никому: никакія возраженія и объясненія не принимались въ уваженіе; не обращалось вниманіе ни на званіе, ни на лѣта, ни на искусство по этой части. Самые важные и почтенные люди, а въ томъ числѣ кроткій, солидный, ученый М—ъ, зная, что никакія словопренія не помогутъ, хладнокровно шли на арену и обходили ее кругомъ, что не только считалось достаточнымъ, но по обычаю покрывалось шумными рукоплесканіями. Но я не буду исчислять всѣхъ подробностей этого праздника; достаточно сказать, что веселье постоянно возрастало и достигло степени, для многихъ гибельной!...

Съ наступленіемъ вечера мы опять размѣстились въ экипажахъ и помчались къ дому, который горѣлъ множествомъ огней и издали походилъ на огромный фонарь. Первый, котораго я встрѣтилъ при входѣ въ освѣщенную залу, былъ князь Александръ Ивановичъ. Князь весело подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „Вы не знаете,

(*) Т. е. Князь-Намѣстникъ Кавказскій.

сколько у насъ мертвыхъ тѣлъ?“ Сначала я не понялъ этого вопроса, но потомъ оказалось, что значительная часть молодежи была въ такомъ положеніи, что никакими средствами нельзя было ни собрать ее при возвращеніи изъ сада, ни разбудить тѣхъ, кого находили. Одинъ спалъ гдѣ нибудь въ кручѣ; другой въ какой нибудь чащѣ, кто-то ухитрился помѣститься, какъ птица, на древесныхъ вѣтвяхъ. Этихъ-то неотысканныхъ и оставшихся на мѣстѣ господъ Князь и называлъ „мертвыми тѣлами“.

Когда значительно разбитыя остатки общества собрались въ домъ, составились партіи преферанса, виста и т. п. Впрочемъ остатокъ вечера, не смотря на любезныя старанія хозяевъ, шелъ довольно вяло въ слѣдствіе общаго утомленія. Скоро всѣ разошлись по отведеннымъ для каждаго ночлегамъ.

Именно здѣсь за картами, я познакомился впервыя съ Мирзоевымъ, личностью не только въ высшей степени замѣчательною, о которой съ самаго пріѣзда на Кавказъ я слышалъ постоянные и разнородные разсказы, но почти не вѣроятною. Мирзоевъ былъ нѣчто въ родѣ Тифлисскаго Монте-кристо. Относительно обогащенія его разсказывали, что оно совершилось преимущественно поставкою спирта для Кавказскихъ войскъ. Въ заключеніе расчетовъ, которыми опредѣляли выгоды его отъ этой операціи, всѣ утверждали, что онъ нажилъ милліоны. Но не въ томъ дѣло, что онъ былъ богатъ, мало-ли кто богатъ? а въ томъ, какъ онъ распоряжался этимъ богатствомъ, и эту-то баснословную сторону я считаю нужнымъ обрисовать здѣсь по возможности. Начну съ отношеній его къ туземному управленію. Когда какое нибудь дѣло не двигалось, какая нибудь оброчная статья не шла съ рукъ, призывался Мирзоевъ, и ему говорили: „дѣлай или возьми!“ Мирзоевъ дѣлалъ и бралъ, считая за особенное счастіе угодить начальству. Когда по дѣламъ Мирзоева возникалъ какой нибудь громадный расчетъ съ казною, и дѣло наклонялось въ его сторону, его опять призывали: „Любезный Иванъ Минаевичъ, говорили ему, если бы можно прекратить это дѣло!“ Мирзоевъ тотчасъ прекращалъ процессъ. Такимъ образомъ Мирзоевъ, по предложенію начальства, взялъ громадный рыбный откупъ и вносилъ одной откупной суммы до 360 т. руб. въ годъ; такимъ образомъ онъ, по предложенію начальства, отказывался отъ громадныхъ претензій по расчетамъ съ казною. Когда приготовлялось въ городѣ какое нибудь большое торжество по случаю того или другаго событія, Мирзоевъ опять благосклонно приглашался къ участію въ устройствѣ этого торжества и не останавливался ни предъ какими жертвами и расходами. Въ частныхъ сношеніяхъ онъ былъ просто опасенъ неукротимымъ своимъ стремленіемъ надѣлить васъ чѣмъ нибудь. Отъ этого не оберегались даже самыя высшія лица; до сихъ поръ разсказываютъ странную наивность М—ва, съ которою онъ хвалился дешевизною различныхъ предметовъ, доставляемыхъ ему Мирзоевымъ, тогда какъ этихъ предметовъ въ дѣйствительности нельзя было достать и за тройную цѣну. Когда кто нибудь пріѣзжалъ или уѣзжалъ изъ значительныхъ лицъ, Мирзоевъ дѣлалъ торжественные встрѣчи и проводы. Будучи самъ Грегоріанскаго исповѣданія, онъ точно также встрѣчалъ и провожалъ высшихъ духовныхъ особъ нашихъ. Этого мало. У отъѣзжающихъ онъ покупалъ, за какую хотите цѣну, мебель, экипажи, лошадей; пріѣзжающаго онъ снабжалъ всѣмъ этимъ за самую ничтожную цѣну, назначаемую только для приличія. Отъ этого въ его сараяхъ, конюшняхъ, подвалахъ всегда находилась бездна экипажей, лошадей, мебели и всякаго хозяйст-

веннаго добра. Кто уѣзжалъ изъ Тифлиса на время въ Петербургъ напр. или куда нибудь—бралъ у Мирзоева, безданно-безпошлинно, экипажъ, какой ему нравился и, отдѣлавъ его во время пути, преблагополучно возвращалъ. Будучи хозяиномъ рыбнаго промысла, онъ отдѣлялъ лучшіе сорты икры, шамаи, осетровъ въ свои подвалы и надѣлялъ ими всю Тифлисскую знать. Купить такой икры и рыбы въ Тифлисѣ было невозможно, и кто обращался по этой части къ Мирзоеву, вынужденъ былъ брать ее даромъ, потому что за деньги онъ не давалъ рѣшительно ничего. Тоже было и съ кахетинскимъ виномъ. Извѣстно, что мѣстное вино при самой выдѣлкѣ дѣлится на три сорта, первый, среднiй и послѣднiй. Мирзоевъ скупалъ первые сорта почти во всѣхъ садахъ и распоряжался съ нимъ такимъ же образомъ: даромъ сколько хотите, за деньги ничего. Отъ этого происходило, что Мирзоевъ самъ не занимался винодѣліемъ, а такъ называемое „Мирзоевское" вино считалось роскошью. Общее мнѣніе было таково, что Мирзоевъ такимъ образомъ разсылалъ, раздавалъ вина, рыбы и другихъ предметовъ на нѣсколько десятковъ тысячъ въ годъ.

Щедрость его была просто изумительна. Напримѣръ, вновь прибывшему адъютанту какому нибудь понадобилась лошадь. По произведеннымъ розыскамъ оказывается, что у Мирзоева есть чудо-лошадь. Адъютантъ летитъ къ нему и спрашиваетъ: „не уступите-ли такую-то лошадь?"—„Съ величайшимъ удовольствіемъ", отвѣчаетъ тотъ. — „Позвольте узнать цѣну?" спрашиваетъ адъютантъ. „Цѣны ей нѣтъ никакой", отвѣчаетъ Мирзоевъ, „позвольте предложить вамъ ее въ знакъ моего уваженія". Ошеломленный адъютантъ начинаетъ восклицать: „какъ можно, помилуйте" и тому подобное; но ничто не беретъ: за деньги ни за что, такъ берите! Такая именно исторія была, между прочимъ, съ Свѣчинымъ. Самолюбивый и самъ богатый, онъ никакъ не рѣшался брать у Мирзоева лошадь даромъ, а между тѣмъ лошадь нравилась ему чрезвычайно; наконецъ онъ послѣдовалъ нашему совѣту, взялъ лошадь безъ денегъ и потомъ сдѣлалъ Мирзоеву равноцѣнный подарокъ. Подарить что нибудь—было страстью Мирзоева, точно также, какъ и дѣлать роскошные обѣды или ужины, при малѣйшемъ намекѣ съ чьей либо стороны, если не было случаевъ, самостоятельно такъ сказать указывающихъ на это. Я помню, когда пріѣхалъ на Кавказъ князь Владимиръ Ивановичъ Барятинскій и выразилъ желаніе, почти неизбѣжное у всѣхъ заѣзжающихъ туда, пріобрѣсти хорошую бирюзу, Мирзоевъ не замедлилъ приподнести ему камень, въ родѣ скалы. За обѣдомъ, который Мирзоевъ тоже не замедлилъ устроить для князя, камень этотъ переходилъ изъ рукъ въ руки и вызывалъ общее удивленіе къ громадности и цѣнности его. Послѣ обѣда князь обратился ко мнѣ: „Согласитесь, что я не могу принять такой „цѣнный камень въ подарокъ; нельзя „ли узнать, что онъ стоитъ, и тогда „надо будетъ или заплатить за него, „или отдарить."—„Заплатить во всякомъ случаѣ невозможно, отвѣчалъ „я, это глубоко оскорбитъ Мирзоева, „да онъ и не возметъ денегъ, а от„дарить, я полагаю, можно и должно. „Подождите, я вамъ узнаю цѣну „камня." Отведя Мирзова въ сторо„ну, я спросилъ его: „Скажите, лю„безный Иванъ Минаевичъ, какой „цѣны камень князя?" — „Совершен„ные пустяки, и говорить не сто„итъ," отвѣчалъ онъ. „Нѣтъ! скажите „положительно," возразилъ я нетер„пѣливо, „это необходимо."—„Ну из„вольте, если вамъ угодно: онъ до„стался мнѣ по особенному случаю, „кажется за 50 или 75 рублей, хоро„шенько, право, не упомню." На этомъ

отвѣтѣ онъ остановился упорно, и я долженъ былъ передать его князю, прибавивъ, что это, разумѣется, вздоръ.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ моемъ съ этимъ страннымъ человѣкомъ (тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ принадлежалъ къ Армянскому народу, который, по общему убѣжденію любитъ больше брать, чѣмъ давать) оказалось, что Мирзовыхъ было два брата: этотъ Иванъ Минаевичъ, о которомъ я говорилъ, и Гавріилъ Минаевичъ. Оба они были женаты, имѣли красивыхъ женъ и значительное количество дѣтей; но жили вмѣстѣ и вели всѣ дѣла вмѣстѣ. Дѣятельность ихъ была раздѣлена такимъ образомъ, что Иванъ Минаевичъ постоянно находился въ обществѣ и поддерживалъ сношенія съ разными высшими лицами; Гавріилъ Минаевичъ сидѣлъ дома и велъ всѣ письменныя дѣла, изрѣдка, только въ торжественныхъ случаяхъ, показываясь въ свѣтѣ, и большею частію проводя вечера въ клубѣ, гдѣ и игралъ по копѣйкѣ въ ералашъ. Иванъ Минаевичъ былъ губернскимъ секретаремъ и чрезвычайно эффектно раскладывалъ на груди громаднѣйшаго Станислава, котораго правительство даровало ему за многочисленныя заслуги. Гавріилъ Минаевичъ за такія же заслуги возведенъ былъ въ потомственное дворянство. Нестолько по этимъ званіямъ, сколько по огромному богатству, которое на всѣхъ точкахъ земнаго шара имѣетъ одинаковую силу и обаяніе, Мирзоевы сохраняли въ Тифлисѣ необъятное значеніе; дѣла громадныхъ размѣровъ, которыя они вели, заставили ихъ учредить свои конторы и имѣть своихъ агентовъ чуть-ли не на всѣхъ концахъ міра. Отъ этого происходило, что куда-бы ни ѣхалъ Кавказецъ, вездѣ были повѣренные и уполномоченные Мирзоевыхъ, которые, вслѣдствіе ихъ инструкцій, и оказывали заѣзжему всевозможныя услуги; отъ этого же происходило, что Тифлисскій житель, и находясь на мѣстѣ и отправляясь куда нибудь, вѣчно находился въ необходимости прибѣгать къ помощи и содѣйствію Мирзоевыхъ.

Возвращаюсь къ Вышловапскому празднику. На другой день утромъ всѣ собрались въ залѣ дома, гдѣ приготовленъ былъ двойной завтракъ: Грузинскій и Европейскій. Тутъ я познакомился съ „шашлыкомъ", знаменитостью Грузинской кухни, о которомъ много слышалъ, но котораго вкушать еще не имѣлъ случая. Почтенный, всѣми любимый и уважаемый князь Димитрій Орбеліани, старшій всѣхъ и лѣтами и чинами, сидѣлъ во главѣ стола, какъ хозяинъ. Я замѣтилъ, что ему по временамъ приносили длинныя желѣзныя прутья, на прутьяхъ также длинными полосами находилось мясо, которое князь рѣзалъ тонкими лентами и одѣлялъ ими толпу желающихъ. Когда я спросилъ, что это?—мнѣ отвѣчали: „шашлыкъ!" Тогда и я потянулся за одною изъ лентъ. Я долженъ безъ преувеличенія сказать, что никогда не ѣлъ ничего подобнаго. Я сдѣлался самымъ нахальнымъ требователемъ этихъ дивныхъ лентъ и не отходилъ отъ князя до тѣхъ поръ, когда ему доложили, что „суки" нѣтъ больше. Шашлыкъ приготовляется изъ различныхъ матеріаловъ и различными способами. Самый обыкновенный состоитъ въ томъ, что небольшіе куски баранины насаживаютъ на длинный желѣзный прутъ, вертелъ, и жарятъ надъ огнемъ. Самый роскошный шашлыкъ дѣлается именно изъ „суки" т. е. филейнаго мяса. Этимъ именно шашлыкомъ и угощалъ насъ князь Димитрій. Шашлыкъ сдѣлался тотчасъ самымъ любимымъ моимъ блюдомъ, предъ которымъ, по моему вкусу, меркнутъ всѣ другія произведенія Грузинскаго кулинарнаго искусства. Крузенштернъ напр. приходилъ въ восторгъ отъ рыбы, приготовленной по грузински, тогда какъ я въ ней не находилъ рѣшительно ничего

особеннаго. Говорили, что курица, приготовленная по имеретински, блюдо боговъ! Говорили, что торжество Грузинскаго искусства—цѣлый быкъ, изжаренный на вертелѣ; такого быка я не видалъ, но слышалъ, что опыты, произведенные по этой части княземъ А. И. Барятинскимъ въ Боржомѣ, были рѣшительно неудачны. Прибавляли, что еще знаменитѣе такая штука, когда въ быкѣ находится теленокъ, въ теленкѣ баранъ, въ баранѣ барашекъ, въ барашкѣ гусь и т. д. Подобной штуки я тоже не видалъ и полагаю, что здѣсь туземцевъ плѣняетъ скорѣе обиліе мяса, нежели вкусъ приготовленія, котораго здѣсь и предполагать не возможно. Само собою разумѣется, что конецъ завтрака облитъ былъ обильно шампанскимъ. Князь послѣ завтрака уѣхалъ, а съ нимъ и нѣкоторые дѣловые люди; большая же часть общества осталась до обѣда, задержавъ полковую музыку и всѣхъ туземныхъ артистовъ. Обѣдъ также долженъ былъ явиться въ двухъ экземплярахъ: Грузинскомъ и Европейскомъ. Очарованный шашлыкомъ, я обязался ѣсть всѣ Грузинскія блюда, которые заранѣе мнѣ перечислили; но съ перваго же блюда я долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія. Это первое блюдо, нѣчто въ родѣ нашего супа, была просто тарелка сплошнаго жиру, который не только ѣсть, но на который даже смотрѣть было тошно. Къ довершенію ужаса, прелестныя барыни Грузинскаго происхожденія ѣли этотъ ужасный супъ какъ-то руками и пачкались такъ сказать въ жиру. Названіе этого блюда я уже не помню, а между тѣмъ оно считается у туземцевъ превосходнымъ именно по обилію жира, которымъ сопровождаются почти и всѣ другія Грузинскія яства.

Когда окончился этотъ неудачный для меня обѣдъ, начался общій отъѣздъ. Я отправился по уговору съ княгинею Марьею Ивановною, и съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку, продолжительность которой увеличилась значительно вслѣдствіе плутанья кучеровъ: они потеряли настоящую дорогу и никакъ не могли добраться до Каджоръ. Во время этой длинной поѣздки, умная, веселая и любезная княгиня повѣствовала мнѣ о своемъ прошедшемъ, разсказывала, между прочимъ, какъ, бывало, вмѣстѣ съ княгинею Екатериною Александровною Дадьянъ и Ниною Александровною Грибоѣдовою, они втроемъ встрѣчали и полонили каждаго пріѣзжающаго въ Грузію, и замѣчала, что теперь нѣтъ уже такихъ женщинъ; какъ она была выслана въ Воронежъ или Ярославль вслѣдствіе какого-то заговора Грузинъ противу Русскихъ и прожила тамъ нѣсколько лѣтъ. Я зналъ, что у княгини есть дочь, которая вышла замужъ за N N; но ея именно въ это лѣто почему-то не было въ Тифлисѣ, такъ что я вовсе еще ея не видалъ. Когда по поводу сожалѣнія княгини, что нынче нѣтъ уже въ Грузіи великолѣпныхъ женщинъ, я замѣтилъ, что дочь ея, несомнѣнно, будетъ достойною ея наслѣдницей, она сказала: „О! нѣтъ! Это очень милое, доброе, кроткое существо, но вы удивитесь, когда ее увидите: маленькая, смугленькая и не имѣющая ничего блестящаго!“ Слова эти, разумѣется, я принялъ, какъ проявленіе скромности матери, но впослѣдствіи, осенью, увидѣвъ дочь ея въ первый разъ на балѣ у Князя, я дѣйствительно былъ удивленъ. Въ этой скромной, симпатичной дамѣ я никакъ не ожидалъ встрѣтить дочери блестящей въ полномъ смыслѣ княгини Марьи Ивановны. Еще менѣе можно было ожидать, что эта скромная дама будетъ имѣть ту замѣчательную судьбу, которая ей предстояла.....

Выше, на стр. 475—477, сказано нѣсколько словъ о характерѣ и значеніи Записокъ Василія Антоновича Инсарскаго, и вслѣдъ за тѣмъ помѣщена одна глава изъ нихъ: «Поѣздка въ Баку». По убѣдительной нашей просьбѣ, многоуважаемый авторъ предоставилъ Русскому Архиву еще нѣсколько тетрадей своего мастерскаго повѣ-

ствованія. Изъ напечатанной теперь главы читатели еще ближе познакомились съ своеобразными сторонами Кавказскаго быта, а въ слѣдующей главѣ «Походъ 1859 г.» авторъ поведетъ насъ въ самую внутренность этого удивительнаго края. *П. Б.*

ЗАМѢТКИ.

I.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1867 г. напечатана слѣд. статейка, присланная изъ Варшавы отъ $^{2}/_{14}$ мая:

„Вчера утромъ скончался сенаторъ Феньшау, бывшій адъютантъ великаго князя Константина Павловича. Говорятъ, ему было за 80 лѣтъ, но онъ смотрѣлъ свѣжо, еще недавно, можно сказать, бѣгалъ по улицамъ Варшавы, всѣмъ извѣстный, переизвѣстный. Онъ любилъ разсказывать про свое время. Между прочимъ мы лично слышали разсказъ, что во время революціонной вспышки 1830 г. Великій Князь послалъ его за какимъ-то полкомъ въ Немировскія казармы: полкъ этотъ былъ приведенъ къ Великому Князю цѣликомъ. Феньшау нашелъ около Великаго Князя еще нѣсколько полковъ, вполнѣ оставшихся ему вѣрными, которые пошли бы, по его приказанію, куда угодно. Который разъ приходится слышать, что революція 1830 г. была у насъ въ рукахъ?“

Прибавимъ и мы: въ который разъ приходится слышать подобныя мнѣнія! Въ 5 — 6 №№ Русскаго Архива 1867 года представили мы соображенія обстоятельствъ въ доказательство несостоятельности подобныхъ мнѣній. Выписанныя строки всего менѣе способны измѣнить наши убѣжденія. Авторъ ихъ, замѣтно, не считалъ нужнымъ тратить вниманіе, слушая разсказы 80 лѣтняго старика Феньшау и даже, по видимому, не познакомился съ Исторіею Польскаго возстанія и войны 1830—1831 г. Ф. Смита: иначе онъ и услышалъ бы отъ разсказчика, и узналъ бы изъ исторіи — 1-е, что прибывшій изъ Немировскихъ казармъ полкъ былъ Польскій гвардейскій конно-егерскій (¹), дѣйствительно сохранившій вѣрность Великому Князю болѣе сутокъ до времени, когда началось отложеніе другихъ Польскихъ полковъ, не участвовавшихъ въ первыхъ дѣйствіяхъ возстанія, и 2-е, что „Фельшау нашелъ около Великаго Князя еще нѣсколько полковъ“, не Польскихъ, какъ даетъ разумѣть статейка словцомъ „еще“ и оговоркою о ихъ вѣрности и готовности идти куда угодно, а три Русскихъ конныхъ полка, т. е. Подольскій кирасирскій, уланскій Цесаревича и Гродненскій гусарскій.

Что касается личности разсказчика, то при В. К. Константинѣ Павловичѣ дѣйствительно служилъ сначала адъютантомъ, а по производствѣ въ генералы, по особымъ порученіямъ, нѣкто носившій офиціальное и частное прозваніе Феньша. Генералъ Феньшъ пользовался почетомъ добраго, благороднаго человѣка—и только. Пишущій эти строки зналъ много лѣтъ Феньша, а однажды, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, бывалъ ежедневно у него съ докладами служебныхъ бумагъ, и то же не замѣтилъ ничего, что̀ измѣняло бы ходячее о немъ мнѣніе. Изъ Исторіи Смита въ Русскомъ переводѣ видно, что въ первый вечеръ мятежа, при названномъ нами конно-егерскомъ полку, въ разъѣздѣ къ За̀мку, вмѣстѣ съ генераломъ Даненбергомъ былъ генералъ Феньшъ (вмѣсто небывалаго Фансгаве). Раздѣлялъ ли Феньшъ мнѣніе автора статейки, что революція была у насъ въ рукахъ или нѣтъ, это не имѣетъ никакого значенія по отсутствію доказательствъ; а то, что̀ сообщаетъ статейка, лишено само, какъ мы видѣли, всякой основательности. Одно только несомнѣнно, что толки о возможности легкаго подавленія мятежа не прекращаются и, значитъ, не пере-

---

(¹) При составленіи прежнихъ Замѣтокъ моихъ не было извѣстно о посылкѣ Великимъ Княземъ за конно-егерскимъ полкомъ; но это нисколько не измѣняетъ тѣхъ соображеній, по поводу которыхъ было упомянуто о прибытіи въ Бельведеръ конныхъ егерей.

стаетъ оскорблять память В. К. Константина Павловича обвиненіе, что онъ не умѣлъ или—что́ и того хуже—по пристрастію къ Полякамъ не хотѣлъ усмирять ихъ оружіемъ. Еще послѣ перваго Польскаго возстанія можно было до нѣкоторой степени извинять обвинителей недоразумѣніями и неизвѣстностью многихъ обстоятельствъ, въ чемъ нуждался даже самъ историкъ Смитъ (какъ мы имѣли случай указать на то въ первыхъ нашихъ замѣткахъ); но, намъ кажется, не слѣдуетъ повторять подобныя обвиненія теперь, послѣ втораго мятежа, который совершился уже безъ устроенныхъ какъ прежде Польскихъ войскъ, безъ общественныхъ запасовъ оружія и боевыхъ снарядовъ, безъ государственныхъ казначействъ, наполненныхъ милліонами русскихъ денегъ, совершился послѣ даннаго урока, въ виду грозныхъ военныхъ средствъ нашихъ и показалъ, что брать въ руки событія такого рода не такъ удобно на дѣлѣ, какъ на бумагѣ или на словахъ.

По моему мнѣнію, разъясненіе обстоятельствъ, подающихъ поводъ къ подобнымъ произвольнымъ толкамъ, составляетъ прямой долгъ тѣхъ, которымъ дорога́ память о службѣ подъ начальствомъ В. К. Константина Павловича и которые были не чужды ходу тогдашнихъ дѣлъ. Напечатанными въ Русскомъ Архивѣ Замѣтками желалъ я исполнить съ своей стороны такую обязанность. Съ тою же цѣлью считаю не лишнимъ передать здѣсь то, что́ случай доставилъ мнѣ узнать объ отношеніяхъ Великаго Князя къ извѣстному декабристу Лунину, отношеніяхъ, служившихъ не разъ причиною толковъ своего рода, равномѣрно не отличавшихся большею разборчивостію. Сдѣлаю это выпискою слѣдующаго отрывка изъ моихъ воспоминаній.

Любя страстно службу, Цесаревичъ искренно любилъ и лучшихъ дѣятелей ея, зналъ всѣхъ подкомандныхъ офицеровъ, а изъ старшихъ до капитана включительно рѣдкаго не зналъ по имени и отчеству. Кошелекъ его всегда открытъ былъ для нуждающихся, и многіе получали отъ него другое жалованье. Подчиненные отъ генерала до солдата были ему преданы. При всей строгости тогдашнихъ военныхъ порядковъ, Цесаревичу нравились смѣлыя выходки, и онъ никогда не забывалъ ихъ. Этимъ объясняется покровительство, которое оказывалъ Великій Князь Лунину въ послѣднее время службы его. Мнѣ нигдѣ не случилось читать въ печати о случаѣ, познакомившемъ ихъ, и я перескажу здѣсь то, что́ слышалъ отъ бывшаго на Дону съ 1835 г. начальникомъ штаба генерала Бердяева и что́ самъ зналъ.

Въ Отечественную войну, по вступленіи нашихъ войскъ за границу, Цесаревичь отдалъ приказаніе по своему гвардейскому отряду, чтобы офицеры во время похода не отступали ни въ чемъ отъ установленнаго для того порядка. Однажды, когда Бердяевъ былъ на ординарцахъ у Великаго Князя, Цесаревичь догналъ на походѣ полкъ, въ которомъ служилъ Лунинъ (кажется, кавалергардскій). Великій Князь, ѣхавшій передъ тѣмъ спокойно, вдругъ поскакалъ налетомъ (въ галопъ) къ полку, сорвалъ съ полковника и бросилъ на землю шапку, наговорилъ разныхъ разностей и ускакалъ. Полковникъ ѣхалъ въ шапкѣ по нездоровью, и потому, считая себя обиженнымъ, объявилъ офицерамъ, что не можетъ долѣ оставаться въ службѣ. Офицеры всего полка признали поступокъ съ полковникомъ оскорбительнымъ для всѣхъ и подали къ Депрерадовичу общую просьбу объ отставкѣ; Депрерадовичъ тоже присталъ къ нимъ. Когда донесено было о томъ Цесаревичу, онъ назначилъ на дневкѣ смотръ полку, лично объявилъ при томъ офицерамъ, что отставка въ такое время не возможна и была бы преступленіемъ, но что онъ, вполнѣ сознавая себя виноватымъ въ напрасной, по своей горячности, обидѣ достойнаго полковника, проситъ у него и у всѣхъ офи-

церовъ извиненія; а если, прибавилъ, кто остается этимъ недоволенъ, то готовъ дать личное удовлетвореніе. Обиженный полковникъ и офицеры стали выражать, что они удовлетворены и оставляютъ намѣреніе свое объ отставкѣ. Въ это время выходитъ въ передъ офицеръ лѣтъ 19—20 и говоритъ: „Ваше Высочество изволили сейчасъ предложить личное удовлетвореніе. Позвольте мнѣ воспользоваться такою высокою честью". —Ну, ты братъ, для этого слишкомъ еще молодъ!—отвѣтилъ съ улыбкою Великій Князь Лунину (это былъ онъ). Лунинъ потомъ безпрерывно школьничалъ; рѣдкій день проходилъ безъ его проказъ. Неразлучнымъ сподвижникомъ у него былъ офицеръ, отличавшійся только большимъ ростомъ и силою; товарищи назвали его въ шутку Санчо-Пансо. Молодежъ потѣшалась, а Лунинъ часъ-отъ часу все болѣе входилъ въ роль искателя приключеній. Само-собою разумѣется, не всегда онъ держалъ себя въ предѣлахъ умѣренности, и ему приходилось за это лично раздѣлываться; Лунинъ и такіе случаи включилъ въ репертуаръ своихъ проказъ. Когда кончилась въ Парижѣ война, Лунинъ (1) подалъ просьбу Государю такого смысла, что такъ какъ заключенъ миръ и въ Россіи нельзя ожидать скоро войны, то онъ проситъ разрѣшенія вступить въ иностранную службу, гдѣ случится война, особенно съ Французами. Государь остался очень недоволенъ выходкою, и я забылъ разсказъ Бердяева на этомъ мѣстѣ, чѣмъ она кончилась. Впрочемъ изъ Воспоминаній Вигеля (Рус. Вѣст. февр. 1865 г.) видно, что Лунинъ возвратился съ гвардіею въ Россію и здѣсь уже вышелъ въ отставку. Когда же, впослѣдствіи, вспыхнула было война между Испаніею и Франціею, Лунинъ поступилъ въ войска первой волонтеромъ, но ему объявлено отъ Русскаго правительства, что если онъ не вернется въ Россію, то имѣніе у него будетъ взято въ опеку. — Далѣе извѣстно мнѣ, что при формированіи въ Варшавѣ, въ двадцатыхъ годахъ, Гродненскаго гусарскаго полка, въ число зачисленныхъ въ него офицеровъ Великій Князь включилъ и армейскаго ротмистра Лунина, между тѣмъ какъ сверстникъ его по времени поступленія на службу, Албрехтъ, былъ уже старымъ генераломъ. „Ну что поунялся теперь отъ проказъ?" спросилъ Цесаревичъ представлявшагося къ нему лейбъ-гусара Лунина.—Тогда мы, Ваше Высочество, молоды были — отвѣчалъ послѣдній, намекая не на одно свое прошлое. Скоро по ходатайству Великаго Князя, Лунинъ произведенъ за отличіе въ подполковники. Общихъ разсказовъ о Лунинѣ послѣ было не много; слышалъ я только, что у него большая библіотека и еще болѣе свора собакъ, что онъ человѣкъ богатый и велъ разгульную жизнь, что старшимъ никогда не успѣвалъ рапортовать о своей части, за то угощалъ по-гусарски. Въ замковую церковь Лунинъ чаще всего пріѣзжалъ что называется къ шапошному разбору, и приходъ его не рѣдко вызывалъ замѣчаніе, что онъ уже послѣ завтрака, къ чему подавало поводъ и самое выраженіе лица, невольно возбуждавшее мысль, что Лунинъ не чуждался удобствъ жизни. Наружность Лунина не представляла ничего особеннаго. Это былъ мущина высокаго росту, русый, стригъ голову довольно коротко, на лицѣ волосы сбривалъ и имѣлъ привычку кусать нижнюю губу. Впрочемъ выраженіе глазъ давало разумѣть, что у него голова поставлена на своемъ мѣстѣ. Въ обращеніи съ старшими Лунинъ, замѣтно, не стѣснялся.

Извѣстно, что Лунинъ обвиненъ въ участіи съ декабристами. Какъ-то не вѣрится, чтобы онъ способенъ былъ привесть въ исполненіе то, на что вызывался. Чуть ли тутъ не играло глав-

(1) Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, по матери своей (Ѳедосьи Никитичнѣ) былъ родной племянникъ Михаила Никитича Муравьева, одного изъ любимыхъ наставниковъ императора Александра Павловича. *П. Б.*

ную роль повѣтріе времени, товарищество, мода на демонизмъ страстей, расходившаяся привычка къ приключеніямъ—если не дѣйствительнымъ, то хоть разгорѣвшимся въ воображеніи. Когда въ Петербургѣ производилось слѣдствіе о заговорѣ и открылось въ немъ участіе Лунина, Великій Князь долго защищалъ его. Говорятъ, Лунинъ убѣдилъ къ тому Князя, давъ честное слово въ своей будто бы невиновности. Этимъ дѣло нисколько не уясняется — потому вопервыхъ, что неизвѣстно, какими доказательствами Лунинъ вызвалъ покровительство Великаго Князя въ виду такого важнаго дѣла. Вовторыхъ надобно признать заранѣе безчестнымъ и вмѣстѣ глупымъ Лунина, допуская, что онъ, дѣлаясь лицомъ историческимъ, добровольно отказался отъ послѣдняго нравственнаго чувства своего и далъ ложно честное слово для того только, чтобы пожить нѣсколько времени на свободѣ, не имѣя ничего въ виду къ улучшенію своей участи. Человѣкъ, способный на такой поступокъ, скорѣе сдѣлалъ бы это тогда, когда онъ отпросился, въ то же время, на охоту въ Пруссію, подъ однимъ ручательствомъ честнаго слова возвратиться—и дѣйствительно возвратился. Всего вѣроятнѣе, Лунинъ объяснилъ откровенно какъ было дѣло, т. е. что въ немъ всего болѣе дѣйствовали временное настроеніе, увлеченія, хвастовство, ложный стыдъ отстать отъ другихъ и затѣмъ—слова, слова, слова. Великій Князь, по добротѣ сердца, могъ простить заблужденіе и защищать его отъ обвиненія въ преступленіи. Въ Петербургѣ сочли опаснымъ щадить и самое заблужденіе въ подобномъ дѣлѣ и поставили Лунина въ третій разрядъ преступниковъ. Слышно было послѣ, что въ Сибири участь Лунина облегчена сравнительно съ другими. Это бы подтвердило только, что Цесаревичъ не былъ обманутъ. Считаю также нелѣпою выдумкою распространенныя нѣкогда слова, будто бы сказанныя Великимъ Княземъ: „Я бы никогда не легъ спать въ одной комнатѣ съ Лунинымъ, но честному слову его всегда повѣрю.“ Послѣ ареста и по отправленіи въ Петербургъ Лунина, онъ пробылъ нѣсколько часовъ во второй комнатѣ главнаго штаба. Къ нему приходилъ дежурный генералъ Кривцовъ, и они, разговаривая громко по французски, смѣялись, а оставаясь одинъ, Лунинъ ходилъ по комнатѣ и посвистывалъ — какъ будто арестъ его былъ за какую нибудь служебную провинку.... Въ это время Лунинъ былъ въ своемъ гусарскомъ вицъ-мундирѣ.... *И. Ульяновъ.*

II. (*)

Въ изданныхъ Н. В. Сушковымъ *Запискахъ о жизни и времени Митрополита Филарета* приведена между прочимъ (стр. 199) слѣдующая выдержка изъ Записокъ гр. Е. Ѳ. Комаровскаго (Рус. Архивъ 1867 года, № 10): „Прежде нежели приступить къ присягѣ (въ 1825 г.) М. Филаретъ, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ: *разрѣшаю и благословляю*. Это неожиданное изрѣченіе Архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, въ особенности когда оно разнеслось между народомъ.“ Г. Сушковъ говоритъ, что М. Филаретъ, прочитавъ приведенныя строки, написалъ 8 ноября 1867 г. къ нему г. Сушкову, что будто бы гр. Комаровскій сказалъ не то, что̀ было и уклонился отъ истины, присовокупивъ, что „слова *разрѣшаю и благословляю* „не могли быть имъ сказаны, потому „что въ словахъ сихъ нѣтъ опредѣлен„наго понятія и смысла. Архіепископъ „не принималъ на себя — разрѣшать „отъ присяги, да и не было въ семъ „нужды; нужно было только объявить,

(*) Эта замѣтка доставлена для напечатанія въ Русскомъ Архивѣ Сергѣемъ Дмитріевичемъ Комовскимъ, зятемъ графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго (автора Записокъ). *П. Б.*

„что присяга уничтожилась сама со-„бою.... *Правда должна быть выше „всего!*"

Соображаясь съ симъ послѣднимъ собственнымъ изрѣченіемъ Митрополита, мы считаемъ священною обязанностію возстановить истину вышеприведенныхъ словъ, которыя занесъ въ свои Записки графъ Е. Ѳ. Комаровскій.

Записки не дневникъ, и въ нихъ конечно могутъ невольно вкрасться, по забывчивости или за дальностью времени, какія нибудь неточности въ подробностяхъ излагаемаго событія. Но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго быть не могло. Событіе было слишкомъ важно для всей Россіи вообще и для графа Е. Ѳ. въ частности: онъ былъ нарочно посланъ въ Москву Государемъ Императоромъ, который внимательно слѣдилъ за всѣми обстоятельствами Московской присяги. Возможно ли, чтобы, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ передалъ не точно исполненныя великаго смысла и важнаго значенія слова Московскаго Архипастыря? При томъ же слова эти произнесены были во всеуслышаніе, при огромномъ стеченіи всѣхъ сословій древней столицы. Рѣшительный образъ дѣйствія въ тогдашніе дни недоумѣнія тотчасъ сдѣлался извѣстенъ повсюду и оцѣненъ всѣми. И теперь еще есть живыя лица, которыя слышали слова эти; такъ напр. бывшій оберъ-прокуроръ Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ (1) или тогдашній адъютантъ Московскаго генералъ-губернатора Петръ Петровичъ Новосильцовъ (2), оба находившіеся въ Успенскомъ Соборѣ и въ самой близости отъ мѣста дѣйствія, конечно могутъ припомнить слова эти и подтвердить полнѣйшую истину разсказа, находящагося въ Запискахъ гр. Комаровскаго, писанныхъ всего лѣтъ черезъ пять послѣ самаго событія. И такъ слѣдуетъ скорѣе предположить, что въ этомъ случаѣ естественно слабѣющая съ лѣтами память высокопреосвященнѣйшаго Митрополита могла невольно измѣнить ему: досточтимый Архипастырь писалъ свое письмо Н. В. Сушкову за 10 дней до кончины своей и притомъ писалъ о томъ, что происходило 42 года назадъ. Дорожа памятью обоихъ усопшихъ, воздадимъ каждому свое.

С. Комовскій.

С.-Петербургъ.
Мая 9-го дня, 1868 года.

(*Сообщено*).

---

(1) Нынѣ Предсѣдатель Комитета Министровъ.

(2) Нынѣ тайный совѣтникъ.

ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕДѢЛОКЪ ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА ЗАКРЫТА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВПРЕДЬ ДО ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРІИ КНИЖНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Переписка директора Московской Синодальной типографіи Ѳедора Поликарпова съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, начальникомъ Монастырскаго Приказа. 1715—1717.

I.

Милостивый мой государь графъ Иванъ Алексѣевичь! Всесвѣтлымъ Христова возстанія торжествомъ вашу графскую вельможность всеదомовно съ нижайшимъ моимъ поклономъ поздравляю и за милосердое ваше страннопріятіе благодарствую. А о себѣ симъ третіимъ доношу всепокорно.

По жестокомъ и безпутномъ пути моемъ доволокся я до намѣреннаго центра въ 14 день марта. При Божіи сохраненіи живъ, аще и не здравъ, ибо за положенный мой во книгахъ трудъ, вмѣсто сребра, лишенъ на пути и ребра. И сія причина медленія моихъ писемъ.

Обаче повелѣнное мнѣ отъ царскаго величества дѣло со всякимъ опаснымъ испытаніемъ искахъ въ соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ, мало не во всѣхъ; но на пользу ко предложенной матеріи вельми мало обрѣтохъ, не позвавшу тогда (мню) случаю и нуждѣ, и тѣхъ, мною собранныхъ правилъ, пишется книга. А нынѣ предъ симъ господаря Валошского учитель Анастасій грекъ послалъ своего ему труда собраніе по присланному чрезъ меня указу, отчего... большую имѣть резолюцію, нежели отъ моея книжицы. А мнѣ вся каноны испытавшу и сенсъ ихъ, нигдѣ дадеся мѣсто обрѣсти разрѣшенія всѣмъ на вся, развѣ на рыбы (?) кому при случаяхъ нуждныхъ. Sat sapienti.

Книги, государь, математическія Лопатинскій у себя не сказалъ; а показалъ мнѣ Географію латинскую, въ которой и кораблестройная наука, а листовъ въ ней больше 700. И такую надобно преводить многимъ и тѣхъ наукъ искуснымъ. Однакожъ и я не отрицаюся, токмо прошу о взысканіи за трудъ мой во Исторіи и Лексиконахъ: ибо вельми мнѣ, бѣдному, бѣдно, что господину Веніусу за единъ Лексиконъ пожаловано 50 дворовъ, а мнѣ ни 5 оболовъ, но еще и своихъ изнурилъ больше 200 рублевъ.

Лексиконъ мой, государь, латинословенскій моей руки прикажи ко мнѣ прислать, потому что безъ него ни сей книги, ни иной возможно мнѣ преводить. А я ко Платону Ивановичу копію съ него пришлю. Вашего графскаго превосходительства послушнѣйшій слуга *Поликарповъ*.

Изъ Москвы въ 22 д. апрѣля 1715.

P. S. Нѣмецкія школы, что́ на Новгородскомъ подворьѣ, взялъ господинъ Лобановъ Елецкій подъ Приказъ розыскныхъ дѣлъ, и объ нихъ какъ поволишь? Во французской и въ нѣмецкой во обоихъ учениковъ только пятеро, а учителямъ двумъ корму 250 руб. Также и грекъ учитель старѣетъ, а ученики шалѣютъ. По седми лѣтъ учатъ грамматику, а листа перевесть не умѣютъ, числомъ ихъ 13 ч. Изволь меня отъ нихъ увольнить, чтобъ мнѣ чего не пострадать. А старикъ Софроній моимъ надъ нимъ комисарствомъ не доволенъ: ропщетъ, чаю и пишетъ. И вправду, нѣсть бо ученикъ надъ учителемъ. Онъ много проситъ, я мало даю. Въ Библіи читаемъ Судейскія книги. Затмѣнія солнца за облаками не видно было у насъ. Желаю вѣдать, какъ было у васъ. Обрѣтохъ же и типографію, аки овощное хранилище, о чемъ донесу впредь пространнѣе. А съ Гамельтомъ мнѣ быть у государевыхъ дѣлъ не возможно....

(конецъ гнилъ)

II.

Сіятельнѣйшій графъ... государь Иванъ Алексѣевичь... ваше да хранитъ благополучно.

Настоящаго августа въ 18 день получилъ я отъ вашего сіятельства писаніе въ 11 тогожъ писанное, и на оное отвѣтствую всепокорнѣ. Царскаго величества указъ и писаніе ваше префекту Ѳеофилу Кролику я объявилъ и сказалъ, чтобъ онъ не медля ѣхалъ и въ десять дней предсталъ вашему лицу неотложно. И онъ, Кроликъ, хотя и радостно принялъ повелѣніе понеже издавна желалъ и искалъ разлучитися отъ Москвы и въ Цесаріи, ему любезной, быть; однакожъ подалъ доношеніе въ сенатскую канцелярію (какъ я слышалъ отъ Лопатинскаго), чтобъ ему послѣ двухъ недѣль отсюду путь свой воспріять, на что-де ему и позволено, но я не умолчу его выбывать. А отецъ Лопатинскій и прочіи о его пути зѣло прискорбны, что его пути возврата не будетъ, а школамъ препона велика; но и плодъ едва принесетъ ли, ибо многажды и отъ архіер... своего центра, но не пол... И того ради писалъ до вашего сіятельства Лопатинскій, чтобъ его сему желанію воспятить и удержать хотя въ Санктпитербурхѣ. А въ Цесарію не посылать, какъ и Іосифа бывшаго кармелита въ Кіевъ; но о семъ, какъ изволите.

Правиленныя; государь, сѣни и стѣну господинъ комендантъ Измайловъ сего дне самъ осматривалъ и дивился, какъ по се число насъ не подавило И приказалъ починивать несомнѣнно. И мы, подрядя мастеровъ, будемъ нынѣ починивать, а что дѣла и во что станетъ, всему пришлемъ дробную роспись. Подъячихъ, государь, ежели прежнихъ не сыщемъ, то будемъ пріискивать новыхъ, токмо изволь ихъ или полнымъ или уравнительнымъ окладомъ наградить. А казнѣ отъ нихъ убытка не будетъ: одною бо деньгою, наложенною въ годъ на книги, народъ ихъ окупитъ. А и птичку въ клѣтку приваблютъ кормомъ.

Книги Бароніевы переписывать у насъ на дворѣ некому, потому что писецъ только одинъ, и тотъ пишетъ Библію да Географію и иныя письма правиленныя отправляетъ, а иные къ намъ не идутъ за оскудѣніемъ пищи и за умноженіемъ дѣлъ.

... И суконъ Еврееву за бумагу отд... буду, а на деньги и въ долгъ

они не берутъ, другіе тако предъобъявленной ни за что не даютъ. Однакожъ доношу въ послѣднее, что по осмотру и по смѣткѣ бумаги у насъ въ казнѣ далѣе будущаго января не будетъ, и надобно всемѣрно заранѣе, съ кѣмъ поволишь самъ, своею персоною, договориться, чтобъ было поставлено хотя 3 т. стопъ по первому пути или въ декабрѣ, чтобъ отъ того въ дѣлѣ остановки и казнѣ убытка не сталось: ибо на всякую недѣлю по 90 стопъ въ дѣло исходитъ по окладу. А доколѣ будутъ о бумагѣ чиниться контракты, время пройдетъ, аки стѣнь, и не увидимъ. О сихъ послѣднее донося и въ волю твоего о всемъ разсмотрѣнія влагая, впрочемъ остаюсь вашего сіятельства слуга всегда послушный *Поликарповъ*.

Цѣна Евреева: за сукно по 20 р. по 4 д., за камки большіе по 11 руб., за меньшіе по 3 руб. Всего наддаютъ предъ иными близъ четырехъ сотъ рублевъ. Другіе даютъ: по 20 р. безъ алтына, по десяти, по 6 руб. съ полтиною.

Москва 21 августа 1716.

III.

Милостивый мой государь, сіятельнѣйшій графъ Иванъ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь благополучно.

Вашему графскому сіятельству, моему милостивому опекуну, симъ моимъ раболѣпнымъ нижайшимъ доношеніемъ не имѣю что новое объявить, точію прошу прощенія о посланномъ (предъ симъ) на Давыдовы рѣчи, гнѣвъ твой на меня явившими, грубомъ и, мню, яко досадительномъ отвѣтѣ моемъ, вѣдая вашего отеческаго сердца горячесть ко мнѣ и вѣруя, что чистая любы не зазритъ, ниже гнѣвается и страхъ всякъ изгонитъ вонъ. Тѣмъ же и писалъ яже писалъ, не яко да воздвигну, но да утолю гнѣвъ твой на мя движимый за вину, истинно не мою, но префекта, укоснѣвшаго въ путь свой идти ради сторублеваго яблока, въ саду Прозоровскомъ взятаго, отъ котораго ему польза и сладость, а мнѣ не токмо зубы отерпли, но отъ радости и очи померкли.

О сукнахъ, государь, не имѣй впредь попеченія: уповаю на Бога, что продамъ ихъ въ двадцать алтынъ съ полугривною, а людямъ добрымъ также и камокъ въ накладъ не продамъ, а чаю и съ прибыткомъ спустить. Вѣсть Богъ мое о всемъ нерадѣніе, также и отъ здѣ сущихъ не утаилось.

Читаемъ въ Библіи книги Ездрины, а Географію преписываю копіи тетрадь 36, а 80 тетрадей еще не преписано. О бумагѣ, государь, также и о календарѣ время промыслъ чинить, ибо бумаги остается только на 3 мѣсяца. Печатаемъ Тріодь Постную, Псалтыри, Требники, а впредь что̀ будемъ дѣлать обязуюсь доносить.

Пожалуй, государь, порадуй меня милостивымъ писаніемъ. Вашего графскаго сіятельства нижайшій послушникъ *Поликарповъ*.

Изъ Москвы въ 15 октября 1716. Получено ноября 3 дня 1716 году.

IV.

Сіятельнѣйшій графъ, мой милостивый патронъ, государь Иванъ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь благополучно.

Настоящаго октября въ 22 день получилъ я отъ вашего сіятельства писаніе отъ 9 того жъ писано, и на

оное всепокорно отвѣтствую: сукно, государь, до указу продавать не буду и зимою 4 кипы пришлю. Однакожъ взвелъ я тѣ сукна Матѳѣю Евреєву и Короткому съ полугривною по 20, Семену Данилову съ двѣмя алтыны. Еще двумъ суконщикамъ съ 8 копѣйки, но симъ повѣрить не смѣю, понеже молоды и не знатны. А камки всѣ проданы по своей цѣнѣ, большія по 11 руб. съ полтиною, меньшія по седми рублевъ; и о сукнахъ какъ поволишь, а берутъ ихъ всѣ въ долгъ на два года.

Учители греческіе роспись бѣглымъ ученикамъ въ сенатскую канцелярію послали числомъ на 40 человѣкъ, и что будетъ по ней, доносить не умедлю. Обаче сомнѣваюсь, дастся ли по неволѣ своевольнымъ наука? Глаголетъ бо Назіанза свѣтильникъ:

Пастырь, аще похощетъ, можетъ доить козлища;
Но вмѣсто млека источитъ кровь изъ его сырища.

А нынѣ и наипаче нужда умножати греческую науку, понеже соученикъ и споспѣшникъ мой о Господѣ Николай справщикъ преселися ко отцемъ своимъ и отъ здѣшнихъ трудовъ (обремененивъ меня двойнымъ ярмомъ труда) воспрія покой смертію, а смертію внезапною, достоплачевною, отъ злыхъ людей ему нанесенною (увы мнѣ): ибо шедша его изъ мыльни при вечерѣ, нападше, всего обнажиша, и бивше, умертвиша и въ глубокую грязь повергоша. Его же на утріе мертва обрѣтше, вчера погребохомъ, оплакавше ужасную кончину его, и число дней суеты нашея каково и колико есть и что кому когда будетъ?

Отправихомъ же погребальная изъ казны государевы десятью рублями, понеже по немъ, кромѣ двухъ рублей, не обрѣтеся. Таково имѣніе въ вѣкъ свой трудившемуся въ словѣ Божіи и ученіи. А будетъ ли по немъ инъ таковъ, о томъ неизвѣстно.

Доношу же и о себѣ, яко во истинну сущему отцу и за толико лѣтъ попечителю искреннему, что и я началъ въ силѣ моей вельми изнемогати: зрѣніе мое, и прежде худое и тупое, паче и паче тупѣетъ; составъ плоти дряхлѣетъ и многажды цѣпенѣетъ. Сіе же стражду не толико отъ трудовъ библейныхъ и книгъ новопреводимыхъ (ихъ же издѣтска люблю творити), елико отъ бѣдъ, наносимыхъ отъ навѣтниковъ, имъ же вѣру емля, господинъ Плещеевъ жнетъ, идѣ же не сѣялъ, и собираетъ, юду же не расточилъ; но о томъ потомъ. И во истинну, государь, сокрушаюся, не окончу ли и я число дней моихъ прежде окончанія библейнаго, о чемъ, аще и всѣми силами радѣю, но поспѣшить не можемъ, ради разныхъ обстоятельствъ. Того ради извольте попещися о греч. наукахъ, чтобъ впредь была хотя малая искра, ради церковныя пользы. Грекъ Анастасъ заболѣлъ тяжко и послѣднимъ окомъ, и, ежели изцѣлѣетъ, буду его убѣждать о школахъ, а мзду за труды изволь ему опредѣлить письмомъ, понеже ко мнѣ о семъ никогда не писано. О сихъ вашему сіятельству донося и отъ навѣтовъ обороны прося, впрочемъ остаюсь рабъ послушнѣйшій

Поликарповъ.

Москва 29 октября 1716.

P. S. О календарѣ, государь, будущемъ въ Посольскомъ приказѣ дьякъ Михайло Родіоновъ весьма отказалъ и сказалъ: хотя буде и переводчики того языка были, однако жъ мы безъ указу переводить и въ печать отда-

вать не будемъ. Того ради извольте къ нимъ указъ прислать или у себя учителю цесарска языка Ягану Вурму велите сыскавъ перевесть и къ намъ прислать; а время давно настоитъ календарь печатать, и о семъ я третіе упоминаю, чтобъ на мнѣ впредь не взыскалось.

Деньги десять рублевъ, что̀ даны на погребеніе справщику Николаю, тѣ наложены на книги, за которыя ему надлежало послѣ выходу выдать. О дачѣ жалованья полугодоваго на будущій годъ печатнаго двора служителямъ какъ повелишь? О навѣтахъ, кои на меня отъ повара куются, впредь буду доносить и копію съ дѣла пришлю. По̀слано въ 6 ноября, понеже перваго почтаря разгромили.

Получено въ 26 день 716 году.

V.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый патронъ государь Иванъ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь благополучно.

Вчера смущену бывшу духу моему о внезапной кончинѣ сослужителя моего справщика Николая, забвенію положися, еже бы донести чрезъ предваршее (sic) писаніе вашему сіятельству о семъ: ко чтенію государь, и правленію священныя Библіи вмѣсто онаго Николая не поволите ли прислать къ намъ указомъ изъ великаго Новаграда монаха Іова (быть може онъ, хотя и шаленъ) да писца Ѳедора Герасимова и прочихъ доброписцевъ ради письма, которыхъ тамо больше шести человѣкъ, а нынѣ всѣ безъ дѣла? И чаю, что многіе нынѣ тамо безъ дѣла, а намъ они вельми нужды. Изволь, государь, меня о семъ увѣдомить, такъ же и о всемъ прочемъ.

Анастаса грека о пріятіи школъ или Библіи убѣждать и писать буду, а мзду ему на письмѣ опредѣлить извольте.

Читать начахомъ нынѣ книгу Есѳирь. Безпутица великая, дѣлу не мала препона.

О бумагѣ, государь, время промышлять, больше двухъ мѣсяцевъ оныя въ дѣло не будетъ. О календарѣ новомъ въ Посольскомъ приказѣ дьякъ Михайло Родіоновъ намъ отказалъ и сказалъ, что указу къ нимъ не бывало; также де календаря и переводчиковъ у него на нихъ нѣтъ. Изволь, государь, приказать нѣмецкаго языка учителю Ягану Вурму оный календарь сыскать, перевесть и къ намъ прислать, ибо давно настоитъ время, а у насъ истинно переводить некому, чтобъ не пострадать чего. О сихъ донося, въ прочемъ вашему сіятельству остаюся слуга послушный всегда

Поликарповъ.

Москва, октября въ 30 день 1716.

VI.

Отвѣтъ графа Мусина-Пушкина.

Федоръ Поликарповичь, здравствуй. Календарь, переведенный съ нѣмецкаго языка на россійскій, при семъ къ тебѣ послалъ. Вели его печатать не мѣшкавъ. О сукнахъ къ тебѣ писано многажды, чтобы въ долгъ не продавать; кто хочетъ, чтобъ взялъ на деньги. О монахѣ Іовѣ и о писцахъ въ Новгородъ къ архіерею отпишу не умедля, дабы оныхъ къ вамъ прислали. Анастасію греку обѣщай давать въ годъ 10 рублей. О семъ къ тебѣ писано жъ (приписаніе) $\frac{г.}{м.}\Big|\frac{и.}{п.}$

P. S. А Прогностиконъ пришлю послѣ, понеже здѣсь мы еще не имѣемъ переведеннаго. Послано въ 2 день декабря 716 году.

VII.

Сіятельнѣйшій графъ, высокій мой опекунъ, государь Иванъ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь благополучно.

Настоящаго марта въ 9 день получилъ я отъ вашего сіятельства писаніе, изъ котораго (паче же изъ... (разго?) ворныхъ словъ посланнаго вашего куріера Семена) выразумѣлъ я паки твой движимый гнѣвъ на меня, аки бы за неотправленіе книгъ и чертежей, по росписи прежде и нынѣ ко мнѣ присланныхъ, и я на сіе чистосердечно отвѣтствую. Книги, государь, я которыя могъ с...ть тѣ всѣ отправя послалъ съ ученикомъ въ ящикѣ за печатью, а имянно Библію, Грамматику, Служебникъ, Ирмологіи, Уложенье старое, Артикулы военные старые. А новопечатныхъ книгъ, новыхъ военныхъ уставовъ, процессовъ, экзерцицій и церемоній у насъ нѣтъ и не бывало, ибо печатаны тѣ книги въ Санктъпитербурхѣ. Также чертежей каналамъ Ивано-езерскимъ и Вышневолочковскимъ и Москвы съ монастырями преспективы у насъ на .. дворѣ не бывало, а дѣланы... ... (ору)?жейной у князя Гагарина, и о семъ я писалъ дважды. И посему прежній и нынѣшній реестры стали быть всѣ очищены. И за сіе тебѣ моему господину гнѣватися на меня и крушитися безвинно—будетъ ли благословно, изволь разсудить самъ, яко мудръ. Извѣстно вамъ, что ваша высокихъ лицъ гнѣвная... словеса изсушаютъ многажды и высокая древеса. Аще же когда съ милостію изрекутся, тогда и отъ неплодныя малыя смоковницы многъ плодъ произвести могутъ. Хотѣлъ было и я грубый еще нѣчто новое немалое и во истинну небывалое Россійскому народу въ пользу произвесть чрезъ убогій трудъ мой, но видя себя злая возъ (sic) благая страждущаго (яко же и за Географію льстецомъ и обманщикомъ именуема) и всегда въ противныхъ волнахъ обуреваема отъ оболганія, навѣтовъ и поруганія ласкателей, тунеядцевъ и притрапезниковъ (ихъ же премудрое писаніе нарицаетъ морушками) оставлю все, да не горшее что пострадаю. Тіи же подобенъ себѣ плодъ да издаютъ любящимъ ихъ.

Въ нынѣшнемъ же вашего сіятельства... сверхъ прежняго упоминалось о книжицѣ Эзоповѣ.... гражданскихъ и церковныхъ. И я... отъ всѣхъ по три книги собралъ къ посылкѣ, но посланный куріеръ Семенъ оныхъ не принялъ за безпутицею, чтобъ ихъ не подмочить, и того ради я послалъ по одной отъ всѣхъ гражданскихъ, да по два листа отъ всѣхъ чертежей и юрналовъ.

Доимка, государь, что̀ на Носовѣ, по твоему приказу и до дне сего пишется и въ вѣдомостяхъ, и нынѣ въ книгахъ написана наличною казною, потому что еще не вершено дѣло. И надобно всеконечно вершить, понеже слѣдуетъ бѣдство: пишемъ то въ казнѣ, что̀ изъ казны давно улетѣло. И уже бы по се число было возвращено на выборѣ, или на книгахъ выбрано.

О гнѣвѣ твоемъ на меня за прибавку становъ сказалъ мнѣ въ приказѣ при всѣхъ дьякъ Гаментовъ, по тому я о семъ и писалъ къ вамъ.

За трудъ въ библіоправленіи труждающимся отцемъ по указу противъ

прежняго я выдалъ, за что и благодарствуемъ обще твоему еже о насъ милосердію.

Учитель Іоанникій старецъ зѣло оскорбился,
Что съ прочими годоваго и сего жалованья лишился.
О сихъ всѣхъ въ вашему сіятельству донося
И о грубости... во всемъ прощенія прося.

впрочемъ... остаюсь послушный вамъ *Поликарповъ.*

P. S. Географію, государь, ежели изволишь прислать, благоволи въ ней замѣтить мѣста, требующія исправленія. А писана она размѣтисто и не мелко не ради моего прельщенія, но дабы читающимъ очесамъ угоднѣе и удобнѣе было ко чтенію, паче же тѣмъ очесамъ, которыя всю Россію, аки второе солнце, назираютъ, освѣщаютъ и питаютъ своимъ милосердіемъ; ихъ же мелкимъ письмомъ напрасно трудить не обычно и страшно. А о числахъ въ поляхъ писано въ моемъ на книгу предисловіи, въ началѣ книги. Посланные образцы дошли ли и что по нихъ настоитъ?.. Куріеръ поумедлилъ за удержаніемъ подводъ и книгъ за переплетомъ.

Получено марта 18 дня 1717.

VIII.

Письмо графа Пушкина къ Лопатинскому.

Пречестнѣйшій отецъ архимандритъ. По именному царскаго величества указу присланные отъ его величества два лексикона одинъ съ латинского на французскій языкъ, другой съ латинского на галландскій велѣно подъ латинскія рѣчи подвесть славенскія слова, и оныя книги послалъ я къ Ѳедору Поликарпову и велѣлъ объявить вамъ. Того ради изволйте въ томъ приложить тщаніе свое, понеже сіе нужно есть его величеству. А по окончаніи онаго дѣла, съ тѣхъ же лексиконовъ изволте сдѣлать лексиконъ съ славенскаго языка на латинской, токмо во всѣхъ не изволте высокихъ словъ славенскихъ класть, но паче простымъ русскимъ языкомъ. Прошу такожъ изволь и прочимъ учителемъ сіе объявить, дабы тщаніе свое приложили (приписано:) вашего прошу благословенія. г./м. | и./п.

Послано въ 2 день іюня 1717 году съ денщикомъ Борисомъ Севрюковымъ. Федоръ Поликарповъ.

IX.

По имянному царскаго величества указу присланные отъ его величества два лексикона одинъ съ латинского на французскій языкъ, другой съ латинского на галландскій, велѣно велѣно (sic) и изъ оныхъ сдѣлать одинъ лексиконъ и подъ латинскія рѣчи подвесть славенскія слова, и оныя книги посылаю къ тебѣ при семъ письмѣ съ нарочнымъ. Того ради оные лексиконы объяви, какъ отцу Лопатинскому, такъ и прочимъ учителемъ, дабы въ семъ дѣлѣ приложили тщаніе, понеже сіе нужно есть его величеству, за что ты примешь отъ его величества милость и за трудъ воздаяніе немалое, для чего съ оными книгами посылаю къ тебѣ и твои лексиконы ради лучшаго исправленія. А по окончаніи онаго дѣла, съ тѣхъ же лексиконовъ сдѣлайте лексиконъ же изъ славенскаго языка на латинской по алфавиту. При семъ же посылаю къ тебѣ и Географію переводу твоего, которая за неискусствомъ либо какимъ переведена гораздо плохо: того ради исправь хорошенько не высокими словами славенскими, но простымъ русскимъ языкомъ (такожъ и лексиконы), а испра-

вя вели напечатать къ пріѣзду царского величества и напечатавъ, надобно тебѣ явиться предъ его величество самому ради воздаянія. (Приписано рукою графскою): Со всѣмъ усердіемъ трудися, и высокихъ словъ славенскихъ класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова. Отцу Лихудію на нынѣшній годъ выдай жалованье. У Бориса Севрюкова прими сумки, въ чемъ положены книги, понеже куплены здѣсь на казенныя деньги г. м. | и. п.

Послано іюня 2 дня 1717 году съ денщикомъ Борисомъ Севрюковымъ.

X.

Тогожъ числа къ нему, Федору Поликарпову послано другое письмо съ нимъ же, Борисомъ Севрюковымъ; писано нижеписаннымъ образомъ:

Федоръ Поликарповъ. Писалъ ты ко мнѣ, что денщики и драгуны требуютъ хлѣба; того ради на тѣ деньги, которыя надлежитъ имъ выдать, купи хлѣба и раздай, или и деньгами по настоящей цѣнѣ; такожъ и Федоту Ушакову съ прочими холостыми, которые въ Москвѣ, давай; но токмо на тѣхъ холостыхъ не давай, которые здѣсь живутъ при мнѣ, понеже ѣдятъ мой хлѣбъ. Книги и деньги, которыя пропали изъ лавки, доправь на лавошникѣ (приписано) г. м. | и. п.

XI.

Сіятельнѣйшій графъ, мой милостивый патронъ, государь Иванъ Алексѣевичъ. По благодати всесвятаго Параклита, нынѣ отъ церкве святыя восточныя празднуемаго желаю васъ, моихъ милостивыхъ, здравствовати всседомовнѣ и радоватися духовнѣ.

Не безъ великаго, государь, мнѣнія обрѣтаюся о укоснѣніи отъ вашего сіятельства писемъ ко мнѣ, рабу твоему, ибо на четыре моихъ письма, въ маіи посланныя, ни единыя іоты получилъ я до днесь отвѣтствованія, отчего припаде ми о здравіи вашемъ не мало сомнѣніе. Прошу, государь, твоей ко мнѣ отеческія неотмѣнныя (яко же пишеши) милости, порадуй меня поне единою строкою о вашемъ здравіи. Сіе бо ми желательно, аки дождь во время бездождія.

Чрезъ настоящее же ничего новаго къ доношенію не имѣю, токмо о старомъ напоминаю, по отправленіи сукна двухъ кипъ; понеже по се число отъ вашего сіятельства о прочихъ оставшихся здѣсь (которыхъ еще двадцать кипъ) ни единаго къ намъ опредѣленія не бывало. А оныя кипы въ палатѣ гніютъ напрасно. И я опасенъ, что отъ того утоленный твой на мя гнѣва огнь не возжеглся паки. Прошу, государь, опредѣленія, что̀ съ ними дѣлать. Бумаги мы въ февралѣ купили съ тысячу стопъ по поламъ, и оной будетъ до ноября, а далѣе не на чѣмъ будетъ дѣлать. Благоволи, государь, самъ подрядить тамъ, или сюда отписать къ Евреевымъ, или кому лучше, чтобъ поставили хотя три тысячи по поламъ къ намъ. А хотя и въ новую столицу преведется, и тамъ припасы надобны жъ. По отъѣздѣ нѣмецкихъ школъ учителей въ Санктъпитербурхъ осталась на Новгородскомъ подворьѣ библіотека по описи съ тысячу книгъ нѣмецкихъ, еврейскихъ, французскихъ и проч. И оныя книги лежатъ безъ дѣла, а въ школахъ вашихъ, чаю, книгъ быть скудно. И не повелите ли ихъ прислать, понеже намъ до нихъ нужды нѣсть?

Во священной Библіи кончаемъ Премудрости Соломона. Печатаемъ Прологи, Евангелія на александріи. Псалтири да часословцы въ четверть.

Миней мѣсячныхъ въ десть требуютъ мнози, понеже въ казнѣ ихъ ничего нѣтъ. О семъ всемъ донося и милостиваго отвѣта прося, впрочемъ остаюся вашему графскому сіятельству рабъ послушный всегда.

Поликарповъ.

Москва
1717
въ 4 іюнія

P. S.

У насъ нынѣ прозябла новинка,
Явилась баба завируха старинка,
Аѳеистка наче неже Калвіанынии,

Къ ней же бесѣдова Екзархъ публично въ дни Самаряныни.
Многими доводы не изцѣли Вавилона:
Ѳомку за свята сказуетъ я óна

XII.

Слѣдующаго письма сохранился только отрывокъ. Въ немъ въ началѣ идетъ рѣчь о сукнахъ:

Бумаги купите въ Москвѣ что надлежитъ, а мнѣ здѣсь подряжать и къ Евреевымъ писать не для чего: и не у однихъ Евреевыхъ есть бумага. Того ради подряжайте съ торгу.. О библіотекѣ, которая осталась послѣ учителей нѣмецкихъ школъ, буду писать впредь. Географію для Бога потщись, чтобъ совершить ее къ пріѣзду царскаго величества сюда, котораго... въ ноябрѣ мѣсяцѣ, хотя и еще становъ... какъ мочно при...

Федоръ Поликарповъ. Писалъ ты ко мнѣ, чтобъ прислать къ вамъ изъ здѣшней типографіи мастеровыхъ людей 5 человѣкъ. Вѣдаешь ты и самъ, что здѣсь мастеровыми людьми отправляются съ нуждою, и сдѣлать сего не возможно. Того ради отправляй своими мастеровыми людьми... Географію для Бога поспѣшай печатаніемъ, чтобъ приготовить къ пріѣзду царскаго величества ..

Въ сентябрѣ 1717 года.

ЛЕВЪ ЮРЛОВЪ И ЕГО ПИСЬМО КЪ РОДСТВЕННИКАМЪ.

(1743 года, сентября 11).

Епископъ Левъ Юрловъ извѣстенъ, какъ одно изъ духовныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ Ѳеофана Прокоповича вскорѣ по восшествіи на престолъ императрицы Анны. Главнѣйшія біографическія свѣдѣнія, которыя имѣются о Юрловѣ, сохранились въ его собственныхъ показаніяхъ, находящихся въ нѣсколькихъ дѣлахъ о немъ, которыя хранятся въ Архивѣ св. Синода. Извлеченіе изъ этихъ показаній напечатано въ статьѣ „Георгій Дашковъ“ въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1863 г., № 1. Дополнительныя извѣстія о Львѣ Юрловѣ можно найти въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“, изд. 2-е, т. XV, стр. 34—37, и въ Исторіи Росс. іерархіи“, т. I, стр. 198.

Левъ, въ мірѣ Лаврентій, былъ сынъ дворянина Михаила Матвѣевича Юрлова и родился въ отцовскомъ имѣньи с. Сёмовѣ (Нижегородской губ., Макарьевскаго уѣзда); въ юныхъ лѣтахъ оставшись сиротою, онъ воспитывался въ домѣ боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, вмѣстѣ съ его сыномъ Иваномъ, и съ нимъ же, въ 1695 и 1696 годахъ, ходилъ, въ качествѣ волонтера, въ походъ подъ Азовъ. Извѣстны тѣ широкіе планы, которые внушались Петру, и которые онъ самъ питалъ въ первую свою войну противъ Турокъ (см. „Исторію Россіи“, *С. М. Соловьева*, т. XIV, стр. 218 и слѣд.); воспоминаніе объ этихъ намѣреніяхъ осталось въ памяти Юрлова, который, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, слышалъ о предположеніяхъ Петра отъ него самого, въ бытность свою пажемъ царицы Марѳы Матвѣевны. (Стало быть, эта придворная служба Юрлова должна относиться ко второй половинѣ шестьсотдевяностыхъ годовъ). Въ 1701 г. Лаврентій участвовалъ въ Нарвскомъ походѣ и потомъ, 23-хъ лѣтъ, рѣшился вступить въ монашество. Голиковъ, со словъ М. І. Голо-

виной, разсказываетъ, что пажъ Юрловъ, будучи при царицѣ Марѳѣ на ассамблеѣ у Голландца Гопа, гдѣ находился и самъ Петръ, похитилъ серебряный кубокъ, обыкновенно подаваемый государю; что царица, жалѣя пажа, дала ему средство скрыться отъ царскаго гнѣва, и что Юрловъ бѣжалъ въ Вологду, гдѣ и постригся. Въ собственномъ своемъ показаніи Юрловъ умолчалъ объ этомъ происшествіи и объяснилъ, что онъ провелъ около десяти лѣтъ на искусѣ въ Троицво-Сергіевскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ іеромонаха Георгія Дашкова, а потомъ былъ переведенъ въ Троицкій же монастырь въ Астрахань и здѣсь постриженъ въ мантію и посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха. Въ слѣдствіе ссоры съ митрополитомъ Іоанномъ Левъ оставилъ Астрахань и, согласно распоряженію Стефана Яворскаго, переведенъ въ Москву въ Донской монастырь. Но въ эту пору Георгій Дашковъ былъ посвященъ въ епископы Ростовскіе, Левъ выпросился съ нимъ въ Ростовъ, а когда въ Петербургѣ основался Александро-Невскій монастырь, Левъ посланъ былъ туда. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, Левъ опредѣленъ былъ архимандритомъ Переяславскаго Горицкаго монастыря. Въ январѣ 1724 г. онъ подпалъ подъ судъ за расхищеніе казны въ Астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ и отрѣшенъ отъ настоятельства; но въ апрѣлѣ тогоже года, по случаю коронаціи Екатерины, вина его была прощена, и ему повелѣно быть Горицкимъ архимандритомъ по прежнему; въ 1726 г. онъ даже вызванъ былъ для присутствованія въ синодъ, а въ слѣдующемъ произведенъ въ епископы Воронежскіе.

14 февраля 1730 г. въ Воронежъ пришелъ манифестъ объ избраніи императрицы Анны. Извѣстно, что это неожиданное избраніе было встрѣчено въ Россіи безъ сочувствія. Такъ было и со Львомъ. Когда Воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ получилъ вышеупомянутый манифестъ, онъ немедленно отправилъ его къ Юрлову, но епископъ, вмѣсто того, чтобы озаботиться объявленіемъ его, велѣлъ на слѣдующій день —пришлось первое воскресенье великаго поста—въ чинъ православія, вездѣ, гдѣ слѣдовало поминать имя государыни, —молиться „о благочестивѣйщей великой государынѣ нашей царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и о державѣ ихъ“, а потомъ о благовѣрныхъ государыняхъ цесаревнѣ и царевнахъ. Такимъ же образомъ возношеніе производилось и въ слѣдующіе дни. Наконецъ 18 февраля Пашковъ снова потребовалъ отъ Льва объявить манифестъ; но епископъ отвѣчалъ, что „церковнаго поминовенія о государѣ императорѣ и молебнаго торжества о ея императорскомъ величествѣ безъ присланнаго къ нему о томъ особливаго точнаго указа изъ синода собою чинить опасенъ, разсуждая то, что, можетъ быть, не сдѣлается-ль впредь другой какой отмѣны.“ Пашковъ донесъ о такомъ отвѣтѣ въ Москву. Оттуда у Льва потребовали объясненія. Онъ отвѣчалъ, что Пашковъ клевещетъ на него по злобѣ. При заслушаніи этого дѣла въ синодѣ, 20 марта, Георгій Дашковъ подтвердилъ, что у Юрлова съ Пашковымъ давняя ссора, и что для дальнѣйшаго сужденія должно подождать: не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія. На томъ дѣло и остановилось; но 15 іюля Ѳеофанъ сдѣлалъ синоду запросъ отъ имени государыни: почему это дѣло не обслѣдовано? Члены синода, Дашковъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій и Игнатій Смола, оправдывались необходимостью новыхъ объясненій отъ Пашкова, но ихъ объясненія оставлены были безъ вниманія, и 30 августа послѣдовалъ указъ объ увольненіи этихъ членовъ изъ синода. Вновь назначенные члены повели дѣло Льва поспѣшнѣе: его вызвали въ Москву и начали слѣдствіе. Въ синодѣ и сенатѣ его допрашивали о цѣли его поступка, о пользѣ, которой онъ себѣ ожидалъ отъ него, и о лицахъ, въ которыхъ искалъ содѣйствія. На всѣ эти вопросы Левъ отвѣчалъ уклончиво, „отбываясь просто-

тою". Тогда синодъ опредѣлилъ разстричь Льва и предать его гражданскому суду. 2 октября императрица утвердила это рѣшеніе, а два мѣсяца спустя именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно „бывшаго Воронежскаго епископа Льва, за извѣстную его вину, сослать въ Крестный монастырь и содержать за карауломъ, въ кельи, неисходно, и никого къ нему не допускать и чернилъ и бумаги для письма не давать. А буде къ нему отъ кого какія письма приходить будутъ, тѣ отбирать и, распечатывая, читать и отсылать къ губернатору, которому о томъ въ сенатъ репортовать; а въ церковь допускать его за карауломъ."

Почти десять лѣтъ Юрловъ провелъ въ заточеніи, въ Архангельскомъ Крестномъ монастырѣ, на островѣ Бѣлаго моря. Наконецъ, уже въ царствованіе Іоанна Антоновича, „бывшій Воронежскій епископъ Левъ, что̀ нынѣ растрига Лаврентій", подалъ прошеніе о своемъ освобожденіи. Но прежде чѣмъ послѣдовала ему милость, на престолъ вступила императрица Елисавета. 19 апрѣля 1742 г. синодъ словесно доложилъ государынѣ о бѣломорскомъ заключенникѣ, и императрица разрѣшила возвратить ему архіерейскій санъ, что̀ и было исполнено 22 числа того же мѣсяца. Но старикъ не согласился принять епархіи и съ пенсіею уволенъ на пребываніе въ Московскій Знаменскій монастырь, гдѣ и умеръ 28 января 1755 г.; тѣло его похоронено въ с. Сёмовѣ.

Печатаемое письмо Юрлова доставлено было потомкомъ одного изъ его родственниковъ, Симбирскимъ землевладѣльцемъ В. П. Юрловымъ въ Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и, съ согласія какъ сообщившаго, такъ и Отдѣленія, передано для напечатанія въ „Русскій Архивъ." Препровождая письмо, г. Юрловъ пишетъ: „Въ проѣздъ мой лично чрезъ село Лысково, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ гостяхъ у знаменитаго владѣльца села этого, старикъ князь Грузинскій сказалъ мнѣ: „Я всегда былъ другомъ съ твоей фамиліей, съ твоимъ дѣдомъ Иваномъ Петровичемъ мы жили какъ братья, твоего дядю я крестилъ, а послушника твоего (прапрадѣда), управлявшаго селомъ Семовымъ, зналъ уже преклоннымъ старикомъ; этотъ послушникъ говорилъ мнѣ много о Воронежскомъ епископѣ Львѣ: ты, конечно, заѣдешь поклониться его могилѣ."—Дѣйствительно я былъ въ Сёмовѣ, хотя имѣніе это въ то время, да и теперь, не находится уже въ семейномъ владѣніи нашемъ, и собралъ тамъ документы, извлеченіе изъ которыхъ здѣсь представляю."

Л. Майковъ.

ПИСЬМО ЛЬВА ЮРЛОВА.

Благословеніе Господне на васъ! Миръ и благодать Господа нашего Іисуса Христа буди со всѣми вами! Спрашиваете: получалъ ли я, старецъ, посылки, рыбу колотую, варенье, муку и другое. А сколько лѣтъ служитъ вамъ Михей? Али старика черезъ меня, старца, повѣрять надобно? Ни, возлюбленніи, честно служитъ, — честь и отдайте: все получено отъ щедротъ вашихъ, а только, мню, подозрѣнія на старыхъ слухъ не имате. Миръ вамъ! Нынѣ пристань благую обрѣтохъ. Паки глаголю: въ темницѣ бѣхъ, и посѣтисте меня, алкалъ и жаждалъ, и напоисте меня, и прочее къ тому, еже вѣсть сердце. А вы, милые, паче чѣмъ чадца моя, ровные вси, но кровные мои, что̀ о старцѣ заботитесь? Ей, преизрядное житіе мое въ обители, а монаху — что̀ надобно? Не ищу ничесо же вашихъ, но васъ самихъ, вы бо радость моя и вѣнецъ, яко здравыхъ васъ обрѣтаю, по Апостолу глаголюще. Давно прошу: отпустили бы стараго слугу Михея на волю, какъ сдѣлалъ со сво-

ими слугами блаженной памяти братъ нашъ Семенъ Акимовичь. Внучку моему Василію посылаю французскаго сукна на кафтанъ да часы мои нюренбергскіе: пусть, познавая изъ оныхъ время, научится проводить оное съ пользою. Прейду и къ дѣлу. Многажды вопрошаете, какъ и въ послѣднемъ письмѣ своемъ, о православной вѣрѣ, иматъ ли распространитися на агарянскіе царства и народы? Отвѣщаю. Подъ сѣнію священныя державы Богомъ вѣнчанныхъ, благовѣрныхъ, въ мирѣ почившихъ великихъ князей и царей Россійскихъ, подъ сѣнію славно царствующей монархини нашей и наслѣдящихъ по ней царство въ неисчетные роды родовъ, процвѣло и не престанетъ процвѣтать православіе, яко священное охраненіе древней, соборной, вселенской и апостольской церкви, въ ней же обрѣтается спасеніе всѣхъ православныхъ чадъ ея. Не точію Россійскіе, но и вси православные народы отвсюду обращаютъ взоры на Россію. Благословенной ли дщери великаго Петра, сей монархини нашей, извлекшей мя епископа, и осмьнадесять заключенныхъ, изъ нѣдръ Сибири, или ея грядущимъ наслѣдникамъ предстоитъ объединеніе подъ единою Россійскою державою всѣхъ народовъ отъ Грекъ и отъ прочихъ народовъ, исповѣдующихъ православную вѣру, — вѣдаетъ Господь. Но чаемъ въ грядущемъ, яко преславная мысль великаго Петра, монарха нашего, въ юныхъ еще годахъ моихъ, въ бытность мою міряниномъ и пажомъ вѣчно достойныя памяти царицы Маровы Матвѣевны, возвѣщавшаяся овогда, паче же въ веселомъ и пресвѣтломъ его царскаго величества видѣ, яко подобаетъ православные христіаны отъ плѣненія поганскаго освободить и Станбулъ покорити подъ нозѣ его, и православные народы соединити во едино стадо, — яко Богомъ внушенная, мысль сія состоятися иматъ по времени. Вѣдаемъ къ тому же и преданія восточныя, яко и въ самомъ древле-православномъ храмѣ Премудрости Божіей, въ Царѣградѣ, вознесутся молитвы православныхъ христіанъ по скончаніи рекомаго преданіемъ числа лѣтъ, егда скончается власть турецкихъ салтановъ, прейдетъ могущество латинскаго папы, и скончаются козни цесарскія, отъ нихъ же много было туги и великому монарху нашему Петру Великому. Паче же всего вѣруемъ, яко ущедритъ Господь милость свою на ны и покроетъ покровомъ благости своея всѣхъ православныхъ христіанъ; свѣтъ же Евангелія возблистаетъ всюду, о еже быти единому стаду и единому пастырю. Простите, возлюбленніи: за старческими немощи и писать трудно; прихварываю нынѣ, да и старыя болѣзни откликаются. Едина мысль — умереть бы въ мирѣ да пристроить внучатъ, да положену быть въ богоспасаемомъ селѣ Сёмовѣ, одесную сродникъ и купно вашихъ почившихъ предковъ. — Смиренный епископъ Левъ.

ЗАПЛЕЧНЫЙ МАСТЕРЪ.

Пожаръ, бывшій въ Ярославлѣ 25 іюня 1768 года, произвелъ ужасное опустошеніе, о которомъ долгое время наши дѣды не могли вспоминать равнодушно Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что „первое запаленіе послѣдовало на питейномъ—ведерной и чарочной продажи—домѣ, и оттого сгорѣло: церквей 15, монастырей 2, домовъ: церковничьихъ 48, „разночинцевъ *бѣло*-мѣстныхъ 77, купеческихъ 194, харчевень 12, провинціальная канцелярія (со всѣми дѣлами), ко-

„лодничій острогъ, магистратъ, соляная „контора, гостинный дворъ, торговая ба„ня, 583 лавки", и проч. Въ огнѣ погибли „изъ посадскихъ три человѣка".

Вмѣстѣ съ людьми, церквами, домами и лавками, сгорѣли... вещи очень употребительныя въ доброе старое время, именно: кнуты, клейма для постановленія штемпельныхъ знаковъ и щипцы для вырыванія ноздрей, словомъ —„снасти, подлежащія ко учиненію колодникамъ экзекуціи." Хранитель этихъ вещицъ, нѣкто поручикъ Семенъ Самойловъ, просилъ Ярославскую провинціальную канцелярію, чтобы она „благоволила приказать всѣ оныя снасти искупить"; но канцелярія „искупить" не хотѣла, а потребовала означенныя орудія изъ *приписныхъ* городовъ: Романова, Пошехонья и Кинешмы. Романовская воеводская канцелярія на это требованіе отвѣчала, что у нея „тѣхъ инструментовъ, за сгорѣ„ніемъ оныхъ въ бывшій въ Романовѣ „прошлаго 1767 года пожаръ, ничего не „оказалось". Пошехонскій же воевода *репортовалъ*, что „пять кнутовъ, три „штемпеля и для выниманія ноздрей „щипцы... отданы присланному изъ про„винціальной канцеляріи заплечному ма„стеру."

Вскорѣ явилась надобность и въ самомъ мастерѣ. Упомянутый поручикъ Самойловъ (кстати замѣтимъ, что сей офицеръ былъ безграмотный: за него подписывались другіе) донесъ своему начальству слѣдующее:

„Велѣно мнѣ взять находящагося „здѣсь (въ Ярославлѣ) заплечнаго масте„ра, для наказанія нѣсколькихъ дворцо„вой вотчины крестьянъ; но онъ весьма „тяжко боленъ, и, по старости его, со„всѣмъ дряхлъ, и глазами худо видитъ, и „затѣмъ не только свою должность исправ„лять, а изъ квартиры выдти не можетъ."

—„Нѣтъ ли излишняго, сверхштатнаго заплечнаго мастера?"—спросила Ярославская провинціальная канцелярія Московскую розыскную экспедицію, объяснивъ ей, что въ приписныхъ городахъ множество народу сидитъ ненаказаннаго, единственно потому, что палачъ старъ, слабъ зрѣніемъ, хорошо сѣчь не можетъ...

Шли недѣли, шли мѣсяцы. Розыскная экспедиція хранила молчаніе.

Провинціальная канцелярія негодовала на такую медленность.

Увѣдомленіе, наконецъ, было получено: заштатнаго палача нѣтъ, а штатнаго отправить въ Ярославль нельзя, „надобенъ".

Что дѣлать?

А тутъ еще другая бѣда. Кромѣ поручика Самойлова, Пошехонскій воевода неотступно просилъ все о томъ же— о присылкѣ заплечнаго мастера. Этому воеводѣ Московская губернская канцелярія велѣла распорядиться, по закону, надъ нѣсколькими преступниками, — а какъ тутъ распорядиться?—не самому же кнутобойничать! Воевода три раза требовалъ палача, для учиненія наказанія бѣглому рекруту Григорію Кузьмину да крестьянину Ивану Сергѣеву съ товарищами: за разныя кражи и разбой, ихъ присудили къ кнуту, вырѣзанію ноздрей, „постановкѣ стемпелями знаковъ", и затѣмъ къ ссылкѣ въ Нерчинскіе заводы, въ тяжкую работу. И вдругъ—преступники убѣжали. „Противъ 20 числа іюля" (1768), писалъ Пошехонскій воевода, „означен„ные колодники, воры-разбойники, да еще „и смертоубійцы: Кипріянъ Потаповъ, „Семенъ Матвѣевъ, Матвѣй Андреевъ, да „товарищъ ихъ Иванъ Мироновъ, да „разныхъ вотчинъ бѣглые помѣщичьи „крестьяне—четыре, а всего 10 человѣкъ, „содержась въ тюремной избѣ, проломя, „по ветхости, во оной избѣ одну половную „тесницу, и подрывся ночнымъ вре„менемъ подъ стѣну, вылѣзши,—всѣ тѣ „10 человѣкъ изъ той тюремной избы въ „острогѣ, у коего одно бревно, которое „снизу, все подгнило, выломили, и изъ „того острогу учинили утечку." Впрочемъ изъ нихъ пять человѣкъ, въ томъ числѣ „смертоубійца" Кипріянъ Потаповъ, были вскорѣ пойманы; но „това„рищъ его, Иванъ Сергѣевъ, да выше„значащіеся бѣглые помѣщичьи крестья„не бѣжали, хотя чрезъ штатнаго пору-

„чика Плохово, съ командою, и близъ „живущими обывателями многолюдствен„но чинены поиски"... „Того ради, за„ключилъ воевода, потребно, чтобы для „учиненія означенному разбойнику и тю„ремному утеклецу, пойманному Григо„рью Кузьмину, надлежащей экзекуціи, „заплечный мастеръ присланъ былъ, да„бы ему болѣе праздно не содержаться, „а паче, по ветхости тѣхъ тюремныхъ „избъ и острога, такоже и другіе съ „нимъ содержащіеся колодники не могли „бы учинить утечки."

Вслѣдствіе этого писанія, послѣдовалъ отвѣтъ, что заплечнаго мастера нужно сыскать „поблизости", въ Костромской, или въ другихъ провинціяхъ... „А какъ „въ Ярославской провинціальной канце„ляріи почти всегдашняя въ заплечномъ „мастерѣ надобность, то о вызовѣ таково„го въ пристойнемъ городѣ (Ярославлѣ) „въ здѣшныхъ мѣстахъ публиковать".

И вотъ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ прибиты были слѣдующія публикаціи:

„Объявляется во всенародное извѣстіе. „Не пожелаетъ ли кто изъ вольныхъ людей въ заплечные мастера и быть въ штатѣ при Ярославской провинціальной канцеляріи, на казенномъ жалованьѣ?—И если кто имѣетъ желаніе, тотъ бы явился въ канцелярію въ самой скорости."

Между Ярославцами не оказалось палача-аматёра. Это видно изъ дальнѣйшихъ распоряженій воеводской канцеляріи. Она составила протоколъ о томъ, что „хотя чрезъ публики и были вызы„ваемы къ должности палача вольные „люди, но таковыхъ не является. А въ „уложеніи 21-й главы, въ нижеписанныхъ „пунктахъ напечатано, въ 96-мъ: въ „палачи на Москвѣ выбирать изъ воль„ныхъ людей, и быть имъ въ палачахъ „съ поруками"; въ 97-мъ: „чтобы тѣхъ „палачей выбирать съ посадовъ и уѣз„довъ". На оный пунктъ въ указной 185„го года книгѣ написано: „Мая де въ „10-й день, бояра, слушавъ докладныя „выписки, приговорили: послать велика„го государя грамоты къ воеводамъ, что„бы они въ заплечные мастера взяли тѣхъ „городовъ изъ посадскихъ людей, кото„рые волею своею въ тоё службу быть по„хотятъ; а буде охотниковъ не будетъ — „изъ посадскихъ людей велѣть выби„рать, изъ самыхъ изъ молодшихъ, или „изъ гулящихъ людей, чтобы во вся„комъ городѣ безъ палача не было."

Приказали: „въ Ярославскій магистратъ „сообщить премеморіею, и требовать, что„бы оный, въ сходство указной 185 го„да книги, ко опредѣленію въ заплечные „мастера *изъ купцовъ* выбравъ, прислалъ; „ибо тотъ заплечный мастеръ долженъ „быть въ штатномъ жалованьѣ по долж„ности его въ службѣ. И если въ ско„рости оный присланъ не будетъ, то о „понужденіи того магистрата куда над„лежитъ представится."

Что сдѣлалъ магистратъ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ архивномъ дѣлѣ. Знаемъ только, что магистратъ, съ своей стороны, не поторопился исполнить означенное требованіе провинціальной канцеляріи, быть можетъ, съ цѣлью сохранить честь Ярославскаго купечества. Между тѣмъ провинціальная канцелярія вновь потребовала, чтобы палачъ былъ выбранъ „въ скорости", на этотъ разъ „изъ посадскихъ молодшихъ или гулящихъ людей". За неисполненіе сего, воевода грозился пожаловаться „главной командѣ"...

Какъ было устранено это препятствіе исполненію кары закона, намъ неизвѣстно; но, конечно, Ярославскіе и Пошехонскіе криминалисты нѣсколько успокоились, когда Московская розыскная экспедиція прислала имъ щипцы со штемпелемъ и 30 кнутовъ. Первые стоили 1 р. 20 коп., а послѣдніе по 20 коп. каждый. Деньги за нихъ были уплачены немедленно. За орудіями казни, вѣроятно, послѣдовалъ пріѣздъ и самого палача, къ утѣшенію сердобольнаго поручика Самойлова...

12 октября 1866.
Ярославль.

Л. Трефолевъ.

РАЗСКАЗЫ О СТАРИНѢ.

Въ дополненіе къ записаннымъ мною разсказамъ Н. О. Котлубицкаго о временахъ Павла 1-го (напечатаннымъ въ Рус. Архивѣ за 1866 г. стр. 1301-1331), присоединяю еще нѣсколько невошедшихъ туда, при чемъ считаю полезнымъ дополнить ихъ разсказами и другихъ современниковъ Котлубицкаго; а также мѣстными преданіями о нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, близкихъ здѣшнему краю (Малороссіи).

Во время пребыванія двора въ Петергофѣ однажды ночью позвали Н. О. Котлубицкаго къ императору, который тогда спалъ одинъ, въ особой комнатѣ съ отворенными окномъ, и вставленною въ немъ проволочною сѣткою „Какъ тебѣ не стыдно, сказалъ ему государь, — я только и сплю передъ разсвѣтомъ, а на взморьѣ, въ кабакѣ, такой шумъ, что не даютъ мнѣ покоя. Пойди, уйми ихъ! Да только не расправляйся съ ними строго". Котлубицкій приказалъ прислать за нимъ съ казаками верховую лошадь на взморье, а самъ отправился туда пѣшкомъ, прямою дорогою чрезъ садъ. Сходя по золотой лѣстницѣ, онъ оглянулся, и ему показалось, что въ комнатѣ великой княгини Анны Ѳеодоровны горитъ свѣча, и она читаетъ книгу. Продолжая идти, онъ былъ невольно пораженъ, когда, близь Монплезира, увидѣлъ великую княгиню гулящую въ саду въ сопровожденіи великаго князя и наслѣдника, который сказалъ ему нѣсколько словъ. Несмотря на прелесть ночи и очаровательную мѣстность, Котлубицкій сильно безпокоился неудовольствіемъ государя. Въ такомъ взволнованномъ расположеніи духа онъ пришелъ на взморье, гдѣ уже засталъ казаковъ и свою лошадь, вошелъ въ трактиръ и спросилъ содержателя. Вмѣсто содержателя къ нему вышелъ прикащикъ его въ халатѣ, съ чубукомъ въ рукахъ и на рѣзкія замѣчанія, сдѣланныя ему Котлубицкимъ, отвѣчалъ грубо и дерзко до того, что вывелъ Николая Осиповича изъ терпѣнія, и тотъ приказалъ казакамъ укротить его нагайками. Оказалось, что этотъ прикащикъ тоже купецъ, и за самовольную съ нимъ расправу хотѣлъ жаловаться государю. Чтобы не допустить до этого, Н. О. на другой день заплатилъ ему 5 или 6 тысячъ рублей.

Когда я былъ еще холостымъ, разсказывалъ Н. О., то у меня были знакомыя камеръ-юнгферы изъ прислуги государыни и великой княгини. Они по временамъ ко мнѣ заходили, — вѣдь мнѣ нужно было знать все, что̀ дѣлается во дворцѣ: иногда батюшка (такъ онъ часто называлъ Павла, изъ сыновней преданности къ своему благодѣтелю) спроситъ что нибудь, — такъ надо знать что̀ отвѣчать. Вотъ однажды забѣжала ко мнѣ камеръ-юнгфера великой княгини Анны Павловны и говоритъ, что великая княгиня очень скучаетъ, даже чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою. Мнѣ пришло въ голову, что вѣроятно скучаетъ въ отсутствіи своего супруга цесаревича, находившагося тогда съ Суворовымъ въ Италіи и желаетъ посѣтить своихъ родителей, но не знаетъ, какъ это сдѣлать; почему я на другой день, когда батюшка отдыхалъ послѣ обѣда, побѣжалъ на половину великой княгини, и когда она меня приняла, то я ей осмѣлился высказать свои предположенія, и рѣшился предложить мой совѣтъ. Благодарю васъ, генералъ, за ваше участіе ко мнѣ, вы отгадали мое желаніе; но научите, какъ мнѣ это сдѣлать? — Очень просто, сегодня въ собраніи [1]) извольте принять на себя грустный видъ. Императоръ это замѣтитъ, подойдетъ къ вамъ и спроситъ о причинѣ вашей грусти; тогда вы и скажите, что скучаете въ отсутствіи великаго князя и чтобы находиться ближе къ нему, желаете также посѣтить вашихъ родителей, которыхъ давно не видали. Императоръ самъ всегда былъ почтительнымъ сыномъ и

[1]) Каждый вечеръ всѣ члены высочайшей фамиліи собирались въ извѣстную залу, куда приходилъ императоръ и гдѣ находились также придворные, имѣющіе на то право, — это и называлось собраніемъ.

уважаетъ всегда это чувство въ другихъ. Онъ вѣроятно тотчасъ же доставитъ возможность исполнить ваше желаніе.—Такъ дѣйствительно и случилось: великая княгиня всё исполнила по совѣту Н. О. и государь, похваливъ ея чувства къ родителямъ, спросилъ: когда же вы желаете ѣхать къ родителямъ? — Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, отвѣчала она. —Но сейчасъ этого нельзя сдѣлать, замѣтилъ императоръ; а завтра все будетъ готово къ вашему путешествію, и, призвавъ оберъ-шталмейстера, приказалъ къ завтрашнему дню приготовить двѣ кареты и все необходимое для поѣздки за границу великой княгини.

Императоръ Павелъ покровительствовалъ женитьбѣ Котлубицкаго и былъ расположенъ къ женѣ его, которую онъ часто называлъ колибри (она была малаго роста). Императоръ иногда заходилъ къ Николаю Осиповичу, помѣщавшемуся во дворцѣ, разговаривалъ и шутилъ съ его женою. Однажды онъ ее спросилъ: „Страшенъ ли я, боитесь ли вы меня?“ Нѣтъ, государь, отвѣчала она: вы не страшны, и я васъ не боюсь.—А красивъ ли? продолжалъ императоръ. — У васъ чудесные глаза, отвѣчала ловкая женщина. Разсказывая объ этомъ, Николай Осиповичъ прибавлялъ, что у покойнаго государя глаза были чудные.

Однажды на разводѣ императоръ отдалъ Николаю Осиповичу свою форменную трость[2]), съ которою старикъ не разставался никогда, и даже самъ размѣрилъ ею себѣ могилу. Я какъ то спрашивалъ: Не съ этой ли палкой былъ знакомъ И. П. К...въ?—Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ, въ кабинетѣ государя была другая палка изъ воловьей жилы.

Маститый старикъ, Пасmовскій помѣщикъ, бывшій Зеньковскій предводитель дворянства, Петръ Петровичъ Пащенко, житель знаменитой сливами Опошни, разсказывалъ мнѣ, что онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ Котлубицкимъ и Капцевичемъ; но что онъ былъ большой шалунъ, лѣнивецъ и ничему не учился, а игралъ только въ карты (въ хлюсты) на мѣдныя деньги съ подобными ему товарищами на корпусномъ чердакѣ. Такъ какъ его шалости всегда почти обращали вниманіе Аракчеева, бывшаго въ то время поручикомъ и командиромъ егерской малолѣтней роты, который часто по этому имѣлъ привычку дергать его за пучекъ, то однажды товарищи его предъ танцовальнымъ класомъ натыкали ему въ пучекъ булавокъ; выведенный изъ терпѣнія его умышленными шалостями, Аракчеевъ и въ этотъ разъ схватилъ его за пучекъ и окровавилъ всю руку. Въ такомъ положеніи онъ привелъ его къ начальнику корпуса Мелессино, который улыбнулся и велѣлъ наказать Пащенка, но потомъ запретилъ офицерамъ драться. Шалуна кадета препорядочно высѣкли. Когда уже въ царствованіе императора Александра I Пащенко находился въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ, куда онъ доставлялъ селитру, то случайно встрѣтился съ заѣхавшимъ туда Аракчеевымъ и представился ему. Аракчеевъ тотчасъ вспомнилъ о булавкахъ въ тупеѣ. Пащенко былъ выпущенъ изъ корпуса въ кавалерійскій полкъ, который былъ расположенъ возлѣ Слонима. Императоръ Павелъ проѣздомъ смотрѣлъ въ строю ихъ полкъ, а потомъ въ Слонимѣ, въ домѣ гетмана Огинскаго (гдѣ помѣщался государь), фельдмаршалъ Репнинъ представилъ ему офицеровъ: каждый изъ нихъ становился на правое колѣно, опираясь на палку лѣвою рукою и въ такомъ положеніи цаловалъ руку императора.—По словамъ Пащенки роскошь въ Полтавской губерніи и вообще въ Малороссіи началась со времени генералъ-губернатора князя Куракина, которому сталъ подражать бывшій Полтавской губерніи предводитель Семенъ Михайловичъ Кочубей; у него было 13000 душъ, но онъ прожилъ все состояніе и разорился до

[2]) Эта самая палка находится теперь у меня: ее подарилъ мнѣ племянникъ Н. О., на память объ его почтенномъ дядѣ.

такой степени, что не было чѣмъ его похоронить. До того времени въ Полтавѣ жили очень просто: поваровъ не было, всѣ держали кухарокъ [3]), шампанскаго не знали, въ продажѣ было одно только крымское вино по 1 руб. 50 к. сер. за ведро; никто не зналъ иностранныхъ языковъ, кромѣ латинскаго; одинъ только Паскевичъ (отецъ фельдмаршала) говорилъ по нѣмецки. Въ Опошнѣ Пащенко слылъ мѣстнымъ банкиромъ, составивъ разными предпріятіями и оборотами порядочный капиталъ въ продолженіи своей многолѣтней жизни. Разсказывали, что разъ, замѣтивъ молодаго человѣка, скучающаго и ко всему равнодушнаго, вслѣдствіи моднаго когда-то (въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія) байронизма, онъ сказалъ: Я удивляюсь, что вы скучаете; мнѣ когда сдѣлается скучно,—я перечту 1000 рублей пятачками и повеселѣю. Бывшій Малороссійскій военный губернаторъ, князь Репнинъ, любилъ Пащенку, часто игралъ съ нимъ въ карты, иногда даже занималъ у него небольшія деньги (тысячи по двѣ). Пащенко всегда радъ былъ ему служить ими, только неиначе какъ на извѣстный срокъ и на честное слово; когда князь упоминалъ о заемномъ письмѣ, тогда Пащенко говорилъ, что на заемное письмо онъ не можетъ ему занять, а на честное слово—сколько угодно, хорошо зная, что въ послѣднемъ случаѣ князь непремѣнно возвратитъ ему деньги въ срокъ.

Упоминаемый въ разсказѣ Пащенка Семенъ Михайловичъ Кочубей, въ послѣдніе дни царствованія императора Павла, находился по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ; и такъ какъ по особенному распоряженію государя, не позволено было ему оставаться долѣе назначенныхъ для того нѣсколькихъ дней, а между тѣмъ дѣла его не были еще окончены, то онъ и обратился съ просьбою помочь ему къ своему родственнику, бывшему предъ тѣмъ Малороссійскимъ губернаторомъ М. П. М., отозванному отъ должности за то, что въ одной изъ своихъ офиціальныхъ бумагъ выразился, что такой-то взятъ подъ стражу; тогда какъ въ подобномъ случаѣ слѣдовало, по принятому порядку, писать: взятъ подъ караулъ или подъ арестъ. Этотъ родственникъ С. М. Кочубея, вѣроятно будучи лично извѣстенъ С. Петербургскому генералъ-губернатору Палену, пріѣхалъ къ нему вечеромъ 11-го марта 1801 года ходатайствовать о позволеніи остаться еще одинъ день Кочубею въ Петербургѣ. Когда доложили о немъ Палену, — тотъ выбѣжалъ встревоженный и спросилъ: что вамъ нужно? Торопливо выслушавъ объясненіе, онъ отвѣчалъ: вашъ родственникъ, когда хочетъ, и навсегда можетъ оставаться въ Петербургѣ.

Одинъ Малороссійскій дворянинъ хорошей фамиліи имѣлъ дѣло въ герольдіи о внесеніи его въ родословную книгу и, находясь въ Петербургѣ по одному общественному дѣлу, рѣшился подать лично прошеніе императору, прося прибавить къ его гербу девизъ: Помяну имя Твое въ роды родовъ. Прошеніе онъ по тогдашнему обычаю подалъ, ставши на колѣна. Павелъ прочелъ просьбу, она ему понравилась, и онъ сказалъ: сто душъ. Проситель отъ страха и радости упалъ ницъ.—Мало? сказалъ императоръ, 200. Но тотъ, ничего не понимая, продолжалъ лежать. Мало! повторилъ государь,—300, мало! — 400, мало! — 500, мало! — ни одной. Насилу наконецъ опомнившійся проситель всталъ; и хотя, не умѣя встать въ пору, не получилъ имѣнія, но дѣло его въ герольдіи окончилось скоро и успѣшно.

Въ 10 верстахъ отъ уѣзднаго города Суража, Черниговской губерніи, находится село Ляличи съ великолѣпнымъ каменнымъ господскимъ домомъ, при немъ съ огромнымъ паркомъ, обведеннымъ прочною каменною оградою, со всѣми затѣями барства прежняго времени. Эта усадьба, роскошно отдѣланная и меблированная, была выстроена по распоря-

[3]) Изъ дневника прадѣда моего Н. Д. Ханенка видно, что въ 1730-хъ годахъ у значительныхъ Малороссіянъ были уже повара.

женію императрицы Екатерины II-й, средствами всего края; планъ дома, проэктированный знаменитымъ Гваренги, былъ исправленъ карандашемъ самою императрицею [4]); самое село было названо Екатеринодаромъ и подарено графу Петру Васильевичу Заводовскому. Разсказываютъ, что Заводовскій, представляя государынѣ для утвержденія составленный Гваренги проэктъ для зданія Государственнаго банка, такъ восхищался имъ, что Екатеринѣ вздумалось выстроить ему такой домъ на мѣстѣ его родины [5]). Говорятъ также, что императрица намѣрена была посѣтить это роскошное жилище во время своего путешествія по Бѣлоруссіи, но намѣреніе это не осуществилось. Признательный Заводовскій, въ саду подареннаго ему помѣстья, поставилъ бронзовую статую своего благодѣтеля, гр. Румянцева, и никогда не проходилъ мимо нея, не снимая шляпы предъ ликомъ Кагульскаго героя [6]). По восшествіи на престолъ императора Павла, Екатеринодаръ велѣно называть прежнимъ его именемъ—Ляличи. Графъ Заводовскій отставленъ отъ службы и высланъ въ деревню, причемъ, по мѣстному преданію, ему пожалованъ былъ орденъ — бѣлая лента съ оригинальною надписью.... И даже разсказывали, что, въ первое время, приставленъ былъ къ нему полицейскій чиновникъ для наблюденія, чтобы ежедневно онъ надѣвалъ этотъ орденъ. Другіе говорятъ, что ему была дана не лента, а бѣлыя пуговицы на кафтанѣ съ такою же надписью. Въ продолженіе всего царствованія Павла графъ Заводовскій жилъ въ Ляличахъ, откуда ему не дозволено было выѣзжать далѣе 10-ти верстъ. Исправнику повелѣно было наблюдать за нимъ; этотъ исправникъ, Шпаковскій, человѣкъ грубый и корыстолюбивый, дѣлалъ находящемуся въ опалѣ графу всѣ возможныя притѣсненія: безпрестанно ѣздилъ въ Ляличи и каждый разъ возвращался оттуда съ деньгами и разными вынужденными подарками; ежели иногда случалось графу отъ скуки выѣхать къ какому нибудь сосѣду верстъ за 10, то исправникъ сейчасъ являлся туда и заставлялъ графа, хоть въ полночь, несмотря ни на какую погоду, возвращаться домой. По восшествіи на престолъ императора Александра I-го, Заводовскій немедленно былъ вызванъ въ Петербургъ и потомъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія. Разсказывали, что этотъ исправникъ такъ надоѣлъ графу, что онъ, будучи министромъ, употребилъ все свое вліяніе, чтобы исправники были по выбору мѣстнаго дворянства, а не по назначенію отъ правительства, каковымъ былъ хорошо ему знакомый исправникъ.

Когда графъ Румянцевъ отправилъ своихъ секретарей: Безбородку и Заводовскаго на службу въ Петербургъ, то вышелъ за ними на крыльцо и сказалъ: Не забывайте меня старика [7]).

Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ слишкомъ 30-ти лѣтъ, не зная никакого иностраннаго языка кромѣ латинскаго; но въ два года выучился по французски, а

---

[4]) Этотъ планъ съ поправками императрицы многіе видѣли у прежнихъ владѣльцевъ Ляличь.

[5]) Отецъ его имѣлъ помѣстье близь Стародуба и въ с. Дахновичахъ, а также и въ с. Красновичахъ, близь Ляличь. Братъ П. В. Заводовскаго, Иванъ Васильевичь, былъ полковникомъ Стародубскимъ. П. В., бывши въ силѣ, завладѣлъ многими монастырскими землями возлѣ Суража и даже, говорятъ, отнималъ почти насильно прилегающія къ его имѣнію земли своихъ небогатыхъ сосѣдей; почему онъ не пользовался особенымъ расположеніемъ своихъ земляковъ; братъ его, жившій возлѣ Стародубя въ с. Мериловкѣ, Илья Васильевичь, былъ очень добрый и всѣми любимый человѣкъ.

[6]) Имѣніе Ляличи при сынѣ гр. Заводовскаго было продано Энгельгарду, потомъ барону Черкасову и теперь находится во владѣніи И. А. Атрыганьева. При продажѣ барону Черкасову, наслѣдниками Енгельгарда увезена была статуя въ Смоленскую губернію. Въ прошломъ году купленъ этотъ замѣчательный памятникъ Черниговскимъ губернаторомъ, княземъ Сергѣемъ Павловичемъ Голицынымъ, и подаренъ городу Глухову, въ которомъ была сосредоточена административная дѣятельность графа, во время управленія имъ Малороссіею, гдѣ эта статуя будетъ воздвигнута, какъ знакъ тройной признательности — современника, потомка и всего края.

[7]) Слышалъ отъ Петрушевича, отецъ котораго въ то время служилъ у гр. Румянцева.

потомъ по нѣмецки и итальянски. По французски онъ писалъ и говорилъ отлично, только чрезвычайно бѣгло [8]).

Назначенный статсъ-секретаремъ, Безбородко не былъ еще знакомъ съ Петербургскимъ обществомъ и потому иногда охотно, по просьбѣ своихъ товарищей, дежурилъ за нихъ въ праздничные дни. Однажды на масляной угодно было государынѣ приказать пригласить къ завтраку на блины дежурныхъ статсъ-секретарей. Камеръ-лакей доложилъ, что никого изъ нихъ нѣтъ во дворцѣ. „Какъ, спросила императрица, неужели нѣтъ даже дежурнаго? — Въ статсъ-секретарской есть какой то Безбородко, отвѣчалъ камеръ-лакей. — Пригласить его, вѣдь онъ тоже статсъ-секретарь! сказала государыня. Въ разговорѣ съ Безбородкою императрица коснулась какого то закона; онъ прочелъ его наизусть, и когда государыня приказала подать книгу, то пока ее принесли, онъ сказалъ на какой именно страницѣ напечатаны самыя слова. Съ тѣхъ поръ государыня обратила особенное вниманіе на Безбородка. Память у него была превосходная; всѣмъ извѣстно, какъ онъ однажды императрицѣ прочелъ наизусть, держа предъ собою чистый листъ бумаги, одинъ чрезвычайно важный указъ, который онъ еще не успѣлъ написать по ея приказанію.

Племянникъ князя Безбородка, А. Я. Бакуринскій, жившій у своего дяди, находясь на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и бывшій у него домашнимъ человѣкомъ, разсказывалъ, что онъ часто посылалъ его въ свою огромную библіотеку, не справляясь съ каталогомъ, взять въ такомъ-то шкапу, на такой-то полкѣ извѣстную книгу, — и никогда не ошибался. Этотъ же племянникъ разсказывалъ, какъ Безбородко пріѣзжалъ въ Черниговъ къ его матери, сестрѣ своей, бывшей замужемъ за Черниговскимъ губернаторомъ Бакуринскимъ. Онъ и братъ его, будучи дѣтьми, привѣтствовали дядю на крыльцѣ, причесанные по тогдашней модѣ съ тупеями, латинской рѣчью, заранѣе приготовленною ихъ учителемъ-семинаристомъ. Изъ Чернигова Безбородко отправлялся въ Стольное, гдѣ жила его мать; онъ однажды ѣхалъ туда на лошадяхъ губернатора и, возвращаясь, говорилъ шутя своему зятю, что его кучеръ очень удачно сострилъ надъ его управленіемъ почтовымъ вѣдомствомъ. Когда императрицѣ угодно было увеличить прогонные платежи, то, чтобы сдѣлать это менѣе непріятнымъ образомъ для народа, говорилъ Безбородко, я предложилъ государынѣ уменьшить самыя версты изъ 700 въ 600-тыя, что было одобрено и приведено въ дѣйствіе. Вашъ кучеръ, везши меня пьяный, зацѣпилъ колесомъ за версту началъ сердиться и ворчать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обратился: Що такъ густо понаставлено столпивъ, що неможно проихать, не зачепившись!

Безбородко всегда любилъ свою родину и покровительствовалъ своимъ землякамъ: пріѣзжая въ Петербургъ, всѣ они являлись къ нему и находили у него ласковый пріемъ. Одинъ изъ нихъ, ожидая въ кабинетѣ за кресломъ князя, писавшаго письмо по его дѣлу къ одному вліятельному лицу, отъ котораго дѣло зависѣло, — ловилъ мухъ и замахнувшись разбилъ стоявшую на пьедесталѣ дорогую вазу. „Поймалъ?“ спросилъ Безбородко, не переставая писать. Другой Малороссіянинъ, никакъ не могъ застать его дома и забрался въ его карету, стоявшую у дворцоваго подъѣзда. Безбородко удивленъ былъ, заставши въ каретѣ посѣтителя, который объяснилъ ему дорогой причину таковаго обстоятельства и самое дѣло, по которому онъ искалъ и нашелъ его покровительство.

Тотъ же племянникъ Безбородка разсказывалъ, что однажды, ожидая къ обѣду императрицу, которая обѣдала по тогдашнему обычаю въ 2 часа, онъ послалъ его сказать повару, чтобы обѣдъ былъ готовъ скорѣе къ пріѣзду императрицы, и когда тотъ возвратился опять въ ка-

8) Слышалъ отъ племянника Безбородка А. Я. Бакуринскаго.

бинетъ, графъ спросилъ его: „ну что онъ говоритъ?“ Племянникъ отвѣчалъ, что поваръ сказалъ ему: доложите графу, что хорошій обѣдъ нельзя такъ скоро сдѣлать какъ раздѣлить Польшу. „И ему до этого дѣло! “отвѣчалъ Безбородко.

Во время слѣдованія императора Павла 1-го чрезъ Смоленскую губернію, не смотря на предварительное высочайшее повелѣніе, чтобы собственно для проѣзда государя не было дѣлано особенныхъ приготовленій и исправленія дорогъ, онъ засталъ множество крестьянъ, чистившихъ дорогу; спрошенные государемъ, они сказали: что они высланы для исправленія пути помѣщикомъ Храповицкимъ по случаю царскаго проѣзда и при этомъ удобномъ случаѣ жаловались вообще на притѣсненія своего владѣльца. Прибывши на станцію, взволнованный императоръ, въ присутствіи окружающихъ его придворныхъ и находившагося при немъ государя наслѣдника, сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣній. Какъ вы думаете, Храповицкаго надо наказать въ примѣръ другимъ? Всѣ безмолвствовали. Тогда онъ, обратясь къ наслѣднику престола, сказалъ: Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите такъ, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ! —Благодушный Александръ въ смущеніи вышелъ въ другую комнату, какъ въ это самое время подъѣхала отставшая карета Безбородки, находившагося также въ свитѣ государя. Великій князь наслѣдникъ бросился къ нему, разсказалъ въ короткихъ словахъ происшедшее и просилъ его успокоить государя. „Будьте благонадежны“ отвѣчалъ Безбородко съ обыкновеннымъ своимъ малороссійскимъ выговоромъ, и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ вошелъ въ комнату къ государю. —Ну вотъ, Александръ Андреевичъ, обратился Павелъ къ нему и, объяснивъ дѣло, прибавилъ: „какъ ты думаешь, хорошо ли я сдѣлалъ, что приказалъ Храповицкаго разстрѣлять?

—Достодолжно и достопохвально, государь, отвѣчалъ князь Безбородко съ тѣмъ же малороссійскимъ выговоромъ. Великій князь наслѣдникъ и всѣ были поражены таковымъ его отвѣтомъ.— „Вотъ видите, воскликнулъ государь, что̀ говоритъ умный человѣкъ; а вы чего всѣ испугались?“ Подождавъ немного, князь Александръ Андреевичъ продолжалъ: Только, государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣній государя караетъ законъ; слѣдовательно нужно послать указъ Смоленской уголовной палатѣ, чтобы она немедленно пріѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе. Государь на это согласился, и сейчасъ о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ уголовной палатѣ; а государь отправился въ путь. Безбородко съ намѣреніемъ отсталъ; замѣтивши въ дали нѣсколько скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и зерцаломъ, вышелъ изъ своего экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ необыкновенный поѣздъ, остановилъ ихъ, спросилъ предсѣдателя, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ и его товарищи, не смотря ни на какія соображенія, какъ можно были осторожны и дѣйствовали сообразно съ законами въ предстоящемъ, порученномъ имъ дѣлѣ, что въ противномъ случаѣ онъ и вся палата могутъ подпасть подъ справедливый гнѣвъ императора.

По суду Храповицкій, выславшій крестьянъ для исправленія дороги не по случаю проѣзда государя, а собственно потому, что она была испорчена дождями, —былъ оправданъ *).

А. Ханенко.

---

*) Разсказъ этотъ я слышалъ отъ двухъ почтенныхъ стариковъ, Черниговскихъ помѣщиковъ; одинъ изъ нихъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ княземъ Безбородкою.

ПИСЬМА (*)

1803—1836 годовъ

ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА КЪ ДМИТРІЮ ИВАНОВИЧУ ЯЗЫКОВУ.

1.

Москва. 1803 года Маія 10 дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Спѣшу изъявить чувствительную благодарность мою за честь, которую вы сдѣлали мнѣ сообщеніемъ прекраснаго вашего перевода [1]) Какъ давно я желалъ видѣть эту книгу на нашемъ языкѣ! Отъ сердца радуюсь, что палъ на нее вашъ выборъ; не меньше и тому, что вы доказываете мнѣ продолженіе вашей пріязни, которую на всегда постарается сохранить пребывающій къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

2.

Москва, 1803. Октября 19 дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Пріятное для меня письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить; спѣшу какъ за него, такъ и за доставленіе мнѣ журнала принести вамъ искреннюю благодарность мою. Позвольте же и мнѣ отдарить васъ моими перекрещенными бездѣлками [2]), которыя при семъ къ вамъ посылаю. Вы очень одолжите меня, естьли возмете на себя трудъ доставлять мнѣ и продолженіе журнала, который по многимъ причинамъ для меня интересенъ. Коль скоро я узнаю проспектъ другаго журнала, то не приминую прислать къ вамъ деньги и на него, съ просьбой васъ о доставленіи. Какъ я радъ, что словесность наша разшевелилась! Простите, любезный Дмитрій Ивановичь; я въ здоровьѣ моемъ день отъ дня хилѣе, но въ почтеніи моемъ къ вамъ пребуду всегда непремѣннымъ покорнѣйшимъ слугою.

И. Дмитріевъ.

3.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Пріятный для меня подарокъ [3]) вашего почтеннаго Общества я имѣлъ удовольствіе получить; покорнѣйше васъ прошу увѣрить господъ членовъ его въ искренней моей къ нимъ признательности. Я отъ сердца радуюсь успѣхамъ нашей поэзіи и желалъ бы, очень желалъ познакомиться лично съ Г. Востоковымъ. Его Осень, Кантата, Телема и

---

*) За сообщеніе этихъ писемъ и составленіе примѣчаній къ нимъ мы обязаны Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову. Среди многихъ и многотрудныхъ занятій своихъ по разнымъ отраслямъ археологической науки, достоуважаемый академикъ нашелъ время, чтобы своимъ сотрудничествомъ почтить и наше скромное изданіе. *П. Б.*

[1]) Разсужденія Беккаріи о преступленіяхъ и наказаніяхъ. переведеннаго Языковымъ съ французскаго и напечатаннаго имъ въ 1803 году.

[2]) Сочиненія и переводы Ивана Дмитріева, въ двухъ частяхъ М. 1803. Рецензія на нихъ помѣщена въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, 1804, ч. I, стр. 29.

[3]) Свитокъ музъ. 2 части. СПБ. 1802—3.

Макаръ прекрасны. Вы знаете мою искренность: видя въ немъ истиннаго поэта, желалъ бы я только, чтобъ онъ убѣгалъ низкихъ словъ, какъ то: *истомить* вмѣсто утомить, *подмога* и еще нѣкоторыя, да исправнѣе былъ въ риѳмахъ. Піеса чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ болѣе славы для автора.

Простите, любезный мой кореспон дентъ! Будьте благополучны и вѣрьте, что я съ совершеннымъ почтеніемъ навсегда имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Недавно я нашелъ мое имя въ переводѣ Лонгинова Трактата [1]). Не имѣя удовольствія быть лично знаемъ Г. Мартыновымъ, тѣмъ бо̀льшую приношу ему благодарность мою. Дошли ли до васъ мои стихотворенія? Уже двѣ почты, какъ я отправилъ ихъ.

Письмо получено Языковымъ 7 Ноября 1803 года.

4.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Письмо ваше и при немъ третій нумеръ журнала я имѣлъ удовольствіе получить и спѣшу за то и другое изъявить вамъ благодарность мою. Но долго ли вамъ подчивать меня гостинцами? Вы меня избалуете, мнѣ право совѣстно. Я хочу подписаться на Петербургскій Журналъ [2]), Вѣстникъ [3]), также и на ваше *Періодическое изданіе* [1]); но какъ я не знаю, сколько за послѣднее вносятъ денегъ, то прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе увѣдомить о цѣнѣ его и позволить мнѣ прислать ихъ на ваше имя. Недавно я прочиталъ разсужденіе *о старомъ и новомъ Россійскомъ слогѣ*. Не грѣхъ ли вамъ Петербургскимъ нападать на нашихъ Московскихъ? Право, намъ еще рано браниться. Но мнѣ грустно далѣе о томъ говорить, лучше поздравлю васъ съ перемѣною чина; дай Богъ, чтобы я чаще имѣлъ это удовольствіе! А между тѣмъ прошу васъ быть увѣреннымъ въ душевномъ почтеніи, съ которымъ есть и навсегда къ вамъ пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Письмо получено въ Петербургѣ 21 Декабря 1803 года.

5.

Москва, 1803 года, Декабря 28 дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Спѣшу изъявить вамъ благодарность мою за пріятное ваше письмо и за всѣ ваши увѣдомленія объ нашей литературѣ. Нетерпѣливо буду ожидать перваго номера вашего Вѣстника, на который и деньги при семъ посылаю къ вамъ въ особливомъ пакетѣ. На политическій С. П. Б. Журналъ я еще до письма вашего взялъ билетъ здѣсь у Глазунова; а Бекетова журналъ [2]) стану [3]) пересылать къ вамъ каждый мѣсяцъ, то есть я намѣренъ [4]) дѣлиться съ вами тѣмъ экземпляромъ, который буду для себя получать. На что платить лиш-

---

[1]) О высокомъ или величественномъ. СПБ. 1803. 8⁰ На стр. 103 переводчикъ Мартыновъ сказалъ, что въ храмѣ безсмертія Дмитріевъ будетъ принятъ Лафонтеномъ. Стихотворенія Востокова, названныя Дмитріевымъ, помѣщены въ 1-й книжкѣ Свитка Музъ и носятъ заглавія: «Осеннее утро» и «Кантата къ лунѣ».

[2]) Санктпетербургскій журналъ, издаваемый отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

[3]) Сѣверный Вѣстникъ, котораго издателемъ былъ Мартыновъ.

[1]) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Другъ просвѣщенія. [3]) Вмѣсто зачеркнутаго *буду*.

[4]) Это слово написано сверху зачеркнутаго *буду*.

нія деньги? Вы конечно замѣтите три раза моихъ *буду*, но что дѣлать? Это обыкновенный мой слогъ въ письмахъ. Пишу жь такъ не опрятно, что послѣ самому стыдно. Простите, любезный Дмитрій Ивановичь! Вѣрьте искренней пріязни и почтенію, съ которыми на всегда къ вамъ пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга

Дмитріевъ.

P. S. Я мысленно сказалъ тысячу разъ спасибо г-мъ академикамъ.

6.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Благодарю васъ за пріятное письмо ваше; очень радъ, что басенка моя заслужила вниманіе; радъ и тому, что еще не напечатана, ибо я, перечитывая ее, нашелъ нѣкоторыя неисправности, которыя въ прилагаемомъ при семъ спискѣ поправилъ; поправки означены чертою. Я надѣялся на сей почтѣ получить и второй номеръ; нетерпѣливо желаю его видѣть. Простите, будьте здоровы и продолжайте любить покорнѣйшаго вашего слугу.

Ив. Дмитріева.

Москва,
Февраля 24 дня.

Письмо получено въ Петербургѣ 29 Февраля 1804 года. Къ нему приложена басня «Ружье и Заяцъ», переписанная самимъ Дмитріевымъ. Противъ стиха: «*Трусливыхъ* наберешь не мало» онъ замѣтилъ «трусовъ противъ ударенія», а противъ стиха: «Отъ *бургомистра* до щенка» — «соглашусь даже: отъ *скорохода*. Это еще игривѣе. Отдаю на волю госп: изд:» Съ этою поправкою стихъ былъ напечатанъ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, 1804 года, ч. 1-й, стр. 347. При сличеніи автографа съ печатнымъ изданіемъ 1823 года оказалась разница еще въ трехъ стихахъ. Въ автографѣ написано:

Проходитъ часъ, другой — перунъ еще не грянулъ;
Часъ и еще — перунъ молчитъ,
А заяцъ веселѣй глядитъ,
Потомъ онъ ободрясь воспрянулъ.

Въ изданіи 1823 года (ч. 2-й, стр. 77) эти стихи напечатаны слѣдующимъ образомъ:

Проходитъ полчаса — перунъ еще не грянулъ,
Прошелъ и часъ — перунъ молчитъ,
А заяцъ веселѣй глядитъ,
Потомъ, поободрясь, воспрянулъ.

7.

Августа 3 дня 1804.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за пріятное ваше письмо и сообщеніе двухъ журналовъ; все это получилъ въ деревнѣ за 800 в. отъ Москвы, гдѣ нахожусь уже два мѣсяца. Въ собственномъ вашемъ журналѣ не хотѣлъ бы, признаюсь, видѣть Карлу. Такъ ли пишутъ анекдоты? Такъ ли должны писать члены Россійской Академіи! Ежели перевести на иностранный языкъ, то право будетъ къ стыду нашей литературы. Какое неравенство, какія неприличности! Замѣтьте, напримѣръ, пышное описаніе Петербурга и послѣ другой періодъ начинается: Карла неумнѣй *ни на волосъ!* Карамзинъ и даже Измайловъ не члены Академіи, а право написали бы лучше. Но я слишкомъ разговорился въ жару любви моей къ литературѣ. Теперь приступаю къ вамъ съ просьбою: у Бувита продается Histoire du 16 Siècle par Linguet и журналъ политехническій 75 к. Вы меня очень одолжите, ежели купите ихъ. Пришлите ко мнѣ въ Москву, а я какъ скоро возвращусь, то незамедля пошлю къ вамъ и деньги, и Друга просвѣщенія. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорный слуга.

Иванъ Дмитріевъ.

8

Москва, 1804 года, Сентября 15 дня.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ, за пріятное для меня ваше письмо. Политехническій журналъ я также получилъ, за который и деньги 20 руб. при семъ къ вамъ посылаю; только я просилъ васъ не объ немъ, а о Русскомъ Технологическомъ журналѣ, издаваемомъ нашею Академіею наукъ и котораго вышла первая часть и продается по 75 коп. Однакожъ я не остался въ накладѣ и уже продалъ брату моему Бекетову.

Непремѣнно желаю видѣть продолженіе ересей нашего Славянофила; на сихъ дняхъ вступаютъ въ продажу творенія Пиндара, перетворенныя другомъ его Кутузовымъ.

Вотъ обращики изъ него:

Піитъ, въ *блистаніи* картинъ,
Не дѣлай съ правдой лжи смѣшенье.
Тебя поя; Танталовъ сынъ,
Я древнихъ не пріемлю мнѣнье;
Нептунъ, богъ водъ, *тебя любя*,
Похитилъ въ пиршествѣ *тебя*.
Онъ съ помощью коней своихъ,
Для неба зря *тебя* готовымъ,
Подъялъ *тебя* отъ странъ земныхъ,
Да будешь Ганимедомъ новымъ;
Отецъ *тебя* вотще искалъ;
Для смертныхъ ты невидимъ сталъ и пр.

Олимп. ода къ Гіерону часть 1-я стр. 31.

Въ прозѣ изъ первой части.

Здѣсь идетъ дѣло о первомъ Гіеронѣ. Прим. 1, стр. 97.

Сначала одинъ токмо и былъ судья; потомъ поставили *оныхъ два* и пр. ода III прим. 2 стр. 106.

Сіе *пожеланіе* Піитъ и пр. случались неспокойствія и пр. ода VII, прим. 21, стр. 119.

Довольно; прибавлю только, что графъ Хвостовъ выдалъ еще оду *Безначаліе*, которая вѣроятно уже отправлена и въ Петербургъ. Простите, будьте здоровы и продолжайте любить искренняго вашего почитателя и покорнѣйшаго слугу

Дмитріева.

Творенія Пиндара, перевелъ Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ, съ разными примѣчаніями и объясненіями на лирическое стихотворство, на баснословіе, на исторію Грековъ, ихъ игры, празднества и проч. 2 части. М. 1804. 8°.

9.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за послѣднія два письма, также и за Технологическій журналъ. Здѣшняя литература также не богата новостями, какъ и ваша. Журналы одинъ за другимъ исчезаютъ. Меркурія [1]) уже нѣтъ, Патріотъ [2]) отказывается; типографщикъ Друга Просвѣщенія не только быть сотрудникомъ, но даже и издателемъ журнала быть уже не хочетъ; однакожъ друзья просвѣщенія намѣрены продолжать свои подвиги и на будущій годъ и для прозаической части, приглашаютъ, я слышалъ, Суворова, автора похвальнаго слова Екатеринѣ Второй. Я отъ сердца благодарилъ господъ издателей Сѣвернаго Вѣстника за ихъ обличеніе пачкуновъ *Журнала для милыхъ* [3]), естьли ихъ и послѣ того не уймутъ или сами не уймутся.

Но не обременяя васъ болѣе новостями, мало интересными, обращаюсь къ вамъ еще съ просьбою, именно о сообщеніи мнѣ вашего перевода Шлецера, который и по автору, и по переводчику будетъ сугубо для меня интересенъ, и еще Прибавленія къ разсужд. о старомъ и новомъ слогѣ *въ кожанномъ переплетѣ*.

---

[1]) Московскій Меркурій критическій журналъ. Его издавалъ Петръ Ивановичъ Макаровъ въ продолженіе одного 1803 года.

[2]) Патріотъ въ пользу воспитанія. Этотъ журналъ, существовавшій только одинъ (1804) годъ, издавался Владиміромъ Васильевичемъ Измайловымъ.

[3]) Журналъ для милыхъ издавалъ М. И. Макаровъ.

Впрочемъ, желая вамъ всего лучшаго въ свѣтѣ, съ искреннимъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва.
1804
Октября 9 дня.

10.

Москва, 1804 Октября 31 дня.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь, за пріятное ваше письмо и доставленіе книги и новостей литературныхъ Здѣсь никто не хочетъ вѣрить, чтобъ авторъ, какъ бы ни былъ самолюбивъ, могъ имѣть такія требованія, а я очень вѣрю, естьли авторъ при самолюбіи своемъ довольно щедро одаренъ и слабомысліемъ; но онъ хотѣлъ не худова, слѣдственно и правъ, равно какъ и Академія права, что не хотѣла худова. Я желалъ бы очень видѣть точь въ точь копію съ его письма, равно какъ и съ резолюціи Акад:—Между тѣмъ прошу васъ еще увѣдомить меня, кто писалъ рецензію на рецензіи (въ давно прошедшемъ времени) Карамзина и на рецензіи Макарова. Мнѣ кажется, и та и другая писаны не однимъ перомъ. Посылаю къ вамъ при семъ 5 рублей за Славянофила, и прошу васъ еще прислать мнѣ Слово похв. Екатеринѣ Храповицкаго [1]) и естьли найдется Histoire du 16 Siècle par Linguet; она продавалась, какъ сказано было въ Пб. газ:, у Бувета. Можетъ быть, я въ титулѣ ошибся, только это точно Исторія 16 вѣка С. Лингета. Впрочемъ съ душевнымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

[1]) Это слово было написано Михаиломъ Храповицкимъ и напечатано въ 1802 году, въ Петербургѣ.

11.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Дмитрій Ивановичь, за доставленіе мнѣ Лингетовой Исторіи; она хотя и безъ конца, но я очень радъ, что ее имѣю; теперь прошу васъ увѣдомить, сколько прислать за нее денегъ. Кто издаетъ Сѣвернаго Меркурія? [1]) Боже мой! сколько журналовъ! а борзыхъ все еще мало. Но пусть пишутъ, я право радъ, что у насъ расписались. Простите, любезный Дмитрій Ивановичь, помните и любите искренно почитающаго васъ покорнаго слугу

Ивана Дмитріева.

Письмо получено въ Петербургѣ 16 Декабря 1804.

12.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за пріятное письмо ваше и сообщеніе журнала, который, однакожь, я обратно къ вамъ препровождаю. Не удивитесь этому, вотъ причина: денегъ у меня мало, а журналовъ много и у васъ, и въ Москвѣ, и даже въ Калугѣ; по привязанности моей къ Русской словесности мнѣ захотѣлось заглядывать въ каждый журналъ, и для того записался въ Англинской клобъ, гдѣ между прочими журналами имѣю удовольствіе пользоваться и вашимъ.

[1]) Сѣверный Меркурій издавался въ Петербургѣ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Вельяминовымъ-Зерновымъ въ 1805 году. Онъ долженъ былъ выходить еженедѣльно; но всего было выдано только 5 нумеровъ.

Ник: Мих: Карамзину сего же дня скажу о манускриптѣ; ежели онъ не имѣетъ его, то конечно будетъ васъ просить сообщить ему списокъ, а между тѣмъ я и за него и за себя отъ искренняго сердца благодарю васъ, любезный Дмитрій Ивановичь, за ваше къ нему доброжелательство.

Я надѣюсь, что вы не прекратите со мною вашу переписку, которая по многимъ отношеніямъ столь для меня пріятна, и съ сею надеждою заключу мое письмо искреннимъ увѣреніемъ васъ въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ былъ и навсегда будетъ вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1805
Февраля 9-го.

P. S. По написаніи письма я видѣлся съ Карамзинымъ, который препоручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ съ великою благодарностію приметъ вашъ манускриптъ, естьли вы возьмете трудъ доставить его на мое имя. Еще прощайте и любите искренняго вашего почитателя.

13.

Москва. 1805 года Марта 15 дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Спѣшу изъявить вамъ покорнѣйшую благодарность мою за пріятное ваше письмо и присылку книги, которой такъ давно я искалъ. Деньги на сей же почтѣ за нее получите. Любопытенъ видѣть Академическій журналъ, только не отважусь подписаться; тутъ вѣрно много будетъ домашняго, слѣдственно много вѣковѣчныхъ *сидней* и пр. и пр. Но положимъ храненіе устамъ нашимъ. Простите, будьте увѣрены въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ навсегда пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга

Иванъ Дмитріевъ.

14.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Благодарю васъ отъ имени Кар. за сообщеніе рукописи; она сегодня отправлена къ нему въ подмосковную. Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ читалъ я и критику съ мастерскою пародіею Капнистовыхъ стиховъ, которыми вы разсудили украсить журналъ вашъ, на счетъ Карамзина и прочихъ. Хотѣлъ бы знать, кто этотъ вашъ корреспондентъ, который обѣщаетъ добровольно клеймить чужія произведенія? Технологическаго журнала и ученаго мнѣ не надобно: я хотѣлъ только имѣть, какъ библіоманъ, по образчику того и другаго. Впрочемъ съ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорный слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1805
Іюля 16 дня.

15.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, что оно утвердило меня въ томъ мнѣніи, которое я всегда имѣлъ о вашей деликатности: хотя такого рода критика, каковая помѣщена въ журналѣ, не можетъ быть чувствительна ни мнѣ, ни Карамзину, но совсѣмъ тѣмъ не утерпишь, чтобъ не сказать слова два о вашихъ витязяхъ Петербургской литературы? Что они сами?

Пускай поставятъ въ образецъ намъ собственныя произведенія и научатъ писать лучше. И для чего скрывать свое имя? Вѣроятно, что такіе писачки только и слышны будутъ въ журналахъ. Вѣроятно, что и журналы съ такою разборчивостью скоро прослывутъ не журналами, а калашнею, въ которую сходится всякая сволочь бранить высшихъ себя, и тѣмъ отмщать за свое ничтожество. Карамзинъ очень благодаритъ васъ за рукопись, и въ доказательство прилагаю при семъ его ко мнѣ записку (¹). Простите, будьте здоровы и вѣрьте, что я съ истиннымъ почтеніемъ моимъ навсегда имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Письмо получено въ Петербургѣ въ Іюлѣ 1805 года.

16.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Благодарю васъ за письмо ваше; сожалѣю, что вы были больны и радуюсь выздоровленію. Что жь касается до тѣхъ денегъ, то я желалъ бы, чтобъ вы не торопились возвращать ихъ и между тѣмъ постарались бы развѣдать о четвертой части Гербовника; я точно читалъ въ Петербургскихъ газетахъ, что она продается у какого то приказнаго служителя Рубана близь Галерной пристани. Еще покорно прошу васъ доставить мнѣ первый мѣсяцъ Академическаго журнала и увѣдомить, сколько надобно прислать за него денегъ. Вы позабыли исполнить мою просьбу и дать мнѣ знать, кто писалъ и пишетъ притоворы свои на нашу братью въ прозѣ, также и кто пародировалъ начало Капнистовой сатиры? Неужели самъ онъ! Есть ли такъ, то лучше бы написать новую; прозу же приписываютъ здѣсь Галеньковскому [1]). Но у васъ такъ много геніевъ и такое между ними фамильное сходство, что не скоро различишь ихъ одного отъ другаго. Простите, съ искреннимъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Въ верху письма рукою Языкова написано: 1805, т. е. годъ полученія письма.

17

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за сообщеніе первой части трудовъ достопочтенной Россійской Академіи, одолжите меня сообщеніемъ и продолженій. Я постараюсь и самъ чѣмъ нибудь отплатить вамъ, а между тѣмъ спрошу васъ, читали ли вы въ Сентябрѣ вашего Вѣстника стихи: Тетеревочикъ [2]), просвѣщеннаго *Генерала* [3]), и басню [4]), въ которой я

(¹) Вотъ эта записка, писанная на лоскуткѣ:

Здравствуй, любезнѣйшій другъ. Увѣдомь, какъ ты поживаешь. Одолжи меня, напиши къ г. Языкову, что я *весьма* благодаренъ ему за присланную имъ рукопись, и желалъ бы отплатить ему какою нибудь услугою. Исполни мою просьбу, любезнѣйшій: ты съ нимъ переписываешься. Мысленно обнимаю тебя, и надѣюсь скоро увидѣться съ тобою.

---

[1]) Якову Өедоровичу Галинковскому, издателю Корифея или ключа литературы.

[2]) «Голубчикъ и Тетеревочикъ» (Сѣв. Вѣстникъ, ч. VII, стр. 337), гдѣ встрѣчается слѣдующій стихъ: «Давно ужъ, мой тетеревочикъ».

[3]) Въ стихотворніи «Историки-лжецы» (ibid) находится стихъ: «Но просвѣщенный генералъ», которымъ намекается на Болтина.

[4]) «Овца и свинья» (ibid., стр. 339).

замѣтилъ стихи: съ хрѣнкомъ, въ борщу и верещагѣ, и еще: симъ сдѣлала свинья *отвитовв окончанье*. Кто бы такія были эти два новыя свѣтила на нашемъ Парнасѣ? Но, впрочемъ, для меня все равно хотя и не знать объ нихъ; увѣдомьте лучше меня, скоро ли выйдутъ упражненія общества любителей учености. У меня только одна вторая книжка; я желалъ бы имѣть и продолженіе. Удивляюсь, что уже давно ничего не слышу отъ Г. Востокова. Я всегда охотно читаю его произведенія. Простите, будьте увѣрены въ искреннемъ почтеніи покорнѣйшаго вашего слуги

Дмитріева.

Октября 27 дня.
Письмо получено въ Петербургѣ 6 Ноября 1805 г.

18

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Сколько скопилось причинъ къ благодаренію васъ, любезный отнынѣ сочленъ мой. Я увѣренъ, что въ избраніи меня вы болѣе всѣхъ участвовали, и потому примите особенную къ вамъ мою признательность; не меньше и за доставленіе мнѣ двухъ знакомствъ, очень, очень для меня пріятныхъ. По старому моему обыкновенію, теперь приступлю съ докуками: первая, вручить прилагаемые при семъ пакеты по адрессу, взявъ прежде трудъ поставить на нихъ имя и отечество того и другаго, да мнѣ сообщить какъ ихъ зовутъ. Желалъ бы также, чтобы вы одолжили меня спискомъ всѣхъ членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ, и подъ какимъ титуломъ издаются труды ваши. Узналъ, что вы уже отстали отъ Сѣвернаго Вѣстника; я перестану впредь жаловаться вамъ на него, но не перестану и впредь клясть, хотя въ уединеніи моего чердака, подобныя мерзости. — Авось Фебъ услышитъ страдальческій гласъ мой въ пустынѣ и отмститъ чадамъ безвкусія, или нелѣпицы. Хвостовщина объявила явную войну врагамъ своимъ, команду надъ арміей своей вручила Сандунову, который, предводительствуя друзьями просвѣщенія, и выступитъ съ будущаго мѣсяца противу *Московскаго Зрителя* [1])

Полюбопытствуйте иногда заглядывать и въ ту, и въ другую армію. Курьеръ въ числѣ скрытныхъ союзниковъ первой, Вѣстникъ Европы болѣе расположенъ ко второй, а журналъ Минерва остается совершеннымъ неутралитетомъ. Все это я пишу въ надеждѣ, что останется между нами, ибо я самъ держу неутралитетъ. Такъ ничего болѣе и не хочу, какъ только зѣвать на ихъ подвиги. Простите, любезный Дмитрій Ивановичь! Вѣрьте всегда искреннему моему почтенію, съ которымъ былъ и всегда пребуду вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1805
Декабря 24 дня.

19.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодаря васъ за письмо и списокъ, прошу васъ принять поздравленіе мое съ наступившимъ годомъ съ искреннимъ желаніемъ вамъ возможнаго въ продолженіи онаго благополучія. Очень любопытно видѣть, каковъ то бу-

---

[1]) Московскій Зритель издавался княземъ Шаликовымъ. Московскій Курьеръ, начавшій выходить въ 1805 и продолжавшійся въ 1806-мъ году, издавался Г. Львовымъ. Минерву издавалъ профессоръ Сохацкій.

детъ бывый Вѣстникъ по своемъ возрожденіи подъ новымъ именемъ [1]). Шаликова журналъ Зритель пошелъ неудачно. Онъ хотѣлъ во второй книжкѣ помѣстить свою рецензію на нѣкоторыя уродливости графа Хвостова; ценсоры наши университетскіе пропустили; Хвостовъ о томъ сталъ ихъ стращать, что съ глупости никогда пошлинъ не брали [2]); они повѣрили; и, взявъ назадъ Шаликова тетрадку, написали на ней, что *„хотя въ ней* нѣтъ ничего противнаго уставу о ценсурѣ, *однакожъ думаемъ, что напечатать ее не можно!"* Почему же не можно, когда сами говорятъ, что законы ценсуры тому не противятся? Между тѣмъ Хвостова притчу *на меня*: *Барыня и ткачи* [3]) пропустили. Можетъ быть, к. Шаликовъ будетъ писать къ попечителю университета. Естьли вы знакомы съ Михаиломъ

[1]) Мартыновъ въ 1806 году началъ издавать, вмѣсто Сѣвернаго Вѣстника, Лицей.

[2]) Въ подлинникѣ: не бранили.

[3]) Она помѣщена въ ноябрской книжкѣ Друга Просвѣщенія за 1805 годъ, стр. 143. Мы приводимъ ее здѣсь вполнѣ.

Притча

Барыня и Ткачи.

Въ деревнѣ барыня холстами промышляла;
Два были у нее ткача.
Съ однимъ она смиренно поступала,
Ни мало не ворча;
Съ другимъ все брань да колотушки.
„Сидорка—скотъ! прошло не мало лѣтъ,
„Что ты отъ мастера, а проку нѣтъ.
„Смотри на полотно, какое у Петрушки;
„Смотри на тонину—онъ мнѣ барышъ даетъ;
„Взглянуть мнѣ на его работу любо;
„А ты не ровно ткешь, и рѣдко все и грубо."
Сидорка отвѣчалъ:
Но полотно мое вы налощить велите,
И послѣ поглядите.
Такъ разсуждаетъ ввѣкъ піита-самохвалъ.
Коль вылощитъ стихи, пускай они не сладки,
Лишь глянецъ былъ бы въ нихъ, лишь былибъ гладки;
А тамъ, хотя идей и чувства нѣтъ;
Кричитъ: вотъ elegance— и я поэтъ!

Никитичемъ Муравьевымъ, то не можете ли употребить ваше предстательство за бѣднаго журналиста? Право не много чести университету, есть ли онъ будетъ запрещать критиковать тѣхъ, которые не имѣютъ нетолько таланта, но даже здраваго разсудка. Свидѣтельствуютъ то послѣднія двѣ оды Хвостова на побѣду [4]) и Зима, напечатанная въ Декабрѣ *Друга просвѣщенія*; желалъ бы я, чтобы вы прочитали ее. Этотъ поступокъ совсѣмъ новый въ исторіи нашей словесности. Всякой подумаетъ, что университетъ уважаетъ не таланты, а графство. Державинъ великій поэтъ, но и на него писали критическія замѣчаніи и печатали въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова. И что же послѣ того будетъ въ ободреніе тѣмъ, которые не похожи на урода Хвостова, котораго произведенія конечно дѣлаютъ стыдъ нашей словесности. Я разгорячился, но право отъ того, что люблю пользу и славу земляковъ моихъ. Простите, любезный Дмитрій Ивановичь. Будьте здоровы, счастливы и продолжайте любить почитателя вашего

Дмитріева.

Генваря 10, 1806, Москва.

20.

Милостивый Государь мой Дмитрій Ивановичь. Я уже предупредилъ васъ о странномъ поступкѣ университетскаго ценсурнаго комитета противъ к. Шаликова. Теперь дѣло рѣшилось: комитетъ возвратилъ ему критику на сочиненія Хвостова съ запрещеніемъ печатать ее, и съ свои-

[4]) На побѣды 1799 года. Это стихотвореніе напечатано въ декабрской книжкѣ Друга Просвѣщенія на 1804 годъ, стр. 231.

ми на нее замѣчаніями. Какія же они? напримѣръ, гдѣ у к. Шаликова сказано: въ этомъ стихѣ нѣтъ смысла, тамъ профессоры написали на полѣ: *не учтиво;* гдѣ критикъ сказалъ: этотъ стихъ дуренъ, тамъ они поставили: *оскорбительно*, и такъ далѣе. Онъ на сей почтѣ посылаетъ эту критику съ замѣчаніями къ Михайлѣ Никитичу Муравьеву. Чтожь значитъ теперь уставъ цензуры и самый департаментъ просвѣщенія, есть ли вопреки видовъ правительства критика будетъ стѣсняема, и что еще хуже, критика на дурныхъ только сочинителей, потому только что они пятаго класса и въ лентѣ? есть ли эти пачкуны напротивъ того будутъ еще ободряемы, ибо я слышалъ, что приказано будетъ *въ ученыхъ Московскихъ Вѣдомостяхъ* расхвалить Пиндаровъ переводъ, который нельзя бы похвалить и во времена Тредьяковскаго? что мнѣ лестнаго, наконецъ, быть членомъ академіи, университета, когда всякой пачкунъ можетъ быть моимъ сотоварищемъ! Недавно одного изъ нихъ глупое риѳмосплетеніе читали даже на каѳедрѣ университетской. Я не вытерпѣлъ, и сдѣлалъ мои замѣчанія, равно какъ и на другую оду его, помѣщенную въ Другѣ Просвѣщенія; для любопытства при семъ къ вамъ посылаю. Увидите сами, стоитъ ли такой человѣкъ явнаго покровительства университета. Сдѣлайте дружбу, Дмитрій Ивановичь, постарайтесь въ пользу к. Шаликова, а ежели нельзя уже напечатать критику его въ Москвѣ, такъ увѣдомьте меня, нельзя ли по крайней мѣрѣ напечатать ее въ Петербургскихъ журналахъ. Не ужели у васъ позволено щелкать только насъ бѣдныхъ? Простите, будьте здоровы и продолжайте любить искренняго вашего почитателя и покорнѣйшаго слугу.

Ивана Дмитріева.

Письмо получено въ Петербургѣ 5 Февраля 1806 г.

21

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Покорнѣйше благодарю васъ за обѣщанную вами протекцію к. Шаликову; онъ уже послалъ жалобу къ попечителю М. университета; естьли не получитъ себѣ удовлетворенія, въ такомъ случаѣ я уже буду просить васъ исполнить или по первому, или по другому вашему предложенію. Что же касается до моихъ примѣчаній, то я писалъ ихъ не такимъ тономъ, какой требуется для критики, предназначаемой для публики, по сему и нельзя ихъ напечатать. Скоро ли выйдутъ вторая часть соч. Востокова и 2-я часть Трудовъ академіи? Любопытствую и ту и другую видѣть, но по разнымъ причинамъ. Между тѣмъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія, съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1806
Февраля 11 дня.

22

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за письмо ваше. Какъ бы я желалъ увидѣться съ вами въ Москвѣ! Но ежели вы будетъ въ Іюнѣ, то мы можемъ и не увидаться: ибо я намѣренъ въ этомъ мѣсяцѣ съѣздить въ отчизну. Я имѣлъ удовольствіе получить отъ Г. Востокова пріятный для

меня подарокъ его сочиненій. На будущей почтѣ буду благодарить его, а между тѣмъ прошу васъ увѣдомить какъ его имя и отчество? Я могъ, бы о томъ справиться въ присланной отъ васъ росписи членовъ общества, но не могъ найти ее. Увѣдомьте еще меня, Дмитрій Ивановичь, вышла ли третья книжка Свитка музъ [1]) и еще переводъ Филланджерія о законодательствѣ. Желалъ бы я видѣть и то и другое, а еще болѣе желалъ бы скорѣе увидѣть васъ и увѣрить лично въ томъ почтеніи, съ которымъ былъ и всегда пребуду покорнѣйшимъ вашимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Карамзинъ уже кончилъ вторую часть исторіи; но публика увидитъ ее не прежде какъ по окончаніи четвертой части.

Получено въ Петербургѣ 26 Мая 1806 года.

23

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Покорнѣйше благодарю васъ за пріятное ваше письмо и исполненіе моей коммисіи. Надѣюсь, что вы по пріязни вашей не отречетесь исполнить и другую: приказать доставить прилагаемое при семъ письмо къ Александру Христофоровичу Востокову. Я не догадался спросить о его жительствѣ, и теперь боюсь, чтобы письмо мое не разъѣхалось съ вами. Я отложилъ отъѣздъ мой до Іюля, слѣдственно ласкаю себя подчивать васъ чаемъ въ огородѣ моемъ, а между тѣмъ повторяю вамъ прежнія увѣренія въ искреннемъ моемъ почтеніи и любви, съ коимъ навсегда пребудетъ къ вамъ вашъ покорный слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва
Іюня 2-го дня, 1806 г.

24.

Милостивый государь Дмитрій Ивановичь. Не дожидаясь вторичнаго отъ васъ письма, спѣшу изъявить вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность мою за извѣщеніе ваше о полученіи отправленной къ вамъ отъ меня посылки.

Пользуясь же симъ случаемъ, обращаюсь къ вамъ и съ покорнѣйшею моею просьбою: изъ послѣдней книжки Журнала министерства просвѣщенія узналъ я о бывшемъ въ И. Р. Академіи чрезвычайномъ собраніи, въ которомъ Александръ Семеновичь читалъ нѣчто о заслугахъ Н. М. Карамзина. Признаюсь вамъ, что мнѣ, какъ члену Академіи, какъ другу покойнаго Карамзина и какъ искреннему почитателю достопочтеннаго президента, нетерпѣливо захотѣлось прочитать и новѣйшее его произведеніе и рѣчь Михайла Евстафьевича Лобанова, равно и отчетъ непремѣннаго секретаря, столь же искренно мною уважаемаго. Не можете ли доставить мнѣ это удовольствіе къ услажденію нѣскольких минутъ вялаго моего существованія? Чувствительно буду вамъ благодаренъ. Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть, милостивый государь! вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1836
Апрѣля 16-го.

[1]) Вышло всего только двѣ книжки.

ДВѢ ЗАПИСКИ КАРАМЗИНА.

КЪ Д. И. ЯЗЫКОВУ.

С. Остафьево, 8 Сентября 1809.

1

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ! Искренно благодаря васъ за доставленное мнѣ сочиненіе вашего пріятеля, Николая Сергѣевича Арцыбашева [1]), покорнѣйше прошу переслать къ нему приложенное письмо.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь мой! вашъ покорнѣйшій слуга

Николай Карамзинъ.

2

Милостивый государь Дмитрій Ивановичь! Примите изъявленіе моей искреннѣйшей благодарности. Давно знаю васъ какъ литтератора съ талантомъ и достойнаго чиновника государственнаго. Буду радъ и личному знакомству съ вами. Чтеніе вашего перевода [2]) безъ сомнѣнія доставитъ мнѣ истинное удовольствіе. Съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь! вашъ покорнѣйшій слуга

Николай Карамзинъ.

4 Генв.
1826

¹) О первобытной Россіи и ея жителяхъ. Это сочиненіе напечатано въ С. Петербургѣ, въ 1808 году.

²) Языковъ въ 1825 году напечаталъ Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII—XV столѣтіяхъ.

ПИСЬМА ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО КЪ ЕГО ДОЧЕРИ.

Читавшимъ монографію барона М. А. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“ извѣстно, что она была вызвана письмами послѣдняго къ его дочери, Елизаветѣ Михайловнѣ Фроловой-Багрѣевой, принесенными ею въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ съ условіемъ издать ихъ въ свѣтъ по возможности вполнѣ. За устраненіемъ въ настоящее время разныхъ обстоятельствъ, замедлявшихъ исполненіе желанія дарительницы, эти письма становятся теперь общимъ достояніемъ, достояніемъ отечественной литературы.

Нѣкоторыя изъ сказанныхъ писемъ уже были помѣщены въ книгѣ барона Корфа, но только въ отрывкахъ, въ той степени, какъ это представлялось нужнымъ для ея цѣли. Напечатаніе ихъ нынѣ вполнѣ доставитъ новый, во многихъ отношеніяхъ любопытный, а въ нѣкоторыхъ и драгоцѣнный матеріалъ, если не всегда прямо для біографіи нашего государственнаго дѣятеля, то по крайней мѣрѣ для его характеристики. „Въ тревожной жизни Сперанскаго — говоритъ баронъ Корфъ въ своемъ предисловіи — въ этой драмѣ, исполненной почти безпрерывнаго волненія, была не одна минута, когда его думы, его тайныя опасенія и надежды, все то, что навѣвалось на его душу внѣшними обстоятельствами, находило себѣ истокъ единственно въ искреннихъ бесѣдахъ съ дочерью.“ Нѣсколько пояснительныхъ подстрочныхъ выносокъ заимствовано изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ, но главныя изъ упомянутой книги барона Корфа, которая остается необходимымъ введеніемъ и, такъ сказать, ключемъ къ печатаемымъ теперь письмамъ.

1.

Пенза 22 Октября 1816.

Третьяго дня, въ три часа утра наконецъ достигъ я Пензы. Въ 7-мь часовъ я былъ уже въ мундирѣ и на службѣ Стеченіе зрителей необыкновенное. Въ крайней усталости Господь даетъ мнѣ силы. Доселѣ все

идетъ весьма счастливо. Кажется, меня здѣсь полюбятъ. Городъ дѣйствительно прекрасной. Всѣ потребности жизни довольно дёшевы и въ изобиліи. Но что мнѣ въ изобиліи и потребностяхъ, когда нѣтъ главной, единственнной, нѣтъ моей Лизы? (1)—Приносятъ съ почты письма; множество вещей пріятныхъ отъ друзей изъ Петербурга—но отъ тебя ни строчки. Это не упрекъ и не жалоба; я заключаю изъ сего только то, что вы въ Великопольѣ послѣ меня прожили больше недѣли. Съ нетерпѣніемъ ожидаю слѣдующей почты.

На первой разъ я помѣстился въ чужомъ домѣ; надѣюсь, однакоже, чрезъ недѣлю имѣть нѣсколько комнатъ въ своемъ.

Сегодня, въ воскресенье, былъ у обѣдни у Архіерея (2); жалѣлъ, что не вмѣстѣ съ тобою слушалъ прекрасное *Святый Боже*, и не вмѣстѣ видѣлъ почтенное, почти небесное лице Архіерея. Весьма обмануся, если не найду въ немъ святаго; по крайней мѣрѣ онъ такъ смотритъ, такъ молится, такъ говоритъ моему сердцу.

24 Октября.

Почта еще не пришла, а наша отходитъ. Прости, моя милая. Поручаю тебя всѣмъ милостямъ Небеснаго Отца. Не забывай утреннихъ нашихъ молитвъ; не разрывай начатаго знакомства съ единымъ другомъ, съ которымъ ни смерть самая разлучить тебя не можетъ. Лобызаю тебя заочно. Поцѣлуй за меня Сонюшку (1) и Марью Карловну (2). Господь съ тобою.

PS. Вмѣстѣ съ симъ пишу къ А. А. Столыпину (3) и къ Цейеру (4). Но не успѣлъ отвѣчать Ивану Федоровичу Журавлеву (5). Увидѣвъ его или Столыпина, благодари его за любезное его ко мнѣ письмо.

2

Пенза 31-го Октября 1816.

На другой день послѣ предъидущаго моего письма получилъ я твое первое письмо изъ Великополья. Благодаренъ, любезнѣйшая моя Елисавета, что съ такою точностію держишь свое слово. Письма твои суть мой насущный хлѣбъ. Описаніе хлопотливыхъ вашихъ сборовъ столь вѣрно, что всѣ лица я какъ бы вижу предъ собою. Наука различать характеры и приспособляться къ нимъ не теряя своего, есть самая труднѣйшая и полезнѣйшая въ свѣтѣ. Тутъ нѣтъ ни книгъ, ни учителей; природный здравый смыслъ, нѣкоторая тонкость вкуса и опытъ — одни наши наставники. Я предчувствую, что въ сей наукѣ ты сдѣлаешь великіе успѣхи. Благодаря Промыслу, который, не

---

(1) Т. е. Елизаветы Михайловны, въ то время еще дѣвицы, оставленной имъ, при отъѣздѣ губернаторомъ въ Пензу, на попеченіе М. К. Вейкардтъ.

(2) Епископомъ въ это время въ Пензѣ былъ Аѳанасій Корчановъ. Онъ хиротонисанъ въ епископа Пензенскаго 5 Сентября 1811 года изъ архимандритовъ Черниговскаго Елецкаго монастыря; 8 Февраля 1819 уволенъ на покой, а 14 Декабря 1825 г. скончался въ Пензѣ.

(1) Дочь г-жи Вейкардтъ. Впослѣдствіи она вышла за статскаго совѣтника Поггенполя и, овдовѣвъ, находилась при воспитаніи дѣтей нынѣ царствующаго Государя Императора.

(2) Г-жа Вейкардтъ и ея дочь. Марья Карловна Вейкардтъ была дочь извѣстнаго банкира Амбургера и жена домашняго врача у графа Шувалова.

(3) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, богатый Пензенской помѣщикъ, служилъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ; впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ.

(4) Францъ Ивановичъ Цейеръ, которому оказалъ Сперанскій покровительство при поступленіи въ гражданскую службу, принадлежалъ къ небольшому кружку самыхъ преданныхъ ему лицъ.

(5) Иванъ Ѳедоровичъ Журавлевъ, занимавшійся въ домашней канцеляріи Сперанскаго въ бытность его государственнымъ секретаремъ, былъ очень способный человѣкъ; онъ умеръ сенаторомъ.

безъ причины и не безъ благости, посылаетъ намъ несчастія и разлуки, ты скорѣе или вѣрнѣе другихъ будешь ходить безъ подпоры. Можетъ быть, кой-гдѣ и спотыкнёшься: но и тутъ бѣда не велика; за то менѣе самолюбія и болѣе снисхожденія къ ошибкамъ другихъ.

Вотъ другая недѣля, какъ я здѣсь, и каждый день на званомъ обѣдѣ, гдѣ рѣдко бываетъ менѣе 50-ти человѣкъ. Знакомлюся, стараюся нравиться и, кажется, успѣваю; общество здѣсь весьма порядочное; но пожалѣй: всѣ почти женщины и многіе мужчины говорятъ по французски, и, что̀ еще горестнѣе, говорятъ весьма изрядно. Обѣдамъ и пирамъ я конца не вижу. Зима угрожаетъ театромъ, балами и собраніями. Еще сносно, ежели бы ты была здѣсь. Но безъ тебя — исчисли всѣ мои жертвы, всю потерю моего времяни, всю разлуку съ моими греческими и еврейскими сѣдыми бородами. Я не знаю, однако же, откуда берутся у меня силы; никогда я не бывалъ такъ бодръ и здоровъ. Нѣкоторую изъ сего часть приписываю здѣшнему прекрасному климату. Мѣстоположеніе удивительное; самые богатые виды на 30 верстъ въ окружности; возвышеніе не столь велико какъ въ Нижнемъ; но болѣе, несравненно болѣе изящности и прекрасныхъ точекъ зрѣнія. Здѣсь еще полная осень. Винограду и плодовъ множество и все дёшево. Но мнѣ уже жаль тебя; это значитъ по просту дразнить. Семейство Столыпиныхъ весьма доброе и мнѣ какъ бы свое.

Завтра получу отъ тебя письмо. Какъ досадно, что почты такъ расходятся; но зимою это будетъ лучше. Въ понедѣльникъ получу письмо, а во вторникъ буду отвѣчать. Прощай, моя милая; кланяйся дядюшкѣ (1) и скажи ему, что есть большая надежда отправиться ему отсюда къ водамъ. Въ свое время напишу къ нему о семъ подробнѣе. На сей разъ никому не пишу изъ нашихъ пріятелей и потому прошу тебя всѣмъ имъ кланяться. Христосъ съ тобою.

3.

Пенза 7-го Ноября 1816.

Нѣтъ, моя милая Елисавета, тебѣ не надобно учиться у Sévigné, чтобы прельщать меня твоими письмами. Желалъ бы расхвалить тебя, но боюся собственнаго своего самолюбія. Пиши, моя прелестница, точно такъ, какъ доселѣ писала; описывай твое общество, твои свиданія, твои разговоры; раздробляй иногда собственныя свои ощущенія: это познакомитъ тебя болѣе съ собою и оживитъ въ мысляхъ моихъ всю картину настоящаго твоего бытія. Повтори здѣсь переведенную тобою изъ Lady of the Lake (2) пѣсню: *Тѣнь друга вьётся* и проч.

Я надѣюсь, что ты уже получила два письма мои изъ Москвы; одно чрезъ Лазарева (3); а другое съ почтою отъ Дмитрія Ал. Столыпина, который долженъ былъ отослать его на другой день моего отъѣзда. Изъ Торжка я не могъ писать потому, что у Николая Ал. Столыпина (4) во всемъ

---

(1) Косьмѣ Михайловичу Сперанскому, младшему брату Михаила Михайловича.

(2) Извѣстный романъ Вальтеръ Скотта: «Дѣва озера».

(3) Христофора Іоакимовича, съ которымъ Сперанскій находился въ дружественныхъ отношеніяхъ и съ которымъ его переписка напечатана въ 1864 году.

(4) Дмитрій и Николай Алексѣевичи были родные старшіе братья Аѳанасья Алексѣевича. Дмитрій скончался начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Николай бѣдственно погибъ въ холеру 1830 года въ Севастополѣ, раз-

домѣ не нашли ни пера, ни чернилъ. Это сущая правда.

Арк. Алексѣичь пишетъ, что Вѣра Николаевна [1] очень тебя полюбила и желала бы видѣть сколь можно чаще. Согласи сіе, какъ лучше сама найдешь, съ твоими уроками и съ *произвольною твоею неволею.* Я называю ее произвольною по кротости, съ коею входишь ты во всѣ изгибы твоего положенія. Все къ лучшему, мой другъ; неволя сія дастъ еще болѣе мягкости (ductilité) твоему характеру; а ты знаешь, что всего мягче и тягучѣе—*золото*.

Благодаренъ, моя милая, и истинно благодаренъ, что ты читаешь латинскую библію. Это совершенно личный мнѣ подарокъ.

Что сказать тебѣ о здѣшней моей жизни? Утро въ дѣлахъ самыхъ пустыхъ и хлопотливыхъ; каждый день обѣдъ на пиру, гдѣ всѣ почти обыкновенно пьютъ твое здоровье, и каждый вечеръ опять за дѣлами, или у Столыпиныхъ. Вообще всё идетъ доселѣ весьма удачно, и время моего здѣсь искушенія будетъ не безъ пользы.

Я зналъ Гарриса, Американскаго консула; но племянника его не помню. Дядя весьма не глупъ. Содержаніе твоего разговора прекрасно. Пусть эти господа у насъ учатся любить отечество, какъ любятъ старую, брюзгливую, и всю въ морщинахъ мать. Это труднѣе и великодушнѣе, нежели любить Америку. Прошу тебя разсказывать мнѣ всѣ твои бесѣды съ Англичанами. А что? если бы ты вздумала достать и прислать мнѣ нѣсколько и журналовъ (не газетъ, а въ томъ родѣ, какъ напр. *Quarterly review* или *Edimbourg review*, если какъ-нибудь тебѣ, впрочемъ безъ всякаго труда и заботы, попадется).

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою. Разъ на всегда всѣмъ кланяйся и цѣлуй Соню.

PS. Съ послѣднею почтою получилъ я отъ тебя два письма № 2 и 3.

4.

Пенза 11-го Ноября 1816.

И такъ моя Елисавета не оставляетъ молитвы и въ ней одной ищетъ и находитъ причину своей веселости. Да благословитъ тебя Господь, любезное дитя, всѣми своими небесными благословеніями; да Дѣва Марія (чистая и непрерывная молитва) пребудетъ навсегда съ тобою; да Ангелъ-хранитель (молитва мысленная) паритъ всегда надъ тобою; и духъ мой, не взирая на всѣ разстоянія, будетъ съ тобою неразлученъ. Ты вспомнишь при семъ, что молитва самая совершенная есть самая простѣйшая, и именно, чтобъ, сомкнувъ глаза или утвердивъ ихъ на одномъ предметѣ, многократно повторять въ умѣ: *Господи помилуй*. Подобно свѣту, который сливается со всѣми предметами, не перемѣняя ихъ состава, сей родъ молитвы, не мѣшая ничему, можетъ сливаться со всѣми нашими упражненіями; при ней, какъ при свѣтѣ, можно читать, говорить и даже смѣяться вещамъ невиннымъ. Имя Іисуса по истинѣ есть имя свѣтоносное, или лучше сказать самый свѣтъ; но свѣтъ мысленный и несравненно чистѣйшій физическаго нашего свѣта. Аминь.

Ты дивишься, что тебя находятъ умною. Я точно въ томъ же положе-

стерзанный толпою взбунтовавшагося народа, преимущественно матросскими женами, когда по званію военнаго генералъ-губернатора города, вышелъ къ этой толпѣ съ намѣреніемъ вразумить ее. Онъ былъ тогда генералъ-лейтенантомъ. (См. Р. Архивъ 1867, стр. 1381).

[1] Жена А. А. Столыпина, дочь Н. С. Мордвинова.

ніи здѣсь. Это доказываетъ вообще слабость разума человѣческаго; одна линія выше обыкновеннаго, и всѣ кричатъ: *чудо;* но при семъ надлежитъ, чтобъ сія линія проведена была безъ всякаго притязанія и какъ бы начерталась сама собою; иначе при малѣйшей нескромности или неосторожномъ проявленіи, всѣ самолюбія возстанутъ, и умница тотчасъ попадетъ въ дураки. И такъ умъ, какъ и все прочее, весьма много зависитъ отъ одежды, отъ внѣшнихъ формъ, въ коихъ онъ представляется, особливо же отъ кротости и гибкости характера. Это его лучшая Индійская ткань. И какъ глупо наряжаться безъ цѣли, для себя: такъ же глупо имѣть умъ, не обращая его на добро; а добро сіе состоитъ въ томъ, чтобъ приводитъ людей къ миру и взаимной любви, смотрѣть на все съ лучшей и доброжелательнѣйшей стороны, извинять слабости и исправлять заблужденія, не оскорбляя заблуждающихъ: словомъ, представлять правду и добродѣтель въ самомъ привлекательномъ видѣ безъ злословія и пересудовъ. Злословіе есть зараза нашего времени и величайшая язва истиннаго разума. Я знаю, какъ трудно остеречься его въ общежитіи, какъ непримѣтна черта, раздѣляющая забавность отъ насмѣшки; но за что же тебя и будутъ звать умницею? впрочемъ кто мыслитъ о людяхъ вообще доброжелательно: тотъ легко найдетъ тайну сего раздѣленія; слогъ и тонъ разговора всегда зависитъ отъ образа мыслей.

Знакомство со Львовою могло бы дѣйствительно быть пріятнымъ; но оно сдѣлаетъ еще болѣе сложнымъ твое настоящее положеніе. Продолжать его будетъ тебѣ трудно и потому лучше не начинать, ибо начать всегда можно; но прервать или оставить въ небреженіи начатое часто бываетъ оскорбительно. И потому при каждомъ новомъ знакомствѣ (похожемъ на связь, а не на простую встрѣчу общежитія) всегда должно предвидѣть возможность его продолженія: это есть общее правило. И такъ лучше держаться общихъ *привѣтовъ.*

Выборомъ твоихъ учителей я весьма доволенъ. Дай Богъ тебѣ успѣховъ и чтобъ весна принесла тебѣ съ собою свободу и независимость, то есть возможность учиться одной. Новое твое завоеваніе, нѣмецкій языкъ, весьма меня радуетъ. Нѣкогда ты будешь меня водить, какъ слѣпаго Велисарія. Въ языкахъ ты настоящій Руской богатырь: ибо всѣ наши богатыри родились *сиднями*. Не оставь однако же италіанскаго и напиши, кто будетъ учителемъ.

Въ статьѣ о знакомствахъ позабылъ тебѣ вспомнить о Масальскихъ. Найди способъ навѣщать ихъ изрѣдка; Петръ Григорьичъ дѣйствительно мнѣ вѣрный другъ.

Я надѣюсь, Лазаревъ доставилъ уже къ тебѣ мое письмо, въ Москвѣ писанное, и при немъ два куска прекраснаго левантину, имъ же для тебя мнѣ подаренные. Онъ еще въ Москвѣ; но посылку хотѣлъ отправить прежде. Если онъ или кто нибудь изъ ихъ дому явится: то прими ихъ съ привѣтливостію; но ихъ не посѣщай. Предлоговъ у тебя на сіе всегда достаточно. Имѣть списокъ (list) твоимъ знакомствъ мнѣ будетъ пріятно. Благодари Кремера (*) за письмо, здѣсь мною полученное, и при каждомъ свиданіи разъ навсегда ему кланяйся.

Въ Москвѣ я встрѣтилъ новую книгу: *Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи*, сочиненіе Филарета, и пре-

(*) Петербургскій негоціантъ. Онъ былъ женатъ на очень умной женщинѣ, урожденной фонъ Фокъ.

красное. Совѣтую тебѣ ее достать чрезъ Цейера и читать по немногу; и слогъ и мысли превосходные, хотя изъясненіе и не восходитъ выше простаго буквальнаго смысла. Чрезъ Цейера же прошу прислать ее ко мнѣ два экземпляра и столько же новаго изданія (1816-го) *О послѣдованіи І. Христу*, коего одинъ экземпляръ онъ уже мнѣ прислалъ (¹). Переводъ посредственной. Но я здѣсь нашелъ нѣсколько женщинъ, алчущихъ сего рода пищи; а я за грѣхъ считаю симъ пренебрегать. Кстати, Цейеръ весьма бы меня одолжилъ, приславъ вмѣстѣ съ симъ полное собраніе мелкихъ 10-ти копѣечныхъ сочиненій, переведенныхъ съ Англинскаго К. Мещерскою (²); ты вспомнишь, думаю, мы въ Великопольѣ нѣкоторыя изъ нихъ читали.

Прощай, моя милая. Цѣлуй *танту* Машу (³) и Соню —Христосъ съ тобою.

14 Ноября.
1816.

5.

Пенза 21 Ноября 1816.

Прошедшая почта не принесла мнѣ ни одного письма изъ Петербурга; сіи почтовыя запутанности весьма непріятны, а особливо у кого есть за тридевять земель Лиза. Одно утѣшеніе, что завтра получу отъ тебя вдругъ два письма. Тебѣ уже извѣстно, моя милая Елизавета, что Государь наградилъ насъ съ тобою арендою и жалованьемъ. Самая справедливость требуетъ, чтобъ я съ тобою подѣлился; дарю тебѣ, мой другъ, съ Сонюшкою на обновку къ новому году по вашему выбору — угадай сколько? — по сту рублей каждой. Признайтеся, большія мои дуры, что это очень щедро. Это обезпечиваетъ насъ на долгое время; когда новый срокъ аренды минетъ: тогда мнѣ исполнится почти 60 лѣтъ. Можно ли столь далеко простирать свои заботы, особливо мнѣ, коего жизнь была непрестанное волненіе? И такъ я не даромъ совершилъ сюда свое путешествіе, и приключеніе, которое и тебѣ и мнѣ сначала показалося страннымъ и нѣсколько прискорбнымъ, принимаетъ теперь совсѣмъ другой видъ; новое доказательство, что никогда не потеряешь, покоряяся Промыслу, и что наши предусмотрѣнія весьма часто бываютъ не что другое, какъ призраки нашего воображенія. Теперь я совершенно развязанъ и могу быть свободенъ, когда только захочу; но не сдѣлаю сего, не посовѣтовавшись съ тобою. Ты смѣешься?—Но знаешь ли ты, дурочка, что по мѣрѣ того, какъ мой разумъ съ лѣтами слабѣетъ, твой долженъ укрѣпляться и что *я съ тобою только* составляю одно цѣлое; безъ тебя же я не могу имѣть всей полноты моего бытія.

Ты не видалася еще съ M-me Pitt. (*) Постарайся съ нею познакомиться; я знаю, что ты ее полюбишь. Бываете ли вы по воскресеньямъ у обѣдни и гдѣ именно? Не пропускай, моя милая, сей доброй привычки. Есть въ самой атмосферѣ церкви нѣчто бла-

(¹) Въ переводѣ Якова Уткина.

(²) Княгиня Софья Сергѣевна, урожденная Всеволожская, сестра путешественника Николая Сергѣевича Всеволожскаго. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ Пинкертономъ она принимала живое участіе въ дѣлахъ библейскихъ обществъ и нѣкоторое время пользовалась особеннымъ благоволеніемъ императора Александра Павловича.

(³) Т. е Марью Карловну Вейкардтъ, которая впрочемъ не была съ ними ни въ какомъ родствѣ. «Танта» (тетка) имѣетъ здѣсь одно значеніе ласки.

(*) Г-жа Питтъ, жена Англійскаго пастора, была лектриссою при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

giveговѣйное, собирающее разсѣянныя мысли, нѣчто таинственное. Сіе и быть иначе не можетъ. Здѣсь курится непрестанно ѳиміамъ молитвы отъ множества душъ чистыхъ, намъ неизвѣстныхъ, и освящаетъ собою и мѣсто, и въ немъ предстоящихъ. Прощай, моя любезная; Христосъ съ тобою.

P. S. Деньги вы можете взять на счетъ мой или у танты Маши, или у Масальскаго: ибо у него есть мои суммы.

6.

Пенза 28 Ноября 1816.

Едва успѣлъ я спросить тебя, мой другъ Елисавета, бываешь ли ты у обѣдни, какъ на другой день получаю отвѣтъ твой съ описаніемъ и самаго дѣйствія, которое въ тебѣ произвела духовная музыка. Ты приписываешь его чувству изящнаго. Но если бы душа твоя не настроена была къ благочестію: то одно чувство изящнаго не произвело бы ни молитвы, ни сей теплоты сердечной, которую ты ощущала. Столько-то важно сіе благовременное настроеніе души. Тотъ только можетъ почувствовать небесную гармонію вѣчности, кто предчувствовалъ ее здѣсь на землѣ, во времяни. Духовное чувство здѣсь лежитъ какъ младенецъ въ пеленахъ; время и всѣ душевныя способности даны намъ для его воспитанія.

Сужденіе твое о театрѣ, сколько я могу припомнить лица дѣйствующія, весьма справедливо. Мнѣ всегда прискорбно слушать, когда превозносятъ Руской театръ. Сверхъ неправильности и явнаго пристрастія во вкусѣ, тутъ есть еще ошибка въ мѣрѣ и въ понятіи о общемъ ходѣ просвѣщенія, есть вопіющій анахронизмъ. Это значитъ дѣлать насъ сотнею лѣтъ старѣе. Совершенство театра всегда и вездѣ было слѣдствіемъ и почти послѣднею эпохою словесности: а мы еще только начинаемъ сей кругъ! Я спрашиваю, не смѣшонъ-ли 18-ти лѣтній мальчикъ, когда онъ вздумаетъ важничать, какъ мужчина въ 40 лѣтъ? И что лучше, цвѣтущая-ли надежда блистательной юности, или зрѣлость лѣтъ сближающаяся и уже грозящая старостію?

Ты хочешь, чтобъ я далъ тебѣ понятіе о Пензѣ. Поставь въ нѣкоторую цѣну, что я о ней предъ тобою столь долго молчалъ, или мало говорилъ. Я боялся тебѣ ее хвалить точно такъ, какъ эта мать, которая боялась, чтобъ её ребенокъ не попросилъ себѣ луны. Скажу вообще: если Господь приведетъ насъ съ тобою здѣсь жить; то мы поживемъ здѣсь покойнѣе и пріятнѣе, нежели гдѣ-либо и когда-либо доселѣ жили. Правда, что мы съ тобою и не избалованы; но и то правда, что люди здѣсь, говоря вообще, предобрые, климатъ прекрасный, земля благословенная. Прибавь къ сему, что положеніе губернатора и слѣдовательно губернаторской дочери даетъ такую широту и удобность бытія, которой, можетъ быть, не должно бы было желать, но въ которой жить пріятно, когда она приходитъ сама собою, безъ желанія. Вся опасность только въ томъ, чтобъ не избаловаться и не принять случайнаго за непремѣнное—чтобъ не отъучиться спать на жёсткой постелѣ; но я надѣюся на милость Божію: она не дастъ намъ искуситься ни въ добрѣ, ни въ злѣ болѣе, нежели сколько мы перенесть можемъ. Теперь вопросъ: когда же мы будемъ здѣсь вмѣстѣ? — Или въ половинѣ Марта, или въ концѣ Мая. Рѣшительно мы сіе опредѣлимъ съ тобою въ Генварѣ. — Благодаренъ

тебѣ, моя милая, за роспись вашего общества. Теперь мнѣ легче будетъ разумѣть твои характеры, удобнѣе жить въ твоемъ мірѣ. Поддерживай дядюшку надеждою Кавказскихъ водъ. Съ тобою или безъ тебя онъ долженъ быть здѣсь въ половинѣ Марта. Старикъ, патріархъ Столыпиныхъ, его ожидаетъ и ручается за его выздоровленіе. Кстати о Столыпиныхъ; Дмитрія Ал. мы ожидаемъ сюда изъ Москвы съ женою; Аѳанасій также женится ([1]). Прощай, моя милая—Христосъ съ тобою.

7.

Пенза 4 Декабря 1816.

Два письма съ одною почтою (№ 6 и 7-й) отъ моей Лизы. Это весьма счастливо! Прежде всего разрѣшу твои сомнѣнія о деньгахъ. Если бы ты издержала и вдвое противъ того, что̀ было предназначено: то сіе насъ никакъ не разстроитъ. И потому не жалѣй ничего для твоихъ учителей; не скупись даже и для приличныхъ нарядовъ, разумѣя особенно вещи прочныя и къ ежедневному употребленію служащія. Многіе отцы, но не многимъ дочерямъ могутъ дать сіе дозволеніе, не заботясь объ излишествахъ и не опасаяся расточенія. Деньги, въ случаѣ недостатка, можешь ты требовать у Петра Григорьича ([2]); я говорю требовать потому, что у него остается мой арендный доходъ въ цѣлости.—Не забудь въ первомъ письмѣ написать, какую ты играешь музыку и скоро ли дойдешь до Фильда.—Странное дѣло! мнѣ она совсѣмъ не нравится; но мнѣ хочется, чтобъ ты её играла единственно потому, что послѣ её всѣ другія сочиненія должны быть довольно легки. Каждой день я здѣсь слушаю сію музыку отъ лучшей Фильдовой ученицы, жены нашего Дмитрія Ал. Столыпина. Удивительный талантъ! всѣ его концерты она играетъ почти наизустъ и съ непостижимою быстротою. Это почти слишкомъ уже хорошо для женщины, которая должна забавляться и забавлять музыкою, но которая не должна дѣлать изъ нее ремесла; ты вѣроятно ее услышишь и сдѣлаешь то же заключеченіе. Они скоро будутъ въ Петербургѣ.—Не заботься также слишкомъ много о невѣрностяхъ твоихъ русскому языку и чтенію вообще. Мы уже условились съ тобою, что сіи четыре длинные мѣсяца должно пожертвовать музыкѣ, пѣнію, нѣмецкому и италіанскому языкамъ. Не прежде, какъ по соединеніи нашемъ ты можешь возвратиться къ прежнимъ своимъ вкусамъ и привести въ лучшій порядокъ твои упражненія. Здѣсь только ты можешь быть совершенною обладательницею твоего времени, ибо никто не посмѣетъ тебя ни прервать, ни обезпокоить. Впрочемъ и теперь муза твоя, кажется, не дремлетъ. Стихи твои прекрасны и, что̀ для меня, какъ стараго твоего учителя всего драгоцѣннѣе, ни одной погрѣшности въ языкѣ! Ты справедливо судила оду Львова; она жестка, но намѣреніе его весьма лестно; ты можешь его отъ меня *привѣтствовать* (а не привѣтывать); я самъ собираюся ему отвѣчать; разумѣется не стихами, а простою, текучею прозою.—Весьма умно и естественно, что ты подѣлилась съ Сонею подарками; и впредъ прошу тебя также поступать. Кстати о подаркахъ; распорядилась-ли ты, чтобъ присылали къ тебѣ изъ деревни

([1]) Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ женился на Марьѣ Александровнѣ Устиновой.
([2]) Масальскаго.

наши маловажные запасы, какъ-то: масло, птицъ и тому подобное? Это бездѣлица; но все что-нибудь лучше, нежели ничего. *5-го Декабря.* Сейчасъ почта, письмо отъ тебя и изъ Англіи. Но наша отходитъ. Прощай, мой другъ, до свиданія. Христосъ съ тобою.

8.

Пенза 12 Декабря 1816.

Уже 12-е Декабря! уже поворотъ солнца съ зимы на лѣто! какъ время течетъ; мнѣ его не жаль; пусть себѣ течетъ; оно для того и сдѣлано, чтобъ итти и вести насъ къ вѣчности. Сверхъ той большой, таинственной вѣчности, къ которой всѣ мы должны готовиться, у меня есть своя, особенная,—свиданіе и соединеніе съ моею милою Лизою. Когда придетъ этотъ Мартъ или Май мѣсяцъ? Но онъ наконецъ придетъ; ранѣе или позже, мы будемъ вмѣстѣ и уже будемъ не разлучны.

Описаніемъ твоихъ обществъ ты ставишь меня въ самую ихъ средину и, сколько я помню лица и свойства ихъ, замѣчанія твои совершенно справедливы. Сцена съ Ралемъ (*) мнѣ не нравится. Увѣряю тебя, моя милая, что труды твои исправить пустаго чвана, будутъ тщетны. Одобрѣніе сихъ госпожъ въ семъ случаѣ ничтожно. Никогда не шути съ людьми, не имѣющими ни вкуса, ни воспитанія. Тѣ, кои, по счастливому твоему выраженію, вездѣ видятъ одну букву *я*, неспособны понимать ни доброй шутки, ни исправленія; это отчаянные люди, коихъ должно предать судьбѣ ихъ; и примѣть еще: самолюбіе всегда сопряжено съ нѣкоторымъ злопамятствомъ и мстительностію. Съ людьми сего рода одинъ можетъ быть образъ поведенія: какъ можно меньше говорить. Съ горестію предвижу большія тебѣ нападки отъ Шишковой. Умудрись отыграться отъ нея безъ оскорбленія. Простѣе всего: нѣтъ дома; когда же нечаянно она тебя застигнетъ, условься съ твоими друзьями, чтобъ они разговаривали съ тобою по нѣмецки; это необходимо ей наскучитъ. Вообще ни Петинька ея, ни она сама мнѣ не нравятся. Онъ же и не безъ притязаній.

Бѣдной дядюшка! какъ болѣзнь и истощеніе силъ перемѣняютъ характеръ! Но я увѣренъ, что кротость твоя и терпѣніе и тутъ тебя не оставятъ. Весьма справедливо не показывать никому моихъ писемъ. Cela seroit une profanation. (*) Совсѣмъ иначе говорятъ съ глаза на глазъ, нежели втроёмъ, даже и между друзьями. А мои письма къ тебѣ суть бесѣда мого сердца съ твоимъ, и я не желалъ бы, чтобъ кто нибудь насъ подслушалъ.

Сегодня перешелъ я въ огромный губернаторскій домъ, въ коемъ успѣли приготовить мнѣ пять комнатъ. Отнынѣ буду заниматься пріуготовленіемъ комнатъ для тебя. Помѣщеніе обширное; но должно его приспособить къ нашей семьѣ, въ чѣмъ и надѣюсь я успѣть. Съ половины Генваря начну къ тебѣ писать о нашемъ обозѣ и какъ его сюда снарядить и отпустить, чтобъ онъ могъ придти зимою даже и въ томъ предположеніи, что ты пріѣдешь весною. Множество вещей должно будетъ сюда отправить. Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою,

PS. Я въ такихъ хлопотахъ, что не успѣваю тебѣ писать объ Англин-

(*) Раль былъ въ то время извѣстный банкиръ въ Петербургѣ; можетъ быть, здѣсь идетъ рѣчь о которомъ либо изъ членовъ его семейства.

(*) Т. е. это было бы разглашеніемъ святыни.

скихъ нашихъ письмахъ; до будущей почты!

9.

Пенза 19 Декабря 1816.

Вкусъ твой къ *ликамъ* (ибо такъ на древнемъ нашемъ языкѣ назывались танцы или пляска) меня совсѣмъ не удивляетъ; онъ совершенно въ твоихъ лѣтахъ, и я радъ что самымъ опытомъ разсыпаются разныя заблужденія, кои ты сама о себѣ и о неспособностяхъ своихъ составила. Пляска есть первая черта къ образованію обществъ, и въ настоящемъ ихъ составѣ она не только умножаетъ пріятности бесѣды, но и необходима для здоровья. Жаль только, что глупой вальсъ занялъ мѣсто французскихъ кадрилей; но есть надежда, что и у насъ онъ сдѣлается столько же дряхлъ и смѣшонъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. Предвѣщаю тебѣ, моя милая Елисавета, что здѣсь не будешь ты имѣть недостатка въ сей забавѣ. Сверхъ общаго дворянскаго собранія, гдѣ танцуютъ по четвергамъ каждую недѣлю, часто собираются и танцуютъ въ домахъ множество дѣвицъ и молодыхъ женщинъ. Изъ дѣвицъ я еще не знаю ни одной для твоей связи; но всѣ почти вообще довольно пріятны для общаго знакомства. Городъ нашъ ежедневно наполняется и скоро такъ будетъ полонъ, что помѣститься будетъ негдѣ. Сіе приписываютъ мнѣ; а я приписываю нѣкоторому любопытству и той свободѣ или безпритязательности (благодаренъ Сонюшкѣ и тебѣ за сіе слово), которую я ввожу съ собою въ общество. Впрочемъ личныя мои издержки состоятъ тутъ въ ласковомъ словѣ, въ привѣтѣ и въ улыбкѣ. Согласись, что не можетъ быть ничего дешевле. Мнѣ кажется и твоя магія основана не глубже, и состоитъ точно въ томъ же. Желаю тебѣ успѣховъ; но болѣе всего желаю, чтобъ ты умѣла презирать сіи успѣхи и часто размышляла и даже про себя усмѣхнулась бы, сколь они тщетны.

Покупка деревни здѣсь идетъ удачно, и на сихъ дняхъ я надѣюсь кончить. Мѣстоположеніе обыкновенное; нѣтъ ни дому, ни пріюту; но въ 25-ти верстахъ отъ города и приноситъ болѣе 15-ти процентовъ дохода. Это кладъ. Я хотѣлъ бы купить ее на твое имя; не знаю, что-то есть для меня привлекательное, чтобъ тебѣ все принадлежало, а мнѣ ничего; мнѣ что-то пріятно отъ тебя, мой другъ, зависѣть. Но сіе потребовало бы времени на формальную переписку, а потому рѣшаюсь все принять на себя. Деревня имѣетъ два имяни: *Завальное* и *Ханенёвка*, выбирай любое. Со временемъ можно устроить здѣсь въ городѣ домъ, если расположимся мы здѣсь жить. Сіе будетъ наша дача: ибо весь здѣшній городъ есть большой садъ. Я обѣщалъ себѣ посовѣтоваться съ тобою о продажѣ дома и нынѣ сіе исполняю. Домъ стоитъ около $^{100}/_{т.}$ и приноситъ не больше 5-ти процентовъ. А помѣстивъ деньги въ деревню, мы будемъ имѣть втрое болѣе доходу и въ десять разъ болѣе надежности: ибо домъ старѣетъ, а деревня всегда возрастаетъ. — Сейчасъ получилъ прекрасное твое письмо отъ 6 Декабря, № 10. Но почта уже отходитъ, и я успѣваю тебѣ только сказать о M-me Pitt, что я не зналъ настоящаго ея положенія. Теперь же, узнавъ его, отмѣняю прежнюю мысль: ибо свиданіе съ нею, въ семъ положеніи, имѣло бы видъ притязанія и искательства. Христосъ съ тобою.

10.

Пенза 25 Декабря 1816.

Пишу къ тебѣ любезная моя Елисавета, въ самый день свѣтлаго праздника Рождества Спасителя нашего. Въ сей самый день, тому 1816-ть лѣтъ назадъ, совершилось въ Палестинѣ великое чудо: вѣчная любовь, Сынъ Божій явился на землѣ видимымъ образомъ. Съ того времени доселѣ чудо сіе въ миліонахъ людей, безъ различія пола, возраста и состояній, повторяется ежеминутно и будетъ повторяться до кончины вѣковъ. Та же самая любовь, тотъ же самый свѣтъ, освѣщающій каждаго человѣка, грядущаго въ міръ, таинственнымъ образомъ рождается въ каждой душѣ вѣрующей. Счастливъ, кто ощутилъ сіе рожденіе, кто нашелъ въ себѣ благословенную Дѣву Марію, отъ коей единой Христосъ Спаситель можетъ родиться. Ищи, мое милое дитя, сей благословенной Дѣвы; ищи ее въ непрерывной молитвѣ, въ непрестанномъ держаніи въ умѣ и мысляхъ таинственныхъ словъ: *Господи помилуй*— и будь увѣрена, что сіе самое чудо и въ тебѣ совершится. Ты уже имѣешь въ себѣ лучъ сего свѣта: каждая добрая мысль есть Предтеча раждающагося въ насъ Христа; каждое движеніе, каждый вздохъ къ небесному нашему Отцу есть предчувствіе тайнаго присутствія Его Сына. Еслибъ сей день я и вмѣстѣ съ тобою проводилъ: я не въ силахъ бы былъ ни сказать, ни пожелать тебѣ ничего лучше.

Прошедшая недѣля была для меня счастливѣе предъидущихъ. Я получилъ отъ тебя два письма: одно съ почтою, другое съ Агаѳьинымъ братомъ. Послѣднее есть картина подлинно живописная чтенія твоего *Маріи Стюартъ*. Съ какимъ удовольствіемъ буду я тебя слушать, моя чародѣйка, когда ты будешь мнѣ волшебнымъ твоимъ жезломъ открывать и указывать сіи неизвѣстныя мнѣ земли!—Письмо твое написано прекрасно и правильно даже! Это значитъ, что ты писала его не торопясь и не была развлекаема.

Письмо отъ Сонюшки — благодарность за московскій подарокъ, который ты съ нею раздѣлила. Истинно я люблю ее, какъ дочь; но не такъ люблю, какъ тебя: она по тебѣ занимаетъ у меня второе мѣсто; но перваго безъ тебя никто бы, кажется, не занялъ; оно безъ тебя осталось бы на вѣки праздно, если бы ты и дѣйствительно имѣла десять родныхъ сестёръ—и лучше тебя и сто разъ умнѣе. Есть какая-то неизмѣняемая форма для любви родительской, и ты именно для меня вылита въ сію форму. Впрочемъ замѣчаніе твое справедливо; мы болѣе угадывали ея характеръ, нежели знали. Съ будущею почтою я самъ ей напишу. Дѣвицу-красу за меня поцѣлуй. Прости. Христосъ съ тобою.

Агаѳьинъ братъ живетъ у меня, во всемъ обезпеченъ и скоро будетъ помѣщенъ. Скажи ей, чтобъ она не заботилась.

Аркадій Алексѣевичъ пишетъ, что дружишься не на шутку въ его Вѣринькою (*) Правда-ли это?

11.

Пенза 1-го Генваря 1817.

Поздравляю тебя, моя милая Елисавета, съ новымъ годомъ. Дай Богъ тебѣ, мое любезное дитя, встрѣчать

(*) Вѣра Аркад. Столыпина была въ замужствѣ за кн. Давыд. Ѳедор. Голицынымъ, сыномъ егермейстера, кн. Ѳедора Сергѣевича.

его съ сердцемъ чистымъ, съ умомъ здравымъ, съ воображеніемъ розовымъ до глубокой старости. Сегодня мнѣ исполнилось 45 или 46 лѣтъ. Сколько времени потеряннаго въ наукахъ тщетныхъ, въ исканіяхъ ничтожныхъ, въ мечтахъ воображенія! Если бы Богъ не даровалъ мнѣ тебя: то я могъ бы сказать, что я 45 лѣтъ работалъ Лавану за ничто. Полезнѣйшимъ временемъ бытія моего я считаю время моего несчастія, и два года, которые посвятилъ я тебѣ (*).

Мы встрѣтили здѣсь новый годъ шумно и весело; но сердце и чувства мои были столько же уединенны, какъ и всегда. Надѣюсь, что твои удовольствія на сей день были чище: ты была въ кругу друзей, истинно тебя любящихъ и тобой любимыхъ.

Чрезъ недѣлю начну я къ тебѣ писать о распоряженіяхъ къ переселенію твоему сюда. Оно не можетъ быть прежде Мая мѣсяца: ибо нѣтъ комнатъ къ твоему помѣщенію, и приуготовить ихъ среди зимы никакой нѣтъ возможности. Но къ веснѣ ты у меня будешь жить, какъ маленькая царевна. Отсрочка сія довольно слагается и съ окончаніемъ твоихъ наукъ; ты будешь довольно имѣть времени въ нихъ осмотрѣться и приуготовиться къ тому, чтобъ учиться одной. Ни о чемъ впрочемъ не заботься; я все уже придумалъ или придумаю за тебя, чтобъ жизнь твою здѣсь сдѣлать пріятною.

Я не помню, писалъ-ли я къ тебѣ, что дѣло о покупкѣ здѣсь деревни кончено, и я вступилъ уже и во владѣніе; поздравляю тебя помѣщицею 400 душъ, въ прибавокъ къ Великопольскимъ. Въ прошедшее воскресенье крестьяне за тебя и за меня служили уже и молебенъ. Крестьяне здѣсь отмѣнно кротки и добры. Думаю, что они насъ полюбятъ, а я ихъ уже полюбилъ.

Какъ жалѣю я о болѣзни Жоржа (¹); по всѣмъ признакамъ она должна пройти съ лѣтами. Сонюшкѣ я долженъ письмомъ; но я такъ занятъ окончаніемъ дѣлъ къ новому году, что не могу теперь къ ней писать; даже и къ тебѣ письмо мое будетъ короче обыкновеннаго. Прощай. Христосъ съ тобою.

P.S. Скажи дядюшкѣ, что съ будущею почтою непремѣнно къ нему буду писать и чтобъ онъ до полученія моего письма пріостановился.

12.

Пенза 9-го Генваря 1817.

Вотъ тебѣ, мой другъ, полная инструкція твоего отправленія; ты прочитаешь ее Марьѣ Карловнѣ и, посовѣтовавшись съ нею, скажешь мнѣ съ первою почтою, что признаете вы нужнымъ перемѣнить или дополнить.

1, Прежде всѣхъ, и именно въ началѣ Февраля, отправится сюда дядюшка съ своими людьми. О семъ я къ нему вмѣстѣ съ симъ пишу. Посылать съ нимъ сюда ничего не должно потому, что онъ поѣдетъ медленно и прибудетъ сюда не прежде окончанія Февраля.

2, О Францисѣ (²) могутъ быть три предположенія. 1, Оставить его съ Беллою (³) въ Петербургѣ; въ семъ случаѣ я буду имъ производить ³/т. р.

(*) Во время пребыванія ихъ въ Великополье.

(¹) Егоръ Егоровичъ Вейкардтъ, сынъ М. К. Вейкардтъ.

(²) Францисъ или Франсисъ Стивенсъ, братъ умершей жены Сперанскаго, разслабленный отъ рожденія.

(³) *Белла* была старая Англійская нянька при Елизаветѣ Михайловнѣ. Когда она умерла, мѣсто ея заступила ея племянница Сарра Бенсонъ.

въ годъ по третямъ, и деньги сіи будетъ имъ выдавать Аркадій Алексѣевичъ. 2, Помѣстить его у Коля, гдѣ будетъ онъ получать то же содержаніе по 3/т. р., а Белла, сохраняя свое жалованье, должна помѣститься, какъ найдетъ она удобнѣе. 3, Отправиться имъ на лѣто въ Великополье, гдѣ будутъ они жить покойно, ни въ чемъ не имѣя нужды и получая на содержаніе по 500 р. въ треть. Сіе послѣднее предположеніе есть самое выгодное и для насъ и для нихъ, и если бы Белла имѣла здравый смыслъ: то должна бы была его принять съ радостью. Франциса можно уговорить тѣмъ, что онъ нуженъ тамъ для главнаго надзора. Есть четвертое предположеніе—взять его сюда; но это совсѣмъ не возможно по образу здѣшней жизни и по самому помѣщенію. Можетъ быть, со временемъ, когда мы здѣсь обживемся, можно будетъ и его перевесть; сію надежду можно ему дать на слѣдующую зиму.

3, Въ Февралѣ отправятся сюда наши Великопольскія барскія барыни Аннушка и Лиза съ ихъ дѣтьми. Здѣсь онѣ нужны, а тамъ безполезны, и содержаніе ихъ дорого, а здѣсь маловажно. Онѣ отправится на долгихъ, въ провожаніи Василья - ратника, и будутъ готовы къ твоему пріѣзду. Все сіе распорядитъ староста, къ коему я нынѣ же пишу, безъ всякой тебѣ заботы.

4, Въ Февралѣ же Андрей Андреичъ Жерве (*) по просьбѣ моей отправитъ сюда обозъ съ разными вещами, о коихъ для свѣдѣнія твоего, и единственно для свѣдѣнія, а не для исполненія, прилагаю при семъ записку. Если вы съ Марьею Карловною придумаете что-нибудь дополнить: то отъ васъ зависитъ попросить о семъ Андрея Андреича.

5, Съ симъ самымъ обозомъ должны быть отправлены твои книги; для сего ты нынѣ же отправишь въ Великополье Агаѳью, прикажешь ей уложить ихъ, обернувъ каждую въ бумагу, и привести ихъ въ Петербургъ, откуда онѣ, вмѣстѣ съ прочими статьями обоза, пойдутъ уже сюда. Не совѣтую тебѣ брать дорогихъ изданій въ красномъ сафьянѣ: какъ-то Делиля, Montesquieu,—а лучше поручить ихъ, привезя въ Петербургъ, Цейеру, чтобы продалъ или промѣнялъ со временемъ на другія книги. Изъ моихъ книгъ мнѣ ничего не нужно. Посылка Агаѳьи въ Великополье необходима и для того, чтобъ доставить къ тебѣ оттуда: 1, все серебро, то есть всѣ серебряныя вещи, какія только у насъ есть, все безъ изъятія, 2 Два прибора новаго неразрѣзаннаго столоваго бѣлья, которое должно тамъ быть въ сундукахъ и которое вмѣстѣ съ серебромъ въ свое время ты возмешь съ собою, не отправляя его съ обозомъ. Хрусталю, фарфору и мебелей оттуда никакихъ не брать: словомъ, ничего кромѣ твоихъ книгъ, серебра и столоваго бѣлья. Чтобы устроивая одно, не разстроивать другаго.

6, Экипажи для твоего отправленія приготовитъ тебя Аркадій Алексѣевичъ, то есть четвероместную карету и четвероместную же коляску; мы уже о семъ согласилися.

7, Въ сихъ экипажахъ ты отправишься, моя милая, въ половинѣ Мая, то есть, какъ скоро просохнетъ дорога, съ Агаѳьею, въ сопровожаніи твоего Василья, Андрея и Терентья, который въ рукахъ Василья будетъ не безполезенъ. Изъ фрейлинъ твоихъ ты возмешь, кого тебѣ угодно. На путе-

(*) Жерве служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ женатъ на дочери Амбургера, сестрѣ г-жи Вейкардтъ.

шествіе твое 2000 рублей выдастъ тебя Петръ Григорьичъ.

8, Между тѣмъ ты дополнишь свой гардеробъ всѣмъ, что тебѣ нужно. Для сего Андрей Андреичъ по требованію твоему выдастъ тебѣ отъ 1500 р. до 2000 р. Не покупай, однако же, ничего излишняго изъ матерій: ибо ты сюда пріѣдешь къ двумъ большимъ ярманкамъ, гдѣ все сіе можно найти въ избыткѣ и за сходныя цѣны. Но не жалѣй денегъ на нужныя бездѣлки, гребни, снурки и прочія мелочи, въ женскомъ тулетѣ и въ рукодѣльяхъ необходимыя: ихъ должно имѣть порядочные запасы.

Вотъ тебѣ, моя милая, подробное описаніе твоего путешествія. Въ послѣдствіи пришлю тебѣ маршрутъ; тебѣ должно будетъ ѣхать съ Москвы на Рязань и Тамбовъ. Съ какимъ восхищеніемъ встрѣчу я тебя на границѣ благословенной нашей губерніи, покажу тебѣ новую нашу деревню и наконецъ водворю тебя, послѣ толикихъ странствованій, въ новомъ твоемъ отеческомъ домѣ! Разлука съ Сонюшкою и съ Марьею Карловною огорчитъ тебя много. Для чего нельзя согласить всего вмѣстѣ? для чего не можемъ мы всѣ четверо жить здѣсь вмѣстѣ?—не можемъ; нечего и желать не возможнаго.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

PS. Ты будешь еще имѣть время сдѣлать мнѣ всѣ вопросы. Письма наши еще три или четыре раза могутъ оборотиться.

13

Пенза 16 Генваря 1817.

Отвѣчаю на письмо твое, моя милая Елисавета, въ день Рождества Христова писанное, и начинаю прискорбнымъ замѣчаніемъ, что ты не была въ сей день у обѣдни. Изъ тысячи это одна важная причина желать быть намъ вмѣстѣ. Здѣсь сего бы не случилось. Ты совершенно почти описала по догадкѣ, что я здѣсь въ сей день дѣлалъ, что даже думалъ; но трудно-ли и угадать, что я думалъ о тебѣ. Праздникъ въ разлукѣ есть нѣкоторое противорѣчіе чувства съ внѣшнимъ выраженіемъ. Вотъ почему праздники въ разлукѣ бываютъ обыкновенно скучны.

Благодаренъ за стихи; но скажи мнѣ стихи *Къ надеждѣ*—переводъ или сочиненіе? это не привѣтъ, но сущая правда. Они имѣютъ такое сходство въ оборотѣ своемъ съ лучшими нѣмецкими стихами, что я въ недоумѣніи. Если это сочиненіе, какъ я и люблю вѣрить, то сіе доказываетъ, что умъ твой занятъ и напоенъ нѣмецкою словесностію. Я радъ: ибо она и изящна и оригинальна. Есть нѣкоторыя неисправности въ языкѣ; но и это мнѣ пріятно; это значитъ, что въ Пензѣ я буду еще имѣть удовольствіе тебѣ доучивать и содержать тебя въ моей зависимости.

Какъ справедливо разсужденіе твое о музыкѣ Сотворенія міра! Точно то же дѣйствіе концертъ сей и всѣ подобныя ему огромныя затѣи производили всегда надо мною; и, вѣрь мнѣ, изъ тысячи слушателей двѣ большія трети нашего мнѣнія; но не всѣ смѣютъ самимъ себѣ въ томъ признаться и потому хвалятъ вмѣстѣ и зѣваютъ. Сдѣлай еще шагъ и распространи сіе правило: ты увидишь, что оперы, большія драммы, величавыя трагедіи, всѣ почти произведенія искусства всегда болѣе обѣщаютъ, нежели исполняютъ; перевѣсъ воображенія надъ чувствомъ, des prétentions manquées. Поступи далѣе и ты найдешь, что всѣ почти затѣйливыя и нарядныя удовольствія имѣютъ точно то же свой-

ство. Они всегда оставляютъ пустоту въ душѣ, отъ того, что слишкомъ расширяютъ и напрягаютъ воображеніе. Одни удовольствія духовныя и радости природы простой и величественной никогда не измѣняютъ.

Вотъ еще почта; а Сонюшкѣ нѣтъ отвѣта. Прочитай письмо сіе вмѣстѣ съ нею; это тотъ же отвѣтъ.

Съ будущею почтою пришлю тебѣ карту твоего сюда путешествія. Трудно тебѣ представить, какъ мысль сія меня веселитъ и занимаетъ. Прости. Христосъ съ тобою.

14.

Пенза 23 Генваря 1817.

Сравненіе твое, моя любезная Елисавета, Шиллера съ Шекспиромъ столько же тонко, какъ и основательно. Но знаешь-ли ты всѣ послѣдствія привязанности твоей къ Шиллеру? Наименьшее изъ нихъ есть то, что вся французская словесность будетъ тебѣ казаться безъ цвѣта и безъ вкуса. Я о семъ не жалѣю; но вотъ о чемъ ты сама, можетъ быть, пожалѣешь: если, увлеченный твоими живописными картинами пущусь я, по совѣту твоему, въ море нѣмецкой словесности: тогда что̀ будетъ съ моимъ губернаторствомъ? Я долженъ буду всё оставить, даже и еврейскій мой языкъ; и ты одна всего будешь виною.—Продолжай однако же писать ко мнѣ о новыхъ твоихъ открытіяхъ, не взирая на всѣ послѣдствія.

Стихи твои на Великопольское наше привидѣніе прекрасны. Слава воображенію, которое изъ дѣвушки въ лохмотьяхъ умѣло произвесь нѣчто весьма привлекательное.

Сожалѣю, что озаботили тебя Великопольскими счетами. Я никакъ не понимаю, на что имъ деньги. Тутъ ясно или глупость, или злоупотребленіе. Сегодня я туда пишу.

Ты ни слова не говоришь мнѣ ни о Флоріо, ни о пѣніи; не притаилася ли ты, чтобъ удивить насъ здѣсь провинціаловъ? Но я тебя предваряю, что здѣсь есть знатоки, хотя никто не смѣетъ пѣть.

Съ слѣдующею почтою пришлю твой маршрутъ. Удивительно, какъ идетъ время. Думаю о тебѣ каждый день, каждый часъ, а писать къ почтѣ не успѣваю. Это отъ того, что думать и любить тебя несравненно легче, нежели писать, хотя и писать пріятно. Прости. Христосъ съ тобою.

15.

Пенза 30 Генваря 1817.

Какъ прискорбно мнѣ, милая моя Елисавета, что Петръ Григорьичъ медленностію своею затруднилъ тебя въ деньгахъ. У него собственныхъ моихъ денегъ есть до 5000 рублей. Я пишу къ нему сегодня, чтобъ онъ вручилъ тебѣ непремѣнно по полученіи сего 2000 р. (*) и 3000 р. Марьѣ Карловнѣ какъ на отправленіе дядюшки, такъ и на водвореніе Франциса у Miss Peterson. Водвореніе сіе необходимо; онъ пробудетъ тамъ до будущей зимы; а тогда, устроясь здѣсь, мы возмемъ его къ себѣ. Когда окончится кочующая наша жизнь?—При отъѣздѣ сюда ты получишь отъ А. А. Жерве еще 2000 р. Изъ нихъ, или изъ тѣхъ 3000 р, которые нынѣ отъ П. Г. Масальскаго поступятъ къ Марьѣ Карловнѣ, постарайся надѣлить Беллу, чтобъ не осталась она въ бѣдности. Объ издержанныхъ тобою 2000 р. ни мало не заботься; я

(*) Сверхъ того, что̀ до полученія сего моего письма могла ты отъ него получить. (С.)

нахожу, что сіе еще весьма умѣренно, а впрочемъ ты знаешь, что деньги, на тебя издержанныя, я считаю лучшимъ для себя доходомъ. Лошадей, воронyю и сѣрую, я приказалъ было доставить къ Аркадію Алексѣевичу; но если они ему не нужны: то попроси Карла Карловича (*), чтобъ онъ принялъ ихъ отъ меня себѣ въ подарокъ—въ подарокъ, а не иначе. Если Норовъ безъ мѣста или въ бѣдности, то можешь ты взять его съ собою для умноженія твоей свиты, а жену его съ дѣтьми, въ семъ предположеніи, прикажи старостѣ отправить сюда тѣмъ же порядкомъ, какъ отправляются прочія наши женщины. Здѣсь жить весьма дешево, и они менѣе намъ будутъ въ тягость, нежели въ Великопольѣ. Во всѣхъ случаяхъ мы можемъ ихъ оставить въ здѣшней деревнѣ. Я пишу о семъ къ старостѣ, чтобъ онъ ожидалъ твоихъ приказаній; ибо отправленіе жены зависѣть будетъ отъ рѣшенія твоего о мужѣ. Онъ будетъ здѣсь не лишній: ибо намъ необходимо здѣсь держать болѣе услуги.—Вчера вспомнилъ нужную бездѣлку—кофейную мельницу. Постарайся заказать ее у Нѣмца; и отправь съ обозомъ, или привези съ собою.

Вотъ цѣлое письмо, наполненное бездѣлками, и нѣтъ почти ни слова той бесѣды, которую я люблю вести съ тобою. Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

16.

Пенза 5-го Февр. 1817.

Отъ тебя нѣтъ писемъ, моя милая Елисавета; я бы безпокоился, если бы не получилъ извѣстія отъ Аркадія Алексѣевича; онъ о тебѣ молчитъ, слѣдовательно ты здорова, а сего уже для меня и довольно: ибо впрочемъ есть тысячи причинъ, могущихъ произвесть подобную сему разстановку.

Предъидущимъ моимъ письмомъ ты разрѣшена уже въ разсужденіи денегъ; я надѣюсь, что по сіе время ты уже ихъ и получила; я забылъ только сказать, что деньги сіи не идутъ въ счетъ тѣхъ 2000 р., кои получишь ты отъ А. А. Жерве при твоемъ отъѣздѣ сюда, на дополненіе твоего гардероба.

Слава Богу, наконецъ прошла шумная масляница. Со вчерашняго дня я началъ говѣть. Какія удобности въ семъ святомъ упражненіи мы будемъ имѣть здѣсь съ тобою! — Въ настоящемъ положеніи тебѣ будетъ сіе трудно; но я увѣренъ, что, не взирая на всѣ трудности, ты въ нынѣшній постъ говѣть будешь. Если нѣтъ у тебя въ виду другаго духовника: то пошли къ моему Симіоновскому протопопу Іоанну, который, помнишь, пріѣзжалъ къ намъ и въ Великополье. Служить у тебя ему нельзя; но исповѣдать и причастить онъ возметъ тебя съ радостію. Ты можеть, впрочемъ, въ семъ посовѣтоваться съ Вѣрою Николаевною ([1]) и говѣть съ нею вмѣстѣ. Исполни сіе, мое милое дитя, непремѣнно.

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ ко мнѣ пишетъ, что жена его ([2]) видаетъ тебя въ Почтамской церкви и проситъ съ нею познакомиться. Если они будутъ звать Марью Карловну съ тобою: то совѣтую вамъ обѣимъ ихъ не чуждаться. У неё есть племянница к. Щербатова ([3]), родня

(*) Карлъ Карловичъ Амбургеръ.

([1]) Женою Аркадія Алексѣевича Столыпина.

([2]) Анна Петровна, урожденная княгиня Голицына.

([3]) Жена дѣйств. тайн. совѣтн. князя Сергѣя Григорьевича Щербатова, княгиня Анна Михайловна, урожденная княжна Хилкова. Отецъ княгини А. М.

Шуваловымъ, которая, въ мое время, была очень добрая молодая женщина, съ коею можешь ты познакомиться и покороче. Жена Козодавлева также не глупа, благочестива и довольно добродушна; немножко чванлива. Не искать, но не чуждаться, вотъ твоя линія.

Съ будущею почтою пришлю тебѣ твой маршрутъ. Съ какимъ удовольствіемъ слышу я стукъ плотниковъ, столарей и слесарей въ комнатахъ, которыя для тебя готовлю! Это сокращаетъ разстояніе предлинныхъ трехъ мѣсяцевъ, кои долженъ я еще провести безъ тебя. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою. У насъ 7° тепла.

17.

Пенза 13 Февр. 1817.

Два письма твои, моя милая Елисавета (№ 16 и 17) вдругъ пришли ко мнѣ и разрѣшили мое безпокойство. Я не знаю, извѣстно-ли тебѣ содержаніе письма Марьи Карловны, въ то же время мною полученнаго. Она предлагаетъ, во первыхъ, проводить тебя сюда, а потомъ, какъ бы одумавшись, проситъ оставить тебя у нихъ до зимы, представляя, что сіе весьма полезно было бы для твоихъ наукъ. На ушко тебѣ скажу, что и то и другое предложеніе мнѣ не совсѣмъ нравится; первое потому, что жертва слишкомъ велика и что отсутствіе ея и Сонюшку и дѣтей погрузитъ въ печаль; а второе потому, что съ одной стороны не думаю я, чтобъ лѣтомъ можно было много заниматься науками по обыкновенной разсѣянности ихъ жизни; а съ другой они не понимаютъ, а ты опытомъ знаешь, что можно учиться и одной, и сей родъ науки можетъ быть прочнѣе другихъ. Прибавь къ сему, что если ты не доучишься нѣмецкому языку или музыкѣ: то за то лучше будешь знать русскую словесность, проходя ее со мною. Здѣсь есть много книгъ, и здѣсь же живетъ старый твой учитель, — я. Даже и въ нѣмецкомъ языкѣ ты не останешься здѣсь безъ руководства. У меня здѣсь есть Нѣмецъ, кажется, довольно свѣдущій. Слѣдовательно остается взвѣсить два уваженія 1, горесть разлуки: но сія горесть неизбѣжна, и какъ бы мы ее ни удаляли, она все тебя постигнетъ; 2, легко быть можетъ, что ты не успѣешь сюда пріѣхать, какъ должно будетъ намъ опять отправляться въ Петербургъ; но сіе, во первыхъ, слишкомъ неизвѣстно, чтобъ войти въ расчетъ, а во вторыхъ, сіе же самое и всегда случиться можетъ, когда бы ты сюда ни отправилась. Въ моемъ расчетѣ вѣроятностей, если не призовутъ меня отсюда до Мая: то вѣрно останусь я здѣсь все лѣто; присоедини къ сему, что зимній путь для тебя будетъ весьма затруднителенъ, и слѣдствіемъ его можетъ быть болѣзнь; напротивъ лѣтній есть настоящая прогулка. И такъ вотъ мое заключеніе: отправиться сюда въ Маѣ или въ теченіи лѣта по лучшему твоему усмотрѣнію; но не дожидаться зимы; отправиться съ Марьею Карловною и если можно съ Сонюшкою; вы проживете здѣсь лѣто, а на зиму можете всѣ три, а можетъ быть и всѣ мы вмѣстѣ, возвратиться въ Петербургъ. Вся трудность тутъ

Щербатовой, князь Михаилъ Яковлевичъ Хилковъ, былъ женатъ на княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Голицыной, сестрѣ Козодавлевой, а сама она, по смерти Щербатова, вышла замужъ за оберъ-гофмейстера графа Александра Николаевича Толстаго, и недавно скончалась въ Ниццѣ, въ глубокой старости. Сестра ея мужа княгиня Софья Григорьевна была въ 1-мъ бракѣ за генералъ-адьютантомъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ.

въ Софьѣ Ивановнѣ. Если она отпустить Соню: то все уладится само собою. Въ дорогѣ вы пробудете не болѣе двухъ недѣль; помѣщеніе вамъ здѣсь готово, и помѣщеніе обширное и прекрасное. Сдѣлай сіе предложеніе и настой сколько можешь, чтобъ оно сбылося: тогда ты и съ Соней будешь неразлучна, и со мною увидишься, и увидишь весьма значительную часть Россіи, и познакомишься еще короче съ нравами русскими, и время для наукъ проведешь со мною не напрасно. Издержки будутъ маловажны, и я всѣхъ васъ беру смѣло на мой отчетъ. Дѣла мои такъ расположены, что если бы и весь обозъ мой вдругъ мнѣ сдѣлался не нуженъ: то я не потерпѣлъ бы ни малѣйшаго убытка, ибо все у меня здѣсь разберутъ съ охотою и за ту же цѣну.

Примѣть впрочемъ, что во всѣхъ сихъ распоряженіяхъ собственное мое желаніе тебя видѣть никакъ меня не ослѣпляетъ. Еслибъ мнѣ доказано было, что тебѣ будетъ полезнѣе оставаться и лѣто и слѣдующую потомъ зиму въ Петербургѣ: я бы ни минуты не поколебался: ибо любовь моя къ тебѣ есть любовь къ твоему счастію, а совсѣмъ не привязанность къ моимъ собственнымъ удовольствіямъ. Такъ суди меня во всѣхъ отношеніяхъ, если хочешь судить здраво; я не чувствую почти тяжести жертвъ, когда онѣ для тебя необходимы и даже, когда онѣ тебѣ только полезны. Богъ не попуститъ, чтобъ я изъ тебя когда нибудь пожелалъ сдѣлать собственную мою куклу. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

PS. Весьма радъ, что угадалъ и предупредилъ твои мысли о лошадяхъ. Сей подарокъ и приличенъ и мнѣ пріятенъ.

Агаѳьиной снохи никакъ не должно брать съ собою; мужъ безъ неё здѣсь не скучаетъ, пусть онъ здѣсь укоренится; а будущею зимою я доставлю ей способъ сюда отправиться.

18.

Пенза 20 Февр. 1817.

Нынѣшняя почта принесла мнѣ твое письмо, моя любезная Елисавета, столь благовременно, что въ тотъ же день тебѣ и отвѣчаю. То, что ты мнѣ говоришь о Флоріо, весьма прискорбно. Нельзяли взять Кавоса или другаго; тутъ церемониться нечего: ибо это простые наемники. Еслибъ Кавосъ и вдвое стоилъ дороже: то нѣсколько уроковъ насъ не разорятъ; я же тебѣ денегъ пришлю еще, когда тебѣ будетъ надобно и когда, благовременно разочтя, ты ко мнѣ напишешь. Впрочемъ если пѣть въ Петербургѣ не съ кѣмъ: то лучше пѣть со мною въ Пензѣ. Я все держусь прежняго правила, - а именно, что музыка и пѣніе много зависятъ и могутъ быть усовершены собственнымъ упражненіемъ. Впрочемъ примѣть къ своему утѣшенію, что въ искусствахъ, какъ и въ знаніяхъ, часто успѣхи приходятъ послѣ, а не въ то время, какъ въ нихъ упражняются. Я почти увѣренъ, что въ Пензѣ ты найдешь себя лучше, нежели теперь, и удивишься откуда все это взялось. Я не знаю какимъ-то образомъ понятія наши созрѣваютъ безъ нашего вѣдома Не думай, впрочемъ, чтобъ я испортилъ что-либо излишнимъ ожиданіемъ. Во всѣхъ родахъ я не охотникъ до чудесъ и все люблю въ своей мѣрѣ.

О людяхъ нашихъ не заботься; я не для того ихъ сюда беру, чтобъ ихъ употреблять, но чтобъ облегчить ихъ содержаніе; они мнѣ въ Великопольѣ безмѣрно дорого стоятъ; а

здѣсь въ деревнѣ будутъ жить даромъ. Жены же ихъ останутся прачками. Ты не можешь себѣ представить, какая это разность въ цѣнахъ. Впрочемъ вы съ Марьею Карловною весьма умно уложили отправить ихъ водою; это дешевле, и если прiѣдутъ они и поздно: то сiе никакъ не помѣшаетъ твоему сюда прiѣзду; ты найдешь совсѣмъ готовую услугу. Съ нетерпѣнiемъ ожидаю рѣшенiя твоего о времени твоего путешествiя—*рѣшенiя* потому, что сiе совершенно отъ тебя зависитъ; въ Маѣ или въ Августѣ. Надобно только, чтобъ я зналъ впередъ, дабы сообразно тому распорядиться.

Изъ всѣхъ твоихъ наукъ неоконченныхъ, жаль только будетъ нѣмецкаго языка; но и сiе можетъ быть вознаграждено до нѣкотораго (sic) степени [1] Мысль о библiотекѣ нѣмецкой весьма умна. Деньги дастъ тебѣ Андрей Андреевичъ, съ коимъ я уже условился, и имѣю съ сею же почтою положительный его отвѣтъ. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

Вчерась я открылъ здѣсь Библейское общество; старый Архiерей и я избраны вицепрезидентами; а президентъ во всей Россiи одинъ--князь Голицынъ. Вотъ тебѣ наши новости.

19.

Пенза 27 Февр. 1817.

Мнѣ кажется, милая моя Елисавета, номера нашихъ писемъ немножко позапутались; но въ нихъ и нужды нѣтъ: ибо почта вѣрно намъ служитъ.—И такъ Салинка здорова, когда вы съ нею катались на горахъ: ибо больные, сколько мнѣ извѣстно, не катаются; ты мнѣ ничего о семъ прежде не сказала. Весьма благодаренъ Карлу Карловичу за попеченiе о экипажахъ; увѣренъ, что они будутъ прекрасные. Жаль только, что ты не отгадала моихъ мыслей о вензелѣ и не разочла, что мнѣ несравненно прiятнѣе ѣздить въ твоей каретѣ, нежели возить тебя въ своей. Ты уже довольно пользовалась моими экипажами; пора расплатиться. Отъ Андрея Андреевича я получилъ весь свой домъ—на бумагѣ; къ концу Марта будетъ онъ здѣсь и въ кладовыхъ, изъ коихъ не прежде, однакоже, выйдетъ на свѣтъ, какъ при тебѣ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что и здѣсь встрѣтитъ она любимую ей забаву разбирать, чистить, раскладывать и приводить въ порядокъ; безъ нее я ни къ чему не прикоснуся.

Ты мнѣ ничего не пишешь о свиданiи твоемъ съ Козодавлевыми, а они пишутъ. Нѣтъ нужды повторять тебѣ правило, коего въ сихъ знакомствахъ должно тебѣ держаться. На ушко тебѣ скажу, что и отъ Государя получилъ я здѣсь лично къ себѣ письмо, исполненное самыхъ милостивыхъ выраженiй; симъ ты можешь порадовать одного Андрея Андреевича. Кстати о знакомствахъ: мнѣ жаль будетъ, если ты уѣдешь изъ Петербурга не видавшись съ M-me Pitt и не поблагодаря ее въ 17 лѣтъ за то, что̀ оказывала она тебѣ, когда ты не имѣла еще и 17-ти мѣсяцевъ. Поговори о семъ съ Кремеромъ, или съ Салинькой, которая вѣрно у нее иногда бывать должна. Одна визита прощальная предъ отъѣздомъ изъ Петербурга къ сему достаточна. Приготовь также письмо и въ Англiю; съ открытiемъ навигацiи Белiй будетъ много имѣть случаевъ. Не худо бы къ женѣ его тебѣ когда нибудь съѣздить. Мои письма въ Англiю ты получишь чрезъ почту или двѣ.

[1] Сперанскiй всегда употреблялъ слово: степень въ мужескомъ родѣ и выговаривалъ степѐнь.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобой; постарайся на послѣдней недѣлѣ говѣть, если не говѣла прежде, и причаститься въ какой либо уединенной церкви.

20.

Пенза 8-го Марта 1817.

Причины твои, любезная моя Елисавета, такъ основательны, что я хотя и съ сожалѣніемъ дозволяю тебѣ не говѣть нынѣшній постъ: за то я здѣсь буду говѣть въ другой разъ на Страстной недѣлѣ, и весь постъ ѣмъ рыбу; а въ Августѣ или Іюнѣ будемъ говѣть вмѣстѣ.

Наконецъ и дядюшка пріѣхалъ и привезъ мнѣ и письмо и стихи твои; они не уступаютъ прежнимъ; но Савояръ всѣхъ лучше, хотя и Русская дѣвица имѣетъ свои достоинства. Дядюшка довольно здоровъ; дорога его поправила; а надежда еще болѣе поправитъ. Онъ пустится на Кавказъ 1-го Мая.

Почта пришла при самомъ отходѣ нашей, и потому не успѣваю ни къ тебѣ писать много, ни отвѣчать на письмо Марьи Карловны. Но благодарю ее чрезъ тебя за всѣ ея распоряженія въ Великопольѣ, и все, что она тамъ ни сдѣлала, въ полной мѣрѣ утверждаю. Жаль только, что вы не оставили себѣ повара Платона. Никакого неудобства я не вижу, чтобъ Андрей съ вами ѣхалъ; въ рукахъ Василья онъ не запьетъ; весь секретъ въ томъ, чтобъ не давать ему денегъ. Впрочемъ, не спрашивая меня, распорядитесь, какъ лучше сами найдете.

Львову отвѣчать мнѣ весьма мудрено; но, собравшись съ умомъ, отвѣчать буду.

Буду ожидать извѣстій о твоемъ глазѣ; самая бездѣлица вдали безпокоитъ.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

21.

Пенза 13-го Марта 1817.

Письмо сіе придетъ къ тебѣ на Свѣтлой недѣлѣ; *Христосъ воскресе*, моя милая Елисавета; да будетъ праздникъ сей источникомъ новыхъ духовныхъ для тебя радостей.

Вмѣсто краснаго яичка посылаю тебѣ собственный мой ликъ; пусть онъ тебя поздравитъ и за меня поцѣлуетъ. Здѣсь находятъ его весьма схожимъ. Его писалъ одинъ здѣшній дворянинъ, amateur, кисть не самая мастерская, но удивительная въ сходствѣ. Онъ и тебя напишетъ, мою милую дуру, когда ты сюда пріѣдешь.

Два письма твои, предъидущее и сегодня полученное, весьма меня радуютъ. Въ первомъ ты говоришь о говѣніи, и мысли твои замѣняютъ почти самое дѣло. Во второмъ разрѣшаешь мои недоумѣнія о твоей разлукѣ. Никогда, мое милое дитя, не хотѣлъ я убѣждать тебя сюда отправиться, зная, что это было бы излишнее; а хотѣлъ тебѣ только представить нѣкоторыя утѣшенія, чтобъ сдѣлать разлуку твою съ Сонею менѣе тебѣ прискорбною. Теперь, слава Богу, все слажено и я ожидаю тебѣ съ вѣрностію въ концѣ Мая, или въ началѣ Іюня, судя по дорогѣ; не совѣтую однако же пускаться въ путь прежде, нежели дорога установится. Марья Карловна въ послѣднемъ своемъ письмѣ обнадеживаетъ даже привезти Сонюшку; все зависитъ только отъ согласія Софьи Ивановны, которая, я думаю, наконецъ вамъ сдастся. Для здоровья Сонюшки ничего не можетъ быть полезнѣе. Вы всѣ не имѣете еще понятія о добромъ, чистомъ русскомъ климатѣ и о благотворныхъ его дѣйствіяхъ, кои я самъ на себѣ испытываю ежеднев-

но. Странно, что Петергофскія болота называются дачею, деревнею. Это сущій погребъ.

О Катеринѣ Богдановнѣ (¹), если ты не получила другихъ понятій: то она будетъ здѣсь не лишняя; даже можетъ быть полезна для выѣздовъ твоихъ и для нѣкотораго приличія, если и по отъѣздѣ Марьи Карловны съ тобою останется. Не худо, если она распорядится провесть съ тобою и будущую зиму. Но не должно тутъ употреблять никакихъ настояній и условій. Впрочемъ сію послѣднюю статью мы вмѣстѣ съ тобою устроимъ здѣсь, смотря по свойствамъ ея и по сообразности съ нашимъ положеніемъ. Прощай, моя милая, почти до свиданія. Христосъ съ тобою.

22.

Пенза 27 Марта 1817.

Наконецъ посылаю тебѣ, моя милая Елисавета, росписаніе твоего путешествія и часть станцій отъ Новагорода до Москвы (²). Мнѣ необходимо нужно знать, когда ты оставишь Петербургъ, чтобъ послать къ тебѣ въ Рязань на встрѣчу и самому тебя встрѣтить на границѣ губерніи. Предлагаю тебѣ взять рѣшительнымъ числомъ 15-е Мая; съ сего дня поведу я свой счетъ и если ошибусь, то не болѣе какъ въ недѣлѣ, а сіе никакъ не разстроитъ моего расчисленія. Но надобно, чтобъ вы сообразили сей день съ Марьею Карловною и меня рѣшительно о томъ увѣдомили. Пять дней ранѣе или позже, не сдѣлаютъ разницы; лишь бы знать положительно.

Жалѣю, что ты потеряла время надъ Клариссою. Въ прошедшемъ столѣтіи было принято правиломъ, что всякая Англичанка обязана послѣ изученія Катихизиса, прочитать раза два Клариссу, Памелу и Грандиссона (³). Сіе входило существеннымъ образомъ въ планъ воспитанія. Вѣра Николаевна, кажется, держится сей старинки. Не осуждая ея вкуса, я бы никогда ни одной дѣвицѣ нашего времени не присовѣтывалъ сего чтенія. Тутъ ложная натура, небывалые или чрезмѣрно рѣдкіе пороки и ничтожныя добродѣтели, словомъ ложная живопись нравовъ и прескучная метафизика страстей. По счастію ты не монастырка и отъ младенчества твоего видѣла свѣтъ не чрезъ волшебное стекло. И такъ вся бѣда для тебя тутъ кончится потерею времени. Вообще на всѣхъ трехъ языкахъ едва-ли наберешь десятокъ романовъ, кои бы были занимательны и поучительны. Дарованіе сіе столько же рѣдко, какъ и всѣ дарованія. Впрочемъ вкусъ къ романамъ прилипчивъ только для людей праздныхъ и для умовъ весьма поверхностныхъ и пустыхъ. Укажите мнѣ женщину, которая любитъ романы; я докажу вамъ, изъ всей связи ея мыслей и поведенія, что у нее пустая голова и еще пустѣе сердце.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

И такъ я не увижу здѣсь Сонюшки. Изъ письма твоего и ея, вижу, что это рѣшено. Такъ и быть!

P.S. Фортепіано пришло сюда въ такой исправности, что, поставивъ его на мѣсто, можно было играть, и одинъ Нѣмецъ дѣйствительно игралъ.

23.

Пенза 3 Апрѣля 1817.

Прошедшая почта не принесла мнѣ ни одного письма изъ Петербурга.

(¹) NB. Марья Карловна въ послѣднемъ письмѣ не говоритъ мнѣ о семъ ни слова. (С.)

(²) Сихъ послѣднихъ не посылаю, они и не нужны. (С.).

(³) Извѣстные англійскіе романы Ричардсона.

Разлитіе рѣкъ и распутица остановили ихъ въ Москвѣ. Надѣюсь, что настоящая, которая должна придти завтра, вознаградитъ мое терпѣніе. Святая недѣля здѣсь была прекрасная. Качели, стеченіе народа, два ряда каретъ, всё въ порядкѣ; всѣ Петербургскія и Московскія глупости, въ уменьшительномъ только видѣ.

Съ удовольствіемъ мыслю, любезная моя Елисавета, что мнѣ остается къ тебѣ писать только уже четыре раза. Послѣднее мое письмо будетъ отъ 1-го Мая; и дай Богъ болѣе къ тебѣ никогда не писать; но ты пиши ко мнѣ до самой послѣдней почты твоего выѣзда.

Пиши ко мнѣ впередъ, моя милая, о всѣхъ подробностяхъ твоего отправленія; сколько экипажей, сколько людей. Кстати объ экипажахъ, какъ считаетъ Марья Карловна возратиться отсюда? Если зимнымъ путемъ: то у меня для нее есть самый покойный возокъ; но если осенью: то ей нужна будетъ карета; а кареты достать здѣсь нельзя.—Кстати также о людяхъ, возмешь-ли ты съ собою Авдотью? Какъ черная дѣвка, она была бы здѣсь тебѣ полезна, хотя можно здѣсь найти и другую; но она не скоро привыкнетъ къ Агаѳьѣ и къ образу твоей жизни. Если съ Марьею Карловною не будетъ дѣвки: то и въ дорогѣ съ одною вамъ будетъ затруднительно; на случай возврата, ее также можно-бы было отпустить съ Марьею Карловною. Для дѣтей особенной услуги здѣсь не нужно; а въ обратный путь я могу здѣсь найдти имъ человѣка. Есть вѣроятность, что Марью Карловну проводитъ отсюда дядюшка, но уже не больной и не безногій, но здоровый дядюшка; ему и теперь уже лучше; а съ водъ возвратится онъ въ Сентябрѣ совершенно молодцомъ.

Къ запискѣ о вещахъ, кои нужно тебѣ взять съ собою, прилагаю при семъ небольшое дополненіе. Чтобъ тебѣ чего-нибудь не забыть: то не худо бы было соединить ихъ въ одну.

Прощай, моя милая, почти до свиданія.

24.

Пенза 10 Апрѣля 1817.

Письмо твое, моя милая Елисавета, отъ 14 и 16 Марта я получилъ. Весьма радъ, что M-me Ficher соглашается съ тобою сюда ѣхать. Проси всемѣрно Марью Карловну, чтобъ она взяла ее съ собою. Отъ тебя же я не только сего прошу, но и настоятельно требую. Марья Карловна не можетъ здѣсь съ тобою остаться жить; а тебѣ жить одной нельзя; не для того, чтобъ я не считалъ тебя доброю хозяйкою; но приличіе требуетъ, чтобъ ты не выѣзжала одна; а выѣзжать тебѣ необходимо будетъ нужно. Здѣсь же трудно и почти невозможно тебѣ будетъ выбрать подругу.—M-me Ficher замѣнитъ тебѣ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, Сонюшку, если кѣмъ нибудь замѣнить ее можно. И такъ проси всѣмъ волшебствомъ твоего убѣжденія, чтобъ она на сіе согласилась.

Твой Флоріо рѣшительно сошелъ съ ума. Фельдмаршаламъ Государь не жалуетъ земель съ крестьянами. Ему могутъ дать деньги, а на деньги можетъ онъ купить деревеньку, и то, когда онъ дворянинъ и дворянинъ русскій. Сіи господа все еще думаютъ, что они въ Африкѣ между Неграми. Не послѣдній знакъ сумасшествія и то, что онъ хочетъ здѣсь поселиться. Желаю знать, что онъ будетъ здѣсь дѣлать, не зная языка, ни обычаевъ? Развѣ наймется управлять хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ,

за что не получитъ, однако же, въ годъ болѣе 200 р. Впрочемъ, чтобъ не оставить вопросъ его, хотя и сумазбродный, безъ отвѣта, ты можешь сказать ему, что, употребивъ отъ $^{10}/_{т.}$ до $^{15}/_{т.}$ р. на первое заведеніе, холостому человѣку здѣсь можно жить порядочно на $^{5}/_{т.}$ р. въ годъ; а весьма порядочно на $^{10}/_{т.}$, т. е. держать домъ, 6 или 8 лошадей и собакъ сколько угодно: ибо здѣсь охота прекрасная и охотнитами наполненъ городъ и губернія. Изъ сожалѣнія, однако же, посовѣтуй ему не просить земли съ крестьянами, если просить онъ можетъ; онъ будетъ смѣшонъ и ничего не получитъ; а пусть проситъ просто земель, кои онъ можетъ обратить въ деньги, или еще проще—пусть проситъ денегъ.—Наконецъ вотъ и письмо мое въ Англію. Приложивъ къ нему свое à votre tante Barbe и запечатавъ все облаткою (oublie), сколь можно лучше и уютнѣе, положи ту же надпись, что̀ на моемъ письмѣ и отвези сама (если можно) къ M-me Bayley. Сіе нужно для того, чтобъ съ нею проститься и попросить мужа ея о двухъ вещахъ: 1, Доставлять намъ сюда прямо письма изъ Англіи, для чего и оставь ему мой адресъ по русски; 2, Не возмется-ли онъ выписать для тебя нынѣшнею навигаціею нѣсколько книгъ? Мы ихъ здѣсь съ тобою выберемъ изъ каталога и отсюда отправимъ къ нему реестръ и около $^{5}/_{т.}$ р. денегъ. На сіе я рѣшился потому, что въ послѣднемъ письмѣ нашъ Г-нъ Planta (*) даетъ мнѣ примѣтить, что ему 73 года и естественно, что въ его лѣта трудно хлопотать объ отправленіи книгъ въ Россію; а Белій имѣетъ на сіе тысячу способовъ. Я же непремѣнно рѣшился сдѣлать тебѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, и можетъ быть къ 5-му Сентября, сей подарокъ. Если-бы M-me Bayley не было дома: то не будетъ никакого неприличія видѣть тебѣ мужа ея у него въ конторѣ, и, отдавъ ему письма, уговориться о двухъ статьяхъ выше означенныхъ; но уговориться лично необходимо будетъ нужно.

Легко быть можетъ, что письмо сіе застанетъ весь вашъ домъ въ траурѣ. Нечего увѣрять въ моемъ участіи; но я прошу тебя не откладывать для сего и ни для какой другой причины, кромѣ твоей болѣзни, твоего путешествія съ 15-го Мая, въ состояніи-ли будетъ Марья Карловна провожать тебя или нѣтъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, для меня впрочемъ прискорбномъ, ты отправишься одна съ M-me Ficher.

Скажи при первомъ свиданіи А-ю А-у Жерве мое извиненіе, что въ предъидущемъ письмѣ утруждалъ его просьбою о табакѣ, тогда какъ табакъ былъ уже здѣсь отъ него полученъ. Раскрывъ ящикъ съ посудою, я нашелъ его цѣлую провизію, за которую и благодарю его весьма много.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

NB NB. Раскрой письмо, прилагаемое при семъ безъ надписи, и прочитай на единѣ.

P. S. Не забудь письмо твое въ Англію перечитать со вниманіемъ; обыкновенныя твои ошибки происходятъ не отъ незнанія, но отъ описки и отъ того, что рука твоя не привыкла еще слушаться твоихъ мыслей; а перечитывать лѣнь.

(*) Дядя покойной жены Сперанскаго.

Пенза 17 Апрѣля 1817.

Называй смѣло, моя милая Елисавета, непростительною ошибкою легкомысліе, съ которымъ перемѣшалъ я надписи писемъ къ тебѣ и къ Цейеру. Сдѣлай это Лиза, ее назвали бы вѣтренницею; а понеже это сдѣлалъ я: то должно назвать даже глупостію. По счастью, между нами нѣтъ никакихъ тайнъ; но это только по счастью.

Занимаясь непрестанно твоимъ путешествіемъ, я придумалъ еще одно обстоятельство. Можетъ быть, вамъ разсудится посмотрѣть Москву и пробыть въ ней дни два-три. Трактиры и постоялые дворы тамъ очень безпокойны, а для женскаго каравана даже и неудобны. Тебѣ стоитъ только послать къ Лазареву Христофору (*), или къ одному изъ его братьевъ, и увидясь предложить имъ остановиться въ Московскомъ ихъ домѣ; они примутъ предложеніе сіе съ радостію; у нихъ два дома; надобно только взять съ точностію адресъ; ибо Москва есть море, гдѣ безъ адреса ничего сыскать нельзя; я полагаю, что все ихъ семейство теперь въ Петербургѣ и слѣдовательно вамъ никакого не будетъ безпокойства у нихъ остановиться; а если бы кто изъ нихъ и оставался, то это не помѣха: они добрые и простые люди, съ коими нѣтъ никакой причины церемониться, и сверхъ того два-три дни не дѣлаютъ ни связи, ни стѣсненія. Вы отдохнёте, велите пересмотрѣть ваши экипажи и отправитесь далѣе. Кстати объ экипажахъ, существенное дѣло есть сохранить ихъ отъ Петербурга до Новагорода по жестокой дорогѣ; далѣе же все будетъ очень мягко. Въ Москвѣ предметъ любопытства есть Кремль и Гостиный дворъ. Все прочее не стоитъ большаго вниманія. Впрочемъ все это только совѣтъ, а не приказъ, и вы расположитесь какъ найдете удобнѣйшимъ. Желаю только, чтобъ дорога ваша какъ можно болѣе походила на прогулку. Спѣшить слишкомъ нѣтъ нужды; лишь бы вы были покойны и веселы. Не забывайте каждый день поутру или ввечеру по нѣскольку верстъ ходить пѣшкомъ; это существенно. Да не загорите, чтобъ не пріѣхать вамъ сюда арапками.

Когда перестану я давать тебѣ порученія?—тогда, какъ тебя не будетъ уже въ Петербургѣ. Вотъ еще прибавленіе, которое впишешь ты къ прежнему реестру.

Весна здѣсь совсѣмъ установилась, и прекрасная, русская, не чухонская ваша и не корельская. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

(*) Христофоръ Іоакимовичъ Лазаревъ

25.

Пенза 24 Апрѣля 1817.

И такъ портретъ мой и ты нашла очень сходнымъ!—Пріѣзжай, моя милая Елисавета, и тотъ же живописецъ напишетъ и тебя, и еще сходнѣе.—Письмо сіе будетъ предпослѣднее; еще одно отъ 1-го Мая и болѣе писать къ тебѣ не буду, развѣ на случай чрезъ Аркадія Алексѣевича. Въ Рязань я къ тебѣ вышлю Петра Петровича Попова съ поваромъ. Онъ остается здѣсь для опредѣленія къ должности; а дядюшка чрезъ день отправляется на Кавказъ. Здѣсь полная весна; деревья распустились; воды упали; все тебя ожидаетъ; все призываетъ твою музу, чтобъ воспѣвать здѣшнія красоты. Ты смѣешься, дура; а я увѣренъ, что ты будешь здѣсь писать и лучше и охотнѣе.—Я не разбиралъ твоихъ книгъ; не знаю, есть-ли тутъ лексиконы нѣмецкій и французскій *съ русскимъ;* если нѣтъ:

то попроси Цейера достать сей последній, какой есть нынѣ лучшій, и привези съ собою.

Какъ я радъ, что путешествіе твое и пребываніе здѣсь устроивается точно такъ, какъ я желалъ, и какъ мы въ Великопольѣ еще предполагали. Настой, убѣждай и проси Марью Карловну, чтобъ взяла съ собою M-me Fischer. Какая разница между ею и Катериною *Б.*

Прощай, моя милая Лизута, почти до свиданія. Христосъ съ тобою.

26.

Пенза 1-го Мая 1817.

Вотъ то послѣднее письмо, которое пишу къ тебя, моя милая Елисавета, о которомъ я столько же разъ твердилъ, сколько оно твердилось и повторялось въ моемъ воображеніи. — Чтобъ не оставить, однакоже, доброй привычки, до пріѣзда твоего сюда, буду, вмѣсто тебя, писать къ Сонюшкѣ, намѣстницѣ твоей въ Петербургѣ. Съ будущею почтою на всякой случай напишу и къ тебѣ, но вложу письмо къ Аркадію Алексѣевичу.

Марья Карловна проситъ у меня дозволенія привести сюда дѣтей. Не стыдно-ли ей? — Она должна знать, какъ я люблю и ее и дѣтей ея. О семъ я пишу къ ней особенно. Одна лишняя карета или коляска не сдѣлаетъ большой разности въ вашемъ караванѣ. Здѣсь же я могу васъ всѣхъ помѣстить безъ малѣйшаго стѣсненія.

Не дивлюсь, что ты не получила моихъ писемъ; распутица чрезвычайная, и часто въ сіе время года двѣ почты сходятся въ Москвѣ и тамъ соединяются въ одну.

Русскихъ книгъ здѣсь достать можно; а чего не достанемъ: то выпишемъ изъ Москвы. Тамъ у меня есть вѣрные люди и переписка почти еженедѣльная.

Совѣты твои о нѣмецкомъ языкѣ принимаю съ удовольствіемъ и весьма недалекъ отъ того, чтобъ имъ слѣдовать. Такъ люблю я вездѣ идти или съ тобою, или за тобою. Для тебя единственно я выучился по англійски; для тебя же выучусь и понѣмецки, хотя отчаяваюсь когда-нибудь разумѣть Клопштока: ибо рѣдкіе и Нѣмцы его разумѣютъ.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою; теперь уже точно до свиданія. По отвѣту твоему на маршрутъ мой я расположу время моего путешествія тебѣ на встрѣчу. Во всѣхъ случаяхъ въ концѣ Мая посланный мой будетъ ожидать васъ въ Рязани. Прости.

27.

Пенза 8-го Мая 1817.

Легко себѣ представить, любезная моя Елисавета, что не безъ прискорбія узналъ я изъ послѣдняго твоего письма (отъ 20 Апрѣля), что путешествіе ваше отложено до 24 сего мѣсяца. Причина столько основательна, что и сказать нечего. По крайней мѣрѣ буду я теперь увѣренъ, что съ сего числа вы будете уже въ дорогѣ. А чтобъ предупредить смѣшеніе, посланный мой будетъ васъ ожидать еще ранѣе въ Рязани: ибо легко можетъ статься, что вы можете отправиться и ранѣе сего срока. Чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше, чтобъ избѣжать жаровъ въ Іюнѣ. По сему-то и сіе письмо посылаю на всякой случай чрезъ Аркадія Алексѣевича. Предъ отъѣздомъ въ послѣднемъ письмѣ напиши сколько вы будете брать лошадей. Я предполагаю, что съ вами будутъ двѣ кареты и одна коляска; въ одну, гдѣ вы всѣ вмѣстѣ будете сидѣть, нужно шесть лошадей; въ другую-четыре, и въ коляску — четыре же. Если же вы расположитесь ѣхать только въ двухъ каретахъ, что̀ было

бы еще лучше и удобнѣе: тогда должно будетъ брать по 6-ти въ каждый экипажъ; а коляску отправить съ извощиками на долгихъ, обыкновеннымъ подрядомъ, какъ возятъ обозы. Коляска здѣсь необходима. Я бы желалъ, чтобъ съ нею вмѣстѣ отправлена была и одна изъ моихъ каретъ, о чемъ писалъ и къ Петру Григорьевичу и къ Аркадію Алексѣевичу. Поговори о семъ съ Карл. Карл. Амбургеромъ, къ коему я также о семъ пишу. Аркадій Алексѣевичь оставилъ у себя на экипажи изъ моихъ денегъ $^{10}/_{т.}$ р., слѣдовательно въ деньгахъ затрудненія быть не должно. Не худо было бы взять двѣ подорожныя: одну на твое имя, а другую на имя Марьи Карловны; но деньги и всѣ издержки платить на мой счетъ. Пробудетъ-ли Марья Карловна здѣсь до зимы, или возвратится осенью, все карета для нее нужна. Отъ нее впрочемъ зависитъ возвратиться и въ коляскѣ; но это будетъ для нее безпокойно. Чѣмъ больше будете вы брать лошадей, тѣмъ путь вашъ будетъ медленнѣе: ибо лѣтомъ вездѣ не безъ затрудненія.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты говоришь о головныхъ твоихъ боляхъ. Это новость; я думалъ, что онѣ совсѣмъ прошли. Возьми съ собою наставленія и рецепты отъ Мерца и привези также тотъ послѣдній рецептъ, который данъ тебѣ отъ Позе въ Великопольѣ. Здѣсь, впрочемъ, есть изрядной медикъ; есть даже и свой Рожерсонъ; но онъ употребляется только въ самыхъ важныхъ случаяхъ.

Если ты еще увидишься съ Салинькою, то не выпросишь-ли у нее *Gisborne's familiar survey of the Christian Religion?* Мы читали ее съ тобою въ Великопольѣ; но я хотѣлъ бы ее у себя имѣть для справокъ объ исторіи Іудейской, которая въ ней изложена довольно подробно. Кстати объ Англинскихъ книгахъ, не признаешь-ли ты удобнѣйшимъ перенесть на Гисборна то порученіе, которое предполагалъ я сдѣлать Белію? Можетъ быть, это будетъ для тебя удобнѣе потому, что къ Салинькѣ ты всегда можешь писать безъ церемоній; возьми, на всякій случай, ея адресъ.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

28.

Пенза 15 Мая 1817.

Напрасно, моя милая Елисавета, ты такъ много безпокоишься объ отсрочкѣ твоего путешествія. Когда спорилъ я съ необходимостію? — а здѣсь она очевидна. Успокой и Марью Карловну. Я прошу у васъ только двухъ вещей. 1, Чтобъ вы отправились не позже двухъ недѣль спустя по кончинѣ кроткаго страдальца. Двѣ недѣли достаточно, чтобъ ознакомить Софью Ивановну съ сею разлукою. Она же остается не одна; двѣ дочери равно ею любимыя будутъ съ нею неразлучны. Отсутствіе Марьи Карловны не сдѣлаетъ для нее новой горести: ибо оно предвидѣно и опредѣлено. Для самой Марьи Карловны и для дѣтей ея полезно будетъ удалиться отъ сцены горести, коей пособить нельзя. 2, Чтобъ ты положительно и благовременно увѣдомила меня о днѣ твоего отъѣдза. Безъ сего, невозможно мнѣ будетъ выслать къ вамъ нарочнаго въ Рязань; а безъ нарочнаго, вы можете много потерпѣть въ дорогѣ, и даже не застать меня въ Пензѣ: ибо я долженъ на сихъ дняхъ отправиться для обозрѣнія губерніи по разнымъ ея округамъ. Мнѣ хочется обозрѣніе сіе кончить прежде вашего прибытія, чтобъ

потомъ уже быть съ вами неразлучнымъ. Съ сими двумя условіями, я не назначаю уже ни дня, ни мѣсяца: сіе зависить будетъ отъ послѣдняго удара слабо біющагося пульса.

Впрочемъ, знаешь-ли, что въ семъ происшествіи я нахожу для тебя истинную пользу? Сіи важныя и, можно сказать, торжественныя явленія бытія человѣческаго весьма поучительны. Они пролагають мыслямъ нашимъ слѣдъ въ таинственную страну вѣчности, пріучають ихъ пускаться въ другой міръ, входить въ другую связь вещей и тѣмъ самымъ расширяютъ кругъ ихъ дѣйствія: а сіе расширеніе есть начало истинной мудрости. Ибо неизмѣримость нашего бытія есть коренная и существенная истина, на коей всѣ здравыя понятія о человѣкѣ должны быть основаны. Симъ опредѣляется истинная цѣна сей *молніи-жизни;* на семъ утверждаются лучшія наши надежды; симъ пріобрѣтается сей кроткій и вмѣстѣ смѣлый, властелинскій взглядъ на все окружающее насъ узорочное ничтожество; симъ укрѣпляется чувство истинной свободы чадъ Божіихъ, кои могутъ умереть, но не исчезнуть, перемѣнить одежду бытія, но не утратить бытія. Истины сіи, извѣстныя всѣмъ въ теоріи, однимъ опытомъ вырѣзываются въ душѣ неизгладимо и соединяются съ самымъ составомъ нашихъ мыслей.

Поблагодари Сонюшку за письмо ея и успокой также, какъ и Марью Карловну. Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

P. S. Сейчасъ прекрасное и умное письмо отъ милой моей Лизы отъ 4-го Мая. По слабому движенію жизни умирающаго праведника я долженъ заключать, что къ 10-му Мая все кончится и слѣдовательно двѣ недѣли спустя, около 25-го или къ концу Мая, вы непремѣнно отправитесь. Вѣрьте мнѣ, что тутъ нѣтъ нетерпѣливости. Для Маріи Карловны и даже для Софьи Ивановны полезно разлучиться. Въ большихъ горестяхъ весьма нужно перемѣнять ихъ предметы. Малая разлука уменьшитъ горесть большой.

29.

Пенза 22 Мая 1817.

И такъ всё кончено; и въ срединѣ Іюня вы точно въ пути. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ за двѣ недѣли до вашего отъѣзда я имѣлъ отъ тебя, моя милая Елисавета, увѣдомленіе о днѣ, въ который вы пуститесь въ дорогу. Я уже писалъ къ тебѣ, какъ сіе для собственнаго вашего покоя нужно; впрочемъ одна недѣля, позже или ранѣе, не дѣлаетъ большой разности, лишь бы знать мнѣ съ достовѣрностію день вашего отправленія. Жаль, что вы будете въ пути въ самое жаркое время. Надобно чаще останавливаться и не жалѣть воды; день стоять, а ночью продолжать дорогу, хоть шагомъ.

Время здѣсь великолѣпное. Я жалѣю и боюсь, чтобъ все не отцвѣло и не пожелтѣло до вашего сюда прибытія.

Францъ Ивановичъ (*) дѣйствительно страненъ, что не появился среди происшествій столь интересныхъ; но онъ родился и умретъ страннымъ. Все происходитъ отъ тяжкой его болѣзни, а совсѣмъ не отъ свойствъ его душевныхъ.

Прощай, моя милая, я такъ много долженъ былъ писать съ сею почтою по службѣ, что чуть рука движется. Христосъ съ тобою.

(*) Цейеръ.

30.

Пенза 28 Мая 1817.

Быть по сему, моя милая Елисавета. 15-е Іюня есть послѣдній срокъ, съ коего ожидать тебя буду; ни ранѣе, ни позже. Я приму сей срокъ основою всѣхъ моихъ распоряженій.

Жерве напрасно пожалѣлъ денегъ на библіотеку; лучше разъ завести, нежели непрестанно дополнять. Издержка же сія насъ не разоритъ; и безъ ларца твоего дѣло здѣсь обойдется. Я бы желалъ, чтобъ и Англинская твоя библіотека была также устроена по плану, который я тебѣ предназначилъ. Общество умныхъ мертвецовъ я всегда предпочту сей толпѣ глупыхъ полумертвыхъ, съ коими необходимо должно жить. Жизнь мысли есть истинная жизнь; все прочее походитъ болѣе на ночныя грезы.

Одно утѣшеніе въ растройствѣ дѣлъ добраго семейства, въ коемъ ты теперь живешь, есть то, что разстройство сіе издалека было предвидѣно и опредѣлено. Какъ трудно отвыкать отъ разсѣянности и какъ выгодно и благоразумно пріучать себя благовременно къ уединенію и независимости. Дѣти найдутъ себѣ путь трудами; о нихъ жалѣть нечего; Софья Ивановна также все перенесетъ. Марья Карловна съ дѣтьми болѣе всѣхъ теряетъ; но отъ нее зависитъ испытать нашу дружбу; а мы конечно для нее ничего не пожалѣемъ. Сонюшка всѣхъ болѣе можетъ пострадать; но я надѣюсь, что и она не останется безъ помощи. Вы худо понимаете Жерве; онъ способенъ къ жертвамъ всякаго рода, но не спѣшитъ выставлять себя впередъ.

По обороту, который дѣла принимаютъ, можетъ быть М. Карловна расположится прожить здѣсь и зиму. Я буду сему радъ, и увѣренъ, что и дѣти ея въ наукахъ ничего здѣсь не потеряютъ.

Прощай, моя милая; еще одно письмо на удачу и болѣе писать къ тебѣ уже не буду. Христосъ съ тобою.

31.

Пенза 12-го Іюня 1817.

Еще одно письмо къ Лизѣ на удачу, и это уже послѣднее. Какъ не вѣрить мнѣ положительному твоему обѣщанію отправиться 15-го Іюня? Я такъ давно сего желаю. И такъ, добро пожаловать; все здѣсь у меня готово; а готовѣе всего мое сердце.

Бѣдная Софья Ивановна!—Мнѣ давно казалось (и у меня было какое-то предчувствіе), что все сіе семейство слишкомъ много видѣло въ жизни своей радостей, или лучше сказать слишкомъ удачно умѣло изъ всего дѣлать себѣ радости; къ нимъ счастіе такъ пристало, какъ къ тебѣ сѣренькое платье; а кого любитъ Богъ, того и наказуетъ. Впрочемъ, я твердо увѣренъ, что наказаніе не будетъ тяжко: ибо они переносятъ его съ покорностію и терпѣніемъ.

Прощай, моя милая; мнѣ такъ близко кажется свиданіе съ тобою, что уже и писать не хочется. Жаль уменьшить предметы разговоровъ. На двѣ недѣли предаю уши и вниманіе мое въ полную твою волю. Прощай. Христосъ съ тобою.

32.

Пенза 20 Іюня 1817.

Поздравляю тебя, моя милая Елисавета, и любезныхъ твоихъ сопутницъ съ приближеніемъ къ предѣлу вашего пути. Еще пять, шесть дней, и ты дома.

Не ожидай меня себѣ на встрѣчу. Разныя дѣла удержали меня въ городѣ. И такъ, съ Богомъ, мое милое дитя, продолжай твой путь. Я надѣюсь, что ты уже за чертою всѣхъ за-

и безпокойствъ. Петръ Петровичъ ([1]) имѣетъ самыя подробныя наставленія беречь тебя и успокоить. Онъ имѣетъ и деньги, еслибы тебѣ ихъ недоставало. Береги впрочемъ сама себя; лучше дня два-три пріѣхать позже, нежели слишкомъ безпокоиться. За станцію или за двѣ пришли ко мнѣ нарочнаго, чтобъ я могъ тебя хотя близъ города встрѣтить, если время дозволитъ. Прощай, моя милая, теперь-то уже кажется вѣрно до свиданія. Je baise les deux mains à votre ange tutélaire ([2]).

33.

Пенза 1-го Октября 1818.

Какая пустота, любезная моя Елисавета, съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали. Вотъ двѣ недѣли уже минуло, а я не имѣлъ еще духу сойти внизъ и быть въ вашихъ комнатахъ. Съ лѣтами, кажется, я становлюся малодушенъ.

Съ прошедшею почтою я къ тебѣ не писалъ, полагая, что вы еще въ дорогѣ. Письма̀ изъ Москвы ожидаю отъ тебя съ будущею почтою. Между тѣмъ получилъ я весьма пріятное и дружеское письмо отъ графа Кочубея. Одно изъ первыхъ вашихъ посѣщеній вы должны сдѣлать Натальѣ Кириловнѣ ([3]), а если она по болѣзни не принимаетъ, то графинѣ Кочубей. ([4]) Я увѣренъ, что вы приняты будете со всѣмъ возможнымъ благопріятствомъ.

Новаго у насъ ничего нѣтъ. Время стоитъ прекрасное. Прощай. Душевно тебя обнимаю; Христосъ съ тобою.

Разъ навсегда кланяйся всѣмъ; само собою разумѣется, что когда я пишу къ тебѣ, то пишу и къ милой твоей маминькѣ Марьѣ Карловнѣ. Всѣ васъ здѣсь вспоминаютъ сердечно и дружески; а всѣхъ болѣе тетушка.

([1]) Петръ Петровичъ Поповъ, колежскій ассессоръ, управлялъ Новгородскимъ имѣніемъ Сперанскаго Великопольемъ. Онъ былъ дядею Петра Григорьевича Масальскаго.

([2]) Т. е. цѣлую обѣ руки твоего ангела-хранителя

([3]) Загряжской, теткѣ и воспитательницѣ графини Кочубей.

([4]) Графинѣ Марьѣ Васильевнѣ, урожденной Васильчиковой

34.

Пенза 8-го Октября 1818.

Сейчасъ письмо отъ любезной моей Елисаветы изъ Москвы. Теперь я покойнѣе. Какъ ни худа дорога между столицъ, всё она менѣе представляетъ опасностей. Болѣе всего я боялся, чтобъ экипажи ваши вамъ не измѣнили. Вообще путешествіе по Россіи есть сущая пытка, и много пройдетъ еще времени прежде, нежели сдѣлается оно сноснымъ. Урокъ тѣмъ, кои мѣряютъ образованіе народовъ по блеску ихъ столицъ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что очаровательная сила Мерленя ([5]) съ отсутствіемъ ея ослабѣла. Волшебный замокъ пустѣетъ. Едва свѣтится тусклая лампада въ углу третьяго этажа.

Новаго у насъ ничего нѣтъ. Катинька тебѣ кланяется; она недавно возвратилась изъ деревни. Дѣло ея ни на волосъ не подвинулось впередъ. Дядюшка ([6]) отправился въ Саратовъ. Александра Алексѣвна купила наконецъ деревню за сто верстъ отсюда. Она тамъ проведетъ осень; а на зиму собирается въ Петербургъ.

Пиши, моя милая, обо всемъ сколь можно болѣе и подробнѣе. Самыя бездѣлки твои для меня занимательны. Мнѣ много худаго пишутъ о Масальботъ

([5]) Этимъ именемъ стараго волшебника названъ здѣсь, безъ сомнѣнія, кто нибудь изъ Пензенскихъ жителей, близкихъ къ дому Сперанскаго.

([6]) Дядюшкою Сперанскій называлъ Григорья Даниловича Столыпина, бывшаго Пензенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

скомъ; но я не вѣрю. Съ Магницкимъ будь осторожнѣе: ибо и въ Петербургѣ поведеніе его не одобряютъ. Пріѣздъ твой вѣрно произведетъ толки. Старайся разрушить ихъ, увѣряя, что въ концѣ зимы или въ началѣ весны ты сюда возвратишься, хотя, впрочемъ, между нами, дѣло не совсѣмъ невѣроятное, что мы зимою будемъ вмѣстѣ. Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою.

N. B. Не пиши превозходительству, но превосходительству.

35.

Пенза 15-го Окт. 1818.

Что дѣлаетъ моя любезная Елисавета?—вопросъ, который повторяю я себѣ ежедневно. Пройдетъ еще почта, и я не буду имѣть твоихъ писемъ. Во все сіе время я долженъ жить догадкою и дополнять неизвѣстность твоего положенія однимъ воображеніемъ. Я воображаю, напримѣръ, что ты встаешь довольно рано. Жаль, что по образу твоей жизни утренніе часы должны расточаться на пустые разговоры; знаю, сколь трудно перемѣнить сіе; но увѣренъ, что если ты захочешь: то всегда найдешь способъ на нѣсколько минутъ уединиться и посвятить ихъ молитвѣ. Молитва, другъ мой, есть въ самомъ истинномъ и простомъ смыслѣ дѣйствительная пища души. Магическая ея сила въ нѣсколько минутъ укрѣпляетъ духъ на цѣлый день. Но это манна, которую необходимо каждый день по утру собирать должно. Ее нельзя заготовить впередъ на два дни. Примѣть, что и въ Библіи манна точно означаетъ въ собственномъ смыслѣ молитву. Кто читаетъ восточныя книги, не зная и не ища въ нихъ восточнаго слога: тотъ весьма ошибается. Читай иногда Библію; а особливо псалмы на Англинскомъ языкѣ.

Новаго у насъ ничего нѣтъ. Обрадуй Марью Карловну извѣстіемъ, что М-ше Вигель (*) наконецъ прибыла на зиму въ городъ и поселилась у себя—гдѣ же?—въ банѣ.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

P. S. Не забудь съ первою почтою доставить мнѣ вѣрный адресъ того дома, гдѣ вы живете, дабы я могъ иногда писать къ тебѣ прямо.

36.

Пенза 21-го Окт. 1818.

Я такъ много писалъ съ нынѣшнею почтою, что едва успѣваю сказать тебѣ нѣсколько словъ, моя любезная Елисавета. Писемъ отъ тебя еще нѣтъ; ожидаю ихъ съ почтою, которая придетъ только завтра; время вдругъ сдѣлалось весьма холодно и почти зима. Прощай, моя милая; душевно тебя обнимаю. Христосъ съ тобой.

37.

Пенза 29 Окт. 1818.

Первое письмо моей Елисаветы изъ Петербурга; съ сего времени начнется опять письменная наша бесѣда, и Богу одному извѣстно, долго-ли продолжится, скоро-ли превратится она опять въ разговоры. Письмо твое предо мною и я буду отвѣчать въ порядкѣ твоихъ мыслей.

Замѣчаніе твоего о Магницкомъ весьма справедливо; но глупо бы было бояться того, чего нельзя исправить. Я предвидѣлъ всѣ послѣдствія его нескромныхъ восторговъ, все отраженіе, какое слова его могутъ имѣть на мое поведеніе; но что дѣлать? Онъ давно пересталъ меня слушать. Въ слабой

(*) Вѣроятно, мать извѣстнаго автора Записокъ.

его головѣ совѣты мои потеряли всю силу съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ счастіе лишило ихъ очарованія. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ умнѣе, а я предъ нимъ глупѣе. Это одно даетъ точную мѣру разсудительной его силы. Впрочемъ должно быть справедливымъ; я забавлялся, игралъ нѣкогда умомъ его; теперь должно платить за сіи игрушки. Надѣюсь, однако же, что плата будетъ довольно сносна: ибо съ меня никому почти взять нечего. Но чтобы не упрекнуть себя ни въ чемъ, я рѣшился приложить здѣсь небольшую къ нему записочку: ты отдашь ее ему при первомъ свиданіи; тутъ ни слова о тебѣ. Это отвѣтъ на письмо его ко мнѣ. Я бы желалъ, чтобъ вы распорядились какъ можно рѣже его видѣть; когда же принимать его необходимо, то избѣгать съ нимъ разговоровъ. Нѣмецкій твой языкъ и сообщество Сонюшки всегда можетъ дать тебѣ къ сему способы и приличіе.

Рыцарю твоему или невольнику, къ сожалѣнію, никакъ и ни въ чемъ не могу я пособить. Да и какъ пособить отсюда? Впрочемъ и тебѣ не совѣтую много тутъ заботиться: ибо вещи сего рода сто разъ сами собою могутъ поправиться. Несправедливости же, рѣзкія въ одномъ семействѣ, исчезаютъ въ миліонахъ: ибо въ самомъ дѣлѣ ихъ считаютъ миліонами.

И такъ вы скоро будете пѣть съ Сонюшкою дуэты. Весьма радъ и если ей надобно учителя, то не дозволяю ей имѣть его иначе, какъ на мой счетъ. Она обязана мнѣ сдѣлать сіе удовольствіе. Ради Бога не оставляй пѣнія: ибо на сто музыкантовъ едва найдешь одну пѣвицу. Тебѣ же и стыдно оставить сіе упражненіе послѣ толикихъ усилій—и дозволь себѣ сказать — успѣховъ.

Я получилъ прекрасное письмо отъ Вѣры Яковлевны на русскомъ; большая мастерица.

У насъ новаго ничего нѣтъ. Балы наши еще не начались; да и что мнѣ до баловъ, когда нѣтъ моей волшебницы? Театръ нашъ сдѣлалъ сущее пріобрѣтеніе въ актерѣ изъ Петербургскаго театра Супруновѣ. Это чудо. Я долго не понималъ, какъ съ нимъ разстались—объяснилось тѣмъ, что онъ пьетъ запоемъ. Но когда не пьянъ, играетъ прекрасно. Я былъ два раза —но болѣе, вѣроятно, и для него уже не поѣду, тѣмъ болѣе, что это пойдетъ и безъ меня и даже и безъ васъ, хотя Гладковъ воспоминаетъ о васъ *съ нѣжностію* и ложа оставлена пустою. Благодари Марью Карловну за виноградъ, который на сихъ дняхъ на ея имя получилъ я изъ Астрахани. Прекрасный виноградъ; мы дѣлимъ его съ тетушкою. Я опять у нихъ на пенсіи: ибо внизу еще не бывалъ и быть не могу до зимы.

Прощай, моя милая. Кланяйся милой мамѣ и Сонюшкѣ.

Вотъ письмо изъ Англіи. Постарайся отвѣчать и послать шаль. Оно вѣрно получено чрезъ Белія.

NB. найти, а не найтти.

PS. Письмо къ Магницкому отлагаю до слѣдующей почты въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій.

38.

Пенза 5 Ноября 1818.

Письма мои къ тебѣ, любезная Елисавета, суть не что другое какъ варіаціи на разныя темы, кои я нахожу въ твоихъ.

Весьма радъ, что пріемъ твой въ семействѣ графини Кочубей былъ столь пріятенъ. Графиня есть прекраснѣйшее моральное женское существо, какое только удавалось мнѣ знать.

Весьма бы мнѣ желалось, чтобъ ты видѣла ее какъ можно чаще, и сіе единственно и дѣйствительно только для тебя, для лучшаго раскрытія предъ тобою разныхъ сценъ, разныхъ характеровъ жизни: ибо познаніе свѣта и разума человѣческаго образуется соединеніемъ и наблюденіемъ всѣхъ сихъ разностей. Въ одномъ кругѣ нельзя сдѣлать сего соображенія: ибо характеры и образъ жизни одного круга людей обыкновенно бываетъ почти одинаковъ. Доброе знакомство есть сущая находка: ибо добродѣтели и любезныя свойства однихъ мирятъ насъ съ другими; они составляютъ истинную отраду, противовѣсіе зла, преизобилующаго въ мірѣ. Молодая графиня (1), я думаю, просто боязлива и застѣнчива; сіе нерѣдко встрѣчается въ самыхъ обширныхъ обществахъ.

О музыкѣ. Сегодня я видѣлъ у тетушки (2) Ecole de piano par Adam, (3) redigé par ordre du Conservatoire, 3 vol. Тутъ есть основательныя замѣчанія. Не унижая твоего знанія, я думаю полезно бы было тебѣ ее прочитать; разумѣется не покупая: ибо тебѣ надобно только пробѣжать со вниманіемъ. Вильде (4) очень ее хвалитъ. Весьма радъ, что ты встрѣтилась со мною, взявъ учителя пѣнія. Цѣль науки, мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, чтобъ дать голосу столько же вѣрности и свободы въ изображеніи мыслей, сколько имѣютъ руки на инструментѣ; а голосъ можетъ и долженъ имѣть его еще болѣе. Тогда ты будешь въ состояніи независимости. Вообще во всякой наукѣ надобно добираться до того, чтобъ мыслить и самому изображать свои мысли. Чтó стихотворецъ, который умѣетъ только читать стихи чужіе? Чтó за стихотворецъ, напримѣръ, я? дѣло другое ты. Вотъ для чего мнѣ всегда хотѣлось, чтобъ ты получила понятіе о генералъ-басѣ; но о семъ лучше посовѣтуйся съ Цейнеромъ. Можетъ быть не время еще развлекаться столь многими предметами — а италіанскій языкъ?

О Жоржѣ ты увидишь мое мнѣніе въ письмѣ Марьи Карловны; но въ особенности тебѣ я долженъ замѣтить, что часто заботливость молодыхъ студентовъ происходитъ отъ причинъ весьма простыхъ. Отъ застѣнчивости, которая именно въ сихъ лѣтахъ начинается и часто бываетъ сильнѣе въ мальчикахъ, нежели въ дѣвушкахъ, особливо въ обществѣ, гдѣ они хотятъ нравиться. Чаще еще сей заботливой видъ происходитъ отъ маленькихъ долговъ, въ коихъ признаться стыдно. —Въ семъ послѣднемъ случаѣ ни тебѣ, ни матери онъ никакъ не признается. Надобно употребить къ сему Сонюшку. Мудрено, если двѣ дѣвицы не успѣютъ провести и вывѣдать одного мальчика. Вывѣдавъ же, тотчасъ надобно изъ своихъ денегъ тебѣ или Сонюшкѣ заплатить и заплативъ сказать Марьѣ Карловнѣ, объявивъ ей строгое отъ меня запрещеніе показывать ему малѣйшій видъ неудовольствія: ибо симъ сдѣлается онъ только скрытнѣе.

Между тѣмъ необходимо должно завести тебѣ установленное правило давать имъ обѣимъ отъ меня *чрезъ Сонюшку* карманныхъ денегъ: Жоржѣ

---

(1) Графиня Наталья Викторовна Кочубей, впослѣдствіи бывшая въ замужствѣ за графомъ А. Г. Строгановымъ.

(2) У Натальи Алексѣевны Столыпиной, жены Григорья Даниловича Столыпина.

(3) Извѣстный, въ то время, въ Петербургѣ учитель музыки.

(4) Густавъ Григорьевичъ Вильде, получившій образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, былъ домашнимъ учителемъ у Г. Д. Столыпина; онъ имѣлъ талантъ къ музыкѣ, вслѣдствіе чего сблизился съ Сперанскимъ и былъ имъ опредѣленъ на службу.

(sic) по 15 р., а Белли по 10 р. въ мѣсяцъ. Это совершенно необходимо, и всѣ возраженія Марьи Карловны опровергаются тутъ самымъ опытомъ. Это есть единственное средство отвлечь ихъ отъ мелкихъ долговъ, кои для дѣтей весьма бываютъ вредны и тягостны. Привѣты мои для Кавелина ([1]) не нужны; онъ и безъ того ко мнѣ привязанъ—но на сихъ дняхъ напишу, чтобъ исполнить твое приказаніе.........

Магницкій смѣшонъ съ своими декламаціями противъ провинціи. Онъ сдѣлалъ важное открытіе, а именно то, что въ Россіи есть разныя степени образованія и что въ Симбирскѣ, среди татаръ и мордвы, нравы не такъ мягки, понятія не такъ тонки, какъ въ Петербургѣ: и пустясь проповѣдывать сіи глубокія истины, онъ самъ дивится усиліямъ своего разума. А жена ему вторитъ, en véritable bourgeoise-gentilhomme ([2]), считаетъ обязанностію все презирать, что не въ столицѣ—какъ будто въ самомъ дѣлѣ она когда нибудь живала въ добромъ обществѣ. Тутъ все нарушено: вкусъ, благопристойность, разборчивость, самое чувство справедливости. Но оставимъ ихъ въ покоѣ; слѣдуй только правилу обхожденія, въ предъидущемъ письмѣ замѣченному и отвязывай себя отъ нихъ, сколько можешь, и какъ можешь. Переспорить тебѣ Магницкаго нельзя; но не худо разъ и положительно ему замѣтить, что образъ его мыслей и ложенъ и вреденъ, и тебѣ и мнѣ совершенно непріятенъ. Послѣ сего останется замолчать и сколь можно рѣже его видѣть. Вообще однако же не дозволяй никому и никогда предъ тобою смѣяться надъ cara patria, не означивъ, что это тебѣ огорчительно и неблагопристойно. Сей совѣтъ почти излишенъ; ибо ты и безъ него къ ней пристрастна. Кстати о Магницкомъ; я раздумалъ къ нему писать и поручилъ научить его Столыпину. Что принадлежитъ до ихъ съ тобою скрытности: то это происходитъ отъ того, что и сами они ничего обо мнѣ не знаютъ. Цейеръ чрезъ графа Кочубея знаетъ немножко болѣе; но я знаю болѣе его изъ писемъ ко мнѣ доходящихъ—все же сіе знаніе вмѣстѣ взятое составляетъ одну и туже самую вѣроятность, которую мы имѣли здѣсь, разставаясь съ тобою—не болѣе и не менѣе.—Но эта неизвѣстность никакъ меня не безпокоитъ: ибо и то, что въ ней есть худшаго, можетъ намъ доставить образъ жизни покойный и пріятный, какъ скоро денежныя дѣла мои рѣшатся; а они непремѣнно рѣшатся къ Февралю, къ Марту или по крайней мѣрѣ къ Маю мѣсяцу. Я получилъ здѣсь, между нами, весьма ласковое и дружеское письмо отъ графа Аракчеева, писанное имъ на моемъ столѣ изъ Великополья. Продажа вѣрная и выгодная. Домъ тоже съ рукъ сходитъ; слѣдовательно мы безъ долговъ и съ независимымъ доходомъ; а независимость есть единое благо, коего намъ недоставало; все прочее, по милости Божіей, я имѣю: Лиза, здоровье и друзья какъ твоя мама ([*]). Чего же болѣе? По истинѣ никогда не можемъ мы довольно благодарить Бога.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою. Не пишу Сонюшкѣ на прекрасное письмо ея съ сею почтою; скажи ей, что бездѣлки, привезенныя ей тобою, имѣютъ ту только цѣну, что они шли отъ сердца.

([1]) Дмитрія Александровича Кавелина директора Педагогическаго Института.

([2]) Какъ настоящая мѣщанка во дворянствѣ.

([*]) Подъ этимъ разумѣется здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, М. К. Вейкардтъ.

Errata.

Воскресенье мы обѣдали. Въ воскресенье. Сія погрѣшность часто повторяется—на вопросъ когда? всегда на нашемъ языкѣ ставится предлогъ; это свойство его особенное отъ всѣхъ другихъ.

Не пиши *h* вмѣсто *x*.

У Нат. Кириловнѣ вмѣсто *ы;* общая ошибка всѣхъ женщинъ въ Россіи; не могутъ понять, что родительный падежъ не есть дательный и что *тебя* не есть *тебѣ*.

При самомъ отправленіи письма пришла почта и принесла мнѣ длинное и слѣдовательно прекрасное письмо твое отъ 24-го Окт. Съ удовольствіемъ на будущей недѣлѣ съ тобою подробно побесѣдую; теперь же коснусь слегка нужнѣйшаго:

1, Весьма умно распорядилась ты съ деревьями, и можетъ-ли Лиза сдѣлать что-нибудь худо? Вездѣ умъ и особливо здравый, зрѣлый разсудокъ.

2, Пенсіонъ за Анюту (*) я или пришлю, или скажу тебѣ, гдѣ получить деньги.

3, Вотъ письмо къ Кавелину.

Прощай моя милая.

Вторникъ. 2 часа по полудни.

P. S. 4, Хотя продажу дома и все его управленіе поручилъ я Лазареву, который въ Декабрѣ въ Петербургъ явится: тѣмъ не менѣе благодаренъ буду К. К. (**) за его попеченія, если онъ отыщетъ желающаго.

39.

Пенза 12-го Ноября 1818.

Твой волюмъ, любезная Елисавета, прочиталъ я столь же легко и удобно, какъ читаютъ самые плавные и текучіе стихи. Съ минувшею почтою я уже отвѣчалъ тебѣ на нѣкоторыя статьи; теперь слѣдуютъ подробности.

По согласію мыслей твоихъ съ моими мнѣ остается почти только пожелать чего-либо, чтобъ и считать уже исполненнымъ. Какимъ образомъ двое часовъ на такомъ разстояніи могутъ итти столь согласно? Отъ того, что добрый смыслъ и въ Пензѣ и въ Петербургѣ движется по однимъ законамъ. Разборчивость и чувство приличій (convenance) и въ формѣ Лизы и въ моей, одинаковы. Я разумѣю сіе о поведеніи твоемъ съ Магницкими и всѣми ему подобными. Цейеръ, не взирая на внѣшній видъ, во многомъ существенномъ съ ними не согласенъ; такъ по крайней мѣрѣ долженъ я заключить по его письмамъ.

Угадай, какимъ образомъ умѣлъ я открыть для себя весьма пріятное чувство въ поступкѣ твоемъ съ деревьями. Это сущая бездѣлица; но она доказываетъ мнѣ во первыхъ довѣренность твою и надежду; во вторыхъ утѣшительно мнѣ видѣть, или лучше сказать, воображать, что Лиза уже не ребенокъ и распоряжаетъ хозяйствомъ. Мнѣ такъ наскучило быть одному хозяиномъ, такъ непріятно все дѣлать, какъ бы для себя.

Нитки, коими по выраженію твоему сшиваютъ мысли, и въ маломъ и въ большомъ свѣтѣ одни; все бѣлыя. Разность только въ манерѣ, и когда разъузнаешь сію манеру: то сама удивишься, какъ это просто. Впрочемъ я увѣренъ, что ты, какъ добрая швея и ученица Беллы, нигдѣ не испортишь Чувство приличія есть даръ; и кто его имѣетъ: тотъ имѣетъ общій ключъ ко всѣмъ возможнымъ обществамъ.

(*) Воспитанницу Маріанны Злобиной, вышедшую потомъ за г. Имберха

(**) Карлу Карловичу Амбургеру.

Кстати о Беллѣ; я точно пришлю ея пенсіонъ (ошибкою я принялъ его за пенсіонъ Анюты); но не помню, сколько.

Если бы ты не была ingatable: то я бы имѣлъ причину безпокоиться пріемомъ твоимъ въ домѣ друзей нашихъ. Тутъ надобно только остеречься одного: не слишкомъ хвалить Пензенское твое житье, чтобъ не подумали, что настоящее тебѣ не нравится. Разумѣется не слишкомъ хвалить въ домашнемъ быту; съ Вронченками же и ему подобными превозноси хоть до небесъ.

И такъ мнѣ не нужно писать къ Кюммелю?—тѣмъ лучше; мы выберемъ другаго.

Къ Жерве на сихъ дняхъ или лучше сказать вскорѣ по отъѣздѣ твоемъ я писалъ длинное письмо, чтобъ представить ему нѣкоторое утѣшеніе въ будущемъ.

Не могу безъ смѣху представить тебя въ толпѣ нѣмецкихъ богачей. Весь этотъ народъ очень не ловокъ, и напримѣръ не уродъ-ли тотъ, кто могъ подивиться, что русская говоритъ по-нѣмецки тогда, когда во всей Европѣ мы славимся (слава впрочемъ не завидная) знаніемъ и чистымъ выговоромъ всѣхъ языковъ.

Видѣлась-ли ты съ Салинькой и съ Кремеромъ? Если нѣтъ: то увидься, ибо это старые друзья. Исторія M-me Fischer тутъ не дѣлаетъ никакой почти разницы.

Въ послѣднемъ письмѣ ничего не нахожу я о Цейнерѣ. Надѣюсь, что онъ уже при тебѣ и въ полномъ дѣйствіи. Прощай, моя милая. Господь съ тобою.

Errata.

1, О сил*ы* и превосходствѣ.—О сил*ѣ*. Родительный вмѣсто предложнаго. Общая погрѣшность.

2, Говоритъ о вашемъ возвращеніи, какъ *о нѣчто* самомъ вѣрномъ—нѣчто склоняется: ибо говорятъ нечего, нечему и проч. Должно бы было сказать *о нѣчемъ*; но это неупотребительно; а посему и должно замѣнять другимъ словомъ какъ напримѣръ: *о вещи, о произшествіи.*

3, Въ ссылкѣ-ли вы, въ милост*ь*—въ милост*и* и сверхъ того прибавить *ли, въ милости-ли.*

Итого 3. въ цѣломъ волюмѣ. Много-ли?

Вотъ еще четвертая; но тутъ надобно мой педантской глазъ, чтобъ усмотрѣть, и впрочемъ изъ десяти вашей братьи-стихотворцевъ девять вѣрно сію погрѣшность дѣлаютъ: что *не* говори—что *ни* говори.—Подобно сему надобно писать и произносить: что бы то ни было, какъ бы ни смѣялись; что ни будь, какъ ни будь и проч.

P.S. Съ Линквистомъ я хоть не коротко, но знакомъ: это другъ Магницкаго; но онъ вмѣстѣ и своякъ (beau-frère) Кавелину. Сей послѣдній обидится и почтетъ недовѣрчивостію, если я буду писать къ его подчиненному. Всего бы лучше познакомиться съ M-me Кавелинъ; она нѣкогда была Англичанкою; мнѣ кума и довольно пріятная женщина.

40.

Пенза 19 Ноября 1818.

Такъ точно, моя любезная Елисавета, это старость; не ищи другой причины. Старость заставляетъ тебя безпокоиться въ ожиданіи почты; я самъ по себѣ это знаю. Не отъ старости-ли и лакированная твоя гремушка теряетъ свои прелести и вообраэкеніе твое туманитъ окружаю-

щіе тебя предметы? Тонкимъ твоимъ изъясненіемъ ты ничего не прибавила къ первому счастливому слову; оно одно все изъясняетъ. Одну еще догадку могъ бы я къ сему присоединить, а именно ту, что чувство дружбы и соединенная съ нею заботливость, такъ какъ и всѣ нравственныя чувства растутъ и углубляются въ душѣ съ лѣтами. Впрочемъ ты живешь въ замкѣ очарованномъ, гдѣ заботы сего рода становятся прилипчивы и составляютъ первую нужду, первый припадокъ сердца.

Я радъ, что рыцарь твой принимается за умъ; ему должно выгодно жениться; но для сего онъ непремѣнно долженъ отправиться въ Москву и какъ можно скорѣе: ибо время летитъ, а особливо для отставныхъ полковниковъ.

Сейчасъ почта и отъ тебя письмо. Отвѣчать на него не успѣю; но пишу къ Жоржѣ. Знаете-ли вы, что письмо его прекрасно—прекрасно не по слогу, хотя и слогъ довольно хорошъ и лучше, нежели я думалъ; но прекрасно по его чувствамъ и совершенно справедливо. На сихъ только дняхъ я получилъ съ другой стороны о семъ пенсіонѣ вѣрныя свѣдѣнія. Надобно стараться какъ нибудь протянуть до Мая. Если въ теченіи сего времени я и не буду въ Петербургѣ (а вѣроятно, что буду): то въ Маѣ вмѣстѣ съ вами возьму его сюда. Я здѣсь найду, при его охотѣ, болѣе способовъ окончить его науки, нежели въ пенсіонѣ. Впрочемъ и на сіи пять мѣсяцевъ, кои остаются до Мая, указываю я ему способы, какъ вознаградить недостатки ихъ ученія. Пишу еще разъ и къ Кавелину *sans compromettre George s'entend en rien*. (*)

(*) Разумѣется, отнюдь не ставя Жоржа въ неловкое положеніе.

Вообще тутъ бѣды нѣтъ и Марья Карловна напрасно безпокоится. Хотя ученіе ихъ идетъ и не быстро, но по всему видно, что идетъ и время еще не ушло. Въ годъ можно всё вознаградить и окончить. Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою.

Новой моей внучкѣ Нинетѣ посылаю дѣдушкино благословеніе *и не вмѣстѣ со всѣми*.

Пишу къ Цейеру, чтобъ онъ досталъ для Жоржа нѣкоторыя книги.

Не могу не замѣтить, что рука твоя часъ отъ часу дѣлается тверже и лучше. Не оставляй сей доброй привычки.

P. S. *Errata*. *Ныньче*. Хотя и говорятъ въ просторѣчіи, но должно и говорить и писать *нынѣ*.

Рѣшенно, чтобъ—говорятъ: дѣло рѣшённое, судьба рѣшённая; но когда нѣтъ существительнаго: тогда говорятъ и пишутъ *рѣшено*. И того 2.

41.

Пенза 26 Ноября 1818.

Наконецъ почта исправилась; вчера я получилъ письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 15-го Ноября, ровно чрезъ десять дней, и сегодня могу отвѣчать.

Нѣсколько словъ еще о Жоржѣ. Ничто не попрепятствуетъ взять его изъ пенсіона къ Маю мѣсяцу, буду ли я въ Петербургѣ, или нѣтъ. Онъ ничего не потеряетъ. Мнѣніе Уварова не можетъ имѣть на судьбу его никакого значительнаго вліянія. Впрочемъ, что пенсіонъ не такъ хорошъ, какъ прежде думали, это правда; но чтобы онъ былъ худъ, чтобъ дѣти теряли въ немъ свое время, это совершенно не правда. Дѣти рьяные и прилежные обыкновенно по сродной

лѣтамъ ихъ нетерпѣливости хотятъ видѣть, какъ трава ростетъ, хотятъ счесть свои успѣхи днями и часами; это невозможно. Множество есть познаній, раскрывающихся не тогда, какъ имъ учатъ, но годъ спустя. Я помню самъ сіи нетерпѣливости. Въ расчетъ Жоржа нельзя также ее не примѣтить; это прекрасный знакъ, но никакъ не должно изъяснять его буквально: это гіерографъ будущихъ успѣховъ. Слѣдовательно Марья Карловна даже и въ настоящемъ положеніи не имѣетъ никакихъ причинъ безпокоиться. Самое письмо Жоржа доказываетъ, что умъ его образуется и зрѣетъ.

Одно изъ фортепіанъ я продалъ угадай кому?—Марѳѣ Ефимовнѣ Чемесовой—она беретъ уроки у какого-то пріѣзжаго Нѣмца и занимается съ великимъ прилежаніемъ. Цѣна 1200 р. Другіе также надѣюсь продать. Покупка Англинскаго инструмента необходима. Придумай только чрезъ кого удобнѣе выписать и чего будетъ стоить. Не можно-ли чрезъ Гисборна, а если нѣтъ: то чрезъ Бруна, коего Марья Карловна знаетъ. Я напишу къ нему; но постарайся узнать, какъ его зовутъ по русски: ибо онъ не говоритъ по-французски. Не короче-ли всего употребить къ сему Баума: ибо надобно же его къ чему-нибудь употребить. Деньги я пришлю вѣрно въ Генварѣ мѣсяцѣ. Узнай только примѣрно цѣну. Инструментъ долженъ быть Бродвудовъ (Brodwoods) или Клементіевъ; первые хвалятъ болѣе. Поговори съ Цейнеромъ и подробно мнѣ напиши: впрочемъ само собою разумѣется, что онъ долженъ быть доставленъ съ первыми кораблями, то есть въ Апрѣлѣ или въ Маѣ.

Ксати о деньгахъ. Изъ счета твоего я вижу, что дорога вамъ стоитъ около 1500 р. слѣдовательно должно оставаться около 1500 р.; въ Генварѣ, а если нужно то и ранѣе я еще пришлю вамъ столько же. Надобно чтобъ у васъ деньги всегда были впереди. Ты ничего не сказала мнѣ, что стоятъ въ мѣсяцъ учители и по скольку платится за билетъ. Желалъ бы я знать, что именно ты поешь: ибо одни дуэты не достаточны; это можетъ тебя остановить, но не много подвинетъ.

Ларецъ твой дѣйствительно проданъ. Ты спрашиваешь, кому принадлежатъ деньги — натурально — мнѣ; первое по праву сильнаго, а второе потому, что и ты моя.

Поведеніе Цейера съ Магницкимъ имѣетъ совсѣмъ другое основаніе. Онъ, Цейеръ, вообразилъ себѣ, что ему можно и должно исправлять крутой нравъ Магницкаго. Послѣдствія показали ему его ошибку и изъ послѣдняго письма его я вижу и раскаяніе его и вмѣстѣ разрывъ. Надѣюсь, что симъ положенъ будетъ конецъ и я желалъ-бы, чтобъ вы установили между ими сіе различіе, чтобъ одного т. е. Цейера принимать, какъ стараго пріятеля; а другаго или совсѣмъ не принимать, или быть осторожными..

Что говоритъ ваша комедія; какова Наташа?

Поздравляю съ добрымъ климатомъ; надѣюсь, что болѣзнь Сонюшки давно уже прошла.

Прощай, моя милая; душевно тебя обнимаю. Христосъ съ тобою.

PS. Вообрази, что по сіе время у насъ еще не танцуютъ. Вотъ каково безъ Лизы.

42.

Пенза 3 Декабря 1818.

Слава Богу! почта въ порядкѣ и я могу сегодня отвѣчать любезной моей

Елисаветѣ на письмо вчера полученное. Въ немъ одинъ недостатокъ: коротко. — Надѣюсь, что когда роль Наташи кончится, ты очутишься опять Елисаветою и будешь ко мнѣ писать не въ почтовый день, по нѣсколько прежде, въ теченіи недѣли. Вообще у всѣхъ и въ томъ числѣ у меня есть дурная привычка отлагать письма до почты; а тутъ именно какъ нарочно встрѣтятся какіе-нибудь недосуги, заболитъ голова, и хоть чувства тѣ-же, но выраженіе ихъ совсѣмъ не тоже.

Ты много говоришь по англински. Но съ кѣмъ? — О романахъ ты знаешь мои мысли; по моему мнѣнію всѣ хорошіе и безвредные романы можно прочитать въ двѣ недѣли. По крайней мѣрѣ должно читать одни романы писанные женщинами: ибо я весьма посредственнаго мнѣнія о разборчивости (délicatesse) Англинскихъ романистовъ нашего пола. Они слишкомъ любятъ Гогартовы сцены; а Гогарта не всякому смотрѣть можно. Лучшее въ Англинской нынѣшней литературѣ суть стихи и путешествія. Неужели ты не видалась еще съ Салинькою? — у нее должны быть Англинскія книги.

Твой переводъ Калейдоскопа конечно уступаетъ подлиннику; но имѣетъ свои достоинства; я его немножко поправлю и со временемъ тебѣ возвращу. Вотъ еще стихи. Мнѣ кажется я подрядился ставить ихъ изъ Пензы въ Петербургъ. Ты знаешь ихъ источникъ. Мнѣ скучно черпать одному и любоваться чѣмъ нибудь безъ тебя.

Застала-ли, ты, слыхала-ли славную пѣвицу Сесси, о коей вчера я читалъ статью въ газетахъ?

Вчера въ воскресенье у насъ былъ первый балъ нынѣшнею зимою — и у кого же? у Кожиной. По счастью три дни сряду я былъ занятъ, сказался нездоровымъ и не былъ. По обыкновенію танцовали мазурку: Анненковъ съ Чемезовою, и недавно пріѣхавшій сюда молодой графъ Велегурскій съ Кривскою—и прочіе строевые наши плясуны. Собраніе откроется не прежде 10-го или 15-го Декабря. Вотъ что дѣлаетъ отсутствіе Лизы.

Скажи Марьѣ Карловнѣ, что по ея приказу Нѣмецкій мой языкъ идетъ прекрасно и лучше, нежели я думалъ. Половина Библіи уже окончена; съ симъ запасомъ приступилъ я къ Мюллеру Allgemeine Geschichte и первую часть оканчиваю. Каждый день лексиконъ становится менѣе нуженъ и часто на пяти страницахъ онъ лежитъ уже спокойно. Къ новому году надѣюсь быть въ независимости, то есть читать и разумѣть съ удовольствіемъ и незнакомое опредѣлять по смыслу. Мнѣ право кажется, что и у меня мозговыя фибры сохнутъ и утончаются, какъ у тебя. — Правда, что я перемѣнилъ образъ жизни; встаю очень рано, занимаюсь почти всегда однимъ, обѣдаю дома и всегда одинъ; а чтобъ доставить себѣ еще болѣе свободы и менѣе имѣть скучныхъ развлеченій: то сказался нездоровымъ и сижу дома, исключая небольшой обыкновенной прогулки. Рекрутскій наборъ сдалъ на руки дядюшкѣ и весьма ему благодаренъ И такъ есть секретъ жить сносно безъ Лизы и безъ Марьи Карловны.—Сносно; но безъ удовольствія и пріятности.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

43.

Пенза 10-го Декабря 1818.

Разсужденіе твое, моя любезная Елисавета, о благодарности весьма спра-

ведливо. Это есть чувство, а не размышленіе. Должно жалѣть о людяхъ лишенныхъ сего чувства, точно такъ какъ о глухихъ и о нѣмыхъ. Впрочемъ я не отношу сего къ Магницкому. Мы уже его слишкомъ строго осудили; мнѣ уже и жаль его; но ни въ комъ и никогда отчаяваться не должно. Оставимъ его въ покоѣ: ибо одинъ Богъ знаетъ глубины душевныя. Довольно, если мы поставимъ себя въ осторожности и въ независимости. Никогда повредить онъ намъ существенно не можетъ. Лучше всего о немъ замолчать: ибо итти далѣе, было бы вредить ему, а сіе не можетъ быть ни въ твоемъ сердцѣ, ни въ моихъ правилахъ.

Весьма понимаю, моя милая, всѣ трудности твоего положенія. Объ Италіанскомъ я намекнулъ безъ расчета твоего времени. Но генеральный басъ оставить была бы трусость, тебѣ не сродная. Гдѣ же и показать тебѣ храбрость твою, какъ не здѣсь? Генеральный басъ! это почти какъ Наполеонъ, достойной тебя непріятель. Упрекъ Цейнера для меня весьма обязателенъ; я увѣренъ теперь, что ты съ нимъ сдѣлаешь большіе успѣхи.

Знаешь-ли, что я весьма радъ, что комедія (*) ваша кончилась. Это такъ много отнимаетъ времени и сверхъ того это нѣчто столь нарядное. Одинъ разъ можно; но не болѣе. По счастью общество было одинхъ короткихъ пріятелей; иначе я пожалѣлъ бы о твоихъ успѣхахъ, хотя всегда въ нихъ былъ увѣренъ. О князѣ Шаховскомъ я держусь смѣло мнѣнія Врончевки. Онъ не Моліеръ въ существѣ комедіи, въ выборѣ и выраженіи характеровъ; но стихи его лучше, свободнѣе, и тонъ вообще лучше, нежели во всѣхъ нашихъ прежнихъ комедіяхъ. Весьма любопытно мнѣ знать твое мнѣніе о Семеновой и вообще о нашемъ театрѣ.

(*) Домашній спектакль у гр Кочубеевъ, въ которомъ она принимала участіе.

Третьяго дни дядюшка сдѣлался нечаянно боленъ; доктора потеряли голову, а Мерлень вылѣчилъ — самою простою ванною. Скажи Марьѣ Карловнѣ, чтобъ она никакъ не пускалась быть больною безъ меня. Пусть подождетъ до Мая.

Городъ нашъ всё еще пустъ; даже въ Николинъ день не было ничего значительнаго. Араповы и Кишинскіе сегодня только переселяются.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

P. S. Не пиши ко мнѣ политическихъ слуховъ; они и иначе могутъ доходить ко мнѣ. Дѣло другое о слухахъ собственно до меня принадлежащихъ. Утѣшься; на 4-хъ страницахъ одна только ошибка. у Салинкѣ вмѣсто у Салинк*и*.

44.

Пенза 17 Декабря 1818.

Wie schön ist es und herrlich, Hand in Hand
Mit einem theuern, vielgeliebten Sohne
(Tochter)
Der Jugend Rosenbahn zurück zu eilen,
Des Lebens Traum noch einmal durchzuträumen!

Don Karlos.

Тебѣ, любезная моя Елисавета, по всей справедливости принадлежатъ всѣ мои успѣхи. На прошедшей недѣлѣ я прочиталъ Донъ Карлоса сперва *на черно*; теперь читаю *на бѣло* и съ удовольствіемъ. На будущей недѣлѣ можетъ быть успѣю прислать тебѣ подробную рецензію или лучше сказать отчетъ въ мысляхъ моихъ при семъ чтеніи. Но сдѣлай милость, не учись по турецки, ни по татарски; ты меня замучишь, если мнѣ вездѣ за тобою слѣдовать должно. И нѣмец-

кій твой языкъ мнѣ довольно дорого стоитъ. Были дни, въ кои я сидѣлъ за нимъ часовъ по 12-ти; c' est une rage (*). Нѣтъ ничего лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ заупрямиться; мнѣ же всегда нужно заняться чѣмъ нибудь весьма труднымъ, чтобъ отбить отъ себя приливъ мыслей и воспоминаній. Скажи Марьѣ Карловнѣ — въ первый разъ въ жизни она умѣла дать доброй совѣтъ. И впрочемъ принять совѣтъ и исполнить, болѣе дѣлаетъ чести, нежели его дать и слѣдовательно выгода всё на моей же сторонѣ.

Въ прошедшій четвергъ у насъ былъ первый балъ въ собраніи; а въ воскресенье у Араповыхъ; я не былъ ни не томъ, ни на другомъ; у обѣдни со всѣми видѣлся; всѣ тебѣ и Марьѣ Карловнѣ кланяются. Монастырка Ермолаева въ томъ числѣ; она похудѣла, но не подурнѣла и это ей довольно идетъ, а мать ея стала еще моложе: эта женщина кончитъ тѣмъ, что превратится въ прекраснаго ребенка.

Сейчасъ письмо съ почты отъ 5-го Дек. Нѣтъ, моя милая, мнѣ никакъ нельзя взять сюда Жоржа прежде Мая. Какъ можно мнѣ на сіе рѣшиться въ нерѣшимости собственной судьбы моей, въ неизвѣстности, останусь-ли я здѣсь и сколько останусь? Сія неизвѣстность въ Генв. вѣрно кончится и тогда ни мало не медля открою переписку о переводѣ его сюда. Можетъ быть это сбудется еще и прежде Мая; можетъ быть онъ отправится сюда въ Февралѣ или Мартѣ; но это можетъ быть, а Май положительно, если я здѣсь останусь.

Не помню писалъ ли я къ тебѣ, что домъ нашъ почти уже проданъ и съ мебелями разумѣется и съ зеркалами, за ⁵⁶/т. р. Слѣдовательно на сей разъ хозяйственный твой распорядокъ опоздалъ. Къ тому же зеркала не деревья; они существенно принадлежатъ къ дому и его убираютъ. Ты вѣрно нашла его въ ужасномъ положеніи. Какъ-бы то ни было: онъ запроданъ чрезъ того же Масальскаго, который и былъ причиною его разстройки; одно другимъ поправляется. Если бы впрочемъ по полученіи сего письма нашлося, что онъ не проданъ: то призови къ себѣ Масальскаго и узнай подробно, на чемъ это остановилось. Продажа поручена отъ меня не ему, но Лазаревыхъ управителю; Масальскій пріискалъ только выгоднаго покупщика. Если бы паче чаянія нашлось, что отъ ⁵⁶/т. отступили: то я согласенъ буду принять предложеніе и Паглиновскаго, лишь бы сбыть съ рукъ сей разоренный и разорительный домъ

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

Errata. На сей разъ одна только ошибка; но за то важная. Никакъ нельзя сказать *вынуть* изъ пенсіона кого-либо. Вынимаютъ платокъ изъ кармана, серьгу изъ ушка у дѣвушки, нитки изъ ларчика, вино изъ погреба; но людей изъ пенсіона *берутъ*, а не вынимаютъ. Ихъ можно *взять*, но не вынуть. Вообще вынуть можно только руками или какимъ-нибудь орудіемъ. Я знаю только одинъ примѣръ: вынуть изъ петли — grace! grace! — Богъ тебя проститъ.

45.

Пенза 24-го Декабря 1818.

Поздравляю тебя, любезная моя Елисавета, со днемъ Рождества Христова. Желаю тебѣ всѣхъ возможныхъ радостей, изъ коихъ первая и наилучшая безъ сомнѣнія есть чистота души и невинность сердца. Дай Богъ, чтобъ сею радостію не преставала ты

(*) До неистовства.

никогда наслаждаться. При ней все ясно; безъ неё ничто не веселитъ.

Весьма благодаренъ за хозяйственныя твои попеченія о домѣ. Ты не могла и не должна была иначе думать и расположить сіе дѣло. Но надобно положить срокъ. Если къ концу Генваря или къ 15-му Февраля не найдется другаго покупщика: то разрѣши Масальскаго совершить условленную имъ продажу. Ибо легко быть можетъ, что, ожидая бо́льшаго, мы упустимъ сходное. а сіе весьма меня опечалитъ: ибо, подумай, домъ сей семь лѣтъ уже продается, и я долженъ платить проценты. Въ предупрежденіе вопросовъ разрѣшаю тебя согласиться и на то, если бы часть денегъ предложили въ видѣ долга подъ залогъ того же самаго дома. Надобно только чтобъ 50 т. были наличныя; ибо деньги сіи нужны на уплату долга Баташевой, безъ чего и купчей крѣпости совершить нельзя. Впрочемъ что бы ни говорили, а я Масальскимъ все продолжаю быть доволенъ. Вообрази, что Магницкій увѣрялъ меня, что онъ нашелъ домъ въ совершенномъ разстройствѣ. Я ничего ему не отвѣчалъ, принявъ правиломъ ничего къ нему не писать. Сіе останется однако же между нами: ибо я не хочу его еще болѣе ссорить съ Масальскимъ: они и безъ того уже все почти между собою грызутся.

Не могу я перемѣнить ничего въ судьбѣ Жоржа и по послѣднему письму его. Я нахожу большое неудобство держать его въ домѣ. Въ вашемъ обществѣ онъ и остальное позабудетъ. Но если Марья Карловна думаетъ иначе: то можетъ его взять и держать у себя до Мая.

Чрезъ день или два отправляется отсюда братъ Катиньки. Она просила дать ему письмо. По сему онъ и явится съ письмомъ къ Марьѣ Карловнѣ. Это глупой и тупой мальчикъ, не имѣющій даже и гусарскихъ достоинствъ, кромѣ того, что умѣетъ пить. Я думаю, онъ васъ не обременитъ собою: ибо не найдетъ толку въ вашемъ обществѣ. Мнѣ помнится, я обѣщалъ тебѣ рецензію на Донъ Карлоса; не посылаю её не по недостатку мыслей, но по недостатку времени. Между тѣмъ я прочиталъ жизнь Шиллера. Не худо быть знакомымъ съ авторами; это вводитъ и поясняетъ духъ ихъ твореній. Продолжаю читать Мюллера, а на будущей недѣлѣ нападу на Марію Стюартъ. Мнѣ отмѣнно нравятся новыя области моего завоеванія. Но это бездѣлки; цѣль же моя настоящая есть ихъ философія. Съ горестію, но безъ зависти, предвижу, что тамъ, въ ихъ лунѣ, найду я и свою скляночку.

Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою.

Не пиши пожалуй по англински, или лучше сказать по шотландски,—рѣшетками. Мнѣ трудно разбирать, а я люблю читать письма твои безъ труда и съ удовольствіемъ.

Попроси Жерве нынѣ же приступить къ выпискѣ форте-піано. Деньги я тотчасъ пришлю; но что̀ стоитъ его фортепіано? Для чего бы не употребить на сіе Баума? Жерве виситъ всегда на ниточкѣ по своему здоровью: вы кажется о семъ не мыслите; но онъ каждый день утромъ можетъ васъ оставить; такого свойства его болѣзни. Писать въ Англію можно просто чрезъ Кремера; и еще простѣе по почтѣ. Ты помнишь надпись: M-r Planta. Esq-r. British Museum. London.

Если продожа дома совершится удачно и ты найдешь приличнымъ подарить что нибудь К. К., то сдѣлай сіе, посовѣтовавшись съ Марьею Карловною.

P. S. Давать новой довѣренности К. К. совсѣмъ не нужно. Есть моя довѣренность у управителя г-дъ Лазаревыхъ Клопова, къ коему я сегодня же и писалъ, чтобъ по требованію К. К. совершилъ купчую, какъ скоро цѣна будетъ превышать ту, которую давалъ продавецъ Масальскаго. $^{75}/_{т.}$ есть цѣна прекрасная; а $^{80}/_{т.}$ есть цѣна чудесная, и изъ нее непремѣнно должно удѣлить К. К. пять тысячъ или сколько ты найдешь нужнымъ. Тоже можно сдѣлать даже и изъ $^{75}/_{т.}$ р.

46.

Пенза 31-го Декабря 1818.

Поздравляю тебя, любезная моя Елисавета, съ новымъ годомъ, и со днемъ моего рожденія. Еслибъ не было тебя: то день сей былъ бы для меня, по истинѣ, днемъ печали и горестныхъ воспоминаній.

Вчера я получилъ письмо твое отъ 19 Декабря. Не жалѣй о моемъ уединеніи; я стараюсь сдѣлать его полезнымъ для будущаго; и впрочемъ для меня прискорбно худое, принужденное общество, а уединеніе никогда, думаю, не будетъ мнѣ скучно. Важное пріобрѣтеніе въ жизни умѣть жить съ самимъ собою; я же и не совсѣмъ одинъ. Новое общество, въ которое я вошелъ или лучше сказать насильно вторгнулся, меня веселитъ и занимаетъ. Читаю Мессіаду, оканчиваю вторую пѣснь. Ищу трудностей, о коихъ такъ много мнѣ твердили, и нахожу одни прекрасныя, великолѣпныя картины. Идеалъ его не есть тотъ, къ коему я привыкъ; онъ слишкомъ чувственъ и, въ отношеніи его къ истинѣ, могъ бы быть смѣшонъ или уродливъ; но спустясь разъ въ его сферу и обозрѣвшись въ ней, признаюсь, это прекрасно. Не понимаю, почему Нѣмцы считаютъ Клопштока труднымъ — посмотримъ развѣ, что̀ будетъ далѣе.

И у насъ наконецъ начались танцы. Въ четвергъ танцуютъ въ собраніи; по воскресеньямъ у Араповыхъ; не такъ, говорятъ, живо какъ въ прошедшую зиму; однако же изрядно. Я вездѣ являюсь на минуту; но къ себѣ не принимаю, считая достаточнымъ и даже удобнѣйшимъ для нихъ жить безъ принужденія.

Я обѣщалъ тебѣ прислать денегъ, и они готовы; но какъ домъ вѣроятно на сихъ дняхъ будетъ проданъ, то и лишнее бы было пересылать деньги, что̀ довольно нынѣ стоитъ дорого. Впрочемъ если бы продажа замедлилась: то по первому слову деньги будутъ къ тебѣ отправлены.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

47.

Пенза 7-го Генв. 1819.

Первое письмо въ настоящемъ году къ тебѣ, любезная моя Елисавета; дай Богъ какъ можно менѣе къ тебѣ писать и сколь можно болѣе тебя видѣть.

Благодаренъ тебѣ и Марьѣ Карловнѣ за попеченіе о Кузьмѣ. Отдайте его учителю, если онъ согласится содержать его у себя въ домѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторое время. Родъ его болѣзни неизлѣчимъ. Я постараюсь пристроить его въ его отчизнѣ. Но весьма бы желалъ, чтобъ онъ остался въ Петербургѣ еще на мѣсяцъ или на два. Если же сіе невозможно: тогда пусть Петръ Григорьичъ отправитъ его къ матери во Владиміръ. Не пишу о семъ, къ Марьѣ Карловнѣ особенно потому что я въ большихъ хлопотахъ по дворянскимъ здѣсь выборамъ и окруженъ толпою людей; едва нахожу свободу и къ тебѣ писать. Толпа сія въ теченіи настоящей недѣли разсѣется, и мы будемъ жить по прежнему.

Вчера былъ маскерадъ для инвалидовъ. Множество нарядовъ. Дядюшка счелъ на четырехъ повязкахъ на сто тысячь бриліантовъ. Разумѣется, что это были Хрущевы и Араповы. Лихая Ховрина не пустила свою дочь и сама не пріѣхала. Хорошенькая Ермолаева выходитъ за дурнаго Бахметева, коего впрочемъ вы не знаете. За Хрущову сватается тотъ гусаръ Рѣтькинъ, коего вы, думаю, у нихъ видѣли, и дѣло идетъ довольно близко. Вотъ вамъ всѣ наши новости. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

Для чего не пришлешь ты мнѣ адреса (вѣрнаго) именно того дома, гдѣ вы живете?

48.

Пенза 14-го Генв. 1819.

Предваряю тебя, любезная моя Елисавета, что если въ теченіи сего мѣсяца ты не пришлешь ко мнѣ курьера, чтобъ я явился къ тебѣ въ Петербургъ: то 1-го Февраля отправлю я на тебя жалобу Государю и буду просить отпуска на 4 мѣсяца. Въ самомъ дѣлѣ, я на сіе рѣшился. Не думаю, чтобъ мнѣ отказали и такимъ образомъ въ Мартѣ я буду въ Петербургѣ, а далѣе что Богъ дастъ. Дѣлъ у меня здѣсь никакихъ нѣтъ; все передѣлано и высочайше ввѣренная мнѣ губернія весьма легко теперь можетъ итти и безъ меня. Если необходимо должно будетъ сюда возвратиться: то мы возвратимся лѣтомъ всѣ вмѣстѣ. Такимъ образомъ и положеніе Жоржа устроится само собою.

Выборы наши кончились. Но веселье и балы еще продолжаются. Третьяго дня я давалъ обѣдъ дворянству по билетамъ на 127 человѣкъ. Обрадуй Марью Карловну: въ обоихъ залахъ накрыты были большіе столы и, что всего важнѣе, столъ въ мраморной залѣ на 40 человѣкъ покрытъ былъ одною скатертью во всю его длину; я удивился собственному нашему въ семъ родѣ богатству. Сегодня дворянство даетъ мнѣ балъ въ дворянскомъ собраніи. Связи мои здѣсь утвердились, и не совѣтую никому меня здѣсь злословить. Дядюшка* по совѣту моему остался еще на три года здѣсь предводителемъ. Это его не разстроитъ: ибо онъ свободно можетъ жить нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ. Расчетъ сей ему самому впослѣдствіи понравился, тѣмъ болѣе, что дворянство въ самомъ дѣлѣ оказало ему всѣ возможные знаки вниманія и довѣрія.

Аркадій Алексѣичъ пишетъ ко мнѣ, что вы съ нимъ совсѣмъ раззнакомились. Онъ не довольно знаетъ Марью Карловну, чтобъ ее понимать. Я оставляю все *in statu quo* до времени. При свиданіи мы лучше разберемъ, какъ и до какой степени можно будетъ вести сіе знакомство. Между тѣмъ будь къ нему ласкова.

Графъ Кочубей пишетъ, что онъ и жена его весьма желали бы видѣть васъ въ ихъ обществѣ сколь можно чаще. И я бы сего желалъ по разнымъ причинамъ и особенно лично для тебя; но не знаю, до какой степени можно сообразить сіе съ вашимъ положеніемъ и образомъ жизни. Я знаю, что Марья Карловна не пойдетъ на сіе слишкомъ охотно; она не только тебя любитъ, но и ревнуетъ. Впрочемъ графъ Кочубей очень хвалитъ и дивится твоему образованію.

Какъ я радъ, что генеральный твой басъ, не смотря на всю гордость его, начинаетъ смиряться предъ тобою. Я увѣренъ, что онъ принужденъ будетъ

* Подъ этимъ родственнымъ титуломъ разумѣется здѣсь и ниже Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ, котораго и отецъ и дочь привыкли такъ между собою называть.

покориться: ибо сила терпѣнія во всѣхъ случаяхъ непреоборима.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

Не посылаю тебѣ примѣчаній на Донъ Карлоса. Между тѣмъ, какъ я собирался ихъ писать, встрѣтилъ я въ томъ же Шиллерѣ цѣлые 12 писемъ возраженій и оправданій. Такъ-то сіи господа обыкновенно похищаютъ мои мысли и печатаютъ ихъ прежде нежели я ихъ напишу. Въ Клопштокѣ никакъ не могъ я окончить третьей пѣсни. Скука смертельная.

49.

Пенза 21 Генв. 1819.

Весьма благоразумно, любезная моя Елисавета, вздумала ты облегчить твою маминьку. Съ будущею почтою я непремѣнно пришлю къ тебѣ $^{3}/_{т.}$ р. Ты получишь ихъ еще прежде 16-го Февр. Если же паче чаянія домъ будетъ проданъ прежде сего времени: то изъ первыхъ денегъ тотчасъ сдѣлай сей подарокъ. Мнѣ огорчительно только то, что она здѣсь о семъ не открылась и мучила себя столь долго безъ нужды. Мнѣ помнится, я даже ее спрашивалъ; но ничего не узналъ.

Намѣреніе мое твердо. Съ будущею почтою или по крайней мѣрѣ чрезъ почту, если до того времени ничего не рѣшится, я прошусь въ отпускъ. Вѣроятно получу его въ концѣ Февраля и слѣдовательно въ половинѣ Марта ровно чрезъ 7-мь лѣтъ я въ Петербургѣ и съ тобою. Впрочемъ мнѣ трудно повѣрить, чтобъ до того времени ничто не рѣшилось; всѣ извѣстія, мною получаемыя, увѣряютъ меня въ противномъ.

Ради Бога не пропусти форте-піано, выписанныхъ Краузе. Деньги у меня всегда готовы. Я не знаю почему, но мнѣ хочется кончить сію заботу.

Бѣдная Елисавета Карловна! Это было бы чудо, еслибъ дѣти ея были здоровы. Сложеніе, здоровье есть вещь наслѣдственная, и вотъ о чемъ именно мало заботятся въ связяхъ брачныхъ; а это весьма существенно. Грѣшно предъ Богомъ населять землю страждущими существами!

Разсужденія твои о литературѣ нашей справедливы; но мнѣ горько думать, что она осуждена всегда на игрушки. Мнѣ кажется, недостатокъ силы происходитъ отъ ея младенчества. Съ возрастомъ придетъ и сила. Для легкой шутки надобенъ только умъ; но для сильныхъ произведеній потребно размышленіе и сила воображенія, возбужденная и управляемая классическими образцами. А у насъ именно сего-то и недостаетъ. Авторы, тобою приводимые, суть не что иное, какъ остроумная неучь. Я ихъ помню. Самъ Крыловъ есть порядочный невѣжда. Впрочемъ есть невѣжество генія и невѣжество остроумія; первое мы видимъ въ Шекспирѣ и другихъ великанахъ; а другое въ мелкихъ французскихъ и русскихъ писателяхъ.

И у насъ были балы. Балъ, данный мнѣ дворянствомъ, былъ и многолюденъ и великолѣпенъ. Домъ Собранія былъ освѣщенъ, и всѣ окрестности его горѣли; въ портикѣ транспаранъ: ***Мих. Мих. Сперанскому.*** Ужинъ на 250 человѣкъ. Эта шутка стòитъ дворянству около $^{7}/_{т.}$ р. Третьяго дня давалъ (*) балъ всему городу дядюшка; не столько многолюдно: ибо уже большая часть дворянства разъѣхалась; но живо и весело. На сихъ дняхъ Араповы по внушенію моему даютъ спектакль въ пользу бѣдныхъ въ дворянскомъ собраніи. Играетъ

(*) Также въ домѣ Собранія. С.

Елисавета Арапова, Зыкова и проч. и проч. Піеса: Воздушные Замки. Не подумай впрочемъ, чтобъ все сіе меня веселило. Совсѣмъ нѣтъ. Это служба, которую я переношу безъ огорченія—но переношу, а не забавляюсь. По множеству причинъ ни умъ, ни сердце не могутъ тутъ принять участія.

Письмо Натальи Петровны я отдалъ дядюшкѣ. Съ будущею почтою непремѣнно пришлю отвѣтъ. Между тѣмъ скажи ей отъ меня тысячу вещей

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

50.

Пенза 28 Генв 1819

Неужели ты не знаешь, моя Елисавета, что Смирновъ есть пустой разкащикъ небылицъ? Болѣзнь моя не что была другое, какъ скука посѣщенія его и желаніе какъ можно скорѣе отъ него отвязаться. Правда, что я недѣль шесть не выѣзжалъ; но этому причиною были нѣмецкія книги и упрямство, съ коимъ я за нихъ принялся. Прибавь къ сему, что сей родъ жизни всегда имѣлъ для меня особенную пріятность. И куда мнѣ выѣзжать? — Ты знаешь, сколь тяжки для меня обѣды. Но былъ-ли я дѣйствительно боленъ, когда каждый день ходилъ пѣшкомъ часа по два? Я былъ нездоровъ съ недѣлю или двѣ обыкновенными моими почти ничтожными припадками. Сіе подало мнѣ мысль и предлогъ уединиться и продолжить сей образъ бытія. Ему единственнно обязанъ я успѣхами моими въ нѣмецкой грамотѣ. Странно, что я долженъ оправдываться предъ тобою въ сей небылицѣ точно, какъ въ винѣ. Будь спокойна и успокой твою маминьку (*); напротивъ я открылъ новый секретъ быть здоровымъ, а именно обѣдать всегда дома и ѣсть губернаторскую кашицу. Съ этимъ секретомъ я не вижу даже и причины когда либо умереть, развѣ по глупости. Въ самомъ дѣлѣ здоровье мое еще болѣе укрѣпляется.

. . . .

....Я читаю много и ничего не читаю кромѣ книгъ нѣмецкихъ. Мнѣ кажется, я понимаю даже и характеристическую особенность ихъ генія; но не пущаюсь еще въ сужденія, доколѣ не окончу большую часть классиковъ. Вообще эта новая земля мнѣ весьма нравится; это настоящая Швейцарія; природа нѣсколька дикая, неопредѣленная, но изящная. Мнѣ кажется однакоже, не взирая на мнѣніе г-жи Сталь, есть средство помирить обѣ литературы: французскую и нѣмецкую, и размежевать ихъ такъ, чтобъ каждая имѣла свою собственность. Не можно, не должно даже и желать ихъ соединенія. Это двѣ школы: греческая и рыцарская; пусть они и останутся раздѣльными.

Скажи Марьѣ Карловнѣ, что она можетъ теперь исполнить свое желаніе, писать ко мнѣ по нѣмецки даже и нѣмецкими буквами. Съ помощію Вильде я научился разбирать сіи безобразныя козюльки. Совѣтую и тебѣ тоже сдѣлать: ибо странно знать языкъ и не умѣть прочитать письмо. Эта работа довольно трудна и скучна; потому-то и нужно ее сколь можно скорѣе кончить. Писать сими буквами не совѣтую; это и скучно и не нужно.

Посылаю тебѣ съ сею же почтою въ особомъ пакетѣ на твое имя въ домъ Жерве (№ 122) пять тысячь рублей, изъ коихъ три на подарокъ къ имянинамъ Марьи Карловны, а двѣ на твои расходы. По счастью я получилъ вчера свои арендные до-

---

(*) Т. е. М. К. Вейкардтъ.

ходы, и потому посылка сія нимало не затруднительна.

Я стою твердо въ томъ, чтобъ съ будущею почтою просить отпуска. Во всѣхъ случаяхъ это не испортитъ.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою. Сегодня играютъ наши барышни комедію. У насъ нѣтъ еще ничего оффиціальнаго о трауръ (*); а мнѣ жаль лишить бѣдныхъ, въ пользу коихъ дается сіе представленіе, довольно значительнаго сбора.

P. S. Не могъ безъ смѣху я читать выдумку Смирнова, будто я отправляюсь въ Крымъ. Онъ, думаю, съ ума сошелъ.

51.

Пенза 4-го Февр. 1819.

Маленькое твое письмецо, съ ячменемъ на глазу писанное, я получилъ, любезная моя Елисавета, и понеже надобно чѣмъ нибудь себя утѣшать, то утѣшаю себя тѣмъ, что непріятные сіи припадки по крайней мѣрѣ теперь уже разъ навсегда и совершенно будутъ излѣчены.

Большой мой шагъ сдѣланъ; письмо объ отпускѣ идетъ съ сею почтою чрезъ графа Вязмитинова. Скажи о семъ Цейеру, чтобъ онъ развѣдалъ о послѣдствіи, дабы ты могла заранѣе знать, когда мы свидимся. Одно можетъ послужить предлогомъ къ отказу, назначеніе меня въ областные начальники, какъ по слухамъ предпочитаютъ. Иначе могутъ протянуть; но отказать, кажется, не могутъ. Впрочемъ, рѣшась одинъ разъ, я буду просить сто разъ и неотступно.

Третьяго дня провелъ я здѣсь первый пріятный вечеръ послѣ разлуки съ вами. Играли двѣ маленькія комедіи и прекрасно; а между ними Вильде съ Савельевымъ играли *Concertante* и съ великимъ успѣхомъ. Удача и желаніе мое собрать симъ средствомъ нѣсколько болѣе денегъ для бѣдныхъ произвели самое лучшее дѣйствіе. На масляницѣ сбираются дать еще четыре спектакля. Всѣ заняты игрою, и во всѣхъ домахъ суетятся и толкуютъ о роляхъ и репетиціяхъ. Все лучше, нежели злословить.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

(*) По королевѣ Виртембергской, Екатеринѣ Павловнѣ.

52.

Пенза 11 Февр. 1819.

Мысль съ тобою видѣться, любезная моя Елисавета, такъ мною овладѣла, что мнѣ кажется и писать уже къ тебѣ нечего. Для чего происшествія сего тяжелаго, грубаго, свинцоваго міра не летятъ, такъ какъ мое воображеніе? Еще двѣ или три вѣчныя недѣли я долженъ провесть между страхомъ и надеждою. Одно обстоятельство можетъ отложить сіи надежды; опредѣленіе меня въ окружные начальники. Я говорю отложить, но не уничтожить: ибо и я въ свою очередь умѣю быть упрямымъ; а очередь сія кажется пришла, или скоро придетъ. Помѣщеніе Магницкаго расширяетъ и мои крылья. Я весьма сему радъ и для него и для себя. Онъ лежалъ у меня, какъ камень на пути. Теперь камень сей сдвинули, положили на свое мѣсто, и онъ болѣе мнѣ не мѣшаетъ. Мы столкнулись съ нимъ какъ двѣ планеты въ одной точкѣ.

Zwei Gestirne, die im ganzen Lauf der Zeiten
Ein einzig Mal in scheitelreicher Bahn
Zerschmetternd sich berühren . . . . .(*)

Сравненіе слишкомъ великолѣпно и я надѣюсь, что конецъ его къ намъ

(*) Двѣ планеты, которыя на пути, обильномъ столкновеніями, всего разъ во все теченіе временъ, разрушительно коснулись одна другой.

не отнесется: ибо я могу о немъ жалѣть, но всегда буду радоваться его счастію.

Надѣюсь, что болѣзнь Сонюшки уже прошла; по крайней мѣрѣ не имѣю я никакого опаснаго предчувствія.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

53.

Пенза 18-го Февраля 1819.

Правда ли, любезная моя Елисавета, что еще двѣ-три недѣли, и мы съ тобою опять вмѣстѣ? Признаюсь, горько мнѣ будетъ въ семъ обмануться; лучше бы не надѣяться. Трудно мнѣ будетъ извинить обстоятельства: трудно, но не невозможно. Въ расчетѣ благоразумія я долженъ бы былъ теперь же готовиться къ отказу; но нещадный разумъ едва смѣетъ прикоснуться къ крыльямъ воображенія. И неумолимый смягчается!

Мысль нанять мнѣ двѣ-три комнаты въ томъ же домѣ, гдѣ вы живете, весьма основательна; но не прежде, какъ уже положительно вы узнаете. Впрочемъ я могу пристать и въ трактирѣ. Но какъ зовутъ тотъ домъ, гдѣ вы живете? Ты позабыла мнѣ написать имя хозяина и №.

Долгъ Марьи Карловны есть самая бездѣлица; и если я и не привезу: то вѣрно пришлю чрезъ мѣсяцъ.

Любопытно мнѣ будетъ съ будущею почтою читать исторію вступленія твоего въ новый міръ. Счастливый путь! Ты не много тутъ найдешь новаго. Тѣ же страсти и мелочи, только въ другомъ нарядѣ. Но надобно необходимо много видѣть разнообразнаго, чтобъ, все сравнивъ, ничему не дивиться и о всемъ судить здраво. По счастью ты начинаешь въ семъ другомъ свѣтѣ именно тѣмъ, чѣмъ другіе кончатъ: ибо домъ графини К. *) безъ сомнѣнія наилучшій.

*) Графини Кочубей.

У насъ на масляницѣ было два спектакля (разумѣется въ дворянской залѣ); актеры и актрисы тѣже, и успѣхъ почти одинаковъ. Балы, маскерады — какъ я радъ, что вся эта пустая суматоха кончилась. Твоя Катинька уѣхала съ матерью скучать въ Симбирскъ — на сихъ дняхъ возвратятся. Тамъ же скучаетъ Машенька Евреинова съ матерью. Елисавета Арапова вѣроятно выйдетъ за Петра Алексѣича Бекетова. Вотъ вамъ наши новости.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

NB. не спыльчивый, а вспыльчивый. Отъ глагола вспыхнуть.

54.

Пенза 25 Февр. 1819.

Какъ я радъ, любезная моя Елисата, что маменька твоя сложила съ себя бремя, ее тяготившее. Отъ неё зависѣло давно его сбросить; но она не имѣла дольно духу, чтобъ преодолѣть ложную ея застѣнчивость. Какъ часто мы дѣлаемъ или продолжаемъ свои огорчѐнія единственно по ложному расчету, по незнанію свойствъ тѣхъ людей, съ коими мы имѣемъ дѣло; не мнѣ впрочемъ упрекать ее; я дѣлалъ самъ тысячу подобныхъ сему ошибокъ по той же ложной деликатности.

Если воздушные ваши замки приведутъ васъ къ истиннымъ и положительнымъ: то я не буду жалѣть о затѣяхъ вашихъ; но если все сіе кончится ничѣмъ: то лучше бы не начинать.

Въ числѣ новостей ты позабыла мнѣ сказать самую интересную, а именно обѣдъ графини Кочубей. Въ предъидущемъ письмѣ ты оставила меня именно на семъ мѣстѣ. Впрочемъ, когда Богъ велитъ намъ видѣться, мы все сіе разберемъ и уложимъ.

Мысли мои такъ заняты симъ свиданіемъ, что мнѣ уже, кажется, и писать нечего. Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою,

55.

Пенза 4-го Марта 1819.

Въ расчетахъ вѣроятностей я привыкъ, любезная моя Елисавета, назначать себѣ два срока; одинъ ближайшій, другой дальній. Срокъ первый, когда бы я могъ получить отпускъ, вчера уже минулъ; остается второй, и надежда, всегда изобрѣтательная, меня еще не оставляетъ. Когда ты положительно узнаешь, что отпускъ мнѣ данъ и приказъ отправленъ: тогда перестань писать: ибо я и трехъ дней здѣсь не пробуду, какъ скоро получу увольненіе.

Я получилъ письмо отъ твоей маминьки. Не стыдно-ли ей говорить благодарности? Попѣняй, что она такъ долго себя безъ причины мучила. Не могу ей простить сего иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ впредь она исправилась.

Радъ, что ваша шумная масляница прошла безъ приключеній. Сегодня я на помолвкѣ. Елисавета Николаевна Арапова выходитъ за Петра Алексѣича Бекетова. Пара совершенная; она дѣвица умная, а онъ человѣкъ весьма честный и обстоятельный.

Дядюшка и тетушка со всѣмъ домомъ собираются въ Москву; то есть они отправятся первымъ весеннимъ путемъ.

Сейчасъ письмо отъ Могилянскаго *) изъ Кіева; онъ пишетъ, что отправляется въ Петербургъ; если онъ уже у тебя явился: то скажи ему, что вексель его здѣсь полученъ, и деньги взысканы. Обстоятельнѣе напишу къ нему съ будущею почтою.

*) Матвѣя Васильевича Могилянскаго, который былъ опредѣленъ Сперанскимъ на службу.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

56.

Пенза 11-го Марта 1819.

Маленькое твое письмецо, любезная моя Елисавета, весьма глубоко меня тронуло. Я сдѣлалъ важную ошибку, предваривъ тебя о моемъ намѣреніи просить отпуска. По крайней мѣрѣ не было бы обманутой надежды. Всѣ горести мнѣ чувствительны только въ твоемъ сердцѣ. Впрочемъ отказа еще по сіе время нѣтъ, развѣ принять отказомъ молчаніе? Я дѣлаю еще усиліе. Пишу къ графу Аракчееву: ибо по разнымъ соображеніямъ предполагаю, что тутъ болѣе желаютъ отложить, нежели отказать. Если только отложить: то лѣто или зима, большой разности для меня не будетъ. Зима наша рушится, и чрезъ недѣлю мнѣ и отправиться въ путь уже будетъ невозможно. Должно будетъ по необходимости отложить до конца Апрѣля или до Мая. Но если рѣшительный отказъ: тогда по нѣкоторомъ соображеніи и конечно не позже, какъ въ теченіи лѣта, и я рѣшительный же сдѣлаю шагъ. Въ свое время напишу о семъ къ тебѣ подробнѣе. Между тѣмъ скажи А. А. Жерве (*), что я съ нынѣшнею же почтою отправляю настоятельное письмо къ графу Аракчееву.

Утѣшай болѣе всего твою маминьку. Ты найдешь въ себѣ болѣе твердости, нежели она. Я увѣренъ впрочемъ, что всё еще можетъ быть исправлено, и надежда свиданія возвратится. Между тѣмъ чрезъ почту или двѣ пришлю я и остальныя деньги для уплаты ея долга. Я ожидаю къ сему времени арендныхъ моихъ денегъ.

(*) Но скажи одному ему и не сказывай даже твоей маминькѣ. С.

Не унывай, моя милая; будь увѣрена, что во всѣхъ дѣлахъ страшны одни первыя впечатлѣнія. И впрочемъ несправедливости, съ терпѣніемъ перенесенныя, суть истинное сокровище, можетъ быть единственная наша заслуга предъ Богомъ. Прощай; Христосъ съ тобою.

Письмо къ Могилянскому оставь у себя до его пріѣзда въ Петербургъ.

57.

Пенза 18-го Марта 1819.

Продажа Великополья, любезная моя Елисавета, есть происшествіе въ нашей жизни. Я вижу теперь берегъ; и сверхъ того нельзя тутъ не видѣть отличной милости и особеннаго вниманія. Отпускъ, который такъ васъ озаботилъ, непремѣнно сбудется, хоть и позже, нежели мы думали. Впрочемъ онъ составляетъ теперь нужду болѣе нравственную нежели житейскую.

Распорядокъ денегъ отъ продажи Великополья я поручаю Аркадію Алексѣевичу. Они всѣ разойдутся въ уплату долговъ. Тебѣ безъ сомнѣнія извѣстно, что домъ отдается или и отданъ уже въ наймы Дубенскому (*); обстоятельство такъ же весьма счастливое: ибо онъ непремѣнно его купитъ; онъ даже мнѣ и здѣсь о семъ предлагалъ; но тогда онъ не имѣлъ денегъ; а теперь я представлю ему такія удобности, что и безъ денегъ купить онъ его можетъ, и за высокую цѣну. Само собою разумѣется, что теперь всѣ сношенія о продажѣ дома должно К. К. Амбургеру прекратить: ибо никто конечно не дастъ $^{80}/_{т.}$ р., а я надѣюсь отъ Дубенскаго получить сію цѣну; но если бы однакоже, паче чаянія, кто нибудь вызвался купить его за $^{75}/_{т.}$ р. наличными деньгами: тогда само собою разумѣется, что тотчасъ должно рѣшиться, не смотря на наемъ: ибо контрактъ о наймѣ никогда не лишаетъ права продажи.

(*) Сенатору, тайному совѣтнику Николаю Порфиріевичу, который потомъ и купилъ домъ.

Я получилъ множество пріятныхъ писемъ. Они всѣ поддерживаютъ надежду нашего свиданія.

Сейчасъ чрезъ нарочнаго, присланнаго отъ Вельяшева, получаю письмо отъ А. А. Жерве съ приложеніями. Скажи ему о семъ. Отвѣчать не могу: ибо почта отходитъ. Дороги наши рушились. Если бы теперь и прислали мнѣ отпускъ: то прежде Апрѣля половины мнѣ двинуться невозможно.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

58.

Пенза 25 Марта 1819.

Что сказать тебѣ, любезная моя Елисавета, когда почта еще не пришла и писемъ отъ тебя нѣтъ? Письмо сіе придетъ къ тебѣ, кажется, въ самый свѣтлый праздникъ. Посылаю тебѣ Божіе благословеніе и сердечное *Христосъ воскресе*. Поцѣлую за меня всѣхъ дѣтей и всѣхъ тебѣ милыхъ.

Какъ кстати пришла распутица! Двинуться съ мѣста почти не возможно. Все лучше жаловаться на погоду, нежели на людей! Какъ огорчительно и грѣшно жаловаться на людей! Въ этомъ чувствѣ есть нѣчто чрезмѣрно унизительное. Въ самомъ дѣлѣ что люди?—Орудіе Промысла.—Можно ли жаловаться на Промыслъ?—Правда, что сіи орудія имѣютъ нѣкоторый степень свободы, но исправимъ ли свободу сію жалобами? Особливо когда жалобы сіи и не дойдутъ къ своему назначенію?

Не думай, что мысли сіи излилися у меня отъ огорченія. Я спокоенъ: ибо увѣренъ, что увижусь съ тобою въ теченіи весны.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

PS. Не забудь сказать А. А. Жерве, что на прошедшей недѣлѣ я получилъ письмо его съ приложеніями съ нарочнымъ отъ Вельяшева. Прилагаемое при семъ письмо къ Вельяшеву отдай Андрею Андреичу для доставленія.

59.

Пенза 1-го Апрѣля 1819.

Пишу къ тебѣ, любезная моя Елисавета, съ почтою, единственно по привычкѣ писать. Впрочемъ чрезъ два дня ты получишь длинное письмо чрезъ фельдъегеря. Вѣроятно, оно придетъ прежде.

Что сказать тебѣ о новомъ ударѣ бурнаго вѣтра, который вновь насъ разлучаетъ по крайней мѣрѣ на годъ. Вчера я получилъ вѣсть сію и признаюсь, еще не образумился. Думаю однако же, что Господь дастъ мнѣ силы перенести и сіе огорченіе, по всей вѣроятности послѣднее: ибо есть конецъ всякой силѣ изобрѣтенія и есть же конецъ всякому и терпѣнію. Я надѣюсь, что моего станетъ еще на годъ; но не болѣе.

Изъ подробнаго письма ты увидишь, какое распоряженіе я дѣлаю о Жоржѣ. Я увѣренъ, что оно понравится Марьѣ Карловнѣ; а для него впослѣдствіи весьма будетъ выгодно: ибо въ службѣ, какъ и во всѣхъ почти вещахъ, нѣтъ ничего лучше, какъ пуститься *la tête la première* (*)

Прощай, моя милая; сегодня же пишу къ тебѣ другое письмо, гдѣ ты найдешь всѣ нужныя распоряженія. Христосъ съ тобою. Я буду къ тебѣ писать отсюда еще три почты; но ты съ 15-го Апрѣля пиши уже ко мнѣ въ Казань. А съ 15-го Мая въ Тобольскъ! Христосъ съ тобою.

(*) Стремглавъ.

60.

Пенза 5-го Апрѣля 1819.

Христосъ воскресе, мое любезное дитя, моя милая Елисавета. Да будетъ слово сіе тебѣ утѣшеніемъ, единственнымъ, которое я тебѣ дать могу.

31-го Марта въ страстной понедѣльникъ я сидѣлъ послѣ обѣда у окошка и бесѣдовалъ съ моимъ Греческимъ Геродотомъ — колокольчикъ, фельдъегерь — я Сибирскій генералъ-губернаторъ. Нѣтъ нужды тебѣ описывать первыя мои впечатлѣнія. По счастью я говѣлъ, и впечатлѣнія сіи не могли глубоко проникнуть мою душу; занято было мѣсто. — Въ четвертокъ я причащался; это еще болѣе исцѣлило или закрыло мои раны.

Въ положеніи моемъ есть нѣчто таинственное, нѣчто суевѣрное. За тайну тебѣ скажу, что я не болѣе, какъ на годъ и много если на годъ съ половиною долженъ отправиться въ Сибирь, чтобъ исполнить тамъ дѣйствительно важныя порученія и съ ними возвратиться въ Петербургъ. Родъ сихъ порученій таковъ, что безъ личнаго ихъ представленія въ Петербургъ и исполнить ихъ никакъ не возможно. Слѣдовательно есть надежда, что я къ той же цѣли приду хотя путемъ довольно длиннымъ и вмѣсто 1500 верстъ долженъ буду сдѣлать около ¹²/т. Надежда сія однако же есть тайна, которую тебѣ одной я ввѣряю. — Для всѣхъ прочихъ я просто генералъ-губернаторъ, посланный въ Сибирь на неопредѣленное время. Ты всѣхъ должна въ семъ увѣрять и даже по виду сама готовиться зимою отпра-

виться ко мнѣ въ Тобольскъ, хотя напротивъ я всю зиму проведу въ Иркутскѣ и съ наступленіемъ первой весны прямо оттуда пущусь въ Петербургъ. *Прямо*—и *пущусь*, какъ будто изъ Москвы или Новагорода; сіе прямое путешествіе и съ подвязанными надеждою крыльями не можетъ продолжиться менѣе трехъ или четырехъ мѣсяцовъ и слѣдовательно не прежде какъ въ Августѣ будущаго года съ тобою увижусь. Еслибъ я менѣе размышлялъ о вѣчности, разстоянія сіи показались бы мнѣ ужасны. По крайней мѣрѣ срокъ сей вѣренъ: ибо нельзя быть генералъ-губернаторомъ по неволѣ. А неволя моя, долги, миновалась.

Я оставляю у Жерве довольно значительный для тебя запасъ, и именно $^{12}/_{т.\ р.}$ Бери у него по мѣрѣ нужды. Прежде всего заплати долги твоей маминьки; потомъ пенсіоны Анютѣ, Францису и Беллѣ по срокамъ—потомъ для себя все, что̀ тебѣ нужно. Выдай Кузмѣ Ильичу 500 рублей, скажи ему, чтобъ съ сими деньгами отправился онъ во Владиміръ къ матери, коей и отъ себя я сдѣлалъ пособіе, и потомъ болѣе о немъ не помышляй и не заботься: онъ не ребенокъ и до Владиміра самъ найдетъ дорогу. Пятьсотъ рублей есть весьма достаточная для него сумма.

Желанія ваши о Жоржѣ сбудутся, хоть и другимъ образомъ; но по моему мнѣнію сбудутся еще лучше, нежели мы предполагали; ничто не можетъ для него быть полезнѣе сего путешествія. Я предлагаю то же и Цейеру и думаю, что онъ согласится. Впрочемъ подробности его отправленія ты найдешь въ письмѣ къ твоей маминькѣ.

Другая польза разлуки: опредѣленіе твоего дяди Кузьмы на Кавказъ вице-губернаторомъ, чего онъ весьма желалъ и что въ самомъ дѣлѣ основываетъ наилучшимъ образомъ его судьбу.

Не даю тебѣ, моя милая, никакихъ совѣтовъ; ищи ихъ въ твоемъ сердцѣ и болѣе еще въ утренней и вечерней молитвѣ. Не понимаю, какъ люди не пользуются симъ источникомъ, самымъ вѣрнымъ, въ физическомъ смыслѣ вѣрнымъ.—Скажу однако же одинъ совѣтъ: не играть на театрѣ ни на какомъ, ни для кого. При мнѣ это было бы сносно; безъ меня не прилично.—Сія любезность минутная пугаетъ мущинъ, хоть и веселитъ на время. Вѣрьте, женщины, что мужчины имѣютъ на сіе свои тайны, и свои весьма основательныя причины. Второй совѣтъ: писать ко мнѣ; но безъ принужденія и не въ почтовый день, а въ теченіи недѣли, когда вздумается. Если бы ты расположилась каждый день удѣлить мнѣ только пять минутъ и писать первую мысль, которая тебѣ въ сіи пять минутъ встрѣтится: ты избавила бы себя отъ срочной работы, часто непріятной, а иногда по болѣзни или по недосугу и невозможной. Печатать письма не цвѣтнымъ, но простымъ краснымъ сургучемъ, а еще лучше облаткою и тискомъ. Цвѣтной сургучъ худо держится и часто отламывается. Онъ употребителенъ только въ городѣ.

Жоржъ долженъ взять съ собою свои учебныя книги, а особливо Латинскія: ибо мы для всего найдемъ время.

Теперь о нашей экономіи. Устройство остальныхъ долговъ моихъ поручилъ я Аркадію Алексѣевичу. Они всѣ кончатся съ продажею дома; а домъ, по всей вѣроятности, купитъ Дубенскій. Ты писала, что Ильинъ давалъ $^{80}/_{т.}$ р.; для чего же не взяли и не продали? Какъ бы то ни было: домъ достанется Дубенскому, цѣна его

послѣдняя $^{80}/_{т.}$ р. или $^{75}/_{т.}$ р. Всѣ деньги сіи обратятся на очистку долговъ. Къ тебѣ же, сверхъ $^{12}/_{т.}$ нынѣ у Жерве оставляемыхъ, будутъ поступать доходы съ мызы, то есть аренда, чтò составляетъ въ годъ также болѣе $^{12}/_{т.}$ р. Содержатель будетъ доставлять ихъ къ Жерве, коему я подробно писалъ. Первой срокъ въ Декабрѣ сего года; а второй въ Мартѣ будущаго. Здѣшнія дѣла мои я распоряжаю слѣдующимъ образомъ. Подъ надзоромъ Андрея Сергѣича Мартынова учреждаю здѣсь контору, которая будетъ управлять 1, Ханеневкою, 2, Сердобскою деревнею Покровскимъ 37 душъ и 3, Саратовскими моими землями. Доходы съ нихъ будутъ оставаться здѣсь впредь до моего востребованія. Домъ дѣлю я на три части. Книги, серебро, столовое бѣлье и проч. отправлю въ Петербургъ къ тебѣ на долгихъ, при особой описи. Серебро же особенно доставитъ къ тебѣ дядюшка, который будетъ у васъ въ Іюнѣ. Посуду, хрусталь, вѝна, мебели и проч. обращаю здѣсь при себѣ въ продажу. Женщинъ оставляю здѣсь на наемной квартирѣ и на деревенскомъ содержаніи; это будетъ и легче и дешевле. Онѣ же промышляютъ здѣсь своимъ мытьемъ и не будутъ нуждаться. Въ семъ положеніи онѣ останутся до возвращенія моего изъ Сибири.

Людей я всѣхъ беру съ собою; кучеровъ только отсылаю въ Столыпино. Съ Жоржемъ отправится Андрей; а ты найми себѣ человѣка, если нужно. Лошадей всѣхъ оставляю дядюшкѣ. Одну Діану отсылаю и съ сѣдломъ въ Столыпино. Вотъ почти полный мой отчетъ. Вообще хозяйственныя наши дѣла въ совершенномъ порядкѣ. Съ сей стороны ты не должна имѣть ни малѣйшей заботы. Къ будущему году не останется долговъ ни одной копѣйки; а чистые доходы, независимо отъ жалованья, доходы въ отставкѣ составлять будутъ до $^{50}/_{т.}$ р. въ годъ: изъ коихъ половина твоя, а другая моя, если бы мы съ тобою когда либо раздѣлились. Пишу къ тебѣ всѣ сіи подробности потому, что мнѣ давно хотѣлось, чтобъ ты ихъ знала: а ты не ребенокъ.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою; я буду писать къ тебѣ почти непрерывно. Почты двѣ отсюда; потомъ изъ Казàни. Но ты съ 15-го Апрѣля пиши уже ко мнѣ въ Казань; а по отъѣздѣ Жоржа въ Тобольскъ.

Посылаю тебѣ подарокъ отъ Вигелевой. Какъ она обманулась; она дарила дочь Пензенскаго губернатора; впрочемъ благодари ее непремѣнно; адресуй письмо сюда: Ея превосход. Елисаветѣ Филипповнѣ Вигелевой (*).

PS. Всѣ письма раздать и разослать поскорѣе.

61.

Пенза 8-го Апрѣля 1819.

Третьяго дня, въ самый день *свѣтлаго* воскресенья, отправилъ я съ фельдъегеремъ къ тебѣ *мрачное* письмо мое. Не печалься, моя любезная Елисавета; чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ свое положеніе, тѣмъ болѣе нахожу въ немъ перстъ Провидѣнія; а гдѣ Провидѣніе, тамъ надежда. Описавъ большой к[illegible] я приду къ той же самой точкѣ, къ соединенію съ тобою и къ жизни безмятежной. Богъ дастъ мнѣ силы. Здоровье мое самымъ видимымъ образомъ укрѣпляется; а съ здоровьемъ и съ духомъ бодрымъ чего перенести невозможно!

(*) Е. Ф. Вегель, сестра извѣстнаго составителя Записокъ, скончалась въ 1867 году. Изъ небольшаго пенсіона, исходатайствованнаго ей графомъ Д. Н. Блудовымъ, она помогала многимъ Пензенскимъ бѣднымъ.

Я столько писалъ къ тебѣ о дѣлахъ нашихъ домашнихъ, что кажется и писать уже нечего, и я весьма радъ, что сія скучная матерія вся исчерпана.

Если Цейеръ или Жоржъ еще не отправились: то скажи имъ, чтобъ не забыли привезти съ собою лучшую, какая есть, карту Сибири, наклеенную на холстѣ и въ футлярѣ.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

62.

Пенза 15-го Апрѣля 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 27 Марта весьма меня обрадовало. Я привыкъ всё относить къ тебѣ; всё чувствовать въ тебѣ. Русское твое сердце на сей разъ весьма кстати пособило твоему разсудку. Одна разлука съ тобою составляетъ всю мрачную сторону моего новаго назначенія; все прочее довольно ясно и даже блистательно; а лучше всего то, что сія перемѣна вѣнчаетъ мою службу хотя страннымъ, но весьма приличнымъ и благовиднымъ образомъ. Думаю впрочемъ, что и безъ расчетовъ самолюбія, путешествіе мое для образованія сего края будетъ не безполезно. Можетъ быть Жуковскіе и Мерзляковы изъ рода Тунгусовъ и Остяковъ воспоютъ нѣкогда мое имя, какъ Греки воспѣвали своего Кадма или Скандинавцы Одина. Само собою разумѣется, что въ сихъ пѣсняхъ и ты не будешь забыта, и имя Елисаветы — моей дуры, займетъ нѣсколько полустишій въ ихъ гекзаметрахъ.

Отъѣздъ мой отсюда остается по прежнему назначенію. Ожидаю сюда Лубяновскаго (*) и весьма радъ, что Пенза достается не чужому. Я писалъ уже тебѣ подробно о домашнихъ моихъ распорядкахъ. Съ первымъ обозомъ ты получишь свои книги; чего въ нихъ недостанетъ: то считай у меня. Еще одну почту буду къ тебѣ писать отсюда; потомъ ожидай моихъ писемъ уже изъ Казани, гдѣ надѣюсь и твои получить съ Жоржемъ. Василька не могу тебѣ прислать по двумъ причинамъ; первое потому, что прежде твоего письма я подарилъ его Гр. Даниловичу, чрезъ коего онъ и мнѣ былъ подаренъ; а второе потому, что вообще я боюсь верховой твоей ѣзды безъ меня. За глазами все кажется опасно и если ты хочешь меня успокоить, откажи себѣ въ семъ удовольствіи на нынѣшнее лѣто; въ будущемъ надѣюсь, что вмѣстѣ будемъ ѣздить. Вообще же сей родъ движенія не есть для тебя самый полезный. Тебѣ надобно ходить и танцовать. Я совершенно и лучше всѣхъ Мерцовъ знаю твое сложеніе.

У меня есть для тебя красненькой платочикъ отъ Колокольцова — пришлю его съ будущею почтою.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою

63.

Пенза 22 Апрѣля 1819.

Еще одно письмо изъ Пензы къ любезной моей Елисаветѣ; но это уже послѣднее; чрезъ два или три дня я отсюда отправляюсь. Почта или двѣ пройдетъ безъ писемъ. Первое мое письмо получишь уже ты изъ Казани.

Письма твои отъ 4-го и 11-го Апрѣля сейчасъ получилъ. Да укрѣпитъ тебя Господь, мое любезное дитя, въ преданности Провидѣнію. Сердце мое, неприступное обыкновенному честолюбію, начинаетъ разверзаться къ надеждѣ. Можетъ быть и въ самомъ

(*) Ѳедора Петровича Лубяновскаго, нынѣ сенатора, назначеннаго въ то время Пензенскимъ губернаторомъ.

дѣлѣ я могу еще быть полезенъ для устройства и благонравія Сибири. Сія мысль дѣлаетъ всѣ жертвы сносными, умягчаетъ самую разлуку съ тобою.

Какъ я радъ, что встрѣтился съ мыслію Марьи Карловны о Жоржѣ. Не отвѣчаю ей на письмо, считая, что отвѣтъ сдѣланъ уже прежде вопроса. Грѣшно ей думать, чтобъ я менѣе для него сдѣлалъ, нежели сколько она дѣлаетъ для тебя. Она впрочемъ знаетъ, что любимое мое ремесло всегда было воспитывать и образовать молодыхъ людей и если не всегда я успѣвалъ, — по крайней мѣрѣ намѣренія мои всегда были чисты. Я полагаю впрочемъ, что письмо сіе ни его, ни Цейера въ Петербургѣ уже не застанетъ. Мнѣніе ваше объ университетѣ иностранномъ весьма справедливо. Дѣло другое для Андрея Андреича; онъ можетъ лучше распорядиться въ надзорѣ.

Григорій Даниловичъ и Наталья Алексѣевна отправляются отсюда въ Москву въ половинѣ Мая. Катенька гдѣ будетъ жить лѣтомъ, неизвѣстно. Слѣдовательно переписка твоя съ Пензою прекращается. Да я и не совѣтую продолжать ее. Она не можетъ имѣть цѣли. Знаешь ли, что Вильде отправляется со мною? Онъ неотступно меня проситъ. Правду сказать, половина почти здѣшнихъ чиновниковъ лучшихъ готовы со мною двинуться; но я отклоняю сіе, чтобъ не оставить Лубяновскаго одного между волками. Онъ на сихъ дняхъ сюда будетъ. Василья я беру съ собою. Столовое серебро Сибирскій генералъ-губернаторъ всё почти, исключая двухъ дюжинъ ножей, беретъ также съ собою; остальное вы получите съ дядюшкою. Библіотека, столовое бѣлье придетъ въ вамъ по прежнему назначенію. Прощай, моя милая, до Казани. Христосъ съ тобою.

64.

Казань 13 Мая 1819.

День былъ прекрасный; весь городъ на берегу Суры; я самъ плакалъ, какъ ребенокъ — такъ разстался я съ Пензою и чрезъ двои почти сутки 10-го Мая я въ Казани. Здѣсь нашелъ я Жоржа и Цейера. Ты можешь себѣ представить, любезная моя Елисавета, какъ мы обрадовались. Ручаюсь тебѣ, что Жоржъ меня полюбитъ: ибо я его въ два дни пребыванія моего здѣсь полюбилъ. Съ Цейеромъ они, кажется, друзья; скажи Сонюшкѣ, что тутъ зависти не будетъ. Вильде также имъ понравился. Я не помню, писалъ-ли я, что беру его съ собою чтобъ основать и рѣшить навсегда его участь, пристроивъ его къ званію и чину. Впрочемъ онъ и для Жоржа въ наукахъ можетъ быть полезенъ. Для Латинскаго языка я взялъ нарочно для него изъ Пензы студента, весьма усерднаго и добронравнаго. * Такимъ образомъ всѣ дѣла наши въ порядкѣ. Не отвѣчаю на всѣ письма потому, что задушенъ обѣдами и посѣщеніями. Въ обѣдахъ Цейеръ и Жоржъ со мною неразлучны. Скажи А. А. Жерве, что писать къ нему буду уже изъ Тобольска, если только письмо его застанетъ. Благодари Марью Карловну за прекрасное бѣлье. Надѣюсь что ты деньги отъ Столыпина уже получила. Прежде всего заплати ея долги и потомъ издержки сдѣланныя для Жоржа. Не слушай мрачныхъ изъясненій Столыпина; онъ тутъ ничего не видитъ или видитъ весьма ложно. Будь впрочемъ съ женою его сколь можно ласкова.

Есть вѣроятность, что нынѣшнимъ лѣтомъ ты увидишь въ Петербургѣ Наталью Алексѣевну. Вѣрь мнѣ что послѣ Марьи Карловны никто изъ

* Косьму Григорьевича Рѣпинскаго, нынѣ сенатора.

женщинъ не любитъ тебя болѣе, нежели она; вѣрь сему и веди себя съ нею по сей вѣрѣ. Ты увидишь также можетъ быть жену Александра Алексѣича Стольпина, любезную и умную молодую женщину, безъ притязаній, но съ добрымъ вкусомъ. Прими ее какъ можешь лучше; они привязаны къ намъ и сердцемъ и душею, хоть и пристрастны къ Магницкому; но это еще не преступленіе.

14-го Мая.

Сегодня отправляюсь я въ Тобольскъ. Изъ Петербурга получилъ я здѣсь новыя увѣренія въ милостяхъ Государевыхъ. Время стоитъ прекрасное и я пускаюсь въ путь съ духомъ бодрымъ. Что въ Сибири есть соболи и лисицы, а у меня есть двѣ дочки, * я это помню. Но дочки сіи должны знать, что и соболи и лисицы въ Сибири именно дороже, нежели въ Москвѣ. Слѣдовательно вопросъ только въ деньгахъ; а для нихъ у меня никогда недостатка не будетъ. Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою. Благодари Софью Ивановну за письмо. Чѣмъ рѣже тѣмъ для меня драгоцѣннѣе.

* Подъ другою онъ разумѣлъ Софью Вейкардтъ.

65.

Пермь 18-го Мая 1819.

Изъ Казани отправился я 14-го и ровно въ трои сутки былъ уже здѣсь. Дороги прекрасныя и время благопріятно. Сегодня отсюда пускаюсь въ Тобольскъ, гдѣ надѣюсь быть въ самый Троицынъ день 25-го Мая. Нельзя и для свиданія съ тобою болѣе спѣшить.

Я въ Перми, и ты можешь себѣ представить, любезная Елисавета, всю странность, всю противуположность моихъ впечатлѣній. Это есть мѣсто моихъ страданій, училище терпѣнія, покорности и духовнаго величія.

Здоровье мое не только ничего не терпитъ отъ путешествія, но, кажется, еще укрѣпляется. Мы свыкаемся съ Жоржемъ. Не говоря обо мнѣ, все наше малое общество его любитъ по мѣрѣ того, какъ знакомится съ его искренностію, откровенностію и добрымъ нравомъ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что мы непремѣнно будемъ съ нимъ друзьями.

Ты получишь почты чрезъ двѣ отсюда прекрасный лакированный желѣзный ларчикъ здѣшней Тагильской работы.

Въ хлопотахъ и посѣщеніяхъ болѣе писать не успѣваю. Прощай моя милая. Христосъ съ тобою,

Продолженіе будетъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЗАПИСКА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ ГЕНЕРАЛА Я. И. РОСТОВЦОВА. (*)

Эта предсмертная записка перваго Предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій по крестьянскому дѣлу можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ: „Болѣзнь и кончина генерала Ростовцова“ напечатанной въ февральской книжкѣ Русскаго Вѣстника (1866 г. стр. 723—745) гдѣ между прочимъ разсказано: „Въ это время особенную его заботу составляла записка, въ которой онъ желалъ представить Государю о всѣхъ заключеніяхъ, постановленныхъ тогда коммиссіями по крестьянскому дѣлу и передать Ему письменно свои завѣтныя мысли.“ Оставленная имъ безъ подписи (такъ какъ онъ уже не былъ въ силахъ владѣть рукою свободно, но удостовѣренная въ подлинности его сыномъ графомъ Михаиломъ Яковлевичемъ и скрѣпленая завѣдывавшимъ дѣлами Редакціонныхъ Коммисій) она была представлена въ такомъ видѣ, въ самый день кончины Якова Ивановича Ростовцова, Государю Императору, Который, принимая ее, изволилъ сказать между прочимъ: „Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ бы *завѣщаніе*, которое должно быть для насъ священно.„

Тогда же эта записка, съ Высочайшаго соизволенія, была напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для членовъ Императорской Фамиліи, государственнаго совѣта, главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, а также и для немногихъ другихъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ.

Въ напечатаныхъ экземплярахъ дано ей такое заглавіе: „Всеподданнѣйшая записка Предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій генерала Ростовцова, представленная Его Императорскому Величеству 6 февраля 1860 года.“

Стараясь давать полную свободу сужденіямъ и возраженіямъ въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ и покоряясь до нѣкоторой степени опредѣленіямъ большинства, покойный Предсѣдатель ихъ обыкновенно говорилъ: „Мое будетъ послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ“ или „мое слово впереди.“ [1]) Изъ приведенныхъ словъ Государя Императора и обстоятельствъ, сопровождавшихъ составленіе записки, видно, что она была какъ бы голосомъ изъ-за гроба, послѣднимъ словомъ Ростовцова по крестьянскому дѣлу.

Въ этомъ документѣ изложена сущность соображеній и тѣхъ заключеній, къ которымъ пришли Редакціонныя Коммисіи *въ первомъ и второмъ періодѣ* ихъ занятій, съ изъясненіемъ по нѣкоторымъ предметамъ собственнаго взгляда покойнаго ихъ Предсѣдателя и съ присовокупленіемъ его указаній на то, что̀ по его мнѣнію особенно подлежало еще пересмотру и новому обсужденію.

Сочувствіе къ этимъ трудамъ, выраженное графомъ В. Н. Панинымъ [2]) въ слѣдствіе прочтенія предлагаемой здѣсь записки, было однимъ изъ поводовъ къ назначенію его въ преемники Я. И. Ростовцову, подъ условіемъ не отступать отъ главныхъ основаній, въ ней указанныхъ и съ обязанностію удержать весь личный составъ Коммисій до окончанія порученнаго имъ дѣла. Вотъ почему, послѣ закрытія графомъ Панинымъ Редакціонныхъ Коммисій и окончательнаго впослѣдствіи обнародованія Положеній 19 февраля, въ рескриптѣ,

---

(*) Считаемъ долгомъ выразить за сообщеніе этого важнаго документа глубокую признательность Николаю Петровичу Семенову, испросившему разрѣшеніе для напечатанія онаго. *П. Б.*

[1]) См. Дѣятельность Як. Ив. Ростовцова въ редакц. комм. по крестьянскому дѣлу. Русскій Вѣстникъ за 1864 г. Декабрь № 12, стр. 484.

[2]) Онъ былъ членомъ *особой коммисіи изъ четырехъ*, учрежденной при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу 15 Іюля 1858 года. См. «Дѣятельность Я. И. Ростовцова въ редакц. коммис. по крестьянскому дѣлу» Русскій Вѣстникъ за 1864-й годъ Октябрь № 10 стр. 462 и 466.

данномъ на его имя 17-го Апрѣля 1861-го года, Государь Императоръ изволилъ выразиться о дѣятельности перваго ихъ Предсѣдателя такимъ образомъ: „Приступивъ къ исполненію даннаго ему по особой Моей къ нему довѣренности порученія, онъ съ обыкновеннымъ пламеннымъ къ службѣ усердіемъ, далъ первоначальное направленіе работамъ Коммисій и *подъ его предсѣдательствомъ имъ разсмотрѣны всѣ важнѣйшіе въ дѣлѣ вопросы.*"

Изо всего вышесказаннаго видно, какое важное, документальное значеніе имѣетъ нижеслѣдующая записка.

Николай Семеновъ.

5 Января
1868-го года. Спб.

„Вашему Императорскому Величеству угодно было знать, въ какомъ положеніи будетъ находиться крестьянскій вопросъ при окончаніи втораго періода занятій Коммисій, т. е. при съѣздѣ въ С. Петербургъ членовъ втораго приглашенія, избранныхъ губернскими Комитетами.

„Имѣю счастіе всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству о томъ: на сколько и какимъ образомъ Редакціонныя Коммисіи разрѣшили въ настоящее время возложенную на нихъ задачу.

„Согласно съ Высочайшею Вашею волею, выраженною въ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря пунктѣ 1-мъ, — при обнародованіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ, будутъ имъ предоставлены немедленно права свободныхъ сельскихъ сословій, какъ личныя, такъ и по имуществу.

„Самое же Положеніе, начертаніе проекта котораго возложено на Редакціонныя Коммиссіи, имѣетъ цѣлію опредѣлить:

ТРИ ГЛАВНЫЯ ЗАДАЧИ РАЗРѢШЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА.

„1) Отношенія крестьянъ, уже свободныхъ, къ землѣ чужой, обезпечивавшей ихъ бытъ и состоявшей въ ихъ пользованіи, а также къ собственникамъ этой земли, т. е. помѣщикамъ.

„2) Правила выкупа всей или части этой земли крестьянами въ собственность, при содѣйствіи или безъ содѣйствія правительства, и

„3) Правила внутренняго управленія волостей или обществъ, изъ которыхъ будетъ состоять свободное сельское сословіе.

„Три задачи эти составляютъ всю сущность крестьянскаго вопроса, потому что если бы правительство имѣло въ виду дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ только *личныхъ правъ*, безъ обезпеченія ихъ быта, то собственно и вопроса не существовало бы.

„Разрѣшеніе первой изъ упомянутыхъ задачъ необходимо потому, что дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ свободы дѣлаетъ невозможнымъ прежній произволъ въ поземельныхъ ихъ отношеніяхъ, основанный на полномъ подчиненіи однаго класса другому. Установить же эти новыя поземельныя отношенія двухъ классовъ необходимо потому, что Ваше Императорское Величество (ни нынѣ, ни черезъ 12 лѣтъ, какъ предполагали нѣкоторые губернскіе Комитеты) не рѣшитесь: ни лишить крестьянъ вѣковаго пользованія землею, которая ихъ питаетъ, ни отнять право вѣковой собственности на нее у помѣщиковъ, которымъ она принадлежитъ.

БЕЗСРОЧНОЕ ПОЛЬЗОВАНІЕ.—СРОЧНО-ОБЯЗАННЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

„А потому нѣтъ возможности не предоставить крестьянамъ, согласно съ духомъ высочайшихъ рескриптовъ, земли въ *безсрочное пользованіе* за опредѣленныя Положеніемъ повинности помѣщикамъ, какъ настоящимъ собственникамъ этой земли. Отправленіе такихъ повинностей свободными уже людьми, ограничивая отчасти права ихъ, представляетъ собою тѣ *обязательныя* отношенія, которыя правительство, не желая *длить вѣчно,* назвало въ высочайше утвержден-

ной программѣ *срочно-обязанными*. Сообразно съ цѣлію своего установленія (т. е. обезпеченіемъ крестьянскаго быта), срочно-обязанныя отношенія эти могутъ прекращаться или пріобрѣтеніемъ крестьянами земель въ собственность, или выходомъ ихъ въ другія, неземледѣльческія сословія.

Выкупъ.

„Но такъ какъ большая часть освобождаемыхъ крестьянъ, по самому характеру нашего отечества, всегда останется земледѣльческимъ классомъ, то пріобрѣтеніе крестьянами поземельной собственности есть (какъ уже было рѣшено журналомъ Главнаго Комитета 4-го декабря пунктомъ 7-мъ) преимущественный исходъ изъ *обязательныхъ* ихъ отношеній; а потому разрѣшеніе второй задачи, т. е. установленіе правилъ выкупа крестьянами поземельныхъ надѣловъ или части ихъ, необходимо должно войти въ составъ крестьянскаго Положенія.

Общественное управленіе.

„Наконецъ, такъ какъ свободное сельское сословіе, по самому существу даруемыхъ ему правъ, не можетъ быть подчинено никакому другому сословію, а можетъ зависѣть только отъ общихъ государственныхъ и административныхъ властей, то разрѣшеніе третьей задачи, т. е. опредѣленіе правилъ внутренняго управленія новаго свободнаго сельскаго сословія, есть также необходимая часть Положенія. Это самоуправленіе есть ни что иное, какъ распространеніе на крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, правъ другихъ свободныхъ сословій, изъ которыхъ каждому (а именно дворянскому, городскому и даже сословію государственныхъ крестьянъ), по существующимъ законамъ, предоставлено самостоятельное распоряженіе своими внутренними, сословными и хозяйственными дѣлами на столько, на сколько дѣла эти не подлежатъ вѣдомству общихъ государственныхъ и административныхъ властей.

*

„Коммисіи, окончивъ вторымъ періодомъ своихъ занятій разрѣшеніе трехъ возложенныхъ на нихъ задачъ, придутъ, какъ я полагаю, къ заключеніямъ, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Неизбѣжность срочно-обязаннаго періода.

„Сознавая вообще всѣ неудобства обязательныхъ отношеній, не совмѣстныхъ съ предоставленіемъ истинной свободы сельскому сословію, Коммисіи тѣмъ не менѣе, по необходимости, встрѣтили эти обязательныя отношенія на своемъ пути и не могли ихъ избѣгнуть, ибо: 1) съ одной стороны отнятіе у крестьянъ пользованія землями, обезпечивающими ихъ существованіе, а съ другой принужденіе помѣщиковъ отчуждать принадлежащія имъ земли въ собственность крестьянамъ, не въ видахъ такаго правительства, какъ правительство Вашего Величества; 2) обязательный, одновременный и немедленный выкупъ крестьянскихъ земель не только былъ бы вреднымъ надъ дворянствомъ насиліемъ въ то время, когда оно само постепенно приходитъ къ сознанію выгодъ, истекающихъ для него изъ выкупа; но онъ еще, сверхъ того, и совершенно невозможенъ для правительства въ настоящее время, при принятыхъ нынѣ громадныхъ финансовыхъ реформахъ. Лишь съ постепеннымъ завершеніемъ послѣднихъ можетъ быть о немъ рѣчь.

„Такимъ образомъ, Коммисіи поставлены были въ необходимость принять срочно-обязанный періодъ, какъ неизмѣнную данную, которую я, уже при самомъ началѣ дѣла, имѣлъ счастіе заявлять Вашему Императорскому Величеству, и въ слѣдствіе этого онѣ должны были опредѣлить условія, на коихъ крестьяне свободные будутъ пользоваться землею, составляющею собственность помѣщиковъ.

ОСТАВЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНАМЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ НАДѢЛОВЪ НА ВРЕМЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ.

„Такъ какъ Коммисіямъ, прежде всего, предстояло опредѣлить количество земли, надѣляемой крестьянамъ *въ пользованіе,* то вмѣсто того, чтобы отыскивать какія нибудь искусственныя, произвольныя цифры, Коммисіи сочли обязанностью удержать, за крестьянами по возможности то количество земель, какимъ они нынѣ пользуются за повинности. При этомъ Коммисіи убѣждены, что удержаніе за крестьянами этого количества земли, лучше всякихъ искусственныхъ нормъ, разрѣшаетъ вопросъ, истекающій изъ Высочайшихъ рескриптовъ, а именно, сколько нужно земли *для обезпеченія быта крестьянъ и исправнаго отправленія ихъ повинностей.* Съ другой стороны, Коммисіи глубоко убѣждены, что отрѣзка у крестьянъ значительной части земель, пользованіе которыми сдѣлалось потребностью ихъ существованія, была бы неисполнима при объявленіи Положенія объ ихъ освобожденіи и улучшеніи быта, потому что произвела бы сильное впечатлѣніе на цѣлый земледѣльческій классъ.

„Но такъ какъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, крестьяне, по щедрости или беззаботности помѣщиковъ, надѣлены такимъ избыткомъ земли, что даже не могутъ извлечь изъ него истинной пользы: то Коммисіи дозволили себѣ, въ огражденіе выгодъ помѣщиковъ, отступить отъ основнаго начала и предположить отрѣзку такого излишка земель отъ крестьянъ и присоединеніе ихъ къ землямъ, остающимся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика. Разумѣется, случаи такихъ отрѣзокъ крестьянскихъ земель должны сохранить характеръ исключеній, а не общаго правила. А потому Коммисіи предположили, для каждой мѣстности, количество земли, свыше котораго излишнія земли отбираются помѣщиками у крестьянъ.

MAXIMUM НАДѢЛА.

„Цифры эти названы *наибольшими надѣлами* и были опредѣлены только предварительно въ видѣ опыта въ первомъ періодѣ занятій Коммисій. Неутвержденныя общимъ присутствіемъ, — онѣ были представлены на обсужденіе и повѣрку г. г. членовъ губернскихъ Комитетовъ.

„Въ замѣчаніяхъ своихъ на труды Коммисій и въ отвѣтахъ на предложенные вопросы, г. г. члены отъ губернскихъ Комитетовъ дѣйствительно представили намъ болѣе или менѣе подробныя соображенія о предполагаемыхъ ими надѣлахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Нѣкоторыя изъ сихъ соображеній послужили Редакціоннымъ Коммисіямъ матеріаломъ для исправленія предположенныхъ ими цифръ, или для точнѣйшаго раздѣленія губерній на однородныя, по своему характеру, мѣстности.

ПОВѢРКА УСТАНОВЛЕННЫХЪ ЦИФРЪ ДЛЯ MAXIMUM.

„Независимо отъ сихъ вспомогательныхъ средствъ, во второмъ періодѣ, я возложилъ повѣрку цифръ *наибольшихъ надѣловъ,* по всѣмъ уѣздамъ Россіи, на членовъ самихъ Коммисій. Матеріалами для этихъ повѣрокъ служатъ подробныя извлеченія изъ подлинныхъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, доставленныхъ губернскими Комитетами по требованію Высочайше утвержденной программы. Извлеченія эти составлены при Редакціонныхъ Коммисіяхъ и представляютъ обширныя таблицы. Количество земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, въ этихъ свѣдѣніяхъ преувеличено быть не можетъ, потому что они составлены по каждому имѣнію самими помѣщиками. Вездѣ, гдѣ только оказывается малѣйшая возможность понизить цифры наибольшихъ надѣловъ противъ предварительныхъ предположеній, безъ огромныхъ отрѣзокъ земель у крестьянъ, такое пониженіе будетъ сдѣлано въ огражденіе интересовъ помѣщиковъ.

„Впрочемъ, изъ внимательнаго разсмотрѣнія предположеній Коммисій легко убѣдиться, что цифры высшихъ надѣловъ, не составляя общей нормы, по которой всѣ помѣщики были бы обяза-

ны надѣлить своихъ крестьянъ, служатъ напротивъ къ установленію тѣхъ условій, при которыхъ допускается, въ огражденіе интересовъ помѣщика, отрѣзка излишнихъ земель отъ крестьянскихъ надѣловъ; за тѣмъ, какова бы ни была цифра *наибольшаго надѣла*, помѣщикъ не прирѣзываетъ *ни одной сажени* изъ своихъ земель къ тѣмъ, которыя состоятъ уже нынѣ въ пользованіи крестьянъ.

MINIMUM НАДѢЛА.

„Единственное отсюда исключеніе представляетъ тотъ случай, когда у крестьянъ находится земли менѣе установленнаго Коммисіями *наименьшаго надѣла*. Но этотъ послѣдній такъ низокъ [3]), что по упомянутымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ губернскими комитетами, изъ 100 помѣщиковъ едва ли одному придется (слѣдуя предположеніямъ Коммисій) прирѣзать что нибудь къ нынѣшнимъ крестьянскимъ землямъ [4]).

ОТРѢЗКА ВЪ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЛАДѢНІЕ ПОМѢЩИКОВЪ ПОЛНОЙ ТРЕТИ ЗЕМЛИ ВЪ МАЛОЗЕМЕЛЬНЫХЪ ИМѢНІЯХЪ.

Кромѣ отрѣзки у крестьянъ земель (свыше предположенныхъ Коммисіями наибольшихъ надѣловъ) допускается отрѣзка еще и въ другомъ случаѣ, а именно когда вся или почти вся помѣщичья земля находится въ пользованіи крестьянъ, — случай, нерѣдко встрѣчающійся въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ такомъ случаѣ помѣщикамъ предоставлено, согласно мнѣнію значительнаго большинства губернскихъ Комитетовъ, отрѣзать у крестьянъ столько земли, чтобы у помѣщика осталась полная треть всей земли, состоящей при таковомъ имѣніи. Это охранительное, въ пользу помѣщиковъ, правило подало поводъ къ недоумѣнію, будто у помѣщиковъ отбирается $^2/_3$ ихъ земель, тогда какъ, напротивъ, по изложеннымъ правиламъ, къ собственно-помѣщичьимъ землямъ очень много земель прирѣзывается.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ РАЗГРАНИЧЕНІЕ И РАЗМЕЖЕВАНІЕ УГОДІЙ.

„Такъ какъ интересы помѣщиковъ настоятельно требуютъ скорѣйшаго разграниченія и размежеванія земель (остающихся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщиковъ) отъ поступающихъ въ надѣлъ крестьянамъ, то Коммисіи, опредѣливъ 6-ти лѣтній срокъ для такаго развода и разграниченія земель, предоставили помѣщику отводить крестьянамъ и обмѣнивать земли по своему усмотрѣнію, ограждая крестьянъ только соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, существующихъ относительно такихъ обмѣновъ въ межевыхъ постановленіяхъ. Такимъ образомъ, за крестьянами удерживаются не всегда тѣ именно земли, которыми они доселѣ пользовались, но только преимущественно тоже количество земли.

УМЕНЬШЕНІЕ КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛОВЪ ПРИ ВЫКУПѢ.

„Сверхъ того, и самое это количество земли удерживается неизмѣнно только на время пользованія; при выкупѣ же, т. е. при пріобрѣтеніи крестьянами земель въ собственность, допускается уменьшеніе этого количества по правиламъ, которыя для сего будутъ опредѣлены Коммисіями. Такое уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ послужитъ еще къ бо́льшему увеличенію количества земель, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи дворянскаго сословія, и облегчитъ самую операцію выкупа.

---

[3]) Въ черноземной половинѣ Россіи minimum составляетъ отъ 1. десятины до $1^1/_2$, а въ нечерноземной отъ $1\ ^1/_6$ до 3.

[4]) Такъ напримѣръ, по принятымъ въ первомъ періодѣ работъ Коммисій наибольшимъ цифрамъ надѣловъ, по Рязанской губерніи, изъ 730 состоящихъ въ ней по свѣдѣніямъ имѣній свыше 100 душъ, отрѣзки придется дѣлать въ 188 имѣніяхъ, въ 535 — надѣлы останутся тѣже, и только въ 7-ми, помѣщикамъ придется прирѣзать крестьянамъ совершенно ничтожное количество земли. Во второмъ же періодѣ работъ Коммисій, цифры *наибольшихъ* надѣловъ понижаются еще болѣе.

Облегченіе крестьянскихъ повинностей.

„За пользованіе помѣщичьими землями на крестьянъ налагаются повинности, въ основаніе которыхъ приняты нынѣшніе крестьянскіе оброки. Сіи послѣдніе нѣсколько облегчены, не только для улучшенія крестьянскаго быта, но еще, главнымъ образомъ, въ видахъ строгой справедливости, такъ какъ съ помѣщиковъ, при обнародованіи Положенія, слагаются всѣ обязанности, сопряженныя съ крѣпостнымъ правомъ.

Обязанности, слагаемыя съ помѣщиковъ.

„Къ такимъ обязанностямъ относилось прокормленіе и обсѣваніе крестьянъ во время голода, обзаведеніе ихъ рабочимъ скотомъ послѣ падежей, призрѣніе стариковъ, дѣтей и увѣчныхъ, надѣленіе землею прибылыхъ (вслѣдствіе увеличенія народонаселенія) снабженіе крестьянъ строевымъ матеріаломъ и т. д. Сверхъ того, важное учрежденіе круговой поруки, налагаемой на крестьянъ новымъ Положеніемъ, послужитъ къ лучшему обезпеченію помѣщикамъ слѣдующихъ имъ съ крестьянъ повинностей. Справедливость требуетъ, чтобы повинности эти были при этомъ нѣсколько облегчены, дабы крестьяне получили дѣйствительное улучшеніе ихъ быта. Подобное облегченіе крестьянскихъ повинностей (при устраненіи обязанностей, налагаемыхъ на помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ) происходило во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости было раціональною правительственною реформою.

Снабженіе крестьянъ топливомъ.

„Изъ всѣхъ обязанностей, которыя налагались крѣпостнымъ правомъ на помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ, только снабженіе сихъ послѣднихъ топливомъ удержано Положеніемъ Коммисій на 9 лѣтъ, и то впрочемъ за опредѣленныя повинности, и притомъ не болѣе, какъ въ одной трети Россіи, а именно въ нечерноземномъ и притомъ лѣсистомъ пространствѣ, за исключеніемъ всѣхъ густо заселенныхъ его мѣстностей. Такое снабженіе крестьянъ топливомъ (т. е. сучьями и валежникомъ или дровами низшаго качества) вмѣнено въ обязанность только въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне и доселѣ постоянно имъ пользовались, потому что, покуда не установились еще свободныя экономическія отношенія, лишеніе крестьянъ топлива въ лѣсистыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ было бы имъ стольже чувствительно, какъ лишеніе насущнаго хлѣба [5]).

Опредѣленіе повинности въ оброчныхъ (нечерноземныхъ) мѣстностяхъ.

„Во всей сѣверной и сѣверо-западной половинѣ Россіи крестьяне платятъ нынѣ оброки, далеко превышающіе цѣнность тѣхъ земель, которыми они пользуются, такъ что, поддерживая свое существованіе не поземельными доходами, а промыслами и работами внѣ своихъ деревень, они платятъ помѣщикамъ подать собственно не съ земли, имъ предоставляемой, а съ своей личности. Строгая справедливость требовала бы, чтобы, съ освобожденіемъ крестьянской личности, и налогъ на нее былъ упраздненъ.

„Но такъ какъ подобная мѣра могла бы разорить дворянство нѣкоторыхъ губерній лишеніемъ бо́льшей половины ихъ доходовъ, то Коммисіи нашли необходимымъ удержать для сихъ мѣстностей нынѣшніе оброки, облегчая оные слѣдующимъ образомъ, въ замѣнъ утрачиваемаго теперь крестьянами права на помощь помѣщика въ чрезвычайныхъ случаяхъ. По цѣлому уѣзду или мѣстности выводятся средніе оброки и прилагаются къ наибольшему надѣлу, предположенному Положеніемъ для той мѣстности. Такимъ образомъ облегченіе оброковъ произойдетъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ оброки были

[5]) Въ нѣкоторыхъ Прусскихъ провинціяхъ, гдѣ освобожденіе крестьянъ произошло уже полвѣка тому назадъ, обязанность снабжать крестьянъ топливомъ снята съ помѣщиковъ только въ настоящее время.

выше среднихъ, а также въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, гдѣ надѣлы менѣе наибольшихъ. Но такъ какъ, и затѣмъ еще, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, нынѣшніе оброки окажутся ниже назначаемыхъ Положеніемъ: то Коммисіи нашли необходимымъ не возвышать этихъ оброковъ, потому что иначе, во всѣхъ такихъ оброчныхъ имѣніяхъ, бытъ крестьянъ былъ бы ухудшенъ.

Вопросъ о неизмѣнности повинности.

„Желая уравновѣсить выгоды крестьянъ съ выгодами помѣщиковъ, за которыми, какъ изъяснено выше, въ настоящее время остается тотъ излишекъ оброковъ, который падаетъ на крестьянскую личность, Коммисіи, въ первомъ періодѣ своихъ занятій, полагали, что разъ опредѣленные Положеніемъ оброки должны остаться навсегда неизмѣнными. При такой только неизмѣнности денежной повинности, возрастающая цѣнность земли можетъ наконецъ сравнять поземельные доходы крестьянина съ превышающими ихъ нынѣ оброками. Другой поводъ установленія неизмѣнности оброка состоялъ въ томъ, что всеобщая одновременная переоцѣнка или возвышеніе крестьянскихъ оброковъ, во всей Россіи, по истеченіи извѣстнаго періода, т. е. 10-ти или 12-ти лѣтъ, есть мѣра чрезвычайно трудно исполнимая для правительства. Но такъ какъ неизмѣнность повинности возбудила со стороны членовъ отъ Губернскихъ Комитетовъ сильныя возраженія не лишенныя справедливости съ точки зрѣнія интересовъ помѣщиковъ, то Коммисіи, во второмъ періодѣ своихъ работъ, рѣшатся, можетъ быть, допустить переоцѣнку повинности, назначая ей тотъ же 20-ти лѣтній срокъ, который принятъ для переоцѣнки повинностей въ Царствѣ Польскомъ, и представляя вмѣстѣ съ тѣмъ на благоусмотрѣніе правительства, что такая, хотя и справедливая уступка интересамъ дворянскаго сословія можетъ имѣть въ свое время весьма вредныя послѣдствія.

Соразмѣреніе оброковъ съ поземельнымъ надѣломъ.

„Такъ какъ количество земли, состоящее нынѣ у крестьянъ въ пользованіи, въ различныхъ имѣніяхъ различно, то крестьянскіе оброки должны быть соразмѣрены съ этимъ количествомъ земли.

„При этомъ нельзя однако же принять за правило, чтобы крестьянскіе оброки находились въ простой пропорціональности съ числомъ десятинъ надѣла. При такомъ правилѣ, если напримѣръ въ одномъ имѣніи крестьяне надѣлены по 4 дес. земли на душу и повинность за это назначена 10 руб., то въ сосѣднемъ имѣніи, гдѣ крестьяне надѣлены только по 2 десятины, пришлось бы оброка 5 руб. Коммисіи нашли, что такой разчетъ былъ бы невыгоденъ для всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне надѣлены землею менѣе наибольшаго надѣла (въ приведенномъ примѣрѣ менѣе 4 дес.) Невыгода эта происходитъ отъ того, что изъ 4-хъ десятинъ двѣ своимъ качествомъ лучше остальныхъ, потому что заключаютъ въ себѣ усадьбы и навозныя пашни, а остальныя двѣ хуже и дешевле. Между тѣмъ въ имѣніи, гдѣ крестьяне пользуются 2 десятинами на душу, обѣ десятины принадлежатъ къ этому высшему разряду, какъ близкія къ усадьбамъ и хорошо удобренныя.

„А потому Коммисіи распредѣляютъ 10-ти рублевый оброкъ примѣрно такъ, что на 1-ю десятину падаетъ 4 руб. оброка, на 2-ю 3 руб., на 3-ю и 4-ю по 1. руб. 50 коп. Такимъ образомъ, если помѣщикъ, у котораго крестьяне пользуются 4 дес., получаетъ 10 руб. оброка, то помѣщикъ, у котораго они пользуются 2 десятинами, получитъ не 5 руб., а 7 руб. Эта система, принятая единственно для обезпеченія интересовъ большинства дворянскаго сословія, названа *градаціею* (постепенностію) повинности.

Размѣръ натуральной повинности.

„Въ другой, т. е. южной и юговосточной (черноземной) половинѣ Россіи,

оброки почти совершенно не существуютъ, или являются рѣдкимъ исключеніемъ, а крестьяне отбываютъ свои повинности работою или барщиною, которая, по существующимъ законамъ, не должна превышать 3-хъ дней въ недѣлю, что̀, за исключеніемъ праздниковъ, составляетъ нѣсколько болѣе 140 (конныхъ и пѣшихъ) дней съ тягла въ году.

Степень ея облегченія.

Коммисіи, взамѣнъ слагаемыхъ съ помѣщика крѣпостныхъ обязанностей и въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, уменьшили эту повинность до 100 конныхъ дней; но за то, имѣя въ виду, что барщина особенно важна для помѣщиковъ во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, распредѣлили это число дней такъ, что на лѣто падаетъ 60 и на зиму 40 дней. Такимъ образомъ, лѣтняя барщина уменьшена только на 10 дней, а въ сущности даже и еще менѣе, потому что общество отвѣчаетъ за это число дней круговою порукою, при которой помѣщику нѣтъ дѣла до больныхъ работниковъ и не существуетъ прогульныхъ дней.

„Облегчены значительно только менѣе важныя для помѣщика зимняя барщина и нѣкоторыя добавочныя повинности.

Подводная повинность.

„Подводная повинность ограничена, но допущена однако же въ размѣрахъ, превышающихъ размѣры, допускаемые инвентарными правилами для Западныхъ губерній.

Власть помѣщика на время существованія барщины.

„На время отправленія обязательныхъ работъ, Коммисіи находятъ необходимымъ удержать вліяніе и даже право помѣщиковъ налагать, чрезъ полицейскія власти, взысканія на ослушныхъ крестьянъ, ограждая послѣднихъ правомъ жалобы на случай несправедливыхъ съ нихъ взысканій.

Право перехода крестьянъ съ барщины на оброкъ.

„Сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что обязательный трудъ совершенно несовмѣстенъ съ даруемою крестьянамъ личною свободою, Коммисіи предоставляютъ крестьянамъ право выходить на оброкъ, независимо отъ воли помѣщика, черезъ два года по обнародованіи Положенія.

Опредѣленіе размѣра оброковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они не существуютъ.

(Въ черноземной половинѣ Россіи).

„Но какъ въ черноземной половинѣ Россіи оброковъ не существовало, или они являлись тамъ рѣдкими исключеніями, то Коммисіямъ предстояло установить размѣръ оброка для сихъ мѣстностей. Самый правильный способъ установленія оброковъ была бы мѣстная поземельная оцѣнка, или *кадастръ* земель, отдаваемыхъ въ пользованіе крестьянамъ. Но кадастръ, на который нынѣ въ Россіи не существуетъ даже и достаточныхъ средствъ, продлился бы десятки лѣтъ, а между тѣмъ людямъ свободнымъ нѣтъ возможности отказать въ правѣ выхода, въ скоромъ времени, съ несовмѣстимой съ этою свободою барщины на денежную повинность. Потому Коммисіи были вынуждены опредѣлить цифры оброковъ другимъ, болѣе доступнымъ для нихъ способомъ. Исходя изъ той точки зрѣнія, что крестьянскій оброкъ долженъ быть таковъ, чтобы крестьяне имѣли физическую возможность уплачивать его въ настоящее время, и соображая средства крестьянъ и рѣдкіе примѣры существующаго въ черноземной половинѣ Россіи оброка, Коммисіи, въ первомъ періодѣ своихъ работъ опредѣлили 8 руб. сер. оброка съ души, при наибольшемъ надѣлѣ, а во второмъ періодѣ вѣроятно повысятъ эту цифру до крайняго, по убѣжденію Коммисій, предѣла возможности крестьянъ въ земледѣльческой половинѣ Россіи, а именно до 9-ти руб.

СОРАЗМѢРЕНІЕ ОБРОКА СЪ ЦѢННОСТЬЮ ЗЕМЛИ.

„Такъ какъ этотъ оброкъ соотвѣтствуетъ наибольшему душевому надѣлу и такъ какъ цѣнность земель въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи различна, то оброкъ приводится въ соотвѣтствіе съ цѣнностію земель тѣмъ, что цифры наибольшихъ надѣловъ приняты для различныхъ уѣздовъ различныя. Такимъ образомъ, крестьяне въ южной части Тульской губерніи будутъ платить 9 руб. за 2 $^3/_4$ десят., въ южной части Тамбовской губерніи за 3 $^1/_4$, въ части Воронежской за 4. Такъ какъ выкупъ земли есть, по предположенію Коммисій, капитализація повинности изъ 6 %, то въ первомъ случаѣ земля оцѣнена въ 55 руб. за десятину, во второмъ около 43, въ третьемъ 37 руб. 50 коп. Цѣны эти соображены такъ, что во всѣхъ мѣстностяхъ онѣ даже превосходятъ обыкновенныя продажныя цѣны земель. Слѣдовательно, потери помѣщиковъ, при замѣнѣ барщины оброкомъ, произойдутъ только въ такомъ случаѣ, если получаемаго съ крестьянъ оброка будетъ недостаточно для уплаты вольнымъ работникамъ за обработку того же количества господскихъ полей, какое нынѣ обрабатывается. Слѣдовательно, отъ цѣнъ на вольный трудъ будетъ зависѣть, потеряютъ ли что нибудь помѣщики или нѣтъ.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ УСТРАНЕНІЯ ВРЕМЕННЫХЪ ПОТЕРЬ ПОМѢЩИКОВЪ ПРИ ПЕРЕХОДѢ КРЕСТЬЯНЪ СЪ БАРЩИНЫ НА ОБРОКЪ.

„Предсказать эти цѣны, конечно, не могутъ ни Коммисіи, оцѣнившія нынѣ земли, отдаваемыя въ пользованіе крестьянамъ, выше дѣйствительтельной ихъ стоимости, ни мѣстное дворянство. Во всякомъ случаѣ, повышеніе оброковъ до предѣловъ, для крестьянъ нынѣ недоступныхъ, не можетъ устранить этихъ опасеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятно, что подобныя потери, еслибъ онѣ и произошли, будутъ только временными, потому что возвышеніе цѣнъ на остающіяся у помѣщиковъ земли, съ освобожденіемъ труда и дарованіемъ крестьянамъ права пріобрѣтать поземельную собственность, быстро вознаградитъ потери дворянскаго сословія. Единственнымъ способомъ совершеннаго устраненія подобныхъ временныхъ потерь могло бы быть только скудное надѣленіе крестьянъ землею, то есть, отнятіе у нихъ тѣхъ земель которыми они всегда пользовались и которыя обезпечивали ихъ существованіе; но это очевидно обратило бы ихъ въ батраковъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Коммисіи не могли и думать о подобномъ разрѣшеніи вопроса, считая, что такое принесеніе одного сословія въ жертву временнымъ интересамъ другаго не соотвѣтствовало бы желанію самаго дворянства улучшить бытъ своихъ крестьянъ.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ИСПРАВНАГО ОТПРАВЛЕНІЯ ПОВИННОСТЕЙ ПОМѢЩИКУ.

„Обезпечить исправную уплату крестьянами повинностей помѣщику Коммисіи старались всѣми зависящими отъ нихъ средствами и много разъ пересматривали этотъ вопросъ, придумывая все, что только можетъ обезпечить помѣщиковъ, и ограждая лишь крестьянъ отъ слишкомъ легкаго отобранія предоставленныхъ имъ земель [6]).

КРУГОВАЯ ПОРУКА.

„Сознавая многія неудобства *круговой поруки*, которая ставитъ личность крестьянъ въ слишкомъ большую зависимость отъ міра, Коммисіи приняли ее какъ неизбѣжное зло, такъ какъ, при существующемъ нынѣ общинномъ владѣніи землею, они составляетъ главный способъ обезпеченія повинности; уничтожить же искусственно общинное владѣ-

[6]) Законы, ограждающіе такъ называемые черныя или крестьянскія земли (Bauerland), т е. состоящія въ крестьянскомъ пользованіи, отъ присоединенія къ собственнымъ помѣщичьимъ, въ Пруссіи и Остзейскихъ губерніяхъ несравненно строже, чѣмъ въ Положеніи Коммисій.

ніе землею, съ которымъ крестьяне такъ сроднились, было бы мѣрою насильственною. При круговой порукѣ Коммисіи установили цѣлый рядъ мѣръ взысканія недоимокъ какъ сельскаго общества съ крестьянина, такъ и помѣщика съ сельскаго общества. Послѣднею и самою дѣйствительною мѣрою, принимаемою по исполненіи всѣхъ другихъ, Коммисіи постановили отобраніе у крестьянъ, въ извѣстной мѣрѣ и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, земельныхъ ихъ участковъ.

ПРАВО ПОМѢЩИКОВЪ ПЕРЕДАВАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВУ БЫВШИХЪ КРЕСТЬЯНЪ СВОИХЪ СЪ ПОЗЕМЕЛЬНЫМЪ НАДѢЛОМЪ ЗА ВЫКУПЪ.

„Наконецъ, владѣльцы ограждены еще и тѣмъ, что однимъ изъ предположеній своихъ Коммисіи полагали предоставить имъ право передавать правительству срочно-обязанныхъ крестьянъ съ находящимися въ пользованіи послѣднихъ землями, за выкупъ, соотвѣтствующій капитализаціи изъ 6% получаемаго помѣщиками оброка.

„Вопросъ объ усадьбахъ подчиненъ Коммисіями общему вопросу о надѣленіи крестьянъ землею за повинности.

ОЦѢНКА УСАДЬБЪ.

„Оцѣнки усадьбъ, сдѣланныя нѣкоторыми губернскими комитетами въ предположеніи отдѣльнаго ихъ выкупа, такъ высоки, что дѣлаютъ пріобрѣтеніе усадьбъ рѣшительно для крестьянъ недоступнымъ. Единственнымъ средствомъ къ разрѣшенію этого затрудненія Коммисія считаютъ соединить выкупъ усадьбъ съ выкупомъ полевой земли вездѣ, гдѣ, помѣщики того пожелаютъ.

„Дѣйствительно, задача отдѣльной оцѣнки усадьбъ есть вопросъ трудно разрѣшимый, потому что, при крѣпостныхъ отношеніяхъ, за пользованіе усадьбами никогда особой платы не полагалось, усадьбы не продавались отдѣльно, а разцѣнку строеній Коммисіи не допускаютъ, такъ какъ эти строенія большею частію были выстроены самими крестьянами.

„Имѣя однакоже въ виду обязательную по Высочайшему рескрипту продажу усадьбъ, могущую произойти и отдѣльно отъ полевой земли въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ помѣщики на продажу этой земли не согласятся, Коммисіи, не видя возможности ни сдѣлать отсюда какую бы то ни было раціональную оцѣнку усадьбъ, ни утвердить цыфры предлагаемы Губернскими Комитетами, предоставляютъ рѣшеніе этой задачи мѣстнымъ учрежденіямъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Изъ общей цифры оброка мѣстнымъ Коммисіямъ предоставляется отчислить на усадьбы отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 р. сер. съ души. Капитализація этой повинности составляетъ отъ 25 до 50 р. сер. Полагая во дворѣ 4 души и при немъ усадебной земли $\frac{1}{2}$ десятины, получается оцѣнка крестьянской усадьбы отъ 100 до 200 р. сер., а десятины усадебной земли отъ 200 до 400 р. сер.

„Коммисіи, допуская столь высокую оцѣнку усадьбъ, ограждаютъ крестьянина тѣмъ, что по выкупѣ усадьбы, повинность, отнесенная на послѣднюю, прекращается, а потому чѣмъ дороже оцѣнена мѣстнымъ учрежденіемъ усадьба, тѣмъ дешевле придется платить крестьянину за наемъ полевой земли.

ОБРАЩЕНІЕ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ИМѢНІЙ ВЪ МѢСТЕЧКИ ИЛИ ПОСАДЫ.

„Принимая однакоже въ соображеніе, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ усадьбы, по своему положенію и промысловымъ выгодамъ, съ ними сопряженнымъ, имѣютъ особую цѣнность, какъ напримѣръ въ торговыхъ селахъ, на судоходныхъ рѣкахъ и близь столицъ, Коммисіи предоставляютъ владѣльцамъ такихъ имѣній превратить ихъ въ *мѣстечки* или *посады*; крестьяне, живущіе въ такихъ мѣстечкахъ, за право пользованія усадьбами и сопряженными съ ними выгодами, должны платить помѣщикамъ вѣчные оброки или чинши.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ УСАДЬБЪ.

„Другой важный вопросъ относительно усадьбъ есть перенесеніе ихъ. При

разрѣшеніи этого вопроса, Коммисіи должны были принять въ соображеніе, съ одной стороны, невыгоды, происходящія для крестьянина отъ перенесенія его усадьбы съ одного мѣста на другое, сопряженную съ этимъ перенесеніемъ потерю его капитала и многолѣтняго труда, затраченнаго имъ на удобреніе огородовъ, коноплянниковъ и разведеніе садовъ; съ другой стороны, невозможность иногда для помѣщика вести раціональное хозяйство при нынѣшнемъ размѣщеніи усадьбъ, возможномъ только пока помѣщикъ былъ огражденъ своимъ полноправіемъ. А потому Коммисіи допустили, въ уважительныхъ случаяхъ, принудительное для крестьянъ, по требованію помѣщика, перенесеніе усадьбъ, ограждая крестьянъ только тѣмъ, чтобы новыя мѣста, отводимыя подъ усадьбы, были удобны и перенесеніе совершалось на счетъ помѣщика.

Добровольныя соглашенія и предѣлъ ихъ возможности.

„Наконецъ составляя, согласно съ высочайшею волею, проэктъ закона для опредѣленія отношеній срочно-обязанныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, Коммисіи сочли тѣмъ не менѣе полезнымъ не сковывать наглухо всѣ будущія отношенія двухъ сословій въ рамки неизмѣнныя. Поэтому онѣ, въ нынѣшнемъ второмъ періодѣ своей дѣятельности, рѣшились еще далѣе развить первоначальныя свои предположенія по этому предмету, допустивъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, рядомъ съ предполагаемымъ закономъ, еще и *добровольныя соглашенія* владѣльцевъ и крестьянъ, для опредѣленія какъ надѣла, такъ и повинностей, не только для выкупа, но даже и на время пользованія.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, я твердо убѣжденъ, что такія взаимныя соглашенія могутъ дѣйствительно состояться, и при томъ будутъ не разорительны для крестьянъ, только тогда, когда законъ опредѣлитъ ясно права крестьянъ на случай, еслибъ соглашенія не воспослѣдовало. Не опредѣлить же ясно и отчетливо этихъ правъ, значило бы вовсе не обезпечить участи крестьянъ, отложить весь вопросъ, всѣмъ на бѣду, на неопредѣленное время, и зажечь во всѣхъ углахъ Россіи опасную борьбу между двумя сторонами, изъ коихъ каждая, не подаваясь на взаимныя уступки, съ затаенною враждою, будетъ выжидать, чтобы обстоятельства и время преклонили вѣсы на ея сторону.

Общественное управленіе.

„Относительно устройства внутренняго управленія освобождаемыхъ изъ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ, Коммисіи должны были имѣть въ виду: 1) что, по смыслу 2 пункта высочайше утвержденнаго журнала Главнаго Комитета 4-го декабря, крестьяне входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ, и 2) что, въ силу началъ Высочайше утвержденнаго журнала 26 октября, власть помѣщиковъ должна быть замѣнена немедленно другою сильною властью.

Власть помѣщика до составленія уставныхъ грамотъ и перехода крестьянъ на оброкъ

„Такъ какъ исключительный признакъ всякаго свободнаго сословія въ государствѣ состоитъ въ томъ, что оно не подчинено никакому другому сословію и зависитъ только отъ общихъ правительственныхъ и административныхъ властей, а дѣлами, касающимися до внутренняго сословнаго или общественнаго своего управленія, располагаетъ съ нѣкоторою самостоятельностью, то Коммисіи не находятъ возможности продлить полицейскую власть помѣщика надъ крестьянами далѣе того періода времени (2 года), который назначенъ для регулированія поземельныхъ отношеній помѣщиковъ къ сельскому обществу, составленіемъ актовъ или такъ называемыхъ уставныхъ грамотъ. Исключеніе изъ этого предполагается сдѣлать, въ видахъ обезпеченія интересовъ помѣщиковъ, въ

тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне, по какимъ бы то ни было случаямъ, не воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ, по истеченіи 2 хъ лѣтняго срока, выходить съ барщины на оброкъ, потому что отправленіе всякихъ обязательныхъ работъ необходимо требуетъ еще сохраненія нѣкоторой помѣщичьей власти.

МІРЪ ИЛИ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО, КАКЪ ЕДИНИЦА ХОЗЯЙСТВЕННАЯ.

„Какъ только поземельныя отношенія помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ опредѣлятся уставною грамотою, а крестьяне перейдутъ на денежную повинность, то они могутъ уже немедленно вступать въ права свободнаго сельскаго сословія и власть помѣщиковъ переходитъ на *міръ* или *сельское общество*, какъ ближайшую хозяйственно-распорядительную власть, и на *волость*, какъ власть административно-полицейскую. Каждое помѣщичье имѣніе (за исключеніемъ самыхъ мелкихъ) обращается въ сельское общество, какъ единицу, тѣсно связанную своими хозяйственными интересами, а въ Великороссіи, сверхъ того, и общиннымъ владѣніемъ землею и круговою порукою.

ВРЕМЕННОЕ ПРИКРѢПЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ КЪ ЗЕМЛѢ.

„Принимая сію послѣднюю, согласно пункту 6-му высочайше утвержденнаго журнала главнаго комитета 4-го декабря, за средство къ исправному отправленію повинностей, и имѣя въ виду, съ одной стороны, обезпечить сельскія общества въ возможности такого отправленія, а съ другой стороны, оградить государство отъ бродяжничества и передвиженія значительныхъ массъ народонаселенія, могущаго быть послѣдствіемъ быстраго освобожденія крестьянъ, коммисіи, согласно съ высочайшими рескриптами, должны были *на нѣкоторое время* удержать крестьянъ *болѣе или менѣе крѣпкими землѣ*. А потому крестьяне, по предположеніямъ коммисіи, получаютъ неограниченное право выхода изъ сельскихъ обществъ и отказа отъ пользованія помѣщичьими землями не ранѣе, какъ по истеченіи девятилѣтняго срока [7]), а до тѣхъ поръ, выходъ изъ общества допускается для отдѣльныхъ личностей съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, обезпечивающихъ сельскія общества въ принятіи ими на себя обязательствъ относительно отправленія повинностей за выходящихъ своихъ членовъ.

РАЗМѢРЪ ВОЛОСТИ.

„Сельскія общества, представляя собою только хозяйственную единицу, соединяются, въ видахъ полицейско-административнаго управленія крестьянскимъ сословіемъ, въ волости отъ 300 до 2000 душъ.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА.

„Представители хозяйственно-распорядительной власти въ сельскомъ обществѣ суть: *сельскій староста* и *сельскій сходъ;* представители же административно-полицейской власти въ волости — *старшина, волостной сходъ* и *волостная управа*. Старшины, сельскіе старосты и сборщики податей избираются самими крестьянами, а прочія должностныя лица, по усмотрѣнію общества, могутъ пріискиваться и по найму.

ПОДЧИНЕНІЕ ВОЛОСТЕЙ И СЕЛЬСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ОБЩИМЪ АДМИНИСТРАТИВНЫМЪ ВЛАСТЯМЪ.

„Если крестьянскимъ волостямъ и обществамъ предоставляется въ дѣлахъ, исключительно до нихъ касающихся, та степень самостоятельности, которая необходима для того, чтобы крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости, были дѣйствительно свободнымъ *сосло-*

---

[7]) Коммисіи, сверхъ того, находятъ возможнымъ предоставить мѣстнымъ Дворянскимъ Собраніямъ право ходатайствовать о сокращеніи этого срока, если опытъ покажетъ, что такое сокращеніе возможно и безвредно.

віемъ въ государствѣ, то съ другой стороны, по дѣламъ болѣе общимъ, они подчиняются вновь учреждаемымъ, сообразно съ возникающими потребностями, мѣстнымъ административнымъ властямъ. Устройство этихъ мѣстныхъ властей, какъ то: ***Уѣздныхъ Исправниковъ, Уѣздныхъ Расправъ*** и ***Мировыхъ Судей,*** обсуживается въ особой коммисіи (объ устройствѣ Уѣздной Полиціи), состоящей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ нельзя не признать, что всѣ нынѣ предполагаемыя преобразованія тогда только могутъ увѣнчаться совершеннымъ успѣхомъ, когда съ уничтоженіемъ отдѣльныхъ сельскихъ вѣдомствъ, всѣ крестьяне, какъ государственные, такъ и срочно-обязанные и прочіе, подчинены будутъ одному общему управленію.

Отношенія дворянства къ мѣстному управленію.

„При этомъ возникаетъ вопросъ, почему помѣщики, какъ землевладѣльцы и вотчинники земли, состоящей въ пользованіи крестьянъ, не введены въ составъ крестьянской волости? Я съ своей стороны, полагаю это совершенно невозможнымъ. Обѣ единицы крестьянскаго управленія, хозяйственная и административная, учреждены только исключительно для крестьянскаго сословія. Включить дворянина въ составъ волости, въ главѣ которой стоитъ выборный изъ крестьянъ, волостной старшина,—значило бы внести въ нее чуждый ей элементъ; подчинить же волость помѣщику послѣ составленія уставныхъ грамотъ и перехода крестьянъ съ барщины на оброкъ, значило бы уничтожить отличительный признакъ свободнаго сословія, — независимость его отъ всякаго другаго. Но помѣщику, какъ землевладѣльцу и вотчиннику крестьянскихъ земель, есть мѣсто въ общественномъ управленіи: оно указано въ высочайше утвержденныхъ для устройства уѣздной полиціи началахъ, въ которыхъ пунктомъ 16-мъ предполагается устроить хозяйственное управленіе уѣздомъ на выборномъ началѣ; причемъ, я полагаю, первое мѣсто въ этомъ управленіи должно быть предоставлено дворянству, какъ главному землевладѣльческому и притомъ самому образованному классу въ государствѣ. Сверхъ того, почетное учрежденіе мировыхъ судей есть выраженіе отношеній дворянскаго класса къ свободному сельскому сословію и притомъ не къ каждой его волости, а къ цѣлому округу. Но такъ какъ начертаніе всѣхъ этихъ учрежденій было возложено не на редакціонныя коммисіи, то труды послѣднихъ и не могли представить отвѣта на вопросы имъ неподлежащіе, хотя и тѣсно связанные съ устройствомъ новыхъ между помѣщиками и крестьянами отношеній.

Правила выкупа.

„Вопросъ о выкупѣ крестьянами земельныхъ участковъ обсуживался подробно во второмъ періодѣ, но разработанъ только въ видѣ предположеній, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Количество выкупаемой земли.

„При выкупѣ допускается уменьшеніе крестьянскаго надѣла, противъ размѣра надѣла, предоставляемаго въ пользованіе, такъ какъ пользованіе далеко не на столько обезпечиваетъ крестьянина, какъ пріобрѣтеніе земли въ собственность. Такое уменьшеніе надѣла при выкупѣ уже допущено, при добровольномъ соглашеніи между владѣльцами и крестьянами. Конечно, уменьшеніе это не должно превосходить извѣстнаго размѣра. Возможно ли пониженіе крестьянскихъ надѣловъ при другихъ условіяхъ, кромѣ обоюднаго соглашенія, еще не рѣшено. Гарантіею исправнаго платежа помѣщикамъ процентовъ съ выкупнаго капитала до единовременнаго взноса самаго капитала посредствомъ тиража, высочайшею волею Вашего Императорскаго Величества предоставлены государственныя имущества.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ПРОЦЕНТОВЪ СЪ ВЫКУПНАГО КАПИТАЛА.

„Всякое приращеніе въ ихъ доходахъ (уже нынѣ простирающееся до пяти милліоновъ рублей въ годъ) будетъ служить на пополненіе могущихъ произойти въ крестьянскомъ оброчномъ сборѣ недоимокъ.

ОЦѢНКА ВЫКУПАЕМЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

„Нормальная оцѣнка выкупаемыхъ земель есть капитализація изъ 6% лежащихъ на нихъ оброковъ. По добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами, оцѣнка можетъ быть понижена или повышена противъ нормальной; только, во второмъ случаѣ, добавокъ противъ нормальной суммы крестьяне взносятъ сами, безъ гарантіи правительства.

ТРИ РОДА ВЫКУПА: ОБЩЕСТВАМИ, ТОВАРИЩЕСТВАМИ И ЛИЧНЫЙ.

„Выкупъ вообще можетъ быть трехъ родовъ: *обществами* (въ общинное владѣніе), *товариществами* (преимущественно тамъ, гдѣ нѣтъ общиннаго владѣнія землею) и *личный*. Правительство можетъ преимущественно гарантировать только первые два рода выкупа.

СПОСОБЫ УПЛАТЫ ВЫКУПНОЙ СУММЫ.

„Уплата выкупной суммы, за предварительнымъ вычетомъ долга помѣщиковъ кредитнымъ установленіямъ, можетъ производиться трояаго рода знаками: часть капитала (не болѣе восьми процентовъ его) можетъ выдаваться *деньгами*, другая 5%-ми *безыменными билетами* (облигаціями стоимостью отъ 500 до 1000 руб. сер.), а третья наконецъ *именными свидѣтельствами* ($5\frac{1}{2}$%), которыя, во избѣжаніе слишкомъ легкаго обращенія и наводненія оттого ими биржеваго рынка, запрещается передавать другимъ лицамъ иначе, какъ крѣпостнымъ порядкомъ. Свидѣтельства сіи, по мѣрѣ возможности, размѣниваются на облигаціи, а сіи послѣднія погашаются посредствомъ *тиража*. Возможность размѣна свидѣтельствъ на облигаціи или 5%-е билеты можетъ быть обусловлена тѣмъ, чтобы общее количество выпущенныхъ облигацій никогда не превосходило извѣстной суммы, напримѣръ 200 мил. руб. сер. Выкупная операція можетъ быть возложена на Главный Банкъ въ столицѣ, орудіями котораго будутъ или Губернскіе Банки, или прямо Уѣздныя Казначейства.

„Другіе, болѣе второстепенные вопросы, относящіеся до уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, предполагается разрѣшить слѣдующимъ образомъ:

ОСВОБОЖДЕНІЕ ДВОРОВЫХЪ ЛЮДЕЙ.

„Дворовые люди, пріобрѣтая личныя права при самомъ объявленіи новаго положенія, остаются въ обязательномъ услуженіи помѣщиковъ на то время, пока и крестьяне еще не имѣютъ права выхода съ обязательнаго труда на оброкъ. По истеченіи этого времени (т. е. чрезъ 2 года) и по утвержденіи уставныхъ грамотъ, дворовые не надѣляются землею, но получаютъ право выхода изъ обязательнаго услуженія безъ всякой уплаты за свою личность. Съ другой стороны, и помѣщики могутъ отпускать отъ себя дворовыхъ и не обязаны болѣе призрѣвать и прокармливать ихъ. Коммисіи, разрѣшая вопросъ такимъ образомъ, старались придерживаться строгой справедливости, хотя и не скрывали отъ себя затрудненій, съ которыми будетъ сопряженъ для правительства выходъ цѣлой массы людей, ничѣмъ необезпеченныхъ, изъ попечительства и призрѣнія помѣщиковъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что человѣколюбіе и долголѣтняя привычка побудитъ владѣльцевъ сохранить при себѣ многихъ изъ прежнихъ своихъ служителей.

СПОСОБЪ ПРИЗРѢНІЯ ПРЕСТАРѢЛЫХЪ И УВѢЧНЫХЪ.

„Затѣмъ послѣднія затрудненія могутъ, какъ я полагаю, быть большею

частію устранены установленіемъ довольно значительнаго налога на паспорты съ выходящихъ на свободу дворовыхъ людей: на собираемыя такимъ образомъ суммы могутъ быть основаны учрежденія для призрѣнія тѣхъ лицъ этого сословія, которыя по старости, малолѣтству, или увѣчью, не будутъ въ состояніи заработывать себѣ насущный хлѣбъ. Плата подобнаго налога будетъ для дворовыхъ людей, во всякомъ случаѣ, несравненно легче уплаты прежнихъ ихъ оброковъ.

Вознагражденіе мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ.

„Мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ предполагается вознаградить за потери на возможно широкихъ началахъ. Мелкопомѣстными будутъ признаны владѣльцы не свыше 21 души, и притомъ такіе, которые, независимо отъ этого владѣнія, не имѣютъ никакой другой собственности, или капиталовъ, или иныхъ какихъ либо средствъ къ существованію. Такіе владѣльцы, за уступаемыя ими крестьянамъ земли, получатъ выкупной капиталъ 5%-ми билетами *по гораздо высшей оцѣнкѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ правительство постарается сохранить не только всю усадебную осѣдлость, но также полевыя и луговыя земли, хотя бы крестьяне ихъ и совсѣмъ не были надѣлены землею.

Матеріалы для сельскаго, лѣснаго и межеваго уставовъ.

„Независимо отъ разрѣшенія всѣхъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, коммисіи занимаются еще и подготовленіемъ матеріаловъ для составленія уставовъ лѣснаго, сельскаго, межеваго и т. д.

Мѣстныя законоположенія.

„Въ заключеніе, мнѣ остается присовокупить, что во второмъ періодѣ своихъ занятій коммисіи обратили особенное вниманіе на тѣ части Россіи, которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, требуютъ значительныхъ видоизмѣненій въ принятыхъ для цѣлой Россіи законоположеніяхъ. Первое мѣсто между этими частями Россіи занимаетъ Западный край, т. е. Кіевское и Виленское генералъ-губернаторства. Главныя и существенныя ихъ особенности заключаются именно въ томъ, что въ нихъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ уже были опредѣлены инвентарными правилами и что тамъ не существуетъ и не существовало общиннаго владѣнія землею. Изъ этихъ-то особенностей истекаетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, вызывающій особыя мѣстныя законоположенія.

„Вообще Крестьянское Положеніе для Западнаго края будетъ не мало различествовать отъ Положенія для остальной Россіи; коммисіи, при составленіи его, имѣли однако постоянно въ виду, чтобы оно не противорѣчило основнымъ началамъ, принятымъ для цѣлой Россіи. Работы коммисій втораго періода для Западнаго края будутъ, какъ я надѣюсь, окончены съ помощью гг. членовъ отъ губернскихъ комитетовъ этого края

„Изъ всего изложеннаго Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что вторымъ періодомъ своихъ занятій коммисіи разрѣшили крестьянскій вопросъ не только въ общихъ чертахъ, но даже въ его подробностяхъ и частностяхъ. Третій періодъ занятій коммисій будетъ состоять: въ тщательномъ пересмотрѣ всѣхъ замѣчаній гг. членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, какъ перваго, такъ и втораго призыва; въ окончательномъ исправленіи заключеній коммисій и, наконецъ, *въ кодификаціи*, т. е. въ приведеніи сихъ заключеній въ букву и статьи *законоположенія*. Въ такомъ видѣ проэктъ Положенія о крестьянахъ будетъ внесенъ въ главный комитетъ, со всѣми отдѣльными мнѣніями членовъ редакціонныхъ коммисій, а также съ замѣчаніями членовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

„Всѣ усилія мои, какъ предсѣдателя коммисій, были направлены къ тому,

чтобы остаться вполнѣ вѣрнымъ тѣмъ началамъ, которыя были указаны высочайшею Вашею волею, какъ въ рескриптахъ, такъ и въ утвержденныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ журналахъ главнаго комитета. Безъ соблюденія этого, самаго важнаго, по моему мнѣнію въ работахъ коммисій условія, труды наши не имѣли бы прочнаго основанія. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ началъ, коммисіи дѣйствовали по своему крайнему разумѣнію, принимая вполнѣ добросовѣстно въ соображеніе все то, что̀ было сдѣлано губернскими комитетами. Губернскіе комитеты трудами своими принесли Россіи большую пользу. Ваше Императорское Величество соизволили обратиться съ рескриптами къ мѣстнымъ дворянствамъ съ тѣмъ, чтобы они, въ лицѣ избранныхъ ими комитетовъ, высказали, какъ они полагаютъ улучшить бытъ своихъ крестьянъ. Затѣмъ на правительственныя учрежденія: главный комитетъ и редакціонныя коммисіи, возложено было начертаніе крестьянскаго Положенія, какъ на основаніи началъ, выработаныхъ симъ комитетомъ и утвержденныхъ высочайшею Вашею волею, такъ и на основаніи мѣстныхъ проэктовъ положеній губернскихъ комитетовъ. Въ начертанномъ коммисіями проэктѣ Положенія едва ли найдется хотя одно существенное правило, которое не было бы предложено тѣмъ или другимъ изъ проэктовъ губернскихъ комитетовъ; но, конечно, ни одинъ изъ членовъ этихъ комитетовъ не найдетъ и не долженъ найти въ положеніи коммисій проэкта его губерніи во всей его цѣлости. Утвержденіе исключительно одного губернскаго положенія, преимущественно передъ другими, было бы и несправедливо, и неосуществимо, по разнообразію мѣстныхъ условій; утвержденіе же, съ нѣкоторыми измѣненіями, всѣхъ губернскихъ положеній, находящихся между собою въ совершенно несогласимыхъ противорѣчіяхъ, было бы также невозможно. Противорѣчія эти истекаютъ вовсе не изъ различія мѣстныхъ условій (которыя никогда не упускались изъ виду въ предположеніяхъ коммисій), но изъ различія въ самомъ существѣ воззрѣнія комитетовъ на предметы. Наконецъ отыскивать механически, по каждому отдѣльному вопросу, въ пользу какого способа его разрѣшенія высказалось большинство губернскихъ положеній было неосуществимо на практикѣ: ибо въ большей части случаевъ, мнѣнія комитетовъ до того расходятся, что и сравнивать ихъ между собою невозможно. А потому коммисіямъ оставался только одинъ исходъ: въ главѣ разрѣшенія вопроса поставить высочайше утвержденныя начала, указанныя въ высочайшихъ рескриптахъ и въ журналахъ главнаго комитета, и развивать эти начала органически, соображая въ тоже время всѣ положенія губернскихъ комитетовъ и выбирая, то изъ одного, то изъ другаго, все, что̀, по уразумѣнію коммисій, соотвѣтствуетъ какъ сказаннымъ началамъ такъ и вообще успѣшному и раціональному разрѣшенію крестьянскаго вопроса.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммисіи остались вѣрными принятому ими съ самого начала ходу работъ. Разсылкою своихъ журналовъ, онѣ отдали еще неоконченные труды свои на судъ не только правительственныхъ лицъ и представителей дворянскаго сословія, но и на судъ всѣхъ тѣхъ, кто только могъ придумать болѣе удовлетворительное разрѣшеніе много разъ обдуманныхъ и пересмотрѣнныхъ вопросовъ. Не смущаясь возраженіями, напротивъ, ожидая и принимая ихъ съ искреннею благодарностію, коммисіи, въ настоящее время, исполняютъ свято принятую ими на себя и заявленную въ журналахъ общаго присутствія обязанность: исправлять, согласно съ справедливыми указаніями, тѣ недостатки, которые были неизбѣжны при столь сложномъ и громадномъ трудѣ.

„Въ третьемъ періодѣ занятій, коммисіямъ, согласно принятой ими программѣ, остается еще снова пересмотрѣть и исправить ускользнувшія отъ нихъ во второмъ періодѣ ошибки, а мнѣ

представить Вашему Императорскому Величеству добросовѣстный отчетъ въ тѣхъ неудобствахъ или недостаткахъ Положенія, которыхъ, при нынѣшнимъ состояніи различныхъ отраслей нашего государственнаго устройства, едва ли было возможно избѣгнуть. Всѣ усилія мои и состоящихъ подъ моимъ предсѣдательствомъ коммисій, во второмъ періодѣ, были направлены къ тому, чтобы установить самое строгое равновѣсіе между интересами дворянства и интересами освобождаемаго народа; чтобы оградить первое отъ несправедливыхъ потерь и упрочить послѣднему возможность достигнуть благоденствія въ будущемъ. Въ какой мѣрѣ достигаемъ мы этой цѣли, Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, когда весь проэктъ Положенія будетъ готовъ вполнѣ, потому что только по совокупности всѣхъ начертаныхъ правило можно будетъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ ограждены интересы обоихъ сословій.

„Другая цѣль, которая ни на минуту не покидала и не покидаетъ меня и къ которой постоянно стремились коммисіи, состоитъ въ томъ, чтобы при введеніи предстоящей реформы предупредить или, по крайней мѣрѣ, ограничить, по возможности, неизбѣжныя отчасти столкновенія, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя бы могли нарушить общественный порядокъ и спокойствіе государства. Достигнемъ ли мы этой цѣли, можетъ показать только историческое развитіе той новой эпохи государственной жизни, въ которую вступаетъ Россія; но въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества полный тѣхъ же лучшихъ надеждъ и той же теплой вѣры, которыя Васъ Государь, никогда не покидали.

ПОХОДЪ 1859 ГОДА (*)

(*Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго*)

I.

Моя походная канцелярія была сформирована на широкую ногу. Прежде всего въ составъ ея входилъ извѣстный Ѳ. Е. Булатовъ въ качествѣ походнаго казначея (1), и везъ съ собою сундуки, набитыя серебромъ и золотомъ и такъ называемыми экстраординарными вещами т. е. часами, кольцами, браслетами, оружіемъ и т. п., которыхъ въ казначействѣ Намѣстника всегда хранится значительный запасъ. Разнородныя эти вещи, доставлявшіяся изъ кабинета Государя, предназначались для подарковъ туземцамъ, а такъ какъ во время похода необходимость этихъ подарковъ предстояла въ весьма значительныхъ размѣрахъ, то Булатову и отдано было все что̀ состояло на лицо, да и того оказалось недостаточно.

Способъ доставленія дополнительнаго запаса (составленнаго уже на скоро изъ вещей, купленныхъ въ Тифлисѣ) изъ Тифлиса въ мѣста походнаго нашего расположенія, былъ такъ

(*) Печатая эту главу изъ Записокъ В. А. Инсарскаго (см. выше стр. 475 477 и 1003–1031), мы должны предупредить читателей Рускаго Архива, что глава эта представляетъ собою только выдержки изъ подлинной рукописной тетради. Нѣтъ, кажется, надобности распространяться о причинахъ такого, не произвольнаго съ нашей стороны, сокращенія: то что совершалось всего девять лѣтъ тому назадъ, еще не можетъ быть полнымъ достояніемъ исторіи, и предавать гласности разсказы о такихъ близкихъ эпохахъ можно лишь, такъ сказать, съ дозволенія современной минуты.
П. Б.

(1) Нынѣ Елисаветпольскій губернаторъ.

оригиналенъ, что изумилъ всѣхъ, даже самаго князя Намѣстника. Доставить эти вещи поручено было одному изъ чиновниковъ законодательнаго учрежденія, которымъ я управлялъ, прекрасному молодому человѣку Рутковскому, совершенно незнакомому съ тонкостями и опасностями военнаго быта. Это-то незнакомство и помогло ему совершить подвигъ, который всѣ единогласно признали удивительнымъ. Дѣло въ томъ, что, получивъ экстраординарныя вещи, Рутковскій отправился къ намъ не тѣмъ путемъ, которымъ мы шли, а какимъ-то другимъ, встрѣчнымъ. Собственное ли соображеніе руководило его въ этомъ, или указанія другихъ — я не знаю; но въ началѣ своего пути онъ ѣхалъ по тѣмъ пунктамъ, гдѣ расположены были наши войска, которыя и отдѣляли нужныя части для его конвоированія. Потомъ пункты эти, неожиданно для него, какъ-то прекратились, и онъ внезапно очутился въ такомъ положеніи, что за нимъ лежалъ пройденный уже, довольно длинный, путь, а впереди враждебная страна непокорныхъ горцевъ. Всякій другой на его мѣстѣ, болѣе его опытный, возвратился бы назадъ, какъ это ни было бы непріятно; неопытный Рутковскій пошелъ впередъ и—удивительное дѣло!—здравъ и невредимъ явился въ нашъ лагерь, доставивъ въ совершенной цѣлости всѣ порученныя ему вещи. Изъ разсказовъ его видно, что, являясь въ какой нибудь аулъ, онъ относился къ нему, какъ къ какому нибудь селу въ Тамбовской губерніи, требовалъ лошадей и проводниковъ, на томъ основаніи, что «казну везетъ». По словамъ Рутковскаго, слово «казна» имѣло на дикихъ горцевъ какое-то магическое дѣйствіе, и они относились къ нему съ замѣтнымъ уваженіемъ, какъ къ чему-то священному. Онъ говорилъ, что при появленіи его въ немирномъ аулѣ почти все населеніе его выползало изъ сакель и группировалось вокругъ него съ физіономіями, на которыхъ удивленіе смѣшивалось съ непріятностію. Слово «казна» какъ будто тотчасъ вразумляло ихъ. Этого мало. Рутковскій говорилъ, что, по желанью жителей, онъ нѣсколько разъ распаковывалъ вещи, показывалъ ихъ осаждавшимъ его толпамъ и самъ любовался ихъ безконечнымъ изумленіемъ. Князь А. И. Барятинскій часто любилъ касаться этого предмета и говорилъ, что Рутковскій сдѣлалъ неслыханное дѣло. Фадѣевъ (2) говорилъ, что поведеніе Рутковскаго во всемъ этомъ дѣлѣ походило на поведеніе ребенка, который находитъ веселое и забавное въ огнѣ, обхватившемъ домъ, гдѣ онъ находится. И дѣйствительно, по свидѣтельству самаго Рутковскаго, онъ не сознавалъ и не чувствовалъ рѣшительно никакой опасности, проходя чрезъ немирные аулы.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ нравственномъ состояніи страны, готовой уже покориться, надо искать объясненія замѣчательнаго подвига Рутковскаго...

Справедливость требуетъ сказать, что бѣдному Булатову было много труда и возни съ своими деньгами и своими вещами, потому что расходованіе тѣхъ или другихъ, расходованіе, почти всегда экстренное и потому безпорядочное, все таки требовало отчетности. Отъ этого происходило, что въ то время, когда всѣ другіе члены походной свиты Намѣстника кутятъ или спятъ, Булатовъ вѣчно считаетъ свои деньги или свѣряетъ свои счеты. Мнѣ лично было очень

---

(2) Извѣстный военный писатель.

пріятно, что вся денежная часть была поручена такому солидному и опытному человѣку, и я избавленъ былъ отъ необходимости принимать въ ней какое либо непосредственное участіе.

Потомъ къ походной канцеляріи я присоединилъ Зиссермана. Зиссерманъ, не смотря на то, что былъ маіоръ или полковникъ, (хорошо ужъ не помню) принадлежалъ къ тому же законодательному учрежденію, о которомъ я выше упомянулъ. Это былъ человѣкъ, весьма опытный, умный и образованный. По предшествовавшей военной службѣ своей, онъ подробно зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства страны, въ которую направлялся походъ и знакомъ былъ со всѣми туземными личностями, сколько нибудь замѣчательными. Владикавказъ, гдѣ преимущественно производились различныя походныя заготовленія и всю военную обстановку его, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ заключеніе, онъ былъ нѣсколько разъ самъ въ походахъ Понятно, какъ мнѣ важно и полезно было имѣть при себѣ такого опытнаго человѣка, мнѣ, который долженъ былъ вкусить первыя сладости похода. Я передалъ Зиссерману всѣ хозяйственныя распоряженія по заготовленію для меня во Владикавказѣ походной палатки, по покупкѣ верховой лошади, по пріобрѣтенію вещей, необходимыхъ для походной канцеляріи и т. п., и справедливость требуетъ сказать, что трудно было найти для всего этого болѣе искуснаго и усерднаго исполнителя.

Наконецъ въ составъ походной канцелярія я назначилъ одного изъ толковѣйшихъ моихъ писцовъ, на руки котораго сдана была вся матеріальная часть включительно съ походною мебелью, состоявшею изъ складныхъ столовъ и стульевъ, нарочно для похода приготовленныхъ.

До начала похода, князь А. И. Барятинской нашелъ нужнымъ отправиться въ Петербургъ, для предварительныхъ переговоровъ съ Государемъ и оттуда возвратиться уже прямо въ крѣпость Грозную, гдѣ, къ 10 Іюля, должно было сосредоточиться все, что назначено къ участію въ походѣ. Съ приближеніемъ этого срока началось отправленіе изъ Тифлиса различныхъ частей и различныхъ личностей.

Всѣ эти части и личности выступали въ очередномъ порядкѣ по особо составленному росписанію. Очередь дошла и до меня Въ назначенный день тронулась моя походная канцелярія и безъ особыхъ приключеній прибыла въ Владикавказъ. Въ Владикавказѣ представлены были на мое усмотрѣніе пріобрѣтенныя и заготовленныя предварительными распоряженіями Зиссермана походныя принадлежности. Изъ нихъ наиболѣе достойными моего вниманія были, во первыхъ, походная лошадь и, во вторыхъ, походная палатка И то и другое оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ.

Исторія лошади была слѣдующая: въ какомъ-то бывшемъ не задолго предъ тѣмъ сраженіи съ какимъ-то возмутившимся племенемъ убитъ былъ знаменщикъ враждебной партіи, которому именно принадлежала эта лошадь. За смертію хозяина она досталась вдовѣ его. Одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, полковникъ или генералъ, кажется Кундуховъ, самъ татаринъ и величайшій лошадникъ, къ которому обратился Зиссерманъ по части пріобрѣтенія для меня походнаго коня, насѣлъ, какъ говорится, на эту вдову и отбилъ у нея лошадь убитаго знаменщика, разумѣется не жалѣя денегъ. Счастливый всегда и во всемъ, я и здѣсь оказался счастливцемъ. Это была не лошадь, а сокровище; необычайной силы, умна,

быстра, послушна и въ высшей степени осторожна. Слава ея весьма скоро разнеслась по лагерю. Какихъ хитростей не употребляли мои свитскіе друзья, чтобъ отбить ее у меня посредствомъ мѣны и различныхъ другихъ средствъ, безпрестанно и безуспѣшно ими изобрѣтаемыхъ! Шагъ у нея былъ удивительный, и рѣдкая лошадь могла равняться съ ней въ этомъ отношеніи, такъ что, когда мы, въ отсутствіе князя (о чемъ будетъ сказано ниже) переходили съ позиціи на позицію, и когда я, выдвинувшись впередъ, собиралъ вокругъ себя всѣхъ адъютантовъ, для хоровыхъ пѣсенъ, они часто злились на меня именно за то, что я на своемъ шагистомъ конѣ утомляю ихъ лошадей, которыя не могли поспѣвать за нимъ и шли большею частію рысью. Рысь эта лошадь имѣла также необычайную, и я смѣло вызывалъ всѣхъ на состязаніе. Въ особенности милый и добрый князь Суворовъ принимался нѣсколько разъ оспаривать у меня побѣду и всегда безуспѣшно. Однимъ словомъ, я гордился своею великолѣпною лошадью и, благодаря ея необычайнымъ достоинствамъ, превратился въ совершеннаго джигита. Въ то время, когда адъютанты и другіе свитскіе господа, запасшіеся двумя или тремя лошадьми, бросали ихъ постепенно въ слѣдствіе слабости, изнуренія или болѣзней, мой конь постоянно оставался здравъ и невредимъ, не теряя ни тѣла, ни силы. Если пріѣзжалъ въ нашъ лагерь какой нибудь петербургскій господинъ, и начиналъ разыскивать, гдѣ бы пріобрѣсти хорошую походную лошадь, онъ тотчасъ накидывался на моего коня и дѣлалъ самыя блистательныя предложенія въ матеріальномъ отношеніи. Когда стало извѣстнымъ, что лошадь эту, во время похода, нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги, явилось много желающихъ купить ее по окончаніи похода. Въ числѣ этихъ желающихъ былъ и мой пріятель Фадѣевъ. Продать лошадь за высшую цѣну противъ той, которую я самъ заплатилъ, я считалъ неприличнымъ; слѣдовательно, если я долженъ былъ уступить ее за свою цѣну—то, конечно, естественнѣе уступить ее пріятелю. На этомъ основаніи Фадѣевъ былъ предпочтенъ и объявленъ будущимъ владѣтелемъ моей лошади.

Что касается до походной палатки, изготовленной для меня во Владикавказѣ, то и она меня также удовлетворила вполнѣ: подбитая сукномъ, съ прекрасно-устроеннымъ окномъ, она обѣщала оправдать свое назначеніе. И дѣйствительно, устланная ковромъ, заставленная уютною походною мебелью — она представляла очень милую комнату. Но мое личное пользованіе этою комнатою ограничивалось тѣмъ только, что я въ ней спалъ. Моя палатка какъ-то съ разу сдѣлалась общимъ достояніемъ всей свиты, такъ что почти въ теченіи всего дня она служила сборнымъ пунктомъ для всѣхъ адъютантовъ, и для меня попасть въ нее было также трудно, какъ и для всякаго посторонняго. Этому содѣйствовало, во первыхъ, комфортабельное устройство и убранство моей палатки, какихъ не было ни у кого другаго на всей улицѣ, заселенной свитскими господами; во вторыхъ, обиліе всевозможныхъ запасовъ, находившихся въ распоряженіи моего камердинера и необычайное его умѣнье удовлетворять желаніямъ и требованіямъ каждаго, и въ третьихъ, учрежденіе между свитскими господами въ свободное время игры, для которой мои походные столы служили важнымъ

и, можно сказать, единственнымъ основаніемъ. Просто непостижимо, какъ умѣли эти господа набиваться и умѣщаться въ эту, во всякомъ случаѣ, небольшую, палатку человѣкъ по 20. Я помню, что на одной моей походной кровати размѣщалось какъ-то, въ различныхъ изломанныхъ положеніяхъ, человѣкъ по 6 и по 8. Палатка моя освободилась нѣсколько только тогда, когда князю А. И. Барятинскому была прислана великолѣпная, круглая, татарская палатка, которую князь на первое время отдалъ, какъ я выше говорилъ, въ распоряженіе Тромповскаго (3) и которая сдѣлалась главнымъ мѣстомъ собраній свиты.

О походныхъ ящикахъ, заготовленныхъ для меня во Владикавказѣ, говорить нечего; для тѣхъ, кто не знакомъ съ ихъ устройствомъ практически, достаточно сказать, что это просто продолговатые сундуки извѣстной мѣры, снабженные всевозможными ремнями, петлями, крючками, за которые они прикрѣпляются на вьючной лошади къ сѣдлу особаго устройства.

Во Владикавказѣ мы пробыли весьма не долго, дня два или три и затѣмъ, въ тѣхъ же экипажахъ, но только не на почтовыхъ уже, а на казачьихъ лошадяхъ, передвинулись въ крѣпость Грозную. По пути отъ Владикавказа къ Грозной мы проѣзжали чрезъ казачьи станицы. Въ одной изъ этихъ станицъ была квартира командира какого-то казачьяго толка или казачьей бригады Едлинскаго, личности въ высшей степени замѣчательной. Это былъ человѣкъ чрезвычайно умный и образованный, но дурно говорившій по русски, сто разъ бывшій богатымъ, человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ намѣстниковъ и составившій себѣ огромную славу своими знаменитыми по остротѣ и вѣрности изрѣченіями, которыя ходили по всему краю. Когда началось передвиженіе изъ Тифлиса въ Грозную, Едлинскій, жившій на перепутьѣ, счелъ долгомъ открыть у себя какое-то безконечное угощеніе и зазывать къ себѣ всѣхъ мимоидущихъ и ѣдущихъ. Пріѣхавъ въ эту станицу, я нашелъ уже тамъ большую часть свиты князя, которая, подъ командою и покровительствомъ С. А Шереметева, слѣдовала верхами вмѣстѣ съ конвоемъ князя, выступившимъ изъ Тифлиса за нѣсколько дней до моего отъѣзда. Само собою разумѣется, что и я былъ аттакованъ самыми настоятельными приглашеніями радушнаго хозяина удостоить вниманіемъ его, какъ онъ выражался, «хлѣбъ и соль», которые, въ видѣ самыхъ разнообразныхъ явствъ, повидимому, не сходили съ его гостепріимнаго стола съ утра до вечера. Послѣ того, какъ я ближе ознакомился съ обиліемъ и качествомъ этихъ блюдъ, хлѣбосольный хозяинъ представилъ мнѣ огромную коллекцію казацкихъ нагаекъ высшаго сорта и просилъ меня принять одну изъ нихъ на память. Само собою разумѣется, что началась «борьба великодушія». Я упорно отказывался; онъ еще упорнѣе настаивалъ, и такъ какъ мой рѣшительный отказъ могъ бы показаться обиднымъ для него, то я и долженъ былъ уступить. Я сказалъ: «собраніе этихъ вещей такъ великолѣпно, что я истинно затрудняюсь сдѣлать выборъ, и потому, если вамъ такъ настоятельно угодно дать мнѣ матеріальный знакъ вашего добраго расположенія ко мнѣ, то потрудитесь сдѣлать этотъ выборъ сами». Едлинскій взялъ изъ

(3) Генералъ, состоявшій при князѣ.

цѣлой кучи нагаекъ самую лучшую и богатую, сплошь задѣланную въ серебро и приподнесъ мнѣ. Такой великолѣпной нагайки ни у кого не было, Свитскіе пріятели по очереди стали выпрашивать ее у меня въ подарокъ, пока я не подарилъ ее графу Ферзену......

Крѣпость Грозная въ то время также мало походила на крѣпость, какъ и Владикавказъ. Это скорѣе былъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ средней руки. Стараніями и распоряженіями того же Зиссермана намъ отвели тамъ квартиру, далеко не блестящаго вида, въ домѣ какого-то офицера изъ татаръ. Но задача состояла уже не въ томъ, чтобъ имѣть хорошую квартиру (хорошихъ квартиръ и вовсе не существовало въ Грозной) а въ томъ, чтобы имѣть какое нибудь помѣщеніе, а съ этой точки наше помѣщеніе было еще лучшимъ, сравнительно съ другими. Грозная, можно сказать, была биткомъ набита, и конечно, во все время своего существованія, она не имѣла такого оживленія, какъ въ этотъ моментъ. Хозяиномъ нашимъ здѣсь былъ графъ Евдокимовъ. Домъ, который онъ постоянно занималъ, былъ имъ очищенъ для князя, а самъ онъ помѣщался въ какомъ-то другомъ изъ казенныхъ домовъ.

Домъ, проготовленный для князя, представлялъ для меня величайшій интересъ. Я зналъ, что князь Александръ Ивановичъ, по должности начальника лѣваго фланга, долго жилъ въ этомъ домѣ, что въ этомъ-то домѣ получались, распечатывались и читались мои петербургскія письма, которыя я адресовалъ въ крѣпость Грозную, не имѣя ни малѣйшаго понятія, что это за крѣпость, гдѣ и какъ она стоитъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ я разсматривалъ его. Я нашелъ, что и по фасаду и по внутреннему расположенію онъ очень походитъ на одинъ изъ помѣщьичихъ домовъ средней руки нашей внутренней Россіи: одноэтажный, обширный, чуждый изящества и великолѣпія, но удобный и покойный. Въ этомъ домѣ, еще до пріѣзда князя, мы собирались ежедневно въ назначенный часъ, обѣдать. Обѣды эти совершались уже, если не ошибаюсь, на счетъ князя, подъ командою милаго Тромповскаго, назначеннаго комендатомъ главной квартиры и сдѣлавшагося истиннымъ мученикомъ по этой должности, потому что безконечная его доброта производила то, что, въ одной стороны, его никто не хотѣлъ слушаться, а съ другой на него сыпались со всѣмъ сторонъ всевозможные упреки мельчайшаго свойства, и за то напр: что супъ не хорошъ и за то, что вина мало и т. п. Послѣ обѣда большею частію, вся свита высыпала гурьбой въ городской или крѣпостной садъ, по срединѣ котораго устроена была деревянная площадка. На этой площадкѣ играла музыка и происходили танцы. Наши адъютанты пускались танцовать и волочиться. Въ этомъ періодъ графъ Ностицъ, командиръ нижегородскаго гусарскаго полка, далъ намъ большой праздникъ. Нижегородскій полкъ стоялъ верстахъ въ десяти отъ Грозной, и всѣ мы пустились туда верхами пробуя по дорогѣ впервыя нашихъ походныхъ коней. Справедливость требуетъ сказать, что праздникъ былъ очень хорошъ: съ иллюминаціей, моремъ вина, пѣснями, добрымъ ужиномъ. качаньемъ на рукахъ и всею обстановкою, какою отличаются полковые праздники на Кавказѣ....

Во время пребыванія въ Грозной, я увидѣлъ и узналъ впервыя, – что̀ такое саранча, этотъ бичь Божій. Не знаю

почему, но всѣ слухи и разсказы о саранчѣ еще прежде постоянно интересовали меня. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что саранча застилаетъ солнце, превращаетъ хлѣбныя поля мгновенно въ голую степь и. т. п. Какъ то, проѣзжая однажды по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, я встрѣтилъ какого-то господина, который, въ стеклянной банкѣ, везъ нѣсколько экземпляровъ живой саранчи изъ Новороссійскаго края и торжественно показывалъ ее всѣмъ желающимъ. Любопытныхъ было множество; видно было, что на сѣверѣ не я одинъ жаждалъ взглянуть на это, ничтожное въ отдѣльности, но страшное въ массѣ насѣкомое жаркихъ странъ. Я разсматривалъ экземпляры, заключавшіеся въ банкѣ, съ величайшимъ любопытствомъ, видѣлъ въ нихъ нѣчто въ родѣ обыкновенныхъ, только большихъ размѣровъ кузнечиковъ и все таки не могъ понять страшной истребительной силы это слабаго творенія. Я помнилъ также оффиціальный разсказъ, напечатанный въ газетахъ въ родѣ какого-то донесенія, гдѣ говорилось, что въ какомъ-то селеніи одной изъ закавказскихъ губерній появилась саранча, что жители, слѣдуя стариннымъ преданіямъ, избрали изъ среды себя самаго благочестиваго человѣка и послали его, въ сопровожденіи депутатовъ или ассистентовъ, къ какому-то извѣстному ключу за водой; потомъ разказывалось, какъ онъ почерпнулъ этой воды въ сосудъ и понесъ ее торжественно въ свое селеніе, какъ при этомъ обратномъ шествіи надъ головой его вились во множествѣ какія-то птицы и вмѣстѣ съ нимъ прилетѣли въ селеніе и какъ, наконецъ, птицы эти напали на саранчу и истребили ее. Этотъ разсказъ, исполненный чего-то чудеснаго и въ тоже время имѣвшій оффиціальный характеръ, еще болѣе приковалъ мое любопытство къ вопросу о саранчѣ.

При этихъ условіяхъ понятно, какое чувство испыталъ я, когда однажды утромъ мой камердинеръ сказалъ мнѣ: «не угодноли взглянуть на саранчу? летитъ тучей чрезъ Грозную». Когда я вышелъ изъ своихъ комнатъ, мнѣ, прежде всего, представилось, что вмѣсто яснаго утра наступило что-то въ родѣ сумерекъ. Необъятной тучей саранча затемняла все видимое пространство и летѣла такъ низко, что щелкалась о мой лобъ. Милліоны, или лучше сказать неисчислимыя числа этихъ летучихъ существъ, съ легкимъ шумомъ и какъ-то бочкомъ проносились надъ Грозной. Множество мальчишекъ, вооруженныхъ палками, махали противъ теченія и разомъ побивали тысячи. Взрослое населеніе оставалось совершенно равнодушно и не обращало на саранчу никакого вниманія, продолжая заниматься своими обычными дѣлами. Саранчи дѣйствительно падало множество подъ нашими ударами; но совокупныя дѣйствія наши имѣли на уменьшеніе саранчи тоже вліяніе, какое можетъ имѣть, напр., на уменьшеніе многоводной Невы стаканъ воды, почерпнутый изъ нея. Вообще въ то лѣто, въ томъ краю было особенно много саранчи, и вопросъ о способахъ истребленія ея, я помню, былъ не разъ предметомъ разговоровъ за обѣдами князя, по его прибытіи въ Грозную. Я помню, какъ онъ самъ разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ при первоначальномъ знакомствѣ съ саранчею; изъ его словъ, между прочимъ, видно было, что тѣ священныя птицы, о которыхъ я выше упомянулъ, не что иное, какъ скворцы, какой-то особой породы; что вслѣдъ за саранчей всегда появляют-

ся и они; что птицы эти имѣютъ, по природѣ своей, какую-то непостижимую ненависть къ саранчѣ и потому не пожираютъ ея, что̀ дѣйствительно и было бы невозможно, но истребляютъ т. е. побиваютъ; по словамъ князя, когда птицы эти утомятся этимъ побіеніемъ, они летятъ къ ближайшей рѣкѣ, купаются тамъ, обмываются, освѣжаются, и съ новыми силами опять летятъ на враговъ и опять побиваютъ.

Человѣкъ ко всему привыкаетъ; точно такъ и я, познакомившись съ саранчею, потомъ почти вовсе уже не обращалъ на нее вниманія. Между тѣмъ, когда я изъ похода возвращался въ Пятигорскъ и проѣзжалъ степными мѣстами, саранча почти постоянно была моимъ спутникомъ. Ѣдешь напримѣръ по степи, ничего не видя ни въ переди, ни по сторонамъ; вдругъ передъ вами вдали начинаетъ взвиваться отъ земли какой-то дымокъ. Это значитъ, что начинаетъ подниматься саранча, встревоженная вашимъ почтовымъ колокольчикомъ. Дымокъ, сначала едва замѣтный, поднимается выше, становится гуще и обращается въ большую тучу. Вы скоро въѣзжаете въ эту тучу; яркій свѣтъ, которымъ вы наслаждались, меркнетъ нѣсколько; вы окружены со всѣхъ сторонъ саранчей; она бьетъ васъ въ лицо, набивается въ тарантасъ, въ складки вашего платья, колеса вашего экипажа; копыта вашихъ лошадей мнутъ ее въ невообразимомъ множествѣ. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ часто приходило на умъ: что еслибы это насѣкомое, страшное только своимъ множествомъ, способно было наносить непосредственно человѣку вредъ, хотя равносильный только тому вреду, какой наноситъ комаръ или ничтожнѣйшая мошка? —

Между тѣмъ дѣятельный Зиссерманъ продолжалъ распоряжаться. Онъ зналъ, какъ говорится, всѣ выходы и входы. Онъ не только распоряжался, но постоянно училъ меня. Благодаря его совѣтамъ, я былъ снаряженъ и обезпеченъ со всѣхъ сторонъ.... Онъ вытребовалъ и прикомандировалъ ко мнѣ, или лучше сказать, къ походной канцеляріи, значительное число Донскихъ казаковъ, этихъ несчастныхъ паріевъ Кавказскаго военнаго міра. Относительно военнаго достоинства этихъ казаковъ я слышалъ различныя мнѣнія. Смотря на какое-то общее презрѣніе, съ которымъ относился къ нимъ Кавказъ въ мое время, на унизительныя и часто совершенно чуждыя всякаго военнаго оттѣнка обязанности, которыя тамъ на нихъ возлагались, я имѣлъ основаніе заключать, что собственно къ боевому дѣлу они, или вовсе негодны, или пригодны, да мало, особенно въ сравненіи съ кавказскими линейными казаками, которые, по общему убѣжденію и по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, имѣли полнѣйшее право называться «молодцами». Между тѣмъ люди знающіе и опытные говорили, что у Донцевъ все зависитъ отъ полковаго командира. Если полковой командиръ молодецъ, то и они превращаются въ молодцовъ, не хуже линейныхъ казаковъ. Въ примѣръ ставили знаменитаго генерала Бакланова, который съ тѣми же Донцами дѣлалъ на Кавказѣ такія чудеса, которымъ удивлялись и рукоплескали Кавказцы. Самъ князь Александръ Ивановичъ имѣлъ очень высокое мнѣніе о Донцахъ. Онъ много разсказывалъ примѣровъ ихъ изумительной храбрости. Изъ числа ихъ я особенно живо помню одинъ и конечно потому, что князь разсказывалъ его съ неподра-

жаемымъ искусствомъ. Гдѣ-то, когда-то шли два Донскіе казака безъ оружія. Вдали пробѣжалъ какой-то невиданный ими звѣрь, что-то въ родѣ волка. Впослѣдствіи оказалось, что эта была гіенна ,звѣрь, попадающійся на Кавказѣ. Казаки замѣтили, что звѣрь тотчасъ скрылся въ разщелину какой-то скалы. Они—туда и послѣ розысковъ замѣтили нѣчто въ родѣ естественной норы. Они стали шумѣть, чтобъ выгнать оттуда звѣря, но безуспѣшно; тогда казаки сами полѣзли въ нору и вскорѣ, въ глубинѣ ея, замѣтили сверкающіе глаза и щелкающіе зубы. Пріостановясь, они стали разсуждать о томъ, какъ имъ взять звѣря; взять однако было нечѣмъ, потому что съ ними не было никакого оружія. Они порѣшили такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ пойдетъ назадъ на свой постъ и принесетъ ружье, а другой останется въ норѣ стеречь звѣря, чтобъ не ушелъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Одинъ путешествовалъ нѣсколько часовъ, а другой въ это время, совершенно безоружный, оставался съ глазу на глазъ съ гіенной, въ ея собственномъ жилищѣ. Когда принесено было ружье, казаки преспокойно ее застрѣлили, не подозрѣвая, что они совершаютъ такой подвигъ, о которомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, самъ главнокомандующій будетъ разсказывать.

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о храбрости Донцовъ, я могу навѣрное сказать, что на Кавказѣ положеніе ихъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, было самое невыгодное. Кавказъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на сторожей или разсыльныхъ. Они разсыпаны были по кордоннымъ линіямъ; они стояли на постахъ, по почтовымъ трактамъ, гдѣ не было кавказскихъ казачьихъ станицъ и сопровождали почту и проѣзжающихъ; они перевозили летучую почту, которая напоминаетъ мнѣ также одинъ разсказъ, не лишенный комизма. Летучая почта учреждалась тамъ, гдѣ не существовало почтовыхъ трактовъ и перевозилась въ особыхъ сумкахъ верховыми казаками отъ одного пункта до другаго. На одномъ изъ подобныхъ пунктовъ очутился какъ-то какой-то значительной господинъ изъ чиновныхъ. Вынужденный оставаться нѣкоторое время въ этомъ пунктѣ, т. е. въ какомъ-то казенномъ домѣ, онъ замѣтилъ, подъ лавкой или столомъ, кожанную сумку и спросилъ: что это такое? Ему отвѣчали: «это летучка (т. е. летучая почта) бѣгитъ!»—«А давно она бѣгитъ?» спросилъ господинъ. «Нѣтъ! вчера только сюда пришла, скоро отправимъ», отвѣчали ему. Размѣщали этихъ несчастныхъ Донскихъ козаковъ въ самыхъ болѣзненныхъ мѣстахъ, подобно Елисаветпольскому тракту, на которомъ я своими глазами видѣлъ ихъ валяющихся безъ памяти кучами, въ лихорадочномъ жару, съ открытыми ртами, въ которыхъ свободно расхаживали мухи и различныя букашки. Я съ ужасомъ представляю себѣ, какъ много Донцовъ сложили свои кости въ этомъ гибельномъ и непривлекательномъ для нихъ краю и какое впечатлѣніе производятъ въ донскихъ семьяхъ разсказы уцѣлѣвшихъ и возвратившихся козаковъ о безчисленныхъ страданіяхъ, которымъ они дѣйствительно тамъ подвергались.

Главная обязанность назначенныхъ къ намъ казаковъ заключалась въ томъ, чтобы, во первыхъ ухаживать за нашими походными лошадьми; во вторыхъ состоять при насъ ординарцами во время нашихъ разъѣздовъ и переходовъ и въ третьихъ охранять и сопровождать наши вьюки, во вре-

мя передвиженія ихъ съ одной позиціи на другую. Само собою разумѣются, что сюда же относилось: снимать и укладывать наши палатки со всѣми нашимъ имуществомъ, когда снимался нашъ лагерь, и разбивать и устанавливать все это на новой позиціи; вообще они составляли второстепенныхъ нашихъ слугъ. Впрочемъ въ хозяйственную часть я нисколько не углублялся и зналъ только своего ординарца. Такъ какъ въ составѣ походной канцеляріи я былъ первый человѣкъ, то въ должность ординарца при мнѣ вступилъ донской унтеръ-офицеръ, начальникъ или старшій надъ всѣми другими казаками, къ намъ назначенными. Это былъ удивительный человѣкъ, и я съ благодарностію о немъ вспоминаю. Умный, ловкій, расторопный! Въ разъѣздахъ онъ ни на минуту не отставалъ отъ меня. Стоило только вздумать что нибудь и выразить свое желаніе, чтобы оно мгновенно исполнилось. На рукахъ этого казака была моя бурка, мой башлыкъ, а главное весьма помѣстительный сакъ-вояжъ, который заключалъ въ себѣ рѣшительно все, чего только душа попроситъ. Въ этомъ сакъ-вояжѣ находилось все, способное удовлетворить не только меня самаго, но и всѣхъ товарищей, которые безпрерывно обращались ко мнѣ то за тѣмъ, то за другимъ... Мой козакъ съ его запасами пріобрѣлъ, какъ и мой камердинеръ, величайшую популярность въ различныхъ толпахъ похода. Адъютанты, для которыхъ онъ особенно былъ пріятенъ, называли его не иначе, какъ по имени и отечеству. Все это очень льстило моему Донцу, а мои щедрые подарки радовали его и въ матеріальномъ отношеніи. Когда я вырвался изъ похода, онъ со слезами прощался со мною, и въ сію минуту мнѣ крайне жаль, что я не записалъ его имени и тѣмъ лишилъ себя великаго удовольствія, въ воспоминаніе самыхъ рельефныхъ дней моей жизни, поддерживать его, для чего у меня много и готовности и достаточно средствъ.

Я упомянулъ о вьюкахъ. Вьюки — принадлежность тѣхъ мѣстъ, которыя не имѣютъ правильныхъ путей сообщеній. Еще при самомъ пріѣздѣ на Кавказъ, я былъ уже пораженъ на военногрузинской дорогѣ безконечными вереницами верблюдовъ, подъ громадными вьюками медленно и осторожно переставляющихъ свои длинныя ноги. Но товарный правильный вьюкъ на спинѣ верблюда, какъ будто нарочно приспособленной именно къ перевозкѣ тюковъ, не представлялъ еще ничего особенно непріятнаго. Съ отвратительными зрѣлищами по части вьюковъ я познакомился ближе въ Тифлисѣ. На каждомъ шагу тамъ можно видѣть небольшаго ешака, или просто осла, положительно изнемогающаго подъ массою дровъ, на него нагроможденною, въ сопровожденіи туземца (въ довершеніе колючекъ, которыя бѣдное животное получаетъ отъ своей ноши) осыпающаго его ударами дубины, по ногамъ или головѣ и всюду, куда только дубина, не задерживаемая дровами, можетъ достать. Что касается до меня, то я положительно имѣю омерзѣніе ко всевозможнымъ вьюкамъ, какъ къ самому дикому и варварскому способу передвиженія тяжестей. Между тѣмъ еще, до похода, я слышалъ уже, что заподряжено огромнѣйшее число вьючныхъ лошадей. Изъ этого числа распорядительный Зиссерманъ успѣлъ пріобрѣсти солидную часть для походной канцеляріи. Лошади эти не находились впрочемъ при насъ постоянно и оста-

вались на попеченіи своихъ хозяевъ; но въ назначенный часъ для передвиженія онѣ являлись, навьючивались и навьюченныя слѣдовали въ сопровожденіи нашихъ козаковъ на новый пунктъ, тамъ разъвьючивались и пропадали до новой надобности. Этихъ операцій навьючиванія и разъвьючиванія я постоянно, въ слѣдствіе сильнѣйшей къ нимъ антипатіи, избѣгалъ, предоставляя моей прислугѣ и нашимъ козакамъ укладываться и раскладываться, какъ знаютъ. Мнѣ даже совѣстно было слушать, когда камердинеръ упоминалъ, что шестомъ моей палатки, напр., испортило ногу у одной лошади и что у другой походнымъ столомъ весь бокъ стерло. Мнѣ казалось, что какъ будтобы я самъ надѣлалъ эти гадости и краснѣлъ, что они такъ противоположны цѣлямъ общества покровительства и защиты животныхъ, цѣлямъ, которымъ я постоянно и искренно сочувствовалъ.

Наконецъ сталъ приближаться день прибытія князя въ Грозную. Я уже много говорилъ о могуществѣ и значеніи Намѣстника и Главнокомандующаго на Кавказѣ. Вспоминая день прибытія князя въ Грозную, я не могу не сказать, что день этотъ наиболѣе осязательнымъ образомъ свидѣтельствовалъ о могуществѣ и значеніи его. Уже за нѣсколько дней до пріѣзда князя пошли различныя приготовительныя распоряженія для встрѣчи его: но какъ распоряженія эти относились преимущественно до военнаго міра, то, не принимая въ нихъ никакого участія, я даже мало зналъ, въ чемъ онѣ состояли. Я видѣлъ только значительную суетню и слышалъ постоянно одни и тѣже вопросы и отвѣты: «Когда?»—«Тогда-то».

Когда стало положительно извѣстно, что князь прибудетъ въ такой-то день и часъ, къ этому времени военный и гражданскій міръ высшаго разряда собрался при домѣ, назначенномъ для князя; на площадкѣ предъ домомъ поставленъ былъ почетный караулъ и устроены были другія военныя почести, которыя всегда оставались для меня мало понятными. Часовъ въ пять или шесть прискакали, какъ бѣшеные, передовые люди съ извѣстіемъ, что ѣдетъ... Все стало устанавливаться въ извѣстный порядокъ и принимать неподвижный видъ, какъ будто проникнутое торжественнымъ величіемъ предстоящей минуты, такъ что и я невольно почувствовалъ какое-то нервное волненіе. Скоро стало видимо для насъ громаднѣйшее облако густой черной пыли, скрывавшее поѣздъ князя. Облако быстро приближалось къ намъ; раздались крики: «смирно» и другія военныя команды. Почти въ непроницаемой тучѣ страшной пыли, меня, прежде всего, поразили страшныя образины татаръ, сопровождающихъ, въ видѣ конвоя, князя. Съ черными отъ пыли лицами, съ сверкающими глазами, съ бритыми головами, съ громаднѣйшими на нихъ папахами, заломленными назадъ, и покрывавшими длинными лохматыми клочьями физіономіи этихъ господъ — они были истинно страшны и въ тоже время великолѣпны. Ничего подобнаго я дотолѣ не видывалъ. Подъ вліяніемъ величайшаго любопытства я впивался глазами въ нѣкоторыя, особенно типическія, физіономіи; но какъ только падалъ на меня гордый, несказанно-самоувѣренный и въ тоже время свирѣпый взглядъ татарина, я тотъ часъ отводилъ, какъ школьникъ, отъ него глаза свои: взгляда этого, быстраго, смѣлаго, упорнаго въ высшей степени, я положительно выносить не могъ. Я тотчасъ старался собрать свѣдѣнія, что это за люди?

Мнѣ отвѣчали, что это конвой, составленный изъ горцевъ только что покоренныхъ ауловъ. «Ну», думаю себѣ, «хороши! Каковы же должны быть «обитатели ауловъ непокоренныхъ?» Однимъ словомъ впечатлѣніе, произведенное на меня этими господами, было необычайно сильно. Мнѣ какъ-то вдругъ сдѣлались понятны всѣ ужасные разсказы различнаго содержанія, которые связывались съ «гибельнымъ Кавказомъ».

Но въ числѣ достоинствъ и недостатковъ истинно-Русскаго человѣка есть та черта, что онъ способенъ удивляться чему бы то ни было одинъ только, первый разъ; потомъ онъ не только привыкаетъ къ тому, что̀ его впервыя поразило, но и начинаетъ находить, что тутъ и нѣтъ ничего поразительнаго. Если тотъ, кто, быть можетъ, будетъ читать мои записки, вспомнитъ мой разсказъ о томъ, какъ мои пріятели и пріятели хромаго N. N. затащили его почти насильно въ одинъ торжественный день во дворецъ, какъ онъ сначала трусилъ и жался въ заднихъ рядахъ и какъ потомъ, освоившись и осмотрѣвшись, онъ уже сталъ безцеремонно расхаживать тамъ, откуда тѣ же пріятели, во избѣжаніе скандала, должны были извлекать его со внушеніемъ бо̀льшей осторожности, —тотъ, повторяю, пойметъ ту черту Русскаго человѣка, которую я хочу здѣсь отмѣтить. Именно эта самая черта нашлась и въ моей Русской душѣ по отношенію къ горцамъ.....

Обращаюсь къ встрѣчѣ князя. За отрядомъ этихъ страшныхъ людей, составлявшихъ передовой конвой, летѣлъ экипажъ князя. Его положительно узнать нельзя было. Я не говорю уже о томъ, въ какомъ положеніи было его платье. Самое лицо, усы, бакенбарды покрыты были такимъ толстымъ слоемъ черной пыли, что все это въ совокупности представляло одно сплошное черное пятно съ одними прорѣзами, изъ которыхъ виднѣлись глаза. Мнѣ даже непріятно было, что князь рѣшился въѣхать въ Грозную въ такомъ страшномъ видѣ. Должно быть, князь и самъ сознавалъ это, потому что, выйдя изъ коляски, онъ быстро подошелъ къ стоявшимъ тутъ солдатамъ и за тѣмъ также быстро скрылся. Спутники его были, разумѣется, не въ лучшемъ видѣ и тоже скрылись. Всѣмъ знатнымъ особамъ объявлено было, что князь переодѣвается и скоро всѣхъ приметъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ князь вышелъ къ намъ въ залу, свѣжій и блестящій и и по обычаю, начавъ съ одного конца, сталъ обходить весь кругъ ожидающихъ «движенія воды» и съ каждымъ говорилъ по нѣскольку словъ. Когда очередь дошла до меня, на лицѣ князя выразилось удовольствіе при взглядѣ на меня. «А! любезный Василій Антоновичъ! И вы здѣсь! Какъ я радъ!» Потомъ, осмотрѣвъ меня, облеченнаго въ гражданскую парадную форму и замѣтивъ мою штатскую шпагу, князь прибавилъ: «ну ужъ это прочь теперь,—шашку, шашку!»

Когда кончилось это представленіе, князь перешелъ въ столовую залу, блистательно освященную, въ которой стояли накрытые и убранные столы. За нимъ потянулись всѣ приглашенные. Надо замѣтить, что по соглашенію графа Евдокимова съ Тромповкимъ, этотъ первый обѣдъ, знаменующій встрѣчу князя, давалъ графъ Евдокимовъ, и потому всѣ приглашенія заблаговременно сдѣланы были отъ его имени. За этимъ обѣдомъ я впервыя увидѣлъ много татарскихъ физіономій въ высокихъ папахахъ. Мнѣ разсказывали значеніе и исторію каж

даго. Помню, что сущность этихъ исторій имѣла ту основную черту, что всѣ эти горскіе люди были люди столь-же способные, сколько и не благонадежные, что они по нѣскольку разъ переходили то къ намъ, то къ Шамилю и что, не смотря на ихъ азіатское коварство и продажничество, эти люди въ рукахъ такихъ людей, какъ князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ, знавшихъ ихъ вдоль и поперегъ, приносили своимъ умомъ, своими связями, знаніемъ всѣхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, огромнѣйшую пользу. Это были, такъ сказать, лучшіе наши политическіе агенты, колебавшіе нравственное могущество нашего врага. Князь Александръ Ивановичъ относился къ нимъ чрезвычайно ласково и привѣтливо. Потомъ я замѣчалъ, что они вѣчно вертѣлись около палатки графа Евдокимова, составлявшаго все таки главный центръ и основную связь похода и при передвиженіяхъ съ позиціи на позицію находились въ составѣ его свиты.

Во время обѣда играла полковая музыка; но она, можно сказать, совершенно стушевывались предъ Сунженскими пѣсенниками, которые великолѣпно пѣли залихватскія казацкія пѣсни и прославляли въ нихъ князя Барятинскаго и Слѣпцова. Надо замѣтить, что Слѣпцовъ оставилъ великолѣпную по себѣ память на Кавказѣ, такъ что въ преданіяхъ и пѣсняхъ имя его постоянно сливается съ именемъ князя Барятинскаго. Есть много людей, которые, въ невѣдѣніи своемъ, и доселѣ находятъ возможнымъ сравнивать эти двѣ личности; но на самомъ дѣлѣ, сколько по моимъ собственнымъ соображеніямъ, столько и по отзывамъ людей, дѣйствительно способныхъ разсматривать этотъ вопросъ, между ними не могло существовать никакого сходства. Слѣпцовъ, по общему свидѣтельству, былъ идеалъ храбраго человѣка. Съ своими Сунженскими казаками онъ дѣлалъ чудеса, и эти чудеса окружали его личность, особенно въ глазахъ казаковъ, чѣмъ-то чудеснымъ. Отъ казаковъ благоговѣніе предъ именемъ Слѣпцова распространилось далѣе и составляетъ справедливую дань безпримѣрному мужеству и храбрости Слѣпцова: но тѣмъ все и оканчивается. Признаковъ полководца, администратора, однимъ словомъ государственнаго человѣка Слѣпцовъ въ себѣ никакихъ не явилъ, и я даже не знаю, задѣвалъ-ли его кто нибудь и когда нибудь именно съ этой стороны: до такой степени она была въ немъ ничтожна. Между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій уродился по преимуществу человѣкомъ государственнымъ. Въ молодости и онъ, будучи на Кавказѣ, тоже рубился знатно, и всѣмъ памятна его необыкновенная храбрость; но это не было его исключительнымъ призваніемъ...

Еще во время обѣда, князь вызывалъ изъ толпы пѣсенниковъ нѣкоторыхъ усачей, которыхъ онъ лично зналъ и которые, конечно, лично знали его, на ступеняхъ, отдаленныхъ отъ положенія главнокомандующаго; вспоминалъ то или другое дѣло, обоюдно памятное и своею привѣтливостію электризовалъ, такъ сказать, ихъ простыя сердца и доводилъ восторгъ ихъ до крайней степени. Предъ окнами дома и у сада, къ нему принадлежащаго, двигались огромныя толпы разнокалибернаго народа.

Я уже не могу сказать положительно, сколько именно дней князь, а вмѣстѣ съ нимъ и все, что̀ собралось для похода, провели въ Грозной; помню только, что немного. Всѣ дни, разумѣется, походили одинъ на другой.

Утромъ совершались различные доклады князю. Въ назначенный часъ собирались всѣ къ обѣду князя. Пользующіеся этою честію раздѣлялись на два разряда: одни почетнѣйшіе, и ближайшіе, къ числу которыхъ и я былъ отнесенъ, имѣли постоянное приглашеніе; другіе, не почетнѣйшіе и не ближайшіе приглашались въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ....

II.

Наконецъ объявленъ былъ день дѣйствительнаго похода. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что князь опять отправляется куда-то въ сторону, для обзора мѣстностей, до взятія Веденя бывшихъ недоступными для насъ и потомъ, чрезъ нѣсколько дней, присоединится къ намъ уже на походѣ.

Я живо помню день нашего выступленія изъ Грозной. Часовъ въ пять утра весь штабъ князя былъ уже въ сборѣ на указанномъ мѣстѣ. По данному приказанію, тронулась въ путь безконечная вереница всадниковъ, вьюковъ и солдатъ. Оживленіе въ этой движущейся медленно вереницѣ было величайшее. Всѣ съѣзжались и разъѣзжались безпрерывно, осматривая походный видъ каждаго, какъ будто бы какой-то праздникъ наступилъ. Всѣ смотрѣли весело и радостно. Погода стояла дивная, и солнце съ раннихъ поръ начало припекать сильнѣйшимъ образомъ, а въ полдень палило уже невыносимо, такъ что многіе солдаты, какъ намъ говорили, падали на дорогѣ отъ жары и утомленія. Казаковъ, линейныхъ и донскихъ, въ нашемъ отрядѣ было безчисленное множество; они, какъ мухи, порхали по всѣмъ направленіямъ...

Первый привалъ, сколько могу припомнить, былъ въ „Шали“, военномъ укрѣпленіи, гдѣ и было устроено нашимъ милымъ комендантомъ Тромповскимъ нѣчто въ родѣ завтрака. Второй привалъ, кажется, былъ въ подобномъ же укрѣпленіи „Бердикеляхъ“. Въ Бердикеляхъ приготовленъ былъ распоряженіями тогоже Тромповскаго обѣденный столъ, который на первыхъ же порахъ показалъ, что этому кроткому и добродушному человѣку не по силамъ и не по характеру управляться съ такою размашистою толпою, какую представляла изъ себя свита Намѣстника. Она шумѣла, пѣла, сбивала съ толку прислугу, однимъ словомъ производила страшный хаосъ. Бѣдный Тромповскій метался во всѣ стороны и безуспѣшно старался водворить какое нибудь подобіе порядка.

Среди обѣда свитскіе вдругъ стали куда-то изчезать, одинъ за другимъ. За ними и я потянулся. Оказалось, что гдѣ-то подъ горой открытъ какой-то дрянной духанъ, гдѣ мои пріятели и расположились пировать. Когда я пріѣхалъ туда съ моимъ козакомъ, я нашелъ тамъ, какъ говорится «дымъ коромысломъ». Смѣтливый армянинъ, хозяинъ духана, имѣлъ благоразуміе запастись шампанскимъ, и я былъ истинно удивленъ, когда, войдя въ грязный хлѣвъ съ землянымъ поломъ, увидѣлъ хлопающія пробки. Вѣроятно этотъ день нашествія свиты остался самымъ лучшимъ днемъ въ грязной жизни этого грязнаго духанщика. Памятенъ этотъ день и для меня по безумной выходкѣ, которою я разчитывалъ заявить съ разу всему міру свое безстрашіе.

Выйдя изъ духана, я вскочилъ на коня и помчался впередъ во весь опоръ по единственной дорогѣ, которая предо мною лежала. Мой козакъ понесся было за мной, но скоро отсталъ отъ моего быстроногаго коня.

Я сознавалъ, что подвергаюсь величайшей опасности, мчась одинъ по этой опасной дорогѣ, но въ тоже время мнѣ представлялась увлекательною мысль, что я буду молодцомъ, если одинъ прискачу на слѣдующій постъ именно по этой опасной дорогѣ, и дѣйствительно прискакалъ. Много сильныхъ и справедливыхъ укоровъ досталось мнѣ за этотъ безумный рискъ; тѣмъ не менѣе въ воспоминаніяхъ друзей моихъ имя Бердикелей какъ-то связалось съ моимъ именемъ, какъ будто я открылъ или завоевалъ это мѣсто...

Обращаясь къ серьезной сторонѣ похода, надо сказать, прежде всего, что мы на пути своемъ видѣли блистательное практическое приложеніе той великолѣпной системы вырубки лѣсовъ, о которой мы всѣ такъ часто читали въ Кавказскихъ извѣстіяхъ и реляціяхъ, плохо понимая сущность дѣла. Дѣло въ томъ, что скалы и лѣса всегда были страшными и неодолимыми союзниками и защитниками горцевъ. Отсюда происходило то, что горцы, безпрепятственно пропуская насъ впередъ, никогда не выпускали насъ безнаказанно назадъ. Разсѣянные въ дремучихъ лѣсахъ, они и въ маломъ числѣ были страшны, потому что были недоступны, неуловимы и поражали наши войска на выборъ.

Люди опытные, и въ томъ числѣ краснорѣчивый Фадѣевъ, утверждаютъ, что десятокъ невидимыхъ оборвышей останавливалъ цѣлые баталіоны. Кто не знаетъ исторіи Ичнеринскихъ лѣсовъ, изъ которыхъ самъ князь Воронцовъ, съ громадными силами, едва успѣлъ спастись. Отсюда явилась система вырубки лѣсовъ, т. е. проложеніе въ лѣсахъ такихъ просѣкъ, по которымъ наши отряды могли бы безпрепятственно и безопасно двигаться внутрь вражеской страны и также безопасно возвращаться назадъ.

Что дѣлалось по этой части въ другихъ мѣстахъ—не знаю: но что сдѣлано на пути, намъ лежащемъ, всѣ мы видѣли своими изумленными глазами, потому что проходили именно этими баснословными просѣками, шириною на ружейный выстрѣлъ. Зрѣлище, по истинѣ изумительное! Трудно было усвоить себѣ понятіе, что все это сдѣлано руками человѣческими, руками безпримѣрныхъ кавказскихъ солдатиковъ. Нельзя было понять, что эти вѣковыя деревья, ужасающихъ размѣровъ въ вышину и ширину, пали не отъ какой нибудь страшной силы самой природы, а отъ пилы и топора. Надо замѣтить, что по однимъ отзывамъ эти невѣроятные результаты и недешево намъ доставались. Но никакіе великіе успѣхи недостижимы безъ разнородныхъ жертвъ; а потому лучше накинуть покрывало на прошедшія наши жертвы и неудачи и возблагодарить Бога, что такъ или сякъ—Онъ помогъ привести дѣло къ концу.

Но въ тотъ моментъ, о которомъ я говорю, до конца было еще далеко, хотя начала, положенныя графомъ Евдокимовымъ, были уже блистательны и обѣщали много въ будущемъ. Въ ряду этихъ началъ, взятіе Веденя, резиденціи Шамиля, того Веденя, къ которому мы подвигались этими невѣроятными просѣками, конечно стояло на первомъ планѣ. Я знаю и помню, какъ это событіе стояло высоко въ глазахъ самаго князя, знаю потому, что еще до взятія Веденя князь уже готовилъ собственноручно благодарственные приказы по арміи; знаю потому, что князь, въ теченіи нѣсколькихъ дней, съ этими готовыми приказами, постоянно и напряженно ждалъ

радостнаго извѣстія о взятіи Веденя, кажется задержанномъ нѣсколько дождями и распутицей.

Когда мы пришли въ Ведень, это уже была штабъ-квартира Куринскаго полка, а командиромъ его былъ тогда М. И. Чертковъ, нынѣшній наказный атаманъ Донскихъ казаковъ. Мѣстоположеніе Веденя представилось намъ довольно живописнымъ. Сколько могу припомнить, это довольно обширная, продолговатой формы, долина, въ концѣ которой стоялъ зàмокъ или дворецъ Шамиля. Съ понятнымъ любопытствомъ мы бросились смотрѣть этотъ дворецъ и испытали величайшее разочарованіе: смотрѣть было нечего, потому что ни дворца, ни зàмка никакого не было; была какая-то груда дикаго камня, имѣвшая форму большой сакли, да и та была на половину разрушена нашими пушечными выстрѣлами. Груда эта оказалась ни къ чему негодною, даже для нашей штабъ-квартиры потому, что она расположилась совершенно на другомъ мѣстѣ и обстроилась на Русскій ладъ. Наше любопытство гораздо болѣе было удовлетворено многоразличными разсказами о подробностяхъ взятія Веденя.....

Я не помню хорошо порядка дальнѣйшаго нашего слѣдованія. Знаю только, что, приходя на какую нибудь позицію, мы комфортабельно располагались, стояли здѣсь день, два, три и разъѣзжали изъ одной походной части въ другую въ гости къ начальникамъ ихъ и командирамъ, такъ какъ всѣ части занимали огромное пространство, и одна отъ другой располагались иногда на весьма значительное разстояніе. Средоточіемъ разумѣется, былъ штабъ князя. Собственно этотъ штабъ располагался слѣдующимъ образомъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ ставилась палатка князя, довольно обширная, но неимѣвшая ничего блестящаго, дотолѣ, пока ему не прислали или не подарили какую-то круглую татарскую палатку, составленную изъ безчисленныхъ кусковъ кошмы и обитую внутри шелковою матеріею съ окномъ верху, отъ которой князь сначала отказывался, отдавъ ее въ пользованіе Тромповскаго, но которую потомъ взялъ себѣ. Въ нѣкоторомъ, впрочемъ довольно близкомъ, разстояніи отъ палатки князя, располагалась громаднѣйшая (кажется лазаретная) палатка, образующая столовую залу для всѣхъ состоящихъ при князѣ, которыхъ число простиралось отъ 80 до 100 человѣкъ. За этою палаткою располагались походныя кухни, повара, прислуга, конвой и т. п. Все это составляло, такъ сказать, главный центръ. Отъ этого центра въ обѣ стороны шли улицы, образуемыя палатками и заселенныя свитою князя и разными лицами, принадлежащими къ штабу. Одна улица, идущая въ правую сторону отъ палатки князя, заключала въ себѣ собственно свиту и, причиняла много безпокойствъ князю, потому что эта веселая улица буквально никогда не умолкала. Первый, ближайшій къ палаткѣ князя пунктъ на этой улицѣ занимался моею палаткою, и отъ нея уже шли палатки другихъ членовъ свиты. Другая улица, идущая отъ палатки князя въ лѣвую сторону, улица, несравненно болѣе благонравная, чѣмъ наша, начиналась палаткою Д. А. Милютина, начальника главнаго штаба, отъ которой шли палатки начальника артиллеріи, начальника инженеровъ и т. п. Само собою разумѣется, что за главными палатками разныхъ лицъ, шли палатки ихъ прислуги, козаковъ и т. д., такъ что все это въ совокупности составляло значительный

городъ. Съ окончанiемъ нашей свитской улицы ставилась палатка графа Евдокимова, отъ которой тянулись палатки различныхъ мѣстныхъ начальниковъ и другихъ чиновъ. Затѣмъ на различныхъ точкахъ, кругомъ главнаго лагеря, располагались разнородныя части войскъ, такъ что куда ни взглянемъ кругомъ—всюду палатки. Съ наступленiемъ вечера всѣ окрестности оглашались музыкою и пѣснями. Потомъ, когда князь прiѣхалъ къ намъ, онъ не одинъ разъ замѣчалъ, что нашъ штабный городъ, по числу палатокъ, долженъ представляться непрiятелю самой грозной силой.

Между тѣмъ какъ мы стояли на одномъ мѣстѣ, прокладывались дороги, по которымъ мы должны были пробираться впередъ. Это прокладыванiе и устройство дорогъ для нашего пути составляло также предметъ, нелишенный занимательности. Я помню, на одной позицiи мы оставались довольно долго. Прямо отъ этой позицiи поднималась совершенно стѣной, громадная гора, и намъ говорили, что мы должны будемъ взбираться на эту гору что̀ казалось дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Между тѣмъ одному изъ путейскихъ офицеровъ, старому Кавказцу, Богъ вѣсть когда и какими судьбами туда занесенному, умному и образованному Декроа, поручено было дѣйствительно разработать подъемъ на эту стѣну. Декроа сдѣлалъ то что̀ обыкновенно дѣлаютъ на Кавказѣ при проложенiи горныхъ дорогъ—т. е. безчисленные зигзаги, которыми онъ изрѣзалъ гору и по этимъ зигзагамъ пробилъ узенькую тропиночку, по которой едва, едва могла проходить одна лошадь. Если взять эту гору прямо въ вышину, то разстоянiе ея подножiя отъ верхушки составитъ, быть можетъ, версту или полторы; устроенные Декроа зигзаги образовали протяженiе верстъ въ десять.

Въ назначенное время мы стали взбираться на эту достопамятную гору, и странно было видѣть змѣинообразное наше восхожденiе. Разумѣется, въ теченiи двухъ или трехъ часовъ, мы безпрерывно вертѣлись почти на одномъ мѣстѣ, такъ что вы постоянно могли разговаривать съ вашими знакомыми, находящимися вверху или внизу (такъ они были близки отъ васъ) а между тѣмъ, чтобъ соединиться съ ними, вамъ нужно было полчаса или даже часъ пути. Это восхожденiе памятно тѣмъ еще, что мой сотоварищъ и сотрудникъ Зиссерманъ подвергался здѣсь величайшей опасности. На одномъ изъ безчисленныхъ зигзаговъ лошадь его чего-то испугалась, повернула въ сторону, и, не удержавшись на чрезвычайно-узкомъ пространствѣ дорожки, покатилась внизъ и съ Зиссерманомъ. Они катились довольно долго съ зигзага на зигзагъ и всѣ ожидали самаго печальнаго конца; но какъ всѣ тропинки заняты были сплошь идущими вверхъ лошадьми и людьми, то этому только и Зиссерманъ и конь были обязаны своимъ спасенiемъ: гдѣ-то внизу на одномъ изъ поворотовъ ихъ задержали....

Надобно замѣтить, что главная задача этого проложенiя дорогъ заключалась въ томъ, чтобъ пробить въ горныхъ скалахъ, надъ страшными пропастями, какую нибудь тропинку, по которой можно было бы пробраться въ одну лошадь, и эта задача не всегда разрѣшалась удовлетворительно. Я уже не говорю о паденiяхъ вьючныхъ лошадей, которыя, невольно ударяясь своимя вьюками о скалы, валились въ кручь. Приведу случай, который былъ предъ моими глазами.

Ужъ не помню гдѣ, мы поднимались на величайшую крутизну по самой узенькой тропинкѣ, по одну сторону которой стояли отвѣсныя скалы, а по другую виднѣлись бездонныя пропасти. Шли мы въ одну лошадь самымъ осторожнымъ образомъ. Случилось такъ, что впереди меня шелъ Лимановскій (потомъ дежурный генералъ Кавказской арміи) впереди его какой-то казакъ и т. д. Вдругъ чрезъ Лимановскаго я замѣтилъ, что козакъ пропалъ, и въ туже минуту въ пропасть посыпалось съ безконечнымъ шумомъ множество камней. Я былъ убѣжденъ, что съ этими камнями полетѣлъ и казакъ.. Лимановскій мгновенно остановился и соскочилъ съ лошади; я послѣдовалъ его примѣру. Оказалось, что ленточка, по которой мы тянулись, такъ была узка и ненадежна, что лошадь козака проломила ее задними ногами и оборвалась; но козакъ такъ былъ ловокъ, что онъ успѣлъ не только соскочить съ сѣдла самъ, но и вытянуть за поводья висящую на переднихъ ногахъ лошадь. Нѣсколько мгновеній мы съ Лимановскимъ остановились предъ этимъ неожиданнымъ проваломъ; больше раздумывать было нечего, потому что нечего было ожидать, чтобы намъ стали чинить эту дорогу или прокладывать другую или, наконецъ, подали покойные экипажи на лежачихъ рессорахъ; мы перепрыгнули сами чрезъ этотъ провалъ и заставили перескочить нашихъ лошадей, потомъ сѣли на нихъ и продолжали путь, какъ ни въ чемъ не бывало. Такимъ же конечно образомъ поступили и всѣ тѣ, которые слѣдовали за нами.

Есть пословица: «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился.» Эту пословицу, по всей справедливости, можно было бы приложить къ нашему походу, еслибы не существовало другой пословицы: «на людяхъ и смерть красна.» Эта послѣдняя пословица находила полнѣйшее примѣненіе къ моему личному поведенію во время похода, да безъ сомнѣнія и къ поведенію всѣхъ. Въ слѣдствіе тойже черты Великороссійскаго характера, о которой я выше говорилъ, послѣ первыхъ, не совсѣмъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя производили на меня невообразимыя горы, страшныя пропасти и горныя тропинки, я не только освоился съ ними, но даже производилъ такія штуки, которыя составили мнѣ репутацію смѣлаго человѣка. Теперь, вспоминая всѣ то, что было и происходило во время похода, я самъ недоумѣваю: неужели это я самъ лично тамъ былъ и дѣйствовалъ именно такъ, какъ дѣйствовалъ? Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, еслибы мнѣ обѣщали разомъ десять звѣздъ за то, чтобы я повторилъ все то, что выдѣлывалъ въ походѣ, я уклонился бы отъ этой выгодной сдѣлки. Между тѣмъ въ то время я плавалъ въ разнородныхъ опасностяхъ, какъ рыба въ водѣ. Я не только не испытывалъ чувства какого либо смущенія и робости тамъ, гдѣ никто не робѣлъ и не смущался, но считалъ долгомъ выказать и проявить наибольше презрѣнія къ опасностямъ, наибольше потому именно, что я былъ гражданскій человѣкъ, и при малѣйшемъ колебаніи съ моей стороны на меня посыпались бы насмѣшки, и я сдѣлался бы непремѣнно предметомъ различныхъ анекдотовъ, нестолько дѣйствительныхъ, сколько вымышленныхъ, для чего въ мірѣ, меня окружавшемъ, имѣлись величайшіе художники.

Отсюда происходило, что и по этимъ горнымъ тропинкамъ я постоянно ры-

скалъ изъ конца въ конецъ, если только была малѣйшая возможность объѣзжать безконечныя вереницы, по нимъ тянувшіяся. Мое мѣсто было вблизи князя, среди наиболѣе важныхъ лицъ, его окружавшихъ; но я мало имъ пользовался, предпочитая разъѣзжать отъ одного знакомаго къ другому. Казакамъ, которые составляли громадное большинство въ этихъ вереницахъ, я порядкомъ надоѣдалъ. Мнѣ особенно нравилось, объѣзжая ихъ, говорить: «вправо» или «влѣво» и видѣть, какъ по этому слову козаки отступали въ сторону и открывали мнѣ дорогу. Нерѣдко приходилось мнѣ слышать наивныя замѣтки этихъ людей на мой счетъ: «вотъ генералъ непосѣдной» говорили они, или «ну ужъ юркой генералъ! все рѣжетъ то туды, то сюды».

По мѣрѣ нашего движенія впередъ замѣтно становилось, что мы поднимались къ небесамъ. Страшныя, большею частію скалистыя горы, среди которыхъ, казалось, ничего разобрать нельзя было, обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Люди знающіе, указывая по сторонамъ, говорили, что это вотъ то, а это вотъ то. Я ничего разобрать и различить не могъ. Повсюду торчали сѣрые пики или вершины горъ, отъ которыхъ вѣяло какою-то страшною дикостью и безжизненностію. Казалось, мы зашли въ какой-то невѣдомый и необитаемый міръ, въ которомъ человѣческому глазу не представлялось рѣшительно ничего жизненнаго.

Первое появленіе страшной высоты, на которую мы взобрались, я замѣтилъ въ томъ, что я лично сталъ испытывать какое-то удушье. Дышать для меня становилось чрезвычайно тяжело, и я уже думалъ, что пріобрѣлъ какую нибудь новую болѣзнь; но доктора, находившіеся въ отрядѣ, увѣрили меня, что это происходитъ отъ сильной разрѣженности горнаго воздуха. Потомъ стали являться болѣе положительные признаки нашего чрезъ чуръ возвышеннаго положенія: это тучи и облака, плавающія внизу насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я не увижу уже никогда такихъ картинъ, которыя въ то время развертывались предъ моими глазами. Такъ напр. случалось часто, особенно по утрамъ, что все лежащее подъ нами пространство казалось наполненнымъ необъятнымъ количествомъ растрепанной хлопчатой бумаги, сквозь которую рѣшительно ничего нельзя разглядѣть. Это были облака, окружавшія насъ и разсыпавшіяся подъ нами. Случалось также, что въ этой массѣ облаковъ, плавающихъ подъ нами, гремѣлъ громъ и сверкала молнія. Все это поражало меня въ высшей степени, и я чрезвычайно удивлялся, что другіе такъ мало удивляются этимъ невиданнымъ мною и дѣйствительно дивнымъ картинамъ. Доказательствомъ страшной высоты нашего положенія служило и то, что тѣ маленькіе пригорки, которые представлялись намъ внизу, оказывались, когда мы спускались къ нимъ при рекогносцировкахъ, также значительными горами.

Крутизны, которыми мы были постоянно окружены, представляли ужасающій видъ. Козацкія и вьючныя лошади, пущенныя на пастьбу съ стреноженными ногами, взбираясь осторожно вверхъ или спускаясь внизъ, казались едва замѣтными точками, меньше барановъ. Однажды, сидя у своей палатки, я видѣлъ, какъ одна изъ этихъ несчастныхъ лошадей оступилась, покатилась съ страшной высоты, почти по отвѣсной горѣ, внизъ и осталась на мѣстѣ. Вообще о какой

нибудь площадкѣ, ровномъ, хотя небольшомъ пространствѣ, мы забыли и думать.

Въ время пребыванія нашего на этихъ возвышенностяхъ мы большею частію испытывали чувство холода, такъ что для Фадѣева, прибывшаго потомъ въ нашъ лагерь, изъ отряда барона Врангеля, не было болѣе высшаго наслажденія, какъ поставить самоваръ, внести его въ мою палатку и закрыть ее со всѣхъ сторонъ. Часто поднимались свирѣпѣйшіе вѣтры, и для противудѣйствія ихъ неистовымъ порывамъ, палатка князя обставлялась вплотную, другъ къ другу, солдатами, которые такимъ образомъ и удерживали ее. Многія изъ другихъ палатокъ просто срывались и уносились вѣтромъ, обнажая весь внутренній бытъ ихъ владѣтелей.

Само собою разумѣется, что наши позиціи располагались на такихъ мѣстахъ, гдѣ была вода. Но по этой части горы были крайне скудны, и вода большею частію добывалась изъ ключей и родниковъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ мы видѣли великолѣпныя озера съ такимъ обиліемъ великолѣпной форели, что, по выраженію князя, солдаты ловили ее «портками.» Картина этихъ озеръ была великолѣпна. Такъ и видно было, что если мы любуемся ихъ чистотою и прозрачностію, то и они сами какъ будто не мало удивлены нашимъ нежданнымъ нашествіемъ; видно было, что отъ сотворенія міровъ ихъ чистыя воды не оскверняялись прикосновеніемъ человѣка, такъ какъ кругомъ не было никакихъ ауловъ. Собственно рѣку, или лучше сказать, маленькую горную рѣченку я только видѣлъ одну и не только видѣлъ, но даже купался въ ней. Я помню, лагерь нашъ расположился на горѣ. Скоро стало извѣстно, что вблизи, въ двухъ или трехъ верстахъ, внизу есть какая-то рѣчка. Страшный охотникъ купаться, я тотчасъ отправился съ моимъ камердинеромъ отыскивать ее. Поиски наши продолжались недолго. Мы увидѣли не рѣку, въ русскомъ смыслѣ слова, а маленькій, горный и потому сердитый ручеекъ, въ которомъ мнѣ и уложиться было трудно. Увлеченный однакоже ожидаемымъ наслажденіемъ погрузиться въ холодныя струи, я рѣшился все таки совершить мое купанье, во что бы то ни стало. Раздѣвшись, я уложился въ ручей сначала однимъ бокомъ, потомъ другимъ, потомъ спиной и т. д. Во время этой операціи, на противоположномъ берегу стояло нѣсколько туземныхъ оборвышей въ косматыхъ шапкахъ, съ винтовками за спиной и смотрѣли на мои переворачиванія. Когда я возвратился въ лагерь и разсказалъ объ этихъ молчаливыхъ свидѣтеляхъ моего купанья товарищамъ, мнѣ сначала не хотѣли вѣрить; а когда повѣрили, стали упрекать меня за мое безразсудство, которое могло очень дурно кончиться и удивительно, что не такъ кончилось: потому что для горца нѣтъ выше удовольствія, да удовольствія еще священнаго, какъ подстрѣлить гяура.

Кстати о горцахъ. Я рѣшительно не знаю, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ намъ въ этотъ моментъ. Замѣтно было, однакоже что въ слѣдствіе взятія Веденя, нѣкоторые ближайшіе племена или аулы рѣшились сдержать свои враждебныя дѣйствія. Объ этомъ я заключаю потому, что меня не застрѣлили во время купанья моего, а еще болѣе потому, что на нѣкоторыхъ пунктахъ нашихъ переходовъ близь Веденя и преимущественно въ палаткахъ на-

шего знаменитаго маркитанта Лебедева, которыхъ мы не оставляли постоянными нашими посѣщеніями, насъ окружали иногда толпы туземныхъ горцевъ (мирныхъ или немирныхъ, это я уже плохо знаю). Въ желаніи привлечь ихъ окончательно на нашу сторону гражданскими дѣйствіями, я обильно осыпалъ ихъ различными сластями, которыя Лебедевъ, вмѣстѣ съ другими припасами, передвигалъ въ огромныхъ количествахъ. Помню очень хорошо, что они относились къ этимъ сластямъ съ величайшимъ недовѣріемъ, такъ что я долженъ былъ самъ все это ѣсть предъ ихъ глазами для удостовѣренія, что тутъ нѣтъ никакой отравы. За всѣмъ тѣмъ, однакоже, не возможно было истребить ихъ подозрительности. Когда одни, по видимому, рѣшались рискнуть, другіе начинали на нихъ шумѣть по татарски и удерживали ихъ. Такимъ образомъ мои гражданскіе опыты окончательнаго умиротворенія этихъ людей оказались неудачными, такъ что, подъ вліяніемъ нѣкоторой досады, я спрашивалъ всѣхъ: «что же это за народъ? мирной или немирной?» — «А чортъ его знаетъ!» отвѣчали мнѣ «сегодня мирной, среди нашихъ штыковъ; а завтра, если придется, отлично зарѣжетъ каждаго изъ насъ!»

Наконецъ наступилъ день прибытія князя въ нашъ лагерь. Уже не помню, на какой позиціи это было; помню только, что мѣстоположеніе было неблистательно и изобиловало въ особенности какими-то буграми и пригорками. Встрѣча князя была великолѣпна. Войскъ сосредоточено было на этой позиціи весьма много. Съ ранняго утра все пришло въ движеніе и стало располагаться на назначенныхъ мѣстахъ. Длинныя линіи войскъ, разставленныя по неровной мѣстности, представляли оригинальную картину, слишкомъ различную отъ тѣхъ, какія представляютъ намъ всевозможные Петербургскіе парады. Вся свита, къ которой и я былъ примкнутъ, имѣла свое отдѣльное мѣсто и старалась, елико можно, выравняться, что̀ представляло не малый трудъ потому, что наши кабардинскіе кони не очень-то способны были сохранять стройное и почтительное положеніе. Ожиданіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, длилось долго. Наконецъ изъ-за безчисленныхъ бугровъ и пригорковъ стали показываться несущіеся во весь опоръ передовые всадники, а за тѣмъ появился и самъ князь съ своимъ значкомъ и своимъ конвоемъ.

Я не могу удержаться, чтобъ не сказать для людей, конечно, мало знакомыхъ съ военнымъ бытомъ на Кавказѣ, что значокъ — вещь великолѣпная! Это какое-то личное знамя, которое всегда слѣдуетъ за тѣмъ, кому оно принадлежитъ. Такимъ образомъ этотъ значокъ былъ не только у князя, но и у графа Евдокимова и у многихъ другихъ значительныхъ лицъ. Я не знаю, опредѣлено ли закономъ, кто можетъ имѣть эти значки и кто не можетъ; не знаю даже, составляютъ ли они исключительную принадлежность Кавказа, или употребляются въ другихъ мѣстахъ; но дѣло въ томъ, что во время нашего похода я видѣлъ много и у многихъ — этихъ значковъ, которые напоминаютъ что-то рыцарское. Само собою разумѣется, что у князя былъ наивеликолѣпнѣйшій значокъ. Это было большое знамя, вышитое и разшитое золотомъ и серебромъ, среди котораго изображенъ былъ родовой княжеской гербъ князя. Это знамя вѣчно развѣвалось среди группы, сопровождавшей князя. У другихъ эти

значки, конечно, были менѣе роскошны и представляли или также родовые гербы или другія эмблематическія изображенія. Именно по этимъ значкамъ можно было узнать на далекомъ разстояніи, кто именно ѣдетъ, ибо развѣвающееся знамя и находящееся на немъ изображеніе тотчасъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Громогласное: ура! встрѣтило появленіе князя. Среди этихъ кликовъ князь объѣхалъ ряды войскъ въ сопровожденіи различныхъ генераловъ и свиты, къ нему примкнувшихъ и потомъ сталъ на возвышенное мѣсто, заблаговременно избранное. Съ этого мѣста, снявъ фуражку, князь сталъ говорить войскамъ, что самъ Государь велѣлъ ему благодарить ихъ за отличную службу, что Государь надѣется, что, сдѣлавъ такъ много, они въ доставь покорятъ горы и т. п.

Здѣсь я позволяю себѣ замѣтить, что, читая часто въ заграничныхъ извѣстіяхъ, что такой-то король или такой-то ораторъ говорилъ то-то и то-то народу или читая различныя исторіи, изображавшія, какъ такой-то полководецъ воодушевилъ своею рѣчью войска и т. п., я всегда недоумѣвалъ, какъ это дѣлается на практикѣ! Недоумѣніе это было для меня тѣмъ мучительнѣе, что я самъ нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ числу публичныхъ говоруновъ, недавно появившихся въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Одаренный отъ природы крѣпкимъ и здоровымъ голосомъ, я по опыту зналъ, что даже въ залѣ, густо набитой слушателями, трудно говорить такъ, чтобы и задніе ряды могли слушать внятно всѣ слова оратора! Какимъ же образомъ всѣ эти короли и полководцы могли воодушевлять своихъ слушателей, которыхъ уже было не сотни, а тысячи, и когда они размѣщались не въ залѣ какой нибудь, какъ бы ни была она обширна, а на поляхъ и долахъ? Поэтому я съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидалъ, не разрѣшитъ ли моихъ неодумѣній рѣчь, обращенная княземъ къ войску. Увы! сколько князь ни махалъ своей фуражкой—солдаты ничего не слыхали и не понимали. Услыхали только: ура! раздавшееся въ группѣ, окружавшей князя и во слѣдъ ему какъ-то безсознательно и вяло стали кричать свое: ура! Князь тотчасъ все это понялъ и потому мгновенно разослалъ во всѣ концы своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ объявить солдатамъ, что самъ Государь ихъ благодаритъ. Тогда, конечно. по рядамъ войскъ понеслось болѣе сознательное, болѣе рѣшительное и болѣе крѣпкое новое ура! Когда крики эти стихли, началось такъ называемое церемоніальное прохожденіе всѣхъ войскъ мимо князя. Оно было похоже на всѣ подобныя упражненія этого рода съ тѣмъ только различіемъ, что видъ солдатъ, уступая во внѣшнемъ изяществѣ гвардейскимъ солдатамъ, далеко превосходилъ ихъ со стороны молодечества, со стороны безконечной отваги, которая, прежде всего, кидалась въ глаза на смуглыхъ, загорѣлыхъ физіономіяхъ Кавказцевъ. Для меня всего удивительнѣе было видѣть въ этихъ стройныхъ рядахъ какую-то далеко неизящную толпу грязныхъ оборвышей, въ какихъ-то длинныхъ балахонахъ, съ огромными папахами на головахъ, съ клочьями бараньей шерсти, спускающимися отъ папахъ на ихъ и безъ того непривлекательныя физіономіи! Это были такъ называемые охотники Кабардинскаго полка, впервые, учрежденные княземъ во время командованія имъ этимъ полкомъ. Главная обязанность этихъ охот-

никовъ состояла въ томъ, чтобъ одичать, насколько можно, шляться по лѣсамъ и подстрѣливать горцевъ, какъ дичь, всюду, гдѣ только можно. Въ этихъ оборванныхъ и страшныхъ фигурахъ, когда они проходили предъ княземъ, менѣе всего можно было узнать Русскихъ солдатъ.

По окончаніи парада, князь, а за нимъ все знатное и значительное направилось къ той громадной столовой палаткѣ, о которой я говорилъ и въ которой, на этотъ разъ, приготовленъ былъ общій парадный обѣдъ. Предназначалось что и князь будетъ съ нами обѣдать; но онъ пріѣхалъ къ намъ полубольной: подагра снова начинала къ нему придираться, и потому онъ обѣдать съ нами не могъ, хотя оставался все время въ этой палаткѣ и, уложивъ покойно свои больныя ноги въ извѣстномъ положеніи, продолжалъ переговаривать то съ тѣмъ, то съ другимъ......

Съ прибытіемъ князя въ нашъ лагерь, начались усиленныя рекогносцировки дальнѣйшей мѣстности. Начинались они съ самаго ранняго утра, часовъ въ пять и часто продолжались до пяти часовъ вечера, такъ что люди совершенно изнемогали, а лошади у многихъ козаковъ и у свитскихъ или просто падали, или становились въ тупикъ и не доходили до мѣста.... Отличительный характеръ этихъ поѣздокъ состоялъ въ томъ, что мы безпрерывно поднимались на скалы и спускались съ нихъ въ пропасти и ущелья. Непріятеля мы мало видѣли, на что ужасно злобствовали мои воинственные друзья, жаждавшіе подраться; изрѣдка только, гдѣ нибудь, въ отдаленіи, покажется непріятельскій пикетъ и скоро скроется. Замѣчательной чертой этихъ путешествій можно считать то, что, почти постоянно находясь между скалъ и пропастей, т. е. предъ зубами смерти, мы почти не имѣли никакихъ несчастій, а если что̀ и было, то такъ ничтожно, что и упоминать не стоитъ.

Лично я только разъ задумался надъ вопросомъ: останусь ли живъ или умру? При одной изъ подобныхъ поѣздокъ, спустившись съ нашей возвышенной позиціи, мы должны были переходить какую-то топкую ложбину. Я шелъ вблизи князя, рядомъ съ гр. Евдокимовымъ. Предъ нами очутилось что-то въ родѣ канавы или рва. Гр. Евдокимовъ спокойно повернулъ свою лошадь и объѣхалъ это памятное мнѣ мѣсто. Я поѣхалъ прямо и, по манежнымъ правиламъ желая предупредить свою лошадь объ этой канавѣ, прибралъ поводья, и нѣтъ сомнѣнія, что этимъ испортилъ все дѣло. По общимъ отзывамъ знатоковъ и линейныхъ козаковъ, при всѣхъ опасныхъ переходахъ, какого бы свойства они ни были, самое лучшее средство для исполненія ихъ —дать туземной лошади полнѣйшую свободу. Я нарушилъ это правило и порядкомъ поплатился за то. Едва я подобралъ поводья, какъ въ тотъ же моментъ лошадь моя передними ногами провалилась въ эту яму. Мнѣ предстояло перелетѣть чрезъ ея голову и запутавшись въ стременахъ представить довольно драматическое зрѣлище; но я удержался и висѣлъ, такъ сказать, надъ лошадиною головою. Все это однакоже продолжалось одно мгновеніе. Сильная лошадь быстро рванулась всѣмъ передомъ изъ канавы, и я получилъ при этомъ движеніи сильнѣйшій ударъ въ грудь. Въ глазахъ потемнѣло, дыханіе стѣснилось, и тутъ то я подумалъ: кончено! Еслибы ударъ этотъ нанесенъ былъ головою лошади—дѣйствитель-

но все было бы кончено; но къ счастію лошадь ударила меня только своею шеею. Безсознательно я отъѣхалъ въ сторону и ждалъ, что̀ будетъ. У меня до такой степени захватило духъ, что я слова произнести не могъ, такъ что всѣ проносились мимо меня, рѣшительно ничего не замѣчая. Чрезъ нѣсколько секундъ или минутъ я почувствовалъ возможность дышать и хотя грудь страшно ломило, но я видѣлъ, что обстановка, въ которой я находился, исключала всякую мысль о какихъ либо нѣжныхъ и попечительныхъ пособіяхъ. Всѣ неслись, какъ угорѣлые, и мнѣ рѣшительно ничего не оставалось, какъ нестись за ними, предоставивъ остальное на волю Божію. Дѣло кончилось такъ хорошо, что на обратномъ пути я уже рѣшительно не чувствовалъ никакихъ послѣдствій этого случая.

Послѣ этихъ рекогносцировокъ и передвиженій съ одной позиціи на другую, мы прибыли наконецъ на позицію, которая на моихъ оффиціальныхъ бумагахъ, называлась: «на Андійскихъ высотахъ близъ аула Тандо.» На этой позиціи мы стояли долго, и на ней собственно совершилось покореніе Восточнаго Кавказа; а потому и я долженъ посвятить ей большую часть моихъ воспоминаній.

Прежде чѣмъ мы окончательно заняли эту позицію, мы предварительно обозрѣвали ее разъ или два. Изобразить ее со стороны природы едва ли въ состояніи самое искусное перо. На этой-то преимущественно позиціи мы видѣли плавающія внизу облака и грозы, въ нихъ разражавшіяся. Съ высотъ, на которыхъ мы стояли, въ лѣвую сторону виднѣлся безконечный рядъ скалистыхъ, сѣрыхъ, какихъ-то безжизненныхъ вершинъ. Люди знающіе и опытные, показывая на эти вершины, говорили, что тамъ находятся какія-то Андійскія ворота; тамъ же находится мѣсто или аулъ, кажется, «Ичичали,» а въ немъ стоитъ самъ Шамиль съ своими мюридами и пушками. Для неопытнаго глаза ничего ни понять, ни разглядѣть было невозможно: все сливалось въ какую-то сѣрую мглу, въ сѣдой туманъ, въ которомъ прорѣзывались безчисленные горные, пики. Въ праву сторону отъ насъ, на первомъ планѣ, далеко внизу, виднѣлся аулъ Тандо, за нимъ ровная по видимому плоскость, потомъ берега Андійскаго Койсу, бѣшеной горной рѣки, а за нимъ лагерь сына Шамиля, немногія палатки котораго и происходившее тамъ движеніе составляли предметъ особенныхъ наблюденій съ нашей стороны. Прямо предъ нами, внизу, открывалась необозримая долина, съ нѣкоторыми пригорками, оказавшимися впослѣдствіи, когда мы спускались туда, тоже большими горами.

Я помню очень хорошо день занятія этой позиціи. Когда мы пришли къ ней, князь сошелъ съ лошади и сѣлъ на краю возвышенности. Его примѣру послѣдовали всѣ. Посредствомъ зрительныхъ трубъ найдено было, что лежащій внизу аулъ Тандо не очищенъ еще жителями, и потому князь приказалъ немедленно занять его. Начальникомъ дѣйствующихъ войскъ считался въ этотъ моментъ баронъ Николаи, братъ статскаго барона Николаи, нынѣ генералъ-адъютантъ. Занятіе аула предоставлено было Кабардинскому полку, части котораго немедленно и отправились внизъ. Всѣ мы, расположенные на обрывахъ возвышенности, сидѣли, какъ въ партерѣ и ожидали занятія аула, какъ ожидаютъ въ театрѣ начала какого нибудь спектак-

ля. Само собою разумѣется, что для меня это ожиданіе было исполнено наибольшаго интереса въ слѣдствіе самой новости подобныхъ дѣлъ. Ожиданіе наше длилось очень долго, потому что самый спускъ, по которому шли наши войска, оказался необъятнаго протяженія. Вдругъ сдѣлалось замѣтнымъ величайшее движеніе въ аулѣ; стали раздаваться выстрѣлы, постепенно учащаясь. Я помню, что я былъ очень удивленъ звукомъ этихъ выстрѣловъ: отъ свойства ли горной атмосферы, или отъ устройства винтовокъ—звукъ этотъ вовсе не походилъ на звукъ нашихъ обыкновенныхъ выстрѣловъ; это былъ скорѣе какой-то деревянный стукъ, сухой и короткій. Прислушиваясь къ этому стуку, я понялъ, почему на Кавказѣ, говоря о горцахъ, вмѣсто напр. «начали стрѣлять» говорятъ: «застукали», или вмѣсто: «застрѣлили» говорятъ: «устукали». Стукотня эта была, впрочемъ, непродолжительна; прежде нежели мы могли замѣтить приближеніе нашихъ войскъ (скрываемыхъ извилинами спуска) къ аулу, мы увидѣли, что изъ аула потянулись конныя партіи горцевъ, продолжая стрѣлять назадъ, кажется больше для собственнаго удовольствія, чѣмъ для дѣйствительной пользы. Такое поспѣшное отступленіе рѣшительно разочаровало насъ, ожидавшихъ видѣть зрѣлище свалки; но оно тотчасъ объяснилось, когда мы увидѣли фигуры той охотничьей команды Кабардинскаго полка, о которой я говорилъ, заходившія съ обѣихъ сторонъ аула на значительномъ отъ него разстояніи; этотъ обходъ, по видимому, и заставилъ горцевъ убираться по добру, по здорову.

Когда такимъ образомъ аулъ занятъ былъ нашими войсками, князь потребовалъ коня, сѣлъ на него и сталъ спускаться къ аулу. Разумѣется, его примѣру послѣдовали всѣ. Я никогда не забуду этого достопамятнаго спуска. Онъ превосходилъ все, что мы до тѣхъ поръ видѣли и проходили. Начать съ того, что онъ тянулся, какъ говорили, пять верстъ. Крутизну онъ представлялъ невообразимую. Лошади, спускаясь, положительно садились назадъ. Всадники предоставляли себя Богу, да ловкости коня. Къ этому надобно прибавить, что дорога по этому спуску представляла почву изрытую, обрывистую, усѣянную громадными камнями, такъ что лошади почти на каждомъ шагу должны были преодолѣвать эти препятствія. Но что всего было отвратительнѣе—это то, что спускъ этотъ не имѣлъ прямой линіи внизъ, а безпрерывно извивался и загибался. Спускаясь напр. съ одного поворота, ждешь, когда онъ кончится, въ надеждѣ, что за поворотомъ дорога будетъ лучше. Повернулъ и обомлѣлъ! Еще круче, еще хуже.

Я помню, когда пріѣхалъ въ нашъ лагерь остроумный Ч—евъ, князь нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы онъ также участвовалъ въ рекогносцировкахъ, которыя разумѣется, должны были начинаться съ этого милаго спуска. Надо замѣтить, что Ч—евъ природный Грузинъ, слѣдовательно природный ѣздокъ, хотя уже немножко отяжелѣвшій и отвыкшій отъ джигитскихъ замашекъ. Онъ нѣсколько разъ порывался исполнить желаніе князя и спуститься внизъ, но каждый разъ возвращался съ дороги и выдумывалъ для представленія князю различные уважительные предлоги; въ дружеской же бесѣдѣ чрезвычайно остро и забавно разсказывалъ дѣйствительныя причины, заставляв-

шія его возвращаться. «Это чортъ знаетъ, что такое!» говорилъ онъ между прочимъ, «развѣ можно порядочнымъ людямъ ѣздить по такимъ дорогамъ? Постоянно висишь надъ пропастью, а подъ ногами камень на камнѣ. Думаешь вотъ поверну—пойдетъ ровно. Не тутъ то было: еще хуже! Можетъ быть-за новымъ поворотомъ будетъ лучше: еще хуже! Я думаю, что черти въ адъ спускаются покойнѣе. Нѣтъ, слуга покорный! Если Шамиля суждено поймать — поймаютъ и безъ меня. А я по пусту, изъ одной любви къ искусству, головы ломать не намѣренъ!« и т. п.

Но я по этому спуску въ тотъ моментъ, о которомъ говорю, ѣхалъ въ первый разъ, подлѣ самого князя, и само собою разумѣется, что мысль о возвращеніи не могла мнѣ и въ голову придти уже потому, что исполненіе ея покрыло бы меня вѣчнымъ позоромъ. Князь ѣхалъ спокойно и съ улыбкою смотрѣлъ, какъ моя лошадь спускалась на хвостѣ. Всему бываетъ конецъ; былъ конецъ и этому спуску. Мы въѣхали въ занятой аулъ по узенькой извивающейся улицѣ и въ слѣдъ за княземъ вошли на какую-то башню или крѣпость, съ которой открывался обширный видъ Свитскіе товарищи мои недолго, однакоже, наслаждались этимъ видомъ и потребовали у меня открытія на пользу общую всѣхъ моихъ запасовъ. Мы спустились съ башни и дружно принялись за поиски моего козака, у котораго находился мой подвижной запасный магазинъ. Когда козакъ былъ отысканъ, мы расположились на берегу какого-то ручья и такъ дружно занялись своимъ завтракомъ, что даже прозѣвали жаркую схватку, происшедшую на противоположной сторонѣ аула. Дѣло въ томъ, что когда князь находился на башнѣ, противъ нея, въ отдаленіи, показалась партія конныхъ горцевъ. Преслѣдовать и разсѣять ее предоставленно было какому-то туземному полку или отряду, недавно предъ тѣмъ въ чемъ-то провинившемуся. Нашъ конный отрядъ, чтобы смыть лежавшее на немъ пятно, яростно кинулся на вражескую партію и быстро разсѣялъ ее, при чемъ было убито нѣсколько человѣкъ. Дѣло было исполнено такъ мгновенно, что не только мы, бывшіе въ отдаленіи и углубившіеся въ свои спеціальныя занятія, но и многіе другіе ничего не видали.

Обозрѣвъ открывающуюся изъ этого аула мѣстность, князь потянулся назадъ, а за нимъ двинулась и безконечная вереница, составлявшая его хвостъ. Подъемъ былъ столь же утомителенъ, сколько и скученъ только съ другой стороны: если при спускѣ вы должны были, во избѣжаніе удовольствія полетѣть чрезъ голову лошади, ложиться ей на спину, то при подъемѣ вы должны были держаться за гриву лошади, чтобъ не съѣхать съ сѣдла назадъ. Поднявшись, мы расположились: «на Андійскихъ высотахъ, близь аула Тандо».

На этой позиціи, какъ я сказалъ уже, мы стояли весьма долго. Замѣтно было, что здѣсь совершались важныя военныя соображенія, ожидались извѣстія изъ другихъ отрядовъ, велись переговоры, дѣлались окончательныя предположенія......

Что подѣлывалъ, между тѣмъ, мой спутникъ и сподвижникъ Зиссерманъ? Ему поручены были занятія верблюдами. «Какъ верблюдами?» восклицаетъ изумленный читатель. „Да также" отвѣчаю я. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода какое-то общество, народъ или племя предложило на общую

пользу, безплатно, нѣсколько верблюдовъ съ такимъ впрочемъ условіемъ, что если верблюдъ падетъ во время похода, то въ этомъ случаѣ за него должно быть выплачено жертвователямъ 50 р. Для какихъ именно надобностей могли быть употреблены эти верблюды—я не знаю; но только мы видѣли на нашихъ позиціяхъ, что эти неуклюжія животныя съ длинными шеями, съ огромными горбами какъ-то уныло бродили или стояли по окрестнымъ скаламъ. Скоро мы стали видѣть трупы этихъ животныхъ. Они начали падать! Соображенія о причинахъ этого падежа были чрезвычайно разнообразны. Одни утверждали, что они не способны переносить горныхъ походовъ; другіе—что въ скалахъ они не находятъ достаточной пищи; большинство же было такого мнѣнія, что мошенники татары, предложившіе ихъ для похода, съ уплатою за каждаго павшаго верблюда по 50 руб., нашли въ этомъ весьма выгодную спекуляцію и по всей вѣроятности поручили приставленнымъ къ нимъ погонщикамъ скорѣе переморить ихъ, чтобъ скорѣе получить слѣдующія за нихъ деньги.

Между тѣмъ князь, по прибытіи въ нашъ лагерь, обратилъ на этотъ предметъ самое ближайшее вниманіе и занялся верблюдами съ обычною энергіею. По видимому онъ хотѣлъ разрѣшить положительнымъ образомъ задачу о годности верблюдовъ для горныхъ кавказскихъ походовъ. Въ сотрудники по разработкѣ этой задачи онъ взялъ именно Зиссермана. Явились откуда-то брошюры объ участіи верблюдовъ въ военныхъ передвиженіяхъ по Алжиру; составлялись извлеченія изъ этихъ брошюръ, писались спеціальныя инструкціи объ уходѣ за верблюдами; наконецъ избранъ былъ одинъ изъ офицеровъ для ближайшаго попеченія надъ ними, который постоянно являлся съ докладами къ Зиссерману о состояніи ихъ здоровья. Но увы! чѣмъ болѣе самъ князь, Зиссерманъ и этотъ офицеръ, ближайшій ихъ попечитель, старались объ улучшеніи судьбы несчастныхъ верблюдовъ, тѣмъ сильнѣе они падали. Каждое утро, выходя изъ своихъ палатокъ мы привыкли уже смотрѣть въ мѣсто расположенія верблюдовъ и всегда замѣчали новые трупы. Громадные трупы этихъ громадныхъ животныхъ чрезвычайно рельефно вырисовывались на окрестныхъ возвышеніяхъ и отмѣчали, такъ сказать, слѣды нашего шествія впередъ. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что всѣ верблюды передохли, и Зиссерманъ остался безъ дѣла, до тѣхъ поръ, пока военныя событія или, лучше сказать, начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа не представило ему въ высшей степени интересныхъ матеріаловъ для тѣхъ писемъ, которыя онъ сталъ высылать изъ похода въ редакцію Петербургскихъ газетъ и которыя, сколько извѣстно, читались въ свое время съ величайшимъ любопытствомъ.

III.

Начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа! Я по истинѣ затрудняюсь, съ какой стороны приступить къ этому важному событію. Чуждый всѣхъ военныхъ соображеній и обстоятельствъ, изъ которыхъ создалось это покореніе, я, само собою разумѣется, не могу имѣть ни малѣйшей претензіи разсматривать это событіе именно съ этой серьезной стороны. Да эта сторона, во первыхъ, не была бы мнѣ подъ силу ни въ какомъ случаѣ, а

во вторыхъ она уже разработана болѣе или менѣе во всевозможныхъ реляціяхъ и оффиціальныхъ донесеніяхъ. По этому мнѣ кажется, что я поступлю лучше, если, не становясь на ходули, буду просто разказывать только то, что̀ видѣлъ и слышалъ, съ сохраненіемъ единственнаго условія, положеннаго мною въ основаніе моихъ разсказовъ: не допускать ни одного слова сочиненнаго.

Продолжая оставаться на позиціи, называвшейся «Андійскими высотами, близъ аула Тандо», князь много разъ спускался съ этихъ высотъ, обозрѣвалъ внизу лежащую мѣстность и даже избралъ на ней пунктъ для нашего укрѣпленія, которое 6 Августа дѣйствительно было заложено и названо «Преображенскимъ». Мы, свитскіе, мало останавливались надъ вопросомъ: почему мы не двигаемся дальше? За Андійскимъ Койсу, по прежнему, виднѣлся лагерь сына Шамиля и оставался въ томъ же недвижимомъ положеніи, какъ и нашъ лагерь. Замѣтно было, впрочемъ, какъ я сказалъ уже, что въ высшихъ сферахъ что-то обдумывается, соображается, что-то ожидается. Передъ палаткою князя, по прежнему, стояли зрительныя трубы всевозможныхъ размѣровъ, направленныя въ ту сторону, гдѣ, по слухамъ и разсказамъ, стоялъ самъ Шамиль съ своими мюридами и своими пушками. Люди опытные, умѣющіе обращаться съ этими трубами, часто смотрѣли въ нихъ и разсказывали, что̀ они видѣли. Я тоже много разъ принимался смотрѣть въ эти трубы, но кромѣ неба да горъ никогда ничего не умѣлъ замѣтить, не смотря на многоразличныя наставленія, которыми меня осыпали.

Я очень живо помню одно, истинно-прекрасное, утро, когда я вмѣстѣ съ другими находился близъ палатки князя. Князь, замѣтивъ меня въ толпѣ свитскихъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я приблизился къ нему.

«Ну батюшка», весело и таинственно сказалъ мнѣ князь, «я скажу вамъ славную вещь; только смотрите, не говорите никому. У Шамиля революція! Онъ бѣжалъ. Ну ступайте, да Бога ради не разболтайте»! По правдѣ сказать, я плохо понялъ, въ чемъ тутъ дѣло; тѣмъ не менѣе мнѣ очень пріятно было видѣть, съ одной стороны, что князь спѣшилъ подѣлиться со мной радостными извѣстіями, а съ другой, что дѣла приняли такой блестящій оборотъ. Оказалось, что изъ мѣста, гдѣ находился Шамиль, явилось въ нашъ лагерь нѣсколько горскихъ старшинъ или начальниковъ. Объявивъ, что Шамиль бѣжалъ, они сказали, что сами драться не хотятъ и просили взять оставленныя Шамилемъ пушки. Это извѣстіе принято въ нашемъ лагерѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и потому этимъ подозрительнымъ парламентерамъ графъ Евдокимовъ объявилъ, что теперь отправлять наши войска за пушками неудобно, и что они, старшины, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, должны охранять эти пушки до того времени, когда наши отряды придутъ туда. Впрочемъ всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи скоро разсѣялись при посредствѣ азіатовъ, находившихся въ нашемъ лагерѣ, которые изслѣдовали ближайшимъ образомъ это важное событіе и подтвердили несомнѣнность его къ общей нашей радости. Я впрочемъ не вѣрно выразился, назвавъ нашу радость общею. Свитскіе пріятели мои, напротивъ, начали бранить и Шамиля и мюридовъ его за то, что они бѣгутъ безъ боя и тѣмъ лишаютъ военную молодежь возможности подраться и нахватать побольше крестовъ.

Старые Кавказцы утверждаютъ, что горскіе народы чрезвычайно воспріимчивы, и что какъ воинственное, такъ и мирное настроеніе мгновенно обхватываетъ всѣ племена. Такъ было и здѣсь. Съ бѣгствомъ Шамиля, какъ будто уничтожилась плотина, удерживавшая горцевъ отъ шумнаго проявленія ихъ мирныхъ заявленій. Все ринулось въ нашъ лагерь съ заявленіями покорности. Каждый день являлись къ князю различныя общества съ своими старшинами и наибами. Имена многихъ изъ этихъ наибовъ были знамениты по тѣмъ битвамъ, въ которыхъ они рѣзались съ нашими войсками. Для свиты и штаба князя ежедневно совершались самые любопытные, занимательные спектакли. Толпы офицеровъ тѣснились, чтобъ взглянуть на какого нибудь «Кибитъ-Магому» извѣстнаго давно своею безпримѣрною храбростію и наиболѣе ожесточенными схватками съ нашими отрядами. Князь торжественно, окруженный блестящею свитою, появлялся предъ этими представителями племенъ и ауловъ и говорилъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Среди каждой прибывающей толпы непремѣнно находился туземный ораторъ; послѣ словъ князя, онъ выдвигался впередъ и торжественно, съ особыми жестами и особенною интонаціею, говорилъ много и долго. Замѣтно было, что сотоварищи его слушали его съ уваженіемъ и нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Сущность этихъ рѣчей относилась, разумѣется, къ преданности и вѣрности ихъ нашему Государю. Эту сущность наши переводчики передавали князю, который, милостиво отпуская одни толпы, тѣмъ же порядкомъ принималъ другія. Послѣ торжественнаго представленія князю, толпы эти разсѣевались по нашему лагерю и большею частію или садились въ кружки и что-то тихо толковали, сомкнувъ свои головы внутрь круга, или разъѣзжались по лагерю и продавали нашимъ свои окровавленные кинжалы и другое оружіе и даже лошадей.

Видъ этихъ людей, вчера бывшихъ нашими страшными и злѣйшими врагами, не производилъ на насъ особеннаго впечатлѣнія. Какъ и во всѣхъ толпахъ, были физіономіи истинно звѣрскія; но были личности и милѣйшія. Общій характеръ этихъ физіономій сильно смахивалъ на птичій: особенно вострые и немного загнутые носы чрезвычайно походили на клювъ орла. Мы старались быть всевозможно-любезными съ этими господами и братались съ ними. Я какъ теперь вижу предъ собою молодаго, чрезвычайно красиваго и чрезвычайно симпатичнаго человѣка съ такими пріятными и мягкими манерами, съ такимъ милымъ выраженіемъ въ лицѣ, что какъ-то не вѣрилось, чтобъ онъ могъ участвовать въ свирѣпыхъ битвахъ и рѣзать людей. Однакоже знаки многочисленныхъ ранъ, которые онъ намъ показывалъ, доказывали, что его видимая нѣжность не мѣшала ему обращаться, когда надо было, въ ожесточеннаго врага нашего. Къ счастію онъ говорилъ немного по Грузински. Я подхватилъ одного изъ состоящихъ при князѣ Грузинскихъ офицеровъ, именно князя Сумбатова, и при его пособіи распрашивалъ этого горца съ величайшимъ любопытствомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, окружающихъ жизнь горцевъ. Отвѣты его были въ высшей степени умны и интересны. Изъ нихъ, между прочимъ, видно было, что къ Грузинамъ собственно горцы относились болѣе дружелюбно и ненавидили всѣми си-

лами только Русскихъ. «Стало быть» сказалъ я «если бы я попался въ плѣнъ, мнѣ было бы плохо»? Когда князь Сумбатовъ перевелъ ему этотъ вопросъ, нашъ новый пріятель быстро подошелъ ко мнѣ и, столь же быстро проведя рукой по моей шеѣ, тѣмъ самымъ молчаливо и выразительно объяснилъ, какъ бы со мною было поступлено.

Всѣ эти приходящія и представляющіяся князю толпы не вдругъ покидали нашъ лагерь; напротивъ, располагаясь гдѣ нибудь по близости его, они проводили тутъ по нѣскольку дней и ночей. Случалось такъ, что численность этихъ пришельцевъ далеко превышала численность нашего лагеря. Я не знаю, принимались ли въ этомъ отношеніи съ нашей стороны какія либо предохранительныя мѣры. Если принимались, то какъ нибудь таинственно, потому что никакихъ видимыхъ мѣръ не было, и многіе въ нашемъ лагерѣ справедливо замѣчали, что если бы эти милые гости вздумали «пошалить», то могли бы надѣлать страшную кутерьму. Впрочемъ князь былъ храбръ и довѣрчивъ. Близкіе ему люди замѣчали, что при самомъ появленіи его къ этимъ гостямъ, надо принимать предосторожности, потому что въ этихъ толпахъ могутъ быть фанатики и изувѣры; но князь отвергалъ всѣ эти предосторожности и равнодушно отвѣчалъ: «да вѣдь кругомъ меня мои адъютанты, казаки! Чего же еще?»

Въ одно время съ представленіемъ этихъ покоряющихся горцевъ, въ лагерь нашъ стали доходить со всѣхъ сторонъ благопріятныя извѣстія.— Такъ напр. намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Шамиль, во время своего бѣгства, былъ ограбленъ своими же, такъ что отбитыя у него книги доставлены были горцами въ нашъ ла герь. Къ удивленію въ числѣ этих книгъ оказалось много русскихъ, чт и дало вѣрный поводъ заключить что они принадлежали третьему умер шему сыну Шамиля, который воспи тывался въ нашихъ военныхъ заве деніяхъ и потомъ, будучи промѣнен на знаменитыхъ плѣнницъ, княгин Орбеліани и княгиню Чавчавадзе велъ въ горахъ, сколько извѣстно, са мую печальную и уединенную жизнь не имѣя уже никакой возможност войти въ дикіе нравы и обычаи горцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали что Шамиль, оставленный и ограбленный своими, успѣлъ таки съ самымъ небольшимъ числомъ преданнѣйшихъ ему мюридовъ пробраться на Гунибъ.

Потомъ до насъ дошли свѣдѣнія что отрядъ барона Врангеля, двигавшійся на соединеніе съ нами, совершилъ какую-то удивительную переправу, кажется чрезъ тотъ же Андійскій Койсу, при содѣйствіи веревочнаго моста, предложеннаго и изобрѣтеннаго даровитымъ офицеромъ Девелемъ. Дѣло въ томъ, какъ мнѣ разказывали, что та единственная переправа, на которую, разсчитывалъ отрядъ, была разрушена или защищена такъ, что ею нельзя было воспользоваться. Другихъ удобныхъ мѣстъ для переправы не было. По этому рѣшено было сдѣлать её тамъ, гдѣ высокіе берега наиболѣе сближаются надъ рѣкою. Первый вопросъ заключался въ томъ, чтобъ передать на другой берегъ конецъ каната. Многіе охотники вызывались на этотъ подвигъ, бросались въ яростную рѣку и гибли; за ними бросались другіе, и конецъ каната доставленъ таки на другой берегъ и укрѣпленъ; по этому канату какимъ-то образомъ переслань другой и так-

же укрѣпленъ. Эти два каната и были основаніемъ воздушнаго моста, по которому изобрѣтательный Девель сталъ передвигать, на страшной высотѣ надъ рѣкою, придуманную имъ корзинку, заключавшую въ себѣ солдата. Когда эта движущаяся корзинка перенесла на тотъ берегъ достаточное число людей, они бросились на горцевъ, защищавшихъ въ другомъ мѣстѣ естественную переправу и очистили ее.

Мнѣ передавали ужасающія сцены, происходившія при этой схваткѣ: это была уже просто бойня людей. Надо замѣтить, что въ составѣ нашихъ войскъ были такъ называемые конно-мусульманскіе полки, образованные изъ жителей только что покоренныхъ ауловъ. По общимъ отзывамъ это были не люди, а звѣри! О пощадѣ непріятелю они не имѣли понятія.—Эти-то люди и занимались преимущественно истребленіемъ горцевъ, захваченныхъ на переправѣ. Въ виду всего отряда, стоявшаго на другомъ берегу, они прокалывали насквозь горцевъ своими громадными кинжалами и сталкивали ихъ въ бушующую рѣку. Вообще эта переправа, сколько можно было судить по разнымъ толкамъ, имѣла громадное значеніе въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій.—Потомъ я помню очень живо, что, въ одно прекрасное утро, князю представили лазутчика, пробравшагося въ нашъ лагерь чрезъ непокоренные еще аулы съ извѣстіемъ о покореніи отрядомъ барона Врангеля Аваріи. Вслѣдъ затѣмъ объ этомъ же покореніи привезъ оффиціальное донесеніе тотъ красивый Граббе, который былъ потомъ убитъ во время Польскаго возмущенія. На основаніи этого извѣстія Шереметеву, бывшему начальникомъ конвоя князя, приказано отправиться курьеромъ къ Государю, а князю Суворову поручено принять конвой, вслѣдствіе чего, взявъ у одного изъ казаковъ казацкое одѣяніе, онъ тотчасъ облекся въ него и къ удивленію, не смотря на свою красоту, оказался въ немъ очень некрасивымъ, какимъ-то длиннымъ и несуразнымъ. Скоро послѣ того явились въ нашъ лагерь сами Аварцы, огромной массой, тысячи въ двѣ. Встрѣча этого многочисленнаго отряда составила для насъ новый спектакль. Впереди ѣхалъ на прекрасной бѣлой лошади почтенный старикъ, сѣдой, какъ лунь, въ бѣлой чалмѣ, означавшей духовное его достоинство. За нимъ тянулась безконечная вереница всадниковъ. Наслышавшись со всѣхъ сторонъ, что Аварцы самый храбрѣйшій народъ въ мірѣ, я жадно всматривался въ фигуры этихъ всадниковъ и къ удивленію не нашелъ въ нихъ рѣшительно ничего, подтверждающаго ихъ воинственную славу. Невзрачные, большею частію малорослые, одѣтые пестро и бѣдно, они представляли собою массу бѣдныхъ оборвышей, но нисколько не храбрыхъ героевъ. Соображенія и замѣчанія свои я сообщалъ болѣе опытнымъ и боевымъ людямъ, и они мнѣ отвѣчали: «посмотрѣли бы вы, какъ эти оборвыши дерутся! Страсть!»

Аварцы прибыли къ намъ вечеромъ, ночевали близъ лагеря, а на другой день представлялись князю. По обычаю выступилъ впередъ ихъ ораторъ, молодой человѣкъ съ чрезвычайно-умнымъ и кроткимъ лицомъ и говорилъ много и одушевленно. Аварцы слушали его съ величайшимъ вниманіемъ и почтеніемъ, какъ будто бы онъ говорилъ имъ самимъ, а не отъ ихъ имени князю. Нѣтъ сомнѣнія, что при содѣйствіи нашихъ переводчиковъ, краснорѣчіе этого оратора утрачивало зна-

чительную долю того обаянія, которое производило оно на его соплеменниковъ. Едвали не вмѣстѣ съ Аварцами прибылъ въ нашъ лагерь и Аварскій ханъ, нашъ флигель-адъютантъ, свергнутый или удаленный во время владычества Шамиля. Кончилось всё тѣмъ, что этотъ ханъ, молодой и весьма красивый человѣкъ, возстановленъ во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ.

Вмѣстѣ съ покореніемъ Восточнаго Кавказа стали почти ежедневно являться въ нашъ лагерь Русскіе выходцы изъ горскихъ ауловъ. Они оказывались частію захваченными въ плѣнъ Русскими солдатами, а частію, и даже большею, нашими перебѣжчиками въ аулы; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ — было особенно много Поляковъ, и на лицахъ ихъ написано было, что возвращеніе ихъ опять къ намъ не приносило имъ радости. Почти всѣ эти выходцы приволокли съ собой пріобрѣтенныхъ въ аулахъ женъ и кучи дѣтей. Они разсказывали, что, по распоряженію Шамиля, Русскіе селились въ аулахъ отдѣльными слободами и пользовались свободой относительно своей вѣры и обычаевъ. Съ началомъ покоренія, аулы стали изгонять ихъ отъ себя, отбирая, разумѣется, все ихъ имущество. И дѣйствительно, люди эти являлись къ намъ въ самомъ ужасномъ видѣ, который и побудилъ насъ тотчасъ образовать особый комитетъ для раздачи имъ пособій. По богатству свитскихъ господъ, изъ которыхъ образованъ былъ этотъ комитетъ, пособія наши были довольно щедры, но въ раздачѣ ихъ мы полагали рѣзкую границу между людьми, попавшимися въ плѣнъ и подлыми перебѣжчиками.

Совершавшееся, такимъ образомъ, покореніе Восточнаго Кавказа, если въ государственномъ отношеніи представляло громадное значеніе, то въ то же время оно наполняло величайшимъ негодованіемъ молодыя и храбрыя сердца моихъ товарищей, лишая ихъ возможности совершать достославные подвиги, для которыхъ они и шли въ походъ, и получать награды, которыхъ они нетерпѣливо ожидали. Отъ этого происходило, что всѣхъ являющихся съ покорностію горцевъ они называли разными нелестными именами и въ началѣ еще утѣшались надеждами, что тотъ или другой аулъ, извѣстный своею свирѣпостію и независимостію, не покорится, и будетъ драка; но надежды постепенно падали, и въ нашъ лагерь, какъ я сказалъ уже, являлись съ покорностію знаменитѣйшіе въ исторіи Кавказской войны наибы и старшины и заставляли всѣхъ удивляться, что это именно тѣ люди, имена коихъ, связанныя со всѣми кровавыми битвами, были славны на всемъ Кавказѣ. Ясно было, что покореніе Восточнаго Кавказа совершится безъ особенныхъ подвиговъ съ нашей стороны и—удивительное дѣло! — ясность этого факта породила какое-то печальное настроеніе въ нашемъ лагерѣ или по крайней мѣрѣ среди нашей свиты.— Походъ, начавшійся такъ весело и блистательно и обѣщавшій украситься славными дѣлами, потерялъ, такъ сказать, своей букетъ. Всѣ видѣли, что славныхъ дѣлъ не будетъ, а слѣдовательно и случаевъ отличаться различными блистательными подвигами тоже не будетъ.

О томъ, что̀ князь предприметъ дальше, никто не хотѣлъ ни думать, ни говорить, потому что, что̀ бы онъ ни предпринялъ, все таки ничего великолѣпнаго произойти уже не можетъ. Если нѣкоторые и замѣчали,

что до тѣхъ поръ, пока не пойманъ или не истребленъ Шамиль, дѣло нельзя еще считать конченнымъ, то большинство было такого мнѣнія, что въ покорившемся краѣ, потерявъ всякое значеніе, онъ уже ничего не можетъ сдѣлать и что не сегодня, такъ завтра свои же затравятъ его, какъ волка. При подобныхъ сужденіяхъ, точно также какъ и при происходившихъ въ началѣ похода сужденіяхъ о способахъ веденія нами войны, я постоянно повторялъ одну и туже комическую фразу, что Шамиля «надо взять во флангъ» единственно на томъ основаніи, что почти во всѣхъ военныхъ реляціяхъ я непремѣнно читалъ эту фразу и пріобрѣлъ какое-то смутное убѣжденіе, что для того, чтобы сдѣлать отлично военное дѣло, надо непремѣнно «взять во флангъ». Фраза эта, разумѣется, очень смѣшила моихъ товарищей и, какъ впослѣдствіи оказалось, дошла до князя. Вообще покореніе Восточнаго Кавказа произвело на тотъ міръ, среди котораго я находился, такое же впечатлѣніе, какое производитъ на зрителей окончаніе какого нибудь спектакля...

И дѣйствительно тотчасъ началась самая усиленная эмиграція изъ нашего лагеря, и онъ пустѣлъ ежедневно. Ежедневно мы провожали цѣлыми группами нашихъ пріятелей; остававшіеся начали завидовать имъ и въ свою очередь тоже отпрашиваться. Къ полученію отпусковъ они сильно поощрялись потому, что самъ князь объявилъ, что, рѣшившись пройти по покоренному краю, онъ желаетъ, чтобы свита и принадлежащіе ей вьюки уменьшились до крайней степени. Такое вольное и невольное сокращеніе того веселаго міра, среди котораго я такъ весело жилъ, не могло не подѣйствовать и на меня и не поселить во мнѣ размышленій: идти ли впередъ или вернуться назадъ? Какъ только замѣчено было это колебаніе, мои собиравшіеся въ обратный путь пріятели засыпали меня доказательствами, что впереди ничего не будетъ, кромѣ одного безпокойства и скуки.

Слушая эти совѣты и убѣжденія, я думалъ про себя, что было небезполезно для моего значительно-расшатаннаго организма войти въ ближайшее соотношеніе съ Кавказскими минеральными водами и преимущественно съ знаменитымъ Нардзаномъ, о цѣлительной силѣ котораго я слышалъ истинныя чудеса. Конецъ былъ тотъ, что я рѣшился проситься у князя въ Пятигорскъ..... «Да зачѣмъ вы туда поѣдете?» какъ-то неопредѣленно спросилъ князь. «Лечиться, ваше сіятельство» отвѣчалъ я, «у меня печень сильно разстроена» — «Ну да! сочиняйте! Но кто же будетъ докладывать мнѣ гражданскія дѣла?» снова спросилъ князь. — «Булатовъ» отвѣчалъ я. «Онъ много разъ исполнялъ уже подобныя обязанности. Если бы я сознавалъ пользу и необходимость находиться при вашемъ сіятельствѣ, тогда я не осмѣлился бы»... «Ну да! конечно. Поѣзжайте съ Богомъ!» сказалъ князь. Я мгновенно сдалъ мою походную канцелярію Булатову, сгрупировалъ вокругъ себя значительную толпу возвращающихся изъ похода и отправился въ обратный путь, попрежнему, верхомъ съ состоявшими при мнѣ казаками и вереницею вьючныхъ лошадей.

Въ этомъ обратномъ путешествіи я не могу припомнить ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ того только, что скоро послѣ моего прибытія въ Ведень, къ несказанному моему удивленію, примчалась туда во весь опоръ, въ сопровожденіи большаго конвоя, прекрасная коляска на

лежачихъ рессорахъ, на прекрасной шестеркѣ лошадей. Это былъ Колосовскій, интендантъ Кавказской арміи. Нѣстолько удивительно было, что коляска пронеслась по недавно прорубленнымъ просѣкамъ, сколько то, откуда явилась въ такихъ мѣстахъ эта прекрасная коляска и эти прекрасныя лошади. Изъ объясненій Колосовскаго оказалось, что то и другое принадлежитъ знаменитому Лебедеву, маркитанту и поставщику походныхъ отрядовъ. Дальше, однако, эта изящная коляска слѣдовать не могла и должна была возвратиться въ обратный путь т. е. въ путь предлежащій мнѣ. Я такъ давно не имѣлъ случая ѣхать въ покойномъ экипажѣ, что тотъ часъ пригласилъ могущественнаго Колосовскаго устроить такъ, чтобъ эта коляска приняла въ свои объятія мою персону. Съ великимъ спокойствіемъ и наслажденіемъ я пролетѣлъ верстъ пятнадцать до слѣдующаго пункта и удивлялся еще разъ, смотря на Лебедевскихъ прикащиковъ, обратившихся на этотъ разъ въ великолѣпныхъ кучеровъ, разнороднымъ способностямъ Русскаго человѣка. Къ сожалѣнію все и ограничилось этимъ небольшимъ переѣздомъ.— Въ томъ пунктѣ, куда я пріѣхалъ, была какая-то основная станція Лебедева, и я долженъ былъ тутъ дожидаться своего вьючнаго каравана и затѣмъ слѣдовать оттуда прежнимъ походнымъ порядкомъ.

Когда еще въ отдаленіи предстала моимъ взорамъ крѣпость Грозная, я мысленно возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе самаго замѣчательнаго періода въ моей жизни, въ которомъ хотя не было никакихъ кровавыхъ сраженій, но тѣмъ не менѣе рѣшительно на каждомъ шагу предстоялъ отличный случай сломать себѣ шею. Въ крѣпости Грозной я остановился у тогоже татарина-офицера, гдѣ мы стояли предъ походомъ и гдѣ оставались наши экипажи и другія вещи, неудобныя для похода. Гостепріимствомъ моего хозяина я долженъ былъ поневолѣ пользоваться два дни, въ теченіи которыхъ приводился въ порядокъ туземными мастерами мой тарантасъ. На третій день мнѣ привели казацкихъ лошадей, и я раннимъ восхитительнымъ утромъ, осѣняемый лучами только что восходящаго солнца, покатился по ровнымъ степямъ, предо мною открывавшимся. Я помню живо то восхитительное душевное настроеніе, въ которомъ я находился въ минуты выѣзда изъ Грозной. Нѣтъ! дикія горы, при всей ихъ грозной красотѣ, не для Русскаго человѣка! Красота ихъ поразительна, но не привлекательна для него! Ровныя поля, зеленыя рощи, широкія спокойныя рѣки—вотъ картины милыя, дорогія, родныя для Русской души! Мои радостныя ощущенія весьма рельефно выразились въ невольномъ увлеченіи моего камердинера. Усѣвшись на козлахъ, онъ сначала покойно ѣхалъ. Потомъ, когда по выѣздѣ изъ Грозной, предъ нами открылись необозримыя равнины, онъ обернулся ко мнѣ, снялъ шапку и, крестясь, сказалъ: «Господи!, какъ изъ аду вырвались!» Я улыбнулся на эту фразу, сохраняя свое достоинство; но въ тоже время понималъ и раздѣлялъ всю глубину того смысла, который въ ней заключался. Несомнѣннымъ казалось то, что мы дѣйствительно откуда-то вырвались! Несмотря на блистательную обстановку, въ которой я находился, въ душѣ неисходно гнѣздилось какое-то томительное чувство, чувство невольнаго ожиданія: «когда же все это кончится!» Понятно, что когда эта исключительная жизнь среди

громадныхъ горъ, надъ пропастями, кончилась для насъ съ моимъ камердинеромъ, мы не могли не испытать великаго наслажденія, которое и вырвалось у него въ его безъискуственныхъ словахъ......

IV.

Здѣсь не мѣсто разсказывать, что̀ я видѣлъ и дѣлалъ на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ. Замѣчу только, что я прибылъ туда въ такое время, когда періодъ собственно-леченія кончился, и всѣ пившіе воды въ самомъ Пятигорскѣ, Ессентукахъ, Желѣзноводскѣ сосредоточивались уже въ Кисловодскѣ, подлѣ знаменитаго «Нардзана», гдѣ, по укоренившимся обычаямъ, всякое леченіе отодвигалось на задній планъ и впередъ выступали разнородныя, почти ежедневныя, увеселенія.....

Поглощаемые этими увеселеніями, мы, Кисловодцы, хотя и мало обращали вниманія на то, что̀ дѣлалось внѣ нашего веселаго міра, тѣмъ не менѣе въ этотъ міръ падали постепенно извѣстія о томъ, что князь пошелъ дальше, что подошелъ къ Гунибу и обложилъ эту скалу съ цѣлью принудить Шамиля сдаться. Потомъ, вдругъ пришла къ намъ звучная вѣсть, что Шамиль взятъ и отправленъ уже въ Петербургъ; потомъ другая вѣсть, что князь такого-то числа будетъ имѣть торжественное вшествіе въ Тифлисъ.

....Къ радостному чувству, которымъ исполнялся каждый Кавказецъ отъ этихъ извѣстій, въ моей душѣ примѣшивалось какое-то невольное чувство досады, что меня не было при взятіи Шамиля; но поправить этого уже было невозможно, и потому я рѣшился покрайней мѣрѣ участвовать въ торжественной встрѣчѣ князя. Соображеніе времени его движенія къ Тифлису и моего возвращенія туда показывало мнѣ, что я могу поспѣть къ торжеству встрѣчи, если какъ говорится «не буду зѣвать.»

Я скакалъ день и ночь, несмотря на протесты станціонныхъ смотрителей, доказывавшихъ, что лучше переночевать, «а то какъ бы чего не случилось». Ничего, однако, не случилось, и я едва успѣлъ позднимъ вечеромъ, наканунѣ дня торжественнаго вшествія, ввалиться въ Тифлисъ. По пути я заѣхалъ къ Фадѣевымъ, чтобъ узнать о подробностяхъ встрѣчи и не мало изумилъ ихъ остатками того воинственнаго характера, который былъ наложенъ на мою фигуру вліяніемъ походной жизни. На другое утро, обратившись въ прежняго гражданскаго дѣятеля, въ моей Петербургской каретѣ, на славной парѣ моихъ разжирѣвшихъ вороныхъ коней, полетѣлъ на мѣсто торжества, прорѣзывая густыя массы народа, туда же со всѣхъ концовъ города стремившагося.

На концѣ той части города, которая называется «Авлабаромъ» устроена была громадная тріумфальная арка, украшенная многими гербами и флагами. Арка эта, само собою разумѣется, была временная; но потомъ городъ ходатайствовавалъ, чтобы для увѣковѣченія покоренія Кавказа, дозволено было устроить на этомъ мѣстѣ каменную, капитальную арку, и ходатайство это утверждено. По сторонамъ этой арки устроены были галлереи для дамъ и почетнѣйшихъ зрителей. Впрочемъ я отказываюсь отъ подробности описанія всѣхъ устройствъ, сдѣланныхъ для этого дня. Достаточно сказать, что по особымъ

церемоніаламъ, расписаніямъ и распредѣленіямъ разставлены были, на особыхъ мѣстахъ, гражданскія и военныя власти, дворянство, представители городскихъ властей, ашкары со своими значками и зурнами и проч. и пр. Въ каждомъ отдѣлѣ находился избранный ораторъ, который и держалъ въ рукахъ свою рѣчь, напечатанную на пергаментѣ, для того, чтобы, послѣ произнесенія, можно было поднести ея князю.

День былъ великолѣпный; народу видимо не видимо. Я уже не говорю о томъ, что всѣ улицы, по которымъ предстояло проѣзжать князю, залиты были народными толпами, ни о томъ, что громадныя толпы ожидали его за городомъ; — всѣ крыши домовъ, по грузинскимъ обычаямъ, представляли сплошныя массы народа, что́ составляетъ въ Тифлисѣ прекрасное и едва ли гдѣ нибудь въ другихъ мѣстахъ Русскаго царства возможное зрѣлище. Само собою разумѣется, что весь городъ убранъ былъ праздничнымъ, торжественнымъ образомъ; дома были украшены флагами, коврами и различными картинами, приготовленными для вечерней иллюминаціи. Наконецъ раздались барабаны, музыка.... шествіе князя показалось вдали.

Нѣтъ сомнѣнія, что не многимъ, особенно въ наше время, доставались въ жизни такія высокія минуты, какія князь переживалъ въ настоящемъ случаѣ. Встрѣча его Тифлисомъ осуществляла тѣ встрѣчи древнихъ тріумфаторовъ, о которыхъ мы читаемъ въ историческихъ сочиненіяхъ. Великолѣпный по своей прекрасной наружности, князь ѣхалъ шагомъ на великолѣпнѣйшемъ конѣ, впереди необъятной свиты, которая, безъ преувеличенія можно сказать, представляла страшную смѣсь племенъ, одеждъ, лицъ, нарѣчій. Тутъ были вылощенные адъютанты, остававшіеся въ Тифлисѣ и загорѣлые адъютанты, которые имѣли счатіе быть подъ Гунибомъ. Тутъ были генералъ-адъютанты и рядомъ съ ними татарскія фигуры, принадлежащія различнымъ ханамъ, князьямъ и бекамъ. Представители Гуріи, Мингреліи, Имеретіи, Абхазіи разнообразили картину и дѣлали ее волшебною въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ на Большомъ театрѣ.... Всѣ взоры устремлены были на князя.

Въ этотъ моментъ князь былъ невыразимо-прекрасенъ. Ничего важнаго, торжественнаго, напыщеннаго не было и тѣни во всей его фигурѣ. Напротивъ, никогда она не отличалась такою плѣнительною простотою. Улыбка, чуждая всякой искуственности, всякаго превосходства, блуждала на его лицѣ. Однимъ словомъ, нельзя было и вообразить, чтобы кто нибудь могъ быть лучше, и главное, простѣе, какъ-то милѣе его въ эту торжественную минуту. Можно было ручаться, что вмѣстѣ съ взорами къ нему стремятся и всѣ сердца....

Группа маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлое, усыпали путь его цвѣтами. Операція эта представлялась не очень легкою и для взрослыхъ; дѣти же бросали цвѣты какъ попало и куда попало, и отъ того она производилась хотя не очень стройно, но за то очень мило; многія цвѣты попадали князю въ лицо, на что онъ отвѣчалъ своей очаровательной улыбкой; конь его, напротивъ, далеко нетакъ любезно принималъ эти привѣтствія: орошаемый безпрерывно и со всѣхъ сторонъ цвѣтами, онъ, въ изумленіи, метался изъ стороны въ сторону и сверкалъ сердито своими огненными глазами, широко раздувая свои ноздри; но князь, знаменитѣйшій изъ ѣздоковъ, не обращалъ на его гнѣвные порывы ни малѣйшаго вниманія.

Когда князь приблизился къ находящейся предъ тріуфальной аркой площадкѣ, устланной коврами, гдѣ ожидали его разныя власти и разные ораторы, онъ сошелъ съ коня. . Въ мгновеніе ока, площадка эта, несмотря на различныя полицейскія запрещенія и предупрежденія, окружена была непроницаемою стѣною народа. На различные спичи, продолжавшіеся довольно долго, князь отвѣчалъ не многими словами и потомъ, сѣвъ на коня, отправился въ Сіонскій соборъ, гдѣ ожидало его духовенство.

До въѣзда князя въ городъ все таки соблюдался хотя какой нибудь порядокъ въ народныхъ толпахъ; но когда князь проѣхалъ, то эти толпы, какъ волнами, затопили рѣшительно всю улицу, ведущую отъ въѣзда къ Сіонскому собору. Здѣсь уже никакое значеніе, никакой мундиръ, какъ бы богато онъ ни былъ разшитъ золотомъ, не производили эфекта, и каждому предоставлялось дѣйствовать по мѣрѣ своего искусства и своей ловкости. На мою бѣду ко мнѣ съ обѣихъ сторонъ прицѣпились какія-то двѣ барыни Тифлисскаго большаго свѣта, такъ что я вынужденъ былъ сосредоточить на нихъ всё мое вниманіе и отказаться отъ желанія слѣдовать шагъ за шагомъ за церемоніей. Послѣдствіемъ этихъ любезностей было то, что мы не попали, да уже не хотѣли попасть, въ Сіонскій соборъ, зная, до какой ужасающей степени онъ набитъ въ эту минуту и рѣшились прямо пробиваться во дворецъ намѣстника, гдѣ, въ заключеніе, все сосредоточилось.

Едва только я вступилъ со своими дамами въ залу, тоже наполненную до нельзя, какъ князь, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ и улыбаясь сказалъ: «Извините, Василій Антоновичь, вы все совѣтовали взять Шамиля во флангъ: мы взяли его прямо!»

Князь былъ счастливъ и радостенъ....

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ П. Я. ЧААДАЕВА.

(1820 ГОДА).

Въ № 6 „Русскаго Архива" 1868 г. помѣщена чрезвычайно любопытная и прекрасно написанная статья Д. Н. Свербеева „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ." Но въ ней приведены нѣкоторыя извѣстія, требующія тщательной провѣрки и исправленій, которыя и представляются здѣсь читателямъ.

Генералъ-лейтенантъ Илларіонъ Васильевичь Васильчиковъ (въ послѣдствіи князь и генералъ отъ кавалеріи род. 1776, ум. 21 февраля 1847) командовалъ въ 1820 году гвардейскимъ корпусомъ. У него было четыре адъютанта изъ гвардейскихъ офицеровъ: 1, ротмистръ Лачиновъ 2, капитанъ Александръ Николаевичъ Раевскій (не давно умершій, старшій сынъ знаменитаго генерала Раевскаго.) 3, ротмистръ л. гв. гусарскаго полка Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (род. 27 мая 1793, ум. 14 апрѣля 1856) и 4, корнетъ л. г. гусарскаго полка (въ должности адъютанта) графъ Николай Александровичъ Протасовъ (въ послѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, ум. 16 января 1855.)

Въ началѣ 1820 года императоръ Александръ I хотѣлъ выразить особенное благоволеніе свое генералу Васильчикову и гвардейскому корпусу, которымъ онъ командовалъ,

назначивши одного изъ адъютантовъ начальника онаго къ себѣ флигель-адъютантомъ — званіе это жаловалось тогда чрезвычайно рѣдко.

Выборъ палъ на Чаадаева. Онъ лично былъ хорошо извѣстенъ государю и очень любимъ своимъ достойнымъ начальникомъ. Двое старшихъ его товарищей были устранены, потому что императоръ былъ очень нерасположенъ къ Раевскому, который впрочемъ собирался вскорѣ выйти въ отставку; Лачинову же скоро доставалось въ полковники, причемъ онъ долженъ былъ оставить адъютантскую должность; къ тому же государь предпочиталъ и ему Чаадаева. Наконецъ о графѣ Протасовѣ не могло быть и рѣчи, какъ объ очень еще молодомъ офицерѣ.

Приказъ о пожалованіи Чаадаева флигель-адъютантомъ былъ уже приготовленъ и долженъ былъ появиться въ Свѣтлое Воскресенье 1820 года приходившееся на 28 марта. Но такъ какъ въ это время еще не состоялись ни отставка Раевскаго, ни производство Лачинова, то императоръ нашелъ удобнѣе отложить пока назначеніе Чаадаева. Васильчиковъ объяснилъ это Чаадаеву во дворцѣ во время пасхальной заутрени и передалъ ему подтвержденіе, сдѣланное государемъ о томъ, что Чаадаевъ будетъ непремѣнно его флигель-адъютантомъ.

Дѣло затянулось до отъѣзда государя на конгрессъ въ Троппау. Между тѣмъ Раевскій оставилъ службу, и приблизился срокъ производства Лачинова.

Вечеромъ 17 октября началась такъ называемая Семеновская исторія (Чтен. въ Общ. ист. и др. Рос. 1864, кн. 4, отд. 5, стр. 191.) Распоряженія по этому дѣлу производилъ родъ комитета, въ которомъ находились Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичь (род. 1771, ум. 15 декабря 1825 , И. В. Васильчиковъ, дежурный генералъ А. А. Закревскій (въ послѣдствіи графъ, род 13 сентябр. 1786, ум. 11 января 1865). Эта исторія продолжалась нѣсколько дней, и не ранѣе какъ 20 или 21 октября комитетъ распорядился объ отправленіи всѣхъ ротъ полка (кромѣ государевой, оставленной до времени въ Петропавловской крѣпости) въ Кронштатъ, откуда затѣмъ развезли ихъ въ приморскія крѣпости Финляндіи (Зап. Л. Н. Энгельгардта, изд. Русскаго Архива, 1868, стр. 233—235.)

Первое извѣстіе о событіи и первоначальныхъ распоряженіяхъ немедленно отправлено было комитетомъ къ государю въ Троппау черезъ фелдъегеря, съ обясненіемъ, что объ имѣющемъ послѣдовать будетъ донесено его величеству черезъ особаго курьера. Этого фелдъегеря принялъ по прибытіи въ Троппау управлявшій походною канцеляріею, генералъ-маіоръ князь А. С. Меньшиковъ (нынѣ адмиралъ), а князь П. М. Волконскій (въ послѣдствіи генералъ-федмаршалъ, род. 26 апрѣля 1776, ум, 27 августа 1852) повелъ его къ государю, который такимъ образомъ узналъ о происшествіи въ Семеновскомъ полку. Никакой курьеръ Австрійскаго посланника въ Петербургѣ барона Лепцельтерна не пріѣзжалъ въ Троппау къ князю Меттерниху съ этимъ извѣстіемъ ранѣе русскаго фелдъегеря, посланнаго къ государю. Поэтому и весь разсказъ о томъ, будто его величество узналъ о Семеновской исторіи отъ Меттерниха не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Напротивъ того госу-

дарь, на другой день по пріѣздѣ фельдъегеря, первый сообщилъ извѣстіе о печальномъ для него происшествіи князьямъ Меттерниху и Коллоредо, въ присутствіи князей П. М. Волконскаго и А. С. Меньшикова. Меттернихъ могъ содѣйствовать въ этомъ случаѣ тому, что императоръ утвердился въ мысли, будто тайной причиной событія были внушенія революціонеровъ, о чемъ и писалъ къ графу А. А. Аракчееву (Чт. въ Общ. ист. и др. Рос., 1864, Кн. 4, Отд. 5, стр. 189 и Зап. Энг., 1868, стр. 235.) и тому, что въ немъ установилось потомъ недовѣріе къ либерализму. Но утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, будто всевѣдѣніе Меттерниха даже относительно дѣлъ происходившихъ въ Россіи и неизвѣстныхъ еще ея царю, такъ поразило его, что подчинило его такъ сказать полному вліянію Австрійскаго министра, и что этотъ именно случай исключительно былъ поводомъ къ ретроградному движенію Русской политики, вполнѣ неосновательно, уже потому, что извѣстіе, будто Александръ I узналъ о Петербургскомъ событіи отъ Меттерниха, совершенно ложно.

По окончаніи всѣхъ своихъ распоряженій, то есть уже въ двадцатыхъ числахъ октября, комитетъ отправилъ въ Троппау втораго курьера, возвѣщеннаго фельдъегеремъ и получившаго для доставленія государю окончательное донесеніе о всемъ, что̀ было сдѣлано по этому дѣлу. Тутъ нужно было лицо, которое могло бы, не ограничиваясь просто подачей пакета, представить государю нужныя словесныя объясненія. Для этого Васильчиковъ и выбралъ Чаадаева, человѣка умнаго, ловкаго и къ тому же лично пріятнаго государю, который уже назначилъ его мысленно и даже словесно своимъ флигель-адъютантомъ. И такъ Чаадаевъ отправился въ Троппау.

Говорятъ, будто Чаадаевъ промедлилъ въ дорогѣ, занимаясь туалетомъ и т. п. и навлекъ на себя гнѣвъ государя за то, что далъ обогнать себя Австрійскому гонцу, извѣстившему Меттерниха прежде, нежели до императора доѣхалъ Русскій курьеръ.

Мы уже видѣли, что Австрійскаго курьера вовсе не было и что не чрезъ Чаадаева, а чрезъ фельдъегеря извѣстился государь о событіи въ Семеновскомъ полку. Слѣдовательно нечего было бы и гнѣваться на Чаадаева за медленность.

Но была ли на самомъ дѣлѣ медленность въ поѣздкѣ Чаадаева? Мы видѣли, что Чаадаевъ не могъ выѣхать изъ Петербурга ранѣе 22 октября; это самый ранній срокъ. 2 ноября уже состоялся въ Троппау высочайшій приказъ по арміи о раскассированіи Семеновскаго полка (Чт. въ Общ. ист. и др Рос., 1864, Кн. 4, Отд. 5, стр 192). Приказъ этотъ не могъ состояться ранѣе пріѣзда въ Троппау Чаадаева, ибо въ немъ заключаются распоряженія, которыя были невозможны ранѣе полученія донесенія объ окончательныхъ дѣйствіяхъ Петербургскаго комитета. Притомъ нуженъ же былъ (особенно при другихъ занятіяхъ, именно по конгрессу) хоть день на то, чтобы сообразить окончательно всѣ обстоятельства дѣла и написать приказъ. И такъ Чаадаевъ не могъ явиться къ государю позже нежели вечеромъ 31 октября. Сообразивши оба эти самые крайніе сроки, 22 и 31 октября, оказывается, что Чаадаевъ пріѣхалъ никакъ не позже какъ на девятый день. Дѣло было глубокой осенью, ѣхать нужно было по тогдашнимъ дурнымъ

дорогамъ 2000 верстъ. Гдѣ же тутъ непростительная медленность, хоть бы и для курьера? Врядъ ли ѣхалъ тогда скорѣе и фелдъегерь. Чаадаевъ, пріѣхавши въ Троппау, остановился въ квартирѣ князя А. С Меньшикова и не выходилъ изъ нея, пока князь П. М. Волконскій не повелъ его къ государю. Для этого дождались вечерней темноты и одѣли Чаадаева въ партикулярное платье князя А. С. Меньшикова, такъ какъ повидимому государь считалъ удобнымъ не привлекать вниманія на пріѣхавшаго къ нему экстреннаго курьера и притомъ съ непріятными вѣстями. Чаадаевъ не разъ разсказывалъ мнѣ нѣкоторыя подробности представленія своего императору. Онъ изволилъ принять его и разговаривать съ нимъ очень милостиво, распрашивалъ объ обстоятельствахъ дѣла и говорилъ ему о томъ, какъ вѣроятно ему тяжело (какъ бывшему Семеновскому офицеру) видѣть такое несчастіе, происшедшее въ полку. Затѣмъ онъ приказалъ Чаадаеву, вѣроятно по той же причинѣ, по которой не принималъ его до вечера, къ раннему утру ѣхать обратно въ Петербургъ, не показываясь никому. Никогда не думалъ онъ запирать Чаадаева на ключъ. Отпуская его, Государь сказалъ ему, шутя: «Adieu, monsieur le libéral» (такъ называлъ онъ его иногда и прежде) и прибавилъ: «а ты знаешь, что мы скоро будемъ служить вмѣстѣ.» Это относилось къ будущему назначенію его флигель-адъютантомъ. Вотъ каковъ былъ въ этомъ случаѣ мнимый гнѣвъ этого славнаго государя, черты обворожительной любезности котораго покоряли ему сердца всѣхъ его современниковъ и дѣлаютъ и въ наше время память его дорогою для тѣхъ, въ которыхъ не загрубѣло чувство деликатнаго пониманія истинной гуманности, уживавшейся съ царственнымъ величіемъ въ душѣ могущественнаго монарха своего вѣка.

Наконецъ говорятъ, что Чаадаевъ былъ отставленъ отъ службы. Это мнѣніе давно уже фактически опровергнуто мною (Русс. Вѣстн., 1862, кн. XI, стр. 137), указаніемъ на приказъ объ увольненіи его отъ службы. Въ числѣ другихъ лицъ, онъ уволенъ отъ службы въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ и по прошенію, поданному имъ до 1 Января 1821 года (т. е. срока, по который тогда позволялось подавать такія прошенія) высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ Лайбахѣ 21 февраля 1821 (Русск. Инвалидъ, 1821, Марта 23, № 68, стр. 274, столбецъ 2). Чина при отставкѣ и мундира онъ не получилъ, не только потому, что могъ и не просить о томъ (безъ чего чинъ и мундиръ не даются), но просто потому, что не имѣлъ на то права: онъ былъ слишкомъ молодой ротмистръ для того, чтобы получить чинъ полковничій, а именно произведенъ былъ въ ротмистры 15 декабря 1819 (Русск. Вѣстн., 1860, кн. X, стр. 279), то есть былъ въ этомъ чинѣ только одинъ годъ, два мѣсяца и шесть дней; мундира же онъ тоже не выслужилъ, бывши офицеромъ съ 2 сентября 1812 (Русск. Вѣст., 1862, кн. XI, стр. 122), то есть всего только въ теченіе осьми лѣтъ, пяти мѣсяцевъ и девятнадцати дней.

Почему же вышелъ въ отставку Чаадаевъ и добровольно прервалъ свою блестящую карьеру? Объясненія этого поступка представлены мною слѣдующимъ образомъ: «Едва возвратился Чаадаевъ въ Петербургъ, какъ на него посыпался градъ ужасныхъ

упрековъ и жестокихъ нареканій. Люди, не любившіе его или завидовавшіе ему издавна, была разумѣется первые изъ возставшихъ на него. За ними послѣдовали злые языки, праздные болтуны, наконецъ тѣ, которымъ все равно какъ произошло то или другое дѣло, но пристающіе машинально ко всякому распространяющемуся мнѣнію. Вотъ какъ формулировались обвиненія противъ него: Чаадаевъ, мучимый честолюбіемъ, самъ напросился у своего начальника на поѣздку въ Троппау; онъ былъ увѣренъ, что будетъ пожалованъ за это флигель-адъютантомъ, на что̀ старшіе товарищи его имѣли больше правъ, слѣд. онъ хотѣлъ интригою обойти ихъ; для этого онъ рѣшился предать цѣлый полкъ, да еще тотъ въ которомъ самъ прежде служилъ; онъ старался представить государю дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ и тѣмъ содѣйствовалъ, изъ личныхъ видовъ, кассированію полка и пр. и пр. Иные говорили, будто ему дѣйствительно была предложена награда.

Теперь не трудно разсудить, что все это—нелѣпѣйшія выдумки, не имѣющія и тѣни вѣроятія. Ѣхать курьеромъ съ огорчительнымъ извѣстіемъ никто не напрашивается, и наградъ за доставленіе его никто не получаетъ. Чаадаевъ же притомъ зналъ положительно, что пожалованіе его флигель-адъютантомъ и безъ того уже было давно рѣшено. Притомъ, на такое пожалованіе нѣтъ ни правъ ни старшинства; потому что это званіе не есть обыкновенная служебная награда, а знакъ личнаго благорасположенія государя къ любому прапорщику, котораго онъ пожелаетъ приблизить къ себѣ. Не говоря уже нравственномъ характерѣ Чаадаева, уничтожающемъ всякую мысль о предательствѣ, спрашивается: можно ли предать тѣхъ, которые, основательно или не основательно, уже признаны виновными? Чаадаевъ не могъ даже чернить дѣло, которое было уже описано его начальствомъ. Конечно, государь по пріѣздѣ перваго курьера, рѣшилъ дѣло не ожидая Чаадаева или другаго посланнаго, которые могли везти только извѣстія о распоряженіяхъ начальниковъ. Чаадаевъ не могъ отказаться отъ поѣздки, приказанной ему по службѣ, и какъ ни была она непріятна, онъ конечно считалъ ее своимъ долгомъ.

Но тогда большинство, подъ вліяніемъ личныхъ страстей и понятныхъ до нѣкоторой степени (хотя и вовсе не основательныхъ) предубѣжденій, судило иначе. Чтобы доказать, что обидныя подозрѣнія въ неразборчивости средствъ для полученія выгодъ по службѣ были не что иное какъ клевета, Чаадаевъ въ декабрѣ 1820 г. подалъ въ отставку, заявляя тѣмъ, что эта служба, какъ ни была она блистательна, какую карьеру она ему ни обѣщала, для него ничто въ сравненіи съ репутаціей честнаго человѣка. Онъ самъ прервалъ эту карьеру, и въ февралѣ 1821 г. уволенъ отъ службы, въ которую никогда болѣе не вступалъ.

Прибавлю къ всему этому еще одну характеристическую черту. Старшій товарищъ Чаадаева, Лачиновъ, человѣкъ весьма горячій и честолюбивый, помѣшался отъ того, что не могъ поѣхать въ Троппау, что̀ помѣшало ему, по его мнѣнію, сдѣлать карьеру.

Въ то же время пущена была въ ходъ и выдуманная исторія о мѣшкотности поѣздки Чаадаева. Составилась громадная хаотическая сплетня въ родѣ описанной Гоголемъ, когда городъ N. толкуетъ о покупкѣ мертвыхъ душъ, увозѣ губернаторской

дочери и пр., и никто не понимаетъ, какая можетъ быть связь между этими разноречивыми обстоятельствами, которымъ однако всѣ вѣрятъ.

Истина объ отставкѣ Чаадаева состоитъ въ слѣдующемъ. Главною причиною ея было то, что Чаадаевъ, лишая самъ себя счастія быть флигель-адъютантомъ горячо любимаго имъ государя, лично удостоившаго его подтвержденіемъ, что назначеніе это непремѣнно состоится въ скорости, считалъ такую жертву дѣломъ чести, чтобы отнять у клеветы всякій поводъ сдѣлать ему нелѣпый упрекъ (когда онъ надѣнетъ вензеля на эполеты) будто онъ выслужилъ ихъ, напросившись на порученіе, которое исполнилъ предательски въ видахъ личныхъ своихъ выгодъ. Такая черта лучше всего рисуетъ характеръ Чаадаева.

Весь этотъ эпизодъ въ жизни Чаадаева разсказанъ почтеннымъ Д. Н. Свербеевымъ по слухамъ, ходившимъ въ обществѣ. Самъ онъ говоритъ, что Чаадаевъ не любилъ объ этомъ разсказывать; слѣдовательно говорить на мѣсто покойнаго обязаны тѣ, которые слышали отъ него этотъ разсказъ и имѣютъ факты, его потверждающіе.

Въ прекрасной статьѣ Д. Н. Свербеева, которая заставляетъ желать, чтобы авторъ подарилъ публику другими отрывками изъ своихъ воспоминаній, если таковыя у него имѣются, есть еще одна неточность. Чаадаевъ возвратился изъ-за границы въ Москву не въ 1827 году, а въ августѣ 1826 года, во время коронаціи императора Николая I (Русск. Вѣстн., 1862, № 11, стр. 140.) Этою эпохою и объясняется тогдашнее кратковременное задержаніе его въ Брестѣ.

Пора установить окончательно истину насчетъ бывшаго такъ долго спорнымъ и темнымъ дѣла объ участіи Чаадаева въ Семеновской исторіи, о поѣздкѣ его въ Троппау и объ его отставкѣ. Этотъ эпизодъ можно назвать историческимъ. Я высказалъ эту истину на основаніи документовъ и руководствуясь разсказами самаго Чаадаева, князя А. С. Меньшикова и покойнаго графа А. А. Закревскаго Я считаю себя обязаннымъ устранить впредь по возможности всякія недоразумѣнія касательно друга, которому я, вмѣстѣ со многими, долженъ быть признателенъ и уста котораго уже двѣнадцать лѣтъ какъ сомкнуты вѣчнымъ молчаніемъ. Чаадаевъ не долженъ быть забытъ. Дай Богъ намъ всѣмъ перестать подавать поводъ къ справедливому упреку, который, съ горестью любящаго и болящаго сердца, сдѣлалъ онъ намъ, когда говорилъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ г-жѣ Пановой: «Nos souvenirs ne dâtent pas d'au delà de la journée d'hier; nous sommes pour ainsi dire étrangers à nous-mêmes. Nous marchons si singulièrement dans le temps, qu'à mesure que nous avancons, la veille nous échappe sans retour» (*).

Михаилъ Лонгиновъ.

Орелъ.
12 Іюня 1868.,

(*) Т. е. Наши воспоминанія не старѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, иностранцы по отношенію къ самимъ себѣ. Время протекаетъ для насъ такъ странно, что по мѣрѣ того какъ идемъ впередъ, пройденное наканунѣ исчезаетъ для насъ безслѣдно.

ЗАПИСКА О КРАМОЛАХЪ ВРАГОВЪ РОССІИ.

Записка о крамолахъ враговъ Россіи получена мною отъ Алексѣя Александровича Павлова, который во время оберъ-прокурорства въ Св. Сѵнодѣ князя Петра Сергѣевича Мещерскаго (1817—1833) былъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сѵнодѣ. Первымъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сѵнодѣ былъ знаменитый Потемкинъ, который въ званіи камеръ-юнкера опредѣленъ былъ туда Екатериною II-ю съ тою цѣлію, чтобы наблюдать за дѣйствіями членовъ Св. Сѵнода и направлять ихъ согласно съ видами Екатерины, когда дѣло шло объ отобраніи въ казну крестьянъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ (1). Потемкину дана была особая инструкція Екатериной. Инструкція эта гласила: 1) Для лучшаго понятія дѣлъ, по сему мѣсту производящихся, и дабы вы разсужденія ваши объ оныхъ съ хорошимъ основаніемъ располагать могли, надлежитъ вамъ знать всемѣрно къ духовному сему правительству принадлежащія узаконенія и для того пріобрѣсть себѣ достаточное свѣдѣніе о постановленныхъ Вселенскими и Помѣстными Соборами правилахъ Св. Отецъ, о Духовномъ Регламентѣ, о касающихся до разныхъ по духовнымъ дѣламъ учрежденій имянныхъ указахъ, о штатѣ духовномъ и о всемъ прочемъ, что̀ къ сему принадлежитъ. 2) Сверхъ обыкновеннаго времени собранія и присутствія членовъ сѵнодальныхъ, не безполезно вамъ поставлять себѣ за должность для лучшаго пріобученія вашего пріѣзжать въ Сѵнодъ и безъ собранія въ такіе часы, въ какіе вамъ разсудится. 3) Заблаговременно справясь, какія дѣла на утро готовятся къ докладу, прочитывайте оныя со вниманіемъ и дѣлайте для себя ясныя примѣчанія, дабы при слушаніи могли вы или разсужденія судейскія точно понимать, или, ежели что̀ пропускается при докладахъ и разсужденіяхъ, съ благопристойностію припамятовать. 4) Съ крайнимъ прилежаніемъ внимать вы должны, какія приказываются резолюціи, и, по выходѣ членовъ послѣ полудня, заставливать предъ собою читать протоколы, такъ ли тотъ, кто протоколъ держалъ, оныя резолюціи понялъ и то ли написалъ. 5) Когда опредѣлено о дѣлѣ важномъ подiесть вамъ доклады, тогда стараться для лучшей своей пріобычки сочинять оныя вамъ самимъ, равно какъ и всякія иныя сочиненія, а наипаче которыя въ на-

(1) Кромѣ дѣла о церковныхъ имѣніяхъ, которое наслѣдовано Екатериною отъ Петра III-го, и которое надлежало какъ можно скорѣе уладить (ибо оно предпринято было скоропоспѣшно и грозило важными смутами), Екатерина должна была вообще обратить особенное вниманіе на управленіе Синодальное. Благочестіе императрицы Елизаветы Петровны, плодотворное во многихъ другихъ отношеніяхъ, не внесло однако порядка въ дѣла церковныя, а при преемникѣ его высшее духовенство обнаружило свое безсиліе. Еще студентомъ другъ архіереевъ и начетчикъ церковныхъ книгъ, Потемкинъ явился надежнымъ пособникомъ новой государыни. Но его честолюбіе и широта государственныхъ воззрѣній не могли удовольствоваться одною дѣятельностью въ Синодѣ. *П. Б.*

родъ за нашимъ подписаніемъ издаются, или за сгнодскимъ. 6) Во время отсутствія или болѣзни оберъ-прокурора(²), долгъ имѣете намъ докладывать по всякимъ дѣламъ и наши по онымъ повелѣнія въ Сгнодѣ записывать; словомъ, всему тому, что̀ содѣйствіемъ вашимъ къ облегченію порядочнаго дѣлъ теченія, а притомъ и къ лучшему оныхъ познанію вашему служить можетъ, должны вы со всякимъ радѣніемъ пріобучаться, ожидая нашей за то апробаціи и милости.“ Конечно, кромѣ этой письменной инструкціи, дана была Потемкину отъ Екатерины еще устная, спеціально относившаяся къ тому предмету, который занималъ Екатерину въ 1763-мъ году и для успѣшнаго разрѣшенія котораго и создана была для Потемкина особенная должность въ Сгнодѣ. Съ разрѣшеніемъ вопроса о такъ называемыхъ монастырскихъ, архіерейскихъ и церковныхъ крестьянахъ кончилась и должность Потемкина, какъ чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сгнодѣ, хотя въ имянномъ указѣ о назначеніи Потемкина въ эту должность и говорилось такъ, какъ будто бы онъ приготовляется Екатериной для постояннаго засѣданія въ Сгнодѣ, или для занятія впослѣдствіи должности сгнодальнаго оберъ-прокурора: „Повелѣли мы въ Сгнодѣ, говоритъ указъ, безпрерывно при текущихъ дѣлахъ, а особливо при собраніяхъ, быть нашему камеръ-юнкеру Григорію Потемкину, и мѣсто свое имѣть за оберъ-прокурорскимъ столомъ съ тѣмъ, дабы онъ слушаньемъ, читаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что̀ онъ къ пользѣ своей за потребное найдетъ, навыкалъ быть искуснымъ и способнымъ къ сему мѣсту для отправленія дѣлъ, ежели впредъ, смотря на его успѣхи, мы заблагоусмотримъ его опредѣлить къ дѣйствительному по сему мѣсту упражненію (³).

Съ Потемкина до А. А. Павлова никто не занималъ должности чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сгнодѣ. Оригинально было опредѣленіе Павлова (⁴) на эту должность. По складу своего ума, по религіозному направленію, по склонности къ духовнымъ дѣламъ, Павловъ хотѣлъ занять какую-нибудь должность въ сгнодальномъ вѣдомствѣ; но должности соотвѣтственной ему въ этомъ вѣдомствѣ не открывалось. Это обстоятельство его безпокоило; но, къ его счастію, кто-то далъ ему знать, что при Сгнодѣ есть одна должность съ давняго времени праздная, на которую Павловъ можетъ проситься, это должность чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сгнодѣ. Павловъ съ жаромъ ухватился за это предложеніе и послѣ многихъ колебаній со стороны князя Мещерскаго получилъ наконецъ эту должность. На этой должности судьба свела и сблизила его со многими духовными и свѣтскими лицами, болѣе или менѣе замѣчательными въ послѣдніе годы царствованія Александра I-го и въ первые годы имп. Николая I-го, и во многихъ духовно-религіозныхъ явленіяхъ того времени онъ былъ небезучастнымъ только зрителемъ, но и болѣе или менѣе вліятельнымъ дѣятелемъ. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ митрополит. Серафимомъ, съ Аракчеевымъ, гр. Орловою, Шишковымъ, Шихматовымъ, Фотіемъ и другими. Симпатіи его лежали къ этой партіи, и онъ не былъ расположенъ къ партіи князя Голицына. Отъ него я получилъ Записки А. С. Шишкова, напеч. въ 1863-мъ г. въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, отъ него же получилъ и эту Записку. Чьему перу принадлежитъ эта Записка, покой-

(²) Тогда оберъ-прокуроромъ былъ Алексѣй Семеновичъ Козловскій, и послѣ него въ томъ же 1763 г. Ив. Ив. Мелиссино (грекъ, впослѣдствіи кураторъ Московскаго университета и антагонистъ масоновъ). *П. Б.*

(³) Указъ 19-го Августа 1763-го, и инструкція 4-го Сентября 1763-го года.

(⁴) Павловъ былъ женатъ на родной сестрѣ бывшаго тогда (около 1820 г.) во всей своей славѣ А. П. Ермолова. *П. Б.*

ный Павловъ (онъ умеръ въ 1865-мъ г. и погреб. на Александро-Невскомъ кладбищѣ), мнѣ не объяснилъ. Сравнивая содержаніе ея съ Записками А. С. Шишкова, я нахожу въ ней много сходства, даже буквальнаго, съ означенными Записками, особенно тамъ, гдѣ она говоритъ о сочиненіи Госнера и другихъ современныхъ ему и такаго же направленія литературныхъ произведеніяхъ. Судя потому, что въ самыхъ Запискахъ А. С. Шишкова упоминается о томъ участіи, которое принималъ во многихъ дѣлахъ директоръ канцеляріи тогдашняго министра просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ, составлявшій подъ руководствомъ министра устава о цензурѣ и сочинившій записку о ходѣ этого дѣла (5); далѣе обращая вниманіе на то, что записка заканчивается похвалою подвигамъ митрополита Серафима и Шишкова, — мы съ вѣроятностію можемъ предполагать, что она обязана своимъ происхожденіемъ перу князя Шихматова, по крайней мѣрѣ въ большей части своего содержанія. — Мы не будемъ распространяться здѣсь объ интересѣ содержанія этой Записки, — читатели увидятъ это сами, а скажемъ только, что она весьма рельефно представляетъ намъ религіозно-уметвенное движеніе александровской эпохи и борьбу двухъ направленій: строго-православнаго, держащагося твердо древнихъ преданій, и новаго, проникнутаго западнымъ духомъ и охваченнаго тогдашнимъ религіознымъ движеніемъ, обнаружившимся въ Европѣ. На нѣкоторыя мѣста Записки мы сочли нужнымъ сдѣлать отъ себя примѣчанія или объясненія.

Священникъ М. Морошкинъ.

*

Основаніе могущества Россіи. Россія всегда была и есть сильна и непоколебима въ своемъ могуществѣ твердымъ пребываніемъ въ вѣрѣ православной и безпредѣльною покорностію своимъ государямъ самодержавнымъ. Доколѣ она будетъ православно бояться Бога отцовъ своихъ и благоговѣйно чтить своихъ самодержавныхъ государей, дотолѣ будетъ и пребудетъ въ страхъ народамъ Европы, шаткимъ въ своихъ вѣрованіяхъ въ Бога, буйнымъ и дерзкимъ противъ своихъ государей.

Покушенія враговъ Россіи ослабить ея могущество, при Петрѣ I и при его преемникахъ до Екатерины II. Давно народы Европейскіе замѣтили это непоколебимое основаніе могущества Россіи; давно и всячески стараются ослабить и, если возможно, разрушить оное. Еще со временъ Петра Великаго иностранцы разныхъ вѣроисповѣданій, переселившіеся на службу въ Россію и здѣсь занявшіе высшія государственныя должности, старались ввести и усилить свои вѣроисповѣданія между Русскими (которыхъ почитали они народомъ языческимъ, не разумѣя православнаго вѣроисповѣданія нашего). То лютеранскіе, то папистическіе миссіонеры, явно и тайно вторгались въ предѣлы Россіи, и разсѣвали между Русскими свои вѣроисповѣданія, увлекая за собою легкомысленныхъ. Но бдительное правительство скоро замѣчало ихъ злоумышленія противъ основаній Русскаго благоденствія и рѣшительными мѣрами предотвращало зло, замышляемое иностранцами. Проповѣдники чужевѣрія правительствомъ нашимъ не только были удерживаемы отъ распространенія онаго въ Россіи, но даже были высылаемы изъ границъ Россіи (см. Указы: 1728 года окт. 4, 1731 г. апрѣля 8, 1735 г. марта 14, 1736 г. марта 9), а совращенные ими были возвращаемы въ нѣдра православной церкви и иногда подвергались строгимъ наказаніямъ. Такъ въ 1736 году дворянинъ Ладыженскій, поступившій изъ православныхъ въ Езуитскій орденъ, былъ наказанъ шелепами за измѣну вѣрѣ. Не по духу нетерпимости къ разновѣрію такъ поступали наши государи, но по долгу справедливости и по мудрой за-

(5) Записки адмирала А. С. Шишкова. стр. 133.

ботливости о благѣ своихъ подданныхъ. Особенную силу имѣли иностранцы въ Россіи во время могущества Бирона. Тогда, по ихъ проискамъ, неоднократныя предпріятія Св. Сѵнода о распространеніи христіанства въ Камчаткѣ, оставались безъ всякаго успѣха; даже назначаемыя имъ на сіе святое дѣло лица духовнаго званія погибали въ тайной канцеляріи, которою управлялъ Биронъ. Въ это время тяжко пострадалъ ревностный защитникъ православія и обличитель иновѣрческихъ заблужденій, членъ Синода, архіепископъ Тверской, Ѳеофилактъ Лопатинскій, который доведенъ до лишенія сана, до кнута и до заточенія за то, что одобрилъ къ напечатанію книгу подъ заглавіемъ: Камень Вѣры, которую написалъ митрополитъ Стефанъ Яворскій въ защиту православія и для утвержденія въ вѣрѣ православныхъ христіанъ, которыхъ смущала сильная тогда партія иновѣрцевъ, своими еретическими заблужденіями, а вмѣстѣ и за то, что Лопатинскій и самъ написалъ книгу противъ лютеранъ и кальвинистовъ, въ которой сильно и основательно обличилъ ихъ ереси.

Покушенія враговъ Россіи при Екатеринѣ II. Въ царствованіе императрицы Екатерины II, когда по Европѣ духъ вольномыслія разливался съ необузданною свободою и съ невѣроятнымъ успѣхомъ; когда адскія предпріятія Вейсгаупта и всѣхъ его соумышленниковъ иллюминатовъ и масоновъ, Вольтера и его единомысленниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ софистовъ нечестія, — предпріятія разрушить алтари Божіи и испровергнуть престолы царей, постепенно и успѣшно были приводимы въ исполненіе; когда народы Европы, постепенно приходя отъ вольномыслія къ безбожію, не только охладѣвали къ господствующимъ между ними вѣроисповѣданіямъ, не только пренебрегали всѣми постановленіями своихъ церквей, но и стремились разрушить до основанія христіанскую церковь, опрокинуть алтари Божіи, истребить всякую вѣру, изгнать самаго Бога изъ вселенной и поставить въ предметъ всеобщаго поклоненія и благоговѣнія натуру; и когда всѣ эти дерзкія покушенія противъ христіанской вѣры, церкви и самаго Бога, ослѣпленные духомъ времени, многіе цари народовъ Европейскихъ поддерживали, подкрѣпляли и поощряли не только своимъ равнодушіемъ къ замысламъ иллюминатовъ, масоновъ и софистовъ нечестія, но и своимъ съ ними единомысліемъ, нисколько не помышляя о томъ, что съ разрушеніемъ алтарей неминуемо падутъ ихъ престолы, и нисколько не замѣчая, что враги вѣры суть такіе же враги закона и всякой власти,—въ это время искушенія коснулись и Россіи.

Покушенія масоновъ распространить между Русскими свой образъ мыслей посредствомъ издаваемыхъ ими книгъ. Въ предѣлахъ Россіи начали появляться тайныя общества франкмасоновъ, которыя, прикрывая свои адскіе замыслы противъ вѣры и верховной власти разными благовидными дѣйствіями, старались привлекать къ себѣ легковѣрныхъ. Масоны притворно представлялись благотворителями человѣчества, хотя единственная цѣль ихъ благотворительности состояла въ привлеченіи людей въ свое общество; казались заботливыми о распространеніи духовнаго просвѣщенія и христіанской нравственности между людьми, а на самомъ дѣлѣ старались отклонить ихъ отъ ученія православной церкви и вовлечь въ свои заблужденія. Для этаго они издавали на Русскомъ языкѣ разныя книги, которыя по заглавіямъ своимъ казались духовными и назидательными, но въ самомъ дѣлѣ въ нихъ заключалась лукавая смѣсь истины съ заблужденіями. По этому издатели ихъ не смѣли ни представить ихъ на предварительное разсмотрѣніе духовному начальству, ни печатать въ типографіи Святѣйшаго Синода. Печатали они свои книги съ одобренія свѣтскаго начальства и пе-

чатали въ вольныхъ типографіяхъ. Главными распространителями такихъ, мнимодуховныхъ и назидательныхъ, книгъ были Новиковъ и Лопухинъ, кои имѣли свою типографію.

Покушенія софистовъ нечестія развратить Русскихъ своими книгами. Въ то время, какъ масоны старались умножить въ Россіи изданія книгъ мнимодуховныхъ и назидательныхъ, софисты нечестія спѣшили наводнить Россію книгами нечестивыми, безбожными, безнравственными, которыя во Франціи были издаваемы Вольтеромъ и его сообщниками, и которыя въ Россіи были распространяемы частію на французскомъ языкѣ, частію въ переводахъ русскихъ, печатанныхъ съ одобренія то квартальныхъ надзирателей, то нисшихъ присутственныхъ мѣстъ. Духъ ученія софистовъ нечестія скоро привился ко многимъ изъ Русскихъ, особенно къ тѣмъ, которыхъ воспитывали выходцы французскіе. Духъ безнравственности и нечестія скоро распространился въ высшемъ обществѣ Россіянъ, какъ гибельная зараза, и неизвѣстно, что было бы съ Россіею, если бы въ 1812 году не грянулъ съ неба громъ, заставившій всѣхъ въ ужасѣ ознаменоваться крестомъ.

Мѣры правительства Русскаго противъ замысловъ масоновъ и софистовъ нечестія: при Екатеринѣ II. Впрочемъ Россійское правительство еще за долго прежде того начало открывать злоумышленія враговъ Россіи; оно открыло связь Новикова и Лопухина съ масонскими обществами, замѣтило и вредъ, происходившій отъ свободнаго изданія ими книгъ; Новиковъ взятъ подъ стражу, Лопухинъ отданъ подъ надзоръ полиціи; библіотека Новикова публично сожжена (6); и наконецъ 1787 года 27 іюня данъ высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось наблюдать, „дабы ни въ одной свѣтской типографіи не были печатаемы, и ни въ одной свѣтской книжной лавкѣ не были продаваемы: молитвенники, не отъ Синода изданные, также книги церковныя, или къ Св. Писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся" и пр. Симъ указомъ въ то время остановлены успѣхи въ распространеніи мнимодуховныхъ книгъ по Россіи, выходившихъ помимо духовнаго начальства.

При Павлѣ I. При императорѣ Павлѣ I-мъ установлена особая цензура для разсмотрѣнія всѣхъ печатаемыхъ въ Россіи книгъ; въ цензурномъ комитетѣ были члены свѣтскіе и духовные; ему даны подробныя и строгія правила для руководства. Вообще духъ строгости, постоянно обнаруживаемый во все время царствованія Павла I, заставилъ пріостановиться послѣдователей тайныхъ обществъ въ своихъ злоумышленныхъ предпріятіяхъ. Лопухинъ, поборникъ масонства, пользуясь милостивымъ вниманіемъ Павла I, не осмѣлился дѣйствовать въ пользу масонства. Голосъ нечестія, безбожія и вольнодумства совершенно затихъ, при гласѣ мудрой строгости Павла I (7).

Съ цѣлію продолжить эту благодѣтельную тишину, оправдать мѣры правительства противъ дѣйствій масоновъ и софистовъ нечестія, и предостеречь Русскихъ отъ гибельныхъ заблужденій, былъ напечатанъ Русскій переводъ книги подъ заглавіемъ: Волтеріанцы, или исторія о Якобинцахъ, въ которой открыты и неоспоримо доказаны всѣ противухристіанскія злоумышленія масонскихъ ложъ, имѣвшихъ влія-

(6) Авторъ смѣшиваетъ хронологію происшествій. *П. Б.*

(7) Увлеченный предвзятою идеею, авторъ забываетъ, что именно въ Павлово царствованіе, православіе потерпѣло самый существенный уронъ вслѣдствіе учрежденія Мальтійскаго ордена и безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ Русской исторіи владычества Іезуитовъ. По времени, въ которое жилъ авторъ печатаемой «Записки о крамолахъ враговъ Россіи», надо думать, что немогъ же онъ не знать черезъ устное преданіе о тѣхъ вопіющихъ событіяхъ, которыя такъ поражаютъ насъ въ сочиненіи М. Я. Морошкина объ Іезуитахъ. *П. Б.*

ніе на всѣ Европейскія державы. Но эта книга вскорѣ была скуплена масонами, или были даны большія деньги за то, чтобы она не была въ продажѣ, и до закрытія въ Россіи масонскихъ ложъ этой книги въ продажѣ не было.

Коварство враговъ Россіи: а) *въ поддержаніи раскольническихъ сектъ въ Россіи*. Враги гражданскаго и церковнаго благосостоянія Россіи, встрѣтивъ сильное себѣ противленіе въ учрежденіи цензуры, не оставили своихъ злобныхъ замысловъ. Они начали тайнымъ образомъ поддерживать заблужденія и суевѣрія Русскихъ раскольниковъ, и особенно безпоповщинской секты, какъ наиболѣе близкой къ ихъ духу возмущенія противъ вѣры, церкви и гражданской власти и порядка. Подъ благовиднымъ предлогомъ вѣротерпимости, свойственной вѣку просвѣщенія, и будто по причинѣ безуспѣшности строгихъ мѣръ, противъ раскольниковъ прежде употребляемыхъ, они старались испрашивать имъ свободу вѣроисповѣданія, и тѣмъ способствовать необычайному умноженію и распространенію раскольническихъ сектъ, распространяющихъ разномысліе, раздоры и несогласія въ государствѣ.

б) *Въ распространеніи между Русскими заблужденій чужеземныхъ*. Враги церкви и отечества нашего даже старались объ основаніи и распространеніи въ Россіи новыхъ ересей и сектъ, и привить Русскимъ новѣйшія заблужденія чужихъ странъ. Чужестранныя заблужденія тѣмъ болѣе опасны и даже гибельны для нашей православной церкви и отечества, что они прикрыты мнимою духовностію. Такъ около этаго времени появились въ Россіи Духоборцы, Хлысты, Перекрещиванцы, Молоканы и Скопцы—секты, очевидно образовавшіяся изъ Меннонитовъ, Флагеллянтовъ, Анабаптистовъ, Методистовъ и другихъ сектъ, преслѣдуемыхъ на Западѣ.

Гибельный духъ ученія нововводимыхъ сектъ. Основатели новыхъ русскихъ сектъ проповѣдуютъ своимъ послѣдователямъ новыя мечтательныя правила о поклоненіи Богу духомъ и истиною, и за тѣмъ отвергаютъ всякую наружность въ дѣлахъ служенія Богу, и всѣ святыя таинства, а потому и помазаніе царей и освященіе чрезъ оное помазанныхъ Божіихъ. Усвоивъ себѣ духовную свободу, они отвергаютъ всякую зависимость отъ закона, власти и правительства церковнаго и гражданскаго; отвергаютъ всякую обязанность приносить пожертвованія въ церкви, исполнять всякія повинности государственныя, платить подати и оброки, называя все это знаменіями царства Антихристова; самыя молитвы за царя и за всѣ власти они называютъ нечестіемъ и оскорбленіемъ Бога. Питая непримиримую ненависть противъ всѣхъ постановленій церковныхъ и гражданскихъ настоящаго времени, и проповѣдуя преобразованіе или уничтоженіе оныхъ, они всегда готовы пристать какъ ко внѣшнимъ, такъ и ко внутреннимъ врагамъ церкви: такъ лишь только возникъ къ Москвѣ бунтъ, безпоповщинцы къ нему пристали, и одинъ изъ нихъ убилъ архіепископа Амвросія; въ бунтѣ Пугачева они имѣли сильное и дѣятельное участіе. Въ ужасную годину Россіи, безпоповщинцы явили себя тѣмъ, чѣмъ всегда быть готовы, злѣйшими врагами отечества и церкви. Едва вступилъ Наполеонъ въ Москву, они немедленно явились къ нему съ хлѣбомъ-солью и съ предложеніемъ своихъ услугъ. Какъ скоро увидѣли его къ себѣ благоволеніе, тотчасъ устремились на разграбленіе Св. Храмовъ. Не только всякая драгоцѣнность, но всякая древняя святыня сдѣлалась ихъ добычею. Вообще безпоповщинцы всѣхъ согласій и всѣ тайныя секты наши суть самые злѣйшіе и опаснѣйшіе враги церкви и отечества нашего: это порохъ, ожидающій гибельнаго взрыва; это черви, непрестанно точащіе піедесталъ, на которомъ стоитъ огромный колосъ Россіи! Новыя секты Россіи тѣмъ болѣе опасны, что въ главныхъ пунктахъ своего уче-

нія, т. е. въ ненависти къ ученію и постановленіямъ церкви, къ закону и правительству гражданскому, онѣ совершенно сходны съ безпоповщинскою сектою, которая со временъ Петра I въ Россіи поспѣшно умножается и усиливается, на пагубу церкви и отечества.

Безуспѣшность мѣръ правительства въ искорененіи расколовъ и ересей. Со временъ Петра I-го Россійское правительство употребляло и употребляетъ всякія мѣры къ истребленію такихъ пагубныхъ сектъ, или къ обращенію ихъ на путь истины: но ни кротость и милосердіе, ни строгость и прещеніе верховной власти доселѣ не имѣли желаннаго успѣха. При строгости правительства сектанты обнаруживали грубость, ожесточеніе и буйство; при кроткости правительства они спѣшили умножать число послѣдователей: отъ этого, гдѣ прежде считали сектантовъ десятками, тамъ нынѣ считаютъ ихъ десятками тысячь. Мнимая свобода отъ всякой гражданской и духовной власти и законовъ, которую лжеучители проповѣдуютъ своимъ послѣдователямъ, обольщаетъ и удерживаетъ ихъ въ сектѣ; а покровительство ближайшихъ начальствъ, пріобрѣтаемое деньгами, поставляетъ ихъ внѣ всякой опасности и препятствуетъ успѣхамъ въ мѣрахъ верховной власти и правительства. И подлинно, чтó могутъ сдѣлать благодѣтельныя мѣры верховной власти, въ видахъ отеческой попечительности о благѣ отечества обнаруживаемыя, противъ заблужденій расколовъ и сектъ: когда ближайшія начальства смотрятъ на раскольниковъ и на всякихъ сектаторовъ, какъ на выгоднѣйшія для своего хозяйства оброчныя статьи? Впрочемъ, сердце кровію обливается, когда представишь себѣ, чтó будетъ лѣтъ чрезъ тридцать, когда успѣхи раскольниковъ безпоповщинской секты будутъ возрастать такъ же быстро, какъ они теперь возрастаютъ и когда половина Россіи будетъ за грѣхъ считать служить царю-антихристу, и знаки монаршей милости будутъ почитаться за печать антихриста.

Покушенія враговъ Россіи при Александрѣ I. Самые ужасные ковы къ погубленію Россіи враги ея устроили въ царствованіе императора Александра I-го, ковы, въ устроеніи которыхъ они истощили всю свою хитрость, на удивленіе самому аду.

Кому неизвѣстно, что послѣ ужасной войны 1812 г., когда твердая вѣра и благочестивое упованіе на Бога императора Александра I-го спасли Россію отъ паденія, которымъ угрожала ей гордость Наполеона, и возстановили благосостояніе всей Европы, чрезъ совершенное низложеніе Наполеона,—не только въ духѣ Русскаго народа послѣдовала благодѣтельная перемѣна, но и духъ всѣхъ народовъ Западной Европы испыталъ въ себѣ совершенное измѣненіе: Зачумленные прежде духомъ вольномыслія и безбожія, народы Западной Европы образумились, перекрестились, взглянули на небо и познали Бога всемогущаго, восчувствовали всю необходимость въ утѣшеніи и подкрѣпленіи своихъ душъ ученіемъ Христовымъ; откинули прочь безумныя произведенія Вольтера, Даламберта и всей ихъ нечестивой шайки; обратились къ чтенію Слова Божія; возвратились въ запустѣлые храмы; восчувствовали всю важность и пользу правительства и верховной власти въ обществахъ, и обратили благоговѣйное вниманіе на благочестиваго избавителя Европы, удивившаго ее своимъ истинно-христіанскимъ смиреніемъ. Враги Россіи воспользовались такими благопріятными обстоятельствами, и съ адскою хитростію, съ сатанинскимъ лукавствомъ, устроили обширный и многосложный планъ къ погубленію Россіи.

Планъ ихъ къ погубленію Россіи. Положивъ въ основаніе своихъ адскихъ замысловъ всеобщую увѣренность народовъ и государей Европы, что Господь Іисусъ Христосъ спасъ Европу отъ ужаснаго порабощенія, какое готовилъ ей Наполеонъ и для этаго спасенія

употребилъ въ благодѣтельное орудіе христіанскую кротость Александра I, они замыслили употребить въ орудіе для совершенія своихъ пагубныхъ намѣреній того же Александра I-го. Чрезъ своихъ агентовъ при дворѣ его, они старались внушить и распространить между нѣкоторыми легковѣрными при дворѣ и въ народѣ ту мысль, что самимъ Богомъ предназначено, чтобы освободитель Европы отъ ига Наполеонова былъ спасителемъ народовъ христіанскихъ отъ ига разномыслія въ вѣрѣ, и всѣхъ христіанъ сдѣлалъ единымъ стадомъ единаго пастыря І. Христа; чтобы онъ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія соединилъ въ единую вѣру Христову; всѣ церкви или христіанскія общества совокупилъ во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую церковь. За надежное къ тому средство признано: поддержать, усилить и умножить въ Россіи домашніе ея расколы и секты, ввести и распространить въ ней секты и заблужденія иностранныя, умножить въ ней число масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ; распространить между Русскими свѣдѣнія о всѣхъ иностранныхъ вѣроученіяхъ; для этаго переводить и печатать на русскомъ языкѣ всякія книги, заключающія въ себѣ всякія частныя мнѣнія о религіи, всякія толкованія на Библію, всякія сочиненія о богослуженіи и нравственности, всякія правила о духовной жизни. А дабы не встрѣтить къ этому препятствія со стороны цензуры, для этаго враги Россіи, ослѣпивъ своими лжеумствованіями нѣкоторыхъ изъ сильныхъ земли Русской и близкихъ къ трону, такъ настроили ихъ къ содѣйствію и совершенію своихъ замысловъ на пагубу Россіи, что, при покровительствѣ ихъ, всѣ книги, чрезъ которыя они замыслили устроить эту пагубу,—всѣ таковыя книги, въ противность вышеприведенному имянному указу императрицы Екатерины II, стали быть разсматриваемы въ свѣтской цензурѣ, и печатались оныя въ вольныхъ типографіяхъ, и продавались во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Для той же цѣли враги Россіи старались ввести, усилить и распространить духъ нечестія и вольномыслія въ университетахъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; а въ народѣ распустить сколько можно болѣе экземпляровъ Библіи, продавая ихъ за самую малую цѣну,—для этаго открыть въ Россіи библейскія общества, какія во множествѣ открыты по всей христіанской Европѣ, и въ эти библейскія общества привлечь, кромѣ сильныхъ земли и богатыхъ людей, самое духовенство русское. Враги Россіи чрезъ все это надѣялись ослабить въ народѣ Русскомъ приверженность къ вѣрѣ и церкви православной, ознакомить его со всѣми вѣроисповѣданіями, ослабить въ немъ отвращеніе къ чужимъ вѣрамъ, убѣдить, что во всякомъ вѣроисповѣданіи есть стороны хорошія, научить смотрѣть на всѣ вѣры глазами безъ различія, чрезъ это произвести охлажденіе къ вѣрѣ православной; открывъ всѣмъ и каждому удобность имѣть и читать Библію, ослабить въ нихъ благоговѣйное къ ней уваженіе и открыть путь къ произвольнымъ толкамъ священныхъ истинъ вѣры.

Предрасположеніе къ совокупленію всѣхъ вѣръ и церквей въ одну. Съ цѣлію приготовить народъ къ мысли о преобразованіи вѣры и церкви, или о соединеніи всѣхъ церквей въ одну церковь и всѣхъ вѣръ въ одну вѣру, положено праздновать въ церкви освобожденіе Россіи отъ двадесяти народовъ Европы въ праздникъ Рождества Христова, въ знаменованіе того, что въ праздникъ Рождества Христова должно начаться преобразованіе Христіанства изъ множества сектъ во едину церковь. Какъ бы въ начатокъ этаго перерожденія, съ 1817 года во всѣхъ церковныхъ книгахъ, печатанныхъ въ синодальныхъ типографіяхъ, въ 25-е число декабря, вмѣсто: Рождество, еже по плоти, Господа, Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа—стали печа-

тать: Рождество Спасителя Нашего Іисуса Христа, т. е. съ отсѣченіемъ словъ: еже по плоти, и Господа и Бога. Для чего отняты у Іисуса Христа наименованіе: Господь и Богъ, и за чѣмъ уничтожено понятіе о рождествѣ Его, по плоти? Это нигдѣ не объяснено для православной церкви. Между тѣмъ, изъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ и духа того и послѣдующаго времени, можно ясно открывать, что уничтоженіемъ понятій о воплощеніи и божествѣ Господа и Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, открывался способъ къ сближенію Русскихъ съ ученіемъ социніанистовъ и новѣйшихъ раціоналистовъ, не признающихъ Іисуса Христа ни Господомъ, ни Богомъ, и вмѣстѣ не отвергающихъ ученія о спасеніи чрезъ него человѣческаго рода.—Чрезъ это же открывался способъ къ сближенію русскихъ православныхъ христіанъ съ ученіемъ духоборцевъ, духовныхъ христіанъ, хлыстовъ, молоканъ и скопцовъ, кои воплощеніе Іисуса Христа поставляютъ въ духовномъ вселеніи Его въ сердца человѣческія. Скопцы даже вѣруютъ, что „Христосъ вселился въ Петра III, и въ лицѣ его опять придетъ къ нимъ съ Востока, и общество ихъ сдѣлаетъ блаженнымъ, вѣру ихъ сдѣлаетъ всеобщею, измѣнитъ всѣ обряды церковные и постановленія правительства." Такими мыслями наполнены ихъ пѣсни, кои поютъ они въ своихъ сборищахъ (см. кн. о ереси скопческой стр. 187—238). Около этаго времени на Дону между казаками явилась новая секта Духоносцевъ. Основателемъ ея былъ Есаулъ Евлампій Котельниковъ ([8]), который съ силою проповѣдывалъ, что „Антихристъ стоитъ въ св. нашей цер-

([8]) Вотъ какія свѣдѣнія сообщаютъ о Котельниковѣ Записки Шишкова: „Есаулъ сей схваченъ съ написанною имъ возмутительною противъ вѣры и правительства книгою, основанною на правилахъ изданной въ свѣтъ, переведенной съ иностраннаго языка книги, подъ названіемъ: „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Онъ призванъ былъ къ графу Аракчееву въ присутствіи митрополита (Серафима) и архимандрита Фотія, гдѣ, вмѣсто признанія себя виновнымъ, укорялъ ихъ дерзкими словами въ незнаніи настоящей вѣры, презиралъ всякія угрозы, и напротивъ, угрожая самъ, говорилъ, что онъ радъ погибнуть: ибо знаетъ, что погибелью своею умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Видя его свирѣпымъ и непреклоннымъ, гр. Аракчеевъ и митрополитъ полагали запереть его навсегда въ крѣпость; но арх. Фотій просилъ, чтобъ предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. По нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ, согласились на его представленіе. Онъ заперся съ нимъ въ келіи. Первый разговоръ ихъ былъ такой, что есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на краткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій напротивъ снималъ съ него вши и при всякомъ бранномъ отъ него словѣ обнималъ его и цѣлуя говорилъ: „вотъ ты сердишься, а я нѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль: изъ одного этаго уже видно, что моя сторона правѣе твоей. Я непрошу тебя, чтобъ ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостію не выслушивать другъ друга?" Есаулъ нѣсколько укротился, но первое ихъ свиданіе ничего надъ нимъ не подѣйствовало. Узнавъ о семъ, я просилъ сказать отцу Фотію, чтобъ онъ, оставаясь на единѣ съ такимъ отчаяннымъ суевѣромъ, остерегался, дабы онъ не принесъ съ собою оружія и не убилъ его. Слова мои были ему пересказаны. Чтожъ онъ на другой день сдѣлалъ? Велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собою есаула и говоритъ ему: „Опасаются, что ты можешь меня зарѣзать; ножикъ лежитъ предъ тобою, но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, и Богъ не попуститъ тебя поднять руку на того, кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходитъ ли тебѣ на мысль убить меня?" Есаулъ, мужичевища дородный, взглянулъ съ удивленіемъ на худощаваго собесѣдника своего и твердымъ голосомъ отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, не убью."—„Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры", сказалъ Фотій. Так. обр., искореняя

кви, и мерзость запустѣнія, рѣченная Даніиломъ пророкомъ, видна уже въ ней; она есть блудница великая, Вавилонъ, жилище бѣсовъ; народъ въ ней собирается не чашу Господню пить, а чашу

въ немъ ложныя понятія о вѣрѣ, почерпнутыя имъ изъ чтенія мистическихъ книгъ, и открывая ему перетолкованный въ нихъ настоящій смыслъ Свящ. Писаній, напослѣдокъ довелъ онъ его до совершеннаго раскаянія, такъ что онъ потребовалъ свою книгу и своеручною подписью предалъ ее проклятію. Въ такомъ же духѣ, отрицаясь отъ всѣхъ ересей, написалъ онъ письмо къ митрополиту, прося у него прощенія и поручая себя его молитвамъ. Достойны примѣчанія слѣдующія слова сего есаула. Онъ говорилъ Фотію: „Я мужъ и отецъ; предавшись пагубнымъ внушеніямъ и чтенію злочестивыхъ книгъ, я заразился ими, бросилъ жену и дѣтей; не думалъ больше ни объ нихъ, ни о себѣ. Теперь ты возбудилъ во мнѣ снова жалость къ нимъ. Я отступилъ отъ вѣры, отъ добродѣтели, и достоинъ всякаго наказанія, но они бѣдные невинны и за меня страдаютъ. Жаль мнѣ ихъ жаль!" Окончаніе съ симъ есауломъ послѣдовало такое, что велѣно было его освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину. Въ послѣдствіи времени оказалось, что есаулъ сей, возвратясь на родину свою, сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному обращенію его въ прав. вѣру и отреченію отъ своей, почерпнутой имъ изъ разныхъ, такъ называемыхъ духовно-нравственныхъ книгъ, и особенно изъ книги: *Воззваніе*. Онъ продолжалъ распространять свою ересь и вторично былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, имѣя сопутницею своею молодую, пригожую, какъ сказываютъ, дѣвку, которую выдавалъ онъ за дочь свою, вѣроятно, надѣясь чрезъ нее привлечь къ себѣ больше сообщниковъ. Отослали его опять въ тотъ же монастырь, но Фотій не взялся уже обращать его, а поручено сіе было одному изъ тамошнихъ монаховъ, который вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тоюже ересью и объявилъ о томъ письменно» (Зап. Адм. А. С. Шишкова, стр. 80, примѣчаніе).

Антихриста, чашу бѣсовскую, которую растворяютъ они мерзостію; она съ таинствами своими (изъ коихъ крещеніе духоносцы называютъ печатью антихристовою и выдумкою разума), яко царство антихристово, разрушена будетъ императоромъ Александромъ I. Вмѣсто православной церкви въ царствованіе императора Александра I откроется и распространится новая религія Духоносцевъ, подъ именемъ единовѣрія, по всей вселенной, такъ скоро, что не успѣетъ еще Библія всѣмъ раздана быть. Сія новая церковь есть невѣста Христова, есть перворожденная нынѣшней эпохи церковь. Къ сей новой религіи назначена отъ Бога быть вратами императрица Марія Θеодоровна. А дабы ввести ее, для сего родился духовно въ императорѣ Александрѣ I-мъ Іисусъ Христосъ. Императоръ Александръ I есть мужъ новой церкви, есть Христосъ Господень, и онъ-то распространитъ ее своими указами.... Императоръ Александръ древнюю Христову церковь, яко любодѣйцу, истребитъ, а новую религію и самъ приметъ, и вельможи ее примутъ, и Синодъ благословитъ"..... По ученію сей новой религіи „всякій христіанинъ есть свѣтильникъ, священникъ, царь, Христосъ, сынъ Божій, Свѣтъ, Богъ; и потому всякій можетъ совершать Богослуженіе". Духоносцы въ своихъ собраніяхъ читаютъ Библію, еще книги подъ названіемъ: Черты внутренней церкви И. Вл. Лопухина и Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Христову. Эти книги они признаютъ за пророческія. Духоносцы приглашаютъ къ себѣ раскольниковъ всякихъ сектъ. Они въ тайныхъ сборищахъ своихъ съ дерзостію провозглашаютъ „что революція въ религіи должна неминуемо послѣдовать; и что когда для новой ихъ религіи все созрѣетъ, то она вдругъ обнаружится, и никакая власть земли не можетъ истребить ее; такое ученіе Котельниковъ нетолько проповѣдывалъ уст

но, но наконецъ изложилъ въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ и въ дополненіи къ ней. О вредной проповѣди Котельникова мѣстное начальство много разъ доносило министерству дух. дѣлъ; наконецъ представило оному сказанныя рукописныя книги. Но агенты иллюминатства умѣли отвращать вниманіе министерства какъ отъ донесеній Донскаго начальства, такъ и отъ самыхъ рукописей, и тѣмъ способствовали успѣхамъ ереси. Въ тоже время Петербургъ сдѣлался сборищемъ всякихъ сектъ. Въ окрестностяхъ его появились колоніи Кваkеровъ, вызванныхъ для воздѣланія болотныхъ грунтовъ. Эти квакеры всѣхъ, отъ нищаго до императора, называютъ братьями, ни предъ кѣмъ шапки не снимаютъ. Вѣруя только во внутренняго Христа, они не принимаютъ никакого ученія, никакихъ церковныхъ постановленій, никакихъ законовъ гражданскихъ, не признаютъ ни церковной ни гражданской власти. Въ самомъ Петербургѣ кнутобоецъ, лжехристъ скопцовъ, Андрей Селивановъ, въ огромной залѣ Солодовникова, въ шелковомъ халатѣ, въ колпакѣ, на своемъ тронѣ, возлежа на подушкахъ, принималъ отъ своихъ поклонниковъ божескія почести, и проповѣдывалъ имъ свое лжеученіе иногда въ присутствіи знатныхъ особъ (см. кн. о скопч. ереси стр. 61—65).

Мадамъ Криднеръ проповѣдывала свои духовныя бредни; Татаринова привлекала множество легковѣрныхъ на свои круженія; моленныя разныхъ сектъ раскольническихъ стояли съ открытыми для всѣхъ дверями; въ разныхъ киркахъ и залахъ являлись разные проповѣдники, выписываемые изъ за границы для развращенія Русскихъ; этихъ проповѣдниковъ изъ Петербурга посылали въ разные города Россіи, чтобъ разсѣвать пагубныя заблужденія. Съ наибольшимъ успѣхомъ занимались проповѣданіемъ въ Россіи насторъ Линдель и патеръ Госнеръ, доколѣ не были высланы за границу. Заблужденія, распространяемыя Криднершею, Татариновою, Линделемъ, Госнеромъ и под. имъ, тѣмъ болѣе были опасны, что слушать ихъ собирались не простолюдины, но большая знать, пріѣзжавшая въ каретахъ цуговыхъ.

Умноженіе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ. Кромѣ сборищь сектаторовъ, знать русская собиралась еще въ масонскія ложи, которыя, со времени возвращенія нашихъ войскъ изъ заграницы, послѣ похода во Францію, чрезвычайно умножились въ Россіи; въ Петербургѣ въ высшемъ кругу, даже была поговорка: „да кто нынѣ не масонъ?“ Въ этихъ ложахъ господствовалъ духъ братства, равенства и свободы, и подготовлялъ духъ Русскихъ къ духу безначалія, независимости и своеволія. Богатый купецъ, молодой офицеръ, называя въ ложѣ братомъ вельможу и своего командира, очевидно, терялъ уваженіе къ его званію и власти и внѣ ложи, даже на службѣ. Отъ этаго стали часто появляться дерзости и неповиновеніе по дѣламъ службы, которыя дотолѣ очень рѣдки были въ Россіи.

Въ слѣдъ за масонскими ложами стали умножаться въ Россіи тайныя общества. Эти ужасныя мины подъ фундаментъ Русской крѣпости стали подводить враги Россіи, которые къ погибели ея употребляли всѣ мѣры. Здѣсь дерзкіе умы стали замышлять о преобразованіи Россіи во всемъ ея составѣ. Замыслы тайныхъ обществъ уже извѣстны правительству. Объ нихъ не нужно говорить. Да сохранитъ Господь отъ подобныхъ сборищъ отечество, церковь и верховную власть въ Руси православной!

Распространеніе вредныхъ книгъ. Скорѣе и успѣшнѣе, нежели чрезъ умноженіе сектъ, враги Россіи надѣялись ввести и усилить въ Россіи развращеніе нравовъ народа чрезъ умноженіе и распространеніе въ ней разныхъ вредныхъ книгъ. Эта сѣть для вѣры и

нравственности Русскихъ раскинута была очень широко. Враги замышляли опутать ихъ со всѣхъ сторонъ. Недовольствуясь тѣмъ, чтобы распустить множество вредныхъ книгъ между тѣми, которые читаютъ книги (или для разогнанія скуки, или по охотѣ, или по любознательности) они умыслили внести вредныя мысли въ тѣ книги, которыя употребляются въ учебныхъ заведеніяхъ, и заразить ими умы и сердца воспитывавшагося юношества. Цензоры Тимковскій и Бирюковъ выпустили въ свѣтъ въ короткое время множество вредныхъ книгъ разнаго содержанія, и преимущественно такихъ, которыя содержатъ въ себѣ ученіе о духовной жизни, о христіанской нравственности, или толкованіе Св. Писанія, также книги учебныя. О всѣхъ выпущенныхъ ими книгахъ можно сказать общую мысль ту, что въ каждой изъ нихъ къ пуду пшеничной муки примѣшанъ фунтъ мышьяку; и потому онѣ, сладко питая своихъ читателей, вмѣстѣ пріятно отравляли ихъ. Зловредныя книги свободно выходили въ свѣтъ, скоро раскупались, имѣли по два и по три изданія въ короткое время. Нельзя оставить безъ замѣчанія той хитрости враговъ нашей церкви и отечества, что они, въ намѣреніи уронить достоинство священныхъ книгъ, продавали ихъ по самой низкой цѣнѣ; а чтобы болѣе возвысить мнимое достоинство своихъ зловредныхъ книгъ, продавали ихъ очень дорогою цѣною. Всю Библію можно было купить за пять рублей асс., а Побѣдная Повѣсть продавалась по 25 р. ас., слѣдственно въ пятеро дороже.

Духъ нѣкоторыхъ изъ вредныхъ книгъ. Нѣтъ нужды перечислять всѣ книги зловредныя; а разбирать подробно ихъ содержаніе есть трудъ необъятный. Назовемъ здѣсь примѣчательнѣйшія изъ нихъ, по особенной зловредности и выпишемъ изъ нихъ нѣкоторыя зловредныя мѣста, или приведемъ объ духѣ ихъ свидѣтельства другихъ.

1. Побѣдная Повѣсть Юнга Штиллинга.

О Побѣдной Повѣсти. Она заключаетъ въ себѣ толкованіе на Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова, переведена съ нѣмецкаго, напечатана съ одобренія цензора Тимковскаго; имѣла нѣсколько изданій въ теченіи немногихъ лѣтъ, но подъ фирмою одного года, одной типографіи и одного мѣста изданія.

Цѣль толкованія Апокалипсиса состоитъ въ томъ, чтобъ доказать, что второе пришествіе Христово очень близко, что оно будетъ ни какъ не позже 1836 года. Приготовляя людей къ сему пришествію Христову, Штиллингъ убѣждаетъ всѣхъ присоединиться къ истинной церкви, дабы вмѣстѣ съ сею невѣстою Христовою имѣть участіе на бракѣ агнчемъ. Истинная церковь, по увѣренію Штиллинга, не есть ни Восточная-Греческая, которая пала вскорѣ послѣ Констинтина Великаго, ни Римско-католическая, которая есть блудница Вавилонская, ниже Лютеранская и Реформатская, потому что онѣ неболѣе Греческой и Римской являютъ въ себѣ духа Христова (стр. 160) По его увѣренію, истинная церковь есть та, которая началась на Востокѣ въ Павликіанцахъ, продолжалась на Западѣ въ Валденсахъ, Албигенсахъ и Гусситахъ и нынѣ существуетъ въ Моравскихъ братьяхъ или въ Гернгутерахъ. Штиллингъ чрезмѣрно хвалитъ церковь Гернгутерскую; называетъ ее даже облеченною въ солнце, невѣстою Христовою; и въ тоже время злостно поноситъ церковь Греческую и особенно Римскую. Чтобы свободнѣе говорить о церквахъ, Штиллингъ объявляетъ, что онъ не принадлежитъ ни къ которой церкви (ст. 412); онъ выдаетъ себя за просвѣщеннаго свѣтомъ пророчественнымъ; и увѣряетъ, что все сказанное имъ столькоже справедливо, какъ несомнѣнно то, что Св. Писаніе есть истинное слово Божіе (стр. 386).

Чтобы видѣть, духомъ Божіимъ, или

духомъ лестчимъ пророчествовалъ этотъ новый пророкъ, выпишемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ его книги, и именно тѣ, которыя особенно вредны для русскихъ читателей.

На стр. 30 Штиллингъ говоритъ: „Въ 324 году императоръ Константинъ В. принялъ христіанскую вѣру, и она сдѣлалась господствующею. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вкралось въ церковь христіанскую идолопоклонство, такъ что сатана могъ паки воздвигнуть престолъ свой въ самомъ храмѣ Божіемъ.“.

На стр. 32. Онъ продолжаетъ описывать состояніе христіанской церкви такъ: „Христіанская церковь для привлеченія въ свою вѣру не обращенныхъ послѣдовала политикѣ Валаама и Николаитовъ. Языческіе храмы превращены стали въ христіанскіе, идолы въ образа̀, вмѣсто множества боговъ стали обожать святыхъ, и чудотворнымъ образамъ и мощамъ не было конца.“

На стр. 93 и 94, онъ касается одинаково и Греческой и Римской церкви, когда говоритъ: „По испроверженіи язычества, христіанская религія раздѣлилась на двѣ партіи — на Греческую и Римскую. Обѣ церкви гнали другъ друга, и каждая сторона называя себя православною, объявляла другую еретическою. Враждебный духъ суевѣрія, языческая пышность и невѣжество, доходившее до идолослуженія, возобладали надъ тою и другою. И такъ главному врагу Христову удалось ополчить силу противъ Христа въ самомъ царствіи Его“.

На стр. 119. онъ такъ говоритъ о Греческой церкви: „Ужасно развратившаяся и глубоко погрязшая Греческая церковь получила гибельные удары.“ Въ другомъ мѣстѣ (стр. 32) онъ выражается такъ: „Греческая церковь, ставъ слишкомъ Николаитскою, пала“. На стр. 34. Онъ продолжаетъ: „Въ VIII вѣкѣ чрезъ крайнее поврежденіе Греческой церкви, свѣтильникъ ея съ мѣста сдвигнутъ и угашенъ“.

Вину превращенія христіанства въ язычество Шиллингъ возлагаетъ на соборы и учителей церковныхъ, говоря: „Соборы и учители церковные сдѣлали христіанство суевѣрнымъ язычествомъ“. Стр. 419.

Изъ этой краткой выписки того, что̀ въ Побѣдной Повѣсти говорится о церкви Греческой, ясно открывается, что, по ученію Юнга Штиллинга: 1-я, Христіанская вѣра съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась господствующею, превратилась въ новое язычество; 2-е, въ Христіанской церкви не Господь нашъ Іисусъ Христосъ царствуетъ благодатію Своею, но сатана воздвигъ престолъ свой; 3-е, она не Духомъ Божіимъ управляется, но водится политикою Валаама и Николаитовъ; 4, благолѣпіе храмовъ ея есть языческая пышность; 5, Иконы и мощи святыя суть идолы, а чествованіе ихъ есть идолопоклонство, а почитаніе святыхъ есть многобожіе; 6, Церковь Восточная-Греческая не есть Святая, Соборная и Апостольская, но крайне поврежденная, ужасно развратившаяся, слишкомъ Николаитская. 7, Участь ея на небѣ рѣшена еще въ VIII вѣкѣ; свѣтильникъ ея сдвинутъ съ мѣста своего и угашенъ, она пала; и 8, Наконецъ соборы ея и учители церковные, къ которымъ она имѣетъ уваженіе великое, суть развратители христіанства.

Все это къ какимъ мыслямъ, къ какимъ заключеніямъ можетъ повести русскихъ читателей Побѣдной Повѣсти?

Конечно всякій благочестивый ревнитель вѣры и церкви не можетъ не исполниться сильнымъ негодованіемъ на Шиллинга за такія дерзкія хулы на христіанство, на церковь Восточную, на святыхъ Божіихъ, на соборы и учителей церкви, и на всякую святыню, чтимую въ церкви.

Всякій отщепенецъ отъ истинной церкви, читая такія хулы на церковь

православную и на все святое въ ней, не только самъ можетъ болѣе утверждаться въ своихъ ложныхъ предубѣжденіяхъ противъ церкви, но и другихъ отвлекать отъ нея, какъ всенародно посрамленной въ книгѣ, напечатанной и въ нѣсколько разъ перепечатанной на Русскомъ языкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ дозволенія цензуры, правительствомъ установленной. Кто и что можно сказать противъ этаго, въ защиту и оправданіе правительства, потворствовавшаго изданію такой книги и множества другихъ подобныхъ ей?

Отголоски Побѣдной Повѣсти вскорѣ стали слышаться и въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ моленныхъ. Уже и тамъ начали проповѣдовать: что „отъ лѣта по Р. Хр. 1666, по изліяніи седьмой Фіалы, по Апокалипсису, наступило царствіе антихристово; посему царская и начальствующая власть образъ Божій исказила богомерскимъ безобразіемъ, а въ церкви бывшая благодать Божія со всею святынею взяты на небо, яко же изъ бывшей Цареградской Софійской церкви, а вмѣсто ея стали въ господствующей церкви мерзость запустѣнія, по Даніилу пророку. По сему всякой православный Христіанинъ да бѣжитъ отъ Никоніянскаго проклятаго полчища, яко зміина гнѣздища, и istoваго сатанина и бѣсовъ его прескверныго дворища: ей, ей, ей, тако, аминь.“ Такъ написано въ одной раскольнической рукописи, писанной въ 1842 г. (см. кн. о ереси скопческой стр. 130).

Рукописи ессаула Котельникова, подъ заглавіемъ: Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ и дополненіе къ симъ начаткамъ, пренаполнены подобными мыслями, которыя съ силою и безбоязненно были проповѣдаемы въ сборищахъ духоносцевъ. Да и какъ не распространять врагамъ церкви подобныхъ мыслей, къ соблазну народа Русскаго, когда президентъ библейскихъ обществъ въ Россіи, нѣкогда, при общемъ собраніи, въ рѣчи своей, позволилъ себѣ сказать, что „библейское общество есть Апокалипсическій Ангелъ, имѣющій благовѣстити Евангеліе вѣчно живущимъ на земли, всякому племени и колѣну и людемъ.“ См. отч. Биб Об. за 1815 годъ стр. VII.

Нѣтъ нужды выписывать тѣ мѣста изъ Побѣдной Повѣсти, которыя направлены противъ Западной церкви, какъ потому, что для этаго нужно было бы переписать большую часть этой книги, такъ и потому, что хулы на Зап. ц., какъ онѣ ни ужасны, не могутъ произвести соблазна въ православныхъ русскихъ читателяхъ.

Огласивъ древнія церкви уклонившимися отъ истиннаго ученія и духа Христова, Штиллингъ представляетъ своимъ читателямъ образецъ истинной, по его ученію, церкви, въ томъ обществѣ, которое, начавшись на Востокѣ въ Павликіанахъ, продолжалось на западѣ въ Валденцахъ, Албигенцахъ и Гусситахъ, а нынѣ существуетъ въ Гернгутерахъ. И вотъ какъ въ Побѣдной Повѣсти описывается постепенное образованіе этаго общества: „Общество Павликіанъ на Востокѣ въ VIII вѣкѣ произошло изъ Гностиковъ и Манихѣевъ, особливо Армянскихъ (стр. 166). Въ IX вѣкѣ въ Италіи и Франціи Павликіане соединились съ Валлонцами, Валденцами и Албигенцами“ (стр. 176) „которые въ XII вѣкѣ присоединились къ древней Моравской братской церкви, съ которою и въ ученіи они были очень сходны.“ Въ XIV вѣкѣ, когда явился Іоаннъ Гуссъ, древняя Богемо-Моравская церковь присоединилась къ нему (стр. 162). Въ XVI вѣкѣ, когда явился Лютеръ, Богемо-Моравская церковь искала съ нимъ соединиться; но они не согласились между собою (стр. 164). Въ XVII вѣкѣ она терпѣла ужасныя напасти и гоненія. Въ XVIII вѣкѣ графъ Цинцендорфъ переселилъ Богемо-Моравскихъ братьевъ въ свои земли, гдѣ они въ 1722 году заложили главное мѣстечко Гернгутъ (Земщина Господня), отъ котораго и прозвали ихъ Гернгутерами.

Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 45) Штиллингъ въ свою мнимо-истинную церковь набираетъ Христіанъ изъ всѣхъ сектъ, существующихъ на землѣ. Онъ говоритъ: „Всѣ Христіане изъ духовной Ѳіатиры, или изъ братской Гернгутерской церкви, изъ Меннонистовъ, Сепаратистовъ, Піетистовъ всякаго рода, Методистовъ Квакеровъ и пр. соберутся въ одинъ союзъ, въ одно общество, въ церковь Филадельфійскую, т. е. братолюбную.

На стр. 168 и 169 Штиллингъ, описывая характеръ, какой должна имѣть истинная церковь Христова, между прочимъ говоритъ, что „она должна имѣть всѣ законы гражданскіе, истекающіе изъ духа Христова, чего во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ еще нѣтъ; что Богемо-Моравская братская церковь въ IX вѣкѣ породила общій духъ Христовъ; что симъ общимъ духомъ она очреватѣла въ Павликіянцахъ еще въ VIII вѣкѣ; что Павликіанцы въ 845 и 846 годахъ дали себѣ собственную конституцію, т. е. учредили собственное гражданство и принялись за оружіе въ защиту онаго. Матернее попеченіе Провидѣнія приняло въ собственное Свое призрѣніе нѣжный ростокъ преизящной конституціи“ (стр. 172—174). На соборѣ, подъ предсѣдательствомъ Константинопольскаго патріарха Фотія, разсматривавшемъ всѣ постановленія и ученія Павликіанъ, открыто, что Павликіане не признаютъ ни власти, ни закона, ни церкви, ни священства, ни таинствъ, ни св. книгъ ветхаго завѣта. (См. Phot. contra Manich. Lib. I, p. 74. Petr. Sicul. hist. Manich. pag. 71.)

Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ преизящная конституція!

Изъ этой краткой выписки открывается, что:

1) Штиллингова истинная церковь есть сборище еритиковъ всякихъ сектъ, шайка бунтовщиковъ.

2) Духъ Христовъ, дѣйствующій въ этой церкви, есть духъ мятежей и междоусобныхъ браней.

3) Преизящная конституція этой церкви, есть постановленіе безначалія и всеобщаго братства.

Съ такою-то церковію соединиться всѣхъ приглашаетъ Штиллингъ!

2. Избранныя творенія г-жи Гіонъ.

Сочиненія г-жи Гіонъ, въ девяти томахъ, заключающія въ себѣ толкованія на книги Св. Писанія; именно: на Притчи Соломона, на Екклезіаста, на Пѣснь Пѣсней, на Премудрость Соломонову и на Премудрость Іисуса Сирахова; изъ новаго завѣта: на Евангелія: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна Богослова; на книгу дѣяній Апостольскихъ и на Апокалипсисъ.

Ея же г-жи Гіонъ книги: „Кратчайшій и легчайшій способъ молиться и о подражаніи младенчеству І. Христа.“

Не входя ни въ какое разсмотрѣніе этихъ книгъ, чтобы показать духъ ихъ, довольно привести на память, что при появленіи сочиненій г-жи Гіонъ во Франціи, Боссюэтъ, знаменитый ученостію епископъ, возопилъ въ услышаніе всего западнаго Христіанства: вся религія гибнетъ! Онъ же писалъ въ Фенелону, ревностному защитнику ученія г-жи Гіонъ, что ученіе ихъ потрясаетъ все основаніе христіанства. Людовикъ XIV объявилъ, что ученіе Фенелона и г-жи Гіонъ зажгло все королевство его. Книги г-жи Гіонъ осуждены соборомъ во Франціи и Папою въ Римѣ, какъ книги преисполненныя заблужденіями квіетизма. Это извѣстно всякому, кто читалъ новѣйшую исторію. Съ какою же цѣлію переводили такія книги на русскій языкъ, если не съ цѣлію развратить русскихъ читателей?

3. Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Христову.

Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Христову. Эта книга переведена Ив. Ястребцевымъ, правителемъ дѣлъ бывшей Коммисіи

духовныхъ училищъ. Эта книга въ продолженіи шести мѣсяцевъ имѣла два изданія. По ходатайству переводчика, Коммисія духовныхъ училищъ, журналомъ своимъ отъ 7 іюля 1820 года постановила „по уваженію назидательныхъ истинъ, заключающихся въ новой изданной книжкѣ подъ заглавіемъ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова, купить ее по шести рублей за экземпляръ, на счетъ Коммисіи духовныхъ училищъ, по числу училищныхъ библіотекъ, и препроводить въ окружныя Академическія правленія, для разсылки по принадлежности, съ требованіемъ возврата денегъ.“ Но 5 декабря 1824 года она министромъ народнаго просвѣщенія адмираломъ Шишковымъ была препровождена къ митрополиту Серафиму, съ прошеніемъ подвергнуть ее строгому разсмотрѣнію и о послѣдующемъ увѣдомить его для доклада его императорскому величеству.

Предлагаемъ здѣсь выписку замѣчательнѣйшихъ мѣстъ изъ отзыва объ этой книгѣ одного священника, который, по приказанію митрополита, разсматривалъ ее съ прямодушіемъ, свойственнымъ его званію, какъ ему и было приказано. Этотъ священникъ въ отзывѣ своемъ написалъ, между прочимъ: „Книга, подъ заглавіемъ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова, есть самая злонамѣренная, возмутительная, революціонная. При первомъ изданіи оной въ 1727 г. не объявлено даже мѣсто изданія. Во второй разъ издана она въ Парижѣ, въ самое бурное время, за два года до революціи, и нѣтъ сомнѣнія, что она много содѣйствовала успѣхамъ революціи. Сочинитель этой книги имѣетъ единственною цѣлію то, чтобы истребить вѣру Христіанскую, и на мѣсто ея ввести религію основанную инстинктѣ, и чтобы, разрушивъ храмы Божіи, ихъ паденіемъ потрясти престолы царей, и произвести повсемѣстную революцію. Въ доказательство того, что дѣйствительно эта, а не другая цѣль книги, выписываются здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ книги подлинными ея словами.

Стр. 1. „Все доброе въ человѣкѣ происходитъ отъ инстинкта божественнаго. На немъ основана религія; отъ него всякая истина заимствуетъ свою силу.“

Въ сихъ словахъ заключается основная мысль книги Воззваніе къ человѣкамъ. Чтобъ опредѣлить достоинство сей основной мысли, для этаго надобно опредѣлить, что такое Божественный инстинктъ? И опредѣлить надобно по разуму самаго сочинителя. А онъ вотъ что говоритъ объ инстинктѣ:

Стр. 3. „Инстинктъ есть вождь на пути добра, указанномъ совѣстію. Чрезъ него открывается воля Божія, и онъ же побуждаетъ творить ее.“ На стр. 8. Инстинктъ, въ высшей степени своего дѣйствія, показываетъ Слово, которое есть Богъ; Слово, которое есть Духъ и жизнь. Се Христосъ, яко жизнь и совершитель дѣла, которое возложилъ на него Отецъ!“ „Божественный инстинктъ есть то Слово, которое свѣтитъ въ мракѣ неизвѣстностей и заблужденій, производимыхъ собственнымъ человѣка разумомъ; Слово, его же міръ не позна, поколику сей самый разумъ, навлекающій тьму на него, не можетъ объять Его; Слово непріемлемое даже отъ своихъ, т. е. отъ тѣхъ, которые сами, нарицая себя служителями Его, не могутъ рѣшиться на безусловную зависимость отъ Духа Божія; елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти.“ „Инстинктъ опредѣляетъ степень различія религій.“ стр. 49. Онъ есть внутреннее сердечное чувство, которое никогда не обманывало. Стр. 80. „Онъ есть внутреннее Слово, пища и жизнь души.“ „Онъ есть Слово, Богомъ изрѣкаемое въ человѣкѣ, которое должно наконецъ признать за самаго Бога.“ Стр. 85. „Онъ есть Христосъ въ человѣкѣ, внутреннее слово, Духъ Божій.“ Стр.

117." Только чрезъ Божественный инстинктъ можно понимать Св. Писаніе."

Изъ этой краткой выписки мѣстъ изъ книги Воззванія къ человѣкамъ ясно открывается, что инстинктъ, или врожденная животной жизни сила, по ученію Воззванія къ человѣкамъ, есть Богъ, Христосъ, Слово Бога, Духъ Божій, есть внутреннее сердечное чувство человѣка, изъясняющее ему волю Божію, н когда не обманывающее. Какое богохульное смѣшеніе понятій врожденной животной силы и внутренняго чувства человѣческаго съ понятіемъ о Богѣ, о Христѣ, о Словѣ Бога, о Духѣ Божіемъ! Какой адскій ковъ для религіи и нравственности! Какая хитрая сѣть для уловленія людей простыхъ и недальновидныхъ! Какое бы убѣжденіе читатель книги Воззваніе ни принялъ изъ нея въ свою душу, сочинитель равно достигнетъ своей цѣли: убѣдится ли онъ, что инстинктъ есть Богъ въ человѣкѣ, или что Богъ есть инстинктъ въ человѣкѣ, дѣлающій Богомъ самаго человѣка, — въ томъ и другомъ случаѣ, онъ въ человѣкѣ, принявшемъ такое убѣжденіе, не только ослабитъ, но даже истребитъ всякое благоговѣніе къ религіи, имъ исповѣдуемой, всякое уваженіе къ святымъ, къ таинствамъ, всякое довѣріе къ учителямъ церкви, всякое уваженіе и повиновеніе закону и власти; ибо, по принятіи того или другаго убѣжденія изъ книги Воззваніе, все это будетъ совсѣмъ не нужно, потому что все это замѣнитъ въ немъ одинъ его инстинктъ, одинъ этотъ новый Христосъ, Слово Божіе, Духъ Божій въ человѣкѣ.

Положивъ инстинктъ въ основаніе своей новой религіи, сочинитель Воззванія призываетъ къ этой религіи инстинкта всѣхъ людей, безъ различія состояній и вѣроисповѣданій. И какъ нельзя привлечь человѣка къ новой религіи, не истребивъ въ немъ уваженія къ прежней, то онъ, до чрезвычайности превознося новую религію инстинкта, въ тоже время до крайности унижаетъ религію Христіанскую; поноситъ ея священные обряды, дѣйствія, мѣста и времена общественнаго богослуженія, и угрожаетъ ей паденіемъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ книги, подтверждающихъ это.

Стр. 10: „Пора перестать, говоритъ сочинитель Воззванія, не узнавать сего слова (т. е. инстинкта) и кто еще не вѣдаетъ о немъ, да научится вкупѣ съ нами познавать и чтить его, да пріемлетъ съ нами то, что должно соединить насъ съ Богомъ, общимъ всѣхъ началомъ". Стр. 171: „Дадимъ божественному инстинкту возбудиться въ насъ, и будемъ слѣдовать его влеченію.... Не дадимъ мѣста сомнѣнію, чтобъ инстинктъ не былъ божественнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ (добрыхъ и злыхъ?). Будемъ слушать его въ своемъ сердцѣ, и мы убѣдимся, что какъ нѣкогда пришелъ онъ во плоти, такъ и доселѣ продолжаетъ свое пришествіе, да поживетъ въ человѣкахъ и обновитъ ихъ словомъ своимъ. Се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая! Кто позналъ сію тайну.... тотъ не не хочетъ болѣе разумѣть Іисуса Христа по плоти, (2. Кор. V. 16, 17) или такимъ, какъ буква представляетъ его для разума: аще кто во Христѣ, нова тварь. Онъ ищетъ новаго, ищетъ жизни и духа, дѣйствующихъ въ немъ къ обновленію его". Стр. 5: „Надобно чтить пути Господни въ себѣ, чтобы перейти безбоязненно отъ религіи, которой учатъ люди и которая должна упраздниться, къ религіи, сущей отъ Бога, предуставленной явиться въ сіи послѣднія времена, когда все божественное должно быть явленнымъ". „Только у послѣдующихъ внутреннему влеченію обрѣтается религія и кромѣ ея, нѣтъ другой". Стр. 102: „Сіи толки, совершенно излишніе, сіи обряды не дѣлающіе людей лучшими, произвели между ними распри и несогласія: какъ же вздумали приписать ихъ мнѣ (глаголетъ, будто бы, премудрость Божія), когда отъ нихъ происходитъ великое зло, и никто не мо-

жетъ указать на добро, которое бы изъ нихъ родилось?“ Стр. 38: „Въ этомъ богослуженіи, отправляемомъ въ извѣстныя времена, Богу отдаются поклоны, чтенія, пѣнія, все что раждается изъ головы, и чего Богъ никогда не требовалъ отъ людей“. Стр. 78: „Такой религіи были положены свои времена, и сіи времена уже исполнились“. Стр. 30: „Въ настоящее время Богъ образуетъ новый народъ—духовнаго Израиля. Народъ сей составляется изъ всѣхъ мѣстъ и языковъ“.

Не довольствуясь такими оскорбительными для Христіанства понятіями, сочинитель Воззванія къ человѣкамъ, для бóльшаго уничиженія Христіанской религіи, вздумалъ сравнивать ее съ языческою, и христіанъ съ язычниками, и сравнивать для того, чтобы доказать, что для язычниковъ не нужна религія Христіанская; что они, руководствуясь религіею инстинкта, превосходятъ христіанъ въ нравственномъ достоинствѣ.

Онъ говоритъ, стр. 105: „Дикіе покорствуютъ влеченію божественнаго инстинкта, и у нихъ дѣйствительно есть религія.“ Стр. 103: „Сіи дикіе несравненно умнѣе христіанъ разсуждаютъ о томъ, чтò имѣетъ отношеніе къ участи человѣческой, доброй и злой.“ Стр. 108: „Народы грубые и не образованные (язычники), въ самой наготѣ своей, болѣе имѣютъ цѣломудренности, нежели христіане, кои подъ красивою одеждою часто скрываютъ нечистоту.“ „Тѣ изъ язычниковъ, кои исполнили долгъ своего званія, получатъ мзду рабовъ вѣрныхъ, даже предпочтительно предъ христіанами, имѣющими разную степень правоты“. Сочинитель Воззванія поставляетъ Сократа выше праведниковъ христіанскихъ, и даже описываетъ его чертами, взятыми со Христа. Вообще, при сравненіи христіанъ съ язычниками, сочинитель говоритъ, стр. 111—114: „Въ какомъ отношеніи ни разсматривайте, найдете и въ наши времена, также какъ и въ прошедшія, много такого въ язычникѣ, чтò должно пристыдить тѣхъ, кои хвалятся вѣдѣніемъ истиннаго Бога, и ограничиваются только повтореніемъ словъ: Господи! Господи! и отправленіемъ однихъ обрядовъ“.

Поелику нельзя расхитить и распудить стада, когда при немъ находятся пастыри: то сочинитель Воззванія, дабы успѣшнѣе дѣйствовать въ обольщеніи христіанъ и въ привлеченіи ихъ къ своему лжеученію, нападаетъ съ ужасною злостію на пастырей церкви христіанской; и, не имѣя въ рукахъ своихъ меча истины, вооружается противъ нихъ стрѣлами лжи, клеветы и хулы; и пребезстыдно утверждаетъ, что они со своими догматами и обрядами, не только безполезны, но даже пагубны для людей, и должны быть отвергнуты. Онъ говоритъ, стр. 6: „Человѣку нѣтъ надобности искать истины далеко и наипаче у тѣхъ, которые, со своею ученостію, отвергаются божествомъ. Оскорбительно думать, будто человѣку свыше суждено быть въ затрудненіи понять, чего требуетъ отъ него Богъ, и въ необходимости самому себѣ искать учителей, могущихъ вразумить его“. Стр. 7: „Нѣтъ неизбѣжной нужды въ знаніи науки о вещахъ превыспреннихъ, небесныхъ, чтобы уразумѣть волю Господа: она открываетъ себя въ самомъ человѣкѣ.“ Стр. 87: „Книжники выдумали науку школьную; назвали ее Богословіею; наполнили такими правилами и мнѣніями, которыхъ никогда не внушалъ Духъ Божій, которыхъ не вѣдали Патріархи, Пророки, І. Христосъ и Апостолы, и которыя надѣлали такъ много зла“. Стр. 85: „Они проповѣдуютъ собственное слово подъ именемъ Христова“. Стр. 87: „Они овладѣли книгою Св. Писанія, для своей корысти, и сдѣлали ее не вразумительною для другихъ; толкуютъ ее по своимъ видамъ; больше подчиняютъ самаго Бога книгѣ его, нежели себя“. Стр. 120: „Въ отношеніи къ сокровенному смыслу, Св. Писаніе есть книга, запечатлѣнная для учителей, и токмо Духъ Божій открываетъ новый

смыслъ писанія, который гораздо важнѣе древняго". Представляемъ изъ книги Воззванія образецъ новаго смысла Св. Писанія. Описаніе Рая въ сей книгѣ принимается за символическое изображеніе, въ коемъ подъ именемъ древа жизни разумѣется инстинктъ, подъ именемъ древа познанія добра и зла—ученіе церкви, подъ именемъ змія-искусителя — учители церкви, подъ именемъ сѣмени жены имѣвшаго стереть главу змія — проповѣдники революціи. (Стр. 162).

Къ безстыднымъ хуламъ и клеветамъ на пастырей церкви сочинитель присовокупляетъ страшныя противъ нихъ угрозы. Онъ говоритъ, что (стр. 124, 125): „ихъ постигнетъ участь, коей они не ожидаютъ; и увидитъ вся земля, что они суть настоящіе слѣпцы, которые не видятъ рва, предъ глазами ихъ уготовляемаго, въ который они и упадутъ. Они не увидятъ этого рва и тогда, когда имущіе духъ пророчества станутъ указывать его имъ".

Клеветы и угрозы на учителей церкви сочинитель Воззванія употребляетъ съ тою цѣлію, чтобы отклонить отъ нихъ всѣхъ своихъ читателей. Стр. 100: „Бросимъ, говоритъ онъ, учителей съ ихъ методическимъ и безполезнымъ многословіемъ; бросимъ тѣхъ, кои вводятъ въ обманъ своихъ овецъ". Стр. 158: „Оставимъ это чудовище, которое тѣмъ опаснѣе, что, по красивой наружности, не кажется опаснымъ. Не будемъ слушать льстецовъ, старающихся завлечь насъ къ суетнымъ познаніямъ для того, чтобы блескомъ умствованія ослѣпить насъ и опутать въ свои сѣти. Бросимъ тѣхъ, кои суть только голова и чрево".

Отклоняя людей отъ учителей церкви, сочинитель Воззванія убѣждаетъ ихъ внимать и послѣдовать новымъ пророкамъ, или свидѣтелямъ истины.... Онъ говоритъ стр. 116: „Духъ Христовъ, сущій въ сихъ свидѣтеляхъ истины, сотретъ наконецъ главу змія, упразднитъ убивственное знаніе книжниковъ, повергнетъ ихъ въ смерть. Сіи праведные мужи послужатъ во спасеніе другимъ. Ихъ свидѣтельства, происходящія отъ наитія Духа Христова, многихъ приведутъ къ правдѣ. Сіи праведные мужи особенно научатъ уважать божественный инстинктъ и возбудятъ его въ сердцахъ людей".

На новыхъ пророковъ и свидѣтелей истины сочинитель возлагаетъ обязанность проповѣдывать революцію. Стр. 54: „Долгъ друзей истины, говоритъ онъ, возвѣщать суды Божіи, имѣющіе положить конецъ міру развращенному и начало Царствію Божію, начало тѣмъ временамъ, въ которыя Самъ Богъ хощетъ царствовать Духомъ Своимъ, обильно изливаемымъ на всяку плоть, на всякаго человѣка, не ожесточившаго сердце свое и пережившаго истребленіе злыхъ въ страшную годину преобразованія". Стр. 51: „Нынѣ времена измѣняются и дѣлаются благопріятнѣйшими" (т. е. для произведенія революціи). Стр. 123: „Время явленія правды Божіей, время долженствующее измѣнить все въ мірѣ, приспѣло—и обольщеніямъ положится конецъ". Стр. 42: „Сами человѣки назнаменуютъ кончину послѣднихъ временъ и вовлекаются въ революцію, ими самими уготовляемую." Стр. 114 и 115: „Время великаго испытанія откроетъ дѣла человѣческія, и тогда обнаружится, что̀ такое значило ихъ богопочтеніе; тогда уразумѣютъ человѣки, до какой степени недостаточна ихъ религія. Тогда обнаружится, устоятъ ли ихъ храмы, или паденіемъ своимъ, громадою развалинъ, покажутъ, что они построены на зыблющемся пескѣ слова человѣческаго". Стр. 48 — 50: „Наипаче же гнѣвъ Господень падетъ на такъ называемыхъ вождей (т. е. царей) и учителей (т. е. духовенство), если бы они не только не подтвердили свидѣтельства, ко спасенію ихъ являемаго, но дали бы пищу всеобщему невѣрію, сами противясь свидѣтельствамъ истины". Стр. 124: „Учители и вожди безразсудные, мнящіе быть въ безопасности, вскорѣ испытаютъ участь страш-

ную, и со всѣмъ ихъ искусствомъ, со всѣми предосторожностями, не избавятся ея!"

Изъ этой краткой выписки ясно открывается, что книга: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова, носитъ заглавіе, со всѣмъ ей не приличное, если выраженіе Духъ Христовъ понимать въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается и постоянно понималось во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо оно взываетъ къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію инстинкта, который, также по общему разумѣнію, есть врожденная сила животной жизни, безотчетно влекущая къ какому нибудь предмету или дѣйствію, сила, которою животныя безсловесныя управляются во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Книга Воззванія къ человѣкамъ, возбуждая людей къ отпаденію отъ вѣры христіанской, отъ церкви, отъ таинствъ, отъ власти церковной и гражданской, слѣдственно къ отпаденію отъ общества людей, кои обыкновенно связываются между собою религіею и законами, живутъ подъ управленіемъ власти церковной и гражданской, научаетъ ихъ жить по внушеніямъ инстинкта, какъ живутъ скоты и звѣри. Эта книга есть революціонный катихизисъ. Ее охотно читаютъ въ своихъ сходбищахъ раскольники безпоповщинской секты, хлысты, молоканы, духоборцы и особенно духоносцы, которые почитаютъ ее богодухновенною.

4. Таинство Креста Христова.

О Таинствѣ Креста Христова. Что сія книга написана въ томъ же духѣ, въ какомъ написаны предыдущія, это можно видѣть изъ слѣдующей краткой выписки изъ оной. Сочинитель говоритъ, стр. 202: „Духовенство есть вторый звѣрь Апокалипсическій, говорящій по змѣиному, — слѣпые вожди слѣпыхъ людей. Весь міръ, ослѣпленный сими слѣпыми вождями, бѣжитъ опрометью къ своей вѣчной погибели". Стр. 82: „Сей звѣрь во всемъ нечистомъ своемъ нарядѣ и убранствѣ появился со временъ императора Константина". Стр. 202: „Синоды и Вселенскіе соборы суть третій звѣрь Апокалипсическій." „Христіанство какъ только успокоилось по плоти, стало наслаждаться довольствомъ и пр. при Константинѣ Великомъ, то скоро и переродилось въ антихристіанство, каково оно и до нынѣ. Начали строить, какъ и всѣ строятъ, великолѣпные храмы, внутри богато украшенные золотомъ и серебромъ и всякими дорогими сосудами и утварью, какъ бы для зрѣлища: но внутренній живой храмъ совсѣмъ забытъ".

5. Евангеліе отъ Матѳея.

О Госнеровой книгѣ о Евангеліи отъ Матѳея. Эту книгу на нѣмецкомъ языкѣ написалъ и издалъ въ Петербургѣ Римско-католическій патеръ *Іоаннъ Госнеръ.* На русскій языкъ перевелъ генералъ-маіоръ Брискорнъ, изданіемъ занимались ст. сов. Трескинъ и бывшій профессоръ Яковкинъ; переводъ пересматривалъ и во многихъ мѣстахъ поправлялъ Поповъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Она руками полиціи схвачена въ типографіи, прежде окончанія печатаніемъ; и наконецъ по рѣшенію комитета министровъ, высочайше утвержденному, сожжена (*), а сочинитель высланъ за границу, въ 1824 году.

Госнеръ, патеръ Римско-католической церкви, вызванный изъ-за границы, проповѣдывалъ (сперва) въ Петербургѣ, въ Римско-католической церкви, а когда въ ней проповѣдывать запрещено ему свое ученіе вредное, тогда онъ сталъ проповѣдывать оное въ залѣ

(*) Въ Невской Лаврѣ, въ присутствіи Петербургскаго губернатора Уварова и чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Св. Сѵнодѣ А. А. Павлова. Одинъ экземпляръ полуобожженной книги Павловъ успѣлъ взять себѣ и сохранить. *М. М.*

нанятаго ему дома (*), куда стеченіе слушателей было чрезвычайно велико.

Главный предметъ проповѣди Госнера былъ тотъ же, которымъ занимались и другіе агенты иллюминатскихъ обществъ, т. е. хула на вѣру христіанскую, поношеніе учителей церкви, поношеніе христіанъ за усердное исполненіе постановленій св. церкви и слѣдованіе православному ученію, увлеченіе ихъ въ единомысліи съ собою, униженіе христіанскаго богослуженія, униженіе власти и особенно царской, превратное толкованіе Св. Писанія и даже кощунство надъ его изрѣченіями. Госнеръ, хитрый и притворный, старался вездѣ говорить въ полголоса, какъ бы въ полслова, не договаривать или двусмысленно говорить, чтобы не быть скоро уловлену въ своемъ лукавствѣ. Онъ предъ всѣми другими врагами христіанства отличается хульною дерзостію, какую доселѣ едвали обнаруживалъ кто нибудь изъ самыхъ злѣйшихъ вольнодумцевъ и безбожниковъ. Онъ, едвали не первый, коснулся самаго чувствительнаго для христіанскаго благочестія пункта: онъ дерзнулъ поколебать благоговѣйную вѣру всѣхъ христіанскихъ церквей въ приснодѣвственность Пресвятой Богородицы, столь торжественно прославляемую особенно въ нашей православной церкви и въ акаѳистахъ и въ канонахъ и во всякихъ церковныхъ пѣсняхъ. Хульныя мысли его о семъ предметѣ изложены въ его книгѣ на стр. 12, 13, 23 и 24. Мы не будемъ здѣсь выписывать ихъ, чтобы не оскорбить благоговѣйнаго чувства къ Пресвятой Приснодѣвѣ. Между тѣмъ, чтобы показать духъ ученія Госнерова, выпишемъ изъ книги его нѣсколько статей, подлинными его словами.

Госнеръ усвоилъ себѣ право дѣлать дополненія въ св. текстѣ, напр. къ словамъ І. Христа: воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ, — Госнеръ прибавляетъ: и незабываетъ малыхъ птенцовъ и насѣкомыхъ. Подобныя прибавки можно видѣть въ его книгѣ на стр. 244, 246, 250, 261, 262, 314 и на другихъ многихъ страницахъ. Но Богъ Моисею строго запретилъ всякія прибавки къ слову Его. (Второз. XII, 32).

Госнеръ позволяетъ себѣ и кощунствовать надъ священными изрѣченіями и даже надъ лицемъ І. Христа, какъ напр. на стр. 28, онъ говоритъ: „Христосъ имѣетъ все, чтó имѣютъ и земные вельможи, даже звѣзду; но его звѣзды нельзя носить на одеждѣ, она на небесахъ“. Къ чему І. Христа сравнивать съ вельможами? Къ чему примѣривать къ груди то, чтó на небесахъ? Не съ цѣлію ли кощунства? На стр. 399, онъ говоритъ о Христѣ: „Іудеи ожидали князя и царя, а получили вмѣсто того плотника...“ На стр. 502, Госнеръ говоритъ о Христѣ, что Онъ сплотничалъ небо и землю. Подобныя кощунства разсыпаны по многимъ мѣстамъ его толкованія Евангелія отъ Матѳея.

Госнеръ усвоилъ себѣ право толковать Св. Писаніе по собственному разумѣнію, и во многихъ мѣстахъ даетъ ему превратный смыслъ. Напр. на стр. 78 и 79 слова І. Христа, сказанныя Іоанну предъ крещеніемъ: „подобаетъ намъ исполнить всякую правду“, т. е. всякое божественное постановленіе, — Госнеръ толкуетъ такъ: сдѣлать все то, чтó было тогда въ обыкновеніи, и чтобы объ немъ не сказали, что онъ вольнодумецъ.... что онъ не приверженъ къ церкви, и потому будто бы подчинилъ себя наружнымъ обрядамъ. Іоаннъ Креститель говоритъ, что Богъ послалъ его крестить Іудеевъ, а Госнеръ увѣряетъ, что І. Христосъ крестился по обыкновенію Іудейскому. Кому вѣрить — Госнеру, или Іоанну Крестителю? Госнеръ во многихъ мѣстахъ своей книги пастырей и учителей церкви

(*) Въ Большой Морской. *М. М.*

укоряетъ за то, что они потворствуютъ сильнымъ земли и часто разрѣшаютъ имъ дѣла запрещенныя въ законахъ; а здѣсь самаго Іисуса заставляетъ потворствовать обычаямъ Іудейскимъ и исполнять оные.

Госнеръ проповѣдуетъ ученіе, православному ученію противное. Такое ученіе разсѣяно по всей его книгѣ. Выписываемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста, доказывающія это. Стр. 17: „Можетъ ли быть что либо безразсуднѣе на свѣтѣ, какъ называть Іисуса своимъ Искупителемъ и Спасителемъ, не испытавъ на себѣ силы Его? Онъ не твой Искупитель, доколѣ ты не искупленъ отъ грѣховъ.“ Стр. 18: „Тѣ кощунствуютъ именемъ І. Христа, кои превозносятъ Его Искупителемъ, но отнюдь не испытываютъ силы Его въ своемъ сердцѣ.“— Весьма понятно, что Іисусъ не предаетъ человѣка осужденію для того, чтобы другому даровать блаженство, и что не отниметъ у насъ части блаженства для дарованія оной другому. Онъ преизобилуетъ для всѣхъ слѣдственно всѣ спасутся? А Іисусъ Христосъ говоритъ о маломъ числѣ спасаемыхъ.—Госнеръ учитъ: „Когда я бесѣдую со Спасителемъ, то обращаюсь съ Нимъ, какъ чадо съ отцомъ, какъ другъ съ другомъ, какъ съ ближайшимъ моимъ родственникомъ; я сказываю Ему все; говорю Ему и малое и великое, и дурное и всяческое, и радуюсь тому, что могу бесѣдовать съ Нимъ обо всемъ.“ Не вѣримъ хвастливой болтовнѣ Госнера: ибо знаемъ изъ слова Божія, что Богъ нашъ великъ, живетъ въ такомъ неприступномъ свѣтѣ, что самые Ангелы служатъ ему со страхомъ и трепетомъ, и праведники работаютъ Ему со страхомъ и радуются Ему съ трепетомъ. Вѣримъ ученію Соломона, который учитъ: не скоръ буди усты твоими, и сердце твое да не ускоряетъ износити слово предъ лицемъ Божіимъ, яко Господь на небеси горѣ, ты же на земли долу: сего ради да будутъ словеса твоя мала. (Еккл. V. 1). Вѣримъ Апостолу, который говоритъ: что мы о чесомъ помолимся ко Господу, яко же подобаетъ, не вѣмы (Рим. VIII. 28) если не будемъ научены Духомъ Святымъ. Не вѣримъ Госнеру, будто въ молитвенной бесѣдѣ съ Господомъ можно быть за панибрата и болтать всякую всячину. Понимаемъ, что ему хочется сказать, вопреки ученію православной церкви, будто не нужны для вѣрующихъ молитвенныя ходатайства ни святыхъ, ни священниковъ.

Злостно нападаетъ Госнеръ на исповѣдующихъ православную и принадлежащихъ къ православной церкви. Онъ говоритъ. Стр. 74: „Напрасно много полагаетесь вы на то, что родились въ истинной, единой только спасительной вѣрѣ, имѣете чистое ученіе и состоите въ истинной церкви; будьте вы какими бы ни были, и называйтесь, какъ хотите: Богъ къ вамъ не привязанъ. Вы, состоя въ православной церкви, при всей суетсной славѣ и ложномъ упованіи на вашу суетную вѣру, останетесь чадами діавола и ада.“ Стр. 278: „Весь свѣтъ наполненъ такими безразсудными строителями, которые зиждутъ блаженство свое на песчаной почвѣ людскихъ мнѣній, умозаключеній, собственнаго выбора, обрядовъ, мертвой земной вѣры и наружнаго исповѣданія.“ Стр. 290: „Нынѣ существуетъ множество вѣроисповѣданій, и во всѣхъ исповѣданіяхъ обрѣтаются люди, которые полагаютъ, что ихъ вѣроисповѣданіе есть истинное, и единственное, въ которомъ пребывать должно, когда кто желаетъ спастися. Люди, закоснѣвшіе въ такихъ правилахъ, суть самые слѣпые и мертвые.“ Стр. 291: „Тѣ, которые кажутся весьма удаленными отъ Бога и Его царствія, часто бываютъ самые къ нему ближайшіе; а почитающіе себя едиными правовѣрными и осуждающіе другихъ, суть большею частію ожесточеннѣйшіе и принадлежатъ къ синагогѣ сатаны.“ Стр. 317:

„Весь Христіанскій міръ и до днесь еще столь невѣжествуетъ, столь ослѣпленъ, что почитаетъ невозможнымъ, чтобы Богъ во Христѣ возмогъ даровать людямъ власть, помощію которой они пріобрѣли бы силу исцѣляться отъ всѣхъ недуговъ души, соблюдать Его заповѣди и сдѣлаться чистыми, добрыми и блаженными.“ (Что за клевета на весь христіанскій міръ!) Стр. 529: „Всѣ лжесвятоши и лицемѣры предпочитаютъ употребить достояніе свое на благоугодныя, какъ они говорятъ, дѣла, на сооруженіе храмовъ и алтарей, на блескъ наружнаго богослуженія, на странствія для поклоненія святымъ мѣстамъ и пр. вмѣсто того, чтобы поддерживать нуждающихся и убогихъ.“ „Многіе до того сдѣлались мірскими, земными и плотскими, что ничего не знаютъ о служеніи Богу въ духѣ и истинѣ; но сооружаютъ себѣ идола изъ наружныхъ обрядовъ религіи, при которыхъ остаются исполненными самолюбія, любви къ міру“, и пр. Стр. 530: „Все, что при Богослуженіи людьми установлено и къ оному присовокуплено, они почитаютъ столь важнымъ, что истинное богослуженіе у нихъ почти вытѣснено и пришло въ забвеніе.“ Стр. 696: „Всѣ (христіане) имѣютъ мертваго Христа въ устахъ, въ изображеніяхъ, въ буквѣ; но коль скоро покажется гдѣ либо живой Христосъ, тогда всѣ приходятъ въ волненіе и восклицаютъ: что это такое?“ „Христіанскія церкви и сердца что суть большею частію иное, какъ не торговые лавки и столы мѣновщиковъ, гдѣ покупается и продается, гдѣ предлагается на продажу самое святѣйшее, и оное отдается за временныя выгоды, деньги, почести и мірскія увеселенія?“

Языкъ Госнера не щадитъ вельможъ и сильныхъ земли. Стр. 507. „Вельможи, говоритъ онъ, всегда имѣютъ подъ рукою людей, которые освобождаютъ ихъ отъ укоризнъ совѣсти и оныя разрушаютъ. Боязнь отъ людей имѣетъ бо́льшую власть надъ сердцами вельможъ, нежели страхъ Божій.“ Стр. 414: „О вы вельможи! вы горделивцы! немогущіе насытиться почестями и стяжаніями, немогущіе довольно возвыситься! прочтите здѣсь судъ надъ собою“.

Но болѣе всего и съ наибольшимъ ожесточеніемъ возстаетъ Госнеръ на служителей алтаря и пастырей церкви; ихъ попираетъ, ровняетъ съ грязью, дабы совершенно унизить ихъ въ глазахъ народа, лишить всякаго довѣрія въ ученіи и всякаго уваженія въ важномъ ихъ служеніи. Онъ говоритъ стр. 34. „О вы, бѣдные, ослѣпленные книжники, служащіе одному только Ироду; бѣдные, ослѣпленные, льстивые богословы, испытующіе Св. Писаніе только тогда, когда дворъ и знать вопрошаютъ объ немъ для того только, чтобъ истребить его, а не для того, что бы ему поклониться.“ Стр. 39: „Ихъ мысли, старанія и напряженія клонятся къ тому, чтобы истребить въ Христіанствѣ и съ лица земли вѣру въ божество и искупленіе Іисуса Христа, обезсилить Евангеліе, ученіе о благодати и о Духѣ Христовомъ, а ввести вмѣсто того мораль и разумъ человѣческій, какъ искупителей и какъ единственныхъ дарованій духа и благодати.“ Стр. 256: „Установленные надлежащимъ порядкомъ наставники и проповѣдники могутъ пользоваться большимъ уваженіемъ, и быть при всемъ томъ развратителями народа. Діаволъ переобезьяниваетъ Бога, такъ какъ и служители сатаны переобезьяниваютъ рабовъ Божіихъ.“— Стр. 266. „Въ нынѣшнее время обыкновенный плодъ всѣхъ лжеучителей состоитъ въ томъ, что они стараются отвлечь насъ отъ Іисуса и Креста Его.“ Стр. 352. „Наши фарисеи радуются, когда церковь по наружности обширна, великолѣпна и блестяща; когда настоятели церковные получаютъ богатое содержаніе, пользуются почестями и уваженіемъ, имѣютъ значительную власть и могущество; хотя съ другой стороны бѣдныя души остаются безъ Евангелія и утѣшенія; хотя стадо не имѣетъ пастыря, а только хищниковъ, кои гра-

бятъ стадо или взимаютъ большую плату за ихъ молитвы и жертвоприношенія, — хотя наемники и смертоубійцы побиваютъ стадо и отъ тука онаго пресыщаются.“ Стр. 361: „Во внѣшней церкви все сдѣлалось продажнымъ.— Все продается за деньги, даже и Самъ Христосъ. Удивляться не должно, что нынѣшніе служители церкви столь мало даютъ даромъ: ибо даромъ дать можетъ только тотъ, кто даромъ и получилъ. Они же купили мудрость свою на торжищѣ училищномъ, а многіе заплатили большую цѣну за свои мѣста; посему и хотятъ вознаградить за свои убытки.» (Служители православной церкви не могутъ принять сего на свой щетъ; ибо они не платятъ ни за ученіе, ни за поставленіе себя на священныя должности. Все туне пріемлютъ; и ни за что не домогаются большой платы; довольствуются и малою благодарностію своихъ прихожанъ за свои труды, а многіе дѣлаютъ безвозмездно). Стр. 481: „Іерархи наружной церкви, продолжаетъ Госнеръ, тиранническимъ насильствомъ исторгаютъ на почвѣ христіанской не только плевелы, но и самую лучшую пшеницу, которую они, въ слѣпотѣ своей, почитаютъ плевелами, поелику сами суть злѣйшія плевелы. Все, что не согласуется съ превратными ихъ мнѣніями, человѣческими преданіями, вѣроисповѣданіями, обрядами и пр., хотя бы то было чистое Евангеліе и самая Библія, признаютъ они плевелами, ересью и заблужденіемъ, которыя они почитаютъ себя въ правѣ немедленно искоренять, не взирая на то, что Христосъ весьма ясно говоритъ: оставите рости обоя купно до жатвы.“ Стр. 512: „Пастыри церкви питаютъ свое духовное стадо единственною закваскою человѣческихъ преданій.“ Стр. 527: „Наши нынѣшніе фарисеи почитаютъ свои преданія, истолкованія и объясненія превыше Слова Божія и священнаго писанія. Человѣческіе уставы и постановленія, старые обычаи, привычки, ремесленные пріемы, ничтожные обряды, наблюдаются у нихъ строже, нежели Слово Божіе и существенныя обязанности Христіанства. Лживыя свои преданія обратили они въ истину,— а Слово Божіе и истины Христовы сдѣлали ложью и ересью.“ Стр. 765: „Занятіе большей части учителей внѣшней церкви состоитъ только въ положеніи людямъ преградъ къ Царству Божію, и въ ихъ ослѣпленіи“.

Засыпавъ хулами, клеветами, бранью все святое въ церкви Христовой, особенно же служителей и пастырей церкви, Госнеръ старается чадъ церкви Христовой отвлечь отъ ея ученія и постановленій и привлечь къ своимъ лжеумствованіямъ. Онъ говоритъ, стр. 47: „Какъ волхвы, оставя Ирода, книжниковъ и храмъ, нашли наконецъ Христа; такъ всякая душа должна искать Христа, и найдетъ Его, коль скоро оставитъ все прочее, какъ тлѣнное и преходящее“. Стр. 50: „Старую дорогу (т. е. путь ко спасенію, указуемый православною церковью) долженъ ты оставить на всегда и на вѣки, если не хочешь попасть въ руки Ироду, книжникамъ и первосвященникамъ, кои Христа или умерщвляютъ, или опровержаютъ, или предаютъ проклятію.“

Злой языкъ Госнера, не щадитъ и царей земныхъ. Онъ ихъ поноситъ, уничижаетъ, представляетъ злыми и чуждыми всякаго вѣрованія. Онъ говоритъ, стр. 2, 3: „Въ родословіи Іисуса Христа встѣчаемъ столь много именъ великихъ грѣшниковъ, ибо и большая часть царей были люди злые,—чрезъ это въ самомъ началѣ исторіи Іисуса исполнилось пророчество: Онъ сопричтенъ будетъ къ преступникамъ. (Замѣтить надобно, что не только Евангелистъ Маркъ, XV. 28, но даже Самъ І. Христосъ, Луки XXII. 37, отнесъ это пророчество къ распятію І. Христа посреди двухъ разбойниковъ; а Госнеръ, вопреки богодухновенному Евангелисту и Самому Іисусу Христу, далъ оному другое изъясненіе, служащее къ униженію царей. Онъ всѣхъ

царей называетъ **Иродами**. Добраго чувства къ царямъ, ни доброй мысли о нихъ онъ не показалъ ни въ одномъ мѣстѣ своей книгѣ). Стр. 7: „Іисусъ, по благости Своей, продолжаетъ Госнеръ, попустилъ вмѣстить въ Свою родословную и самыхъ великихъ грѣшниковъ.“ „Иродъ всегда стремится лишить жизни Іисуса. Бѣги отъ его владѣній. Укрывшись отъ Ирода, ты сохранишь отъ него Іисуса“.

Ободряя своихъ послѣдователей, Госнеръ, съ одной стороны намекаетъ на **скорую смерть Ирода**, а съ другой стороны говоритъ, стр. 40: „Не будьте слишкомъ довѣрчивы, возлюбленные мои; настанетъ время, когда и оружіе будетъ всего нужнѣе; поелику настоитъ величайшая опасность.“ Это что другое, какъ не лукавый намекъ на замышленное уже въ тайныхъ обществахъ истребленіе всѣхъ царей?

Вообще книга Госнера ясно показываетъ, что сочинитель ея принадлежитъ къ числу тѣхъ зловѣщихъ проповѣдниковъ, которые были сильными орудіями тайныхъ обществъ, умыслившихъ истребить на землѣ религію и правительство, уничтожить іерархію и монархію и ниспровергнуть престолы храмовъ и троны дворцовъ.

Много и премного вышло съ 1817 по 1824 годъ книгъ, въ которыхъ, въ разныхъ видахъ, подъ разными заглавіями, одно другаго благовиднѣйшими и обольстительнѣйшими, проповѣдалось ученіе, направленное къ развращенію ума и сердца, къ отвращенію отъ вѣры и церкви православной, къ возбужденію презрѣнія и неуваженія къ пастырямъ и учителямъ церкви, ко всякой святынѣ, чтимой православными христіанами,— къ неуваженію власти и начальства, къ отверженію закона и порядка общественнаго и церковнаго. И всѣ эти книги одобрены свѣтскою цензурою; и нерѣдко издатели ихъ, вмѣсто строгаго преслѣдованія и наказанія, удостоивались значительныхъ наградъ, какъ распространители истиннаго, духовнаго просвѣщенія. А, тѣ которые отваживались раскрыть пагубный духъ въ сихъ книгахъ распространяемый, подвергались преслѣдованіямъ и наказаніямъ, какъ люди зловредные и безпокойные.

Преподаваніе вольномыслія въ университетахъ. Самыми лучшими проповѣдниками и распространителями разврата, нечестія и вольнодумства по Россіи были, въ это время, Россійскіе университеты и другія высшія заведенія, состоящія подъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ нихъ профессоры излагали свои предметы и предлагали съ каѳедры свои уроки, какъ хотѣли: надзора за ними не было никакого. Эти профессоры то были выписываемы изъ-за границы, то сами являлись оттуда и были принимаемы безъ всякаго испытанія въ ихъ знаніи и въ духѣ. Но большею частію для приготовленія наставниковъ на всѣ высшія каѳедры, лучшіе изъ воспитанниковъ Педагогическаго Института были посылаемы за границу, особенно въ Германію, для слушанія уроковъ у знаменитѣйшихъ Германскихъ ученыхъ. Пренапитанные ядомъ Германскаго вольномыслія и надменной учености, они, по возвращеніи въ Россію, были посылаемы на университетскія и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній каѳедры, по тѣмъ наукамъ, къ которымъ приготовлялись за границею. Что́ слышали сами изъ устъ иностранныхъ мудрецовъ, то смѣло проповѣдывали съ своихъ каѳедръ; чѣмъ были сами заражены, тѣмъ же заражали своихъ слушателей, имѣвшихъ распространить этотъ ядъ далѣе и далѣе съ учительскихъ каѳедръ. Они тѣмъ смѣлѣе проповѣдывали свои заблужденія, что не боялись никакого взысканія со стороны высшаго начальства за распространеніе такого ученія, для котораго имъ же были посылаемы за границу. Чѣмъ дерзновеннѣе проповѣдывали эти профессоры свои неслыханныя дотолѣ въ Россіи заблужденія, тѣмъ больше возбуждали къ себѣ вниманія воспитывавшагося юношества и тѣмъ

поспѣшнѣе заражали оное. Особенно гибельно для юныхъ умовъ и опасно для отечества нашего было преподаваніе естественнаго права профессоромъ Куницынымъ, который впрочемъ за напечатаніе онаго получилъ орденъ св. Анны 2 степени съ бриліантами (1). Для слушанія этаго профессора гвардейскіе офицеры нанимали особенную залу и во множествѣ собирались на его лекціи естественнаго права. А въ естественномъ правѣ его, между прочимъ, вотъ что проповѣдуется, стр. 6: „Положительные законы основываются на произволѣ законодателя". Стр. 13: „Въ правѣ естественномъ, права и обязанности людей, какъ разумныхъ существъ, равны и одинаковы." Стр. 14: „Сохраненіе свободы есть общая цѣль всѣхъ людей." Стр. 4: „Каждый человѣкъ внутренно свободенъ, и зависитъ только отъ законовъ разума; а по сему другіе люди не должны употреблять его средствомъ для своихъ цѣлей". Стр. 54: „Поелику право свободы есть общее всѣмъ людямъ, то каждый можетъ производить только то, что согласно со свободою всѣхъ прочихъ."

Одинъ изъ членовъ Главнаго Правленія Училищъ (2) глубоко понимая гибельное направленіе умовъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, представлялъ объ этомъ министерству народнаго просвѣщенія; выставлялъ тѣхъ профессоровъ, которые открыто проповѣдуютъ нечестивое ученіе со своихъ каѳедръ. Онъ убѣдительно доказывалъ, что нынѣшняя философія есть настоящій иллюминатизмъ, обязанный только новому своему имени тѣмъ, что христіанскія правительства дозволяютъ публичное его проповѣданіе, и даже даютъ жалованье распространителямъ онаго. Этотъ членъ умолялъ министерство народнаго просвѣщенія всѣмъ, что есть свято, рѣшительно поразить сіе страшное чудовище, спокойно подрывающее у насъ алтарь и тронъ открытымъ проповѣдываніемъ иллюминатскихъ началъ во всѣхъ университетахъ нашихъ и во всѣхъ высшихъ училищахъ, гдѣ установлены философскія и политическія каѳедры; но на эти представленія не было обращено вниманіе министерства, которое даже выпрашивало указаннымъ профессорамъ, какъ отлично полезнымъ наставникамъ, высочайшія награды.

Библейскія общества. Наконецъ враги Россіи придумали къ истребленію въ ней православія такое средство, въ которомъ никто и подозрѣвать не могъ никакого злоумышленія. Это - учрежденіе въ Россіи библейскихъ обществъ, которыя тогда по всей Европѣ размножены были почти безъ числа. Президентомъ обществъ былъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, который въ послѣдствіи былъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (3).

Правительство Россійское сперва поступило осторожно, дозволивъ библейское общество учредить только для иновѣрцевъ, и между ними только распостранять библіи. Но, по домогательствамъ президента сихъ обществъ, вскорѣ не только дозволено учредить библейскія общества въ Петербургѣ и Москвѣ, но и скупить всѣ экземпляры библіи, напечатанной въ Синодальной типографіи и завесть сему обществу свою типографію для печатанія библіи на славянскомъ, русскомъ и другихъ, употребляемыхъ въ Россіи языкахъ, на

(1) Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада зажжена!

Такъ вспоминалъ Пушкинъ этого профессора, коего явныя указанія на необходимость представительнаго правленія одобрялись и непосредственнымъ и высшимъ начальствомъ. *П. Б.*

(2) Магницкій (см. Воспоминанія Панаева, Вѣст. Евр. 1867-й г., мѣсяцъ декабрь).

(3) Для изученія Библейскихъ обществъ въ Россіи весьма важны отчеты ихъ, общіе и частные по разнымъ городамъ; большое собраніе этихъ отчетовъ со списками членовъ имѣется въ Чертковской библіотекѣ. *П. Б.*

которые тогда поспѣшно переводили библію (*). Экземпляры библіи вскорѣ начали продаваться по самой дешевой цѣнѣ, и библію можно было видѣть и въ лавкахъ книгопродавцевъ, и на толкучемъ рынкѣ, и на ларяхъ, и на прилавкахъ, и въ корзинахъ, и въ мѣшкахъ букинистовъ, и въ переднихъ боярскихъ, и въ кухняхъ, и подъ банками ваксы, и подъ сальными подсвѣчниками. Божественная книга уничижена до послѣдней степени. Врагамъ вѣры этого-то и хотѣлось.

Библейскія общества распространились наконецъ по всей Россіи. Во всѣхъ нихъ подѣланы членами высшіе свѣтскіе чиновники, почетное купечество; даже архіереи и чиновныя духовныя лица за честь себѣ вмѣняли принять названіе члена библейскаго общества. Конечно, ни изъ свѣтскихъ, ни изъ духовныхъ членовъ сихъ обществъ никто ни проникалъ въ тайныя злонамѣренія оныхъ. Никто не помышлялъ о томъ, что̀ можетъ произойти отъ того, когда библію будутъ читать всѣ, безъ всякихъ предварительныхъ о ней понятій, безъ всякихъ правилъ герменевтическихъ, и когда слѣдовательно всякій будетъ понимать и толковать ее по собственному разсужденію. Никто не обращалъ вниманія на то, какія пагубныя слѣдствія для вѣры, церкви, нравственнаго и гражданскаго благоустройства произошли по всей Европѣ отъ свободнаго чтенія и произвольнаго толкованія библіи; никто и не подозрѣвалъ, что это самое будетъ и въ Россіи. Намѣреніе распространителей библейскихъ обществъ въ Россіи кратко показано въ рѣчи Президента, сказанной 15 іюня 1816 года, въ которой онъ назвалъ библейское общество „Апокалипсическимъ Ангеломъ, имѣющимъ Евангеліе вѣчно благовѣстити живущимъ на землѣ, и всякому племени и языку, и колѣну, и людямъ.“ (См. Отч. Биб. Об. за 1815 годъ стр. VII). Нѣсколько яснѣе это же намѣреніе открыто въ прибавленіи къ отчету Библ. Общ. за 1818 годъ, на стр. 35, гдѣ сказано: „Небесный союзъ вѣры и любви, учрежденный посредствомъ библейскихъ обществъ, въ великомъ христіанскомъ семействѣ открываетъ прекрасную зарю брачнаго дня христіанъ, и то время, когда будетъ единъ пастырь и едино стадо, т. е. когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ, различнаго образованія, христіанскихъ исповѣданіяхъ, которыя въ началѣ различествовали между собою въ нестроеніи, но нынѣ въ семъ духѣ и могутъ и будутъ оставаться при своихъ различіяхъ“.

Но вполнѣ оное раскрыто въ рѣчи Призидента Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества, Ричарда Ватсона, главы Методистовъ, которую сказалъ онъ въ тринадцатое годичное собраніе сего Общества, бывшее 7 мая 1817 года, въ Лондонѣ, въ домѣ Франкъ-Масоновъ. Онъ, послѣ чтенія объ успѣхахъ библейскихъ обществъ, — сказалъ:

„М. Г. Донесенія и отчеты, нами слышанные, обратили наше вниманіе на имперію Россійскую. О! сколь утѣшительны, какъ намѣренія, намъ представленныя, такъ и надежды, которыя отъ нихъ предполагать позволяется. Мы можемъ быть увѣрены, что скоро въ семъ пространномъ государствѣ религія возстановится во всей ея чистотѣ, что̀ послѣдуетъ единственно отъ размноженія книгъ Св. Писанія, переведенныхъ на разные языки, въ сей обширной имперіи употребляемые.“

„Къ идолопоклонникамъ еще обязаны мы посылать миссіонеровъ для толкованія библіи; но вездѣ, гдѣ существуетъ христіанство, хотя бы оно было и искаженное, и не въ настоящемъ видѣ, простое чтеніе книгъ Св. Писанія можетъ и должно быть достаточно, чтобы исправить вѣру.“

(*) Пресловутый Госнеръ занимался переводомъ Библіи на Русскій языкъ, и переводъ этотъ печатался (но не вышелъ въ свѣтъ) въ типографіи Н. И. Греча; отпечатанные листы имѣются также въ Чертковской библіотекѣ. *П. Б.*

„Всенародное обращеніе библіи можетъ только возстановить Греческую церковь и исторгнуть ее изъ того упадка, въ которомъ она теперь находится. Своды храма существуютъ. Библія не замедлитъ возжечь огнь на алтаряхъ."

„Въ странѣ сей есть болѣе, нежели думаютъ, праведныхъ священнослужителей, которые, хотя нынѣ остаются мертвыми, подобно свидѣтелямъ Апокалипсиса, — возстанутъ и будутъ пророчествовать, коль скоро вселится въ нихъ духъ истины."

„Обнародованіе, или распространеніе книгъ Св. Писанія въ Римской церкви, произвело наше достославное преобразованіе, и даровало намъ протестантство, а съ нимъ и блаженство и благословеніе, отъ онаго проистекающее."

„Нынѣ можемъ мы надѣяться, что скоро Греческая церковь насладится тѣми же выгодами, съ тою однако же разницею, что несогласіе Римской церкви на всенародное обращеніе книгъ Св. Писанія произвело ужасные раздоры, безчисленныя бѣдствія; тогда какъ, напротивъ того, таковое обнародованіе, будучи въ Россійской имперіи поощряемо такъ же, какъ и всѣ библейскія общества, подаетъ намъ лестную надежду, что свободное проповѣданіе истины, открывая Греческой церкви ея собственныя заблужденія, оживотворитъ вѣру и будетъ соблюдать союзъ вѣрующихъ".

„Сія надежда утѣшительна и сладостна для друзей человѣчества. При началѣ нашей реформаціи, должно было преодолѣть тысячи препятствій. Всѣ наши протестантскія церкви возродились посреди смятеній и распрей политическихъ, и бури часто ихъ колебали".

„Но въ Россіи столь великое и нужное измѣненіе совершится безъ малѣйшаго потрясенія. Государство, столь счастливое благопріятными ожиданіями, не можетъ страшиться ни безпокойствъ, ни опасностей. Предполагаемая въ сей имперіи реформація уподобится восходящему солнцу, озаряющему равнымъ свѣтомъ какъ хижину Сибиряка, такъ и чертоги царей, гдѣ мудрѣйшій и могущественнѣйшій изъ государей земныхъ помышляетъ нынѣ о сей великой и святой реформѣ".

И кто бы, при Русскомъ простодушіи, могъ думать, что книги Св. Писанія могутъ быть употреблены въ орудіе къ испровержeнію въ Россіи древняго православія? Кто бы, при Русской честности, могъ подозрѣвать, что негодные иновѣрцы тѣмъ самымъ будутъ разрушать истинную, божественную вѣру въ Россіи, чтó составляетъ непоколебимое ея основаніе? Это хитрость самаго ада!

Мѣры враговъ Россіи къ совершенію плана ихъ на пагубу Россіи.

Да, самимъ адомъ придуманы и всѣ мѣры, которыя устроены были къ тому, чтобы въ конецъ погубить могущественную Россію. Совѣтъ иллюминатовъ, замысливъ истребить въ ней всякое благоговѣніе къ святынѣ, твердость въ православной вѣрѣ отцевъ своихъ, и въ безпредѣльномъ уваженіи къ предержащей власти, избралъ средствами къ тому, какъ сказано и показано выше сего: 1-е, Дозволеніе безпредѣльной свободы всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, способствующей безконечному умноженію сектъ и расколовъ; 2, Распространеніе въ Россіи книгъ (*) направленныхъ противъ

(*) Здѣсь намекается на преслѣдованіе, которому подвергались отъ кн. Голицына ректоръ Петербургской Семинаріи Иннокентій и авторъ книги Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, Евстаѳій Станевичъ. Книга Станевича въ 1818 году одобрена была цензоромъ Иннокентіемъ къ напечатанію и была напечатана. Авторъ книги коснулся бывшихъ тогда въ ходу заблужденій, защищаемыхъ Голицынымъ. Намеки сдѣланы были слишкомъ ясно. Тотчасъ министромъ н. п. и дух. дѣло доложено было Государю, что книга Станевича содержитъ въ себѣ зловредныя и противныя нашему вѣроисповѣданію правила; вслѣдствіи чего книга была запрещена и у всѣхъ отобрана; сочинитель ея Станевичъ высланъ изъ Петербурга, а цензору, пропустившему ее, арх. Иннокентію, сдѣланъ строжайшій выговоръ. Но мщеніе не остановилось на этомъ: Иннокентія нужно было удалить изъ Петербурга, — и вотъ его больнаго

церкви, вѣры, нравственности и правительства. 3, Преподаваніе зловреднаго ученія въ университетахъ и во всѣхъ высшихъ училищахъ и наконецъ 4, Умноженіе библейскихъ обществъ и чрезъ нихъ умноженіе экземпляровъ библіи, свободное оной чтеніе и самопроизвольное оной толкованіе, способствующее умноженію расколовъ и сектъ. Совѣтъ, говорю, иллюминатовъ, съ непостижимою хитростію, обезпечилъ несомнѣнные успѣхи въ своихъ замыслахъ чрезъ означенныя мѣры. Онъ главою, покровителемъ и споспѣшникомъ всѣхъ этихъ мѣръ избралъ тонкаго царедворца, ближайшаго наперсника и друга юности императора; избралъ человѣка мягкаго по сердцу, добраго по душѣ, легкаго по духу, гибкаго по характеру, человѣка, который былъ способенъ увлекаться всякою мечтою хитросоставленною, человѣка, котораго въ злоумышленіяхъ противъ церкви и отечества никто и подозрѣвать не могъ. Неизвѣстно, по внушенію-ли иллюминатовъ онъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что чрезъ ихъ происки онъ сдѣланъ министромъ народ. просвѣщенія, министромъ духовныхъ дѣлъ, президентомъ библейскихъ обществъ, и ему же поручено главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ. Такимъ образомъ они дали своему агенту всякую возможность быть сильнѣйшимъ орудіемъ въ совершеніи ихъ намѣреній на погубленіе Россіи. Какъ мин. дух. дѣлъ, имѣя въ рукахъ своихъ духовныя лица, онъ могъ знать и по своимъ видамъ употреблять всѣхъ, кто способенъ споспѣшествовать ему въ его намѣреніяхъ, или противудѣйствовать онымъ: первымъ онъ могъ сильно покровительствовать и быстро возвышать ихъ по степенямъ почестей, послѣднихъ для своихъ же цѣлей могъ тѣснить и гнать до уничтоженія. Это могущество по духовному вѣдомству давало ему всякую удобность распространять зловредныя книги по Россіи, переводимыя или сочиняемыя агентами иллюминатскихъ и масонскихъ обществъ; это же давало всякую возможность содѣйствовать успѣхамъ библейскихъ обществъ, споспѣшествовать переводамъ и печатанію библіи на всѣхъ языкахъ, употребляемыхъ въ Россіи; это же давало ему возможность покровительствовать всѣ секты и расколы, споспѣшествовать ихъ умноженію. Присутствуя во всѣхъ масонскихъ ложахъ, онъ могъ защищать ихъ предъ трономъ противу всѣхъ на нихъ доносовъ. Какъ главный начальникъ почтоваго депар-та, онъ имѣлъ всю возможность содѣйствовать всѣмъ тайнымъ сношеніямъ иностранныхъ враговъ Россіи и Русскихъ съ иностранными, и свободно разсылать переписки враговъ Россіи во всѣ мѣста Россіи. Какъ другъ и ближайшій наперсникъ императора, онъ имѣлъ полную возможность доводить до свѣдѣнія его все, что́ можно было истолковать въ добрую сторону изъ дѣйствія иллюминатскихъ агентовъ и отклонять отъ него все, что́ могло открывать ему глаза на дѣйствія всѣхъ враговъ церкви и отечества. Пользуясь такими благопріятными со всѣхъ сторонъ обстоятельствами, враги Россіи руками своихъ споспѣшниковъ ископали глубокій ровъ между алтаремъ и трономъ Россіи; уже только ожидали благопріятнаго времени, чтобы вдругъ повергнуть въ оный и алтарь православія и тронъ самодержавія.

Орудія Промысла Божія ко спасенію Россіи отъ козней вражіихъ. Но Господь, бдительный промыслитель о Своей церкви и охранитель помазанныхъ Своихъ, не попустилъ совершиться умысламъ злодѣйства. Господь свѣтомъ своимъ просвѣтилъ умныя очи первосвятителя

назначаютъ въ Уфу епископомъ, а потомъ вдругъ перемѣняютъ это назначеніе и посылаютъ епископомъ въ Пензу (см. Записк. Шишкова 53—54 стр. и имѣющуюся у меня рукопись: Сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія, епископа Пензенскаго и Саратовскаго, скончавшагося въ Бозѣ 1819 г. октября 10-го дня). *М. М.*

православной Русской церкви, митрополита Серафима, чтобы видѣть всѣ козни лукаваго, устрояемыя на пагубу Русскаго православія и самодержавія; Господь Своею благодатію воспламенилъ въ сердцѣ сего святителя святую ревность къ вѣрѣ и ко благу отечества. Возбужденный Духомъ Божіимъ, митрополитъ Серафимъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, свойственнымъ святому его сану и званію, наконецъ рѣшился разрушить крамолы враговъ Россіи. Онъ, со святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ, предсталъ лицу императора, чтобы открыть ему всѣ козни враговъ церкви и отечества, хитро предъ нимъ дотолѣ скрываемыя. Онъ, снявъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и съ твердостію сказалъ: не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ вашего величества царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и святѣйшему синоду возвратятся прежнія права его, и что министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся. Въ несомнѣнное доказательство гибельныхъ для церкви и отечества дѣйствій министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, митрополитъ представилъ императору книгу Госнера о Евангеліи Матѳея, которая оканчивалась печатаніемъ; раскрылъ въ ней тѣ мѣста, которыя показывали дерзкое возстаніе сочинителя не только противъ Русскаго православія и самодержавія, но даже противъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Убѣжденный доказательствами Серафима, императоръ, подавая ему клубокъ его, сказалъ: Преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены (*). Послѣ сего вскорѣ духовное министерство закрыто; министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ адмиралъ Шишковъ, книга Госнера передана разсмотрѣнію комитета министровъ, и бывъ признана противною всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, предана сожженію; сочинитель ея высланъ за границу; участники въ переводѣ и изданіи этой книги осуждены сенатомъ, зловредныя книги, изданныя прежнимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, остановлены въ своемъ ходу и преданы разсмотрѣнію особаго комитета, учрежденнаго изъ ученаго духовенства; изданъ новый уставъ для цензурнаго комитета; обращено строгое вниманіе на духъ преподаванія въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; открыты во всѣхъ университетахъ каѳедры Закона Божія; масонскія ложи закрыты. Благодареніе Господу, положившему на сердце императора сдѣлать въ короткое время столько благодѣтельныхъ постановленій!

Новый президентъ библейскихъ обществъ въ Россіи, митрополитъ Серафимъ, и новый министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, раскрывъ пагубныя намѣренія враговъ церкви православной и отечества нашего, совершаемыя чрезъ дѣйствія библейскихъ обществъ, два раза дѣлали общія представленія государю императору о закрытіи оныхъ; но отъѣздъ его въ Таганрогъ и послѣдовавшая тамъ кончина оставили безъ успѣха сіи представленія. Впрочемъ ревнители о благѣ церкви и отечества не оставили своего спасительнаго предпріятія. Они возобновили его при новомъ императорѣ, и Господь

(*) *Примѣч.* Хотя книга Госнера признана зловредною и противною всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и сожжена; хотя переводчики ея осуждены сенатомъ, и сочинитель высланъ за границу: не смотря на все это, духъ ученія его доселѣ сохранится во многихъ изъ Русскихъ Нѣмцевъ; они доселѣ получаютъ отъ Госнера изъ-за границы гимны, и поютъ ихъ въ своихъ собраніяхъ; празднуютъ его праздники, собираютъ и посылаютъ къ нему деньги; распространяютъ его ученіе; даже увлекаютъ въ оное православныхъ Россіянъ. Это тѣмъ опаснѣе, что послѣдователи Госнера принадлежатъ не къ простому только народу. *Примѣчаніе сочинителя.*

положилъ на сердцѣ Николая I-го въ 12 день Апрѣля 1826 года дать повелѣніе на имя президента библейскаго общества въ Россіи митрополита Серафима, „пріостановить всѣ безъ исключенія дѣйствія по библейскому обществу, впредь до его дальнѣйшаго соизволенія, и силу сего повелѣнія распространить на всѣ въ Россійской Имперіи комитеты отдѣленій и комитеты товариществъ библейскаго общества" (*).

Такимъ образомъ святой ревности по вѣрѣ и патріотическому духу митрополита Серафима и министра народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова, церковь и отечество наши обязаны спасеніемъ отъ всѣхъ бѣдъ, которыя съ такимъ тщаніемъ и съ такимъ лукавствомъ уготовляли имъ зломыслящіе враги наши. Память сихъ двухъ ревнителей о благѣ церкви и отечества да сохранится во вѣки въ сердцахъ Русскихъ! Да будетъ свята и благословенна въ роды родовъ и память великихъ государей, милостивно внявшихъ патріотическимъ

(*) Митрополитъ Серафимъ въ 1821 г. назначенъ былъ изъ митрополитовъ Московскихъ на Петербургскую митрополію, по смерти митрополита Михаила, скончавшагося 24 марта 1821 года, отъ огорченій, какъ говорили тогда, причиненныхъ ему кн. Голицынымъ. Говорили, что митрополитъ Михаилъ возвратился домой послѣ одного синодскаго засѣданія, отличавшагося сильнымъ столкновеніемъ митрополита съ Голицынымъ, до такой степени больной, что люди его должны были буквально на рукахъ своихъ вынести его изъ кареты и внести въ митрополичьи покои. Послѣ этого митрополитъ прохворалъ три мѣсяца (это было 23-го декабря 1820 г. или около того числа) и умеръ. Болѣзнь его въ эти три мѣсяца то усиливалась, то уменьшалась; но примѣтно было, что митрополитъ, какъ выражаются, таялъ и былъ не жилецъ въ этомъ мірѣ. Онъ самъ чувствовалъ это, а потому часто служилъ за просто въ своей домовой церкви, часто исповѣдывался и преобщался св. таинъ. Всѣмъ замѣтно было, что архипастырь болѣе страдаетъ душевно, чѣмъ тѣлесно; что физическая болѣзнь слѣдствіе только внутренней скорби и болѣзненнаго состоянія души. Въ народѣ и обществѣ было общее мнѣніе, что Михаилъ умеръ отъ Голицына. При церемоніи выноса тѣла покойнаго митрополита даже гласно раздавались въ толпѣ голоса, что Голицынъ убійца митрополита. Это обстоятельство пробудило дѣятельность партіи враждебной Голицыну и дало ей поводъ расчесть свои дѣйствія противъ Голицына. Нужно сказать, что на государя произвело сильное впечатлѣніе письмо митрополита, написанное имъ не задолго до кончины. Государь былъ тогда въ Лайбахѣ. Въ письмѣ своемъ митрополитъ Михаилъ, съ откровенностію изобразивъ опасности, которымъ подвергается православная церковь отъ слѣпотствующаго министра, въ заключеніе говоритъ: «Государь, когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего, кромѣ истины, не вѣщалъ я людямъ; наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Высшему Судіи!» Чрезъ двѣ недѣли по полученіи этого письма государь получилъ извѣстіе о смерти митрополита. Аракчеевъ воспользовался внутреннимъ настроеніемъ государя и присовѣтовалъ избрать преемникомъ Михаилу Московскаго митрополита Серафима. Его назначеніе было началомъ паденія Голицына. Серафимъ на первыхъ же порахъ показалъ, что онъ не сойдется съ Голицынымъ. На первомъ библейскомъ засѣданіи, мрачный и угрюмый, сидѣлъ митрополитъ и судорожно перебиралъ своими четками, когда секретарь Общества въ самихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изливался о дѣйствіяхъ библейскихъ обществъ; потомъ вдругъ быстро всталъ и, сказавши громко, что такъ могутъ разсуждать только люди, непонимающіе православія, быстро вышелъ изъ залы собранія. Поступокъ митрополита ошеломилъ всѣхъ присутствующихъ. Съ этого времени борьба между нимъ и Голицынымъ все разгоралась и наконецъ кончилась паденіемъ Голицына. Въ этой борьбѣ митрополитъ получалъ подкрѣпленіе, совѣты и ободреніе отъ Аракчеева, Орловой и Фотія.

Въ тотъ самый день, въ который митрополитъ рѣшился ѣхать во дворецъ и лично представить государю весь вредъ, происходившій отъ дѣйствій министра дух. дѣлъ и н. пр. для православной церкви, у него были Аракчеевъ, Орловъ и Павловъ. Митрополитъ послѣ долгихъ колебаній, убѣжденій, обнадеживаній, прошеній, рѣшился наконецъ ѣхать во дворецъ къ государю. Покойный Павловъ раcказывалъ, что митрополитъ три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза выходилъ изъ нея, оставляя свое намѣреніе. Наконецъ въ третій разъ до кареты провожали его Павловъ, Фотій и Орловъ и своими руками усадили его въ нее; Павловъ захлопнулъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобы онъ не останавливался до зимняго дворца, крикнулъ: пошелъ! и карета быстро помчалась отъ Невской Лавры къ зимнему дворцу. *М. М.* Нѣкоторые прибавляютъ, что Магницкій ѣхалъ на дрожкахъ вслѣдъ за каретою, и когда замѣчалъ, что кучеръ по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу. *П. Б.*

ихъ представленіямъ, и державными своими руками разрушившихъ крамолы враговъ церкви и отечества!

*

Въ 1-й книгѣ Чтеній за 1868 годъ помѣщены любопытныя выдержки изъ записокъ Юрьевскаго архимандрита Фотія, замѣчательнѣйшаго дѣятеля той эпохи и той сферы, къ коимъ принадлежитъ вышенапечатанная записка о крамолахъ враговъ Россіи. Объ есаулѣ Котельниковѣ изъ записокъ Фотія узнаемъ еще, что онъ, послѣ своего раскаянія, два раза писалъ (съ Дону) къ Фотію, прося то 5 т., то 150 т. рублей. Фотій не отвѣчалъ, а Котельниковъ снова впалъ въ свое заблужденіе, и былъ заключенъ въ Соловки, гдѣ и умеръ около 1854 года, снова раскаявшись.

Что касается до высказанныхъ Фотіемъ мнѣній о разныхъ лицахъ, то конечно отзывы эти и самые разсказы могутъ быть принимаемы только къ соображенію, и отнюдь не безусловно. Сила воли этого необыкновеннаго человѣка изумительна и, можетъ быть, поучительна; но при всемъ этомъ историкъ затруднится довѣрять его показаніямъ. П. Б.

Правительственныя мѣры по случаю появленія въ Лифляндіи секты Гернгутеровъ въ 1743 году.

1) *Имянной указъ Лифляндскому вице губернатору генералъ-лейтенанту Еропкину.*

С. Петербургъ 16 апрѣля 1743.

Извѣстно намъ учинилось, что въ Лифляндіи завелась новая секта называемая Эрнъ Гутеръ, которой предводительница нѣкоторая графиня Синцендорфова и столь много оная секта распространилась, что уже и великія строеніи для собранія оной секты послѣдователей въ Лифляндіи, а особливо около Дерпта поставлены; и оныя собраніи отправляются тайно, въ которыхъ изъ Лифляндскаго шляхетства, пасторовъ и протчихъ, а особливо крестьянъ, множество находится, и оные крестьяне тѣмъ развращеннымъ ученіемъ приведены въ непослушаніе помѣщикомъ и извѣтомъ (*) молитвы должныя свои работы покидаютъ, о которой сектѣ и Комисія въ Лифляндіи учреждена изъ шляхетства, духовенства и протчихъ; но оное вновь произшедшее зло здѣсь письмяннаго доношенія нигдѣ о себѣ не имѣетъ. Того для повелѣваемъ вамъ графиню Синцендорфову и всѣхъ ея помощниковъ, пріѣхавшихъ съ нею изъ чужихъ краевъ, сколько ихъ есть, учтивымъ поступкомъ позвавъ къ себѣ въ гости, и какъ будутъ, то всѣхъ отправить сюды къ намъ за карауломъ съ довольнымъ камвоемъ (sic), а Лифляндцамъ, ктобъ какого званія ни былъ, кои впали во оное Эрнъ Гутеровъ ученіе, запретить, и построенныя для собранія оныхъ строеніи запереть и никакому во оныхъ строеніяхъ или въ иномъ мѣстѣ, какоебъ гдѣ ни было, такимъ собраніямъ быть запретить и до того ихъ не допускать. А кто имянно послѣдующіе тому развращенному ученію въ Лифляндіи мужеска и женска пола обрѣтаются и о Комиссіи кто ее и на какомъ основаніи учредилъ и какое во оной дѣйство произошло и что имянно содержитъ оное Эрнъ Гутеровъ ученіе и какое онаго употребленіе въ самомъ дѣлѣ явное или тайное есть, о томъ о всемъ подлинно освѣдомясь прислать къ намъ извѣстіе; чаятельно же есть, что книгами печатными и письмами оная секта разсѣяна. И для того у графини Синцендорфовой и ея помощниковъ кто ни будетъ взятъ и отправленъ сюды, въ ихъ квартирахъ всякія книги и письма, такоже въ ихъ построенныхъ для собранія строеніяхъ что найдется оныхъ, взять и запечатавъ прислать сюды.

(подп.) *Елисаветъ.*

(*) Подъ предлогомъ.

2) *Имянной указъ томуже Еропкину.*

С.-Петербургъ 19 Августа 1743.

Доношеніе ваше Августа отъ 3 числа до насъ дошло, въ которомъ пишите о посылаемомъ въ Ригу отъ графа Синцендорфа имянемъ Вулфѣ для доказательства о сектѣ Геренгутерской во учрежденной Комиссіи и требуете указу, когда оной въ Ригу пріѣдетъ что съ нимъ дѣлать. На оное вамъ повелѣваемъ: ежели оной Вулфъ въ Ригѣ явитца, то онаго велите арестовать и содержать его до указу, не давая ему ни съ кѣмъ изъ Лифлянскихъ жителей видѣтся и разговаривать и писма и книги, какія у него сыщутся, отобрать; а ежели онъ уже пріѣхалъ, то, гдѣбъ онъ ни былъ, взять за арестъ и такожъ содержать; а ежели еще не бывалъ, то велите смотрить, дабы прежде нежели у васъ явитца, не могъ ни съ кѣмъ изъ Лифлянцовъ видѣтся, или гдѣ скрытца.

(подп.) *Елисаветъ.*

3) *Имянной указъ Лифляндскому генералъ-губернатору генералъ-фельдмаршелу графу Ласси.*

С.-Петербургъ 23 Декабря 1743.

Доношеніе ваше сего мѣсяца отъ 11 числа и при томъ приложенное мнѣніе, поданное вамъ отъ присутствующихъ въ Регирунгсъ-Канцеляріи и Консисторіи о Эрнгутской сектѣ, мы получили; но понеже по вышеобъявленному мнѣнію о состояніи и силѣ сего дѣла совершенно знать не возможно: того для повелѣваемъ вамъ, взявъ подлинные репорты о томъ дѣлѣ, каковы во оную Регирунгсъ-Канцелярію и въ Консисторію поданы, отъ членовъ бывшихъ во учрежденной о томъ Комиссіи, всѣ сколько ихъ есть прислать сюды къ намъ немедленно.

(подп.) *Елисаветъ.*

4) *Имянной указъ томуже графу Ласси.*

С.-Петербургъ 26 Декабря 1743.

Доношеніе ваше отъ 14 сего Декабря съ приложенными писмами графа Синцендорфа, такожъ и книги и писмажъ отобранныя у него, здѣсь получены, по которому о задержаніи его Синцендорфа и протчихъ съ нимъ прибывшихъ мы извѣстны, и тѣми вашими поступками довольны, и повелѣваемъ вамъ его графа Синцендорфа со всѣми прибывшими съ нимъ, отобравъ у него всѣ оставшія писма и книги, тотчасъ выслать за границу и впредъ въ государство наше не впускать; а ежели онъ самъ или изъ сообщниковъ его кто впредь въ Ригѣ явитца, оныхъ арестовать и немедленно намъ доносить, а Лифлянца, прибывшаго съ нимъ Синцендорфомъ, въ Ригѣ удержать и ежели онъ въ Гернъ-Гутернскомъ ученіи состоитъ, то его для отвращенія отъ того отослать въ духовную Консисторію.

(подп.) *Елисаветъ.*

5) *Отношеніе Государственной Коллегіи Инностранныхъ Дѣлъ его сіят-ву г. ген. фельтмаршелу и кав. и ген. губ-ру Лифляндскому графу Фонъ-Лессіи. Отъ 24 Декабря 1743 г.*

Получена здѣсь при писмѣ вашего сіят-ва къ господину вице-канцлеру и д. т. с. графу Бестужеву-Рюмину отъ сего мѣсяца челобитная пріѣхавшаго въ Ригу графа Цинцендорфа, въ которой онъ о допущеніи своемъ сюды въ Санктъ-Питербургъ или объ учиненіи съ нимъ въ Ригѣ экзаминованія о его ученіи и содержаніи Геренгуттерской секты проситъ, и по учиненному о томъ всеподданнѣйшему докладу, Ея Императорское Величество соизволила указать оную челобитную назадъ ему графу Цинцендорфу отдать, которая для того при семъ и возвращается, и его не токмо сюда не допущать, но и изъ Риги обратно выслать, объявя ему пристойнымъ образомъ, что здѣсь и нигдѣ въ имперіи Ея Императорскаго Величества ни въ какія съ нимъ до оной Геренгуттерской секты принадлежащія экзаминованіи вступать намѣренія не

имѣется, якоже и ни малѣйшей въ томъ потребности не находится. И того ради дабы онъ безъ всякаго замедленія изъ Риги за границу куда пожелаетъ выѣхать и впредь бы никогда туда и нигдѣ въ Россійскія границы не пріѣзжать, также и отъ присылки своихъ эмиссаровъ и отъ всякой сюда коресподенціи удержатся изволилъ; еже вашему сіят-ву для исполненія по тому Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу чрезъ сіе сообщается, а о дальнѣйшихъ о той Геренгуттерской сектѣ поступкахъ ваше сіят-во вящими ея И. В-ва указами изъ Кабинета Ея И. В-ва снабдены будете.

(подп.) *Гр. Алексѣй Бестужевъ Рюминъ*
Карлъ Бреверкъ.

ДѢЛО (1)

по отношенію Смоленскаго гражданскаго губернатора, объ открывающемся въ Смоленскѣ Отдѣленіи Библейскаго Общества.

Началось 11-го Августа 1819-го года.
Кончено 2-го Ноября тогоже года.

I.

Смоленскаго гражданскаго губернатора Смоленскому господину губернскому прокурору. Объ открывающемся въ Смоленскѣ Отдѣленіи Библейскаго Общества.

9 Августа 1819 г.

№ 7554. Здѣшній епархіальный архіерей, получивъ лестное одобреніе г. президента Россійскаго Библейскаго Общества, министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицына на открытіе въ Смоленскѣ Отдѣленія Библейскаго Общества, обратился ко мнѣ съ просьбою о приглашеніи здѣшнихъ жителей и въ особенности первенствующихъ по службѣ членовъ и прочихъ чиновниковъ, а также и особъ иныхъ христіанскихъ исповѣданій (2), къ изъявленію согласія на вступленіе въ званіе членовъ Смоленскаго Библейскаго Общества, которое открыто будетъ, по полученіи свѣдѣнія о успѣхѣ сего приглашенія.

Изъ доставляемаго при семъ экземпляра правилъ, вы усмотрѣть изволите, что желающему быть членомъ, надо одолжиться взносить возможную сумму денегъ ежегодно, или ежемѣсячно и еженедѣльно. Представляя вашему высокоблагородію сіе Евангельское наслажденіе въ приглашеніи подвѣдомственныхъ вамъ гг. чиновниковъ ко вступленію въ члены здѣшняго Библейскаго Общества, я покорно прошу васъ, какъ о согласіи вашемъ, такъ и о имянахъ другихъ особъ, съ означеніемъ ежегоднаго взноса денегъ, доставить мнѣ свѣдѣніе сколь можно въ поспѣшнѣйшемъ времени; ибо его преосвященство располагаетъ вскорѣ открыть существованіе Библейскаго Общества.

Подпись губернатора: *Баронъ Ашъ.*

II.

ПРАВИЛА (3)

для Смоленскаго Отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества.

I. Смоленское Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества вспомоществуетъ Россійскому Библейскому Обществу въ дѣлѣ его, то есть, въ стараніи приводить въ большее употребленіе Библію, или книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, безъ всякихъ на оныя примѣчаній и поясненій.

II. Смоленское Отдѣленіе состоитъ изъ членовъ всякаго вѣроисповѣданія христіанскаго, кои, будучи внутренно убѣждены въ пользѣ, отъ чтенія Библіи происходящей, пожелаютъ для того вступить въ члены Общества, и принять въ трудахъ его участіе для размноженія и раздачи сихъ книгъ между

---

(1) Камеры Смоленскаго губернскаго прокурора.

(2) Въ Иркутскѣ, членами Библейскаго общества были, при Сперанскомъ, даже и Монгольскіе тайши. П. Б.

(3) Печатныя.

жителями Смоленской губерніи, а наипаче между бѣдными людьми.

III. Смоленское Отдѣленіе, для произведенія дѣлъ своихъ, избираетъ изъ членовъ Россійскаго Библейскаго Общества особый Комитетъ. Комитетъ сей составляется изъ одного или нѣсколькихъ Вице-Президентовъ, четырехъ, шести, осьми или болѣе Директоровъ, одного Казначея, и одного или двухъ Секретарей. Въ отсутствіи Вице-Президентовъ, дѣла могутъ быть разрѣшаемы подъ предсѣдательствомъ одного изъ Директоровъ, который по списку первымъ состоитъ. Для составленія засѣданія нужно не менѣе троихъ Директоровъ съ однимъ Секретаремъ.

IV. Россійское Библейское Общество продаетъ и раздаетъ Библіи или книги Слова Божія на всякихъ языкахъ, и каждому вѣроисповѣданію христіанскому, тѣхъ самыхъ изданій, кои церковію каждаго вѣроисповѣданія издревле приняты и употребляются; а буде возможно, то снабжаетъ таковыми книгами Слова Божія и не христіанъ. Посему главное попеченіе Комитета Смоленскаго Отдѣленія заключается въ томъ, чтобы книги сіи раздавать и продавать въ Смоленской губерніи и тѣмъ содѣйствовать Обществу въ достиженіи цѣли его. Какъ цѣлыя Библіи, такъ и отдѣльно Новые Завѣты, сколько и на какихъ языкахъ потребно оныхъ имѣть для распродажи и раздачи, въ Смоленской губерніи, Комитетъ Смоленскій получаетъ отъ Петербургскаго Комитета съ назначеніемъ онымъ цѣнъ. По распродажѣ оныхъ желающимъ по тѣмъ самымъ цѣнамъ, вырученныя деньги отсылаются въ Комитетъ Россійскаго Библейскаго Общества. Комитетъ Смоленскій старается имѣть у себя всегда готовый запасъ Библій и Новыхъ Завѣтовъ на всѣхъ тѣхъ языкахъ, на коихъ оные нужны для жителей Смоленской губерніи всякаго вѣроисповѣданія, хотя бы они и не христіане были. По предмету сему сносится Комитетъ сей съ Комитетомъ Петербургскимъ.

V. Другое занятіе Комитета Смоленскаго есть приведеніе въ извѣстность цѣли Общества, и собираніе потребныхъ суммъ для подкрѣпленія дѣйствій онаго и предпріятій. Суммы сіи собираются по подпискамъ ежегоднымъ, или посредствомъ единовременныхъ приношеній. Всѣ таковые взносы, ежегодные и единовременные, суть произвольные для каждаго доброхотнаго дателя. Всякой даетъ сколько хочетъ и можетъ. Подписывающіеся на ежегодные, ежемѣсячные, или и еженедѣльные взносы какой либо суммы, признаются членами, а дающіе единовременное приношеніе благотворителями Россійскаго Библейскаго Общества вообще, но принадлежатъ въ особенности къ Смоленскому Отдѣленію онаго.

VI. Казначей принимаетъ всѣ деньги, ежегодно и единовремянно и во всякое время вносимыя, и даетъ въ томъ за своимъ подписаніемъ росписки или квитанціи. Собираемыя по Отдѣленію суммы хранитъ онъ у себя, и не иначе выдаетъ, какъ по приказамъ, которые даются ему по положеніямъ Комитета, въ засѣданіяхъ его дѣлаемымъ, за подписью Вице-Президента и Секретаря, или предсѣдательствовавшаго Директора, за отсутствіемъ Вице-Президентовъ. Казначей ведетъ у себя вѣрные записки и счеты всѣмъ приходамъ и расходамъ, каковые во всякое время должны быть готовы для представленія и повѣрки членамъ Комитета. Каждый годъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ подаетъ онъ счеты свои Комитету, который разсматриваетъ оные самъ, или поручаетъ то нѣкоторымъ изъ своихъ сочленовъ.

VII. Собранныя суммы Комитетъ Смоленскій за оставленіемъ у себя нужныхъ денегъ на обыкновенные расходы по производству дѣла, отсылаетъ чрезъ мѣсяцъ или два, смотря

по накопленію ихъ и удобности, въ Петербургскій Комитетъ; при чемъ показываетъ особо, сколько поступило въ приношеніе отъ членовъ и благотворителей и сколько за проданные Библіи и Новые Завѣты. Также увѣдомляетъ подробно, какіе экземпляры книгъ Священнаго Писанія и сколько розданы по усмотрѣнію его безденежно.

VIII. Секретари ведутъ журналы каждому засѣданію Комитета. Журналъ таковый каждаго засѣданія подписывается предсѣдательствовавшимъ Вице-Президентомъ, а въ небытности Вице-Президентовъ тѣмъ изъ Директоровъ, который занималъ первое мѣсто въ засѣданіи, и Секретаремъ. Секретари заготовляютъ и производятъ такъ же всю переписку по дѣламъ Общества.

IX. Комитетъ собирается каждый мѣсяцъ по одному разу, а естьли нужда потребуетъ, то и чаще. Въ засѣданіяхъ своихъ Комитетъ занимается: разсмотрѣніемъ успѣха въ дѣлахъ своихъ и количества собранныхъ суммъ, разсужденіемъ о запасеніи себя потребнымъ числомъ Библій на тѣхъ языкахъ, на коихъ оныя для жителей Смоленской губерніи нужны, прочтеніемъ получаемыхъ бумагъ и сношеній разныхъ мѣстъ и лицъ съ Комитетомъ, и разрѣшеніемъ, что̀ отвѣтствовать на оныя. Время засѣданія Комитета назначается Вице-Президентомъ, а въ небытность таковыхъ, первымъ изъ Директоровъ; созывъ же членовъ въ засѣданіе производится чрезъ Секретаря.

X. Наличные въ Смоленскѣ члены Библейскаго Общества и особы, желающія принять участіе въ свѣдѣніи объ ономъ, имѣютъ каждый годъ въ началѣ Генваря генеральное собраніе, въ которомъ слушаютъ отчетъ Комитета Смоленскаго въ управленіи имъ дѣлъ и въ употребленіи собранныхъ суммъ въ теченіи года. Отчетъ таковый, вмѣстѣ съ имяннымъ спискомъ членовъ и благотворителей по алфавиту, препровождается потомъ немедленно въ Петербургскій Комитетъ, для составленія общаго по дѣламъ всего общества отчета.

XI. Въ генеральномъ собраніи, по прочтеніи отчета, избираются нѣкоторые новые Директоры въ Комитетъ; ибо половина оныхъ каждый годъ перемѣняется. Тѣ изъ нихъ, кои въ теченіи минувшаго года часто бывали въ засѣданіяхъ Комитета, могутъ быть и снова избраны. Выборъ въ Директоры производится изъ членовъ Общества, то есть тѣхъ, кои подписались на опредѣленные всегдашніе взносы денегъ.

У подлиннаго тако: Президентъ Россійскаго Библейскаго Общества, Князь Александръ Голицынъ.

Секретарь Россійскаго Библейскаго Общества Василій Поповъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Іоасафъ Епископъ Смоленскій.

Въ С.-Петербургѣ Іюля дня 1819 года.

III.

Циркулярное предписаніе Губернскаго Прокурора по губерніи Уѣзднымъ Стряпчимъ.

Его превосходительство Смоленскій г. гражданскій губернаторъ и кавалеръ, въ отношеніи ко мнѣ, изъясняя, что здѣшній епархіальный архіерей, получивъ лестное одобреніе г. Президента Россійскаго Библейскаго Общества, министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицына, на открытіе въ Смоленскѣ Отдѣленія Библейскаго Общества, обратился къ нему съ просьбою, о приглашеніи здѣшнихъ жителей и въ особенности первенствующихъ по службѣ членовъ и прочихъ чиновниковъ, а также и особъ иныхъ христіанскихъ исповѣданій, къ изъявленію согласія на вступленіе въ званіе членовъ Смоленскаго Библейскаго Общества, которое открыто будетъ по полученіи свѣдѣнія о успѣхѣ сего приглашенія.—А потому онъ, г.

губернаторъ, представляя сіе Евангельское наслажденіе въ приглашеніи подвѣдомственныхъ мнѣ чиновниковъ ко вступленію въ члены здѣшняго Библейскаго Общества, проситъ о согласіи таковыхъ съ означеніемъ взноса возможной суммы денегъ ежегодно или ежемѣсячно и еженедѣльно доставить ему г. губернатору свѣдѣніе сколь можно поспѣшнѣе, ибо его преосвященство располагаетъ вскорѣ открыть существованіе Библейскаго Общества.

Въ слѣдствіе чего, я предлагаю всѣмъ по губерніи Уѣзднымъ Стряпчимъ, въ томъ числѣ и вамъ, доставить, согласно вышеизложенному въ первомъ пунктѣ, свѣдѣніе о согласіи вашемъ на вступленіе въ члены Россійскаго Библейскаго Общества, съ означеніемъ и взноса ежегодно по возможности суммы денегъ. Несомнѣнно будучи увѣренъ въ соревнованіи вашемъ къ таковому душеспасительному подвигу, я ожидаю и сего самаго пожертвованія, оправдывающаго таковое о васъ мое мнѣніе. При чемъ даю вамъ знать, что на основаніи правилъ, изданныхъ для означеннаго Библейскаго Общества, сдѣлавшіе единовременное пожертвованіе признаются благотворителями, и потому, естьли не пожелаете быть въ числѣ сочленовъ того Общества, то можете имяноваться таковыми лестными для васъ именами, чрезъ единовременное вами пожертвованіе, каковое не оставить вмѣстѣ съ ожидаемымъ мною отъ васъ отзывомъ.

IV.

Отвѣтъ на № *7551. С. Г. П.* № *879.* Августа 13 дня 1819 г.

Его превосходительству Смоленскому г. гражданскому Губернатору и кавалеру.

Соотвѣтственно отношенію ко мнѣ вашего превосходительства отъ 9-го сего мѣсяца, предложилъ я губернскимъ и уѣзднымъ стряпчимъ, о самопоспѣшнѣйшемъ доставленіи свѣдѣнія о согласіи ихъ на вступленіе въ члены предположеннаго открыться въ Смоленскѣ, Россійскаго Библейскаго Общества, одолжаясь ежегоднымъ для предмета сего взносомъ денегъ или единовременнымъ пожертвованіемъ сообразно правиламъ онаго Общества. По собраніи каковыхъ свѣдѣній и поспѣшу въ тоже самое время увѣдомить ваше превосходительство съ изъявленіемъ и моего на оное согласія.

V.

Его высокоблагородію Смоленскому господину губернскому прокурору и кавалеру Петру Ѳедоровичу Холодковскому

Порѣчьскаго Уѣзднаго Стряпчаго, Рапортъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить предписаніе вашего высокоблагородія, приглашающее меня въ званіе членовъ Смоленскаго Библейскаго Общества; сколько бы пріятно было именоваться симъ достойнымъ именемъ, но къ сожалѣнію моему небольшое состояніе мое предограждаетъ мнѣ имѣть сей лестной подвигъ; единовременно жертвую для Смоленскаго Библейскаго Общества *двадцать пять* рублей.

Примите, ваше высокоблагородіе, сіе небольшое мое пожертвованіе какъ отъ искренне пріемлющаго участіе въ семъ благонамѣренномъ предпріятіи.

Подписалъ: Уѣздный Стряпчій Горбуновъ 2-й.

№ 197 Августа 17 дня 1819 г. Порѣчье.

За симъ слѣдуютъ подобнаго же содержанія рапорты отъ стряпчихъ другихъ уѣздовъ Смоленской губерніи. Они жертвовали кто 5, кто 10 рублей; но Вяземскій стряпчій увѣдомилъ, что не имѣетъ средствъ къ таковымъ взносамъ. Всѣхъ денегъ собрано 130 р.

Дѣло это сообщено въ «Русскій Архивъ *Г. К. Рѣпинскимъ.* Подобныя отдѣленія Библейскаго Общества были почти во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ. Библейское Общество существовало тринадцать съ половиною лѣтъ (1812—

1826). Въ 1819 г. денежный сборъ его уже превышалъ полтора милліона рублей. (См. замѣтку о немъ *А. К.* въ Библіогр. Запискахъ 1861 г., ст. 118—122). Мы помѣстили это дѣло для показанія того, какими чисто-внѣшними способами устроивались Отдѣленія Общества въ Русскихъ городахъ. Не одни Фотіи, но и вообще люди трезваго благочестія имѣли право относиться съ улыбкою недовѣрія, а иногда и съ чувствомъ негодованія съ нѣкоторымъ дѣйствіямъ такъ называемыхъ библистовъ, напр. къ рѣчамъ князя А. Н. Голицына; тѣмъ не менѣе горько вспомнить, что, изъ-за частныхъ злоупотребленій, положены были преграды распространенію Слова Божія. Приведемъ на память читателямъ, что членомъ Библейскаго Общества былъ самъ императоръ Александръ Павловичъ. *П. Б.*

О ПАСТОРѢ ГОСНЕРѢ (*)
(Изъ Записокъ Н. И. Греча).

Любопытное дѣло Госнера могу я описать во всей подробности, потому что самъ участвовалъ въ немъ страдательнымъ лицемъ. Описаніе мое будетъ справедливое и безпристрастное, потому что, по истеченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, исчезли въ душѣ моей всѣ неудовольствія и огорченія, претерпѣнныя мною: осталось воспоминаніе о любопытной драмѣ.

Въ то время, когда мистицизмъ, методизмъ, библизмъ и тому подобныя повѣтрія проникли въ Россію и распространились въ ней, какъ сорная трава на черноземѣ, пріѣхали сюда два католическіе священника Линдль и Госнеръ. Оба они, не отрекаясь отъ католицизма, проповѣдывали какой-то мистическій протестантизмъ, говорили южно-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, прямо, грубо, съ убѣжденіемъ и съ краснорѣчіемъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ. Линдль проповѣдывалъ въ Мальтійской церкви, а Госнеръ въ большой католической (свят. Екатерины), на Невскомъ Проспектѣ. Католики видѣли въ этихъ проповѣдникахъ предателей и еретиковъ, и проклинали ихъ. Слушателями ихъ были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойной духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ, но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости покровителю ихъ Голицыну и т. п. Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Пезаровіусъ (основатель Инвалида), Ливенъ (кн. Карлъ Андреевичъ), Адеркасъ, директоръ Петровской школы Шубертъ, Сѣровъ и т. д. окружали ихъ каѳедры, выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни. Желающіе знать содержаніе, направленіе и слогъ этихъ рѣчей, могутъ прочесть напечатанныя тогда, въ Русскомъ переводѣ, три проповѣди Линдля.

Госнеръ написалъ въ то время Толкованія на Новый Завѣтъ, на Нѣмецкомъ языкѣ. Набожный Карлъ Карловичъ фонъ-Поль (въ послѣдствіи тайный совѣтникъ и директоръ канцеляріи мин. внутр. д. при Блудовѣ) одобрилъ эту книгу къ напечатанію; думаю, онъ читалъ ее стоя на колѣняхъ. Другой усердный чтитель Госнера, отставной инженеръ генералъ-маіоръ Александръ Максимовичъ Брискорнъ (дядя Максима Максимовича, пострадавшаго въ дѣлѣ Политковскаго), вздумалъ перевесть эти Толкованія на Русскій языкъ; но, получивъ въ инженерномъ корпусѣ образованіе безграмотное, споткнулся на первомъ шагу, и нанялъ для перевода бывшаго Казанскаго профессора Яковкина и одного чиновника 5-го класса Трескинскаго. По окончаніи перевода перваго тома, Брискорнъ принесъ рукопись Павлу Христіановичу Безаку (моему двоюродному брату), съ которымъ мы вмѣстѣ купили и содержали

(*) См. выше, стр. 1368—1377. Предлагаемый разсказъ обязательно доставленъ въ Русскій Архивъ вдовою автора, Евгеніею Ивановною Гречь. Разсказъ этотъ служитъ опроверженіемъ отзывовъ архимандрита Фотія, который въ своей ревности затронулъ и Н. И. Греча. «Подъ вѣдѣніемъ министерства просвѣщенія—доносилъ онъ государю 29 апрѣля 1824 г.—содѣйствуютъ (пагубѣ России) и типографія и цензура. Есть часть единомышленниковъ и въ нихъ: Гречь первый злодѣй съ сей стороны, и Тимковскій. Да еще и тайное печатаніе у нихъ бываетъ» (Чтенія въ общ. ист. и др. 1868, кн. 1, Смѣсь, стр. 273). П. Б.

типографію. Безакъ, какъ для увеличенія доходовъ типографіи, такъ и изъ угодливости къ партіи Голицына, къ которой принадлежалъ другъ его Николай Дмитріевичъ Жулковскій, охотно взялся напечатать книгу, но, взглянувъ на переводъ, ужаснулся. Не было ни смыслу, ни толку. Надлежало все исправить. Я обязанъ былъ принять участіе въ этой адской работѣ. Цѣлые дни проходили у насъ въ корректурахъ. Брискорнъ умеръ въ концѣ 1823 года. Госнеръ принялъ на себя продолженіе изданія. Василій Михайловичъ Поповъ взялся кончить переводъ, и перевелъ нѣсколько главъ.

Между тѣмъ произошла катастрофа. Магницкій, передавшись къ Аракчееву, возгласилъ, что Голицынъ покровительствуетъ шайкѣ безбожниковъ и злодѣевъ, которые пытаются сгубить въ Россіи христіанскую вѣру, и взялся доказать это книгою Госнера, которая печатается съ вѣдома и позволенія Голицына. Для этого нужны были доказательства, должно было выкрасть изъ типографіи книгу или хотя листокъ ея. „Дайте мнѣ три неважныя слова," сказалъ какой-то инквизиторъ: „я найду въ нихъ средство сгубить сочинителя." Однажды, въ мартѣ 1824 года, явился ко мнѣ нѣкто Платоновъ, крещеный жидъ, извѣстный шпіонъ, умѣвшій пробраться и въ порядочный домъ, напримѣръ къ князю Салтыкову, и съ іезуитскою покорностью просилъ дать ему, хотя бы только прочесть, листочекъ изъ душеспасительной книги Госнера, печатаемой въ моей типографіи. Зная этого молодца, я отвѣчалъ ему, что во-первыхъ я не смѣю распоряжаться чужою собственностью, а во-вторыхъ книга не отпечатана, слѣдственно билета на выпускъ въ свѣтъ не получено, и я не въ правѣ выпускать ее изъ типографіи. Онъ сталъ всячески ублажать меня. Я отвѣчалъ сухо, что не дамъ, и просилъ его оставить меня въ покоѣ. Не успѣвши у меня, нашли другой путь. Узнали, что Брискорнъ давалъ корректуру для прочтенія доктору Христіану Яковлевичу Витту. Нѣкто Степановъ, чиновникъ 5-го класса, прикинулся больнымъ, послалъ за Виттомъ, и на вопросъ чѣмъ онъ боленъ, отвѣчалъ: „Стражду не тѣломъ, а душею. Меня давятъ тяжкіе грѣхи. Только духовная пища можетъ утолить меня. Вотъ, еслибъ я могъ прочитать хоть строчку святаго мужа Госнера, я непремѣнно бы выздоровѣлъ." Виттъ, не замѣчая и не подозрѣвая ничего, отвѣчалъ: „Въ этомъ случаѣ могу служить вамъ. У меня есть два листочка этой книги, и я пришлю ихъ вамъ."—„Благодѣтель! спаситель!" отвѣчалъ ему Степановъ. Получивъ листки, воспрянулъ съ одра болѣзни, и кинулся къ оберъ-полицеймейстеру; тотъ отдалъ листки Магницкому. Магницкій, на первой-же страницѣ нашелъ богохульство и безбожіе, и препроводилъ къ Аракчееву. Аракчеевъ отдалъ ихъ на разсмотрѣніе Шишкову. Шишковъ, занимавшійся только корнями Славянскаго языка, не понимавшій ни Богословія, ни Философіи, сталъ разбирать листки. Цитаты и стихи изъ Библіи приведены были не на Славянскомъ языкѣ, а въ Русскомъ переводѣ. Что это! Храбрый адмиралъ нашелъ безбожіе и побужденіе къ мятежу въ словахъ самаго Спасителя. Такъ напримѣръ изъ словъ: „И не бойтесь убивающихъ тѣло, бойтесь могущихъ убить душу", онъ вывелъ, что авторъ учитъ не бояться суда царскаго, и т. п. Критика его оканчивалась словами: „Читая таковыя мерзости, перо изъ рукъ *моихъ* упадаетъ." Подписали *Александръ Шишковъ*, *Василій Ланской* (тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, не виноватый ни тѣломъ, ни душею). Вскорѣ разнесся въ городѣ слухъ объ этой книгѣ и ея богопротивномъ содержаніи. Ко мнѣ пріѣхалъ правитель канцеляріи военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, Н. И. Хмельницкій, и спрашиваетъ, одобрена ли цензурою печатаемая у меня книга. Я показалъ ему одобреніе. Прибѣжалъ Булгаринъ и гово-

ритъ, что надо мною сбирается гроза. Я отвѣчалъ, что, дѣйствуя по совѣсти и по законамъ, не боюсь никакой грозы. Да и что мнѣ было тогда до глупыхъ свѣтскихъ и судебныхъ отношеній! Меня поразилъ ударъ, какого не могъ отвратить ни Александръ І-й, ни весь Священный Союзъ: 24-го апрѣля 1824 г., въ шесть часовъ утра, умерла моя милая одиннадцатилѣтняя дочь Ольга; вечеромъ въ тотъ же день родилась другая, Александра. Стеченіе и бореніе противоположныхъ чувствъ заглушало во мнѣ всѣ мои мысли, и я могъ бы въ то время перенести безтрепетно самые жестокіе удары.—Въ самый этотъ несчастный для меня день, Платоновъ (я узналъ его по описанію) приходилъ ко мнѣ въ типографію, нашелъ одного ученика на крыльцѣ, и предлагалъ ему сто рублей за четыре экземпляра листовъ Госнеровой книги. Мальчикъ просилъ его прійти на другой день. Онъ явился, и обѣщалъ троимъ ученикамъ двѣсти рублей за два экземпляра. Они отвѣчали, что не смѣютъ и не могутъ сдѣлать этого безъ вѣдома фактора. Искуситель удалился. Какъ сожалѣлъ я, что мнѣ не сказали о первомъ его посѣщеніи! Я захватилъ бы его при второмъ пришествіи, скрутилъ бы ему руки, какъ вору, и повелъ бы его съ дворникомъ моимъ среди бѣлаго дня на съѣзжую 1-ой части, мимо Гладкова и Милорадовича! Я пожаловался письменно Милорадовичу на подкупъ моихъ людей, и, разумѣется, не получилъ отвѣта. Къ чему были имъ нужны печатные экземпляры, когда они имѣли уже корректуру? Они хотѣли предъявленіемъ этихъ экземпляровъ подтвердить выдуманную и распространенную ими ложь, будто я напечаталъ двѣ тысячи экземпляровъ и распространилъ ихъ въ публикѣ. 27-го апрѣля, въ воскресенье, послѣ обѣда, является ко мнѣ одобрившій эту книгу къ напечатанію цензоръ Александръ Степановичъ Бируковъ, и говоритъ съ умильною улыбкою: „Ну, попали мы съ вами, Николай Ивановичъ!“—„Что за *мы?*“ возразилъ я: „*Вы*, *вы* одни восхищались Госнеромъ; *вы* съ Магницкимъ стояли предъ нимъ на колѣняхъ; *вы* подписали рукопись, со всѣми ея нелѣпостями: *вы* и отвѣчайте. Я только напечаталъ то, что́ вы одобрили, и еслибъ объявилъ, что не хочу печатать этой книги, Голицынъ предалъ бы меня суду, какъ богохульника и бунтовщика.“ — Бируковъ отвѣчалъ дерзко: „Да вы Богъ знаетъ что прибавили къ одобренной мною рукописи. Отдайте мнѣ рукопись!“—„Не отдамъ!“ отвѣчалъ я: „она одно мое спасеніе. Вы исключите теперь изъ нея что угодно, а я подвергнусь отвѣту.“—Онъ всячески старался убѣдить меня. Я отвѣчалъ, что рукопись у П. Х. Безака, товарища моего по типографіи, и тѣмъ отдѣлался отъ него. На другой день призвалъ я переплетчика, заставилъ его при себѣ переплесть рукопись, перемѣтилъ въ ней страницы, продѣлъ шнурокъ, и гдѣ были сдѣланы перемѣны въ рукописи цензоромъ, отмѣтилъ на полѣ. Изготовилъ и жду. Во вторникъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ графа Милорадовича, графъ Мантейфель, и просилъ пожаловать къ графу. Я взялъ рукопись и пріѣхалъ по назначенію, оставивъ ее у кучера. Милорадовичъ встрѣтилъ меня какъ-то торжественно, и сказавъ: „qu'il est *l'organ* (*) de Sa Majesté,“ объявилъ, что государь императоръ, обязанный пещись о благочестіи и нравственности своихъ подданныхъ, требуетъ, чтобъ не было печатаемо ничего богопротивнаго и безнравственнаго. „И потому,“ сказалъ онъ, „спрашиваю васъ, какъ вы смѣли напечатать книгу, не получивъ на то билета отъ цензуры?“ Узнавъ наканунѣ, что таковъ былъ въ комитетѣ министровъ отзывъ кн. Голицына, я отвѣчалъ ему: „Не удивительно, что ваше сіятельство, какъ человѣкъ военный, не знаете подробностей цензурнаго и ти-

(*) L'organ—это не ошибка: гр. Милорадовичъ такъ говорилъ.

пографскаго дѣла. Странно только, какъ оно не извѣстно министру просвѣщенія. Ценсурный билетъ выдается изъ комитета по отпечатаніи книги и по сличеніи печатнаго экземпляра съ одобренною рукописью, а печатается книга по такой рукописи безъ всякаго билета. Книга не была еще отпечатана, и потому надобности въ билетѣ не настояло."—„А рукопись была одобрена?"—„Была, в. с." — Казалось, онъ сомнѣвался въ правдѣ словъ моихъ. „Можете-ли вы представить ее мнѣ?"—„Я взялъ ее съ собою; она у моего кучера. Позвольте послать за нею Фогеля (шпіона 1-го класса), котораго я видѣлъ въ передней (*)."—„Извольте." Принесли рукопись. Графъ, увидѣвъ, что она продѣта шнуромъ за печатью и всѣ листы ея помѣчены, сказалъ улыбаясь: „Вы приняли всѣ предосторожности!" — „Я зналъ," отвѣчалъ я, „съ кѣмъ буду имѣть дѣло: эти святоши люди безсовѣстные и наглые." Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; видно было, что онъ почелъ было меня принадлежащимъ къ шайкѣ Магницкаго и подобныхъ. „Чья это рука?" спросилъ онъ. —„Рука писаря," отвѣчалъ я, „перебѣлившаго переводъ покойнаго Брискорна."—„А это?"—„Профессора Яковкина."—„А это?" — „5-го класса Трескинскаго."—„А это?"—„Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Попова, директора департамента министерства просвѣщенія." — „Точно-ли?" — "Точно, в. с."—„Да какъ ценсоръ могъ дозволить все это?"—„Ценсоръ не виноватъ: онъ не читалъ рукописи, и подписалъ ее по волѣ своего начальства, князя Голицына, Рунича, Попова и прочихъ."—„Чѣмъ вы это докажете?" спросилъ графъ.—„А вотъ чѣмъ: вотъ стихъ изъ Библіи: Іисусъ ходилъ..... исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ. Въ рукописи ошибка: вмѣсто въ людяхъ, написано *въ лошадяхъ*. Еслибы ценсоръ читалъ ее, то непремѣнно поправилъ бы эту непростительную ошибку." Графъ, разсмѣявшись, согласился со мною, и мы разстались. Въ донесеніи своемъ онъ совершенно оправдалъ меня и другаго содержателя типографіи Края, печатавшаго Нѣмецкій подлинникъ. Вообще, во всемъ этомъ дѣлѣ, графъ Милорадовичъ велъ себя честно и благородно.

Имѣя давнишнюю злобу на Безака, который насолилъ ему въ Турецкую кампанію 1809 года, когда былъ директоромъ канцеляріи князя Багратіона, Милорадовичъ всячески допытывался, не участвовалъ ли и онъ въ этомъ дѣлѣ. Я отвѣчалъ, что я одинъ содержатель типографіи, и только долженъ за нее деньги Безаку.

Комитетъ министровъ рѣшилъ (*) предать суду за составленіе этой книги Попова, Яковкина, Трескинскаго, ценсора Бирукова, фонъ-Поля, содержателей типографій Греча и Края. За двухъ послѣднихъ вступились нѣкоторые члены, находя ихъ невинными. Шишковъ замѣтилъ: если они невинны, то оправдаются по суду. Прекрасное сужденіе! Прочіе съ нимъ согласились. Въ послѣдствіи я спрашивалъ у Канкрина: какъ онъ могъ согласиться съ такою гнусностью? Онъ отвѣчалъ: „Дѣло шло о выгодахъ Православія. Нессельродъ, Моллеръ и я, какъ протестанты, не противились ничему, и согласились съ большинствомъ„. Поповъ былъ преданъ суду въ сенатѣ, Трескинскій и оба ценсора въ уголовной палатѣ, а мы, содержатели типографій, какъ люди, производящіе свободный промыселъ, въ надворномъ судѣ. Процессъ тянулся. Разумѣется, что въ сенатѣ, какъ въ верхней инстанціи, онъ былъ рѣшенъ прежде нежели въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ. Всѣ сенаторы пристали къ сторонѣ сильнаго Аракчеева, всѣ — кромѣ одного, Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. Раз-

(*) О немъ ср. Р. Архивъ 1866, стр., 921 въ Воспоминаніяхъ Ѳ. Н. Глинки о Пушкинѣ. *П. Б.*

(*) По выдержкамъ изъ Записокъ Фотія видно, что указъ разобрать дѣло о книгѣ Госнера, данъ 25 апрѣля 1824. *П. Б.*

смотрѣвъ и обсудивъ дѣло со вниманіемъ и чистою совѣстью, онъ написалъ свое рѣшительное и основанное на здравомъ смыслѣ и на законахъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ несправедливость обвиненія и невинность прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, особенно Попова, подлежавшаго непосредственному суду сената. По разногласію въ департаментѣ, дѣло слѣдовало перенести въ общее собраніе. Докладная записка о немъ была напечатана и разошлась въ публикѣ. Изумленіе и негодованіе было всеобщее. Дошло и до государя. Онъ встревожился и хотѣлъ узнать правду; но, не желая сдѣлать этого явно, далъ знать Муравьеву подъ рукою, чтобъ онъ въ такое-то утро былъ въ такой-то аллеѣ Каменнаго Острова, гдѣ Александръ Павловичъ часто прогуливалс съ Елисаветою Николаевною Кусовоюя урожденною Тухачевскою. Въ назначенное утро (это было въ августѣ 1825 года), онъ встрѣтился будто невзначай съ Муравьевымъ, сѣлъ съ нимъ на скамью, сталъ говорить о сенатѣ, и спросилъ, какія важныя дѣла производились у нихъ недавно. Муравьевъ исчислилъ ихъ и въ томъ числѣ назвалъ дѣло Попова. Императоръ пожелалъ узнать подробности, и Муравьевъ разсказалъ все откровенно, смѣло и справедливо. Александръ поблагодарилъ его, но не изъявилъ своего мнѣнія. Вскорѣ потомъ уѣхалъ онъ въ Таганрогъ, гдѣ судьба положила предѣлъ днямъ его. Не знаю, какое бы направленіе принялъ этотъ процессъ при жизни Александра. По вступленіи на престолъ Николая, рухнулось все это зданіе, составленное изъ флигелей Аракчеевскаго и Голицынскаго. Царствовать началъ Россійскій Самодержецъ, и ему не было дѣла, что говорятъ о немъ въ салонѣ мадамъ Сталь, какъ отзовется Шатобріанъ..... Пали и исчезли и протестантскіе іезуиты съ своими библіями, изъ которыхъ Черкесы дѣлали патроны, и съ трактатами, пославшими не одного человѣка въ домъ умалишенныхъ. Пали и исчезли Фотій и другіе монахи, полу-плуты и полу-дураки! Николай Павловичъ умеръ, и его можно хвалить безъ зазрѣнія совѣсти. Скажу прямо и отъ души: и онъ и его внутреннее правленіе Россіи было несравненно лучше его брата. Явишься къ какому нибудь министру, требуешь если не правосудія, то объясненія, отвѣта. Нѣтъ отвѣта: пожимаютъ плечами. Наконецъ добьешься: „ступайте къ графу Алексѣю Андреевичу.“ А этотъ былъ неприступенъ, какъ Китайскій богдыханъ. При Николаѣ поступали иногда крутенько, но скоро и рѣшительно. При какомъ либо доносѣ, промахѣ или недоразумѣніи, пойдешь къ Фонъ-Фоку или къ Дубельту, или прямо къ Бенкендорфу и къ Орлову, объяснишь дѣло, оправдаешься или получишь замѣчаніе; тѣмъ и кончится. Какъ часто Николай просилъ прощенія у особъ, обиженныхъ имъ въ пылу гнѣва или нетерпѣнія! Внѣшняя политика дѣло иное. Александръ былъ въ ней тѣмъ, чѣмъ быть долженъ великій дипломатъ. Честный, благородный, чуждый притворства, Николай пошелъ бы на врага, какъ рыцарь XIII вѣка, со щитомъ и копьемъ правды, и встрѣтилъ бы штуцера Миньe! Уже теперь (въ іюнѣ 1858) начинаетъ заниматься для Николая заря правды. Со временемъ онъ явится въ исторіи во всемъ своемъ блескѣ чести и доблести.

Процессъ нашъ длился до 1828 года, по всей формѣ суда, и кончился въ сенатѣ совершеннымъ оправданіемъ подсудимыхъ. Я получилъ въ вознагражденіе (25 января 1829 года) чинъ статскаго совѣтника. Этому процессу обязана существованіемъ „Сѣверная Пчела.“ Въ 1824 году, видя, что мнѣ нѣтъ ходу по министерству просвѣщенія, я обратился къ Канкрину съ просьбою принять меня къ себѣ на службу. Онъ зналъ меня и прежде (я имѣлъ случай сдѣлать добро его сестрѣ госпожѣ Шлютеръ), и изъявилъ свое согласіе. Вдругъ узнали, что я преданъ суду. Канкринъ

объявилъ, что я не могу поступить къ нему на службу до оправданія. Что дѣлать? „Сынъ Отечества" шелъ вяло. Мы съ Булгаринымъ затѣяли изданіе „Сѣверной Пчелы," и начали ее съ 1-го января 1825 года.

АДАМЪ ӨОМИЧЪ БРОКЕРЪ.

(Его Записки).

Знаменитый московскій главнокомандующій въ 1812 г. графъ Өедоръ Васильевичъ Ростопчинъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ своему подчиненному, полицемейстеру полковнику Адаму Өомичу Брокеру (*). Для разъясненія этихъ отношеній, будетъ не лишнею слѣдующая краткая біографія А. Ө. Брокера, составленая по оставшимся послѣ него собственноручнымъ Запискамъ, на русскомъ языкѣ, по воспоминаніямъ изъ его разсказовъ и по свѣдѣніямъ, какъ сохранившимся въ его бумагахъ, такъ и сообщеннымъ его сослуживцами, родными и знакомыми.

Собственноручныя Записки Брокера доведены до 1799 года. Приводимъ ихъ вполнѣ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, онѣ разъясняютъ многія стороны общественной жизни того времени.

„Дѣдъ мой (говоритъ въ своихъ Запискахъ Адамъ Өомичъ), маіоръ шведской службы, былъ взятъ въ плѣнъ Русскими при разгромѣ Ревеля въ 1710 году, а какъ царю угодно было сохранить пріобрѣтенному городу всѣ права и прерогативы, то дѣдъ мой, Томасъ Брокеръ оставленъ капитаномъ города Ревеля, въ значеніи коменданта (¹).

„Отца моего (Томаса же) 10-ти лѣтъ помѣстилъ въ военную школу въ Ингельштромъ и вскорѣ умеръ. Бабка моя, испытавъ тягости военной службы, ибо во всѣхъ походахъ находилась съ мужемъ, противилась опредѣленію отца моего въ военную службу и по смерти мужа отправила сына своего въ городъ Архангельскъ, для изученія торговли, къ родственнику своему Беккеру, который основалъ тамъ торговый домъ. Бабка осталась въ Ревелѣ и вдовство свое провела въ домѣ пастора Мейра. Она имѣла доходъ съ земли, пожалованной городомъ дѣду моему; землю эту отецъ мой по смерти ея предоставилъ Мейру.

„Отецъ мой былъ женатъ два раза; я и сестра (²) происходили отъ перваго брака. Онъ долго оставался вдовцемъ и отдалъ насъ въ школу (³). Отецъ мой имѣлъ хорошее состояніе и очень былъ любимъ въ городѣ; особенно часто навѣщали его моряки; сдружился съ нимъ адмиралъ Ваксель, который очень полюбилъ меня и, имѣя связи въ С.-Петербургѣ, записалъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и подарилъ мнѣ мундиръ. Но на 10 году я, за неявкою, изъ списковъ полка исключенъ командующимъ графомъ Толстымъ. Тогда Ваксель посовѣтовалъ учить меня навигаціи и пустить по флоту. Отцу очень понравился этотъ совѣтъ. Оберъ-офицеры нашего флота всѣ почти были Англичане, и отецъ мой отдалъ меня, уговорясь въ платѣ, капитанъ-лейтенанту Гримму, служившему на кораблѣ флагмана Фолдезена, присланнаго для пріема и препровожденія эскадры изъ Архангельска въ С.-Петербургъ.

„Фолдезенъ пріятельски былъ принятъ въ нашемъ домѣ и согласился зачислить меня на корабль юнкеромъ,

(*) Письма гр. Ростопчина къ Брокеру помѣщены будутъ ниже.

(¹) На полѣ собственноручныхъ Записокъ, Брокеръ отмѣтилъ: «Опредѣленіе дѣда моего въ сію должность найдено въ бумагахъ отца и хранилось у меня, но, въ 1812 году, сгорѣло вмѣстѣ съ домомъ, ибо не имѣлъ я времени думать тогда о принадлежностяхъ собственныхъ».

(²) Дарья Өоминишна Брокеръ, впослѣдствіи вышла за извѣстнаго въ Архангельскѣ коммерціанта Классена, у котораго государь императоръ Александръ Павловичъ останавливался въ домѣ, во время высочайшаго пребыванія въ Архангельскѣ.

(³) Въ школѣ обучались дѣти обоего пола вмѣстѣ.

такъ какъ по регламенту Петра Великаго запрещено принимать на военные корабли волонтеровъ. Тутъ началась моя морская школа. Вахты были росписаны по часамъ днемъ и ночью и, когда наступала очередь Гримма, то и я долженъ былъ являться и, какъ скоро задремлю, Гриммъ приказывалъ развязать меня на пушку. Гонялъ подбирать рифы, а во время штурма гонялъ черезъ салпазъ, тогда какъ руки мои такъ еще были малы, что не могли обхватывать ванты (4); если же отъ страха я хотѣлъ пролѣзть въ собачью диру, ибо косыя ванты висятъ надъ моремъ, то Гриммъ тотъ же часъ самъ за мною и жгучимъ ударомъ принуждалъ меня исполнить приказаніе. Фолдезенъ и капитанъ Сорокинъ обратили на юные года мои вниманіе, и я поступилъ подъ покровительство флагмана, который и держалъ меня большею частью въ каютѣ. Я не могъ переносить корабельной качки и всегда былъ боленъ, но мои Англичане-начальники, также какъ и я начавшіе служеніе въ Англійскомъ флотѣ юнкерами, мнѣ не вѣрили. Во время этаго похода черезъ океанъ, находился на кораблѣ нашемъ артиллеріи генералъ или полковникъ съ чернымъ лицомъ и кудрявыми, какъ у араповъ, волосами; онъ былъ посланъ за штрафъ Екатериною Великою (5), былъ уважаемъ флагманомъ и также принялъ во мнѣ участіе. Когда мы достигли Копенгагена, онъ взялъ меня, съ дозволенія флагмана и Гримма, на берегъ. Это были пріятнѣйшія минуты, послѣ претерпѣнныхъ мною мученій. Здѣсь наша эскадра соединилась съ флотомъ, посланнымъ для навигаціи подъ командою Чичагова, который принялъ нашего контръ-адмирала подъ свою команду. Я жилъ въ Копенгагенѣ въ трактирѣ съ Ганнибаломъ, и всѣ офицеры нашего корабля насъ навѣщали. Когда послѣдовалъ приказъ сняться съ якоря, то за нами прислали шлюбку, и мы отправились къ Ревелю, гдѣ съ Ганнибаломъ я былъ нѣсколько дней на берегу и отыскалъ нѣкоторыхъ знавшихъ по фамильнымъ связямъ отца моего. Отсюда пошли въ Кронштадтъ, куда и прибыли благополучно. Гриммъ помѣстился со мной въ наемной квартирѣ. Это былъ самый безпечный человѣкъ; онъ ни о чемъ не заботился, уйдетъ на цѣлый день въ гости, а меня оставитъ голодать; деньщики изъ состраданія кормили меня. Денегъ, которыя получалъ отъ моего отца, не давалъ мнѣ ни копѣйки, ибо еще до прибытія въ Кронштадтъ израсходовалъ ихъ, а исключая жалованья, доходовъ не имѣлъ. Я сталъ задумывать, какъ бы мнѣ избавиться мученій и голода. Еще по отъѣздѣ изъ Ревеля имѣлъ я порученіе доставить письмо къ адмиралу Грейгу, который былъ въ Кронштадтѣ командиромъ надъ портомъ. Не помню, кто мнѣ далъ это письмо, но помню, что адмиралъ обласкалъ меня и приказалъ капитану часто отпускать къ себѣ. Зналъ я также, что въ Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, въ домѣ Мартини, живетъ моя тетка по матери; но ни къ отцу, ни къ теткѣ не имѣлъ я способа и возможности писать, а пожаловаться на моего притѣснителя Грейгу боялся, зная строгость капитана. Случай помогъ. Адмиралъ Грейгъ задумалъ дать балъ и приказалъ, чтобы я былъ на ономъ. Мнѣ пришло на мысль бѣжать къ теткѣ съ бала. Я разсказалъ объ этомъ деньщику, который, зная гоненіе, которыя я претерпѣваю, согласился нанять для меня ямщика парой и поставить къ дому Грейга. И такъ, часовъ въ 11-ть, я вышелъ въ баль-

(4) По словарю В. И. Даля, *рифы* значатъ поперечныя подвязки на парусахъ для убавки ихъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ; а *ванты* —толстыя смоленыя веревки, держащія мачту съ боковъ; слово *салпазъ* намъ неизвѣстно. *П. Б.*

(5) Здѣсь говорится объ Осипѣ Абрамовичѣ Ганнибалѣ, дѣдѣ А. С. Пушкина; вина его была —дурное обращеніе съ женою. *П. Б.*

номъ нарядѣ и съ Богомъ отправился; морозъ былъ въ 20 градусовъ, ямщикъ укрылъ меня тулупомъ. Утромъ мы пріѣхали и отыскали въ 1-й линіи домъ. Теткѣ я во всемъ признался, она очень мнѣ обрадовалась. Была она очень стара и не выходила почти изъ комнаты, рядомъ съ нею жили три дѣвушки, изъ коихъ младшей было лѣтъ подъ 60. Всѣ онѣ полюбили меня, и я попалъ въ нѣгу и баловство; познакомили меня съ хозяиномъ, у котораго былъ сынъ моихъ лѣтъ, съ нимъ-то я узналъ Петербургъ. Но пріятное положеніе, въ которомъ я находился, меня тяготило; я затруднялся писать моему отцу о побѣгѣ. Тетушка написала и приказала мнѣ въ письмѣ своемъ откровенно описать всѣ мои проказы. Отецъ мой получилъ также письмо отъ адмирала Грейга, который не только одобрилъ поведеніе мое, но предлагалъ взять къ себѣ, зачислить въ флотской батальонъ и въ короткое время сдѣлать флигель-адъютантомъ къ себѣ (на что въ тогдашнее время предоставлено было адмираламъ право), а вмѣстѣ съ тѣмъ давался и чинъ соотвѣтственно назначенію. Но отецъ мой имѣлъ дурное понятіе объ офицерахъ флотскаго батальона, а потому не согласился. Зная, что въ Архангельскъ назначенъ въ командировку съ партіею матросовъ капитанъ Скотъ, упросилъ его привести меня въ Архангельскъ.

„Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ мачиху. Сестра моя была въ жалостномъ положеніи; мы пользовались любовью только родителя. Когда сдѣлался разладъ съ Англичанами (⁶), то повелѣно было адмиралу Макарову съ нѣсколькими фрегатами отправиться въ море для защиты Соловецкаго монастыря. Макаровъ былъ пріятелемъ моему отцу и, нуждаясь въ переводчикѣ съ Англійскаго языка, предложилъ отпустить меня съ нимъ въ походъ, и я съ адмираломъ отправился. Должность моя состояла въ осмотрѣ документовъ у встрѣчаемыхъ въ морѣ кораблей, не принадлежатъ ли они Англіи и если то оказывалось, мы должны были конфисковать ихъ и брать, какъ призы. Военныхъ кораблей Англіи мы не встрѣтили; съ однимъ только переговорили выстрѣлами; но онъ, удостовѣрившись въ нашей силѣ, по легкости судна ушелъ и скрылся; догнать его мы не могли. Напослѣдокъ получено приказаніе возвратиться въ портъ, такъ какъ непріятельскихъ судовъ въ морѣ не было.

„Архангельскимъ и Олонецкимъ генералъ-губернаторомъ былъ въ то время Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ. Ему предписано было сформировать въ Олонцѣ волонтеровъ, обмундировать ихъ, выучить и отправить въ С.-Петербургъ для дѣйствія противъ Шведовъ. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Олонецъ съ тѣмъ, что опредѣлитъ меня въ волонтеры офицеромъ. Отецъ согласился на это, и я отправился съ Тимоѳеемъ Ивановичемъ. За нимъ послѣдовалъ Арсеньевъ, его родственникъ, добрѣйшій человѣкъ, которому меня поручили, и Полторацкій. Я долженъ былъ являться съ 9 часовъ утра и состоять при кабинетѣ; завтракалъ и обѣдалъ всегда вмѣстѣ съ ними и никогда не забуду родительскаго попеченія обо мнѣ Варвары Алексѣевны (⁷). Здѣсь я сдружился со всѣми родственниками ихъ, а также съ жителями города. Въ Олонцѣ былъ пушечный заводъ, учрежденный Англичаниномъ Госкони, который и управлялъ имъ, за что получилъ чинъ генерала. Онъ полюбилъ меня и какъ по русски не говорилъ ни слова, то Тимоѳей Ивановичъ приказалъ мнѣ ежедневно отъ 12 до 3 часовъ являться на заводъ, гдѣ я переводилъ приказанія Госкони мастеровымъ. Онъ получалъ отъ императрицы огромное

(⁶) Въ 1789 году? *П. Б.*

(⁷) Вѣроятно жена Арсеньева.

жалованье и жилъ отлично. Семейство его составляла дочь Марья Карловна, образованнѣйшая дѣвица изъ всей Олонецкой публики; она впослѣдствіи вышла за мужъ за Александра Марковича Полторацкаго.

„Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ былъ самый пышный генералъ-губернаторъ. При учрежденіи губерній онъ былъ употребленъ императрицей для открытія оныхъ. Когда выѣзжалъ, то его всегда конвоировала большая свита штабъ и оберъ-офицеровъ и вновь сформированные драгуны. Въ табельные дни обѣдалъ онъ у подножія трона ([8]), а всѣ прочіе за большими столами; вечеромъ давался балъ съ церемоніею придворною. Хотя я былъ приписанъ къ формировавшимся волонтерамъ, но состоялъ при немъ, и въ назначенные часы при Госкони. На балы приглашались всѣ жители Олонца, и служащіе, и дворяне, и купцы. Балы были веселые и оканчивались въ 3 часа. Я долженъ былъ открывать балъ польскимъ, даму выбиралъ по приказанію Тутолмина, а во второй парѣ шелъ онъ самъ. Отходя польской, начинали Крзелой (sic), гдѣ Тутолминъ танцовалъ въ первой парѣ; по окончаніи этаго, контртанецъ, который я всегда танцовалъ съ Марьей Карловной или съ дочерью вицегубернатора Чичерина. Въ Олонцѣ мы прожили годъ.

„Между тѣмъ повелѣно формировку баталіоновъ оставить, набранныхъ зачислить за рекрутъ и Тутолмину явиться въ С.-Петербургъ. „Ну, Брокеръ", сказалъ онъ, дѣлать нечего, надо и тебѣ ѣхать—тамъ я опредѣлю тебя въ гвардію". Я отправился въ его свитѣ и въ 1791 году былъ имъ опредѣленъ въ Семеновскій полкъ подпрапорщикомъ, прослуживъ 4 года, а въ 1795 году съ чиномъ поручика отъ арміи вышелъ въ отставку. Въ это-то время сдружился я съ Алексѣевымъ, Запольскимъ, Колюбякинымъ, Алфимовымъ, Огородниковымъ. Всѣ мы состояли въ одной командѣ, жили на общихъ хлѣбахъ, какъ братья. Чрезъ Алексѣева ([9]) я сдѣлался любимцемъ графа и графини Салтыковыхъ, которыхъ Богъ привелъ мнѣ похоронить въ ихъ Ярославской вотчинѣ. Тогда отъ отца я почти не получалъ пособія, игралъ въ карты, мастерски на билліардѣ, былъ счастливъ въ игрѣ, дѣлилъ все съ друзьями и ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Наклонности къ игрѣ я никогда не имѣлъ: то была необходимость, иногда непріятная. Сколько разъ спасалъ я друзей отъ проигрыша навѣрное. Цѣня дружбу выше денегъ, умножалъ число пріятелей.

„При производствѣ меня въ офицеры отецъ прислалъ 300 руб. и просилъ пріѣхать къ нему. Выпросивъ въ полку Архангельскаго уроженца грена-

---

([8]) Къ этому конечно относится выраженіе Державина про Екатерининскихъ намѣстниковъ: «на карточныхъ престолахъ сидятъ мишурные цари». (изд. Я. К. Грота I, 249) У Державина съ Тутолминымъ были непріятности по службѣ. *П. Б.*

([9]) Въ 1797 году фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ былъ опредѣленъ въ Москву главнокомандующимъ на мѣсто князя Юрія Владиміровича Долгорукова. Съ нимъ пріѣхалъ и адъютантъ его, другъ и сослуживецъ Брокера, Илья Ивановичъ Алексѣевъ. Бывшій въ то время оберъ-полицеймейстеръ Эртель опредѣлилъ его въ угодность графу полицеймейстеромъ. Проживая въ Крутицахъ, Алексѣевъ формировалъ полицейскихъ драгунъ и довелъ ихъ до такого совершенства, что въ послѣдствіи государю Александру Павловичу угодно было переименовать ихъ въ Митавскій драгунскій полкъ, а его назначить, въ 1806 году, шефомъ, съ приказаніемъ выступить въ Литву и на походѣ комплектовать и обучать полкъ. Съ полкомъ своимъ Алексѣевъ отличался въ Шведскую кампанію. Въ 1820 году, командуя корпусомъ, сданнымъ ему гр. Воронцовымъ въ Мобежѣ, онъ привелъ его благополучно въ Россію. Израненный, всѣми любимый, добрѣйшій генералъ-лейтенантъ Алексѣевъ, получилъ безсрочный отпускъ и проживалъ съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1831 году въ собственномъ домѣ въ Старой Конюшенной. Илья Ивановичъ, отъ брака съ Натальей Филиповною Вигель, имѣлъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшій былъ жертвой холеры 1830 года.

ѵера Батурина, я съ нимъ благополучно доѣхалъ. Тутъ я насладился ласкою и любовью; меня чествовали праздниками и обѣдами. Но прошло четыре мѣсяца, нужно было снова ѣхать въ Петербургъ и искать службы. Цѣль моя была поступить въ военную. Другъ мой Илья Иван. Алексѣевъ отъ полка отчислился въ штабъ графа Салтыкова, который находился тогда въ Польшѣ. Онъ писалъ, что графъ опредѣлитъ меня къ себѣ. Но все перемѣнилось. Графиня исходатайствовала, чтобы графъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, и онъ вступилъ опять въ командованіе полкомъ лейбъ-гвардіи, котораго онъ былъ подполковникомъ и генералъ-адъютантомъ. При императрицѣ таковую должность занимали тогда знатнѣйшіе люди. Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, я остановился у своихъ друзей въ полку, въ ожиданіи графа Салтыкова. Когда же онъ возвратился, то я немедленно явился къ нему, и графиня приказала мнѣ жить вмѣстѣ съ Алексѣевымъ въ ея домѣ, призвала управляющаго Головлева и приказала, буде мы не придемъ къ столу, то подавать обѣдъ къ намъ. Здѣсь жили мы пріятно и весело, пользовались большимъ знакомствомъ и, по милости графа и графини, все было къ нашимъ услугамъ.

„Однажды графъ прислалъ за мною своего камердинера Лошевскаго и спросилъ: „Можете ли вы исполнить порученіе графини Дарьи Петровны?“ Я отвѣчалъ: „Почту за счастіе исполнить волю моей благодѣтельницы“. Самъ привелъ меня къ графинѣ и вышелъ. Графиня сказала: „Я имѣю къ вамъ порученіе, которое удалитъ васъ вмѣстѣ съ вашимъ другомъ изъ С.-Петербурга; согласны ли вы?“ „За счастіе поставлю“, отвѣтилъ я. „У меня, въ Калужской губерніи, продолжала графиня, есть боръ, который я желаю продать, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаю обревизовать Московскую мою контору и подмосковную. Я дамъ Алексѣеву довѣренность смѣнять управляющихъ, а какъ онъ плохо свѣдущъ въ счетоводствѣ, то вы займетесь продажею бора и ревизіею. Алексѣева я очень люблю, но во всемъ полагаюсь на тебя. Поѣздка будетъ самая пріятная, ибо вы будете дѣлать вояжъ этотъ въ нашемъ лицѣ, и все будетъ къ вашимъ услугамъ. Въ погребахъ вина у меня много, а въ Калужскомъ имѣніи моемъ запасы еще Чернышевскіе (10); черезъ недѣлю, когда приготовятъ всѣ бумаги, васъ отправятъ“. И ровно черезъ недѣлю отправился я съ Алексѣевымъ въ Москву, гдѣ провели нѣсколько пріятныхъ дней, ѣздили на два дня въ подмосковную Марѳино, тамъ воспользовались графской охотой; потомъ отправились въ Калугу, откуда черезъ двое сутокъ, взявъ съ собою купца Алтынникова и управляющаго Погодина (11), поѣхали въ вотчину графини со всѣми планами и бумагами. Цѣна не соотвѣтствовала достоинству бора, и это задерживало продажу. Къ намъ съѣзжались сосѣди Мещевскаго уѣзда, и каждый день мы веселились; вечеромъ многочисленная дворня пѣла и плясала. Здѣсь я получилъ извѣстіе о смерти отца и, какъ дѣло наше почти было кончено, поскакалъ въ Архангельскъ, куда меня вызывали для устройства дѣлъ

„Еще при жизни, отецъ приказывалъ мнѣ, въ случаѣ его смерти, раздѣлить

---

(10) Графиня Дарья Петровна Салтыкова была дочь гр. Петра Григ. Чернышева.

(11) Въ 1817 году, завѣдуя всѣми имѣніями графа Ростопчина, полицемейстеръ Брокеръ былъ внезапно переведенъ по Высочайшему соизволенію полицемейстеромъ же въ Петербургъ и въ письмѣ къ графу, находившемуся тогда въ Парижѣ, отъ 29-го ноября, пишетъ: «Я взялъ Погодина (Петра Моѵсѣевича) котораго знаю 30 лѣтъ по дому Салтыкова за добраго и честнаго человѣка и положилъ ему 100 руб. въ мѣсяцъ жалованья: онъ будетъ исполнять мои приказанія въ Москвѣ». Съ тѣхъ поръ Петръ Моѵсѣевичъ до смерти своей занимался по дѣламъ графа и съ честью оправдалъ рекомендацію Брокера.

все имущество на три части — мнѣ, мачихѣ и сестрѣ. Напрасно мачиха искала завѣщанія: его не было. Пріѣхавъ, я такъ и сдѣлалъ. Мачиха, не ожидавъ такой снисходительности, очень была обрадована и отправилась со всѣми своими пожитками въ С.-Петербургъ, гдѣ жили ея родители. Мы зажили съ сестрой пріятно; меня всѣ любили и старались женить на прекрасно воспитанной дочери вице-губернатора Бибикова, но я ни мало о томъ не думалъ. У насъ часто гостила двоюродная сестра моя Дарья Ивановна Фонъ-Бринъ. Однажды я еще спалъ, какъ домъ мой загорѣлся. Я вышелъ въ одномъ халатѣ, взявъ со стола часы, кошелекъ и книжку; множество людей нахлынуло въ комнаты, вытаскивали имущество. Увидавъ, что изъ погреба, который былъ хорошо снабженъ моимъ отцемъ, вытаскиваютъ вина, я просилъ губернатора Гревенца спасти его. Я узналъ, что пожаръ произошелъ отъ поджога, а какъ поджоги эти часто происходили въ городѣ, то и счелъ обязанностію объяснить о семъ военному губернатору Лестоку. „Вы, вѣрно, полагаете, сказалъ онъ мнѣ, что я сюда опредѣленъ въ сторожа къ обывательскимъ домамъ“? На что я поклонился и, выходя, объявилъ, что буду жаловаться. Тотчасъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, подалъ просьбу на имя государя императора Павла Петровича прокурору кн. Александръ Борисовичу Куракину, который распрашивалъ меня и, сверхъ ожиданія, принялъ благосклонно. На другой же день просьба моя была доложена, и отправленъ фельдъегерь съ Высочайшимъ повелѣніемъ. Такое сильное впечатлѣніе на сердце императора и докладчика просьба моя произвела потому, что была подтверждена свидѣтельствомъ обывателей всего города. Оказалось, что поджоги производили солдатскіе дѣти. Губернаторъ подалъ въ отставку и получилъ увольненіе, а мои убытки велѣно пополнить на его счетъ. Затѣмъ я сталъ искать службы.

„Еще служа въ гвардіи, я пользовался благосклонностію кн. Алекс. Андр. Безбородки. Я жилъ въ домѣ Петра Андреевича Данилова, котораго князь очень любилъ; къ нему и отправился я просить объ опредѣленіи меня по почтовому вѣдомству, ибо онъ управлялъ, какъ первый министръ, иностранныхъ дѣлъ, иностранною коллегіею и почтовымъ департаментомъ. Князь принялъ меня очень благосклонно и обѣщалъ немедленно опредѣлить. Спросилъ потомъ черезъ Данилова, гдѣ я желаю служить, въ С.-Петербургѣ или въ Москвѣ. Скаталъ я двѣ бумажки: по жребію вышла Москва, и отправился къ князю. Онъ совѣтовалъ остаться въ Петербургѣ, говоря, что лучше служить тамъ, гдѣ находится высшее начальство, но я вѣренъ былъ жребію. Князь написалъ собственноручную записку къ почтдиректору въ Москвѣ Ивану Борисовичу Пестелю, которую я лично доставилъ ему и немедленно былъ опредѣленъ въ 1798 г. помощникомъ экспедитора отправленія всѣхъ почтъ. Вскорѣ назначили меня, по болѣзни экспедитора Огородникова, къ исправленію должности его. Тутъ я открылъ большія злоупотребленія. Отправляли черезъ газетную экспедицію партикулярныя письма и посылки. Этимъ руководствовалъ Лукьянъ Як. Я...въ, отправляя частную кореспонденцію въ тюкахъ газетныхъ, что доставляло значительный доходъ чиновникамъ, ибо учреждена была другая пріемная, „воровская“ экспедиція. Это открытіе по произведенному мною слѣдствію дало мнѣ большое уваженіе. Многіе тутъ были виноваты и, можетъ быть, въ сердцѣ меня ненавидѣли, но боялись, выключая почтеннаго экспедитора Треборна ([12]), кото-

---

([12]) Яковъ Ивановичъ Треборнъ изъ Гатчинскихъ офицеровъ, въ послѣдствіи былъ почтдиректоромъ въ Тамбовѣ и заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе; дворяне тогда охотно опре-

рый одобрялъ меня и не очень былъ расположенъ къ любимцу Пестеля Ник. Иван. Трескину (13). Когда была коронація императора Павла 1-го, князь Александръ Андреевичъ былъ въ Москвѣ, и я былъ откомандированъ по тракту до Саратова, по именному повелѣнію императора, по жалобѣ ямщиковъ съ тѣмъ, чтобы они были немедленно удовлетворены, каковое порученіе выполнилъ съ точностію. Въ Саратовѣ навѣстилъ я друга моего Алфимова; онъ былъ женатъ на Марѳѣ Александровнѣ Плюсковой; у него проживали мать и сестра жены его,прекрасная дѣвица Наталья Александровна, и всѣ они непремѣнно хотѣли женить меня на этой дѣвицѣ.— Но сердце мое было занято: влюбился я во вторую дочь Треборна, Катерину, на которой въ 1799 году и женился".

Здѣсь оканчиваются собственноручныя Записки Брокера; мы дополнимъ ихъ разсказами его о знакомствѣ съ графомъ Ростопчинымъ и о причинахъ, по которымъ Брокеръ оставилъ службу при почтамтѣ.

Еще въ 1798 г., видаясь почти ежедневно съ другомъ своимъ И. И. Алексѣевымъ, который въ то время былъ полицеймейстеромъ въ Москвѣ, Брокеръ познакомился у него съ почтеннымъ Орловскимъ помѣщикомъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Ростопчинымъ. Благодушный старичокъ этотъ часто ѣздилъ въ Москву и самъ хлопоталъ по всѣмъ дѣламъ своимъ; любилъ простыхъ и добрыхъ людей; пользовался услугами Брокера по почтамту и даже, въ одинъ пріѣздъ, останавливался у него въ его убогой квартирѣ (14). Не только не стѣснялъ онъ собиравшуюся у Брокера молодежь, но самъ участвовалъ во всѣхъ увеселеніяхъ и поощрялъ ихъ. Въ то время сынъ его графъ Ѳедоръ Васильевичъ пользовался особымъ расположеніемъ императора Павла Петровича, чему добродушный Василій Ѳедоровичъ сердечно радовался, приговаривая, что его сынъ отлично учился и всегда былъ уменъ не по лѣтамъ. Въ 1799 году онъ скончался. Брокеръ былъ извѣстенъ и графу Ѳедору Васильевичу, для котораго онъ, какъ и для отца его, исполнялъ всѣ порученія по почтамту. Съ 1801 года графъ проживалъ то въ Москвѣ, то близь нея въ селѣ Вороновѣ или въ другихъ деревняхъ своихъ и самъ занимался хозяйствомъ. Въ 1809 году, во время пребыванія государя въ Москвѣ, графъ снова обратилъ на себя высочайшее вниманіе. Брокеръ съ генваря 1810 года былъ въ отставкѣ, искалъ мѣста и, въ 1812 году, получилъ его: 6-го іюля, по докладу, какъ говорилъ онъ, Якова Ивановича Десанглена, находившагося при государѣ въ Вильнѣ, повелѣно быть ему московскимъ полицеймейстеромъ (15). Не мудрено, что представленіе послѣдовало отъ графа Ростопчина, который оцѣнилъ самостоятельную дѣятельность Брокера и одобрялъ причину, по которой Брокеръ вышелъ изъ почтамта. Твердый поступокъ нравился графу. 12-го іюля (16) графъ представилъ государю новаго полицеймейстера, и Брокеръ въ тотъ же день

дѣлялись сверхштатными чиновниками почтамтовъ. Еще недавно многіе въ Тамбовѣ вспоминали о Яковѣ Ивановичѣ. Отецъ его былъ метрдотелемъ Петра III-го и его любимцемъ.

(13) Николай Ивановичъ Трескинъ впослѣдствіи былъ губернаторомъ восточной Сибири, а Пестель ея генералъ-губернаторомъ; онъ долго не выѣзжалъ, управляя Сибирью изъ С.-Петербурга, на что гр. Ѳед. Васильев. Ростопчинъ замѣчалъ: У Пестеля отличное зрѣніе, онъ далеко видитъ.

(14) Маленькіе, вѣтхіе, деревянные домики, въ которыхъ въ то время жили почтовые чиновники, находились на пустопорожней землѣ, что по Мясницкому бульвару, гдѣ нынѣ выстроили великолѣпное зданіе мальпостовъ.

(15) Приводимъ копію съ указа правительствующему сенату: «Коллежскому совѣтнику Брокеру повелѣваемъ быть Московскимъ полицеймейстеромъ». На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: «Александръ. Контрасигнировалъ министръ полиціи А. Балашевъ. Въ Альховцѣ 6-го іюля 1812 года.»

(16) 12-го іюля 1812 года государь пожаловалъ въ Москву.

переименованъ по высочайшему повелѣнію изъ коллежскихъ совѣтниковъ въ полковники.

Вотъ обстоятельства, по которымъ, какъ мы слышали, Брокеръ оставилъ службу при почтамтѣ. Почтдиректоромъ вмѣсто Пестеля тогда былъ Ѳед. Петр. Ключаревъ ([17]). Масонскій мистицизмъ свой онъ умѣлъ прикрывать самою добродушною завѣсою и по этому уже былъ противенъ откровенному Брокеру, который зналъ цѣну добродушныхъ масоновъ, вовлекшихъ многихъ въ совершенное разореніе; но когда Ключаревъ приблизилъ къ себѣ Л. Я. Як—ва, Брокеръ сдѣлался внимательнѣе. Въ то время почтдиректоры злоупотребляли дарованнымъ имъ правомъ вести подъ своимъ пакетомъ переписку. Вмѣсто нея они посылали и получали подъ этою казенною печатью цѣлые тюки. Не ограничиваясь Россіей, даже изъ за-границы выписывали они все, что̀ желали. Брокеръ былъ экспедиторомъ иностранной экспедиціи; пришла заграничная почта, и одна посылка разбилась; въ ней находились запрещенныя тарифомъ браўншвейгскія табакерки ([18]). При разборѣ этой почты находился чиновникъ Рудольфъ. По обязанности службы, слѣдовало составить актъ, который, по настоянію Брокера, и былъ составленъ. Посылка шла подъ почтдиректорскимъ пакетомъ. Ключаревъ вознегодовалъ и, призвавъ Рудольфа, обвиняя его въ обнаруженіи тайны пакета, приказалъ ему немедленно подать въ отставку. Рудольфъ былъ человѣкъ семейный, бѣдный и безъ всякихъ связей. Пылкій Брокеръ взялъ отпускъ, поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ объяснилъ дѣло главноначальствующему кн. Куракину ([19]); выхлопоталъ Рудольфу мѣсто почтмейстера, а самъ, возвратившись, подалъ въ отставку, которую и получилъ въ январѣ 1810 года, а въ мартѣ того же года пожалованъ чиномъ коллежскаго совѣтника.

Графъ Ростопчинъ не любилъ масоновъ; онъ конечно лучше другихъ зналъ лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе Екатерины II, изъ коихъ нѣкоторыя были, при немъ, помилованы Павломъ I. Могъ ли графъ, въ періодъ отечественной войны, довѣрять духу германскаго масонскаго братства? Смѣшно было бы останавливаться предъ завѣтною масонскою тайной, когда всякая тайна, въ эпоху эту, дѣлалась подозрительною. Конечно не месть и навѣты, какъ нѣкоторые предполагали, руководили графомъ при удаленіи изъ Москвы Ключарева, вліятельнаго члена тайныхъ обществъ. Мы, въ концѣ сей біографіи, сочли не лишнимъ передать, что̀ слышали объ арестѣ Ключарева, о слѣдствіи и расправѣ съ Верещагинымъ, къ чему прибавили нѣкоторыя распоряженія по полиціи въ 1812 году и списокъ, съ отмѣтками на немъ, разныхъ лицъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Французами, во время пребыванія ихъ въ Москвѣ: все это найдено нами въ бумагахъ Брокера.

Брокеръ былъ дѣятеленъ, необыкновенно вспыльчивъ, откровененъ и въ высшей степени не злопамятенъ. О примѣрномъ безкорыстіи его сохранилось много разсказовъ и доказательствъ. Такъ, однажды (въ 1813 г.) откупщики поднесли Брокеру значительныя для того времени деньги, 30 тысячъ руб. и,

---

([17]) Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ, изъ вольноотпущеныхъ графа Шереметева, воспитанникъ Московскаго университета при Шварцѣ. Гамалей и Лопухинъ особенно ему покровительствовали. Извѣстно, какъ многіе черезъ масонство составили себѣ служебную карьеру.

([18]) Какое значеніе игралъ Брауншвейгъ въ масонскихъ ложахъ, смотри «Новиковъ и мартинисты» Лонгинова, стр. 186, и хотя авторъ на стр. 232 говоритъ: что, съ 1785 года не имѣется документовъ о сношеніяхъ московскаго масонства съ заграничнымъ, но по этому разсказу Брокера видно, что масоны въ Москвѣ сохраняли о Брауншвейгѣ пріятныя воспоминанія. Ложи особенно распространились въ Москвѣ съ 1807 г. и оффиціально закрыты въ 1821 году.

([19]) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ назначенъ въ 1807 году министромъ внутреннихъ дѣлъ; подъ его же управленіе поступило и почтовое вѣдомство.

чтобы скрыть даръ свой, спрятали его на дно корзины съ фруктами. Они добивались продлить время торговли въ кабакахъ. Брокеръ немедленно представилъ найденныя деньги главнокомандующему: тогда послѣдовало приказаніе на деньги эти выстроить увеселительную бесѣдку, которая, какъ сообщалъ намъ Синяевъ ([20]), и выстроена на Тверскомъ бульварѣ ([21]); тогда же Брокеръ получилъ отъ государя бриллiантовой перстень ([22]).

Не бравъ никакихъ приношеній, Брокеръ не понималъ до глубокой старости, что можно давать ихъ. Такъ, когда производилось нескончаемое слѣдственное дѣло о подтопѣ его мельницы, пріѣхавшій на слѣдствіе становой попросилъ у него въ займы 100 руб. сер. на починку будто бы коляски: фигурный языкъ этотъ всякому былъ понятенъ; но Брокеръ, давъ 100 руб., вспомнилъ объ этомъ займѣ черезъ 25 лѣтъ и удивлялся, какъ можно было забыть долгъ, взятый на честное слово.

Узнавъ по опыту дѣятельность и безкорыстіе Брокера, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ удостоилъ его своею дружбою и довѣріемъ, поручилъ ему всѣ дѣла свои и имѣнія; назначилъ его исполнителемъ своей посмертной воли и опредѣлилъ опекуномъ и попечителемъ надъ малолѣтнимъ сыномъ своимъ гр. Андреемъ Ѳедоровичемъ.

Адамъ Ѳомичъ скончался въ 1848 году на 77 году жизни, въ совершенной бѣдности, переживъ своихъ благодѣтелей, многихъ друзей и пріятелей.

Вотъ что слышали мы, какъ отъ Брокера, такъ и отъ нѣкоторыхъ почтовыхъ чиновниковъ по дѣлу о Верещагинѣ. Домъ почтамта перестроенъ и утратилъ тотъ видъ, какой имѣлъ при Ключаревѣ. Тогда надъ вторымъ его этажемъ былъ бельведеръ, который прикрывался громаднымъ, двухглавымъ орломъ съ распростертыми крыльями; въ этомъ-то бельведерѣ проживалъ сынъ Ключарева, 25-лѣтній юноша; къ нему часто приходилъ сынъ пивовара, пріятель его, молодой человѣкъ Верещагинъ ([23]); повидимому, оба они принадлежали къ масонству. Верещагинъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки; онъ прочитывалъ у сына почтдиректора иностранные газеты и журналы—безъ цензуры. Такое противузаконное дѣло производилось слѣдующимъ образомъ: цензоры, прочитавъ журналы и отмѣтя запрещеное въ нихъ карандашемъ, по одному номеру приносили въ кабинетъ почтдиректора для просмотра; сынъ Ключарева бралъ ихъ, можетъ быть несвѣдома отца ([24]) и дѣлился съ легкомысленнымъ Верещагинымъ. Въ кофейныхъ и другихъ публичныхъ домахъ полиція давно замѣчала молодаго человѣка, который либерально разглагольствовалъ о политикѣ иностранной и

([20]) Пав. Степ. Синяевъ, приставъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Москвѣ, умеръ въ 1864 г.

([21]) Любопытно бы повѣрить это въ бумагахъ архива по дѣламъ ген.-губернаторовъ за 1813 г.; но и безъ того Москвичи о томъ помнятъ. П. Б.

([22]) Отношеніе министра полиціи къ главнокомандующему въ Москвѣ, отъ 9 фев. 1813 года за № 154, изъ главной квартиры, мѣстечка Копинъ, кн. Варшавское: «По письму ко мнѣ вашего сіятельства доводилъ я до высочайшаго свѣдѣнія о безкорыстномъ поступкѣ Московскаго полицеймейстера Брокера. Государь императоръ, въ изъявленіе благоволенія къ таковому его подвигу, всемилостивѣйше пожаловать ему соизволилъ бриллiантовой перстень, которой при семъ препроводить честь имѣю.»

([23]) Въ объявленіи графа Ростопчина, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1812, № 53, сказано про Верещагина, что онъ «сынъ Московскаго 2-й гильдіи купца, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою».

([24]) Составитель этой статьи съ 1832 по 1851 г. служилъ цензоромъ при Московскомъ почтамтѣ. Цензоры обязывались строжайшими подписками не разглашать тайны и не брать на домъ журналовъ неразрѣшенныхъ цензурою. Номера запрещенной газеты сперва сжигались; оставляли только одинъ экземпляръ; въ послѣдствіи запрещенныя статьи вырѣзывались или вытирались; въ публику ни одинъ изъ нихъ не проникалъ, исключеній ни для кого, а потому и для главнокомандующихъ въ Москвѣ, не было. Московскій университетъ просилъ разрѣшенія о полученія выписываемыхъ имъ научныхъ журналовъ безъ цензуры; но ему было отказано.

внутренней. Въ то время зорко слѣдили за подобными явленіями; наконецъ въ іюлѣ 1812 года проявилась во многихъ экземплярахъ переведенная на русскій языкъ, переписанная одною рукой, хвастливая и дерзкая прокламація Наполеона о походѣ его на Россію. Съ этой бумагой схваченъ былъ въ кофейной Верещагинъ и представленъ къ главнокомандующему. Немедленно пошли розыски; обнаружилось, что и другіе экземпляры писаны тою же рукою, что писалъ ихъ Верещагинъ; дознано знакомство его съ Ключаревымъ ([25]). Пылкій графъ, наблюдавшій строго за волненіями въ городѣ, заподозрилъ масонское вліяніе. Его особенно огорчало, что въ эпоху нашествія, явился Русскій измѣнникъ, и онъ конечно повѣсилъ бы его безъ суда и слѣдствія, если бы не остановило его желаніе разъяснить корни разврата ([26]). Графъ самъ допрашивалъ Верещагина. Къ чести молодаго человѣка сказать нужно, что онъ упорно скрывалъ источникъ, изъ котораго черпалъ политическія свои знанія; графу неизвѣстны были запрещеныя цензурою рѣчи Наполеона, это и погубило Верещагина. Онъ счелъ его за сочинителя пасквилей и за шпіона Французовъ, такъ какъ изъ докладовъ полиціи зналъ о либеральныхъ его толкованіяхъ въ кофейныхъ. Разъ, запирательство его до того озлобило графа, что онъ схватилъ ножницы, которыми рѣжутъ бумагу и хотѣлъ заколоть ими Верещагина. Во всякомъ случаѣ, замѣтя въ юношѣ развращеный умъ и сердце, онъ готовилъ Русскаго измѣнника на поруганіе и казнь.

Поруганіе и казнь совершились. Многіе сказываютъ, что избитый Верещагинъ былъ привязанъ ногами къ хвосту лошади, съ которою казакъ поскакалъ со двора, а за нимъ ринулась толпа народа, нахлынувшаго утромъ 2 сентября на дворъ главнокомандующаго. Трупъ его долго валялся на Тверской ([27]). Говорятъ также ([28]), что бывшій при графѣ ординарецъ ударилъ Верещагина палашемъ по головѣ, отъ чего тотъ упалъ, и народъ схватилъ его. Напрасно полагаютъ нѣкоторые, будто графъ произвелъ всю эту операцію, единственно съ цѣлію скрыться отъ народа. Самый домъ графа, на Лубянкѣ (нынѣ г. Шипова), опровергаетъ подобное предположеніе. Домъ этотъ сохранилъ первобытную свою прекрасную форму; тотъ же балконъ, съ котораго графъ говорилъ 2 сентября нетерпѣливому народу, тотъ же подъѣздъ, изъ котораго вывели Верещагина. Онъ имѣетъ два громадныхъ двора, и задній дворъ при графѣ, былъ отдѣленъ отъ передняго каменнымъ заборомъ; а потому, не прибѣгая къ хитрости, можно было незамѣтно отъ народа уѣхать съ задняго двора. Графъ до поздняго вечера находился въ Москвѣ и наблюдалъ лично за проходомъ нашихъ армій.

Брокеръ не былъ при казни Верещагина. Въ ночь съ 1-го на 2 число и утро 2-го онъ исполнялъ распоряженія главнокомандующаго. Приводимъ любопытное, подлинное отношеніе Московской казенной палаты и отвѣтъ Брокера, найденный въ бумагахъ его.

„Г. полковнику, Московскому полицеймейстеру и кавалеру А. Ѳ. Брокеръ.

Г. генералъ маіоръ и кавалеръ Ивашкинъ далъ знать сей палатѣ, что предъ нашествіемъ въ Москву непріятеля съ 1-го на 2 е число сентября 1812 года вечера, отъ главнокомандующаго графа Ростопчина было ему приказано, чтобы

([25]) Ключаревъ былъ взятъ ночью оберъ-полицеймейстеромъ Ивашкинымъ и отправленъ въ Воронежъ.

([26]) Сильные люди того времени на нравственныя нарушенія нѣкоторыхъ формъ, требуемыхъ общежитіемъ, которыя мы нынѣ клеймимъ развратомъ, смотрѣли какъ на шалость. Развратъ заключался, по ихъ мнѣнію въ, извращеніи ума и сердца ложными и вольнодумными идеями.

([27]) Слышано отъ почтеннаго архитектора Фихтнера, остававшагося въ Москвѣ; онъ умеръ въ 1845 году.

([28]) Такъ разсказывалъ по слухамъ и Брокеръ; ординарца звали, кажется, Бурдаевъ; онъ впослѣдствіи служилъ по полиціи въ Москвѣ, безупречно исполняя свои обязанности.

въ казенныхъ магазинахъ и въ содержательской конторѣ всѣ напитки были выпущены; въ слѣдствіе чего, въ питейную контору командированъ имъ былъ бывшій тогда полицемейстеръ Дурасовъ ([29]), а самъ онъ съ вами, отправился на винный дворъ„ и проч. Въ заключеніе, палата спрашиваетъ, исполнено-ли это порученіе, сколько бочекъ съ виномъ разбито и сколько уцѣлѣло. 1817 г. августа 31, № 8976-й.

На это Брокеръ отвѣчалъ: „Дѣйствительно въ ночь съ 1-го на 2-е сентября, былъ я оставленъ ([30]) оберъ-полицемейстеромъ Ивашкинымъ, для разбитія бочекъ съ виномъ, какъ на дворѣ оставленныхъ, такъ и въ магазейнахъ, и исполнялъ это приказаніе до 7-ми часовъ утра, въ которое время получилъ приказъ явиться къ начальству съ командой, за выходомъ изъ столицы полицейскаго корпуса; а потому, явился съ командой на сборное мѣсто, къ дому оберъ-полицемейстера, что̀ у Красныхъ воротъ, и донесъ, что истребить всѣ бочки, въ подвалахъ хранящіяся, я не могъ, за полученіемъ приказанія о выступленіи. Сколько истреблено бочекъ, по смутнымъ обстоятельствамъ того времени, объяснить нынѣ не могу“ ([31]).

Вотъ списокъ лицамъ съ отмѣтками полиціи, найденный нами въ бумагахъ Брокера ([32]); повидимому онъ не полный, но во всякомъ случаѣ доказываетъ, какъ наблюдали въ то время за измѣнниками.

Деневъ съ семействомъ	Во время бытности французовъ, показывалъ имъ всѣ мѣста и уѣхалъ съ арміею.
Музыкальный мастеръ Пекронъ	Былъ коммиссаромъ полиціи, уѣхалъ съ женою и 2 дочерьми съ французами.
Маліардъ-де-Форжъ . .	Говорятъ, что онъ объявилъ Наполеону о мѣстѣ гдѣ находится въ уѣздѣ порохъ, за что получилъ 50 т. наполеондоровъ и уѣхалъ за три недѣли до выступленія французовъ.
Жезіопре, учитель . .	Уѣхалъ съ французами.
Бернардъ, учитель. . .	Грабилъ вмѣстѣ съ французами и уѣхалъ съ ними, взявъ жену свою и сына.
Перру, Аднетъ, Бертрандъ и Белькуръ . .	Всѣ четверо уѣхали съ арміею французскою.
Лежинъ отецъ и сынъ. .	Были указателями и уѣхали съ французами.
Андре, портной	тоже.
Боргардъ, ресторатеръ.	тоже.
Дювернуа съ женою . .	Уѣхалъ.
Клермонъ.	Былъ секретаремъ и уѣхалъ съ французами обще съ женою.
Споль.	Грабилъ и былъ доносщикомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ французами съ женою.
Дюпонъ.	Поѣхалъ было съ французами, но воротился обратно; онъ былъ партизанъ французовъ.
Торіакъ.	Былъ доносщикомъ и уѣхалъ съ арміею.
Ловопьеръ	тоже.
Дретъ, ресторатеръ . .	Уѣхалъ.

([29]) Егоръ Александровичъ Дурасовъ, впослѣдствіи сенаторъ въ Москвѣ, до конца жизни сохранилъ дружбу къ однослуживцу своему Брокеру.

([30]) Брокеръ говорилъ, что полиція выступила изъ Москвы по Калужской дорогѣ со всѣми пожарными инструментами. При исполненіи приказанія объ уничтоженіи вина встрѣтилось затрудненіе, котораго не могла остановить никакая строгость: вино лилось на улицу, и народъ припадалъ къ сточнымъ канавамъ, пользуясь, не смотря на приставленый надзоръ, даровымъ угощеніемъ, многіе тутъ и остались. Изъ пожарной команды двое чиновъ, при этомъ испытаніи, утонули въ бочкахъ.

([31]) Брокеръ получилъ паспортъ для проѣзда въ Тамбовъ, гдѣ находилось его семейство. Вотъ его оригинальное содержаніе: «По указу его императорскаго величества и пр. и пр. Объявитель сего, *бывшій* Московской полицемейстеръ полковникъ Брокеръ, по случаю занятія города Москвы непріятелемъ слѣдуетъ съ позволенія моего въ городъ Тамбовъ и другія мѣста куда пожелаетъ. Почему господа команду имѣющіе благоволятъ чинить ему въ пути свободный пропускъ. Въ свидѣтельство чего сей паспортъ за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати и данъ ему полковнику Брокеръ *въ Калугѣ* сентября 25 дня 1812 года. Его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя моего генералъ отъ инфантеріи, оберъ-камергеръ, сенаторъ, орденовъ св. апостола Андрея Первозваннаго и другихъ многихъ кавалеръ графъ Ростопчинъ.»

([32]) Сличи «Русскій Архивъ» 1864, стр. 839—842 и «Русскій Архивъ» 1868, стр. 896—901.

Пети	Уѣхалъ общей съ семействомъ.
Алиберъ, поваръ	Уѣхалъ.
Клодель, учитель университета	Уѣхалъ.
Петиньакъ	Былъ сѣченъ нашимъ правительствомъ плетьми, грабилъ и уѣхалъ съ французами.
Миттонъ, учитель у Гивети	Товарищъ Виллерса, уѣхалъ.
Ниве	Уѣхалъ, былъ писаремъ.
Бурнъ	Былъ комиссаромъ, уѣхалъ.
Шальме	Былъ секретаремъ, уѣхалъ.
Ясинскій, содержавшійся прежде въ Ямѣ	Былъ факторомъ и уѣхалъ.
Боманъ	Былъ фуражеромъ и объявлялъ публично: «Теперь будетъ у насъ царь Московскій».
Лардье, кондиторъ Патеръ Казиміръ	Уѣхали.
Коншъ, купецъ	Былъ переводчикомъ и секретаремъ, уѣхалъ.
Баронъ Рембекъ, учитель математики	Издавалъ прокламаціи противъ Россіи, уѣхалъ съ переводчикомъ с.....сына Бонапарте (sic).
Шильдбахъ	Былъ коммиссаромъ, уѣхалъ съ женою и 2 дѣтьми.
Мишель, поваръ Сентъ-Жоржъ, мать и дочери	Уѣхали
Фишеръ, докторъ	Былъ главнымъ указателемъ, уѣхалъ.
Белитеръ, поваръ	Уѣхалъ.
Сего жена	Вольнодумствовала, уѣхала.
Ламираль, жена	При самомъ входѣ разбойниковъ, явилась къ Коленкуру и уѣхала съ арміею.
Ороръ Бюри	Была указательницею и своднею, уѣхала съ Лефевромъ.
Мадамъ Шальме	Извѣстна правительству по особымъ дѣламъ.
Бюшнеръ поваръ	За два мѣсяца до входа злодѣевъ уѣхалъ изъ Москвы и потомъ съ гвардіею шельмы пріѣхалъ грабить и скрылся.
Летеманъ, учитель	Былъ писаремъ у польскаго генерала, и уѣхалъ съ варварами.
Шитенъ, учитель Гриввальдъ молодая	Уѣхали.
Кракъ	Былъ фуражеромъ, уѣхалъ.
Атлеръ	тоже.
Лорберъ, купецъ	Былъ коммисаръ, уѣхалъ.
Преве, ламповщикъ	Грабилъ и уѣхалъ.
Цукъ, придворный музыкантъ	Былъ писаремъ, приставленъ къ воспитательному дому и уѣхалъ.
Меранвиль съ сыномъ, часовой мастеръ	Уѣхалъ.
Шнейдеръ, перчаточникъ	Показывалъ, гдѣ грабить, уѣхалъ съ Шальме, Божаномъ и Алтеромъ.
Бриндлеръ, поваръ	Уѣхалъ.
Виллерсъ, профессоръ	Донощикъ и оберъ-полицемейстеръ, уѣхалъ.
Франсуа Раубе	Предатель.
Антони Демандръ, коновалъ	Былъ шпіономъ у вицекороля, уѣхалъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О БУЛГАКОВЫХЪ (*).

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, хотя собственно и не принадлежалъ ни Арзамасу, ни литературной дѣятельности нашей, былъ не менѣе того общимъ нашимъ пріятелемъ, то-есть Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мнѣ и другимъ. Онъ былъ, такъ сказать, членомъ-корреспондентомъ нашего кружка. Въ печати извѣстенъ онъ нѣкоторыми статьями, болѣе біографическими и полу-или бѣгло-историческими: но въ немъ, при хорошемъ образованіи и любви къ чтенію, не было ни призванія литературнаго, ни авторскаго дарованія. Впрочемъ, что касается до нѣкоторыхъ его печатныхъ статей, то и тутъ надобно сдѣлать оговорку. Дружба дружбой, а правда правдой. Онъ не всегда держался правила „не мудрствовать лукаво," улеекался своимъ воображеніемъ и живостью впечатлѣній и сочувствій. Помню, между прочимъ, статью его, гдѣ-то напечатанную, въ которой онъ будто записалъ слова Карамзина, сказанныя въ кабинетѣ графа Ростопчина за нѣсколько дней до вступленія Французовъ въ Москву. Сущность разсказа, вѣроят-

---

(*) Написано по поводу помѣщенія нижеслѣдующихъ писемъ Жуковскаго. *П. Б.*

но, отчасти и справедлива, но много придалъ онъ Карамзину и своего собственнаго витійства. Карамзинъ ни до войны 1812 года, ни при началѣ ея, не былъ за войну. Онъ полагалъ, что мы недостаточно для нея приготовлены: опасался ея послѣдствій, при настойчивости, властолюбіи, военныхъ дарованіяхъ и счастьи Наполеона. Онъ зналъ, что Наполеонъ поведетъ на насъ всю Европу, и что она отъ него не отстанетъ. покуда онъ будетъ въ силѣ и счастіи. Онъ былъ того мнѣнія, что нѣкоторыми дипломатическими уступками можно и должно стараться отвратить, хотя на время, наступающую грозу. Патріотизмъ его былъ не патріотизмомъ запальчивыхъ газетчиковъ: патріотизмъ его имѣлъ охранительныя свойства историка.

Собственно-литература Булгакова была обширная его переписка. Въ этомъ отношеніи, онъ, по-истинѣ, былъ писатель и писатель плодовитый и замѣчательный. Вольтеръ оставилъ по себѣ многіе томы писемъ своихъ: они занимаютъ непослѣднее мѣсто въ авторской дѣятельности и славѣ его; они пережили многія его трагедіи и другія произведенія. Разумѣется, не сравнивая одного съ другимъ, можно предполагать, что едва-ли не столько-же томовъ писемъ можно было-бы собрать и послѣ Булгакова. Нѣтъ сомнѣнія, что и они, собранныя во едино, могли-бы послужить историческимъ, или, по-крайней-мѣрѣ, общежительнымъ справочнымъ словаремъ для изученія современной ему эпохи, или, правильнѣе, современныхъ эпохъ, ибо, по долголѣтію своему, пережилъ онъ многія. Кромѣ насъ, выше поименованныхъ, былъ онъ въ постоянной перепискѣ со многими лицами, занимавшими болѣе или менѣе почетныя мѣста въ нашей государственной и оффиціальной средѣ. Назовемъ, между прочими, графа Ростопчина, князя Михайла Семеновича Воронцова, графа Закревскаго. Вѣроятно, можно было-бы причислить къ нимъ и Дм. Пав. Татищева, графа Нессельроде, графа Каподистрію и другихъ. Но важнѣйшее мѣсто въ этой перепискѣ должна, безъ сомнѣнія, занимать переписка съ братомъ его Константиномъ Яковлевичемъ. Она постоянно продолжалась въ теченіи многихъ лѣтъ. Оба брата долго были почтъ-директорами, одинъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ. Слѣдовательно, могли они переписываться откровенно, не опасаясь нескромной зоркости посторонняго глаза. Весь бытъ, все движеніе государственное и общежительное, событія и слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и лица—все это, съ вѣрностью и живостью, должно было выразить себя въ этихъ письмахъ, въ этой стенографической и животрепещущей исторіи текущаго дня. Судя по нѣкоторымъ оттѣнкамъ, свойственнымъ характеру и обычаямъ братьевъ и отличавшимъ одного отъ другаго, не смотря на ихъ тѣсную родственную и дружескую связь, можно угадать, что письма К. Я., при всемъ своемъ журнальномъ разнообразіи, были сдержаннѣе писемъ брата. К. Я. былъ вообще характера болѣе степеннаго. Положеніе его въ обществѣ было тверже и опредѣлительнѣе положенія брата. Вѣроятно, нѣкоторыя изъ пріятельскихъ отношеній къ лицамъ, стоящимъ на высшихъ ступеняхъ государственной дѣятельности, перешли къ послѣднему, такъ сказать, по родству, хотя и отъ младшаго брата къ старшему. Онъ смолоду шелъ по дипломатической части и бывалъ въ военное время агентомъ министерства иностранныхъ дѣлъ при главныхъ квартирахъ дѣйствующихъ армій. Это сблизило его съ графомъ Нессельроде, графомъ Каподистріемъ, княземъ Пет. Мих. Волхонскимъ и другими сподвижниками царствованія Александра I. Умственныя и служебныя способности его, нравъ общежительный, скромность, къ тому-же прекрасная наружность, всегда привлекающая сочувствіе, снискали ему общее благорасположеніе, которое впослѣдствіи и на опытѣ умѣлъ онъ обратить въ уваженіе и довѣренность. Им-

ператоръ Александръ особенно отличалъ его и, вѣроятно, имѣлъ на виду и готовилъ для опредѣленія на одинъ изъ высшихъ дипломатическихъ заграничныхъ постовъ. Говорили, что государь очень неохотно и съ трудомъ, по окончаніи Вѣнскаго конгресса, согласился на просьбу его о назначеніи на открывавшееся тогда почтъ-директорское мѣсто въ Москвѣ. Но не за долго предъ тѣмъ Булгаковъ женился и желалъ для себя болѣе спокойной служебной осѣдлости. Московскимъ старожиламъ памятно его директорство, всѣмъ доступное—подчиненнымъ и лицамъ постороннимъ, для всѣхъ вѣжливое и услужливое; памятенъ и гостепріимный домъ его, въ которомъ за-просто собирались пріятели и лучшее общество. Съ перемѣщеніемъ его изъ Москвы въ Петербургъ, на таковую-же должность, кругъ его служебной дѣятельности и общежительныхъ отношеній еще болѣе расширился. Билліардъ (оба брата были большіе охотники и мастера въ этой игрѣ) былъ два раза въ недѣлю, по вечерамъ, неутральнымъ средоточіемъ, куда стекались всѣ званія и всѣ возрасты: министры, дипломаты русскіе и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директоры департаментовъ, начальники отдѣленій и многіе другіе, не принадлежащіе никакимъ отдѣленіямъ. Разумѣется, тутъ была и биржа всѣхъ животрепещущихъ новостей, какъ заграничныхъ, такъ и доморощенныхъ. Въ другіе дни, менѣе многолюдные, домъ также былъ открытъ для пріятелей и короткихъ знакомыхъ. Тогда еще болѣе было непринужденія во взаимныхъ отношеніяхъ и разговорѣ. Тутъ и князь П. М. Волхонскій, вообще мало обходительный и разговорчивый, распоясывался и при немногихъ слушателяхъ дѣлился своими разнообразными и полными историческаго интереса воспоминаніями. Тутъ, между прочимъ, разсказывалъ онъ намъ, въ продолженіи цѣлаго вечера, многія замѣчательныя подробности о походахъ императора Александра, или воспоминанія свои о преимущественно анекдотическомъ царствованіи императора Павла.

Собираясь говорить объ одномъ братѣ, я разговорился о другомъ; но это не отступленіе, а, скорѣе, самое послѣдовательное и логическое вводное предложеніе. Тѣмъ, которые были знакомы съ обоими братьями и знали ихъ тѣсную связь, оно не покажется неумѣстнымъ.

Александръ Яковлевичъ — уроженецъ Константинопольскій и чуть не обыватель Семибашеннаго замка, въ которомъ отецъ его довольно долго пробылъ въ заточеніи,—провелъ года молодости своей въ Неаполѣ, состоя на службѣ при посланникѣ нашемъ Татищевѣ. Онъ носилъ отпечатокъ и мѣста рожденія своего и пребыванія въ Неаполѣ. По многому видно было, что солнце на утрѣ жизни долго его пропекало. Въ немъ были необыкновенныя для нашего сѣвернаго сложенія живость и подвижность. Онъ вынесъ изъ Неаполя неаполитанскій темпераментъ, который сохранился до глубокой старости и началъ въ немъ остывать только года за два до кончины его, послѣдовавшей на 82-мъ году его жизни. Игра лица, движенія рукъ, комическія ухватки и замашки, вся эта южная обстановка и представительность, были въ немъ какъ-будто врожденными свойствами. Отъ него такъ и несло шумомъ и движеніемъ Кіяи и близостью Везувія. Онъ всегда, съ жаромъ и даже умиленіемъ, мало свойственнымъ его характеру, вспоминалъ о своемъ Неаполѣ и принадлежалъ ему какимъ-то родственнымъ чувствомъ. И немудрено! Тамъ протекли лучшіе годы его молодости. Молодость впечатлительна, а въ старости мы признательны къ ней и ею гордимся, какъ раззорившійся богачъ прежнимъ обиліемъ своимъ, пышностью и роскошью. Онъ хорошо зналъ италіянскій языкъ и литературу его. Въ разговорѣ своемъ любилъ онъ вмѣшивать италіянскія прибаутки. Впрочемъ, вмѣстѣ съ этою заморскою и южною прививкою, онъ былъ настоящій, коренной Русскій и по чувствамъ сво-

имъ и по мнѣніямъ. Отъ его сочувствій и сотрудничества не отказался-бы и современникъ его, нашъ пріятель Сер. Ник. Глинка, Русскій перваго разбора, и основатель „Русскаго Вѣстника.“ Иумъ его имѣлъ настоящія русскія свойства: онъ ловко умѣлъ подмѣчать и схватывать разныя смѣшныя стороны и выраженія встрѣчающихся лицъ. Онъ мастерски разсказывалъ и передразнивалъ. Бесѣда съ нимъ была часто живое театральное представленіе. Тутъ опять сливались и выпукло другъ другу помогали двѣ натуры: русская и итальянская. Часто потѣшались мы этими сценическими выходками. Разумѣется, Жуковскій сочувствовалъ имъ съ особеннымъ пристрастіемъ и добродушнымъ хохотомъ. Булгаковъ вынесъ изъ Италіи еще другое свойство, которое также способствовало ему быть занимательнымъ собесѣдникомъ: онъ живо и глубоко проникнутъ былъ музыкальнымъ чувствомъ. Музыкѣ онъ не обучался и, слѣдовательно, не былъ музыкальнымъ педантомъ. Любилъ Чимарозе и Моцарта, нѣмецкую, итальянскую и даже французскую музыку, въ хорошихъ и первостепенныхъ ея представителяхъ. Самоучкой, по слуху, по чутью, разъигрывалъ онъ на клавикордахъ цѣлыя оперы. Когда основалась итальянская опера въ Москвѣ предпріятіемъ и иждивеніемъ частныхъ лицъ — кн. Юсупова, кн. Юрія Владиміровича Долгорукова, Степана Степановича Апраксина, кн. Дмитрія Владиміровича Голицина и другихъ любителей—Булгаковъ болѣе всѣхъ насладился этимъ пріобрѣтеніемъ: оно переносило его въ счастливые года молодости. Впрочемъ, имѣло оно, несомнѣнно, изящное и полезное вліяніе и на все Московское общество. Часто, послѣ представленія какой-нибудь новой оперы, заходилъ онъ ко мнѣ и далеко за-полночь разъигрывалъ съ памяти мѣста, которыя наиболѣе намъ понравились. Тутъ воспроизводились и въ звукахъ музыкальныя мелодіи, и въ лицахъ впечатлѣнія и сужденія иныхъ новозавербованныхъ меломановъ, которые, изъ подчиненности къ начальству и къ модѣ, выдавали себя за пламенныхъ диллетантовъ. Между тѣмъ, были и въ то время *запретительные* патріоты и протекціонисты: они, оберегая домашнюю духовную промышленность, вопили противъ привознаго заграничнаго удовольствія. Еще можно признавать, въ нѣкоторомъ размѣрѣ, требованія протекціонистовъ въ дѣлѣ фабричномъ и ремесленномъ; но въ дѣлѣ свободныхъ искусствъ, кажется, нельзя не быть фритредеромъ. Вообще, должно опасаться неблагоразумно съуживать чувство народности и любви къ отечеству: по этой дорогѣ скоро дойдешь и до Китайской стѣны. Кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ не любилъ Кокошкина, тогда директора Московскаго театра. Можетъ быть, въ эту нелюбовь входила и частичка сомѣстничества и ревности. Князь бывалъ самъ главнымъ директоромъ Петербургскихъ театровъ: большой и просвѣщенный любитель драматическаго искусства, по преданіямъ юности пламенный почитатель Сумарокова и знавшій наизусть многія мѣста изъ его трагедій,—можетъ быть, желалъ онъ причислить и Московскую Дирекцію къ своему вѣдомству Кремлевской Экспедиціи. Своимъ рѣзкимъ, а иногда слегка и чингизъ-хановскимъ, остроуміемъ преслѣдовалъ онъ Кокошкина и поднималъ его на смѣхъ. Однажды говорилъ онъ кн. Дмитрію Владиміровичу Голицыну, что его кучеръ (т. е. кн. Юсупова) былъ-бы лучшимъ директоромъ, нежели Кокошкинъ. „Вотъ что со мною случилось“, продолжалъ онъ: „однажды, выходя изъ оперы, долго прождалъ я карету. Когда ее подали, я гнѣвно спросилъ кучера о причинѣ замедленія. — „Извините, Ваше Сіятельство,“ отвѣчалъ мнѣ кучеръ: „я былъ въ райкѣ, мнѣ хотѣлось послушать музыку.“ — Это признаніе совершенно обезоружило мой гнѣвъ. А вашъ Кокошкинъ ни разу не былъ въ итальянской оперѣ!“

Вотъ еще отступленіе. Но, собственно для меня, тутъ отступленія нѣтъ. Образъ Булгакова самъ собою такъ и вставляется въ раму итальянской оперы. Какъ-будто вчера, сижу въ креслахъ возлѣ него: такъ и кажется мнѣ, что онъ знакомитъ меня съ особенностями итальянизмовъ музыки и либретто.

Послѣ Неаполя, едва-ли не лучшее время жизни его было время его почтдиректорства. Тутъ былъ онъ также совершенно въ своей стихіи. Онъ получалъ письма, писалъ письма, отправлялъ письма: словомъ сказать, купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ Окѣ. Московскія барыни закидывали его любезными записочками съ просьбой переслать прилагаемое письмо или выписать что-нибудь изъ Петербурга, или Парижа. Здѣсь кстати сказать, что гражданскіе порядки у насъ какъ-то туго прививаются. Мы во многомъ держимся патріархальныхъ и доисторическихъ привычекъ. Многіе любятъ у насъ писать по „сей вѣрной окказіи“ и увѣдомлять, что „по отпускѣ письма сего, они, благодаря Бога, живы и здоровы.“ Также равно есть у насъ разрядъ Молчалиныхъ, которые любятъ списывать стишки, уже давно напечатанные. Булгаковъ не даромъ долго жилъ въ Неаполѣ и усвоилъ себѣ качества *cavaliero servente* и услужливаго *сичисбея*. Теперь, за истеченіемъ многихъ законныхъ давностей, можно признаться, безъ нарушенія скромности, что онъ всегда, болѣе или менѣе, былъ *inamorato*. Казенные интересы Почтоваго Вѣдомства могли немножко страдать отъ его любезностей; но за то почтъ-директоръ былъ любимецъ прекраснаго пола.

Въ одномъ письмѣ своемъ Жуковскій говоритъ ему: „ты созданъ былъ почтъ-директоромъ дружбы и великой Русской Имперіи“. Въ томъ-же отношеніи, въ другомъ письмѣ, Жуковскій, съ своимъ геніальнымъ шутовствомъ, очень забавно опредѣлилъ письмоводительное свойство Булгакова: „ты рожденъ гусемъ, т. е. все твое существо утыкано гусиными перьями, изъ которыхъ каждое готово безъ устали писать съ утра до вечера очень любезныя письма“. Обоихъ братьевъ называлъ я „Любовною Почтой“ (*). Но наконецъ бѣднаго гуся, Жуковскимъ прославленнаго, ощипали. Когда уволили его изъ почтоваго вѣдомства съ назначеніемъ въ Сенатъ, онъ былъ пораженъ, какъ громомъ. Живо помню, какъ пришелъ онъ ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ: на немъ лица не было. Я подумалъ, Богъ знаетъ, что за несчастіе случилось съ нимъ. Я убѣжденъ, что сенаторство, то-есть отсутствіе почтовой дѣятельности, имѣло прискорбное вліяніе на послѣдніе годы жизни его и ее сократило. До того времени бодро несъ онъ свою старость. Сложенія худощаваго, поджарый, всегда держащійся прямо, отличающійся стройной таліей Черкеса, необыкновенной живостью въ движеніяхъ и рѣчи,—онъ вдругъ осунулся тѣломъ и духомъ. Такимъ находилъ я его, когда въ послѣднее время пріѣзжалъ въ Москву. Мы и тогда часто видались, но бесѣды были уже не тѣ. Я видѣлъ предъ собою только тѣнь прежняго Булгакова, темное преданіе о живой старинѣ. Послѣ, и того уже не было. Бѣдный Булгаковъ, уже переживщій себя, окончательно умеръ въ Дрезденѣ у младшаго сына своего.

Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ моихъ въ Москву уже не нашелъ я и старшаго сына его Константина. Разбитый недугомъ и параличемъ и въ послѣдніе годы жизни казавшійся старикомъ въ виду молодаго отца своего, онъ обыкновенно угощалъ меня артистическимъ вечеромъ. Тутъ слушалъ я стихи Алмазова, комическіе разсказы Садовскаго и самого хозяина, котораго прозвалъ я Скарономъ; а самъ себя называлъ онъ скоромнымъ Скарономъ. На этихъ вечерахъ, уже хриплымъ голосомъ, но еще съ большимъ одушевленіемъ, распѣвалъ онъ рамансы прі-

(*) Опера кн. Шаховскаго.

ятеля своего Глинки. По наслѣдству отъ отца, имѣлъ онъ также отличный даръ передразниванья: представлялъ, въ лицахъ и въ голосѣ, извѣстныхъ пѣвцо̀въ итальянскихъ и русскихъ. Особенно умѣлъ онъ схватить пріемы пѣнья нашего незабвеннаго Вьельгорскаго и картавое произношеніе его. Вотъ также была богатая русская натура: это второе поколѣніе Булгаковыхъ. Музыкантъ въ душѣ, но также самоучка, остроумный, безъ приготовительнаго образованія, хорошо владѣющій карандашемъ, особенно въ каррикатурѣ, — онъ былъ исполненъ дарованій, не усовершенствованныхъ прилежаніемъ и наукой. Все это погубила преждевременно жизнь слишкомъ беззаботная и невоздержная. Онъ тоже былъ особенная и оригинальная личность въ Московской жизни. Все это переходитъ въ разрядъ темныхъ преданій.

Все близкое и знакомое мнѣ въ Москвѣ годъ отъ году исчезаетъ. Москва все болѣе и болѣе становится для меня Помпеей. Для отыскиванія жизни, то-есть того, что̀ было жизнью для меня, я не могу ограничиваться одною внѣшностью: я долженъ дѣлать разъисканія въ глубинѣ почвы, давно уже залитой лавою минувшаго. *Князь Вяземскій.*

Царское Село.
Августъ.

Письма В. А. Жуковскаго къ Московскому Почтдиректору А. Я. Булгакову (1).

I.

$^{10}/_{22}$ Октября 1843.
Дюссельдорфъ.

Я такъ давно къ тебѣ не писалъ, моя рожица, что уже и не знаю какъ писать, а мнѣ надобно бы было еще и поблагодарить тебя за присылку твоей панегирической диссертаціи о гуслистѣ Листѣ. Слово *гуслистъ* весьма ему прилично, ибо всякой, слушая его, долженъ говорить: экой *гусь*! А ты это восклицаніе весьма хорошо перифразировалъ въ своей статьѣ, которую я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, за которую тебя благодарю, хотя и долженъ признаться, что еще не слыхалъ Листа; а это тѣмъ непостижимѣе, что я *могъ* его слышать, ибо онъ проѣзжалъ черезъ Дюссельдорфъ; давалъ здѣсь концертъ, а я варваръ не полѣзъ изъ кожи, чтобы услышать его. Я только разъ имѣлъ счастіе встрѣтиться на пароходѣ съ его собакою изъ знаменитой фамиліи Шпицовъ, которую подарила ему Великая Княгиня Ольга Николаевна (по словамъ молодаго Француза, ѣхавшаго на пароходѣ съ этимъ Шпицомъ къ Листу, который тогда находился въ Кобленцѣ и который этому Французу поручилъ воспитаніе своей собаки). И подлинно я имѣлъ случай полюбоваться нѣжности этого воспитателя къ своему четвероногому питомцу: онъ безпрерывно кликалъ его, передъ нимъ коверкался, пощелкивалъ пальцами, посвистывалъ и уже пренебрегалъ остальнымъ міромъ пароходнымъ. А когда я спросилъ у него: что за собака, то онъ гордо поднялъ голову и отвѣчалъ мнѣ съ героическою декламаціею: C'est le chien de List. — Но это эпизодъ давнишняго путешествія; а въ нынѣшнемъ году я былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ и только съ 26 Сентября н. с. усѣлся на мѣстѣ. Возилъ жену въ Эмсъ, гдѣ мы пробыли 5 недѣль; потомъ въ Швальбахъ, гдѣ прожили 3 недѣли. Проводивъ жену въ Дюссельдорфъ, я долженъ былъ съѣздить въ Штутгардъ, гдѣ говѣлъ и на проѣздѣ черезъ Баденъ, возвращаясь къ себѣ, узналъ о прибытіи въ Берлинъ Государя отъ Великаго Князя Михаила Павловича. Это заставило меня по пріѣздѣ въ Дюссельдорфъ отправиться въ Берлинъ, гдѣ я остался до Государева

---

(1) Сообщены Павломъ Александровичемъ Булгаковымъ. Сл. Библ. Зап. 1858, стр. 547.

отъѣзда; наконецъ я кончилъ свою Одиссею и остался на мѣстѣ и принялся за Одиссею Гомерову, съ которымъ мнѣ такъ же трудно ладить какъ самому Одиссею съ сердитымъ Нептуномъ; но надѣюсь на Минерву—поможетъ и мнѣ, какъ своему Греческому герою. Другихъ вѣстей у меня про тебя нѣтъ. О рожденьи царскаго внука (²) я узналъ скоро и самымъ прiятнымъ образомъ: отъ Великаго Князя Михаила Павловича, къ которому дошло изъ Берлина телеграфическое извѣстiе въ Маинцъ, гдѣ онъ сѣлъ на пароходъ для переѣзда въ Англiю. Онъ остановился въ Дюссельдорфѣ и прислалъ за мною фельдъегеря, чтобы сказать мнѣ радостную новость. Жду его теперь на возвратномъ пути изъ Англiи.

Вотъ уже Богъ знаетъ сколько времени, какъ я не получаю писемъ ни отъ кого изъ своихъ. Я знаю, что ко мнѣ должны быть письма, а писемъ нѣтъ. Это проказа почты. Жалуюсь тебѣ, какъ Почтъ-Директору. У насъ, это извѣстно, письма распечатываются, и много незваныхъ читателей заглядываетъ въ страницы писанныя не для нихъ, отъ чего конечно великой пользы нѣтъ никому—но пусть читаютъ; да вотъ что худо, прочитанныя письма бросаются и не доходятъ къ тѣмъ, кому они адресованы. А часто бываетъ въ нихъ большая нужда. A propos. Читалъ ли ты Собаку-Кюстина? Вѣрно читалъ. Я не хочу знать, что̀ ты думаешь о его похвальномъ словѣ Русскому народу въ 4 томахъ въ 8⁰. Но вотъ что желаю знать, видѣлъ ли ты его самаго, когда онъ былъ въ Москвѣ. Я самъ былъ въ Москвѣ въ его время, ибо это было въ эпоху Бородинской годовщины; но я объ немъ не слыхалъ. Кого описываетъ онъ подъ именемъ Lovelace du Creml?

Я видѣлъ князя Дмитрiя Владимiровича Голицына. Нарочно для меня прiѣзжали они изъ Кельна въ Дюссельдорфъ. Я былъ ему Cicerone въ здѣшнихъ ateliers: потомъ онъ пилъ у меня чай и ужиналъ и на другой день на параходѣ отправился обратно въ Кельнъ, чтобы по желѣзной дорогѣ промчаться чрезъ Альпы и Бельгiю и потомъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ. Я очень былъ радъ его видѣть и очень тронутъ его лестнымъ обо мнѣ воспоминанiемъ. Онъ, кажется, довольно здоровъ.

Прощай, моя душа. Приложенныя письма прошу разослать по адресамъ. Да напиши мнѣ поболѣе вѣстей Русскихъ. Въ Allgemeine Zeitung стоитъ о поѣздкѣ Императорской Фамилiи въ Москву. Я не имѣю никакихъ извѣстiй объ этомъ. Правда ли, и что еще у васъ дѣлается? Еще вопросъ: я давно, давно уже слышалъ, что Боде (³) выигралъ свой процессъ въ Англiи и что имъ слѣдуетъ получить большiя суммы. Правда ли это? и въ чемъ состоитъ выигрышъ?

II

Съ послѣдняго письма моего, милый Александръ, много воды утекло въ рѣкѣ Рейнѣ и во всѣхъ рѣкахъ сего мiра. А съ Рейнской водою и я утекъ изъ Дюссельдорфа во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ и поселился, гдѣ и пробуду до моего пресѣленiя къ вамъ на берега Москвы, что̀ конечно не замедлитъ, если Богу угодно будетъ, чтобы жена моя благополучно подарила своей дочкѣ или брата или сестру и чтобы послѣ этого подарка ея здоровье устроилось.—Но теперь пишу къ тебѣ не для того, чтобы разсказывать о себѣ и о своихъ, до этого дойдетъ послѣ. Во все послѣднее время,

(²) Покойнаго Великаго Князя Николая Александровича.

(³) Баронъ Левъ Карловичъ Боде, покойный президентъ Московской дворцовой конторы; мать его была изъ старинной англiйской фамилiи Киннерслей; процессъ бароновъ Боде состоитъ во взыскѣ съ Англiйскаго правительства полученныхъ имъ съ Францiи для выдачи баронамъ Боде и не уплачиваемыхъ доселѣ суммъ.

отъ бездны разныхъ хлопотъ и отъ переѣздовъ, я не писалъ никому и былъ похожъ на размыканную тряпку; теперь начинаю быть похожимъ если еще не на человѣка, то хотя на обезьяну, а скоро дойду и до человѣческаго образа; тогда заговорю порядкомъ и съ тобою. Теперь же другое дѣло до тебя и очень важное: прошу тебя позаботиться о немедленномъ и вѣрномъ доставленіи приложеннаго письма. Если Викулина нѣтъ ни въ Задонскѣ, ни въ его деревнѣ, то нельзя ли черезъ Почтамтъ за деньги узнать, гдѣ онъ, дабы ему переслать письмо. Въ доставленіи его состоитъ кровная нужда, и ты обяжешь меня много, много, если примешь къ сердцу это дѣло.— Увѣдомь немедленно, что̀ сдѣлаешь. Тургеневъ былъ у меня, теперь въ Киссингенѣ, оттуда въ Вильдбадъ и можетъ быть въ Гастейнъ. Онъ теперь охилѣлъ и много страдаетъ отъ болѣзни и отъ мыслей. Послѣ леченья поживетъ у меня.—Дай вѣрныхъ вѣстей о томъ, что̀ у васъ дѣлается.

Твой Жуковскій.

$^{11}/_{23}$ Іюля 1844.

Франкфуртъ на Майнѣ.

Можетъ быть и еще будутъ письма на имя Викулина, они пойдутъ черезъ тебя; не откажись переслать ихъ: дѣло не только нужное, но и благодѣтельное со стороны твоей.

III.

Прошу тебя, мой милый Булгаковъ, описать мнѣ всѣ подробности, какія ты знаешь, кончины нашей несравненной Великой Княгини [1]. Хотя ты и не въ Петербургѣ, но вѣрно все знаешь; да въ Москвѣ многое можешь собрать. Я желалъ бы имѣть все, что̀ объ ней говорятъ, желалъ бы знать всѣ малѣйшія обстоятельства. Я знаю, что ты не полѣнишься мнѣ написать — ибо тебѣ будетъ усладительно говорить объ ней, и можешь быть увѣренъ, что сдѣлаешь мнѣ сердечное добро. И такъ буду отъ тебя ожидать большаго письма, и конечно ты мнѣ будешь отвѣчать немедленно. Я только что узналъ о этомъ общемъ несчастіи; но подробностей нѣтъ никакихъ, а изъ Петербурга никто ко мнѣ не пишетъ.

Самъ я къ тебѣ пишу мало, ибо надобно написать нѣсколько писемъ немедленно. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Жуковскій.

$^{11}/_{23}$ Августа 1844.

Франкфуртъ Н. М.

IV.

$^{11}/_{23}$ Генваря 1845 г.

Мой милый Александръ, поздравляю тебя съ Новымъ годомъ; а ты поздравь меня съ сыномъ, который въ самый Новый годъ родился и теперь уже провелъ первые десять дней земной жизни своей весьма благополучно. И мать и ребенокъ здоровы, и все идетъ, благодаря милосердому Богу, такъ хорошо, какъ только желать можно. Сынишка мой начинаетъ уже нѣсколько бѣлѣть, благодаря здоровому питью, которое черпаетъ изъ груди матери; до сихъ поръ онъ былъ красенъ какъ ракъ и имѣлъ всѣ пріемы рака; теперь начинаетъ поглядывать кругомъ себя веселыми черными глазами, которые очень свѣтлы и милы; думаю, что онъ болѣе будетъ похожъ на свою мать нежели на меня: тѣмъ лучше; только едвали будетъ, какъ она, бѣлокурый. Благодарю тебя за скорое доставленіе моего послѣдняго письма и за увѣдомленіе о томъ. Но напрасно ты гнѣваешься на мой дурной почеркъ: онъ все конечно лучше твоего. Ты же для разбора моихъ писемъ имѣешь подлѣ себя нѣкоторую Ольгу, съ которою иногда по десяти минутъ за однимъ словомъ просиживаешь. Если бы у меня была такая помощница для разбора твоихъ писемъ, то я бы благо-

[1] Александры Николаевны.

словлялъ твои каракульки; но жена по русски не разумѣетъ, Ольга [5] твоя далеко, и я долженъ биться одинъ какъ рыба въ сѣтяхъ твоего неизглаголаннаго маранья. И такъ мы другъ другу ничѣмъ не должны. И ты во всякомъ случаѣ въ выгодѣ. Не ворчи же. Изъ присланной мнѣ росписки Шевырева я вижу, что ты написалъ статью о кончинѣ кн. А. Н. Голицына. Я хотѣлъ просить тебя, чтобы ты мнѣ сообщилъ ея подробности; но въ твоей статьѣ вѣроятно заключается все главное. Пришли мнѣ ее или въ спискѣ или печатную, и дополни то, чего будетъ не доставать и чего, можетъ быть, ты не хотѣлъ сказать публикѣ. И для меня сердечная потеря кончина нашего добраго князя. Онъ основатель моего благосостоянія [6]; онъ всегда мнѣ дѣлалъ добро по сердцу, и черезъ него всегда можно было дѣлать добро другимъ. Во многихъ отношеніяхъ рѣдкій человѣкъ. Съ нимъ исчезъ вѣкъ Екатерины; онъ былъ оставленный бояринъ, царедворецъ въ хорошемъ смыслѣ и пріятный собесѣдникъ. Такихъ экземпляровъ въ нынѣшнемъ нашемъ большомъ свѣтѣ ужъ не много осталось; да и осталось ли? кто бы? Если знаешь, назови.

Я забылъ тебѣ сказать, что мой сынъ будетъ названъ Павломъ. Крестить его будетъ Великій Князь Наслѣдникъ. Крестины совершены будутъ въ день моего рожденія 29 Генваря с. с. Въ этотъ день обо мнѣ вспомни. Обнимаю Жуковскій.

V.

Я къ тебѣ давнымъ давно писалъ, любезнѣйшій Александръ, о рожденіи моего сына Павла, которому теперь уже исполнилось шесть недѣль. Но видно, что ты этому извѣстію не радъ, ибо отъ тебя нѣтъ отвѣта; но видно и родные мои не рады, ибо ни на одно изъ писемъ, вложенныхъ въ твой пакетъ, я также не получилъ отвѣта; и никто изъ Петербургскихъ друзей моихъ мнѣ не отвѣчаетъ. Что за онѣмѣніе такое пришло въ васъ! Одинъ только крестный отецъ сына, мой милый Великій Князь, за всѣхъ ко мнѣ пишетъ; вчера получилъ третье письмо Его послѣ рожденія сына. За то, что въ такомъ случаѣ ты могъ со мною играть въ молчанку, болѣе писать не буду; а только возлагаю на тебя обязанность переслать приложенныя письма по адресамъ. И въ нихъ только весьма коротко сказанная побранка. Впрочемъ всѣ мы Русскіе люди—то есть безпечные лѣнивцы; между ними ты еще лучшій; ты человѣкъ аккуратный и въ перепискѣ часто восхитительный. А пишешь, не погнѣвайся, хотя и прекраснымъ почеркомъ, а менѣе четко нежели я; я не бѣсился бы на твои каракульки, если бы твоя милая княгиня Ольга мнѣ помогала ихъ разгадывать; но въ одиночку это горячка съ пятнами. Жена же на бѣду еще полная Нѣмка и Русскому языку не горазда.

Прощай. Увѣдомь что̀ у васъ дѣлается. Жуковскій.

$^{10}/_{22}$ Февраля (1845).

VI.

$^{11}/_{23}$ Апрѣля (1845).

Христосъ Воскресе, мой милый Александръ. И это письмо не есть еще отвѣтъ на твои милыя, дружескія, длинныя и совершенно не разборчивыя. Теперь хочу только послать тебѣ братское, христіанское привѣтствіе въ день великаго праздника, который нигдѣ такъ не празднуется, нигдѣ такъ не говоритъ сердцу, нигдѣ такъ не согрѣваетъ въ душѣ семейнаго чувства, и божественнаго и человѣческаго, какъ въ нашей Москвѣ, гдѣ столько разъ въ моей молодости слы-

---

(5) Княгиня Ольга Александровна Долгорукова, дочь А. Я. Булгакова.

(6) См. Рус. Арх. 1867 г., стр. 816.

шалъ я голосъ нашего громозвучнаго колокола Ивановскаго, котораго гулъ въ великую полночь Воскресенія какъ будто сливалъ въ одинъ гимнъ и небо и землю. Приведетъ Богъ, авось, и на старости съ моими молодыми дѣтьми и съ моими старыми друзьями услышать опять этотъ голосъ, столь выразительный, столько прошедшаго воскрешающій, столько будущаго высказывающій.—Еще и съ тобою надѣюсь не разъ поцѣловаться въ Успенскомъ соборѣ, и услышать отъ тебя на мое Христосъ Воскресе, твое отвѣтственное Воистину Воскресе. Прощай пока. Передай одно приложенное письмо и перешли другое. И то и другое короче этого. Во всѣхъ нихъ только *Христосъ Воскресе!* Но развѣ этого мало?

Вчера я получилъ письмо отъ нашего старика Полетики (7). Онъ ѣдетъ за границу въ маѣ и обѣщаетъ навѣстить меня на берегу Майна. Радъ буду сердечно увидѣть его. Ж.

VII.

1/13. Октября 1845 г. Франфуртъ н/М.

Видишь ты какой—не пишешь да и только; а я писалъ къ тебѣ изъ Ниренберга и пакетъ къ тебѣ огромный послалъ и не знаю, получилъ ли ты эти письма; и сказалъ ли Тургеневу, что ему стыдно, пріѣхавши въ Москву, забыть меня и не увѣдомить по крайней мѣрѣ жену мою о томъ, что̀ съ нимъ дѣлается, какъ его здоровье, что̀ онъ дѣлаетъ, что̀ будетъ дѣлать, гдѣ останется на зиму и что потомъ. Скажи ему опять, что я о болѣзни его и о разныхъ его похожденіяхъ съ Коппомъ не говорилъ, ибо это только бы разсердило Коппа: онъ за глаза никого лечить не хочетъ и разъ мнѣ это уже объявилъ. Попроси его покорнѣйше увѣдомить меня письмомъ и подробнымъ письмомъ такимъ, какія онъ пишетъ изъ Парижа къ друзьямъ для Современника и Москвитянина. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я возвратился изъ Ниренберга, гдѣ прожилъ болѣе двухъ недѣль, ожидая Императрицы (не считая поѣздки до Гофа и обратно, что̀ произошло отъ сумятицы въ маршрутѣ) и наконецъ Ея дождался и очень радъ, что не поѣхалъ для свиданія съ Нею въ Берлинъ; иначе мнѣ, и особенно женѣ моей, не было бы никакого способа быть съ Нею. Напротивъ въ Ниренбергѣ это было какъ нельзя лучше. Она для отдыха цѣлый день провела въ Ниренбергѣ. Въ самый день Ея туда пріѣзда я выѣхалъ на встрѣчу къ Ней по желѣзной дорогѣ въ Гамбургъ, тамъ съ Нею обѣдалъ, съ Нею пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Ниренбергъ, и въ тотъ же вечеръ Она пригласила жену; на другой день въ 10 часовъ утра жена привела къ Ней дочь и осталась у Нея болѣе часа; потомъ мы у Нея обѣдали; послѣ обѣда въ пять часовъ Она велѣла женѣ опять придти къ Ней съ дочерью, которой надавала игрушекъ; потомъ опять мы у Нея ужинали. А на другой день и я и жена, пришедши рано по утру въ трактиръ, гдѣ Она почивала, чтобы съ Нею проститься, нашли Ее одну съ Великимъ Княземъ, и Она насъ пригласила съ собою завтракать. Такимъ образомъ въ двадцать четыре часа жена видѣла Ее на просторѣ шесть разъ, чего въ другомъ мѣстѣ въ цѣлый годъ не могло бы случиться, и изъ этихъ 6-ти свиданій два были такія, которыхъ душа никогда не забудетъ. Императрицу надобно видѣть вблизи; нѣтъ ничего прелестно-добрѣе этой высокой, свѣтлой души; въ Ниренбергѣ, послѣ пя-

(7) Петръ Ивановичъ Полетика, долго бывшій дипломатомъ и, между прочимъ, посланникомъ нашимъ въ Соединенныхъ Америк. Штатахъ, потомъ сенаторомъ въ Петербургѣ, кончившій жизнь свою въ отставкѣ. Онъ былъ членомъ Арзамаскаго общества, подъ прозваньемъ «Очарованный Челнокъ», вслѣдствіе многихъ странствованій его по старому и новому свѣту. При большомъ простодушіи и добродушіи, имѣлъ онъ какую-то формальность и брюзгливость квакера и американца. Ср. стр. 1466-ю.

ти лѣтъ разлуки, я встрѣтилъ Ее точно такую, какую зналъ въ лучшія минуты Ея жизни. А я знаю Императрицу конечно лучше всѣхъ Ея приближенныхъ: то есть знаю сокровища Ея сердца. На счетъ здоровья Ея я теперь совершенно успокоился: это не аневризмъ, а просто разстройство нервъ, которыя покоемъ, климатомъ и путешествіемъ придутъ въ порядокъ, и Она возвратится къ намъ совсѣмъ изцѣленною.—Я здѣсь видѣлъ Похвиснева; онъ мнѣ говорилъ о домѣ Вяземскаго въ Москвѣ и совѣтовалъ его нанять. Есть ли домъ у Вяземскаго? Нельзя ли мнѣ прислать его планъ? Я буду о немъ писать къ Вяземскому. Видишь, что я не на шутку къ вамъ собираюсь. Прощай. Приложенное перешли Ж.

VIII.

Вотъ какая оказія, Александръ Яковлевичъ! Вздумалось мнѣ подражать—хорошо, хорошо! радуюсь и поздравляю ([8]). Одиночество плохой товарищъ подъ старость; ты выдумалъ самое лучшее средство прогнать отъ себя этого надоѣдалу; и поступаешь, вижу, весьма осторожно; не на счастіе вынимаешь билетъ изъ лотерейной кубышки, ибо въ такомъ случаѣ могъ бы вынуть и пустой, а, подсмотрѣвъ выигрышный, хватаешься за него навѣрное. Въ добрый часъ, дай Богъ тебѣ долго, долго тѣшиться самоизбраннымъ счастіемъ; а когда придетъ пора, желаю, чтобы съ тобою и съ женою случилось тоже, что̀ съ покойнымъ Филемономъ и его сожительницею Бавкидою: оба, разомъ, въ одну минуту, стали сѣнистыми деревьями. И если въ самомъ дѣлѣ, по прошествіи многихъ лѣтъ, вздумается вамъ опять превратиться въ деревья, то обѣщаю тебѣ, что мои дѣти съ моими внуками будутъ приходить подъ вашу тѣнь и будутъ поминать васъ добромъ и меня вмѣстѣ съ вами. Но пока еще мы на этомъ свѣтѣ, дай Богъ тебѣ на долго такое счастіе, какое Онъ мнѣ далъ—лучшаго желанія тебѣ на свадьбу подарить не могу; пусть будетъ оно отъ меня приданымъ женѣ твоей. А когда ваша свадьба? Прошу увѣдомить объ этомъ и все описать съ обыкновеннымъ твоимъ любезнымъ многорѣчіемъ.—Въ будущемъ году самъ пріѣду освидѣтельствовать, вполнѣ ли получено посылаемое мною приданое, что̀ впрочемъ и несомнѣнно. Ибо такого рода посылка дойдетъ до тебя вѣрно: ты же самъ Почтъ-Директоръ. Прошу меня, представить будущей любезной женѣ твоей, а я заочно рекомендую ей свою.

Что же это дѣлается съ Тургеневымъ? Бывало, изъ Парижа и изъ Карлсбада пишетъ. А теперь давнымъ давно ни слова. Я этого понять не умѣю. Попроси его разгадать мнѣ эту загадку. Сердиться ему на меня кажется, не за что. А не писать писемъ противно его натурѣ. Тутъ есть какая нибудь закорючка. Но я, скажи ему, до тѣхъ поръ не напишу къ нему, пока не увижу передъ собою письма его.

Прощай. Жена тебѣ кланяется дружески. Жуковскій.

30 Октября. 1845 г.

IX.

20 декабря 1845 г
1 генваря.

Милый другъ, душевно благодарю тебя за то, что ты обо мнѣ вспомнилъ въ такую горькую для обоихъ насъ минуту ([9]). Вотъ и еще одинъ дорогой товарищъ жизни меня оставилъ, и онъ изъ всѣхъ былъ самый давнишній. По старшинству лѣтъ надлежало бы мнѣ пойти впередъ, но Богъ ми-

([8]) А. Я. Булгаковъ въ это время женился вторично на вдовѣ Мацневой.

([9]) Кончина А. И. Тургенева въ Москвѣ 3 декабря 1845 года.

лостивъ со мною; такъ недавно окруживъ меня моимъ особеннымъ міромъ, въ которомъ жизнь моя можетъ быть и мила и нужна, не мнѣ, а *моимъ*, Онъ благоволилъ отложить мое отбытіе; Онъ выбралъ изъ нашего круга одного изъ самыхъ усталыхъ и послалъ ему смерть какъ награду, быструю, безъ страданія, и даже христіански-приготовленную: какого приготовленія къ смерти можно желать лучше этихъ часовъ, проведенныхъ подъ зимнею вьюгою, посреди бѣдныхъ ссыльныхъ, для раздачи имъ помощи, предварительно собранной Христа ради?—Смерть удивительно и быстро знакомитъ съ *истиннымъ* бывшимъ человѣкомъ: теперь, когда думаю объ немъ, вижу одну младенческую душу безъ пятна, въ которую никогда злое намѣреніе не заходило. Все мелочное осыпалось какъ пыль; одно доброе, истинно прекрасное сіяетъ передъ умиленнымъ сердцемъ. Это мелочное принадлежало жизни, это прекрасное съ нимъ на всю вѣчность. Я считаю великимъ для себя счастіемъ, что онъ, въ послѣднее время (ведя такъ давно кочевую жизнь по Европѣ) отдохнулъ (и два раза) подъ моей семейной кровлею, гдѣ было ему очень привольно. Такимъ образомъ будетъ у меня не одно *одинокое*, *мое* объ немъ воспоминаніе, но и воспоминаніе *семейное*: жена съ нимъ тотчасъ сдружилась и поняла очень скоро все, что было въ немъ такъ особенно прекрасно; смерть его была для насъ общимъ родственнымъ горемъ. Вчера я послалъ къ его брату (10) письмо *предупредительное*, дабы не вдругъ ударить по сердцу его страшнымъ извѣстіемъ. Изъ этого письма онъ увидитъ что ему нельзя ожидать ничего *хорошаго* и приготовится къ послѣднему слову; а это послѣднее слово пошлю къ нему нынче. Помоги ему Богъ сладить съ новою бѣдою! Правда, около него есть семья, но въ братѣ имѣлъ онъ все остальное, что на землѣ дорого: друга, отца, благотворителя.—Прошу тебя увѣдомить меня, въ какомъ положеніи хозяйственныя дѣла ихъ? Все ли утверждено за братомъ? Такъ же я бы желалъ, чтобы бумаги, оставшіяся въ Москвѣ послѣ А., небыли тронуты. Думаю, что онѣ всѣ находятся у Ал. Ил. Нефедьевой (11). Нельзя ли попросить ее отъ меня, чтобы до моего прибытія въ Москву онѣ были оставлены подъ ея печатью: надобно ихъ сохранить и привести въ порядокъ. Это дѣло друзей его. Увѣдомь обо всемъ, что было послѣ твоего посланнаго письма.

Поручаю тебѣ сказать мое душевное почтеніе Александрѣ Ильинишнѣ: Богъ послалъ ей великое утѣшеніе, даровавъ возможность закрыть глаза нашему другу. Думаю, что я вполнѣ понимаю ея теперешнее чувство; и я всѣмъ сердцемъ дѣлю его: оно болѣе умилительное нежели тяжелое и горькое.

X.

Благодарю тебя, мой милый, за доставленіе статьи Погодина (12). Въ ней есть хорошее, потому что она написалась съ доброжелательствомъ и съ убѣжденіемъ. Я бы желалъ, чтобы Вяземскій написалъ о нашемъ добромъ отшедшемъ. Въ смерти есть что-то магическое. Сорвавъ съ души тѣло и бросивъ его во гробъ, она вдругъ, какъ будто снова, но совершенно знакомитъ съ душею, отъ которой все, что не она, вдругъ отдѣлилось и отпало. Такъ и здѣсь. Мнѣ такъ ясно, такъ вполнѣ видится его прекрасная, добрая, высокая душа, не омраченная никакою дурною примѣсью, всегда готовая на добро, всегда полная участія, до конца сохранившая свою чистоту и свое благородство.

(10) Никол. Ив. Тургеневу въ Парижъ.

(11) Родственницѣ Тургенева, у которой онъ останавливался и скончался въ Москвѣ.

(12) Объ А. И. Тургеневѣ, въ Моск. Вѣд. 1845, № 148.

По всѣмъ качествамъ, составляющимъ прямо добраго человѣка, онъ былъ конечно между нами лучшій. Самые недостатки его имѣли источникъ добрый, и кого, когда нибудь оскорбляли его недостатки? Они не имѣли корня внутри души; они были какой-то внѣшній наростъ, который, какъ щелуха съ зерна, осыпался съ души въ минуту ея освобожденія. Я бы желалъ, чтобы Вяземскій посвятилъ памяти друга перо свое; я бы желалъ, чтобы онъ написалъ о немъ безъ *приготовленія*, какъ скажетъ сердце, что придетъ въ умъ въ первую минуту. Пускай напишетъ онъ объ немъ ко мнѣ—я увѣренъ, что онъ скажетъ все и скажетъ какъ никто; и что неуловимая физіогномія ума Тургенева и весь чистый ѳиміамъ его души сбережется вполнѣ для его любившихъ. Перешли эти строки къ Вяземскому. А тебя прошу передать приложенное письмо князю Щербатову ([13]). Я прошу у него доставить мнѣ свидѣтельство о смерти Тургенева по всей надлежащей формѣ. Оно мнѣ нужно для пересылки въ Парижъ. И понеже оно должно быть документомъ для правительства французскаго, то оно должно быть скрѣплено или свидѣтельствомъ французской миссіи или французскимъ консуломъ, если таковой имѣется въ Москвѣ. Если есть въ Москвѣ консулъ, заставь его скрѣпить свидѣтельство; если же нѣтъ консула, пошли свидѣтельство къ Вяземскому, дабы онъ, выхлопотавъ скрѣпу отъ миссіи, немедленно доставилъ мнѣ бумагу. Ты меня весьма, весьма одолжишь, если это дѣло уладишь какъ можно скорѣе. Пришпорь Щербатова.

Жуковскій.

31 Декабря 1845.
12 Генваря 1846.

Дай Богъ тебѣ всякаго добра на Новый годъ. Тебѣ и всѣмъ.

([13]) Московскій градоначальникъ князь Алексѣй Григорьевичъ.

XI.

Благодарствую, голубчикъ ты мой, за доставленіе письма отъ Елагиной, которое получилъ я тому уже двѣ недѣли. Успокойся на счетъ посылаемыхъ писемъ: они всѣ доходятъ точно. Я получилъ отъ Лужина свидѣтельство о смерти Тургенева. Лужинъ въ письмѣ своемъ говоритъ, что было послано прежде свидѣтельство княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ. Я его не получалъ; какъ могло оно пропасть на почтѣ, понять не умѣю. Увѣдомь, душа моя, что дѣлается съ Вяземскимъ, гдѣ онъ и пишетъ ли къ тебѣ? Ко мнѣ онъ совсѣмъ не пишетъ. Правда, и я къ нему не пишу. Но онъ и о смерти Тургенева не сказалъ мнѣ ни слова. Безъ тебя я бы узналъ объ ней изъ газетъ. Ты рѣдкой корреспондентъ. Ты созданъ былъ почтдиректоромъ дружбы и великой Русской Имперіи. Въ семъ отношеніи возлагаю на тебя легкую обязанность переслать приложенное письмо въ Одессу. А я долженъ кончить, не для того, чтобы положить перо, а для того увы! чтобы написать еще болѣе пятнадцати писемъ—все откладывалъ, все откладывалъ, наконецъ накопилось такъ много не отвѣтствованныхъ писемъ, что они окружаютъ меня какъ мучительныя привидѣнія, которыя день и ночь воютъ мнѣ въ уши: пиши, пиши, окаянный! И такъ прости, мой милый, эпистолярный проводникъ. Если у васъ хоть какая нибудь значительная новость, сообщи ее мнѣ. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

Жуковскій.

16/28 Марта 1846.

XII.

21 Мая / 2 Іюня 1846.

Въ этотъ день за пять лѣтъ передъ симъ, подымались на гору (называемую Ротенбергъ, возвышающуюся

надъ маленькимъ городкомъ Канштатомъ) двѣ кареты. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ однорукій инвалидъ съ двурукимъ поэтомъ; а въ другой пожилая дама съ двумя прекрасными дочерьми: инвалидъ былъ мужъ этой дамы и отецъ обѣихъ дочерей; а двурукій поэтъ былъ женихъ старшей дочери. Было три часа по полудни. На Ротенбергѣ была Русская церковь, надъ прахомъ Виртемберской королевы, Русской Екатерины. День былъ прекрасный. Въ церкви совершилось вѣнчаніе, тихо и благоговѣйно. Этотъ обрядъ повторили у подошвы горы въ церкви Лютеранской, гдѣ была сказана обвѣнчаннымъ простая, трогательная проповѣдь.—И теперь ровно пять лѣтъ прошло съ этой минуты; она имѣла благословенныя послѣдствія; и Жуковскій (ибо двурукій поэтъ былъ Жуковскій) можетъ сказать своему доброму Булгакову, что онъ въ эти пять лѣтъ познакомился съ настоящею жизнію, которой тайна хранится подъ замкóмъ во святилищѣ семейномъ. Довольно ли съ тебя? Болѣе писать мнѣ некогда. Приложенныя письма доставь немедленно. Если Свербеевой уже нѣтъ въ Москвѣ, то прошу тебя, и всѣми святыми умоляю, доставь письмо куда слѣдуетъ. Оно для меня весьма, весьма важное. А я тебѣ желаю продолженія того, чтò ты уже имѣешь, то есть, продолженія того добра, которое похоже на то, какое досталось мнѣ 1841 года.

Жуковскій.

2 Іюня / 21 Мая.

XIII.

¹²/₂₄ Апрѣля 1846.

Благодарствую, душа моя, за доставленіе свидѣтельства. Оно пришло уже поздно и было, такъ сказать, послѣ ужина французская горчица; но ты свое дѣло сдѣлалъ какъ добрый пріятель, и я тебя сердечно благодарю. Въ тоже время благодарю и за московскія вѣсти. Царь явился Москвѣ на минуту, какъ доброе видѣніе, и вы познакомились съ младшими Царевичами: оба умны и милы; вотъ уже пять лѣтъ какъ я ихъ не видалъ; они конечно весьма много перемѣнились и къ лучшему, и вѣрно ужъ понравились Москвѣ, которая всегда, по Русской старинѣ, любила и любитъ Царя и Его семейство. Дай Богъ, чтобы этотъ духъ любви (историческое наслѣдство Русскаго народа, особенно Москвы отъ старыхъ за-Петровскихъ временъ) навсегда сохранился неприкосновеннымъ. Онъ палладіумъ нашего отечества, которому опредѣлено развиваться подъ властію патріархальнаго Самодержавія. Но я не намѣренъ входить въ дальнѣйшія разсужденія о семъ предметѣ по той законной причинѣ, что мнѣ писать болѣе къ тебѣ некогда. Хотѣлъ тебѣ сказать только два слова, поблагодарить тебя да и только. Въ заключеніе скажу тебѣ и всѣмъ твоимъ: Христосъ воскресе! Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ этотъ свѣтлый праздникъ Воскресенія такъ не празднуется какъ въ Москвѣ; и ничто такъ не напоминаетъ о ней, какъ заутреня на свѣтлое Воскресенье. Я встрѣтилъ его въ Висбаденѣ, гдѣ провелъ недѣлю одинъ, говѣя. Тамъ очень хорошій священникъ. Но прощай. Жена тебѣ кланяется.

Жуковскій.

XIV.

1846 г. 5 Іюля н. с.

Это письмо, которое пишу къ себѣ въ эту минуту, есть ровно тринадцатое написанное въ эти послѣдніе двадцать четыре часа. Я могъ бы, по щучьему велѣнью и по моему прошенію, просто запечатать въ пакетъ на твое имя письмо мое къ Свербеевой; но не хотѣлъ брать грѣха на совѣсть, не хотѣлъ давать тебѣ повода браниться, не хотѣлъ и себя лишить удовольствія сказать тебѣ *здравствуй*, чтò имѣетъ

особенное достоинство, когда къ сему словцу здравствуй, столь легко произносимому словесно, надобно приклеить цѣлый письменный хвостъ, да еще этотъ хвостъ запечатать въ пакетъ и проч. и проч. Вотъ тебѣ письмо къ Свербеевой. Доставь его. А я страшно усталъ отъ своихъ 12 писемъ, въ числѣ которыхъ три такихъ, которыхъ нельзя писать на черно, а надобно переписать, и переписать четко, три поздравительныхъ письма: къ Государынѣ, къ Великой Княгинѣ и къ Великому Князю. Все это должно возбудить великое уваженіе, тѣмъ болѣе что я пишу стоя, что для написанія 12 писемъ надо было отстоять себѣ ноги, что мои ноги стары, и что теперь жара несносная. И такъ ты долженъ поцѣловать письмо мое. А что я тебѣ сказалъ въ этомъ письмѣ? Ровно ничего. Вотъ уже конецъ второй страницы; а ты узналъ отъ меня только то, о чемъ и говорить бы не слѣдовало, именно то, что я пишу къ тебѣ письмо. Да что же мнѣ впрочемъ и сказать тебѣ въ эту минуту? Ровно нѣтъ ничего. Жарко: ѣду черезъ два дни въ Швальбахъ; Убриль, слава Богу, здоровъ; нынче понедѣльникъ, завтра вторникъ.—Ну доволенъ ли ты? Что же еще? Да! вотъ что: мои Петербургскіе корреспонденты всѣ глухонѣмые, и у всѣхъ руки въ параличѣ; ни одинъ не пишетъ ко мнѣ. Ты не таковъ; ты рожденъ гусемъ, то есть все твое существо утыкано гусиными перьями, изъ которыхъ каждое готово безъ устали писать съ утра до вечера очень любезныя письма. Въ слѣдствіе сей гусиной добродѣтели, поручаю тебѣ увѣдомить меня обо всемъ, что случится на свадебномъ торжествѣ Царя Русскаго (14).—Какіе будутъ пиры, какія будутъ милости? напиши подробно. Только смотри, не такъ какъ написалъ въ послѣднемъ письмѣ, гдѣ назвалъ много свадебъ, а я почти ни одного имени разобрать не могъ.

(14) Бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. См. письма къ Нему Жуковскаго въ Р. Архивѣ 1867 года.

XV.

Благодарю тебя, любезнѣйшій другъ, за твое письмо, въ которомъ по своему обыкновенію ты бранилъ меня за мою лѣнь и которое вѣрно написано за два дня передъ тѣмъ, какъ ты получилъ письмо мое. Изъ этого письма ты могъ увидѣть, что я теперь не на розахъ, а естьли и на розахъ, то только на осыпавшихся розахъ, и чувствую одни ихъ шипы. До сихъ поръ это положеніе не перемѣнилось, и моя больная больна по прежнему. Дѣти, слава Богу, здоровы; въ эту минуту слышу, какъ они оба поютъ за три горницы отъ моего кабинета громкое дуо, въ которомъ голосъ Павла Васильевича гудитъ какъ колоколъ. Между извѣстіями твоими изъ Москвы одно для меня весьма печальное, извѣстіе о смерти Гр. Толстаго (15). Въ немъ было много хорошихъ качествъ; мнѣ лично были извѣстны одни только эти хорошія качества; все остальное было вѣдомо только по преданію; и у меня всегда къ нему лежало сердце; и онъ всегда былъ добрымъ пріятелемъ своихъ пріятелей. Но здѣсь пронесся слухъ о другой смерти въ Москвѣ, и этотъ слухъ меня тревожитъ—неужели Языковъ, поэтъ Языковъ умеръ? Прошу тебя, увѣдомь правда или нѣтъ. Молчаніе твое дастъ мнѣ надежду, что это извѣстіе басня. Будетъ жестокая потеря и для друзей Языкова и для отечества. Также и извѣстіе объ Аврорѣ для меня весьма печально. Увѣдомь о ней.—Прошу тебя переслать приложенное письмо и обнимаю тебя мысленно; всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы семейное твое счастіе никакою тревогою не нарушилось.

Твой Жуковскій.

20 Генваря 1847.

(15) Графа Өедора Ивановича?

XVI.

13/25 Мая 1847.

Мой милый Александръ, вотъ тебѣ еще нѣсколько писемъ для передачи и при нихъ дружеское объятіе, которое скоро обратится изъ эпистолярнаго объятія въ самоличное, ибо въ первыхъ числахъ Августа (н. с.) я надѣюсь быть *проѣздомъ* въ Москвѣ. Разумѣется, что, оставшись тамъ только день или много два, увижу только тебя. Знай это напередъ и смотри сдѣлай такъ, чтобы я тебя непремѣнно нашелъ въ это время въ Москвѣ. Планъ мой нынѣшнимъ годомъ возвратиться на *житье* въ Россію долженъ былъ перемѣниться; докторъ мой, признавая путешествіе весьма полезнымъ и цѣлительнымъ для жены моей, никакъ не позволяетъ ей провести *нынѣшнюю* зиму въ нашемъ климатѣ. предсказываетъ навѣрное возобновленіе болѣзни и не иначе соглашается на совершенный ея переѣздъ въ Россію, какъ въ слѣдующемъ 1848 году. Хотя я и имѣю отъ Государя милостивое позволеніе остаться за границею до совершеннаго выздоровленія жены, но не могу не пріѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ: вотъ уже теперь ровно шесть лѣтъ, какъ я за границею; надобно всѣхъ васъ наконецъ увидѣть и все лично приготовить къ моему переселенію. Надѣюсь, что въ будущемъ году ничто не помѣшаетъ его совершить. Состояніе здоровья жены теперь стало сноснѣе; она не безпрестанно страдаетъ, но припадки отъ времени до времени возобновляются. Они приходятъ какъ мародеры арміи, которая сама удалилась, произведя великое опустошеніе; но мародеры по своей натурѣ бываютъ свирѣпѣе, хотя съ ними и легче сладить.—Теперь мы ждемъ нашего милаго, добраго, благодушнаго Великаго Князя Наслѣдника; на дняхъ я получилъ отъ Него письмо, въ которомъ Онъ увѣдомляетъ меня, что въ начальныхъ дняхъ іюня (с. с.) будетъ на Рейнѣ. Повидавшись съ Нимъ, я отправлюсь въ путь свой. Благослови меня Богъ добрымъ путешествіемъ, т. е. радостію увидѣть всѣхъ своихъ ближнихъ (теперешнихъ; въ числѣ ихъ уже много умерло) и радостію возвратясь найти всѣхъ своихъ на лицо. Все это въ рукѣ Божіей; по слабости сердца мы можемъ просить, чтобы было все по нашему; но твердость сердца состоитъ въ томъ, чтобы все принималось изъ дающей руки, какъ свое, какъ лучшее для насъ. Не всякому дана такая твердость. Теперь Франкфуртъ оживился, и опять начинаютъ являться Русскіе люди на Нѣмецкой почвѣ, и Русскій духъ въ очахъ совершается. Недавно явился больной баронъ Ливенъ, который для леченія своего поселится въ Гомбургѣ; третьяго дня я видѣлъ возвратившагося изъ Италіи Кавелина, который теперь купается въ Шлангенбадѣ, потомъ поѣдетъ въ Гельголандъ для морскихъ ваннъ, а потомъ въ Петербургъ: слава Богу, онъ совершенно поправился, но дорого заплатилъ за эту поправку. Думаю, что скоро увижу Владиміра Карамзина, который теперь въ Парижѣ и сбирается возвратиться въ Россію.

Я на многія письма твои не отвѣчалъ: право, было во все это время не до того. Теперь поотлегло на сердцѣ; и если бы не надобно было готовиться къ отъѣзду, опять бы усердно принялся за Одиссею: но эта служба еще впереди. Въ отвѣтъ на письма твои пишу, что мнѣ весьма, сердечно глубоко жаль, что и ты безпокоишься о женѣ своей: знаю, каково это и дѣлю твое горе: надѣюсь, что ей теперь лучше. Я слышалъ ей большія похвалы отъ нашего общаго друга Полетики, который съ мѣсяцъ тому былъ во Франкфуртѣ, у меня обѣдалъ, провелъ вечеръ, и весьма подружился съ женою моею. Устарѣлъ Петрикъ, но все тотъ же добрый, милый чудакъ и квакеръ. Благодарствую за

Балладу и за Антибалладу. Первая написана прекрасно; у Ростопчиной истинный талантъ... Но ты видишь, что четвертой страницы конецъ; пятой начинать не хочу, чтобы не попасть на обмѣръ. Ты скажешь: не такой-де ты человѣкъ, чтобы написать восемь страницъ! врешь, такой! а теперь нельзя потому, что надобно еще три письма писать, и не короткія. Прощай,—до свиданія. Жуковскій.

XVII.

Эмсъ. 1847 г. 7 августа н. с.

Ѣхалъ въ Москву, а попалъ въ Эмсъ: вотъ исторія нѣкотораго Русскаго дворянина Василья Андреевича Жуковскаго. Впрочемъ эта участь всѣхъ человѣковъ, дворянъ и не дворянъ Живи не такъ какъ хочется, а такъ какъ Богъ велитъ. Вотъ почему я и живу теперь въ Эмсѣ, а не въ Москвѣ и не въ Швейцаріи. Докторъ Коппъ говоритъ женѣ: поѣзжай въ Эмсъ и утопи тамъ свою болѣзнь. Я и привезъ жену въ Эмсъ. И стараемся мы утопить врага своего въ тепломъ крейхенѣ; а утопимъ ли, это знаетъ Богъ. Вотъ уже третья недѣля пошла съ тѣхъ поръ, какъ мы работаемъ изъ всѣхъ силъ; еще остается намъ здѣсь прожить недѣли двѣ. Жена пьетъ воду и купается—авось Богъ поможетъ ей. Я что-то хромаю, какой-то врагъ поселился въ пятку; ужъ не подагра ли? Чего добраго, а кажется я велъ себя добропорядочно, въ чемъ и ты, старый шалунъ, мнѣ можешь дать свидѣтельство. Подагра, говорятъ, есть грамота на долгую жизнь. Хороша грамота! Впрочемъ, если она не болѣе будетъ меня теребить, какъ теперь, то въ часъ добрый. Въ Эмсѣ я нашелъ нѣкоторыхъ Русскихъ, но вообще мнѣ не знакомыхъ. Одинъ только былъ здѣсь милый Русской знакомецъ, Хомяковъ, но и онъ уѣхалъ. Нынѣшній день долженъ пріѣхать обратно изъ Киссингена въ Дармштатъ нашъ милый Наслѣдникъ съ Цесаревною, Которой, какъ сказываютъ, воды весьма помогли. Скоро я самъ Его увижу, ибо онъ, слышно, пробудетъ цѣлый мѣсяцъ въ Дармштатѣ; и намъ уже Швейцарія не дорога: въ сентябрѣ тамъ для житья холодно; женѣ же нуженъ свѣжій воздухъ. Въ будущемъ году, надѣюсь, непремѣнно быть на родинѣ; съ женою ли, одинъ ли, но буду. Я былъ бы и нынче, когда бы Коппъ не похерилъ моего счета Strich durch die Rechnung; на свѣтѣ все Strich durch die Rechnung. Черезъ нѣсколько времени буду писать тебѣ о важномъ дѣлѣ, въ которомъ ты весьма можешь помочь мнѣ, если только будетъ у тебя на то средство. Теперь скажу въ двухъ словахъ: хочу издавать полныя мои сочиненія и, можетъ быть, рѣшусь выдать на подписку. Все будетъ напечатано здѣсь: когда напечатается все, то отправлю экземпляръ въ Петербургъ. Иногородные, то есть не Петербургскіе и не Московскіе, будутъ посылать требованія и деньги въ почтамты Петербургскій и Московскій. Можно ли будетъ это такъ устроить, чтобы у тебя въ почтамтѣ могъ завѣдывать отправленіемъ экземпляровъ и принятіемъ денегъ и доставленіемъ денегъ куда слѣдуетъ, особый надежный чиновникъ? Напримѣръ, это сдѣлать бы такъ, чтобы, получивъ требованіе и деньги, пересылать ихъ въ Петербургскій почтамтъ, а оттуда уже экземпляры высылались бы по адресамъ. ибо всѣ экземпляры будутъ храниться въ Петербургѣ, кромѣ тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ розданы книгопродавцамъ для Московскихъ и Петербургскихъ подписчиковъ. Скажи мнѣ объ этомъ свое мнѣніе.

Прости, милый другъ; прошу тебя переслать приложенныя письма по адресамъ. Твой вѣчный Жуковскій.

XVIII.

15/17 октября 1847 г. Фр. н/М.

Что могу сказать тебѣ, мой милый другъ, въ отвѣтъ на письмо твое, которое поразило меня такою горестною вѣстью. Тяжелѣ твоей печали ничего вообразить не умѣю и ничего не могу сказать тебѣ такого, что̀ могло бы тебя утѣшить. Вполнѣ понимаю твое страшное одиночество и всю безотрадность твоего будущаго. Въ такомъ положеніи, какъ твое, жизнь уже не представляетъ никакой замѣны: въ наши лѣта здѣшнее и будущее не имѣетъ ничего привлекательнаго; если и то, что̀ радовало насъ въ настоящемъ, не исчезнетъ, но уже не найдешь, да и не захочешь искать, ничего такого что̀ бы заняло мѣсто опустѣлое, покинутое нашимъ земнымъ счастіемъ; извнѣ къ намъ уже ничто не придетъ. Ты, правда, имѣешь мирное убѣжище въ семьѣ твоихъ добрыхъ дѣтей; но и туда придешь ты сиротою; тамъ будешь не чужой, но все своего собственнаго нѣтъ; и въ душѣ будетъ глубоко сидѣть одиночество—печальный товарищъ на старости лѣтъ. Въ такое-то время становятся вполнѣ утѣшительны и понятны слова: *придите ко Мнѣ всѣ труждающіися и Азъ упокою вы*. Тутъ узнаешь другаго рода семейную жизнь, въ которой нѣтъ ни потерь, ни похоронъ, ни одиночества. Въ этомъ - то кругу семейномъ услышишь то, чему не льзя повѣрить, когда радостно обладаешь *земнымъ* счастіемъ; то, что наши земныя страданія, ясно понимаемыя, не только не зло, но благо. Какъ чистая человѣческая философія, это есть галиматья; какъ ученіе христіанское, это есть высочайшая, утѣшительная истина. Но человѣческое слово не выразитъ этой истины; поди въ школу къ тому, кто не только учитъ, но и дѣломъ доказываетъ истину своего ученія. При нашихъ человѣческихъ, безотрадныхъ, часто-эгоистическихъ умствованіяхъ—раненное сердце все остается неизлеченнымъ; все передъ нами гробъ, все вокругъ насъ пустота и молчаніе. Но когда обратиться къ живому и животворящему Учителю, то вдругъ все измѣняется: на сердцѣ пластырь, надъ гробомъ вѣетъ жизнь, а себя чувствуешь согрѣтымъ на груди Отца, Который уже однимъ своимъ присутствіемъ за все вознаграждаетъ. И такъ, мой милый, примись простымъ и вѣрующимъ сердцемъ за Евангеліе; тамъ и себя оживишь, и жена твоя тамъ воскреснетъ. Помоги тебѣ Богъ.

Прошу немедленно передать приложенное письмо по адресу. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

Жуковскій.

XIX.

7 Марта н. с. 1848 г.

Что скажешь о скачкѣ по желѣзной дорогѣ политическаго міра? Что сдѣлалось въ послѣдніе двѣнадцать дней! Бывало, такія событія происходили въ теченіе вѣковъ. Нынче хронологія перемѣнилась. Дни стали вѣками. Это значитъ, что скоро наступитъ вѣчность. Я не буду ничего тебѣ описывать, и на это теперь у меня нѣтъ довольно досуга. Въ то время, когда будетъ въ твоихъ рукахъ это письмо, ты будешь знать все изъ газетъ. Со мною лично ничего не случилось, и нашъ Франкфуртъ столько спокоенъ и безопасенъ, сколько можно быть въ сосѣдствѣ землетрясенія и вулкана, льющаго свою лаву по окрестности. Онъ конечно теперь самое безопасное мѣсто въ Германіи. На него изъ первыхъ подѣйствовало вліяніе революціи; были и здѣсь, на ряду съ Баденомъ, Дармштатомъ и Висбаденомъ, движенія, но они кончились ничѣмъ, и теперь все пришло въ свою колеину—на долго ли? это вѣдаетъ Богъ. Въ эту минуту покинуть Франкфуртъ съ женою и дѣтьми было бы не благоразумно. Если бы я былъ одинъ, я давно

былъ бы на пути въ Россію, которая есть теперь убѣжище покоя. Сохрани Богъ Царя и укрѣпи въ рукѣ Его самодержавіе! Посмотрѣвъ въ глаза этой свободѣ, убѣждаешься въ томъ, какое твердое народное благо можетъ быть устроено на фундаментѣ самодержавія; этотъ фундаментъ у насъ есть: нашъ самодержавный Строитель можетъ еще спокойно и самобытно строить Русское зданіе великаго царства по плану Божіей правды. Чтобы это зданіе, столь богатое будущимъ, могло быть доведено до кровли, всѣ Русскіе теперь крѣпче, нежели когда нибудь должны слиться въ одну силу съ Царемъ своимъ. Каждый пой теперь и въ слухъ и про себя то, что было пропѣто надъ могилами Бородинскихъ воиновъ воинами нашего времени:

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли!
Нашу Русь вы намъ спасли:
Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

Прощай! Напиши обо мнѣ Вяземскому. Самому писать некогда. Ж.

XX.

За что же бранишься? Получилъ отъ меня письмо и жалуешься на мою лѣнь. Что за фантазія! Да развѣ ты прилежнѣе меня на письма? Ну полно ссориться—благодарствую и за твои дружескія строки и за пересылку моего писанія по адресу. Вотъ ужъ и я на пути въ Россію. На пути? Да, то есть я уже отправилъ жену въ Эмсъ; а самъ еще сижу во Франкфуртѣ, чтобы уложить свои пожитки и предать ихъ на волю извощика и судьбы. Потомъ самъ въ Эмсъ, гдѣ и жена и я будемъ лечиться. Она тамъ уже болѣе двухъ недѣль и останется еще шесть. Да и я долженъ буду пить воду и купаться недѣли четыре. Занемогъ было не на шутку. Между тѣмъ гроза становится все грознѣе; тучи подходятъ ближе и ближе. Того и гляди, что вспыхнетъ война во всей Германіи, внѣшняя и внутренняя. Въ такихъ обстоятельствахъ быть принужденнымъ отложить еще на полные два мѣсяца отъѣздъ свой—весьма непріятно: никакъ нельзя быть увѣреннымъ, будетъ ли какая свободная дорога; можетъ легко случиться, что надобно будетъ ѣхать въ Россію чрезъ Англію. А что это все стоитъ карману, сказать невозможно. Я перевезу жену (если Богъ позволитъ) сперва въ Лифляндію, гдѣ у ней родные, дабы не вдругъ передать ее во власть нашего злаго климата; она тамъ проведетъ осень и зиму. А самъ я буду въ Петербургѣ, буду и у васъ въ Москвѣ. Гдѣ опущу свой якорь, это еще для меня не совсѣмъ ясно; но возможнѣе всего: въ Дерптѣ, ибо вмѣстѣ съ нами проѣдетъ туда и вся семья жены; и такимъ образомъ моя жизнь будетъ выражать стихъ Дмитріева:

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ.

То есть я буду перепархивать изъ Дерпта въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Дерптъ. И такъ, дружище, моли за насъ Бога, моли, чтобы Онъ открылъ намъ свободный, безопасный путь на нашу родину, въ Россію, въ Россію, гдѣ есть такъ еще много того святаго, котораго и слѣдовъ не осталось въ этой Германіи, раздавленной грузомъ своей цивилизаціи. До свиданія

Твой Жуковскій.

14/26 Мая 1848 г.

XXI.

9/21 Августа 1848 г.

Вмѣсто длиннаго письма посылаю тебѣ, душа моя, коротенькую брошюрку, мною здѣсь напечатанную для немногихъ Русскихъ, здѣшнихъ и домашнихъ. Два экземпляра; пошли изъ нихъ одинъ Вяземскому, другой оставь себѣ. Но прошу тебя, никому не давай въ руки печатнаго; если тебѣ захо-

чется, чтобъ другіе читали, то вели сдѣлать списокъ, и пускай ходитъ по рукамъ манускриптъ. Иначе могутъ подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляровъ на Руси. Я всего на все напечаталъ 40 экземпляровъ, изъ которыхъ не болѣе десятка пойдетъ на родину. Напиши объ этомъ и Вяземскому; а отъ него получишь извѣстія подробныя обо мнѣ. Въ двухъ словахъ: холера остановила меня на самомъ отъѣздѣ; ѣду на зиму въ Баденъ; а на будущій годъ съ первымъ путемъ, если Нѣмецкая революція не сожретъ меня, отправлюсь къ вамъ. Досадно, грустно, разорительно—а дѣлать нечего. Приложенныя письма раздай и разошли. Обнимаю тебя

Жуковскій

Я посылаю черезъ тебя такія тучныя письма въ томъ предположеніи, что ты, какъ Почтъ-директоръ, ничего за письма не платишь. Однако лучше будетъ, если ты мнѣ скажешь, такъ ли это, или нѣтъ.

XXII.

9 Октября н. с. 1848 г.

По адресу приложеннаго здѣсь письма ты вѣроятно заключишь, что я не имѣлъ намѣренія писать къ тебѣ, и ты не ошибешься. Но стало совѣстно, и я рѣшился прибавить нѣсколько строкъ на твое лице, ибо все таки ты можешь обо мнѣ хоть минуту побезпокоиться, читая въ газетахъ, что Штруве бунтуетъ и грозитъ возмутить весь Югъ Германіи, гдѣ азъ нижепоименованный избралъ свое мѣстопребываніе на всю зиму въ прекрасномъ Баденѣ; но въ тѣхъ же газетахъ ты прочтешь, что Штруве взятъ и что мятежъ успокоенъ; это однако не значитъ, чтобы все было въ порядкѣ—напротивъ все въ безпорядкѣ, и этотъ безпорядокъ часъ отъ часу увеличивается. До чего суждено мнѣ дожить въ Баденѣ, я не знаю; добра не предвидится; но дѣлать нечего: я не произвелъ, не выбралъ, а только покорился обстоятельствамъ; остальное во власти Божіей. Я совсѣмъ не благодаренъ за ту поправку, которую сдѣлали въ моихъ стихахъ, напечатанныхъ въ С. П. Вѣдомостяхъ и перепечатанныхъ въ Сѣверной Пчелѣ. И это не отъ авторскаго самолюбія, а просто отъ того, что изъ смысла сдѣлалась безсмыслица. Вотъ мои стихи:

Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчитъ:
Ихъ (волны) гранитъ твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги.

Вмѣсто послѣднихъ двухъ стиховъ стоитъ:

И летучія ихъ брызги
О гранитъ твой разразитъ.

Первое, жаль что энергическое слово брызги не осталось на концѣ: оно живописно оканчиваетъ картину. Послѣ *разразитъ* ждешь чего-то; кажется, нѣтъ конца. Но главное то, что нѣтъ смысла. Если перевести въ прозу мои стихи,—будетъ: *ругательный визгъ волнъ разнесетъ вѣтеръ, а если онѣ нападутъ на тебя, твой гранитъ разразитъ ихъ въ брызги.*

Вмѣсто того поправка говоритъ: *вѣтеръ умчитъ визги волнъ и разразитъ ихъ брызги объ гранитъ.*

Если *брызги*, то зачѣмъ разбивать ихъ снова? И какая въ этомъ нужда? Хорошо, когда разобьешь въ брызги *волны*—тутъ есть чѣмъ похвалиться! Тутъ есть сила. А сражаться съ брызгами, бить битаго—мало чести.

Прошу это послать Вяземскому, а приложенное письмо по адресу. Обнимаю тебя. Мой адрессъ: à Bade-Bade. Maison Kleinmann.

XXIII.

1849 $^{7}/_{19}$ Марта. Баденъ.

Благодарствую, мой милый Александръ, за твои письма, за доставленіе писемъ ко мнѣ, за отсылку моихъ, за описаніе печатное праздника и за разные конфекты, которыми ты потчуешь меня въ твоихъ письмахъ. Чтобы дать тебѣ еще болѣе права на сердечную мою благодарность, прила-

гаю толстый пакетъ, который прошу доставить по адресу. При ономъ пакетѣ просьба покорная: увѣдомить меня, получилъ ли слѣдующій ему экземпляръ Антонскій (16) и получилъ ли при экземплярѣ письмо? Его молчаніе меня тревожитъ. Прошу тебя не полѣниться и меня объ немъ увѣдомить. Хороши мои всѣ пріятели, которыхъ я вспомнилъ посылкою къ нимъ Одиссеи и прочаго. Ни одинъ не откликнулся, ни одинъ не сказалъ спасибо за подарокъ. Гдѣ Гоголь? Ты вѣдь съ нимъ знакомъ? видишь его? Если видаешь его, скажи ему, что я всѣмъ сердцемъ пѣняю ему за молчаніе. Не пишу самъ потому, что теперь на цѣлый мѣсяцъ наложилъ на себя эпитимью молчанія. Цѣлый мѣсяцъ не примусь за перо потому, что все время хочу посвятить Одиссеѣ, которую надѣюсь, съ Божіею помощію, кончить къ половинѣ апрѣля н. с. Это будетъ чисто къ 1 апрѣля нашего стиля. Тогда Россія скажетъ мнѣ, получивъ Одиссею: это-де Poisson d'Avril, Василій Андреевичъ изволитъ кормить насъ рыбкою. Но дѣло не объ томъ. Праздникъ у васъ, нечего сказать, былъ прекрасный (17). Мысль его мнѣ чрезвычайно понравилась, и почти жаль, что праздникъ былъ *данъ*: его непремѣнно бы надобно было отложить до перваго посѣщенія Москвы Императоромъ. По крайней мѣрѣ ограничиться бы однимъ Кенильвортомъ, а Россію сберечь про Русскаго Царя. Но это была службишка, а служба впереди. Можно повторить будетъ Россію при первомъ появленіи Царя въ ея древнюю столицу; но чтобы не было просто повторенія, можно прибавить къ представленію матеріальной Россіи въ ея народахъ, быстрый обзоръ ея Исторіи; можно въ немногихъ живыхъ картинахъ представить всѣ главныя эпохи ея исторіи. Надобно только, чтобы выбраны были сюжеты живописные, а эскизы и планъ разстановки, костюмы и освѣщеніе были поручены *живописцу* и чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ былъ полнымъ господиномъ. Для избранія сюжетовъ, составить комитетъ изъ нашихъ ученыхъ профессоровъ, которыхъ особенный предметъ есть Исторія Россійская, не забыть пригласить въ этотъ комитетъ Хомякова и Гоголя. Все это должно составить одно *цѣлое*: быстрый, живописный обзоръ той дороги, которою судьба провела Россію до нашего времени. Надобно, чтобы этимъ обозрѣніемъ *начался* праздникъ; чтобы въ залѣ были рамы для всѣхъ картинъ; чтобы каждая сперва хронологически показывалась по одиначкѣ, потомъ разомъ показать всѣ. Представивъ такимъ образомъ Русскому Царю все славное прошедшее, покажите Ему могучее настоящее, то есть, теперешнюю Россію въ ея народахъ. Сообщи эту мысль графу Закревскому: она, я увѣренъ, ему понравится; тогда для Гостя будетъ достойное Его угощеніе, и бывшимъ прекраснымъ праздникомъ можно будетъ воспользоваться какъ не бывшимъ. Вотъ еще идея: когда пріѣду къ вамъ въ Москву я, ты долженъ дать мнѣ праздникъ изъ живыхъ картинъ; а картины взять изъ всѣхъ моихъ славныхъ твореній. Это будетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Прощай на цѣлый мѣсяцъ. Я писалъ скоро; не знаю, разберешь ли; но по дѣломъ тебѣ. Въ послѣднихъ твоихъ письмахъ я самъ могъ разобрать только половину.

(16) А. А. Прокоповичъ-Антонскій, бывшій директоръ Университетскаго Пансіона, гдѣ воспитывался Жуковскій, который еще не зналъ тогда, что престарѣлаго наставника его уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ не было въ живыхъ.

(17) Праздникъ въ маскахъ, у Московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, устроенный по мысли и заботами С. П. Шевырева.

XXIV.

Пишу къ тебѣ два слова только для того, чтобы тебя вывести изъ недоумѣнія обо мнѣ. До васъ уже дошли

вѣсти о томъ, что̀ творится въ Баденѣ. Анархія во всей звѣрской красотѣ своей. Я не дождался ея Сатурналій и во̀-время перевезъ жену въ Страсбургъ, гдѣ она, то есть жена, а не анархія, пролежала недѣлю въ постелѣ. Теперь я въ Базелѣ, завтра ѣду въ Бернъ. О дальнѣйшемъ буду писать съ мѣста. А ты перешли приложенное письмо, и съ тѣмъ я только пишу о себѣ двѣ строки, чтобы родные не вздумали за насъ чего нибудь болтать. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Прощай—обнимаю тебя.

Базель 17/29 мая.

P. S. Мой адресъ пока: à Berne poste restante. Прошу тебя не полѣниться написать ко мнѣ туда. Ты созданъ быть утѣшителемъ странствующихъ вдали отъ отечества; никто изъ моихъ пріятелей такъ не былъ ко мнѣ жалостливъ какъ ты; благодарю тебя. Многое для меня доходило—и доброе и худое; я не былъ изгнанникомъ. Благодарю за послѣднія увѣдомленія о пребываніи Царя въ Москвѣ: славно! Дай Богъ теперь другой славы, съ мечемъ въ рукахъ, противъ бунта и анархіи. Прощай, мой милый, ты получишь въ свое время изъ Петербурга экземпляръ первыхъ томовъ изданія моихъ сочиненій. Раздай ихъ по прежнему образцу. Если увидишь Гоголя, скажи ему, что я получилъ коротенькую записочку, которая доказала мнѣ только то, что ему ко мнѣ писать не хочется: вслѣдствіе сего и я не пишу къ нему, а ты увѣдомь его, что Одиссея кончена и отпечатана, и ѣдетъ на долгихъ въ Россію. Доѣдетъ ли? Богъ знаетъ.

XXV.

Благодарствую, моя умница, за милую твою писулечку и за доставленіе письма отъ Кирѣевскаго, которому прошу переслать немедленно приложенное. Я получилъ твою эпистолу въ Бернѣ. Завтра переселяюсь съ своей семьей въ Тунъ, гдѣ мы дождемся Гугерта и гдѣ женѣ можно будетъ продолжать свое начатое леченіе. Пробывъ вмѣстѣ съ своими весь іюнь, въ началѣ іюля отправлюсь одинъ въ Петербургъ—какою дорогою, еще не знаю. Если Государь будетъ еще въ Варшавѣ, то черезъ Варшаву. Во всякомъ случаѣ имѣю вѣрную надежду увидѣть тебя, милаго друга, нынѣшнимъ лѣтомъ. Извѣстіе о Вяземскомъ грустно для меня: мнѣ вѣроятно суждено съ нимъ разъѣзжаться. Но оно меня радуетъ за него, ибо эта поѣздка разбудитъ его страждущую душу, обхваченную параличемъ горя. Отъ него самого я не имѣю отзыва на мое письмо: онъ не отвѣчалъ мнѣ. Напиши мнѣ о немъ подробно тотчасъ послѣ свиданія съ нимъ. Этимъ ты меня обяжешь.

Въ Баденѣ льется кровь; она падетъ на главу тѣхъ бѣшеныхъ, которые все взбунтовали своими нелѣпыми теоріями. Наше путешествіе или бѣгство изъ Бадена въ Страсбургъ было довольно тревожное. Оно случилось въ самый день вспышки бунта въ Карлсру. Поѣхавъ изъ Бадена по желѣзной дорогѣ, уже на первой станціи нашли мы главную квартиру Штруве (въ тотъ самый день освобожденнаго бунтовщиками). Передъ нашимъ вагономъ и позади его, около тридцати вагоновъ, всѣ наполнены солдатами и пьяною чернью съ заряженными ружьями, косами, дубинами и прочими конфектами; крикъ, шумъ, топотъ, стрѣлянье изъ ружей; и на каждой станціи надобно было ждать: одни выходили изъ вагоновъ, другіе въ нихъ лѣзли, съ крикомъ, пѣснями, воемъ, лаемъ, стрѣльбою; наконецъ до десяти героевъ сѣло на кровлѣ нашего вагона. Такое пріятное путешествіе продолжалось три часа.... Но меня прерываютъ: надобно печатать письмо; прости, другъ, обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. Пиши. Жуковскій.

9 іюля н. с.

Бернъ (1849 г.)

XXVI.

Мой милый Булгаковъ, пишу къ тебѣ изъ Варшавы за два часа до моего отъѣзда. Но не радуйся ни за меня ни за себя: ѣду обратно въ Баденъ, гдѣ оставилъ жену больную; нѣтъ никакой возможности перевести ее на зиму въ нашъ климатъ. И такъ опять мой возвратъ отложенъ до будущаго лѣта. Горько мнѣ это; горько мнѣ бивакировать на чужой землѣ, гдѣ нѣтъ теперь ни покоя, ни пріюта; еще болѣе горько отъ причины, которая меня къ тому принуждаетъ; а ты все мнѣ пишешь: обасурманился, зажился, бросилъ Россію; это меня печалитъ и сердитъ. Государь понялъ мое положеніе и отпустилъ меня весьма милостиво: доказательствомъ этой милости служитъ то, что Онъ, уѣзжая изъ Варшавы въ самый день кончины нашего добраго ангела Михаила Павловича, далъ мнѣ Бѣлаго Орла съ прекраснымъ рескриптомъ. Я бы могъ тебѣ разсказать о здѣшнемъ бытѣ, но физически это мнѣ не возможно; ѣду черезъ два часа, укладываюсь, и у меня люди. Прости. Пиши по прежнему въ Баденъ. Баденъ au Graben, maison Kleinmann. Изъ Бадена напишу. Твой Жуковскій.

1 сентября 1849. Варшава.

XXVII.

Не могу сказать тебѣ, душа моя какъ я благодаренъ тебѣ за твои письма. Ты болѣе всѣхъ помнишь обо мнѣ и содержишь между мною и родиною постоянное сношеніе. И у меня письма твои всѣ до одного сохраняются; но по смерти моей ты ихъ не получишь: они и домашнимъ моимъ пригодятся. Теперь пишу къ тебѣ на скоро, чтобы переслать тебѣ письмо, которое ты доставь по адресу. Самъ же хлопочу о важномъ дѣлѣ. Устанавливаю все для вечерняго Христова праздника, который имѣетъ быть нынѣ въ моей семьѣ совокупно съ семьею моего тестя. Значительная эпоха въ дѣтской жизни! Теперь дѣти какъ въ лихорадкѣ: Саша на весь домъ поетъ; а Пашка прыгаетъ, брыкается и пляшетъ.

Поздравляю тебя съ праздникомъ и Новымъ годомъ и всѣмъ сердцемъ обнимаю. Жуковскій.

12/24 декабря 1849 г.

XXVIII.

1/13 іюля 1850 г.

Я совсѣмъ на мази, чтобы къ вамъ ѣхать; но весьма вѣроятно, что не поѣду — это зависитъ отъ того, что̀ мнѣ напишетъ Великій Князь Цесаревичъ. Я рѣшился ѣхать непремѣнно нынѣшнимъ лѣтомъ особенно потому, что въ нынѣшнемъ ноябрѣ будутъ праздновать 25 лѣтъ царствованія нашего Великаго Царя. Но, услышавъ во время, что этотъ праздникъ долженъ повториться въ Москвѣ въ день коронаціи, я сдѣлалъ запросъ Моему милому Высочеству, точно ли будетъ повтореніе? Жду Его отвѣта. Если не будетъ повторенія и если праздникъ будетъ только въ нынѣшнемъ ноябрѣ—поѣду; если же будетъ повтореніе праздника въ Москвѣ—остаюсь еще на зиму. Это будетъ спасительно и для моего и для женина здоровья, и весьма, весьма выгодно для многихъ работъ, которыя разомъ и на долго остановятся, если я теперь отправлюсь въ Россію. Ты (я вижу отъ сюда) хмуришь лобъ, носъ и брови, и конечно запоешь свою старую, безсмысленную пѣсню: *ты де отказался отъ Россіи*. Пѣть легко, а терпѣть трудно, особливо такъ какъ мнѣ пришлось терпѣть, и особливо въ послѣдніе четыре года. И какъ я ни радовался въ мысляхъ своихъ возвращеніемъ въ отечество, но благоразуміе требуетъ, чтобы я воспользовался возможностію еще остаться здѣсь. Весьма не забавно ѣхать съ мыслію, что скоро придется подняться опять всѣмъ домомъ для возобновленія бивачной заграничной жизни. И

такъ, вмѣсто того, чтобы сердить меня своими неосновательными обвиненіями, на которыя ты никакого права не имѣешь, ибо не видишь, что̀ сомною дѣлается, войди дружески въ мои обстоятельства, прими въ нихъ участіе, пойми тягость моего положенія и не ври на меня вздоръ. Я не на однихъ розахъ; давъ мнѣ милостиво розы семейной жизни, Богъ не уничтожилъ ихъ колючекъ—и на это я не ропщу, напротивъ знаю, что въ этихъ колючкахъ много Его благости. Только мои пріятели не должны прибавлять къ этимъ колючкамъ своихъ собственныхъ. Вотъ тебѣ мое наставленіе. Ты же ничего не потеряешь и не выиграешь, если я нынѣшнимъ лѣтомъ останусь или поѣду: во всякомъ случаѣ я не буду въ Москвѣ прежде будущей весны. Мнѣ надобно будетъ сидѣть покойно дома и крѣпко беречься зимнихъ переѣздовъ и зимней возьни. Я отвыкъ отъ нашего климата; мнѣ 67 лѣтъ, а болѣзнь, которая дважды у меня начиналась (водяная въ груди) и устранена сперва *Копномъ*, а потомъ *Гугертомъ*, требуетъ отъ меня большой осторожности: въ мои лѣта выздоравливать трудно, надобно всѣми силами стараться *не занемогать*. Если бы еще лѣтъ десятокъ Господь Богъ позволилъ пожить на землѣ, это могло бы быть хорошо для семьи моей; но Онъ знаетъ лучше меня, что̀ мнѣ надобно. Мое же дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы исполнить то, чего требуетъ Его воля въ настоящемъ. Твой Жуковскій.

XXIX.

1/13 октября 1850 г. Баденъ.

Начато, не помню котораго числа. Звѣзда первой величины ([18]) обнимаетъ тебя и благодаритъ за добрыя твои письма и доставленіе ей писемъ. Она докладываетъ тебѣ слѣдующее: дѣйствительно ей уже нанимали домъ въ Ливонскихъ Аѳинахъ; но звѣзда принуждена остаться на темномъ Нѣмецкомъ фирмаментѣ; понеже и она сама и ея созвѣздіе находятся въ болѣзненномъ состояніи. Теперь звѣзда первой величины кашляетъ; но она однако сбирается посѣтить небо Варшавы, чтобы тамъ полюбоваться Царицею Русскаго фирмамента, солнечнымъ сіяніемъ..... подруги Русскаго Царя. Это письмо начато тому дней десять. Оно служитъ новымъ доказательствомъ, что на семъ свѣтѣ плановъ никакихъ дѣлать не должно. Въ началѣ сего письма звѣзда первой величины собиралась въ Варшаву; а прежде нежели письмо перешло на другую страницу, у звѣзды сдѣлался геморой, и докторъ Гугертъ приговорилъ звѣзду сидѣть въ Баденѣ, изъ уваженія къ органу ея сидѣнія, который въ семъ случаѣ одержалъ верхъ надъ ея головою, органомъ ея разума и поэтическаго генія, такъ расхваляемаго Скверною или Сѣверною Пчелою. И такъ, любезный мой Александръ, я еще на зиму остаюсь въ Баденѣ....

Вотъ и еще нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда первой величины начала писать это письмо. Она докладываетъ тебѣ, блистательный Московскій Оріонъ, что, при всей своей тебѣ извѣстной глупости, она поступила весьма умно, что не устремила теченія своего въ Варшаву. Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ у насъ безпрестанный холодный дождь, погода премерзкая, и октябрь обѣщаетъ, кажется, быть весь холоднымъ, сырымъ и грязнымъ. Прогуливайся тутъ по желѣзной дорогѣ! А между тѣмъ Государыня въ Скерновицахъ, въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Варшавы. И такъ, пріѣхавъ туда на недѣлю, я бы каждый день дол-

([18]) Булгаринъ назвалъ Жуковскаго въ своей Сѣв. Пчелѣ звѣздою первой величины. Говорятъ, что однажды кто-то пробрался въ типографію, гдѣ печаталась Сѣверная Пчела и въ заголовкѣ газеты вмѣсто буквы *ѣ* поставилъ *к*. Номеръ такъ и вышелъ въ свѣтъ.

женъ былъ проводить по четыре часа на желѣзной дорогѣ, чтобы увидѣть Императрицу на минуту. Большое счастіе, что геморой во время испугалъ Гугерта. Что, если бы я слегъ въ Варшавѣ?—И такъ, дружище, не хмурься на меня. Вамъ хорошо тамъ судить и на вѣтеръ вторить: забылъ отечество, отказался отъ Россіи! Поглядѣлъ бы на то, что у меня дома дѣлается и каково бываетъ мнѣ въ иныя минуты. Наконецъ однако рѣшительно лучше. Увидимъ, что скажетъ зима и революція, которая, благодаря презрѣнному курфирстру, выросла на сто процентовъ. — Прости, пиши по прежнему. Ты одинъ держишь меня въ связи съ отечествомъ своими добрыми письмами. Твой Жуковскій.

М. П. ПОЛУДЕНСКІЙ.

Не некрологъ и не біографію принимаемся мы писать. Болѣе скромную, сердцемъ нашептываемую, задачу задаемъ мы себѣ, и въ разрѣшенія ея нашими сотрудниками будутъ, можно ручаться, всѣ тѣ, которые знала и имѣли случай оцѣнить добрую и въ высшей степени достойную личность того, къ кому обращается это загробное наше — прости! Наше слово — слово памяти и прощанія тому, чья преждевременная кончина оставила чувство осиротѣлости въ сердцахъ и родныхъ, и друзей, и пріятелей его, — и всѣхъ вообще, въ какихъ бы отношеніяхъ съ нимъ не состоявшихъ, начиная съ служебнаго начальника и до послѣдняго изъ его сослуживцевъ, чтившихъ въ немъ тѣ высокія качества ума и сердца, которыя въ высшемъ, въ равномъ, какъ и въ низшемъ, возбуждаютъ одинаковыя чувства любви, уваженія и преданности.

Таковымъ былъ и останется въ памяти всѣхъ его знавшихъ сопровожденный нами въ свою послѣднюю земную обитель Михаилъ Петровичъ Полуденскій, скончавшійся 18-го Іюля въ Москвѣ, на 39-мъ году доброй и честной жизни. Послѣдній изъ четырехъ сыновей почтеннаго служебнаго дѣятеля, Петра Семеновича Полуденкаго, котораго знала и уважала вся Москва, Михаилъ Петровичъ сдѣлался въ свою очередь жертвою, какъ бы отмѣтившей эту семью своимъ роковымъ перстомъ, злой болѣзни — чахотки. Ни одинъ изъ братьевъ не дожилъ даже до годовъ послѣдне-оплакиваемаго нами.

Тою же болѣзнью скончалась — за пять лѣтъ предъ симъ, почти въ одинъ съ нимъ день (20-го Іюля 1863 г.) и молодая, достойнѣйшая супруга (*) покойнаго, послѣ четырехъ лѣтъ счастливаго брака. Со времени ея кончины неутѣшный вдовецъ какъ бы считалъ дни, которые оставалось ему жить на свѣтѣ; онъ былъ убѣжденъ, что ему не миновать участи своихъ братьевъ и жены. — Изслѣдовавъ, такъ сказать, у одра предметовъ всей своей любви всѣ признаки и весь ходъ злаго недуга, онъ со дня на день примѣнялъ къ себѣ свою горькую опытность, слѣдилъ до послѣдней минуты надъ собой постепенное развитіе болѣзни, и хотя тайный голосъ молодой жизни и боролся въ душѣ его съ призракомъ разрушенія, тѣмъ не менѣе онъ съ невозмутимою силою духа, съ полною трезвостью разсудка, встрѣтилъ свой послѣдній часъ, напутствуемый тѣломъ и кровью Спасителя, съ молитвою на устахъ, съ перстами сложенными для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ.

Михаилу Петровичу Полуденскому не дано было ознаменовать свое кратковременное жизненное поприще блистательною служебною дѣятельностью. Послѣ основательнаго домашняго подготовленія, изъ котораго онъ

(*) Марья Михайловна, урожденная Ржевская, правнучка фельдмаршала графа Каменскаго.

вынесъ тѣ безоукоризненныя нравственныя начала, коими отличалась вся его личность, онъ прошелъ полный курсъ Московскаго университета по словесному факультету. На эту стезю влекли его его умственныя стремленія; по наклонности, врожденной-ли, или возбужденной въ немъ примѣромъ старшихъ братьевъ, съ которыми онъ неразлучно жилъ, отечественная литтература и библіографія съ раннихъ лѣтъ стали привлекать всѣ труды молодаго студента. Къ тому времени Полуденскіе Сергѣй и Николай, пріобрѣли, между прочимъ, довольно богатую библіотеку (Хрусталева), и для пытливаго и усидчиваго ума младшаго брата открылся новый источникъ его любимыхъ занятій.

Исключительность избранной имъ ученой стези повліяла разумѣется на занятія по другимъ частямъ факультетскаго преподаванія, и молодой человѣкъ удостоился лишь степени дѣйствительнаго студента, по окончаніи Университетскаго курса.

Затѣмъ, чтобы не разстаться съ родительскимъ домомъ, съ нѣжнолюбимыми имъ братьями, съ кружкомъ товарищей и дѣятелей, подвизавшихся на одной съ нимъ стезѣ, а вѣроятно также и потому, что кругъ избираемой имъ служебной дѣятельности совпадалъ болѣе съ его умственными наклонностями, Михаилъ Петровичъ Полуденскій поступилъ въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Поступилъ онъ не съ тѣмъ, чтобы жить въ Москвѣ архивнымъ юношею былыхъ временъ; это было бы не въ его характерѣ, не въ его правилахъ. Столь-же совѣстливый, сколько скромный въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ съ перваго дня на службѣ сталъ такимъ, какимъ мы его знали до послѣдняго часа его силъ: не пренебрегающимъ никакимъ, даже самымъ мелочнымъ занятіемъ въ исполненіи своего долга.

Архивная часть, въ своемъ устройствѣ, далеко еще не достигла у насъ того совершенства, чтобы не относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ обрекающимся на ея служеніе труженикамъ и не дорожить дѣятелями, съ любовью относящимся къ дѣлу и подготовленнымъ къ нему, каковымъ былъ Михаилъ Петровичъ Полуденскій. А потому нельзя и не пожалѣть, что онъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не счелъ возможныхъ продолжать свое служеніе, на этомъ полезномъ и сродномъ ему поприщѣ.

Въ теченіи этого времени, занимаясь своимъ любимѣйшимъ предметомъ, библіографію, Михаилъ Петровичъ Полуденскій вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по Архиву, А. Н. Аѳанасьевымъ основалъ и непосредственно занимался редакціею перваго въ этомъ родѣ изданія въ нашей отечественной литтературѣ „Библіографическихъ Записокъ", выходившихъ въ 1858 и 59 годахъ и содержащихъ не мало его собственныхъ статей (*).

Въ объемѣ книгъ мы имѣемъ два весьма-почтенные его труда, а именно: „Указатель къ Вѣстнику Европы". (Москва 1861-го года) и другой „Указатель статей по Русской Исторіи, Географіи, Статистики, Русскому Праву и Библіографіи въ Московскомъ Вѣстникѣ".

Изъ помѣщавшихся въ Московскихъ періодическихъ изданіяхъ статей его, изданныхъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, особенно замѣчательны, въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Русскомъ Архивѣ": „Матеріалы для Исторіи Дружескаго Ученаго Общества, 1782-го года" (Москва 1863); „Русская Исторія Мильтона". М, 1860. „Новое изданіе сочиненій Баронія", „Русское Посоль-

---

(*) Такъ какъ служащимъ въ Архивѣ не дозволялось тогда быть издателями, то Библіографическія Записки выходили безъ именъ Аѳанасьева и Полуденскаго: по ихъ просьбѣ издателемъ объявилъ себя въ печати Н. М. Щепкинъ.

ство при Людовикѣ XIV“, 1863. „Петръ Великій въ Парижѣ“ 1865, кромѣ многихъ другихъ статей, помѣщенныхъ имъ въ этихъ двухъ журналахъ и въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ.

Съ 1861-го года Михаилъ Петровичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ журнала, издаваемаго въ Парижѣ книгопродавцемъ Обри (Aubry) подъ заглавіемъ: Bulletin du Bouquiniste и сообщалъ въ оный статьи о книгахъ старыхъ и новыхъ, касающихся Россіи.

Будучи членомъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Общества Любителей Русской Словесности, онъ и тутъ оставилъ памятники своего полезнаго труда, сперва какъ секретарь, а въ послѣднее время, когда болѣзнь заставила его отказаться отъ этой должности, въ званіи казначея Общества. Члены Общества долго будутъ помнить его кроткое, всегда основанное на законности, примирительное участіе въ ихъ засѣданіяхъ.

При его главномъ сотрудничествѣ было, между прочимъ, издано Обществомъ въ 1867-мъ году, полное собраніе Стихотвореній Мерзлякова, и не задолго до кончины, надѣясь еще на свои силы, онъ готовился принять участіе въ обширной работѣ Общества, а именно въ „Словарѣ Русскихъ писателей.“

Съ 1859-го года Михаилъ Петровичъ Полуденскій находился на службѣ въ Московской Дворцовой конторѣ, куда онъ перешелъ изъ вѣдомства Архива, сперва на должность одного изъ секретарей присутствія, а съ 1865 г. онъ состоялъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при г. Президентѣ Конторы, и въ послѣднее заявленіе вниманія начальства къ его службѣ, былъ возведенъ, за два мѣсяца до смерти, въ званіе Церемоніймейстера Высочайшаго Двора.

Достаточно прислушаться къ отзыву о покойномъ начальниковъ, сослуживцевъ, къ искренному сожалѣнію, изъявляемому всѣми его знавшими о его утратѣ, чтобъ понять всю цѣну этого добраго, достойнаго и скромнаго дѣятеля, не оставившаго по себѣ инаго чувства, какъ скорбь дружбы и уваженіе науки. Въ такихъ-то именно людяхъ, скромно работающихъ и чуждыхъ общественной шумихи, нуждается, болѣе чѣмъ когда либо, наше отечество.

Миръ праху твоему, страдалецъ; добрая, сердечная память твоей безъукоризненной, сочувственной личности! *В. Неклюдовъ.*

Москва 10 Августа 1868 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОР. ДОМЪ ВОЕЙКОВА.

ПИСЬМА ГРАФА М. Ѳ. КАМЕНСКАГО

КЪ СЫНУ ЕГО ГРАФУ Н. М. КАМЕНСКОМУ.

1806—1809.

Письма эти печатаются съ подлинниковъ, хранящихся между рукописями Чертковской библіотеки. Оба графа Каменскіе и фельдмаршалъ-отецъ, и сынъ его тридцати-четырехъ лѣтній генералъ отъ инфантеріи, принадлежатъ къ славнымъ именамъ Русской исторіи. Очерки ихъ жизни составлены Бантышемъ-Каменскимъ (Словарь, изд. 1836 и 1847 годовъ); но письма, которыя теперь печатаются, прибавляютъ новыя черты къ ихъ жизнеописаніямъ и особенно живо рисуютъ намъ старика-фельдмаршала, эту своеобразнѣйшую личность XVIII вѣка.—Свѣдѣнія о жизни графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго доселѣ мало разработаны. Онъ родился въ 1738 г., 8 мая (Росс. Род. книга, кн. П. Долгорукова, II, 191), и воспитывался въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, гдѣ образованіе было строгое и дѣльное. Ему рано дались и теорія и практика военнаго искусства, ибо въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ учился оному за границею (Вигель, I, 226), и съ отличіемъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ. Въ Екатерининское время, имя его безпрестанно встрѣчается въ военныхъ извѣстіяхъ. Но и тогда уже, вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ военнаго дѣла и личною храбростью, обнаруживались въ немъ чрезмѣрная пылкость и заносчивость характера. Ему недоставало той ловкости въ сношеніяхъ съ людьми, которая во всѣ вѣка помогаетъ служебному успѣху, между тѣмъ какъ честолюбіе естественно питалось въ немъ сознаніемъ истинныхъ своихъ преимуществъ передъ другими. Ученыя занятія при пылкомъ нравѣ порождали всякаго рода неровности въ обращеніи съ людьми. Екатерина тяготилась его бесѣдою. «Il nous vient un personage le plus ennuiant du monde» (къ намъ будетъ скучнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ), отзывалась она секретарю своему Храповицкому (см. его Записки, стр. 224, подъ 2 іюня 1790 г.). Какъ кажется, къ великому князю Павлу Петровичу Каменскій выражалъ особенную приверженность. Когда, передъ второю Турецкою войною, императрица послала ему въ подарокъ 5000 рублей золотомъ, чудакъ-генералъ захотѣлъ показать, что подарокъ слишкомъ ничтоженъ и нарочно истратилъ эти деньги на завтраки въ Лѣтнемъ Саду, къ которымъ приглашалъ всѣхъ, кто ему попадался на глаза (Записки Энгельгардта изд. Р. Архива, стр. 67). Энгельгардтъ (стр. 70) обвиняетъ его въ лукавствѣ по отношенію къ кн. Потемкину, но врядъ ли это обвиненіе справедливо. Намъ кажется, что Каменскій, строгій служака и педантъ, съ понятіями, сравнительно-узкими, объ общихъ дѣлахъ управленія и о ходѣ войны, уже потому самому относился недоброжелательно къ распоряженіямъ свѣтлѣйшаго. Извѣстна роль Каменскаго въ Яссахъ по смер-

ти Потемкина (Записки Энгельг. 126—129, Соч. Держав. изд. Я. К. Грота II, 608 и Записки Храповицкаго, 252—254). Услышавъ въ Москвѣ о болѣзни свѣтлѣйшаго, Каменскій поскакалъ въ армію, въ качествѣ старшаго по чину генерала принялъ на себя главную команду немедленно по смерти свѣтлѣйшаго и сталъ требовать отчетовъ въ дѣлахъ и суммахъ. Екатерина пришла въ негодованіе и тотчасъ удалила Каменскаго, который послѣднія пять лѣтъ ея царствованія провелъ въ отставкѣ. Каменскаго обвинили въ сумасбродствѣ, но Храповицкій записалъ въ дневникѣ своемъ подъ 18 окт. 1791 г. многознаменательныя слова: «Видя самъ донесеніе Каменскаго (въ Петербургъ императрицѣ), замѣтилъ (я) Попова плутовство, что мнимое княземъ Потемкинымъ назначеніе Каховскаго въ главные начальники произошло оттого единственно, что Каменскій потребовалъ отъ Попова вѣрнаго отчета въ экстраординарной суммѣ, по счастію плута сего, безъ расчета и повѣрки оставшейся.»

Императоръ Павелъ поспѣшилъ вознаградить стараго генерала, обожателя Фридриховскихъ строевъ. М. Ѳ. Каменскій произведенъ въ фельдмаршалы, пожалованъ графомъ и назначенъ командовать полками въ Финляндіи. Въ Итальянскомъ походѣ 1799 гр. Каменскій не участвовалъ; кажется онъ скоро впалъ въ немилость и снова отправился въ свою деревню подъ Орломъ (Сабурово) заниматься сельскимъ хозяйствомъ, математическими науками, а иногда и опытами въ Россійскомъ стихотворствѣ. (См. ниже письма его. Онъ покровительствовалъ Богдановичу).

Въ селѣ своемъ Сабуровѣ доживалъ онъ преклонный вѣкъ свой, когда въ исходѣ 1806 года вызвали его въ Петербургъ для войны съ Наполеономъ, предпринятой въ оборону Пруссіи. Обыкновенно объясняютъ его назначеніе желаніемъ удовлетворить народному чувству, для котораго одно имя этого сѣдаго орла временъ Екатерининскихъ казалось залогомъ побѣдъ, и которое всего годъ тому назадъ было уязвлено неудачею Аустерлицкою. Можно думать, что на гр. Каменскаго указалъ государю усердный почитатель его воинскихъ талантовъ, графъ Аракчеевъ, тогда уже входившій въ силу.

Гр. Каменскій явился въ Петербургъ и, будучи героемъ дня, не покидалъ своего убогаго помѣщенія въ третьемъ этажѣ какой-то гостинницы. Читатели помнятъ мастерское описаніе встрѣчи съ гр. Каменскимъ, написанное Д. В. Давыдовымъ (соч. его, изд. 1860, II, стр. 35—38). 16 Ноября 1806 г. онъ опредѣленъ главнокомандующимъ. Восторгъ былъ всеобщій. Старикъ Державинъ напечаталъ оду на отправленіе его въ армію:

Оставшій мечь Екатерины,
Булатъ, обдержанный въ бояхъ.—
Каменскій, ты полки орлины
Ведешь на брань - и Галлу страхъ!..
Ты именемъ и духомъ камень,
Холодностью угасишь пламень...

Преданіе разсказываетъ, что едва оставилъ онъ Петербургъ, какъ уже начались съ нимъ непріятности. На станціи въ Стрѣльнѣ ему не дали нужнаго числа лошадей, и онъ письмомъ жаловался на это государю; едва доѣхалъ 68 лѣтній главнокомандующій къ театру военныхъ дѣйствій, какъ уже обнаружилась его физическая несостоятельность. Новые порядки, недостатокъ продовольствія въ войскахъ, и замѣченная недовѣрчивость со стороны государя, все это было ему не по силамъ. Д. В. Давыдовъ (II, 111—112) сохранилъ намъ подробности его внезапнаго удаленія отъ арміи, записанныя со словъ его безсмѣннаго адъютанта П. П. Валуева. 12 Декабря 1806 г. наканунѣ сраженія подъ Пултускомъ, гр. Каменскій уѣхалъ изъ своей главной квартиры, Новомѣста, и съ этой поры начинаются нижеслѣдующія его письма. Но для лучшаго пониманія ихъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о семейномъ бытѣ фельдмаршала.

Фельдмаршалъ гр. Каменскій былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Павловнѣ Щербатовой (р. 26 Сент. 1749, ум. 16 Но-

ября 1826), одинадцатью годами его моложе. Относительно брака судьба его похожа на судьбу Румянцова и Суворова (см. Р. Арх. 1866, стр. 932). Ему, принадлежавшему къ простому Русскому дворянству, не посчастливился союзъ съ знатною, хотя и добродѣтельною, княжною. И какое могло быть счастіе при томъ взглядѣ на супружескую жизнь, который былъ у гр. Каменскаго? Супруги съѣзжались довольно рѣдко. Однако плодомъ ихъ брака была дочь и два сына: гр. Сергѣй (род. 3 Іюня 1772, ум. 8 Дек. 1834) и знаменитый герой графъ Николай Михайловичъ (род. 27 Дек. 1776, ум. 4 Мая 1811) Старшаго сына отецъ не любилъ. По свидѣтельству Энгельгардта (128) однажны, когда сынъ уже былъ въ чинахъ, гр. Михаилъ Ѳедотовичъ публично далъ ему двадцать ударовъ арапникомъ за то, что онъ не явился въ срокъ по какому-то служебному дѣлу. Но на младшемъ сынѣ сосредоточилась вся нѣжность, къ какой только былъ способенъ крутой старикъ.—Если позволительно лицъ историческихъ сравнивать съ лицами, созданными художественнымъ творчествомъ, то намъ кажется, что гр. М. Ѳ. Каменскій напоминаетъ чрезвычайно старика-князя Болконскаго въ книгѣ: „Война и Миръ.“ Даже и внѣшняя физіономія, какъ описываютъ ее люди, знавшіе гр. Каменскаго, удивительно похожа.

Печатаемыя письма раздѣляются на три отдѣла, соотвѣтственно тремъ періодамъ жизни того, къ кому они писаны: 1) Походъ въ Пруссіи 1807 года. 2) Жизнь въ Москвѣ и Петербургѣ и 3) Походъ Шведскій 1808 и 1809 годовъ.

Фельдмаршалъ не дожилъ до новой славы покрытаго лаврами своего сына, до его назначенія главнокомандующимъ Дунайскою арміею. Извѣстно, что онъ погибъ насильственною смертью въ селѣ своемъ Сабуровѣ 12 Августа 1809, т. е. вскорѣ послѣ послѣдняго здѣсь напечатаннаго письма къ сыну. По словамъ одной современницы и родственницы, убійство было такого рода: престарѣлый, но бодрый графъ объѣзжалъ рощи свои въ низкихъ дрожкахъ. Сзади у него для посылокъ сидѣлъ казачокъ лѣтъ 15-ти, братъ бариновой наложницы, подкупленный ею и какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ, котораго она предпочла фельдмаршалу. Этотъ то мальчикъ ударомъ топора раздробилъ черепъ графу М. Ѳ. Каменскому.

Не прошло двухъ лѣтъ, какъ въ Одессѣ 4 мая 1811 года скончался и знаменитый сынъ его, отъ слѣдствій какой-то таинственной болѣзни, припадки которой начались послѣ чаю у Французскаго консула. Съ тѣхъ поръ замолкло имя Каменскихъ, наполнявшее собою около полувѣка наши военные лѣтописи, и нынѣ оно отзывается лишь гуломъ старинной громкой славы. *П. Б.*

I

Николай Михайловичь, прости! Я команду сдалъ Буксеведену. Всѣ ретируются. Думаю, что ваши двѣ дивизіи останутся въ аріеръ-гардѣ; о томъ увѣдомь Эссена. Лошадь сѣрую оставилъ я у себя, а одна у князя Трубецкова. Я поручаю тебя Богу—да сохранитъ тебя и честь твою; мою за чужіе грѣхи замарали,—но чистое сердце утѣшается. Il faut tacher de savoir quand les dernières troupes de l'armée de Benigsen passeront Rosan, ou plutôt même à présent (¹). Всѣ суда, на рѣкѣ находящіеся Наревѣ, переведите на лѣвой берегъ, то есть вашъ. Потомъ и въ Остерминде должно мостъ сломать, чтобы за вами, чрезъ Остерминде, не такъ скоро непріятель перебрался. Лучше всего часть онаго сжечь, и нынѣ же кого détacher pour apprêter les matériaux (²) для сженія.

Вотъ все, что больной присовѣтовать можетъ. Покажи это Сакену, да

(¹) Надо постараться узнать, когда перейдутъ Розанъ послѣдніе войска Бенигсеновой арміи, или скорѣе даже (переходить) теперь.

(²) Отрядить кого нибудь, чтобъ заготовить матеріаловъ для сженія.

не время ли и у Пултуска мостъ разломать, когда можно?

Надпись: Гр. Н. М. Каменскому, шефу Архангелогородскаго пѣхотнаго полку, въ дивизіи генералъ-лейтенанта Эссена 3-го.

NB. Числа и мѣста на этомъ письмѣ нѣтъ.

II

Графъ Николай Михайловичь!

Батюшка твой вмѣсто командира обратился тебѣ въ дворецкіе. — Я долженъ оставаться по указу государеву здѣсь (3); если провизія изойдетъ, то давай знать что̀ тебѣ надобно.—Я никого не озлобилъ въ командованіе мое и такъ тебѣ злодѣевъ не нажилъ, а недоброхоты можетъ что и есть. Веди себя учтиво, но не забывай, что и самъ Г. М. (4) и чей сынъ. Я бывалъ подъ огнемъ, и кой кто меня знаетъ. Уѣхалъ не тогда, какъ драться доводилось; вить не мы шли нападать, а кто знаетъ, когда на насъ нападутъ. А батюшка твой безъ слуги, потому что взятый Нѣмецъ занемогъ, безъ бѣлой рубашки и чулокъ, съ ободраннымъ ...... и съ килой (5) принужденъ былъ въ 70 лѣтъ девять дней прожить подъ открытымъ небомъ. Вотъ то-то мнѣ доказало, что я не гожусь болѣе къ походу, то-то заставило поручить команду старшему по себѣ.— Въ разговоры подробные избѣгай вступать: вотъ что тебѣ совѣтую, желая тебѣ счастливаго окончанія не только кампаніи, но и войны. Еще повторяю, живи сколько можно не чвановато, а что̀ надо, недостатка не будетъ, пока я въ Гроднѣ.—Я всѣхъ давно спустилъ отъ себя, одинъ остался Аграфены Александровны сынъ, Рибопьеръ (6); онъ послѣдней кусокъ къ тебѣ посылаетъ—двѣ бут. рому.

Михайла Каменскій

Декабря 29 дня 1806. Гродна.

III

2 Генваря изъ Гродны, 1807.

Графъ Николай Михайловичь, дай Богъ тебѣ счастливаго года. Я къ тебѣ уже недѣлю назадъ какъ послалъ нѣкоторую провизію съ Иваномъ Калуновымъ, въ бричкѣ, съ четырьмя лошадьми, да конюхъ Иванъ Семеновъ Столяровъ и Иванъ Бѣльской, да козакъ съ верховой лошадью, которую къ тебѣ посылаю вмѣсто твоей сѣрой; когда не тебѣ, такъ кому нибудь въ полку годится. Я обозу велѣлъ ѣхать изъ Гродны на Голынку, на Липскъ и на Ставинъ что̀ у рѣки Бобра, потому что намъ сказано, что будто всѣ ваши обозы тамъ остановлены; я однако написалъ ему въ запискѣ, чтобы въ Августовѣ тебя отыскивалъ. Александръ Ивановичь Рибопьеръ, племянничекъ твой взялся сіе письмо тебѣ доставить; ты по оному обозъ тотъ отыщи и ко мнѣ обратно въ Гродну отправь и дай знать, въ чемъ у насъ недостатокъ, какъ я говорилъ и Рибопьеру. Вамъ привыкать должно любить друга; я, какъ старинной отецъ, такъ эту свадьбу сыграю, но знаю, что молодые мои не разведутся, какъ многіе женатые нынѣшняго времяни. — Еще повторю:

(3) Были слухи, что графа Каменскаго предадутъ суду за такой необыкновенно-дерзкій поступокъ, какъ оставленіе арміи наканунѣ сраженія; но ему приказано было жить въ Гроднѣ, а потомъ уволили его совсѣмъ.

(4) Т. е. генералъ-майоръ.

(5) Гр. Каменскій издавна страдалъ грыжею и потому ходилъ въ длинномъ мундирномъ сюртукѣ, бѣлою портупеею подвязанномъ. (Энгльгардтъ стр. 97).

(6) Рибопьеръ, оберъ-каммергеръ графъ Александръ Ивановичь. Скончался въ Петербургѣ въ маѣ 1865 года. Мать его Аграфена Александровна, была дочь славнаго Александра Ильича Бибикова.

будь пожалуй здоровъ и надѣйся на Бога, о Которомъ многіе сверстники твои и не думаютъ.

Графъ М. Каменскій.

Надпись: Гр. Н. М. Каменскому, шефу Архангелогордскаго пѣхотнаго полку въ дивизіи генер-лейтенанта Эссена 3

IV.

Гродна, Генваря 5 дня 1806.

Графъ Николай Михайловичь.

Вотъ уже девять дней что я тебѣ послалъ бричку съ четырью лошадьми, и съ одной верховой лошадью съ провизіей, при ней козакъ Иванъ Калуновъ, Иванъ Бѣльской да конюхъ Иванъ Семеновъ. Тогда здѣсь говорили, что вы соединились съ Буксгевденомъ и что обозамъ вашимъ велѣно и вамъ слѣдовать не чрезъ Бѣлостокъ, а изъ Гродны на Голынку и на Штабенъ, гдѣ есть мостъ на рѣчкѣ Бобру. Я сіе письмо посылаю тебѣ чрезъ графа Петра Александровича (7), вели кому о томъ обозѣ отыскать, а людей и бричку пришли обратно въ Гродну; дай знать, естьли тебѣ еще что надо.

Гр. М. Каменскій.

Адресъ: Гр. Н. М. Каменскому, шефу Архангелогородск. мушкетерск. полка.

V

Здравствуй, графъ Николай Михайловичь. Что здоровъ ли ты? Я прошу, хотя изрѣдка меня о томъ увѣдомлять. Говорятъ, что у васъ изъ генеральнаго дежурства учрежденъ будетъ понедѣльно эстафетъ въ Гродну; такъ съ нимъ писать можно. Слышу, что Анрепъ убитъ—жалѣть должно! Да ты у кого въ дивизіи или въ корпусѣ? Это не секретъ, писать можно. Мы въ Гроднѣ теперь въ глуши; курьеры посылаются не черезъ насъ. Это письмо пишу къ тебѣ чрезъ сына Алексѣя Петровича Толстаго, двоюроднаго брата Анны Павловны (8), почему ты доводишься ему внучатный братъ: зовутъ его Павелъ Алексѣичь Толстой, прапорщикъ въ 25-мъ егерскомъ полку у Вуича, въ авангардѣ Багратіона. Ихъ два брата; другаго зовутъ Василій Алексѣичь и въ томъ же 25 егерскомъ полку. Чего у тебя недостаетъ для тебя да и для твоихъ штабъ-офицеровъ, дай знать, и о томъ, какъ тебѣ то доставить.

Графъ М. Каменскій.

Генваря 29 дня во вторникъ 1807 въ Гроднѣ.

Адресъ: Каменскому въ Архангелогородскомъ полку.

VI.

Февраля 13 дня 1807. Гродна.

Графъ Николай Михайловичь.

При семъ случаѣ, по дружбѣ Михаила Алексѣича, посылаю къ тебѣ еще двѣсти червонцевъ, а триста червонныхъ послалъ я къ тебѣ шесть дней назадъ чрезъ фельдъ-егеря Блументаля; но поспѣши увѣдомить меня, въ чемъ тебѣ нужда и естьли пришлешь извощика съ письмомъ и съ вѣдомостью о нужномъ, то доставлю тебѣ и бричку, и 4 лошади и маль-

(7) Толстаго?

(8) Жены гр. М. Ѳ. Каменскаго.

чика, когда хочешь и въ бричкѣ нужное, а особливо не чаю ли прислать? Да какова твоя контузія?

Графъ М. Каменскій

VII.

Февраля 14 дня 1807. Гродна.

Графъ Николай Михайловичь.

При сей же оказіи послалъ я къ тебѣ чрезъ Михаила Алексѣича Обрѣскова двѣсти червонныхъ, которые можетъ получишь въ одно время съ этимъ письмомъ, а за недѣлю предъ нимъ послалъ еще *триста* червонныхъ чрезъ фельдъ-егеря Блументаля, находящагося при Бениксонѣ; онъ обѣщалъ отпроситься къ тебѣ и оные отвести. Если будетъ отъ тебя какой офицеръ въ Гродну и съ нимъ извощикъ, то пришлю и бричку съ четверней, да и мальчика, наполня бричку чѣмъ тебѣ надобно. Это письмо пишу чрезъ Рибопьера. Богъ съ тобой, да будетъ воля Его надъ тобой и надъ *Гр. Мих. Каменскимъ.*

VIII.

Вторникъ февр. 19 дня 1807 г. Гродна.

Графъ Николай Михайловичь.

Я письмо твое отъ 10 февраля изъ Нейендорфа получилъ; благодарю за увѣдомленіе и очень радъ, que vous triomphés(*) - слово, съ котораго письмо твое начато.—Я на сихъ дняхъ сбираюсь въ деревню, въ Орелъ, и такъ пиши туда. Сожалѣю, что не успѣлъ къ тебѣ болѣе перевесть денегъ и переслать къ тебѣ бричку съ провизіей и съ 4-мя лошадьми; вотъ и верховая твоя сѣрая лошадь мнѣ въ тягость, но отведу ее въ деревню на память твою. Не знаю, получилъ ли ты по требованію твоему деньги чрезъ фельдъ-егеря Блументаля, у Бениксона находящагося, триста червонныхъ,— въ которыхъ я у него и росписку взялъ; за тѣмъ чрезъ Михайла Алексѣевича Обрѣскова двѣсти червонныхъ; объ нихъ я увѣдомилъ и Рибопьера, а повезъ изъ Гродны какой-то портупей-прапорщикъ при Бениксонѣ находящійся, посланной въ Гродну къ женѣ, имени его не знаю, ни полку. Теперь, провѣдавъ, что Архангелогородскаго полку офицеръ, находившійси здѣсь, провожаетъ двухъ Прусскихъ офицеровъ къ Бениксону, посылаю еще на удачу къ тебѣ триста червонныхъ, взявъ съ него и росписку. Боже дай тебѣ счастія и сохрани твое здоровье, да и подай намъ скорой конецъ войнѣ, послѣ котораго пріѣзжай домой, а естьли здоровье ослабѣетъ, то и до конца оной: отецъ тебѣ радъ! Мнѣ уже не льзя не желать имѣть кого при себѣ; однако для меня не принуждайся ни къ чему и естьли по службѣ повезетъ, естьли обласкаетъ самъ Государь, который, сказываютъ, скоро къ вамъ будетъ,— служи, мой другъ, служи! Но не надѣйтеся ни на князи, ни на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія.

Графъ Михаилъ Каменскій.

IX.

Графъ Николай Михайловичь.

Я пользуюсь отъѣздомъ графа Подгоричанина, подполковника Сумскаго гусарскаго полку, который сказалъ мнѣ, что тебя знаетъ и учились вмѣстѣ у Гебера, и посылаю къ тебѣ, за потерей тобой экипажа твоего, четыре новыя рубашки, ко мнѣ присланныя нынѣшняго года, а шесть въ

(*) Что вы торжествуете.

ноябрѣ. Ихъ въ походѣ не скоро сошьешь; боюся, что коротки будутъ рукава, но лучше короткіе, нежели никакіе. Посылаю я охоты твоей-чаю фунтъ, присланнаго съ рубашками отъ Кобылиной; да за нужное нахожу увѣдомить тебя, что я послалъ къ тебѣ 300 червонныхъ 10 февраля съ Блументалемъ, фельдъ-егеремъ, потомъ еще 200 червонныхъ чрезъ Михайла Алексѣевича Обрѣскова, да наконецъ февраля 19 послалъ еще 300 червонныхъ Архангелогородскаго полку чрезъ подпоручика Малезе, который посланъ изъ Гродны къ Бениксону съ двумя Прусскими курьерами. Я было желалъ прислать и бричку съ лошадью, съ провизіей и слугой, но отъ Государя получилъ вчера дозволеніе ѣхать въ деревню, куда просился; и такъ въ субботу отсюда поѣду, и ты пиши ко мнѣ уже въ Орелъ, хотя однажды въ мѣсяцъ: Рибопьеръ конечно доставитъ.—Послѣ твоего свиданія съ Государемъ, естьли что говорить будетъ обо мнѣ, увѣдомь; а ему можешь сказать, что отецъ твой, не могши хорошо дѣлать дѣло государево, лучше захотѣлъ его оставить, нежели какъ испортить, спрашиваясь у другихъ; а самому видѣть бы мнѣ ничего не льзя было: не успѣлъ объѣхать мѣста, да и въ дѣлѣ глазки нужны, а мои худенько видятъ; что голова и сердце у отца твоего прежнія, но тѣло состарѣлось къ бивуакамъ да и къ ѣздѣ.

Гр. М. Каменскій.

Февр. 22 дня 1807. Гродна.

Я поѣду на Минскъ, Смоленскъ, на Брянскъ и на Орелъ.

Приписка. №. 1-й. Естьли Ласси къ вамъ будетъ въ армію, то адресуйся къ нему во всемъ, онъ самъ мнѣ о томъ говорилъ; а естьли и не будетъ, то по тому же и въ деревню его, Августово, въ 4-хъ верстахъ отъ Гродны на нашей границѣ адресуйся. Я было письмо запечаталъ, но Ласси пріѣзжалъ проститься и еще подтвердилъ предложеніе свое. №. 2. Естьли за сею присылкою къ тебѣ 800 червонныхъ, нужда будетъ тебѣ занять, то до 2-хъ тыс. рубл. можешь адресовать на меня въ Орлѣ векселя, но ассигнаціями.

X.

Іюня 29 дня 1807, въ Петровъ день. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Посланный твой, штабсъ-капитанъ Иванъ Ивановичь Карезинъ очень меня обрадовалъ, привезши извѣстіе о тебѣ, что ты здоровъ былъ во всѣ бывшія дѣйствія. Ни радоваться, ни печалиться много ничему не должно о себѣ, и такъ продолжай какъ началъ. Сколько бѣлье ни марай, а когда прямо бѣло, такъ бѣлизна видна, а пятна положенныя окажутся. Боже дай скорѣй намъ миръ для успокоенія публики и меня! Я реляцію о твоемъ дѣлѣ при Вексель-минде читалъ до полученія твоего письма, и по ней ты оправданъ, кромѣ рескрипта короля Прусскаго. И Тюрень, и Евгеній, и Фридрихи не всегда удачно дрались. — Естьли и не произведутъ генералъ-порутчикомъ, не оскорбляйся: больше нельзя бы сдѣлать было, естьли бы ты Гданскъ и выручилъ. Карезинъ твой сказалъ, что въ деньгахъ тебѣ нѣтъ нужды, чтò ты подтвердилъ тѣмъ, что двухъ тысячь рублей (остатокъ отъ покупокъ), у матушки не требовалъ; и такъ я потому подарилъ ему сто червон-

ныхъ (*) вмѣсто всякаго другаго подарка, которымъ, въ деревнѣ живучи, и подарить его мнѣ было бы трудно. Пріѣзжайте право скорѣй, все пусто, пусто, да и въ третій разъ тоже. Братъ пишетъ, что онъ подъ Браиловымъ. Но и ему его не взять; коммуникацію у нихъ отрѣзать не льзя съ другой стороны Дуная,— такъ постоя, естли не отобьютъ, принужденъ будетъ самъ отойти. Вотъ разносится слухъ со вчерашняго дня, что будто заключено перемиріе, кабы да! Богъ съ тобой, а и ты будь съ Нимъ и Его не забывай. Вотъ совѣтъ отца и друга *Графа Михаила Каменскаго.*

Адресъ на конвертѣ:

Его сіятельству, милостивому государю моему, графу Н. М. Каменскому, генералъ-маіору и разныхъ орденовъ кавалеру, при арміи генерала Бениксона.

XI.

Орелъ. Августа 14 дня 1807.

Графъ Николай Михайловичь.

Письмо ваше изъ Россіены іюля отъ 13-го получилъ и потому сіе письмо пишу чрезъ Могилевъ что на Днѣпрѣ.— Отдохнуть можно, не постыдно, и если запрещенія о томъ нѣтъ, повидаемся. Вчерашняго числа областной нашъ начальникъ милиціи графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ отсюда въ Москву поѣхалъ. Пріѣхавъ въ Орелъ въ понедѣльникъ, въ обѣдъ, вспомнилъ обо мнѣ, приславъ ко мнѣ и въ деревню своего курьера о томъ меня извѣстить. Я во вторникъ поспѣшилъ и самъ къ нему поѣхать съ тѣмъ, чтобы его позвать къ себѣ и угостить,—но не засталъ: изволилъ въ 5 часовъ по утру подняться. Я къ чему писалъ въ Москву, что сожалѣю для Орла, что онъ не остановился; а правдуматку сказать, онъ что-то Орломъ недоволенъ; здѣшніе судьи его не очень полюбили: они какъ-то его дѣло съ Давыдовымъ, Володимеромъ Денисовичемъ по раздѣлу послѣ покойнаго Лопухина, Дмитрія Николаевича, шурина его, испортили. Я Орлова не видалъ, его уже не было въ Орлѣ, какъ я пріѣхалъ; а нынѣ не удалось же. О семъ ваше сіятельство всепокорнѣйше рапортую, желая здоровья и скораго свиданія.

Графъ Михаилъ Каменскій.

Адъютантъ твой, который у меня былъ, возвратился ли къ тебѣ? Онъ сказалъ, что ты денегъ своихъ отъ матушки не потребовалъ.

Адресъ: Его сіятельству, милостивому государю моему графу Н. М. Каменскому, генералъ-маіору и разныхъ орденовъ кавалеру, въ арміи генералъ отъ инфантеріи графа Буксгевдена, въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

XII.

Августа 29 дня 1807. Орелъ

Графъ Николай Михайловичь.

Приложенное, отъ матери къ сыну писанное, прошу доставить по надписи Юшкову.—Гдѣ вы? Что вы?— Отдохнули? Богаты? Пришли ли въ Могилевъ на Днѣпрѣ, куда пишу сіе письмо. Желаю тебѣ здоровья, и буде можно, отпуска, но не повреждая репутаціи.

Графъ М. Каменскій.

(*) Восемьдесятъ только червонныхъ, а не сто. Примѣч. гр. М. Ѳ. Каменскаго.

XIII.

1807. Сентября 26. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь. Какъ ты увѣдомилъ меня, что пришелъ въ Шкловъ и что просился у Буксевдена, то не знаю, какъ переслать къ тебѣ деньги за твою библіотеку. Книги, которыхъ я не имѣлъ, изъ твоей библіотеки я присвоилъ, а прочія лежатъ въ твоемъ сундукѣ.— Да вотъ въ декабрѣ должно къ вамъ обоимъ послать мнѣ годовое ваше содержаніе, то въ не бытность твою, чтобы тѣ деньги опять не повернули, кому адресовать велите? Не хорошо, что опять ревматизмы тебя подхватили; къ счастію, что въ походѣ перенесъ; а по симпатіи я дважды въ деревнѣ былъ боленъ рожей или флюсомъ. Если отпустятъ, пожалуй повидаемся. Буксевдену скажи, что я радъ очень, что ему *должное* возвращено; Мих. Михайл. и женѣ его скажи, что желаю ему искренне всякаго счастія и уравненія противу Минскихъ въ награжденіи. Выздоравливай же пожалуй къ пріѣзду твоему въ Орелъ.

Графъ Мих. Каменскій.

XIV.

Безъ означенія числа.

Графъ Николай Михайловичь. Богдановы сказывали мнѣ, что ты Авдотьѣ Ивановнѣ сказалъ, что Дениса Серг. племянника ея къ себѣ не берешь; но мнѣ кажется, еслибъ тебя и перевели въ другую дивизію, и отлучили отъ Архангелогородскаго полку, то можешь однако Дениса ихъ перепросить къ себѣ, съ переводомъ ли въ новой полкъ или и съ оставленіемъ въ Архангелогородскомъ. Отдыхаешь ли? отдохнулъ ли? Вотъ и Орловъ ([10]) свалился! Кто же заступилъ на его мѣсто? Что въ Москвѣ дѣлаешь, извѣсти меня.

Графъ М. Каменскій.

Высотскій прислалъ къ тебѣ по почтѣ приложенную піэсу музыки.

XV.

Генваря 12 дня 1808 года. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь. Ты очень хорошо сдѣлаешь, что поживешь въ Москвѣ сколько можно болѣе. Хорошо дѣлаешь, что ѣздишь къ Алексѣю Ивановичу Пушкину,— что у него? Дни что ли положены? Тутъ политическихъ разговоровъ наслушаешься довольно! Я смѣшалъ Алексѣя Ивановича съ Алексѣемъ Семеновичемъ: вотъ такова-то старость; однако старикъ, Иванъ Яковлевичь Богдановъ 83 лѣтъ умеръ 9 генваря въ твердой памяти, и за три дни передъ кончиной читалъ газеты безъ очковъ; но я не таковъ: и съ очками не хорошо вижу. У графа Алексѣя Ивановича въ домѣ, какъ у бывшаго помнится директора академіи, разговоры должны быть учебныя, и въ нихъ почерпнуть можно, да и должно! Братецъ твой ѣзжалъ въ этотъ домъ, но только думаю, что часть сочиненій своихъ, то есть векселей, написалъ въ семъ домѣ. Желаю, чтобы ошибся, а то сказать можно avec Jean Jaques Rousseau: бѣда обществу отъ лишняго ученія. Князю Сергѣю Ѳедоровичу ([11]) всякихъ благъ желаю; я надѣюсь видѣть его начальникомъ въ Москвѣ.

([10]) Гр. Алексѣй Григ. Орловъ-Чесменскій, скончался въ Москвѣ 24 Дек. 1807.

([11]) Голицыну.

Но кстати: Тутолминъ(12) часто ли имѣетъ гостей? естьли хотя день или два въ недѣлю для пріѣздовъ? — Въ Москвѣ у васъ есть отставной дворянинъ господинъ Охотниковъ, помѣщикъ здѣшній, онъ нашему Познякову шуринъ, Якова Андреича Познякова сынъ, а Шеншину Петру Алексѣичу внукъ; онъ продаетъ, по крайней мѣрѣ продавалъ, подлѣ меня деревню Сибекину. Есть ли его отыщешь, можешь сказать, что охотно желаю купить Сибекинскую его землю, не токмо одну, но и съ крестьянами, чтобы сказалъ настоящую цѣну, я намѣренъ ее купить на твое имя.— Будь же здоровъ, влюбляйся въ кого хочешь, но для Бога берегись крали червонной! А прочія кто тебѣ милъ, тотъ и мнѣ. Дядюшка твой, Поликарповъ и супруга его (13) изволили ко мнѣ прислать очень ласковое письмо и родственное; дабы научить васъ штилю, копію пришлю на будущей почтѣ.

Графъ М. Каменскій.

XVI.

Генваря 20 дня 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Матушка твоя столько пишетъ мнѣ о тебѣ хорошаго ото всѣхъ Московскихъ жителей, что я опасаться начиналъ, чтобы кто тебя, разумѣя дѣвушку, или отца, имѣющаго дочь, подхватя, не увезъ. Qu'on me l'enléve, dirai-je, qu'on me l'enléve! (14) Я согласенъ съ тобой, что побывать тебѣ должно въ Петербургѣ, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; тамъ, въ разсужденіе болѣзни моей, можешь выпросить продолженія отпуска, а получа, пожить въ Москвѣ и постараться не о томъ, чтобы тебя увезли, а чтобы согласить кого раздѣлить съ тобою участь твою и носить твое имя, и особу такую, есть ли можно, чтобы къ личнымъ достоинствамъ присоединяла нѣсколько хлѣба-соли — то не портитъ ни стола, ни экипажа, хотя бы лежало въ запасѣ. На то искренно тебя благословляю и, полагая, что ты не въ Москвѣ, сіе письмо посылаю черезъ матушку.

На оборотѣ листа:

Генваря 20 дня 1808 Орелъ.

Марья Михайловна. (15)

По письму матушки, чужіе люди берутся сватать брата вашего, Николая Мих., то потому стыдно будетъ тебѣ, естьли и ты въ то сватовство не вмѣшаешься. Пожалуй, сударыня, позаботься, поѣзди въ чужіе люди, заведи хотя новое знакомство, поубычтись, провѣтрись, а то мхомъ заросла. Счеты пришли, что издержишь на карету или и на платье или и на дары свахѣ, какъ то водится, все заплачу. Есть ли Григорья Павловича въ Москвѣ это письмо не застанетъ, то приложенное отъ меня къ нему перешли въ Петербургъ. *Графъ М. Каменскій*

XVII.

Февраля 12 дня 1808 года

Графъ Николай Михайловичь.

Дай Боже, чтобы призывъ тебя въ Петербургъ не увезъ тебя куда далековато, чтобы между тѣмъ *коханная*

(12) Тогдашній Московскій главнокомандующій.

(13) Д. т. сов. Александръ Васильевичъ Поликарповъ и супруга его Елизавета Павловна, ур. княжна Щербатова.

(14) Пусть у меня его похитятъ, пусть похитятъ!

(15) Дочь фельдмаршала, въ супружествѣ за камергеромъ Григ. Павл. Ржевскимъ.

твоя Московская досталась кому другому. Ты писалъ, что есть у тебя пріятели, такъ ищи право черезъ нихъ остаться около Москвы. Двухъ зайцевъ травя въ одно время, ни одного не затравишь. Однако, не отвергая Московской твоей невѣсты, я бы совѣтовалъ тебѣ около Прозоровской ([16]) повертѣться: дѣвка добра, случайна, знатной фамиліи, одна дочь у отца, я давно на нее цѣлю: и хлѣбъ и соль есть.—Но полно писать; что̀ хочешь, то твори, а и въ Петербургѣ мѣстечко имѣть не худо. Не женятъ ли тебя на Лобановой? Я бы совѣтовалъ не отбѣгать Куракиныхъ — вотъ видишь, что старикъ какъ старикъ, вретъ все одно, любя сына, которому отъ чистаго сердца добра желаетъ. Отецъ твой, *Графъ М. Каменскій.*

Я надѣюсь, что видаешься съ Палагеей Ѳедотовной ([17]) и съ Варварой Андреевной; что-то происходитъ надъ Михаиломъ Алексѣичемъ Обресковымъ и княземъ Дмитріемъ Петровичемъ?

Когда о женидьбѣ говорено было при представленіи, какъ ты пишешь о томъ къ матушкѣ, то жаль, что ты не сказалъ Государю, что васъ у отца двое, и что конечно долженъ ты искать себѣ богатой женидьбы, а потому могъ попроситься, да и теперь можешь, въ Москву; но во всемъ да будетъ воля твоя. А и въ Петербургѣ, естьли бы къ чему тебя опредѣлили, такъ съ моей стороны могу прибавить тебѣ на содержаніе денегъ.

Но пустомелить полно; дѣлай то, что̀ вложитъ тебѣ Богъ на сердце, а хотя и говорятъ, что Его спрашиваться не надо, но по моему иногда слѣдовать можно и таковому движенію.

([16]) Княжна Анна Александровна, дочь фельдмаршала кн. Прозоровскаго, вышла потомъ за кн. Ѳедора Серг. Голицына.

([17]) Сестра фельдмаршала Каменскаго, дѣвица.

На оборотѣ:

Его сіятельству графу Николаю Михаиловичу Каменскому Всепочтеннѣйше.

XVIII.

19 февраля 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь,

По письму твоему наряженъ ты въ Финляндію ([18]), въ армію Букссведена; почему въ разсужденіи неминуемыхъ лишнихъ издержекъ, посылаю при семъ на содержаніе твое и улучшеніе твоего экипажа ассигнаціями двѣ тысячи, *2000* рублей. Будучи тамъ, не слѣдуй примѣру прежнихъ полководцевъ, не отымай у мужиковъ ничего, и того не терпи отъ подчиненныхъ. Они, можетъ, помнятъ и вашу бытность у нихъ съ братомъ, и мою; вотъ дружескій совѣтъ, да не стыдно тебѣ въ недостаткахъ отнестись самому къ Государю Въ прежнюю съ ними войну, не смотря на всѣ заготовленія, генералы принуждены были посылать за покупками деньщиковъ своихъ. Придется и мнѣ прислать къ тебѣ двухъ конюховъ, но самъ знаешь, сколько они у меня трезвы. Боже тебя сохрани, и удостой покровомъ какъ въ Прусской войнѣ! *Графъ М. Каменскій. Надпись:* Его сіят. графу Н. М. Каменскому, генералъ поручику и разн. орд. кав., въ арміи графа Буксеведена, въ Выборгѣ.

При семъ 2000 р. ассигнаціями красными.

XIX.

Орелъ, апрѣля 8 дня 1808.

Графъ Николай Михайловичь.

Обозъ твой изъ полку ко мнѣ приведенъ. Стекло очень много лучше,

([18]) Война съ Швецією объявлена манифестомъ 16 марта 1808.

въ немъ 6 лотковъ граненыхъ, цѣлы; фарфоръ почти и половины не осталось цѣлаго; особливо жаль, что въ прекрасномъ дежёне и доска на два куска переломана, а бортики въ щепы, которыхъ половины не отыскали. Берегись, чтобъ Шведы и новой твой обозъ не подтибрили! Палатки и домики твои я не осматривалъ, а противу аудиторской вѣдомости и мѣдная посуда пропала. Ко мнѣ привезенъ котелъ только одинъ, съ заплатами, крышка да чайникъ, а самоваръ, а кострюля знатно у генералъ-маіора не было! Ты у бабушки взялъ 900 р., я къ тебѣ послалъ по почтѣ 2000 рублей, да съ двумя твоими отъ меня посланными конюхами въ Петербургъ, къ дѣдушкѣ послалъ еще 500 рублей, на отправленіе ихъ къ тебѣ, все это дошло ли до тебя? Сейчасъ получилъ я чрезъ матушку письмо твое февраля 28 дня изъ Гельзингфорса; въ то время былъ цвѣтъ, теперь надѣюсь, что письмо это застанетъ тебя при плодахъ, принесенныхъ къ тебѣ водой, по растаяніи льда. Ухо востро, пока здоровъ, а естьли хотя малѣйше чувствуешь себя не по прежнему, спѣши отдыхать къ отцу, или и въ Москву, гдѣ самому покажется здоровѣй. Пишешь, что овесъ по 12 и по 13 р. четверть! А сѣно слишкомъ по рублю пудъ, — тѣмъ лучше: меньше лошадей держать будете. Но естьли нужда въ деньгахъ тебя пристигнетъ — не стыдись, еще тысячи двѣ пришлю; назначь: куда?

Графъ Михаилъ Каменскій.

XX.

Орелъ, іюня 14 дня. 1808.

Графъ Николай Михайловичь.

Здоровъ ли ты и ввѣренной тебѣ отрядъ, а по газетамъ въ резиденціи твоей произошло что-то нехорошее отъ взорванія пороха. На нынѣшнее время желалъ бы вамъ всѣмъ ходули, идти по морю на встрѣчу флотовъ. — Сколько ни нужно скрывать воинскія операціи, но отцамъ, думаю, не запрещено навѣдываться, гдѣ ихъ дѣти. Не странно, естьли Шведскіе мужики вооружатся противу васъ, когда и собственные въ тягость почитаютъ давать квартиры, когда еще имъ за все и платятъ. Когда Закревской ([19]) здоровъ, такъ по крайней мѣрѣ его прошу отъ 1 до 15 числа каждаго мѣсяца отписать ко мнѣ: «Изъ Абова, такого-то числа. Вотъ мы здѣсь».

Тучковъ былъ не только что герой, но и расторопной и распорядительной человѣкъ, но по газетамъ что-то и у него не ладно. — Вотъ Раевской командуетъ на его мѣстѣ! Иной идетъ сверху къ низу, иной идетъ съ низу къ верху — я желаю тебѣ по крайней мѣрѣ лучшую насѣстку.

Графъ М. Каменскій.

XXI.

Іюля 5 дня 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

По дороговизнѣ у васъ всего, и когда рубль въ Москвѣ серебряной сдѣлался во 195 к. ассигнаніями, то не мудрено тебѣ имѣть недостатокъ въ деньгахъ. Не скромничай, дай знать, переслать ли двѣ тысячи пять сотъ рубл. и куда и какъ? Слышу, что къ вамъ изъ Польши еще взята дивизія изъ Польши князя Голицына, и такъ ты часъ отъ часу дѣ-

---

([19]) Впослѣдствіи графъ Арсеній Андреевичъ.

лаешься моложе; колесо твое все ниже, да ниже. Не бойся, катись съ нимъ смѣло въ сарай къ отцу, когда вдумается! Будь здоровъ, но при нездоровьи будешь въ тягость арміи, себѣ, да и отцу не во утѣшеніе; а я надѣюсь, что и я нѣкотораго уваженія заслуживаю.

Графъ М. Каменскій.

XXII.

1807. Іюля 18 дня. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичъ.

Поздравляю съ новымъ гарнизономъ въ *Умео*, томъ вторый Шерешовской или еще не съ комментаріемъ ли? Все хорошо, все ладно, и благодаря Бога по письму твоему; въ Петербургѣ къ тебѣ не перемѣнились, но ты ищи солиднаго. Естьли вырвешься оттуда въ Петербургъ, не будь красной дѣвкой: первой разъ что̀ случится быть тебѣ на единѣ съ Государемъ, чуфись и проси, какъ Багратіону дано и многимъ другимъ, аренды. Вѣдь отецъ твой не миліонщикъ; тогда можешь сказать обо мнѣ, что ничего не пріобрѣлъ собой, что ничего мнѣ и не жаловано, и что потому отъ дѣдовскаго имѣнія тебѣ только что третья часть достается. Не стыдись, не краснѣй, спросъ не бѣда. Естьли можно, то Петра Михайловича выпроси къ себѣ и новому шефу его рекомендуй. Будь здоровъ.

Графъ М. Каменскій.

Приложенное доставь Петру Мих.

Надпись на письмѣ. Его сіятельству, государю моему, графу Н. М. Каменскому, генералъ-порутчику и разныхъ орденовъ кавалеру, при Финляндской арміи.

въ Умео

вѣсовыхъ взято до Фридрихсгама отъ Риги 32 к.

XXIII.

Орелъ, августа 12 дня 1808.

Графъ Николай Михайловичъ.

Я два письма твои іюня отъ 21 изъ Гельзингфорса, другое іюля отъ 18 изъ Эстери получилъ вдругъ. Карьера твоя открылась. Клингспорнъ-самой тотъ, который при Павлѣ Петровичѣ останавливался въ Выборгѣ у меня съ сыномъ своимъ; тогда я заставилъ васъ побрататься, не думая, чтобы когда могли дѣйствовать непріятельски другъ противу друга. Желаю, искренно желаю, чтобы и при отступленіи твоемъ выполнилъ ты возможное: une retraite savante fait plus d'honneur qu'une heureuse attaque. [20] За Петра Михайловича [21] спасибо, но не лучше ли служить не съ родней, а попросить и чужихъ можно о неоставленіи. Правда, что онъ давно бредитъ тобой и въ письмахъ своихъ объяснялъ, что хочетъ проситься посланнымъ къ тебѣ быть хотя курьеромъ. Я оставляю судьбѣ Божіей промышлять о немъ и о тебѣ, а симъ дозволяю тебѣ взять его и къ себѣ. Я еще переслалъ къ тебѣ двѣ тысячи рублей къ тетушкѣ и ему пять сотъ рублей.

Графъ Михайла Каменскій.

---

(20) Искусное отступленіе почетнѣе счастливаго натиска.

(21) Этотъ Петръ Михайловичь былъ незаконнорожденный сынъ графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго. Онъ носилъ имя Менкасскаго, и ему дано было, какъ воспитаннику гр. М. Ѳ. Каменскаго, во уваженіе отличныхъ подвиговъ сего послѣдняго,—дворянское достоинство, указомъ 24 Сент. 1801. Онъ то же погибъ насильственною смертію.

XXIV.

Графъ Николай Михайловичь.

Не спрашиваю о дѣлахъ вашихъ, ни о мѣстѣ пребыванія, но не государственная тайна отписать:" Августа 15 числа или 20. Я здоровъ, въ деньгахъ имѣю нужду или не имѣю".

Графъ М. Каменскій.

XXV.

Орелъ Августа 24 дня 1808

Графъ Николай Михайловячь.

Давно я отъ тебя писемъ не имѣю. Гдѣ ты? Здоровъ ли? Я къ тебѣ въ Петербургъ къ князь Андрею Николаевичу (22) переслалъ двѣ тысячи рублей на всякой случай, да пять сотъ для Петра Михаиловича (онъ уже въ Петербургѣ). Дай знать мнѣ, можешь ли отпроситься зимой, естьли большихъ операціевъ не будетъ, ко мнѣ, на нѣкоторое время. Товарищи твои многіе изъ Финляндіи повыѣхали кой за чѣмъ! Не ужель и тебѣ не льзя пріѣхать ко мнѣ, чтобъ жениться? Да, пора! Я предъ симъ писалъ къ тебѣ, просилъ извѣстія о бывшемъ слугѣ твоемъ въ полону, Тимоѳеѣ Михайловѣ Григорьевѣ, пьетъ онъ или нѣтъ? и не нуженъ ли тебѣ, когда хорошаго поведенія? Всѣхъ деньщиковъ у васъ всѣхъ большаго росту поотняли, такъ не отняли ль даннаго тебѣ Павломъ Петровичемъ? Я пришлю, когда хорошъ, по почтѣ. Всѣхъ я переженилъ, а о немъ, не зная поведенія, отложилъ до позволенія, или запрещенія твоего.

Графъ М. Каменскій.

(22) Щербатову, дядѣ графини Анны Павловны Каменской.

XXVI.

Сентября 21 дня 1808 года Орелъ.

Графъ Николай Нихайловичь.

Ты доставилъ мнѣ часъ радости послѣ потери нашей въ лицѣ внука Михаила Сергѣича (23). Благодари Бога и Государя (24) за сдѣланныя тебѣ отличія, они распространяются и на отца; но счастіе въ войнѣ перемѣнчиво, какъ и эстима публики: тотъ, кто героемъ казался поутру, иногда безвинно причитается ввечеру къ шутамъ. — Мнѣ теперь надобны не ленты ваши, а внукъ моего имени, дабы иногда сосѣдямъ напомнить и о мнѣ, да и о тебѣ. Естьли позывъ твой таковъ, что, не смотря иногда и на непріятности отъ Двора, чувствуешь ты, что судьба твоя влечетъ тебя къ командованію цѣлой арміей, къ распоряженію цѣлой войны--служи далѣе; но однако же не больнымъ будучи; въ противномъ случаѣ, свойственной скромности твоей послѣдуя, отпросись-ка и ты какъ многіе другіе, пріѣзжай ко мнѣ, женись на комъ хочешь, нажива мальчика-два, а за тѣмъ если нужда настанетъ, такъ брось и жену и дѣтей (разумная жена тогда и сама пожертвуетъ разлукой) и войди опять въ оставленную карьеру. Теперь увѣдомь меня, гдѣ мой Петръ Мих., у тебя или у Коновницына? Да оба вы какъ сносите ночи осеннія, Финляндскія и гдѣ шефъ его съ полкомъ? Я желалъ бы, чтобы Петрушу нѣсколько пріучили ко оборотамъ армейскимъ, либо по дежурству, или по рапортамъ да и къ фронту, чтобы, за-

(23) Гр. С. М. Каменскій былъ женатъ Екатеринѣ Ѳедор. Левшиной.

(24) Письмо это относится къ славнымъ подвигамъ гр. Н. М. Каменскаго въ Шведскую войну: онъ одержалъ побѣды при Алово и Куортанѣ, а 2 Сентября нанесъ Шведамъ рѣшительное пораженіе при Оровайсѣ.

служа крестикъ, не стыдно было взять въ отставку. По письму твоему о немъ оставляю тебѣ о семъ распорядиться, какъ дозволяютъ обстоятельства. Поручикъ Клингспорнъ адьютантъ фельдмаршальской, не сынъ ли его во время покойнаго Павла Петр.? Фельдмаршалъ этотъ и съ сыномъ своимъ ѣхалъ чрезъ Выборгъ, у меня обѣдалъ, и вы оба съ братомъ съ тѣмъ сыномъ его побратались en chevaliers d'armes (25). Когда сынъ, то снабди его въ чемъ будетъ нужда, а я плательщикъ. Portez v. bien et vive, vive Nicolas! (26)

Гр. М. Каменскій.

Если Петруша у тебя, покажи ему сіе письмо, чтобы того же добивался. Денегъ послано тебѣ 2000 р., а къ нему 500, къ Щербатову.

XXVII.

Октября 7 дня 1808. Орелъ

Графъ Николай Михайловичь.

Я получилъ письмо твое отъ 14 сентября изъ Карлеби и, вѣрной карты Шведской не имѣя, полагаю, что то близко отъ Торнео, или и отъ Стокгольма; а потому въ отвѣтъ на короткой слогъ твой о денежномъ секурсѣ истощенному карману, каковой слогъ я люблю, посылаю при семъ ассигнаціями 6000 р., но, не зная какъ оные къ тебѣ доставить, принужденъ нашелся о томъ просить графа Алексѣя Андреича (27); тебѣ, остается заслужить таковое его участіе о тебѣ. Я утруждалъ его потому болѣе, что, давъ тебѣ въ прошломъ ноябрѣ 5000 р., въ февралѣ 2500, да въ августѣ 2000, не имѣлъ отъ тебя увѣдомленія, получилъ ли ты оныя деньги отъ княгини Антонины Воиновны (28); да и Петръ Мих. не извѣстилъ меня, получилъ ли онъ посланные къ нему чрезъ нее же 500 руб. Не оставь, пожалуй его, если въ чемъ настоитъ ему нужда; отпиши о немъ правду, можетъ ли сносить нужду.

Счастливъ Александръ великій былъ въ дѣлахъ своихъ, но болѣе въ томъ, что Квинтъ Курцій писалъ жизнь его; ты нажилъ въ журналистѣ о дѣйствіяхъ Финляндской арміи своего гисторика. Боже дай тебѣ впредъ случай употребить его ко умноженію твоей репутаціи! Береги однако здоровье; оно тѣмъ нужнѣе мнѣ стало, что внукъ умеръ; и такъ очередь твоя доходитъ жениться. Поспѣшайте потому кончить Шведскую вашу войну, не откладывая въ дѣйствіяхъ до завтра что сдѣлать можно тѣмъ же днемъ. *Графъ М. Каменскій.* Мнѣ сказали, что бѣлыя ассигнаціи у васъ почти не ходятъ, потому-то я послалъ къ тебѣ половину денегъ красными ассигнаціями.

XXVIII.

Октября 26 дня 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Давно не имѣю никакого извѣстія о Петрѣ Михайловичѣ, живъ ли онъ? а узналъ, что онъ какъ-то ушибся. Не нуждается ли въ чемъ, а я къ нему послалъ, черезъ княгиню 500 рублей, а къ тебѣ чрезъ графа Алексѣя Андреевича шесть тысячь. Прикажи ему ко мнѣ о себѣ написать, и то его письмо доставь ко мнѣ; да не можно ли зимой отпросить его въ отпускъ? А здѣсь говорятъ, что у васъ будетъ или и есть перемиріе.

Графъ М. Каменскій.

(25) Товарищами по оружію.
(26) Будь здоровъ, и ура, ура, Николай!
(27) Аракчеева.
(28) Щербатовой, тещи графа Д. Н. Блудова.

XXIX.

Ноября 16 дня понедѣльникъ 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Здоровъ ли ты и гдѣ находишься? Буде не противно службѣ, такъ о сихъ двухъ статьяхъ увѣдомь, да притомъ и о смерти князя Долгорукаго, воспослѣдовавшей тогда, какъ всѣ здѣсь ласкались по перемирію вашему о мирѣ. Еще желательно знать здѣсь многимъ храбрыя дѣла г-на Олсуфьева, публикованныя по газетамъ. Товарища его, Петра Михайловича моего, желалъ бы очень видѣть въ отпуску, а не въ конюхахъ, какъ думаю живетъ при дежурствѣ. Гдѣ-то полкъ ихъ и Лобановъ? Жилъ бы тамъ да жилъ! Но узнать нельзя судьбы своей. Получилъ ли ты чрезъ графа Аракчеева 6000 р.? Истинно и тебѣ время, время жениться —но какъ хочешь.

Графъ М. Каменскій.

XXX.

Орелъ. Декабря 7 дня 1808.

Графъ Николай Михайловичь.

Въ хлопотахъ, въ которыхъ ты находился, не мудрено, что ко мнѣ и къ дѣдушкѣ не пишешь; но тѣ хлопоты награждены съ достаткомъ, когда въ одно лѣто пожалованъ въ генералъ-поручики не по старшинству, данъ орденъ Александра Невскаго, а потомъ орденъ Егорьевской, да и объявленъ завоевателемъ: ура тебѣ, ура! Теперь остается мнѣ сказать Богу, еслибъ ты женился, или хотя бы вышелъ за мужъ: „Нынѣ возьми раба твоего къ Себѣ!„ Естьли ты въ Петербургѣ, то надѣюсь, что привезъ съ собой Петра Михайловича, а естьли не привезъ, то испроси ему отпускъ мѣсяца на три и о томъ къ нему отпиши отъ себя. Здѣсь снѣгу напало на $1\frac{1}{2}$ аршина, а въ ущеліяхъ вашихъ Финляндскихъ думаю, что его есть болѣе 2 арш. Кстати для рода человѣческаго заключено перемиріе.

Графъ М. Каменскій.

XXXI.

Графъ Николай Михайловичь.

Оказатель сего, Василій Осиповичь Мацневъ, сосѣдъ нашъ по Орлу и братъ княгини Сонцевой, князя Михайла Дмитрича жены, отставленъ колежскимъ регистраторомъ; находясь сначала при князь Алексѣѣ Борисовичѣ Куракинѣ а потомъ при Орловской милиціи, онъ желаетъ вступить въ военную службу, и если можно, то быть въ твоей командѣ. Есть ли можешь въ томъ ему помочь, то помоги, и обласкай его что сочту себѣ за ласку.

Графъ М. Каменскій.

Декабря 7 дня 1808.

Орелъ. Сей ночью на 8 число отправляюсь въ Курскъ.

Графу Н. Мих. Кам. въ Петербургѣ.

XXXII.

Орелъ Декабря 23 дня 1808.

Графъ Николай Михайловичь.

Я получилъ письмо твое изъ Улеоборга, отъ 27 дня Ноября. Далеко ты залетѣлъ, да и всѣ наши! Жаль, что въ тѣхъ мѣстахъ не ростетъ виноградъ, а вмѣсто его мерзнутъ подъ носомъ. . . . Велика милость Божія и государская! Теперь остается удержать тебѣ твою репутацію; у насъ

ее нажить таки можно, но удержать, сохранить долгое время—если можно, то сказать можно, что тотъ сотворилъ чудо. Много ты, другъ мой, обязанъ и министру вашему (29): онъ о всѣхъ твоихъ успѣхахъ извѣщалъ меня, чѣмъ чувствительно тронулъ; да отецъ ли онъ?—По милости его, мнѣ въ твоихъ журналахъ не было нужды, и то, что̀ ты нынѣ ко мнѣ прислалъ о конвенціяхъ твоихъ съ Адлеркрейцомъ, читалъ я прежде въ нашихъ газетахъ; но я о томъ не сѣтовалъ, и хорошо все вы дѣлали, что о движеніяхъ ничего не писали: публика наша и безъ того между экосезами управляетъ и полками и министерствомъ.

Ты много надѣлалъ чудесъ не только по воинской части, но и по гражданской. Слышно у насъ, что многіе господа сенаторы, тайными совѣтниками будучи, скучаютъ, что стали моложе новыхъ генералъ-лейтенантовъ, и такъ требуютъ повышенія—и оное имъ да будетъ! Но чтоже потомъ въ чинахъ и лентахъ, съ трудомъ пріобрѣтенныхъ? Не пора ли тебѣ, шишакъ и щитъ сложивъ, ѣхать въ Москву, самъ знаешь за чѣмъ. Отпустить тебя не грѣхъ. Я внука лишился моего имени смертію сына брата твоего: пора и тебѣ доставить мнѣ удовольствіе воспитывать и твоихъ дѣтей. Не забудь пожалуй въ бытность твою въ Петербургѣ попросить министра о отпускѣ на два, или три мѣсяца Петра Михайловича, да пожалуй не забывай дома Щербатовыхъ и не введи въ резонъ, что къ нимъ ты не писалъ. *Графъ М. Каменскій.*

У насъ было дѣло въ Курскѣ съ Изъѣдиновымъ о деревнѣ Новосергіевской въ 4-мъ департаментѣ сената; въ августѣ дѣло рѣшено. Присутствовали Александръ Александровичь Саблуковъ, Николай Васильевичь Леонтіевъ и Кирила Степановичь Рындинъ; они ту деревню не только что за тобой съ братомъ утвердили, но еще о томъ Рындинъ меня и увѣдомилъ. Мнѣ кажется, что сіе должно заставить тебя всѣмъ имъ сдѣлать по визиту и объявить мою признательность.

(29) Гр. Аракчееву.

X. 2

XXXIII.

Генваря 17 дня 1809. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Очень я радъ ролѣ твоей Петербургской; но вѣрь мнѣ, что на все приглядѣться можно. И такъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ лучше самому удалиться! Ты въ такихъ еще лѣтахъ, что, отложа всякое рвеніе, можешь пожить домомъ, жениться, нажить наслѣдниковъ, преемниковъ своей репутаціи, и опять пуститься въ карьеру. Поспѣши, пожалуй, въ Москву, гдѣ тебя ожидаютъ, а не ко мнѣ; въ деревнѣ тебѣ быть не кстати у меня, развѣ съ женой, такъ милости прошу,—Московская или Петербургская, для меня все равно, вѣдь я тебя не за мужъ выдаю.—Берегись, чтобы не случилось съ тобою подобнаго, что̀ читалъ въ Петербургскомъ журналѣ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ потерять можешь. Вотъ что я читалъ:

Ты жалкой человѣкъ!
Старался цѣлый вѣкъ
Гоняться за чинами,
Сравняться съ богачами
Первѣйшими хотѣлъ,
И вдругъ съ мечтой простился....
Ты честнымъ быть рѣшился,
И въ томъ ты не успѣлъ!

Пока, еще, какъ надѣюсь, ты честнымъ быть не пересталъ, спѣши, спѣши завесть себѣ конуру.

Графъ М. Каменскій.

Праю не заживайся въ Петербургѣ, если слѣдовъ нѣтъ тебя тамъ пристроить къ мѣсту и по чину и по женидьбѣ.

XXXIV.

Орелъ. Февраля 24 дня 1809.

Графъ Николай Михайловичь.

Я письмо твое изъ Москвы получилъ.—Слава Богу, что вырвался. Государскія дѣла, кажется, что выполнилъ. Что кто ни говори, а о своихъ потрудиться тебѣ не грѣшно. Считая кошелекъ твой разстроившимся въ Петербургѣ, на Московское твое житье при семъ пять тысячь р. посылаю, да тысячу на счетъ брата твоего для дѣтей его, которые отдай матушкѣ съ приложеннымъ письмомъ. Дай Боже во всемъ тебѣ успѣхъ! Я въ полное распоряженіе твое всѣ дѣла твои предоставляю и въ дружбѣ, и въ женидьбѣ и въ службѣ, надѣясь что ничего постыднаго, да и хулы достойнаго, не сдѣлаешь.

Графъ Михаила Каменскій.

Въ Москвѣ. Его сіят. гр. Н. М. Каменскому, генералъ-лейтенанту и разныхъ орденовъ кавалеру. — При семъ шесть т. р. ассигнаціями.

Домъ у Землянаго города между Арбатомъ и Пречистенки. (30)

Ко мнѣ не спѣши; ни отъ чего тебя не отрываю; пользуйся нажитой репутаціей; но знай, однако, что въ Россіи ее долго удержать никому не удалось.

XXXV.

1809. Марта 9 дня, Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Ужели здоровѣй сталъ противу того, какъ пріѣхалъ?—Ты не пишешь мнѣ о Московскихъ дѣлахъ твоихъ: не становлюсь ли я тебѣ надобенъ? Употребляй смѣло; если хочешь, я къ извѣстной особѣ напишу, что̀ хочешь, чрезъ тебя же. Ну, довольно ли?

Матушкѣ и сестрѣ скажи, что у меня рожа на ушибенной ножкѣ, а голова еще здорова. Видаешься ли съ Тутолминымъ и съ Остерманомъ? Каковы къ тебѣ тотъ и другой? Здѣсь, въ Орлѣ, не знаю за что, всѣ въ тебѣ интересуются. Желаю во всемъ удачи, зачиная со здоровья.

Графъ М. Каменскій.

XXXVI.

Марта 17 дня 1809. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

По слѣпотѣ моей готовясь быть Гомиромъ, не льзя не просить мнѣ тебя купить мнѣ въ Университетской книжной лавкѣ, на Тверской, въ домѣ Доктора Фрезе, у комиссіонера Переплетчикова, книгу: Русскую Просодію, въ переплетѣ бумажномъ, за 40 к. Изволишь видѣть, что за нынѣшнихъ стихотворцевъ платятъ меньше, чѣмъ за Бову Королевича; одноко я надѣюсь съ новой этой книгой скакать по слѣдамъ Ломоносова, по коневью.

Словарь Нѣмецко-россійско-французскій въ 3 тома Ивана Геймова, 1809, въ 4-ю долю листа, на лучшей Аглинской бумагѣ и въ лучшемъ сафьянномъ корешкѣ, 12 рубл.; вѣсовыя деньги прилагаются за 4 ф. и тогда пришлются ко мнѣ.

P. S.

Прежде о себѣ—потомъ о тебѣ.

Какъ твои дѣла? Я очень доволенъ поступкомъ противу тебя Володим.

(30) Нынѣ Земледѣльческая школа, на Зубовомъ валу.

Денисовича. Когда графиня (31) у него гостила, я сбирался къ нему съѣздить въ деревню; но для укрощенія пустаго преждевременнаго вранья — не ѣздилъ.

Адресъ. Его сіятельству графу Николаю Михаиловичу Каменскому, генералъ-порутчику и разныхъ орденовъ кавалеру, милостивому государю моему, въ Москвѣ домъ у Землянаго города, между Арбатомъ и Пречистенки у Ружейной улицы. (32)

XXXVII.

Орелъ. Марта 22 дня 1809.

Графъ Николай Михайловичь.

Матушка твоя хотя и пишетъ, что всякое принужденіе графини тебя отвлечетъ, но я считаю однако, что безъ того остаться можно въ дуракахъ. Соперниковъ, конечно, у тебя много; да и готовятъ, говорятъ здѣсь, графа Воронцова Семена Романовича сына; и такъ не отнестись ли мнѣ къ ней, къ Володимеру Григорьичу, или и къ Давыдову? Женщины всѣ очень любятъ faire filer le parfait amour, любятъ искать les Amadis, котораго любезная его Оріадна отослала отъ себя на 7 лѣтъ, и онъ то исполнилъ! Я два дни какъ живу въ Орлѣ, говѣю, и потому-то пишу откровенно. Въ праздники прошу отъ меня съ родными похристосоваться.

Графъ М. Каменскій.

Знаешь ли что есть родные и такіе, что сей твоей свадьбы не желаютъ и помѣшать готовы?

(31) Т. е. графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, на которой молодой гр. Каменскій думалъ жениться. В. Д. Давыдовъ—ея дядя по матери.

(32) Нынѣ Ружейный переулокъ въ Зубовѣ.

XXXVIII.

1809. Апрѣля 7 дня. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Желаю, чтобъ сіе тебя въ полномъ удовольствіи застало; однако, какъ о томъ писалъ я и къ матушкѣ, желалъ бы знать, что кто взялся доложить Государю о свадьбѣ? Кому о томъ писано отъ невѣсты, да и женихъ съ чьей стороны докладывался ли, или уже имѣетъ позволеніе? — Я не получилъ отъ г. К. П. Шаликова, издателя журнала Аглая, журнала за Мартъ, а по газетамъ уже выходитъ журналъ его и за Апрѣль. Пошли кого справиться, посланъ ли онъ былъ ко мнѣ, да и къ тебѣ послалъ логогрифы и загадку, то при семъ случаѣ вели отдать оные г. Шаликову.—Не кашляй, будь здоровъ.

Графъ Михайла Каменскій.

XXXIX.

Орелъ. Іюня 6 дня 1809.

Графъ Николай Михайловичь.

По письму твоему изъ Москвы, что сбираешься ѣхать въ Петербургъ, пишу еще письмо. Дай знать и поспѣши, куда тебя пошлютъ. Я въ Петербургѣ даю тебѣ комиссію справиться въ военной коллегіи, въ комиссаріатской экспедиціи, получила ли она просьбу мою, по почтѣ посланную, Маія 18 дня, о томъ, что жалованье мое за генварскую нынѣшнюю треть не выдано, и чтобы оное навсегда Орловской казенной палатѣ ассигновано было. А сіе произошло отъ того, что государственный казначей безъ себя никакихъ суммъ па-

латѣ выдавать не дозволилъ на счетъ военной команды. Александръ Васильевичу и Елизаветѣ Павловнѣ [33] отъ меня пожелай всякаго добра,

Графъ М. Каменскій.

S.P. Пожалуй по сему жалованью моему поговорите и государственному казначею, Голубцову: отъ него дѣло остановилось. Указу вѣдь еще не было въ отмѣну прежняго, а естьли онъ Государемъ данъ, такъ должно о немъ меня увѣдомить.

Комиссиріатской экспедиціи однажды навсегда должно было жалованье мое положить въ число штатной суммы, и отчислить оное къ Орловскому казначейству.

СПЕРАНСКІЙ

И ЕГО ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ЖИЗНЬ ГРАФА СПЕРАНСКАГО, изд. барономъ Корфомъ. Спб., 1862, 2 тома.
СТАТЬИ ГРАФА СПЕРАНСКАГО, отпечатанныя въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачовымъ, 1859. кн. 2, 3, 4 и 5.

На долю графа Сперанскаго выпала одна изъ тѣхъ странныхъ участей, которыя нерѣдко постигаютъ государственныхъ людей, призванныхъ дѣйствовать на зарѣ общественнаго развитія. Никто, конечно, не привлекалъ вниманія общества такъ сильно и такъ долго. Почти сорокъ лѣтъ Сперанскій не сходилъ съ государственнаго поприща; съ его именемъ связаны двѣ величайшія реформы новаго времени, которыя до сихъ поръ возбуждаютъ много толковъ; но не только его дѣятельность,— самыя происшествія его жизни долго оставались, и отчасти остаются до сихъ поръ, совершенною загадкой. Благодаря тому полу-свѣту, въ которомъ, до нашего времени, совершалась политическая жизнь Россіи, первая половина этой дѣятельности превратилась въ какую-то легенду еще до смерти Сперанскаго. Ни многочисленные враги, ни немногіе страстные поклонники не могли поднять завѣсы, за которою скрывалась мысль государственнаго человѣка. Зланомѣренная клѣвета и легкомысленное слово соперничали въ очерненіи его памяти. До сихъ поръ мы знакомимся съ дѣломъ Сперанскаго всего болѣе изъ отзывовъ людей, которые стояли въ рядахъ его противниковъ или находились подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ.

Книга барона Корфа, въ первый разъ, дала возможность справедливой оцѣнки. Почтенный авторъ воспользовался всѣми матеріялами, которые могли ему доставить государственные архивы и собственныя, подробныя изысканія. Благородное участіе къ судьбѣ и личности замѣчательнаго человѣка не помѣшали его безпристрастію. Онъ приводитъ всѣ свидѣтельства и указанія какъ въ пользу, такъ и противъ Сперанскаго. Обѣщанное изданіе его переписки (*), къ которому настоящая книга служитъ введеніемъ, безъ сомнѣнія, познакомитъ насъ еще ближе съ любопытной эпохою. Основательное ея изученіе не лишено въ наше время практическаго интереса. Для тѣхъ нововведеній, за которыя когда-то такъ ожесточенно винили Сперанскаго, въ свою очередь, настаетъ исторія. Новыя

[33] Поликарповымъ.
(*) Статья эта была помѣщена въ 1862 года въ Московской газетѣ «Наше Время», откуда перепечатывается, съ обязательнаго дозволенія автора. *П. Б.*

(*) Печатаніе этой переписки уже начато въ Русскомъ Архивѣ. *П. Б.*

отношенія требуютъ новыхъ административныхъ реформъ, болѣе коренныхъ и болѣе широкихъ, чѣмъ тѣ, которыми ознаменовано начало нынѣшняго столѣтія. Въ такое время небезполезно узнать, какими потребностями былъ вызванъ отживающій административный порядокъ, и какая мысль руководила его первымъ основателемъ. Это тѣмъ болѣе важно, что дѣятельность Сперанскаго до сихъ поръ подвергается самымъ противоположнымъ отзывамъ, смотря по тому лагерю, изъ котораго идутъ симпатіи или обвиненія. Сперанскій попеременно является то представителемъ либеральной администраціи, полнымъ сочувствія къ свободному развитію страны и къ интересамъ массы, то создателемъ огромной и нестройной бюрократической машины, предмета современныхъ жалобъ, и первымъ основателемъ позднѣйшей регламентаціи.

I.

Сперанскій родился 1-го января 1772 года(*), во владимірской губерніи, въ старинномъ селѣ Черкутинѣ, имѣніи князей Салтыковыхъ. Подобно многимъ изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, онъ происходилъ изъ духовнаго званія. О первыхъ годахъ его дѣтства сохранилось мало преданій. Изъ немногихъ, отрывочныхъ свѣдѣній видно, что матеріальное положеніе его семейства ничѣмъ не отличалось отъ остальнаго сельскаго духовенства, котораго доля, незавидная и теперь, была въ то время еще хуже. Отецъ его былъ человѣкъ ограниченнаго ума и безъ всякаго образованія. Изъ остальныхъ членовъ самъ Сперанскій любилъ впослѣдствіи вспоминать о своемъ дѣдѣ и бабкѣ, но и этими воспоминаніями онъ былъ, кажется, всего болѣе обязанъ собственной впечатлительности. Семейная сфера не могла, слѣдовательно, оказать большаго вліянія на будущаго государственнаго человѣка. Но все же происхожденіе оказало ему другую услугу. Благодаря ему, серьозное образованіе началось для Сперанскаго очень рано. Семи лѣтъ, онъ поступилъ во владимірскую семинарію, и съ этого времени, можно сказать, для него начинается та изумительная дѣятельность, которая какъ будто составляла его стихію и не покидала его до глубокой старости. Еще съ дѣтства, онъ отличался необыкновенной понятливостью и трудолюбіемъ. Его живой, вѣчно дѣятельный умъ заставлялъ его искать занятій и пополнять собственнымъ трудомъ и чтеніемъ то, чего не могло ему дать мѣсто воспитанія. Составъ семинарскаго преподаванія не отличался въ то время разнообразіемъ. Оно почти ограничивалось русскимъ, латинскимъ и греческимъ языками; изъ наукъ преподавались: риторика, математика, физика. философія и богословіе, — по устарѣлымъ, схоластическимъ учебникамъ. Но духовныя училища еще не успѣли тогда подвергнуться реформѣ, и безжизненность преподаванія искупалась отчасти изученіемъ классическихъ языковъ, которое долго составляло крѣпкую сторону учениковъ семинарій и развивало въ нихъ привычку къ самостоятельному труду. Сперанскій вынесъ изъ школы основательное знакомство съ древнею литературой и, кажется, въ особенности съ духовной. Едва ли эти раннія занятія и вся обстановка его первой молодости не отозвались впослѣдствіи въ томъ религіозномъ настроеніи, которому онъ поддался въ несчастную пору своей жизни. Во всякомъ случаѣ, строгій характеръ школы и самая сухость схоластическаго ученія не остались безъ вліянія на его умственное развитіе. Они не могли подавить его живой и впечатлительной натуры, а между тѣмъ пріучали его къ труду и, можетъ быть даже своими недостатками вызывали самодѣятельность пытливаго ума. Въ обществѣ, которое, подобно нашему, представляетъ такъ мало людей съ серьозною потребностью труда, эти раннія, трудолюбивыя правила были истиннымъ

(*) Слѣд. былъ почти шестью годами старше императора Александра, родившагося 12 дек. 1777 г. *П. Б.*

счастіемъ. Сперанскій скоро обратилъ на себя вниманіе учителей и семинарскаго начальства. Когда, въ 1790 г., была основана главная семинарія (послѣ переименованная въ духовную академію), и въ число ея студентовъ поступили лучшіе ученики епархіяльныхъ семинарій, то во Владимірѣ выборъ не подлежалъ сомнѣнію, и Сперанскій былъ отправленъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами. Это былъ первый, счастливый поворотъ въ судьбѣ человѣка, которому потомъ пришлось извѣдать такъ много незаслуженныхъ удачъ и еще менѣе заслуженныхъ несчастій. Преподаваніе въ высшемъ училищѣ тоже не было образцовымъ; но оно всетаки было обширнѣе семинарскаго и привлекало студентовъ самою новостью предметовъ. До какой степени Сперанскій спѣшилъ воспользоваться новыми средствами образованія, видно изъ того, что, не смотря на обширность обязательныхъ занятій, отъ этой эпохи его жизни уцѣлѣло нѣсколько литературныхъ опытовъ. Эти опыты, сохранившіеся въ отрывкахъ, доказываютъ необыкновенную даровитость. Самый слогъ ихъ замѣчателенъ для эпохи, когда Карамзинъ едва начиналъ свою реформаторскую дѣятельность и не былъ еще, для своихъ современниковъ, образцемъ литературнаго вкуса. Не удивительно поэтому, что, при тогдашнемъ недостаткѣ въ преподавателяхъ, Сперанскій, едва окончивъ курсъ, былъ назначенъ учителемъ математики въ главной семинаріи. Съ этого времени начинается его извѣстность, сначала ограниченная тѣснымъ кругомъ петербургскаго духовенства. Его проповѣди и лекціи сохранились въ памяти многихъ, а списки съ небольшаго, составленнаго имъ руководства риторики ходили по рукамъ въ духовной академіи, спустя долгое время. Сперанскій уже отличался тѣмъ даромъ слова и блестящаго изложенія, которые, на первыхъ порахъ, должны были составить его карьеру.

Его характеръ тоже начиналъ образовываться. Въ скудныхъ извѣстіяхъ этой эпохи уже проглядываютъ тѣ качества, которыя мы видимъ въ немъ позже, въ полномъ развитіи. Ничего, напримѣръ, не можетъ быть характеристичнѣе, какъ тѣ извѣстія, которыя сохранились объ его любимыхъ занятіяхъ. Ясный, аналитическій умъ будущаго администратора, болѣе свѣтлый, нежели глубокій, выражался въ пристрастіи къ точнымъ наукамъ и въ недовѣріи къ отвлеченнымъ выводамъ философіи, которою онъ однако занимался, на сколько могъ, при тогдашнихъ его свѣдѣніяхъ. Языки составляли предметъ особенныхъ его усилій. Не смотря на предстоявшее ему поприще, Сперанскій старается не только узнать французскій языкъ, но и овладѣть имъ совершенно. Его литературныя упражненія писаны отчасти по-французски, и нельзя не подивиться легкости, съ которою Сперанскій усвоилъ себѣ въ короткое время языкъ, совершенно неизвѣстный ему прежде и, по всей вѣроятности, преподававшійся плохо. Еще любопытнѣе не многія, оставшіяся въ памяти его сверстниковъ, черты его нравственнаго характера. Чувствительный и добрый, Сперанскій владѣлъ тою способностью привлекать къ себѣ и подчинять людей своему вліянію, которая обыкновенно отличаетъ всѣ высшія натуры. Товарищи его любили. Съ нѣкоторыми изъ нихъ у него образовались прочныя связи, и къ чести Сперанскаго надобно сказать, что онъ ихъ сохранилъ и въ то время, когда судьба поставила его на другое, болѣе видное поприще. Но замѣчательно, что, мягкій и обязательный съ виду, онъ ни съ кѣмъ не дѣлился своимъ внутреннимъ міромъ. Никто изъ его товарищей не умѣлъ сообщить подробностей о нравственномъ его развитіи, котораго свидѣтельствомъ остались одни, полу-уцѣлѣвшіе и безсвязные отрывки его записокъ. Тонкость и житейскій тактъ, свойственные живой натурѣ, развились подъ деспотическимъ, подозрительнымъ надзоромъ полу-монашескаго воспитанія. Въ Сперанскомъ (скажемъ словами барона Корфа) „уже являлся зародышъ той ловкой вкрад-

чивости, того умѣнья выказать себя.... которыя остались при немъ на всю жизнь." Не слишкомъ энергическій, онъ умѣлъ сходиться со всѣми, умѣлъ ладить и съ начальниками, и съ товарищами, что̀, какъ извѣстно, составляетъ главное затрудненіе школьнаго быта. Въ немъ зарождалась и та мягкая, отрицательная энергія, которая дѣятельную борьбу замѣняетъ упорной привязанностью къ дѣлу и, не умѣя одолѣть препятствій, никогда однако не покидаетъ любимой мысли. Прибавимъ къ этому, что ранніе успѣхи должны были внушить ему ту вѣру въ себя, которая была такъ нужна ему въ дальнѣйшей жизни. Эта увѣренность уже слышится въ самостоятельныхъ пріемахъ его первыхъ литературныхъ опытовъ.

Учительская дѣятельность Сперанскаго продолжалась не долго. Въ это баснословное время разныхъ поворотовъ фортуны, когда самое слово ***случай*** получило техническое значеніе, одинъ изъ такихъ случаевъ, совершенно неожиданно, выпалъ на долю молодого преподавателя. Князю Куракину, который, подъ конецъ царствованія Екатерины, управлялъ третьею экспедиціей сената для свидѣтельства государственныхъ счетовъ, понадобился домашній секретарь, для русской переписки. Ему былъ рекомендованъ Сперанскій. Сохранилось преданіе, что, при первомъ сближеніи съ княземъ, Сперанскій изумилъ его быстрымъ приготовленіемъ и мастерскимъ слогомъ оффиціяльныхъ писемъ, которыя были ему заказаны въ видѣ опыта. Но это изумленіе не помѣшало Куракину держать его чѣмъ-то въ родѣ слуги. Жизнь домашнихъ секретарей князя составляетъ характеристическую черту тогдашняго быта. Они проводили время съ его камердинерами и пользовались въ домѣ гораздо меньшимъ значеніемъ. Нельзя не замѣтить, по этому поводу, гуманную черту въ характерѣ Сперанскаго, рѣзко противоположную съ вельможнымъ пренебреженіемъ знатнаго барина: онъ постоянно хранилъ благодарную память объ этихъ невольныхъ товарищахъ своей бѣдной молодости и, при всякой встрѣчѣ, готовъ былъ напомнить имъ о себѣ и ласковымъ словомъ, и радушной помощью.

Съ той минуты, когда Сперанскій вступилъ въ домъ Куракина, судьба его, можно сказать, была уже въ собственныхъ его рукахъ. Стоитъ прочесть любую канцелярскую бумагу лучшихъ дѣльцевъ этого времени, чтобы понять, какое блестящее исключеніе составлялъ между ними Сперанскій. Не только оффиціяльная переписка 90-хъ годовъ, но даже иные манифесты Екатерины и Павла писаны языкомъ далеко не изящнымъ, и даже не всегда правильнымъ. Щеголеватая и трезвая фраза Сперанскаго должна была казаться образцемъ слога. Естественно, поэтому, что домашній секретарь не замедлилъ перейти въ государственную службу. Благодаря обстоятельствамъ, этотъ переходъ совершился при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Со смертью Екатерины, Куракинъ быстро возвысился и занялъ важное мѣсто генералъ-прокурора. Для новаго фаворита не было отнынѣ ничего невозможнаго, и Куракинъ могъ наградить своего секретаря „не въ примѣръ другимъ". То было время быстрыхъ возвышеній и неслыханныхъ милостей. 5-го апрѣля, 1797 года, Сперанскій былъ записанъ въ службу, съ чиномъ титулярнаго совѣтника, по званію магистра, а 18-го сентября, 1798 г., онъ былъ уже пожалованъ въ коллежскіе совѣтники. Самое предложеніе генер.-прокурора объ опредѣленіи Сперанскаго довольно любопытно, какъ образчикъ той быстроты, съ которою тогда дѣйствовали сильные люди, не любившіе стѣсняться формальностями. Какъ видно, магистерство тогда не давало права на чинъ, и „возложеніе" его на Сперанскаго надобно было чѣмъ-нибудь мотивировать. Куракинъ не задумался въ пріисканіи причины: онъ смѣло показалъ, что 25-лѣтній секретарь уже десять лѣтъ состоитъ въ званіи магистра.

Служба въ генералъ-прокурорской канцеляріи, куда въ то время стекалась бо́льшая часть самыхъ важныхъ административныхъ дѣлъ, быстро выдвинула Сперанскаго и сблизила его со многими вельможами. Онъ вскорѣ сдѣлался настоящимъ правителемъ дѣлъ, хотя все время носилъ титулъ экспедитора (т. е. начальника отдѣленія), и оставилъ это званіе, уже получивъ мѣсто статсъ-секретаря при императорѣ Александрѣ. Но это быстрое возвышеніе не даромъ доставалось Сперанскому. Еще въ царствованіе Екатерины, генералъ-прокурора называли первымъ министромъ, а при Павлѣ первые министры, если быстро возвышались, то также быстро и падали. Въ четыре года, съ конца 1796 по 1801, смѣнилось четыре генералъ-прокурора. За первымъ патрономъ Сперанскаго, уже въ 1798 г., слѣдовалъ князь Лопухинъ. Черезъ годъ Лопухинъ былъ низвергнутъ, вслѣдствіе разныхъ интригъ, вліянія гардеробмейстера (т. е. камердинера) государя, Кутайсова, который, въ андреевской лентѣ и съ важнымъ чиномъ, сохранялъ свое прежнее, скромное мѣсто. За тѣмъ былъ назначенъ Беклешовъ; но и тотъ не на долго: еще черезъ годъ его смѣняетъ Обольяниновъ... При этихъ перемѣнахъ, канцеляріи иногда приходилось плохо: когда Беклешовъ былъ уволенъ, то Павелъ, въ своемъ раздраженіи, приказалъ перемѣстить всѣхъ его чиновниковъ. Новому генералъ-прокурору удалось какъ-то отстоять одного Сперанскаго. Но кромѣ косвенныхъ ударовъ, угрожавшихъ судьбѣ молодаго чиновника, не легко было также удержаться въ милости и самихъ генералъ-прокуроровъ. Назначенные на короткій срокъ, они за то назначались съ страшнымъ полномочіемъ. — „Зналъ-ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ?“ говорилъ государь, только что опредѣленному Беклешову: „какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! какой — Лопухинъ! Ты да я, да я ты: мы одни будемъ дѣла дѣлать“. — Точно, генералъ-прокуроръ нерѣдко одинъ дѣлалъ всѣ дѣла, и его чиновникамъ не разъ приходилось это чувствовать. Они должны были переносить всѣ его прихоти и грубости, да и при этомъ не всегда были увѣрены въ его расположеніи. Сперанскому понадобилась вся вкрадчивость, все умѣнье находиться въ затруднительномъ положеніи. Нельзя не сознаться, что честолюбивый чиновникъ не пренебрегалъ, при случаѣ, даже и внѣшними средствами. Усердно занимаясь работой, которой, буквально, былъ заваленъ, онъ старался снискать милостивое вниманіе начальника и личными сношеніями. Такъ, когда Обольяниновъ, на первыхъ же порахъ своего управленія, запугалъ чиновниковъ дикимъ бѣшенствомъ нрава и площадными ругательствами, — Сперанскій задумался и началъ искать средства уцѣлѣть въ административномъ ураганѣ, который разразился надъ генералъ-прокурорской канцеляріей. Вотъ какъ описываетъ баронъ Корфъ его первое свиданіе съ этой знаменитостью особеннаго рода: „Нашъ экспедиторъ понималъ, что многое должно рѣшиться первымъ свиданіемъ, первымъ впечатлѣніемъ; и вотъ, въ назначенный день и часъ, онъ является въ переднюю своего грознаго начальника. О немъ докладываютъ, и его велѣно впустить. Обольяниновъ, когда Сперанскій вошелъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, спиною къ двери. Черезъ минуту онъ оборотился и, такъ сказать, остолбенѣлъ. Вмѣсто неуклюжаго, трепещущаго, раболѣпнаго подъячаго.... предъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ очень приличной наружности, въ положеніи почтительномъ, но безъ всякой робости или замѣшательства, и притомъ, — что̀ кажется всего болѣе его поразило, — не въ обыкновенномъ мундирѣ, а во французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго гродграна, въ чулкахъ и башмакахъ, въ завиткахъ и пудрѣ, — словомъ, — въ самомъ изысканномъ нарядѣ того времени.... Сперанскій угадалъ, чѣмъ взять надъ этой грубою натурой. Обольяниновъ тотчасъ предложилъ ему стулъ и вообще обошелся съ

нимъ такъ вѣжливо, какъ только умѣлъ". (I, стр. 53). Кромѣ этого искусства ладить съ начальствомъ, Сперанскій умѣлъ также находить поддержку въ тѣхъ лицахъ, съ которыми его сводили служебныя отношенія. Въ числѣ его покровителей мы находимъ графа Растопчина, впослѣдствіи одного изъ непримиримыхъ его враговъ. Но ни уклончивость, ни посторонняя защита не могли спасти Сперанскаго отъ всѣхъ невзгодъ тогдашней службы. Нерѣдко слабые его нервы не выносили служебныхъ строгостей, и товарищи заставали его въ слезахъ отъ грозныхъ „распеканій" Обольянинова.

Такъ быстро, хотя не совсѣмъ безмятежно, проходилъ административный искусъ Сперанскаго. Дорого въ то время доставалось таланту его признаніе, даже если онъ скоро подвигался по дорогѣ почестей? Не будемъ однако слишкомъ строги къ человѣку, котораго само воспитаніе пріучило къ безусловному подчиненію. Угодливость, эта не лучшая черта его характера, искупается его постояннымъ трудомъ и другими свойствами его истинно-гуманной личности. Къ этому же, нравы того времени выносили многое, и находчивость Сперанскаго была не очень виновнымъ орудіемъ среди безстрашныхъ витязей тогдашней администраціи.

Къ этому бурному періоду относится женитьба Сперанскаго. Нельзя не упомянуть о его семейной жизни, которая выставляетъ его въ особенно-привлекательномъ свѣтѣ. Лишившись жены очень скоро, онъ перенесъ всю свою любовь на дочь, о которой заботился, среди дѣлъ и въ ссылкѣ, съ какою-то женской нѣжносью, и которой внушилъ къ себѣ сильную, страстную привязанность. Вообще, въ семьѣ Сперанскій былъ совершенно другимъ человѣкомъ. Здѣсь онъ покидалъ свою осторожную сдержанность, и приносилъ съ собою оживленный разговоръ и ясную, тихую веселость.

Перемѣна, которая вскорѣ произошла въ судьбѣ Россіи, должна была еще болѣе выдвинуть Сперанскаго. Новое правительство искало людей, а Сперанскій былъ слишкомъ извѣстенъ, чтобъ не обратить на себя вниманія. Въ 1801 году, Трощинскій, по внушенію котораго былъ основанъ государственный совѣтъ въ его первомъ видѣ, помѣстилъ Сперанскаго въ канцелярію совѣта, съ званіемъ статсъ-секретеря. Но дѣятельность его не ограничивалась этимъ. Вскорѣ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ государю, графъ Кочубей, сталъ поручать ему, безъ вѣдома Трощинскаго, разныя работы; а въ слѣдующемъ году Сперанскій перешелъ совершенно въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по настоянію Кочубея и вслѣдствіе доклада самому государю. Въ 1806 году, гр. Кочубей, во время своей болѣзни, посылалъ Сперанскаго, вмѣсто себя съ докладами къ государю. Эти личныя сношенія съ императоромъ вскорѣ становятся интимными. Сперанскій оставляетъ министерство и, сохраняя званіе статсъ-секретаря, работаетъ только по порученію самаго государя. Въ 1808 г. находимъ его въ императорской свитѣ, на эрфуртскомъ свиданіи и въ числѣ лицъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ Александра.

Съ этого времени начинается періодъ самостоятельной дѣятельности Сперанскаго.

Первые годы царствованія императора Александра составляютъ замѣчательную эпоху. Не даромъ современники сохранили о нихъ такое свѣтлое воспоминаніе. Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ времени нельзя не остановиться съ особеннымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что оно многими чертами напоминаетъ ту эпоху, которую мы переживаемъ теперь. Точно также общество находилось въ возбужденномъ состояніи. Смутнымъ инстинктомъ оно понимало, что идти прежнею дорогой нельзя, и радостно привѣтствовало залогъ инаго направленія, въ лицѣ молодаго государя. Еще никогда правительство не было такъ популярно. Оно возбуждало сочувствіе и въ старыхъ приверженцахъ Екатерининскаго

порядка, нарушеннаго въ послѣдніе четыре года, и въ томъ небольшомъ, образованномъ меньшинствѣ, которое ожидало отъ новаго царствованія серьозныхъ, коренныхъ преобразованій.

Никогда также преобразованія не были, можетъ быть, такъ необходимы. Въ долголѣтнее правленіе Екатерины, Россія совершила огромный шагъ впередъ. До нея не было ни прочнаго государственнаго порядка, ни правительства, въ настоящемъ смыслѣ слова. Ближайшіе премники Петра Великаго не отличались административною мудростью. Къ тому же, ихъ шаткое, непрочное положеніе не давало возможности всматриваться въ потребности Россіи и стараться угадать ихъ. Все различіе между предъидущими правительствами заключалось въ томъ, что одни опирались на русскую партію, другія на нѣмецкую, одни управляли бережливѣе, другія тратили деньги безъ всякаго разбора. Въ царствованіе Елизаветы, которой вся популярность основывалась на русскомъ происхожденіи и близости къ великому преобразователю, все внутреннее управленіе основывалось на частныхъ мѣрахъ, и страшный безпорядокъ цѣлой администраціи съ трудомъ искупался нѣсколькими хорошими реформами. Екатерина рѣшилась положить конецъ этой безурядицѣ, и приступила къ изученію всюду царствовавшаго хаоса. Еще теперь нельзя не изумляться громадному подвигу, совершенному при самыхъ незначительныхъ средствахъ, при полномъ непониманіи и долговременной оппозиціи общества. Съ практической мудростью государственнаго человѣка, Екатерина знала препятствія и не отступала передъ ними. Она постоянно, упорно изучала и свои, и чужіе законы, узнавала людей, умѣла довольствоваться возможнымъ, и постепенно вводила все бо́льшій порядокъ въ управленіе обширнымъ государствомъ. Мало по малу, создалась администрація, довольно сложная и далеко не образцовая въ дѣломъ, но удовлетворившая главнымъ потребностямъ народа, и притомъ основанная на такихъ началахъ, которые были способны къ развитію. Другая сторона этой великой дѣятельности составляетъ еще бо́льшую заслугу. Въ первый разъ, правительство обращалось къ содѣйствію общества и старалось пробудить въ немъ спящія нравственныя силы. Екатерина постепенно освобождала сословія и, не смотря на свое сочувствіе къ энциклопедистамъ, поощряла даже западный аристократизмъ, который начиналъ проникать въ русское дворянство. Литература, начинавшая пріобрѣтать значеніе, находила въ ней поддержку и защиту. Подъ конецъ 34-лѣтняго царствованія, въ Россіи, конечно, было менѣе произвола и менѣе безпорядка. Но за то самыя реформы Екатерины должны были вызвать новыя потребности; еще болѣе создавала ихъ относительная самодѣятельность общества, ею же отчасти вызванная. Екатерина уничтожила, напримѣръ, коллегіи, которыя представляли смѣсь суда и мѣстнаго управленія съ управленіемъ центральнымъ; она замѣнила ихъ палатами, давшими первое основаніе мѣстной администраціи, въ духѣ новаго времени; но затѣмъ возникалъ вопросъ объ отношеніи новыхъ учрежденіи къ сенату; усложнялись инстанціи суда, предметъ исконной, вѣковой жалобы русскихъ челобитчиковъ. Недостатокъ гражданскихъ законовъ, ясныхъ и доступныхъ каждому, становился еще чувствительнѣе. Все, что́ прежде таилось за личными распоряженіями воеводъ, за слабостію сенатскаго надзора, за безгласностью тайной канцеляріи и самовластнымъ произволомъ вельможъ, выходило теперь на свѣтъ и требовало отъ правительства новыхъ мѣръ, новой дѣятельности. Цѣлыя отрасли государственнаго управленія, оставленныя послѣ Петра или не существовавшія прежде, требовали правильной организаціи. Къ сожалѣнію, среди начатыхъ реформъ, направленіе императрицы измѣнилось. Блестящіе военные успѣхи и, можетъ

быть, болѣе прочное положеніе заставили ее уклониться отъ вѣковыхъ началъ русской внѣшней политики. До сихъ поръ внѣшняя политика Россіи держалась правила — не вмѣшиваться безъ нужды въ дѣла Европы и строго преслѣдовать одни чисто-русскіе интересы; между русскимъ дворомъ и иностранными не было солидарности, которая обязывала бы первый къ постояннымъ союзамъ и антипатіямъ. Съ Екатерины это отношеніе измѣняется. Силою обстоятельствъ вынужденная принять участіе въ раздѣлѣ Польши, Россія втянулась въ систему европейскихъ союзовъ, и тѣмъ положено было начало тому союзу трехъ сѣверныхъ дворовъ, который составляетъ предметъ такого опасенія Европы въ наше время. Этотъ поворотъ внѣшней политики требовалъ отъ государства большаго напряженія силъ и большихъ пожертвованій. А между тѣмъ исключительное вниманіе, которое Екатерина обращала на внѣшнія дѣла, отвлекало ее отъ внутренняго управленія, постепенно приходившаго въ упадокъ. Администрація, не только мѣстная, но и высшая, втихомолку, болѣе прежняго, возвращалась къ завѣтнымъ преданіямъ старины. Неудовольствіе, уже не основанное на затаенномъ нерасположеніи къ реформамъ, расло и распространялось. Разстройство финансовъ, нечестность первыхъ людей въ государствѣ и снисходительность императрицы къ бездарнымъ фаворитамъ ея старости, ни для кого не были тайной. Къ этому надобно прибавить непопулярный оттѣнокъ, брошенный на послѣдніе ея годы тою подозрительностію, которая развилась въ ней, подъ вліяніемъ французской революціи, неумѣстное недовѣріе къ литературѣ, преслѣдованіе масоновъ и ссылки, рѣдко позорившіе прежде ея кроткое правленіе. Къ этому-то времени относится то скорбное письмо Александра къ графу Кочубею, гдѣ онъ съ такою силой изображаетъ состояніе Россіи: «Наши дѣла — въ неимовѣрномъ безпорядкѣ; грабежъ со всѣхъ сторонъ; порядокъ, кажется, изгнанъ отвсюду; а имперія стремится только къ расширенію своихъ предѣловъ».

Нечего говорить, что короткое царствованіе Павла не могло возстановить Россію. Александру предстояло удовлетворить справедливымъ жалобамъ, дополнить реформы Екатерины, ввести какой-нибудь порядокъ почти во всѣ части управленія и поднять руские финансы, которые находились въ жалкомъ состояніи, — все это въ такое время, когда цѣлая Европа была взволнована побѣдами Наполеона, и сама Россія ежеминутно могла быть втянута въ войну съ первой европейской державой.

Александръ почти немедленно приступилъ къ реформамъ. Положеніе правительства было до крайности затруднительно. Въ обществѣ развитомъ, привыкшемъ къ политической мысли, существуютъ стремленія, которыя, для либеральнаго правительства, могутъ быть указаніемъ, и во всякомъ случаѣ — поддержкой. Ошибки, разумѣется, возможны и въ подобной средѣ; но власть, которая прислушивается къ общественному мнѣнію, несетъ за нихъ, въ глазахъ общества, гораздо менѣе отвѣтственности. Просвѣщеніе сдерживаетъ страстную нетерпѣливость мысли и раздраженіе затронутыхъ интересовъ. Не такъ бываетъ въ обществѣ не развитомъ, привыкшемъ къ умственному бездѣйствію и въ обществѣ, гдѣ исключительно господствуютъ одни матеріальные интересы. Когда отживающій порядокъ вызываетъ наконецъ всеобщія жалобы, то взоры всѣхъ обращаются къ правительству. Отъ него ждутъ панацеи, которая должна положить конецъ всеобщему неудовольствію. Дѣтское повиновеніе смѣняется дѣтскимъ ропотомъ. Но это неудовольствіе не переводится въ политическую мысль, этотъ ропотъ не выражается ни въ какихъ опредѣленныхъ стремленіяхъ. Всякій ограничивается своими, частными жалобами, требуетъ попеченія только о своихъ, личныхъ интересахъ,

не заботясь о томъ, что̀ составляетъ корень зла, и нерасположенный жертвовать ничѣмъ для общаго возрожденія государства. При такой обстановкѣ правительство осуждено на дѣятельность изолированную, и, какъ скоро мѣры его задѣваютъ чьи либо интересы, негодованіе готово приписать этимъ мѣрамъ всѣ общественныя скорби, настоящія и будущія.

Таково дѣйствительно было тогдашнее состояніе русскаго общества. Не смотря на все его оживленіе, трудно было бы сказать, въ чемъ заключались его надежды и ожиданія. Масса, конечно, ограничивалась желаніемъ бо̀льшаго спокойствія, бо̀льшей законности. Въ рукописныхъ проектахъ, которые начали распространяться въ это время, рѣдко встрѣчается мысль о необходимости новыхъ и болѣе прочныхъ основаній для государственнаго порядка. Высшіе классы всего болѣе оживлялись въ пользу нѣкоторыхъ, отрицательныхъ правъ дворянства, напримѣръ, — права выходить въ отставку, когда вздумается; иногда проглядывало желаніе расширить право сената, въ которомъ, по старому преданію и на перекоръ недавнимъ опытамъ, иные еще видѣли какого-то защитника правъ. Но мысль о послѣдовательномъ, неуклонномъ развитіи общественныхъ учрежденій быта у немногихъ. Напротивъ, реформъ, которыя затѣвало правительство, почти боялись. За ними возникалъ призракъ освобожденія крестьянъ, уже смущавшій высшій классъ дворянства въ царствованіе Екатерины. Какъ смотрѣли на эту мѣру, сильно занимавшую Александра, видно изъ позднѣйшихъ записокъ, въ составленіи которыхъ иногда принимали участіе даже государственные люди. Вспомнимъ, что Державинъ (а ему, при узкости политическихъ идей, нельзя отказать въ какой-то горячечной справедливости) обвинялъ графа Румянцова, за указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, въ „подлой трусости“.—Не болѣе опоры могло найти правительство и въ послѣднихъ сподвижникахъ великаго царствованія. Опустѣвшіе ряды екатерининской администраціи заключали въ себѣ уже немного истинно-государственныхъ людей; большею частію, они были наполнены рутинёрами, плохо понимавшими новыя требованія и вращавшимися въ заколдованномъ кругу привычныхъ понятій. Естественно, что правительство должно было принять направленіе теоретическое, кабинетное. Настоящимъ совѣтникомъ государя были: Кочубей и тотъ знаменитый тріумвиратъ, составленный изъ Строганова, Чарторижскаго и Новосильцова, который Александръ прозвалъ въ шутку „comité du salut public“; а общество, совсѣмъ не въ шутку, называло якобинцами. То были люди, съ высокимъ, но чисто-иностраннымъ образованіемъ, и которые сходились между собой въ одномъ поклоненіи англійской конституціи. Недостатокъ опытности и полное незнакомство съ условіями русскаго общества, положили печать безсилія на первыя мѣры правительства. Рутина была сильнѣе ихъ всѣхъ, пріобрѣтеннымъ навыкомъ въ дѣлахъ и, надобно сознаться, болѣе близкимъ отношеніемъ въ жизни. Что касается до самаго императора Александра, то его стремленіе едва ли въ это время опредѣлилось. Не смотря на знаменательную обстановку, окружавшую его при воцареніи,—въ его дѣйствіяхъ замѣтно колебаніе, которое свидѣтельствуетъ о мысли, не ясной для самой себя и еще не успѣвшей установиться.

Въ этотъ-то разнородный и внутри себя враждебный кругъ вступалъ теперь Сперанскій. Мы не знаемъ, на сколько его собственныя идеи тогда сложились и выяснились; но несомнѣнно, что онъ одинъ былъ способенъ стать дѣятельнымъ орудіемъ замышляемыхъ преобразованій. Въ дѣлѣ опыта онъ былъ по крайней мѣрѣ знакомъ съ центральнымъ управленіемъ, и хорошо извѣдалъ его недостатки; въ дѣлѣ мысли—онъ бралъ огромный перевѣсъ надъ своими современниками, въ привычкѣ

къ труду и въ болѣе серьозномъ образованіи. Находясь, по происхожденію, въ близкомъ отношеніи къ низшимъ классамъ, онъ, сверхъ того, приносилъ съ собою инстинктъ человѣка, не чуждаго народу, и горячо сочувствующаго его нуждамъ и потребностямъ.

Планъ коренной реформы высшаго управленія быстро созрѣлъ въ головѣ Сперанскаго. Но прежде, чѣмъ мы скажемъ объ этомъ планѣ, мы должны бросить взглядъ на ту администрацію, которой суждено было исчезнуть.

II.

Во все продолженіе XVIII вѣка управленіе, въ главныхъ чертахъ, еще держалось на тѣхъ началахъ, которыя были даны ему Петромъ Великимъ. Эти начала не были произведеніемъ его собственной мысли. Они были заимствованы имъ изъ западной Европы. Образцемъ для областнаго управленія служили учрежденія Швеціи и Остзейскихъ провинцій, которыя издавна прельщали Петра относительною зрѣлостью ихъ государственнаго быта. Центральная администрація была, съ немногими перемѣнами, осуществленіемъ мысли Лейбница, съ которымъ Петръ видѣлся въ самый годъ учрежденія сената. Планъ, предложенный великимъ философомъ, былъ исполненъ съ большою точностью. Даже первоначальное число коллегій было то самое, которое выставлялось необходимымъ въ проектѣ. Новыя учрежденія не безъ труда принимались на русской почвѣ. Петръ долженъ былъ безпрестанно измѣнять подробности своего административнаго плана. Особенно такими перемѣнами изобилуетъ при немъ областное управленіе. Оно измѣнялось три раза, и послѣдняя перемѣна была уже уступкой древнему, приказному порядку. Сначала, въ 1713 году, по примѣру Швеціи, были введены ландраты и ландрихтеры; но уже чрезъ шесть лѣтъ, рядомъ и отчасти совмѣстно съ ними, появляются надворные суды въ губерніяхъ и судьи отъ юстицъ-коллегіи по городамъ. Судъ совершенно отдѣляется отъ управленія. Но чрезъ два года Петръ долженъ былъ самъ сознаться, что его сложныя и многочисленныя инстанціи не совсѣмъ удобны. Провинціяльные и городовые судьи отмѣняются. Судъ и управленіе снова соединяются въ рукахъ воеводъ, на которыхъ духъ реформы отразился очень мало и которые, по прежнему, смотрятъ на свою власть съ точки зрѣнія кормленія, наживочныхъ дѣлъ. Такая уступка человѣка съ желѣзною волей доказываетъ неодолимое, внутреннее препятствіе и не могла остаться безъ послѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, старый порядокъ возвращается и по немногу разъѣдаетъ петровскія учрежденія. Еще надъ свѣжею могилой „перваго императора“ верховный тайный совѣтъ, весь составленный изъ его сподвижниковъ и любимцевъ, произноситъ строгій приговоръ его административнымъ началамъ. “Умноженіе правителей, сказано въ указѣ 1727 года...... не токмо служитъ къ величайшему отягощенію штата, но и къ великой тягости народной....; всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи... и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ“. Если въ областной администраціи камнемъ преткновенія для реформы служили „великая народная тягость“ и „пропитаніе управителей“, то въ центральной надо было бороться съ другими, еще болѣе важными затрудненіями. Административная машина не отличалась гибкостью и не всегда стѣсняла личный произволъ. Отъ того здѣсь перемѣны еще чаще. Составъ сената измѣнялся четыре раза. Президенты коллегій то призывались въ сенатъ для согласнаго управленія, то исключались изъ него, для того, чтобъ надзоръ за ними сената былъ дѣйствительнѣе. Коллегіи умножались, соединялись и раздѣлялись снова. Петръ не колебался сознаваться въ своихъ затруд-

неніяхъ и соединяя ревизіонъ-коллегію съ сенатомъ, откровенно говорилъ въ указѣ: „понеже едино дѣло есть... и не разсмотря тогда учинено было". Разсмотрѣніе и передѣлки вновь продолжались во все царствованіе.

Въ наше время эта безпрестанная ломка, эта передѣлка учрежденій производятъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Мы привыкли не довѣрять административнымъ опытамъ и думать, что съ народною жизнію надобно обращаться осторожно, не навязывая ей того, что̀ противно ея духу. Но было бы въ высшей степени несправедливо судить учрежденія Петра по однимъ внѣшнимъ фактамъ ихъ исторіи. Коллегіяльное начало не было произвольнымъ созданіемъ нетерпѣливой мысли. Здѣсь, какъ и во многихъ реформахъ, мысль преобразователя сошлась съ дѣйствительною потребностью общества, и потому-то она и не осталась безплодною. Какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ, коллегіяльное начало было естественной реакціей противъ фискальнаго управленія. Когда на развалинахъ феодализма, въ Европѣ возникало государство, то окруженная враждебными элементами, монархическая власть не могла довѣрять прежнимъ органамъ общественной жизни. Въ обществѣ, гдѣ все тянуло врозь, гдѣ каждое учрежденіе представляло частный интересъ, сословный или мѣстный, ей нужны были свои орудія, органы государственнаго единства. Эти орудія она находила, совершенно готовыя, въ томъ частномъ хозяйствѣ государей, которое было зерномъ ихъ политическаго могущества. Только здѣсь и были вѣрные, преданные слуги, всегда готовые исполнить всякую волю своего государя. Поэтому, при первой возможности, формы вотчиннаго управленія распространялись на всякое новое пріобрѣтеніе, не появляясь только тамъ, гдѣ старые общественные элементы были слишкомъ крѣпки для полной, безусловной уступки. Фискальное управленіе исчезло въ Европѣ только при бо́льшемъ развитіи просвѣщенія, или вслѣдствіе политической борьбы. Германія въ особенности долго хранила слѣды администраціи, возникшей когда-то въ домэнахъ ея многочисленныхъ князей. Въ такой администраціи произволъ не избѣженъ, потому что вниманіе правительства всего болѣе обращается на доходы и много-много на хозяйственныя улучшенія. Понятно, что, наконецъ, несостоятельность этого порядка стала очевидною не только для народовъ, которыхъ онъ давилъ всею тяжестью безотвѣтственной власти, но и для самихъ правительствъ, лишенныхъ средствъ надзора. Потребовались учрежденія менѣе произвольныя и болѣе отвѣтственныя. Но возложить надзоръ на самое общество было не въ духѣ правительствъ XVI и XVII вѣка. Самое общество еще не вездѣ было способно къ дѣятельному наблюденію за властью, неусыпному и спокойному, которое теперь признается лучшей гарантіей свободы и порядка. Оставалось одно средство—усилить отвѣтственность посредствомъ внутренняго устройства самаго управленія, подчинить его членовъ взаимному надзору, уменьшить личный произволъ раздѣленіемъ власти. Такъ естественно Европа постепенно пришла къ коллегіяльному началу. Въ той или другой формѣ оно появлялось вездѣ, а въ нѣкоторыхъ странахъ преобладало до конца XVIII вѣка. Тѣ-же самыя причины, не смотря на частное несходство явленій, должны были вызвать его и у насъ. Управленіе XVII вѣка держалось на двухъ началахъ, которыя, перекрещиваясь, проникали его сверху до низу. Однимъ изъ нихъ было кормленіе, другимъ та форма хозяйственнаго управленія, которая называлась у насъ приказною. Каждая соединялась съ полной безотвѣтственностью и лежала на обществѣ тяжелымъ бременемъ. Чѣмъ болѣе государство росло, чѣмъ болѣе требовалось ему органовъ, тѣмъ шире и шире становилась нестройная машина администраціи. Все XVII столѣтіе наполнено жалобами на этотъ

порядокъ, и ничто, можетъ быть, не характеризуетъ ихъ такъ сильно, какъ то полное убѣжденіе въ невозможности коренныхъ улучшеній, которое проглядываетъ въ нихъ. Правительство было постоянно озабочено своей неудачною войной противъ поборовъ и взятокъ. Напрасно оно грозило воеводамъ смертною казнью и составляло для нихъ наказы, исполненные мелочныхъ подробностей. Положеніе было тѣмъ отчаяннѣе, что даже народное происхожденіе мѣстной власти не было порукой въ ея направленіи. Воеводы смѣнялись губными старостами, губные старосты опять воеводами, а жалобы не прекращались; и самые города не всегда знали, кому дать предпочтеніе: выборному человѣку, или приказному. Не лучше было положеніе и центральной администраціи: здѣсь безотвѣтственность облегчалась еще обширностью вѣдомствъ и путаницей во взаимныхъ отношеніяхъ приказовъ.

Мѣры Петра были направлены противъ этихъ недостатковъ. Вмѣсто самовластнаго и безконтрольнаго управленія, онъ вводитъ коллегіи, въ которыхъ, „президенты не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи и не могутъ дѣлать, что хотятъ“. Въ старину не было твердыхъ правилъ о приказномъ дѣлопроизводствѣ. Уложеніе предписывало судьямъ „вершить дѣла вопче“, но при этомъ имѣло въ виду не челобитчиковъ, не зрѣлое обсужденіе дѣла, а просто раздѣленіе труда между членами приказа. Петръ видитъ въ коллективномъ приговорѣ залогъ правосудія, заботится о „непорядочномъ даяніи голосовъ“ и позволяетъ каждому члену коллегіи возвышать свой отдѣльный голосъ во имя правды. Другая черта прежняго управленія было его крайняя шаткость. Приказы не имѣли постояннаго характера, хотя нѣкоторые изъ нихъ существовали долго. Назначеніе судьи въ приказъ оставалось личнымъ порученіемъ такихъ-то дѣлъ такому-то лицу; достаточно было малѣйшаго предлога, чтобъ измѣнить и внутренній составъ, и отношеніе учрежденій. Когда на одного боярина „возлагалось“ нѣсколько приказовъ, они соединялись, и вмѣстѣ съ этимъ измѣнялось и все ихъ административное положеніе. Были приказы, которые, со смертью главнаго судьи, исчезали вовсе. При Петрѣ Великомъ появляются учрежденія постоянныя, внѣ подобныхъ случайностей. Учрежденіе отдѣляется отъ лица и становится вполнѣ государственнымъ. Отнынѣ его основаніе не личное довѣріе, а *законъ*—слово, которое такъ рѣдко употреблялось прежде. Въ первый разъ, можно сказать, возникаетъ идея правительства, которая, въ древней Россіи, совершенно терялась въ личной власти. Въ связи съ ней находится другое великое начало—требованіе законности отъ распоряженій власти и повиновеніе не лицу, а закону. Вотъ почему, не смотря на строгую теорію самодержавія, не смотря на то, что, по словамъ Петра, „самовластный монархъ, никому на свѣтѣ, о своихъ дѣлахъ, отвѣту дать не долженъ“ онъ ставитъ свой сенатъ такъ высоко. Сенатъ собирается „вмѣсто присутствія собственной его величества персоны“, онъ издаетъ указы, избираетъ въ высшія государственныя должности. Въ тоже время, случайное распредѣленіе дѣлъ замѣняется раздѣленіемъ ихъ по предметамъ. Каждая коллегія управляетъ особымъ родомъ дѣлъ, особой частью народнаго хозяйства. Отношенія коллегій опредѣлены съ точностью, а надъ всѣми поставленъ верховный надзоръ сената. Произволъ не допускается и въ замѣщеніи должностей. Прежде должности продавались, поручались по личному довѣрію, или давались въ качествѣ награды. Теперь каждое мѣсто само избираетъ подчиненныхъ чиновниковъ, и вмѣсто личнаго назначенія требуется баллотировка. На сенатъ возлагается обязанность наполнять коллегіи, на коллегіи — выборъ второстепенныхъ лицъ. Наконецъ, въ областномъ управленіи проглядываетъ таже мысль объ отдѣленіи судебной власти отъ административной.

Самостоятельность петровскихъ учрежденій отозвалась на ихъ исторіи. Въ нихъ была какая-то внутренняя крѣпость, которая спасала ихъ среди всѣхъ колебаній XVIII вѣка. Мысль о высокомъ ихъ значеніи проявлялась даже у людей, не способныхъ поддержать его. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны притязанія сената, не смотря на ихъ неудачу, и на то, что ихъ успѣхъ едва-ли бы могъ принести пользу. Сенатъ сознавалъ себя государственною властью и смотрѣлъ на всякое стѣсненіе, какъ на что-то незаконное и несправедливое. Извѣстно, что противъ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта онъ протестовалъ объявленіемъ, что остается „въ прежнемъ своемъ состояніи и достоинствѣ“ [1]). Возстановленный въ своихъ правахъ Елисаветою, онъ быстро пріобрѣтаетъ значительную силу, и даже, если вѣрить частнымъ извѣстіямъ, право самоизбранія, которое, со временемъ, могло бы превратить его въ настоящую сословную корпорацію [2]). Сенатъ, по словамъ Екатерины, „выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни; однимъ словомъ, почти все“; онъ былъ полнымъ властителемъ надъ подчиненными мѣстами, и „раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, было неописанное“. Екатерина нашла въ сенатѣ двѣ партіи, изъ которыхъ одна помнила преданія верховниковъ и была не прочь повторить ихъ въ собственную пользу [3]). Постепенными, едва замѣтными мѣрами, Екатерина опять поставила сенатъ въ прежнее, законное положеніе; но въ началѣ царствованія Александра въ немъ замѣтны проблески того-же духа... Эти стремленія, конечно, не были прямымъ выводомъ изъ значенія, которое далъ сенату Петръ Великій. Еще менѣе можно видѣть въ нихъ зачатки чего-то прочнаго и благотворнаго. Ихъ неуспѣхъ былъ побѣдой просвѣщеннаго, широкаго развитія надъ узкими, сословными притязаніями. Но нельзя, однако, не замѣтить, что стремленіе къ самостоятельности, даже преувеличенное, не было лишнимъ въ обществѣ, которое видѣло казнь Волынскаго и кровавыя преслѣдованія людей, недавно правившихъ государствомъ. Рядомъ съ этою дѣятельностью была другая, болѣе скромная. Не смотря на всѣ интриги партій, не смотря на временщиковъ и олигарховъ, сенатъ долго сохранилъ свое право верховнаго надзора. До какой степени это право стѣсняло личный произволъ, видно изъ безпрестанныхъ попытокъ отодвинуть сенатъ на второй планъ. Подробности ихъ довольно любопытны. Верховники начали съ того, что отмѣнили должности генералъ-прокурора и прокуроровъ, чрезъ которыхъ сенатъ могъ слѣдить за администраціей. Въ правленіе принцессы Анны къ той же мѣрѣ прибѣгаетъ кабинетъ министровъ. Все это доказываетъ, что надзоръ сената не былъ сначала мертвою буквою закона.

Роль коллегій была другая. Коллегіи принесли несомнѣнную пользу. Можно даже сказать, что въ эпоху ихъ учрежденія онѣ были полезнѣе всякой другой формы управленія. Въ началѣ XVIII вѣка нужно было не столько управлять, сколько созидать и организовывать управленіе. Все приходилось заводить снова или передѣлывать. Войско, флотъ, разныя части народнаго хозяйства едва существовали по имени. Петру нужны были люди, которые бы помогали ему въ обширномъ дѣлѣ государственнаго устройства. Для организаціи, для обсужденія новыхъ мѣръ, для пріисканія средствъ управленія, коллегіальныя мѣста, по своей сущности, способнѣе личной администраціи. Мѣра, обдуманная многими лицами, прошедшая чрезъ медленную повѣрку долгихъ преній, имѣетъ болѣе ручательствъ полноты и зрѣлости. Личныя цѣли, которыя могли-бы

[1]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1858, книга 3, II, стр. 3.

[2]) Denkwürdigkeiten des Grafen J. Sievers, т. I. стр. 147—152.

[3]) Чтенія, 1858 г., книга I, V Секретнѣйшее наставленіе князю Вяземскому.

исказить ее, при такихъ условіяхъ проявляются менѣе. Сверхъ того коллегіяльный порядокъ представлялъ еще другую выгоду: онъ давалъ возможность вводить въ высшую администрацію спеціялистовъ подлѣ людей, облеченныхъ личнымъ довѣріемъ правительства. Эта мысль особенно видна въ первыхъ мѣрахъ Петра Великаго. Въ годъ учрежденія коллегій онъ думалъ въ каждой изъ нихъ предоставить часть второстепенныхъ мѣстъ иностранцамъ, болѣе знакомымъ съ технической стороной администраціи, нежели русскіе. Въ промежутокъ времени между Петромъ и Екатериной II коллегіи были особенно полезны этою стороной. Между тѣмъ, какъ высшія государственныя мѣста были нерѣдко заняты людьми, не имѣвшими за себя ничего, кромѣ успѣха, въ рядахъ второстепенныхъ членовъ коллегій встрѣчаются дѣльная мысль, болѣе серьозное образованіе. Наконецъ, коллегіи обыкновенно имѣютъ наклонность къ сохраненію всего завѣщаннаго временемъ. Духъ преданія живетъ въ ихъ организаціи, менѣе гибкой, неспособной къ тому быстрому и полному измѣненію, которому такъ легко поддается бюрократія. Этотъ характеръ учрежденій, который въ другое время могъ-бы сдѣлаться задержкой для общественнаго развитія, благопріятствовалъ ему въ первой половинѣ XVIII вѣка. Правительства послѣ Петра не отличались духомъ нововведенія. Они были расположены къ частнымъ мѣрамъ, къ употребленію средствъ простыхъ и скорыхъ; они безпрестанно прибѣгали къ административнымъ пріемамъ еще недалекой старины. Приказное управленіе возвращалось то подъ другими именами, то съ прежнимъ названіемъ и составомъ. Въ однѣхъ коллегіяхъ сохранялась мысль Преобразователя, огражденная безсознательнымъ уваженіемъ потомковъ къ великому дѣлу реформы.

Но если учрежденія Петра были благопріятны для развитія общества, то въ нихъ заключались такіе недостатки, которые, рано или поздно, должны были повести къ преобразованію. Источникъ ихъ скрывался отчасти въ самомъ коллегіяльномъ порядкѣ, отчасти въ несовершенствахъ организаціи, данной ему Петромъ Великимъ.

Организація самаго сената была очевидно недостаточна. Въ его рукахъ сосредоточивались два рода власти, которые существенно противорѣчатъ другъ другу. Это было, съ одной стороны, высшее исполнительное мѣсто, съ другой, мѣсто высшаго административнаго надзора. Для такой разнородной дѣятельности нужно было сочетаніе условій, изъ которыхъ одни совершенно исключались другими. Глава исполнительной власти, сенатъ долженъ былъ наблюдать за дѣлами во всѣхъ подробностяхъ, принимать новыя мѣры, пресѣкать и предупреждать злоупотребленія. Тѣсная связь съ остальнымъ управленіемъ и такой составъ, который-бы обезпечивалъ быстроту и единство дѣйствія, были для него первою необходимостью. Но, въ качествѣ власти надзирающей. отъ него требовались другія качества. Онъ долженъ былъ отличаться безпристрастнымъ отношеніемъ къ администраціи, повѣрять ея дѣйствія со всѣхъ сторонъ, зрѣло и осторожно обсуждать ихъ. Эти условія трудно соединить съ непосредственнымъ управленіемъ и быстротой распоряженій. Вотъ почему обширные предѣлы власти повредили сенату съ самаго начала. Этимъ объясняются тѣ колебанія, которыя видны въ законахъ Петра. Сначала онъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ сената высшее мѣсто непосредственнаго управленія. Въ этомъ смыслѣ онъ и далъ ему названіе „правительствующаго“, которое, въ одномъ указѣ, переводитъ знаменательнымъ словомъ „управительный“. Съ учрежденія его въ 1711 году до преобразованія, въ 1722 году, сенатъ былъ дѣйствительно „управительнымъ“, то есть не ограничивался однимъ надзоромъ, но и самъ управлялъ дѣлами. Учрежденный на первыхъ порахъ „для

отлучекъ" государя, онъ былъ до 1718 года посредствующимъ звѣномъ между совѣтниками Петра, которые управляли отдѣльными частями съ властью настоящихъ министровъ, и всѣми, какъ центральными, такъ и мѣстными учрежденіями. Это значеніе видно и изъ его состава, и изъ рода порученныхъ ему дѣлъ. Такъ какъ сенатъ состоялъ еще изъ лицъ второстепенныхъ, то онъ былъ связанъ очень опредѣленною инструкціей и поставленъ въ зависимость отъ тѣхъ, кто будетъ писать къ нему „указомъ царскаго величества". О характерѣ этихъ лицъ догадаться не трудно: онъ ясенъ изъ простаго перечисленія. То были: свѣтлѣйшій князь, адмиралъ графъ Апраксинъ, генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, государственный канцлеръ графъ Головкинъ, президентъ ближней канцеляріи графъ Зотовъ и подканцлеръ баронъ Шафировъ. Ясно, что сенатъ былъ мѣстомъ чисто исполнительнымъ. Находясь подъ указами министровъ, онъ долженъ былъ управлять непосредственно. Ему, между прочимъ, поручалось „дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры...; товары, которые на откупахъ, или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и посвидѣтельствовать...; о соли стараться отдать на откупъ"... и т. д., — все дѣла административныя въ собственномъ смыслѣ слова *). Такимъ образомъ управленіе, коллегіяльное въ сенатѣ, въ высшей инстанціи оставалось личнымъ, бюрократическимъ. Но когда война перестала отвлекать Петра, и отлучки его прекратились, то временное управленіе надобно было замѣнить постояннымъ. Въ 1718 году учреждаются коллегіи, и сенатъ получаетъ другое устройство. Онъ превращается въ настоящее министерство. Сенатъ состоитъ изъ президентовъ всѣхъ коллегій, „и кромѣ ихъ, говоритъ указъ, никакой незванной персонѣ не входить въ то время, когда совѣты отправляются"... Отсутствующіе президенты замѣняются секретарями или другими членами изъ коллегіи, въ которыхъ ничто не могло происходить безъ вѣдома сената. Совершенно послѣдовательно съ главною цѣлью Петра, — установить кабинетъ, дѣйствующій совокупно, — отъ сената требуется, ко всякому дѣлу, единогласное рѣшеніе. По важнымъ дѣламъ велѣно увѣдомлять даже отсутствующихъ сенаторовъ. Въ такомъ видѣ сенатъ существовалъ почти до конца царствованія Петра. Только въ 1722 году онъ вздумалъ дать ему устройство отдѣльное отъ коллегій. Побужденіе было ясно высказано въ указѣ. У сената было много дѣлъ, не касающихся администраціи, и которыми президенты не имѣли времени заниматься, управляя каждый обширнымъ вѣдомствомъ. Но у великаго императора была и другая мысль, совершенно вѣрная въ основаніи, но выполненная не совсѣмъ удачно. Строгій надзоръ, важный во всякое время, былъ первымъ требованіемъ той эпохи, когда ближайшіе друзья преобразователя крали немилосердно, и когда ему безпрестанно приходилось расправляться съ ними средствами довольно азіятскими. Вотъ почему Петръ хочетъ, „дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли... и смотрѣли-бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ", и прибавляетъ для объясненія: „а нынѣ сами будучіе во оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?" Но, отдѣляя сенатъ отъ коллегій, Петръ не поступается вполнѣ своею прежнею мыслью: мѣсто надзора за министрами, сенатъ долженъ состоять изъ людей близкихъ къ главному управленію, знающихъ всѣ его тайны. Извѣстно, что съ этихъ поръ сенатъ состоялъ изъ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. Извѣстно также, что такое были эти тайные совѣтники Петра. То были лица самыя приближенныя, которыхъ званіе означало не чинъ, а мѣсто, которымъ давались самыя важныя, иногда секретныя, порученія. Президенты первыхъ трехъ

*) П. С. З. № 2342.

коллегій, двухъ военныхъ и иностранной не совершенно отдѣляются отъ сената. Они являются туда для всякаго новаго указа, для всякаго важнаго дѣла, которое требуетъ рѣшенія, и, въ особенности, когда присутствуетъ государь. И такъ, въ послѣдніе два года царствованія, сенатъ составляетъ нѣчто въ родѣ государственнаго совѣта.

Это превращеніе въ государственный совѣтъ требовало новаго опредѣленія обязанностей сената. Разъединенный съ высшимъ управленіемъ, онъ не могъ оставаться во главѣ исполнительной власти. Какъ скоро коллегіи были отдѣлены отъ сената, ему сдѣлалось труднымъ выполнять главное призваніе всякаго подобнаго учрежденія — давать направленіе администраціи. Не прилагая самъ никакой мѣры и зная объ управленіи только изъ докладовъ коллегій и рѣдкихъ ревизій, онъ могъ еще прекращать злоупотребленія, наблюдать за исполненіемъ закона, но сдѣлался совершенно не способенъ къ непосредственному управленію. Административныя дѣла доходили до него только въ формѣ разрѣшенія отдѣльныхъ случаевъ, или обсужденія частныхъ мѣръ; обыкновенный же ходъ администраціи совершенно ускользалъ отъ него. Вотъ почему его вмѣшательство, если и не было безъ пользы, то вообще замедляло теченіе дѣлъ. Медленныя формы коллегіальнаго производства, чрезъ которыя всякое дѣло проходило въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, вновь затрудняли его въ высшей инстанціи. Въ запискахъ XVIII вѣка мы безпрестанно встрѣчаемъ жалобы на сенатъ со стороны не только губернаторовъ, но даже коллегій. Неудобства, которыя проистекали изъ медленности сената и его безпрестаннаго вмѣшательства въ дѣла, обнаружались еще въ первой половинѣ этого столѣтія. Его власть надъ коллегіями была еще сильна, онъ могъ не только требовать отъ нихъ полной зависимости, но даже имъ дѣлать выговоры, когда онѣ осмѣливались представлять собственное мнѣніе, а между тѣмъ и въ это время не видно его участія въ лучшемъ устройствѣ управленія. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ большей части улучшеній, которыя были сдѣланы въ эту эпоху. Для того, чтобы управленіе шло безостановочно и правильно, необходимо было отдѣлить надзоръ отъ непосредственной администраціи и дать ей устройство отдѣльное отъ сената. Въ той или другой формѣ, это раздѣленіе было неизбѣжно; не сдѣланное закономъ, оно должно было, рано или поздно, совершиться силою обстоятельствъ.

Другой недостатокъ парализировалъ дѣятельность коллегій. Коллегіи вовсе не были министерствами даже при Петрѣ Великомъ. Настоящимъ министерствомъ былъ сначала сенатъ, то есть одни президенты коллегій.

Въ одномъ изъ современныхъ источниковъ, тогдашнее отношеніе коллегій къ сенату изображается такимъ образомъ: „Такъ какъ сенаторы — вельможи, то сидящіе съ ними въ коллегіяхъ не осмѣливаются противорѣчить имъ и пляшутъ по ихъ дудкѣ, а отсюда рождается множество интригъ и несправедливостей. Когда на одного изъ нихъ приносится жалоба, или аппелируется къ сенату, всѣ они соглашаются между собой, и ужь, конечно, одна ворона не выклюетъ глазъ другой“. *)

Когда составъ сената былъ измѣненъ, коллегіи не получили бóльшей самостоятельности. Сенатскій надзоръ не былъ очень дѣятеленъ: онъ ограничивался предписаніями, выговорами и наблюденіемъ генералъ-прокурора; но за то, лишившись постояннаго представителя въ сенатѣ, онѣ не могли уже отстаивать предъ нимъ свои распоряженія. Надъ ними постоянно тяготѣла какая-нибудь посторонняя сила: или власть сената, выступавшая даже за предѣлы закона, или вліяніе генералъ-прокурора, или, наконецъ, значеніе собственнаго президента, если онъ могъ испрашивать

*) Записки камеръ-юнкера Берхгольца, въ переводѣ г. Аммона, часть 2-я, стр. 48.

высочайшія повелѣнія. Все это постепенно искажало характеръ коллегій. Но еще серьознѣе были тѣ препятствія, которыя коллегіи находили въ своей внутренней организаціи и въ отношеніяхъ къ нимъ низшихъ мѣстъ. Общая дѣятельность была затруднительна для сложной администраціи. Совокупныя распоряженія коллегій, хотя и требовались закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, были на практикѣ очень рѣдки, а иногда почти невозможны: соглашенія могли происходить только медленнымъ путемъ дѣловой переписки, или чрезъ сенатъ; общія засѣданія, которыхъ, кажется, не было, не много бы ускорили дѣло и повели бы къ безконечнымъ преніямъ. Вѣроятно, поэтому, общія мѣры такъ рѣдко обсуждались коллегіями. Замѣчательно, что важнѣйшія постановленія XVIII вѣка выходили не только безъ ихъ участія, но даже и безъ ихъ вѣдома. Таковы: горная привилегія, горный уставъ, вексельный уставъ 1727 года, главныя мѣры по управленію церковныхъ имуществъ, почти всѣ законы Екатерины, банкротскій уставъ 1800 года и т. д. *). Средства надзора, находившіяся въ распоряженіи коллегій, тоже были недостаточны: онѣ могли дѣйствовать одними понужденіями. При выборѣ чиновниковъ нѣсколькими лицами, не могло быть и рѣчи объ отвѣтственности коллегій за способность назначеннаго лица, или за его распорядительность. Коллегіи могли „своего служителя, по изобрѣтенію персоны или дѣлъ, наказать лишеніемъ чина или весьма отставить“; но для этого нужно было прямое нарушеніе закона. Замѣна же удаленнаго чиновника другимъ снова подвергалась всѣмъ случайностямъ баллотировки. При своей неспособности къ быстротѣ распоряженій, коллегіи, однако, не спасали отъ личнаго произвола. Напротивъ, онѣ не рѣдко становились ширмами, за которыми прятался деспотизмъ президента, который избѣгалъ не только юридической, но даже и нравственной отвѣтственности. По разсказу правдиваго маіора Данилова, военная коллегія при графѣ Шуваловѣ обратилась въ его канцелярію *). Наконецъ цѣлое, огромное вѣдомство стояло совершенно въ сторонѣ отъ коллегій. Губернаторы и воеводы назначались сенатомъ, и хотя были обязаны исполнять указы коллегій, но были не очень послушными орудіями. Недостатокъ единства въ центрѣ сталъ еще чувствительнѣе, когда въ областяхъ, съ отмѣною Петровскихъ учрежденій, появилась крайняя централизація. Съ этого времени только спеціальныя вѣдомства, военное, морское и горное, сохранили въ провинціяхъ собственныхъ чиновниковъ, на которыхъ могли имѣть непосредственное вліяніе; все остальное управленіе ввѣрено лицамъ, вовсе не зависѣвшимъ отъ коллегій. Этотъ недостатокъ въ средствахъ управленія велъ и къ другому неудобству: такъ какъ въ провинціяхъ многія вѣдомства вовсе не существовали, то въ коллегіи стекались такія дѣла, которыя по своей сущности, слѣдовало рѣшать на мѣстѣ. Ревизіонъ-коллегія, напримѣръ, повѣряла финансовые отчеты всѣхъ губерній и была завалена дѣлами. Малѣйшія несогласія между промышленниками доходили до свѣдѣнія трехъ экономическихъ коллегій. Нечего и говорить, что правильное раздѣленіе дѣлъ не было возможно. Правительство безпрестанно колебалось между двумя противуположными стремленіями: съ одной стороны, безконтрольность власти заставляла дробить ее, какъ можно болѣе; съ другой, недостатокъ въ людяхъ заставлялъ ее сосредоточивать.

Эти колебанія всего замѣтнѣе въ финансовомъ управленіи. Счетная часть то соединялась съ сенатомъ, то отдѣлялась отъ него, въ видѣ особой коллегіи. Государственные доходы и расходы, не

*) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, Калачова, 1859, книга 3 (записки Сперанскаго) стр. 30.—Записки Державина въ V книгѣ «*Русской Бесѣды*» за 1859 годъ, стр. 435.

*) Записки артиллеріи маіора Данилова, М., 1842. стр. 119.

смотря на тѣсную ихъ связь, были сначала ввѣрены двумъ особымъ учрежденіямъ: камеръ-коллегіи и штатсъ-конторѣ, которыя въ 1726 г. соединяются, а въ 1730 раздѣляются снова. Туже черту можно замѣтить въ измѣнявшемся устройствѣ и другихъ коллегій.

Административная система, какъ бы она ни была недостаточна, можетъ не только удержаться на долго, но даже упрочиться, если зло, которое она приноситъ, дѣйствуетъ медленно, если, тяжелая для управляемыхъ, она по крайней мѣрѣ удовлетворнетъ главнымъ цѣлямъ самаго правительства. Такъ было, напримѣръ, съ древнимъ приказнымъ порядкомъ. Безобразныя его пружины не были однако сложны, и если народу приходилось отъ нихъ нелегко, то правительство имѣло въ нихъ возможно быстрое, хотя и несовершенное, орудіе. Но когда недостатки администраціи таковы, что затрудняютъ собственную ея дѣятельность, то постепенное измѣненіе цѣлой системы неизбѣжно. Гласно или тайно, подлѣ несостоятельныхъ учрежденій выростаютъ другія, можетъ быть, столько же несовершенныя, но во всякомъ случаѣ съ недостатками противоположнаго свойства. Такой переработкѣ подверглись и петровскія учрежденія. Они грѣшили сложностью механизма, излишнимъ подраздѣленіемъ власти въ коллегіяхъ, излишнимъ сосредоточеніемъ ея въ сенатѣ. Рядомъ съ ними вскорѣ началъ возникать другой порядокъ. Подлѣ сената, гдѣ управленіе соединялось съ надзоромъ, образовались учрежденія чисто административныя; подлѣ коллегій, слишкомъ стѣсненныхъ и медленныхъ, снова поднялась бюрократія, тѣмъ болѣе сильная, что она была замаскирована коллегіяльнымъ устройствомъ.

Исторія постепеннаго образованія новой администраціи дѣлится реформами Екатерины II на двѣ эпохи: сначала новыя формы управленія возникаютъ случайно, вслѣдствіе личныхъ стремленій, или частныхъ мѣръ; потомъ перемѣны большею частію происходятъ на основаніи общаго плана.

Первое уклоненіе отъ коллегіяльнаго порядка было сдѣлано на другой годъ послѣ смерти Петра. Началось съ образованія министерства. Это было неизбѣжно, но, къ сожалѣнію, новая мѣра была совершена при такихъ условіяхъ, которыя уничтожали всю ея пользу. Выдѣленіе министерства сопровождалось устраненіемъ всякаго контроля и лишеніемъ сената той его роли, на которую тогда онъ былъ вполнѣ способенъ, роли государственнаго совѣта, надзирающаго за непосредственнымъ управленіемъ и обсуждающаго общія мѣры. Но олигархическія стремленія верховниковъ не допускали надзора учрежденію, которое было еще проникнуто идеями своего основателя, и новое министерство стало не подлѣ сената, а надъ нимъ. Министерство, правда, было не полное: изъ пяти его членовъ только трое стояли во главѣ отдѣльныхъ управленій; но перемѣна въ способѣ рѣшенія дѣлъ была коренная. Коллегіяльнаго начала здѣсь не было, хотя между членами и были совѣщанія, потому что о важнѣйшихъ дѣлахъ докладывали самой императрицѣ. Такимъ образомъ, новое учрежденіе носило двоякій характеръ: для дѣлъ обыкновеннаго управленія оно было министерствомъ, для общихъ вопросовъ оно составляло родъ государственнаго совѣта. Три первыя коллегіи, которыхъ президенты сдѣлались членами совѣта, изъяты изъ зависимости отъ сената и сравнены съ нимъ въ правахъ. За сенатомъ осталось только внутреннее управленіе, но и здѣсь власть его была стѣснена совѣтомъ, чрезъ который онъ получалъ высочайшіе указы. Разумѣется, что и характеръ трехъ первыхъ коллегій долженъ былъ измѣниться: независимость членовъ отъ президентовъ не могла удержаться, когда эти же президенты были ихъ начальниками. Эта попытка личнаго управленія, при всей своей кратковременности, имѣла

вредныя послѣдствія. Она послужила примѣромъ для всѣхъ позднѣйшихъ мѣръ подобнаго рода и, первая, нанесла уронъ самостоятельности сената. Съ тѣхъ поръ, почти при каждомъ правительствѣ, образуется безконтрольное управленіе. Въ этомъ не всегда участвовали личныя цѣли и стремленіе къ безотвѣтственности. Потребность въ администраціи болѣе дѣятельной, нежели коллегіяльная, обнаружилась вскорѣ, а неумѣнье согласить личную администрацію съ правами сената довершало остальное. Вотъ почему министерство безпрестанно возникаетъ то въ той, то въ другой формѣ, не смотря на то, что почти каждое правительство спѣшитъ вначалѣ заявить свое неодобреніе всякому нарушенію петровскаго порядка. Уничтоживъ верховный тайный совѣтъ и строго осудивъ всѣ его мѣры, императрица Анна почти тотчасъ замѣняетъ его кабинетомъ министровъ. Это было высшее административное мѣсто, гдѣ обсуждались всѣ новыя мѣры, откуда безпрестанно выходили высочайшія повелѣнія по дѣламъ всякаго рода, куда поступали донесенія мѣстныхъ властей, иногда не только мимо коллегій, но мимо самаго сената и гдѣ, наконецъ, дѣлались назначенія даже въ второстепенныя должности *). Коллегіи, не только первыя три, но даже остальныя, дѣлали доклады то сенату, то прямо комитету министровъ, и трудно рѣшить, какъ распредѣлялись дѣла между этими двумя учрежденіями; несомнѣнно только то, что сенатъ потерялъ не только административную инпціативу, но и право верховнаго надзора. Первыя же три коллегіи уже и потому избѣгали его вліянія, что призиденты ихъ сами были членами кабинета. Въ правленіе принцессы Анны сдѣланъ еще шагъ къ стѣсненію сената. Дѣла между кабинетъ-министрами распредѣляются такъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ особый департаментъ. При Елисаветѣ личное управленіе падаетъ снова, но за то возникаетъ другое учрежденіе, которое показываетъ, какъ измѣнился характеръ сената. Съ этого времени возникаютъ, въ различныхъ формахъ, тайные совѣты. Они сдѣлались необходимы, какъ скоро сенатъ сталъ многочисленнымъ собраніемъ, уже не составленнымъ изъ однихъ близкихъ совѣтниковъ правительства. Указать, когда именно произошла эта перемѣна въ его составѣ, конечно, довольно трудно; но она не подлежитъ сомнѣнію, и была вызвана самыми размѣрами сенатскаго вѣдомства. Судебныя дѣла, которыя были для него, при Петрѣ, второстепеннымъ занятіемъ, поглотили впослѣдствіи большую часть его времени. Сенату приходилось выслушивать множество дѣлъ и челобитчиковъ. Уже при Аннѣ это повело къ раздѣленію его на департаменты. Умноженіе же членовъ не могло не отозваться на политическомъ его значеніи. Всякое правительство, и тѣмъ болѣе самодержавное, не охотно внесетъ въ многолюдное собраніе дѣла, требующія тайны, особенно прежде ихъ исполненія. Отсюда потребность обсужденія всѣхъ подобныхъ дѣлъ въ болѣе тѣсномъ кругѣ государственныхъ людей. Возникновеніе тайныхъ совѣтовъ было поэтому естественно. Замѣчательно, что всякій разъ правительство старалось ограничить дѣятельность совѣта, но силою обстоятельствъ она постепенно распространялась. Такъ Елисавета, учреждая вмѣсто кабинета министровъ конференцію, предоставляетъ ей одни иностранныя дѣла, но черезъ нѣсколько лѣтъ туда поступаютъ вопросы, не имѣющіе ничего общаго съ внѣшней политикой: зѣсь напримѣръ, обсуждается мѣра объ управленіи церковными имуществами. Съ тою же самою постепенностью дѣйствуетъ и Екатерина. Въ 1769 г. она учреждаетъ „въ присутствіи своемъ совѣтъ„ котораго цѣлью было „установить скорѣйшія сношенія между... политическихъ, военныхъ и казенныхъ мѣстъ“. Совѣтъ учрежденъ

*) Записки князя Я. П. Шаховскаго, т. I, стр. 1—30.

только на время войны, но война проходитъ, а совѣтъ остается и занимается не одними военными дѣлами, но и многими другими, хотя, по словамъ императора Александра, «не имѣетъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя». Это послѣднее обстоятельство объясняется сильной личной иниціативой Екатерины. Единство управленія достигалось при ней другими средствами. Она не нуждалась въ особомъ центральномъ учрежденіи и стояла сама во главѣ всей администраціи, разумно и дѣятельно направляя ее къ одной общей цѣли.

Между тѣмъ, какъ надъ сенатомъ учреждались то совѣты, то министерства, бюрократическій элементъ по немногу проникалъ въ коллегіи. Онъ выражался не въ одномъ паденіи прежняго ихъ значенія, не только въ томъ, что онѣ привыкали сгибаться передъ временщиками. но также и въ измѣненіи ихъ внутренняго состава. Внутри самихъ коллегій возникало личное управленіе, сначала, впрочемъ, съ зависимостью отъ коллегіяльнаго присутствія. Подобная перемѣна всего замѣтнѣе въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ. Для примѣра возьмемъ послѣднее. Еще при императрицѣ Аннѣ, адмиралтействъ-коллегія раздѣлялась на конторы, которыя управлялись особыми генералъ-директорами. Генералъ-директоры завѣдывали, каждый своею частью, совершенно отдѣльно, не стѣсненные никѣмъ, и только по самымъ важнымъ дѣламъ составляли общее присутствіе коллегіи. Екатерина удержала этотъ порядокъ, который потомъ становится правиломъ *). Составъ военной коллегіи близко подходилъ къ этому устройству. Нѣкоторыя вѣдомства, еще со временъ Петра, были устроены, подлѣ коллегій, на началахъ совершенно бюрократическихъ. Таковъ былъ почтовый департаментъ, зависѣвшій сначала отъ иностранной коллегіи, потомъ, съ 1782 года, отъ сената, но управлявшійся всегда бюрократически. Таково же было устройство полиціи въ Петербургѣ, гдѣ она находилась въ рукахъ генералъ-полиціймейстера. Были также специяльныя части управленія, носившія бюрократическій характеръ. Сюда принадлежало вѣдомство путей сообщенія, сколько можно заключить изъ указовъ не всегда ясныхъ. Канцелярія перспективной дороги (между Москвой и Петербургомъ), учрежденная Петромъ, и, смѣнившая ее въ 1755 году, канцелярія строенія дорогъ, которая управляла путями сообщенія въ цѣлой имперіи, походили, по своему составу, на старинные приказы: они управлялись главнымъ судьей и тремя членами, а названіе „главнаго судьи“ означало, кажется, не президента. Иногда самая попытка лучшей организаціи какого-нибудь вѣдомства вызывала стѣсненіе въ немъ коллегіяльнаго порядка и прекращала его зависимость отъ сената. Такъ, когда, при Аннѣ Іоанновнѣ, для лучшаго устройства горнаго дѣла, былъ вызванъ саксонецъ Шомбергъ, то бергъ-коллегія тотчасъ была переименована въ генералъ-бергъ-директоріумъ и подчинена однимъ высочайшимъ повелѣніямъ *). Несостоятельность коллегіяльнаго начала въ управленіи давно ощущалась на практикѣ, и мысль объ этомъ высказывалась иногда довольно наивно. Въ одномъ указѣ Екатерины I сказано, напримѣръ, что мануфактуръ-коллегія „безъ сенату и нашего кабинета никакой важной резолюціи учинить не можетъ, того ради и жалованье напрасно получаетъ **)“. Вотъ почему, почти въ каждомъ вѣдомствѣ старыя приказныя формы возникаютъ подлѣ коллегіяльныхъ и тѣмъ подготовляютъ будущее измѣненіе администраціи.

Въ правленіе Екатерины, всѣ эти частныя мѣры смѣняются наконецъ общими. Безсознательная, практическая необходимость, которая вызывала новое цен-

*) П. С. З. №№ 6156, 11981.

*) П. С. З. № 7047.
**) П. С. З. № 5017

тральное управленіе, уступаетъ мѣсто обдуманному плану. Потребность радикальной реформы постепенно обнаружилась Екатеринѣ. Сначала она считала нужнымъ только положить конецъ продолжительнымъ отступленіямъ отъ закона, искажавшимъ государственный порядокъ. Назначая князя Вяземскаго генералъ-прокуроромъ, она писала, въ секретнѣйшемъ наставленіи: „ всѣ мѣста, и самый сенатъ, вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ людей пристрастіями„. Основаній, въ самомъ дѣлѣ, уже не было! Они начали падать съ тѣхъ поръ, какъ мысль геніяльнаго человѣка перестала слѣдить за развитіемъ его учрежденій. Но „прилежаніе" къ дѣламъ самой Екатерины вскорѣ открыло ей, что вредъ не въ одномъ уклоненіи отъ прежнихъ основаній, что въ управленіи нужны и новыя начала, и болѣе послѣдовательное ихъ проведеніе. Осторожность, съ которой она приступила къ реформамъ, достойна вниманія, и если, на разстояніи многихъ лѣтъ, въ нихъ можно замѣтить частные недостатки, то ближайшее знакомство съ эпохой заставляетъ удивляться, что ихъ не было болѣе. Сначала она ограничилась новымъ раздѣленіемъ сената на департаменты. По первому его раздѣленію, сдѣланному въ царствованіе Анны, департаменты были простыми, приготовительными коммиссіями и ничего не рѣшали окончательно. Распредѣленіе дѣлъ между ними не отличалось правильностью: административныя дѣла были разсѣяны въ четырехъ департаментахъ; вѣдомство однихъ было слишкомъ обширно, другихъ—слишкомъ тѣсно; для судебныхъ дѣлъ, чрезвычайно многочисленныхъ, назначенъ одинъ департаментъ; канцелярія была устроена плохо. Екатерина распредѣлила дѣла правильнѣе, основываясь на предметахъ управленія, и соображаясь также съ числомъ коллегій. Всѣ "государственныя, внутреннія и политическія дѣла„ были сосредоточены въ первомъ департаментѣ; отъ нихъ было отдѣлено военное управленіе, сухопутное и морское, которыя поручены четвертому; изъ двухъ остальныхъ департаментовъ во второй поступили апелляціонныя дѣла, а въ третій—дѣла особенныхъ вѣдомствъ, то-есть привилегированныхъ провинцій и разныхъ частей придворнаго управленія. Два московскихъ департамента дѣлили свои занятія на томъ же основаніи: одинъ изъ нихъ былъ мѣстный административный, другой—мѣстный судебный. Дѣла оканчивались въ департаментахъ, и только при разногласія сенаторовъ, или протестѣ генералъ-прокурора, переходили въ общее собраніе. Эта мѣра справедливо почитается рѣшительнымъ ударомъ значенію сената: раздробленный на части, онъ не могъ сохранить прежній вѣсъ, и вліяніе генералъ-прокурора, къ которому стекались дѣла изъ департаментовъ, должно было усилиться. Но достаточно взглянуть на административную исторію сената, чтобъ понять всю необходимость этой мѣры. Она уменьшала медленность распоряженій, которою такъ долго сопровождались всѣ дѣйствія высшей инстанціи; она полагала начало раздѣленію суда отъ управленія, безъ котораго невозможенъ правильный ходъ ни того, ни другаго. До тѣхъ поръ высшая судебная инстанція была обставлена стѣснительными формальностями: жалоба подавалась генералъ-рекетмейстеру, и только по разсмотрѣніи имъ переходила въ сенатъ. Теперь апелляція шла быстрѣе и поступала на разсмотрѣніе людей, которые исключительно занимались судомъ и должны были пріобрѣтать въ немъ болѣе опытности, чѣмъ при соединеніи разнородныхъ призваній.

Послѣ этой первой реформы цѣлыя тринадцать лѣтъ проходятъ безъ всякой перемѣны. Этотъ промежутокъ наполненъ той многосторонней административной перепиской Екатерины, которая, къ сожалѣнію, извѣстна намъ еще въ

*) Чтенія 1858 года, книга 1, смѣсь.

однихъ отрывкахъ. Результатомъ долгой приготовительной работы было убѣжденіе, что реформа должна начаться снизу, съ областнаго управленія. Въ этомъ дѣйствительно настояла главная потребность. Произволъ, который воцарился въ областной администраціи послѣ Петра Великаго, почти невѣроятенъ. Одинъ изъ екатерининскихъ губернаторовъ изображаетъ положеніе богатой новгородской губерніи слѣдующими мрачными красками: „Въ цѣлой области нѣтъ никакой полиціи. Она вся въ рукахъ однихъ сотскихъ, и къ нимъ посылаются приказы отъ воеводъ и губернаторовъ. Эти сотскіе — безграмотные, приказы имъ читаются и отчеты пишутся приходскими дьячками. Почты не существуетъ, кромѣ ямщицкой между двумя столицами, да еще Великими Луками и Псковомъ... Чрезъ эту почту идетъ вся балтійская торговля имперіи... Дороги, кромѣ столичныхъ, состоятъ подъ надзоромъ однихъ сотскихъ. Дворянская грамота лишила губернатора возможности требовать дворянъ на службу, и съ тѣхъ поръ они берутъ не себя однѣ доходныя должности, то-есть именно тѣ, которыя не смѣешь имъ ввѣрить... Около двѣнадцати тысячъ преступниковъ въ кандалахъ наполняютъ тюрьмы, сверхъ цѣлой тысячи отпущенныхъ на поруки... Въ каждой изъ пяти провинцій губерніи отъ сорока до пятидесяти человѣкъ постоянно на пыткѣ *).“ Къ этому надобно прибавить, что единственная власть губерній, власть губернаторовъ и воеводъ, была почти безотвѣтственная, а между тѣмъ произволъ ея не вознаграждался быстротой администраціи: множество мѣстныхъ дѣлъ безпрестанно переходило изъ губерній въ столицу, и составляло едва-ли не главное занятіе коллегій. Однимъ словомъ, мѣстное управленіе не существовало.

Начала, на которыхъ Екатерина основала новыя учрежденія, слишкомъ извѣстны, чтобъ о нихъ говорить подробно. Въ настоящее время мы невольно смотримъ на нихъ сквозь призму современныхъ требованій. Преимущества ихъ исчезаютъ передъ недостатками, которые обличены временемъ и позднѣйшимъ ихъ развитіемъ. Теперь трудно не замѣтить, что знаменитое „Учрежденіе о губерніяхъ“ не могло простоять долго безъ существенныхъ измѣненій и поправокъ. Сложность инстанцій и здѣсь, какъ въ управленіи Петра Великаго, была первымъ зломъ. Личный произволъ не былъ достаточно ограниченъ. Преобладающее положеніе генералъ-губернаторовъ чувствовалось уже въ самомъ началѣ. Ихъ власть, поставленная слишкомъ высоко, стремилась поглотить остальныя, а вліяніе ихъ на судъ отзывалось въ недостаточной свободѣ судебнаго вѣдомства. Нѣкоторыя части управленія, напримѣръ все уѣздное, были организованы слабо и представляли то соединеніе суда и полиціи, котораго законъ такъ заботливо избѣгалъ въ губерніяхъ. Можно бы насчитать еще нѣсколько темныхъ сторонъ, еслибъ въ наше время онѣ давно уже не обратились въ общее мѣсто. Но всѣ эти недостатки съ избыткомъ искупались тѣми залогами лучшаго порядка, которые заключались въ этомъ достопамятномъ произведеніи административнаго генія. Трудно было лучше приспособить условія правильнаго управленія къ нуждамъ государства и согласить ихъ съ практической возможностью, съ степенью развитія общества, съ его матеріяльнымъ состояніемъ. Губернскія власти не стояли такъ изолированно другъ отъ друга, какъ въ областномъ управленіи Петра Великаго; онѣ не тянули врознь и не давили народа несогласнымъ дѣйствіемъ равноправныхъ начальниковъ. Требованія централизаціи, необходимой въ государствѣ, раскинутомъ на огромное пространство, были соблюдены. Всѣ органы исполнительной власти дѣйствовали согласно и въ строгомъ подчиненіи другъ другу. Но централизація

*) Denkwürdigkeiten des Grafen von Sivers, т. I. стр. 156—157.

смягчалась обширнымъ примѣненіемъ выборнаго начала. Отношенія выборныхъ лицъ къ чиновникамъ правительства опредѣлены Екатериной съ замѣчательнымъ практическимъ тактомъ. Въ каждомъ судѣ и почти въ каждомъ полицейскомъ управленіи появились выборные засѣдатели, но бо̀льшая часть предсѣдателей, обязанныхъ руководить преніями, не была подвергнута случайностямъ выбора: они назначались сенатомъ или губернскимъ правленіемъ. Такъ соединялись гарантіи для населенія съ возможностью не отдавать всей администраціи въ руки людей несвѣдущихъ и неопытныхъ. Въ этомъ привлеченіи выборнаго начала лежалъ зародышъ мѣстнаго самоуправленія, которому упро̀читься помѣшала неразвитость общества, и которому, можетъ быть, престоитъ еще будущность.

Но самою важною стороной въ „Учрежденіи о губерніяхъ“ было твердое разграниченіе судебной и административной властей. Въ наше время трудно даже понять, какимъ успѣхомъ это было въ XVIII вѣкѣ, хотя на практикѣ судъ и полиція у насъ и теперь смѣшиваются довольно часто, даже въ понятіяхъ образованныхъ людей. До Екатерины въ обществѣ не было почти никакого сознанія объ этомъ различіи. Мы видѣли, что еще при Елисаветѣ начальникъ административнаго мѣста назывался „главнымъ судьей“. Отъ смѣшенія понятій не далеко и до практическихъ смѣшеній. Отсюда безпрестанное перенесеніе судебныхъ формъ на администрацію, и административныхъ на судъ. Иногда полиція была устроена коллегіяльно, и въ самыхъ мелкихъ распоряженіяхъ требовался приговоръ по большинству голосовъ; иногда въ дѣлѣ суда и расправы, гдѣ первое правило — осторожность, появлялся вдругъ полнѣйшій произволъ одного лица, и подсудимые лишались всякихъ гарантій. Когда обѣ отрасли общественной власти соединялись въ однѣхъ рукахъ, всемогущій правитель переносилъ въ свой судъ незатѣйливые пріемы полицейской расправы и распространялъ ужасъ произволомъ, отъ котораго не было защиты нигдѣ, кромѣ отдаленной столицы. Екатерина положила конецъ и смѣшенію формъ, и безпредѣльному произволу. Наконецъ, внутренняя организація, которая была дана суду и управленію, отличалась вѣрностью основаній. Вмѣсто того, чтобъ колебаться между бюрократической и коллегіяльной формой, какъ это дѣлалось прежде, Екатерина каждой назначила свойственное ей мѣсто. Коллегіяльный составъ, какъ гарантія зрѣлаго обсужденія, былъ обезпеченъ судебнымъ мѣстамъ; напротивъ, въ управленіи, гдѣ распорядительность составляетъ первое условіе, преобладала бюрократія. Здѣсь коллегіяльныя мѣста являлись только или для надзора, или съ совѣщательнымъ характеромъ, или въ тѣхъ отрасляхъ управленія, гдѣ обширность дѣлъ и важность интересовъ не допускали личной власти. Роли между отдѣльными начальниками и исполнительными мѣстами были распредѣлены удачно: непосредственныя распоряженія ввѣрялись первымъ, повѣрка ихъ и обсужденіе мѣръ предоставлялись послѣднимъ. Въ этой искусной огранизаціи лежитъ причина относительнаго успѣха областныхъ учрежденій Екатерины.

Съ введеніемъ „Учрежденія о губерніяхъ“ коллегіи становились совершенно лишними. Къ административной инаціативѣ онѣ всегда были неспособны, надзоръ ихъ былъ слабъ и, при новомъ порядкѣ, требовалъ другаго устройства, а мѣстныя дѣла, стекавшіяся изъ губерній, теперь отходили отъ нихъ. Палаты были не что иное, какъ раздробленіе коллегій, водвореніе ихъ на мѣстахъ вмѣсто сосредоточенія въ столицахъ. Инстанціи, судебныя и административныя, были подвинуты къ тѣмъ, кто въ нихъ нуждался. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ становились ненужными въ центрѣ. Вотъ почему коллегіи были вскорѣ закрыты, съ сохраненіемъ трехъ первыхъ, которыя управляли только центральными

дѣлами и не находились ни въ какомъ отношеніи къ губерніямъ.

Оставалось устроить внутреннее центральное управленіе на другихъ началахъ. Екатерина думала объ этомъ. Вскорѣ послѣ 1775 года у нея готовъ былъ планъ новаго преобразованія сената. Устройство сената предполагалось согласить съ губернскимъ управленіемъ. Первый департаментъ долженъ былъ соотвѣтствовать губернскому правленію. Сюда входило обнародованіе и исполненіе законовъ, высшая полиція, надзоръ за чиновниками, опредѣленіе въ нѣкоторыя должности и повышеніе до извѣстнаго чина. Второму департаменту поручался надзоръ за казенными палатами. Здѣсь сосредоточивалось финансовое управленіе. Въ главѣ его стоялъ государственный казначей, при немъ были четыре сенатора, управлявшіе отдѣльными экспедиціями. За образецъ для этого департамента были приняты англійскіе лорды-коммиссіонеры казначейства, что̀, между прочимъ, намекаетъ на какое-то соединеніе коллегіяльнаго порядка съ бюрократическимъ. Въ важныхъ случаяхъ этотъ департаментъ соединяется съ первымъ. 3-й департаментъ остался съ прежнимъ характеромъ, т. е. завѣдывалъ дѣлами привилегированныхъ областей, но и здѣсь административныя дѣла не смѣшивались съ судебными, и для каждыхъ изъ нихъ было особое отдѣленіе. Четвертый департаментъ соединялъ вѣдомства гражданскихъ и уголовныхъ палатъ и также раздѣлился на два отдѣленія. Два московскихъ департамента предполагалось оставить съ прежнимъ, ограниченнымъ кругомъ дѣла. Три сохранившіяся коллегіи подчинены были первому департаменту *). Этотъ проектъ былъ совершенно обдуманъ, переписанъ рукою самой императрицы и, по обычаю, сообщенъ ею нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ. Причина, почему онъ не получилъ исполненія, не извѣстна. Современники думали, что реформу остановилъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, которому не хотѣлось выпустить изъ рукъ финансоваго управленія. Еще вѣроятнѣе, что сама Екатерина была не совсѣмъ довольна задуманнымъ преобразованіемъ. Это бы значило возстановить, въ другой формѣ, коллегіи, со всею отличавшею ихъ медленностью. Практика постепенно привела императрицу къ совершенно-другой системѣ управленія.

Еще въ началѣ царствованія Екатерина чувствовала всѣ неудобства излишняго раздробленія дѣлъ въ высшей администраціи и необходимость ихъ сосредоточить. Это неудобство всего болѣе обнаруживалось въ финансовомъ управленіи, которое распадалось на двѣ части: камеръ, и штатсъ-коллегіи съ присоединеніемъ еще третьей, контрольной, въ вѣдѣніи ревизіонъ-коллегіи. Бюджетъ, который находился на отвѣтственности трехъ независимыхъ мѣстъ, естественно не отличался точностью. Вотъ почему еще въ 1763 году сдѣланъ былъ шагъ къ лучшему устройству контроля. Подобно Петру Великому, соединившему ревизіонъ-коллегію съ сенатомъ, Екатерина поручала ее въ вѣдѣніе одного изъ сенаторовъ погодно; но чрезъ это коллегія не была поставлена въ зависимость отъ сената: отчеты подавались самой императрицѣ, слѣдовательно управленіе было въ сущности личное. Съ 1773 года начинаютъ соединяться остальныя части финансоваго управленія. Пунктомъ, около котораго онѣ сосредоточились, была должность генералъ-прокурора. Сначала при первомъ департаментѣ сената учреждена экспедиція о государственныхъ доходахъ, на которую возложены собираніе недоимокъ и ускореніе казенныхъ взысканій. Какъ часть сенатской канцеляріи, экспедиція должна была зависѣть отъ генералъ-прокурора, хотя о ближайшихъ его отношеніяхъ къ ней мы ничего не знаемъ. Въ 1780 году дѣлается еще шагъ. Во главѣ все-

*) Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, книга 3, стр. 32. Denkwürdigkeiten des Gr. v. Sievers, т. 4. стр. 259.

го финансоваго управленія становится генералъ-прокуроръ, съ значеніемъ временнаго министра, потому что въ послѣдствіи предполагалось учредить особую должность государственнаго казначея. Въ Москвѣ и Петербургѣ открываются штатныя казначейства, подчиненныя главному надзору экспедиціи и того, кто ею управляетъ. Въ тоже время сама экспедиція раздѣлилась на четыре, обнимавшія всѣ отрасли финансовъ. Одна изъ государственныхъ экспедицій завѣдывала доходами, другая расходами; третьей былъ порученъ контроль, четвертая имѣла исполнительный характеръ и завѣдывала взысканіемъ недоимокъ и недоборовъ. Первому департаменту оставалось разрѣшать сомнительные административные вопросы и издавать понудительные указы по требованію генералъ-прокурора. Экспедиціи вовсе не имѣли коллегіяльнаго характера; онѣ составляли канцелярію. Надзоръ надъ ними всего менѣе принадлежалъ сенату: отчеты подавались императрицѣ, а новыя мѣры предпринимались съ высочайшаго разрѣшенія. Такъ цѣлая, важная отрасль государственнаго управленія получила совершенно бюрократическое устройство. За нею слѣдовала другая, въ которой тотъ же результатъ былъ достигнутъ косвенно. „Учрежденіе о губерніяхъ“ умножило въ областяхъ число прокуроровъ, и, при раздѣленіи разныхъ отраслей управленія, усилило ихъ вліяніе. Въ нихъ генералъ-прокуроръ получилъ орудія, чрезъ которыя онъ могъ дѣйствовать на всѣ губернскія мѣста, судебныя и административныя. Прокуроры обращались къ нему по поводу всякаго сомнѣнія въ способѣ рѣшенія дѣлъ, и его объяснительныя предписанія имѣли почти силу закона. Судебныя мѣста были вслѣдствіе этого въ большой зависимости отъ него, и постепенно онъ пріобрѣталъ положеніе настоящаго министра юстиціи. Въ дѣлахъ административныхъ, гдѣ вліяніе его встрѣчалось съ генералъ-губернаторами, которые нерѣдко обращались къ самой императрицѣ, власть его была слабѣе, но и здѣсь она уже проявлялась. И такъ въ однихъ его рукахъ соединялись три главныя отрасли управленія: онъ соединялъ на дѣлѣ званія министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Но это расширеніе генералъ-прокурорской дѣятельности не усиливало власти сената, напротивъ оно скорѣе роняло ее. Сенатъ не имѣлъ никакого надзора надъ генералъ-прокуроромъ, напротивъ, генералъ-прокуроръ смотрѣлъ за сенатомъ. Правда, въ прежнее время обѣ власти дѣйствовали иногда за одно, но такъ могло быть только до тѣхъ поръ, пока генералъ-прокуроръ не управлялъ и не могъ дѣйствовать иначе какъ черезъ сенатъ или верховную власть. Теперь отношенія были извращены: власть надзирающая стала управлять непосредственно. Съ этого времени между сенатомъ и генералъ-прокуроромъ начинается антагонизмъ, гораздо болѣе сильный, нежели впослѣдствіи съ министрами юстиціи. Сильное положеніе его власти составляло предметъ жалобъ уже при Екатеринѣ. Предложенія его, которыми объявлялись высочайшіе указы, нерѣдко заранѣе рѣшали самыя важныя административныя дѣла *). Державинъ справедливо говорилъ, что „злоупотребленіемъ законовъ генералъ-прокуроръ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать, самодержавную“ **).

Послѣ этихъ перемѣнъ, высшее управленіе представляло немного слѣдовъ коллегіяльнаго порядка. Оно находилось въ рукахъ слѣдующихъ лицъ: 1) президентовъ иностранной, военной и адмиралтействъ-коллегій, 2) ген.-прокурора и 3) ген.-почтъ-директора. Изъ этихъ лицъ только первые трое управляли на прежнемъ основаніи, хотя и здѣсь личныя сношенія ихъ съ верховною властью не могли не отзываться на внутреннемъ ходѣ коллегій. Остальные были настоящими министрами. Не говоримъ

*) Denkwürdigkeiten von Sievers, II, стр. 147 и слѣд.

**) *«Русская Бесѣда»* 1859, книга V, стр. 439.

уже о тѣхъ вѣдомствахъ, которыя находились подъ чьимъ либо личнымъ вліяніемъ не по закону, а на дѣлѣ. Личное управленіе уже существовало, но ему не доставало контроля и правильной организаціи. Между различными частями еще не довольно было единства. Такъ, хотя контроль былъ сосредоточенъ въ экспедиціи государственныхъ доходовъ, но при двухъ военныхъ коллегіяхъ и иностранной были особыя экспедиціи для ревизіи счетовъ. Комитетъ для погашенія внутреннихъ долговъ, учрежденный въ 1796 году, стоялъ также особо; при немъ находилась своя счетная экспедиція. Для нѣкоторыхъ частей вовсе не было центральныхъ учрежденій. Понятно, какое отсутствіе единства, какой недостатокъ общей мысли порождалъ этотъ порядокъ!

По вступленіи на престолъ императора Павла, первою его мыслію было воротиться къ прежнему управленію. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, вышелъ указъ, въ которомъ говорилось о „крайней неудобности въ раздробленіи важныхъ отдѣленій государственной экономіи.“ По этой причинѣ велѣно вновь открыть бергъ, мануфактуръ и комерцъ-коллегіи, совершенно на прежнемъ основаніи и съ отмѣною только тѣхъ статей, которыя противорѣчатъ дворянской грамотѣ и городовому положенію*). Коллегіи были открыты, но совсѣмъ не на прежнемъ основаніи. Надъ президентами и членами ихъ были поставлены главные директоры, которые, не участвуя въ засѣданіяхъ коллегій, сносились съ ними предложеніями и объявляли имъ высочайшія повелѣнія. Право личнаго доклада императору исключительно принадлежало главнымъ директорамъ, президенты имъ не пользовались. Эта мѣра принесла сначала хорошія послѣдствія. Сперанскій, который самъ помнилъ это управленіе, писалъ въ 1827 году: “Дѣйствіемъ и личнымъ довѣріемъ сихъ директоровъ дѣла ихъ получили сначала нѣкоторое движеніе; но вскорѣ потомъ, съ перемѣною лицъ, и сіе движеніе измѣнилось: дѣла ихъ приняли одно общее направленіе въ канцеляріи генералъ-прокурора, гдѣ и учреждены были особыя экспедиціи“ *). Директоры однако не были отмѣнены: въ указахъ о нихъ упоминается до 1800 года; но сосредоточеніе всехъ внутреннихъ дѣлъ въ рукахъ генералъ-прокурора было пополнено новымъ центральнымъ учрежденіемъ. Это учрежденіе носило странное названіе: „экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства“ Въ учрежденіи ея проглядываеть мысль не только о сосредоточени государственнаго хозяйства, но частію даже объ экономической регламентаціи. Экспедиціи было предписано, чтобъ она “между упражненіями своими не менѣе такъ занялась предлогомъ, касающимся до мѣстныхъ выгодъ каждой губерніи въ особенности, дабы, узнавъ различныя преимущества и способности ихъ, тѣмъ вѣрнѣе открывала она точный путь, по которому бы не только рукодѣлія, но даже и самыя произведенія природы искусствомъ и тщаніемъ удобнѣе могли-бы быть приводимы въ лучшее часъ отъ часу состояніе и совершенство». Какой контрастъ съ Екатериной, которая, уничтожая въ 1779 году мануфактуръ-коллегію, говорила, что „собтвенная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе“ **) Востановленныя три коллегіи были подчинены этой экспедиціи, мимо которой онѣ уже не имѣли сношенія съ верховной властью.

Между тѣмъ, какъ внутреннее управленіе болѣе прежняго сосредоточивалось въ рукахъ генералъ-прокурора, отъ него отходила вся финансовая часть. Тотчасъ по восшествіи Павла былъ назначенъ государственный казначей, которому подчинены не только четыре экспедиціи о доходахъ, но также и всѣ другія счетныя экспедиціи. Разбросанныя

*) П. С. З. № 17,567.

*) Архивъ, кн. 3-я

**) П. С. З. №№ 17, 869, и 14, 947.

части финансоваго управленія соединились и составили особое вѣдомство. Вскорѣ было устроено еще одно управленіе. Водяныя сообщенія, для которыхъ прежде не было особаго учрежденія, ввѣрены съ 1797 года экспедиціи или департаменту водяныхъ коммуникацій, въ вѣдѣніи главнаго директора. Почты остались на прежнемъ основаніи.

Наконецъ, Павелъ остановился на мысли о министерствахъ. Трудно сказать, въ чемъ именно состояла эта мысль, и чѣмъ новое управленіе должно было отличаться отъ стараго. Кажется, въ ней высказалось темное чувство того важнаго недостатка, который присоединился ко всѣмъ прежнимъ опытамъ,—недостатка самостоятельности въ положеніи директоровъ. Главные директоры были только посредниками между верховной властью и коллегіями; не было никакой власти, на которую была бы возложена не одна исполнительная роль, но также и забота объ улучшеніи ввѣренной ей части. Первое министерство возникло въ 1797 году. Это былъ департаментъ удѣловъ, основанный вмѣстѣ съ изданіемъ „учрежденія объ императорской фамиліи". Онъ былъ устроенъ совершенно бюрократически и управлялся министромъ съ четырьмя товарищами. Послѣдніе составляли присутствіе департамента и въ немъ рѣшали дѣла коллегіяльно, по большинству голосовъ; но въ отношеніи къ министру они составляли родъ канцеляріи, представлявшей на его разрѣшеніе всѣ свои недоумѣнія. Министръ не присутствовалъ въ департаментѣ. Рѣшенія присутствія приводились немедленно въ исполненіе только по маловажнымъ дѣламъ, а въ важныхъ случаяхъ подносились на утвержденіе министра, или, чрезъ него самаго императора *). Черезъ три года учреждается другое министерство, на основаніяхъ довольно непрактическихъ. Предполагалось соединить коллегіяльный порядокъ съ бюрократическимъ, и первому дать назначеніе, всего менѣе свойственное ему, то есть возложить на коллегію исполнительную роль, а министру предоставить направленіе и руководство администраціи. Эта мысль была приложена въ 1800 году, къ званію министра коммерціи, которое учреждено при сохраненіи коллегіи. Отношенія ихъ опредѣлены сбивчиво, но Державинъ, находившійся тогда во главѣ коммерцъ-коллегіи, утверждаетъ, что государь „хотѣлъ президента... по исполнительной части уважить, а министра учредить для изобрѣтенія лучшихъ средствъ къ распространенію оной" *). Въ самомъ дѣлѣ, въ инструкціи, которая тогда же была составлена для новаго министра, видно стремленіе сохранить самостоятельность коллегіи. Министру не дано право перемѣнять ея опредѣленій, но когда онъ находилъ ихъ несообразными государственнымъ постановленіямъ или обстоятельствамъ, то могъ представлять на обсужденіе членовъ свои замѣчанія; если они не были приняты, то дѣло докладывалось императору. Между тѣмъ коллегія была подчинена министру: она подавала ему меморіи о дѣлахъ, не имѣла сама докладовъ, получала чрезъ него высочайшія повелѣнія и не сносилась съ другими мѣстами иначе, какъ чрезъ его посредство. Все это значило стѣснить разомъ и быстроту исполненія, и свободу разсужденія. Внутреннее устройство коллегіи напоминало нѣсколько позднѣйшіе министерскіе совѣты: она раздѣлялась на четыре экспедиціи, въ которыхъ, кромѣ чиновниковъ, присутствовали специялисты изъ купцовъ и мануфактуристовъ **). Подъ конецъ царствованія, надъ управленіемъ государственнаго казначея должно было возникнуть министерство финансовъ, съ такимъ же неопредѣленнымъ характеромъ. Любопытна причина, почему оно не состоялось. Державинъ, котораго хотѣли сдѣлать министромъ, затруднился своими отношеніями къ казначею и уговорилъ государя, безъ всякихъ нововведеній, смѣнить просто графа Васильева и по-

*) П. С. З. № 17,906

*) Записки Державина, стр. 410—411.

**) П. С. З. № 19,554.

садить себя на его мѣсто. У знаменитаго поэта былъ въ запасѣ удивительный аргументъ противъ новой мѣры. Державинъ находилъ сильное возраженіе въ томъ, что „финансъ-министровъ съ самаго начала политическаго образованія Россіи никогда не бывало", и что для министра еще не успѣли составить инструкціи. По собственнымъ его словамъ, ему не хотѣлось быть „изобрѣтателемъ и распредѣлителемъ государственныхъ доходовъ„ и болѣе нравилось скромное положеніе „счетчика оныхъ" *). Эта-то серьозная причина и помѣшала возникнуть министерству финансовъ.

Главнымъ недостаткомъ новаго управленія, постепенно сложившагося при Екатеринѣ и Павлѣ, было полное отсутствіе единства и правильнаго контроля надъ нимъ. Сильная, личная дѣятельность Екатерины долго скрывала этотъ недостатокъ, но когда безпрерывная ея работа прекратилась, онъ не замедлилъ обнаружиться во всей своей силѣ. Замѣчательный примѣръ полной несостоятельности сенатскаго надзора представляетъ исторія ревизіонъ-коллегіи, столько разъ подвергавшейся перемѣнамъ. Уничтоженная еще въ 1788 году, она сохранила одинъ департаментъ для обревизованія старыхъ счетовъ. Этому занятію она предавалась цѣлые девять лѣтъ, безъ всякаго результата. Въ 1797 году, департаменту, „по примѣру успѣха его въ дѣлахъ въ теченіи прошедшихъ лѣтъ", назначенъ былъ крайній годовой срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ это время непремѣнно были сданы всѣ счеты. Вслѣдствіе этого строгаго указа департаментъ занялся отсылкой въ разныя мѣста ревизованныхъ книгъ и сдачею счетовъ въ архивъ. На это было употреблено двѣнадцать лѣтъ. Наконецъ, въ 1809 году, сенату было велѣно объявить департаменту двухгодичный срокъ для сдачи готовыхъ дѣлъ и описи остальныхъ; но этотъ срокъ назначался только *на первый случай;* послѣ этого государственному архиву предоставлялось

*) Записки Державина, стр. 415.

еще сообразить, сколько времени потребуется для пріема старыхъ дѣлъ. Надъ министрами и главными директорами не только не было никакого надзора, но даже такого учрежденія, которое бы соглашало ихъ планы и наблюдало за единствомъ направленія. Отъ сената они почти вовсе не зависѣли, а государственный совѣтъ едва существовалъ по имени. Столкновенія различныхъ вѣдомствъ иногда кончались довольно странно. Въ 1800 году былъ поднятъ вопросъ о внутреннемъ судоходствѣ, которое находилось въ большомъ упадкѣ. По важности дѣла, оно не было поручено одному министру коммерціи и президенту адмиралтействъ-коллегіи. Сочтено было за нужное отдать его на судъ общаго собранія, составленнаго изъ купечества, коммерцъ-коллегіи и адмирала графа Кушелева. Каждая сторона подала особое мнѣніе: коллегія одно, купечество другое, а адмиралъ третье. Вопросы подобнаго рода давно уже не переходили въ сенатъ. Всѣ три мнѣнія были поэтому доложены самому императору и, среди его многочисленныхъ занятій, всѣ получили утвержденіе. Въ этомъ видѣ указъ былъ напечатанъ и вошелъ въ „Полное собраніе законовъ" *).

Въ такомъ положеніи находилось высшее управленіе въ началѣ нынѣшняго вѣка! Одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ императора Александра, справедливо писалъ ему: „Можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было" **).

Съ перемѣною правительства эти „помышленія" возобновились; но въ нихъ было мало опредѣленнаго. Личные совѣтники Александра, „тріумвиратъ" и его друзья, не имѣли обдуманной программы. У людей, окружавшихъ Екатерину въ послѣдніе годы ея жизни и те-

*) Записки Державина, стр. 443. П. С. З. № 19,624.

**) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1859, т. I, V, стр. 91.

перь снова призванныхъ дѣйствовать, былъ взглядъ болѣе установленный, но за то они не шли далѣе частныхъ мѣръ. Направленіе ихъ заключалось всего болѣе въ неодобреніи тѣхъ перемѣнъ, которыя съ такою быстротой происходили въ царствованіе Павла. У нихъ было однако важное преимущество: они ближе знали администрацію и, при ограниченности требованій, планы ихъ созрѣвали быстрѣе. Одинъ изъ такихъ проэктовъ былъ представленъ Александру и утвержденъ имъ черезъ двѣ недѣли по восшествіи. Онъ принадлежалъ Трощинскому, бывшему секретарю Екатерины, и состоялъ въ преобразованіи государственнаго совѣта на новыхъ началахъ. Трощинскій, который не зналъ ничего, кромѣ русской грамоты, придавалъ своей реформѣ большое значеніе; но, разсматривая ее, трудно понять, чѣмъ новый совѣтъ отличался отъ того, который игралъ такую жалкую роль при Екатеринѣ. Перемѣна ограничивалась измѣненіемъ личнаго состава и такимъ устройствомъ канцеляріи, которое должно было выдвинуть самого Трощинскаго. Членами совѣта сдѣланы всѣ министры, главные директоры и начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами. Въ числѣ послѣднихъ находился самъ Трощинскій, который, сверхъ того, управлялъ канцеляріей. Канцелярія раздѣлялась на четыре экспедиціи, для внѣшнихъ сношеній или политическихъ дѣлъ, для дѣлъ военныхъ, хозяйственныхъ и судебныхъ, каждая подъ начальствомъ статсъ-секретаря, съ небольшимъ числомъ чиновниковъ.

Такая незначительная реформа не могла удовлетворить передовыхъ людей того времени. Они инстинктивно чувствовали, что передѣлки въ сферѣ высшей бюрократіи не создадутъ однѣ прочнаго государственнаго порядка; имъ хотѣлось учрежденій, менѣе подверженныхъ произволу, разсчитанныхъ на поддержаніи закона и обезпеченіи правъ всѣхъ и каждаго. Эта мысль была прямо высказана человѣкомъ, который находился въ близкихъ отношеніяхъ къ „тріумвирату“ и пользовался большимъ вліяніемъ на правительство. Въ запискѣ о преобразованіяхъ, поданной Александру графомъ Воронцовымъ (впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ), ожиданія прогрессивной партіи были выражены такимъ образомъ: „Толь пространное государство, говорилось въ ней, не можетъ въ цѣлости остаться, и жители пользоваться спокойствіемъ и личною безопасностью подъ царствованіемъ государя съ большою властью и способами“ *). Средства, которыми предполагалось достигнуть цѣли, не представлялись реформаторамъ такъ ясно, и мысль ихъ сначала остановилась на сенатѣ.

Въ ноябрѣ 1801 года, вслѣдствіе однаго частнаго дѣла, вызвавшаго разногласія и жалобы на генералъ-прокурора, сенату было велѣно разсмотрѣть законы о собственныхъ правахъ, и подать мнѣніе государю. Этотъ указъ возбудилъ жаркія пренія между сенаторами. Старыя притязанія воскресли и нашли опору къ любимой мечтѣ молодаго поколѣнія. Раздались жалобы на прежнее время; въ классической цитатѣ знаменитыхъ словъ Тацита: „говорить было опасно, а молчать бѣдственно“ дѣлались намеки на недавнее прошедшее; старое учрежденіе Петра хотѣли обратить въ преграду для личнаго произвола. „Не положенія, сдѣланныя Петромъ Великимъ, писалъ графъ Воронцовъ, слѣдовало отмѣнять, а поправить только то, что отъ времени, такъ какъ и всѣ установленія человѣческія, въ упадокъ приходить стало“ **). Подъ этимъ предлогомъ, сенату предполагалось предоставить полное распоряженіе бюджетомъ, право смертной казни безъ конфирмаціи государя и т. д. Пренія были шумныя и страстныя, и сенатъ подалъ какое-то мнѣніе, до сихъ поръ еще остающееся въ тайнѣ. Кажется, однако, все это не повело ни къ

*) Чтенія, 1859, т. I, V, стр. 96.
**) Тамъ же, стр. 92.

какому результату, но среди этихъ преній въ первый разъ было упомянуто о такомъ учрежденіи, которому суждено было не только упрочиться, но имѣть важное вліяніе на все будущее Россіи. По странному стеченію обстоятельствъ, первое слово о министерствахъ было сказано человѣкомъ, который потомъ смотрѣлъ на нихъ очень неблагосклонно. Притязанія сенаторовъ оскорбляли Державина, твердо хранившаго преданія старины. Но Державинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей стараго покроя, которые поклонялись Екатеринѣ, совершенно не понимая ни ея генія, ни значенія ея эпохи. Вотъ почему, съ горячностью напоминая государю обѣщаніе его „царствовать по законамъ и сердцу Екатерины“ и вызвавшись подать особое мнѣніе о преобразованіи сената, онъ сочинилъ такую „организацію“, которую едва ли бы приняла сама Екатерина. Эта „организація“ чрезвычайно любопытна, какъ доказательство совершеннаго отсутствія политическаго смысла и полнаго пренебреженія къ недавнимъ опытамъ. Обязанный одному себѣ своимъ полу-образованіемъ, Державинъ не сталъ далеко искать основаній для реформы. Всѣ свои юридическія познанія онъ привыкъ черпать изъ „Учрежденія о губерніяхъ“. Вотъ почему онъ началъ съ того, что раздѣлилъ обязанности правленія на четыре власти: законодательную, судную, исполнительную и оберегательную, соединяя ихъ, по его выраженію, „яко въ центрѣ, въ единственной волѣ монарха“. Въ чемъ же состояло это соединеніе? Проектъ начинался съ очень практическаго раздѣленія сената на двѣ части: правительствующую и судную, но это была единственная, практическая сторона его. Все остальное представляло самое странное смѣшеніе. Каждая часть сената подраздѣлялась на три отдѣла. Въ правительствующемъ сенатѣ были слѣдующіе: первый департаментъ, или имперское правленіе, вѣдалъ исполнительныя дѣла, соотвѣтствуя губернскимъ правленіямъ; второй назывался хозяйственнымъ и въ своемъ огромномъ вѣдомствѣ соединялъ дѣла государственнаго казначея, бергъ, мануфактуръ и коммерцъ-коллегій, управленія банковъ и т. д.; третій департаментъ — просвѣщенія и народнаго призрѣнія, имѣлъ въ вѣдѣніи дѣла, которыя по губерніямъ управлялись приказами общественнаго призрѣнія. Эта модификація екатерининскаго проекта увѣнчивалась оригинальнымъ изобрѣтеніемъ. Каждый изъ департаментовъ состоялъ подъ надзоромъ особаго министра; но министры были „опекуны только и надзиратели за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ и понудители оныхъ, имѣющіе власть предлагать только своему департаменту и, по утвержденіи его, входить съ докладомъ къ императорскому величеству, и ничего сами собою вновь постановляющаго не дѣлать, ни наказывать, ни награждать“. Сверхъ опекуновъ-министровъ, надъ сенатомъ былъ еще цѣлый, особый департаментъ опекуновъ, составленный изъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора. Оберъ-прокуроры могли протестовать на министровъ къ генералъ-прокурору, который переносилъ дѣло въ общее собраніе сената, гдѣ департаментское рѣшеніе могло быть отмѣнено „указомъ императорскаго величества“ *). Это значило, другими словами, соединить всѣ невыгоды личнаго управленія со всѣми невыгодами коллегіяльнаго: отсутствіе надзора съ медленностью распоряженій. Эта путаница возбудила общее сочувствіе. Державинъ очень гордился своей „организаціей“, и не безъ права: она доставила ему александровскую ленту и, что еще лучше, одобреніе людей, не раздѣлявшихъ его образа мыслей, въ томъ числѣ графовъ Воронцова и Завадовскаго.

Но ни лента, ни сочувствіе не помогли „организаціи“. Вмѣсто ея, 8-го сентября 1802 г., вышелъ указъ о ми-

---

*) Записки Державина, стр. 441 — 443.

нистерствахъ, обдуманный государемъ и его ближайшими совѣтниками въ такой глубокой тайнѣ, что многія важныя лица узнали о немъ только наканунѣ изданія. Этотъ указъ произвелъ сильное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, въ рядахъ высшей администраціи. Самыя разнородныя обвиненія посыпались на нововводителей. Въ новомъ учрежденіи видѣли разомъ и стѣсненіе сената, и опасность министерскаго произвола, и въ тоже время какое-то ограниченіе самодержавія. Это впечатлѣніе вполнѣ объясняется новостью языка и либеральными идеями, которыя открыто высказывались правительствомъ; внутреннее содержаніе новой мѣры оправдывало его гораздо менѣе.

Манифестъ начинался признаніемъ, что до сихъ поръ управленіе имѣло болѣе возможности пресѣкать открывшееся зло, нежели предупреждать его; у правительства не доставало „спасительныхъ средствъ“ для открытія нуждъ народа, для утвержденія необходимаго во всемъ порядка и развитія народныхъ силъ. Такими-то „спасительными средствами“ должны были отнынѣ сдѣлаться министерства. Ихъ учреждалось восемь: 1) военныхъ сухопутныхъ и 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія. Сверхъ того сохранено особое вѣдомство государственнаго казначея. Для лучшаго наблюденія за администраціей установлены еженедѣльные доклады министровъ императору. Новые указы должны были выходить не иначе, какъ контрасигнированные министрами. Если дѣло идетъ о новой мѣрѣ, то министръ, прежде поднесенія доклада, долженъ предложить его другимъ министрамъ „для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями“. Всѣ министры сдѣланы членами совѣта и присутствуютъ въ сенатѣ. „Совѣтъ не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, какъ въ присутствіи по меньшей мѣрѣ пяти министровъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться и министръ, по части котораго дѣло будетъ трактовано. Дѣла обыкновенныя трактуются въ комитетѣ, составленномъ единственно изъ нихъ; для другихъ же, особенную важность въ себѣ содержащихъ, прочіе члены совѣта будутъ собираться одинъ разъ въ недѣлю“. Надзоръ за министрами былъ ввѣренъ сенату. Каждый министръ ежегодно представлялъ ему письменный отчетъ въ своемъ управленіи, „исключая дѣла особенной тайнѣ подлежащія“. Здѣсь требовались подробныя указанія объ употребленіи денегъ, отпущенныхъ на содержаніе разныхъ частей управленія; объ успѣхѣ, сдѣланномъ каждою частью, ея положеніи и ожиданіяхъ министерства. Разсмотрѣніе каждаго отчета происходило въ присутствіи министра; сенатъ выслушивалъ его объясненія, сравнивалъ показанія его съ рапортами, которые самъ получалъ въ теченіи года изъ разныхъ мѣстъ, и, наконецъ, имѣлъ право разсматривать утвержденные государемъ доклады министра и высочайшіе указы, изданные на основаніи ихъ. Повѣренный и обсужденный такимъ образомъ отчетъ поступалъ къ государю, вмѣстѣ съ мнѣніемъ сената объ управленіи министра и состояніи ввѣренной ему части.

Все это было ново. До сихъ поръ не существовало никакихъ правилъ для надзора. Генералъ-прокуроръ слѣдилъ за одними злоупотребленіями администраціи; направленія ея мѣръ до него не касались. Теперь предполагалось обсуждать самую пользу сдѣланныхъ распоряженій. Но внутреннее устройство министерствъ не имѣло въ себѣ ничего новаго. Оно почти не отличалось отъ „главныхъ дирекцій“ и павловскаго министерства коммерціи. Различныя части управленія были, правда, сгруппированы болѣе прежняго, и близкія по своему характеру поставлены въ общую зависимость отъ одного министра. Бергъ и камеръ-коллегіи, горное правленіе, стоявшія отдѣльно, соединились въ министерствѣ финансовъ, вмѣстѣ съ бан-

ками, лѣснымъ департаментомъ и управленіемъ казенныхъ палатъ. Такое же сліяніе произошло въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Сюда вошли: хозяйственная экспедиція, соляная контора, мануфактуръ-коллегія, почты и губернскія правленія, прежде зависѣвшія отъ одного сената. Но бо́льшее сосредоточеніе дѣлъ не измѣнило порядка управленія. Каждое учрежденіе сохранило, подъ надзоромъ министра, всю свою отдѣльность, а коллегіи остались даже съ прежнимъ способомъ дѣлопроизводства и самостоятельными положеніями. Каждое мѣсто было обязано посылать своему министру еженедѣльныя меморіи о дѣлахъ и дѣлать особыя представленія о тѣхъ изъ нихъ, которыя были затруднительны, или требовали скораго рѣшенія. Министръ, если находилъ нужнымъ, дѣлалъ свои замѣчанія, а на представленія давалъ рѣшительные отвѣты, тѣ и другія въ формѣ предложеній. Подчиненныя мѣста, въ случаѣ несогласія съ замѣчаніями министра на ихъ меморіи, могли представлять ему свои разсужденія; только по вторичному его предложенію они обязаны были къ исполненію. Такимъ образомъ министры въ сущности немногимъ управляли непосредственно. Министерства раздѣлялись на экспедиціи, но эти экспедиціи были только посредниками между ними и самостоятельными мѣстами *).

Неудобства новаго порядка обнаружились немедленно. Державинъ, имѣвшій обыкновеніе на все просить инструкцій и даже иногда страдавшій за это, потребовалъ ихъ и теперь. На этотъ разъ онъ былъ правъ. Положеніе „юстицъ-министра", какъ поэтъ называлъ свое новое званіе, было въ особенности неопредѣленно. Ему велѣно было руководствоваться законами о должности генералъ-прокурора; но достаточно самаго бѣглаго взгляда на управленіе, чтобы понять всю непримѣнимость ихъ къ министерствамъ. Генералъ-прокуроръ надзиралъ, по указамъ Петра, за всѣмъ управленіемъ и могъ, слѣдовательно, вмѣшиваться во всѣ его части; между тѣмъ теперь онъ самъ получалъ особое вѣдомство и стоялъ не выше другихъ министровъ, а наряду съ ними. Но этотъ частный недостатокъ ничего не значилъ въ сравненіи съ другимъ, гораздо болѣе серьезнымъ. Отвѣтственность, которая съ такой заботливостью всюду проводилась въ манифестѣ, на дѣлѣ оказалась не существующей. Сенатъ, о которомъ толковали такъ много, изъ котораго хотѣли сдѣлать верховнаго охранителя гражданъ, не только не могъ бдительно смотрѣть за министрами, но даже не умѣлъ повѣрить ни одного отчета! Въ сенатѣ не было ни сенаторовъ, ни дѣлопроизводителей, знающихъ въ подробности государственное управленіе, особенно же спеціяльныя его части; некому было указывать ошибки министровъ, и отчеты превратились въ пустую формальность. Первая коммиссія, назначенная для повѣрки ихъ сенатомъ, цѣлый годъ не могла кончить своей работы, не смотря на приставленныхъ къ ней оберъ-секретарей *). Уже въ 1803 году мысль о сенатскомъ контролѣ была почти оставлена: сенатъ былъ лишенъ важнаго права дѣлать замѣчанія на указы. Не лучшимъ органомъ надзора явился и государственный совѣтъ, учрежденный такъ недавно и уже успѣвшій склониться къ упадку. Совѣтъ не только не повѣрялъ министерскихъ проектовъ, не приводилъ ихъ въ единство, но мало по малу совершенно перестала заниматься административными дѣлами и обратился въ высшую судебную инстанцію для тяжебныхъ дѣлъ. Одинъ комитетъ министровъ продолжалъ дѣйствовать, обремененный всѣми дѣлами, которыя постепенно ускользали изъ другихъ рукъ.

Отношенія министерствъ къ остаткамъ прежняго управленія представляли такую неопредѣленность, которой трудно было долго укрыться. Въ одной позднѣйшей запискѣ, составленной Сперан-

*) П. С. З. № 20, 406

*) Записки Державина, стр. 456, 467.

скимъ, онъ мѣтко характеризуетъ ихъ. „Какое мѣсто, говоритъ онъ, въ порядкѣ государственныхъ установленій, должны были занять министерства? Съ одной стороны, они равнялись сенату, ибо независимо отъ него управляли и получали высочайшія разрѣшенія. Съ другой, они были подчинены сенату и по отчетамъ, и потому, что стояли на той же чредѣ, гдѣ были прежнія коллегіи, и потому что сенатъ, „яко учрежденіе правительствующее,“ оставленъ былъ въ своей силѣ. Если же они были равны сенату, то они, или первый департаментъ сената, были излишни: ибо и въ нихъ, и въ семъ департаментѣ дѣла были однородныя. Если они были подчинены сенату, то отъ него, или чрезъ него должны были получать окончательныя разрѣшенія“ *). Въ самомъ дѣлѣ, ничего не могло быть страннѣе отношеній этихъ двухъ первыхъ государственныхъ учрежденій: сенатъ, наблюдавшій за министрами, не могъ, по прежнимъ законамъ, разрѣшить расхода свыше десяти тысячъ рублей, между тѣмъ, какъ подчиненные ему министры располагали несмѣтными суммами.

Естественно, что ранѣе всего вниманіе правительства обратилось на самый очевидный недостатокъ, на сохраненіе коллегій. Въ 1803 году министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ государю подробный докладъ, въ которомъ мѣстами мы узнаемъ уже изящное перо Сперанскаго. Объяснивъ историческое значеніе коллегій, ихъ зависимость отъ министра и неудобство ихъ „многотрудныхъ обрядовъ„, онъ дѣлаетъ общій выводъ: „Сверхъ того, что обрядъ коллегій съ настоящимъ положеніемъ ихъ несообразенъ, онъ представляетъ въ самомъ себѣ слѣдующія неудобства: a) медленность въ дѣлахъ управленія, толико нестерпимая, составляетъ, такъ сказать, существо коллежскаго обряда; b) недостатокъ раздѣленія работы и постепеннаго ея совершенія; c) множество формъ совершено излишнихъ и образъ письмоводства весьма затруднительный; d) недостатокъ отвѣтственности„.

— „Неудобства сіи умножаются, когда составъ коллегіи разсматривается въ отношеніи его къ министерству. Министръ, дѣйствуя въ коллегіи какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею какъ только внѣшнимъ образомъ, то есть: онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, разматривать ея представленія, дѣлать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе: — сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки! Онъ долженъ имѣть для каждой коллегіи свою канцелярію и свой архивъ, и все сіе только для того, чтобъ сказать ей свою резолюцію или объявить указъ! Сіе вводитъ министра въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣвать ихъ въ совокупности„.

Затѣмъ въ докладѣ обозначались условія правильной администраціи. Всѣ эти соображенія завершались гласнымъ признаніемъ того начала, которое уже давно косвенно проглядывало въ мѣрахъ XVIII вѣка. Для того, чтобъ „единствомъ управленія доставить болѣе удобности“, непремѣннымъ условіемъ выставлялось бюрократическое устройство. Эта мысль высказана ясно. „Никакъ не должно, говорится въ докладѣ, употреблять къ такому дѣлу два лица, которое можетъ кончить одно съ равнымъ успѣхомъ; ибо всякое дѣствіе излишнее есть по тому самому дѣйствіе вредное“ *). Въ этомъ смыслѣ было немедленно преобразовано министерство внутреннихъ дѣлъ: коллегіяльныя формы исчезли въ немъ совершенно, и всѣ самостоятельныя части слились съ департаментомъ, подъ названіемъ экспедицій. На такомъ же основаніи черезъ два года были сдѣланы частныя перемѣны въ устройствѣ морскаго вѣдомства. Другія, менѣе важныя измѣненія понемногу начались почти во всѣхъ министерствахъ.

*) Архивъ, 1859 г книга 3, стран. 43.

*) П. С. З. №. 20, 852

Такъ постепенно, неотразимой силой обстоятельствъ, либеральныя стремленія нововодителей привели къ полному господству бюрократическаго порядка. Этому порядку не доставало самыхъ существенныхъ условій правильнаго управленія: согласнаго дѣйствія частей и какой нибудь отвѣтственности лицъ, которымъ ввѣрялась судьба государства. Сперанскій понималъ это ясно. Когда онъ сталъ у кормила правленія, ему предстояла трудная задача довершить великое дѣло Екатерины организаціей высшаго управленія, до котораго государственная мысль ея не успѣла коснуться.

III

Государственная жизнь народовъ, не смотря на разнообразіе внѣшнихъ формъ, управляется, въ своемъ развитіи, опредѣленными началами. Эти начала являются въ ней не случайно: они вытекаютъ изъ законовъ самаго общества. Только для поверхностнаго наблюдателя смѣна политическихъ формъ представляется дѣломъ произвола; болѣе внимательному взору открывается ихъ внутренняя связь, основанная на постепенности развитія. Народъ неразвитый, съ простыми, небольшими потребностями, не имѣетъ нужды въ сложной общественной власти. Управленіе, судъ, законодательство могутъ у него безпрепятственно соединяться въ рукахъ одного лица или народной толпы. Не требуя особаго приготовленія, они, если не слѣдуютъ неуклонно обычаю, то предоставляются личному таланту. Но когда общество развивается, первоначальная простота государственныхъ учрежденій исчезаетъ сама собою. Отношенія усложняются, и съ ними умножаются и органы власти. Раздѣленіе труда, основный законъ экономической дѣятельности, прилагается и къ государственной. Затѣмъ появляется другая потребность — въ спеціяльномъ знакомствѣ съ усложнившимися сторонами общественнаго порядка. Управленіе перестаетъ быть дѣломъ преданія или таланта; оно спеціялизируется; для его представителей настаетъ необходимость въ особой подготовкѣ, — путемъ опыта или науки. Такимъ образомъ устанавливаются границы между тремя главными сторонами общественной жизни, сообразно которымъ въ самой государственной власти различаются три вида: власть законодательная, судебная и исполнительная. Во всякомъ развитомъ государствѣ, съ какою бы то ни было формою правленія, принципъ раздѣленія властей всегда признается болѣе или менѣе. Верховная власть, принадлежащая одному или многимъ лицамъ, дробится въ своемъ проявленіи, и для каждаго рода дѣятельности нуждается въ особыхъ органахъ; только подъ этимъ условіемъ она можетъ дѣйствовать успѣшно и правильно. Гдѣ одно и тоже учрежденіе даетъ законы и исполняетъ ихъ, тамъ законодательство большею частію шатко и непостоянно: не существуетъ различія между закономъ, которымъ охраняются самыя дорогія права гражданъ, и полицейскою мѣрой, измѣнчивой по своей сущности. Гдѣ судебная власть не отличается отъ административной, тамъ господствуетъ произволъ въ сферѣ частныхъ интересовъ, нѣтъ гарантій для правосудія, и права отдѣльныхъ лицъ исчезаютъ передъ волей государства и его органовъ. Соединеніе властей — первый шагъ къ деспотизму, раздѣленіе ихъ — первое условіе свободы.

Но, чтобы стать вѣрнымъ залогомъ общаго блага, раздѣленіе властей не должно оставаться внѣшнимъ. Если для каждой изъ нихъ есть даже особые органы, но всѣ они дѣйствуютъ одинаково, то отъ раздѣленія ихъ будетъ не много пользы; иногда даже польза совершенно исчезнетъ передъ невыгодой сложнаго управленія, которое дорого обходится обществу. Примѣры такой неудачной организаціи мы видимъ въ исторіи многихъ государствъ. Стоитъ только вспомнить, какъ долго не удавались у насъ попытки отдѣлить судъ отъ управленія.

Русское общество XVIII вѣка не даромъ жаловалось на множество „управителей“. Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу могли принести отдѣльные судьи, если судиться у нихъ было все равно, что у какого-нибудь воеводы? Итакъ для хорошо устроенной власти законъ долженъ указать не одни ея предѣлы, но и особенный, ей свойственный способъ дѣйствія. Судья, напримѣръ, не долженъ быть всемогущъ, какъ законодатель, и долженъ дѣйствовать иначе, чѣмъ администраторъ. Отсюда необходимость особеннаго внутренняго устройства для каждаго вида власти. Составъ государственныхъ учрежденій долженъ облегчать имъ возложенную на нихъ дѣятельность и служить ручательствомъ, что они не будутъ уклоняться отъ своего призванія.

Общія начала этой организаціи естественно вытекаютъ изъ характера той дѣятельности, къ которой призваны различныя учрежденія. Для каждаго изъ нихъ существуютъ условія, облегчающія или затрудняющія ихъ задачу. Опредѣлить ихъ въ главныхъ чертахъ не трудно. Такъ, законодательная дѣятельность, призванная направлять всю политическую жизнь народа, прежде всего требуетъ возможно полнаго разсмотрѣнія каждаго вопроса. Она затрогиваетъ множество разнородныхъ интересовъ, ошибки ея открыть не всегда легко, а поправить всегда трудно. Законъ только тогда хорошъ и безпристрастенъ, когда обдуманъ зрѣло, обсужденъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и соображенъ съ другими законами. Такая обширная задача не подъ силу одному лицу, даже и геніяльному. Великій человѣкъ можетъ лучше всѣхъ сознавать цѣли, но средства достиженія ему необходимо обсудить со многими. Поэтому, въ той, или другой формѣ, совѣщаніе есть первое условіе законодательной дѣятельности. Мы находимъ его дѣйствительно у всѣхъ народовъ, на самой зарѣ ихъ политической жизни, и только у племенъ, обреченныхъ деспотизмомъ на вѣчную неразвитость, законъ можетъ быть дѣломъ одной личной иниціятивы. Точно также, хотя по другимъ причинамъ, единоличная власть вредна и въ сферѣ судебной дѣятельности. Назначеніе суда—ограждать частные интересы гражданъ, его основаніе — справедливость. Судебный приговоръ подводитъ подъ общую мѣрку закона частный случай, во всемъ разнообразномъ его проявленіи. Чтобъ быть справедливымъ, приговоръ долженъ уловить всѣ особенныя черты этого случая и понять отношеніе ихъ къ закону. Для этого необходимо внимательное разсмотрѣніе всѣхъ подробностей, необходима повѣрка. Сверхъ того судъ долженъ происходить безпристрастно, внѣ постороннихъ вліяній, какъ бы источникъ ихъ ни былъ, самъ по себѣ, чистъ и благороденъ. Судья не долженъ ни слѣпо подчиняться высшей власти, ни отражать въ себѣ страстныхъ увлеченій общества. На этихъ-то требованіяхъ основывается судъ въ тѣхъ счастливыхъ странахъ, гдѣ онъ почитается лучшею защитою гражданъ. Онъ не ввѣряется безраздѣльно единичнымъ лицамъ, справедливость его ограждается гласностью, судомъ присяжныхъ, коллегіяльнымъ составомъ трибуналовъ; а независимость—великимъ началомъ безсмѣнности судей, которые могутъ быть удалены только за преступленіе. Таковы общія основанія, на которыхъ держатся власти законодательная и судебная. Какъ бы ни было различно ихъ приложеніе, опытъ доказалъ, что они не могутъ быть нарушены безъ положительнаго вреда. Нечего говорить о послѣдствіяхъ законодательнаго произвола. Турція, которая долго не знала другаго источника закона, кромѣ воли султана, и другаго способа обсужденія, кромѣ личныхъ соображеній, пришла наконецъ къ печальной необходимости дѣлить законодательную власть съ иностранными державами. Точно также и основы. судебной власти не извращаются безнаказанно. Всякая мѣра, которая ставитъ судей въ зависимость отъ чего бы то ни было, кромѣ закона, искажаетъ ихъ характеръ. Такъ выборное начало, создающее однако лучшій родъ

зависимости (отъ общественнаго мнѣнія) здѣсь не всегда приложимо. Когда, въ наше время, въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣверной Америки безсмѣнные судьи были замѣнены выборными и срочными, то судъ сдѣлался игрушкой уличныхъ страстей, и самая жизнь гражданъ стала подвергаться опасности. Народное происхожденіе суда обратилось во вредъ для самаго народа.

Исполнительная или административная власть стоитъ между законодательной и судебной. Не имѣя общаго направленія первой, она не вполнѣ раздѣляетъ и обособляющій характеръ послѣдней. Не издавая законовъ, она однако не ограничивается однимъ примѣненіемъ ихъ. На ней сверхъ того лежитъ нерѣдко обязанность изыскать средства исполненія: отсюда право издавать предписанія или регламенты, въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Отъ суда она отличается уже тѣмъ, что не караетъ зло, но предупреждаетъ или пресѣкаетъ его. Судъ всегда имѣетъ дѣло съ лицемъ; администрація относится къ лицамъ, какъ къ частямъ цѣлаго, какъ къ членамъ общества. Судъ отправляется отъ одной идеи правды; для него нѣтъ другихъ соображеній. Отъ администраціи требуется, чтобъ, не нарушая права, она имѣла въ виду и пользу. Частный интересъ стоитъ для нея на второмъ планѣ, въ строгомъ подчиненіи общему.

Этими цѣлями администраціи объясняются ея особенныя условія. Она не можетъ быть связана, въ каждомъ своемъ дѣйствіи, ни стѣснительными формами суда, ни даже слишкомъ частымъ совѣщаніемъ ея собственныхъ представителей. Быстрота дѣйствій, возможность рѣшаться въ минуту — первая необходимость для власти, которая можетъ находиться, лицемъ къ лицу, съ общественнымъ вредомъ, способнымъ распространяться быстро и безвозвратно. Поэтому коллегіяльныя формы, медленныя и осторожныя, съ трудомъ прилагаются къ управленію. Кто не знаетъ комическихъ разсказовъ о томъ, какъ австрійскіе генералы прошлаго вѣка проигрывали сраженія, вслѣдствіе безпрестаннаго вмѣшательства военныхъ совѣтовъ? Точно также единоличная власть нерѣдко нужна и для администратора. Хорошо исполнить можно только собственное предначертаніе. Екатерина II держалась правила въ точности слѣдовать тому мнѣнію, которое принимала, и даже записывать всѣ его подробности, сознаваясь, что „только проводя такимъ образомъ чужую мысль, она могла надѣяться на успѣхъ" *). Но единоличный составъ административной власти нуженъ не для одного этого. Есть еще другая причина, не менѣе важная: за мѣру, которая принята многими, въ сущности не отвѣчаетъ никто. Не только юридическая, но даже нравственная отвѣтственность слабѣетъ, когда всякій можетъ сослаться на неполное проведеніе его плана, не искаженіе его мысли. Только за дѣйствіе, совершенное лицомъ, лицо отвѣчаетъ вполнѣ. Вотъ почему въ администраціи совѣщательный способъ возможенъ только тогда, когда нужно обсудить новую мѣру. Исполнительная роль можетъ принадлежать только лицамъ, въ интересахъ и самой мѣры, и цѣлаго общества.

Нельзя однако не сознаться, что просторъ, необходимый для администраціи, соединенъ съ большою опасностью. Изъ всѣхъ видовъ государственной власти нѣтъ ни одной, болѣе наклонной къ произволу. Произволъ возможенъ здѣсь вслѣдствіе не однихъ злоупотребленій. Лучшая власть способна переступить свои предѣлы, когда, по сущности ея, они не могутъ быть обозначены довольно точно. Администрація не всегда можетъ входить въ подробности каждаго отдѣльнаго случая, а строгая справедливость основывается именно на соображеніи такихъ подробностей. Вотъ почему административныя мѣры легко ос-

*) *«Русскій Вѣстникъ»* 1861 г., октябрь, статья С. М. Соловьева: «Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. 1767 годъ», стр. 308.

корбляютъ частные интересы уже по самой своей общности. Но если общественное благо и строится иногда на частной жертвѣ, то это начало, безусловное въ исключительныхъ случаяхъ, не должно быть правиломъ ежедневной жизни. Изъ-за идеи пользы, администрація можетъ нарушить право, а этого не терпитъ благоустроенное государство. Наконецъ, самая привычка дѣйствовать въ интересахъ общества, а не частныхъ лицъ, даетъ администраціи наклонность вторгаться въ сферу частныхъ интересовъ, подчинять ихъ своимъ цѣлямъ и, изъ самаго стремленія къ общему благу, мѣшать свободному развитію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ оно слагается. Духъ регламентаціи до того присущъ всякой административной власти, что онъ замѣтенъ даже въ управленіи тѣхъ странъ, гдѣ законъ заключилъ ее въ тѣсныя границы. Въ самой Англіи, не смотря на вѣковыя основы самоуправленія, попытки регламентировать встрѣчались въ XVIII вѣкѣ. Даже парламентъ, когда онъ пробовалъ распоряжаться административно, не совсѣмъ свободенъ отъ этого упрека. Между тѣмъ ничего не можетъ быть вреднѣе постояннаго вмѣшательства въ частную дѣятельность, которое, убивая въ ней всякую самостоятельность, дѣлаетъ цѣлое общество неспособнымъ къ свободѣ.

Итакъ для административной власти контроль необходимъ, какъ независимость для судебной. Если въ судѣ первое условіе — неприкосновенность приговора, полная свобода убѣжденія судьи: то управленіе, напротивъ, подчиняется принципу строгой отвѣтственности. Какъ же согласить это съ потребностью единоличной власти, быстрой и послѣдовательной? Очевидно, что личный элементъ не можетъ не только быть изгнанъ отсюда, но даже и занять второстепенное мѣсто. Безъ личной иниціятивы хорошее управленіе также невозможно, какъ успѣхъ промышленнаго предпріятія. Остается слѣдовательно организовать контроль такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ стѣснять свободы и отвѣтственности лицъ, то есть поставить его не сверху администраціи, а подлѣ нея. На контролирующія учрежденія можетъ быть возложено не одно разсмотрѣніе отчетовъ, не одна повѣрка заднимъ числомъ того, что сдѣлано; но также и разборъ тѣхъ жалобъ, которыя вызываютъ дѣйствія администраціи, и которыя требуютъ скораго рѣшенія. Они же могутъ наблюдать за порядкомъ и ходомъ управленія, препятствуя столкновенію различныхъ мѣстъ и водворяя между ними правильныя отношенія. Этимъ назначеніемъ указывается и естественное устройство подобныхъ учрежденій. Призванныя взвѣшивать различныя распоряженія власти, или разрѣшать спорные случаи, они, по сущности своей суть мѣста совѣщательныя. Коллегіяльный составъ, какъ и въ судѣ, обезпечиваетъ здѣсь осторожность и справедливость рѣшенія.

Въ наше время эти начала правильной администраціи перешли уже въ науку и давно доказаны опытомъ. Необходимость административнаго контроля признается даже тамъ, гдѣ существуетъ контроль политическій. Надзоръ законодательной власти не можетъ услѣдить за управленіемъ во всѣхъ подробностяхъ и неизбѣжно устремленъ болѣе на характеръ мѣры, нежели на ея практическое удобство. Отъ того контролирующія учрежденія давно уже существуютъ во всѣхъ государствахъ, которыя могутъ похвалиться хорошимъ управленіемъ. Точно также бюрократическое устройство давно вытѣснило вездѣ коллегіяльное управленіе. Наука обобщила опыты политической жизни, и взгляды, которые прежде принадлежали немногимъ государственнымъ людямъ, составляютъ теперь истины, почти перешедшія въ общее сознаніе.

Но не такъ было въ эпоху Сперанскаго. Правильной администраціи не было не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, за исключеніемъ одной

Франціи. Понять и взвѣсить ея условія, согласить ихъ съ особенными потребностями страны и съ застарѣвшими привычками было трудною задачею. Посмотримъ, какъ понималъ ее Сперанскій, и въ чемъ состоялъ предположенный имъ планъ.

Передъ Сперанскимъ лежалъ двоякій путь. Онъ могъ измѣнить всѣ основанія прежняго порядка, и также могъ воспользоваться для новой администраціи прежними элементами. Какъ истинный государственный человѣкъ, онъ предпочелъ послѣдній способъ. Учрежденія, которыя онъ рѣшился преобразовать и сдѣлать главными органами управленія, были: государственный совѣтъ, министерства и сенатъ.

Въ основаніе центральныхъ учрежденій было положено начало раздѣленія власти на законодательную, судебную и исполнительную. Это дѣленіе, до тѣхъ поръ существовавшее только въ губерніяхъ, въ первый разъ внесено было въ высшее управленіе. Реформа началась съ государственнаго совѣта, который предположено „расширить и дать ему публичныя формы". До сихъ поръ въ Россіи не было постояннаго органа законодательства. Новыя мѣры вносились или не вносились въ совѣтъ, по усмотрѣнію правительства, и самыя важные законы двухъ предыдущихъ царствованій изданы безъ его содѣйствія. Съ 1810 года онъ получаетъ постоянное участіе въ законодательной дѣятельности „державной власти" и вмѣстѣ съ этимъ „образованіе свойственное публичнымъ установленіямъ". Предсѣдательство въ совѣтѣ принадлежитъ императору, министры — непремѣнные его члены. Для болѣе правильнаго обсужденія новыхъ мѣръ, совѣтъ раздѣленъ на четыре департамента, которые предварительно разсматриваютъ вопросы и подготовляютъ ихъ для рѣшенія общаго собранія. Это родъ постоянныхъ коммиссій, составленныхъ изъ специалистовъ. Сюда стекаются дѣла изъ министерствъ и отдѣльныхъ вѣдомствъ, какъ скоро, по сущности своей, они требуютъ новаго закона или новой мѣры. Такъ въ департаментъ законовъ поступаютъ всѣ законодательные проекты, составленные коммиссіей; въ департаментѣ военныхъ дѣлъ сосредоточивается все, что относится къ двумъ военнымъ министерствамъ; въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ — вопросы юстиціи, духовнаго управленія и полиціи; только вѣдомство четвертаго департамента (государственной экономіи) опредѣлено слишкомъ обширно и не совсѣмъ правильно: сюда отнесены дѣла министерствъ народнаго просвѣщенія, коммерціи, финансовъ и государственнаго казначейства. Окончательному рѣшенію департаментовъ предоставлены только такіе вопросы, которые не требуютъ новой мѣры и нуждаются въ одномъ поясненіи закона. Какую обширную власть предполагалось дать государственному совѣту, видно изъ простаго перечисленія дѣлъ его вѣдомства. Сюда отнесены: 1) „всѣ предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія; 2) предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній; 3) дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла; 4) мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій; 5) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя; 6) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры....; 7) ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ.... и чрезвычайныя финансовыя мѣры; 8) всѣ дѣла, по которымъ отчуждается какая либо часть государственныхъ доходовъ или имуществъ въ частное владѣніе; 9) дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества, на государственныя нужды взимаемыя; 10) отчеты всѣхъ министерствъ въ управленіи принадлежащихъ къ нимъ частей". Въ обезпеченіе, что отнынѣ за-

конодательство освободится отъ всякаго произвола, „образованіе государственнаго совѣта“ повторяетъ нѣсколько разъ, что проекты уложеній, гражданскаго и уголовнаго, будутъ утверждены не иначе, какъ съ его одобренія. Канцелярія департаментовъ управлялась статсъ-секретарями, которые подчинены государственному секретарю, завѣдывавшему дѣлами общаго собранія. Званіе послѣдняго, какъ извѣстно, было тотчасъ возложено на самаго Сперанскаго.

Такова была организація высшаго государственнаго учрежденія. Оно соединяло власть законодательную съ надзоромъ за органами исполнительной власти. Въ этомъ обширномъ, точно опредѣленномъ кругѣ дѣйствій нельзя не признать такого успѣха, какого Россія не дѣлала съ самаго „Учрежденія о губерніяхъ“. До сихъ поръ законы, не только по внѣшней формѣ, но иногда и по содержанію, представлялись единичнымъ актомъ царствующаго лица. Теперь, признавая одинъ, правильный органъ законодательства, государственная власть давала себѣ постоянное легальное выраженіе. Это значитъ, что государственный элементъ выдвигался на счетъ личнаго. Какое высокое значеніе Сперанскій придавалъ своему плану, высказано имъ съ благородной откровенностью самому государю, въ общемъ отчетѣ за 1810 годъ. „Совѣтъ учрежденъ, — писалъ онъ, — чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію совѣта“; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества...“ *) Этотъ великій шагъ въ народной жизни, этотъ переходъ отъ самовластія къ истинной монархіи совершенъ, по мнѣнію Сперанскаго, потому что учрежденіемъ совѣта правительство дастъ обществу гарантіи въ своемъ направленіи. „Положеніе нашихъ финансовъ, — говоритъ онъ въ одной изъ докладныхъ записокъ, — требуетъ непремѣнно новыхъ и весьма нарочитыхъ налоговъ: безъ сего никакъ и не къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностію и подробностію доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но точно необходимостію, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ власть державная сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастія самаго народа“ *). Итакъ цѣлью правительственной системы, которая открывалась первою реформой Сперанскаго, ставилось довѣріе общества, — довѣріе не къ лицу, а къ прочности государственныхъ учрежденій. охраняющихъ права граждан и цѣлость народныхъ интересовъ.

За государственнымъ совѣтомъ слѣдовало „новое раздѣленіе дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ“. Оно совершено двумя актами: манифестомъ 25 іюля 1810 года, гдѣ обозначены только число и характеръ вѣдомствъ, и общимъ учрежденіемъ министерствъ, изданнымъ почти черезъ годъ, 25-го іюня 1811 года. Въ запискѣ, которую Сперанскій подалъ государю по поводу этой мѣры, выставлялись несовершенства министерствъ 1802 года. Они заключались, по словамъ ея: 1) въ недостаткѣ отвѣтственности, которая „не должна состоять только на словахъ, но быть вмѣстѣ и существенною“; 2) въ недостаткѣ точности въ раздѣленіи дѣлъ, основанномъ на случайномъ соединеніи прежнихъ вѣдомствъ, а не на естественныхъ отрасляхъ государственнаго управленія; 3) въ недостаткѣ

*) Жизнь графа Сперанскаго, т. I, стр. 120.

*) Жизнь графа Сперанскаго, т. 1, стр 113.

учрежденій. Этимъ названіемъ Сперанскій обозначалъ самую слабую сторону прежней системы, отсутствіе твердой, внутренней организаціи министерствъ: „ни внутри министерствъ, — говорилъ онъ, — ни въ частяхъ, отъ нихъ зависящихъ, не сдѣлано никакого правильнаго образованія. Отсюда произошло, что дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ по прежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и безпорядокъ. Время главнаго начальника безпрестанно пожирается тѣмъ, что̀ долженъ бы дѣлать одинъ изъ его подчиненныхъ; развлеченное на множество текущихъ дѣлъ, вниманіе не можетъ обозрѣть ихъ въ цѣлости и, вмѣсто того, чтобы остановиться на главныхъ и существенныхъ усмотрѣніяхъ, безпрестанно разсѣвается въ мелкомъ надзорѣ исполненія" *).

Перемѣны, произведенныя Сперанскимъ, состояли: 1) въ болѣе правильномъ раздѣленіи вѣдомствъ, 2) въ однообразномъ и болѣе удобномъ внутреннемъ ихъ устройствѣ и въ 3) опредѣленіи какъ отвѣтственности министровъ, такъ и отношенія ихъ къ второстепеннымъ учрежденіямъ и лицамъ.

Отрасли исполнительной власти раздѣлены на слѣдующія категоріи: 1) внѣшнія сношенія (министерства иностранныхъ дѣлъ), 2) устройство внѣшней безопасности (министерство военное и морское), 3) государственная экономія (министерства финансовъ, государственное казначейство, ревизія государственныхъ счетовъ, министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, главное управленіе путей сообщенія); 4) устройство суда (министерство юстиціи); 5) устройство внутренней безопасности (министерство полиціи). Нечего говорить, что и это новое раздѣленіе было недостаточно: если прежнее ограничивалось простымъ сгруппированіемъ вѣдомствъ, уже существовавшихъ, то новое отзывалось стремленіемъ раціонально распредѣлить управленіе и обращало слишкомъ мало вниманія на практическое удобство. Вотъ почему, уничтожая министерство коммерціи, не смотря на обширность его и важность, оно вводитъ отдѣльное вѣдомство, въ которомъ вовсе не было практической нужды, — министерство полиціи. Финансовый контроль оставленъ въ рукахъ одного лица, между тѣмъ, какъ, для правильности счетовъ, его гораздо лучше было поручить коллегіяльному мѣсту. Распредѣленіе дѣлъ между министерствами тоже не всегда было удачно; потомъ оно подверглось многимъ перемѣнамъ, и нѣкоторыя дѣла начали странствовать изъ одного вѣдомства въ другое вскорѣ послѣ изданія „Учрежденія". Но за нимъ все таки остается честь первой попытки основать управленіе на разумныхъ началахъ, и послѣ смѣшенія, какое представляли министерства 1802 года, оно было настоящимъ успѣхомъ. Еще удачнѣе было внутреннее устройство министерствъ. Вмѣсто прежняго, неловкаго смѣшенія коллегіяльныхъ и бюрократическихъ формъ, Сперанскій съумѣлъ правильно разграничить ихъ и связать въ одно стройное управленіе. Исполнительная роль была возложена на канцелярію министра и департаменты, съ чисто - бюрократическимъ устройствомъ. Канцелярія завѣдываетъ тѣми дѣлами, которыя касаются не отдѣльныхъ частей, но всего министерства, и сверхъ того распредѣляетъ дѣла по департаментамъ. Департаменты завѣдываютъ, каждый, особой отраслью дѣлъ, и состоятъ изъ отдѣленій. Назначеніе отдѣленій — подготовлять дѣла, поступающія на рѣшеніе директора или министра. Для того, чтобы министръ не былъ обремененъ мелкими подробностями управленія, опредѣлено въ точности, какія дѣла могутъ быть рѣшены въ департаментѣ, и какія непремѣнно восходятъ къ министру.

Совѣщательный элементъ представленъ двумя учрежденіями: общимъ присутствіемъ отдѣленій — для департамента, и совѣтомъ министра — для цѣлаго ми-

*) Тамъ же, стр. 122—123.

нистерства. Сюда поступаютъ всѣ важнѣйшія дѣла, и для того, чтобъ обсужденіе ихъ было зрѣлѣе, и въ общемъ присутствіи и въ совѣтѣ, собираются не одни чиновники. Вмѣстѣ съ ними сюда приглашаются специялисты, фабриканты, заводчики, купцы и т. д. Дѣла особенной важности не могутъ быть рѣшены безъ предварительнаго разсмотрѣнія совѣта, хотя министръ, который одинъ отвѣчаетъ за всякую мѣру, и не связанъ его мнѣніемъ.

Направленіе, которое Сперанскій желалъ дать высшимъ центральнымъ учрежденіямъ, особенно ярко выразилось въ общемъ наказѣ министерствамъ. Первою заботой его было опредѣлить законныя границы центральнаго управленія. „Существо власти, ввѣряемой министрамъ, — говоритъ наказъ, — принадлежитъ единственно къ порядку исполнительному; никакой законъ, никакое новое учрежденіе, или отмѣна прежняго, не могутъ быть установлены властію министра“. Въ другомъ мѣстѣ характеръ этой власти опредѣляется еще ближе словами: „надзоръ за дѣйствіями всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, понужденіе ихъ къ исполненію законовъ и учрежденій“. Чрезвычайныя мѣры, необходимыя въ исключительныхъ обстоятельствахъ, разрѣшаются министру подъ условіемъ подробнаго отчета въ сдѣланныхъ распоряженіяхъ.

Отношеніе министровъ къ частной дѣятельности опредѣлено въ слѣдующей замѣчательной статьѣ: „Въ обширномъ кругѣ дѣлъ, въ разнообразной связи разныхъ нуждъ и пользъ, нельзя не встрѣтить въ исполненіи разныхъ затрудненій и неудобствъ; но не всѣ неудобства могутъ быть принимаемы поводомъ къ новымъ постановленіямъ. Министръ долженъ испытать прежде всѣ способы исправленія, не выходя изъ порядка существующаго, и потомъ, измѣривъ и сравнивъ неудобства, кои и отъ новаго закона по самой новости его произойдти могутъ, приступать къ его предложенію. Во всѣхъ министерствахъ, особливо же въ тѣхъ, коихъ предметомъ есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, чтобъ мѣрами излишняго надзора и многосложностію правилъ не стѣснить частной предпріимчивости. Истинные способы сего управленія должны состоять болѣе въ отвращеніи препятствій, нежели въ точномъ и понудительномъ предписаніи путей, коими должна шествовать промышленность. Здѣсь скорѣе найдти и указать ихъ можетъ частная польза, нежели законъ“ (ст. 225). Не менѣе ясно Сперанскій понималъ отношеніе центральной власти къ подчиненнымъ учрежденіямъ. Законы Петра о правѣ коллегій заявлять свое мнѣніе сенату не только приложены къ министерствамъ, но распространены и усилены. Всякое подчиненное мѣсто, которое усмотритъ въ распоряженіяхъ министра противорѣчіе съ закономъ, имѣетъ право остановиться въ исполненіи и сдѣлать представленіе министру; если оно не будетъ уважено, то подчиненное мѣсто можетъ обратиться къ сенату, который окончательно рѣшаетъ всѣ подобные вопросы (ст. 259 и 260). Даже относительно законныхъ распоряженій министра, второстепенныя мѣста не связаны безусловнымъ исполненіемъ: они могутъ дѣлать представленія о неудобствѣ новой мѣры (ст. 261). Вмѣшательство въ судебную власть запрещается министрамъ (ст. 238).

Самую слабую часть новаго устройства составляютъ тѣ мѣры, которыми Сперанскій думалъ придать единство высшему управленію, и законы объ отвѣтственности министровъ. „Общее учрежденіе министровъ“ ничего не говоритъ о комитетѣ министровъ и, по словамъ самаго Сперанскаго, онъ былъ, по новому образованію, вовсе назначенъ къ уничтоженію“ *). Высшее управленіе предполагалось связать посредствомъ того учрежденія, къ которому

*) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, 1859, книга 3, стр. 15.

уже не разъ обращались составители проектовъ въ царствованіе Александра. Правительствующій сенатъ объявленъ снова средоточіемъ исполнительныхъ дѣлъ. Сюда поступаютъ всѣ доклады министровъ какъ по общимъ исполнительнымъ дѣламъ, такъ и по тѣмъ, которыя требуютъ особаго высочайшаго разрѣшенія. Уже самое перечисленіе этихъ дѣлъ показываетъ, до какой степени это назначеніе не соотвѣтствовало характеру и положенію сената. Дѣла поступали сюда, во-первыхъ, когда возникнетъ такое недоумѣніе въ способѣ исполненія, котораго разрѣшеніе зависитъ не отъ одного министестра, но отъ содѣйствія другихъ; во-вторыхъ, когда между министерствами, или губернскими мѣстами, возникнетъ сомнѣніе „о точной принадлежности самаго предмета исполненія"; въ третьихъ, когда распоряженія одного вѣдомства затрудняются предписаніями другаго; и въ четвертыхъ, когда нужно принять общую административную мѣру (ст. 234). Очевидно, что, при такомъ содѣйствіи сената, въ высшемъ управленіи не могло быть никакого единства. На сенатъ возлагался, съ одной стороны, надзоръ за центральной властію, съ другой непосредственное управленіе: два рода дѣятельности, взаимно исключающіе другъ друга, и которыхъ совмѣщеніе давно оказалось несостоятельнымъ. Точно также трудно не видѣть, что настоящаго единства между министерствами не могло быть, когда соглашеніе административныхъ мѣръ возлагалось не на нихъ, а на другое, постороннее учрежденіе. Личная инниціятива управленія снова должна была затрудниться предписаніями людей, которые сами не управляютъ и не отвѣчаютъ за исполненіе принятыхъ ими мѣръ. Наконецъ, не смотря на все желаніе гласности, трудно было вносить въ обширное, коллегіяльное учрежденіе важнѣйшія государственныя дѣла, требующія тайны. Поэтому изъ общаго порядка докладовъ сдѣлано исключеніе, которое потомъ обратилось, и должно было обратиться, въ правило. „Дѣла, тайнѣ подлежащія, говорится въ наказѣ, хотя и принадлежатъ къ общему составу управленія, но образъ доклада и порядокъ рѣшенія ихъ установляется на особенныхъ правилахъ и составляетъ предметъ особеннаго учрежденія". Здѣсь лежалъ зародышъ личныхъ докладовъ, внѣ всякаго надзора, съ какой бы то ни было стороны. Сперанскій самъ чувствовалъ недостаточность своего плана. Онъ писалъ въ 1827 году, что составленныя имъ учрежденія двухъ министерствъ: полиціи и финансовъ, остались почти безъ дѣйствія, отъ того, что „цѣлая половина всего зданія, — составъ правительствующаго сената, былъ не оконченъ". Но эта вторая половина зданія далеко не отвѣчала совершенству первой. По проекту Сперанскаго, взятому имъ изъ предположеній Екатерины, сенатъ долженъ былъ раздѣлиться на судебный и правительствующій. Судебный, согласно съ мыслію императрицы, онъ хотѣлъ составить изъ сенаторовъ по назначенію отъ короны и по выбору отъ дворянства, размѣстивъ его по четыремъ округамъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани. Правительствующему сенату предполагалось дать устройство, согласное съ министерствами. Занятія раздѣлялись на дѣла текущія и тѣ, которыя требуютъ рѣшенія императора. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ этой мѣры управленіе выигрывало немного. Въ новомъ видѣ сенатъ или представлялъ бы прежнія неудобства, или превратился бы въ комитетъ министровъ, точно также дѣйствующій внѣ всякаго надзора. Государственный же совѣтъ, куда вносятся только общія мѣры, не могъ ни направлять администрацію, ни наблюдать за ея распоряженіями.

Нетрудно указать, въ чемъ состояла теоретическая ошибка Сперанскаго: онъ ставилъ надзирающую власть выше исполнительной, вмѣсто того, чтобы поставить ихъ рядомъ, давъ каждой одинаково сильную организацію. При такомъ порядкѣ одна изъ нихъ должна была по-

глотить другую, и, разумѣется, перевѣсъ остался на сторонѣ исполнительной власти, какъ сильнѣйшей. Правила объ отвѣтственности министровъ, строго и точно опредѣленныя въ наказѣ, остались мертвою буквой. По смыслу закона, министръ подвергался взысканію не только за „важную государственную вину", но и за дурное управленіе. Онъ могъ быть отданъ подъ слѣдствіе, удаленъ отъ должности и подвергнутъ верховному уголовному суду; но не было власти, которая, постоянно слѣдя за его дѣйствіями, могла бы обнаружить ихъ незаконность. Государственный совѣтъ имѣлъ право назначить изъ среды своей слѣдственную коммиссію по жалобамъ на министра, но министръ самъ былъ членомъ совѣта, и не доставало органа, чрезъ который жалобы могли бы доходить. Сенатъ вскорѣ возвратился къ прежней роли: административная власть осталась за нимъ только по имени. Недостатокъ контроля отразился на всей позднѣйшей администраціи. Отсюда тѣ явленія, на которыя жаловался Сперанскій, воротясь изъ ссылки. Дѣла естественно начали стекаться въ министерства, какъ къ единственной власти, прочно-организованной. Вслѣдствіе этого комитетъ министровъ, который прежде былъ только совѣщаніемъ ихъ, сдѣлался присутственнымъ мѣстомъ, „гдѣ дѣла всякаго рода, и малыя и большія, судебныя и правительственныя, рѣшались по голосамъ... Между тѣмъ, заключалъ Сперанскій, ни составъ сего мѣста, ни порядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установленіямъ, не опредѣлены никакимъ гласнымъ учрежденіемъ." *).

Не надобно думать однако, чтобы эти явленія были плодомъ одной ошибочности плана. Еще болѣе они проистекали изъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ Сперанскій былъ призванъ дѣйствовать. Мысль о контролирующемъ учрежденіи, поставленномъ надъ министерствами, возникла у него не случайно. Передъ нимъ была администрація 1802 года, въ которой роли были распредѣлены между учрежденіями совершенно правильно, не смотря на всю недостаточность внутренней организаціи. Но и это управленіе было тоже лишено надзора. Послѣ этого было естественно воротиться къ мысли о верховномъ положеніи сената, котораго коллегіяльный составъ долженъ былъ служить задержкой для слишкомъ сильной личной власти. Неудача двухъ противоположныхъ системъ контроля объясняется условіями цѣлаго общественнаго порядка. Крѣпкія государственныя учрежденія не создаются только волею законодателя. Для нихъ необходимы условія, которыя скрываются въ цѣломъ строѣ общественной жизни. Дѣятельный надзоръ за администраціей возможенъ только въ обществѣ вполнѣ самостоятельномъ, при господствѣ гласности и сильнаго общественнаго мнѣнія. Однимъ внѣшнимъ механизмомъ учрежденій не легко достигнутъ этого высшаго результата гражданской жизни. Вотъ почему слабыя стороны учрежденій 1810 года едва ли могутъ быть поставлены въ вину Сперанскому, между тѣмъ, какъ превосходная внутренняя ихъ организація составляетъ неоспоримую его заслугу.

Сколько можно заключить изъ многочисленныхъ записокъ Сперанскаго, онъ живо чувствовалъ недостатки новаго управленія, которое, воротясь изъ ссылки, онъ называлъ „полу-устройствомъ". Неполный успѣхъ своей реформы онъ приписывалъ недостатку самостоятельности во всѣхъ учрежденіяхъ, кромѣ министерствъ. Еще въ 1810 году онъ сознавалъ необходимость дать бо́льшую независимость судебной власти, и съ этою цѣлью хотѣлъ внести въ сенатъ выборное начало. Послѣ, когда онъ познакомился съ провинціей, Сперанскій пришелъ къ мысли усилить губернскія учрежденія, освободивъ ихъ отъ излишней опеки. Въ концѣ 1827 года онъ приписывалъ всѣ недостатки ихъ отсутствію

*) Архивъ истор. и практ. свѣд., книга 3, стр. 45.

надзора и преобладанію губернатора, который можетъ парализировать своимъ вліяніемъ всѣ другія власти. „Къ сему присоединяется, — писалъ онъ, — недостатокъ законной власти, при избыткѣ личнаго самовластія. Власть законная каждому начальству дается его уставомъ. Уставы наши, во первыхъ, недостаточны, а во вторыхъ, всѣ они составлены въ духѣ крайней недовѣрчивости къ мѣстному начальству, и не безъ основанія: ибо какъ можно ввѣрять исполнителю безотчетному? Между тѣмъ отъ сего недостатка законной власти, отъ сего стѣсненія въ мелочахъ рождаются безпрестанные вопросы, тысячи сомнѣній, огромная переписка съ высшимъ начальствомъ, медленность въ рѣшеніяхъ, упущеніе времени, предлогъ къ новымъ жалобамъ или злоупотребленіямъ“. Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ реформахъ въ губернскомъ управленіи, которыя предлагалъ Сперанскій. Онѣ любопытны, потому что нѣкоторымъ его мыслямъ суждено было исполниться въ иной формѣ, а другія еще до сихъ поръ занимаютъ наше общество. Въ губерніяхъ и въ уѣздахъ онъ думалъ установить двоякую систему надзора, отдѣльно для суда и администраціи. „Безотчетное и личное дѣйствіе губернскаго правленія“ онъ предполагалъ „подчинить надзору мѣстному, не личному и самовластному, каковъ есть надзоръ генералъ-губернатора, и не слабому и ничтожному, каковъ есть надзоръ прокурора, но надзору коллегіяльному, постоянному, на твердыхъ началахъ установленному, имѣющему власть не только заявлять за тысячу верстъ безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, останавливая зло не спустя мѣсяцы и годы, но въ самомъ его началѣ; держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ; преслѣдовать виновныхъ судомъ“. — Тому же самому надзору и по тѣмъ же причинамъ подчинить и казенную палату. — „Другой надзоръ, сему подобный, но независимый, установить для дѣлъ судебныхъ, давъ ему надлежащій степень власти, не вмѣшиваясь въ судебныя рѣшенія по существу дѣлъ, разрѣшать частныя жалобы на безпорядки и нарушенія формъ въ производствѣ“. — “Личное, разсѣянное по всѣмъ мѣстамъ дѣйствіе прокурора и стряпчихъ, соединивъ въ одно постоянное и правильное установленіе, поставить его въ помощь и содѣйствіе сему главному судебному надзору“. — Оба учрежденія должны были состоять изъ соединеннаго присутствія подчиненныхъ мѣстъ, но подъ предсѣдательствомъ особаго чиновника, равнаго по степени гражданскому губернатору. Предсѣдатель судебнаго общаго присутствія долженъ зависѣть отъ одного судебнаго сената. На такихъ же началахъ устроивается надзоръ за уѣздными мѣстами. Въ земскій судъ, который „дабы удалить смѣшеніе понятій и утвердить еще болѣе различіе между судомъ и полиціей“, долженъ быть переименованъ уѣздною управой, опредѣляются, сверхъ выборныхъ засѣдателей, еще два, по назначенію двухъ губернскихъ общихъ присутствій. На одного изъ этихъ засѣдателей возлагается особенно судебная полиція, на другаго — хозяйственная; остальные, выборные засѣдатели завѣдываютъ частями общей полиціи. — Изъ должностей уѣзднаго казначея, солянаго и виннаго приставовъ предполагается составить особое мѣсто, подъ названіемъ казенной управы. Обѣ управы соединяются, для дѣлъ надзора, въ общее присутствіе, которое называется уѣзднымъ правленіемъ и состоитъ подъ предсѣдательствомъ особаго чиновника, „представляющаго въ уѣздѣ лицо гражданскаго губернатора“. Эту должность предполагалось соединить, гдѣ возможно, съ званіемъ уѣзднаго предводителя дворянства. Замѣчательно, что даже тамъ, гдѣ предводитель не можетъ быть предсѣдателемъ, непремѣнно требуется, „чтобъ чиновникъ сей былъ помѣщикъ той же губерніи„. — Кромѣ губернскаго и уѣзднаго надзора, Сперанскій думалъ о другой преградѣ самовластію. „Извѣстно, — говорилъ онъ, — что

вообще злоупотребленіе власти менѣе дѣйствуетъ на цѣлыя общества и сословія, нежели на частныя лица". Съ этою цѣлью онъ думалъ создать новое волостное управленіе болѣе твердое, чѣмъ существовавшее въ его время. Это волостное управленіе представляетъ, въ главныхъ чертахъ, замѣчательное сходство съ тѣмъ, которое образовалось послѣ освобожденія крестьянъ. Оно точно также основывается на соединеніи селъ въ волости, при двоякомъ вѣдомствѣ: волостномъ и сельскомъ, съ особою полицейской и судебной властью въ каждомъ изъ нихъ. Вмѣстѣ съ этими главными мѣрами, которыя, по мнѣнію Сперанскаго, должны были упрочить порядокъ, онъ предлагалъ частныя реформы, чтобъ усилить значеніе судебныхъ мѣстъ и дать полиціи болѣе правильную организацію. Главнымъ средствомъ для освобожденія суда отъ вліянія административной власти онъ полагалъ отдѣленіе судебной полиціи отъ общей. Сознаваясь, что „средства наши не дозволяютъ намъ помышлять о такомъ учрежденіи, которое потребовало бы значительнаго числа чиновниковъ и особенныхъ издержекъ", онъ говоритъ однако, что „ни судъ, ни хозяйство не могутъ вполнѣ отвѣтствовать за ввѣренное имъ управленіе, ибо успѣшное ихъ дѣйствіе зависитъ не отъ нихъ, но большею частію отъ полиціи, надъ коею они никакой власти не имѣютъ". Также вѣрно онъ указываетъ на недостатки исполнительной полиціи, которая почти вся лежитъ на малочисленномъ уѣздномъ управленіи*).

Этимъ краткимъ, но замѣчательнымъ очеркомъ губернскаго управленія заключаются административные проекты Сперанскаго. Трудно сказать, что изъ этого очерка входило въ первоначальный планъ 1810 года, и что было плодомъ позднѣйшихъ наблюденій, въ непосредственномъ сближеніи съ провинціяльнымъ бытомъ. Но всякій, кто внимательно изучалъ „образованіе государственнаго совѣта" и „учрежденіе министерствъ", пойметъ, что записка 1827 года была только дальнѣйшимъ развитіемъ той же государственной мысли, которою созданы эти учрежденія. Съ начала своей дѣятельности до самаго конца ея, въ Петербургѣ и въ ссылкѣ, Сперанскій оставался вѣренъ себѣ и не измѣнилъ однажды избранному пути. Цѣлью его было создать управленіе стройное, крѣпкое, но окруженное надзоромъ и гласностью, сдержанное въ предѣлахъ уваженіемъ общественныхъ интересовъ и независимымъ устройствомъ мѣстныхъ учрежденій. Смотря на будущее съ спокойствіемъ ясной мысли, онъ не думалъ сразу достигнуть своей цѣли. Многое было имъ отсрочено, въ надеждѣ на развитіе общества, въ которомъ онъ видѣлъ лучшую опору для самихъ учрежденій. „Время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами,—писалъ онъ по поводу государственнаго совѣта, — весьма еще непродолжительно: количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, весьма ограниченно, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, выбирать только тѣхъ, кои, по чинамъ ихъ и знаніямъ, могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобы съ перваго шага поровнялся онъ, въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ, и сіе учрежденіе само собою исправится". *) Въ чемъ заключались эти *прочія* установленія, которымъ не суждено было осуществиться, угадать не трудно: Сперанскій раздѣлялъ политическія убѣжденія императора Александра, онъ желалъ дать Россіи независимыя учрежденія. Одаренный большимъ государственнымъ смысломъ, нежели первые друзья его, онъ началъ свою реформу съ самой глав-

*) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, книга 4-я стр. 92–104.

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1-я, стр. 121.

ной потребности общества,—съ правильной администраціи. Эта постепенность въ преобразованіяхъ спасла, можетъ быть, Россію отъ неудачной политической попытки, которой неуспѣхъ могъ бы лечь тяжелымъ бременемъ на все будущее ея развитіе.

Разсмотрѣвъ административныя идеи Сперанскаго въ общей ихъ связи, мы можемъ теперь отвѣчать на тѣ обвиненія, которымъ подвергалось его дѣло. Одно изъ нихъ пережило современную ему эпоху и до сихъ поръ еще тяготѣетъ на его памяти. Сперанскаго упрекаютъ въ наклонности къ централизаціи и въ бюрократизмѣ. Эти упреки снова воскресли при выходѣ книги барона Корфа и нашли отголосокъ въ журналистикѣ. Извѣстно, что у насъ теперь нельзя сдѣлать болѣе сильнаго упрека. Слова: „централизаторъ" и „бюрократъ" превратились почти въ бранныя выраженія. Мы попробуемъ остановиться на смыслѣ этихъ обвиненій, чего теперь обвинители обыкновенно не дѣлаютъ.

Послѣ всего сказаннаго нами о прежнемъ управленіи Россіи до реформъ XIX столѣтія не нужно, кажется, объяснять, что Сперанскій не могъ быть творцемъ централизаціи. Она старѣе его нѣсколькими вѣками, и сами обвинители давно перестали возводить къ нему ея начало. Но ему дѣлаютъ упрекъ, что своими мѣрами онъ усилилъ вліяніе центральной власти и далъ ей средства распространяться за ея законные предѣлы. Это обвиненіе въ первый разъ было высказано правдивымъ языкомъ Карамзина. Въ запискѣ „о старой и новой Россіи", среди замѣчаній, не совсѣмъ основательныхъ и доказывающихъ малое знакомство съ администраціей, онъ высказалъ одно, въ которомъ есть кажущаяся правда. Съ министерствами, по мнѣнію его, правительство лишилось консервативнаго характера и даже утратило всякую послѣдовательность. „Съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ, — говоритъ онъ, — у насъ шли дѣла и прошло блестящее царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. Если число и власть сановниковъ непремѣнно должны быть перемѣнены, — говоритъ умный Макіавель,—то удержите хотя имя ихъ для народа. Мы поступаемъ совершенно иначе: оставляя вещь, мы гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго добра, а новому добру какъ-то не вѣрится. Перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ; ожидаютъ ихъ больше со страхомъ, нежели съ надеждою: ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около тысячи лѣтъ и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго, а намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто мы вышли изъ темныхъ лисовъ американскихъ! Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой". Учрежденіе министерствъ въ особенности подвергнуто Карамзинымъ злой, отчасти справедливой, критикѣ. Онъ указывалъ на недостатокъ дѣйствительной отвѣтственности министровъ, на обширность ихъ вѣдомствъ, безпрестанно вызывающую новые комитеты, которые служатъ сатирой на министерства, на неправильное распредѣленіе дѣлъ, и наконецъ заключалъ свой строгій приговоръ словами: „Основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій, министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастіе докладывать государю", заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, утверждаемые государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли министры, т. е. каждый по своей части могъ творить и разрушать...

Правда, министры составляли между собою комитетъ; ему слѣдовало одобрить всякое новое установленіе прежде, нежели оно утверждалось монархомъ; но сей комитетъ не походилъ ли на совѣтъ шести или семи разноземцевъ, изъ которыхъ всякій говоритъ особымъ языкомъ, не понимая другихъ?.. Еще важнѣе то, что каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для особенныхъ своихъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивъ." *) — Упреки не замолкали и впослѣдствіи. Въ 1827 году въ Петербургѣ ходила по рукамъ записка о государственныхъ установленіяхъ, на которую самъ Сперанскій счелъ нужнымъ отвѣчать подробнымъ обзоромъ прежняго управленія и защитою собственныхъ реформъ. Эта записка отличается отъ другихъ произведеній подобнаго рода большой умѣренностью и духомъ, не враждебнымъ преобразованіямъ. Но и здѣсь, какъ ни признаются недостатки коллегіяльной системы, ей отдается предпочтеніе передъ русскими министерствами. По мнѣнію неизвѣстнаго автора, учрежденіе министерствъ уничтожило единство надзора, ввѣреннаго прежде генералъ-прокурору, дало возможность центральной власти выходить за границы, повело къ колебаніямъ и въ направленіи правительства, и даже въ наличномъ составѣ администраціи; наконецъ, совершенно задавило губернскія учрежденія, сосредоточивъ всѣ служебныя выгоды въ однихъ министерствахъ. **),

Эти замѣчанія имѣютъ смыслъ не для одной современной имъ эпохи. Едва ли будетъ ошибкою сказать, что они выражали и, можетъ быть, еще выражаютъ взглядъ огромнаго большинства. Съ этой точки зрѣнія они заслуживаютъ вниманія. Въ общественномъ мнѣніи, какъ бы оно ни заблуждалось, есть всегда вѣрная сторона. Оно можетъ ошибаться на счетъ лицъ, не вѣрно понимать значеніе мѣры, но его враждебное настроеніе всегда вызвано дѣйствительнымъ зломъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія нашего управленія въ нынѣшнемъ вѣкѣ представляетъ много печальныхъ явленій, порожденныхъ именно тѣми реформами, которыя совершились въ его началѣ. Болѣе богатые опытомъ, мы могли бы насчитать болѣе примѣровъ самовластія, нежели сколько зналъ ихъ знаменитый исторіографъ. Безконечные комитеты, на которые онъ жаловался въ 1811 году, сдѣлали съ тѣхъ поръ несомнѣнные успѣхи. Почти въ каждомъ вѣдомствѣ они возникали сотнями, свидѣтельствуя о страсти управлять, овладѣвшей министерствами въ ущербъ самостоятельности общества, а не рѣдко даже и въ подрывъ самому дѣлу. Мелочныя дѣла начали стекаться въ министерства, между тѣмъ какъ серьозныя нужды оставались безъ удовлетворенія. Завязалась безплодная переписка,—результатать многодѣлія, лишеннаго мысли Всѣ эти естественныя явленія безраздѣльно царствующей бюрократіи были менѣе возможны прежде, когда управленіе было менѣе сосредоточено и не обхватывало цѣлыя отрасли государственной жизни. Сперанскій далъ центральнымъ учрежденіямъ ту крѣпкую организацію, которая, облегчивъ дѣятельность власти, облегчила и ея злоупотребленія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ сама огранизація была ошибкой и не принесла ничего, кромѣ вреда? Глядя на тотъ хаосъ, въ которомъ находилось наше высшее управленіе до его реформы, трудно придти къ такому заключенію. Преобразованіе было неизбѣжно, и еслибы замѣна прежняго новымъ происходила старымъ путемъ случайнаго наростанія, то выгода была бы не большая. Можно смѣло сказать, что и тогда усиленіе центральной власти было бы неизбѣжно, и только бы совершилось съ меньшею правильностью и было бы еще тяжеле. Когда общество не умѣетъ дѣйствовать само, централизація является со всею силой неотразимаго

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1-я, стр. 139—140 и 131—135.

**) Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, книга 3-я стр. 50—59.

закона. Какъ бы точно ни были обозначены предѣлы центральной власти, ея вліяніе непремѣнно будетъ расширяться, если въ обществѣ нѣтъ другой сильной политической дѣятельности. Общественныя потребности, не удовлетворенныя самимъ обществомъ, вызовутъ регламентацію сверху даже и тогда, когда ея нѣтъ въ намѣреніяхъ закона. Законодатель, который сознаетъ вредъ подобнаго направленія, можетъ противодѣйствовать ему только заботясь о возможномъ развитіи мѣстныхъ учрежденій. Такова и была мысль Сперанскаго. Примѣняясь къ обстоятельствамъ, онъ желалъ усилить губернскія учрежденія, въ устройствѣ которыхъ доходилъ до первыхъ началъ самоуправленія. Еще лучшимъ противодѣйствіемъ могло сдѣлаться постепенное развитіе общественнаго сознанія, умѣнье пользоваться своими правами, умѣнье защищать ихъ въ предѣлахъ закона. Мысль объ этомъ созрѣваетъ въ наше время, и нѣтъ сомнѣнія, что только въ ней мы можемъ почерпнуть средства противъ недостатковъ управленія, которые такъ долго и такъ напрасно старались исправить однѣми внѣшними мѣрами.

Еще несправедливѣе упрекъ въ бюрократизмѣ. У Сперанскаго не было расположенія усиливать вмѣшательства чиновниковъ, и не замѣтно особеннаго довѣрія къ чиновничьему элементу. Напротивъ, онъ старался, по мѣрѣ возможности, привлекать къ управленію образованную часть общества, и не только боялся усложнять администрацію въ губерніяхъ, но вносилъ избирательное начало въ самый сенатъ, а въ совѣты министровъ—участіе спеціялистовъ. Считать его основателемъ бюрократіи, или хотя причиной ея преобладанія, значитъ обнаруживать совершенное незнакомство съ исторіей. Бюрократію точно также нельзя выдумать, какъ и централизацію. Въ Англіи была не одна попытка самовластія, отчего же тамъ не сложилось бюрократіи? Вотъ почему одно невѣжество можетъ называть русское чиновничество „нѣмецко-татарскимъ изобрѣтеніемъ"; одно легкомысліе можетъ не видать въ этой фразѣ тяжкаго оскорбленія для народа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое нація, которую чуждое вліяніе можетъ подчинить силѣ, постоянно дѣйствующей нѣсколько вѣковъ сряду? Такое оправданіе народа хуже всякаго обвиненія. Еще хуже то, что такія фразы, выставляя въ ложномъ свѣтѣ цѣлый историческій фактъ, скрываютъ настоящій корень зла и замѣняютъ пониманіе его эффектными жалобами. Если бюрократическій элементъ до такой степени чуждъ русскому духу, то что же мѣшаетъ отъ него избавиться? Нѣтъ, бюрократія не была чужеземною выдумкой. Татары не могли подарить намъ ее по самой простой причинѣ: у нихъ ея не было; а нѣмцамъ было трудно дѣлать намъ такой подарокъ, за который мы могли бы отблагодарить ихъ сторицей. Не татарскіе баскаки, не „шрейберы" петровскихъ временъ дали характеръ нашему управленію. Источникъ его заключается въ цѣломъ ходѣ нашей исторіи. Господство бюрократіи было плодомъ неразвитости общественныхъ элементовъ, которое долго дѣлало ихъ неспособными къ государственной роли. Въ обществѣ, сознающемъ интересы народнаго единства и умѣющемъ жертвовать имъ частною выгодой, бюрократія не усилится. Мѣсто ея займутъ сословія, общины, корпораціи, которыя въ административныя дѣла внесутъ начало самоуправленія, а въ государственныя — разумное содѣйствіе верховной власти. Бюрократія останется въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она необходима. Но если общество держится только матеріяльными интересами, или безсознательною связью племеннаго единства; если, нуждаясь въ государственной власти, оно не умѣетъ содѣйствовать ей и руководится только частною пользою, то государству нѣтъ другаго средства, какъ усилить собственныя орудія. Чиновники являются здѣсь не одними изъ органовъ политической жизни, но исключительными ея пред-

ставителями. Добровольное содѣйствіе общественыхъ силъ замѣняется слѣпою покорностью людей, безусловно зависящихъ отъ власти и связанныхъ съ нею личною выгодой. Государство набираетъ для внутренняго управленія армію чиновниковъ точно также, какъ для внѣшней защиты оно набираетъ армію солдатъ. Стоитъ только вспомнить исторію западной Европы, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого. Бюрократія не развилась только тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи или Нидерландахъ, сословія не стояли враждебно другъ къ другу и были рано вынуждены содѣйствовать общему дѣлу. Гдѣ же, напротивъ, они были разъединены и не умѣли проникнуться государственными цѣлями, тамъ, въ интересахъ самаго народа, должна была создаться централизація, и побѣда государственной власти оставила за собою легіоны чиновниковъ. У насъ, если и не было борьбы сословій, то была за то другая, не менѣе сильная причина. Государство нигдѣ не встрѣчало ни поддержки, ни препятствія. На немъ лежала тяжелая обязанность созидать учрежденія, не выработанныя народною жизнью, но необходимыя Россіи для ея безопасности и развитія. Отъ того бюрократія появилась у насъ съ первыми началами государственнаго порядка. Она была вызвана несостоятельностью московскаго боярства, не умѣвшаго перемѣнить старыя понятія дружины на другія, болѣе государственныя. Великому князю всея Руси трудно было расчитывать на людей, которые не дѣлали различія между Литвою и Русью. Отъ того князья привыкали дѣлать дѣла, запершись въ своей опочивальнѣ, окруженные незнатными дьяками. Бюрократія развилась и усилилась вслѣдствіе слабости общиннаго быта, не удовлетворявшаго главнымъ потребностямъ государства. Передъ реформою Петра Великаго она стояла, готовая и могучая, проникая всѣ отрасли управленія и всюду принося духъ такаго формализма, какому и позже немного было примѣровъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи она подверглась только той перемѣнѣ, что сдѣлалась гораздо образованнѣе и принимала участіе въ лучшихъ законодательныхъ мѣрахъ. На эту-ту благопріятную перемѣну, вызванную впрочемъ самимъ временемъ, Сперанскій имѣлъ вліяніе. Ему принадлежитъ честь тѣхъ косвенныхъ мѣръ, которыя въ государственной службѣ упрочили первое мѣсто за образованіемъ и дали ему перевѣсъ надъ посѣдѣлою рутиной. Если дѣятельность русскаго чиновничества и была замѣтнѣе въ наше время, то причина этого въ томъ, что на долю его выпадало болѣе серьозныхъ вопросовъ, и что, по мѣрѣ развитія управленія, она естественно принимала большіе размѣры; но въ характерѣ этого явленія не было ничего новаго. Говоря объ администраціи XIX вѣка, этого не надобно упускать изъ виду. Справедливыя жалобы на недостатки настоящаго порядка не должны переноситься въ прошедшее. Какъ ни законно требованіе большей самостоятельности для общества, оно не даетъ намъ права бросать камень въ людей, которые дѣйствовали при другихъ условіяхъ. Осуждая недостатки бюрократическаго порядка, не забудемъ, что бюрократіи нынѣшняго столѣтія мы обязаны лучшими реформами, бывшими у насъ до сихъ поръ, и которыхъ прежде, кромѣ ея, некому было ни задумать, ни исполнить. Въ этомъ отношеніи исторія обязана отдать ей справедливость.

IV.

Переходимъ къ другимъ работамъ Сперанскаго. Мы не станимъ говорить о нихъ подробно. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Каждая сторона этой обширной дѣятельности могла бы сдѣлаться предметомъ особаго, большаго изслѣдованія. Укажемъ только на главные вопросы, которые занимали знаменитаго администратора въ то самое время, когда онъ пересоздавалъ высшее управленіе.

Особенное вниманіе Сперанскій обратилъ на состояніе финансовъ. Русскіе финансы находились въ его время въ довольно безотрадномъ положеніи. Періодическія колебанія, которымъ эта часть нашего управленія подвергается съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ, возобновились въ началѣ царствованія Александра I. Въ сущности однако положеніе государственнаго казначейства не было хуже того, которое продолжалось во весь XVIII вѣкъ, за исключеніемъ лучшихъ годовъ Екатерины; но обязанности, лежавшія на правительствѣ, въ виду внѣшнихъ столкновеній и внутреннихъ реформъ, дѣлали затрудненія болѣе чувствительными; къ этому надобно прибавить, что нѣсколько прежнихъ ошибочныхъ мѣръ заставляли опасаться настоящаго кризиса. Екатерина ввела въ первый разъ систему ассигнацій; эта мѣра, безъ всякаго сомнѣнія, была полезна; но потомъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ дефицитовъ, была сдѣлана важная ошибка: неумѣренный выпускъ ассигнацій обременилъ денежный рынокъ и повелъ къ постепенному ихъ упадку. Правительство не знало, чѣмъ пополнить грозный недостатокъ средствъ, становившійся замѣтнѣе съ каждымъ годомъ. Государственный долгъ возрасталъ быстро. Бюджетъ на 1810 года представлялъ неутѣшительныя цифры: 125 милліоновъ дохода, 230 милліоновъ расхода, 577 мил. долга, ни малѣйшаго запаснаго фонда и ни одного готоваго источника дохода! Финансовая часть находилась въ рукахъ людей, то совершенно неспособныхъ, то не возвышавшихся надъ уровнемъ простой, практической опытности. Въ 1810 году оставалось не много людей и послѣдняго рода. Императоръ Александръ не зналъ, кому ввѣрить это министерство, и поручивъ его наконецъ, за отказомъ другихъ, Гурьеву, потребовалъ отъ Сперанскаго плана возможнаго преобразованія.

Этотъ планъ поспѣлъ съ той изумительной быстротою, съ какой обыкновенно созрѣвали административные проекты Сперанскаго. Въ манифестѣ объ образованіи государственнаго совѣта уже упоминалось о новыхъ мѣрахъ, и вскорѣ огромный докладъ въ 238 статей лежалъ передъ государемъ. Сперанскій отправлялся отъ мысли, что «всякій финансовый планъ, предлагающій способы легкіе и не помогающій ограниченію въ расходахъ, есть явный обманъ, влекущій государство въ погибель». Чтобъ вывести Россію изъ ея несчастнаго положенія, онъ требовалъ «сильныхъ мѣръ и важныхъ пожертвованій». Эти сильныя мѣры заключались: 1) въ пресѣченіи выпуска ассигнацій, 2) въ сокращеніи расходовъ, 3) въ установленіи лучшаго контроля надъ государственными издержками, и наконецъ 4) въ новыхъ налогахъ. Прежде всего Сперанскому удалось исполнить ту часть проекта, которая относилась къ сокращенію расходовъ. По бюджету 1810 года расходы были сокращены болѣе чѣмъ на 20 милліоновъ. Чтобы внести правильность въ употребленіе доходовъ, экономическія суммы всѣхъ вѣдомствъ объявлены принадлежащими государственному казначейству, и запрещены всякія издержки безъ представленія отъ министра финансовъ и утвержденія государственнымъ совѣтомъ. Для востановленія кредита и упадшей цѣнности ассигнацій образованъ особый капиталъ погашенія. Онъ долженъ былъ составиться посредствомъ постепенной продажи государственныхъ имуществъ въ частную собственность въ теченіи пяти лѣтъ. Сверхъ того предполагалось открыть внутренній срочный заемъ на сумму не свыше 100 милліоновъ, раздѣленную на пять частей. Коммиссія погашенія долговъ принимала вклады не менѣе 1,000 руб. серебромъ отъ лицъ всѣхъ состояній и выдавала на нихъ облигаціи, по которымъ уплачивала ежегодно по 6 процентовъ, а по истеченіи срока возращала самый капиталъ, производя всѣ эти платежи серебряною или золотою монетою. Ассигнаціи, возвратившіяся къ правительству черезъ эти вклады, сожигались.

Сама коммиссія получила такой составъ, который долженъ былъ внушить къ ней довѣріе торговыхъ классовъ: въ ней присутствовали лица какъ отъ короны, такъ и по выбору отъ купечества. Наконецъ, Сперанскій занялся положеніемъ размѣнной монеты. За главную монетную единицу принятъ былъ серебряный рубль, который съ тѣхъ поръ постоянно сохранялъ это значеніе. Приняты мѣры для увеличенія количества мелкой серебряной монеты, которою Сперанскій желалъ совершенно замѣнить мѣдную, оставивъ послѣднюю только въ небольшомъ числѣ и превративъ ее въ биллонъ. Чрезъ это онъ думалъ постепенно возтановить довѣріе къ ассигнаціямъ, облегчивъ ихъ размѣнъ на монету, и прекратить колебанія въ самой монетной системѣ.

Всѣ эти операціи удались только отчасти. Внутренній заемъ шелъ недурно, и первая часть его была покрыта въ началѣ слѣдующаго года. Но продажа государственныхъ имуществъ была очень незначительна и не покрыла нуждъ казначейства. Казенныхъ имѣній было продано, въ продолженіи 1810 года, на сумму, составлявшую около пятой части той, которую предполагалось выручить. Любопытны причины, которымъ потомъ Сперанскій приписывалъ неудачу этой мѣры. Они состояли въ слабыхъ средствахъ управленія и въ недостаткѣ вѣрныхъ свѣдѣній о государственномъ хозяйствѣ, Для продажи имѣній потребовалось составленіе описей, продолжавшееся очень долго; оцѣнка была сдѣлана преувеличенная, а мѣстныя коммиссіи, не находя въ продажѣ никакой для себя выгоды, тянули дѣло всѣми способами. Точно также не удалось и предположенное сокращеніе расходовъ. Дѣйствительный оборотъ 18 0 года превзошелъ бюджетъ на 56 милліоновъ и, вмѣсто ожиданнаго остатка, надобно было еще добавить эту сумму. Это непредвидѣнное обремененіе казначейства не было виною Сперанскаго: оно было слѣдствіемъ военныхъ приготовленій Россіи, но позже оно не разъ ставилось ему въ упрекъ. Еще болѣе жалобъ вызвала та мѣра, передъ которою такъ долго отступали русскіе финансисты, и которую рѣшительный Сперанскій не усомнился взять на себя,— увеличеніе налоговъ. По замѣчанію его, въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ, „каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакожъ, чтобъ кто нибудь ее понесъ". Налоги дали средство, по крайней мѣрѣ, уменьшить дефицитъ и, безъ всякаго сомнѣнія, много помогли правительству среди политическихъ его затрудненій. Всѣ эти мѣры были пополнены тарифомъ, имѣвшимъ благодѣтельное вліяніе на нашу торговлю, и особенно на сношенія съ Англіей.

Не входя въ подробный разборъ финансоваго плана Сперанскаго, замѣтимъ, что имъ въ первый разъ внесены начала отчетности и повѣрки въ ту часть нашего управленія, которая, нуждаясь въ нихъ всего болѣе, долѣе всѣхъ оставалась въ совершенномъ разстройствѣ. Это былъ важный и тяжелый подвигъ. Первый серьозный бюджетъ Россіи, обсужденный не однимъ или двумя лицами, а постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, былъ составленъ Сперанскимъ. Въ первый разъ устранялся произволъ въ финансовыхъ мѣрахъ, и распоряженія власти подкрѣплялись обращеніемъ къ довѣрію общества и гласностью операцій. Наконецъ, въ расходахъ въ первый разъ былъ какой нибудь порядокъ. Самъ Сперанскій такъ изображаетъ произведенную имъ перемѣну: „Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстра-ординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и въ концѣ всего, ожидать еще ревизіи контролера". *) Благодаря этимъ мѣрамъ, доходы, въ

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1, стр. 242.

теченіи двухъ лѣтъ, были слишкомъ удвоены. Въ 1810 году ихъ считалось только 125 милліоновъ, къ 1812 году сумма ихъ доходила до 300 милліоновъ. Опасенія, возбужденныя крутымъ поворотомъ въ финансахъ, не оправдались. Не смотря на ропотъ общества на налоги, а министровъ - на контроль и отчетность, не смотря на мрачныя предсказанія со всѣхъ сторонъ, правительство освободилось отъ главныхъ своихъ затрудненій.

Гораздо менѣе пользы принесла въ это время другая дѣятельность Сперанскаго. Человѣкъ, впослѣдствіи связавшій свое имя съ сводомъ законовъ и открывшій новую эпоху въ законодательствѣ Россіи, началъ свои труды съ самой неудачной попытки. Направленіе, которое, съ 1808 года до самой ссылки, онъ давалъ коммиссіи составленія законовъ, справедливо подвергалось нареканію. Онъ не понялъ тогда своей задачи и съ перваго раза попалъ на ложную дорогу. Но ошибка его не была совершенно-произвольна и объясняется отчасти исторіею законодательныхъ работъ въ Россіи. Трудно представить себѣ что-нибудь безотраднѣе состоянія русскихъ законовъ въ продолженіи XVIII вѣка и въ началѣ нынѣшняго. Слишкомъ сто лѣтъ смѣнялись, одна за другою, коммисіи законовъ, и когда Сперанскій приступилъ къ своей работѣ, ихъ насчитывалось уже десять. Вникая въ характеръ того законодательства, которое постепенно наростало послѣ уложенія 1649 года, легко понять причину ихъ полнаго неуспѣха. Уложеніе было плодомъ приказной практики и само продолжало пополняться ею. Всѣ его положенія и всѣ новоуказныя статьи, были результатомъ „примѣрныхъ дѣлъ" и приговоровъ боярской думы. Но приказная практика находилась тогда въ переходномъ состояніи. Въ теченіи XVII вѣка сложилось такъ много новыхъ отношеній, что старинное, казуистическое право давно не удовлетворяло имъ. Безпрестанно возникали дѣла, которыя не могли быть рѣшены по прежнимъ, немногосложнымъ законамъ. Помѣстное и вотчинное право, формы судопроизводства, система обязательствъ, все понемногу перерождалось. Нужна была полная переработка юридическихъ началъ, для которой не доставало у насъ самаго перваго условія—науки. Реформа Петра еще болѣе затруднила и безъ того сложную задачу. Она дала такой поводъ жизни, при которомъ прежнія юридическія понятія не всегда оказывались состоятельными. Половинныя мѣры этого времени не помогали дѣлу, а скорѣе запутывали его. Вскорѣ самыя главныя основанія русскаго права были подкопаны странною неопредѣленностью. Вотъ одинъ любопытный примѣръ этого. Въ 1738 году одна изъ многочисленныхъ коммиссій уложенія, пятая по счету, наивно требовала у коллегій и губерній объясненія по самымъ существеннымъ вопросамъ судопроизводства. Она спрашивала, по какимъ причинамъ разрѣшается неявка истцовъ и отвѣтчиковъ, какіе допускаются повѣренные, отчего „розыскныя и пыточныя дѣла" тянутся долго и не могутъ быть рѣшены „безъ дальняго кровопролитія" и проч. *). Къ запутанному положенію законодательства присоединялось еще совершенное непониманіе путей реформы. Коммиссіи должны были не только собирать существующіе законы, но также „и новые пунты дѣлать", если въ прежнихъ что нибудь покажется „несходнымъ". Работа ихъ называлась то „сводомъ", то „сочиненіемъ уложенія". Понятно, что исполнить заразъ обѣ эти задачи было почти невозможно: трудно исправлять законодательство, только что знакомясь съ нимъ и еще не зная его въ полномъ объемѣ. Неясность цѣли отражалась и въ составѣ коммиссій. Правительство то обращало вниманіе на техническую сторону работы, то заботилось, чтобъ законы были удобны для населенія. Поэтому составъ коммиссій безпрестанно измѣнялся. Онѣ поперемѣн-

*) П. С. З. № 7486.

но наполнялись то изъ числа „людей свѣдомыхъ въ правахъ", то просто „знатными и добрыми людьми" изъ офицеровъ и дворянъ, выбранныхъ въ провинціяхъ, по старому преданію уложенія. Послѣдній способъ лучше всего доказываетъ, какъ невѣрно понимались тогда и современныя требованія и труды прежняго времени. Соборъ, созванный въ 1649 году, вовсе не былъ законодательною коммиссіею; составить уложеніе было поручено не ему, а спеціялистамъ—дьякамъ. Соборъ долженъ былъ только выслушать законы и подать просьбы объ отмѣнѣ тѣхъ изъ нихъ, которые казались обременительны. Ему предоставлено было утвердить сдѣланную работу и дать ей значеніе „соборнаго уложенія". Въ XVIII столѣтіи на депутатовъ хотѣли возложить обязанность, къ которой они были совершенно неспособны,—составить систематическій сводъ и, въ добавокъ, переработать его. Верховный надзоръ сената, разрѣшавшаго сомнительные вопросы, былъ плохою помощью, и съ 1700 года по 1767 ничего не было сдѣлано. Въ этомъ году императрица Екатерина созвала свою знаменитую коммисію, о которой теперь такъ много преданій и такъ мало вѣрныхъ свѣдѣній. Эта коммиссія отличалась отъ прежнихъ не только бо̀льшимъ значеніемъ, но и лучшимъ устройствомъ. Ей предоставленъ былъ пересмотръ законовъ по всѣмъ частямъ законодательства, исключая военную и морскую. Депутаты не были, по прежнему, выбраны сенатомъ, или губернаторами по соглашенію съ шляхетствомъ; купцы призывались не по однимъ коммерческимъ дѣламъ; всѣ сословія, даже крестьяне и иновѣрцы, выбирали своихъ депутатовъ непосредственно. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сословія даже дали имъ инструкціи, съ подробнымъ указаніемъ на свои нужды. Это было настоящее законодательное собраніе. Организація коммиссіи была довольно удачна. Она подраздѣлялась на отдѣльныя коммисіи, которыя составляли проекты для общаго собранія; сверхъ того четыре изъ нихъ наблюдали за внѣшнимъ ходомъ дѣла; одна занималась особенно собраніемъ и сводомъ существующихъ законовъ. Казалось, всѣ условія соединились для успѣшнаго хода работы; но она подвинулась немного. Общее собраніе было распущено, правда, черезъ пять мѣсяцевъ, но отдѣльныя коммиссіи трудились цѣлыя пять лѣтъ и приготовили только нѣсколько плановъ и небольшихъ проектовъ. Замѣчательно. что почти тотчасъ было признано полезнымъ уменьшить число ихъ членовъ. Не имѣя подробныхъ свѣдѣній о работѣ ихъ, трудно, конечно, судить объ ея результатѣ. Сохранилось преданіе, что Екатерина много черпала послѣ изъ составленныхъ тогда проектовъ; но главная цѣль коммиссіи—составленіе сборника законовъ, все таки не была достигнута. По крайней мѣрѣ позднѣйшая исторія русской кодификаціи нисколько не свидѣтельствуетъ о подготовкѣ ея знаменитою попыткою Екатерины, имѣвшей много значенія для воспитанія общества, но, кажется, никакого для свода законовъ.

Послѣ такой блестящей неудачи, естественно было возвратился къ прежней методѣ. При императорѣ Павлѣ назначена была девятая коммиссія съ очень небольшимъ числомъ чиновниковъ, въ подчиненіи генералъ-прокурору, и съ самою простою задачей. Ей поручалось собрать существующіе законы и раздѣлить ихъ на три книги, по страннымъ рубрикамъ: законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и казенныхъ. Работа совершенно отвѣчала лихорадочному типу цѣлой эпохи. Она шла быстро: было составлено 17 главъ о судопроизводствѣ, 9 о дѣлахъ вотчинныхъ и 13 объ уголовныхъ законахъ. Что̀ это были за проекты, видно изъ того, что при императорѣ Александрѣ пришлось все дѣло начинать снова.

Коммиссія 1804 года была первая, ставшая хотя отчасти на вѣрную дорогу. Возникшая по плану барона Розен-

кампфа, она находилась при министерствѣ юстиціи и состояла изъ совѣта и трехъ экспидицій, подъ начальствомъ референдаріевъ. Но отказываясь отъ двойной цѣли—собранія и исправленія законовъ, она по крайней мѣрѣ поняла невозможность дать государству вдругъ совершенно новое законодательство. По докладу тогдашняго министра юстиціи князя Лопухина, на коммиссію была возложена обязанность «изъ существующихъ въ Россіи указовъ и постановленій извлечь законы, утвержденные уже печатію народнаго благоденствія». Дѣломъ ея былъ притомъ не простой выборъ законовъ, но еще утвержденіе ихъ „на непоколебимыхъ основаніяхъ права", выраженіе, которымъ докладъ переводитъ латинскій терминъ: principia juris*). Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль кодификаціи никогда еще не была указана такъ ясно. Но избранная метода была менѣе удачна: безъ предварительнаго историческаго собранія законовъ коммиссіи легко было потеряться въ частностяхъ. Это и случилось, и притомъ тѣмъ легче, что главнымъ распорядителемъ работы было лицо иностраннаго происхожденія, мало знакомое съ Россіею и еще менѣе съ ея исторіей. Розенкампфъ,на практикѣ, безпрестанно уклонялся отъ собственнаго плана. Громадные размѣры труда давили его; онъ безпрестанно изобрѣталъ новыя системы кодификаціи, то занимаясь сличеніемъ иностранныхъ законодательствъ, то бросаясь въ историческую школу, то наконецъ прибѣгая къ тереотическому объясненію законовъ. „Его коммиссія, говоритъ баронъ Корфъ, подвигалась точно также медленно и безуспѣшно, какъ прежнія; въ публикѣ же не могли довольно надивиться, что къ составленію уложенія для величайшей въ свѣтѣ имперіи выбранъ, предпочтительно передъ всѣми, человѣкъ, не знающій ни ея законовъ, ни нравовъ и обычаевъ, ни даже языка". **)

*) П. С. З № 21, 187.
**) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1. стр. 147—148.

Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ Александръ обратился къ Сперанскому. Это было въ 1808 году, не задолго до эрфуртской поѣздки. Сперанскій былъ назначенъ присутствующимъ въ совѣтѣ коммиссіи, гдѣ до тѣхъ поръ находились только министръ юстиціи и его товарищъ, и вскорѣ сдѣлался настоящимъ ея начальникомъ. Не смотря на это, онъ не скоро принялся за работу, и назначеніе его имѣло сначала только одно послѣдствіе—совершенную остановку комиссіи. Занятія ея возобновились уже въ 1809 году, когда Сперанскій сдѣланъ былъ товарищемъ министра юстиціи. Составъ коммиссіи подвергся тогда полному измѣненію. Совѣтъ ея увеличенъ новыми членами и вмѣсто прежнихъ экспедицій, учреждены отдѣленія, особо для каждаго права: гражданскаго, уголовнаго, торговаго, провинціальнаго и т. д. Вся распорядительная часть сосредоточивалась въ рукахъ одного Сперанскаго; а совѣтъ, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, былъ учрежденъ болѣе „для примиренія коммиссіи съ общимъ мнѣніемъ". Но общему мнѣнію трудно было примириться съ дѣломъ, которое вовсе не двигалось, и, вѣроятно, чувствуя это, Сперанскій рѣшился взять коммисію въ ближайшее свое завѣдываніе. Въ 1810 году она была превращена въ учрежденіе, непосредственно подчиненное государственному совѣту, собственный ея совѣтъ упраздненъ, а Сперанскій получилъ званіе директора. Съ этой минуты работа закипѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ начались громкія, вполнѣ справедливыя жалобы на легкомысленный способъ, которымъ совершался величайшій законодательный переворотъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ что нибудь неудачнѣе. Изумительная легкость пріемовъ сопровождала законадательныя труды человѣка, который въ административной реформѣ обнаружилъ столько осторожности и такта. Сперанскій не затруднялся пріисканіемъ средствъ для самой радикальной пере-

мѣны. Его метода не грѣшила сложностью. Онъ далъ каждому отдѣленію особый планъ для составленія различныхъ уложеній. Эти планы были простыя перечисленія рубрикъ по французскому кодексу, и къ нимъ-то канцелярскіе законодатели должны были пріурочивать будущее русское право. Но этого было мало. Канцелярская ребота лежала по прежнему на Розенкампфѣ, которому Сперанскій не довѣрялъ. Розенкампфъ составлялъ проекты по французски, и прежде внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, ихъ надобно было, кромѣ исправленія, еще переводить. Эта переработка совершалась очень быстро. Директоръ коммиссіи посвящалъ ей нѣсколько часовъ въ каждый понедѣльникъ, передъ самымъ засѣданіемъ совѣта. Въ 6 часовъ утра къ нимъ являлся старшій письмоводитель Вронченко съ русскимъ переводомъ тетрадей Розенкампфа. „Сперанскій, прочитывая работу, перечеркивалъ большую ея часть; исправленное имъ Вронченко приводилъ въ порядокъ, а четыре писца переписывали, и къ началу засѣданія поспѣвало нѣсколько стройныхъ главъ". *) Такъ было составлено почти все гражданское уложеніе, котораго двѣ части были уже одобрены государственнымъ совѣтомъ въ 1812 лоду, а третья разсматривалась. Россія чуть не получила плохой переводъ наполеоновскаго кодекса въ качествѣ своего гражданскаго права. Что такое были эти проекты, можно заключить изъ этого, что ими безъ всякой нужды вносились чуждыя юридическія понятія, иногда стѣснительныя и тамъ, гдѣ они созданы исторіей, и пропускались безъ вниманія цѣлыя, вѣковыя стороны нашей юридической жизни. Напримѣръ, въ наслѣдственное право вносилось, неизвѣстно зачѣмъ, римское понятіе о законномъ наслѣдникѣ (въ противоположность легатарію), а между тѣмъ въ отдѣлѣ собственности не сказано были ни слова о различныхъ видахъ сословнаго владѣнія. Были не только безполезныя перемѣны, но даже и противорѣчія. Старинное наслѣдованіе женою 7-й части замѣнено было отдачею вь пожизненное владѣніе цѣлой половины имѣнія; въ одной статьѣ говорилось, что жалобы на составленіе участковъ въ наслѣдствѣ не допускаются, а другая позволяла просить передѣла по уважительнымъ причинамъ*). Нельзя понять, какимъ образомъ въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ было столько личныхъ враговъ у Сперанскаго, подобные проекты не встрѣтили болѣе сильной оппозиціи и не были совершенно отвергнуты. Но сила его была такъ велика, что, не смотря на общее негодованіе, они проходили благополучно, и быстро воздвигался новый юридическій быть, къ великому прискорбію тѣхъ, которые утверждали его своимъ податливымъ согласіемъ.

Мы не станемъ оправдывать Сперанскаго. Его увлеченія нельзя объяснить однимъ легкимъ взглядомъ эпохи. Онъ очевидно не выполнилъ даже и тѣхъ условій, которыя, по собственному его мнѣнію, были необходимы для удачнаго хода дѣла. Не видно, напримѣръ, чтобъ переписка съ иностранными учеными, съ которыми сначала онъ хотѣлъ совѣтоваться, имѣла хотя сколько нибудь вліянія на скороспѣлую работу коммиссіи. Скажемъ просто: здѣсь онъ былъ менѣе приготовленъ, нежели въ администраціи, и поддался невольному чувству собственаго превосходства и довѣрія къ себѣ Можетъ быть также, что и онъ отчасти не могъ устоять противъ опьяняющаго дѣйствія власти и не желалъ лишить себя того значенія, которое новой трудъ давалъ ему въ глазахъ современниковъ. Но при всемъ этомъ, его увлеченіе было однако гораздо понятнѣе въ то время, чѣмъ оно было бы въ наше. Быстрое составленіе наполеонова кодекса его очаровало, а при недостаткѣ юридическаго образо-

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1-я, стр. 158.

*) Чтенія, 1859 года, книга 3, смѣсь, стр. 1—28.

ванія, ему осталась неизвѣстна вѣковая, историческая подготовка этого памятника. Впослѣдствіи онъ сталъ серьезнѣе смотрѣть на дѣло, и понялъ, что законы не импровизируются.

Не останавливаясь на второстепенныхъ занятіяхъ Сперанскаго, которыхъ было очень много, поговоримъ о двухъ указахъ, которые играли важную роль въ его судьбѣ. Оба они вышли въ 1809 году. Одинъ относился къ придворнымъ званіямъ, другой былъ знаменитый указъ объ экзаменѣ на гражданскіе чины.

Указъ о каммергерахъ и каммеръ-юнкерахъ отнималъ у нихъ привилегію, которою они пользовались со временъ Екатерины II, получать, вмѣстѣ съ придворнымъ званіемъ, чины 4-го и 5-го классовъ. Это право, избавлявшее знатную молодежь отъ труда долговременной службы, вело къ наполненію высшихъ государственныхъ должностей людьми не только неспособными, но даже вовсе безъ опыта. Уничтоженіе такого страннаго преимущества, обдуманное государемъ съ однимъ Сперанскимъ, было новостью для всего двора. Понятно, какой гнѣвъ должна была возбудить эта мѣра въ рядахъ тогдашнихъ вельможъ, затронутыхъ въ лицѣ своихъ сыновей и родственниковъ. Указъ 3-го апрѣля не только отнималъ всякую надежду на быстрое повышеніе въ будущемъ, но оскорблялъ и настоящіе интересы, требуя отъ каммергеровъ и каммеръ-юнкеровъ поступленія въ дѣйствительную службу въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Въ глазахъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ новый законъ принялъ размѣры настоящей политической катастрофы. Въ любопытной перепискѣ графа де-Мэстра сохранились живыя подробности всеобщей скорби, овладѣвшей сердцами настоящихъ и будущихъ придворныхъ: заговорили чуть-чуть не о паденіи государства; на Сперанскаго посыпались обвиненія въ иллюминатствѣ, революціонномъ духѣ, въ ненависти къ дворянству и т. д. Все это, безъ сомнѣнія, немало подготовило то нерасположеніе, съ которымъ были встрѣчены административныя реформы 1810 года.

Но Сперанскій не боялся ропота. Поразивъ интересъ высшаго дворянства въ самое чувствительное мѣсто, онъ поднялъ противъ себя, черезъ четыре мѣсяца, другую, страшную бурю въ низшихъ рядахъ государственной службы. 10-го августа того же года вышелъ другой указъ, тоже обдуманный Александромъ и Сперанскимъ съ глазу на глазъ и заранѣе извѣстный одному Аракчееву. Запрещалось производить въ чины коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника безъ университетскаго аттестата или предварительнаго экзамена. Люди, посѣдѣлые на службѣ, вдругъ лишались всякой надежды на повышеніе. Стонъ и плачъ распространился по цѣлой имперіи, и провинціи, до тѣхъ поръ равнодушныя къ петербургскимъ сплетнямъ, присоединились къ столицамъ въ общемъ хорѣ проклятій. Сарказмы посыпались на дерзкаго поповича. Кто-то на публичномъ маскарадѣ въ Петербургѣ привлекъ общее вниманіе, нарядившись въ старинный мундиръ и повѣсивъ себѣ на спину надпись: „№ 1,200,301, вѣчнаго цеха титулярный совѣтникъ". Кажущаяся непослѣдовательность указа давала обильную пищу критикѣ. Спустя два года Карамзинъ справедливо замѣчалъ въ своей запискѣ, что у насъ требованія отъ чиновниковъ, которыхъ прежде вовсе не было, вдругъ стали выше, чѣмъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ. „У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, секретарь сенатскій - свойства оксигена и всѣхъ газовъ, вице-губернаторъ — пиѳагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ — римское право, или умрутъ надворными и титулярными совѣтниками!" *) Люди, которые и не доходили до такихъ преувеличеній, не могли однако не замѣтить, что вслѣдствіе новаго закона опытность совершенно исключалась, на пер-

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1-я, стр. 180.

вое время, изъ высшихъ административныхъ мѣстъ. Всѣхъ поражала явная несообразность—требовать отъ чиновниковъ неспеціальнаго образованія, необходимаго для службы, а общаго, которое повидимому вовсе для нея не нужно. Чрезъ нѣсколько лѣтъ къ этимъ причинамъ осужденія можно было прибавить новыя: испытаніе сѣдыхъ экзаменующихся не могло быть серьознымъ; экзаменъ поэтому тотчасъ превратился въ пустую формальность, или, что̀ еще хуже, въ торговлю университетскими свидѣтельствами. Во всѣхъ этихъ нареканіяхъ была, разумѣется, доля правды. Радикальная ошибка новой мѣры состояла въ томъ, что она касалась не только будущаго, но не щадила и настоящаго. Въ сущности не было никакой необходимости подвергать такому истязанію людей, состарѣвшихся на службѣ, и достаточно было устранить необразованныхъ чиновниковъ на будущее время, назначивъ, напримѣръ, срокъ, послѣ котораго не допускается производства безъ аттестата. Но это единственный серьозный упрекъ, который можно сдѣлать указу 1809 года. Всѣ другіе разлетаются при первомъ внимательномъ взглядѣ. Въ особенности Сперанскій показалъ тактъ государственнаго человѣка, требуя вообще университетскаго аттестата, а не спеціяльнаго, административнаго экзамена. Послѣдній былъ невозможенъ вь тогдашней Россіи. Спеціяльное испытаніе хорошо тамъ, гдѣ существуетъ наука права, гдѣ есть обработанная судебная практика, юридическая или политическая литература. Ничего этого у насъ тогда не было; оставалось по этому ограничиться требованіемъ общаго образованія, съ цѣлью—доставить службѣ людей болѣе развитыхъ умственно и нравственно. Въ предѣлахъ возможности эта цѣль была достигнута. Съ 1809 года старинные подъячіе, наслѣдники московскихъ приказовъ, постепенно отодвигаются въ ряды низшей администраціи, и уровень служебной нравственности, какъ ни низко стоялъ онъ по временамъ, поднимается сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда, безъ зазрѣнія совѣсти, служба называлась „наживочными дѣлами“, и люди, составляющіе гордость потомства, не стыдились однако обкрадывать свое отечество.

V.

Въ то время, когда Сперанскій такъ быстро продолжалъ свои реформы, противъ него неутомимо велась подземная работа и накоплялась страшная гроза, ждавшая только минуты, чтобъ разразиться. Въ глазахъ придворной аристократіи Сперанскій былъ ненавистнѣе всякаго временщика. Онъ тревожилъ ее не только своими мѣрами, но цѣлой своей личностью. Временщики былаго времени дѣлались иногда предметомъ зависти, вызывали противъ себя интриги, но они не задѣвали всѣхъ интересовъ, и для нѣкоторыхъ вліяніе ихъ было не безъ личной пользы. Сперанскій, напротивъ, былъ опасенъ для всякаго личнаго вліянія, потому что своимъ значеніемъ былъ обязанъ не случаю, а тѣмъ государственнымъ идеямъ, которыхъ былъ представителемъ. Начатыя имъ реформы каждый день сметали какую нибудь привилегію. При новомъ порядкѣ становилось тѣсно полуграмотнымъ дѣльцамъ XVIII вѣка и фаворитамъ гатчинскаго лагеря. Съ другой стороны Сперанскій поднялъ на себя цѣлые полки подъячихъ. Опоры у него не было. Его свѣтскія связи были рѣдки и не прочны. Осторожность, а можетъ быть, и нѣкоторая гордость, мѣшали ему сближаться съ высшимъ кругомъ. Эта сдержанность, которая такъ много помогла ему въ началѣ карьеры, теперь обратилась ему во вредъ. Она многихъ оскорбляла и всѣхъ заставляла предполагать какіе-то скрытные замыслы въ молчаливомъ совѣтникѣ государя. Начались догадки, иногда, можетъ быть, даже искреннія. Сперанскій самъ помогалъ имъ. Среди упоенія успѣха и въ сознаніи власти, у него по временамъ вырывались слова, которыя пугали обще-

ство. Такъ, воротясь изъ Эрфурта, онъ безпрестанно говорилъ, что у насъ все дурно, все нужно передѣлать: „*il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap*“, хотя самъ же черезъ годъ совѣтывалъ императору „не терять времени, но избѣгать всякой торопливости“. Личное неудовольствіе многихъ раздувало общественную подозрительность. Особенно негодовала на него большая часть министровъ, для которыхъ онъ былъ олицетвореніемъ надзора, между тѣмъ какъ, по его же выраженію, каждый изъ нихъ считалъ свое министерство за пожалованную деревню. Наконецъ, даже лучшія его реформы давали пищу обвиненіямъ. Благодаря имъ, зло, таившееся прежде, нерѣдко выходило наружу, а колебанія въ общественномъ порядкѣ, обыкновенно сопровождающія переходъ отъ стараго къ новому, клались на долю самихъ преобразованій.

Затронутыя страсти породили тысячу разнородныхъ слуховъ. Сперанскаго обвиняли и въ желаніи усилить дѣйствіе правительства, и въ стремленіи ограничить самодержавную власть, и въ иллюминатствѣ, и въ корыстолюбіи, а болѣе всего въ ненависти къ дворянству и въ пристрастіи къ поповичамъ и мелкимъ людямъ. Мало по малу эти неясныя обвиненія приняли опредѣленную форму. Какъ это сдѣлалось, понять не трудно. Въ обществѣ безгласномъ, естественно возникаетъ привычка вѣрить всякому слуху, какъ бы онъ ни былъ нелѣпъ, потому что доискаться истины почти невозможно. Для того, чтобъ придать темной, неясной клеветѣ всю силу полновѣснаго обвиненія, довольно бросить какое нибудь слово, подъ которымъ всякій можетъ разумѣть, что̀ ему угодно. Каждая эпоха имѣетъ свои подобныя слова. Въ наше время, когда направленіе правительственнаго лица не нравится, его называютъ „бюрократомъ“, и этого довольно, чтобъ окончательно осудить и лицо, и направленіе. Въ началѣ нынѣшняго вѣка этотъ терминъ не былъ еще въ ходу; найдено было другое странное слово: Сперанскаго обвиняли въ предательствѣ и, разумѣется, въ сношеніяхъ съ Франціею, съ которою начиналась великая борьба 1812 года.

Долгое время однако эти обвиненія не смѣли возвысить голоса къ самому государю. Они обращались только въ обществѣ. Въ высшихъ слояхъ его ходила по рукамъ записка о реформахъ 1810 года, которую тогда приписывали графу Армфельду, но, по догадкѣ барона Корфа, составленная Розенкампфомъ; въ среднихъ кругахъ распространился другой обвинительный актъ, подъ именемъ графа Растопчина и, по всей вѣроятности, подложный. Записка Розенкампфа повторяла, на плохомъ французскомъ языкѣ, тѣ мнѣнія, которыя мы видѣли въ другой, болѣе изящной формѣ подъ перомъ Карамзина; но то, что̀ Карамзинъ считалъ плодомъ политическаго легкомыслія принимало здѣсь размѣры стройнаго, революціональннаго плана, съ прямою цѣлью—разстроить всѣ отрасли управленія и привести государство къ конечной гибели. Еще проще и грубѣе обвиняло Сперанскаго мнимое письмо Растопчина къ императору Александру. Въ этомъ письмѣ государственный секретарь выставлялся главою заговора, дѣйствующаго вь интересахъ Наполеона, и желающаго лишить Россію средствъ обороны въ предстоящей войнѣ. Главный фактъ, на который опирался безыменный доносъ, состоялъ въ предположеніи, будто бы Сперанскій совѣтовалъ государю усилить польскую армію для того, чтобы оставить Финляндію и Петербургъ беззащитными передъ вторженіемъ непріятеля. Любопытно, что это подметное письмо, которое расходилось сотнями и привлекло наконецъ вниманіе полиціи, уже указывало на одного изъ главныхъ участниковъ въ паденіи Сперанскаго. „Избери орудіемъ,—сказано здѣсь,—Александра Балашева, который, хотя и участвовалъ въ ономъ дѣлѣ, но принуженно, для узнанія истины“.

Такими средствами, конечно, трудно было дѣйствовать на императора Александра, но ими цѣль достигалась косвен-

но. Распространялись слухи, которые пугали воображеніе общества, и безъ того сильно возбужденнаго. При случаѣ этотъ испугъ можно было выдать за голосъ общественнаго мнѣнія. Къ сожалѣнію, клевета нашла себѣ опору въ безпристрастномъ голосѣ двухъ честныхъ людей, говорившихъ отъ полноты убѣжденія. Въ 1811 году государь, посѣщая въ Твери сестру свою Екатерину Павловну, сблизился съ Карамзинымъ и прочелъ его записку „о старой и новой Россіи“; въ Петербургѣ онъ часто видѣлся съ знаменитымъ борцомъ реакціи, съ графомъ де-Мэстромъ, и благосклонно слушалъ его совѣты. Эти совѣты были опасны: въ нихъ, сквозь недовѣріе къ реформамъ и преувеличенный страхъ революціи, слышался голосъ государственнаго человѣка, котораго односторонній взглядъ искупался яснымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго развитія. Не легко было устоять противъ такихъ разнородныхъ вліяній и всего труднѣе, можетъ быть, для императора Александра. Въ его тонкомъ умѣ и постоянномъ недовѣріи къ себѣ лежалъ зародышъ тѣхъ колебаній, которыя потомъ отозвались коренной перемѣной въ его политикѣ.

Долгое время враги не смѣли дѣйствовать открыто. Борьба съ Сперанскимъ была не легкое дѣло. Онъ былъ постоянно на сторожѣ и шелъ на встрѣчу своимъ непріятелямъ. Еще за годъ до паденія онъ прибѣгнулъ къ обыкновенной тактикѣ министровъ, и самъ предложилъ государю уволить его отъ всѣхъ должностей, кромѣ званія директора коммиссіи законовъ, указывая на ненависть къ себѣ двора и подробно упоминая о всѣхъ обвиненіяхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Александръ не пожертвовалъ Сперанскимъ. Позже онъ, кажется, былъ не прочь отъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. По крайней мѣрѣ въ Перми онъ публично сказалъ у архіерея, что еслибы Балашовъ не ускорилъ двумя часами, то былъ бы на его мѣстѣ. *) Не мудрено поэтому, что прежде окончательной борьбы враги попытались, вмѣсто низверженія, раздѣлить съ нимъ власть. Какія-то два лица, уже облеченныя довѣріемъ государя, по словамъ самого Сперанскаго, предлагали ему „учредить изъ нихъ и себя, помимо монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій“ *). Онъ съ негодованіемъ отвергнулъ это предложеніе, и буря разразилась.

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 2-я, стр. 55.

17-го марта 1812 г., въ воскресенье, Сперанскій, за обѣдомъ, получилъ, черезъ фельдъ-егеря, приказаніе явиться къ государю въ 8 часовъ вечера. Эти приглашенія случались часто, и Сперанскій спокойно поѣхалъ въ зимній дворецъ. Въ секретарской комнатѣ дожидались дежурный генералъ-адъютантъ и два министра; но государственный секретарь былъ позванъ прежде ихъ. Цѣлые два часа продолжалась аудіенція. Наконецъ дверь отворилась, и Сперанскій вышелъ, блѣдный и взволнованный. Торопливо уложивъ въ портфель бумаги и простясь съ министрами, онъ отправился домой. Здѣсь уже ожидалъ его министръ полиціи Балашовъ. Кабинетъ его былъ опечатанъ. У Сперанскаго не достало духу проститься съ семействомъ. Поздно ночью онъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи частнаго пристава, въ ссылку, которой мѣстомъ былъ назначенъ Нижній-Новгородъ. Его ближайшій пріятель Магницкій, впослѣдствіи такъ храбро перешедшій въ другой лагерь, былъ тоже арестованъ ночью и сосланъ. Что происходило между Александромъ и его прежнимъ другомъ, осталось тайною. Ни въ многочисленныхъ запискахъ того времени, ни въ длинныхъ, оправдательныхъ письмахъ самого Сперанскаго, не видно, въ чемъ состоялъ доносъ на него. Въ письмѣ, которое онъ прислалъ изъ Перми, сказано, что Александръ говорилъ ему о трехъ пунктахъ обвиненія: разстройствѣ финансовъ, возбужденіи налогами народ-

*) Тамъ же, стр. 7.

ной ненависти, и дурныхъ отзывахъ о правительствѣ. Но очевидно, что такія общія мѣста не могли быть главной причиной ссылки. Сперанскій оправдывается только въ одномъ незаконномъ поступкѣ, — въ томъ, что, случайно употребленный въ дѣлахъ внѣшней политики, онъ позволилъ себѣ потомъ брать копіи съ нѣкоторыхъ депешъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Вѣроятно, только это и было выставлено, какъ доказательство сношеній съ Наполеономъ. Вѣрилъ ли этому Александръ, — сказать трудно. Повидимому, въ первую минуту онъ сталъ на сторону обвинителей. Это можно заключить изъ письма къ нему дерптскаго профессора Паррота, съ которымъ у императора была постоянная, никому не извѣстная переписка. Здѣсь говорится о намѣреніи „разстрѣлять Сперанскаго", противъ котораго Парротъ возсталъ съ ужасомъ честнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ сильное подозрѣніе не долго продолжалось у государя. Можетъ быть даже, что оно было только невольнымъ влеченіемъ сердца оправдать передъ собою несправедливую мѣру. Какъ бы то ни было, впослѣдствіи Александръ постоянно говорилъ, что Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ. Остается предположить, что онъ былъ принесенъ въ жертву, какъ самъ онъ выразился, „мнимому общему мнѣнію", и въ угоду его удаленъ съ такою ненужною жестокостью. Иначе нельзя объяснить отзывовъ государя на другой день послѣ ссылки. Въ разговорѣ съ княземъ Голицынымъ, 18-го числа, онъ сказалъ ему замѣчательныя слова: „еслибъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь *отняли* Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукой!" *)

Императоръ Александръ былъ правъ: Сперанскаго отняли, отняли не только у него, но и у цѣлой Россіи. Государь остался окруженный людьми безъ политической мысли, и часто преданными личнымъ интересамъ. Для Россіи — закрылась пора внутренняго обновленія, и лучшія намѣренія правительства остановились по недостатку орудій. Высшее управленіе снова погрузилось въ хаосъ случайныхъ мѣръ, изъ которыхъ на время оно было выведено смѣлымъ умомъ государственнаго человѣка.

Не лучшая пора начиналась для самого Сперанскаго; его характеръ болѣе гибкій, нежели твердый, не выдержалъ тяжелаго удара. Сначала онъ какъ будто не хотѣлъ вѣрить безвозвратности своего паденія. Въ твердой надеждѣ на свою невинность, онъ пишетъ, одно за другимъ, письма къ государю. Но письма не доходятъ, или остаются безъ отвѣта. Между тѣмъ положеніе его въ ссылкѣ становится невыносимымъ. За нимъ слѣдятъ шагъ за шагомъ, каждая фраза его доходитъ до Петербурга съ разными толкованіями, и въ то время, когда онъ ждетъ облегченія участи, довольно одного неосторожного слова, чтобъ удалить его изъ Нижняго Новгорода въ Пермь. Здѣсь, оставленный всѣми, заклейменный именемъ измѣнника, и даже безъ матеріальныхъ средствъ жизни, онъ падаетъ духомъ. Тонъ его переписки постепенно понижается. Вмѣсто оскорбленнаго достоинства, которымъ дышатъ первыя письма, онъ начинаетъ умолять о милосердіи. Въ 1814 году, когда нѣкоторыхъ изъ враговъ его уже не было на свѣтѣ, онъ обратился къ государю съ письмомъ, написаннымъ въ томъ мистическомъ тонѣ, который сталъ отличать его со времени ссылки. Въ этомъ письмѣ онъ проситъ позволенія поселиться въ своей маленькой новгородской деревнѣ, Великопольѣ. Просьба его была уважена, и онъ освободился по крайней мѣрѣ отъ слишкомъ стѣснительнаго полицейскаго надзора. Кажется, однако, что и въ это время онъ не потерялъ еще окончательно надежды. Послѣ онъ говорилъ, что „первое движеніе государя было вызвать его въ Петербургъ, второе—про-

*) Также, часть 2, стр 24.

водитъ за присмотромъ въ деревню". [1]) Въ Великопольѣ печальная истина окончательно открылась передъ нимъ: онъ понялъ, что прежнимъ отношеніямъ не воротиться, и сталъ искать опоры у людей, съ которыми, въ лучшую свою пору, не имѣлъ ничего общаго. Онъ обратился къ Аракчееву. Между прежнимъ и новымъ любимцами Александра завязалась переписка, которая вѣрно характеризуетъ ихъ обоихъ. Трудно сказать, который изъ двухъ выставляется въ ней въ лучшемъ свѣтѣ. Въ робкихъ и льстивыхъ выраженіяхъ Сперанскаго не слышно мужественнаго голоса, которымъ онъ защищалъ свои реформы въ докладахъ 1810 и 1811 годовъ. Онъ менѣе настойчиво требуетъ гласнаго суда съ обвинителями и довольствуется даже простымъ опредѣленіемъ на службу. Онъ льститъ мрачнымъ странностямъ своего покровителя, зоветъ суроваго временщика „добрымъ пустынникомъ", и не стыдится даже называть знаменитое Грузино „святою обителью". Аракчеевъ отвѣчаетъ ему лицемѣрно-смиреннымъ тономъ, не лишеннымъ ироніи и гдѣ проглядываетъ желаніе уколоть человѣка, еще не давно своявшаго во главѣ правительства [2]). Его очевидно тѣшитъ нравственная слабость человѣка, такъ долго оскорблявшаго многихъ своимъ умственнымъ превосходствомъ. Результатомъ этихъ сношеній, на которыхъ непріятно останавливаться, было наконецъ прощеніе Сперанскато, но какое прощеніе! Аракчеевъ дорого продавалъ свои милости и, соглашаясь протянуть Сперанскому руку, боялся однако видѣть его въ Петербургѣ. 30-го августа 1816 года бывшій государственный секретарь, уволенный безъ суда, по одному подозрѣнію, былъ назначенъ пензенскимъ губернаторомъ, для того, какъ сказано въ указѣ, чтобъ дать ему способъ „усердною службой очистить себя въ полной мѣрѣ". Пріѣздъ въ Петербургъ не былъ разрѣшенъ ему. Сперанскій самъ приписывалъ Аракчееву эту унизительную форму помилованія.

Но онъ былъ слишкомъ сломленъ, чтобъ останавливаться передъ такими соображеніями и принялъ свое назначеніе не безъ радости. Оно оживило его надежды. Онъ упорно видѣлъ въ немъ первый шагъ къ полному возстановленію своей чести и не смущался тѣмъ, что и въ Пензѣ ему не удавалось войти въ личныя сношенія съ государемъ. Замѣчательно, что точно также думали и его враги. Малѣйшая милость къ Сперанскому пугала ихъ. Имъ грезился всемогущій реформаторъ снова въ государственномъ совѣтѣ, душею цѣлаго управленія. Всѣ боялись „le revenant", какъ называлъ его князь Голицынъ, и въ сношеніяхъ съ нимъ важныхъ людей этотъ страхъ безпрестанно проглядываетъ. Самъ Сперанскій невольно увлекается прежними привычками; его донесенія принимаютъ иногда повелительный тонъ прежняго времени. Но это только временныя вспышки: рядомъ съ ними онъ расточаетъ ласкательства людямъ, которыхъ не уважаетъ, но въ которыхъ нуждается. Такъ было во все время его службы въ Пензѣ. Долгимъ искусомъ онъ думалъ купить себѣ право воротиться въ Петербургъ; мысль объ этомъ не покидала его и сдѣлалась наконецъ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ. Но ему пришлось еще долго ошибаться въ своихъ расчетахъ. Не смотря на образцовое управленіе губерніей, гдѣ онъ оставилъ по себѣ прочную память, его не только не вызывали, но даже не давали ему отпуска. Терпѣніе его начало истощаться. Наконецъ въ началѣ 1819 года онъ получаетъ именный указъ и съ трепетомъ распечатываетъ его, ожидая найти въ немъ повелѣніе явиться. Это былъ указъ о назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Сперанскаго рѣшались повысить, но призвать его въ Петербургъ было слишкомъ страшно.

Управленіе Сибирью составляетъ прекрасную страницу въ жизни Сперан-

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, часть 2, стр. 93.
[2]) Тамъ же, стр. 160.

скаго. Оно со временемъ войдетъ въ исторію. Сибирь находилась тогда въ страшномъ положеніи. Это было мѣсто систематическаго грабежа. Въ главѣ оффиціяльнаго разбоя находился самъ прежній генералъ-губернаторъ, извѣстный Пестель. Пестель былъ настоящій азіятскій деспотъ, неумолимо гнавшій въ своихъ подчиненныхъ всякую независимость духа. Подъ его покровомъ безтрепетно воровали всѣ, начиная отъ губернатора до исправника. Лучшимъ примѣромъ его самовластія служитъ то, что послѣдніе семь лѣтъ своего управленія онъ даже не жилъ въ Сибири, занимаясь въ Петербургѣ преслѣдованіемъ двухъ ненавистныхъ ему губернаторовъ. Сперанскому надобно было бороться съ злоупотребленіями, о которыхъ онъ не имѣлъ до того никакого понятія. Силою воли и неутомимою дѣятельностью ему удалось не только возстановить порядокъ, но многое совершенно измѣнить къ лучшему. Сверхъ того, съ своей организаторской способностью, онъ составилъ подробные проекты о будущемъ управленіи обширнаго края. Но эти занятія не отвлекали мысли его отъ Петербурга, и какъ скоро сибирскія дѣла приняли болѣе стройный видъ, Сперанскій снова началъ просить разрѣшенія пріѣхать. Послѣ частыхъ отсрочекъ онъ получилъ наконецъ это разрѣшеніе и въ началѣ 1821 года, черезъ девять лѣтъ послѣ своего внезапнаго удаленія, былъ на пути къ столицѣ.

Здѣсь ожидало его новое разочарованіе. Онъ надѣялся если не на прежнюю близость, то на примиреніе и полное признаніе своей невинности. Ничего подобнаго не случилось. Времена перемѣнились. „Безъ лести преданный“ Аракчеевъ стоялъ у трона; начиналась „система ложныхъ страховъ и подозрѣній“, о которой Сперанскій говорилъ въ своемъ пермскомъ письмѣ къ Александру. Бывшему государственному секретарю не было мѣста въ этой системѣ, и вскорѣ онъ почувствовалъ это. Императора не было въ Петербургѣ во время его пріѣзда. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія Сперанскій. Наконецъ, государь пріѣхалъ, но свиданіе и тутъ замедлилось. Только черезъ двѣ недѣли они свидѣлись въ первый разъ послѣ памятной аудіенціи 1812 года. Свиданіе окончилось безъ всякихъ объясненій; первый разговоръ о причинахъ ссылки былъ уже черезъ два мѣсяца. Объ этомъ разговорѣ сохранилось только краткое извѣстіе въ дневникѣ самого Сперанскаго. Изъ него можно заключить, что объясненіе ограничилось однимъ указаніемъ на содержаніе доноса. Личныя сношенія его съ государемъ никогда уже не принимали прежняго характера. Въ нихъ замѣтно постепенное охлажденіе. Для Александра онъ уже былъ чужимъ человѣкомъ. Сперанскій это понялъ, но не имѣлъ духа удалиться отъ двора, гдѣ перенесъ столько оскорбленій, и съ малодушіемъ, извинительнымъ только для человѣка много страдавшаго, началъ искать поддержки въ связяхъ съ сильными людьми. На сколько это удавалось ему, можно видѣть изъ того, что онъ съ трудомъ выпрашивалъ самыя маловажныя мѣста для лицъ, которымъ покровительствовалъ, да и то не всегда прямо у министровъ, а больше у директоровъ департаментовъ. Къ этому времени относится его сближеніе съ аристократическимъ кругомъ, котораго онъ такъ гордо чуждался въ началѣ своего поприща. Его начали встрѣчать въ салонахъ высшаго общества, простившаго пріятному собесѣднику прошлые грѣхи смѣлаго нововводителя. Государственные труды его были незначительны. Онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ совѣта, былъ членомъ сибирскаго комитета и принялся опять за прежнюю работу надъ гражданскимъ уложеніемъ; но всѣ эти занятія оставались почти безъ результатовъ. На нихъ отражался тотъ застой, который послѣ 1815 года понемногу овладѣлъ общественною жизнію.

Дѣятельность снова началась для Сперанскаго уже при императорѣ Николаѣ.

Она не походила на прежнюю. Новый государь цѣнилъ его административную опытность, но, по крайней мѣрѣ сначала, не имѣлъ къ нему большаго довѣрія. Обвиненія, отъ которыхъ Сперанскому такъ напрасно хотѣлось оправдаться, бросали на него тѣнь. Въ 1826 году, когда ему былъ порученъ главный надзоръ надъ составленіемъ свода законовъ, государь сказалъ о немъ Балугьянскому: „смотри же, чтобъ онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 году, ты у меня будешь отвѣчать за него“ *). Позже, подозрѣнія, кажется, разсѣялись, но императоръ видѣлъ въ немъ только своего „редактора“ и не былъ расположенъ давать большой просторъ собственной его мысли. Впрочемъ Сперанскій едва ли уже былъ способенъ къ сильной, самостоятельной дѣятельности. Въ немъ не было ни прежней силы мысли, ни прежней энергіи. Взглядъ его измѣнился, или по крайней мѣрѣ, примѣнился къ обстоятельствамъ. Въ своихъ запискахъ этого времени онъ говоритъ языкомъ, въ которомъ нѣтъ и слѣдовъ того Сперанскаго, который преобразовалъ высшее управленіе. Такъ проходили послѣдніе годы знаменитаго государственнаго человѣка. Только въ частной жизни и въ его неутомимыхъ кабинетныхъ трудахъ видны проблески когда-то оживлявшаго его дѣятельнаго духа. Сперанскій перенесъ въ частныя занятія свое геніальное трудолюбіе, для котораго уже не было мѣста въ политической сферѣ. Здѣсь мы опять можемъ удивляться неистощимому запасу силъ его природы. Среди тяжелой грусти, которая овладѣла имъ во время ссылки, онъ работаетъ, какъ юноша, исполненный надеждъ. Въ Перми онъ учится еврейскому языку, въ Пензѣ узнаетъ нѣмецкій. Пытливая мысль его обращается ко всему. Путешествуя по Сибири, среди всякихъ неудобствъ и почти пятидесяти лѣтъ, онъ читаетъ Шлегеля и Миллера. Не будучи настоящимъ ученымъ, онъ пріобрѣлъ однако разнородную и большую начитанность. Съ тѣхъ поръ, какъ несчастія сломили его душу, любимымъ чтеніемъ его было религіозное. Въ этомъ направленіи онъ былъ совершенно искрененъ, хотя, по свойству его мягкой природы, религія развила въ немъ одно незлобіе и не могла дать большой твердости его характеру. Въ немъ соединилось то, что нерѣдко встрѣчается въ набожныхъ людяхъ: религіозная мечтательность съ упорною привязанностью къ внѣшнимъ удобствамъ и съ нѣкоторой угодливостью міру. Но въ семейномъ кругу слабыя стороны его характера, результатъ долгой и неравной борьбы съ обстоятельствами, исчезали передъ добрыми свойствами. Его высокая терпимость къ людямъ, доходившая до того, что о злѣйшихъ своихъ врагахъ онъ говорилъ спокойно: „какіе чудаки“ или „безумные люди!“; его нѣжная привязанность къ близкимъ ему лицамъ и постоянное желаніе блага внушали всѣмъ, кто окружалъ его, какое-то благоговѣніе. Этимъ объясняется страстная привязанность къ нему друзей, не смотря на капризы, которые бывали у него въ молодости. Въ старости и эти неровности сгладились. Приближенные къ нему чиновники, которые скоро дѣлались членами его семьи, не даромъ называли его: „старикъ божій“. Вліяніе его на всѣхъ, кто съ нимъ сближался, было неотразимое. Онъ былъ обязанъ имъ не столько обширности ума, который, при всей его силѣ, былъ нѣсколько односторонен, но человѣческимъ свойствамъ и тому духу всепрощенія, съ которымъ онъ кончалъ свою бурную жизнь. Во имя этой человѣческой натуры, примиряющей со всѣми недостатками человѣка, Сперанскому можно простить его малодушную привязанность къ двору и неумѣнье отвернуться отъ людей, такъ безпощадно оскорбившихъ въ немъ одного изъ великихъ гражданъ своего отечества. Отвѣтственность за эти печальныя свойства пада-

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 2-я стр. 306

етъ не на него: она лежитъ безраздѣльно на той мертвящей средѣ, которая сгубила лучшія его силы и съ которой, при тогдашнемъ состояніи общества, борьба была не только трудна, но даже невозможна

Но Сперанскому не суждено было умереть безполезнымъ посѣтителемъ аристократическимъ салоновъ. Ему предстояло совершить, на благо Россіи, еще одинъ великій подвигъ. Съ 1826 года онъ былъ снова сдѣланъ распорядителемъ работъ коммиссіи составленія законовъ, преобразованной во 2-е отдѣленіе собственной канцеляріи. Съ этого времени положено было первое, твердое начало русской кодификаціи.

Сперанскій принялся за дѣло уже не съ тѣмъ легкомысленнымъ увлеченіемъ, съ какимъ когда-то составлялъ гражданское уложеніе. Онъ начерталъ планъ обширной работы опытною рукою. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ планѣ: „Все дѣло раздѣляется на три части: 1) собраніе законовъ, 2) своды или приведеніе законовъ въ извѣстность и 3) составленіе уложеній. Опытъ указалъ необходимость сего раздѣленія. При подробномъ обозрѣніи прежнихъ работъ найдено, что онѣ, часто прерываясь и потомъ возобновляясь, всегда почти начинаемы были съ конца, т. е. или начинали сочинять уложеніе безъ свода законовъ существующихъ, или составлять своды безъ полнаго ихъ собранія и безъ твердаго плана. Уложеніе безъ свода есть умозрѣніе безъ практики; уложенія не изобрѣтаются, но слагаются изъ прежнихъ законовъ съ дополненіемъ и исправленіемъ ихъ, сообразно нравамъ и обычаямъ и дѣйствительной потребности государства“ *). Согласно съ этимъ планомъ, предположено было сначала составить полное собраніе законовъ, начиная съ уложенія 1649 года, потомъ извлечь изъ него сводъ дѣйствующихъ законовъ и наконецъ уже приступить къ составленію уложеній. Сперанскому удалось исполнить первыя двѣ части этой работы. Благодаря систематическимъ пріемамъ, онѣ приведены къ концу очень быстро. Въ 1830 году была исполнена самая важная задача: появились 45 томовъ перваго „Полнаго собранія законовъ“, которые имѣли такое важное вліяніе на историко-юридическіе труды въ Россіи. Въ 1832 году было готово первое изданіе свода законовъ, въ 15 томахъ. При составленіи послѣдняго Сперанскій принялъ методу, которая доказываетъ, какъ созрѣлъ и опредѣлился взглядъ его на кодификацію. Вмѣсто прежнихъ инструкцій, составлявшихся по французскому кодексу, онъ обозначилъ главные пункты работы въ конспектахъ, которые написалъ, правда, по системѣ римскаго права, но съ большимъ вниманіемъ къ особенностямъ русскаго законодательства. Одинъ изъ такихъ конспектовъ, о правѣ собственности, былъ напечатанъ *). Что касается вообще до системы свода, то за образецъ его приняты были иностранные; но при этомъ Сперанскій желалъ, чтобъ не было ничего пропущено, „что въ нашихъ законахъ къ гражданскому порядку относиться можетъ“. Онъ не смотрѣлъ на „Сводъ“, какъ на окончательный трудъ, и видѣлъ въ немъ только первый шагъ къ будущему законодательству. До какой степени онъ не скрывалъ отъ себя его недостатковъ, видно изъ слѣдующихъ словъ „объяснительной записки къ своду законовъ гражданскихъ“: „есть два рода противорѣчій, сказано здѣсь въ примѣчаніи: одни въ законѣ, другія въ самыхъ началахъ, на коихъ онъ основанъ. Такъ, напримѣръ, много было противорѣчій въ законахъ о выкупѣ родовыхъ имѣній. Въ сводѣ всѣ они соглашены и подведены подъ одинъ законъ единообразный, но въ основаніи сего самаго закона есть еще противорѣчіе: дозволено выкупать проданное родовое имѣніе въ теченіе двухъ лѣтъ; между тѣмъ, другимъ закономъ, каждому ку-

*) Архивъ историч. и практ. свѣдѣній, Калачова, книга 2, стр. 2.

*) Архивъ, книга 2, стр. 7 и слѣд.

пившему имѣніе, хотя бы оно было и родовое, дозволено обращать его въ залогъ неограниченно; по сему закону, купившій родовое имѣніе всегда можетъ заложить его втрое выше цѣны его и слѣдовательно сдѣлать выкупъ невозможнымъ. Такимъ образомъ между закономъ о дозволеніи выкупа и закономъ о дозволеніи залога есть очевидное противорѣчіе; противорѣчія сего никакимъ сводомъ исправить невозможно*)."

Было бы безполезно говорить о пользѣ, которую принесло законодательству изданіе „Свода". Онъ подвергался и подвергается многимъ нареканіямъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, есть значительная доля правды. Сперанскій не имѣлъ серьознаго юридическаго образованія и не могъ почерпнуть вѣрнаго пониманія права изъ собственнаго опыта, какъ дѣлалъ это въ администраціи. Система, принятая имъ, взята изъ чуждаго права и только приложена къ нашему. Оттого на ней лежитъ характеръ внѣшности. Но иначе и быть не могло въ странѣ, гдѣ дѣло законодательства не подготовлено наукой. Важнѣе другіе упреки—въ невѣрномъ пониманіи смысла тѣхъ русскихъ законовъ, изъ которыхъ извлечены статьи „Свода", въ возведеніи частныхъ случаевъ въ общія правила, въ сопоставленіи началъ, которыя, если не прямо, то косвенно, противорѣчатъ другъ другу; въ повтореніяхъ и въ неясности; наконецъ, въ томъ, что, принимая за источникъ одни законы, „Сводъ" сталъ въ противорѣчіе съ судебной практикой и принялъ такія правила, которыхъ несостоятельность уже была доказана опытомъ. Не слѣдуетъ однако слишкомъ безусловно осуждать „Сводъ законовъ" и съ этой точки зрѣнія. Эти недостатки были неизбѣжны при томъ хаотическомъ состояніи, изъ котораго онъ долженъ былъ вывести наше законодательство. Собирать, исправлять и пополнять въ одно время—невозможная задача. Она-то именно и губила въ зародышѣ всѣ прежнія работы. Во всякомъ случаѣ „Сводъ" достигъ самаго важнаго результата: онъ привелъ въ извѣстность недостатки русскаго права и водворилъ въ нашихъ судахъ нѣсколько болѣе законности. Если исправленіе недостатковъ подвигалось съ тѣхъ поръ довольно медленно, то причина этого не въ „Сводѣ", а въ томъ способѣ, которымъ впослѣдствіи пополнялось наше законодательство, и всего болѣе въ слабости юридическаго образованія, до сихъ поръ такъ мало распространеннаго въ Россіи.

*) Тамъ-же, стр. 6.

Это была послѣдняя, самостоятельная работа Сперанскаго. Награжденный въ началѣ 1839 года графскимъ титуломъ съ характеристическимъ девизомъ въ гербѣ: «in adversis sperat» (*), онъ вскорѣ умеръ, оставивъ по себѣ какую-то сомнительную память, на которой долго лежали различные упреки. Къ Сперанскому еще вѣрнѣе можно приложить слова поэта, обращенныя имъ къ другому дѣятелю той же эпохи, который также понесъ, за совершенный имъ подвигъ, незаслуженную кару общественнаго мнѣнія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ,

...«надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
«Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
«Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье».

Ѳ. Дмитріевъ.

ПИСЬМА НАСТАСЬИ ѲЕДОРОВОЙ МИНКИНОЙ КЪ ГРАФУ А. А. АРАКЧЕЕВУ. [1]

1.

17 Авг. 1816 года.

Батюшко ваше сіятельство Алексѣй Андреевичъ!

Прибывъ въ Грузины 15 числа Августа въ ночи, нашла все въ домѣ

(*) Въ невзгодѣ, уповаетъ.

(1) Списаны съ подлинниковъ и сообщены въ Русскій Архивъ Н. Г. Богословскимъ. Правописаніе возстановлено; въ подлинникахъ оно, разумѣется, вопіющее. Мы помѣщаемъ эти письма, такъ какъ они изображаютъ домашній бытъ знаменитаго временщика. *П. Б.*

благополучно и въ порядкѣ — люди всѣ здоровы, а также и скотъ благополученъ. — У флигилей: музыкантскаго и людскаго крыльца передѣланы; въ погребномъ флигилѣ полъ опустили ниже и лѣстницу для входа въ комнату перенесли къ южной стѣнѣ — къ церкви; теперь дѣлаютъ крыльца у сего флигеля и у башнаго; дорожку изъ плиты между флигилей музыканскаго и людскаго перестилаютъ вновь и дѣлаютъ подъ плиту изъ щебня бутъ. Въ саду послѣ отъѣзда вашего сіятельства дорога отъ оранжереи къ домику, называющемуся моимъ именемъ, и до чугунныхъ воротъ, отдѣлана. Клубника выполота и вновь посажена; деревья и всѣ растенія убраны въ оранжерею 3-го числа; стрижка по дорогамъ кончена, а теперь продолжается обрѣзка по куртинамъ; по лѣсу верхи и прорѣзаютъ липовыя аллеи; изъ еловой рощи назначенныя лишнія елки вынуть—выняты. На цвѣточномъ островкѣ по берегу посажено флёкусовъ-красныхъ дикихъ 300 кустовъ. При семъ посылаю обращики парчи и бархату и перевязь для вашего сіятельства.—12-го числа пріѣзжалъ въ Грузины генералъ Левашовъ съ своимъ адъютантомъ, кои переночевавъ на другой день катались по деревнямъ и предъ отъѣздомъ заходили въ церковь во время службы, а также и въ первой день были въ соборѣ.—Цѣлую ручки ваши. Слуга ваша Настасья Ѳедорова.

2.

9 Сент. 1816 г.

Батюшко ваше сіятельство А. А.! Вчерашній день по утру былъ у насъ Ланской Сергѣй Сергѣевичъ съ двумя дамами, былъ въ обоихъ домахъ и въ Лѣтней Горѣ, а послѣ были въ соборѣ у обѣдни; предлагали имъ, что не угодно ли чай или кофе и послѣ обѣдни фриштыкать, — но отъ всего отказались торопясь ѣхать.—Герасима женила на крестьянской дѣвкѣ изъ Черницъ-Мелеховской крестьянина Якова Денисьева, Палагеѣ. Въ домѣ, слава Богу, все благополучно, и люди всѣ здоровы, — а также скотъ и птицы благополучны. Коверъ для собора, присланный изъ Парижа, полученъ, коего мѣрой 22 арш 15 вершковъ. Настасья Ѳедорова, цѣлую ручку вашу — вѣрная слуга.

Скажу вамъ, отецъ мой,—горница, гостиная готова, только не повѣсила занавѣски, потому что зимнія рамы буду ставить, — какъ хороша вышла эта комната! У насъ былъ бѣшеный Ланской; ахъ, другъ, этотъ дуракъ не стоитъ, чтобы быть въ Грузинѣ; повѣрь, графъ, что я столь сердита на него,—скакалъ во весь упоръ, —я была это время на пристани,— подумала, что вы ѣдете во весь духъ, но карета жолтая показалась, догадалась, что Ланской, и думала, что спѣшитъ къ обѣдни; подумай, душа моя,—прямо въ садъ и въ домъ, а потомъ въ соборъ и всего, три четверти былъ въ миломъ Грузинѣ; спросить его, что онъ видѣлъ, то вѣрно не можетъ сказать, — какіе глупые были вопросы у человѣка! Бѣгалъ почти по саду, — сдѣлайте милость, не позволяйте навѣщать дуракамъ; скажу, что я обижена осталась и тѣмъ и сѣмъ, дѣлала приглашенія, но не въ часъ все. Прости, — ожидаю въ скоромъ времени увидѣть отца своего

3

17 Іюля 1819 года.

Любезный мой отецъ графъ!

Скажу вамъ, что письмо было писано по моему приказу и деньги по-

сланы мои; я вамъ могу доказать, что посуда вся исполна поставлена, но запасной у меня мало въ кладовой, то я для того велѣла вытребовать изъ С. Петербурга, а что я не сама писала, то не было время, а послала образцы, которые всегда хранятся у меня въ кладовой. Меня очень тронула ваша приписка: я вамъ говорила, чего не доставало и что̀ выдала изъ запасной у меня посуды. Не думайте, отецъ мой — я нарочно все такъ поставлю, чтобы вы увидѣли мою преданность къ вамъ.

Въ молошникѣ разбилъ крышку Матюшка, но я хотѣла такую достать, зная, что вы любите ихъ; у меня къ ней крышка хрустальная, но все хотѣла купить точно такую. Я получила отъ Петра Андреевича разливательную ложку, фаянсовую, жолтую, еще книжку, какъ излѣчать пьяницъ, все положено у васъ въ кабинетѣ. Любезный мой отецъ, посылаю вамъ двойную георгину. Вы не изволили ея видѣть, а я боюсь, чтобы не отцвѣла безъ васъ; также письмо — вы увидите, что меня просятъ превосходительные. У меня работаютъ въ саду, именно чистятъ пруды и косятъ лугъ, который къ Волхову, нижніе, а я занимаюсь своими вареньями. Васъ прошу, чтобы Тимофея отдать поучиться мороженое дѣлать: намъ будетъ замѣна въ десертѣ, — также формочки поискать для мороженаго. Прошу васъ, отецъ, купить два маленькихъ окорока, они выгодны для стола намъ, и лимоноватой воды, дрождей два куш.... Я получила конфекты. Я получила теперь лучше не въ примѣръ какъ конфекты, такъ и укладка ихъ. Вѣрьте, что не одна конфетка не испортилась: вы увидите, также ихъ везли какъ прежніе. Вамъ было угодно купить сафьяну для стульевъ, которые изъ Высокаго. Прошу васъ — мой единственный другъ — беречь свое здоровье; я прошу Всевышняго Отца о сохраненіи вашемъ. Будьте покойны по дому вашему — я сказала, что люблю болѣе своей жизни васъ, — то и хочу всѣмъ доказать, что слуга вѣрная своему графу.

4.

20 Іюля 1819 года — утро иду къ обѣдни, мой отецъ.

Любезный мой отецъ графъ!

Сколь ваше милое письмо обрадовало — какъ вы ко мнѣ милостивы! Ахъ душа, дай Богъ, чтобы ваша любовь была такова — какъ я чувствую къ вамъ — единъ Богъ видитъ ее. Вамъ не надобно сомнѣваться въ своей Н...... которая каждую минуту посвящаетъ вамъ. Скажу — другъ мой добрый, — что часто въ васъ сомнѣваюсь, но все вамъ прощаю, — что дѣлать, что молоденькія берутъ верхъ надъ дружбою, — но ваша слуга Н.... все будетъ до конца своей жизни одинакова. Желаю, чтобъ нашъ сынъ общій (2) былъ примѣромъ благодарности; я ему всегда говорю, что Богъ намъ далъ отца и благодѣтеля васъ — душа единственная — моему сердцу, прости моему открытію: любви много и болѣе не могу любить. У насъ все, славу Богу, хорошо: люди и скотъ здоровы, я немножко своимъ желудкомъ страдаю, — но все пройдетъ. Дай Богъ васъ видѣть въ ва-

(2) Извѣстный Михаилъ Шумскій. Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Николая, т. е. по смерти Настасьи, Аракчеевъ узналъ, что этотъ сынъ былъ подложный — Говорятъ, что кромѣ домохозяйства, Настасья очаровывала суроваго графа умѣніемъ гадать въ карты и предузнавать будущее. Близкая къ народу, черезъ хожалыхъ и богомоловъ, она все знала что̀ дѣлалось въ Петербургѣ. Это была страстная женщина, смуглой кожи, съ магнетизмомъ въ черныхъ глазахъ.

шемъ миломъ Грузинѣ. Одное утѣшеніе васъ успокоивать. О — другъ! Сколь любовь мучительна, прости — три дня еще ожидать васъ — прошу Мишу поцѣловать, — если онъ заслуживаетъ вашихъ милостей. Я занимаюсь домашнимъ — при васъ некогда будетъ — какъ вареньемъ, такъ и сушкою зелени и бѣльемъ и постелями; все хочется до васъ кончить — мой другъ, чтобы видѣли, что Н. васъ любитъ.

5.

22 Авг. 1819 года.

Отцу моему графу — прошу, прости мою смѣлость.

Отецъ мой, милый графъ, прости великодушно моей смѣлости, что смѣю васъ безпокоить своими нарядами. Прошу, когда вы будете въ Москвѣ, то купите мнѣ чернаго бархату на капотъ 14 арш. хорошаго, за что я буду заслуживать ваши ко мнѣ великія милости. Также—когда будете въ Варшавѣ, то, батюшка, прошу по образцу 6, а если можно 12 паръ простынь. Другъ и отецъ мой! еще если будете въ Одессѣ, прошу купить турецкій черной платокъ хорошій. У меня есть жалованья 400 р.; когда буду благополучна до вашего пріѣзда,—то вѣрно заслужу. Прости смѣлости моей, если безпокою отца моего. Я бы въ Петербургѣ купила, но зимою очень дорого, а лѣтомъ не живу въ немъ. Умоляю у ногъ вашихъ—не сердитесь на свою Н . . . . . Вы знаете, что не могу безъ слезъ просить лично васъ. Цѣлую ручки ваши. Вѣрная слуга ваша

Настасья Ф.

6.

10 Февр. 1820 г.

Любезный мой отецъ графъ!

Что могу писать окромѣ своей скуки безъ васъ, мой другъ? Когда я пріѣхала въ Петербургъ, нашла Мишу, слава Богу, здоровымъ, и я пріѣхала на вторникъ, но Миша не былъ еще камеръ-пажемъ,—въ среду я была у Ав.... Семеновны Ерш. . . и слышу, что мой Миша въ лазаретѣ. Ахъ, отецъ мой, какъ мнѣ было тяжко на сердцѣ, и я посылала къ нему по утру; но слыша, что не придетъ, на мысли думала, что Богъ хочетъ меня наказать и лишить сына, потому что очень много умираютъ, но сама не могла ѣхать къ нему. 5-го числа у меня была Екатерина Григорьевна съ радостной вѣсточкой, что Миша камеръ-пажъ, но все еще въ лазаретѣ, у него болитъ горло; такъ я ее подчивала блинами,—она была весела, просила, чтобы присылать къ нимъ лошадей; вы можете судить, какъ я веселилась,—нѣтъ отца,—нѣтъ сына со мною — однѣ слезы и грусть; —хотя посѣщали довольно, но все ложно—не быть у васъ, то вѣрно не заглянутъ ко мнѣ; въ субботу былъ Карлъ Фед.... и Вас..... Але..... Ефи..... на блины,—какъ я была рада имъ: они довольно времени посидѣли у меня, а Миша все въ лазаретѣ!—Въ воскресенье по утру я посылала къ Мишѣ и слышу, что Миша вышелъ,—будетъ представляться государынѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ахъ отецъ мой, какая радость разлилась по моему сердцу !—Въ два часа послала я лошадей за нимъ; — когда мы увидѣли другъ друга, однѣ слезы были благодарностію къ Богу и къ вамъ, мой отецъ. Онъ похудѣлъ, но все хорошо. Государыню не видалъ,—въ понедѣльникъ на дежурство вступилъ. Я посылала къ нему узнать: слава Богу здоровъ; онъ пишетъ къ вамъ, мой другъ. Теперь скажу, что я нигдѣ не была окромѣ своей матушки и то вечеромъ. У меня былъ вечеръ, и всѣ мои знакомые

были—Вас..... Н: слава Богу здоровъ, Иванъ Кар..... тоже здововъ—навѣщаетъ меня часто. Бровцынъ здоровъ. Пріѣзжайте къ намъ скорѣе, мой отецъ. Вы пишите, что болитъ у васъ грудь. —Прошу, берегите свое здоровье—оно дорого для меня;—вы нашъ отецъ и другъ. Просимъ Бога о сохраненіи вашей жизни и здоровья. Цѣлую ножки и ручки ваши.—Ожидаю отца-благодѣтеля къ намъ. Въ Петербургѣ очень много похоронъ и болѣе дѣлаютъ грусть. Шкафъ посылаемъ сегодня къ вамъ, а что я прежде не писала, то Мишина болѣзнь удерживала меня, знавши, какъ вы любите его. Прости, мой отецъ. Цѣлую ваши ручки отъ глубины своего сердца. Самъ Богъ сохранитъ ваше здоровье —прошу и молюсь ему: истинно Онъ единъ всѣмъ намъ.—Прости.—Цѣлую ваши ножки и ручки. Вѣрная слуга Настасья Ѳедорова.

7.

22 Іюля 1820 года.

Любезный мой отецъ графъ!

Что могу сказать вамъ послѣ вашего дружескаго письма? Грусть мучитъ мою душу, не могу придумать, гдѣ вы теперь, мой благодѣтель.—Если вашей матушки нѣтъ лучше, и вы у ней, то позвольте мнѣ быть съ вами.—Я знаю ваше чувствительное сердце,—сколь вы мучите себя, —я буду дѣлить съ вами горесть.—А если вы останетесь одни тамъ, то вѣрьте, что и я не менѣе буду чувствовать мученія, не въ силахъ выдержать послушанія. Къ вамъ пріѣду въ тележкѣ,—чѣмъ представлять каждую минуту васъ съ разтерзаннымъ сердцемъ.—Я увѣрена въ Карлѣ Крестіяновичѣ, но все не я съ вами! Отецъ, умоляю у ногъ вашихъ —успокойте себя и своего преданнаго слугу.—Вотъ три дня, какъ я не найду мѣста, воображая васъ плачевнымъ; вѣрю, что дорога родительница, но что дѣлать! Богъ единъ и воля Его—Онъ можетъ подать облегченіе; молитѣ Его—и мы принесемъ къ Нему теперь молитву. Цѣлуя ваши ручки и ножки, прошу, —поберегите себя, моя душа. Посылаю къ вамъ списокъ, сколько было въ воскресенье гостей для любопытства Грузина, но мы ихъ не видали хорошо, — окромѣ Шлаттера: тотъ былъ у меня въ комнатѣ.

8.

27 Іюля 1820 года.

Отецъ мой, неоцѣненный благодѣтель!

Прошу именемъ Божіей матери—поберегите себя; я очень вѣрю и чувствую вашу потерю,—но, душа моя—вспомни лѣта ея и слабое здоровье—это можно было ожидать.—Но ваша вѣрная слуга проситъ, какъ единственнаго друга — поберегите свое здоровье. – Ахъ отецъ мой — еслибъ я знала вашу печаль, пріѣхала бы къ вамъ,—увѣрена была, что простили бы своей Н. Прошу Бога, чтобъ спасъ отца моего. Надѣюсь на Его милосердіе; Онъ сохранитъ васъ; но не знаю, гдѣ вы мой отецъ —какъ ваше здоровье: увѣдомь свою Н.: она ожидаетъ ежеминутно, не лишай милости своей и любви.—Вы пишите, чтобъ не оставила и была бы вѣрная слуга. Одинъ гробъ заглушитъ чувства моей къ вамъ любви,—я люблю васъ столь много, что не могу болѣе любить: этому Богъ свидѣтель.—Къ Мишѣ я писала: онъ, слава Богу, здоровъ, но очень огорченъ потерею своей благодѣтельницы; —пишетъ, что онъ еще никогда не чувствовалъ такой печали, какъ сія для него была. Дай Богъ ему доброе

сердце, чтобы цѣнилъ ваши милости, приносилъ бы отраду добрымъ своимъ поведеніемъ. Саша Карековъ уѣхалъ отъ меня 26 числа; я была рада—хоть онъ былъ при всей моей скукѣ со мною; хотя онъ мало говоритъ, но чувствуетъ также, какъ быть безъ благодѣтеля, какъ дѣлается облегченіе для страждущаго сердца, когда есть съ кѣмъ дѣлить несносную печаль. Я рада, что съ вами былъ Волынской Леля .... Леля...... дай Богъ ему здоровья, также Настасьѣ Никитишнѣ—спаси ихъ самъ Богъ. У насъ по дому и по вотчинѣ все, слава Отцу небесному, хорошо,—скотъ слава Богу, не слышно, чтобъ былъ падежъ, но я беру предосторожность—курю какъ около дому, такъ на берегу, гдѣ ходитъ наша скотина, потому что Высоцкіе на томъ берегу, а у нихъ былъ падежъ, то я боялась, когда они убирали свое сѣно,—но теперь, слава Богу, уѣхали, и мы все еще продолжаемъ куриво.

Долгъ вашей матушки сдѣлала—панихида была; дай Богъ ей царство небесное; она дѣлала добра много. Прости, отецъ мой — ожидаю вашихъ милыхъ писемъ.

9.

1820 г. Авг. 11-го.

Отецъ мой графъ!

Я получила ваши милыя письма, за которыя цѣлую ваши ручки и ножки, за галстукъ также цѣлую ваши ручки. Если васъ мнѣ не беречь и не любить, то я недостойна и по землѣ ходить — вы мой отецъ и все мнѣ сдѣлали — вы любите моего Мишу; неужели я могу всё это забыть! Нѣтъ,—мой любезный другъ,—нѣтъ минуты, чтобы могла васъ забыть: всегда прошу Бога о сохраненіи вашего здоровья и продолженіи жизни вашей на многіе годы, чтобъ намъ сиротамъ видѣть отца и благодѣтеля веселаго между своихъ подданныхъ. У насъ въ домѣ все, слава Богу, хорошо—люди здоровы, а также скотъ и птицы благополучны; лошадей проѣзжаютъ, какъ при васъ было. Посылаю къ вамъ записку — вы можете видѣть, что я ѣзжу по деревнямъ. Крестьяне всѣ на своихъ работахъ; работы ихъ, слава Богу, хорошо идутъ; по вашему приказу нигдѣ нѣтъ изъ крестьянства на господскихъ работахъ; я узнаю — сама ѣзжу и говорю съ ними.

Господинъ Минутъ поставилъ въ графской слободѣ на часовню столяровъ—Мишку и Петрушку, додѣлывать; и когда онъ уѣхалъ, то не сказалъ Семену; я поѣхала и вижу, что не въ приказанное время работаютъ, когда всѣ по милости вашей занимаются своими работами—мнѣ показалось очень странно; я спрашиваю, что они покосили ль свое сѣно?—Нѣтъ, сказали; Алек. Ивановъ не пускаетъ, а погода хороша. Вы меня простите, что я ихъ уволила—часовня будетъ сдѣлана; а сѣно, отецъ, пропадетъ; они равны съ прочими—за то я бранила голову, что онъ не исполняетъ вашъ приказъ, и зачѣмъ не сказалъ Минуту? Его былъ отвѣтъ—я не смѣлъ ему сказать, а сказалъ старшинѣ, чтобы всѣ были на своихъ работахъ. Также я нашла въ Любуни непорядочно у старшины въ домѣ: онъ худо смотритъ за своимъ домомъ—за что также пожурила: когда у него непорядочно, то можно ли требовать, чтобъ было у другихъ хорошо? И за то голову бранила, что онъ худо смотритъ. Еще я узнала отъ лекаря, что у мужика въ Оскуи пропало три недѣли тому назадъ три-

ста руб. денегъ, а голова не зналъ столько время; онъ сказалъ, что былъ въ Новгородѣ, но мужикъ донесъ старшинѣ и земскому; хотя дѣлали поискъ, но много время прошло -- я посылала туда 8 Августа Семена съ головой. Также пропало въ Нѣвшинѣ шесть-сотъ руб. у старшины, я также посылала Семена съ головой—у того лежали деньги въ домѣ въ подпольѣ, въ незапертой коробкѣ, которая была безъ дна. Семенъ видѣлъ. Они не знаютъ, въ которой день пропали,—но въ которой хватились, тогда были всѣ на работѣ; въ деревни оставался одинъ мужикъ, который смотрѣлъ за деревней; а въ домѣ дѣвочка оставалась хозяйкою; входилъ къ нимъ только пастухъ, который живетъ у нихъ, но онъ не винится въ нихъ. Мотыльской старшина виноватъ, что скрывалъ больнаго, котораго ужалила змѣя; когда сказали лекарю и священнику, что есть больной, то прошло много времени и поздно было спасти его: ему захватило сердце—и тогда не сказалъ, что змѣя ужалила, а сказалъ, что болитъ сердце, думали, что онъ съѣлъ лишнее; онъ пріобщался Святыхъ Таинъ и скоро скончался. Послѣ вышло, что ужалила змѣя его; онъ ворожился—сдѣлалось ему легче, а потому не сказали лекарю. У насъ въ Крутихѣ также ужалила змѣя крестьянина, но тотчасъ захватилъ фершалъ и спасъ человѣка.

Въ графской слободѣ Ивлевичь былъ въ отлучкѣ 4 дня—въ 5-й пришелъ. Онъ говоритъ, что не любитъ жена его, не даетъ на свѣчку денегъ, то и пошелъ покосить, два дня былъ въ переходѣ и два дня въ чужой деревнѣ покосилъ -- выработалъ два руб., а самъ горько плакалъ. Это человѣкъ несчастный, не любимъ женою и тестемъ, а дѣти любятъ его. Въ саду, въ прудахъ еще ничего не дѣлаютъ, а я Поляковъ заставляла въ праздникъ пропускать воду гдѣ глыбже; они прорыли канавку — вода выходитъ, и дѣлается сухо. На мызѣ работы идутъ казенныя, мастеровые строятъ сарайчикъ вишневой. На Полички дѣлаютъ фундаментъ, столяры отдѣлываютъ комнату у Патрикея и прочія работы. Мои дворовые занимаются садомъ, цвѣты у насъ въ саду очень хороши — я жалѣю, что вы не видите ихъ, но которые были посѣяны послѣ садовника, тѣ лучше идутъ, а я садъ свой держу въ лучшемъ видѣ, пріучаю Максима—какъ должно всегда дѣлать цвѣтникъ; когда отцвѣтаютъ цвѣты и чтобы всегда было въ школѣ запасныхъ; у меня полной садъ цвѣтовъ, также у кадокъ довольно стоитъ. Я воображаю, мой отецъ, что вы выходите изъ спальни и цѣлуете за сюрпризъ. У насъ довольно было господъ для любопытства; я всегда съ ними наряжала людей, никогда одни не ходили. 8-го былъ Фаборъ самъ третей; обѣдалъ въ гостинницѣ и гулялъ въ саду очень довольно; вы можете его спросить — какъ у меня было цвѣтовъ. Домъ Агоѳонихи дѣлается и будетъ хорошъ. Семенъ нашелъ по плану ошибку и не смѣлъ вамъ объ оной донести, но я велѣла ему писать ошибку въ томъ, что связь по плану должна строиться на 15½ саженяхъ, а построена на 14½ саженяхъ, отъ чего дворы для двухъ семействъ, говоритъ Семенъ, будутъ тѣсны. Если вами оное перемѣнено, то онъ не будетъ виновенъ, онъ самъ о семъ пишетъ къ вамъ. Оранжерея хороша будетъ. Хлѣбъ хорошъ у крестьянъ, только тяжело жать; нѣкоторые возятъ на гумна для сѣмянъ; но я не слышала, сколько умолоту, только хвалятъ. Отъ ма-

тушки вашей привезли вашу карету и два образа, которые я вычистила, поставила — одинъ къ себѣ въ кіотъ, скорбящую Божію Матерь; а когда я васъ проводила, то вынула изъ шкапу Владимірскую Божію Матерь, поставила въ кіотъ и ей молилась. Также получено отъ матушки вашей—холстъ и нитки, все убрала, мой отецъ. Василій Николаевичь уѣхалъ отъ насъ — я ему дала старую коляску, которую починила въ Высокомъ. Минутъ уѣхалъ; письмо его я отдала Семену, чтобы въ точности смотрѣлъ за работами—онъ хорошой будетъ человѣкъ, если не испортится. Бѣдныхъ не забываю я, если только можно гдѣ помочь, я всегда и буду дѣлать: все ваше, мой другъ, и я ваша, моя душа. Сколь я благодарна за нынѣшнюю покупку; для дому провизію я сама все приказываю. Патрикей покупаетъ, и деньги отдаю тотчасъ; у меня для васъ всего есть довольно, и никакихъ непріятностей не получено. — Скажу вамъ, что у насъ въ саду очень довольно бѣлокъ и что онѣ любятъ шиповникъ и крыжовникъ кушать,— впрочемъ ничего не портятъ. Платья для людей отдала шить, будутъ хороши. Дай Богъ, чтобы васъ скорѣе увидѣть, моего отца. Отъ Миши получила я письмо—слава Богу, здоровъ. Я писала Екатеринѣ Григорьевнѣ объ учителѣ математическомъ; она пишетъ, что постарается пріискать,—но мнѣ Семенъ сказалъ, что Петрушевскаго братъ хорошо знаетъ; я спросила у Петрушевскаго— онъ говоритъ, что-де учениками занимается, когда готовятся къ выпуску — онъ знаетъ хорошо, то я писала Екатеринѣ Григорьевнѣ, чтобъ послать къ нему, если не найдетъ своего. Сколь ваши милости велики къ намъ сиротамъ! И послѣ этого васъ оставить—ахъ, отецъ, не думайте о своемъ слугѣ такъ. Дай Богъ здоровья Настасьи Никитишнѣ, что она любитъ васъ, а по васъ и меня также. Леля.... Леля.... Богъ не оставитъ, что онѣ не оставили васъ при горести—ахъ какъ я все чувствую! Померанцовую вазу посылаю, мой отецъ; простите мнѣ, что мало отпустила; цѣлую ваши ручки. Ризницу окончу на нынѣшней недѣли и примусь за старую бѣлокосовую, чтобъ вышить ее. Пелена вышита очень хорошо, но довольно дорого стала. Отецъ, я просила васъ въ письмѣ, которое у Карла Крестіяновича, о покупкѣ для меня — то прошу не сердитесь на мои глупыя желанія: я буду заслуживать вамъ, мой отецъ. Скажу, что Богъ насъ до сихъ поръ милуетъ Своимъ милосердіемъ, о которомъ молимъ Его и надѣемся на Него,—Онъ единъ защитникъ нашъ и сохранитъ отца нашего. У насъ былъ Василій Федоровичь и просилъ, можно ли пріѣхать его женѣ и дочери. Если можно, то просилъ, чтобы написала я къ ней—я писала, но не скрою отъ васъ, мой другъ, Богъ сдѣлалъ по моему—они не пріѣхали и много сдѣлали мнѣ облегченія. Голова уѣхалъ въ Новгородъ по дѣламъ вашимъ. Я получила отъ Семена четыре ломбардныхъ билета суммою на 20 т. руб. и убрала ихъ въ вашемъ бюро. Липки Головинскія хорошо принялись, но не всѣ пошли,—а деревья, когда нужно будетъ убирать въ оранжерею, то я уберу ихъ, мой отецъ. Я посылала фелдъегеря въ садъ, чтобъ вамъ все могъ сказать. Прости, мой отецъ, цѣлую ваши ручки и ножки,—да спасетъ самъ Богъ отца моего; прошу Его ежеминутно. — Прости — истинно другъ сердцу моему.

Вѣрная слуга ваша по гробъ свой Настасья Федорова — жива, здорова, любитъ очень васъ, мой отецъ.

10.

23 Авг. 1820 года.

Отецъ мой графъ, не знаю куда къ вамъ писать послѣ перваго Августа. Мы писемъ не получали отъ васъ мой, родной отецъ—видно вы забыли свое милое Грузино, или вы на меня сердитесь — скажи, отецъ мой! Вчерашній день 22-го числа былъ у насъ В. Ф. Ильинъ; сказалъ, что вы къ нимъ пишете. Это сокрушаетъ меня; я не вѣрила ему, потому что вы любите свое Грузино, то вѣрно напишете, чтобъ въ немъ все было хорошо. Не говорю о себѣ, несчастная; скажу, что у насъ всё, слава Богу хорошо и благополучно —какъ по дому, такъ и по вотчинѣ. Погода становится хороша. Мужики посѣялись и косятъ въ болотахъ сѣно, женщины жнутъ овесъ, и прочія работы идутъ всѣ хорошо; дворовые люди также хорошо ведутъ себя; въ саду очень хорошо; деревья убраны на мѣста. 21 и 22 числѣ былъ у меня садовникъ изъ Царскаго Села, чему я очень была рада, что онъ видѣлъ наши деревья и теплицы и персики — растенія я ему показывала; онъ научилъ насъ, какъ все держать. Пруды еще работаютъ у птишнаго двора; сѣно казенное нагрузили въ барки; въ саду продолжается стрижка и прочія всѣ работы, чтобъ все было хорошо. Ризы готовы теперь — старыя передѣлываю. Лошадей проѣзжаютъ, и я сама ѣзжу по деревнямъ: рада, что могу хоть писать къ вамъ; не знаю, получите ли вы письмо. Посылаю Павлу Ивановичу, чтобы онъ послалъ къ вамъ. Я слышу, что вы поѣхали въ Варшаву. Вотъ какъ долго время вы не пишете къ намъ! Богъ знаетъ, что съ вами случилось. Прости, мой отецъ—цѣлую ваши ручки. Вѣрная слуга ваша по гробъ свой Настасья Федорова.

11.

2-е Сентября 1820 года.

Отецъ мой графъ! — Я получила сейчасъ записку отъ Клеймихеля, что можно писать къ вамъ, но мой другъ не знаю — какъ ваше здоровье. Послѣднее письмо писано было вами 17 Августа, за которое благодарю душевно. Цѣлую ваши милыя ручки. Самъ Богъ спасетъ васъ. Онъ Единъ утѣшитель нашъ. Вы всегда слышали онъ меня, что я надѣюсь на Него, и послѣ на васъ, моя душа.

Слышу, въ Петербургѣ получили письма, ко мнѣ нѣтъ. Скажи душа, если вы любите кого, то тяжко сердцу вашему было-бы, — такъ и я, несчастная женщина, которая посвятила свою жизнь собственно для вашего спокойствія, не могу узнать— какъ мой отецъ въ своемъ здоровьѣ, но надѣюсь на Всевышняго Отца: Онъ спасетъ ваше здоровье. За платья и за платокъ цѣлую ваши ручки и ножки. Мишѣ послала письмо и платья Софьѣ Карловнѣ,—для меня все хорошо, что вы только пожалуете. Марья Яковлевна цѣлуетъ ваши ручки за подарокъ; описать мнѣ, душа моя, о своихъ знакомыхъ я не смѣла, и болѣе при горести не пришло въ голову—только думала, гдѣ мой другъ и отецъ? Какъ его здоровье? Вотъ что было съ моимъ сердцемъ: оно видѣло всю мою горесть. Платья людямъ шьютъ; прислали одну пару очень хорошо сшиту; теперь дошиваютъ послѣдніе. Думаю, что будетъ готово къ вашему пріѣзду.

12.

3 Сентября 1820 года.

Любезный мой отецъ графъ!

Сей часъ получила ваше милое письмо — отъ 22-го Августа писано вами, и я 3-го числа Сентября получила утромъ, нарочно посылала въ Чудово — сколь оное обрадовало мое сердце, увидѣвъ милый вашъ почеркъ и названія столь лестныя вашему преданному слугѣ и другу. Я сказала единожды: единъ гробъ заглушитъ чувства моей къ вамъ благодарности, служить и беречь и любить — одна моя отрада есть. Что вы пишете, все исполню, — я посылала въ Буречи смотрѣть вашу квартиру, но она въ мезонинѣ. Степанъ говоритъ, что дуетъ. Я думала пропросить Петра Андреевича Клейнмихеля, но вы пишете, что въ Высокомъ и Прусскомъ поселеніи приготовить — все сдѣлаю. Также у крестьянскихъ домовъ посмотрю сама — все будетъ сдѣлано хорошо; только пріѣжайте въ свое милое Грузино, гдѣ ждетъ ваша слуга. Ахъ — какъ я рада, когда получила письмо ваше, — вижу, что любима еще. Что не придетъ въ горестное мое сердце! Дай Богъ Государю многіе несчетные годы, что любитъ моего отца, и вамъ — прошу Бога — о сохраненіи здоровья вашего. Онъ одинъ спасетъ и подкрѣпитъ васъ. Письмо посылаю на удачу — не знаю, дойдетъ ли до рукъ вашихъ милыхъ. — Вы поберегите себя, душа моя; когда поѣдете, то не жалѣйте сдѣлать потеплѣе шинель себѣ, тамъ дешевле. Вспомните, что годы непрежніе, молодость прошла — прошу ради Бога, поберегите себя. Дай Богъ, чтобы вы скорѣе, мой отецъ, пріѣхали.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА.

I. Когда императоръ Александръ оставилъ знаменитое собраніе дворянства и купечества, бывшее въ Московскомъ Слободскомъ Дворцѣ 13 Іюля 1812 года, то присутствовавшіе написали постановленія, по которымъ учреждено было ополченіе изъ 80,000 человѣкъ, съ одеждою, вооруженіемъ и провіантомъ, и кромѣ того было пожертвовано деньгами 13.000.000 рублей. Ростопчинъ поѣхалъ съ этимъ извѣстіемъ къ Государю въ Кремлевскій дворецъ и нашелъ его въ кабинетѣ съ Аракчеевымъ и Балашовымъ. Государь сказалъ, что счастливъ тѣмъ, что возымѣлъ мысль пріѣхать въ Москву и назначить Ростопчина ея главнокомандующимъ, а на прощанье дружески поцѣловалъ его. По выходѣ изъ кабинета Аракчеевъ поздравилъ Ростопчина съ такимъ знакомъ милости царя и прибавилъ: „онъ никогда не поцѣловалъ меня, хотя я служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ." Балашовъ сказалъ ему потомъ: „будьте увѣрены, что Аракчеевъ никогда не забудетъ и не проститъ вамъ этого поцѣлуя." Дѣйствительно, Аракчеевъ всегда старался потомъ дѣлать ему непріятности.

II. Ростопчинъ немогъ терпѣть извѣстнаго публициста Бенжамень (Веньямина) Констана (Benjamin Constant.) Въ бытность его въ Парижѣ, пріятельница его, любезная старушка княгиня Водемонъ (Vaudemont), принимавшая нерѣдко славнаго депутата, устроила такъ, чтобы Ростопчинъ съ нимъ встрѣтился у ней съ глазу на глазъ и вынужденъ былъ вести съ нимъ разговоръ. Она полагала, что это разсѣетъ его предубѣжденіе. Когда разговоръ кончился, княгиня спросила графа: „Ну какъ находите вы г. Констана?"—„Княгиня," отвѣчалъ Растопчинъ, „онъ никогда не будетъ моимъ Веньяминомъ." («Il ne sera jamais mon Benjamin.»)

III. Въ эту же эпоху, у герцога Эскара (d'Escars), Ростопчинъ велъ однажды жаркій споръ съ знаменитой г-жею Сталь по поводу какого-то сочиненія того же Бенжамень-Констана. Г-жа Сталь сказала ему, разгорячась: „вы родились прежде эры цивилизаціи.“ Ростопчинъ возразилъ: „а вы — сорока-заговорщица“ („une pie-conspiratrice“). Г-жа Сталь выразила мнѣніе, что Русскимъ надо сдѣлаться опять варварами, какими они были прежде. На это Ростопчинъ сказалъ: „я происхожу отъ Татаръ и готовъ на это, если вы подадите мнѣ примѣръ; я стану пасти свои стада, только что вы возвратитесь въ контору вашихъ предковъ и станете вести конторскія книги; не знаю только, выиграете ли вы на этомъ столько, сколько родитель вашъ (Неккеръ) на курсѣ.“ Всѣ захохотали, и г-жа Сталь потерпѣла полное пораженіе.

IV. Извѣстіе о Петербурскихъ событіяхъ 14 Декабря 1825 застало Ростопчина въ Москвѣ, уже страдающимъ отъ той болѣзни, отъ которой онъ умеръ вскорѣ (18 Января 1826). Узнавши о нихъ, онъ сказалъ: „Ordinairement ce sont les cordonniers qui font les révolutins pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers.“ („Обыкновенно сапожники дѣлаютъ революціи, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками.“)

ДВА РАЗСКАЗА ИЗЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА.

1.

Въ 1812 году, когда войска наши стояли при Тарутинѣ, къ полковнику Александру Ивановичу Базилевичу, командиру лейбъ-гвардіи 1-й батареи его высочества, явились два мужика изъ Малороссіи съ бумагою, въ которой отъ имени князя Кутузова приказано принять ихъ и употреблять на службу при орудіяхъ. Въ 1813 году, когда войска наши перешли Русскую границу и вступили въ Германію, тѣ же два мужика получили дозволеніе отправиться на родину въ Малороссію. —Они разсказывали, что видѣли сонъ, въ которомъ кто-то повелѣвалъ имъ идти къ войскамъ и служить при пушкахъ до тѣхъ поръ, пока Русская земля не очистится отъ непріятеля. Они нашли доступъ къ главнокомандующему, которой дозволилъ имъ, не вступая формально на службу, исполнить таинственное велѣніе. И они несли свою службу со всѣмъ усердіемъ.

Разсказъ этотъ слышанъ отъ Николая Андреяновича Дивова, служившаго въ 1812 г. прапорщикомъ при вышеназванной батареѣ; другимъ нынѣ живущимъ свидѣтелемъ былъ графъ С. П. Сумароковъ.

2

Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ разсказывалъ Ѳ. И. Тютчеву, что наши войска, оставивъ Французамъ Москву, находились въ крайнемъ уныніи. Но въ тотъ же вечеръ, 2 Сентября 1812 года, на первомъ ночлегѣ, солдаты увидѣли, какъ зарево въ нѣсколькихъ мѣстахъ поднялось надъ Москвою. При первомъ говорѣ о томъ, что Москва горитъ, отрядъ, которымъ начальствовалъ Бенкендорфъ, самопроизвольно выстроился, и оборотясь къ Москвѣ прокричалъ ура! Съ этой минуты, замѣчалъ Бенкендорфъ, солдаты снова сдѣлались бодры и охотны къ службѣ.

ЕЩЕ О СЕВАСТОПОЛѢ.

Исторія Крымской войны, соч. Кинглека.

Недавно вышли 3 и 4 томы этого еще далеко не оконченнаго сочиненія. Для Русскихъ читателей въ особенности полонъ интереса 3-й томъ, въ которомъ говорится о Корниловѣ и Тотлебенѣ, о затопленіи Русскихъ судовъ въ Севастопольской гавани и т. д. Замѣтимъ, что генералъ Тотлебенъ, бывъ въ Англіи, лично сблизился съ Кинглекомъ, сообщалъ ему данныя, которыми тотъ пользовался какъ матеріаломъ при составле-

ніи своего труда, и потому историкъ, членъ Англійскаго парламента, въ состояніи былъ изобразить ходъ событій перомъ человѣка, которому одинаково было извѣстно происходившее въ томъ и другомъ лагерѣ враждовавшихъ армій.

Кинглекъ насчитываетъ четыре ошибки союзниковъ, помѣшавшихъ имъ завладѣть Севастополемъ тотчасъ же послѣ сраженія при Альмѣ. Не сдѣлай они одной изъ этихъ ошибокъ, Севастополь былъ бы въ ихъ рукахъ. Кинглекъ приводитъ авторитетъ Тотлебена, что Севастополь не могъ держаться, если бы союзники, не предпринимая осады, прямо повели атаку. Въ свою очередь, говоритъ Кинглекъ, и Русскій главнокомандующій, кн. Меньшиковъ, сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ Англичанъ совершить извѣстное фланговое движеніе къ Балаклавѣ. Англичане совершенно не знали мѣстности, по которой имъ приходилось идти. Лордъ Рагланъ, полагая, что впереди его идетъ лордъ Луканъ съ кавалеріею, едва не попалъ со своимъ штабомъ въ руки Русскаго отряда, и если бы этотъ отрядъ выказалъ больше предпріимчивости, то Англійскій главнокомандующій былъ бы въ плѣну съ лучшими офицерами своей арміи. При неспособности маршала Сентъ Арно, послѣ смѣненнаго Канроберомъ, у котораго все время былъ въ карманѣ патентъ на званіе главнокомандующаго, до времени остававшійся негласнымъ, и такъ, повторяемъ, при неспособности Французскаго главнокомандующаго, которому Кинглекъ приписываетъ всѣ ошибки, не отдавшія Севастополь въ руки союзниковъ прямо по ихъ появленіи передъ нимъ — плѣнъ Англійскаго главнокомандующаго со штабомъ могъ имѣть вліяніе на весь ходъ кампаніи. Сверхъ того не мало было случаевъ Русскимъ аттаковать и разсѣять Англичанъ по частямъ, когда они, буквально съ помощью компаса, пробирались въ невѣдомыхъ для нихъ лѣсныхъ чащахъ. Наконецъ союзники явились предъ южной частью Севастополя. Они имѣли въ виду приступъ и не думали объ осадѣ. Они возвели первыя траншеи лишь для прикрытія своихъ колоннъ при наступленіи. Но время шло. Въ Севастополѣ былъ инженеръ, все время служившій волонтеромъ, который какъ нельзя болѣе предназначенъ былъ для защиты города отъ нападенія. Остзейскій уроженецъ, Тотлебенъ былъ тотъ инженеръ-практикъ, способности котораго развертываются именно въ подобныхъ случаяхъ. На траншеи отвѣчали траншеями, на баттареи баттареями, и скоро приготовленія къ приступу должны были измѣниться въ правильную осаду.

Кинглекъ съ душею рисуетъ личность двухъ главныхъ Севастопольскихъ дѣятелей: Корнилова и Тотлебена. Князь Меньшиковъ рѣшилъ затопить часть судовъ Черноморскаго флота при входѣ въ Севастопольскую гавань и отдаетъ Корнилову соотвѣтственныя приказанія. Сердца моряка дрогнуло при мысли, что лучшіе корабли, надежда флота, безъ выстрѣла, безъ попытки обороны, канутъ въ воду. Онъ уговариваетъ Меньшикова не дѣлать этого. Его доводы сильны. Пусть дадутъ флоту помѣряться съ непріятелями; Меньшиковъ могъ знать, что даже въ случаѣ пораженія не все еще пропало; гавань всегда можетъ принять разбитый флотъ; а затопить все равно изстрѣлянныя, или цѣлыя суда. Но воля главнокомандующаго непоколебима. Если Корниловъ не желаетъ исполнять распоряженій главнокомандующаго, то пусть его въ Севастополѣ замѣнитъ другой. „Послушайте, это самоубійство, говоритъ Корниловъ; но въ такую минуту я не оставлю Севастополя. Я повинуюсь“.

Поставили пять линейныхъ кораблей и два фрегата у входа въ гавань. Все сдѣлано, чтобы они пошли ко дну, но они не тонутъ. Особенно упорно борется со своею участью 13-и пушечный корабль Трехъ Святителей. Тутъ моряки узнали цѣну этому кораблю, увидали, каковъ бы онъ былъ въ сраженіи. Взоры нашихъ моряковъ прикованы къ зрѣлищу борьбы ветерана-корабля съ его судь-

бою. Но вотъ раздался выстрѣлъ. Что это? Свой ударъ по своему кораблю? Это средство скорѣе затопить героя, борящагося съ волнами. Но это кощунство: это—ударъ кнутомъ дряхлаго коня, съ честью отслужившаго свой вѣкъ. И тутъ еще волны какъ бы отшатывались отъ затопляемаго великана. И опять это имя: „Трехъ Святителей"! Не шли ли, быть можетъ, стрѣлявшіе явно противъ защищавшихъ корабль, его св. патроновъ? Въ умѣ глядѣвшихъ матросовъ могло тоже промелькнуть, не оставлена ли на кораблѣ какая нибудь святыня, охраняющая его. Но наконецъ и „Три Святителя" пошли ко дну.

Вообще Кинглекъ живо начертилъ эту сцену „самоубійства" флота. Но Корниловъ не даромъ остался въ Севастополѣ. Англійскій историкъ дивится, что въ Россіи, въ имперіи, гдѣ чиноначаліе сильно, второстепенный начальникъ, безъ указа, безъ особаго распоряженія, могъ пріобрѣсти роль и значеніе главнаго дѣятеля. Душою обороны Севастополя Кинглекъ рисуетъ намъ Корнилова. Его вліяніе распространялось и на тѣхъ, кто офиціально вѣроятно никогда не призналъ бы его. Корниловъ вдохновлялъ подчиненныхъ и вообще всѣхъ защитникокъ Севастополя. Онъ вдохнулъ въ нихъ тотъ энтузіазмъ, который долго уравновѣшивалъ перевѣсъ средствъ на сторонѣ союзниковъ. И однако этотъ статный, худощавый, съ свѣтлымъ, проницательнымъ, умнымъ взоромъ, морякъ не былъ самъ энтузіастомъ. Онъ въ душѣ не зналъ той увѣренности, которую вселялъ въ окружающихъ. Онъ видѣлъ дѣло, какъ оно есть, не въ свѣтѣ розовыхъ красокъ. Онъ не имѣлъ увѣренности въ успѣхѣ дѣла; преобладающее чувство въ немъ было: бороться до конца и, если нужно, погибнуть.

Другимъ человѣкомъ во многихъ отношеніяхъ рисуетъ намъ Англійскій авторъ жившаго въ одной комнатѣ съ Корниловымъ—Тотлебена. Если Корниловъ, вливавшій энтузіазмъ въ окружавшихъ, былъ душею обороны, то Тотлебенъ былъ умомъ ея. Но это не былъ умъ теоретика. Тотлебенъ не сдѣлалъ новыхъ шаговъ въ инженерной наукѣ; онъ умѣлъ только необыкновенно искусно пользоваться обстоятельствами и примѣняться къ нимъ. Это былъ по преимуществу умъ-практикъ. Все что отзывалось теоріею, разсужденіемъ, отстранялось имъ. Если онъ не могъ тотчасъ же извлечь пользы изъ той или другой мѣры — онъ бросалъ ее. При всей трудности задачи, лежавшей на Тотлебенѣ, онъ находилъ время побалагурить съ солдатами, поднять ихъ духъ веселою шуткою. Сангвиникъ Тотлебенъ и холерикъ Корниловъ работали у одного стола и повѣряли другъ другу свои планы.

Въ сочиненіи Кинглека найдется не мало другихъ подробностей интересныхъ для Русскаго читателя; напр. глава о смерти Корнилова, о привычкахъ нашихъ матросовъ, перенесенныхъ съ моря на сушу, о сходствѣ въ боевомъ быту нашихъ и Англійскихъ матросовъ и т. д. Но вообще нельзя не замѣтить, что сочиненіе какъ-то растянуто. Одной кавалерійской аттакѣ Кардигана посвящено, напримѣръ, столько мѣста, что вниманіе наконецъ утомляется. Вышли 3 и 4 томъ сочиненія; но, судя по всему, ихъ еще будетъ много.

В. Андреевъ.

ПИСЬМА М. М. СПЕРАНСКАГО
КЪ ЕГО ДОЧЕРИ ИЗЪ СИБИРИ. (*)

1.

Тобольскъ 30 Мая 1819.

И здѣсь, любезная моя Елисавета, то же небо, тотъ же благотворный свѣтъ солнечный, тѣ же люди, смѣшеніе добра и зла, тотъ же Отеческій Промыслъ объемлющій всѣ пространства, сближающій меня съ тобою во всѣхъ разстояніяхъ, укрѣпляющій и исполняющій сердце мое довѣріемъ и надеждою.

Я прибылъ сюда 24 го мая, наканунѣ Троицына дня. Изъ Казани до Тобольска 1500 верстъ мы сдѣлали въ 8-мь дней, не смотря на разлитіе рѣкъ и частыя переправы. Таковы здѣшнія лошади и дороги. Безстрашная Сибирская царевна не могла бы летѣть скорѣе въ мои объятія. Въ дорогѣ мы всѣ были веселы и бодры. Время такъ намъ благопріятствовало, что отъ Пензы до Тобольска почти ни капли дождя и грязи. Легко себѣ представить, какъ мы здѣсь были приняты. Восторгъ, можно сказать, былъ общій. И самые тѣ, кои страшились меня, какъ судьбы грозной, утомленные ожиданіемъ, рады были видѣть рѣшеніе.

Третьяго дня почта принесла мнѣ письмо твое отъ 9 Мая. Слѣдовательно почта сюда ходитъ въ 19-ть, а иногда даже и въ 15-ть дней. По крайней мѣрѣ чрезъ двѣ недѣли буду я знать, что моя Елисавета была здорова. Не знаю еще сколько времени я здѣсь останусь; но вѣрно не менѣе мѣсяца а потомъ уже пущусь на край обитаемаго свѣта.

Съ условіями, чтобъ не ѣздить безъ Сонюшки, чтобъ всегда быть сопровождаемой Андреемъ К. *, разрѣшается тебѣ верховая ѣзда. Я боялся двухъ вещей 1, что ты не могла имѣть порядочно выѣзженной лошади и 2, что ты всегда скачешь и рѣдко можешь видѣть впереди. Впрочемъ скажи Кюмелю, ** что онъ отвѣчаетъ мнѣ своею головою за всякой опасный шагъ, не только за всякое паденіе.

Дорога насъ совсѣмъ ознакомила съ Жоржемъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ прекрасную, дѣтскую душу и добрый, смѣтливый умъ: а съ симъ можно много сдѣлать и во всемъ почти успѣть. На сихъ дняхъ, разобравшись съ дѣлами, мы распорядимся въ его наукахъ и упражненіяхъ. По счастью къ сему есть подъ руками всѣ средства.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

(*) См. выше въ семъ году Русскаго Архива письма Сперанскаго изъ Пензы и съ дороги въ Сибирь.

* Андреемъ Карловичемъ Амбургеромъ.

** Извѣстному берейтеру.

2.

Тобольскъ 7-го Іюня 1819.

Дѣла и хлопоты такъ мнѣ закружили голову, что я забылъ почтовой день и едва успѣваю сказать тебѣ, любезная моя Елисавета, что письма твои начали опять приходить ко мнѣ въ порядкѣ. Третьяго дни получилъ письмо твое отъ 15-го Мая. Поздравляю тебя на дачѣ; надѣюсь, что тусклость мыслей твоихъ освѣжится; впрочемъ тебѣ не въ первый разъ искать утѣшенія внутри себя; ты всегда его тамъ найдешь, если только поутру и ввечеру искать будешь.

Я окруженъ здѣсь хлопотами; а ты знаешь, какъ ненавижу я всякую хлопотливость. Не дѣла, но бездѣлки, чрезъ кои надобно пройти къ дѣламъ, непріятны; но я вижу берегъ; здоровье мнѣ служитъ и душа моя исполнена надежды.

Жоржа я одѣваю въ мундиръ и надѣюсь скоро будетъ онъ имѣть и первый офицерскій чинъ. Радость его смѣшна; но весьма чистосердечна и естественна. Его всѣ здѣсь любятъ; но не балуютъ.

Прощай моя милая; до первой почты, какъ до свиданія. Христосъ съ тобою.

3.

Тобольскъ. Іюня 14, 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 21-го Мая я получилъ 12-го Іюня. Такъ ходитъ сюда почта и я еще въ самомъ ближнемъ отъ тебя разстояніи. Что же будетъ, когда пущусь я въ самую глубину Сибири? И тебѣ и мнѣ много надобно терпѣнія; много молитвы; много помощи свыше.

Бодрость духа и здоровье меня не оставляютъ. Окончивъ здѣсь дѣла я поспѣшу въ Иркутскъ, какъ къ цѣли моего путешествія, путешествія конечно: ибо никогда не найду я въ себѣ ни силъ, ни способовъ не только здѣсь остаться, но и представить себѣ сіе вѣроятнымъ. Милость Божія никогда меня не оставляла и здѣсь не оставитъ. Ожидаю зимы, какъ ты весны: ибо зима для меня въ Иркутскѣ будетъ послѣднею эпохою моего удаленія; съ весною я начну обратный путь. Молись только, чтобъ я былъ здоровъ; прочее все устроится въ своемъ порядкѣ.

Не слушай разказовъ о Сибирской природѣ. Сибирь есть просто Сибирь. Надобно имѣть воображеніе не пылкое, но сумазбродное, чтобъ видѣть тутъ какую-то Индію. Доселѣ по крайней мѣрѣ я ничего не видалъ ни въ природѣ величественнаго; ни въ людяхъ отличнаго. Уральскія горы сколько ни называй ихъ Рифейскими, все будутъ скучные, неказистые, единообразные, безчисленные, утомительные холмы, растянутые на пространствѣ 400 верстъ. При переѣздѣ ихъ не встрѣтишь ни одной точки зрѣнія, гдѣ бы глазъ остановился; ни одной равнины, съ коей бы можно было вдругъ обнять какое либо значительное возвышеніе. Тутъ даже нѣтъ и красивыхъ ужасовъ. Болѣе скучно нежели опасно и даже совсѣмъ не опасно. Примѣть, что мы проѣзжали ихъ въ самое лучшее время и что глазъ мой пристрастенъ ко всякой красотѣ природѣ, ко всякому явленію изящному или величавому. О людяхъ тоже сказать можно. Доселѣ я еще не могъ составить никакого понятія, которое представляло бы мнѣ *Сибиряка*. Тѣже пороки; тѣже глупости; тоже терпѣніе въ бѣдныхъ и своекорыстіе въ богатыхъ. Различіе только въ томъ, что здѣсь, говоря вообще, всѣмъ жить широко, земля довольно хороша, и слѣдовательно бѣдныхъ меньше. Посмотримъ, что будетъ далѣе; а до Тобольска и въ Тобольскѣ я смѣло утверждаю, что Сибирь есть просто Сибирь, то есть: прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное

и богатое для минералогіи; но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности, твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ. Впрочемъ жизнь въ самомъ Тобольскѣ весьма дешева; великое изобиліе рыбы и прекрасной; но что значитъ сіе мѣстное изобиліе, когда за двѣсти верстъ по недостатку и даже по невозможности сообщеній вдругъ все измѣняется и въ виду избытка можно умереть съ голоду. Южная часть губерніи вообще довольно изобильна; но одинъ градусъ къ сѣверу; одинъ шагъ съ большой дороги и ты въ пустынѣ, среди болотъ непроходимыхъ, гдѣ дикій Остякъ гоняется только зимою за серною или соболемъ; а лѣтомъ, то есть два мѣсяца, живетъ рыбою.

Ты подумаешь, что даю тебѣ урокъ статистики. Мое намѣреніе есть только остеречь тебя отъ моднаго ныне заблужденія превозносить Сибирь и находить въ ней Индію. Сіи люди въ самомъ дѣлѣ могутъ возмечтать, что они сдѣлали важное открытіе.

Мы живемъ здѣсь весьма уединенно. Общества совсѣмъ нѣтъ и я весьма радъ сему образу жизни. Тѣмъ скорѣе и лучше могу я окончить дѣла мнѣ порученныя. Жоржъ началъ свои науки то есть читаетъ и переводитъ помоему назначенію. И нравомъ его и умомъ я весьма доволенъ.

Прощай моя милая; до будущей почты; Господь съ тобою.

Вели себѣ сыскать и прочитай непремѣнно № 43 мая мѣсяца Московскихъ Вѣдомостей. Ты увидишь тамъ мое прощанье съ Пензою. Не знаю еще моего Гомера; но онъ правдивѣе Греческаго.

4.

Тобольскъ 20 Іюня 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 29 Мая я получилъ въ свое время. По собственному опыту я знаю, какъ трудно писать въ жаркое время. И въ Тобольскѣ бываютъ жары; сегодня напримѣръ 36° въ тѣни. Природа вездѣ беретъ свое. Чрезъ нѣсколько дней я отсюда отправляюсь. Послѣдующее письмо мое будетъ уже изъ Томска то есть изъ второй Сибирской губерніи. Тебѣ не худо прочитать и возобновить въ памяти географію Сибири, чтобъ лучше знать, гдѣ я буду находиться. Съ нынѣшнею почтою дѣлаю представленіе въ Сенатъ о Жоржѣ, чтобъ доставить ему первый офицерскій чинъ. Въ Сенатъ о Жоржѣ — какая странность. Аркадій Алексѣевичъ тебя увѣдомитъ, когда онъ будетъ произведенъ. Это не подвержено сомнѣнію. Между тѣмъ онъ въ мундирѣ *и при шпагѣ*. Мундиръ прекрасный и онъ радъ безъ памяти. Сего не довольно; онъ получаетъ даже и жалованье изъ казны по триста рублей въ годъ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что онъ ведетъ себя прекрасно и начинаетъ служить на самомъ дѣлѣ. — Кто тотъ молодой человѣкъ, который такъ восхищенъ служить подъ моимъ начальствомъ *(а не подо мною)*? Ты забыла мнѣ сказать его имя. Рекомендація твоя конечно будетъ ему не безполезна. Впрочемъ я такъ мало себя здѣсь прочу, что никому ничего не обѣщаю, и никого къ себѣ не зову: ибо и самъ думаю только о возвратѣ. Тѣмъ не менѣе ѣду въ Иркутскъ съ бодрымъ духомъ и слава Богу съ добрымъ запасомъ здоровья. — Осипъ Петровичъ* самъ описывалъ мнѣ вашъ обѣдъ. Я пользуюсь его сосѣдствомъ съ вами, чтобъ доставить къ тебѣ сіе письмо. Впрочемъ буду иногда писать и чрезъ Сталыпина. Не мучь себя журналомъ; я знаю, что по образу вашей жизни

---

* Козодавлевъ.

это довольно трудно; пиши только ко мнѣ, какъ можно болѣе. — 90, пишется и говорится — девяносто; а *воспа* пишется и произносится на добромъ русскомъ языкѣ: *оспа*.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

5.

Тобольскъ 25 Іюня 1819.

Сіе письмо, любезная моя Елисавета, будетъ послѣднее изъ Тобольска; завтра отсюда мы пускаемся во глубину Сибири и вмѣсто сѣвера возвращаемся къ югу. Чрезъ два дни буду я на границѣ Россіи, въ Омскѣ въ крѣпости, раздѣляющей и оканчивающей послѣднюю черту населенія народа образованнаго съ полудикими Киргизами. Оттуда мы обратимся въ Томскъ, гдѣ пробуду я недѣли двѣ и первое письмо, которое ты послѣ сего получишь, будетъ именно изъ сей средней полосы Сибирскаго царства. По счастью время и здоровье намъ благопріятствуютъ.

Воображеніе наше ищетъ въ Сибири чего-то чуднаго, отличительнаго и ничего не находитъ. Какъ жаль, что скучная, единообразная дѣйствительность вездѣ уничтожаетъ паренія романическія. Сей плоскій физическій міръ вообще стоитъ не въ мѣрѣ нашихъ мыслей и воображеній. Духъ человѣческій есть великанъ, коему все тѣсно. Привычка уничтожаетъ даже и призракъ разстояній. Мы теперь говоримъ о тысячѣ верстахъ, какъ о прогулкѣ. На сихъ дняхъ генералъ командующій въ Омской крѣпости пріѣзжалъ ко мнѣ со всѣмъ своимъ штабомъ за 600 верстъ съ визитою: отобѣдалъ, переночевалъ, уѣхалъ.

Жерве въ послѣднемъ своемъ письмѣ прощальномъ ничего ко мнѣ не пишетъ о продажѣ Маврина; изъ чего и заключаю, что она не скоро еще совершится. Лишь бы простояла она до будущей весны; а тамъ увидимъ.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

26 Іюня.

Предъ самымъ отъѣздомъ почта принесла мнѣ письмо твое отъ 2-го Іюня. Повѣствованіе Магницкаго конечно интересно; но я и безъ него знаю, что дѣйствительно все идетъ какъ нельзя лучше. О поѣздкѣ твоей въ Сибирь и говорить нечего; этому не бывать, если Промыслъ не захочетъ посѣтить меня новымъ несчастіемъ. Письмо рыцаря солнца изъ Тегерана читано въ Тобольскѣ! это весьма интересно. Сей молодой человѣкъ, кажется, видитъ вещи съ истинной ихъ точки зрѣнія. Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Пиши ко мнѣ всегда въ Тобольскъ; почтамтъ найдетъ меня всюду.

Жоржъ не пишетъ за сборами въ дорогу.

6.

Томскъ 10-го Іюля 1819.

Мы оставили Тобольскъ, любезная моя Елисавета, 20-го Іюня. По равнинѣ простирающейся почти на тысячу верстъ скатились мы сюда и прибыли въ Томскъ, въ средоточіе Сибири 6-го Іюля. Первый пригорокъ на семъ пространствѣ встрѣтили мы съ радостію и восклицаніемъ: столько единообразіе сихъ степей утомительно. Здѣсь природа начинаетъ одушевляться. Растенія дѣйствительно роскошныя. Трудно видѣть луга болѣе тучные, лучше испещренные, и еслибъ не былъ я за 4500 верстъ отъ тебя: то можно бы симъ повеселиться; но сердце мое сжато и не прежде раскроется, какъ при обратномъ отсюда путешествіи. Физическіе труды ничто въ сравненіи съ нравственными огорченіями и безпокойствами. Видъ

здѣшнихъ неустройствъ и желѣзнаго управленія возмущаетъ душу.

На пути мы сдѣлали кругъ и были въ Омскѣ, на границѣ Европейскаго образованія. Дикіе Киргизы придвинувшись съ своими юртами давали мнѣ праздникъ, то есть давали намъ видѣть, какъ они жрутъ почти сырыхъ барановъ и пьютъ кумысъ (кобылье молоко). Послѣ сего было ристалище. Оно состояло въ скачкѣ. Молодые люди одинъ послѣ другаго старались тутъ нагнать верхомъ скачущую дѣвицу, одну изъ лучшихъ невѣстъ; а она отбивалась отъ жениховъ плетью. Нѣтъ ничего отвратительнѣе дикой природы, если въ самомъ дѣлѣ это есть природа, а не одичавшее ея произведеніе. Мы обѣдали и ночевали въ крѣпости. Ты можешь себѣ представить, какъ Жоржъ былъ гордъ видя, что мнѣ отдавали всѣ военныя почести. Онъ выросъ на полвершка. Кстати о ростѣ, онъ дѣйствительно вздумалъ здѣсь рости; скажи Марьѣ Карловнѣ, чтобъ къ возвращенію его готовила ему весь новый гардеробъ.

Мы проживемъ здѣсь еще недѣли двѣ. Надѣюсь, что отнынѣ переписка наша будетъ непрерывна. Прощай моя милая, Господь съ тобою.

7.

Томскъ 17-го Іюля 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 8-го Іюня, дошло ко мнѣ 14-го Іюля; какое ужасное разстояніе; а чрезъ двѣ недѣли я буду отъ тебя еще далѣе. Какъ же не желать, какъ не искать намъ вѣчности все соединяющей, когда здѣсь все раздѣлить насъ можетъ?

Разсужденіе твое о чувствительности прекрасно и даже весьма основательно. Упражняйся любезная, чаще въ сихъ размышленіяхъ; но упражняйся съ перомъ въ рукѣ: ибо симъ однимъ образомъ можешь ты установить и удержать полетъ твоихъ мыслей. Мысли твои такъ заманчивы, что я не могу не прибавить къ нимъ нѣсколько своихъ.

Чувствительность, въ собственномъ смыслѣ, есть способность духа человѣческаго понимать и услаждаться всѣмъ, что есть изящнаго (le beau) въ природѣ и дѣяніяхъ человѣческихъ, въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

Низшія степени чувствительности принадлежатъ всѣмъ существамъ мыслящимъ; но высшія даны не многимъ. И Остякъ имѣетъ свою музыку и увеселяется корольками и стеклярусомъ; но высшія зависятъ отъ устройства органовъ, отъ усовершенія ихъ и нравственнаго образованія; а еще болѣе они зависятъ отъ обилія и полноты живущаго въ насъ духа. Въ просторѣчіи говорятъ: онъ много имѣетъ духа; много характера. И дѣйствительно одинъ имѣетъ его отъ природы болѣе, другой менѣе.

Отсюда происходитъ та весьма важная истина, что великодушіе есть тоже что и чувствительность и что малодушный человѣкъ, хотя бы онъ плакалъ по сту разъ въ день, никогда не можетъ быть человѣкомъ чувствительнымъ. Это просто плакса съ слабыми или разстроенными нервами. —Здѣсь передаю тебя перо въ руки и разсужденіе твое есть ничто иное какъ продолженіе моей темы.

Ты старѣешь; ради Бога не допускай себя старѣть; не теряй розовыхъ твоихъ мыслей; не дозволяй входа въ сердце твое пустымъ страхамъ; не всѣ-ли, не вездѣ-ли мы въ рукахъ Вышняго Промысла; не ломаютъ-ли себѣ ногъ на паркетахъ и сверхъ того прошедшее должно тебѣ

ручаться за настоящее и будущее. Что бы ни говорили, а есть предчувствіе и сіе предчувствіе удостовѣряетъ меня, что судьба моя еще не исполнилась и не прежде исполнится, какъ по соединеніи съ тобою. Даже можно подивиться, какъ всѣ обстоятельства, самая погода мнѣ въ пути благопріятствуетъ. Здѣсь напримѣръ бываютъ лѣтомъ несносные жары; нынѣ время благорастворенное.

Я почти радъ, что Маврино пустѣетъ. Женское ваше общество прекрасно; но мужское ни къ чему негодится не потому, чтобъ было опасно: но потому что ничтожно.

Жоржъ продолжаетъ, какъ началъ то есть добръ, смѣтливъ, и готовъ всему учиться. Кочующая наша жизнь не дозволяетъ ему заниматься науками; но въ Иркутскѣ мы расположимся покойнѣе и полезнѣе. Я надѣюсь тамъ быть около 6-го Августа. Кто бы повѣрилъ?—Прошедшаго года въ сіе время я былъ въ Пензѣ; а вы на Бриловскомъ заводѣ—а нынѣ я буду къ тебѣ писать въ сіе же время изъ Иркутска.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

8.

Томскъ 24-го Іюля 1819.

Нынѣшняя моя почта не такъ была счастлива, какъ предъидущая; я не получилъ твоихъ писемъ вѣроятно по какой нибудь остановкѣ въ Москвѣ, что бываетъ не рѣдко.

Томскъ и вообще Томская губернія, могла бы быть и по богатству произведеній и по климату ея весьма умѣренному и въ полуденной части прекрасному, могла бы быть одною изъ лучшихъ губерній въ Россіи; но худое управленіе сдѣлало изъ нее сущій вертепъ разбойниковъ. Сіе противорѣчіе между возможностью и дѣломъ разрываетъ сердце. Надежда со временемъ согласить противорѣчіе такъ еще слаба, что не можно на нее опереться. Я полагалъ здѣсь пробыть не болѣе двухъ недѣль; но встрѣтилъ столько дѣлъ непріятныхъ, что не надѣюсь окончить ихъ и въ мѣсяцъ. Можно-ли себѣ представить, что я тороплюсь въ Иркутскъ—между тѣмъ это сущая правда. Иркутскъ есть послѣдняя цѣль моего странствованія и сверхъ того дорога есть единственный мой отдыхъ.

Третьяго дня мы праздновали 22-е Іюля. У меня былъ большой обѣдъ, а ввечеру въ саду балъ и ужинъ. Тутъ собрано было все губернское великолѣпіе—и здѣсь танцуютъ матрадуры и котильонъ.

Ты весьма хорошо сдѣлала, что не писала ко мнѣ съ Сальватори; онъ меня по счастью и не засталъ.

Прощай моя милая, Христосъ съ тобою.

9.

Томскъ 1-го Августа 1819.

Среди нестройныхъ криковъ страстей и жалобъ здѣсь меня окружающихъ я читалъ, любезная моя Елисавета, письмо твое и мысли *о несчастіи*, какъ музыку Гайдена. Сей отрывокъ и по слогу и по предмету еще лучше прежняго. Продолжай утѣшать меня; мнѣ нужны твои утѣшенія; но не пиши мнѣ ни о медвѣдяхъ, ни о происшествіяхъ сему подобныхъ; вдали они слишкомъ для меня страшны и сверхъ того я могу лучше о семъ услышать отъ другихъ, нежели отъ тебя.

Я получилъ письмо и счетъ Марьи Карловны. Тѣмъ и другимъ совершенно доволенъ. Весьма радъ, что ты

разсталась съ твоею Агаѳьею. Есть предѣлы всякому терпѣнію. И впрочемъ всегда лучше летать на своихъ крыльяхъ; я думаю, что у тебя во фрейлинахъ недостатка не будетъ.

Ты читаешь Миллера, а я съ нимъ такъ, какъ и со всѣми другими книгами почти раззнакомился. Совершенно нѣтъ времени. Надѣюсь увидѣться съ ними въ Иркутскѣ. Мы отправляемся туда 3-го или 5-го сего мѣсяца. Не ожидай писемъ съ будущею почтою; мы будемъ въ пути и не прежде 15-го достигнемъ своего зимняго пребыванія; за то лучше и постояннѣе тамъ расположимся. Кочующая жизнь мнѣ крайне наскучила.

Не спрашивай меня, будешь-ли ты когда нибудь въ Сибири. Самый вопросъ, самая мысль о семъ для меня огорчительна. Частнымъ человѣкомъ можетъ быть я нашелъ бы и здѣсь способъ составить себѣ довольно сносный образъ бытія; но никогда начальникомъ. Слишкомъ много отвѣтственности и предъ Богомъ и предъ людьми и силы мои къ сему совершенно недостаточны. И такъ говори сколько хочешь объ отправленіи твоемъ въ Сибирь, но говори другимъ; мнѣ же проповѣдуй, какъ мы увидимся будущею весною въ Мавринѣ.

Прощай моя милая до Иркутска, какъ будто до свиданія. Христосъ съ тобою.

10.

Нижнеудинскъ 21-го Августа 1819.

Пишу къ тебѣ, любезная моя Елисавета, изъ сего маленькаго, грязнаго городка единственно для того, чтобъ ты не подумала, что мы на пути изъ Томска въ Иркутскъ потерялись или пожраны медвѣдями и волками. Мы слава Богу всѣ здоровы и давно уже были бы въ Иркутскѣ, если бы дѣла и горькія жалобы меня не остановляли. Здѣсь-то настоящая Сибирь и здѣсь-то наконецъ я чувствую, что Провидѣніе всегда правосудное, не безъ причины меня сюда послало. Я былъ здѣсь дѣйствительно Ему нуженъ, чтобъ уменьшить страданія, чтобъ оживить надежды почти уже исчезавшія, и ободрить терпѣніе слишкомъ утомленное.

Чрезъ два или три дни мы отправляемся въ Иркутскъ. Это пятьсотъ верстъ; два дни пути по здѣшнему. Съ будущею почтою надѣюсь писать къ тебѣ оттуда. Прощай моя милая до свиданія. Христосъ съ тобою.

11.

Иркутскъ 2-го Сентября 1819.

Наконецъ мы въ Иркутскѣ, на краю свѣта, на возвратной линіи нашего странствованія, любезная моя Елисавета. Намъ суждено вступать въ большіе города на канунѣ большихъ праздниковъ; сюда мы прибыли наканунѣ Александрова дня. Встрѣча была великолѣпная, хотя и старался я всемѣрно отклонить всѣ пышности. По стеченію народа, по яркости освѣщенія Иркутскъ показался намъ столицею. Поутру очарованіе изчезло; остался обыкновенный губернскій городъ, довольно многолюдный, торговый и опрятный. Я едва еще успѣлъ осмотрѣться и потому съ сею почтою не пишу еще ни къ кому кромѣ тебя.

Здѣсь я получилъ два письма твои отъ 9-го и 14-го Іюля почти чрезъ полтора мѣсяца. Весьма радъ, что ты видѣлась съ дядюшкой. Мнѣніе твое о прочихъ лицахъ сего дома весьма справедливо; но по счастью намъ нѣтъ до нихъ большой нужды, и привязанности твои къ Марьѣ Карловнѣ не подлежатъ ихъ пересудамъ.

Весьма одобряю намѣреніе твое сдѣлать путешествіе къ доброму и лѣнивому Лербасу. Это старая моя привязанность; они оба люди весьма добрые. Весьма премудро устроено, что люди злые всегда почти должны быть дѣятельны и безпокойны: ибо труднѣе, несравненно заботливѣе быть злымъ, нежели добрымъ.

Поздравляю тебя въ званіи учительницы дѣтей. Весьма не худо учить и лучшій способъ учиться. Ты будешь со временемъ Miss Edgeworth.

Мы расположились здѣсь, наконецъ, на зимнія, постоянныя квартиры. Кочующая наша жизнь чрезмѣрно наскучила. Жоржъ вступаетъ въ свои учебныя упражненія. И въ Петербургѣ трудно бы было ему найти столько способовъ, какъ мы здѣсь имѣемъ подъ руками. Онъ долженъ здѣсь приготовить себя къ университетскому курсу, который начнетъ, какъ скоро будетъ въ Петербургѣ. Ибо совсѣмъ нѣтъ моего намѣренія посвятить его канцелярской службѣ. Для него я весьма честолюбивъ.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Христосъ съ тобою.

Не бойся; далѣе я ни шагу; зимою сдѣлаемъ только прогулку въ Кяхту, чтобъ въ пограничныхъ воротахъ поклониться китайскому Богдо-хану. —Чаю милой мамѣ непремѣнно пришлю, но зимою.

12.

Иркутскъ 5-го Сентября 1819.

Давно-ли, любезная моя Елисавета, день твоего ангела праздновали мы въ Пензѣ? — Это кажется вчера. Между тѣмъ сколько происшествій, какая разлука, какая отдаленность! Но сила любви не знаетъ разстояній. И въ Иркутскѣ праздную сей день, счастливѣйшій въ моей жизни, благодареніемъ Всевышнему Отцу, который вмѣсто всѣхъ благъ жизни, даровалъ мнѣ тебя. Ангелъ хранитель невинности и чистоты душевной да будетъ съ тобою!

Вчера получилъ я письмо твое изъ Павловскаго отъ 24-го Іюля. Мѣсто сіе дѣйствительно исполнено для меня воспоминаній. Со временемъ мы сдѣлаемъ сюда *sentimental journey*. Не разрушай моихъ мечтаній; я все вѣрю, что мы нѣкогда и даже скоро будемъ вмѣстѣ и на свободѣ.

Я забылъ написать къ тебѣ, что если бы тебѣ встрѣтилась нужда въ деньгахъ прежде нежели поступятъ доходы съ аренды (они должны поступить къ Дазеру въ Декабрѣ сего года шесть тысячь и въ Мартѣ столько же) ты можешь располагать доходами съ дома: наемъ платится по третямъ по $^{2}/_{m}$ р. въ треть и долженъ поступить къ А. А. Сталыпину (*) По сіе время у него должно уже быть $^{2}/_{m}$ рублей.

6-го Сентября.

Вчера у насъ былъ въ биржевой залѣ отъ купечества обѣдъ и балъ — въ Иркутскѣ балъ; но кто же танцуетъ? 24 пары ва экоссезѣ. Такъ усовершается любезное отечество наше. Признаюсь, есть чѣмъ тебѣ въ пристрастіи твоемъ похвалиться. Завожу и здѣсь еженедѣльныя собранія: ибо мнѣ нужны точки соединенія; нужно снять оковы прежняго суроваго, угрюмаго правительства. — Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторый степень свободы и могутъ

(*) Договоръ сдѣланъ съ Масальскимъ. Дубенскій долженъ платить съ 1-го Іюля сего года по 500 р. въ мѣсяцъ и слѣд. 1-го Ноября долженъ тебѣ заплатить $^{2}/_{m}$ р., если ты къ нему пошлешь или скажешь А. Алексѣичу. С.

безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать.

Какъ велика земля Русская! И здѣсь тѣ же люди, та же чернь, тѣ же нравы и обычаи; тѣ же почти и пороки и добродѣтели. Сіе единство почти не понятно. Во всѣхъ другихъ государствахъ несравненно есть болѣе разнообразія. Сіе происходитъ думаю, отъ того, что здѣшнее населеніе есть смѣсь или произведеніе всѣхъ странъ Россіи. Но не думай и не дозволяй думать, чтобъ Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ они едва составляютъ до $^2/_{10}$ въ годъ и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Тебѣ покажется страннымъ предметъ письма сего; но надобно, чтобъ ты имѣла объ отечествѣ твоемъ вѣрныя понятія во всѣхъ отношеніяхъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу. Они докажутъ, что у насъ въ 20-ти тысячахъ едва можно найти одного преступника, да и то воришка маловажнаго; важныхъ же нѣтъ ни на сто тысячъ одного. Я самъ не повѣрилъ бы сему прежде и считаю это великимъ въ моральномъ мірѣ открытіемъ.

10-го Сентября.

Прощай моя любезная; Господь съ тобою.

13.

Иркутскъ 17 Сентября 1819.

Съ возвращающимся отсюда Сенатскимъ курьеромъ завтра, любезная моя Елисавета, буду я къ тебѣ писать подробнѣе; съ почтою же пишу теперь для того только, чтобъ срочное время не пропустить безъ писемъ. У насъ продолжается еще прекрасная погода и слава Богу здоровье мое ничего не потерпѣло отъ перемѣны климата. На сихъ дняхъ собираюсь сдѣлать небольшое путешествіе на Байкалъ; это 60 верстъ. Озеро сіе здѣсь называютъ моремъ и даже святымъ моремъ и увѣряютъ, что дерзновенный, который бы назвалъ его озеромъ, не останется безъ мести. Два уѣзда за нимъ лежащіе называются по той же логикѣ заморскими. Впрочемъ не думай, чтобъ я вздумалъ плавать; я осмотрю только берега и близъ лежащія селенія.

Прощай моя милая; готовясь къ отправленію курьера я окруженъ бумагами и чуть не упустилъ почту. Христосъ съ тобою.

14.

Иркутскъ 18-го Сентября 1819.

Аркадій Алексѣевичъ вручитъ тебѣ, любезная моя Елисавета, письмо сіе и ящичекъ чаю въ подарокъ любезной моей Софьѣ Ивановнѣ. Лѣтомъ посылать чай трудно; мнѣ часто привозили одну пыль. Зимою пришлю ей болѣе. Изъ всѣхъ здѣшнихъ товаровъ одинъ чай лучше и дешевле, нежели въ Москвѣ. Впрочемъ доброй чай надобно дѣлать съ умѣньемъ; онъ требуетъ болѣе времени и тепла, чтобъ настояться.

Двѣ недѣли, какъ я здѣсь и не могу еще обозрѣться, ни установить порядка въ моемъ времени. Дѣла чрезмѣрно запутаны; но надѣюсь, что къ новому году все существенное и грязное окончу. Останется одна окончательная, но уже болѣе умственная работа. Будущее во всѣхъ отношеніяхъ лучше настоящаго. И у меня есть свои фантазіи: могу-ли запретить ихъ тебѣ?

Меня въ самомъ дѣлѣ сдѣлали академикомъ то есть членомъ Академіи и что еще лучше Академіи наукъ, которая всегда дорожила сими дарами. Здѣсь на сихъ дняхъ получилъ я Латинскій свой дипломъ и вмѣстѣ съ симъ посылаю отвѣтную мою грамату. Въ слѣдъза тѣмъ и Казанскій Университетъ присвоилъ меня къ себѣ. Если бы сіи люди знали, какъ мало уважаю я знаніями человѣческими: вѣрно не удостоили бы меня сей чести.

Кстати о знаніяхъ; Жоржъ продолжаетъ свои уроки съ прилежаніемъ; онъ учится Математикѣ и Латинскому языку, и надѣюсь столько здѣсь успѣетъ, что по возвращеніи въ Петербургъ тотчасъ вступитъ въ университетскій курсъ, гдѣ я самъ за нимъ смотрѣть буду.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

15.

Иркутскъ 23 Сентября 1819.

Письма наши, любезная моя Елисавета, суть не что другое, какъ продолжительный разговоръ между страхомъ и надеждою; по счастью слова послѣдней и внятнѣе и сообразнѣе съ нашимъ сердцемъ. Предо мною лежатъ твои письма отъ 28-го Іюля и отъ 4-го Августа. Свиданіе твое съ Жуковскимъ * есть дѣйствительно происшествіе; рѣдко встрѣчаются геніи и съ того времени, какъ встрѣтился Шиллеръ съ Гёте, нынѣ случилось это въ первый разъ. Тутъ нельзя ошибиться; если онъ Шиллеръ: то ты Гёте. Соразмѣрность почти вѣрная.—Какъ живо я чувствую всѣ неудобства его положенія, всю страдательность его жизни. Я слишкомъ близко видѣлъ сей родъ неволи, чтобъ не сострадать и что всего хуже, нѣтъ почти средства пособить ему; одна болѣзнь можетъ поправить; но и въ болѣзни не дадутъ ему ни лекаря, ни лекарства.

* Васильемъ Андреевичемъ.

Что сказать тебѣ о здѣшнихъ новостяхъ? Кромѣ дѣлъ вотъ что въ двѣ недѣли сдѣлать мы здѣсь успѣли. *Во первыхъ* завели собранія, гдѣ разъ въ недѣлю по воскресеньямъ танцуютъ и кто же?—большею частію купчихи и ихъ дочери. Я напримѣръ Польской веду съ старухою одѣтою въ глазетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанною платкомъ и тѣмъ не менѣе всё идетъ чинно и весело; они съ роду такъ свободно и пріятно не живали: ибо до меня здѣсь была настоящая Испанія. *Во вторыхъ* учредили въ пользу бѣдныхъ благотворительное общество; подписка теперь уже составляетъ до 8/m рублей. Должно отдать справедливость здѣшней щедрости и богатству. *Въ третьихъ* учредили и на сихъ дняхъ открыли Ланкастерскую школу: по счастью со мною была книжка о сей методѣ и все вскипѣло. Собираемся открыть библейское общество; такимъ образомъ все въ порядкѣ и зима наша пройдетъ не безплодно.

Запрещаю тебѣ желать быть мальчикомъ. Ты рождена именно для того, чтобъ быть моею Елисаветою и десяти мальчиковъ за сіе я не возьму. Сверхъ того это и не нужно; даже и въ томъ предположеніи, въ предположеніи для меня горестномъ и слишкомъ невѣроятномъ, чтобъ ты принуждена была посѣтить Сибирь, никакое превращеніе къ сему не нужно. Тутъ нужна только карета и 30-ть дней терпѣнія. Впрочемъ я не хочу о семъ и мыслить.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Христосъ съ тобою.

16.

Иркутскъ 16 Сентября 1819.

У насъ зима, любезная моя Елисавета, хоть еще не строгая, но зима. Цѣлое почти лѣто пробывъ въ дорогѣ, на открытомъ воздухѣ, трудно мнѣ будетъ привыкать къ двойнымъ окошкамъ. Но къ чему наконецъ нельзя привыкнуть?—Изъ всѣхъ свойствъ это есть самое драгоцѣннѣйшее. Еслибъ скука и огорченія были для насъ всегда новы, нельзя бы было почти жить на свѣтѣ. Но привычка все умащаетъ, мягчитъ, притупляетъ и дѣлаетъ сноснымъ.

Сегодня во время обыкновеннаго моего утренняго чтенія вмѣсто Греческаго моего Завѣта мнѣ вздумалось читать Евангеліе въ новомъ Русскомъ переводѣ. Какая разность, какая слабость въ сравненіи съ Славенскимъ. Можетъ быть и тутъ дѣйствуетъ привычка, но мнѣ кажется все не такъ, и не на своемъ мѣстѣ и хотя внутренно я убѣжденъ, что это всё одно и тоже; но нѣтъ ни той силы, ни того услажденія. Вообще я никогда не смѣлъ бы одобрить сего уновленія; знаю, что оно сдѣлано съ наилучшими намѣреніями; можетъ быть для тѣхъ, кои не привыкли къ Славенскому языку, это услуга. Но для чего бы кажется не оставить ихъ привыкнуть. Это стоитъ труда. Никогда Русскій простонародный языкъ не сравнится съ Славенскимъ, ни точностію, ни выразительностію формъ, совершенно Греческихъ. И рече Богъ, да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ — И сказалъ Богъ чтобъ былъ свѣтъ и былъ свѣтъ. Сравни сіи два перевода; въ одномъ есть нѣчто столь быстрое, столь точное; въ вругомъ все вяло, неопредѣленно, vulgar. Въ языкахъ, кои не имѣютъ другаго діалекта, разность сія не можетъ быть чувствительна. Но у насъ и для насъ она весьма ощутительна потому: что читая одно, умъ себѣ представляетъ какъ бы могло сіе быть выражено иначе.

Читай, продолжай читать Евангеліе и весь вообще Новый Завѣтъ на Славенскомъ, а не на Русскомъ языкѣ. Въ мѣстахъ или въ словахъ затруднительныхъ тебѣ легко опредѣлить смыслъ ихъ по Англинскому

Языкъ Славенскій въ послѣднее время много потерпѣлъ отъ того, что вздумалъ защищать его чѣловѣкъ добрый, но писатель весьма посредственный. Для чего Карамзинъ, Уваровъ, Жуковскій не принялись за сіе дѣло? Для того что они молоды; для того, что имъ можетъ быть нѣкогда было симъ заниматься. Ко мнѣ пишутъ кстати о Карамзинѣ, что и грозное царство Іоанна IV уже въ печати; прочитай сіи ужасы и скажи мнѣ свои мысли.

Мы готовимся къ открытію Китайской торговли; это обыкновенно бываетъ въ зимнихъ мѣсяцахъ. Ожидай себѣ прекрасныхъ Китайскихъ шелковъ для вышиванья. О мѣхахъ и думать нельзя; здѣсь или нѣтъ ихъ, или они дороже, нежели въ Петербургѣ. Я самъ принужденъ на зиму кой-какъ передѣлать себѣ старую полуизношенную мою медвѣжью шубу. Одному Жоржу дѣлается новая шуба и съ воротникомъ бобровымъ

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

17.

Иркутскъ 8-го Октября 1819.

Минувшая почта не принесла мнѣ твоихъ писемъ, любезная моя Елисавета; это значитъ что въ половинѣ Августа ты еще была у Лербаса въ деревнѣ. Такимъ образомъ лишенъ я и того утѣшенія, чтобъ знать, что

шесть недѣль тому назадъ ты была здорова. Сколько же происшествій могло встрѣтиться на разстояніи сихъ шести недѣль! и нѣтъ способа ихъ сократить! Ничто по моему мнѣнію, не дастъ столько чувствовать всей грубости тѣлеснаго нашего бытія, какъ разлука. Она открываетъ, сколь сіе свинцовое бытіе не естественно, несоразмѣрно пареніямъ нашего духа. О! когда взыду и явлюся лицу Твоему, Господи; ибо тамъ только, предъ Нимъ нѣтъ ни разлукъ, ни разстояній, но души однородныя въ Немъ почивающія всегда въ Немъ соединены, всегда одна другой присущи. — Разлуки земныя, а особливо разлуки Сибирскія пріучаютъ къ смерти, даютъ чувствовать, не только понимать всю цѣну вѣчности.

Не приписывай сихъ размышленій горести или упадку духа. Есть нѣчто безконечно пріятное изъ среды мерзостей, коими здѣсь я окруженъ, возноситься къ истинамъ высшаго рода. Я думаю тутъ дѣйствуетъ сила контраста, сила худо еще опредѣленная, мало понимаемая, но сила важная и существенная,

Третьяго дня мы пили здоровье Жоржа новаго коллежскаго регистратора. Поздравь Марью Карловну и скажи, чтобъ она готовилась видѣть его со временемъ канцлеромъ.

Прощай, моя милая; Господь да будетъ съ тобою.

18.

Иркутскъ 15-го Октября 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 28-го Августа содержитъ нѣкоторыя подробности прогулки вашей въ Нарву. Два раза проѣзжалъ я сіи мѣста и всегда желалъ побывать въ нихъ на досугѣ. Ты за меня совершила сіе путешествіе. Совершенно правда, что величественные виды природы возвышаютъ душу и я всегда буду худаго мнѣнія о тѣхъ, надъ коими виды сіи не дѣйствуютъ. Они могутъ быть люди добрые, но никогда не будутъ способны къ высшимъ ощущеніямъ. Часто я сержусь на Сибирь именно въ семъ отношеніи. Какъ бы кажется на пространствѣ столь обширномъ не потѣшить унылаго странника. Но нѣтъ — вездѣ, исключая двухъ или трехъ мѣстъ, вездѣ скучное единообразіе.

Но отъ чего, спрашиваешь ты, въ прекрасной природѣ, нравы часто бываютъ столь жестоки или развратны. — Отъ множества причинъ; но наипаче отъ худаго управленія. Доказательство, Греція, Италія, Гишпанія и пр. и пр.

Послѣ кратковременной зимы у насъ здѣсь появилось полное лѣто, то есть лѣто жаркое, такъ что мы ходимъ еще по сіе время во Фракахъ между тѣмъ, какъ вы думаете, что мы уже давно здѣсь мерзнемъ. Правда впрочемъ, что въ Тобольскѣ и въ Томскѣ полная зима. Но Иркутскъ причисляется къ южнымъ провинціямъ; въ самомъ дѣлѣ за 60 верстъ отсюда за границею почти не бываетъ снѣгу и скотъ всю зиму бродитъ по полямъ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Изъ пѣсенокъ твоихъ Егерь мнѣ болѣе нравится. Онъ оригинальнѣе. Ошибокъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ я не примѣтилъ. Но письмо начинается ошибкою: *по возвращенію моему* т. е. по возвращ*еніи* мо*емъ* хотѣла ты сказать.

19.

Иркутскъ 23 Октября 1819.

Смѣло говори и разсуждай, любезная моя Елисавета *о твердости*; ис-

тинная твердость въ нашемъ вѣкѣ можетъ быть болѣе принадлежитъ женщинамъ, нежели мужчинамъ. И съ чего мужчины взяли присвоить себѣ исключительно сіе достоинство? Можно имѣть въ самомъ высшемъ степени чувствительность и вмѣстѣ твердость; я подозрѣваю даже, что одно безъ другаго быть не можетъ и истинная чувствительность едва ли не родная сестрица твердости. Какъ можно напримѣръ быть твердымъ въ несчастіи безъ живаго чувства какой-либо главной идеи нами обладающей? Кто скорѣе бросится въ рѣку за утопающимъ ребенкомъ?Отецъ или мать?—Мать безъ сомнѣнія. А развѣ пренебреженіе опасностей не есть твердость? — Можетъ быть намъ можно съ вами подѣлиться; мы возмемъ себѣ на нашу часть твердость продолжительную, упорную; а вы внезапную, стремительную, хотя впрочемъ и не знаю, справедливъ-ли будетъ и сей раздѣлъ. Жизнь вашего пола есть почти безпрерывное терпѣніе.

Какъ бы то ни было, сочиненіе твое *о твердости* принесло мнѣ много утѣшенія. Мысли вообще основательны; много есть тонкихъ и счастливыхъ выраженій, одному женскому перу свойственныхъ. Съ небольшими поправками оно могло бы быть съ удовольствіемъ прочитано *и не отцомъ*. Ты спрашиваешь, неужели въ слогѣ твоемъ нѣтъ ошибокъ? — Есть, но они уменьшаются такъ, что и изъ Пензы поправлять ихъ не стоило бы труда, а изъ Иркутска!

Напрасно Lord Byron смѣется надъ second hearing; это одно изъ самыхъ древнихъ примѣчаній и мнѣ разсказывали да я и читалъ не помню гдѣ, что на высокихъ горахъ и въ степяхъ среди уединенія точно слышатъ нѣчто въ дали говорящее: на семъ примѣчаніи весьма естественномъ основаны были и сказанія древнихъ о внушеніяхъ и вдохновеніяхъ музъ. Оссіанъ исполненъ сею мыслію. Ты права; гордость, а еще болѣе невѣжество наше въ познаніи духовнаго и даже нервнаго нашего тѣла причиною нашего невѣрія.

Кстати о *hearing*, я благодаренъ тебѣ за лекарство моей глухоты; но она проходитъ сама собою; особливо въ дорогѣ я совсѣмъ почти ее не чувствовалъ. Не оставлю однакоже испытать.

Обращаюсь еще къ твердости. Какъ не узнать Баума въ Меналкѣ?—Какъ не узнать себя въ его контрастѣ? Благодаренъ за привѣтъ, Елисавета Михайловна; впрочемъ, знаю, что если тутъ и обманываетъ тебя умъ; то конечно не обманываетъ сердце.

Прощай, любезнѣйшая; Христосъ всегда и вездѣ да будетъ съ тобою.

20.

Иркутскъ 29 Октября 1819.

Я надѣюсь, любезная моя Елисавета, что вы давно уже возвратились къ городскимъ вашимъ пенатамъ. По описанію твоему зима кажется мало предвѣщаетъ вамъ веселостей; но кто знаетъ, можетъ быть она будетъ еще веселѣе прошедшей? Впрочемъ по счастью веселости всегда въ твоихъ услугахъ; по крайней мѣрѣ скучною быть тебѣ нельзя съ твоимъ піано, съ нотами, книгою и иголкою.

Жаль и мнѣ бѣднаго Фе; но и подумать нельзя помѣстить его здѣсь. И имя конторы здѣсь не извѣстно. Каждый пишетъ и дѣла свои производитъ самъ; прикащики — дѣти или простые мужики. Въ двухъ копѣйкахъ не повѣрятъ Нѣмцу. Если надежда можетъ его утѣшить: то онъ

можетъ быть утѣшенъ тѣмъ, что въ Петербургѣ я съ удовольствіемъ займуся его положеніемъ. Въ Петербургѣ — пусть же онъ желаетъ и молится, чтобъ я тамъ былъ.

Не плачь о твоей Акулинѣ. Почти вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ, я получилъ письмо отъ генерала Княжнина, который управляетъ твоимъ Великопольемъ и который проситъ меня оставить въ казенномъ вѣдомствѣ Вывдью (sic) и дозволить ей вытти за мужъ за садовника. Сіе подало мнѣ случай предложить ему замѣнъ и если дѣло сіе прежде не было устроено, то устроится теперь: ибо Трофимъ не разстанется съ Вывдью еще менѣе, нежели ты съ Акулиною. Впрочемъ о семъ хлопотать долженъ Г-нъ Поповъ: ибо въ реестрѣ, коего списокъ у меня остался, означена именно Акулина, а не Вывдья.

Дѣла мои здѣсь хотя огорчительны и несносны; но идутъ съ успѣхомъ. Къ новому году надѣюсь все кончить и тогда буду считать себя свободнымъ: ибо исполнилъ все, чего отъ меня требовали и ожидали. Тогда останется мнѣ одна забота, думать о обратномъ моемъ пути. Забота пріятная и по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ и возможная и вѣроятная.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

21.

Иркутскъ 5-го Ноября 1819.

Мнѣ кажется, любезная Елисавета, для того и посланъ я въ Иркутскъ, чтобъ перепискою съ тобою возобновить курсъ словесности и нравственныхъ произведеній. Въ такой дали всѣ оттѣнки общежитія, кои обыкновенно составляютъ предметъ писемъ, теряются и исчезаютъ. Остается разсуждать, когда невозможно чувствовать въ слухъ.

Послѣднее письмо твое принесло мнѣ твои мысли о любви къ отечеству. Право прекрасныя! Особливо начало почти важное и классическое. Правда, что къ концу, гдѣ дѣло идетъ о портретахъ, опять появилась дѣвушка. Не ошибаюсь-ли я? — Кажется вижу предъ собою N. N. Какая перемѣна! И онъ нынѣ въ модникахъ; и онъ разсуждаетъ о нарядахъ и женской красотѣ. Елисавета, я совсѣмъ остарѣлъ, когда дожилъ до сихъ превращеній. Въ наше время это былъ просто приказный служитель.—Но я возращаюсь къ главному предмету, къ любви отечества: выраженіе твое: *уже звуки роднаго языка тебѣ были равнодушны!* — весьма справедливо. Надобно услышать сіи звуки на чужой землѣ, среди чужихъ людей, чтобъ почувствовать всю ихъ магическую силу. Впрочемъ всякая любовь есть взаимна. Можно хвалить, удивляться безъ взаимности; но любить невозможно. По крайней мѣрѣ должна быть взаимность надеждъ. Съ моей стороны я никогда не любилъ, кому не могъ я быть ни нуженъ, ни полезенъ, кто могъ быть счастливъ безъ меня. Сіе общеніе пользъ и удовольствій, сей ровный, совокупный шагъ къ счастію и совершенству составляетъ самую сущность всякой любви. И такъ не вини твои характеры; они готовы любить отечество—но ихъ не любятъ.

О Фе я уже писалъ; я радъ бы его принять и къ себѣ; но боюсь, что все время онъ проведетъ въ однихъ переѣздахъ: ибо къ тому времени, какъ ты получишь сіе письмо, какъ онъ можетъ сюда пріѣхать, я уже дѣйствительно буду собираться въ дорогу: ибо мнѣ надобно еще нѣсколько

времени остановиться и въ Томскѣ и въ Тобольскѣ. Что же онъ будетъ дѣлать? Пусть подождетъ до весны. Весна все откроетъ.

Жоржъ учится прилежно и успѣваетъ; ведетъ себя прекрасно.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

22.

Получено 15-го Дек.

Иркутскъ 12 Ноября 1819.

Какъ я радъ, любезная Елисавета, что ты имѣешь ко мнѣ просьбу и что я могу удовлетворить ее. Дарю вамъ съ Сонюшкою не по сту рублей, но по двѣсти пятидесяти то есть цѣлые пять сотъ рублей обѣимъ. Самая справедливость требуетъ, чтобъ съ приращеніемъ моего жалованья и ваши подарки возрастали.—Я всё боюсь, чтобъ не было у тебя недостатка въ деньгахъ, хоть въ Декабрѣ должны поступить къ тебѣ и арендныя до $^{8}/_{т}$ рублей чрезъ Дазера и наемныя за домъ чрезъ Сталыпина. На сихъ дняхъ можетъ быть еще переведу что нибудь къ тебѣ въ прибавокъ на шубу: ибо помнится у тебя ее нѣтъ и вѣроятно нѣтъ и у Сонюшки. Козьмѣ * отвѣчать нечего; онъ долженъ оставаться въ настоящемъ его положеніи до моего возвращенія: ибо отсюда устроить его нѣтъ возможности.

Землетрясеніе. Наконецъ встрѣтилъ я нѣчто отличное въ Сибири; мнѣ давно хотѣлось чувствовать землетрясеніе и вчера ввечеру желаніе мое исполнилось. Здѣсь оно бываетъ каждую осень; но всегда слабое. Вчера въ 7-мь часовъ я ходилъ одинъ по комнатѣ, какъ вдругъ одна стѣна деревяннаго моего дома—не бойся—не обрушилась и не упала и даже не затрещала, но зашевелилась подобно какъ бы кто повелъ по ней вдругъ метлами. Это полсекунды. Время предъ тѣмъ было перемѣнчиво, оттепель и туманъ. Сегодня день прекрасный. Климатъ здѣсь ту имѣетъ выгоду, что въ полдень именно тогда, какъ я хожу пѣшкомъ, всегда яркое солнце и такъ тепло, что съ кровли идетъ капель, какъ бы впрочемъ по утру ни былъ великъ морозъ. Мы большихъ морозовъ еще не видали.

Никакъ я не согласенъ, чтобъ ты пошла въ Анны Петровны. Это слишкомъ дорого; молись Богу, думаю, что дѣло обойдется и дешевле; я имѣю твердую и возрастающую надежду. Дѣла мои здѣсь идутъ весьма успѣшно и все ближе и ближе къ концу.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

23.

Иркутскъ 19-го Ноября 1819.

Письмо сіе придетъ къ тебѣ, любезная моя Елисавета, почти въ самый новый годъ. Поздравляю тебя, мой другъ, и благословляю всѣми благословеніями Небеснаго Отца. Поздравь отъ меня Софью Ивановну, Марью Карловну и Сонюшку; поздравь всѣхъ, кто тебя любитъ и меня помнитъ.

На обновку посылаю тебѣ двѣ тысячи рублей не въ счетъ твоихъ окладовъ. Сшей себѣ шубу или сдѣлай что разсудишь, подѣлясь съ Сонюшкою. Ты получишь ихъ отъ Дазера, къ коему вмѣстѣ съ симъ я перевожу черезъ Цейера сіи деньги. Во всѣхъ случаяхъ ты можешь требовать у Дазера денегъ на дѣйствительныя твои нужды. Онъ никогда тебѣ не откажетъ.

* Брату М. М. Сперанскаго.

Кстати о деньгахъ; я вошелъ здѣсь въ переписку съ Англинскими миссіонерами здѣсь, то есть, еще 600 верстъ далѣе Иркутска пребывающими. Одинъ изъ нихъ называется Stallybrass. Нельзя не подивиться, что люди сіи рѣшились съ женами ихъ водвориться здѣсь въ такой отдаленности среди Бурятъ и Монголъ не зная ни слова не только по монгольски, но и по русски. Я принужденъ былъ къ Сталибрасу писать по англински. Ему случилась нужда въ деньгахъ и кто могъ ему пособить здѣсь? Кредитъ ихъ въ Петербургѣ и вѣренъ и великъ; но здѣсь и понятія о семъ не имѣютъ. Они учатся по монгольски и разумѣютъ уже довольно. И Монгольскій языкъ имѣетъ свою литературу и даже очень обширную. Въ Генварѣ надѣюсь увидѣться съ Сталибрасомъ и узнать его мнѣніе о семъ языкѣ.

Минувшая почта не принесла мнѣ отъ тебя писемъ; вѣроятно по затрудненіямъ и остановкѣ въ Москвѣ.

Подивись: изъ Иркутска хочу тебѣ рекомендовать книгу, изъ коей переводъ или отрывки мнѣ весьма понравились. Это Lettres à Sophie sur la physique, la chymie et l'histoire naturelle. Paris. 1818. Читая сіи письма ты можетъ быть вспомнишь наши Великопольскія упражненія и пожалѣешь, что они слишкомъ рано перервались; пожалѣешь, но не поропщешь: ибо всѣ происшествія нашей жизни нанизаны на одной нити и сію нить держитъ и ею управляетъ нашъ вѣрный—истинный—Небесный Отецъ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

24.

Иркутскъ 25 Ноября 1819.

Минувшая почта вмѣсто одного, принесла мнѣ два твои письма, любезная моя Елисавета. Весьма умно, другъ мой, что собираешься говѣть съ дѣтьми; нельзя лучшаго общества; ты знаешь непостижимую силу сего таинства; оно точно и дѣйствительно укрѣпляетъ и душевныя и тѣлесныя силы; но не должно искать ощутить сіе укрѣпленіе; оно приходитъ нечувствительно и разливается непримѣтно, какъ тонкій воздухъ на все бытіе наше.

Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я Англинское письмо твое; оно и дѣльно и прекрасно; я увѣренъ, что tante Barbe за чаемъ прочитаетъ его всѣмъ своимъ пріятельницамъ. Въ Англіи письмо изъ Россіи есть уже вещь примѣчательная, а письмо отъ племянницы и Англинское есть предметъ самолюбія; когда же прибавить къ сему и Пензенскій платочикъ: то изъ сего выйдетъ уже дѣйствительный праздникъ. Я представляю себѣ, какъ старый Planta * потирая очки будетъ искать на картѣ, гдѣ Пенза.

Что моей дурѣ нужны деньги, я всегда это зналъ и никогда не только ихъ не жалѣлъ, но даже и не заботился. Но если бы моя дура лучше читала или помнила мои письма: то увидѣла бы въ нихъ, что я еще изъ Пензы распорядилъ, гдѣ брать ей деньги и именно у Дазера, къ коему должны поступать арендные доходы, и который если бы они и не поступили, всегда имѣетъ для нее открытый кредитъ до $^{12}/_{т.}$ Ей надобно только съ нимъ увидѣться, то есть заѣхать или зайти въ Ниренбергскую лавку. Сверхъ сего я уже къ тебѣ писалъ, что и доходъ съ дома $^{6}/_{т}$ р. въ годъ по третямъ въ твоемъ распоряженіи; для сего надобно видѣться съ Аркадіемъ Алексѣевичемъ. Сверхъ сего въ предъидущемъ письмѣ я по-

---

* Братъ жены Сперанскаго.

слалъ къ Дазеру вексель на $^4/_т$ рублей отъ Сталибраса. Сіи деньги также въ твоемъ расположеніи; изъ сего ты видишь, что въ деньгахъ не можетъ быть у тебя недостатка, а можетъ быть недостатокъ въ памяти и соображеніи. Если ты издержишь $^{12}/_т$ рублей въ годъ: я буду себя считать въ прибыли; если издержишь и болѣе: сіе не прибавитъ ни одной у меня морщины. Сдѣлай Марьѣ Карловнѣ такой подарокъ, какой сама ты разсудишь и скажи, что я именно тебѣ сіе поручилъ. Возьми учителя музыки, возьми даже учителя и для пѣнія, если есть что нибудь значительное; но не бери Флоріо; поведеніе его, если бы и съ ума онъ не сошелъ, дѣлается страннымъ и имѣть его не прилично. Впрочемъ въ семъ родѣ не должно дѣлать пустыхъ экономій; для чего бы не держаться Цейнера, взявъ къ нему и скрипку, если считаетъ онъ сіе нужнымъ. Еще одну зиму, это насъ не разоритъ. Впрочемъ не обыскивай себя въ успѣхахъ; ты ихъ не найдешь; они придутъ со временемъ. Помни мое правило о постепенномъ и непримѣтномъ созрѣваніи идей и способностей. Опытъ каждый день меня въ семъ увѣряетъ. Я теперь напримѣръ припоминаю и могу читать наизустъ такіе Латинскіе стихи, коихъ никогда я не училъ и кои я читалъ тому лѣтъ тридцать и никогда прежде сего не помнилъ. Душа наша есть неизслѣдимая бездна. Мы забываемъ, что она есть духъ; а духъ не дѣйствуетъ по законамъ времени.

Ты называешь зиму постомъ; во первыхъ это не извѣстно: ибо часто находимъ удовольствіе тамъ, гдѣ его не ищутъ; а во вовторыхъ я отчасти и радъ сему посту; онъ дастъ тебѣ время еще болѣе собраться съ твоими силами. Будетъ время, любезная Елисавета, когда будешь ты желать сего поста, сей жизни посредственной и почти не извѣстной, но исполненной занятій простыхъ, беззаботныхъ и пріятныхъ, хотя и не блистательныхъ и не громкихъ. Будешь желать. и съ удовольствіемъ воспоминать о дняхъ прошедшихъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Г-нъ Casamajor мнѣ извѣстенъ; онъ не въ первый разъ въ Петербургѣ. Это одинъ изъ острыхъ и лучшихъ англинскихъ дипломатовъ Онъ долго былъ въ Вѣнѣ и вѣроятно знаетъ M-me Stephens.

Не забудь мнѣ сказать что нибудь о вашей M-me Bourgondio. Тебѣ надобно непремѣнно стараться ее слышать и брать иногда ложу.

25.

Иркутскъ 3 Декабря 1819.

Я получилъ письмо твое, любезная моя Елисавета отъ 16-го Октября, вѣроятно послѣднее изъ Мавриной. Вы конечно послѣдніе оставите дачу; тѣмъ пріятнѣе будетъ городъ то есть теплая комната и разнообразіе прогулокъ: ибо, кажется въ семъ одномъ и состоитъ для васъ различіе города и деревни. Тѣмъ лучше, мой другъ; вкусы простые суть всегда лучшіе.

Въ предъидущихъ двухъ или трехъ письмахъ мы кажется исчерпали вопросъ о деньгахъ. Надѣюсь что ты не будешь имѣть въ нихъ нужды. Мнѣ остается только побранить твою маминьку, что она присылаетъ мнѣ счеты. Счеты вести должно; но присылать ихъ никакой нѣтъ нужды. Мнѣ нужно только два слова: деньги вышли, или выходятъ. Мнѣ досадно, что ты могла быть симъ хоть на ми-

нуту озабочена; но это собственная твоя вина; впередъ лучше помни мои письма и не забывай Дазера.

Ты хочешь быть хозяйкою; эта мысль всегда меня утѣшала. Ты помнишь, что еще въ Великопольѣ мнѣ хотѣлось посвятить тебя въ сіе званіе; но мозгъ твой тогда еще недовольно высохъ; нынѣ же онъ именно достигъ своей зрѣлости. Я надѣюсь, ты будешь довольна людьми и старыми и малыми. Въ семъ родѣ я пріобрѣлъ въ Пензѣ при отъѣздѣ сущее сокровище, взялъ человѣка отъ Кишинскаго. Всемѣрно буду стараться его тебѣ упрочить. Никита остепеняется и подъ *моимъ руководствомъ* становится изряднымъ поваромъ. Онъ въ большой модѣ. Гдѣ меня зовутъ обѣдать: тамъ обыкновенно кланяются и ему, чтобъ удостоилъ приготовить столъ для Генералъ-Губернатора; правда, что онъ и выдерживаетъ сіи почести съ достоинствомъ; одѣтъ всегда, какъ баринъ и при томъ длинная цѣпочка отъ часовъ.

О милой мамѣ мы дѣйствительно часто воспоминаемъ. Мнѣ кажется, нынѣ я люблю ее еще болѣе, хоть и всегда любилъ много. Жоржъ учится и ведетъ себя прекрасно. Переводитъ съ Латинскаго очень изрядно. Къ маминькѣ твоей не пишу: ибо ты сама живая предъ нею грамота.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

PS. Жоржъ не пишетъ потому, говоритъ, писать нечего.

26.

Иркутскъ 10-го Декабря 1819.

Съ послѣдними двумя почтами получилъ я мое *подражаніе* *. Тургеневъ [1] ко мнѣ пишетъ, что къ тебѣ послалъ онъ экземпляръ чрезъ Аркадія Алексѣевича.—Мое намѣреніе было издать сей переводъ такъ, чтобъ никто не зналъ и не подозрѣвалъ моего имени: ибо дѣла сего рода должны быть учреждаемы также, какъ подаяніе милостыни. Судьба расположила иначе и дѣло сіе стало гласнымъ. И сколько гласность сія ни противна моимъ правиламъ и предположеніямъ; но я не могъ поступить иначе. Во время гоненія между прочими нелѣпостями меня подозрѣвали въ безбожіи или по крайней мѣрѣ въ деизмѣ. Въ отвѣтъ я указалъ на сей переводъ, который взятъ былъ и хранился вмѣстѣ съ моими бумагами. Онъ начатъ былъ еще въ 1805-мъ году и продолжаемъ отрывками, но почти ежедневно. — Вотъ исторія сего изданія. Книга прекрасная, а переводъ отличается тѣмъ отъ всѣхъ прочихъ переводовъ, что онъ отмѣнно близокъ и почти буквальный; со всѣмъ тѣмъ мнѣ жаль, что все это огласилось. Я не люблю пустаго шуму; ибо по опыту знаю, что шумъ кромѣ зависти ничего не производитъ. Избранныя мѣста при концѣ приложенныя суть новость, коей нельзя найти ни на какомъ другомъ живомъ языкѣ. Они собраны были мною уже въ Перми, и сколько мнѣ извѣстно, будутъ для всѣхъ почти непонятны, хотя каждый будетъ думать, что онъ ихъ совершенно понимаетъ. Такова оптика сихъ книгъ [2]; таково почти и все подражаніе. Изъ ста читателей едва ли одинъ можетъ постигнуть простоту,

* Переводъ Сперанскаго „О подражаніи Христу" вышелъ въ 1819 году и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „О подражаніи Христу, четыре книги, Ѳомы Кемпійскаго, съ присовокупленіемъ избранныхъ мѣстъ изъ другихъ его твореній."

[1] Александръ Ивановичъ Тургеневъ принималъ участіе въ изданіи перевода Сперанскаго „О подражаніи Христу."

[2] Тутъ всегда почти двѣ картины одна подъ другою. С.

глубокую простоту его. Со временемъ я сіе тебѣ растолкую и можетъ быть научу читать сіи книги; но время еще не пришло; надѣюсь однако же и молю Бога, чтобъ оно пришло.

Съ послѣднимъ письмомъ (23 Октября) я получилъ переводъ твой о воспитаніи изъ M-me Lambert. Мысли прекрасныя и переводъ хорошъ. Но я все буду твердить, что дѣти совсѣмъ неспособны къ нравственнымъ понятіямъ. Самая любовь ихъ къ родителямъ, всѣ чувства ихъ дружбы, суть привычки и влеченія физическія; слѣдовательно все должно и ограничивать однимъ физическимъ воспитаніемъ, добрыми, но физическими привычками. Нравственное чувство у всѣхъ почти раскрывается весьма поздно; въ вашемъ полѣ ранѣе, нежели въ нашемъ. Мальчикъ въ 15-ть лѣтъ есть всегда почти болванъ; умный иногда и пріятный; но всегда почти безчувственный, хотя бы онъ сто разъ на день плакалъ отъ нѣжности: ибо это есть только дѣло нервовъ. Есть исключенія, но они рѣдки и не разрушаютъ моего правила.

Съ сею почтою (*) отправляю къ тебѣ шелки и разныя Китайскія бездѣлки. Не знаю, хорошо-ли шелки подобраны и всѣхъ-ли цвѣтовъ; я не былъ еще въ Кяхтѣ; да и тамъ нѣтъ ихъ въ продажѣ, а должно заказывать. Но непремѣнно достану и пришлю тебѣ полную провизію шелковъ (**). Мнѣ хочется также подарить вамъ Китайскаго или лучше сказать Пекинскаго крепу на платья. Обѣщали купцы выписать. Вообрази себѣ, что изъ Пекина здѣсь чрезъ мѣсяцъ все почти выписать можно, а въ Петербургъ письмо идетъ въ одинъ конецъ 40 дней. По сему счету мнѣ сходнѣе переписываться съ Богдо-ханомъ, нежели съ тобою.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Когда увидишь Петра Петровича Попова, скажи ему, чтобъ онъ какъ нибудь потерпѣлъ до моего возвращенія. Аркадій Алексѣичъ выдалъ ему въ награду отъ меня $^{5}/_{m}$ рублей. Я непремѣнно постараюсь устроить судьбу его; переводить же его въ Сибирь не вижу для него пользы. Мы можемъ встрѣтиться съ нимъ на дорогѣ и слѣдовательно одни издержки и для меня, и для него. Прочитай ему сіе.

(*) Съ тяжелою, и ты получишь ящикъ недѣли чрезъ двѣ можетъ быть послѣ сего письма. С.

(**) Теперь же посылаю только образчики. С.

27.

Иркутскъ 17-го Декабря 1819.

Ты права, любезная моя Елисавета: любовь ко всему изящному возрастаетъ по мѣрѣ жертвъ, кои ей приносятъ. Любовь къ отечеству точно въ семъ же положеніи.

Нельзя любить, кому мы совсѣмъ не нужны, кому ничѣмъ угодить не можемъ. Потому-то въ самыхъ высшихъ степеняхъ любви, въ религіи, требуются жертвы. Жертвою вливается часть бытія моего въ бытіе другое; мы составляемъ нѣчто единое: ибо въ немъ есть мое. Даже по расчету должно требовать и должно дѣлать друзьямъ жертвы; сіе служитъ залогомъ ихъ единства. Даже въ физическомъ мірѣ тотъ же законъ дѣйствуетъ. Два существа ничего одно другому не сообщающія не только не имѣютъ взаимнаго влеченія, но часто другъ друга отражаютъ. Какое положеніе двухъ существъ моральныхъ, изъ коихъ каждое было бы совершенно довольно самимъ собою и не требовало бы ничего отъ другаго? Они были бы непримиримые враги. Если

мысли сіи справедливы: то ты имѣешь полное право любить отечество. Много говорятъ о благодарности; но я не знаю сильнѣе-ли сіе чувство нежели чувство жертвы. Можетъ быть должно раздѣлить; въ однихъ благодарность; въ другихъ жертва; нельзя однако же не признать, что послѣднее благороднѣе перваго.

Ты винишься въ употребленіи 500 р. взятыхъ у Сталыпина. Я увѣренъ, что они издержаны не на ленты; а если бы и на ленты: то бѣда не большая. Мнѣ одно только огорчительно, что ты могла быть въ нуждѣ; могла имѣть тѣнь недостатка. Тутъ оскорбляется не только мое чувство, но и мое самолюбіе, что не умѣлъ я лучше распорядиться: ибо впрочемъ все сіе могло произойти только отъ нераспорядка. Сталыпинъ ко мнѣ пишетъ, что деньги за домъ (*) получилъ Масальскій и по обычаю своему издержалъ обѣщаясь также по обычаю, каждый день возвратить. Онъ запретилъ Дубенскому имѣть съ нимъ дѣло и слѣдовательно остальныя четыре тысячи ты будешь получать по третямъ отъ Сталыпина.

На сихъ дняхъ и именно чрезъ три дня отправляется отсюда въ Петербургъ купецъ Трапезниковъ; съ нимъ посылаю тебѣ нѣсколько чаю, крепу, и шелковъ. Съ нимъ же и писать буду.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

28.

Иркутскъ 18-го Декабря 1819.

Симъ представляю тебѣ, любезная моя Елисавета существо съ другаго свѣта, Иркутскаго купца Трапезникова. Съ нимъ посылаю тебѣ три ящика чаю и нѣсколько кусковъ крепу (*). Одинъ изъ нихъ приноситъ въ даръ Марьѣ Карловнѣ Г-нъ Вильде. И это лучшій то есть красный. Бѣлый и кирпичный также и шелки отъ меня; это все что здѣсь мы могли найти лучшаго. Недѣли чрезъ три мы будемъ въ Кяхтѣ и тамъ найдемъ что нибудь лучше. Скажи носятъ-ли у васъ сіи вѣтошки и годятся-ли они къ чему нибудь. Жоржъ также хотѣлъ послать матери подарокъ; но ничего не могли здѣсь найти. Положили послать изъ Кяхты.

Я пишу вмѣстѣ съ симъ къ графу Кочубею и къ Сталыпину. Подтверди Трапезникову, чтобъ онъ непремѣнно къ нимъ зашелъ при отъѣздѣ. И сама съ нимъ пиши; это добрый и весьма дѣльный малый.

У меня есть готовыя мысли на переводъ твой и особливо на примѣчанія твои къ письму Г-жи де Ламбертъ. Они стоятъ того чтобъ я особенно побесѣдовалъ. Мысли твои весьма справедливы и выраженіе ихъ вѣрно. Но я не имѣю теперь ни минуты времени.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

29.

Иркутскъ 23 Декабря 1819.

Поздравляю тебя, любезная моя Елисавета, со днемъ Рождества Христова. Желаю и молю, чтобъ родясь въ духѣ, Онъ всегда пребывалъ въ душѣ твоей и Онъ будетъ въ ней пребывать, если найдетъ въ ней Себѣ мѣсто, если ты ежедневно и даже нѣсколько разъ во дни будешь призывать Его къ себѣ молитвою. Никогда другъ не отзывается столь вѣрно на голосъ друга, какъ Онъ отзывается на нашу молитву.

(*) 2000 р. С.

(*) Въ двухъ ящикахъ № 1 и № 2. С.

Я долженъ тебѣ отвѣтомъ на примѣчанія твои къ письму о воспитаніи. Весьма справедливо, что душа безъ чувствительности не способна къ образованію. Подъ именемъ чувствительности Г-жа Ламбертъ вѣроятно разумѣла сію плаксивую чувствительность, которая нѣкогда была въ модѣ, и которая конечно можетъ *сдѣлать несчастія вѣчными:* ибо она любитъ ихъ питать и одно къ другому нанизывать; но это есть чувствительность de ma tante Aurore; чувствительность монастырокъ, кои не видя свѣта и не живя жизнію практическою, пустоту души своей наполняютъ разными призраками. Ихъ душа изнѣживается именно отъ недостатка впечатлѣній подобно какъ тѣло безъ труда и безъ воздуха. Но истинная чувствительность есть способность не только принимать, но и выдерживать впечатлѣнія, бороться съ ними и побѣждать ихъ внутреннею силою. Разсужденіе твое о славѣ женщинъ также весьма справедливо. Нѣсколько примѣровъ женщинъ, кои сами искали и достигли славы ничего не доказываетъ: *ce sont des aberrations de la nature.* — Пріучать дѣтей къ дружбѣ корыстолюбивой также вредно. Подаркомъ, ласковымъ словомъ можно иногда подкупить легкую благосклонность. Дружба производитъ подарки; но подарки никогда не произведутъ дружбы. Вообще любовь предполагаетъ взаимность и я никогда не повѣрю, что бы ни говорили всѣ старые романы, чтобъ можно было долго любить жестокихъ красавицъ: тотъ кто ихъ любитъ, надѣется; а надежда есть уже взаимность.

Удивляюсь, какъ вы могли столь долго пробыть въ Мавринѣ; послѣднее письмо твое было отъ 7-го Ноября. У насъ морозы стоятъ жестокіе; каждый день 30° и 36°. Но вчера былъ первый день, что я не могъ ходить пѣшкомъ. Въ полдень на солнцѣ довольно сносно. Впрочемъ хотя бы было и не сносно, но я безъ воздуха, какъ рыба безъ воды. За то, никогда я здѣсь не бывалъ не только боленъ, но и нездоровъ. Правда, что здѣсь я наблюдаю болѣе во всемъ осторожности; хожу по ниточкѣ и еслибы сей образъ жизни продолжился, я наконецъ сдѣлался бы старикомъ малодушнымъ. Но всему есть конецъ и по счастью конецъ моего пребыванія здѣсь каждый день ко мнѣ становится ближе.

Трудное время почти все уже миновало. Генварь есть уже для меня весенній мѣсяцъ, предвѣстникъ ясныхъ дней и скораго возврата. Кстати о морозахъ. Среди всей ихъ жестокости, нѣсколько уже недѣль продолжающейся, ужасная наша Ангара вчера только стала; рѣка дѣйствительно ужасная своею глубиною и быстротою. Въ Мартѣ она уже открывается и слѣдовательно стоитъ не съ большимъ два мѣсяца, и это на днѣ Сибири. Другая странность. Здѣсь снѣговъ столь мало, что на нѣкоторыхъ станціяхъ къ Иркутску и теперь еще съ трудомъ на саняхъ ѣздятъ. Въ самомъ Иркутскѣ едва на четверть аршина есть снѣгу, а горы чуть покрыты. И сіе есть явленіе здѣсь обыкновенное. Въ 60-ти верстахъ отсюда скотъ всю зиму на поляхъ бродитъ. Тутъ живутъ Монголы, древніе наши обладатели съ безчисленными ихъ стадами. Одинъ изъ ихъ князьевъ, кои называются у нихъ Тайшами, подарилъ въ пользу водворяемыхъ здѣсь поселенцовъ тысячу лошадей, какъ дарятъ бездѣлку. Жаль что ты не видала сихъ родоначальниковъ степной восточной Азіи. Вообрази себѣ дьякона въ парчевомъ стихарѣ подпоясаннаго золотымъ поясомъ съ саблею; прибавь только бобровую къ

стихарю опушку, длинные волосы заплетенные назадъ въ косу: и Тайша будетъ предъ тобою. Сколько я разкажу тебѣ сихъ диковинокъ, о ихъ языкѣ, о ихъ религіи и проч. Готовься къ моимъ повѣствованіямъ. Послѣ завтра открываю здѣсь Библейское Общество и Тайши Монгольскіе и Бурятскіе будутъ его членами.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

PS. Вотъ подарокъ одной изъ здѣшнихъ дамъ (ибо гдѣ нѣтъ дамъ) и собственной ея работы. Замѣть корзинку и собачку и признайся, что это довольно тонко для Иркутска.

30.

Иркутскъ. Генваря 1-го 1820.

Начинаю новый мой годъ, любезная моя Елисавета, бесѣдою съ тобою. Да благословитъ тебя Господь въ теченіи сего года также, какъ хранилъ и благословлялъ въ теченіи минувшихъ лѣтъ. Благословеніе Его состоитъ въ силѣ души, въ крѣпости, въ терпѣніи, кротости и веселіи духа. Всѣ сіи дары ты имѣла и имѣть будешь; слѣдовательно и не можешь сомнѣваться въ благословеніи Небеснаго Отца: ибо все сіе отъ Него происходитъ.

Друзей нашихъ перемѣнить намъ нельзя. Надобно любить ихъ каковы они есть. Помощи большой ожидать тебѣ отъ нихъ нельзя, особливо теперь, когда они заняты своими дѣлами. Впрочемъ должно оставить Арк. Алексѣевичу мыслить и говорить какъ онъ понимаетъ. Онъ судитъ о моемъ здѣсь положеніи по дѣламъ и судитъ справедливо; они несносны. — Ты судишь по состоянію моего духа и судишь также справедливо: ибо терпѣніе мое не истощилось и надежда, что сіе скоро кончится и что подвигъ сей можетъ быть есть послѣдній, сія надежда даетъ мнѣ нужную силу и крѣпость. Впрочемъ ни твои слова, ни его увѣренія положенія моего перемѣнить не могутъ. Если бы я каждый день здѣсь плакалъ и каждую почту писалъ слезами, а не чернилами, меня бы не послушали; я знаю людей. Если бы напротивъ и въ самомъ дѣлѣ находилъ я себя здѣсь весьма счастливымъ: то ни завидовать ни подозрѣвать они не перестали бы. Тутъ другой расчетъ и все зависитъ отъ партіи преобладающей и мнѣніемъ управляющей. Но что это за существо — мнѣніе? Я открою тебѣ великую истину. Въ моемъ положеніи и въ моихъ понятіхъ мнѣніе есть почти физическая сила, дѣйствующая на меня единственно чрезъ тебя, единственно потому, что она можетъ разлучить или соединить меня съ тобою. Не ищи болѣе ничего; въ семъ состоитъ для меня вся сущность, вся гигантская сила мнѣнія, сгибающая, покоряющая, обладающая мною подобно какъ Индѣецъ обладаетъ слономъ. Но и сія сила минется: ибо Богъ милосердъ; а Государь правосуденъ.

Прощай моя милая. Христосъ съ тобою.

31.

Иркутскъ 7-го Генваря 1820.

Предъидущее письмо мое было уже написано и запечатано, какъ Жоржъ принесъ мнѣ вашъ подарокъ. Весьма благодаренъ, любезная моя Елисавета; портреты всѣ сходны; но лица всѣ, исключая твоего сердиты, особливо лицо Марьи Карловны. Сходства вообще много; а шаль и отдѣлана прекрасно. Я весьма благодаренъ Вильгельму, домашнему вашему живописцу; всѣхъ сходнѣе Алекъ. Лицо Марьи Карловны также очень сходно исключая, что

вмѣсто печали, она гнѣвается и кажется хочетъ кому-то сказать: ты дуракъ. Предо мною на столѣ всегда стоятъ двѣ твои Пензенскія миніатуры; къ сожалѣнію одна изъ нихъ въ сарафанѣ наиболѣе сходная линяетъ. Теперь будетъ чѣмъ замѣнить. Вильгельму я пришлю прекрасной туши изъ Кяхты.

Я самъ смѣялся вспомнивъ, что въ предъидущемъ письмѣ сравнилъ себя съ слономъ, а мнѣніе съ Индѣйцемъ, тебя же поставилъ началомъ и причиною моей покорности. Это все равно, какъ бы я жаловался на свой собственный умъ, на свое сердце. И въ самомъ дѣлѣ мы часто жалуемся на то и на другое, какъ будто лучше быть безъ ума и безъ сердца и какъ будто можно отдѣлить ихъ отъ себя и однако же мыслить и чувствовать. Большая часть нашихъ жалобъ столько же справедливы. Мы желали бы міръ и свои въ немъ дѣла устроить по своему; а этотъ міръ былъ бы безъ сомнѣнія и весьма глупъ, и для насъ самихъ несносенъ. Впрочемъ желанія и мелкія наши покушенія открываютъ намъ причину первобытнаго нашего паденія. Хотѣли перестроить міръ; думали сдѣлать лучше; вышли изъ покорности и тѣмъ себя и міръ погубили. Разсмотри движенія собственной воли и ты увидишь, что мы и нынѣ въ маломъ видѣ, въ мелкихъ нашихъ страхахъ, надеждахъ и желаніяхъ продолжаемъ и повторяемъ ту же древнюю большую исторію. По счастью бывъ лишены прежнихъ силъ, мы много испортить нынѣ не можемъ. Провидѣніе насъ водитъ, какъ дѣтей на лентѣ и только для опыта дозволяетъ иногда намъ обжечься или уколоться.

А когда дѣти упрямы и порвутъ ленту: тѣмъ для нихъ хуже; тутъ ожидаетъ ихъ лоза; но и тутъ еще рука ихъ наказующая, все есть дрожащая рука матери.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Братъ пишетъ ко мнѣ изъ Георгіевска, что онъ Андрею Карловичу Амбургеру на обратный путь далъ 500 р. Я его за сіе похвалилъ.

32.

Иркутскъ 13-го Генваря 1820.

Съ восхищеніемъ читалъ я, любезмоя Елисавета, твои мысли на слова: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремѣненніи и Азъ упокою вы.* Предчувствіе Николаши весьма справедливо; большіе черные его глаза наполнятся нѣкогда горестію и слезами и онъ весьма будетъ счастливъ, если сердце его будетъ чувствовать силу сихъ словъ, если ангелъ-хранитель наставитъ его, гдѣ искать успокоенія. —Вѣришь-ли ты бытію ангела-хранителя? — Многіе и христіане сему не вѣрятъ; церковь наша принимаетъ ихъ бытіе при каждомъ человѣкѣ; они знаютъ и радуются всѣмъ добрымъ нашимъ помышленіямъ, напротивъ скорбятъ и печалятся о нашихъ заблужденіяхъ. Есть нѣчто столь идеальное, столь привлекательное въ сей мысли имѣть всегда съ собою домашняго друга —что если бы она и не была справедлива: то для утѣшенія принять ее должно. Она же и справедлива. Сей другъ не можетъ ни воспретить зла, ни понудить насъ къ добру; онъ можетъ только жалѣть о насъ или утѣшаться нами и тѣмъ положеніе его при насъ, мнѣ кажется, интереснѣе. Это страданіе безкорыстное; это привязанность болѣе страждущая, нежели дѣйствующая. Это другъ всегда вѣрный и въ молчаніи переносящій всѣ наши оскорбленія. Въ молитвахъ нашихъ часто

повторяется: *опечалихъ ангела-хранителя моего*. Въ самомъ дѣлѣ печалить существо столь намъ преданное, столь невинное есть родъ жестокости непростительной. Кстати о сихъ идеяхъ; какъ груба, какъ мертва религія безъ нихъ. Посуди изъ сего, какъ жалки Лютеране и все то что называютъ реформою; религія душъ холодныхъ, чувствъ матеріальныхъ, между тѣмъ какъ они хвалятся чистотою. Изрядная чистота! Еще бы лучше было все привести въ математическія исчисленія и линіи.

Никакъ не удивляюсь, что начало твоего письма не сходно съ продолженіемъ и что вышедъ изъ спектакля ты вспомнила текстъ Евангельскій. Это входитъ въ мою систему о контрастахъ или возбужденіи идей противоположностями.

У васъ спектакли; а у насъ маскерады и прекрасные; это сущая исторія всѣхъ нашихъ дикихъ костюмовъ. Тутъ Китайцы, Японцы, Алеуты, шаманы и Богъ знаетъ чего тутъ нѣтъ и все одѣто съ большою точностію и все весьма благопристойно. Число людей было не менѣе 500. Это было въ новый годъ и на другой день Рождества. Я не веселился: ибо здѣсь безъ тебя ничто веселить меня не можетъ; но любовался съ полчаса сему зрѣлищу.

Если Пензенской обозъ еще не пришелъ: то напиши къ тетушкѣ; она не столь разсѣяна — дядюшка же въ Пензѣ. Ты знаешь, что обозъ сей сданъ имъ на руки въ Пензѣ и вмѣстѣ съ ихъ обозомъ долженъ быть въ Москвѣ. Мнѣ помнится, къ тебѣ доставилъ я изъ Пензы и реестръ; тутъ книги, столовое бѣлье, часть столоваго серебра и проч.

Изъ письма А. А. Жерве съ удовольствіемъ вижу, что здоровье его поправляется. Я считаю почти излишнимъ къ нему писать. Какая даль!

На сихъ дняхъ пришлю вамъ прекраснаго крепу и шелковъ; ожидаю только случая къ отправленію. Жоржъ посылаетъ съ тѣмъ же случаемъ бабушкѣ чаю; это первый подарокъ ей отъ внучка.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

33.

Иркутскъ 20-го Генв. 1820.

Съ симъ нарочнымъ, любезная моя Елисавета ты ничего болѣе не получишь, какъ росписку въ моемъ здоровьѣ и извѣстіе, что въ слѣдъ за симъ съ возвращающимся фельдъегеремъ, съ коимъ получилъ я и письма твои и посылки, буду писать къ тебѣ подробно, пришлю и денегъ и крепу и шелковъ. Онъ отправляется отсюда дня черезъ три и можетъ быть пріѣдетъ въ Петербургъ прежде сего. Жоржъ пишетъ сегодня же къ своей маминькѣ и посылаетъ чаю бабушкѣ, первый плодъ гражданской его службы. Это еще не взятка; а просто подарокъ. Онъ ведетъ себя, какъ нельзя лучше.

Какъ огорчила меня исторія твоихъ денегъ. Мнѣ казалось я такъ хорошо все распорядилъ и вышло, что люди помнятъ только свои дѣла, а нечужія, а чужимъ считаютъ все, что прямо и лично къ нимъ не принадлежитъ. Впрочемъ это урокъ изъ всеобщей исторіи. По счастью все можно поправить и по крайней мѣрѣ впередъ ты не будешь имѣть нужды. Всѣ дѣла денежныя я тебѣ поручаю и пришлю въ слѣдъ за симъ всѣ нужныя бумаги и полномочія. Раскаяваюсь, что прежде сего не сдѣлалъ. Отъѣздъ Жерве все

разстроилъ; онъ, какъ видно, при отъѣздѣ не сдѣлалъ съ Дазеромъ никакого положенія.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

34.

Иркутскъ 21-го Генваря 1820

Конечно, любезная моя Елисавета, нашъ подагрикъ не ловко сдѣлалъ, что сообщилъ письмо мое NN; но большой бѣды въ томъ нѣтъ. Оба они ничего не могутъ сдѣлать въ мою пользу; а повредить мнѣ не пожелаютъ. И впрочемъ къ тебѣ одной, моему *единственному* другу, пишу я съ полною откровенностію и довѣріемъ. Какое безмѣрное разстояніе между тобою и всѣми другими друзьями; всѣми не исключая никого, ни женщинъ, ни мужчинъ.—Къ подагрику я просто писалъ что дѣла мои здѣсь, по роду своему, для меня огорчительны, несносны: ибо я долженъ преслѣдовать и разыскивать виновныхъ; а это совсѣмъ не мое дѣло; что впрочемъ я надѣюсь къ новому году или къ Марту мѣсяцу ихъ кончить и что тогда мнѣ дѣлать здѣсь будетъ нечего: ибо управлять сими губерніями я никакъ не могу. Съ чего сіи политики взяли вывести изъ сего скорое свиданіе? Я и самъ надѣюсь; но въ Ноябрѣ, когда письмо сіе было писано, я не могъ надѣяться ничего скораго. Нынѣ это скорѣе, ибо мы ближе къ Маю; но все еще какое разстояніе! Впрочемъ оставь ихъ гадать и утверждать, что они хотятъ. Никто изъ нихъ прежде тебя ничего не узнаетъ вѣрнаго о моемъ возвращеніи.

Я писалъ къ тебѣ третьяго дня съ курьеромъ и въ теченіи сей недѣли еще надѣюсь писать болѣе и подробнѣе.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

35.

Иркутскъ 23 Генв. 1820.

Нечаянный случай представляетъ мнѣ возможность писать къ тебѣ, любезная моя Елисавета, и послать ящикъ обыкновеннаго здѣшнаго подарка, чаю. Шелки и крепы пойдутъ на сихъ же дняхъ съ курьеромъ. Человѣкъ имѣющій тебѣ представить письмо сіе есть нашъ Енисейскій купецъ Перфильевъ. Съ нимъ ты можешь писать, что угодно. Прикажи только ему за день до отъѣзда у тебя побывать. Онъ возвратится сюда послѣднею зимнею дорогою. Письмо сіе, какъ и одно изъ твоихъ походитъ на билетъ. Онъ встрѣтилъ меня почти на лѣстницѣ.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

36.

Иркутскъ 28-го Генв. 1820.

Я имѣю удовольствіе, любезная моя Елисавета, писать къ тебѣ почти каждый день. Не знаю, какъ будутъ доходить къ тебѣ сіи письма; вѣрно совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, нежели какъ были они писаны. Здѣсь отвѣчаю тебѣ на письмо писанное на другой день вашего маскерада у Конради. Какая старина! Я думаю, ты чуть уже помнишь.

Эдипъ Озерова точно таковъ, какъ ты его понимаешь. Слабое, натянутое подражаніе, сборъ разныхъ мѣстъ изъ французскихъ трагедій. Озеровъ никогда и ни въ чемъ не имѣлъ истиннаго таланта. Это трудолюбивая посредственность. Я зналъ его коротко. Онъ лучше писалъ по-французски и весьма поздно принялся за русскій. Но еслибъ онъ и ранѣе началъ: то не болѣе бы сдѣлалъ. Меня раздражаетъ не то, что онъ могъ ошибиться въ своемъ родѣ; но то, что вкусъ на-

шей публики такъ еще мало образованъ, въ такомъ ребячествѣ, что всякая мишура его веселитъ и восхищаетъ. Впрочемъ мы поздно пришли, чтобъ желать или надѣяться имѣть у себя драматическихъ стихотворцевъ; родъ сей вообще проходитъ или уже и прошелъ во всей Европѣ. Поэзія, языкъ боговъ, перелилась нынѣ вся въ политику. Нынѣ не стихи строятъ воображеніемъ; но государства. Правда, что одно другаго невиннѣе; но что же дѣлать? Поэзія точно приняла или скоро приметъ совсѣмъ другой путь. Платонъ былъ большой стихотворецъ; но въ его вѣкѣ, да и въ нашемъ еще, считаютъ его философомъ и политикомъ.

Зима наша почти кончилась; бываютъ утренники; но дни уже теплые. Не болѣе 8° или 10°. Никогда можетъ быть возвращеніе весны не было для меня столь пріятно; это возвращеніе къ тебѣ, къ свободѣ. Съ первымъ весеннимъ путемъ я непремѣнно отсюда отправляюсь — разумѣется — сперва въ Томскъ, потомъ въ Тобольскъ; но все уже къ тебѣ ближе и все уже возвращаюсь.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

37.

Иркутскъ 1-го Февраля 1820.

Письмо твое любезная Елисавета, на четырехъ языкахъ съ фельдъегеремъ посланное я получилъ и по сіе время оно есть самое позднее то есть отъ 24-го Декабря. Сей курьеръ былъ въ дорогѣ только 25 дней, а могъ бы поспѣть сюда и въ 20 дней, если бы Петербургская дорога его не задержала.

Начну съ денежныхъ дѣлъ. Какъ прискорбно мнѣ, что положась на чужія распоряженія нанесъ тебѣ столько безпокойства. Я утѣшался мыслію, что къ огорченіямъ существеннымъ не прибавится по крайней мѣрѣ сей родъ печальной заботы. Мнѣ казалось я такъ все распорядилъ изъ Пензы, что не можетъ быть ни затрудненія, ни остановки. Но чтобъ не теряться въ пустыхъ сожалѣніяхъ посылаю тебѣ 1, тысячу рублей наличныхъ на всякій случай, 2, вѣрющее письмо на отдачу дома въ наймы. Цѣну и условія отдаю на твою волю. Если Дубенскій не согласится дать прежней платы $^6/_т$. р. то можно и уступить по усмотрѣнію тѣмъ болѣе, что вѣроятно трудно будетъ найти другаго. По крайней мѣрѣ домъ содержится въ порядкѣ и приноситъ доходъ. Перестройку каминовъ и другихъ бездѣлицъ можно ему дозволить, лишь бы не было какихъ либо существенныхъ поврежденій. Для образца прилагаю при семъ и прежній контрактъ. Ты увидишь изъ него, что срокъ новому будетъ 1-го Іюля (*). 3, Письмо къ моему арендатору Г-ну Пекейру (Peucker). Я полагаю почти невозможнымъ, чтобъ доселѣ онъ не заплатилъ денегъ слѣдующихъ за вторую половину минувшаго года. Срокъ 15-го Декабря. Но если бы паче чаянія ни тебѣ лично, ни Дазеру онъ не заплатилъ: то пошли къ нему письмо съ первою почтою спросивъ только у Журавлева, не въ Петербургѣ-ли онъ, и точно-ли адресъ его въ Дерптѣ, какъ доселѣ было. Не худо, если бы и Журавлевъ къ нему вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ. Никогда ни слова не было ему говорено о Сибири; напротивъ, какъ ты изъ письма можешь видѣть, онъ долженъ былъ платить или Жерве, или Дазеру.

(*) Должно узнать, гдѣ же дѣвались прежнія деньги. — Они должны быть или у Масальскаго, или у Столыпина. Я ничего отъ найма дома не получалъ. С.

4, Письмо къ Дазеру на случай крайній и почти невѣроятный, если бы Пейкеръ и по письму моему не прислалъ дохода: тогда Дазеръ долженъ, какъ уже онъ Цейеру и обѣщалъ, открыть тебѣ кредитъ отъ $^{10}/_{т.}$ до $^{12}/_{т.}$, а я съ нимъ въ свое время разочтуся. 5, Письмо къ нему же отъ Цейера на случай, если бы затруднился онъ выдать тебѣ тѣ $^{4}/_{т.}$ рублей, которыя переведены къ нему отсюда отъ Англинскаго миссіонера Сталибраса на Сарептскій торговый домъ въ Петербургѣ. Письмо сіе отъ Цейера. Само собою разумѣется, что оба сіи письма должно оставить безъ дѣйствія и ему не отдавать, если они не нужны. Симъ кончатся всѣ денежныя твои дѣла и мои предосторожности. Надобно быть особенному несчастію, чтобъ они всѣ вдругъ не удались. Впрочемъ считаю излишнимъ тебя ограничивать: ибо ты сама утверждаешь, что ты уже *не малолѣтная* и я весьма согласенъ сему вѣрить. Одно примѣчаніе: если деньги будешь брать у Дазера: то бери по частямъ и по мѣрѣ нужды: ибо проценты въ купеческихъ домахъ расчитываются со дня полученія денегъ. Росписки давай ему, какъ онъ потребуетъ по формѣ, или просто. Не худо было бы тебѣ самой съ нимъ увидѣться. Тутъ ничего нѣтъ неприличнаго. Къ нему всѣ ходятъ въ лавку и не стыдятся быть ему должны. Это старый обычай. Я бы тебѣ даже совѣтовалъ отдавать ему подъ сохраненіе и тѣ деньги, кои могутъ оставаться у тебя лишними, что легко быть можетъ, если ты 1-го Апрѣля получишь половину денегъ арендныхъ. Курсъ у васъ слышно 350-к. на серебро: слѣдовательно вся годовая арендная сумма должна составить около 11.600 рублей ассигнаціями. Выгода сей отдачи подъ сохраненіе есть та, что онъ точно также платитъ проценты (6 %) съ тѣхъ денегъ, кои принимаетъ, какіе платятъ ему, когда у него берутъ. Симъ кончится исторія денегъ.

Я уже писалъ къ тебѣ мои мысли о нескромностяхъ нашего подагрика и о довѣріи его N. N. По счастью тутъ ничего нѣтъ вреднаго. Я къ нему ничего не пишу, что бы не могло быть прочитано вслухъ предъ всѣми. Онъ составилъ себѣ весьма странное предположеніе; вздумалъ, что показавъ мое письмо графу Кочубею онъ произведетъ такое впечатлѣніе, что за мною тотчасъ отправятъ фельдъегеря. Есть люди, кои вѣчно не будутъ имѣть истиннаго расчета вѣроятностей и опытъ для нихъ всегда будетъ безполезный учитель, хоть учителю сему они платятъ и дорого.

Дѣла мои дѣйствительно здѣсь къ Генварю почти кончились. Мнѣ осталось привести ихъ въ порядокъ. Съ 1-го Мая я оставляю Иркутскъ. О семъ пишу я нынѣ къ Государю; доказываю, что мнѣ послѣ сего дѣлать въ Сибири совершенно нечего. Управлять ею невозможно; къ сему надобны люди и другой порядокъ. Письмо посылаю чрезъ К. Голицина; но пишу при томъ и къ графу Кочубею. Отвѣтъ надѣюсь получить по крайней мѣрѣ въ концѣ Марта. Судя по содержанію его я могу ускорить или умедлить обратный мой путь; но во всѣхъ случаяхъ, хотя бы и не получилъ я никакого отвѣта, все съ 1-го Мая отправляюсь въ Тобольскъ и между тѣмъ приму рѣшительныя мѣры. Независимо отъ разлуки съ тобою, я не могу здѣсь (т. е. въ Сибири) и потому еще долѣе оставаться, что продолжая управленіе безъ способовъ и безъ людей, я могъ бы утратить и честь и довѣріе мною здѣсь пріобрѣ-

тенное. Чѣмъ болѣе я цѣню сіе довѣріе: тѣмъ болѣе чувствую, что поддержать его въ послѣдствіи никакъ не могу. Такимъ образомъ мнѣ не остается почти и выбора и если въ укоризну всѣмъ увѣреніямъ и надеждамъ не получу я другаго мѣста: то долженъ буду оставить службу. На сіе не рѣшусь я конечно не испытавъ всѣхъ другихъ средствъ, кои у меня есть еще въ запасѣ.—Но когда и рѣшусь, то вѣроятно ни ты, ни я жалѣть о томъ не будемъ. Лишь бы была свобода жить, гдѣ пожелаемъ. А сей свободы кажется, лишить меня теперь невозможно. Хотя публичное мнѣніе въ Россіи еще весьма молодо: однакоже оно существуетъ и знаю, что оно все въ мою пользу. Изъ всѣхъ сихъ предположеній одинъ случай можетъ сдѣлать исключеніе: это есть путешествіе Государя въ Сибирь. Признаюсь, я радъ бы былъ сему событію. Оно отложило бы мои надежды на мѣсяцъ или на два; но тѣмъ вѣрнѣе, кажется, было бы въ послѣдствіи. Сибирь для меня есть театръ довольно выгодный. Если не много я здѣсь сдѣлалъ: по крайней мѣрѣ много осушилъ слезъ, утишилъ негодованій, пресѣкъ вопіющихъ насилій, и, что можетъ быть еще и того важнѣе, открылъ Сибирь въ истинныхъ ея политическихъ отношеніяхъ. Одинъ Ермакъ можетъ спорить со мною въ сей чести. Все сіе — разумѣется — я пишу только къ тебѣ и для тебя.

Посылаю тебѣ (*) моя милая, наконецъ послѣ всѣхъ обѣщаній, прекраснаго крепу и шелковъ. Мнѣ обѣщали и еще доставить; но все сіе надобно выписывать изъ Пекина. Чаю надѣюсь у васъ еще довольно. Впрочемъ онъ такъ будетъ дешевъ, что не стоитъ труда пересылать. Здѣсь 250 р. мѣсто т. е. 250-к. фунтъ весьма добраго. У васъ вѣроятно будетъ онъ въ 350 к. Нынѣшній годъ вывезли его несравненно болѣе. Вообще по счастью или иначе Кяхтинская торговля при мнѣ взяла самый счастливый оборотъ.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

38.

Иркутскъ 4-го Февраля 1820.

Начинаю письмо мое окончаніемъ твоего. Жаль конечно, любезная моя Елисавета, что судьба насъ непрестанно разлучаетъ. Никто конечно лучше меня понять тебя не можетъ: ибо тонкія души ощущенія понимаются сердцемъ, а не умомъ. Впрочемъ, сколько дозволено намъ постигать непостижимыя пути Провидѣнія, мнѣ кажется въ самой разлукѣ Оно имѣло благотворную для насъ цѣль. Обоихъ насъ Онъ учитъ терпѣнію; тебя же въ особенности учитъ ходить на своихъ ногахъ, разбирать собственныя свои чувства, соображать ихъ съ другими и дѣйствовать. До какой степени сія наука и сей навыкъ нужны въ будущей твоей практической жизни, ты узнаешь сіе въ свое время. Отчего женщины большею частію слабы, нерѣшительны? — Оттого, что долго ходили на помочахъ, долго въ самыхъ мелочахъ опирались на другихъ. Сіе выгодно для мужчинъ, но совсѣмъ не выгодно для женщинъ. Тотъ степень слабости, или лучше сказать уклончивости, какую женщинамъ имѣть иногда должно, всегда можно пріобрѣсть. Онъ зависитъ отъ кротости, даже отъ правильнаго расчета взаимныхъ отношеній: но крѣ-

(*) Съ фельдъегеремъ Графа Нессельрода. С.

пость души и силу чувствъ не всегда найдешь, когда ищешь. Ее должно имѣть въ запасѣ и въ привычкѣ.

Я все еще не отправился въ заморскія мои владѣнія то есть въ двѣ округи за Байкаломъ лежащія, гдѣ побывать мнѣ нужно и оттуда посѣтить Кяхту, гдѣ продаютъ тѣневые шелки и крепы, но на первой недѣлѣ поста непремѣнно туда отправлюся. Это будетъ верстъ 500 далѣе на югъ. Меня увѣряютъ, что тамъ и теперь снѣгу нѣтъ или очень мало. Посмотримъ. На сихъ дняхъ у меня были два Англинскіе миссіонера, которые поселяются въ Селенгинскѣ. Ни слова ни по Русски, ни по Европейски. Я позвалъ ихъ къ себѣ на другой день обѣдать. Отворяются двери и ко мнѣ движется большая, длинная, сухая, пожилая женская фигура.. Это Шотландка изъ роду піетистокъ, жена одного изъ сихъ миссіонеровъ. Это первая женская фигура, которой духъ явился въ моихъ комнатахъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Сибири. По счастью она такъ молчалива, что мнѣ не нужно было раскрывать для нее всѣ неизвѣстныя и самому мнѣ сокровища Англинскаго языка. Жоржа не было дома и такъ мнѣ одному оставалось нести всю сію тяжесть. Странное дѣло! одинъ изъ сихъ миссіонеровъ есть молодой человѣкъ лѣтъ 23 или 25. Прекрасной фигуры, открытое лицо, образъ ангельской чистоты и невинности. Ангелъ обвинитель да изгладитъ слезою всякую мысль подозрѣнія, чтобъ люди сіи имѣли какую-нибудь другую цѣль въ ихъ путешествіи.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

39.

Иркутскъ 10-го Февраля 1820.

Письмо твое отъ 26-го Декабря на другой день Рождества Христова весьма печально, любезная моя Елисавета. Чтобъ утѣшить себя, я представляю себѣ, что ты была нездорова, а не огорчена. Впрочемъ какое другое утѣшеніе могу я имѣть, или тебѣ дать, кромѣ надежды на Отца Небеснаго.

Послѣ завтра я отправляюсь въ Кяхту и оттуда въ Нерчинскъ, подлинно уже на край свѣта. Быть можетъ, что слѣдующая почта не принесетъ тебѣ моихъ писемъ; но не болѣе, какъ одна почта. Надѣюсь, что и изъ Нерчинска письмо мое дойдетъ къ тебѣ въ срочное время; это только 700 верстъ далѣе.

Сіе путешествіе есть послѣднее: ибо возвращеніе мое отсюда я не считаю уже путешествіемъ. Отлучка моя отсюда означаетъ, что дѣла мои здѣсь кончились; прочее есть дѣло писцовъ и канцеляріи; но и сіе меня не задержитъ. Во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, исключая одного высочайшаго посѣщенія, съ 1-го Мая я отсюда отправляюсь.

Архимандритъ сюда еще не прибылъ, слѣдовательно и писемъ твоихъ съ нимъ я еще не имѣю.

Не знаю еще, какой подарокъ привезу тебѣ изъ Кяхты; вѣроятно тѣневыхъ шелковъ: ибо тамъ ничего другаго достать нельзя.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

40.

Кяхта 18 Февраля 1820.

Внезапный случай представляетъ мнѣ удобность писать къ тебѣ отсюда, любезная моя Елисавета и тѣмъ вознаградить одну пропущенную почту. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня. Вчера былъ на праздникѣ у Китайцовъ въ торговой ихъ слободѣ Маймадчинахъ. Какая странная узорчность. Это лихорадочный бредъ, не-

изъяснимое смѣшеніе блестящихъ мѣлочей, уютности и порядка въ частяхъ и смѣси въ цѣломъ. Подробности ты найдешь со временемъ въ моемъ журналѣ. Въ гостинецъ тебѣ ничего здѣсь не нашелъ; чаю же посылать не стоитъ труда. Шелки еще не доставлены изъ Пекина.

Сегодня отправляюсь отсюда прямо въ Нерчинскъ. По счастью зима здѣсь стоитъ постоянная и, что бываетъ здѣсь, то есть на границѣ довольно рѣдко, много снѣговъ и хорошая дорога. По сему я имѣю всю надежду совершить мое путешествіе съ успѣхомъ. Я буду первый начальникъ, который посѣтилъ Нерчинскъ. Хотя первенство сіе не возбуждаетъ моего честолюбія, но возбуждаетъ надежду, что путешествіе сіе будетъ полезно и утѣшительно обывателямъ того края. Кто знаетъ, какой плодъ принесетъ со временемъ сѣмя брошенное на сію землю? Впрочемъ въ Сибири и такъ далеко не бываютъ два раза въ жизни и потому должно въ одинъ разъ сдѣлать все что можно.

Прощай моя милая; письмо сіе доставитъ тебѣ здѣшній чиновникъ сынъ извѣстнаго Нижегородскаго механика Кулибина. Господь съ тобою.

41.

Верхне-Удинскъ 20 Февр. 1820

Тебѣ надобно, любезная моя Елисавета, твердо знать Сибирскую географію, чтобъ угадать или найти мѣсто, откуда къ тебѣ пишу. Это за Байкаломъ въ 400 верстахъ отъ Иркутска. Третьяго дня изъ Кяхты писалъ къ тебѣ съ Г—номъ Кулибинымъ; нынѣ пишу только для того, чтобъ не пропустить почты. Завтра поутру отсюда отправляюсь въ Нерчинскъ, откуда чрезъ три или четыре дня надѣюсь къ тебѣ писать. По расчету моему письмо сіе придетъ къ тебѣ около Свѣтлаго Воскресенья. На второй недѣлѣ поста поздравляю тебя съ симъ свѣтлымъ праздникомъ и за ⁶/т. верстъ лобызая тебя въ духѣ говорю Христосъ воскресе. Воскресенію Его въ душахъ ни мѣсто, ни время не препятствуетъ.

Воздухъ и движеніе удивительно какъ способствуютъ моему здоровью; напротивъ сидячая жизнь меня утомляетъ. По сему-то между прочимъ переношу я всѣ трудности моего путешествія съ бодрымъ духомъ. Должно тебѣ примѣтить, что я путешествую попеременно въ саняхъ и въ коляскѣ. Здѣсь за моремъ во многихъ мѣстахъ снѣгъ уже сошелъ. Небольшое число верстъ можетъ быль доведется сдѣлать верхомъ. Жаль, что здѣсь нѣтъ ни моей Діаны, ни твоей Великопольской Рогатки. На нихъ покойнѣе было бы перебраться за хребетъ Нерчинскихъ горъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

42.

Нерчинскъ 29-го Февраля 1820.

Христосъ воскресе, любезная моя Елисавета. Вчерашній день я возвратился сюда изъ преисподней, изъ Нерчинскихъ заводовъ, гдѣ спускался я на 36 саженъ подъ землею, чтобъ видѣть своими глазами послѣднюю линію человѣческаго бѣдствія и терпѣнія. Ничто не можетъ быть поучительнѣе сего впечатлѣнія.

Письмо мое будетъ коротко; я усталъ и спѣшу возвратиться въ Иркутскъ, который теперь представится мнѣ столицею. Впрочемъ кромѣ усталости здоровье мое никакой не испытало перемѣны, хотя шесть разъ

я перемѣнялъ повозки лѣтнія на зимнія. Здѣсь снѣгу мало, да и то по мѣстамъ.

Прощай моя любезная. Господь съ тобою.

43.

Иркутскъ 10-го Марта 1820.

Наконецъ я въ Иркутскѣ, любезная моя Елисавета; то есть въ столицѣ, послѣ всего, что въ продолженіи пути мнѣ встрѣчалось. Въ три недѣли я совершилъ болѣе $^{3}/$т. верстъ; странствовалъ въ саняхъ, въ колясвѣ, на телегѣ и только не верхомъ. Не жалѣю однакоже ни трудовъ, ни усталости: ибо я видѣлъ бѣдствія человѣческія кажется на послѣдней ихъ линіи. Впрочемъ кромѣ усталости ничего не чувствую. Отдыхая и разбираясь съ бумагами не могу много къ тебѣ писать. Письма твои получалъ исправно. Весьма радъ, что Кяхтинскія бездѣлки столько тебѣ понравились. Постараюсь ихъ достать болѣе и съ собою ихъ привезу. Крепы для тебя и для Сонюшки есть у меня прекрасные. Молись и ожидай Сонюшку цѣлую за письмо. Прощай моя милая; Господь съ тобою.

44.

Иркутскъ 17-го Марта 1820.

Написавъ сіе число я вспомнилъ, любезная моя Елисавета, роковой мой день. Почему же роковой? — Потому только, что человѣкъ привыкъ ставить себя обладателемъ своей судьбы, что онъ съ удовольствіемъ переноситъ всѣ трудности, странствуетъ по бѣлу свѣту, но не тогда, какъ его пошлютъ, а когда онъ самъ того захочетъ. Человѣкъ не умѣетъ еще покоряться Провидѣнію, не можетъ понять, что онъ не что иное, какъ кусокъ глины, коей даютъ разныя формы, что въ гибкости и мягкости состоитъ все его достоинство, что планъ и экономія вселенной такъ обширны, такъ многосложны, что странно и смѣшно вздумать управлять ими и между тѣмъ въ семъ то именно и состоитъ наше притязаніе: ибо нельзя управлять частію, не касаясь цѣлаго. Покорность и гибкость вотъ все, что намъ осталось. Всякій ропотъ есть бунтъ противъ Провидѣнія. Такъ разсуждалъ бы я о другомъ въ обстоятельствахъ моихъ подобныхъ. Но о себѣ самомъ я долженъ разсуждать еще строже. Сколько возмездій, сколько милостей небесныхъ получилъ я въ сіи *восемь* по видимому несчастныхъ лѣтъ! Сколько истинныхъ прозрѣній въ природу человѣческую и даже высшую. И что жъ послѣ всѣхъ такъ называемыхъ гоненій и страданій наконецъ нашлось? — волосъ не упалъ съ головы моей. Обращаюсь къ тебѣ: ибо существо мое не простое, но сложное. Буря застала тебя въ такія лѣта, когда ты ее не чувствовала. Ты играла въ Нижнемъ, играла въ Перми и начала чувствовать бытіе твое въ Великопольѣ. Всѣ вѣроятности есть, что оставаясь въ Петербургѣ ни умъ, ни характеръ твой не получили бы ни развитія, ни твердости. Я не могъ бы тобою заниматься; обстоятельства болѣе изнѣжили бы тебя, нежели укрѣпили. Ты была бы по сіе время не что иное, какъ вялый ребенокъ. Таковы суть большая часть женщинъ. Слово трусъ по мнѣнію моему выражаетъ одно всѣ пороки и въ самомъ дѣлѣ большая ихъ часть происходятъ отъ трусости. Какъ же быть мужественнымъ, не посмотрѣвъ прямо въ глаза опасности и несчастію? Несчастіе! его должно бы было называть другимъ именемъ, именемъ благород-

нѣйшимъ, какое только есть въ происшествіяхъ человѣческихъ. Въ духовномъ смыслѣ оно есть помѣщеніе въ число чадъ Божіихъ, сыноположеніе. Въ моральномъ сопричтеніе въ дружину великодушныхъ. Несчастіе! его должно бы было вводить въ систему воспитанія и не считать его ни оконченнымъ, ни совершеннымъ безъ сего испытанія.

Ты видишь изъ сего, любезная моя Лиза, что я отдохнулъ отъ моего путешествія. Отдохнулъ и готовлюсь издалека къ другому. Все яснѣетъ предо мной. Самое небо кажется беретъ въ томъ участіе. Зима наша кончилась; мы гуляемъ уже во фракахъ; я покрайней мѣрѣ такъ гуляю. Шубы носятъ только по привычкѣ и то рѣдко. Зимній путь совершенно рушился. Сколько бы ни желалъ я послать тебѣ Китайскихъ бездѣлицъ, не могу. У меня есть для тебя *между прочимъ* полный Китайскій нарядъ женскій—но прекрасный и онъ къ тебѣ весьма пристанетъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я вижу тебя на балѣ у Линга. Чинъ и имя конечно что нибудь значатъ и въ танцахъ. Но еслибъ ты была *maussade*: ни то, ни другое не запретило бы тебя отъ сидѣнья. Трапезниковъ еще не бывалъ. Я ожидаю съ нимъ интересныхъ писемъ.

Вотъ письмо къ новому моему куму, Услади его твоими привѣтами. Мысль его дѣйствительно мнѣ обязательна. Я всегда искренно любилъ Елисавету Карловну за ея добродушіе и кротость. Совсѣмъ иначе написалъ бы я, если бы къ ней писать было можно. Но я знаю его и знаю оттѣнки характеровъ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

45.

Иркутскъ 24 Марта 1820.

Я говѣю, любезная моя Елисавета, и потому съ сею почтою писать къ тебѣ много не буду. Минувшая почта принесла мнѣ твое письмо съ извѣстіемъ о возобновившихся ячменяхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю дальнѣйшихъ извѣстій. Вѣроятно это пройдетъ съ лѣтами.

Цейеръ съ минувшею почтою получилъ увѣдомленіе отъ Пирлинга, что деньги за вторую половину аренды 6220 р. отъ Пейкера получены отданы имъ въ Банкъ. Къ 1-му Апрѣля сего года онъ долженъ будетъ заплатить такую же сумму и вѣроятно къ нимъ же, то есть къ Дазеру и Пирлингу доставитъ. Всѣ деньги сіи $^{12}/_{т}$ р. въ твоемъ распоряженіи. Сверхъ того у нихъ есть 2000 р. оставшихся отъ векселя высланнаго отсюда Англинскими миссіонерами.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

46.

Иркутскъ 31-го Марта 1820.

Вотъ день, любезная моя Елисавета, въ который сидя подъ окошкомъ въ Пензѣ, услышалъ я колокольчикъ и взглянувъ увидѣлъ фельдъ-егеря и Сибирь. Это кажется было вчера; а сегодня я въ Иркутскѣ. Голова кружится, когда подумаешь, сколько перемѣнъ, происшествій, путей, движенія, дѣлъ въ теченіи одного года; и что же значитъ сей годъ въ сравненіи со всею жизнію; а что жизнь въ сравненіи съ вѣчностію; откуда наконецъ должно будетъ нѣкогда взглянуть на все прошедшее подобно, какъ теперь смотрю я на минувшій годъ. Но тогда духъ не связанъ будетъ тѣ-

ломъ; тогда шесть тысячь верстъ, Пенза и Иркутскъ все сольется въ одну точку; все будетъ ясно, но ничто не будетъ раздѣльно; ибо всѣ несообразности здѣшней жизни согласятся и все войдетъ въ одинъ обширный, но весьма простой планъ Провидѣнія.

Третій день, какъ я угощаю у себя въ теченіи сей свѣтлой недѣли здѣшнюю публику. Третьяго дня принималъ духовенство и въ томъ числѣ осанистаго, тебѣ знакомаго Пекинскаго Архимандрита [1]; вчера обѣдали чиновники; сегодня купечество. Я усталъ жить въ непрестанныхъ ябедахъ, слѣдствіяхъ и обвиненіяхъ; слава Богу они кончились и готовясь оставить Иркутскъ, я хочу оставить его съ пріязнію. Еще мѣсяцъ и много полтора и я съ ними распрощаюсь — на вѣки-ли? — Богъ знаетъ, но кажется, намъ болѣе не видаться.

Лишь только успѣлъ я написать съ прошедшею почтою къ тебѣ: *я говѣю*, какъ получаю и отъ тебя въ письмѣ тѣже слова *я говѣю*. Разница только та, что ты говѣла на первой недѣлѣ; а я на страстной.

Не удивляйся смущенію духа; это почти обыкновенное состояніе поста и говѣнья. Когда вино вливаютъ въ самую чистую воду: она сначала струится: ибо вино не вдругъ соединяется съ водою; но потомъ такъ ее проникнетъ, что нѣсколько капель окрасятъ цѣлый стаканъ и раздѣлить ихъ невозможно. Таково дѣйствіе благодати. Утѣшенія и сладостныя чувствія приходятъ послѣ, а бываетъ, что не приходятъ повидимому и никогда: ибо превращаются въ пищу, въ самый составъ души, въ нравственное ея здоровье. Кто же когда чувствовалъ, какъ прибавляются силы и здоровье? Кто чувствовалъ, какъ ростутъ? [2])

У насъ почти лѣто и дни прекрасные; глаза мои отдыхаютъ покояся хоть не на зелени, покрайней мѣрѣ не на снѣгу ослѣпляющемъ отъ яркаго преломленія лучей. Ожидаемъ землетрясеній, кои обыкновенно бываютъ въ Апрѣлѣ; но здѣсь никто ихъ не боится: въ самомъ дѣлѣ они обыкновенно бываютъ легки. Не знаю, будетъ-ли Жоржъ сегодня къ вамъ писать. Ему на праздникахъ большія хлопоты: надобно объѣздить весь городъ съ визитами; надобно ѣздить верхомъ; вчерась же было собраніе и слѣдовательно надобно ему же танцовать за полночь.

Прощай, моя милая; поцѣлуй за меня Сонюшку. Христосъ съ вами.

Предваряю тебя, что почта съ сего времени начнетъ отставать; это обыкновенно бываетъ въ распутицу.

47.

Иркутскъ 7-го Апрѣля 1820.

Въ письмѣ твоемъ отъ 20-го Февраля я нахожу, любезная моя Елисавета, что весеннее солнышко глядитъ къ вамъ въ окно. Не завидую вашему счастію. Ко мнѣ въ окно глядитъ не только весеннее, но само лѣтнее солнышко и вмѣстѣ съ нимъ глядитъ надежда скораго отсюда отправленія. Легко себѣ представить дѣйствіе сихъ соединенныхъ лучей.

Бѣдные люди, еслибы смерть была всему конецъ. Подлинно бѣдные! и мысль твоя весьма справедлива. Но по счастью будущее, для меня по крайней мѣрѣ, кажется вѣрнѣе настоящаго. Я такъ привыкъ къ сей мысли,

[1]) Петра Каменскаго, отправленнаго въ Китай на смѣну Іакинѳа Бичурина.

[2]) Религіозныя мысли Сперанскаго нигдѣ такъ полно не выразились, какъ въ большомъ письмѣ его изъ Перми, къ Словцову (Библ. Зап. 1861, № 17)

что упрекаю себя, когда занимаюсь настоящимъ, хоть занимаюсь имъ еще весьма часто. Мнѣ кажется это потерянное время, столькоже потерянное, какъ въ дорогѣ на почтовыхъ дворахъ. Какая неизмѣримость насъ ожидаетъ! Что будетъ тутъ эта капля, которую привыкли мы называть временемъ, жизнію.

Между тѣмъ какъ ты читаешь Journey from Moscow, я путешествую въ Китаѣ. Сколько привезу я тебѣ вѣстей объ исторіи и словесности сего чудеснаго народа. Двѣсти милліоновъ головъ, то есть число болѣе всей Европы, подъ одною шапкою! это первое чудо; чудо политики, образованія доселѣ неслыханное и небывалое въ исторіи міра. За симъ слѣдуютъ другія чудеса не менѣе разительныя, не меніе смиряющія гордость Европейскаго просвѣщенія. Признаться должно, что наши учители Греки и Римляне не большіе были знатоки въ народномъ воспитаніи и видно суждено востоку всегда брать верхъ надъ западомъ.

Прощай моя милая. Христосъ съ тобою.

48.

Иркутскъ 14 Апрѣля 1820.

Не бойся надѣяться, любезная моя Елисавета. Богъ милостивъ. Онъ вложилъ надежду въ сердце наше, какъ залогъ, накъ предчувствіе вѣчности. И если надежда иногда и обманываетъ: мы все не въ убыткѣ: ибо взяли впередъ то, что есть въ жизни лучшаго. Французская твоя мысль дѣйствительно прекрасна. Можно къ ней присоединить еще одно практическое правило на томъ же законѣ основанное: никогда событіями нельзя человѣка вести столь далеко, какъ надеждами. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ умѣть ихъ распредѣлять безъ расточенія и поддерживать съ точностію. Schwärmerey Нѣмцовъ происходитъ изъ того же источника. Но не всѣ люди способны къ мечтательности (почему бы не перевесть симъ словомъ Schwärmerey). Есть сердца положительныя, умы столповые, способные къ всѣмъ расчетамъ жизни, но неспособные къ тонкому ощущенію будущаго. Отсюда, отъ сей неподвижности ихъ видовъ, отъ единообразія и ограниченности ихъ чувствій происходятъ всѣ ихъ успѣхи. Успѣхи, на кои не промѣнялъ бы я несчастій.

Мнѣ весьма любопытно, а можетъ быть и пріятно будетъ познакомиться съ Поггенполемъ. Изъ привязчивыхъ душъ много можно сдѣлать добраго.

Ты спрашиваешь о Вильде. Онъ ведетъ себя здѣсь очень хорошо. Поигрываетъ въ карты, но умѣренно; ничего не дѣлаетъ, никакихъ дѣлъ на рукахъ у него нѣтъ и слѣдовательно не можетъ ничего употребить во зло. Не знаю даже, былъ-ли бы къ сему и способенъ. Доселѣ я въ немъ видѣлъ человѣка обыкновеннаго, но не худаго и къ порокамъ не склоннаго. Для Жоржа онъ даже и полезенъ: ибо я не могу надзирать за нимъ въ обществахъ; а держать его дома въ заперти всегда надъ книгами, невозможно. Жоржъ не только не потерялъ ни однаго добраго и любезнаго качества, но я надѣюсь, вы всѣ найдете, что онъ кой-что и пріобрѣлъ въ семъ родѣ. Съ нимъ остались ребяческое его добродушіе, прямизна и откровенность, но прикрашенная и убранная нѣкоторыми познаніями, басистымъ голосомъ и усами (разумѣется еще чуть возникающими). Чего же лучше? Онъ пойдетъ далѣе: ибо сердце его прекрасно и умъ гибкій и способный. Вильде можетъ самъ имѣть нѣкоторыя шалости; но никакъ не способенъ быть ни потатчикомъ, ни соблазнителемъ.

Съ сей стороны мы безопасны. Кстати о Вильде. Онъ послалъ твоей маминькѣ кусокъ краснаго крепу; а она не сказала ему и спасибо.

Время у насъ стоитъ прекрасное. Каковъ-то будетъ Май, время нашего путешествія. Вчера осматривали мы наши экипажи. Неужели все это будетъ мечта? хоть я по сіе время еще живу во мракѣ неизвѣстности; но все твержу и въ умѣ и чувствую въ сердцѣ: Богъ милостивъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

49.

Иркутскъ 21-го Апрѣля 1820.

Твой флюсъ привелъ мнѣ на память, любезная моя Елисавета, прежнее мое правило, что въ свѣтѣ есть три только существенныя несчастія: порокъ, бѣдность и болѣзнь. Все прочее можно поправить умомъ или терпѣніемъ; но болѣзнь именно лишаетъ насъ сихъ средствъ. Я не вѣрю даже, чтобъ въ болѣзни можно было имѣть терпѣніе. Терпѣливыми въ болѣзни кажутся только тѣ, коихъ степень чувствительности физической различенъ отъ обыкновеннаго, отъ нашего. А различіе сіе столь далеко простирается, что дикій поющій побѣдную пѣснь въ то время, когда палятъ его на огнѣ, для меня совсѣмъ не есть предметъ удивленія, но предметъ познанія и опыта, до какаго степени устройство нервъ можетъ быть различно и обстоятельствами измѣняемо.

Молодой человѣкъ отправляющійся съ Китайскою миссіею еще не бывалъ, я его нетерпѣливо ожидаю: ибо онъ вѣроятно привезетъ мнѣ о тебѣ подробности. Между тѣмъ мы каждую недѣлю по немножку сбираемся; я дописываю свою Сибирь, люди заботятся о разныхъ мелочахъ и все въ движеніи. Съ сей стороны я счастливѣе тебя: ибо образъ надежды кажется ближе и живѣе, когда сборы и мѣлочи его украшаютъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

50.

Иркутскъ 28-го Апрѣля 1820.

Наконецъ Пекинскій приставъ*) привезъ мнѣ письмо твое, любезная моя Елисавета, привезъ отъ тебя носки и отъ Жерве газеты. Признаюсь первое лучше послѣднихъ. Продолжителное наблюденіе заблужденій и глупостей человѣческихъ дѣлаетъ почти къ нимъ равнодушнымъ.

Съ симъ нарочнымъ я получилъ много писемъ изъ Петербурга—всѣ розовыя и въ томъ числѣ есть самаго яркаго и положительнаго цвѣта. Терпѣнію твоему осенью будетъ конецъ. Но внѣшніе твои отзывы должны оставаться такъ же неопредѣленны, какъ и прежде. Надежда бываетъ еще прелестнѣе, когда таится въ душѣ и наружу не испаряется. — Поггенполю я непремѣнно буду отвѣчать на письмо его, но не надѣюсь скоро отыскать здѣсь Толмачева, о коемъ онъ говоритъ. Сибирь не комната; ее скоро не обыщешь; скажи маминькѣ, что я употреблю всѣ способы. Объ Александрѣ подумаемъ осенью: дѣла сего рода не дѣлаются за $^6/_т$. верстъ; ихъ надобно сдѣлать лично.

Жаль, что я старѣю, что слишкомъ много въ свѣтѣ видѣлъ и наблюдалъ. Духъ твой, любовь твоя къ отечеству сдѣлали бы меня любочестивымъ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

*) Тимковскій Егоръ Ѳеодоровичъ, напечатавшій въ 1824 г. чрезвычайно интересное описаніе своего путешествія въ Китай, подъ заглавіемъ: Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію, въ 1820 и 1821 годахъ.

51.

Иркутскъ 5-го Мая 1820.

Нѣтъ, любезная моя Елисавета, не женщины въ томъ виноваты, что молодые люди большею частію суть повѣсы. Не женщины, а война. Война умудряетъ храбрыхъ, дѣлаетъ ихъ скромными и кроткими; война ничтожныхъ людей дѣлаетъ наглыми и несносными. Война и скороспѣлое воспитаніе. Когда толпа мальчиковъ, кои должны бы быть еще въ пенсіонѣ подъ лозою Мюралта *), пущена будетъ на свою волю - чего тутъ ждать добраго?

Мысли твои о вдохновеніи такъ привлекательны, что я написалъ бы цѣлое сочиненіе и точно доказалъ бы, что это не мечта, но дѣйствительное и весьма существенное свойство нашего духа усыпляемое разсѣянностію чувствъ, но возбуждаемое обстоятельствами, мѣстомъ, уединеніемъ, временемъ, воспоминаніями, связію мыслей. Но отложимъ сіе до бесѣды, или до той большой книги, которую столько лѣтъ я собираюсь написать.

Ты не дома; понимаю любезная Елисавета всю горесть сея мысли; но потерпи еще немного; заря не только занимается, но уже и занялась. Ты вѣрно видѣлась съ графинею Кочубей? Ты будешь дома; будешь имѣть удовольствіе у себя угощать тѣхъ, кои тебя столь добродушно, столь сердечно угощаютъ и добрая твоя душа ни у кого не останется въ долгу.

Я полагаю, что вы уже на дачѣ. Жаль что я васъ, можетъ быть, тамъ уже не застану. Желай чтобъ лѣто было прохладно, а осень самая сухая и продолжительная.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

*) Извѣстный реформатскій пасторъ, содержатель пансіона въ Петербургѣ.

52.

Иркутскъ 12-го Мая 1820.

Съ фельдъегеремъ сюда прибывшимъ я не получилъ отъ тебя писемъ, любезная моя Елисавета. Вѣроятно друзья наши или не знали, или сказать тебѣ не успѣли. Впрочемъ онъ ничего не привезъ мнѣ ни новаго, ни интереснаго. Та же неизвѣстность и заря моя опять превращается въ полночь. Впрочемъ меня Богъ научилъ ходить и во мракѣ. О семъ буду писать къ тебѣ подробнѣе при первомъ удобномъ случаѣ.

И такъ талантъ Зеера образуетъ твой вкусъ къ музыкѣ. Слѣдовательно я правъ, когда предвѣщалъ тебѣ, что ты будешь любить ее, противъ всѣхъ твоихъ чувствъ и увѣреній. Мнѣ казалось неестественнымъ, чтобъ имѣя душу чистую можно было не любить музыку. Недостатокъ чувства происходилъ единственно отъ недостатка органа и отъ боязни трудностей. Изящное есть степень высокаго, а высокое есть степень божественнаго, безпредѣльнаго. И въ изящномъ предѣлы, т. е. вещественное уже чуть примѣтны—въ высокомъ они теряются, а въ божественномъ совсѣмъ исчезаютъ. Что бы была жизнь моя здѣсь, еслибы не размышлялъ я о сихъ предметахъ и размышляя не забывалъ прошедшее и настоящее?—Счастливъ, что могу съ тобою говорить о нихъ и быть увѣреннымъ, что ты ихъ понимаешь или лучше сказать чувствуешь.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

53.

Иркутскъ 15-го Мая 1820.

Половина Мая, а я еще въ Иркутскѣ. Не хочу скрывать отъ тебя, любезная моя Елисавета, истиннаго моего положенія. Отъ 8-го Марта я получилъ чрезъ графа Кочубея высочайшее повелѣніе прибыть въ Петербургъ къ послѣднимъ числамъ Октября. Срокъ сей былъ сносенъ и даже довольно сходенъ съ собственнымъ моимъ расположеніемъ Я распорядился и водою отправилъ отсюда почти всѣ тяжести, дабы отправясь на легкѣ найти ихъ въ Москвѣ. Послѣ того три недѣли спустя получаю другое повелѣніе чрезъ К. Голицына отъ 20-го Марта, чтобъ прибыть мнѣ въ Петербургъ уже не въ Октябрѣ настоящаго года, но въ Мартѣ будущаго. Отстрочка сія и сама по себѣ горестна; но горестнѣе еще по смыслу, который она въ послѣдствіи имѣть можетъ. Если безъ всякой видимой причины могли отстрочить до будущаго Марта: то могутъ отсрочить еще на годъ и такъ далѣе.— Въ письмѣ графа Кочубея по крайней мѣрѣ означена причина и именно путешествіе государя и возвращеніе его въ столицу не прежде 14-го Октября. Но въ письмѣ К. Голицына не означено никакой причины, я разумѣю причины истинной: ибо въ предлогахъ никогда не можетъ быть недостатка. По сему я рѣшился сдѣлать слѣдующее: *во первыхъ* съ симъ же фельдъегеремъ пишу и къ Е. В. и къ министрамъ, что отсрочку сію я принимаю въ точномъ смыслѣ удаленія. *Во вторыхъ* чрезъ мѣсяцъ или два посылаю прошеніе въ отставку, о чемъ нынѣ же и предваряю графа Кочубея. Первый шагъ вѣроятно не сдѣлаетъ никакой перемѣны въ моемъ положеніи—промолчатъ. Второй можетъ болѣе подѣйствовать. Отставки вѣроятно не дадутъ; покрайней мѣрѣ почувствуютъ, что нельзя никого держать Генералъ-Губернаторомъ по неволѣ и слѣдовательно скорѣе на что нибудь рѣшатся. Впрочемъ я исчислилъ всѣ послѣдствія. Если меня и уволятъ отъ службы: ни ты, ни я ничего не потеряемъ.—Ничего существеннаго. Время то прошло, когда могли меня тѣснить по произволу: ибо всему есть конецъ, даже и народнымъ заблужденіямъ и моему терпѣнію. Публичное мнѣніе у насъ слабо; но существуетъ. Оно же мнѣ и нужно въ самой малой мѣрѣ и только для тебя.

Какъ бы то ни было я долженъ буду провести будущую зиму въ Сибири и именно въ Тобольскѣ. Мои собственныя огорченія тутъ не должны быть въ счетъ принимаемы; я всегда найду силу ихъ перенести и даже сдѣлать ихъ для себя равнодушными. Чувствительность моя вся въ тебѣ. Если при семъ отдаленіи нашего свиданія нужны тебѣ мои какіе-либо совѣты: требуй ихъ откровенно и не полагай никакихъ предѣловъ моимъ чувствамъ. Не бери въ счетъ моего бытія; думай только о своемъ счастіи и будь увѣрена, что я буду совершенно счастливъ, когда за 6-т. верстъ буду только знать, что ты счастлива. Любовь моя къ тебѣ совершенно безкорыстна: ибо мое личное счастіе и по лѣтамъ моимъ и по милости Божіей такъ удостовѣрено, что оно ни отъ кого не зависитъ. Слѣдовательно думай только о себѣ, если хочешь видѣть меня счастливымъ. Можетъ быть тебѣ придетъ мысль видѣться со мною въ Тобольскѣ; вещь почти невозможная. Если бы Марья Карло-

вна и согласилась проводить тебя: то сверхъ трудностей пути, сверхъ неимовѣрныхъ издержекъ, сверхъ опасности измучиться и заболѣть въ пути—мнѣ помѣстить васъ негдѣ; совершенно нѣтъ дома не только удобнаго, но даже и сноснаго. Сверхъ сего отсутствіе твое изъ Петербурга уронитъ всѣ надежды друзей моихъ, сдѣлаетъ ихъ малодушными и ободритъ нашихъ непріятелей. Словомъ это невозможно. Самая власть моя здѣсь отъ сего поколеблется: ибо между прочимъ она держится на томъ, что я лично буду въ Петербургѣ.

Какъ желалъ бы я сказать тебѣ что-нибудь въ утѣшеніе; но ничего не могу. Можетъ быть смыслъ, который я даю отсрочкѣ слишкомъ обширенъ; можетъ быть отсутствіе Государя дѣйствительно продолжится до Марта и въ семъ предположеніи отсрочка имѣетъ нѣкоторое основаніе; нѣкоторое, но несовершенное: ибо я не знаю, почему бы бытіе мое такъ было важно, чтобъ нельзя было мнѣ видѣться съ тобою, иначе какъ только въ данное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Всѣ дары, которые я съ такимъ удовольствіемъ тебѣ готовилъ, по полученіи перваго извѣстія отправилъ я водою въ Москву со всѣми своими тяжестями бывъ увѣренъ, что найду ихъ тамъ въ Октябрѣ и привезу съ собою. Безъ меня они должны тамъ лежать цѣлую зиму. Можетъ быть однакоже найду я способъ достать ихъ изъ ящиковъ и велѣть переслать изъ Москвы къ тебѣ. Они адресованы не къ дядюшкѣ, который добрый пріятель, но худой коммиссіонеръ.

Между тѣмъ въ письмѣ къ Дазеру при семъ прилагаемомъ содержится вексель въ $^4/_m$ р. Ты отдай письмо сіе сама, или пошли съ самымъ вѣрнымъ человѣкомъ. Деньги сіи также будутъ въ твоемъ распоряженіи. Между тѣмъ Дазеръ отдастъ ихъ въ банкъ. Это долгъ тѣхъ же самыхъ Англинскихъ миссіонеровъ, о коихъ прежде я писалъ.

Прилагаю здѣсь (¹) отвѣтъ Г-ну Поггенполю и письмо къ графу Нессельроду объ Андреѣ Карловичѣ; онъ долженъ самъ ему представить его когда въ Петербургъ пріѣдетъ. Между тѣмъ я съ симъ же фельдъегеремъ писалъ къ Графу Нессельроду и просилъ его о семъ молодомъ странникѣ усердно.

У насъ здѣсь весна совершенная. Мы собирались отправиться въ путь въ теченіи сего мѣсяца; но теперь спѣшить не куда и я проживу здѣсь еще съ мѣсяцъ. Въ Тобольскъ я пріѣду къ осени. Лѣто же проведу въ путешествіи по Южной Сибири, коей одну только часть я видѣлъ. Можетъ быть сіе путешествіе освѣжитъ и разсѣетъ мои мысли. Дай Богъ. Прощай моя милая, Господь съ тобой. Излишнимъ считаю напоминать тебѣ, что ты не должна роптать ни на кого, а особливо въ письмахъ. Это воля Божія. Можетъ быть и всё къ лучшему. Не можетъ быть, но вѣрно къ лучшему въ порядкѣ вещей высшемъ.

Что это за Енисейскій купецъ, который къ тебѣ является (²). Я его не помню. Я писалъ къ тебѣ одно письмо съ купцомъ Иркутскимъ, съ Трапезниковымъ. Какъ по крайней мѣрѣ зовутъ его?

54.

Иркутскъ 19-го Мая 1820.

Я получилъ вчера чрезъ Американскую контору престарое письмо

(¹) Передумалъ; прилагаю ихъ въ письму Марьи Карловны С.

(²) См. выше письмо 35-е отъ 23 Генв. 1820.

твое, любезная моя Елисавета отъ 23 Февраля, съ письмомъ отъ Жерве, съ газетами и книжками. За намѣреніе благодаренъ; но и газеты и книжки остаются не развернуты. Равнодушіе, холодность моя ко всѣмъ происшествіямъ съ лѣтами и опытомъ возрастаютъ. Все это потерянное время. Совсѣмъ къ другимъ сценамъ, къ сценамъ высшаго рода я долженъ себя готовить. На землѣ же для меня есть одна только точка интересная: ты. Но и ты перестанешь меня привязывать къ землѣ, какъ скоро я увижу, или услышу что земное твое положеніе устроено и что можешь ты итти и безъ меня. Тогда я скажу: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ. Не вводи меня въ составъ земной твоей участи, всякъ, кто привязывался ко мнѣ — страдалъ — болѣе или менѣе. Таковы суть тайныя судьбы Провидѣнія. Можно положительно утверждать, что всѣ друзья мои, исключая весьма немногихъ, суть земные страдальцы. Никогда, ни въ какую эпоху жизни не привязывались ко мнѣ душевно люди счастливые, да и самъ я къ нимъ не прикасался. Я утверждаю сіе по самымъ вѣрнымъ воспоминаніямъ. И здѣсь напримѣръ кто истинные друзья мои? Колодники и чернь. Такъ было, такъ есть и такъ должно быть.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

55.

Иркутскъ 28-го Мая 1820.

Mille remerciemens, chère Sophie, pour la lettre que Lise avoit commencée et que vous avez finie. La communauté des biens est une très belle chose et surtout quand l'amitié s'en mèle. Un bras malade est bientôt supplée par la main d'une amie. Et ces sortes de supplemens peuvent aller trés-loin et s'étendre même aux yeux, au nez etc., etc. Je vous conseille même d'essayer de vous suppléer mutuellement pour le manger; peut-être cela vous reussira ([1]).

Какъ бы то ни было, но сіе двухъязычное письмо могло бы меня обезпокоить, если бы съ тою же почтою не получилъ я другаго твоего письма, любезная моя Елисавета отъ 1-го Апрѣля, гдѣ столь яркими красками изображаешь ты богиню твою надежду: знакъ что ты здорова: ибо сія прелестная богиня рѣдко посѣщаетъ болящихъ; одинъ недостатокъ; другой, что она любитъ юность, пристрастна къ ней одной и рѣдко благопріятна къ намъ старикамъ. Я говорю рѣдко: ибо желаю имѣть и дѣйствительно имѣю право на исключеніе. Кисть твоя дѣйствительно прекрасна и легка; даже и дѣдушка ей улыбнулся: ибо иногда, чтобъ развести его морщины, я читаю ему нѣкоторыя мѣста твоихъ писемъ — разумѣется, когда онъ не очень мраченъ, да и то нѣкоторыя; ибо дружба имѣетъ свои и весьма большіе степени.

Я читалъ твое *solo* объ Исландіи. Вообрази, что я ничего почти о ней не знаю. Это страна новыхъ для меня открытій. Но можетъ быть мы откроемъ въ Сибири новую Исландію. Ко мнѣ прислали цѣлыя двѣ партіи молодыхъ морскихъ офицеровъ для открытій по Ледовитому морю ([2]). На сихъ дняхъ отправляю ихъ въ

([1]) Тысячу разъ благодарю, дорогая Sophie. за письмо. начатое Лизою и вами оконченное. Общность имущества — прекрасная вещь, и особенно, когда къ нему примѣшивается дружба. Рука больная тотчасъ восполняется рукою подруги, и эти восполненія могутъ идти очень далеко и даже простираться до глазъ, носа и пр. Я вамъ совѣтую даже испробовать замѣнить другъ друга при ѣдѣ. Быть можетъ это вамъ удастся.

([2]) Въ числѣ ихъ были: баронъ Врангель, Анжу и Матюшкинъ.

путь къ бѣлымъ медвѣдямъ. Есть дѣйствительно признаки большаго острова, а можетъ быть и земли соединяющей Сибирь съ Америкой. Со временемъ можно будетъ ходить пѣшкомъ чрезъ Иркутскъ въ Бостонъ или Филадельфію.

Отправивъ мои письма съ фельдъегеремъ я успокоился. Resignation! мнѣ не привыкать къ тебѣ. Но писемъ твоихъ въ отвѣтъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ. Мнѣ хочется, по крайней мѣрѣ знать планъ твоей жизни на цѣлый годъ безнадежнаго свиданія. Богиня твоя мила; но какъ вѣроломна!

56.

Иркутскъ 2 Іюня 1820.

Носить за друга бремя горести и стихъ и дѣло прекрасное; вообще стихи твои, любезная моя Елисавета, посвященные Сонюшкѣ суть вдохновеніе не поэзіи, но дружбы; они просты, плавны и искренни, какъ она.

Когда встрѣтишься съ Бутягинымъ (*) въ Іюлѣ, поклонись ему отъ меня и увѣрь, что я точно не въ Петербургѣ и напротивъ половину Іюля проведу въ Иркутскѣ. Я дѣйствительно на сіе рѣшился какъ потому, что спѣшить мнѣ болѣе некуда, такъ и потому, что здѣшній климатъ лучше, нежели во всѣхъ другихъ городахъ Сибири. — Весна здѣсь полная; въ Апрѣлѣ началась и по сіе время продолжается. Дѣйствительно рѣдкое явленіе даже и въ Россіи. — Мнѣ иногда досадно, что климатъ тутъ въ противорѣчіи и съ людьми и съ моими мыслями. Но сія глупая досада при первомъ взглядѣ на цвѣтущія деревья исчезаетъ. Желалъ бы я прислать тебѣ въ письмѣ здѣшнюю яблоню. Вся почти въ цвѣтѣ; листовъ не видно; а яблоки на ней величиною съ бруснику; имѣютъ однако же все образованіе, всѣ притязанія настоящихъ яблокъ. Для умовъ нѣкотораго разбора они могли бы служить поучительною эмблемою.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

57.

Иркутскъ 9-го Іюня 1820.

Легко понимаю, любезная моя Елисавета, какъ тяжело разставаться съ умнымъ человѣкомъ, особливо если онъ имѣетъ пріятность разговора, пріятность на которую всѣ имѣютъ притязаніе, и которою рѣдкіе обладаютъ. Уединеніе ума всё однако же лучше, нежели пустое и безвкусное его развлеченіе. Я привыкъ здѣсь къ сему уединенію; не съ кѣмъ слова промолвить. Словцовъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, боленъ и старъ. Это потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхнетъ. Правда, что и въ Пензѣ участь моя съ сей стороны, особливо по вашемъ отъѣздѣ, была не завидна.

Весьма много меня обяжешь, если окончишь Итальянскій свой языкъ. Это старый и единственный долгъ, который у меня на тебѣ остался; я увѣренъ въ твоей честности; тебѣ же это ничего не стоитъ; четыре мѣсяца и все будетъ кончено. Не жалѣй денегъ; найми учителя. Я достовѣрно знаю, что онъ нуженъ тебѣ на два или на три мѣсяца. Тутъ нельзя разориться. — Кстати объ Италіанскомъ языкѣ. Ты ничего мнѣ не пишешь о твоемъ пѣніи. Какъ жалко, что люди

(*) Павелъ Степановичъ Бутягинъ, коллежскій совѣтникъ и камеръ-юнкеръ, служилъ въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Онъ нѣкогда былъ очень любимъ въ Петербургскихъ салонахъ.

такъ глупы, что не слышатъ въ твоемъ голосѣ будущаго его раскрытія, не знаютъ цѣны его timbre, который требуетъ только упражненія и гибкости. — Не кому слушать и я очень понимаю, что и пѣть для глухихъ не хочется; но пой для меня и вѣрь, что за $^{6}/_{m}$ верстъ я услышу.

Ты сбираешься на дачѣ читать всеобщую исторію. Теперь съ Сегюромъ (Segur) нѣтъ отговорки не знать ее наизустъ. Онъ умѣлъ сдѣлать изъ нее классическую книгу. Купи ее; она и для меня пригодится; но купи хорошаго изданія и въ добромъ переплетѣ, чтобъ она могла оставаться въ Библіотекѣ. Я узналъ ее здѣсь въ Иркутскѣ и нашелъ ее у Словцова.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

58.

Иркутскъ 13-го Іюня 1820.

Вотъ курьеръ, любезная моя Елисавета, а у меня послать къ тебѣ нечего; всѣ вещи мои давно уже отосланы и теперь плаваютъ по рѣкамъ Сибирскимъ. Даже и чаю нѣтъ, кромѣ обыкновеннаго.

Пишу къ тебѣ чрезъ Аркадія Алексѣевича потому, что курьеръ найдетъ его скорѣе, нежели тебя. Сей курьеръ, глупый человѣкъ, не зналъ, что у меня есть дочь въ Петербургѣ, не привезъ мнѣ ни одного письма.

Съ минувшею почтою получилъ я твое письмо, въ коемъ ты извѣщаешь о продажѣ дома. Доброе дѣло и сверхъ того мнѣ такъ пріятно видѣть тебя хозяйкою! Я увѣренъ, что ты большой ошибки не сдѣлаешь, а небольшую если и сдѣлаешь: то Богъ проститъ: ибо все твое; моихъ нуждъ никогда въ счетъ принимать тебѣ не должно. Слава Богу! они каждый день сокращаются: ибо каждый день есть шагъ изъ сего міра. Почти жаль, что твой путь еще столь длиненъ; сокращай его мыслію о будущемъ.

Куда завела меня мысль о продажѣ дома? Кажется очень далеко и однако же очень близко. Чтобъ возвратиться однако же отъ вѣчности къ Таврическому саду, я считаю нужнымъ тебѣ примѣтить, что домъ сей заложенъ у Баташевой въ $^{50}/_{т}$ рубляхъ и слѣдовательно изъ цѣны его необходимо должно заплатить ей сіи $^{50}/_{т}$ р. (*). Въ семъ то и состоитъ выгода всякаго покупщика: ибо по всей вѣроятности всякому, хотя не много значительному лицу, она можетъ отсрочить и потому наличныхъ денегъ въ покупкѣ нужно не много. Заплативъ сіи $^{50}/_{т}$ р. я останусь ей долженъ всего около $^{60}/_{т}$ р. и сей долгъ уже есть послѣдній. Я увѣренъ, что она платежа сихъ остальныхъ $^{50}/_{т}$ р. настоятельно не потребуетъ, а если бы и потребовала: то Аркадій Алексѣичъ дѣло сіе сладитъ и уговоритъ ее или повѣреннаго ея къ отсрочкѣ. По сему остальныя деньги отъ продажи дома будутъ въ твоемъ расположеніи. Ихъ должно отдать къ Дазеру, нашему банкиру. Они у него будутъ вмѣстѣ съ прочими до времени въ вѣрныхъ рукахъ и принося вѣрный доходъ. Не должно ввѣрять ихъ болѣе никому, какъ бы ни прельщали тебя вѣрностію или большими процентами. Гдѣ большіе проценты: тамъ опасность и отвага; а намъ отваживать и некогда и не кстати. Если удастся продать домъ за $^{75}/_{т}$ р. тогда остатокъ будетъ составлять около $^{25}/_{т}$. Приложивъ его къ тѣмъ денегамъ, кои находятся у Дазера, будетъ у тебя на всякій даже и важный случай порядочный запасъ.

(*) И возвратить отъ нее закладную, безъ коей и купчей крѣпости совершить будетъ нельзя.

Хотя и есть вѣрющія письма на продажу дома и у Аркадія Алексѣича и можетъ быть у Петра Григорьича, тѣмъ не менѣе, я не излишнимъ счелъ доставить къ тебѣ и особенное вѣрющее письмо на твое имя.

Поповъ хотя и мнителенъ и не расторопенъ, но по дѣламъ мнѣ всегда онъ былъ вѣренъ. То же можно сказать и о Масальскомъ, кромѣ крайней его отлагательности; но онъ никогда меня не обманывалъ и какъ бы другіе ни судили, ко мнѣ онъ всегда былъ вѣренъ.

Прощай, моя милая, чрезъ два дня съ почтою писать къ тебѣ буду. Господь съ тобою.

59.

Иркутскъ 16-го Іюня 1820.

Есть дни, любезная моя Елисавета, въ которые мнѣ писать къ тебѣ, кажется, нечего. Голова такъ пуста или такъ занята дѣлами (что для меня почти одно и тоже), что съ трудомъ или горестію къ тебѣ умъ обращается. Писать въ семъ расположеніи есть писать однѣ жалобы; а я сто разъ запрещалъ себѣ всякое роптаніе.

Не благодарно было бы приписать сіе времени или здѣшнему климату. Напротивъ и время и климатъ здѣсь прекрасны. Вообще сторона довольно пріятная для жизни, если бы можно было уединить и оторвать сердце и воображеніе отъ естественныхъ ихъ связей. Счастіе и несчастіе суть тайна; никто со стороны угадать ее не можетъ кромѣ тѣхъ, кои ихъ съ нами раздѣляютъ.

Съ курьеромъ возвращающимся я писалъ къ тебѣ подробно о домѣ. Прибавить кажется нечего. Я надѣюсь, что по сіе время дѣло сіе уже кончено, или близко къ окончанію.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

Я не помню, писалъ ли я къ тебѣ, что твой дядюшка поселился въ Пензѣ. Отъ него писемъ еще я не имѣю; но его туда ожидаютъ.

60.

Иркутскъ 23 Іюня 1820.

Я получилъ отъ тебя, любезная моя Елисавета, полтора письма на прошедшей недѣлѣ. Половину письма съ почтою: ибо другой листъ остался по ошибкѣ у тебя и цѣлое письмо съ Енисейскимъ твоимъ купцомъ. Я совсѣмъ о немъ позабылъ; это просто мѣщанинъ; но очень добрый человѣкъ. И онъ и товарищъ его не могутъ тобою нахвалиться и безъ слезъ не могутъ вспомнить, что *такіе высокіе люди*, какъ Елисавета Михайловна и Марья Карловна такъ съ ними были ласковы, это ихъ слова.

Болѣзнь руки твоей (отъ 5-го Марта) потому только меня не безпокоитъ, что послѣдующія письма удостовѣряютъ, что она прошла. Не понимаю, что это за болѣзнь. У тебя не можетъ быть ревматизма.

Напрасно ты не досказала мнѣ, чего ты хочешь отъ меня о Сонюшкѣ; это не политика, слѣдовательно писать можно. Если на почтѣ и прочитаютъ, то бѣда не большая. Если бы были Иркутскія газеты, то я сталъ бы печатать въ нихъ мои и твои письма.

У меня вчера былъ прощальный обѣдъ, какой въ Сибири только быть можетъ. На одной сторонѣ сидѣлъ архимандритъ и свита его сегодня отправившіеся въ Пекинъ, на восточный конецъ свѣта. На другой сторонѣ трое молодыхъ морскихъ офицеровъ, также сегодня отправившіеся

на Ледовитое море къ бѣлымъ медвѣдямъ, къ самому полюсу. Двѣ сіи противоположныя по всѣмъ видамъ экспедиціи оставляютъ отечество одна на пять, другая на десять лѣтъ почти безъ сожалѣнія, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Это дополненіе къ твоему письму и къ разсказамъ Енисейскихъ твоихъ странниковъ. Я думаю, Сибирь есть настоящая отчизна Донъ-Кихотовъ. Въ Иркутскѣ есть сотни людей бывшихъ въ Камчаткѣ, на Алеутскихъ островахъ, въ Америкѣ съ женами ихъ и дѣтьми и они все сіе расказываютъ, какъ дѣла обыкновенныя. Человѣкъ ко всему привыкаетъ, а привычка къ странствованію, къ тому чтобъ искать похожденій, кажется, еще скорѣе другихъ приходитъ.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

61.

Иркутскъ 30 Іюня 1820.

И такъ пророчества мои сбываются; мозгъ твой сохнетъ, любезная моя Елисавета, ты сама сіе чувствуешь и попеченіе твое о хозяйствѣ доказываетъ сіе съ очевидностію. Благодаря тебѣ, съ продажею дома мы свободимся отъ долговъ и будемъ хоть и не богаты, но независимы. Всѣ расчеты должны привести Дубенскаго къ сей покупкѣ;я давно твердилъ о семъ Сталыпину; но онъ не хотѣлъ или не умѣлъ за сіе приняться. — Можетъ быть и часъ еще не ударилъ: ибо важная вещь во всѣхъ дѣлахъ, знать часъ.

Понимаю, другъ мой, всю твою потерю въ Погенполлѣ. Знаю общество твое совершенно. Но что же дѣлать? вотъ вопросъ, который девять лѣтъ сряду мы дѣлаемъ другъ другу и девять лѣтъ не находимъ ему отвѣта.

То, что ты говоришь о Графѣ Румянцовѣ есть дѣйствительно для меня новость. Но изъяснить ее не трудно. Кто жалуется на несправедливости человѣческія: тотъ указываетъ на меня. Въ высшихъ отношеніяхъ вѣчной истины лучше быть жертвою, нежели жрецомъ.

Маврина и при мнѣ уже близка была къ разрушенію; но я не желалъ бы, чтобъ рѣшили судьбу прежде моего возвращенія.

Радъ, что я изъ Иркутска познакомилъ тебя съ письмами Софіи. Пусть они напоминаютъ тебѣ Великополье: счастливѣйшее время моей жизни, когда я занимался только Богомъ и тобою. Бѣдность грозя желѣзнымъ своимъ прутомъ, одна могла меня оттуда выгнать.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

62.

Иркутскъ 7-го Іюля 1820.

Благодаренъ, весьма благодаренъ тебѣ, любезная моя хозяйка, за продажу дома. Чего не можно сдѣлать изъ здраваго смысла? Это золото, принимающее всѣ формы; изъ него все выливается; тягучесть его непостижима. Я долго занимался твоими дѣлами; справедливость требуетъ, чтобъ ты занялась теперь и своими и моими. Я увѣренъ, что отъ сего они пойдутъ не хуже.

Продажа весьма выгодна и точно такова, какъ я представлялъ себѣ въ самыхъ лестныхъ моихъ мечтаніяхъ. Я радъ, что при томъ и Петръ Григорьичъ оправдался въ глазахъ твоихъ; я точно такъ всегда его видѣлъ: лѣнивымъ, несноснымъ, но усерднымъ въ случаяхъ рѣшительныхъ. О расположеніи денегъ я уже писалъ къ тебѣ. Если Баташева потребуетъ, чтобъ отданы ей были всѣ деньги

полученныя за домъ, то и въ семъ не можетъ быть большаго затрудненія: тогда вмѣсто $^{50}/_{т.}$ я останусь ей долженъ только $^{25}/_{т.}$ бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ, что было и впрочемъ и сей долгъ я въ состояніи нынѣ же заплатить такъ, что съ продажею дома можно положительно сказать, что я ничего не долженъ и все имѣніе наше чисто. Дай Богъ, любезная моя Елисавета, никогда не знать тебѣ долговъ. Это особенный родъ душевнаго страданія, который ни съ чѣмъ не сходенъ, который не на всѣхъ дѣйствуетъ; но когда дѣйствуетъ: то превращается въ зубную боль. Суди же по сему, какъ я тебѣ благодаренъ. Ты лучше всѣхъ Соссеротовъ, ибо лѣчишь безъ боли. Впрочемъ имѣніе наше все въ наилучшемъ положеніи; оно ничего не имѣетъ блистательнаго; но всѣ части его тверды и не представляютъ ни малѣйшей отваги (risque). Такъ всегда я желалъ его имѣть. Ни деревня, ни земли сгорѣть не могутъ; не могутъ даже быть и разорены при всемъ неустройствѣ. Изъ Пензы по сему предмету получаю я одни пріятныя извѣстія. Тамъ все идетъ просто, беззаботно и можетъ такъ итти, хотя бы мы съ тобою были за тридевять земель: ибо все основано не на машинахъ, не на выдумкахъ и искусственныхъ заведеніяхъ: но на матери-землѣ — всегда движущейся и всегда для насъ неподвижной. Въ нравственномъ мірѣ такова надежда всегда измѣняющаяся въ своихъ видахъ, но всегда постоянная въ существѣ: ибо якорь ея брошенъ на небѣ.

Поздравляю тебя, моя милая, и съ другимъ добрымъ дѣломъ а именно съ тѣмъ, что ты даешь уроки въ русскомъ языкѣ. Ничто такъ не остритъ, не раскрываетъ всей тонкой мозаики языка, какъ сей родъ упражненія. Десять разъ прочитаешь одно и не примѣтишь ошибки: а уча примѣтишь ее съ перваго взгляда. Я предполагалъ, что ты будешь съ нею читать и грамматику. Среди прекрасныхъ мыслей и самыхъ живописныхъ выраженій у тебя еще вырываются нѣкоторыя ошибки въ языкѣ—слѣдствіе твоего младенчества—такъ точно младенчества. Такова сила первоначальнаго языка. Правда, что ихъ весьма мало и всѣ они маловажны; но есть. И напримѣръ въ послѣднемъ письмѣ сказано „Братъ его не имѣетъ ни ум*ъ* его ни способности“ то есть: ни ум*а*, ни способност*ей*. Это тѣмъ хуже, что сказано о Поггенполѣ младшемъ; *и тутъ il faut être correcte* (*). Извините, Елисавета Михайловна.

Я уже изъяснялъ тебѣ, какимъ образомъ неблагородная богиня — Надежда еще разъ насъ обманула. Но теперь и она, бѣдная, совсѣмъ невиновна. Путешествіе заграничное все изъясняетъ самымъ простымъ образомъ. Меня огорчали нравственныя послѣдствія, кои могъ я предполагать и выводить изъ сей перемѣны первыхъ намѣреній. На необходимость же было было бы глупо и безполезно гнѣваться. Укажи мнѣ необходимость и я спокоенъ. Теперь она указана ясно. Впрочемъ продолженіе разлуки нашей четырьмя мѣсяцами болѣе, въ томъ счетѣ, къ коему судьба насъ уже пріучила, не дѣлаетъ большой разницы.

Отвѣтъ на сіе письмо я получу ранѣе: ибо я поѣду къ нему на встрѣчу. 1-го Августа я положилъ непремѣнно отсюда отправиться въ Тобольскъ.

Прощай моя милая: Господь съ тобою.

(*) Надо быть точною.

63.

Иркутскъ 14-го Іюля 1820.

Надобно любезная моя Елисавета, чтобъ ты испытала всѣ роды огорченій, узнала всѣ разнообразія характеровъ. Демонъ домашняго несогласія конечно есть одинъ изъ злѣйшихъ и хотя онъ для тебя не новъ; но въ первое его явленіе ты не имѣла еще довольно зрѣлости и ума, чтобъ узнать его въ подробности. Теперь ты можешь на него наглядѣться и различить всѣ черты его, чтобъ послѣ быть въ состояніи узнать его по первому взгляду, какъ бы онъ ни скрывался.

Что значитъ добродушіе темперамента? Старость, болѣзнь, припадокъ и оно исчезло. И понеже большая часть людей добродушныхъ суть таковы существенно по темпераменту: то для сего-то я всегда твердилъ и впредь твердить буду о здоровьѣ. Гдѣ нѣтъ высшихъ нравственныхъ навыковъ и понятій: тамъ здоровье есть единственный залогъ спокойствія, мира и дружбы. Болѣзнь вообще омрачаетъ мысли. Но въ людяхъ нравственныхъ вся горесть кроется внутри; они страждутъ; но не заставляютъ страдать другихъ.

Впрочемъ это почти обыкновенно случается съ людьми, кои всю жизнь свою просмѣялись. Подъ старость они или плачутъ, или сердятся. Лучше плакать или по крайней мѣрѣ лечиться, если есть лекарство отъ старости. Вотъ что значитъ пускаться въ путь жизни безъ запаса молитвы или по крайней мѣрѣ навыковъ и вкусовъ къ изящному. Сіе вкусы остаются намъ вѣрными даже и тогда, какъ старость клюкою своею отгонитъ всѣ смѣхи и обыкновенныя глупости и погремушки жизни. Добрая книга, умный разговоръ, вкусъ къ музыкѣ, словомъ науки суть ангелы хранители добрыхъ нравовъ, когда нѣтъ другихъ ангеловъ лучшихъ и сильнѣйшихъ— ангеловъ религіи и молитвы.

Впрочемъ твое искусство въ настоящемъ положеніи все состоитъ въ томъ, чтобъ ни во что не мѣшаться и сколь можно быть просто зрителемъ всѣхъ сихъ явленій. И въ самомъ дѣлѣ ты зритель весьма худой мелодраммы. Правда, что зрѣлище слишкомъ продолжительно; но тѣмъ не менѣе оно точно зрѣлище; піеса будетъ вѣроятно продолжаться до самой смерти актеровъ. Но ты наконецъ оставишь сей театръ и дѣло тѣмъ кончится. Марья Карловна также выйдетъ изъ него вмѣстѣ съ тобою и съ Сонюшкою. Какой бы жребій нашъ ни былъ: но мы съ ними подѣлимся. Послѣ чего даже и Софья Ивановна будетъ покойнѣе: ибо расположенія сего рода умягчаются разлукою и рѣдкимъ свиданіемъ.

Если бы однако же противъ моего чаянія обстоятельства ваши дошли до нетерпимости: то отъ васъ, то есть отъ тебя и отъ Марьи Карловны зависитъ и прежде моего пріѣзда отдѣлиться. Къ сему не болѣе надобно какъ рѣшимость. Ты снимешь всю вину на себя. Марья Карловна будетъ имѣть видъ принужденія и слѣдовательно самое злословіе не найдетъ тутъ возможности къ ней прикоснуться. Ты же не обязана жить въ чужомъ домѣ и можешь имѣть свой. Къ составленію его ты найдешь почти все нужное въ остаткахъ нашего Пензенскаго дома и Великопольскаго. Сіи послѣднія должны быть въ кладовыхъ Андрея Андреича; они туда отправлены Поповымъ. Остатки же Пензенскаго дома должны уже къ тебѣ по сіе время прид-

ти изъ Москвы. Такъ проживете вы до Марта; а тамъ мы устроимъ уже вмѣстѣ все окончательно.

Я положилъ оставить Иркутскъ непремѣнно 1-го Августа. Отсюда получишь ты еще двѣ почты. Утѣшаюсь по крайней мѣрѣ тою мыслію, что въ Сентябрѣ буду къ тебѣ ближе $^{3}/_{7}$ верстъ. Цѣлою половиною; и буду получать твои письма не чрезъ шесть, но чрезъ три недѣли.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

64.

Иркутскъ 21-го Іюля 1820.

Поздравляю, любезная Елисавета, съ новымъ знакомствомъ Walter Scott. Я думаю у стихотворцовъ то есть у истинныхъ поэтовъ есть предчувствіе; они знаютъ другъ друга никогда не видавшись. Мудрено-ли, что онъ угадалъ и бытіе твое и чувства?

Шатобріанъ есть великій волшебникъ. Франція имѣла только двухъ истинныхъ поэтовъ; Фенелона и его. Прочіе не исключая и Расина суть остроумные люди; но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ искры сильнаго воображенія. Можетъ быть цѣпи, коими они себя оковали, подавили естественный ихъ талантъ; но то справедливо, что никогда не воспламенятъ они воображенія читателей. Смѣшиваютъ удовольствіе разума съ восторгомъ; это двѣ вещи совсѣмъ разныя.

Но сей самый высокій, парящій Шатобріанъ есть простой площадной враль въ политикѣ. Таковъ былъ Нютонъ за Апокалипсисомъ. Разсудокъ пріобыкшій къ высокимъ созерцаніямъ изящнаго рѣдко можетъ приспособить себя къ грубымъ вещественнымъ формамъ міра физическаго или политическаго. Слѣдовательно ошибки тутъ происходятъ не отъ недостатка разудка, но отъ свойствъ его. Есть свой разсудокъ для поэтовъ и свой для политиковъ. Словомъ разсудокъ есть слѣдствіе таланта и имъ образуется. Кстати о Фенелонѣ; тебѣ предлежитъ великое удовольствіе, это есть читать Телемака. Ты удивишься, что книга, которую ты вѣрно сто разъ имѣла въ рукахъ, есть для тебя теперь книга совершенно новая. Такъ по крайней мѣрѣ было со мною, когда я читалъ ее. Великая книга для всѣхъ и особенно для государей.

Мы въ хлопотахъ обыкновенныхъ сборовъ къ путешествію. Напишу къ тебѣ отсюда еще два письма и тѣмъ заключу 11-ти мѣсячное мое пребываніе въ Иркутскѣ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

65.

Иркутскъ 28-го Іюля 1820.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, исполненное надеждъ близкаго свиданія раздираетъ мою душу. Ты уже знаешь какъ надежды сіи разрушились. Упрекаю себя, что преждевременно и самъ повѣрилъ и тебѣ ихъ сообщилъ. Но они казались вѣрными. Я забылъ, что нѣтъ въ судьбѣ моей ничего вѣрнаго, кромѣ вѣчности. Она одна не зыблется и не зависитъ отъ мнѣній человѣческихъ.

Дядюшка твой дѣйствительно поселился въ Пензѣ; это лучшее, что могъ онъ сдѣлать: ибо опытъ ему показалъ, что лечиться и жить невоздержно, есть мечта: а воздержаніе для него есть вещь невозможная. Онъ очень худо сдѣлалъ, что обратился къ тебѣ съ требованіемъ долгу на Софьѣ Ивановнѣ. Онъ долженъ былъ знать ея положеніе. Ты весьма умно сдѣлала не сказавъ ей о семъ. Я пе-

ревелъ отсюда къ нему въ Пензу пять тысячь рублей; кажется довольно на обзаведеніе и устройство его дома. Хлѣбъ и припасы онъ будетъ имѣть изъ деревни. Слѣдовательно можетъ жить покойно, если будетъ разсудителенъ и умѣренъ. Впрочемъ я запретилъ ему вступаться въ управленіе нашей деревни. Онъ не имѣетъ довольно для сего ни разсудка, ни постоянства. Управленіе остается по прежнему у Андрея Сергѣича Мартынова и я всѣ причины имѣю быть имъ довольнымъ.

Пѣсенка твоя къ Мечтѣ прекрасна: есть одна ошибка или описка: *тяжка горесть одинако*; один*ок*ой (*т*.е. *мнѣ*): ибо один*а*кій и один*о*кій есть разница; первый есть le même, uniforme, одинакого росту, одинакого цвѣту; второй есть solitaire, isolé. Вотъ тебѣ цѣлая диссертація объ одной буквѣ *о*. Впрочемъ слово один*о*кій взято изъ деревни и можетъ быть употребляемо только въ простомъ легкомъ слогѣ. Много есть деревенскихъ словъ весьма выразительныхъ и жаль что они не приняты въ высшія сообщества. Это есть одна изъ тысячи человѣческихъ несправедливостей.

Прощай моя милая; чрезъ два дня еще писать къ тебѣ буду и тѣмъ заключу письма мои къ тебѣ изъ Иркутска. Господь съ тобою.

66.

Иркутскъ 1-го Августа 1820.

Одинадцать мѣсяцовъ письма мои къ тебѣ, любезная моя Елисавета, имѣли сію траурную надпись: *Иркутскъ*. Сіе письмо будетъ отсюда послѣднее. Пишу въ самый день отъѣзда въ обыкновенныхъ хлопотахъ и окруженъ народомъ. Надѣюсь писать къ тебѣ съ будущею почтою изъ Томска.

Все, что есть въ сердцѣ моемъ вѣры и надежды нужно было собрать, чтобъ читать письмо твое отъ 19-го Іюня, въ коемъ твердость упованія твоего борется съ вѣстьми отъ меня дошедшими. Надобно, чтобъ новость сія пришла къ тебѣ изъ Иркутска. Ни одинъ изъ друзей моихъ не имѣлъ ни разума, ни сердца предупредить и смягчить первое впечатлѣніе. Я не жалуюсь на нихъ; но поведеніе ихъ весьма поучительно.

Впрочемъ духъ мой не упадаетъ. Мнѣ надобно еще перенесть двѣ, или три почты, когда идеи твои установятся и сладостная улыбка покорности замѣнитъ мѣсто перваго волненія. По счастью я буду въ дорогѣ; а дорога есть лучшее для меня успокоеніе. Тутъ я одинъ съ моими мыслями и сей родъ бытія всегда имѣлъ для меня прелесть неизъяснимую.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

67.

Красноярскъ 7-го Августа 1820.

Въ теченіи одной недѣли я получилъ три письма твои, любезная моя Елисавета; послѣднее отъ 1-го Іюля.

Первое движеніе мое во всякой глубокой душевной скорби есть бѣжать въ горнее мое отечество. Въ семъ расположеніи мыслей я стараюсь скорѣе распорядить земныя дѣла мои и сдѣлать послѣднее мое завѣщаніе и какое другое могу я имѣть дѣло на землѣ, кромѣ твоего счастія? Письмо мое къ тебѣ было въ существѣ своемъ не что иное, какъ вопросъ: можешь ли ты найти другаго въ жизни спутника кромѣ меня, меня, который по странному сцѣпленію судьбы, вмѣсто того чтобъ тебя вести, запинаетъ твой путь. За

шесть тысячь верстъ я не могъ разрѣшить сего вопроса. Ты еще не знаешь всей заботливости, всей тонкости отеческаго сердца. Нѣкоторыя черты твоихъ писемъ открывали мнѣ, что нѣчто лежитъ у тебя на сердцѣ; я не могъ опредѣлить, что именно. Я видѣлъ четыре дѣйствующія лица; но не зналъ, какъ ихъ сложить. Все что могъ и долженъ былъ я сдѣлать, было предоставить тебѣ полную свободу, разрѣшить тебя на всѣ случаи, увѣрить, что одно знаніе, одинъ слухъ о твоемъ счастіи есть уже для меня дѣйствительное счастіе. Я долженъ былъ сіе сдѣлать потому, что въ любви къ тебѣ не имѣю я никакого самолюбія, и что жертвуя всѣмъ я желаю одного—чтобъ ты была неприкосновенною, чтобъ на одного меня излили все, что есть горестнаго въ судьбѣ моей. Я не могу чувствовать радостей жизни безъ тебя. Но могу жить и безъ радостей; одного желаю и прошу у Бога, чтобъ ты была счастлива. Вотъ содержаніе письма моего. Никогда не перестанешь ты меня *привязывать къ землѣ*, доколѣ желаніе сіе не совершится и если бы должно было еще пять разъ быть въ Сибири, я чувствую себя въ силахъ все перенесть безъ ропота и безъ ослабленія. Я писалъ въ семъ же смыслѣ къ Марьѣ Карловнѣ. Но она поняла меня иначе. Тутъ не личной своей свободы я ищу—куда мнѣ ее дѣвать? Ищу одного, чтобъ ты не была жертвою моихъ обстоятельствъ, чтобъ не мѣшать тебѣ въ путяхъ жизни Провидѣніемъ тебѣ предназначенныхъ — словомъ чтобъ ты была неприкосновенною; но не отдѣльною: ибо мысль отдѣлить мое бытіе отъ твоего счастія есть выше всего моего терпѣнія.

Впрочемъ въ самыхъ обстоятельствахъ моихъ съ того времени многое прояснилось. Мысли мои были слишкомъ предупредительны; я смотрѣлъ не столько на отсрочку, сколько на ея послѣдствія и побужденія. Нашлось, что я хотѣлъ видѣть далѣе, нежели человѣку дозволено видѣть и я радъ, что на сей разъ ошибся.

Какъ желалъ бы я отсюда подать тебѣ руку помощи во внутреннихъ твоихъ чувствіяхъ. Одного прошу, отсрочь свои страхи и надежды. Въ Мартѣ или въ Апрѣлѣ мы разберемъ ихъ вмѣстѣ и вѣрно разберемъ лучше. Тотъ же самый совѣтъ давай и Сонюшкѣ. Тверди ей, что привязанности твердыя и основательныя укрѣпляются, а не разрушаются временемъ. Тверди ей, но не принимай на себя никакого посредства. Ты сама признала, что это неосторожно: а я прибавлю, что и опасно: ты сама не знаешь, куда можетъ тебя повести сей первый шагъ. Рѣшись тотчасъ перемѣнить линію твоего поведенія въ семъ дѣлѣ; лучше перемѣнить ее вдругъ, нежели исправить. Одобреніе М. Карл. тутъ не защита; она не знатокъ въ дѣлахъ сего рода и сверхъ того сердце матери есть само по себѣ источникъ разныхъ очарованій. Одного прошу, отстрочьте обѣ и страхи ваши и надежды. Тотъ, кто искренно любитъ мою Елисавету, долженъ по первому ея знаку прилетѣть съ того свѣта, иначе онъ ее не знаетъ или любовь его есть игра ума и воображенія. Участь Сонюшки не можетъ зависѣть отъ ветхихъ соображеній богатства; покуда я буду что нибудь имѣть, она не можетъ быть въ нуждѣ.

Мы продолжаемъ путь нашъ довольно успѣшно. Время намъ благопріятствуетъ. Прощай моя милая,— Читаю письмо твое и не могу довольно читать его; никогда горесть не изображалась столь глубоко, какъ

горести твои печатлѣются на моемъ сердцѣ. И я причиною всѣхъ сихъ горестей и я не могу искупить ихъ никакими жертвами! Вотъ ничтожество; оно все во мнѣ, а не въ тебѣ. Господь съ тобою.

68.

Томскъ 19-го Августа 1820.

Еще два письма отъ моей Елисаветы. Если бы и не было другой выгоды возвращаться съ востока на западъ: то одна встрѣча твоихъ писемъ стоила бы путешествія.

Послѣднія твои два письма припоминаютъ мнѣ Дюссека Consolation. Въ нижнихъ тонахъ, въ глубинѣ сердца слышенъ еще гулъ печали; но въ верхнихъ проявляется уже нѣкоторая радость и по крайней мѣрѣ надежда. Такъ время и разсудокъ утоляютъ всѣ печали. Впрочемъ должно отдать справедливость и обстоятельствамъ: они по старому начинаютъ улыбаться. Здѣсь получилъ я два положительныя письма, коими утверждается наше свиданіе въ Мартѣ, а можетъ быть нѣсколько и ранѣе. Подвяжи крылья симъ пяти или шести мѣсяцамъ. Фантазіи твоей это не будетъ стоить большаго труда; ты же не одна съ книгами и фортепіано. Изъ шести мѣсяцовъ можно вычесть одинъ на путешествіе; а это уже полу-свиданіе.

Поздравляю съ прогулкою въ Петергофъ. Это участь всѣхъ прогулокъ сего рода и я не понимаю, какъ можно предпринимать ихъ два раза въ жизни.

Докторовъ вашихъ я велѣлъ остановить въ Тобольскѣ и тамъ имъ дамъ экзаменъ, разумѣется, не надъ собою. Ни одной капли лекарства не принималъ и не приму я въ Сибири. Обхожусь своимъ горькимъ чаемъ и своею діетою. Вообще лекарь для меня нуженъ только для разговора и для того, что я не могу самъ писать рецептовъ; но никогда никому изъ нихъ, кромѣ Вейкарта, я не вѣрилъ.

Мы пробудемъ здѣсь еще день и потомъ отправимся въ мѣста прекрасныя, говорятъ, но коихъ даже и имена мало извѣстны. Кто у васъ напримѣръ умѣетъ выговорить *Барнаулъ*? Оттуда вдоль Иртыша въ Тобольскъ. Быть можетъ, что въ семъ длинномъ пути какъ нибудь пропущу я почту; но за то письма мои изъ Тобольска будутъ приходить скорѣе.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

69.

Барнаулъ 24-го Августа 1820.

Мы оставили Томскъ 20-го Августа и чрезъ два дня очутились въ Барнаулѣ. Путь нашъ лежалъ прямо на полдень. Въ Сибири-ли мы? Едва можно вѣрить сему очарованію. Прекраснѣйшій климатъ, пріятнѣйшія мѣстоположенія, орошаемыя величественною, гордою, покойною Обью. За двѣ станціи до Барнаула встрѣтили насъ арбузы растущіе здѣсь на воздухѣ, величиною съ твою голову, а цѣною по 5-ти и 10-ти копѣекъ. Дыни здѣшнія также весьма вкусны. Словомъ это очарованіе. Какъ можно себѣ представить? Шесть дней тому назадъ мы были среди болотъ и лѣсовъ почти непроходимыхъ. Чувствовали уже не только осень, но даже почти и морозы, а здѣсь полное лѣто во всемъ блескѣ и роскоши растеній и все это вмѣстѣ есть Сибирь; вопіющее смѣшеніе и злоупотребленіе словъ. На каждомъ шагу здѣсь

встрѣчаешь пчельники и медъ здѣшній есть превосходнѣйшій, ароматный.

Здѣсь въ Барнаулѣ встрѣтилъ я чудака Кохрана*) Острота, бродяжничество, упрямство и вмѣстѣ безразсудное легкомысліе и несвязность предпріятій. Онъ кончитъ сумасшествіемъ и по моему мнѣнію есть уже и теперь помѣшанъ. Совсѣмъ неправда, чтобъ онъ путешествовалъ пѣшкомъ. Онъ благополучно нанимаетъ лошадей и ѣдетъ довольно покойно. Здѣсь купилъ даже и повозку; доселѣ онъ ихъ перемѣнялъ; вся особенность состоитъ только въ томъ, что онъ одинъ безъ слуги и отпустилъ себѣ маленькую рыженькую бородку. Добрый путь! Одна примѣчательная черта въ его путешествіи. Онъ былъ ограбленъ между Петербургомъ и Тосною и прошелъ половину Сибири не потерявъ ни одного волоса и хвалясь вездѣ ласкою и гостепріимствомъ. Я увѣренъ, что пройдетъ и другую половину стольже покойно и безопасно. А Сибирь по вашему мнѣнію населена преступниками. Дай Богъ, чтобъ честные люди были также доброхотны и кротки, какъ сіи преступники. Съ послѣдними можно жить; а съ первыми трудно.

Завтрашній день я отсюда отправляюсь въ Семипалатинскъ то есть на самый полдень. Мѣсто сіе получило названіе отъ древнихъ развалинъ неизвѣстнаго народа изъ семи палатъ состоявшихъ. Это есть средоточіе довольно значительной торговли. Мы поѣдемъ по Иртышу то есть по самой границѣ и если Киргизы наши сосѣди вздумаютъ на насъ сдѣлать нападеніе: то по всей вѣроятности первое мое письмо къ тебѣ будетъ изъ Персіи или изъ Константинополя.

Прощай любеная моя Елисавета, до свиданія въ Семипалатинскѣ. Господь съ тобою.

*) Джонъ Кохрэнъ, Англичанинъ, извѣстный всей Европѣ своими пѣшеходными странствіями.

70.

Семипалатинскъ 30-го Августа 1820.

Мы прибыли въ Семипалатскъ 28-го Августа. Для Александрова дни здѣсь остановились. Въ Россіи-ли мы? Въ одномъ-ли я съ тобою отечествѣ?— Здѣсь окружаютъ меня Бухарцы, Ташкинцы, Киргизы. Это сущій маскарадъ и хоть послѣ Иркутска я долженъ привыкнуть къ симъ превращеніямъ: тѣмъ не менѣе они поразительны. Домы безъ крышъ по Азіатскому обычаю, всѣ почти головы въ чалмахъ или въ скуфьяхъ, три мечети и ни одной церкви. Путешествіе по Сибири есть сущій бредъ, особливо когда путешествуютъ съ примѣчаніемъ. Два дня тому назадъ мы были въ самыхъ ущеліяхъ Алтайскихъ хребтовъ, коихъ верхи покрыты вѣчными льдами. Сегодня въ степи, коей одна сторона примыкаетъ къ Ледовитому морю; другая идетъ почти непрерывно до Тибета, и гдѣ снѣгу почти не бываетъ.

Торговля здѣшняя маловажна. Даже и подарка тебѣ купить не могъ. Видѣлъ шали только лишь привезенныя изъ Кашемира и идущія ко двору. Ничего нѣтъ замѣчательнаго. Купецъ, Грузинецъ родомъ, самъ былъ въ Кашемирѣ и думалъ, что онъ произведетъ чудо заказавъ на бордюрѣ изобразить Россійскій гербъ и Рускую пословицу: *кого люблю: того дарю*. Желаю ему успѣха; но увѣренъ, что всѣ примутъ ихъ за поддѣльныя.

Сію минуту письмо отъ моей Елисаветы. Я не ожидалъ сего удовольствія въ Семипалатинскѣ, но услужливая почта умѣла меня и здѣсь встрѣтить. Мнѣ кажется судьба насъ предопредѣлила къ странностямъ. Общество, въ коемъ ты живешь, принадлежитъ къ сему предопредѣленію. Живопись твоя прекрасна; я его вижу предъ собою. Италіанскій твой языкъ есть послѣдняя черта моихъ о тебѣ желаній. Окончивъ ее кажется все будетъ окончено, что было начато и безъ тщеславія можно быть покойнымъ. Ты не отстанешь отъ своего вѣка, сколько бы ходъ образованія его ни былъ обширенъ и стремителенъ. Всѣ двери познаній, всѣ источники чистыхъ удовольствій тебѣ открыты. Ангелъ хранитель да будетъ съ тобою. Завтра мы отправляемся въ Тобольскъ. Прощай моя милая; Господь съ тобою.

71.

Тобольскъ, 11 Сентября 1820.

Вчерашній день, любезная моя Елисавета, я возвратился наконецъ въ Тобольскъ, въ мѣсто откуда началъ я поприще Сибирскихъ моихъ подвиговъ; возвратился живъ и здоровъ, хотя чрезмѣрно усталъ и отъ пути и отъ разнообразія видѣнныхъ мною предметовъ. Здѣсь получилъ я письмо твое отъ 19-го Августа: слѣдовательно чрезъ двадцать почти дней; въ ожиданіи лучшаго и это уже утѣшеніе быть къ тебѣ тремя тысячами верстъ ближе и получать каждый почти мѣсяцъ вопросъ и отвѣтъ. Отъ усталости много писать не могу. Просьба: прислать мнѣ дюжину или двѣ носовыхъ платковъ. Они могутъ быть здѣсь въ концѣ Октября; я отлагалъ сіе до свиданія; но тебѣ непріятно будетъ, когда старые платки мои дойдутъ до такого состоянія, что нельзя уже будетъ мнѣ подарить тебя ими. Если ты хочешь сего подарка: то поспѣши, покуда они имѣютъ еще видъ платковъ.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Господь съ тобою.

72.

Тобольскъ, 18-го Сентября 1820.

Письмо твое, любезная Елисавета, отъ 26-го Августа пришло ко мнѣ чрезъ 20 дней. Отсюда надежда получать отъ тебя и о тебѣ каждыя три недѣли вѣрныя извѣстія.

Пять тысячь рублей насъ не разорятъ, лишь бы они дѣйствительно поправили дѣла К. Карловича. Возьми деньги сіи у Дазера и отдай ихъ Марьѣ Карловнѣ. Пусть она дастъ ихъ отъ себя, а не отъ меня и не отъ тебя и съ тѣмъ, чтобъ никому не было извѣстно, гдѣ она ихъ взяла. Сія осторожность для разныхъ причинъ необходима. О возвратѣ сихъ денегъ и думать нечего: онъ можетъ быть; но вѣроятнѣе его не предполагать и не надѣяться.

Тотъ же самый Тобольскъ; но совсѣмъ иначе мнѣ нынѣ представляется. Минувшаго года предъ нимъ стояла грозная туча, Иркутскъ; теперь туча назади; а передъ нимъ яркіе цвѣты радуги. Отъ нихъ все принимаетъ другой видъ. Дѣла и люди иначе смотрятъ. Правда, что дѣла и сами по себѣ становятся стройнѣе; и люди привыкаютъ къ порядку. Какъ непріятно, горестно обвинять и подозрѣвать! Слава Богу это прошло и я живу если не среди друзей, то по-крайней мѣрѣ не среди непріятелей.

Здѣсь мы нашли цѣлую колонію Нѣмцевъ и Нѣмокъ, сосланныхъ сюда

по извѣстному Ревельскому дѣлу и контръ-бандѣ. Они привезли мнѣ много рекомендательныхъ писемъ; но много пособить я имъ не могу. Сколько можно однако же пособлю. Впрочемъ я ихъ еще не видалъ.

Здѣсь всѣ дивятся времяни; и въ самомъ дѣлѣ осень прекрасная и здѣсь почти не бывалая. Легко себѣ представить, какое благотворное дѣйствіе она имѣетъ на мое здоровье и вообще на игру и цвѣтъ моихъ мыслей. Четырехъ-мѣсячный мой здѣсь карантинъ дѣлается отъ сего сноснѣе, хотя впрочемъ каждый день имѣетъ тѣ же часы и минуты, какъ и въ Иркутскѣ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Вчерась у Губернатора (*) на балѣ я видѣлъ здѣшнее женское общество. Сурокъ да кротъ да двѣ-три набожныя лани. Жоржъ танцовалъ однако отъ чистаго сердца. Онъ ростетъ и нравственно и физически. Прекрасный характеръ!

73.

Тобольскъ 25-го Сентября 1820.

И такъ судьба Сонюшки должна рѣшиться. Никогда почта не была для меня интереснѣе. Я ожидаю ее, любезная моя Елисавета съ нетерпѣніемъ. По всѣмъ предчувствіямъ сердечнымъ, даже по всѣмъ расчетамъ здраваго смысла она будетъ счастлива. Помѣщеніе Поггенполя есть одно изъ выгоднѣйшихъ. Стакельбергъ (**) мнѣ знакомъ; онъ брюзгливъ, но поладить съ нимъ можно. Какъ странно! Сонюшка въ Италіи и въ Неаполѣ! Мы живемъ въ такое время, когда смѣшеніе языковъ достигаетъ, кажется, послѣднихъ своихъ предѣловъ. Народы проникаются взаимностію и нельзя будетъ никуда заглянуть не встрѣтивъ родни или друга.— Если для устройства ея нужно будетъ какое нибудь и съ твоей стороны денежное пособіе: то напередъ тебя на все разрѣшаю, сколько ограниченныя наши средства дозволить могутъ. Ихъ мѣра есть одна: не входить въ долги. Въ Декабрѣ ты получишь ⁰/т р, отъ аренды. Жаль, что нѣтъ на сей случай Жерве въ Петербургѣ.

Подробности о продажѣ дома я получилъ; но не отъ тебя, и не отъ Масальскаго, который ко мнѣ совсѣмъ не пишетъ, чему впрочемъ я и радъ; но совсѣмъ нечаяннымъ образомъ — отъ моего вѣрнаго Лазарева, который ко мнѣ пишетъ изъ Тулы, гдѣ онъ съ своею женою посѣщаетъ свои владѣнія. Жаль, что не согласили Баташеву ограничить платежъ 50/т рублями: тогда бы изъ 25/т остальныхъ можно было при настоящемъ случаѣ сдѣлать лучшее употребленіе.

Прощай моя милая: Господь съ тобою.

74.

Тобольскъ 1-го Октября 1820.

Всеобщій нашъ Отецъ да благословитъ Сонюшку всѣми своими благословеніями! Тебѣ, любезная моя Елисавета, извѣстны были прежде мои мысли о женихѣ ея. Тайное нѣкоторое чувство и все, что ты мнѣ о немъ писала, влекло меня къ нему и ты можешь быть увѣрена, что я буду любить его искренно и душевно.

Понимаю безпорядокъ письма твоего. Но жалѣю не о тебѣ, а о Марьѣ Карловнѣ. Ты все перенесешь, а ей

---

* Губернаторомъ въ Тобольскѣ въ это время былъ тайный совѣтникъ Францъ Абрамовичъ Фонъ Брин.

** Чрезвычайный посланникъ въ Неаполѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Густавъ Оттоновичъ Стакельбергъ.

всѣ сіи волненія перенесть будетъ трудно. Не думаю, чтобъ тайна ваша долго сохранилась; но если бы ее и узнали: то большой бѣды тутъ не вижу. Жаль, что вы запретили мнѣ говорить о семъ Жоржу; онъ былъ бы симъ обрадованъ. Я часто съ нимъ стороною говорилъ о Николаѣ Васильевичѣ * и всегда находилъ въ немъ большое къ нему пристрастіе, разумѣется въ его пользу.

Сонюшкѣ сегодня не пишу въ ожиданіи письма ея и письма отъ Марьи Карловны. Но упрекъ, который Сонюшка себѣ дѣлаетъ, что не ожидали моихъ писемъ, дѣлаетъ честь тонкому ея чувству, въ самомъ же дѣлѣ онъ не имѣетъ никакого основанія: ибо какъ могъ я не одобрить привязанности ея не зная ничего противнаго и видя, что и Марья Карловна ее одобряетъ. Мелкіе расчеты родни ея слишкомъ очевидны, чтобъ можно было на нихъ остановиться. Какъ много должно имѣть чистоты въ душѣ и правильности въ мысляхъ, чтобъ собственные наши виды устранить отъ счастія друзей нашихъ. Непримѣтно привыкаешь смотрѣть на все сквозь собственное стекло свое и думать, что всѣ ошибаются, когда видятъ иначе.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

75.

Тобольскъ 9-го Октября 1820.

Если сердце моей Елисаветы спокойно: то нѣтъ для меня горестей на свѣтѣ. Сіе одно существенно; все прочее исчезнетъ, какъ мечта, какъ призракъ при первомъ нашемъ взглядѣ другъ на друга.

Ты не угадала. Въ числѣ четырехъ лицъ на сценѣ, совсѣмъ не было Ф. Карл. Сіе четыре лица суть ты, Сонюшка и оба Погг. —О Ф. Карл. я думалъ, какъ о добромъ маломъ, каковы почти всѣ они; но никакъ не далѣе и не болѣе. Болѣе сего мнѣ и въ мысль не входило и признаюсь, кажется никогда не войдетъ. Кстати о немъ и о связи родственныхъ чувствъ, мнѣ пришло теперь на умъ одно примѣчаніе. Я не знаю настоящаго тона вашего дома; но въ мое время между мужчинами и женщинами много было короткости (фамиліарности); это происходило съ одной стороны отъ чистоты женскихъ нравовъ, а съ другой отъ того, что привыкнувъ жить всегда въ одномъ семейственномъ кругѣ, они мало по малу теряли тонкость различій, даже и съ посторонними Всѣ были друзья, а потому всѣхъ они считали и своими братьями, и понеже племянница могла гулять одна съ дядею: то не находили страннымъ, чтобъ гуляла съ нимъ и не племянница. Словомъ не было различія между родствомъ и дружбою. Всѣ сіе было въ совершенной невинности; но все сіе не могло быть въ совершенномъ приличіи; а свѣтъ повелительно требуетъ *non seulement être, mais paroître*. (*) И сіе требованіе тѣмъ нужнѣе примѣчать, что оно различно, само по себѣ часто неправильно и непостоянно, а иногда и глупо, но всегда повелительно. Въ Англіи дѣвица можетъ гулять одна съ молодымъ мужчиною, сидѣть съ нимъ одна въ каретѣ и проч., но молодая женщина совсѣмъ не должна и не можетъ. У насъ совсѣмъ напротивъ: однѣ только замужнія женщины пользуются сею свободою.

Но къ чему вся сія исторія? — Ни къ чему; одно бѣглое примѣчаніе къ

* Поггенполѣ.

(*) Не только внутренняго, но и внѣшняго.

самой отдаленной предосторожности; примѣчаніе почти излишнее для всѣхъ другихъ; но для тебя не безполезное; ибо въ составъ судьбы нашей съ тобою входитъ та странность, что ты болѣе обязана ко всѣмъ тонкостямъ, ко всей взыскательности самыхъ глупыхъ и стѣснительныхъ приличій, нежели всѣ другія. Это есть слѣдствіе твоего и моего положенія и той всеобщей пытливости, которой можно избѣгнуть, но коей нельзя отразить, ни презрить. Это еще есть жертва, которую ты должна принести моей судьбѣ. Я объясню тебѣ сіе однимъ примѣромъ. У васъ зимою могутъ быть катанья. Всѣ дѣвицы могутъ быть въ саняхъ съ мужчинами: ты одна не можешь; ты не можешь быть даже съ Жоржемъ. Ты не можешь нигдѣ носу показывать безъ Марьи Карловны. Даже Сонюшка тебѣ тутъ не защита: ибо нигдѣ не написано, что она тебѣ сестра; а за вами стоитъ ея дядя. Вотъ тиранство. По счастью оно не можетъ быть продолжительно. Со мною придетъ къ тебѣ свобода.

Надежда моя оставить Тобольскъ и Сибирь въ первыхъ числахъ Февраля остается непремѣнна. По счастью ничего я не вижу, что бы могло перемѣнить ее. Жоржъ пишетъ къ своей маменькѣ, чтобъ прислать ему нѣкоторыя математическія книги. Хотя время остающееся здѣсь и коротко: но всё еще мѣсяцъ или два онъ можетъ воспользоваться прекраснымъ своимъ математическимъ учителемъ. Съ Вильде онъ переводитъ съ русскаго на французскій; а подъ моимъ руководствомъ читаетъ по латыни. Все идетъ очень хорошо.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

76.

Тобольскъ 16-го Октября 1820.

Сколько писемъ любезная моя Елисавета и какъ жаль, что они пришли столь поздно. Вдругъ три письма отъ 14-го Іюня, отъ 6-го Іюля и отъ 1-го Іюля. Всѣ они по видимому готовлены были съ фельдъегеремъ и потомъ посланы съ почтою; прошли въ Иркутскъ вмѣстѣ съ Парижскими газетами, тамъ меня не застали, пошли въ слѣдъ за мною на южную Сибирскую линію и наконецъ третьяго только дня пришли ко мнѣ въ Тобольскъ. Всѣ обстоятельства сихъ писемъ по счастью изъяснились уже послѣдующими; жаль только, что въ нихъ вложено 750 р. старыми ассигнаціями, коихъ срокъ и здѣсь давно уже миновалъ. Онъ продолжался не далѣе 1-го Августа; слѣдовательно если бы письма сіи были посланы и всѣ отъ 1-го Іюля: то не поспѣли бы уже къ сроку въ Иркутскъ. Деньги сіи должно считать невозвратно потерянными; я сохраню однако же ихъ у себя на всякій благопріятный, хотя и маловѣроятный случай.

Сколько ты терпѣла, моя милая Елисавета! Но Господь милостивъ; Онъ вознаградитъ тебя въ послѣдствіи, если не благами жизни, то сердечными чувствіями, коихъ наслажденіе и вѣрнѣе и насъ достойнѣе.

Обращаюсь къ послѣднему письму твоему отъ 22-го Сентября; я получилъ его 14-го Октября. Прежняя твоя подруга—веселость, не знаетъ толку въ людяхъ, когда тебя оставляетъ. Гдѣ ей лучше, какъ съ тобою? Ей такъ пристало быть съ тобою! Кажется вы сдѣланы другъ для друга. И впрочемъ всѣ обстоятельства кажется, теперь такъ располагаются, чтобъ быть намъ неразлучными. Это

не есть притязаніе на счастіе, слово слишкомъ громкое и нарядное. Но ясность души, тихій лунный свѣтъ надежды, сего кажется можно желать и ожидать безъ дерзости и самолюбія. Одна дружба къ сему достаточна. Кто же отторгнетъ отъ меня твое сердце или кто перемѣнитъ мое?

Что бы ни говорила ты объ Италіанскомъ языкѣ: но мнѣ весьма пріятно будетъ тебя на немъ слышать. Я всегда плѣнялся его звучностію; вѣроятно потому, что онъ сходенъ съ Латинскимъ. Онъ не можетъ быть самъ по себѣ бѣденъ; но мысли писателей могли быть и даже должны быть бѣдны. Разумъ тогда только что выходилъ изъ пеленъ; удивительно-ли, что онъ только лепеталъ. То, что имъ казалось превосходно, даже высоко, было ребячество. Столько пріобрѣтеній сдѣлано съ того времени, а безъ познаній мудрено быть краснорѣчивымъ. Я даже увѣренъ, что тотъ же самый языкъ подъ перомъ нынѣшнихъ писателей, если бы Италія еще ихъ имѣла, принялъ бы другой видъ и музыка его не помѣшала бы ему быть глубокимъ. Что бы былъ Шиллеръ если бы онъ обладалъ симъ языкомъ? Я насмотрѣлся на дикую природу; она часто бываетъ поразительна; но можно быть высокимъ и безъ дикости.

14-е Октября (*) былъ у насъ большой праздникъ; у меня былъ большой обѣдъ а ввечеру данъ былъ въ другомъ отдѣльномъ домѣ маскерадъ. Одна маска поднесла мнѣ букетъ цвѣтовъ и стишки, кои при семъ прилагаю. Послѣ узнали, что эта была одна дѣвица Нѣмка, которая послѣдовала сюда изъ Ревеля съ матерью за вотчимомъ (le beau père), посланнымъ сюда на сихъ дняхъ по извѣстному таможенному дѣлу Роде. Важнѣйшее то, что при семъ случаѣ удалось собрать до $^{4}/_{5}$ рублей въ пользу здѣшнихъ бѣдныхъ. Благотворительное общество прошедшаго году мною здѣсь заведенное, идетъ весьма удачно, несравненно лучше и Томскаго и Иркутскаго.

Руслана (*) я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья генія. Не отчаявайся; вкусъ придетъ; онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая неправильность полета означаетъ тутъ силу и предпріимчивость. Я также, какъ и ты замѣтилъ сей метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности.

Прощай моя милая: Господь съ тобою.

77.

Тобольскъ 23 Октября 1820.

Письмо твое любезная моя Елисавета, послѣднее изъ Маврина отъ 28-го Сентября дошло сюда вчера — распутица. 28-го Сентября у васъ была уже зима, а у насъ и теперь еще ее почти нѣтъ. Тому пять только дней, какъ начались небольшіе морозы. Разсуждай послѣ сего о климатахъ.

Исповѣдь!—добро пожаловать; радъ быть духовнымъ твоимъ отцомъ; ты ошибешься, если выберешь другаго; никто не можетъ быть ни правдивѣе, ни снисходительнѣе.

Я былъ вчера съ тобою на вечерѣ у княгини Щербатовой; видѣлъ, какъ медвѣжёнки одѣтые мальчиками или дѣвочками плясали. Знаю и батюшку и матушку. Сущая правда, что и толстая Матрена и тонкая модница

(*) День рожденія Е. В. императрицы-матери. С.

(*) Поэму А. С. Пушкина.

равно несносны въ припадкахъ самолюбія и какъ его ни скрывай, у него для всѣхъ ослиныя уши. Дѣтей нужно пріучать къ свѣту, чтобъ они не были застѣнчивы. Но лучше заставлять ихъ просто играть при людяхъ между собою такъ, чтобъ никто ими и они никѣмъ не занимались, нежели дѣлать изъ нихъ зрѣлище, дѣйствительно, всегда скучное.

Кстати о вечерахъ; не оставляй иногда быть у Вѣры Николаевны (*), дабы показать имъ, что Марья Карловна ничему не мѣшаетъ и не разрываетъ, какъ то имъ кажется, никакихъ дружескихъ связей. — Впрочемъ Сталыпинъ ко мнѣ совсѣмъ почти не пишетъ, да и я къ нему не пишу. Но это ничего не перемѣняетъ въ нашемъ положеніи. Есть разные степени дружбы и каждому можно найти мѣсто и пристроить. Въ дружбѣ есть свои романы, какъ и въ любви; но по симъ романамъ не должно и нельзя поступать въ общежитіи и не должно искать химерическаго совершенства. Довольно, если добрыя качества имѣютъ перевѣсъ надъ худыми.

Что дѣлаетъ наша невѣста? Спокойна-ли? Вѣритъ-ли своему счастію? Не худо бы и ей вмѣстѣ съ тобою приняться за Италіанскій языкъ, c'est toujours autant de fait.

Видѣла-ли ты, какъ прославляютъ меня въ газетахъ (въ Петербургскихъ, но не въ Инвалидѣ)? Мнѣ стыдно и жаль, что лгутъ столь нескладно. Не могу довольно надивиться, какъ все сіе печатать дозволяютъ.

И такъ къ тебѣ опять возвратился ребяческій твой нравъ Увѣряю тебя, что и въ шестьдесятъ лѣтъ онъ тебя не оставитъ, если силою ты его не выгонишь. Это есть печать, которую на извѣстные характеры полагаетъ сама природа; горести могутъ ее затмить но не изгладить. проглянетъ солнце надежда — и печать тутъ Я первый ее въ тебѣ примѣтилъ, для другихъ и теперь еще это тайна; они не знаютъ къ чему отнести все это, что есть въ характерѣ твоемъ пріятнаго; а это *candeur*; это не есть отыровенность franchise, ни пристота simplicité, ни то, что называютъ naïveté, хотя часто смѣшиваютъ одно съ другимъ (собственно говоря ты не имѣешь naïveté). Это есть нѣчто невыражаемое на словахъ; но въ природѣ это можно отличить и указать. Я бы назвалъ это *бѣлизною нрава*: ибо и въ самомъ дѣлѣ *candeur* по нашему означаетъ бѣлизну. Даръ безцѣнный, источникъ тонкой, глубокой, внутренней чистоты и невинности, тихихъ удовольствій и кроткаго веселонравія. Дѣти всѣ почти имѣютъ сей даръ; но у кого онъ не глубоко на сердцѣ положенъ, тотъ теряетъ его скоро. Рѣдкіе сохраняютъ. Но я знаю примѣры, что сохраняютъ до глубокой старости. Я его совсѣмъ не имѣю. У тебя онъ отъ матери.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

78.

Тобольскъ 29 Октября 1820.

Здравствуй, любимица счастія! Надобно имѣть много здраваго разума, чтобъ тебѣ, любезная моя Елисавета, назвать себя симъ именемъ. И однако же это справедливо; но справедливо въ такомъ смыслѣ и въ такомъ образѣ мыслей, который не многіе понять могутъ. Столько-то внѣшнее можетъ быть въ противоположности съ внутреннимъ; столь высокъ и независимъ духъ человѣческій; столь

(*) Сталыпиной.

мнѣнія наши разнятся съ перемѣною точки зрѣнія. Дай Богъ, моя милая, чтобъ сей образъ мыслей былъ всегда твоимъ. Онъ совершенно справедливъ и всегда будетъ ангеломъ-хранителемъ твоего счастія. Пропасти, къ коей судьба тебя подвела, я не совсѣмъ вѣрю и думаю, что это была не пропасть, а просто небольшой ровъ или яма; искушеніе, опытъ знакомства съ собственнымъ своимъ сердцемъ, опытъ драгоцѣнный, если ты умѣешь изъ него сдѣлать употребленіе: ибо слѣпота дѣйствительно даетъ цѣну зрѣнію. Какая тема для будущихъ нашихъ разговоровъ и размышленій.

Сегодня только наконецъ у насъ зима стала. Жоржъ мнѣ сказывалъ, изъ твоего письма, что Елисавета Карловна осталась жить на дачѣ. Что значитъ это уединеніе: я боюсь за нее и за дѣтей ея.

Зять Мыльникова, Неупокоевъ, мнѣ знакомъ. Онъ не глупъ и говорить умѣетъ. Онъ былъ въ числѣ притѣсненныхъ и слѣдовательно мнѣ пріятель.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою. Тысячу поклоновъ милой мамѣ.

79.

Тобольскъ 6-го Ноября 1820.

Мы съ тобою, любезная моя Елисавета, столько пережили страховъ, что не могу я страшиться простуднаго твоего припадка. Мерцъ и Марья Карловна одни пусть трусятъ; это ихъ дѣло.

Изъ Пензы я получаю письма почти въ 12 дней. Тамъ худой урожай и деревня наша на сей годъ не дастъ и третьей части дохода. Самые богачи тамошніе вздыхаютъ и перестаютъ курить вино. Это впрочемъ пройдетъ; надобно только умѣть перенести: ибо тамъ рѣдко неурожай бываетъ два года сряду. Дядюшка твой Кузьма хочетъ служить въ Пензѣ; такъ она ему понравилась и такъ худо понимаетъ онъ свое положеніе. Впрочемъ если въ самомъ дѣлѣ здоровье его поправилось, или поправиться можетъ: то нѣтъ большой трудности тамъ его пристроить.

Вотъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда писать кажется нечего и какъ ни тяни, мысли не развиваются. Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

80.

Тобольскъ 13-го Ноября 1820.

Почта еще не пришла; но въ замѣнъ того сегодня явился ко мнѣ Бутацъ съ твоими письмами отъ 16-го го Іюля. Предсказаніе твое совершилось; я не только ему улыбнулся: но нашелъ въ лицѣ его пріятность; таково очарованіе твоихъ писемъ или лучше сказать такъ цвѣтъ нашихъ идей отражается обыкновенно на всѣ предметы.

Но вотъ и почта; вотъ и письмо отъ 22 Октября. Слѣдовательно всѣ дѣла наши въ порядкѣ; ты здорова: ибо ничего не говоришь о твоей простудѣ, а я веселъ и безъ заботы о тебѣ на цѣлую недѣлю.

Предчувствіе твое не сбудется; никогда не будешь ты мнѣ причиною горестей, да и никогда не бывала; что я разлученъ съ тобою, это вина обстоятельствъ; что забочусь о тебѣ, это вина моя, вина маловѣрія, недостатокъ преданности къ Промыслу, остатокъ того прирожденнаго намъ чувства, по коему мы считаемъ, что собственная наша дѣятельность всё лучше бы расположила и что мы самому Богу въ судьбахъ Его весьма нужны.—Глупость!

Слѣдовательно умѣй только быть счастлива, умѣй молиться и быть ребенкомъ Промысла и будь увѣрена въ совершенномъ моемъ счастіи.

Я получилъ съ Бутацомъ письмо Марьи Карловны и твои счёты. Денегъ вышло дѣйствительно много; но что же дѣлать? Ничего, кажется, нѣтъ расточительнаго; впрочемъ все сіе мы устроимъ лучше, когда будемъ вмѣстѣ.

Марья Карловна пишетъ о библіотекѣ. Дѣло не совсѣмъ несбыточное; но его, какъ и множество другихъ дѣлъ должно отложить до свиданія. Тѣмъ или другимъ образомъ я найду способъ устроить сію библіотеку.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

81.

Тобольскъ 20-го Ноября 1820.

Я тебѣ предсказывалъ, любезная моя Елисавета, что слава стиховъ твоихъ промчится до предѣловъ міра. Англія есть средоточіе всѣхъ сообщеній; слѣдовательно чрезъ годъ, чрезъ два имя твое извѣстно будетъ и въ Америкѣ, о коей очень много писала классическаго извѣстная miss Smith. Съ твоими стихами дѣлается то же, что съ моими мыслями; ихъ печатаютъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ.

Я получилъ твои платки. Благодаренъ тебѣ и Сонюшкѣ за трудъ: въ нихъ одинъ недостатокъ; слишкомъ тонки, жаль ихъ употреблять. Едва ли не пожертвую имъ табакомъ, единственнымъ моимъ тираномъ.

Кто этотъ Львовъ? Сынъ ли Львова или братъ жены его *). Одного изъ нихъ я помню. Если сынъ: то это наслѣдственный даръ. Вечера ваши дѣйствительно должны быть пріятны; не завидую имъ потому, что и самъ не отчаяваюсь скоро ими наслаждаться. Какое рѣдкое положеніе: три почти года не слышать ни одной ноты. Прибавь къ сему ни одного почти умнаго слова; три года ни разу съ удовольствіемъ не смѣяться. Что же значатъ всѣ посты отшельниковъ? И все это надѣюсь не сдѣлало ни одной лишней на лбу моемъ морщины; доказательство, что можно жить не одною жизнію, но различными и что въ счастіи и въ несчастіи внутреннее расположеніе духа есть истинный талисманъ.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

82.

Тобольскъ 27 Ноября 1820.

Трудно, любезная моя Елисавета, опредѣлить, какимъ образомъ можно быть авторомъ въ корсетѣ. Признаюсь, мнѣ всегда было смѣшно, когда я воображалъ себѣ M-me Stael сидящею за большимъ бюро и за кипою бумагъ. Тутъ есть какое-то противорѣчіе, которое изъяснить трудно, но нельзя его не чувствовать. Все, что можно женщинамъ дозволить, это есть быть M-me Sevigné; это ихъ родъ, nec plus ultra женскаго генія; изрѣдка можно написать и пѣсенку и стишки; но всё не болѣе одняго полулисточка.

Словесность Европейская вообще еще въ младенчествѣ: ибо въ ней много еще механическаго. Мы всѣ притворяемся; всѣ выработываемъ вещи легкія. Истинная словесность должна быть вдохновеніе. Совершенство ея есть не писать, но говорить краснорѣчиво. Въ Греціи она уже почти доходила до сего степени. Стихотворцы истинные тамъ пѣли свои

*) Здѣсь идетъ рѣчь объ Алексѣѣ Θеодоровичѣ Львовѣ, извѣстномъ знатокѣ музыки.

стихи. Италіанскіе импровизаторы въ новѣйшихъ временахъ даютъ нѣкоторую идею о семъ тихомъ, продолжительномъ восторженіи ума и воображенія. Музыка есть душа поэзіи и слѣдовательно наши стихотворцы еще не поэты. Ихъ скорѣе можно назвать живописцами.

Вотъ тебѣ отвѣтъ на споръ твой съ NN. Жоржъ показывалъ мнѣ стихи его. Не дай Богъ тебѣ имѣть такихъ Петрарковъ.

Весьма радъ, что ты была у графини Кочубей; хоть изрѣдка, но должно ее посѣщать. Въ искренней ихъ дружбѣ я не могу имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія; друзей же надобно любить такъ, какъ Богъ ихъ создалъ, а не такъ, какъ бы мы имѣть ихъ желали.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

83.

Тобольскъ 3-го Декабря 1820.

Еслибъ я менѣе имѣлъ довѣрія къ Промыслу и къ здравому твоему смыслу: то письмо твое показалось бы мнѣ грознымъ. Ты грозишь себѣ какими то горестями, предвѣщаешь, что мнѣ будетъ, за что бранить тебя. — Увѣряю тебя, что это одно воображеніе. Богъ милосердъ; Онъ не попуститъ, чтобъ страдалъ я въ тебѣ: ибо сей родъ страданія едва-ли не будетъ выше силъ моихъ. Содержи только сердце твое въ свободѣ; а за умъ твой я тебѣ отвѣчаю. Омраченія его не могутъ быть, какъ только мгновенны; одно слово можетъ ихъ разсыпать. Не похищай только у Провидѣнія Его плановъ. Не дѣлай никакого важнаго шагу впередъ; не связывай ни ума твоего, ни сердца; и будь увѣрена, что никогда человѣкъ не можетъ быть слабѣе, нежели онъ самъ быть хочетъ. Здѣсь-то сила вѣры и если сила сія не управляетъ нашими поступками, и самыми внутренними побужденіями: то она есть пустой предлогъ, пустое слово. Ты изъ сего видишь, что я беру назадъ ту свободу, которую тому шесть мѣсяцовъ тебѣ давалъ; по обстоятельства различны. Я окруженъ былъ тогда страхомъ и неизвѣстностію; теперь разлуку мою съ тобою я считаю не годами и не мѣсяцами, но недѣлями и почти днями.

Весьма радъ, что ты рекомендовала Петра Петровича NN-у; но вотъ все, что должно было для него сдѣлать и на семъ должно остановиться. Въ письмѣ ко мнѣ онъ предъявляетъ разныя притязанія; я поручаю его Аркадію Алексѣевичу. Лучше, чтобъ онъ къ нему, нежели къ тебѣ относился. Скажи только ему, что онъ найдетъ всѣ его аттестаты у Аркадія Алексѣевича, къ коему вмѣстѣ съ симъ я ихъ посылаю. Аркадій Алексѣичъ вручитъ тебѣ также и деньги, о коихъ ты писала. Я посылаю къ нему пакетъ всѣхъ сихъ бумагъ не съ почтою, но по случаю.

Весьма умно, что ты готовишь подарокъ нашей невѣстѣ. Хотя вы немножко и поразстроили планы моихъ финансовъ; но я надѣюсь, что буду еще въ состояніи принять нѣкоторое участіе въ ея приданомъ

Прощай моя милая; Господь съ тобою

84.

Тобольскъ 11-го Декабря 1820.

Предъидущее письмо мое есть почти отвѣтъ, любезная моя Елисавета, на настоящее. Новый знакъ предчувствія. Въ поступкѣ Запольской есть нѣчто не деликатное. Герой ея не виноватъ, что онъ имѣетъ чинъ;

при достоинствахъ это простить можно; но онъ виноватъ и самъ себя обличилъ въ грубости чувствъ, вздумавъ рѣшить выборъ свой по одному взгляду. Кого же онъ тутъ избираетъ?—Не тебя конечно; но или меня или предполагаемое у тебя богатство. Вотъ чего Запольская не умѣла себѣ изъяснить. Впрочемъ выборъ его легко быть могъ слѣдствіемъ похвалъ, кои она тебѣ заочно воспѣвала. Часто браки рѣшались симъ образомъ и вотъ почему мы видимъ столь много уродливыхъ браковъ (*). Запольская ведетъ дѣло сіе, какъ обыкновенно они идутъ въ свѣтѣ; отъ нее нельзя болѣе и требовать. Для нее участь генеральши есть самая блистательная. По крайней мѣрѣ тутъ можно извинить усердіе. Но Зейдель неизвинителенъ. Скажи ему, что я вызову его на поединокъ, если онъ осмѣлится любить тебя.

Всѣ сіи непріятности суть слѣдствіе того круга, въ коемъ ты живешь; онъ всѣмъ открытъ и всѣмъ кажется приступенъ. Утѣшаюсь только тѣмъ, что все сіе должно скоро перемѣниться и повторяю прежнее: содержи сердце свое въ свободѣ; не дѣлай никакого выбора: ибо ты стоишь въ самомъ невыгодномъ положеніи, чтобъ сдѣлать его безошибочно. Время еще не ушло и спѣшить я не вижу никакой нужды У меня есть множество идей, кои должно сообщить тебѣ. Ты знаешь, что я прежде никогда не говорилъ съ тобою о сихъ предметахъ: ибо считалъ сіе неблаговременнымъ. Вотъ почему нужно намъ прежде все сіе разобрать и уложить вмѣстѣ: ибо что бы ни говорили; но самая пламенная любовь зависитъ отъ идеала и въ правильномъ составленіи сего идеала состоитъ все дѣло. Можно утвердительно сказать, что каждый предметъ любви знакомъ намъ былъ прежде. Мы образъ его нашли уже въ душѣ своей и человѣкъ тутъ есть только подлинникъ сего образа. Тутъ двѣ ошибки быть могутъ. Ошибка въ образѣ и ошибка въ приложеніи его къ человѣку. Сколько слезъ пролито отъ сихъ двухъ ошибокъ; какія ужасныя они имѣли послѣдствія.

Изъ сего ты можешь видѣть, сколь обширенъ, почти неограниченъ твой выборъ. Никакая мысль любочестія, а еще менѣе мысль богатства не смѣетъ прикоснуться къ понятіямъ моимъ о твоемъ счастіи. Я бы желалъ чтобъ ты тутъ забыла даже собственное мое счастіе, если забыть и раздѣлить его можно. Таково было содержаніе и прежнихъ моихъ писемъ. Бросаю всѣ сіи черты почти съ сожалѣніемъ; они безобразятъ только мои мысли не выражая ихъ ни малѣйшей части. Тутъ надобенъ голосъ и взглядъ: они только могутъ изображать душу.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

85.

Тобольскъ 18-го Декабря 1820.

Теперь остается одного желать для бѣдной Елисаветы Карловны — смерти и если и на сей разъ предчувствіе мое справедливо: то или ее нѣтъ уже на свѣтѣ, или скоро она его оставитъ. Можно быть увѣреннымъ въ ея счастіи; она заплатила здѣсь дань свою и Всемилосердый приметъ сію измученную, кроткую душу въ Свои объятія. Исторія ея жизни весьма поучительна; она всегда была жертвою.

Живо представляю себѣ ваши домашнія смятенія и что бы ты ни го-

(*) Примѣтила-ли ты, что люди посредственные не только живутъ чужимъ умомъ но даже чувствуютъ чужими чувствами. С.

ворила, не могу быть спокойнымъ. Большая школа терпѣнія; но я боюсь, чтобъ оно не истощилось. Все упованіе мое на милость Господа. Онъ не попуститъ, чтобъ послѣ столь долговременной и жестокой разлуки нашелъ я умъ твой омраченнымъ или сердце не свободнымъ. Не имѣй никакого личнаго сношенія съ больною; я бы желалъ тебя отъ нее спрятать. — Тутъ всѣ благопристойности могутъ быть нарушены. Они и безъ того уже много страждутъ; но перемѣнить нечѣмъ.

Слѣдовательно Баумъ банкротъ. Вотъ какъ почти обыкновенно кончаются ихъ скорыя пріобрѣтенія. Самый худой и опасный промыслъ, самый неразборчивый и безразсудный бракъ; но они были жертвою своихъ обстоятельствъ, желали можетъ быть поддержать падающій домъ, быть подпорою отцу и матери. Не справедливо-ли послѣ сего, чтобъ они получили свой вѣнецъ въ будущемъ лучшемъ мірѣ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою. Ему единому тебя поручаю.

86.

Тобольскъ 25 Декабря 1820.

Христосъ раждается, любезная моя Елисавета; да раждается Онъ въ насъ, да освѣщаетъ тайнымъ Своимъ присутствіемъ умъ твой и сердце; да устрояется царство Его на земли такъ, какъ нѣкогда оно устроилось на небеси. Какъ малы, какъ странны и смѣшны представятся намъ съ сей высоты всѣ настоящія наши заботы, радости и безпокойствія. Они могли бы и нынѣ таковыми намъ казаться, если бы мы умѣли держать себя всегда въ молитвѣ, которая одна возвышаетъ душу и отрѣшаетъ ее отъ міра.

Письмо твое отъ 3-го Декабря много меня успокоило; но жизнь Елисаветы К. мнѣ кажется все еще въ опасности. Чахотка есть почти обыкновенное слѣдствіе сего рода болѣзней. У нихъ же она нѣсколько и природная.

Я всегда вамъ твердилъ о Мерцѣ. Вы мнѣ не вѣрили — мало-ли кто мнѣ не вѣрилъ и послѣ раскаялся. Мы медики издалека другъ друга видимъ. Не удивляюсь чудесамъ, которыя онъ производитъ. Онъ первый докторъ въ Петербургѣ да можетъ быть не послѣдній былъ бы и въ Европѣ, если бы умѣлъ казаться.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

87.

Тобольскъ 1-го Генваря 1821.

Начинаю новый годъ бесѣдою съ тобою, любезная моя Елисавета и не могу начать его лучше. Желаю тебѣ, мой другъ, не новаго счастія, но новаго благословенія, пріумноженія благодати свыше. Желаю, чтобъ проходя путь жизни, ты легкою ногою касалася земли, помнила бы всегда, что ты идешь, возвращаешься въ отечество; что все встрѣчающееся съ тобою на пути, собственно для тебя, есть чуждое и постороннее, предметъ любопытства и наблюденія, изученіе языка, коимъ говорить ты будешь въ вѣчности. Есть Евангельская притча о буіихъ дѣвахъ, кои идучи во срѣтеніе женниха, не взяли съ собою масла. Я не знаю ничего точнѣе сего изображенія. Мы всѣ живемъ въ родѣ сумасшествія. Знаемъ, что должно будетъ явиться въ вѣчности, должно къ сему готовиться и въ тлѣнномъ тѣлѣ изъ свитка червей составленномъ, слагать и возращать другое тѣло, тѣло духовное (сіе есть елей), кото-

рое одно можетъ горѣть и свѣтить въ вѣчности и безъ коего мы тамъ окружены будемъ сырымъ холоднымъ мракомъ; знаемъ все сіе болѣе или менѣе, и каждый день только сбираемся готовиться; время проходитъ въ сихъ сборахъ, часъ бьетъ и ничего не сдѣлано. Ступай въ тьму кромѣшную! А музыка, а книги, а народы, а надежды, а привязанности? — все прошло, все точитъ червь. Тутъ спрашиваютъ сердца чистаго и тѣла свѣтлаго. Ступай во тьму, или начинай, буія дѣва, новую жизнь, новую науку, новыя бѣдствія, вновь покупай елей—купишь несравненно дороже—возвратишься опять ко дверямъ жениха, но двери, можетъ быть, найдешь уже затворенными; бытіе міра кончилось и тебѣ скажутъ съ другими: не вѣмъ васъ.

Мнѣ кончилось сегодня пятьдесятъ лѣтъ. По общему счету жизнь довольно долговременная—а готовъ-ли я?—Все упованіе мое на одно милосердіе Божіе. Одно достовѣрно, что собственно для себя я не привязанъ къ міру; но слишкомъ много привязанъ къ твоему счастію и по странному противорѣчію чего не желаю себѣ, того желаю тебѣ. Вотъ тонкая игра самолюбія. Но Господь разсыплетъ сіе обольщеніе. Онъ дастъ мнѣ силы видѣть тебя даже и несчастною и не роптать, если для вѣчности твоей сіе будетъ нужно, если Ему угодно. Молись!

Чтобъ новый годъ не оставить тебя безъ подарка — прими вмѣсто подарка вѣсть, что съ сего дня остается мнѣ написать къ тебя еще только три письма и болѣе уже не писать.

Твоя Черницына составила ложную спекуляцію. Она вообразила, что я уже въ Петербургѣ, что въ милостяхъ, что во всемогуществѣ и раздаю всѣмъ пенсіоны; а чтобъ не опоздать: то она рѣшилась писать въ Тобольскъ — а ей совсѣмъ пенсіонъ и не слѣдуетъ ни по службѣ мужа, ни по какимъ уваженіямъ. Дѣло другое милостыня; такъ и проси просто милостыни. Остерегись сихъ раннихъ слёзъ; ты не можешь знать ихъ источника, а между тѣмъ пройдетъ слухъ, что ты даешь уже обѣщанія; ты чувствуешь, какое употребленіе могутъ изъ сего сдѣлать мои пріятели. Сверхъ того, я не знаю, извѣстно-ли тебѣ, что я никакого не имѣлъ и не имѣю вкусу выпрашивать милости, считаю ихъ даже вредными. Помогать нищимъ изъ своего кармана, это дѣло другое; но ходить за симъ въ чужой карманъ, никогда не будетъ моимъ промысломъ. Если бы служба состояла въ сихъ мѣлкихъ частныхъ чувствительностяхъ: то я не гожусь для службы. Дѣло другое поправить несправедливость; вступиться за слабаго противъ сильнаго. Тутъ я поспорю съ самимъ Донъ-Кихотомъ, и готовъ принять тебя моимъ Санхою.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

88.

Тобольскъ 8-го Генв. 1821.

Я радъ, любезная Елисавета, что сношенія твои съ тетушкою остались въ прежнемъ положеніи. Она имѣетъ много добраго смысла въ умѣ, и много мужества въ сердцѣ. Въ Москвѣ я остановлюсь въ ихъ домѣ и она будетъ первая, которая мнѣ раскажетъ о тебѣ. Но что разсказъ противъ личнаго свиданія? Я же привыкъ видѣть всѣ вещи съ такой точки зрѣнія, которая не можетъ быть общею. Всѣ тетушки и всѣ свахи на свѣтѣ перемѣнить сего не могутъ: ибо это основано на свойствахъ души моей.

Признаюсь, и я радъ, что концертъ твой кончился и у меня за три тысячи верстъ сердце билось. Слава Богу, что все прошло благополучно.

Я получилъ при письмѣ твоемъ письмо Коля и рисунокъ *Rhododendron*. Не знаю, удастся ли мнѣ сыскать его въ Иркутскѣ. Пишу *по дорогѣ* и въ Камчатку.—Какъ жаль, что ты не Причудница и что нѣтъ у тебя крестной матери, которая бы туда слетала (*). Безъ нее отвѣта на мое письмо нельзя ожидать прежде февраля 1822-го года. Въ замѣну я привезу Колю другія сего рода рѣдкости

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Мнѣ осталось написать къ тебѣ еще только два письма а тамъ и послѣднее! Между тѣмъ позвольте Елисавета Михайловна старому вашему учителю сдѣлать одно примѣчаніе. Ты пишешь *la mariée* est trop belle; а пословица гласитъ: *la marée* est trop belle. А что такое *la marée* справься въ лексиконѣ; это морской приливъ; а вмѣстѣ морская рыба, которую лакомые Парижане прямо и каждый день свѣжую получаютъ изъ Діепа. Виноватъ! Но не ты одна въ этомъ ошибаешься. Покойная твоя бабушка, помнится, дѣлала ту же самую погрѣшность; но ее поправить, оборони Боже. Ты видишь, что это тебѣ досталося по наслѣдству.

89.

Тобольскъ 15-го Генв. 1821.

Не пѣняй и не сердись, любезная моя Елисавета, на тетушекъ и уважь болѣе ихъ побужденія, нежели поступки. Мнѣніе ихъ о видахъ Марьи Карловны есть мнѣніе довольно общее; твое положеніе въ семъ домѣ подало къ сему поводъ; никто не обязанъ такъ знать твою маменьку, какъ знаешь ты и я. Всѣ другіе изъясняютъ ее по внѣшности; неправильно; но для нихъ вѣроятно. Прежде тетушекъ я получилъ о семъ четыре письма и ни одного отъ Сталыпина. По симъ-то письмамъ и по соображенію ихъ съ твоими писалъ я тебѣ держать сердце на свободѣ, отнималъ у тебя, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ отнять на время право выбора. Ты видишь, что и я былъ въ тетушкахъ съ тѣмъ только различіемъ, что я относилъ происшествія къ истинной ихъ причинѣ, къ тебѣ, а не къ ней. Успокойся, никогда подозрѣвать ее я не стану: ибо знаю ея душу, и вмѣстѣ знаю, что нельзя никому водить тебя за носъ, кромѣ однако же *NB* тебя самой. Несравненно чаще мы обманываемся, нежели бываемъ обмануты. Еще повторяю тоже, что и прежде писалъ, ты въ самомъ невыгодномъ положеніи, чтобъ сдѣлать въ семъ родѣ основательный выборъ. Весьма многое тебѣ неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно; одинъ я могу истолковать тебѣ истинное значеніе многихъ лицъ и обстоятельствъ, кои тебѣ представляются совсѣмъ въ другомъ видѣ. Терпи и молись; по счастію теперь виденъ уже твоему терпѣнію конецъ.

Третьяго дня былъ у меня большой обѣдъ вь день Елисаветы. Послѣдній обѣдъ въ Сибири—слово послѣдній есть магическое. Къ нему относятся и имъ приправляются всѣ непріятности. Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Жоржъ тебѣ кланяется, но не цѣлуетъ да и тебѣ цѣловать его запрещаетъ: ибо онъ считаетъ себя муж-

(*) Намекъ на извѣстную стихотворную сказку И. И. Дмитріева.

чиною; усы его даютъ ему на сіе право. Прекрасный характеръ; отличная душа.

90.

Тобольскъ 22 Генваря 1821

Не знаю, любезная Елисавета, не огорчило-ли тебя предъидущее письмо мое; но ты будешь большая дура, если вздумаешь въ немъ искать болѣе, нежели что я хотѣлъ сказать. Я не имѣю никакихъ и ни противъ кого предубѣжденій; мысли мои о тебѣ, о будущемъ твоемъ, совершенно свободны и независимы ни отъ какихъ внѣшнихъ уваженій. Тѣмъ болѣе я имѣю надежды видѣть ясно въ твоихъ обстоятельствахъ и судить о нихъ съ безпристрастіемъ.

Чѣмъ ближе къ разлукѣ съ Сибирью: тѣмъ болѣе дѣла. Молись Богу, чтобъ стало глазъ моихъ и терпѣнія. Бѣдный Жоржъ также очень занятъ; но это для него полезно.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.— Правда твоя, что чѣмъ ближе къ свиданію: тѣмъ скупѣе на письмо. Жаль безобразить свои мысли и чувства на столь неблагодарномъ инструментѣ, каково бѣдное наше свинцовое письмо.

91.

Тобольскъ 28-го Генваря 1821.

Письмо сіе, любезная моя Елисавета, должно бы было быть послѣднее; но оно только *предпослѣднее*. Я полагалъ оставить Тобольскъ именно 1-го Февраля; но дѣла удержатъ меня здѣсь до 6-го; но далѣе 6-го ничто уже не удержитъ. По сему расчету я еще могу писать къ тебѣ въ будущую субботу; а въ воскресенье утромъ считай меня въ повозкѣ и въ полномъ походѣ. О домѣ напишу къ тебѣ изъ Пензы, или изъ Москвы. Никакой нѣтъ нужды нанимать этажъ въ вашемъ домѣ. На первый разъ я остановлюся и долженъ остановиться въ трактирѣ; а потомъ мы посмотримъ и рѣшимся. Со мною пріѣдетъ довольно большая канцелярія, которую необходимо должно будетъ помѣстить въ томъ же домѣ, или по близости. Все сіе не можетъ быть улажено за глазами.

Успокойся. Никакія тетушки ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ на меня не подѣйствуютъ Душа твоя и нравъ твой для меня по крайней мѣрѣ никогда тайною не будутъ; а ихъ тайна мнѣ также извѣстна: это мелкія расчеты тщеславія, суетности и самолюбія.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

92.

Тобольскъ 5-го Февраля 1820.

Вотъ наконецъ давно желанное *послѣднее* письмо къ тебѣ изъ Сибири. Послѣ завтра я Сибирь оставляю. Въ среду буду уже я въ Россіи, въ одной съ тобою части свѣта, по сю-сторону Рифейскихъ горъ, въ Европѣ. Мысли мои толпятся безъ порядка; я могу только обнять число ихъ, но не могу ни одной изобразить раздѣльно. Молись—мнѣ нужна твоя молитва болѣе еще въ радости, нежели въ печали, чтобъ взглядомъ недовѣрія или излишнихъ надеждъ не изурочить счастія, не оскорбить Провидѣнія ко всему снисходительнаго, кромѣ гордости.

Ничего не перемѣняю въ планѣ моего путешествія. По всѣмъ расчетамъ буду я въ Пензѣ около 25-го Февраля и слѣдовательно около 10-го Марта въ Москвѣ и слѣдовательно, какое прекрасное послѣдствіе, около по-

ловины или 20-го Марта съ тобою. Изъ Москвы къ тебѣ напишу и можетъ быть назначу тебѣ встрѣчу въ Царскомъ Селѣ. На первой разъ я непремѣнно долженъ остановиться въ трактирѣ; сего требуютъ разныя приличія.

Молись и прощай! Господь съ тобою. Болѣе ко мнѣ не пиши развѣ въ Москву; но и то подъ кувертомъ тетушки.

93.

Пенза 1-го Марта 1821.

Пишу къ тебѣ, любезная моя Елисавета, на томъ самомъ столѣ, изъ той самой комнаты, гдѣ писалъ тому два года. — Писалъ о надеждѣ свиданія, которое тогда казалось столь близкимъ и вдругъ стало столь далекимъ. Такъ угодно было Богу. Съ сей точки зрѣнія всѣ происшествія двухъ лѣтняго моего странствованія кажутся мечтою. Да будетъ сія жестокая мечта послѣднею въ моей и твоей жизни.

Я пріѣхалъ сюда 24-го Февраля. Усталъ; встрѣченъ нетолько съ радостію, но можно сказать, торжественно. Весь городъ пришелъ въ движеніе. Живу въ толпѣ непрестанно меня окружающей и отъ усталости чуть переношу всѣ изъявленія участія и приверженности. Что сдѣлалъ я для сихъ людей?—Ничего почти кромѣ желанія быть имъ полезнымъ—желанія впрочемъ большею частію безплоднаго.

Отсюда отправляюсь въ Москву 6-го сего мѣсяца на Тамбовъ и Рязань. Надѣюсь тамъ быть 14-го и тотчасъ по пріѣздѣ буду къ тебѣ писать. Здоровье мое по счастью мнѣ не измѣняетъ: ибо усталость не болѣзнь. Привезу къ тебѣ множество усердныхъ воспоминаній, и платье вышитое у Дуровой.

Дядюшку твоего я нашелъ въ горестномъ положеніи; онъ имѣлъ несчастіе вывихнуть себѣ ногу и къ сему несчастію присоединилось другое, а именно: ее худо вправили и совсѣмъ тѣмъ онъ веселъ. Я устрою его здѣсь какъ можно лучше и покойнѣе.

Деревенскія наши дѣла я нашелъ въ порядкѣ; но доходовъ менѣе, нежели ожидалъ. Здѣсь всѣ разоряются дешевизною хлѣба. Надѣюсь однако же, что съ умѣренностію можно намъ будетъ жить безъ нужды.

Не могу опредѣлить съ точностію дня моего отъѣзда изъ Москвы, но ты легко повѣришь, что каждый лишній день безъ тебя, будетъ для меня жертвою. Вообще намѣреніе мое есть остаться въ Москвѣ сколь можно менѣе. Григорья Даниловича я здѣсь не засталъ. Всѣ Сталыпины въ Москвѣ.

Я видѣлъ твою Катиньку Ховрину. Она вся благодарность и кротость. Мать стала къ ней благосклоннѣе съ тѣхъ поръ, какъ поссорилась съ сыномъ.

Писемъ твоихъ ожидаю въ Москвѣ. Молю Бога, чтобъ наказалъ меня чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ разлуки съ тобою. Христосъ да будетъ съ тобою.

Жоржъ здоровъ и вамъ кланяется; всѣ узнали въ немъ здѣсь его маменьку.

94.

Москва 16-го Марта 1821.

Москва! и семь сотъ только верстъ разстоянія отъ моей Елисаветы. Легко понять все, что въ сей мысли есть для меня радостнаго. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня и завтра поутру рано

уѣзжаю. Въ обыкновенное время чрезъ три дни я былъ бы уже съ тобою; но по настоящей распутицѣ не смѣю надѣяться сего счастія прежде 25-го сего мѣсяца. Да будетъ день Благовѣщенія благою для насъ вѣстію. Во всѣхъ случаяхъ увѣдомлю тебя изъ Царскаго Села, гдѣ полагаю на день остановиться, чтобъ отдохнуть и пріискать въ Петербургѣ квартиру. Я долженъ пристать непремѣнно въ трактирѣ по крайней мѣрѣ дня на три или на недѣлю.

Я получилъ сегодня два письма твои отъ Вѣры Яковлевны *. Отъ спазмъ твоихъ у меня есть вѣрное лекарство, если только это спазмы. Богъ милостивъ.

Сейчасъ отправляюсь къ Вѣрѣ Яковлевнѣ на свиданіе. Прощай моя милая. Господь съ тобою.

17-го Марта Четвертовъ.

Восемь часовъ утра и чрезъ часъ я отправляюсь. Дорога ужасная; но Господь милостивъ; дней чрезъ семь я съ тобою.

РАДИЩЕВЪ и его книга: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. С. П. Б,. въ печ. В. Головина 1868. Въ 16. IV и 256 стр.

Книжка эта есть жалкая спекуляція именемъ человѣка, извѣстнаго гораздо болѣе своимъ несчастіемъ, нежели литературными трудами. Довѣрчивый читатель, особенно иногородный, увидѣвши объявленіе о ней, томится любопытствомъ познакомиться съ знаменитымъ „Путешествіемъ“ Радищева, о которомъ онъ столько наслышался, и спѣшитъ пріобрѣсти новинку. И вотъ за 1 р. 25 к. онъ получаетъ разгонисто, безвкусно и со множествомъ ошибокъ отпечатанную книжку, по объему стоющую 50 или 75 коп., что прежде всего должно удивить его. Но и внутреннія ея достоинства не оправдаютъ этой цѣны.

* Сталыпиной.

Таинственная для большинства публики, книга Радищева была немало выхваляема въ нашей литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ нетолько произносить въ печати запретное имя Радищева, но и оцѣнивать его произведеніе, (о чемъ нельзя было бы и подумать ранѣе, нежели лѣтъ за двѣнадцать предъ симъ). Иначе и не могло быть: въ Радищевѣ видѣли слишкомъ рано явившагося пророка или провозвѣстника разныхъ либеральныхъ идей, на разработку которыхъ всякій какъ бы считалъ себя призваннымъ въ концѣ прошедшаго десятилѣтія. Имя Радищева не могло не сдѣлаться популярнымъ въ такое время, когда люди, не подвергшіеся (какъ онъ) ссылкѣ въ Сибирь, а просто, въ слѣдствіе пустой болтовни или ребяческихъ замысловъ, выраженныхъ въ интимныхъ бесѣдахъ, пожившіе годъ-другой подъ надзоромъ полиціи гдѣ нибудь въ Вяткѣ, успѣвали выставить себя мучениками за правду и получить (торжествующаго либерализма ради) разныя служебныя выгоды. Лондонская печатня Трюбнера освятила репутацію Радищева безграмотнымъ (по обыкновенію) изданіемъ пресловутой его книги, съ пустозвонным предисловіемъ, подписаннымъ многознаменательными буквами: И—ръ. (1858.) Но потомъ совершилась нѣкоторая реакція: талантъ Радищева сталъ подвергаться оцѣнкѣ, и проявилась здравая мысль, что несчастная ссылка въ Илимскъ не есть еще дипломъ на геніяльность. Дѣло дошло даже до того, что недавно нашелся голосъ, который почелъ нужнымъ упрекнуть критику за то, что она сомнѣвается въ литературныхъ дарованіяхъ Радищева.

Екатерина II называла Радищева Мартинистомъ. Это происходило отъ того, что она подозрѣвала въ Мартинистахъ тайныхъ Иллюминатовъ, въ которыхъ предполагала, не безъ основанія, революціонные замыслы. Пушкинъ назвалъ Ради-

щева тѣмъ же именемъ уже по ошибкѣ, принявши на вѣру выраженіе Екатерины. Пушкинъ мало былъ знакомъ съ этимъ вопросомъ, но сдѣлалъ при этомъ случаѣ, угаданный какимъ-то свойственнымъ ему особымъ поэтическимъ прозрѣніемъ, мастерской очеркъ характера извѣстнаго рода людей конца XVIII в., слегка пропитанныхъ духомъ, такъ сказать, легкаго, салоннаго Мартинизма. И-ръ въ своемъ предисловіи докторально повторилъ, что Радищевъ былъ Мартинистъ, или „поклонникъ возникавшей революціи и философіи энциклопедистовъ", то есть спуталъ разнородныя понятія, очевидно не зная того, о чемъ говоритъ.

Но если Пушкинъ ошибся въ этомъ отношеніи, то оцѣнка таланта и характера Радищева, сдѣланная имъ, совершенно вѣрна. Талантъ этотъ ничтоженъ; поступокъ же его при изданіи „Путешествія" ничѣмъ не объяснимъ, и опредѣлить школу, къ которой принадлежалъ авторъ — невозможно.

Нѣтъ сомнѣнія, что Радищевъ былъ человѣкъ умный, много читавшій и много размышлявшій. Но, знакомясь съ нимъ по тому, что̀ онъ написалъ, нельзя не убѣдиться, что умъ его, какъ говорится, „зашелъ за разумъ," что отъ чтенія этого въ головѣ его образовалась, по выраженію Французовъ, bibliothèque renversée и что слѣдовательно всѣ его размышленія не могли имѣть никакого выхода изъ сферы чисто - отвлеченной. Онъ писалъ въ проэктахъ своихъ о равноправности, гласномъ судопроизводствѣ, вѣротерпимости, свободѣ печати, уничтоженіи крѣпостнаго права, поземельной подати, свободной торговлѣ и т. п. Все это не дошло до насъ. Но мы достаточно знаемъ Радищева, чтобы быть увѣренными, что во всѣхъ этихъ проэктахъ не могло быть ничего, кромѣ похвальнѣйшихъ намѣреній, громкихъ и искреннихъ, но ребяческихъ фразъ и общихъ мѣстъ, но не было ни одного указанія, не только вполнѣ практическаго, но даже способнаго быть примѣненнымъ къ практикѣ.

Что̀ касается его политическихъ убѣжденій, то онъ конечно сознавалъ нѣкоторые недостатки тогдашнихъ порядковъ, подобно многимъ современникамъ. Но „революціонерство" его было не болѣе, какъ проявленіе рождавшейся въ немъ (и то вѣроятно изрѣдка) потребности выразить въ преувеличенномъ размѣрѣ и риторскимъ тономъ нѣкоторыя мысли довольно распространенныя въ теоріи у лучшихъ людей его поколѣнія. Разница была только въ томъ, что тѣ высказывали ихъ изустно и не публично. Радищевъ же, рѣшительно непонятно почему (что̀ замѣтилъ еще Пушкинъ и что̀ теперь подтверждается смысломъ собственныхъ признаній Радищева), напечаталъ ихъ, прибавивши къ тому нѣкоторыя произведенія своей фантазіи, разцвѣченныя увлеченіями, происходящими иногда у иныхъ отъ опьяненія процессомъ сочинительства и силясь подражать Рейналю, какъ самъ онъ сознался. На самомъ дѣлѣ, это былъ смирный, образованный чиновникъ, считавшій за счастіе получить Владиміра въ петлицу изъ рукъ Екатерины, которую почиталъ великой и славной государыней.

Собственно - литературный талантъ Радищева ничтоженъ, сказали мы. Радищевъ просто писалъ, потому что любилъ писать, не обладая вовсе авторскимъ искуствомъ. Языкъ его рѣшительно варварскій, чудовищный и для его эпохи. Читать его „Путешествіе" могутъ только литературные археологи и люди, одаренные особымъ любопытсвомъ. Это чтеніе чуть ли не утомительнѣе чтенія „Разговора между чужестраннымъ человѣкомъ и Россійскимъ объ ореографіи" и тому подобныхъ славныхъ твореній „Профессора элоквенціи, а паче хитростей піитическихъ" съ братіею. Недавно возбужденъ вопросъ о томъ, не онъ ли авторъ нѣкоторыхъ писемъ въ „Почтѣ духовъ"? Намъ кажется, что главный аргументъ противъ утвердительнаго отвѣта состоитъ въ томъ, что едвали Радищевъ могъ писать

такимъ относительно-легкимъ языкомъ, какимъ писаны эти письма.

Новое изданіе „Путешествія“ прежде всего неполно, потому что и теперь нельзя печатать выходки, подобныя напр. знаменитому „Сновидѣнію,“ которое будто бы привидилось автору въ Спасской Полести. Напечатано это изданіе, вѣроятно, по искаженному списку и съ страшными опечатками и ошибками. Съ первыхъ же страницъ встрѣчается: „кого чортъ давитъ“ (вм. „даетъ“), крестьянинъ, „пасущій“ (вм. „пашущій “)ниву (стр. 71 и 77.) и т. п. Статья о Радищевѣ новаго издателя составлена наскоро, коротко, безъ разбора или приведенія въ порядокъ матеріяловъ и вообще безъ знанія и всякаго тщанія. Радищевъ названъ въ одномъ мѣстѣ, вмѣсто Александра Николаевича, Николаемъ Александровичемъ (стр. 11). Авторъ думаетъ, что излагать родословную Радищева „совершенно не идетъ къ дѣлу“ (стр. 1.), хотя и имѣетъ ее подъ рукою. Онъ безцеремонно и рѣшительно объявляетъ, что „Пушкинъ никогда и ничему не учился“ (стр. 7.) Онъ не знаетъ даже, занимаясь однако специяльно Радищевымъ, откуда взяты матеріялы, которыми пользуется и называетъ брошюрой безъ означенія мѣста печати и имени автора“ (стр. 32 и др.) оттискъ изъ 3 книги „Чтеній“ въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ за 1865 годъ. Онъ принимаетъ на вѣру обстоятельства явно вымышленныя и опровергнутыя, напр. о доносѣ Державина (стр. 12), о причинѣ смерти Княжнина (стр. 14) и др., не умѣетъ объяснить имена товарищей Радищева въ Лейпцигѣ (стр. 4—7.), давно указанныя сперва нами, а потомъ окончательно Я. К. Гротомъ. Словомъ, видно, что издатель незнакомъ хоть сколько нибудь порядочно даже съ небогатымъ запасомъ матеріяловъ по избранному имъ предмету. Отзывы о Державинѣ и о Пушкинѣ, выраженія въ родѣ того, что „цензура *выхерила* нѣсколько листовъ (?) изъ Путешествія“ (стр. 66) и тому подобные признаки, ясно указываютъ, изъ какой литературной сферы вышла на свѣтъ эта книжка, которая, повторяемъ, есть не что иное, какъ жалкая спекуляція.

Но обратимся еще разъ къ Радищеву. Если Радищевъ, какъ писатель, не имѣетъ достоинствъ, то Радищевъ, какъ оригинальный экземпляръ между образчиками современнаго ему общества, какъ главное дѣйствующее лицо въ любопытномъ эпизодѣ изъ вѣка Екатерины, которая выходитъ въ немъ сама такъ рельефно на сцену, стоитъ изученія со стороны всякаго любителя или изыскателя старины. Поэтому приводимъ здѣсь перечень всѣхъ источниковъ существующихъ донынѣ для такого изученія.

1. *Бантышъ-Каменскій, Д. Н.* „Радищевъ, Александръ Николаевичъ.“ (Слов. достоп. людей, 1836, Ч. IV, стр. 258.)

2 *Борнъ, И. М.* „На смерть Радищева“ (Свитокъ Музъ, 1803, Ч. II, стр. 116.)

3. *Гротъ, Я. К.* а., „Записка о ходѣ въ 1860 году приготовительныхъ работъ по изданію Державина“ стр. 34 и б., „Сочиненія Державина“, Изд. Академіи Наукъ Т. III, стр. 579 и 757.

4. *Helbig.* „Radichew“. („Russische Günstlinge“, 1809, стр. 457.) Русскій переводъ князя Н. Н. Голицина въ Библ. Зап., 1858, № 23, стр. 729.

5. *Е. Я.* „Проза Пушкина.“ (Библ. Зап., 1859, № 6, стр. 161.)

6. *Кеневичъ.* „Иванъ Андреевичь Крыловъ.“ (Вѣстн. Евр., 1868, Кн. II, стр. 709.)

7. *Корсуновъ.* „Александръ Николаевичь Радищевъ.“ (Русск. Вѣстн., 1858, Т. XVIII, № 23, стр. 379.) Приложенія П. А. Радищева и примѣчанія М. Н. Лонгинова.

8. *Лонгиновъ, М. Н.* а., „Алексѣй Михайловичь Кутузовъ и Александръ Николаевичь Радищевъ.“ (Совре-

мен., 1856, № 8, смѣсь, стр. 147.) б., „Русскіе студенты въ Лейпцигскомъ Университетѣ“ (Библ. Зап., 1859, № 17, стр. 539.)

9. *Пнинъ. И. П.* „Стихи на смерть Радищева.“ (Свитокъ Музъ, 1803.)

10. *Пушкинъ, А. С.* „Александръ Радищевъ.“ (Соч. Пушк., Изд. Исакова, Т. V, стр. 439.)

11. *Пыпинъ, А. Н.* „Крыловъ и Радищевъ.“ (Вѣстн. Евр., 1868, Кн. V, стр. 419.)

12. *Селивановскій, Н. С.* „Записки.“ (Библ. Зап., 1858, № 17, стр. 518.)

13. Подлинные документы, относящіеся къ дѣлу Радищева помѣщены: а., Въ Сочиненіяхъ Екатерины II, Изд. Смирд., Т. III, стр. 392 и 393 и б., Въ „Чтеніяхъ въ Императ. Общ. ист. и древн. Рос.“, 1865, Кн. III, Отд., 5, стр. 67.

Изданія сочиненій Радищева: а., „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.“ 1-е изданіе, С. П. Б., 1790, чрезвычайно рѣдко. 2-е изданіе, Лондонъ 1858. Чрезвычайно неисправно. 3-е изданіе, С. П. Б., 1868. Тоже. (Есть превосходные, современные первому изданію, рукописные экземпляры) б., „Собраніе Сочиненій.“ 6 Частей, М., 1807—1811 съ портретомъ автора. (Очень рѣдко, хотя въ немъ и нѣтъ „Путешествія.“)

Портретъ Радищева со снимкомъ съ его почерка приложенъ къ „Библіографическимъ Запискамъ“ 1861 года.

Орелъ.
1 Іюня 1868.

Михаилъ Лонгиновъ.

ЗАМѢТКА.

Нельзя не привѣтствовать отъ души прекрасный трудъ г. Кеневича: „Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова“. Такихъ ученыхъ, подробныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій у насъ очень и очень немного, да и въ другихъ, болѣе богатыхъ по этой части литературахъ, книга подобная изданной Кеневичемъ, была бы явленіемъ весьма замѣтнымъ. Наша Академія ознаменовала день Крыловскаго юбилея напечатаніемъ ея. Имѣя „примѣчанія“ г. Кеневича и статью Академика Я. К. Грота о журнальной дѣятельности Крылова (Вѣстн. Евр., 1868, Кн. 3), мы уже можемъ надѣяться, что въ скоромъ времени изданіе сочиненій великаго писателя, достойное его имени, будетъ дѣломъ сбыточнымъ.

Считаю нелишнимъ дополнить примѣчанія Г. Кеневича немногими замѣтками, которыя у меня подъ рукою.

1., Къ числу переводчиковъ басней: I, „Дубъ и трость“; V, „Лягушка и Волъ“ и XIV „Стрекоза и муравей“ должно присоединить Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій его переводы эти напечатаны на стр. 174, 167 и 169.

2., Басня И. И. Дмитріева „Орелъ и Каплунъ“, съ которою имѣетъ сходство XV басня Крылова „Орелъ и Куры,“ заимствована изъ Арно (Arnault), род. 1766, ум. 1834.

3., Басня И. И. Дмитріева „Муха,“ съ которою сближается XVI басня Крылова „Муха и Дорожные,“ заимствована у Вилье (Villiers.)

4., Анекдотъ, который разсказанъ при баснѣ XLIX „Лжецъ“ происходилъ въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ и именно слѣдующимъ образомъ. Копьевъ, авторъ комедіи „Лебедянская ярманка“, говорилъ за обѣдомъ, будто ѣлъ огромную стерлядь, и прибавилъ: „она была длиной вотъ какъ отъ меня до... до, вотъ какъ до Ивана Андреевича“ (Крыловъ сидѣлъ напротивъ его). Крыловъ отодвинулся въ бокъ и спросилъ Копьева: „не мѣшаю ли я вамъ?“

5., Опечатки. Стр. 109, с. 13, нап. 1762, чит. 1862. Стр. 117, с. 26, нап. 1819 чит. 1813. Стр. 143, с. 5 нап. Арсеневъ, чит. Арсеньевъ.

6., Стихотвореніе князя Вяземскаго, о которомъ говорится на стр. 139, называется: „И. И. Дмитріеву, въ день его именинъ". Оно напечатано въ „Сынѣ Отечества," 1822, Ч. 82, стр. 83.

7., Стр. 161. Штабсъ капитанъ, изображающій лицо Катенина въ „Черной Женщинѣ" Греча, называется тамъ не Закатаевымъ, а Залетаевымъ.

8., Стр. 243. На картинкѣ, приложенной къ баснѣ Крылова „Кукушка и пѣтухъ" въ 2 томѣ альманаха „Сто русскихъ литераторовъ," изображены карикатуры Греча и Булгарина, бесѣдующихъ въ книжной лавкѣ.

9., Кстати сообщу подлинный анекдотъ, относящійся къ Чичагову, о которомъ говорится на стр. 116 по поводу басни „Щука и Котъ." Когда знаменитый графъ Ростопчинъ жилъ въ Парижѣ, во время реставраціи, его очень часто навѣщалъ по утрамъ любезный и просвѣщенный князь Кастельчикалла, Неаполитанскій посланникъ при Людовикѣ XVIII, страшный ненавистникъ Наполеона. Часто являлся туда и Чичаговъ. Только что послѣдній, тощій какъ спичка, входилъ въ комнату, огромный и толстый Кастельчикалла бросался къ нему на шею и душилъ его въ объятіяхъ, крича: Permettez, cher amiral, que je vous «exprime ma reconnaissance!» Чичаговъ вырывался отъ него, а князь продолжалъ: «Vous avez laissé passer la Bérézina à Napole«on! Si vous l'aviez pris, je n'aurais pas eu «la joie de le voir crever de rage à Sainte Hé«léne!» (*) Чичаговъ, имѣвшій очень горячій характеръ, приходилъ въ ярость, начиналъ жестоко ругать Кутузова и такъ бранился съ княземъ, что дѣло чуть не доходило иногда до грозной развязки, и Ростопчинъ долженъ бывалъ вступаться въ дѣло и мирить пріятелей.

Орелъ.
20 Марта 1868.

М. Лонгиновъ.

(*) Переводъ: „Позвольте, любезный адмиралъ, выразить вамъ мою признательность! Вы допустили „Наполеона перейти черезъ Березину! Еслибъ вы его „взяли, я не имѣлъ бы той радости, что онъ околѣваетъ отъ бѣшенства на островѣ Святой Елены!"

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ ТУЛЬЧИНЪ О СЕМЕНОВСКОМЪ ВОЗМУЩЕНІИ 1820 ГОДА.

Дабы предупредить ложные слухи или пристрастные разсказы о происшествіи въ Семеновскомъ полку, я долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства подробное онаго описаніе, будучи во многихъ случаяхъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

17-го числа (октября 1820) въ субботу, 1-я рота 1-го баталіона въ 8-мь часовъ вечера собралась самовольно какъ будто къ перекличкѣ. Когда фельдфебель сказалъ имъ, что переклички еще нѣтъ, тогда они ему объявили, что желаютъ видѣть своего капитана и просятъ попросить его къ нимъ, ибо имѣютъ принести ему жалобу единогласно. Послали за Кошкаровымъ; не застали его дома; искали по городу, и въ 11-мъ часу явился онъ къ солдатамъ.—Они ему объявили, что не могутъ переносить болѣе тиранства полковаго ихъ командира Шварца, что весь полкъ рѣшился просить о другомъ начальникѣ, и что съ сей роты сія просьба начинается. «Ваше высокоблагородіе «насъ умнѣе»,—сказали они,—«сдѣлайте какъ думаете лучше, лишь «бы главное начальство узнало о на«шей жалобѣ, и вошло въ несчастное «наше положеніе». — Кошкаровъ отвѣчалъ: «Я не могу сдѣлать этого «мимо полковаго командира, но обѣщаю вамъ доложить о томъ выше;—«теперь ложитесь спать: завтра все «поправится». Они пошли спать.

Кошкаровъ тотчасъ увѣдомилъ о семъ Шварца и генерала Васильчикова, и ужасное слово: «взбунтова-

лась государева рота», — произнесено громогласно. — Васильчиковъ въ 1-мъ часу посылаетъ Бенкендорфа спросить у преступниковъ: что̀ это значитъ? Бунтующихъ солдатъ перебудили и собрали къ отвѣту. — Они сказали: что тиранства Шварца превосходятъ мѣру ихъ терпѣнія, что они употребили всѣ средства для обнаруженія ихъ положенія, но что ихъ не слушали; нѣкоторые солдаты и унтеръ-офицеры приходили объявлять о томъ въ Ордонансъ-Гаузъ, жертвуя собою; но ихъ били, отсылали въ свои мѣста и шефа не укрощали; и что наконецъ просили они своего капитана довести о томъ до свѣдѣнія главныхъ начальниковъ, о чемъ и весь полкъ проситъ. — Генералъ сказалъ: «Хорошо; я перескажу все корпусному «командиру, а вы ложитесь спать». Бунтовщики полегли спать.

На утро воскресенья съ тѣмъ же присланъ былъ Бистромъ, и тоже ему солдаты сказали. Между тѣмъ въ понедѣльникъ—Семеновскій караулъ; солдаты зачали чистить аммуницію и сдѣлали расчетъ. Васильчиковъ посылаетъ Великаго Князя (*) — усмирить бунтовщиковъ и поступить, какъ военная дисциплина повелѣваетъ, Его Высочество пріѣзжаетъ въ роту, и солдаты еще разъ повторяютъ тоже. Начинается сужденіе, что̀ съ ними дѣлать. Двѣ Павловскихъ роты отряжены къ экзерциргаузу, а ротѣ Семеновской въ 6 часовъ вечера велѣно безоружною идти тудаже. Она пошла. Павловскіе имѣли по три патрона, и однимъ зарядили ружья на дворцовой площади. Рота пришла, ее окружили и отвели въ крѣпость. Въ полку о семъ узнали, и тогда весь полкъ пришелъ въ волненіе: солдаты спать не ложились; въ два часа ночи всѣ вышли передъ полковой дворъ, и рѣшились не идти въ караулъ, если не отдадутъ имъ ихъ 1-ю роту, ибо всѣ они одно говорятъ, одного желаютъ и одинаково виноваты, если 1-я рота виновата.

Пріѣзжаетъ Васильчиковъ. «Стройся!» 2-й и 3-й батальонъ построились, а 1-й сказалъ, что нельзя ему строиться, ибо головы нѣтъ. Тогда и тѣ два разошлись, закричавъ: «отдайте намъ нашу 1-ю роту». Солдаты были въ фуражкахъ и шинеляхъ, и безъ малѣйшаго оружія.

Васильчиковъ въ 4 часа ночи поѣхалъ къ Милорадовичу, разбудилъ его самъ, и просилъ его вступиться въ это и поговорить съ солдатами, сказавъ: «Солдаты васъ любятъ, и кромѣ васъ некому намъ помочь». Графъ съ нимъ поѣхалъ въ полкъ и вошелъ къ солдатамъ. «Что это, братцы, такъ ли я васъ привыкъ видѣть— въ толпѣ и въ непослушаніи?» — Всѣ къ нему: «Ваше сіятельство! вы насъ «знаете,—было ли это когда нибудь; «но насъ мучаютъ, не хотятъ слу«шать, и никто за насъ не всту«пается. Войдите въ наше положеніе,— «заступитесь за насъ. Богу и Госу«дарю мы вѣрны; но тиранства бо«лѣе сносить не можемъ». Тутъ зачали просить о 1-й ротѣ и сказали, что сдѣлаютъ все, что̀ угодно, если ее имъ отдадутъ.

Генералы всѣ поѣхали толковать; а между тѣмъ нѣкоторые вошли въ домъ Шварца, разбили тамъ три стекла и одно зеркало; можетъ быть пошло бы это и далѣе, но сторожъ въ комнатахъ объявилъ имъ, что Шварца нѣтъ (онъ въ то время скрылся, и не прежде появился на свѣтъ, какъ на третій день по происшествіи) — сказавъ: «Эхъ, братцы! что вы ка«зенное портите, вѣдь на насъ взы-

(*) Михаила Павловича.

«щется». — «Правда», — сказали они, «что ихъ въ бѣду вводить!», и вышли вонъ. Вошедшихъ солдатъ было 13 человѣкъ, какъ говорятъ.

Теперь въ Главномъ Штабѣ судятъ и рядятъ. Противу сихъ $^3/_7$ фуражныхъ и шинельныхъ бунтовщиковъ, вооружили весь Петербургскій гарнизонъ. На 12-ти передкахъ забрали боевыхъ патроновъ съ картечами изъ лабораторіи на 30 пушекъ. Кавалергардовъ и конную гвардію посадили на коня. Орловъ (**) говорилъ рѣчь: какъ..... надо стрѣлять и рубить хорошенько Семеновскихъ солдатъ. Два баталіона лейбъ-гренадеровъ съ боевыми патронами поставлено около крѣпости. Полагали, что пойдутъ выручать 1-ю роту. Послано за драгунами въ Петергофъ. Положено было приступить вдругъ со всѣхъ сторонъ. Когда конницѣ велѣно было двинуться, тогда Васильчиковъ съ Бенкендорфомъ пріѣхали напередъ къ солдатамъ и стали уговаривать ихъ къ послушанію. Солдаты повторили имъ прежнюю свою просьбу и просили о 1-й ротѣ. Генералы сказали: «Ваша 1-я рота въ крѣпости; выпустить ее нельзя; ступайте къ ней, когда хотите».—«Покорно благодаримъ, ваше превосходительство; пойдемъ, ребята, въ крѣпость», и какъ были, такъ и пошли. Офицеры рѣшились идти съ ними, для удержанія порядка. А между тѣмъ конная гвардія, въ полномъ вооруженіи, чрезъ Обуховъ къ Семеновскому полковому двору, прибыла благополучно, и не заставъ никого, кромѣ народу, бывшаго зрителемъ, прошла мимо казармъ и повернула чрезъ Семеновской мостъ къ себѣ домой, не застрѣливъ и не изрубивъ ни одного человѣка. Каблукову, командовавшему отрядомъ кавалергардовъ, донесено, что корпусъ непріятеля прошелъ уже къ Троицкому мосту, и что его войска могутъ токмо испугать однихъ отставшихъ солдатъ, кои малыми кучками спѣшатъ принять оковы съ своими товарищами; — и для того генералъ Каблуковъ велѣлъ своему отряду пройти мимо его повзводно и сдѣлать нѣсколько оборотовъ, дабы чернь не испугалась и могла бы сіе принять за ученье. Но, къ несчастію его, дождь и грязь мѣшали таковому предположенію, и народъ всѣ ихъ проказы видѣлъ ясно.

Между тѣмъ генералы всѣ возвратились въ Штабъ и зачали разсуждать о дальнѣйшихъ подвигахъ. Пріѣхалъ къ нимъ Милорадовичь, извѣщенный полиціею о всѣхъ мѣрахъ вооруженія, вмѣстѣ съ Закревскимъ; стали говорить противу сей мѣры и подали мнѣніе ихъ, чтобъ солдатъ не разбивать по три человѣка въ полкъ (какъ предполагалъ Толь), а разлучить по баталіонно. Поѣхали всѣ въ крѣпость. Солдаты уже тамъ. Гр. Милорадовичь, увидя лейбъ-гренадеровъ у крѣпости, отослалъ ихъ назадъ. Въ крѣпости съ Закревскимъ вмѣстѣ пошелъ по казематамъ, куда солдаты размѣщены были, и зачали имъ говорить о ихъ ошибкѣ, но не такъ, какъ съ бунтовщиками; уговаривали ихъ къ повиновенію, и графъ обѣщалъ имъ ходатайствовать за нихъ у государя, снялъ отъ нихъ часовыхъ и поручилъ имъ самимъ смотрѣть за собою, объявивъ токмо, что они арестанты.—„Слушаемъ, ваше сіятельство, будемъ смотрѣть сами за собою и ослушниковъ не будетъ".—И въ самомъ дѣлѣ никто за дверь не выглянулъ.

Положено: одинъ баталіонъ въ Кексгольмъ, другой въ Свеаборгъ, 1-му

(**) Впослѣдствіи князь Алексѣй Ѳедоровичь.

здѣсь остаться. Въ понедѣльникъ, 19 числа, сдѣланы исполнительныя распоряженія; во вторникъ по утру готовы были у крѣпости пароходы, для перевоза войскъ назначенные. Не знали, пойдутъ ли солдаты добровольно на суда, или должно будетъ ихъ принудить. Съѣхались генералы. Васильчиковъ не говорилъ ни слова съ солдатами; Потемкинъ много уговаривалъ; надъ Толемъ солдаты смѣялись и не слушали его. Болѣе же всѣхъ успѣли Милорадовичь съ Закревскимъ; сей послѣдній говорилъ хотя и строго, но разумно и милосердо, а графъ оказалъ удивительное искусство говорить съ солдатами и возбуждать въ нихъ готовность къ выполненію воли начальства. Одинъ солдатъ въ казематѣ оказалъ сопротивленіе, сказавъ: „не прежде мы пойдемъ, какъ когда отдадутъ намъ роту". Сего графъ самъ взялъ за шинель и толкнулъ въ дверь вонъ, сказавъ: „вотъ одинъ, который всѣхъ васъ мараетъ. Много ли еще такихъ между васъ? Ихъ искоренить надобно; они недостойны быть между вами." Солдатъ, воспротивясь выйти, отскочилъ въ сторону, закричавъ: „за меня ребята!",—но никто съ мѣста не тронулся, и Закревскій съ графомъ, вытолкнувъ солдата насильно, приказали взять его подъ караулъ особо. Тутъ пошли солдаты на суда, прося графа, чтобы онъ за нихъ у государя предстательствовалъ и не оставилъ бы ихъ женъ и дѣтей. При семъ словѣ графъ, оборотясь къ своему адъютанту Фридрихсу, приказалъ ему ѣхать къ женамъ солдатскимъ и объявить имъ, что онъ особенно принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, а что всегдашняя его привязанность къ женщинамъ достаточно можетъ ихъ увѣрить, что онъ сдержитъ свое слово.

Солдаты поѣхали, офицеры съ ними; остались токмо Обрѣзковъ и Нарышкинъ, первый за женою, другой за болѣзнію; чрезъ четыре дня Нарышкинъ поѣхалъ.

Поведеніе солдатъ примѣрно; ни одного грубаго слова никому не сказали. Со всѣми офицерами своими и встрѣчными говорили учтиво и снявъ фуражку. По дорогѣ въ крепость за все платили что̀ въ лавочкахъ брали. Любопытнымъ отвѣчали: „идемъ въ крѣпость, видно тамъ есть какая нибудь работа."— При всякомъ разговорѣ съ генералами напоминали о присягѣ ихъ, о вѣрности Богу и государю; о готовности за него пролить кровь свою, но и о нестерпимости ихъ мученій. Жаловались, что Шварцъ приказывалъ одному на другаго плевать въ рожу; одной шеренгѣ другую бить по щекамъ; самъ щипалъ за губы подъ носомъ у тѣхъ, у коихъ усы, за неимѣніемъ натуральныхъ, нерегулярно нарисованы, разувалъ ноги и голыми ступнями заставлялъ у себя маршировать для выправки носковъ (дабы сказать сію новомодную похвалу маршированію: *какая игра въ поскахъ*!); увязывалъ солдатъ въ ремни для выправки талій; и наконецъ принуждалъ для чистки аммуниціи распродать имъ послѣднее ихъ имущество.

На нихъ наряженъ военный судъ. Левашевъ презусомъ; Гурьевъ и Сухтеленъ ассесорами; полковниковъ довольно: Воропановъ, Бергманъ и проч. Никого еще не обвинили. Съ донесеніемъ къ государю поѣхалъ 22-го Чаадаевъ. Шварцу приказомъ отказали отъ команды, а приказомъ 29-го дали выговоръ Орлову за опозданіе развода. Теперь все находится между страха и надежды въ ожиданіи рѣшенія государя. Городъ пре-

возноситъ Милорадовича; терпѣть не можетъ Васильчикова, обвиняя его, что (по словамъ солдатъ) инспекторскій смотръ сдѣлалъ онъ въ Семеновскомъ полку въ августѣ мѣсяцѣ такъ, что съ перваго слова всѣмъ солдатамъ ротъ зажалъ, оказавъ явное потворство Шварцу.

Вотъ Вашему Превосходительству подробнѣйшее извѣстіе о происшествіи семъ, котораго я по несчастнымъ моимъ обстоятельствамъ былъ свидѣтелемъ, но которое есть послѣднее при мнѣ: ибо по отправленіи курьера и я дни черезъ три отправлюсь, призывая до времени возвращенія моего всемилостивое и благодѣтельное ваше ко мнѣ расположеніе,—да не буду я лишенъ оныхъ за цѣну тѣхъ чувствъ привязанности и почтенія, съ коими я за честь и счастіе поставлю именоваться и пр.

(Получено въ современномъ спискѣ изъ Симбирска отъ князя Василія Ивановича Баюшева.)

ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ ЖУКОВСКОМУ (*)

(Изъ бумагъ Жуковскаго).

1.

1804 г. 31 октября.

Сердечно благодарю васъ, мой любезный Василій Андреевичъ! Катерина Андреевна, слава Богу! родила хорошо, и до сей минуты все идетъ, какъ надобно. Съ душевнымъ удовольствіемъ вѣрю вашей дружбѣ и смѣю думать, что между искренними, добрыми сердцами и моимъ не должно быть антипатіи. Обнимаю васъ мысленно и дамъ вамъ знать, когда можемъ увидѣться безъ хлопотъ.

Это письмо, вѣроятно, написано при самомъ началѣ дружескаго сближенія Карамзина съ Жуковскимъ. Рѣчь идетъ о рожденіи дочери его, Наталіи, которая скончалась въ младенчествѣ.

2.

Именинница васъ искренно благодаритъ, любезный мой Василій Андреевичъ! Поздравьте отъ меня Катерину Семеновну. Если не можно нынѣшній день, то нельзя ли обѣдать въ субботу?

Должно быть писано 24-го ноября. Катерина Семеновна- вѣроятно, Тургенева, мать Александра Ивановича.

3.

Христосъ воскресе! Я не забылъ нашего условія; но жестокая болѣзнь князя и нѣсколько времени мое собственное нездоровье мѣшали мнѣ назначить день для чтенія. Князю опять нѣтъ лучше, и мы въ крайнемъ безпокойствѣ. Поздравьте отъ меня съ праздникомъ любезнаго Димитрія Николаевича и скажите ему о причинѣ моего долговременнаго молчанія. Желаю, чтобы онъ не имѣлъ обо мнѣ худыхъ мыслей: ибо искренно уважаю его.

Это письмо писано, вѣроятно, въ 1806 году — годъ кончины князя Андрея Ивановича Вяземскаго, послѣдовавшей на Пасхѣ. Дмитрій Николаевичъ, долженъ быть Блудовъ.

(*) Сообщены княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Ему же обязаны мы и за примѣчанія къ этимъ письмамъ. *П. Б.*

4.

Остафьево, 10 іюля 1813.

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо, любезный Василій Андреевичъ. Горесть наша велика. Богъ знаетъ что́ и для чего дѣлаетъ. Да будетъ Его святая воля! Между тѣмъ, я не то, что̀ былъ. Душа болѣе и болѣе темнѣетъ. Истерзанный потерями, опасаюсь наслаждаться и остальнымъ. Искренно желаю увидѣть васъ. Въ надеждѣ на скорый миръ, думали мы ѣхать въ Петербургъ: теперь говорятъ, что опять возобновится война. Можетъ быть, останемся въ Москвѣ на зиму. Не хочу дѣлать плановъ. Жена и дочери мои вамъ дружески кланяются. Меньшая опять неможетъ. Простите. Обнимаю васъ отъ души. Преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

На конвертѣ:

Его Благородію Милостивому государю моему Василью Андреевичу Жуковскому. *Въ Бѣлевѣ.*

Около этого времени Карамзины лишились еще ребенка. Передъ тѣмъ понесли они подобную утрату въ Нижнемъ Новгородѣ.

5.

Любезнѣйшій! Императрица Марія приказала вамъ послѣ-завтра, то есть, въ воскресенье по утру въ 11 часовъ, передъ обѣднею, быть у нея въ Павловскѣ, чтобы познакомить васъ съ Великою Княгинею. И такъ, просимъ непремѣнно тамъ явиться. Вашъ *Н. Карамзинъ.*

24 авг.

На конвертѣ:

Нужное.

Василію Андреевичу Жуковскому. На Невскомъ проспектѣ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ Блудова, противъ Барбизана. Въ С. Петербургѣ.

Это письмо должно быть отнесено къ 1816 году, когда уже Карамзинъ съ семействомъ переселился на житье въ Петербургъ, и рѣчь въ немъ идетъ о представленіи Жуковскаго Великой Княгинѣ Александрѣ Өедоровнѣ.

6.

Любезнѣйшій! Я къ вамъ писалъ вчера, но теперь еще посылаю нарочнаго съ сею запискою. Императрица вдова, наговоривъ мнѣ объ васъ много прекраснаго, велитъ вамъ въ воскресенье по-утру явиться къ ней въ Павловское, т. е. завтра, чтобы представить васъ Великой Княгинѣ. Итакъ, непремѣнно отправьтесь, чтобы быть тамъ прежде одиннадцати часовъ утра. Приготовьтесь къ нѣмецкимъ фразамъ. Обнимаю васъ нѣжно. Напишите ко мнѣ строчку. Вашъ *Н. Карамзинъ.*

25 авг.

Адресъ:

Василью Андреевичу Жуковскому. Въ домѣ Д. Н. Блудова, на Невскомъ проспектѣ.

„Приготовьтесь къ нѣмецкимъ фразамъ": вѣроятно, для разговора съ Великою Княгинею, которая не за долго предъ тѣмъ пріѣхала въ Россію и не могла вести разговоръ порусски. Послѣ, подъ руководствомъ Жуковскаго, она полюбила русскій языкъ и русскую поэзію, собственноручно записывала въ свои записныя книжки стихотворенія, которыя ей болѣе нравились, и многія знала наизустъ. Никогда не забуду, съ какимъ чувствомъ изволила она мнѣ показывать въ Николаевскомъ Дворцѣ, во время коронаціи нынѣ царствующаго Императора, на комнату и едва-ли не на самый тотъ столъ, гдѣ слушала она уроки Жуковскаго.

7

С. Петербургъ, 1 ноября 1817.

Любезнѣйшій поэтъ! Сердечно благодарю васъ за милое, дружеское

письмо, которое меня до слезъ тронуло (это слабость.) Мы любимъ, чтобы насъ любили, а особливо хорошіе люди, такіе какъ Ваше Превосходительство. Привѣтствую васъ въ кельѣ; надѣюсь, что и Музы уже васъ тамъ привѣтствовали. Дайте знать о слѣдствіяхъ вашего съ ними свиданія. Искренно могу сказать, что всякое новое изящное произведеніе Свѣтланы меня порадуетъ. Въ самомъ дѣлѣ мѣсто прекрасно для вдохновенія. Куда ни взглянешь, все старо и болтливо для воображенія *Чу!* NB. Это *Чу!* есть здѣсь прилагательное, г. учитель!—Прошу менѣе тосковать о минувшемъ, а болѣе веселиться настоящимъ. Ваше положеніе имѣетъ немало пріятностей: говорите себѣ это почаще и благодарите Бога, Который къ намъ милостивъ.—Не худо, еслибъ вы сказали мнѣ, что̀ вамъ именно полюбилось и *не* полюбилось въ моей исторіи; впрочемъ sans apprêt et sans gêne.—Мы здоровы. Работаю съ утра до вечера: отъ чего иногда худо сплю. Дай Богъ, чтобы все это сошло съ рукъ хотя изрядно, не худо!—Всѣ васъ обнимаемъ, любезнѣйшій; но за *невѣсту* не отвѣчаемъ; впрочемъ ищемъ, ищемъ! M-lle Левенштернъ у насъ пила чай; и объ васъ говорили: бьется-ли сердце? Простите. Жена въ особенности вамъ кланяется, и болѣе, нежели кланяется. Богъ съ вами и съ нами. Вашъ

Н. Карамзинъ.

Къ Императрицѣ я уже писалъ: не можете-ли узнать, дошло-ли это письмо, не малаго размѣра, по своему адрессу?

Рукою Екатерины Андревны: Bonsoir, mon cher et bon Joukovsky, soyez tranquille. Je pense souvent à vous, donc je songe aussi à la promise future, je suis à la recherche. На конвертѣ надпись рукою Карамзина:

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Василью Андреевичу Жуковскому при Е. И. В. Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ. Отдать во дворцѣ. Въ Москвѣ.

Привѣтствую васъ въ кельѣ. Вѣроятно, подразумѣвается здѣсь комната, въ которой жилъ Жуковскій въ Кремлѣ. ***Чу***—вѣроятно, шутка относительно Дашкова, который въ Арзамасѣ прозывался: ***Чу***. Жуковскій всегда былъ озабоченъ мыслію и желаніемъ жениться и, полушутя-полусерьезно, поручалъ Карамзинымъ пріискать ему невѣсту.

8

Генв. 2, 1818.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ! Будьте здоровы и благополучны во все теченіе наступившаго года; разумѣется также любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Я долго не писалъ къ вамъ; за то теперь пишу нездоровый: это стоитъ двухъ писемъ. Милый Тургеневъ увезъ у меня ваше послѣднее письмо и до сего времени не возвратилъ. Помню его содержаніе; но мнѣ хотѣлось имѣть его передъ глазами, чтобы отвѣчать вамъ. На Тургенева сердиться не могу: онъ такъ мило ведетъ себя противъ насъ! Вообразите, что никогда даже не дремлетъ въ нашемъ домѣ; поетъ, какъ птица, то о женщинахъ, то о мущинахъ; и ѣздитъ къ намъ черезъ день или черезъ два и не для общества, ибо у насъ (кромѣ рѣдкихъ визитовъ) никого не бываетъ.

Вы угадали наши чувства, любезнѣйшій, по случаю внезапной для насъ кончины добраго Митеньки. Князь Петръ рано поступилъ въ училище страданія. Горесть проходитъ, конечно; но что-то горькое остается въ сердцѣ. Скажите мнѣ, продолжается-ли ваше благословенное очарованіе? *Учи-*

тельство такъ-ли веселитъ васъ, какъ прежде?—На той почтѣ доставлю вамъ и Д. Н. Блудову (любезному и любимому) IV т. Исторіи, вмѣстѣ съ третьимъ. Истинно-дружески обнимите за меня и Дм. Николаевича и Дмитрія Петровича съ умиленіемъ (дѣйствительно умиленіемъ). Чувствую всю цѣну ихъ дружбы. Простите, добрый и мнѣ милый человѣкъ! Я не думалъ и столько написать къ вамъ. Надобно-ли говорить, что мы любимъ васъ *двое?* Въ этомъ случаѣ жена и мужъ одинъ человѣкъ. Обнимаю васъ нѣжно. На вѣки вашъ.

Н. Карамзинъ.

На адресѣ его-же рукою:

Его Высокоблагородію Милостивому Государю Василью Андреевичу Жуковскому. Отдать Е. П. Константину Яковлевичу Булгакову. Въ Москвѣ.

Тургеневъ имѣлъ отмѣнную способность или слабость, засыпать среди пріятельскаго кружка и самой оживленной бесѣды. И то правда, что онъ всегда вставалъ рано и проводилъ день, частью весьма дѣятельно, частью весьма подвижно: занимался дѣлами Департамента своего; кромѣ того состоялъ при разныхъ Комитетахъ, разъѣзжалъ по пріятелямъ и знакомымъ, которыхъ было у него много, по обѣдамъ, именно *по обѣдамъ,* ибо иногда справлялъ онъ ихъ по два въ день, говоря, что не знаетъ, *успѣетъ ли проголодаться.* Помню, что однажды переслалъ я къ нему, чрезъ Константина Яковлевича Булгакова, письмо съ надписью: *безпутному Тургеневу гдѣ-нибудь на перепутьи,* и Булгаковъ такъ приноровилъ, что почтальонъ передалъ ему письмо по дорогѣ въ Царское Село или въ Петергофъ. Относительно сонливости его, припомню слѣдующій случай. Однажды, при чтеніи Карамзинымъ въ Петербургѣ нѣкоторыхъ главъ изъ Исторіи (тогда еще не напечатанной) и въ присутствіи Жуковскаго, Блудова, Дашкова,—Тургеневъ такъ неожиданно и такъ звучно всхрапнулъ, что мы всѣ вздрогнули, а онъ проснулся. Карамзинъ, будто ничего не примѣчая, спокойно продолжалъ чтеніе свое. Въ ту самую зиму мы часто съѣзжались по вечерамъ у любезной и просвѣщенной Свѣчиной и почти всегда встрѣчали у нея извѣстнаго графа Іосифа де-Местра съ семействомъ, т. е. съ женою и дочерьми. Способность его засыпать превышала еще способность Тургенева. Онъ былъ большой говорунъ и говорилъ прекрасно, а иногда и краснорѣчиво: часто, среди разговора самаго увлекательнаго, вздремнетъ онъ на минуту или двѣ и, потомъ встрепенувшись, договариваетъ мысль свою, или возражаетъ противнику. Описывая салонъ Свѣчиной, который былъ отборный и по собесѣдникамъ своимъ и по личности самой хозяйки, умѣвшей руководить разговоромъ и оживлять его собственнымъ участіемъ, я когда-то сказалъ:

„И гдѣ, не зная принужденья,
Спитъ Местеръ самъ-четвертъ, Тургеневъ самъ-одинъ".

Жена и дочери де-Местра не были такими савоярскими сусликами, какъ онъ; но вообще были довольно сонны. Графъ Ростопчинъ, также одинъ изъ прилежныхъ посѣтителей салона Свѣчиной, разсказывалъ, что, когда, послѣ долгой разлуки, семейство де-Местра пріѣхало къ нему въ Петербургъ, и онъ, увидя подъѣзжающую къ крыльцу дорожную карету, сбѣжалъ съ лѣстницы—мать и дочери выпрыгнули изъ кареты: они бросились въ объятія другъ къ другу и тутъ-же заснули. Кто-то пришелъ и разбудилъ ихъ.

9.

С. Петербургъ, 11 марта 1811 *)

Обнимаю васъ, любезнѣйшій мой и нашъ Василій Андреевичъ, съ сер-

*) Описка, должно быть 1818.

дечной благодарностію за дружеское послѣднее письмо и за двѣ тетрадки прекрасныхъ стиховъ, которые я нѣсколько разъ читалъ и для себя и для другихъ. Вмѣсто: *Для немногихъ,* я поставилъ-бы: *не много, да хорошо.* Видите, что я не врагъ стихотворства, хотя и рѣдко читаю стихи! Есть люди, съ которыми рѣдко видимся: не слѣдуетъ изъ того, чтобы мы имѣли къ нимъ нелюбовь. Но вы помните нѣкоторыя мои злословія.... виноватъ; но кто иногда не злословилъ? Довольно, что читаю ваши стихи съ искреннимъ удовольствіемъ: это все примиряетъ.

Исторія моя вступила въ продажу 2 февр., а 26 февр., въ 11 часовъ утра, были куплены у меня послѣдніе экземпляры. И такъ, она скончалась, къ неутѣшной горести десяти, (а можетъ-быть и болѣе) знаменитыхъ мужей, но къ живѣйшему удовольствію смиреннаго ея родителя—и къ вашему, какъ я увѣренъ, не сомнѣваясь въ дружбѣ Жуковскаго къ Карамзинымъ. Вотъ наши новости! А что дѣлается у васъ? Продолжается-ли очарованіе, или кроткое удовольствіе сердца? Такъ-ли вамъ хорошо, какъ было? Умный, добрый Блудовъ говоритъ, что вы совершенно довольны. Я два раза былъ здѣсь у В. К. Николая Павловича, не заставалъ его и отдалъ два экз. Исторіи камердинеру его, для него и для Великой Княгини, но не имѣлъ никакого отзыва отъ ихъ высочествъ: дошли-ли до нихъ экземпляры?

Простите и любите насъ — мужа, жену и дѣтей. Будьте здоровы и веселы. На вѣки вашъ. *Н. Карамзинъ.*

Рукою Екатерины Андреевны приписано:

Oui, mon cher et bon monsieur Joukovsky, suivez l'avis de mon mari et aimez nous un peu, parceque nous vous aimons beaucoup. Je vous remercie pour *les petits livres* qui contiennent tant de jolies choses. J'espère que la Grande D. apprendra avec plaisir une langue qu'on lui enseigne avec tant de grâce. Bonsoir, personne au monde ne vous désire plus de bien et plus sincerement que celle qui est pour la vie votre toute devouée C. K.

Карамзинъ былъ очень строгъ къ стихотворцамъ и къ стихамъ и *рѣдко читалъ ихъ*, какъ и самъ признавался. Особенно обращалъ онъ вниманіе и критику свою, такъ-сказать, на экономическое расположеніе и ходъ стихотворенія. Въ этомъ отношеніи, Жуковскій былъ иногда чрезъ мѣру обиленъ. Говоря языкомъ, которымъ часто любилъ онъ забавно выражать свою мысль, можно сказать, что онъ *расплывался,* хотя и звучными и блестящими стихами. У него не было трезвой сжатости и строго-стройной соразмѣрности, которыми такъ отличался Пушкинъ. Однажды у Дмитріева, пріѣзжавшаго въ Москву изъ Петербурга во время министерства своего, Жуковскій читалъ намъ только-что написанную поэму свою: „Пѣвецъ на Кремлѣ“. Карамзинъ слушалъ со вниманіемъ, но въ срединѣ чтенія не вытерпѣлъ и сказалъ: „Впередъ, впередъ! Вы все на одномъ мѣстѣ кружитесь“. Въ этомъ письмѣ Карамзинъ говоритъ о поэтическихъ бездѣлкахъ, которыя Жуковскій издавалъ *Для немногихъ.*

Дмитріевъ не такъ отзывался о нихъ. Онъ вообще былъ кровный и всецѣлый классикъ: очень уважалъ Жуковскаго и сочувствовалъ ему, но никогда не могъ совершенно примириться съ романтическими и фантастическими произведеніями нѣмецкой поэзіи, которой Жуковскій явился у насъ отголоскомъ и представителемъ. При появленіи первой книжечки, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, встрѣтясь съ Дмитріевымъ, спросилъ его: „Читали-ли вы „Для немногихъ“ ?“— „Для немногихъ, да и не много“ отвѣчалъ онъ.

Князь Вяземскій.

ГЕНЕРАЛЪ ГРАФЪ ЛЕОНТІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЬ БЕНИГСЕНЪ.

Бенигсенъ изъ Ганноверскихъ дворянъ, вѣчно въ Россійскомъ подданствѣ никогда быть не желалъ, и на то присягою не обязанъ (1).

Сначала онъ служилъ въ Ганноверской пѣхотной гвардіи, произведенъ въ прапорщики въ 1759 году, поручикомъ въ 1760 г., капитаномъ въ 1763 г., маіоромъ въ 1768, подполковникомъ въ 1773-мъ (2).

Въ томъ же году Декабря 31-го перешелъ въ Россійскую службу и принятъ премьеръ-маіоромъ. Онъ опредѣленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ сверхъ комплекта, а изъ онаго помѣщенъ въ комплектъ въ Нарвскій пѣхотный въ 1775-мъ; пожалованъ въ подполковники въ 1778 Декабря 12-го; по генеральному производству помѣщенъ въ Кіевскій легкоконный, и въ семъ же полку произведенъ въ бригадиры.

Бенигсенъ сдѣлалъ походъ Турецкій въ такъ называемую Румянцовскую войну, кончившуюся миромъ при Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году; съ 1783 по 1784 г. употребленъ былъ въ Польшѣ; съ 1788-го отличался въ Потемкинской войнѣ съ Портою Оттоманскою. — Онъ находился на Очаковскомъ приступѣ, въ сраженіи подъ Каушанами, при осадѣ и взятіи Бендеръ. — По заключеніи мира, онъ посланъ опять въ Польшу, гдѣ заслужилъ особенное благоволеніе Суворова, который поздравилъ его съ генералъ-маіорскимъ чиномъ 28 Іюня 1794 года. Императоръ Павелъ произвелъ его въ генералъ-лейтенанты въ Февралѣ 1798-го, а 30 Сентября тогожъ года онъ уволенъ, по прошенію, въ отставку (3). Изъ его послужнаго списка не видно, когда вступилъ онъ опять въ военную службу; однакожъ извѣстно, что въ 1801-мъ находился въ оной.

Въ первый разъ я повстрѣчалъ генерала Бенигсена въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ день коронаціи Императора Александра и съ невольнымъ почтеніемъ остановился передъ этою величавою фигурою. Онъ былъ въ общемъ кавалерійскомъ мундирѣ, съ Александровскою лентою черезъ плечо и Георгіемъ на шеѣ. Высокій, сухощавый, съ длиннымъ лицомъ и орлинымъ носомъ, съ важною осанкою, прямымъ станомъ и холодною физіономіей, онъ поразилъ меня своею наружностію, между круглыми, скуластыми и курносыми лицами Русскихъ генераловъ и сановниковъ. Я сталъ разспрашивать о немъ у знакомыхъ мнѣ офицеровъ; мнѣ сказали: это Бенигсенъ! Онъ и тогда уже былъ весьма извѣстенъ храбрыми подвигами въ Польскую войну 1794 года, подъ начальствомъ всесокрушающаго Суворова;..... (*) Долго спустя (въ 1812-году), Бенигсенъ разсказывалъ о первыхъ мѣсяцахъ 1801 года генералу Паисію Сергѣевичу Кайсарову.—«Я находился на Кавказской линіи на службѣ и, имѣя въ Сенатѣ тяжебное дѣло, просился въ Петербургъ въ отпускъ; мнѣ было отказано. Вмѣстѣ съ отказомъ я по-

(1) Послужной списокъ, подписанный Бенигсеномъ.
(2) Тамъ же.

(3) Послужной списокъ, подписанный Бенигсеномъ.
(*) Мы не рѣшаемся предать печати того, что дальше изложено въ имѣющейся у насъ рукописи.
П. Б.

лучилъ письмо отъ графа П. А. Палена, въ которомъ онъ, какъ С. Петербургскій военный губернаторъ и сильный человѣкъ при Императорѣ, приглашалъ меня тайно пріѣхать въ столицу, на короткій срокъ, для устройства дѣлъ моихъ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ присланъ былъ ко мнѣ и паспортъ на проѣздъ въ Петербургъ. — Тяжба моя была не шуточная; я поскакалъ, явился къ графу Палену, получилъ отъ него билетъ на прожитіе подъ именемъ повѣреннаго генерала Бенигсена, и далъ честное слово не показываться ни въ какихъ публичныхъ мѣстахъ до разрѣшенія, которое обѣщалъ онъ исходатайствовать мнѣ у Государя. Такимъ образомъ жилъ я, выходя только къ сенатскому секретарю и оберъ-секретарю, производившимъ мое дѣло....

Но перейдемъ къ Бенигсену-полководцу 1806 и 1807 годовъ, державшему тогда судьбу Европы въ рукахъ своихъ. На него, въ продолженіи полугода, обращено было вниманіе царей и народовъ.

Прежде, однакожь, взглянемъ на политическое и военное состояніе Франціи, Россіи и Пруссіи передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій на Вислѣ между двумя первыми державами.

$^{8}/_{20}$ Октября 1806 года, Россія заключила съ Пруссіею наступательный и оборонительный союзъ, полагая, что она, въ предстоявшей войнѣ сего королевства съ Франціею, будетъ вспомогательною, а не главною дѣйствующею державою, на которую одну обрушится вся тягость войны, всѣ силы могущественной, побѣдоносной Франціи. Можноли было вообразить, что военное государство, созданное геніемъ Фридриха Великаго, государство, которое семь лѣтъ славно противостояло соединеннымъ силамъ цѣлой Европы, сокрушится въ 14 дней? Однакожъ это случилось въ нашихъ глазахъ! И Россія, совсѣмъ неожиданно, увидѣла себя, грудь съ грудью, въ единоборствѣ съ побѣдоносною Франціею и съ геніальнымъ ея императоромъ. И гдѣ же? Не на берегахъ Рейна, не на берегахъ Эльбы, а на берегахъ Вислы и Наревы!

Россійскія военныя силы состояли тогда изъ 18-ти дивизій (4).

Въ арміи, назначенной дѣйствовать за одно съ Пруссаками противъ Французовъ подъ предводительствомъ осмидесятилѣтняго фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго (5) считалось 8 дивизій. Она раздѣлена была на два корпуса. Первымъ командовалъ генералъ отъ кавалеріи баронъ Л. Л. Бенигсенъ. Дивизіями его начальствовали генералъ-лейтенанты: графъ Остерманъ, Толстой, баронъ Сакенъ, князь Д. В. Голицынъ и генералъ-маіоръ Седьморацкій. 1-й корпусъ состоялъ изъ 78 баталіоновъ, 90 эскадроновъ, 24 пѣшей и 4-хъ ротъ конной артиллеріи и 4-хъ же ротъ піонеръ. Всего до 50-ти тыс. человѣкъ подъ ружьемъ. Второй корпусъ порученъ былъ генер. отъ инфантеріи графу Ѳ. Ѳ. Буксгевдену и составленъ изъ 4 дивизій, коими начальствовали генералъ-лейтенанты Тучковъ 1, Дохтуровъ, Эссенъ 3-й и генералъ-маіоръ Анрепъ. Сей корпусъ сильно потерпѣлъ въ походѣ 1805 года, и въ немъ считалось не болѣе 36-тыс. подъ ружьемъ.

Сюда же нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ резервный корпусъ генерала отъ кавалеріи С. С. Апраксина, заключавшій въ себѣ 16, 17 и 18-ю дивизіи, предводимыя генераломъ Ртищевымъ, княземъ Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ и княземъ Горчаковымъ.

(4) Высочайшіе приказы. (5) Приказъ 16 Ноября.

Молдавская армія составлена изъ 9, 10, 11, 12 и 13-й дивизій. Она поручена генералу отъ кавалеріи Михельсону. Дивизіонными командирами къ нему назначены: князь Д П. Волконскій, Милорадовичь, Мейендорфъ, Ланжеронъ и Дюкъ-де-Ришелье. Впослѣдствіи двѣ дивизіи изъ пяти, ускоренными переходами, прибыли на Вислу.

Здѣсь не включаются Кавказскій, Оренбургскій и Сибирскій отдѣльные корпуса, также войска, по старой Финляндской границѣ расположенныя, и гарнизоны.

Въ Ноябрѣ у Прусскаго короля оставался одинъ только корпусъ генералъ-лейтенанта Лестока. Въ немъ считалось 23 баталіона, 74 эскадрона, 5 батарей пѣшей и 5 батарей конной артиллеріи; всего до 15 тыс. человѣкъ. Въ Мемелѣ при королѣ находилось 1500 чел.; въ Данцигскомъ гарнизонѣ 6 т., въ Кольбергскомъ 2 тыс. и въ Грауденцкомъ до 3 т. человѣкъ. Вотъ все, что уцѣлѣло отъ двухсоттысячной блестящей и надмѣнной побѣдами Фридриха Великаго Прусской арміи!

Французская же армія, по приходѣ ея на Вислу, состояла изъ 8 корпусовъ, а именно:

Ими командовалъ маршалъ Лёфебръ.

Гвардейскій		12.000.	челов.
Маршала Ляна		23.000.	—
—	Даву	34.000.	—
—	Сульта	30.000.	—
—	Ожеро	11.000	
—	Бернадота	17.000.	—
—	Нея	22.000.	—
—	Мюрата, кавалерійскій	20.000.	—
—	Бессьера, кавалерійскій	20.000.	—

Всего 189.000. челов. (6.)

(6) *Примѣчаніе*. Это на бумагѣ, а во фронтѣ и 100/т. не было. По скудости продовольствія и почти непроходимымъ дорогамъ, весьма трудно было собрать на одной точкѣ и 60/т. человѣкъ; доказательство этого видѣли мы подъ Прейсишъ-Эйлау.

Петербургскій кабинетъ сдѣлалъ важную ошибку, отдѣля 80/т. челов. для занятія Молдавіи и Валахіи, и возстановя противъ себя Турцію въ такое время, когда Россіи угрожалъ Наполеонъ. Впослѣдствіи (въ 1812 г), для поправки этой ошибки понадобился такой великій полководецъ и такой хитрый дипломатъ, какъ князь Кутузовъ.

Россіяне уже много разъ встрѣчались на полѣ брани съ Французами. Побѣды Суворова въ 1799 г. въ Италіи и Швейцаріи, знаменитое отступленіе маленькой арміи Кутузова въ 1805 году, побѣда подъ Кремсомъ, подвигъ князя Багратіона, который съ 5 тыс. пробилъ себѣ дорогу штыками сквозь тридцати-тысячную непріятельскую армію, окружившую его подъ Шёнграбеномъ, славныя дѣйствія адмирала Сенявина въ Средиземномъ морѣ, при оборонѣ крѣпости Бокко-ди-Каттаро и Черногоріи, хорошо познакомили съ нами Французовъ. Бонапарту нельзя было не уважать насъ. Онъ невольно повторялъ слова Фридриха II-го, что Русскихъ скорѣе можно перебить, нежели побѣдить.

Въ 1806 году, первый Россійскій корпусъ генерала Бенигсена перешелъ границу 20 Октября (1 Ноября) въ Олитѣ, Гроднѣ и Яловкѣ (7). Съ 30 Октября (11 Ноября) главная квартира его находилась въ Пултускѣ; онъ расположился 3-15 Ноября на берегахъ Вислы и, въ ожиданіи втораго корпуса, занялъ предмостное укрѣпленіе Варшавы—Прагу. Прусскій генералъ-лейтенантъ Лестокъ, подчиненный Бенигсену, стоялъ въ кр. Торнѣ и содержалъ цѣпь до самого Данцига (8). Варшаву занималъ Прусскій гар-

(7) Генер.-лейт. Хатовъ, генералъ Жомини.

(8) Генер.-лейт. квартирмейстерской части Хатовъ, Жомини, донесенія генерала Бенигсена.

низонъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Плёца. Съ самаго начала Бенигсенъ показалъ нерѣшимость и робость; 21 Ноября (3 Декабря) онъ оставилъ берега Вислы, войска его отступили къ Пултуску; на другой день къ Остроленкѣ; но одумавшись, выступилъ онъ торопливо 23 Ноября (5 Декабря) въ обратный походъ, а 24 Ноября (6 Декабря) вошелъ въ прежнія квартиры (9). Ноября 20-го онъ предписалъ генералъ-лейтенанту Лестоку опорожнить Торнъ, а 26-го далъ ему повелѣніе возвратиться туда; но уже было поздно! Такія четырехдневныя, безочетныя движенія и передвиженія сдѣланы были въ пользу непріятелей. Они, безъ боя и потери времени, овладѣли переправою на Вислѣ и крѣпостями Прагой, Торномъ и Модлинымъ.

Первыя стычки съ полковникомъ Юрковскимъ и Русановымъ и капитаномъ Кулешемъ кончились въ пользу Россіянъ. Дѣло съ дивизіею графа Остермана-Толстаго на берегахъ Вкры важнѣе: сей храбрый изъ храбрыхъ генералъ поддержалъ честь Россійскаго оружія. —Декабря $^{12}/_{24}$-го онъ же въ Насельскѣ принялъ вторичный ударъ непріятеля, держался до послѣдней крайности, не допустилъ разбить и, также стройно и плавно какъ на манёврахъ, отошелъ къ Пултуску согласно съ даннымъ ему приказаніемъ. Въ тоже время, авангардъ генералъ-маіора Барклая-де-Толли у Колозамба и Сокочина атакованъ корпусомъ маршала Ожеро. Русскіе стойко выдержали стремленіе непріятеля, и медленно отступили также къ Пултуску.

Старый фельдмаршалъ графъ Каменскій прибылъ къ арміи 9-го Декабря; 10 и 11-го обозрѣвалъ онъ положеніе обѣихъ армій и особливо лѣваго крыла нашего, не имѣвшаго никакой опоры; $^{12}/_{24}$ отправился въ Насельскъ, а $^{13}/_{25}$ рано утромъ въ Пултускъ, гдѣ на канунѣ вечеромъ собралось до $^{45}/_{1}$ войска. Фельдмаршалъ былъ весьма недоволенъ, не найдя ни боевыхъ, ни съѣстныхъ припасовъ, ни госпиталей и, боясь быть обойденнымъ съ лѣваго крыла, приказалъ арміи отступить къ своимъ границамъ (10).

Бенигсенъ объявилъ ему, что онъ получилъ отъ Императора строгое повелѣніе защищать до послѣдней возможности Кёнигсбергъ, гдѣ имѣетъ пребываніе король Прусскій съ своею фамиліею, а потому исполнить его приказаній не можетъ и не отступитъ

Въ припадкѣ бѣшенства, которое, какъ извѣстно, часто находило на графа М. Ѳ. Каменскаго, онъ ускакалъ въ тотъ же день изъ Пултуска въ Остроленку, гдѣ, подъ предлогомъ болѣзни, бросилъ армію и удалился въ свои Орловскія деревни. (*) Напрасно встрѣтившійся съ нимъ на дорогѣ генералъ Б. Ѳ. Кнорингъ убѣждалъ его возвратиться къ арміи: Каменскій былъ слишкомъ раздраженъ и оскорбленъ; онъ не хотѣлъ благоразумнымъ окомъ взглянуть на великое дѣло, которое Богъ и Государь ему предоставляли. Суворовъ разстрѣлялъ бы Бенигсена такъ, какъ онъ хотѣлъ разстрѣлять Австрійскаго генерала Меласа (11); Кутузовъ прогналъ бы его изъ арміи, какъ сдѣлалъ это въ Октябрѣ 1812 года.

Генералъ Кнорингъ, знатокъ военнаго дѣла, начальникъ штаба гене-

---

(9) Дюмасъ, Жомини, Хатовъ, донесенія Бенигсена.

(10) Генералъ отъ инфантеріи Б. Ѳ. Кнорингъ.

(*) Это не совсѣмъ такъ, какъ видѣли наши читатели. См. выше, стр. 1495.

(11) Подъ Нови, когда онъ не послушался Суворова и не хотѣлъ идти атаковать правое крыло Французовъ. Я слышалъ это отъ графа Комаровскаго (ген. адъют.), который былъ посыланъ къ Меласу съ этимъ приказаніемъ. С. С. Кушниковъ привезъ ему первое приказаніе выступить.

рала Бенигсена, доказалъ автору сей статьи, что приказаніе стараго графа Каменскаго отступить арміи къ нашимъ границамъ отнюдь не было сумасшествіемъ, ни ослабленіемъ умственныхъ способностей, какъ хотѣлъ увѣрить всѣхъ Бенигсенъ. Это было единственное средство растянуть Французскую операціонную линію, отдалить ее отъ ея способовъ и, приближаясь къ своимъ, усилить свою армію тремя дивизіями генерала Апраксина, утомить, оголодить, заморозить непріятельскую армію и истребить ее навѣрное. Въ 1812 году Барклай отступалъ до Москвы, а его не только не сочли за сумасшедшаго, но и признали эту мѣру мудрою. „Во всякомъ случаѣ", замѣчаетъ генералъ Кнорингъ, „война при Каменскомъ не „могла кончиться хуже того, какъ она „кончилась при Бенигсенѣ—Тильзит„скимъ миромъ".

Умышлено ([12]) раздража вспыльчиваго фельдмаршала, Бенигсенъ торжествовалъ, ибо удалилъ его изъ арміи — и остался старшимъ ([13]). Этого мало! Онъ, по счастливому случаю, стоялъ къ непріятелю ближе, чѣмъ корпусъ графа Буксгевдена и $^{14}/_{26}$ Декабря храбро отразилъ жаркій натискъ полутора корпуса непріятельскихъ ([14]) подъ Пултускомъ.

Въ пышной реляціи, посланной къ Государю, нагло описалъ Бенигсенъ это дѣло, какъ генеральное сраженіе съ цѣлою Французскою арміею, предводимою самимъ Наполеономъ ([15]). Извѣстно, что въ сей же самый день Наполеонъ сражался подъ Голиминымъ ([16]) съ дивизіею князя Голицына, подкрѣпленною бригадою г. м. графа Палена, Московскимъ драгунскимъ и Московскимъ пѣхотнымъ полками, которыя присланы къ нему были отъ г. л. Дохтурова. Князь Голицынъ крѣпко держался до вечера; ночью же на 15 Декабря примкнулъ къ дивизіи Дохтурова, увязя въ грязи нѣсколько батарейныхъ орудій, имъ заклёпанныхъ. Бонапарте самъ признался, что неудача Голиминская была ему чувствительнѣе пораженія подъ Пултускомъ ([17]).

Бенигсенъ дѣйствительно отразилъ маршала Лана, который потерпѣлъ важный уронъ и отретировался въ безпорядкѣ. Гюденева дивизія уничтожена во всемъ смыслѣ этого слова. Но Русскій генералъ не извлекъ изъ своей побѣды никакихъ существенныхъ выгодъ. Счастье и тутъ помогло ему. Его реляція принята съ восторгомъ при Петербургскомъ дворѣ: досугъ ли тогда было повѣрять написанное Бенигсеномъ? Побѣдителю повѣрили на слово; ему пожалована Андреевская лента и 100-т. рублей; онъ сдѣланъ главнокомандующимъ арміею, а ему того только и желалось!

Надобно однакожъ думать, что Бенигсенъ часто раскаявался, наложа на себя столь тяжелое бремя. Оно было ему не подъ силу. Уже 12 лѣтъ прошло,

---

([12]) Кнорингъ ни сколько въ этомъ не сомнѣвался; дежурный генералъ Бенигсеновой арміи графъ П. А. Толстой тоже.

([13]) Генералъ-лейт. Хатовъ увѣрительно говоритъ, что графъ Буксгевденъ былъ старше Бенигсена по службѣ, но ничѣмъ не подкрѣпляетъ словъ своихъ. — По крайней мѣрѣ, съ Ноября мѣсяца и по отъѣздѣ фельдмаршала, Бенигсенъ первенствовалъ, распоряжался нѣкоторыми отрядами корпуса Буксгевдена и, хотя сносился съ нимъ какъ съ равнымъ, но и отъ него не получалъ никакихъ приказаній. — Надобно признаться, что графъ Буксгевденъ во все это время игралъ жалкую роль.

([14]) Корпусъ Лана 23-т. и дивизія Гюденя отъ 10-т. до 12-т. человѣкъ.

([15]) См. Печатную книгу: Журналъ военныхъ дѣйствій Россійской арміи въ 1806 и 1807 годахъ, Сѣверную Почту и вѣдомости обѣихъ столицъ.

([16]) Жомини.

([17]) Жомини.

какъ этотъ полководецъ умеръ; мы пишемъ для потомства. Исторія начала уже разоблачать его. При геройской храбрости, при обширныхъ тактическихъ и стратегическихъ познаніяхъ, при наблюдательномъ умѣ, при опытности, пріобрѣтенной имъ въ походахъ съ Суворовымъ, при непоколебимомъ хладнокровіи, Бенигсенъ именно не имѣлъ тѣхъ качествъ души, которыя необходимы предводителю Русской арміи и, въ особенности такому, которому предстояла борьба съ великаномъ Наполеономъ. Составляя умные планы, онъ или искажалъ ихъ измѣняя тогда, какъ они уже были дополовины исполнены; или медлилъ тогда, какъ все зависѣло отъ дружнаго, мгновеннаго удара; онъ никогда не падалъ на враговъ, какъ снѣгъ на голову, и не зналъ смысла словъ: *взоръ*, *быстрота*, *натискъ*. Какъ администраторъ, онъ былъ слабъ; не умѣлъ заставить себѣ повиноваться; ему не извѣстно было мудрое правило графа Румянцова, что *войну надобно начать съ брюха* ([18]). Солдаты его во всю зиму питались сырымъ картофелемъ безъ соли; они шатались какъ тѣни, безъ обуви, безъ пріюта, слабѣли, заболѣвали и умирали съ голоду.

И всѣ эти лишенія переносили они безъ всякой надобности, мучились безъ всякой цѣли: ибо и послѣднему убѣжищу Прусскаго короля, Кёнигсбергу, угрожало приближеніе корпусовъ Бернадота и Нея; Грауденцъ, ключь къ устью Вислы, едва держался. Двѣ такія важныя причины принудили главнокомандующаго Россійскою арміею перемѣнить оборонительную систему въ наступательную. Корпусъ Нея, слишкомъ отважно подавшійся впередъ, былъ бы разбитъ наголову, еслибъ Русскихъ вели поспѣшнѣе и прямо на Найденбургъ и еслибъ хотя на нѣсколько дней отбросили трусливую осторожность ([19]), которая столько разъ была гибельна Австрійцамъ, изобрѣтателямъ кордонной системы, и съ которою нельзя взять штурмомъ ни Измаила, ни Ленкораня, ни Варшавы.

Упустя Нея, Бенигсенъ $^{13}/_{25}$ Января напалъ подъ Морунгеномъ на Бернадота, который, послѣ кратковременнаго успѣха, былъ смятъ и отброшенъ съ чувствительнымъ урономъ.— Бенигсенъ преслѣдовалъ его до Лобау и оттянулъ часть осадныхъ войскъ отъ Грауденца. Прусскій генералъ-лейтенантъ Лестокъ искусно тѣмъ воспользовался; онъ снабдилъ сію крѣпость свѣжими войсками и съѣстными припасами. Послѣ того опять нѣсколько частныхъ сшибокъ счастливо кончились для Россіянъ. Донскіе казаки съ ихъ лихимъ атаманомъ Платовымъ дённо и нощно тревожили Французовъ, непривычныхъ маршировать по колѣно въ снѣгу и ночевать на замёрзшихъ земляныхъ глыбахъ. Жаль, что правила партизанской войны не были приведены въ ясность, и мы не воспользовались вполнѣ тѣми преимуществами, которыя доставили бы намъ Донцы, Уральцы, Черноморцы, Башкирцы и Калмыки.

Наполеону весьма не хотѣлось выступать въ поле со всею своею арміею въ такую суровую пору года;

([18]) Генералъ поручикъ Ив. Игн. Поливановъ, генер. маіоръ П. Н. Жеребцовъ.

([19]) Въ самомъ дѣлѣ, „на войнѣ", говоритъ маршалъ Мармонъ, „самыя благоразумныя, самыя вѣрно-разсчитанныя мѣры часто разстраиваются отъ непредвидѣнныхъ случайностей, такъ что, распорядившись какъ можно лучше, необходимо предаться нѣсколько и счастью, тому слѣпому и скрытому вліянію, которое дѣйствуетъ независимо отъ всякой мудрости

но успѣхи Россіянъ, которые день ото дня становились важнѣе, вызвали его съ теплыхъ зимнихъ квартиръ. Онъ разставилъ было сѣть Бенигсену; но счастье опять стало за него горою—онъ ускользнулъ изъ нея, и сталъ отступать, чтобъ не быть опрокинуту къ морю и не лишиться сообщеній съ Россіею. Непріятель горячо напиралъ на него. Такимъ образомъ, обѣ арміи очутились подъ Прейсишъ-Эйлау. Французскій императоръ, заснувъ наканунѣ подъ Русскими батареями, никакъ не ожидалъ, что мы остановимся твердою ногою. И Русскіе, не находя тутъ ничего выгоднаго, особливо послѣ несчастной потери мѣстечка Прейсишъ-Эйлау, также были изумлены неожиданною рѣшимостью своего главнокомандующаго, который принялъ сраженіе.

Какъ назвать упорную битву Января 27 го 1807 года? Бойней всего приличнѣе. Съ чѣмъ сравнить ее? Съ побоищемъ подъ Бородинымъ на лѣвомъ крылѣ нашемъ. Ядра, картечи, гранаты, пули летали тучами и, направленныя въ густыя колонны, косили людей какъ траву; штыки, палаши, сабли, пики, не давали промаха; кровь лилась ручьями; трупы людей и лошадей были взгромождены, какъ валъ; черезъ него шагали остервенившіеся солдаты. ..... Рѣзанина въ центрѣ, когда Русскіе грозно ударили въ штыки, а честолюбивые, храбрые ихъ противники приняли ихъ вызовъ; громъ и топотъ огромной массы конницы, стремглавъ ударившей на нашу пѣхоту, прорвавшей нашу первую линію и погибшей на штыкахъ сомкнувщихся Русскихъ колоннъ, на штыкахъ второй линіи, на палашахъ кирасиръ и казацкихъ пикахъ...... Земля заколебалась........ свѣтъ померкъ..... Мы устояли.—Не стану описывать ни прихода маршала Даву, растерявшаго двѣ трети солдатъ своихъ на дорогѣ, ни важной помощи, какую оказалъ намъ Прусскій корпусъ Лестока.—Французы отхлынули; Русскіе устояли; ночь и совершенное изнеможеніе развели сражающихся.

40.000 человѣкъ, цѣлая половина Русской арміи, легли на снѣжныхъ поляхъ Прейсишъ-Эйлау. Чтоже мы выиграли? Ничего! Гдѣ великія послѣдствія столь великихъ усилій? Всѣ выгоды остались на сторонѣ враговъ нашихъ: они удержали за собою поле битвы, упрочили свои завоеванія, устрашили Австрію, получили спокойныя зимнія квартиры въ странѣ, всѣмъ изобильной, и всѣ средства живо продолжать осаду Грауденца и Данцига; а мы?....

Правду говорилъ мнѣ старый сослуживецъ Задунайскаго и Рымникскаго, генералъ Кнорингъ, что не надобно иностранцамъ ввѣрять Русскія арміи. Всякій Русскій генералъ того времени—Багратіонъ, Милорадовичь, Анрепъ, Раевскій, Дохтуровъ, воспользовались бы безчисленными выгодами, которыя были на нашей сторонѣ послѣ пораженія маршала Ожеро и уничтоженія отборной конницы Мюрата до появленія маршала Даву. Чего не совершилъ бы Суворовъ въ эти драгоцѣнные два часа? И много ли было нужно рѣшимости, чтобы съ 8000 Русскихъ побить 6000 Французовъ, уже разстроенныхъ, уже полупобѣжденныхъ? Ударить бы всѣми силами на Сент-Илера.. .. тогда Наполеонова армія была бы уничтожена—и 1814-й годъ насталъ бы осмью годами ранѣе. Бенигсенъ не посмѣлъ этого сдѣлать: эта ледяная глыба не воспламенилась. Онъ стоялъ неподвижно, пропустилъ благопріятную минуту, далъ время сильному корпусу Даву подоспѣть на

выручку къ своему императору, отсрочилъ на долго его паденіе—и издалека приготовилъ Фридландское сраженіе, въ которомъ все потеряли мы, кромѣ чести.

Зачѣмъ Бенигсенъ не преслѣдовалъ разбитую подъ Прейсишъ-Эйлау Французскую армію на другой день, какъ это предлагали ему вечеромъ въ военномъ совѣтѣ Кнорингъ, графъ П. А. Толстой и Лестокъ. Мнѣ возразятъ, что дороги были занесены снѣгомъ, что настали сильные морозы, что у насъ было множество больныхъ, раненыхъ, усталыхъ, что мы терпѣли крайній недостатокъ въ фуражѣ и хлѣбѣ. — А развѣ для Французовъ сіяло іюльское солнце?—замѣчу я, — развѣ для нихъ по дорогамъ разосланы были персидскіе ковры? Развѣ они, пришельцы съ юга, выносили стужу лучше сыновъ сѣвера? Развѣ Русскій главнокомандующій, отступя къ Кёнигсбергу, доставилъ своимъ солдатамъ теплыя квартиры, учредилъ исправные госпитали, водворилъ довольство, избѣжалъ опасности быть прижатымъ къ морю и отрѣзану отъ пути сообщенія съ Россіею? Ничего этого не случилось (20). Тѣсная полоса, занятая Русскими, не въ силахъ была прокормить и пріютить многочисленную армію; зима лишила ее подвоза съ моря. Положимъ однакожь, что ужасная потеря людей въ Прейсишъ-Эйлавскомъ побоищѣ, $^{20}/_{т.}$ больныхъ и раненыхъ, убыль боевыхъ снарядовъ, необходимость пополнить полки, переформировать дивизіи, требовали отдыха; но все же не четырехъ-мѣсячнаго! И чѣмъ меньше показывалъ Французскій полководецъ желанія продолжать зимній походъ, тѣмъ убѣдительнѣйшимъ свидѣтельствомъ долженствовало это служить Бенигсену о слабости и плохомъ состояніи непріятельскихъ войскъ.

Очевидецъ всѣхъ этихъ ужасовъ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, не въ красивомъ видѣ представляетъ намъ отступленіе Французовъ.

„Французская армія, говоритъ онъ, опасаясь на пути впередъ новаго сраженія, осталась около Эйлау. Только двадцать четыре эскадрона двинулись для наблюденія на берега Фришинга, къ Мансфельду и Людвигсвальду, и то по истеченіи слишкомъ двухъ сутокъ, и когда Наполеонъ удостовѣрился въ прибытіи нашей арміи къ Прегелю.“

«5-го Февраля Наполеонъ рѣшился отступить за Пассаргу для занятія кантониръ-квартиръ: онъ оставилъ Эйлау, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ и всѣми казачьими полками, подъ начальствомъ атамана Платова, который съ того дня началъ свою Европейскую репутацію.“

„Обратное шествіе непріятельской арміи, не смотря на умѣренность стужи, ни въ чемъ не уступало отступленію ея пять лѣтъ изъ Москвы къ Нѣману. Находясь въ авангардѣ, я былъ очевидцемъ кровавыхъ слѣдовъ отъ Эйлау до Гудштадта. Весь путь усѣянъ былъ ея обломками“, продолжаетъ славный партизанъ „не было простаго мѣста. Вездѣ встрѣчали мы сотни лошадей, умирающихъ или завалившихъ дорогу своими трупами, и лазаретныя фуры, полныя умершими или умирающими солдатами и чиновниками. Торопливость въ отступленіи доходила до того, что кромѣ страдальцевъ, оставленныхъ въ повозкахъ, мы находили многихъ, выброшенныхъ на снѣгъ безъ покрова и одежды, истекающихъ кровью. Та-

(20) Генер.-лейт. Скобелевъ — Указъ о снятіи мундировъ съ коммисіаратскихъ и провіантскихъ чиновниковъ по преданіи ихъ военному суду.

кихъ было на каждой верстѣ не одинъ, не два, но десятки и сотни. Сверхъ того, всѣ деревни на пути нашемъ завалены были больными и ранеными, безъ врачей, безъ пищи, безъ малѣйшаго призора.—Въ этомъ преслѣдованіи казаки наши захватили множество усталыхъ, много мародеровъ и восемь орудій, завязшихъ въ снѣгу и безъ упряжи".

Непростительное бездѣйствіе Бенигсена перемѣнило положеніе обѣихъ армій:

1., Русскій полководецъ, сложа руки, смотрѣлъ на осаду Данцига, которая кончилась взятіемъ этой важной крѣпости. Когда же? Почти черезъ четыре мѣсяца послѣ кровопролитнаго сраженія при Прейсишъ-Эйлау. По взятіи Данцига, Наполеонъ присоединилъ къ себѣ 25-т. человѣкъ, которые заняты были осадою.

2., Бенигсенъ далъ время непріятелю выгнать изъ Помераніи Шведовъ и разсѣять собиравшихся тамъ подъ знамена Густава IV Пруссаковъ и Ганноверцовъ.

3., Въ четыре мѣсяца спокойной стоянки, императоръ Французовъ успѣлъ образовать внутреннее управленіе Ганноверомъ, Пруссіею и Польшею.

4., Наполеонъ притянулъ къ себѣ свѣжія войска изъ Италіи и Швейцаріи, набралъ 80 т. конскриптовъ, оставилъ въ Прусскихъ крѣпостяхъ самое ограниченное число войскъ, прочія же всѣ присоединены къ дѣйствующей въ старой Пруссіи арміи.

5., Въ Декабрѣ и Январѣ Россійская армія имѣла гораздо болѣе пушекъ, чѣмъ непріятельская; прозорливый вождь Французовъ тотчасъ замѣтилъ это превосходство и поспѣшилъ добавить ихъ числительный недостатокъ Прусскими пушками.—Французы еще въ началѣ зимы истратили свои боевые снаряды; имъ подвезли ихъ изъ Магдебурга. Изнуренныя ихъ лошади поправились въ теплыхъ Прусскихъ конюшняхъ. Императоръ Французовъ едва могъ сосредоточить подъ Прейсишъ-Эйлау 70 т. Въ концѣ Мая онъ выставилъ 160 т, не считая отдѣльныхъ корпусовъ. Бенигсенъ, усиленный гвардіею и четырьмя дивизіями, не могъ противопоставить ему болѣе 120 т. человѣкъ.

6., Ни чѣмъ нельзя извинить Бенигсена въ томъ, что онъ, имѣя отличную легкую конницу и летучіе полки Донскихъ и Уральскихъ казаковъ, Калмыковъ, Башкирцевъ, не усилилъ партизанской войны, а въ продолженіе 4-хъ зимнихъ мѣсяцевъ Донцы, подкрѣпленные строевою кавалеріею и конною артилеріею, успѣли бы наудить арканами по крайней мѣрѣ 25 т. Французовъ на мародерствѣ, фуражировкѣ, въ деревняхъ и на дорогахъ. Какое бы это имѣло сильное нравственное вліяніе на нашихъ босыхъ и голодныхъ солдатъ! Какъ успѣхи партизановъ уронили бы духъ непріятелей! Вспомнимъ Испанію, Тироль и Россію въ 1812 году.

7., Около 20 Мая, Бенигсенъ началъ наступательныя дѣйствія, но они производились вяло; мы то съ излишнею отвагою наступали, то отступали съ такою торопливостію, какъ будтобы насъ на голову разбилъ непріятель и по пятамъ преслѣдуетъ. Нашъ главнокомандующій возгордился удачею 24 Мая подъ Гудштатомъ и 29 подъ Гейльсбергомъ, и не размыслилъ, что эта удача была сѣть, Наполеономъ ему разставленная. Онъ не могъ себѣ представить, что его арміи скоро придется отступать усиленными переходами и въ безпорядкѣ, чтобъ не дать раздавить себя. На-

канунѣ Фридландскаго сраженія не было ничего приготовлено къ обезпечнію отступа, а это одна изъ важнѣйшихъ заботъ начальника арміи.

Бенигсенъ любилъ сваливать свою вину на другаго: это не дѣлаетъ ему чести. По его представленію, генералъ-лейтенантъ (впослѣдствіи Парижскій военный губернаторъ, фельдмаршалъ, князь, главнокомандующій 1-ю арміею) баронъ фонъ деръ-Остенъ-Сакенъ отданъ былъ подъ военный судъ. Предсѣдателемъ суда назначенъ генералъ отъ инфантеріи Б. Ѳ. Кнорингъ, чтимый Задунайскимъ и Чесменскимъ, уважаемый Рымникскимъ, другъ князя Таврическаго, учитель Барклая де-Толли, который въ молодости своей былъ у него на безсмѣнныхъ ординарцахъ, имѣвшій Георгія со звѣздою еще при Екатеринѣ Великой, начальникъ штаба Бенигсеновой арміи, одинъ изъ тѣхъ, которому, вмѣстѣ съ дежурнымъ генераломъ графомъ П. А. Толстымъ, обязаны мы тѣмъ, что Даву не опрокинулъ лѣваго крыла нашего на центръ подъ Прейсишъ-Эйлау, въ то критическое время, когда главнокомандующій, забывъ свою обязанность, поскакалъ отыскивать Лестоковъ корпусъ, оставя громимую ядрами и картечьми армію на произволъ судьбы. Кнорингъ имѣлъ право судить о военныхъ дѣйствіяхъ и былъ ихъ безпристрасным свидѣтелемъ. Членомъ военнаго суда надъ Сакенымъ опредѣленъ генералъ лейтенантъ князь Волконскій; кто былъ другой, не припомню. Императору Александру весьма хотѣлось, чтобъ это дѣло было кончено какъ можно скорѣе, а Кнорингъ тянулъ его. Выведенный изъ терпѣнія, Государь призываетъ князя Волконскаго и спрашиваетъ: скороли оно кончится?— „Оно еще и не начиналось“, — докладываетъ Его Величеству князь Волконскій — „предсѣдатель велѣлъ положить его подъ красное сукно и никогда объ немъ не напоминать ему“. Удивленный Государь спрашиваетъ объ этомъ Кноринга. Прямодушный Лифляндецъ смѣло отвѣчаетъ ему: „Васъ увѣрили, что Сакенъ виноватъ, а онъ правъ; у него въ мизинцѣ больше мозгу чѣмъ у Бенигсена въ головѣ“ ([21]). Съ тѣхъ поръ дѣло это предано было забвенію, а Сакенъ блистательными подвигами оправдалъ и доброе мнѣніе о немъ Кноринга и милость монаршую ([22]).

Императоръ Александръ, обманувшись въ Каменскомъ, ошибившись въ Бенигсенѣ, хотѣлъ испытать: не счастливѣе ли для него будетъ искреннее сближеніе съ Бонапартомъ.— Онъ заключилъ Тильзитскій миръ. Какъ тяготила мудраго, но скромнаго монарха пятилѣтняя опека коварнаго и наглаго его союзника, доказываютъ его слова одному знаменитому нашему полководцу ([23]) на полѣ сраженія подъ Фершампенуазомъ. —„Поздравляю Ваше Величество съ побѣдою; теперь ворота Парижа для Васъ отворены!» — Отъ всей души принимаю ваше поздравленіе, отвѣчалъ Государь торжественнымъ тономъ, двѣнадцать лѣтъ я слылъ въ

([21]) Авторъ статьи слышалъ отъ генерала Кноринга. В.

([22]) Послѣ втораго сраженія подъ Бріенномъ, Государь былъ отмѣнно доволенъ порядкомъ и храбростью Русскихъ войскъ. Онъ въ особенности выхвалялъ дѣйствія генерала Сакена и присовокупилъ: „Какъ чуствую я себя виноватымъ предъ нимъ! Этому причиною Бенигсенъ: онъ оклеветалъ его передо мною. Надѣюсь однакожъ, что теперь Сакенъ будетъ мною доволенъ“. — Орденъ Св. Андрея былъ наградою польководца. Осматривая потомъ корпусъ Сакена, монархъ благодарилъ всѣхъ, а генералу сказалъ: «Ты побѣдилъ не только внѣшнихъ непріятелей, но и внутреннихъ».

([23]) А. П. Ермолову. В.

Европѣ посредственнымъ человѣкомъ: теперь посмотримъ, что-то заговоритъ она! — И съ этими словами крѣпко, крѣпко пожалъ его руку.

Насталъ бѣдственный, священный, славный, великій 1812-й годъ. Бенигсенъ сильно домогался командованія арміею; онъ употреблялъ самыя низкія средства, чтобы оклеветать передъ Государемъ Кутузова и, кто знаетъ? можетъ быть успѣлъ бы въ этомъ, еслибъ князь П. А. Зубовъ, Кнорингъ, Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ не отстояли его въ тайномъ военномъ совѣтѣ ([24]). Уже поговаривали вслухъ, что князь Зубовъ назначенъ на смѣну старому фельдмаршалу, а Кнорингъ въ начальники штаба его. Однажды, въ засѣданіи совѣта, обвиняли Кутузова, что онъ спитъ по 18-ти часовъ въ сутки. „Слава Богу, что онъ спитъ; каждый день его бездѣйствія стоитъ побѣды", замѣтилъ Кнорингъ. — Онъ возитъ съ собою переодѣтую въ казацкое платье любовницу. — „Румянцевъ возилъ ихъ по четыре. Это не наше дѣло!" ([25]).

Сраженіе подъ Тарутинымъ, которое при всякомъ другомъ предводителѣ (Барклаѣ, Коновницынѣ, Раевскомъ) кончилось бы совершенною гибелью Французскаго $^{35}/_{т.}$ авангарда, имѣло для насъ самыя ничтожныя выгоды; потеря же наша была безмѣрна. Это сраженіе разбудило безпечно спавшаго на пеплѣ Москвы Наполеона. И на другой же день, 7 Октября, непріятельская армія начала выступать изъ Москвы.—Хитрый фельдмаршалъ. хотя наружно и показывалъ, что онъ восхищенъ этою побѣдой, въ самомъ дѣлѣ не могъ простить себѣ того, что онъ послушался краснобая Бенигсена. ([26]) — У нихъ уже давно начались нелады, а тогда они явно разсорились. Вскорѣ послѣ 7 Октября, Кутузовъ, споря съ начальникомъ своего штаба, очень ласково замѣтилъ ему: «Мы никогда, голубчикъ мой, съ тобою не согласимся; ты думаешь только о пользѣ Англіи, а по мнѣ, если этотъ островъ сегодня пойдетъ на дно моря, я не охну" ([27]).

Какъ бы однакожъ то ни было, Кутузовъ въ донесеніи своемъ Государю отнесъ къ Бенигсену всю славу побѣды подъ Тарутинымъ; онъ испрашивалъ ему $^{100}/_{т.}$ руб. и шпагу съ лавровымъ вѣнкомъ и бриліантами. Съ тѣмъ же самымъ курьеромъ, Бенигсенъ послалъ Государю свой подлый доносъ о томъ же самомъ: въ немъ онъ выставилъ свою побѣду въ лучезарномъ свѣтѣ, хвалилъ храбрость солдатъ, увеличивалъ уронъ и разстройство непріятелей и, позабывъ объ убитомъ подлѣ фельдмаршала ординарцѣ Безобразовѣ, упомянулъ, будто онъ за старостью и лѣнью не могъ быть личнымъ свидѣтелемъ битвы. Извѣстно, до какой степени императоръ Александръ ненавидѣлъ всякой низкій поступокъ. Онъ утвердилъ представленіе князя Кутузова, препроводилъ къ нему шпагу съ лаврами и $^{100}/_{т.}$ руб. для Бенигсена и вмѣстѣ съ тѣмъ, прислалъ доносъ его ([28])

Главнокомандующій съ изысканною жестокостію отмстилъ ему. Онъ призвалъ къ себѣ Бенигсена, велѣлъ (капитану Скобелеву) громко читать свое представленіе, въ которомъ, поздравляя Государя съ славною побѣдою, онъ

([24]) Слышалъ отъ генерала Кноринга, который жилъ въ Дерптѣ въ то время, когда авторъ статьи былъ тамъ профессоромъ. Ему обязанъ онъ знакомствомъ съ Барклаемъ, Савенымъ, графомъ Остерманомъ-Толстымъ. В.

([25]) Слышалъ отъ Кноринга и Балашова. В.

([26]) Отъ Коновницына и Кикина. В.

([27]) Отъ нихъ же.

([28]) Отъ г. л. Скобелева. В.

писалъ — «что поручилъ войска сей экспедиціи маститому вождю, увѣнчанному лаврами, извѣстному опытностью и распорядительностію, и что онъ выполнилъ его предначертаніе съ мужествомъ и искусствомъ, его отличающими». — Чтеніе кончилось. Кутузовъ вручилъ Бенигсену шпагу и сотню тысячь рублей. Потомъ приказалъ читать громко вторую бумагу, имъ отъ Императора полученную. Бенигенъ стоялъ, какъ будто громъ разразилъ его, блѣднѣлъ и краснѣлъ. Кутузовъ безъ дальнихъ церемоній прогналъ его изъ арміи. Бенигсенъ очутился подъ Малымъ-Ярославцемъ, распоряжалъ войсками, какъ начальникъ штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій, бросался въ опасности и присылалъ къ фельдмаршалу съ рапортами. — Эту ролю разыгривалъ онъ и подъ Краснымъ. Наконецъ фельдмаршалъ потерялъ терпѣніе, и съ сердцемъ сказалъ второму офицеру, къ нему присланному: «Скажи своему генералу, что я его не знаю и знать не хочу, и если онъ пришлетъ ко мнѣ еще разъ, то я велю повѣсить его посланнаго». — Послѣ такого краснорѣчиваго приказанія, Бенигсенъ перестaлъ вмѣшиваться въ военныя дѣла, а разъѣзжалъ нѣсколько времени за арміею волонтеромъ; но это вскорѣ ему наскучило, и онъ отправился въ Петербургъ.

Въ 1813 году, по кончинѣ князя Кутузова, ему поручено было главное начальство надъ вновь сформированною арміею, которая наименована Польскою. Онъ привелъ ее въ Германію, на театръ войны, и, въ качествѣ второстепеннаго генерала, оказалъ важныя услуги въ знаменитомъ трехдневномъ Лейпцигскомъ сраженіи. Оттуда онъ посланъ подъ Гамбургъ, гдѣ не сдѣлалъ ничего блестящаго; однакожъ за взятіе Гамбурга получилъ орденъ Св. Георгія 1 класса.

По заключеніи Парижскаго мира, Бенигсенъ сдѣланъ главнокомандующимъ второю арміею. Время его управленія извѣстно ослабленіемъ дисциплины и чрезвычайными злоупотребленіями по коммисаріатской и провіантской части. По увольненіи отъ командованія арміею онъ поселился въ Ганноверѣ, гдѣ и скончался 2 Октября 1826 года.

Имя Бенигсена принадлежитъ исторіи. Онъ первый послѣ Суворова удачно употребилъ стратегическія и тактическія нововведенія въ большомъ размѣрѣ; ибо Кутузовъ не дѣлалъ предначертаній и не распоряжалъ дѣйствіями въ Австерлицкомъ сраженіи: планъ составилъ тотъ же Вейротеръ, который повредилъ при Ровердо, Бассано и Риволи, и котораго Моро побилъ какъ дурака при Гогенлинденѣ. Бенигсенъ устоялъ противъ Лана и Гюденя подъ Пултускомъ, не допустилъ себя разбить Наполеону подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ почти истребилъ корпусъ Ожеро кирасирскій и конно-егерскій; еще усиліе — и онъ разгромилъ бы всю побѣдоносную Французскую армію. Тогда Бенигсену былъ бы воздвигнутъ памятникъ. Но „Богъ отмщеній, Господь, Богъ отмщеній воздалъ ему беззаконіе его, и по лукавствію его посрамилъ его Господь".

Авторъ этой статьи намъ неизвѣстенъ. По буквѣ *В.*, выставленной при нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ и особенно по примѣчанію 24-му, можно думать, что она писана извѣстнымъ издателемъ Русскаго Инвалида А. Ѳ. Воейковымъ. Рукопись получена изъ Симбирска отъ князя В. И. Баюшева. *П. Б.*

ПИСЬМА КЪ П. И. МАШКОВУ.

Письма эти печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ богатомъ семейномъ архивѣ барона Михаила Львовича Боде. Чѣмъ былъ Машковъ (давшій свое имя извѣстному Машкову переулку, близь Зимняго дворца въ Петербургѣ) видно изъ слѣдующаго пергаменнаго листа съ императорскою подъ кустодіею печатью:

Божіею милостью мы Петръ Первый імператоръ и самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что объявитель сего Петръ Мошковъ употребленъ въ службу нашу во дворѣ нашемъ съ 1698; а 1705 году обрѣтался онъ въ Санктъпетербургѣ у надзиранія всякихъ вещей, комнатныхъ уборовъ, и денежной нашей казны, и устроеніевъ нашихъ домовъ. Такожъ въ надзираніи стекляныхъ и другихъ заводовъ, и въ протчихъ домовыхъ служеніяхъ. А нынѣ мы оного, для оказанной ево въ службѣ нашей ревности и прилежности, всемилостивѣйше пожаловали и опредѣлили въ наши надворные інтенданты: яко же мы его симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ подданнымъ помянутаго Петра Мошкова нашего інтенданта двороваго и пр. Данъ въ Санктъпетербургѣ декабря 12 дня 1724 года.

Петръ.

I.

Господинъ.

Мы всегда желаемъ, чтобъ вы своими письмами насъ не оставляли; при томъ васъ имѣемъ увѣдомлять, что я и его королевское высочество съ любезнымъ нашимъ сыномъ есмь здрава, и прошу поклонъ мой отдать любезной вашей супругѣ. Впрочемъ пребываю доброжелательная вамъ

«Анна». *)

Киль апрѣля 12 дня 1728 года.

II.

Мошковъ.

Когда батюшка повезутъ изъ Ямской, то больше не надобно какъ одинъ архимандритъ за нимъ поѣдетъ; а пѣвчихъ не надобно: мои пѣвчіи будутъ въ Сергіевскомъ ево дожидаться. Только надобно, ктобъ ево проводилъ изъ мірскихъ, чтобъ бережно ево довезли. Также и салдатъ человѣкъ шесть. А своей волею кто хочетъ пускай проваживаетъ, только съ похоронъ никто бъ въ Петеръгоѳъ не ѣздилъ.

„*Анна*

а нехудо какъ вы сами ево праводите, то уже изъ мирскихъ ненадобно“

Іюля 27 го дня 1737 году.

Надпись: „Петру Машкову“

Здѣсь и въ нижеслѣдующихъ письмахъ рѣчь идетъ вѣроятно о похоронахъ духовника императрицы Анны

III.

Мошковъ.

Прикажи во дворахъ батюшковыхъ и въ Сергіевскомъ, какъ при немъ было, такъ бы и нынѣ было. Только

*) Означенное вносными знаками, какъ здѣсь, такъ и ниже, писано собственноручно. Герцогиня Голштинская Анна Петровна пишетъ къ старому слугѣ отца своего. Извѣстно, что не красна была жизнь ея съ тупоумнымъ супругомъ въ бѣдномъ Килѣ, и она могла ждать себѣ отрады только изъ Россіи, гдѣ въ это время властвовали Долгорукіе. Письмо писано за 22 дня до кончины: Анна Петровна скончалась двадцати лѣтъ отъ роду, 4 мая (а не марта, какъ означено въ Энциклопедич. Лексиконѣ въ прекрасной статьѣ П. П. Пекарскаго) 1728 года.

строиться не вели вновь, и что сдѣлано, то бъ не развалилося, и того надобно смотрѣть, чтобъ росходу лишняго не было. Надобно изъ его людей или и старцовъ выбрать добрыхъ и приказать, а васъ бы о всемъ спрашивались. Такъ же надобно вамъ указомъ нашимъ отписать къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь къ келарю тамошнему, чтобъ пожитки батюшковы, которые въ кельяхъ ево есть, не роспропали-бъ, всѣ бъ въ цѣлости были до указу.

„Анна“

Надпись: «Машкову въ Сан. Питербурхе».

Іюля 31 дня 1737 году.

IV.

Государь мой Петръ Ивановичь.

Приказала всемилостивѣйшая государыня, чтобы вы накормили нищихъ двѣнадцать человѣкъ, а деньги посланы двадцать рублевъ, на кормъ и на милостыню, а кормить въ день Спаса Нерукотвореннаго во вторникъ, и деньги посланы съ онымъ ѣздовымъ и отправивши объ ономъ отпиши ко мнѣ. При семъ остаюсь

„Анна Юшкова“. *)

Питергофъ Августа 14 дня 1737 года

РѢДКОСТНАЯ ПОМѢЩИЧЬЯ ДОВѢРЕННОСТЬ

Петръ Николаевичь.

Увѣдомился я Саранской мей вотчины села Большой Танѣевки отъ прикащика Ивана Переполова, что въ проѣздъ государственнаго злодѣя Пугачева находятся нѣкоторые крестьяне виновны въ грабежѣ моего дома и въ протчемъ. Того ради васъ прошу, чтобъ означенныхъ крестьянъ, кто явится по дѣламъ своимъ виненъ, о таковыхъ просить въ канцеляріяхъ о наказаніи кнутомъ и плетьми и объ отнятіи членовъ, то есть ушей; а естли достойны будутъ лишенія живота, то таковыхъ представя просить, что по законамъ будетъ слѣдовать учинить съ ними по указомъ. Въ томъ я тебѣ вѣрю и впредь прекословить не буду. Впротчемъ есмь вашъ доброжелательный слуга и дядя Сергѣй Нестеровъ 25 Генваря 1775 года.

Сіе повѣренное письмо подлинно писано статскимъ совѣтникомъ Сергѣемъ Михаиловымъ сыномъ Нестеровымъ и подписано его рукою, въ чемъ засвидѣтельствуя подписуюсь секундъ-маіоръ Димитрей Іевлевъ сынъ Тюменевъ. Въ томъ же свидѣтельствуя, подписуюсь прапорщикъ Сергѣй Васильевъ сынъ Измайловъ. Въ томъ же свидѣтельствуя, подписуюсь лейбъгвардіи прапорщикъ Степанъ Петровъ сынъ Кузовлевъ. Надворный совѣтникъ Яковъ Васильевъ сынъ Игнатьевъ. Секундъ-маіоръ Иванъ Яковлевъ сынъ Игнатьевъ. Порутчикъ Николай Петровъ сынъ Левашовъ.

Печатается съ подлинника, хранящагося у В. В. Селиванова. Писано черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ Пугачевъ былъ казненъ въ Москвѣ.—Гдѣ дана довѣренность, изъ подлинной бумаги не видно. Село Большая Танѣевка — родовое имѣніе Нестеровыхъ, въ 10-ти верстахъ отъ Саранска по большой дорогѣ въ Пензу. Въ деревянной церкви этого села, доселѣ существующей, какъ извѣстно по преданію, садился на престолъ злодѣй Пугачевъ, котораго крестьяне принимали съ хлѣбомъ-солью, при чемъ передъ каждою избою выставлены были столы съ угощеньемъ, а на станахъ у кузницъ воздвиглась висѣлица, для казни отрекавшихся принести присягу государю Петру Ѳедоровичу.

*) Главная камерфрау, Анна Ѳедоровна Юшкова (жена подполковника) находилась въ особенной близости къ императрицѣ Аннѣ. См. о ней Р. Архивъ 1866, стр. 1533, и 1867, стр. 162. Она была извѣстна отличнымъ умѣніемъ стричь ногти на ногахъ и сводить мозоли. Въ послѣдніе часы жизни Анны, когда всѣмъ нужно было узнать ея послѣднюю волю касательно престолонаслѣдія, эта Юшкова сдѣлалась очень важнымъ лицомъ.

ПИСЬМО СУВОРОВА КЪ Д. И. ХВОСТОВУ.

Херсонъ Іюля 29 1793 году.

Дмитрій Ивановичъ! Младенчество флота опрокинуло крѣпости, дѣтство Наташи — ея кораблекрушеніе. Не П. и Ту. или иной кто Меркурій для Г. Валері. и проч. Послѣжь его закрываю жениха: всѣхъ нынѣ стерегитесь, будьте сами лишь благовидны; для оказанія довѣренности, открывать одну самую бездѣлицу за великую таиность и тѣмъ клевретамъ пароли; но будьте во всемъ дѣльномъ наискромнѣйшимъ. Наташѣ не танцовать, а выходить за мужъ; натанцуется какъ будетъ Эльмптова или Дол—а, и Бога ради не вдавайтесь въ тотъ подвохъ. Г. Н. И-чь уже не въ числѣ пріятелей, но въ злодѣяхъ. Въ 1786 году году вступилъ я въ чинъ 9-мъ, нынѣ я 10; к. Ю. Дол. имѣетъ надо мною списочное старшинство, онъ и для Ф-а и тѣмъ министра влечетъ съ собою въ президенты; а вороны ваши мнѣ соколу выпустятъ кишки. Не остается инаго, хотя бы я по порученю Ѳра Пав-а (*) и блистательное удовольствіе получилъ: но ѣхать волонтеромъ; дѣйствуйте прошеніемъ, коли хотя не 20,000, то золотомъ тысячъ до 15,000 р. присылайте ко мнѣ. Мѣсто Кахо., Прозор. и Долго. Чтобъ меня поравнять. Никого изъ списка не выключаютъ, развѣ еще наполнятъ, и какъ я страждущая особа, то и надлежитъ мнѣ искать спасенія. «Напрасно вы подавали о мѣстѣ. «Прес. Г. П. А. развѣ бы слѣдовало «на приказъ, а не отказъ, и только «что для клеврета въ осторожность. «П. Х. Т. безчестно втравилъ—самъ «не подалъ, чтобъ не отвѣчать. Тожъ «и другая цидуля, гдѣ пора К. Ю. «Дол. въ видѣ пустаго лая, напрягающаго гоненіе. Я до времени не «хочу съ Г. Н. Х. ни малой связи «имѣть, и не С. П. Б. Когда нашли «секретъ меня отъ дѣлъ удалить, то «и впредь легче найдутъ. Я твердъ «въ моемъ неудовольствіи и нынѣ «очень боленъ. Наташѣ съ домашними Божіе благословеніе.»

(*) Франца Павловича Деволана?

Списано слово въ слово съ подлинника и сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ УКАЗЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ДМИТРІЮ ЕГОРОВИЧУ ЛЕСЛИ.

„Господинъ генералъ маіоръ Лесли. Полку вашего маіоръ Мясоѣдовъ 1-й безъ всякаго основанія просилъ Насъ о уравненіи его съ протчими его сверстниками; и потому повелѣваемъ Мы вамъ арестовать его при полку на мѣсяцъ. Павелъ.

Санктпетербургъ. Ноября 1-го дня. 1798-го году"

Сообщено графомъ А. С. Уваровымъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА.

1.

Въ числѣ остававшихся при нашествіи непріятеля чиновниковъ Московскаго почтамта, находился и г. Н...въ — замѣчательнѣйшая личность, единственный прототипъ, котораго даже безпощадное время щадило, указывая на него въ

подтвержденіе того, какъ долго сильный духъ въ сильномъ тѣлѣ можетъ переносить безропотно жизненныя мытарства. Онъ принадлежалъ къ геройской эпохѣ Суворовскаго времени. Храбрымъ гренадеромъ участвовалъ онъ во всѣхъ италійскихъ битвахъ и былъ дѣйствующимъ лицомъ при блистательномъ переходѣ нашей арміи чрезъ швейцарскіе Альпы. На стоянкѣ въ Богеміи онъ обабился (какъ говорилъ) и, возвратившись на родину, поступилъ въ Московскій Почтамтъ, въ которомъ съ честью служилъ въ разныхъ чинахъ болѣе 50 лѣтъ. Вотъ эта-то достойная личность осталась въ Москвѣ съ цѣлію отомстить, во что бы ни стало, врагамъ. Разсказомъ моимъ не желалъ бы я уменьшить достоинство того чувства, которое, зародясь въ благородномъ сердцѣ суворовскаго витязя, разрѣшилось неудачей, а потому подернулось смѣшнымъ оттѣнкомъ.

Злобно посматривалъ на враговъ отечества г. Н... Узнавъ однажды, что самъ Наполеонъ собирается навѣстить Почтамтъ, въ который насажалъ онъ своихъ пришельцевъ, г. Н.... возымѣлъ мысль убить французскаго императора. Обдумывая свой планъ, онъ сообразилъ, что явное нападеніе невозможно, способнаго оружія у него не было, добыть его было трудно, а еще труднѣе было подойти къ лицу окруженному свитою, не возбуждая подозрѣнія. Долго соображалъ онъ; наконецъ обдумавъ, что императоръ войдетъ вѣроятно въ домъ, рѣшился сторожить его и поразить его съ верху. Такъ какъ всѣ этажи дома заняты были Французами, то, улучивъ время, обманувъ бдительность стражей, и взявъ ловкое полѣно, онъ пробрался съ нимъ безопасно на чердакъ и сталъ наблюдать. Три дня, голодный и трепещущій, сидѣлъ онъ надъ гипсовымъ орломъ, который подъ самымъ чердакомъ украшалъ тогда зданіе Почтамта, и выжидалъ счастливой минуты. Наконецъ заслышалась суматоха. Съ улицы повертывала толпа всадниковъ, часовые, поставленные у воротъ, отдавали честь; г. Н. воодушевился, зорко принаравляясь долбонуть господчика, котораго призналъ онъ за Бонапарта и, сбросилъ въ него смертоносный снарядъ свой. Полѣно слетѣло въ ту минуту, когда предполагаемый Бонапартъ всходилъ на крыльцо; но къ крайнему сожалѣнію г. Н... полѣно ни въ кого не попало, а только возбудило вниманіе Французовъ, сообразившихъ, что таковое чудо не могло совершиться безъ пособника. Пошли поиски, отъ которыхъ герой нашъ, изучившій занятую мѣстность, ловко прятался. Непріятель былъ близокъ, но не нашелъ его. Продежуря два дня, послѣ поисковъ, осторожно пробрался онъ съ чердака и, отдѣлавшись голодомъ, невредимо примкнулъ къ товарищамъ.

Въ послѣдствіи часто трунили надъ г. Н., увѣряя его, что Наполеонъ не пріѣзжалъ на дворъ Почтамта, но онъ, съ досадой утверждалъ, что Бонапартъ пріѣзжалъ; что онъ угадалъ его; что полѣно бросилъ вѣрно и если пролетѣло оно, не размозживъ головы, то развѣ чудомъ. Теперь поступокъ г. Н—ва обратили мы въ анекдотъ, а что стало бы съ войною и міромъ, еслибы умыселъ его удался? [1])

2.

Когда Французовъ погнали изъ Россіи, и Почтамтъ возвратился въ Москву, то первою заботою начальства было возстановленіе почтоваго сообщенія, нарушеннаго вторженіемъ враговъ, для чего, по смоленскому тракту, посланъ былъ чиновникъ Л—ъ.

Сельскіе жители только что начинали собираться на разоренныя пепелища свои, а потому дорожили уцѣлѣвшими избами, и толпами собирались въ нихъ на ночь. Погода въ концѣ Октября стояла холодная. Не доѣзжая Гжатска, измученный чиновникъ, желая согрѣться и отдохнуть, заѣхалъ къ вечеру на уцѣлѣвшій дворъ;

---

[1]) Слышалъ отъ почтеннаго Н...ва; недавно еще онъ окончилъ свое служебное и жизненное поприще на 98 году отъ рожденія.

въ гостепріемной избѣ было много народу, расположившагося на почлегъ по лавкамъ и на голомъ полу. Всѣ спали, въ печкѣ свѣтился огонекъ. Снявъ верхнюю одежду и разыскавъ скамейку, Л. сѣлъ противъ печи и, убаюкиваемый здоровымъ храпѣніемъ крестьянъ, сталъ дремать, какъ услышалъ надъ собою голосъ и увидалъ растрепанную бороду, свѣсившуюся съ печи. Краснолицый крестьянинъ съ склокоченными волосами зорко смотрѣлъ на него сѣрыми глазами, выглядывавшими изъ насупленныхъ бровей. „Панокъ, говорилъ онъ, а что я тебя спрошу?“—„Ну спрашивай“ отвѣчалъ г. Л.—Что Французовъ-то далеко угнали?“—„Далеко,“ отвѣчалъ Л., желая отдѣлаться короткимъ отвѣтомъ. Но только что предавался онъ сладкому забытью, безпокойный крестьянинъ снова начиналъ спрашивать его: „Панокъ, а панокъ!“—„Ну что тебѣ?“—„А что я тебя спрошу, Французовъ-то много побито?“—„Много“, отвѣчалъ раздосадованный чиновникъ, „на то и война, чтобы бить!“ Но крестьянинъ не могъ успокоиться; онъ ворочался, кряхтѣлъ и выглядывая приставалъ съ докучливыми вопросами. „Панокъ, а панокъ, а что я тебя спрошу, такъ убивать ихъ Французовъ-то можно?“—„Я же сказалъ тебѣ,“ съ сердцемъ отвѣчалъ Л.—„Оно того...“ приставалъ мужикъ, „хотя враги... землю разорили, а все же по образу и подобію...“ Видимо упрекала его совѣсть, и онъ желалъ повѣрить сомнѣнія свои грѣвшемуся чиновнику. „Да ты, панокъ, скажи мнѣ, да не гнѣвайся, панокъ,“ приставалъ онъ! „Говори что-ли!“ отвѣчалъ чиновникъ, выведенный изъ терпѣнія. „А вотъ вишь ты, сказалъ крестьянинъ, наловили мы это ихъ, Французовъ-то, десятка два и стали думать, что бы съ ними надѣлать, свести что ли куда, сдать что ли кому, да куда поведешь и кому сдашь? Вотъ и приговорили міромъ побить ихъ.“ Тутъ онъ пріостановился и, подумавъ, со вздохомъ продолжалъ: „Оно точно того, еслибы онъ на тебя съ ножемъ лѣзъ, ничего бы... а то смотритъ какъ баранъ; какъ тутъ быть то? Французъ не баранъ, а все же человѣкъ, врагъ только, землю разорилъ. Вотъ мы и порѣшили.“—Тутъ онъ опять пріостановился. „Выкопали въ перелѣскѣ глубокую яму, повязали имъ Французамъ руки и пригнали гуртомъ; стали это они вокругъ ямы, а мы за ними стали; почуяли, знать, свою злодѣйскую участь и начали жалостно талалакать, точно Богу молятся; мы наскоро посовали ихъ въ яму да живыхъ и зарыли. Вѣришь ли, панокъ, такой живущій народъ, подъ землею съ полъ часа ворошились!“ И мужикъ окончилъ разсказъ свой молитвословіемъ за многогрѣшную душу свою.

3.

Тотъ же г. Л.—ъ, слѣдуя по тракту далѣе, пріѣхалъ въ Смоленскъ; здѣсь очищали городъ. Его поразило удушающее зловоніе и длинная паленица, виднѣвшаяся у крѣпостнаго валу: то были собранные трупы; ихъ сжигали. Страшно было видѣть, какъ огонь, жаркимъ дыханіемъ своимъ размягчая замерзшія ноги, заставлялъ ихъ маршировать: то было послѣднее загробное движеніе!.. Жители еще не собрались; уцѣлѣвшіе отъ разгрома дома стояли пустые, только въ крѣпости работали. Туда онъ и направился, отыскивая нужную ему мѣстную полицію. Былъ полдень, осеннее солнушко пригрѣло на время и свѣтило привѣтливо прямо въ лице его. Г. Л. стоялъ въ шубѣ у раскрытаго окна, выжидая капитана-исправника. Жалкая и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительная картина рисовалась передъ нимъ. Изъ раскрытой двери противуположнаго дома, по одиночкѣ выползали какіе-то люди, одѣтые въ разнохарактерныхъ костюмахъ, кто съ пестрою повязкою на головѣ, кто въ колпакѣ. Къ какому полу и состоянію принадлежали они, распознать было трудно; съ трудомъ, путаясь въ одеждѣ, полягушичьи перебирались они черезъ улицу и, разсаживаясь подъ окномъ,

весело переговаривали, выкликая изъ дома опоздавшихъ товарищей. То были храбрые воины, потерявшіе въ сраженіяхъ руки и ноги, покинутые въ холодномъ климатѣ, безъ средствъ, гордымъ завоевателемъ. Они обрадовались солнышку, ползли на пригрѣвъ его, подсмѣиваясь надъ неловкими товарищами. Когда г. Л.—ъ, смѣясь сквозь слезы, спросилъ у нихъ, почему не пользуются они костылями, то они отвѣчали, что имѣлось только три костыля, но что въ морозы пожгли ихъ вмѣстѣ съ мебелью что̀ была въ домѣ. Съ чиновникомъ былъ бѣлый хлѣбъ и водка, онъ вышелъ къ бѣднякамъ и предложилъ свою закуску; съ благодарностію приняли они ее, но только помогая другъ другу могли ею воспользоваться. Г. Л. замѣтилъ, что у 15 человѣкъ уцѣлѣло 18 рукъ и 12 ногъ; остальные были ампутованы.

Вл. Бр—г.

ЧЕРТА ВЪ ХАРАКТЕРѢ ЖУКОВСКАГО.

Въ Русскомъ Архивѣ напечатано довольно много писемъ В. А. Жуковскаго и матеріаловъ для его жизнеописанія. По поводу ихъ намъ случалось слышать отзывы, упрекающіе Жуковскаго какъ бы въ нѣкоторомъ избыткѣ добросердечія. Такіе упреки вовсе не справедливы, и мы надѣемся со временемъ представить тому многія доказательства. Теперь же приводимъ слѣдующій случай, о которомъ мы слышали отъ лицъ достовѣрныхъ.

Въ 1840 году, передъ своею женитьбою, Жуковскій пріѣзжалъ въ Москву и жилъ въ ней нѣкоторое время. Друзья его и почитатели его таланта задумали угостить его обѣдомъ по подпискѣ, и нѣсколько человѣкъ распорядителей этого праздника пріѣхали къ Жуковскому, чтобы пригласить его и вмѣстѣ съ тѣмъ показать ему, кто именно будетъ на обѣдѣ. Жуковскій сначала не хотѣлъ и смотрѣть списка лицъ, пожелавшихъ выразить ему свое вниманіе; но когда ему прочли этотъ списокъ, онъ сказалъ, чтобы одно лицо непремѣнно вымарали. Это былъ одинъ изъ пожилыхъ профессоровъ. „Я не хочу слушать, какіе о немъ ходятъ толки—говорилъ добродушно Жуковскій —но я не въ силахъ простить ему одной обиды“, и при этомъ разсказалъ, какъ тому три года, когда нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, обозрѣвая Москву, посѣщалъ, въ сопровожденіи Жуковскаго университетскія лекціи, этотъ профессоръ цѣлый часъ выводилъ Жуковскаго изъ терпѣнія чтеніемъ ему въ лицо и въ торжественной обстановкѣ, чрезвычайно-льстивыхъ восхваленій его таланту и пр. „Этой бани не могу я забыть“, говорилъ Жуковскій. Многіе знаютъ, какимъ незлобіемъ отличался В. А. Жуковскій; но добросердечіе не исключало въ немъ цѣльности и твердости нравственныхъ ощущеній.

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ А. Ѳ. БРОКЕРУ.

Печатаются съ подлинниковъ, сохранившихся у Владиміра Адамовича Брокера.—Переписка начинается съ 1815 г., когда графъ Ростопчинъ, оставивъ Москву, проживалъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ въ чужіе края. Вытерпѣвъ грозу 1812 года, изумивъ соотечественниковъ и чужестранцовъ необычайнымъ напряженіемъ своей дѣятельности, графъ Ростопчинъ нуждался въ отдыхѣ. Кромѣ того, съ наступленіемъ мирнаго времени, снова возникли тѣ отношенія, которыя держали его внѣ службы съ 1801 по 1812 годъ, и 30 августа 1814 г. онъ вышелъ въ отставку. Ср. письма его того же времени къ Московскому пріятелю Д. П. Киселеву въ Р. Архивѣ 1863, стр. 822. Объ А. Ѳ. Брокерѣ см. въ этомъ году Р. Архива выше, стр. 1413 и д. *П. Б.*

1815.

1.

Я свое слово сдержалъ и въ Воскресенье, въ 2 часа по полудни, былъ уже здѣсь. Слѣдственно поспѣлъ къ обѣду. Графиня съ дѣтьми имѣла весьма безпокойную дорогу, по недостатку снѣга, и пріѣхала въ пятницу. Я еще кромѣ родни и короткихъ никого не видалъ, но принужденъ былъ вчера познакомиться съ однимъ Англичаниномъ, который, узнавъ, что я сюда буду, остался, чтобы меня видѣть. Въ Ливерпулѣ, въ Англіи, новой площади дали мое имя. Въ Гишпаніи вошло въ пословицу, если что очень честно и сильно,— „*это Ростопчинъ*!„ Желаю, чтобы многіе изъ Русскихъ этимъ пользовались. Прощай, другъ сердечный, будь здоровъ. Не перемѣняй образа мыслей и предоставь времени исправить то, что люди испортили въ тебѣ крови. Катеринѣ Яковлевнѣ (1) и Григорью Григорьевичу Спиридову поклонъ. Скажи, что я совсѣмъ не охрипъ и дня черезъ два воспользуюсь правомъ объявлять вельможамъ за урядъ имянныя истинны. Leben Sie wohl, liebster Bruder und treuer Camrad in 1812 Jahr (2).

Пожалуйста отошли письмо къ Тончи и если отъ него будетъ посылка, то черезъ почту повѣрнѣе отправь.

С.Пб. 5 января, утромъ.

2.

Вотъ третій день, что я сижу дома. У меня была геморройная боль въ головѣ и еще совсѣмъ не прошла; отъ сего я пропустилъ балъ у князя Куракина, гдѣ былъ весь дворъ. Новостей здѣсь нѣтъ, ибо никто ничего не знаетъ.

Смѣялись тому, что Козодавлевъ (3) просилъ у Аракчеева позволенія съѣздить въ Грузиново, а онъ ему отвѣчалъ, *что онъ ему въ семъ отказать не можетъ, сожалья, что не можетъ принять какъ въ городѣ*; а должно знать, что здѣсь Аракчеевъ запретилъ швейцару принимать Іосифа Козадавлева и пускать въ домъ. Графиня съ благодарностію кланяется, а я цѣлую въ горячую голову (4).

С.Пб. 12 января.

3.

Покорно благодарю васъ, Адамъ Ѳомичъ, за извѣстіе о себѣ и обо всемъ, что касается до моего дома. Загородный подъ заведеніе водочное отдавать мнѣ не очень хочется, тѣмъ болѣе, что я не знаю, сколько и какое строеніе на сіе будетъ обраще-

(1) Супруга Брокера.

(2) Т. е., прощай, любезный братъ и вѣрный сотоварищъ 1812 года.

(3) Тогдашній министръ внутр. дѣлъ.

(4) Намекъ на чрезвычайную пылкость и отвагу Брокера.

но, а лучше бы всего, если бы господа пьянства—откупщики купили у меня и строеніе и землю, а я бы отдалъ за 80,000 р. Я надѣюсь, что дня черезъ три переѣду въ наемный домъ. Пріемъ, сдѣланный мнѣ и графинѣ, весьма лестный, и Государыня позволила мнѣ безъ зова ѣздить къ ней. Графу Сергѣю Θедоровичу (5) Шведскій король прислалъ орденъ Меча, и выходитъ, что за моремъ лучше цѣнятъ меня, чѣмъ здѣсь. Прощай. Обнимаю и желаю здоровья. Возвращеніе Государя неизвѣстно, и всѣмъ ждать.

С.Пб. 19 января.

4.

Сегодня утромъ я получилъ съ почты повѣстку о посылкѣ Тончи, а вчера письмо ваше, за которое благодарю. Жаль очень, что у васъ повальная болѣзнь и кажется прилипчивая и „навозная". О Даниловѣ (6) здѣсь знаютъ. А. Д. Б. (7) не оставитъ его безъ мѣста. Я съ своей стороны жалѣю, что, хотя доставить ему случай оправдать хорошее мнѣніе, коимъ онъ своей службѣ обязанъ, черезъ сіе навлекъ ему непріятныя послѣдствія. Но предвидѣть недовольно многаго, но ничего нельзя. Мы здоровы, обживаемся въ наемномъ домѣ въ ожиданіи своего. Знакомыхъ, кажется, довольно. Я по прежнему думаю въ слухъ: вора называю разбойникомъ, а дурака скотомъ. Многіе смѣются сему чистосердечію, но иные крехтятъ. Пожалуйста, Адамъ Θомичъ, прикажи уложить, разобравъ хорошенько, билліардъ, а особливо сукно, ибо оно новое и съ нимъ полдюжины получше кіевъ и шары. Отправь сюда съ нимъ вмѣстѣ полотна, если оныя присланы изъ Ливенскихъ деревень. Алексѣю паспортъ годовой при семъ прилагаю. Кланяйся всѣмъ тѣмъ, которые меня не бранятъ по . . . . Затѣмъ обнявъ тебя съ Кат. Яков. mit ganz Familie, остаюсь тебя истинно любящій Г. Θ. Ростопчинъ.

С.Пб. 25 января.

5.

Письма ваши два я получилъ и очень удивился, узнавъ, что въ Москвѣ меня разбили параличемъ — отняли одинъ языкъ, руку и ногу. Я радъ, что они этимъ забавляются. Урокъ добрый всѣмъ тѣмъ, кои захотятъ жертвовать собою для пользы Русскихъ. Хороша публика! Хороши и люди! Мои всѣ вамъ кланяются, а я, обнявъ отсюда, говорю Adieu.

С.Пб. 19 февраля.

6.

Письмо твое, любезный другъ, я получилъ и, дождавшись отъѣзда Булгаковыхъ, пишу съ ними. Кажется, исторія Ключарева съ концемъ, и объ немъ сказано было: *этотъ человѣкъ дурно кончилъ*. Мнѣ кажется, что новый твой и Москвы начальникъ (8) хочетъ тебя сохранить въ службѣ и говорилъ, что представитъ къ 3-му Владиміру. Но правду сказать, если сіе и выйдетъ, то онъ тебя свяжетъ. Ты видишь, что онъ только въ под-

(5) Старшій сынъ графа Ростопчина, гр. Сергѣй Θедоровичъ, род. 1794 г., служилъ адъютантомъ при князѣ Барклаѣ-де-Толли, впослѣдствіи женился въ Италіи на какой-то владѣтельной принцессѣ Marie de Solge (въ Россіи Марья Игнатьевна). Родовое имѣніе его въ Орловской губ. ушло на уплату долговъ. По смерти родителя своего, онъ пріѣхалъ въ Россію и поручилъ Брокеру скупить его векселя, въ громадномъ количествѣ; но не дожилъ окончанія этого дѣла и умеръ 4 апрѣля 1836 г.

(6) Приставъ городской части въ Москвѣ.

(7) Александръ Дм. Балашовъ, министръ полиціи.

(8) Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ. (1752 — 1819) генералъ отъ кавалеріи, бывшій военнымъ губернаторомъ Кіевскимъ, Рижскимъ, главнокомандующій на Кавказѣ и съ 1812 года на Волыни, и потомъ сподвижникъ Кутузова. Въ Москву онъ назначенъ 30 августа 1814. Про его управленіе, сравнительно съ тревожною дѣятельностью его предшественника, говорили: «Москву затормозили».

писи начальникъ, а воли и дѣла у него нѣтъ. Его, какъ слѣпца, водятъ изъ угла въ уголъ. Признался, говорятъ, что на мѣсто Ивашкина (9) будетъ Шульгинъ. Хотя онъ чрезъ полгода и сломитъ самъ себѣ шею; но каково съ пьянымъ капраломъ служить и съ твоею запальчивостью! Тормасову прибавили 12 т. въ годъ столовыхъ денегъ. Говорятъ, будто В. К. Е. П. (10) поѣдетъ чрезъ Москву въ Штутгардъ и если Тормасова отправятъ ее принимать, то онъ ничего самъ не успѣетъ сдѣлать, а здѣсь и безъ него дѣла много. Гр. С. Ѳ. четыре дня какъ пріѣхалъ изъ Берлина. Онъ былъ съ мѣсяцъ боленъ, тою же болѣзнію въ груди; не знаю, для чего ему пускали кровь. Теперь мнѣ должно дожидаться, чтобы его, по представленію Барклая, отпустили въ чужіе края до излѣченія, и я уже отсюда съ нимъ поѣду въ концѣ апрѣля, пробуду недѣли двѣ въ Москвѣ, а оттуда поѣду на Битюкъ и въ Ливны, куда въ началѣ Августа пріѣдетъ графиня съ дѣтьми. Мы чрезъ Кіевъ отправимся за границу. Слѣдственно, прикажи моихъ каминовъ не топить. Отпиши пожалуйста о деньгахъ, кои долженъ отдать Дунашевъ и о 10,000 р. слѣдующихъ мнѣ по уговору въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Прощай. Богъ съ тобой. Желаю, если не отставятъ, то чтобы поздравить съ Владиміромъ, а у меня на этой лентѣ есть медаль, которая бьетъ мою грудь и напоминаетъ 12-й годъ.

С.Пб. 20 февр.

7.

Письмо ваше съ роспискою Дунашева я получилъ и очень исправно, сего утра денегъ 7000, при немъ надписавъ на роспискѣ. Но 2000 руб. за мартъ еще нѣтъ. И я боюсь, что отъ неисправной пересылки выйдетъ для меня затрудненіе въ случаѣ моего отъѣзда къ водамъ. Здѣсь безпокоятся на счетъ Бонапарта и, правду сказать есть отъ чего. Вѣроятно, что наши войска пойдутъ во Францію, если злодѣй вскорѣ не будетъ тамъ истребленъ. Я воображаю, что за толки въ Москвѣ и что за радость между Французами! Прощайте. Жду съ нетерпѣніемъ Волкова, чтобы объ васъ до сыта наговориться.

Долгорукимъ (11), Спиридову (12) и Волкова женѣ нижайшій поклонъ.

С.Пб. 29 марта.

8.

Я совсѣмъ не жалѣю, что Вороново горитъ. Кромѣ омерзенія къ сему мѣсту я ничего другаго не чувствую (13). Волковъ на Святой ѣдетъ въ Москву, сожалѣя о прогонахъ. Новаго ничего нѣтъ. Европа вся вооружается противъ Бонапарте, а этотъ разбойникъ прибѣгаетъ къ Якобинцамъ, дабы свертѣть еще болѣе головы Французскія. Въ Парижѣ грабежи. Но чѣмъ кончится — неизвѣстно. Что, Вороновскій лѣсъ приплылъ? Есть ли надежда, что скоро продастся?

С.Пб. 15 апрѣля.

9.

Вашъ начальникъ свои доклады долженъ представить въ Комитетъ, со-

---

(9) Петръ Александровичъ Ивашкинъ, съ 1802 г. полицеймейстеръ, съ 1811 г. оберъ-полицеймейстеръ; а въ 1816 г. мѣсто его занялъ Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ 1-й.

(10) В. Княгиня Екатерина Павловна.

(11) Долгорукіе, князь Александръ Николаевичъ и княгиня Екатерина Александровна урожден. Голицына Дарья Александровна; сестра ея была за Дм. Ад. Олсуфьевымъ.

(12) Григорій Григорьевичъ Спиридовъ, сынъ Екатерининскаго адмирала. Сестра его Александра Григорьевна была за Екатерининскимъ генераломъ Густавомъ Ѳедор. Цимерманомъ.

(13) Теперь уже вымираютъ свидѣтели необыкновеннаго поступка графа Ростопчина въ селѣ его Вороновѣ, такъ что это погубленіе милліоннаго имущества кажется какимъ-то миѳомъ. Въ Запискахъ Вильсона подробно говорится о томъ. Покойный гр. Мих. Ю. Віельгорскій былъ тутъ же, и разсказывалъ, какъ послѣ гостепріимнаго обѣда подали факелы, и началось зажженіе.

ставленный изъ Балашева и Козодавлева, а они черезъ Аракчеева подадутъ уже Государю. Прощайте. Нетерпѣливо хочется тебя видѣть и про старину поговорить.

С.Пб. 21 апрѣля.

10.

Въ первыхъ числахъ мая я отправлюсь, если еще чего отъ Бога не зайдетъ, и съ большимъ прискорбіемъ разлучусь съ своими на нѣсколько мѣсяцевъ. Извѣстія у насъ не хорошія, не смотря на слухи Вѣнскіе, которые преданы здѣсь печати. Мюратъ уже въ Ломбардіи, и должно полагать, что усилится Итальянцами, кои Австрійцевъ не терпятъ, а боготворятъ Бонапарте. Во Франціи, кажется, королевская слабая партія раздавлена, и Бурбонцы всѣ за границей. Теперь надежда на Якобинцевъ, въ коихъ Бонапарте ищетъ силы. Но послѣ того, чтò съ нимъ случилось, ничего предвидѣть и угадывать не можно. Прощайте, на будущей недѣли напишу къ вамъ длинное письмо. Дѣлаютъ ли изъ флигилей, чтò на улицѣ, лавки, какъ я предполагалъ, чтобы отдавать внаймы. Будьте здоровы. Гр. Ѳ. Ростопчинъ.

С.Пб. 25 апрѣля 1815 г.

11.

Я къ вамъ пишу съ Волковымъ и жалѣю очень, что перемѣна обстоятельствъ принудитъ васъ, можетъ быть, долго остаться въ непріятной должности, гдѣ вы кромѣ безпокойствъ ничего получить не можете: ибо, вѣроятно, что Москва еще болѣе прежняго забыта будетъ, а начальникъ вашъ займется своимъ благосостояніемъ, откупщиками, трактирами и пр. Я на будущей недѣлѣ намѣренъ непремѣнно ѣхать и съ большимъ огорченіемъ разстаюсь съ своими. Графиня не очень здорова и три дня, какъ сидитъ дома. Прошу васъ, когда Дунашевъ за май внесетъ 10,000 руб., то ихъ не пересылать, а внести тотчасъ и взять росписку изъ Дворянской Опеки: 9,000 р. составляющихъ десятую часть объявленнаго мною дохода; да въ октябрѣ мѣсяцѣ отдать также подъ росписку 1600 руб. князю Дмитрію Егоровичу Багратіону, зятю кн. Мих. Дмитр. Циціанова, который съ нимъ рядомъ и живетъ. Деньги, которыя будутъ какъ за проданный лѣсъ изъ Воронова, такъ и прочія или изъ доходовъ отъ Шрама или съ дома—тотчасъ размѣнивать на имперіалы или полуимперіалы и оставить у себя до моего пріѣзда въ Москву. Дѣла во Франціи всѣ въ пользу Бонапарте. Роялистовъ нѣтъ, а Якобинцы —новый инструментъ въ рукахъ злодѣя. Въ іюнѣ увидимъ, чтò выйдетъ изъ страшныхъ пріуготовленій всей Европы противъ одного мужичка. Но не умѣли избавить отъ него миръ. Прощай, любезный другъ. Я ѣду чрезвычайно сердитъ на Москву, ибо она причиною моей разлуки съ семьею. Желаю тебя найти здороваго и столько же честнаго, каковъ ты былъ до нынѣ. Григ. Григ. Спиридову поклонъ. Прощай. Я писать буду до отъѣзда.

С.Пб. 1815 г. 26 апрѣля.

12.

Два твоихъ письма я получилъ, но для того не отвѣчалъ, что въ Воскресенье на Святой очень занемогъ. Доказательствомъ служитъ то, что четыре дня лежалъ въ постели. Теперь спѣшу отправиться къ вамъ, дабы въ концѣ мая возвратиться сюда и ѣхать тотчасъ въ Карлсбадъ, не упуская лѣтняго времени. Я надѣюсь (если чего отъ Бога не сойдетъ) чрезъ недѣлю выѣхать. Пожалуйста, любезный другъ, прикажи въ моихъ горницахъ поставить бывшія въ нихъ мебели по прежнему, то есть на моей половинѣ. Да приговори какого-нибудь ученика отъ повара, чтò у меня жилъ, недѣли на двѣ. Я намѣренъ обѣдать дома, а кушанье мое самое

простое. Также мнѣ нуженъ лакей, если есть хорошій, ѣздить за каретой, а лошадей наймемъ. Вотъ мои намѣренія. Нетерпѣливъ тебя видѣть. Начальникъ здѣсь ждетъ утвержденія плана, но мнѣ кажется, что я буду его предтечею.

С.Пб. 28 апрѣля.

13.

Графиня недѣлю, какъ больна. Она выкинула, бывъ шесть недѣль беременна и послѣдствій бы дурныхъ не было, если бы ея не безпокоила тошнота. Я пріостановилъ свой отъѣздъ, и мнѣ очень грустно: и болѣзнь ея и мой походъ. Вотъ вамъ листъ. Порадуйтесь, какъ 150 т. Австрійцевъ дѣйствуютъ противъ 35 т. сволочи Неаполитанской, давъ Мюрату завладѣть почти всею Италіею. Вы вѣрно ждете, что какой нибудь Якобинецъ убилъ или убьетъ Бонапарте, но это его хитрости, и жаль, если слухъ сей подѣйствуетъ, а ему нужно время, дабы къ іюню имѣть 300 т. готоваго войска. Простите, живите, сѣките и не дремлите. Богъ съ вами.

С.Пб. 30 апрѣля.

14.

Завтрашній день, любезный другъ, я оставляю свое семейство и съ сжатымъ сердцемъ ѣду за границу. Путь мой на Берлинъ, откуда Гуфландъ отправитъ меня, не знаю къ какимъ водамъ. Въ началѣ іюля я надѣюсь быть въ главной квартирѣ. Графиня ѣдетъ въ Сарское Село. А объ насъ графъ Н. Н. тебѣ разскажетъ подробно. Деньги, слѣдующія и за май 10 т. Дунашевъ хочетъ отдать здѣсь графинѣ. Слѣдственно 9000, кои должно внести съ доходовъ моихъ, постарайся выручить лѣсомъ. Лавки изъ бесѣдокъ, кои на улицѣ, должно непремѣнно сдѣлать и отдать въ наймы. Я весьма бы желалъ, чтобы крышка на Сокольницкомъ домѣ была сдѣлана, дабы сохранить строеніе можно. Взять желѣза въ долгъ до зимы, а балки и прочій лѣсъ на стропила привести изъ Воронова. Если сіе сдѣлаешь, то одолжишь крайне. Скотъ лѣтомъ въ Вороново будетъ, но что изъ сего будетъ? Богъ знаетъ. Я не знаю почему, но былъ два раза призыванъ на важный совѣтъ касательно безпорядка и разстройства государственнаго и объявилъ, что доходовъ никогда не станетъ, пока будутъ красть, а о вольности до тѣхъ поръ будутъ говорить, пока Государь не раздастъ деревень. Пиши пожалуйста хоть въ мѣсяцъ разъ и отсылай свои письма къ Н. Игн. Калинину [14]. Онъ будетъ ваши мнѣ доставлять, а мои къ вамъ. Кланяйся тѣмъ, кто обо мнѣ помнитъ. Не забывай стараго правителя и командира 12-го года, который, обнявъ тебя, желаетъ счастія и здоровья. Гр. Θ. Ростопчинъ.

С.Пб. 15 мая.

15.

Я сюда пріѣхалъ благополучно и пробылъ двѣ недѣли лишняго отъ простуды, желанія узнать рѣшимость судьбы Франціи и отъ холодной погоды, во время которой въ бани ходить не можно. Здоровье мое нѣсколько поправилось тѣмъ, что я не чувствую тягости въ желудкѣ. Гуфландъ меня отправляетъ въ Теплицъ и въ Пирмонтъ, и я надѣюсь въ концѣ сентября быть возвратно въ Россіи. Побѣда Веллингтона и Блюхера свергла во второй разъ Бонапарте съ престола. Но я боюсь, чтобы онъ не ушелъ, а покуда сей звѣрь живъ, роду человѣческому покоя не будетъ. По извѣстіямъ 1-го іюля нов. ст. Блюхеръ и Веллингтонъ должны быть въ Парижѣ. Первому хочется войти насильно, чтобы пограбить. А. Д. Балашева я видѣлъ въ проѣздѣ его черезъ

---

[14] Николай Игнатьевичъ Калининъ, С.-Петербургскій почтдиректоръ, потомъ сенаторъ въ Москвѣ.

Берлинъ. Онъ имѣетъ препорученіе прекращать безпорядки внутренніе, не вступая однакоже въ управленіе М. П. ([15]); не знаю, какъ онъ успѣетъ, при существованіи почтеннаго Комитета, управляющаго имперіею. Пруссія страшныя сдѣлала пожертвованія, и 270 т. человѣкъ на войнѣ за границей. Дай Богъ добрый конецъ. Пріемъ на дорогѣ и здѣсь мнѣ чрезвычайный, иногда трогательный до слезъ. Часто дамы вхаживали ко мнѣ въ горницу и, извиняясь, объявляли, что онѣ желаютъ меня видѣть. Отцы приводили дѣтей на меня смотрѣть. Городъ просилъ дать себя списать. Звали на чай. Вечера, обѣды и проч. Не знаю, что̀ будетъ въ Теплицѣ и въ Пирмонтѣ, а здѣсь я порядочнымъ человѣкомъ. Пожалуйста пиши ко мнѣ. Отсылай письма къ Ник. Игн. Калинину. Посмотри, чтобы въ домѣ не распропало. Кланяйся Катеринѣ Яковлевнѣ и тѣмъ, кои въ душѣ ко мнѣ расположены по прусски, а не по русски. Прощай. Богъ съ тобой. Будь здоровъ.

Берлинъ 26 іюня ст. ст.

16.

Я еще здѣсь принужденъ былъ нѣсколько дней остановиться отъ разстройства гемморoя, такъ что мнѣ ставили піявки. Но коль скоро будетъ легче, то поѣду въ Теплицъ къ водамъ. Здѣсь Н. С. Муромцевъ, который также ѣдетъ въ Теплицъ и Пирмонтъ. Извѣстія: король Французскій 8 числа въѣхалъ въ Парижъ, Бонапарте ушелъ, и еще не знаютъ гдѣ. А армія, которая по капитуляціи пошла изъ Парижа въ назначенное мѣсто, прислала депутатовъ къ королю, что она безъ договора отдастся въ его власть. Государь нашъ и другіе государи ѣдутъ въ Парижъ. Вотъ вамъ послѣднія извѣстія.

Шопенгееръ пишетъ, что ему нужно листовое желѣзо для кубовъ и что онъ посылалъ за нимъ. Пришлетъ уксусу на продажу. Я увѣренъ, что вы по его требованію сдѣлали. Уксусъ должно продать, да поговорите съ Дунашевымъ, для чего онъ не беретъ крупъ съ Битюга. Если Богъ дастъ здоровья, то въ концѣ сентября надѣюсь быть въ Россіи. Прощайте, кланяйтесь тѣмъ, кои меня не забыли. Богъ съ вами. Гр. Ө. Ростопчинъ.

Берлинъ 5 іюля.

17.

Я уже три недѣли скоро, какъ здѣсь и пью воды. До сихъ поръ одну перемѣну чувствую, что послѣ обѣда не бываетъ тягости въ желудкѣ, а гемморой все въ томъ же положеніи. Здѣсь много очень людей, также и Русскихъ, изъ коихъ съ нѣкоторыми я видаюсь часто, а съ другими встрѣчаюсь. Король Прусскій здѣсь и пробудетъ три недѣли; но онъ ведетъ жизнь самую уединенную и никого не принимаетъ, даже ни съ кѣмъ не говоритъ. Здѣсь жить скучно, и ненависть, которая поселилась между Пруссаковъ и Саксонцевъ, все разсѣяла. Поляки насъ не могутъ терпѣть и заняты возстановленіемъ своего королевства, чего весьма и Австрія и Пруссія боятся. Давыдовъ писалъ, что въ Ливенскихъ деревняхъ сгорѣли четыре двора, и спрашиваетъ, что̀ дѣлать. Прикажите, чтобы дома выстроили на мой счетъ, но отнюдь не рубя Кузмодемьянскаго лѣса. Меня безпокоятъ двѣ вещи: Дунашева долгъ и засуха, о коей всѣ пишутъ изъ Россіи. Я здѣсь пробуду еще три недѣли и поѣду прямо въ Баденъ на Рейнъ брать ванны и оттуда буду писать къ тебѣ, а можетъ быть и прежде. Кланяйся тѣмъ, кои обо мнѣ помнятъ. Теперь вамъ приходится хлопотно, и если Государь изволитъ быть въ половинѣ августа, то я на-

---

([15]) Министерства полиціи.

дѣюсь, что начальникъ твой выпроситъ награжденіе за усердную твою службу и ты меня о семъ увѣдомишь. Прощай, любезный другъ; прикажи, чтобы Кампорези хорошенько прибралъ картины, когда ихъ привезутъ изъ Петербурга. Кат. Яковлевнѣ мой дружескій поклонъ. Прощай.

Карлсбадъ 30 іюля.

18.

Оконча ванны въ Теплицѣ, я пріѣхалъ сюда и надѣюсь черезъ двѣ недѣли отправиться въ Берлинъ, гдѣ пробывъ дней десять, поѣду въ Петербургъ, куда душа и сердце чрезвычайно меня тащатъ. Дай Богъ, чтобы я нашелъ своихъ всѣхъ здоровыми. Я хотя не совсѣмъ вылечился, однакожъ чувствую себя лучше. Только странно, что можно сносить ванны, а внутренно воды меня безпокоятъ и требуютъ помощи и лѣкарства. Я здѣсь получилъ твое письмо и благодарю за поѣздку въ Вороново. Пожалуйста напиши ко мнѣ въ Петербургъ, куда я надѣюсь быть, если Богу угодно, въ половинѣ октября; что̀ дѣлается въ Вороновѣ и напиши, какъ идетъ въ Каменкѣ. Я бы желалъ отдать Московскій домъ въ наймы, если бы дали тысячь восемь, то есть кромѣ низа, куда должно будетъ поставить мраморы и картины. Меня совсѣмъ замучили любопытствомъ; до того, что изъ деревень пріѣзжали, подваживали дѣтей, чтобы на меня смотрѣли. Въ Касселѣ трактирщикъ не хотѣлъ было взять денегъ за то, что я у него сутки пробылъ. Въ Англіи первому скакуну дали мое имя. Слава Богу, что Московская компанія, то есть Мерлинъ, Пушкинъ, Кутузовъ и товарищи не сбили съ пути Нѣмцевъ. Во Франціи умы бродятъ и коль скоро союзныя войска выйдутъ, то Бурбоновъ опять выгонятъ и хоть Франція безъ Бонапарта и не можетъ быть опасна для Европы, но можетъ еще нанести безпокойство, ибо нельзя 26 милліоновъ съумасшедшихъ спустить съ цѣпи. Вѣрнаго еще ничего нѣтъ, когда Государь изволитъ возвратиться. Много дѣла во Франціи. Гр. Сер. Ѳед. въ Парижѣ съ фельдмаршаломъ. Ему Неаполитанскій король прислалъ (ко мнѣ) большой свой военный орденъ, и это будетъ новое—видѣть мальчика двадцати лѣтъ въ звѣздѣ. Но такъ тому быть, онъ и въ Москву покажется. Прошу Обрѣзковымъ очень отъ меня кланяться. Можетъ быть, зимою увидимся, но не въ клобѣ, не у кн. Юрья и не у Апраксина. Прощай, Богъ съ тобой. Обними Гр. Григорьича и тѣхъ, кои думаютъ, что я не хуже Тутолмина и Козадавлева. Кат. Яковлевнѣ мой поклонъ. Прощай.

Пирмонтъ 30 августа.

19.

Увѣдомъ пожалуйста, что̀ дѣлается съ Карамзина семьею. Онъ мнѣ писалъ, что у него одна дочь умерла, а двое еще дѣтей въ скарлатинѣ. Да мнѣ нужно знать о Дунашевѣ, когда онъ сюда пріѣдетъ для разсчета, сколько привезетъ денегъ и если онъ замедлитъ, то я Пшеницыну напишу, чтобы продали Елецкимъ. Прощай, я былъ недѣлю нездоровъ отъ колики. Великіе князья пріѣхали. Теперь ждутъ великихъ княженъ на сей недѣли, а Государя къ 25-му. Кланяйся своимъ и моимъ

С.Пб. 18 ноября.

20.

Письмо твое я получилъ и могу увѣрить, что причины моего отвращенія къ Воронову основаны на опытѣ: лѣнь крестьянъ, неблагодарность ихъ и разбой въ 1812 году. Я конечно бы охотнѣе продалъ домъ городской и дачу, но мнѣ нужны деньги для устройства дочерямъ приданаго. Наташѣ уже 18-ти лѣтъ и представлена къ двору. Шрамъ напрасно на меня

клепитъ, будто я ему мѣшаю прибавлять тягла. Мнѣ кажется, что вывозъ угля легче долженъ быть лѣсу, также и дрова, что̀ бы прибавило къ ничтожному доходу, который я получаю съ этого имѣнія. Хлѣба на 137 т. я продалъ Дунашеву. Онъ ѣдетъ завтра въ ночь, съ нимъ я пришлю заключенное условіе, которое должно подписать его женѣ съ ея поручительствомъ. Деньги 83,458 р. примите отъ него въ исходѣ января или въ началѣ февраля и 80 т. положите въ Воспитательный Домъ на мое имя, взявъ четыре билета, каждый въ 20,000 р., а 3,458 перешлите ко мнѣ. Я болѣе недѣли нездоровъ и завтра надѣюсь выѣхать и видѣть Государя. Прощай, съ Дунашевымъ напишу еще.

С.Пб. 6 декабря.

21.

Я выѣзжаю. Былъ у Государя. Принятъ очень хорошо, и мнѣ лучше всѣхъ, отъ того, что я ничего не хочу для себя. Министры очень дрожатъ. Перемѣнъ, я думаю, много будетъ, а по секрету Балашеву весьма дурно, и изъ нихъ никто у Государя не былъ. Прощай, Богъ съ тобой.

С.Пб. 8 декабря.

1816.

22.

До сихъ поръ я тебѣ ничего не могу сказать ни удовлетворительнаго, ни утѣшительнаго относительно твоей отставки. Волковъ ([16]), имѣющій и знакомыхъ и пріятелей, не знаетъ самъ о себѣ ничего. Теперь очень заняты новыми учрежденіями. Государь изволитъ заниматься дѣлами по Военной Коллегіи съ однимъ гр. Аракчеевымъ. У меня все здорово. Въ городѣ празднують свадьбу Ек. Павл.: готовятся къ другой, то есть Ан. Павл. У меня все здорово, но Серг. Ѳедор. много мнѣ портитъ крови своею легкостью и слабостями. Онъ еще въ Берлинѣ. Если я пріѣду въ концѣ будущаго мѣсяца, то жить буду въ прежнихъ своихъ комнатахъ и топить должно только билліардную и столовыя и тѣ, что̀ я занималъ. Прощай, любезный другъ, веселись домашнею жизнію, она всѣхъ пріятнѣе.

С.Пб. 24 янв.

23.

Письмо ваше съ векселемъ на 15 т. я получилъ; теперь я вижу совершенно, что я дуракъ, потому что въ 51 годъ могу думать, что изъ Русскихъ кто нибудь и что нибудь можетъ сдѣлать изъ благодарности. Дунашевъ мнѣ можетъ стоить жизни, ибо, не заплатя денегъ, коими онъ мнѣ долженъ, я не въ состояніи буду ѣхать въ чужіе края лѣчиться и при-

---

(16) Александръ Александровичъ Волковъ (коего біографія, соч. А. Я. Булгакова, издана отдѣльною книгою), женатъ былъ на Софьѣ Александр. Римской-Корсаковой. Въ 1812 г. онъ служилъ полицеймейстеромъ, а впослѣдствіи начальникомъ жандармскаго округа въ Москвѣ. Дружескія его письма къ товарищу по службѣ А. Ѳ. Брокеру, сохранились. Они сами по себѣ замѣчательны, и мы приводимъ одно изъ нихъ: «Увы! другъ любезный Адамъ Ѳомичъ, общая судьба наша не рѣшается и, кажется, опредѣлено еще намъ страдать! Возвращеніе государя императора вмѣсто того, чтобы приближаться, кажется на неопредѣленное время отлагается. Шельма Бонапартъ, адскими своими способами, развратилъ умы вѣтреной французской націи, такъ что опять ему все покланяется. Хотя и нѣтъ еще здѣсь официіальныхъ извѣстій, но полагаютъ навѣрное, что онъ вошелъ уже въ Парижъ и что король, съ нѣкоторымъ числомъ войскъ, принужденъ удалиться въ Голландію. Генералы, адъютанты и армейскіе штабъ и оберъ-офицеры, здѣсь проживающіе, получили строгое приказаніе немедленно ѣхать къ своимъ мѣстамъ. Нѣсколько колоннъ уже пошло впередъ, на сихъ дняхъ отправляется и молодой графъ Ростопчинъ. Вчера обѣдалъ я у графини, графа не засталъ, онъ былъ у Головина. Прими, любезный другъ, изъявленіе чувствительнѣйшей моей благодарности за неоставленіе моей хозяйки, она тобою нахвалиться не можетъ и пр. и пр. твой преданный и нелицемѣрный Алек. Волковъ 30-го марта 1815 года. С.-Петербургъ».

нужденъ буду пробыть зиму въ Москвѣ, что́ меня убьетъ. Замѣтьте, что онъ не въ состояніи не довольно стараго долга, но и по договору на нынѣшній годъ платить. Я сбираюсь въ концѣ будущаго мѣсяца ѣхать въ Москву, хотя не могу похвастаться здоровьемъ. Начальникъ вашъ вчера мнѣ сказывалъ, что онъ не знаетъ, когда отсюда поѣдетъ, а съ дѣлами у Государя онъ еще не былъ. Жаль, что вы до новаго начальника полиціи не вышли въ отставку, а тутъ много исторій будетъ. Прощайте, Адамъ Ѳомичъ; желаю, чтобы вамъ не такъ грустно было, какъ мнѣ.

С.Пб. 24 марта.

24.

Вотъ еще письмо г-жи Козаковой. Пожалуйста справьтесь, чтобы мнѣ не платить своихъ денегъ и не прослыть *воромъ*, а Москва по любви своей ко мнѣ очень случаю будетъ рада. Начальника вашего здѣсь и съ Цицiяновымъ ждутъ. Вотъ мои извѣстія. 15 т. я получилъ по векселю, но очень Дунашевъ много у меня испортилъ крови, и онъ помѣшаетъ мнѣ ѣхать лѣчиться. Прощайте; будьте здоровѣе меня. Небольсина ([17]), которая такъ была разорена, сыплетъ деньгами, и свадьба племянника ей будетъ стоить тысячь 80-ть.

С.Пб. 1816. 30 марта.

25.

Я все намѣренъ пріѣхать въ Москву въ маѣ, и мнѣ непремѣнно должно побывать въ деревняхъ, гдѣ отъ жиру дворовые люди изшалились. Пожалуйста отошлите приложенное письмо къ Кампорезе ([18]); мнѣ должно имѣть планъ дома для нѣкоторыхъ передѣлокъ, то есть, на половинѣ графини, а она, я думаю, осень и зиму проживетъ въ Москвѣ.

Начальникъ вашъ до сихъ поръ живетъ и въ кабинетѣ не былъ. Здѣсь большое безпокойство навелъ проэктъ о вольности Эстляндской губерніи, о чемъ уже трактуется въ Департаментѣ Гражданскихъ Дѣлъ Совѣта. Народу много набито въ голову и, Богъ знаетъ, какой выйдетъ конецъ. Прощайте. Я очень нетерпѣливо желаю быть въ Москвѣ, хотя и я ея и она меня не любимъ. Поклонъ добрымъ людямъ,

С.Пб. 7 апрѣля.

26.

Пожалуйста въ сходствіе прилагаемой при семъ бумаги справься у Ивашкина о Бодштейнѣ. Мнѣ помнится, что онъ ушолъ изъ полка, и былъ отосланъ къ Глазенапу въ числѣ вралей: тутъ былъ еще и Французъ Дельсаль. Напиши, что́ узнаешь и возврати К. В. ([19]) отношеніе. Начальникъ вашъ ждетъ и, можетъ быть, я прежде въ Москву пріѣду. Мнѣ хочется, чтобъ онъ привезъ 3-го Владиміра дѣятельному полицеймейстеру. Прощайте. У меня боль въ головѣ, и припускаютъ піявки.

С.Пб. 14 апрѣля.

27.

Въ Пятницу по утру. Утромъ я пустился къ вамъ по прекрасной дорогѣ и погодѣ; но, пріѣхавъ на третью станцію, почувствовалъ боль въ головѣ, въ боку и стѣсненіе въ груди. Принужденъ былъ остановиться и проведя самую безпокойную ночь, чувствуя себя больнымъ, счелъ благоразумнѣе воротиться назадъ. Я располагаюсь, если не занемогу, въ началѣ будущаго мѣсяца ѣхать прямо въ Карлсбадъ, а графиня останется здѣсь ждать Анну Степановну ([20]),

---

([17]) Авдотья Селиверстовна. Ея племянникъ, Никол. Ив. Небольсинъ служилъ въ послѣдствіи въ Москвѣ гражд. губернаторомъ.

([18]) Вольнопрактиковавшій архитекторъ.

([19]) Кн. Петру Михаил. Волконскому?

([20]) Протасову, тетку графини Екатерины Петровны Ростопчиной.

коей возращеніе будетъ въ сентябрѣ, и потомъ по первому пути поѣдемъ въ Москву и тамъ до мая проживемъ; слѣдственно съ Шрамомъ должно устроить доставленіе въ домъ дровъ, овса и сѣна. Теперь вся сила въ Дунашевѣ. Онъ противъ меня поступилъ яко сущій Московскій гражданинъ и тѣшитъ меня какъ ребенка. А что мнѣ больнѣе, — это то, что оставшіяся отъ дохода деньги опредѣлилъ въ приданое Натальѣ Ѳедоровнѣ ([21]). Отпиши пожалуйста, считать ли мой долгъ пропадшимъ или думаешь, что можно взять. Но возьми же и то въ соображеніе, что этотъ бородачъ моими деньгами и большимъ капиталомъ торгуетъ годъ и болѣе безъ процентовъ. Мнѣ ни въ чемъ удачи нѣтъ, а я ему 46 т. послѣ Французовъ подарилъ. Кажется, что Шрамъ ничего еще не сдѣлалъ, а обѣщалъ много. И это мерзкое Вороново кромѣ знатнаго капитала пропадшаго и тьмы неудовольствій мнѣ ничего не принесло. Но для Шрама должно быть пріятно. Посылаю къ вамъ гостинецъ — мозаикъ въ табакеркѣ, да славные мои брегетовы часы, кои, Богъ знаетъ какъ, я уронилъ въ первый разъ, и они стали. Ихъ хорошо чинилъ Штрасеръ, живущій въ домѣ Усачева. Отдайте ихъ ему и заплатите, но чтобы онъ починилъ къ 1-му іюня.

P. S. Мнѣ очень жаль, что нечаянное препятствіе, помѣшавшее мнѣ доѣхать до Москвы, нанесетъ тебѣ такъ много хлопотъ; но пожалуйста, любезный другъ, не покинь моихъ дѣлъ, а меня гонитъ изъ своей земли въ чужія несносная болѣзнь, которой здѣсь помочь не могли. Мнѣ очень жаль, что твое усердіе и дѣятельность достались подъ начальство человѣка, который своими глазами ничего не видитъ и для другихъ выпрашивать не смѣетъ. Поговори съ к. М. Д. Циціяновымъ, какъ онъ не рѣшился сказать слова Государю въ кабинетѣ о тѣхъ, за коихъ его просилъ Циціяновъ, хотя Государь и самъ допрашивался. Но дѣло въ томъ, что онъ подалъ записку, куда натурально всунулъ и Штенгеля и пр. Эта записка отослана въ Комитетъ, и я, какъ ни желаю тебѣ добра, но сомнѣваюсь, чтобы вышло. Можно ли Кремлевскій дворецъ совсѣмъ отдѣлать и меблировать къ 15-му августа? А Тормасовъ и Юсуповъ взялись. Кн. Салтыковъ при послѣднемъ концѣ. Трощинскій, по мнѣнію докторовъ, не оправится, отъ того что силъ нѣтъ, и онъ погибнетъ безвременно отъ страданья. Я очень радъ, что отпущенъ до излѣченья. Если Богъ дастъ здоровья, то въ концѣ будущаго лѣта возвращусь въ Москву, и хотя я ея и не терплю, но принужденъ въ ней буду жить, а здѣсь нѣтъ способа выдержать отъ дороговизны, скуки, сплетень и мерзостей. Графиня ожила какъ муха отъ весны. Лиза не совсѣмъ здорова: у ней сыпь, которой здѣсь много въ городѣ. Прощай, любезный другъ.

С.Пб. 15 мая.

28.

Я готовлю все, что́ потребно для тебя, какъ то вѣрющія письма и пр. и всѣ сіи бумаги отправлю къ тебѣ съ гр. Ник Ник. ([22]), который ѣдетъ на будущей недѣли въ Москву и въ Нижній. Изъ посланныхъ моихъ писемъ на послѣдней почтѣ ты увидишь, что я разрѣшилъ запросъ касательно покрыши Вороновскаго дома, но нахожу, что лучше уже крыть желѣзомъ. Хотя я Шраму отказалъ въ продажѣ рыбы изъ Юрьевскаго пру-

([21]) Наталья Ѳедоровна, старшая дочь гр. Ростопчина, въ 1819 г. вышла за Василья Дм. Нарышкина, полковника гвардіи и впослѣдствіи Симферопольскаго губернатора. По матери своей, онъ приходился родственникомъ гр. Семену Ром. Воронцову.

([22]) Головинымъ.

да, но если ты находишь, что сіе можетъ принесть большую пользу, то разрѣшаю. Прощай. На будущей недѣли хочется выѣхать. Сегодня было великолѣпное погребеніе кн. Салтыкова ([23]). Государь изволилъ идти за гробомъ пѣшкомъ отъ дома до Казанской. Богъ съ тобой.

С.Пб. 1 іюня.

29.

Я могъ бы выѣхать изъ Петербурга сегодня, но какъ принцъ Оранскій поѣхалъ по той же дорогѣ вчера и беретъ по 99 лошадей, то я и даю имъ трое сутокъ переду. Пожалуйста, любезный другъ, раздѣлывайся съ Дунашевымъ. Ему покойно чрезъ годъ за срокъ платить. Это мнѣ 5 или 6 т. разницы, а ему вдвое противъ барыша. Еще я долженъ тебѣ сказать, что если бы графъ Н. Н. Головинъ потребовалъ денегъ, то ты ему отдай все, чтò ни есть или чтò ему понадобится, ибо мы съ нимъ дѣлежа не знаемъ, а имѣнія и собственность общія. Прошу также духовную мою отдать въ Воспитательный Домъ, для чего и вѣрющее письмо прилагаю, а ту, чтò положена въ 1811-мъ году, взять и оставить у себя. Я также прилагаю и къ Лунину письмо. Если должно или такъ заведено, то внеси рублей 200 при отдачѣ духовной. Я ѣду не съ самымъ сильнымъ здоровьемъ, но съ упованіемъ на Бога: ибо жизнь моя, для меня ничего не стоющая, нужна для жены и дѣтей, особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Послѣдній разъ, чтò я былъ у Государя въ кабинетѣ, говорено было о Москвѣ и, кажется онъ тебя знаетъ, судя по слѣдующимъ словамъ: „*Брокеръ — дѣятельный и хорошій человѣкъ, отъ чего его иные и не любятъ, но, исполняя должность и не плутуя, — есть вѣрный способъ досаждать*". Генералъ вашъ — баба, но подлаживается всѣмъ. Балашевъ хотя и расказываетъ многое, но по моему употребленъ съ довѣренностію не будетъ. Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ. Много онъ на себя взялъ; а дурно, что Пестель совѣтникъ и Пуколовъ самый ближній къ нему человѣкъ. Я отъѣзжаю спокойнымъ на счетъ имѣнія, избавя жену отъ хлопотъ и препоруча все честнѣйшему человѣку, на кого надѣюсь болѣе, чѣмъ на себя, ибо я немного и старъ и лѣнивъ — былъ конь, но укачался. Обнимаю тебя отъ души. Прости. Напишу изъ Риги.

Графа Сергія Ѳедоровича есть на 11 т. векселей у какого-то кн. Гагарина. Булгаковъ А. Я. ко мнѣ пишетъ, что ихъ можно тысячи за три или меньше выкупить, то переговори съ нимъ и если дѣло сойдется, то заплати, но не болѣе 3000. Выкупи и оставь у себя.

С.Пб. 11 іюня.

30.

Я въ четыре дня, ночевавъ каждый день, пріѣхалъ сюда и не знаю, какъ далѣе ѣхать, потому что Вел. Княг. Анна Павловна медленно ѣдитъ — нездорова отъ начала беременности и беретъ 130 лошадей. Вообрази, каково мнѣ будетъ замыкать и скоро ли я буду во Франкфуртѣ на Одерѣ! Пожалуйста, Адамъ Ѳомичъ, когда въ августѣ приведутъ быковъ Англійскихъ въ Вороново, то, оставя двухъ лучшихъ, остальныхъ продать въ Москвѣ. Лучшее же время и цѣнное — это въ три года, и должно тогда ихъ пооткормить. Мнѣ чрезвычайно какъ грустно. Никогда разставанье столько не было тяжело. Богъ знаетъ, чтò изъ сего выйдетъ, а я не могу о графинѣ и о дѣтяхъ вспомнить, чтобъ не заплакать. Прости, любезный другъ, будь здоровъ и благодари Бога, что съ женой и дѣтьми вмѣстѣ.

Рига 18 іюня.

([23]) Скончался 16 мая 1816 г.

31.

По пріѣздѣ моемъ сюда изъ Висбадена, я нашелъ присланный изъ Москвы списокъ награжденіямъ. Первое мое движеніе было искать Г. П. Брокера и не мало обрадовался, узрѣвъ праотца нашего Адама въ равноапостольномъ Владимірѣ. Ты можешь похвастаться, что его досталъ потомъ, сокомъ, кровью и любовью къ службѣ и къ Государю. Поздравь себя и Катерину Яковлевну, да потрудись поздравить отъ меня почтеннаго кн. М. Д. Циціянова, А. А. Волкова, Дурасова и Киселева. Это, кажется, люди знакомые. Видно, что Москва показалась во всемъ блескѣ и перестала на время пребыванія Государя кряхтѣть, стонать и ворчать. Отсюда вижу, какъ многіе дворянства члены изъ тулупа въ мундиръ и во весь духъ, куда слѣдуетъ быть пріѣзду, въ надеждѣ *авось либо и намъ что-нибудь да будетъ*. Я здоровьемъ своимъ не очень доволенъ; геморрой часто меня мучитъ. Отсюда я поѣду въ Штутгардтъ на недѣлю, а потомъ чрезъ Страсбургъ въ Парижъ, гдѣ располагаю пробыть до марта и потомъ чрезъ Брюссель и Веймаръ попасть въ маѣ въ Карлсбадъ. Вотъ мои намѣренія живыя, а впрочемъ Богу единому извѣстны судьбы человѣческія. Въ Парижъ меня рѣшили ѣхать три причины: 1-я просьба гр. Семена Романовича Воронцова, чтобы доставить ему удовольствіе до смерти еще разъ меня обнять, и онъ и сынъ будутъ зиму въ Парижѣ; 2-я климатъ и любопытства достойныя вещи; 3-я желаніе увѣриться самимъ собою, въ какомъ положеніи умы или головы Французскіе. Тебѣ, какъ главнокомандующему моимъ имѣніемъ, отдаю отчетъ, что у меня еще изъ 760 червонныхъ, взятыхъ изъ Петербурга, 200 въ остаткѣ, а за почту заплатилъ много и, кажется, живу и самъ и люди въ изобиліи, но главныхъ двухъ источниковъ исхода денегъ нѣтъ—*картъ и стуокъ*. По требованію графини отпускайте денегъ, сколько она назначитъ и учредите пожалуйста съ нею вѣрное доставленіе гр. Сер. Ѳед. въ Петербургъ, коему, чтобы не ушли скоро, опредѣлено въ мѣсяцъ по тысячѣ рублей. Я пишу на нынѣшней почтѣ къ Шопенгееру и Давыдову, чтобы они извѣщали часто васъ о состоящихъ цѣнахъ хлѣба, дабы вы, сравнивая съ Московскими цѣнами, могли въ концѣ ноября продавать. Я желаю очень, чтобы крестьяне были облегчены подводами, и вы знаете, что я не останавливаюсь на нѣсколькихъ тысячахъ. Я здѣсь еще на пять дней; хочу посмотрѣть, что за празднество будетъ 18 числа—день Лейпцигской баталіи и избавленія Германіи. Но участь крестьянъ не улучшилась, и ни полушки до сихъ поръ податей съ нихъ не убавлено, а они только что переходятъ изъ рукъ въ руки. Прощайте, берегитесь зимою меньше чѣмъ осенью отъ простуды и отъ жолчи. Нѣтъ нужды вамъ говорить о женѣ и дѣтяхъ, кои должны уже быть въ Москвѣ. Но рекомендую вамъ Андрея. Онъ надежный ребенокъ и милый. Богъ съ вами, а я съ Нѣмцами, кои ко мнѣ милостивѣе Всероссійскаго дворянства.

Франкфутъ на Майнѣ. $\frac{3}{15}$ октября 1816 г.

32.

Письмо твое, любезный другъ, я третьяго дня получилъ и симъ отвѣчаю. Благодарю за попеченіе и за труды. Я здѣсь завтра двѣ недѣли и совсѣмъ не намѣренъ былъ пріѣхать, но рѣшился по убѣдительной просьбѣ гр. Сем. Ром. Воронцова. Теперь я и доволенъ, ибо, кромѣ того, что имѣю случай быть часто съ ними, этотъ городъ превосходитъ всякое о немъ понятіе. Не одна Франція, но вся Европа въ немъ заключаются. Нѣтъ вкуса прихоти, которыхъ бы

здѣсь удовольствовать не можно было; все доведено до совершенства, и со всего пошлина и оброкъ. Я не боюсь ни обмана, ни прельщеній, а весьма занятъ постиженіемъ Французовъ и не могу надивиться довольно ихъ уму, дѣятельности и безпечности. Сами себя мучаютъ и сами себя веселятъ. Тяжелы имъ 150 т. войска, которыя приставлены въ дядьки, но Русскихъ чрезвычайно любятъ, и симъ мы обязаны въ началѣ Государю, коего великодушіе проникло въ души, и порядку, который наблюдаетъ гр. Воронцовъ въ своемъ корпусѣ. Я имѣлъ честь быть на приватной аудіенціи у короля близъ часу и наединѣ. Удивленъ его умомъ, знаніями и памятью. Дай Богъ, чтобъ онъ долго царствовалъ и пріуготовилъ спокойное царствованіе своимъ наслѣдникамъ. Нѣтъ учтивости, вниманія и уваженія, которое бы мнѣ здѣсь не оказывали, и я доволенъ, что Московскіе сіе видятъ и, можетъ быть, узнаютъ въ Парижѣ, что я нѣчто сдѣлалъ полезное для Россіи въ 1812 году. Жизнь здѣсь дешевле, чѣмъ въ другихъ столицахъ: аппартаментъ мой стоитъ 250 руб., карета 500 въ мѣсяцъ; обѣды — отъ пяти до шести рублей; но если покупать, водиться съ дѣвками и ѣсть отборное, то попадешь въ яму. Пожалуйста поклонись нашимъ пріятелямъ; люби меня, какъ я тебя люблю и вѣрь, что навсегда твой гр. Ѳ. Ростопчинъ.

Парижъ $\frac{17}{29}$ ноября.

1817.

33.

Черезъ Булгакова и отъ графини я знаю, любезный другъ, что ты здоровъ и что́ мнѣ пріятно, это то, что трудами, справедливостью и честью ты пріобрѣлъ уваженіе Московскихъ погорѣлыхъ. Часто и всегда почти бываетъ, что начнутъ любить и потомъ разлюбятъ, но рѣдко и лестно завоевать любовь и уваженіе правилами и поведеніемъ. Я очень доволенъ, что мои всѣ здоровы въ Москвѣ и живутъ спокойно. Я отъ частыхъ бурь, которыя здѣсь, иногда страдаю геморроемъ. Меня лѣчитъ Галь, но лѣкарствами наружными, а внутреннихъ я совсѣмъ не принимаю. Живу уединенно и долженъ остерегаться въ рѣчахъ, потому что въ Англійскихъ газетахъ и въ Брюсселѣ печатаютъ, что́ я иногда говорилъ и часто, чего не говорилъ. Общества здѣсь мало: или душно отъ тѣсноты, или никого нѣтъ, и безъ зова одинъ лишь домъ, въ которомъ принимаютъ ежедневно. Новые дворяне не хотятъ жить открыто, а старымъ нечѣмъ жить. Этотъ Парижъ престранный городъ, точная бездна, гдѣ все отъискать со свѣчею можно. Гр. Сем. Ром. Вор., сынъ его, Англійскій и Неаполитанскій послы, принцесса Водемонъ — вотъ мои знакомства и собесѣдники обыкновенные. Я съ удовольствіемъ видѣлъ Илью Ивановича Алексѣева ([21]); онъ здѣсь былъ недѣлю и былъ у меня. Свѣжъ, здоровъ и доволенъ. Говорили много о тебѣ, о старинѣ и бранили тебя за *лѣнь* и за *равнодушіе*. Онъ говоритъ и я говорю, что ты двужильный, но можешь себя подорвать. Когда гр. Сер. Ѳед. въ апрѣлѣ поѣдетъ за границу ко мнѣ, то ему должно дать на дорогу 500 р. ассигнаціями и 250 голландскихъ червонныхъ. Прощай, любезный другъ. Новостей здѣсь никакихъ нѣтъ, и дай Богъ, чтобы и не было. Знакъ, что спокойно, и людямъ наскучило бѣсноваться. Прошу обо мнѣ напомнить Спиридову, Волкову, Дурасову. Тысячу поклоновъ Екатеринѣ Яковлевнѣ. Къ Булгакову я буду писать съ курьеромъ. Прощай, другъ сердечный, будь здоровъ и если можно веселъ. Это лѣкарство.

Парижъ. $\frac{\text{26 декабря 1816.}}{\text{6 января 1817.}}$

([21]) См. выше, стр. 1420.

34.

Я живу очень спокойно и могъ бы сказать пріятно. если бы проклятый геморрой меня не мучилъ и такъ, что не бывъ никогда совершенно боленъ, то есть въ постелѣ, безпрестанно что нибудь да чувствую, не смотря на самую регулярную жизнь и осторожность отъ простуды.

Здѣшняя полиція совсѣмъ осрамилась: у графа Модена Русскій человѣкъ, не знающій ни слова по французски, укралъ 300 червонцевъ и бѣлье, которое найдено тамъ, гдѣ онъ жилъ; товарищъ его пойманъ, а воръ, три уже недѣли бывъ безъ паспорта, еще не найденъ. Прошу о семъ заявить Яковлеву и Чистякову (25). Я разсказывалъ ихъ чудотворенія. Русскихъ здѣсь много, но я иныхъ нигдѣ не встрѣчаю. Теплая погода приводитъ всѣхъ въ ужасъ; морозовъ нѣтъ: безпрестанные дожди и до 10 градусовъ тепла. Деревья въ почкахъ, а озимыя сѣмена въ землѣ гніютъ. Хлѣбъ и такъ дорогъ, и содержаніе одной столицы стоитъ ежедневно 72000 франковъ, а мы на 130 мил. отпустили хлѣба за границу, и Козадавлевъ совсѣмъ въ эту фабрику не мѣшался. Прощай, любезный другъ. Сдѣлай одолженіе, прикажи посмотрѣть на кладбищѣ, не сломали ли или испортили памятники, что̀ надъ моими маленькими дѣтьми поставлены и если что̀ найдется, то прикажи поправить. Катеринѣ Яковлевнѣ и любящимъ меня кланяйся, а меня обними и будь здоровъ.

Парижъ. 18 января 1817.

35.

Такъ какъ по всѣмъ извѣстіямъ изъ Петербурга, кажется, что намѣреніе Государя уже извѣстно—прибыть въ Москву и продлить въ ней свое пребываніе, то я и думаю, что отдача въ наемъ дома на Лубянкѣ можетъ быть выгодна.

Пожалуйста, любезный другъ, сбудьте съ рукъ табакъ, сдѣланный въ Вороновѣ и который въ бочкахъ стоитъ въ кладовой. Его хоть самой низкой цѣной, но на нѣсколько есть тысячь рублей. Съ гр. Сер. Ѳед., когда онъ поѣдетъ изъ Москвы въ чужіе края, отправьте ящика два зеленаго лучшаго чаю, фунта по два, да столько же чернаго, но не цвѣточнаго, да два хорошихъ черныхъ пѣхотныхъ султановъ. Гр. Воронцовъ ѣдитъ въ Мобежъ для принятія В. К. Николая Павловича, и тамъ будетъ тысячь 15 войска для маневровъ. Французы очень радуются, что 30 т. убавили изъ иностранныхъ войскъ, кои ихъ держатъ подъ карауломъ. Но нельзя этотъ милый и забавный народъ оставить на свой произволъ; надо быть между ними, чтобы постигнуть, что̀ это за головы и что въ нихъ вмѣсто мозга — вихрь. Я здѣсь въ большой модѣ и извѣстенъ подъ названіемъ просто губернатора (разумѣется Москвы).

Въ случаѣ прибытія Государя къ вамъ, хлопотъ много будетъ, и я увѣренъ, что тебѣ быть оберъ-полиц., и тутъ покоя мало будетъ. Прощай, любезный другъ, кланяйся нашимъ. Многіе изъ Русскихъ ко мнѣ очень милостивы, но я живу съ Воронцовымъ и часто вижу Орлова Григорья и Стренкевича. Богъ съ тобой.

Парижъ. 26 февраля / 10 марта 1817 г.

36.

Я очень признателенъ, любезный другъ, за вниманіе не сообщать мнѣ о дурныхъ извѣстіяхъ, происходящихъ отъ небреженія и безпорядка въ моемъ имѣніи. Это точно то, что̀ въ отлучкѣ и въ дальнемъ разстояніи извѣщать о всѣхъ болѣзняхъ, при началѣ, дорогихъ намъ людей. Лучше сказать послѣ, когда выздоровѣютъ.

(25) Извѣстные въ Москвѣ приставы сыскной полиціи.

Впрочемъ только бы не было чего-нибудь важнаго, а прочее должно быть терпимо, и во всякомъ имѣніи должно видѣть цѣлое государство, которое обыкновенно предается на грабежъ и разстройство. Такъ есть вездѣ, такъ было и будетъ. Замѣчу одно, касательно контракта, что не должно ничего купцамъ отдавать на ихъ *рѣшеніе* и *волю*, и по слову *такой же доброты*, о пшенѣ, могутъ произойти толки и непріятности, тѣмъ паче, что Орловскіе купцы шельмы изъ плутовъ. Цѣны очень хороши, и поставка самая легкая. Предчувствіе мое на счетъ Дунашева справедливо оказалось, и я почти увѣренъ, что эти 80 т. пойдутъ на соединеніе къ тѣмъ, кои я ему подарилъ въ 1812-мъ году. Теперь предупрежу васъ на счетъ отъѣзда графини, что ей должно къ іюню приготовить 30000 р. ассигнаціями на кредитивъ и 1000 червонныхъ. Для меня же въ теченіе года, кромѣ посланныхъ въ Петербургъ 10 т., еще столько же на заплату векселя, который къ вамъ высланъ будетъ для заплаты. Я для того беру эти деньги здѣсь отъ *Перего* и *Лафитъ*, чтобы не брать въ другихъ мѣстахъ до конца года. Теперь прошу приготовить къ осени 10000 р. новой молодой, Варварѣ Егоровнѣ (26) и выдать ей подъ ея росписку. Разумѣется додать то, чего не дано ей будетъ въ число 10 тыс. Графиня полагала, что я ей намѣренъ былъ дать шесть тысячь, но она ошиблась, и если ей дано 3000, то еще дать 7000; а если дано до полученія сего письма 6000, то еще выдать 4000 р. такъ, чтобы всего было десять. Я для того назначаю осень, чтобы не брать изъ Восп. Дома, куда хорошо прибавлять, а не убавлять. Если гр. Ник. Ник. (27) будетъ въ Москву съ дворомъ и захочетъ жить въ моемъ домѣ на Лубянкѣ, то ему его отдать на все время его пребыванія въ Москвѣ, прибравъ въ сухое мѣсто картины, привезенныя изъ Петербурга. Если графъ не возметъ съ собою Алексѣя Петрова, то можно ему препоручить смотрѣніе дома и кладовой, тѣмъ лучше что она у него была на рукахъ. Хлопотъ много вамъ готовится, если Государь будетъ въ Москву; то-то наши Римскіе тулупы и благородныя дамы съ Бутырокъ пустятся кричать, врать и дрожать; порядочные будутъ ждать и вздыхать, а вамъ хлопоты. Я думаю черезъ три недѣли оставить Парижъ, который видѣлъ и вдоль и поперекъ, безъ предубѣжденія, холодно и подробно. Сожалѣнія, въ числѣ будущихъ, при мнѣ нѣтъ; вкусы мои просты; здоровье не крѣпкое и воображеніе, сокращенное временемъ. Слѣдственно забавъ большихъ для меня не было; но 28 милліоновъ, народу, который самъ не знаетъ, что завтра сдѣлаетъ, привыкшій къ безпорядку, готовый на все и раздраженный всѣмъ и всѣми — вотъ что внушаетъ страхъ на будущее, а они въ покоѣ не останутся и потрясутъ опять спокойствіе общее. Я ничего здѣсь не покупалъ кромѣ рублей на тысячу рисунковъ, потому что они здѣсь за безцѣнокъ. Здоровье исправилось въ желудкѣ и въ нервахъ, но геморрой безпокоитъ, и ревматизмъ въ шеѣ сидитъ. Я ѣду въ Баденъ на Рейнъ, гдѣ пробуду мѣсяца два и буду купаться. Туда пріѣдетъ гр. Сер. Ѳед., а ему, лѣчась, потребенъ надзиратель. Какъ я доволенъ портретомъ Андрюши. Какой богатырь! Я ему приготовилъ собаку и, что странно, такой шерсти, какъ на портретѣ написана. Пожалуйста, любезный другъ, не препоручайте ничего продавать управляющимъ и повѣряйте не расходы денежные—итоги у нихъ вѣрны—а отпуски хлѣбные. Мужики охотники доносить.

Парижъ. $\frac{3}{15}$ апрѣля 1817 г.

(26) Дѣвица Салькова, воспитавшаяся въ домѣ гр. Ростопчина. Она вышла за мужъ за г. Дельсаля.
(27) Головинъ.

37.

Получа письмо ваше за день до моего отъѣзда изъ Парижа, я не имѣлъ времени на оное отвѣчать. Я ѣду къ Баденскимъ водамъ на Рейнѣ, гдѣ полагаю пробыть недѣль шесть, а оттуда отправлюсь на встрѣчу къ графинѣ, и самъ еще не знаю, гдѣ мы зиму проведемъ. Шесть мѣсяцевъ спокойной жизни, бережливости и попеченія не уменьшили ни мало дѣйствій геммороя, кои меня часто мучаютъ и иногда пугаютъ. Не знаю, что́ будетъ, но съ 12-го года пошелъ крѣпко на низъ съ горы. Не могу похвастать, чтобы очень повеселился и пожилъ въ свое удовольствіе; но не даромъ говорится: „не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ". Здѣсь бѣдность престрашная: люди мрутъ съ голоду. Фунтъ дурнаго хлѣба на наши деньги 70 коп., фунтъ говядины до рубля; фунтъ масла 1 р. 50 к. Народъ кормится травой, ѣстъ мертвыхъ собакъ, кошекъ и бросается пить кровь на бойняхъ, а странно то, что съ деньгами все достать можно. Не знаю, что́ будетъ, а Бурбонамъ не усидѣть на престолѣ, особливо, когда выведутъ союзныя войска, коихъ Парижъ чрезвычайно изволитъ бояться. Прошу васъ, Адамъ Ѳомичъ, слѣдовать вообще правилу и написать къ управляющимъ моими деревнями, чтобы они по разсчету давали всего, что́ нынѣ называется вольными пожертвованіями и положено будетъ дворянскимъ сословіемъ. При отъѣздѣ графини, когда вы возмете на ея имя кредитивъ въ 30,000 руб. отъ Рованда, то его должно адресовать на слѣдующія мѣста, предоставя ему имена банкировъ, отъ коихъ получать деньги: Francfort sur le Mein, Bruxelles, Paris.

Я полагаю, что тысячу червонныхъ, кои также съ графинею отпустить, не заставятъ ее брать деньги дорогой, но лучше имѣть лишнее и избѣгать затрудненій. Прощай, любезный другъ, я чрезъ пять дней ѣду въ Баденъ, гдѣ мѣсяца два пробуду и оттуда отправлюсь по письмамъ жены къ ней на встрѣчу куда нибудь близъ Франкфурта на Майнѣ, а письма всѣ отсылай къ Ник. Игн. Калинину для пересылки ко мнѣ.

Мая 1817.

38.

Я здѣсь два дня и полагаю пробыть два мѣсяца. Мѣсто прекрасное. Докторъ Рейманъ также тутъ, и людей много наѣдитъ. Стану еще лѣчиться, хотя большой надежды въ успѣхѣ и не полагаю. А когда узнаю, что графиня приближается, то поѣду къ ней на встрѣчу и, признаюсь, что не спокоенъ буду, доколѣ не обниму ихъ здоровыхъ. Я пробылъ двѣ недѣли въ Штутгардтѣ и былъ свидѣтелемъ распущенія депутатовъ, которые хотѣли прибрать къ себѣ въ руки управленіе королевствомъ. Нѣмцы на вольности и на бунтахъ совсѣмъ помѣшались, и Французская революція съ полымя перешла на ледникъ. Трудно нынѣ царствовать: народъ узналъ силу и употребляетъ во зло вольность.

Письма ваши, по отъѣздѣ графини, надписывайте на мое имя, а внизу aux M-rs Bethman à Francfort sur le Mein. Когда вы узнаете, что бывшій мой каммердинеръ Иванъ Родіоновичъ возвратился въ Россію, то жену его и дѣтей отпустите изъ Воронова, ибо нѣтъ нужды ихъ кормить за пьянство отца и мужа. Такъ какъ я полагаю, что Англійскій рогатый скотъ въ Вороновѣ и тамъ много быковъ, то, оставя нужное число для завода и лучшихъ, остальныхъ можно продать въ Москвѣ. Тутъ, вѣрно, есть быки рублей въ тысячу. Остальное же, какъ домъ и все, что́ въ немъ есть, препоручаю вашей дружбѣ. Пожалуйста, чтобы не сгноили картины,

купленныя въ Берлинѣ и бумаги мои, что̀ въ бюро и сундукѣ.

Баденъ $\frac{31 \text{ Мая}}{12 \text{ Іюня}}$.

39.

Нѣмцы съ ума сошли на конституціяхъ и таинствахъ, даже до того, что начинаютъ и бунтовать. Сила въ рѣшимости, но сильныхъ мало. Осторожно поступать должно и нельзя солдатъ ставить противъ народа. Приложиться могутъ, а курка не спустятъ.

У меня двѣ верховыя лошади, коихъ далъ король Виртембергскій. Онъ и королева будутъ сюда скоро на мѣсяцъ. Прощай, любезный товарищъ бурнаго года. Вотъ письмо къ графинѣ. Богъ съ тобой.

Баденъ $\frac{4}{16}$ Іюня 1817.

40.

Письмо твое, любезный другъ, отправленное съ гр. Сер. Ѳедор., я во Франкфуртѣ получилъ и жалѣю очень, что стеченіемъ многихъ непріятностей онъ не могъ пріѣхать прежде и воспользоваться хорошимъ временемъ у водъ. Теперь онъ здѣсь пьетъ и купается, а я, бывъ здѣсь на три недѣли, по разнымъ излѣченіямъ многихъ больныхъ, пью также воду, которая дѣйствуетъ сильно надъ геморроидами и засорившимися каналами желудка. Два мѣсяца въ Баденѣ, не смотря на самую порядочную жизнь, движеніе пѣшкомъ и верхомъ, не принесли мнѣ никакой пользы, и передъ отъѣздомъ за четыре дня Рейманъ припускалъ мнѣ піявокъ, чтобы уменьшить волненіе въ крови и унять боль въ ногахъ. Графиня, полагая, что тетка гдѣ нибудь по близости ее ждетъ, остановилась въ Прагѣ, не зная, что тетка давно уже въ Россіи, проѣхавъ черезъ Берлинъ. Такъ какъ Эмсъ на дорогѣ въ Брюссель, то я ее и жду. Надѣюсь, что чрезъ недѣлю обойму всѣхъ моихъ. Они здоровы всѣ, и графиня очень тебѣ благодарна за все попеченіе: она умѣетъ, такъ какъ и я, чувствовать признательность. Я съ большимъ прискорбіемъ узналъ отъ г. С. Ѳ. о смерти Адлера ([28]). Я надѣюсь, что убійцы отданы подъ судъ и наказаны. Прошу никакъ не беречь всѣхъ тѣхъ, кои въ семъ злодѣйствѣ какое нибудь участіе имѣли. Послѣ подобной кончины трудно будетъ сыскать на мѣсто Адлера, а отъ сего остановится заведеніе, кое могло давать хорошій доходъ. Я пишу въ письмахъ къ Шопенгееру и Давыдову, чтобы они вамъ прислали ихъ мысли на счетъ дворовыхъ людей. Ихъ такъ много расплодилось, что совсѣмъ съѣли, и мое мнѣніе—оставя тѣхъ, кои нужны для заведенія, и весьма малое число для дома, остальнымъ отвести землю такъ, какъ крестьянамъ, и предоставить имъ землю обработывать самимъ и себя содержать. Симъ я избавлюсь и мѣсячины и содержанія ихъ особъ и скота. Не знаю, какъ теперь Шопенгееръ сдѣлаетъ съ заводомъ виннымъ, ибо вино для продажи будетъ все ставиться въ казну. Я отсюда вижу, сколько вамъ будетъ хлопотъ нынѣшнею зимою. Дай Богъ только здоровья. Деньги отдавайте въ Восп. Домъ, а мнѣ къ Декабрю заготовьте тысячъ тридцать и перешлите векселемъ на мое имя, куда я ассигную, по курсу, какой будетъ. Я деньги берегу, но съ семьею жить совсѣмъ въ обрѣзъ—нельзя. Нѣмцы совсѣмъ помѣшались на умствованіи и конституціяхъ. Хорошо и рѣшительно съ ними поступилъ Виртембергскій король: далъ четыре мѣсяца на проэкты, потомъ нарочно согласился на ихъ требованія, а они съ новыми затѣями явились. Онъ имъ далъ 8 дней сроку и потомъ, видя упорство, уничтожилъ депутат-

([28]) Управляющій стеклиннымъ заводомъ въ Орловскомъ имѣніи гр. Ростопчина, Каменкѣ, Адлеръ былъ убитъ рабочими.

ское собраніе и велѣлъ каждому ѣхать во свояси. Здѣсь людей много, но всѣ сидятъ по своимъ №, и забавы никому нѣтъ. Я пробуду однакоже до 13 Сентября новаго стиля; потомъ поѣду въ Брюссель, а васъ прошу письма адресовать по прежнему aux M-rs Bethman à Francfort sur le Mein. Прощай, любезный другъ, обними своихъ и пожелай, чтобы я съ своими не разлучался.

Эмсъ. $\frac{18}{30}$ Августа 1817.

41.

Спѣшу, любезный другъ, тебя извѣстить о благополучномъ соединеніи всей моей семьи. Графиня третьяго дня пріѣхала сюда. Я, полагая, что она едва пріѣдетъ тотъ день ночевать въ Кобленцъ, поѣхалъ къ ней на встрѣчу; но, поднявшись на высокую гору, встрѣтилъ жену и дѣтей и послѣ четырнадцатимѣсячной разлуки обнялъ ихъ въ первый разъ. Они всѣ здоровы, и такъ какъ для меня и для гр. С. Ѳ. должно еще здѣсь пробыть недѣлю, то они всѣ и отдыхаютъ. Здоровье Сергія Ѳед. весьма худо. Частыя повторенія его болѣзни разстроили корпусъ, и я не знаю, что̀ изъ сего выйдетъ, ибо при продолженіи сей болѣзни ничего инаго ожидать нельзя, какъ или водяной въ груди или чахотки. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и слезами оплакиваетъ самые лучшіе годы жизни, для него пропадшіе. Несчастная и безплодная жертва слова: отечество! А у насъ оно должно быть въ лексиконахъ, подъ юбками и въ панталонахъ.

Я тебя не благодарю за всѣ труды и попеченія, что̀ знаю изъ словъ жены и изъ послѣднихъ твоихъ двухъ писемъ. Можетъ быть, Богъ мнѣ поможетъ на семъ свѣтѣ съ тобою поквитаться. Весьма жалѣю о смерти Адлера и если плохо пойдетъ заводъ (ибо Алексѣй слишкомъ вѣтренъ), то по мнѣнію моему и графини. Каменку можно продать, а за нее въ нынѣшнемъ ея положеніи могутъ дать тысячь 200. Попробуйте объ ней поговорить съ охотниками. Въ ней заводъ, фабрика и что̀ дороже, тамъ лѣсъ. Но должно выговорить тѣхъ, кои переведены и поселены на Битюкѣ. Желаю очень, чтобы предсказанія ваши соотвѣтствовали желанію устроить Вороновское имѣніе. Нынѣшній годъ увидимъ, что̀ оно дастъ. О Шрамѣ я писалъ уже къ вамъ, чтобы ему прибавить жалованья. Онъ, я думаю, свое дѣло знаетъ и дѣятеленъ, а плутовать подъ вашими глазами трудно. Я давно не люблю Давыдова—онъ воспитанъ въ нормальной школѣ, и тутъ, кромѣ якобинства, т. е. разбоя, ничего не выйдетъ. Но согласенъ съ вами, что замѣнить вдругъ трудно. Въ послѣднемъ письмѣ и Шопенгееръ пишетъ много о 70-ти своихъ годахъ, что онъ ничего не имѣетъ и пр. Хотя онъ и крадетъ, но благопристойно, и у него въ порядкѣ. Я къ вамъ писалъ, чтобы къ Декабрю перевести на мое имя въ Парижъ 30000 р. ассигнаціями, а тамъ я васъ оставлю до Мая въ покоѣ. Извѣстія о хлѣбахъ хороши, но и цѣны, надѣюсь, будутъ хороши, потому что пребываніе двора подниметъ все. Хотя я и увѣренъ, что Вороновскій лѣсъ есть капиталъ, но онъ почти мертвый, а беречь его должно. Мнѣ графиня говорила о рыбѣ въ Юрьевскомъ прудѣ. Если онъ можетъ дать хорошія деньги, то для чего не спустить. Все, что̀ вы говорили о себѣ и о здоровьи — не требуетъ совѣта. Дѣятельностью и честью никто еще изъ больныхъ не оправлялся. И такъ лучше думать о себѣ и о дѣтяхъ, чѣмъ о химерахъ, кои пускаютъ иныхъ по міру, а другихъ опускаютъ въ землю.

Прощай, любезный другъ, письма свои надписывай такъ:
à S. E. M-r le C-te Rostopsine chez M-rs Perrigaux et la Fitte à Paris.

Графиня, уставъ отъ дороги, хочетъ сократить путь и ѣдетъ чрезъ Майнцъ прямо въ Парижъ, а я чрезъ недѣлю поѣду напередъ туда же.

Эмсъ. $\frac{\text{9 Сентября.}}{\text{28 Августа.}}$

42.

Наконецъ, любезный другъ Адамъ Ѳомичъ, мы всѣ здѣсь уже двѣ недѣли и сегодня восемь дней, какъ расположились въ томъ домѣ, который наняли на годъ. Здѣсь очень одна вещь покойна, и мы ею пользуемся. Это то, что вмѣстѣ съ домомъ даютъ постелю, бѣлье, какъ для стола, такъ и кухни, мѣдную посуду, сервизъ фарфоровый и чашки. Сей артикулъ довольно значущъ, тѣмъ больше, что при отъѣздѣ должно продать все за безцѣнокъ или бросить. Дѣти ѣздятъ со мною смотрѣть; разъ одинъ только были въ театрѣ и будутъ ѣздить по одному разу въ недѣлю. Графиня еще не представлялась у двора и не спѣшитъ, а для нея Англійскій посолъ сдѣлалъ вечернее собраніе. Я вчера имѣлъ честь быть у короля въ кабинетѣ и нашелъ Е. В. въ весьма цвѣтущемъ здоровьи. Жизнь моя весьма единообразна: встаю въ 8 часовъ, завтракаю въ половинѣ 11-го со всею семьею, обѣдаю въ 5 и въ 8-мъ ѣзжу или въ театръ или на вечеръ, а въ 11 всегда дома и въ постели. Здоровье ни впередъ, ни назадъ не подается. Что-то будетъ къ веснѣ. Домъ покоенъ и съ садомъ. Дочери здоровы. Андрей воюетъ и толстѣетъ и когда сердитъ, то просится въ Москву. Гр. С. Ѳ. гораздо лучше, и я начинаю думать, что Эмсъ ему сдѣлалъ добро. Онъ весьма тихъ, скроменъ и уменъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ себѣ родъ уваженія и принятъ очень хорошо. Теперь вы вѣрно въ большомъ движеніи, но Булгаковъ мнѣ писалъ, что вы какъ-то уволены отъ мостовой полиціи и присутствуете главнымъ въ Управѣ. Я опять здѣсь принятъ съ уваженіемъ и ласкою. Жду гр. Сем. Ром. Воронцова, который на зиму будетъ сюда. Прощайте; коль скоро получу отъ васъ письмо, буду отвѣчать. Затѣмъ будьте здоровы и кланяйтесь и вашимъ и нашимъ.

Парижъ. $\frac{7}{19}$ Октября.

43.

Отправя къ вамъ три дня тому назадъ письмо касательно и дѣлъ моихъ, и подробностей нашей здѣсь жизни, получилъ письмо ваше отъ 3-го Сентября. Хотя и непріятно мнѣ попасть въ число обывателей ([29]), тѣмъ болѣе, что я, сберегая картины и мраморы, не хотѣлъ отдать домъ въ наймы, но если такъ Богу угодно, то попросите Васильчикова, чтобы не перегадили вещей; особливо я боюсь офицериковъ, кои отъ скуки, дожидаясь генерала, станутъ отбивать носы у бюстовъ и ломать пальцы у статуй. Книги я полагаю перенести въ нижній этажъ. Вотъ, что могу вамъ сказать, на счетъ единаго цѣлаго моего въ Россіи дома.

Жаль очень, что здоровье ваше рѣшаетъ васъ оставить службу, въ коей вы довольно доказали усердія и способности. Честные люди должны васъ почитать и помнить 1812 годъ, въ коемъ они, сверхъ ихъ чаянія, всѣ живы и здоровы остались не отъ личной храбрости (она была въ языкахъ), а отъ бдительности полиціи и моей безразсудной дѣятельности. Мы всѣ одинъ другаго хуже здоровьемъ, а они въ жиру и отъ сего жира увѣрили себя, повторяя ложь, что они такъ же были тверды духомъ, какъ теперь тѣломъ. Но дай Богъ имъ здоровья. Большая часть изъ нихъ дураковъ, и во многомъ я самъ на

([29]) На время пребыванія Двора въ Москвѣ, въ домѣ графа Ростопчина на Лубянкѣ жилъ (кн.) Ил. Вас. Васильчиковъ. Пустые обывательскіе дома приказано было тогда занимать за извѣстную плату.

нихъ похожъ, вздумавъ, что будетъ признательность, которую въ своемъ отечествѣ я бы предпочелъ всѣмъ титламъ, превозношеніямъ и памятникамъ чужеземцевъ. Въ сію самую минуту получаю письмо ваше отъ 10-го Сентября и вижу, что вы настоятельно идете отъ службы прочь. Причины вамъ извѣстны, а я ихъ могу лишь угадывать. Полагая, что вы отставку получите, прошу васъ (увѣряя, что отъ отказа будетъ первая у насъ ссора) переѣхать жить ко мнѣ. Вы можете помѣститься въ нижнемъ этажѣ и, надѣюсь, что на счетъ дровъ, запасу и пр. вы затрудненія не сдѣлаете, располагая моимъ имѣніемъ. Я прибавлю къ разсужденіямъ вашимъ на счетъ управляющихъ, что они не только охотно не желаютъ отдавать отчета въ управленіи, но иногда воображаютъ, что имѣніе ихъ собственное или по крайней мѣрѣ, что они по смерть арендаторы. Я же къ вамъ два раза въ прошломъ мѣсяцѣ писалъ о высылкѣ 30000 руб., взявъ вексель по курсу на Лафита или на кого. Ровандъ переведетъ, ибо деньги брать все равно. За симъ, любезный другъ, прощайте. Графиня васъ очень любитъ и знаетъ, и мнѣ сіе тѣмъ еще болѣе пріятно, что въ случаѣ моей смерти она въ совѣтахъ вашихъ найдетъ замѣну моего попеченія объ имѣніи. Катеринѣ Яковлевнѣ тысячу поклоновъ. Лиза и Андрей завтра ѣдутъ на дѣтскій праздникъ, который имъ даетъ принцъ Бельмонте, мой старинный знакомый; съ дѣтьми и я. Обыкновенно я въ ½ 12 часа въ постелѣ, а здѣсь на балы (кои еще не начинались) собираются въ 12-мъ часу и продолжаются до 5 и 6 часовъ утра, и для сего я полагаю на оные ѣздить на полчаса.

Парижъ. $\frac{19}{31}$ Октября. 1817.

44.

Послѣ двухъ отъ тебя полученныхъ писемъ я ожидаю съ нетерпѣніемъ еще однаго, дабы рѣшительно узнать о твоей судьбѣ въ слѣдствіе поданной просьбы въ отставку. Если оная воспослѣдуетъ, то любопытенъ знать, получилъ ли при отставкѣ чинъ генералъ-маіорскій. Кажется, онъ вамъ слѣдуетъ за 5-тилѣтнее служеніе въ одномъ чинѣ, не говоря про 1812-й годокъ, который одинъ можетъ считаться въ формулярныхъ спискахъ за 10 кампаній. Я полагаю, что въ Москвѣ, если не совсѣмъ весело, то по крайней мѣрѣ совершенно шумно, и покуда Государь изволитъ пробыть въ столицѣ, то большая часть коренныхъ и пристяжныхъ жителей, въ ожиданіи великія и богатыя милостыни, будутъ ходить съ веселыми лицами. На балахъ и на большихъ съѣздахъ въ Парижѣ такъ много наѣхало иностранныхъ, что домовъ найти не можно. Гр. Кочубей и лордъ Пемброкъ (зять г. Воронцова) живутъ въ трактирахъ. Однихъ Англичанъ считается до 23,000, а зимой наѣдетъ еще больше; хорошо, что ничто отъ сего не вздорожало. Несносно то, что Французы сердятся, когда иностранные не въ восхищеніи отъ всего, что у нихъ въ Парижѣ, а первое дурно то, что у нихъ хлѣбъ кислый. Новая непріятность та, что Французы, узнавъ о расположеніи помогать дѣйствительно бѣднымъ, душатъ письмами, кои во всѣ части города въ Парижѣ можно разсылать чрезъ маленькую почту, и я съ великимъ трудомъ, не принимая и отсылая назадъ, уменьшилъ число, кое доходило до 20 писемъ въ сутки и стоило въ двѣ недѣли 36 франковъ порто. Графы Воронцовы здѣсь, и мы всякій день видаемся. Впрочемъ короткихъ знакомствъ здѣсь завести не можно, отъ того, что между жителями ни связи, ни пріязни нѣтъ, а они между собой живутъ какъ въ лѣсу. Причина сему слѣдствіе революціи, которая, докончивъ развратъ, поселила ненависть и вражду, которыя питаютъ страхъ

и злобу. Долго времени протечетъ, пока загладятся слѣды зла и сумашествія, а какъ доказывать Французу и говорить разсудительно — невозможно, слѣдственно всего ожидать должно.

Парижъ. 13/27 Ноября. 1817.

45.

Хотя я чрезъ письма А. Я. Булгакова и знаю все, чтó съ вами произошло, но весьма бы желалъ имѣть отъ васъ самихъ извѣстіе и тутъ же узнать, чтó съ моими дѣлами воспослѣдуетъ. Весьма лестно для васъ получить мѣсто въ пребываніе Государя и столь необыкновеннымъ образомъ вмѣсто отставки. Сперва васъ г-нъ Тормасовъ гналъ, а послѣ нашелъ нужнымъ. Выходитъ, что славный его Штейнгель, который объявилъ себя покровителемъ сирыхъ, нищихъ и притѣсненныхъ, тотъ-то вышелъ и разбойникъ, какъ сюда во многихъ письмахъ увѣдомляютъ. Признайтесь, что лестно и почтенно служить честно, но куда тяжело! Если бы вы получили отставку, то кубка бы не получить, а это расчетъ плута головы; подумалъ: ну, не равно со временемъ нагрянетъ въ Москву об.-полиціймейстеромъ. Я принужденъ былъ нечаянно отвѣчать г-ну Вязмитинову по случаю просьбы дѣвки Салваторія ([30]), поданной чрезъ четыре года, гдѣ она, называясь его женою, проситъ о возвращеніи драгоцѣнныхъ камней, бывшихъ въ его шкатулкѣ при отправленіи. Былъ запросъ Ивашкину и Яковлеву, кои истинно показали, что она привезена была ко мнѣ, а я отвѣчаю по своему. И эта шкатулка сгорѣла въ моемъ загородномъ домѣ, а въ ней были бумаги Салваторія, изъ коихъ нужныя остались у меня.

Здоровье мое приводитъ меня въ уныніе. Я весь мѣсяцъ сидѣлъ почти дома и очень боюсь, если зима продолжится, чтобы не придти въ такое положеніе, въ какомъ былъ въ Москвѣ въ 1813 году. Нервы раздражены, и мучаетъ ревматизмъ въ шеѣ, который, не знаю какъ, досталъ въ Эмсѣ. Графиня и нѣсколько (sic) дѣтей

([30]) Черновой отвѣтъ этотъ сохранился въ бумагахъ Брокера. Вотъ онъ:

Письмо вашего высокопревосходительства отъ 7 Ноября 1817 года подъ № 1708 я получилъ и на содержаніе онаго имѣю честь отвѣтствовать.

Въ 1812 году при отправленіи въ Пермь (въ исполненіе высочайшей воли чрезъ ваше высокопревосходительство мнѣ объявленной) докторъ Сальватори по приказанію моему привезенъ ко мнѣ былъ оберъ-полицимейстеромъ Ивашкинымъ и частнымъ приставомъ Яковлевымъ, и при немъ ящикъ съ бумагами. Разбирая оныя самъ и оставя у себя тѣ, кои служили доказательствомъ, что онъ былъ шпіономъ французскаго посла и имѣлъ съ нимъ по сему переписку, о чемъ я тотъ же день донесъ, ящикъ съ бумагами остался у меня въ кабинетѣ, въ загородномъ моемъ домѣ, гдѣ я жилъ до вступленія непріятеля въ Москву; но въ семъ ящикѣ кромѣ бумагъ ничего не было, по отъѣздѣ же моемъ, въ томъ загородномъ домѣ, жило множество французскихъ офицеровъ и жандармовъ, кои всѣ 6 Октября отправились въ походъ, но нѣкоторые изъ нихъ воротились назадъ; и нанося въ комнаты сѣна и соломы, зажгли, отъ чего домъ и все, чтó въ немъ по грабительствѣ осталось, сгорѣло; вѣроятно что сей пожаръ произведенъ былъ по приказу Наполеона, въ знакъ отличія.

По возвращеніи моемъ въ Москву, 10 дней спустя по выходѣ непріятеля, между прочими въ крайнюю бѣдность приведенными была и Нѣмка, которая нынѣ называетъ себя женою Сальватори, но бывшая въ то время у него дѣвкою на содержаніи, и какъ мнѣ препоручено было отъ Государя пещись объ участи несчастныхъ жителей Москвы, то и сія Нѣмка получила нѣкоторое денежное пособіе; описывая тогда совершенное свое разореніе отъ Французовъ, она не упоминала ничего ни о драгоцѣнныхъ вещахъ Сальватори, ни о притѣсненіяхъ полиціи; полагать должно, что мысль о просьбѣ родилась по времени и что на опись вещей потребно было четыре года.

Я весьма доволенъ тѣмъ, что симъ объясненіемъ уничтожу всякаго роду оскорбительное сомнѣніе, могущее пасть на г. Ивашкина и Яковлева, кои совершенную истину показали въ ихъ отвѣтѣ, и я заранѣе увѣренъ, что сіи два чиновника службою и честными правилами пріобрѣли себѣ право быть уже свыше подозрѣнія отъ безстыднаго доноса гнуснаго шпіона и распутной дѣвки. 17/29 Дек. 1817 г. Парижъ.

здоровы, кромѣ Нат. Ѳед. У ней сдѣлалась рожа и опять пришла въ другой разъ, отъ того, что скоро встала; но теперь лучше. Гр. С. Ѳ. очень часто страдаетъ кашлемъ и удушьемъ. Уговорить нельзя, очень легко одѣвается и въ пищѣ невоздерженъ. Ты, вѣрно, пожалѣлъ очень о Ник. Вас. Обрѣзковѣ. Я его любилъ, и онъ мнѣ пособлялъ въ 12-мъ и 13-мъ годахъ. Прежняя жизнь убила прежде время. Я пожалѣлъ о племянникѣ (31), узнавъ, что онъ попалъ въ полиціймейстеры. Это для него бѣда: отъ него, кромѣ пустаго шума, ничего не будетъ и со всѣми перебранится. Прощай, любезный другъ, привыкай къ Петербургу; тамъ смѣлѣе дѣйствуютъ московскаго, и я боюсь, что твои правила многимъ не на ладъ будутъ. Но Богъ, я думаю, милостивъ къ честнымъ людямъ. Ты, вѣрно, часто будешь видѣть гр. Головина и Н. И. Калинина. Прощай.

Парижъ. $\frac{19}{31}$ Декабря. 1817 г.

1818.

46.

Въ теченіе пяти дней я отъ тебя получилъ два письма: одно изъ Москвы отъ 22 Ноября, другое изъ Петербурга отъ Декабря. Сожалѣю очень, любезный другъ, что ты свою службу началъ въ новой столицѣ пожертвованіемъ кожи на пальцахъ, но это съ тобою не въ первый и не въ послѣдній разъ случается. Дай Богъ, чтобы мнѣніе Государя о твоей чести осталось всегда и повело тебя честію къ почестямъ.

Я предполагаю въ половинѣ Апрѣля ѣхать въ Лондонъ на одинъ мѣсяцъ: меня формально чрезъ Веллингтона приглашаетъ Принцъ-Регентъ; потомъ въ концѣ Августа или началѣ Сентября ѣхать въ Италію. Къ Маю перешлите тысячь 30, да къ Августу столько же, чтобы мнѣ стало до конца года въ Италіи. Я сижу недѣли по двѣ дома, и къ старымъ болѣзнямъ прибавился въ шеѣ ревматизмъ; по счастію есть кому разгонять скуку. Я очень удерживаюсь отъ покупокъ, ибо здѣсь многія вещи за ничто, отъ того что денегъ нѣтъ, а у богатыхъ—страхъ, и двѣ эпохи могутъ явить странныя происшествія для сумасшедшихъ Французовъ и для державъ, спокойно на нихъ смотрящихъ. Они ждутъ: 1) выхода войскъ иностранныхъ, 2) смерти Людовика XVIII. Одни должны выйдти черезъ два года, а другой можетъ, съ своей подагрой, толстотой и желудкомъ, отправиться во всякій часъ на тотъ свѣтъ.

Парижъ. $\frac{3}{15}$ Января. 1818.

47.

Мой планъ—оставить Францію въ началѣ Сентября по новому стилю и ѣхать на зиму до весны въ Италію. Я не могъ воздержаться, чтобы не покупать здѣсь картинъ и книгъ. Это такъ дешево, что смѣшно у насъ будетъ сказывать. И, право, есть картины, кои въ Россіи продаютъ за 1000 р. и болѣе, кои я имѣлъ за 100 франковъ и съ прекрасными рамами. Бронзы и фарфоръ также за треть цѣны, что у насъ. Но мои 32 картины, въ разныхъ мѣстахъ купленныя, не стоятъ мнѣ 5000 франковъ. Предъ отъѣздомъ надобно будетъ купить и въ приданое дочерямъ: кружева, батистъ и пр. ниже половинной цѣны противъ нашего.

Теперь здѣсь заняты очень происшествіемъ Дюка Веллингтона. Заговоръ его убить извѣстенъ былъ въ Брюсселѣ и здѣсь. Изъ пистолета въ него выстрѣлили въ то самое время, какъ онъ въѣзжалъ къ себѣ на дворъ въ 1-мъ часу по полуночи. Онъ со-

(31) Александръ Александровичъ Обрѣзковъ въ 1817 назначенъ полицеймейстеромъ въ Москву на мѣсто переведеннаго въ Петербургъ Брокера.

всѣмъ и не думалъ, что по немъ стрѣляли; а, видя огонь и слыша выстрѣлъ, подумалъ, что у солдата или часоваго, въ караулѣ бывшихъ, выстрѣлило ружье. Побѣжали за тѣмъ, который хотѣлъ его убить, но отъ тумана онъ скрылся. Нашли двухствольный пистолетъ на улицѣ. Лакеи видѣли, что этотъ человѣкъ бѣжалъ близь стѣны противъ кареты Дюка, чтобы стать у воротъ, откуда онъ выстрѣлилъ, но такъ дурно, что и въ карету не попалъ. Полиція ищетъ, но ничего не нашла, и я увѣренъ, что она хороша, когда хочетъ, а не когда надобно. Между тѣмъ слухи распущены, что это Англійское правительство скрытно и отъ Дюка подослало человѣка, который по немъ выстрѣлилъ безъ пули, потому что ее не нашли ни въ стѣнахъ, ни на улицѣ. Но какъ бы то ни было, а эта шутка Французовъ стоить можетъ имъ 500 или больше милліоновъ по той причинѣ, что союзные государи, видя злость и волненіе земли, гдѣ самое слабое и презрѣнное правленіе, не захотятъ прежде пяти лѣтъ вывести войска и подвергать Европу сумасшествію 27 милліоновъ безмозглыхъ головъ.

Парижъ. $\frac{1}{13}$ Февраля. 1818.

48.

У васъ, вѣрно, разные толки о выстрѣлѣ изъ пистолета по Веллингтону. Общее мнѣніе состоитъ въ двухъ пунктахъ: 1) что это выдумка Англійскаго правительства, чтобы раздражить союзныхъ государей противъ Франціи и что ни одинъ Французъ не въ состояніи быть убійцей, 2) что всякій изъ Французовъ долженъ убить Веллингтона за то, что онъ самъ собою ввелъ Бурбоновъ опять въ 1815 году. Полиція боится открывать и ничего не нашла, но всѣ умы раздражены, и можетъ быть во всей Франціи нѣтъ ста человѣкъ, кои бы желали сохранить Бурбоновъ на престолѣ. Что̀ будетъ—Богу единому извѣстно, но 28 милліоновъ сумасшедшихъ заслуживаютъ весьма прилежнаго вниманія, и они тѣмъ болѣе подозрительны, что весьма желаютъ вывода союзныхъ войскъ, чтобы на свободѣ дѣйствовать къ своей собственной погибели и вреду общему. У насъ есть слухъ, что будто Тормасовъ смѣняется графомъ Толстымъ. Если это такъ, то Тормасовъ въ просрочкѣ, ибо я даю начальнику Москвы двухъ лѣтъ съ половиною (sic) срокъ, и потомъ онъ долженъ или отправиться на тотъ свѣтъ или получить покойныя кресла въ Совѣтѣ.

Прощай, любезный другъ, будь здоровъ и не очень горячись на пожарахъ: у тебя одна голова, хорошо, что еще цѣла, а душъ много, кои отъ тебя зависятъ—я разумѣю: дѣти.

Парижъ. $\frac{16}{28}$ Февраля. 1818.

49.

Я намѣренъ на той недѣлѣ съѣздить къ Воронцову въ Мобежъ и, пробывъ у него дня четыре, ѣхать съ нимъ въ Камбре, къ Дюку Веллингтону. Слѣдственно, отсутствіе мое продолжится дней восемь. Великій Князь Михаилъ Павловичъ завтра пріѣдетъ въ Мобежъ и, пробывъ два дня, поѣдетъ въ Англію. Въ послѣднемъ письмѣ я тебя увѣдомлялъ объ отправленіи изъ Гавръ де Гросъ части моихъ картинъ. При семъ посылаю „коносементъ“ и опись картинъ, повторяя, что ихъ продержать въ сухомъ мѣстѣ до перваго пути и послать въ Москву; да если въ таможнѣ непремѣнно станутъ осматривать и разбивать ящики, то должно хорошенько уложить, чтобы не изгадить въ перевозѣ. Я васъ также просилъ написать къ тому, который смотритъ въ Москвѣ за домомъ, чтобы ящики съ картинами поставить въ самомъ сухомъ мѣстѣ, всего лучше, въ столовой, въ верхнемъ этажѣ, и не дур-

но, если немного и протапливать. На томъ кораблѣ, который привезетъ картины, отправьте гилянскихъ куръ и пѣтуха, также красныхъ утокъ, о коихъ я васъ просилъ еще прежде, адресуя все въ *à Rouen à M-r Trappe Vice-Consul de Prusse,* а онъ о семъ уже заранѣ отъ меня предувѣдомленъ.

Изъ Мобежа съ курьеромъ Воронцова пошлю на имя Н. Иг. Кал. ящикъ, въ коемъ будетъ табакерка для гр. Головина и часы для тебя, кои я заказывалъ Брегету. Я велѣлъ сзади вырѣзать А.Б.Г.Р., что́ значитъ Адамъ Брокеръ и графъ Ростопчинъ; хотѣлъ было выставить и пріятный 1812 годъ, но раздумалъ, потому что если онъ много значитъ въ исторіи, за то въ спокойной жизни—ничего.

Парижъ. $\frac{18}{30}$ Мая. 1818 г.

50.

Я очень былъ доволенъ своею поѣздкою; со мною ѣздилъ Орловъ, и я у гр. Воронцова побылъ шесть дней, воображая, что былъ въ Россіи, ибо Мобёжъ столько же Русскій, какъ Клинъ, Коломна и пр.; квасъ, сбитень—вездѣ, печи русскія; брань наша. Дрожки разъѣзжаютъ, пѣсни, пляска и даже вывѣски на лавкахъ Русскими литерами и словами написаны. Воронцова боготворятъ и наши, и жители—онъ строгъ, но справедливъ и доступенъ. Странно, въ самой Франціи, найти въ одно утро—Русскихъ въ Мобёжѣ, Датчанъ — въ Бушенѣ, Англичанъ въ Валансьенѣ и казаковъ въ Брикетѣ! Со всѣмъ тѣмъ и не смотря на все это, Французы говорятъ и поютъ, что они не были и не будутъ побѣждены. Дай Богъ имъ здоровья!

Вчерашній день отправлены отсюда сухимъ путемъ въ Руанъ въ пяти ящикахъ, отъ 7-го до 11-го №, 49 картинъ и группа мраморная. Они г-мъ Трапомъ, Прусскимъ вицеконсуломъ посланы будутъ моремъ въ Петербургъ и адресованы на твое имя. По привозѣ поступи съ этими, какъ и съ первымъ отправленіемъ, и первымъ путемъ, обшивъ хорошенько, послать въ Москву, гдѣ до моего пріѣзда поставить въ сухое мѣсто, чтобы сырость не испортила.

Прошу, любезный другъ, купить слѣдующее и уложа хорошенько, попросить Арс. Андр. Закревскаго (къ коему я о семъ напишу), чтобы онъ съ своимъ курьеромъ послалъ къ гр. Воронцову въ Мобежъ, а тамъ уже мнѣ доставлено будетъ:

1) Для графини шалевой платокъ; середина чтобы была черная, гладкая, а если нѣтъ, то хотя съ цвѣтами или полосами рублей въ 1000.

2) Три шали бѣлыя съ узкою каймой и безъ борта въ низу, ибо изъ нихъ сдѣлаются зимніе капоты. Я думаю, что можно купить каждую рублей въ 500. Нужно, чтобъ были бѣлы, а на толщину не смотрѣть.

3) Хвостовъ на опушку собольихъ 17, въ 300 или больше рублей, ибо на каждый капотъ пойдетъ 8½ ар., слѣдственно обѣ опушки я полагаю отъ 600 до 1000 р.

4) Третью опушку какихъ нибудь хвостовъ лисьихъ или „куницыныхъ“ подешевле, ибо это пойдетъ въ подарокъ.

Парижъ. $\frac{16}{28}$ Іюня 1818 г.

51.

Русскихъ стало подъѣзжать много и къ зимѣ наѣдетъ куча. Но, вѣроятно, что корпусъ Воронцова, такъ какъ и прочія иностранныя войска, оставитъ Францію и симъ снимется узда съ сумазброднаго, мерзкаго и столько же презрительнаго, какъ забавнаго народа. Дай Богъ, чтобы ихъ сумашествіе дѣйствовало единственно надъ ними и у нихъ, а чтобы за границу не выходило. Здѣсь засуха, и нѣкоторымъ хлѣбамъ нуженъ еще дождь. За то вино будетъ славное и

18-й годъ поровняется съ 11, названнымъ кометой. Я еще не знаю, поѣду ли въ Англію. Крѣпко зовутъ, но я тяжелъ на подъемъ, и если поѣду, то не больше какъ на мѣсяцъ и съ проѣздомъ.

Парижъ. 5/17 Іюля. 1818.

52.

Мы рѣшились остаться здѣсь до будущаго лѣта, а тамъ что Богу угодно будетъ. Такъ какъ домъ, въ коемъ мы живемъ и продается и дымится, то я нанялъ другой *Rue Faux-bourg S-t Honoré № 49*; но письма лучше продолжать надписывать Лафиту какъ прежде. Теперь прошу учредить такъ, чтобы ко мнѣ пересылать по 10000 р. каждый мѣсяцъ или больше (sic) сумму, но ежемѣсячно должно имѣть десять тысячъ. Откладывая съ весны ѣзду мою въ Англію, рѣшился наконецъ ѣхать 26-го или 27-го числа сего мѣсяца. Я поѣду одинъ съ однимъ человѣкомъ; пробуду въ Лондонѣ дней девять и столько же въ деревнѣ зятя графа Воронцова, гдѣ и онъ самъ. Я ему не хотѣлъ отказать, а пуще всего частыя приглашенія Принца-Регента. Надѣюсь, что совсѣмъ мѣсяца не проѣзжу, а во время моего отсутствія графиня переѣдетъ въ новый домъ.

Парижъ. 4/16 Августа.

53.

Мы съ недѣлю переѣхали въ новый домъ, который и покойнѣе и пріятнѣе. Изъ сада двери въ большое городское гулянье, называемое Champs Elisées, а платежъ за домъ меньше прежняго.

Теперь мы ожидаемъ рѣшенія судьбы союзныхъ армій, которыя отправляли три года здѣсь полицейскую должность и какъ ни оскорблены были Французы ихъ пребываніемъ, но вѣрно—хоть и ничего можетъ быть не произойдетъ по выходѣ — нашихъ помнить долго будутъ. Трудно завести такой порядокъ и въ своей землѣ. Эту справедливость отдать должно графу М. С. (32) и его помощникамъ. Онъ намѣренъ отпроситься и, доведя армію за Рейнъ, пріѣхать на нѣсколько времени сюда, и потомъ провести полгода съ отцемъ въ Англіи. Старику 76 лѣтъ, и тутъ всякій „прощай" можетъ быть послѣднимъ въ жизни. У насъ сюда пришли слухи о назначеніи областныхъ начальниковъ и даже прислали списки, но я лишь вѣрю оффиціальнымъ бумагамъ. Я жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда гр. Головиной—будетъ съ кѣмъ говорить о Головинѣ. Небольсина опять пропала, и вотъ годъ, что она ѣдетъ и не попадетъ въ Парижъ, а нельзя однакоже полагать, чтобы въ Нѣмецкой землѣ заблудилась. Я поѣздку свою въ Англію отложилъ, а если зимою Императрица - Мать будетъ въ Брюссель, то туда на недѣлю съѣзжу.

Парижъ. 11/23 Сентября 1818.

54.

Мы переѣхали въ новый домъ, гдѣ всѣмъ очень покойно, а разница 10 т. фр. предъ прежними двумя наймами. Кухарка, которая ничѣмъ не хуже повара, дѣлаетъ разницу уже теперь франковъ 700 въ мѣсяцъ, не смотря, что у насъ живутъ двое сиротъ Буксгевденыхъ и двѣ ихъ русскія женщины. Я очень былъ обрадованъ пріѣздомъ Булгакова, который пробудетъ здѣсь мѣсяцъ. Много говорили о тебѣ, и желательно, чтобы для пользы Москвы и службы твоей тебѣ быть на мѣстѣ Шульгина, но сіе въ волѣ Государя (33)..... Утѣшать отцовъ—трудно, а я на него не сердитъ. Съ своей стороны я сдѣлалъ все; даже онъ былъ главною причиною, для коей я пошелъ въ службу въ 12-мъ году.

Парижъ. 4/16 Октября.

---

(32) Воронцову.

(33) Передъ этимъ говорится о графѣ Сергѣ Ѳедоровичѣ.

53.

....Прибавленіе жалованья Шраму, прошу сдѣлать и поблагодарить отъ меня за его дѣятельность. Напрасно огорчился отрѣзаніемъ 100 десятинъ лѣсу въ Овечнѣ. Эта деревня давно предана волѣ Божіей; а беречь ее должно потому только, что она еще (земля) пожалована царемъ Иваномъ Грознымъ предку Ростопчину, который одинъ остался изъ пяти братьевъ отъ Казанскаго похода.

Жалѣю, что хлопотъ у тебя много; но, право, и безъ дѣла отъ нихъ не уйдешь. Они нераздѣльны съ пульсомъ, пока онъ бьется въ тѣлѣ. Мы очень заняты были плачевнымъ зрѣлищемъ болѣзни и смерти внучка Ав. Сем. Небольсиной. Графиня три ночи не спала. Два здѣшніе доктора ребенка пресильнаго отправили на тотъ свѣтъ.

Русскихъ много сюда наѣхало, иныхъ я и не вижу. Во время бытности Государя ни одинъ изъ Русскихъ не удостоился его видѣть, а окружали его Жомени и Поляки. Войско наше отправилось: солдаты съ радостію, офицеры съ печалію. Гр. Воронцовъ, кромѣ соблюденнаго порядка и славы съ признательностію за оный отъ Французовъ, представилъ на смотру и на маневрахъ примѣрное войско, да сверхъ всего четыре милліона франковъ сдѣланной въ три года экономіи. Его боготворятъ всѣ и, правду сказать, есть за что. Насъ теперь Русскихъ здѣсь обоего пола 103 человѣка. Въ Парижъ наѣхало множество знаменитыхъ особъ всѣхъ націй, проѣздомъ изъ Ахена и на короткое время, иные только чтобы нѣсколько разъ объѣсться. Вотъ мои извѣстія. Я очень радъ, что второй корабль съ картинами приплылъ въ Петербургъ; въ Маѣ надѣюсь отправить остальныя картины и рѣдкое мое собраніе любопытныхъ книгъ.—Этого всего здѣсь сотнями тысячъ, все дешево чрезвычайно, а какъ Парижъ далѣе Ливенъ, то и хочется на поминъ достать вещей рѣдко дешевыхъ. Дѣти будутъ благодарить.

Прощай, почтенный человѣкъ, будь здоровъ и помни, что изъ Россіи вывезенъ во Францію человѣкъ стараго вѣка, который съ старыми чувствами тебя здѣсь любитъ и почитаетъ—слово въ слово какъ въ Москвѣ въ 1812 году.

Парижъ. 20 Ноября / 2 Декабря.

ИЗЪ БУМАГЪ

ГРАФА ДЕ БАЛЬМЕНА,

Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ на островѣ Святой Елены (*).

MISSION DE S[te] HÉLÈNE.

1817.

CORRESPONDANCE OFFICIELLE DE COMTE DE BALMAIN, COMMISSAIRRE DE RUSSIE.

Mes rapports au Comte de Nesselrode.

№ 1.

S-te Hélène ce 6 Janvier 1817 n. st.—Par l'Icarus brig. Cap. Devon.

Monsieur le Comte.

Le commissaire d'Autriche et le gouverneur de S-te Hélène sont en guerre ouverte. Ce n'est entr'eux, depuis environ six semaines, qu'un échange continuel de notes et de billets, des explications à perte de vue et des emportements à faire craindre l'eclat. Le tout sur un objet insignifiant. Je vais entrer dans le detail de cette affaire.

(*) См. выше, стр. 659—734.

Une dame Marchand, en condition chez l'Archiduchesse Marie Louise et mère du sieur Marchand, valet de chambre de Bonaparte, sut à Vienne qu'un botaniste autrichien nommé Welle devait suivre le Baron Stürmer à S-te Hélène. Voulant profiter de cette occasion pour faire tenir à son fils une boucle de cheveux, elle engagea M-r Boze, inspecteur du jardin de Shoenbrun, d'engager Welle à s'en charger. Ce dernier y consentit. Les cheveux etaient d'un blond de filasse et roulés dans un papier sur lequel on avait ecrit: „Je t'envoie de mes cheveux. Si tu as le moyen de te faire peindre, envoies moi ton portrait. Ta mère Marchand".

A peine arrivé à S-te Hélène Welle rencontre en ville le sieur Marchand, fait à l'étourdie sa commission et ne croit pas devoir en prevenir le Baron Stürmer. Au bout d'un certain temps, il en fut bruit sur ce rocher que de cheveux de Roi de Rome sont remis en cachette à Bonaparte. Bientôt on sut que Welle en avait apporté de la dame Marchand à l'insu des autorités Anglaises. On fit à Longwood et partout la recherche exacte du fait. Le gouverneur ne nous en a pas communiqué le resultat, mais on assure que le message confié à Welle est du Roi de Rome et que la dame Marchand n'y est que prête-nom. Je passe sous silence l'argument absurde. qu'on en tire contre Marie Louise et la maison d'Autriche. Quoiqu'il en soit à cet egard, le botaniste devint suspect au gouverneur, et son renvoi fut décidé.

Le Baron Stürmer ne savait encore rien de cette belle histoire, car on évitait d'en parler devant lui. Au moment où il y pensait le moins, Sir Hudson Lowe le prévient par une note officielle que le sieur Welle, n'etant muni d'aucune autorisation spéciale du gouv. Britanique pour résider à S-te Hélène et que trois mois de séjour devant suffire à ses achats de plantes et bêtes rares, il etait urgent de l'en faire partir. En donnant, je ne sais pourquoi, un tour spécieux à cette affaire au lieu de s'en expliquer nettement, on l'embrouilla. Le commisaire d'Autriche prit en mauvaise part la note du gouverneur. Ce ne fut à ses yeux qu'une pure fantaisie, des airs d'autorité qu'on se permettait avec les commisaires. Il y répondit en termes assez forts et s'opposa au renvoi du botaniste. C'etait le cas ou jamais d'en venir à un eclaircissement. Sir Hudson Lowe n'en fit de nouveau rien. Il s'etablit alors entr'eux une correspondance à trois et quatre notes officielles par jour où de part et d'autre on se traite avec beaucoup d'aigreur et de dedain.

M-r de Stürmer decouvrit enfin ce qu'il ignorait de cette affaire. Welle fut interrogé de suite. Il déclara par serment n'avoir jamais vu ni connu la dame Marchand ni soupçonné que le message, dont il s'etait chargé, put venir du Roi de Rome. Après s'etre bien assuré de la moindre circonstance relative à ce fait, le commissaire d'Autriche s'en expliqua franchement et en detail avec Sir Hudson Lowe.

—„Savez vous, lui dit ce dernier, d'un ton sévère, que la chose est importante, très importante. On a remis des lettres à mon insu, et l'on pretend même que vous en aviez connaissance."

—„Celui, qui pretend cela, s'écria l'autre pâle et tremblant de colère, est un lâche, un coquin."

—„Ce que vous me dites du sieur Welle, ajouta le gouverneur, ne me suffit pas. C'est moi qui dois l'interroger."

—„Voulez vous m'insulter? répartit M-r de Stürmer en faisant un saut en avant,— non, vous ne verrez pas Welle. Vous n'avez aucun droit sur lui. On ne traite pas ainsi

un commissaire, un homme revétu de la confiance de son souverain. Si la cour de Vienne eut songé à faire passer à Bonaparte des cheveux de son fils, c'est à moi qu'on les eut remis et je m'y serais pris plus adroitement.“

—„Ce n'est pas, dit le gouverneur, que j'envis à un père le plaisir si naturel de recevoir des cheveux de son enfant, mais on ne doit pas m'en faire mystère. C'est une infraction à la loi.“

Ils furent une heure entière à s'accabler l'un l'autre de reproches en tout genre. Enfin M-r de Stürmer voulut savoir s'il est prouvé que le message en question ne soit pas de la dame Marchand. „Je désire, repondit Sir Hudson Lowe, ne rien dire là dessus.“ En effet, il ne s'en est jamais ouvert à personne, du moins à aucun des commissaires; mais il a agi dans cette affaire comme s'il n'en doutait pas.

Le résultat de leur querelle, car c'en est une véritable, fut de nouvelles écritures. Welle subit un second interrogatoire. Il mit pas écrit son serment et tout ce qu'il avait dit à sa justification; néanmoins le gouverneur tint ferme pour le renvoyer, et le commissaire d'Autriche dut à la fin céder. Le sieur Welle quittera l'ils de S-te Hélène à l'entrée de la belle saison.

J'ai l'honneur d'etre etc.

Переводъ.

1.

Островъ св. Елены. 6 Янв. 1817, н. ст. Бригъ Икаръ, капитанъ Девонъ.

Ваше сіятельство. Австрійскій комиссаръ и губернаторъ острова св. Елены находятся въ явной враждѣ между собою. Вотъ уже 6 недѣль какъ у нихъ происходитъ безпрерывный обмѣнъ нотъ, писемъ, объясненій, которымъ не видно конца и такихъ горячихъ выходокъ, что очень можно опасаться разрыва— къ чему служитъ поводомъ весьма неважный предметъ. Здѣсь передаю о томъ въ подробности.

Въ числѣ дворцовой прислуги эрцгерцогини Маріи Луизы, есть одна женщина, прозывающаяся Маршанъ; сынъ ея служитъ камердинеромъ у Бонапарта. Узнавъ, что одинъ ботанистъ Велле въ свитѣ барона Штюрмера отправляется также на островъ св. Елены, Маршанъ пожелала воспользоваться этимъ случаемъ и переслать сыну прядь своихъ волосъ, почему обратилась къ г. Бозе, смотрителю Шенбрунскихъ садовъ, чтобы онъ убѣдилъ Велле взять на себя передачу ея посылки. Прядь волосъ льнянаго цвѣта была завернута въ бумажку, на которой было написано слѣдующее: „Посылаю тебѣ мои волосы. Ежели ты найдешь средство снять съ себя портретъ, то перешли мнѣ его, мать твоя Маршанъ“.

Какъ только Велле ступилъ на островъ, то скоро встрѣтилъ въ городѣ означеннаго Маршана, и по легкомыслію своему тотчасъ свелъ съ нимъ знакомство, даже не предупредивъ о томъ барона Штюрмера. Вскорѣ за тѣмъ на островѣ пронесся слухъ, что Бонапарту переданы волосы Римскаго короля, черезъ Велле, втайнѣ отъ Англійскихъ властей. Въ Лонгвудѣ начались тщательные розыски; губернаторъ ничего не сообщалъ намъ о послѣдствіяхъ; но увѣряютъ, что посылка точно была отъ Римскаго короля и что имя Маршанъ употребили только для прикрытія. Умалчиваю о нелѣпомъ заключеніи, выведенномъ изъ того относительно Маріи Луизы и Австрійскаго двора. Какъ бы то ни было, но Велле навлекъ на себя подозрѣніе губернатора и по его приказанію долженъ оставить островъ.

Баронъ Штюрмеръ еще ничего не зналъ объ этой прекрасной исторіи: при немъ избѣгали случая говорить о ней. Вдругъ Сиръ Гудсонъ Лоу предупреждаетъ его оффиціальною нотой, что Велле, не имѣя отъ Британскаго

правительства особаго разрѣшенія для постояннаго жительства на островѣ, долженъ возвратиться назадъ, что въ теченіи 3 мѣсяцевъ, прожитыхъ имъ здѣсь, онъ имѣлъ довольно времени для своихъ закупокъ по части ботаническихъ растеній и рѣдкихъ животныхъ, а теперь необходимо отправить его отсюда. Не знаю почему, приданъ былъ оффиціальный характеръ этому дѣлу, о чемъ просто можно было переговорить, а тутъ вышла путаница. Австрійскій комиссаръ оскорбился, получивъ отъ губернатора эту ноту; онъ принялъ ее за простую фантазію, за начальническую выходку, неприличную въ отношеніи къ комиссарамъ. Отвѣтъ написанъ былъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, и въ немъ выражено было несогласіе на высылку ботаниста. Случай представлялся къ объясненію, но Сиръ Гудсонъ Лоу опять имъ не воспользовался; послѣ этого пошла у нихъ переписка, оффиціальныя ноты, по три и и по четыре раза въ день, были пересылаемы; и тотъ и другой выражались въ нихъ высокомѣрнымъ и колкимъ образомъ.

Баронъ дознался наконецъ, въ чемъ состояло дѣло, потребовалъ Велле къ себѣ и распросилъ его. Послѣдній подтвердилъ клятвенно, что онъ никогда не знавалъ и даже не видывалъ помянутую Маршанъ, и вовсе не подозрѣвалъ, чтобы посылка пряди волосъ могла быть отъ Римскаго короля. Распросивъ о самомалѣйшихъ подробностяхъ этого произшествія, баронъ откровенно и подробно объяснился о немъ съ губернаторомъ.

— „А знаете ли вы, отвѣчалъ послѣдній строгимъ голосомъ, что дѣло это очень, очень важно. Письмо передали безъ моего вѣдома, и сверхъ того утверждаютъ, что вамъ это было не безъизвѣстно“.

— „Кто говоритъ это, вскричалъ баронъ, поблѣднѣвъ и дрожа отъ гнѣва, кто говоритъ это, тотъ подлецъ или плутъ“.

— „Для меня недовольно того, что вы мнѣ передали о Велле, продолжалъ губернаторъ, мнѣ самому надобно допросить его“.

— „Такъ вы хотите оскорбить меня, возразилъ баронъ, прискокнувъ на шагъ впередъ; нѣтъ! Вы не увидите Велле. Вы не имѣете надъ нимъ никакого права. Такъ не слѣдуетъ поступать съ комиссаромъ, облеченнымъ довѣріемъ своего государя! Если бы при Вѣнскомъ дворѣ и пожелали передать Бонапарту волосы его сына, то отнеслись бы ко мнѣ, и я бы поступилъ тутъ гораздо искуснѣе“.

— „Я вовсе не намѣренъ лишать отца удовольствія получить прядь волосъ своего сына, но тутъ не должно быть тайны. Здѣсь нарушеніе закона“.

За тѣмъ провели они цѣлый часъ, дѣлая другъ другу упреки всякаго рода. Баронъ спрашивалъ, есть ли доказательства на то, что г-жа Маршанъ на участвовала въ отправкѣ посылки. „Я не желаю ничего говорить о томъ“, отвѣчалъ губернаторъ; и въ самомъ дѣлѣ онъ никогда и никому не объяснялъ того, по крайней мѣрѣ ни которому изъ комиссаровъ; но судя по его дѣйствіямъ, кажется, что онъ былъ убѣжденъ въ этомъ.

Послѣдствіемъ этой ссоры, дѣйствительной ссоры, была новая переписка. Велле вторично допрашивали. Не смотря на его клятвенное отрицаніе, данное имъ письменно и на все, что онъ говорилъ въ свое оправданіе, губернаторъ настойчиво требовалъ его высылки, и баронъ долженъ былъ уступить. Съ наступленіемъ благопріятнаго времени Велле оставитъ островъ. Имѣю честь быть и проч.

2.

S-te Hélène ce 28 Janvier 1817 n. st. Par l'Icarus brig. Cap. Devon.

Monsieur le Comte.

Le chagrin que Bonaparte ressentit de la perte de Las Cases parait s'être entièrement

dissipé. Il est plus gai que de coutume et se porte à merveille. Mais il a un peu maigri. C'est M-me de Montholon, à ce qu'on dit, qui est aujourd'hui son secrétaire. Il continue à ne recevoir personne et ne sort presque pas de sa maison. L'amiral Malcolm, depuis son retour du Cap, ne l'a vu que deux fois. Le gouverneur ne le voit jamais. Souvent on est huit jour sans en entendre parler.

J'ai l'honneur d'être etc.

P.S. V. E. me permettra de joindre à ce rapport la figure de Bonaparte, faite à la hâte et dans un moment où il reprimandait Bertrand. Cela donne une idée de son costume actuel. Comme toute ma mission se compose de bagatelles, j'ai cru pouvoir y ajouter celui-ci.

2.

О. св. Елены 28 Янв. 1817 н. ст. Посл. съ бригомъ Икаръ, кап. Девонъ.

В. с. Горесть Бонапарта о разлукѣ съ Ласказомъ, кажется, совсѣмъ разсѣялась. Онъ сталъ веселѣе обыкновеннаго и совершенно здоровъ, только нѣсколько похудѣлъ. Сказываютъ, что теперь госпожа Монтолонъ занимаетъ мѣсто его секретаря. Онъ не принимаетъ никого и почти не выходитъ изъ дому. Адмиралъ Малькольмъ, по возвращеніи своемъ съ мыса Доброй надежды, видѣлся съ нимъ только два раза. Губернаторъ никогда его не видитъ, и часто цѣлая недѣля проходитъ такъ, что о немъ ничего не слышно.

P.S. В. сіятельство. Позвольте приложить къ этому донесенію изображеніе Бонапарта, снятое съ него наскоро въ то время, когда онъ дѣлалъ выговоръ Бертрану. По этому очерку можно имѣть понятіе объ его внѣшнемъ видѣ въ настоящее время. Вся моя должность ограничивается пустяками, и это внушаетъ мнѣ смѣлость препроводить къ вамъ вышепомянутое.

3.

S-te Hélène ce 28 Fevrier 1817 n. st. Par l'Earl of Balcarras de la Comp-e des Indes. Capt. Jameson.

Monsieur le Comte.

Il y a déjà six mois que Bonaparte n'a vu ni reçu d'etrangers, hors l'amiral Malcolm et près des trois mois qu'il n'est sorti de sa maison, même pour prendre l'air. Il vit seul, sans faire d'exercice ni presque se remuer, dans un climat où le trop grand repos et la solitude abiment la santé et peuvent causer la mort. Souvent par ennui il change tout à coup son train de vie. Il dine à six heurs, s'abstient de dejeuner, se lève, se couche plus tôt ou plus tard qu'il ne le faisait, puis se dégoute de ce changement et reprend son ancienne coutume. L'amiral et Lady Malcolm, qui le virent ces jours passés, lui trouvèrent une mauvaise mine, mais de bonne humeur et une extrêm affabilité. En causant de choses et d'autres il soutint à l'amiral: *que les Bourbons, revenant en France sur les épaules des alliès, ne s'y soutiendraient pas, que lui seul savait conduire et mettre les Francais à la raison.*—Vous les conduisiez à la victoire, dit l'amiral, mais ce n'est pas ce qui fait la félicité publique ni ce qu'il faut en ce moment."

—*Oh non*, reprit il en riant, *tout a un terme. Je ne veux plus de guerre. Si je règnais, je ne bougerais pas.* Il a dit aussi: *que jamais les Autrichiens ne seraint aimés en Italie, et que l'Empereur François est Barbe-bleu, qu'il tue toutes ses femmes* (*).

Le commissaire d'Autriche a déjà fait un emprunt de 1000 liv. sterl. Il en avait reçu près de 3000 de son gouvernement, et ces deux sommes suffisent à peine à sa dépense.

(*) Сличи выше письма князя А. Б. Куракина.

Ceci prouve à V. E. que rien n'est comparable à la cherté de S-te Hélène. J'y ai vu payer 6 liv. sterg. la moitié d'un porc et en demander 60 d'une douzaine de chaises.

J'ai l'honneur d'etre etc.

3.

О. св. Елены. 28 Февр. 1817 н. ст. Кор. Балеарскій Графъ, капитанъ Джемсонъ.

В. с. Вотъ уже полгода съ тѣхъ поръ какъ Бонапартъ не принимаетъ и не видитъ никого изъ постороннихъ, выключая адмирала Малькольма, и вотъ уже три мѣсяца какъ онъ не выходитъ изъ комнаты, хотя бы для того, чтобы подышать воздухомъ. При такой уединенной жизни онъ даже не прохаживается по комнатѣ и остается почти неподвижнымъ. Въ такомъ климатѣ, каковъ здѣшній, совершенная недѣятельность и отчужденіе отъ людей могутъ причинить смерть. Скука заставляетъ его часто перемѣнять порядокъ жизни. Онъ обѣдаетъ въ 6 часовъ, не завтракаетъ, встаетъ и ложится иногда ранѣе, иногда позднѣе противъ того какъ дѣлалъ прежде; потомъ такая перемѣна становится ему противна, и онъ возвращается къ старымъ привычкамъ. Адмиралъ и леди Малькольмъ были у него на этихъ дняхъ и нашли, что лице его не обнаруживаетъ здоровья; впрочемъ онъ въ хорошемъ нравѣ и чрезвычайно любезенъ. Разговаривая о томъ и о другомъ, онъ сказалъ адмиралу, что „союзники внесли Бурбоновъ на своихъ плечахъ во Францію, но что послѣдніе тамъ не удержатся, что только онъ умѣлъ управлять Французами и возвращать ихъ къ разсудку". „Вы водили ихъ къ побѣдамъ, отвѣчалъ адмиралъ, но не на томъ основано благоденствіе государства, особенно въ настоящее время".

— О нѣтъ, возразилъ Наполеонъ улыбаясь, всему есть конецъ. Я не хочу болѣе воевать. Если бы я опять сталъ царствовать, то я бы не тронулся съ мѣста. Далѣе онъ говорилъ, что Италіанцы никогда не будутъ любить Австрійцевъ, и что императоръ Францъ, точно Рауль Синяя Борода, моритъ всѣхъ своихъ женъ.

Австрійскій комиссаръ занялъ 1000 ф. ст., не смотря на то, что получилъ отъ своего правительства 3000 ф. Этого недостало на его расходы. В. С. можете себѣ представить, какая здѣсь дороговизна. Я знаю, что за половину свиной туши заплачено 6 ф. ст. Дюжина стульевъ 60 ф. ст.

4.

S-te Hélène ce 1-er Mai 1817 n. st. Par le Batavia de la Comp-e des Indes. Capt. Mayne.

Monsieur le Comte.

Sir Hudson Lowe continue à avoir pour nous de grands égards, à nous prévenir par toutes sortes de bons offices. Il en est même aux petits soins avec nous. Ainsi personnelement je n'ai qu'à m'en louer. Mais nos rapports officiels sont moins satisfaisants, et je doute fort, Monsieur le Comte, d'après l'experience journalière que j'en fais depuis dix mois, que les commissaires des Puissances Alliées et les autorités Anglaises puissent jamais s'accorder et être bien ensemble. Je vais en expliquer à V. E. tous les motifs separément.

1-mo. Bonaparte est le prisonnier de l'Europe, mais il est au pouvoir des Anglais qu'il deteste et dont il croit avoir à se plaindre. De cette inimitié qui ne peut eclater avec fruit dans le cercle où il vit, nait en lui le besoin de voir les commissaires, pour se déchainer à son aise contre le gouvernement Britannique et interesser les autres cours en sa faveur. Ceci naturellement chagrine les Anglais et nous est défavorable, car ils s'en prennent en quelque sorte à nous de la facheuse hummeur d'un homme à qui tous sur ce rocher veut plaire. „C'est, disent-ils, depuis l'arrivée des commissairais que Longwood est en insurrection, qu'on y a conçu

de vaines espérances, qu'on s'y est défait des Anglais, en un mot, que la résignation, la paix en sont bannies.“ De la résulte en grande partie la mauvaise volonté qu'ils ont pour nous, et voilà déjà, sans que personne ait le moindre reproche à se faire, un germe de désunion, un état naturel des choses nuisibles à nos affaires.

2-do. Lorsqu'on publiait à S-te Hélène l'acte du Parlement, où il y a peine de mort pour qui aidera d'une manière quelconque à l'évasion de Bonaparte, le gouverneur nous y croyant compris, adressa à chacun des commisaires la note et les incluses dont V. E. trouvera ci joint le duplicata. Celui de France entra de suite en débat là-dessus et soutint que cet acte ne pouvait le concerner, qu'il n'était justiciable d'aucun tribunal Anglais. Comme la lettre du Lord Bathurst ne fait pas mention expresse des commissaires, le gouverneur ne crut pas devoir insister sur ce point. Mais il a l'air depuis ce temps-là de se mefier de nous. Il nous éloigne des affaires. Il s'inquiete et prend ombrage de tout ce que nous faisons, il nous fait épier et quand on lui demande raison de sa conduite: „Vous étes, répond-il, dans l'exception de la loi du Parlement. Ma position vis-à-vis de vous devient embarassante.“

„Vous me reprochez, dit-il un jour au Baron Srürmer, de me fier à l'amiral Malcolm et pas à vous. Songez que je puis le faire pendre et vous pas.“ L'absurdité de cet argument saute aux yeux, mais il le soutient à toute outrance, crie et s'emporte dès qu'on y fait la moindre objection, et il s'ensuit de là que mes collègues disputent sans cesse contre lui et que jamais on ne sera d'accord sur ce point.

3-tio. Sir Hudson Lowe est certainement un digne homme, un homme d'honneur et d'une probité reconnue. Il est en outre fort instruit et écrit, à ce qu'on dit, excellemment. Mais en affaires. c'est un esprit étroit, un homme, que la responsabilité dont il est chargé etouffe, fait trembler, qui s'alarme de la moindre chose, s'alambique la cervelle sur des riens et fait avec peine en s'agitant beaucoup, ce qu'un autre eut fait presque sans se remuer. Dès qu'on l'interroge sur Bonaparte ou sur quelqu'un de sa suite, son front se ride, il croit qu'on lui tend un piège et ne répond qu'à demi; ou, s'il entre en matière, comme dans l'affaire du botaniste Welle, on n'en tire de même aucun eclaircissement. Il vous découvre une chose, vous en cache une autre, jamais ne dit sa façon de penser nette, entière, explique tout à contre-sens, chicane sur les mots, vous embrouille l'esprit. Puis il a le défaut de s'emporter. Pour peu qu'on lui résiste, il se mit en furie, ne sait plus ce qu'il dit, où il en est, perd la tête, de sorte qu'il n'y a pas moyen de le ramener à la raison. Avoir affaire à lui et être bien avec lui sont deux choses incompatibles.

Voilà, Monsieur le Comte, ou en sont nos rapports officiels à Longwod. On nous y voit de mauvais oeil, parceque Bonaparte, mecontent des Anglais, veut s'expliquer avec nous sur sa position. On s'y méfie de nous parceque nous ne sommes pas dans la dépendance des autorités Anglaises, et toutes nos discussions et remontrances à ce sujet n'ont servi de rien, parseque le gouverneur est un homme intraitable.

Il résulte de cet état de choses que notre rôle, qui ne devait être que passif, est nul dans toute la force du mot. Malgré le déplaisir mortel que j'en ressens quelquefois, j'ose assurer V. E. que ma conduite vis-à-vis des Anglais a toujours été conforme à mes instructions. J'ai eu ainsi que mes collègues des explications longues et détaillées sur toutes ces tracasseries. J'ai plus d'une

fois reproché à Sir Hudson Lowe sa méfiance, sa mauvaise volonté pour nous, mais sans me facher, ni le pousser à bout; et quand j'ai vu que je perdais avec lui mon temps et mes peines, je l'ai abandonné aux commissaires d'Autriche et de France et je me tiens aujourd'hui tranquille là-dessus.

Le général Gourgaud, que j'ai rencontré ce matin à la promenade m'a assuré que Bonaparte était fort impatient de nous voir. „Il a pour vous, me dit-il, des dispositions tout à fait amicales. Venez le trouver sans gêne, sans façon. Vous nous ferez à tous un extrême plaisir.“ Je le remerciai beaucoup de son honnêteté et lui expliquai en peu de mots que M-rs de Stürmer et de Montchenu, n'ayant pas encore reçu d'Europe de réponse à l'affaire du procés-verbal, je leur devais en quelque sort de ne pas faire de démarche isolée, mais que quand ces Messieurs sauraient à quoi s'en tenir à cet égard, je m'arrangerais avec le gouverneur sur la manière de voir Bonaparte.

C'est en effet ce que je compte faire dès que ces nouveaux ordres que nous attendons incessamement seront arrivés.

J'ai l'honneur d'être etc.

4.

О. св. Елены 1 Мая 1817 н. ст. Кор. Батавія Остъ-Индской комп. Кап. Майнъ.

В. с. Сиръ Гудсонъ Лоу не перестаетъ оказывать намъ большое уваженіе и предупредительность, даже и въ мелочныхъ вещахъ. Говоря лично о себѣ, я не могу довольно имъ нахвалиться, но оффиціальныя наши сношенія далеко не такъ удовлетворительны, а потому я сильно сомнѣваюсь, чтобы комиссары Союзныхъ Державъ и Англійскія власти были согласны въ дѣйствіяхъ и въ то же время оставались между собою въ хорошихъ отношеніяхъ. Здѣсь изложу каждый поводъ къ тому отдѣльно.

1. Бонапартъ есть плѣнникъ Европы, но онъ во власти ненавистныхъ ему Англичанъ; ему кажется, что онъ имѣетъ причины на нихъ жаловаться, и потому ему желательно видѣться съ комиссарами другихъ державъ, излить передъ ними безпрепятственно свои жалобы на Британское правительство и возбудить участіе другихъ Монарховъ. Естественно, что Англичане на то досадуютъ, смотрятъ на насъ неблагопріятно и начинаютъ привязываться къ бездѣлицамъ, вымѣщая намъ нерасположеніе того, кому всѣ хотятъ здѣсь угодить. Они говорятъ, что со времени пріѣзда комиссаровъ, миръ и спокойствіе исчезли въ Лонгвудѣ, потому что съ тѣхъ поръ не видно болѣе покорности судьбѣ, и что ихъ стали чуждаться отъ возбудившихся несбыточныхъ надеждъ. Вотъ откуда ведетъ свое начало ихъ непріязненность. Хотя никому изъ насъ нечего упрекать себя въ этомъ, но здѣсь то именно кроется зародышъ разъединенія. Для нашихъ дѣлъ такое состояніе невыгодно.

2. Когда на островѣ св. Елены объявили парламентскій указъ, въ которомъ назначается смертная казнь каждому, кто станетъ способствовать Бонапарту въ покушеніи къ побѣгу, то губернатору представилось, что этотъ указъ относится и къ комиссарамъ. Каждому изъ насъ порознь прислалъ онъ по этому случаю ноту, съ приложеніемъ указа въ двухъ экземплярахъ. Прилагаю здѣсь дубликатъ его. Французскій комиссаръ тотчасъ поднялъ споръ, утверждая, что этотъ указъ до него не относится, ибо онъ не состоитъ подъ вѣдомствомъ Англійскихъ судовъ. Губернаторъ, видя, что въ письмѣ Лорда Батурста ничего не сказано о комиссарахъ, не настаивалъ болѣе, но съ того времени онъ какъ будто остерегается насъ и отдаляетъ насъ отъ дѣлъ. Всѣ наши дѣйствія тревожатъ его и становятся ему подозрительными. По его приказанію за нами присматриваютъ. Если просишь у него на то

объясненія, то онъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Вы не подлежите парламентскимъ законамъ, и мое положеніе въ отношеніи къ вамъ становится затруднительнымъ“.

Вотъ что онъ сказалъ однажды барону Штюрмеру: „Вы упрекаете меня въ томъ, что я больше вѣрю адмиралу Малькольму, нежели вамъ, но возьмите въ разсужденіе то, что я могу его повѣсить, а васъ нѣтъ“. Нелѣпость такого аргумента очевидна, но онъ упорствуетъ въ томъ, кричитъ и выходитъ изъ себя, ежели кто станетъ ему противорѣчить, и вотъ у моихъ товарищей возникаютъ съ нимъ безпрестанные споры, а согласія никогда не будетъ.

3. Безъ сомнѣнія Сиръ Гудсонъ Лоу человѣкъ достойный почтенія за свою честность, сверхъ того онъ очень свѣдущъ и хорошо пишетъ, но въ дѣлахъ по управленію онъ обнаруживаетъ узкія понятія; отвѣтственность душитъ его, заставляетъ страшиться и трепетать всякой бездѣлицы, умъ его запутывается мелочами; и, не смотря на свою хлопотливость, онъ съ трудомъ приступаетъ къ дѣйствію, каковое всякій другой совершилъ бы спокойно. Стóитъ сдѣлать ему вопросъ о Бонапартѣ или о комъ-нибудь изъ Французовъ, губернаторъ начинаетъ хмуриться, воображая, что ему разставляютъ сѣти, и отвѣчаетъ полусловами. Если же и войдетъ въ разговоръ, какъ напр. касательно ботаниста Велле, то отъ этаго дѣло нисколько не выясняется; онъ вамъ сообщаетъ одно и скрываетъ другое, просто и вполнѣ никогда не высказываетъ своего образа мыслей, толкуетъ все въ превратномъ смыслѣ, привязывается къ выраженіямъ и запутываетъ ваши мысли. Сверхъ того въ немъ есть еще тотъ недостатокъ, что онъ горячится, если кто нибудь начнетъ ему противурѣчить или не захочетъ подчиняться его требованіямъ; тутъ онъ уже не помнитъ самъ себя, не знаетъ чтó говоритъ, на чемъ слѣдуетъ остановиться, и теряетъ окончательно голову, такъ что нѣтъ возможности возвратить его къ здравому сужденію. Имѣть съ нимъ дѣловыя сношенія и при этомъ оставаться въ мирѣ — это вещь невозможная.

Вотъ, в. с., каковы наши оффиціальныя сношенія въ Лонгвудѣ; здѣсь на насъ смотрятъ недружелюбно, отъ того что Бонапартъ, недовольный Англичанами, желаетъ объяснить намъ свое положеніе. Намъ недовѣряютъ отъ того, что мы не зависимъ отъ ихъ власти; наши замѣчанія и представленія, сдѣланныя съ цѣлію прекращенія поводовъ Бонапарту къ неудовольствію, ровно ни къ чему не повели отъ непреодолимаго упорства губернатора.

Конечно наша роль должна быть пассивна, но при такомъ положеніи дѣлъ становится она совершенно ничтожною. Впрочемъ, не смотря на большія, встрѣчающіяся мнѣ неудовольствія, въ обхожденіи съ Англичанами я всегда сообразовался съ моими инструкціями, въ чемъ смѣю увѣрить в. с—ство. Мнѣ случалось, также какъ и моимъ товарищамъ, имѣть съ губернаторомъ неоднократныя и продолжительныя объясненія по разнымъ спорнымъ предметамъ и даже упрекать его за недовѣріе и нерасположеніе къ намъ, комиссарамъ; но я дѣлалъ это безъ запальчивости и не доводилъ его до изступленія. Наконецъ, замѣтивъ, что я по напрасну трачу и трудъ и время, я предоставилъ это комиссарамъ Французскому и Австрійскому, а самъ замолчалъ.

Сегодня, во время утренней прогулки, я встрѣтилъ генерала Гурго; онъ говорилъ мнѣ, что Бонапартъ нетерпѣливо желаетъ насъ видѣть. Особенно къ вамъ, продолжалъ Гурго, онъ имѣетъ большое расположеніе. Приходите къ нему безъ церемоніи, за просто. Ему пріятно будетъ васъ видѣть. Я благодарилъ его за такое привѣтливое приглашеніе, но въ тоже время кратко объявилъ, что баронъ Штюрмеръ и г. Моншеню еще не получили отъ своихъ дворовъ отвѣта о протоколѣ, и я почитаю себя

обязаннымъ въ нѣкоторой степени къ совокупнымъ дѣйствіямъ съ ними; но какъ только они получатъ ожидаемыя инструкціи, я снесусь съ губернаторомъ о свиданіи моемъ съ Бонапартомъ.

Я дѣйствительно думаю поступить такимъ образомъ, послѣ того какъ здѣсь будутъ получены ожидаемыя въ скоромъ времени новыя распоряженія.

5.

S-te Hélène, ce 6 Mai 1817 n. st. Par la P-sse Amélie de la Comp-e des Indes. Cap. Boldstone.

Monsieur le Comte.

Depuis que Bonaparte s'est enfermé entre quatre murs, sa vie n'offre aucun détail intéressant. Il se porte bien, il étudie, fait la revue de toutes ses campagnes, s'amuse à tracer des plans militaires, travaille sans relâche à son histoire. C'est tout ce qu'on sait de lui. L'Amiral Malcolm le voit de temps à autre, mais il y a du refroidissement entr'eux. Bonaparte s'en est lassé comme de tous les Anglais. Ces jours derniers il lui a dit, je ne sais plus à quelle occasion:

Je n'ai fait la guerre aux Russes que pour rétablir le royaume de Pologne. J'aurais mieux fait peut-être de marcher sur Pétersbourg, mais je craignais d'y manquer de vivres.

On a remarqué qu'il aimait beaucoup sa campagne d'Egypte, car il en parle à tout propos et ne tarit point sur ce sujet.

Je viens d'apprendre, Monsieur le Comte, que le botaniste Welle a remis au G-l Gourgaud, le lendemain de notre arrivée à S-te Hélène, à l'insu des autoritées Anglaises, une lettre et un mouchoir de soie. Comme il ne s'est ouvert de ce message à personne, lors même qu'il était question de celui de la dame Marchand, il est clair que c'est un homme suspect et qu'on a bien fait de le renvoyer.

J'ai l'honneur d'être etc.

5.

О. св. Елены, 6 Мая 1817, н. ст. Кор. Ост.-Индск. комп. Принц. Амелія. Кап. Болдстонъ.

В. с. Съ тѣхъ поръ, какъ Бонапартъ заключился въ четырехъ стѣнахъ, жизнь его не представляетъ ничего значительнаго. Онъ здоровъ, занимается науками, просматриваетъ исторію своихъ походовъ, чертитъ военные планы и постоянно занятъ своею біографіею. Вотъ все, что мы объ немъ узнаёмъ. Адмир. Малькольмъ рѣдко съ нимъ видится, между ними произошло охлажденіе; одинаково съ прочими Англичанами онъ надоѣлъ Бонапарту. Вотъ что онъ на дняхъ сказалъ адмиралу:

„Моя война съ Россіею повела только къ возстановленію Польши. Можетъ быть, я лучше бы сдѣлалъ, если бы пошелъ на Петербургъ, но я опасался, что тамъ будетъ недостатокъ въ продовольствіи".

Замѣтно, что онъ любитъ говорить о своемъ походѣ въ Египетъ; при всякомъ случаѣ онъ возвращается къ нему и неистощимъ въ разсказахъ.

В. с. Я сей часъ узналъ, что, на другой день по выходѣ нашемъ на о. св. Елены, Велле помимо Англійскихъ властей передалъ г. Гурго письмо и шелковый платокъ. Это сдѣлано было тайно отъ всѣхъ, и не обнаружено даже, когда и началось дѣло о посылкѣ Маршанъ, изъ чего видно, что ботаникъ дѣйствительно человѣкъ подозрительный и что хорошо сдѣлали, что его выслали.

6.

S-te Hélène ce 4 Juillet 1817 n. st. Par la fregate le Nord-Castle, Amiral Malcolm.

Monsieur le Comte.

L'amiral Malcolm vient d'être rappelé de son commandement. Il fera voile aujourd'hui

pour l'Angleterre. L'Amiral Plampin, qui le remplace, est arrivé à S-te Héléne, le 29 Juin dernier, à bord du „Conqueror", vaisseau de ligne de 74 canons, cap. Davie. Cet Amiral, avant de se rendre à son poste, a fait une tournée au cap de Bonne Espérance, où il est resté quinze jours. L'ile de France n'appartient plus à sa station, et son escadre a été diminuée, en consequence de ce nouvel arrangement, d'une frégate „le Phaeton" cap. Heaufield, de deux vaisseaux armés, le „Falmouth" cap. Riche, „le Spey" capt. Murrey et d'un brig „le Griffon" cap. Wright.

Depuis environ trois mois, sir Pulteney Malcolm et le gouverneur sont en mésintelligence. Ils ont cessé de se voir, de s'inviter à diner, de conférer ensemble. On dit, mais je ne garantis pas le fait, que le premier a intrigué, cabalé à Londres pour supplanter l'autre. Le motif apparent de cette brouillerie est que l'Amiral a pris, à l'egard des approvisionnements de S-te Hélène, de fausses mesures, que nous avons manqué de vin, de farine, de viande fraiche, que tous les chevaux de l'ile, sans en excepter ceux de Longwood, sont encore à demi-ration et que le blâme en tombe sur le gouverneur. Pour moi, je ne puis que regretter sir Pulteney Malcolm. Il m'a, en toutes occasions, témoigné beaucoup de confiance, et je me suis toujours bien trouvé de son amitié, de ses conseils.

Les commissaires d'Autriche et de France ont reçu ordre de ne pas insister à voir Bonaparte officiellement. M-r de Stürmer a été fort réprimandé par le Prince Metternich sur l'affaire des cheveux du Roi de Rome et sur sa conduite en général. M-r de Montchenu a obtenu un traitement de 60.000 fr. avec effet rétroactif du jour de son arrivée à S-te Hélène le 18 Juin 1816.

Lord Amherst, à son retour de la Chine, a passé quelques jours sur ce rocher. Il y sollicita, par le Maréchal Bertrand, une audience à Longwood, et Bonaparte le reçut à merveille. Ils furent une heure en tête à tête. Sa seigneurie s'est remis en mer à bord „César", batiment marchand, le 2 de ce mois. La frégate „l'Alceste" qui portait cette ambassade, a fait naufrage à une côte deserte, non loin de Batavia. L'equipage s'est sauvé, mais on y perdit beaucoup d'effets et quelques papiers importants. Tous les détails de ce voyage sont inserés dans les journaux Anglais.

Bonaparte a une fluxion sur le visage, sa tête est enflée, et il a mal aux dents. Son médecin le presse de s'en faire arracher une qui branle, mais il répugne à cette opération et aime mieux souffrir.

J'ai l'honneur d'être etc.

6.

О. св. Елены. 4 Іюля 1817. н. ст. Фрег. Нордъ-Кестль. Адм. Малькольмъ.

В. с. Адм. Малькольмъ отозванъ и сегодня отправляется въ Англію. Мѣсто его занялъ Адмиралъ Пламлей (Plampey); послѣдній съ 29 Іюня находится уже здѣсь, онъ прибылъ на линейномъ кораблѣ Конкероръ, о 74 пушкахъ, капитанъ Деви. Адмиралъ стоялъ двѣ недѣли у мыса Доброй Надежды. Иль-де-Франсъ былъ выключенъ изъ числа его стоянокъ, и вслѣдствіе такого новаго распоряженія отъ его эскадры были отдѣлены: фрегатъ Фаэтонъ, кап. Гофильдъ, два вооруженныя судна: Фальмутъ, кап. Ричь, Спей, кап. Муррей, бригъ Грифонъ, кап. Рейтъ.

Несогласія между адмираломъ Малькольмомъ и губернаторомъ продолжаются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Они перестали видаться, не приглашаютъ другъ друга къ обѣду и прекратили взаимныя совѣщанія. Говорятъ (не ру-

чаюсь за достовѣрность), что адмиралъ интриговалъ въ Лондонѣ о смѣнѣ губернатора. Повидимому, непріятности возникли между ними по той причинѣ, что адмиралъ не принялъ надлежащихъ мѣръ для своевременнаго доставленія жизненныхъ припасовъ на островъ св. Елены, отъ чего мы терпѣли недостатокъ въ винахъ, въ мукѣ, въ свѣжей говядинѣ, а наши лошади, даже и тѣ, которыя находятся въ Лонгвудѣ, должны были довольствоваться половинною порціей. Во всемъ этомъ винили губернатора. Что касается до меня, то я жалѣю объ отозваніи Сира Малькольма. Онъ при всякомъ случаѣ оказывалъ мнѣ довѣріе, и дружескіе совѣты его были мнѣ полезны.

Французскій и Австрійскій комиссары получили предписаніе отъ своихъ дворовъ не настаивать на томъ, чтобы имѣть оффиціальное свиданіе съ Бонапартомъ. Баронъ Штюрмеръ получилъ строгій выговоръ отъ Князя Меттерниха по дѣлу о доставкѣ волосъ короля Римскаго и вообще за его поступки въ этомъ случаѣ. Г. Моншеню получилъ годовой окладъ въ 60,000 фр., считая со дня прибытія его на островъ, т. е. съ 18 Іюня 1816 года.

Лордъ Амгерстъ, возвращаясь изъ Китая, провелъ нѣсколько дней на нашей скалѣ. Онъ обращался къ маршалу Бертрану для полученія аудіенціи въ Лонгвудѣ, и Бонапартъ принялъ его отлично. Они провели въ двоемъ цѣлый часъ. 2 числа текущаго мѣсяца Лордъ отправился отсюда на купеческомъ корабдѣ. Фрегатъ Альцеста, на которомъ находилось посольство, потерпѣлъ крушеніе близь пустыннаго берега, недалеко отъ Батавіи. Люди спаслись, но множество вещей и нѣсколько важныхъ документовъ погибло. Подробности можно найти въ Англійскихъ журналахъ.

Бонапартъ страдаетъ отъ опухоли лица, головы и отъ зубной боли. Докторъ убѣждаетъ его согласиться на то, чтобы дозволить вырвать одинъ зубъ, который шатается, но Бонапартъ лучше хочетъ страдать: ему противна такая операція.

7.

S-te Hélène ce 8 Juillet 1817 n. st. Par le Falmouth vaisseau armé. Cap. Riche.

Monsieur le Comte.

Ces jours derniers le gouverneur de S-te Hélène réunit chez lui les commissaires des Puissances Alliées et leur annonça:

1-mo. Qu'il a reçu ordre de communiquer, à chacun d'eux séparément, tout ce qui a rapport à l'état de santé de Bonaparte. Il m'a, en conformité de cet ordre, envoyé les deux bulletins ci-joints du docteur O. Meara en date des 6 et 7 Juillet de cette année.

2-do. Que le Prince Régent les excepte individuellement de l'acte du Parlement, dont il me fut donné communication par le gouverneur le 8 Octobre 1816, mais qu'à l'avenir leurs gens y seraient compris indistinctement. M-rs de Stürmer et de Montchenu voient d'un oeil de dépit l'un que sa femme, l'autre que la capitaine Gors, son aide de camp, sont justiciables des autorités Anglaises. Mais, d'autant que cette communication n'a été faite que verbalement, aucun d'eux n'a cru devoir y rien objecter. Pour moi, j'attends encore les ordres de Ministère Imperial à cet égard.

Depuis l'arrivée du „Conqueror" Bonaparte est dans l'impatience de nous voir. Il sait que l'affaire du procès-verbal est terminée, que les commissaires d'Autriche et de France peuvent aller à Longwood comme particuliers. Il détache ses Français l'un après l'autre pour nous y attirer. Gourgaud me cherche, me suit partout et me presse avec importunité de contenter son maitre. Bertrand en fait autant à M-me de Stürmer. L'autre jour, étant assis près d'elle, il feignit, pour n'être entendu de personne, de relever

un mouchoir et lui dit à voix basse: „Madame, au nom du Ciel, venez voir l'Empereur; je vous en conjure, il vous attend, il ne parle que de vous, il a besoin de société, il ne voit que des Anglais, et c'est bien triste". De sorte qu'il n'y a plus moyen de les éviter ni d'échapper à leurs pressantes sollicitations.

Sir Pulteney et Lady Malcolm, avant de quitter S-te Hélène, firent à Bonaparte une visite d'adieu. Il s'emporta devant eux en invectives contre le P-ce Régent, le Parlement, les Ministres et tous les Anglais. L'Amiral, soit pour conserver l'honneur de ses bonnes graces, soit par timidité, écouta patiemment et ne dit mot. Ce silence plut au grand homme. Il gratifia Lady Malcolm d'une belle tasse de porcelaine et les assura de son amitié.

Le gouverneur, outré de cette conduite et de ce que les officiers de marine en jasaient à tous les coins de rue, se rendit aussitôt chez l'Amiral et lui fit une scène. Celui repoussa vivement son attaque et lui repondit ferme. Ils s'écrivirent onze lettres officielles sur ce sujet, et selon toute apparence on les a envoyées au Lord Bathurst.

L'Amiral Plampin est un homme bon, timide, assez aimable, qui veut vivre en repos et ne se mêle de rien. Il a vû Bonaparte une fois, n'a fait aucune impression sur son esprit et s'en console. Au grand scandale de la colonie de ce rocher, il a amené de Londres une dame, à qui il donne son nom et qui n'est que sa maitresse. Tout le monde à cause de cela lui jette la pierre.

Le 1-er bataillon du 66-me d'inf. est arrivé il y a quinze jours à S-te Hélène pour y relever le 2-de bataillon du même régiment et le 2-de bataillon du 53-me d'inf. Chacun d'environ 600 hommes. Ces deux derniers seront renvoyés incessamment. Le capt. Poppleton du 53-me devant suivre son bataillon est remplacé à Longwood par le capt. Blakcney du 66-me.

J'ai l'honneur d'être etc.

7.

Остр. св. Елены. 8 Іюля 1817. и ст. Фрег. Фальмутъ. Кап. Рячь.

В. с. Недавно губернаторъ, пригласивъ къ себѣ комиссаровъ Союзныхъ Державъ, объявилъ имъ слѣдующее:

1. Что онъ получилъ повелѣніе сообщать отдѣльно каждому изъ насъ все, что касается до состоянія здоровья Бонапарта. Вслѣдствіе чего онъ прислалъ мнѣ прилагаемые здѣсь два бюллетеня доктора О. Меара отъ 6 и 7 Іюля текущаго года.

2. Что Принцъ Регентъ дѣлаетъ для личностей коммиссаровъ изъятіе изъ парламентскаго закона, о которомъ я получилъ извѣщеніе чрезъ губернатора 8 Октября 1816, но что на будущее время сила послѣдняго распространяется на людей, состоящихъ при комиссарахъ. Баронъ Штюрмеръ и г. Моншеню въ большой досадѣ; первый потому, что его жена, а второй, что его адъютантъ, капитанъ Горсъ, такимъ образомъ поставлены въ зависимость отъ Англійскаго суда. Впрочемъ и первое и второе было передано намъ словесно; по этому ни тотъ, ни другой не сдѣлали никакихъ возраженій, а я буду ожидать приказаній императорскаго министерства.

Со времени прибытія сюда корабля Конкерорь, Бонапартъ чрезвычайно желаетъ насъ видѣть. Онъ знаетъ, что съ протоколомъ рѣшено, и что Австрійскій и Французскій комиссары могутъ являться къ нему какъ частные люди. Онъ посылаетъ своихъ Французовъ одного за другимъ приглашать насъ въ Лонгвудъ. Гурго отыскиваетъ меня, ходитъ повсюду за мною и пристаетъ, чтобы я удовлетворилъ желанію его повелителя. Бертранъ точно также поступаетъ съ баронессою Штюрмеръ. Недавно, сидя подлѣ нея, онъ наклонился какъ будто бы для того, чтобы под-

нять платокъ, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы его никто не слыхалъ, и сказалъ ей шепотомъ: „Баронесса! ради Бога повидайтесь съ Императоромъ, умоляю васъ. Онъ ждетъ васъ, говоритъ о васъ безпрестанно; ему нужно общество! Онъ видитъ однихъ Англичанъ, а это очень скучно". Нѣтъ никакого способа избѣжать встрѣчи съ Французами и не выслушать ихъ настоятельныхъ просьбъ.

Передъ отъѣздомъ отсюда Сиръ Пелтней и Леди Малькольмъ сдѣлали прощальное посѣщеніе Бонапарту. Онъ сталъ говорить имъ очень рѣзко противъ Принца-Регента, противъ Парламента, министровъ и всѣхъ Англичанъ. Адмиралъ молчалъ и не сказалъ ни одного слова, или отъ робости, или отъ желанія сохранить его благоволеніе. Такое молчаніе было пріятно великому человѣку; онъ подарилъ Леди Малькольмъ прекрасную фарфоровую чашку, въ удостовѣреніе дружескаго расположенія.

Раздраженный такимъ поступкомъ и тѣмъ, что офицеры морскаго экипажа говорили объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, губернаторъ отправился къ Адмиралу и сдѣлалъ ему сцену; послѣдній не оробѣлъ и живо отразилъ его нападки. По этому поводу оба написали другъ къ другу 11 писемъ, и очень вѣроятно, что письма отосланы къ Лорду Батурсту.

Адмиралъ Плампей человѣкъ добрый, и робкій; любезенъ въ обращеніи, но хочетъ жить въ покоѣ и потому ни во что не вмѣшивается. Онъ только одинъ разъ видѣлъ Бонапарта, не произвелъ на него никакого впечатлѣнія и не сожалѣетъ о томъ. Къ великому соблазну здѣшней колоніи, онъ привезъ съ собою изъ Лондона одну даму, которой даетъ свое фамильное имя, тогда какъ она ничто иное, какъ его любовница; поэтому онъ сдѣлался предметомъ общаго порицанія.

Двѣ недѣли тому, высаженъ на здѣшній островъ 1-й баталіонъ 66 пѣхотнаго полка на смѣну 2-го, того же 66 нумера; кромѣ того 2-й баталіонъ 53 пѣхотнаго полка. Въ каждомъ баталіонѣ по 600 чел. Смѣнившіеся отправляются немедленно. Кап. Попльтонъ, состоящій въ 53-мъ, тоже уѣдетъ, его мѣсто въ Лонгвудѣ заступитъ капитанъ Блакснеи, служащій въ 66-мъ.

8.

S-te Hélène ce 20 Juillet 1817 n. st. Par le Falmouth, vaisseau armé. Capt. Riche.

Monsieurs le Comte.

Conséquemment à ce que j'eus l'honneur de mander à V. E. dans mon rapport sub № 6 de cette année, que je n'attendais pour voir Bonaparte que les réponses d'Europe à l'affaire du procés-verbal, je me rendis ces jours passés chez le Gouverneur et lui exposai d'une manière non officielle mon intention. Je lui adressai en même temps, selon la coutume à S-te Héléne, un billet conçu en ces termes:

Mon Général.

«Rien ne s'opposant aujourd'hui à ce que les commissaires de Puisances Alliées voient Napoleon comme particuliers, j'ose vous prier, à l'exemple de tous vos compatriotes, de Lord Amherst entr'autres, de m'autoriser à faire la visite d'usage au C-te Bertrand. Si vous aviez la bonté de m'y conduire vous même, je vous en serais doublement reconnaissant.„

J'observe à V. E. que l'ayant prévenu de cette démarche un mois d'avance, je le trouvai prêt à me seconder. Je dirai plus, il m'y encourageait. Or voici mot à mot la réponse décousue qu'il me fit, quand il fallut en venir à l'effet:

„La chose m'est impossible, j'y ai bien réflechi, je n'ai pas d'ordre à cet égard. Ecrivons une seconde fois à nos Ministres. Puis vous étes dans l'exception de la loi du Parlement. Tous les Anglais peuvent être

pendus, je puis avoir la tête tranchée. Mais vous ne pouvez être ni pendu ni avoir la tête tranchée. Votre cas est different du notre. D'un autre côté Bonaparte me traite indignement, comme un cochon. Il m'outrage, me calomnie. Il vous dirait des horreurs, des abominations. Je ne puis le souffrir. C'est depuis l'arrivée des commissaires, je ne vous le cache pas, que nous sommes brouillés. Cet homme est trop fin. Il a l'esprit encore inquiet. Il s'agite, ordonne, travaille, fait des projets comme aux Tuilleries. Je connais des gens de mérite (l'Amiral Malcolm) qui, sans le vouloir, sans le savoir, sont devenus ses instruments. Sa suite est mauvaise, terrible, il n'y a que des intrigants. Votre position est difficile, pénible, extraordinaire, je le conçois. La mienne l'est aussi, et vous devez m'aider, me défendre, épouser mes interêts".

Il m'eut été aisé de renverser cette logique de fond en comble, mais il eut fallu disputer, batailler longtemps, et je préférai me désister de ma demande.

J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. J'avais déjà terminé ce rapport lorsqu'on me remit de la part du gouverneur la note que j'ai l'honneur de transmettre ci-joint en copie à V. E. J'y ai ajouté en marge mes observations sur son contenu. C'est une réponse détaillée et semi-officielle à mon petit billet. Il veut, suivant son habitude, entamer une correspondance, parcequ'il écrit beaucoup mieux qu'il ne parle. Mais loin de me prêter à ce desir, de donner suite à cette affaire, je lui ai declaré positivement qu'il n'en sera plus question. Je l'ai prié en outre de la regarder comme non avenue.

8.

О. св. Елены. 20 Іюля 1817 н. ст. Съ вооруж. кор. Фальмутъ. Кап. Ричь.

Я уже имѣлъ честь извѣстить в. с. въ донесеніи моемъ за 6 №-мъ текущаго года, что для свиданія съ Бонапартомъ ожидалъ только отвѣтовъ изъ Европы по извѣстному протоколу. На дняхъ я былъ у губернатора, сообщилъ ему частнымъ образомъ о своемъ намѣреніи и, сообразно наблюдаемому здѣсь обычаю, подалъ ему записку слѣдующаго содержанія:

„В. Пр. Комиссарамъ союзныхъ державъ, повидимому, не представляется никакого препятствія для свиданія съ Бонапартомъ, и я прошу васъ дать мнѣ пропускъ, какъ выдается оный другимъ вашимъ соотечественникамъ, равно и выданъ лорду Амгерсту, для обычнаго посѣщенія графа Бертрана. Чрезвычайно буду вамъ обязанъ, если вы дозволите мнѣ отправиться къ нему вмѣстѣ съ вами".

Прибавлю къ тому, что, еще за мѣсяцъ тому, я предупредилъ губернатора о томъ, что я поступлю такимъ образомъ, и въ то время нашелъ его готовымъ меня удовлетворить. Онъ даже какъ бы поощрялъ меня къ этому посѣщенію. Вотъ слово въ слово несвязный его отвѣтъ въ тотъ часъ, когда надобно было приступить къ исполненію.

„Это для меня невозможно; я долго размышлялъ о томъ, но я не имѣю на этотъ счетъ предписанія отъ министровъ. Напишемъ къ нимъ вторично. Сверхъ того вы вѣдь исключены изъ парламентскаго закона. Каждый изъ Англичанъ можетъ быть повѣшенъ. Мнѣ могутъ отсѣчь голову. Вы же не подвергаетесь ни тому ни другому. Ваша участь не одинакова съ нашею. Съ другой стороны Бонапартъ обходится со мною недостойнымъ образомъ. Онъ поступаетъ со мною какъ съ свиньей, дѣлаетъ мнѣ оскорбленія, клевещетъ на меня. Онъ говорилъ вамъ обо мнѣ ужасы, отвратительныя вещи. Я не могу этого вынести. И все это со времени пріѣзда комисаровъ! Я не скрываю, что мы въ ссорѣ. Этотъ человѣкъ слишкомъ лукавъ. Духъ его все еще въ тревогѣ. Онъ волнуется, отдаетъ повелѣнія, рас-

поряжается, составляетъ планы, точно какъ будто бы онъ находится въ Тюильери. Я знаю очень достойныхъ людей (онъ разумѣлъ тутъ Малькольма), которые, вовсе не желая и не подозрѣвая того, стали его орудіями. Его окружаютъ дурные люди, страшные интриганы. Я понимаю, что ваше положеніе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ; оно затруднительно и тягостно. Мое точно таково же, и вы должны мнѣ помогать, защищать меня и дѣйствовать въ мою пользу".

Мнѣ бы не трудно было окончательно опровергнуть всю его логику, но надобно было поднять продолжительный споръ; и я предпочелъ лучше отказаться отъ желаемаго свиданія.

P. S. Я уже оканчивалъ мое донесеніе, какъ мнѣ подали отъ губернатора ноту, копію съ которой имѣю честь при семъ препроводить къ в. с. съ моими на нее замѣчаніями, записанными на поляхъ. Это длинный и полуофиціальный отвѣтъ на мою коротенькую записку. Губернаторъ по своей привычкѣ хочетъ завести со мною переписку (онъ пишетъ лучше, нежели говоритъ), но я положительно объявилъ ему, что этого не будетъ, и что лучше о моей запискѣ и не упоминать, какъ бы ея совсѣмъ не было.

9.

S-te Hélène ce 23 Juillet 1817 n. st.
Par le Falmouth, vaisseau armé. Capt. Riche.

Monsieur le Comte.

Je crois devoir informer V. E. que depuis ma dernière explication avec le gouverneur, j'ai de nouveau rencontré le G-l Gourgaud près de Longwood. Comme je n'étais pas seul, que le G-l Bingham me suivait à quelques pas, rien ne m'obligeait cette fois à me retirer, et je continuai ma promenade avec ces Messieurs. Gourgaud me parla de ma visite à Bertrand:

„Le Conqueror est arrivé, me dit-il, pouvons nous espérer de voir les commissaires»?

Je lui déclarai tout uniment que j'en avais écrit au gouverneur selon la coutume à S-te Hélène, mais qu'il formait des difficultés sur cette affaire et que je devais me soumettre à sa décision.

„Comment, reprit-il, pas même un pétit bonjour à M-me Bertrand?"

„Non, répondis-je, tant que Longwood et Plantation-House seront en guerre, que la porte de Bonaparte sera fermée à Sir Hudson Lowe, pas même un petit bonjour à M-me Bertrand. Faites la paix avec lui. C'est un brave homme, il n'est pas méchant. Il désire se rapprocher de vous. Vous serez de ses diners, de sa société. On ira chez vous de temps à autre, et nous nous ennuyerons tous moins à S-te Hélène."

„Ah! Monsieur, dit Gourgaud, il a pris de fausses directions au commencement. Le mal est sans remède."

Ici finit notre entretien. J'en ai rendu comte au Ministère Imperial, parceque la circonstance est assez délicate et que le gouverneur met de l'importance aux plus petites choses.

J'ai l'honneur d'être etc.

9.

О. св. Елены. 23 Іюля 1817 н. ст. Съ вооруженнымъ кор. Фальмутъ. Кап. Ричь.

В. с. Долгомъ считаю извѣстить ваше сіят., что послѣ моего недавняго объясненія съ губернаторомъ я опять встрѣтился съ генераломъ Гурго близь Лонгвуда. Я былъ не одинъ, со мною шелъ генер. Бингамъ, почему я и не почелъ за нужное уходить, и мы всѣ вмѣстѣ пошли далѣе. Гурго заговорилъ о моемъ визитѣ Бертрану:

„Конкероръ присталъ къ здѣшнему острову. Можемъ ли мы надѣяться на посѣщеніе комиссаровъ"?

Я объявилъ ему, что я писалъ о томъ къ губернатору, сообразжаясь съ заведеннымъ здѣсь обычаемъ, но какъ онъ находитъ къ тому разныя препятствія, то я долженъ подчиниться его рѣшенію.

„Какъ, продолжалъ онъ, даже и въ томъ, чтобы пожелать добраго утра госпожѣ Бертранъ"?

„Да, отвѣчалъ я. Пока между Лонгвудомъ и Плантешіонгузомъ будетъ продолжаться война, пока дверь Бонапарта будетъ заперта для Сиръ Гудсона Лоу, до тѣхъ поръ нѣтъ возможности сдѣлать и самое короткое посѣщеніе госпожѣ Бертранъ. Помиритесь съ нимъ. Онъ честный человѣкъ и не злой. Онъ желаетъ сблизиться съ вами. Бывайте у него на обѣдахъ, на вечерахъ, тогда и къ вамъ станутъ приходить, и всѣмъ намъ будетъ менѣе скучно".

„Губернаторъ съ самаго начала принялъ ложныя мѣры, сказалъ Гурго. Зло непоправимо".

На этомъ разговоръ нашъ кончился. Я написалъ о томъ въ императорское министерство; обстоятельства затруднительны, а губернаторъ и неважныя вещи принимаетъ за важныя.

10.

S-te Hélène ce 10 Septembre 1817 n. st. Par l'Alexandre transport. Capt. Thompson.

Monsieur le Comte.

Depuis que le gouverneur m'a ôté tout espoir d'aller à Longwood, que sa tête est débarassée de crainte, d'inquiètude à cet égard, il est plus liant que de coutume. Je n'ai plus tant de peine à le faire parler, et hier nous eumes un long entretien ensemble sur sa dernière note. Ce qu'il m'a dit mérite d'etre rapporté fidèlement à V. E.

„Est ce Bertrand, lui demandai-je, qui vous a annoncé à Bonaparte lors de votre arrivée?"

Le G-r. Oh non, ce n'est pas lui. Mais oui, je ne m'en souviens plus. Je l'ai rencontré, par hazard, à la porte, — et il m'a annoncé.

„Vous voyez que la chose n'est pas sans exemple".

Le G-r. (avec vehemence). Je n'approuve pas cet arrangement. Mais l'Amiral Cockburn l'ayant souffert, je suis forcé de le souffrir également. Bertrand se donne de grands airs qu'il faut rabattre. Au surplus, Bonaparte ne le qualifiant plus de ***Maréchal***, cette prétention vaine, ridicule tombe à rien.

(Il y a une contradiction manifeste entre ce qu'il dit lá de Bertrand et ce qu'il en écrit dans sa note. Je supplie V. E. d'y jeter un coup d'oeil).

„Vous avez cru que je voulais être présenté à Longwood par Bertrand. C'est une erreur. Je n'ai voulu que vous imiter, faire ce que tous vos Anglais ont fait, font et feront toujours à S-te Hélène. Vous avez donc eu tort, convenez-en, de m'écrire cette note remplie d'inutilités et qui n'est pas une réponse à mon billet.

Le G-r. Vous devriez, je le sens, j'en suis convaincu, être traité sur ce rocher comme les Anglais, jouir de la même confiance et liberté. Il faut que les commissaires aient accés auprès de Bonaparte ou qu'on les rappele. Telle est mon opinion. Mais je vous proteste que cela ne dépend pas de moi. J'obéis à mes ordres.

„Ce n'est pas, je vous prie le croire, pour renouer cette affaire que j'ai pris la liberté de vous en parler. Mon désir de voir, d'entendre Bonaparte ne va pas jusqu'à vous donner ce déplaisir. Mon devoir à S-te Hélène est de suivre en tout vos directions. Comme je ne m'en suis pas écarté jusqu'à ce jour, je n'y contreviendrai pas non plus dans cette circonstance. Mais il m'importait de vous découvrir le véritable sens de mon billet.»

Le G-r. Ma position vis à vis de vous est vraiment embarassante. C'est tout ce que je puis dire. La votre n'est pas agréable. Mais à Longwood notre position est la même. Je ne vois jamais Bonaparte, et cela doit vous consoler.

«Quant à mes rencontres avec Gourgaud que vous me reprochez dans cette note, veuillez m'expliquer votre intention, vos désirs, établissez de suite un réglement là-dessus. Je vous promets de m'y conformer. Mais je vous previens qu'il me cherche partout et j'avoue de bonne foi que je n'aime pas à me detourner de son chemin, c'est humiliant. Il serait plus naturel, ce me semble, de défendre à ces Messieurs de nous suivre.»

Le G-r. Otez vous de l'esprit que j'aie songé à vous en faire un reproche. Vous étes parfaitement en régle avec moi, et Gourgaud est un brave hômme, un franc militaire. Ce n'est pas lui que je crains. Mais si je n'y prends garde, on vous décochera Bertrand ou Montholon, et je n'ai pas d'eux la même opinion. Ce sont des intrigants.

«Ce que Gourgaud m'a communiqué ne peut vous intéresser. Il m'a parlé de son service, de ses campagnes, de la bataille de Waterloo».

Je lui debitai tout au long ces minuties, il écouta attentivement, puis me dit:

«J'ai eu avec l'Amiral Malcolm à cause de ses visites trop fréquentes à Longwood des discussions épouvantables. Il se permettait d'y envoyer des journaux à mon insu. Il violait tous les réglements, ne voulait rien faire qu'à sa tête. J'ai fini par en porter mes plaintes au Ministère. J'ai écrit contre lui des rapports très détaillés. C'est un homme sans jugement».

—«Jamais nous ne serons en mésintelligence. Soyez trânquille à cet égard. Ma conduite depuis quinze mois vous est un sur garant de l'avenir. Mais quittez à votre tour ce systéme de réserve, de mifiance envers les commissaires».

Le G-r. Il y a des choses que je ne puis vous révéler. Il y en a d'autres que je dois vous cacher. La faute n'en est pas à moi. Cela tient à mes devoirs.—Là dessus il me raconta des faits anciens et oubliés, promit de me communiquer ses notes sur la lettre de Montholon, fit de nouveau un portrait affreux de Bertrand, me dit que Piontowski avait essayé, en promettant monts et merveilles, de corrompre quelques officiers de la garnison, que jusqu'à présent il leur écrivait à cet effet des lettres extravagantes, mais que ne voyant en lui qu'un aventurier, un homme sans moyens et méprisé de Bonaparte, il n'en prenait aucun ombrage.

En rapprochant, Monsieur le Comte, tout ce que le Gouverneur a dit et écrit sur ma présentation à Longwood, on ne peut disconvenir qu'il n'y ait beaucoup d'inégalité dans sa conduite. D'abord, il m'encourage à y aller comme particulier, sans étiquette; puis, il y oppose des obstacles insurmontables, et il finit par me déclarer que ce n'est pas à lui, mais à son gouvernement que je dois m'en prendre de ces contre-temps.

C'est ainsi qu'il agit en toute occasion et ce sont des gaucheries de ce genre qui l'ont perdu dans l'esprit de Bonaparte.

J'ai l'honneur d'être etc.

10.

О. св. Елены. 10 Сент. 1817. н. ст. Транспортъ Александръ. Капитанъ Томпсонъ.

В. с. Съ того времени какъ у меня отняли надежду побывать въ Лонгвудѣ, а голова губернатора стала свободна отъ безпокойства и тревогъ, онъ сталъ веселѣе и обходительнѣе прежняго, и мнѣ не такъ уже трудно ввести его въ разговоръ; вчера мы долго разсуждали съ нимъ о его послѣдней нотѣ. Сказанное

нимъ на этотъ счетъ стоитъ того, чтобы передать в. с-ву.

— Когда вы пріѣхали сюда, спросилъ я, кто тогда докладывалъ о васъ Бонапарту? Бертранъ или кто другой?

„Нѣтъ, не онъ. Да, такъ! Не помню. Я нечаянно встрѣтился съ нимъ у дверей, онъ и пошелъ доложить обо мнѣ".

—Такъ, стало быть, его бывалая вещь.

„Да я не одобряю такого порядка", продолжалъ горячо губернаторъ, „но адмиралъ Кокбурнъ допустилъ это, а за тѣмъ и я принужденъ былъ согласиться. Бертранъ очень важничаетъ, надобно его осадить. Сверхъ того самъ Бонапартъ не называетъ его болѣе маршаломъ, стало быть эта пустая и смѣшная претензія уничтожается сама собою".

(Но въ словахъ губернатора относительно Бертрана находится явное противорѣчіе съ тѣмъ, что́ онъ писалъ въ своей нотѣ по тому же самому предмету. Прошу в. с. снова взглянуть на копію).

— Вы думали, что я добивался того, чтобы Бертранъ представилъ меня Бонапарту, но это ошибочно. Я хотѣлъ поступить также какъ вы, какъ поступаютъ всѣ ваши Англичане и какъ то будетъ далѣе на островѣ св. Елены. Согласитесь же, что вы напрасно писали мнѣ эту ноту, которая ровно ничего не заключаетъ важнаго и вовсе не составляетъ отвѣта на посланную мною вамъ записку.

„Я чувствую и убѣжденъ вполнѣ, что съ вами здѣсь должно было бы обходиться съ тѣмъ же довѣріемъ, какъ съ прочими Англичанами. Комиссарамъ слѣдуетъ имѣть доступъ къ Бонапарту, иначе они должны быть отозваны. Вотъ мое мнѣніе. Но увѣряю васъ, что это не отъ меня зависитъ; я только исполняю повелѣнія".

— Съ своей стороны увѣряю васъ, что я заговорилъ объ этомъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы возобновить мою просьбу. Желаніе мое видѣть Бонапарта и говорить съ нимъ совсѣмъ не такъ велико; я не хочу навлекать на васъ неудовольствія. Моя обязанность на островѣ св. Елены состоитъ въ томъ, чтобы сообразжаться съ вашими узаконеніями. Донынѣ я ни въ чемъ отъ нихъ не уклонялся и впредь по тому же самому поводу не стану идти вопреки. Для меня важно было объяснить вамъ прямой смыслъ моей записки.

„Мое положеніе въ отношеніи къ вамъ крайне затруднительно, вотъ все, что́ я могу сказать. Ваше положеніе также непріятно. Я никогда не видаюсь съ Бонапартомъ, и это должно васъ утѣшить".

— Ка́сательно моихъ встрѣчь съ генераломъ Гурго, за которыя вы упрекаете меня въ вашей нотѣ, не угодно ли будетъ вамъ объяснить теперь ваши намѣренія и желанія; дайте правила: даю вамъ слово, что буду имѣть ихъ въ виду; но предупреждаю васъ, что Гурго слѣдуетъ за мной повсюду, и признаюсь чистосердечно, что не люблю сворачивать съ его дороги: это было бы для него обидно. Мнѣ кажется, было бы гораздо проще запретить этимъ господамъ за нами слѣдовать.

„Выкиньте изъ головы, что я хотѣлъ васъ упрекать за эти встрѣчи. Вы поступаете со мною какъ должно, и Гурго хорошій человѣкъ, онъ прямодушный воинъ. Его я не опасаюсь; но если я не приму своихъ мѣръ, то на васъ напустятъ Бертрана или Монтолона, а я объ нихъ совсѣмъ другаго мнѣнія. Это интриганы".

— Разговоръ Гурго для васъ не имѣетъ значительности. Онъ говорилъ со мною о своей службѣ, о своихъ походахъ, о сраженіи при Ватерло.

Я повторилъ ему всѣ эти мелочи, онъ слушалъ внимательно и потомъ сказалъ: „У меня бывали ужасныя ссоры съ адмираломъ Малькольмомъ за то, что онъ слишкомъ часто бывалъ въ Лонгвудѣ. Онъ позволялъ себѣ посылать туда журналы безъ моего вѣдома! Онъ не смотрѣлъ ни на какія правила, хотѣлъ все дѣлать по своему. Я писалъ о немъ подробныя донесенія. У этаго человѣка не было разсудительности".

— Будьте спокойны, у насъ никогда не случится никакихъ несогласій. Мои поступки въ продолженіи 15 мѣсяцевъ ручаются вамъ за будущее, но оставьте же съ вашей стороны систему скрытности и недовѣрчивости къ комиссарамъ.

„Есть вещи, которыя я не могу вамъ открыть, есть и такія, которыя я долженъ отъ васъ скрывать. Тутъ не моя вина, такъ повелѣваетъ мой долгъ". На этотъ счетъ онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько старыхъ и забытыхъ происшествій, обѣщалъ прочитать мнѣ свои ноты въ отвѣтъ на письмо Монтолона; снова изобразилъ Бертрана въ ужасномъ видѣ, сказывалъ, что Піонтковскій старался склонить къ измѣнѣ нѣкоторыхъ солдатъ изъ гарнизонной стражи, и сулилъ имъ золотыя горы, и что даже въ настоящее время присылаетъ сюда нелѣпыя письма такого же содержанія, но что̀ онъ не страшится этого интригана, какъ человѣка безъ всякихъ средствъ и презираемаго самимъ Наполеономъ.

В. с. Сличивъ то, что̀ высказалъ губернаторъ съ тѣмъ, что онъ писалъ касательно моего представленія въ Лонгвудѣ, нельзя отрицать, что въ характерѣ его много неровностей. Сначала онъ какъ будто бы одобрялъ мое намѣреніе, отклонивъ этикетъ, отправиться къ Бонапарту въ качествѣ частнаго лица, потомъ противъ этого плана выставилъ непреодолимыя затрудненія и кончилъ тѣмъ, что за такое противудѣйствіе я долженъ винить не его самаго, а Британское правительство.

Такъ поступаетъ онъ въ каждомъ случаѣ, и подобныя неловкости болѣе всего повредили ему въ умѣ Бонапарта.

11.

S-te Hélène ce 1-er Octobre 1817 n st.
Par l'Iphigenie-frégate. Capt. Tancock.

Monsieur le Comte.

Lorsque Bonaparte apprit que les commissairs des Puissances Alliées ne pouvaient même *comme particuliers*, le voir par le canal de Bertrand, que le gouverneur s'y opposait de toute force,—sa mauvaise humeur le prit à un tel point que personne n'osait l'aborder. Il fut dix jours sans sortir de sa chambre, dinant seul, ne s'occupant à rien et brusquant ses entours. Gourgaud surtout en essuya de rudes bourrasques et ne parlait alors que de se tuer, de se détruire.

«L'Empereur, me disait-il, est inconnaissable. Quand il était à la tête de ses armées, on le servait avec plaisir. Aujourd'hui, les malheurs lui ont aigri l'esprit. C'est un autre homme.» Heureusement cet orage a passé. Bonaparte s'est consolé de ce contre-temps et n'y pense plus.

Le 9 Septembre, il y eut à Longwood une course de chevaux. Il s'y rassembla une quantité de monde et Bonaparte lui même, entouré de ses compagnons d'infortune, parut sur son perron. Je m'en approchai avec M-me de Stürmer à une portée de pistolet. Dès qu'il nous aperçut, toute sa suite, sans en excepter les enfants, vint à notre rencontre, nous accabla de politesses à la vue du gouverneur, de son Etat-Major, de tous les assistants, et ne nous quitta plus. Cette particularité est assez remarquable. Ce jour-là je fis la connaissance de M-r de Montholon, qui me parla beaucoup des affaires de son maitre. Voici en raccourci ce qu'il m'en dit.

1. «On m'accuse, ainsi que le C-te Bertrand, d'envenimer l'Empereur contre tout le monde, de lui avoir mis en tête une vie sauvage, retirée, qui deplait tant aux Anglais. Ce sont des faussetés. S'il sortait, s'il voyait plus d'étrangers, il y aurait à Longwood un peu de variété, et moins d'accablement. On y sèche de tristesse. Ainsi donc, quel intérêt puis-je avoir à l'en détourner? Le fait est que ces Messieurs l'ennuyent. Leur

langue et façons lui sont insupportables. Il aime mieux être seul.»

Je crois que M-r de Montholon a raison et dit la vérité.

2. «L'Empereur a voulu et désire encore prendre un nom d'incognito. Il choisirait celui de Malmaison ou de M-r Murron (un colonel que Bonaparte affectionnait). Dès son arrivée à S-te Hélène il en fit la proposition à l'Amiral Cockburn. Il l'a renouvelée depuis à Sir Hudson Lowe. On repond toujours qu'il en sera référé au Ministère et jusqu'à présent on n'a pas de réponse. Après cela, si on dispute sur l'étiquette, à qui en est la faute?»

Dans sa note M-r de Montholon déclare expressement que l'Empereur est décidé à ne pas prendre un nom d'incognito; cela implique contradiction. Neanmoins, le fait est vrai, on vient de me le confirmer.

3) «Le Gouverneur est d'une lésinerie incroyable. Tous les approvisionnemens de Longwood sont de mauvaise qualité. On n'en fournit jamais que le stricte nécessaire. Souvent la moitié n'en est pas mangeable. Ce matin encore j'ai dû acheter un veau pour la table de l'Empereur. Nous ne touchons notre propre argent que sur billets de Balcombe et C° (fournisseurs de Bonaparte) à 50 pounds à la fois. Un jour j'en ai demande 60, on a fait des difficultés. A Plymouth nous avions 4000 napoleons. Depuis, l'argenterie imperiale a été mise en pièces et vendue à raison de 5 shillings l'once. M-r de Las Cases, en partant, a fait un prêt de 4000 louis en lettres de change. Nous en sommes déjà à la dernière, et tous ces fonds ont servi à nos besoins. Jugez de là et des prix du pays et de l'insuffisance des 8000 liv. sterg. alloués à l'Emperuer.»

Il est sur que la viande est dure, la volaille fort chétive, les légumes aqueux, tous les approvisionnemens mauvais. Mais on n'en trouve pas d'autres, et Longwood a toujours ce qu'il y a de meilleur. On sait aussi que les rations n'y sont pas fortes, mais on est à S-te Hélène, a 500 lieus de tout continent. On a 3000 hommes à nourrir et il n'y a que deux transports qui accueillent les vivres. Il en faudrait au moins six pour être dans l'abondance. Le fait de la vaisselle, du prêt de Las Cases est également vrai, mais le Gouverneur assure que l'entretien de la maison de Longwood coute au de là de 14,000 liv. sterg. par an. Elle est montée sur un pied très mesquin, c'est tout ce que je puis dire.

4. «Le Gouverneur est un tyran, un geolier revêtu d'un pouvoir absolu, qui se plait à nous vexer. Ce qu'il imagine tout les jours pour empecher une évasion est d'un ridicule affreux. Enfin, je ne puis, en marchant avec vous, sortir du grand chemin, il s'en alarmerait. Cet homme est au dessous de sa place et connait peu son prisonnier. L'Empereur n'est pas un aventurier à se jeter dans un esquif pour arriver, je ne sais où. Du temps de Cockburn nous étions libres, on nous voyait partout. Bertrand donnait les passes de Longwood. Il nous faudrait un homme ferme, attaché à ses devoirs, mais humain, délicat et moins borné que celui-ci. Ce choix fait honte à l'Angleterre».

Le Gouverneur n'est pas tyran, mais il est incommode et d'une déraison à n'y pas tenir. Il tue son monde à coups d'epingles. C'est un esprit faible, embrouillé, qui s'effraye de peu de chose. Il est tel enfin que je l'ai toujours depeint.

5. «Le Comte de Las Cases a été arreté, enlevé, on n'a jamais dit pourquoi. Il ecrivait à une Lady Clavering, son ancienne maitresse. Peut-être s'est-il servi de quelque

moyen secret pous faire passer une lettre et l'informer en detail de ce qui le concernait individuellement. C'est donc en pure perte que le gouverneur a fait tant de bruit, car il n'y a pas eu de projet d'evasion».

6. «Un Anglais de Calcutta envoya à l'Empereur un superbe jeu d'échecs, tout orné de figures orientales et à chaque pièce il y avait une aigle française d'un merveillieux travail. Le gouverneur n'aperçut pas ces aigles à la premiere vue et nous remit le jeu sans y regarder une seconde fois. Peu de jours après, quelqu'un lui en ayant parlé, il se crut trahi, compromis, perdu, et pour se rassurer il écrivit de suite à Bertrand sur cette méprise et protesta formellement contre l'envoi du jeu d'échecs. Voilà de ces traits qui le caractèrisent bien, tous les jours il en fait de pareils et de plus forts.»

Ce dernier fait est connu de tout le monde. On en rit encore à S-te Hélène.

Je n'ai pas manqué, Monsieur le Comte, de faire part au gouverneur de cette conversation. J'ai omis ou adouci ce qui pouvait le blesser, lui être désagréable. Il m'a su gré de ma franchise, m'a dit que Bonaparte était un extravagant, Montholon un menteur, que tous ses prisonniers étaient parfaitement heureux. Je me suis bien gardé de le contredire, d'énoncer mon opinion là-dessus; mais il n'en est pas moins vrai que sa conduite envers eux est un peu folle, que les Anglais même y trouvent à redire et que la voix publique est contre lui.

J'ai l'honneur d'être etc.

11.

О. св. Елены. 1 Окт. 1817. н. ст. съ кор. Ифигенія. Кап. Танкокъ.

В. с. Когда Бонапартъ узналъ, что комиссары Союзныхъ Державъ не могутъ являться къ нему по докладу Бертрана даже въ качествѣ частныхъ людей, и что губернаторъ противится тому всѣми силами, то онъ до такой степени былъ раздраженъ, что никто не смѣлъ къ нему подойти. Онъ провелъ десять дней въ своей комнатѣ, обѣдалъ одинъ, не занимался ничѣмъ и обращался грубо съ своею свитою. Гурго болѣе прочихъ терпѣлъ отъ его гнѣвныхъ выходокъ, до того, что хотѣлъ прекратить свою жизнь.

„Императора нельзя узнать, говорилъ онъ мнѣ. Когда онъ былъ во главѣ своихъ армій, тогда мы съ радостію служили ему; въ настоящее время несчастія разстроили его духъ. Онъ сталъ совсѣмъ другой человѣкъ". Буря по счастію миновалась, Бонапартъ пересталъ огорчаться такимъ противленіемъ и не думаетъ болѣе объ этомъ.

9 Сентября въ Лонгвудѣ происходила скачка на верховыхъ лошадяхъ. Зрителей собралось множество, и даже самъ Бонапартъ, окруженный своими товарищами въ несчастіи, вышелъ на крыльцо своего дома. Вмѣстѣ съ баронессою Штюрмеръ я подъѣхалъ къ нему и остановился на разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Какъ только онъ насъ увидѣлъ, то въ глазахъ губернатора, его штаба и зрителей, вся его свита, не выключая и самыхъ дѣтей, подошла къ намъ съ изъявленіемъ величайшей учтивости и уже не отходила отъ насъ болѣе. Такое отличіе довольно замѣчательно. Въ этотъ день я познакомился съ г. Монтолонъ; послѣдній много разсказывалъ мнѣ о дѣлахъ своего повелителя, что передаю въ сокращеніи.

1. „Меня и графа Бертрана обвиняютъ въ томъ, что мы противъ всѣхъ раздражаемъ Императора, и подали ему мысль вести эту дикую, уединенную жизнь, что очень не нравится Англичанамъ. Все это неправда. Если бы онъ выходилъ изъ Лонгвуда и принималъ бо́льшее число посѣтителей, то у насъ было бы болѣе разнообразія и не такъ томительно. Мы сохнемъ отъ скуки. Какая же мнѣ польза отвращать его отъ разсѣянія? Дѣло въ томъ, что эти

господа наводили на него скуку; языкъ ихъ и обращеніе для него невыносимы. Онъ предпочитаетъ одиночество“.

Мнѣ кажется, что г. Монтолонъ правъ и говоритъ истину.

2. „Императоръ хотѣлъ, да и въ настоящее время имѣетъ то же самое желаніе, принять фамилію частнаго лица, напр. де Мальмезонъ или де Мюрронъ (имя одного полковника, котораго Бонапартъ очень любилъ); по прибытіи своемъ на островъ св. Елены, онъ немедленно сообщилъ о томъ Сиру Кокбурну, и возобновилъ то же замое заявленіе Сиру Гудсону Лоу. Отвѣтъ отъ того и другаго былъ одинаковый, что заявленіе представятъ на разсмотрѣніе министровъ, но отвѣта ѐще не было. И если послѣ этого досадуютъ на соблюденіе этикета, то кто же тутъ виноватъ“?

Впрочемъ г. Монтолонъ въ своей нотѣ положительно объявляетъ, что Бонапартъ рѣшился не принимать на себя фамиліи частнаго человѣка. Здѣсь оказывается противорѣчіе, но меня увѣряли и обѣщали доказать, что дѣло было такъ.

3. „Губернаторъ скупъ до невѣроятности. Съѣстные припасы, доставляемые въ Лонгвудъ, очень плохаго качества, и отпускаются въ маломъ количествѣ, а часто изъ того, что̀ отпущено, половину невозможно ѣсть. Сегодня утромъ я купилъ на свой счетъ телятины для Императора. Мы можемъ получать наши собственныя деньги только по билетамъ Балькомба и комп. (поставщики Бонапарта) и то не болѣе 50 ф. въ разъ. Случилось, что я однажды попросилъ 60: мнѣ представили затрудненія. Въ Плимутѣ у насъ было 4000 наполеондоровъ, а съ тѣхъ поръ мы уже продали императорскую серебряную посуду по 5 шиллинговъ за унцію. Г. Ласказъ предъ своимъ отъѣздомъ далъ намъ взаймы 4000 луйдоровъ банковыми билетами, и намъ уже приходится починать послѣднюю тысячу, остальное все истрачено на домашніе расходы. По дороговизнѣ здѣшнихъ припасовъ, судите сами, можетъ ли быть достаточна сумма въ 8000 ф. ст., опредѣленная на содержаніе Императора“.

Это правда, что говядина чрезвычайно жестка, птица худа, овощи водянисты. Всѣ съѣстные припасы дурны, но другихъ не найдешь; впрочемъ въ Лонгвудъ все таки посылаютъ что̀ получше. Извѣстно также, что и сѣно дается тамошнимъ лошадямъ въ половинной порціи, но вѣдь островъ св. Елены находится въ 500 миляхъ разстоянія отъ всякаго материка, а здѣсь надобно содержать 3000 чел.; сверхъ того транспорты съ съѣстными припасами приходятъ сюда только два раза въ годъ. Чтобы не было въ нихъ недостатка, то перевознымъ судамъ слѣдовало дѣлать по 6 оборотовъ въ годъ. Что Императорская серебряная посуда продана, и что сдѣланъ заемъ у Ласказа, это также совершенная правда; но губернаторъ увѣряетъ, что годовое содержаніе Лонгвуда стоитъ болѣе 14,000 ф. ст. Впрочемъ могу сказать, что домъ отдѣланъ очень неважнымъ образомъ.

4. „Губернаторъ есть тиранъ, темничный стражъ, облеченный полною властію, которому пріятно угнетать насъ. Всѣ его выдумки для предотвращенія побѣга отвратительно - смѣшны. Онъ всполошится, если, идучи съ вами рядомъ, я вдругъ сворочу въ сторону съ большой дороги. Этотъ человѣкъ ниже занимаемаго имъ мѣста и мало понимаетъ своего плѣнника. Императоръ не какой нибудь искатель приключеній, который бросится въ малую ладью, не сообразивъ гдѣ надобно пристать. При адмиралѣ Кокбурнѣ мы были свободны; насъ видали повсюду. Бертранъ давалъ пропуски въ Лонгвудъ. Здѣсь надобенъ человѣкъ твердый, вѣрный своей обязанности, но человѣколюбивый, деликатный и не до такой степени ограниченный, какъ этотъ. Такой выборъ дѣлаетъ стыдъ Англіи“.

Губернаторъ собственно не тиранъ, но безпокойнаго нрава и невыносимой

неразсудительности. Онъ мучаетъ окружающихъ его булавочными уколами. Будучи слабаго, замѣшавшагося ума, онъ пугается всякой малости, и дѣйствительно оказывается точно такимъ, какимъ я его описывалъ.

5. „Графъ Ласказъ былъ задержанъ, выпровожденъ отсюда, а намъ никогда не говорили за чтò. Онъ писалъ къ нѣкоторой Леди Клеверингъ, которую нѣкогда любилъ. Можетъ быть, онъ искалъ тайныхъ средствъ для пересылки такого письма, гдѣ онъ подробно описывалъ ей все, чтò до него касалось лично. Слѣдовательно губернаторъ совершенно понапрасну поднялъ такой шумъ; никакого намѣренія къ побѣгу у насъ не было".

6. „Одинъ Англичанинъ прислалъ Императору изъ Калькутты превосходную шашечную игру. Всѣ шашки, отличной работы, представляли фигуры въ восточномъ вкусѣ, и сверхъ того, на каждой былъ французскій орелъ. Губернаторъ съ перваго разу не замѣтилъ этихъ орловъ и передалъ намъ шахматы по первому осмотру. Спустя нѣсколько дней послѣ того, кто-то ему сказалъ объ этомъ; онъ вообразилъ, что его предали, сдѣлали подозрительнымъ правительству, погубили. Для собственнаго своего успокоенія, немедля написалъ онъ къ Бертрану, заявляя свою ошибку и сильно протестуя противъ присылки этой шахматной игры. Вотъ черта, обрисовывающая его характеръ; всякій день проявляются подобныя и даже еще разительнѣе".

Этотъ случай всѣмъ извѣстенъ, и теперь не перестали еще тому смѣяться.

Я конечно передалъ этотъ разговоръ губернатору, выключивъ изъ него, или смягчивъ все то, чтó могло его оскорбить, или быть ему непріятно. Онъ былъ мнѣ благодаренъ за мою откровенность, и сказалъ, что Бонапартъ безумецъ, а Монтолонъ лжецъ, и что всѣ его плѣнники счастливы. Я конечно не сталъ противорѣчить и не излагалъ своего о томъ мнѣнія; но тѣмъ не менѣе справедливо, что скорѣе его поступки съ ними можно назвать умопомѣшательствомъ, что сами Англичане не одобряютъ его и что голосъ общества тоже противъ его.

12.

S-te Hélène ce 14 Octobre 1817, n. st.
Par l'Iphigenie, frégate. Capt. Tancock.

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. la relation que le Docteur O'Meara a donnée du tremblement de terre du 21 Septembre, et six bulletins de Longwood, en date des 5, 6, 7, 9, 11 et 13 de ce mois.

M-rs Gourgaud et Montholon m'ont assuré que Bonaparte souffrait beaucoup, que le manque total d'exercice lui altérait le tempérament.

«Pourquoi, leur demandai-je, ne sort-il jamais, ne monte-t'il pas à cheval? Tachez donc de l'y engager.»

—Chaque fois, me dirent-ils, que Bertrand, nous ou d'autres lui en parlent, il répond avec colère: *Laissez moi tranquille. Puisqu'on veut me tuer, qu'on me tue et que cela finisse.* Ces jours derniers, M-r de Montholon insinua au Baron Stürmer que Bonaparte désirait le voir en particulier. «S'il était en danger de mourir, lui dit-il, et qu'il vous fit appeler, viendriez vous?» Cette question embarassa fort mon collègue. Il évita d'y répondre. Le gouverneur est dans de furieuses inquiétudes sur la santé de son prisonnier et ne sait où donner de la tête. Les médecins ordonnent à cor et à cri l'exercice du cheval, mais le malade s'y refuse, jure qu'il ne bougera pas de sa chambre, à moins qu'on n'annule les réglements actuels et qu'on en rétablisse en entier ceux de Cockburn. On est en négociation pour arranger cette affaire. Bertrand a déjà obtenu une extension de limites, la permission de sortir des grands chemins et d'entrer dans

les maisons. Je crois qu'il obtiendra le reste incessamment. V. E. trouvera dans ce pli la correspondance de ces messieurs à ce sujet.

Le Julien Brig Capt. John, de l'escadre de l'Amiral Plampin, a fait naufrage à l'ile de Tristan d'Achuna, où il était en croisière. Le Capitaine, deux aspirants et quinze matelots se sont sauvée. Le reste de l'equipage a péri.

J'ai l'honneur d'être etc.

Начались переговоры, чтобы уладить дѣло. Бертранъ уже добился расширенія границъ, позволенія сворачивать въ сторону съ большой дороги и свободнаго входа въ частные дома. Я полагаю, что въ скоромъ времени онъ добьется и остальнаго. Прилагаю при семъ донесеніи переписку этихъ господъ относительно вышесказаннаго.

Бригъ Юліанъ подъ командою кап. Джона, бывшій въ эскадрѣ Адмирала Пламшина, крейсировалъ близь остр. Тристанъ д'Акуна и потонулъ. Капитанъ, двое мичмановъ и 15 чел. матросовъ спаслись, остальные погибли.

12.

О. св. Елены. 14 Окт. 1817 н. ст. Съ кораблемъ Ифигенія, кап. Танкокъ.

Имѣю честь препроводить къ в. с. реляцію доктора О'Меара о бывшемъ землетрясеніи 21 сент. и 6 его бюллетеней изъ Лонгвуда 5, 6, 7, 9, 11 и 13 чиселъ сего мѣсяца.

Г.г. Гурго и Монтолонъ увѣряли меня, что Бонапартъ очень страдаетъ, что недостатокъ движенія чрезвычайно вреденъ для его сложенія.

„Отъ чего же онъ никогда не выходитъ? Отъ чего не ѣздитъ верхомъ? Постарайтесь уговорить его.

— Всякій разъ, отвѣчали они, когда мы, или Бертранъ или другіе станутъ ему о томъ говорить, то онъ отвѣчаетъ съ гнѣвомъ: Оставьте меня въ покоѣ. Меня хотятъ уморить, пускай морятъ! Лишь бы все кончилось! Недавно графъ Монтолонъ передалъ барону Штюрмеру, что Бонапартъ желаетъ видѣть его наединѣ. Если бы онъ былъ при смерти, продолжалъ онъ, и пригласилъ васъ къ себѣ, пришли ли бы вы къ нему? Этотъ вопросъ очень смутилъ моего товарища. Онъ отклонилъ отвѣтъ. Губернаторъ въ страшномъ безпокойствѣ о здоровьѣ своего плѣнника и не знаетъ какъ ему поступать. Доктора неотступно требуютъ отъ больнаго прогулки верхомъ, но тотъ отказывается, и клянется, что не двинется изъ комнаты, ежели не отмѣнятъ существующихъ нынѣ уставовъ и не возобновятъ бывшихъ при Кокбурнѣ.

13.

S-te Hélène ce 20 Octobre 1817. n. st. Par l'Iphigenie, frégate. Capt. Tancock.

Monsieur le Comte,

Bonaparte ayant appris, je ne sais quand ni comment, que le gouverneur et les commissaires des Puissances Alliées recevaient des bulletins officiels de sa santé, vient de défendre expressément au Docteur O'Meara, et sous peine de le renvoyer, d'en communiquer à l'avenir aucun, dont l'original n'ait été au préalable vu, examiné, rectifié et déposé à Longwood. En même temps, il lui fit une vigoureuse réprimande sur ce qu'il l'y qualifiait de général, dit que c'était une infamie et se facha sérieusement contre lui. Le Docteur O'Meara, étant un homme essentiel à S-te Hélène, qu'on emploie à la surveillance indirecte des Français, le gouverneur consentit, pour ne pas se priver de ses services, à n'en plus recevoir de bulletins officiels. Mais, il n'en sera pas moins informé journellement, de tout ce qui a rapport à la santé du Prisonnier de l'Europe.

V. E. trouvera ci-joint cinq gros cahiers d'observations faites à Longwood par ordre de Bonaparte sur le discours de Lord Bathurst à la chambre des Paris le 18 Mars

1817. On les envoya à Plantation-House le 7 de ce mois, cachetées et adressées à Lord Liverpool. Je m'occupe en ce moment à y faire des notes marginales, que je transmettrai au Ministère Imperial, par la plus prochaine occasion. Il y a dans cet écrit trop de déclamation et de longueurs. Tout y est éxagéré, excessif. La conduite du gouverneur est réellement inconséquente. Il a l'imagination frappée de la responsabilité dont il est chargé et passe sa vie à faire, refaire et défaire.

J'ai l'honneur d'être etc.

13.

Остр. св. Елены. 20 Окт. 1817 н. ст. Фрег. Ифигенія, кап. Танкокъ.

В. С. Не знаю, когда и какъ Бонапартъ узналъ, что губернаторъ и комиссары Союзныхъ Державъ получаютъ оффиціальные бюллетени о его здоровьѣ и положительно запретилъ доктору О'Меара посылать ихъ, прибавивъ, что иначе отошлетъ его, если онъ впредь пошлетъ какой бы то ни было бюллетень прежде нежели представитъ ему для просмотра и провѣрки оригиналъ, а за тѣмъ оригиналъ долженъ остаться въ Лонгвудѣ. Бонапартъ въ то же время сдѣлалъ сильный выговоръ доктору за то, что въ своихъ бюллетеняхъ онъ называлъ его генераломъ, называлъ это поношеніемъ и очень на него разсердился. Губернаторъ, не желая лишиться О'Меара, который приставленъ для косвеннаго наблюденія за Французами, согласился на то, чтобы бюллетени не имѣли оффиціальнаго характера; тѣмъ не менѣе онъ будетъ получать каждодневныя свѣдѣнія о здоровьѣ Плѣнника Европы.

В. С. Прилагаю пять толстыхъ тетрадей; это замѣчанія, сдѣланныя въ Лонгвудѣ по приказанію Бонапарта на рѣчь, произнесенную Лордомъ Батурстомъ въ Парламентѣ 18 Марта 1817. Они доставлены 7 числа с. м. къ губернатору на имя Лорда Ливерпуля. Я пишу на поляхъ свои отмѣтки и при первой возможности перешлю гр. Ливену. Въ этихъ замѣчаніяхъ слишкомъ много декламаціи, длинноты; тутъ все преувеличено, во всемъ излишество. Но поступки губернатора дѣйствительно непослѣдовательны. У него воображеніе сильно поражено возложенною на него отвѣтственностію, и потому онъ проводитъ жизнь свою въ томъ, что дѣлаетъ, передѣлываетъ и потомъ раздѣлываетъ.

14.

S-te Hélène ce 2 Novembre 1817. n. st. Par le Boyne, vaisseau marchand. Capt. Fergusson.

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. un bulletin de Longwood, signé Baxter, inspecteur général des hopitaux. Depuis le 14 du mois passé le Docteur O'Meara n'ose plus en donner ni rien communiquer à cet égard. Bonaparte s'obstine à le lui défendre. Mais ces deux médecins ont ordre de conférer ensemble sur l'état de sa santé, et c'est Baxter, qui en fait le rapport au gouverneur. Ainsi cette affaire est arrangée à la satisfaction de tout le monde.

Le G-r Gourgaud, qui j'ai vu ce matin à la promenade, m'a assuré que Bonaparte devenait mélancolique et tombait par degrés dans une entière apathie. «Il ne travaille plus, me dit-il, à son histoire. Il a tout abandonné et passe sa vie à niaiser ou ne rien faire. Il lui en coute même de se raser. Depuis cinq semaines, il dine seul, s'isole entièrement et ne parle que de sa mort. Hier, il nous fit un tableau de son infortune qui me dechira le coeur. J'eus peine à retenir mes larmes.»

J'ai vu aussi le C-te de Montholon, qui m'a répété la même chose. «Pourquoi, ajouta-t-il, ne venez vous pas à Longwood, dissiper un peu nos ennuis. On vous y appelle. L'Empereur a fort loué votre conduite la

premiere année,—elle était prudente. Ne connaissant pas le terrain ni les individus, vous ne pouviez mieux faire que de temporiser, mais après toutes les avances qu'il vous a faites, c'est pousser la réserve trop loin. Vous a-t'on dit de l'éviter, de le fuir ou bien, dependez vous entièrement des caprices, de la folie du gouverneur? L'Empereur me charge de vous dire que s'il était votre souverain, il vous désapprouverait, car rien ne peut, ne doit vous empecher de lui faire une politesse.»

Je ne repondis pas un mot.

«Longwood, reprit il en souriant, se plaint de votre indifférence, mais ne vous en veut pas. On vous y recevra toujours à bras ouverts, ainsi que M-r et M-me de Stürmer et le Capitaine Gors. Quant au Marquis de Montchenu, on l'en exclut. Il fait de nous des contes ridicules et en remplit les journaux. L'Empereur s'en trouve insulté et ne veut pas le voir, non comme émigré ou sujet de Louis XVIII, mais comme libelliste.»

J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. La dernière malle de Londres nous a apporté un pamphlet intitulé: «Manuscrit venu de S-te Hélène d'une manière inconnue». Comme il fait grand bruit en Europe et répand beaucoup de jour sur les événements passés, je tâche d'en découvrir l'auteur. M-r de Montholon m'a déclaré positivement qu'il ne venait pas de Longwood. En effet cet ouvrage étant rempli d'anachronismes ne peut être de Las Cases. Bonaparte a dit en le lisant: *Ce n'est pas de moi, mais de quelqu'un qui me connait bien.* Voilà tout ce que j'en sais maintenant.

14.

О св. Елены. 2 Ноября 1817 н. ст. Съ купеческимъ кор. Бойнъ, кап. Фергюссонъ.

При семъ донесеніи имѣю честь препроводить къ в. высокопревосходительству бюллетень изъ Лонгвуда, за подписью Бекстера, главнаго инспектора госпиталей. Съ 14 числа истекшаго мѣсяца докторъ О'Меара не можетъ уже ни доставлять бюллетеней, ни даже сообщать что либо по предмету ихъ содержанія. Бонапартъ положилъ на то рѣшительное запрещеніе; но такъ какъ оба медика совѣтуются между собою относительно его здоровья, то Бекстеръ и даетъ отчеты губернатору. Такимъ образомъ дѣло улажено къ общему удовольствію.

Сегодня я видѣлъ генерала Гурго на утренней прогулкѣ. Онъ говорилъ мнѣ, „что Бонапартъ становится унылъ, и предается иногда совершенной апатіи. Онъ не занимается болѣе своею исторіею и проводитъ время въ совершенной праздности. Для него трудно даже обриться. Вотъ уже пять недѣль какъ онъ обѣдаетъ постоянно одинъ, остается въ полномъ одиночествѣ и говоритъ только о своей смерти. Вчера онъ представилъ намъ картину своихъ бѣдствій, такъ что сердце мое надрывалось, и я насилу могъ удержаться отъ слезъ".

Гр. Монтолонъ при свиданіи со мною говорилъ тоже самое. „Отъ чего, спрашивалъ онъ меня, отъ чего не приходите вы въ Лонгвудъ? Вы сколько нибудь разсѣяли бы нашу скуку. Васъ туда зовутъ. Императоръ очень одобрялъ ваши дѣйствія въ минувшемъ году; они были согласны съ благоразуміемъ. Вы не знали ни здѣшней почвы, ни людей, и потому должны были выжидать времени. Но послѣ его предупредительныхъ вызововъ, съ вашей стороны выказывается уже излишняя осторожность. Развѣ вамъ приказано удаляться и даже бѣжать отъ него? или вы поставлены въ полную зависимость отъ капризовъ и глупостей губернатора? Императоръ поручилъ мнѣ вамъ передать, что если бы онъ былъ вашимъ государемъ, то онъ бы васъ не одобрилъ въ этомъ случаѣ. Вамъ ничто не препятствуетъ оказать ему вѣжливость".

Я не отвѣчалъ ни слова.

„Лонгвудъ, продолжалъ онъ, улыбаясь, жалуется на ваше равнодушіе, но на васъ не сердится. Васъ всегда примутъ съ отверстыми объятіями, также какъ барона и баронессу Штюрмеръ и кап. Горса, но конечно не Маркиза Моншеню. Онъ сочиняетъ про насъ смѣха достойныя сказки и наполняетъ ими журналы. Императоръ этимъ оскорбляется и не хочетъ его видѣть, не за то, что онъ эмигрантъ и подданный Людовика XVIII, но за то что онъ ругатель".

P. S. Съ послѣдней почтой изъ Лондона мы получили памфлетъ, подъ заглавіемъ: „Рукопись доставленная неизвѣстнымъ образомъ съ о. св. Елены". Книга эта дѣлаетъ много шуму въ Европѣ; она выясняетъ минувшія событія, и потому я стараюсь развѣдать, кто ея сочинитель. Гр. Монтолонъ рѣшительно увѣрялъ меня, что она вышла не изъ Лонгвуда. Въ самомъ дѣлѣ книга писана не Ласказомъ; тамъ слишкомъ много анахронизмовъ. Бонапартъ, прочитавъ ее, сказалъ: „Книга писана не мною, но кѣмъ либо изъ тѣхъ, кто меня хорошо знаетъ". Вотъ все, что́ я могъ узнать.

15.

S-te Hélène ce 10 Novembre 1817 n. st. Par l'Alcona, transport. Capt. Spoor.

Monsieur le Comte,

J'ai reçu la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'adresser de S-t Pétersbourg en date des 5 Avril dernier. Le traitement que l'Empereur a daigné m'accorder suffit amplement à mes besoins. Veuillez, Monsieur le Comte, mettre aux pieds de Sa Majesté l'hommage de ma reconnaissance. Je sens vivement le prix de ses bienfaits et n'aspire qu'au bonheur de lui plaire, de mériter son approbation, d'être utile au service. Mais, je ne puis cesser de le répéter, ma position à cet égard est fort embarassante. Le gouv-t Anglais ou plutôt le gouverneur s'oppose décidément à ce que je sois présenté à Bonaparte. On en detourne l'occasion tantôt sous un pretêxte et tantôt sous un autre. On me donne le change sur tout. On s'alarme de mes rencontres à Longwood. Enfin on ne veut pas que je vois les choses de près parceque la vanité nationale en souffrirait. Etant ainsi gêné, surveillé de tous côtés, attiré pas les Français, retenu par les Anglais, je me ménage autant que possible entre les deux partis contraires et n'ose presque me remuer.

Pour ma santé, elle continue à être mauvaise. Je souffre beaucoup des nerfs, et ce climat les affaiblit. L'ile de S-te Hélène est réellement insalubre. Les médicins ne sont pas d'avis que j'y reste vingt mois encore. Ils y voient de grands inconvénients. Mais je me soumets sans murmurer à la volonté de l'Emp-r et suis prêt à lui sacrifier ma vie.

J'ai l'honneur d'être etc.

15.

О. св. Елены. 10 Ноября 1817 н. ст. Съ кор. Алкона, Капит. Шпоръ.

В. С. Я получилъ изъ Петербурга письмо в. в.-пр.-ства, которымъ вамъ угодно было почтить меня, помѣченное 5 ч. минувшаго Апрѣля. Жалованье, которое Его Величество благоволилъ мнѣ назначить, вполнѣ меня обезпечиваетъ. Благоволите, в. с., повергнуть къ стопамъ Его И. В. изъявленіе моей признательности. Я живо чувствую всю цѣну Его благодѣяній, и почту себя счастливымъ, ежели буду ихъ достоинъ, заслужу Его одобреніе, и ежели моя служба будетъ полезна. Но я снова долженъ повторить, что мое положеніе чрезвычайно затруднительно. Англійское правительство или здѣшній губернаторъ рѣшительно противится тому, чтобы я былъ представленъ Бонапарту. Когда предстоитъ къ тому случай, отводятъ его подъ разными предлогами, или хитростями. Опасаются моихъ

встрѣчъ въ Лонгвудѣ, наконецъ не хотятъ, чтобы я видѣлъ вещи вблизи, отъ того что національное тщеславіе тутъ пострадаетъ. Въ такомъ стѣснительномъ положеніи, зная, что за мной вездѣ подсматриваютъ, получая приглашенія отъ Французовъ и встрѣчая препятствія на то отъ Англичанъ, я держу себя сколько возможно осторожнѣе между двумя противными партіями и почти не смѣю двигаться.

Здоровье мое въ худомъ состояніи. Много страдаю нервами, а здѣшній климатъ ихъ ослабляетъ. О. св. Елены въ самомъ дѣлѣ вреденъ для здоровья. Доктора не совѣтуютъ мнѣ оставаться здѣсь еще на 20 мѣсяцевъ. Они предвидятъ отъ того большое разстройство, но я безропотно исполняю волю моего Государя и готовъ пожертвовать для него жизнію.

16.

S-te Hélène ce 13 Decembre 1817 n. st.
Par le Sir Charles Price, batiment marchand.

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. deux bulletins.

Bonaparte est réellement attaqué du foie et sa santé dépérit à vue d'oeil. L'air dévorant des tropiques, ce trop grand repos lui altérent le sang, les humeurs, le tempérament. La nuit il ne dort pas. Le jour il est assoupi. Il a le tient livide, les yeux battus et enfoncés. L'état où il est fait pitié. Le docteur O'Meara m'a dit en confidence qu'il ne lui donnait pas deux années de vie. Il n'y a que l'exercice qui puisse le rétablir; mais il n'en fera pas, j'y mettrais ma tête, tant que Sir Hudson Lowe sera gouverneur de S-te Hélène.

J'ai l'honneur d'être etc.

16.

О. св. Елены. 13 Дек. 1817 н. ст. Съ купеческимъ кор. Спръ Чарльсъ Присъ.

В. С. Имѣю честь препроводить къ в. в.-превосходительству два бюллетеня. Бонапартъ дѣйствительно страдаетъ отъ боли въ печени, и его здоровье разрушается съ каждымъ днемъ. Пожирающій воздухъ тропическихъ странъ и неподвижность испортили ему кровь, соки и темпераментъ. Ночи онъ проводитъ безъ сна, день въ сонливомъ забытьи. Лице его синевато, глаза тусклы, впалы. Такое состояніе внушаетъ жалость. Докторъ О'Меара сказалъ мнѣ за тайну, что Бонапартъ не проживетъ болѣе двухъ лѣтъ. Его можетъ поправить только движеніе, но онъ не двинется, ручаюсь въ томъ головою, пока Сиръ Гудсонъ Лоу будетъ губернаторомъ на островѣ св. Елены.

17.

S-te Hélène ce 17 Decembre 1817 n. st.
Par le Kangurou, batiment marchand.

Monsieur le Comte,

Je m'empresse d'envoyer ci-joint à V. E. un bulletin de Longwood que j'ai reçu ce matin. Le Docteur O'Meara m'a dit que son malade devait avoir une obstruction au foie, mais, que n'en étant pas tout à fait sur, il n'avait pas osé l'affirmer. Bonaparte, qui ne fait aucun cas ni des médecins ni de la médecine, ne se laisse voir, examiner que de loin en loin et ne veut pas s'expliquer à fond sur l'état de sa santé.

J'ai l'honneur d'être etc.

17.

О. св. Елены. 17 Дек 1817 н. ст. Съ купеч. кор. Кангуру.

В. С. Спѣшу препроводить къ в. в.-пр.-ству бюллетень изъ Лонгвуда, полученный мною сегодня утромъ. Докторъ О'Меара говорилъ мнѣ, что у его больнаго долженъ быть завалъ въ печени; но что, не будучи въ этомъ совершенно увѣренъ, онъ не смѣетъ этого утверждать. Бонапартъ, не уважая ни медицины, ни медиковъ, не часто позволяетъ себя видѣть и распрашивать, а самъ не хочетъ обстоятельно объясниться о состояніи своего здоровья.

18.

S-te Hélène ce 31 Decembre 1817 n. st. Par le Phaéton frégate, Capt. Steanfield.

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. un bulletin etc. Ces jours derniers Bonaparte n'a parlé que de notre Auguste Maitre. Il a raconté à M-me Bertrand des anecdotes de l'entrevue de Tilsitt, de feue la Reine de Prusse et autres dans ce genre. Il parait aimer l'Empereur et dit toujours: *J'ai fait une sottise de ne pas être allé en Russie. Je m'en repentirai éternellement.* Il est facheux que je ne puisse pas le voir, car il est disposé à prendre confiance en moi, à me communiquer des choses fort intéressantes. Un jour il voulut me donner sa relation de la bataille de Waterloo. On en avait déjà fait une copie pour moi, mais, soit qu'il ait craint d'alarmer le gouverneur, soit qu'il ait tout à coup changé d'idée, comme cela lui arrive assez souvent, il serra l'original et la copie dans son bureau et n'en a plus parlé.

Il y a de la mésintelligence entre sir Hudson Lowe et le docteur O'Meara. Celui-ci, dégouté du caractère ombrageux et des chicanes de l'autre, a cessé de le voir, d'être en relation avec lui et ne l'informe plus de ce qui se passe a Longwood. Le gouverneur lui demanda raison de ce changement et selon sa coutume usa de menaces. Il répondit en peu de mots qu'il était médecin et non pas espion. Je tiens ces details du docteur O'Meara lui même.

«Sir Hudson Lowe, me dit-il, n'a pas la marche droite et sincère. On ne peut pas avoir affaire à lui, car on n'est jamais sur de ce qu'il dit ou écrit. Il croit devoir user d'astuce, être dur et tracassier avec les habitants de Longwood et les a exaspérés». Telle est, Monsieur le Comte, l'opinion du docteur O'Meara. J'ai cru devoir la rapporter fidélement à V. E. parceque ce témoignage d'un Anglais et d'un Anglais en position de tout voir et à qui rien ne peut échapper ne saurait être suspect et est plus convainquant que le mien.

J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. V. E. trouvera ci-joint un second bulletin de Longwood que je reçois à l'instant même. La santé de Bonaparte se détériore visiblement.

18.

О. св. Елены. 31 Дек. 1817. н. ст. Съ фрег. Фаэтонъ, К. Стенфильдъ.

В. С. Имѣю честь препроводить полученный сего утра бюллетень.

Въ эти послѣдніе дни Бонапартъ ни о чемъ другомъ не говоритъ, какъ о нашемъ Августѣйшемъ Государѣ. Разсказывалъ госпожѣ Бертранъ анекдоты о Тильзитскомъ свиданіи, о покойной Прусской королевѣ и другіе въ томъ же родѣ. Онъ, кажется, любитъ нашего Государя и всегда повторяетъ: „Я сдѣлалъ глупость что не пошелъ въ Россію, и буду вѣчно въ томъ раскаяваться". Очень жаль, что я не могу его видѣть; онъ расположенъ имѣть ко мнѣ довѣріе, сообщить много занимательнаго. Однажды онъ вздумалъ послать мнѣ свое описаніе битвы при Ватерлоо, что̀ и было уже для меня переписано; но— или онъ не захотѣлъ пугать губернатора, или вдругъ перемѣнилъ мысли, что̀ часто съ нимъ случается, только онъ спряталъ и подлинникъ и списокъ въ свое бюро, и замолчалъ объ этомъ.

Между губернаторомъ и докторомъ О'Меара возникли несогласія. Послѣдній, которому наскучалъ подозрительный нравъ перваго и его привязчивость, перестаіъ являться къ нему въ домъ, прекратилъ съ нимъ сношенія и перестаіъ извѣщать его о томъ что̀ происходитъ въ Лонгвудѣ. Губернаторъ потребовалъ отъ него на то объясненія

и, по своему обыкновенію, употребилъ угрозы. Тотъ въ короткихъ словахъ отвѣчалъ, что онъ медикъ, а не шпіонъ. Онъ самъ пересказалъ мнѣ всѣ эти подробности, прибавивъ, что „Сиръ Гудсонъ Лоу не умѣетъ ходить по прямой дорогѣ. Съ нимъ нельзя имѣть дѣла, потому что никогда нельзя вѣрить ни тому что̀ онъ говоритъ, ни тому что̀ онъ пишетъ. Онъ воображаетъ, что долгъ обязываетъ его употреблять коварство противъ жителей Лонгвуда, поступать съ ними грубо и привязчиво". Вотъ в. с., мнѣніе доктора О'Меара; я счелъ обязанностію вѣрно передать его. Мнѣніе Англичанина и притомъ такого, который по своему положенію властенъ все видѣть и отъ котораго ничто не укроется, не можетъ быть подозрительно и будетъ убѣдительнѣе моего собственнаго.

В. С. Прилагаю здѣсь вторый бюллетень изъ Лонгвуда, полученный мною сію минуту. Здоровье Бонапарта видимо ухуждается.

(*Продолженіе будетъ.*)

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА.

(*Собственноручная тетрадь А. Н. Оленина*).

Въ подлинной рукописи разсказы эти озаглавлены такъ: «Собраніе разныхъ происшествій, бывшихъ въ нынѣшней войнѣ съ Французами и кампаніи, со вступленія ихъ въ предѣлы Россійскіе т. е. съ Іюня 1812 по Декабрь того же года». Незабвенный другъ просвѣщенія и пламенный патріотъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, въ войну 1812 года, лишился старшаго сына, Николая, убитаго въ Бородинскомъ сраженіи. Другой сынъ его, недавно скончавшійся, Петръ Алексѣевичъ, тогда же получилъ тяжелую рану въ голову. За сообщеніе этой тетради въ Русскій Архивъ мы обязаны дочери А. Н. Оленина, Варварѣ Алексѣевнѣ Олениной.
П. Б.

1) Оскверненіе католическихъ храмовъ въ Полоцкѣ.

2) Тоже Русскихъ въ Смоленской губерніи. Питье вина простаго въ церковныхъ сосудахъ.

3) Въ Малоярославцѣ превращеніе церкви въ конюшню съ надписью ругательною: Ecurie du Général Guilleminot.

4) При томъ же Малоярославцѣ биваки французскіе, изъ мѣстныхъ образовъ сдѣланные.

5) Биваки французскіе подъ Борисовымъ, сдѣланные изъ тѣлъ ихъ товарищей, обозженныхъ раскладеннымъ въ нихъ огнемъ, отъ холода.

6) Французы съ отмороженными по локоть и колѣна руками и ногами, уподобляющіеся кости слоновой.

7) Наказаніе смертью 18-ти крестьянъ села Бунькова (г-на Рюмина) собственными ихъ товарищами за то, что торговали съ Французами.

8) Убіеніе крестьянами села Гуслицъ (г-жи Жеребцовой) пришедшихъ Русскихъ купцовъ изъ Москвы покупать припасы для Французовъ и отбитіе у нихъ денегъ.

9) Посрамленіе женъ и дѣвокъ воинами Наполеона въ храмѣ Божіемъ и убіеніе тутъ же младенцевъ, изъ коихъ вырванная внутренность послужила имъ къ украшенію, въ поругательство иконостаса и престола. Свидѣтель сего былъ ген. бар. Винцингероде. Разбѣжавшіеся того селенія крестьяне побиваютъ за то французскихъ плѣнныхъ.

10) Содраніе кожи съ нѣкоторыхъ старостъ за то, что защищались; между прочихъ у гр. А. К. Разумовскаго въ подмосковной.

11) Отличная охота у Французовъ— ставить лошадей въ жилые дома, а са-

мимъ становиться въ конюшни, и готовить кушанье въ церквахъ, а не на кухняхъ.

12) Наказаніе Русскихъ Русскому за то, что пошелъ въ солдаты къ Французамъ: четыре Француза были просто штыками убиты, а Русскаго закопали живаго.

13) Знаменитое слово Русскаго солдата, который слушалъ увѣщаніе начальника быть храбрымъ: „Что̀ насъ уговаривать быть безстрашными! Сто̀итъ на матушку-Москву оглянуться, такъ на чорта полѣзешь!"

14) Жесточайшіе истязатели и варвары изъ народовъ, составлявшихъ орду Наполеонову, были Поляки и Баварцы; изъ нихъ двое, поймавъ одного зажиточнаго прежде сего купца и принудивъ его долго въ кузницѣ ковать, потомъ разсудили изъ него сдѣлать кашевара; на сей конецъ привели они его въ церковь, которая у нихъ была превращена въ поварню. Купецъ, увидѣвъ, что посрединѣ церкви поставленъ таганъ съ котломъ, подъ которымъ раскладенъ былъ огонь для варенія тутъ же разрубленной скотины, и что на подтопку употреблены ими были колотые образа, просилъ дозволенія принести дровъ. Поляки и Баварцы показали ему иконостасъ; нашъ купецъ палъ предъ ними на колѣни, объявилъ имъ рѣшительно, что у него рука не подымется, чтобъ поругаться святынею. Поляки на это ему отвѣчали ударомъ ефеса близь виска и потомъ рубнули его по головѣ. Когда купецъ отъ сихъ ударовъ упалъ, то Баварецъ палашемъ своимъ тыкалъ его разъ до пяти, и купецъ потерялъ чувства. Къ вечеру онъ опомнился и увидѣлъ, что онъ лежитъ на чистомъ воздухѣ подлѣ той церкви между нѣсколькими мертвыми, нагишомъ. Онъ переждалъ до ночи, и въ семъ одѣяніи вышелъ изъ города, дотащился до первой деревни, гдѣ его крестьяне призрѣли.

15) Между разными оскверненіями храмовъ Господнихъ, любимое у Французовъ было: послѣ всего, опрокинуть престолъ, чтобы осквернить его.

16) Очевидный свидѣтель и генералъ, отличный знаніемъ, храбростію и справедливостію, сказывалъ, что по вступленіи въ Вильну Русскихъ войскъ, во время погони за Наполеономъ, найдено было въ семъ городѣ многое число больныхъ Французовъ, которые были расположены въ разныхъ домахъ. Умершихъ изъ сихъ больныхъ Французовъ не вывозили за городъ для погребенія ихъ, но просто выбрасывали на томъ же дворѣ сего дома, гдѣ больные были расположены, что̀ наконецъ составляло цѣлыя кучи мертвыхъ тѣлъ подлѣ дверей или входа въ сіи госпитали, а больные, чтобъ далеко не ходить, на сихъ же тѣлахъ расположили нужныя свои мѣста! Вотъ плоды просвѣщенія, и наконецъ побѣжденіе всѣхъ предразсудковъ!

17) *Нортики* — прозваніе, данное нашими крестьянами мародерамъ Французскимъ, не извѣстно почему.

18) Поставленные Французами на поруганіе болваны въ соборѣ изъ числа тѣхъ, на которыхъ надѣты были латы въ Оружейной Палатѣ.

19) Очевидные свидѣтели показываютъ, что Французы, за неимѣніемъ пищи, ѣли мертвыхъ своихъ товарищей, поджаривая часто оныхъ на мѣсто жаркого, а когда имъ Русскій офицеръ, встрѣтившій ихъ на семъ адскомъ пиру, изъявилъ свой ужасъ и омерзеніе, то одинъ изъ гостей отвѣчалъ ему довольно равнодушно: „C'est horrible, il est vrai, mais ça vaut mieux que du koniak, c: à: d: du cheval: c'est le nom que les Français avaient donné à la petite race de chevaux, dont se servent les paysans Russes" (*).

20) Высокія философическія познанія прошедшаго вѣка открыли Французамъ, что человѣкъ, какъ машина, тогда

(*) Правда, это ужасно; но все же лучше нежели конякъ, т. е лошадь (этимъ именемъ Французы называли малорослыхъ лошадей у Русскихъ крестьянъ).

только годенъ, когда онъ въ цѣлости находится, то есть когда онъ физически здоровъ. Если же онъ боленъ или немощенъ и врачеваніе его затруднительно, то лучше дряхлую его машину разломать разомъ, ибо она только что препятствуетъ дѣйствіямъ другихъ цѣлыхъ или здоровыхъ машинъ. На семъ основаніи заведено у нихъ, чтобы присталыхъ и ненадежныхъ въ выздоровленіи, своихъ собственныхъ больныхъ, изъ человѣколюбія или лучше сказать изъ филантропіи, отправлять немедленно на тотъ свѣтъ, посредствомъ такъ называемой Французскими солдатами, *полуночной похлебки*, soupe de minuit, т. е. ядъ въ видѣ лѣкарства, тяжко больнымъ даваемый при наступленіи ночи, дабы къ утру они были готовы къ выбрасыванію изъ больницы, просто безъ погребенія, на пищу хищнымъ птицамъ, собакамъ или хищнымъ звѣрямъ.

Съ плѣнными же они обходятся безъ дальныхъ обиняковъ: усталый или тяжко больной тотчасъ пристрѣленъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ кн. Голицынъ, взятый въ плѣнъ въ Бородинское сраженіе, передалъ намъ въ доказательство сего, сверхъ прочихъ достовѣрныхъ извѣстій, до насъ по сему предмету дошедшихъ, слѣдующую рѣчь одного изъ врачей французскихъ, къ сему офицеру обращенную. „Что́ вы медлите „бѣжать отсюда, неужели васъ ежедневные примѣры не устрашаютъ! Вѣдь и „васъ та же участь сегодня или завтра „ожидаетъ“. Всякій день изъ числа плѣнныхъ нашихъ, усталые, тяжело раненные или больные, были пристрѣлены. Молодой нашъ офицеръ послушался добраго совѣта и вскорѣ послѣ того бѣжалъ; но, не довольствуясь спасти себя, онъ по человѣколюбію, присвоенному Русскому народу, на плечахъ своихъ вынесъ раненаго своего соотчича, полковника Соковнина, у котораго нога была отнята. Въ это время, къ ночи, попалъ онъ на партію Французовъ; онъ присутствіемъ духа своего отъ нихъ освободился, спросилъ ихъ на французскомъ языкѣ, гдѣ такая-то партія ихъ идетъ; они его приняли за земляка и не тронули.

Вотъ къ чему должно служить знаніе языковъ, а не къ возненавидѣнію собственнаго своего языка, обычаевъ и народа! Наконецъ нашъ молодой витязь спряталъ раненаго своего въ лѣсу, явился къ Русскимъ мужичкамъ и съ помощію ихъ спасъ его и самаго себя.

22 Іюня 1813, бывши въ Павловскомъ у Ея Величества Государыни Маріи Ѳеодоровны, читалъ приказы 1811 и 1812, 2-го гренадерскаго французскаго полка, отбитые у нихъ во время ихъ бѣгства. Изволила мнѣ разсказывать, что она сама слышала отъ адмирала Чичагова, что, когда онъ вступалъ въ Минскъ, то, вошедши въ захваченную въ томъ городѣ французскую больницу, онъ самъ нашелъ нѣсколько изъ выздоровѣвшихъ, которые спокойно занимались карточною игрою. За неимѣніемъ столовъ, склали они нѣсколько чуть умершихъ и окостенѣвшихъ своихъ товарищей, которыхъ спины служили имъ столомъ, а вокругъ стѣнъ, для украшенія комнаты, поставлены были стоймя такіе же товарищи, которымъ они забавлялись рожи расписывать углемъ и на таковые надѣвать сдѣланные ими шутовскіе колпаки.

21) Между возвращенными утварью и ризами, по отбитіи оныхъ у непріятеля, найдены между нашими Русскими ризами двѣ ризы католическихъ священниковъ.

22) Очевидные свидѣтели: г. Штейнъ, Муравьевы (*), Феньшау, Муравьевъ и проч. утверждаютъ, что они сами видѣли, какъ Французы ѣли мертвыхъ своихъ товарищей. Между прочимъ последній разсказывалъ, что часто онъ встрѣчалъ Французовъ въ какомъ ни-

(*) Николай Николаевичъ (Карскій) и младшій братъ его (графъ) Михаилъ Николаевичъ (Виленскій).

будь сараѣ, забравшись отъ холода, сидящихъ около огонька на тѣлахъ умершихъ своихъ товарищей, изъ которыхъ они вырѣзывали лучшія части, дабы тѣмъ утолить свой голодъ; потомъ, ослабѣвая часъ отъ часу, сами тутъ падали мертвыми, чтобъ быть въ ихъ очередь съѣдены новыми едва до нихъ дотащившимися товарищами.

23) Одинъ молодой Русскій офицеръ (Муравьевъ, изъ колоновожатыхъ) разсказывалъ, что, будучи въ Вильнѣ, безпрерывно удручаемъ былъ просьбами и стономъ оставленныхъ тамъ Французовъ, отъ коихъ храбрые ихъ начальники бѣжали; наконецъ и сердце его стало пожесточѣе. Одинъ день, работая съ товарищемъ, молодой офицеръ услышалъ голосъ просящаго Француза, который тутъ же началъ вспоминать законъ вѣры. Сей несчастный началъ просьбу свою молитвою, говоря жалкимъ образомъ: Pater Noster, Отче Нашъ. Офицеръ, услышавъ несносный духъ (ибо Французы голодные стервою пахли), съ досадою спрашивалъ его, зачѣмъ онъ въ комнату вошелъ и чего онъ хочетъ? съ досадою, потому что не было возможности быть ни минуты вмѣстѣ съ французскими солдатами, по причинѣ особаго рода вони, которая ихъ сопровождала. Французъ просилъ помощи для отмороженныхъ его ногъ, которыя вмѣсто сапогъ были завернуты въ ранцы. Офицеръ спросилъ у него, котораго онъ былъ полка. Французъ отвѣчалъ: 32 provisoire (запаснаго). Офицеръ: сколько васъ осталось? Французъ: 14 человѣкъ! Неправда, сказалъ офицеръ, — я вашего полка многихъ оставилъ въ разныхъ положеніяхъ на дорогѣ. „Какъ бы я счастливъ былъ, еслибъ и я съ ними вмѣстѣ былъ, я бы того уже не терпѣлъ, что̀ теперь терплю, не имѣя даже средствъ себя умертвить". Молодые офицеры хотѣли попробовать, не фанфаронишка ли онъ и спрашивали его, — застрѣлится ли онъ, если они дадутъ ему на то способы? Французъ со слезами у нихъ сталъ просить оружія; они взяли, показали ему будто они пистолетъ зарядили порохомъ, опустили туда пулю съ пыжемъ и на затравку посыпали пороху. Французъ съ радостью бросился на пистолетъ, приложилъ его къ себѣ въ лобъ и спустилъ курокъ; пистолетъ натурально осѣкся. Французъ бросилъ оный, укоряя офицеровъ, что они столь жестокосердны, что не хотѣли дать ему средства прекратить мучительную его жизнь. Тутъ офицеры дали ему рубль серебренный и отправили радостнаго въ гошпиталь.

Непріятеля жестокосерднаго и хищнаго должно явно порицать, непріятеля благороднаго хвалить. Тотъ же самый молодой офицеръ разсказывалъ, что послѣ сраженія подъ Краснымъ случилось ему быть въ деревнѣ, гдѣ онъ въ одномъ сараѣ нашелъ несчетное число раненыхъ плѣнныхъ Французовъ съ оторванными руками и ногами, прострѣленныхъ въ голову, въ ноги, жестоко порубленныхъ и проч., безъ пищи много уже время бывшихъ и не имѣвшихъ уже средствъ напитаться болѣе сутокъ. Войдя въ сарай, общій стонъ отъ сихъ несчастныхъ произошелъ. Всѣ просили пить. Молодой офицеръ приказалъ принести ушатъ воды, но не успѣли его внести, что они всѣ къ ушату бросились и, отъ нетерпѣнія толкая и оттаскивая другъ друга, его весь пролили не напившись. Тутъ офицеръ приказалъ другой ушатъ имъ принести съ тѣмъ условіемъ, что онъ прикажетъ раздавать имъ пить. Тутъ кой какъ они напились. Послѣ сего молодой офицеръ бросилъ имъ нѣсколько горстей сухарей: новая драка и безполезная милостыня; сухари отъ жадности каждаго никому не достались. Офицеръ опять нѣсколько сухарей взялъ и приказалъ ихъ порядкомъ раздать; между тѣмъ примѣтилъ онъ, что, отдаляясь отъ прочихъ, въ углу сидѣлъ одинъ раненый, руки сложа смотрѣлъ, казалось, хладнокровно на все сіе происшествіе, ни слова не говоря. Моло-

дой офицеръ у него спросилъ: Ты что за человѣкъ, за чѣмъ ты ничего не просишь и не берешь? Я офицеръ, отвѣчалъ сидящій въ углу, и когда мои солдаты утолятъ свою жажду и голодъ, тогда я только могу просить о помощи. Вотъ можно сказать ихъ же рѣчью: Ou diable la vertu va-t-elle se nicher? (*) и между разбойниковъ! Жаль, что этотъ тутъ съ ними вмѣстѣ былъ.

24) Вонь, происходящая отъ плѣнныхъ, причинена была испорченными ихъ желудками отъ претерпѣннаго ими жестокаго голода, и отъ того, что, попавшись одинъ разъ въ избу, они изъ оной уже не выходили, пока силою оттуда ихъ не выгоняли, и всѣ нужды исправляли, не выходя на дворъ и даже не раздѣваясь. Очевидцевъ тому много имѣется, между прочихъ князь Дмитрій Владимірович Голицынъ; послѣ Березинскаго дѣла, идучи къ Вильнѣ, встрѣчали они кучу оставленныхъ на мѣстѣ сраженія раненыхъ и умирающихъ съ голоду и холоду. Одинъ изъ Французовъ сихъ, оставшійся на ногахъ, изъ числа деньщиковъ, останавливаетъ его и спрашиваетъ, видя военачальника, ѣдущаго верхомъ со многими офицерами: Не онъ эрцъ-герцогъ Карлъ? Онъ хотѣлъ сказать, не онъ ли Великій Князь Константинъ Павловичъ, котораго онъ хотѣлъ просить о помощи; но по старой привычкѣ воевать съ Цесарцами спрашивалъ эрцъ-герцога.— Нѣтъ, отвѣчалъ ему князь Голицынъ, я не эрцъ-герцогъ; но что тебѣ надобно? — Ахъ! добрый мой господинъ (mon bon monsieur) сжальтесь надъ моимъ полковникомъ, прикажите ему дать руку помощи.—Да гдѣ онъ, сказалъ князь?—Вотъ здѣсь, лежитъ между мертвыми, ранеными и умирающими, не ѣвши уже нѣсколько дней.—Тутъ князь приказалъ его поднять, посадить на лошадь и приказалъ его вести въ Вильну за дивизіею своею. Прибывши на ночлегъ, приказалъ онъ полковника сего накормить. А какъ въ походѣ иногда тутъ же спальная, гостиная и столовая бываетъ и кухня, то полковникъ нашъ, увидѣвъ что говядину разрѣзали на части, чтобъ оную въ кушанье готовить, какъ голодный волкъ бросился на сырое мясо и началъ его зубами драть, сколько ему ни говорили, чтобы онъ подождалъ, пока изготовятъ кушанье; онъ ничему не внималъ, одурѣвъ и почти какъ изступленный отъ холода и голода; потомъ, чтобъ довершить сходствіе его съ дикими звѣрями, тутъ же, не выходя изъ комнаты, началъ исполнять естественныя свои нужды, не внимая, какъ шальной, никакимъ представленіямъ.

(*) Гдѣ, чортъ возми, скрывается доблесть?

25) Смоленскіе крестьяне Порѣцкой округи, уставшіе прибирать тѣла убитыхъ оружіемъ и умершихъ голодныхъ Французовъ, досаду свою изъявляютъ слѣдующими словами тамошнимъ нарѣчіемъ, говоря о тѣхъ жителяхъ, которые сражались съ непріятелями: „Воткили цортъ помогалъ имъ набить, „а теперь прибирай; а тебѣ Француза „не цортъ несъ сюды“.

26) Нѣкоторые помѣщичьи крестьяне Нижегородской губерніи, узнавъ, что баринъ ихъ (Андреянъ Ивановичъ Дивовъ) принужденъ удалиться въ Нижній-Новгородъ съ больною своею женою, дабы не попасться въ руки неистовымъ Французамъ и знавъ притомъ, что онъ въ семъ городѣ пристанища не имѣетъ, рѣшились сами отъ себя сторговать порядочный домъ и, купивъ оный на свои деньги, предложили своему помѣщику помѣститься въ семъ домѣ съ его семьею. По прогнаніи Французовъ, тѣ же крестьяне, узнавъ, что больная ихъ госпожа желаетъ ѣхать въ Москву; но не смѣетъ пуститься въ дорогу, безъ того врача, который ее пользовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а именно Г-на Мудрова (который, содержаніе свое получая отъ трудовъ своихъ, просилъ потерянное имъ время въ проѣздѣ до Москвы вознаградить суммою, равняющеюся той, которую онъ въ сіе бы

время могъ получить отъ вольной практики) крестьяне, узнавъ справедливое требованіе врача и, будучи свѣдомы о недостаточномъ положеніи помѣщика ихъ, явились къ г. Мудрову и предложили требуемыя имъ деньги и уговорили его ѣхать съ помѣщицею ихъ. Когда же пришло время къ отъѣзду, то помѣщикъ старался какъ можно менѣе обременять сихъ примѣрныхъ крестьянъ поборами, назначилъ съ нихъ для подъема его семьи и цѣлаго дома 12 лошадей; но крестьяне исчислили, что ему менѣе 40 подводъ на подъемъ взять не можно, поставили оныя и довезли такимъ образомъ помѣщика и жену его безмездно въ Москву.

Здѣсь опять вышло новое прѣніе *между крестьянами и помѣщикомъ, неизвѣстное въ просвѣщенныхъ Европейскихъ земляхъ*! Сей послѣдній, расчитывая, что́ бы должно заплатить вольнонаемнымъ извощикамъ, насчиталъ отъ Нижняго до Москвы на 40 конныхъ подводъ до 1800 рублей: но крестьяне не только что не взяли сихъ денегъ, но напротивъ того объявили помѣщику, что они было приготовили поклониться ему 20-ю тысячами рублей на обзаведеніе его дома послѣ Московскаго раззоренія; но какъ съ нихъ скоро очень потребовали казенныя подати и другія повинности, то они принуждены были означенныя деньги на сіи предметы употребить, примолвя къ сему слѣдующее: Отецъ нашъ, кормилецъ, не бось: мы другія соберемъ и ими тебѣ челомъ ударимъ! Русскій, просто благочестивый человѣкъ, слушая сію истинную повѣсть, скажетъ: вотъ плоды родительскаго семейнаго правленія! Просвѣщенный же Европеецъ отнесетъ сей подвигъ къ невѣжеству, глупости и къ рабству нашего народа!

27) По полученнымъ къ 11-му Марта 1813 свѣдѣніямъ отъ гражданскихъ чиновниковъ, занимающихся схороненіемъ и сожженіемъ человѣческихъ тѣлъ послѣ погибшей въ Россіи Французской арміи и другихъ всей почти Европы войскъ, извѣстно, что до сего числа, при открытіи однакожъ ежедневно новыхъ тѣлъ, схоронено и сожжено уже въ однихъ Московской, Смоленской и Витебской губерніяхъ 213,000 съ сотнями, а въ Вильнѣ и вокругъ оной на двѣ только версты 53,000, и того по сіе время 266,000 съ сотнями.

28) Здѣсь не худо помѣстить слѣдующіе два анекдота, разсказанные мнѣ ген.-маіоромъ Николаемъ Матвѣевичемъ Бороздинымъ, чтобы видѣть мѣру развращенія такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ и степень честности варваровъ и дикихъ такъ называемыхъ народовъ.

Въ преслѣдованіи Французской арміи отъ Березины до Вильны, въ томъ отрядѣ, въ которомъ находился Бороздинъ, взяли въ полонъ стараго солдата изъ числа *саперовъ*. Черты лица, сѣдые его волосы и борода, доказывали маститую его старость и въ самомъ дѣлѣ онъ сказывалъ, что онъ еще началъ служить при Людовикѣ XV. Сіи обстоятельства и его благородное и скромное поведеніе привлекли къ нему нѣкоторое снисхожденіе побѣдителей. Вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ 7-ми или 8-ми лѣтній мальчикъ, ибо Наполеонъ съ собою не армію привелъ, а цѣлое переселеніе воиновъ, мастеровыхъ, женъ ихъ и дѣтей. Мальчикъ сей по лѣтамъ своимъ и фигурѣ полюбился г. Бороздину; онъ взялъ его къ себѣ и обходясь какъ съ сыномъ, вечеромъ, когда пришло время ложиться спать, приказалъ онъ ему молиться. Что́ такое молиться? сказалъ мальчикъ. Молиться Богу, сотвори молитву свою, перекрестись и ложись спать. Что́ такое Богъ! закричалъ мальчикъ, не хочу молиться, не хочу креститься. Тутъ было г. Бороздинъ на него прикрикнулъ и пригрозилъ; но мальчикъ съ криками, съ слезами продолжалъ: Что́ это Богъ? что́ за глупости, не хочу молиться. Старый солдатъ саперъ, о которомъ выше сказано, свидѣтель былъ сего происшествія; онъ, обратясь къ нашимъ чиновникамъ, ужа-

сенный степенью сего развращенія, сказалъ имъ:—„Вотъ, господа, вы удивляетесь, что мы у васъ обругали святыню, разграбили ваши церкви и пр.: что̀ вы хотите отъ такихъ людей! вѣдь всѣ генералы, офицеры и солдаты, всѣ они дѣти неистовой Французской революціи—и вотъ ея плоды!“

Напротивъ того, тотъ же генер. Бороздинъ мнѣ разсказывалъ, что часто случалось ему видѣть Башкирца, который къ нему на походѣ принесетъ цѣлый комъ серебра, отбитаго у непріятелей, изъ числа грабленныхъ въ церкви образовъ, и говоритъ изломаннымъ Русскимъ языкомъ: „Вотъ, бачька, серебра, прикажи взять“. Какъ взять? Да оно твое, ты его отбилъ.—„Да, бачька, отбилъ, но оно твой мечетъ“.—Что̀ же ты его и возми, оно тебѣ теперь принадлежитъ. „Нѣтъ, бачька, Магометъ убьетъ. Вотъ, видишь, собакъ Французъ умираетъ (показывая тутъ же на дорогѣ лежащаго и умирающаго Француза, каковой примѣръ на всякомъ шагу встрѣчался!) видишь, бачька, онъ умираетъ за то, что мечетъ вашъ грабилъ!“ Какая противоположность просвѣщеннаго и невѣжественнаго народа!

Когда, при бѣгствѣ Наполеона изъ Москвы, былъ взятъ генералъ *Симсонъ*, управляющій тогда генеральнымъ штабомъ арміи Французской, то упоенный еще славою своего народа и вѣрою въ геній Наполеоновъ, онъ съ похвальбою разсказывалъ Русскому офицеру, приставленному къ нему, какъ къ плѣнному генералу, чтобы мы не гордились и не надѣялись на мнимые наши успѣхи, что императоръ его взялъ уже позицію на Днѣпрѣ, гдѣ онъ учредилъ и зимнія свои квартиры (что̀ въ самомъ дѣлѣ и сбылось по несчастію не для его самаго, но для его войска, которое около сихъ мѣстъ не токмо остановилось на винтеръ, но даже и на вѣчныхъ квартирахъ) и станетъ снаряжать новую армію въ Польшѣ. А какъ Его Величество усмотрѣлъ выгоду имѣть при арміи казаковъ, то онъ въ Польшѣ же приказалъ оныхъ образовать до 30 т. человѣкъ. Казацкій офицеръ (одинъ изъ Иловайскихъ), взявшій помянутаго ген. Симсона въ плѣнъ, бывшій тутъ же при немъ, не понимая языка Французскаго, вслушался однакожъ въ слово *козакъ*, и спросилъ у офицера, что̀ это онъ говоритъ про казаковъ? — Офицеръ перевелъ ему слова г-на Симсона. Г-нъ Иловайскій весьма остроумно и забавно просилъ офицера ему перевести, чтобы онъ далъ знать Имп. Наполеону, что онъ такимъ образомъ никогда не заведетъ у себя козаковъ, а если онъ хочетъ ихъ непремѣнно имѣть, то надобно ему изъ Парижа прислать къ нимъ на Донъ побольше молодыхъ и хорошихъ бабъ и дѣвокъ, такъ онъ берется, что ему тамъ надѣлаютъ пропасть настоящихъ козаковъ. (*Разсказъ генералъ-адъютанта Гол.-Кутузова*).

При отбитіи подъ Краснымъ обоза маршала Нея, козакъ, которому при раздѣлѣ сей богатой добычи достался собственной маршальской мундиръ Москворѣцкаго принца, вздумалъ изъ онаго сдѣлать забавное употребленіе; онъ, съ черною длинною бородою, надѣлъ на голову маршальскую шляпу, а на себя напялилъ шитый его мундиръ и въ такомъ нарядѣ, какъ стрѣла, ударился прямо къ первому французскому отводному караулу; доѣхавъ до онаго въ нѣсколькихъ шагахъ, на всемъ скаку остановилъ свою лошадь и предъ изумленными Французами, караульнымъ офицеромъ и его отрядомъ, вытянулъ языкъ какъ можно длиннѣе, — стремглавъ обратился назадъ къ своимъ товарищамъ, не давъ даже времени по немъ выстрѣлить. (*Разсказъ полковника Ѳедора Семеновича Уварова*).

29) Русскій солдатъ видитъ вещи своимъ порядкомъ и даетъ инымъ такой толкъ, который не скоро войдетъ въ голову самыхъ просвѣщенныхъ людей. Когда увидѣли они въ первый разъ медаль съ окомъ Провидѣнія на 1812; то они объ ней говорили слѣдующее:

„Надпись то: не намъ, не намъ, мы знаемъ, она еще при государѣ Павлѣ Петровичѣ была на рубляхъ, а вотъ ужъ за глазъ то спасибо! Вѣдь это въ память покойнаго фельдмаршала: у него у батюшки одинъ глазъ былъ, да онъ имъ болѣе видѣлъ, нежели иной съ двумя“. (Того же Уварова).

30) Передъ сраженіемъ гвардіи подъ Кульмомъ, гдѣ Вандамъ былъ на голову разбитъ и взятъ въ плѣнъ, положеніе Государя и всей арміи было столь опасно, что В. К. Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ первому гвардейскому полку, сказалъ ему: „Ребята, друзья— Императоръ въ горахъ, спасите Царя!“ Сіе слово, переходя мгновенно изъ устъ въ уста по всей линіи гвардейскихъ войскъ, было имъ священнымъ завѣтомъ: костями на мѣстѣ лечь, какъ говаривали наши праотцы, или побѣдить.

31) Во время сего же Кульмскаго дѣла, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ Государя И., посланный къ войску для отдачи нѣкотораго приказанія, встрѣтилъ гвардейскаго солдата изъ числа великановъ, составляющихъ первую ширингу сего отборнаго войска; онъ былъ раненъ въ руку пулею и шелъ хотя бодро и твердою выступкою, но взоръ его былъ пасмурный. Встрѣтившійся съ нимъ генералъ спросилъ его: Что братъ? Видно тебя ранили?—„Ранили ваше превосходительство, да это горе небольшое, а вотъ что обидно, ранилъ то младенецъ“! И такъ сей храбрый воинъ не о потерѣ члена или опасности раны своей заботился, но простить того не могъ, что нанесена она ему была молодымъ, невзрослымъ еще мальчикомъ, изъ коихъ нынѣ вся почти Французская армія составлена.

32) При Кульмскомъ дѣлѣ, гдѣ лютый Вандамъ былъ взятъ въ плѣнъ и гдѣ Россійская гвардія подъ предводительствомъ графа Остермана-Толстаго, покрылась вѣчною славою, сей неустрашимый и отважный военачальникъ былъ жестоко раненъ; подъ конецъ сраженія ядро ему оторвало руку. Врачи хотѣли было его вести въ Теплицъ, чтобъ тамъ въ тишинѣ сдѣлать графу надлежащую операцію; но онъ сего не позволилъ и приказалъ отнять себѣ руку съ тою неустрашимостію и съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ каковымъ былъ онъ при войскѣ во все время того жестокаго сраженія, въ которомъ 35 или 40 тыс. Французовъ нападали невступно на 7 тыс. человѣкъ Россійской гвардіи; а чтобъ доказать сіе равнодушіе и солдатамъ подать сильнѣйшій примѣръ онаго, онъ во время, какъ на самомъ почти полѣ сраженія отымали ему руку, приказалъ привести пѣсельниковъ, которые пѣли во время операціи, а лѣкарямъ, начавшимъ между собою лепетать по латинѣ, приказалъ непремѣнно говорить по-русски или по-французски, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ разумѣть о чемъ дѣло идетъ. (Отъ Кутузова).

33) (Отъ его превосходительства Ивана Александровича Вельяминова и Шилова). Между многими отважнѣйшими предпріятіями храбраго и смѣлаго покойнаго полковника Фигнера, какъ-то бытіе его въ Москвѣ для соглядатайства подъ видомъ Русскаго мужика, или переодѣваніе его во французскій мундиръ и явленіе въ таковомъ нарядѣ посреди Французскихъ войскъ для узнанія ихъ силъ, можно въ числѣ первыхъ изъ сихъ предпріятій поставить дерзновенное его намѣреніе войти въ Данцигъ и тамъ осмотрѣть положеніе и число непріятеля. Сіе дерзновеніе и опаснѣйшее его предпріятіе исполнено было весьма счастливо; но не избѣгнулъ онъ роковаго удара въ самомъ незначущемъ, говорятъ, дѣлѣ. Вотъ какъ мнѣ очевидцы разсказывали сей знаменитый подвигъ г. Фигнера.

Въ началѣ осады города Данцига, является онъ къ осаждающимъ оный Русскимъ начальникамъ съ повелѣніемъ покойнаго князя Голенищева-Кутузова Смоленскаго, чтобы его пропустить въ Данцигъ. Сіе исполнено, онъ входитъ въ городъ, гдѣ является начальству

подъ видомъ какого-то Италіянскаго купца. Осаждающіе тщетно ожидаютъ его возвращенія въ теченіи двухъ мѣсяцевъ и наконецъ теряютъ совершенно надежду его видѣть, узнавъ, что въ Данцигѣ повѣсили какого-то будто Русскаго лазутчика. Въ сіе самое время благополучно является къ осаждающимъ изъ города Данцига г-нъ Фигнеръ: онъ не токмо удостовѣрилъ Данцигскаго начальника *Раппа* (производившаго надъ нимъ строгое изслѣдованіе при появленіи Фигнера въ Данцигъ, что онъ купецъ Италіянскій); но онъ, при выходѣ изъ сего города, получилъ отъ *Раппа* рекомендательное письмо къ Наполеону. Комедію сію онъ удачно игралъ, по случаю долгаго его пребыванія въ Италіи, знанія сего языка и короткаго знакомства съ однимъ тамъ купеческимъ домомъ.

Покажите намъ Французскаго офицера, который бы дѣлалъ такія чудеса, какъ Фигнеры знаменитые, Сеславины, Давыдовы и проч.

34) При окончаніи сраженія подъ Краснымъ представили покойному князю Гол.-Кутузову Смоленскому четыре отбитые Французскіе орла и нѣсколько другихъ значковъ. Онъ тотчасъ, сѣвъ на лошадь, съ своимъ штабомъ и въ сопровожденіи сихъ трофеевъ, поѣхалъ вдоль по линіи нашихъ бивуаковъ; солдаты, стоя въ рядахъ, душевно радовались на сію похищенную у непріятелей славу и восклицали громогласно радостное для насъ и ужасное для враговъ: Ура!

Князь былъ встрѣченъ при бивуакахъ л. г. Семеновскаго полка тогдашнимъ гвардіи начальникомъ г.-л. Лавровымъ, который просилъ князя на чашку чая. Старецъ сошелъ съ лошади, сѣлъ на походный стулъ и, разсматривая знамена, привѣшенныя къ орламъ Французскимъ, онъ на нихъ прочиталъ: *Ульмъ*, *Острѣлицъ*.

— „Вотъ имя, сказалъ онъ, котораго „я терпѣть не могу, но впрочемъ je „m'en lave les mains (*), я этого сраженія никогда не хотѣлъ", потомъ вынулъ изъ-за пазухи бумажку и началъ всѣмъ предстоящимъ читать полученную имъ басню г. Крылова.—„*Волкъ на псарнѣ*". Когда же дошло до стиха:

«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ:

то князь, приподнявъ свою фуражку, всѣмъ показалъ почтенное свое чело, украшенное сѣдинами, слѣдственно и опытностію—сіе знаменитое вмѣстилище столь великихъ думъ и замысловъ ко спасенію отечества! (Отъ Л. О. Гурки, Семеновскаго офицера).

(*) Умываю въ этомъ руки.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ,

умершихъ въ 1866 году (*).

(Изъ Справочнаго Словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Н. Геннади.)

Аделунгъ, Өедоръ Яковлевичъ, старшій врачъ александровскаго сиротскаго корпуса въ Царскомъ Селѣ, а въ послѣдствіи старшій ординаторъ 1-го спб. военно-сухопутнаго госпиталя; ум. 26 сент. 1866, на 70 году жизни (Спб. Вѣдом. 1866, № 281).

Аркасъ, Захаръ Андреевичъ, генералъ-лейтенантъ, сынъ грека, р. въ Өессаліи въ 1793. Обучившись въ николаевскомъ штурманскомъ училищѣ, поступилъ на службу въ черноморскій флотъ; съ 1839 года служилъ въ Севастополѣ, занимая разныя должности и былъ строителемъ севастопольской морской библіотеки, которую въ 1855 перевезъ въ Николаевъ. Ум. 23 Марта 1866.

Онъ былъ членомъ одесскаго общества ист. и древн., въ Запискахъ коего помѣстилъ нѣсколько статей и матеріаловъ, между прочими археологическое описаніе ираклійскаго полуострова и древностей его (т. II, съ чертежами) и отрывки изъ исторіи черноморскаго флота. Статьи его указаны въ некрологіи его, *Н. Мурзакевича*, въ Запискахъ общества, т. VI, стр. 492—494.

Веклемишевъ, Николай Васильевичъ, ум. 8 Мая 1866, въ Спа, на 50-мъ году.

Онъ былъ любитель театра, другъ актера Мочалова, для котораго написалъ драмы: „Жизнь за Жизнь" и „Майко" (Спб. 1847), и оставилъ дневникъ, любопытный для исторіи московскаго театра.

N. Въ Антрактѣ (М. 1867), № 8-й съ подписью: *Лобоничекъ.*

Березинъ, Иванъ Григорьевичъ, физіологъ, былъ прикомандированъ къ медико-хирургич. академіи. Ум. 11 Авг. 1866 въ Спб. отъ холеры. (См. Мѣсяцословъ академич. 1868 года стр. 298).

Брашманъ, Николай Дмитріевичъ, д. с. с., моравскій уроженецъ, изъ купцевъ, р. близъ Брюнна, 14 Іюня 1796, учился въ университетѣ и въ политехническомъ институтѣ въ Вѣнѣ. По прибытіи въ Россію нѣсколько мѣсяцевъ былъ учителемъ въ спб. петропавловскомъ училищѣ, потомъ адъюнктомъ казанскаго университета по каѳедрѣ чистой математики, потомъ преподавалъ сферическую астрономію и механику и былъ надзирателемъ въ казанской гимназіи. Въ 1834 г. перемѣщенъ въ моск. университетъ экстр. профессоромъ и въ 1835 утвержденъ ординарнымъ по каѳедрѣ математики. Въ 1838 опредѣленъ инспекторомъ классовъ въ училищѣ ордена Св. Екатерины и александровскомъ. Ум. 13 Мая 1866 г.

Нѣсколько математическихъ изслѣдованій его помѣщено въ Уч. Запискахъ Моск. унив. 1834 и 1835, и въ Bulletin академіи наукъ 1842 и 1851 и статья объ англ. университетахъ въ Журналѣ мин. н. пр. 1843, т. 38. — Его курсъ оптики начатъ печатаніемъ въ 1840—41 г., но не оконченъ. Элементарный курсъ механики литографированъ въ

(*) Свѣдѣнія о писателяхъ умершихъ въ 1857 г. напечатаны въ Библіогр. Запискахъ т. 1-й (1858, № 12); въ 1858 г. тамъ же т. 2-й (1859, № 20); въ 1859, тамъ же т. 3-й (1861, № 4); въ 1860—1862 г. въ Р. Архивѣ 1864, № 5 и 6; въ 1863 г. тамъ же (1865, стр. 115—128); въ 1864 г. тамъ же (1866, стр. 561—580); въ 1865 г. тамъ же (1867, стр. 953—981). Обширный и неуклонно продолжаемый трудъ Г. Н. Геннади, обнимающій собою всю новую Русскую словесность, заслуживаетъ полнаго уваженія. Ошибки и неполноты неизбѣжны въ такого рода работахъ; но они могутъ быть исправлены и пополнены другими лицами. *П. Б.*

1847, а 1-я часть механики издана въ 1853.

1) Курсъ аналитической геометріи, М. 1836. 8°. 2) Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ и жидкихъ или статика и гидростатика, М. 1837. 8°. 3) Рѣчь о вліяніи математики на развитіе умственныхъ способностей. М. 1841. 4°. 4) Теоретическая математика, т. I. М. 1859.

Онъ способствовалъ основанію въ Москвѣ математическаго общества, въ трудахъ котораго (Математич. Сборникъ т. I) помѣщена его біографія.

Біогр. Словарь Моск. професс. I, 99—102.

Буяльскій Илья Васильевичъ, т. сов. заслуженный профессоръ медико-хирургической академіи, знаменитый операторъ. Онъ учился въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ кончилъ курсъ философіи въ черниговской семинаріи. Въ 1809 г. онъ былъ опредѣленъ въ московское отдѣленіе медико-хирургич. академіи, черезъ годъ переведенъ въ петерб. академію, гдѣ, окончивъ курсъ, остался прозекторомъ анатоміи и прикомандированъ къ военно-сухопутному госпиталю ординаторомъ. Онъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ анатоміи (при Загорскомъ), въ 1831 году произведенъ въ орд. профессоры и занялъ каѳедру анатоміи по увольненіи Загорскаго въ 1833 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ операторомъ при всѣхъ военно-учеб. заведеніяхъ и при александровскомъ лицеѣ. Онъ уволенъ былъ изъ академіи по выслугѣ лѣтъ въ 1844 году. Ум. 8 Дек. 1866.

20-го Сент. 1864 года праздновали пятидесяти-лѣтіе его медицинской службы. (См. описаніе его въ Голосѣ 1864, № 310).

Онъ дѣлалъ весьма рѣдкія, смѣлыя и удачныя операціи (см. между прочимъ въ фельетонѣ *Ѳ. Булгарина* въ Сѣв. Пчелѣ 1853, № 31), сдѣлалъ коллекцію замѣчательныхъ препаратовъ, пожертвовалъ академіи свой кабинетъ патологическихъ, анатомическихъ и хирургическихъ предметовъ и занимался бальзамированіемъ тѣлъ. Много статей его въ Военно-Медиц. журналѣ, въ Другѣ Здравія и другихъ изданіяхъ.

1. Diss. Momenta quaedam ancuryematum pathologiam therapiamque spectantia. Petrop. 1823. 8°. 2) Tabulae anatomico-chirurgicae operationes ligendarum arteriarum majorum exponentes, ad naturam depictae et aeri incisae, brevi cum descriptione, earum anatomica succinctaque doctrina encheireseos operationum etc. XIV Tab. Petrop. 1828. In folio. (Текстъ русскій и латинскій. Этотъ важный и тщательно изданный трудъ переведенъ былъ въ Берлинѣ на нѣмецкій яз.) 3) Анатомико-патологическое описаніе двухъ сросшихся младенцевъ женскаго пола. Съ рис. Спб. 1832. 8°. 4) Анатомико-патологическое описаніе двойной матки, изъ коихъ каждая въ разное время была беременною. Съ рис. Спб. 1832, въ листъ. 5) Литографированные анатомическіе рисунки для обучающихся врачебной наукѣ. Спб. 1833. 4°. 6) Краткая общая анатомія тѣла человѣческаго. Спб. 1844. 8°. 7) Анатомико-хирургическія таблицы, объясняющія производство операцій вырѣзыванія и разбиванія камней, рисованныя съ натуры и выгравированныя на мѣди съ краткимъ описаніемъ оныхъ и объясненіемъ производства операцій. Съ латинскимъ переводомъ. Спб. 1852, въ листъ, съ 10 таблицами 8) Фотографическіе рисунки вытравленныхъ артерій и венъ почекъ человѣческихъ (arteriae et venae renum excarnatae), снятые съ препаратовъ, съ подробнымъ описаніемъ способа приготовлять таковые препараты. Спб. 1863.

Списокъ изданій и статей Буяльскаго въ Московской Медиц. Газетѣ 1865, № 28—47.

Васильевъ, Михаилъ Андреевичъ, штатный смотритель псковскихъ училищъ, ум. 28 Іюля 1866. Онъ учредилъ безплатную женскую школу, библіотеку для чтенія при уѣздномъ училищѣ и былъ знатокъ древностей Пскова, о коихъ напечаталъ нѣсколько статей въ Псковскихъ Губ. вѣдомостяхъ.

N. Илл. Газета 1866, № 35.

Васильевъ, Петръ Михайловичъ, адъюнктъ-профессоръ прикладной математики въ казанскомъ университетѣ, въ которомъ преподавалъ также съ 1827 по 1833 артиллерію и фортификацію. Ум. 9 Іюня 1866 г. на 81 г. жизни.

Некрологъ. П. М. Васильевъ. Сост. *В. Владиміровъ* (Изъ Каз. Г. Вѣд. 1866, № 28). 8°. 6 стр.

Видеманъ, Германъ, докторъ философіи, основатель частной гимназіи въ Петербургѣ, въ которой преподавалъ древніе языки въ высшихъ классахъ. Ум. 28 Авг. 1866.

1) Пригласительная программа къ торжественному выпуску воспитанниковъ училища церкви Св. Анны, назначенному быть 14 Іюня 1857 въ залѣ училища. Спб. 1855, 1856 и 1857, 8°. (Отчеты и статьи). 2) Руководство къ первоначальному обученію географіи съ присовокупленіемъ болѣе подробнаго описанія Росс. Имперіи. Спб. 1864. 12°. Съ 3-мя картами. 3) Руководство къ первоначальному обученію исторіи, изложенное въ біографической формѣ для низшихъ классовъ гимназій, 2 ч. Древняя и Средняя исторіи. Спб. 1865.

Вильсонъ, Александръ Яковлевичъ, инженеръ-генералъ, ум. 13-го Февраля 1866 г. на 90 году.

Голицынъ, князь Николай Борисовичъ, р. 1795, служилъ въ военной службѣ (1810—1835) до чина полковника и участвовалъ въ войнахъ 1812—1815 г. Живя въ отставкѣ, преимущественно въ своемъ имѣніи новооскольскаго уѣзда и въ Петербургѣ, занимался литературою и музыкою и былъ знатокомъ классической музыки и отличнымъ віолончелистомъ. Онъ много посвятилъ труда изученію вопроса о возможности соединенія православной восточной церкви съ западною, переводилъ для этого на французскій языкъ русскія богословскія сочиненія и писалъ брошюры и статьи подъ псевдонимомъ: Un Grec-uni. Во время Крымской войны и прежде онъ печаталъ въ Journal de St. Pétersbourg 1853—1855 и La Presse 1846—1849 патріотическія статьи съ подписью: Un vétéran russe de 1812; во время Крымской кампаніи командовалъ Курскимъ ополченіемъ подъ Севастополемъ. Сконч въ помѣстіи своемъ 23-го Октября 1866 г. Онъ былъ сынъ ген.-лейт. кн. Бориса Андреевича († 1822) и княгини Анны Александровны († 1842), рожд. царевны Грузинской.

1 Le pénitent noir. Traduction en vers du poëme de Kazloff Чернецъ. Odessa, 1837. Idem: Le moine, histoire Kiovienne. M. 1839. 12°. 2) Офицерскія Записки или воспоминанія о походахъ 1812, 1813 и 1814. Въ 3-хъ отдѣленіяхъ. M. 1837. 8°. 3) La fontaine de Baghtsché-Sarai (Бахчисарайскій фонтанъ) poëme d'Alexandre Pouchkine, trad. en vers libres. M. 1838. 12°. 4) Au détracteurs de la Russie trad. de Pouchkine. M. 1839. 8°. (Въ стихахъ). 5) Epitre en vers au prince de Varsovie, comte Paskevitch d'Erivan. Spb. 1839. 8°. 6) Essais poétiques. M. 1839. 8. Idem, Spb. 1849. 7) Borodino — Moscou. Hymne guerrier à l'occasion de la cérémonie du 26 Août 1839, par un vétéran de l'armée M. 1839. 8°. Idem: Borodino, 26 Août. Spb. 1839. 8°. 8) Перенесеніе тѣла князя Багратіона на бородинское поле. M. 1839. 12°. 9) La bataille de Borodino, par un témoin oculaire. 2-e éd. Spb. 1840. 8°. 10) Liturgie de St. Jean Chrysostome telle qu'elle est célébrée dans toute l'eglise orthodoxe d'Orient et au Saint Mont-Athos. Traduit d'après l'original slavon et rectifié sur l'original grec. Paris (1843) 8°. 10) Souvenirs et impressions d'un officier russe pendant les campagnes de 1812, 1813 et 1814, avec la relation de bataille de la Borodino. Spb. 1849. 11) Lettres à un ami sur l'office divin de l'eglise catholique orthodoxe d'Orient. Par André Muravieff. Traduites du russe. Spb. 1850—1853. 8°. Idem, première partie, Charkow, 1847. 12) Жизнеописаніе генерала отъ кав. Емануеля. Спб. 1851. Съ портретомъ. 13) Reponse à M-r Léon Faucher sur son article: Les finances de la Russie (Journal de St. Pétersbourg 1853).

Записки о родѣ кн. Голицыныхъ *Евг. Серчевскаго* (Спб. 1853), стр. 258—260. N. *Л.* Вѣсть 1866, № 90.

Гуляевъ, Михаилъ Спиридоновичъ, профессоръ кіевской духовной академіи. Ум. 7 Іюля 1866, въ Кіевѣ.

Въ Трудахъ академіи помѣщенъ былъ его переводъ историческ. книгъ Вѣтхаго Завѣта.

Гусевъ, Матвѣй Матвѣевичъ, исправляющій должность директора Виленской астрономической обсерваторіи, уроженецъ г. Вятки, студентъ казанскаго университета, служившій долго при Струве на пулковской обсерваторіи, ум. 10 Апрѣля 1866, въ Берлинѣ.

Онъ перевелъ съ нѣмецкаго Космосъ, *Гумбольта* томы 1-й и 3-й, М. 1851—1853 и т. III, отд. 2-е, 1857. изданіе *Фролова*, перепечатанное въ 1863 г. 8°, и издавалъ въ Вильнѣ: Вѣстникъ математическихъ наукъ съ 1860 г., коего вышло 25 №№ in-4° (томъ 1-й и № 1 тома 2-го).

N. Спб. вѣдом. 1866, № 127. (Изъ Вятскихъ Губ. вѣдом.).

Дестунисъ, Надежда Александровна, рожденна Крылова, р. 2 Ноября 1837 г. ум. 1 Мая 1866. Кромѣ нѣск. журнальныхъ статей напечатала для дѣтскаго чтенія:

1) Деревня, Спб. 1859 и 2) Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ для юношества. Спб. 1861.

N. *А. Ярославцева* въ Спб. Вѣдом. 1866, № 166.

Діевъ, Михаилъ, протоіерей въ Нерехтѣ, съ 1829 г. членъ московскаго общества исторіи и древностей, въ изданіяхъ коего напечаталъ нѣсколько статей и матеріаловъ. Его археологическія статьи находятся также въ К-стромскихъ губ. вѣдомостяхъ и въ Журналѣ мин. нар. просв.

Дмитріевъ, Михаилъ Александровичь, р. 23 Мая 1796 г., воспитанникъ моск. благороднаго пансіона. Онъ жилъ и служилъ въ Москвѣ, начавъ службу въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ, съ 1826 былъ судьею моск. надв. суда, съ 1828 совѣтникомъ моск. палаты уголовнаго суда, съ 1831 при оберъ-прокурорскомъ столѣ 2-го отдѣла шестаго деп-та сената, оберъ-прокуроромъ 7-го деп-та съ 31 Дек. 1839, а съ 3 Іюля 1843 завѣдывалъ дѣлами общаго собранія моск. деп-товъ сената до увольненія отъ службы 25 Февраля 1847 г. ум. 5 Сент. 1866.

Еще въ бытность свою въ пансіонѣ онъ сталъ заниматься литературою. Стихотворенія его печатались въ Моск. Вѣстникѣ, Телескопѣ, Молвѣ и Москвитянинѣ и въ нѣкоторыхъ сборникахъ. Вращаясь въ кругу московскихъ писателей и какъ племянникъ поэта И. И. Дмитріева, онъ записалъ много преданій и анекдотовъ въ запискахъ, которыя напечаталъ въ Москвитянинѣ и послѣ готовилъ ко вторичному изданію.

1) Торжество музъ на открытіе моск. театра. М. 1824. 8°. (Стихи). 2) На кончину Г. И. Александра Перваго. Стихотвореніе, М. 1826. 8°. 3) Люциферовъ праздникъ, романтическая карикатура (въ стихахъ). М. 1828. 9) О противникахъ и защитникахъ исторіографа Карамзина, М. 1829. 8°. 5) Стихотворенія М. Дмитріева. 2 ч. М. 1830. 8°. 6) Къ радости, Шиллера. Перев. въ стихахъ. М. 1843. 8°. 7) Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Статья первая. Его жизнь, характеръ; мои воспоминанія. М. 1851. 8°. Второе, передѣланное и пополненное изданіе, М. 1863. 8°. 8) Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1854 8°. (Изъ Москвитянина). 9) Воспоминаніе о С. Е. Раичѣ. М. 1855. 8°. (Изъ Моск. Вѣдом. № 141). 10) Ода на священное коронованіе и мvропомазаніе Е. И. В. Г. И. Александра II. М. 1856. 8°. 11) Московскія элегіи. М. 1858. 8°. 12) Сатиры Кв. Горація Флакка. Съ лат. въ стихахъ. Съ объяснит. примѣчаніями. М. 1858. 13) Стихотворенія. 2 ч. М. 1865. 8°

Краткое жизнеописаніе М. А. Дмитріева, М. 1863. 8°. 28 стр. (Автобіографія).—N. *П. Бартенева* въ Моск. Вѣдом. 1866, № 189.

Дмитріевъ, Н. В. членъ-корреспондентъ моск. археологическаго общества, въ засѣданіяхъ коего прочелъ нѣсколько статей объ древне-русской архитектурѣ, изученіемъ которой онъ зани-

мался. Ум. 22 Февр. 1866. (См. протоколъ общества, № 25).

Дудышкинъ, Степанъ Семеновичъ, (р. 25 Дек. 1820, ум. 16 Сент. 1866). Родомъ бѣлоруссъ, воспитанникъ Витебской гимназіи и Спб. унив-та, съ 1846 года участвовалъ въ Отеч. Запискахъ, особенно по отдѣлу критики, а съ 1859 до кончины былъ ихъ редакторомъ, съ А. Краевскимъ. Онъ помѣстилъ въ нихъ много критическихъ статей, изъ которыхъ замѣчательны о Фонъ-Визинѣ (1847, № 8 и 9), о соч. Тургенева (1857, т. 110 и 111) и другія. Въ Современникѣ онъ помѣстилъ обширную статью о Кантемирѣ (т. XII, 1848, № 11). Подъ его редакціею и съ его примѣчаніями вышло послѣднее изданіе сочиненій Лермонтова (Глазунова).

N. Въ протоколахъ собранія общества для пособія литерат. 23 Окт. въ Спб. вѣдом. 1866, № 304. — Голосъ № 317. — О похоронахъ его, *Н—ова*, въ Соврем. Лѣтописи 1866, № 33.

Дурова, Надежда Андреевна, р. въ Херсонѣ въ 1790. Молодою дѣвицею въ 1806 г. 17 Сент. вступила она рядовымъ въ конно-польскій уланскій эскадронъ и участвовала въ кампаніи 1807 г. По представленіи ея имп. Александру I, она получила георгіевскій крестъ и принята въ маріупольскій гусарскій полкъ (31 Дек. 1807 г.). Въ 1811 она была переведена въ литовскій уланскій полкъ, участвовала въ отечественной войнѣ 1812 г. и въ заграничныхъ походахъ и уволена въ 1817 г. съ чиномъ штабъ - ротмистра. Въ арміи она находилась подъ именемъ Александра Александровича *Александрова*, а въ литературѣ получила извѣстность своими разсказами подъ названіемъ *Кавалеристъ-дѣвицы*. Записки ея о походахъ 1812—13 гг. появились въ Современникѣ Пушкина 1836 г. кн. II. Послѣдніе годы жизни она провела въ уединеніи въ г. Елабугѣ, гдѣ скончалась 23 Марта 1866 г. Портретъ ея находится въ Сборникѣ Сто русск. литераторовъ Смирдина и при ея романѣ: Гудишки.

1) Кавалеристъ - дѣвица. 2 ч. Спб. 1836. 8°. 2) Записки (добавленіе), М 1839. 8°. 3) Гудишки, романъ, 4 ч. Спб. 1839. 12°. 4) Повѣсти и разсказы 4 ч. Спб. 1839. 8° 5) Уголъ. Спб. 1840. 6) Ярчукъ, собака - духовидецъ, 2 ч. Спб. 1840. 7) Годъ жизни въ Петербургѣ или невыгоды третьяго посѣщенія. Спб. 1840. 12°. 8) Кладъ. Спб. 1840. 12°.

Справочный Энц. Словарь, IV, 186. — Переписка, относящаяся до начала ея службы, въ Голосѣ 1863, № 346.—N. Вѣсть, 1866, № 35.— Біографич. замѣтка о ней (корресп. изъ Елабуги), *Е. Меньшова*, въ Спб. вѣдом. 1861, № 3, стр. 65.

Зернинъ, Александръ, изъ воспитанниковъ педагогическаго института, по полученіи степени магистра въ спб. университетѣ 1846, опредѣленъ былъ въ 1847, адъюнктомъ въ харьковскій университетъ на каѳедру исторіи и въ 1850 г. утвержденъ экстр. профессоромъ. Онъ преподавалъ новую всеобщую исторію, а потомъ русскую.

Его магистерская диссертація была: Объ отношеніи константинопольскаго патріарха къ русской іерархіи, Спб. 1846, а докторская: Учрежденіе въ Россіи патріаршества (въ Архивѣ Калачева, кн. II, отд. II, 1855). Отдѣльно также вышло его изслѣдованіе: Жизнь и литературные труды имп. Константина Багрянороднаго. I. Харьковъ, 1858.

Его статьи въ Библіотекѣ для Чтенія, въ Русск. Словѣ и другихъ изданіяхъ, исчислены въ некрологѣ его въ Харьковскихъ Губ. вѣдом. 1866, № 73.

Касторскій, Михаилъ Ивановичъ, докторъ философіи. По окончаніи курса въ педагогич. институтѣ слушалъ лекціи берлинскихъ профессоровъ, особенно историковъ и въ 1837 занимался въ Прагѣ изученіемъ чешскаго языка и славянскихъ древностей, подъ руководствомъ Шафарика. Статьи его: О новѣйшей чешской литературѣ и о пѣсняхъ южныхъ Славянъ напечатаны въ Журналѣ мин. н. пр. т. XVIII и XXVIII, По возвращеніи въ 1838 г., онъ написалъ пробную лекцію: О вліяніи карловингской династіи на славянскія племена

(Журналъ мин. н. пр. т. XIV) и опредѣленъ въ спб. университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ литературу славянскихъ нарѣчій до назначенія особаго профессора по этому предмету. Въ 1839 г. онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ и наставникомъ-наблюдателемъ въ дворянскомъ полку. Въ 1841 получилъ степень магистра; въ послѣдствіи былъ экстр. профессоромъ. Ум. 6 Іюля 1866 г. (Спб. вѣдом. № 163).

1) Письма леди Рондо супруги англійскаго министра при росс. дворѣ въ царств. имп. Анны Іоанновны. Перев. съ англійскаго М. К. Спб. 1836. 8°. 2) Начертаніе славянской миѳологіи. Спб. 1841. 8°. 3) Историческія судьбы Закавказья въ древнія времена. Рѣчь въ годичномъ актѣ спб. унив. 1852 г. 2) Аристотеля категоріи на греческ. и русск. языкѣ. Переводъ Спб. 1859.

Кромѣ нѣск. статей въ Журналѣ мин. н. просв., онъ помѣстилъ жизнеописаніе Ксеніи Шестовой, матери ц. Михаила Ѳеодоровича, въ изданіи Фридебурга: Домъ Романовыхъ.

Клинъ (Klien), Эрнестъ Ѳеодоровичъ, сынъ пастора, р. въ 1795. Онъ былъ Лужичаниеъ, учился въ Лейпцигѣ, былъ домашнимъ учителемъ въ Москвѣ и въ 1837 г. по приглашенію попечителя моск. уч. округа графа Строганова, опредѣленъ въ моск. университетъ преподавателемъ латинскаго языка и стилистики, сначала въ юридическій и медицинскій, а потомъ въ историко-филологическій факультетъ.

Еще до вступленія въ унив-тъ, онъ написалъ три латинскихъ стихотворенія, потомъ перевелъ вторую часть анатоміи Лодера (ненапечатанную), произнесъ рѣчь при открытіи греко-латинской семинаріи и защитилъ диссертацію на степень доктора: Quo modo et quo ordine classici Graecorum et Romanorum auctores in scholis legendi sunt. Ум. 3-го Декабря 1866. (Моск. вѣдомости № 256. *Л. К.*)

Біографич. Словарь моск. проф. I, 419—422.

Ковалевскій, Евграфъ Петровичъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, бывшій попечитель московскаго учебнаго округа (съ 15 Апр. 1856), потомъ (съ 23 Марта 1858 г.) министръ народнаго просвѣщенія и президентъ вольнаго экономическаго общества, сконч. въ Петербургѣ, въ Маѣ 1866 г. Служилъ сначала по горному вѣдомству.

Лавровъ, Николай Петровичъ, священникъ и учитель ярославской семинаріи, сотрудникъ Яросл. Епарх. вѣдомостей.

Лобановъ-Ростовскій, князь Александръ Яковлевичъ (р. 1788), скончался въ отставкѣ, въ чинѣ генералъ-маіора 26 Ноября 1866, въ Петербургѣ. Живя въ Парижѣ, онъ напечаталъ въ 1821 г. въ небольшомъ числѣ на русскомъ, у Дидота, Евангеліе отъ Матѳея (8°) и Молитвы при божественной литургіи (12°). Его богатое собраніе картъ поступило въ главный штабъ. Онъ ревностно собиралъ портреты Петра Великаго, печаталъ списки недостающихъ и рѣдкихъ для пополненія коллекціи какъ своей, такъ и въ имп. публичной библіотекѣ, которую пополнялъ своими экземплярами.

1) Catalogue des cartes geographiques, topographiques et marines de la bibliothèque du prince Lobanoff de Rostoff à St. Pétersbourg, suivi d'une notice de manuscrits, Paris. 1823. 8°. 2) Recueil de pièces historiques sur Anne ou Agnès épouse de Henri Id roi de France et fille de Jaroslaf I, grand-duc de Russie. Avec une notice et des remarque du prince A. Lobanoff de Rostoff. Paris. 1825. 8°. 3) Lettre à M. le rédacteur du Globe au sujet de la prétendue ambassade en Russie de Charles Talleyrand. Paris. 1827. 8°. и вторично въ 1828. 4) Lettres inédites de Marie Stuart. Paris. 1839. 5) Lettres, instructions et mémoires de Marie Stuart. Londres, 1844—1845, 7 томовъ. (Сборникъ, извлеченный изъ архивовъ). 6) Notice sur la collection des portraits de Marie Stuart appartenant au prince A. Lobanoff précédée d'un resumé chronologique. St. Pétersb. 1856. 8°. Съ портре-

томъ и видомъ мавзолея. 2-е изданіе 1860. 7) Lettres de Marie Stuart, publiées avec sommaires, traductions, notes et facsimile par A. Teulet . . . Paris. 1859. Это дополненіе къ прежде изданнымъ въ 7 томахъ документамъ о Маріи Стуартъ. 8) Tablettes gastronomiques de Saint-Pétersbourg redigées par un amateur et précédées d'une liste d'ouvrages à consulter. St. Pétersb. 1856. Seconde partie. Recueil de menus, Ibidem, 1858. 8°.

N. *Г. Геннади* въ Соврем. Лѣтописи 1867. № 3.

Лугининъ, Святославъ Ѳедоровичъ, мировой посредникъ, потомъ предводитель дворянства ветлужскаго уѣзда. Ум. 1-го Апрѣля 1866 г. Онъ печаталъ статьи въ журналахъ.

N. *Вс. Баскаковъ*, въ Моск. вѣдом. № 104.

Мельницкій, Всеволодъ Петровичъ, капитанъ-лейтенантъ, ум. 16 Сент. 1866, въ Петербургѣ.

Онъ былъ до 1855 г. помощникомъ редактора и съ 1860 редакторомъ журнала: Морской Сборникъ, въ которомъ есть его статьи; онъ печаталъ также въ Современникѣ, Библіотекѣ для Чтенія и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

1. Сравнительные обзоры иностранныхъ морскихъ законодательствъ. Французское законодательство. Спб. 1853. 2) Шхеры финскаго залива. Спб. 1854. 3) Адмиралъ П. И. Рикордъ и его современники. ч. I. Съ портретомъ. Спб. 1856 8°. (Изъ Морскаго Сборника). 8) Вечера въ каютъ-компаніи. Спб. 1856. (Въ 71-й книжкѣ Библіотеки для дачь, изд. А Смирдина). 4) Русскій коммерческій флотъ по 1-е Января 1858. Спб. 1859.

N. Книжный Вѣстникъ 1866. стр. 350.

Муравьевъ, Николай Николаевичъ, старшій братъ Михаила Николаевича, сынъ генералъ-маіора Николая Николаевича, р. 14 Іюля 1794. Находясь въ военной службѣ съ 1811, участвовалъ въ войнахъ съ французами, въ 1817 состоялъ при Ермоловѣ въ Персіи и на Кавказѣ и по его порученію предпринялъ поѣздку въ Хиву, которую описалъ въ книгѣ, переведеной на языки франц., нѣм. и англійскій. Въ 1827 онъ былъ начальникомъ штаба при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, участвовалъ въ турецкой и польской кампаніяхъ. Въ 1833 г. онъ командовалъ экспедиціоннымъ корпусомъ, назначеннымъ для защиты Султана отъ нападенія египетскаго паши Мегметъ-Али, къ которому М. былъ посланъ уполномоченнымъ. Послѣ того онъ былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты и назначенъ командовать 5-ю пѣхотною дивизіею. Съ 1838 до 1848 находился въ отставкѣ, съ 1848 командовалъ гренадерскимъ корпусомъ, съ 1854 кавказскою арміею, предводительствовалъ войскомъ въ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ Малой Азіи, увѣнчавшихся взятіемъ Карса (въ ноябрѣ 1855). Послѣ похода онъ ѣздилъ за границу, а по возвращеніи назначенъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной для разслѣдованія злоупотребленій, открытыхъ во время крымской войны. Скончался 23 Октября 1866.

Онъ съ молодости велъ подробныя записки, изъ которыхъ были напечатаны отрывки въ Русск. Вѣстникѣ 1860, т. 30 (о войнѣ 1855 въ Малой Азіи) и въ Русск. Архивѣ 1868, № 4 и 5 (изъ сочиненія: „Турція и Египетъ въ 1833 году").

Путешествіе въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820. 2 ч. съ атласомъ, М. 1822. 4°. Voyage en Turcomanie et à Chiva fait en 1819 et 1820 par M. N. Mouraviev... Revu par M. M. J. B. Eyriès et J. Klaproth. Paris. 1823. 8°. (Перевелъ Lecointe de-Laveau). 2) Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году. Съ рисункомъ. Изд. Чертковской библіотеки. М. 1869. 8°.

Б. Unzere Zeit B. VII, 718.

Ножинъ, Николай Дмитріевичъ, сотрудникъ Книжнаго Вѣстника, ум. 23 лѣтъ, 3 Апрѣля 1866 г. (См. Кн. Вѣстникъ 1866 г. стр. 137).

Нордманъ, Александръ Давидовичъ, натуралистъ, р. 10 Мая 1803 въ Фридрихсгамѣ, ум. 13 (25) Іюня 1866 г., въ Гельсингфорсѣ. Онъ съ Дѣлингеромъ

совершилъ въ 1836 г. ботаническую поѣздку по югу Россіи и Закавказью, и собранные имъ матеріалы были обработаны Ледебуромъ (См. объ этой поѣздкѣ Bulletin de l'Academie de St. Pétersb. II, № 6 и № 20). Онъ участвовалъ въ ученой экспедиціи, снаряженной А. Н. Демидовымъ въ Южной Россіи, и изслѣдованія его вошли въ изданныя Демидовымъ описанія его путешествій. Въ послѣдствіи онъ былъ директоромъ ботаническаго сада въ Одессѣ и профессоромъ Ришельевскаго лицея, потомъ профессоромъ зоологіи и ботаники и директоромъ ботаническаго сада въ Гельсингфорсѣ. Въ послѣдніе годы онъ ревностно занимался палеонтологіею Россіи. Кромѣ статей въ изданіяхъ академіи наукъ и моск. общества испытателей природы, мнѣ извѣстны его брошюры:

1) Описаніе одесскаго сада съ замѣчаніями о растительности и климатѣ окрестностей города Одессы, безъ года. 8°. (См. Каталогъ Вольно-эк. общества 1865, ст. 119). 2) Symbolae ad monographiam Staphilinorum. Spb. 1836. 3) Christian Steven, der Nestor der Botaniker. (Біографія умершаго въ 1863 году Стевена).

N. Мѣсяцословъ 1867. Прилож. стр. 100.

Переблѣсскій, Петръ Мироновичъ, профессоръ русской словесности въ александровскомъ лицеѣ. Ум. 3 Сент., 1866 г.

Сынъ дьякона рязанской губерніи села Перевлѣса, отъ котораго получилъ фамилію, воспитанникъ рязанской семинаріи и моск. университета, въ 1839 г. былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ рязанскую гимназію, съ 1843 по 1852 служилъ въ Москвѣ, потомъ преподавателемъ въ лицеѣ.

1) Практическая орѳографія, съ предварительными къ ней замѣчаніями. М. 1842. 8°. 2) Практическій синтаксисъ сложнаго предложенія и стихосложеніе. М. 1842. 12°. 3) Избранныя сочиненія Ломоносова. М. 1846. 16°. 4) Начертаніе русскаго синтаксиса. М. 1847. 8° и 2-е изд. попр. и доп. 1848. 12° 5) Избранныя сочиненія Тредьяковскаго. М. 1849. 12°. 6) Избранныя сочиненія Кантемира. М. 1849. 7) Грамматика старославянскаго языка. Спб. 1852. 8°. 2-е изд. исправл. 1856. 12°. 3-е 1862. 7) Практическая русская грамматика, 4 ч. 1. Введеніе и начала грамматики. 2-е Начертаніе этимологіи. 3-е Начертаніе синтаксиса. 4-е Орѳографія. Спб. 1854 — 1855. 12°. 2-е изд. 1861. 9) Памятники старо-славянскаго языка. Изд. для лицея. Спб. 1854. 12°. 10) Русское стихосложеніе. Изд. 3-е, 1853. 12°. 11) Избранныя сочиненія Фонъ-Визина. Спб. 1858. 12) Стихотворенія Н. Языкова. 2. ч. Спб. 1858. Съ портретомъ и статьею о немъ. 13) Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій въ школѣ и дома съ дѣтьми отъ 7 до 10 лѣтъ. Спб. 1862. 14) Наука грамотѣ съ изборникомъ для послѣдовательнаго письма съ голосу. Спб. 1865. 16°.

N. Голосъ 1866, № 301 (*В. Классовскаго*). Спб. вѣдом. 1867, № 28 Рѣчь (*М. Богоявленскаго*).

Рейнъ, Гавріилъ уроженецъ г. Выборга, докторъ философіи и доцентъ абовскаго унив–та, потомъ профессоръ исторіи и статистики въ александровскомъ унив-тѣ, извѣстенъ своими учеными трудами по исторіи и статистикѣ Финляндіи, указанными здѣсь по каталогу имп. публ. библіотеки. Ум. на 67 году въ 1866 г. въ Гельсингфорсѣ. (Мѣсяцословъ 1868, стр. 299).

I. Diss. Periculum historicum de Curonibus saeculis XII et XIII Fenniam infestantibus. Helsingforsiae. 1824. 4°. Specimen historicum de vetero Carelia. Lect, I, part. I—IV. Aboae, 1825—1830. 4°. 3) De gente Lumorum in annalibus Russicis commemorata. Aboae, 1827. 4°. 4) De rerum Fennicarum scriptoribus ante conditam Academiam Aböensem partis I—IV. Aboë, 1828. 4°. 5) Doctrinae grammaticorum de declinationibus Fennicis brevis expositio. Helsingfors. 1829. 4°. 6) Finlands Forntid. 1 Haftet et 1 Afd, af. II Haft, Helsingf. 1831. 2 v. 8°.

7) De loco quo arma Tavastis illaturus appelerit Birgerus. Helsingf. 1833. 8°. 8) Rein et H. A. Mechelin: Disquisitio chronologica annum quo verbum crucis contra Carelios praedicari jusserit ecclesiae catholicae pontifex expositura. Helsingf. 1835. 4°. 9) Kaiserdömet Rysslands Statistik i Samma drag. Helsingf. 1838. 8°. Idem, andra cepplа gan. ibid., 1845. 12°. 10) Statistiche Darstellung des Gross-Fürstenthums Finland. Helsingf. 1839. 8°. Статистич. очеркъ Великаго Княжества Финляндіи. Перев. съ нѣм. *Соловьева.* Гельсингфорсъ 1840. 8°. Storfürslend Finlands Statistik öfversättn. Stockh. 1842. 8°. 11) Biscop Thomas och Finland... Helsingf. 1839. 8°. 12) De antiquis Fenniae incolis aphorismi nonnulli. Helsingf. 1840. 4°. 13) De historia Fenniae per aetates distribuenda aphorismi. Helsingfors 1840. 4°. 14) Statistik teckning af Stor fürstend Finland. Helsingf. 1843. 8° и 1853. 15) Sententiarum circa Mythologiam Fennicam decas. Helsingf. 1844. 8°. 16) De sacerdotibus ethnicis veterum Fennorum quaestiones. Helsingf. 1844. 8°. 17) De statu Fenniae regnante Carolo XII. Helsingf. 1850. 4°. 18) Om finska Folkens fordna hednisca dopoch dopnama. Helsingf. 1853. 8°. 1)

Recke u. *Napiersky,* Lexicon. III, 503 u Nachtrag. II, 140.

Розенбергеръ, Карлъ Оттовичъ, д. с. с. генералъ-штабъ докторъ флота род. въ Дерптѣ 24 Дек. 1806, учился въ тамошней гимназіи и унив-тѣ, въ 1828 получилъ степень доктора медицины (diss. de febri puerperali) и поступилъ 1-го Апр. 1829 на службу врачемъ во флотъ, въ 1836 оставилъ морскую службу и путешествовалъ по Европѣ. Въ послѣдствіи онъ былъ инспекторомъ казенной аптеки въ Оренбургѣ, съ 1843 главнымъ докторомъ женской больницы въ Петербургѣ, въ 1844 причисленъ къ медицинскому департаменту, въ 1845 опредѣленъ консультантомъ больницы чернорабочихъ и членомъ врачебно-полицейскаго комитета. Онъ въ теченіи 9 лѣтъ завѣдывалъ женской больницею въ Измайловскомъ полку, имъ устроенною. Въ 1851 по порученію правительства онъ ѣздилъ въ Парижъ на конференцію для составленія новыхъ карантинныхъ правилъ для гаваней средиземнаго моря. Въ 1853 его назначили директоромъ тюремнаго комитета, и въ 1857 его избрали членомъ медико-филантропическаго общества. Послѣ крымской кампаніи ему порученъ былъ надзоръ за очисткою во время войны зараженныхъ мѣстностей, а по возвращеніи его въ Петербургъ онъ былъ назначенъ директоромъ мед. деп-та. Съ 1849 по 1856 онъ былъ секретаремъ, а въ послѣдствіи предсѣдателемъ спб. нѣмецкаго собранія врачей, а съ 1865 предсѣдателемъ холернаго комитета. Онъ принималъ участіе въ санитарной коммиссіи думы и былъ назначенъ попечителемъ калинкинской больницы. Ум. 17 Дек. 1866. (Илл. Газета 1867, № 11, стр. 173).

Кромѣ упомянутой его диссертаціи, въ Словарѣ Реке и Напіерскаго указана другая: De eclamsia parturientium, Dorpati, 1829. 8° и брошюра: Можно ли въ настоящее время упразднить карантины? Разборъ англійскаго сочиненія: General Board of health, Report on quarantine. London, 1849. Спб. 1851. 8° 64 стр. Его статьи въ Medic. Zeitung Russlands, 1845, стр. 62; 1848, № 1 и 2; 1858, № 12—18 (Отчетъ о санитарныхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ въ Крыму).

N. Spb. Medic. Zeitschrift 1867, № 10 и 11, статья д-ра *Майделя* и отсюда на русскомъ въ Архивѣ Суд. Медиц. 1867, № 1, Мартъ, извѣстія, стр. 41—48. *Recke* u. *Napiersky* Lexicon III, 559 и Nachtrag II, 151.

Серебрянниковъ, Семенъ Алексѣевичъ, ярославскій купецъ, собиратель древностей, занимавшійся исторіею ярославской губерніи, сотрудникъ Яросл. Губ. Вѣдомостей, издатель (съ Тихомировымъ) Ярославскаго Литтературнаго Сборника (2 книжки, Ярославль, 1849 и 1850), въ которомъ находятся и его статьи.

Серно-Соловьевичъ, Н. петербургскій книгопродавецъ и писатель, ум. въ Февралѣ 1866. (См. Книжный Вѣстникъ 1866, № 4, стр. 238).

Скачковъ, Александръ Андреяновичъ, преподаватель гражд. права и коммерч. наукъ въ спб. коммерч. училищѣ, членъ вольнаго экономическаго общества, писавшій въ разныхъ журналахъ, особенно въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ. Ум. въ Вестфаленѣ въ 1866. (Книжный Вѣстникъ 1867, стр. 72).

Словцова, Екатерина Александровна, помѣщавшая въ Русскомъ Вѣстникѣ повѣсти подъ псевдонимомъ *Камской*, (Любовь и Дружба, 1859, кн. 22 и Моя Судьба, 1863, кн. 47 и 48).

Живя въ Перми, въ удаленіи отъ общества, изучая современные вопросы науки и литературы, она такъ усидчиво и настойчиво занималась своимъ образованіемъ и сочиненіями, что погубила свое здоровье и умерла отъ чахотки въ Ревелѣ 25 Августа 1866 г. 28 лѣтъ.

N. Θ. *Л—нова*, въ Голосѣ 1866, № 298.

Смирновъ, Димитрій Александровичъ, сконч. 29 Янв. 1866, на 48 году.

Онъ написалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта въ Русской Бесѣдѣ, отрывки изъ записокъ мироваго посредника въ Эпохѣ. Какъ родственникъ Грибоѣдова, онъ занялся его біографіею и старательно собиралъ матеріалы о немъ, изъ которыхъ напечатаны двѣ статьи въ Русскомъ Словѣ 1859, № 4 и 5. (Черновыя тетради Грибоѣдова) и въ Бесѣдахъ Любит. р. слов., кн. II (М. 1868) отрывокъ біографіи.

N. Мѣсяцословъ 1867. Прилож. стр. 101

Солнцевъ, Гавріилъ Ильичъ, (р. 1785, ум. 1 Дек. 1866 въ Казани). Сынъ священника села Радогощи, дмитровскаго у., учился въ сѣвской семинаріи, служилъ въ Орлѣ, потомъ въ Москвѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ университетѣ. Выйдя въ отставку и поселившись въ Казани, онъ занялся изученіемъ языковъ и юридич. наукъ, получилъ въ тамошнемъ университетѣ степень доктора правъ (1814) и назначенъ былъ экстр. (1815) и потомъ (1817) ордин. профессоромъ „правъ знатнѣйшихъ народовъ", былъ ректоромъ (1819). Онъ былъ удаленъ изъ унив-та Магницкимъ и съ 1824 г. служилъ казанскимъ прокуроромъ.

1) Важнѣйшія истины для прекраснаго пола, Казань. 1813. 8°. 2) Естественное право *I. Финке*. Съ нѣмецкаго, Казань. 1816. 8°. 3) Приданое моей дочери или уроки для благор. дѣвицъ, *Гейденрейха* (изъ соч. *де-Ламберта*). Съ нѣм. Казань. 1838. 8°.

Исторія русск. философіи архим. *Гавріила*. (Казань, 1840), стр. 98.—N. Моск. вѣдом. № 278, гдѣ сказано, что онъ умеръ 97 лѣтъ и что профессоръ Бутлеровъ произнесъ надгробную о немъ рѣчь. Дополненія въ Соврем. Лѣтописи 1867, № 3.—Книжный Вѣстникъ 1867, стр. 96.

Тарновскій, Василій Васильевичъ, кандидатъ нѣжинскаго лицея (1826), учитель исторіи въ житомирской гимназіи, членъ коммиссіи, учрежденной при университетѣ св. Владиміра для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа, въ Трудахъ коей онъ помѣстилъ статью „О дѣлимости семействъ въ Малороссіи" (ч. II, 1853) и программу для описанія имѣній въ хозяйственномъ отношеніи (сост. съ Ходецкимъ т. III, 1855). Онъ участвовалъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ Положенія въ качествѣ эксперта, какъ черниговскій помѣщикъ. Сконч. въ 1866 г.

Лицей князя Безбородко (Спб 1859), стр. 206.

Тихомировъ-Платоновъ, Сергѣй Іоанновичъ, студентъ богословія и информаторъ франц. языка въ моск. духовной академіи въ 1813 г., въ послѣдствіи протоіерей троицкой церкви на Арбатѣ въ Москвѣ, ум. 16 Февраля 1866. (Моск. Вѣдом. № 37).

С. Смирнова: Ист. Моск. академіи, стр. 372.

Фатѣевъ, Андрей Михайловичъ, служившій въ военной службѣ, потомъ въ московскомъ почтамтѣ, ум. въ Москвѣ 2 Янв. 1866.

Онъ помѣстилъ нѣсколько живо написанныхъ и занимательныхъ военныхъ разсказовъ въ Русск. Вѣстникѣ: Сдача оружія Гёрги, Разсказы о венгерской кампаніи и нѣсколько повѣстей (Русск.

Бесѣда 1859, № 4 и 1860, № 21 и День 1864, № 24—29).

N. Соврем. Лѣтопись 1866, № 6.

Фешухановъ, Хуссейнъ Мулла, лекторъ татарскаго языка спб. унив-та, ум. 28 Августа 1866 въ симбирской губерніи. (Спб. Вѣдом. 1866, № 256).

Филаретъ (Димитрій Григорьевичъ Гумилевскій) сынъ священника шацкаго у., воспитанникъ тамбовской семинаріи и моск. дух. академіи (1830), докторъ богословія, съ 1835 по 1840 ректоръ моск. академіи и профессоръ богословскихъ наукъ, потомъ епископъ рижскій и ревельскій и викарій псковскій, съ 1848 — харьковскій, а съ 1859 архіепископъ черниговскій и нѣжинскій. Ум. 9 Авг. 1866 въ городѣ Конотопѣ

Ученый богословъ, историкъ русской церкви и археологъ, дополнившій трудъ митр. Евгенія о русскихъ духовныхъ писателяхъ, поч. членъ академіи наукъ, трудолюбивый и плодовитый писатель, онъ, какъ архіепископъ харьковскій и черниговскій, оказалъ значительныя услуги устройствомъ школъ своей епархіи, о чемъ есть печ. извѣстія въ Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ 1861, 1862 и проч. Это изданіе онъ началъ и поддерживалъ.

Множество его статей находится въ Москвитянинѣ (1842 г. кн XI, о Максимѣ Грекѣ и пр.), въ Чтеніяхъ и Временникѣ моск. общ. ист. и др., коего онъ былъ членомъ, въ Воскресномъ Чтеніи (слова), въ Христ. Чтеніи, въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ академіи, въ Трудахъ Кіев. дух. академіи и особенно много въ Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ съ 1861 г. Статьи его указаны въ статьѣ о немъ *С. Пономарева.* Здѣсь исчислимъ только отдѣльно изданныя.

1) Изысканіе о русск. проповѣдникѣ XII в. владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ и слова его, М. 1843 г. (Прибавл. къ Твореніямъ Св. Отцевъ).

2) Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. 1847. (Чтенія кн. IV и V); тоже въ Кирилло-меѳодіевскомъ Сборникѣ. М. 1865.

3) Богослуженіе русской церкви до монгольскаго времени. М. 1847. (Чтенія, кн. VII).

4) Исторія Русской церкви. Періодъ I (отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ, М. 1848; Харьковъ, 1849; М. 1857 и М. 1859. 8°; II періодъ монгольскій, М. 1848 и 1852; III періодъ до учрежд. патріаршества, М. 1847 и 1851. IV періодъ патріаршества. Рига 1847 и Харьковъ 1853. V п. синодальный, М. 1838 и 1859. Первые четыре періода вышли третьимъ изданіемъ въ М. 1857 и всѣ пять четвертымъ изданіемъ, Черниговъ, 1862—1863, въ 2-хъ томахъ.

5) Блаженнаго Іоанна Мосха Лугъ Духовный, въ переводѣ съ греч. М. 1848 и 1853.

6) Черніевъ николаевъ монастырь. Харьковъ, 1849. 2 ч.

7) Слова и бесѣды, говоренныя въ Ригѣ, М. 1850.

8) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи (2 ч.). 1-е Краткій обзоръ епархіи и подробное разсмотрѣніе монастырей, М. 1852 и Харьковъ 1859; 2-е отд. М. 1856; 3-е отд. М. 1865; 4-е отд. Харьковъ, 1857 и 5-е Харьковъ, 1858.

9) Житіе преп. отца нашего игумена печерскаго Ѳеодосія († 3 мая 1074), описанное преп. Несторомъ, въ переводѣ на соврем. русскій языкъ. Спб. 1856. (Ученыя Записки 2-го отд. академіи, кн. 2).

10) Слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ М. 1856 и 2-е изд. съ переводомъ малорусскимъ, Черниговъ, 1859.

11) Черноморская николаевская обитель при лебяжьемъ лиманѣ. Харьковъ. 1856. 16°.

12) Обзоръ русской духовной литературы съ 862 по 1720. Спб. 1857. (Изъ Уч. Записокъ т. III); 2-е изд. Харьковъ, 1859. Дополненія его же въ Черниговскихъ Епарх. Извѣстіяхъ, 1863, № 16—21 и 1864, № 1—24.

13) Бесѣды о страданіяхъ Господа

нашего Іисуса Христа. 2 ч. М. 1857 и 1859 (съ портретомъ автора) 8°.

14) Гласъ Божій къ грѣшнику. Поученіе. Чугуевъ, 1857. Изданіе 3-е, Черниговъ, 1860.

15) Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія. М. 1858. 8°. (Изъ Чтеній, кн. I).

16) Слова и бесѣды. 3 ч. Спб. 1859 (съ портретомъ). 2-е изд. 4 ч. Черниговъ, 1863.

17) Историческое ученіе объ отцахъ церкви. 3 ч. Спб. 1859.

18) Исторія Русской церкви. Спб. 1860. (Сокращеніе).

19) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній Греческой церкви, съ примѣчаніями и снимкомъ древнихъ нотныхъ знаковъ. Спб. 1860 и Черниговъ 1864.

20) Обзоръ русской духовной литературы 1720—1858 (умершихъ писателей). Спб. 1861. 2-е изд. дополн. Черниговъ. 1863. 8°. Дополненія *С. Пономарева*, въ Дух. Вѣстникѣ 1862, № 8—12 и самаго автора въ Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ 1865, № 3—19 и 1866, № 2—8.

21) Общій обзоръ епархіи черниговской. Ч. 1861. 8°.

22) Каѳедральные черниговскіе монастыри: Ильинскій (Троицкій), Елецкій и Борисоглѣбскій. Ч. 1861. 8°.

23) Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. 9 книжекъ (мѣсяцевъ). Ч. 1861—1865; отд. III, 2-е изд. Ч. 1865.

24) Письма преосв. Лазаря, архіеп. Черниговскаго и Новгородсѣверскаго. 1865 (Изъ Черниг. Епарх Извѣстій).

25) Когда должно начинать воспитаніе человѣка въ вѣрѣ? Ч. 1861. (Изъ Черниг. Епарх. Изв. 1861. № 1).

26) Опытъ объясненія на посланія Апостола Павла къ Галатамъ. Ч. 1862.

27) Козелецкій георгіевскій третьеклассный муж. монастырь. Ч. 1862.

28) Гамалѣевскій харлампіевъ женскій монастырь. Ч. 1862. (Изъ Епарх. Извѣстій).

29) Описаніе каменскаго успенскаго женскаго монастыря. Ч. 1863. (Изъ Епарх. Изв.).

30) Православное догматическое богословіе. 2 ч. Ч. 1864 и 1866.

31) Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Ч. 1864. (Сокращеніе).

N. Спб. Вѣд. 1866, № 227.—N. *А. Страдомскаго* въ Соврем. Лѣтописи 1866, № 33.—Вѣсть 1866, № 68.—Голосъ, № 228.—Душепол. Чтеніе, № 9.—Извѣстіе о кончинѣ въ Полт. Епарх. Вѣдом. № 16.—Черниг. Епарх. Извѣстія 1866, № 17 и 21.—Память Филарета, Дух. Вѣстникъ 1866, № 9.—Статья *I. Шероцкаго* въ Дух. Вѣстникѣ 1866, №. 12.—День 1863 № 13 и 18.—Статья о его трудахъ, какъ пастыря и ученаго, со спискомъ его сочиненій *С. Пономарева* въ Полт. Епарх. Вѣдом. 1866, № 18 и 19. Есть оттиски.

Хотинскій, Матвѣй Семеновичъ, воспитанникъ спб. университета, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1829 г.

Онъ занимался естественными науками и напечаталъ множество статей въ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ Журналѣ мин. н. пр. объ открытіяхъ по астрономіи, химіи; рецензіи въ Современникѣ (между прочимъ обширная статья о волшебствѣ и натуральной магіи, т. 19, 20, 23, 27 и 30), въ Сынѣ Отечества и другихъ. Изданныя имъ книги укажемъ по каталогамъ.

1) Руководство къ химическому испытанію неорганическихъ тѣлъ противудѣйствующими веществами или объ употребленіи реактивовъ въ минералогическомъ отношеніи. Спб. 1831. 8°. 2) Астрономія, для всѣхъ образованныхъ читателей изложенная. 4 ч. Спб. 1849—1851. Съ 2 картами. 3) Звѣздное небо. Очеркъ знаній о распредѣленіи звѣздъ въ пространствѣ и ихъ взаимныхъ разстояніяхъ. Извлечено изъ соч. Струве, Гершеля, Аргеландера, Петерса и другихъ. Съ лит. картами. Спб. 1849. Карты звѣзднаго неба, съ объясненіями созвѣздій и примѣчательнѣйшихъ звѣздъ. 1849. (Было въ Журналѣ мин. н. пр. т. LXI). 4) Чародѣйство и таинственныя явленія въ новѣйшее время. Спб. 1850. 5) Природа съ ея таинствами и

богатствами. Отд 2-е физическое землевѣденіе или физика земнаго шара. 3 т. Спб. 1852. 6) Указатель открытій и наблюденій по физическимъ и естественнымъ наукамъ за 1850—1855 г. Спб. 1851—1856. 8°. 7) Исторія паровыхъ машинъ, пароходовъ и паровозовъ, общепонятно изложенная. Спб. 1853, съ 42 политипажами и Спб. 1861. 8) Пища и одежда человѣка, или чѣмъ человѣкъ питается и чѣмъ одѣвается. Спб. 1853. 9) Новая многообѣщающая отрасль отечественной промышленности. Спб. 1857. 16°. (Изъ Спб. Вѣдом.) 10) Громъ и молнія. Записки *Ф. Араго.* Спб. 1859. 11) Общепонятная астрономія *Ф. Араго.* 4 ч. съ 360 чертежами и рис. Спб. 1861. 12) Изложеніе системы міра, *Лапласа.* 2 тома. Спб. 1861. 13) Разсказы о темныхъ предметахъ, о волшебствѣ, натуральной магіи, обманахъ чувствъ, суевѣріяхъ, фокусничествѣ, колдунахъ, вѣдьмахъ и т. п. съ рисунк. Спб. 1861. 8°. (Изъ Сына Отечества). 14) Историческая записка о паровыхъ машинахъ *Ф. Араго.* Перев. Спб. 1861. 16) Избранныя статьи изъ записокъ *Ф. Араго* о научныхъ предметахъ. Перев. съ дополненіями. Спб. 1866. 8°.

Храпиловъ, Иванъ Ивановичъ, ростовскій купецъ, любитель древностей, ревностно занимавшійся возобновленіемъ ростовскаго кремля. Онъ напечаталъ брошюру о ростовскомъ уѣздѣ и нѣсколько статей въ Яросл. Губ. Вѣд.

Ѳедченко, Григорій Павловичъ, натуралистъ, ум. 7 Іюня 1866 г. 29 лѣтъ. Какъ кандидатъ московскаго университета, избравшій своею специальностью технологію, которую преподавалъ въ ремесленномъ заведеніи въ Москвѣ, онъ былъ назначенъ университетомъ къ отправленію за границу, для приготовленія себя къ каѳедрѣ технологіи. Передъ смертію онъ началъ печатаніе обширнаго труда: О самосадочной соли и соляныхъ озерахъ южной Россіи, назначеннаго для III тома Извѣстій общества любителей естествознанія при моск. университетѣ. Нѣсколько статей его помѣщено въ Моск. Вѣдомостяхъ.

N. *Н. Пановскаго,* въ Моск. Вѣд. 1866, № 119.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ БОБРИНСКІЙ.

I.

Пріятели графа А. А. Бобринскаго—а ихъ много — были на-дняхъ неожиданно поражены извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ его, послѣдовавшей въ Смѣлѣ, помѣстьи, ему принадлежавшемъ, въ Кіевской губерніи. Электрическая сила телеграфа, такъ же внезапная и быстрая, какъ и самая смерть, не даетъ времени ни приготовиться къ удару, ни опомниться. Разомъ ошеломитъ она мысль и сердце: и тутъ же страшно замолкнетъ. Сердце ожидало бы и требовало бы дальнѣйшихъ подробностей и объясненій—конечно, не къ утѣшенію своему, но къ полному сознанію своей скорби и своего несчастія. Напрасно! Суровый лаконизмъ телеграфа остается безжалостенъ.

Въ кончинѣ графа мы всѣ понесли сердечную и незабвенную утрату. Онъ былъ одна изъ благороднѣйшихъ и въ высшей степени сочувственныхъ личностей нашего времени. О скорби семейства его и говорить нечего. Онъ былъ связью и душою его. Онъ былъ не столько старшимъ и высшимъ звѣномъ въ семейномъ кругу своемъ, сколько свѣтлымъ средоточіемъ, къ которому стекались, къ которому свободно, дружно и крѣпко примыкали всѣ живыя, всѣ нравственныя силы, всѣ чувства, вся любовь этого семейнаго круга. Въ сыновнемъ почтеніи,

въ сознательной уступчивости, въ нѣжныхъ заботахъ, которыми былъ онъ окруженъ, было что-то и дружеское и братское. Онъ казался старшимъ братомъ сыновей своихъ. Онъ съ ними молодѣлъ, они съ нимъ созрѣвали и мужали. Можетъ быть, не безъ основанія нѣкоторые замѣчаютъ какое-то ослабленіе семейныхъ узъ, которыя встарину были туго стянуты. Въ этомъ свободномъ и домашнемъ равновѣсіи, на которое мы указываемъ, не должно искать ни обезсиленія этихъ узъ, ни дѣла случая. Здѣсь заключались начáла болѣе нравственныя и назидательныя. Кромѣ природныхъ сочувствій здѣсь ясно были видны слѣды и плоды воспитанія. Подобныя семейныя отношенія, разумѣется, приносятъ большую честь дѣтямъ; но, скажемъ искренно, приносятъ еще болѣе чести родителямъ, которые умѣли (здѣсь идетъ рѣчь *о сердечномъ умѣніи*) зародить въ сердцахъ дѣтей своихъ эти отношенія, ихъ развить, ихъ, такъ сказать, застраховать отъ всѣхъ случайностей и превратностей жизни. Нельзя также не согласиться, что нынѣ часто и во многомъ замѣчается, можно сказать, вопіющій разладъ между поколѣніями: онѣ, словно, разбиты на два воинственные стана. И если не всегда доходитъ до битвы, то надъ каждымъ изъ этихъ становъ развѣвается враждебное знамя. Въ виду этой печальной междоусобицы, нельзя было намъ не остановиться и не отдохнуть мыслію и чувствомъ на картинѣ, которую представляло намъ семейство графа Бобринскаго. Здѣсь отрадно проявляется примиреніе между минувшимъ, еще не отрѣшившимся отъ настоящаго, и будущимъ, которое уже созрѣваетъ въ настоящемъ, но не отворачивается отъ опытности и отъ безпристрастныхъ, строгихъ, но кроткихъ, назиданій ея.

Намъ не достаетъ здѣсь ни времени, ни положительныхъ данныхъ для составленія полнаго біографическаго очерка. Ограничимся на сей разъ нѣкоторыми бѣглыми воспоминаніями и впечатлѣніями, глубоко запавшими въ сердце наше отъ долголѣтней пріязни.

Впрочемъ, и сама жизнь графа Бобринскаго, можетъ быть, не обильна событіями. Можетъ быть, нѣтъ въ ней достаточно тѣхъ драматическихъ движеній, которыя нужны для разнообразія и занимательности біографическаго изображенія. Обстоятельства были вообще благопріятны ему, но не выдвинули они его на особенную ступень, на высоту, которая могла бы господствовать надъ окрестностью.

Онъ былъ свѣтлое, стройное изваяніе, которымъ любовались ближніе и достойные цѣнители изящнаго; оно имѣло свое опредѣленное мѣсто въ уваженіи общества; но судьба не подвела подъ это изваяніе высокаго пьедестала. При всѣхъ общественныхъ преимуществахъ, дарованныхъ ему рожденіемъ, можно сказать, что онъ положеніемъ своимъ былъ обязанъ наиболѣе себѣ самому, а не внѣшней обстановкѣ. Всѣми помышленіями и внутренними силами своими принадлежалъ онъ обществу; болѣлъ и, по возможности, радѣлъ о пользѣ общественной; принималъ живое, теплое, даже пламенное, участіе въ общественныхъ вопросáхъ, стоящихъ на очереди; но онъ не имѣлъ случая руководить ими, окончательно разрѣшать ихъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Однимъ словомъ, чтобы говорить оффиціальнымъ и общепонятнымъ для всѣхъ языкомъ, онъ никогда не былъ отдѣльнымъ управляющимъ какою либо вѣтвію государственнаго устройства; но совѣщательный голосъ его былъ часто слышенъ и, вѣроятно, нерѣдко уваженъ. Хотя безъименно, но не безслѣдно прошло участіе его въ разработкѣ многихъ правительственныхъ вопросовъ.

Онъ пользовался особымъ благоволеніемъ Императора Николая I, который зналъ и достойно цѣнилъ способности его, прямодушіе и независимость мнѣній. Нынѣ царствующій Государь наслѣдовалъ отъ Родителя Своего уваженіе и сочувствіе къ характеру графа Бобринскаго. Въ прежнее царствованіе и въ настоящее, онъ часто былъ назначаемъ членомъ въ особые комитеты, имѣвшіе цѣлію разработку финансовыхъ и другихъ государственныхъ мѣръ. Здѣсь невольно рождается вопросъ: почему же, съ умственными способностями его, съ образованностью, съ усердіемъ, которыя были признаваемы Высшею Властію и государственными людьми, не пренебрегавшими его указаніями и мнѣніями, — почему не вышелъ онъ прямо въ правительственныя лица, наравнѣ съ другими, у кормила государства? Дадимъ, по разумѣнію своему, отвѣтъ откровенный. Его подозрѣвали въ нѣкоторыхъ увлеченіяхъ къ утопіи, къ идеологіи. Со времени Наполеона I слово: „идеологія" не въ чести на языкѣ оффиціальномъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что нелюбовь Наполеона къ такъ называемымъ идеологамъ окончательно не принесла ему много пользы. Не идеологи сокрушили могущество его: сокрушили тѣ же матеріальныя силы, которыми, въ свое время, онъ сокрушалъ другихъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что излишняя отвлеченность въ понятіяхъ не можетъ всегда согласоваться съ дѣйствительностью и настойчивыми ея требованіями. Практика имѣетъ свои необходимые, непреложные условія и законы.

Государственнымъ людямъ, этимъ въ высшей степени практикамъ, блюстителямъ и врачамъ государственнаго тѣла, нѣтъ часто ни времени, ни возможности предаваться теоретическимъ умозрѣніямъ. Положимъ, идеологія неумѣстна на сценѣ дѣйствующихъ лицъ; но въ партерѣ, такъ называемые идеологи могутъ имѣть свое законное мѣсто и быть очень полезны. Они возвышаютъ уровень дѣйствительности, они напоминаютъ правительственнымъ лицамъ, что внѣ текущихъ дѣлъ, и даже надъ самими текущими дѣлами, есть какая то нравственная, если не сила, то, по крайней мѣрѣ, нѣчто такое, которое не худо принимать иногда въ соображеніе. Разумѣется, говорится здѣсь объ идеологахъ благонамѣренныхъ и добросовѣстныхъ. Былъ ли бы графъ Бобринскій болѣе полезенъ прямымъ и личнымъ участіемъ своимъ въ высшей государственной дѣятельности, нежели въ своемъ, такъ сказать, стороннемъ содѣйствіи — это рѣшить трудно. Можетъ быть, Жуковскій и даже самъ Карамзинъ были бы не вполнѣ хорошими министрами, хотя бы и народнаго просвѣщенія. Всякое министерство, кромѣ высшаго значенія своего, есть еще многосложное ремесло, а ремесло не всегда дается и самымъ избраннымъ людямъ. Но не менѣе того можно быть полезнымъ дѣятелемъ по той или другой части, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считаться въ спискѣ высшихъ чиновниковъ того или другаго вѣдомства. Въ кругу и въ размѣрѣ своего призванія, и графъ Бобринскій можетъ тому служить примѣромъ.

Графъ Канкринъ очень уважалъ графа Бобринскаго, служившаго въ министерствѣ финансовъ, хотя и расходился съ нимъ во многихъ мнѣніяхъ. Но къ чести того и другаго, начальникъ не требовалъ безусловнаго подчиненія мыслямъ своимъ, разумѣется, не по исполнительной части, но только въ свободномъ обмѣнѣ мыслей; а подчиненный не уступалъ начальнику своихъ убѣжденій. Впрочемъ графъ Бобринскій, должно сознаться, былъ человѣкомъ увлеченій, но всегда благородныхъ и чистыхъ. Любознательная натура его безпрестанно требовала себѣ пищи: онъ искалъ ее вездѣ. Вся-

кая новая мысль, открытіе, новое ученіе—политическое ли, финансовое, соціальное, гигіеническое—возбуждали въ немъ тоску и лихорадочную дѣятельность любопытства. Ему непремѣнно нужно было вкусить отъ всякаго свѣжаго плода. Онъ съ ревностью, съ горячностью кидался въ новую, незнакомую область, старался изслѣдовать ее, проникнуть въ ея таинства. Ему недостаточно было бы, подобно Колумбу, открыть одну Америку; онъ хотѣлъ бы открыть ихъ нѣсколько. И тутъ, если было бы время впереди, онъ еще не остановился бы, а стремился бы все далѣе. Съ ревностью новообращеннаго, новопосвященнаго въ эти таинства, онъ дѣлался на время ихъ сторонникомъ и провозглашателемъ. Въ немъ былъ избытокъ любознательности, пытливости и дѣятельности. Но чистая душа его, благородство чувствованій и правилъ охраняли его всегда отъ ученій вредныхъ, или отъ крайностей и злоупотребленій всякой теоріи. Добросовѣстность и праводушіе отрезвляли пылъ его умозрительныхъ ненасытностей. Не говорю уже о жадности, съ которой онъ кидался на вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе ученую и общечеловѣческую приманку: онъ покушался часто на извѣданіе и такихъ вопросовъ, которыхъ важность могла казаться сомнительною. Напримѣръ, въ отношеніи къ гигіенѣ, онъ испыталъ на себѣ не знаю, сколько терапевтическихъ ученій по мѣрѣ того, какъ они начинали дѣлаться извѣстными. А между тѣмъ, онъ не былъ ни болѣзненнаго сложенія, ни мнительный больной. Одна любознательность и вѣра въ преуспѣяніе и завоеванія науки дѣлали изъ него добровольнаго и вѣрующаго паціента. Въ Парижѣ усердно занимался онъ одно время магнетизмомъ. Точно ли вѣрилъ онъ въ истину, силу и самобытность магнетизма, или только увлекался его заманчивою таинственностью, — сказать не умѣю. Эти подробности, конечно, имѣютъ небольшое значеніе; но приводимъ ихъ, какъ воспоминанія, какъ частныя и мелкія особенности его личности; для полнаго сходства портрета не должно ничѣмъ пренебрегать; самые тонкіе и мельчайшіе оттѣнки, схваченные вѣрно, содѣйствуютъ сходству съ подлинникомъ. Съ умомъ, склоннымъ ко всему, что́ нынѣ называется позитивизмомъ и утилитаризмомъ, съ умомъ, обращеннымъ наиболѣе къ вопросамъ дѣйствительнымъ и положительнымъ, онъ могъ имѣть и свои суевѣрія. Онъ любилъ выводить истину на свѣтъ Божій, но способенъ былъ гоняться иногда и за призраками въ обаятельномъ сумракѣ волшебнаго лѣса. Въ его богатой натурѣ было много разнокачественныхъ родниковъ. Какъ бы то ни было, запасы опытовъ или попытокъ, изученій, пріобрѣтеній, придавали разговору его обильное и увлекательное разнообразіе. Онъ бывалъ иногда парадоксаленъ; бывало видно, что онъ подъ властію новаго ученія: но такъ много было живости, теплоты искренняго увлеченія въ рѣчи его, что, и не соглашаясь съ нимъ, нельзя было слушать его безъ удовольствія и даже безъ нѣкотораго сочувствія.

Гр. Бобринскій былъ либералъ, въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ значеніи этого слова. Либерализмъ его былъ нечисто политическій, который можно легко позаимствовать, брать на прокатъ и усвоивать себѣ изъ памфлетовъ и газетъ. Либерализмъ его заключался въ прирожденномъ чувствѣ, во внутреннемъ, никогда неразвлекаемомъ и ничѣмъ не соблазняемомъ служеніи вѣчнымъ началамъ любви человѣческой, законности, правосудности и правомѣрія, которое не имѣетъ двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ, смотря по тому, какъ приходится судить—направо, или налѣво. Есть либерализмъ, свободолюбіе не чуждое, между тѣмъ, и нетерпимости: оно, и

послѣ Положенія 19-го Февраля, еще хочетъ удержать за собой помѣщичье крѣпостное право надъ чужой мыслью и надъ чужимъ мнѣніемъ. Либерализмъ гр. Бобринскаго былъ другаго свойства и совершенно враждебенъ вышеприведенному. Въ примѣненіяхъ своихъ онъ былъ шире и доброжелательнѣе. Онъ держался своихъ мыслей, старался защищать ихъ, давать имъ ходъ; но онъ никогда не налагалъ ихъ насильственно на другихъ. Въ дѣлѣ промышленности и торговли, ученикъ Канкрина, онъ былъ нѣсколько *протекціонистомъ*; но въ средѣ умственной онъ былъ чистымъ послѣдователемъ Кобдена: онъ былъ искренній сторонникъ и вѣрный приверженецъ свободнаго обмѣна мыслей. На этой свободѣ основывалъ онъ торжество истины. Споры съ нимъ могли быть живы и горячи, но никогда не доходили они до раздраженія и не зарождали злопамятства.

Онъ былъ патріотъ, также въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова, всецѣло преданный отечеству. Но также и патріотизмъ его не имѣлъ узкихъ свойствъ односторонности и исключительности. Русскій душою, онъ былъ Европеецъ по образованности и сочувствіямъ своимъ. Онъ не раболѣпно предавался подчиненію французскому, нѣмецкому или англійскому; но признавалъ, что и Россія есть часть Европы, т. е. признавалъ географическую истину, часто опровергаемую нѣкоторыми изъ нашихъ новѣйшихъ публицистовъ. Онъ считалъ, что не можетъ и не должно быть систематическаго разлада и разрыва между Россіею и всѣмъ тѣмъ, что̀ есть хорошаго и поучительнаго въ Европѣ.

Благодарностью преданный Двору, среди котораго находилъ онъ всегда милостивый и ласковый пріемъ, онъ не былъ тѣмъ, что̀ обыкновенно называется царедворцемъ.

При всей мягкости и утонченной вѣжливости нрава, онъ былъ одаренъ необыкновенною силою воли. Памятниками этой силы остаются по немъ въ Россіи желѣзныя дороги и свеклосахарная промышленность. Онъ родоначальникъ первыхъ и могучій труженикъ, способникъ и распространитель послѣдней. Построенная желѣзная дорога между Петербургомъ и Павловскомъ, первый сей опытъ въ Россіи, существованіемъ своимъ обязана его инціативѣ и, преимущественно, непреклонному упорству его. Много претерпѣлъ онъ противудѣйствія, много вынесъ бореній для достиженія цѣли своей. Къ чести его относится и то, что въ томъ и другомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ идти наперекоръ начальнику своему, котораго онъ уважалъ и любилъ. Канкринъ, при всемъ обширномъ умѣ своемъ, худо вѣрилъ въ будущія судьбы желѣзныхъ дорогъ и свеклосахарной промышленности.

Въ доказательство того, какъ Бобринскій настойчиво и добросовѣстно преслѣдовалъ всякую цѣль, которую онъ себѣ предназначалъ, приведу слѣдующій примѣръ. Когда поступилъ онъ на службу въ Министерство Финансовъ, по кредитному отдѣленію, онъ спохватился и призналъ, что недостаточно-правильно владѣетъ русскимъ письменнымъ языкомъ. Изъ чиновника сдѣлался онъ, вмѣстѣ съ этимъ, и ученикомъ: засѣлъ за грамматику и чуть ли не затвердилъ наизустъ всю грамматику Греча, которая предъ тѣмъ только что была издана. Онъ упражнялся въ изученіи языка, подобно прилежному гимназисту, желающему перейти въ высшій классъ. Помню, какъ однажды одинъ изъ пріятелей его смѣялся надъ этимъ ученическимъ смиреніемъ, признавая его вовсе не нужнымъ. Дѣло пошло на споръ. Бобринскій предложилъ противнику биться объ закладъ, что онъ не напишетъ пяти строкъ безъ ошибокъ. Закладъ состоялся. Онъ продиктовалъ ему двѣ, или три фразы.

На повѣрку вышло, что Бобринскій выигралъ закладъ. Все это происходило съ отмѣнною важностью, не чуждою для зрителя и смѣшной стороны. Но эта черта дорисовываетъ человѣка и такъ и просится въ характеристику его.

II.

Мать графа Бобринскаго, урожденная Унгернъ-Штернбергъ, бывшая въ замужествѣ за извѣстнымъ графомъ Бобринскимъ, уединилась, послѣ кончины мужа своего, въ деревню. Тамъ провела она много годовъ, исключительно посвященныхъ благоустройству значительнаго имѣнія мужа, которое оставилъ онъ обремененнымъ долгами и въ безпорядкѣ. Заботясь объ обезпеченіи матеріальной будущей участи своихъ дѣтей, занималась она вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственною ихъ участью, постоянными стараніями о ихъ воспитаніи и образованіи. Въ томъ и другомъ отношеніи, попеченія нѣжной матери увѣнчались успѣхомъ. Устроивъ хозяйственныя дѣла свои, переселилась она въ Петербургъ. По склонностямъ своимъ и умѣнью жить, графиня была рождена для общества. До кончины своей жила она открытымъ домомъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. „Жить открытымъ домомъ“— выраженіе, нынѣ почти непонятное. Истолкованія ему должно искать въ преданіяхъ, а преданія у насъ скоро стираются. Графиня жила жизнью общежительною, гостепріимною. Она веселилась весельемъ другихъ. Всѣ добивались знакомства съ нею, всѣ ѣздили къ ней охотно. А она принимала всѣхъ такъ радушно, — можно сказать, такъ благодарно, какъ будто мы ее одолжали, а не себя, посѣщая ея домъ. Въ обѣихъ столицахъ давала она праздники. Эти праздники были не только блистательны и роскошны, но и носили отпечатокъ вкуса и художественности. Не жалѣть денегъ на праздникъ еще ничего не значитъ. Въ званіи, въ обязанностяхъ гостепріимной хозяйки дома есть, безъ сомнѣнія, своя доля художества: тутъ надобно призваніе и умѣніе, пріобрѣтаемое опытностью. Эти свойства, эта наука мало-по-малу пропадаютъ. Кто-то замѣтилъ, что общество, что эта гостепріимная, нейтральная область, которую встарину называли „салономъ“, утратила нынѣ свою обаятельтельную прелесть и силу, съ тѣхъ поръ, что не стало *женщины*. Разумѣется, и теперь встрѣчаются милыя и любезныя женщины; но характеръ, но типъ женщины исчезъ. Этой властительницы, этой царицы свѣтской общежительности уже нѣтъ. Она сошла или низвергнута съ престола своего. Кстати здѣсь замѣтить, что для полнаго владычества въ этомъ салонномъ царствѣ, женщинѣ не нужно быть первой молодости, и даже не второй. Молодость живетъ болѣе для себя, молодость себялюбива. Нѣтъ, лучше, если хозяйка дома въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе безпристрастномъ и безкорыстномъ. Можетъ она благополучно царствовать и до глубокой старости, какъ мы это видимъ изъ мемуаровъ французскаго общества послѣдней половины минувшаго столѣтія, т. е. до революціи. Гр. Бобринская имѣла много изъ тѣхъ качествъ и дарованій, которыя даютъ и освящаютъ эту власть.

Графъ А. А., рожденный и воспитанный въ этой средѣ, въ этой благорастворенной атмосферѣ, проникнулся и пропитался ею. Нельзя было найти и придумать собесѣдника, болѣе его пріятнаго, вѣжливаго, болѣе уважающаго того, съ которымъ онъ велъ бесѣду. Когда послѣ самъ зажилъ домомъ, онъ явилъ себя послѣдователемъ, достойнымъ образца своего. Домъ его привлекалъ и собиралъ въ себѣ избранное общество. Приглашалъ ли онъ гостей на свои обѣды или вечера, онъ умѣлъ подбирать, т. е. сортировать гостей своихъ, не столько

по чинамъ, сколько по внутреннему ихъ сходству и сочувствію. Онъ принималъ участіе въ разговорѣ, но не присвоивалъ себѣ въ немъ львиной части и монополіи. Онъ не подчинялъ разговора своему лозунгу, не настраивалъ его подъ свой собственный камертонъ. Каждый держался своего: и эта разноголосица имѣла свою прелесть и окончательно свою гармонію. Князь Козловскій, умный и свѣтскій человѣкъ по превосходству, говорилъ, что умѣнье слушать есть одно изъ первыхъ отличій благовоспитаннаго человѣка. Въ самомъ пылу разговора и сшибки противорѣчащихъ мнѣній, Бобринскій отличался этимъ умѣньемъ.

Въ отношеніи общежительно-хозяйственной науки дѣйствовалъ онъ не одинъ. У него была помощница, его достойная. Графиня Софія Александровна Бобринская, урожденная гр. Самойлова, была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. Есть женскія прелести, такъ-сказать, завоевательныя и побѣдоносныя. Передъ ними и къ ногамъ ихъ кладемъ оружіе съ какимъ-то самолюбіемъ и самодовольствіемъ. Намъ лестно, мы почти гордимся тѣмъ, что удостоились побѣжденія. Есть другія женщины, которыхъ прелесть и власть, такъ-сказать, притягательны. Онѣ не завоевываютъ, не ищутъ побѣды: а просто, невольно, нечувствительно, какъ будто безсознательно, поддаешься ихъ власти. Если позволительно заимствовать такое уподобленіе, то мы сказали бы, что есть женщины, которыя, „*какъ лиліи, не трудятся, не прядутъ*“, но просто красуются и благоухаютъ. Этой прелестью въ высшей степени обладала гр. Бобринская. Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный, свѣжій, совершенно-женственный умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у Двора Императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой была она фрейленой, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна угадала ее по сочувствію и сблизилась съ нею. Этому и слѣдовало быть. Въ ней также таилась не многимъ замѣтная поэтическая струя (здѣсь подъ именемъ поэзіи разумѣемъ все свѣтлое, все возвышенное и чистое, присущее душѣ человѣческой и въ особенности женской). Императрица часто съ нею видалась и вела постоянную переписку. Сколько въ этихъ письмахъ должно таиться драгоцѣнныхъ царскихъ жемчужинъ и чисто человѣческихъ сокровищъ! Какъ не пожалѣть, что подобныя драгоцѣнности остаются подъ спудомъ! Сколько неизвѣстныхъ намъ подземныхъ родниковъ ожидаютъ еще воздуха и свѣта! Часто при жизни знаемъ мы людей по одной ихъ внѣшности и обстановкѣ; по этимъ наружнымъ знакамъ и судимъ о нихъ. Мы знаемъ и видимъ только то, что лицомъ къ лицу обращено къ обществу. Бываетъ — хотя и рѣдко—что, вопреки извѣстной поговоркѣ, обратная сторона медали еще прекраснѣе и драгоцѣннѣе лицевой стороны. Не всѣмъ даны случаи и умѣнье заглядывать во внутренніе тайники и святилища. Можно намъ позавидовать внукамъ нашимъ, которымъ, можетъ быть, сдѣлаются доступны эти пока потаенныя сокровища: имъ, можетъ быть, нѣкогда посчастливится раскрыть эти родники и утолить жажду свою ихъ свѣтлою и прозрачною свѣжестью.

Графиня мало показывалась въ многолюдныхъ обществахъ. Она среди

общества, среди столицъ, жила какою-то отдѣльною жизнію — домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственною дѣятельностью; она, такъ сказать, издали и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и проницательностью. Салонъ ея былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились не многіе, но избранные. Сходились люди, которымъ потребно было послѣ заботъ, а иногда и пустыхъ развлеченій дня, насладиться часъ или два пріятнымъ разговоромъ, обмѣномъ мыслей и впечатлѣній. Молодые люди могли тутъ научиться свѣтскимъ условіямъ вѣжливаго и утонченнаго общежитія. Дипломаты, просвѣщенные путешественники находили тутъ осуществленіе преданій о томъ гостепріимствѣ, о тѣхъ салонахъ, которыми нѣкогда славились западныя столицы. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей любили тутъ искать и находить не тупое и праздное, а умственное отдохновеніе отъ трудовъ, а иногда и докукъ, своей дневной дѣятельности. Графъ Нессельродъ занималъ тутъ едва ли не первое мѣсто. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ были двѣ натуры: одна — совершенно оффиціальная и дипломатическая, способная и прилежная къ государственной работѣ, къ благоразумному разрѣшенію, а подъ часъ и ловкому обходу, высшихъ политическихъ задачъ, холодная, осторожная, вѣчно безотвѣтная на всѣ вопросы нескромнаго любопытства. На безстрастномъ лицѣ его была какъ будто врѣзана надпись, въ родѣ Дантовской: „Вы, которые приступаете ко мнѣ, *оставьте надежду* что нибудь узнать отъ меня.“ Эта натура была, такъ сказать, мундиръ его: онъ снималъ ее съ плечъ по окончаніи служебной дѣятельности. Тутъ запиралъ онъ ее вмѣстѣ съ дѣлами и бумагами подъ ключъ въ свой письменный столъ. Кажется, еще глубже и крѣпче запиралъ онъ въ особенный, потаенный ящикъ ума своего заботы, мысли и самую память о дѣлахъ. Тогда пробуждалась и выходила на смѣну первой другая натура, болѣе сообщительная, даже веселая и радушная. Тогда, и въ старости, проявлялась въ немъ молодость съ ея живыми потребностями и воспріимчивостію. Онъ любилъ поэзію, цвѣты, театръ, музыку; онъ любилъ дамское общество, чуждое политическихъ притязаній на обсужденіе современныхъ вопросовъ. Съ этими вопросами онъ уже разъ покончилъ, выходя изъ своего кабинета, и не хотѣлъ вечеромъ быть снова на стражѣ и на часахъ, чтобы отбиваться отъ приступовъ политической назойливости. Салонъ гр. Бобринской былъ любимымъ пріютомъ его. Здѣсь наслаждался онъ затишьемъ и тихою радостью прекраснаго вечера. Непосредственно за именемъ гр. Нессерольда могло-бы слѣдовать другое имя, которое сочувственно и родственно складывается съ именами графини и графа Бобринскихъ. Но мы здѣсь о живыхъ говорить не хотимъ. Мы исключительно остаемся въ тихомъ пристанищѣ и объемѣ некрологическихъ границъ.

Мы уже замѣтили, что графиня была домосѣдка. Мужъ ея охотно принималъ гостей у себя, но и самъ охотно ѣздилъ въ общество. Въ теченіи многихъ лѣтъ, былъ онъ постояннымъ и блестящимъ посѣтителемъ столичныхъ собраній Петербурга и Москвы. Утро его посвящено было пытливости, ученію и хозяйственнымъ дѣламъ, которыя, по обширности и многосложной спеціальности, требовали неусыпныхъ заботъ. Было время: утро его было исключительно посвящено службѣ. Помню, какъ мы съ нимъ по сосѣдству просиживали утро за департаментскимъ столомъ — онъ въ канцеляріи по кредитной части, я по департаменту внѣшней торговли. Въ

промежуточныя минуты, *рекреаціи*, выбѣгали мы другъ къ другу, чуть-ли не съ перомъ за ухомъ, чтобы обмѣниваться нѣсколькими пріятельскими словами и условливаться, какъ бы и гдѣ бы встрѣтиться въ теченіи дня. Послѣ урочныхъ часовъ (должно признаться, что онъ всегда позднѣе меня засиживался) отряхивали мы съ себя— онъ кредитныя, я таможенныя числа и, оправляя крылья свои, вылетали изъ своихъ клѣтокъ на чистый воздухъ. Часто встрѣчались мы съ нимъ въ кабинетѣ графа Канкрина, но уже не чиновниками, а внимательными слушателями его живой, остроумной и всегда своеобразной рѣчи. Встрѣчались мы часто и въ домѣ графа и графини Фикельмонъ, которые оставили у насъ по себѣ незабвенную память. Ихъ салонъ былъ также европейско-русскій. Въ немъ и дипломаты и Пушкинъ были дома. Въ то время было нѣсколько подобныхъ общественныхъ средоточій, о которыхъ нынѣ можно сказать: „преданья старины глубокой.“ Бобринскій любилъ женскую аудиторію. Рѣчь его была свободна, иногда цвѣтиста, но чужда всякаго педанства. Онъ довольно охотно и слегка преподавалъ слушательницамъ любимые предметы своего ученія и новыхъ открытій.

Такъ протекли многіе годы. Въ 1856 году Бобринскій отправился въ свое Кіевское помѣстье, куда нерѣдко вызывали его потребности личнаго хозяйственнаго надзора. Тутъ заболѣлъ онъ и заболѣлъ опасно. По первому извѣстію о томъ, графиня, почти никогда не выѣзжавшая изъ Петербурга, отправилась къ мужу. Съ этой поры наступилъ рѣшительный переломъ въ ихъ образѣ жизни. Со дня отъѣзда ея, всѣмъ намъ знакомые и привлекательные домъ въ Галерной улицѣ и дача на Каменномъ острову опустѣли. Хозяева ихъ окончательно остались въ деревнѣ. Блестящая Петербургская жительница перенесла въ свое уединеніе склонности, привычки, всю внутреннюю и внѣшнюю обстановку своей прежней жизни. Мнѣ не удалось навѣстить ихъ, но я увѣренъ, что тамъ устроилась эта vie de château (выраженіе, едва переводимое на русскій языкъ и пока на русскую дѣйствительность), которою мы такъ любуемся въ хорошихъ англійскихъ романахъ. Тутъ, во всей стройной полнотѣ хорошо придуманной домовитости, складывается и перерождается свѣтская жизнь: она очищена отъ всѣхъ столичныхъ повинностей и тягостей, но сохраняетъ всѣ вещественныя и умственныя удобства, не исключая и прихотей. А вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ и независимость, и досуги, и спокойствіе жизни деревенской.

Около десяти лѣтъ не видались мы съ Бобринскимъ, даже не было между нами и письменнаго сообщенія. Нечаянно судьба свела насъ въ Петербургѣ: онъ пріѣзжалъ на время изъ деревни, я возвращался изъ-за границы. Мы встрѣтились, какъ будто разстались вчера, какъ-будто продолжая только-что прерванный разговоръ. Въ этотъ пріѣздъ онъ возобновилъ свои прежнія связи. Нечего и говорить, какъ пріятели его ему обрадовались. Они убѣдились, что года и болѣзнь не остудили прежняго пыла его, не истощили живыхъ запасовъ внутренней его бодрости. Въ старомъ, то есть постарѣвшемъ, Бобринскомъ нашли мы прежняго Бобринскаго, съ нѣкоторыми оттѣнками съ лѣтами нажитой опытности. Онъ былъ какъ-будто еще болѣе кротокъ, доброжелателенъ и дружелюбенъ. Конецъ пребыванія его между нами омраченъ былъ великою скорбью. Нечаянный и роковой ударъ поразилъ его въ самую глубь сердца; болѣзненно отозвался онъ и въ насъ. Онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ нѣжно-любимой жены своей. Отправившаяся изъ Россіи для возстановленія разстроеннаго здоровья, она умерла въ Парижѣ. Ихъ, нѣсколько лѣтъ соеди-

ненныхъ въ деревнѣ общею и постоянно-неразрывною жизнію, судьба разлучила, казалось, на время, какъ будто съ тѣмъ, чтобы она предъ кончиною своею не имѣла отрады пожать на прощаніи дружескую и милую ей руку, чтобы онъ не могъ оказать ей послѣднія нѣжныя заботы и принять послѣдній вздохъ жизни, ему цѣло, нѣжно и свято преданной.

Позднѣе съѣхались мы съ нимъ лѣтомъ 1867 года въ Ливадіи, гдѣ прожилъ онъ недѣли двѣ гостемъ Царскаго Семейства. Тутъ опять, разумѣется, были мы съ нимъ неразлучны: гуляли по живописнымъ окрестностямъ, вспоминали свою старину и другъ другу повѣряли свои потаенныя мысли и чувства.

Лѣтомъ 1868 года неожиданно встрѣтилъ я его въ Москвѣ. Онъ пріѣзжалъ туда печатать книгу свою: „*О примѣненіи системъ охранительной и свободной торговли къ Россіи*.“ Не признавая себя законнымъ судьей подобнаго труда, не буду оцѣнивать его. Около двадцати лѣтъ прослужилъ я по вѣдомству министерства финансовъ; но, долженъ я сознаться, служилъ не по призванію, а по обстоятельствамъ. По мѣрѣ силъ и способностей своихъ старался я исполнять обязанность свою усердно и добросовѣстно, но исполнялъ ее безъ увлеченія, безъ вдохновенія: а нѣкоторая доля вдохновенія нужна и въ примѣненіи къ самымъ сухимъ занятіямъ. Въ этомъ-то и заключалось особенное свойство Бобринскаго. Онъ съ вдохновеніемъ, со страстью принимался за всякое дѣло. Вычисленія, цыфры не пугали его. Но для меня истина цыфръ казалась всегда самою головоломною, наименѣе привлекательною, и даже наименѣе убѣдительною истиною. Онъ находилъ въ нихъ рычагъ, которымъ поднималъ и разрѣшалъ жизненные вопросы гражданскаго устройства: политическая экономія, статистика живутъ, дѣйствуютъ, господствуютъ цыфрами. Въ молодости и зрѣломъ возрастѣ, можетъ быть, Бобринскій и носилъ въ себѣ нѣкоторые зародыши благороднаго честолюбія; но съ умиротвореніемъ годовъ и при опытности жизни они дальнѣйшихъ ростковъ не пустили, а окончательно заглохли. Слѣдовательно, въ появленіи книги его непозволительно искать тайныхъ помышленій и личныхъ видовъ. Справедливѣе будетъ признать въ этомъ дѣло честнаго и добросовѣстнаго труженика. Ею достойно завершилъ онъ свою многостороннюю дѣятельность, свое желаніе и всегдашнее стремленіе быть полезнымъ обществу.

Странное и грустное сближеніе обстоятельствъ! Графиня Бобринская, прожившая послѣдніе года неразрывно, такъ сказать, рука въ руку и, за нѣкоторыми временными исключеніями, съ глазу на глазъ съ мужемъ,—умираетъ вдали отъ него. Онъ, почти постоянно имѣвшій при себѣ, въ деревнѣ своей, часть своего семейства, умираетъ одинъ. Сыновья его только-что разъѣхались. Одинъ изъ нихъ съ своимъ семействомъ провелъ у него нѣсколько мѣсяцевъ и долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Другой, неожиданно и по собственной волѣ отправился на дняхъ въ Америку, съ цѣлью изучать систему американскихъ желѣзныхъ дорогъ, для возможнаго примѣненія ихъ къ нашимъ. Третій сынъ былъ также въ отсутствіи. Зная Бобринскаго, можно угадать, какъ отрадна была ему поѣздка сына за дальній океанъ, не просто путешественникомъ, а искателемъ пользы. Въ немъ могъ узнать онъ кровь и плоть свою, духъ и предпріимчивость.

III.

Не все сказали мы о Бобринскомъ, что можно было бы сказать. Но надѣемся, что и сказаннаго нами достаточно, чтобы нѣсколько ознакомить и

сочувственно сблизить съ нимъ незнавшихъ его, а предъ тѣми, которые знали его и были ему пріятелями, возсоздать въ легкомъ очеркѣ нѣкоторыя черты этого милаго и незабвеннаго спутника и товарища нашего.

Другимъ, болѣе свѣдущимъ цѣнителямъ, предоставляемъ мы задачу опредѣлить въ исторіи промышленности нашей и вообще нашего экономическаго развитія мѣсто, которое ему достойно подобаетъ. А на такое мѣсто имѣетъ онъ, безъ сомнѣнія, полное право. Онъ положилъ первыя желѣзные рельсы на русской почвѣ. Это была попытка, которой важность и богатыя послѣдствія должны были обнаружиться позднѣе. Онъ поступилъ съ общественнымъ мнѣніемъ, какъ съ ребенкомъ,—сперва заманивая его, словно игрушкою. Онъ устроилъ желѣзный путь между Петербургомъ и увеселительнымъ Павловскимъ воксаломъ. Но онъ предчувствовалъ, что рельсы его разростутся. Онъ разчелъ, что удобство, съ которымъ можно прокатиться до Павловска, родитъ желаніе съ такимъ же удобствомъ прокатиться до Москвы, и такъ далѣе. Въ этой попыткѣ, какъ въ могущественномъ зародышѣ, таилось до времени сближеніе Балтійскаго моря съ Чернымъ, промышленныхъ нашихъ областей съ хлѣбородными—однимъ словомъ, таились новыя звѣнья, которыми русская дѣятельность прочно и плодотворно связывалась съ дѣятельностью всемірною. Предчувствіе его долго не разрѣшалось отъ бремени. Но онъ отъ него не отказывался, онъ не отчаявался въ немъ. Онъ дожилъ еще до той отрады, что могъ видѣть и убѣдиться въ томъ, что съ легкой руки его и съ первоначальной мысли его, дѣло пошло въ ростъ и въ даль.

Свекловично-сахарная промышленность извѣстна у насъ уже съ начала столѣтія, но только въ видѣ частныхъ и робкихъ начинаній. Бобринскій вынесъ ее на плечахъ своихъ и далъ ей важность и размѣры государственной промышленности. Водвореніе въ какой нибудь мѣстности промышленности обширной и значительной есть не только личное предпріятіе и частная спекуляція: оно вмѣстѣ съ тѣмъ истинное и общее благодѣяніе для края, по которому она разливается. Въ сторонѣ малолюдной, безжизненной она создаетъ средоточіе дѣятельности, новой жизни; привлекаетъ къ себѣ, воплощаетъ въ себѣ частныя и личныя силы, остающіяся праздными въ своемъ единичномъ безсиліи. За такимъ водвореніемъ промышленности, человѣчески и разумно постигаемой, послѣдовательно возникаютъ мастерскія, училища, больницы. Кругомъ разносится благосостояніе, улучшается, просвѣщается смиренная и скудная доля работника. Тѣмъ важнѣе, тѣмъ плодотворнѣе польза подобной промышленности, когда она вызывается изъ нѣдръ естественной почвы, когда почерпаетъ она пособія и силы свои въ распространеніи и улучшеніи земледѣлія. Въ этомъ отношеніи, графъ Бобринскій многое сдѣлалъ для многихъ въ живой средѣ частной своей дѣятельности. Этою дѣятельностью, еще во время оно, возвысилъ онъ и нравственно облагородилъ званіе и права помѣщика.

Эти заслуги его предъ Россіею должны быть приведены наукою въ извѣстность и въ цыфры. Мы уже откровенно и смиренно признались, что этотъ трудъ намъ не по силамъ и не по нашей части (*).

(*) Въ числѣ предшественниковъ Бобринскаго, по сахарной промышленности, нельзя забыть нашего общаго съ нимъ пріятеля, Димитрія Александровича Давыдова. Онъ также положилъ въ нее много лѣтъ, много усилій и трудовъ и много денегъ,—едва ли не все свое благосостояніе, заключавшееся въ милліонѣ рублей ассигнаціями. Удача не вознаградила его усердія и пожертвованія; но и самыя неудачи, тяжкія для того, кто ихъ понесъ, могутъ служить полезнымъ указаніемъ и предостереженіемъ для другихъ: слѣдовательно, также имѣютъ свою общую пользу.

Въ нашихъ воспоминаніяхъ мы не имѣли цѣлію выставить вполнѣ общественную и государственную дѣятельность графа Бобринскаго: мы только хотѣли обрисовать его личность и указать на любезныя и благородныя свойства, которыя въ общественной жизни—нравственной и гласной—давали ему полное право на уваженіе и любовь современниковъ. А современникамъ предстоитъ обязанность замолвить о такомъ человѣкѣ, хотя и частнымъ образомъ, доброе и памятное слово грядущимъ поколѣніямъ.

Князь Вяземскій.

Царское Село.
Октябрь. 1868.

МОСКОВИТЫ У НѢМЦЕВЪ

въ 1576 году.

Въ 1576-мъ году Царемъ Московскимъ были отправлены къ Кесарю легкіе послы: князь Захарій Ивановичъ Сугорскій-Бѣлозерскій и дьякъ Андрей Арцыбашевъ. Іюля въ 7-ый день они пріѣхали въ Рейнспоркъ (Regensburg); 16-го числа, въ понедѣльникъ, получили торжественный пріемъ. Все это описано въ первомъ томѣ *Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. С. Петербургъ, 1851*, столбцы 703 и 704.

Недавно отысканы въ Германіи современныя гравюры, съ изображеніемъ этого пріема; онѣ находятся въ Висбаденскомъ музеѣ; тамъ ихъ четыре, склеенныхъ боками, одна за другою вмѣстѣ.

Четвертая намъ была уже извѣстна; неполный экземпляръ оной находится въ Императорской библіотекѣ и представляетъ богослуженіе Московитовъ; надъ этимъ изображеніемъ слѣдующая печатная надпись:

Contrefactur der Kirchen-Ceremonien so die Moscowitter bei jrem Gottesdienst gebrauchen. Wie auf dem jetzgen Reichstag zu Regenspurg ist geschehen worden, im Jahr 1576.

Но у этого экземпляра, хранящагося въ Петербургѣ, отрѣзанъ низъ; въ Висбаденѣ же тутъ напечатано въ три столбца слѣдующее:

Въ первомъ столбцѣ:

So du jrn Gottsdienst wissen wilt,
Sie haben Christenliche Bild,
Wellicher fünff an der zal war,
Gantz und gar gleich einem Altar.
Und das Principal Bildnuß,
War unser lieber Herr Christus,
Vor jedem Bild bran ein Wachßliecht,
Auch hat man mich fürwar bericht,
Das ihr Priester Griechisch Münch sein,
Vor dem Altar sah ich stehn ein
Inn solcher Kleidung, form und gstalt,
Wie in dieser figur ist gmalt,
Der hat in einem Buch gelesen,
Zwei Moscowitter sind neben ihm gwesen,

Во второмъ:

Die dienten ihm zu Altar,
Einer zur rechtn, der ander zur linckn zwar
Bißweilen laß einr und sungen zwen
Bald lassen zwen, sung einer denn.
Noch eines mercke dieser zeit:
Wann der Name der H. Dreifaltigkeit
Inn ihrer Sprache wird benendt
Bald so machen sie an dem endt
Für sich drey Creutz an stirn und brust,
Wie mir dann solchs ist wol bewust,
Und falle, mit andechtigr geberd,
Auff ihr angesichter zur Erdt.

Въ третьемъ: молитва (Gebett) въ шести стихахъ, далѣе надпись: Gedruckt zu Prag bei Michael Peterle и запрещеніе перепечатывать.

Эта четвертая гравюра, изображающая молящихся, должна считаться отдѣльною; но первыя три составляютъ

одно цѣлое и должны быть соединены; надъ всѣми тремя напечатана наборомъ одна неразрывная сплошная надпись, которая въ Висбаденѣ закрашена, но изъ подъ краски разбирается такъ:

Warhafftige Contrefactur der Legation oder gesandten des Groß fürsten aus Moscaw, an die Römische Kayserliche Mayestät: Auch in was Kleydung und gestalt ein jeder gen Hof gezogen, da sie der Römischen Kayserlichen Mayestät den Credentz Brieff und Geschenck überantwort haben, zu Regenspurg auf diesen Reichstag, den achtzehenden Julij dieses MDLXXVI Jars. Замѣтимъ мимоходомъ, что по нашимъ памятникамъ пріемъ пословъ отнесенъ къ 16-му, а по нѣмецкимъ эстампамъ къ 18-му числу Іюля.

На всѣхъ этихъ трехъ гравюрахъ вмѣстѣ, изображено 28 Московитовъ въ порядкѣ торжественнаго ихъ шествія; подъ гравюрами напечатаны въ стихахъ и прозѣ: перечень именъ и подносимыхъ подарковъ, описаніе одеждъ и ихъ цвѣта. Впереди идетъ Knesch Zachary Iwanowitsch Sugurski, Stadhalter am Weissen Sehe; съ нимъ рядомъ Andre Gawrillowitz Ertzy Buschuf; потомъ Trzetziajk (Третьякъ), Dymitrewf sohn, Subaty; тутъ же Mamley, Ivans sohn и Affannasy, Michaels son, Monastiref. Монастыревъ несетъ на подушкѣ царское письмо; за нимъ остальныя лица, изъ коихъ девять несутъ дары Царя, дары посланниковъ и свои собственные, какъ это изъяснено въ подписяхъ. Наши соотечественники представлены очень некрасивыми людьми, но они богато одѣты. На третьемъ листѣ, сверхъ прочаго, та же подпись о мѣстѣ изданія (Prag), издатель Michael Petterle на этотъ разъ названъ съ двумя t.

Михаилъ Петровичъ Демидовъ заказалъ фотографическіе снимки съ этихъ рѣдчайшихъ гравюръ; одинъ экземпляръ снимковъ поднесенъ имъ Императорской Публичной библіотекѣ, другой — Чертковской, третій назначенъ въ здѣшній Музей. Снимки сдѣланы не въ настоящую величину, а въ половинную; судя по этому — подлинные листы должны быть in folio (полдесть). Эти подлинники раскрашены, что было неудобно для фотографа; фотографіи же не раскрашены, такъ что мы только по нѣмецкимъ подписямъ можемъ судить о цвѣтѣ изображенныхъ одеждъ.

Москва, 7-го Ноября 1868 г. *Э. С.*

Чертковская библіотека крайне благодарна М. П. Демидову за этотъ прекрасный подарокъ; желательно, чтобы больше нашихъ путешественниковъ послѣдовало сему примѣру, отыскивая за границею неизвѣстные еще памятники Русской старины; а ихъ вѣроятно еще много. Описаніе этихъ гравюръ помѣщено также въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1868, № 322. *П. Б.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ

„КАВКАЗЪ“

ВЪ 1869 ГОДУ.

Въ 1869 году „Кавказъ“ будетъ издаваться по той же программѣ какъ и въ нынѣшнемъ. Въ составъ газеты войдутъ: 1) Офиціальная лѣтопись. 2) Передовыя статьи по вопросамъ нашего матеріальнаго и нравственнаго быта. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ здѣшняго края, Персіи и Турціи. 5) Политическія извѣстія. 6) Телеграммы. 7) Разныя извѣстія. 8) Торговыя свѣдѣнія. 9) Казенныя объявленія. 10) Объявленія частныхъ лицъ. Кромѣ того въ газетѣ будутъ помѣщаться статьи литературно-ученаго содержанія, критическіе разборы замѣчательныхъ сочиненій о Кавказѣ и библіографическія извѣстія.

Метеорологическія наблюденія, съ наступленіемъ 1869 года будутъ сообщаемы нами—не только производимыя на здѣшней обсерваторіи, но и изъ другихъ пунктовъ Кавказа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою на домъ въ Тифлисѣ и съ пересылкою въ другіе города:

На годъ	12 р. 50 к.
— полгода	6 — 50 —

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: *Въ Тифлисѣ* въ конторѣ редакціи, въ домѣ г. Гамбарова. *Въ С.-Петербургѣ*: въ газетной экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта. *Въ Москвѣ:* у книгопродавца Клачкова.

МОСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

съ января 1869 года.

Будутъ издаваться, по благословенію Святѣйшаго Сvнода, при Московскомъ Обществѣ любителей Духовнаго Просвѣщенія, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ, въ 4-ю долю листа.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ, въ конторѣ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей при епархіальной библіотекѣ въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ книжной лавкѣ: „Русская Грамота" и у книгопродавца Андрея Николаевича Ѳерапонтова.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ Кораблева и Сиракова и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ имперіи.

Цѣна годовому изданію ТРИ рубля; съ доставкою и пересылкою ЧЕТЫРЕ рубля.

Общество любителей духовнаго просвѣщенія покорнѣйше проситъ редакціи вѣдомостей, газетъ и журналовъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ присылать въ обмѣнъ свои изданія, если то найдутъ для себя удобнымъ, адресуя на имя секретаря общества, священника Ризположенской, близь Донскаго монастыря, церкви Виктора Петровича Рождественскаго.

Къ нему же просятъ присылать статьи для помѣщенія въ Вѣдомостяхъ. Всѣ статьи, замѣтки и свѣдѣнія, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ принимаемы съ благодарностію.

съ 1863 года общество издаетъ

ЧТЕНІЯ

въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.

Въ будущемъ 1869 году оно предполагаетъ выпустить 4 книжки ЧТЕНІЙ въ размѣрѣ отъ 10 до 12 листовъ каждая.

Въ нихъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ помѣщаться статьи догматическія, нравственныя, полемическія, церковно-историческія, матеріалы для біографіи Московскаго митрополита Филарета и исторія московскаго епархіальнаго управленія съ 1721 г.

Годовая цѣна 3 р., съ доставкою и пересыл. 4 р.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"

ВЪ 1869 ГОДУ.

Изданіе журнала **Душеполезное Чтеніе**, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1869 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворить потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. По этой части редакція будетъ продолжать начатый ею въ 1866 году трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, извѣстныхъ подъ именемъ *паремій*. 2) Статьи догматическаго и нравоучительнаго содержанія. При семъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Разсказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской церкви. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному богослуженію. 6) Очерки изъ священной географіи. 7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ. 9) Миссіонерскія записки 10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Душеполезное Чтеніе по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки остается прежняя: 3 р. с.; съ доставкою въ домъ жителямъ Москвы—3 р. 50 к., какъ и прежде. Но цѣна изданію съ пересылкою иногороднымъ, вслѣдствіе новыхъ почтовыхъ правилъ, увеличивается на 25 копѣекъ: иногородные подписчики благоволятъ присылать за годовое изданіе съ пересылкою не 3 р. 50 к., какъ было прежде, а 3 р. 75 копѣекъ.

Оставшіеся неразобранными полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** за 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы отпускаются по *два* рубля съ пересылкой, за 1867 и 1868 годы по 3 р. 50 коп. съ пересылкою.

Подписка на **Душеполезное Чтеніе** принимается: **Въ Москвѣ:** въ домѣ редактора, священника Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, Василія Нечаева; въ конторѣ Университетской типографіи; у книгопродавцевъ Соловьева, Глазунова, Ѳерапонтова и Салаева. **Въ С.-Петербургѣ:** въ книжныхъ магазинахъ Базунова и Глазунова.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки *исключительно* въ редакцію **Душеполезнаго Чтенія** въ Москвѣ. Въ почтовыхъ мѣстахъ допускается только пріемъ пакетовъ съ подпискою, адресуемыхъ въ Редакцію, а не самая подписка.

Издатель и редакторъ священникъ **ВАСИЛІЙ НЕЧАЕВЪ.**

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА

ЗА ПЕРВЫЯ ПЯТЬ ЛѢТЪ СЕГО ИЗДАНІЯ.

(1863. 1864. 1865. 1866 и 1867.)

Указанія страницъ на 1863, 1864 и 1865 годы сдѣланы по вторымъ, болѣе распространеннымъ изданіямъ этихъ годовъ.

ДО ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго (1614 года), съ замѣткою К. Н. Бестужева-Рюмина. **1863,** 42—82.

Замѣчательный портретъ патріарха Филарета. Л. П. Яковлева. **1863,** 82—84.

Списокъ съ челобитной Василія Васильева сына Полозова. **1865,** 19—24.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ЕКАТЕРИНА I.

Хозяйственныя распоряженія Екатерины Іоанновны и Прасковьи Іоанновны. **1865,** 323—330.

Первая супруга Петра I, Евдокія Θеодоровна. Статья И. М. Снегирева. **1863,** 114—125.

Старинная пѣсня о царицѣ Евдокіи Θеодоровнѣ, съ нотами и замѣткой кн. В. Θ. Одоевскаго. **1863,** 125—129.

Письма Петра Великаго къ кн. Θедору Юрьевичу Ромодановскому. **1865,** 25—62.

Шуточный патентъ Петра Великаго думному дворянину Прокопію Ушакову. **1865,** 61—62.

Разсказъ Петра Великаго о Никонѣ, съ примѣч. П. Алексѣева. **1863,** 92—102.

О зачатіи и зданіи царствующаго града С.-Петербурга. **1863,** 103—114.

Пункты о Петергофѣ, Петра Великаго. **1863,** 333—334.

Петръ Великій въ Парижѣ, статья М. П. Полуденскаго. **1865,** 63—90.

Просьба Петра Апраксина и рѣшеніе Петра Великаго. **1863,** 334—337.

Письмо Якова Брюса къ Петру Великому о крѣпостныхъ строеніяхъ. **1867,** 1185—1186.

Прошеніе Петру Великому танцовальнаго учителя Стефана Рамбурха. **1867,** 1187—1188.

Свѣдѣнія о Васильѣ Кипріановѣ, библіотекарѣ Московской гражданской типографіи при Петрѣ I, съ предисловіемъ М. Д. Хмырова. **1866,** 1291—1300.

Путешествіе въ святую землю священника Іоанна Лукьянова. **1863,** 129—332.

Замѣтка о путешествіи Лукьянова, П. И. Бартенева. **1863,** 332—333.

Еще о путешествіи Лукьянова, Г. А. Милорадовича **1864,** 1167—1168.

Безпечальный монастырь. Легенда о Петрѣ Великомъ. **1864,** 141—143.

Малоизвѣстный анекдотъ о Петрѣ Великомъ. **1867,** 1341—1342.

Письмо Спафарія къ боярину Головину. **1867,** 308—309.

Письма (гр.) П. А. Толстаго изъ Турціи къ брату его И. А Толстому. **1864,** 144—160.

Письмо Θеофана Прокоповича къ Кіевскому архіепископу о Братскомъ Училищномъ монастырѣ. **1865,** 329—336

Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. М. Н. Лонгинова. **1864,** 218—232.

Контръ-адмиралъ Никита Петровичъ Вильбуа (автобіографическія показанія). **1867,** 1188—1203.

Записки графа Бассевича, служащія къ поясненію нѣкоторыхъ событій изъ времени царствованія Петра Великаго (1713—1725). Перев. съ французскаго И. Ѳ. Аммона. **1865,** 92—274.

Письма и выписки изъ писемъ С.-Петербургскаго генералъ-полицеймейстера Девіера къ князю А. Д. Меншикову (числомъ 65). **1865,** 274—318.

Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божіей Матери и паденіи гетмана Мазепы предъ Покровской церковью, въ Переяславлѣ, статья А. В. Терещенки. **1865,** 317—322.

Похв. слово Софронія Лихуды Екатеринѣ I, съ замѣткою В. М. Ундольскаго. **1863,** 337—356.

Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія. **1864,** 160—207.

ПЕТРЪ II-Й.

Прошеніе Малороссіянъ императору Петру II. **1864,** 207—217.

Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ 1721 и 1727 гг. **1867,** 321—332.

Ссылка графа Санти въ Сибирь. **1866,** 273—284.

АННА ІОАННОВНА.

Царствованіе Анны Іоанновны (изъ Германа), переводъ съ нѣмецкаго. **1866,** 1—38, 137—171, 661—674, 1349—1374, 1508—1538.

Диспозиція и церемоніалъ торжественнаго въѣзда императрицы Анны Іоанновны въ С.-Петербургъ, 16 Генваря 1732 года. **1867,** 332—341.

Письмо Ѳеофана Прокоповича къ импер. Аннѣ, въ защиту православныхъ Славянъ. **1863,** 357—362.

Докладъ импер. Аннѣ кн. Шаховскаго. **1866,** 48—50 (объ отношеніяхъ Нѣмцевъ къ Русскимъ въ службѣ).

Донесеніе Московскаго генералъ-губернатора гр. С. А. Салтыкова къ импер. Аннѣ о кн. Долгорукихъ. **1866,** 46—48.

Изъ жизни государыни-невѣсты княжны Е. А. Долгорукой, статья Р. Г. Игнатьева. **1866,** 38—46.

Памятныя записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. **1867,** 1—64.

Челобитная княгини Н. Б. Долгорукой. **1867,** 1167—1168.

Бисмаркъ на русской службѣ, статья кн. А. П. Голицына. **1867,** 904—911.

Для біографіи герцога Бирона (сообщено С. М. Соловьевымъ). **1867,** 469—473.

Письмо придворнаго шута Петра Мира къ Флорентинскому герцогу. **1864,** 232—235.

Подлинныя бумаги по дѣлу о убіеніи Синклера, съ предисловіемъ Ю. В. Толстаго. **1866,** 674—685.

Царствованіе Іоанна VI Антоновича (изъ сочиненія Германа). Переводъ съ нѣмецкаго **1867,** 161—189.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.

Шесть писемъ А. П. Волынскаго къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. **1865,** 337—344.

Черты изъ жизни имп. Елизаветы Петровны въ царствованіе Анны. **1865,** 343—346.

Письмо Шотландцевъ къ имп. Елизаветѣ Петровнѣ. **1865,** 347—352.

Совѣтъ Фридриха Великаго имп. Елизаветѣ Петровнѣ (объ угнетеніи Брауншвейгской фамиліи). **1866**, 1541—1544.

Русскіе солдаты въ Пруссіи. **1866**, 1539—1541.

Два письма Арсенія Мацѣевича къ имп. Елизаветѣ. **1866**, 50—52.

Къ характеристикѣ Арсенія Мацѣевича (его мѣры по Ярославской епархіи). **1863**, 376—380.

Убожество православныхъ церквей въ Польшѣ (1760). **1864**, 227—274.

Письмо канцлера Бестужева-Рюмина къ Константинопольскому патріарху о скоромной пищѣ въ посты. **1865**, 351—354.

Письмо принца Августа Голштинскаго съ замѣчаніями имп. Елизаветы и канцлера гр. Бестужева-Рюмина. **1863**, 362—367.

Допросы гр. Миниху, гр. Головкину, гр. Остерману 1742 года **1864**, 235—272.

Фельдмаршалъ Минихъ изъ Сибири. (Письма его къ имп. Елизаветѣ). **1865**, 353—382.

Еще письмо гр. Миниха изъ Сибири. **1866**, 171—185.

Для біографіи графа Іоанна Эрнста Миниха. **1866**, 1544—1567.

Къ исторіи семилѣтней войны, записки пастора Теге. **1864**, 274—336.

Письма гр. Михаила Петровича Бестужева-Рюмина къ Ивану Ивановичу Шувалову. **1863**, 367—375.

Письма гр. М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову **1864**, 336—400.

Бумаги кн М. Н. Волконскаго. **1865**, 681—722.

Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ. М. Ѳ. Шугурова. **1866**, 304—324.

Салтычиха. Статья П. Г. Кичѣева. **1865**, 641—652.

ПЕТРЪ III.

Письма имп. Петра III къ И. И. Шувалову. **1866**, 580—583.

Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III, П. К. Щебальскаго. **1866**, 284—304.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И ЕЯ ВѢКЪ.

Разсказы имп. Екатерины II-й о первыхъ пяти годахъ ея царствованія. **1865**, 479—494.

Двѣ замѣтки Екатерины II (о предсмертныхъ мысляхъ имп. Елизаветы и о женитьбѣ В. К. Константина Павловича). **1863**, 382—387.

Нравственные идеалы Екатерины II (Ея замѣтка на экземплярѣ Фенелонова Телемака). **1863**, 380—382.

О видахъ добра. (Замѣтка Екатерины II, написанная для гр. А. С. Строганова). **1864**, 404—407.

Распоряженіе Екатерины II (чтобъ дѣти не забавлялись солдатствомъ). **1865**, 624—626.

Духъ Екатерины II-й (Ея отзывы и мнѣнія). **1865**, 495—510.

Записка Екатерины II о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства. **1866**, 399—422.

Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова. Письма къ нему Екатерины II, импер. Павла Петровича и Александра Павловича и нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ. **1864**, 420—476.

Письма Екатерины II къ А. И. Бибикову во время Пугачевскаго бунта. **1866**, 388—398.

Письма Екатерины II къ А. И. Вяземскому. **1865**, 625—632.

Письма импер. Екатерины II-й къ И. Ѳ. Глѣбову, съ приложеініями. **1867**, 342—364.

Письмо Екатерины II къ кн. М. М. Голицыну (о путешествіяхъ въ чужіе края). **1865,** 624.

Инструкція генералъ-поручику Заборовскому, при отправленіи его въ Средиземное море (1788). **1866,** 1373—1394.

Письма Екатерины II къ А. В Олсуфьеву (числомъ 167). **1863,** 391—470.

Записка Екатерины II къ духовнику ея протоіерею Панфилову. **1864,** 407—410.

Письмо импер. Екатерины II къ кн. Потемкину (о Зубовѣ). **1864,** 568—570.

Письма импер. Екатерины II къ кн. Н. И. Салтыкову (1763—1796). **1864,** 477—542.

Матеріалы для исторіи Морейской экспедиціи. 1770 г., два рескрипта Спиридову, письмо гр. Орлова къ Спиридову и письмо Спиридова къ Екатеринѣ II. **1864,** 512—561.

Письма импер. Екатерины II къ И. И. Шувалову. **1867,** 98—100.

Два собственноручныхъ письма импер. Екатерины II на имя Уфимскихъ намѣстниковъ Якобія и барона Игельштрома. **1867,** 512—516.

Письма къ разнымъ лицамъ, замѣтки и наброски мыслей Екатерины II. **1866,** 55—75.

Образщики рѣшеній Екатерины II-й на ежедневныя всеподданнѣйшія просьбы 1788 г. **1864,** 410—418.

Ученая степень Екатерины II, М. Ѳ. Шугурова. **1867,** 1262—1263.

Филологическія занятія Екатерины II-й, съ замѣткою С. А. Соболевскаго. **1863,** 388—391.

Еще о трудахъ Екатерины II, по составленію сравнительнаго словаря. **1864,** 418—420.

О приложенномъ портретѣ Екатерины II въ траурномъ одѣяніи. **1866,** 132—134.

Частное письмо въ Москву (Т. П. Кирьяка) отъ 9 Ноября 1796 г. о кончинѣ Екатерины II-й. **1867,** 1266—1275.

Екатерина Вторая, стихи М. А. Дмитріева. **1866,** 52—56.

Два анекдота о Екатеринѣ Великой (изъ записной книжки М. М. Евреинова). **1866,** 657—658.

Описаніе Московскаго бунта 1771 г П. Алексѣева. **1863,** 491—499.

Москва въ 1771 году (бумаги А. А. Саблукова). **1866,** 329—339.

Записка о бунтѣ, произведенномъ Беніовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ и о послѣдствіяхъ онаго. Гр. Д. Н. Блудова. **1865,** 657—677.

Къ запискѣ о бунтѣ Беніовскаго. Письмо вице-канцлера кн. А. М. Голицына къ нашему резиденту въ Парижѣ Н. К. Хотинскому. **1865,** 677—678.

Замѣтка о Беніовскомъ, К. П. Побѣдоносцева. **1865,** 678—680.

Письмо Бецкаго къ имп. Екатеринѣ II. **1865,** 493—494.

Челобитная И. И. Бецкаго, объ увольненіи его въ отпускъ за границу. **1866,** 1567—1569.

Письма А. И. Бибикова къ А. М. Лунину. **1866,** 377—388.

Письмо А. И. Бибикова къ М. Н. Волконскому. **1867,** 500—505.

Письма Я. И. Булгакова къ князю Потемкину. **1866,** 1570—1590.

Письма Я. И. Булгакову Суворова и кн. М. Н. Волконскаго **1867,** 487—500.

Два письма изъ переписки Вольтера съ гр. А. П. Шуваловымъ. **1864,** 561—568.

Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой. **1864,** 571—586.

Письма гр. А. М. Дмитріева-Мамонова къ Екатеринѣ II. **1865,** 633—641.

Новые матеріалы для исторіи масонства (записка И. П. Елагина). **1864**, 586—604.

Баронесса Корфъ и ея содѣйствіе побѣгу Людовика XVI изъ Парижа въ 1791 году; съ предисловіемъ кн. М. А. Оболенскаго. **1866**, 800—816.

Жизнь стариннаго русскаго дворянина. Записки Ивана Ѳеодоровича Лукина. **1865**, 445—476.

Лордъ Мальмсбюри о Россіи. **1866**, 584—600.

Письмо Гарриса (Мальмсбюри) къ гр. Нессельроду-отцу. **1867**, 507—512.

Изъ семейной памяти. Разсказъ объ А. В. Марковѣ. П. Г. Кичеева (съ письмомъ Екатерины и кн. Потемкина). **1865**, 972—982 и **1866**, 185—203.

Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, генералъ-губернаторъ Екатерининскихъ временъ. Статья Л. Н. Трефолева. **1865**, 873—919.

Замѣтки и дополненія Вологжанина къ статьѣ объ А. П. Мельгуновѣ. Ѳ. Н. Фортунатова. **1865**, 919—952.

Сооруженіе Сѣверо-Екатерининскаго канала. **1866**, 777—799.

Сенакъ де Мельянъ, французскій эмигрантъ XVIII вѣка, и его отношенія къ Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. **1866**, 421—459.

Планъ романа изъ жизни Мировича, Г. Ѳ. Квитки (Основьяненка). **1863**, 470—481.

Письмо гр. Н. И. Панина къ гр. Нессельроду-отцу. **1867**, 506—507.

Отрывокъ жизни Василія Пассека, имъ самимъ сочиненный въ С.-Петербургской градской тюрьмѣ въ 1803 г. **1863**, 627—776.

Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи. Разсужденіе А. Я. Полѣнова, съ замѣткою Я. П. Борзова. **1865**, 509—541.

А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка. Статья Д. В. Полѣнова. **1865**, 557—614.

Изъ бумагъ Василія Степановича Попова. **1865**, 771—804.

Замѣтка для разсказовъ между друзьями. В. С. Попова. **1865**, 642.

Письмо С. А. Порошина къ гр. Г. Г. Орлову. **1867**, 192—197.

Выписки и извлеченія изъ рукописей Рѣшетиловскаго Архива. **1865**, 805—851.

Собственноручныя бумаги кн. Потемкина-Таврическаго. **1865**, 721—744.

Жизнь и дѣянія генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Соч. графа А. Н. Самойлова. **1867**, 575—606, 993—1027, 1203—1262.

Изъ бумагъ князя Потемкина-Таврическаго. **1865**, 745—766.

Замѣтка (съ письмами кн. Потемкина) П. С. Лебедева. **1865**, 767—772.

Письмо Петра Алексѣева къ Потемкину. **1863**, 603—605.

Потемкинскій праздникъ 1791 года. Т. П. Кирьяка. **1867**, 673—694.

Гробница князя Потемкина. М. Ѳ. Шугурова. **1867**, 203—218.

Дополненія къ этой статьѣ. **1867**, 1181—1184.

Подлинные анекдоты о князѣ Н. В. Репнинѣ. М. Н. Лонгинова. **1865**, 953—958.

Письмо гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго къ гр. Панину, по поводу переговоровъ съ Турціею. **1865**. 869—872.

Два анекдота о гр. П. А. Румянцовѣ. Ѳ. Ѳ. Воропонова. **1863**, 486—491.

Письмо гр. Н. П. Румянцова къ гр. П. В. Завадовскому. **1867**, 1263—1265.

Мнѣніе гр. А. Н. Самойлова, относительно уплаты процентовъ и долговъ, сдѣланныхъ внѣ государства (1794). **1866**, 687—690.

Донесеніе гр. А. Н. Самойлова о печатаніи Алькорана. **1866**, 685—686.

О запискахъ графа Сегюра. М. Ѳ. Шугурова. **1866**, 1590—1615.

Нѣсколько извѣстій о пензенскомъ помѣщикѣ Струйскомъ (изъ записокъ кн. И. М. Долгорукаго). **1865**, 958—964.

Письма и записки Суворова къ его дочери и къ О. М. Рибасу. **1866**, 929—1030.

Замѣтка о княжнѣ Таракановой по поводу картины Флавицкаго. М. Н. Лонгинова. **1865**, 651—656.

О запискахъ Храповицкаго по поводу приложеннаго къ нимъ указателя. **1864**, 1174—1176.

Замѣтка о Чернышевыхъ. М. Н. Лонгинова. **1865**, 1004—1009.

О С. И. Шешковскомъ, письмо къ вдовѣ его генералъ-прокурора гр. Самойлова. **1866**, 263—264.

Бумаги И. И. Шувалова. **1867**, 65—97.

Два письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣзкову въ Букарештъ. **1865**, 851—854.

Первые пособники Екатерины II. **1864**, 401—404.

Свѣдѣнія объ офицерахъ конной гвардіи, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1762 года. М. Н. Лонгинова. **1867**, 481—486.

Случайные люди (изъ Гельбига). Переводъ съ нѣмецкаго М. Н. Лонгинова, съ примѣчаніями и дополненіями. **1865**, 383—442.

Замѣтка о Гельбигѣ. **1865**, 443—444.

Письма духовныхъ особъ прошлаго вѣка къ преосвященному Арсенію. **1864**, 613—629.

Кое-что о временахъ Екатерины II (Изъ записокъ Н. В. Сушкова) **1865**, 614—624.

Черта нравовъ, сто лѣтъ назадъ. **1867**, 189—191.

О большомъ императорскомъ алмазѣ. **1866**, 644—646.

Канцеляріи правительствующаго сената приказъ о говѣніи въ великій постъ. **1867**, 365.

Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка, съ замѣтками А. В. Терещенка. **1865**, 983—988.

Семейство Робесперовъ. М. Ѳ. Шугурова. **1867**, 516—520.

Историческія замѣчанія кн. М. А. Оболенскаго, съ приложеніями. **1865**, 989—1004.

Матеріалы для исторіи присоединенія Польши къ Россіи, 1772—1814. **1863**, 500—603.

Матеріалы для исторіи Дружескаго Ученаго Общества 1782 г., съ предисловіемъ М. П. Полуденскаго. **1863**, 610—620.

Ода Дружескому Ученому Обществу, Ѳ. П. Ключарева, **1863**, 621—626.

Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ". **1863**, 605—610.

О книгѣ Сабатье де Кабра: Cathérine II. П. И. Бартенева. **1863**, 481—486.

Замѣтка о раздѣленіи Россіи на губерніи въ 18 вѣкѣ. Н. С. Киселева. **1863**, 626—627.

ПАВЕЛЪ I-Й.

Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты государя императора Павла Петровича (изъ записокъ А. Т. Болотова). **1864**, 630—780.

По поводу анекдотовъ Болотова объ имп. Павлѣ 1-мъ, Ѳ. Н. Фортунатова. **1864**, 781.

Письма великаго князя Павла Петровича къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. **1867**, 197—203.

Разсказы генерала Кутлубицкаго, о временахъ императора Павла I-го. **1866**, 1301—1331.

Замѣтки А П. Ермолова, объ его молодости, съ предисловіемъ П. И. Бартенева. **1867**, 366—376.

Письмо Алексѣя Куракина къ кн. Ѳ. Н. Голицыну о Сперанскомъ, съ замѣткою Я. К. Грота. **1863**, 810—812.

Мелочи изъ прошлаго. Ю. В. Толстаго. **1865**, 1375—1376.

АЛЕКСАНДРЪ I-Й.

Замѣтки одного изъ русскихъ воспитателей имп. Александра Павловича. **1866**, 94—111.

Ф. Ц. Лагарпъ въ Россіи (изъ его записокъ). **1866**, 75—94.

Учебная тетрадь импер. Александра Павловича. **1866**, 111—113.

Письма и указы импер. Александра Павловича къ Державину. **1863**, 777—783.

Письмо имп. Александра I-го къ Г. П. Милорадовичу. **1864**, 784—785.

Изъ переписки имп. Александра Павловича съ В. С. Поповымъ. **1864**, 782—784.

Изъ письма В. С. Попова къ Александру I. **1864**, 570—571.

Письмо В. С. Ланскаго къ имп. Александру I, о Польшѣ. **1863**, 839—842.

Записки Д. Б. Мертваго. XIV, 336 и 2 нен. стр.—въ особомъ приложеніи къ 1867 году.

Выдержки изъ записокъ Александра Яковлевича Булгакова, 1811 и 1812 г., съ прим. Н. С. Киселева. **1867**, 1361—1384.

Къ исторіи 1812 года. **1866**, 689—735. (Замѣтки А. Я. Булгакова).

Изъ записокъ гр. Василія Алексѣевича Перовскаго, о 1812 годѣ. **1865**, 1031—1058.

Новыя подлинныя черты изъ исторіи отечественной войны 1812 г. **1864**, 786—833.

Замѣтка о 2 Сентября 1812 г. М. Ѳ. Шугурова. **1867**, 304—307.

Къ исторіи 1812 года. Дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Наполеономъ. **1865**, 1058—1062.

Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 года. И. П. Липранди. **1865**, 1061—1072.

Московскій Новодѣвичій монастырь въ 1812 году. Разсказъ очевидца, штатнаго служителя Семена Климыча. **1864**, 843—858.

Французская афиша 1812 года. **1864**, 835—838.

Росписаніе особамъ, составлявшимъ французское правленіе или муниципалитетъ въ Москвѣ, 1812 года. **1864**, 839—842.

Еще объ исторіи отечественной войны, сочиненной Богдановичемъ. И. П. Липранди. **1865**, 1077—1090.

Письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ Ѳ. М. Вельяминову-Зернову, о Москвѣ послѣ пожара 1812 года. **1865**, 1071—1077.

Воспоминаніе о князѣ Смоленскомъ М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ, Н. П. Шишкова **1866**, 460—474.

Изъ семейнаго архива: 1) Письмо А. И. Архаровой къ М. И. Посниковой изъ Спб. въ Москву; 2) Письмо М. И. Посниковой къ А. И. Архаровой изъ Москвы въ Спб., съ прим. А. А. Васильчикова. **1867**, 1028—1046.

Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ, П. И. Бартенева. **1863**, 854—860.

Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Петру Моис. Погодину. **1864**, 834—835.

Письмо кн. Адама Чарторижскаго къ гр. Матусевичу, съ объяснительною замѣткою Н. В. Сушкова. **1863**, 824—839.

Автобіографическія замѣтки гр. Аракчеева, на прокладныхъ листкахъ книги Св. Евангелія. **1866**, 922—927.

Письмо гр. Аракчеева къ Олонецкому губернатору Ушакову. **1866**, 1047—1049.

Письмо гр. Аракчеева къ А. П. Малиновской. **1864**, 859—860.

Письмо С. Броневскаго къ генералу Г. Г. Ломоносову. **1864**, 785—786.

Очеркъ жизни графа Д. П. Бутурлина. **1867**, 376—386.

Замѣтка о библіотекѣ гр. Д. П. Бутурлина. С. А. Соболевскаго. **1867**, 479—480.

О княгинѣ З. А. Волконской. **1867**, 311—313.

Письма кн. Михаила Петровича Долгорукова. **1865**, 1009—1030.

Краткое біографическое воспоминаніе о графѣ А. А. Закревскомъ. **1865**, 1115—1124.

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. П. И. Бартенева. **1866**, 113—126.

Изъ записной книжки П. М. Языкова (о графѣ Е. Ф. Канкринѣ). **1867**, 392—395.

Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленная въ 1818 году, по повелѣнію Александра Павловича, гр. Канкринымъ. **1865**, 542—552.

Мнѣніе Смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1820). **1865**, 553—558.

Изъ записокъ генерала-адъютанта графа Е. Ѳ. Комаровскаго. **1867**, 219—248; 521—575; 748—788; 1276—1330.

А. Ѳ. Лабзинъ, статьи П. А. Безсонова и М. А. Дмитріева. **1866**, 817—860.

Сонъ въ Грузинѣ, письмо къ гр. Аракчееву М. Л. Магницкаго. **1863**, 842—849.

Инструкція М. А. Магницкаго Д. М. Макшееву объ осмотрѣ учебныхъ заведеній **1867**, 1643—1646.

Памятныя замѣтки Вологжанина (Магницкій, Сперанскій, Дюгуровъ, Словцовъ, Каразинъ, Макшеевъ, Монаковъ, Трощинскій и пр.). Ѳ. Н. Фортунатова. **1867**, 1646—1707.

Два мнѣнія М. Л. Магницкаго. **1864**, 861—868.

Письмо принца Карла Мекленбургскаго. **1866**, 928.

Письмо графа Іосифа де Местра къ кн. П. Б. Козловскому. **1866**, 1492—1504.

Анекдоты Александра Львовича Нарышкина. **1864**, 861.

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. **1867**, 101—120.

Анекдотъ о кн. Анд. К. Разумовскомъ. **1864**, 858—859.

Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Д. И. Киселеву. **1863**, 812—824.

Письмо Н. П. Рязанова къ И. И. Дмитріеву. **1866**, 1331—1335.

Изъ бумагъ о графѣ Сперанскомъ, въ дополненіе къ его жизни, изданной въ 1861 году. **1867**, 432—455. (Сообщено барономъ М. А. Корфомъ).

Поправка свѣдѣнія о Сперанскомъ, Я. К. Грота. **1863**, 812.

Письмо архим. Фотія къ Д. А. Державиной объ А. И. Тургеневѣ. **1863**, 850—854

Анна Григорьевна Хомутова: а) Жизнь ея, составленная г-жею Е. Розе, б) Два отрывка изъ ея записокъ о 1814 годѣ и объ А. С. Пушкинѣ и в) Замѣтка кн. П. А. Вяземскаго. **1867**, 1049—1071.

Два письма (гр.) Д. Н. Блудова къ его супругѣ въ 1826 г. изъ Москвы въ Спб., **1867**, 1046—1048.

О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ 1830 года. Записка священника Софронія Гаврилова **1867**, 1375—1384.

Московскій Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1800—1801 году (изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля). **1863**, 793—809.

Списокъ членамъ совѣта и справы ложи св. Георгія Побѣдоносца на Востокѣ Мобежа. **1865**, 1091—1096.

Черты русской политики въ 1819 году. Статья М. Ѳ. Шугурова, съ приложеніемъ дипломатическихъ бумагъ на французскомъ языкѣ и русскаго перевода ихъ. **1867**, 861—903.

Историческія замѣчанія. И. П. Липранди. **1866**, 1031—1046.

НИКОЛАЙ І-Й.

Всеподданнѣйшее письмо гр. Аракчеева къ императору Николаю Павловичу. **1866**, 1049—1052.

Замѣтки о польскомъ возстаніи 1830 года. И. С. Ульянова. **1867**, 695—712.

Письмо гр. А. Х. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому. **1866**, 1753—1756.

Изъ записокъ гр. А. Х. Бенкендорфа (о путешествіи имп. Николая по Россіи въ 1836 г.) въ переводѣ съ предисловіемъ барона М. А. Корфа. **1865**, 1167—1178.

Разсказы очевидцевъ (гр. А. Х. Бенкендорфа, кн. А. Ѳ. Орлова, барона М. А. Корфа, А. Р. Барановича, гр. В. Ѳ. Адлерберга и барона Э. И. Мирбаха), о пожарѣ зимняго дворца въ 1837-мъ году. **1865**, 1179—1204, съ примѣчаніями барона М. А. Корфа.

Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 г. В. И. Даля. **1867**, 402—431; 606—639.

Сыскное дѣло 1697 года о дорогѣ въ Хиву. **1867**, 395—402.

Начало мюридизма на Кавказѣ (изъ записокъ кн. М. Б. Лобанова-Ростовскаго). **1865**, 1153—1166.

Три политическія записки преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Таврическаго. **1867**, 1330—1341.

Біографическое воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ. П. И. Бартенева. **1864**, 868—881.

Разсказъ Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аландскіе острова въ послѣднюю войну. **1863**, 1002—1017.

Дополненія къ разсказу Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аландскіе острова въ 1854 г. Вадима Романова. **1864**, 881—884.

Письмо Истомина къ Лайонсу. **1867**, 911—913.

Изъ записокъ Севастопольца. **1867**, 1579—1637.

Частное письмо о кончинѣ адмирала Корнилова. **1867**, 1639—1643.

На Новый 1855 годъ, стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева. **1867**. 1638.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

К. Н. Батюшковъ. Его письма и очерки его жизни. **1867**, 1342—1360 и 1440—1536, съ литогр. портретомъ.

Импровизація Д. В. Веневитинова. **1866**, 259—260.

Письма Е. А. Баратынскаго къ Н. В. Путятѣ. **1867**, 263—299.

Баратынскій и его сочиненія. М. Н. Лонгинова. **1867**, 248—264.

Парнасскій адресъ-календарь. А. Ѳ. Воейкова. **1866**, 760—766.

Письмо А. Х. Востокова къ смотрителю за домами Румянцовскаго Музеума. **1864**, 1102—1103.

Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива. **1866**, 217—234 (Письма 1812 года); 473—512 (Арзамазскія литературныя шалости, письма Д. В. Дашкова, Варнгагена и Сильвіо Пеллико), 859—903 (Письмо Батюшкова, письма въ стихахъ Жуковскаго, письма А. И. Тургенева, Нелединскаго-Мелецкаго, Д. В. Давыдова); 1065—1088 (бумаги гр. Уварова; письма Плетнева, Жуковскаго, Гоголя и Чаадаева).

Анекдотъ о Гнѣдичѣ. **1863**, 983.

Письмо Гоголя къ кн. П. А. Вяземскому. **1865**, 1295—1298.

Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ по рукописи, найденной въ Римѣ, съ предисловіемъ А. Ѳ. Бычкова. **1865**, 1281—1294.

Письмо Гоголя къ П. А. Плетневу о Мертвыхъ Душахъ. **1866**, 766—770.

Шуточное письмо Н. В. Гоголя къ Ел. Гр. Чертковой. **1867**, 473—475.

Неизданныя мѣста изъ писемъ Н. В. Гоголя къ друзьямъ. **1866**, 1730—1747.

Два письма Гоголя къ Д. К. Малиновскому. **1865**, 1278—1282.

Изъ записокъ о жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 г. М. П. Погодина. **1865**, 1270—1278.

Воспоминаніе о Гоголѣ. Я. К. Грота. **1864**, 1065—1068.

Анекдоты о Грибоѣдовѣ и Загоскинѣ, М. Н. Лонгинова. **1863**, 981—982.

Изъ бумагъ Д. В. Давыдова. **1866**, 904—916.

Два лицейскія стихотворенія барона Дельвига. **1864**, 991—993.

Десять писемъ Г. Р. Державина къ В. С. Попову. **1865**, 855—869.

Неизданныя шуточныя стихотворенія И. И. Дмитріева. **1867**, 981—990.

Письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу. **1867**, 1072—1138.

Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву (Шишкова, Жуковскаго, Батюшкова, гр. Блудова, кн. Вяземскаго, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя). **1866**, 1616—1730.

О запискахъ князя Ивана Михайловича Долгорукова и хронологія его стихотвореній. М. Н. Лонгинова. **1865**, 964—971.

Письмо В. А. Жуковскаго къ П. Н. Голубкову о крѣпостныхъ своихъ людяхъ. **1863**, 925—927.

Долбинскія стихотворенія В. А. Жуковскаго (числомъ 24). **1864**, 903—946.

Разсказъ В. А. Жуковскаго о первомъ его представленіи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ. **1865**, 1297—1300.

Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго. Письма его и А. И. Тургенева. **1864**, 884—903.

Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. **1867**, 789—819.

Шуточная записка В. А. Жуковскаго къ Н. И. Гнѣдичу. **1867**, 311—312.

Книжная рѣдкость. (Муравейникъ, изд. Жуковскаго). **1867**, 299—304.

Письмо В. А Жуковскаго къ И. В. Попову. **1865**, 1299—1302.

Изъ письма В. А. Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской (о холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ на Сѣнной площади). **1866**, 339—346.

Неизданные отрывки изъ письма В. А. Жуковскаго о кончинѣ Пушкина. **1864**, 983—989.

Письма В. А. Жуковскаго къ А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггену. **1867**, 843—862.

Письма В. А. Жуковскаго къ И. И. Козлову. **1867**, 820—842.

Письма В. Жуковскаго къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу (1840—1851), съ предисловіемъ кн. П. А. Вяземскаго. **1867**, 1385—1439.

Канцеляристъ. Неизданный разсказъ М. Н. Загоскина. **1865**, 1303—1316.

Извлеченія изъ писемъ А. Д. Илличевскаго къ Фуссу. **1864**, 946—966.

Вновь найденная эпиграмма кн. А. Д. Кантемира. **1865**, 336.

Семь писемъ А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину. **1863**, 881—898.

Неизданные отрывки изъ писемъ А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину. **1866**, 1756—1763.

Записка Карамзина къ неизвѣстному лицу. **1866**, 1765—1766.

Письма и записки Н. М. Карамзина къ Е. Θ. Муравьевой. **1867**, 455—466.

Карамзинъ и В. Л. Пушкинъ (1801) изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863**, 788—793.

Мое представленіе исторіографу. М. П. Погодина. **1866**, 1766—1770.

Письмо В. А. Полѣнова къ И. И. Мартынову (о Карамзинѣ). **1866**, 1763—1765.

Еще о годѣ рожденія Карамзина. М. Θ. Шугурова. **1866**, 1504—1507.

О мѣстѣ рожденія Н. М. Карамзина. М. А. Дмитріева. **1865**, 1373—1375.

Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. М. Н. Лонгинова. **1865**, 1370—1373

Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ. М. Н. Лонгинова. **1867**, 467—470.

Поправка. М. А. Дмитріева. **1863**, 879—880.

Неизданныя стихотворенія А. В. Кольцова. Статья М. Θ. де-Пуле. **1864**, 1045—1056.

Неизданная басня И. А. Крылова (Пестрыя овцы). В. Θ. Кеневича. **1867**, 386—392.

Басня Крылова—Прихожанинъ. В. Θ. Кеневича. **1866**, 255—259.

Маскерадныя стихотворенія И. А. Крылова. В. Θ. Кеневича. **1866**, 1335—1340.

О Крыловѣ, изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863**, 783—788.

Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ Крылова. М. Н. Лонгинова. **1864**, 1158—1162.

Хронологія басенъ Крылова. В. Θ. Кеневича. **1865**, 1323—1340.

Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ Крылова. В. Θ. Кеневича. **1865**, 1340—1348.

Разсказы объ И. А Крыловѣ. Н. М. Колмакова. **1865**, 1319—1324.

Письмо И. А. Крылова къ молодой дѣвицѣ (1801). **1865**, 1316—1319.

Неизданныя стихотворенія Лермонтова. **1864**, 1043—1045.

Письма Лермонтова. **1864**, 1041—1043.

Письма Лермонтова (числомъ 9). **1863**, 931—966.

О сочиненіяхъ Лермонтова. М. Н. Лонгинова. **1863**, 966—971.

Нѣмецкія стихи на Ломоносова. **1865**, 475—478.

Неизданная грамматическая замѣтка Ломоносова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. **1866**. 324—329.

Письмо Н. И. Надеждина къ Ю. Н. Бартеневу. **1864**. 1058—1065.

Староста, Молитва въ саду Геѳсиманскомъ и „Поэту-Обличителю", стихотворенія И. С. Никитина, съ замѣткою М. Θ. де Пуле. **1865**, 1353—1367.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности И. С. Никитина. М. Θ. де-Пуле. **1863**, 971—981.

Либералъ, разсказъ И. С. Никитина, **1867**, 1169—1175.

Письма Н. И. Новикова къ Я. И. Булгакову. **1864**, 604—613.

Новая тяжба о буквѣ Ъ. А. А. Перовскаго. **1865**, 1143—1152.

Письма А. С. Пушкина къ П. А. Осиповой. **1867**, 119—153.

Письма А С. Пушкина къ А. Н. Вульфу. **1867**, 154—160.

Два письма А. С. Пушкина къ Н. И. Кривцову, съ очеркомъ жизни Кривцова. **1864**, 972—976.

Два письма А. С. Пушкина къ гр. А. С. Бенкендорфу. **1864**, 967—971.

Письмо А. С. Пушкина къ кн. Н. В. Репнину и отвѣтъ кн. Репнина. **1864**, 977—979.

Письмо А. С. Пушкина къ графу Г. А. Строганову. **1866**, 1748—1749.

Письмо А. С. Пушкина къ А. И. Тургеневу. **1867**, 671—672.

Разсказъ А. С. Пушкина о посѣщеніи Ермолова. **1863**, 860—862.

Городъ Кишеневъ, стихотвореніе А. С. Пушкина. **1863**, 864.

Изъ рукописей А. С. Пушкина. **1865**, 1351—1354.

Мадонна, стихотвореніе А. С. Пушкина. **1863**, 862—863.

Удаленіе А. С. Пушкина изъ С.-Петербурга въ 1820 году. Ѳ. Н. Глинки. **1866**, 917—922.

Письмо И. Н. Инзова о Пушкинѣ къ К. Я. Булгакову. **1863**, 865—868.

Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ его дядѣ. М. Н. Лонгинова. **1863**, 868—871.

Пушкинъ въ южной Россіи. (Матеріалы для его біографіи, собираемые П. И. Бартеневымъ). **1866**, 1089—1214.

Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди (Замѣтки о Пушкинѣ). **1866**, 1214—1284, 1393—1491.

Замѣтки на статью „Пушкинъ въ южной Россіи". М. Н. Лонгинова. **1866**, 1749—1753.

Изъ воспоминаній молодости (о Пушкинѣ). С. М. Сухотина. **1864**, 979—983.

Изъ воспоминаній гр. В. А. Сологуба (о Пушкинѣ и Гоголѣ). **1865**, 1203—1239.

Изъ воспоминаній о Пушкинѣ М. П. Погодина. **1865**, 1247—1260.

Замѣтка о Пушкинѣ. П. И. Бартенева. **1865**, 1240—1241.

О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святогорскій монастырь. Письмо А. И. Тургенева къ А. Я. Булгакову. **1864**, 989—990.

Оправданіе іезуита Ивана Гагарина по поводу смерти Пушкина. **1865**, 1241—1246.

О графинѣ Растопчиной. (Изъ записной книжки Н. В. П.). **1865**, 1349—1350

Нѣсколько словъ о В. И. Соколовскомъ. Ѳ. Н. Фортунатова. **1865**, 1367—1370.

Собственноручная записка А. П. Сумарокова (сообщено М. М. Евреиновымъ). **1867**, 100.

Письма разныхъ лицъ къ Александру Ивановичу Тургеневу. **1866**, 647—657.

Неизданныя стихотворенія А. С. Хомякова, съ замѣткою П. И. Бртснева. **1863**, 727—931.

Неизданное пятистишіе А. С. Хомякова. **1866**, 770—771.

О сочиненіяхъ П. Я. Чаадаева. М. Н. Лонгинова. **1863**, 871—873.

Изъ воспоминаній о С. П. Шевыревѣ. М. П. Погодина. **1865**, 1261—1269.

Мнѣнія А. С. Шишкова о разсматриваніи книгъ, или о цензурѣ. **1865**, 1097—1116.

Анекдотъ о Шишковѣ. **1863**, 982—983

Н. М. Языковъ 1803—1846. (Новые стихи его и письма). Статья М. И. Семевскаго. **1867**, 712—748.

Восемь старинныхъ стихотвореній. **1863**, 875—879.

Изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго Д. И. Языкову (стихи). **1863**, 874—875.

Изъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Письма: Д. М. Велланскаго, кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго къ А. С. Пушкину, А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. Ѳ. Воейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Растопчиной. **1864**, 994—1041.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Д. Чертковъ и его библіотека. П. И. Бартенева. **1863**, 1—19.

Нѣсколько словъ о Чертковской библіотекѣ. П. И. Бартенева. **1864**, 1—11.

О Чертковской библіотекѣ въ 1864 году (краткій отчетъ). **1865**, 9—10.

О Чертковской библіотекѣ въ 1865 году. **1866**, 4 нен. стр.

О Чертковской библіотекѣ въ **1866** г. 1867, 314—320.

Копія съ росписи книгамъ, которые обрѣтаются въ патріаршей ризницѣ (1718 г.). **1864**. Въ особомъ приложеніи.

Полный указатеь къ Русской Бесѣдѣ (1856—1860), **1863**, 1041—1066.

Азбучный указатель къ Русскому Вѣстнику (1856—1864). **1863**, 1025—1040.

Азбучный полный указатель къ Библіографическимъ Запискамъ. **1864**. Въ особомъ приложеніи.

Юрналы и камеръ-фурьерскіе журналы. Библіографическое описаніе С. А. Соболевскаго. **1867**. Въ особомъ прилож.

Указатель къ повременнымъ изданіямъ общества исторіи и древностей Россійскихъ при императорскомъ Московскомъ университетѣ (1815 — 1865) **1866**. Особое приложеніе.

Указатель къ Запискамъ Храповицкаго. **1864**. Въ особомъ приложеніи.

Объ изданіи памятныхъ записокъ А. В. Храповицкаго. **1867**, 921—952 (Ст. Д. В. Полѣнова).

Словарь Русскихъ писательницъ. Составилъ Николай Книжникъ. **1865**, 1389—1481.

Библіографическій курьезъ. П. А. Безсонова. **1864**, 1175—1182.

Библіографическая замѣтка. Письмо къ С. А. Соболевскому П. М. Строева. **1865**, 1483—1488.

Объ Юбилейномъ изданіи Московской Синодальной типографіи. (Письмо къ издателю Русскаго Архива). П. А. Безсонова. **1867**, 914—921.

Юбилейныя изданія Московскаго университета. **1867**, 1177—1180.

Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 гг. Г. Геннади. **1864**, 1068—1102.

Тоже (въ 1863). **1865**, 1377—1388.

Тоже (въ 1864). **1866**, 561—580.

Тоже (въ 1865). **1867**, 953—981.

О палеографическихъ снимкахъ, изд. преосв. Саввою. А. Е. Викторова. **1863**, 84—91.

Псевдо-переводы съ русскаго. (По матеріаламъ императорской публичной библіотеки). **1866**, 204—216.

Замѣтка на статью „Псевдо-переводы съ русскаго". П. А. Ефремова. **1866**, 512.

Новыя сочиненія и изданія на иностранныхъ языкахъ, относящіяся до Россіи. **1865**, 1487—1494.

Новыя, полученныя въ Москвѣ, книги на Славянскихъ нарѣчіяхъ и о Славянахъ. **1863**, 994—999.

Литературная новость. К. И. Жинзифова. **1863**, 1023—1024.

Книжныя заграничныя вѣсти. **1866**, 260—262.

Книжныя вѣсти. **1863**, 999—1001.

Библіографическая лѣтопись. П. А. Гильтебрандта. **1863**, 991—993.

Замѣчательнѣйшія новыя книги. **1863**, 984—991 и 994.

Нѣсколько словъ о сочиненіяхъ болгарина Раковскаго. К. И. Жинзифова. **1863**, 1017—1023.

Книжныя замѣтки. М. Θ. Шугурова. **1866**, 771—776.

Отвѣтъ на библіографическій вопросъ. Я. К. Грота, съ замѣткою А. А. Котляревскаго. **1865**, 1481—1484.

О сборникѣ Муханова, замѣтка А. Θ. Бычкова. **1867**, 1180—1181.

Матеріалы для полнаго собранія сочиненій: 1) И. И. Дмитріева. **1863** 898—910.

2) Гнѣдича. **1863**, 910—916.

3) Батюшкова. **1863**, 917—924.

4) Лермонтова. **1863**, 966—971.

5) Баратынскаго. **1864**, 1103—1111.

6) Козлова. **1864**, 1111—1114.

7) Милонова. **1864**, 1114—1122.

8) Жуковскаго. **1864**, 1123—1135.

9) Карамзина. **1864**, 1135—1158.

10) Кн. И. М. Долгорукаго. **1865**, 964—971. Всѣ статьи М. Н. Лонгинова.

Матеріалы для полнаго собранія сочиненій нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. М. Н. Лонгинова. **1866**, 1770—1777.

Дополненіе къ матеріаламъ для изданій сочиненій И. И. Дмитріева. М. Н. Лонгинова. **1864**, 1162—1166.

Отвѣтная замѣтка В. И. Собольщикову. П. И. Бартенева. **1864**, 1168—1169.

О стихотвореніи Баратынскаго „Леда." Н. В. Путяты. **1864**, 1056—1057.

СМѢСЬ.

Списокъ оберъ-прокурорамъ Св. Синода, съ учрежденія донынѣ. **1866**, 601—602.

Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями. Гр. А. Уварова (съ рисункомъ). **1864**, 29—41.

Вѣтеръ (изъ Русской Символики). Гр. А. С. Уварова. **1864**, 41—67.

Притчи святаго Кирилла - философа, учителя Славянскаго. С. А. Соболевскаго. **1864**, 12—16.

О притчахъ св. Кирилла. О. И. Коляря. **1864**, 17—29.

Сказаніе, кіимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны, съ замѣткою Д. О. Шепинга. **1863**, 31—42.

Посланія протопопа Аввакума къ боярынѣ Θеодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой. **1864**, 90—99.

Челобитная протопопа Аввакума. **1864**, 83—90.

Дѣло о дьячкѣ Васильѣ Ефимовѣ, сожженномъ за ложное чудо въ 1721 году. **1867**, 1708—1720.

Подлинныя черты изъ исторіи Рогожскаго и другихъ старообрядческихъ кладбищъ. **1864**, 104—126.

Три старообрядческія стихотворенія. **1864**, 99—103.

Подлинные черты и случаи изъ исторіи раскола 1792—1807. **1864**, 127—141.

Странники (изъ исторіи раскола). Л. Н. Трефолева, съ примѣчаніями И. С. Аксакова. **1866**. 602—627.

Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ. И. С. Аксакова. **1866**, 627—644.

Русскія пытки, историческій очеркъ. **1867**, 1139—1167.

Корчма, историческій очеркъ И. Г. Прыжова. **1866**, 1053—1064.

Воспоминанія И. М. Снегирева. **1866**, 513—562, 735—760.

Аника-воинъ. Ил. В. Бѣляева. **1864**, 67—70.

О храбромъ воинѣ Аникѣ и смерти (стихи). **1864**, 78—80.

Для исторіи русскаго народнаго театра. А. А. Котляревскаго. **1864**, 73—77.

Еще объ Аникѣ-воинѣ. Ѳ. Н. Фортунатова. **1864**, 70—72.

Сказка о Шибаршѣ (изъ рукописи, относящейся къ 1730 г.), съ замѣткою Ил. В. Бѣляева. **1863**, 20—32.

Повѣсть о царѣ Аггеѣ, съ предисловіемъ М. Ѳ. Шугурова. **1865**, 13—18.

Савва Влковичъ Филаретовъ. (Некрологъ). П. И. Бартенева. **1864**, 1173—1174.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ. К. И. Жинзифова. **1864**, 1169—1173.

По поводу кончины гр. Д. Н. Блудова. П. И. Бартенева. **1864**, 1165—1166.

Объясненіе по поводу Записокъ Ф. Ф. Вигеля. П. И. Бартенева. **1863**, 809—810.

О пасторѣ Лонгѣ. П. И. Бартенева. **1863**, 1024.

Замѣтка о родословіи князей Долгоруковыхъ. Н. Фадѣевой. **1866**, 1340—1348.

Составъ черниламъ, како составливати добрая чернила (изъ рукописи Синод. библіотеки XVII в.). **1863**, 91—92.

Русское письмо (epistola) XVII вѣка. **1864**, 80—82.

Переѣзды съ Александромъ Гумбольдтомъ по Сибири (1829). **1865**, 1125—1142.

Некрологъ Александра Власьевича Терещенко и В. И. Собчакова. **1865**, 1515—1516.

Любопытное надгробіе. **1865**, 983—984.

Замѣтки на статьи Русскаго Архива. М. Н. Лонгинова. **1865**, 1495—1514.

Дополненія и поправки. М. Н. Лонгинова. **1865**, 1513—1516.

Замѣтки. П. И. Бартенева. **1866**, 1347—1348.

Дополненія и поправки. **1867**. 990—992.

Поправки. **1866**, 1506—1507.

Изъ путевыхъ замѣтокъ въ Славянскихъ земляхъ профессора П. И. Лавровскаго. **1866**, 1285—1290.

Дополненія, замѣтки и поправки. **1866**, 265—272.

Изъ матеріаловъ для исторіи и статистики города Ельца, собранныхъ Н. А. Ридингеромъ. **1866**, 346—377.

О маркизѣ де ла Шетарди. **1867**, 309—310.

Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ. Дмоховскаго. **1867**, 475—480.

Дополненія и поправки. **1867**, 671—672.

Замѣтки А. Петрова и Мих. Ранга. **1867**, 1175—1177.

Изъ тетради выписокъ, замѣтокъ, воспоминаній и пр. Н. В. Путяты. **1863**, 983—984.

Воспоминаніе Лицеиста. **1866**, 131.

Лицейская годовщина (1865). **1866**, 127—131.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
и
ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ
ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7; и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Цѣна годовому изданію одного Русскаго Архива на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою и въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, **7** руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ Осмнадцатаго Вѣка **10** р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ Осмнадцатаго Вѣка, съ пересылкою 12 рублей. Книги Осмнадцатаго Вѣка продаются по одиначкѣ.

Желающіе получать Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года (съ рисункомъ иконы Ангела-хранителя съ Похожденіями) **4** р., 1865, 1866 (съ портретомъ Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи 1762 г.) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова) годовъ по **5** р., 1868 г. **6** р. Пересылка за 1864, 1865, 1866 и 1867 годы по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *всѣ шесть лѣтъ вмѣстѣ*, т. е. еще и 1869 годъ, высылаютъ съ пересылкою **29** р., а выписывающіе притомъ и *двѣ книги* Осмнадцатаго Вѣка — платятъ съ пересылкою за всѣ восемь книгъ **34** руб.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

☛ Подписныя цѣны на Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ, означенныя въ особомъ объявленіи (которое было приложено къ 9-й и 10-й тетрадямъ Русскаго Архива 1868 года) нынѣ по необходимости измѣнены: до сихъ поръ за пересылку Русскаго Архива взимаемо было по 50 копѣекъ съ каждаго подписчика, вслѣдствіе же новаго распоряженія Почтоваго Начальства о разсылкѣ повременныхъ изданій съ 1869 года будетъ взимаемо уже пятая доля ихъ объявленной стоимости.

ЦѢНА ВЪ МОСКВѢ и С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Продается:
въ МОСКВѢ, въ *Чертковской библіотекѣ* и въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ И. В. Базунова).
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, па Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ *А. Ө. Базунова.*

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и за пересылку ничего не платятъ.